

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

XXI г.

№ 35

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

г. XXI

1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдавъ 1 сентября 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ . . .	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печнов- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1890 г., съ 35 рисунками и отд. листъ съ 31 чертежъ.
выкроекъ въ натур. величину и 35 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Намея Флакмана

СОКОЛЬ.

Стихотвореніе І. І. Ясинскаго.

Бдетъ князь съ своей дружиной,
Бдетъ степю половецкой,
Желтой, знойной и пустынной;
Держитъ дротикъ муракамецкій.

А поодаь, приникая
Къ гривѣ быстрой кобылицы,
Мчится, тамъ и здѣсь мелькая,
Ханъ изъ войлочной столщы.

«Какъ-бы сокола уцѣлить
«Золоченою стрѣлою?
«Вишь, кругомъ какая челядь
«Подъ кольчугою стальною!

«Или намъ силокъ разставить?
«Скучно князю ѣхать степю!
«Дѣвой красной позабавить,
«Да потомъ и спутать пѣпью!»

Но ему другой ханъ—съ гнѣвомъ:
«Говоришь ты, ханъ, не гоже!
«Не пускай ты князя къ дѣвамъ
«И держи-ка ихъ построже!

«Коль онѣ ему по нраву—
«Половецкимъ ханамъ горе!
«Кликнетъ рать и здѣсь на славу
«Погуляеть на просторѣ!

«Онъ добычу всемъ добудеть—
«Много сабель молодецкихъ!
«И ни сокола не будетъ,
«Ни красавицъ половецкихъ!»

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. (Продолженіе).

Домъ „въ полтора кирпича,“ какъ его называла московская печать, былъ уже конченъ, его оставалось только оштукатурить и отдѣлать. Надо отдать справедливость Курцу. Онъ, за послѣднее время, точно желая въ самомъ себѣ убить волною подымавшіяся тяжелыя предчувствія, изводился—и дневалъ и ночевалъ вмѣстѣ съ архитекторомъ на постройкахъ... Теперь больше чѣмъ когда-нибудь рабочіе торопились. Дѣло кипѣло у нихъ подъ руками.

— Скоро и лѣса снимутъ? спросилъ Сластеновъ.

— Еще нѣсколько деньковъ—и шабашъ. Мы удвоимъ количество народа... Боголюбовъ Боголюбовичъ требуетъ нещемѣнно, чтобы все было къ лѣту готово. Вотъ вамъ и предсказанія... Повѣрить бы этимъ писакамъ—давно бы ему развалиться надо было.

— Ну, слава Богу!.. Я признаться тоже боялся.. замѣтилъ Сластеновъ.

— Чего тутъ еще! Не впервой строимъ.

Сластеновъ приказалъ ѣхать въ контору.

Временное помѣщеніе „Каспійско-Черноморскаго общества водяной коммуникаціи“ кишмя-кишѣло сегодня народомъ.

— Боголюбовъ Боголюбовичъ здѣсь? спросилъ онъ.

— Съ утра съ самаго. — Въ кипяткѣ кипятъ! отвѣтилъ, улыбаясь, какой-то конторщикъ.

— Можно его видѣть?

— Пожалуйте... Въ кабинетѣ они...

Галопъ дѣйствительно кипѣлъ въ кипяткѣ. Выдался очень ужъ хлопотной день.

— Повѣрите, однихъ инженеровъ удовлетворилъ я сегодня сорокъ пять... Всѣмъ дай объясненіе, однихъ провѣрь, другіе требуютъ инструкцій, дополнительныхъ съемокъ, указаній.

— Давно-ли вы инженеромъ стали? улыбнулся Сластеновъ.—Что-то прежде не зналъ я за вами этого.

— Я?.. удивился Боголюбовъ Боголюбовичъ.—Да я, если понадобится, завтра стенографомъ буду, а послѣ-завтра, пошлите меня арміей командовать — лицомъ въ грязь не ударю. Развѣ боги горшки обжигаютъ? Потому отъ министерства чиновники являлись. Повѣрки тамъ разныя, свѣдѣнія имъ нужны, запросы всякіе. Ну съ этими дѣло проще. Бумагу у меня и служащіе написать съумѣютъ. Луковнинъ, Лоскутниковъ пріѣзжали... Тоже капиталами участвуютъ въ нашемъ дѣлѣ. Съ ними возился. А теперь — вопъ... Несчастіе у насъ маленькое...

— Что еще?

— Да во второмъ участкѣ работъ. Сползла одна профиль...

— Что такое? изумился Сластеновъ.

— Бокъ неудачно подрыли... Песокъ оказался—скалы и твердая горная порода сползли, да семь человекъ рабочихъ и придавили...

— До смерти?

— Да... Разумѣется не въ обморокъ упали... Природа-то вѣдь не шутитъ. Хлопотъ не оберешься теперь. Слѣдователь, телеграфируютъ, потребовалъ инженеровъ—ислѣдовать, правильно-ли производились работы.

— И что-же?

На губахъ у Боголюбовъ Боголюбовича показалась лукавая улыбка.

— Инженеры вѣдь изъ другой оперы... Съ желѣзной дороги... А все люди... У меня тамъ ловкій человекъ сидитъ. Поговорилъ по душѣ съ ними. Слава Богу—изъ молодыхъ тамъ никого. Молодые-то съ фанатеріей. Съ ними не столкнешься. А эти, знаете, старики, народъ основательный, у каждаго семья на шеѣ...

Ну понятно—волень-зи-хапентъ... Маленькое перемѣщеніе изъ одного кармана въ другой и окажется, что рабочіе и не могли не задохнуться подъ землей. Погибли по всѣмъ правиламъ инженерной науки и по самоновѣйшимъ научнымъ приемамъ, какъ слѣдуетъ. Слѣдователь—изъ молодыхъ, рьяный. Ну, мы его на чемъ-нибудь самого изловимъ. У меня тамъ Плюсовъ племянникъ есть. Образованный молодой человекъ — можетъ кого угодно до блага каленія однимъ своимъ тономъ довести. Онъ этого слѣдователя на дыбы такъ поставитъ, что тотъ съума спятитъ сразу, да какого-нибудь козла и выкинетъ—а мы сейчасъ же жалобу.

— Ну а рабочіе-то, рабочіе? волновался Сластеновъ.

— Рабочіе что-жь... Рабочіе, я вамъ говорю, умерли по всѣмъ правиламъ современнаго инженернаго искусства. Что-же съ нихъ взять... Положимъ, намъ неприятно, но вѣдь съ мертвыхъ не взыщешь.

— Да я не о томъ, Господи! Нельзя же ихъ такъ оставить.

— Ихъ и не оставили. Вчера землѣ предали...

— Неужели вы меня не понимаете? Вѣдь у нихъ остались семьи — телеграфируйте сейчасъ, чтобы годовой заработокъ выдали имъ и увѣдомьте ихъ, что они будутъ получать какъ...

— Постойте... постойте! прервалъ его Галопъ.—Это разумѣется очень великодушно, но вы прямо такимъ образомъ въ пасть къ слѣдователю влетите.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто. Значитъ виновны, коли безъ процесса сами согласны впередъ на все.

— Разумѣется виновны.

— Но заслуживаемъ снисхожденія! засмѣялся Курцъ.— Не сами же мы рыли ямы.

— Во всякомъ случаѣ, я на свой счетъ принимаю это... Да мнѣ и дѣла нѣтъ до отвѣтственности. Не я рылъ, а такихъ инженеровъ, которые дѣлали это, если ихъ и приструнить,—отлично будетъ. Во всякомъ случаѣ, я требую этого, понимаете! Иначе я выйду изъ компаніи, и дѣлайте вы безъ меня, чортъ возьми, что хотите... А я съ вами душегубствовать не стану.

— Какъ хотите! пожалъ плечами Галопъ, а самъ про себя думалъ: „Откуда у него это? Что-то не похоже на прежняго Сластенова... Неужели растеть мальчикъ? Бѣда, если опомнится, да вздумаетъ самъ входить во все“.—Еще у насъ есть потеря.

— Какая?

— Плотину, которую мы соорудили по Кубани... снесло разливомъ...

— Я этого не понимаю... Снесло—опять построить.

— Поймете, какъ я вамъ цифру скажу... Тысячъ на пятьсотъ насъ наказала эта паскудная рѣченка. Какъ вамъ это нравится—это и по курсу куда болѣе миллиона франковъ выходитъ.

— Значитъ скверно строено. Слѣдуетъ выгнать инженеровъ. Вообще, мнѣ кажется, что у насъ выборъ ихъ плохъ.

— Нѣтъ, тамъ Приходзькинъ братъ орудуетъ... А онъ первымъ изъ Инженерной Академіи выпущенъ. Кому же и вѣрить, какъ не ему. Надо теперь третьяго несчастія ждать.

— Почему?

— Такъ, несчастія никогда не приходятъ по одинокѣ. Всегда три, а потомъ опять удача надолго... Потомъ мы на курьерскихъ впередъ сломя голову! Шире дорогу!

— Всегда, вы говорите, три?.. спросилъ Василій Герасимовичъ.

— Да, ужь это такъ.

„Значитъ у меня одно ужь было. Остается еще два!.. Гдѣ-то она теперь?“ промелькнуло въ его головѣ, и чудное личико Прасковьи Яковлевны, на зло разстоянію, такъ и засіяло ему издалека.

II.

„Несчастье никогда одно не приходитъ!“ повторялъ Василій Герасимовичъ. „Всегда до трехъ. Что-жъ теперь остается послѣ того, какъ она оставила меня одного. Какое же еще можетъ быть хуже этого?..“ И какія-то тяжелыя, смутныя предчувствія незамѣтно проникли въ его сердце, сжимая его безотчетною тоскою. Ему страшно казалось именно сегодня оставаться одному. Куда-нибудь, только не къ себѣ, не въ эти пышныя и пустынные комнаты, гдѣ послѣ отъѣзда Прасковьи Яковлевны стало мертво и глухо какъ на кладбищѣ. Не будь такъ занятъ Боголюбовъ Боголюбовичъ, онъ бы захватилъ его съ собою. Театра Василій Герасимовичъ не любилъ. На его разбитые нервы сцена дѣйствовала слишкомъ раздражительно. Зрѣлище всякихъ страданій съ подмостокъ дѣлалось еще ужаснѣе. Смѣяться онъ не умѣлъ тоже, и поэтому легкій репертуаръ совсѣмъ не привлекалъ его. Да сверхъ того молодой миллионеръ, хотя и сильно измѣнившійся за послѣднее время, все-таки до сихъ поръ оставался застѣчивымъ до смѣшнаго. Ему казались невыносимыми: завистливые и просто любопытные взгляды, толпа окружавшая его повсюду и жадно всматривавшаяся ему въ лицо, точно на немъ была написана разгадка того, какъ досталось это страшное богатство такому бездѣльному и незамѣтному человѣку, какимъ былъ Слостеновъ. Кромѣ того, онъ зналъ, что въ этой толпѣ найдется нѣсколько безцеремонныхъ людей, которые обмѣняются на его счетъ замѣчаниями вслухъ или прямо обратятся къ нему. Были и такіе, какъ репортеръ Третеновъ, еще сегодня у самаго полутора-кирпичнаго дома погрозили ему кулакомъ. Не то, чтобы онъ боялся ихъ—подъ вліяніемъ горя онъ окрѣпъ и осмѣлѣлъ—ему просто не по душѣ было все это. Доѣхавъ до Тверскаго бульвара, Слостеновъ сошелъ съ дрожекъ и сѣлъ на одну изъ скамей. Небо сжалилось надъ нимъ и надъ его одиночествомъ. Не успѣлъ онъ еще всмотрѣться своими подслѣповатыми глазами въ толпу, сновавшую по бульвару, какъ издали двинулся прямо на него, широко раскинувъ свои объятія, умиленный и счастливый „генералъ въ запасѣ“ Водохлѣбовъ. Водохлѣбовъ шелъ съ другимъ, толстымъ и несуразнымъ москвичемъ, и замѣтивъ Слостенова вдаль, искренно обрадовался, рѣшая въ головѣ вопросъ: захватилъ-ли Василій Герасимовичъ съ собою книжку чековъ или нѣтъ.

— Ну, слава Богу... слава Богу... почтеннѣйшій, драгоценнѣйшій благодѣтель!.. Я ужь думалъ больны вы. Заѣзжалъ—швейцаръ не пустилъ. Говорить: важными дѣлами занятъ и не принимаетъ. Чѣмъ это такъ? Должно бычь какимъ-либо новенькимъ предпріятіемъ думаете осластливить отечество?

— Нѣтъ... Такъ, не хорошо себя чувствовалъ.

— Позвольте представить вамъ—умнѣйшая голова!

И онъ издали поманилъ толстяка пальцемъ.

— Капитонъ Капитоновичъ Дроновъ... покровитель искусствъ... А Василія Герасимовича я ужь тебѣ не называю, кто его не знаетъ... избранника судьбы... Капитонъ Капитоновичъ, садись, братъ.

Покровитель искусствъ засопѣлъ и сѣлъ рядомъ со Слостеновымъ.

— Съ дядюшкой вашимъ, Арсеніемъ Николаевичемъ, дружили когда-то... хлѣбъ-соль водили. А съ вами еще не имѣлъ чести... Должно-быть уединенную жизнь ведете?

— Созерцательную и философскую!—И Водохлѣбовъ уперъ въ небо указательный перстъ.—Что-жъ, я это понимаю. Я самъ за астрономію стою!

— Да, я больше дома сижу, подтвердилъ Василій Герасимовичъ.

— Вамъ поди и лѣтъ-то... еще не перевалило за тридцать?.. А вы бы, какъ и я-же, покровительствомъ искусствъ занялись... а?.. Что-бы вамъ въ самомъ дѣлѣ?.. а?..

— Вы какимъ-же это—живописи?

— Ну, вотъ... Невидалъ!.. Скажите пожалуйста... Я—главнѣй всего вокальному и пластическому... То-есть, выражу кратко: обожаю цыганское пѣніе и пляску.

— Ахъ, вотъ какъ! засмѣялся Слостеновъ.

— Судя по вашему смѣху—вы къ цыганамъ относитесь ядовито, а?

— То-есть нѣтъ, не ядовито... Я вамъ правду скажу: я не слыхалъ ихъ еще ни разу.

— Чего-съ? выпучилъ свои бѣльма Дроновъ.

— Говорю... никогда еще не слыхалъ. Не случилось. Чему вы это?

— Въ Москвѣ... при миліонахъ, не случалось! Батюшка, да какъ же вы это живете? Да покойный Арсеній Николаевичъ васъ бы за это какъ прошпынялъ! Чудны дѣла Твои, Господи... Да ему опослѣ того и въ могилѣ покою не будетъ... Ни у Яра, ни въ Мавританіи, ни въ Грузинѣ?..

— Нигдѣ, нигдѣ!

— Да что-жъ это за вѣкъ такой! Да вы, государь мой, и географіи-то Москвы толкомъ не знаете? Слышалъ ты это, генералъ?

— Василію Герасимовичу не о томъ думать. Это намъ съ тобою... А онъ высшими государственными соображеніями занятъ. Вонъ онъ какъ. Нечего тебѣ и приставать къ нему съ глупостями.

— Нѣтъ, это зачѣмъ-же-съ! не унимался покровитель искусствъ.—Знаете, Василій Герасимовичъ, вы ужь меня извините, а я васъ сегодня не выпущу... Никакъ не выпущу. Чайку мы у меня напьемся—я здѣсь же, вотъ на Тверскомъ моя хатка,—а отъ меня въ надлежащее время спысываемъ мы къ Ечкину за тройками и поѣдемъ къ Яру. Тамъ, я скажу вамъ, такія есть...

— Какъ-же, какъ-же! подтвердилъ Водохлѣбовъ.—Цыганская Патти—Матрешка Дуй-Гора! Сколько разъ у меня въ манежѣ въ пользу бѣдныхъ пѣла. Дѣвица обстоятельная. Однихъ брильянтовъ у нея тысячъ на полтора...

— А цыганскій Мазини? восхищался Дроновъ.

— Ерофей-то?.. Такъ поетъ, такъ поетъ... Ни въ одномъ глазѣ не былъ въ послѣдній разъ—а правду скажу, слезой меня прошибло! Взялъ я его за мордашку, да прямо, пса, въ рожу самую поцѣловалъ. Вотъ онъ какой, Глотовъ-то!

— Глотова бы да Матрешку—если-бы за-границы пустить!

— Сѣума бы всѣ спятили.

— Потому таланты—настоящіе!..

— Миѣ не знать! оскорблялся Водохлѣбовъ.—Да я что-что, а талантъ отличу издали. Я самъ за астрономію.

— Нѣтъ, вотъ что, други мои любезные, къ себѣ и васъ не зову.

— Почему это? вскинулся Водохлѣбовъ.—То „милости просимъ“, то отбой назадъ!

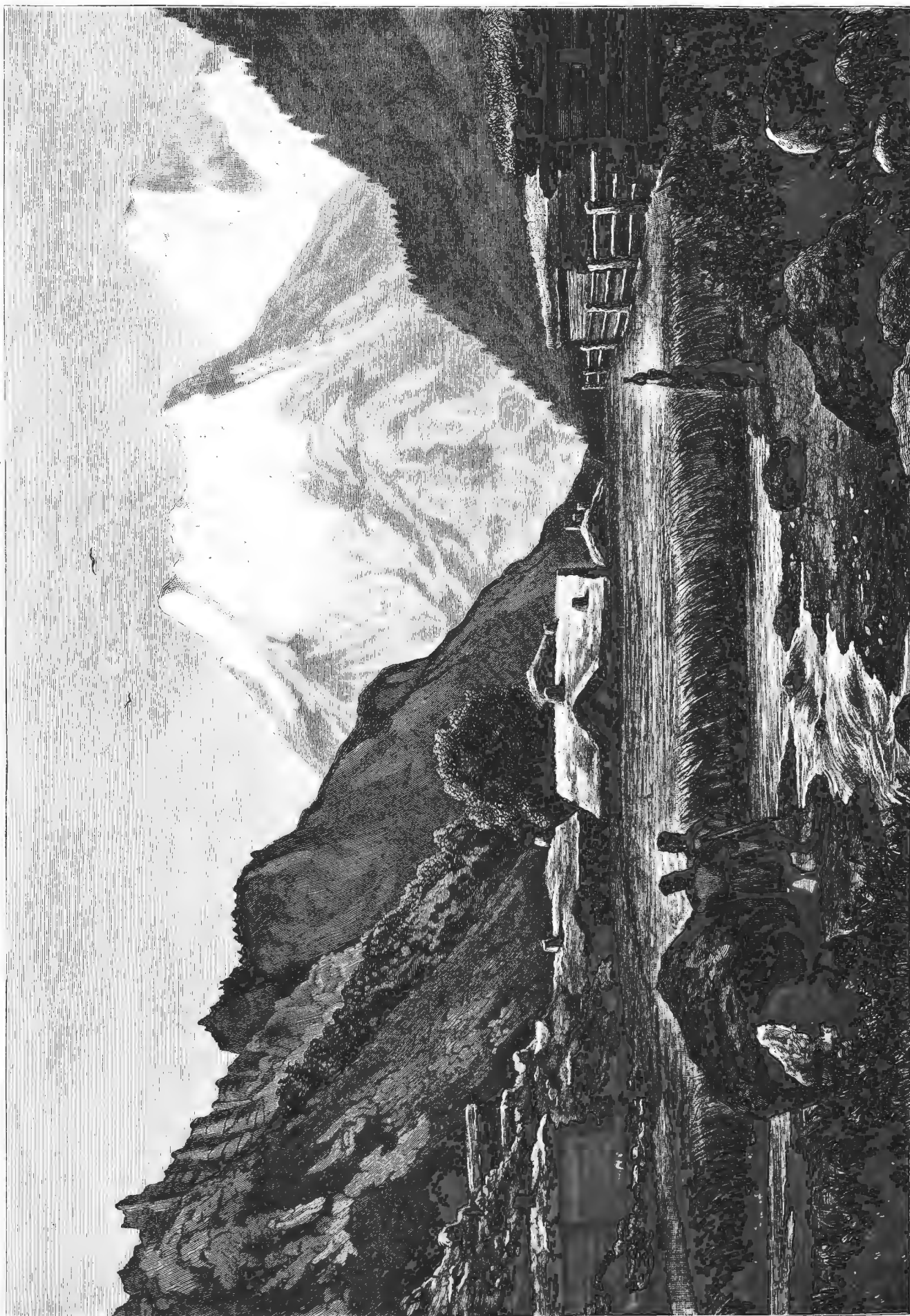
— Молчи, генералъ... Не твоего ума дѣло. У меня—вѣдь самъ знаешь—жена. Тоже къ цыганамъ горить... Увяжется за нами—совсѣмъ не та музыка будетъ. Не развернешься при ней. Она сейчасъ—глаза-то на мокромъ мѣстѣ—какъ они запоютъ, и давай плакать... Въ слезахъ утопить!

— Да она у тебя, покачалъ успокоившійся генералъ,—дама сырая.

— Нѣтъ, мы безъ нея лучше. Пойдемъ теперче въ прохладѣ, въ Эрмитажное заведеніе, въ кабинетъ...

Планучая ива. Орш. рис. (собств. „Нивы“) академіка Крыжницкого, грав. М. Рашевскій

Видъ на рѣкъ Кубани, въ Кубанской области. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Червинскаго, грав. М. Рапповскій.

Сядемъ тамъ пока. Чайку напьемся, а потомъ, какъ смеркнетъ—и двинемся къ фараонову племени...

Василію Герасимовичу вдругъ стало весело и захотѣлось самому пошутить неизвѣданныхъ имъ удовольствій.

— Нѣтъ, торопливо заговорилъ онъ,—я ужасно радъ, что встрѣтился съ вами, господа...

— Я зналъ! хлопнулъ его Дроновъ по плечу.—Я зналъ, что мы тебя въ нашу цыганскую вѣру обратимъ. Будь спокоенъ. Все же въ тебѣ наша московская кровь!..

— Только я домой заѣду...

— Зачѣмъ это?

— Денегъ прихватчу.

— А развѣ чековая книжка не съ вами? мягко спросилъ его Водохлѣбовъ.

— Нѣтъ.

Тотъ вздохнулъ и горестно потушился. „Три тысячи-то такъ тогда за вами и пропало!“

— Денегъ... Какихъ денегъ? Ну, ужъ это сдѣлайте ваше одолженіе, вскипятился Дроновъ.—Сегодня, для перва-то—мое дѣло... А потомъ ты, Василій Герасимовичъ, въ слѣдующій разъ меня позови съ генераломъ-то. Вотъ мы и будемъ квиты. Только сначала пѣшечкомъ на Тверскую къ Немирову-Колодкову. Потому къ фараонову племени купцу безъ гостинца и носа казать нельзя. Матрешки-то эти—сейчасъ лапы въ карманъ, что-де у купца для нихъ въ футлярчикахъ припасено. Тебя-то у Немирова знаютъ? Ты тоже выбери... Надо будетъ и тебѣ имъ... Чего дряни-то жалѣть! Слава Богу, дѣло наживное.

— Вамъ, купцамъ, хорошо! вздохнулъ Водохлѣбовъ.

— Да и вамъ, интендантскимъ-то... Бога благодарить надо... за всегдашнее неоставленіе.

— Ну, это какъ... мечтательно проговорилъ тотъ.—А то сидешь на одно жалованье.

— Молчи! Провіантская твоя душа!

На Тверскую къ ювелиру они прошли пѣшкомъ.

— Цыганскаго товару повидиѣ! скомандовала Дроновъ.—Вотъ рекомендую, Василій Герасимовичъ Сластеновъ... Знаете чай.

Приказчикъ изогнулся такъ, что чуть носомъ въ стекло ящика на прилавкѣ не ударился.

— Помилуйте... Такихъ да не знать.

— Это ты вѣрно. Кита-рыбу издали видно. Такъ вотъ Сластеновъ-то съ собой денегъ не взялъ.

— И чековую книжку забылъ! вздохнулъ еще разъ Водохлѣбовъ.

— Помилуйте! еще разъ ткнулся носомъ въ стекло приказчикъ.—Прикажете—сейчасъ весь магазинъ вамъ безо всякаго документа.

— Ну что это ты намъ показываешь! Все дорогое. Цыганскаго товару давай. Понимаешь.

Дроновъ зачихалъ себѣ футляровъ во все карманы. Сластеновъ тоже наложилъ куда только могъ.

— Позвольте и мнѣ. Я не много! съ мольбою проговорилъ Водохлѣбовъ.

— За свои деньги, смѣялся Дроновъ.

— Ну вотъ... Какія деньги у христоробиваго воинства? У насъ, самъ знаешь, кромѣ жалованья, да этихъ вотъ бандерелей... ткнулъ онъ себя въ погоны.

— Вери, вери... Только смотри... не много. Ишь у тебя лапа-то! По футляру между пальцами—и то десять захолапнешь сразу. Ну, теперь въ Эрмитажъ!

Въ отдѣльномъ кабинетѣ Эрмитажа—какъ только вошли туда пріятели, половиной сейчасъ-же опустили занавѣсы.

— Приказать чего изволите?

— Чаю... собери.

— Простаго? лукаво улыбался тотъ.

— Вотъ, Николашка, возьму я тебя за вихоръ да объ это мѣсто! Простаго... сырость-то осенью въ калошу попадетъ—и то скверно, а ты ее намъ въ брюхо желеешь... Первый разъ что-ли!

— Значить геройскаго?

— Ну слава Богу. Понялъ дѣло-то настоящее!

— Да смотри съ гарниромъ! развеселился и Водохлѣбовъ.

— Жидкій ты парень, расчувствовался вдругъ Дроновъ,—а дуна въ тебѣ есть. Такъ-то, Василій Герасимовичъ. Покажу я тебѣ сегодня дорогу... А ты ужъ по ней самъ иди. И дай тебѣ Богъ! Только уговоръ лучше денегъ. Наташа тамъ есть... Голосистая канарейка! Ни-ни—чтобы и въ помышленіи не было.

Половой принесъ два чайника одинъ на другомъ. На блюдцахъ была клубника, ананасы, жареный миндаль съ солью.

— Тебѣ чайку какъ, покрѣпче? спросилъ Дроновъ подмигивая.

— Да... Я крѣпкій пью! Обыкновенно...

Сластеновъ очевидно не понималъ еще въ чемъ дѣло. Дроновъ налилъ стаканъ и подаль. Василій Герасимовичъ хлебнулъ и ротъ раскрылъ отъ изумленія.

— Это что-же?

„Покровитель искусствъ“ хохоталъ и радовался.

— Молода. Въ Саксоніи не была. Московскій настоящій купецкій чай. Вѣрный генералъ его выдумалъ. Съ тѣхъ поръ и пьемъ. Геройскій чай. Выпьешь два чайничка—такъ хоть сейчасъ-же на пять турецкихъ крѣпостей. Внизу-то, въ большемъ чайникѣ—шампанское... „Креманъ Имперяль“ зовется, понялъ? а вверху въ маленькомъ—коньяку мы цѣльнаго заварили—финьшампанъ съ пятью звѣздочками. Ты покрѣпче просилъ—ну тебѣ значитъ полстакана финю, а остальное желтой водицей съ игрой... Пей на здоровье. Вмѣсто лимону положи лоскутокъ ананасу...

— Вкусно! засмѣялся Сластеновъ.

— Ужли-жь ты не пилъ? Какой же ты патриотъ-то послѣ того!

Выпилъ Сластеновъ стаканъ, еще попросилъ.

— Изъ парня-то будетъ толкъ, одобрилъ „покровитель искусствъ“.—Что-что, а толкъ будетъ.

Часа черезъ два—Василію Герасимовичу уже было очень весело.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какіе вы прекрасные люди! Вообще все хорошіе люди! изливался онъ.—И Водохлѣбовъ отличный, а я его свиньей считалъ. Вѣдь вотъ какъ ошибаться можно.

— Поцѣлуемся! приставалъ генералъ.—Ты меня на три тысячи тогда надулъ, а я все-таки тебя люблю.

— Надуешь тебя... канюга! смѣялся Дроновъ.—Надули одного такого! Тебѣ бы не Водохлѣбовымъ, а живоглотомъ называться.

Когда они вышли—Ечкинская тройка уже ждала ихъ у подъѣзда.

Кони нетерпѣливо били копытами въ мостовую и фыркали позванивая бубенцами. Кучеръ молодцовато сидѣлъ въ полъ-оборота и, увидѣвъ Дронова, обрадовался.

— Чего ты, горчичное сѣмя? спросилъ его тотъ.

— Какъ-же, Капитонъ Капитоновичъ, не радоваться. Съ вами-то поѣдемъ—все четвертная достанется. Вчера съ чиновниками всю ночь ѣздили. Мостковскаго знаете? Сѣдой такой сквалыга—важный, сказываютъ... а всего рубль на чай, жидовская душа его, прожертвовалъ.

III.

Очевидно Капитонъ Капитоновичъ Дроновъ былъ здѣсь какъ дома. Онъ прямо прошелъ въ большой отдѣльный кабинетъ, и не успѣлъ еще опомниться Василій Герасимовичъ, какъ яркое пламя газа вспыхнуло въ хрустальной люстрѣ, отражаясь тысячами радужныхъ лучей въ ея подвѣскахъ, на стеклѣ посуды, на бронзѣ канделябръ, въ зеркалахъ исчерченныхъ бриллиантавыми перстнями.

— Свѣчи — тоже! приказалъ Дроновъ, и въ комнатѣ стало даже жарко.—А фараоново племя? спросилъ онъ.

Но не успѣвъ еще суетившійся половой отвѣтить, какъ въ комнату, сверкая громадными черными глазами, гладко зачесанная, съ двумя перевитыми алыми лентами косами позади, худенькая и стройная, почти еще несложившаяся — вѣжала молоденькая цыганка.

— А, Наташа! Здравствуй! обрадовался „покровитель искусствъ“ и, поймавъ ее за уши, притянулъ къ себѣ и поцѣловалъ.—Рекомендую, обратился онъ къ Сластенову, — изо всего фараонова племени самая скапидарная душа.

Но Наташа забралась къ нему на колѣни, очень удобно умястилась на нихъ и, сдвинувъ свои черныя брови, съ дѣловымъ видомъ стала шарить у него въ боковомъ карманѣ. Вытащила футляръ, посмотрѣла, чмокнула его въ губы, спрятала и только что тотъ хотѣлъ ее обнять — вырвалась и съ звонкимъ смѣхомъ бросилась къ двери, гдѣ ее перехватилъ Водохлѣбовъ.

— А меня не надо? Можетъ быть и у меня футлярчикъ?

— Не хочу, не хочу генерала... Иди прочь распостылый! уклонялась она.—И подарковъ твоихъ не желаю. Капитонъ... Капитоша... уברי генерала. У него усы колятся!

Но въ это время за дверями послышалось покашливаніе, топотъ нѣсколькихъ ногъ, говоръ и слабый звонъ гитары, ударившейся о стѣну.

— Идутъ, идутъ выжиги! радовался Дроновъ. — Ну, входи что-ли.

Двери открылись, впереди, въ голубомъ бешметѣ, шель красивой молодой брюнетъ съ вороватыми глазами и увѣренной усмѣшкой.

— Рекомендую, Василий Герасимовичъ. Цыганскій нашъ Мазини — Ерофей Глотовъ... Шельма-мужчина! Сластенова слухомъ-то знаешь?

— Какъ-же-съ! Милліонщика да не знать. Только они у насъ не бывали никогда... притворился тотъ ничего непонимающимъ.

— Ну, вотъ живьемъ получиай и потроши, толкнулъ Василю Герасимовича Дроновъ прямо на входившую въ дверь толстую, багровую цыганку съ такими громадными бровями точно на нихъ пошла пара кошачьихъ хвостовъ. Цыганка была вся въ красномъ, въ какой-то сбруѣ ожерельевъ, монетъ, жемчуговъ.

— Здравствуй, здравствуй, шелоцуть! издали привѣтствовала она Дронова. — Ты что-же, милостивецъ, красавчикъ, супружницу-то — барыню нашу яхонтовую, сердечко рубиновое съ собой не привезъ? Любить она насъ, ахъ любить, золотая душа!

— Ладно... Сѣдни мы на холостую ногу.—И Дроновъ треснулъ ее ладонью по широкой спинѣ.—Наташкина мать, проговорилъ онъ Василю Герасимовичу.

— Сластеновъ... Сластеновъ самъ, шепотомъ передавали одинъ другому цыгане, съ жадностью и любопытствомъ заглядывая на невиднаго богача.—Рогожскій Сластеновъ... Саввы Кузмича племянникъ.

Василю Герасимовича очень удивило что старика дядю знаютъ здѣсь.

— Вы развѣ Савву Кузмича знаете? спросилъ онъ у толстухи.

— Вона, голубокъ ты мой бирюзовый. Какъ-же намъ не знать благодѣтеля нашего — сокола яснаго.

— Развѣ онъ здѣсь бываетъ?

— Онъ-то?... Стешка, чего-жъ ты молчишь? По твоему онъ департаменту!

Красивая высокая цыганка съ нѣсколько дикими глазами и низкимъ лбомъ покраснѣла.

— Ну, васъ! отмахнулась она отъ нихъ.

— Ай-да дядя! усмѣхнулся Василий Герасимовичъ. И ему стало еще веселѣе.

— Ну, фараоново племя... Стройся! командовалъ Дро-

новъ.—А гдѣ же... Ну да вотъ и она. Я ужъ думалъ самой главной крали нѣтъ! Матреша... Вотъ тебѣ въ руки—Сластеновъ. Посмотри-ка какая у него начинка.

Цыганская Патти изподлобья усмѣхнулась, сжала тонкія губы, обвела горячимъ взглядомъ милліонщика и подойдя къ нему стала передъ нимъ.

— Что же ты? Распиной купца! смѣялся Дроновъ.

— Не могу-съ... Ишь они какіе сурьезные! Я къ нимъ со вѣсѣмъ моимъ сердцемъ, нараспѣвъ тянула Матреша, — а они точно укусятъ меня хотятъ.

— Не бойся, не укусятъ... Василий Герасимовичъ, эхъ, не знаешь ты устава нашего!.. Возьми ее за руку, вотъ такъ сажай къ себѣ. Ну вотъ... Матреша, у него для тебя цыганскаго гостинцу полные карманы запасено.

— Ой-ли! Сахарный мой Василий Герасимовичъ, заплѣла она, роясь у него въ карманахъ, — сердце мое, радость ты моя!—Она живо открывала футляры, какъ ребенокъ радуясь яркому блеску золота, игрѣ недорогихъ камней, между которыми попались два-три небольшихъ брилліанта. — Ужъ какъ и не любить-то тебя.

— Что-жъ, Капитонъ Капитоновичъ? спрашивалъ цыганскій Мазини. — Неужели насухо пѣтъ?

— Ну вотъ, съ купцами да насухо... Пей въ мою голову. Чего еще... Только уговоръ — не какъ въ прошлый разъ. Наташку не поить. Рабеночка-то я не дамъ въ обиду.

Какой-то цыганенокъ, смуглый какъ головешка, бросился въ коридоръ и крикнулъ лакея.

— На всю честную братію... Шипучаго... съ ядомъ.

— Слушаюсь! Яда какого прикажете?

— Финя! А дамамъ которыя тащи джинджеру... На голосъ—хорошо это и какао-шуба. Есть такой ликеръ который очень хорошо горло смачиваетъ — что деготь въ колеса.

Наташа въ это время все съ тѣмъ-же дѣловымъ видомъ показывала матери футляры. Матреша, присосѣдившаяся къ Сластенову, смотрѣла-смотрѣла на него и вдругъ спросила:

— Вы всегда такіе, господинъ?

— То-есть какъ это?

— Такіе... Точно вы что потеряли — и не нашли еще. Либо сердиты на кого... Вы вѣдь тотъ самый Сластеновъ что на Рогожской... Большіе у васъ милліоны. Мнѣ бы хотъ походить около однимъ бокомъ — весь бы я бокъ этотъ себѣ позолотила. Нѣтъ, вы должно насъ не любите.

И она ласково улыбалась ему, охватывая его шею красивою, горѣвшею брилліантами рукою.

— Почему ты думаешь? мало-по-малу осмѣливался и Сластеновъ.

— Такъ. Подарки привезли точно... А даже и не поцѣловали меня.

— Можетъ быть я не смѣю.

— Эти которые бѣдные—тѣ точно не смѣютъ, а вы такъ вотъ.—И вдругъ она прижалась къ нему горячей щекой, прямо въ глаза ему взглянула, зажмурилась и впилась ему въ губы своими. — Ну, теперь будетъ!.. А за подарки благодарю!

И низко поклонившись ему, степенно пошла къ хору. Точно все это такъ и слѣдовало.

— Что прикажете, яхонтовый? спросила толстая цыганка у Дронова, который очевидно здѣсь былъ законодательемъ.

— Что?... Плакать хочется... Что-нибудь такое...—И Дроновъ задумался.—Чтобъ слезами известись всему...

— „Ночку“, значить... „Ночку“, Наташа...

Наташа, краснѣя, вышла впередъ и сѣла. Цыгане откашлялись и смолкли. Кто-то тронулъ гитару. Струна вздохнула... Еще разъ... Другая гитара рядомъ застонала, и вдругъ струны заплакали о чемъ-то, что каждому близко и дорого, но чего никто словами выразить

не можетъ. Чу! гдѣ-то далеко-далеко послышался тихій контраalto. Чуть-чуть донеслось. Оборвалось, опять всныхнуло. Сколько страданія въ немъ! На что это оно жалуется, о чемъ мучится?.. Неужели это Наташка? Въ самомъ дѣлѣ. Сластеновъ смотритъ и не узнаетъ ее. Поблѣднѣла. Глаза куда-то внутрь ушли, потухли... Низко опустились длинныя черныя рѣсницы и только вздрагиваютъ, тѣни бѣгутъ по печальному лицу, а голосъ все громче и громче плачется на какое-то горе неисходное, и грозитъ, и клянетъ. Что съ нимъ? Сластеновъ чувствуетъ, что по лицу его пробѣжало что-то горячее,—неужели слеза?.. И звуки, какъ слезы, все падаютъ и падаютъ частымъ дождичкомъ на мать-сыру землю... Осеннимъ туманомъ встаетъ злодѣй-тоска и знобитъ отъ нея ретиво-сердце... Больно. Вѣдь это змѣи сосутъ живую душу—и бьется, и колотится она, и выхода ищетъ, и стонетъ, и зоветъ на помощь... Громче и сильнѣе растетъ Наташкинъ голосъ, широко открыла она глаза, и ясно Сластенову, что никого не видятъ теперь они, хоть прямо на него смотрятъ... Легла передъ ними степь безбрежная, трава бѣжитъ по ней тихими волнами, вѣтеръ пустынный сѣрымъ волкомъ носится по ея простору и нязится-низится надъ нею тучи грозныя и плачутъ, холодными слезами кропятъ ее... Что это сдѣлалось съ Наташкой?.. Встала... Выросла. Она-ли это?.. Нестерпимымъ блескомъ горитъ ея взглядъ... Раскачивается ея мать, подхватывая напѣвъ и точно внося въ него крики нечеловѣческаго отчаяннiя, дикой скорби, ностъ о чемъ-то другая цыганка, и быстро-быстро пробѣгаютъ по струнамъ пальцы цыганъ, точно хотятъ они оборвать ихъ, и струны вопятъ-вопятъ, точно передъ смертью, точно сейчасъ конецъ имъ, чувтъ лютуя кручину, и вдругъ...

Сластеновъ даже ахнулъ.

Сильное, рѣзкое сопрапо вырвалось... Откуда это радость взвилась, да такъ взвилась, прямо къ небу самому, тучи раздвинула и прочь ихъ вихремъ погнала. Въ лазури жаворонкомъ кунается, по поднебесью орлицей носится... Схватываетъ сердце Василия Герасимовича и точно на ладонѣ къ самому солнцу его подносить, согрѣй-де его, взлелѣй, исцѣли, благодатное!.. Тихе поютъ гитары... Наташка сидитъ вся блѣдная и никнетъ въ истомѣ,—теперь ужъ Матрешка всѣми верховодитъ и уносомъ за собою стремитъ въ какую-то бездну свѣта... По лицу ея лютуетъ словно розовыя волны, ярко, счастливо горятъ глаза лукавыя, брови черныя такъ и ходятъ, не удержалась на мѣстѣ, подошла къ Василию Герасимовичу, словно вызовъ ему бросила, да такую метелицей подхватила его измученную душу и закружила ее, что на первыхъ порахъ не понялъ онъ даже, гдѣ онъ съ нею: на небѣ-ли, или на землѣ. Что-то подкатилось ему къ самому горлу, горячимъ паромъ голову одурманило, и вдругъ Сластеновъ понялъ только одно, что плачетъ онъ, не стыдясъ, передъ всѣми, горько плачетъ и бьется.

— Ухъ! очнулся Дроновъ и подошелъ къ нему.— Ну, Васенька! Изъ тебя толкъ будетъ... У тебя душа настоящая, коли ты такъ чувствовать можешь. Потому я и люблю фараоново племя, что оно съ самаго дна взроетъ у тебя все сердце. Камнемъ будь развѣ—ну, тогда не очухаешься... Спасибо, Матрешка, лови.

И скомкавъ нѣсколько стурублевыхъ, онъ швырнулъ ей; та на лету перехватила ихъ.

— Сколько съ тобой денегъ-то? спросилъ Сластеновъ.

— Тыщей шесть есть.

— Дай три!.. Завтра присылай — отдамъ.

— На што?

— Давай... Чего тутъ!

— Мнѣ не жаль! Возьми вотъ...

— Это отъ меня... И Сластеновъ всю пачку бросилъ Матрешкѣ — съ Наташей подѣлисъ.

— Чего имъ дѣлится—сестры, все у нихъ общее... Ополумѣлъ совѣмъ Василий Герасимовичъ. Онъ самъ не понималъ, что съ нимъ такое дѣлается. И плакалъ, и смѣялся, съ Дроновымъ обнялся, Ерофея Глотова поцѣловалъ, а потомъ схватилъ Матрешкины руки, припалъ къ нимъ губами и оторваться не можетъ.

— Давай, Капитонъ, выпьемъ! Водохлѣбовъ, генераль, пей! Вотъ что, Водохлѣбовъ, выпьемъ на ты! А? Хочешь?

— Помилуйте... Для меня — честь-съ... Я всегда къ вамъ всей душой..

„Ахъ, чековая книжка была-бы съ нимъ теперь!“ томилась Волохлѣбовская душа.

— Выпьемъ на ты.. Ты, Водохлѣбовъ, подлець, но я и съ подлецомъ выпью! Вѣдь всѣхъ любить надо. Знаешь, Дроновъ,—всѣхъ, и подлецовъ люби! Потому и подлецы люди, и у нихъ душа болитъ! У нихъ-то, можетъ, еще больше. Не то что другіе. Тѣ, знаешь, сейчасъ уйдутъ и бросятъ тебя, гибни ты, пропадай—имъ все равно... А ты люби.. Люби. И подлецы люди! Ему тоже твоя любовь нужна. Водохлѣбовъ, нужна тебѣ моя любовь? а?.. Какъ ты думаешь, стодитъ она чего-нибудь, а?..

Водохлѣбовъ отъ умиленія даже сплону пускалъ на губы, цѣловался, шилъ на ты и почему-то кричалъ вдругъ:

— Я генераль, а вы — кушцы!

И вдругъ принимался плакать и приговаривалъ:

— Насъ, кантонистовъ-то, вотъ какъ драли, розги въ соленой водѣ мочили!.. Надо это понять. Все понять надо... А теперь я генераль, кто меня драть можетъ? Правда, я не гордъ, нѣтъ, я не гордъ... Что-же вы, подлецы, вдругъ оралъ онъ на лакеевъ,—видѣли Водохлѣбовъ здѣсь, а семги нѣтъ. Семушки, живо!.. Деньги драть ваше дѣло, а служить по настоящему не умѣете... Ты вотъ меня въ тотъ разъ, Васька, обидѣлъ. Три-то тысячи изъ-подъ носу уволокъ, но я не ропщу, потому роптать грѣхъ

— Другъ! возопіялъ въ свою очередь Василий Герасимовичъ,—душа ты моя генеральская, развѣ я не чувствую? Развѣ я не понималъ тогда, что ты меня на три тысячи надуть хочешь? Все я понималъ... Я какъ и у Бантши тогда жилъ—все понималъ, а только мнѣ жаль тебя было. Думаю: сколько ты изъ-за этихъ какихъ-то трехъ тысячъ подлости на свою душу принять согласишься. Все я насквозь видѣлъ, и жадность твою, но мнѣ стыдно.. Понималъ ты, стыдно мнѣ было. Вотъ какъ стыдно было, что попроси ты у меня не три, а тридцать тысячъ, я-бы ихъ тебѣ далъ.

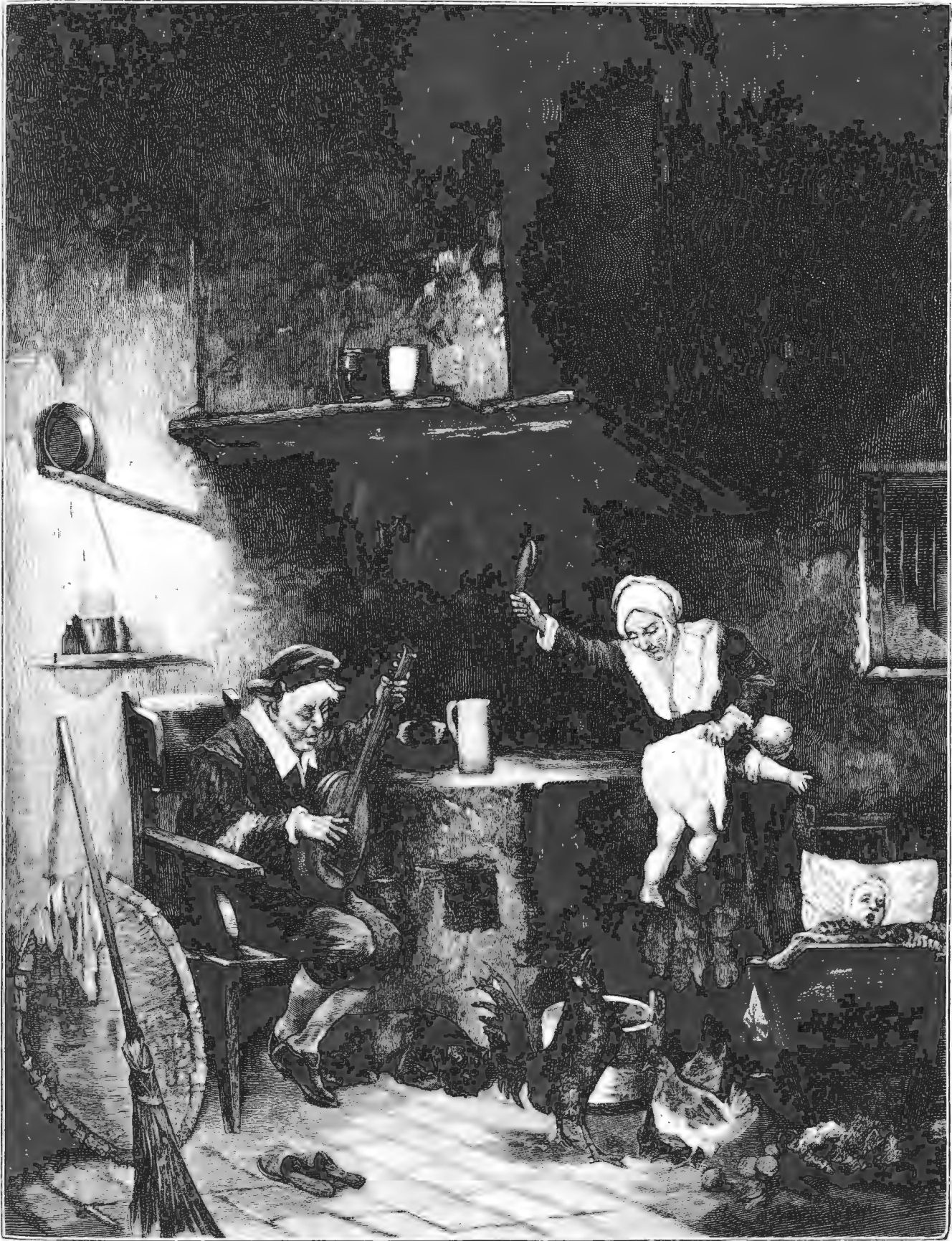
— Какъ тридцать?.. Водохлѣбовъ даже захлебнулся и нѣсколько минутъ багровѣя и угрожая лопнуть, кашлялъ.—Какъ тридцать? Даль-бы тридцать?..

— Отчего-же не дать?.. Душа дороже!

— Скапидарьте „Ночи осеннія!“ оралъ Дроновъ въ другомъ мѣстѣ.—Скапидарьте, други!.. Я сегодня безъ жены. Развѣ она можетъ понять, что у меня на сердцѣ! У меня тамъ тигры лютые душу-то терзаютъ... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, онъ меня не любитъ! вдругъ зашѣвлялъ онъ дикимъ голосомъ и, оглядываясь, хваталъ Водохлѣбова за красный воротникъ и кричалъ ему прямо въ лицо: — Генераль, разведи меня съ женой!.. Слышь! Разведи—озолочу!

Скоро уже никто здѣсь и никого не понималъ.

Водохлѣбовъ оказался сидящимъ между цыганами съ гитарой въ рукахъ. Онъ пѣлъ дикимъ голосомъ „Малютка, шлемъ нося, просилъ“ и безъ толку брнчалъ по струнамъ. Дроновъ стоялъ передъ Наташей на колѣняхъ и увѣрялъ ее: „ты ангелъ, а я свинья, плюнь на меня, душенька!..“ А Василий Герасимовичъ сидѣлъ, обнявшись съ невѣдомо откуда появившимся, точно съ неба упавшимъ, чиновникомъ въ вицмундирѣ съ Станиславомъ на шеѣ, объяснявшимъ ему: „у насъ нынче

Домашній концертъ. Съ картинки академика Урлауба (искл. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“), грав. Флюгель.

очень благородно. Взятокъ ни-ни! Только если что и получишь, такъ изъ сверхсмѣтныхъ суммъ!“

— Ты понимаешь, билъ себя въ грудь Василій Герасимовичъ, — я Сластеновъ. Понимаешь... А она меня бросила.

— Подай бумагу! Сейчасъ ее къ тебѣ по этапу!

— Кого? устанавливался на него осоловѣвшими глазами Василій Герасимовичъ. — Кого по этапу?

— Бумагу!.. Напиши мнѣ прошеніе... Я распоряджусь. Сейчасъ позову и распоряджусь. Я вѣдь, ты знаешь, коллежскій секретарь!

— Что?.. Какъ ты сказалъ?

— Коллежскій секретарь!

И чиновникъ, откинувшись назадъ, необыкновенно гордо смотрѣлъ на него.

Василій Герасимовичъ хлопалъ глазами, усиливался что-то понять — и не могъ. Потомъ онъ вдругъ почувствовалъ, что куда-то валится, а надъ нимъ простирается кто-то въ вицмундирѣ, кричитъ ему: „подай прошеніе, я коллежскій секретарь!“ и Сластеновъ опять оказывается сидящимъ на стулѣ, а вицмундиръ у него въ объятіяхъ. Потомъ, какъ во снѣ, помнилъ Сластеновъ, что Дроновъ сталъ за что-то этого коллежскаго секретаря бить, а Водохлѣбовъ при этомъ плакалъ и пѣлъ: „подайте мальчику на хлѣбъ, онъ Велизарія питаетъ!“ Потомъ вдругъ вицмундиръ оказывался въ объятіяхъ Дронова, и Капитонъ кричалъ Василію Герасимовичу:

— Васька, видишь ты мою добродѣтель, а?.. Живаго чиновника за жабры поймалъ и держу!

Потомъ этого чиновника прямо изъ горлышка бутылки Водохлѣбовъ поливалъ джинджеромъ, а Дроновъ писалъ ему на лбу вторыя брови углемъ. Коллежскій секретарь при этомъ только болталъ ногами и въ антрактахъ оралъ: „подай прошеніе, я распоряджусь“... Послѣ этого Василія Герасимовича окутало всего точно туманомъ, и когда этотъ туманъ разсѣялся, черезъ сколько времени, Сластеновъ не помнилъ — можетъ-быть минута, а можетъ-быть пять лѣтъ — передъ нимъ вдругъ оказался, весь красный, генералъ, съ пальцами за бортомъ сюртука. Онъ наступалъ на Сластенова и кричалъ:

— Милостивый государь, вы меня подлецомъ назвали! Какъ вы смѣли, если я стою за астрономію.

Но тутъ вдругъ надъ нимъ выросъ Дроновъ, размахнулся гитарой — и Водохлѣбовъ полетѣлъ куда-то въ одну сторону, а гитара въ другую, а носъ къ носу съ Сластеновымъ стоялъ уже Дроновъ и спрашивалъ:

— Хорошо?.. Хочешь я еще ихъ кокну?..

И вдругъ, наклонившись, онъ хваталъ кого-то за фалды вицмундира и какъ пѣтуха за хвостъ возносилъ его кверху, а тотъ болталъ обшлагами съ форменными пуговицами и тонкими ногами и даже въ столь неудобномъ положеніи увѣрялъ всѣхъ:

— У насъ нонче очень благородно... Подай прошеніе, я распоряджусь.

Потомъ Василій Герасимовичъ помнить какой-то звонъ, свѣжій воздухъ, потемки. Въ потемкахъ выдвигаются и

старается поймать его за волосы какія-то узловатыя вѣтви... Его укачиваетъ... А лошади несутся... Вверху свѣтитъ кроткій мѣсяцъ и Сластеновъ почему-то спрашиваетъ его: „куда ты дѣлъ Водохлѣбова?“ А мѣсяцъ ему подмигиваетъ и какъ-то безъ словъ объясняетъ. Потомъ Сластенову кажется, что мѣсяцъ въ вицмундирѣ и звѣзды-то вовсе не звѣзды, а пуговицы этого вицмундира... Потомъ и мѣсяцъ, и небо, и земля проваливаются въ нирвану...

Утромъ Василій Герасимовичъ проснулся поздно, открылъ глаза и снова закрылъ ихъ, потомъ опять открылъ. Нѣтъ, не сонъ. Рядомъ съ нимъ на подушкѣ покоится чья-то усатая голова и неимоверно нахальный носъ незнакомца сопитъ и храпитъ прямо въ лицо Сластенову. Сластеновъ отодвинулся, всмотрѣлся еще разъ — совсѣмъ неизвѣстное лицо... никогда въ жизни не видѣлъ... Сластеновъ приподнялся.

Его движеніе разбудило спавшаго. Тотъ поднялся, выдупилъ глаза и устремилъ недоумѣвающий взглядъ на Василія Герасимовича.

— А жена гдѣ? вдругъ спросилъ его незнакомецъ.

— Какая жена?..

— Моя... Ольга Семеновна... Господи, да гдѣ же это я?

Онъ озирается — смотритъ съ недоумѣніемъ на Сластенова. Сластеновъ на него.

— Позвольте узнать... Я у васъ или вы у меня? спрашиваетъ усачъ, совершенно шалѣя отъ неожиданности.

— Нѣтъ, вы у меня, отвѣчалъ Сластеновъ. — А кто вы такой?

— Помощникъ пристава ** участка ** части!.. А вы?

— Василій Герасимовичъ Сластеновъ.

— Какъ это я къ вамъ попалъ?

— Я только что хотѣлъ васъ спросить объ этомъ. Вы не помните, гдѣ мы съ вами встрѣтились?

— Убей Богъ, не помню!.. Я былъ вчера — у Тѣстова.. Потомъ, мы поѣхали въ Салошку... Потомъ... ей Богу не помню.

— Вы у Яра не были?

— Нѣтъ.

— Такъ гдѣ же мы могли встрѣтиться?..

Наконецъ помощникъ пристава сползаетъ съ кровати. Сластеновъ упорно смотритъ на его толстый затылокъ, смотритъ и думаетъ и не можетъ понять, гдѣ это они встрѣтились, подружались и какъ оказались на одной постели у него. Вдругъ — помощникъ пристава вскрикнулъ съ ужасомъ.

— Что такое?

— Помилуйте, вмѣсто моей формы — полюбуйтесь!..

Извозничья шапка, плюшевое матине съ кружевами, какая-то черная кашемировая юбка и одинъ сапогъ со шпорой!..

— Какъ же я теперь въ участокъ покажусь! съ отчаяніемъ восклицаетъ приставъ. — Неужли-жъ я въ этомъ ѣздилъ по городу!

(Продолженіе будетъ).

Первая гроза.

Повѣсть Виктора Бибикова.

(Продолженіе).

VIII.

Они прошли опушку рощи, заросшую кустарникомъ и молодыми березками, вышли на лужайку, гдѣ подъ развѣсистыми лианами стоялъ широкій, круглый столъ, окруженный дерновыми скамьями, и углубились по тропинкѣ въ лѣсную глушь. Теперь они не могли идти рядомъ; была сдѣлана попытка, но вѣтви рвали платье и царапали глаза. Вѣра пошла впередъ, Панченко слѣдовалъ за нею. Душистая прохлада, прозрачный сумракъ и тишина царили здѣсь.

Словоохотливость, овладѣвшая въ концѣ обѣда молодымъ человѣкомъ, покинула его какъ только онъ остался вдвоемъ съ Вѣрой, и теперь онъ шелъ за ней, съ восхищеніемъ глядя

на ея стройную фигуру, въ бѣломъ платьѣ, отчетливо рисуемую передъ нимъ на фонѣ лѣсной зелени, съ любовью слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, нетерпѣливо отводя рукой мѣшавшія иногда ему вѣтви. Показалась новая лужайка. Но здѣсь не было скамеекъ. Густая, высокая трава росла здѣсь, не смятая ничьими шагами, пестрѣли цвѣты, и до слуха долетало непрерывное журчаніе близкаго ключа, его мелодическій лепетъ звалъ и манилъ къ себѣ. Вѣра остановилась.

— Здѣсь, сейчасъ за лужайкой, ключъ родниковой воды, но мы потомъ пойдемъ къ нему, а теперь посидимъ здѣсь, если хочешь. Фѣдоръ Васильевичъ снялъ пальто и бросилъ его на траву, они сѣли рядомъ, и Вѣра сказала:

— Я сюда ухожу послѣ обѣда, когда мнѣ хочется одиночества; здѣсь меня никто не беспокоитъ. Отчего ты не сказалъ ни слова мнѣ о Тарактинѣ?

— Я забылъ о немъ, когда увидѣлъ тебя, отвѣчалъ Панченко.

Вѣра улыбнулась.

— Онъ хорошій человѣкъ? спросила она.

— О, да, хорошій, очень хорошій, и главное—такой простой! сказалъ Панченко, но равнодушно, безъ увлеченія: наединѣ съ Вѣрой онъ не могъ хвалить адвоката, не могъ рассказывать о парижской красавицѣ, которая вдругъ потеряла въ его глазахъ всякое значеніе, и въ ея присутствіи не было хорошихъ людей или всѣ казались одинаково хорошими.

Какъ очарованный, онъ смотрѣлъ на свою невѣсту, и она, чувствуя на себѣ его влюбленный взглядъ, потупилась, не отъ смущенія, но изъ боязни, что если она попробуетъ взглянуть на него, онъ перестанетъ смотрѣть, и прекратится счастье, которое она ощущала отъ такого взгляда.

— Что я хотѣла тебѣ сказать, начала Вѣра, — вотъ и забыла!—Она приложила руку къ пылающему лбу.—Ты знаешь, и все время, до твоего пріѣзда въ деревню, думала о томъ, о чемъ мнѣ надо переговорить съ тобою. Тамъ, въ городѣ, я никакъ не могла рѣшиться сказать тебѣ всего, мнѣ было досадно, но я утѣшала себя мыслью, что въ деревнѣ, безъ тебя, я какъ слѣдуетъ приготовлюсь къ этому, казавшемуся мнѣ нужнымъ, разговору, потому что писемъ я совѣмъ не умѣю писать. Но ты пріѣхалъ, и я все забыла, или нѣтъ, не забыла, но я ничего не могу, не умѣю, и все то, что я думала, кажется ненужнымъ и лишнимъ. Оеда, ты любишь меня?

— Вѣра!.. только и могъ произнести молодой человѣкъ.

Слезы блеснули въ счастливыхъ глазахъ Вѣры.

— Вотъ видишь, тебѣ даже неприятенъ этотъ вопросъ, и я понимаю: мнѣ также было бы тяжело, если бы ты спросилъ меня объ этомъ. Но бываютъ минуты... Вотъ здѣсь, на этой лужайкѣ... иногда я лежу, слушаю какъ звенить ручеекъ, кругомъ тихо, хорошо, я лежу и думаю: нѣтъ никого счастливей меня. Какъ вдругъ приходитъ мысль, точно кто-нибудь на ухо шепчетъ: онъ меня не любитъ, и мнѣ такъ больно, такъ тяжело, я сказать не умѣю. И лужайка дѣлается противной, и ручеекъ раздражаетъ, и въ прохладномъ лѣсу становится душно, и кажется мнѣ, что бросили меня здѣсь одну въ рощѣ, никому и не нужна, никто меня не любитъ, и одна на всемъ свѣтѣ! Тебѣ приходится въ голову такіа мысли?

Молодой человѣкъ ничего не отвѣтилъ Вѣрѣ; онъ наклонился къ ея рукѣ и, не трогая ее, поцѣловалъ. Онъ чувствовалъ, что то, что говорила она ему, Вѣра не сказала бы никому другому, что это были ея заветныя думы, и онъ слушалъ ее съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ влюбленный ловитъ признаніе своей подруги во время сна, покой котораго онъ бережетъ.

— Ты знаешь, продолжала Вѣра, — говорятъ, и мнѣ пришлось читать, что любовь дѣлаетъ человѣка гораздо лучше, но вѣроятно и очень скверная; я замѣчаю, что въ послѣднее время я сдѣлалась гораздо хуже, чѣмъ была прежде.

— Это почему? спросилъ Панченко.

— А вотъ я тебѣ сейчасъ скажу. Прежде, ну вотъ хоть годъ тому назадъ, однимъ словомъ, пока я не знала тебя, я была послушною дочерью, любящею сестрой, помогала мамѣ хозяйничать, вообще не была въ семьѣ лишнимъ человѣкомъ, какимъ я теперь себя чувствую. Когда я пріѣхала въ деревню и, по просьбѣ мамы, начала заниматься съ Марусей, я почувствовала, что если эти занятія будутъ продолжаться, я могу разлюбить ни въ чемъ неповинную Марусю. Хорошо что мама замѣтила, — она все видитъ — и, ссылаясь на жару, прекратила эти уроки. Прежде, по вечерамъ послѣ чаю, мы всѣ собирались на террасѣ, и я всегда читала что-нибудь вслухъ—пана любить мое чтеніе—въ этотъ пріѣздъ я даже и не пробовала. Просто иногда кажется, что я чужая, спросить о чемъ-нибудь—не знаю что отвѣтить, всѣ ихъ разговоры для меня чужды, я только удивляюсь ихъ добротѣ, какъ они до сихъ поръ не дали мнѣ понять, что они видятъ перемѣну. Впрочемъ, нѣтъ, пана даль понять. Онъ разумѣется мнѣ ни слова не сказалъ, но я вижу, что съ нѣкоторыхъ поръ онъ сторонится отъ меня; говорить о чемъ-нибудь, я войду — онъ замолчитъ и, представъ, я даже раскаянья до сихъ поръ не чувствовала, вотъ теперь только, какъ я тебѣ рассказала, мнѣ стыдно. Да что пана! Маруся — та просто бонитъ меня.

— Я не замѣтилъ, возразилъ Панченко.

— Это она при тебѣ набралась храбрости, и вообще твой пріѣздъ опять сблизилъ меня съ родными, а то, бывало, увидитъ какъ я иду по аллеѣ, въ сторону сворачиваетъ, чтобы не встрѣтиться, хотя относительно Маруси, мнѣ кажется, это мама ей внушила.

— Ну, а какъ же твоя мама? спросилъ Панченко.

— Вотъ мама, та нисколько не перемѣнилась, какою была — такою и осталась, ровная, ласковая. Нѣтъ, ты еще не знаешь, какой это человѣкъ, моя мама! сказала съ увлеченіемъ Вѣра.

— Ты съ ней говорила обо мнѣ?

— Разумѣется, сейчасъ же какъ пріѣхала.

— Ну, и что же она тебѣ сказала, что ты ей говорила?

— Все сказала.

— Ну, и она?.. нетерпѣливо перебилъ Панченко.

— Что-жъ, она сказала, что я совершенно свободна въ своемъ выборѣ, только спросила, хорошо-ли я обдумала тотъ шагъ, который я теперь дѣлаю, и знаю-ли я его значеніе.

— А ты что ей сказала?

Вѣра засмѣялась.

— Ты ей что, она тебѣ что! передразнила она своего жениха, и продолжала:—Ты мнѣ напоминаешь эту малороссійскую шутку, помнишь: „ты-жъ ему що, а вишь тоби що“, но замѣть нетерпѣвнѣе, съ какимъ слушалъ ее Панченко, прибавила: — ну, а я сказала, что я тебя люблю, что этотъ шагъ дѣлаю вмѣстѣ съ тобою, что вѣрю въ тебя, что ты милый, хорошій, чудный!

— Но все-таки ты мнѣ ничего не сказала, какого мнѣнія твоя мама обо мнѣ, хотя впрочемъ и я странный вопросъ предлагаю: вѣдь вы еще не успѣли послѣ моего пріѣзда говорить обо мнѣ.

— Нѣтъ, успѣли, лукаво улыбался, возразила Вѣра.

— Когда?

— А вотъ угадай.

— Ты шутишь, вѣдь когда я пріѣхалъ, меня повели къ тебѣ въ бесѣдку, въ бесѣдкѣ, кажется, мамы не было? въ тоиъ Вѣрѣ спросилъ Панченко.

— Кажется.

— Потомъ мы завтракали, ты сидѣла возлѣ меня и ни слова не сказала своей мамѣ, за обѣдомъ тоже.

— Да, за обѣдомъ тоже.

— Такъ, когда-же?

— Эхъ вы, будущій господнинъ защитникъ и сердцевѣдецъ, не знаете такой простой вещи! вѣдь мы съ мамой, слава Богу, шестнадцать лѣтъ живемъ: я уже изъ того, какъ она смотритъ на тебя, какъ она слушаетъ тебя, вижу, что ты ей поправился, и говорить съ ней объ этомъ мнѣ нечего.

— Ты думаешь? радостно переспросилъ Панченко.

— Не думаю, а увѣрена, спокойно возразила Вѣра.

Панченко выпустилъ ея руки изъ своихъ и, смотря на ея поясъ, сказалъ тихо и робко:

— Такъ, стало быть, я могу, не откладывая въ долгій ящикъ, сказать твоимъ роднымъ, что мы съ тобою... вообще, сдѣлать имъ предложеніе?

Онъ нетерпѣливо ожидалъ отвѣта.

— Послушай, начала Вѣра,—предложеніе ты можешь сдѣлать хоть сейчасъ, какъ мы возвратимся изъ рощи, и тебѣ не откажутъ; но зачѣмъ торопиться?

— Какъ зачѣмъ? воскликнулъ Панченко.—Мнѣ кажется даже излишнимъ отвѣчать на такіе вопросы.

— Нѣтъ не излишнимъ, сказала Вѣра,—ты не перебивай меня, лучше послушай, что я тебѣ скажу: вѣдь, знаешь, мама совершенно права, спрашивая, обдумала-ли я и сознаю-ли важность того шага, на который я теперь рѣшаюсь...

— Ты не любишь меня, перебилъ Панченко.

— Ахъ, не обо мнѣ рѣчь! Какой ты нетерпѣливый! сказала Вѣра.—Я тебѣ, кажется, говорила, что за себя я отвѣчала мамѣ... Подумалъ-ли ты надъ тѣмъ, что ты на всю жизнь связываешь себя съ человѣкомъ, котораго ты почти и не знаешь?

— Какъ не знаю, мы съ тобою, кажется, годъ знакомы.

— Да, ровно годъ, подтвердила Вѣра.—Но провель-ли ты за этотъ годъ хоть день со мной такъ, чтобы ты могъ съ утра до вечера видѣть меня одну? И потомъ, Оеда, не рано-ли тебѣ жениться? Ты ѣдешь въ Петербургъ, хочешь сдѣлать себѣ имя, устроить свою карьеру,—не свяжетъ-ли тебя женитьба?

Панченко слушалъ съ горечью свою невѣсту, и хотя онъ зналъ, что вотъ сейчасъ, какъ только окончатъ она говорить, онъ, не отвѣчая ни на одинъ изъ ея вопросовъ, обвинитъ ее, поцѣлуетъ, и все будетъ забыто, потому что любить она его, и онъ не сомнѣвается въ силѣ и крѣпости ея чувства,—но отчего же теперь Вѣра такъ далека отъ него, отчего она, умная, милая Вѣра, не видитъ, не хочетъ видѣть, какъ тяжело слушать такіа рѣчи, зачѣмъ говорить противъ себя? И лицо ея измѣнилось: холодное, безучастное, смотритъ куда-то въ сторону. Вотъ она замолчала, поникла головой, она ждетъ отвѣта, и ей тяжело ожиданіе: она сорвала травинку и бьетъ ею по платью. И, какъ на зло, нѣтъ словъ у Панченка, молчать и онъ; а Вѣра опять говоритъ все о томъ же, но не съ тѣмъ же спокойствіемъ, и голосъ ея дрожитъ: она обижена страннымъ молчаніемъ своего жениха.

— Ты поживи теперь у насъ, Оеда, до отъѣзда въ Петербургъ, присмотришь ко мнѣ, и если за лѣто твоя любовь не уменьшится, уѣзжай, а я буду ожидать тебя, сколько ты назначишь: годъ, два...

Ниже, все ниже наклоняетъ Вѣра голову, вздрагиваютъ ея плечи, Оедору Васильевичу кажется, что она плачетъ. Онъ протянулъ къ ней руки, и, какъ только Вѣра почувствовала ихъ осторожное прикосновеніе, она вдругъ рванулась къ нему, и ручьемъ полились долго сдерживаемыя слезы.

— Не вѣрь мнѣ, повторила она,—не вѣрь, я не знаю, зачѣмъ я говорила тебѣ... Я не вынесу теперь разлуки съ тобою на не-

Лудвигъ Пассини.

ченко, но Вѣра объяснила ему, что ожидать придется долго, а дома, вѣроятно, уже безпокоятся, и навѣрно готовъ вечерній чай.

— Тогда пойдемъ домой, предложилъ Панченко.

— Подожди, я узнаю, хорошая-ли завтра будетъ погода, сказала Вѣра.— Ты вѣришь въ примѣты? спросила она, проводя подъ его локоть свою руку.

— Нѣтъ, не вѣрю. Но по какой примѣтѣ ты узнаешь, хороша-ли будетъ погода?

Но Вѣра ничего ему не отвѣтила. Она пристально глядѣла въ приближавшееся облако шли. Вотъ оно разбилось, и ускореннымъ шагомъ, мотая головой, изъ него выступила бѣлая корова, за ней бѣжалъ теленокъ, спотыкаясь на высокихъ и петвердыхъ ногахъ, а за ними черныя, рыжія и пестрыя коровы. Прижимаясь къ илетню и хлопая кнутаомъ, шель въ сторону пастухъ съ порожнимъ мѣшкомъ за спиной.

— Завтра будетъ хорошая погода, потому что впередъ стада шла бѣлая корова! торжественно объявила Вѣра.

Панченко покровительственно улы-

дѣлю, на одинъ день! Увози меня сейчасъ, увози куда хочешь, я твоя, забудь...

Она вся дрожала и все крѣпче прижималась къ нему, ея горячее дыханіе обжигало молодого человѣка.

— Я думала, что ты согласишься со мной, что ты хочешь ожидать еще... годъ, сказала она чуть слышно, и въ голосѣ ея опять звучали слезы.

Растерянный видъ Вѣры, ея слезы, неуверенность въ своемъ счастьи ободрили молодого человѣка: онъ заговорилъ и говорилъ долго и краснорѣчиво, такъ что, подъ конецъ, забылъ о своей слушательницѣ и говорилъ только для себя и о себѣ.

Онъ говорилъ и о своей любви, и объ одиночествѣ, о томъ, какъ онъ ждалъ Вѣру и томился до встречи съ ней, какъ, увидѣвъ ее въ первый разъ, онъ посылъ, что передъ нимъ воплощеніе его идеала, говорилъ о крѣпости своего чувства, о счастьи взаимной любви, о будущей ихъ совместной жизни, о своемъ будущемъ, какъ извѣстнаго адвоката въ Петербургѣ.

Въ дѣсу темнѣло, отъ недалекаго ключа тянуло сыростью, и, попробовавъ рукой траву, Вѣра убѣдилась, что она увлажнена вечерней росой.

Она предложила уйти домой, но пошли теперь они другою дорогою: Вѣрѣ хотѣлось показать жениху деревню.

Когда они приблизились къ илетню, отдѣлявшему опушку рощи отъ сельской улицы, Вѣра посмотрѣла на пыль, поднимающуюся невысокими розовыми клубами въ недвижномъ тепломъ воздухѣ, и сказала:

— Опоздали мы съ тобой, теперь гонять стадо.

— Такъ мы переждемъ, пока его прогонять, возразилъ Пан-

Мужская школа въ Римѣ. Карт. Л. Пассини, грав. Брендамуръ.

У колыбели. Карт. Л. Пассини, грав. Брендамуръ.

нулся, а Вѣра звонко разсмѣялась.

— Чего ты смѣешься? спросилъ онъ, удивляясь такому быстрому переходу отъ недавнихъ слезъ къ смѣху.

— Твоему легковѣрью, отвѣчала Вѣра,— ты такъ снисходительно улыбнулся, что я не могла удержаться. Нѣтъ, примѣтамъ я не придаю никакого значенія, хотя утромъ, вставая съ постели, по привычкѣ стараюсь опустить на коверъ правую ногу прежде лѣвой и всегда недовольна, если забудусь и стану лѣвой... Но ты не слушаешь меня, ты о чемъ-то задумался.

Вѣра наклонила голову и снизу заглядывала въ лицо молодого человѣка.

— Объ одномъ и томъ-же думаю я съ тѣхъ поръ, какъ прѣхалъ къ вамъ въ деревню, отвѣчалъ онъ.

— О чемъ? нетерпѣливо спросила Вѣра.

— Видишь, Вѣрочка, я ни разу въ жизни не дѣлалъ предложенія, и теперь не знаю, какъ мнѣ его сдѣлать, что говорить твоимъ роднымъ.

Вѣра весело расхохоталась, но на этотъ разъ ея смѣхъ неприятно подѣйствовалъ на молодого человѣка.

— Я не понимаю, что находишь ты смѣшнымъ въ моихъ словахъ, началъ онъ сухимъ и недовольнымъ тономъ.

Но Вѣра продолжала хототать, она выдернула свою руку изъ-подъ локтя Панченко, и, закрывъ лицо руками, дала волю

Бесѣда: Карт. Л. Пассини, грав. Брендамуръ

Любопытство. Карт. Л. Пассини, грав. Брендамуръ.

Чтеніе изъ Тассо въ Кіоджѣ. Карт. Л. Пассини, грав. Брендамуръ.

своему смѣху: ея плечи тряслись, она наклонила голову и даже затонала ногами въ припадкѣ неудержимой веселости. Панченко, недоумѣвая, стоялъ, облокотившись о плетень, и ждалъ объясненія.

— Нѣтъ, ты ужасно... смѣшной, еле выговорила Вѣра.— Ни разу въ жизни не дѣлалъ предложенія!.. охъ, не могу!

И она опять засмѣялась.

— Да тебѣ сколько лѣтъ?

— Двадцать одинъ годъ.

— Такъ когда-же ты успѣлъ-бы предложенія дѣлать? Но замѣтивъ, что молодому человѣку не сообщается ея веселое настроеніе, она прибавила:—Прости, милый, я больше не буду смѣяться, это послѣ слезъ всегда со мной. Но, безъ шутокъ, неужели ты сейчасъ хочешь говорить съ мамой?

— Зачѣмъ откладываетъ? отвѣтилъ вопросомъ Панченко.

— Все-таки еще рано, ты только что прѣбхалъ, мама не успѣла къ тебѣ привыкнуть. Какъ хочешь, но мнѣ кажется, что ты черезчуръ сѣвшшш, возразила Вѣра, — и я не вижу причинъ, которыя заставляли-бы тебя такъ торопиться, прибавила она, подумавъ.

— Не видишь причинъ, повторилъ онъ,—неужели ты не хочешь понять, Вѣра, какъ тяжела неизвѣстность.

У молодого человѣка отъ волненія даже пресѣкся голосъ, и онъ сталъ смотрѣть въ сторону.

Вѣра прижала его руку ближе къ себѣ.

— И вѣрю, и понимаю, но я не говорю о продолжительной отсрочкѣ, ты повини хоть съ недѣлю у насъ и тогда, если тебѣ не терпится...

Но Панченко перебилъ ее:

— Ты говоришь, переждать недѣлю... отчего не переждать, переждать можно, но какими глазами я буду смотрѣть въ эту недѣлю на твоихъ родныхъ? Прѣбхалъ молодой человѣкъ, живетъ въ деревнѣ, ходитъ гулять съ дѣвушкой, и не объясняется...

Панченко замолчалъ, потому что Вѣра засмѣялась и на этотъ разъ такъ заразительно, что молодой человѣкъ не выдержалъ характера и хотѣлъ вмѣстѣ съ нею.

Они вошли въ садъ и, не доходя до террасы, Вѣра остановилась, приблизила лицо къ своему спутнику и спросила, замѣтно-ли по ея глазамъ, что она плакала.

Панченко отвѣчалъ утвердительно. Вѣра хотѣла обойти домъ съ другой стороны и умыться въ своей комнатѣ, но зоркіе глаза Маруси уже успѣли разглядѣть молодыхъ людей, она кричала: „вотъ и Вѣра, мама, Вѣра въ саду!“ и въ нѣсколько прыжковъ очутилась возлѣ молодыхъ людей.

IX.

На балконѣ былъ опять накрытъ столъ, шумѣлъ самоваръ, горѣли свѣчи въ стеклянныхъ колпакахъ. Анна Григорьевна разливала чай. Петръ Гаврилычъ сидѣлъ въ креслахъ и курилъ сигару. Съ плохо сдерживаемымъ любопытствомъ онъ посмотрѣлъ на приближавшагося къ столу молодого человѣка, но робкій видъ Федора Васильевича и его миловидная вѣжливость, по справедливому замѣчанію Тарахтина, располагали къ нему съ перваго взгляда, и Петръ Гаврилычъ усадилъ его рядомъ съ собой и, дружелюбно хлопая его по плечу, спросилъ:

— Не заблудился въ нашемъ лѣсу?

Анна Григорьевна только что хотѣла строго посмотрѣть на своего мужа за этотъ вопросъ, показавшійся ей неумѣстнымъ, но Панченко сказалъ такимъ простодушнымъ тономъ: „нѣтъ, не заблудился“, что его отвѣтъ обезоружилъ ее, и она, вмѣсто суроваго взгляда, развѣялась съ Петромъ Гаврилычемъ счастливыми улыбками.

Вѣра сидѣла въ неосвѣщенномъ углу террасы, отъ нея не отходила Маруся, и оттуда слышался смѣхъ,—тихий и сдержанный Вѣры, и звонкій, какъ серебряный колокольчикъ, хохотъ Маруси. Анна Григорьевна разлила чай по стаканамъ и чашкамъ и подозвала дочерей къ столу.

Вѣрѣ опять не удалось пройти въ свою комнату чтобы умыться, потому что Маруся не хотѣла ни на минуту разставаться съ сестрой, крѣпко держала ее за руку и почти насильно подвела вмѣстѣ съ собой къ столу.

Петръ Гаврилычъ и Анна Григорьевна въ одно время посмотрѣли на подошедшую дѣвушку, и ея заплаканные глаза поразили ихъ своимъ выраженіемъ. Петръ Гаврилычъ усиленно зашхтѣлъ сигарой, что у него всегда служило признакомъ дурнаго расположенія духа, и Анна Григорьевна, измѣняя на этотъ разъ своему спокойствію, спросила:

— Что съ тобой, Вѣра, ты плакала?

Голосъ ея звучалъ тревогой.

Маруся съ любопытствомъ уставилась на сестру, ожидая отвѣта.

— Да, я плакала, сказала съ улыбкой и спокойно Вѣра, но замѣтивъ пристальные взгляды родныхъ, устремленные на Панченко, который, мѣняясь въ лицѣ, ожидалъ, чѣмъ окончится эта мучительная для него сцена, прибавила:—но Федоръ Васильевичъ нисколько не виноватъ въ моихъ слезахъ.

Анна Григорьевна схватилась и, желая загладить передъ молодымъ человѣкомъ неловкость своего поведения, наперывъ предлагала ему варенье, сливки, лимонъ, а Федоръ Васильевичъ, еще не оправаясь отъ смущенія, не зналъ за что взяться, второпяхъ обжегъ ротъ порывистымъ глоткомъ чая, поперхнулся и закашлялся. Хохотъ Маруси, прѣвращенный его кашлемъ, возстановилъ веселое настроеніе семьи.

Пили чай, ѣли ягоды со сливками, и когда Панченко, сопровождаемый Марусей, ушелъ къ своему чемодану за папиросами, Вѣра, пользуясь его отсутствіемъ, наскоро объяснила отцу и матери причину своихъ слезъ, и они всѣ смѣялись, узнавъ, почему молодой человѣкъ сѣвшшш сдѣлать предложеніе.

И когда онъ воротился на террасу съ коробкой папиросъ въ рукахъ, его встрѣтили съ удвоеннымъ радушіемъ: Петръ Гаврилычъ любезно пенялъ его за то, что молодой человѣкъ не взялъ у него сигаръ, Анна Григорьевна спрашивала, что приготовить къ ужину, какое его любимое блюдо.

Панченко, уступая ея настояніямъ, сказалъ, что любить вареники со сметаной.

Маруся захолопала ручонками отъ радости и кричала, что и она ужасно любитъ вареники, а на лицахъ остальныхъ членовъ семьи появились довольныя улыбки, точно всѣ они давно хотѣли варениковъ со сметаной, и Панченко выручилъ ихъ изъ затруднительнаго положенія, назвавъ это блюдо.

(Продолженіе будетъ).

Литературныя бесѣды.

А. В. Кольцовъ.

Замѣчательною чертою русской литературы является то, что, во всѣ времена ея исторіи, рядомъ съ поэтами изъ образованныхъ классовъ, возникали поэты изъ простонародья, изъ темной и сѣрой массы русскаго населенія. Можно указать даже на любопытное соотвѣтствіе въ этомъ смыслѣ между поэтами образованными и поэтами „народными“ въ тѣсномъ значеніи этого слова. Во времена процвѣтанія литературы изъ народа выдвигались поэты великой силы, во времена ея упадка, напротивъ, не отличались выдающимся качествомъ и народныя поэты. Такъ, во времена Пушкина, гениальнѣйшаго русскаго поэта, вышелъ изъ воронежскихъ прасоловъ гениальный Кольцовъ, въ смутные дни Некрасовскихъ стиховъ появился не болѣе какъ Никитинъ, а въ наше темное литературное время извѣстны уже совсѣмъ незначительные поэты изъ простонародья. Фактъ знаменательный, показывающій, что жизнь образованныхъ классовъ русскихъ извѣстнымъ образомъ отражалась всегда въ остальномъ народѣ, въ его умственной жизни.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ былъ натурой гениальной. Тѣмъ не менѣе, значеніемъ своей поэзіи онъ обязанъ тому обстоятельству, что онъ жилъ и дѣйствовалъ, т. е. писалъ, подъ вліяніемъ поэзіи Пушкинскаго періода. И какъ главнѣйшимъ и наиболѣе привлекательнымъ свойствомъ поэзіи Пушкина было въ высокой степени правдивое изображеніе чело-вѣческой души и жизни, современной ему, такъ въ Кольцовскихъ стихотвореніяхъ сказалась простая, безъ претензій правда духовной жизни простаго русскаго люда. Въ этомъ смыслѣ онъ заслуживаетъ глубокаго изученія, въ немъ, и только въ немъ, можно найти народную поэзію и народный складъ мыслей и чувствъ во всей ихъ полнотѣ и опредѣленности.

Позже Кольцова, подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ об-

ществѣ направленій, создавались представленія о крестьянствѣ, какъ о забитомъ страданіями и непосильною работою, какъ о несущемъ свою суровую судьбу только, такъ сказать, по привычкѣ и животной малосознательности. Такъ, Некрасовскіе мужики „стопнутъ по полямъ и дорогамъ“ и повсюду „свѣту Божьяго, солнца не рады“; это—масса „работъ“, завидующихъ житью псовъ. Такъ, у Рѣшетникова его герои, Подлиповцы, въ преувеличенной безсознательности влчатъ жалкое существованіе, полное страданій и лишеній; они, взрослые, не способны понять окружающую ихъ жизнь въ большей степени, чѣмъ мышленныя дѣти. Самъ сынъ народа, жившій все свое дѣтство и всю молодость среди природы воронежскихъ степей и простаго русскаго люда, Кольцовъ, именно поэтому способный сказать болѣе правду о немъ, говорить нѣчто иное, исправляя эти одностороннія воззрѣнія. Съ этой точки зрѣнія *содержаніе* поэзіи Кольцова получаетъ несравненный интересъ, огромную важность. Кольцовъ, поэтому, въ его историческомъ значеніи, имѣетъ несравненно болѣе роль, чѣмъ это кажется обыкновенно; онъ — не интересный прасоло—это только, не представитель только способности русскаго простонародья постигать тайны поэзіи, какъ ее понимаютъ образованнѣйшіе люди, а и свидѣтель народной душевной жизни, учащій, какъ на нее должно смотрѣть. И свидѣтельство его тѣмъ любопытнѣе и цѣннѣе, что поэзія Кольцова, по своему содержанію и воззрѣніямъ, совершенно сходна съ произведеніями непосредственнаго народнаго творчества, съ быльницами, сказками, пѣснями.

Остановимся, напр., на представленіяхъ Кольцова о тяжеломъ народномъ трудѣ и объ условіяхъ его, конечно, тяжелой жизни. Поэтъ образованныхъ, т. е. привилегированныхъ

классовъ, Некрасовъ, а за нимъ Никитинъ, не находятъ ничего кромѣ мрачныхъ красокъ для изображенія тягостей народнаго труда и жизни. Описывал, напр., работу женщины въ страдное время, Некрасовъ восклицаетъ:

„Доля ты русская долюшка женская!
Врядъ-ли труднѣе сыскать!“

Въ другомъ стихотвореніи на лицѣ крестьянки поэтъ видитъ печаль „тунаго терпѣнія и безмысленнаго, вѣчнаго испуга“. Сама природа, кажется, вооружается противъ народа въ его страдѣ:

„Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палить...
Вѣдная баба изъ силъ выбивается...
Приподнимаю косяку тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую...“

Въ общемъ великая русская страна представляется страшной тупаго терпѣнія народнаго, страной,

„Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидоваль житью послѣднихъ барскихъ псовъ...“

Загляните въ стихотворенія Кольцова, и картина народной жизни радикально мѣняется свой характеръ. Кольцовъ, конечно, очень хорошо, лучше другихъ русскихъ поэтовъ, зналъ тяжесть народнаго труда. Но описывая самыя тяжелыя работы крестьянскія, онъ не впадаетъ въ уныніе и въ скорбь. „Весело на пашнѣ“, „весело я лажу борону и соху“, „весело гляжу на гумно и скірды“, — вотъ мысли и чувство, которыя онъ находитъ въ народномъ трудѣ. Съ трогательнымъ чувствомъ умиленія говоритъ Кольцовъ объ обстановкѣ труда, о томъ, какъ „выйдетъ въ полѣ травка — вырастетъ и колосъ“, какъ станетъ колосъ „спѣть, ридиться въ золотыя ткани“, какъ „заблеститъ сериъ и зазеленятъ косы“. О неизбежныхъ страданіяхъ, связанныхъ съ трудомъ, нѣтъ и помину, и только узнаете вы о немъ развѣ изъ словъ, что „сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ“. Природа, съ своей стороны, совершенно мѣняетъ свой характеръ, свое отношеніе къ работающимъ. Солнце у Кольцова уже не „нещадно палитъ“, а только „глядитъ съ горы небесъ“, а когда оно „видитъ — жатва кончена“, то „холодѣй оно пошло къ осени“. Тѣ „нивы, покосы да ширь поднебесная“, которыя такое печальное впечатлѣніе оставляютъ въ поэтѣ образованныхъ классовъ, у Кольцова являются въ прелести поэзіи. Нива у прасола Кольцова

„Словно Божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...“

Поэзія Кольцова знаетъ народное горе и личное горе. Но съ безграничной энергіей и силой относится поэтъ къ нему. „Горе“ его поэзіи не простое горе, а такое, которое „горами качаетъ“; но — говорить поэтъ — „родись терпѣливымъ и на все готовымъ...“ Терпѣливость эта и на все готовность, однако, не имѣютъ ничего общаго съ „тупымъ терпѣніемъ и испугомъ“; поэтъ, скорѣе, хочетъ только, чтобы, какъ говорится, человекъ не былъ тряпкой передъ горемъ, не „донилъ“, какъ это случилось именно у позднѣйшихъ поэтовъ. Идеальное отношеніе къ горю, по Кольцову, состоитъ въ томъ, чтобы

„... съ горемъ, въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ,
На погибель идти —
Пѣсни пѣть соловьемъ...“

Поэтъ — представитель не безсильнаго терпѣнія, а исканія разумныхъ, а иногда необыкновенно смѣлыхъ исканій выхода изъ горя и невзгоды. Онъ готовъ „въ ночь, подъ бурей, безъ дороги въ путь отправиться, горе мыкать, жизнью тѣшиться, съ злою долей перевѣдаться...“ И онъ увѣренъ, что „безъ пути, безъ свѣта свою долю сыщеть“. Въ немъ живутъ, конечно, и сомнѣнія въ своей силѣ, но онъ глубоко сожалеетъ, что нѣтъ у него дочольно воли,

„Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать...“

И въ трудѣ, и въ жизненной борьбѣ мы находимъ, такимъ образомъ, у Кольцова глубоко сознательное и ясное разумнѣе, энергію и силу чувства и пониманія цѣлей и результатовъ. Естественно ожидать, что и вся народная душевная жизнь въ стихотвореніяхъ Кольцова предстанетъ передъ вами богатою и разнообразною, такою же, какою она является всюду, во всѣхъ классахъ общества. Дѣйствительно, мы и встрѣчаемъ у него пѣсни, рисующія страсти и пороки человѣческіе, радости и горе, сомнѣнія и вѣрованія. Конечно, для Кольцова оставались темными многіе вопросы жизни и мысли, давно разрѣшенные для болѣе его образованныхъ людей, и потому его „Думы“ иногда отличаются какой-то особенной трогательной наивностью какъ формы, такъ и содержанія. Но и тутъ ясный и необыкновенно сильный умъ Кольцова поднималъ его далеко выше образованной толпы. Совершенно, конечно, напрасно думали, что для него только, для самого поэта, важны были вопросы, навѣянные на него темнотою могилы: „Что слухъ мой замѣнитъ? Потухшія очи? Глубокое чувство остывшаго сердца? Что будетъ жизнь духа безъ этого сердца?“ Очевидно, мысль Кольцова простиралась до тѣхъ предѣловъ, которые только кажутся ясными для образованной толпы. И Кольцовъ былъ безконечно правъ, говоря, что умъ нашъ „лабумъ мѣшаетъ съ былью небиллицу“. И то, что такъ тревожило Кольцова въ нерѣшенныхъ для него вопросахъ, по существу остается тревожно нерѣшеннымъ и для всѣхъ истинно мыслящихъ людей, мыслящихъ самостоятельно и глубоко. И только форма „думъ“ Кольцова часто, дѣйствительно, наивна.

Невольно становится передъ читателемъ вопросъ, не представляетъ-ли это жизнерадостное и поэтическое воззрѣніе на простонародье и его жизнь нѣкоторой опасности, создавая мысль, что народъ счастливъ и не имѣетъ нужды въ улучшеніи своего быта. Одинъ только отвѣтъ возможенъ на это, что „истина важнѣе всего“. А что истина на сторонѣ Кольцова — свидѣтельствуемъ уже то, что въ народныхъ былинахъ, самимъ народомъ созданныхъ, мы встрѣчаемъ совершенно то же, что и у Кольцова. Но и съ чисто практической точки зрѣнія воззрѣніе гениальнаго поэта представляють несомнѣнное преимущество. Если „горюющее“ о народѣ направленіе литературы было въ нѣкоторой степени полезно въ свое время, обращая вниманіе общества на темныя стороны народной трудовой жизни, то вообще оно несостоятельно и вредно. Кто не согласится, что для людей, вѣрящихъ въ будущее нашей родины и нашего народа, утѣшительнѣе воззрѣніе Кольцова; что народъ — не рой подавленныхъ рабовъ, а сознательный, великій народъ, чрезъ вѣка испытаній и борьбы пронесшій идеалы честнаго труда, видящій донныи не тяжесть его, а необходимость для жизни, и потому смотрящій на него бодро и съ одушевляющей энергіей. Такимъ образомъ, содержаніе поэзіи Кольцова имѣетъ глубокой и поучительной смѣсль и важность въ исторіи русской поэзіи.

Что касается формы произведеній Кольцова, то и о ней можно сказать то же, что и о содержаніи. Во времена высокой обработки литературнаго языка, гениальный поэтъ, едва грамотнымъ взявшійся за чтеніе и позже только нѣсколько начитанный, написалъ стихотворенія по языку въ высокой степени замѣчательныя. У него есть стихотворенія почти Пушкинскіе красоты и силы. Въ этомъ, конечно, не могло быть особой заслуги. Но въ стихахъ Кольцова есть двѣ особенности, которыя даютъ и въ отношеніи формы совершенно особое мѣсто гениальному поэту-прасолу. Во-первыхъ, поразительная, оригинальная сила нѣкоторыхъ его стихотвореній, и сила чисто народная. Во-вторыхъ, большинство его замѣчательныхъ стихотвореній отличается сложною формою. соединяющею характеры стиха народнаго и стиха искусства, развитаго литературою. Соблюдены въ нихъ точно всѣ правила стихосложенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ разбѣръ и характеръ народнаго стиха не утраченъ. Это свойство придаетъ стиху Кольцова особенную прелесть и оригинальность.

Арс. Введенскій.

Лудвигъ Пассини и его картины.

(Портр. и рис. на стр. 884 и 885).

Италія, любимица боговъ,
Владчица развѣчаннаго міра!
Мей.

Италія — обѣтованная земля художниковъ и музыкантовъ. Къ ней стремится восходящее въ искусствѣ дарованіе, чтобы совершенствоваться; въ ней почерпаетъ свое вдохновеніе созрѣвшій талантъ, въ ней находитъ успокоеніе и оцѣнку за-

ходящее свѣтло. Но не для нихъ только привлекательна Италия. Она служитъ неизсякаемымъ источникомъ впечатлѣній и праздному путешественнику, и любителю прекраснаго, и глубокомысленному ученому. Величественные остатки древней Римской имперіи, богатыя собранія произведеній изъ эпохи Возрожденія, своимъ видомъ краснорѣчиво говорятъ о переломѣ вѣкахъ славы и паденія страны, и, наконецъ, совре-

мелкая Италия со своею величавою, прекрасною природою, своеобразным строем жизни и типичными обитателями привлекает къ себѣ и даетъ пищу впечатлѣніямъ, вдохновенію и творчеству. Въ этомъ отношеніи не мало иностранныхъ для Италии художниковъ изображали современную Италию, со всеміи мелочами ея повседневной жизни. Стоить припомнить изъ числа русскихъ живописцевъ Бронникова съ его картинами современнаго Рима или Харламова и его прелестныя головки итальянокъ. Среди другихъ художниковъ выдающееся мѣсто должно быть отведено Евгенію фонъ-Власу и Лудвигу Пассини.

Картины перваго изъ нихъ, а также біографія его хорошо извѣстны читателямъ нашего журнала. Въ шестнадцатомъ номерѣ они найдутъ нѣсколько очень тонкихъ гравюръ Брендамура съ картинъ Лудвига Пассини.

Суди по фамилии можно предположить, что Пассини итальянецъ, но подобное заключеніе ошибочно. Лудвигъ Пассини—австрийскій нѣмецъ и родился 27 іюня 1832 года въ Вѣнѣ. Его отецъ считался въ этомъ городѣ талантливымъ художникомъ и граверомъ на мѣди. Примѣръ Пассини-отца не остался безъ вліянія на сына, который унаследовалъ влеченіе къ живописи. У Пассини-отца была привычка никогда не выходить изъ дому безъ тетради для набросковъ, и когда случалось подмѣтить кого-нибудь или что-нибудь интересное, онъ тутъ же набрасывалъ въ свою книжку что привлекало его вниманіе. Лудвигъ часто сопровождалъ своего отца въ такихъ эскюрияхъ и старался во всемъ подражать ему. Такими были первые уроки живописи будущаго мастера.

Но старикъ Пассини, несмотря на очевидное влеченіе и явное дарованіе своего сына къ живописи, искренно желалъ, чтобы его сынъ избралъ болѣе выгодную дѣятельность, чѣмъ жизнь художника, полная лишеній и всякихъ невгодъ. Не желая въ то же время заглушить нарождающееся призваніе живописца въ своемъ сынѣ, онъ остановился на карьерѣ архитектора, прошедшаго хорошую школу, и съ этою цѣлью отдалъ молодого Лудвига въ Политехническое училище, совѣтуя ему прилежно заниматься математикой, механикой и строительнымъ искусствомъ. Но вскорѣ, къ своему разочарованію, онъ долженъ былъ убѣдиться, что заглушить природное влеченіе къ живописи въ сынѣ было бы жестоко, и замѣтивъ во-время свой промахъ, онъ перевелъ своего сына въ Вѣнскую академію живописи, гдѣ молодой Пассини и началъ свое художественное образованіе подъ руководствомъ Іосифа Фюрника.

Событія 1848 года не прошли безслѣдно для Вѣны; упадокъ и застой въ торговлѣ и промышленности—печальныя послѣдствія прошедшихъ событій—отразились и на заработкѣ Пассини-отца. Въ надеждѣ на лучшее, старикъ Пассини переселился со всеміи своимъ семействомъ въ Триестъ. Въ Триестѣ Лудвигъ Пассини принялся уже самостоятельно заниматься живописью. Онъ рисовалъ за недорогую плату портреты, виды и бытовые картинки. Въ это время близость Венеціи не давала покоя молодому артисту и онъ стремился всеми силами молодой души побывать и даже переселиться въ этотъ живописный городъ. Наконецъ, противъ воли отца, ему удалось осуществить свои мечты, и онъ переѣхалъ въ Венецію, которая нынѣ стала его второю родиною. Здѣсь, посреди тихихъ, зеленыхъ каналовъ, подъ сводами храмовъ или посреди дворовъ дворца дожей, между колоннами Пиацетты и Ринья; въ узкихъ и прохладныхъ боковыхъ переулкахъ; на мостахъ съ высокими арками, изъ мрака которыхъ неслышно выбѣгаютъ гондолы; среди старѣющаго великолѣпнаго зданій и церквей; въ толчѣ на рынкахъ, между крикливыми продавцами и покупателями, нищими и богачами, при яркомъ южномъ солнцѣ или серебряномъ свѣтѣ луны—здѣсь, въ безмерномъ городѣ лагуны—нашелъ Лудвигъ Пассини настоящую почву для своего дарованія. Знакомство съ извѣстнымъ акварелистомъ изъ Лейпцига, Карломъ Вернеромъ, дополнило остальное.

Въ то время среди нѣмецкихъ художниковъ было только четыре выдающихся акварелиста: Эдуардъ Гильдебрандтъ, всевѣстный живописецъ, который уже съ начала сороковыхъ годовъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими ландшафтами, исполненными водяными красками съ неизвѣстнымъ доль совершенствомъ и истиннѣ гениальною техникою; Рудольфъ Альтъ изъ Вѣны, замѣчательный тонкій исполнитель зданій и цѣлыхъ улицъ; Адольфъ Менцель, который искусно рисовалъ не только прозрачными водяными красками, но удачно и съ большими эффектами употреблялъ въ этой живописи гуашь и другія средства, излюбленные въ настоящее время современными акварелистами; и наконецъ Карлъ Вернеръ. Подобно Эдуарду Гильдебрандту, онъ также не мало путешествовалъ по Востоку и Италиі, откуда вывезъ множество прелест-

ныхъ эскизовъ. Мастерская Вернера была въ Венеціи. Тамъ онъ, окруженный учениками, выполнялъ по наброскамъ тщательно и прилежно свои картины.

Къ нему обратился Пассини и Вернеръ сдѣлался его учителемъ, быстро оцѣнивъ талантъ своего ученика. Прекрасный изобразитель видовъ, Вернеръ давалъ рисовать на своихъ пейзажахъ молодому Пассини фигуры и цѣлыя сцены, которыя молодой художникъ выполнялъ съ такимъ совершенствомъ и притомъ такъ удачно поддѣлываясь подъ манеру и тонъ своего учителя, что въ картинахъ нельзя было узнать работу двухъ лицъ. Работая такимъ образомъ, Пассини сопровождалъ своего учителя въ его путешествіяхъ, что продолжалось до 1855 года. Въ этомъ году онъ покинулъ Венецію и переѣхалъ въ Римъ. Съ этого времени начинается самостоятельное творчество художника.

Въ Вѣнскомъ Городѣ молодой художникъ нашелъ неизсякаемую сокровищницу, изъ которой онъ могъ извлекать прелестныя сюжеты для своихъ работъ. На улицахъ, посреди развалинъ, въ старинныхъ великолѣпныхъ церквяхъ, каждую минуту представлялись ему его наблюдательному глазу, который все подмѣчалъ и усваивалъ. Нижніе классы населенія, красивыя женщины, въ особенностн дѣти и духовныя лица различныхъ орденовъ и положеній, занимали болѣе всего Пассини, и цѣлый рядъ картинъ акварелью, полныхъ оригинальности и своеобразной прелести, прекрасныхъ по рисунку и краскамъ, явился результатомъ его наблюдательности и таланта, разнесъ по всему образованному міру имя Пассини, какъ даровитаго художника-акварелиста. Къ этому времени относится одна изъ его картинъ, помѣщенная нами, и по ней можно судить о привлекательности дарованія Пассини. Это его „Школа для мальчиковъ въ Римѣ“. На ней безхитростно передана незамысловатая сцена перваго посѣщенія школы мальчуганомъ, котораго мать привела на выучку. Съ любовью и вниманіемъ поглядываетъ повичекъ на старика-учителя и въ свою очередь является предметомъ наблюденій своихъ будущихъ товарищей. Все просто и жизненно въ этой картинѣ. Видимо Пассини прямо схватилъ ее съ натуры. Тутъ ничего нѣтъ сочиненнаго и дѣланнаго, а потому картина такъ привлекательна. На другой картинкѣ изъ дѣтской жизни онъ представилъ, какъ маленькая итальяночка, съ чулкомъ въ рукахъ, въ своеобразномъ нарядѣ и съ хорошо извѣстнымъ головнымъ уборомъ, чутко слѣдитъ за своимъ просыпающимся братишкой. Здѣсь мы видимъ, что Пассини такъ же искусно передаетъ фигуры дѣвочекъ, какъ и мальчугановъ. Другимъ доказательствомъ этой стороны таланта художника является картинка „Набоишная“, составляющая собственность Бреславльскаго музея и бывшая на юбилейной выставкѣ въ Берлинѣ. На ней стройная, босоногая малютка, взобравшись на брошенную кверху дымою корзину, заглядываетъ черезъ заборъ въ сосѣдній садъ, откуда виднѣются олеандровыя и лавровыя кусты.

Проживъ въ Римѣ до 1863 г., Пассини, послѣ трехлѣтняго отсутствія, вернулся снова въ этотъ городъ и оставался до 1870 г., когда переселился, на этотъ разъ навсегда, въ Венецію, гдѣ начался расцвѣтъ его таланта. Изъ картинъ, написанныхъ въ Венеціи, заслуживаетъ прежде всего вниманія сцена, которая поразила молодого художника еще во время его странствованій съ Вернеромъ. Въ сосѣднемъ съ Венеціею городкѣ, Кюджа, населенномъ рыбаками и матросами, Пассини былъ свидѣтелемъ публичнаго чтенія Торквато Тассо. Впечатлѣніе видѣннаго навсегда осталось въ памяти художника. Узнавъ, что подобныя сцены еще повторяются, онъ переехалъ въ Кюджу и, нанявъ комнату въ домѣ нортнаго, выходившемъ на рыбный рынокъ, могъ наблюдать, какъ посреди пестрой толпы грамотей читалъ вдохновенныя строфы изъ освобожденнаго Іерусалима.

Эти наблюденія нѣсколько не смуглили рыбаковъ, и они охотно подвергали себя наблюденіямъ и изображеніямъ со стороны signora pittore. Результатомъ оказалась прекрасная картина, прямо выхваченная изъ жизни, которую читатели найдутъ въ числѣ прочихъ гравюръ вышшняго номера.

Послѣдняя гравюра представляетъ свиданіе на берегу канала въ Венеціи. На кирпичной стѣнкѣ сидитъ миловидная простодушная, закутанная въ темный платокъ, и тутъ-же молодой рыбакъ, красиво облокотившійся о набережную.

Перечислить въ короткой замѣткѣ все написанное мастеромъ нѣтъ возможности; но и тѣхъ картинъ, которыя читатели найдутъ въ сегодняшнемъ номерѣ, будетъ достаточно, чтобы дать понятіе о тонкой и изящной манерѣ живописи у Лудвига Пассини, всегда безупречной по рисунку и замѣчательной по краскамъ, къ сожалѣнію, не передаваемымъ въ одноцвѣтныхъ гравюрахъ.

Къ рисункамъ.

Камея Флаксмана. (Рис. на стр. 873).

Англійскій скульпторъ, Джонъ Флаксманъ, родился 6 іюля (н. с.) 1755 г. въ Йоркѣ, и, посвятивъ себя ваинію, изучалъ его

сначала въ Королевской академіи, а потомъ подъ руководствомъ Банка, Кулберланда, Шарпа, Блека и въ особенностн Стотарта. Въ 1782 году онъ женился на Аннѣ Денманъ и вмѣстѣ съ нею въ 1787 году отправился въ Италію, гдѣ про-

жилъ 7 лѣтъ. По возвращеніи въ Англiю, онъ былъ избранъ въ 1800 году членомъ, а въ 1810 году профессоромъ Королевской академіи. Умеръ 9 декабря 1826 года.

Флаксаманъ былъ однимъ изъ первыхъ художниковъ, которые, соревнуя Винкельману, проникли истиннымъ духомъ античнаго искусства. Его композиціи перфектно поражаютъ своимъ величiемъ. Стиль его всегда благороденъ и чистъ. Особенно прославились его эскизные рисунки къ Иліадѣ и Одиссеѣ, выказавшіе неистощимое богатство его фантазіи. Къ тому же роду воспроизведеній античной жизни относятся и прилагася Камел, изображающая ребенка-Бахуса, несомато двумя юными фавнами.

Плачущая ива. Ориг. рис. Крыжицкаго.

(Рис. на стр. 876).

Прелестный рисунокъ академика Крыжицкаго изображаетъ нашу поэтическую ивушку, которая и въ ивѣнѣ, какъ извѣстно, „невесело шумитъ“. Этотъ печальный видъ плачущей ивы бросается въ глаза поэтамъ всѣхъ временъ и народовъ. Шекспиръ обращаетъ къ ней мысли Дездемоны въ послѣдній, предсмертный вечеръ... Нашъ художникъ пейзажистъ смягчаетъ унылое впечатлѣніе яркимъ солнечнымъ свѣтомъ и всегда дающею оживленіе природѣ водою—рѣчки, протекающей въ окрестныхъ заливныхъ лу-

гахъ. На заднемъ планѣ, рядомъ съ плачущею, видна обыкновенная ива, ветла, также весьма характерно съ ея дуплистыми, корявыми стволами.

Видъ на рѣкѣ Кубани.

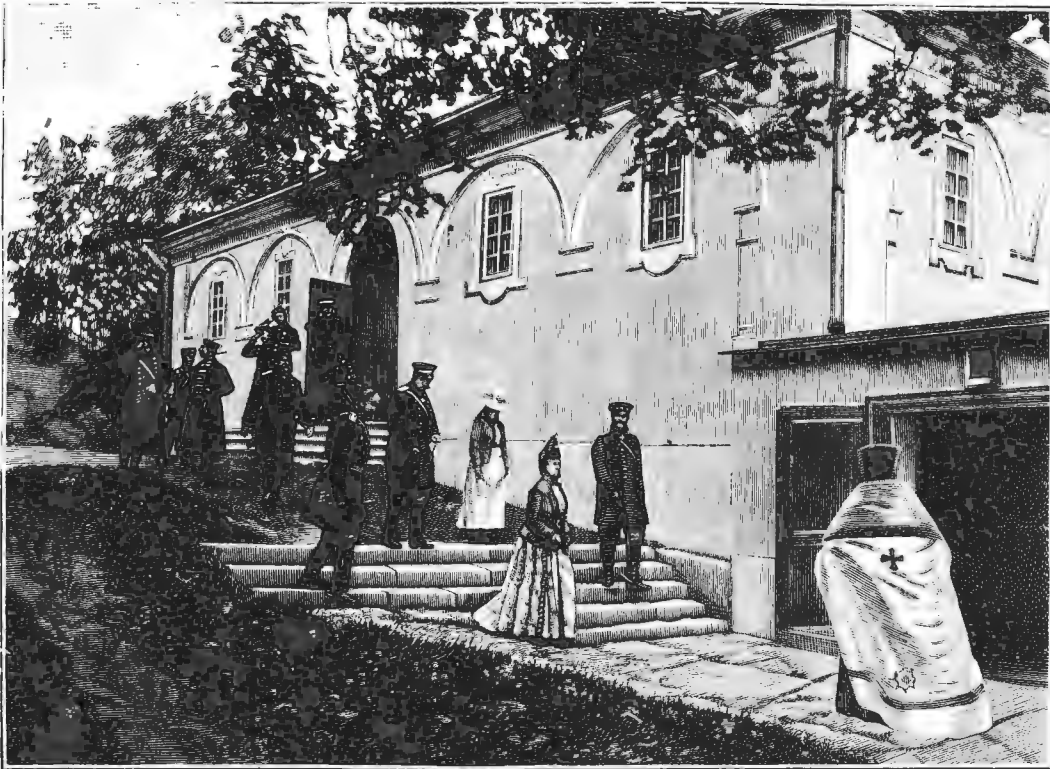
(Рис. на стр. 877).

Болѣе 600 веретъ тянется по Предкавказью рѣка Кубань, названная еще въ древности Геродоту и Страбону подъ именемъ Гинаписса. Начинаясь съ юго-западной покатоги Эльбурса, Кубань вначалѣ течетъ между лѣсистыми и обрывистыми берегами, затѣмъ пробившись сквозь ущелье, выходитъ на равнину, постепенно понижаясь у нея. Быстрей въ своемъ на-

чалѣ, Кубань близъ устья течетъ едва примѣтно, посреди живописной горной мѣстности.

Домашній концертъ. (Рис. на стр. 881).

Въ небольшой комнатѣ, но обставленной въ модѣ дѣйствующихъ лицъ напоминаящей внутренность голландскихъ жилищъ XVII вѣка, изображена сцена, названная художникомъ „Домашній концертъ“. Въ этомъ вокально-инструментальномъ квартетѣ принимаютъ участіе вся семья: плачущій ребенокъ; мать, называю-

1. Нарва. Ихъ Императорскія Величества выходятъ изъ крѣпостной церкви Ивангорода въ другую церковь. Съ фотогр. генерала Насвѣтевича, грав. Шюблеръ.

2. Ревель. Поднесеніе хлѣба-соли депутатами Выборгскаго полка Германскому императору. Съ фотогр. генерала Насвѣтевича, грав. Пудъ.

щая его; отецъ, повидному, не особенный любитель невольныхъ вокализаций иаксы, которыя онъ заглушаетъ нѣжными звуками мандолины, и иѣтухъ. Свою картину г. Урлаубъ

передачу как по манеру живописи, так и по обстановке очень сходно с произведениями старинных голландских мастеров, как известно, не всегда разборчивых на сюжеты, которые порою бывают не особенно привлекательными.

Маневры при Нарвѣ.

(Семь рис. на стр. 889, 892 и 893).

Въ политическомъ обозрѣніи *Нивы* уже упоминалось о прибытіи въ Россію вѣнценоснаго гостя — Германскаго императора Вильгельма II и о присутствіи его на маневрахъ. Здѣсь мы отмѣтимъ наиболее интересныя моменты изъ времени пребывания у насъ Августѣйшаго гостя, изображенные на приложенныхъ рисункахъ, заимствуя подробности изъ официальныхъ сообщеній и корреспонденцій *Правительственнаго Вѣстника* и *Русскаго Ивалида*. 5 августа, ровно въ 1 ч. 50 мин., послѣ своего прибытія на яхтѣ „Гогенцоллернъ“, императоръ Вильгельмъ пересѣлъ на гребную баржу съ Е. И. В. Вел. Кн. Алексѣемъ Александровичемъ, принцами и свитой, и высадился на ревальской пристани, украшенной флагами, гирляндами и цвѣтами, гдѣ ожидать его почетный караулъ, впереди котораго находился Августѣйшій главнокомандующій войсками гвардіи и с.-петербургскаго военнаго округа, Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ. Послѣ встрѣчи съ его Высочествомъ, императоръ Германскій принялъ дежурную представителю города (см. рис. 2 на стр. 889), и командиръ Выборгскаго полка, находившійся во главѣ ея, полковникъ Церинцкій поднесъ высокому гостю хлѣбъ-соль на великолѣпномъ, рѣзномъ орѣховомъ блюде, со словами: „Примите, ваше величество, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль на русской землѣ“. Императоръ Вильгельмъ по-русски поблагодарилъ полка и отбылъ по таможенной желѣзнодорожной линіи въ Нарву. Здѣсь на вокзалѣ произошло свиданіе двухъ Императоровъ при блестящей обстановкѣ, въ присутствіи почти всей Императорской Фамиліи, многочисленной свиты и массы публики. На слѣдующій день, 6 августа, въ день праздника Преображенія Господня, былъ церковный парадъ лейб-гвардіи Преображенскаго полка и гвардейской артиллеріи, на которомъ присутствовали Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и императоръ Германскій. Оба Императора, говоритъ *Правительственный Вѣстникъ*, пошли по фронту войскъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты. Музыка играла гимнъ „Боже Царя храни“. Государь Императоръ здоровался съ войсками. Послѣ обхода войскъ началось молебствіе. Послѣ парада Ихъ Величества и Особы Императорской Фамиліи проѣхали къ биваку преображенцевъ, гдѣ уже стояли вокругъ столовъ нижніе чины. Государь иль здоровье императора Германскаго и затѣмъ за Преображенскій полкъ и артиллерію. Затѣмъ въ саду, въ палаткѣ, состоялся Высочайшій завтракъ, къ которому были приглашены лица Императорской русской и германской свиты, командиры и офицеры празднующихъ частей и военное начальство. Его Величество Государь Императоръ провозгласилъ по-русски тосты: за здоровье императоровъ Германскаго и Австрійскаго, а императоръ Германскій провозгласилъ отвѣтныя тосты, также по-русски: „здоровье Императора Александра Третьяго“. Того-же числа Государь Императоръ и императоръ Германскій, Государыня Императрица съ Великою Княжною Ксенью Александровною, Наслѣдникъ Цесаревичъ съ герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ, принцъ Генрихъ Прусскій съ наслѣдникомъ принцемъ Гессенъ-Дармштадтскимъ, князь Георгій Максимиліановичъ съ принцемъ Саксенъ-Альтенбургскимъ, съ нѣкоторыми лицами свиты отбыли съ дачи, гдѣ временно проживали Ихъ Величества, въ Нарву, и по дорогѣ осматривали построенную въ XV вѣкѣ крѣпость Ивангородъ. Августѣйшія Особы прошли въ церковь Успенія Божіей Матери, при входѣ въ которую были встрѣчены протоіереемъ съ крестомъ. На нашемъ рисункѣ (1 на стр. 889) изображенъ моментъ, когда Высочайшія Особы переходятъ изъ крѣпостной Ивангородской церкви въ другую нижнюю церковь. Священникъ стоитъ у входа, пропустивъ впередъ Государя Императора, за которымъ слѣдуютъ: Государыня Императрица, Великій Князь Владиміръ Александровичъ, Великая Княжна Ксенья Александровна, императоръ Германскій и прочія лица. Выйдя изъ церкви, Особы Императорской Фамиліи и принцы осматривали развалины древней крѣпости. Нашъ другой рисунокъ (3 на стр. 892) представляетъ тотъ моментъ, когда офицеры лейб-гвардіи Семеновскаго полка въ Ивангородской крѣпости, выстроившись, встрѣчаютъ Августѣйшихъ Особъ, только что вышедшихъ изъ старой крѣпости; Государь Императоръ останавливается передъ однимъ изъ офицеровъ, за Его Величествомъ слѣдуютъ Государыня Императрица и императоръ Вильгельмъ. Изъ Ивангорода Августѣйшія Особы направились въ городскую ратушу, передъ которою, на площади у обелиска Петра Великаго, стояли хоръ Нарвскаго музыкальнаго общества и воляная пожарная команда. Городской голова поднесъ Ихъ Величествамъ и императору Германскому альбомы съ видами Нарвы. Посѣтивъ думскій залъ, магистратъ и дворецъ Петра I, Высочайшія Особы отбыли обратно на дачу. На слѣдующій

день, 7 августа, начались маневры, и въ десятомъ часу въ Ямбургъ прибылъ Императорскій полкъ. По сообщенію *Русскаго Ивалида*, Государь Императоръ, императоръ Вильгельмъ, Великіе Князья, принцы, герцоги и вся свита, сѣвъ на коней, отравились къ мызѣ Пятницкой. Въ этой величественно-блестящей группѣ слѣдовали: на тройкѣ Государыня Императрица съ Вел. Кн. Ксеньей Александровной и въ двуколкѣ Вел. Княгини Марія Павловна и Елисавета Осодоровна. Прибывъ въ Ново-Пятницкое, Особы Императорской Фамиліи проѣхали мимо мызы и церкви и стали на лѣвой возвышенности, на берегу рѣчки Пороженцы, гдѣ окопался съ двухъ сторонъ Двинскій полкъ. Вскорѣ Государь сошелъ съ коня и вмѣстѣ съ начальникомъ восточнаго отряда наблюдалъ за наступленіемъ западнаго отряда, который далеко растянулъ свою линію. Немного спустя по прибытіи, Германскій императоръ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, съ иностранными принцами, лицами свиты и иностранными военными агентами проѣхалъ верхомъ въ передовой отрядъ западнаго отряда и наблюдалъ за артиллерійскими батареями восточнаго отряда. Западный отрядъ завладевъ желѣзною дорогою и войска восточнаго отряда начали отступать черезъ село Ново-Пятницкое къ Ямбургу. Тогда Ихъ Величества, Германскій императоръ и прочія Высочайшія Особы проѣхали изъ этого пункта на лѣвый берегъ рѣки Луги, къ памятнику генерала К. И. Виттрома, осматривали этотъ памятникъ и отсюда, по специально выстроенной саперами дорогѣ, спустились къ рѣкѣ, гдѣ слзи на понтонъ, — какъ видно на нашемъ рисункѣ (7 на стр. 893), — и переправились на правый берегъ, на возвышенности котораго была разбита царская палатка. Тѣмъ временемъ Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ и вся свита переправились на ямбургскій берегъ черезъ перекинутыя мосты. Изъ палатки на возвышеніи, Августѣйшія Особы наблюдали за наступленіемъ западнаго отряда, а также за взрывами, произведенными восточнымъ отрядомъ мостовъ и минаго загражденія фарватера. Моменты взрыва моста на рѣкѣ Лугѣ и минахъ загражденій, представлявшіе грандіозное зрѣлище, изображены на нашихъ двухъ рисункахъ (5 и 6 на стр. 892). На взрываемый мостъ, для того, чтобы затруднить ходъ приближающагося непріятели, наложена была масса камней, которые при взрывѣ взлетали вмѣстѣ съ столбами воды въ воздухъ на далекое пространство. Затѣмъ Августѣйшія Особы смотрѣли какъ черезъ р. Лугу войска западнаго отряда переправлялись впасть, на лодкахъ и на понтонахъ, а также наблюдали за наводкою черезъ эту рѣку понтоннаго моста, совершенную необыкновенно быстро, причемъ однимъ изъ первыхъ по мосту проѣхалъ командующій западнымъ отрядомъ генералъ Манзей со своимъ штабомъ. Во время наводки моста, въ полѣ былъ севированъ Высочайшій завтракъ, и въ пятомъ часу Ихъ Величества, Германскій императоръ и прочія Особы Императорской Фамиліи возвратились въ Нарву. Маневры продолжались на слѣдующій день; Ихъ Величества, императоръ Вильгельмъ и иностранные принцы присутствовали на маневрахъ въ Веймарнѣ, съ которыхъ вернулись въ 4 часа пополудни. На слѣдующій день Августѣйшія Особы осматривали фабрики льнопрядильную и сукошную на правой стороны Нарвы; Государыня Императрица посетила мужскую и женскую гимназіи, послѣ чего всѣ Высочайшія Особы отбыли изъ Нарвы, а 10 августа прибыли въ Петергофъ. Тамъ въ 7^{1/2} часовъ вечера слѣдующаго, 11 числа, пропеходилъ, въ Большомъ Петергофскомъ Дворцѣ, въ честь императора Вильгельма, парадный обѣдъ, послѣ котораго въ 10 час. 20 мин. вечера, императоръ Германскій, присѣлся съ Ихъ Величествами и Августѣйшими Особами, отбылъ на Императорской яхтѣ „Александриѣ“ въ Кронштадтъ, гдѣ ожидала его собственная яхта „Гогенцоллернъ“.

Главный священникъ гвардіи и гренадеръ, арміи и флотовъ, протопресвитеръ Александръ Алексѣевичъ Желобовскій. (Портр. на стр. 893).

26 марта 1890 года минулъ годъ, какъ протоіерей А. А. Желобовскій назначенъ на высокій и трудный постъ главнаго священника всѣхъ церквей военнаго вѣдомства. Въ это короткое время почтенный о. протоіерей сумѣлъ за службу самую искреннюю снисхатъ въ средѣ подвѣдомаго духовенства.

О. Александръ, уроженецъ Новгородской губ., являеть отъ роду 55 лѣтъ. Высшее богословское образованіе получилъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи, гдѣ въ 1859 году окончилъ курсъ со степенію магистра богословія. Въ томъ же году поступилъ на службу полковымъ священникомъ въ Митавскій гусарскій (нынѣ драгунскій) полкъ. Черезъ пять лѣтъ былъ переведенъ на службу въ л.-гв. Кирасирскій Ея Величества полкъ. Митавскіе гусары, въ благодарную память, поднесли своему любимому духовному отцу золотой магистерскій крестъ. Покойный протопресвитеръ В. Б. Бажановъ, цѣня высокія дарованія и примѣрное усердіе о. Александра, быстро возвышалъ его на стѣннцѣ служебной; въ 1868 г. о. Александръ былъ священникомъ въ л.-гв. Конномъ полку; въ 1869 — въ Каза-

дериардскомъ Ея Величества полку; въ 1880 г. назначенъ благочиннымъ всего гвардейскаго духовенства; въ 1882 г. занялъ мѣсто настоятеля Сергіевскаго всей артиллеріи собора. Очень недолго пробылъ о. Александръ въ Кирасирскомъ и Конногвардейскомъ полкахъ, по сослуживцы помнятъ его досель. Довольно долго (12 лѣтъ) прослужилъ онъ въ Кавалергардскомъ Ея Величества полку и оставилъ по себѣ лучшія воспоминанія. Прощаясь съ нимъ, кавалергарды поднесли ему украшенный драгоцѣнными камнями крестъ и выразили глубокое сожалѣніе о разлукѣ съ о. Александромъ. Черезъ два года настоятельства въ Сергіевскомъ соборѣ, новая паства чествовала 25-лѣтіе священства о. Александра и собрала

болѣе 2000 р. на стипендію его имени въ Бѣлозерскомъ духовномъ училищѣ, въ коемъ онъ получилъ первоначальное образованіе. Въ лицѣ его первый настоятель Сергіевскаго собора удостоился почетной награды для блага духовенства — митры. Для ознакомленія нижнихъ чиновъ съ основами вѣры и нравственности христіанской, о. Александръ издалъ нѣсколько брошюръ, въ конхъ объяснилъ — Молитву Господню, Символь Вѣры, десять Заповѣдей, Интургію и семь Таинствъ — всѣ книжки, написанныя просто и наглядно, читаются съ удовольствіемъ и пользою, и не одними нижними чинами. Въ настоящее время о. Александръ путешествуетъ по Россіи съ цѣлю обзора военныхъ церквей.

Политическое обозрѣніе.

Свиданіе двухъ Императоровъ продолжаетъ быть предметомъ обсужденія европейскихъ газетъ. Значеніе всей поѣздки, а также отдѣльныхъ событій во время пребыванія молодого Германскаго императора въ Россіи, толкуется на всѣ лады. Одни видятъ въ поѣздкѣ императора Вильгельма только выраженіе политической вѣжливости и полагаютъ, что никакихъ послѣдствій нарвское свиданіе имѣть не будетъ. Такъ думаютъ преимущественно въ Австро-Венгріи и Болгаріи. Другіе считаютъ, что политическое положеніе вещей въ Европѣ улучшится; притомъ болѣе оптимистическіе изъ корреспондентовъ, въ родѣ сотрудника *Daily News*, увѣряютъ, что въ бытность Германскаго императора въ Россіи рѣшено не мало вопросовъ въ самомъ благоприятномъ смыслѣ, и чуть-ли не выработана цѣлая программа полного умиротворенія Европы. Брюссельская газета *Nord*, обсуждая нарвское свиданіе, замѣчаетъ, что исходъ поѣздки Русскаго Двора императоромъ Вильгельмомъ вполне отвѣчаетъ надеждамъ, возникшимъ въ началѣ свиданія. Встрѣча эта была рѣдкимъ политическимъ событіемъ, и почти вся европейская публика отнеслась къ этому событію съ полнымъ сочувствіемъ. Газеты также отзывались о нарвскомъ свиданіи сочувственно и въ сообщеніяхъ своихъ соблюдали достаточную скромность.

Что касается возвращенія императора Вильгельма въ Берлинъ, вызвавшего въ свою очередь разные пересуды, то о немъ мы находимъ въ *Journal de St-Petersbourg* слѣдующія строки: „Телеграфъ принесъ извѣстіе о приѣздѣ императора Вильгельма въ Потсдамъ по возвращеніи изъ поѣздки въ Россію и восточныя провинціи Пруссіи. Периодическую печать сочли бы отсталого, еслибы она не старалась удовлетворить той потребности въ возбужденіи, которую многие, повидимому, считаютъ вѣрною характеристикю того, что съ посѣщеніемъ, служащею тоже психологическимъ симптомомъ, принято называть „fin de siècle“. И вотъ почему за отсутствіемъ сенсационныхъ извѣстій, которыхъ какъ будто ждали съ береговъ Балтійскаго моря за все пребываніе Германскаго государя на русско-кавказской землѣ и которыхъ не были получены, занялись фабрикаціею такихъ извѣстій по случаю его посѣщенія возвращенія. Во многихъ западныхъ газетахъ появились статьи или мнимыя телеграммы изъ нашей столицы, описывающія „удивленіе“, которое произвелъ де „посѣтившій отъѣздъ“ Августѣйшаго гостя Государя и Государыни. Между тѣмъ день отъѣзда былъ назначенъ заранѣе и о томъ давно уже было объявлено, а программа путешествія была соблюдена съ большою точностью уже потому, что его величество, въ столь же опредѣленные сроки, имѣлъ другія свиданія — если можно такъ выразиться — требовавшія его присутствія въ его восточныхъ провинціяхъ“.

14 августа исполнилось тридцать лѣтъ со дня восшествія на престолъ князя Черногорскаго Николая. Празднованіе прошло очень скромно, вслѣдствіе продолжающагося еще траура по князю Зоркѣ Карагеоргиевичу. Отъ иностранныхъ государей князь получалъ поздравительныя телеграммы, а отъ Россіи,

по словамъ иностранныхъ газетъ, весьма цѣнный для Черногоріи подарокъ — большой пароходъ.

Нѣсколько дней спустя была отпразднована въ Турціи годовщина востества на престолѣ султана. По этому случаю оффиціальная газета *Bulgarie* въ Софіи помѣстила портретъ султана и статью, въ которой, восхваляя мудрую и дальновидную политику султана, заявляетъ, что политика эта послужила въ Болгаріи новымъ чувствомъ благодарности къ ея верховному властителю. Стамбуловъ лично явился съ поздравленіемъ къ секретарю турецкаго комисарства Рендиль-бей. Сообщеніе это особенно интересно въ сопоставленіи съ извѣстіемъ изъ Константинополя въ *Berliner Tagblatt*, что туда прибылъ надіяхъ изъ Софіи пресловутый Вулковичъ съ собственноручнымъ письмомъ принца Фердинанда къ султану. Письмо это находится, будто бы, въ связи съ проектомъ провозглашенія независимости Болгаріи и провозглашенія принца Фердинанда королемъ. Въ константинопольскихъ политическихъ кругахъ говорятъ, будто относительно провозглашенія независимости Болгаріи и признанія этого факта Портою послѣдовало уже соглашеніе между Константинополемъ и Софіей. Какъ ведется дѣло „о независимости“ Болгаріи можно судить по брошюрѣ, появившейся 21 августа въ Берлинѣ и другихъ мѣстахъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и озаглавленной: „Находится-ли Болгарія накануне катастрофы?“ Она написана, говорятъ, лицомъ бывшимъ на германской службѣ и долго жившимъ въ Болгаріи. Авторъ хвалитъ шибчеѣе отношеніе германскаго правительства и германской печати къ Болгаріи сравнительно съ отношеніемъ Германіи къ княжеству при князѣ Бисмаркѣ. О правленіи принца Александра Баттенбергскаго авторъ отзывается неблагоприятно, за то воздаетъ должное дѣятельности князя Дондукова-Корсакова. Вообще авторъ стремится расположить Россію въ пользу Болгаріи, но въ то же время онъ сочувственно отзывается о принцѣ Фердинандѣ и объ его дѣятельности и подготавливаетъ общественное мнѣніе къ скорому провозглашенію независимости Болгаріи.

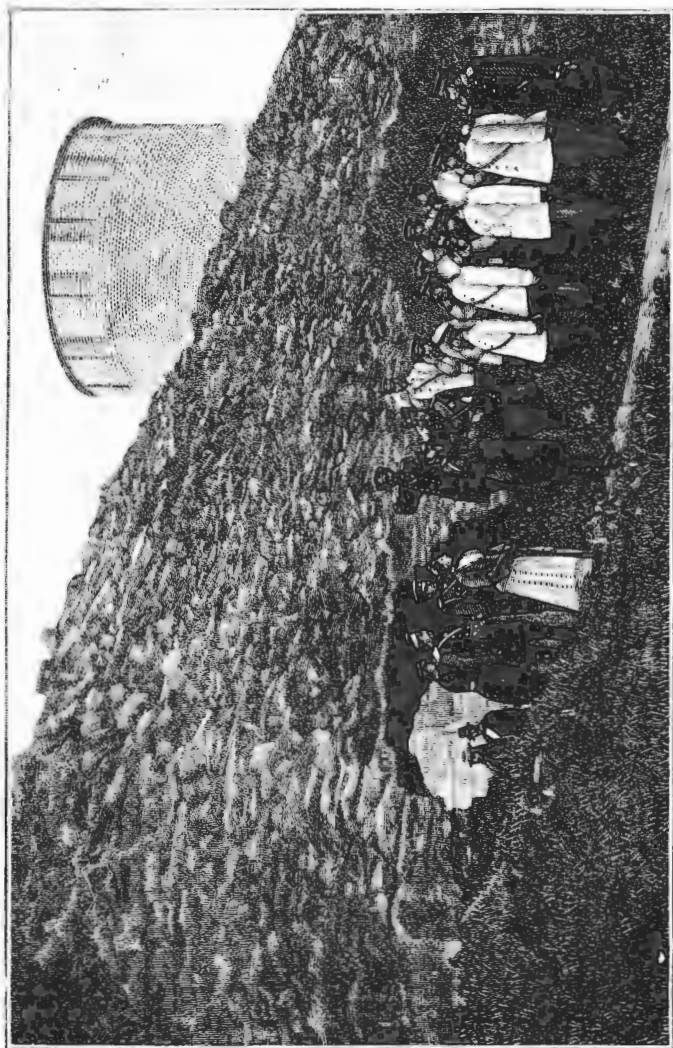
Изъ Бѣлграда телеграфируютъ въ *Tagblatt*, что королева Паталія намѣрена обнародовать письмо Милана Обреновича за время сербско-болгарской войны, чтобы разоблачить двусмысленный образъ дѣйствій эскъ-короля. Рѣшеніе это, будто бы, вызвано поведеніемъ бывшего короля, который при всякомъ удобномъ случаѣ называетъ свою супругу ненавистницею Сербіи, занятою панслависткою и русскимъ агентомъ. Опубликованіемъ названныхъ писемъ королева намѣрена доказать, что обвиненія эти несправедливы и что, при всей своей любви къ Россіи, она никогда не упустила изъ вида интересовъ Сербіи.

Изъ Нью-Йорка сообщаютъ по телеграфу, что Гватемала и Санъ-Сальвадоръ заключили мирный договоръ, конемъ обусловливается полная независимость Санъ-Сальвадора, равно какъ очищеніе въ сорока-восьми-часовой срокъ мѣстностей занятыхъ войсками обоихъ государствъ. Миръ возстановленъ теперь на всемъ протяженіи центральной Америки.

С М Ъ С Ъ .

Наводненіе въ Петербургѣ. Около шести часовъ вечера 16 августа надъ Петербургомъ пронеслась довольно сильная гроза; продолжалась она весьма недолго, и послѣ нея наступилъ прекрасный вечеръ. Небо совершенно очистилось, и лазурь небесная, говоря словами поэта, улыбалась „омытая грозой“. Рабочій день окончился, и ясная погода невольно гнала жители столицы на водухъ, подальше отъ пыли и духоты, „in's Grüne“. Загородные сады переполнены были публикой, которая такъ или иначе веселилась, мало обращая вниманія на свѣжій „звездъ-вѣстѣ“, начавшійся еще съ вечера. Онъ все кричалъ и кричалъ, и вотъ съ крѣпкой стѣны грянулъ шумный восторгъ, возвышавшій о сильной прибили воды; восторгъ вскорѣ стали раздаваться чаще и чаще, вѣтеръ усиливался, вода поднималась быстро и стремительно — и часамъ къ одиннадцати Петербургъ былъ затопленъ. Вышедшая изъ береговъ Невы, затопивъ Мытининскую набережную, начала наполнять часть Александровскаго парка, съ быстрого приближалась къ Зоологическому саду, и черезъ какія-нибудь

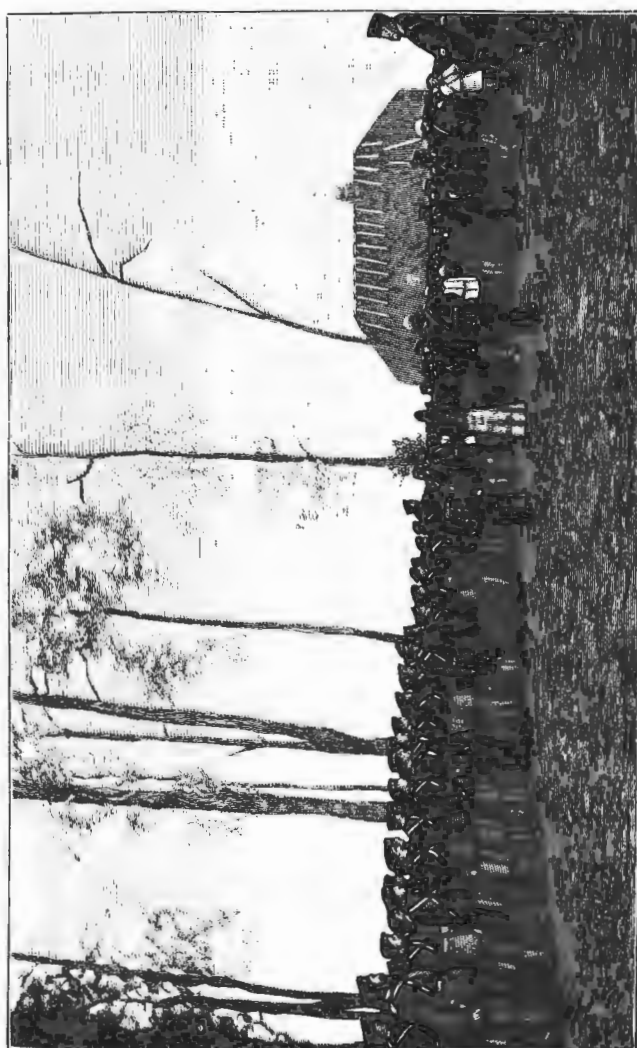
10—12 минутъ огромные потоки воды хлынули въ ворота сада. Публику предупредили о наводненіи, но она продолжала оставаться въ саду, пока чуть не половина дорожекъ сада была уже затоплена. Всѣ бросились къ выходу, но здѣсь клопотало уже цѣлое море воды, шумно занимавшей аллею за аллеей въ паркѣ. Произошло страшное смятеніе. Женщины кричали, дѣти плавали. Растерявшіяся дамы, не жалѣя дорогихъ костюмовъ, въ бродъ по колѣно переходили главную аллею парка, перебираясь на панель улицы. А вода дѣлала свое дѣло. Троицкая площадь до самаго Троицкаго собора представляла какъ бы продолженіе Невы; большая часть улицъ Петербургской и Выборгской Сторонъ были затоплены; на Крестовскомъ островѣ, въ Новой-Деревнѣ, на Каменномъ островѣ, на Елагиномъ, Петровскомъ, въ Галерной гавани, на Охтѣ, — всюду бушевала вода, подымавшаяся къ двумъ часамъ ночи до небывалаго уровня — свыше 9 футовъ. Въ Крестовскомъ саду вода поднялась фута на два, начала затоплять поды комнатъ и буфета, такъ что полиція распорядилась пригласить посѣтителей

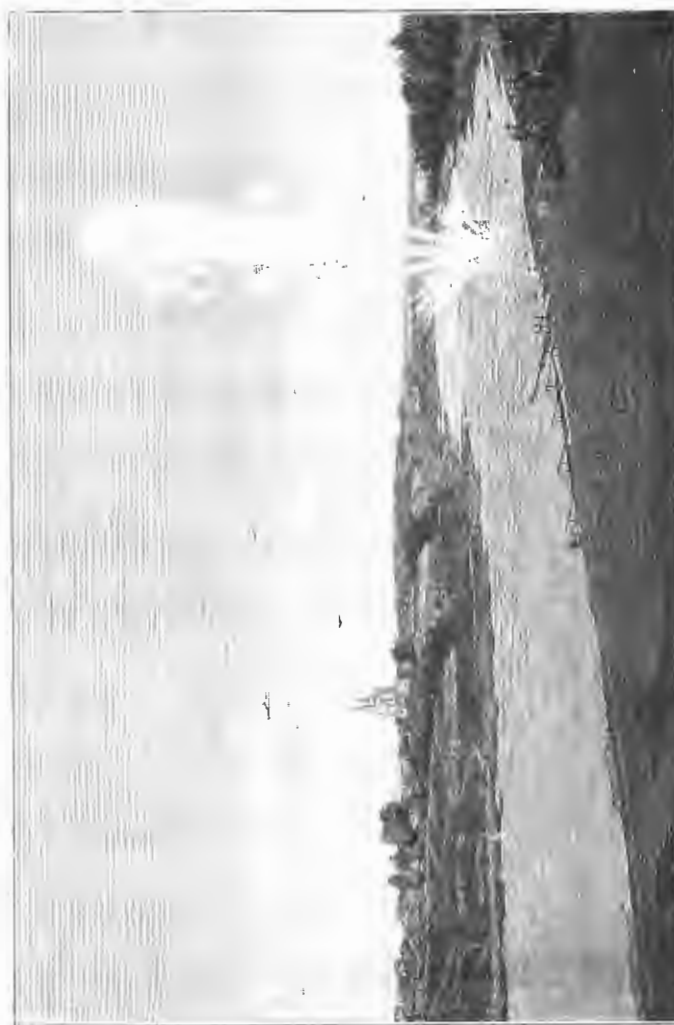
3. Нарва. **Офицеры Л.-Гв. Семеновского полка в крепости Ивангородъ ожидаютъ выхода Ихъ Императорскихъ Высочества изъ старой крепости.** Съ фотогр. генерала Паскевича, грав. Шюблеръ.

5. Маневры у г. Ямбурга. **Взрывъ моста на р. Лугѣ.** Съ фот. генерала Паскевича, грав. Гашенский.

4. Близъ ст. Чирковны. **Производство юнкеровъ военныхъ училищъ въ офицеры.** Съ фотогр. генерала Паскевича, грав. Шюблеръ.

6. Маневры у г. Ямбурга. **Видъ съ жел.-дор. моста на р. Лугу и на мѣсто гдѣ проходила переправа и взрывы мостовъ.** Взрывъ подводныхъ минъ Съ фот. генерала Паскевича, грав. Гашенский.

сада „наверхъ“, откуда лишь въ четвертомъ часу утра застрявшая публика могла выбраться, благодаря маленькимъ парходикамъ Финляндскаго легкаго парходства, которые могли проходить подъ мостами. Въ Новой-Деревнѣ первая линия была затоплена по всѣмъ нижнимъ этажамъ дачъ, въ части ея, лежащей близъ Старой-Деревни. Деревянный мостъ, соединяющій обѣ деревни, подняло и сдвинуло въ сторону, сообщеніе въ полночь прекратилось, и много дачниковъ, застигнутыхъ здѣсь въ сплехъ, должны были ожидать убыли воды до самаго разсвѣта, находясь на балконахъ чужихъ помѣщеній. Садъ „Аркадія“ весь залило водою; выбывшая изъ сада публика не находила извозчиковъ и просто дралась за мѣста въ diligencсахъ. У

Строганова моста собралось множество извозчиковъ съ пассажирами, скоро узнавшими, что Каменноостровскій проспектъ отъ моста вплоть до рѣчки Карновки и далѣе почти сплошь залитъ водою и что конки не ходятъ и путь даже для легкихъ экипа-

жей весьма затруднителенъ. Всѣ каналы Каменнаго острова еще въ 11 час. ночи вышли изъ береговъ, вода покрыла аллеи парка, затопила нижніе этажи дачъ, окружила дворецъ Вел. Кн. Екатерины Михайловны со всѣхъ сторонъ. Елагинъ островъ, представляющій собою котловину, обнесенную вокругъ дамбою въ три аршина вышиною, тоже весь очутился въ водѣ, послѣ того, когда вода изъ обѣихъ Невокъ стремительно хлынула черезъ дамбу, прорвавъ ее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; дворецъ со всѣми его службами, дача министра Финансовъ, Императорское садоводство, дачи придворнаго духовенства, все было затоплено. Въ Галерной Гавани наводненіе приняло наибольшіе размѣры. Здѣсь вода выступила изъ береговъ Невской губы еще въ предшествовавшую ночь 15 августа, но не коснулась построекъ, а 16 числа, уже въ 10 ч. вечера она залила улицы, дворы, огороды, всю площадь на которой стоятъ Василеостровскій народный театръ, покрывъ ее на аршинъ. Здѣсь было полное смятеніе. По улицамъ плавали кочки камушковъ, дрова, дѣлше штабели которыхъ разнесло по Гавани. Плыли въ нижнихъ этажахъ взломало и загородило выходы. Вой собакъ, ржанье лоша-

дей, хрюканье, визгъ свиней, мычанье коровъ, кудаханье куръ перебивались съ воплями людей... Какой-то глухой стонъ стоялъ въ воздухѣ. Въ самой столицѣ Невы тоже шутливая плохая шутка. Фонтанка, Екатерининскій каналъ вышли изъ береговъ и затопили всѣ прилегающія улицы. Изъ городскихъ трубъ вода била ключемъ и наполнила подвалы и дворы. По всей Адмиралтейской набережной вода шумѣла и кололась, взрывая торцы мостовой, журчала ручьями по тротуарамъ обѣихъ сторонъ Большой Морской улицы, она залила Фонарный переулокъ, покрывъ улицу вплоть до Большаго театра, а также Никольскую площадь, по которой плавали колбасы, куски говядины, дѣлше мясные туши, дере-

вянные чашки, корзины и прочія вещи Никольскаго и Литовскаго рынковъ, и разнузданная, полная грабительскихъ и воровскихъ инстинктовъ толпа дѣлала здѣсь свое дѣло, устраивалъ облаву на плывущіе предметы. На Екатерингофскомъ проспектѣ, на Сын-ной, по Обуховскому проспекту, и въ разныхъ мѣстахъ Коломны также журчала вода, доходя на Рижскомъ и Старо-Петергофскомъ проспектѣ до колѣвъ. Однако, только на слѣдующій день можно было получить полное понятіе о томъ, сколько неисчислимыхъ бѣдъ произвело это наводненіе, сколько убытковъ оно надѣлало, затопивъ много дровиныхъ барокъ, стропильныхъ матеріаловъ, поломавъ и повредивъ множество куналенъ, приставей, портомойныхъ плотовъ, живорыбныхъ садковъ, рыболовныхъ тоней, нѣсколько мастерскихъ на Путиловскомъ желѣзо-прокатномъ заводѣ, не пощадивъ даже и жилища мертвыхъ. На Смоленскомъ кладбищѣ вода произвела страшное опустошеніе, размывъ до 40 могилъ, разломала заборы, будки, вырвала и повосила кресты, вырыла зияющія ямы, нанесла дѣлше груды камушковъ и массу всякаго мусора; въ заднихъ разрядахъ кладбища почва и до сихъ поръ походитъ на какой-то кисель. На Елагиномъ знаменитая „pointe“, и любимая „большимъ“ Петербургомъ „стрѣлка“, долго грозила превратиться въ островокъ, отдѣлится отъ острова по причинѣ страшно попорченной дамбы. На Лахтѣ совсѣмъ испортило мостъ. Въ Зоологи-

7. Маневры у г. Ямбурга. Переѣздъ на паромѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ послѣ осмотра позицій и памятника Н. И. Бистрома. Съ фотогр. генерала Насѣтевича, грав. Шюблеръ.

и протопресвитеръ Александръ Алексѣевичъ Желобовскій, главный священникъ гвардіи и гренадеръ, арміи и флотовъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Протопресвитеръ Александръ Алексѣевичъ Желобовскій, главный священникъ гвардіи и гренадеръ, арміи и флотовъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

ческомъ саду погибло множество мелкихъ животныхъ и птицъ, одинъ голень уплылъ въ Песу; зѣбрей спасали, помѣщая ихъ въ самый страшный моментъ напора воды, на открытой стѣнѣ, въ буфетѣ, на террасѣ; выведенный изъ стойла слонъ грозилъ произвести ощутительныя опустошенія, метался по саду, разсѣкивая сушу, и его съ трудомъ уломонилъ цѣлая толпа служителей сада. Одной бѣды не бываетъ, говоритъ пословица: въ эту же ночь, 16 августа, въ теченіе какихъ-нибудь трехъ часовъ времени, произошло шесть пожаровъ—въ Галерной Гавани отъ загорѣвшейся извести, въ Елагиномъ дворцѣ, на Петербургской сторонѣ, по Подрѣзовой улицѣ, на углу 17 линіи Васильевскаго Острова и т. д. Старожилы давно не запомнятъ такого сильнаго наводненія, подобіе котораго было лишь 11 лѣтъ назадъ. Какъ 16 августа, такъ и тогда, въ половинѣ августа 1879 г., уровень воды не достигалъ только всего на два фута до знополучной черты наводненія 7 ноября 1824 года, и лишь благодаря тому, что послѣ 1824 г. былъ прорытъ Обводный каналъ, который, для спасенія обитателей Петербурга отъ ужасовъ наводненія на будущее время, слѣдовало бы углубить еще болѣе. Сильный подъемъ воды, при рѣзкомъ вѣтрѣ, начинался снова 19 истекшаго августа, но Песа раздумала, не пойдя далѣе знополучной Галерной Гавани. Быть-можетъ и грозныя стихіи придерживаются пословицы, говорящей, что „съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ“. П. Б.

Д-ръ Ронге въ Гунгенѣ (Верхній Гессенъ) настоятельно рекомендуетъ употребленіе *арака* въ случаяхъ заболѣванія дифтеритомъ. Онъ утверждаетъ, что средство это уничтожаетъ дѣйствіе дифтеритнаго грибка. Смотря по возрасту больного ребенка, пріемы арака колеблются между чайной и столовой ложкой. Г. Ронге получилъ прекрасныя результаты отъ такого леченія и въ числѣ преимуществъ его указываетъ на то, что средство это принимается охотно какъ дѣтми, такъ и взрослыми, что оно совершенно безвредно, замѣняетъ собою всѣ другія средства и въ то же время поддѣрживаетъ организмъ и уменьшаетъ лихорадочное состояніе. (с.)

Плодородіе различныхъ породъ рыбъ весьма разнообразно, но въ общемъ неѣроятно велико. Лосось и форель принадлежатъ къ числу тѣхъ породъ, которыя мечутъ наименьшее количество икры, а именно немногимъ болѣе 25,000 ичинокъ; но лннь, напр., выбрасываетъ 70,000, щука 100,000, окунь 300,000, а сомъ, осетръ и бѣлуга — миллионы. Море не могло бы вмѣстить въ себѣ всей рыбы, еслибъ изъ каждой икринки вышелъ дѣтенышъ и еслибъ каждая молодая рыба достигла величины своихъ родителей. (с.)

Старикъ Дюма былъ приглашенъ однажды на обѣдъ, вмѣстѣ съ ивѣкимъ Валаандрѣмъ, надутымъ глупцомъ, съ которымъ писатель находился въ несомнѣнныя дружескія отношенія. Когда Валаандрѣ узналъ, что въ числѣ гостей будетъ и Дюма, онъ принялъ приглашеніе только подъ условіемъ, чтобы знаменитый своимъ остроуміемъ писатель обязался говорить за столомъ не болѣе одного раза. Хозяйка дома передала это требованіе Дюма, ожидая, что тотъ съ негодованіемъ отвергнетъ его. Каково же было его удивленіе, когда Дюма согласился на предложенное условіе! Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Валаандрѣ былъ особенно разговорчивъ и высказалъ весь запасъ своихъ острогъ, между тѣмъ какъ Дюма, ко всеобщему удивленію, сидѣлъ молча и, казалось, занятъ былъ исклю-

чительно фдой. Въ видѣ десерта подали паштеты, одно изъ любимыхъ блюдъ Валаандрѣ. И дѣйствительно, онъ сильно понаелъ на нихъ. Однако, когда блюдо обнесли уже нѣсколько разъ, онъ оказался наконецъ удовлетвореннымъ и проговорилъ, обращаясь къ сидѣвшей рядомъ съ нимъ хозяйкѣ дома, которая предлагала ему взять еще:

— Благодарю васъ, сударыня, но я уничтожилъ уже столько паштетовъ, сколько Самсонъ — филистимлянин!

— И тѣмъ же самымъ орудіемъ (ослиной челюстью)! холодно добавилъ писатель, согласно своему обязательству не открывавшій до сихъ поръ рта, послѣ чего Валаандрѣ удалился, при общемъ хохотѣ присутствующихъ. (с.)

Участь Great Eastern'a. Кто бы узналъ теперь, въ жалкихъ остаткахъ корабельнаго остова, находящихся въ Нью-Ферри, на берегу Мерси, гордый „Great Eastern“, составлявшій въ 1858 году удивленіе всего міра? Столбы и балки, какъ скелетъ, торчатъ изъ воды. Больверны и боковыя стѣнки сняты уже до кильсона. Мачты, трубы и колеса исчезли конечно давно. А между тѣмъ, осматривая съ лодки, на близкомъ разстояніи, развалины огромнаго судна, невольно восхищаешься и теперь этимъ удивительнымъ произведеніемъ корабельнаго искусства. Все сдѣлано прочно, чисто и основательно. Говолятъ, что внутренняя и внѣшняя обивка до сихъ поръ не уступаетъ новой. Всѣмъ извѣстенъ печальный фактъ, что „Great Eastern“ не оправдалъ великихъ надеждъ, возлагавшихся на него строителями, и въ концѣ концовъ былъ проданъ въ ломъ, какъ нивкуда не годное старое желѣзо. (с.)

Г. Позднѣвъ, профессоръ восточныхъ языковъ С.-Петербургскаго университета, открылъ въ Парижской Национальной бібліотекѣ маджурскуя рукопись, можетъ быть единственную въ свѣтѣ. Она состоитъ изъ 151 листа китайскаго шрифта и имѣетъ желтую шелковую обложку. Рукопись эта составлена по порученію перваго императора внѣшней династіи и носитъ заглавіе: „Сборникъ словъ“. Она заключаетъ въ себѣ множество словъ и цѣлыхъ фразъ. Въ рукописи найдены также неизвѣстныя доселѣ буквы и сочетанія звуковъ, значительно уясняющія произношеніе. Документъ этотъ былъ пріобрѣтенъ въ концѣ прошлаго столѣтія и внесенъ въ каталогъ безъ всякаго указанія на его происхожденіе. (с.)

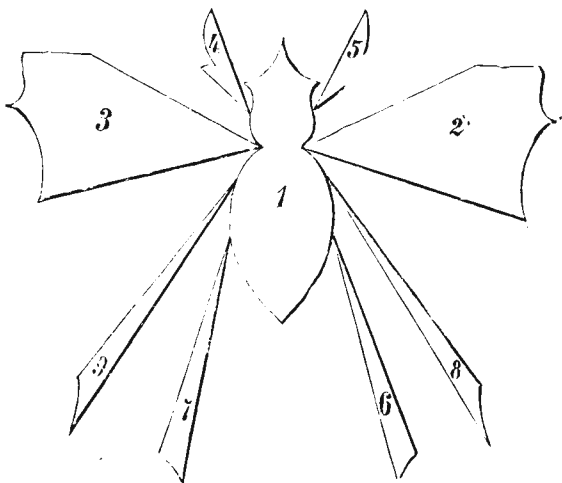
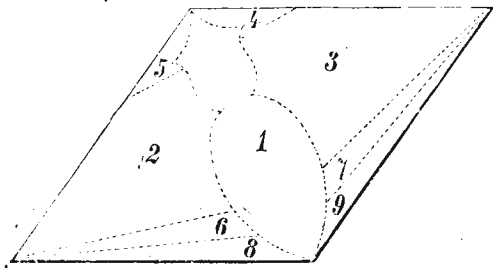
Изъ Парижа сообщаютъ, что академія отказалась отъ предложеннаго ею выпуска новаго изданія словаря. (с.)

Ковентгарденскій театр въ Лондонѣ предложено продать осенью съ публичнаго торга, вмѣстѣ съ цѣнной бібліотекой, гардеробомъ и декорациями, если до тѣхъ поръ не найдется покупателя. Театръ снабженъ всеми необходимыми реквизитами для постановки пятидесяти слишкомъ оперъ. (с.)

Оригинальное общество возникло въ Нью-Йоркѣ. Оно поставило своей цѣлью устроить проводъ для снабженія молокомъ жителей всѣхъ квартиръ города, на мастръ газопровода и водопровода. (в.)

Быстрота полета голубей была недавно испробована дрессировщиками почтовыхъ голубей въ Пертѣ. Въ 5 часовъ утра было выпущено 2,500 птицъ. Первые два голубя прилетѣли въ Парижъ въ 12 ч. 31 м. дня. Слѣдовательно, они сдѣлали около 500 верстъ въ 7½ часовъ. (в.)

Рѣшеніе геометрической задачи № 46 (помѣщ. въ № 30).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г. г.: СПЗ.— Ю. Делери, В. Смирновскаго, П. Л. Енфанова, М. Шувалова, Б. Крайнова, Е. Бѣлова, К. Носкова,

И. Нарва, П. Ромашова, М. И. Кочергина, Ф. А. Боронина, Е. А. Юзенчукъ, П. В. П.—ковъ, И. Некишкова, О. Суздальцевой, Л. К. Чернавскаго, А. Г. Гетина, В. Герцель, Ф. Михель, Москва — В. Крайнова, Ф. А. Булыкова, М. Ногохина, А. А. Боголюбова, Козель, Бердянскъ—М. Бенъшъ, Б. Норвино—В. К. Терскаго, Винница—С. П. Милдрудъ, Ветлуга — Н. Л. Шевцова, Вильно — А. Н. Уадинов, Владимиръ—А. Сидорскаго, Гори—М. Кришневича, Екатеринбургъ—П. И. Поповичкова, Ф. Иаляевича, М. И. Сосновской, А. Авшиниковъ, Ефремовъ—В. Бузиловскаго, Елисаветградъ — И. Коговъ, Емельяновка — Д. Попова, Зимарово — А. И. Аблова, Износново — Дмитріевскаго, Казань — И. Любарскаго, Назатинъ — Е. Фридвальдъ, Нунгуръ—И. Зыранова, Нѣвъ — А. Н. Шулженко, Д. А. Лисенко, Кроштадтъ — А. Тонъ, Э. Матье, Ковно—Л. Аронштамъ, Новоръ — И. Митарова, К. Киселева, Лебедянь — В. И. Чурилина, Могилевъ —Ф. Филиновича, Мценскъ — В. Г. Максимовъ, Новочернаскъ—М. Абрамова, Н. Новгородъ—М. И. Полнаискаго, Никольское—В. С. Зубцова, Одесса—А. И. Бришана, М. Юрьева, Константинополи, М. С. Алексѣева, Орель—М. П. Овечкина, В. Д. Хонъ, Оренбургъ—С. И. Потѣшина, Пенковъ —Н. Невдачина, Рязань — И. Постникова, Ростовъ — А. О. Стрелищича, Сергіевъ посадъ — С. Н. Засотина, Симбирскъ — А. З. Соловьева, Соколка — А. Пригоровскаго, Тушна — В. С. Чернилкина, Тифлисъ — И. и В. Бернадиски, Тварново—Л. Бейеръ, Уфа—И. С. Бонъ, Усть-Сысольскъ—Красинцова, Херсонъ —А. Боганова, Черниговъ —В. В. Максимовича, Щучинъ—Д. И. Жигановскаго, Юхновъ—К. П. Олицкаго, Язвизи — К. Палавской, Ярославль — Е. Фальковичъ, Д. И. Боговлевскаго, К. Мосаина.

Рѣшеніе шарады № 45 (помѣщенной въ № 30).
Кол-бас-а.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Квотора журнала „Нива“ просить своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыхъ марками на типографскіе расходы Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подлиныя білеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Сочетъ. Стихотвореніе І. І. Ясинскаго. — Жизнь, нанъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко. Ч. IV. (Продолженіе). — Первая гроза. Повесть Виктора Бибикова. (Продолженіе). — Литературныя бесѣды. А. В. Кольцовъ. — Лудвигъ Пассанъ и его партины (съ портр. и 5 рис.). — Къ рисункамъ: Намея Флаксмана (съ рис.). — Плачущая ива. Ориг. рис. Крыжичаго (съ рис.). — Видъ на рѣкѣ Кубзи (съ рис.). — Домашній концертъ (съ рис.). — Манеры при Нарвѣ (съ 7 рис.). — Глазныи священникъ гвардіи и гренадеръ, арміи и флотсвъ, протопресвитеръ Александръ Алексѣевичъ Желобовскій (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Сѣбель. — Рѣшюня задачъ. — О перемѣнѣ адреса. — объявленія. — При семь № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за СЕНТЯБРЬ 1890 г., съ 35 рисъ и отд. листъ съ 31 чертж. выроемъ въ натур. величину и 35 рисъ рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Илюшинъ.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕР“.

Средство для уничтожения мозолей и бородавок. Цена 35 коп. за флакон, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всех парфюмерн., аптекарск. магазинах и аптеках. Главный склад у Г. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. В. С.-Петербургъ. (26) № 4368

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТЕСТО !!

приготовленное лабораторией А. Энглундъ. Миндальное мыльное тесто на березовомъ соке, котораго обильная, освещающая и приятная пена, вытисывается въ пену, придает ей эластичность и мягкость, употребляется какъ мыло.

Цена за кусокъ 35 к., съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Комерческой Лабораторіи.

Получать можно во всехъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ всей Россійской Имперіи. Ц. № 4409 12—8

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

А. ЭНГЛУНДЪ,
СПБ., Литейный пр., 36.

Поступила въ продажу книга:

„ГОРОДСКІЯ ПОЖАРНЫЯ КОМАНДЫ
опытъ руководствъ къ ихъ устройству и отправленію ими службы“.

Съ 116 рис. № 4675

Составилъ Кн. А. Д. Львовъ.

Складъ изданія: Стрѣльна, СПБ. губ., Пок. Команда кн. Львова.

Цена 2 р. 50 к. Перес. за 1 фунтъ. Выпущено 10 экз. подучаютъ скидки 10%.

ПОЛНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ ПРИБОРЪ

т. е. аппаратъ со всеми принадлежностями и руководствомъ. Цена 30 руб. Аппаратъ отдѣльно 15 руб.

АДОЛЬФЪ РЕЙНЕ
Москва, Кузн. мостъ, 3.

САМОУЧИТЕЛИ.

Но самой новой цифровой напечатанной системѣ, по которой только и можно безъ помощи учителя въ самое короткое время легко и скоро выучиться играть на инструментахъ. Для гитары составилъ В. Любавинъ; для гармоній всѣхъ системъ сост. Куликовъ; для мандолины въ 8 струнъ тоже. Общеизвестный Практическій Самоучитель для скрипки 1 р. 50 коп. Огромный выборъ нотъ и инструментовъ. Катоги высланы бесплатно.

Москва, Маросейка, д. Еремѣевой, магазинъ КУЛИКОВА. № 4880

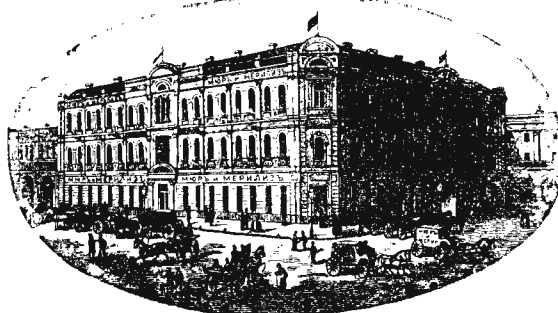
Рояли Беккера въ 600, 800 и 1,000 руб. Пианино Беккера въ 450 и 550 руб.

получены вновь

въ музыкальной торговлѣ П. ЮРГЕНСОНА, въ Москвѣ, Неглинный переул., 10 (уголъ Кузн. цѣпаго моста). № 4676 3—1

МЮРЪ И МЕРИЛИЗЪ

Москва, Петровка, 2.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ

МАГАЗИНЪ МОДЪ И НОВОСТЕЙ.

Огромные склады фирмы МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ, вмѣщающіе въ себѣ всѣ безъ исключенія предметы изъ обширной области моды, одѣяній, туалетныхъ и хозяйственныхъ принадлежностей, въ состояніи удовлетворить всему, что опытомъ признано удобнымъ, полезнымъ и необходимымъ.

ИНОГОРОДНЫЕ ЗАКАЗЧИКИ могутъ разчитывать на самое точное и скорое исполненіе порученій.

ОБРАЗЦЫ и ПРЕЙСЪ-КУРАНТЫ выслаются по желанію. Задатокъ при вышнѣхъ товарахъ, имѣющихся въ магазинѣ въ готовности, не требуется. Товаръ выслается почтой съ наложеннымъ платежомъ. Упаковка и пересылка на счетъ заказчиковъ.

Фирма МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ придерживается правила, чтобы по всѣмъ отраслямъ ея торговли

РАЗЦѢНКА ТОВАРОВЪ НЕ ДОПУСКАЛА КОНКУРЕНЦІИ.

Неуклонному слѣдованію этому принципу фирма обязана замѣчательно быстрому возрастанію своей торговли. П. № 4673 2—1

Ephedra vulgaris (Кузничка трава). Можно получить въ Оренбургѣ, въ Англическомъ магазинѣ Нейбургъ. Цена розничная 2 рубля фунтъ. № 4682

Безплатно каталогъ рѣдкихъ фотографій. Образцы съ пересылкой 5 рублѣй. А. Димманъ. Амстердамъ (въ Голландіи).

АМЕРИКАНСКІЯ ПИЩУЩАЯ МАШИНА ВЪ ВОСТОКЪ

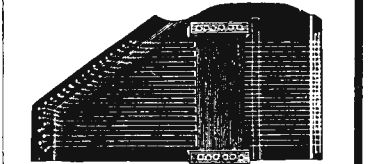
19 р. Шатулки въ 6 и 8 р. Перес. за 8 фунт. Регистраторъ „Шаннонь“, самый практичный способъ для хранения корреспонденціи. Копировальный аппаратъ „Тахографъ“ и проч. Иллюстр. преисъ-курантъ выслается по высылкѣ 15 коп. въ почт. маркахъ. Складъ патентованныхъ предметовъ для конторы и канцелярій

Евгеній Вотманъ и К^о. С.-Петербургъ, Садовая, 18.

При запросахъ прилагать почтовую марку на отвѣтъ. № 4678 3—1

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англійскіе растягивающіеся кушачи „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченной проволоки съ массивн. позолоченнымъ замкомъ, проквашенныя бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушачи прозрачныя очень прохладительны и приятно носить для каждой дамы. Цена 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣляется уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ,** СПБ., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

совѣтъ, изданыя продаются но вновь удешевленнымъ цѣнамъ: съ 3 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к. „7“ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублѣй. Самый легкий инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время продали многія тысячи. За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт. **І. Ф. МЮЛДЕРЪ** Москва, Петровка, домъ Волкова. Иллюстр. преисъ-курантъ всѣхъ инструментовъ бесплатно. (35) Ц. № 3864 Торговцамъ дѣляется скидка.

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ

МОЛОЧНАЯ МУКА

для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока

Паров. фабр. **БЛИКЕНЪ** и **РОБНСОНЪ** въ СПБ.

Единственный агентъ для Россіи: **ВАСИЛІЙ АУРИХЪ,**
Колокольная, 18 — 19, въ С.-Петербургѣ.

Его подпись должна быть на каждой жестянкѣ.

Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки.

Продается въ аптекахъ, магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4406 9—9

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахерскихъ въ Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-пшеничная пудра.

CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЯ

употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ. Въ виду многоразныхъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго агента **Василія Аурихъ,** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.

Цена: флаконъ 1 руб. 65 коп., березовое мыло 35 коп. и 50 коп. помада (лучше колѣдь-крема) 1 руб. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4407 12—12

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (въ СПБ-ѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ) принимается

ПОДПИСКА НА „ЖИВУЮ СТАРИНУ“.

Съ осени (сентября—октября) текущаго года Отдѣленіе Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, съ разрѣшенія Совѣта Общества, принимаетъ изданіе журнала „ЖИВАЯ СТАРИНА“, изъ котораго выходитъ четыре раза въ годъ книжками въ 12 и болѣе листовъ каждая, со слѣдующими отдѣлами: I. Исследования, наблюденія, разсужденія. II. Небольшіе материалы съ примѣчаніями: памятники языка и народной словесности, русскіе и инородческіе. III. Критика и библиографія. Обзоръ этнографической литературы русской и иностранной. IV. Смѣхъ. Частная замѣтка. Ученыя новости. Дѣйствія ученыхъ обществъ въ Россіи и за границей.

Цѣна годовому изданію 5 р. съ пересылкою во внутреннія губернія Имперіи и за границу 5 р. 50 коп. № 4679

„ЖИВАЯ СТАРИНА“ будетъ уделять мѣсто и вниманіе не только всѣмъ разнообразнымъ Русскимъ народамъ и племенамъ Славянскаго племени, но и всѣмъ инородцамъ Россіи. Сверхъ этнографіи въ собственномъ смыслѣ „ЖИВАЯ СТАРИНА“ будетъ принимать на свои страницы изслѣдованія и замѣтки по исторической географіи Россіи, славянскихъ земель Балканскаго полуострова, Австро-Венгріи и Германіи, исторической этнологіи Восточной Европы и сопредѣльной ей Азіи. Въ отдѣлѣ Критики и Библиографіи будутъ вестись особыми специалистами обзоры и указатели отдѣльных сочиненій и періодическихъ изданій по этнологіи и этнографіи, какъ русскихъ и славянскихъ, такъ и иностранныхъ, велико-британскихъ, американскихъ, ирландскихъ, голландскихъ, скандинавскихъ, французскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, румынскихъ и греческихъ. Въ отдѣлѣ Вопросы и Ответы редакція дастъ мѣсто отвѣтамъ Отдѣленія или ученыхъ, къ которымъ оно обратится, на вопросы и справки различныхъ мѣстныхъ наблюдателей и вопросамъ разныхъ ученыхъ къ мѣстнымъ знатокамъ.

Редакторомъ „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“ будетъ всегда, независимо отъ перемены лицъ, Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи, въ настоящее время дѣйствительный членъ В. И. Ламанскій. Сверхъ Помощника Предсѣдательствующаго проф. Н. И. Веселовскаго и Секретаря Отдѣленія **Ф. М. Истомина**, ближайшее участіе въ редакціи примутъ дѣйствительные члены и члены-сотрудники: проф. А. Н. Веселовскій, акад. Л. Г. Майновъ, прив.-доц. С. Ф. Олденбургъ и А. Н. Пыльинъ. Въ числѣ сотрудниковъ „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“ можемъ назвать: Н. И. Андерсона, Ф. Д. Батюшкова, проф. В. В. Богшича, И. М. Болданова, Ф. Ф. Брауна, проф. А. С. Будилевича, Н. В. Волкова, проф. В. П. Васильева, А. Н. Васильева, прив.-доц. Э. А. Волтера, проф. С. М. Георгіевскаго, проф. К. Я. Грота, проф. М. С. Дринова, проф. И. Н. Яданова, проф. К. Г. Залемана, проф. В. А. Жуковскаго, проф. А. И. Кирпичникова, М. И. Кудряшова, Д. Н. Кудряшова, прив.-доц. О. Е. Лемма, прив.-доц. Н. Я. Марра, проф. Э. Ю. Петри, проф. А. М. Позднѣва, И. Н. Половинкина, проф. А. И. Пономарева, проф. А. И. Соболевскаго, проф. В. Д. Смирнова, проф. И. Н. Смирнова, В. В. Стасова, прив.-доц. П. А. Сырну, проф. Ф. И. Успенскаго, проф. Т. Д. Флоринскаго, проф. Д. А. Хвольсона и мн. др.

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи Д. Чл. В. Ламанскій.

УТВЕРЖДЕННЫЕ МИНИСТЕРСТВОМЪ ВЪНТРЕННИХЪ ДѢЛЪ—ОСНОВАННЫЕ ВЪ 1882 ГОДУ
МУЗЫКАЛЬНО-ДРАМАТИЧЕСКІЕ КУРСЫ РАПГОФЪ

С.-Петербургъ, Малая Морская, д. № 7, кв. 1 и 12.

Пріемъ вновь поступающихъ съ 20-го августа ежедневный, съ 10 час. утра до 6 час. вечера. Подробная программа выдается и высылаются бесплатно. Писемный заявленія на имя Директора Курсовъ: Евг. Павловича Рапгофъ. № 4663 3—3

Въ моемъ объявленіи въ № 34 журнала „Нива“ была по ошибкѣ поставлена неверная цѣна Орнестру-Манопану. Орнестру-Манопанъ, стоить съ 10-ю пьесами **75 РУБЛЕЙ**, пьесы въ нему по 1 руб. 20 коп., 2 руб. 40 коп. и дороже. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 руб. 20 коп.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
 Главное депо № 4685
 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
 Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ЛУЧШІЯ ВЪ МІРѢ ГАРМОНИИ
 фабрики **І. Ф. НАЛЬБЕ**,
 имѣющей такой

 фабричный знакъ и продаются у меня по фабричнымъ дешевымъ цѣнамъ:
 Однорядная: въ 4½, 5½, 6, 7, 7½, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 20 и 25 р.
 Двурядная: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р. и вѣсикія въ 10 и 22 р.
 Трехрядная: въ 60 руб. и вѣсикія въ 30, 50 и 75 р.
 Самоучители Соколова по 1 р. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.
 Гармонию можно имѣть немецкаго или русскаго строя.

ГИТАРЫ
 въ 3½, 5, 8, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100 руб. (отъ 8 руб. и дороже съ механизмомъ для настраиванія).
 Самоучитель Соколова ч. I, II и III по 1½ руб. за часть.
МАНДОЛИНЫ
 въ 10, 20, 35, 50, 60, 75 и 100 руб. (отъ 20 рублей и дороже съ механизмомъ для настраиванія).
 Самоучитель Келера по 2 руб. № 4671

ЛЕПНИКЪ и ГРОЗНИКЪ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
 на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.
О-ДЕ-КОЛОНЪ
 ЦВѢТОЧНЫЙ

БРОКАРЪ и КО.
 Изобрѣтены
 Сладъ фабрики: Офицерская, 6.

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО
 ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНІЯ.
 въ 10 уроковъ
 ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ
 ИСПРАВИ. на КРАСНОЕ БЛАГОЕ КОНТОРК. ПИСЬМО
 ОСНОВАТЕЛН. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ
БУХГАЛТЕРІИ
 Москва, Покровка, домъ Бутковой.
 А. С. ШИЖАНСКІЙ.
 * НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.*

Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Продажа оптомъ и въ розницу. Иллюстрированный прейсъ-курантъ—бесплатно.
Юлія Генрихъ Циммерманъ
 главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40 | Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

АХРОМАТЪ, НИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛЬ

„АРГУСЪ“
 ЕЖЕГОДН. ПОСТАВК. 20,000 шт. ЕВРОП. АРМІЯМЪ.
 БЕЗЪ ФИРМЫ И „АРГУСЪ“ ИМИТАЦІА.
 Карм. форм. въ замше. кошельк. 8 руб. пересылка за 3 ф.
 Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 руб. пересылка за 4 ф.
 „Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, охоты, поля, моря и театра, а потому вполне заслуживаетъ названія „универсальнаго бинокля“.
 Специальн. театральн. бинокли отъ 5 до 65 р.
 Зрительн. трубы въ 5 р. 50, 11, 14, 20, 28 р. и дороже. № 4661 2—2
 Микроскопы въ 3 р. 50, 5, 6, 20, 26, 40, 50 р. и дороже. № 4661 2—2
 СПЕЦИАЛН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.
Е. КРАУСЪ И СЪ
 въ Парижѣ, Авен. д. 1. Вервилл., 4.
 СЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
 С.-Петербургъ, Мойка, № 42.
 Иллюстр. прейсъ-курантъ высл. бесплатно.

Поступило въ продажу въ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА „НИВА“ (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ:
новое изданіе А. Ф. МАРКСА:
ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА ДЛЯ ЛѢСНИЧИХЪ и ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ
 Состав. **Ө. АРНОЛЬДЪ**.
 СПБ., 1890 г. Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ **75 коп.**, съ пересылкою **1 руб.**
 Настоящая книжка содержитъ въ себѣ таблицы для опредѣленія площади древесныхъ оснований и кубическаго содержанія какъ цѣлыхъ стволовъ, такъ и частей ихъ; таблицы площадей сѣченія круговъ и объемовъ цилиндра; временныя массовыя таблицы, (для сосны, ели, дуба, березы и ольхи) и вообще всѣ тѣ таблицы, которыя необходимо всегда имѣть при себѣ лѣсничему, таксатору, лѣсовладѣльцу и лѣсоторговцу—при устройствѣ лѣсовъ, оцѣнкѣ лѣсооцѣкѣ, изслѣдованіи полндревесности деревъ и соответствующихъ имъ видовыхъ чиселъ. Изданныя до сихъ поръ подобныя таблицы весьма неудобны по своему большому формату, вслѣдствіе чего ими не всегда можно пользоваться при работахъ, между тѣмъ какъ эта книжка издана въ форматѣ приспособленномъ для ношенія въ карманѣ и можетъ быть постояннымъ спутникомъ лѣсничаго или лѣсовладѣльца.

Съ 1 сентября с. г. ОТКРЫТА
ВЫСТАВКА
 послѣднихъ новостей.
 Лично выбранныя въ Парижѣ, Лионѣ и Лондонѣ ШЕЛКОВЫЯ и ШЕРСТЯНЫЯ МАТЕРІИ и КОСТЮМЫ.
AU BON MARCHÉ
 С.-Петербургъ,
 Гостиный дворъ, № 133 и 134. В. № 4682

ПИСЬМАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
 Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, чёткость красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.
 Прейсъ-курантъ, содерж. многоисчленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748
 Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
 Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

Лампы съ накаливаніемъ въ 16 свѣчей, въ 50, 65 и 100 вольтъ, за штуку по 1 р. Патроны Эдиссона и Сименса. Тюльпаны стеклянн. отъ 50 к. до 1 р. 25 к. Электрическіе звонки отъ 1 р. 50 к. Аппараты №№ 3, 4, 6, 8, 10, 12 РС. 7.50, 8.50, 14, 16, 20, 23. Кнопки отъ 25 к. Элементы Лекланше отъ 1 р. 25 к.—1 р. 50. Сухой элементъ Электронъ отъ 2 р. Изолированная проволока за ф. отъ 1 р. 20. Изоляторы отъ 20 к.—50 к. Симплексъ Микрофонъ, Телефонъ со звонкомъ, за станцію РС. 15. Микрофонъ телефонъ Вадена, съ индукторомъ, на протяженіе 400 верстъ, за станцію РС. 60. Домашній телеграфъ, легко устанавливается домашнимъ образомъ, безъ помощи спеціалиста, цѣна 7 р.
 Постановка и проводъ телефоновъ и звонковъ, а также ремонтъ и починка по весьма умѣреннымъ цѣнамъ. Прейсъ-курантъ бесплатно.
К. И. ФРЕЛАНДТЪ В. № 4684
 Складъ электрическихъ приборовъ, С.-Петербургъ, уг. Новекаго пр. и Екатерининскаго канала, д. Учетнаго Банка, входъ съ канала. № 16.

НАСТОЯЩЕ ВѢЛОСПЕДЫ (Велѣ) СВИТЪ

 ПЕРВОЕ МѢСТО
Ж. БЛОКЪ
 ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
 С.-Петербургъ

ЭЛЕОПАТЪ
 пров. **КИНУНЕНЪ**
 для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.
 пров. **КИНУНЕНЪ**.
 Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (34) № 4287
 Главн. складъ: С.-Петербург., Демидовъ пер., д. № 1.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.

№ 36

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXI

1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 8 сентября 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

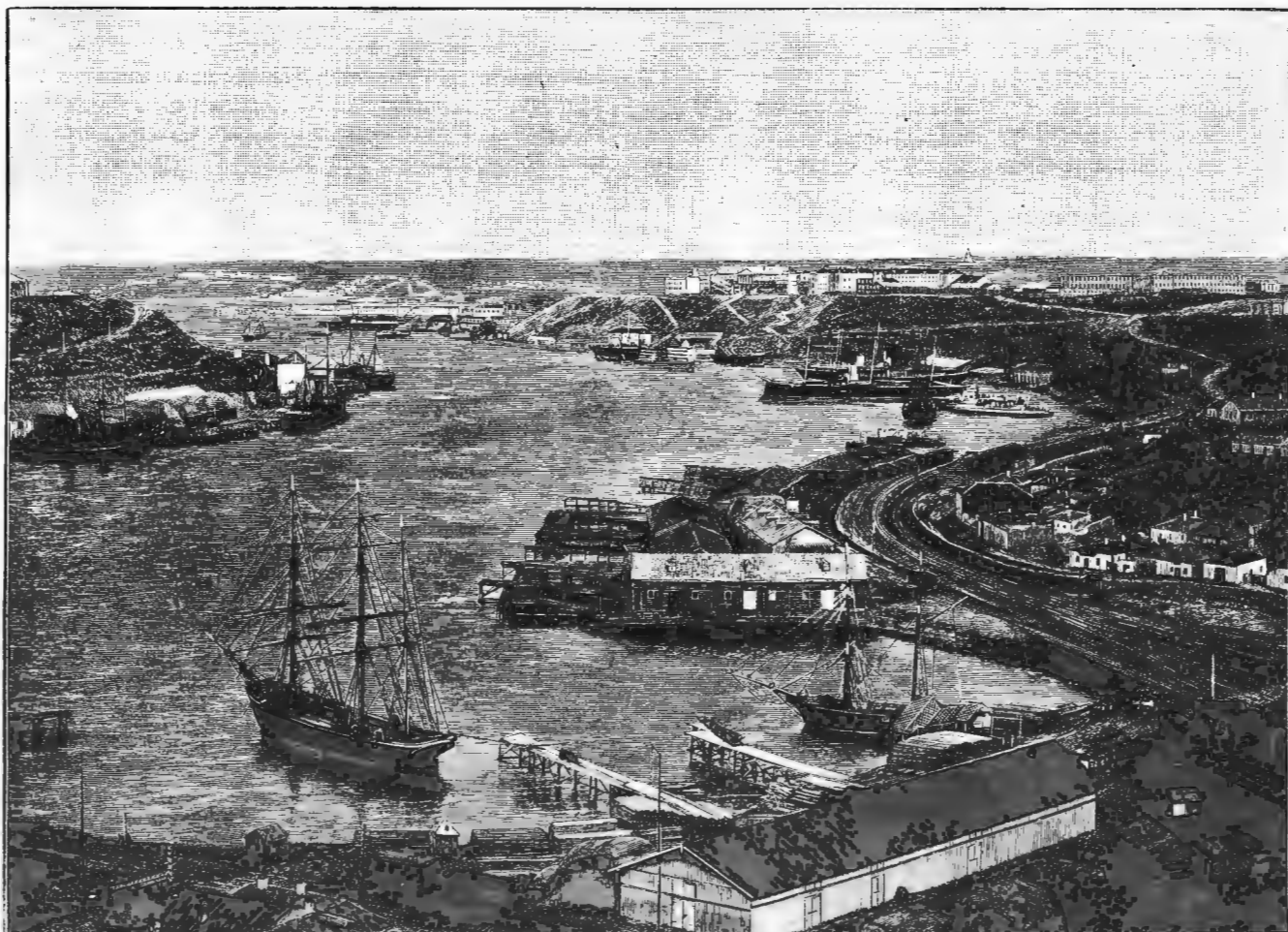
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер- 5 р.
бургъ
Съ доставкою въ Петер- 6 р. 50 к.
бургъ
Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. 6 р.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го- 7 р.
рода Россіи
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

Сезастополь. Видъ на южную бухту съ историческаго бульвара. Съ фот. Аистоли, грав. Рашевскій.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. (Продолженіе).

IV.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго въ прошлой главѣ—Сластенову доложили, что его желаетъ видѣть Исаакъ Яковлевичъ Плюсь. Василий Герасимовичъ приказалъ принять его. Плюсь весь осунулся какъ-то и постарѣлъ за это время.

— Я воспользовался отъѣздомъ Готлиба Готлибовича, чтобы представиться вамъ, покорно началъ онъ.

— Развѣ вы не можете при немъ? удивился Василий Герасимовичъ его смиренію.

— При немъ—нѣтъ. Я не могу скрыть отъ васъ, что вы нѣкоторымъ образомъ находитесь подъ опекой...

— Подъ какой опекой? засмѣялся Сластеновъ.—Полноте, Исаакъ Яковлевичъ. Я уже не тотъ, что прежде...

— Подъ опекой Курца. Онъ съумѣлъ удалить отъ васъ всѣхъ вашихъ друзей: сначала Приходзько, который разумѣется пользовался—даромъ-то вѣдь нынче никто не работаетъ,—а потомъ меня... Я даже прошу васъ сохранить въ величайшей тайнѣ то, что я у васъ былъ сегодня. Тѣмъ болѣе, что я пришелъ предупредить васъ... Васъ надуваютъ.

Сластеновъ поморщился. Къ нему всѣ подходили съ такими же предупрежденіями и всѣхъ ему приходилось спрашивать „сколько?“

— То есть, вы хотите сказать, что и мы васъ надували. Но помилуйте—мы сама добродѣтель въ сравненіи съ господиномъ Курцомъ... Надо признаться, что онъ умнѣе всѣхъ насъ. Это дѣйствительно правда... Я впрочемъ не буду злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ. Не можете-ли вы сказать мнѣ, это все въ вашихъ же интересахъ, сколько вами уже выдано ему на Каспійско-Черноморскій каналъ... Разумѣется, если это не секретъ.

Сластеновъ нажалъ пуговку электрическаго звонка... Въ дверяхъ показался лакей.

— Позовите Корнѣй Корнѣича, если онъ здѣсь. Да пусть счета по каналу возьметъ.

Ечкинъ явился немедленно. Онъ воровато посмотрѣлъ на Плюса, и выткнувъ голову впередъ, весь превратился во вниманіе. Даже и задышалъ какъ-то по-собачьи, стараясь по глазамъ хозяина угадать въ чемъ дѣло.

— Корнѣй Корнѣичъ, справьтесь, сколько мы отпустили Готлибу Готлибовичу на работы.

— Я и такъ помню-съ... Помилуйте... Всего по каналу на нашу долю безъ дяденькиныхъ и другихъ пришлось миллионъ восемьсотъ девяносто тысячъ. Да на постройку дома—шестьсотъ семьдесятъ три...

— Тысячи! съ ужасомъ воскликнулъ Плюсь.—Вѣдь это больше двухъ съ половиной миллионъ. Берегитесь, Василий Герасимовичъ... берегитесь...

— Дѣло того стѣитъ. Дѣло большое... Громадное дѣло.

— Послушайте, Василий Герасимовичъ, я не ангелъ и предупреждаю васъ вовсе не для того, чтобы въ рай попасть. Мнѣ теперь до вашихъ интересовъ нѣтъ никакого дѣла, рѣшительно никакого, и если бы кто другой васъ грабилъ — я бы къ вамъ не пришелъ. Но Готлиба я ненавижу всей душой... Ему я многого не могу спустить... Обратите на него вниманіе. Онъ продаетъ всѣ дома, которые до сихъ поръ покупалъ одинъ за другимъ. Продаетъ наскоро, почему ни пошло!.. Третьяго дня спустилъ—на Лубянкѣ—почти за полдѣны. Это плохой знакъ. Въ чемъ дѣло—я не знаю... Но между прочимъ, племянникъ мнѣ пишетъ съ вашихъ работъ—что всѣ онѣ дѣлаются на фу-фу, кое-какъ. Подрядчики только царапаютъ землю для одной видимости... Что-то не ладно... что-то не ладно. Смотрите, не разразилась бы катастрофа. Слѣдите за нимъ.

— Ну, вотъ. Что я за полицейскій! Да потомъ ненавижу къ Курцу заставляетъ васъ преувеличивать.

— Вы думаете?... И отказываетесь... Ну, что дѣлать... Я стану одинъ слѣдить за нимъ. Помните только мои слова, Василий Герасимовичъ. Я первый предсказалъ вамъ катастрофу. Слышите? Вы это вспомните когда-нибудь, но будетъ уже поздно... Слишкомъ поздно...

Исаакъ Яковлевичъ Плюсь, простившись со Сластеновымъ, поѣхалъ не къ себѣ, а къ нѣкому Гиришману—извѣстному всей дѣловой Москвѣ. Гиришманъ — это былъ энциклопедическій словарь всѣхъ справокъ. Какимъ путемъ онъ зналъ все — неизвѣстно, но только зналъ. Онъ жилъ на Зарядьѣ въ трущобѣ, въ домѣ переполненномъ мастерскими, гдѣ съ утра слышался стукъ, трескъ и грохотъ всевозможныхъ инструментовъ. Рядомъ стучалъ мѣдникъ, съ другой стороны грохотали какіе-то верстаки, внизу пѣли сапожники, а вверху даже и не разобратъ, что такое было—Вавилонское столпотвореніе!..

„Сластеновъ что! Сластеновъ дуракъ — но очевидно Готлибъ къ чему-то готовится...“ соображалъ Плюсь, подымаясь по лѣстницѣ „и если Василий Герасимовичъ не шевельнетъ пальцемъ, чтобы его накрыть — такъ я его не удушу... Онъ узнаетъ, что значить стоять на нашей дорогѣ!.. Онъ узнаетъ это“...

У Гиришмана уже ждалъ Исаака Яковлевича Станиславъ Сигизмундовичъ Приходзько.

— Ну? спросилъ Плюсь, входя и пожимая руку блѣдному сѣдому, наглухо застегнутому человѣчку, у котораго были особенно пронизательные глаза и все лицо какъ-то по-лиси выдавалось впередъ.—Ну, Гиришманъ, что?

— Вчера онъ продалъ послѣдній домъ. За девяносто пять тысячъ...

— А стоилъ ему?

— Сто пять. Потомъ онъ всѣ свободныя суммы велѣлъ держать наготовѣ, не въ банкѣ... Онъ, видите, Коммерческій банкъ признаетъ ненадежнымъ, а сегодня — поссорился съ артельщикомъ и прогналъ его, а деньги занеръ въ нестерраемый шкапъ-кассу у себя въ конторѣ—въ своей комнатѣ...

— Сколько тамъ?

— До полутора миллионъ всего.

— Ловко!—И Плюсь, не снимая шляпы, заходилъ по комнатѣ.—Я сегодня былъ у Сластенова, предупредилъ его.

— Напрасно, это съ вашей стороны совсѣмъ глупо! всыхнулъ Приходзько.

— Не вамъ-ли меня уму учить! съ презрѣніемъ проговорилъ Плюсь.—Василий Герасимовичъ—изъ стыдливости и изъ нежеланія обидѣть Курца—не передастъ ему объ этомъ.

— Зачѣмъ же вы это сдѣлали?

— Разговоръ былъ при Ечкинѣ.

— Ну?

— Очень просто... Ечкинъ навѣрное уже написалъ Савѣ Кузмичу—а тотъ немедленно выѣдетъ сюда.

— Я все-таки ничего не понимаю!.. пожалуй плечами Приходзько.

— Вамъ и понимать нечѣмъ... Для этого природа вамъ не отпустила инструмента... Если теперь Боголюбка захочетъ еще цапнуть денегъ — напоследокъ—ему это не удастся. Понимаете, а это его испугаетъ, а испугавшись онъ слишкомъ поторопится, а начнетъ торопиться—столько глупостей надѣлаетъ, что самъ попадется въ наши руки. И теперь не понимаете?

— Да это совершенно вѣрный расчетъ! усмѣхнулся Гиришманъ.—Вчера онъ съ большимъ шумомъ въ клу-

бѣ у всѣхъ спрашивалъ указанія, гдѣ ему найти хорошаго учителя шведскаго языка.

— Шведскаго?... засмѣялся Плюсь.

— Значить онъ собирается удрать въ Швецію? глобокомысленно замѣтилъ Приходзько, и самъ удивился своей проникательности.

Но Плюсь посмотрѣлъ на него съ такимъ презрѣніемъ, что Станиславъ Сигизмундовичъ немедленно осѣкся и спросилъ его: „а что... иначе зачѣмъ же ему...“

— Это доказываетъ, что онъ никогда въ Швецію не поѣдетъ. Значить по этому направленію его паче и искать будетъ. Понимаете, душа моя?... Я Курца насквозь вижу — и если онъ убѣжитъ, ему не далеко улетается уйти.

И лицо Плюса вдругъ выразило такую злобу, что Гиришманъ невольно замѣтилъ:

— Однако, на его мѣстѣ, я бы теперь не былъ спокоенъ. Вы его очень любите...

— Да, очень... Онъ у меня съ Приходзько...

— По крайней мѣрѣ миллионъ отняли, окончили за него Гиришманъ.

— Вы почему знаете?

— Я все знаю.

— Племянникъ писалъ, что рабочіе близки къ бунту. Имъ давно уже не выдаютъ денегъ. А онъ лежалъ между тѣмъ свободными въ банкѣ, а теперь въ кассѣ у него.

— Если еще въ кассѣ! засмѣялся Гиришманъ.

— Вы еще что-нибудь знаете?

— Да. Вчера онъ у Лененгаунта купилъ громадный портфель... Приѣхалъ съ нимъ въ контору. Портфель былъ пустой, а сегодня уѣхалъ взявъ его съ собою — портфель былъ полонъ... Кучеру своему онъ отказалъ — лошадей поставилъ пока къ Кригу. И экипажъ тамъ. ъздитъ на извозчикахъ... Вчера...

Гиришманъ открылъ свою записную книжку, порылся въ ней.

— Вчера, въ 11 часовъ ночи, онъ ни съ того, ни съ сего приказалъ затопить у себя каминъ — а утромъ тамъ оказалась масса сгорѣвшей бумаги и между прочимъ письмо какое-то, уцѣлѣлъ вотъ только этотъ уголокъ. Можете получить его...

Плюсь взялъ его, внимательно посмотрѣлъ. На немъ было только одно слово — очевидно послѣднее въ строки: „скорѣе...“

— Нужно бы узнать, чей это почеркъ.

— Я знаю, тихо проговорилъ Гиришманъ.

— Вы все знаете! восхитился Приходзько.

— Не вамъ чета, не унимался Плюсь.

— Вы помните, былъ здѣсь когда-то нотаріусъ Оомина?... Потомъ онъ бѣжалъ за-границу... Расстратилъ чужихъ пятьдесятъ тысячъ... Вы не забыли его?

— Нѣтъ, какъ-же!..

— Ну, вотъ сравните это „скорѣе“ съ этимъ... Вотъ вамъ письмо Оомина старое и въ немъ есть „скорѣе“. Видите какія характерныя „к“ и „ѣ“ — такъ рѣдко кто пишетъ.

— Да, пожалуй. А гдѣ онъ теперь?

— Бумага эта — не русская, не англійская и не нѣмецкая. Для французской она слишкомъ жидка. Полоски идутъ не прямо, а волнообразно... Такую бумагу очень любятъ въ Вѣнѣ... Разумѣется, это ничего не доказываетъ. И очень можетъ быть, что я ошибаюсь.

— Не беспокойтесь... До границы онъ не доѣдетъ. Сколько я вамъ долженъ, Гиришманъ?

— Впослѣдствіи... Вы сами понимаете... Сочтемся.

— Да, разумѣется...

Плюсь уѣхалъ отъ Гиришмана. Онъ направился было къ себѣ, но вдругъ ему пришла въ голову блистательная идея.

— Прежде онъ мнѣ не отказывалъ за хорошіе проценты. Я у него два раза бралъ... Къ Курцу! прика-

заль онъ своему кучеру. — На Тверскую... Понимаешь?

Боголюбъ Боголюбовичъ сидѣлъ у себя за столомъ, внимательно разсматривая „Reichs-Curs-Buch“ и отмѣчая что-то на бумагѣ, когда его человѣкъ вошелъ и доложилъ:

— Господинъ Плюсь васъ спрашиваетъ.

Курцъ выдвинулъ ящикъ и бросилъ было туда „путеводитель“, но это оказалось слишкомъ поздно. Желтую обложку его уже замѣтилъ Плюсь и занотавалъ въ своей памяти, и не только занотавалъ, но и спросилъ:

— Что это вы — собираетесь путешествовать кажется, а?..

— Нѣтъ, такъ, смѣшался Курцъ.

— А Рейхсъ-Курсъ-Бухъ у васъ зачѣмъ? На воды вѣрно куда-нибудь... Отъ тонкихъ винъ подагра началась, а?... Ну, я вамъ совѣтую въ Австрію... Въ Австріи есть на этотъ предметъ такіе источники.

— Въ Австрію... зачѣмъ мнѣ въ Австрію?... раздраженно переспросилъ его Курцъ.

— Ого!.. да у васъ и печень... Ну, разумѣется въ Австрію. Тѣмъ болѣе, что туда теперь разными дорогами можно ѣздить. Даже черезъ Румынію... Ясы-Букурешть... Я тамъ былъ во время войны. Мы, знаете, съ Горвищемъ и Коганомъ. Рекомендую румынокъ „Штируманисти, пушти русешти?“

И чѣмъ Курцъ становился растеряннѣе, тѣмъ болѣе радовался и дѣлался остроумнѣе Плюсь.

— Однако я къ вамъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы рекомендовать яскиныхъ „куконицъ“ или домнулъ бухарештскихъ... Вотъ что, Курцъ: вы меня знаете, и мы съ вами въ прошломъ году не одно дѣльце сдѣлали. Ну, такъ предстоитъ одно ужасно выгодное. Можно на сто нажить двѣсти — только у меня своего капитала не хватаетъ. Надо еще полтораста тысячъ... Вы за нихъ получите двѣсти пятьдесятъ... поняли? Счастливое дѣло...

Но Курцъ, всегда радовавшійся этому, теперь остался спокоенъ.

— Не могу.

— Какъ не можете?

— Такъ, всѣ деньги въ оборотѣ. Всѣ рѣшительно... У меня наберется тысячи двѣ-три.

— А я думалъ... Вы такъ поспѣшно всѣ свои дома продали, что... я полагалъ у васъ лежать свободныя.

— Я... я... смѣшался Боголюбъ Боголюбовичъ. — Я тоже для оборота ихъ...

— Для какого оборота?... Впрочемъ, это вашъ секретъ. Вы нынче вообще — воплощенная тайна, засмѣялся Плюсь, любясь блѣдностью Курца. — Воплощенная тайна! Вы дѣйствительно что-то задумали необыкновенное. Должно быть сразу хотите сдѣлаться миллионеромъ, а?... Сразу, знаете... Цапъ и кончено!

И Плюсь уже искренно хохоталъ, добродушно похлопывая Курца по ногамъ и по плечу.

— Такъ миллионеромъ, а?... Ну, давай вамъ Богъ. Что-жь, я радъ, очень радъ, деньги должны быть въ умныхъ рукахъ. Не Сластеновымъ же ими ворочать! Деньги должны знать настоящихъ хозяевъ. А Сластеновы что, такъ — маріонетки, ничего больше... Сластеновы должны... Да что это съ вами — вы рѣшительно большы!

Курцъ сидѣлъ весь блѣдный.

— Да, знаете... Я это время заработался... Не хорошо себя чувствую...

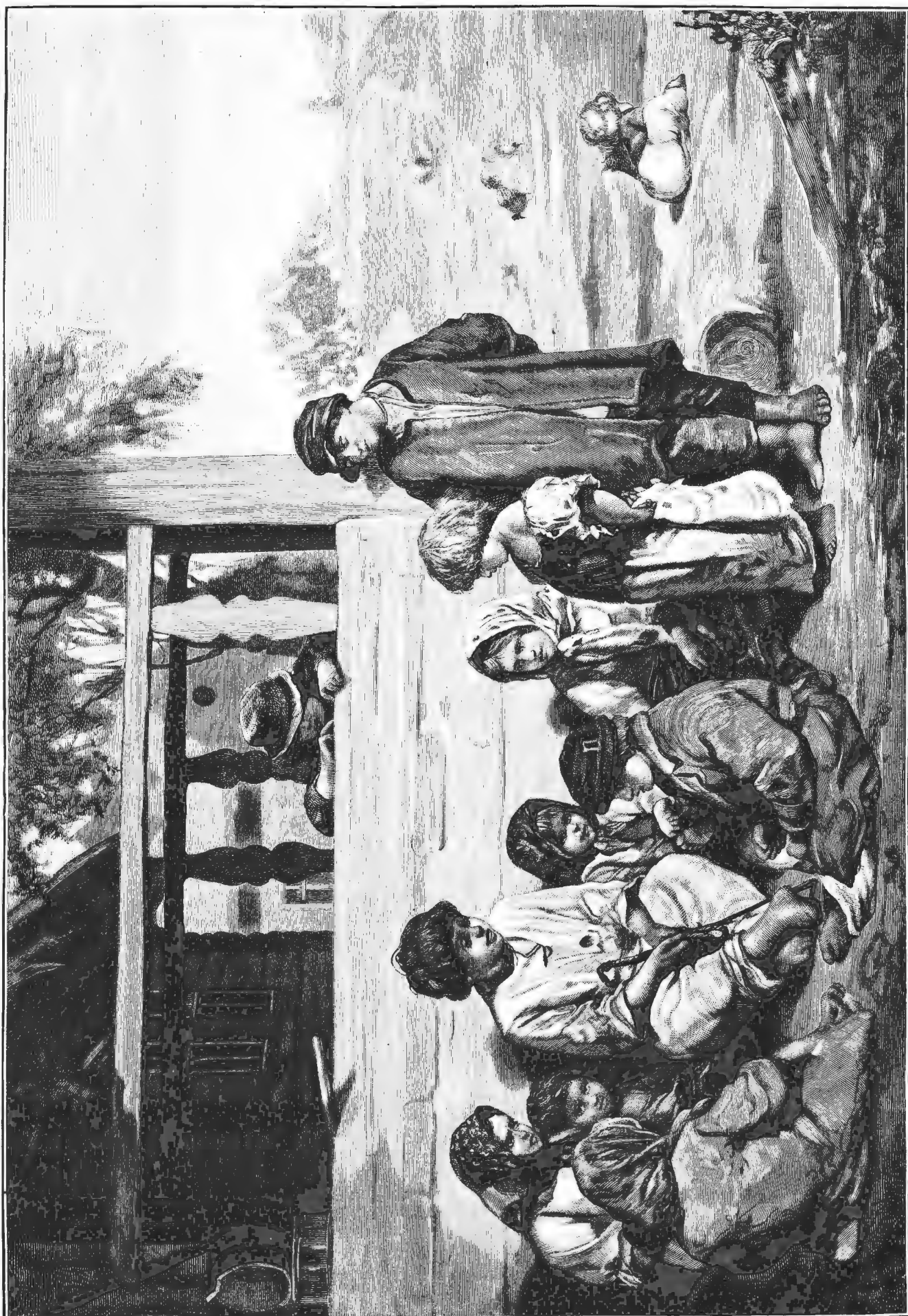
— Вамъ, я говорю, московскій воздухъ нехорошъ. Да вы его, впрочемъ, сами и безъ моихъ совѣтовъ перемѣните. Кстати: какъ же вы говорите денегъ свободныхъ нѣтъ? Дайте изъ компанейскихъ. Мнѣ въ Коммерческомъ банкѣ говорили, что вы ихъ на-дняхъ вынули... Чѣмъ имъ такъ лежать — все сто тысячъ лишнихъ въ карманъ положите.

— Нѣтъ, ихъ надо послать на мѣсто... расходы, платежи тамъ.

Съ послѣдней выставки Императ. Академіи Художествъ. „Въ распутицу“.

Съ карт. проф. Н. Сверчкова (исключительное право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Шюблеръ

Бесѣда. Съ карт. проф. Н. Кошелева (исключит. право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежить „Нивѣ“), грав. Ю. Шюблеръ.

— А вы знаете, Боже мой, какъ я это забылъ вамъ передать—вотъ память-то!.. Изъ Петербурга мнѣ писали... Въ министерствѣ рѣшили послать комиссію.

— Куда?

— На ваши работы. Тамъ вышла кака-то сплетня. Какъ будто все дѣлается только для видимости... И въ комиссію назначаютъ даже предсѣдателя отъ министерства юстиціи.

— Что-о? и Курцъ даже привсталъ.

— Какъ-же, какъ-же. Очевидно этому придаютъ большое значеніе... Догадайтесь, кто предсѣдателемъ ѣдетъ... Ну, догадайтесь, душенька... Курчикъ — поломайте голову... А, впрочемъ, Богъ съ вами, я вамъ скажу, не стану томить—самъ слѣдователь изъ слѣдователей.

Курцъ вскочилъ и нетерпѣливо заходилъ по комнатѣ.

„Счастливая идея пришла мнѣ въ голову, навратъ ему о комиссіи... Теперь онъ на всѣхъ порахъ станетъ дѣйствовать и навѣрное надѣлаетъ тысячу неосторожностей“. И вдругъ какъ будто невзначай спросилъ:

— Вы не знаете, не въ Вѣнѣ Ѳоминъ?

— Въ Вѣнѣ... то-есть... какой Ѳоминъ?.. Чтѣ вы меня путаете!.. Право!.. О какомъ Ѳоминѣ спрашиваете?.. а? Вы кажется думаете, что я со всѣми мошенниками въ мірѣ знакомъ и переписываюсь.

— Да я не о бѣжавшемъ нотаріусѣ! Съ чего вы это взяли?.. Ѳоминъ—фабрикантъ. Недавно поѣхалъ въ Вѣну, покупать машины. Я думалъ, что вы его знаете. Я ему денегъ далъ... Два его векселя у меня...

„Ну, душа моя, теперь ты весь у меня въ рукахъ!“

И Плюсъ, сидя одинъ на дрожжахъ, къ общему удивленію прохожихъ, радостно смѣялся чему-то.

V.

Савва Кузмичъ дѣйствительно, какъ и предвидѣлъ Плюсъ, ни съ того, ни съ сего повидимому, пріѣхалъ, бросивъ дѣла, изъ Петербурга въ Москву. Отъ себя онъ отпратился къ племяннику, котораго, благодаря раннему часу, засталъ дома.

— Былъ у тебя Плюсъ, слышалъ я... началъ онъ прямо съ цѣли своего пріѣзда.

— Былъ. А почему это вамъ извѣстно? удивился тотъ, не придавая значенія визиту дисконтера.

— Ужъ объ этомъ не печалуйся. Это мое дѣло. Ну, что онъ тебѣ говорилъ?.. Сказывай.

— Такъ. Они всѣ вѣдь другъ друга ненавидятъ. Болтали что-то на Готлиба Готлибовича. Извѣстное дѣло—вралъ.

— Ну, съ тобой не сговоришь толкомъ! Ты вѣдь у меня постная душа... Тебѣ повѣрь—на каждого мошенника надо Богу молиться!

И Савва Кузмичъ поѣхалъ къ Исааку Яковлевичу. Благо тотъ еще оставался въ Москвѣ.

— Я такъ и зналъ, что вы пріѣдете!.. торжествовалъ тотъ свою удачу, не зная куда усадить крупнаго капиталиста.

— Ну, крыса, сказывай, чтѣ такое ты разнохалъ про Галопишку этого?

Плюсъ притворился удивленнымъ. Онъ, моргая, смотрѣлъ на Савву Кузмича, точно не могъ понять его вопроса.

— Чего ты?.. Русскимъ языкомъ говорю тебѣ: чтѣ ты знаешь про Курца нашего?

— Ахъ, это вы о томъ? я племяннику вашему тогда передавалъ свои предположенія. Все это пустяками оказалось... Сущими! Это меня сбили съ толку. Я, принимая въ соображеніе ваши интересы, наугадъ почтеннѣйшаго Василя Герасимовича. Жалѣю, если онъ придалъ этому какое-нибудь значеніе... Все это клевета одна была. Больше чѣмъ когда-нибудь я теперь удивляюсь Боголюбу Боголюбовичу.

Савва Кузмичъ посмотрѣлъ въ глаза Плюсу и усмѣхнулся.

— Ей Богу, Савва Кузмичъ... Я думалъ, что Галопъ

задумалъ что-то недоброе. И даже, признаюсь вамъ, слѣдилъ за нимъ. Очень ужъ меня удивило, что онъ изъ банка деньги вынулъ.

— Какъ вынулъ?!.. Безъ моей подписи?

Савву Кузмича даже въ потъ ударило.

— Вашей и не надо было. Довольно было двухъ подписей: Василя Герасимовича и самого Курца. Но теперь я узналъ, что ему надо было отсылать деньги на работы. Слѣдовало удовлетворить подрядчиковъ... Мало расходовъ развѣ?

— Что-же, онъ послалъ ихъ уже?

— Нѣтъ еще должно-быть... Онѣ у него на дому. Только вы, знаете, не торопитесь, Савва Кузмичъ.—И Плюсъ вдругъ заговорилъ тихо.—Вы не торопитесь, Савва Кузмичъ. Торопитесь незачѣмъ. Не стоить... Поторопитесь—пожалуй чортъ-то рога спрячетъ. А вы такъ только немножко въ кипяточекъ его опустите... Пусть онъ дѣйствуетъ скорѣе.

— Ничего не понимаю! То Галопъ по твоему честный человекъ, то...

— Не пойманъ—не воръ, значить надо поймать. А вы только мѣшать мнѣ будете.

— Что-жъ мнѣ опять ѣхать?

— Нѣтъ... А вы сегодня заѣзжайте въ контору и заявите, что пайщики хотятъ назначить негласную ревизію. Всякое дѣло отчета требуетъ... Безъ участія официальныхъ лицъ. Такъ, знаете, полюбовно, по домашнему.

Савва Кузмичъ улыбнулся.

— Это значить ты его на наживку ловишь. Ладно... А какъ ты полагаешь—большая наша потеря будетъ?

— А это какъ Богъ... Можетъ и никакой! Только вотъ мой уговоръ: поймаемъ съ личнымъ Курца—никакой ему пощады. Чтѣбы прощенія не было. Формально—подъ судъ... А меня на его мѣсто.

Сластеновъ изумился еще больше:

— Да дѣло-то не лопнетъ развѣ послѣ этого?

— Нѣтъ... Видите-ли: Галопъ талантливый мошенникъ, но все-таки мошенникъ. Дѣло въ голову ему влетѣло великолѣпное. Я это изучилъ, да и племянникъ у меня тамъ—великолѣпное именно. И вся будущность за нимъ. Только плуты отличаются тѣмъ, что ждать не хотятъ и работать не умѣютъ. Онъ сообразилъ, что правильнымъ-то путемъ еще лѣтъ десять убьешь на это, да потомъ придется пережить не мало всякихъ передрягъ. А тутъ сразу. Взять да и сдѣлать... А потомъ и бѣги... куда глаза глядятъ. Притомъ Галопъ человекъ самолюбивый, а положеніе его въ Москвѣ скверное. Сами знаете, прежде-то его въ клубахъ били, на шуллерствѣ ловили. Помните, какъ Афонькинъ съ Навозовымъ заставили его стеариновую свѣчу сѣсть. Ну, вѣдь на виду у всѣхъ. А теперь, какъ зацапалъ онъ деньги, ему и захотѣлось почету. А какой же здѣсь почетъ? Въ Америкѣ его никто не знаетъ. Проѣдетъ онъ черезъ Европу съ прохладой, а потомъ черезъ океанъ на новыя мѣста—тамъ пожалуй первымъ человекомъ будетъ... Опять же тутъ и секретъ есть...

— Какой?

— Ну, это потомъ когда-нибудь... А только онъ одно дѣло задумалъ. Есть у него... Только у него въ Москвѣ земля подъ ногами горитъ.. И это дѣло поторопитъ его. Потомъ онъ пожалуй такъ все это ловко устроитъ, что его и не получишь. Тоже, сами знаете, парень не глухой.

— Это все вѣрно. Парень, кабы честный былъ, большихъ денегъ бы стоилъ.

— Честный Галопъ—ни кофѣйки!.. Потому что честные люди вообще... Впрочемъ... это не идетъ къ дѣлу. Такъ пока молчокъ, Савва Кузмичъ, слышите?

Боголюбу Боголюбовичъ сидѣлъ въ конторѣ когда къ нему туда пріѣхалъ Савва Кузмичъ.

— Здравствуй, братъ, поздравляю!

— Съ чѣмъ это?

— Питерскіе пайщики-то, самъ знаешь, не нашимъ чета... У нихъ—недовѣрговъ-то сколько угодно.

— Ну?..

И Галопъ загодя уже начиналъ волноваться.

— Да чего ты какъ береста на огнѣ кочевряжишься! Всего только и дѣла, что ревизія у насъ будетъ.

— Какая ревизія?

— Двухъ дошлыхъ пареньковъ они шлютъ къ намъ. Провѣрить все дѣлопроизводство...

— Какъ-же вы это допускаете? вскочилъ Боголюбовъ Боголюбовичъ.

Но тотчасъ-же успокоился.

— Что-жъ, у насъ все правильно. Пускай прїѣзжаютъ. Я думалъ—что похуже. Говорятъ всѣ: министерство, какъ никакъ, а гостей къ намъ на работы пошлетъ; этого-то я больше боюсь.

Простившись съ Саввой Кузмичемъ, Готлибъ Готлибовичъ отправился къ себѣ. Кажется, какъ разъ во время, соображалъ онъ глядя на часы.

— Еще никого не было? спросилъ онъ у человѣка ждавшего его снятъ пальто.

— Нѣтъ, никого.

— Ну, когда явится, скажетъ тебѣ отъ нотаріуса—ты проводи ко мнѣ. Слышишь?..

Онъ отправился въ кабинетъ и задумался.

„Дѣло затѣяно большое... Очень большое. Задѣты такіе интересы... Что-то выйдетъ изъ всего этого?.. Надо себя на всякій случай обезпечить, со всѣхъ сторонъ чтобы. Если не удастся—чтобы Сластеновы тронуть не посмѣли. Василий-то Герасимовичъ—на него надежда плоха—ему-же придется опять въ меблированные комнаты, на свою проголодь переѣзжать! Кому это пріятно! Никакого удовольствія не доставитъ. А только онъ изъ-за этого ни на какія соглашенія не пойдетъ. А съ Саввой Кузмичемъ дѣло иное. Этотъ изъ жадности и племянника радъ будетъ утопить... Ему-то покажи такую приманку—это всего самъ откажется...“

Въ дверь постучались.

— Войдите, пожалуйста.

Какой-то небритый и плохо одѣтый господинъ въ громадныхъ очкахъ быстро вошелъ въ комнату.

— Вы никого не встрѣтили? заботливо спросилъ Боголюбовъ Боголюбовичъ.

— Никого. Ни одной души... Точно вся Москва перемѣнилась за это время. Ну, да и меня-бы не узнали, я думаю.

— Васъ мудрено узнать, Ѳоминъ... Какъ вамъ удалось границу переѣхать?

— Границу? Чего впроцѣ!.. Однако, дайте вздохнуть.

Онъ сѣлъ въ кресло и съ удовольствіемъ расправилъ очевидно ревматическія ноги. Онъ сталъ потирать колѣны ладонями и съ любопытствомъ осматривался.

— Однако... Ты, свинья, недурно устроился.

— Пожалуйста, Ѳоминъ, безъ фамильярности... Наши положенія теперь не одинаковы.

— Дуракъ, братъ, ты... Благодарн Бога, что я не обидчивъ. А то встану и уйду. Къ Саввѣ поѣду. Мнѣ вѣдь все равно...

— Савва тебя надуетъ! Я такъ впрочемъ... Отсталъ отъ амигошонства вообще.

— То-то... Вели-ка мадеры подать.

— Незачѣмъ, все здѣсь есть...

Курецъ подошелъ къ шкафу, вдѣланному въ стѣну, отворилъ дверцу и вынулъ бутылку.

— Я твой вкусъ помню... Себѣ вѣренъ остался... Только какъ-же ты измѣнился!

— Измѣнишься—побывай въ моей шкурѣ—не такъ еще... Ну, однако, я разоблачусь.

Ѳоминъ снялъ съ себя шарикъ и очки и положилъ около на столъ.

— Вотъ теперь тебя можно узнать. Ну, что, принесъ съ собой? заботливо спросилъ Курецъ.

— А ты приготовилъ все... что условлено?

— Пятнадцать?

И Готлибъ Готлибовичъ полѣзъ было въ столъ.

— Нѣтъ, я тебѣ сказалъ: двадцать пять тысячъ... Ни копѣйки меньше. Что ты со мною шутики шутишь?

— Для тебя и пятнадцать находка! попробовалъ было улыбнуться Курецъ.

— Прощай, Готлибъ. Къ Саввѣ ѣду... Съ тобой видно пива не сварить.

— Ты хотѣлъ переводомъ на Вѣну?..

— Да, двадцать переводомъ, а пять на руки...

— Нечего дѣлать съ тобой... А то гдѣ у тебя?

— Выйдемъ вмѣстѣ. Получишь... Я не одинъ прїѣхалъ. Нѣмка вѣнская со мною. У нея на рукахъ... Она ждетъ внизу у подъѣзда... Ты думалъ, что я такъ и приду съ тѣмъ?.. Шалишь, братъ, не на того попалъ.

— Какъ-же я увижу? колебался Курецъ.

— Никого на улицѣ. Развернешь и увидишь...

— Ну, что дѣлать. Вотъ видишь: я стану считать... И онъ сосчиталъ пять тысячъ и издали показалъ переводъ на предъявителя въ Вѣну на 20 тысячъ.

— Вѣрно?

— Вѣрно!.. Ну, Готлибъ, по старой дружбѣ, даромъ я тебѣ дѣло-то отдалъ въ руки. Кабы къ Саввѣ!..

— Савва-бы тебя въ полицію отправилъ.

— Положимъ... не отправилъ-бы... А только не хочется мнѣ путаться... Помни только, прїѣдешь въ Вѣну—прямо ко мнѣ. Я тебѣ всѣ выходы покажу. А теперь пойдешь, моя Анхенъ, я думаю, заждалась...

Они вышли. У подъѣзда на извозчикѣ сидѣла молодая, но уже истощенная женщина, съ какимъ-то пакетомъ въ рукахъ. Готлибъ передалъ пачку, бывшую съ нимъ, Ѳомину, а самъ взялъ пакетъ.

— Ну, Ѳоминъ, прощай.

— Ладно!.. Помни-же мой адресъ... Въ Шотенрингѣ, „Отель де-Франсъ“, у стараго еврея Краниха, у гида. Понимаешь?

— Понимаю.

Вѣжавъ къ себѣ, Боголюбовъ Боголюбовичъ живо развернулъ пакетъ, посмотрѣлъ и успокоился. Вынулъ изъ стола купленную имъ замшевую сумочку съ тесемками и, раздѣвшись, положилъ въ нее бывшую въ пакетѣ бумагу. Потомъ онъ завязалъ тесемки у шеи—сумочка оказалась на немъ. Опять одѣвшись, онъ засмѣялся.

— Ну, Савва Кузмичъ, ежели что со мной случится, ты меня выручишь... Куда-бы только спрятать это?.. Кому поручить?.. Ну, да тамъ будетъ видно!

VI.

Боголюбовъ Боголюбовичъ за послѣдніе дни принялъ столь беззаботный видъ, что Плюсъ совсѣмъ сбился съ толку, не понимая, что это значитъ. Хоронившійся до тѣхъ поръ ото всѣхъ, словно старавшійся быть незамѣчаемымъ, Курецъ вдругъ опять развернулся, да не только развернулся—но какъ-то прїѣхалъ къ Исааку Яковлевичу и самъ предложилъ ему:

— Вы тогда, дрожайшій, у меня денегъ просили, я вамъ не далъ,—правду сказать, мнѣ самому пришлось въ голову одно еще болѣе выгодное предпріятіе. Но такъ какъ оно не устроилось, то на-дняхъ я къ вамимъ услугамъ. Я продажей домовъ и другими операціями ликвидировалъ довольно кругленькую сумму—для этого несудавшагося дѣла—даже на убытки шель. Теперь она будетъ у меня свободна. И если вы можете предложить тѣ же условія...

— Къ сожалѣнію, увы! я устроилъ это безъ васъ.—И самъ Плюсъ соображалъ, что бы все это значило и съ чего Курецъ вдругъ разлетѣлся къ нему.—А вы представьте себѣ, мнѣ рассказывали, будто вы за-границу ѣдете.

— Я?—И Боголюбовъ Боголюбовичъ искренно расхотался.—Это вы все воды ваши австрійскія рекомендуете. Благодарю васъ—пейте ихъ сами. Что до меня касается, я хахстинскимъ лечусь. Шереметевское Карданахъ. Отлично отъ сорока болѣзней помогаетъ. Да кстати, вы еще не завтракали?

— Нѣтъ.

— Сегодня—Савва съ Василиемъ Герасимовичемъ въ Эрмитажѣ. Правда, Василий Герасимовичъ измѣнился. а? Отвѣздъ жены — точно помогъ ему. Совѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ. Накроемъ ихъ тамъ, а?

Плюсь оторошилъ собрался и всю дорогу ломалъ себѣ голову, чѣмъ объяснить все это... Вдругъ, ему ни съ того, ни съ сего пришло на мысль, выстрѣлить на удачу—такъ себѣ.

— А вы знаете, что говорятъ? И Плюсь даже зависталъ что-то, совѣмъ не относящеся къ дѣлу.

— Что? безвечно спросилъ Боголюбовъ Боголюбовичъ.

— Будто бы здѣсь видѣли... нашего старата знакомаго... Какъ его?... Да, Ѳомина.

Дѣйствіе этого слова было столь неожиданно, что Курцъ чуть не свалился съ дрожекъ, а Плюсь струсилъ не на шутку, но тотчасъ же оправился—и пока его товарищъ приходилъ въ себя, Исаакъ Яковлевичъ уже заработалъ всѣми своими мозгами.

— Гдѣ, когда?

— Почему это васъ такъ поразило?

А самъ между тѣмъ обдумывалъ отвѣтъ.

— Гдѣ... гдѣ его видѣли?

— Это васъ кажется ужасно интересуетъ? а?

— Какъ же, какъ же... У насъ съ нимъ были счеты...

— Счеты. Ну мало-ли что было... Былъ молодцу не укорь. Видѣли его... да на вашей улицѣ и около вашего дома. Франтомъ такимъ одѣтъ... Нисколько не измѣнился.

— Франтомъ?.. вдругъ успокоился Курцъ.—Не измѣнился? Москва вѣчно вретъ!..

„Значить нищимъ и вѣрно постарѣлъ!“ сообразилъ Плюсь и сталъ необыкновенно ласковъ.

— Я, знаете, удивляюсь на васъ, Боголюбовъ Боголюбовичъ. вдругъ замурлыкала Плюсь, какъ котъ, жмурясь и даже въ антрактахъ складывая губы сердечкомъ.—Я удивляюсь на васъ... Ума палаты. Тонкость соображения—хоть сейчасъ васъ министромъ финансовъ, а у васъ никакого своего дѣла нѣтъ. Все вы на чужихъ хлѣбахъ сидите. Это пустяки, что вы соберете своихъ полтора-двадцать тысячъ. Сущіе пустяки. Изъ-за этого такимъ людямъ какъ вы и работать не слѣдуетъ... У васъ по настоящему миллионы должны быть. Будь вы съ вашимъ умомъ въ Америкѣ...

— Я учусь шведскому языку, вдругъ вставилъ Курцъ.

— Это все глупости... Я не знаю, по какимъ вашимъ дѣламъ вамъ понадобилось, чтобы всѣ думали, будто вы намѣрены осчастливить Стокгольмъ своимъ посѣщеніемъ... Но при вашемъ умѣ—что я, умѣ—при вашемъ финансовомъ гениіи и все время быть на веревочкѣ у Сластеновыхъ, ушибаться передъ ними, служить имъ...

— Я? служу имъ? поддался на удочку Курцъ.—Да они оба вотъ гдѣ у меня!—И онъ вытянулъ кулакъ.—Въ кулакѣ зажаты. Особенно Васяка. Я захочу, такъ...

И онъ вдругъ оскѣся.

— Что такъ?

— А такъ... Вообще онъ подъ моимъ влияніемъ и и благо ему... Иначе Савва бы его давно къ рукамъ прибралъ...

— Да, по это все вы служите чужимъ, а не себѣ... Пора бы, пора бы вамъ, дрожайшій, самому крылья раскинуть... Орломъ знаете—да пошире.

— Россія глухая страна... Въ Россіи ничего не сдѣлаешь...

— А вы побѣжайте куда-нибудь въ другое мѣсто...

Свѣтъ не клиномъ сошелся... Это съ чего-жъ Ѳомина постарѣлъ такъ?

— Какой Ѳомина?... То-есть какъ постарѣлъ? Съ чего вы взяли?

— Да вы же сказали. Я говорю: рассказываютъ не переѣхали... А вы кажется отвѣтили — постарѣлъ.

— То-то, что кажется. Вы, Исаакъ Яковлевичъ, что-то про себя думаете, и позвольте вамъ сказать, не обидитесь, очень глупое. А вы умный человѣкъ. Ужъ если умный человѣкъ начнетъ дѣлать глупости, то у него онѣ выходятъ колоссальными. Можетъ быть мнѣ это тоже кажется, тогда прошу извиненія.

— Нѣтъ, видите... Я пожалуй скажу вамъ... Гиршманъ его видѣлъ около вашего дома.

— Гиршманъ, Исаакъ Яковлевичъ, также бываетъ глупъ порой, какъ и другіе умные люди. А еще чаще онъ просто вретъ дуракамъ, которые его слушаютъ... Нѣкоторымъ онъ оракуломъ кажется — а по моему ему самое большое околоточнымъ служить. Полицейскія замашки есть — а таланту нѣтъ.

— О, нѣтъ... Онъ много-много секретовъ знаетъ... А съ Ѳоминымъ послѣ его побѣга онъ даже въ перепискѣ состоялъ. Ѳомина ему предлагалъ какіе-то документы купить у него

— Что-жъ онъ не купилъ?... Ну вотъ и пріѣхали.

Въ большой залѣ Эрмитажа въ углу на красномъ диванѣ сидѣли ужъ Савва съ Василиемъ Герасимовичемъ. Передъ ними была „Нѣжинская рябина“ вдовы Поновой и на-скоро половой собралъ — свѣжей икры, бѣлорыбицы, семги, рокфору. Савва тыкала во все вилкой, запивалъ водкой и бранилъ племянника „кислоемъ“.

— Плюнь-кисляй, вотъ что ты!.. Съ двухъ рюмокъ нѣжинской — и ужъ не хочу. Просто ты настоящаго купеческаго воспитанія не получилъ, вотъ и все... Я восьмую пью—и ничего, а послѣ осетрины — ренвейну ухлопаю бутылочку, да онослю филе другую Ларозу — а поверхъ всего, мы зашьемъ шинучкой. Про тебя тоже мнѣ Дроновъ сказывалъ—отличился ты у Яра. Вотъ возьму я да напишу Прасковѣ...

— Очень ей до меня дѣло! усмѣхнулся Василий Герасимовичъ. И такъ спокойно, какъ самъ не ожидалъ этого.

— Погоди... Уходитесь... Сама прилетитъ.

— Не поздно-ли будетъ. Я вѣдь тоже...

— Ты? изумился Сластеновъ-старикъ.—Ишь, заговорилъ какъ! Ты въ самомъ дѣлѣ — другой темерь... И стыдиться пересталъ. Тебя это Матрешка обучила?

— Ну вотъ!

— Чего ну вотъ, слухомъ земля полнится. Сказывали мнѣ — пріѣзжала съ сестрою она къ тебѣ вчера. Весь вечеръ сидѣла. А потомъ ты ее довезъ къ Яру, а самъ не вошелъ, домой побѣжалъ. Ну, да это твое дѣло. Кто Богу не грѣшенъ. Я старъ-старъ, а... Батюшки—племя іудейское! Плюсь съ Курцомъ!. Откуда пожаловали? Чтой-то это дружба между вами завелась... а?... Не къ добру... Ужъ если Плюсь да Курцъ на короткой ногѣ—кричи караулъ! значить быть какому-нибудь бычку на веревочкѣ. Кого оболванивать собрались? Кайся, душа проклятухая! Водки хотите—нѣжинская рябина. Чего ты вилкой икру!.. Бери ложкой. Эко... прости Господи, кажется полгода въ Москвѣ, полгода въ Питерѣ — могъ бы научиться. Плюсь ты Плюсь!.. Чего ты брови-то хмуришь!

— Да вотъ новость слышали... Ѳомина въ Москвѣ проивился.

— Ну и пушай Тебѣ что за горе. Тебя онъ не надувалъ. Теперь онъ въ несчастномъ положеніи, а допрежь-то какимъ соколомъ верховодилъ. Хочешь бывало его видѣть, ступай въ балетъ за кулисы, онъ ужъ тамъ. Господь съ нимъ.

— Вотъ, Курцъ говорить что постарѣлъ.

Курцъ взбѣсился.

Въ раздумьи. Съ карт. К. Кизели, грав. Кизлингъ.

— Плюсь, вы дуракъ и скотина! Я тысячу разъ вамъ, ослу этакому, объяснялъ, что я Ѳомина не видѣлъ. Чего же вы лѣзете?

— Я пошутить!

И Плюсь подмигнувъ Саввѣ Кузмичу.

— А ты не шути, за такія шутки коли кто къ дѣлу прикосновенень...

— Батюшка, Савва Кузмичъ! подбѣжалъ половой.

— Чего еще?

— Тутъ сейчасъ господа пришли съѣли. Рассказываютъ, съ вашимъ домомъ на Тверской, что строится...

— Ну? и Савва поблѣднѣлъ весь.—Чего еще? Господи!

— Несчастіе... Не то пожаръ, не то — и они-то не знаютъ, по дорогѣ слышали.

Савва вскочилъ. Всталъ и Галопъ, весь блѣдный, тоже.

— Должно-быть пустяки... утѣшалъ онъ.

— Нѣтъ, сказываютъ народъ туда валомъ валить и начальство тамъ тоже.

— Господи спаси! Васенька поѣдемъ.

Василій Герасимовичъ схватился. Предчувствіемъ чего-то ужаснаго — щемило ему сердце... Онъ самъ не помнилъ, какъ надѣлъ пальто, какъ сѣлъ въ свой экипажъ.

— Пойдите, пойдите, и я съ вами.

И Курць вскочилъ, и чуть не упираясь подбородкомъ въ колѣни, умѣстился на маленькой передней скамьѣ.

— Должно съ лѣсами что! Я говорилъ тонкія жердочки-то... Не слушали... Вотъ теперь и достукались. Стѣны-то устоятъ... Стѣны что!..

Поближе къ Тверской — народъ дѣйствительно валилъ толпами.

У Тверскихъ воротъ стоялъ гуль. Надъ тѣмъ мѣстомъ гдѣ былъ домъ — держалось громадное облако пыли...

(Продолженіе будетъ).

Первая гроза.

Повѣсть Виктора Бибинова.

(Продолженіе).

Садъ темнѣлъ. На голубомъ еще небѣ выступали блѣдныя звѣзды, и отъ цвѣтника, разбитаго передъ балкономъ, поднимался и доносился къ сидѣвшимъ за вечернимъ часомъ томительный и сладкій ароматъ цвѣтовъ.

Вѣра и Панченко переглядывались, имъ обоимъ одинаково хотѣлось идти въ садъ, исчезнуть въ его темныхъ, зовущихъ къ себѣ аллеяхъ, но оба почему-то стѣснялись встать изъ-за стола, и Вѣра по временамъ взглядывала на Анну Григорьевну, какъ будто ожидая позволенія матери, а Панченко съ пренебрежительнымъ и добросовѣстнымъ вниманіемъ слушалъ Петра Гаврилыча, который рассказывалъ ему, что у нихъ въ саду, до глубокой осени не перестаетъ цвѣсти резеда — преобладающее благоуханіе этого цвѣтка доносилось къ балкону, и объяснялъ свою систему пересадки и ухода за невзыскательными растеніями.

Анна Григорьевна скоро догадалась, что молодому человѣку не особенно весело бесѣдовать съ ея мужемъ, и робкіе взгляды Вѣры были поняты ею; она послала молодыхъ людей въ садъ, убѣряя ихъ, что въ такой вечеръ грѣшно сидѣть на балконѣ, а обращаясь къ Ѳедору Васильевичу прибавила, что, живя въ деревнѣ, надо пользоваться свѣжимъ воздухомъ при всякомъ удобномъ случаѣ, и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше.

Маруся пошла съ молодыми людьми, но при первомъ поворотѣ отъ цвѣтника ее испугала темнота аллей, тянувшейся длиннымъ чернымъ коридоромъ, и она съ громкимъ крикомъ: „здѣсь казакъ!“ побѣжала къ балкону.

Впрочемъ, испугъ ея не былъ силенъ и продолжителенъ, потому что скоро молодые люди услышали ея смѣхъ, веселые раскаты котораго разбудили эхо спящаго сада и замерли гдѣ-то далеко въ концѣ его, должно быть, надъ обрывомъ.

Въ концѣ сада стояла скамейка. Ее окружала живая изгородь кустовъ шиповника, посаженныхъ тѣсно другъ къ другу. Вѣра привела сюда своего жениха. Они сидѣли рядомъ, но имъ не хотѣлось ни говорить, ни думать, ни слушать: чары безотчетнаго счастья завороживали молодыхъ людей, и сладко было ихъ молчаніе.

Луна еще не поднялась, но уже всходила; верхушки тополей были облиты ея сіяніемъ, свѣтлѣло бирюзовое небо, серебряныя лучи пронизывали садъ и то здѣсь, то тамъ выходили изъ мрака деревья, чудно преобразовавшіяся въ волшебномъ свѣтѣ. Изъ далекаго цвѣтника раздался рокотъ соловья, громкій, торжествующій, и понесся по саду, пронзая сердца растроганныхъ молодыхъ людей.

Вѣра встрепенулась, подняла голову и, посмотрѣвъ на прояснѣвшее небо, предложила идти къ обрыву.

Соловью цвѣтника откликнулся другой изъ середины сада, волны звуковъ будили сонный воздухъ, молодые люди шли, не чувствуя своихъ шаговъ, и разстояніе, отдѣлявшее скамейку отъ обрыва, показалось имъ незамѣтнымъ.

Они долго просидѣли въ бесѣдкѣ, любуясь величавой картиной, открывавшейся съ обрыва.

Рѣка подъ горой куналась въ серебряномъ свѣтѣ, вода искрилась, горѣла и переливалась подъ фосфорическими лучами луны, медленно поднимавшейся по темно-голубому небу изъ-за далекаго лѣса. Легкій вѣтерокъ присылала рѣка; его освѣщающее, нѣжное дыханіе ласково обвѣвало разгорѣвшіяся лица молодыхъ людей, изъ сада доносились безконечныя соловьиныя трели, влюбленнымъ казалось, что такую ночь они видятъ первый разъ въ своей жизни, слышатъ въ первый разъ такихъ соловьевъ, и оба молчали, отдаваясь очаровательнымъ грѣзамъ раздѣленной любви.

Они возвратились домой спокойные и счастливые, но ужинать не могли, и Ѳедоръ Васильевичъ, несмотря на свои недавнія увѣренія, что онъ любитъ вареники со сметаной, едва прикоснулся къ приготовленному для него кушанью.

Послѣ ужина Вѣра показала Ѳедору Васильевичу отведенную для него комнату. Эта комната оставалась пустою послѣ отбѣда послѣдней гувернантки Маруси, и въ одномъ изъ угловъ ея, на черномъ шкапу бѣлѣла еще не убранная коробка отъ шляпы, оставленная француженкой.

За зелеными ширмами, оклеенными картинками, вѣшанными изъ иллюстрированныхъ журналовъ, стояла кровать. Два окна выходили въ садъ, у одного изъ нихъ стоялъ небольшой письменный столъ, у стѣны темнѣла кушетка, обитая черной клеенкой.

Ѳедоръ Васильевичъ нѣсколько мгновеній постоялъ на порогѣ, прислушиваясь къ замрившимъ звукамъ шаговъ молодой дѣвушки, потомъ открылъ чемоданъ, досталъ портретъ Вѣры, долго смотрѣлъ на знакомаго, милыя черты лица своей невѣсты, точно повѣряя сходство фотографическаго изображенія съ оригиналомъ, — какъ всегда ощутилъ чувство недовольства снимкомъ, но старательно протеръ стекло рамки и, поставивъ портретъ на столикъ за ширмами, раздѣлся и легъ въ постель.

Несмотря на усталость съ дороги и отъ волнѣній пережитаго дня, онъ долго не могъ смежить глазъ, сонъ не приходилъ къ нему; ему казалось, будто онъ о чемъ-то очень важномъ не успѣлъ переговорить съ Вѣрой; о чемъ — онъ не могъ вспомнить, но эта мысль не давала ему покоя и бросала его то въ жаръ, то въ холодъ. Малу-по-малу однако увѣренность, что завтра утромъ онъ увидитъ ее, успокоила молодого человѣка и онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Онъ такъ крѣпко спалъ, что на другой день утромъ, Вѣра, стоя въ саду у окна его комнаты, долго не могла дозваться своего жениха. Тогда она наскоро собрала букетъ цвѣтовъ и, переброшенная ея ловкой рукой черезъ ширмы, онъ попалъ въ лицо спящаго Ѳедора Васильевича.

Тотъ проснулся и съ удивленіемъ смотрѣлъ на разсыпавшіяся по блѣтому никейному одѣялу цвѣты разбитаго при паденіи букета, но звонкій и ясный, какъ это утро, голосъ Вѣры возвратилъ его къ дѣйствительности; онъ торопливо принялся одѣваться и черезъ нѣсколько минутъ, умытый, причесанный, уже сидѣлъ за столомъ на балконѣ.

Вѣра сказала ему, что послѣ чая она съ Марусей поѣдетъ купаться, и когда онъ воротается, на тѣхъ же лошадахъ поѣдутъ мужчины, потому что на рѣкѣ, протекающей въ трехъ верстахъ отъ Ткачей, нѣтъ купальни и надо соблюдать очередь.

Ѳедоръ Васильевичъ выслушалъ ее молчаливо, но когда встали изъ-за стола, и Вѣра съ Марусей уѣхали въ тарантасъ, онъ, проводивъ сестеръ, почувствовалъ себя одинокомъ. Онъ попробовалъ погулять въ саду, но утренній зной заставилъ его возвратиться въ комнату, онъ прошелъ въ свою и прилегалъ на кушеткѣ у письменнаго стола.

Разсѣянный, отъ нечего дѣлать, онъ осматривалъ свою комнату, и шляпная коробка, стоявшая на шкафу, привлекла его вниманіе.

Онъ вспомнилъ какъ Вѣра говорила ему, что въ этой комнатѣ, гдѣ его поселили, жила прежде гувернантка Маруси, и забытая шляпная коробка вызвала въ грустно настроенномъ воображеніи молодого человѣка образъ ея владѣльни.

„Должно быть“, думалъ Ѳедоръ Васильевичъ, „она, какъ и я, всѣмъ чужая въ этомъ домѣ, проводила невеселые часы въ своей комнатѣ“.

Такое предположеніе, хотя и ни на чемъ не основанное, усилило его тоску.

Онъ всталъ съ кушетки и принялся ходить изъ угла въ уголъ крупными шагами, но это занятіе не давало желаннаго спокойствія: въ комнату проникали палящія лучи солнца, въ ней было жарко и открытыя окна усиливали духоту.

Панченко оправилъ передъ зеркаломъ разстроенную прическу, перевязалъ галстухъ и, застегнувъ свой пиджакъ на всѣ пуговицы, вышелъ изъ тиготившей его комнаты. Онъ прошелъ въ залу, гдѣ вчера съ Вѣрой они пережидали зной. На диванчикѣ сидѣла Анна Григорьевна и размагивала шитки съ рукъ Петра Гаврилыча, помѣщавшагося передъ ней на широкое кресло.

Добродушное лицо Петра Гаврилыча было устремлено на Анну Григорьевну: онъ внимательно слѣдилъ за каждымъ движеніемъ ея проворныхъ рукъ и, по мѣрѣ надобности, то опускалъ, то поднималъ размагиваемыя шитки.

Отъ этой семейной картины вѣяло миромъ, но она не разсѣяла мрачныхъ мыслей Федора Васильевича, и молодой человекъ хотѣлъ незамѣтно пройти въ садъ, но его увидѣлъ и окликнулъ Петръ Гаврилычъ.

Панченко подошелъ къ диванчику и безучастно смотрѣлъ на суруговъ. Петръ Гаврилычъ хотѣлъ предложить ему держать шитки, вполнѣ убѣжденный, что и для Федора Васильевича будетъ приятно помогать Аннѣ Григорьевнѣ, но посмотрѣвъ на молодого человека и воскликнулъ, обращаясь къ Аннѣ Григорьевнѣ:

— Посмотри, Нюта, чтѣ съ нашимъ гостемъ, на немъ лица нѣтъ!

— Чтѣ съ вами? спросила она участливо, — вамъ нездоровится или, можетъ быть, вы скучаете у насъ; присядьте.

Федоръ Васильевичъ присѣлъ на край ближайшаго кресла, занять все онъ не рѣшился и, старательно избѣгая встрѣтиться взглядомъ съ Анной Григорьевной, сказалъ глухимъ голосомъ:

— Я совершенно здоровъ и мнѣ не скучно, но, простите меня, я не могу больше ожидать... Онъ замолчалъ, собираясь съ силами, и прибавилъ: — Я прошу руки вашей дочери... я больше...

Онъ не договорилъ, голосъ его пресѣкся, но онъ въ то-же мгновеніе почувствовалъ, какъ съ плечъ его точно гора свалилась, такъ ему сдѣлалось легко. Онъ вздохнулъ свободно, во всю грудь, но, посмотрѣвъ въ первый разъ на Анну Григорьевну, которая, выронивъ изъ рукъ клубокъ съ шитками, встала блѣдная, растерянно смотрѣла на него, ощутилъ такой сильный приливъ страха, что если бы могъ, то убѣжалъ изъ этой залы на край свѣта.

Прошло мгновеніе, Панченко погнулъ глаза, ожидая рѣшенія своей участи, но не его онъ услышалъ, а до слуха его донеслось тихое всхлипыванье Анны Григорьевны, перешедшее въ плачь, напомнившій ему плачь Вѣры вчера въ дѣву.

Когда онъ поднялъ голову, то увидѣлъ, что Петръ Гаврилычъ уже сидѣлъ на диванчикѣ, возлѣ своей жены, цѣловалъ ея руки, гладилъ ея голову, какъ маленькому ребенку, и приговаривалъ слова утѣшенія.

Федоръ Васильевичъ, чувствуя себя виновникомъ происшедшей сцены, бросился въ столовую за водой, дрожащими руками налилъ стаканъ и, расплескивая воду по пути, принесъ его въ залу.

Анна Григорьевна, уже нѣсколько оправившись отъ неожиданности, взяла стаканъ, сдѣлала нѣсколько глотковъ и протянула руку Федору Васильевичу. Онъ покрылъ ее поцѣлуями. Скоро всѣ они цѣловались; разумѣется, молодой человекъ получилъ согласіе, и показавшася въ дверяхъ Вѣра сразу, по ихъ счастливымъ лицамъ, поняла, что произошло въ ея отсутствіе.

За обѣдомъ пили шампанское. Весь день провели вмѣстѣ, не разлучаясь, и молодые люди не ходили вечеромъ въ садъ: сегодня уединеніе не казалось имъ заманчивымъ. Анна Григорьевна и Петръ Гаврилычъ точно влюбленные смотрѣли другъ на друга, и Маруся, послѣ вечерняго чая, прощалась передъ своимъ съ домашними, подошла къ Федору Васильевичу и, совершенно неожиданно для всѣхъ, звонко поцѣловала его въ губы.

Долго сидѣли они на террасѣ, строя планы о будущемъ молодыхъ людей, и было рѣшено, съ общаго согласія, надолго не откладывать свадьбу, а вѣнчаться черезъ двѣ недѣли здѣсь, въ деревнѣ, скромно, безъ гостей, въ тѣсномъ кругу своей семьи.

X.

Послѣ свадьбы молодыхъ людей отвезли на хуторъ, расположенный въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ткачей, чтобы ничто не мѣшало ихъ медовому мѣсяцу, но они черезъ недѣлю возвратились назадъ: имъ не хотѣлось прятать своего счастья.

Дѣто пролетѣло какъ счастливый сонъ, и въ первыхъ числахъ сентября, несмотря на упрямиванія родныхъ, молодые люди уѣхали въ Петербургъ.

Оба они, и Вѣра и Федоръ Васильевичъ, испытали чувство разочарованія, когда дребезжащая карета, огромная и неуклю-

жая, повезла ихъ съ Варшавскаго вокзала по непривѣтливимъ улицамъ Полковъ и унылому Загородному проспекту.

Молодые люди представляли себѣ въ мечтахъ Петербургъ не такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности: они привыкли къ дѣтства встрѣчать въ иллюстрированныхъ журналахъ и книгахъ виды столицы и воображали, что городъ сплошь застроенъ величественными зданіями и дворцами и покрытъ площадями, на которыхъ стоятъ великолѣпныя памятники.

Впрочемъ, вечеромъ, выйдя на Невскій проспектъ, залитый голубоватымъ свѣтомъ электрическихъ фонарей, они примирились съ Петербургомъ и возвратились домой, въ гостиницу, къ двѣнадцати часамъ ночи: не смотря на усталость отъ дороги, они гуляли на улицѣ около трехъ часовъ.

На другой же день, съ утра они принялись разыскивать квартиру и проходили вилоть до обѣда безъ всякаго успѣха: все, что они видѣли, казалось имъ неудобнымъ, или черезчуръ дорогимъ. Да и почти всякая квартира, кромѣ очень дорогихъ, однимъ видомъ своихъ пустыхъ комнатъ отталкивала молодыхъ людей; они не могли вообразить себѣ этихъ комнатъ уставленныхъ мебелью.

Два дня продолжались ихъ поиски и, вѣроятно, затянулись бы надолго, если-бы кельнеръ гостиницы не вступилъ въ бесѣду съ Федоромъ Васильевичемъ и не узналъ, въ чемъ горе молодыхъ людей. За скромное вознагражденіе онъ обѣщалъ молодому человеку найти подходящую квартиру и сдержалъ свое обѣщаніе. На другой день послѣ ихъ разговора, онъ отвезъ молодыхъ людей на Забалканскій проспектъ въ небольшой для Петербурга трехъэтажный домъ и показалъ имъ во второмъ этажѣ квартиру, которою они остались вполнѣ довольны, и въ тотъ же день въ ней поселились.

За сто рублей въ мѣсяцъ они наняли четыре комнаты съ полною обстановкой, не выключая посуды.

Правда, обстановка была нѣсколько странная, но ея оригинальность увеличивала въ глазахъ молодыхъ людей дѣйствительность ихъ новаго помѣщенія.

Эти комнаты передавались не прѣбывавшимъ молдаванскимъ семействомъ, проводившимъ въ прошломъ году зиму въ Петербургѣ, и были убраны въ восточномъ вкусѣ. Стулья были только въ столовой, и одна эта комната имѣла обыкновенный европейскій характеръ, въ остальныхъ же комнатахъ стояли низкія и широкія оттоманки съ валиками и подушками, обитыя темно-малиновой турецкой матеріей. Такого же цвѣта ковры покрывали полы, дорогими персидскими коврами были обтянуты стѣны, съ потолковъ спускались зеленые шелковые фонарики, и когда молодые люди загляли ихъ въ первый разъ вечеромъ, свѣтъ, отражаясь въ зеркалахъ, придавъ какой-то фантастическій гаремный колоритъ всей квартирѣ.

Панченко порывался на другой же день переѣзда на новую квартиру отправиться съ визитомъ къ Тарахтину, но Вѣра не пустила его. Она имѣла довольно смутное представленіе объ обязанностяхъ помощника присяжнаго повѣреннаго: ей казалось, что сейчасъ послѣ посѣщенія Тарахтина начнется служба, которая отниметъ у нея Федора Васильевича.

Они побывали въ Эрмитажѣ, и у обоихъ чуть не закружилась голова, когда они обошли его нижній этажъ; поднявшись наверхъ по восхитившей ихъ широкой мраморной лѣстницѣ, ведущей въ галерею живописи, молодые люди уже не останавливались ни передъ одною картиной: они отдыхали отъ еще не пережитыхъ впечатлѣній, испытывая приятное волненіе среди невиданной ими роскоши дворца.

Впрочемъ, маленький проходной залъ съ картинами Рафаэля, благодаря громкому имени, заставилъ ихъ остановиться, по счету молодые люди ожидали пробужденія восторга, — его не было, они слишкомъ устали.

Они были на вечерней службѣ въ Казанскомъ соборѣ, осматривали Исаакія, ѣздили въ Александро-Невскую Лавру...

Только спустя недѣлю послѣ пріѣзда въ Петербургъ Вѣра рѣшилась опустить своего мужа къ Тарахтину.

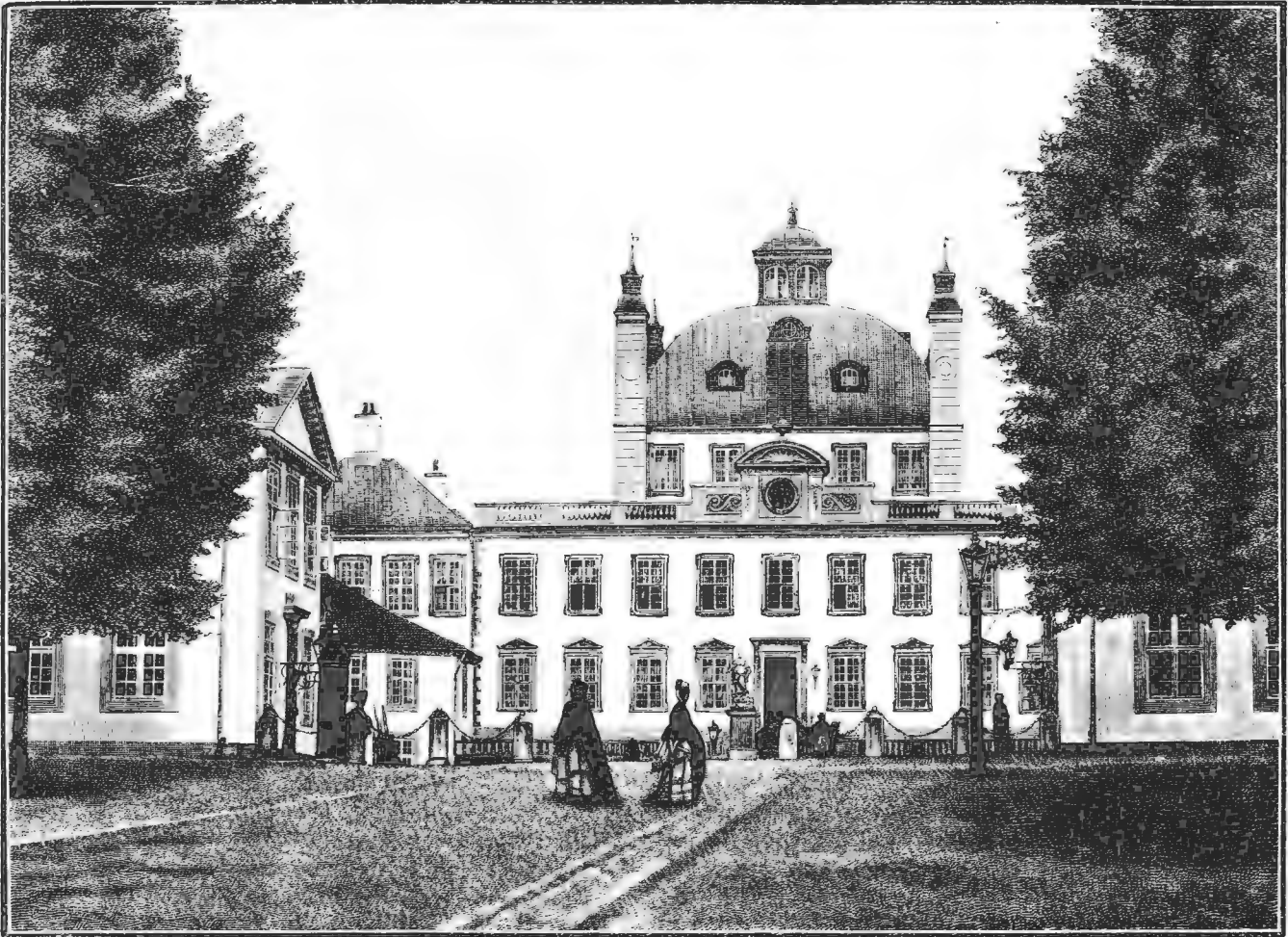
Онъ скоро отыскалъ по записанному еще дѣтому адресу квартиру адвоката на Сергіевской улицѣ у Таврическаго сада, и крѣпко билось его сердце, когда онъ стоялъ на мозаичной площадкѣ, передъ дверью, обитой зеленымъ сукномъ, на которой сіяла большая мѣдная доска съ фамиліей его патрона. Но, поборовъ смущеніе, онъ придавилъ фарфоровую пуговку электрическаго звонка и почти развязно сказалъ свою фамилію цеголю лакею, отворявшему дверь. Онъ думалъ, что вотъ сейчасъ, послѣ доклада лакея, покажется знакомая фигура Тарахтина, адвокатъ обрадуется его пріѣзду, обниметъ и поцѣлуетъ его, какъ тогда, въ памятный день ихъ знакомства; онъ съ приятнымъ волненіемъ ожидалъ въ передней, но его надежда не оправдалась.

Лакей попросилъ подождать и ввелъ молодого человека въ приемный залъ, который, несмотря на знакомство Федора Васильевича съ Эрмитажемъ, поразило его своею роскошью.

Толстый пушистый коверъ покрывалъ полъ, и ноги тонули въ его высокой шерсти. Всѣ стѣны сплошь были увѣшаны картинами въ широкихъ золотыхъ рамахъ. Картины были темныя, очевидно старинныя, напоминавшія Эрмитажъ. На тумбахъ краснаго дерева съ бронзовыми украшеніями стояли мраморныя бюсты. Старинный клавикордъ весь въ инкрустаціи,

Епископъ Ульфила проповѣдуеть готамъ Св. Евангеліе. Съ карт. Л. Польяги, грав. Кацтагалли.
Библиотека "Руниверс"

Данія. Замонъ Фреденсборгъ. Фасадаъ. Съ фот. грав. Флюгель.

Данія. Видъ замка Фреденсборгъ изъ Мраморнаго сада. Съ фот. грав. Флюгель.

въ серебряныхъ амурахъ, виноградныхъ лозахъ и цвѣтахъ художественной работы занималъ почетное мѣсто. Громадные бронзовые часы, съ фигурой женщины въ греческомъ костюмѣ, подъ стекляннымихъ колпакомъ стояли у окна. Съ дѣснаго потолка спускалась бронзовая люстра, золоченая черезъ огонь, стила Империи. Была этажерка палисадроваго дерева съ колоннами, перевитыми бронзовыми гирляндами, на ея полкахъ видѣлись всевозможные bibelots, японскіе уродцы, рѣзанные изъ слоновой кости. Когда Федоръ Васильевичъ подошелъ поближе, чтобы разсмотрѣть эти игрушки, какъ мысленно онъ окрестилъ коллекцію Тарахтина, его поразила тщательная отдѣлка мельчайшихъ подробностей каждой фигуры, и онъ долго не могъ оторвать глаза отъ группы лягушекъ, собравшихся точно для совѣщанія на виноградномъ листкѣ, удивляясь необычайному терпѣнію и труду, положенному въ такую повидному незначительную бездѣлушку. Два стола съ досками изъ лапше-лазури въ бронзовой оправѣ на массивныхъ золоченыхъ грифахъ и драконахъ усиливали впечатлѣніе, производимое этою пріемною комнатою.

Кромѣ Федора Васильевича, въ залѣ былъ еще одинъ посѣтитель, высокій куонецъ съ сѣдоватой бородкой клиномъ; сидѣвъ въ углу на низкомъ атласномъ пуфѣ, онъ придерживалъ рукой ноги своего длиннаго чернаго сюртука, чтобы онѣ не расходились, и всѣмъ существомъ своимъ говорилъ, что онъ подаватель блескомъ квартиры адвоката.

Панченко недолго разсматривалъ японскихъ уродцевъ, какъ запертыя двери въ глубинѣ пріемной комнаты растворились, изъ нихъ скорыми увѣренными шагами вышелъ молодой человекъ въ щегольскомъ фракѣ и стоячихъ воротничкахъ; онъ приблизился къ Федору Васильевичу и, глядя на него въ упоръ сѣрыми немигающими глазами, спросилъ сухимъ, дѣловымъ тономъ:

— Вы Федоръ Васильевичъ Панченко?

— Я, отвѣтилъ робко, какъ на допросѣ, Панченко.

— Прошу садитесь, отчеканилъ молодой человекъ и указавъ рукой на стоящее вблизи кресло, а самъ сѣлъ напротивъ, въ атласную козетку.

— По какому дѣлу вамъ угодно видѣть Сергѣя Николаича? Прошу изложить его мнѣ для доклада Сергѣю Николаичу—я его помощникъ, пояснилъ онъ, замѣтивъ удивленіе въ глазахъ Федора Васильевича.

Панченко не безъ любопытства оглядѣвъ съ головы до ногъ этого самоувѣреннаго юношу и объяснилъ ему въ чемъ дѣло. Сѣрые глаза помощника чуть блеснули, онъ улыбнулся, сказалъ: „будущій коллега, познакомимся!“ и назвалъ свою фамилію.

Панченко крѣпко пожалъ его руку.

Новый знакомый отпривался въ кабинетъ и тотчасъ же изъ дверей позвалъ туда Федора Николаевича.

Кабинетъ превосходилъ своими размѣрами пріемную комнату, но здѣсь была другая обстановка—ничего, кромѣ книгъ: онѣ были единственнымъ, но за то обильнымъ украшеніемъ кабинета. Онѣ наполняли высокіе шкапы, темнѣли въ пол-

кахъ надъ шкапами, подъ самымъ потолкомъ, онѣ стояли на полкахъ вертящейся этажерки на громадномъ письменномъ столѣ, онѣ лежали и на самомъ столѣ и даже на табуретахъ, обтянутыхъ коричневымъ сафьяномъ.

Тарахтинъ сидѣлъ въ креслѣ за письменнымъ столомъ, передъ нимъ лежала куча бумагъ; на оттоманкѣ, въ креслахъ, окружавшихъ столъ, сидѣли, кромѣ знакомаго уже Федору Васильевичу помощника, еще трое молодыхъ людей, тоже во фракахъ, которые точно по командѣ сразу встали при появленіи своего новаго собрата и, поочередно пожавъ ему руку, опять заняли свои мѣста.

Тарахтинъ не обаялъ и не поцѣловалъ при встрѣчѣ Федора Васильевича; онъ, правда, привѣтливо улыбнулся, не вставая, пожалъ ему руку и указавъ на свободный отъ книгъ табуретъ, пригласивъ садитесь.

Федоръ Васильевичъ оробѣлъ и потерялся въ обществѣ незнакомыхъ ему молодыхъ людей; ему казалось, что они станутъ разглядывать его съ любопытствомъ какъ провинціала; но, посмотрѣвъ украдкой на каждого изъ нихъ, убѣдился, что это чувство должно быть и не знакомо помощникамъ Тарахтина: они смогрѣли на него такъ, какъ будто знали молодого человека давно и были увѣрены, что ничего новаго для нихъ онъ не можетъ ни сказать, ни сдѣлать.

Такое отношеніе къ его особѣ хотя и удивило Федора Васильевича, но за то и совершенно его успокоило; онъ откашлялся и сказалъ, обращаясь къ Тарахтину, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, съездъ долготъ явиться къ своему патрону и напомнить о себѣ.

Тарахтинъ выслушалъ до конца краснорѣчивую вступительную фразу молодого человека, коротко спросилъ:

— Вы желаете заняться моимъ помощникомъ?—и, получивъ утвердительный отвѣтъ, предложилъ сѣроглазому молодому человеку, встрѣтившему Федора Васильевича въ пріемной, дать необходимые указанія.

Они отошли къ небольшому столику, помѣщавшемуся среди книжныхъ шкафовъ, и помощникъ продиктовалъ Федору Васильевичу заявленіе въ Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, которое сейчасъ же скрѣпилъ своей подписью Тарахтинъ.

Документы Панченко на всякій случай захватилъ съ собой, ихъ подложили къ заявленію, и сѣроглазый помощникъ простеръ свою любезность до того, что взялся отвезти бумаги въ канцелярію Совѣта, куда онъ собирался ѣхать по дѣламъ Тарахтина.

Отъ своихъ новыхъ товарищей Панченко узналъ, что у каждого помощника есть свой день въ недѣлѣ для дежурства и пріема кліентовъ, а по вторникамъ они должны собираться всѣ въ полномъ составѣ. Онъ посидѣлъ и на табуретѣ, и на оттоманкѣ, походилъ по кабинету, постоялъ передъ шкафами, прочитывая на корешкахъ заглавія книгъ, и такъ какъ Тарахтинъ не заговаривалъ съ нимъ, то онъ простился со своими товарищами и адвокатомъ, и уѣхалъ, свѣша обрадованъ Вѣру полученіемъ вождѣльнаго мѣста.

(Продолженіе будетъ).

Литературныя бесѣды.

Гоголь.

Въ то время, когда Пушкинъ еще былъ въ расцвѣтѣ своего гениальнаго дарованія, на сценѣ русской литературы появился новый гений, именемъ котораго названъ послѣдовавшій за нимъ литературный періодъ. Гоголь былъ явленіемъ необыкновеннымъ и дѣйствительно новымъ, давшимъ русской литературѣ оригинальное и новое содержаніе и направленіе. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ, въ то же время, только дальнѣйшимъ развитіемъ, логическимъ послѣдствіемъ Пушкинской поэзіи.

Бѣлинскій, опредѣляя характеръ и значеніе Гоголя на основаніи первыхъ его произведеній, „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Миргорода“, тогда, въ 1835 году, полвившихся, говоритъ: „Отличительный характеръ повѣстей г. Гоголя составляютъ—простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевленіе, всегда побуждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія“; и причину всѣхъ этихъ качествъ знаменитый критикъ видѣлъ въ одномъ источникѣ, въ томъ, что „Гоголь—поэтъ, поэтъ жизни дѣйствительной“. Легко видѣть, что простота вымысла, народность, правда жизни и оригинальность, какъ это замѣчаетъ и Бѣлинскій, суть свойства общія всѣмъ гениальнымъ поэтамъ, что они составляютъ „отличительный характеръ“ настолько же и Пушкина и Лермонтова, насколько и Гоголя. Но „комическое одушевленіе, всегда побуждаемое глубокимъ чувствомъ грусти и унынія“, составляетъ дѣйствительно своеобразную черту произведеній Гоголя, рѣзко отличающую его отъ всѣхъ русскихъ писателей бывшихъ до него и послѣ него. И черта эта, съ необыкновенною ясностью и простотой опредѣленная Бѣлинскимъ, состоитъ въ совершенно особенномъ отношеніи поэта къ жизни, ему одному принадлежащемъ, свидѣтельствующемъ о своеобразномъ складѣ ума и чувствъ Гоголя. Поэтическое изображеніе имъ дѣйствительности всегда возбуждаетъ въ

васъ неустержимый смѣхъ, повидному веселый и беззаботный до конца произведенія; но съ послѣдними строками смѣхъ исчезаетъ, уступая мѣсто настроенію печальному и горькому, вызывая мысли о ничтожности людской, о цѣломъ массѣ губительнаго общественнаго зла, существующаго въ порядкахъ и въ жизни нашей родины. И изъ-за вышшняго смѣха передъ вами выдвигается глубокой внутренней смыслъ произведенія, безпристрастное сужденіе философа и моралиста о жизни.

Послѣднее свойство гоголевской поэзіи, раскрытіе ею общественныхъ золъ, принадлежитъ болѣе его послѣдовавшимъ за „Вечерами“ и „Миргородомъ“ произведеніямъ: „Ревизору“, „Мертвымъ душамъ“ и пр. Но и въ этихъ произведеніяхъ беззаботное „комическое одушевленіе“ развертывается въ полной своей силѣ, увлекая читателя и не давая ему никакого повода заподозрить автора въ цѣляхъ научить его, заставить задуматься надъ жизнью, надъ общественными порядками и отношеніями; но такъ же неизбежно въ концѣ-концовъ приходитъ къ читателю грусть и уныніе и тяжелое раздумье. И Бѣлинскій совершенно справедливо защищаетъ Гоголя противъ той мысли, будто поэтъ имѣетъ цѣли обличительныя. Онъ, по мысли знаменитаго критика русскаго, просто поэтъ жизни дѣйствительной, а жизнь говоритъ уже сама за себя, сама себя обличаетъ. Отрицавъ въ Гоголѣ цѣли обличенія, какъ Бѣлинскій, такъ и особенно послѣдующіе, несомнѣнно были подъ влияніемъ той мысли, что если не Гоголь самъ, то изображенія его обличаютъ жизнь русскую. Этой именно стороной придано было главнѣйшее значеніе, и изъ Гоголя именно, рядомъ съ тѣмъ, что собственно заслуживаетъ наименованія Гоголевской школы, возникла и та обличительная литература, которая получила такую силу въ послѣдующіе годы. Съ этой точки зрѣнія Гоголь представляется творцомъ и источникомъ сознательнаго и критическаго отношенія къ русской дѣйствитель-

пости, такого отношенія, котораго не было до него. Мысль эта сказалась у Бѣлинскаго противопоставленіемъ Гоголя съ Пушкинымъ въ томъ смыслѣ, что Пушкинъ представитель чистой поэзіи, некавиный все поэтическое, гдѣ бы оно ни было, а Гоголь — представитель исканія поэзіи въ прозѣ жизни. Мысль эта такъ владѣла знаменитымъ критикомъ, что онъ смотрѣлъ на Гоголя, какъ на нѣчто неожиданное въ русской литературѣ, имѣющее мало связи съ предшествовавшей русской литературой; Пушкинъ представлялся Бѣлинскому несравненно больше обязаннымъ своимъ предшественникамъ, чѣмъ Гоголь имъ же и самому Пушкину.

Въ такомъ возрѣвѣніи на Гоголя есть поразительная односторонность и неполнота. Напрасно было бы смотрѣть на Гоголя, какъ на явленіе независимое въ русской литературѣ; какъ мы выше сказали, онъ только дальнѣйшее развитіе, логическое послѣдствіе литературнаго движенія, созданнаго Пушкинымъ. Задолго до Пушкина уже зародилось въ Россіи литературное отрицательное, обличительное направленіе, проявившееся въ „Недоросль“ Фонъ-Визина, въ сатирическихъ опытахъ Крылова и другихъ, получившее уже огромное значеніе въ комедіи Грибоедова, не чуждое, наконецъ, самаго Пушкина и Лермонтова, современника Гоголя по началу своей дѣятельности. Такимъ образомъ Гоголю не представлялось необходимымъ создавать то, что уже было создано, и значеніе его въ извѣстномъ смыслѣ обличительныхъ произведеній — иное. Дѣло въ томъ, что до Пушкина въ русской литературѣ разрабатывались элементы поэзіи, чуждые русской жизни, процвѣтали сентиментализмъ и романтизмъ, а то, что касалось собственно русской дѣятельности, ея обличенія и исправленія, появлялось въ литературѣ безъ истинной поэзіи, т. е. не въ свѣтѣ простаго согласнаго съ истиной изображенія. Произведенія касавшіяся русской жизни имѣли характеръ дидактической, поучительной, имѣли предвзятую цѣль: обличить, наиримѣрь, невѣжество, какъ „Недоросль“, указать пользы образованія и т. п. Пушкинъ, своимъ необычайнымъ гениемъ сразу отрѣшившій русскую литературу отъ всякой узости, сблизилъ литературу съ дѣятельностью, съ жизнью, написалъ поэзію русской жизни въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, сдѣлалъ всякую фальшь въ литературѣ болѣе невозможной, уронивъ все громкое и трескучее, несстественное, и возвысивъ все доброе и простое. Но совершенное имъ дѣло не могло быть во вредъ здоровому и ясному направленію литературы — критически отнестись къ окружающей жизни, тому направленію которое съ такой силой выразилось въ комедіяхъ Фонъ-Визина и въ „Горѣ отъ ума“ Грибоедова. И ясно, что послѣ Пушкина это направленіе должно было возникнуть, воскреснуть съ новой силой, съ новымъ значеніемъ. Не менѣе ясно, что теперь это направленіе не могло уже быть дидактическимъ, поучительнымъ, преслѣдующимъ предвзятую мысль, проводящимъ тенденціи, проповѣдывающимъ пользы образованія, необходимость искорененія зла въ общественныхъ отношеніяхъ и пр. Все это, съ тѣхъ поръ какъ Пушкинъ выяснилъ, въ чемъ состоитъ поэзія, уже не могло быть. Долженъ былъ явиться талантъ способный слить въ себя необыкновенную жизненность и правду изображеній дѣятельности съ тѣми идеями, которыя одушевляли прежде обличительное направленіе, чтобы получить уснѣхъ и значеніе. Такимъ не-

обыкновеннымъ человѣкомъ и былъ Гоголь, развившійся, кстати сказать, подъ вліяніемъ почти только одной русской литературы и своимъ гениальнымъ чувствомъ, очевидно, уловившій внутреннюю нить литературной жизни русскаго общества и и съумѣвшій отвѣтить назрѣвшей общественной потребности. Критическое отношеніе къ дѣйствительности не исключаетъ поэзіи, которая есть правда, но гениальному выраженію нѣмецкаго гениальнаго поэта, и Гоголю досталось на долю показать это. Въ этомъ огромная заслуга передъ литературой, требовавшая громаднаго дарованія. Изъ изложеннаго, конечно, ясно, что собственно „обличительное“ направленіе, преслѣдовавшее, немного спустя послѣ Гоголя, цѣли менше обличенія, было не дальнѣйшимъ развитіемъ той мысли, которая лежала въ произведеніяхъ Гоголя, а отступленіемъ отъ нея, уклоненіемъ, возвратомъ къ тому времени, когда литература была еще недостаточно совершенной, чтобы соединять въ себѣ правду мысли и правду изображенной жизни.

Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что въ произведеніяхъ Гоголя, по свойству его дарованія, сообразному съ общими свойствами несовершенной человѣческой природы, должна была сказаться извѣстнаго рода, такъ сказать, неполнота. Пушкинъ, по свидѣтельству самого Гоголя, такъ опредѣляетъ дарованіе его: „Еще ни у одного писателя не было дара выставлять такъ ярко пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ“. И Гоголь признаетъ это свойство своимъ *главнымъ свойствомъ*. Но если писатель обладаетъ столь замѣчательнымъ свойствомъ крупно выставлять пошлость пошлаго человѣка, не уделяя не-пошлости въ своихъ произведеніяхъ большаго мѣста, то на читателя это должно производить особенное впечатлѣніе, давать ему представленія о жизни особаго, печальнаго. Громадная заслуга человѣка, выставившаго на всеобщее зрѣніе, дающаго сознать всѣмъ ту пошлую мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, имѣя, однако, огромное значеніе въ жизни! Велико дѣло писателя, совершающаго такое дѣло самосознанія общественнаго! Но въ то же время, и самъ писатель, одушевляемый этимъ своимъ особеннымъ свойствомъ, невольно изощряетъ свой взглядъ на явленія именно печальныя, посягая печать пошлости; ей онъ отдастъ преимущественно свое вниманіе. Тутъ нѣтъ неправды, нѣтъ даже односторонности; не односторонности въ картинѣ, изображающей плачь и не дающей никакого намека на смѣхъ, возможный для того же лица, которое изображено плачущимъ. Говори о печальныхъ явленіяхъ жизни, изображая ихъ правильно, истинно, часто было бы неумѣстно оговариваться, что де рядомъ съ печальными существуютъ и радостныя явленія. Невозможно и отъ Гоголя требовать, чтобы пошлость жизни, имъ проведенная въ сознаніе общества, говорила о добродѣтеляхъ и достоинствахъ въ нашемъ обществѣ. Но невозможно забывать этого относительно значенія его произведеній. Заслуга Гоголя сама по себѣ и безъ того огромна. Отъ простаго поэтическаго созерцанія жизни, ея золь и ея добра, творцомъ котораго былъ Пушкинъ, Гоголь вновь ввелъ въ литературу задачи сознанія жизненныхъ золь и борьбы съ ними, не нарушая, однако, обязательности для литературы истиннаго изображенія дѣятельности. Именно въ этомъ смыслѣ онъ исполнилъ — поэтъ жизни дѣятельной. **Арс. Введенскій.**

Къ рисункамъ.

Видъ на Южную бухту въ Севастополь съ Историческаго бульвара. (Рис. на стр. 897).

Съ рѣшеніемъ устроить торговый портъ въ Феодосіи, Севастополь получилъ значеніе всецѣло военнаго порта на Черномъ морѣ, какимъ онъ былъ изображенъ еще въ 1783 г., векорѣ по присоединеніи Крымскаго ханства къ Россіи. Парижскій миръ, въ 1856 году, послѣ славной Севастопольской войны, лишилъ Севастополь военнаго значенія, такъ какъ укрѣпленія не могли быть восстановлены. Но не прошло 30-ти лѣтъ, и изъ разрушеннаго города, въ которомъ по возвращеніи его русскимъ властямъ осталось только 14 малоповрежденныхъ зданій, возсталъ снова красивый и сильный Севастополь. Съ 1885 года начались постройки укрѣпленій и доковъ, и Севастополь сталъ военною гаванью для Черноморскаго флота.

Превосходный рейдъ, одинъ изъ лучшихъ въ свѣтѣ, длиною болѣе 6 верстъ и шириною около версты, при глубинѣ отъ 6 до 10 сажень, раздѣляется на нѣсколько вѣтвей, образуя бухты меньшаго размѣра, подъ названіями Артиллерійской, Южной, Корабельной и Килебалочной. Бухты эти раздѣляютъ городъ на три части — Южную, Корабельную и Сѣверную. Нашъ рисунокъ представляетъ видъ на одну изъ бухтъ, Южную, снятый съ Историческаго бульвара.

Съ послѣдней выставки въ Имп. Ак. Худ. „Въ распутицу“. Карт. проф. Н. Сверчкова.

(Рис. на стр. 900).

Знаменитый профессоръ Сверчковъ, въ своей картинѣ, быв-

шей на послѣдней Академической выставкѣ и носящей названіе „Въ распутицу“, является не только неподражаемымъ рисовальщикомъ лошадей, что давно и всѣмъ извѣстно, но и тонкимъ наблюдателемъ, изобразителемъ цѣлаго ряда сценъ, подмѣченныхъ имъ на берегу рѣки, въ ненастную осеннюю погоду, при ожиданіи парома. Тутъ и помѣшничья крытая брочка, у которой топчаться нищие, прося подаянія, и нѣсколько странниковъ, усѣвшихъ на бревенкѣ и терпѣливо ожидающихъ, пока едва примѣтный въ туманѣ мужичекъ докличется парому съ другаго берега...

„Бесѣда“. Съ карт. проф. Н. Кошелева.

(Рис. на стр. 901).

Картина „Бесѣда“, съ которой гравюру читатели найдутъ на стр. 901, принадлежитъ кисти талантливаго профессора исторической живописи Николая Андреевича Кошелева, автора извѣстной картины „Погребеніе Христа“. Въ „Бесѣдѣ“ Н. А. Кошелевымъ тонко и живо переданы, со свойственно ему наблюдательностью, нѣсколько типичныхъ фигуръ крестьянскихъ дѣтей, собравшихся на задворкахъ на „бесѣду“ въ подражаніе взрослымъ.

„Въ раздумьи“. Съ карт. Н. Кизеля.

(Рис. на стр. 905).

Ты головку опустила,
Отуманивъ блескъ очей,
И лицо твое покрыла
Прядь волнистая кудрей... (Щербина).

Епископъ Ульфила проповѣдуетъ готамъ Св. Евангеліе. Карт. Л. Польяги. (Рис. на стр. 908).

Дошедшіе до нашего времени остатки готской письменности представляютъ чрезвычайно цѣнное сокровище для филологовъ, являясь самымъ древнимъ образцомъ языка древнихъ германцевъ. Первое мѣсто въ ряду произведеній на готскомъ нарѣчій, безспорно, представляетъ переводъ Библіи, сдѣланный епископомъ Ульфилой или Вульфилой, апостоломъ готвъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ Свв. Кириллы и Меодій называются апостолами Славянъ.

По преданію, большой и сильный народъ готвъ выселился съ острова Скандіи (изъ Скандінавіи) на материкъ Европы, гдѣ во времена маркоманскихъ войнъ во II вѣкѣ по Р. Х., расселился по равнинѣ идущей къ сѣверу и югу отъ Карпатовъ. Вскорѣ договорами и силою готы присоединили къ себѣ пограничное население, такъ что обширное царство готвъ въ IV столѣтіи раскинулось отъ Тисы до Дона, и отъ Чернаго до Балтійскаго моря. Не мало германскихъ племенъ, въслѣдствіи извѣстныхъ подъ собственными именами, напр. герулы, вандалы и др., входили въ составъ государства готвъ, которые, въ свою очередь, распались на западныхъ и восточныхъ готвъ (Вестготы и Остготы). Среди множества племениковъ, приводимыхъ готами во внутрь своей страны, находилось не мало христіанъ, которымъ удалось забросить сюда первая сѣмена ученія Христова. Но христіанское ученіе дошло до готвъ въ извращеніи Арія, отрицавшаго единственность Бога Сына съ Богомъ Отцемъ. Извѣстно, что какъ готы, такъ и вандалы и лангобарды придерживались этой ереси нѣсколько вѣковъ. Главнымъ насадителемъ среди готвъ вѣры Христовой, какъ уже замѣчено выше, былъ Ульфила. Онъ родился около 311 года въ христіанской семьѣ, уведенной готами въ неволю изъ Каппадокіи. Въ 341 году онъ былъ облеченъ въ санъ епископа Евсевіемъ Никомидійскимъ, и затѣмъ съ 348 года неутомимо проповѣдывалъ среди вестготовъ христіанство. Въ 355 году, въслѣдствіе гоненія на христіанъ, онъ со многими изъ нихъ бѣжалъ въ Константинополь, гдѣ испросилъ у императора Константина позволеніе поселиться у подножія Мизійскихъ горъ. Тамъ имъ сдѣланъ былъ переводъ Библіи, тотъ безцѣнный памятникъ словесности, который сохраняется какъ сокровище подъ названіемъ „серебрянаго кодекса“ въ Ульфильской бібліотекѣ. Наша гравюра на стр. 908 съ рисунка итальянскаго художника Л. Польяги, изображаетъ благочестиваго епископа, среди готскихъ

вождей, читающаго имъ свой переводъ Библіи и толкующаго ученіе Христа. Сосредоточенно слушаютъ закаленные въ битвахъ войны живое слово всепрощенія и любви. Умеръ Ульфила въ 381 году въ Константинополѣ, куда его призвалъ императоръ Θεодосій.

Замокъ Фреденсборгъ, въ Даніи.

(Рис. на стр. 909 и 912).

Съ именемъ замка Фреденсборгъ не связаны никакія историческія событія. Политика и государственная жизнь далеки

отъ него. Тамъ не бываетъ ни конгрессовъ, ни конференцій, ни другихъ съѣздовъ дипломатовъ или за сѣданій депутатовъ. Тамъ не менѣе не мало воспоминаній, и притомъ самыхъ свѣтлыхъ и приятныхъ, соединено съ этимъ замкомъ.

Замокъ Фреденсборгъ лежитъ къ сѣверу отъ Копенгагена на островѣ Зеландіи, вблизи краснаго озера Эсромъ, у желѣзно-дорожной линіи, соединяющей столицу Датскаго королевства съ Гельсингеромъ. Онъ составляетъ лѣтнее мѣстопробываніе датской королевской четы, которая удаляется туда отдохнуть среди своей семьи. Тамъ, посреди живописной мѣстности, проводитъ лѣто маститый король Христіанъ IX, Августійшій родитель Государыни Императрицы, вдали отъ тревожной государственной жизни, и туда съѣзжаются къ нему многочисленные и славные родичи Датскаго короля. Такъ, Фреденсборгъ перѣдко былъ осчастливленъ посѣщеніемъ Государя Императора и Государыни Императрицы съ Августійшею Семейю; тамъ жили и принцъ Вельскій, женатый на принцессѣ Александрѣ, старшей дочери Датскаго короля, и второй сынъ его, король Греческій Георгъ I, и принцесса Тира, съ 1878 года герцогиня Кумберландская. Тамъ же гостятъ и наследникъ Датскаго престола принцъ Фридрихъ, женатый на шведской принцессѣ Луизѣ, и третій сынъ короля, принцъ Вольдемаръ и его супруга, принцесса Марія Орлеанская. Высокихъ посѣтителей сопровождаютъ ихъ семьи, и въ это время въ Фреденсборгѣ царитъ большое оживленіе, свидѣтелями котораго могутъ быть всѣ посѣтители чудеснаго и обширнаго замковаго парка. Паркъ этотъ, очень красивый, доступенъ всѣмъ, за исключеніемъ небольшой части его, носящей названіе Мраморнаго сада, откуда особенно красивъ видъ на замокъ, какъ это видно на нашей гравюрѣ. Въ этомъ паркѣ также находится живописная дача, принадлежащая Государю Императору. Изображеніе ея помещено нами на стр. 912.

Данія. Дача Государя Императора въ Фреденсборгѣ. Съ фот. Христенсена, грав. Флюгель.

Выставка пчеловодства въ Москвѣ. Съ фотографіи рис. А. Земцовъ, грав. въ мастерской "Нивы".

1) Торжественное празднованіе 25-лѣтія опытной пастки Имп. Русск. Общ. Акклиматизаціи въ Измайловскомъ затрицѣ 27 іюня 1890. 2) Видъ выставки съ внѣшней стороны 3) I отдѣлъ: медоносныя растенія. 4) Павильонъ IV-VIII отдѣловъ. 5) III отдѣлъ: опытная пастка

Пчеловодная выставка в Москвѣ.

(Рис. на стр. 913).

3 июня в Москвѣ открылась выставка пчеловодства. Устроена она на опытной пасѣкѣ Императорскаго Общества акклиматизаціи растений и животныхъ въ Измайловскомъ звѣриницѣ, въ ознаменованіе четверть-вѣкового существованія опытной пасѣки. Пасѣка возникла 25 лѣтъ тому назадъ на средства дарованнаго г. Евсѣевымъ, при дѣятельномъ участіи и содѣйствіи г. Александрова, въ завѣдываніи коего пасѣка находилась десять лѣтъ. Подъ пасѣку были отведены участки земли величиною въ 1 десятину тогдашнимъ министромъ Государственныхъ Имуществъ А. А. Зеленымъ на мѣстѣ, гдѣ двѣсти лѣтъ тому назадъ царь Алексѣй Михайловичъ имѣлъ свой „государевъ“ пчельникъ. За четверть вѣка пасѣка принесла не мало пользы, какъ устройствомъ выставокъ, такъ и распространеніемъ свѣдѣній о рациональномъ пчеловодствѣ.

Юбилей пасѣки рѣшено было ознаменовать выставкой пчеловодства подъ почетнымъ предѣдательствомъ Московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова. Она прекрасно устроена, главнымъ образомъ, благодаря трудамъ Ѳ. С. Мочалкина, завѣдывающаго пасѣкой съ 1885 года. Въ выставкѣ принимаютъ участіе экспоненты со всѣхъ концовъ Россіи, въ томъ числѣ и мало крестьянъ.

Она была открыта по 15 августа. Съ 3 июня до закрытія выставку посетило свыше 10,000 человекъ. Особо много было посетителей по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, когда на выставкѣ проходили бесѣды по пчеловодству, въ которыхъ принимали участіе всѣ желающіе.

Празднованіе юбилей пасѣки состоялось 27 июля. Въ 4 часа дня на выставку собрались члены Общества акклиматизаціи со своимъ президентомъ, И. П. Цвѣтухинымъ, во главѣ, много экспонентовъ и лицъ сочувствующихъ Обществу и его пасѣкѣ. Торжество началось молебствомъ въ особой бесѣдкѣ, затѣмъ состоялось въ пчеловодномъ музее торжественное засѣданіе Общества акклиматизаціи, послѣ чего на открытомъ воздухѣ былъ сервированъ обѣдъ. Окончилось торжество въ десятомъ часу вечера фейерверкомъ.

На нашемъ рисункѣ, кромѣ изображенія самаго празднованія юбилей (1), читатели найдутъ нѣсколько видовъ съ выставки пчеловодства, въ томъ числѣ видъ выставки съ вѣшней стороны (2), I отдѣлъ — медоносныя растения (3), III отдѣлъ — ульи съ живыми пчелами (5) и навильонъ IV—VII отдѣловъ (4).

Крестный ходъ 1 августа в Петербургѣ.

(Рис. на стр. 916).

Ежегодно, 1 августа, въ день, посвященный памяти подвижниковъ за вѣру и отечество, мучениковъ Маккавеевъ, православная церковь торжественно празднуетъ крестными ходами „Пронхожденіе древъ честнаго и животворящаго Креста Господня“. Во всѣхъ храмахъ Петербурга совершаются въ этотъ день торжественныя богослуженія, послѣ которыхъ бывають молебны съ водосвѣтjemъ. Крестные ходы въ Петербургѣ совершаются въ нѣсколькихъ мѣстахъ: изъ Троицкаго собора Александро-Невской Лавры; изъ Петропавловскаго собора на Неву, а затѣмъ къ часовнѣ Спасителя; изъ единовѣрческой церкви Захарія и Елизаветы тоже на Неву; съ Аптекарскаго острова изъ Преображенской церкви и съ Каменнаго острова изъ придворной церкви во имя Іоанна Крестителя—на Малую Невку и проч. Но особенной торжественностью и великолѣпjemъ отличается крестный ходъ изъ Исаакіевскаго собора на Неву. По окончаніи богослуженія, процессія выходитъ черезъ западныя врата храма на Исаакіевскую площадь и, минуя Александровскій садъ, держитъ путь на набережную Невы къ спуску у Сената. Здѣсь обыкновенно строятся накануне іорданъ—громадный помостъ декорированный краснымъ сукномъ. Посрединѣ помоста устроена такъ называемая „сѣнь“, — палатка драпированная бѣлымъ платомъ съ золотыми крестами. При цѣли „Спаси Господи люди Твоя“ Св. Крестъ погружается въ воду и, затѣмъ, по окончаніи водосвѣтя возвращается въ Исаакіевскій соборъ. По пути крестнаго хода, у „Іордана“ и далеко по набережной Невы присутствуютъ цѣлыя массы народа. На нашемъ рисункѣ представлены какъ выходъ крестнаго хода изъ вратъ собора, такъ и самая іордань.

Н. И. Новиковъ. (Портр. на стр. 917).

Русская драматическая сцена понесла новую утрату. 21 августа, въ Москвѣ скончался Никифоръ Ивановичъ Новиковъ, артистъ Императорскихъ театровъ, хорошо знакомый петербургской публикѣ и еще болѣе извѣстный въ провинціи, гдѣ онъ болѣе тридцати лѣтъ подвизался то какъ актеръ,

то въ качествѣ антрепренера и всегда имѣлъ артистическій успѣхъ. Это былъ одинъ изъ весьма даровитыхъ артистовъ съ талантомъ разнообразнымъ, что называется „на всѣ руки“; игралъ онъ роли комиковъ, простаковъ, резонеровъ, тирановъ, роли бытовыхъ, непосредственно комическихъ и даже водеvilльнныя. Можно сказать, что во всякомъ амбуа онъ былъ недурень, не портилъ игры, но болѣе всего былъ на своемъ мѣстѣ въ роляхъ драматическихъ, гдѣ требуется чувство, прекрасно исполнялъ бытовые роли, а по преимуществу двигался въ роляхъ изъ репертуара Островскаго, каковы, напримѣръ, Красновъ („Грѣхъ да бѣда“), Кабановъ („Гроза“), Безсудный („На бойкомъ мѣстѣ“), или Подхальзникъ („Свои люди—сочтемся“), Русаковъ („Не въ свои сани не садись“), Беневоленскій („Бѣдная невѣста“), Оброшеновъ („Путники“), Дикой („Гроза“) и друг. Далеко не плохо исполнялъ онъ и роли Расплюева въ „Свадьбѣ Кречинскаго“, Делакторскаго въ „Испорченной жизни“, И. Е. Чернышева, Городничаго въ „Ревизорѣ“, Ренетилова въ „Горѣ отъ ума“ и много другихъ. Вообще, репертуаръ его, какъ почти каждаго провинціальнаго премьеры, отличался крайнимъ разнообразjemъ, и всѣхъ ролей переигралъ онъ болѣе шестидесяти. У него была превосходная мимика, выразительная, вполне средняя наружность, но голосъ былъ у него мало работоспособный, глухой; изяществомъ манеръ артистическое же не отличался, а потому свѣтскихъ людей игралъ онъ безъ блеска, хотя всегда старался провести и эти роли какъ могъ лучше. Въ комическихъ роляхъ ему не доставало настоящей заразителной веселости.

Никифоръ Ивановичъ Новиковъ былъ сынъ театрального капельмейстера, женатаго на провинціальной артисткѣ, и родился въ Саратовѣ 9 февраля 1837 года. Родители не пожелали подвергать сына всѣмъ превратностямъ артистической карьеры и помѣстили его, въ 1845 году, во вторую Казанскую гимназію. Учился онъ хорошо, и, однакоже, наследственность брала свое. Новиковъ болѣе всего тяготѣлъ къ театру и съ большимъ жаромъ игралъ въ домашнихъ спектакляхъ. Когда отецъ его снялъ театръ въ Астрахани, Новиковъ сдѣлался уже настоящимъ актеромъ, играя простаковъ и водеvilльныхъ комиковъ на сценѣ этого театра съ 1854 по 1861 годъ; тогда же отецъ заставлялъ молодого артиста участвовать и въ операхъ, съ тѣмъ, чтобы развитъ его недурныя голосовыя средства. По смерти отца, Новиковъ женился, служилъ въ Ставрополѣ, Новочеркаскѣ и на Кіевской сценѣ. Затѣмъ онъ сдѣлался антрепренеромъ, перекочевывая изъ города въ городъ, наживался, разорился, снова поправлялъ свои дѣла и вновь разорился. Въ сезонъ 1871—72 гг., онъ былъ приглашенъ, одинъ, въ Тифлисъ и имѣлъ здѣсь большой успѣхъ, который заставилъ его снова попытаться счастья на антрепренерскомъ поприщѣ. Советамъ запутавшійся въ этихъ дѣлахъ, онъ въ 1874 году поступилъ на сцену „Общедоступнаго театра“ въ Москвѣ и приводилъ въ восторгъ москвичей особенно въ роляхъ простаковъ и въ пьесахъ Островскаго. Потомъ, послѣ новой неудачной попытки держать собственную трущину, онъ служилъ на Харьковской сценѣ въ сезонъ 1876—77 гг., у извѣстнаго провинціального антрепренера Н. Н. Дюкова, снялъ также лѣтній театръ въ „Шато де-Флёръ“ и, разорившійся окончательно, пріѣхалъ къ Пасхѣ 1878 года въ Петербургъ некакъ дебюту на Императорской сценѣ. Дебютъ его состоялся на Свѣтой недѣлѣ, 21 апрѣля, въ бенефисъ Петипа; онъ выступилъ въ лучшей изъ Марignyовскихъ ролей, въ роли Трубина-Разладина, героя пьесы Чернышева „Отецъ семейства“, и успѣхъ имѣлъ необыкновенный. Онъ былъ принятъ въ трущину, занявъ амбуа покойнаго В. И. Виноградова, и сразу вошелъ въ моду. Тогдашняя театральная критика, по свѣдѣтельству извѣстнаго автора „Хроникъ петербургскихъ театровъ 1826—1881 года“, раздѣлилась на два лагерь въ отношеніи новаго артиста; одинъ ставилъ Новикова „выше лѣва стоячаго и провозглашалъ чуть не гевіемъ“, другой — „тонталъ въ грязь, не признавая въ немъ и искры таланта“. Оба лагерья были не правы. Новикову было далеко до Маргынова, Самойлова, Садовскаго, Васильева 2, но все-таки онъ стоялъ головою выше тѣхъ бездарностей, которыя тогда замѣнили у насъ этихъ орловъ. Тѣмъ не менѣе дирекція не сумѣла удержать Новикова въ трущинѣ, и для него снова началась скитальческая жизнь, послѣ которой онъ думалъ успокоиться въ Москвѣ, приглашенный на текущій сезонъ въ театръ Корша; 16 августа Новиковъ долженъ былъ дебютировать ролью Русакова въ комедіи „Не въ свои сани не садись“, но за два дня до спектакля слегъ въ постель и болѣе уже не всталъ. Скончался онъ отъ болѣзни печени, осложнившейся водяноюю, въ 53 году жизни, мало ему улыбающейся. П. Биковъ.

Политическое обозрѣніе.

Забытый было генералъ Буланже снова сдѣлался во Франціи предметомъ всеобщаго вниманія. Вызвано оно появившимися на страницахъ *Figaro* статьями подъ заглавіемъ „Cahissés du boulangisme“, весьма сенсационнаго свойства. Въ

нихъ сообщается цѣлый рядъ разоблаченій о буланжистскомъ движеніи, еще недавно бывшемъ злобою дня въ республикѣ. Если вѣрить этимъ тайнамъ, то генералъ Буланже для достиженія своихъ цѣлей вѣдался съ лицами различныхъ пар-

тій. Онъ посѣдилъ и принца Наполеона въ Швейцаріи, былъ въ сношеніяхъ и съ монархистами, и съ роялистами, и съ апархистами. Въ разоблаченіяхъ указываются и источники, откуда почерпались средства для пропаганды. Между прочимъ выдвигается, что для веденія своего заговора противъ республики буланжисты получали средства отъ герцогини Уэссей, притомъ по настояніямъ графа Парижскаго. Когда герцогиня передала буланжистамъ до 3½ мил. франковъ — она сообщила, что такія жертвы поколеблютъ слишкомъ сильно ея состояніе. Чтобы успокоить ее, графъ Парижскій выдалъ ей нѣчто въ родѣ векселя, которымъ обязался вернуть ей эти деньги, какъ только на тронъ Франціи возсядетъ принцъ Орлеанскій.

Нескромный авторъ этихъ разоблаченій оставался довольно долго неизвѣстнымъ, пока не выяснилось, что „Закулисные тайны“ являются произведеніемъ нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ сенатора Нака и бывшаго редактора буланжистскаго листа *La Cocarde*, депутата Мермека. Послѣдствіемъ разоблаченій, какъ можно было ожидать, явилась горячая полемика на страницахъ газетъ и Мермеку приходится драться на дуэли болѣе чѣмъ съ десятью лицами. Также и у Рошфора на голландской территоріи состоялась дуэль съ Тьебо, который раненъ. Она вызвана замѣткой въ *Intransigent*, гдѣ Рошфоръ замечаетъ, что Тьебо былъ шпиономъ правительства и съ одной стороны подстрекалъ и компрометировалъ Буланже, а съ другой доносилъ о всѣхъ его дѣйствіяхъ министрамъ. Понятно, какое дѣйствіе статьи *Figaro* произвели на буланжистовъ. Самъ генералъ въ телеграммѣ къ Рошфору пишетъ о „*Couillisses du boulangisme*“: „Я ничего не имѣю сказать объ этомъ и отвѣчать на это не желаю, я предоставляю себѣ въ свое время выразить мое мнѣніе объ этой кампаніи и о тѣхъ, кто ее затѣялъ. Что касается самаго разсказа, то это не болѣе какъ политическая грязь“. Въ письмѣ къ редактору *La Voie du Peuple* Буланже называетъ редактирующаго его бывшими друзьями и сторонниками разоблаченія „дополненіемъ къ обвинительному акту генеральнаго прокурора“. Генералъ заявляетъ, что въ „*Couillisses du boulangisme*“ его дѣйствія и поведеніе извращены и подтасованы самымъ коварнымъ образомъ и что авторы „*Couillisses*“ просто измѣнники.

Въ воскресенье, 26 августа, въ Болгаріи состоялись выборы депутатовъ въ народное собраніе. Всѣхъ депутатовъ должно быть выбрано 289, изъ которыхъ 204 приходится на Болга-

рію, а 85 на Восточную Румелию. Стамбуловъ „со товарищи“ уже давно началъ дѣйствовать, чтобы обезпечить правительству большинство въ будущей палатѣ. Тѣмъ не менѣе *Свобода* и другія газеты правительственнаго лагеря утверждаютъ, что оппозиція будетъ предоставлена полная свобода дѣйствій, но, несмотря на то, правительству уже теперь обезпечено подавляющее большинство въ новомъ собраніи. О результатахъ выборовъ сообщаютъ телеграммы *Агентствъ Рейтера* и *Гаваса*. Первому изъ нихъ, *Агентству Рейтера*, телеграфируютъ изъ Софіи, что на бывшихъ въ Болгаріи выборахъ правительственные кандидаты почти вездѣ вышли побѣдителями. Даже Плевна и другіе города, которые прежде выбирали оппозиціонныхъ кандидатовъ, теперь голосовали за правительственныхъ. Безпорядковъ во время выборовъ не было. Изъ 295 депутатовъ, образующихъ новое собраніе, 260 — сторонники правительства, оппозиція же состоитъ нынѣ изъ 35 членовъ, тогда какъ въ предшествовавшемъ собраніи членовъ оппозиціи было 90. Ни одинъ изъ вождей оппозиціи не былъ избранъ. Радославовъ былъ побѣжденъ въ Ловчѣ цанковцами. Стамбуловъ избранъ въ Софіи, Тырновѣ, Фидиниолѣ, Эскизагрѣ и Виддинѣ; Тончевъ — въ Софіи, Руцукѣ и Карловѣ; Живковъ — въ Софіи, Тырновѣ и Варнѣ. Избраны также бывшіе министры Стопловъ, Странскій и Салабашевъ, какъ правительственные кандидаты. Говоря о результатахъ выборовъ въ Болгаріи, *Temps* находитъ, что усѣхъ правительственной партіи не представляетъ ничего неожиданнаго, такъ какъ внутреннее положеніе Болгаріи неблагоприятно для свободы избирательныхъ состязаній. „За уроною — говорить газета — стоитъ, съ палкою въ рукахъ, сторожъ и слѣдитъ за операціей подачи голосовъ. Казнь Паницы заставляеть жаждущихъ независимости сдерживать себя. Вѣна и Лондонъ, конечно, несутся съ привѣтствіями къ этой побѣдѣ террора“. Въ заключеніе *Temps* высказываетъ мнѣніе, что Стамбуловъ, чтобы упрочить свое дѣло, можетъ, пожалуй, попытаться достигнуть сближенія съ Россіей.

Сербская печать съ удовольствіемъ констатируетъ, что Австрія, стремясь разорить Сербію, достигаетъ обратныхъ результатовъ. Въ странѣ пробуждается предпримчивость, австрийскіе фабрики постепенно замѣняются своими, болѣе доброкачественными, найдены новые рынки для хлѣба, направляемаго нынѣ исключительно на Солушь. Прекрасный урожай, удвоеніе доходности желѣзной дороги и монополій значительно поправили финансы.

Библиографія. (См. рис. на стр. 917).

Русскій языкъ. Составилъ Ѳ. К. Арнольдъ. Томъ I. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1890.

Въ Россіи ископаны вѣка имѣлось громадное богатство, расточавшееся безъ всякаго толка и нѣрѣдко въ ужасающихъ размѣрахъ, но тѣмъ не менѣе и нынѣ еще заключающееся въ *одной стаи миллионныхъ* десятихъ лѣса; между тѣмъ, до послѣдняго времени весьма немногое дѣлалось для сохраненія этихъ сокровищъ — не было у насъ даже книги, по которой желающіе могли бы вполнѣ ознакомиться съ этимъ источникомъ народнаго благосостоянія и съ тѣми лѣсами, благодаря которымъ онъ можетъ стать неиссякаемымъ. Пополнить этотъ прискорбный пробѣлъ въ нашей популярно-научной литературѣ взялся маститый знатокъ русскаго лѣса, Ѳ. К. Арнольдъ, задавшійся мыслью составить полную и общедоступную энциклопедію лѣсовѣднія, лѣснаго хозяйства у насъ и за-границей, лѣсныхъ законовъ, словомъ, всего относящагося къ лѣсному дѣлу. Ближайшимъ поводомъ къ составленію вышеназванной книги нашему ученому специалисту и практику послужилъ лѣсоохранительный законъ 4 апрѣля 1888 г., застигший врасплохъ огромное большинство нашихъ лѣсовладѣльцевъ и лѣсопромышленниковъ. Подробному разъясненію этого закона какъ въ его совокупности, такъ и по многоразличнымъ статьямъ его, посвящена значительная часть (124 стр.) вышеназванной книги первого тома капитальныхъ трудовъ Ѳ. К. Арнольда. Такимъ образомъ, книга эта, уже въ силу одной главы о лѣсоохранительномъ законѣ, становится необходимою русскимъ лѣсовладѣльцамъ, лѣсопромышленникамъ и всѣмъ сколько-нибудь прикосновеннымъ къ лѣсному дѣлу. Но и незаинтересованный въ немъ матеріально — съ живѣйшимъ интересомъ прочтеть, напр., изложенную блестящимъ литературнымъ языкомъ. III главу: неперядки въ хозяйствѣ русскихъ лѣсовъ; здѣсь, въ безчисленныхъ примѣрахъ изъ живой дѣйствительности, ярко и художественно иллюстрируются профессиональныя черты быта лѣсопромышленниковъ и опровергаютъ большинство установившихся ходячихъ мнѣній, даю-

щихъ совершенно невѣрную картину этого въ высшей степени характернаго быта. Въ видахъ рациональнаго устроченія этихъ неперядковъ первый томъ начинается разъясненіемъ значенія лѣса вообще и обзоромъ современнаго состоянія русскихъ лѣсовъ, съ полною ихъ статистикою сравнительно съ иностранными лѣсами; къ этой главѣ приложена неполная въ четырнадцать красокъ громадная карта лѣсовъ Европейской Россіи съ нагляднымъ показаніемъ (густотою тона) лѣсности каждаго уѣзда, отношеній площади казенныхъ и частныхъ лѣсовъ и границъ распространенія различныхъ породъ лѣса. Не менѣе интересна и меньшая по размѣрамъ карта лѣсности Европы. Далѣе разсматриваются различные способы продажи лѣса въ Россіи съ разъясненіемъ ихъ выгодъ, невыгодъ и вліяній на дальнѣйшее произрастаніе лѣса. Затѣмъ слѣдуютъ помнятыя уже неперядки русскихъ лѣсовъ и лѣсоохранительный законъ.

Во второмъ томѣ, измѣщаемъ попутно въ продажу въ концѣ 1890 года, будетъ помѣщено подробное описаніе деревьевъ и кустарниковъ, произрастающихъ въ русскихъ лѣсахъ, съ указаніемъ, на что именно годна каждая порода, способовъ возвращенія лѣса, орудій употребляемыхъ въ лѣсномъ хозяйствѣ, друзей и враговъ лѣса изъ міра животныхъ, способовъ приобрѣтенія сѣмянъ и саженцевъ. Второй томъ будетъ украшенъ 17-ю гравюрами (на мѣди) съ изображеніями главнѣйшихъ представителей русскаго лѣса, и кромѣ того, болѣе чѣмъ 120 художественно исполненными рисунками, иллюстрирующими текстъ. Третій и послѣдній томъ будетъ заключать въ себѣ организацію лѣснаго хозяйства.

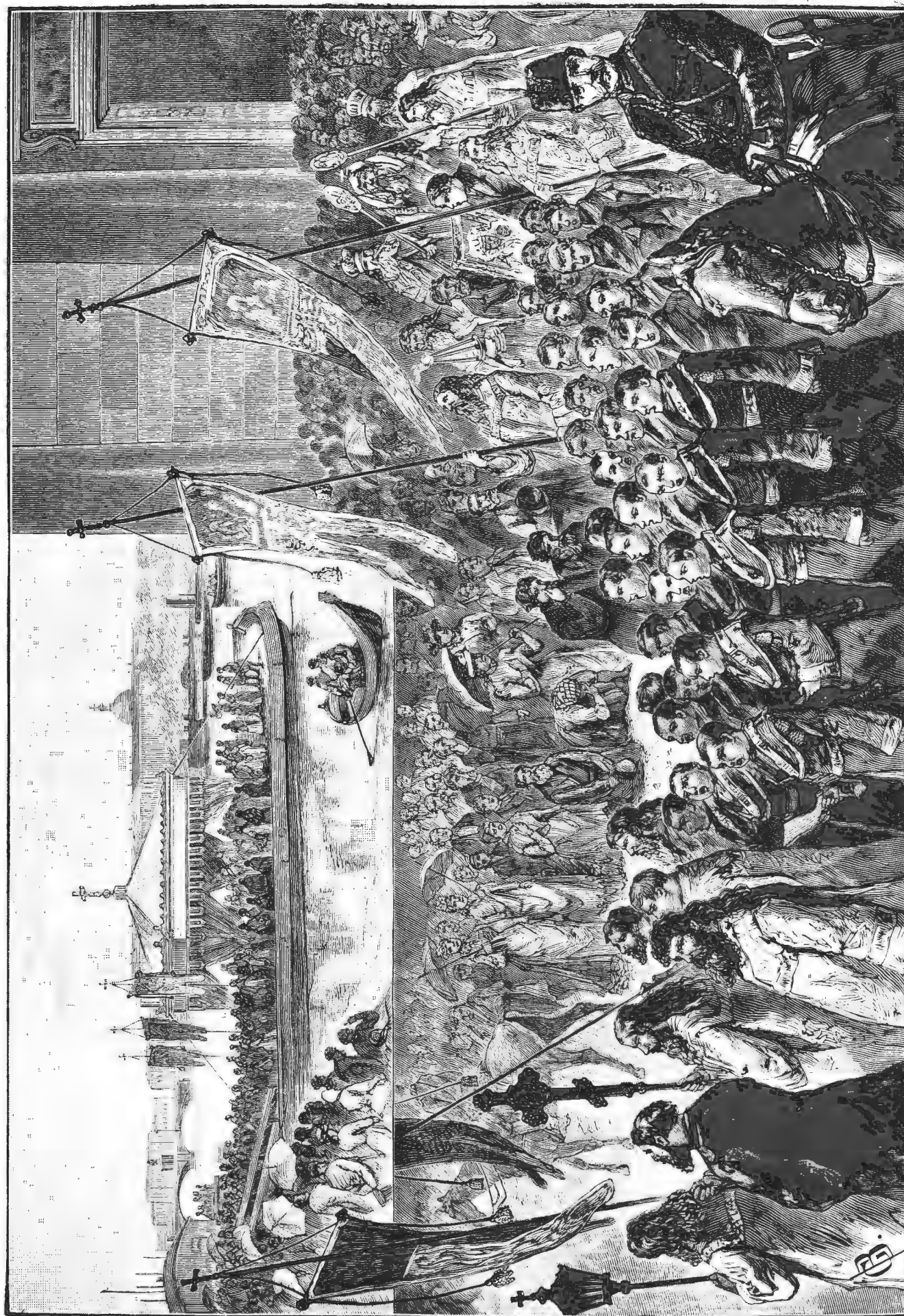
Прилагаемъ интересный рисунокъ изъ первого тома, наглядно показывающій какъ растутъ саженцы деревьевъ въ пятилѣтнихъ казенныхъ лѣсахъ. Здѣсь изображены одностѣпная, 5-лѣтняя и 9-лѣтняя посадки въ Русской дачѣ (Ставропольской губ.), и для наглядности посреди ихъ изображены лѣсной сторожъ, которому одностѣпная посадка едва доходитъ до колѣнъ, а девятилѣтняя вдвое выше его роста.

Смѣсь.

Курильщики опиума сильно распространены въ Шемахѣ среди татарскаго населенія. Курятъ опиумъ почти всѣ поголовно, отъ мальчиковъ до стариковъ. Многіе уже не способны ни на какую работу. Были случаи смерти. (Б.)

Производство пива въ цѣломъ свѣтѣ достигаетъ 236,319,397

гектолитровъ. Изъ нихъ въ 1889 г. подлежали государственному налогу 231,701,652 гектол. Каждый гектолитръ принесъ 1,34 флор. Государственныхъ налоговъ въ Австро-Венгріи, Германіи, Великобританіи и Соединенныхъ Штатахъ это производство дало 173,662,717 флориновъ въ томъ-же году. (Б.)

Водосвятіє на р. Невѣ, у Сената, 1 августа. Крестный ходъ изъ Исаакіевскаго собора на Неву.
 Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бромлинга. грав. Рашевскій.

Новое извержение Везувія. Со стороны Торре-дель-Греко и Помпей открылся за последнее время новый кратер, который непрерывно изливает потоки огненной лавы в лежащую у подножия его долину. Главное жерло кратера представляет отверстие в 50 квадр. метров и окружено тремя меньшими. В Торре-дель-Греко, Санъ-Джузеппе-ди-Оттавио, в Соммѣ и Помпейской долине постоянно слышится гулъ отъ страшнаго изверженія, напоминающій собою раскаты грома. В Помпейской долине сдѣлано при этомъ любопытное наблюдение, что вслѣдствіе изверженія всѣ металлы, и въ особенности серебро, окисляются. Подойти къ жерлу кратера нѣтъ возможности, даже въ обыкновенное время, потому что оно окружено огромными, отвѣсными гранитными глыбами. Лица посѣтившія угрожаемую мѣстность, въ видахъ наблюденія изверженія, рассказываютъ, что земля дрожала подъ ихъ ногами. По этому можно судить о страшной взрывной силѣ вулканическихъ массъ. Опасаются, что все это лишь предвѣстіе дальнѣйшихъ страшныхъ явленій. Между прочимъ предполагаютъ, что не трудно было-бы отвести огненный

Никифоръ Ивановичъ Новиковъ. † 21 августа 1890 г.
Рисоваль Ф. Тегатцо, грав. Шюблеръ и Пудъ.

потокъ отъ Помпейской долины, давъ ему другое направленіе. Достаточно было-бы вырыть узкое ложе, чтобы повернуть теченіе лавы въ обширную долину Терцины и Оттавио. (с.)

Истребленіе тюленей въ датскихъ водахъ производится, какъ пишутъ изъ Копенгагена, весьма дѣлательно, вслѣдствіе назначенной въ прошломъ году, датскимъ обществомъ рыболовства, премии въ 3 кроны за каждаго убитаго тюленя. Изъ составленной секретаремъ означеннаго общества, д-ромъ Артуромъ Феддерсеномъ, карты, на которой обозначены берега, видно ясно, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рыбаки ловятъ наибольшее количество плачевные результаты, тюлени водятся въ наибольшемъ количествѣ. На Маломъ Вельтѣ, въ области Миддельфортъ, тюлени встрѣчаются весьма рѣдко, потому что сами рыбаки усердно охотятся за ними. Напротивъ того, на небольшомъ островкѣ Гесселѣ (къ сѣверу отъ Зеландіи) они такъ многочисленны, что однимъ охотникомъ представлено за послѣдніе десять мѣсяцевъ 120 головъ, другимъ—40. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предложено устроить верши для ловли тюленей. Въ

1-лѣтнія посадки.

5-лѣтнія посадки.

9-лѣтнія посадки.

Эти посадки произведены въ Русской дачѣ, Ставропольской губерніи, лѣсничимъ Писчиковымъ.

(Изъ книги „Русскій лѣсъ“; соч. Ф. Н. Арнольда (см. Библиографію на стр. 915).

течение послѣднихъ десяти мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ какъ учреждена премія, убито 810 штукъ голубей. (с.)

Искусный стрѣлокъ. Въ вѣсѣхъ газетахъ пишутъ: До какой степени можетъ быть развито искусство стрѣльбы въ цель, показываютъ опыты произведенные недавно зубнымъ врачомъ вѣнскаго двора Э. М. Томасомъ, въ его помѣсть Вайдофенъ, на Иббсѣ. Въ сравненіи съ полученными здѣсь результатами всѣ чудеса производимые труппой Буффало-Билль сводятся къ простому ремеслу. Дробь не играетъ никакой роли въ названныхъ опытахъ: г. Томасъ стрѣляетъ исключительно пулями и именно въ бросаемые на воздухъ камни и стеклянные шарикъ. Ружьемъ Винчестера, дающимъ одинъ за другимъ восемнадцать выстрѣловъ, г. Томасъ раздробляетъ брошенные въ воздухъ камни, величиною въ апельсинъ, не давая почти ни одного промаха во всю серію. Въ стрѣлковыхъ обществахъ сумѣютъ оценить, что это значитъ. Но еще поразительнѣе опыты съ пятью или шестью быстро брошенными въ воздухъ одинъ за другимъ апельсинами, причѣмъ Винчестеръ каждый разъ долженъ быть вновь заряженъ стрѣляющимъ. По заявленію свѣдущихъ людей, такое искусство стрѣльбы пулями въ движущіе предметы не имѣетъ себѣ равнаго. Не менѣе поразительныхъ результатовъ достигаетъ г. Томасъ съ револьверомъ Кольта

(калибра 5 1/2 милл.), которое даетъ пятнадцать выстрѣловъ въ минуту равно какъ и съ револьверомъ Смита и Вессона (11 милл.). Этимъ оружіемъ г. Томасъ неукоиснительно попадаетъ въ каждый брошенный въ воздухъ стеклянный шарикъ, пробиваетъ серебряную монету и, если не каждаму выстрѣломъ, то во всякомъ случаѣ однимъ изъ трехъ или четырехъ, попадаетъ въ свинцовый шарикъ, величиною въ обыкновенный лѣсной орѣхъ, который вообще можетъ быть виденъ на нѣкоторой высотѣ только очень острыми глазами. (с.)

Индійскіе набобы выказываютъ съ нѣкотораго времени замѣчательный интересъ къ наукѣ. Такъ, напр., одинъ изъ нихъ недавно принялъ на себя расходы по произведенію точныхъ изслѣдованій надъ дѣйствіемъ хлороформа, другой пожелалъ пожертвовать „лакъ рупій“ на постройку въ Бомбей больницы для прокаженныхъ. Третій намѣренъ устроить такую же больницу въ провинціи Каттиаръ. „Лакъ рупій“ есть мѣстное названіе для обозначенія суммы въ 100,000 рупій. Одна рупія равняется приблизительно 2 маркамъ. (с.)

Искусственный изумрудъ удалось изготовить Вилліамсу, химнику лондонскаго газоваго общества. Однако изготовленіе стоить столько же, сколько стоятъ и настоящіе изумруды. (в.)

Алгебраическая задача № 53.

Н. В. П.

Пайти *восемь* буквъ на томъ условіи, что если ихъ замѣнить числами соответственно мѣстамъ ихъ въ русскомъ алфавитѣ, то можно замѣтить между такими числами слѣдующую зависимость:

1) Первое число равно удвоенной разности чиселъ втораго и пятаго.

2) Произведеніе чиселъ втораго и седьмаго увеличенное квадратомъ перваго изъ нихъ равно 270, а то-же произведеніе увеличенное квадратомъ другаго равно 54.

3) Разность третьяго и перваго равна корню уравненія

$$\frac{1}{12} \lg^2 x = \frac{1}{3} - \frac{1}{4} \lg x.$$

4) Отношеніе пятаго числа къ шестому равно отношенію седьмаго къ четвертому.

5) Разность чиселъ втораго и шестаго равна суммѣ рѣшеній уравненія $x^2 + x + \frac{1}{x^2} + \frac{1}{x} - 6,75 = 0.$

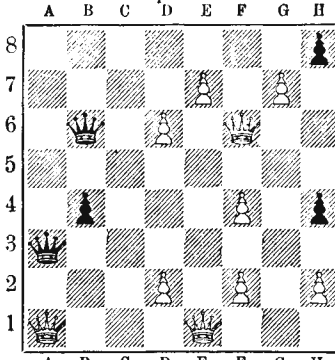
6) Удвоенная сумма чиселъ шестаго, четвертаго и восьмаго, составляющихъ кратную прогрессію, равна двузначному числу; если это двузначное число умножить на обращенное, то получится въ произведеніи 3640; а если обращенное число раздѣлить на исконое, то въ остаткѣ получится однозначное число.

Изъ найденныхъ такимъ образомъ буквъ требуется составить фамилію одного изъ типовъ „Мертвыхъ душъ“.

Шашечная задача № 54.

В. И. Шонинъ.

Черныя.

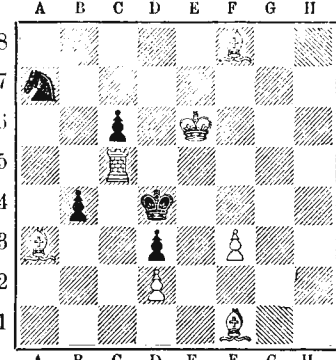
Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку черныхъ.

Шахматная задача № 55.

Г. Г.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

2-й заемъ 1866 года.

49-й тиражъ 1 сентября 1890 года.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКЪ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
58	7	500	2046	33	500	4256	22	500	6784	11	1000	9519	14	500	11460	45	500
111	44	500	2128	6	500	4407	27	500	6852	2	500	9541	38	500	14528	23	500
211	4	500	2178	38	500	4617	13	1000	6914	31	500	9554	36	500	14690	7	500
240	45	500	2212	26	500	4622	40	500	6918	49	500	9565	44	500	14605	12	500
334	15	500	2287	1	500	4724	11	500	6982	11	500	9602	48	500	14719	15	500
414	47	500	2310	42	500	4780	18	500	7058	32	500	9628	35	500	14742	49	500
487	42	500	2407	45	500	4947	35	500	7110	28	500	9644	46	500	14757	20	500
523	20	500	2409	34	500	4994	37	500	7141	11	20000	9666	48	500	14811	5	1000
533	31	500	2415	50	500	5099	1	500	7157	25	500	9712	12	8000	14817	27	500
541	15	500	2420	37	500	5152	16	1000	7237	48	500	9748	26	500	14834	41	500
575	25	500	2425	38	500	5213	38	500	7313	2	500	9805	5	500	14829	15	500
635	44	500	2427	4	500	5218	29	500	7335	31	500	9832	42	500	14848	49	500
717	39	500	2488	11	500	5314	45	500	7353	39	500	9903	41	500	14800	27	500
845	8	500	2527	31	500	5324	37	500	7520	10	500	9920	16	500	14240	45	500
887	3	500	2553	45	500	5394	7	500	7572	44	500	9978	48	500	14249	33	500
905	15	7500	2618	39	500	5499	10	500	7746	25	500	10004	44	500	14262	14	500
936	35	500	2690	40	500	5754	28	1000	7812	9	500	10054	21	500	14296	21	500
950	28	500	2701	21	500	5826	4	500	7945	28	500	10072	37	500	143016	36	500
991	21	500	2741	50	500	5841	20	500	8009	39	8000	10160	5	500	143039	12	500
1042	7	500	2908	25	500	5844	46	500	8122	40	500	10180	49	500	143080	40	500
1046	11	1000	2940	8	500	5866	40	500	8171	48	500	10393	33	500	143448	45	500
1261	17	5000	2942	41	1000	5946	3	500	8281	35	500	10494	37	500	14383	9	500
1356	39	500	2977	8	500	5971	17	500	8400	27	500	10514	5	500	13513	15	500
1377	29	500	2977	49	8000	5974	1	5000	8434	11	500	10548	13	500	13572	15	500
1533	43	500	2997	40	500	5995	39	500	8515	19	500	10567	43	500	13572	24	500
1540	2	500	3051	14	500	6028	31	1000	8525	23	500	10581	36	500	13674	7	5000
1549	3	500	3165	1	500	6049	47	500	8584	11	500	10669	37	500	13771	11	500
1572	34	500	3365	38	500	6089	38	500	8679	44	500	10854	17	500	13819	18	500
1614	11	500	3477	29	500	6114	17	500	8681	20	1000	10936	26	500	13890	11	1000
1616	2	8000	3484	48	500	6125	4	500	8714	47	500	10952	12	40000	13902	8	500
1653	10	5000	3561	44	500	6246	46	500	8725	47	500	11049	13	500	13936	42	500
1686	49	500	3578	43	500	6385	27	500	8893	4	500	11049	40	500	14224	15	1000
1793	40	1000	3633	8	10000	6386	14	500	8972	21	500	11112	13	500	14255	6	500
1884	18	500	3675	42	500	6535	43	500	8978	33	500	11115	43	500	14268	20	500
1896	43	500	3771	27	500	6540	24	500	9108	50	500	11196	4	500	14281	26	500
1957	33	500	3913	6	500	6662	35	500	9193	18	500	11355	27	1000	14424	30	500
1988	9	500	4092	11	10000	6764	6	500	9296	48	500	11451	2	500	14450	31	500
2038	49	500	4092	16	500	6777	19	500	9492	38	500						

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

393, 918, 1143, 1579, 1659, 1680, 1756, 2089, 2122, 2166, 2322, 2422, 2467, 2589, 2629, 2849, 3323, 3400, 4033, 4134, 4499, 4639, 4917, 4993, 5020, 5022, 5089, 5103, 5240, 5579, 6005, 6063, 6273, 6546, 6554, 6698, 6847, 6870, 6884, 6968, 6989, 7522, 7529, 7684, 7759, 7975, 8015, 8339, 8347, 8366, 8781, 9254, 9328, 9400, 9490, 9601, 9658, 9706, 9708, 9958, 10007, 10359, 11063, 11099, 11397, 11430, 11494, 11639, 11838, 12236, 12890, 13208, 13271, 13520, 14728, 15027, 15132, 15233, 15268, 15273, 15277, 15488, 16634, 16810, 17515, 17571, 17736, 18024, 18195, 18491, 19397, 19719.

Рамы для премій „НИВЫ“ 1890 г.,

двухъ большихъ олеографическихъ картинъ, печатанныхъ масляными красками, съ оригиналовъ професс. И. И. ШИШКИНА:

1) „СОСНОВЫЙ ЛЪСЪ“, 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“.

(16 вершковъ вышины и 12 вершковъ ширины каждая).

Рамы имѣются трехъ сортовъ, а именно:

№ 1. Изъ лучшаго золоченаго багета, съ длинными узорчатыми украшениями (ширина въ диаметръ 1 3/4 вершк.) по 4 рубля за пару, а съ упаковкою въ ящики для гг. иногородныхъ подписчиновъ по 5 р. 50 к. за пару (безъ пересылки).

№ 2. Изъ такого же, но болѣе красиваго и широкаго багета (ширина въ диаметръ 2 вершк.) по 5 р. за пару, а съ упаковкою для иногородныхъ по 6 р. 50 к. (безъ пересылки).

№ 3. Изъ богатаго длиннаго золоченаго багета (шир. въ діам. 2 1/2 вершк.) по 6 руб. за пару, а съ упаковкою для иногородныхъ по 7 р. 50 к. (безъ пересылки).

Рамы выдаются со вставленными въ нихъ картинами, наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ.

Гг. городскіе подписчики, при полученіи премій въ рамкахъ, благоволятъ представлять въ контору свои подписные билеты на „Ниву“ 1890 года, а гг. иногородные подписчики высылаютъ при требованіяхъ печатные адреса, подъ которыми получается имя „Нива“.

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаемы, по полученіи слѣдующихъ за нихъ денегъ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки они будутъ уплачивать на мѣстѣ—при полученіи посылки.

Преміи будутъ выдаваться гг. годовымъ подписчикамъ „Нивы“ по обыкновенію въ октябрѣ мѣсяцѣ, но для тѣхъ лицъ, кои пожелаютъ имѣть ихъ въ рамкахъ,

картины выдаются теперь-же.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить преміи въ рамкахъ также теперь, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнѣ: № 1—по 5 р. за пару, № 2—по 6 р. 50 к. за пару и № 3—по 7 р. 50 к. за пару.

Желающихъ получить преміи въ рамкахъ, покорнѣе просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картинъ чрезъ газетную экспедицію.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПб., Невскій просп., № 6.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко. Ч. IV. (Продолженіе).—Первая гроза. Повесть Виктора Библикова. (Продолженіе).— Литературныя бесѣды. Гоголь. — Къ рисункамъ: Видъ на Южную бухту въ Севастополѣ съ Историческаго бульвара (съ рис.). — Съ послѣдней выставки въ Имп. Акад. Худ. „Въ распутицу“. Съ карт. проф. Н. Сверчкова (съ рис.). — „Бесѣда“. Съ карт. проф. Н. Кошелева (съ рис.). — „Въ раздумьи“. Съ карт. К. Кизеля (съ рис.). — Епископъ Ульфила проповѣдуетъ готамъ Св. Евангеліе. Карт. Л. Поляги (съ рис.). — Замонъ Фреденсборгъ (съ 3 рис.). — Пчеловодная выставка въ Москвѣ (съ рис.).—Крестный ходъ 1 августа въ Петербургѣ (съ рис.). — Н. И. Новининъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. „Русскій лѣсъ“. Ф. К. Арнольда. Т. I. (съ рис.). — Смѣсь. — Задачи. — Тиражъ вырѣшылъ въ Государственномъ Банкѣ.—Рамы для премій „Нивы“ 1890 г.— О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!
Англискіе растягивающіеся кушани „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченнымъ замочкомъ, прокрасише бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушани прозрачныя очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы.
Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣляется уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ**, СПб., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ, Историч. повесть времени Екатерины II. Петрова и В. Ключникова. Ц. 1 р.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ. С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—18
Иллюстрированныя преисъкурanty по требованіямъ высылаются безвозмездно.

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. Павленова:

СЕЛЬСКИЙ КАЛЕНДАРЬ на 1891 г.
Я. Абрамова. Цѣна 20 коп. Склады изданія: въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ Луквинкова, въ Москвѣ—у Салаевыхъ и у Ступина, Нижнемъ—у Духовскаго, Казани—у Дубровина, Одесѣ—у Распонова и Ставрополь-Кавказскомъ—у И. В. Абрамова. Отгтовымъ покупателямъ обычная уступка. М. № 4688

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ Г. ВАЛЬТЕРЪ
Специалистъ хронометровъ. СПбург., Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Отпловая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный преисъкурantъ высылается по требованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 20-11

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
I. ГОЛЛЕНДЕРЪ
Для смягченія кожи.
Новозобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главный складъ: СПб., Демидовъ пер., д. № 1. (32) № 4278

№ 4689
ЗАРУБЖАННЫМЪ
ПЕЧИ ГЕЛІОСЪ
ФАБРИКЪ ГРИММЕ, НАТАЛИСЪ и К.
Розничная продажа: Кузнецкій мостъ, рядомъ съ бул. Варшавск. Германскій магазинъ, Москва, Кузнецкій мостъ, рядомъ съ бул. Варшавск.

Во всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграничій.

LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris. Ц. № 3767 (75)

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ
въ Гогенгеймѣ. D. № 4627 2—2
Зимній курсъ начинается въ среду, 15-го Октября с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаются по желанію безплатно
КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ
Гогенгеймъ, въ Сентябрѣ мѣс. 1890 г. Vossler.

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE
AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
Le g^{ral} general: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

ПАТЕНТНОЕ И ТЕХНИЧЕСКОЕ БЮРО
инженера К. И. Оссовскаго
Berlin, Potsdamerstr. 108, I,
ходатайствуетъ по дѣламъ патентовъ и привилегій во всѣхъ странахъ, доставляетъ всѣя техническя и торговля свѣдѣнія.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
Вс. Соловьева.
Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и изложенія Царевны Софій. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнкор. перес. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

НАСТОЯЩЕ ВЕЛОСПЕДЫ (ВѢФЪ)
ПЕРВОЕ МѢСТО
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
СПБ. № 4642 (7)

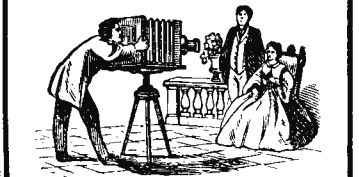
ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО
ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНІЯ.
въ ЮРОВОЙ ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВЛ. на КРАСИВОЕ БѢЛОЕ КОНТОРСК. ПИСЬМО ОСНОВАТЕЛЬН. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ
Москва, Покровка, домъ Бутикова.
А. С. ПИЩАКОВСКИЙ.
* НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.*

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ!

НОВЫЯ ВЕЩИ:

Дальнозорь: можно видѣть на 3 верста, 2 руб. 50 коп. ◆ Подзорн. трубка на 10 верст, 5 руб. ◆ Микроскоп, увеличивающ. 1000 раз, 25 коп., 50 коп., 75 коп., 1 руб., 2 руб., 3 руб. и 5 руб. ◆ Микроформы, увелич. фотограф. карточки 1 р. 50 к. и 2 руб. ◆ Стеноскоп съ 1 дюж. картичь (иллюминацион.) 5 руб. ◆ Лупы увеличит. и зажигающ. стекла 50 коп., 75 коп., 1 р., 1 р. 50 к., 2 руб. и 3 руб. ◆ Бароскоп и термометръ вмѣстѣ 1 руб. и 2 руб. 50 коп. ◆ Компасы (выбренныя) 25 коп., 50 к., 1 руб. 50 коп. и 3 руб. ◆ Столов. термометръ (облегскы) 75 коп., 1 р. и 2 р. ◆ Готовальни 1 руб. 50 коп. и 2 руб. 50 коп. ◆ Бюваръ изащ. 1 р. 50 коп. ◆ Календарь вѣщнй — бретокомъ, очень изящнй 1 руб. ◆ Пресс-бюваръ 1 р. и 2 руб. ◆ Эйфелева башня головоломка 30 коп. ◆ Эйфелева башня складная 50 коп., 1 руб., 1 руб. 50 коп. и 2 руб. ◆ Швейка (парижская) со всѣмъ необходимымъ для шитья и приборомъ для выдѣлки петель 3 руб. 75 коп. ◆ Американская моталка для витьи 2 руб. ◆ Курительный приборъ 1 руб. 50 коп. ◆ Карты гаданія 60 коп. ◆ Тоже для игры и гаданія (12) штукъ 1 р. 50 коп. ◆ Самосвѣщ. пресс-панель 1 руб. ◆ Ручка содержащая 18 стальныхъ инструментовъ 1 руб. 50 коп., большая 3 руб. 50 коп. ◆ Хозяйственные тиски (изящн.) 1 руб. 50 коп. ◆ Всѣмъ безвѣтъ 75 коп., ◆ съ тарелкою 1 руб. 50 коп., ◆ для писемъ 75 коп. ◆ Заводной локомотивъ со свисткомъ 75 коп. ◆ Волчекъ, играющій пьесы 1 руб. 50 коп. и 3 руб. ◆ Машинки для дѣланія папиросъ (очень практичныя) 75 коп., 1 руб. 50 коп. и 2 руб. ◆ Машинка для варки шоколада 1 руб. 50 коп. ◆ Фотографическй ап-

паратъ, не игрушка, съ треножникомъ, коимъ даже ребенокъ можетъ снимать портреты, виды и проч. 10 руб. ◆ Автоматическй продавецъ для продажи, безъ посредства кого-либо, папиросъ, конфетъ и другихъ товаровъ, отъ 30 руб. ◆ Тоже маленькй 4 руб. ◆ Брюко-выпрямитель, дѣлающй утюжку лентуною, 50 к., 75 коп. и 2 руб. ◆ Парижскй барометръ (круглй) 3 руб., 4 руб. и 5 руб. ◆ Игра четъ и нечетъ 75 коп. ◆ Игра со ступенки на ступенку 1 руб. и 1 р. 50 к. ◆ Разборная дѣтская кухня (Patent) 1 руб. 50 коп., ◆ и много другихъ вещей по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

Заказы исполняются немедленно, но не менѣе какъ на 3 руб. **Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтений за 7 коп. марку.** Мт. № 4687

Адресъ: Складъ Новыхъ Изобрѣтений, Невскй просп., № 4. С.-Петербургъ (фирма существ. съ 1872 года).

Поступило въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскй, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **Ф. К. АРНОЛЬДА:**
„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ трехъ большихъ томовъ, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и полиптичей и 17 эстамповъ на мѣди. Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсности Европ. Россіи, печат. 14-ю краснами, и карту лѣсистости Европы, печат. 6 краснами. Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсности Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдеть изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдеть и третій томъ.

Содержаніе второго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, приемы возвращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемая для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣчійхъ; устройству лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядку эксплуатаціи лѣса; учету отпускаемыхъ лѣсныхъ материаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соответственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имуществва.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При вынесываніи 1-го тома вносится 4 р., до выхода 2-го тома 8 р., а до выхода 3-го тома 2 р., а всего 14 руб.

Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ. За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

По выходѣ всего сочиненія цѣна будетъ значительно возвышена.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскй, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и желающія приобрести слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносить 7 р., а 3-го тома 2 р.

АМЕРИКАНСКІЯ ПИЩУЩАЯ МАШИНА ВОСТОНЪ

19 р. Шкафчикъ въ 6 и 8 р. Перес. за 8 фупт. Регистраторъ „Шаннонъ“, самый практичный способъ для храненія корреспонденціи. Копировальный аппаратъ „Тахографъ“ и проч. Иллюстр. преис-курантъ высылается по высылкѣ 15 коп. въ почт. маркахъ. Складъ патентованныхъ предметовъ для конторъ и канцелярій

Евгеній Ботманъ и К^о. С.-Петербургъ, Садовая, 18.

При запросахъ прилагать почтовую марку на отвѣтъ. № 4678 3-2

ЛЕПНИНГЪ и ГЮЗНЕРЪ имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Французскія отъ 100 р. до Американскія отъ 180 р. до РЕН: въ боль. выборѣ фабрика Музыкальн.-инструмент. И. Ф. Мюллеръ Москва, Петровка д. Волкова. Иллюстрир. Преис-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно.

НОВОСТЬ!!
НОВѢЙШІЙ и ЛУЧШІЙ МЕХАНИЧЕСКІЙ ИНСТРУМЕНТЪ **ПІАНО-МЕЛОДИКО**
Цѣна 90 рублей.
Ноты отдѣльно по 80 коп. за 1 (однѣ) метръ. (1 метръ=1½ аршин.).
= Требуется подробное описаніе и каталогъ нотъ. =
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка. № 4482 (12)

ПИСУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, чистота красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд. Преис-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748 Единственнй складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ**
Москва С.-Петербургъ Кузнецкй мостъ. В. Морская, 21.

Лампы съ накаливаніемъ въ 16 свѣчей, въ 50, 65 и 100 вольтъ, за штуку по 1 р. Патроны Эдиссона и Сименса. Тюльпаны стальнойн. отъ 50 к. до 1 р. 25 к. Электрическіе звонки отъ 1 р. 50 к. Аппараты №№ 3, 4, 6, 8, 10, 12 РС. 7.50, 8.50, 14, 16, 20, 23. Кнопки отъ 25 к. Элементы Леванше отъ 1 р. 25 к.—1 р. 50. Сухой элементъ Электронъ отъ 2 р. Изолированная проволока за ф. отъ 1 р. 20. Изоляторы отъ 20 к.—50 к. Симпленсъ Микрофонъ, Телефонъ со звукомъ, за станцію РС. 15. Микрофонъ телефонъ Вадена, съ индукторомъ, на протяженіи 400 верстъ, за станцію РС. 60. Домашнй телеграфъ, легко устанавливается домашнимъ образомъ, безъ помощи спеціальныхъ, цѣна 7 р. **Постановка и проводъ телефоновъ и звонковъ, а также ремонтъ и починка по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.** Преис-курантъ бесплатно.
5-2 **К. И. ФРЕЛАНДТЪ** В. № 4684
Складъ электрическихъ приборовъ, С.-Петербургъ, уг. Певскаго пр. и Екатерининскаго канала, д. Учетнаго Банка, входъ съ канала. № 16.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.
Романъ изъ жизни Туркестанскаго края Н. П. КАРАЗИНА. Изд. 2-е, дополн. 8-ю новыми оригинальн. рисунк. автора. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 60 к.; въ роскоши. колени. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к. Съ требов. прос. обращ. въ Контору журнала „Нива“ (СПБ., Невскй, д. 6).

ЭЛЕОПАТЪ
ПРОВ. **КИНУНЕНЪ**
для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.
ПРОВ. **КИНУНЕНЪ.**
Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (85) № 4287
Главный складъ: С.-Петербург., Демидовъ пер., д. № 1.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.
№ 37

г. XXI
1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 15 сентября 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕН. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рунод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку нонларейль (1/4 шир.
страни.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Везъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

А. Ф. Бычковъ.

Въ нынѣшнемъ году, а именно 7 октября, исполнится пятидесятилѣтіе служебно-ученой дѣятельности одного изъ талантливейшихъ и въ высшей степени полезныхъ труженниковъ науки, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. Ф. Бычкова, академика и директора Императорской Публичной Библиотеки, извѣстнаго цѣлымъ рядомъ капитальныхъ трудовъ по русской палеографіи, археологін, филологін, древней литературѣ и библіографіи. Эти труды, чрезвычайно серьезные и спеціальныя, не составляютъ достоянія большинства, и потому публика, въ смыслѣ массы, мало знаетъ Бычкова и не можетъ достойно оцѣнить его полувѣковой дѣятельности, которой онъ посвятилъ лучшую пору жизни своей и преданъ всецѣло и теперь, на склонѣ лѣтъ своихъ. За то въ ученомъ мнрѣ имя нашего почтеннаго, маститаго академика пользуется обширной извѣстностью, а его изслѣдованія, статьи по русской исто-

Аванасій Федоровичъ Бычковъ, директоръ Имп. Публичной Библиотеки.
Съ фот. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

риі, по исторіи отечественной словесности, особенно библіографическія работы и изданіе имъ акты и документы историческіе, представляющіе важный и богатѣйшій матеріалъ для всѣхъ изучающихъ прошлое и настоящее нашей родины, — имѣютъ огромную цѣну. Во всѣхъ своихъ трудахъ академикъ Бычковъ изумляетъ свою усидчивостью, необыкновенной добросовѣстностью, громадными библіографическими и прочими познаніями, безъ которыхъ немислимы подобныя труды, требующіе этихъ качествъ и тщательности выполненія, и особеннаго вниманія, не говоря уже о массѣ черной, такъ сказать механической работы. Надо замѣтить, что А. Ф. Бычковъ, такъ много написавшій и издавшій на своемъ вѣку, занятъ не одною исключительно ученою дѣятельностью, посвящая ей лишь то время, которое остается у него отъ служебныхъ и иныхъ занятій, сопряженныхъ съ его нелегкими обязанностями, среди которыхъ упра-

вление Императорскою Публичною Библиотекою отнимает у него не мало времени и труда. Публичная Библиотека, в которой А. О. Бычков служит болѣе сорока пяти лѣтъ, обязана ему весьма многимъ: и безцѣпными сокровищами своими, въ особенности собраніемъ книгъ на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ, составляющимъ гордость ея и славу; и составленіемъ каталога русскихъ книгъ, которое произведено почти все имъ собственноручно въ старыя годы; и своими образцовыми порядками. Бычковъ, какъ талантливѣйшій и чрезвычайно гуманный администраторъ, умѣлъ привлечь къ знаменитому нашему книгохранилищу лучшія силы, окруживъ себя и способными, и любящими свое дѣло людьми, и вообще поставилъ это учрежденіе такъ высоко, что оно достойно занимать первенствующее мѣсто среди западно-европейскихъ книгохранилищъ. Онъ печется о Библиотеку, какъ о любимомъ, дорогомъ дѣтищѣ своемъ, и тѣмъ улучшеніямъ во всемъ, которыя дѣлаются ежегодно по Библиотеку и извѣстны всѣмъ ея постояннымъ посѣтителемъ, слишкомъ краснорѣчиво говорятъ о неуспѣшныхъ трудахъ Бычкова. Теперь каждый занимающійся, болѣе или менѣе серьезно, въ стѣнахъ этого благороднаго учрежденія, встрѣчаетъ все, что можетъ облегчить его занятія, полную готовность и самого директора, и его помощниковъ служить ему всѣмъ, что только въ ихъ силахъ.

Аванасій Федоровичъ Бычковъ, изъ дворянъ Ярославской губерніи, родился 15 декабря 1818 года, въ городѣ Фридрихсгамтѣ, гдѣ въ то время его отецъ, Федоръ Николаевичъ, служилъ артиллерійскимъ офицеромъ (впоследствии получилъ чинъ генераль-лейтенанта и умеръ въ отставкѣ въ 1883 г.). Дѣтство свое Бычковъ провелъ въ Финляндіи, и на семнадцатомъ году былъ опредѣленъ въ благородный пансіонъ при Демидовскомъ Высшемъ Наукъ училищѣ, а затѣмъ, переведенъ въ Ярославскую гимназію, къ которой этотъ пансіонъ присоединенъ въ 1834 году. Окончивъ блистательно курсъ въ 1836 году, Бычковъ поступилъ въ Московскій университетъ на 1-е отдѣленіе философскаго факультета и особенно усердно занимался исторіей, которую читали Погодинъ, Грановскій, Крюковъ. Уже на третьемъ курсѣ обнаружилъ онъ и свои недюжинныя способности, и большія научныя познанія въ написанной имъ диссертациі „О вліяніи вѣтвиной природы на народъ и государство“, за которую и получилъ серебряную медаль. По выходѣ изъ университета, въ 1840 году, со степенью кандидата, Бычковъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ историкомъ-юристомъ Н. В. Калачевымъ, былъ рекомендованъ Погодинымъ графу С. С. Уварову, который искалъ молодыхъ людей специально занимающихся исторіей, для Археологической Комиссіи. Съ октября 1840 года Бычковъ и понинѣе состоитъ (старѣйшимъ) членомъ этой комиссіи, редакторомъ *Литовисей* которой онъ былъ назначенъ съ 1854 года. Когда Остенекъ-Востоковъ оставилъ свое мѣсто бібліотекаря рукописнаго отдѣленія въ Императорской Публичной Библиотеку, въ 1844 году Бычковъ замѣнилъ его и съ тѣхъ поръ вся его дѣятельность была главнымъ образомъ посвящена отечественному книгохранилищу, для котораго онъ сдѣлалъ такъ много, и въ качествѣ ближайшаго и усерднѣйшаго сотрудника директоровъ бібліотеки: Д. П. Бутурлина, графа М. А. Корфа и графа И. Д. Делянова, и въ качествѣ помощника послѣдняго съ 1868 года, и, наконецъ, въ настоящей должности, которую онъ занялъ послѣ Делянова въ 1882 году. Независимо отъ дѣятельности Бычкова по Публичной Библиотеку и въ Археологической Комиссіи, онъ много трудился еще на педагогическомъ и другихъ поприщахъ: съ 1841 по 1850 г. преподавалъ русскій языкъ и

словесность въ Дворянскомъ полку, а будучи причисленъ ко II отдѣленію Собственной Е. И. В. канцеляріи въ 1850 году, работалъ въ двухъ комиссіяхъ: для составленія законоположеній, относящихся до преобразования судебной части, принимая дѣятельное участіе въ ея трудахъ по составленію устава гражданскаго судопроизводства, — и для обработки устава о книгопечатаніи въ Россіи. Съ 1856 года онъ занимался собираніемъ матеріаловъ для біографіи императора Николая I, состоя для этого при статсъ-секретаряхъ графѣ Корфѣ, князѣ Урусовѣ и графѣ Деляновѣ, а съ 1866 года состоитъ председателемъ комиссіи по разбору и приведенію въ порядокъ дѣлъ архива Св. Синода. Въ концѣ семидесятихъ годовъ Бычковъ предсѣдалъ въ комиссіи по международному обмѣну изданій научныхъ и художественныхъ, въ 1881 году сталъ во главѣ комитета наблюдающаго за изданіемъ правительственной газеты *Сельскій Вѣстникъ* и, наконецъ, съ 1888 года состоитъ членомъ совѣта министра Народнаго Просвѣщенія. Еще въ 1855 году Академія Наукъ обратила вниманіе на ученые труды Бычкова, какъ бібліотекаря Публичной Библиотеки, какъ члена Археологической комиссіи и другихъ учреждений и избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ, а черезъ десять лѣтъ, въ 1866 году, въ академикъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Въ послѣднемъ званіи Бычковъ, между прочимъ, редактировалъ „Бѣлорусскій словарь“ Носовича, привелъ въ порядокъ и напечаталъ „Библіологическій словарь“ извѣстнаго археографа Строева и разбиралъ сочиненія, представлявшія на соисканіе премій. Трудно перечестъ тѣ многочисленныя труды, которые написаны, редактированы и изданы Бычковымъ. Онъ началъ свою учено-литературную дѣятельность въ началѣ сороковыхъ годовъ въ *Москвитинѣ* и въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, и изъ бібліографическихъ и историческихъ трудовъ его наиболѣе извѣстны: „Первыя русскія вѣдомости 1703 г.“, „Каталогъ изданій, напечатанныхъ гражданскимъ шрифтомъ при Петрѣ Великомъ“, „Письма Петра Великаго, хранящіяся въ Публ. Библ.“, и описаніе находящихся въ ней рукописей, относящихся къ его царствованію“, „Письма Екатерины II“, „Въ память графа М. М. Сперанскаго“; имъ же изданы 6 томовъ полнаго собранія русскихъ лѣтописей, Лаврентьевская и Новгородская лѣтопись, указатель къ полному собранію лѣтописей, походныя журналы Петра Великаго, дворцовыя разряды XVII вѣка, камеръ-фурьерскіе журналы и проч. А. О. Бычковъ состоитъ дѣйствительнымъ и почетнымъ членомъ почти всѣхъ русскихъ историческихъ и археологическихъ обществъ и духовныхъ академій; его неутомимая и ревностная служба достойно оценена: онъ имѣетъ много знаменъ Монаршаго благоволенія и награжденъ бриллиантовыми знаками ордена Св. Александра Невскаго. Надо-ли говорить, какимъ громаднымъ уваженіемъ, какою любовью пользуется Бычковъ со стороны всѣхъ, кто сколько-нибудь знаетъ его. Это человекъ рѣдчайшей доброты, благороднѣйшаго образа мыслей, вѣрнѣй, доблестнѣй стражъ науки, истинный патриотъ. Нынѣ А. О. Бычкову семьдесятъ два года, но онъ съ юношескимъ жаромъ и энергіей продолжаетъ трудиться на пользу науки и въ послѣднее время усердно занимается изданіемъ „Писемъ и бумагъ Петра Великаго“, которыя собираетъ уже около двадцати лѣтъ, напечатавъ по настоящей годъ два объемистыхъ тома этого монументальнаго историческаго изданія, со своими многочисленными объяснительными примѣчаніями. Имя А. О. Бычкова займетъ одну изъ блестящихъ страницъ въ исторіи отечественнаго просвѣщенія.

П. Быновъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. (Продолженіе).

VII.

Гуль толпы становился все громче и громче.

Въ самомъ началѣ Тверской-Ямской пришлось оставить коляску — народъ стоялъ сплошной стѣной.

— Ну, Василій Герасимовичъ, бѣги за мной.

И Савва Кузмичъ, повернувшись бокомъ, вдругъ двинулся въ эту стѣну. Онъ расталкивалъ направо и налево галдящихъ людей — еще самъ не понимая толкомъ, въ чемъ дѣло. Въ тучѣ пыли нельзя было рассмотреть ничего: дымъ-ли это — или нѣтъ. Велѣдъ имъ неслись ругательства: „куда прете, дьяволы!.. Полегче, купецъ, чему обрадовался“. Но Савва Кузмичъ уже ни на что теперь не обращалъ вниманія. Чѣмъ ближе къ дому, тѣмъ толпа становилась тише и тише. Скоро Савва Кузмичъ наткнулся на длинную цѣнь солдатъ — народъ дальше не пропускали.

— Господи... Кровавивцы-то... Кокіи дома начали строить, слышалось позади.

— Что имъ жалъ что-ли народушку... Кольки животовъ передавили!

— Военнымъ судомъ бы за это — къ разстрѣлу, горчилился кто-то.

Угрюмо, за стѣной солдатъ, на роковое мѣсто смотрѣли блѣдныя, искаженные лица. Какой-то лавочникъ, сдвинувъ картузь на затылокъ, грозилъ кулакомъ невѣдомо кому, около плакала женщина, дальнѣе мужикъ въ полушубкѣ прорывался сквозь цѣнь караульныхъ. Тѣ его къ стѣнѣ отталкивали назадъ, но онъ тотчасъ же безъ словъ, съ неподвижнымъ отъ ужаса взглядомъ, вривался опять на старое мѣсто. Какой-то мальчишка плакать и звалъ: „тянька, а тянька!“ и этотъ жалкій больной плачь такъ и рѣзалъ ухо Василю Герасимовичу. „Сказываютъ всѣхъ побилло?“ слышался въ

толибъ говоръ. „Всѣхъ, всѣхъ—именно всѣхъ“, и мальчонко опять начиналъ пищать: „тянька, а тянька!“ Черезъ толпу невѣдомо какъ продвинулась простоволосая баба, кинулась на солдатъ, тѣ ея въ грудь—прутъ назадъ, она укусила одного за руку, а другаго такъ въ плечо ударила, что онъ полетѣлъ лицомъ въ землю. „Миколай... Миколай!“ оретъ она въ облако пыли—но оттуда никто не отзывается ей, рѣшительно никто. Въ облакѣ показываются порой какіе-то сѣрые силуэты и исчезаютъ опять. „Давно это?“ спрашиваетъ Савва Кузмичъ у сосѣда, но тотъ окидываетъ его равнодушнымъ взглядомъ. „Давно случилось?“ обращается онъ къ другому; этотъ вмѣсто отвѣта шепчетъ: „будь они прокляты, душъ христіанскихъ не жалѣютъ, злодѣи!“ Дикій крикъ какой-то доносится изъ самыхъ пѣдръ облака, вслѣдъ за крикомъ—глухой шорохъ, точно масса камней сдвинулась съ мѣста, и еще новыя клубы пыли поднялись вверхъ, совершенно все уже застила отъ глазъ собравшихся. Кто-то въ шляпѣ пробивается къ мѣсту. Кричитъ что-то хрипло. Савва Кузмичъ прислушивается: „Я докторъ, я докторъ! Пропустите!“ Солдаты разступаются и докторъ растерянно бѣжитъ и пропадаетъ въ облакѣ. Чу! изъ этого облака послышался какой-то стонъ... Еще и еще. Опять все смолкло. Только въ толпѣ кругомъ расетъ говоръ и шумъ, но говоръ грозный и шумъ зловѣщій—такъ море всплываетъ передъ бурей. Савва Кузмичъ, прислушиваясь къ нему, снимаетъ шапку и крестится. Василій Герасимовичъ невольно дѣлаетъ то же. Боголюбовъ Боголюбовичъ вмѣстѣ съ другими кричитъ: „Это ужасно, ужасно! Богъ знаетъ что у насъ дѣлается такое!“ и увидѣвъ вдали знакомаго полицейскаго офицера, разомъ черезъ цѣпь солдатъ прорывается къ нему. Тамъ онъ указываетъ на Сластеновыхъ. Офицеръ что-то говоритъ ему—Курцъ наставляетъ и, наконецъ, солдатамъ приказано пропустить. Савва съ племянникомъ тихо входятъ въ замкнутый кругъ. Имъ съ каждымъ шагомъ страшнѣе — дымъ и пыль ѣдятъ глаза, не даютъ вздохнуть. Кашель прохватываетъ горло. Они уже у самаго облака этой пыли, она ложится и на ихъ платье, борода, лица. Брови у Саввы Кузмича стали сѣрыми совсѣмъ — но никто не замѣчаетъ этого. Какой-то сонъ кругомъ, кошмаръ, который довольно видѣтъ разъ, чтобы не забывать никогда болѣе. Даже Готлибъ Готлибовичъ какъ-то разомъ присмирѣлъ и не отводя глазъ смотрѣлъ въ эту хаотическую грудку кирпича, пыли, балокъ, цемента. Глухіе болѣзненные стоны доносятся изъ-подъ нея. Нельзя понять кто это стонетъ. Точно самый камень жалуется на что-то. На первыхъ порахъ кромѣ камня ничего не видно; только всматриваясь въ него ближе, Василій Герасимовичъ замѣчаетъ что-то, отчего сердце его замираетъ, а глаза округляются и становятся неподвижны. Да, именно, изъ массы кирпича торчитъ чья-то голова... Вся въ ссадинахъ. Громадная рана на лбу—кровь изъ нея залѣпила глаза. Вонь въ другомъ мѣстѣ высунулась рука... Одна рука—все остальное тѣло подъ камнями; но оно еще живо, оно страдаетъ, именно страдаетъ, оно въ мучительной агоніи. Василій Герасимовичъ понимаетъ это, потому что рука, а главное ея посинѣвшіе пальцы, судорожно сжимаются и разжимаются... Еще и еще... Но мѣрѣ того какъ глазъ привкаетъ — въ грудкахъ рухнувшихъ стѣнъ выдѣляются сѣрые силуэты. Они корчатся, стараются высвободиться изъ-подъ этой страшной тяжести придавлившей ихъ къ землѣ, сдвигаютъ ее на минуту, но въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе кирпичъ съ глухимъ гуломъ наваливается на нихъ еще плотнѣе и совсѣмъ погребаетъ подъ собою.

— Батюшки!.. Голубчики! вырывается вдругъ у Саввы Кузмича.

— Что съ вами? спрашиваетъ его офицеръ.

— Въ подвалахъ-то, въ подвалахъ... Подвалы всего важнѣй... Тамъ народъ.

— Сколько народу было въ подвалахъ? спрашиваетъ у него кто-то въ пыли, кто—не видно.

— Ста два...

— Царствіе небесное!

Всѣ снимаютъ шапки и крестятся.

Подвалы совсѣмъ рухнули—и ихъ задавило всей массой развалившихся стѣнъ пятиэтажнаго дома... Оттуда даже стонъ не доносится. Тамъ ужъ страданія кончились, а если и продолжаются во тьмѣ и молчаніи, то все равно заживо-схороненныхъ никто не услышитъ больше. Василій Герасимовичъ прислушивается и понимаетъ, что всѣ толки идутъ кругомъ о спасеніи вонъ тѣхъ что видны, что вкраплены здѣсь вверху въ отвратительныя руины.

— Какъ это случилось? самъ не зная почему спрашиваетъ онъ у полицейскаго.

Но тотъ мрачно хмурится и отходитъ прочь. За него отвѣчаетъ кто-то другой изъ обывателей.

— Объ этомъ надо васъ спросить... живодеры! Вся печать говорила цѣлый годъ, что такъ строить домовъ нельзя... Грошевики!.. Вы сколько думали сберечь на этой постройкѣ въ полтора кирпича? Эти жизни дешевле вашихъ тысячъ что-ли?

Савва Кузмичъ пугливо косится въ сторону говорящаго.

А стоны кругомъ все глуше и глуше... Все больнѣе отъ нихъ.

— И чего ждуть, чего ждуть?.. съ ужасомъ восклицаетъ Василій Герасимовичъ.—Теперь бы вытаскивать надо скорѣе... Надо работать. Еще можно спасти.

— Дотронься, отвѣчаютъ ему,—вонъ стѣна стоитъ и только шевельни эти груды—рухнетъ и еще сотни дѣтрити народу задавить...

— Нѣтъ, продолжаетъ въ пыли все тотъ-же раздраженный голосъ.—Надо бы взять архитектора, что строилъ эту отвратительную клѣтку, да Сластеновыхъ, и бросить ихъ народу на самосудъ.

— Разорвать бы ихъ! отвѣчаетъ кто-то рядомъ.

— Въ ключья!.. Это было бы по настоящему...

— Воды!.. воды!.. глухо доносится до Сластенова-младшаго, и онъ видитъ громаднаго мужика, у котораго поперекъ тѣла легло бревно.

Видно огонь палитъ несчастнаго—и это „воды, воды“ такъ и проникаетъ въ душу Василію Герасимовичу.

— Вотъ они... Вотъ они! вдругъ вырывается у него.

— Что еще? спрашиваетъ его Савва Кузмичъ.

— Вотъ они... проклятые миллионы! Каждый грошъ въ крови...

— Очухайся, племянникъ... Не скули... Робята! вдругъ обернулся Савва Кузмичъ къ окружающимъ его уцѣлѣвшимъ рабочимъ.—Робята, въ комъ душа есть?..

Онъ снялъ шапку и перекрестился.

— Неча намъ ждать... Давайте помогать. Кто померъ—семья того будетъ обезпечена. Раненыхъ вылѣчимъ, а ежели калѣками останутся—прокоримъ. Нищими не бросимъ. Попущеніе Господне. А стоять такъ-то да галдѣть зря нечего... Ну, благословясь!

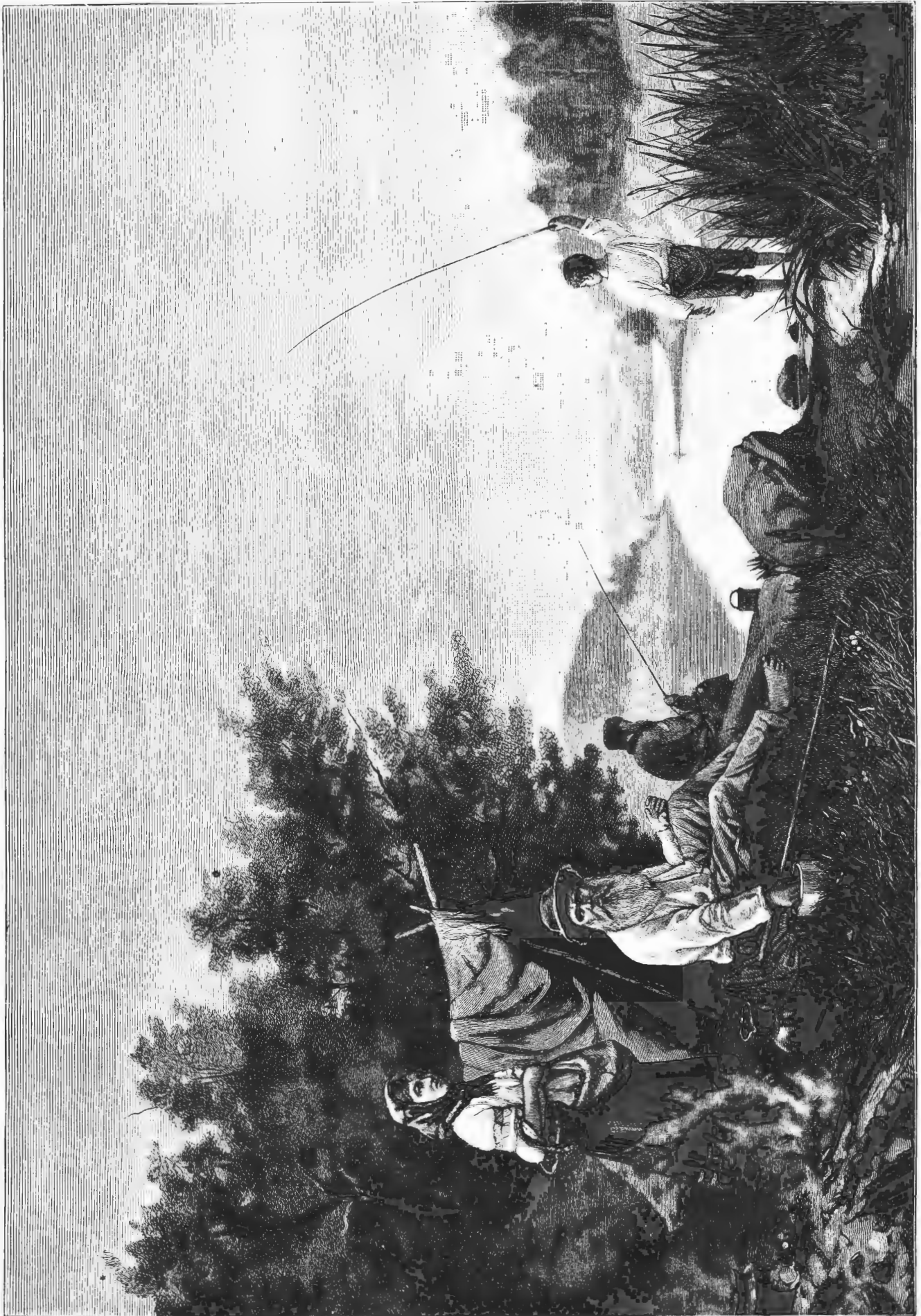
И ужъ не обращая вниманія на останавливавшаго его офицера, онъ двинулся къ ближайшимъ грудамъ кирпича и принялся ихъ растаскивать. Точно только этого и ожидавшій народъ, бывший внутри цѣпи солдатъ, смѣло двинулся за Сластеновымъ.

Василій Герасимовичъ самъ не узналъ себя въ эту минуту.

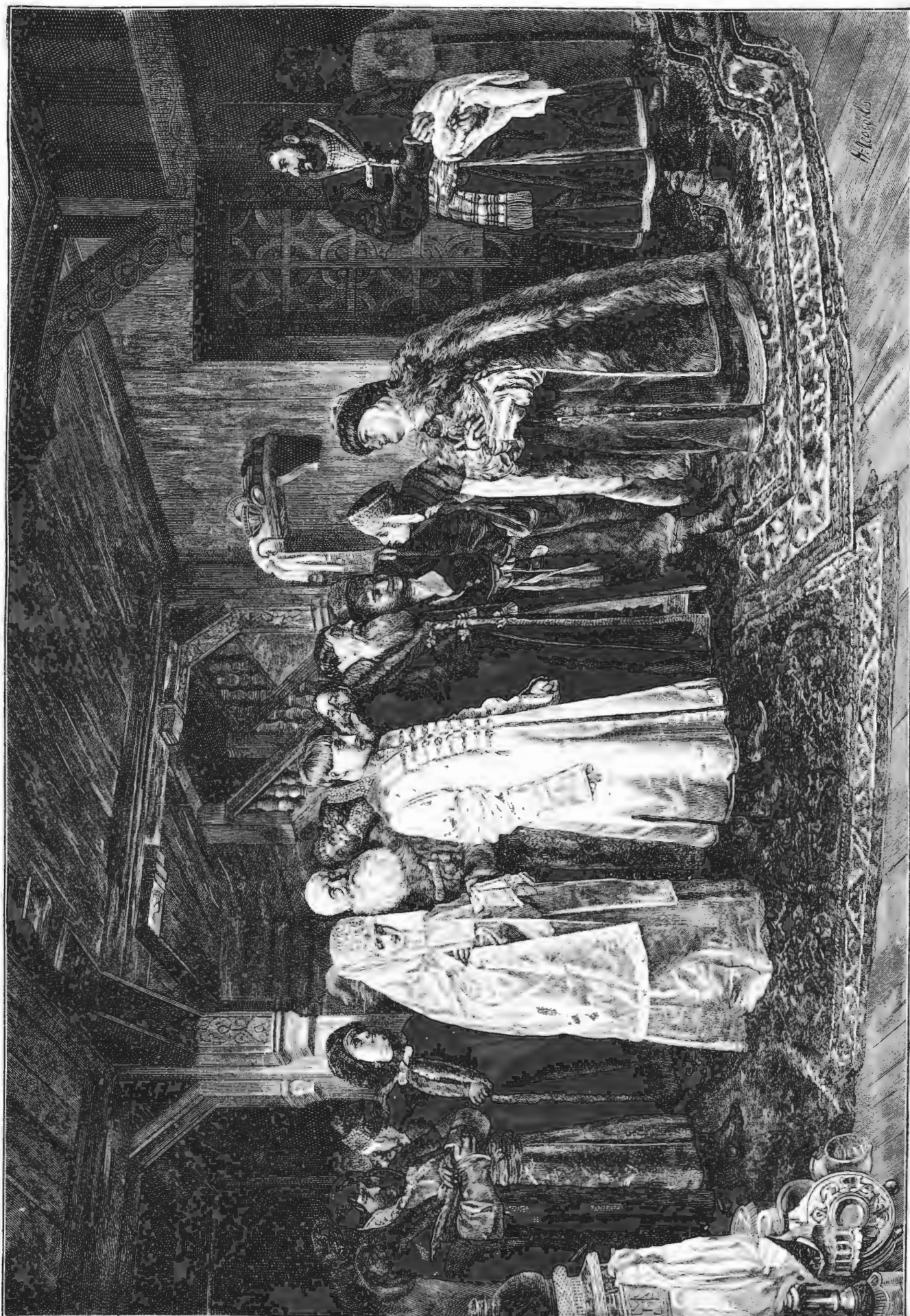
— Не волнуйтесь! остановилъ его Курцъ.

Сластеновъ посмотрѣлъ на него только съ изумленіемъ. Ему было страшно за этихъ замученныхъ и умирающихъ—но не за себя. Самъ онъ не думалъ о своей безопасности. Ему казалось даже, что смерть легче этого ужаса.

Онъ бросился сначала за дядею въ самыя вѣдра

Рыбаки на рѣкѣ Виліи, близь города Вильны. Съ карт. Піотровскаго, грав. Ю. Барановскій.

Боярская свадьба. Молодыхъ ведутъ въ опочивальню. Съ карт. к. в. Лебедева, грав. Ю. Шюблерг.

сѣраго, удушливаго облака пыли. Потомъ безсознательно сталъ раскидывать кирпичи и камни. Ему удалось уже освободить изъ-подъ нихъ одного еще дышавшаго рабочаго, какъ вдругъ до его уха донеслись болѣзненные крики издали. Ихъ было больше чѣмъ здѣсь. Очевидно и помощь тамъ была нужнѣе. Онъ перешелъ туда. Стѣна еще стоймя стояла здѣсь... Она еще не рухнула, но сверху донизу по ней шла злобѣщая трещина. Сюда никто не рѣшался подойти. Замѣтивъ племянника тамъ, Савва Кузмичъ закричалъ ему:

— Василий! уйди прочь!.. Сейчасъ повалится... задушить...

Но тотъ только головою покачалъ въ отвѣтъ ему.

Василію Герасимовичу такъ все равно было въ эту минуту, задавить его или нѣтъ!

Онъ понималъ только одно—здѣсь были еще живые, которыхъ слѣдовало спасти во чтѣ бы то ни стало. Если бы даже онъ погибъ на этомъ, не все-ли равно. Оставаться жить съ сознаниемъ, что онъ могъ помочь и не помочь, было еще страшнѣе.

Самъ не понимая откуда у него взялась сила, онъ такъ заворочалъ груды камней, что его сейчасъ же окружило облакомъ. Зловѣщій шумъ и трескъ слышался надъ нимъ въ удѣлѣвшей и расколовшейся только стѣнѣ. Но ни трескъ, ни шорохъ этотъ его не останавливалъ. Онъ, весь въ поту, работалъ—да такъ, что скоро и другимъ стало стыдно. Они подошли и стали высвобождать корчившихся и стонавшихъ людей. Василій Герасимовичъ шелъ на самыя опасныя мѣста. Невольно его вліянію поддались остальные. И ставъ уже спиной къ грозившей рухнуть стѣнѣ, прислонясь къ ней, онъ властно и смѣло распоряжался.

Откуда чтѣ бралось.

Даже дядя его диву дался.

— Ай да племянникъ!.. Ай да мы!.. радовался онъ.

Шапка давно слетѣла со старика. Пальто онъ скинулъ, чтобы легче работалось.

Василій Герасимовичъ ужъ видѣлъ, какъ изъ-подъ новыхъ грудъ кирпича вытащили нѣсколько рабочихъ. Одни еще дышали, другіе уже навѣки простились съ бѣлымъ свѣтомъ. Ихъ незрячія, широко открытыя очи неподвижно смотрѣли на окружающихъ.

— Ампутацій-то, ампутацій! слышится около Сластенова, и онъ видитъ какого-то доктора.

— Носилокъ!.. кричитъ тотъ.—Носилокъ!.. Боже мой, у этого обѣ ноги надо прочь... Ну, а съ этимъ нечего... Кончается!..

А изъ-подъ новыхъ грудъ вытаскиваютъ новыхъ жертвы.

Кровь на камняхъ, кровь на землѣ, кровь просачивающаяся сквозь кирпичи внизъ.

— Проклятые миліоны!.. Проклятые миліоны!.. повторяетъ самъ про себя Сластеновъ.

— Вы господинъ Сластеновъ?.. подходитъ къ нему какой-то генералъ.

Василій Герасимовичъ смотритъ на него и ничего не понимаетъ. Ему странно, о чемъ еще можно разсуждать въ это время.

— Вы господинъ Сластеновъ?

— Что вамъ? появляется откуда-то, весь въ поту, въ крови и пыли, Савва Кузмичъ. — Я Сластеновъ, а это мой племянникъ.

— Кто завѣдывалъ постройкой у васъ?

— Архитекторъ. А отъ нашей компаніи—вотъ господинъ Курцъ.

Курцъ выдвигается впередъ, наклоняетъ голову на бокъ и театрално произноситъ:

— Ваше превосходительство! Богъ далъ, Богъ и взялъ... Да будетъ Его святая воля!

— Разумѣется, разумѣется, господинъ Курцъ. Но такъ какъ Бога судить нельзя, такъ я ужъ приму всѣ мѣры, чтобы вы были преданы суду. Я, если бы было

возможно, военнымъ судомъ васъ... Жалѣю, что не могу этого сдѣлать. Во всякомъ случаѣ, на-дняхъ же вы будете арестованы... Слышите вы меня, господинъ Курцъ?

Боголюбовъ Боголюбовичъ, весь блѣдный, что-то говорить и разводитъ руками, но Сластеновъ его уже не слышитъ.

А работа кипитъ кругомъ. Очнувшись, Сластеновъ замѣчаетъ, что приказывать и распоряжаться нечего. Всѣ знаютъ чтѣ дѣлать—паника прошла. Около лежатъ ряды какихъ-то тѣлъ. О какъ ихъ много! На постройкѣ были брезенты, удѣлѣвшіе рабочіе покрыли убитыхъ ими. Но изъ-подъ брезентовъ торчатъ ноги, и эти ноги неподвижны. Страстное любопытство влечетъ Сластенова заглянуть въ ихъ лица. Ему кажется что онъ уловитъ въ нихъ еще хоть искру жизни, что надежда еще не кончилась для этихъ, что стѣнитъ только сдѣлать что-то, что онъ не знаетъ, но именно что-то—и они оживутъ и ихъ можно будетъ спасти. Онъ наклоняется, отворачиваетъ уголъ брезента—чья-то голова со включенными волосами. Одинъ глазъ выбитъ, другой пристально смотритъ на Василія Герасимовича. „Не замай! Дай покой!—они теперь знаешь гдѣ!“ обрываетъ его удѣлѣвшій рабочій и бережно прикрываетъ опять брезентомъ поспѣвшее лицо. А тамъ дальше къ этому ряду недвижныхъ силуэтовъ несутъ еще и еще. Онъ растетъ, удлиняется, кажется скоро конца ему не будетъ. Сластенову чудится что онъ продолжится въ безконечность.

— Да, это наша вина... наша! повторяетъ онъ про себя, опять уходя въ бѣшеную работу, опять разворачивая груды камней.

— Что? мелькомъ поровнялся съ нимъ дядя.

— Мы это все сдѣлали, дядя! Мы... Проклятые миліоны!..

Но тутъ что-то словно сбило его съ ногъ. Онъ чувствуетъ тупую боль въ головѣ и валится по грудамъ кирпича. Камень сверху упалъ и вскользя контузиль его въ затылокъ.

Курцъ съ странною поспѣшностью схватываетъ его. До сихъ поръ, послѣ разговора съ генераломъ, онъ былъ въ какомъ-то оцѣпенѣнии и не двигался, только глазами моргалъ, но теперь онъ беретъ Василія Герасимовича подъ руку, проситъ офицера указать ему дорогу, помочь вывести „больнаго“, и вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ вдаль. Только на извозчикѣ Василій Герасимовичъ чувствуетъ что-то теплое на шеѣ. Она у него залита кровью.

По всему пути домой, Василію Герасимовичу казалось, что улицы, дома, церкви, площади, фонарные столбы колеблются, путаются, связываются въ какіе-то узлы, длинныя строчки оконъ мѣшаются, переплетаются и расплетаются. Люди ему чудятся странными, они точно пьяные шатаются на тротуарахъ. Онъ самъ ощущаетъ что-то точно свиноецъ сдавливающее ему голову, и на вопросы испуганнаго Курца повторяетъ одно и то же:

— Проклятые миліоны, проклятые миліоны!

Дома, когда его укладываютъ въ постель, ему кажется что его опускаютъ въ бездну. Надъ бездною наклоняется чье-то лицо.

— Я послалъ за докторомъ!

И Курцъ торопливо уѣзжаетъ, оставляя Василія Герасимовича одного.

Но тотъ уже на самомъ днѣ бездны; стѣны и отвѣсы ея смыкаются надъ нимъ. Ему душно-душно, ему кажется что онъ умираетъ, что эти недвижныя тѣла вмѣстѣ съ нимъ здѣсь, что ихъ взгляды устремлены на него съ ужасомъ, тоскою, отчаяніемъ, что ихъ руки, облитыя кровью, раздавленные, исковерканныя, протягиваются къ нему, указываютъ на него.

— Помогите... Помогите! вырывается у Василія Герасимовича.

Недѣлю опять оставался въ постели, но рана его оказалась не важною; онъ скоро всталъ, и дѣлательно, самъ себя не узнавая, занялся устройствомъ искалѣченныхъ рабочихъ, розыскомъ семей убитыхъ. Онъ весь ушелъ въ это дѣло, когда разъ утромъ къ нему прѣхалъ дядя.

— Ну, что? заботливо спросилъ его Савва Кузмичъ.

— Ничего... На половину кончилъ ужъ. Ахъ! дядя, какой ужасъ, какой ужасъ!

— Да, прости Господи! А у меня, братъ, еще новость! — И Савва Кузмичъ вдругъ сѣлъ у кровати, задумался. — Еще новость, да... Знаешь, когда вотъ тебя какой-нибудь плутъ надуеетъ, это не горько — потому ты на нашемъ дѣлѣ не выросъ. А меня... меня, старога дурака...

— Что съ вами, дядя? спрашиваетъ Сластеновъ и въ то же время понимаетъ, что ему все равно въ эту минуту. Чтò бы ни случилось — все равно, оно будетъ блѣдно и ничтожно передъ безконечнымъ ужасомъ этого недавняго злобщаго дня.

— Курцъ, Курцъ... и вдругъ Савва Кузмичъ уронилъ голову на руки. — Пойми ты... Курцъ бѣжалъ. Въ кассѣ денегъ ни копѣйки — всѣ съ нимъ. Ни отчетовъ, ни бумагъ, — все уничтожилъ.

— Куда бѣжалъ? приподнялся Сластеновъ.

— Почему я знаю... Полиція сегодня къ нему приходила — арестовать его хотѣли, да поздно — его и слѣдъ простылъ. Еще вчера уѣхалъ... Утромъ, говорятъ, вышелъ — и не возвращался болѣе.

— Плюсъ мнѣ говорилъ что-то... смутно вспоминалъ Василій Герасимовичъ.

— Плюсъ тоже нѣтъ... Сейчасъ къ нему ѣздилъ я — нѣтъ Плюсъ. Схватился, говорятъ, только-что и уѣхалъ. И Приходзько съ нимъ. Ахъ-ахъ-ахъ! Ну да никто какъ Богъ.

Савва Кузмичъ всталъ и перекрестился глядя на старинные образа, оставшіеся нетронутыми въ кювѣ еще со временъ Арсенія Николаевича.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Въ Коломиѣ, подойдя къ зеркалу, висѣвшему въ залѣ желѣзнодорожной станціи, Боголюбъ Боголюбовичъ взглянулъ въ него и, увидѣвъ высокаго, начисто выбритаго господина въ громадныхъ круглыхъ очкахъ — не узналъ себя. Онъ улыбнулся, довольный и счастливый, но тотчасъ же опомнился и оглянулся подозрительно. Въмѣстѣ съ нимъ въ залу вошелъ какой-то маленькій юркій брюнетъ, котораго Курцъ замѣчалъ всю дорогу. Тотъ тоже сѣлъ въ Москвѣ и взялъ билетъ на Воронежъ. Курцъ два или три раза заговаривалъ съ нимъ, но тотъ недоумѣло смотрѣлъ на него, отвѣчалъ неохотно „да“ и „нѣтъ“ и отодвигался къ окну, очевидно вовсе не раздѣляя его желанія завести знакомство. Это успокоило Боголюба Боголюбовича. Онъ прекрасно понималъ что слѣди за нимъ попутчикъ, для него былъ бы находкой такой легкой способъ завязать сношенія. Теперь — этотъ стоялъ у буфета, пилъ водку, закусывалъ какимъ-то рыжимъ бутербродомъ съ ветчиной и не обращалъ на Готлиба никакого вниманія. Курцъ, уже совершенно спокойный, подошелъ и, подчиняясь радостному чувству сознания, что опасность прошла, опять заговорилъ съ нимъ.

— Чтò, кажется, плоха ветчина?

И онъ ласково посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Да...

И тотъ, неприязненно окинувъ Курца удивленнымъ взглядомъ, вынулъ какую-то мелочь и сталъ расплачиваться.

— А водка?.. еще любезнѣе спросилъ Курцъ.

Но этотъ его вопросъ остался безъ всякаго отвѣта, такъ что даже буфетчикъ удивился.

„Экій невѣжа!“ подумалъ про себя Курцъ и потомъ тотчасъ же, повинувшись какому-то странному инстинкту, — тому же, который заставляетъ человѣка не бѣжать отъ оскорбленія, а опредѣлить, оформитъ его еще больше, чтобы такъ-сказать уже не было никакихъ сомнѣній, — спросилъ еще разъ:

— Вы изволите ѣхать до Воронежа, кажется?

— Извините меня, я не имѣю привычки разговаривать съ незнакомыми.

И юркій малышъ, уже не оглядываясь на опѣшившаго Курца, пошелъ въ дверь вокзала. И было пора. Дали второй звонокъ. Курцъ едва успѣлъ вскочить въ вагонъ, когда послышался третій, затѣмъ свистокъ оберъ-кондуктора и поѣздъ тронулся. „Вотъ гордецъ-то... или можетъ быть ипохондрикъ!“ думалъ про себя Боголюбъ Боголюбовичъ, глядя порой на спутника. Вагонъ перваго класса былъ только одинъ, и потому имъ поневоѣ приходилось ѣхать вмѣстѣ. „Вотъ гордецъ-то!.. Ну!.. А я еще боялся. Нѣтъ, куда этимъ дуракамъ. Они теперь вѣроятно дали знать или завтра дадутъ знать въ пограничныя таможни. Точно я осель, чтобы сейчасъ же ѣхать чортъ знаетъ куда — черезъ самыя опасныя мѣста!“

Гудѣніе поѣзда, грохотъ его колесъ, вздрагиваніе и равномерное подталкиваніе — ужасно раздражаютъ человѣка и всѣмъ его ощущеніямъ сообщаютъ обостренную чуткость и яркость. Такъ и Готлибу Готлибовичу стало въ необыкновенно рѣзкихъ и вышуклыхъ чертахъ и рельефахъ представляться все, чтò онъ сдѣлалъ. Какимъ-то туманомъ со дна души поднимались сомнѣнія и окутывали его мысли. Онъ вѣдь долго колебался, очень долго. Не рухнулъ этотъ домъ, не готовъ ли его арестъ, о которомъ онъ уже зналъ, онъ пожалуй еще бы нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ оставался въ Москвѣ, а можетъ быть и совсѣмъ бы не уѣхалъ, предпочитая воспользоваться всѣми выгодами своего положенія исподволь. Правильно-ли, умно-ли сдѣлалъ онъ теперь?.. Въ самомъ дѣлѣ, не лучше-ли было бы сосать медленно и вѣрно этого осла, Василя Герасимовича? Да... а коммисія?.. Коммисія, которую изъ Петербурга послали на работы. Она вѣдь открыла бы, что онъ были совершаемы всюду только для показу, только для видимаго оправданія ассигновокъ, получаемыхъ имъ отъ компаньоновъ... А ревизія, которую хотѣли назначить эти компаньоны и пайщики? Кого бы еще назначили! Онъ сильно боялся, чтобы въ нее не попали Приходзько съ Плюсомъ. Случись это — двѣ эти шельмы разомъ бы узнали, что всѣ дома были имъ куплены за компанейскій счетъ, что и сверхъ того въ графахъ расхода есть много цифръ, которыхъ никакимъ путемъ ему оправдать не удастся! А арестъ?.. Нѣтъ, именно надо было поступить такъ, и только такъ. Нѣтъ, исхода для него не предстояло. Отъ уголовной отвѣтственности ему бы удалось отдѣлаться. Документы, купленные имъ у Фомина, заставили бы Савву Кузмича стать за него горой. Да и сверхъ того, только мелкіе капиталисты охочи до судовъ и до скандаловъ. Крупные, цѣною даже большихъ потерь, избѣгаютъ ихъ, избѣгаютъ необходимости являться въ качествѣ свидѣтелей или потерѣвшихъ и на вопросы сторонъ разсказывать о своихъ дѣлахъ. Да потомъ и Василій Герасимовичъ никогда бы не пошелъ противу него. Но онъ остался бы почти безъ ничего. Вѣдь жалкія сто-полтора тысячь, которыя у него бы оказались — ницета послѣ тѣхъ почти двухъ милліоновъ, которые лежатъ у него въ портфель, вотъ тутъ подъ бокомъ — двухъ милліоновъ! Легко сказать — онъ парь съ ними! Онъ могущество! Онъ — все. Въ новомъ мірѣ, среди незнающихъ его людей — когда онъ переживетъ этотъ періодъ необходимаго скитальчества и прятковъ — онъ явится громадною силой. Вѣдь это боль-

ше пяти милліоновъ франковъ! А съ такимъ ресурсомъ, да съ царемъ въ головѣ, можно сдѣлаться одною изъ крупнѣйшихъ величинъ европейскаго финансоваго міра. И если въ военномъ мірѣ не судятъ побѣдителей, то въ фипансовомъ — никто не спрашиваетъ милліонера, откуда ты пришелъ. Отъ милліонеровъ не требуется послужныхъ списковъ. Впослѣдствіи, если бы даже онъ захотѣлъ вернуться въ Россію, кто ему мѣшаетъ вступить въ соглашеніе со Сластеновыми... Изъ пяти милліоновъ франковъ, при его умѣ, онъ живо создастъ двадцать пять—расплатится... И его примутъ съ распростертыми объятіями. Да, впрочемъ, наплевать ему на эту глупую страну!.. Еще бы, чтò за воспоминанія онъ уносить съ собою!

Онъ еще разъ взглянулъ на своего спутника. Все-таки не вполне улеглось чувство опасенія.

Но въ данномъ случаѣ онъ былъ не правъ: брюпетъ, откинувшись въ уголь вагона, спалъ, пресмѣшно открывъ ротъ... Изрѣдка онъ, точно очнувшись, хватался за свой карманъ, и Готлибъ Готлибовичъ улыбался.

„Должно-быть шельма порядочная. Набилъ зобокъ, да и самъ боится всякихъ встрѣчъ на желѣзной дорогѣ...“

Подъ самую Рязанью Боголюбъ Боголюбовичъ выкинулъ въ окно дорожную шапку и надѣлъ военную фуражку съ синимъ околышемъ и кокардою. Въ этомъ видѣ онъ походилъ на отставнаго офицера, чему соответствовало и заблаговременно приобрѣтенный имъ паспортъ. Онъ успѣлъ въ Москвѣ сбрить свои баки и бороду и оставилъ усы—небольшіе усы, завитые вверхъ. Они своимъ цвѣтомъ могли бы еще выдать его, но передъ отъѣздомъ у него не было времени заняться этимъ. Когда поѣздъ остановился передъ Рязанью, Боголюбъ Боголюбовичъ схватилъ свой громадный портфель и чемоданъ, и быстро вышелъ изъ вагона, радуясь тому, что его спутникъ не проснулся. Брюнетъ спалъ все такъ же открывъ ротъ. Курцъ не замѣтилъ, что передъ окномъ у вагона, суетился какой-то оборванный еврейчикъ. Когда Боголюбъ Боголюбовичъ вышелъ, юркій брюнетъ внезапно проснулся и крикнулъ:

— Катцель!

— Я здѣсь!..

— Видѣлъ этого высокаго господина?—бѣги за нимъ. Узнай гдѣ онъ остановится и сейчасъ сюда.

А самъ лѣниво, что совершенно не соответствовало всѣмъ его приемамъ ранѣе, поднялся, еще лѣнивей взялъ свой чемоданъ и вошелъ въ залу вокзала. Катцель мигомъ бросился за Курцомъ.

— Ваше высокоблагородіе... ваше высокоблагородіе...

Боголюбъ Боголюбовичъ вздрогнулъ, быстро оправился и съ досадой обернулся къ нему.

— Чего вамъ?

— Позвольте рекомендовать вамъ отель... Отличный отель... перваго класса... Будете довольны. На главной здѣшной улицѣ... Гостиница Ланина...

— Хорошо, хорошо!..

— Я вамъ помогу.

Не ожидая согласія Курца, онъ выхватилъ у него чемоданъ изъ рукъ и пошелъ къ извозчику, усадилъ Курца и приказалъ:

— Въ гостиницу Ланина!

И уложилъ затѣмъ чемоданъ въ ноги къ извозчику.

Курцъ далъ ему двугривенный. Катцель обрадовался и бросился къ нему со своей карточкой.

— Если чтò понадобится—пошлите за мной!..

— Хорошо, торопился тотъ отвязаться отъ него. — Хорошо... хорошо...

Катцель далъ ему отъѣхать, а самъ перебѣжалъ задками черезъ двѣ улицы и сталъ въ воротахъ гостиницы Ланина, такъ что онъ видѣлъ всѣхъ проѣзжавшихъ мимо, а его никто замѣтить не могъ. Готлибъ Готли-

бовичъ фхаль нѣкоторое время молча, потому что-то ему пришло въ голову и онъ спросилъ извозчика:

— Развѣ у васъ только одна и есть гостиница Ланина?

— Нѣтъ, и другихъ много!..

— А какая же считается лучшею?

— Штейерта — для господъ будетъ куда обходительнѣй.

— Такъ вези меня къ Штейерту!..

Катцель изъ своей западни видѣлъ, какъ Готлибъ миновалъ Ланина и повернулъ за уголь. Пройти туда было дѣломъ одной минуты. Онъ замѣтилъ, какъ изъ подъѣзда выскочилъ старикъ-швейцаръ, взявъ вещи пріѣзжаго. Потомъ дождался, когда тотъ же швейцаръ вынесъ деньги извозчику, и Катцель позвалъ его.

— Сейчасъ на станцію, назадъ! Слышишь? — только скорѣе!

Въ залѣ юркій брюнетъ нетерпѣливо ходилъ изъ угла въ уголь. Увидѣвъ Катцеля, онъ живо пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Ну?.. Что?..

— Въ гостиницѣ Штейерта.

— Отправляйся обратно, узнай подъ какой фамиліей онъ остановился и какой номеръ занялъ, и пока я не пріѣду, не выпускай его изъ виду. Если рядомъ номера свободны—займи оба. Слышишь?..

Пока Катцель бросился исполнять приказанія, спутникъ Готлиба Готлибовича прошелъ въ телеграфъ и послалъ въ Москву слѣдующую депешу: „Зарядь—Гиршману. Товаръ доставленъ въ Рязань—накладная у довѣреннаго, остановившагося въ гостиницѣ Штейерта... Куду порученій. Рузановъ“.

Кончивъ съ этимъ, Рузановъ дождался чтобъ стемнѣло, и поѣхалъ въ городъ.

— Здѣсь остановился мой приказчикъ Катцель? спросилъ онъ у швейцара.

— Здѣсь, пожалуйста.

— А для меня, моя фамилія Рузановъ, взять номеръ?

— Какже. Готовъ давно.

— Рядомъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Рядомъ невозможно было. Раньше пріѣхалъ господинъ изъ Москвы и взялъ средній номеръ между ними.

— Экая досада! Какой господинъ?.. Какъ его фамилія?.. Чортъ знаетъ что, просто... Не уступитъ-ли онъ? Мнѣ бы надо было поближе къ своему служащему.

— Кабы знато было раньше... разводилъ руками швейцаръ.—А только я думаю, что господинъ этотъ не уступитъ. Изъ важныхъ онъ... Отставной штабсъ-ротмистръ графъ Гродзинскій. Сказываютъ: пріѣхалъ сюда покупать имѣніе. Спрашивали кто продаетъ.

— Ну, дѣлать нечего! Меня не беспокойте—я спать лягу. Съ однимъ изъ слѣдующихъ поѣздовъ изъ Москвы пріѣдетъ ко мнѣ купецъ, тогда и разбудите.

И Рузановъ ушелъ къ себѣ.

Курцъ тоже сначала прилетѣть отдохнуть, потомъ точно его что-то приподняло съ кровати. Его номеръ состоялъ изъ двухъ комнатъ. Онъ прислушался — въ одной изъ сосѣднихъ слышалось мѣрное храпѣніе.

„Экая свинья какая толстомордая! Храпитъ какъ!“ обругался Боголюбъ Боголюбовичъ. „Должно быть изъ самаго чернозема явился сюда“.

Въ другой комнатѣ была тишина. Курцъ завѣсилъ полотенцами отверстія замковъ въ дверяхъ въ правый и лѣвый номера, зажегъ свѣчи, вынулъ изъ чемодана коробочку какую-то и усѣлся у туалетнаго столика передъ зеркаломъ.

„Въ сумеркахъ люди и швейцаръ не замѣтили... Самое время теперь!“ усмѣхнулся онъ. „Ну-ка, красивый блондинъ Курцъ, обратись окончательно въ плѣнительнаго брюнета графа Гродзинскаго...“

Онъ вынулъ изъ коробочки краски для волосъ, и черезъ часъ уже, совершенно вымытый, причесанный,

За грибами. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Писемского, грав. Шюблеръ.

обратился въ сильнаго брюнета, подвилъ щипчиками усы, лихо на-бокъ надѣлъ фуражку, набросилъ на себя военную шинель и, заперевъ портфель въ комодъ, взялъ съ собою ключъ и вышелъ.

— Рѣшительно природа создала меня гусаромъ!.. засмѣялся онъ.

Ему надо было одуматься, придти въ себя.

(Продолженіе будетъ).

Первая гроза.

Повѣсть Виктора Бибикова.

(Продолженіе).

XI.

Когда все помощники разошлись, Тарахтинъ отдалъ приказаніе лакею никого не пускать, прилежъ на оттоманку и разсѣянно перелистывалъ страницы новаго романа, присланнаго ему французскимъ книжнымъ магазиномъ. Но ему не читалось, каждая фраза автора и дѣйствующихъ лицъ его произведенія казалась ему ненужною, фальшивою и скучною; онъ, въ порывѣ досады, отбросилъ томикъ въ противоположный уголъ оттоманки и закрылъ лицо руками.

Давно-ли, какъ ему казалось теперь, онъ летѣлъ на всѣхъ парусахъ, давно-ли крылья несли его и не давали чувствовать тяжести жизни; но стихъ благопріятный вѣтеръ, повисли паруса, опали безсильныя крылья, надвинулся вечеръ, нѣтъ отдыха и грезеть тоска. Какъ развернутый свитокъ, о которомъ говоритъ поэтъ, какъ длинная пройденная дорога, разстлалась передъ нимъ вся его жизнь и, взглядываясь въ прошедшее, онъ желалъ узнать объясненіе, найти оправданіе своей винѣ, и не узнавалъ, не находилъ ни того, ни другаго.

Промелькнуло передъ нимъ дѣтство шумливое, задорное, святыхъ ласки матери, безпричинная радость жизни, торопливая любознательность, первые годы ученія, которые дались ему легко, безъ напряженія, безъ слезъ, почти безъ усилій. И въ гимназій, и въ университетѣ онъ окруженъ былъ всеобщою любовью, а тотъ, кто не дарилъ его этимъ чувствомъ, все-таки не могъ отказать ему въ извѣстномъ вниманіи; каждый признавалъ его выдающимся юношей, полнымъ блеска и силъ, счастливецомъ, которому достался первый номеръ. На него возлагали надежды. Онъ оправдалъ всеобщій приговоръ и двадцатисемилѣтнимъ товарищемъ прокурора заставилъ говорить о себѣ. Новые суды и съ открытіемъ ихъ сдѣлавшаяся вдругъ значительною адвокатура соблазнили Тарахтина; онъ, несмотря на блестящее начало своей карьеры, не задумался и бросилъ службу, съ увлеченіемъ отдаваясь избранному поприщу. Два-три громкіе процесса сдѣлали ему имя, газеты раскричали новое свѣтло, о немъ заговорили въ обществѣ.

Со своей стороны, Тарахтинъ дѣлалъ все возможное, чтобы поддержать и укрѣпить за собой это вниманіе: онъ тщательно работалъ надъ каждымъ ввѣряемымъ ему дѣломъ, былъ чистоплотенъ въ ихъ выборѣ, пополняя свое образованіе постояннымъ чтеніемъ; его рѣчи на судѣ выгодно отличались простотой и литературной отдѣлкой отъ рѣчей его собратій, надутыхъ, аффектированныхъ словозверженій,—не говоря уже о прекрасной дикціи и томъ внутреннемъ огнѣ, который согревалъ каждое слово Тарахтина и притягивалъ въ залу суда, какъ въ театръ, зрителей каждый разъ когда разбиралось дѣло съ его участіемъ.

Года три этотъ успѣхъ забавлялъ Тарахтина и пріятно щекоталъ его самолюбіе; нравились ему и рукописанія въ залѣ суда и льстивыя газетныя рѣчи; но скоро все это прошло: аллюдиенты пріѣзжихъ и раздражали его, а когда онъ сравнилъ похвалы газетныхъ репортеровъ, которыми они осыпали его, съ похвалами, расточаемыми тѣми же репортерами какимъ-нибудь опереточнымъ звѣздамъ, то перевѣсъ оказывался всегда на сторонѣ оперетки; о ней говорили и съ большимъ пафосомъ и съ большей искренностью.

Но у Тарахтина оставалось еще одно утѣшеніе: онъ вѣрилъ въ свой талантъ и рѣшился испытать его въ давно мавившей къ себѣ области искусства, ему хотѣлось отдать свои силы литературѣ.

Онъ былъ знакомъ со многими писателями и съ нѣкоторыми изъ нихъ находился въ тѣсныхъ, дружескихъ отношеніяхъ; они вѣрили его литературному вкусу, читали ему еще въ рукописи свои произведенія и нерѣдко, слѣдуя его замѣчаніямъ, находили ихъ справедливыми и подвергали свои труды значительной переработкѣ. Тѣ же писатели, слушающія иногда живою, занимательный рассказъ Тарахтина, наблюдая его умѣнье въ лицахъ изображать героевъ своего устнаго повѣствованія, признавая въ немъ несомнѣнное знаніе жизни и благородную любовь къ литературѣ, неоднократно совѣтовали ему взяться за перо и, вмѣсто салонныхъ импровизаций, написать рассказъ, повѣсть или даже романъ.

Тарахтинъ съ жаромъ принялся за работу, но съ первыхъ же строкъ ослабѣлъ, и дѣло не пошло.

Ему не хватало аудиторій, слушателей, ихъ поощряющихъ улыбокъ; за его спиной, какъ въ залѣ суда, не стоялъ подсудимый; передъ нимъ не сидѣли присяжные; то воодушевленіе, которое проникало все его существо, когда онъ рассказывалъ какой-нибудь случай изъ жизни, не приходило къ нему

за письменнымъ столомъ, на бумагѣ пельзя было замѣнить недостающее слово ловкимъ пояснительнымъ жестомъ, подражательная способность здѣсь также не имѣла мѣста; онъ лишненъ былъ счастья чувствовать какъ зрѣтъ зерно замысла подъ лучами вдохновенія, слушать разговоры, наблюдать развивающіяся страсти самимъ имъ созданныхъ людей, — Тарахтинъ бродилъ опущью, тайна созданія такъ и осталась для него непроницаемой и ему не удалось поднять завѣсы.

Но онъ, какъ упорный человѣкъ, добился-таки своей цѣли, окончилъ рассказъ, нѣсколько разъ переписалъ его, далъ рукописи вылежаться и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ перечиталъ свою работу. Она не понравилась ему, но вспоминая, что каждый писатель испытываетъ недовольство окончивъ работу и не можетъ быть судьей своего дѣла, онъ попросилъ одного изъ знакомыхъ литераторовъ прослушать его рассказъ. О томъ, какъ велико было его смущеніе, какъ краснѣлъ онъ подъ пронизательными и любопытными глазами беллетриста, Тарахтинъ и вспомнить не могъ безъ волненія; такого чувства онъ не испытывалъ даже во время экзаменовъ, когда ему случалось брать билетъ, котораго онъ совсѣмъ не зналъ. Самое же чтеніе было настоящею пыткой, и о немъ Тарахтинъ боялся даже вспоминать. Начать съ того, что, читая вслухъ свой рассказъ, онъ съ первыхъ словъ убѣдился въ его полной негодности, и однажды взглянувъ на слушателя, увидѣвъ, что любопытство къ его произведенію уже пропало, онъ хотѣлъ оборвать чтеніе, но беллетристъ почти насильно заставилъ его продолжать и терпѣливо выслушалъ до конца.

Какъ смѣлый больной, сознающій опасность своего недуга, спрашивающъ врача, выживетъ онъ или нѣтъ, такъ Тарахтинъ потребовалъ отъ беллетриста откровеннаго, хотя бы и самаго жестокаго приговора, и его желаніе было исполнено. Беллетристъ началъ свой судъ заявленіемъ, что онъ, какъ и всякій человѣкъ, можетъ ошибаться; но все-таки сказалъ, что, по его мнѣнію, рассказъ очень слабъ и что не того онъ ожидалъ отъ Тарахтина. Правда, въ концѣ концовъ, онъ позолотилъ нилою, напомнилъ Гоголя, который, какъ извѣстно, началъ Галсомъ Кюхельгартемомъ, совѣтовалъ работать; но когда Тарахтинъ спросилъ его, видитъ-ли онъ въ прочитанномъ рассказѣ хоть искорку дарованія, тотъ вѣжливо помолчалъ, и только повинаясь настояніямъ адвоката, отвѣчалъ отрицательно.

Это была первая и послѣдняя проба Тарахтина: больше онъ не бралъ въ руки пера для литературныхъ попытокъ; но неудача рассказа сильно подорвала въ немъ вѣру въ свой талантъ.

Репутація его, какъ извѣстнаго адвоката, установилась уже слишкомъ прочно, клиенты со всѣхъ сторонъ Россіи стеклись въ его кабинетъ; но ни блестящее положеніе его дѣлъ, ни успѣхъ въ судѣ не давали ему желаннаго удовлетворенія; онъ занимался дѣлами, выходилъ на защиту безъ всякаго увлеченія, и пустота существованія давила его съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

Онъ усиленно занялся собираніемъ старинныхъ картинъ, гравюръ, художественной бронзы, ѣздилъ почти каждый день въ Александровскій рынокъ, посѣщалъ распродажи коллекцій, и въ короткое время успѣлъ истратить много денегъ. Ему удалось приобрести двѣ-три педурныя картины второстепенныхъ голландскихъ мастеровъ, нѣсколько норядочныхъ бюстовъ, которые недолго льстили его самолюбію. Но любительство съ него соскочило еще скорѣе, чѣмъ желаніе быть писателемъ. Надежда отыскать на рынкѣ Рембрандта или Клодіона рубля за три, или, во всякомъ случаѣ, не дороже десяти рублей—надежда, которой обыкновенно тѣшатъ себя петербургскіе любители,—казалась ему чрезчуръ ужъ смѣшной и панвюй; онъ кончилъ, впрочемъ, тѣмъ, что обставилъ свою квартиру старинными вещами и уже не старался привить къ себѣ недающуюся страсть.

Хорошія денежные средства, увеличивающіяся съ каждымъ годомъ, позволяли вести ему жизнь разсѣянную и роскошную; благодаря этимъ средствамъ и блестящему положенію, онъ, разумѣется, считался выгоднымъ женихомъ, ему раскидывали сѣти.

Но на женитьбу онъ смотрѣлъ нѣсколько иначе, чѣмъ другіе; онъ зналъ, что мужчина можетъ выбрать дѣвушку, но ему всегда казалось страшнымъ это право выбора.

„Могу-ли я предложить себя въ качествѣ мужа?“ спрашивалъ Тарахтинъ, и всегда на этотъ вопросъ давалъ отрицательный отвѣтъ. Ему встрѣчались красивыя и хорошія дѣвушки, пре-

лестныя созданія, съ которыми—Тарахтинъ это чувствовалъ— онъ могъ-бы узнать счастье.

Но являлся вопросъ, долго-ли продолжится это счастье, и чѣмъ заплатитъ онъ за него, когда пройдетъ страсть и явится охлажденіе, чѣмъ наполнитъ онъ жизнь доврчиво отдававшегося ему молодого существа, онъ, незнавшій чѣмъ наполнить свою собственную.

У него были побѣды, имъ увлекались, но карьера Донъ-Жуана никогда не прельщала Тарахтина и, разсуждая въ пріятельскомъ кружкѣ о такихъ связяхъ, онъ, пародируя Чичикова, говорилъ, что онъ сушатъ сердце, и сильнѣе чѣмъ сушить трубка, цугавшая Гоголевскаго героя.

Въ одно изъ ежегодныхъ путешествій за границу, въ Парижѣ, Тарахтинъ встрѣтилъ ту женщину, портретъ которой онъ показывалъ Федору Васильевичу. Красота ея поражала Тарахтина, онъ влюбился въ нее, какъ юноша, или какъ поэтъ, съ перваго взгляда. Его познакомили. Чѣмъ ближе онъ узнавалъ ее, тѣмъ привлекательнѣе казалась ему она.

Его страсть быстро сообщила и ей, но черезъ два мѣсяца, когда любовь, казалось, достигла своего апогея, красавица потребовала его отъѣзда. Онъ сначала думалъ, что съ нимъ шутятъ, но требованіе было повторено и такъ серьезно, что о шуткѣ не могло быть и рѣчи. Тогда онъ усомнился въ ея чувствѣ, но она такъ смотрѣла на него, съ такимъ непритворнымъ горемъ плакала при его отъѣздѣ, что мысль объ охлажденіи съ ея стороны казалась чудовищною.

По когда Тарахтинъ не выдержалъ испытанія и черезъ двѣ недѣли пріѣхалъ въ Парижъ, его не приняли; въ письмѣ его уведомили, что неизмѣннымъ условіемъ сохраненія ихъ отношеній должно быть его отсутствіе въ теченіе десяти мѣсяцевъ.

Тарахтинъ собралъ справки, узнавалъ, свободна-ли она; оказалось, что совершенно свободна, и такъ какъ на этотъ разъ ему не удалось добиться свиданья, то онъ повнивался и уѣхалъ. На слѣдующій годъ, весной, онъ пріѣхалъ, его встрѣтили еще на вокзалѣ, онъ былъ любимъ юнрежнему, даже больше прежняго: они обѣхали Италію, побывали въ Швейцаріи, и ровно черезъ два мѣсяца красавица опять потребовала его отъѣзда. Напрасно онъ предлагалъ ей женитьбу, напрасно звалъ въ Петербургъ, она стояла на своемъ. Онъ уѣхалъ и, тоскуя по своей возлюбленной, утѣшалъ себя мыслью, что, можетъ быть, эта женщина разгадала его увлекающуюся и непостоянную натуру и, боясь за свое счастье, боясь его охлажденія, придумала нарочно эту разлуку. И, во всякомъ случаѣ, онъ благословлялъ судьбу за эту встрѣчу: теперь его жизнь была полна, и если тоска юнрежнему грызла его, то, по крайней мѣрѣ, у него была причина, исчезла безпредметная, глухая скука.

Прошелъ еще годъ, и на четвертый, въ послѣднюю поѣздку въ Парижъ, онъ убѣдился, что онъ уже утратилъ прелесть повнивы, что онъ уже скученъ, какъ герой романа, прежде казавшагося интереснымъ, что его не любятъ. Это открытіе было для него неожиданнымъ ударомъ, но когда первая боль прошла, и онъ разобралъ свои отношенія съ покинувшей его женщиной, то убѣдился, что она и иногда его не любила, что вся связь, мучившая и томившая его, какъ юношу, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, была искусною игрой, веденною съ почти холоднымъ расчетомъ. И такое сознаніе еще болѣе увеличивало его горе. Напрасно онъ силился забыть, то занимаясь дѣлами до усталости, то посѣщая своихъ многочисленныхъ знакомыхъ; онъ не могъ добиться своей цѣли, онъ не узналъ спокойствія ни на одинъ мигъ, тоска разрасталась до цугавшихъ его размѣровъ.

Лакей доложилъ, что кушанье подано. Тарахтинъ всталъ съ оттоманки и прошелъ въ столовую, смежную съ кабинетомъ комнату, увѣшанную майоликовыми блюдами и тарелками. Онъ проглотилъ нѣсколько ложекъ бульону, исполнилъ ротъ и ушелъ на прежнее мѣсто, въ кабинетъ: самый видъ кушанья былъ ему противенъ.

Появился лакей и обнаружилъ поползновеніе зажечь лампу, Тарахтинъ не позволилъ ему этого сдѣлать, и, лежа въ сумракѣ, наполнявшемъ высокую комнату, думалъ, что въ такіе вечера люди наиваюются пыльными или стрѣляютъ. Но отъ перваго его удерживало чувство безразличности, а на второмъ онъ боялся останавливать свои мысли и, вкочнѣвъ съ оттоманки, кружными шагами ходилъ по кабинету.

Если-бы Тарахтинъ могъ плакать, съ какимъ отчаяніемъ зарыдалъ-бы онъ теперь, какъ облегчили-бы слезы его тоскующую душу! Если-бы у него былъ другъ, какими признаніями онъ подѣлился-бы теперь съ нимъ! Но онъ не зналъ слезъ и у него не было друга, а тѣ знакомые, которые считались его пріятелями, были-бы несказанно удивлены при первой попыткѣ искать у нихъ утѣшенія или участія: широко раскрытыми глазами посмотрѣли-бы они на адвоката, котораго всѣ привыкли считать счастливымъ человекомъ, и одно предположеніе о возможности такой сцены почти разсмѣшило Тарахтина.

Онъ подошелъ къ окну, чтобы опустить штору, и прильнулъ плавающимъ лбомъ къ холодному стеклу: мутное, осеннее небо висѣло надъ высокими домами, моросилъ мелкій, безконечный дождь, на улицѣ не замѣчалось движенія; изрѣдка, не-

слышно, на резиновыхъ шинахъ, пробѣдетъ карета, и въ затворенныя окна доносится глухой топотъ лошадей, да понурые дворники въ овчинныхъ тулупахъ сидятъ у воротъ, усугубляя угрюмую картину.

Тарахтинъ опустилъ штору и вспомнилъ, что сегодня онъ не просматривалъ газетъ. Онъ зажегъ свѣчи, велѣлъ газету, скользнулъ безучастнымъ взглядомъ по ея первой страницѣ съ телеграммами, передовыми статьями и политическими обзорѣніями и прочелъ нѣсколько первыхъ появившихся строкъ.

Ему казалось, что и вчера говорили о томъ-же и въ тѣхъ-же выраженіяхъ; остроуміе фельетониста съ заѣзженными но тѣмъ не менѣе безграмотными латинскими цитатами и развязными подмигиваніями читателямъ, заставило его пожалѣть автора, обязаннаго во что-бы то ни стало еженедѣльно развлекать публику. Добравшись наконецъ до рубрики театра и зрѣлищъ, Тарахтинъ обрадовался, узнавъ, что въ оперѣ сегодня даютъ „Фауста“.

Онъ любилъ эту оперу за ея чудесную музыку и за ея сюжетъ, такъ выгодно отличающійся отъ всѣхъ, по большей части, бессмысленныхъ оперныхъ сюжетовъ, и прижавъ цуговку электрическаго звонка, вдѣланную въ писменный столъ, приказалъ лакею приготовить сюртукъ. Онъ быстро сталъ одѣваться, прикосновеніе холоднаго полотна крахмальной рубахи освѣжило его; умывшись, причесавшись и застегнувъ на всѣ пуговицы плотно облегающій сюртукъ, онъ почувствовалъ себя бодрѣе, и когда, черезъ полчаса, при первыхъ звукахъ увертюры, онъ вошелъ въ зрительную залу театра, никто-бы не сказалъ, глядя на самоувѣреннаго и спокойнаго Тарахтина, что этотъ человѣкъ такъ недавно не зналъ куда скрыться отъ безысходной тоски.

Онъ съ давно неиспытываемымъ наслажденіемъ прослушалъ первое дѣйствіе. Когда занавѣсъ опустился, Тарахтинъ, опершись на барьеръ оркестра, навелъ бинокль на публику. Изъ нѣкоторыхъ ложъ ему были посланы милостивыя улыбки, двѣтри знакомыя дамы вѣрами свали его къ себѣ, но Тарахтинъ отвѣчалъ на улыбки и на безмолвныя, но выразительныя приглашенія сдержаннымъ поклономъ и не отходилъ отъ барьера. Антрактъ тянулся для него слишкомъ долго, онъ заскучалъ, приходило оживленіе вызванное музыкой, онъ привыкалъ къ толпѣ; нѣсколько знакомыхъ, вездѣ встрѣчающихся физиономій, придали публикѣ общее выраженіе, и Тарахтинъ уже подумывалъ объ отъѣздѣ.

Въ это время къ нему подошелъ фельетонистъ большой газеты, Высоцкій, котораго еще сегодня жалѣлъ Тарахтинъ. Это былъ высокій, худощавый, рыже-волосый человѣкъ неопредѣленнаго возраста, съ *rice-pez* на широкой шелковой лентѣ. Онъ протянулъ руку Тарахтину и, улыбаясь, обнажилъ скверныя зубы.

— Что такъ грустны, отечественный Гамбетта? спросилъ онъ покровительственнымъ тономъ и, не получая отвѣта, прибавилъ:—Ужъ не влюблены ли вы безнадежно?

— Не говорите глупостей, отворачиваясь отъ него, сухо возразилъ Тарахтинъ, но Высоцкій не унимался.

— Ну а если не влюблены, такъ влюбляйтесь, да поскорѣе, безъ лишней траты времени. Въ самомъ дѣлѣ, взгляните на крайнюю ложу бель-этажа съ лѣвой стороны и подѣлитесь со мной вашими впечатлѣніями.

Чтобы отвязаться отъ назойливаго фельетониста, Тарахтинъ посмотрѣлъ въ указанномъ направленіи и долго не опускалъ бинокля.

— Кто она? почти ласково спросилъ онъ Высоцкаго.

— Въ томъ-то и штука, что не знаю и никто не знаетъ, кого ни спрашивалъ. Все время съ ней сидѣлъ какой-то юноша, но также неизвѣстный... да вотъ онъ входитъ, коробку ей подаетъ, за конфетами должно-быть выходилъ.

Тарахтинъ еще разъ посмотрѣлъ на никому неизвѣстныхъ молодыхъ людей и, ни слова не говоря фельетонисту, оставилъ его и быстрыми шагами направился къ выходу.

У отворенной двери ложи бель-этажа уже ожидалъ его Федоръ Васильевичъ, весь сіявшій отъ радостнаго нетерпѣнія.

Онъ съ появленія Тарахтина въ зрительномъ залѣ жадно слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на сцену, все ожидалъ, когда же посмотритъ на него адвокатъ; въ антрактѣ онъ побоялся пойти въ кресла, помня сегодняшній сухой пріемъ, и теперь онъ протянулъ обѣ руки на встрѣчу своему патрону, съ гордостью представилъ его Вѣрѣ и не зналъ на какое мѣсто посадить дорогаго гостя.

Онъ слѣдилъ, какое впечатлѣніе производитъ Вѣра на Тарахтина, хотѣлъ угадать, одобряетъ-ли Сергій Ивановичъ его выборъ, и убѣждался по его лицу, съ котораго не сходила добродушная улыбка, что все обстоитъ какъ нельзя лучше.

Тарахтинъ не спускалъ глазъ съ Вѣры, онъ не ожидалъ увидѣть въ женѣ Федора Васильевича такое очаровательное созданіе. Ему нравилась ея туалетъ: скромное черное платье съ высокимъ воротничкомъ, обшитымъ бѣлымъ рюшемъ, застегнутое небольшой брошью съ одинокой жемчужиной, простая и гладкая прическа съ проборомъ посрединѣ. Его пріятно поразила ея манера держать себя: ни одного расчитан-

Ледники на Юнгфрау. Карт. О. ф. Камеке, грав. Штадельманъ.

наго движенія въ рѣдкихъ жестахъ, ни одной искусственной, сочиненной ноты въ голосѣ,—все просто, изящно, красиво, и надъ всѣмъ этимъ молодость и та особая прелесть въ обращеніи, которой отличаются люди еще не знавшіе горя и отъ всѣхъ и отъ всего ожидающіе одного счастья.

Антрактъ окончился, поднялся занавѣсъ, и началось второе дѣйствіе, а Тарахтинъ и не думалъ уходить изъ ложи. Ему доставляло большое удовольствіе слушать музыку съ молодыми людьми, читать на ихъ лицахъ переживаемыя ощущенія, глядѣть, какъ загораются вниманіемъ глаза Вѣры, какъ румянецъ появляется и сбѣгаетъ неровными пятнами на ея щекахъ; ему нравилось какъ Фодоръ Васильевичъ при высокихъ ногахъ тенора или примадонны всѣмъ своимъ напряженнымъ видомъ точно помогалъ пѣвцамъ, и когда они оканчивали трудные пассажи, онъ вздыхалъ полной грудью и съ торжествомъ переглядывался со своими сосѣдями.

Тарахтинъ чувствовалъ, какъ молодые люди заражаютъ его своимъ весельемъ, охотно шелъ навстрѣчу и поднимался ихъ вліянію.

Онъ въ антрактахъ указалъ имъ нѣсколько столчныхъ знаменитостей, присутствовавшихъ въ театрѣ, съ увлеченіемъ смѣялся болѣе или менѣе неожиданнымъ характеристикамъ, которыя тутъ-же вырвались у Фодора Васильевича, знакомилъ съ городской хроникой, рассказывалъ анекдоты, сыпалъ островами и каламбурами. Давно Тарахтинъ не былъ въ такомъ ударѣ; каждая улыбка Вѣры и смѣхъ Фодора Васильевича поощряли его, и время въ театрѣ пролетѣло незамѣтно. Но и послѣ спектакля Тарахтину еще не хотѣлось разставаться съ молодыми людьми; онъ признался имъ, что сегодня не обѣдалъ, жестоко проголодался и съ удовольствіемъ поужиналъ бы въ ихъ обществѣ.

Фодоръ Васильевичъ предложилъ ѣхать въ ресторанъ и назвалъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ на Морской, о которомъ онъ зналъ изъ романовъ и гдѣ ему хотѣлось побывать, какъ въ одномъ изъ достопримѣчательныхъ учрежденій столицы, но Тарахтинъ возсталъ противъ этого предложенія. Одна мысль увидѣть Вѣру среди пошлой обстановки ресторана подъ наблюдательными взглядами его лакеевъ и завсегдатаевъ казалась ему оскорбительной, и онъ назвалъ на квартиру къ молодымъ людямъ, предупреждая, что онъ не выскателецъ и будетъ благодаренъ за всякое угощеніе.

По дорогѣ супруги заѣхали въ гастрономическую лавку, закупили холодныхъ закусокъ, вина и, пріѣхавъ домой, уже застали Тарахтина въ гостиной. Онъ восхищался ихъ квартирой, увѣрялъ, что не знаетъ въ Петербургѣ помѣщенія оригинальнѣе обставленнаго и продекламировалъ стихотвореніе Бодлера, въ которомъ поэтъ воспѣваетъ подобное жилище. Тарахтинъ отдалъ должную дань всѣмъ закускамъ и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ; они просидѣли за столомъ далеко за полночь, и отпуская своего гостя, молодые люди взяли съ него слово бывать какъ можно чаще.

Совершенно счастливымъ и уснокоеннымъ возвращался домой Тарахтинъ, онъ несказанно былъ обрадованъ новымъ знакомствомъ: теперь у него есть убѣжище, куда можно спрятаться отъ тоски, гдѣ не узнаешь грызущаго чувства одиночества, гдѣ обидаетъ всегда ласковый и дружжелюбный приемъ.

Онъ вспоминалъ Вѣру, каждое ея слово, обращенное къ нему, выраженіе ея лица, и необъяснимый хотя сладостный страхъ незамѣтно овладѣлъ имъ. Онъ пріѣхалъ домой, раздѣлся, легъ въ постель, потушилъ свѣчу, но страхъ не проходилъ, и подъ его вліяніемъ Тарахтину вспомнилось прошлое, давнее прошлое, онъ вспомнилъ свою первую любовь...

Ему тогда было всего восемь лѣтъ. По сѣбѣству съ ихъ домомъ праздновалась свадьба. Горѣли огни въ маленькихъ окнахъ небольшого дома, гремѣла дешевая музыка, и воротъ толпился народъ. Какая-то мѣщанка выдавала замужъ свою дочь за владѣльца мелочной лавки и на радостяхъ задала пиръ. Въ провинціи такія свадьбы празднуются часто при открытыхъ дверяхъ и въ залу входятъ незваные гости.

Они сначала робко жмутся у дверей, но когда балъ малопомалу оживляется, разгораются лица кавалеровъ отъ частаго пощипанія угловой комнаты, гдѣ устроены буфетъ, непріглашенные перебѣгаютъ къ противоположной стѣнѣ, пробуютъ танцовать и къ ужину съ ними обращаются какъ съ гостями, они принимаютъ участіе въ общемъ пирушествѣ.

Съ такими смѣлками пробрался въ залу и маленькій Тарахтинъ, и такъ какъ у него было блѣое личико, обрамленное шелковистыми кудрями, и онъ былъ въ бархатной курточкѣ, то скоро обратилъ на себя вниманіе какой-то бойкой дѣвочки въ голубомъ шелковомъ платьѣ. Она объявила его своимъ женихомъ, не отпускала отъ себя, танцевала съ нимъ, въ буфетѣ угостила его стаканомъ меда, отъ котораго у него зашумѣло въ головѣ и за ужиномъ посадила его между собой и невѣстой. Онъ и здѣсь былъ окруженъ всеобщимъ вниманіемъ, его потчивали конфетами и сладкою наливкой, и даже невѣста пощипывала его, искоса поглядывая впрочемъ лукаво сверкавшими глазами на своего жениха, краснощекаго молодца съ русою бородой.

Только одна дѣвушка не замѣчала хорошенькаго мальчика, да и врядъ-ли она замѣчала кого-нибудь за этимъ сто-

ломъ. Она была высокаго роста, стройная, худошавая, съ черными, какъ смоль, волосами и блѣднымъ лицомъ. Ея большіе темнокаріе глаза съ грустью смотрѣли какъ-то въ себя, и все ея существо было пропитано грустью. Ея сосѣдъ, пьяный военный писарь, напечатывалъ ей любезности, и должно-быть блансталъ остроуміемъ, такъ какъ то и дѣло показывалось отъ самодовольнаго хохота. Она не знала что отвѣчать ему, и однажды ея выразительные глаза остановились съ нѣмою мольбой на Тарахтинѣ, не отводившемъ отъ нея пристальнаго взгляда. Писаря отозвали играть въ карты, и къ блѣдой дѣвущкѣ возвратилось спокойствіе, на ея лицѣ появилось обычное ему выраженіе сосредоточенной грусти.

Что бы не далъ тогда Тарахтинъ, чтобы блѣдное лицо грустной дѣвущки оживилось румянцемъ, а въ глазахъ ея сверкнула улыбка; онъ все слѣдилъ за ней, желая встрѣтиться съ ней еще разъ взглядомъ, но напрасны были его старанія: дѣвушка ни разу не посмотрѣла на него.

Онъ не высидѣлъ до конца ужина и отпросился домой. Дома онъ засталъ гостей, мать встрѣтила его утрекомъ, гдѣ онъ такъ долго гулялъ, но онъ позвалъ ее съ собой въ дѣтскую, увѣряя, что ему нужно ей что-то сказать. Едва только они остались вдвоемъ, какъ Тарахтинъ, прижимаясь къ матери и весь дрожа отъ ужаса, вскричалъ:

— Мама, я влюбленъ; что надо дѣлать, когда влюбляются?

Онъ рассказалъ ей, что былъ на свадьбѣ, увидѣлъ дѣвущку, въ которую влюбился, и, не окончивъ своего рассказа, залился слезами, повторяя:

— Что надо дѣлать, что дѣлать?

Мать утѣшала его какъ умѣла и, возвратившись къ гостямъ, не могла удержаться и выдала тайну своего сына. Всѣ захотѣли видѣть влюбленнаго, и такъ какъ онъ упрямно не выходилъ изъ своей комнаты, то прошли къ нему. Дамы цѣловали его, мужчины сдержанно смѣялись, а одинъ изъ нихъ, отставной полковникъ, объявилъ растерявшемуся мальчику, что, во всякомъ случаѣ, не надо плакать.

Все это вспомнилъ онъ теперь и, сравнивъ переживаемое имъ чувство страха съ тѣмъ дѣтскимъ ужасомъ въ далекомъ прошломъ, удивился его сходству.

Но это воспоминаніе вызвало другія; они пестрой толпой, смѣшивались и перегоняли одно другое, какъ это всегда бываетъ передъ сномъ, пронесли въ его воображеніи. Тарахтинъ скоро усталъ слѣдить за ихъ безпорядочнымъ бѣгомъ и заснулъ такъ безмятежно, какъ не засыпалъ уже давно.

XII.

Тарахтинъ счелъ нужнымъ на другой день сдѣлать официальный визитъ молодымъ супругамъ.

Федора Васильевна онъ не засталъ дома, и его принимала Вѣра, которая днемъ, въ скромномъ сѣромъ платьѣ, перехваченномъ лакированнымъ кожанымъ кушакомъ, показалась ему еще прелестнѣе, чѣмъ вчера въ театрѣ.

Онъ просидѣлъ обычныхъ пять минутъ и уѣхалъ домой, по вечеромъ его потянуло на Забалканскій проспектъ, и онъ не могъ устоять противъ желанія немедленно увидѣть своихъ новыхъ знакомыхъ.

Тамъ не удивились его пріѣзду, а скорѣе обрадовались ему, въ особенности Фодоръ Васильевичъ, и Вѣра дружески встрѣтила гостя. Молодые люди, казалось, не дѣлали никакихъ усилий, чтобы заимать Тарахтина, а между тѣмъ онъ чувствовалъ, что ни въ одномъ изъ знакомыхъ домовъ время не проходитъ такъ пріятно.

Вѣра, по просьбѣ своего мужа, сѣла нѣсколько малороссійскихъ романсовъ. Ея голосъ былъ невеликъ, можетъ-быть недостаточно обработанъ, но онъ такъ шелъ къ грустной и плавной мелодіи украинскіхъ пѣсень, что ее нельзя было слушать безъ удовольствія.

Тарахтинъ осыпалъ пѣвицу горячими похвалами, искренность его тона привела въ совершенный восторгъ Фодора Васильевича: молодой человѣкъ гордился своею женой, и любовь его къ ней достигла уже того предѣла, когда любящему человѣку, въ особенности юношѣ, хочется, чтобы всѣ раздѣляли его чувство.

Узнавъ, что Пащенко записался въ бібліотекѣ, Тарахтинъ предложилъ свои услуги по доставленію книгъ, и его предложеніе было принято съ благодарностью.

Съ этого дня онъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ квартиры на Забалканскомъ проспектѣ; когда почему-либо проходилъ день и онъ не видѣлъ молодыхъ людей, Тарахтину казалось уже, что ему чего-то недостаетъ. Мысленно пробѣгая передъ сномъ все сдѣланное имъ въ теченіе пережитаго дня, онъ находилъ, что не сдѣлалъ самаго главнаго: не былъ у Пащенко, не видѣлъ Вѣры...

Онъ старался не отдавать себѣ отчета въ чувствѣ, которое возбуждала въ немъ молодая женщина; гналъ, какъ назойливую муху, роковое слово, неволью приходившее на уста,—но привычка анализировать каждый свой шагъ, эта привычка, выработанная долго-ременнымъ одиночествомъ, давала себя знать, и тогда Тарахтинъ успокоивалъ себя тою мыслью, что онъ можетъ прямо смотрѣть въ глаза Фодору Васильевичу, что совѣсть его чиста и спокойна, а поведеніе безупречно.

Такое сознание утѣшало его, въ будущее онъ не заглядывалъ и, прерывая досадныя размышленія, сѣдѣлъ унитѣсь счастьемъ, которое давало настоящее.

Да, счастье. Тарахтинъ считалъ себя счастливымъ и, оглядываясь на прошлое, убѣждался, что никогда еще онъ не переживалъ такихъ оградныхъ часовъ, никогда не зналъ такого свѣтлаго и спокойнаго существованія, какъ теперь.

Онъ вставалъ утромъ, не мучась какъ прежде неотвязною

заботой, что вотъ насталъ день, который надо наполнить; онъ вставалъ свѣжимъ и бодримъ, не накидываясь, какъ это дѣлалъ онъ еще такъ недавно, на занятія словно пьяница на водку, а работалъ не торопясь и умѣренно, шутилъ съ помощниками, съ веселыми улыбками давалъ имъ совѣты и охотно разрѣшалъ ихъ недоумѣнія въ затруднительныхъ случаяхъ практикы, а кліенты выходили изъ кабинета очарованные ласковымъ обращеніемъ Тарахтина.

(Оконч. въ слѣд. №).

Р жидкой угольной кислотѣ.

Почти всѣ тѣла, составляющія вселенную, безъ исключенія могутъ принимать извѣстныя три агрегатныя состоянія, т. е. могутъ встрѣчаться въ твердомъ, капельно-жидкомъ и парообразномъ или, что то же самое, газообразномъ состояніи, смотря по температурѣ и давленію, подъ влияніемъ которыхъ они находятся. Такъ напримѣръ, вода при возвышенной температурѣ переходитъ въ парообразное агрегатное состояніе, при пониженіи же температуры ниже нуля застываетъ, превращается въ ледъ. Это измѣненное обозначеніе воды другимъ именемъ является единственнымъ исключеніемъ, ибо у всѣхъ другихъ тѣлъ имя съ агрегатнымъ состояніемъ не мѣняется, что вполне и основательно, такъ какъ по химическому составу тѣло не превратилось въ другое.

Подобно тому, какъ теплою пользуются для того, чтобы твердыя тѣла превратились въ жидкости, охлажденіе применяютъ для перевода газовъ въ жидкое и твердое состояніе. Последнее достигается также увеличеніемъ давленія, причѣмъ чѣмъ ниже температура, т. е. чѣмъ сильнѣе охлажденъ газъ, тѣмъ конечно меньшее давленіе требуется. Но однимъ давленіемъ газъ можно довести до жидкаго состоянія лишь при температурахъ ниже абсолютнаго кипѣнія (критическая точка Андруса—Andrews). Д. И. Менделѣевъ подъ послѣднею собственною подразумѣваетъ ту температуру, при которой жидкость въ замкнутомъ сосудѣ вся—вполнѣ и сразу—переходитъ въ парообразное состояніе, въ газъ, который уже ни подъ какимъ давленіемъ болѣе не сгущается въ жидкость. Для каждой жидкости или газа есть своя такая температура, напр. вода при 600°, а углекислый газъ уже при 39° никакимъ давленіемъ не сгущается. Температура при которой подъ обыкновеннымъ давленіемъ воздуха газъ превращается въ жидкость—для разныхъ газовъ различна. Обозначенія газъ и паръ собственно тождественны; между парамъ и газамъ нѣтъ различія, кромѣ температуры сгущенія въ жидкость подъ обыкновеннымъ давленіемъ; у первыхъ лежитъ она выше средней температуры воздуха или есть эта послѣдняя, у вторыхъ—напротивъ, гораздо ниже. Вслѣдствіе пренебреженія температуры абсолютнаго кипѣнія, нѣкоторые газы до 1878 г. не удавалось сгустить въ жидкость ни подъ какимъ давленіемъ. Когда же въ означенномъ году французы Кайлетэ (Cailletet) и Пиктэ (Pictet) сразу и увеличивали давленіе, и понижали температуру, имъ удалось сгустить въ жидкость всѣ до тѣхъ поръ считавшіеся несгущаемыми (постоянными) газы, каковы: азотъ, водородъ и пр. Пониженіе температуры важно, а подчасъ необходимо уже потому, что при сгущеніи газовъ отдѣляется теплота, которая нагреваетъ приборъ, служащій для увеличенія давленія.

Хотя такимъ образомъ и была доказана возможность сгущенія всѣхъ газовъ и упрямднено названіе *постоянный* (permanent), которое теперь лишь обозначаетъ извѣстное состояніе любаго газа—его несгущаемость никакимъ давленіемъ, но тѣмъ не менѣе долго еще нельзя было технику воспользоваться сгущенными газами, благодаря мѣткостью, а также и дороговизнѣ способовъ сгущенія. Только въ самое послѣднее время удалось технику примѣнить нѣкоторые изъ такъ-сказать жидкихъ газовъ; между послѣдними со дня на день приобретаетъ все большее значеніе жидкая угольная кислота. Угольная кислота въ природѣ весьма распространена въ видѣ газа, состоящаго изъ двухъ частей кислорода (O) и одной углерода (C). Благодаря такому составу, ее называютъ также углекислымъ газомъ, а по составу обозначаютъ формулою CO₂. Образуется она при сгораніи всѣхъ органическихъ веществъ, такъ какъ послѣднія содержатъ углеродъ, который при горѣніи соединяется съ дѣятельною составною частью нашего воздуха—съ кислородомъ; такъ, напр., при куреніи папирсы, тлѣніи спички, свѣщеніи лампы и проч. Сходнымъ образомъ выдѣляется она при каждомъ гнѣніи органическихъ веществъ, ибо и этотъ процессъ по существу есть окисленіе—соединеніе углерода съ кислородомъ, но лишь медленное, безъ замѣтнаго пламени и нагреванія; точно такъ и при всѣхъ другихъ окисленіяхъ и разложеніяхъ органическихъ тѣлъ, напр. при броженіи, дыханіи и вообще всѣхъ обмѣнахъ веществъ преимущественно животнаго царства, частью же и растительнаго, наконецъ и при многихъ совершающихся внутри земли вулканическихъ процессахъ. Поэтому нерѣдко въ вулканическихъ мѣстностяхъ углекислый газъ прямо выдѣляется изъ трещинъ горъ и въ нѣкоторыхъ пещерахъ (напр. около Неаполя извѣстный „собачій гротъ“); въ лѣсу, окружающемъ Лахерское озеро близъ Рейна, изъ одного углубленія такъ сильно выдѣляется углекислый газъ,

что не только прилетающія къ этому мѣсту насѣкомыя, но также и слѣдующія за ними птицы гибнутъ, ибо животныя дышать этимъ газомъ не могутъ.

Въ коняхъ и рудникахъ, погребахъ и колодцахъ также очень часто выдѣляется этотъ газъ; почему нерѣдко, опускаясь въ такія мѣста, люди задыхаются и умираютъ. Углекислый газъ растворяется различными жидкостями, напр. водою, и тѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ сильнѣе давленіе. Поэтому, гдѣ онъ внутри земли (слѣдовательно подъ большимъ давленіемъ, чѣмъ на поверхности земли) соприкасается съ водою, тамъ послѣдняя, вытекающая на дневную поверхность, пѣнится и искрится, какъ шипучее вино, вслѣдствіе выдѣленія части раствореннаго газа. Въ этомъ случаѣ внутри земли совершается тотъ-же процессъ, которымъ пользуются при искусствѣнномъ приготовленіи различныхъ шипучихъ напитковъ, когда воду насыщаютъ этимъ газомъ подъ искусственнымъ высокимъ давленіемъ. Какъ извѣстно, вода, насыщенная углекислотою, напр. сельтерская, представляетъ средство усилившаго пищеваренія и утоляющее жажду. Въ составѣ соединения съ весьма разнообразными веществами, углекислый газъ едва-ли еще не болѣе распространенъ въ природѣ. Почти неисчерпаемый источникъ этого газа—углекислыя горныя породы, изъ которыхъ многія образуютъ огромныя массы земной коры. Известняки, осадки когда-то бывшихъ на землѣ морей, мергель (смѣсь известняка съ глиню), мраморъ—все углекислыя соли щелочноземельнаго металла кальція (Ca). Нерѣдки и углекислыя соли различныхъ другихъ металловъ или, точнѣе, ихъ основаній (соединеній съ кислородомъ), напр. магнезія (доломиты), закиси желѣза и проч. Точно такъ-же и въ животномъ царствѣ весьма распространена углекислая известь: раковины слизняковъ и устрицъ, личная скорлупа, даже такая драгоценность какъ жемчугъ—состоятъ отчасти или вполнѣ изъ углекислой извести.

Добываніе углекислоты изъ ея соединеній весьма просто,—она вытѣняется почти всѣми извѣстными кислотами изъ соединеній, такъ какъ почти всѣ остальные болѣе растворимы въ водѣ или-же менѣе летучи. Вдобавокъ это происходитъ обыкновенно уже при комнатной температурѣ; такъ напр. если содовый порошокъ, состоящій изъ кислой угленатровой соли (NaHCO₃), насыщаютъ въ воду, предварительно подкисленную лимонною или винною кислотою, то происходитъ шипѣніе, зависящее отъ выдѣленія углекислаго газа. Точно также если укусъ, заключающій уксусную кислоту, налить на известковую плиту, мраморъ, волю и пр., то также выдѣляется съ шипѣніемъ углекислота. Поэтому-то всыпаніе углекислыхъ соединеній вообще при дѣйствіи всѣхъ кислотъ—служитъ признакомъ для открытія углекислоты. Промышленно теперь прямо собираютъ выдѣляющуюся изъ трещинъ земли газъ, или же добываютъ его дѣйствіемъ слабой соляной кислоты (растворъ хлористаго водорода въ водѣ) на мраморъ или мѣль; но такъ какъ при послѣднемъ способѣ вмѣстѣ съ углекислотою уносится часть летучаго хлористаго водорода черезъ газоотводную трубку, то отъ послѣдняго ее очищаютъ пропусканіемъ черезъ воду. Наконецъ накаливаніемъ многихъ углекислыхъ соединеній, напр. доломита, также можно добывать этотъ газъ. Напомнимъ еще читателю басню приготовленія Клеопатрою извѣстнаго напитка раствореніемъ драгоценной жемчужины въ кубкѣ съ уксусомъ, причѣмъ царца выпила образовавшійся водный растворъ уксуснокислой извести, изъ которой выдѣлялся углекислый газъ.

Въ двадцатыхъ годахъ Фарадей и Деви впервые сгустили нѣкоторые газы въ жидкость, въ томъ числѣ и углекислоту. Первый заималъ въ дугообразно-изогнутую стеклянную трубку смѣсь углекислой соли и сѣрной кислоты; выдѣлявшійся при этомъ углекислый газъ, наполняя пустое пространство трубки, этимъ самымъ давалъ необходимое для сгущенія давленіе. Вислѣдствіи этотъ способъ былъ весьма значительно улучшенъ Тилоръ и Натгереромъ: въ массивный сосудъ, сдѣланный въ предотвращеніе разрыва изъ весьма вязкаго и нехрупкаго матеріала, газъ накачиваютъ нагнетательнымъ насосомъ чрезъ клапанъ, пренятую обратному выходу газа. Сосудъ сверхъ того погружаютъ въ охлаждающую смѣсь (напр. въ смѣсь снѣга съ поваренною солью). Однако лишь доктору Райдту (Raydt) въ Ганноверѣ удалось приготовить сгущенную угольную кислоту въ большихъ массахъ и открыть ей дорогу въ технику. Вмѣстѣ съ докторомъ Кунгеймомъ, владѣльцемъ большой химической фабрики въ Нидершёнвейде около Берлина, образовалъ докторъ Райдтъ цѣлое акціонерное

общество промышленной добычи углекислоты, которое в предпоследнем году продало не больше как 400,000 килограммов (25,000 пуд.) жидкой угольной кислоты в железных толстостенных сосудах, выдерживающих давление до 250 атмосфер, и около 20 ф. (8 килограммов) емкости. Но лишь тогда вполне выясняется значение приведенного числа, когда сообразим, что в каждом литре (0,08 русск. ведра) жидкой углекислоты заключается 500 литров газа, и далее еще, что это общество не единственное занимающееся приготовлением углекислоты в жидком виде. Для получения потребного количества углекислого газа около Рейна в местностях потухших вулканов нарочно пробуривают глубокие скважины, из которых выходящая газ после просушки (пропусканием через слои пемзы, смоченные серной кислотой) непосредственно сжимается нагнетательными насосами при охлаждении обыкновенно до 0°. Последний способ кроме дешевизны представляет еще и технические удобства, заключающиеся в том, что для успешного сгущения углекислоты необходимо быстрое приготовление большой массы ее.

Что касается свойств сгущенной углекислоты, то она представляет бесцветную жидкость, не смешивающуюся с водою, но легко растворимую в спирте и эфире. При 0° представляет давление в 36 атмосфер, а при обыкновенной температуре приблизительно в 50. Кипит эта жидкость уже при 78° ниже нуля, иначе говоря, при этой температуре ее давление не превышает атмосферное. Однако и при обыкновенной температуре жидкая углекислота при обыкновенном давлении воздуха сохраняется довольно долго вследствие того, что для своего испарения требует значительного количества тепла. Если же испарение совершается быстро (особенно когда жидкость льется струей), то образуется такой холод, что часть ее превращается в снегообразную твердую массу, в каком-либо виде легко сохраняется в течение долгого времени на открытом воздухе вследствие той же вышеозначенной причины. Несмотря на низкую температуру, эту снегообразную массу можно без опасения положить на кожу, к которой она собственно не прикасается, так как между ними находится беспрестанно отходящая газ, — но если сжать ее между пальцами, то произойдет весьма сильное обмораживание, сходное с ожогом. Вода, ртуть и многие другие жидкости замерзают от прикосновения уже с жидкой углекислотой, а при смешении снегообразной ее массы с эфиром (для увеличения испарения) сгущаются многие газообразные вещества, другим способом не превратимые в жидкости, особенно если эту смесь заставить испаряться (вследствие чего получается, конечно, еще больший холод) под колоколом воздушного насоса. Этим приемом воспользовался и Пикте для сгущения водорода и других постоянных газов.

Из многочисленных способов употребления жидкой углекислоты укажем лишь на важнейшие. Наибольшее ее количество

употребляли пока пивовары. Прежде в бочки накачивали воздух нагнетательным насосом, чтобы получить необходимое давление для свободного вытекания пива при его розливке из бочки, напр. в кружки. Теперь же, благодаря жидкой углекислоте, нагнетательный насос и рабочий при нем делаются излишними, не говоря уже о том, что присутствие воздуха в бочке с пивом иногда отражалось невыгодно на достоинстве последнего. При открывании крана сосуда с жидкой углекислотой, следовательно, при прекращении давления в сосуде, она, превращаясь снова в газ, образует столь сильное давление, что приходится, во избежание разрыва бочки, вводить образующийся газ сначала в приемник, снабженный предохранительными клапанами и манометром для уравнивания давления, а уже из него в бочку. Перед воздухом углекислота имеет еще то преимущество, что от нее пиво не выдыхается, и при том охлаждается (при превращении жидкости в газ расходуется теплота, в данном случае заимствуемая от пива). В качестве охладителя жидкая угольная кислота в будущем приобретет еще большее значение. Образующееся при испарении ее давление с большим успехом применили к пожарным насосам, чтобы вливать сразу большие массы воды в огонь. Нельзя не указать также на ее значение при поднятии погруженных в воду судов. Для последней цели водолазы продвигают под корпус судна цѣпи, на концах которых находятся шары из непроницаемой для воздуха материи. В эти шары затѣм выпускают испаряющуюся углекислоту, вследствие чего судно должно подняться на поверхность, так как заключенный в шары газ много легче воды; сила поднятия этих шаров столь велика, что, например, шар в 8 аршин в поперечнике поднимает 6780 пудов. В заключение опишем еще два остроумных применения, сделанные покойным Фридрихом-Альфредом Крупном в Эссенѣ.

При отливании больших металлических слитков никогда не удавалось достигнуть одинаковой плотности во всех частях, а всегда на некоторых металлах оказывался весьма хрупкий. Впусканием жидкой углекислоты в замкнутую отливную форму во время остывания слитка (вследствие чего последнее происходило под равномерным давлением приблизительно в 75 атмосфер) Крупну удалось получить громадные куски однородно-плотного металла.

Во возвращаемых ему на завод пушках всегда оказывалась попорченною лишь задняя внутренняя поверхность ствола их, «казна». Чтобы снять надѣты на нее кольца, что раньше было совершенно невозможно, Крупн сильно нагревал ствол пушек, а затѣм впускал в дуло жидкую углекислоту. При нагревании казна вместе с находящимися на ней кольцами сильно расширялась, при введении же углекислоты охлаждалась сперва лишь одна казна, которая поэтому и сжималась сильнее колец, а этого только и было нужно, чтобы снять последние.

Къ рисункамъ.

Рыбаки на рѣкѣ Вилии. (Рис. на стр. 924).

Рыболовство на рѣкѣ Вилии, правомъ притоку Нѣмана, развито сравнительно слабо. Больше другихъ мѣстъ занимаютъ имъ близъ впаденія рѣки в Нѣманъ, откуда заходятъ в Вилию лососи и осетры. Кроме того устроено два закола в Вилейскомъ уѣздѣ при Нѣменчинѣ и в Ковенскомъ, при Яновѣ. В другихъ мѣстахъ прибрежные жители этой тихой, красивой рѣки занимаютъ рыбную ловлю обыкновенно для своего обихода, не дѣлая изъ нея промысла.

„Боярская свадьба“. Картина К. В. Лебедева.

(Рис. на стр. 925).

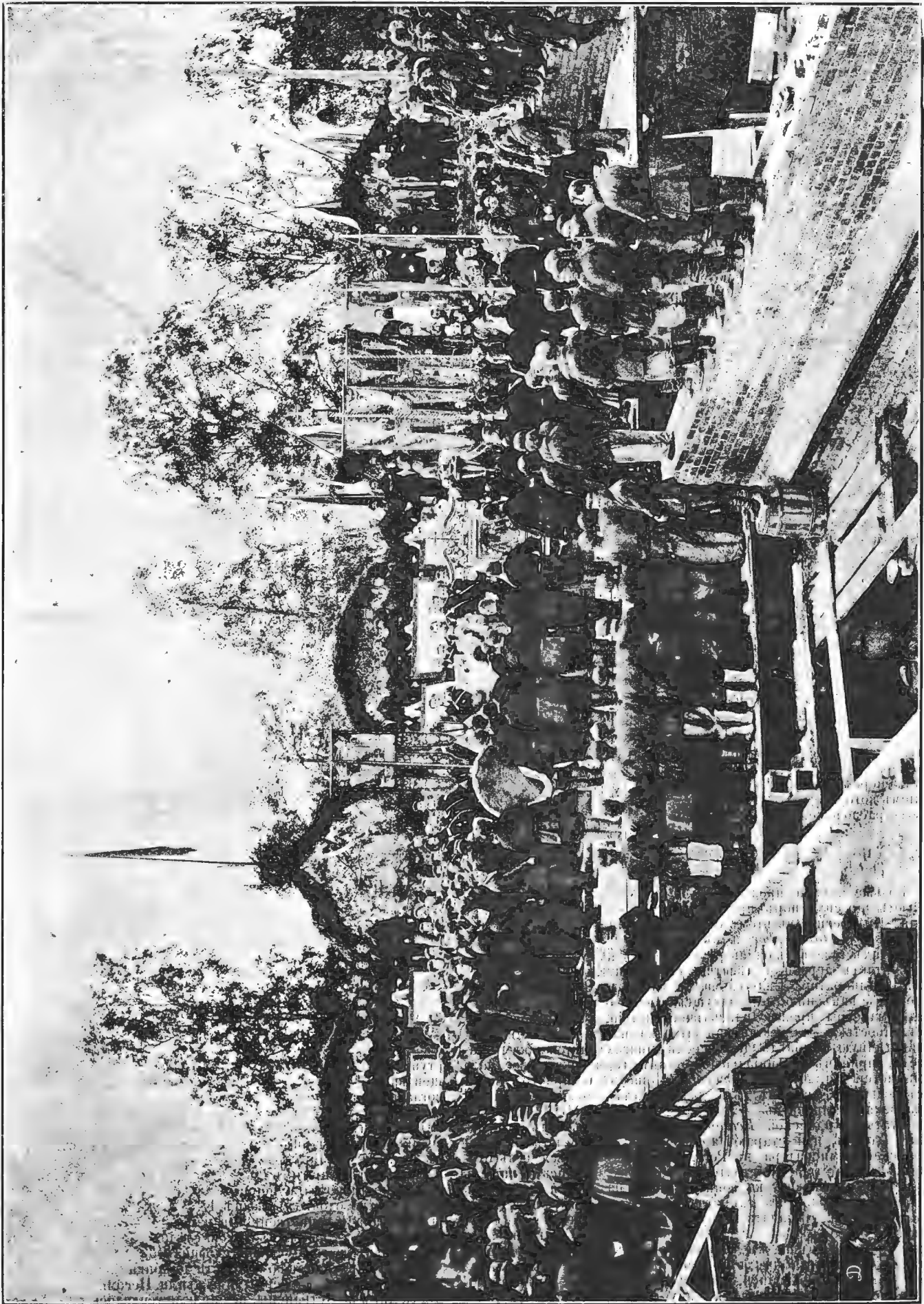
Картина художника К. В. Лебедева, лѣтъ шесть тому назадъ служившая однимъ изъ лучшихъ украшеній „передвижной“ выставки, представляетъ очень небольшой холстъ, удивительно тонко, смѣло и красиво писанный. Какъ въ группировкѣ фигуръ, такъ и въ отдѣлкѣ каждаго отдѣльнаго типа, вложено художникомъ очень много той своеобразной граціи, которая составляетъ отличительную черту всего, что до сихъ поръ въ краскахъ и въ карандашѣ произвелъ этотъ талантливый живописецъ.

Картина изображаетъ послѣдній актъ сложной и затѣливой русской свадьбы: „князя“ со „княгиней“ (т. е. жениха съ невѣстою) подняли изъ-за свадебнаго стола и ведутъ въ опочивальню. Сваты ведутъ ихъ за руку, свадебные бояре сопровождаютъ ихъ шумно, весело и разноголосою гурьбой, а въ дверяхъ опочивальни ихъ уже ожидаютъ обычные встрѣчи. Вотъ подходитъ къ „князю новобрачному“ веселая, молодая и говорливая сваха, въ вывороченной на изнанку шубѣ — этой древнѣйшей эмблемѣ богатства — и собирается обсыпать молодыхъ золотомъ изъ мисы, чтобы имъ „богатенько жилось“, да чтобы ихъ любовь „какъ жаръ горѣла, какъ червонно-золото горитъ“. Позади „свашеньки“ выступаетъ дружка, готовясь, въ самыхъ дверяхъ опочивальни, на самомъ порогѣ

ее, обсыпать „князя и княгиню“ хмѣлемъ и всякимъ хлѣбнымъ зерномъ — носкаательно, въ цѣломъ рядѣ прибаутокъ и пожеланій намекая на плодородіе, которому хлѣбныя зерна служатъ символомъ. Далѣе, въ глубинѣ опочивальни, виденъ еще одинъ изъ свадебныхъ поѣзжанъ, державшій въ рукахъ икону, приготовленную для благословенія молодыхъ передъ тѣмъ, какъ они „опочивъ держать стануть“.

Позади невѣсты, изъ толпы выдѣляется одинъ изъ сватовъ, бережно несущій на рукахъ подвѣнчныя свѣчи, которыя онъ долженъ передать изъ рукъ въ руки „сватеньки“, чтобы она поставила ихъ въ кіотъ, къ иконамъ. Выраженіе лица этого свата, глубоко проникнутаго сознаниемъ своей обязанности и въ то же время нѣсколько тронутаго хмѣлемъ, очень забавно и служитъ прекрасною противоположностью лицу стоящей около него женщины, которая суровымъ, недобримъ взглядомъ смотритъ на все происходящее около нея свадебное веселье. Совсѣмъ иначе смотритъ на эту важную церемонію проводовъ въ опочивальню другой гость, сильно подгулявшій: онъ пробивается впередъ, онъ хочетъ говорить, хочетъ впутаться въ степенное, „исговое“ выполненіе обряда и выкинуть колѣнце повеселѣе и позабавяе... Жена и одинъ изъ сватовъ его удерживаютъ и стараются оттереть къ сторонѣ.

Среди этой пестрой и живой сцены, превосходно написанной, на темномъ фонѣ массивныхъ фигуръ, наряженныхъ въ тяжелыя, дорогія одежды, выдѣляются ярко облитыя свѣтомъ прелестныя по своей наивности фигуры жениха и невѣсты: онъ — мальчикъ лѣтъ шестнадцати; она — еще моложе его. Она старается выказать себя смѣлымъ и бодримъ, хотя видимо смущенъ всѣмъ, что около него происходитъ; она — потушила взоры и не рѣшается поднять ихъ даже на родныхъ ей людей... Эта прелестная группа такъ ловко поставлена художникомъ въ центрѣ его картины, что сама бросается въ глаза зрителю и ярко выдѣляется — и остается въ памяти каждаго зрителя, несмотря на всю роскошь окружающихъ лицъ, одеждъ, бытовыхъ подробностей и мелочей.

Закладна перваго въ Россіи пирооксилиноваго завода (19 іюля 1890 г.).
Съ фотографіи А. Лезенца, фотогравера Демчискаго.

Каждому посещающему в Москвѣ галерею Третьякова, совѣтуемъ остановиться передъ произведеніемъ Лебедева и полюбоваться этою правдивою и прекрасною картиною изъ древне-русской жизни.

За грибами. (Рис. на стр. 929).

Молодой художникъ Алексѣй Александровичъ Писемскій хорошо извѣстенъ всѣмъ посетителямъ художественныхъ выставокъ, какъ талантливый, наблюдательный пейзажистъ. Его работы масляными красками отличены по достоинству. Картина „Въ паркѣ“ нынѣ составляетъ собственность Государини Императрицы, а два холста „Весна“ и „Обрывъ“ приобретены Академіей Художествъ. Вызветъ съ тѣмъ его рисунки, исполненные перомъ и водными красками, высоко цѣнятся любителями. Какъ образецъ изящной и тонкой манеры художника, мы помѣщаемъ гравюру съ его акварели „За грибами“, на которой изображена миловидная крестьянка, съ двумя лукошками, полными грибовъ, выходящая изъ лѣсу на полянку, поросшую цвѣтами.

Ледники на Юнгфрау. (Рис. на стр. 932 и 933).

Среди безчисленныхъ красотъ Швейцаріи не послѣднее мѣсто занимаетъ Юнгфрау, пирамидальная вершина среди Бернскихъ альповъ. Окруженная ледниками, съ блестящею бѣлою верхушкою, Юнгфрау круто обрывается къ сѣверу въ узкую долину, къ востоку и юго-востоку гора отлого спускается къ морю льдовъ среди Бернскихъ альповъ, а сѣверо-западная часть подножія покоится въ долинѣ Лаутербрунненъ. Величественное впечатлѣніе, производимое горою, достигающей почти 4-хъ верстъ надъ уровнемъ моря, увеличивается по соедѣнству лежащими двумя вершинами: Зильбергорнъ и Шнегорнъ. Самый красивый видъ на гору съ сѣвера. Юнгфрау была изслѣдована ранѣе другихъ альпійскихъ вершинъ; уже 22 іюля 1811 г. братья Мейеръ изъ Аарау совершили первое восхожденіе на ея вершину. Нынѣ подъемъ совершается обыкновенно отъ гостиницы „Юнгфрау“ у Энгигорне. Онъ скорѣе утомителенъ, чѣмъ опасенъ; только послѣдняя часть пути очень затруднительна, когда приходится подниматься по гладкимъ ледянымъ откосамъ, подъ уклономъ въ 60—70 градусовъ.

Закладка перваго въ Россіи пироксилиноваго завода. (Рис. на стр. 937).

Охтенскій пороховой заводъ учрежденъ въ царствованіе Петра Великаго (въ 1715 году), при генералъ-фельдцейхмейстерѣ Яковѣ Виллимовичѣ Брюсѣ. 19 іюля 1890 года, въ день 175-лѣтія завода, состоялась закладка зданій вновь устраниваемыхъ заводовъ: пироксилиноваго и для приготовленія бездымнаго ружейнаго пороха. Постройка этихъ заводовъ производителю хозяйственнымъ способомъ особою хозяйственно-строительною коммисіею, въ предѣлѣдѣльствѣ начальника завода, генералъ-маіора Студзинскаго; зданія проектированы военнымъ инженеромъ подполковникомъ Винниковымъ, подъ наблюденіемъ котораго и ведется самая работа. Новый пороховой заводъ расположенъ по правую сторону р. Охты въ районѣ цы-

бѣшняго пороховаго городка; пироксилиновый же заводъ — по лѣвую сторону рѣки, напротивъ новаго пороховаго завода.

Въ 11 часовъ утра на мѣстѣ пироксилиноваго завода совершено было молебствіе, причемъ присутствовали: инспекторъ оружейныхъ и патроннаго заводовъ генералъ-лейтенантъ Бестужевъ-Рюминъ, инспекторъ пороховыхъ заводовъ генералъ-маіоръ Каминскій, всѣ служащіе на заводѣ, а также другія приглашенныя лица и рабочіе, строящіе новые заводы. Первый камень въ основаніе завода былъ положенъ старшимъ изъ присутствующихъ, генералъ-лейтенантомъ Бестужевымъ-Рюминымъ. Затѣмъ духовная процессія направилась въ пороховой городокъ, гдѣ была произведена въ присутствіи тѣхъ-же лицъ закладка зданій завода для бездымнаго пороха.

По окончаніи закладки рабочимъ было устроено угощеніе на мѣстѣ пироксилиноваго завода, а всѣмъ приглашеннымъ лицамъ былъ предложенъ завтракъ въ военномъ собраніи завода.

Наводненіе въ Прагѣ. (Рис. на стр. 940 и 941).

Вскорѣ за наводненіемъ въ Петербургѣ 17 августа, бѣдствіе это разразилось и въ другихъ мѣстахъ Европы. Вслѣдствіе сильныхъ дождей въ Швейцаріи, 20 августа Боденское озеро отъ Брегенца до Романгорна вышло изъ береговъ и затопило желѣзныя дороги. Суда причаливали къ берегу не иначе, какъ подвергаясь большимъ опасностямъ. Населеніе Рейнской долины устремилось со скотомъ въ горы.

Въ Саксоніи разливъ рѣки Эльбы не мало причинилъ хлопотъ, въ особенности въ Дрезденѣ, гдѣ уровеньъ рѣки поднялся такъ высоко, что на многихъ улицахъ прекратилось движеніе экипажей и вагоновъ конно-желѣзной дороги. Вода проникла и въ помѣщеніе дворца.

Но болѣе всѣхъ помнящихся областей пострадала отъ наводненія Чехія. Въ Прагѣ разливъ рѣки Молдавы произвелъ большія опустошенія. Въ затопленныхъ городскихъ частяхъ обыватели искали спасенія на крышахъ и страдали отъ голода, такъ какъ, вслѣдствіе недостатка въ лодкахъ, невозможна была доставка съѣстныхъ припасовъ. 23 августа утромъ вода свалила въ городѣ три столба пятистолбнаго моста на Молдаву, носящаго названіе Karlsbrücke, причемъ погибло много людей. Въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ дѣломъ помощи заняты были пионеры; одна изъ лодокъ опрокинулась и 20 пионеровъ утонули. Почти всѣ типографіи газетъ были затоплены; набережная у Национальнаго театра начала осыпаться, вслѣдствіе чего театру угрожала величайшая опасность. Окрестности Праги болѣею частью также были покрыты водою. Людей утонуло много, и повсюду населеніе было обьято паникой.

Только 25 августа опасность миновала и вода спала; почтовое и желѣзнодорожное сообщенія возстановлены были на другой день.

Во всей Австро-Венгерской имперіи устроенъ сборъ пожертвованій въ пользу потерпѣвшихъ отъ бѣдствія. Прежде всѣхъ императоръ Австрійскій пожертвовалъ для раздачи въ пособіе пострадавшимъ въ Прагѣ 10,000, а въ Будвейсѣ 3,000 гульденовъ.

Политическое обозрѣніе.

Больше мѣсяца прошло со времени парискаго свиданія, а газеты до сихъ поръ продолжаютъ толковать объ его значеніи. Интересны въ этомъ отношеніи статьи, появившіяся въ *Preussische Jahrbücher* и въ лондонской *Economist*. Первая изъ этихъ газетъ въ очень рѣзкой формѣ нападаетъ на Россію и считаетъ держимы дѣйствія ея правительства, приглашающаго императора Вильгельма на маневры, которые де были не болѣе какъ ничто незначащее военное комедіею, а серьезныя маневры производились въослѣдствіи, съ большою ташественностью. Эта безтактная выходка нашла надлежащую и энергичную отвѣдь даже среди многихъ германскихъ газетъ, причемъ официальный органъ германскаго военнаго министерства, *Militär Wochenblatt*, выливъ безпристрастно и съ большимъ знаніемъ дѣла, разъясняетъ серьезное значеніе парискыхъ маневровъ.

Статья лондонской *Economist* интересна въ томъ отношеніи, что въ ней стараются выяснить, почему поѣздка Германскаго императора въ Россію можетъ остаться безъ особыхъ послѣдствій. „Обстоятельства такъ сложились — пишетъ газета — что ключъ къ войнѣ и миру находится въ рукахъ Русскаго Царя. Онъ единственный властелинъ въ Европѣ, который можетъ начать войну; и въ Россіи все, повидимому, почти готово для войны: войска, пододвинутыя къ границамъ, ждутъ лишь сигнала къ оборонѣ или къ наступленію, запасы провіанта и боевухъ припасовъ тамъ громадны, финансы Россіи исправлены, словомъ, положеніе дѣла таково, что Россія могла бы вести войну съ увѣренностью въ томъ, что непріятель ее не одолѣетъ. Только одно миролюбіе Русскаго Императора обезпечиваетъ миръ. Было нѣкоторое основаніе надѣяться, что если бы Германскій императоръ

сумѣлъ подойти къ нѣкоторымъ вопросамъ надлежащимъ образомъ, то при искренности и глубинѣ этого миролюбія міру могли бы быть явлены нѣкоторые видимыя доказательства желанія сохранить миръ, можетъ быть даже въ формѣ несмѣннаго договора на пять лѣтъ. Но заявленія въ этомъ направленіи Германскаго императора, обладающаго въ нѣвѣстной степени смѣлою откровенностью, остались безъ послѣдствій, стиславъ себя одобреніе и участіе лишь въ общихъ фразахъ“. Лондонскій журналъ, по словамъ *Нового Времени*, разбираетъ затѣмъ подробно причины сдержанности Россіи, и вынужденъ согласиться, что Россія иначе и не могла поступить: ей нѣтъ никакого расчета отказываться отъ настоящей выгодной роли рѣшителя судебъ Европы; нѣтъ основаній соглашаться на отводъ войскъ отъ границъ при томъ неравенствѣ въ условіяхъ ихъ передвиженія, какое существуетъ въ Россіи и Германіи; было бы несогласно съ ея достоинствомъ великой державы допускать посредничество въ ея отношеніяхъ къ Австріи, къ Болгаріи, къ Турціи.

Но выветъ съ этимъ *Economist* не видитъ въ этой безрезультатности поѣздки Германскаго императора въ Россію какихъ-либо поводовъ къ тревогѣ. Едва-ли императоръ Вильгельмъ вывезъ занаевъ воинственности изъ Парижъ: съ другой стороны, несомнѣнно въ выгодахъ Россіи слѣдовать безъ потраченій по пути дальнѣйшаго улучшенія ея финансовъ, на который она теперь такъ прочно стала, и довести до конца начатое перевооруженіе арміи малокалиберными ружьями. Несомнѣнно, что опасенія за миръ не устранены, но они и не усилились, и этотъ вооруженный миръ — единственный, котораго можно добиться въ наши дни и которымъ Европа пользовалась въ теченіе четырехъ лѣтъ, истекшихъ съ 1886 г., — можетъ продлиться и сорокъ лѣтъ.

Насколько «вооруженъ миръ» стараются прозрѣти маневрами и поведенью въ Европѣ теперь ими. Въ однихъ государствахъ они только что окончились, въ другихъ еще продолжаются. Изъ Англии, Австро-Венгрии, Франціи и Германіи получаются извѣстія объ успѣшности маневровъ, съ подробностями самаго хода ихъ и указаніями на полезность для войскъ и въсѣхъ отраслей военной администраціи такихъ повѣрокъ, подходящихъ, по возможности, къ условіямъ военного времени. Изъ отдѣльных эпизодовъ на маневрахъ въ Западной Европѣ обращаетъ вниманіе выраженіе сочувствія къ Россіи, имѣвшее мѣсто въ Лондонѣ, во Франціи, на банкетѣ, который давалъ генералъ Ферроу генералу Галиффе, генераламъ и штабъ-офицерамъ 18-го армейскаго корпуса и иностраннымъ офицерамъ. Здѣсь генералъ Галиффе, отвѣчая на тостъ Феррова, сказалъ, что французскій народъ слишкомъ благоразуменъ для того, чтобы желать войны, и что онъ можетъ смотрѣть на свою будущность съ полнымъ довѣріемъ. Затѣмъ Ферроу провозгласилъ тостъ въ честь капитана русской службы Кабалова и великую доблестную русскую армию. При этомъ Ферроу сказалъ: «Нѣкоторыми словами злоупотребляютъ, напримѣръ, словомъ *coalition*. Русскій народъ можетъ слышать это слово не волнуясь, потому что въ своей неподражаемой арміи онъ обладаетъ средствомъ разстроить коалицію, и еслибъ для этого одной кампаніи оказалось недостаточно, онъ не колебался-бы совершить ихъ нѣсколько и выше-бы побѣдоноснымъ изъ борьбы. Подымежь-же бокалы за здоровье братской арміи — русской арміи». Капитанъ Кабаловъ отвѣчалъ выраженіемъ добрыхъ чувствъ русской арміи къ французской арміи и разбилъ бокалы.

Въ то время, какъ почти вездѣ въ Европѣ занимался мирно военными дѣйствіями, въ Швейцаріи, «миродобивой Швейцаріи», какою она представляется, произошли событія вполне воинственнаго свойства. Въ одномъ изъ 22 кантоновъ федеративной республики, именно въ Тессинскомъ кантонномъ управленіи находится уже 17 лѣтъ въ рукахъ ультрамонтанской консервативной партіи. Противники мѣтнаго правительства, ксати сказать, управляющаго безусловно, уже неоднократно открыто возставали противъ него, но каждый разъ были усмирены. Двадцать телеграфъ снова принесть извѣстіе, что въ Беллинзонѣ произошло возстаніе либераловъ противъ кантональнаго правительства. Либералы заняли арсеналъ и правительственный дворецъ и арестовали трехъ правительственныхъ совѣтниковъ, причемъ совѣтникъ Росси былъ убитъ во время свалки выстрѣломъ изъ револьвера. Инсурденты учредили временное правительство. Либералы городовъ Тессинскаго кантона присоединились къ движенію.

Но «революція», какъ называютъ движеніе одна изъ десяти *Ассентива Гюиса*, продолжалась не долго. 31 августа, на другой день возстанія, Союзный Совѣтъ всѣхъ кантоновъ предписалъ чрезвычайному комиссару въ Тессинскомъ кантонѣ распустить временное правительство, освободить арестованныхъ кантональныхъ чиновниковъ и возстановить порядокъ. 1 сентября, военный комиссаръ издалъ прокламацію, послѣ чего призванные для возстановленія порядка войска были приведены къ присягѣ. Въ тотъ-же день, вечеромъ, временное правительство распалось, и извѣстія изъ Тессинскаго кантона становятся болѣе успокоительными.

Новое изобрѣтеніе.

Аринометръ системы В. Т. Однера.

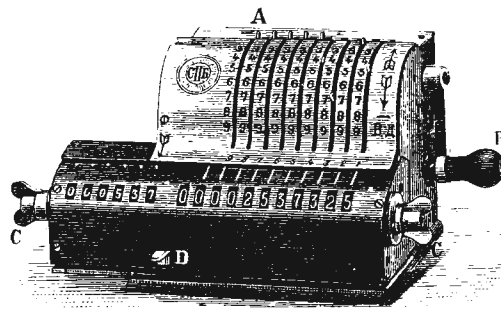
Счетная машинка, такъ называемый аринометръ, системы В. Т. Однера, является самымъ замѣчательнымъ изъ снарядовъ, при помощи которыхъ можно производить и въ то же время контролировать всевозможныя ариметическія вычисления.

По простотѣ и целесообразности устройства, какъ и по дешевизнѣ, приборъ Однера далеко превосходитъ все до сихъ поръ изобрѣтенныя и для той же цѣли предназначенныя приборы. Благодаря 15-ти-лѣтнему труду, изобрѣтателю удалось такъ усовершенствовать этотъ приборъ, что въ настоящемъ его видѣ онъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Показываемый ниже рисунокъ изображаетъ аринометръ въ $\frac{1}{2}$ его натуральной величины. Въ прорѣзахъ на верхнемъ кожухѣ машинки находятся снѣцы А, посредствомъ передвиженія которыхъ можно установить любое число. Для облегченія постановки чиселъ прорѣзы справа налѣво нумерованы, такъ что первая прорѣзъ справа предназначена для единицъ, слѣдующая, вторая, для десятковъ и т. д. Нижній ящикъ содержитъ двѣ системы отверстій; въ большихъ отверстияхъ появляются, при вращеніи рукоятки В, установленныя снѣцами на крышкѣ чѣла или, точнѣе, сумма или разность послѣдняго и до вращенія находившагося числа въ отверстияхъ. Цифры въ маленькихъ отверстияхъ показываютъ число повторенъ рукоятки В въ обоихъ направленіяхъ (стрѣлка + и стрѣлка -). При вертикальномъ положеніи рукоятки, въ которомъ она удерживается пружиной, снѣцы А, находящіеся въ первоначальномъ положеніи, обозначаютъ нуль. Ящикъ съ отверстиями для чиселъ можно передвигать и слѣдуетъ тогда освободить его, нажимая на кнопку D, служащую защелкою. Степень этого передвиженія обозначается точками, находящимися надъ отверстиями, а именно, если одна изъ точекъ находится подъ стрѣлкой съ лѣвой стороны, защелка выдвигается въ прорѣзъ и удерживаетъ ящикъ. Удаленіе чиселъ въ большихъ отверстияхъ ящика производится посредствомъ вращенія правой и въ маленькихъ лѣвой ласточки С.

Слѣдовательно, манипуляціи съ аринометромъ при вычисленияхъ сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: установка чиселъ на крышкѣ, вращеніе рукоятки, передвиженіе ящика и

вращеніе ласточекъ. Съ помощью этихъ операцій можно рѣшать всевозможныя ариметическія задачи.

Производство аринометровъ исключительно у изобрѣтателя В. Т. Однера, въ С.-Петербургѣ, Рижскій проспектъ, № 26, гдѣ находится специальный для этой цѣли заводъ съ повѣшенными и усовершенствованными машинками, и только въслѣдствіе такого специального производства изобрѣтателю удалось назначить столь низкія цѣны, а именно:

для произведеній до 9999999999	} = 75 р.
и для частныхъ до 999999	
для произведеній до 999999999999	} = 100 р.
и для частныхъ до 99999999	

Изобрѣтатель вполне гарантируетъ долгодѣйное исправное дѣйствіе аппарата.

Брошюры съ объясненіемъ практическаго употребленія машинки высылаются заводомъ по востребованію бесплатно.

Розничная продажа прибора производится въ С.-Петербургѣ, въ оптичскомъ магазинѣ О. Рихтера, Невскій проспектъ, № 1, и у К. Шница, Фонтанка, № 52, какъ и у самого изобрѣтателя.

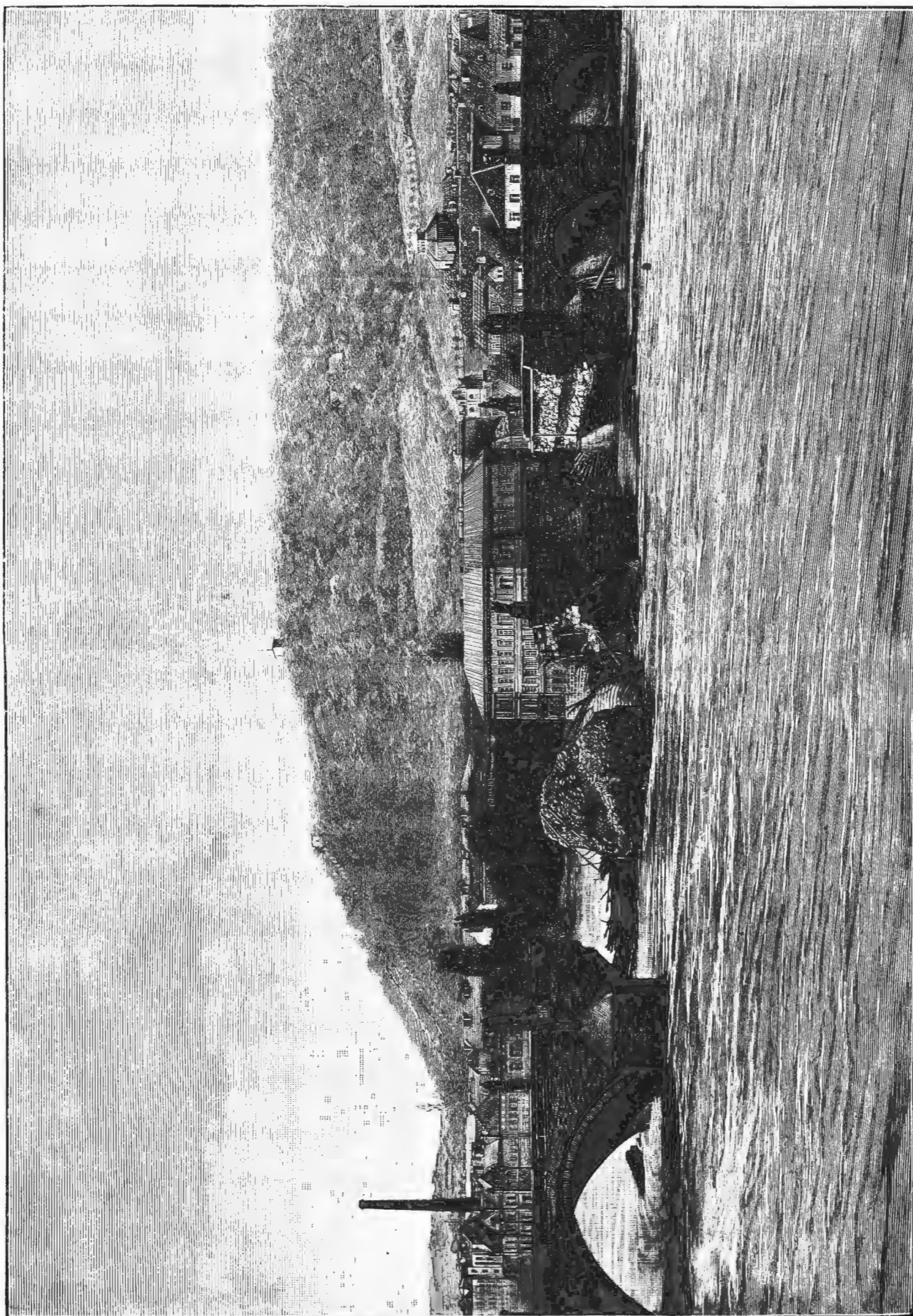
С м ѣ с ь .

Причины выпаденія волосъ. Выпаденіе волосъ до послѣдняго времени почти совершенно игнорировалось медициной, что можно оправдать лишь тѣмъ, что у этой науки слишкомъ много важныхъ, насущныхъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ благосостояніе и жизнь многихъ людей. Но въ виду того, что волосы, какъ и всякая часть нашего тѣла, нуждаются въ рациональномъ уходѣ (это можно узнать лишь тщательно изучивъ условія ихъ произрастанія) и подвержены болѣзнямъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ выпаденіе, — медицина рано или поздно должна была обратить на это вниманіе.

Въ послѣднее время занялись и этимъ вопросомъ, причемъ первый рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ берлинскимъ докторомъ Лассаремъ. Оказалось при этомъ, что чужездныя организмы, какъ и въ огромномъ числѣ другихъ болѣзней, являются также причиною выпаденія волосъ. Впрочемъ уже 60 лѣтъ тому назадъ извѣстный врачъ Шелленъ указалъ, что образованіе

на головѣ желтоватой корки, сквозь которую проходитъ отмершій волосъ, зависитъ отъ появленія особаго растительнаго организма, который выполняетъ своими тонкими нитями весь корешокъ волоса, причемъ было установлено, что эта болѣзнь легко можетъ передаваться отъ одного лица другому.

Къ главнѣйшимъ признакамъ волосъ слѣдуетъ отнести перхотный лишай. Исторія открытія этихъ организмовъ слѣдующая. Два молодыхъ челоѣка, прекраснаго здоровья, вдругъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ начали терять такую массу волосъ, что являлась неурядная перспектива преждевременнаго облысенія. Каждый разъ какъ они чесались, на гребнѣ волосъ оставались дожины, причемъ сами волосы не имѣли своего обычнаго блеска, были хрупки и покрывы въ большомъ количествѣ чрезвычайно мелкою перхотью, покрывавшею ихъ въ видѣ чешуекъ. Чтобы опредѣлить характеръ болѣзни, докторъ Лассаръ втиралъ собранныя въ теченіе недѣли волосы съ смѣсью вазелиновой помады или небольшого количества

Наводненіе въ Прагѣ. Разрушенный наводненіемъ Карловъ мостъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

маста въ шкуру живыхъ кроликовъ, морскихъ свинокъ и бѣлыхъ мышей. Ради контроля такое же количество этихъ же животныхъ было помазано вазелиною помадою и масломъ, не содержащими болѣзныхъ волосъ. Результаты этого крайне простаго опыта получились поразительныя. Контрольныя животныя не показывали никакихъ измѣненій, шкурки же остальныхъ оказались покрытыя пятнами лишенной волосъ ихъ кожи. Причемъ вокругъ пораженныхъ мѣстъ появилась весьма рѣзко выраженная перхоть.

Перенесение зараженныхъ волосъ съ этихъ животныхъ на другихъ показало, что дѣйствіе болѣзни при этомъ сильно возрастаетъ.

Послѣ того какъ эти опыты были провѣрены очень многими врачами, было установлено, что причиною выпаденія волосъ нужно несомнѣнно считать появленіе паразита, именно перхотнаго лишая.

Еще впрочемъ волосъ является такъ-называемый „стригущій ли-

последній голодаетъ или даже умираетъ отъ голодной смерти. Если мы далѣе взвѣсимъ, что главную заботу о своемъ сохраненіи и процвѣтаніи вызываютъ волосы головы, т. е. части тѣла, внутри которой находится такой отзывчивый и впечатлительный ко всѣмъ жизненнымъ явленіямъ органъ, какъ головной мозгъ, также весьма богатый кровеносными сосудами, то легко поймемъ, что всякая причина, заставляющая кровь усиленно притекать къ головному мозгу, влечетъ за собою недостаточный притокъ ея къ наружной кожѣ, питающей волосы. Поэтому уже давно замѣчено, что умственная работа вредно отзывается на волосахъ и зубахъ. Изъ исторіи извѣстно, что Цезарь при появленіи спомъ въ римскій сенатъ вынужденъ былъ прикрывать недостатокъ своихъ волосъ лавровымъ вѣнкомъ. Вообще примѣры этого столь многочисленны, что распространяться объ этомъ нѣтъ надобности. Но конечно по не-

Наводненіе въ Прагѣ. Видъ двора въ „Цейхаузъ“ во время наводненія. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

шай“, слѣды присутствія котораго обнаруживаются въ видѣ округлыхъ все увеличивающихся пятенъ. Этотъ паразитный организмъ проникаетъ къ корню волоса, пускаетъ свои отростки въ луковицу, погломъ и во внутренней каналъ волоса, вслѣдствіе чего послѣдній отмираетъ, теряетъ свою эластичность и ломается при малѣйшемъ прикосновеніи на пораженныхъ мѣстахъ остаются лишь нижняя часть волосъ, верхняя часть какъ бы острижена, отчего и произошло названіе паразита.

Разъ сдѣлалась извѣстна причина выпаденія волосъ, уберечься отъ всѣхъ этихъ предопытныхъ организмовъ становится дѣломъ сравнительно нетруднымъ. Чтобы не заразиться ими, слѣдуетъ только тщательно оберегаться и не допускать до своихъ волосъ ничего прикасававшегося къ чужимъ волосамъ. Главную опасность поэтому представляютъ парикмахеры со своими гребенками и вообще чужія гребенки. Если же зараженіе произошло, и одинъ изъ вышеописанныхъ организмовъ поселился въ волосахъ, то слѣдуетъ не обращаться къ громко рекламируемымъ средствамъ для рашенія и сохранения волосъ, а попросту втирать въ кожу головы вещества, убивающія паразитные организмы, какъ-то: карболъ, нафтолъ и сублиматъ; подъ конецъ можетъ служить дегтярное мыло, салицилъ и др.

Было бы впрочемъ напрасною валить всю вину выпаденія на вѣхъ волосъ на грибокъ. Во многихъ случаяхъ ихъ нѣтъ, а волосы все-таки выпадаютъ. Причина этого сдѣлается ясною, если мы обратимъ вниманіе на то, что волосы для своего роста требуютъ сравнительно много иниціи, которая доставляется имъ многочисленными кровеносными сосудами, окружающими луковицу каждаго волоса. Если по какимъ либо причинамъ питаніе временно или на продолжительное время притекаетъ въ недостаточномъ количествѣ,

достатку волосъ еще нельзя судить объ усиленной умственной работѣ, такъ какъ существуетъ еще много причинъ, приводящихъ къ гѣмъ же результатамъ, и главное мѣсто между ними занимаетъ головная боль.

Потребовались бы цѣлыя томы, чтобы описать всѣ роды головныхъ болей, которыми нынѣшнее человѣчество страдаетъ особенно сильно. Чаще появляется она въ видѣ спутника и предвѣстника какого-нибудь другаго разстройства, такъ напр. бываетъ при воспаленіи мозга, послѣ легкаго гриппа, при разстройствѣ желудка. Вообще она сопровождается чуть-ли не всякою болѣзью, особенно если послѣдняя лихорадочнаго характера. Особенно страшною и мучительною она бываетъ при разстройствѣ нервовъ, что въ нашъ „нервный вѣкъ“, къ сожалѣнію, не рѣдкость. (ш.)

Мармоны, какъ оказывается, существуютъ и въ Швейцаріи уже около двадцати лѣтъ. Мармонская община въ Бернѣ устроила нѣсколько воскресныхъ школъ и старается совращать въ мармонство дѣтей, отправляемыхъ погомъ въ Утахъ. Община состоитъ изъ шести семисотъ членовъ и имѣетъ своего епископа. (в.)

Чтобы представить на сценѣ хлопьями падающій снѣгъ, вмѣсто бумаги и т. п. въ парижскихъ театрахъ употребляютъ мелкокозрѣзанные куски бѣлой козлиной кожи, такъ какъ они падаютъ медленно и при этомъ приближаются къ платью актеровъ, такъ что получается впечатлѣніе настоящаго снѣга. (ш.)

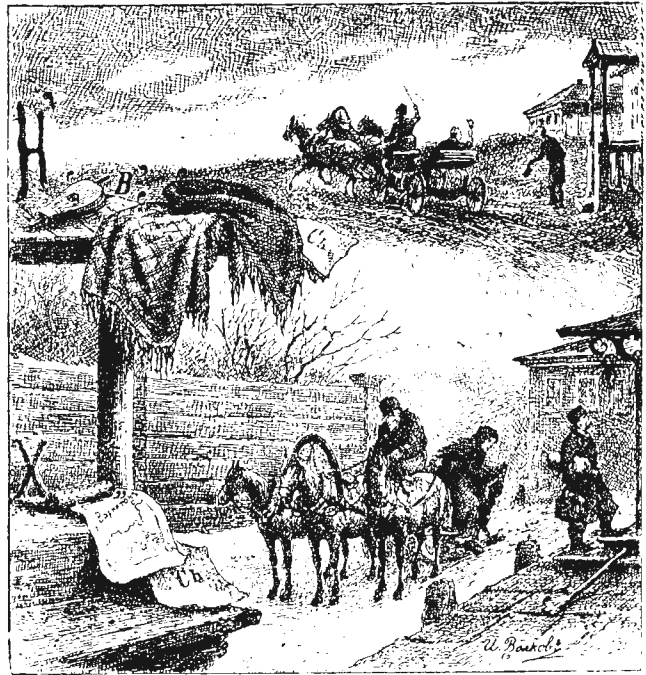
У береговъ Тихаго океана деревья почти совершенно безъ сучьевъ, поэтому самыя лучшія доски получаютъ изъ Калифорніи, такъ какъ тамъ онѣ достигаютъ наибольшей длины и однородности. Въ этой мѣстности нерѣдко можно найти доски (еловыя) въ 80 ф. длиною и 3 ф. шириною, совершенно безъ всякихъ изъяновъ. (ш.)

Самоубийство китайки. По словам китайских газет, в одной деревушке, близ г. Фучу, лишила себя недавно жизни молодая женщина. В февраль шибяня года умерь оть проказы ея мужъ и, не имѣя ни дѣтей, ни близкихъ родственниковъ, которые бы могли оказать ей поддержку, 24-хлѣтняя вдова предпочла смерть предговящей ей жизни. Когда окружающіе узнали объ ея паубрейн, ей прислали множество приглашеній на обѣды, которая она и приняла. Огобдавъ въ послѣдній разъ у знакомыхъ 3 июля, она радостно вступила на помость, нарочно для этого случая устроенный. Деревенскіе старѣйшины, присутствовавшіе въ полномъ сборѣ, воздавали ей божескія почести, трижды преклоняя колѣна. Наконецъ, раздался, въ видѣ сигнала, ружейный выстрѣлъ, и молодая женщина повѣсилась на глазахъ у всѣхъ... Тѣло ея было положено въ заранѣе приготовленный гробъ. По словамъ газетъ, мѣстный губернаторъ подать на имя императора прошеніе о пожалованіи самоубійцѣ почетной плиты. (с.)

Обыкновенно думать, что у крота глазъ нѣтъ, а потому онъ ничего видѣть не можетъ; между тѣмъ читавшимъ естественную исторію этого животнаго павѣстно, что глаза у него есть, но скрыты подъ его густою шерстью и находятся на низкой степеніи развитія. Послѣдній микроскопическій изслѣдованій глаза крота Карломъ Гессомъ обнаружилъ, что органъ зрѣнія этого животнаго не только способенъ выполнять свои обязанности, но даже не страдаетъ близорукостью, какъ это думали раньше на основаніи изслѣдованія Гади. Глазъ, несмотря на свои небольшіе размѣры (по оси 1 мм. длины и 0,9 мм. толщины по экватору), обладаетъ всеми необходимыми составными частями нормальнаго органа. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ не отличается своею светопреломляющею способностью отъ другихъ нормальныхъ глазъ и вообще такъ же хорошо видитъ, какъ всякій любой глазъ. Считали крота близорукимъ потому, что онъ по своему образу жизни вынужденъ быть видѣть предметы лишь на близкомъ отъ себя разстояніи. По это едва ли вѣрно, потому что сомнительно, чтобы кротъ могъ пользоваться зрѣніемъ подь землею за отсутствіемъ тамъ свѣта; глаза же ему нужны, когда онъ выходитъ на поверхность ея, а въ особенности во время плаванія. Тогда волосы, служащіе для предохраненія глазъ отъ засоренія землею, раздвигаются, а глаза выступаютъ впередъ. А въ этомъ случаѣ ему необходимы, какъ и всякому другому млекопитающему, нормально устроенные глаза. (ш.)

Развалины театра время императора Тиверія найдены Шлиманомъ во время его обычныхъ раскопокъ. Театръ очевидно вмѣщаль до 200 зрителей. Въ зрительномъ залѣ оказались двѣ мраморныя статуи, изображающія богинь. (в.)

Ребусъ. Задача № 56.

Рѣшеніе ребуса № 48 (помѣщеннаго въ № 32).

„Распутья бояться—такъ и въ путь не ходить“.

Рѣшеніе ребуса № 44 (помѣщеннаго въ № 30).

„Легко найти счастье, а потерять и того легче“.

Рѣшеніе анаграммы № 47 (помѣщенной въ № 32).

полн—клоп.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ просить своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: А. Ф. Бычовъ (съ портр.). — Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко. Ч. IV и V. (Продолженіе). — Первая гроза. Повѣсть Виктора Бибикова. (Продолженіе). — О жидкой угольной кислотѣ. — Къ ршеушкамъ: Рыбаки на рѣкѣ Вили (съ рис.). — „Боярская свадьба“. Картина К. В. Лебедева (съ рис.). — За грибами (съ рис.). — Ледники на Юнгфрау (съ рис.). — Завладна перваго въ Россіи пироксилиноваго завода (съ рис.). — Изводненіе въ Прагѣ (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Новое изобрѣтеніе. Ариометръ системы В. Т. Одера (съ рис.). — Сибѣй. — Ребусъ и рѣшенія задачи. — О перемѣнѣ адреса. — Рамы для премій „Нивы“ 1890 г. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ В. Влюшиновъ.

Рамы для премій „НИВЫ“ 1890 г.,

двухъ большихъ олеографическихъ картинъ, печатанныхъ масляными красками, съ оригиналовъ професс. И. И. ШИШКИНА:

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“, 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“.

(16 вершковъ вышины и 12 вершковъ ширины каждая).

Рамы имѣются трехъ сортовъ, а именно:

№ 1. Изъ лучшаго золоченаго багета, съ длинными узорчатыми украшеніями (ширина въ діаметрѣ $1\frac{3}{8}$ вершк.) по 4 рубля за пару, а съ упаковкою въ ящикъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ по 5 р. 50 к. за пару (безъ пересылки).

№ 2. Изъ такого же, но болѣе краснаго и широкаго багета (ширина въ діаметрѣ 2 вершк.) по 5 р. за пару, а съ упаковкою для иногородныхъ по 6 р. 50 к. (безъ пересылки).

№ 3. Изъ богатаго лѣйнаго золоченаго багета (шир. въ діам. $2\frac{1}{2}$ вершк.) по 6 руб. за пару, а съ упаковкою для иногородныхъ по 7 р. 50 к. (безъ пересылки).

Рамы выдаются со вставленными въ нихъ картинами, навѣсенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ.

Гг. городскіе подписчики, при полученіи премій въ рамкахъ, благоволятъ представлять въ контору свои подписные билеты на „Ниву“ 1890 года, а гг. иногородные подписчики высылаютъ при требованіяхъ печатные адреса, подь которыми получается имя „Нива“.

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаемы, по полученіи слѣдующихъ за нихъ денегъ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки они будутъ уплачивать на мѣстѣ—при полученіи посылки.

Преміи будутъ выдаваться гг. годовымъ подписчикамъ „Нивы“ по обыкновенію въ октябрѣ мѣсяцѣ, но для тѣхъ лицъ, кои пожелають имѣть ихъ въ рамкахъ,

картины выдаются теперь-же.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить преміи въ рамкахъ также теперь, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ Н. Н. Печювской (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнкѣ: № 1—по 5 р. за пару. № 2—по 6 р. 50 к. за пару и № 3—по 7 р. 50 к. за пару.

Желающихъ получить преміи въ рамкахъ, покорнѣйше просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картинъ чрезъ газетную экспедицію.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій просп., № 6.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ЖЕНЩИНЫ и МУЖЧИНЫ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную праску, которую печатаетъ иллюстрированный журналъ "Нива". № 2405

НОВАЯ БИОГРАФІЯ

МОЦАРТА

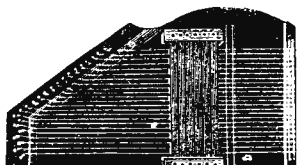
Соч. А. Д. Улыбышева. Переводъ М. Чайковскаго, съ примѣчаніями Г. Дароша и старинно-его же "20 жемчужинъ и трудовъ Улыбышева". Томъ I. Цѣна 2 рубля. 2-й томъ печатается. Ц. № 4694
Москва, у П. Юргенсона.
С.-Петербургъ, у І. Юргенсона. Варшава, у Зенневальда.

АМЕРИКАНСКІЯ ПИШУЩІЯ МАШИНЫ

ВОСТОКЪ
19 р. Швабски въ 6 и 8 р. Перес. за 8 фунт. Регистраторъ "Шаннонъ", самый практичный способъ для хранения корреспонденціи. Контрольный аппаратъ "Тахографъ" и проч. Иллюстр. преисъ-курантъ высылается по высылкѣ 15 коп. въ почт. маркахъ. Складъ патентованныхъ предметовъ для конторъ и канцеларій

Евгений Вотманъ и К^о.

С.-Петербургъ, Садовая, 18. При запискахъ прилагать почтовую марку на отвѣтъ. № 4678 3-8

Усовершенствованныя народныя цитры

советъ, издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ: съ 3 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к. съ 7 " " съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей Самый легкий инструментъ для изученія. Привлекат. тоны. Въ короткое время проданы многія тысячи. За пересылку по почтѣ прому прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова. Иллюстр. преисъ-курантъ высыл. инструментамъ бесплатно. (36) Ц. № 3864 Торговцамъ дѣляется скидка.

Съ 1 сентября с. г. ОТКРЫТА

ВЫСТАВКА послѣднихъ новостей.

Лично выбранная въ Парижѣ, Лозѣ и Лондонѣ ШЕЛКОВЫЯ И ШЕРСТЯНЫЯ МАТЕРІИ И КОСТЮМЫ. Отдѣленіе мужскаго и дамскаго **ВѢЛЬЯ** по новѣйш. парижскимъ моделямъ.

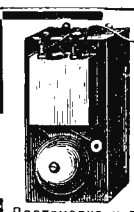
AU BON MARCHÉ
С.-Петербургъ,
Гостинный дворъ, № 133 и 134. В. № 4701

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

НАВОЖДЕНІЕ.

Романъ изъ современной жизни. Вс. Соловьева. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Лампы съ накаливаніемъ въ 16 свѣчекъ, въ 50, 65 и 100 вольтъ, за штуку по 1 р. Патроны Эдиссона и Сименса. Тюльпаны стеклянн. отъ 50 к. до 1 р. 25 к. Электрическіе звонки отъ 1 р. 50 к. Аппараты №№ 3, 4, 6, 8, 10, 12 РС. 7.50, 8.50, 14, 16, 20, 23. Ниспки отъ 25 к. Элементы Ленданше отъ 1 р. 25 к. — 1 р. 50. Сухой элементъ Электронъ отъ 2 р. Изолированная проволока за ф. отъ 1 р. 20. Изоляторы отъ 20 к. — 50 к. Симплексъ Микрофонъ, Телефонъ со звонкомъ, за станцію РС. 15. Микрофонъ телефонъ Вадена, съ индукторомъ, на протяженіе 400 верстъ, за станцію РС. 60. Домашній телеграфъ, легко устанавливается домашнимъ образомъ, безъ помощи спеціалистовъ, цѣна 7 р. Постановка и проводъ телефоновъ и звонковъ, а также ремонтъ и починка по весьма умереннымъ цѣнамъ. Преисъ-курантъ бесплатно.

5-3 **К. И. ФРЕЛАНДТЪ** В. № 4684
Складъ электрическихъ приборовъ, С.-Петербургъ, ул. Певскаго пр. и Екатерининскаго канала, д. Учетнаго Банка, входъ съ канала, № 16.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА

С.-Петербургъ, Малая Дворянская, №№ 17-19, рекомендуетъ большой выборъ вновь вышедшихъ изящныхъ образцовъ багета, золоченаго, чернаго и подъ старую бронзу. Приемъ частныхъ заказовъ. Невскій проспектъ, д. № 11, бель-этажъ. № 4617 4-4

Въ магазинахъ въ духу и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисо-висмутуованъ пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Faix Paris. Ц. № 4676 7(0)

Teichner's Fettmilch
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА
для вечера а также и дни! Незамѣтна на кожѣ! Косметическое средство для красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубан!
Театральныя гримировки: № 4293 12-9
Румяна, бѣлала и карандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, Берлинъ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и дворъ.
Главное депо для Россіи у В. Ауриха, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE
Бѣлая и розовая вода для блоннурыхъ. желтая вода для брюнетонъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный парфюмеръ, 46. Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 4677 8-1

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ
для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (36) № 4287
Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

ДЛЯ УМЫВАНІЯ ЛИЦА 5-5
МОЛОКО НИМФЕЯ
флаконъ 1 руб. 25 коп.
МАГАЗИНЪ
А-ЛА-РЕНМЕ
Невскій пр., № 3.
Торгов. соразмѣр. устунка.

РУССКІЙ КУРЬЕРЪ
(ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ)
ПОСЛѢ ПРИОСТАНОВКИ
ВНОВЬ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ
СЪ 1-го ЯНВАРЯ 1891 года
по прежней программѣ и подъ прежней редакціей.
ПОДПИСКА ОТКРЫТА СЪ 1-го СЕНТЯБРЯ сего года.
Въ Москвѣ на 1891 г. На города на 1891 г.
На 12 мѣс. 9 р. — к. На 12 мѣс. 10 р. — к.
11 " 8 " 50 " 11 " 9 " 30 "
10 " 8 " " 10 " 8 " 50 "
9 " 7 " 40 " 9 " 8 " " "
8 " 6 " 70 " 8 " 7 " 20 "
7 " 5 " 90 " 7 " 6 " 60 "
6 " 5 " " 6 " 6 " " "
5 " 4 " 60 " 5 " 5 " " "
4 " 3 " 70 " 4 " 4 " 4 "
3 " 2 " 75 " 3 " 3 " " "
2 " 2 " " 2 " 2 " " "
1 " 1 " 10 " 1 " 1 " 25 "

За границу плата двойная. Подписка съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не далее конца года. За перемѣну адреса 30 к., а городского на иногородній доплачивается разница въ цѣнѣ. Подписка принимается при конторѣ изданія и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Гр. годовымъ подписчикамъ, не читавшимъ помѣщенного въ "РУССКОМЪ КУРЬЕРѢ" романа: "ТАИНА ГАНСОНЪ КЕВА" будетъ оный выданъ ВЪ ВИДѢ ПРЕМИИ. Романъ этотъ разошелся въ Англіи въ 300,000 экземплярахъ и имѣлъ среди подписчиковъ и читателей "РУССКАГО КУРЬЕРА" большой успѣхъ; оны изданъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА ИЗДАНІЯ: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. Ланина. № 4700 2-1
Редакція открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 1 до 3 часовъ дня. Контора изданія открыта въ будни отъ 9 до 6 ч. веч., въ праздники — отъ 10 до 3 час. пополудни. ТЕЛЕФОНЪ № 764. Редакторъ-издатель Н. П. ЛАЧИНЪ.

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО
ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНІЯ въ 10 уроковъ
вполнѣ ЗАМѢНЯЮЩЕЕ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. УРОКОВЪ
ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ
исправл. на красивое бѣлое конторск. писмо
ОСНОВАТЕЛЬ. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЮ ИТАЛЬЯНСКОЮ БУХГАЛТЕРІИ
Москва, Покровка, домъ Бутиковой. А. С. Шмаковскій. № 4696
* НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ. *

Поступила въ продажу новая книга:
ПОЛОЖЕНІЕ И ПРАВИЛА
о земскихъ участковыхъ начальникахъ, городскихъ судьяхъ и волостнымъ судѣ
(По официальному изданію Кодификаціоннаго отдѣла при Государственномъ Советѣ, съ дополненіями и разъясненіями по 20-е июня 1890 г.). Изданіе типографіи В. Фрейманъ. № 4696
Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к., въ пересл. 3 р. 50 к. Складъ при книжн. маг. "Нов. Временіи" въ Спб., Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Рояли Беккера въ 600, 800 и 1,000 руб.
Піанно Беккера въ 450 и 550 руб.
ПОЛУЧЕНЫ ВНОВЬ
въ музыкальной торговлѣ П. ЮРГЕНСОНА, въ Москвѣ, Неглинный протздъ, 10 (уголь Кузнецкаго моста). № 4678 3-2

РЕКОМЕНДУЮ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ съ собственной фабрики съ полнѣйш. ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. В. № 4696 8-1
ПАВЕЛЬ БУРЕ
поставщикъ Двора Его Величества. С.-Петербургъ, на Невскомъ пр., д. 23. Москва, по Б. Лубянкѣ, противъ Кузнецкаго моста. Новый иллюстрир. преисъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА

ЛУИ БУИСЬЕНКЕ

ПАРФЮМЕРИЯ ФАБРИКА
А. ПЕРСОНА ПЕТЕРБУРГ
ПЕТЕРБУРГСКАЯ МОСКВА КОЛОДЕЦКАЯ

ГОТОВАЛЬНИ

и отдѣлы. инструм. для рисованія.

Изм. желтой мѣ-
ди отъ 1 р. 75 к.
Цѣн. максимумо
ниже вышнихъ отъ
3 р. 75 к.

Концы нашихъ циркулей округлены и не портятъ бумагу. Всѣ наши готовальни профилены и приготовл. къ немедл. употреблен.

Е. КРАУСЪ и Комп.

Парижъ, Avenue de la Republ., 4.
Складъ для Россіи:
въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 42.

Иллюстр. прейсъ-курантъ оптичск. при-
бор. высылаются бесплатно. № 4697 2-1

ШОКОЛАДЪ

ГОТОВАЮЩАЯ ФАБРИКА

А. И. АВРИНСОВА СЫНОВИИ

ВЪ МОСКВѢ

№ 4698

8-1

продается
во всѣхъ городахъ
РОССІИ

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Спеціальность: плуги и молотилки.

Они-же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шуглеворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, жнеенъ "Дези" и сноповязалокъ Милл' Норрина въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигръ завода Стодартта, рядовыя сѣлки Сакка и проч. № 4484 26-8

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ. Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бугенполь. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ (СВИТЪ)

ПЕРВОЕ МѢСТО

Ж. БЛОКЪ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

МОСКВА

СВЯТЫЙ

ПІАНО-МЕЛОДИКО.

Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій полностью всевозможныя пьесы.

Цѣна безъ нотъ 80 руб. Ноты по 75 к. за метръ (=1 1/2 арш.).

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій м., домъ Захарыина.

Поступило въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПб., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **О. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоятъ изъ трехъ большихъ томовъ, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и полиптичей и 17 эстамповъ на мѣди.

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсистости Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе втораго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, приемы возвращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемая для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣльч. устройства лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплуатаціи лѣса: учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соответственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При выписываніи 1-го тома вносится 4 р., до выхода 2-го тома 8 р., а до выхода 3-го тома 2 р., а всего 14 руб.

Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ. За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о дѣѣ выхода ихъ.

По выходѣ всего сочиненія цѣна будетъ значительно возвышена.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала „Нива“ (СПб., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія I-й томъ отдѣльно и желающія приобрести слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносятъ 7 р., а 3-го тома 2 р.

ЦѢНЫ ФИСГАРМОНІЯМЪ УДЕШЕВЛЕНЫ!

АМЕРИКАНСКІЯ стоятъ теперь: 100, 140, 160, 190, 250, 300, 400, 500, 600, 800 и 1200 р.

ФРАНЦУЗСКІЯ 100, 130, 160, 190, 275 и 450 р.

ФИСГАРМОНІЯ

одинъ изъ самыхъ лучшихъ и благодарныхъ инструментовъ, незаменимый по своему мягкому и приятному тону. Выучиться играть на немъ можно очень скоро: кто мало-мальски играетъ на фортепиано, тому игра на фисгармоніи не представляетъ никакой трудности. Фисгармонія также очень практична по своей простой конструкціи и потому, что она не разстраивается, какъ фортепиано.

№ 4692

Подробн. иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ. высыл. бесплатно.

Большой выборъ нотъ для фисгармоній

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE

GENERALISER PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Аот general: STOLL & SCHMIDT, a Saint-Petersbourg

Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главн. складъ у Г. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (27) № 4366

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англійскіе растягивающіе кушанья „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченнымъ замкомъ, протканые бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушанья прозрачны, очень прохладительны и приятно носить для каждой дамы.

Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ**, (СПб., Садовая, 12-18, въ 1-мъ дворѣ).

ПІАНИНО

новья, американской конструкціи, съ сильн. полим. тономъ, съ роскошной отдѣлкой и модераторомъ, по 350 р., 375 р., 425 р. и 500 р., подержанныя въ разумную цѣну.

РОЯЛИ кабинетныя, американской конструкціи, въ 500 р., подержанныя по разн. дѣѣ.

ФОРТЕПИАНО запавоотдѣланныя, съ металлической доскою въ 100 р., 120 и 130 р., продаются въ С.-Петербургѣ: по Кирочной улицѣ, д. № 24, близъ Воскресенскаго пр., въ фортепианной фабрикѣ.

В. РЕЙНГАРДЪ.

Принимаются также въ починку и перекладку рояли и пианино. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. № 4699

ФОТОГРАФІЯ

продается со всѣми принадлежностями, въ центрѣ города. Искъменно: Литейный просп. д. 23, кв. 35, А. М. № 4693

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ЮЛІА ФЛОРАНА

основанъ въ 1849 году.

16, Большая Морская, 16, С.-Петербургъ. Рт. № 4689

Спеціальность мужскаго и дамскаго бѣлья и принадлежностей туалета.

ПОЛНОЕ ПРИДАНОЕ

для невестъ и новорожденныхъ.

ОТДѢЛЪ ЧУЛОЧНОГО ИЗДѢЛІЯ:

	р. к.
Носки бумажныя суровые отъ 2 — за дюж.	
Носки бум. одноцвѣтные	5 — "
Носки бум. сур. и цвѣтн.	
полосатые	6 — "
Носки фильдеков. суров.	7 — "
Носки фильдеков. суровые и цвѣтн. пол. сат.	8 — "
Носки фильдеков. одноцв.	9 — "
Носки шелковыя одноцвѣтныя и фантази.	
Чулки бумажн. суровые отъ 8 — за дюж.	
Чулки бум. одноцвѣтныя	70 за пару.
Чулки бум. суров. и цвѣтн. пол. сат.	75 "
Чулки фильдеков. одноцв.	1 10 "
Чулки фильдеков. одноцв. extra	1 25 "
Чулки полушелковыя	2 50 "
Чулки шелковыя одноцвѣтныя и фантази.	4 — "

Прейсъ-курантъ высылаются бесплатно.

ПИСУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Писеть въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 22 сентября 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------

Везъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 г. нумера „Нивы“ со всѣми приложениями.

Пѣсня голода. Съ картины Юлія Адама, грав. Брендамуръ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. (Продолженіе).

Фонари тускло мигали на пустынныхъ улицахъ. Къ ночи подымался вѣтеръ и гналъ по мостовой клубы пыли и сору. Приходилось невольно жмуриться и плотно кутаться въ шинель. Боголюбовъ Боголюбовичъ шелъ впередъ, самъ не зная куда. Ему казалось во всякомъ случаѣ неблагообразнымъ долѣе оставаться въ Рязани. Онъ приницетъ продавщиковъ имѣній—въ этой губерніи ихъ масса—и мѣсяца два убьетъ переѣзжая изъ одного въ другое и какъ будто выбирая подходящее. Въ города онъ будетъ показываться возможно рѣже, въ уѣздахъ—его никто не знаетъ и никогда не видѣлъ, и разумеется въ преображенномъ графѣ Гродзинскомъ никто не угадаетъ бѣжавшаго изъ Москвы Боголюбовъ Боголюбовича. А не сойдется съ продавщиками здѣсь, пробѣдетъ въ сосѣднюю губернію—и такъ дальше и дальше, пока случайно не приблизится къ границѣ гдѣ ужъ его перестанутъ ждать. Онъ знаетъ что наши сыщики бдительны на первыхъ порахъ—и ихъ, слишкомъ безпокойныхъ и впечатлительныхъ, надо брать изморомъ. У нихъ, какъ у самого Курца въ Москвѣ, не хватало бы терпѣнія выжидать и выслѣживать. Во всякомъ случаѣ во время этихъ странствованій по Россіи, по возможности внѣ желѣзныхъ дорогъ—онъ будетъ себя чувствовать отлично. На его возмущенную душу и взбудораженную мысль тишина этого города, безлюдье его улицъ, потемки площадей—дѣйствовали прекрасно. Чувство безопасности охватывало его одуряющею нѣгой.

Ему такъ свѣтло и хорошо стало вдругъ, что онъ, не знавшій никогда нравственныхъ мученій, не страдавшій душой отъ неправого дѣла, захотѣлъ свѣта и жизни. Онъ подошелъ къ будочнику и спросилъ его:

— Послушай, любезный, я пріѣзжій, гдѣ у васъ тутъ клубъ?

— Клубъ—вонъ онъ, только сегодня тамъ никого нѣтъ. По средамъ никогда не бываетъ присутствія!..

— Ну а трактиръ, ресторанъ?

— Трактиры, рестораны? Для купцовъ у насъ есть точно... Грязные. Вашему благородію тамъ не понравится. Вонъ трактиръ!..

Готлибъ Готлибовичъ сунулся было, но въ низкихъ комнатахъ стоялъ такой душливый паръ, такъ скверно пахло и такой смутный гулъ сотни голосовъ, пьяныхъ, крикливыхъ, стоялъ въ этомъ смрадѣ, что его сейчасъ же потянуло вонъ.

„Воображаю, что теперь дѣлается въ Москвѣ!“ думалъ онъ опять шагая по темнымъ улицамъ. „Савва кипитъ и мечется. Вся полиція на ногахъ, квартиру перерыли, запечатали. Лакея, кухарку—вѣрно арестовали, допрашиваютъ. А Плюсь-то, Плюсь!—И онъ вдругъ расхохотался.—Точно собаки потерявшія слѣдъ, бѣгаютъ они теперь съ Приходзько. Поздно, господа... поздно. Бѣгаютъ и ссорятся другъ съ другомъ. Да... плохо, плохо вамъ. Воображаю какъ они должны меня ненавидѣть!..“

И онъ вдругъ вздрогнулъ. Ему стало страшно когда онъ вспомнилъ острый взглядъ Исаака Яковлевича, и выраженіе смертельной ненависти, изрѣдка появлявшееся на его лицѣ, несмотря на все его умѣнье притворяться. Именно страшно. Боголюбовъ Боголюбовичъ чувствовалъ что единственный человѣкъ который могъ бы его выслѣдить, который видѣлъ и понималъ его насквозь, былъ Плюсь, именно Плюсь.

„Ну, да на этотъ разъ Плюсь—минусомъ оказался“, попробовалъ было пошутить Курцъ; однако, все-таки не могъ побѣдить охватывавшей его дрожи и съ опасеніемъ оглянулся назадъ, откуда слышались шаги. Онъ, подчиняясь инстинкту какого-то звѣринаго чувства пани-

ки, пріостановился, пропустилъ прохожаго мимо и повернувшись пошелъ назадъ.

Придя къ себѣ, онъ прислушался. Налѣво у сосѣда не было никого. Направо слышался въ комнатѣ у Рузанова громкій разговоръ. Говорили о пшеницѣ, о заготовкѣ ея въ Ельцѣ, объ элеваторахъ, о коммисіонерахъ.

„Должно быть купцы изъ Ельца!“ успокоился Готлибъ и, не зажигая свѣчи, заперъ двери и легъ въ постель.

Онъ съ наслажденіемъ вытянулся подъ одѣяломъ.

Только подъ вліяніемъ сильнаго, одуряющаго пріема морфія онъ заснулъ тяжелымъ сномъ. Ему порой чудилось что-то—онъ просыпался, приподымался, прислушивался къ окружающей его тишинѣ, прислушивался съ сильно бьющимся сердцемъ, со стучавшими въ вискахъ жилами, и успокаиваясь засыпалъ опять. Разъ ему почудилось что кто-то шевельнулся подъ его кроватью. Волосы Курца поднялись отъ ужаса. Онъ всталъ, нашелъ дрожавшими руками спички, зажегъ свѣчу, убѣдился съ нею, крѣпко-ли заперты замки въ дверяхъ, поднялъ сидѣнье дивана, наклонился подъ столъ, посмотрѣлъ за гардинами оконъ, отворилъ шкапы и снова ихъ заперъ и освѣтилъ все пространство подъ кроватью. Какъ и слѣдовало ожидать, никого и ничего подозрительнаго не было здѣсь. Онъ пощупалъ револьверъ подъ подушкою, заглянулъ въ гнѣздо его—заряженъ-ли, и улегся опять. Заснулъ онъ окончательно подъ утро и болѣе не просыпался.

Уже утромъ, когда солнце свѣтило въ комнату къ Боголюбу Боголюбовичу, онъ разомъ открылъ глаза и поднялся на постели. Что это слышалось ему? Остатокъ-ли сна, или дѣйствительно? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ—стучать въ двери къ нему. Осторожно и тихо стучать. Что надо?.. Ему вдругъ стало чего-то страшно. Онъ набросилъ на себя халатъ и пошелъ къ дверямъ.

— Кто тамъ?

— Графъ!.. Ваше сіятельство спрашиваютъ. Просятъ разбудить.

— Кто спрашиваетъ?

— Продають имѣніе. Господинъ скоро уѣзжаетъ, не остается въ Рязани—приказали взбудить.

— Сейчасъ одѣнусь.

Успокоясь, Курцъ вымылся, посмотрѣлъ у окна въ зеркало, тщательно одѣлся, положилъ купленные у Ѳомина документы въ боковой карманъ и отворилъ двери—въ коридорѣ никого не было.

Онъ позвонилъ. Лакей живо показался въ дверяхъ.

— Попроси этого господина... Да дай мнѣ чаю.

— Слушаю-съ.

Черезъ нѣсколько секундъ въ двери опять постучались. Сдѣлавъ возможно болѣе любезное лицо, графъ Гродзинскій принялъ въ креслѣ небрежную позу и крикнулъ:

— Пожалуйте!

Въ отворившихся дверяхъ, веселый, счастливый и сіяющій, показался—Исаакъ Яковлевичъ Плюсь.

Боголюбовъ Боголюбовичъ вскочилъ и зашатался.

Плюсь остановился, наслаждаясь его ужасомъ и растерянностью.

— Тѣнь Банко является къ Макбету! Вы читали Шекспира?

Затѣмъ Исаакъ Яковлевичъ крикнулъ въ коридоръ:

— Рузановъ съ Катцелемъ, вы побѣжайте, вы мнѣ не нужны теперь! Прощайте! Только, смотрите, ни гу-гу!

И тщательно заперевъ за собою двери, подошелъ къ Курцу, хлопнулъ его по плечу, для чего Плюсу пришлось потянуться на цыпочкахъ, и засмѣялся опять.

— Однако, Боголюбу Боголюбовичъ, вы шутникъ. Оставить не прощаясь нѣжно любящаго васъ Плюса. Да что вы, почернѣвъ... оцѣмѣли что-ли? А вамъ къ лицу быть брюнетомъ... Право къ лицу... Отличная краска... Не сообщите-ли вы мнѣ секрета?... а?..

II.

Надо отдать справедливость Боголюбу Боголюбовичу—если онъ терялся, то не надолго. Плюсъ небрежно сѣлъ въ кресло, закинулъ ногу за ногу и нѣсколько минутъ наслаждался столбнякомъ своего врага, растерянно стоявшаго передъ нимъ.

— Очень, очень къ лицу!.. повторилъ опять Исаакъ Яковлевичъ.—Вамъ бы давно слѣдовало сдѣлаться брюнетомъ. Лицо гораздо выразительнѣе...

— Довольно!—И Курцъ, овладѣвъ собою, нахмурился, въ упоръ глядя на неожиданнаго посѣтителя.—Довольно... Ни слова больше!

Въ немъ все точно оборвалось... „Неужели“, со страшною быстротою работали его мысли, „неужели—все, все кончено?“

— Во-первыхъ, какъ вы меня нашли? сурово обратился къ Плюсу Боголюбу Боголюбовичъ.

Но тотъ очевидно не такъ скоро хотѣлъ разстаться съ тономъ милой и дружественной шутки...

— Какъ я его нашель... И онъ еще спрашиваетъ... О, неблагодарный Макбетъ!.. Развѣ вы забыли или никогда не учили:

Скатившись съ горной высоты,
Лежалъ во прахѣ дубъ—перунами разбитый,
И тутъ же нѣжный плющъ, вокругъ него повитый...
О дружба... это—ты!

Помилуйте, Боголюбу Боголюбовичъ, во всѣхъ хрестоматіяхъ... О дружба—это ты! Дружба заставила меня слѣдить за вами съ ревностью влюбленной женщины; дружба заставила меня предвидѣть все случившееся съ тѣхъ поръ, какъ вы изъ банка вынули полтора милліона и для безопасности перевели ихъ къ себѣ; дружба заставила меня устроить вокругъ васъ маленькую тайную полицію, охраняющую вашу драгоценную особу, какъ зѣницу ока; дружба же заставила меня накрыть здѣсь вашу милость со всѣми операми...

— Ну-съ! уже вполне овладѣлъ собою Боголюбу Боголюбовичъ.—Что же вамъ теперь угодно?

— Видите-ли, графъ... Вы кажется произвели себя въ графское достоинство? да?.. Такъ видите-ли, ваше сіятельство, мнѣ угодно теперь пока насладиться вашимъ счастьемъ и благополучіемъ—ничего больше. Я скромнень. Другой сначала бы полицію послалъ—а самъ явился бы только къ слѣдователю для дачи показаній, ну а Плюсъ, знаете, любить самъ быка за рога хватать... Да, г. Курцъ, большую вы тогда сдѣлали ошибку, большую!.. Какъ можно было меня, лучшаго своего друга, и отстранить такъ грубо, рѣзко, рѣшительно отъ Слассеновскихъ милліоновъ. Разумѣется, кто себѣ врагъ! Вы хотѣли, какъ и мы грѣшныя, попользоваться ими... Ну, что же... Надо было все это сдѣлать на артельномъ началѣ... А то, нечего сказать—Приходзько посадилъ въ яму за долги, а меня... Такъ вотъ видите-ли, дорогой мой графъ, не всегда кажущіеся самыми безошибочными расчеты осуществляются на дѣлѣ—не всегда-съ.

И по мѣрѣ того какъ Плюсъ все больше входилъ въ свою роль—глаза его разгорались злѣе и злѣе. Онъ теперь проныривалъ ими потупившагоса Готлиба Готлибовича... Казалось, для Исаака Яковлевича каждое движеніе послѣдняго, каждая тѣнь бѣжавшая по его поблѣднѣвшему лицу доставляла какое-то острое, сладострастное наслажденіе.

— Не всегда-съ, не всегда. Разсчитывали вы и разсчитали прекрасно, но имѣли неосторожность не посоветоваться со мною и... Кажется у васъ въ портфель должны быть до двухъ милліоновъ въ бумагахъ?..

Гдѣ у васъ этотъ портфель? Курцъ... Подымите голову... Чего вы прячете отъ меня ваши глаза?... Я хочу, слышите, хочу чтобы вы смотрѣли теперь на меня. Вы вѣдь всегда смѣялись надо мною, третировали меня какъ послѣднюю собаку—теперь моя очередь. Курцъ, слышишь—подыми голову! А то я сейчасъ позвоню... Ну вотъ такъ... Ишь какъ ты меня любишь! Какіе у тебя прекрасные, выразительные, ласковые глаза!.. Я думаю ты хотѣлъ бы прижать меня къ сердцу. Хотѣлъ бы?... Да говори же, Курцъ... Ну чего же ты молчишь... Вѣдь ты пойми, стоитъ мнѣ только нажать пуговицу электрическаго звонка—вотъ такъ!

И онъ дѣйствительно нажалъ.

Курцъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ.

На звонокъ вошелъ лакей.

— Подайте графу холодной воды со льдомъ! насмѣшливо приказалъ Плюсъ...

— Сейчасъ!

Когда они остались одни, Курцъ вдругъ поднялся.

— Послушай, Плюсъ...

— Какъ ты смѣешь мнѣ говорить *ты*! Я тебѣ—будущему арестанту, будущему лишенному всѣхъ правъ состоянія—говорю *ты*, но ты долженъ мнѣ говорить *вы*... Если еще разъ ты осмѣлишься забыться, я покажу тебѣ на дѣлѣ кто ты, и кто я...

Курцъ, чтобы придти въ себя, до крови прикусилъ себѣ губы и, собравъ все свое спокойствіе, спросилъ Плюса:

— Какія ваши условія?..

— А, ты сдаешься значить?..

— Мое положеніе не позволяетъ мнѣ разсуждать. Я готовъ подѣлиться...

— Молчи!.. Я принимаю съ твоей стороны только одно... Ты долженъ сдаться на великодушіе побѣдителя. Никакихъ условій!.. На великодушіе побѣдителя—и баста. Ну?..

— Что же вы меня спрашиваете! покорно соглашался Курцъ.—Мнѣ нѣтъ выхода.

— А какъ ты думаешь, я буду съ тобой великодушнень или нѣтъ? Подумай? а?... Ну, положимъ, я у тебя потребую всѣ два милліона?

— Что же у меня останется?..

— Чтò?.. Честное, незапятнанное имя! расхотался Плюсъ.—Уваженіе современниковъ и удивленіе потомства!

Но въ это время лакей принесъ ледяной воды.

— Выпей, Курцъ... Выпей!.. Графъ, пожалуйста стаканъ воды. Отнынѣ вѣдь тебѣ ничего иного не остается пить. Потому что—я вѣдь тебѣ не оставлю ни копѣйки. Ты слышишь меня?... ни одной копѣйки. Ты долженъ выйти отсюда въ чемъ есть—и баста!

— Это слишкомъ ужасно!..

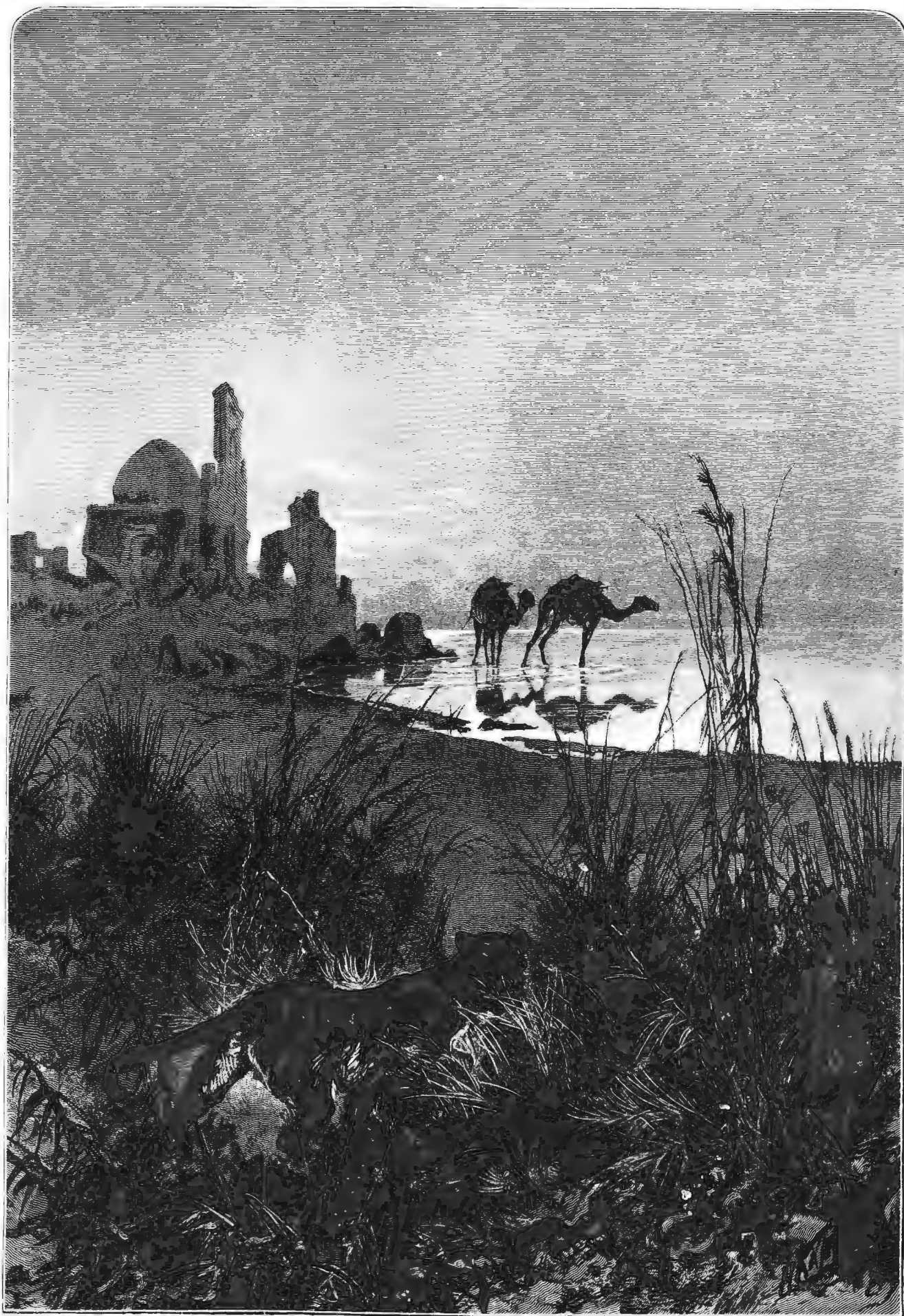
— Ужасно? Нѣтъ, еще не ужасно... Вотъ если бы я позвалъ полицію, ты понимаешь, тебя бы схватили, посадили въ тюрьму, судили—сослали—подумай, въ Восточную Сибирь—семь тысячъ верстъ по этапу, а?... Въ кандалахъ. Вѣдь ты въ сущности мѣщанинъ—значить, непременно въ кандалахъ! а?... Вотъ это ужасно. Въ твои годы, Курцъ. Ты подумай, старый мошенникъ, вѣдь тебѣ больше сорока пяти. А въ Сибири—напримѣръ въ Якутской области—гдѣ девять мѣсяцевъ зимы, тамъ ты долженъ будешь или идти въ батраки къ дикарю-якуту или издохнуть отъ голода?.. а? Вотъ это ужасно, дѣйствительно ужасно... А то что же ужаснаго въ томъ, что я тебя выпущу?.. а?... Впрочемъ, ты какъ думаешь: я тебя выпущу, или нѣтъ?

— Я тебѣ отдамъ эти проклятыя деньги.

— Ну, разумѣется. Только, знаете, ваше сіятельство, эта комбинація мнѣ не подходитъ.

И Плюсъ, откинувшись въ креслѣ, зажмурился—готовя очевидно послѣдній ударъ.

— Да, да... не подходитъ... Представь себѣ—безъ гроша денегъ, что ты долженъ дѣлать? Ну, обокрасть

Засада. Картина изъ туркестанской жизни. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Флюгель.

Царскій скиѣъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомскаго, автогнція мастерской „Нивы“.

кого что-ли? Тебя поймають, узнають что ты Курць— препроводятъ въ Москву. Въ Москвѣ доирось: „Ты укралъ 2.000.000?“ — „Я.“ — „Куда ты ихъ дѣлалъ?“ — „Отдалъ Плюсу!“ Неужели ты думалъ хоть одну минуту, что я такъ глупъ!.. Я — выслѣдившій и накрывшій тебя... Нѣтъ, Курць. Ужь лучше ты прогуляйся по этапу—въ кандалахъ, а мнѣ достаточно и того, что я займу въ будущей компаніи черноморско-каспійскаго товарищества твое мѣсто!..

— Что же вы хотите дѣлать?.. Выдать меня?..

Плюсь притворился размышляющимъ и колеблющимся...

— Видишь-ли, Курць... Если я тебѣ не оставлю ничего—ты попадешься, тогда и мнѣ конецъ. Ну, а если я тебѣ оставлю половину? а?.. Милліонъ вѣдь тебѣ довольно. Ты съ этимъ милліономъ удерешь въ Америку что-ли и отлично тамъ устроишься... Подумай—обезпеченная жизнь, спокойствіе, общій почетъ, уваженіе..

— Вы знаете, я на все долженъ согласиться...

— Такъ ужь выпустить тебя что-ли? Летай гдѣ хочешь... Богъ съ тобой, а?

И вдругъ Плюсь расхохотался такъ, что Курць опять похолодѣлъ.

— Нѣтъ, графъ... Ужь этой-то глупости я не сдѣлаю. Милліоны все равно у меня будутъ—будутъ съ тобою же задуманнаго дѣла; потому, надо сказать правду: идея канала гениальна, и даже странно, какъ этотъ каналъ пришелъ въ голову такой каналъ. Замѣчаешь каламбуръ?.. Значитъ милліонъ и безъ того у меня въ карманѣ!.. А я долженъ тебѣ сказать правду: я такъ тебя люблю, что готовъ самъ заплатить половину моего состоянія, чтобы видѣть, какъ тебя привезутъ въ Москву съ жандармами и тамъ отправятъ въ замокъ—какъ тебя въ арестантскомъ халатѣ, такого изящнаго джентльмена, посадятъ на скамью подсудимыхъ. Подумай, сколько у тебя въ Москвѣ знакомыхъ? Все это соберется въ судъ, все это—будетъ ждать „да, виновенъ“... Нѣтъ, такой радости, такого наслажденія—не купишь. Я плачу за это ровно два милліона, два милліона, которые ты предлагаешь мнѣ за свою свободу...

И Плюсь разомъ преобразился.

Добродушіе, притворная шутливость сбѣжали съ его лица. Теперь онъ уже не считалъ необходимымъ сдерживаться. Оно все исказилось ненавистью и злобой. Глаза его—маленькіе—еще больше сьзизились и загорѣлись не добрымъ огонькомъ, щеки поблѣднѣли. Онъ до такой степени не могъ совладать со своимъ волненіемъ, что пересѣлъ на ручку кресла, потомъ пробѣжался по комнатѣ, остановился противу совѣмъ убитаго Боголюба Боголюбовича, фыркнулъ ему въ лицо, кинулся къ дверямъ и зачѣмъ-то заглянулъ въ коридоръ и самъ наконецъ за Курца выпилъ принесенную ему воду.

— Да, судьба тебя отдастъ въ мои руки и разумѣется ужь не я тебя выпущу изъ нихъ... Ты мнѣ не доставилъ только одного удовольствія—ты еще не плакалъ передо мною, и напрасно. Можетъ-быть я разжалобился бы, вспомнивъ нашу дружбу.—И Плюсь неприятно рѣзко захохоталъ.—А я бы очень хотѣлъ посмотреть, какъ крокодилы плачутъ. Но помни,—и онъ перешелъ уже рѣшительно въ серьезный тонъ, — но помни, я съ тобою поступлю безъ всякихъ колебаній и сантиментальностей. Сейчасъ будетъ призвана сюда полиція—и ты будешь арестованъ...

— Послушайте... Сдѣлайте для меня одно...

— Что? Что для тебя сдѣлать?

— Поѣдемъ вмѣстѣ въ Москву, позвольте мнѣ наединѣ поговорить съ Саввой Кузмичемъ... И тогда—поступайте какъ онъ скажетъ вамъ.

— Саввой?.. изумился Плюсь. — Ты что-же, считаешь на то, что Савва будетъ великодушнѣе меня?

— Сдѣлайте такъ... Это вѣдь...

— Постой, постой!.. У тебя значить есть кака-нибудь палка на Савву? Значить ты имѣешь въ рукахъ нѣчто, чего Савва надо бояться, не такъ-ли?

Но Боголюбъ Боголюбовичъ молчалъ.

Онъ погнулся и что-то обдумывалъ. Если-бы теперь Плюсь увидѣлъ его глаза, ему бы стало страшно и напускная развязность живо бы оставила его. Казалось, Курць обдумываетъ что-то рѣшительное.

— Ну что-жъ... Будешь ты говорить?

Курць схватился руками за голову и нѣсколько минутъ оставался такъ.

— Готлибъ, я тебя вѣдь спрашиваю. Чѣмъ такимъ ты думаешь подѣйствовать на Савву?

Но Курць уже рѣшился и всталъ.

— Вы хотите знать? Нечего дѣлать... Я въ вашихъ рукахъ, значить долженъ исполнять все что вы прикажете... У меня въ рукахъ завѣщаніе Арсенія Николаевича Сластенова.

— Что?!

Плюсь вскочилъ и глаза выпучилъ. Онъ подошелъ къ Готлибу и въ упоръ взглянулъ на него.

— Повторяю еще разъ, Арсеній Николаевичъ, передъ смертью за мѣсяць, прислалъ къ нотариусу Фомину духовное завѣщаніе. Свидѣтелями подписались самъ Фомины и его конторщикъ. Оставалось оформить, но въ это время дѣла Фомина пошатнулись и онъ бѣжалъ, оставивъ все свои книги въ надежномъ мѣстѣ, а завѣщаніе вмѣстѣ съ другими документами захватилъ съ собою.

— Такъ значить, Василій Герасимовичъ...

— Нищій!.. У молодого Сластенова — нѣтъ ничего. О немъ даже не упомянуто ни слова въ завѣщаніи.

— Кому же оставлено все состояніе, все эти Сластеновскіе милліоны?

— Саввѣ Кузмичу.

Плюсь заложилъ руки въ карманъ, задумался, потомъ вдругъ пристально воззрился на Готлиба.

— Вы врете, Готлибъ.

— Я могу вамъ показать документъ.

— Онъ здѣсь съ вами?.. Да? Такъ покажите мнѣ его, скорѣе.

Готлибъ пошелъ въ комнату, служившую ему спальней. Плюсь послѣдовалъ за нимъ. Ему казалось невозможнымъ оставить того хоть на одну минуту одного.

— Прежде всего: гдѣ два милліона?..—Плюсь усѣлся безцеремонно на постель. — Гдѣ деньги... Украденныя тобою деньги?

Курць, все съ тѣмъ же вдругъ нашедшимъ на него ледянымъ равнодушіемъ, подалъ ему громадный портфель. Плюсь взялъ было его въ руки и чуть не уронилъ. Глаза его заблестали еще ярче.

— Жизнь ваша, честь, свобода, счастье—все здѣсь, все здѣсь, и все въ моихъ рукахъ — вмѣстѣ съ этимъ портфелемъ.

И вдругъ онъ положилъ портфель на постель, а самъ сѣлъ на него.

— Ну, а теперь завѣщаніе!

Курць разстегнулъ сюртукъ, снялъ съ шеи сумочку. Плюсь не терялъ ни одного движенія своего побѣжденнаго противника. Въ сумочкѣ оказался большой листъ бумаги.

— Вы помните почеркъ Арсенія Николаевича?

Плюсь вмѣсто отвѣта мотнулъ головою. Онъ весь теперь перешелъ во вниманіе. Курць развернулъ бумагу и показалъ ему. Тотъ пробѣжалъ первыя строки.

— Да, да... это точно... Точно рука Арсенія Николаевича. Дѣйствительно, Савва пойдетъ на все, на все рѣшительно. Но... но... но, Курць, васъ и это не спасетъ—пусть будетъ по закону... По закону... Я сейчасъ посылаю за полиціей. Сейчасъ, сию минуту. Довольно играть комедию.

— Послушайте, я вамъ отдаю завѣщаніе и деньги... Оставляю себѣ сто тысячъ только... Слышите?..

— Нѣтъ, нѣтъ... Не проси, Курцъ... Не проси, этого нельзя...

И Плюсъ заболталъ ногами.

— Не проси, слышишь? Ты принадлежишь теперь не мнѣ, не Сластеновымъ, а прокурорскому надзору. Только ему—ему одному.

— Это твое послѣднее слово? спросилъ Курцъ хрипло и глухо, глядя въ уголь и избѣгая глазъ Плюса.— Это *ваше* послѣднее слово? поправился онъ.

— Да, да, да...

— Подлое животное!.. Гадина злобная!.. крикнулъ Курцъ, и звонкая пощечина свалила Плюса на постель. Тотъ опрокинулся головою въ подушки и не успѣлъ еще подняться, какъ Курцъ придавилъ ладонью его голову, а другой рукою бросилъ на нее подушку. Плюсъ, задыхаясь, забарахтался, но безсильный и маленький, подъ стальными мускулами Боголюба Боголюбовича, онъ не могъ сдѣлать ничего. Курцъ даже забылъ что дверь въ коридоръ не заперта. Руки его все крѣпче и крѣпче прижимали подушку къ лицу Плюса. Весь блѣдный, но спокойный и рѣшительный, онъ слѣдилъ какъ судорожно корчились ноги и руки его жертвы, какъ все ея тѣло извивалось въ агоніи. Изъ - подъ подушки едва доносилось чуть слышное хрипѣніе. Прошло минуты двѣ-три. Курцъ не могъ бы опредѣлить сколько времени еще протянулось, его мускулы напрягались все больше и больше. Онъ тяжело дышалъ, но не отъ усталости, а отъ страшныхъ, переживаемыхъ имъ ощущений. Вся его сила перешла въ руки, вся жизнь— въ глаза. Онъ, казалось, видѣлъ сквозь подушку лицо задохнувагося Плюса. Еще разъ вздрогнули ноги у того, еще разъ конвульсивно поднялась грудь—и все смолкло. Кругомъ теперь стояла тишина... Странная тишина. Курцъ не отнималъ рукъ. Ему было страшно отнять ихъ. Ему казалось, что сброситъ онъ подушку—и мертвецъ заговорить... Заговорить. Онъ не могъ бы сказать: полчаса или больше прижималъ онъ ее теперь къ лицу недвижнаго врага. Мускулы какъ - то сами собою разжались и руки ослабли. Теперь подушка сама лежала на лицѣ Плюса. Тотъ очевидно ужь не могъ бы сдѣлать никакихъ усилій, чтобы сбросить ее съ себя. Курцъ сѣлъ въ кресло около.

— Самъ виноватъ, глухо проговорилъ онъ. — Самъ виноватъ... Чтѣ дѣлать теперь? чтѣ дѣлать?..

Мысли быстро-быстро смѣнялись въ его головѣ. Онъ нѣсколько разъ некоса поглядывалъ на подушку—она была все на томъ же мѣстѣ.

„Не шевельнется-ли?“ думалъ Курцъ.—„Нѣтъ. Очевидно все, все кончено. Что же дѣлать теперь, что дѣлать, что дѣлать?.. Разумѣется, надо уѣхать... Заявить что Плюсъ остается здѣсь у него въ номерѣ, что онъ спитъ и заперся, чтобы его не будили, отнюдь не будили, что онъ усталъ, а самому съ портфелемъ на поѣздъ и назадъ въ Москву. На первыхъ порахъ его не узнаютъ. А оттуда въ Петербургъ — и ищи его! Въ Петербургѣ онъ можетъ годъ прожить. Паспортъ у него еще имѣется въ запасѣ. Усы надо сбрить... Да, непременно сбрить усы. И скорѣе-скорѣе. Главное выиграть время... Выиграть время... До вечера Плюса будить не стануть. Онъ будетъ уже въ Москвѣ, когда здѣсь схватятся. Разумѣется такъ... Неужели спасень?.. неужели онъ опять свободенъ? Этотъ жалкій человѣкъ, чуть было не погубившій его — безсильнень вредитъ ему, совсѣмъ безсильнень... Лежи же!.. Лежи здѣсь“.

И какое-то пьяное возбужденіе охватило Курца.

Точно виновными парами въ голову ударило. Онъ всталъ, взялъ портфель, опять сложилъ духовное завѣщаніе и спряталъ его къ себѣ, набросилъ на себя шинель, надѣлъ фуражку и пошелъ къ дверямъ.

Но за дверями послышались торопливые шаги.

„Надо переждать, рѣшилъ Курцъ.—Пусть пройдутъ“.

Шаги остановились у его номера. Кто-то стукнулъ

къ нему въ двери и, не ожидая приглашенія, отворилъ ихъ.

Портфель выпалъ изъ рукъ у Курца.

Передъ нимъ стоялъ Приходзько, позади за его плечами смотрѣло съ любопытствомъ на Курца лицо Гиришмана, еще дальше стояли вчерашній Катцель и невѣдомый Боголюбу Боголюбовичу—Рузановъ...

III.

Василій Герасимовичъ со времени несчастья случившагося на Тверской съ компанейскимъ домомъ — не узнавалъ себя. Что-то такое новое, неожиданное, росло въ немъ. Переболѣвъ послѣ отъѣзда жены, онъ почувствовалъ себя совершенно обновленнымъ. Въ немъ родилась и жила теперь какая-то сила, которой онъ и самъ еще толкомъ не понималъ. Не было уже прежняго отчаянія, исчезла безнадежность, апатія ко всему. Самъ Савва Кузмичъ поглядывалъ на него одобряя его по своему: „Сластеновская-то порода сказывается. Расправляй крылья, расправляй! Нечего ползать, да къ землѣ слаться... Ай да мы!“ Теперь ужь Савва не спрашивалъ его: „чего ты все стыдишься?“ Сластеновъ разстался со своей робостью и, разсмотрѣвъ окружающихъ людей, понялъ что ему незачѣмъ опускать глазъ передъ ними. Онъ замѣтилъ въ себѣ какую-то энергію, о которой еще недавно не имѣлъ понятія. Онъ теперь не поддавался разнымъ Водохлѣбовымъ и, сохраняя старое презрѣніе къ деньгамъ, соображалъ уже кому и какъ идти онѣ. Василій Герасимовичъ въ то же самое время почувствовалъ, что рана, открывшаяся въ его сердцѣ послѣ отъѣзда жены, стала какъ будто заживать. Въ изломѣ еще болѣло, но ужь эта боль не наполняла всего кругомъ, не застила ему свѣта дневнаго. Онъ на одно изъ писемъ жены отвѣтилъ уже весело, и оставивъ два безъ отвѣта, на третье вдругъ неожиданно для самого себя отписалъ ей: „Ты, разумѣется, хорошо сдѣлала что уѣхала отъ такого мозгляка, какимъ я былъ тогда. Я тебя не виню за это—да сверхъ того мнѣ теперь кажется, что мы и не подходимъ одинъ къ другому. Не только я тебѣ, но и ты мнѣ — не пара. Я признаю твою красоту, но воспоминаніе о ней съ каждымъ днемъ волнуетъ меня все менѣе и менѣе. Твой характеръ — я выдерживалъ его прежде; ты тогда могла, по твоему собственному выраженію, „державить“ меня — теперь это повело бы къ недоразумѣніямъ между нами. Я измѣнился сильно, и мнѣ кажется что никакая любовь не заставила бы меня подчиняться тебѣ. Короче — я слишкомъ долго росъ. Теперь кажется уже выросъ и думаю жить своимъ умомъ. И прежде онъ у меня былъ, но не хватало силы заявить его и потребовать къ нему общаго вниманія и уваженія. Свѣтъ не клиномъ сошелся. Въ немъ много дорогъ. Мы можемъ и не встрѣчаться болѣе. Не думаю, чтобы я кого-нибудь полюбилъ, но вѣшаться и топиться не стану. Ты, разумѣется, улыбнешься, читая мое письмо. Вообще, ты не понимала меня никогда. Полагаю, это происходило потому, что я не высказывался. Тебя возмущало то, что я раздаю деньги всѣмъ; кто меня просилъ объ этомъ. Ты объясняла это часто слабостью, недостаткомъ воли — и ошибалась. Я просто чувствую презрѣніе къ этимъ милліонамъ, о которыхъ я никогда и никого не просилъ, которые достались мнѣ фуксомъ, которые вырвали меня изъ среды, гдѣ я жилъ, и бросили въ совершенно не соответствующую моимъ вкусамъ. Я былъ уродомъ между вами, а вы всѣ въ свою очередь мнѣ казались уродами. Я называлъ и называю эти милліоны „проклятыми“, и думаю, что совершенно правъ. Вслѣдъ за ними идутъ преступленія, несчастья. Отъ нихъ разливаются кругомъ цѣлое море бѣдствій. Я чувствую себя теперь настолько сильнымъ, что могъ бы жить и работать, какъ работаетъ весь міръ, быть обязаннымъ

только самому себѣ, а не случайному обстоятельству, какимъ явилась смерть невѣдомаго мнѣ и никогда невиданнаго меня дяди... Счастье не въ милліонахъ...

Письмо это еще не было дописано, какъ къ Василию Герасимовичу явился Савва Кузмичъ.

— Ну, дѣла! кричалъ онъ ему еще изъ залы.

— Что такое?

— Читай телеграмму... Сейчасъ получилъ ее отъ Приходзько, и знаешь откуда — изъ Рязани... Бѣдный Плюсъ!

— Почему бѣдный?

— Читай, читай... А самъ впоныхахъ не давалъ ему читать, а торопливо объяснялъ: — Галопишку-то вѣдь воймали! Везуть сюда съ жандарми. И деньги при емъ—цѣлостью. Всѣ, всѣ... Сколько цапнуть, столько и оказалось... Только онъ наослѣдокъ со зла Плюса убилъ.

— Какъ! вскочилъ Сластеновъ.

— Такъ. Придушилъ его подушкой и вся недолга. Думалъ убѣчь, а тутъ Приходзько съ Гиришманомъ нагрянули и руки ему скрутили... Что-то еще Приходзько пишетъ: „открылось де неожиданное обстоятельство, кое васъ удивить. Но это до личнаго свиданія“...

— Вотъ, дядя, не прокляты эти милліоны? а? Не моя правда?

— Не милліоны прокляты, а проклятые люди округъ ихъ ходятъ. Это точно... Съ милліонами-то сколько добра сдѣлаешь!.. Умѣй только, а точно что нельзя къ имъ легкаго народу припущать.

И когда старикъ Сластеновъ уѣхалъ, Василий Герасимовичъ опять засѣлъ за письмо и заключилъ его слѣдующими строками:

„Изъ простаго мошенника, какимъ былъ Курць, эти деньги сдѣлали злодѣя. Право, кажется, я способенъ, какъ твой батюшка, уйти отъ этого бѣшенства наживы въ какую-нибудь пустыню...“

Отославъ письмо, Василий Герасимовичъ приказалъ заложить лошадей и поѣхалъ кататься въ Петровское-Разумовское. Свѣжестъ зелени, тишина окружавшихъ ее полей, покой недвижныхъ водъ, мерцавшихъ подъ солнцемъ—все это охватывало душу неизъяснимою нѣгой. Сластеновъ, оставивъ экипажъ у входа въ академическій садъ, пошелъ по его тѣнистымъ аллеямъ. Золотые блики солнца бѣжали за нимъ по ихъ желтому песку, рѣзкія тѣни деревьевъ ложились ему черезъ дорожку.. Вдали блистало озеро, заросшее на противоположномъ берегу красивою и густою зеленью... Какая-то лодочка качалась на тихихъ водахъ. Въ вершинѣ стараго дуба посвистывала птичка...

— Какъ хорошо, какъ хорошо! повторялъ Сластеновъ. — И чего люди мнутъ, бѣсятся, воруютъ, убиваютъ другъ друга! Развѣ много надо, чтобы пользоваться вдоволь и этимъ небомъ, и этимъ солнцемъ, и этимъ чуднымъ воздухомъ! Надумали себѣ искусственная потребности, ни къ чему не нужныя, и для ихъ удовлетворенія идутъ на злодѣйство... А въ сущности жизнь такъ проста, такъ безыскусственна, такъ дешева. Только пойми ее, какъ слѣдуетъ, и живи, и радуйся.

Вечеромъ Василий Герасимовичъ чувствовалъ себя особенно хорошо. Точно въ немъ все обновилось, какимъ-то праздникомъ казалась ему жизнь, — жизнь, кипѣвшая за толстыми стѣнами его дома. Завтра будетъ опять солнце, вновь голубое небо отразится въ его душѣ и воды заблестятъ ему золотыми рунами, которыя щедно станеть отгадывать онъ... Онъ приказалъ зажечь лампы въ кабинетѣ и сѣлъ къ столу. Его никуда не тянуло сегодня. Онъ рѣшилъ просидѣть вечеръ со своими любимыми книгами, но очевидно судьба была противъ него. Не успѣлъ онъ еще уйти въ волшебное царство поэтическихъ образовъ, какъ лакей доложилъ ему:

— Г. Приходзько спрашиваютъ васъ... Но самонужнѣйшему дѣлу.

— Проси!—„Вотъ носить черти!“ добавилъ онъ про себя.

Станиславъ Сигизмундовичъ вошелъ тихо и печально. Онъ былъ блѣденъ. Очевидно весь вчерашній день оставилъ въ немъ страшное впечатлѣніе.

— Вы уже слышали, Василий Герасимовичъ... о судьбѣ, постигшей Плюса?

— Да, да... Какъ жаль, какъ жаль!

— Онъ умеръ, какъ песь, на стражѣ вашихъ милліоновъ.

— И совершенно напрасно... Всѣ мои милліоны не стоятъ одной человѣческой жизни съ ея радостями и печальми. Но кто могъ ожидать! Курць—убійца!.. Какъ это случилось?

— Ничего не знаю. Курць на всѣ вопросы упорно молчалъ... Я былъ на дознаніи — у него точно языкъ отнялся.

Обоимъ было тяжело... Настушило молчаніе. Сластеновъ отодвинулся, и свѣтъ падалъ прямо на исхудавшее за одинъ день лицо Станислава Сигизмундовича. Очевидно, онъ боролся теперь съ какою-то мыслью. То онъ подымалъ глаза на Василия Герасимовича, то опять опускалъ ихъ... Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ проговорилъ съ особеннымъ выраженіемъ:

— Я еще не былъ у Саввы Кузмича.

— Все равно, завтра утромъ успѣете.

— Я хотѣлъ сначала повидаться съ вами... Прошу у васъ слова, что вы никому никогда не заикнетесь о томъ, что я вамъ скажу сейчасъ.

И лицо Приходзько разгорѣлось, онъ пристально всматривался въ тѣнь, гдѣ сидѣлъ Сластеновъ, точно желая угадать по его глазамъ, что тотъ думалъ въ эту минуту.

— Охотно, даю слово... Да я вѣдь вообще не болтливъ.

— Нѣтъ, тутъ обстоятельства особыя. Видите ли... У Курца оказались документы... доказывающіе, что ваше состояніе — не ваше.

— Что за чепуха! привсталъ Сластеновъ.

— Да, что ваши милліоны должны принадлежать вашему дядѣ, Саввѣ Кузмичу.

— Ну-съ?..

И Сластеновъ спокойно сѣлъ опять въ кресло.

„Ишь притворяется!“ досадливо подумалъ Приходзько.

— Оказалось завѣщаніе покойнаго Арсева Николаевича, въ которомъ онъ все отказываетъ Саввѣ Кузмичу...

Василий Герасимовичъ слегка шелохнулся въ потемкахъ... Не то сѣлъ поудобнѣе, не то на спинку откинулся.

— А вы не при чемъ. И ежели теперь это завѣщаніе предъявить — вы нищій.

Сластеновъ молчалъ. Его спокойствіе раздражало Станислава Сигизмундовича.

— Вы меня понимаете, все это: дома, имѣній, капиталы — все уйдетъ Саввѣ Кузмичу, а вамъ ничего, ничего. Вы даже по закону должны будете всѣ свои траты вернуть настоящему наслѣднику. — Приходзько подождалъ, не скажетъ ли чего-нибудь Сластеновъ, и не дождавшись, началъ опять: — Пугаться вамъ еще нечего. Завѣщаніе это у насъ. Если Курць заявитъ о немъ — мы скажемъ, что онъ солгалъ. Арестангу и убійцѣ кто же повѣритъ... Такъ вотъ, видите ли, Василий Герасимовичъ, я человѣкъ бѣдный, я долженъ подумать о своей старости. Тяжело весь вѣкъ быть батракомъ, хочется создать себѣ какое-нибудь обезпеченіе... Войдите со мною и съ Гиришманомъ въ сдѣлку, и завѣщаніе вы получите на руки... Можете его уничтожить... Поняли?

— Понялъ.

— Вашему спокойствію можно позавидовать! рѣзко проговорилъ Приходзько.

— Да мнѣ нечего и беспокоиться, усмѣхнулся Василий Герасимовичъ.

Молодой бояринъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Лоренца, автотипія мастерской „Нивы“.

— Вотъ тебѣ и на! Вы вѣдь не знаете еще, сколько мы съ васъ спросимъ.

— Сколько угодно спрашивайте, еще веселѣе проговорилъ Сластеновъ.

— Мы будемъ умѣренны... Мы не жадны... Намъ будетъ довольно...

И онъ задумался.

— Вотъ что, вдругъ мягко заговорилъ Сластеновъ.— Вотъ что, Станиславъ Сигизмундовичъ... Вы напрасно станете теперь терять время... Я за вашу тайну не заплачу вамъ и гроша ломаного. Слышите?..

— Но вы значить нищій...

— Я къ нуждѣ давно привыкъ. Меня ею не удивишь... А вотъ за что я благодаренъ вамъ или Курцу, кто тамъ открылъ это завѣщаніе — такъ за то что онъ съ меня этимъ снялъ тяжесть этихъ проклятыхъ Сластеновскихъ милліоновъ... Мнѣ ужасно легко... Вы не повѣрите, какъ мнѣ легко теперь... Вы думаете я горевать стану—напротивъ, я теперь свѣтъ увидѣлъ!..

И онъ изъ потемокъ подвинулся впередъ. „Съ ума сошелъ!“ подумалъ Приходзько, увидѣвъ его радостное и возбужденное лицо. „Совсѣмъ съ ума спятилъ!“

Точно въ подтвержденіе его мысли, Сластеновъ вдругъ радостно разсмѣялся:

— Фу, чортъ возьми, какъ теперь хорошо!.. Неужели я свободенъ?.. свободенъ?.. Знаете, за эту вѣсть, Станиславъ Сигизмундовичъ, я васъ расцѣловать готовъ...

— Кажется, вы слишкомъ рассчитываете на великодушіе Саввы Кузмича.

— Нѣтъ, душа моя. Ни на кого, кромѣ себя, я не рассчитываю... Фу, какъ славно!.. Вся эта жадная сволочь оставитъ меня въ покоѣ, и я опять иду въ міръ

простыхъ людей... рабочихъ, тѣхъ кто живетъ изо-дня-въ-день... Фу, какое счастье!..

— Послушайте, да это безуміе!

— Но вашимъ умомъ мнѣ жить!.. Это для васъ имѣютъ значеніе милліоны. Съ меня довольно, слышите: довольно. Безъ куска хлѣба я не останусь, тотъ же дядя мнѣ дастъ занятія, работу.

— И вы въ батраки къ нему пойдете?

— Отчего же!.. Ну, теперь, знаете, Станиславъ Сигизмундовичъ, оставьте-ка меня одного. Мнѣ такъ легко и хорошо, что я не хочу никого, никого видѣть.

Станиславъ Сигизмундовичъ, ничего не понимая, вышелъ.

— Дуракъ, совсѣмъ дуракъ! уже вслухъ проговорилъ онъ, спускаясь по мраморной лѣстницѣ...

А Василій Герасимовичъ, возбужденный и просвѣтленный, заходилъ изъ угла въ уголь, соображая, что онъ теперь станетъ дѣлать... Чувство невыразимаго покоя и счастья охватывало его.

Станиславъ Сигизмундовичъ сообразилъ было сѣздить сейчасъ къ старику Сластенову и предложить ему купить у Гиришмана духовное завѣщаніе, но тотчасъ же оставилъ эту мысль. „Вѣдь Василій Герасимовичъ—совсѣмъ идиотъ... Онъ все равно откажется отъ проклятыхъ по его мнѣнію милліоновъ и уйдетъ... Нѣтъ, съ этими дураками ничего не подѣлаешь. Рѣшительно ничего!.. Надо будетъ представить документъ — и конечно... Завтра же сдѣлаю это. О, осель, осель!“ И онъ готовъ былъ бы избить Василія Герасимовича въ эту минуту.

А Василій Герасимовичъ въ эту ночь едва-ли не въ первый разъ за все время спалъ здоровымъ и хорошимъ сномъ...

(Продолженіе будетъ).

Первая гроза.

Повѣсть Виктора Бибинова.

(Окончаніе).

Въ занятіяхъ проходило время до обѣда, а послѣ обѣда онъ садился въ экипажъ, и кучеръ, не спрашивая барина, отвозилъ его на Забалканскій проспектъ, гдѣ Тарахтинъ оставался до глубокой ночи.

„Развѣ не счастье“, думалъ онъ, „одиному человѣку узнать радость ежедневныхъ семейныхъ отношеній и привычекъ, жить чистой привязанностью, дружбой въ лучшемъ значеніи этого слова“.

Если бы нѣсколько лѣтъ тому назадъ кто-нибудь сказалъ Тарахтину, что придетъ время когда онъ будетъ дорожить и гордиться дружбой съ молодою и красивою женщиной,—онъ засмѣлся бы въ глаза такому предсказателю, потому что тогда ему казалось оскорбленіемъ для мужнины женская дружба, онъ считалъ ее пригодною для уроковъ да неудачниковъ; а теперь, отправившись однажды съ молодыми людьми на балъ въ Дворянское Собраніе, гдѣ красота Вѣры была замѣчена всѣми, онъ еле удержался отъ взрыва негодованія, когда знакомые, видя Тарахтина возлѣ Вѣры, поздравляли его съ побѣдой и отпускали болѣе или менѣе двусмысленныя шутки на его возраженія.

Правда, по вечерамъ, когда Тарахтинъ поднимался по отлогимъ ступенямъ лѣстницы, покрытой сѣрымъ сукномъ, во второй этажъ дома на Забалканскомъ проспектѣ, сердце его билось ускоренное чувствомъ, можетъ-быть и болѣе горячимъ чѣмъ дружба, но стоило ему только взяться рукой за звонокъ, знакомая дверь отворялась всегда самимъ Федоромъ Васильевичемъ, за его спиной показывалась привѣтливо улыбавшаяся Вѣра, ихъ радушная встрѣча, крѣпкое, довѣрчивое пожатіе маленькой руки молодой женщины, всегда восторженныя объятія Федора Васильевича,—все это сразу настраивало Тарахтина на миръ и кроткую внутреннюю тишину, какія-то ласковыя волны подхватывали его, и онъ, не сопротивляясь, отдавался ихъ чарующей власти.

Зеленые фонарики съ потолка гостиной струили свой загадочный свѣтъ, у пианино съ зажженными свѣчами стояло большое и удобное кресло для Тарахтина, на табуретѣ передъ пианино усаживалась Вѣра, всегда оправляя обѣими руками складки платья, Федоръ Васильевичъ располагался съ ногами на стоявшей вблизи оттоманкѣ, позволяя себѣ эту маленькую вольность при своемъ человѣкѣ, какимъ онъ считалъ Тарахтина.

Подъ ласковыми взглядами молодыхъ людей Тарахтинъ оживлялся: онъ рассказывалъ имъ новости, передавалъ какъ провелъ день; если кліенты давали матеріалъ для бесѣды;

онъ дѣлился съ молодыми людьми своими впечатлѣніями; если прожитой день не принесъ ничего выдающагося, кліенты были не интересны—онъ читалъ что-нибудь вслухъ.

Мать Вѣры, прочитавъ случайно одинъ изъ романовъ Зола, взяла съ своей дочери слово, что та не станетъ читать его сочиненій. Вѣра охотно ей повиновалась, и французская литература, въ особенности въ ея современныхъ представителяхъ натурализма, осталась для нея совершенно неизвѣстною.

За то русскихъ великихъ писателей она никогда не уставала читать, и много разъ перечитывая ихъ безсмертныя творенія, всегда открывала для себя новыя мысли, наблюденія, образы и сравненія. Дѣйствующія лица „Обрыва“ или „Войны и Мира“, Тургеневскихъ повѣстей для Вѣры не были созданіями вымысла, она жила съ ними, полюбила ихъ какъ милыхъ и близкихъ людей. Принимался за тотъ или другой романъ, она не слѣдила за полетомъ фантазіи, а вступала легко и свободно въ завѣтную область, какъ въ гостеприимные дома, откуда долго не хочется уходить.

Тарахтинъ раздѣлялъ и одобрялъ ея вкусы, онъ охотно читалъ вслухъ русскихъ классиковъ, въ его выпукломъ и выразительномъ чтеніи молодые люди узнали многія красоты, до сихъ поръ имъ неизвѣстныя, но онъ былъ также горячимъ поклонникомъ французской литературы и, благодаря его вліянію, молодые люди познакомились съ Флоберомъ, Мериме, Стендалемъ и Бальзакомъ.

Тоскующей душѣ Тарахтина особенно близокъ былъ Флоберъ. Поэтической, музыкальной стиль этого писателя отвѣчалъ ораторскимъ наклонностямъ адвоката и, читая его романы, Тарахтинъ нерѣдко возвышался до настоящаго вдохновенія: голосъ его дрожалъ, въ глазахъ сверкали слезы, и въ такія минуты Вѣра слушала его затанувъ дыханіе, съ блѣднымъ лицомъ.

Литература служила неисчерпаемымъ источникомъ для ихъ бесѣды; прочитанныя или читаемыя книги вызвали безкопечные споры, разговоры, постоянное, благородное общеніе мыслей. Тарахтинъ до мельчайшихъ подробностей изучилъ биогрфическія данныя, касающіяся своихъ любимцевъ; онъ дѣлился ими со своими слушателями, возбуждая въ чуткихъ и отзывчивыхъ сердцахъ молодыхъ людей участіе къ несчастной, по большей части, судьбѣ этихъ писателей, вызывая уваженіе и удивленіе къ ихъ колоссальнымъ трудамъ, увы! оцѣненнымъ, какъ это было съ Флоберомъ и Стендалемъ, только послѣ ихъ смерти.

Они вмѣстѣ посѣтили нѣсколько разъ Эрмитажъ, и Тарахтинъ, во время своего коллекционерства старательно изучавшій искусство, сумѣлъ какъ слѣдуетъ показать молодымъ людямъ его богатства.

Они не проходили, какъ въ первый день своего посѣщенія, залу за залой, не вынося ничего, кромѣ усталости, головной боли и общаго впечатлѣнія какой-то одуряющей пестроты, а пересмотрѣли поочередно каждую школу живописи, выслушивая объясненія своего спутника, смотря его глазами и, благодаря ему, поняли и оцѣнили прелесть старинныхъ мастеровъ.

Мало-по-малу Тарахтинъ передалъ молодымъ людямъ всѣ знанія, какими прожитая жизнь украсила его; онъ съ радостью слѣдилъ, какъ на его глазахъ расширялся ихъ умственный круговоръ, какъ ихъ читливая мысль съ каждымъ днемъ предъявляла къ нему новыя требованія, которыя онъ еле успѣвалъ удовлетворить; его утѣшало, что они говорятъ уже однимъ языкомъ, съ полуслова понимаютъ то, на что прежде понадобились бы болѣе или менѣе продолжительныя объясненія.

Съ Ѳедоромъ Васильевичемъ онъ занимался какъ адвокатъ, готовить его къ будущей дѣятельности, заставляя его ходить въ судъ, прислушиваться и выкатъ въ разборъ дѣлъ, присутствовать при разговорахъ его съ клиентами, училъ его, какъ двумя-тремя вопросами, умѣло поставленными, избѣгать утомительнаго многословія, а однажды поручилъ ему самостоятельное веденіе дѣлаго дѣла.

Начинающій актеръ передъ выходомъ на сцену въ вечеръ своего перваго дебюта не волнуется такъ, какъ волновался Ѳедоръ Васильевичъ, когда онъ занялъ свое мѣсто за кафедрой защитника и началось судоговореніе.

Правда, все дѣло было заранѣе пройдено съ нимъ Тарахтинымъ, и Ѳедору Васильевичу оставалось только дѣйствовать согласно указаніямъ своего патрона, но все-же каждое обращеніе къ нему предсѣдателя бросало его то въ жаръ, то въ холодъ, а во время защитительной рѣчи, заранѣе приготовленной и читанной по тетрадкѣ, онъ выпиналъ чуть-ли не цѣлый графинъ воды и безпрестанно отиралъ платкомъ вспотѣвшій отъ напряженія лобъ.

За-то съ какою радостною гордостью слѣдила за каждымъ движеніемъ своего мужа Вѣра, сидѣвшая въ мѣстахъ для публики рядомъ съ Тарахтинымъ. Съ какимъ волненіемъ ожидала она вердикта присяжныхъ засѣдателей и какимъ торжествомъ сверкала ея глаза, когда она услышала оправдательный приговоръ.

Она нервно пожимала руки Ѳедора Васильевича, она расцѣловала бы ихъ, если бы ее не смущало присутствіе Тарахтина, который, впрочемъ, раздѣлялъ ея восторгъ въ равной степени и такъ радовался успѣху своего помощника, какъ не радовался никогда своему собственному. Вечеромъ, за чаемъ, когда Вѣра ни на минуту не отводила глазъ, въ которыхъ свѣтилось обожаніе, отъ своего мужа, у Тарахтина проселъ этотъ восторгъ: онъ съ горечью слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, съ болью въ сердцѣ убѣждался, какъ крѣпка ея любовь къ Ѳедору Васильевичу; онъ не ревновалъ, но въ его душѣ опять проснулось съ новою силой позднія сожалѣнія и ему стоило большаго труда сохранить прежнее спокойствіе изъ боязни не испортить счастливаго настроенія молодыхъ людей.

Бѣжали дни. Время шло съ тою поражающею быстротой, съ какой проходитъ оно только въ столицѣ, благодаря лихорадочной смѣнѣ разнообразныхъ событій. Тарахтинъ попрежнему ежедневно посѣщалъ Панченко и съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе въ немъ разгоралась, несмотря на сознаваемую безнадежность, его любовь къ Вѣрѣ.

Какъ часто, сидя противъ молодой женщины и обсуждая съ кажущимся хладнокровіемъ послѣдній разговоръ моднаго беллетриста или игру актера, видѣннаго недавно ими вмѣстѣ, Тарахтинъ обрывалъ свою неторопливую рѣчь, не доканчивая фразы, и растерянно оглядывался вокругъ, точно отыскивая защитника, кто бы задержалъ въ немъ безумный порывъ броситься къ ногамъ Вѣры, прильнуть къ краю ея платья, рассказать ей о своихъ мукахъ, открыть передъ ней свою душу.

Въ такія минуты наступало молчаніе, Вѣра перебирала клавиши пѣяно и старалась не смотрѣть на своего собесѣдника, и только Ѳедоръ Васильевичъ какимъ-нибудь вопросомъ, обращеннымъ къ Тарахтину, возобновлялъ прерванный разговоръ.

Тарахтинъ не тѣшилъ себя несбыточными надеждами, онъ зналъ, что стоить ему только замкнуться, стоить только Вѣрѣ однажды услышать отъ него не только признаніе, а хоть одинъ намекъ на чувство болѣе нѣжное чѣмъ уваженіе или дружба, и навсегда закроется передъ нимъ дверь квартиры на Забалканскомъ проспектѣ, не видать ему никогда Вѣры, не слышать ея голоса, придется забыть о самомъ ея существованіи.

Одна мысль о возможности такого несчастія приводила его въ ужасъ, онъ съ удвоеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за собой, за каждымъ жестомъ, за каждымъ взглядомъ, боясь выдать тяготившую его тайну.

Но страсть Тарахтина—была-ли она тайной для суррогатовъ Панченко, да и можетъ-ли статься, чтобы женщина, какъ бы молода и неопытна она ни была, не замѣтила внушенной ею любви? Наконецъ, Ѳедоръ Васильевичъ, неужели онъ не догадывался объ истинной причинѣ столь частыхъ посѣщеній Тарахтина, не видѣлъ въ исключительномъ вниманіи адвоката къ себѣ другаго объясненія, кромѣ обыкновенной дружеской симпатіи?

Молодость—великое дѣло. Только въ эту раннюю пору жизни смотришь на людей такъ, какъ хочешь, и видишь только то, что хочешь видѣть. За привѣтливой улыбкой кроется, конечно, расположеніе, каждая оказанная услуга, каждое доброе слово говорятъ о любви. Нѣтъ желанія доискиваться причинъ, заставляющихъ людей, съ которыми вступаешь въ сношенія, поступать такъ, а не иначе, охотно вѣришь всему хорошему, не предполагаешь дурнаго.

Да развѣ могъ Ѳедоръ Васильевичъ хоть на мгновеніе заподозрить человѣка, который такъ ласково обращался съ нимъ, такъ крѣпко пожималъ его руки, съ такимъ искреннимъ безкорыстіемъ шель навстрѣчу каждому его желанію, съ такой неподдѣльной радостью привѣтствовалъ его успѣхи?

Для него Тарахтинъ былъ воплощеннымъ благородствомъ, челоукомъ съ возвышеннымъ характеромъ, идеаломъ, къ которому онъ стремился; для подозрѣній и ревности не было мѣста въ его душѣ.

Но Вѣра все видѣла, для нея не было тайной увлеченіе Тарахтина: какъ ни старательно слѣдилъ онъ за собой, онъ давно выдалъ свое чувство, и съ той поры, когда молодая женщина впервые ясно сознала, что она значитъ для Тарахтина,—ея внутренній миръ былъ нарушенъ и одна забота наполняла всѣ ея помыслы: чѣмъ предотвратить грозящую опасность.

О помощи мужа она и не думала; она знала, какъ смотритъ онъ на Тарахтина, да и на какую помощь могла она рассчитывать, когда она не могла ни подѣлиться съ Ѳедоромъ Васильевичемъ своей тревогой, ни объяснить ему своихъ опасеній.

Нельзя же сказать мужу: перестань принимать Тарахтина, онъ меня любитъ,—когда она не слыхала и слова признанія отъ Тарахтина, а подозрѣніе Ѳедоръ Васильевичъ постарается разсѣять; да и въ правѣ-ли она сообщать свои подозрѣнія, въ сущности, ни на чемъ не основанныя?

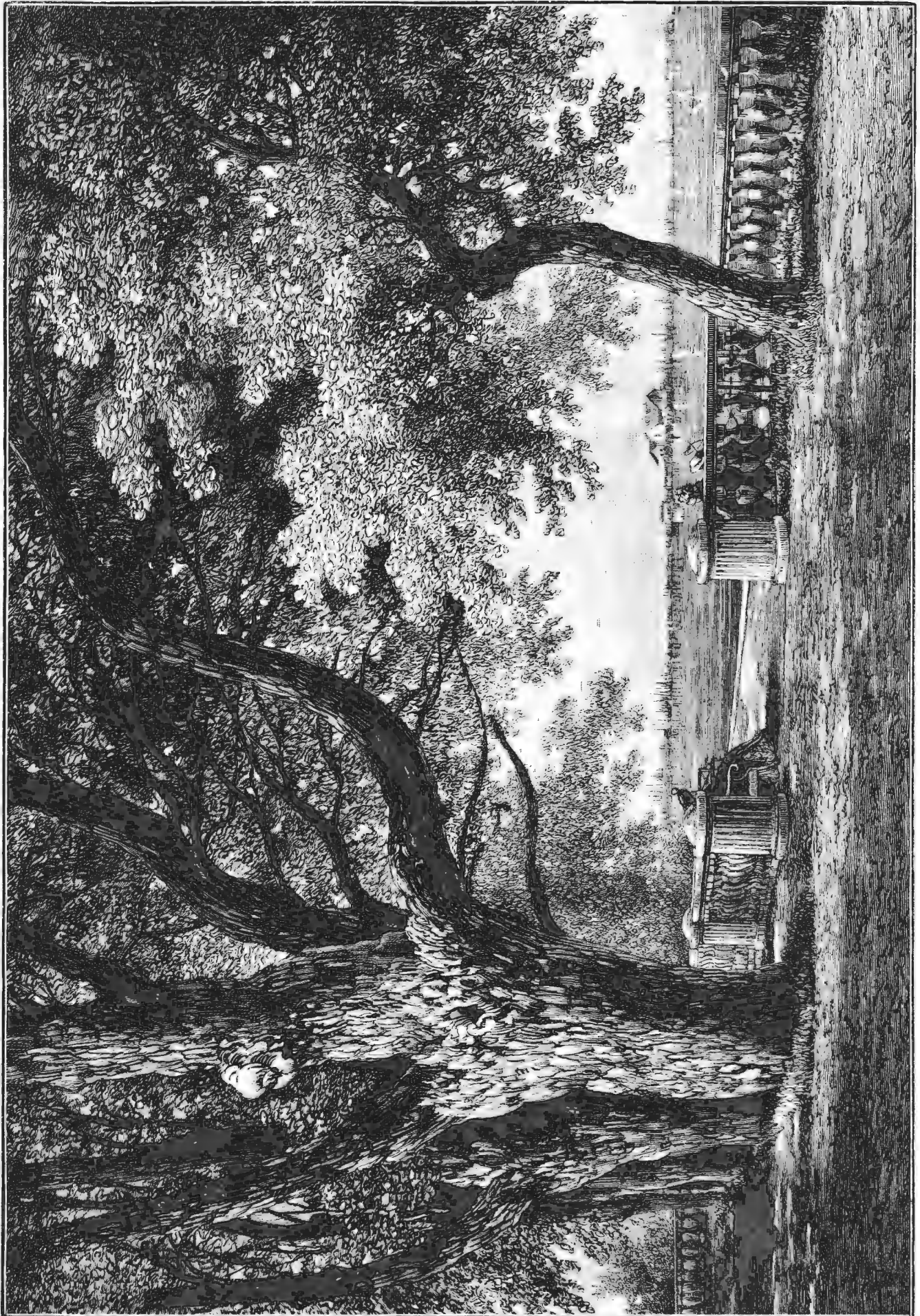
Нельзя же сказать, что о любви своей Тарахтинъ говоритъ и глазами, и во время чтенія, когда голосъ его дрожитъ и онъ весь горитъ. Нельзя сказать, что эта дрожь и этотъ жаръ не искусство опытнаго чтеца, а страсть, которая просится наружу и высказывается чужими словами; нельзя сказать мужу, что она чувствуетъ, какъ иногда Тарахтинъ удерживается отъ желанія унасть къ ея ногамъ, а она догадывается объ этомъ желаніи и не знаетъ, что происходитъ съ ней въ такіе мгновенія, какъ замираетъ ея сердце и вся она охвачена безпредѣльнымъ ужасомъ, въ которомъ она не можетъ дать себѣ отчета.

Если-бы здѣсь, въ Петербургѣ, жила Анна Григорьевна, Вѣра прибѣгла бы къ ея защитѣ, она все рассказала бы матери, та поняла бы ее и сумѣла оградить покой своей дочери. Но далеко этотъ единственный челоукъ, кому могла бы Вѣра повѣрить свое горе; а что скажешь холоднымъ письмомъ, да и какъ передать на бумагѣ то, на чемъ боишься долго останавливать свои мысли.

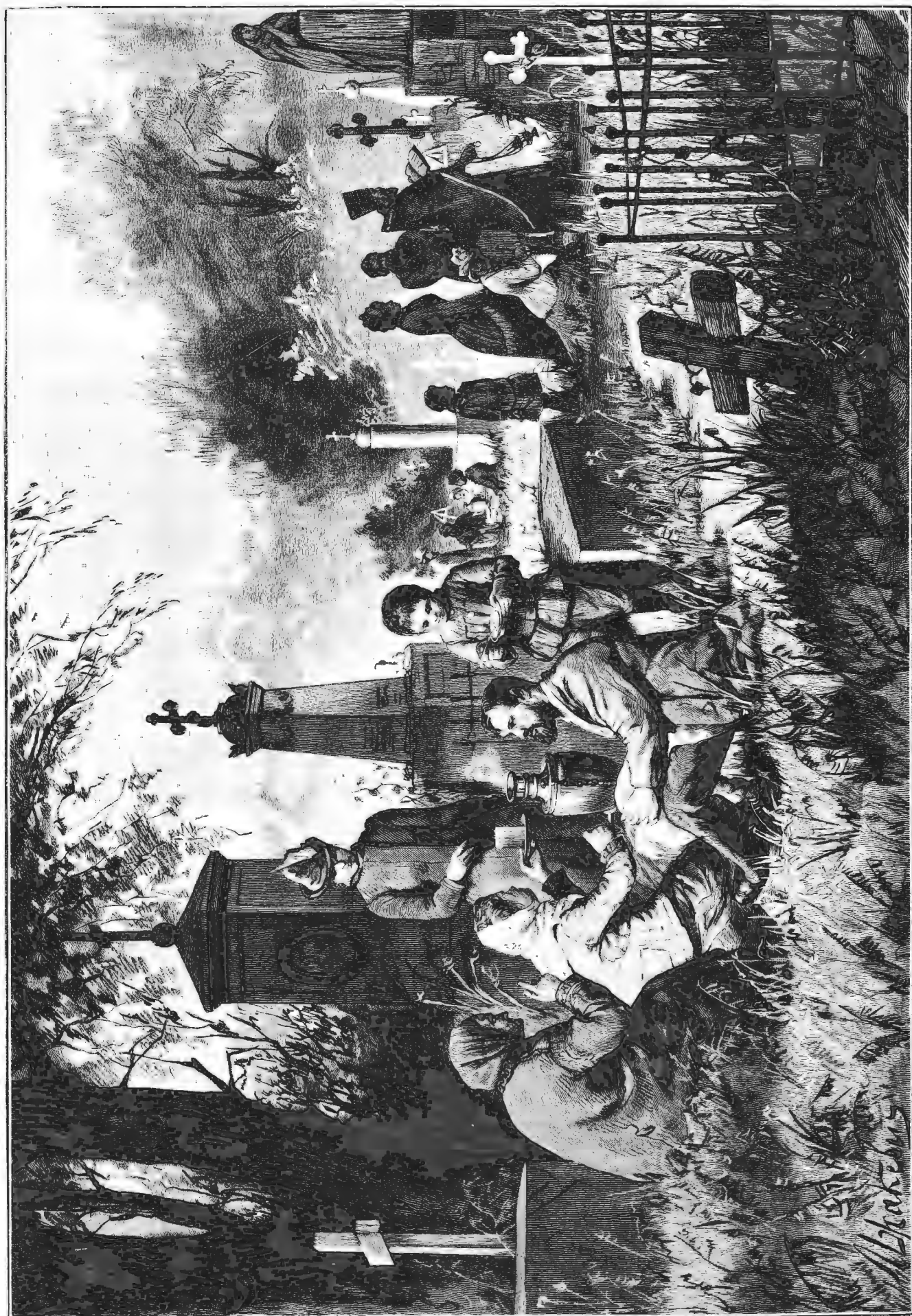
Иногда ей приходило желаніе поговорить съ самимъ Тарахтинымъ на чистоту, попросить его прекратить свои посѣщенія, сказать ему, какъ оскорбительна для нея эта страсть, въ какомъ заколдованномъ кругѣ она живетъ, благодаря его поведенію. Но временамъ въ душѣ ея загоралась злоба на Тарахтина, она съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидала его прихода и уже совѣмъ приготавливалась, чтобы высказать ему все свое негодованіе,—но приходилъ Тарахтинъ, ему сейчасъ же становилось понятнымъ настроеніе Вѣры, и онъ съ такимъ пришибленнымъ и униженнымъ видомъ смотрѣлъ на нее, его покорное лицо такъ краснорѣчиво говорило о его готовности вынести всяческія оскорбленія, что гнѣвъ молодой женщины утихалъ, и его смѣняло сожалѣніе.

„Въ самомъ дѣлѣ, разсуждала тогда Вѣра,—чѣмъ виноватъ онъ, если у него не достаетъ силъ бороться съ своей любовью. Если мнѣ тяжело выносить неловкость нашихъ отношеній, то каково ему жить, зная, что на его чувство никогда не можетъ быть отвѣта, не имѣя ни малѣйшей надежды на взаимность любимаго существа“.

Она становилась ласковѣе съ нимъ, играла и шѣла его любимые романсы, вызывала его на рассказы и съ усиленнымъ вниманіемъ ихъ слушала, просила чтенія, и ей доставляло удовольствие видѣть, какъ подъ ея влияніемъ оживлялся Тарахтинъ, расцвѣталъ, старался блеснуть и остроуміемъ и краснорѣчіемъ, развертывалъ всѣ свои средства. Но кончался вечеръ, уходилъ Тарахтинъ успокоенный и по своему счастливымъ, а Вѣра опять мучилась сомнѣніями и, представляя самой себѣ, безъ друга, безъ матери, лишенная возможности подѣлиться своими мыслями съ любимымъ мужемъ, теряла голову, не находя желаннаго исхода.

Монлезиръ и видъ на Петергофскую пристань. Факсимиле съ карт. профессора Волнова, грав. Флюгелъ.

Праздникъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ижневича. грав. Флюгель

XIII.

За весь этот год у Тарихтина не было ни одного выдающегося процесса, и потому он ощутил чувство похожее на радость, когда получил письмо из дома предварительного заключения от содержавшей там француженки Берто с просьбой принять на себя защиту в судъ ея дѣла.

Четыре мѣсяца тому назадъ эта француженка заставила говорить о себѣ мелкую печать, въ большихъ газетахъ вкратцѣ сообщалось о совершенномъ ею преступленіи, и на нѣсколько дней оно послужило предметомъ разнорѣчивыхъ городскихъ толковъ.

Берто служила гувернанткой въ домѣ доктора Воцинина и отравила его жену, какъ писали въ газетахъ, изъ ревности. На предварительномъ слѣдствіи она созналась, и теперь въ окружномъ судѣ стояла на очереди разборъ ея дѣла.

Тарихтинъ въ день получения письма поѣхалъ къ ней съ тѣмъ, чтобы объявить о своемъ согласіи быть ея защитникомъ и познакомиться съ принимаемымъ дѣломъ. Его неприятно поразила и видѣнность доверительницы, высокой, сухопарой и некрасивой женщины уже лѣтъ за тридцать, съ длиннымъ острымъ носомъ и сближенными хитрыми глазами, и какая-то наглая самоуверенность въ своей правотѣ. Она сознавалась въ преступленіи съ такою гордостью, съ какою не говорятъ о совершенномъ подвигѣ, а на вопросъ Тарихтина, какія причины побудили ее рѣшиться на злодѣяніе, развязно отвѣчала что она любила мужа своей жертвы и не могла выносить соперницы.

Тарихтинъ узналъ также, что она не пользовалась взаимностью мужа покойной, да и, по ея словамъ, тотъ врядъ-ли догадывался о страсти, питаемой къ нему перерѣзой дѣвой.

Тарихтинъ подумывалъ уже отказаться отъ защиты, но француженка такъ умоляла не лишать ее единственной надежды, что у него не достало духа настоять на своемъ и онъ согласился. Пересмотрѣвъ дѣло въ судѣ, онъ еще разъ пожалѣлъ о поспѣшности своего согласія, но француженка взяла съ него слово и отступать было уже неловко.

Обстоятельства, выяснившіяся при изученіи дѣла, отличались своей несложностью. Супруги Воцинины для своей подрастающей дочери рѣшили взять гувернантку, обратились, какъ водится, въ контору, которая въ тотъ же день исполнила ихъ требованіе и прислала Берто. Она прожила у нихъ около года, добросовѣстно исполняя свои обязанности, ни разу не вызвавъ неодобренія своихъ хозяевъ. Жена доктора захворала, и среди лекарствъ былъ прописанъ для успокоенія опиумъ. Берто все время ухаживала за больной и послѣ ея внезапной смерти, происшедшей отъ приема опиума въ чрезмѣрной дозѣ, никому не приходило въ голову искать въ этой смерти преступленія, всѣ болѣе склонны были видѣть несчастный случай; но Берто созналась, что она нарочно увеличила приемъ подносимаго ею лекарства съ дѣлюю отравить жену человѣка, котораго она любила.

Принявъ дѣло почти противъ желанія и не симпатизируя своей доверительницѣ, Тарихтинъ однако увлекся благодарнымъ матеріаломъ и дѣятельно занялся его разработкой. Когда передъ глазами не было неприятной фигуры Берто, въ его воображеніи развертывалась самая драма, онъ создавалъ обстановку, подходящія положенія, слѣдилъ за развитіемъ страсти главнаго дѣйствующаго лица и мало-по-малу такъ проникся сочувствіемъ къ провинденію своего вымысла и настолько сжился съ нимъ, что передъ нимъ наконецъ возникла стройная картина и захватила его всего. Въ краткомъ конспектѣ онъ намѣтилъ основные тезисы защиты; рѣчѣ въ уголовныхъ дѣлахъ Тарихтинъ заранѣе никогда не приготавливалъ, зная по опыту, что рѣчь прійдетъ сама въ свое время, подсказанная и допросомъ свидѣтелей, и прокуроромъ, и тѣмъ особеннымъ настроеніемъ, которое сообщалось ему только въ залѣ суда.

Разборъ дѣла былъ назначенъ въ концѣ марта, когда въ Петербургѣ всѣ сезонныя новинки уже истощены, и процессъ Берто, подписывъ какъ разъ во-время, сдѣлался настоящею злобой дня, причемъ интересъ къ нему въ значительной степени подогревался извѣстіемъ объ участіи Тарихтина въ качестве защитника. Онъ давно уже не выступалъ въ такомъ громкомъ дѣлѣ, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали его дебюта. Наконецъ наступилъ и этотъ вождедѣльный день.

Вѣра и Фѣдоръ Васильевичъ были встрѣчены у входа Тарихтиннымъ, онъ указалъ имъ мѣста и до начала засѣданія ходилъ съ ними въ коридорахъ, наполненныхъ избранной публикой. Хотя Вѣра и Фѣдоръ Васильевичъ знали, что любопытные взгляды проходившихъ относятся не къ нимъ, а къ ихъ спутнику, тѣмъ не менѣе испытывали самолюбивое волненіе передъ всеобщей данью вниманія, часть котораго, какъ казалось, распространялась и на ихъ долю.

Тарихтинъ владелъ собой, или дѣйствительно былъ спокоенъ, но онъ ничѣмъ не выдавалъ своего возбужденія и только развѣ всегда блѣдное лицо его казалось блѣднѣе обыкновеннаго. Но вотъ началось засѣданіе, всѣ заняли свои мѣста, и стройная, представительная фигура Тарихтина сдѣлалась центромъ, гдѣ сходились всѣ взгляды, куда направлялись бинюки и лорнеты.

Вѣра то и дѣло слышала отъ своихъ сосѣдокъ фразы, произ-

несенныя шепотомъ; говорили о Тарихтинѣ, утверждали, что онъ измѣнился, но всѣ находили его интереснымъ и красивымъ. Передъ этимъ засѣданіемъ Тарихтинъ два дня не посѣщалъ молодыхъ людей, и теперь, въ залѣ суда, Вѣра можетъ-быть впервые смотрѣла на него чужими глазами, невольно заражаясь всеобщимъ поклоненіемъ.

Началось судоговореніе; допросъ обвиняемой, свидѣтелей и судебное слѣдствіе значительно упростились въ виду полного сознанія М-ле Берто. На нѣсколько минутъ публика заинтересовалась появленіемъ въ качестве свидѣтеля мужа покойной. На настоящую героиню процесса, М-ле Берто, никто не обращалъ вниманія, всѣ ожидали рѣчи Тарихтина. Послѣ перерыва, во время котораго почти никто не покинулъ залы, начались пренія.

Молодой товарищъ прокурора, чувствуя, что онъ говорить въ чужой аудиторіи, торопясь, точно и ему хотѣлось поскорѣе услышать Тарихтина, неувереннымъ тономъ произнесъ свою рѣчь, настаивая на обвиненіи; его прослушали холодно и когда председатель обратился наконецъ къ Тарихтину, давая ему слово, всѣ оживились, и наступила мертвая тишина.

Тарихтинъ всталъ, выпрямился во весь ростъ и тихимъ ровнымъ голосомъ произнесъ вступительную фразу. Въ его манерѣ говорить поражала та особенность, свойственная только очень талантливымъ ораторамъ, что, казалось, будто ему нѣтъ никакого дѣла, слушаютъ его или нѣтъ, какъ будто ему важно объяснить дѣло себѣ, убѣдить себя въ его правотѣ, не забываясь, сообщается или нѣтъ другимъ это убѣжденіе.

Подробно, фактъ за фактомъ, онъ разобралъ жизнь М-ле Берто до совершенія преступленія, и вся зала пережила ея труженческое одинокое существованіе, мыканіе изъ дома въ домъ въ погонѣ за кускомъ насущнаго хлѣба.

— Радость любви ни на одинъ мигъ не озарила ея скромныхъ дней и, вѣроятно, ей уже казалось, говорилъ Тарихтинъ, — что и самое это чувство — праздный вымыселъ мечтательныхъ головъ. Такъ было до поступленія М-ле Берто на послѣднее мѣсто своего служенія. Но здѣсь ее ожидало тяжелое испытаніе: она полюбила. Привлекательно это чувство въ молодомъ существѣ, оно окрыляетъ его, облагораживаетъ и можетъ вдохновить на великія дѣла; но горе тому, кто въ рѣломъ возрастѣ не сумѣлъ закрыть своего сердца для сладостнаго искушенія...

Тарихтинъ далъ волю своему краснорѣчію, онъ чувствовалъ, что слушатели уже въ его власти, слова послушно приходили къ нему и лились неудержимымъ потокомъ. Собственная страсть къ Вѣрѣ послужила ему темой для блестящей импровизаціи, и ему стоило только на мгновеніе не увидѣть, а скорѣе угадать въ мѣстахъ для публики пзщный слугѣтъ молодой женщины, какъ новые порывы сообщались ему и голосъ его звенѣлъ отъ страстнаго волненія.

Очертивъ пребываніе М-ле Берто въ теченіе цѣлаго года подъ одной кровлей съ счастливою соперницею, Тарихтинъ такъ объяснялъ душевное настроеніе своей доверительницы въ моментъ совершенія преступленія: во время болѣзни покойной нѣжность мужа, разумеется, усилилась, а вмѣстѣ съ ея усиленіемъ выросла и ревность М-ле Берто. И вотъ вечеромъ, когда нужно было дать больной приемъ усыпляющаго лекарства, безумная женщина, въ порывѣ отчаянія, теряя вмѣстѣ съ волей, можетъ быть, и сознание своихъ дѣйствій, прибавила нѣсколько капель и дѣло было сдѣлано. Вообще, о преступленіи Тарихтинъ старался говорить какъ можно короче, ни на мгновеніе не останавливая на немъ вниманія своихъ слушателей, и такъ закончилъ свою рѣчь:

— О любви, говорилъ онъ, — мы привыкли читать въ романахъ и стихахъ, но встрѣчаюсь съ нею въ жизни, мы проходимъ безучастно мимо этой роковой загадки; своихъ страданій мы не цѣнимъ, чужихъ не замѣчаемъ, но кто изъ насъ можетъ поручиться, что онъ сумѣетъ устоять передъ первой грозой, кто скажетъ сердцу: замолчи! и кого оно послушается, кого не увлечетъ первый вихрь и кто можетъ предугадать всѣ послѣдствія? По крайней мѣрѣ я этого не скажу, у меня нѣтъ отрицательнаго отвѣта на такой вопросъ, и я умоляю, а кто можетъ, пусть первый броситъ камень въ эту женщину!..

Послѣднія слова и въ особенности Евангельское изреченіе Тарихтинъ произнесъ съ такимъ увлеченіемъ, что оно тотчасъ сообщилось присутствующимъ, всѣ забыли о М-ле Берто и возмущительной фальши въ защитѣ и постановкѣ ея дѣла, всѣмъ вдругъ сдѣлался близокъ и дорогъ этотъ недоумѣвающий и страдающій отъ своего недоумѣнія человѣкъ, гулъ рукоплесканій раздался въ залѣ и когда спустя нѣсколько мгновений напряженнаго безмолвія старшина присяжныхъ смущенно объявилъ: „Нѣтъ, не виновна“, рукоплесканія возобновились и достигли такихъ размѣровъ, что председатель рѣзкими и частыми звонками еле успокоилъ публику.

Густая толпа знакомыхъ и незнакомыхъ окружила Тарихтина, отовсюду слышались поздравленія, но не этого успѣха добивался онъ: ему хотѣлось видѣть Вѣру, узнать какое впечатлѣніе произвела на нее его заключительная рѣчь, какъ подѣливалъ его сегодняшний триумфъ. Онъ кое-какъ вырвался отъ знакомыхъ и направился къ молодымъ людямъ уже въ швейцарской. Вѣра стояла у окна, ожидая, пока Фѣдоръ Васильевичъ до-

станет ихъ верхнія платья, чтѣ было нелегко сдѣлать въ виду наплыва выходящихъ посѣтителей.

Она вдрогнула, увидѣвъ Тарахтина, и онъ замѣтилъ, что ея блѣдное лицо хранило слѣды недавнихъ слезъ. Онъ остановился передъ ней, и Вѣра, слабо пожимая его протянутую руку, едва могла выговорить: „сегодня, ради Бога, не прѣзжайте къ намъ; завтра, утромъ, я вамъ все скажу“. Въ голосѣ ея звучали умоляющія ноты, и Тарахтинъ безмолвно наклонилъ голову въ знакъ согласія.

Въ это время подошелъ Федоръ Васильевичъ. Радость его не имѣла границъ; обнимая, онъ памаялъ крахмальную рубашу Тарахтина, но былъ очень огорченъ, когда въ отвѣтъ на приглашеніе ѣхать съ ними, Тарахтинъ, подъ вліяніемъ взгляда Вѣры, отказался, ссылаясь на необходимость присутствовать на товарищескомъ обѣдѣ, устраиваемомъ въ честь его присяжными повѣренными.

XIV.

Томительный вечеръ и тяжелую безсонную ночь провела Вѣра, przygotowываясь къ рѣшительному объясненію съ Тарахтинымъ.

Лежа съ открытыми глазами возлѣ безмятежно спавшаго Федора Васильевича, она въ эти нѣсколько часовъ пережила мысленно такую огромную смѣну разнообразныхъ ощущений, какой ей не доводилось испытывать еще никогда въ своей жизни. Дѣло Берто вдругъ открыло ей глаза, и она въ первый разъ увидѣла Тарахтина безъ дружеской маски, въ настоящемъ свѣтѣ. Она вспомнила каждое его слово на судѣ, и теперь, свободная отъ посторонняго подчиняющаго вліянія, не слыша подкушающаго голоса адвоката, понимала истинное значеніе его рѣчи.

Защитца Берто, онъ защищалъ самого себя; говоря о страсти этой женщины, онъ говорилъ о своей; не даромъ такъ часто, во время рѣчи, онъ искалъ глазами ту, для которой расточалось его краснорѣчіе; не даромъ Вѣра чувствовала, какъ разгорается ея лицо отъ этихъ взглядовъ, оно горитъ и теперь при одномъ воспоминаніи. И она ясно сознавала, что этотъ человѣкъ, защищавшій явную ложь, не задумается ни передъ какими препятствіями для достиженія своей цѣли.

Одного не могла понять Вѣра, какое чувство испытываетъ она къ Тарахтину, отчего нестерпимый стыдъ не даетъ ей покоя, отчего сердце ея бьется, какъ подстрѣленная птица. Откуда этотъ страхъ, точно передъ ней открылась бездна, куда влечетъ ее необъяснимая сила, и почему отъ стараній противиться ей такъ больно и тяжело на душѣ?.. Она съ тоской ожидала разсвѣта, повторяя про себя всѣ молитвы, какія знала, и шла въ нихъ подкрѣпленіе и защиту.

Утромъ Федоръ Васильевичъ уѣхалъ на дежурство къ Тарахтину и, такимъ образомъ, благодаря этому случайному совпадению, Вѣра могла съ-глазу-на-глазъ переговорить съ адвокатомъ.

Въ двѣнадцать часовъ послышался звонокъ, прѣхалъ Тарахтинъ. Онъ также должно-быть плохо спалъ въ эту ночь, и глаза его были окружены синевой, но на его лицѣ отражалась такая увѣренность въ своемъ успѣхѣ, что Вѣру покоробило при первомъ взглядѣ, и она, не подавая руки, пригласила его садиться.

Тарахтинъ занялъ свое кресло, Вѣра помѣстилась противъ него и сказала:

— Вы хорошо помните, Сергѣй Николаичъ, вашу вчерашнюю рѣчь?

Тарахтинъ отвѣчалъ утвердительно, не догадываясь зачѣмъ предложенъ ему этотъ вопросъ. Вѣра продолжала:

— Помните, вы сказали, что у васъ не хватитъ духа бросить камень въ человѣка не имѣющаго силъ устоять при первой грозѣ?

— Да, помню... живо подтвердилъ онъ и хотѣлъ заговорить, но Вѣра его перебила:

— Подождите, я сейчасъ окончу, сказала она и, не глядя на Тарахтина, продолжала тихимъ голосомъ: — А хватитъ-ли у васъ духа поддержать того, кто захочетъ устоять? протянете-ли вы ему руку помощи?

— Вѣра Петровна, я васъ не понимаю...

— Сергѣй Николаичъ, я прошу отвѣта на мой послѣдній вопросъ.

Тарахтинъ замаялся.

— Я совсѣмъ не ожидалъ, сказалъ онъ,—что наша бесѣда приметъ такой оборотъ.

— Я жду отвѣта, повторила Вѣра, и такъ какъ Тарахтинъ молчалъ, она продолжала, уже вставъ съ табурета:—Всѣмъ этимъ я хотѣла сказать, что ваши посѣщенія, Сергѣй Николаичъ, наше знакомство — слишкомъ тяжелое испытаніе для меня, и я рѣшила положить ему конецъ. Но мнѣ не хотѣлось бы вѣшнвать сюда моего мужа, и я обращаюсь къ вамъ, какъ къ честному человѣку, надѣясь, что вы исполните мою просьбу.

Тарахтинъ какъ во снѣ слышалъ ея послѣднія слова и только, спустя нѣсколько мгновений, понялъ, чего требуетъ отъ него Вѣра. Онъ посмотрѣлъ на нее вопросительно, но ничего не могъ прочесть въ ея лицѣ, застывшемъ въ спокойномъ выраженіи. Онъ обвелъ вокругъ себя ищущимъ взглядомъ и едва внятно произнесъ:

— Знаете-ли, что вы дѣлаете со мной?

— А чтѣ вы хотѣли сдѣлать со мной? отвѣтила вопросомъ на вопросъ Вѣра.

— Но я васъ...

Вѣра не позволила ему докончить.

— Если-бы имѣте хоть каплю жалости ко мнѣ, вы не будете оскорблять меня своими признаніями, довольно съ меня того, чтѣ я вчера слышала на судѣ. Но это уже дѣло прошлое, и мы не будемъ возобновлять неприятнаго для насъ обоихъ разговора.— Она съ такимъ спокойствіемъ сказала послѣднюю фразу, что Тарахтину стало холодно, и онъ вдругъ почувствовалъ, какъ далека отъ него Вѣра; а она продолжала почти дружескимъ тономъ: — Я забыла сказать вамъ самое главное. Вы имѣете большое вліяніе на Федора Васильевича—убѣдите его, что онъ не созданъ для карьеры адвоката: вамъ это будетъ стоить не большихъ усилій, а исполненіемъ моей просьбы вы окажете мнѣ услугу, которую я никогда не забуду.

Вѣра ничего не прибавила въ поясненіе своего желанія, но Тарахтинъ понялъ ее—и ему сдѣлалось жутко отъ сознанія, что даже самая его профессія возбуждаетъ отвращеніе въ молодой женщинѣ.

Онъ поднялся со своего мѣста и смотрѣлъ на Вѣру прощальнымъ взглядомъ. Въ послѣдній разъ онъ видитъ ее передъ собой, чистою, недоступною, въ этомъ дорогомъ для него сѣромъ домашнемъ платьѣ, каждая складка котораго, кажется, знакома ему. Въ послѣдній разъ онъ любитъ ее милымъ ему лицомъ, этимъ высокимъ, точно точенымъ изъ слоеновой кости лбомъ, отъ котораго такъ и вѣетъ невозмутимымъ миромъ; въ послѣдній разъ онъ смотритъ въ эти синіе глаза, на эти цѣломудренныя губы, въ послѣдній разъ его окружаетъ обаяніе ея присутствія...

О, если-бы можно было унести съ собой ея образъ и навсегда сохранить его неприкосновеннымъ въ своемъ памяти! Но пора, ждуть его ухода! Онъ сдѣлалъ шагъ къ ней; Вѣра невольно отступила, но тотчасъ-же спохватилась, не желая, чтобы Тарахтинъ истолковалъ въ обидномъ для себя смыслѣ ея движеніе.

Онъ низко поклонился Вѣрѣ, она протянула ему руку, проводила его до дверей и ея самообладанія хватило даже на прощальную дружескую улыбку; но какъ только она осталась одна, силы мгновенно покинули ее, она едва добрела къ первой оттоманкѣ и упала передъ ней на колѣна. Долго сдерживаемыя слезы полились ручьями и глухія рыданія потрясли все ея тѣло. Дорого заплатила она за свое спокойствіе, но какой-бы цѣной оно ни было куплено, Вѣра не измѣнила себѣ, не измѣнила своему долгу, и это сознаніе не давало усилиться ея горю. Къ прѣзду мужа она уже владѣла собой, и никто, глядя на Вѣру, не угадалъ-бы, чтѣ она вынесла въ этотъ день.

У нея хватило силы удивиться, когда Федоръ Васильевичъ сообщилъ ей неожиданную новость объ отъѣздѣ Тарахтина сегодня вечеромъ за границу, и она съ радостью услышала признаніе мужа, что ему надоѣла адвокатура и онъ хочетъ посвятить себя административной карьерѣ, для чего имъ надо возвратиться на родину, гдѣ всѣ его знаютъ и гдѣ легче получить назначеніе.

К О Н Е Ц Ъ .

Солнце и электричество.

Изъ книги Эмиля Буанъ.

Значеніе солнца въ нашемъ земномъ мірѣ громадно. Оно не только согреваетъ и освѣщаетъ насъ своими благотѣльными лучами, но, по истинѣ, составляетъ душу нашего міра. Лучи его являются конечнымъ источникомъ почти всѣхъ движеній происходящихъ на землѣ.

Именно солнечный свѣтъ, дѣйствуя непосредственно, производитъ морскія теченія; выпариваетъ воду съ поверхности морей и переноситъ ее на материкъ, на которые она и падаетъ въ видѣ росы, дождя, града, снѣга. Солнечная теплота производитъ вѣтеръ и тѣ колебанія въ электрическомъ равновѣсіи атмосферы, отъ которыхъ происходятъ грозы и, вѣроятно, земной магнетизмъ и сѣверныя сіянія. Медленное

уничтоженіе твердыхъ составныхъ частей поверхности земли объясняется также, частію, воздѣйствіемъ на нихъ вѣтра или дождя и переходами отъ тепла къ холоду, частію же, постояннымъ дѣйствіемъ морскихъ волнъ, приводимыхъ въ движеніе вѣтромъ. Вліяніе морскихъ приливовъ тутъ сравнительно слабо.

Итакъ, отъ солнца зависятъ не только перемѣны дня, ночи и времени года, но всѣ земныя движенія, начиная съ бурь и кончая паденіемъ малѣйшей пылинки.

Не меньше его значеніе въ отношеніи растительной и животной жизни.

Угольная кислота, говоритъ Тиндалль, есть вещество, изъ котораго растения берутъ уголь; вода снабжаетъ ихъ водоро-

домъ. При этомъ, именно солнечный лучъ освобождаетъ кислородъ и позволяетъ углю и водороду соединиться между собою и образовывать древесное волокно. Когда солнечные лучи падаютъ на песокъ — онъ нагревается и начинаетъ испускать столько-же теплоты, сколько воспринялъ; но когда тѣ-же самыя лучи падутъ на лѣсъ—количество возвращаемой теплоты оказывается меньше количества полученной, ибо часть ея послужила для образования деревьевъ. Следовательно, въ отсутствіи солнца не могло бы происходить разложенія воды и углекислоты.

Не было бы солнца—не было бы растительности, не было бы также и животной жизни. Питаніе животныхъ есть не что иное, какъ рядъ горѣній, восстанавливающихъ, въ концѣ-концовъ, угольную кислоту и воду, разложенныя растеніями съ помощью солнца. Всѣ животныя питаются—прямо-ли или рядомъ послѣдовательныхъ превращеній—растеніями, которыхъ не было бы, если-бы не было солнца.

Тепло нашихъ печей, сила нашихъ паровыхъ машинъ — также взяты отъ солнца. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, эти лѣса и въ особенности каменно-угольныя копи — если не запасы прежней солнечной теплоты, преобразованной могучею растительностью и скрытою въ землю рядомъ геологическихъ переворотовъ.

Погухни солнцу—и все впадетъ въ неподвижное состояніе. Жизнь исчезнетъ. А потому, мы по истинѣ *дети солнца*.

Причину удивительнаго промышленнаго развитія, характеризующаго нашъ вѣкъ, является научный прогрессъ и употребленіе паровой машины, какъ двигательной силы. Сила же паровыхъ машинъ, дѣйствующихъ во всемъ свѣтѣ, нечислена была въ 1882 году равною 80 милліонамъ лошадиныхъ силъ. Работа, производимая всеми этими машинами, больше той, которую могъ бы выполнить милліардъ рабочихъ, то-есть, число въ четыре или пять разъ большее числа здоровыхъ мужчинъ въ цѣломъ мірѣ.

Перестанутъ дѣйствовать паровыя машины — и вся эта громадная сила сократится. А это угрожаетъ имъ въ не очень отдаленномъ будущемъ. Онѣ поглощаютъ громадное количество каменнаго угля, и настанетъ время, когда въ немъ окажется недостатокъ. Въ 1880 году потребленіе этого драгоценнаго топлива во всемъ свѣтѣ достигло 300 милліоновъ тоннъ. А при такой его затратѣ и при постепенномъ увеличивающемся еще потребленіи—еще чѣмъ черезъ пятьсотъ лѣтъ не будетъ каменнаго угля въ Европѣ; а въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ—черезъ тысячу лѣтъ.

Мы располагаемъ въ настоящее время двумя главными видами топлива: лѣсомъ, постоянно, но медленно растущимъ, и

каменнымъ углемъ, лѣсомъ ископаемымъ, накопившимся въ недрахъ земли въ теченіе тысячъ лѣтъ. Что будетъ, когда эти запасы истощатся? Не будетъ болѣе двигательной силы, металловъ, свѣта во время ночи, и мы окажемся недалеко отъ дикаго состоянія.

Къ счастью, наука будетъ тутъ, для того чтобы отыскать подобный бичъ. Она указываетъ уже и найдетъ, безъ сомнѣнія, не одно средство прямо пользоваться живыми силами-природы.

Силы эти громадны. По опытамъ Пулье, количество теплоты, ежегодно получаемой землею отъ солнца, таково, что, будучи распределено по ней равномерно, могло бы расплавить слой льда въ 42 аршина толщиною, — то-есть, оно почти въ шестьсотъ тысячъ разъ больше того количества теплоты, которое образуется отъ сгоранія 300 милліоновъ тоннъ каменнаго угля. Потоки же воды, падающихъ съ средней высоты въ 500 метровъ и направляющихся въ море, составляютъ приблизительно одинъ милліонъ кубическихъ метровъ въ секунду. А это, въ свою очередь, составляетъ силу въ тридцать тысячъ разъ болѣею силы всѣхъ нашихъ паровыхъ машинъ.

Мушо придумать уже аппаратъ, съ помощью котораго можетъ быть прямо утилизируема солнечная теплота, и его изобрѣтенію предсказываютъ широкую будущность.

Что-же касается другихъ силъ природы, вѣтра, воды, то полное промышленное приложеніе онѣ могутъ получить съ изобрѣтеніемъ надлежащаго способа переносить ихъ на разстояніе,—туда, гдѣ является потребность въ двигателяхъ.

И эту задачу обещаетъ разрѣшить намъ электричество.

Оно получается нынѣ въ большихъ количествахъ съ помощью электро-магнитныхъ машинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе паровыми двигателями: сила, развиваемая горѣніемъ угля, превращается здѣсь въ электричество. Въ свою очередь, это электричество можетъ быть перенесено по проводникамъ на извѣстное разстояніе, и можетъ тамъ, гдѣ нужно, воспроизвести часть первоначальной двигательной силы. Это и дѣлается нынѣ. То же самое можетъ получиться при приведеніи въ дѣйствіе электро-магнитныхъ машинъ, напримѣръ, съ помощью водянаго колеса. И двигательная сила послѣдняя можетъ быть также перенесена на разстояніе.

Въ этомъ заключается, между прочимъ, будущая роль электричества. Создаваемое живыми силами, и изобиліи производимое вокругъ насъ солнцемъ, оно получитъ широкое примѣненіе, составитъ одновременно и силу, и свѣтъ, и теплоту. Приложеніе его громадно и нынѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Но каждый день наука поражаетъ новыми и новыми неожиданными открытіями въ области электричества.

Нин. Дружининъ.

Къ рисункамъ.

Пѣсня голода. (Рис. на стр. 945).

На страницахъ нашего журнала не разъ появлялись уже гравюры съ прелестныхъ картинъ Юлія Адама, тонкаго наблюдателя и изящнаго рисовальщика кошекъ. Въ № 20 за текущій годъ былъ помѣщенъ его котенокъ съ бабочкой. Нынѣ мы даемъ его картину „Пѣсня голода“, гдѣ проголодавшіеся котата жалобно мячугатъ передъ пустою миской. Юлію Адаму родился 6 мая 1852 года, въ Мюнхенѣ. Его отецъ, Альбрехтъ Адамъ, извѣстенъ въ нѣмецкой живописи какъ даровитый батальеръ. Равнымъ образомъ и три брата—Францъ, Бенно и Евгенийъ — съ успѣхомъ занимаются живописью. Съ юныхъ лѣтъ онъ работалъ въ мастерской своего отца, который, между прочимъ, въ то время занимался усовершенствованіями въ фотографіи. Усвоивъ себѣ это искусство, онъ воспользовался случаемъ и отправился въ Южную Америку, въ качестве фотографа ландшафтовъ. Тамъ онъ пробылъ 6 лѣтъ, не забывая въ это время заниматься рисованіемъ. Увлекаемый призваніемъ къ живописи, онъ возвратился на родину, гдѣ и принялся старательно работать сперва подъ руководствомъ профессора Эхтера, а затѣмъ у извѣстнаго живописца Дидца. Къ этому времени относится цѣлый рядъ его картинъ, какъ-то: „Дѣти въ малинѣ“, „Сказки“, „Идиллія“ и другія. Однажды, въ шутку, онъ зарисовалъ нару бывшихъ у него котятъ. Картинка пошла въ Америку, откуда посылали цѣлый рядъ заказовъ на картинки въ томъ же родѣ. Успѣхъ Адама былъ настолько великъ, что одинъ изъ американскихъ торговцевъ картинъ заключилъ съ нимъ многолѣтнее условіе, по которому Адамъ обязался рисовать только этихъ граціозныхъ животныхъ. Такимъ образомъ, Юлію Адаму стать, можно сказать случайно, живописцемъ кошекъ, и въ этомъ родѣ картинъ онъ теперь не знаетъ соперниковъ.

Засада. (Рис. на стр. 948).

Многосторонній талантъ Н. Н. Каразина одиваково увлекательно передаетъ все, что попадетъ подъ наблюдательный глазъ художника-этнографа, но особенно удаются ему виды и сцены изъ жизни въ Средней Азіи, гдѣ даровитый рисовальщикъ пробылъ цѣлыя 9 лѣтъ, участвуя во всѣхъ дѣлахъ до 1871 года, которыми прославились наши войска въ завоева-

ніяхъ этого края. Обычными достоинствами отличается также его акварель „Засада“ на стр. 948, изображающая, какъ тигръ въ тихую лунную ночь подкрадывается къ двумъ верблюдамъ, собирающимся утолить жажду.

Царскій скивъ, во время набѣга. (Рис. на стр. 949).

Всѣ свѣдѣнія, какія сохранились намъ о скивахъ, были собраны умнымъ, талантливымъ и добросовѣстнымъ „отцомъ исторіи“, Геродотомъ. Въ V в. до Р. Х., этотъ правдивѣйшій и проникательнѣйшій изъ греческихъ историковъ посѣтилъ сѣверные берега Чернаго моря, побывалъ въ греческихъ колоніяхъ близъ устья Днѣстра и Днѣпра, и записъ въ свою исторію значительную долю того, что ему тамъ пришлось увидѣть и узнать. Геродотъ говоритъ, что скивы обитали во всей странѣ на сѣверъ прибрежья Чернаго моря, вдоль береговъ Днѣпра и Дона, и между этими рѣчками. Называя скивовъ *однимъ народомъ*, Геродотъ однако же подраздѣляетъ ихъ на нѣсколько племенъ и каждому изъ нихъ даетъ особое названіе. Такъ, напр., ближайшее къ греческой колоніи Ольвіи племя скивовъ Геродотъ называетъ *каллипидами*; за каллипидами живутъ, по Геродоту, *агазоны*; еще дальше на сѣверъ—скивы-земледѣльцы, а на востокъ—скивы-пастыри, неключительно занимающиеся скотоводствомъ. По низовьямъ Дона, до горъ Таврическихъ на югъ, простирались земли *скивовъ-царскихъ*, господствовавшего скивскаго племени, почитавшаго дружія скивовъ своимъ рабами. Свѣдѣнія, которыя собралъ о скивахъ Геродотъ, въ нынѣшнемъ вѣкѣ нашли себѣ подтвержденіе въ тѣхъ обширныхъ ученыхъ раскопкахъ скивскихъ могилъ, которыхъ очень много разбросано въ разныхъ мѣстахъ южно-русской степи, но преимущественно въ низовьяхъ Днѣпра и Дона. Драгоценныя предметы древности, добытые изъ этихъ могилъ, вошли въ составъ богатѣйшаго музея скивскихъ древностей въ нашемъ Эрмитажѣ—единственнаго въ своемъ родѣ среди всѣхъ европейскихъ музеевъ.

Художникъ, создавая свой рисунокъ, въ значительной мѣрѣ воспользовался тѣми подробностями скивскаго быта, которыя сохраниены намъ на различныхъ вазахъ и предметахъ скивскаго музея въ Эрмитажѣ. Оттуда взялъ онъ одежду, обувь и вооруженіе скива, добавивъ отъ себя нѣкоторыми подробностями, о которыхъ умалчиваютъ достовѣрные памят-

Молочная ферма въ императорскомъ звѣринцѣ въ Гатчинѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Птичникъ въ Императорскомъ звѣринцѣ въ Гатчинѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

пники. Воображенію художника принадлежить и та породистая, кровная фигура коня, на котором ѣдет воинственный царскій скнопъ: какъ стенины наѣздники, скнопы, всю жизнь свою проводившіе на конѣ и въ походахъ, воспитывали только стениную породу коней, не красивую на видъ, но не знавшіую усталости. Эту породу, превосходно переданную греками-художниками, мы видимъ на знаменитой Никопольской вазѣ. Талантливый русскій скульпторъ, Л. В. Позенъ, выставившій на передвижной выставкѣ 1889 г. своего „Убѣгающаго скнопа“, (гравюра съ этой группы была своевременно помѣщена въ „Иивъ“) сумѣлъ точно возсоздать эту породу стениной лошади, которую скопировать съ коней Никопольской вазы.

Молодой бояринъ. (Рис. на стр. 953).

Художникъ Лоренцъ въ своемъ изящномъ рисункѣ очень правдиво передаетъ типъ молодого русскаго окольничаго, въ обычномъ, выходномъ (или какъ тогда говорили: *ходильномъ*) платьѣ. Кафтани изъ узорной камки (скроенный распашнымъ покроемъ по польскому образцу, который ввели у насъ въ моду въ концѣ XVII вѣка), опушенный мѣхомъ и украшенный нашивками и кистями, надѣтъ въ рукава поверхъ другаго, короткаго *кафтаница*, также опушеннаго горностаемъ и украшеннаго кистями и нашивками изъ крученаго золота. Изъ-подъ курчавой, темной бородки виденъ воротъ рубахи, низанной жемчугомъ. Темные, добрые и ласковые глаза смотрятъ просто и прямо изъ-подъ густыхъ, красиво-очерченныхъ бровей, на которыя надвинута богатая соболья шапка.

Монплезиръ въ Петергофѣ. (Рис. на стр. 956).

Одною изъ самыхъ живописныхъ окрестностей Петербурга по всей справедливости считается Петергофъ. Основанный Петромъ Великимъ въ 1711 году, онъ былъ любимомъ его резиденціей. Забытый по смерти Петра, Петергофъ снова началъ украшаться при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Особенно много было сдѣлано для Петергофа при императорахъ Александрѣ I и Николаѣ I. Пыль Петергофскіе сады съ ихъ фонтанами являються единственными въ своемъ родѣ, и прѣзжающіе въ сѣверную столицу путешественники считаютъ непремѣннымъ долгомъ посмотреть на „Самсона“, знаменитый фонтанъ въ Нижнемъ саду. Тамъ же находится и бесѣдка Монплезиръ, откуда срисованъ видъ на петергофскую пристань покойнымъ профессоромъ Воробьевымъ, біографія котораго помѣщена въ № 50 *Иивы* за 1888 годъ.

Гулянье на кладбищѣ. (Рис. на стр. 957).

Въ дни поминовенія усопшихъ на кладбищахъ бываетъ всегда громадное стеченіе народа, который тутъ же на могилкахъ родственниковъ ѣсть и пьетъ, не забывая угощать и покойниковъ. Оттого художникъ Ижакевичъ и назвалъ свой рисунокъ „гуляньемъ“, изобразивъ на немъ осеннее поминовеніе усопшихъ, которое бываетъ въ Родительскую субботу.

Виды Гатчины. Молочная ферма и птичникъ въ Императорскомъ звѣринцѣ. (Рис. на стр. 961).

Окрестности Петербурга чрезвычайно разнообразны и необыкновенно богаты загородными садами, парками и всякаго рода прогулками. Иностранцы, посѣщающіе нашу сѣверную столицу, поражаются этимъ разнообразіемъ живописныхъ загородныхъ мѣстностей, оцѣняющихъ столицу на разстояніи одного часа пути отъ нея по желѣзной дорогѣ: Царское Село, Павловскъ, Стрѣльна, Петергофъ, Ораніенбаумъ представляютъ, дѣйствительно, такое очаровательное ожерелье Петербурга, которое намъ, русскимъ, трудно и оцѣнить по достоинству. Иностранцы, менѣе насъ избалованные просторомъ и обширностью загородныхъ гулябищъ, восхищаются тѣмъ, что въ теченіе какихъ-нибудь полтора часа лѣтъ успѣли сдѣлать искусство и трудъ въ окрестностяхъ Петербурга. Дѣйствительно, на мѣстности почти плоской, изобилующей болотами, не отличавшейся разнообразіемъ растительнаго царства, разведены такіе громадные парки, вырыты такіа озера, насыпаны такіа возвышенности, рассажены такіа разнообразныя породы лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ, разбросано такое множество изящнѣйшихъ дворцовъ, павильоновъ, кіосковъ, бесѣдокъ, бельведеровъ, что подробное описаніе всехъ окрестностей Петербурга должно было бы занять нѣсколько фолиантовъ.

Но изъ всехъ окрестностей Петербурга болѣе всего нравятся туристамъ Гатчина *, потому что громадный Гатчинскій паркъ менѣе всего напоминаетъ собою о тщательной культурѣ чловѣка и носитъ на себѣ характеръ того дикаго, укромнаго уголка природы, котораго какъ будто едва коснулась рука чловѣка. Всею своею внѣшностью Гатчинскій паркъ съ его глухимъ *пріоратомъ*, съ его непроглядными чащами, съ его звѣринцемъ и Охотничьей слободкой напоминаетъ скорѣе заповѣдную пущу, нежели правильно разбитый паркъ.

Тѣ два вида зданій, построенныхъ въ Императорскомъ Гат-

* Гатчина была уже подробно описана нами во 2 № *Иивы* за 1889 г.

чинскомъ звѣринцѣ, которые мы помѣщаемъ въ нынѣшнемъ № *Иивы*, представляютъ два прелестныхъ уголка, какъ бы случайно заброшенные въ Гатчинскую лѣсную глушь. Одинъ изъ нихъ представляетъ обширный и превосходно устроенный *птичникъ*, который изстари особенно славился своими фазанами, привольно живущими и плодящимися подъ тѣнистою сѣнью гатчинской чащи. Птичникъ расположенъ надъ самымъ скатомъ прелестнаго каскада, который даже и въ лѣтній зной освѣжаетъ воздухъ живительною влагою, между тѣмъ какъ тысячи итчиныхъ свистовъ и криковъ вторятъ несмолкающему говору и журчанію водныхъ струй, разбивающихся о камни.

Молочная ферма поставлена на болѣе открытомъ мѣстѣ, на просторѣ, окруженномъ также отовсюду тѣнистыми группами сосенъ и елей. Скотъ, воспитываемый на этой образцовой фермѣ, принадлежитъ къ лучшимъ изъ молочныхъ породъ и привольно пасется на тучныхъ и обильныхъ лугахъ, которыми изобилуютъ окрестности гатчинской фермы. Вообще говоря, помѣщеніе итчирика и фермы въ Гатчинѣ принадлежитъ къ числу не только пріятныхъ, но и поучительныхъ прогулокъ, и мы совѣтуемъ предпринять ихъ каждому любителю природы и сельскаго хозяйства.

450-ти-лѣтній юбилей книгопечатнаго дѣла.

(Портр. на стр. 964).

Съ достовѣрностью неизвѣстны ни день рожденія, ни день смерти Гутенберга. Поэтому типографчики чествовали въ Германіи Гутенберга, въ день его именинъ, 12 іюня. Изобрѣтеніе книгопечатанія, которое въ сущности развилось мало-по-малу, обыкновенно приурочиваютъ къ 1440 году. Такимъ образомъ въ текущемъ году исполнился 450-ти-лѣтній юбилей открытія искусства печатанія книгъ. Не мало ушло времени, пока удалось устранить много сказаній, легендъ и парочныхъ извращеній, окружавшихъ изобрѣтеніе книгопечатанія; въ настоящее время почти повсюду Іоаннъ Гутенбергъ признается за изобрѣтателя этого дѣла, а городъ Майнцъ считается колыбелью „чернаго искусства“. Не надо забывать, что мы обязаны Гутенбергу открытіемъ не книгопечатанія въ буквальномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ еще до него печатали съ траверованныхъ досокъ и даже употребляли отдѣльныя буквы. Гутенбергъ изобрѣлъ пѣчто новое, а именно, типографію, т. е. отличивъ однообразныхъ свинцовыхъ буквъ и составленіе ихъ въ одну илоскость; кромѣ того, онъ устроилъ печатный станокъ и составлялъ для той-же цѣли особую краску.

Іоаннъ Генсфлейшъ Гутенбергъ, портретъ котораго помѣщенъ на стр. 964, родился около 1397 года въ Майнцѣ. Онъ былъ сыномъ патриціи Фрило Генсфлейша и Эльзы Вейрихинъ. Городскіе неурядки принудили въ 1420 году семейство Генсфлейшъ переселиться изъ Майнца и только 14 лѣтъ спустя мы снова встречаемъ Іоанна въ Страсбургѣ. Здѣсь онъ занимался всевозможными механическими работами: точилъ камни, дѣлалъ зеркала и, кажется, трудился исподволь надъ новымъ дѣломъ.

Во всякомъ случаѣ его изобрѣтеніе было уже совсемъ готово къ примѣненію, когда онъ вернулся въ свой родной городъ. Здѣсь онъ заключилъ съ богатымъ горожаниномъ Іоанномъ Фустомъ въ 1440 году условіе, по которому Фустъ давалъ средства для устройства книгопечатни, а Гутенбергъ долженъ былъ посвятить его въ свои открытія. Но какъ только Фустъ со своимъ зятемъ Шефферомъ узнали тайну печатанія книгъ, они тотчасъ-же по суду устранили Гутенберга отъ дѣла и стали единственными собственниками и распорядителями Гутенберговой печатни. Но Гутенбергъ не потерялъ мужества и при поддержкѣ майнцакаго жителя Гумери устроилъ новую типографію, съ которой впоследствии переѣхалъ въ Эльвиль.

Тамъ курфюрстъ Адольфъ Нассаускій назначилъ Гутенберга въ 1465 году своимъ пожизненнымъ служителемъ и назначилъ ему пенсію. Черезъ три года, въ началѣ 1468 года, Гутенбергъ умеръ и былъ похороненъ въ доминиканскомъ монастырѣ. Могилы изобрѣтателя книгопечатанія не сохранилось. Церковь, гдѣ онъ былъ погребенъ, разрушена при обстрѣлываніи Майнца французами въ 1793 году.

Обераммергау. (Рис. на стр. 964).

Баварская деревня Обераммергау расположена посреди живописной мѣстности у рѣки Аммера. Обитатели ея, числомъ около 1,400 чловѣкъ, все ревностные католики, мирно занимаются рѣзбой изъ дерева въ своихъ красивыхъ домикахъ, окруженныхъ садами и образующихъ въ сущности одну широкую улицу вдоль Аммера. На многихъ изъ жилищъ встречаются нарисованными сцены изъ Священнаго Писанія. Девять лѣтъ подъ-рядъ ничѣмъ не нарушается покой обитателей деревни. Зато каждый десятый годъ, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, она бываетъ переполнена любопытными заблужденными со всехъ концовъ свѣта. Громадные поѣзда желѣзной дороги, идущей отъ Мюнхена въ Партекирхенъ, подвозятъ ихъ до станціи Оберау, откуда путешественники, по прекрасной, недавно устроенной дорогѣ, мимо Этталы отправляются въ Обераммергау, чтобы полюбоваться интереснымъ представленіемъ на открытой сценѣ, во вкусѣ средневѣковыхъ мистерій, изо-

бражающим рядъ сценъ изъ Священнаго Писанія, преимущественно изъ жизни Спасителя. Въ представлении этомъ участвуетъ, можно сказать, все население деревни, начиная съ бургомистра: одни въ видѣ лицедѣевъ, которыхъ насчитывается въ зрѣлищѣ до 600 человекъ, другіе чѣмъ нибудь помогающіе имъ. Представленія даются въ театрѣ, лежащемъ на лугу у сѣверо-западнаго конца села и нарочно для такихъ мистерій устроенномъ, на нѣсколько тысячъ посѣтителей, по плану мюнхенскаго оберъ-механика Лаутеншлегера.

Начало этихъ представлений относится къ 1633 году, когда въ странѣ свирѣпствовала чума, одно изъ послѣдствій Тридцатилѣтней войны. Жители, чтобы отъ нея спастись, дали обѣтъ изображать въ лицахъ страданія и смерть Христову каждыя десять лѣтъ. Представленія эти, въ настоящее время въ высшей степени интересныя и представляющія вершъ совершенства театральнаго постановки, получили правильное устройство благодаря стараніямъ нынѣ уже умершаго, обер-аммергаускаго священника Алоиза Дайзенберга въ половинѣ нынѣшняго вѣка.

Ө. Ө. Шубертъ. (Портр. на стр. 965).

Въ прошломъ году Императорская Академія Наукъ въ публичномъ торжественномъ засѣданіи чествовала память генерала-отъ-инфантерій Фёдора Фёдоровича Шуберта, бывшаго почетнаго члена своего, начальника Военно-топографическаго депо и нашего извѣстнаго геодезиста, по случаю соею годошщины дня его рожденія. Въ нынѣшнемъ же году мы имеемъ четверть вѣка со дня его смерти. Преобразователь геодезической части въ Россіи, генераль Шубертъ слишкомъ пятидесяти лѣтъ постоянно трудился на поприщѣ науки и дѣятельность его, главнымъ образомъ, заключалась въ примѣненіи необходимыхъ способовъ для геодезическихъ измѣреній и въ облегченіи и ускореніи составленія, гравированія и печатанія картъ. Какъ ученый астрономъ и геодезистъ, онъ приобрьлъ всеобщую европейскую извѣстность; его капитальное сочиненіе по топографіи „Exposé des travaux astronomiques et géodésiques, exécutés en Russie dans un but géographique, jusqu'à l'année 1855“, обратило на себя общее вниманіе и представляетъ въ высшей степени важный матеріалъ для ученыхъ, занимавшихся описаніемъ разныхъ странъ отечества нашего и составленіемъ относящихся къ нимъ картъ.

Генераль Шубертъ извѣстенъ также своею административною дѣятельностью и заслугами на боевомъ поприщѣ. Онъ участвовалъ во всѣхъ важнѣйшихъ подвигахъ, прославившихъ русское оружіе съ 1806 по 1814 годъ, былъ подъ Пултускомъ и Прейсмиш-Элау тяжело раненъ и въ продолженіе всей остальной кампаніи пролежалъ въ госпиталѣ. Въ 1808—9 г. дрался онъ со шведами, а въ 1810 г. находился на новомъ театрѣ войны при графѣ Каменскомъ и едва не погибъ при ужасномъ штурмѣ Рущука. Выбѣтъ съ Силезской арміей онъ вѣтушилъ въ Парижѣ и не разъ принималъ на себя трудную роль посредника между русскимъ корпуснымъ начальствомъ и весьма недружелюбною къ намъ прусскою главною квартирой. Что касается учено-административной дѣятельности генерала Шуберта, то она была также плодотворна. Будучи директоромъ вновь учрежденнаго въ началѣ двадцатыхъ годовъ Корпуса топографовъ, а ранѣе начальникомъ 3 отдѣленія Военно-топо-

графическаго депо и начальникомъ тригонометрической и топографической съемки С.-Петербургской губернии, онъ сдѣлалъ много полезныхъ нововведеній и улучшеній. Во время нашей войны съ турками, генераль Шубертъ изобрѣлъ, въ 1828 году, для производства геодезическихъ работъ, малые планшеты и тележки съ одометрами, легко возимыя двумя солдатами.

Генераль Шубертъ былъ человѣкъ довольно всесторонне образованный и любитель искусствъ. Досуги свои посвящалъ онъ занятіямъ нумизматикой, музыкой и живописью, которыя съ самаго дѣтства составляли его любимое развлеченіе. Многолѣтними трудами собралъ онъ превосходную коллекцію русскихъ монетъ и медалей, полнѣйшую изъ всѣхъ существующихъ у насъ, и издалъ замѣчательное сочиненіе по нумизматикѣ: „Types des monnaies russes depuis Jean IV jusqu'à l'Empereur Alexandre II“, надъ которымъ онъ проработалъ три года. Въ занятіяхъ музыкой и живописью онъ былъ болѣе нежели диллетантъ, участвуя въ основаніи Общества для поощренія художествъ и учредивъ Общество любителей музыки, подъ названіемъ „Симфоническаго“. По своимъ познаніямъ, разносторонности ума, твердости характера и трудолюбію генераль Шубертъ имѣлъ большое сходство со своимъ отцомъ, извѣстнымъ астрономомъ Фёдоромъ Ивановичемъ Шубергомъ, переселившимся въ Россію въ 1784 г. и безъ малаго 40 лѣтъ бывшимъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и полезнѣйшихъ членовъ нашей Академіи Наукъ. Внуку Іоганна-Эрнста Шуберта, богослова, пользовавшагося большою извѣстностью, Фёдоръ Фёдоровичъ былъ старшимъ изъ дѣтей и единственнымъ сыномъ Ө. И. Шуберта и родился въ С.-Петербургѣ 12 февраля 1789 года. До одиннадцати лѣтъ онъ воспитывался дома и съ самаго ранняго возраста долженъ былъ, по желанію отца, серьезно заниматься за математикой. Кромѣ того, его обучали разнымъ мастерствамъ и вообще старались ему привить всякія практическія познанія. Въ 1800 году его отдали въ Петропавловскую школу, но еще ранѣе окончанія курса въ старшемъ классѣ съ онъ поступилъ, по волѣ отца, колонновожатымъ въ Генеральскій Штабъ, называвшійся тогда Свитой Его Величества, по квартирмейстерской части, имѣя отъ роду всего 14 лѣтъ. Онъ исполнялъ разные астрономическія командировки, за успешное исполненіе первой произведенъ въ офицеры и несъ эту службу до войны 1806 года, а съ этого времени принялъ участіе во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ вплоть до возвращенія русскихъ войскъ изъ Франціи. Затѣмъ началась его дѣятельность въ качествѣ главнаго руководителя нашими топографическими работами съ 1819 по 1843 годъ. Съ конца этого года онъ былъ назначенъ членомъ Военнаго Совѣта и принималъ въ занятіяхъ его самое живое участіе слишкомъ восемнадцать лѣтъ, а въ 1846 году, состоя уже въ чинѣ генерала-отъ-инфантерій, назначенъ директоромъ Военно-Ученаго Комитета, которымъ завѣдывалъ до упраздненія его въ 1859 году. Уволенный въ продолжительный отпускъ, съ 1861 г., для излеченія болѣзни, генераль Шубертъ скоропостижно скончался въ Штутгартѣ, 3 (15) ноября 1865 года, на 77 году жизни и на 62 году своей дѣятельности на боевомъ и военно-ученомъ поприщѣ. Генераль Шубертъ былъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ (съ 1827 г.) и членомъ почти всѣхъ русскихъ и весьма многихъ иностранныхъ ученыхъ обществъ.

П. Быковъ.

Политическое обозрѣніе.

Выдающимися событиями послѣдняго времени продолжаютъ быть маневры въ различныхъ государствахъ Европы. Въ Германіи маневры посѣтилъ императоръ Австрійскій, и свиданіе его съ императоромъ Германскимъ въ Ронштокѣ газеты сопоставляютъ съ бывшимъ въ началѣ августа свиданіемъ въ Парвѣ. Въ Германію императоръ Францъ-Іосифъ прибылъ 5 сентября и былъ встрѣченъ въ Одербергѣ назначенными состоять при его особѣ прусскими офицерами. Въ Одербергѣ же присоединился къ императорской свитѣ графъ Кальноки. Въ полдень Августѣйшій гость прибылъ въ Бреславль и былъ встрѣченъ на станціи желѣзной дороги графомъ Мольтке, княземъ-епископомъ Конномъ и старшими властями. Императоръ посѣтилъ пребывающую здѣсь императрицу Августу-Викторію и послѣ завтрака у ея величества выѣхалъ въ замокъ Ронштокъ, куда онъ прибылъ въ 4½ часа вечера. На станціи желѣзной дороги Австрійскаго императора ожидалъ императоръ Вильгельмъ. Оба государя неоднократно обнялись; встрѣча графа Кальноки съ генераломъ Каприви тоже имѣла сердечный характеръ. На пути слѣдованія въ замокъ стояли шалерами военныя ферейны и воспитанники училищъ. Немного спустя императоры посѣтили въ замкѣ Бернгенъ прибывшаго туда Саксонскаго короля, который тотчасъ отдалъ имъ визитъ. Всѣ три государя обѣдали въ Ронштокѣ; послѣ обѣда съ высоты башни замка смотрѣли на грандіозную иллюминацію ближайшихъ горъ и окрестностей. На другой день императоръ Вильгельмъ отправился вмѣстѣ съ императоромъ Австрійскимъ на театръ маневровъ, куда тотчасъ же послѣдовалъ за ними и Саксонскій король. На этихъ маневрахъ, между прочимъ, 7 сентября императоръ Вильгельмъ

лично повелъ 6-й армейскій корпусъ въ атаку противъ 5-го армейскаго корпуса и успѣшно отбросилъ послѣдній. По окончаніи маневровъ императоръ Германскій выразилъ надежду, что присутствующіе государя убѣдились въ томъ, что германская армія такъ же хороша теперь, какъ при его дѣдѣ, что, конечно, служить залогомъ дальнѣйшей прочности братства по оружію. Императоръ Австрійскій сказалъ, что онъ гордится имѣть союзника, располагающаго такими войсками. Вскорѣ затѣмъ императоры расстались. При прощаніи они неоднократно обнялись. Съ канцлеромъ Каприви императоръ Францъ-Іосифъ тоже простился сердечно. Императоръ Вильгельмъ выѣхалъ въ Крейсау, гдѣ посѣтилъ фельдмаршала Мольтке, а императоръ Францъ-Іосифъ отправился въ Вѣну, куда и прибылъ 8 сентября въ часъ утра и тотчасъ выѣхалъ въ Шенбрунъ, гдѣ пробудетъ до будущаго мѣсяца.

Подробности свиданія въ Ронштокѣ нерешительно берлинскія, вѣнскія и нештетскія газеты, но изъ этихъ описаній трудно вывести какое-либо определенное заключеніе о настоящемъ политическомъ положеніи вещей. Сопоставляя свиданія парвское и ронштоцкое, *Neue Freie Presse* выводитъ заключеніе, что отъ русской политики князя Бисмарка императоръ Вильгельмъ, признавъ ея безцѣльность, отказался. Роль примирителя между Австріей и Россіей есть прекрасная, но несбыточная мечта. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, по поводу свиданія императоровъ въ Силезіи, указывая на заботливость, съ которою императоръ Вильгельмъ относится ко всѣмъ задачамъ, лежащимъ на обязанности государя, говоритъ: „Горячее участіе ко всему, что касается военнаго дѣла, объясняется въ родѣ Гоенцоллерновъ само собою, но императоръ Вильгельмъ умѣетъ

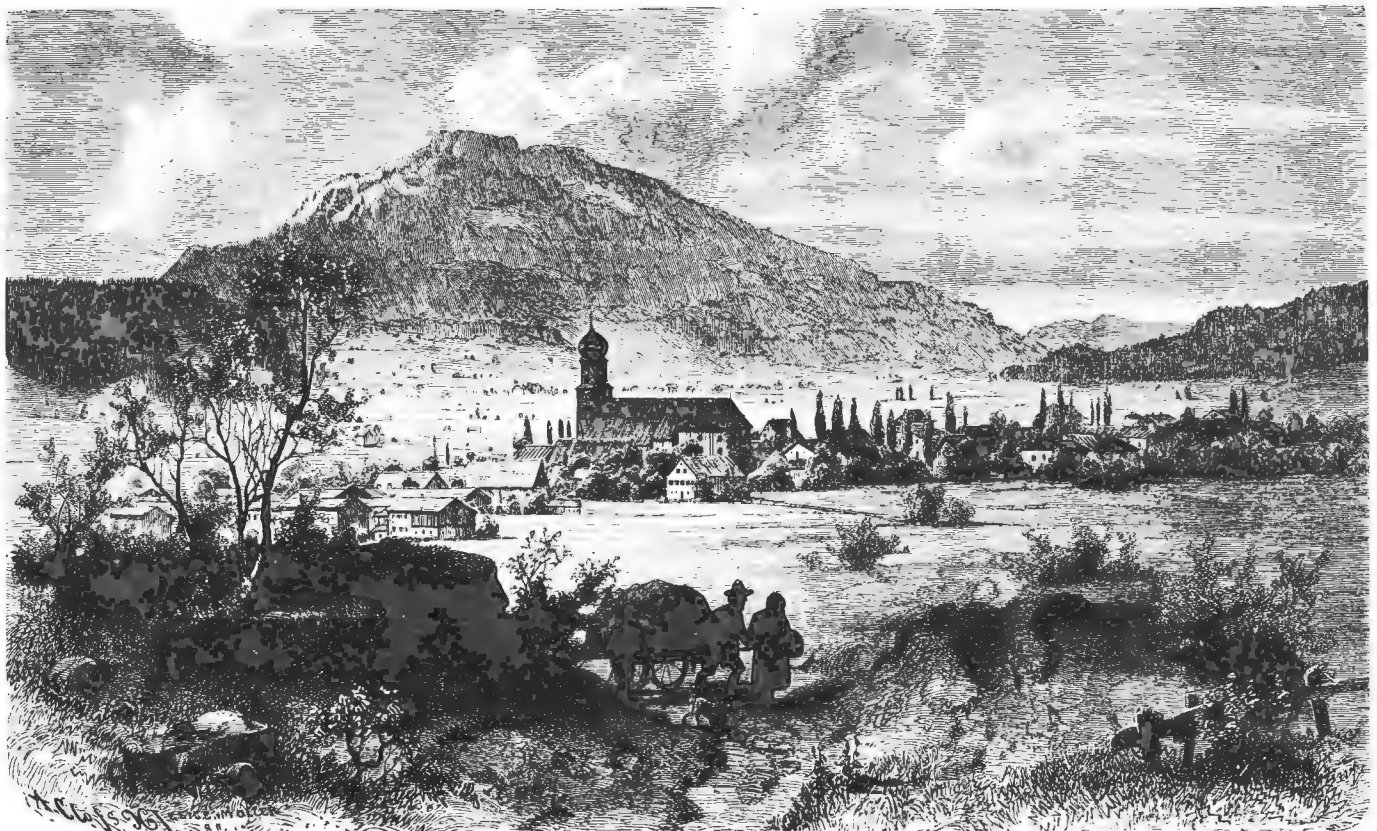
съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ къ военнымъ дѣламъ сочетать культивированіе международныхъ отношеній. Вернувшись съ военно-политическаго визита на Сѣверъ, гдѣ его привлекательная личность принесла плоды для блага имперіи и мира Европы, императоръ однимъ пожатіемъ прогнутаго Австрійскаго императору дружеской руки могъ засвидѣтельствовать передъ всѣмъ міромъ, что германская вѣрность стоитъ выше всякихъ нападковъ, порождаемыхъ глупостью или злобою. Рѣчь императора, произнесенная имъ въ Бреславлѣ 2 сентября, относительно блага рабочихъ послужила опроверженіемъ, какъ предполагаемыхъ, будто бы, одностороннихъ государственныхъ мѣропріятій, такъ и опасеній, что одному сословію гражданъ станутъ оказывать предпочтеніе передъ всѣми другими. Императоръ обращается къ содѣйствію всего народа.

Во Франціи, по извѣстіямъ изъ Камбрэ, большой смогръ, коимъ закончились тамъ 6 сентября ма-

Юганнъ Генсфлейшъ Гутенбергъ. По поводу 450-ти-лѣтняго юбилея книгопечатнаго дѣла.

невыры, состоялся въ присутствіи президента Карно и военнаго министра Фрейсине. Церемоніальнымъ маршемъ войска прошли прекрасно и несметная толпа народа привѣтствовала г. Карно восторженными кликами. Послѣ парада г. Карно предсѣдалъ на банкетѣ въ 140 кувертовъ, на которомъ присутствовали генералитетъ, полковники и иностранные офицеры. Президентъ республики, провозгласивъ тость въ честь Франціи и арміи, сказалъ, что ему непрѣменно хотѣлось привезти съ собою привѣтъ прайительства войску, которое есть сама нація, стоящая на чеку и готовая къ защитѣ чести и безопасности отечества, коему она гарантируетъ блага мира и безопасность труда. Фрейсине благодарилъ г. Карно и сказалъ, что рѣчь президента республики послужитъ поощреніемъ къ дальнѣйшему слѣдованію по пути труда и прогресса. Свою рѣчь военный министръ закончилъ тостомъ въ честь президента Карно. На присутствующихъ военныхъ тосты эти произвели глубокое

Деревня Обераммергау въ южной Баваріи.

впечатлѣніе. Наканунѣ 5 сентября, происходило въ Камбрѣ военный банкеть, на которомъ генераль Вильо провозгласилъ тосты въ честь иностранныхъ государей. Русскій военный агентъ, генераль-майоръ Фредериксъ, отвѣчая на этотъ тостъ, провозгласилъ тостъ за президента Карно, при чемъ отмѣтилъ благоприятное впечатлѣніе, произведенное маневрами на всѣхъ иностранныхъ офицеровъ. Превосходное состояніе французской арміи не осталось незамѣченнымъ и въ Германіи. Указывая на это обстоятельство, *Hamburger Nachrichten* замѣчаетъ: „Измунительно, чего слухла достигнуть Франція по части своей готовности къ бою“.

Въ Парижѣ, 9 сентября, открылся съездъ для обсужденія мѣръ къ уничтоженію невольничества. Онъ созванъ по почину кардинала Лавижери, уже много содѣйствовавашаго успѣху борьбы противъ торга невольниками. Съездъ этотъ не имѣетъ официального характера. На него прибыли делегаты вольныхъ противоневольническихъ обществъ, образовавшихся въ различныхъ государствахъ съ цѣлью содѣйствовать исполненію постановлений Брюссельской конференціи. Начался съездъ богослуженіемъ въ церкви Св. Сульшиціи, въ присутствіи около двухъ тысячъ лицъ. Кардиналъ Лавижери, упоминая, что крестовый походъ противъ невольничества одобряется папою Львомъ XIII, заявилъ, что немедленной отмѣны рабства не требуется, потому что многіе невольники въ такомъ случаѣ умерли бы съ голода, но необходимо немедленно прекратить

травлю людей. Затѣмъ на другой день состоялось открытіе самаго съезда или конгресса. Президентомъ избранъ Келлеръ, секретаремъ—графъ Ренбекъ, вице-президентами—одинъ нѣмецъ, одинъ бельгіецъ, одинъ испанецъ, одинъ англичанинъ и одинъ итальянецъ. По открытіи конгресса Келлеръ привѣтствовалъ иностранныхъ делегатовъ, особенно англійскаго, какъ представителя великаго народа, такъ много содѣйствовавашаго распространенію цивилизаціи. Воздавъ затѣмъ должное кардиналу Лавижери, президентъ констатировалъ, что мусульманская религія не способна цивилизовать Африку и что только христіанскіе миссіонеры въ состояніи призвать чернокожихъ къ новой жизни. При этомъ Келлеръ горячо просилъ членовъ конгресса возбудить во всемъ мірѣ движеніе съ цѣлью окончательнаго уничтоженія рабства. После двухдневнаго засѣданія, противоневольническій конгрессъ вотировалъ 11 резолюцій, изъ коихъ главныя сводятся къ слѣдующему: противоневольническое дѣло возлагается на національные комитеты съ самостоятельной организаціей; конгрессъ расчитываетъ

Г. Г. Шубертъ. По поводу двадцатипятилѣтія его кончины. Съ фотографіи грава Шубертъ.

прежде всего на мирныя средства, особенно на нравственное воздѣйствіе миссіонеровъ; національные комитеты приложить усилія къ возбужденію частныхъ пожертвованій и добровольнаго соучастія въ дѣлѣ на постановленныхъ Брюссельскою конференціею началахъ; конгрессъ выражаетъ надежду, что папа разрѣшитъ производить ежегодно въ церквахъ сборъ пожертвованій въ пользу противоневольническаго дѣла; конгрессъ обра-

Рамы для премій „НИВЫ“ 1890 г.,

двухъ большихъ олеографическихъ картинъ, печатанныхъ масляными красками, съ оригиналовъ профессора И. И. Шишкина:

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“, 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“.

(16 вершковъ вышины и 12 вершковъ ширины каждая).

Рамы имѣются трехъ сортовъ, а именно:

№ 1. Изъ лучшаго золоченаго багета, съ лѣнными узорчатыми украшеніями (ширина въ діаметрѣ 1³/₈ вершк.) по 4 рубля за пару, а съ упаковкою въ ящикъ для гг. иногородныхъ подписчиковъ по 5 р. 50 к. за пару (безъ пересылки).

№ 2. Изъ такого же, но болѣе краснаго и широкаго багета (ширина въ діаметрѣ 2 вершк.) по 5 р. за пару, а съ упаковкою для иногородныхъ по 6 р. 50 к. (безъ пересылки).

№ 3. Изъ богатаго лѣннаго золоченаго багета (шир. въ діам. 2¹/₂ вершк.) по 6 руб. за пару, а съ упаковкою для иногородныхъ по 7 р. 50 к. (безъ пересылки).

Рамы выдаются со вставленными въ нихъ картинами, наклеенными на полотно и укрѣпленными на подрамникахъ.

Гг. городскіе подписчики, при полученіи премій въ рамкахъ, благоволятъ представлять въ контору свои подписные билеты на „Ниву“ 1890 года, а гг. иногородные подписчики высылаютъ при требованіяхъ печатные адреса, подъ которыми получается имя „Нива“.

Гг. иногороднымъ подписчикамъ рамы будутъ высылаться, по полученіи слѣдующихъ за нихъ денегъ, чрезъ транспортную контору или по желѣзной дорогѣ, при чемъ стоимость пересылки они будутъ уплачивать на мѣстѣ—при полученіи посылки.

Преміи будутъ выдаваться гг. годовымъ подписчикамъ „Нивы“ по обыкновенію въ октябрѣ мѣсяцѣ, но для тѣхъ лицъ, кои пожелаютъ имѣть ихъ въ рамкахъ,

картины выдаются теперь-же.

Гг. московскіе подписчики могутъ получить преміи въ рамкахъ также теперь, въ отдѣленіи Конторы „Нивы“, при конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи)—по слѣдующей цѣнѣ: № 1—по 5 р. за пару, № 2—по 6 р. 50 к. за пару и № 3—по 7 р. 50 к. за пару.

Желающихъ получить преміи въ рамкахъ, покорнѣе просимъ поторопиться требованіями, чтобы дать намъ возможность своевременно остановить имъ высылку картинъ чрезъ газетную экспедицію.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПб., Невскій просп., № 6.

щаетъ вниманіе мусульманскихъ державъ на опасность, кою развитие нѣкоторыхъ мусульманскихъ сектъ грозитъ дѣлу цивилизаціи и свободѣ чернокожихъ; конгрессъ выражаетъ желаніе, чтобы пособия, посылаемыя миссіонерамъ, доставлялись имъ безошибочно. Кардиналъ Лавижери горячо благодарилъ англійскихъ делегатовъ и англійское правительство, и при продолжительныхъ рукоплесканіяхъ 800 членовъ конгресса, объявилъ секретаря англійскаго противоневольническаго общества Аллена. Загѣмъ послѣдовало закрытіе конгресса.

Берлинскія газеты воспроизводитъ статью *Allgemeine Reichs-correspondenz* о повышеніи курса рубля, въ которой выставляется на видъ трудность регулировать валюту въ столь короткій срокъ времени. Газета указываетъ, какъ важнѣйшую причину повышенія, установившееся убѣжденіе, что долго рублю не придавали его настоящей дѣйствительности, а также значительное повышеніе русскихъ фондовъ, большой спросъ на русскіе бумажные рубли въ Средней Азии, подъемъ благосостоянія вслѣдствіе трехъ бездефицитныхъ бюджетныхъ годовъ, наконецъ, благоустройство финансоваго управленія и успокоеніе относительно политическаго положенія.

Смѣсь.

Настоящее мертвое море, заслуживающее это названіе болѣе возникшаго на мѣстѣ провалившихся городовъ Содома и Гоморра, и притомъ превосходящее своими размѣрами Палестинское, лежитъ въ Калифорніи. Оно очень похоже на послѣднее и извѣстно подъ именемъ озера Моно, на востокъ отъ Сиерра-Невады. На озерѣ два острова, называющихся Grand Island и Beauty Island. Какъ вообще въ щелочныхъ мѣстностяхъ, точно также и у озера Моно, путешественника часто поражаютъ различныя неожиданности. Такъ, когда изъ Моновилля въ первый разъ видишь воды этого озера, то воображаешь, что черезъ нѣсколько минутъ будешь у его берега, между тѣмъ берегъ все отступаетъ дальше и дальше, словно какой нибудь миражъ. Воды озера видны со всѣхъ сторонъ на разстояніи отъ 7 до 20 миль, причѣмъ кажется что все озеро занимаетъ поверхность не болѣе двухъ квадратныхъ миль; въ дѣйствительности же его длина простирается до 30 миль, вся же его поверхность равняется 675 квадратнымъ милямъ. Grand Island—большой удлиненный островъ изъ бѣлой лавы, Beauty Island—рѣзко очерченный кратеръ вулкана, возвышающійся надъ уровнемъ озера на 50 футовъ. На берегу летаютъ миллионы крупныхъ насѣкомыхъ, личинки и куколки которыхъ служатъ пищею уткамъ, свиньямъ и индѣйцамъ, впрочемъ даже и европейцы не пренебрегаютъ ими. Рыбавшіеся испробовать это не аппетитное кушанье находятъ, что по своему вкусу оно напоминаетъ сардинки. Вообще же въ водѣ этого озера нѣтъ ни рыбы, ни лягушки, вообще ничего живаго; оно вполне справедливо могло бы носить названіе мертваго. Въ это озеро впадаютъ пять рѣчекъ съ обыкновенною водою и въ устьяхъ ихъ находится масса утокъ, тщательнѣе избѣгающихъ воды озера. Даже лучшія охотничьи собаки, побывавъ разъ въ щелочной водѣ озера, чтобы достать убитую дичь, ни за что не идутъ туда во второй разъ. Судя по берегамъ, вода въ озерѣ рѣдко подымается, что убѣждаетъ весьма сильнымъ испареніемъ воды въ этомъ жаркомъ климатѣ. За исключеніемъ трехъ большихъ рѣчекъ, которыя впадаютъ въ озеро Моно съ западной стороны, съ сѣвера вливается рѣка Милинзъ, а съ юга многоводная Кусби, обладающая большою системою притоковъ. И все-таки уровень озера остается неизмѣннымъ. Поверхность его воды почти всегда гладкая, только изрѣдка бризъ слегка нарушаетъ это невозмутимое спокойствіе, волны же никогда не бываетъ на мертвомъ озерѣ. Вышеуказанныя насѣкомыя относятся къ классу Neuroptera. Въ видѣ личинокъ и куколокъ онѣ проводятъ въ водѣ отъ двухъ до трехъ лѣтъ, взрослое же насѣкомое вскорѣ умираетъ. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства берега бывають иногда до того покрыты ихъ трупами, что можно было-бы съ большою выгодой употреблять ихъ въ качествѣ удобрения земли, тѣмъ болѣе что ихъ здѣсь цѣлые воза. Берега этого озера и жалкая на немъ растительность покрыты сѣжно-бѣлою корою щелочныхъ солей, которыя употребляются американцами при печеніи хлѣба вмѣсто дрожжей. По запаху замѣтно, что вода озера содержитъ много сѣры, но смолы здѣсь нѣтъ. Озеро Моно относится къ системѣ сѣрно-щелочныхъ озеръ, лежащихъ къ востоку отъ Сиерра-Невады. Оно съ большимъ правомъ можетъ носить имя Мертваго моря, потому что не содержитъ ни рыбы, ни съдобныхъ раковинъ, какъ Мертвое море Палестины. Также и по величинѣ своей оно превосходитъ послѣднее, имѣющее поверхность всего въ 500 квадратныхъ миль. Его окрестности отличаются грустнымъ, меланхолическимъ характеромъ, но все-таки имъ нельзя отказать въ нѣкоторой своеобразной прелесть. (ш.)

Новая синагога на Большой Мастерской почти окончена

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

постройкой ■ въ ней уже совершается богослуженіе. Зданіе очень импозантно.

Извѣстный поэтъ А. Н. Плещеевъ, который, какъ извѣстно, жилъ до сихъ поръ въ довольно стѣсненныхъ обстоятельствахъ, недавно, какъ сообщаютъ одесскія газеты, сталъ очень богатымъ человѣкомъ. Именно, онъ получилъ въ наслѣдство, послѣ умершаго въ Рязани двоюроднаго брата, состояніе, оценываемое болѣе чѣмъ въ 2 милліона рублей.

Новая опера Чайковскаго „Пиковая дама“ дана будетъ, при блестящей обстановкѣ, на сценѣ Маринскаго театра 6 декабря. Главныя роли будутъ исполняться артистами: Медеей-Фигнеръ, Славинной, Фигнеромъ и Мельниковымъ.

Историческая критика, какъ извѣстно, давно уже отнесла существованіе Вильгельма Телля и Гесслера, равно какъ и клятву въ долигѣ Рютли, въ область преданій. Швейцарцамъ очень тяжело было признать простою басней эту славную страницу своей исторіи; но критика оставалась неумолима и принесла уже свои плоды. По новѣйшимъ извѣстіямъ, правительство кантона Швицъ постановило выбросить изъ учебниковъ исторіи преданіе о Вильгельмѣ Теллѣ. (с.)

Въ нонсингтонскомъ акваріумѣ были недавно произведены слѣдующіе интересные опыты. Въ сухой совершенно ящикъ заготовили на четыре часа двухъ карповъ. Когда одного изъ нихъ вынули оттуда и пустили въ воду, то оказалось, что онъ никакихъ признаковъ жизни не подаетъ. Но лишь только впустили этому карпу въ ротъ нѣсколько капель спирта, онъ тотчасъ пришелъ въ себя и живо началъ плавать по бассейну. По истеченіи еще четырехъ часовъ тотъ же опытъ былъ повторенъ со вторымъ карпомъ, который также ожилъ подъ вліяніемъ спирта. При дальнѣйшихъ опытахъ съ форелями и лососями выяснилось, что первыя относятся къ спирту такъ же, какъ карпы, тогда какъ лососей не удалось вернуть къ жизни при помощи этого средства. Въ виду этихъ опытовъ можно предполагать, что вышеприведенный способъ найдетъ себѣ примѣненіе при пересылкѣ живой рыбы, причѣмъ, если вложить въ ротъ рыбы губочку или кусочекъ хлѣба, смоченные спиртомъ, то вѣроятно при пересылкѣ рыбы на большія разстоянія будетъ возможно привозить ее живою. (ш.)

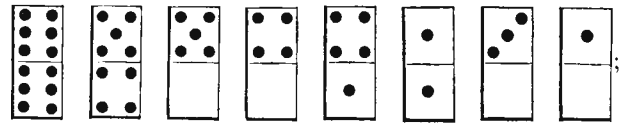
На баркѣ „Ida“ въ Вестъ-Гартенуль недавно ушибся до смерти молодой матросъ. Оказалось, что это была женщина. (в.)

Задача игры въ домино № 57.

Н. В. П.

Партія втроемъ безъ прикупа.

Каждый беретъ по 8 камней; 4 остаются въ талонѣ. До начала игры партнеръ А имѣлъ на 5 очковъ болѣе С; у С были слѣдующіе камни:

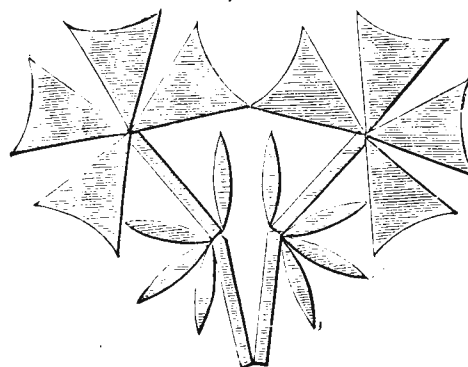
А началъ партію и, ни разу не пасуя, окончилъ ее камнемъ

; другіе два игрока запасовали на седьмомъ ходѣ.

Какъ расположились камни, съ какого камня А началъ, если извѣстно, что С ставилъ свои камни въ томъ порядкѣ, какъ они здѣсь помѣщены, и что у В осталось на рукахъ 8 очковъ болѣе С?

Геометрическая задача № 58.

Данную фигуру разрѣзать на части такъ, чтобы составить изъ нихъ кругъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко. Ч. V. (Продолженіе). — Первая гроза. Повесть Виктора Бибинова. (Окончаніе). — Солнце и электричество. Изъ книги Эмилъ Буанъ. — Къ рисункамъ: Пѣсня голода (съ рис.). — Засада (съ рис.). — Царскій смѣхъ, во время набѣга (съ рис.). — Молодой бояринъ (съ рис.). — Монлезиръ въ Петергофѣ (съ рис.). — Гулянье на кладбищѣ (съ рис.). — Виды Гатчины. Молочная ферма и птичникъ въ Императорскомъ звѣринкѣ (съ 2 рис.). — 450-ти-лѣтній юбилей книгопечатнаго дѣла (съ портр.). — Оберрамеграу (съ рис.). — В. В. Шубертъ (съ портр.). Политическое обозрѣніе. — Рамы для премій „Нива“ 1890 г. — Смѣсь. — Задачи. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО

ПОЛНАЯ ГАРАНТИЯ ЗА УСПЕХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНИЯ.

ВЪ 10 ЛЕТЪ ЗА ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВА. НА КРАСИВОЕ БЛАГОЕ КОНТОРСК. ПИСЬМО ОСНОВАТЕЛЬН. ОБУЧЕНИЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРИИ

Москва, Покровка, домъ Буткиной.

А. С. ПИЖАНСКИЙ.

НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.

Поступило въ продажу въ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА „НИВА“ (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ:

новое издание А. Ф. МАРКСА:

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА ДЛЯ ЛѢСНИЧИХЪ и ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ

Состав. **Ө. АРНОЛЬДЪ.**

СПБ., 1890 г. Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ 75 коп., съ пересылкою 1 руб.

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мн. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаютъ бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

КОМНАТНЫЕ ОРГАНЫ

въ 3 октавы 80 руб., въ 4 октавы 110 руб., въ 5 октавъ въ 175 руб. до 1300 руб.

знаменитой фабрики **МЕЗОНА И ХЕМЛИНА,**

у единственнаго агента фабрики **П. Юргенсона въ Москвѣ.**

Настоящая книжка содержитъ въ себѣ таблицы для опредѣленія площади древесныхъ оснований и кубическаго содержания какъ цѣлыхъ стволовъ, такъ и частей ихъ; таблицы площадей сѣченія круговъ и объемовъ цилиндра; временныя массовыя таблицы (для сосны, ели, дуба, березы и ольхи) и вообще всѣ тѣ таблицы, которыя необходимо всегда имѣть при себѣ лѣсничему, таксатору, лѣсовладѣльцу и лѣсоторговцу—при устройствѣ лѣсовъ, оцѣнкѣ лѣсовыхъ, изслѣдованіи полндровенности деревъ и соответствующихъ имъ видовыхъ чиселъ. Изданныя до сихъ поръ подобныя таблицы весьма неудобны по своему большому формату, вслѣдствіе чего ими не всегда можно пользоваться при работахъ, между тѣмъ какъ эта книжка издана въ формѣтѣт приспосаблиenomъ для ношенія въ карманѣ и можетъ быть постояннымъ спутникомъ лѣсничаго или лѣсовладѣльца.

РУССКІЙ КУРЬЕРЪ

(ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ)

ПОСЛѢ ПРИОСТАНОВКИ

ВНОВЬ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ СЪ 1-ГО ЯНВАРЯ 1891 ГОДА

по прежней программѣ и подъ прежней редакціей.

ПОДПИСКА ОТКРЫТА СЪ 1-ГО СЕНТЯБРЯ сего года.

СКРИПКИ

Артуръ Зейфартъ, Кестрицъ (Германія).

Награды, премии, дипломы, медали съ выставокъ государственныхъ и частныхъ.

Значительнѣйшій заводъ породистыхъ собакъ

Рѣдчайшихъ современныхъ породъ, комнатныхъ, охотничьихъ и для всѣхъ видовъ спорта.

Спеціальности: Великорослая горная собака, ньюфаундлендскія, мастифы, крупные нѣмецкіе доги, бульдоги, сторожевыя собаки, терьеры, пинчеры, пуделя, мопсы, крысоловы, дамскія собачки, охотничьи собаки, лягавыя, ищейки, таксы и проч.

Превосходные отзывы. — Учрежденіе рекомендуемое крупнѣйшими авторитетами по кинологіи, болѣе 10,000 благодарственныхъ писемъ. — Бесплатная франкированная высылка каталога. — Иллюстрированный альбомъ 50 цѣнниковъ. К. 4714

50 различныхъ породъ. — Вывозъ во всѣ части свѣта. — 50 различныхъ породъ.

Въ Москвѣ на 1891 г.		На города на 1891 г.	
На 12 мѣс.	9 р. — к.	На 12 мѣс.	10 р. — к.
11	8 " 50 "	11	9 " 30 "
10	8 " — "	10	8 " 50 "
9	7 " 40 "	9	8 " — "
8	6 " 70 "	8	7 " 20 "
7	5 " 90 "	7	6 " 50 "
6	5 " — "	6	6 " — "
5	4 " 60 "	5	5 " 6 " — "
4	3 " 70 "	4	4 " — "
3	2 " 75 "	3	3 " — "
2	2 " — "	2	2 " — "
1	1 " 10 "	1	1 " 25 "

Рекомендуетъ депо музыкальныхъ инструментовъ **Дмитрія Александровича Александрова** по самымъ дешевымъ цѣнамъ скрипки, виолончели, контрабасы, гитары, смычки, лучшія итальянскія и нѣмецкія струны и всѣ принадлежности. Приемъ въ починку. Прейсъ-курантъ всѣхъ инструментовъ высылаютъ бесплатно. Заказы изъ провинціи исполняются немедленно.

Д. А. АЛЕКСАНДРОВЪ,
Невскій пр., № 55, въ С.-Петербургѣ.

ИНТЕРЕСНО ВСѢМЪ!

Высылаются обратною почтою слѣдующія сочиненія:

- ◆ Секреты, какъ разбогатѣть 25 к.
- ◆ Дженгльменъ, или какъ быть порядочнымъ человѣкомъ 50 к.
- ◆ Всемирный поставщикъ всего отъ булавки до слова 25 к.
- ◆ Необходимыя правила для купцовъ 30 к.
- ◆ Для привадинокъ 30 к.
- ◆ Для женщинъ 30 к.
- ◆ Для матерей 30 к.
- ◆ Подниги чловѣколюбія 1 р., а за всѣ 8 сочиненій 2 р.
- ◆ Кромѣ того руководствъ: Гальванопластика или искусство золоченія, серебренія и бронзирования 50 к.
- ◆ Опты съ электричествомъ (безопасные) 50 к.
- ◆ Гелиоиниатура, или искусство раскрашивать фотографіи, трафаретъ и проч. по стеклу 50 к.
- ◆ Литохромія или искусство превращенія фотографіи, трафаретъ и проч. въ изысканн. маслян. картины 50 к.
- ◆ Живопись брызгами 30 к.
- ◆ Работы изъ стружекъ и бересты 30 к.
- ◆ Живопись на фарфорѣ, фаянсѣ, майоликѣ и пр. 1 р. 50 к.
- ◆ за всѣ 8 руководствъ 3 р. 50 к.
- ◆ Выписывающіе всѣ 16 экземпляровъ высылаютъ только **ПЯТЬ** р. с. Денги могутъ быть высланы и почтовыми марками.
- ◆ Единственная продажа для Россіи, адресъ: С.-Петербургъ. Складъ Новыхъ Изобрѣтеній, Невскій проспектъ № 4. Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 коп. марку. Мт. № 4702

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE

AUTORISEES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Le pôt general: **ETOLL & SCHMIDT**, à Saint-Petersbourg

Vente en gros: **J. ESPIC**, 20, rue Saint-Lazare, Paris.

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7--2. 26--19

Иллюстрированные преісъ-куранты по востребованію высылаются безвозмездно.

Вышло и поступило въ продажу соч. **И. Волгина:**

„НА ЮГЪ!“ Цѣна 80 коп., съ перес. 1 рубль.

Продается въ книжн. магаз. Петербурга и Москвы, а также у издателя **Ю. М. Зубова**, въ г. **Надниковѣ**, Вологодской губерніи. При выпискѣ пяти экземпляровъ, на пересылку не прилагается. Книгопродавцамъ 25%о уступки. № 4712

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHATELAIN LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

За границу платъ двойная.

Подписка съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не дѣлаетъ конца года.

За перемѣну адреса 30 к., а городского на иногородный доплачивается разниа въ цѣнѣ.

Подписка принимается при конторѣ изданія и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

17. годовымъ подписчикамъ, не читавшимъ помѣщеннаго въ „РУССКОМЪ КУРЬЕРѢ“ романа: **ТАЙНА ГАНСОНЪ КЕБА**“ будетъ оной выданъ **ВЪ ВИДѢ ПРЕМИИ.**

Романъ этотъ разошелся въ Англій въ 300,000 экземплярахъ и имѣлъ среди подписчиковъ и читателей „РУССКАГО КУРЬЕРА“ большой успѣхъ; онъ изданъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярахъ.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА ИЗДАНИЯ: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. Ланина. № 4700 2-2

Редакція открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 1 до 3 часовъ дня.

Контора изданія открыта въ будни—отъ 9 до 5 ч. веч., въ праздники — отъ 10 до 3 час. пополудни.

ТЕЛЕФОНЪ № 764.

Редакторъ-издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.**

ПОЛУЧЕНЫ часы известнѣйшихъ американскихъ фабрикъ „Вальгамъ“ и „Эльминъ“, а также большой выборъ всевозможныхъ часовъ лучшійхъ швейцарскихъ и шведскихъ фабрикъ, по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Рекомендую многоважаемой публикѣ американскіе часы, металлическіе, открытые, ремонтуръ, анкерные по 10 р.

Главное дѣло часовъ **ЭДУАРДА БУРХАРДЪ,** Спб., Гороховая ул., у Краснаго м., № 17. Отдѣл.: Вознесенск. пр., у Сингаго м., № 3.

17. иногороднымъ высылаю съ наложеннымъ платежемъ. Прейсъ-куранты высылаю бесплатно. Мт. № 4716 2-1

НОВОСТЬ!!

НОВѢЙШІЙ И ЛУЧШІЙ **МЕХАНИЧЕСКІЙ ИНСТРУМЕНТЪ ПИАНО-МЕЛОДИКО**

Цѣна 90 рублей.

Ноты отдѣльно по 80 коп. за 1 (однѣ) метръ (1 метръ=1½ аршин.).

Требуется подробное описаніе и каталогъ нотъ.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка. № 4482 (18)

Лампы съ накаиваніемъ въ 16 свѣчей, въ 50, 65 и 100 вольтъ, за штуку по 1 р. Патроны Эдиссона и Сименса. Тюльпаны стекляныя отъ 50 к. до 1 р. 25 и Электрическіе звонки отъ 1 р. 50 к. Аппараты №№ 3, 4, 6, 8, 10, 12 РС. 7.50, 8.50, 14, 16, 20, 23. Кнопки отъ 25 к. Элементы Лендлаше отъ 1 р. 25 к.—1 р. 50. Сухой элементъ Электронъ отъ 2 р. Изолированная проволока за ф. отъ 1 р. 20. Изолаторы отъ 20 к.—50 к. Симлексъ Микрофонъ, Телефонъ со звонкомъ, за станцію РС. 15. Микрофонъ телефонъ Вадена, съ индукторомъ, на протяженіе 400 верстъ, за станцію РС. 60. Домашній телеграфъ, легко устанавливается домашнимъ образомъ, безъ помощи спеціалистовъ, цѣна 7 р.

Постановка и проводъ телефоновъ и звонковъ, а также ремонтъ и починка по весьма умѣреннымъ цѣнамъ. Прейсъ-курантъ бесплатно.

5-4 **К. И. ФРЕЛАНДЪ** В. № 4684

Складъ электрическихъ приборовъ, С.-Петербургъ, уг. Невского пр. и Екатерининскаго канала, д. Учетнаго Банка, входъ съ канала. № 16.

ПОЛНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ ПРИБОРЪ т. е. аппаратъ со всѣми принадлежностями и руко-водствомъ. Цѣна 30 руб. Аппаратъ отдѣльно 15 руб.

АДОЛЬФЪ РЕЙНЕ

Москва, Кузн. мостъ, 3.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обни-маетъ эпоху правленія и изложенія Царевны Софій. Спб. 1886 г. Изд. 2-е. II, 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ПЕЧИ „ТЕПЛОСТЬ“

ФАБРИКЪ **ГРИММЕ, НАТАЛИСЪ И К°.**

Розничная продажа: Германскій магаз., Москва, Кузнецкій мостъ, рядомъ съ бул. Варшавскій. Центральное Дѣпо, Тверская, рядомъ съ булочной Филиппова. Откомъ въ Московск. складѣ. Фабрика существов. съ 1872 г.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специальность хронометровъ. СПетербургъ, Невскій пр. № 52 прот. Им. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 20-12

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

И. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новозобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую пѣкную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп. 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к. Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПетербургъ, Демидовъ пер., д. № 1. (33) № 4278

САМОУЧИТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВЪ ДОХОДА... ПРИБНОСЯЩИХЪ ЦѢНЪ КАЖДОЕ ЛИЦО ЕЖЕМѢСЯЧНО... отъ 50 до 250 р. Соч. А. МИХАЙЛОВЪ. Цѣна съ пересылкой: или деньгами 50 к. Налож. плат. не высылало. Требования адресовать: въ Харьковѣ, Куцескій пер., д. Пашенка, женѣ подполковника Александрѣ Дампріенвѣ Золотницкой. № 4708

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ духовно-музыкальныхъ сочиненій С. ДАВЫДОВА, 10 концертовъ четырехголосныхъ, 3 концерта двухголосныхъ, 1 трио и Полная обѣдина. Цѣна въ одномъ томѣ: Парг. 4 р. Ролоса 4 р. Москва, у П. ЮРГЕНСОНА.

Новая книга издаванія Ц. № 4707 ТОРГОВАГО ДОМА БРАТѢЯ ЛИНДЕМАНЪ, Москва, Мясницкая, № 6. ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ столярнаго искусства для любителей и учащихся М. А. Нетыкса. Цѣна 7 рублей. Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и у издателей.

НАСТОЯЩЕ БЕЛОСНЕДЫЕ (ВѢТЪ) Ж-БЛОКЪ... ПОТОМЪ ДОУЖИТЬСЯ... СВИТОТЪ

Книжный складъ А. М. КАЛМЫКОВОЙ

С.-Петербургъ, Литейный просп., № 60

принимаетъ заказы на всякаго рода книги и спеціально на народныя, беретъ на себя выборъ книгъ для народныхъ и школьныхъ библиотекъ, составленіе и пополненіе библиотекъ среднеучебныхъ заведеній, выборъ книгъ для награды. Изданія склада:

1) ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1890—91 Г.

Сост. В. А. Воскресенскій.

Содержитъ: календарныя свѣдѣнія, указатель педагогическихъ статей, книгъ и журналовъ, статьи о школьныхъ музеяхъ, о ручномъ трудѣ, программы и правила для поступления въ низшія и среднія техническія училища, указатель хорошихъ дешевыхъ книгъ. Ц. 20 коп., высылается за 25 к. марками. № 4706

2) КАТАЛОГЪ НАРОДНЫХЪ БИБЛИОТЕКЪ (872 назв.)

Сост. А. М. Калмыкова; высылается за 7 коп. марками.

Поступило въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе Ф. К. АРНОЛЬДА:

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ трехъ большихъ томовъ, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и политипажей и 17 эстамповъ на мѣди.

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсистости Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками. Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вѣздъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе втораго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, пріемы возвращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣльч. устройствѣ лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплоатаціи лѣса: учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соответственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При выписываніи 1-го тома вносится 4 р., до выхода 2-го тома 2 р., а до выхода 3-го тома 2 р., а всего 14 руб.

Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ. За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

Но выходѣ всего сочиненія цѣна будетъ значительно возвышена.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и желающія приобрести слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносить 7 р., а 3-го тома 2 р.

для ОКРАШИВАНІЯ СЪДЫХЪ ВОЛОСЪ: ПОМАДА, флаконъ 3 р., пересылка 1 р., для удобства: жидкая и густая помада, по полуфлакону, цѣна 3 р. 50 к., пересылка 1 р. 50 к. Гороховая ул., д. № 57, магазинъ-парикмахерск. Ивановой.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Cosmet. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (37) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

ЛЕВНИНГЪ и ГЮЗИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года. ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ БРОКАРЪ и Ко. Складъ фабрики: Офицерская, 5.

Гармоніи лучшихъ фабрикъ. Французскія отъ 100 р. до 1000 р. Американскія отъ 180 р. до 1000 р. Иллюстрируй Прейсъ-Курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1891 (шестой) годъ на ежед. (52 №№) иллюстрир. журналъ практич. сельск. хозяйства

„Сельскій Хозяинъ“

К. И. Масляникова.

Много рисунковъ. Безплатно: отвѣты на всѣ вопросы, разныя сѣмена, архиткт. проекты, модели. № 4713

IV вып. „Альбома животныхъ“. Въ ближайшихъ №№ будутъ проекты красками: I) Малой винокурни, II) Духовой печи для отопленія ею всего дома (модель большая), III) Дома-дачи, IV) Двусрубной дешевой церкви и др.

На годъ 6 руб. съ перес. Адресъ: СПетербургъ, Редакція „Сельскаго Хозяина“. № 4713

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Противъ шероховатости кожи и пр. Цѣна каждой банки 1 руб., съ перес. 2 руб.—2 банки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ этикетѣ подписи: А. Энглундъ, красными чернилами и марку Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товарищ., у А. Рузанова, Сиб. Техно-Химич. Лабор.—въ Москвѣ: у К. Феррейна, В. Безбардьева, Р. Келлеръ и Ко. О. Гетлингъ и во всѣхъ извѣстныхъ аптеч. и парфюмер. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Сиб. Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. П. № 4479

САМОУЧИТЕЛИ.

По самой новой цифровой напечатанной системѣ, по которой только и можно безъ помощи учителя въ самое короткое время легко и скоро выучиться играть на инструментѣ. Для гитары составилъ В. Любавинъ; для гармоніи всѣхъ системъ сост. Куликовъ и для мадонны въ 8 струнъ тоже. Обще-доступный Практическій Самоучитель для скрипки 1 р. 50 коп. Огромный выборъ нотъ и инструментовъ. Каталоги высылаются безплатно. Москва, Маросейка, д. Еремѣевой, магазинъ КУЛИКОВА. № 4709

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.
№ 39

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXI
1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ в ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. и ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 29 сентября 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВЪ“ принимаются за
страну нонпарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.
Безъ дост. въ Москвѣ чр. конг. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыл прил. женія при
„НИВЪ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

Бѣгство и погоня. Съ карт. Леблнга, грав. Ерике.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. (Продолженіе).

IV.

На другой день Савва Кузмичъ пріѣхалъ къ Василию Герасимовичу очень рано. Тотъ только что всталъ съ постели и пилъ чай.

— Слыхали, дядя? весело встрѣтилъ его племянникъ.

Дядя смотрѣлъ на него искоса и вообще чувствовалъ себя неловко. Онъ никакъ не могъ понять, чему это тотъ радуется.

— О чемъ это?.. сумрачно переспросилъ онъ.

— Наслѣдникомъ -то Арсенія Николаевича оказываюсь не я, а вы. Былъ у васъ Приходзько?

— Знаю, знаю все. Вчера отъ тебя онъ ко мнѣ пріѣхалъ. Что онъ предлагалъ тебѣ?

— Ахъ, все та же исторія—вы понимаете: предлагалъ купить у него и уничтожить завѣщаніе.

— А ты отказался?

— Развѣ вы бы не отказались?

Дядя помолчалъ, зорко глядя на племянника.

— Тамъ было бы видно, вдругъ проговорилъ онъ.— Милліоны большое дѣло, отъ милліоновъ люди зря не отказываются. А я вотъ по какому дѣлу къ тебѣ пріѣхалъ. Я смотрѣлъ сегодня это завѣщаніе. Оно можетъ быть оспорено. Составлено по формѣ, но подписи Юмина и его управляющаго ничего не значать. Ты можешь еще начать процессъ и выиграть его.

— И не подумаю!

— Что? Савва Кузмичъ даже привсталъ.

— И не подумаю, говорю! Ваше—и берите.

— Да ты съ умомъ, что-ли, парень? Вѣдь тебѣ надо будетъ на старое положеніе поворотить. Опять жить-то впроголодь. А послѣ сладкаго куска-то—поди и не ладно будетъ.

— Богъ съ ними, съ этими сладкими кусками, мало счастья они принесли мнѣ. Очень мало. Я еще вчера душевно порадовался извѣстію Станислава Сигизмундовича... Если бы на завѣщаніи и подписей не было—я все равно отдалъ бы вамъ все. Не мое значить...

— Ну, прервалъ его старикъ, видимо взволнованный,—всегда я считалъ тебя Божьей душой, а теперь и подавно. Корысти въ тебѣ—вотъ ни на столько. По нашимъ временамъ такихъ -то людей и не бываетъ. Пыталъ я тебя теперь, думалъ—авось жадность у тебя разгорится, нѣтъ. Такъ вотъ же тебѣ и мой сказъ: оставайся ты на старомъ положеніи. Живи какъ жилъ. Капиталами—дѣйствительно я управляю, потому ты съ ими не совладаешь пока, а умру—все твое. И твое—твое и мое—твое! Одинъ ты у меня.

— Что будетъ потомъ — это ваше дѣло, засмѣялся племянникъ.—Я можетъ еще раньше умру. Давай Богъ вамъ жить подольше — отъ души этого желаю; ну, а отъ дома этого я попрошу васъ меня освободить.

— Да какъ же ты, чудакъ-человѣкъ, жить станешь?

— Такъ и стану. Вы дадите мнѣ занятіе, назначите жалованье. Буду работать и на заработанное жить. Стыдно вѣдь, что я все на чужое живу.

Савва Кузмичъ наклонилъ голову и подумалъ.

— Не понять мнѣ тебя. Откуда что! Былъ хлипкій да гунавый. А тутъ ты точно другимъ сталъ. Подлинно чудное дѣло. Совсѣмъ ты, братъ, монахомъ родился. Ну, да тамъ какъ хочешь — деньги твои, бери сколько надо. Все едино другихъ наслѣдниковъ у меня, кромѣ тебя, не будетъ. А насчетъ занятіевъ, какое же я тебѣ занятіе дамъ?

— Да вѣдь у васъ — на фабрикахъ школы есть?

— Школы?.. Школъ сколько угодно... И въ Борисоглѣбскомъ, и въ Устьевскомъ, и въ Каменскомъ.

— И больницы. И пріюты. Такъ вотъ передайте все

это мнѣ на руки... Я это дѣло знаю, не даромъ учился. Такъ у васъ поставлю его что любоваться будутъ. Во-первыхъ, устроимъ одну техническую школу, чтобы оттуда на ваши заводы настоящіе мастера выходили, а во-вторыхъ—приберемъ составъ учителей.

— Ну, засмѣялся Савва Кузмичъ,—Нешумовыхъ твоихъ да Наплаксихныхъ. Хорошую науку они разведутъ!

— Наплаксихныхъ да Нешумовыхъ я и на порогу не пушу... Не даромъ я эти годы прожилъ—разсмотрѣлъ людей, и вижу какіе нужны намъ и какіе нѣтъ...

— Богъ съ тобой, дѣлай какъ хочешь. А только я Пашѣ напишу.

— Я уже писать не стану.

— Почему?

— Да что же, теперь мы совсѣмъ разошлись по разнымъ дорогамъ.

— Ну, братъ, я тебѣ скажу, что вы еще никогда такъ близко на одной не стояли. Ну да тамъ видно будетъ.

— Значить, дѣло кончено... Такъ вотъ что, дядя. Переѣду я завтра.

— Куда? А здѣсь?

— Ну нѣтъ. Здѣсь мнѣ дѣлать нечего. Я въ мебелированные комнаты... Теперь у меня средства не тѣ. Какое вы мнѣ жалованье положите?

— Ахъ ты, Господи! приходилъ Савва Кузмичъ въ отчаяніе,—да что ты чужой что-ли?.. Былъ точно чужой, а теперь, какъ сердце къ тебѣ приросло—ты его отрывать собираешься. Сказалъ тебѣ: трать сколько хочешь.

— Все это не то. Вы меня не понимаете... Я васъ самъ люблю,—и вдругъ Василий Герасимовичъ покраснѣлъ. Онъ вообще не мастеръ былъ на изліянія.—Я отца плохо помню и рано его потерялъ. И изо всѣхъ кого знаю, любилъ Пашу и люблю васъ... Люблю какъ отца. Ваша помощь меня бы не обидѣла и, ради Христа, не принимайте моего отказа за гордыню. Гордости нѣтъ у меня. А только поймите вы: надо мнѣ въ самомъ себѣ увѣриться, самому на себя рассчитывать, понытать свои силы и знать, что могу устоять на собственныхъ ногахъ... Назначьте мнѣ жалованье такое, какое вы дадите другимъ.

— Директоры у меня тысячь по восьми получаютъ.

— Этого мнѣ много. Мнѣ довольно тысячу двѣсти, да развѣзды на вашъ счетъ... И пожалуйста не спорьте со мною. Такъ этому и быть, не то поищу у другихъ. Я и безъ того не мало вашихъ—вѣдь онѣ ваши теперь — денегъ-то расшвырялъ на всѣ четыре стороны.

— Ну, это что!..

— И сосчитать сколько не умѣю.

— Не бойся—все учтено. Я, братъ, безъ тебя за дѣлами зорко смотрѣлъ. Чуксинъ да Ечкинъ тебѣ отчетовъ не давали, а ко мнѣ черезъ день за приказомъ бѣгали.

— Ну, такъ вотъ видите, засмѣялся Василий Герасимовичъ,—значить ничего и не измѣнится.

— Право, ты бы остался здѣсь?

— Не хочу. На меня тутъ еще ни разу прислуга какъ на хозяина не смотрѣла... Да вообще жутко и холодно было мнѣ здѣсь! Опять же и воспоминанія... Я вѣдь Пашу-то любилъ...

И у Сластенова дрогнулъ голосъ.

— Любилъ... А теперь не любишь?

— Какъ сказать... Не хочу любить... А только вотъ о чемъ я васъ попрошу, дядя. Ея комнаты оставьте какъ онѣ были. Чтобы и спальня ея, и будуаръ, и кабинетъ... Не трогайте ничего тамъ. Пусть если вздумаетъ

прѣхать—все и найдеть тутъ какъ было. Чтобы ничего не оказалось тронутымъ. Даша, прислуживавшая ей, знаетъ всѣ ея привычки. Вы ее не отпускайте. Расчету лишній человекъ не составить. А она комнаты держать какъ слѣдуетъ... А теперь желаю вамъ всего лучшаго, и вы мнѣ пожелайте, чтобъ я не осрамился на новомъ-то пути...

Василій Герасимовичъ въ тотъ же вечеръ несказанно удивилъ прислугу.

Онъ собралъ ихъ къ себѣ въ кабинетъ, посреди котораго были уложены имъ самимъ его чемоданы.

— Ну, вотъ что, братцы, прожили мы съ вами нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ, и надо сказать правду, ни вы мнѣ не понравились, ни я вамъ по душѣ не пришелся. Съ завтрашняго дня будетъ у васъ новый хозяинъ здѣсь—Савва Кузмичъ, хозяинъ настоящей. Думаю, что служить ему вы будете лучше, чѣмъ мнѣ; да я въ вашей службѣ и не нуждался. Мнѣ бы и своихъ рукъ за глаза хватило! Вы, Козьма Стефановичъ, приготовьте здѣсь все... Вкусы Саввы Кузмича знаете?.. Комнаты жены остаются какъ онѣ есть. Даша — вы главнымъ образомъ за этимъ смотрите. А теперь прощайте. Не поминайте лихомъ, а добромъ не за что. Я Ечкину сказалъ — вамъ выдать годовое жалованье...

Когда всѣ улеглись, онъ пошелъ въ комнаты жены. Тамъ было темно.

Онъ засвѣтилъ лампаду передъ образами. Въ тускломъ свѣтѣ ея выступили мягкія кресла, туалетный столикъ, весь заставленный яркими и изящными приборами, зеркальные шкапы и бѣлая постель... Василій Герасимовичъ сѣлъ у послѣдней, и въ первый разъ за эти дни ему стало грустно. Онъ никакъ не думалъ, чтобы старая, почти заглохшая любовь опять проступила въ его сердцѣ съ такою силою именно теперь, когда онъ пришелъ сюда проститься даже съ воспоминаніями о ней. Онъ уронилъ голову на руки и долго сидѣлъ такъ, перебирая въ прошломъ и останавливаясь на всѣхъ, немногихъ, впрочемъ, счастливыхъ минутахъ. Въ невѣрномъ, вздрагивавшемъ свѣтѣ лампы ему бросился въ глаза небольшой портретъ его жены, написанный знаменитымъ художникомъ. Она была удивительно похожа на немъ. Ея властныя брови, ея суровые и въ то же время вспыхивавшіе безконечно нѣжностью глаза... Въ сумракѣ фона, на которомъ было написано это прекрасное лицо, сливался съ темною рамой, а темная плюшевая рама — съ темными того же цвѣта обоями — и Паша казалась выдѣлвшеюся живою. Еще мгновение — и она подойдетъ къ нему... „Ну, этого портрета я не оставлю дядѣ! Да ему онъ и не нуженъ!“ И вставъ съ кресла, Сластеновъ подошелъ попробовать снять его. Портретъ висѣлъ не высоко... Спустя минуту онъ уже держалъ его передъ собою, съ жадностью и печалью глядяваясь въ него. На мигъ ему показалось страшнымъ — унести съ собою это лицо въ тускляя потемки его завтрашняго будущаго; но онъ понялъ, что безъ этого послѣдняго воспоминанія о ней ему будетъ слишкомъ тяжело и безразсвѣтно...

— Прикажете Ефрему заложить коляску? спрашивалъ на другой день у него лакей, подавая ему чай въ спальню.

— Да, пожалуй... Впрочемъ, нѣтъ.

И вспомнивъ свою жалкую комнату въ домѣ Г*** на Тверской, Василій Герасимовичъ даже засмѣялся. Подѣхать туда въ собственной коляскѣ на шинахъ казалось ему ни съ чѣмъ не сообразнымъ.

— Нѣтъ. Наймите мнѣ двухъ извозчиковъ... Одинъ подъ чемоданы, а другой для меня. Вотъ и все.

Швейцаръ и вся прислуга вышли проводить Сластенова на улицу. На всѣхъ лицахъ было изумленіе и недоумѣніе. Никто не зналъ толкомъ, что это случилось такое. Чуксинъ съ Ечкинымъ сами еще о завѣ-

щаніи ничего не вѣдали. Думали, что Василій Герасимовичъ продалъ домъ Саввѣ Кузмичу. Но вчера нарочно одинъ изъ лакеевъ съѣздивъ на Тверскую, узналъ, что за комнату нанялъ себѣ баринъ, и вернувшись торжественно объявилъ:

— Господскій цесъ—и тотъ въ такой конурѣ жить обидится.

Тутъ прислуга была уже окончательно спутана.

А Василій Герасимовичъ спустя часъ уже распорядился установкою вещей въ новомъ своемъ помѣщеніи. Изъ темнаго коридора, гдѣ пахло щами и еще какимъ-то собственнымъ запахомъ (московскія заведенія мебелированныхъ комнатъ—каждое имѣетъ свой запахъ), дверь вела прямо въ крохотную спальню съ оборванными обоями и безъ окна. У стѣны здѣсь была узенькая желѣзная кровать съ какимъ-то блиномъ вмѣсто тюфяка и слежавшимися, точно мѣщанскій картузь, подушками. Жидкое фланелевое одѣяло и простыня похожая на плащъ донъ-Сезара-де-Базанъ, покрывали постель. Жалкій умывальникъ стоялъ въ углу, надбитый, при одномъ видѣ котораго можно было заболѣть водобоязнью. Изъ спальни дверь вела въ другую комнату съ окномъ, въ которое видна была труба. Въ комнатѣ стоялъ жесткій диванъ и столикъ круглый, покрытый визануо салфеткой. Нѣсколько колченогихъ стульевъ, начинавшихъ отъ ужаса скрипѣть при одномъ приближеніи къ нимъ желавшаго сѣсть человека; столикъ, хранившій воспоминанія ото всѣхъ когда-либо выпитыхъ на немъ бутылокъ пива, въ видѣ бѣлыхъ кружковъ отъ ихъ донышекъ; остатки ковра, на которомъ когда-то была изображена одалиска съ невѣроятнымъ бюстомъ. На стѣнѣ клопъ.

— А это у васъ что? указавъ на него Василій Герасимовичъ провожавшему его коридорному.

Коридорный очевидно былъ поклонникомъ, хотя и безсознательнымъ, Шопенгауэра. Онъ на все смотрѣлъ съ пессимизмомъ мебелированныхъ комнатъ отъ 20 руб. въ мѣсяць и ниже.

— Это-съ? съ меланхолическимъ удивленіемъ поднимая онъ глаза на безпечнаго странника по оборваннымъ обоямъ.

— Да, это.

— Это... это—здѣшній клопъ-съ!

И немедленно сдѣлавъ изъ него запятушу на обояхъ, онъ такъ же безразлично предложилъ:

— Самоваръ прикажете?..

— Нѣтъ, не надо... Оставьте меня.

Василію Герасимовичу показалось страшнымъ повѣсить портретъ своей жены на эту отвратительную стѣну. Ему—было дѣло привычное. Онъ у Бантши еще и не въ такихъ жилъ, но видѣть Прасковью Яковлевну рядомъ съ этими запятными изъ здѣшнихъ клоповъ было выше его силъ. Онъ обернулъ портретъ въ бумагу и уложилъ его въ комодъ. Потомъ установилъ на комодѣ нѣсколько взятыхъ съ собою книгъ, распредѣлилъ по ящикамъ бѣлье, повѣсилъ въ шкафъ, напоминавшій какой-то средневѣковый застѣнокъ, платье и сѣлъ на диванъ, отчего сразу поднялось въ воздухъ цѣлое облако пыли.

— Однако, отсталъ же я за эти годы отъ мебелированныхъ комнатъ! поймалъ онъ себя на невольномъ вздохѣ.

— И подумать, что еще третьяго дня генералъ Водохлѣбовъ попросилъ у меня и получилъ пять тысячъ рублей...

Сластеновъ уже весело засмѣялся.

V.

Такая тяжелая гнетущая тишина третью недѣлю стояла вокругъ Курца, такъ тускло, бѣдно и скупо мерещился день въ окно заложное желѣзными рѣшетками и густо покрытое копотью и пылью, что арестанту казалось, будто цѣлая вѣчность прошла уже съ тѣхъ поръ, какъ онъ сидитъ здѣсь, въ этой одиночной ка-

Осенняя непогода. Карт Пецельбергера. грав Беренс.

Литературный альбомъ. „Борисъ Годуновъ“ А. С. Пушкина. Борисъ и Юродивый.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Флюгель.

меръ Московскаго тюремнаго замка. Одно, что живо осталось въ его памяти—это ржавый визгъ и болѣзненное скрипѣніе темничныхъ воротъ, въ послѣдній разъ затворившихся за нимъ. Позади осталась жизнь, свобода, все что онъ любилъ, чему въ жертву онъ принесъ свою и чужую жизнь—впереди его ожидали сплошныя потемки съ проголодью и холодомъ ссылки вдали. Онъ въявь видитъ грязную и затхлую тюремную контору, гдѣ его обыскали, нарядили въ эту рвань, снабдили конвойными и откуда увели его сюда—въ келью, гдѣ онъ былъ одинъ, одинъ наединѣ съ памятью прошлаго, наединѣ съ то и дѣло проступавшимъ передъ нимъ изъ сумрака призракомъ задушеннаго имъ чело-вѣка. Изрѣдка въ коридорѣ слышались шаги часовыхъ и сторожей. По вечерамъ открывалось въ его дверяхъ окошечко и дежурный офицеръ спрашивалъ его: „подслѣдственный арестантъ Курцъ?“ Убѣдившись въ его наличности, онъ самъ себѣ отвѣчалъ здѣсь, и захлопывалъ задвижку окна. По утрамъ ему приносили чай. Въ полдень—щи и кашу. Вечеромъ—опять чай. Денегъ у Курца не осталось вовсе—у него отняли все. Сластеновы, жалѣя его, хотѣли было посылать ему пищу со стороны, но слѣдователь запретилъ это пока. Единственнымъ развлеченіемъ для заключеннаго были дни, когда его вызывали въ контору. Слѣдователь иногда одинъ, иногда съ прокуроромъ пріѣзжали туда... Тутъ Курцъ сквозь рѣшетки тюремныхъ оконъ видѣлъ улицу съ маленькими домами напротивъ. Въ домахъ, въ крошечныхъ окошккахъ горшки съ геранью, бѣлыя занавѣски. Изрѣдка—торопившійся куда-нибудь прохожій останавливалъ на себѣ его вниманіе, проѣзжалъ сонный извозчикъ, шла подгородная баба. Боголюбовичъ завистливо, съ болью въ сердцѣ, съ угаромъ въ головѣ и съ полнымъ сознаниемъ безнадежности смотрѣлъ и на жалкую герань, и на продравшіяся занавѣски, на прохожихъ и проѣзжихъ—и одно только понималъ въ эти минуты: что за этой геранью таится маленькое и тихое счастье, что эти люди свободны и могутъ ходить и ѣздить куда хотятъ, что имъ свѣтитъ солнце и улыбается небо,—солнце, еще ни разу не забросившее своего луча въ страшныя потемки его кельи, небо—лазурь котораго не пропускали закопѣлыя стекла ея оконъ... Слѣдователь въ такія минуты по нѣскольку разъ повторялъ ему вопросы. Курцъ ихъ не слышалъ, да, впрочемъ, они были такъ однообразны: вы это похитили? вы убили?.. Какъ вы похитили?.. Какъ убили?.. Онъ ужъ не зналъ, въ который разъ, потупясь и путаясь, сбиваясь и вновь возвращаясь къ прерванному разсказу, повторялъ всѣ съ такой головокружительностью и такой быстротой совершившіяся событія. Ему нельзя было отрицать — онъ былъ пойманъ съ поличнымъ... Онъ долженъ былъ, съ бѣшенствомъ въ душѣ, только подтверждать все, что съ такой злобой показывали на него Приходзько и Гиришманъ. Въ глубинѣ своей совѣсти онъ понималъ, что всѣ эти обличители нисколько не лучше его; онъ даже про Плюса сказалъ разъ слѣдователю: „вы не можете себѣ представить, какая это была гадина!“ Но слѣдователь съ такимъ отвращеніемъ взглянулъ на него, что Курцъ разомъ смолкъ и больше уже не возвращался къ опредѣленію нравственныхъ свойствъ своей жертвы. Раза два ему пришлось встрѣчаться съ Саввой Кузмичемъ—тотъ жалѣлъ Курца, но только и могъ посоветовать: „Молись, братъ... Богъ можетъ и простить — Богъ и разбойника на крестѣ простилъ...“ Василій Герасимовичъ отнесся къ нему лучше. Курцъ ожидалъ, что молодой Сластеновъ смутится увидѣвъ его, но очевидно тотъ сильно измѣнился за послѣднее время. Онъ посмотрѣлъ ему прямо въ глаза, тихо проговорилъ: „Мнѣ жаль васъ, Боголюбовъ Боголюбовичъ“. Это заставило Курца глубоко взволноваться; онъ даже, отвернувшись къ стѣнѣ, заплакалъ. Онъ зналъ, что ему не будетъ даже и спихожден-

нiя, и въ послѣдніе дни тупо подчинился всему, что его ждало: воровство, присвоеніе, подлогъ, побѣгъ, убійство—все это представляло такую совокупность, передъ которою отступилъ бы самый снисходительный присяжный. Курцъ понималъ также, что эти присяжные его отлично знаютъ, знаютъ по Москвѣ, по ея клубамъ, сплетнямъ, толкамъ. Они и въ прошломъ его не нашли бы ничего, что заставило бы ихъ пожалѣть ренегата и „перекрещенца“, какъ уже теперь называла его мелкая уличная печать. Когда допросы окачивались, Курца помѣщали между двумя сѣрыми солдатами съ ружьями въ рукахъ. „Ну, маршъ!“ приказывалъ тюремный смотритель, и солдаты шли въ ногу, не обращая никакого вниманія на то, что на лицѣ убійцы, находившагося между ними, отражались въ эти минуты страшная душевная тоска, такая тоска и томленіе, что онъ искренно завидовалъ убитому имъ Плюсу... Они проходили черезъ тюремный дворъ, мимо гулявшихъ арестантовъ — кандалниковъ, простыхъ и мелкихъ воровъ, бродягъ. Они всѣ смотрѣли на него съ острымъ любопытствомъ, и часто Курцъ слышалъ вслѣдъ себѣ: „это тотъ самый баринъ, который закладчика убилъ и два миллиона укралъ!...“ А баринъ, потупясь, только и думалъ о томъ, какъ бы скорѣе за нимъ затворилась дверь и шелкнулъ замокъ его одинокой кельи... Попавъ къ себѣ, онъ чутко прислушивался, какъ постепенно въ каменномъ коридорѣ замираютъ шаги конвойныхъ и наконецъ кругомъ наступаетъ страшная тишина. Тишина, судившая его своимъ безмолвіемъ, своей неподвижностью,—тишина, смотрѣвшая прямо въ глубину его души и видѣвшая въ ней всю мерзость и ужасъ,—тишина, которой мало было его страданій—и она вызывала изъ тьмы далекой могилы блѣдный и незрячій призракъ, становившійся гдѣ-нибудь въ углу комнаты, у изголовья кровати, въ дверяхъ, и стоявшій тамъ безъ движенія, безъ звука, спокойно и неотразимо... Курцу становилось страшно. Онъ зналъ, что мертвецы не поднимаются изъ своихъ могилъ, но въ то же время чувствовалъ его около. Начиналъ-ли онъ ходить изъ угла въ уголь — рядомъ съ нимъ двигался призракъ, со вспухшимъ лицомъ, съ широко открытыми и ничего не видящими глазами; останавливался Курцъ — останавливался и тотъ... Ему хотѣлось зажмуриться, Курцъ закрывалъ лицо руками—и все тотъ же неизбѣжный Плюсъ чувствовался рядомъ... Курцъ понималъ, что онъ только не видитъ призрака, но призракъ здѣсь. Справа или слѣва, только на той сторонѣ съ которой онъ—тѣлу холоднѣе, самый воздухъ тамъ наполненъ чѣмъ-то постороннимъ, чуждымъ... Ночью, просыпаясь отъ какого-то неожиданнаго толчка, Курцъ подымался, съ недоумѣніемъ всматривался въ темноту и вдругъ въ ней рождалась искорка... голубая... дрожащая... Проступить и исчезнетъ... Проступить опять — подольше удержится... Опять точно растаетъ во мракѣ. А тамъ вдругъ ярче вспыхнетъ и же не гаснетъ, а точно вращается сама вокругъ себя, окутываясь какимъ-то клочкомъ пара или тумана, что по ночамъ подымается надъ сырыми болотинами. Окутается... Вся растаетъ въ этомъ клубкѣ мглы и тамъ засвѣтится... Растетъ... Сливаются по краямъ съ темнотой... Вдругъ внутри очерчивается что-то... Пристально-пристально вглядывается въ это что-то Курцъ и различаетъ, какъ въ туманѣ и изъ тумана опредѣляется носъ... Приплюснутый носъ съ широкими ноздрями. Плюсовъ носъ... Потомъ безкровныя, блѣдныя губы... Верхняя приподнялась, изъ-подъ нея видны зубы... Потомъ глаза — недвижные, широко раскрытые, устремленные на Курца... Все остальное, контуры головы пропадаютъ въ темнотѣ... сливаются съ нею... И это лицо, сколько бы ни сидѣлъ и ни смотрѣлъ Курцъ, будетъ носиться и плавать во мракѣ его одиночной кельи, не сводя съ убійцы недвижнаго взгляда своихъ недвижныхъ глазъ... Курцъ падалъ въ постель, но

тогда голова подымалась надъ нимъ, опрокидывалась лицомъ внизъ и сверху смотрѣла на него... Курцъ, весь въ холодѣ смертельнаго ужаса, вскакивалъ съ постели, пилъ воду,—голова пропадала, и не то что пропадала, а только теряла свою ясность и опредѣленность; но стоило Курцу лечь, чтобы она опять появилась около, безпощадная и неотразимая...

Курцъ засыпалъ утомленный и обезсиленный только подъ утро... Странное дѣло, онъ никогда не былъ слабонервнѣе. Онъ не понималъ откуда это все пришло къ нему. Въ послѣдніе дни ко всѣмъ этимъ ужасамъ присоединился еще новый... Стоило ему лечь въ постель и забыться на одну минуту, чтобы тотчасъ-же почувствовать на своемъ лбу чью-то руку. Неподвижную, костлявую и холодную. И не только холодную, но являющуюся сверхъ того проводникомъ холода. Черезъ эти пальцы, длинные и цѣпкіе, стужа проникала въ его голову, оттуда проходила въ грудь, и скоро весь онъ дрожалъ, чувствуя невозможность сбросить съ себя эту руку и въ то же время понимая, хорошо понимая, что никакой руки нѣтъ и быть здѣсь не можетъ. Онъ наконецъ вскакивалъ—и ослабѣвшій, дрожащій, утомленный начиналъ бѣгать изъ угла въ уголь, дожидаясь когда въ черномъ четырехугольничкѣ окна засвѣтитъ тусклый и невеселый день...

Курца теперь трудно было узнать.

Онъ посѣдѣлъ и сгорбился. Лицо у него стало сѣрое. Глубоко прорѣзались на немъ морщины, глаза впали и изъ впадинъ своихъ сверкали часто внутреннимъ сознаниемъ непоправимаго, неизгладимаго ужаса, которому онъ отнынѣ былъ обреченъ... Ноги его ослабѣли: онъ останавливался на ходу и тяжело дышалъ—точно не только самъ шель, но и на себѣ несъ громадную тяжесть. Онъ старался заговаривать съ приставниками и сторожами, но тѣ были угрюмы и несообщительны. Очевидно молчаніе одиночнаго коридора и на нихъ дѣйствовало.

— Какая сегодня погода? спрашивалъ онъ у одного изъ такихъ вносившаго къ нему чай.

Тотъ недоумѣло окидывалъ арестанта тусклымъ взглядомъ, ставилъ чай и самъ задумывался.

— Погода? переспрашивалъ онъ и наконецъ на его лицѣ отражалось изумленіе.—А вамъ что?.. Все одно—не гулять вѣдь.

И сторожъ шелъ къ дверямъ.

— Что меня вызовутъ къ слѣдователю?.. съ отчаяніемъ уже останавливалъ его у дверей.

— Какъ вызовутъ—скажутъ...

И дверь запиралась и замокъ рѣзко щелкалъ.

Подъ конецъ Курцъ самъ отвыкалъ говорить... Онъ у слѣдователя съ трудомъ пріискивалъ выраженія... Прислушивался къ своему голосу и задавался вопросомъ: „неужели это я?“ Какъ-то онъ сталъ кашлять.

— Вы не больны? спросилъ его слѣдователь.

— Нѣтъ, такъ... въ груди... Все равно ужь.

Къ нему послали тюремнаго врача. Тотъ какъ вошелъ, такъ и узналъ Курца. Остановился было—хотѣлъ ограничиться сухимъ и официальнымъ опросомъ, да жаль стало...

— Неужели это вы, Готлибъ Готлибовичъ?

Курцъ слабо улыбнулся—и привсталъ. Замѣчая что докторъ не протягиваетъ ему свою руку, и Курцъ тоже удержался... Докторъ пристально всматривался въ него.

— Какъ-же, невольно проговорилъ онъ наконецъ,—я помню, помню васъ, господинъ Курцъ... сколько разъ въ клубѣ играли въ винтъ!.. Вы были большой мастеръ по этой части... Съ вами было хорошо быть партнеромъ... Ну, однако какъ вы перемѣнились. Ужасно.

— Нельзя-ли мнѣ лечь въ больницу? пришло въ голову Курцу. Въ самомъ дѣлѣ! И онъ сообразилъ, что въ больницѣ онъ будетъ не одинъ, а съ другими.

— Нѣтъ... Я буду навѣщать васъ здѣсь. Пока не

кончится слѣдствіе—нельзя. Арестанты по особо важнымъ дѣламъ лечатся у себя въ камерахъ.

Докторъ прописалъ ему что-то и ушелъ не подавая руки. Курцъ даже и не замѣтилъ этого.

Онъ былъ-бы радъ разболѣться какъ слѣдуетъ, во всю. Радъ потому, что чувство физической боли—запустило-бы исчезнуть галлюцинаціи. Призракъ уступилъ-бы дѣйствительному страданію свое мѣсто. Курцъ теперь уже безъ страха прислушивался, какъ въ его груди точно скрипятъ ржавыя петли—при кашлѣ или при болѣе глубокомъ вздохѣ, какъ онѣ скрипѣли въ воротахъ его тюрьмы... Его пугала смерть и въ то же время радовала... Конечъ всѣмъ этимъ мукамъ!.. Да, конечъ, и онъ улыбался, думая какъ надуетъ онъ всѣхъ, и Приходзько, и Гиришмана—вмѣсто суда—выбравъ изъ тюрьмы въ простомъ сосновомъ гробѣ... Но въ то же время ужасъ прокрадывался къ нему въ душу: а если эти призраки—дѣйствительность, дѣйствительность того міра? Если—въ то мгновеніе когда онъ сомкнетъ глаза—они обступятъ его отовсюду—ненавидящие, непримиримые?.. И Курцу казалось, что онъ начинаетъ мѣшаться... Впрочемъ, домъ сумасшедшихъ—былъ все-таки лучше каторги...

— Переведите меня въ общую арестантскую, просилъ онъ слѣдователя.

— Не могу-съ...

— Да вѣдь я сознался во всемъ... Слѣдствіе тянется Богъ знаетъ сколько времени... За чтѣ жъ вы меня мучите?

— И еще дольше протянется. Вы думаете легко разобратся въ книгахъ и отчетностяхъ Каспійско-Черноморской водяной коммуникаціи? Вы уничтожили часть производства...

— Сколько же протянется все это?

— Дай Богъ въ годъ окончить...

Это его ударило точно въ голову... Онъ на первыхъ порахъ, не протестуя, какъ будто ослѣлъ и молчалъ. Только выходя изъ камеры, онъ вспомнилъ: „дай Богъ въ годъ окончить!..“ „Годъ... Неужели еще годъ среди этого безмолвія, одиночества, ужаса?.. Годъ здѣсь!..“ переступилъ онъ порогъ своей тюрьмы. „Годъ среди этого мрака... Тутъ часъ, одинъ часъ страшнѣе. А сколько такихъ часовъ въ году?..“

И онъ въ безумномъ порывѣ безсильнаго бѣшенства упалъ на постель и зарыдалъ, лицомъ въ свалывшуюся подушку, царапалъ себѣ щеки до крови, задыхавшись и рискуя разрывомъ сердца, кашляя и судорожно колотясь о стѣну кельи и желѣзо кровати...

Весь этотъ день онъ промучился, а когда наступилъ вечеръ—Курцъ почувствовалъ свое положеніе окончательно невыносимымъ. Онъ ходилъ по своей кельѣ—и какъ-то взглянувъ на постель, вздрогнулъ. Ему почудилось, что на ней лежитъ Плюсъ, именно такъ какъ онъ лежалъ тогда—въ той комнатѣ Рязанской гостиницы—съ подушкой на лицѣ, съ согнутыми вверхъ колѣнями... Онъ отошелъ отъ постели протягивая руки впередъ, точно защищая ими себя отъ новаго призрака. Потомъ ему захотѣлось побѣдить свой ужасъ. Онъ пошелъ къ Плюсу, и по мѣрѣ того какъ онъ медленно приближался къ нему—Плюсъ точно таялъ въ воздухѣ и исчезъ—на кровати его не было; но оглянувшись въ уголь, Курцъ увидѣлъ его тамъ... Не зная самъ, чтѣ онъ дѣлаетъ, Боголюбовъ Боголюбовичъ бросился въ двери и заколотился... Издали въ концѣ коридора слышались чьи-то тихіе шаги... Они приближались къ нему.

— Чего еще? проговорилъ сторожъ, отодвигая окно.

— Огня, огня!.. почти хрипѣлъ Курцъ.

— Ладно... Въ восемь часовъ подадутъ... Раньше нечего, не велѣно, и безъ огня посидите.

— Не могу... Не могу безъ огня...

— Что-жъ что не можете!.. Отъ начальства приказъ.

Потом шаги отдалились, послышался говоръ. Курць прислушался.

— Что онъ? спрашивалъ караульный у сторожа.

— Огня!.. Чудится должно... За убивство сидитъ... Убивцамъ всегда чудится... Одинъ такъ голову себѣ о стѣну расколотилъ!.. Тоже и ихъ положеніе!

И слова и шаги замерли вдали.

„Голову себѣ расколотилъ!“ вспомнилъ Курць. „Да, въ самомъ дѣлѣ. У того же хватило силы. Вѣдь только и стѣитъ, что расколотить себѣ голову. Наклониться, разбѣжаться—и конечно.. Зависитъ отъ рѣшительности и силы, а какъ разбѣжишься.. Одинъ ударъ — и этого года не будетъ, и суда не будетъ, и ссылки, ничего, ничего.. Что же смерть?.. Вѣдь всѣмъ умирать надо.. Плюсъ умеръ.. Ишь!.. Опять лежитъ на постели, и подушка на лицѣ, и колѣни согнуты...“ Курць остановился.. Тихо снялъ сапогъ съ ноги, прицѣпился и швырнулъ его въ Плюса.. Сапогъ прошелъ между колѣнями Плюса.. Странно Курць и Плюса видитъ, и сапогъ тоже.. Онъ подошелъ—Плюсъ исчезъ... Въ углу стѣитъ. „Погоди же, я тебя надую... Всѣхъ надую.. И Приходзько тоже... Всѣхъ, всѣхъ. Вѣдь ничего, ничего больше не остается. Если бы еще убѣжать можно было.. Убѣжать, да Какъ бѣгаютъ другіе... Убить сторожа, надѣть его платье и выйти. Главное — спокойно.. не теряться... Лежи-лежи!“ оборачивается онъ къ Плюсу — „Лежи-лежи... Я несколько-несколько не боюсь тебя... Лежи... Да... Не теряйся... Какъ убьешь только? Они, сторожа-то, вдвоемъ... Одинъ входитъ въ камеру, другой остается въ коридорѣ... Итъ, тутъ ничего, ничего не сдѣлать... Вѣрно придется такъ, какъ тотъ: разбѣжаться и головой о стѣну...“

Онъ сѣлъ на табуретъ къ столу и задумался..

Вся его жизнь проходила передъ нимъ... Вся, съ ея немногими радостями. Проклятая жизнь. Каждая ея удача была отравлена страхомъ... Все время онъ точно въ прятки игралъ со всѣми. Притворялся, таился. Носилъ маску. Вся, вся, до этого вечера, до этой ночи, когда онъ рѣшился умереть..

Вся его жизнь проходила передъ нимъ.

Ради чего онъ боролся, мучился, отчаивался и достигалъ? Терпѣль поношенія, обиды, терялъ уваженіе къ себѣ и другимъ?.. Былъ звѣремъ, котораго травили, и самъ другихъ травилъ какъ звѣрей? Ради чего онъ во всѣ эти сорокъ-пять лѣтъ не зналъ ни минуты покоя? Вѣчныя подозрѣнія, подлые расчеты... Опасности кругомъ. Всѣ ему враги и всѣмъ онъ врагъ. Ложь безъ конца... Безъ конца. Неужели же все это только для того, чтобы теперь, сейчасъ вотъ, прежде чѣмъ сторожъ явится съ лампою, разбѣжаться и удариться головой въ стѣну?..

Вся его жизнь проходила передъ нимъ..

Начиная съ молодости, любилъ-ли онъ кого, увлекался-ли чѣмъ?.. Итъ. Любви не было. Была распущенность, была страсть, но черезъ нѣсколько часовъ онъ равнодушно отходилъ: ему не было жалъ женщину, потому что онъ не видѣлъ ея души, а зналъ только тѣло, одно тѣло... Онъ никому не вѣрилъ, потому что самъ всѣхъ обманывалъ... Ему казалось, что кругомъ только дураки и подлецы. Дураки, которыхъ надо эксплуатировать, чтобы самому жить; подлецы, которыхъ слѣдуетъ бояться... И никого-никого больше.. Его оскорбляли, ловили съ поличнымъ. Ловили на шуглерствѣ, на обманѣ.. Его били какъ провиновавшаго раба. Онъ все это терпѣлъ, терпѣлъ... Пришла старость, его потянуло къ покою, къ обезпеченности... Онъ рѣшился разомъ создать себѣ и то, и другое... Но на этомъ его настигла ненависть, и онъ долженъ былъ убить, чтобы спастись... Убилъ—и не спасся... Вотъ онъ лежитъ, этотъ призракъ убитаго имъ... Ну, да еще нѣсколько минутъ... еще нѣсколько минутъ—и онъ самъ будетъ призракомъ. Онъ сдѣлается ему своимъ, а свои своихъ не боится..

Стоило жить! Стоило!..

— Итъ... Довольно... Довольно!.. вслухъ проговорилъ онъ и выпрямился.

Усталъ охватывала его, все въ немъ нѣмѣло, гасло... Сознаніе уходило куда-то... Отчаяніе — и то словно туча сползло прочь, но не небо открылось за нимъ, а какая-то пустота, бездна, безъ образа, безъ края, безъ предѣла, безъ звука и безъ времени. Бездна — то ничто, въ которое онъ вѣрилъ... То страшное ничто, въ виду котораго ему раньше казалось нечего бояться чего или кого бы то ни было. То ничто, передъ которымъ итъ раскаянія, есть только страхъ быть пойманнымъ и наказаннымъ немедленно..

Онъ не зналъ Бога..

Не зналъ и прежде Его и не узналъ теперь. Зналъ онъ Бога—вмѣсто этого холоднаго и безмолвнаго ужаса онъ уналь бы передъ Нимъ въ слезахъ, въ покаяніи, уналь бы на этотъ полъ и молился бы, молился до омертвѣнія, пока хватило бы въ груди силы для вдоха, пока шевелились бы губы, повторяя: „прости, прости“.

А теперь къ кому онъ обратится?

Кто утѣшитъ его?..

Итъ, и внизу и вверху одна и та же бездна... Смерть кончаетъ все... Смерть есть предѣлъ и стѣитъ только рѣшиться... Стѣитъ только разбѣжаться..

И Курць вдругъ вздрогнулъ.

Ему вспомнилось, что платье у него отняли, а длинный ремешный поясъ оставили ему... Въ самомъ дѣлѣ, это гораздо проще... Разбѣжаться — еще ушибешься. Еще физическая боль въ дополненіе ко всему, что испыталъ онъ до сихъ поръ... Какое-нибудь неловкое движеніе — и голова останется цѣла, а тутъ петлю, одинъ прыжокъ и конечно, конечно совѣмъ, навсегда — и кругомъ будетъ бездна... Будетъ ничто и въ немъ, и вмѣ его, одно великое ничто..

Поясъ былъ длинный... Ремень выдержать тяжесть его тѣла... И петля будетъ удобна. Онъ посмотрѣлъ на рѣшетку окна... Она была невысока. Подставилъ табуретъ... Одна минута еще—и все кончено... А городъ — пришло ему на мысль — живетъ себѣ своею жизнью. Чтò ему за дѣло до этого несчастнаго? Такъ же веселятся люди, такъ же шумитъ толпа на улицахъ, въ клубѣ теперь собрались знакомые... Можетъ-быть говорить о немъ.. Завтра прочтутъ въ дневникѣ происшествій, отовсюду послышится: „скажите, кто бы этого ожидалъ!.. Галопишко-то въ тюрьмѣ повѣсился. Хватило характера суда не дожидаться!“ Кто-нибудь прибавитъ: „отлично сдѣлалъ, ему вѣдь ничего больше не оставалось“.. Отлично сдѣлалъ!.. Грустное чувство нѣсколько отуманило какою-то слабостью, нѣжностью Боголюбовича, ему почему-то разомъ стали дороги и милы всѣ эти люди.

Но пора, пора... Времяшло... Въ десятомъ часу ему принесутъ лампу и чай.

Осталось немного, очень немного..

Онъ взялъ съ постели простыню, она была слишкомъ ветха, еще разорвалась бы, пожалуй. Онъ вспомнилъ, что ему вмѣстѣ съ поясомъ оставили и шарфъ. Живо онъ связалъ его съ концомъ ремня. Съ силою потянулъ „Прочно, выдержать!“ проговорилъ онъ вслухъ и самъ изумился: точно совѣмъ чужой голосъ. Потомъ онъ привязалъ, ставъ на табуретъ, конецъ шарфа къ рѣшеткамъ, попробовалъ—оказалось надежно... Еще разъ... „Говорять, не больно, совѣмъ не больно... Говорять, тѣ, которыхъ снимали изъ петель еще живыми, рассказывали, что они не чувствовали страданій“. Петля внизу была сдѣлана, онъ надѣлъ ее на шею себѣ... Оставалось только оттолкнуть табуретъ... Одно движеніе ногой... Онъ, стоя уже, посмотрѣлъ на свою постель: ему почудилось, что Плюсъ слегка приподымается съ нея. Подушка шевелится..

Послѣ бала. Съ карт. (собств. „Нивы“) **В. П. Чуманова**, грав. Пааръ.

Согнутыя колѣни его расправляются... „Сейчасъ, сейчасъ!“ точно обратился къ нему Боголюбовъ Боголюбовичъ,—„сейчасъ... Только минуту, одну минуту... Нѣтъ, мгновение“. Сердце его билось съ болью... Тысячи мыслей вихремъ мчались въ его головѣ, захватывая всю его душу въ какую-то бѣшеную мятель... Ну... пора!.. Онъ одною ногой толкнулъ табуретъ. Табуретъ съ шумомъ покотился по комнатѣ... Ремень натянулся... Но въ эту самую минуту щелкнулъ замокъ въ дверяхъ и

сторожъ кинулся въ комнату, подхватилъ задыхавшагося Курца и крикнулъ своего товарища... Петлю сняли... Курецъ былъ еще живъ, но мутно смотрѣлъ на окружающихъ. Когда онъ совсѣмъ пришелъ въ себя—а это случилось ужь къ ночи—онъ понялъ, что на вторую такую попытку ему ужь не хватить ни силы, ни рѣшимости.

Онъ съ ужасомъ сообразилъ, что ему еще долго-долго жить и мучиться...

(Оконч. въ слѣд. №).

Говѣніе.

(Изъ учебныхъ годовъ стараго барчука).

Евгенія Маркова.

I.

Нашъ батюшка.

Законоучитель нашъ, отецъ Антипій, вселялъ въ меня благоговѣйный трепетъ своею всегда сверкавшею, всегда торжественною фигурою. Онъ постоянно носилъ громко шумѣвшую, новую люстриновую расу, которая ломалась въ изгибахъ и складкахъ, будто жестяная, и отражала отъ себя во всѣ стороны лучи солнца; мнѣ казалось отъ этого, что до батюшки страшно дотронуться. Какъ нарочно, носъ у отца Антипія былъ длинный и острый, слегка загнутый крючкомъ; сжатія вмѣстѣ губы выдавались впередъ, тоже какъ-то остро и требовательно; черная бородка, собранная въ метелочку, и усы, жесткіе какъ проволока, стояли торчкомъ впередъ, будто зарпаніе насторожившихся, а на головѣ была воздѣта, сверху напояженныхъ до блеска волосъ, непомятно высокая и сильно заостренная скуфейка лидоваго бархата, — такъ что дѣйствительно въ моей дѣтской фантазіи онъ весь словно оцетинивался остриями. Къ этому присоединялась необыкновенная величавость движеній и рѣчи. Батюшка нашъ, можно сказать, и ходилъ, и говорилъ только однимъ „высокимъ сло-гомъ“.

Мы такъ привыкли видѣть его торжественно совершающимъ одни лишь официальные акты учительства и священства, что даже представить себѣ не могли, чтобы у отца Антипія нашлись въ обиходъ обыкновенныя житейскія слова для обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ. И онъ, кажется, дѣйствительно вносилъ даже въ домашній бытъ свой ту же величественную чопорность и суровую сдержанность, которыя производили на насъ, его учениковъ, такое глубокое впечатлѣніе.

— Акилина! подай сей плодъ! кратко говорилъ онъ женѣ, указывая костлявымъ пальцемъ на яблоко.

— Жено! насыть младенца! строгимъ голосомъ напоминалъ онъ ей при крикахъ груднаго ребенка.

Батюшка любилъ говорить намъ поученія по всякому случаю, и почти каждый классъ начиналъ притчею по поводу какого-нибудь событія нашей гимназической жизни, такъ что ужь мы при первомъ словѣ его впаивались въ него ушами и глазами, стараясь поскорѣе догадаться, на кого и на что хочетъ намекнуть онъ.

Одинъ изъ богатѣйшихъ четвертоклассниковъ нашихъ, волонтеръ Казминъ, сынъ откупщика, — бывало постоянно обгонялъ на свопхъ рыскахъ скромно шествовавшего пѣшкомъ отца Антипія, кое-когда даже обдавая его брызгами грязи изъ-подъ копытъ пристяжныхъ. Батюшка никогда не упускалъ публично передъ цѣлымъ классомъ напудрить за это голову Казмину.

Какъ только онъ войдетъ въ классъ съ глазами сверкающими горячѣе обыкновеннаго и со щеками блѣднѣе обыкновеннаго, такъ ужь мы и знаемъ, что должно-быть начнется сейчасъ головоломка Казмину. Прочтутъ громко и отчетливо молитву передъ ученіемъ. Походитъ, походитъ батюшка по классу, съ безмолвнымъ состраданіемъ покачивая головою, и вдругъ начнетъ словно самъ съ собою:

— Бѣдный христіанинъ, быть-можетъ и несравнимо достойнѣйшій, бредетъ по образцу апостольскому пѣшимъ хожденіемъ черезъ прахъ и грязь, а тщеславные сыны человѣческіе, надѣленные земнымъ богатствомъ своимъ, рыщутъ на колесницахъ по стогнамъ града, и даже не обращаютъ горделиваго лица своего на тѣхъ скромныхъ путниковъ, конхъ они покрываютъ прахомъ колесъ своихъ...

— Казминъ, Казминъ!.. Это онъ о Казминѣ! сейчасъ же пробѣгаетъ по классу оживленный и довольный шепотъ, и Казминъ уже одергивается и краснѣетъ, чтобы, когда придетъ надлежащая минута, встать и попросить обычнаго извиненія у батюшки.

Особенно славилось въ гимназіи любимое поученіе батюшки, которое онъ говорилъ обыкновенно семиклассникамъ, въ одномъ изъ послѣднихъ классовъ передъ выпускомъ. (Это былъ практическій совѣтъ юношамъ, покидавшимъ школу и вступающимъ въ жизнь, какъ пужно переносить невзгоды этой жизни.

Я хорошо помню начало этого поученія, которое всѣ знали наизусть, за много лѣтъ до того, какъ приходилось услышать его въ 7-мъ классѣ изъ устъ самого батюшки.

— Когда обучаетъ васъ малодушіе житейское, то вознеситесь мысленно выше атмосферы земныя, да и возвратите оттуда внизъ. Тогда и планета-то наша вся съ песчинку покажется, а не токмо что!..

Что касается меня, то поученія и проповѣди батюшки потрясали меня до глубины души. Всѣ слова его были такія странныя, и глаза его были страшные, и колючіе усы его были страшные; стоишь, бывало, передъ нимъ въ церкви, спрятавшись въ рядахъ товарищей, и дрожишь всѣми жилками, выпившись глазами въ его грозную фигуру, пристывъ ухомъ къ его грозной рѣчи. Даже когда онъ служилъ за престоломъ въ алтарѣ и возсылалъ своимъ протяжнымъ рѣзкимъ басомъ молитвы Кроткому Спасителю міра, то моему ребяческому воображенію, наполненному образами библейскаго міра, онъ казался, въ своей рогатой шапочкѣ, какимъ-то суровымъ первосвященникомъ Израиля, или неумолчнымъ библейскимъ пророкомъ, способнымъ безтрепетно заклать передъ алтаремъ Іеговы и 400 жрецовъ Ваала, и 300 жрецовъ дубравныхъ.

Въ классѣ батюшки порядокъ и вниманіе были примѣрные. Никто не смѣлъ не слушать, никто не рѣшался шалить. А чуть что послышится на заднихъ скамьяхъ, пронзительное око отца Антипія сейчасъ же отмѣтитъ виновника, и пронзительный басъ его сейчасъ же воткнется въ него какъ булава въ пойманнаго жука.

— Оглашенный! изди!..

А изыдеешь, разумѣется, прямо въ объятія инспектора.

Знали у батюшки всѣ безъ исключенія и все безъ исключенія. Даже отпѣтые старики „горь Ливанскихъ“ — и тѣ почему-то интересовались Закономъ Божиимъ и, ко всеобщему удивленію, учили уроки изъ него.

— Голубчикъ Шарачникъ! приставалъ, бывало, ко мнѣ необычно нѣжнымъ голосомъ громадина Толстошееко, пропавшій обыкновенно въ началѣ года всѣ свои учебники. — Дай законца позубриться!

И я давалъ, и онъ садился и зубрилъ, и, главное, онъ отвѣчалъ, и весь классъ дивился, а онъ самъ, конечно, больше всѣхъ, такъ что возвращался отъ каѳедры красный и сконфуженный, точно этимъ знаніемъ урока совершилъ передъ товарищами невѣсть какое отступничество отъ своего долга и невѣсть какое противозаконіе.

Никакихъ объясненій урока въ классѣ батюшки не полагалось, ибо это онъ считалъ вреднымъ модничаньемъ и переливаньемъ изъ пустаго въ порожнее, а просто-напросто задавалось нѣсколько страницъ „отъ сихъ до сихъ“ — и дѣло съ концомъ.

Точно такъ же просто было и спрашиванье уроковъ. Возсядетъ, бывало, нашъ отецъ Антипій въ широкихъ воскрыляхъ своихъ сверкающихъ одеждъ на каѳедру, вызоветъ кого слѣдуетъ и, вонзившись въ него въ упоръ глазами, скажетъ только:

— Ну-съ, начинай!

Отличные ученики должны были отвѣчать изъ Катехизиса, не ожидая вопросовъ; они знали на зубокъ не только отвѣты, но и вопросы.

— Вопросъ: что есть Катехизисъ? Отвѣтъ: Катехизисъ есть слово греческое, оно значитъ оглашеніе, т. е. изустное наставленіе...

И пошелъ, и пошелъ.

Въ рѣдкихъ только случаяхъ батюшка бывалъ вынужденъ напомнить начало, какому-нибудь вѣтрогону.

— Нынѣ что у васъ? громко и важно спроситъ онъ вызваннаго ученика.

— Сегодня у насъ церковная исторія.

— Ну-съ, такъ отвѣчай!

Оторопѣвшій бѣдняга забылъ чѣмъ начинается урокъ и въ смущеніи мнется на мѣстѣ.

Батюшка долго и неподвижно смотритъ на него своими суровыми и неодобрительными очами и наконецъ произноситъ:

— „Послѣ бури гоненій...“

— „Наступил наконец миръ для церкви Христіанской, торопливо, какъ на почтовыхъ, подхватываетъ оправившейся ученикъ. — Константинъ, побѣдившій силою Креста, и самъ оною побѣжденный...“ и дальше, и дальше, и ужъ ни разу больше не спотыкнется, пока не долетитъ, захихавшись, до рокового „до сихъ“.

А батюшка все время сидитъ, строгій и неподвижный, молча вперивъ свои грозныя очи въ глаза отвѣчающаго, и весь мало-по-малу переполняясь внутреннимъ торжествомъ при зрѣннѣхъ этого журчащаго безостановочно какъ ручей, отраднаго ему отвѣта.

Кажется, не только его глаза, но и усы, и борода, и острая шапочка на головѣ, и самыя складки его широкой рясы, — все теперь ликуетъ и свѣтится въ немъ отъ удовольствія.

— Вамъ и-и-пять, господинокъ коротко и рѣзко отчеканиваетъ онъ, и вызываетъ слѣдующаго ученика.

Въ одномъ только случаѣ библейская величественность нашего отца Антипія исчезала вдругъ куда-то, съ непостижимою для насъ быстротою. Это бывало при посѣщеніи класса начальствомъ, директоромъ или окружнымъ инспекторомъ. Не успѣвала еще отвориться дверь передъ важнымъ посѣтителемъ, какъ уже нашъ батюшка порывисто соскакивалъ съ каедръ и низко пригнувшись своею острою скуфьею, почти-точно ретировался задомъ въ какой-нибудь наиболѣе скромный уголокъ, смущенно запахивая полы своей рясы.

А ужъ на экзаменахъ съ архіереемъ и говорить нечего! Нашего строгаго отца Антипія мы совсѣмъ тогда не узнавали. Куда чтó дѣвалось! И поза такая смиренная, и голосъ какой-то тоненькій, ласковый, совсѣмъ не его. Обычнаго величія — слѣда нѣтъ, даже глаза кажутся не черными, а сѣрыми, и борода съ усамъ будто мягкія стали, не торчатъ больше и не колются, да и люстриновая ряса словно вдругъ потеряла свой блескъ и свою шумливость.

Когда же, по уходѣ архіерея, экспертомъ по Закону Божию оставался архимандритъ или соборный протопопъ, — то отецъ Антипій сейчасъ же перемѣняетъ тонъ и ни за чтó уже не выпускалъ изъ своихъ рукъ бразды экзамена.

Помню, какъ на первомъ переходномъ экзаменѣ вызвали меня къ зеленому длинному столу, на серединѣ котораго стояли роковыя тарелки съ билетами, и вокругъ котораго важно возсѣдалъ дѣлшій сinedронъ камлавокъ. Я было очень обрадовался, что не придется отвѣчать передъ архіереемъ; но архимандритъ, его замѣнившій, оказался еще болѣе неудобнымъ для насъ любуемъ и огорашивалъ насъ такими вопросами, что даже самъ всезнающій нашъ Алеша долженъ бы былъ спасовать передъ нимъ.

Я былъ уже четвертою по счету жертвою этой совсѣмъ нами не ожидаемой богословской пытливости. Самъ отецъ Антипій былъ озадаченъ и взволнованъ поведеніемъ его преподобія. Треть его хорошихъ ученикамъ пришлось поставить слабыя отмѣтки, и онъ очевидно рѣшился не давать въ обиду остальныхъ.

Только что я лихо отбарабанилъ батюшкѣ доставшійся мнѣ билетъ и уже ожидалъ съ трепещущимъ отъ счастья сердцемъ, какъ батюшка передъ всѣмъ этимъ сановитымъ собраніемъ богослововъ выпалитъ сейчасъ въ меня свое обычное: „вамъ и-и-пять, господинокъ!“ какъ вдругъ я почувствовалъ на себѣ чей-то коварно-ласковый взглядъ, и отецъ-архимандритъ, пріятно улыбаясь и одобрительно помавая головою, обратился ко мнѣ своимъ мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ:

— А дозволюте, молодой юноша, обезпокоить васъ еще однимъ не весьма великимъ вопросомъ: что, по учению церкви, должно знаменоватъ появленіе іерея передъ затворенными царскими вратами во время всеночнаго дѣтня?

Я въ искреннемъ испугѣ глядѣлъ на красное лицо архимандрита, вспотѣвшее отъ долгаго сидѣнья въ классѣ, и даже не пытался отвѣчать.

„Ну, теперь пропалъ! ударило меня въ сердце, — сейчасъ единицу вмѣсто пятерки закаты!“

Но отецъ Антипій уже былъ на-сторожѣ.

— А вы не стѣсняйтесь, господинокъ! поспѣшно вмѣшался онъ. — Отвѣчайте ихъ преподобію что слѣдуетъ: яко, Христосъ, скажите, преданъ былъ распятию и смерти за весь миръ, тако, молю, и іерей возноситъ молитвы единъ за всѣхъ.

— Подбжимъ, объясненіе сіе имѣетъ основаніе, возразилъ снисходительно архимандритъ, сильно ударяя на ѓ. — Но не возможно ли отыскать для себѣ еще и иной, такъ сказать, ближайшій ему смыслъ?

Я, въ полной безнадежности и безъ всякой попытки что-нибудь отыскивать, повернулъ свои огорченные глаза въ сторону батюшки.

— А вы и тутъ, господинокъ, не теряйтесь... храбро поддерживалъ меня батюшка. — Вы и на это отвѣчайте его преподобію: яко, молю, Адамъ единъ согрѣшилъ передъ Богомъ, грѣхъ же его на всѣхъ людяхъ, тако, дескать, и іерей единъ представляетъ передъ Престоломъ Всевышняго за грѣхи чelовѣковъ.

— Согласенъ, вѣжливо склонившись головою и слегка приподнимая свои мягкія длани замѣтилъ отецъ-архимандритъ, оче-

видно искренно увлекавшійся этою богословскою полемикою, — прообразъ сей также достаточно знаменателенъ, но иначе учительница наша въ истинѣ, святая церковь, примѣняетъ къ сему еще болѣе прилчествующее изъясненіе... потщитесь-ка, юный питомецъ науки, изложить намъ...

Но тутъ терпѣніе отца Антипія истощилось окончательно. Онъ чувствовалъ, что и надъ моею головою занесенъ тотъ же зловѣщій мечъ, который сразилъ сейчасъ Ярунова, Бѣлокоштова и Квитницкаго.

Онъ рѣшительно нагнулся къ уху архимандрита и произнесъ конфиденціальнымъ тономъ, настолько однако громко, что это услышали всѣ, сидѣвше за столомъ:

— Помѣщика Шарашова синочекъ... Извольте, конечно, ихъ знать?..

Отецъ-архимандритъ сейчасъ же встрепенулся и сдѣлалъ руками и головою какое-то извинительное движеніе, словно говорилъ этимъ безмолвнымъ жестомъ:

„Такъ бы давно и сказали!“

И сейчасъ же пріивѣтливомъ кивкомъ отпустилъ меня отъ стола.

Моя пятерка была спасена...

Семиклассники наши давно разсказывали, будто у отца Антипія была хорошенькая жена, будто отецъ Антипій очень ревновалъ ее, запералъ безъ себя одну въ домѣ и не показывалъ никому. Не знаю, насколько истинно было во всемъ этомъ, только легенда о хорошенькой попадѣ широко распространилась по гимназій, и наши великовозрастные „волонтеры“ старшихъ классовъ, имѣвшіе передъ нами завидное преимущество свободнаго передвиженія, всячески ухищрялись гдѣ-нибудь подглядѣть или повстрѣчать молоденькую „матушку“. Однако ихъ попытки были мало удачны. Ходили нарочно на домъ къ отцу Антипію заказывать молебны по всякимъ фантастическимъ случаямъ, подкарауливали его по воскресеньямъ на его послѣобѣденной прогулкѣ подъ-руку съ попадѣю, но все-таки рѣдко достигали дѣли. Въ домѣ у батюшки даже и дверей почти никогда не отворяли, такая была заведена строгость; сладкорѣчивый нашъ шестиклассникъ Кромалѣй было и проникъ разъ въ предѣлы святилища въ тѣ часы, когда по его расчету батюшки не бывало дома, но его встрѣтилъ вмѣсто красавицы-попадѣи въ запертномъ со всѣхъ сторонъ залѣ самъ отецъ Антипій, съ довольно мрачно смотрѣвшими глазами, и спросилъ его не особенно ласково:

— А вы зачѣмъ сюда пожаловали, господинокъ?

— Папенька приказалъ узнать у васъ, батюшка... нельзя-ли отслужить на-дняхъ молебенъ... началъ было врать опѣшпвшій Кромалѣй.

— Напрасно беспокоите себя, господинокъ! Служителя бы надлежало прислать... Вотъ и дѣло все! Мое вамъ почтенье!

Такъ и выпровожденъ былъ изъ дому предприимчивый педѣлователь, не солоно хлебавши.

А когда въ рѣдкихъ случаяхъ удавалось-таки гимназистамъ подстеречь батюшку на его семейной прогулкѣ, и, обѣжавъ черезъ переулокъ, пойти будто невзначай ему навстрѣчу, то суровый наставникъ нашъ, при приближеніи некаякой любопытныхъ глазъ, снималъ обими руками свою высокую мѣховую шапку въ отвѣтъ на предупредительные поклоны своихъ учениковъ, и такъ основательно закрывалъ ею лицо своей милостивой спутницы, что гимназисты успѣвали пройти мимо раньше, чѣмъ онъ воздѣлывалъ эту шапку-башню обратно на свою голову.

Отецъ Антипій вообще сурово относился къ женскому полу и, кажется, искренно считалъ женщинъ, подобно древне-русскимъ правоучителямъ, „порожденіемъ ехидны, утѣхою сатаны, зміиною прелестью, погубленіемъ чelовѣковъ“.

По крайній мѣрѣ молодая кругогорскія барыня очень болелась исповѣдываться у него, хотя вообще говѣтъ въ гимназической церкви было признакомъ высшаго губернскаго тона.

Одна мѣстная львица, богатая и хорошенькая, только что вышедшая замужъ за полковаго адъютанта, даже выбѣжала, не докончивъ исповѣди, обиженная, съ громкимъ плачемъ, изъ церкви, послѣ того какъ нашъ непреклонный Антипій, не вѣдающій никакихъ свѣтскихъ церемоній и никакой сантиментальности, нещадно пробралъ ее по всѣмъ правиламъ Номокалона, напугавъ ее непонятными вопросами: не пощадитъ-ли она ристалищъ и лицѣдѣйствъ, не кушаетъ-ли мертвечины и хищныхъ птицъ и т. п.

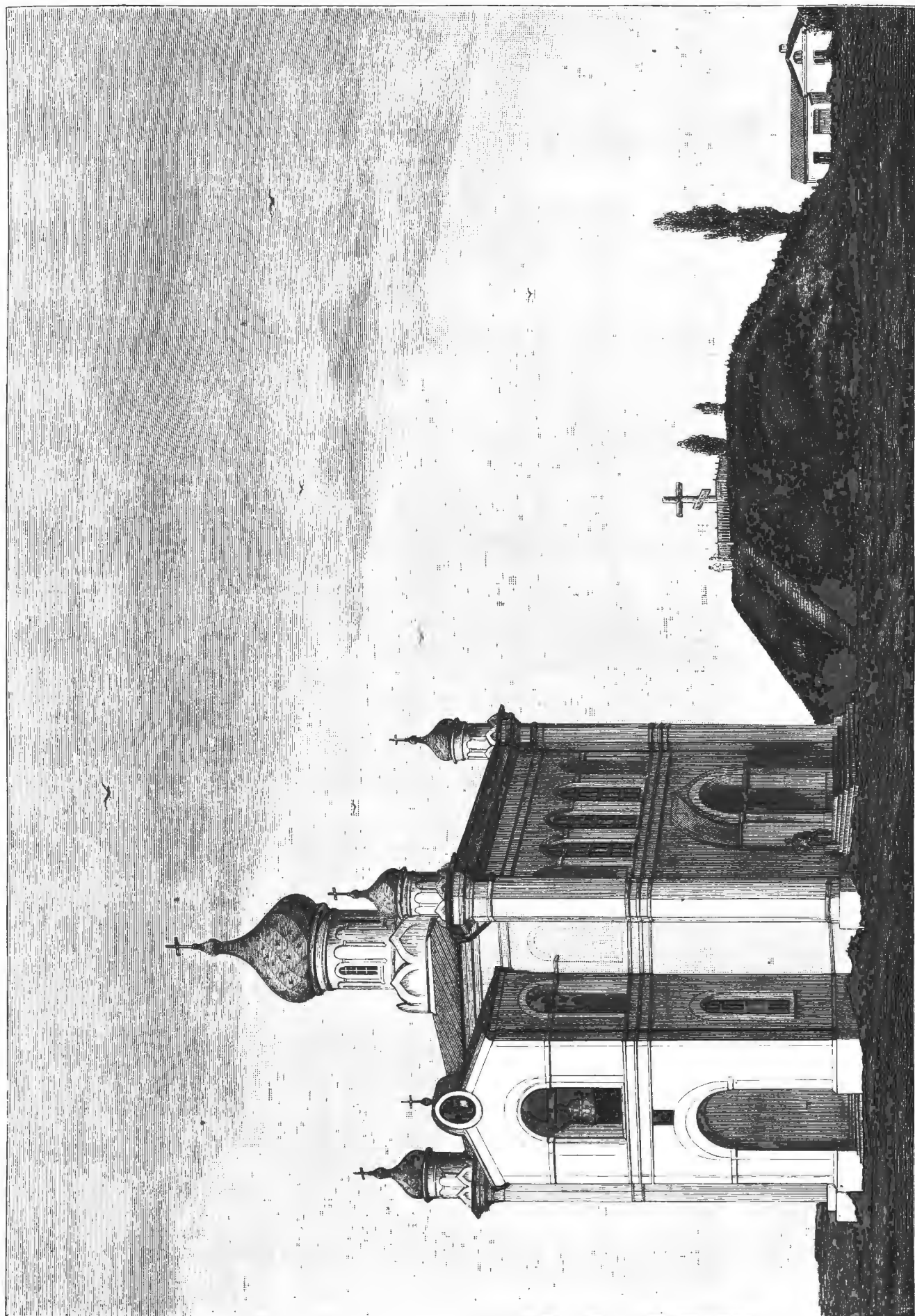
Юный мужъ ея, въ качествѣ грознаго вонпа, пріѣзжалъ объясняться по этому поводу съ черезчуръ не галаитнымъ духовникомъ и въ свою очередь не мало напугалъ его.

II.

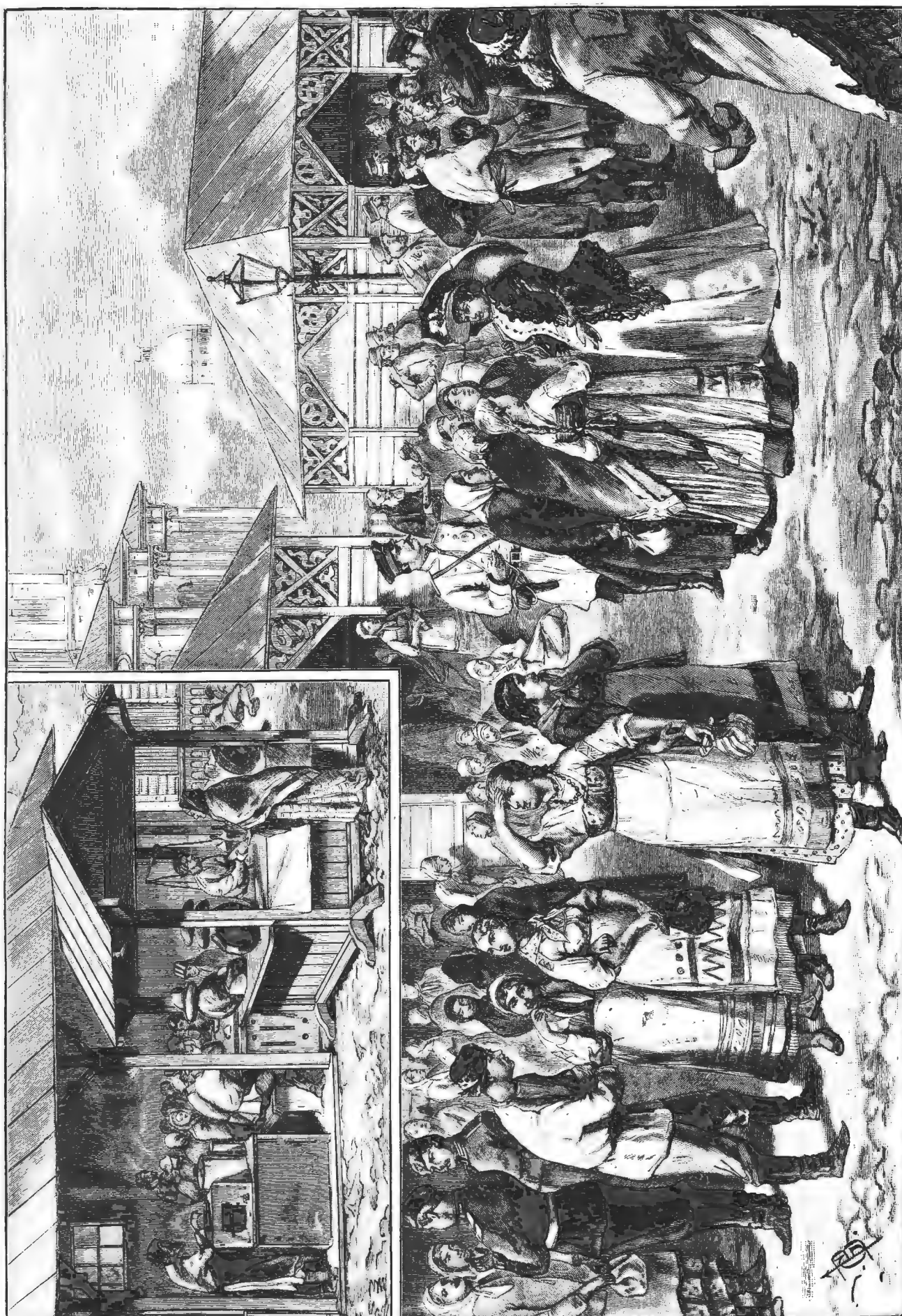
Всеночная въ гимназій.

Наступилъ Великій постъ, и въ первую недѣлю пансіонеры должны были говѣтъ и исповѣдываться. Дни потекли печальные и утомительные. Рѣзкій переходъ отъ масляничнаго бездѣлья и веселья къ однообразію вечерень, часовъ и всеночныхъ былъ чувствителенъ до огорченія.

Зима, какъ нарочно, стояла еще неподвижно сѣрай, ушлая, съ подвываньями метели, безъ солнца по дѣлымъ недѣлямъ,

Шведская могила. Гробница шведских воиновъ, павшихъ въ Полтавскомъ бою, въ 5 верстахъ отъ Полтавы.
Съ фот. генерала Цасвътевича, грав. Рашевскій.

Петербургскіе типы. Наемъ рабочихъ и прислуги у Никольскаго рынка.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бролинга, грав. Шюблеры.

настоящая великопостная погода. И у насъ въ душѣ было такъ же сѣро и уныло и такъ же безразсвѣтно.

Обыкновенныя воскресныя обѣдни всегда казались намъ веселыми. Громкое и хорошее пѣніе, все заранѣе знаешь, что будетъ, и кончается такъ скоро. Даже погода въ эти дни всегда бываетъ свѣтлая, и церковь полна разраженной публикой. Совѣмъ не то эти безконечныя „часы“, гдѣ никто не знаетъ, когда что начинается и кончается, гдѣ священникъ все время прячется въ запертомъ алтарѣ, гдѣ почти не поютъ ничего, а всѣ дремлютъ, стоя, подъ звуки неразборчиваго чтенія какихъ-то большихъ черныхъ книгъ...

— Памідсь, памідсь, памідсь! только и звенитъ въ воздухѣ на всю церковь раздающійся, всѣхъ раздражающій альтъ Саквина.

Но „часы“ — тѣ по крайней мѣрѣ днемъ, все еще какъ-то ослѣвивашь, сохраняешь хоть какую-нибудь бодрость. А ужъ вечеринъ—не прivedи Богъ! Тускло и сердито горятъ въ длинныхъ коридорахъ рѣдко повѣшенныя масляныя лампы... Тускло и сердито хмурятся въ эти коридоры черныя окна и черныя двери пустыя классовы. Какою-то безотрадною тюрмою смотреть въ этомъ уныломъ полусвѣтѣ высокія казенныя

стѣны гимназій, и воздухъ ея давить мое впечатлительное мальчишеское сердце какъ туманъ осенней ночи.

И вдругъ—днѣнь-днѣнь! днѣнь-днѣнь! днѣнь-днѣнь!.. Тоже какъ-то сердито, словно нѣхотя и вмѣстѣ съ тѣмъ досадно-пазойдно, раздается по мрачнымъ угламъ пансіона провизительный мѣднѣй лязгъ давно опротивѣвшаго колокольчика.

— Днѣнь-днѣнь! Днѣнь-днѣнь! Днѣнь-днѣнь!

Нѣхотя и неспѣшно появляются въ полутьмѣ коридоровъ одинокія фигуры, пары и кучки, съ красными воротниками. Все больше и больше подлѣваетъ ихъ изъ темныхъ дверей, все гуще и длиннѣе растетъ по коридору толпа...

— Стройтесь же, чтобы васъ чума побрала! становитесь скорѣе въ пары!.. Али не слышали звонка?.. Чего какъ табунъ ржете?.. злобымъ голосомъ покрикиваетъ Наржевичъ, завернувши въ свою гороховую шинель даже и въ стѣнахъ плохо протопленнаго пансіона...

— Въ церковь! Карла Карычъ! вы ихъ, что-ли, ведите, а я сзади пойду... раздается команда Наржевича.

Кое-какъ наконецъ разбираются и устанавливаются въ пары по росту.

Колонна трогается.

(До слѣд. №).

Микроскопическій міръ.

Кому приходилось бывать въ петербургскомъ Эрмитажѣ, тотъ навѣрное замѣтилъ, что въ числѣ различныхъ предметовъ, найденныхъ въ египетскихъ пирамидахъ, какъ набальзамированныя животныя, сухіе фрукты, вещи изъ кожи, бронзы и металла,—встрѣчаются также украшения изъ стекла, производство которыхъ нельзя отнести позднѣе IV вѣка до Р. X. Стекло обыкновенно принимается за продуктъ новѣйшаго времени, тогда какъ первое производство стеклянныхъ издѣлій теряется въ сѣдой старинѣ. Кто первый открылъ стекло, произошло-ли это дѣйствительно согласно со словами преданія, увѣряющаго, что финскіе купцы случайно натолкнулись на это открытіе,—трудно сказать. Извѣстно только, что стекло сначала было чрезвычайно дорогимъ и рѣдкимъ продуктомъ торговли, несмотря на то, что сравнительно съ нынѣшними стеклянными издѣліями тѣ кажутся намъ крайне грубыми и обыкновенными.

Рука объ руку съ улучшеніемъ производства стекла, шло и паденіе его цѣны: лишь черезъ 800 лѣтъ со времени первыхъ его слѣдовъ, въ V вѣкѣ послѣ Р. X., видимъ мы первыя оконныя стекла въ храмѣ Св. Софій въ Константинополѣ; въ общемъ же употребленіе начинаютъ они входить лишь съ XIV и XV вѣка. Только тогда начинаютъ обращать особенное вниманіе на производство стекла, когда оно становится предметомъ необходимости; высшаго же своего совершенства достигаетъ это производство съ того времени, когда появляются увеличительныя снаряды, зрительная труба и микроскопъ, такъ какъ для нихъ требуется особенно чистое и ровное стекло, что и даетъ толчокъ производству въ этомъ направленіи.

Можно себѣ представить удивленіе, которое пришлось бы испытать древнему египтянину четвертаго вѣка до Р. X., если бы онъ увидѣлъ наши громадные зеркала, разноцвѣтныя стекла или заглянулъ бы въ микроскопъ; а если бы ему при этомъ сказать: „вотъ смотри, это все дальнѣйшее развитіе производства стеклянныхъ бездѣлушекъ“,—онъ конечно намъ не повѣрилъ бы. То самое вещество, которое служило египетскимъ фараонамъ въ качествѣ дорогаго украшенія, даетъ возможность созерцать невидимое.

Только для этого необходимо было пройти цѣлому тысячелѣтію, а между тѣмъ свойства стекла, на которыхъ все это основано, были и въ самомъ первомъ его кускѣ. Впрочемъ и нынѣ микроскопическій міръ еще такъ мало извѣстенъ публикѣ, что почти составляетъ тайну для непосвященныхъ; только за послѣднее время читающая публика немного проникла въ эту область. Не излишне слѣдовательно посвятить этому предмету еще нѣсколько строкъ.

До двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія никакъ не могли подыскать вѣрнаго объясненія древнему названію Краснаго (Чермнаго) моря; послѣ долгихъ споровъ, большинство географовъ того времени наконецъ рѣшило, что море названо такъ вслѣдствіе краснаго песчаника его береговъ. Скоро однако пришлось измѣнить это толкованіе. Во время поѣздки къ берегамъ Мертваго моря, въ Палестинѣ, нѣмецкій естествоиспытатель Эренбергъ, однажды, во время отлива, замѣтилъ, что бухта у Тора на берегу этого моря, окрашена подосю краснаго цвѣта шириной въ нѣсколько футовъ. Когда Эренбергъ сталъ разсматривать послѣ отлива оставшуюся воду, то выяснилось, что эта красота зависѣла отъ безчисленнаго множества яркочерныхъ хлопьевъ, оказавшихся подъ микроскопомъ ниточками осциллярій—водорослей, получившихъ свое названіе вслѣдствіе маятникообразнаго движенія своихъ жгутиковъ. Многие путешественники и естествоиспытатели замѣчали окрашиваніе морской воды, въ зависимости отъ присутствія въ ней мелкихъ животныхъ или растений; таковы: Дарвинъ, Дюпонъ, Стенсгрупъ, Эрштедтъ и др. Уже Ливій и Плиній указываютъ на различныя озера, быстро мѣняющія

цвѣтъ своей воды, и даже Гомеръ повѣствуетъ объ одномъ случаѣ, когда выпалъ дождь смѣшанный съ кровью. Это послѣднее явленіе, какъ прежде, такъ и теперь даетъ поводъ суевѣрному невѣжеству видѣть въ этомъ указаніи на будущія несчастья. Равнымъ образомъ существуетъ много басенъ о ишці, которая вдругъ покрывалась кровавыми пятнами.

Въ настоящее время, благодаря услугамъ микроскопа, мы легко можемъ разобраться въ этихъ ужасахъ и до очевидности выяснитъ себѣ причину ихъ появленія: при нѣкоторомъ увеличеніи ясно можно разсмотрѣть мелкіе организмы, яркая окраска которыхъ, при ихъ безчисленномъ множествѣ, совѣмъ просто объясняется дѣло. Чтобы яснѣе представить, какое отношеніе имѣетъ каждое недѣлимое къ общей окраскѣ, каковы ихъ величина и количество, Эренбергъ указываетъ, что для окраски изображенія одной изъ такихъ осциллярій, увеличеннаго въ 290 разъ, нужно не менѣе 150,000 ихъ.

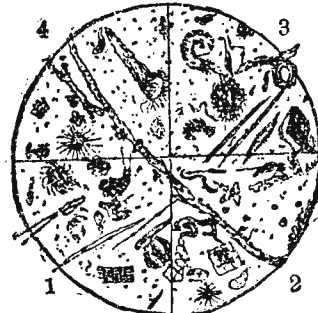
Не станемъ останавливаться на томъ, какъ эти организмы попадаютъ въ воду. Но ихъ громадное число перестанетъ насъ удивлять, если мы взглянемъ на приложенную фиг. 1, которая изображаетъ каплю воды, взятой изъ раковины улитки на днѣ пруда. Все что мы здѣсь видимъ—частью животныя, частью растенія. Нѣкоторыя изъ нихъ разсмотримъ нѣсколько подробнѣе.

Въ нижней части лѣвой половины, почти у самаго края и близъ горизонтальной черты видимъ мы круглое тѣльце съ длиннымъ придаткомъ и рѣсничками. Это спираль стѣнной руцы, которая движется съ такою быстротою въ полѣ зрѣнія, что трудно уловить ея очертанія. Вправо отъ нея въ 4-й четверти, а также совѣмъ внизу, во 2-й, находятся такъ-называемыя солнечники, получившіе свое названіе отъ сходства съ сіяющимъ солнцемъ. Они, подобно большинству другихъ инфузорій,—безъ ротоваго отверстія, во имѣютъ щетинки для того, чтобы производить въ водѣ водоворотъ; благодаря послѣднему, мельчайшіе организмы, населяющіе воду и составляющіе пищу инфузорій, приближаются къ тѣлу животнаго и его рѣсничкамъ, захватываются послѣдними, прижимаются къ поверхности тѣла и такимъ образомъ поѣдаются. Въ этомъ заключается простѣйшій видъ питанія.

Вправо отъ только что описаннаго нами животнаго, во 2-й четверти, лежитъ масса, похожая на раковину; это *Stylocyba mutilus*. Далѣе въ первой четверти, у вертикальной черты, мы видимъ на рисункѣ пару такъ-называемыхъ туфельекъ, которыя въ большомъ числѣ всегда встрѣчаются, если настоять воду на сѣнной трухлѣ.

Большую величину отличаетъ въ 3-й и 4-й четверти пара прозрачныхъ животныхъ, по своей формѣ напоминающихъ удлиненыя колокольчики; они часто попадаютъ въ раковинахъ моллюсковъ. Въ высшей степени интересны многочисленные въ каплѣ мелкіе организмы, замѣчательные особенно вслѣдствіе довольно быстрой измѣнчивости своей формы. На фиг. 2 показаны эти

Фиг. 1.

Капля воды.

Фиг. 2.

Различныя измѣненія формы животнаго организма въ каплѣ воды.

измѣненія одного такого животнаго, которое въ теченіе одной минуты приняло шесть различныхъ формъ. Далѣе въ серединѣ третьей четверти видимъ темное тѣльце, въ дѣйствительности же оно совершенно прозрачно и покрыто зеленоватыми точками, — это наиболее интересный представитель простѣйшихъ. Въ большихъ размѣрахъ оно изображено на фиг. 3. Всѣ зеленоватыя особи ихъ соединены при помощи ниточекъ, все же это облечено въ прозрачную оболочку. Внутри послѣдней легко отличить нѣсколько бѣлые шарики; это не что иное, какъ зачатки будущихъ такихъ-же колоній, которыя начнутъ свою самостоятельную жизнь, какъ только материнская оболочка разорвется. Цѣлая колонія, состоящая изъ большаго числа такихъ организмовъ, достигаетъ всего величины булавочной головки, что является слишкомъ громаднымъ масштабомъ въ нашемъ мірѣ микроскоповъ, особенно если обратить вниманіе на малые размѣры существъ, означенныхъ на

Фиг. 3.

Колонія зеленоватыхъ особей.

фиг. 1 точками; въ одной каплѣ воды можетъ ихъ помѣститься до 500 милліоновъ. Размѣры монады и нѣкоторыхъ другихъ находятся въ предѣлахъ от $\frac{1}{200}$ до $\frac{1}{1000}$ милліметра.

Къ этимъ-же наливочнымъ, самымъ малымъ изъ водныхъ обитателей, относится также названная Эренбергомъ чудесною монадою; получила она свое названіе отъ того, что ею обусловливается появленіе красныхъ кроваваго цвѣта пятенъ на пищѣ; недавно найдена она и въ молокѣ.

Намъ пришлось-бы долго остановиться на этомъ предметѣ, еслибы мы захотѣли описать и разсказать исторію каждаго изъ обитателей взятой нами капли воды (фиг. 1). При громадномъ увеличеніи, напр. при помощи солнечнаго микроскопа, всѣ они обнаруживаютъ самыя причудливыя формы, оказываются вооруженными сильными хватательными аппаратами, которыми ловятъ при приближеніи свою меньшую братію, чтобы самими въ свою очередь послужить пищею какому нибудь большому животному.

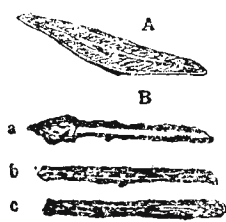
Въ этомъ царствѣ признается только право сильного; взаимное уничтоженіе есть жизненная задача этого населенія. При этомъ оказывается, что, чѣмъ болѣе въ данныхъ условіяхъ у какаго нибудь организма враговъ, тѣмъ сильнѣе у него развиты способности размноженія. Размноженіе въ этомъ мірѣ „пигмеевъ“, говоритъ Лейнсъ, можно сказать, почти безгранично: такъ, одна туфелька въ недѣлю даетъ цѣлый миллионъ подобныхъ себѣ организмовъ; галіонелла-же, которую вѣрнѣе причислить къ растеніямъ, въ теченіе двухъ сутокъ порождаетъ населеніе въ 8 милліоновъ, а въ 4 дня — 140 билліоновъ!

Въ нашей каплѣ воды такихъ растительныхъ организмовъ достаточно. Всѣ они принадлежатъ къ классу водорослей, распространенному по всему свѣту, и являются то одноклѣточными не болѣе $\frac{1}{200}$ милліметра, покрывая въ видѣ зеленого пуха сырыя стѣны, стволы деревьевъ и проч., то растутъ въ видѣ колоссальныхъ стволовъ, длиною до нѣсколькихъ сотъ метровъ, и тогда приобрѣтаютъ важное значеніе въ домашнемъ хозяйствѣ, медицинѣ, а также и въ техникѣ, такъ какъ изъ нихъ добывается юдь.

Такая одноклѣточная водоросль, относящаяся къ семейству диатомовыхъ, представлена на фиг. 4 А.

Фиг. 4.

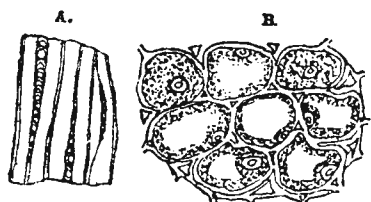
Одноклѣточная водоросль.

Человѣческій волосъ.

Оболочка ихъ содержитъ такъ много кремнезема, что, залегая въ большому члѣстѣ, онѣ образуютъ цѣлую горную породу. Впрочемъ, прежде чѣмъ перейти къ этому, сравнимъ эту растительную клѣточку съ животною клѣточкою, изображенною на томъ-же рисункѣ подъ буквою В; здѣсь представлены три кусочка одного и того-же человѣческаго волоса, съ дуковидной у а и верхушкой въ с. Оба эти рисунка представляютъ продольный разрѣзъ клѣтки, но животныя, равно какъ и растенія, обыкновенно состоятъ изъ цѣлыхъ группъ клѣтокъ, причемъ самый ихъ ростъ обуславливается размноженіемъ ихъ клѣтокъ. На фиг. 5 — А въ продольномъ и В въ поперечномъ разрѣзахъ, представлена такая группа клѣтокъ; на послѣднемъ ясно видно, что каждая изъ нихъ состоитъ изъ оболочекъ, полужидкаго содержимаго — протоплазмы, внутри которой лежитъ клѣточное ядро. Въ мертвой клѣткѣ протоплазма стягивается въ видѣ шарика. Продольный разрѣзъ взятъ изъ древесины ели, отличительною чертой которой, равно какъ и всѣхъ

Фиг. 5.

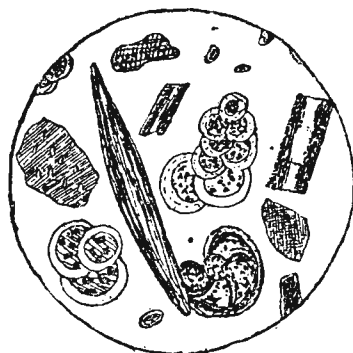

Клѣточная ткань древесины (въ продольномъ и поперечномъ разрѣзахъ).

вообще хвойныхъ еще въ ископаемомъ состояніи, является присутствіе „продушинныхъ“ клѣтокъ, не найденныхъ еще ни у одного лиственнаго дерева.

Теперь вернемся къ кремнезему и другимъ соединеніямъ, пропитывающимъ клѣточную оболочку. Разсмотримъ на фиг. 6 кусочекъ нашего обыкновеннаго мѣла. Если потереть его кусочекъ подъ водою щеточкою и полученную пыль промытъ нѣсколько разъ въ водѣ, то получимъ изображенное на этомъ рисункѣ. Оказывается, что этотъ остатокъ сплошь составленъ изъ оболочекъ и панцирей вымершихъ организмовъ, что ясно видно каждому внимательному наблюдателю. Пожалуй, можетъ показаться невѣроятнымъ, что большія пространства земли состоятъ изъ остатковъ животныхъ, такъ напр. большая часть Люнебургской степи составлена изъ мощнаго, мѣстамъ толщиною въ 5 метровъ, слоя инфузорій; далѣе, часть Берлина построена на почвѣ, въ которой много и нынѣ еще живущихъ простѣйшихъ организмовъ; кромѣ того, нѣкоторыя горныя породы сплошь составлены изъ панцирей прежде жившихъ животныхъ; наконецъ, мѣловыя скалы, простирающіяся нѣсколько сотъ миль, въ Новой Калифорніи сплошь состоятъ изъ остатковъ многокамерныхъ корненожекъ; существуетъ почва, которая нѣкоторыми народами (лапландцы, тунгузы), конечно въ голодное время, употребляется даже въ пищу. Чтобы нѣсколько усилить себѣ указанные примѣры, необходимо принять во вниманіе и выразить численно поразительную способность размноженія этихъ организмовъ: какъ уже было сказано выше, для одного изъ нихъ она можетъ быть выражена 140 билліонами въ 4 дня, т. е. одно недѣльное образуетъ за это время 2 куб. фута почвы, ибо 41 милліонъ этихъ организмовъ даетъ лишь 1 куб. дюймъ такъ-назыв. полпривальнаго сланца. Если мы при этомъ вспомнимъ, какая масса живыхъ существъ находилась во взятой нами каплѣ воды, что стѣнки тѣла почти всѣхъ ихъ способны впитывать минеральныя вещества, далѣе что въ прежнія времена вода кипѣла ими, то окажется, что въ указанномъ явленіи нѣтъ ничего противоестественнаго.

Фиг. 6.

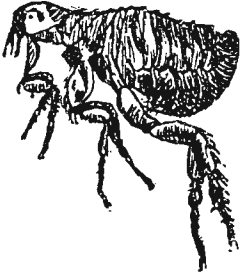

Мѣлъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что микроскопъ является чрезвычайно большимъ подспорьемъ для геолога, указывая ему въ горныхъ породахъ присутствіе остатковъ организмовъ, которые и нынѣ встрѣчаются въ морскомъ илѣ. Равнымъ образомъ и другимъ наукамъ, равно какъ и промышленности, этотъ инструментъ оказываетъ важныя услуги. Напримѣръ, ни одинъ убійца не можетъ безнаказанно утверждать, что пятна крови на его платкѣ произошли отъ того, что онъ закололъ животное; судъ, благодаря микроскопу, можетъ по малѣйшему пятнышку судить, человѣческая ли это кровь или нѣтъ, и тѣмъ уличить преступника. Равнымъ образомъ всѣ примѣсы къ пищѣ, особенно въ мелко раздробленномъ видѣ, разоблачаются при помощи микроскопа весьма легко. Даже при помощи простаго увеличительнаго стекла можно отличить чистое полотно отъ содержащаго примѣсь бумаги, равнымъ образомъ чистый шелкъ отъ не чистаго, какъ чистую ангорскую и тибетскую шерсть отъ примѣсей. Относительно многихъ лекарствъ можно только при помощи микроскопа узнать, содержатъ ли они примѣси или нѣтъ, а также степень ихъ свѣжести. Но, конечно, главнѣйшія услуги этотъ инструментъ оказываетъ медицинѣ при опредѣленіи различныхъ болѣзней. Всѣ эти бактеріи, бациллы, микрочки и прочіе мелкіе враги нашего здоровья, а имя имъ легионъ, обуславливающіе заболѣваніе дифтеритомъ, скарлатиною, оспой, сибирской язвой, холерой, — со всѣми этими врагами борьба стала возможна лишь по усовершенствованіи микроскопа. Единственною мѣрою противъ зараженія трихинозною свищиною до сихъ поръ остается изслѣдованіе подъ микроскопомъ свиныхъ тушъ и уничтоженіе зараженныхъ.

Теперь, оставивъ міръ этихъ невидимыхъ невооруженнымъ глазомъ пигмеевъ, займемся двумя созданіями, голафами сравнительно съ только что рассмотрѣнными, но все-таки небольшими и, несмотря на это, очень неприятными для человѣчества. Одно изъ нихъ называется въ естественной исторіи Pulex irritans и есть всѣмъ извѣстная блоха, насѣкомое темно-коричневаго цвѣта, которое, благодаря силѣ заднихъ конечностей (см. фиг. 7), дѣлаетъ прыжки болѣе чѣмъ во сто разъ превышающіе длину его тѣла. Если представить себѣ, что человѣкъ могъ бы дѣлать соответственно большіе прыжки, то мы легко могли бы прыгать на разстояніе четверти версты. Главное оружіе блохи заключено (какъ видно на прило-

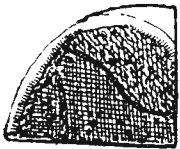
Фиг. 7.

Блоха, увеличенная въ 14 разъ.

ставляютъ глаза. На нижней части фиг. 8 мы даемъ изображение части ихъ, причемъ ясно видно, что они составлены изъ цѣлой массы шестигульныхъ трубочекъ, на наружномъ концѣ которыхъ находится глазокъ. Каждая трубочка съ глазкомъ на концѣ образуетъ собственно отдѣльный глазъ, который видитъ только предметы, находящіеся прямо передъ нимъ, такъ какъ совершенно неподвиженъ. Общее представление о какомъ-нибудь большомъ предметѣ или о совокупности нѣсколькихъ предметовъ получается на общей сѣтчатой оболочкѣ отъ всѣхъ 7,000 отдѣльныхъ глазъ.

Фиг. 8.

Наружный конецъ крыла мухи.

Часть глаза мухи.

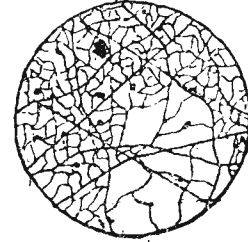
Но все-таки по этой увеличенной части крыла мухи еще

живной фиг. 7, гдѣ блоха представлена увеличенною въ 14 разъ) въ чехлѣ, при помощи котораго прокалывается кожа, и представляетъ не длинную трубку, служащую для высасыванія крови изъ человѣка.

Другое насекомое уже настолько велико, что его неудобно было бы представить при такомъ же увеличеніи въ 14 разъ, потому что тогда оно заняло бы по днѣ болѣе строкъ нашего журнала. Оно извѣстно каждому подъ названіемъ комнатной мухи, надобдаетъ лѣтомъ своею нечистоплотностью, а осенью особенно неотвязчивостью. Самое интересное у этого обыкновеннаго спутника человѣческихъ обществъ пред-

нельзя опредѣлить, насколько мелки иногда ткани животныхъ. Это возможно лишь при сравненіи ихъ съ нашею искусственною тканью. Поэтому на фиг. 9 сопоставлены изображенія, при одинаковомъ увеличеніи двухъ тканей: первой — паутины, представленной, впрочемъ, недостаточно нѣжно, потому что нетипная толщина паутинной нити находится въ такомъ же отношеніи къ изображенной на рисункѣ, какъ волосъ къ веревкѣ. Теперь сравните эту ткань съ брабантскими кружевами, самую тончайшую тканью, вышедшею изъ рукъ людей, которая представлена рядомъ при томъ же увеличеніи.

Фиг. 9.

Ткань паутины.

Ткань брабантскаго кружева, при томъ же увеличеніи.

Человѣческій глазъ совершенно справедливо вызываетъ наше удивленіе какъ по своей сложности, такъ и по цѣлесообразности своего устройства. Мы такъ привыкли пользоваться его безчисленными услугами, что мало обращаемъ на него вниманія; оцѣнить же его вполне можетъ лишь тотъ, кто свѣдала обладать зрѣніемъ, а затѣмъ его утратить. Не чудо ли что тотъ же глазъ, который моментально обнимаетъ ландшафтъ, растянутый на большомъ пространствѣ, можетъ концентрировать свою дѣятельность на отдаленной, еле видной свѣтящейся точкѣ и разобрать, что это крестъ далекой церкви; глазъ, свободно читающій шрифтъ журнала, различаетъ очертанія горъ на удаленной отъ насъ на 50,000 миль лушѣ и видитъ лучъ, который можетъ быть нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ нецелитило воспламеннвшеес мировое тѣло. Все это для насъ кажется совершенно обыкновеннымъ, для слѣпорожденнаго же чудеснымъ настолько же, насколько мы должны удивляться усиленію способности нашего зрѣнія благодаря изобрѣтенію зрительной трубы и микроскопа.

Къ рисункамъ.

Бѣгство и погоня. (Рис. на стр. 969).

Трусость зайца обратилась въ поговорку. Не большею храбростью отличается и его сородичъ—кроликъ. При малѣйшемъ шумѣ, у него уши на макушкѣ, поворачиваются во всѣ стороны, и чуть что—онъ задеетъ безъ оглядки тягу. Такъ и на нашемъ рисункѣ: вся семья милыхъ грызуновъ, при видѣ шаловливыхъ щенятъ, бѣжитъ безъ оглядки, а за нею въ погоню будущая гроза на охотѣ—вся свора молодыхъ гончихъ.

Осенняя непогода. (Рис. на стр. 972).

Всю ночь завывалъ вѣтеръ и частый дождикъ стучалъ въ окна. Къ утру непогода поутихла и яркіе косые лучи осенняго солнца, изрѣдка прорывавшіеся сквозь темныя тучки, быстро гонимыя по небу, освѣщали бѣдный садъ въ его разрушеніи, послѣ ночной бури. Черныя деревья мѣрно покачивали своими голыми вѣтвями, какъ бы сожалѣя о свавшемъ съ нихъ уборѣ. Кое-гдѣ оставшіеся на нихъ блекнушіе листочки одиноко трепетали, обвѣваемые вѣтромъ. За то земля была густо покрыта тонкимъ ковромъ опавшихъ желтыхъ листьевъ, изъ-подъ которыхъ мѣстами гордо торчали кровавыя шапки герани и махровыя яркія астры—запоздалыя украшенія умирающаго сада.

Литературный альбомъ. „Борисъ Годуновъ“ Пушкина. Борисъ и юродивый. (Рис. на стр. 973).

Рисунокъ А. Земцова иллюстрируетъ одну изъ сценъ безсмертнаго творенія А. С. Пушкина „Борисъ Годуновъ“. Въ этой сценѣ юродивый, обвѣшанный веригами и въ желѣзной шапкѣ, отказываетъ Борису Годунову, выходящему изъ собора съ боярами, помолиться за него. „Нѣтъ, нѣтъ!“ говорилъ онъ вслѣдъ уходящему убійцѣ царевича Димитрія, — „нельзя молиться за царя-Ирода: Богородица не велитъ“.

Послѣ бала. (Рис. на стр. 977).

Въ pendant къ помѣщеннымъ уже раньше рисункамъ извѣстнаго художника Ф. П. Чумакова, въ нынѣшнемъ номерѣ читатели найдутъ еще одну картинку безподобнаго рисовальщика женскихъ головокъ—„Послѣ бала“, гдѣ изображена красавица, утомленная танцами.

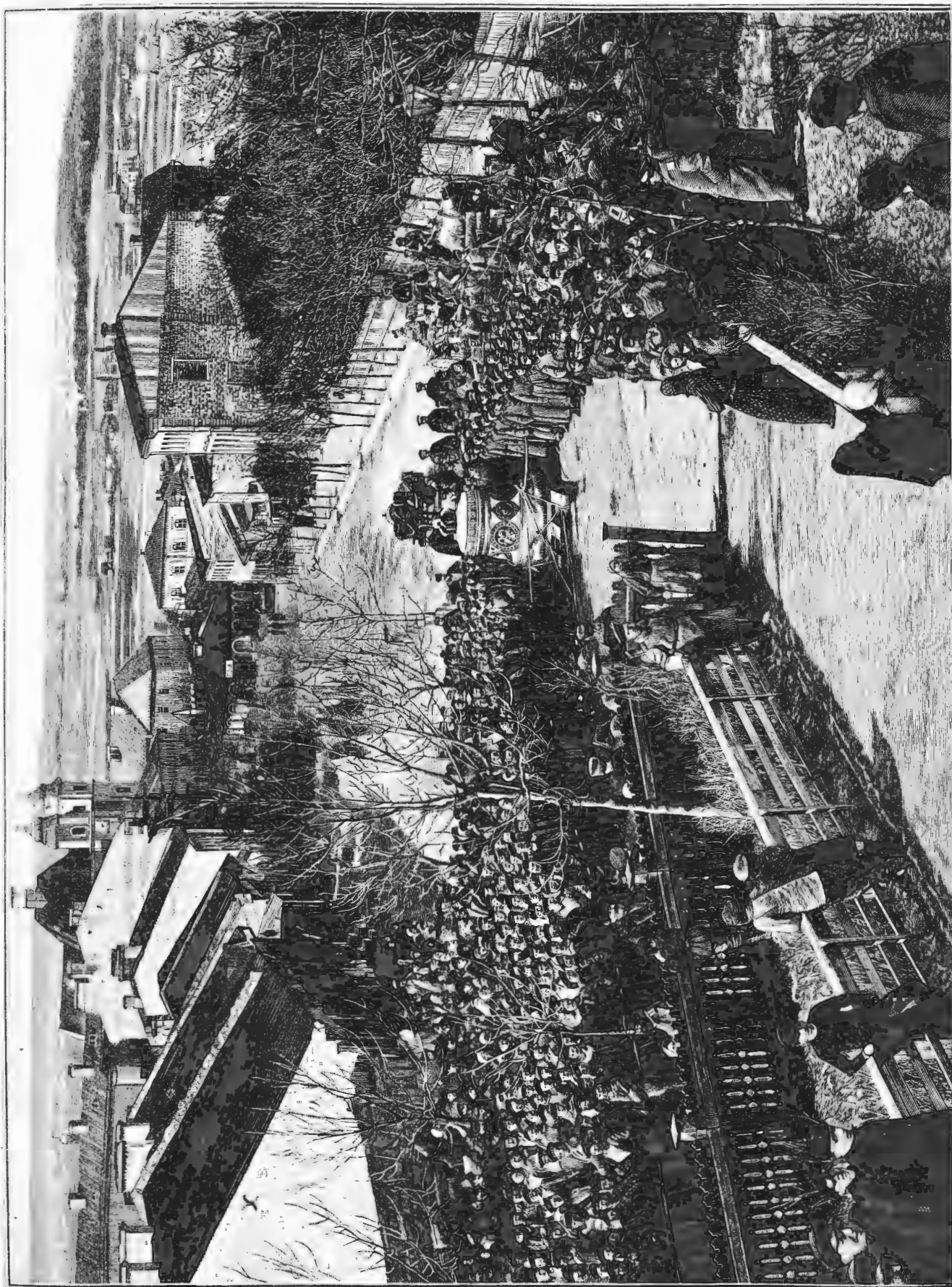
Шведская могила подъ Полтавою. (Рис. на стр. 980).

Городъ Полтава извѣстенъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ съ начала XV вѣка, съ того времени, когда еще весь

Полтавскій край находился во владѣніи великихъ князей Литовскихъ. Съ начала XVII вѣка, Полтава была уже *польковымъ* городомъ, т. е. и самый городъ, и смежныя съ нимъ уѣзды принадлежали, какъ недвижимая собственность и какъ мѣсто постоянного жительства, одному изъ малороссійскихъ *ресстровыхъ* *) полковъ, состоявшихъ на службѣ у Польскаго короля и подчиненныхъ власти выборнаго гетмана, утверждаемаго королемъ. Но, главнымъ образомъ, извѣстность Полтавы начинается съ того времени, когда Петръ Великій (27 іюня 1709 г.), подъ стѣнами этого города, одержалъ блистательную побѣду надъ Шведскимъ королемъ Карломъ XII и этою побѣдою уничтожилъ преобладающее значеніе Швеціи въ Сѣверной Европѣ. Въ самомъ городѣ Полтавѣ и въ его окрестностяхъ сохранилось нѣсколько памятниковъ, напомнимающихъ потомству объ этомъ замѣчательномъ событіи. Однимъ изъ наиболее важныхъ памятниковъ служитъ уцѣлѣвшая отъ Петровскихъ временъ деревянная церковь Спаса Преображенія (сохраненная подъ каменнымъ шатромъ). Это собственно только придѣлъ того храма, который нѣкогда существовалъ въ Полтавѣ; но въ этомъ придѣлѣ Петръ Великій, вѣхавъ въ городъ послѣ побѣды, благодарилъ Бога за дарованную ему великую милость и торжество надъ врагами. Другой памятникъ въ честь Полтавской побѣды, въ видѣ колонны на гранитномъ пьедесталѣ, сооруженъ въ 1809 г. на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, полтавскій комендантъ Косминъ встрѣтилъ Петра, торжественно вѣзжавшаго въ Полтаву. Этотъ памятникъ украшенъ (наверху колонны) бронзовымъ орломъ, держащимъ лавровый вѣнокъ въ клювѣ и перуны въ когтяхъ; кругомъ колонны обведена чугунная узорчатая рѣшетка. Третій памятникъ—прямоугольная призма, съ мечомъ, щитомъ и шлемомъ наверху, сооруженъ въ 1849 г., на томъ мѣстѣ, гдѣ Петръ отдыхалъ послѣ сраженія.

Но самымъ краснорѣчивымъ памятникомъ знаменитой побѣды Петра служитъ тотъ высокий могильный холмъ, который былъ насыпанъ надъ тѣлами шведовъ, павшихъ въ битвѣ. Петръ велѣлъ ихъ похоронить съ воинскими почестями и отнесся съ должнымъ уваженіемъ къ памяти этихъ храбрыхъ воиновъ, погибшихъ жертвою той безмысленной политики приключеній, въ которую вдался вѣтренный и увлекшіеся Карлъ XII. Подъ этимъ холмомъ погребены тѣ 9,234 человѣка убитыхъ шведовъ, которые по окончаніи боя были найдены на полѣ битвы и у редутовъ, о которые сокрушилась во время натиска на наши линіи шведская армія. Ученики шведовъ

* *Ресстровыми* назывались тѣ казаки, которые были внесены въ списки служилыхъ людей, числились на коронной службѣ и получали отъ короны жалованье.

Прибытіе новаго соборнаго колокола въ Холмъ. Съ фотографіи В. Серодницкой, грав. Ю. Шюблеръ.

въ искусствѣ побѣждать", какъ называлъ Петръ русскихъ воиновъ, — жестоко отмстили своимъ „учителямъ“ въ „Полтавской баталіи...“ Высокій холмъ, извѣстный всѣмъ въ Полтавѣ подъ названіемъ „Шведской могилы“, представляетъ собою одинъ изъ главныхъ историческихъ памятниковъ нашего прошлаго. Недаромъ Петръ, тотчасъ по одержаніи побѣды, писалъ къ Апракسينу: „*Нынѣ уже совершенно камень во основаніе Санктъ-Петербурга положенъ съ помощью Божіею*“. Полтавская побѣда, дѣйствительно, обезпечила Петру его завоеванія на Балтійскомъ побережьи и окончательно упрочила положеніе Россіи среди „великихъ“ европейскихъ державъ.

Наемъ прислуги и рабочихъ у Никольскаго рынка.

(Рис. на стр. 981).

На ряду съ конторами для найма прислуги, уже много лѣтъ дѣйствующими въ Петербургѣ, въ немъ до сихъ поръ есть мѣсто подъ открытымъ небомъ, гдѣ можно нанять рабочихъ всякаго рода. Это у Никольскаго рынка, по Садовой улицѣ, вблизи церкви Покрова Пресвятыя Богородицы и Св. Николая „Морскаго“. Сюда сходятся домашнія прислуга, чернорабочіе и т. п. и нѣлыми днями поджидаютъ нанимателей, тутъ же находя продовольствіе въ особые помѣщенія. Всю эту неструю, оживленную толпу живо изобразилъ г. Бреллингъ на своей акварели, гравюра съ которой помѣщена на стр. 981.

По поводу поднятія новыхъ колоколовъ на Холмскій соборъ. (Рис. на стр. 985).

Край, лежащій за р. Вугомъ и составляющій теперь Люблинскую и отчасти Сѣдлецкую губерніи, извѣстенъ вообще подъ названіемъ Холмицны. Въ историческихъ судьбахъ этого края главная роль принадлежитъ городу Холму, бывшему когда-то стольнымъ городомъ галицко-русскихъ князей. Какъ и вся эта область, городъ Холмъ много перенесъ невзгодъ въ періодъ долговѣчнаго своего существованія; самою тягостною изъ нихъ было, конечно, подчиненіе православнаго здѣшняго населенія Римской церкви, вызванное такъ-называемою уніей. Было время, когда унія, казалась, совершенно порвала связь Холмицны съ православной Русью, и только присоединеніе края къ Россіи вновь оживило и просвѣтило его свѣтомъ православія. Но все-таки оставленные уніей слѣды глубоки еще до сихъ поръ, и надо не мало теплаго участія, чтобы ихъ загладить.

Не касаясь внутренней религиозной жизни мѣстнаго православнаго населенія, обратимъ вниманіе только на то, что рѣзко бросается въ глаза въ этомъ краѣ свѣжему русскому чело-вѣку. Въ числѣ нанесенныхъ уніей золь одно изъ самыхъ вопіющихъ — полное обѣднѣніе церковей. Вездѣ по селамъ, священники жалуются на недостатокъ утвари, облачений, книгъ и т. п. Съ высотъ сельскихъ колоколенъ здѣсь не слышно того благовѣснаго звона, который такъ любя сердце русскаго, потому что въ ихъ ветхихъ амбразурахъ сиротливо впеять, по одному или по два, не колокола — а колоколышка, въ большинствѣ чугунные. Даже въ самомъ Холмскомъ кафедральномъ соборѣ не было до послѣдняго времени православнаго звона. На немъ было только три колокола; самый большой изъ нихъ въ 115 пудовъ, изъ двухъ же остальныхъ одинъ кончалъ службу съ исчезновеніемъ унии, а другой существуетъ еще, но въ немъ вѣеу не болѣе пуда. На столѣтнадцатипудовомъ колоколѣ, который, кстати сказать, современникамъ его литья казался „преогромнымъ“, теперь въ числѣ другихъ надписей можно разобрать: „*этотъ колоколъ на вѣчныя времена долженъ оставаться въ унii съ Св. Римскою церковью*...“

Всѣ эти три колокола въ прежнее время висѣли не на соборныхъ башняхъ, а внизу, въ такомъ зданіи, откуда звонъ ихъ не проливался даже въ городскія улицы. Лишь по соединеніи уніатовъ съ православною церковью, на соборной площади построили въ 1877 году высокую колокольную, для которой были отлиты четыре новыхъ колокола отъ 4 до 25 пудовъ. Только съ этого времени зазвучалъ надъ Холмомъ звонъ, похотій на православный. Однако, такіе колокола вовсе не были достаточны для кафедральнаго собора, подъ свѣтъ котораго стекаются иногда тысячи богомольцевъ. Въ довершеніе же всего, въ послѣднее время, два большихъ колокола дали трещины, и соборъ очутился въ печальномъ положеніи. Помощи ни откуда не чулось. Только въ 1888 году, со времени прибытія въ г. Холмъ 2-й бригады 13-й кавалерійской дивизіи, наконецъ пришла эта помощь. Дѣло сбора пожертвованій на большой соборный колоколъ пошло энергично и успѣшно: въ полтора года было собрано 5,570 руб. единственно только въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. На эту сумму, съ наросшими процентами, въ заводѣ П. Н. Финляндскаго былъ отлитъ колоколъ въ 320 пуд. 13 фун., красивый и внушительный по величинѣ, съ медальонными изображеніями: Холмской Божьей Матери, Св. Благовѣрныхъ Князей Владиміра и Александра Невскаго, Св. Кирилла и Меодія и Московскихъ Святителей Петра, Алексія, Ионы и Филиппа.

На немъ надписи:

„Даръ Москвы и Нижняго-Новгорода въ память чудеснаго спасенія жизни Государя Императора съ Августѣйшимъ Се-

мействомъ 17 октября 1888 года; въ лѣто отъ Р. X. 1890 при державѣ благочестивѣйшаго Государя Императора и Самодержца Всероссийскаго Александра III Александровича, при архіепископѣ Холмско-Варшавскомъ Леонтіѣ и викаріѣ его епископѣ Люблинскомъ Флавіанѣ, сооруженъ сей колоколъ къ соборному храму Рождества Пресвятыя Богородицы въ городѣ Холмѣ, Люблинской губ. Да созываетъ онъ гласомъ своимъ подъ кровъ православной церкви отторгнутыхъ, расточенныхъ и заблудшихъ чадь ея“.

Благодаря ходатайству оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева и епископа Люблинскаго Флавіана, колоколъ изъ Москвы въ Холмъ перевезенъ былъ безплатно; съ Холмскаго-же вокзала его привезли въ городъ исключительно уроженцы *Московской* и *Нижегородской* губерній. Такое совпаденіе явилось въ силу того, что въ квартирующихъ въ Холмѣ пѣхотныхъ полкахъ — Московскомъ и Бутырскомъ — нашлись солдаты, уроженцы названныхъ губерній; помимо того полки эти еще исторически связаны съ Первопрестольною. Весь городъ выспалъ на встрѣчу невиданной въ этихъ краяхъ процессіи, и когда послѣдняя прибыла къ подножью горы, на которой расположенъ соборъ, моментально снята была фотографія.

Вмѣстѣ съ большимъ колоколомъ въ видѣ сюрприза привезли для собора еще семь колоколовъ отъ 22 ф. до 12 п. 38 ф., отлитыхъ въ обмѣнъ на старые соборные тоже у г. Финляндскаго и подобранныхъ по камертону. Звонъ ихъ весьма гармониченъ.

Поднятіе колокола было приурочено ко дню Благовѣщенія, 25 марта. Около 10 часовъ утра этого дня передъ колокольной началъ собираться и выстраиваться войска, квартирующія въ Холмѣ. Прибыли люблинскій губернаторъ г. Тхоржевскій, генералы Шелковниковъ и Волырянскій и прочіе начальники. Погода стояла прекрасная. Когда все было готово къ поднятію, изъ собора двинулась духовная процессія съ преосвященнымъ Флавіаномъ во главѣ. Музыка играла „Коль славетъ“. Начался чинъ благословенія „камнана“. По окропленіи его святою водою, по командѣ москвичей, бутырцы и оренбуржцы натянули канаты и колоколъ началъ величественно и медленно отдѣлываться отъ земли. Послѣ этого духовенство снова двинулось въ соборъ, гдѣ началась литургія. Соборъ былъ полонъ молящимися. По окончаніи литургіи послѣдовалъ выходъ на соборную площадь; въ немъ приняло участіе все Холмское духовенство.

В. В—въ.

Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ. (Портр. на стр. 988).

Есть скромные люди, которые, какъ бы ни была почтена и плодотворна ихъ дѣятельность, не умѣютъ выставиться и, работая втихомолку, заботятся лишь о томъ, чтобы принести какъ можно больше пользы своей родинѣ, строго исполняя свои обязанности, совѣтъ не помышляя объ извѣстности, о славѣ. Къ такимъ скромнымъ людямъ принадлежитъ и Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, занимающій весьма отвлѣченный постъ — почетнаго члена Харьковского учебнаго округа — и въ теченіе всей своей служебной дѣятельности, пятидесятилѣтіе которой исполнилось недавно, снискавшій къ себѣ большое уваженіе. На долю Н. П. Воронцова-Вельяминова выпало дѣйствовать на многихъ поприщахъ, и его разнообразная дѣятельность краснорѣчиво говоритъ о даровитости русскаго чело-вѣка, о его пригодности для всякаго дѣла. Ранѣе занятій настоящей должности почетнаго члена округа, онъ былъ и военнымъ, и педагогомъ, и дѣятелемъ по крестьянской реформѣ, наконецъ, причастенъ и къ литературѣ. Ведя онъ работаль неутомимо и оставался вѣренъ своимъ строгимъ, честнымъ убѣжденіямъ, дѣйствуя въ интересахъ родины, будучи чело-вѣкомъ русскимъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Въ этомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи его истиннаго патриотизма, конечно, лучшей рекомендаціей для Н. П. Воронцова-Вельяминова служитъ то обстоятельство, что М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ считали его въ числѣ своихъ друзей и до конца дней поддерживали съ нимъ самыя близкія, добрыя отношенія.

Николай Павловичъ Воронцовъ-Вельяминовъ происходитъ изъ старой дворянской фамилии и родился въ селѣ Голованнѣ, Тульской губерніи, Крапивненскаго уѣзда, 17 февраля 1822 года. Его отецъ служилъ въ Глуховскомъ кирасирскомъ полку, участвовалъ въ Отечественной войнѣ и въ кампаніи 1813 и 1814 годовъ, былъ подъ Бородинымъ контуженъ ядромъ въ ногу и, выйдя въ отставку въ чинѣ штабсъ-ротмистра, поселился въ Голованнѣ, родовомъ имѣніи своемъ. Къ Н. П. Воронцову-Вельяминову былъ приставленъ дядька изъ пѣмцевъ, которому онъ и обязанъ знаніемъ пѣмецкаго языка и своимъ первоначальнымъ образованіемъ, въ коемъ участвовали и преподаватели-семинаристы. Въ 1832 году Воронцова-Вельяминова отдали въ тульскій „благородный пансіонъ“ Бехагеля фонъ-Адлерскронъ, гдѣ онъ дружилъ со своимъ свойственникомъ и землякомъ П. М. Леонтьевымъ, бывшимъ въ числѣ его пансіонскихъ товарищей, и гдѣ Воронцовъ-Вельяминовъ пробылъ три года. Въ декабрѣ 1835 года онъ поступилъ въ Московскій кадетскій корпусъ, учился тамъ до весны 1840 года, и, едва достигнувъ 18 лѣтъ, былъ предназначенъ къ выпуску артиллерійскимъ прапорщикомъ для поступленія въ офицерскіе

классы Артиллерійскаго училища, позднѣе преобразованные въ Артиллерійскую Академію. По выдержаніи испытаній изъ математическихъ предметовъ, которые не проходились въ кадетскомъ корпусѣ, Воронцовъ-Вельяминовъ былъ произведенъ въ чинъ прапорщика 10 сентября 1840 года. Въ Артиллерійскомъ училищѣ, независимо отъ обязательныхъ предметовъ, читавшихся въ офицерскихъ классахъ, онъ слушалъ въ старшемъ юнкерскомъ классѣ лекціи знаменитаго математика М. В. Остроградскаго, а практически занимался на казенныхъ заводахъ Олонецкихъ и Ижорскомъ въ Колпинѣ. Выпущенный изъ Артиллерійскаго училища въ 1842 году, Воронцовъ-Вельяминовъ служилъ въ лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригадѣ, въ первой батареіиной батареѣ, подъ начальствомъ полковника Ковалевскаго, брата бывшаго министра Народнаго Просвѣщенія, и осенью 1843 г. былъ командированъ въ Московскій кадетскій корпусъ въ качествѣ преподавателя механики и артиллеріи. Это совпало съ тѣмъ временемъ, когда возвращались изъ-за границы для занятія кафедръ въ Московскомъ университетѣ стипендіаты Строгановской эпохи — покойные М. Н. Катковъ, П. М. Леонтьевъ и А. С. Ершовъ, съ которыми Воронцовъ-Вельяминовъ тогда поддерживалъ весьма частыя сношенія и которые не могли не вліять благотворно на него, двадцатилѣтняго юношу. Въ разгаръ Крымской кампаніи, Воронцовъ-Вельяминовъ, по порученію начальства, читалъ, въ 1854—55 годахъ, артиллерию студентамъ физико-математическаго факультета Московскаго университета и, достигнувъ чина полковника, оставался преподавателемъ и затѣмъ наставникомъ-наблюдателемъ въ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ до 1 января 1858 года. Переименованный въ коллежскіе совѣтники, Воронцовъ-Вельяминовъ, въ половинѣ января того же года поступилъ на службу подъ начальство М. Н. Муравьева, тогдашняго министра Государственныхъ Имуществъ, директора Департамента Удѣловъ и начальника Межеваго корпуса. На первыхъ порахъ Воронцову-Вельяминову поручена была ревизія государственныхъ имуществъ Екатеринбургской губерніи, а по окончаніи этого порученія, исполненнаго имъ блистательно, онъ назначенъ былъ, въ августѣ 1858 года, управлющимъ Тульскою палатою государственныхъ имуществъ, послѣ чего онъ былъ перевѣденъ на ту-же должность въ Рязань. Въ качествѣ непремѣннаго члена, учрежденнаго вслѣдъ за обнародованіемъ Положенія 19 февраля, губернскихъ по крестьянскому дѣлу комитетовъ, Воронцовъ-Вельяминовъ принималъ дѣятельное участіе по приведенію въ дѣйствіе этого „Положенія“. Годъ черезъ четыре Воронцовъ-Вельяминовъ снова вернулся къ первоначальной службѣ, перейдя въ 1862 году, въ чинѣ полковника, въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній и занявъ должность инспектора классовъ Александринскаго кадетскаго корпуса въ Москвѣ. Воспользовавшись на слѣдующій годъ каникулярнымъ отпускомъ, онъ, по старымъ отношеніямъ къ Каткову и Леонтьеву, принялъ предложеніе редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* — отправиться вмѣстѣ со своимъ помощникомъ и ученикомъ, артиллеристомъ П. Н. Юшеновымъ (нынѣ умершимъ) въ Вильну и Варшаву, откуда и корреспондировалъ въ органѣ Каткова. Послѣ этого Воронцова-Вельяминова перевели инспекторомъ классовъ перваго кадетскаго корпуса въ С.-Петербургъ. Знакомство и связи Воронцова-Вельяминова въ Тулѣ съ княземъ В. А. Черкасскимъ и его друзьями, вызванными для проведенія реформъ 1864 года въ Царствѣ Польскомъ, побудили его принять предложеніе покойнаго Н. А. Милютина перейти на службу по Учредительному комитету въ Польшу. Здѣсь Воронцовъ-Вельяминовъ трудился много, какъ предсѣдатель Плоцкой, Красноставской и, наконецъ, Люблинской комиссій по крестьянскимъ дѣламъ, въ мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ, оставившимъ унаследство. За всѣ труды свои по крестьянскимъ учрежденіямъ Воронцовъ-Вельяминовъ получалъ въ 1870 г. орденъ Св. Анны 2 ст. съ короною, за пять лѣтъ передъ этимъ произведенный въ дѣйствительные статскіе совѣтники. По упраздненіи Учредительнаго комитета, Воронцовъ-Вельяминовъ занималъ съ 9 мая 1870 г. должность начальника Радомской учебной дирекціи, а въ слѣдующемъ году назначенъ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа и занималъ этотъ постъ четырнадцать лѣтъ до перемѣщенія съ 1 января 1885 г. на теперешній его постъ. Труды Воронцова-Вельяминова достойно оцѣнены: онъ имѣетъ много орденовъ, въ томъ числѣ Вѣлаго Орла, и чинъ тайнаго совѣтника. Мало у насъ истинно русскихъ дѣятелей, не зараженныхъ модными теоріями, лжеученіями Запада, скромныхъ, трудолюбивыхъ, такихъ какъ Николай Павловичъ Воронцовъ-Вельяминовъ, а потому тѣмъ болѣе должны мы цѣнить его заслуги, его полувѣковое служеніе отечеству. П. Быновъ.

В. Л. Груберъ. (Портр. на стр. 988).

18 сентября, какъ сообщали денщики, скончался въ Вѣнѣ знаменитый анатомъ, бывшій профессоръ Императорской Медико-Хирургической Академіи, Венцеславъ Леопольдовичъ Груберъ. Усопшій родился въ Чехіи, въ 1814 году, въ семьѣ рабочихъ. Первое образованіе онъ получилъ въ школѣ при католическомъ монастырѣ близъ Мариенбада, затѣмъ поступилъ въ Пражскую гимназію и по окончаніи курса въ ней — въ Пражскій университетъ. Блестящія способности и желѣзное приле-

жаніе Грубера были предметомъ всеобщаго вниманія въ бытность его какъ въ гимназіи, такъ затѣмъ и въ университетѣ. Несмотря на двухлѣтнее пребываніе на первомъ курсѣ, вслѣдствіе болѣзни, онъ все время былъ однимъ изъ лучшихъ учащихся, такъ что славный Гиртль избралъ его своимъ преемникомъ. Въ 1842 году онъ окончилъ университетскій курсъ и спустя два года получилъ званіе доктора за диссертацию „Anatomische Untersuchung einer Missgeburt mit zwei Leibern“. Когда Гиртль переселился изъ Праги въ Вѣну, Груберъ ожидалъ получить мѣсто своего учителя. Но Пражскій университетъ, быть можетъ желая доказать, что никто не бываетъ пророкомъ въ своемъ отечествѣ, воздержался отъ приглашенія Грубера на мѣсто Гиртля. Послѣдній, чувствуя себя несправедливо обиженнымъ, не безъ удовольствія воспользовался приглашеніемъ изъ Петербурга, куда его звали въ Медико-Хирургическую Академію, по совѣту Пирогова. 4 апрѣля прибылъ Груберъ въ Петербургъ. Но и здѣсь молодого ученаго на первое время постигло разочарованіе. Н. И. Пироговъ предполагалъ сдѣлать Грубера своимъ помощникомъ, но долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія по проискамъ нѣкоторыхъ своихъ коллегъ, и Груберъ долженъ былъ въ теченіе первыхъ 8 лѣтъ заниматься анатомическими изслѣдованіями, не думая о педагогической дѣятельности, чему отчасти было причиною незнаніе русскаго языка, которымъ, впрочемъ, покойный никогда хорошо не владѣлъ. Только послѣ оставленія Академіи Пироговымъ, Груберъ понемногу начинаетъ занимать достойное его познаній положеніе. Въ 1855 году онъ избирается директоромъ Института практической анатоміи при Академіи, а въ 1858 году становится профессоромъ учрежденной для этой цѣли кафедръ. Цѣлыхъ 25 лѣтъ работалъ затѣмъ Груберъ на этомъ поприщѣ, нерѣдко при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ. О громадной дѣятельности усопшаго профессора можно себѣ составить понятіе уже по тому, что ему приходилось заниматься одновременно съ 500 студентами II курса, съ 200—250 — послѣдняго курса, 50 частными лицами и съ такимъ же числомъ военныхъ хирурговъ практическихъ, и въ то-же время читать лекціи по описательной анатоміи. Случались года, когда только для студентовъ II курса у Грубера бывало до 300 лекцій и демонстративныхъ испытаній. Въ теченіе своей дѣятельности онъ вскрылъ не менѣе 20,000 труповъ. Кроме того, онъ продолжалъ самъ заниматься, составлять лекціи препаратовъ и проч. Число научныхъ работъ Грубера простирается до 60, напечатанныхъ по-нѣмецки и по-русски. Велики и заслуженны были ованіи В. Л. Груберу со стороны ученаго міра и учащейся молодежи, когда праздновался, 4 апрѣля 1872 года, 25-лѣтній юбилей его профессорской дѣятельности. Онъ повторился 5 лѣтъ спустя и въ 1882 году. При этомъ юбилеѣ глубоко уважаемый профессоръ получалъ отъ учащейся молодежи серебряный вѣнокъ, а отъ женщинъ-врачей 6,000 рублей для устройства стипендіи имени юбиляра. Послѣ 40-лѣтняго юбилей, торжественно отпразднованнаго въ 1887 году, Груберъ вскорѣ покинулъ Россію и перѣѣхалъ въ Вѣну, гдѣ и умеръ. Онъ былъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ и почетнымъ членомъ многихъ выдающихся медицинскихъ обществъ и институтовъ въ Россіи и за-границей.

Металлическія трубы братьевъ Маннесманъ въ Ремшейдѣ. (Рис. на стр. 989).

Всеобщій интересъ къ изобрѣтенію братьевъ Маннесманъ въ Ремшейдѣ въ дѣлѣ изготовленія металлическихъ трубъ долженъ быть отнесенъ къ числу очень рѣдкихъ и весьма значительныхъ. До сего трубы изготовлялись отливкой изъ плавкаго металла, или скачивались и затѣмъ спаивались, или получались послѣ труднаго и долгаго сверленія, или же изготовлялись дорогимъ гальваническимъ путемъ. Маннесмановскій приемъ превосходитъ всѣ эти способы и совершается слѣдующимъ простымъ образомъ. Между двухъ наискось поставленныхъ валовъ, которые вращаются въ одномъ и томъ же направленіи, изобрѣтатели вводятъ раскаленный кусокъ металла (массивный стальной стержень), передъ которымъ помѣщено конусообразное тѣло, дѣйствующее какъ тормазъ. Если трупце валы привести въ движеніе, то раскаленный стержень будетъ подвигаться впередъ, но, такъ какъ сердцевина этого стержня встрѣчаетъ сопротивленіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится тормозящій конусъ, то поверхность металлической глыбы проталкивается скорѣе, чѣмъ ея середина, какъ будто, если можно такъ выразиться, со стержня сдирается кожа черезъ голову, и образуется труба. Эта послѣдняя тоньше и длиннѣе той металлической глыбы, изъ которой она сдѣлана, и внутри покрыта мелкими кристаллами, которые, въ случаѣ надобности, удаляются и труба выглаживается. Переработанный матеріалъ получилъ существенное измѣненіе, положеніе молекулъ стало винтообразнымъ и притомъ такъ, что онѣ во внутреннихъ слояхъ расположены болѣе отлого, чѣмъ во внѣшнихъ. Такимъ образомъ, получается волокнистая ткань со спирально идущими нитями, и матеріалъ этотъ превосходить по крѣпости разъ въ 5—6 до сихъ поръ выдѣлывавшіяся трубы. Кроме того, онъ безъ труда поддается ковкѣ, вытягиванію, сгибанію и т. п., не давая ни малѣйшихъ трещинъ. На на-

шесть рисункъ видны разныя подѣлки Маннесмановскихъ трубъ. Благодаря имъ, должны послѣдовать дальнѣйшія усовершенствованія въ водо- и газопроводномъ, желѣзнодорожномъ, оружейномъ, телеграфномъ и т. п. дѣлахъ и машинномъ производствѣ, благодаря ихъ легкости и крѣпости. Кроме фабрики въ Ремшейдѣ, изготовленіемъ Маннесмановскихъ трубъ заняты заводы въ Бу (Bous) у Саарбрюкена, въ Комотау въ Чехіи, и Ландоунѣ въ Валлисѣ. Попытки вальцовать трубы принадлежатъ отцу нынѣшнихъ изобрѣтателей, Рейнгарду Маннесману, который лѣтъ тридцать тому назадъ безплодно пытался изготовить путемъ вальцованія стволы для ружей, и только послѣ цѣлаго ряда лѣтъ и большихъ трудовъ удалось двумъ сыновьямъ его, Рейнгарду и Максу, осуществить идею, завѣщанную отцомъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ отвѣтъ на посѣщеніе Австрійскимъ императоромъ большихъ маневровъ въ Силезіи, императоръ Вильгельмъ отправился на охоту въ Австрію. Прибытіе Германскаго императора на станцію Сѣверной желѣзной дороги въ Вѣнѣ, состоялось, согласно программѣ, поутру 19 сентября. Высокій гость былъ встрѣченъ императоромъ Францомъ - Юсифомъ и эрцгерцогами Альбрехтомъ, Вильгельмомъ и Райнеромъ. Обмѣнявшись сердечными привѣтствіями, оба императора поѣхали въ коляскѣ четверкою въ Гофбургъ. На роскошно убранной Ринштрассе собралась публика, хотя и многочисленная, но не настолько, какъ можно было ожидать въ виду того, что о пріѣздѣ императора Вильгельма постоянно печатались статьи въ газетахъ, старавшихся придать этому посѣщенію особенное значеніе. Здѣшняя германская колонія и живущіе здѣсь прусскіе резервные офицеры обратились къ послу принцу Рейссу съ вопросомъ, будутъ ли приниматься депутаціи; но посоль отвѣчалъ, что никакихъ пріемовъ не будетъ, такъ какъ императоръ Вильгельмъ желаетъ, чтобы его посѣщенію былъ приданъ частный характеръ простаго прібытія на охоту. Въ 9 часовъ утра прібылъ также въ Вѣну по Сѣверо-Западной дорогѣ король

Николай Павловичъ Воронцовъ-Вельяминовъ. Съ фотогр. Федецкого, грав. Шюблеръ.

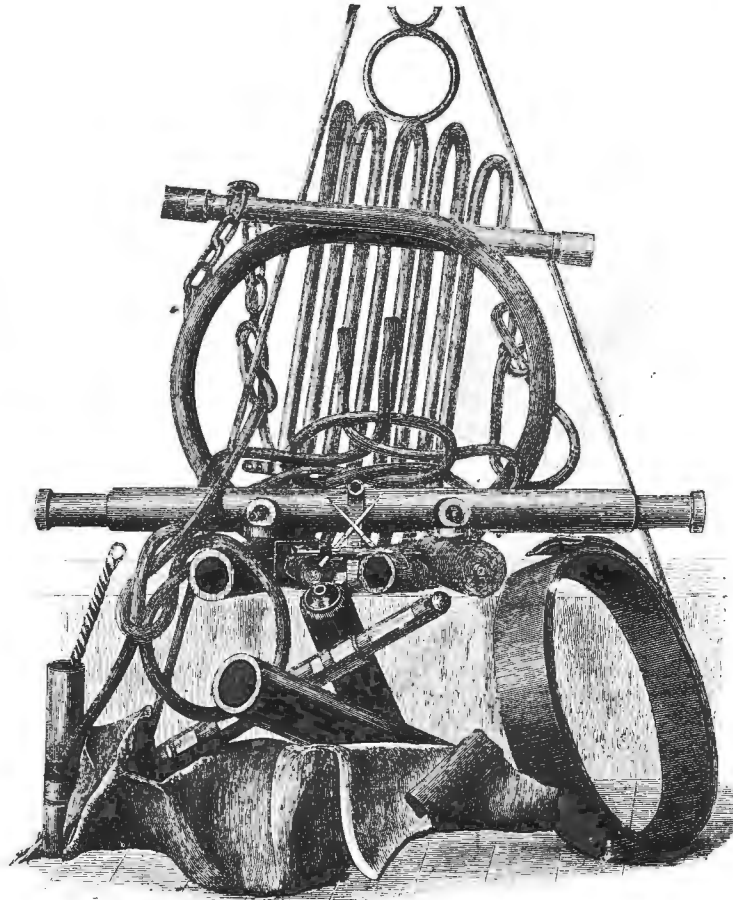
Профессоръ анатоміи В. Л. Груберъ. († въ Вѣнѣ 18 сентября 1890).

Саксонскій Альбертъ, котораго встрѣтилъ въ вокзалѣ эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ. Прямо со станціи король поѣхалъ въ замокъ Шенбрунъ. Во время своего кратковременнаго пребыванія въ Вѣнѣ, императоръ Вильгельмъ сдѣлалъ визиты эрцгерцогамъ, возложилъ вѣнокъ на гробъ покойнаго послѣдняго принца Рудольфа, посѣтилъ германское посольство, чтобы повидаться со своею теткой, принцессою Рейссъ, а также министерство иностранныхъ дѣлъ и сдѣлалъ визитъ графу Кальноки, у котораго пробылъ десять минутъ. Послѣ полудня все три государя отправились въ Мюрцштегъ, въ Штирію.

Во время пребыванія Германскаго императора въ Австріи, въ Германіи социалисты отпраздновали, 19 сентября, прекращеніе дѣйствія закона, ограничивающаго ихъ политическую неправоту. Многіе не безъ волненія ожидали этого дня. Приготовленія къ празднованію со стороны рабочихъ и социалистовъ, съ одной стороны, а съ другой, принятіе мѣръ къ прекращенію могущихъ быть безпорядковъ, не мало тревожили умы. Но, какъ сообщаютъ депешы, празднества, устроенныя социалистами по случаю истеченія срока дѣйствія исключительнаго закона, прошли совершенно спокойно.

Также совершенно спокойно совершились выборы въ Сербіи. Выбранными оказались 113 радикаловъ, 17 либераловъ и два напредника; кромѣ того, предстоятъ двѣ перебаллотировки. Пашичъ, выражая своимъ избирателямъ благодарность за оказанныя ему оваціи, заявилъ, что радикалы особенно дорожатъ довѣріемъ столицы, види въ этомъ торжественное одобреніе политики правительства. „Единодушіе интеллигенціи и народа—сказалъ Пашичъ—составляетъ залогъ прочности настоящаго строя, обезпеченнаго отъ посягательствъ съ чьей бы то ни было стороны. Правительство, дружно поддержанное населеніемъ, можетъ отнынѣ спокойно посвятить себя заботамъ благоустроенія страны“. Услыхъ радикаловъ на выборахъ, говорить, очень раздражилъ бывшаго короля Милана, и онъ устранилъ Докича, служившаго связью правительственной партіи со дворомъ, отъ обязанностей воспитателя юнаго короля и назначилъ на эту должность полковника Мишковица. Во Франціи разоблаче-

ня буланжизма Мермексомъ все еще являются предметомъ ожесточенной полемики, вызывая сильное возбужденіе среди приверженцевъ и противниковъ генерала Буланже. Въ „Coulisses du boulangisme“ Мермекса и въ цѣломъ рядѣ другихъ замѣтокъ, вызванныхъ откровенничаньемъ этого журналиста, рассказываются иногда поистинѣ чудовищныя вещи. Благодаря обаянію, которое буланжизмъ имѣлъ во Франціи, да отчасти и по сіе время имѣеть, цѣлая стая лицъ, окружающихъ Буланже, во имя національнаго движенія, обирали однихъ, общая имъ всевозможныя блага при торжествѣ *своей* (?) партіи, подкунала другихъ для этого торжества, а болѣе всего не забывала себя, набивая карманы добровольными даяніями, въ изобиліи стекавшимися въ національный комитетъ и къ самому генералу. Особенно непривлекательными представляются поступки псевдографа Дильона и газетчика Мейера. Они, ловко лавируя между представителями различныхъ партій, умѣли всемъ обѣщать содѣйствіе и расположеніе буланжистовъ, за что и получали мзду не малую. Въ числѣ обманутыхъ оказался, между прочимъ, и графъ Парижскій, который срается нынѣ объяснить свое участіе въ пропскахъ буланжистовъ въ письмѣ, присланномъ имъ на имя своего главнаго наперенника и друга, г. Боше. Въ немъ графъ пишетъ: „Утѣжая изъ Европы, я не желаю оставить безъ возраженій заблужденія и клеветы, вызванныя недавнею газетною полемикою. Я думаю, что и понялъ въ трудный моментъ интересы монархическаго принципа. Изгнанный республикою, я вос-

Металлическія трубы братьевъ Маннесманъ въ Ремшейдѣ.

пользовался для борьбы съ нею предоставленнымъ ею же мнѣ оружіемъ и не сожалѣю о томъ, что употребилъ его для возбужденія раздора между республиканцами. Представитель монархій не долженъ пренебрегать никакимъ случаемъ, чтобы подготовить ей торжество. Я хотѣлъ, чтобы право слова было возвращено странѣ и никакой иной цѣли я не преслѣдовалъ. Ни отъ кого, кромѣ Франціи, я ничего не ждалъ. Теперь я прошу друзей моихъ не терять времени въ сѣтованіяхъ на прошедшее, пусть они громогласно заявятъ о вѣрности своей монархическому принципу и сплотятъ свои силы для дальнейшей борьбы. Они заслужаютъ довѣріе Франціи лишь въ томъ случаѣ, если будутъ имѣть довѣріе къ самимъ себѣ и къ своему дѣлу и вѣру въ Бога“.

Смѣсь.

Парижская полиція числила, что изъ 1½ миллионѣвъ иностранцевъ, посѣтившихъ Парижскую всемірную выставку, было: 225,400 бельгийцевъ, 380,000 англичанъ, 160,000 нѣмцевъ, 52,000 швейцарцевъ, 56,000 испанцевъ, 38,000 итальянцевъ, 7,000 русскихъ, 2,500 шведовъ и норвежцевъ, 5,000 грековъ, румынъ, турокъ и т. д., 32,000 австрійцевъ, 3,500 португальцевъ, 8,250 азиатцевъ, 12,000 африканцевъ, 90,000 сѣверо-американцевъ, 25,000 южно-американцевъ, 3,000 австралийцевъ и т. д. (с.)

Увеличеніе сбора хлопка въ Индіи по истинѣ баснословно. Между тѣмъ какъ въ 1876—77 году собрано было лишь 8 миллионѣвъ фунтовъ, количество его за послѣдній годъ достигло 129 миллионѣвъ. (с.)

XXII годъ.

XXII годъ.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1891 г.

„Нива“ въ 1891 году будетъ преобразована какъ по количеству матеріала для чтенія, такъ и по характеру главной художественной преміи. Программа нашего журнала и еженедѣльные номера „Нивы“ останутся въ прежнемъ составѣ, какъ литературномъ, такъ и художественномъ, т. е. въ годъ 52 №№ и въ каждомъ номерѣ отъ 40 до 48 столбцовъ текста съ 7—12 художественно исполненными гравюрами. Но, кромѣ того, всѣ подписчики „Нивы“ будутъ получать бесплатно:

ЕЖЕМѢСЯЧНО БОЛЬШОЙ ТОМЪ СБОРНИКА

романовъ, повѣстей, рассказовъ и др. занимательнаго и поучительнаго чтенія.

Каждая книга объемомъ въ 200—250 страницъ въ восьмую долю листа, т. е. въ годъ 12 книгъ, содержащихъ около 3,000 страницъ текста лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, — и между прочимъ, по истеченіи 50-ти-лѣтняго срока авторской собственности (15 іюля 1891 г.):

Сочиненія ЛЕРМОНТОВА,

изданныя подѣ редакціей А. И. Введенскаго, съ гравированнымъ на стали портретомъ М. Ю. Лермонтова, его

автографомъ и біографіей поэта, составленною редакторомъ. (По порученію издателя „Нивы“ г. Введенскій уже цѣлый годъ занятъ этимъ новымъ изданіемъ сочиненій Лермонтова, для котораго понадобилось критическое сличеніе рукописей поэта, всѣхъ вариантовъ и проч., что даетъ право ожидать изданія во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненнаго).

Что касается главной художественной преміи, мы многолѣтнимъ опытомъ убѣдились, что олеографическія картины, какъ премія, отжили свое время, какъ бы ни были громки имена ихъ авторовъ, какъ бы ни были онѣ хорошо исполнены (какъ напримѣръ, двѣ олеографіи—преміи „Нивы“ на 1890 г. по картинамъ И. И. Шишкина) и какъ бы ни были велики эти преміи по объему. У однихъ изъ гг. подписчиковъ не достаетъ болѣе мѣста на стѣнахъ, другіе жалѣютъ издержекъ на раму, остальные просто бросаютъ олеографіи или прячутъ ихъ въ папки.

Разъ мы пришли къ такому убѣжденію, надо было найти что-либо новое, небывалое, при томъ удобное, изящное, нравящееся всѣмъ безъ исключенія, и мы надѣемся, что успѣшно разрѣшили нашу задачу, предлагая нашимъ подписчикамъ на 1891 годъ роскошное изданіе **ХУДОЖЕСТВ. АЛЬБОМЪ СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ** исполненными fac-simile по картинамъ десяти извѣст-

нѣйшихъ русскихъ художниковъ. Печатаніе красками этихъ акварелей достигло такого совершенства, что всѣ видѣвшіе эти оттиски принимали ихъ за оригиналы. Черезъ нѣсколько дней желающіе могутъ убѣдиться въ этомъ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, гдѣ принимается подписка на „Ниву“ и гдѣ будетъ выставленъ нашъ альбомъ. Содержаніе картинъ альбома слѣдующее:

- 1) Профессора **И. К. Айвазовскаго**: На Черномъ морѣ.
- 2) Академика **С. Ф. Александровскаго**: Молодая шведка.
- 3) Академика **С. И. Васильковскаго**: Раннее утро у запорожцевъ.
- 4) Академика **Е. Е. Волкова**: Пейзажъ.
- 5) Придворнаго художника **М. Зичи**: Тамара.
- 6) Художника **Н. Н. Каразина**: Конный бухарскій стрѣлокъ.
- 7) Академика **А. Д. Кившенка**: Охота на лисицу.
- 8) Профессора **Ю. Ю. Клевера**: Вечеръ въ деревнѣ.
- 9) Профессора **Л. О. Премацци**: На дворѣ Толедскаго дома.
- 10) Профессора **Н. Е. Сверчкова**: На медвѣдя.

Альбомъ разсылается подписчикамъ въ красивой картонной папкѣ (10 вершковъ длины и 8 вершковъ ширины; той же величины и картины), украшенной роскошнымъ (отпечатаннымъ въ 14 красокъ) заглавнымъ рисункомъ съ акварели художника **А. Земцова**, и такимъ образомъ можетъ быть настольнымъ украшеніемъ любой гостиной. Каждая картина въ альбомѣ печатана 15—20 красками, на лучшей бѣлой бристольской бумагѣ, и представляетъ сама по себѣ отдѣльное художественное произведеніе, такъ что желающій видѣть ту или другую акварель у себя на стѣнѣ въ рамѣ—можетъ для этой цѣли вынуть изъ альбома сколько угодно листовъ.

На особомъ листѣ помѣщенъ объяснительный текстъ къ картинамъ и краткая характеристика ихъ авторовъ.

Относительно запасеннаго нами литературнаго матеріала какъ для „Нивы“, такъ и для 12 книгъ „Сборника“, можемъ указать на нашу слишкомъ двадцатилѣтнюю дѣятельность, въ теченіе которой читатели „Нивы“ могли убѣдиться, что мы даемъ произведенія лишь извѣстнѣйшихъ и лучшихъ русскихъ писателей. Въ этомъ объявленіи не достало бы мѣста для перечисленія и десятой доли того, что находится въ портфель редакціи. Поэтому ограничиваемся названіемъ лишь нѣсколькихъ крупныхъ произведеній, какъ-то:

П. Д. Боборыкина—„Ушло“, повѣсть.

Кн. М. Н. Волконскаго—„Мальтійская цѣпь“, историческій романъ въ трехъ частяхъ.

Н. Д. Маслова—„Изъяны воли“, романъ въ трехъ частяхъ.

Вас. И. Немировича-Данченко—„Въ горныхъ бунтахъ“, романъ въ трехъ частяхъ.

И. Н. Потапенко—„Сердце сназало“, романъ изъ малороссійской жизни.

П. Н. Полевого—„Корень зла“, историч. романъ въ трехъ частяхъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Гр. Е. А. Салиаса—„Русская амазонка“, историческій романъ XIX вѣка, въ трехъ частяхъ.

И проч., и проч., и проч.

Благодаря ежемѣсячному приложенію „Сборника“, „Нива“ въ будущемъ году дастъ своимъ подписчикамъ въ нѣсколько разъ большее количество разнообразнаго чтенія, чѣмъ въ предшедшіе годы. Эти 12 книгъ будутъ наполнены такимъ обиліемъ матеріала, что стоимость ихъ въ отдѣльной продажѣ значительно превысила бы подписную цѣну за все изданіе „Нивы“.

Ежемѣсячное приложеніе при „Нивѣ“ особыми нумерами „Парижскихъ Модъ“, отличается тѣмъ, что составляемый ими полный модный журналъ помѣщаетъ лишь новѣйшіе парижскіе фасоны дамскихъ и дѣтскихъ платьевъ, бѣлья и проч., и проч., прежде чѣмъ они появятся въ Россіи. Кромѣ того, при „Парижскихъ Модяхъ“ ежемѣсячно прилагается большой листъ съ выкройками въ натуральную величину самыхъ разнообразныхъ костюмовъ. Число этихъ выкроекъ въ годъ достигаетъ 300. На оборотной сторонѣ этихъ листовъ помѣщается множество рисунковъ: женскихъ рукодѣльных работъ, заглавныхъ буквъ для мѣтки бѣлья, а также масса чертежей для ажурныхъ выпильныхъ работъ. Далѣе, въ каждомъ модномъ номерѣ, печатаются рецепты для кухни, полезные совѣты по домашнему хозяйству, общедоступной техникѣ, цвѣтоводству и проч.

При первомъ номерѣ „Нивы“ будетъ приложенъ изящный, печатанный нѣсколькими красками, стѣнной календарь на 1891 годъ.

Такимъ образомъ „Нива“ на 1891 годъ дастъ своимъ подписчикамъ

БЕЗЪ ВОЗВЫШЕНІЯ ПОДПИСНОЙ ЦѢНЫ

кромѣ обычныхъ 52 №№ съ 500 художеств. выполненныхъ гравюръ и 2,000 столбцовъ беллетристики, популярно-научныхъ статей, біографій съ портретами, современныхъ событій съ рисунками и описаніями, еженедѣльнаго политическаго обозрѣнія, смѣси и проч., и проч.,

12 книгъ „Сборника“ романовъ, повѣстей и проч. (въ годъ около 3,000 страницъ).

12 №№ „Парижскихъ Модъ“ съ 300 гравюрами.

12 №№ рукодѣлій и выпильныхъ работъ и около 300 выкроекъ въ натуральную величину.

10 акварелей лучшихъ русскихъ художниковъ.

1 изящную папку для альбома.

1 стѣнной календарь.

Смѣло можемъ сказать, что такого изданія, по качеству, обилію и разнообразію литературнаго и художественнаго матеріаловъ и по сравнительной дешевизнѣ, до сихъ поръ не было ни въ Россіи, ни за-границей. Съ преобразованиемъ нашего журнала въ будущемъ году сопряжены крупныя затраты и тяжелый трудъ, но мы отваживаемся на это въ твердой увѣренности, что многочисленные читатели „Нивы“ оцѣнятъ наши усилія и заботы о постоянномъ ея совершенствованіи.

Подписная цѣна „Нивы“ на 1891 годъ со всѣми приложеніями и преміями и 12 книгами „Сборника“: безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р., безъ доставки въ Москвѣ 6 р., съ доставкой въ С.-Петербургѣ 6 р. 50 к., съ пересылкою иногороднымъ 7 рублей.

СОДЕРЖАНІЕ: Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко. Ч. V. (Продолженіе). — Говніе. (Изъ учебныхъ годовъ стараго барчука). Евгений Маркова. — Микроскопическій міръ (съ 9 фиг.). — Къ рисункамъ: Бѣгство и погоня (съ рис.). — Осенняя непогода (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Борисъ Годуновъ“ Пушкина. Борисъ и юродивый (съ рис.). — Послѣ бала (съ рис.). — Шведская могила подъ Полтавою (съ рис.). — Наемъ прислуги и рабочихъ у Николайскаго рынка (съ рис.). — Поднятіе новыхъ колоколовъ на Холмскій соборъ (съ рис.). — Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ (съ портр.). — В. Л. Груберъ (съ портр.). — Металлическія трубы братьевъ Маннесманъ въ Ремшейдѣ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — О подпискѣ на „Ниву“ 1891 года. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

НОВОСТЬ!
 мужские кальсоны
 изъ **ТВИСТЪ**,
 прочностью незамѣнимы никаки-
 ми другими.
 Только въ магаз. **Ю. ГОТЛИБЪ**,
 по Владимирск., д. 2, уг. Нев-
 ского пр., Спб.
 Гг. иногородн. заказчики бла-
 говолятъ прислать мѣру пояса и
 длины отъ пояса и подошвы.
 Цѣна 1 р. 75 к. за пару, пере-
 сылка на счетъ заказчика. Тор-
 говцамъ уступка. Меньше трехъ
 паръ не выслается.

НОВОСТЬ!
НОСКИ ДЖУТОВЫЕ
БЕЗЪ ШИВА,
 отличающіеся прочностью отъ
 всѣхъ другихъ сортовъ.
 Только въ магаз. **Ю. ГОТЛИБЪ**,
 по Владимирск., д. 2, уг. Нев-
 ского пр., Спб.
 Гг. иногородн. заказчики бла-
 говолятъ прислать мѣру подо-
 швы. Цѣна 5 руб., съ перес. 6 р.
 за дюж. Торговцамъ уступка.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть времени Екатерины II. Петрова и
 В. Клавинкова. Ц. 1 р.

ИЗВѢСТНЫЕ ДУХИ ДЛЯ НОСОВЫХЪ ПЛАТНОВЪ и проч.
ГУСТАВА ЛОЗЕ № 4723 8-1

LOZE MAIGLÖCKSCHEN Ландышъ.	НОВОСТЬ LILAS BLANC Бѣлая Сирень.
LOZE GOLDLILIE Золотая Лилія.	
LOZE PEAU D'ESPAGNE	
LOZE HELIOTROPE BLANC	
LOZE ROSE MARÉCHAL NIEL	

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ Придворный парфюмеръ,
 Берлинъ, Егерштрассе, 46.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерн. магаз. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ФАБРИКА
ЗОЛОТЫХЪ И СЕРЕБРЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
КАРЛА ГОЛЬ въ Канштадтѣ В. № 4718 2-1
 (Королевство Вюртембергъ)
 высылаетъ безъ всякой доплаты за пересылку нижеозначенныя
 золотыя вещи въсѣмъ въ 14 каратовъ 585 пробы, съ искусствен-
 ными брилліантами, имѣющими великолѣпную игру и трудно
 отличающимися отъ настоящихъ брилліантовъ.
 Стоимость можетъ быть прислана русскими кредитными биле-
 тами или почтовыми марками.

№ 1351 5 рублей.
 № 1353 1/2 24 рубля 50 коп.
 № 584 3 рубля.
 № 1354 1/2 25 рублей.
 № 1362 1/2 12 рублей.
 № 1367 1/2 14 рублей.
 № 1365 1/2 12 руб. 50 коп.
 № 2063 7 руб. за пару.
 № 580 12 рублей.
 № 736 8 рублей.
 № 1604 2 рубля.
 № 2321 6 руб. за пару.
 № 833 8 руб. за пару.
 № 739 10 рублей.

Артуръ Зейфартъ, Кестрицъ (Германія).

Награды, премии, дипломы, медали съ
 выставокъ государственныхъ и частныхъ.
Значительнѣйшій заводъ
породистыхъ собакъ

Рѣдчайшихъ современныхъ
 породъ, комнатныхъ,
 охотничьихъ и для
 всѣхъ видовъ
 спорта.

Специальности:
 Великорослая гор-
 ная собаки, ньюфаун-
 денскія, мастифы, крупныя
 нѣмецкіе доги, бульдоги, стороже-
 выя собаки, терьеры, пинчеры, пуделя,
 мопсы, крысоловы, дамскія собачки, охотничьи собаки, ищущія, таксы и проч.
 Превосходные отзывы. — Учрежденіе рекомендуемое крупнѣйшими авторитетами по
 кинологіи, болѣе 10,000 благодарственныхъ писемъ. — Безплатная франкированная
 высылка каталога. — Иллюстрированный альбомъ 50 страницъ. R. 4714
 50 различныхъ породъ. — Вывозъ во всѣ части свѣта. — 50 различныхъ породъ.

ТОЛЬКО 1 РУБЛЬ
 съ пересылкою по всей Россіи.

Эйфелева башня —
 новѣйшая париж-
 ская игра голово-
 ломки (jeu de ra-
 tience). Однако
 интересна дѣтямъ
 и взрослымъ, осо-
 бенно въ долгіе
 зимніе вечера. Вы-
 сылается обратною
 почтою. Вѣнныя са-
 моиздающіе изъ гг. Сп-
 бира и Кавказа при-
 лагаютъ еще 50 п.
 на шпугу. Адресъ:
 С.-Петербургъ, у г.
 Склада Новыхъ
 Изобрѣтеній, Нев-
 ской пр., № 4.
 Каталогъ всѣхъ
 изобрѣтеній за 7 коп.
 марку. М. № 4724

НИНѢ НОВЫЕ И ИСТОРИЧЕСКІЕ
АНГЛИЙСКИЕ ИМОСТИРОУВАЮЩИЕ

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
 строители земледѣльческихъ машинъ
 и орудій.
 Специальность: плуги и молотилки.
 Они же состоятъ главными агентами
 извѣстнаго англійскаго завода паро-
 выхъ молотилокъ и локомотивовъ Клей-
 тона и Шутлеворта въ Англіи и зна-
 менитаго завода сѣносносокъ, имен-
 но «Дези» и сноповязалокъ Манъ
 Кормина въ Чикаго.
 Кроме того имѣются: тарелочныя
 бороны Равдала и конныя грабли
 Тигра завода Стодарта, рядовыя сѣ-
 калы Сакса и проч. № 4484 28-9
 Запасныя части ко всѣмъ машинамъ.
 Фабрика и Главная Контора въ Мо-
 сквѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш.
 Вр. Бутеневъ. Отдѣленіе въ Харь-
 ковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

Рояли Беккера
 въ 600, 800 и 1,000 руб.
Пианино Беккера
 въ 450 и 550 руб.
ПОЛУЧЕНЫ НОВЫЕ
 въ музыкальной торговлѣ П. ЮРГЕНСОНА, въ Москвѣ, Неглинный прѣздъ, 10
 (уголъ Кузнецкаго моста). М. № 4678 8-3

ЭЛЕОПАТЬ ПРОВ. КИНУНЕНЪ
 для волосъ. Элеопать Кинунена нахо-
 дится для продажи во всѣхъ большихъ
 Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна фла-
 кону, содержащему 120 граммовъ, 1 р.
 50 коп., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
 Просятъ непременно обращать вниманіе
 на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-
 кона, — пров. Кинуненъ. (38) № 4287
 Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

РЕКОМЕНДУЮ БОЛЬШОЙ РЕМБОРЪ ЧАСОВЪ
 съ собственною фабрикою
 съ полными ручательствомъ за прочность механизма и
 вѣрность хода. В. № 4696 8-2

ПАВЕЛЬ БУРЕ
 поставщикъ Двора Его Величества.
 С.-Петербургъ, на Невскомъ пр., д. 23.
 Москва, по Б. Лубянкѣ, противъ Кузнецкаго моста.
 Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безплатно.

Лампы съ накаиваніемъ въ 16 свѣчей, въ 50, 65 и 100 вольтъ,
 за штуку по 1 р. Патроны Эдиссона и Сименса. Тюльпаны
 стѣняны. отъ 50 к. до 1 р. 25 к. Электрическіе звонки отъ 1 р.
 50 к. Аппараты №№ 3, 4, 6, 8, 10, 12 РС. 7.50, 8.50, 14, 16,
 20, 23. Ниопки отъ 25 к. Элементы Ленгланше отъ 1 р. 25 к.—
 1 р. 50. Сухой элементъ Электронъ отъ 2 р. Изолированная
 проволока за ф. отъ 1 р. 20. Изоляторы отъ 20 к.—50 к. Симвлексъ
 Микрофонъ, Телефонъ со звукомъ, за станцію РС. 15. Микро-
 фонъ телефонъ Вадена, съ индукторомъ, на протяженіи 400 верстъ,
 за станцію РС. 60. Домашній телеграфъ, легко устанавливается
 домашнимъ образомъ, безъ помощи специалистовъ, цѣна 7 р.
 Постановка и проводъ телефоновъ и звонковъ, а также ремонтъ и починка по
 весьма умереннымъ цѣнамъ. Прейсъ-курантъ безплатно.

5-5
К. И. ФРЕЛАНДТЪ В. № 4684
 Складъ электрическихъ приборовъ, С.-Петербургъ, уг. Невскаго пр. и Екате-
 рининскаго канала, д. Учетнаго Банка, входъ съ канала, № 16.

Leichner's Fettjunder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.
 Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улуч-
 шения красоты кожѣ! Цѣна коробки 1 рубль!
 Театральная гримировка! В. № 4720 17-1
 Жирная румяна, бѣлѣла. Нарандаши для бровей!
 Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
 Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.
 Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парфюмер-
 ныхъ во Франціи и заграничій.

LA VELOUTINE
 Специальная рисо-
 ваниматовая пудра.
CHAPLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris. Ц. № 8767 (78)

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора «Петербург. Трущобы»); 3-е
 изданіе, Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ЛЕПНИНГЪ и ГРОЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

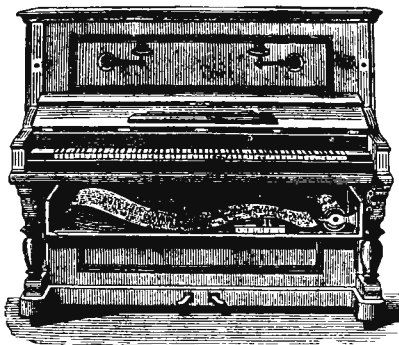
на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

ПВѢТОЧНЫЙ
О-ДЕ-КОЛОНЪ

БРОКАРЪ и К^о
ИЗБОРЪ ГРОЗНИЙ

Складъ фабрики: Офицерская, 5.

НОВОСТЬ! МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНИНО

заграничной работы, новѣйшей конструкціи.

Можно играть не только какъ на обыкновенномъ пианино, но также отлично исполнять все танцы и концертныя вѣсы посредствомъ верченія ручки.

Цена безъ нотъ. 600 руб. Ноты по 1 руб. 25 коп. за каждый метръ (=1 1/2 аршина).

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цена 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у Г. Голлендера, Демидовъ пер., № 1. ВЪ С.-Петербургѣ. (28) № 4366

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

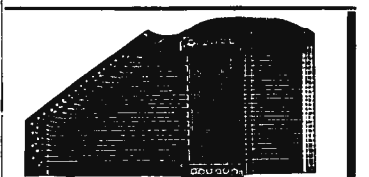
Англійскіе растягивающіеся кушаки „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченнымъ замкомъ, золоткине бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, голубымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушаки прозрачные очень прохладительны и приятно носить для каждой дамы. Цена 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣляется уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ**, Спб., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

ПРАКТИЧНАЯ НОВОСТЬ!

Предохранитель отъ лопанія ламповыхъ стеколъ! Надѣвается на всякое ламповое стекло и безусловно предохраняетъ таковое отъ лопанія. За границею въ два мѣсяца продано свыше 10.000.000 штукъ. Выпускается не менѣе 1-й дюжины. М. № 4722 1 дюжина—2 рубля. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ Новыхъ Изобрѣтеній, Невскій просп., № 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 коп. марку.

ГОТОВАЛЬНИ

и отдѣльн. инструм. для рисованія.
Концы нашихъ циркулей округлены и не портятъ бумагу. Въ наши готовальни преврѣны и приготовл. въ немедл. употреблен.
Е. КРАУСЪ и Комп.
Парижъ, Avenue de la Republ., 4.
Складъ для Россіи: въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 42.
Иллюстр. прейсъ-курantz оптичск. прибор. высылаются бесплатно. № 4697 2—2

Усовершенствованныя НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
состоятъ изъ дѣлѣй продаются по вновь усовершенствованнымъ цѣнамъ: съ 3 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к. „7“ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей. Самый легкій инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.
За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курantz всѣхъ инструментовъ бесплатно. (37) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣляется скидка.

ШИШУАЦАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд. Прейсъ-курantz, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ** Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ШОКОЛАДЪ
А. И. АВРИНОВА СЫНОВЪ
ВЪ МОСКВѢ.
продается во всѣхъ городахъ РОССІИ.

Только подлинно съ этой фабрич. маркой.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“
Медо-Травяной-Мальць-Экстрактъ и Конфекты. *)
Л. Г. ПИТШЪ и К^о
въ Бреславлѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскимъ опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажъ ихъ въ Россіи разрешены.
*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфеты по 30 и 50 к.
Упаковка и пересылка считаются особо.
Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В. № 4719 18—1

НАСТОЯЩЕ ВЕЛОСИПЕДЫ (ВИФЪ)

ПЕРВОЕ МѢСТО
Ж. БЛОКЪ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Поступило въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПб., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **О. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА**, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ трехъ большихъ томовъ, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и политипажей и 17 эстамповъ на мѣди. Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсистости Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками. Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а третья за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе второго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, приемы возращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаци лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣльчнхъ; устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплуатаціи лѣса: учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соответственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При выписываніи 1-го тома вносятся 4 р., до выхода 2-го тома 8 р., а до выхода 3-го тома 2 р., а всего 14 руб.

Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ. За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

По выходѣ всего сочиненія цѣна будетъ значительно возвышена.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала „Нива“ (СПб., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и желающія приобрести слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносить 7 р., а 3-го тома 2 р.

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ

МОЛОЧНАЯ МУКА

для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока
Паров. фабр. **БЛИГКЕНЪ и РОБИНСОНЪ** въ СПб.

Единственный агентъ для Россіи: **ВАСИЛІЙ АУРИХЪ**,

Колокольная, 18 — 19, въ С.-Петербургѣ.

Его подпись должна быть на каждой жестянкѣ:

Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки. Продается въ алтек. магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4721 17—1

ЖИВА

XXI г.
№ 40

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXI
1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 6 октября 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цена этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 5 р. Съ доставкою въ Петербургѣ 6 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печниковской, Петровская Торг. линія 6 р. Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . . 7 р. За границу . . . 9 р.

Вездѣ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

При семъ № прилагаются: „ПАРИЖСКИЕ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ 1890 г., съ 25 рис. и отдѣльн. листъ съ 29 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 25 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

КЪ НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

При слѣдующемъ № 41-мъ будутъ разсланы обѣщанныя гг. годовымъ подписчикамъ „НИВЫ“ ПЕРВЫЯ ДВѢ ГЛАВНЫЯ ПРЕМІИ НА 1890 ГОДЪ:

картины извѣстнаго нашего художника, профессора И. И. ШИШКИНА, печатанныя красками (16 верш. вышины и 12 верш. ширины нажда)

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“, 2) ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“.

Въ случаѣ неполученія кѣмъ-либо при № 41 преміи, издатель проситъ увѣдомить о томъ контору журнала немедленно, не позже какъ съ получениемъ № 42.

Гг. подписчикамъ, получающимъ журналъ безъ доставки, въ С.-Петербургѣ или Москвѣ, будетъ выдана эта премія при № 41 въ той конторѣ или магазинѣ, черезъ которые они получаютъ „Ниву“.

Обращаемъ вниманіе на предупрежденіе (въ 3-мъ листѣ этого №.) относительно осторожности при вскрытіи преміи.

О ТРЕТЬЕЙ ГЛАВНОЙ ПРЕМІИ:

большомъ томѣ романовъ, повѣстей и разсказовъ содержащемъ въ себѣ болѣе 540 страницъ самаго интереснаго чтенія (произведенія извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей), будетъ объявлено чрезъ нѣсколько номеровъ.

Ильдизъ-Кюскъ, резиденція султана въ Константинополѣ, и мечеть Гамидіе во время Селамлина. Грав. Крей.

ЖИЗНЬ, КАКЪ ОНА ЕСТЬ.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. (Окончаніе).

VI.

Прошло два года.

Василій Герасимовичъ не узнавалъ себя за послѣднее время, да и другіе тоже дивились на него.

Савва Кузмичъ—тотъ только въ бороду себѣ смѣялся, глядя на Сластенова.

— Ишь, говорилъ онъ. — сказывается наша порода, сказывается. Настоящій Сластеновъ вышелъ изъ племянника. Чего лучше!

И когда молодой человекъ, весь въ поту и пыли, возвращался съ заводовъ, въ одно и то же время усталый и возбужденный поэзією труда, старикъ ласково клалъ ему на плечи руки и замѣчалъ:

— Вотъ кабы Паша тебя такимъ видѣла — другой бы разговоръ промежду васъ былъ.

Василій Герасимовичъ, черезъ полгода послѣ того какъ оставилъ свое рогожское палаццо, уже не удовлетворялся одними школами да больницами. Онъ интересовался всѣмъ, что происходило на заводахъ, часто на недѣлямъ оставался на нихъ, винкая и въ условія рабочаго труда, и въ самое производство, и мало-помалу передъ нимъ яснѣе и яснѣе возникали настоящія представленія о дѣлѣ, котораго прежде онъ не зналъ вовсе и которымъ даже не интересовался. Старикъ Сластеновъ разъ какъ-то сказалъ: „ну, братъ, теперь я вижу, что не пропадетъ наша фирма, когда я помру. Ты съ ней управись“. Въ поту своей каторажной работы Василій Герасимовичъ односложно отвѣчалъ ему: „ну вотъ!“ Но ужъ это былъ не тотъ мозглякъ, надъ которымъ смѣялся когда-то дядя. Онъ ужъ самъ понималъ теперь, что въ его рукахъ лежитъ судьба не одной тысячи людей, приуроченныхъ къ заводамъ. Въ послѣднее время онъ отирасился у дяди въ поѣздку по всему его промысловому району, и на цѣлый мѣсяцъ пропалъ, да такъ, что внезапно вернувшись и остановившаяся у Саввы Кузмича Прасковья Яковлевна и узнать не могла гдѣ онъ находится.

Молодую женщину поразило то, что мужъ пересталъ вовсе писать ей.

Вотъ уже годъ она отъ него не имѣла никакой вѣсточки, а старикъ, писавшій ей по временамъ о перерожденіи Василія Герасимовича, только пуще еще разжигалъ сначала ея любопытство, потомъ какое-то странное чувство, самой ей непонятное,—не то нѣжности, не то удивленія. „Откуда бы, кажется“, думала она,—„откуда бы ему набраться?“ Но когда наконецъ, вмѣсто длиннаго посланія, котораго она ожидала, Прасковья Яковлевна получила отъ Василія Герасимовича короткія и сухія три строки: „писать некогда, не могу отрывать времени у дѣла, да и не о чемъ. Работаю. будь здорова, а я здоровъ,“—она вдругъ сначала расплакалась, а потомъ уложила и нагрянула въ Москву.

Савва Кузмичъ встрѣтилъ ее на вокзалѣ.

— Мужъ здѣсь? оглянулась она.

— Куда! Его, Паша, теперь и за хвостъ не поймашь.

— Что такое еще?

— За работой. Точно съ голоду помреть, коли не потрудишься... Запой какой-то.

— Да гдѣ же онъ теперь?

— А я почему знаю... Можетъ на работахъ, а можетъ по школамъ ѣздить... Такой у меня левизоръ выискался. Вчера пишу тебѣ: прикатилъ онъ двѣ десяти назадъ на Балаковскій заводъ и такъ ихъ тамъ разшеретилъ: агличанина прогналъ — другаго поставилъ. конторщикова учель, кого въ шею, кого онтрафовалъ...

— Это Васенька-то? остановилась Прасковья Яковлевна.

— Да, Васенька!.. Нѣтъ, Паша, Васенька-то давно померъ—Василій Герасимовичъ родился.

У нея сердце защемило.

— Теперь, потушилась она,—онъ пожалуй встрѣтится со мной да прочь пойдетъ.

— А ужъ этого не знаю. Я въ ваши дѣла не вхожу. А только онъ точно не тотъ... совсѣмъ не тотъ. Прежде бы онъ... Ну, да Богъ вѣсть...

Паша поняла только одно: старикъ не хочетъ сказать ей правду. Она всю дорогу ѣхала мрачная. Заглянула въ свой старый рогожскій дворецъ по пути.

— Это онъ на послѣдокъ велѣлъ твои комнаты оставить какъ были. И горничную для этого держу здѣсь.

Прасковья Яковлевна почувствовала, какъ теплая волна нѣжности ласково хлынула ей на душу.

— Спасибо! тихо проговорила она. — А тутъ мой портретъ висѣлъ.

— Съ собой взялъ, у него портретъ.

— Значитъ, помнить? вырвалось у нея.

— Помнить... помнить. Только никогда слова о тебѣ не сказалъ. Я бывало ему: „Паша мнѣ писала вчера“. А онъ, знаешь, неглика: „Здорова?“ — „Здорова“, отвѣчаю. Ну, больше ничего не спросить и сейчасъ за дѣло... Хочешь, коли не устала, посмотришь, гдѣ живетъ онъ?

Онъ завезъ ее на Тверскую.

— Каждый разъ, какъ прѣзжаетъ, останавливается здѣсь... У меня не хочетъ. Мнѣ, говорить, такъ свободнѣй.

— Батюшки! Да у насъ, па Рогожской-то, люди лучше жили!

Въ самомъ дѣлѣ: убогіе Г***нскіе номера произвели на нее ужасное впечатлѣніе. Она съ изумленіемъ осматривалась кругомъ—на эти жалкіе колченогіе столы, вытертый диванъ, запыленное окно, ободранныя занавѣси...

— Чего ты? спросилъ Савва, видя что она затуманилась.

— Ничего... Портрета-то моего нѣтъ... Поди швырнулъ куда-нибудь въ ящикъ и забылъ.

Савва только головою помотала на это.

Когда она съ дороги отдохнула, Сластеновъ написалъ по заводамъ, спрашивая гдѣ ея мужъ.

Но отвѣты получались неопредѣленные. Сегодня бытъ на одномъ, завтра ждали въ другомъ, а онъ невзначай палетѣлъ въ третій, накрылъ неправильную сплавку чугуна, взбудоражилъ всѣхъ, и вмѣсто того, чтобы остаться, выѣхалъ невѣдомо куда...

Недѣли двѣ уже жила такимъ образомъ Паша.

Она ходила молчаливая, мрачная какъ ночь, сдвинувъ свои черныя брови. На вопросы дяди отвѣчала нехотя.

— Да ты что... опять сердцемъ-то къ нему приросла? улыбаясь спросилъ тотъ.

— Дождется! зло отвѣтила она.—И видѣть-то его распостылаго не хочу... Стану я за нимъ какъ собаченка бѣгать—какже!.. Скажите: прынецъ какой...

Савва расчесывалъ себѣ бороду и молчалъ. Потомъ лукаво взглянулъ на нее и точно вскользь уронилъ:

— Такъ-то пожалуй и лучше будетъ!

— Почему? вспыхнула она, сверкая на него разгорѣвшимися глазами.

— Да какъ же не лучше? Видимое дѣло знать онъ тебя не хочетъ. Ну, что-жь, силой миль не будешь. Бросила ты его тогда. Ну и въ немъ переболѣло... Теперь

онъ и самъ-то измѣнился—къ старому и ворочаться ни ему, ни тебѣ незачѣмъ.

— Незачѣмъ? горячо спросила Паша.

— Да, незачѣмъ.

— А если Богъ соединилъ, такъ вы какъ думаете, люди-то развѣдинить могутъ?

— Объ этомъ, племянница, надо было тебѣ думать тогда, какъ ты уѣзжала отъ него.

— Да я и не хочу, проговорила она равнодушно.— Не хочу. Ну его... мозгляка!—И ложку такъ швырнула на тарелку, что лакей около вздрогнулъ.—Что мнѣ съ нимъ?.. Ну его?

— Такъ-то такъ... Ужь ты его оставь. Малаго только отвлечешь отъ дѣла. А дорогой человекъ сталъ! Я бы ему сейчасъ при жизни всё дѣла отдалъ. Теперь въ надеждѣ — не уронить онъ нашу Сластеновскую честь. На славу поведетъ. На всякое дѣло гождь. Ты какъ думаешь, вчера рассказывалъ мнѣ съ Савватьевскихъ промысловъ прѣѣхавъ управляющій. Тамъ домна у нихъ чуть не треснула—такъ Васенька-то твой—чуть не головой въ сплавъ полѣзъ. Кабы не онъ—рухнуло бы все, страшные убытки были бы. Управляющій говоритъ: „мы и близко подступиться боялись... помилуйте, залъеть всего горячей рудой. Смерть видна. А онъ усмѣхнулся только и пошелъ...“ Сдѣлай солдатъ на войнѣ, ему-бы Егорія за это дали.

— Неужели Васенька все это? вырвалось у Пашы.

— Да, да! Вотъ ты и поди. Размотри ихъ, нынѣшнихъ-то.

Та качала головой и чувствовала, что ей плакать хочется. Удержалась—вся поблѣднѣла даже отъ усилия. И сердце билось такъ, что она схватывалась за него нѣсколько разъ.

Два дня она ничего не говорила о мужѣ. Савва Кузмичъ тоже молчалъ о немъ. Наконецъ Паша не выдержала.

— Ну, что Васенька... гдѣ-то онъ? Мнѣ все равно—а такъ я...

— Сказывали, промежду дѣломъ изъ Калышскаго завода—дѣса-то тамъ остались еще—на медвѣжью охоту ходилъ съ парнемъ однимъ.

— Василий Герасимовичъ?..

— Да... онъ...

Прасковья Яковлевна порывисто встала, прошлась по комнатѣ.

— Что съ тобой?

— Да жарко мнѣ что-то... Натоплено здѣсь у васъ...

— Какой, матушка, натоплено... Весной да топить!.. А ты бы воды вышпила, успокоилась. Медвѣжью шкуру должно-быть въ подарокъ прислать мнѣ.

— Поди тамъ... на мѣстѣ-то...

И она не окончила своей мысли.

— Что на мѣстѣ?

— Говорю, тамъ на мѣстѣ-то... Тоже вѣдь рыцарь... Въ кавалеры записался. На заводахъ-то я слышала... жизнь-то слободная. Что хотять, то и дѣлають. Ну и онъ... чай не теряетъ времени. Съ работы и на погулянку.

— Можетъ быть, подтвердилъ Савва Кузмичъ,—можетъ быть. Что-жь съ нимъ дѣлать-то! Молодой—сама знаешь. Какъ его удержишь теперь...

— А вы слышали что? вся точно дрожа въ лихорадкѣ остановилась передъ нимъ Прасковья Яковлевна.

— Нѣтъ... Слышать не слышала. Только такъ думаю, что-жь ему хорониться-то... Жены нѣтъ... Человекъ онъ одинокій—дѣлай что хочешь.

— Какъ жены нѣтъ?

— Ахъ, это ты про себя... Ну, матушка, что ужъ. Коли онъ тебя зна сколько не видалъ.

Прасковья Яковлевна ушла къ себѣ, заперлась въ спальнѣ и не выходила цѣлый день.

Къ вечеру ее Савва Кузмичъ встрѣтилъ вскользя. Она уѣзжала куда-то, потомъ черезъ часъ вернулась.

— Ну, куда ѣздила, племянница?

— Такъ!

И она пошла къ себѣ и опять заперлась.

Савва Кузмичъ ухмыляясь самъ сошелъ внизъ. Позвали кучера.

— Куда возилъ Пашу-то?

— Къ Иверской... Помолитесь онѣ, нищихъ одѣлили.

— Такъ, правильно.

И Сластеновъ еще радостиѣ вернулся наверхъ.

— Ужинать будешь? стукнулъ онъ ей въ двери.

— Нѣтъ! коротко отвѣтила она.

— Что такъ?

— Спать легла.

Опять два дня молчала Паша. Савва Кузмичъ ни слова о мужѣ. Наконецъ она не выдержала.

— Ну что... гдѣ этотъ... натушь-отъ нашъ?

— Получилъ я отъ него письмо наконецъ.

— Чтò пишеть?

— Раскуси-ка его... ..Теперь, говоритъ, вижу я что за заводское дѣло братья надо умѣючи и потому...“ Вѣдь какое дѣло надумалъ!—И Савва покачалъ головою.— Я и не ждалъ отъ него... Какъ бы ты думала: „пошлите, говорить, вы меня дяденька года на три въ Америку и въ Англию. Тамъ заводское дѣло идетъ куда лучше. Присмотрюсь и самъ...“

— Какъ на три года! прервала она его.

— Да вотъ видишь... Мысль-то у него хорошая.

— Что-жь вы? Какъ рѣшили?

— А мнѣ что! Мнѣ же лучше. Ему вѣдь всё заводы, всё земли мои достанутся. Пушай его ѣдетъ и учится. Я одобряю... Мнѣ это по душѣ. Дѣйствительно, мы отъ этого отстали. Да что съ тобой-то, али больна?

Прасковья Яковлевна сидѣла за столомъ какъ скатерть блѣдная.

— Нѣтъ, такъ, голова... голова у меня болитъ. Что-то и сама не понимаю.

— Ничего, племянница... это пройдетъ.

На другой день Паша вышла къ столу серьезная, мрачная, видимо на что-то рѣшившаяся.

— Знаете, дядя, вы все равно что родной... Я давно ужъ рѣшила, теперь хочу вамъ сказать...

— О чемъ такомъ это?

— Въ монастырь задумала.

— Чего?

— Въ монастырь хочу.

— Вона... Что-жь такъ?

— Въ мѣрѣ не спасешься. Въ Ельпѣ—Усть-Каменогорская обитель понравилась мнѣ. Была я тамъ съ матушкой—молились мы. Сестры кроткія, житіе тихое. Отлично мнѣ будетъ тамъ. Мужъ не попреяствуетъ. Ему что же... Ему еще лучше, горько вырвалось у нея.—Ему разумѣется лучше... Онъ вѣдь вотъ на нѣсколько лѣтъ ѣдетъ въ за-границу, что же ему на меня обращать вниманіе!

И уронивъ голову на руки, Паша зарыдала вдругъ, да такъ, что Савва Кузмичъ всполошился. Онъ привелъ ее въ себя, успокоилъ. Потомъ какая-то мысль пришла ему въ голову, и онъ самъ себѣ улыбнулся.

— Да, разумѣется, что же — монастырь такъ монастырь. Все одно. Не мужняя жена и не дѣвица... Разумѣется положеніе твое тяжкое. А въ обителяхъ, сказываютъ, въ женскихъ, ежели кто съ деньгами—и очень хорошо! Спокойно. Только, видишь-ли, племянница, какъ ни какъ, а надо намъ съ нимъ повидаться. Письмами этого дѣла не рѣшишь. А? какъ ты думаешь?

— Я что же... ничего, потупилась она.

— Потому письмами когда еще да какъ, да по каждому малѣйшему поводу—опять письма. Нѣтъ, такія дѣла такъ не рѣшаются. А намъ надо повидать его. А въ монастырь ты это хорошо надумала. Для души-то отлично. Только вѣдь вотъ что... Онъ къ намъ не поѣдетъ сюда. Коли хочешь — мы къ нему. А?..

Видъ города Выборга. Съ фотографіи грав. М. Рамевскій.

Тушение степного пожара воловьей шкурой. Рис. А. Рихтер, грав. в мастерской „Ильи“.

— Я готова, дяденька, мнѣ все равно.

— Ну такъ надо списаться... Гдѣ онъ теперь?

Но поймать Василю Герасимовича оказалось не легко. Письма его не настигли. Савва Кузмичъ спесей телеграммами и получилъ въ отвѣтъ:

„Буду ждать на Савватьевскомъ заводѣ. Кстати тамъ новую домну поставили“.

VII.

Василій Герасимовичъ сегодня всталъ рано.

Яркое солнце уже свѣтило въ окно, на улицѣ слышался говоръ и шумъ. Онъ съ постели подошелъ къ окну и посмотрѣлъ—работіе шли на заводъ. Въ маленькой комнатѣ заводской конторы дѣлалось жарко. Сластеновъ постуцалъ въ стѣну.

— Дайте мнѣ молока! попросилъ онъ у вошедшей бабы, прислуживавшей въ конторѣ.

— Оснѣжь Григорьевичъ просили къ шимъ чай пить.

— Скажи, что приду обѣдать съ завода. Не до чаю тутъ... дѣла прощай.

Василю Герасимовича трудно было узнать теперь, такъ онъ измѣнился. Лицо его загорѣло, самъ онъ какъ-то выровнялся, вошелъ въ силу—плечи раздвинулись, спокойные сѣрые глаза смотрѣли самоувѣренно и серьезно. Самый голосъ его сталъ гуще и громче. Очевидно за это время онъ привыкъ приказывать и во всѣхъ его пріемахъ отразилось что-то властное. Между бровями легла рѣзкая складка — приходилось много и упорно думать...

Наскоро одѣвшись, онъ вышелъ изъ конторы и внизу подозвалъ сторожа.

— Что, руду подвезли ужъ?

— Всю ночь свозили, ишь ея сколько! прищурясь, показалъ тотъ на однообразныя, бурныя массы горбившіяся у завода, массы съ рѣдкими желтыми пятнами охры.

Отъ нихъ къ заводу уже двигались по рельсамъ на тормозахъ ящики, гдѣ лежала съ верхомъ все та же руда. Ящики направлялись въ печи близъ домны. До плавки въ этихъ печахъ, руду надо было промыть. Тутъ она теряла многія изъ лишннихъ своихъ составныхъ частей, въ печахъ прокаливалась, краснѣла, рыхлилась. Сластеновъ пошелъ прямо туда, гдѣ ее выгребали изъ печей и разбивали въ куски не болѣе грецкаго орѣха каждый.

— Гдѣ Иванъ Артемьевичъ? спросилъ Василю Герасимовичъ у заскорузлаго и словно мохомъ поросшаго рабочаго.—Я его что-то не вижу.

— Спитъ еще, недовольно и сумрачно отвѣтилъ тотъ.— Это только ты спозаранку.

Работіе Сластенова любили — онъ значительно улучшилъ ихъ положеніе, горой стоялъ за нихъ, „изводилъ за христіанскія души“, какъ говорилъ народъ.

— Какъ спитъ!.. Собѣгай-ка за нимъ.

А самъ пошелъ къ вѣсамъ, гдѣ руда разбавлялась древеснымъ углемъ и флюсами, т. е. известковыми камнями, раздробленными предварительно. Всѣмъ скрипѣли, работіе кругомъ возились въ поту и въ истомѣ, мало обращая вниманія на Василю Герасимовича, котораго они считали своимъ. „Онъ грозенъ только управляющимъ“, говорили они, ласково улыбаясь ему. Иванъ Артемьевичъ, на ходу застегивая сюртукъ, подбѣжалъ къ Сластенову.

— Изволили звать?

— Да... Вы что-жъ это?.. Работіе на мѣстѣ, новалъ домна только третій день работаетъ, надобенъ глазъ вездѣ, а вы спите себѣ, да прохлаждаетесь дома.

— Помилуйте... Уставши былъ.

— Я знать этого не хочу... Работіе не жалуются на усталость; вонъ бабы послабѣ васъ—и то, видите, ужъ съ часъ за дѣломъ, а вы возитесь дома у себя. Я долженъ вамъ вообще сказать, Иванъ Артемьевичъ, я не-

доволенъ вами... Сразу-то гнать людей я не люблю, а только помните—двухъ предупрежденій я не дѣлаю...

— Виновать-съ!..

— Не виновать-съ... а такъ и знайте: первый разъ какъ замѣчу васъ на чемъ — такъ вы и вылетите съ завода... Я ужъ говорилъ управляющему. Вы это помните.

Домна строится обыкновенно высотой съ хорошей четырехъ-этажный домъ. Пастъ у нея наверху. Когда Василю Герасимовичъ подошелъ къ ней, работіе, съ составомъ для плавки, были уже тамъ. Пастъ пылала жаднымъ огнемъ, освѣщавшимъ темноту сарая, построеннаго надъ нею. Что-то адское было въ этихъ взрывахъ яркаго пламени, въ этомъ клопотѣ руды, въ нѣдрахъ громадной печи, въ этомъ ужасномъ кругломъ зѣвѣ домны, раскрытомъ въ ожиданіи своей обычной добычи. Наверху черныя, окурениныя дымомъ и покрытыя копотью балки кровли, рѣдкіе просвѣты въ ней, сквозь которые день не рѣшался заглядывать въ таинственную глубину, окутанную мракомъ и озаряющуюся только краснымъ пламенемъ домны; почти голые работіе, сновавшіе на яркомъ фонѣ этого пламени черными силуэтами и опять исчезавшіе во тьмѣ — все это настраивало особеннымъ образомъ, заставляло забывать, что передъ тобою извѣстное механическое производство. Воскресали преданія о таинствахъ древняго языческаго культа и казалось, что передъ глазами громадный алтарь, на которомъ въ дыму и огнѣ невѣдомое чудовищное божество пожираетъ сотни и тысячи жертвъ ему приносимыхъ. Всклоченные и полунугіе жрецы благоговѣнно служатъ ему и непонятный оглушительный шумъ наполняетъ этотъ первобытный храмъ, въ которомъ совершается дивное таинство претворенія горной породы въ металлъ.

— Жарко! оборачивается одинъ изъ работіихъ, котораго кажется совсѣмъ поджаривало пламя взрывавшееся вверхъ изъ домны. — Не приведи Господи!

Онъ бросился къ водѣ, стоявшей около, припалъ къ ней и пьетъ, а потъ крупными каплями падаетъ въ тотъ же ковшъ съ почернѣвшаго отъ копоти лба. Всмотриваясь въ окружающихъ, Василю Герасимовичъ замѣчаетъ, что всѣ они, какъ и эти балки и стѣны, покрыты сажей. На почернѣлыхъ лицахъ добродушно или озабоченно смотрятъ усталые глаза, всухшіе и воспаленные. Видимое дѣло, не даромъ достается эта близость огня, этотъ жаръ, пышущій изнутри, изъ самыхъ нѣдръ колоссальной печи.

— Сторонись... Сторонись!

И его затолкали.

На то мѣсто, гдѣ стоялъ Василю Герасимовичъ, стали сносить калоши, т. е. короба съ рудой, и опираживали ихъ въ дышащую огнемъ и зноемъ пастъ. Цѣлая туча пыли, дыму и искръ поднялась вверхъ къ чернымъ балкамъ. Туча эта на минуту окутала Сластенова, перехватывая дыханіе, слѣпая ему глаза. Чудовище еще громче заклокотало, еще сильнѣе стало взрываться и свистать во всѣ стороны пламя, точно оно и до Сластенова хотѣло дотянуться своими золотыми жалами. Онъ было отступилъ назадъ, но работіе тоже отбѣжали отъ огня... „Невозможно“, слышалось между ними.— „Такъ палить, дышать нельзя“... А надо было, чтобы руда по всей домнѣ ложилась ровно, иначе домну можно было испортить. Василю Герасимовичъ сообразилъ это и подошелъ первый къ адскому жерлу... Его чуть не ошпарило пламенемъ, оно злобно шинѣло на него. Онъ взялъ лопату и сталъ мѣшать руду. Работіе стало совѣстно, они тоже вернулись, приговаривая про себя: „эхъ ты, доля собачья!“

Дѣйствительно, тутъ палило. Домна теперь горѣла уже ровнымъ розовымъ пламенемъ. Внутри въ яркомъ хаосѣ трудно было разобрать что-либо ослѣпленнымъ глазамъ. Чудились только въ однообразномъ золотомъ

фонъ огня, какія-то бѣлыя, ослѣпительныя змѣи, пробѣгавшія по горѣвней рудѣ; снопами яркихъ лучей вьихивали порою флюсы, взбрасывая вверхъ бриллиантовыя звѣзды: раскаленные угли, точно налившіеся кровью глаза баснословныхъ, въ огнѣ живущихъ саламандръ, смотрѣли на Сластенова изъ этой плавучей пузырявшейся массы. Порою она точно проваливалась куда-то внутрь, и въ раскрывшихся такимъ образомъ нѣдрахъ огнедышащей горы этой пробѣгали еще болѣе яркія, змѣистыя струи бѣлаго пламени, свѣтились соевѣмъ уже ослѣплявшіе глазъ расплавленные флюсы и какое-то бѣлое молоко векипало между ними,—молоко, одна капля котораго могла бы прожечь цѣквозь. Это именно показывался ставшій уже жидкимъ чугуиъ...

Въ то же время въ углахъ пылали обжигальныя печи.

Василій Герасимовичъ подошелъ туда... Трудно дышалось тутъ рабочимъ. На всѣхъ рубахи были въ поту... Одинъ кашлялъ... „На послѣдяхъ“, шепнулъ Василю Герасимовичу кланявшійся ему мужикъ.

— Ты, что же, у доктора былъ?

— Когда его увидишь, доктора-то? Онъ въ городу все.

— Это ужъ не первая жалоба. А фельдшеръ?

— А фельдшеръ пьянъ...

— Иванъ Артемьевичъ! Сейчасъ же пошлите телеграмму доктору, что мы ему отказываемъ. А я въ Москву напишу. Пришлютъ новаго. Да чтобы онъ на самомъ заводѣ жилъ. Вѣдь у больницы есть домикъ? Ну, вотъ! А фельдшера прогоните вы. Въ Климовскомъ ихъ двое, и оба трезвые. Я пришлю вамъ одного. А почему же этого рабочаго вы не уволили?.. Вѣдь у насъ для ослабѣвшихъ есть богадѣльня, приютъ. Онъ имѣетъ право на это.

— Самъ не захотѣлъ!

— Какъ такъ?

— Просто. Гордость у нихъ своя!

По мѣрѣ плавки, руда опускается все ниже и ниже; тогда какъ флюсы остаются вверху, чугуиъ внизу уже кипитъ бѣлымъ, ярко-свѣтящимся молокомъ. Когда Василю Герасимовичъ спустился внизъ, къ отверстию печи, стало прохладнѣе; за то здѣсь оглушало его шумомъ изъ фурмъ, сквозъ которыя внутри доменной печи вдувается воздухъ, необходимый для горѣнія. Тутъ уже не слышали другъ друга. Видѣли, какъ шевелятся губы, а словъ разслышать нельзя было. Голову кружило, въ вискахъ стучало, въ глазахъ мелькали огненные искры.

— Сейчасъ будутъ выпускать руду! крикнулъ на ухо Василю Герасимовичу Иванъ Артемьевичъ.

И замѣтивъ, что тотъ не слышитъ, взялъ его за руку и повелъ внизъ.

— Молочка нашего похлевать? улыбались рабочіе, увидя Сластенова.

— Ну-ка, Степа! приказалъ онъ.

Степанъ осторожно открылъ устье печи. Какая-то темная корка въ немъ вснузырилась и треснула. Въ трещинѣ сверкнула бѣлая расплавленная масса. Вздунлась она и заполонила все устье, двинулась подъ давлениемъ всего остальнаго расплавленнаго чугуна и флюсовъ сверху, и длинною, жидкою, слѣпящею глаза змѣей потекла по узкому ходу, устроенному для нея въ мягкой землѣ. Въ темномъ сараѣ стало сразу свѣтло. Цѣлые снопы яркихъ звѣздъ векидывались и взрывались вверхъ отъ этого чугунаго молока. Металлическія брызги, какъ снѣжинки, только гораздо крупнѣе ихъ, принимали самыя разнообразныя формы. Одна за одной подымались онѣ къ бревенчатымъ сводамъ, взрывались туда мерцающими кометами и точно таяли тамъ въ тяжелой тьмѣ. Трудно было оторваться отъ этого эффектнаго фейерверка. Наконецъ, руда влилась въ формы и стала остывать. Сначала она поблговѣла,

ее подернуло синью, потомъ точно зола сверху отдѣлилась; слышно было легкое шипѣніе подъ этою золою...

Василій Герасимовичъ и тутъ поработалъ.

Потъ лилъ съ него. Волоса вкочились, онъ весь дрожалъ отъ усталости...

Усталъ, приналъ самъ къ ковшу съ водою и жадно сталъ пить тепловатую воду...

VIII.

— Ай да племянникъ! слышалось надъ нимъ.

Сластеновъ оглынулся—въ сумракѣ стоялъ его дядя подъ руку съ какою-то женщиной. Здѣсь было такъ темно, что онъ не могъ разобрать ея лица.

— Погодите, Савва Кузмичъ. Давно-ли пожаловали? ужъ не глядя на него продолжалъ онъ вытираясь.

— Сейчасъ только.

— И слава Богу. Я здѣсь уже безъ васъ распорядился. Безпорядки такіе! Ну вотъ, теперь и поцѣловаться можно... Только ужъ извините, я весь въ грязи и въ поту... Съ пяти часовъ утра сегодня.

Онъ подошелъ къ Саввѣ Кузмичу и вдругъ отшатнулся въ сторону.

На него, широко раскрывъ глаза, словно не узнавая его, смотрѣла Прасковья Яковлевна.

— Ты... вы какъ попали сюда? только и могъ проговорить онъ.

— Я съ дидей... дѣло есть... Надо было.

А у самой сердце такъ и колотилось. Ей даже дурно дѣлалось, голову кружило.

Василій Герасимовичъ быстро оправился. Онъ даже засмѣялся глядя на нее.

— Я ужъ отвыкъ отъ тебя давно. Ну, да дѣлать нечего. Теперь встрѣтила ты меня совѣмъ чумазаго, въ грязи. Зналъ бы что прійдемъ—пріодѣлся! А теперь не взыщи: какой есть. Что-жъ мы здѣсь въ темнотѣ... Выйдемъ-ко...

Прасковья Яковлевна, какъ только они выбрались на свѣтъ, пылливо окинула взглядомъ Василю Герасимовича. Какъ онъ былъ непохожъ на ея мужа, на ту „цыплячью смерть“, отъ которой она бѣжала далеко-далеко. Ей было ужасно досадно на то, что онъ все время говоритъ съ Саввой Кузмичемъ и на нее не обращаетъ вниманія. Должно быть дѣйствительно время, дѣло и заботы вытѣснили ее изъ его памяти. Что-жъ, она сама добивалась этого.

— Ты гдѣ-же номѣстилась здѣсь? наконецъ обернулся онъ къ ней.

— Я въ домѣ управляющаго пока.

— Другаго мѣста здѣсь не найдешь, усмѣхнулся онъ.—А вы, Савва Кузмичъ, со мною?

— Съ тобою, съ тобою.

— И отлично... Дайте только мнѣ вымыться да переодѣться. Ну, до свиданія, Пала!

И онъ ласково кивнулъ ей головою, уходя въ контору.

„И не поцѣловался при встрѣчѣ, и голосъ у него не дрогнулъ, точно я ужъ совѣмъ чужая ему?“ пронеслось въ ея головѣ.

— Ну, каковъ? спросилъ ее Сластеновъ-старшій.

— Что-й-то и не похожъ совѣмъ на моего Васеньку... И и не ждала, правду сказать.

И ей стало такъ тяжело, что она поскорѣе ушла къ себѣ.

Въ отведенной ей комнатѣ, она сѣла на постель, опустила голову, да такъ до обѣда и просидѣла молча, неподвижно. Голова ея горѣла. Ей такъ жаль стало своего прошлаго счастья, такъ горько и досадно сдѣлалось на самое-себя, что она бы расплакалась, если бы уже въ Москвѣ не выплакала всѣ свои слезы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ обидно спокоенъ съ нею! какъ просто, безъ малѣйшаго смущенія глядитъ на нее, точно на друга—и только. Какъ переѣмнулся онъ—онъ, который съ нею былъ такъ робокъ...

Къ ней въ двери постучались.

— И уйду въ монастырь, злобно ужъ проговорила она. — И уйду, а вы здѣсь живите и тѣшитесь. Уйду, разумѣется — ну васъ и съ счастьемъ-то вашимъ!

Онять кто-то стукнулъ ей въ двери.

А если это Васенька? И у нея сердце заохолонуло и все лицо ея залилось румянцемъ.

Она вскользь взглянула въ зеркало и тихо проговорила: „войдите“.

Кто-то повернулъ ручку двери — по Паша сейчасъ только вспомнила, что заперла ихъ. Она быстро, все еще горячая смущеніемъ и предчувствіемъ чего-то, подошла къ дверямъ и отперла ихъ. Увы! За ними ждала ее горничная.

— Обѣдать пожалуйте.

— А Василій Герасимовичъ еще не приходилъ?

Разумѣется, думала она, если-быи ринуться—къ ней-бы заглянулъ тотчасъ-же.

И въ этомъ ей пришлось разочароваться.

— Василій Герасимовичъ давно внизу сидятъ, въ гостиной...

— Что-же онъ не зашелъ? вырвалось у нея.

— Не знаю-съ. Они все съ дяденькой ихнимъ.

— Поди у васъ весело здѣсь живетъ? остановилась Прасковья Яковлевна посреди комнаты и пытливо взглянула на горничную.

— Ну, какое у насъ веселье, барыня! Пьютъ—точно.

— Я слышала, здѣсь у васъ красавицъ много. Василій-то Герасимовичъ—поди какъ развертывается здѣсь... Да и другіе.

— Василій Герасимовичъ? — И дѣвушка усмѣхнулась. — Нашли тоже. Экова буку поискать. Насупитесь да и смотреть... Нѣтъ, онъ сурьезный. Къ нему иной разъ и подойти-то не знаешь какъ. По другимъ заводямъ сказываютъ, что монахъ живетъ.

Радостное чувство охватило Прасковью Яковлевну—но она тотчасъ-же опомнилась.

„Все равно ужъ теперь!..“ пронеслось въ ея головѣ. „Онъ смотритъ на меня какъ на чужую“.

Она сошла внизъ, Василій Герасимовичъ всталъ — подошелъ къ ней, подаль ей руку.

„Подѣлуется-ли?“ подумала она. Нѣтъ. Хотѣлъ было притянуть ее къ себѣ за руку, да совладалъ съ собою и, пожавъ руку, опустилъ...

Она всмотрѣлась въ него. Смуглое лицо дышало силой и энергіей. Сѣрые глаза—прежде такіе невыразительные и безцвѣтные—смотрѣли рѣшительно и покойно. Василій Герасимовичъ даже красивъ сталъ...

— Что, узнаешь племянника? спросилъ Сластеновъ-старшій.

— Нѣтъ, потупилась Паша. Странно, она теперь при Василіи Герасимовичѣ робѣла такъ-же, какъ робѣла тамъ, при первомъ знакомствѣ съ нимъ, въ той далекой обители.—Нѣтъ... Какъ-же узнать...

Когда она подняла на него глаза, мужъ смотрѣлъ на нее ласково.

— Нѣтъ... нельзя узнать совѣмъ. Вася... Василій Герасимовичъ, поправилась она, — переѣхалъ совѣмъ... Я слышала...—Она оборвалась, видимо не рѣшаясь сказать... Наконецъ собралась съ силами:—Я слышала, Василій Герасимовичъ, вы... ты ѣхать хочешь...

— Куда? удивился онъ, любуясь ею.

— Въ Англію что-ли, или въ Америку...

Дядя завозился съ тарелкою и покраснѣлъ.

— Я? въ Англію? удивился Сластеновъ.—Съ чего это тебѣ въ голову пришло?

— Какъ съ чего!—дяденька Савва Кузмичъ мнѣ сказалъ.

Василій Герасимовичъ вопросительно всмотрѣлся въ дядю. Савва Кузмичъ выдержалъ его взглядъ и подтвердилъ:

— Вотъ, самъ-же ты писалъ мнѣ!

— И не думалъ даже. Чтò мнѣ въ Америкѣ дѣлать! Вы переѣхали должно-быть.

Прасковья Яковлевна вешухнула.

— Я думала, ты ѣдешь. Что-жъ, я тутъ не причемъ, горько вырвалось у нея.—Поѣзжай если хочешь.

— Да, разумѣется, если-бы надо было, я бы давно уѣхала. Что-жъ меня удержатъ можетъ?

— Я тоже... тихо проговорила она.—Я тоже уйду.

— Куда? удивился мужъ.

— Вотъ, братъ, экая красавица, весело вступился Савва Кузмичъ, — и что-жъ-бы ты думалъ: въ монастырь задумала. Спасаться! Отъ какихъ-такихъ грѣховъ... а?

— Какъ въ монастырь? изумился Василій Герасимовичъ.

— Въ обитель, хочу... тихо, совѣмъ упавшимъ голосомъ заговорила она. — Въ обителяхъ хорошо: тихо, покойно. Отлично въ обителяхъ-то.

— Да съ чего это тебѣ въ голову пришло?

— Что ужъ... Надо... Чего-жъ мнѣ жить-то!

Она, къ сожалѣнію, не подымала головы, а то бы замѣтила какая тоска на минуту охватила Василія Герасимовича. Онъ сдѣлалъ страшное усиліе и овладѣлъ собою. Когда она наконецъ рѣшилась взглянуть на него, Василій Герасимовичъ уже сидѣлъ опустя голову и ее не видѣлъ.

— Да, въ монастырь... Что-жъ мнѣ дѣлать здѣсь-то... Я ужъ рѣшила...

— Мы послѣ поговоримъ объ этомъ! вырвалось у Василія Герасимовича.—Послѣ...

— Что ужъ тянуть...

— Послѣ, я тебѣ говорю, рѣзко повторилъ онъ.—Глупости!.. Я не позволю тебѣ дурить...

„Не позволю“, „дурить“...

Если бы онъ ударилъ ее—Прасковья Яковлевна была бы не такъ изумлена, какъ въ эту минуту. Чтò это сдѣлалось съ Васенькой? Савва Кузмичъ весело смотрѣлъ на всѣхъ, и съ каждою минутою ему дѣлалось еще веселѣе... Когда обѣдъ кончился—онъ живо всталъ и ушелъ.

Василій Герасимовичъ всталъ тоже.

Прасковья Яковлевна замѣтила, что онъ хочетъ къ ней подойти... Въ ней все такъ и всполохнулось внутри. Она даже зажмурилась... Но очевидно онъ раздумалъ. Ей послышались шаги, а когда она открыла глаза—Сластеновъ уже выходилъ въ двери.

— Прощай, вечеромъ увидимся... кинулъ онъ ей.

— Куда же ты?

— Къ себѣ теперь... Надо дѣлами заняться.

„Оглянется?“ думала она слѣдя за нимъ. Нѣтъ, не оглянулся...

Василій Герасимовичъ, не догадываясь, что она смотритъ на него, шелъ опустя голову...

Сластенову было горько въ эти минуты.

Онъ самъ вспоминалъ свое, представлявшееся ему теперь такимъ далекимъ счастье. Ужасно далекимъ. Точно изъ бездны какой-то оно смотрѣло на него!.. Ему казалось, что между ними все уже кончено — именно въ то самое время, какъ онъ сталъ на ноги, сдѣлался человѣкомъ. „Что-жъ, и это надо перенести“.

И какъ ни прикрывался онъ броней, какъ ни старался думать о ней спокойно, все прошлое вскипало въ немъ и одурманивающимъ туманомъ охватывало голову... Ему жарко становилось, когда онъ думалъ объ этой пышной красавицѣ, носившей его имя, принадлежавшей ему безраздѣльно когда-то. Душно было, когда онъ вспоминалъ давнія, увы! какія давнія теперь ласки ея... Разумѣется съ этимъ надо помириться; счастье для него невозможно—объ этомъ и говорить нечего... Что-жъ, придется убить себя на работѣ. Жить для другихъ, жить для всего этого обездоленного міра тусклыхъ труженниковъ. Они-то ужъ не измѣнятъ ему. Они его любятъ, они ему вѣрятъ — и не онъ обманетъ ихъ довѣрїе..

Съ послѣдней выставки въ Император. Академіи Художествъ. „На склонѣ дней“.
Карт. А. Муратова (исключительное право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

А старая боль поднималась въ немъ, сердце пыло. Все что еще вчера ему [казалось заснувшимъ въ его сердцѣ—мучило и томило его душу... Онъ быстро прошелъ къ себѣ. Ему надо было одному быть теперь, чтобы никто не подсматрѣлъ, что въ немъ творится. Надо было набраться силъ къ вечеру, чтобы не выдать своихъ страданій, чтобы съ достоинствомъ вынести эти пытливые взгляды... О, нѣтъ, эта женщина не узнаетъ никогда, что творилось въ его сердцѣ. Онъ не доставитъ ей, холодной и спокойной, этого торжества...

Онъ притворилъ свою дверь и сѣлъ къ столу.

Выдвинулъ ящикъ—вынулъ ея портретъ...

Вотъ она... какъ живая. Художникъ писалъ ее еще тогда, когда они только что вернулись въ Москву изъ за границы... Чудно прекрасная, свѣтлая... Какъ хороша она!.. Какъ прелестно выраженіе этихъ нѣсколько дикихъ глазъ! У молодыхъ серъ бываетъ такое. И сколько наивности и чистоты въ улыбкѣ этихъ губъ!.. О, тысячу разъ лучше было-бы — если бы онъ ее не зналъ, никогда не зналъ... Если бы она была совершенно чуждой ему женщиной. Встрѣтились въ толпѣ и разошлись... А теперь онъ чувствовалъ, что всю жизнь свою будетъ мучиться воспоминаніями о любви такъ быстро и безъ слѣда отжившей. Прежде бы онъ плакалъ надъ нею—теперь онъ только ощущалъ въ своей душѣ безконечную тоску. Ему, въ которомъ только въ послѣднее время такими могучими инстинктами заговорила жизнь — вдругъ захотѣлось умереть. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ послѣ нея, послѣ ея любви можетъ порадовать его жизнь?.. Онъ наклонилъ голову къ ея портрету, не

слыша, что позади скрипнула дверь. И отъ него, отъ этого писаннаго лица — вѣяло на него теплотою и счастьемъ...

Вдругъ чьи-то руки обвили его шею.

Онъ вскочилъ, роняя портретъ на полъ.

— Васенька!.. Прости, если можешь!..

И рыдая, и вся дрожа отъ волненія, и говоря сама не понимая что, она упала на его грудь и замерла на ней... „Прости, прости!“ только и различалъ онъ...

Въ тотъ же день вечеромъ дядя, притворяясь, что опъ ничего не понимаетъ, трунилъ надъ Прасковьей Яковлевной...

— Ну что-же, красавица, скоро въ монастырь? То-то поди изъ тебя монахиня выйдетъ, лучше не надо!

Счастливая и радостная, она опускала голову и краснѣла.

Онъ впрочемъ не оставлялъ и племянника въ покоѣ.

— А тебя я посылаю въ Америку. Поѣзжай-ка въ самомъ дѣлѣ, что здѣсь зря болтаться! Бери заграничный паспортъ — и маршъ! А Рогожскій домъ вашъ — я ужъ такъ и быть внаймы отдамъ.

— Вовсе не нашъ, останавливалъ его Василій Герасимовичъ.

— Поговори еще у меня! злился ужъ въ серьезъ Савва Кузмичъ.—Коли не твой—такъ я его племянницѣ дарю... Возьмешь что-ли, Паша?

— Возьму!..

— Вотъ это такъ... И устраивайте вы тамъ вдвоемъ свою обитель, и дай вамъ Богъ въ ней тихаго и мирнаго житія и во всемъ благога посѣщенія...

к о н е ц ъ .

Говѣніе.

(Изъ учебныхъ годовъ стараго барчука).

Евгенія Марнова.

(Продолженіе).

Маленькій польскій вѣмецъ Троянскій, въ своемъ до невѣроятности изношенномъ синемъ вицъ-мундирѣ, постоянно всхлипающей громаднымъ носомъ, открываетъ шестве, ковыляя какъ утка на искривленныхъ тонкихъ ножкахъ; широкоплечій полячище Наржевичъ, мрачно завернувшись въ свою гороховую мантию, сверкая изъ нея злыми глазами и какъ тарелка круглою лысеною, обрамленною будто тыномъ торчащими вверхъ пучками волосъ, замыкаетъ арьергардъ колонны, съ нескрываемою враждебностью оглядывая все это шумное мальчишье стадо, которое онъ гонитъ сзади какъ сердитый пастухъ овецъ.

Лѣнливо поднимается паша пансіонская армія по плохо освѣщеннымъ лѣстницамъ, стуча неуклюжими казенными сапогами и наполняя гуломъ своей болтовни оба этажа гимназіи.

Низенькая и длинная зала церкви тоже потонула въ полумракѣ... Только далеко въ глубинѣ свѣтятся кое-гдѣ передъ иконостасомъ подвѣшечники и лампы... Какія-то черныя великопостныя фигуры уже торчатъ въ разныхъ углахъ по сю сторону рѣшетки, отдѣляющей насъ, гимназистовъ, отъ публики... Грубый топотъ нашихъ саногъ какъ-то особенно рѣзко и тяжело раздается теперь въ тишинѣ церкви. Вотъ мы уставились длинною вереницею паръ вдоль лѣвой стѣны: счастливычки попали къ стѣнѣ, на которую можно облокотиться и у которой ничего не видно; несчастнычки попали къ краю, на глаза инспектора и надзирателей... Вдоль правой стѣны, по ту сторону длиннаго половика, уже выровнены говѣющіе съ нами вмѣстѣ „волонтеры“. Но въ залѣ такъ темно, что намъ нельзя ни переглядываться съ ними, ни подавать имъ обычные телеграфическіе знаки. А по срединѣ церкви, впереди, на коверчикѣ, раздѣляющемъ наше пансіонское царство отъ волонтеровъ, какъ парочко уставился самъ инспекторъ, Карлъ Францовичъ Шлеммъ. Хотя онъ природный колбасникъ, стало быть лютеранинъ, какъ вѣтъ намъ доподлинно было извѣстно, однако долженъ подавать намъ примѣръ православнаго благочестія и поэтому всю недѣлю ходитъ съ нами въ церковь, терпѣливо выставляя съ начала до конца всѣ вечерни и всенощныя, и даже усердно крестясь для примѣра намъ.

Ему, кажется, ни почему это стояніе! Раздвинулъ, колбаса, свои жирныя тумы и стоитъ себѣ на нихъ, не шевельнется дѣловую службу. Только и развлеченья ему, что то и дѣло вытягиваетъ изъ задняго кармана огромный фуляровый платокъ, распуснуть его торжественно какъ парусъ на обѣихъ рукахъ и ну трубить въ свой богатырскій носъ, навзрѣвъ набитый, какъ добрая табакерка, французскому табакомъ.

Главный пунктъ моего наблюденія однако не Шлеммъ, а клиросъ, гдѣ стоятъ пѣвчіе. Меня беретъ зависть, зачѣмъ я не въ пѣвчихъ. Тамъ гораздо веселѣе. И всѣ ихъ видятъ, всѣ слушаютъ. Безъ нихъ и служба не можетъ идти. Какіе они, значить, важныя! А особенно басы. Это предельно что такое—быть басомъ. Ужъ коли басъ, то, конечно, силачъ. Лазаревъ первый басъ у насъ—и первый силачъ. Карповъ—второй силачъ и басъ второй. Ужъ это всегда бываетъ такъ. Они всѣ гордятся что басы. Знаютъ, что всѣ смотрятъ на нихъ и всѣ имъ завидуютъ. А спина-то какая у Карпова! Цѣлая сажень!.. Небось что хочеть подниметь. Инъ стоитъ какъ, уперся; пожалуй и рѣшетку проломить, даромъ что чугунная. Вотъ имъ позволяется стоять какъ хотятъ, и облокачиваться, и все! А мы какъ солдаты на вытяжку должны. Пѣтъ—все-таки не такъ скучно. То поютъ, то другъ съ другомъ болтаютъ, кто тамъ раздѣлываетъ. А вотъ у насъ — пальцемъ пошевелишь, сейчасъ ужъ четырехглазый очко свои водитъ, обрадовался, что напѣвонить можетъ... съ смутнымъ чувствомъ недовольства думалось мнѣ.

Какъ нарочно, въ парѣ со мною не кто-нибудь изъ товарищей четвертоклассниковъ, а второклассникъ Есаульченко, конопатый и какъ огонь рыжий мальчуганъ, отчаянный задпра. Онъ постоянно насмѣхается надъ моимъ ростомъ и величаетъ меня въ глаза „малюкомъ“, словно какого-нибудь первоклассника. Разговоръ между нами, разумеется, не можетъ быть никакихъ, кромѣ презрительныхъ толчковъ локтемъ или ногою. Пробовалъ я кое-какъ объясниться шепотомъ со стоявшимъ черезъ рядъ отъ меня Друновымъ, допольная гримасами и жестами то, чего не было ему слышно, но багровый нѣмецкій носъ Шлемма и его сверкающія зеленыя очки вдругъ такъ выразительно повернулись въ мою сторону, что у меня диханье разомъ оборвалось и языкъ прильпе къ гортани.

А между тѣмъ стоимъ всего только часъ, а еще сколько стоять впереди! Отставили сначала одну ногу, потомъ другую, потомъ опять первую, потомъ опять вторую, и мучительно считаешь уныло тянущіяся минуты. Со втораго часа догадливые ощущаютъ особенное религиозное рвеніе и опускаются на колѣни. Все-таки легче и покойнѣе. Рядомъ со мною третеклассникъ Сомовъ даже прилеге ничкомъ къ полу, будто въ умильномъ земномъ поклонѣ и, кажется, бестія, порядкомъ вздремнулъ въ этой удобной молитвенной позѣ, недоступной ни нѣмецкому, ни польскому глазу.

Все перепробуешь, обо всемъ передумаешь, только одного не думаешь даже пробовать — молиться.

„А вѣдь вотъ Алеша все время молится!“ внутренно уди-

влиюсь я, и чувствую не то укорь совѣсти, не то зависть. Онъ стоитъ отъ меня черезъ двѣ пары, съ самаго края, вытянувшись прямо, не отставляя, какъ мы, для отдыха то ту, то другую ногу, и кладезь частые чинные кресты, кланяясь до пояса, весь пристывъ глазами къ алтарю.

„Какъ это Алеша умѣетъ молиться, а вотъ я никакъ не могу!“ досадливо вертится у меня въ умѣ. — „Оттого, должно быть, онъ и учится такъ хорошо и все рѣшительно знаетъ, чего не знаетъ у насъ никто. Еслибъ онъ былъ вправду добрый, онъ бы и меня научилъ какъ молиться, и у меня, пожалуй, были бы такіе же хорошіе баллы какъ у него; а онъ, значить, притворщикъ, только для себя, чтобы всё его хвалили и любили; бонуса, чтобы я лучше его не былъ“. Но хотя у меня на языкѣ и шевелились эти злыя мысли, однако я самъ чувствовалъ, что напрасно клеплю на Алешу и что скверно завидовать брату...

Я оглянулся на него—и меня поразило какое-то воспаленное выраженіе его глазъ; мнѣ показалось, что это стоитъ не нашъ Алеша, а кто-то чужой, мнѣ незнакомый, и вовсе не мальчикъ, не гимназистъ четвертаго класса, а кто-то совсѣмъ серьезный, совсѣмъ большой... Алеша не замѣтилъ моего взгляда, хотя я оставался прикованнымъ къ нему нѣсколько минутъ. Онъ неподвижно смотрѣлъ на большую, освѣщенную лампадами, икону Божіей Матери, которая была ближе всѣхъ къ намъ, и огоньки ея лампадокъ отражались въ его широко раскрытыхъ влажныхъ глазахъ, молитвенно приподнятыхъ вверхъ... Убы его что-то шептали, умиленное и доброе. Онъ казался мнѣ въ эту минуту воплощеніемъ любви и кротости.

Мнѣ сдѣлалось вдругъ такъ стыдно своихъ гадкихъ мыслей, что я покраснѣлъ, несмотря на полумракъ церкви, и сердце мое наполнилось внезапнымъ стремленіемъ нѣжно обнять и расцѣловать своего милого Алешу. Только что въ задумчивости я отвернулся отъ него, какъ темная боковая дверочка алтари неслышно пріотворилась—и изъ нея такъ же неслышно, будто шелъ босикомъ по мягкому ковру, вышелъ, направляясь къ Царскимъ дверямъ, весь въ черномъ, потушивъ глаза въ землю, нашъ батюшка...

— Господи, Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, любовначалія и празднословія не даждь ми! произнесъ онъ какимъ-то необычнымъ ему, растроганнымъ голосомъ, опускаясь лицомъ до земли передъ запертыми Царскими вратами.

Вся въ полутьмѣ дремавшая церковь, обѣ колонны пансіонеровъ и волонтеровъ, вмѣстѣ съ поляками Троицкимъ и Наржевичемъ, вмѣстѣ съ нѣмцемъ Шлеммомъ, шумно и дружно вдругъ прекрестились и опустили на колѣна.

Три раза опускался, три раза вставалъ батюшка, возносилъ эту покаянную молитву, которой всё мы вторили далеко раздававшимся шепотомъ.

У меня вдругъ словно спала съ глазъ какая-то темная завѣса, что-то новое и радостное прилило мнѣ къ сердцу, и прижавъ вмѣстѣ со всѣмъ лицомъ къ полу, я почувствовалъ, что по щекамъ моимъ капаютъ горячія капли...

„Духъ праздности, унынія и празднословія не даждь ми!“ растроганно повторялъ я, не отрывая лица отъ полу, переполненный самого страстнаго желанія всёмъ простить, у всѣхъ просить прощенья и стать съ этой минуты ко всѣмъ такимъ добрымъ, какимъ никто еще никогда не былъ.

Съ умиленнымъ чувствомъ вслушивался я въ громко раздававшіяся слова давно знакомой молитвы и не узнавалъ ихъ, какъ будто только нынче услышалъ ихъ въ первый разъ.

„Господи! да это нарочно про меня написано... Это все про меня...“ изумленно думалось мнѣ. — „Словно въ душѣ у меня кто-нибудь прочелъ все это... И какъ все вѣрно, какъ поразительно вѣрно!.. И какъ это я не замѣчалъ ничего до сихъ поръ?“

— Ей Господи Царю! даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего! своимъ строгимъ голосомъ закончилъ батюшка, неснѣнно поднимаясь съ колѣнъ.

Но я не поднимался, я все еще лежалъ ничкомъ къ землѣ, въ слезахъ и мучительныхъ думахъ.

„Вотъ именно, именно такъ!“ укорялъ я самъ себя. — „И только и дѣлаю, что другихъ осуждаю, насмѣхаюсь надъ всѣмъ...“ „Не осуждати брата моего“, а я какъ нарочно всю всеобщую Алешу осуждалъ... А онъ настоящій святой, онъ такъ молится, онъ такой уминый, добрый... Въ сто разъ лучше меня... Господи! даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія и не осуждати брата моего!“ въ новомъ обильномъ приливѣ слезъ закончилъ я.

Эти слезы совсѣмъ облегчили меня, но я долго боялся подняться, чтобы не выдать тайны своего сердца второкласснику Есаульченку, который, пожалуй, ужъ и теперь замѣтилъ что-нибудь. Наконецъ я тайкомъ высморкался, не поднимая головы, наскоро отеръ кулаками слезы и всталъ на ноги, старательно отвертываясь отъ своего враждебнаго сосѣда.

И какъ нарочно, несмотря на мою твердую рѣшимость быть добрымъ и всѣмъ прощать и у всѣхъ просить прощенья, я уже внутренне бѣгился на наглаго второклассника, который глядѣлъ своими отвратительными глазами съ нескрываемою насмѣшкою на мои внезапные поклоны и кресты.

Вотъ бы отколотить черешка этого, когда станемъ сходить

съ лѣстницы...“ обдумывалъ я. — „На второмъ поворотѣ почти совсѣмъ темно, и стоитъ только мигнуть Ярупову!“

Но какой-то другой я, тотъ самый что расчувствовался глядя на молящагося Алешу, поймалъ меня, драчуна, на этихъ недостойныхъ замыслахъ и пристыдилъ до того, что я опять сгорѣлъ отъ смущенья, хотя очевидно никто не могъ видѣть ни моего конфуза, ни моихъ грѣшныхъ мыслей.

„Вотъ такъ-то я всегда!“ съ досадою думалось мнѣ. — „Хочу такимъ же быть какъ Алеша, и думать какъ онъ начну... А чуть что — все по старому пошло! Въ церкви вотъ, кажется, стою, молюсь, собираюсь не осуждать никого, а самъ о дракѣ думаю...“

Я постарался не думать больше объ Есаульченкѣ и стать съ успіемъ вслушиваться въ то, что читали и пѣли. Но я уже никакъ не могъ напасть на прежнее молитвенное настроеніе, которое такъ неожиданно охватило сладостнымъ огнемъ мою душу.

Всѣ успія мои молиться и креститься выходили холодными, вымученными, чуть не притворными. Только уже въ концѣ всеобщей, когда зашѣли „Отъ юности моя мнози борять ми страсти“, что-то опять сначала будто оборвалось и доской сдавило мнѣ сердце, потомъ вдругъ поднялось съ какою-то радостною силою, словно крылья выросли у меня, и я готовъ былъ смѣло летѣть на нихъ навстрѣчу будущему...

Никакого смиренія и умиленія не чувствовалъ я, а меня наполняла смѣлая вѣра въ то, что я непременно стану съ этихъ поръ добрымъ и благороднымъ, и что Богъ будетъ меня очень любить за это и пошлетъ мнѣ все, чего мнѣ хочется.

Но къ самому концу службы душа моя опять остыла, и я съ полнымъ равнодушіемъ вышелъ изъ церкви, весь занятый разсмотрѣніемъ стоявшихъ позади учителей и надзирателей.

Однако меня тянуло поговорить съ Алешей, чтобы почерпнуть у него что-нибудь для себя чужое. Его не было ни въ классѣ, ни въ коридорѣ. Между тѣмъ, черезъ полчаса пойдутъ въ спальни—и ужъ намъ съ нимъ, значить, не переговорить. Наконецъ, я нашелъ его одиноко бродящимъ въ глухомъ поворотѣ къ буфету, гдѣ было почти темно, и гдѣ мы не любили ходить.

— Тебѣ что? недовольнымъ голосомъ окликнулъ меня Алеша.

Я шелъ съ такими хорошими намереніями и съ такими добрыми чувствами къ своему Алешѣ, что его безпричинный досадный тонъ окатилъ меня какъ ушатъ холодной воды...

— Ничего... такъ себѣ иду... тоже раздраженнымъ голосомъ отвѣтилъ я.—Развѣ коридоръ у тебя на откупъ?.. Всякій можетъ ходить гдѣ хочетъ...

— Нигдѣ отъ васъ не спрячешься... Исповѣдаться завтра—такъ и то одного не оставятъ!.. еще болѣе сердито пробурчалъ Алеша и большими шагами повернулъ прочь.

Мнѣ было больно до слезъ, что Алеша такъ грубо отталкивалъ мое нѣжное движеніе къ нему, даже и не подозрѣвая, что я искалъ его какъ своего учителя и совѣтника. Но самолюбіе мое уже не позволяло мнѣ объяснить ему, зачѣмъ я здѣсь, и я съ притворнымъ презрѣніемъ тоже проворчалъ сквозь зубы:

— Убирайся самъ отсюда, вотъ и будешь одинъ...

А сердце мое въ то же время надрывалось отъ горькаго чувства обиды и несправедливости.

„Онъ объ себѣ только думаетъ... А это забылъ, что я ему младшій братъ, что онъ долженъ во всемъ помогать мнѣ... укоризненно думалось мнѣ. — Вотъ онъ всегда такой! Хочешь ему душу свою открыть, а онъ бѣжитъ какъ отъ какого-нибудь первоклассника... воображаетъ, что съ такимъ умникомъ, какъ онъ, ужъ и говорить никто не можетъ...“

И едва не раслакался громко, но продолжалъ ходить, сердито сверкая налитыми слезой глазенками и инстинктивно сжимая кулачки.

III.

У исповѣди и причастія.

Мнѣ не спалось, когда мы разошлись по спальнямъ; я все не могъ забыть оскорбительной выходки Алешы и величась осуждалъ его. Вдругъ мнѣ припомнилось его слово: „исповѣдаться завтра, такъ и то одного не оставятъ!“ „А я вѣдь и забылъ совсѣмъ, что завтра надо исповѣдаться. А когда исповѣдуешься, конечно же, нужно припомнить всё свои грѣхи, всю свою жизнь... Невозможно же болтать въ эти минуты... Отъ этого Алеша и ходилъ одинъ... И отлично дѣлалъ, разумѣется. Онъ никогда не дѣлалъ ничего понапрасну. А вотъ я, съ дуру, ничего не понимая, полѣзъ къ нему какъ баранъ, да еще и обижаюсь... вотъ дуракъ-то, по правдѣ сказать!.. Вѣдь онъ же не зналъ, зачѣмъ я иду, думалъ, вздоръ какой-нибудь болтать, какъ всегда. И конечно, онъ долженъ былъ прогнать меня... А я обижаюсь съ дуру!.. Какъ, однако, я глупъ! Я рѣшительно ничего не понимаю. Какое сравненіе съ Алешей! Онъ все какъ большой понимаетъ, какъ самый умный большой! И вдругъ я-то хочу такимъ какъ онъ сдѣлаться?“

Я даже презрительно разсмѣялся надъ собою, лежа подъ рѣдкимъ фланелевымъ одѣяломъ, которое натянулъ на самую голову.

Невиданное явление. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волнова, авторшия мастерской „Нивы“.

Коза-кормилица. Съ карт. П. Кавицци. грав. А. Ченделари.

«Нѣтъ, надо попросить прощенья у него! По христiански! Надо и у Есаульчeenки попросить прощенья...» шевелилось у меня въ сердцѣ. «Батюшка правду говорилъ вчера: „да не зай-детъ солнце во гнѣвъ вашемъ“». А завтра еще исповѣдаться! И за чтѣ я на нихъ сердился? Самъ не знаю! Просто дьяволъ сбиваетъ...» «Не введи насъ во искушенiе и избави насъ отъ лукаваго!»

Алешина кровать была отъ меня коекъ черезъ шесть, въ другомъ ряду.

Я приподнялся на постели и оглядѣлъ спальню. Огромная комната, уставленная однообразными бѣлыми кроватями, на которыхъ видѣлись теперь то вытянутые какъ мертвецы, то свернутые въ калачикъ, будто узлы бѣлья, спящие пансионеры,—была уже погружена въ молчанье; изъ разныхъ угловъ ея, тонувшихъ въ дрожащемъ полумракѣ отъ скудно горѣвшихъ кое-гдѣ салныхъ свѣчей въ жестяныхъ шандалахъ, налитыхъ водою,—уже слышались перебивавшiя другъ друга на разные тоны и темпы вздыханья и сопѣнья заснувшихъ. Только изъ самаго дальняго, совсѣмъ ушедшаго въ темноту ряда кроватей, гдѣ снали семиклассники, слышался сдержанный басистый шепотъ Карioва, съ кѣмъ-то таинственно бесѣдовавшего...

„Пойду я къ Алешѣ, теперь никто не видитъ, а онъ еще должно-быть не спитъ... должно-быть все грѣхи свои припоминаетъ... Завтра исповѣдаться, такъ нужно помириться со всѣми.“

Я всталъ босыми ногами на полъ, и еще разъ прислушавшись къ странному хаосу звуковъ, наполнявшихъ спальню, осторожно сталъ пробираться между кроватями, боясь задѣть за чье-нибудь одѣяло и подозрительно всматриваясь въ спящiя лица.

Вдругъ какiе-то хохочущiе глаза неожиданно сверкнули на меня изъ-подъ одѣяла, отъ подушки отдѣлилась огненно-рыжая, сажикомъ остриженная головешка, и ротастая рожа Есаульчeenки ядовито ухмыльнулась мнѣ навстрѣчу:

— Куда это пробраешься, волчущика?.. Стибрить, вѣрно, что-нибудь хочешь?.. насмѣшливымъ шепотомъ спросилъ онъ.

Я пугливо вздрогнулъ, но овладѣлъ собою и отвѣтилъ ему какъ только могъ кротко:

— Простите меня, Есаульчeenко, если я васъ чѣмъ-нибудь обидѣлъ. Я завтра исповѣдуюсь...

И торопливо, будто бѣжалъ Богъ въстать отъ какого стыда, проныгнулъ дальше, чтобы не слышать обидныхъ остротъ второклассника.

Къ кровати Алешы я приблизился на цыпочкахъ. Алеша лежалъ неподвижно на лѣвомъ боку, обтянутый какъ мумiя въ одѣяло. Когда я пригнулся посмотреть ему въ лицо, чтобы узнать, спитъ-ли онъ, меня сейчасъ же встрѣнили его большiе серьезные глаза, глядѣвшiе прямо на меня и словно меня ждавшiе.

— Алеша, ты не спишь?.. неувереннымъ, смущеннымъ голосомъ сказалъ я.—Давай помиримся... Завтра исповѣдывайся... Прости меня, если я тебя обидѣлъ...

Слезы навернулись у меня на глазахъ, и я полѣвъ цѣловать Алешу. Мнѣ казалось въ эту минуту, что я необыкновенно нѣжный и добрый братъ, что Алеша сознаетъ это и глубоко

раскаивается, и мнѣ ужасно хотѣлось плакать отъ какого-то невыразимо сладкаго чувства.

— Прости и ты меня, Гриша, ласково отвѣтилъ Алеша.— Ты вотъ вспомнишь... А я забуду!.. Развѣ ты еще не спишь?

— Я не сплю. Завтра исповѣдаться, и я все думаю...

— Да, да... Это хорошо. Это хорошо, Гриша. Ты это хорошо дѣлаешь... Я вотъ тоже все думаю... Вѣдь это очень странно— исповѣдываться...

— Отчего же страшно, Алеша? шепотомъ спросилъ я, прижимаясь къ Алешиной подушкѣ и охваченный какимъ-то жуткимъ чувствомъ.

— Да вѣдь передъ Кѣмъ мы будемъ? Мы передъ Самимъ Богомъ будемъ стоять, передъ престоломъ Его... Ему отвѣчать будемъ... Такъ какъ же не странно!..

— Развѣ мы будемъ видѣть Его? еще тише прошепталъ я, отъ страха пряча лицо въ подушку.

— Хотя и не будемъ видѣть, а все-таки почувствуешь... Священникъ вѣдь Его именовъ спрашиваетъ... И Онъ тутъ... Онъ видитъ и знаетъ все, чтѣ у насъ въ душѣ!.. Странно это, Гриша... Въ душѣ у насъ столько грѣховъ...

— Что же дѣлать, Алеша? беззвучно прильнувъ къ постели и весь дрожа, спрашивалъ я.

— Надо, Гриша, покаяться въ своихъ грѣхахъ... Если мы покаемся искренно, Богъ все проститъ.

— Я не умѣю, Алеша; а ты умѣешь?.. Научи меня... горячо сказалъ я, съ вѣброу взглядываясь въ его задумчивые глаза...

Алеша нѣсколько минутъ молчалъ и неподвижно смотрѣлъ мимо меня куда-то вдаль. Наконецъ онъ сказалъ со вздохомъ:

— Нѣтъ, Гриша, я тоже не умѣю... Откуда мнѣ умѣть! Ты вотъ добрее меня, пришелъ ко мнѣ прощенья просить... А я былъ виноватъ... Тебѣ Богъ скорее проститъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, Алеша! Чтѣ ты говоришь!.. Я гораздо хуже тебя! искренно возмущенный перебилъ я его.—Развѣ можно сравнивать... Я и не молюсь никогда... всю всюнощную такъ прозѣвалъ... А ты все молился. Ты думаешь, я не видѣлъ? А Богъ-то еще лучше видитъ. Оттого ты и знаешь все, и всѣ тебя любятъ... и Богъ тебя всегда будетъ любить больше всѣхъ насъ!

— Дурачекъ, дурачекъ! улынулся Алеша.— Полно тебѣ вздоръ молоть!.. Никто не знаетъ, кого Богъ любитъ больше. А ты вотъ помолись лучше Богу хорошенько. Это ничего, чтѣ лежа. Закройся одѣяломъ съ головой, чтобы никто не видалъ, да и молись себѣ... Я всегда такъ дѣлаю. Богу вѣдь все равно, лежишь ты или стоишь, лишь бы было отъ сердца... Иди же себѣ, вѣдь пора!.. Къ исповѣди надо раньше вставать...

Мы еще разъ нѣжно поцѣловались, и я такъ же тихо и осторожно побрелъ босикомъ назадъ, нѣсколько разъ съ любовью оглядываясь на своего милаго Алешу.

Когда я уже былъ за четыре кровати отъ него, онъ вдругъ приподнялся надъ подушкой и прошепталъ ласковымъ шепотомъ:

— Прощай, Гришечка!.. покойной ночи...

И мое восхищенное сердце облилось приливомъ любви и благодарности.

(Оконч. въ слѣд. №).

Зако́нъ наслѣдственности.

Однимъ изъ важнѣйшихъ законовъ природы является законъ наслѣдственности.

Наблюдая природу, каждый ежедневно убѣждается, что все живое, появляющееся на свѣтъ, несетъ въ себѣ известныя опредѣленные задатки, которые въ зависимости отъ воспитанiя или развиваются дальше, или же уничтожаются, какъ ненужные. Съ другой стороны, каждое поколѣнiе передаетъ слѣдующимъ за нимъ какъ свои хорошiя качества, такъ и дурныя. Такимъ образомъ, наслѣдственность является исходнымъ пунктомъ улучшенiя, прогресса, и вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ ухудшенiя, регресса, вообще слѣдовательно средствомъ для полученiя новыхъ расъ.

Всеобъемлющiй законъ этотъ не имѣетъ исключенiй и запечатлѣнъ на каждомъ существѣ вселенной. Къ этому нужно прибавить, что всякая новая особенность, появившаяся въ организмѣ, имѣетъ наклонность въ немъ закрѣпиться при помощи того же закона наслѣдственности. Лишь только какой-нибудь организмъ измѣнился въ ту или другую сторону, его потомство появляется съ тѣми же измѣненiями. Если же измѣненiе постепенно растетъ при переходѣ изъ одного поколѣнiя въ другое, то получается организмъ сильно отличающiйся отъ своего первоначальнаго предка.

Обратимся, напримеръ, къ растенiямъ, которые растутъ въ большихъ садахъ: какое богатство красокъ и формъ цвѣтovi, видимъ мы здѣсь на каждомъ шагѣ! Тѣмъ не менѣе всѣ эти великолѣпныя цвѣты—лишь искусственно выведенныя разновидности, которыя произошли отъ дикихъ, скромно мѣлкихъ растенiй, измѣненныхъ культурою и при помощи искусственнаго оплодотворенiя и передавшихъ эти измѣненiя своимъ позднѣйшимъ потомкамъ.

Если мы удивляемся этому замѣчательному развитiю желаемыхъ намъ особенностей въ нашихъ цвѣточныхъ растенiяхъ, то не менѣе поразителенъ тотъ же законъ наслѣдственности и въ нашихъ овощныхъ растенiяхъ. Стоить только вспомнить о всѣмъ известномъ и столь полезномъ сортахъ канусты (цвѣтная, фиолетовая, кочанная, савойская и мн. др.), которые можетъ-быть всѣ происходятъ отъ одного дикаго вида канусты, растущаго на югѣ Европы, и мы невольно должны удивляться настоячивости огородниковъ-культураторовъ, съ которою примѣняли они вышеуказанный законъ къ этимъ растенiямъ, отличающимся столь большою способностью измѣняться.

Обратившись къ нашимъ плодовымъ деревьямъ, мы увидимъ то же самое. Если не всѣмъ, то очень многимъ изъ нашихъ читателей приходилось встрѣчать въ лѣсу дикую яблоню и пробовать плоды съ нея, отличающiеся своимъ кислымъ, вяжущимъ вкусомъ. Между тѣмъ всѣ наши цѣнныя плодовые деревья, вкусныя и сочныя плоды которыхъ являются въ видѣ прiятнаго украшенiя на столѣ богатаго и бѣднаго, всѣ они не чтѣ иное, какъ потомки этихъ дикихъ формъ, облагоустроенныхъ прививкою хорошихъ сортовъ.

Если всѣ эти примѣры закрѣпленiя при помощи наслѣдственности прiобрѣтенныхъ особенностей въ мiрѣ растенiй представляютъ большой интересъ для всякаго любителя природы, тѣмъ болѣе это относится къ животнымъ, къ которымъ все это примѣнялось въ болѣе широкомъ объемѣ и дало еще болѣе поразительныя явленiя. Нельзя не удивляться успехамъ скотоводства уже въ довольно раннемъ периодѣ развитiя этой отрасли сельскаго хозяйства. Дѣло дошло до того, что разводять „рогатый скотъ“—безрогий, затѣмъ любой части

тѣла могутъ дать по желанію болѣе возможности развиться, другой—меньше. Пользуясь закономъ наследственности, скотоводы стали утилизировать ту или другую уродливость, аномалию въ организациі, лишь только находили ее выгодною или оригинальною.

Эта новая наука объ измѣненіи расъ сдѣлала теперь такіе успѣхи, что приобретаетъ со дня на день все большее значеніе. Въ всякаго сомнѣнія, что теперь можно себѣ заказывать скотъ по своему желанію—точно такъ же почти, какъ заказываемъ столяру мебель; мы всегда будемъ удовлетворены, хотя и придется ждать исполненія заказа годами.

Одинъ помѣщикъ былъ очень недоволенъ стадами своихъ овецъ за то, что онѣ перепрыгивали загородки и портили посѣвы. Однажды онъ замѣтилъ среди своихъ стадъ новорожденнаго ягненка съ длинною спиною и короткими кривыми ногами, какъ у таксы. Сообразивъ, что если все его овцы будутъ имѣть это же уродство, онѣ не смогутъ больше портиять его полей, перепрыгивая черезъ заборы, онъ рѣшилъ сдѣлать этого ягненка родоначальникомъ новой расы, названной Анконскою. Еще интереснѣе слѣдующій случай. У другаго помѣщика, изъ прилода мериносовъ одинъ ягненокъ отличался особенно длинною, гладкою и шелковистою шерстью. Отъ него онъ вывелъ новую породу, которая расплодилась до того, что онъ началъ продавать ее представителямъ. Шерсть, полученная съ этихъ овецъ, заслужила на послѣдней большой Лондонской выставкѣ первую награду; вѣдѣствіе своихъ высокихъ качествъ, она цѣнится на 25% выше лучшей мериносовой шерсти. Если бы не былъ въ точности извѣстенъ способъ происхожденія обѣихъ названныхъ породъ овецъ, трудно было бы себѣ представить, что онѣ происходятъ отъ одной и той же породы, до того искусственно выведенныя расы различаются между собою.

Ни одно изъ нашихъ домашнихъ животныхъ не подверглось вліянію наследственности въ большей степени, чѣмъ собака. Выводить ли ее происхожденіе отъ волка или отъ какого-нибудь неизвѣстнаго намъ вида животныхъ—все равно: у насъ такъ много собачьихъ породъ, что найти, которая изъ нихъ ближе стоитъ къ своему дикому родичу и которая, слѣдовательно, должна считаться родоначальникомъ всѣхъ нашихъ собакъ—дѣло теперь невозможное. Да и кто бы взялся перечислить всѣ породы и разновидности ихъ? Всѣ извѣстныя гончія, бульдоги, пинчеры, сетеры, молеры, африканскія, пинчи, пуделя, таксы и т. д.—всѣ различаются величиною, видомъ, умственными развитіемъ, а между тѣмъ всѣ они являются продуктомъ измѣненія одной лишь породы въ теченіе продолжительнаго періода. Это послѣднее предположеніе тѣмъ вѣроятнѣе, что изъ всѣхъ животныхъ собака была первымъ, которое приручилъ человекъ, и до сихъ поръ, въ продолженіе многихъ тысячелѣтій, остается его вѣрнымъ другомъ. А развѣ лай собаки не благопріобрѣтенное качество? Давно извѣстно, что дикія собаки не лаютъ и что всѣ собаки, въ обществѣ людей, только воютъ. Двѣ собаки, привезенныя Макензи въ Англію изъ Западной Америки, продолжали выть и въ своемъ новомъ отечествѣ, тогда какъ ихъ потомство, родившееся въ Европѣ, не имѣло уже этой дикой привычки и выражало свои чувства болѣе благороднымъ образомъ—лаемъ, что передалось и слѣдующимъ поколѣніямъ.

Во многихъ породахъ животныхъ нѣкоторыя ихъ качества, постепенно развивавшіяся отъ поколѣнія къ поколѣнію, приобрѣли значеніе характерныхъ ихъ отличій, напр., понятливость и рѣзвость многихъ лошадей, тонкость чутья у хорошихъ охотничьихъ собакъ, хитрость лисы и т. п. Даже уродливости и расположеніе къ различнымъ болѣзнямъ подчинены закону наследственности. Такъ, было замѣчено, что одинъ кроликъ въ числѣ другихъ произвелъ кролика съ однимъ ухомъ—и отъ этого послѣдняго получилась новая раса кроликовъ, постоянно отличавшаяся этимъ уродствомъ. Съ другой стороны, корова, вѣдѣствіе болѣзни потерявшая одинъ рогъ, дала потомство, имѣвшее тотъ же недостатокъ.

Чѣмъ выше организмъ стоитъ въ ряду живыхъ существъ, тѣмъ сильнѣе подпадаетъ вліянію закона наследственности. Послѣдній вліяетъ сильнѣе на животныхъ, чѣмъ на растенія, и на человѣка болѣе, чѣмъ на животное. Человѣкъ не только подверженъ вліянію наследственности съ той стороны, какъ мы это встрѣчаемъ среди растеній и животныхъ, но еще со стороны страданій и господствующихъ нравственныхъ влеченій, которыя незнакомы животнымъ, а также и со стороны временныхъ наклонностей, которымъ онъ подпадаетъ благодаря своей свободѣ.

Всѣ недостатки, равно какъ и хорошія качества физической и нравственной природы человѣка могутъ развиваться на почвѣ наследственности; такъ же какъ красота или отсутствіе ея въ чертахъ лица. „У него лицо такого-то..“ услышите иногда, и въ самомъ дѣлѣ встрѣчаются глаза, носъ, ротъ или лобъ, который неизмѣнно является у всѣхъ членовъ павѣстной фамиліи, такъ что служить ея характернымъ признакомъ. Можно привести много примѣровъ, что дѣти наследуютъ особенности одного изъ своихъ родителей, а что это не случайное совпаденіе—доказывается тѣмъ, что перѣдко оно повторяется у внуковъ и правнуковъ.

Какъ часто приходилось, я думаю, всякому замѣчать унаследованный дѣтми отъ родителей характеръ походки, движеній руки и головы! точно такъ же каждому извѣстно, что темпераментъ, взаимное соотношеніе или несоотвѣтствіе членовъ тѣла и недостатки всякаго рода подлежатъ закону наследственности.

Общезавѣстенъ фактъ, что часовщики и рѣзчики по металламъ въ большинствѣ случаевъ страдаютъ близорукостью, тогда какъ моряки и дикари, наоборотъ, очень дальновзорки. И то, и другое передается часто наследственно. Европейцы, напримеръ, очень сильно уступаютъ дикарямъ въ остротѣ зрѣнія и другихъ чувствъ; уменьшеніе упражненія ихъ, переходя изъ рода въ родъ, вызвало это ослабленіе дѣятельности органовъ чувствъ. Многие путешественники говорятъ, что европейцы, родившіеся и выросшіе среди индѣйцевъ, далеко уступали послѣднимъ въ остротѣ своихъ чувствъ. Недостатокъ, заключающійся въ томъ, что люди косятъ глазами, равно какъ помутнѣніе хрусталика силою и рядомъ встрѣчается у лицъ, родители которыхъ имѣли эти же недостатки. Даже совершенная слѣпота и глухота можетъ наследственно передаваться.

Наследственность часто закрѣпляетъ въ потомствѣ привычки, совершенно невнятнаго характера, бывшія у родителей. Такъ, одинъ ученый рассказываетъ, что имѣло привычку засыпать лежа на спинѣ и перекинуть правую ногу на-крестъ черезъ лѣвую. Одинъ изъ его сплывовъ съ самаго почти дня своего рожденія постоянно имѣлъ ту же привычку, несмотря на всѣ попытки отучить его отъ этого. Дарвинъ говоритъ, что въ числѣ его знакомыхъ былъ субъектъ, который, еще въ дѣтствѣ, когда онъ бывалъ особенно доволенъ или радостно возбужденъ, начиналъ быстро двигать пальцами параллельно другъ другу; если же его радость возрастала, то, продолжая то-же движеніе пальцами, онъ подымалъ обѣ руки къ щекамъ до высоты глазъ. Въ болѣе солидномъ возрастѣ онъ прилагалъ всѣ старанія отучиться отъ своей странной привычки, возбуждавшей въ зрителяхъ смѣхъ. Изъ восьми его дѣтей трое уже въ возрастѣ 4 или 5 лѣтъ продолжали то-же-точъ то же самое, лишь только оставались одни. Одна женщина имѣла привычку играть при помощи своей правой руки прядью своихъ волосъ. Новорожденный сынъ ея, не выдавшій своей матери, такъ какъ она въ родахъ и скончалась, имѣлъ эту же привычку уже съ семи-лѣтняго возраста.

Къ несчастію, для наследственнаго закрѣпленія какой-нибудь особенности оказывается безразличнымъ, полезна ли эта особенность для организма или приноситъ ему вредъ. Можно привести цѣлый рядъ наследственно переданныхъ недостатковъ и наклонностей къ извѣстнымъ болѣзнямъ, которые неуклонно передаются слѣдующимъ поколѣніямъ. Особенно рѣзкіе примѣры представляютъ ревматизмъ, эпилепсія (падучая), астма, чахотка, чрезмерное кровоизліяніе при малѣйшихъ пораненіяхъ и т. д.

Мы видѣли до сихъ поръ, что всѣ особенности физической природы родителей передаются преемственно потомкамъ—и только незначительныя привычки и нѣкоторыя болѣзни подлежатъ изытію изъ этого закона. Переходъ къ дѣтямъ склонностей и симпатій родителей представляетъ также часто замѣчаемое явленіе какъ въ жизни животныхъ, такъ и человѣка. Такъ, передается склонности къ скуности или бережливости, легкомыслію и веселости или угнетенности и меланхоліи, къ состраданію или жестокости, къ картежной игрѣ и пьянству, къ энергіи или слабости характера, къ домовитости, благочестію, или къ сумасшествію и самоубійству. Даже болтливость или молчаливый характеръ передается наследственно.

Конечно, нельзя отрицать, что въ высшей степени развитые родители иногда имѣютъ дѣтей слабоумныхъ; равнымъ образомъ, прекрасные родители иногда огорчены тѣмъ, что ихъ дѣти—негодяи; но вмѣстѣ съ тѣмъ неоспоримо и то, что родители съ разстроенною организациею никогда не имѣли потомства, превосходящаго ихъ въ этомъ отношеніи.

Мы здѣсь коснемся лишь одного случая, чтобы указать, что дѣти родителей-пьяницъ не только бываютъ подвержены этому пороку, но кромѣ того, часто страдаютъ слабоуміемъ, падучею и другими недугами, которые отравляютъ ихъ жизнь. По Хове, изъ 300 идіотовъ въ штатѣ Масаучетсъ половина слѣшкомъ происходила отъ родителей-пьяницъ. Какъ извѣстно, алкоколь преимущественно дѣйствуетъ на мозгъ—и лишь только этотъ вѣрный, чрезвычайно богатый кровеносными сосудами органъ потерялъ поврежденіе, наследственность передаетъ его потомству въ видѣ того или другаго недостатка или болѣзни.

Эта истина еще не всѣмъ знакома въ той степени, какъ она того заслуживаетъ по своей важности для человечества, не смотря на то, что она вовсе не нова. Уже за 2,000 лѣтъ до нашихъ дней греческіе мудрецы занимались этимъ чрезвычайно важнымъ вопросомъ—и Платонъ весьма рѣшительно высказывался, предупреждая объ этомъ.

Если пьянство отражается такъ скверно, то дурныя страсти должны еще болѣе имѣть вліянія на характеръ потомства, хотя обнаружить это нѣсколько труднѣе. Невозможно, чтобы

низкія удовольствія, глубокая ненависть, закоренѣлая зависть и т. п. оставались безъ послѣдствій для потомства. Поэтому великое счастье для человѣчества заключается въ томъ, что наслѣдственность передаетъ потомству доброе и прекрасное въ большей степени, чѣмъ худое и злое. Если бы это было иначе, человѣчество давно бы погибло, а между тѣмъ, благодаря все тому же закону наслѣдственности, человѣчество какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ далеко ушло отъ своего первобытнаго дикаго состоянія и все еще продолжаетъ развиваться дальше.

Парижскій профессоръ Брока изслѣдовалъ емкость 384 череповъ, собранныхъ со старыхъ парижскихъ кладбищъ, и сравнилъ со среднею емкостью черепа нынѣшнихъ обитателей всемирной столицы. Въ результатѣ его интересныхъ изслѣдованій оказывается, что вместимость черепа за послѣднія семь столѣтій увеличилась у парижанъ не менѣе какъ на 35 кубическихъ сантиметровъ. То же самое получается при сравненіи череповъ дикарей съ черепами народовъ культурныхъ, несомнѣнно доказывающемъ, что размеры мозга вслѣдствіе культуры увеличились. Поэтому человѣкъ умный, съ мозгомъ большого объема, склоненъ передавать эту особенность своему потомству, у котораго далѣе она затѣмъ еще возрастаетъ. Само собою разумѣется, что весь этотъ процессъ продолжался въ теченіе многихъ столѣтій или даже тысячелѣтій, чтобы образовалась такая громадная разница.

Едва-ли нужно еще говорить о томъ, что вслѣдствіе наслѣд-

ственной передачи нравственныхъ и умственныхъ способностей, человѣчество имѣетъ возможность къ безпредѣльному умственному развитію, такъ какъ каждое поколѣніе закрѣпляетъ въ своемъ мозгу усвоенный опытъ и умственное развитіе, которое переходитъ всецѣло къ слѣдующему поколѣнію.

„Первобытный человѣкъ“, говоритъ Рибо, „предоставленный безъ знаній и опыта на волю своихъ страстей и наклонностей, лишь очень медленно могъ подняться до своего идеала. Поэзія, знаніе и обычаи, важнѣйшія выраженія человѣческой души, все это является драгоценнѣйшимъ и довольно позднимъ плодомъ работы безчисленнаго числа поколѣній. Идеаль открылся далеко не сразу и не во всей своей полнотѣ, это совершалось лишь съ очень большою постепенностью. Человѣчество неуклонно стремится во время своего побѣдоноснаго шествія откинуть все, что является остаткомъ низшаго его состоянія, всѣ дурныя наклонности, которыя представляютъ какъ бы обрывками первобытныхъ склонностей, все еще появляющихся, но все слабѣе и слабѣе, чтобы заставить насъ вспоминать объ нашемъ низкомъ состояніи, изъ котораго мы вырвались“.

И такъ, законъ наслѣдственности есть крайне важный рычагъ нашего прогресса и развитія, но также и нашего регресса и паденія; а потому мы сами должны заботиться о томъ, чтобы человѣчество будущаго все ближе подходило къ идеалу истиннаго человѣка и чтобы каждый изъ насъ стремился быть человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Къ рисункамъ.

Ильдизъ-Кюскъ и мечеть Гамидіе. (Рис. на стр. 993).

Нынѣшній повелитель турокъ, султанъ Абдуль-Гамидъ II обитаетъ не въ блестящихъ дворцовыхъ строеніяхъ на берегу Босфора, а живетъ уединенно во дворцѣ расположенномъ на возвышенности за Бешиктатомъ и носящемъ названіе Ильдизъ-Кюска. Посреди зеленаго парка высится многочисленная постройка дворца, который со всѣхъ сторонъ окружаютъ стѣны. За нихъ трудно кому-либо проникнуть, даже если посетитель облеченъ высокимъ саномъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ Кюска сверкаетъ бѣлизною своихъ стѣнъ, на синевѣ южнаго неба, красная мечеть Гамидіе, построенная въ 1886 году. Въ нее нерѣдко отправляется султанъ по пятницамъ, которыя, какъ извѣстно, чествуются у мусульманъ подобно нашимъ воскресеньямъ. Такая поѣздка, когда султанъ открыто появляется среди своего народа, и происходящій затѣмъ смотръ войска носятъ названіе Селамлика.

Задолго до выѣзда султана изъ дворца, собираются квартирующія въ Константинополѣ войска вдоль улицъ, прилегающихъ къ Кюску и мечети. Тутъ иностранецъ можетъ встрѣтить не мало типичныхъ лицъ и фигуръ, одѣтыхъ въ форму, весьма похожую по покрою на платье европейскихъ солдатъ. Только головнымъ уборомъ у всѣхъ является феска, начиная отъ простаго солдата до генерала. Передъ воротами дворца толпятся генералы, а въ особомъ, отдѣльномъ павильонѣ присутствуютъ высшіе гражданскіе чины и члены иностранныхъ посольствъ. Не задолго до выѣзда султана изъ дворца выѣзжаютъ къ мечети богато украшенные, но наглухо закрытыя кареты, въ которыхъ сидятъ придворныя дамы. Нескромный любопытный глазъ видитъ лишь волны тюля, изъ-за котораго только нарядка блеснетъ выразительный взглядъ гаремной красавицы. Онѣ окружены внухами, одѣтыми въ черныя сюртуки и бѣлые жилеты. Когда появляется самъ повелитель правотѣрныхъ, раздается сигналъ и войска громко приветствуютъ своего государя. Въ открытомъ экипажѣ проѣзжаетъ Абдуль-Гамидъ среди войска, стоящихъ съ опущенными головами и ружьями на-караулъ. Послѣ службы въ мечети, которая продолжается около двадцати минутъ, султанъ пропускаетъ войска передъ собою и, сѣвъ, затѣмъ, въ коляску и правя собственноручно лошадьми, уѣзжаетъ снова на недѣлю въ свой любимый дворецъ.

Видъ города Выборга. (Рис. на стр. 996).

Выборгъ основанъ въ землѣ корель въ 1293 году шведскимъ маршаломъ Торкелемъ Кнутсономъ, чѣмъ и закончилось завоеваніе Финляндіи шведами. Именно въ этомъ году былъ построенъ замокъ, сохранившійся до сихъ поръ посреди города и бывшій исходной точкой христіанства и могущества шведовъ въ Кареліи. Окруженный въ 1477 году стѣною при Эриксѣ Аксельсонѣ Тоттѣ, городъ подвергся трехмѣсячной осады со стороны русскихъ подъ предводительствомъ воеводы Василія Шуйскаго. Петръ Великій обратилъ вниманіе на Выборгъ, какъ на важный стратегическій пунктъ, и послѣ ожесточенной борьбы и долговременной осады Выборгъ дался русскимъ войскамъ и присоединенъ къ Россіи въ 1710 г. Выборгъ принадлежитъ къ числу старѣйшихъ городовъ Финляндіи, расположенъ весьма живописно у Выборгскаго залива и Сайменскаго канала. Изъ примѣчательностей города обращаютъ на себя вниманіе развалины древней крѣпости съ башней, у Абосскаго моста, гофгерихтъ на соборной площади, рагуша

съ превосходнымъ балнымъ заломъ, финско-лютеранская церковь, нѣкогда францисканскій монастырь, построенный въ 1481 году, и православный соборъ. Жителей около 16,000. Выборгъ, не смотря на близость къ Петербургу, до сихъ поръ остался финскимъ городомъ: русское населеніе весьма не велико и то по преимуществу — торговое. Лѣтомъ Выборгъ наводняется дачниками и туристами. Изъ окрестностей славится своей природой и устройствомъ „Монрено“, нѣгнѣе барона Николаи, находящаяся въ трехъ верстахъ отъ города, по Сайменскому каналу, съ превосходнымъ паркомъ, начало котораго было положено генераль-губернаторомъ Выборга Ступенинымъ въ концѣ прошлаго вѣка.

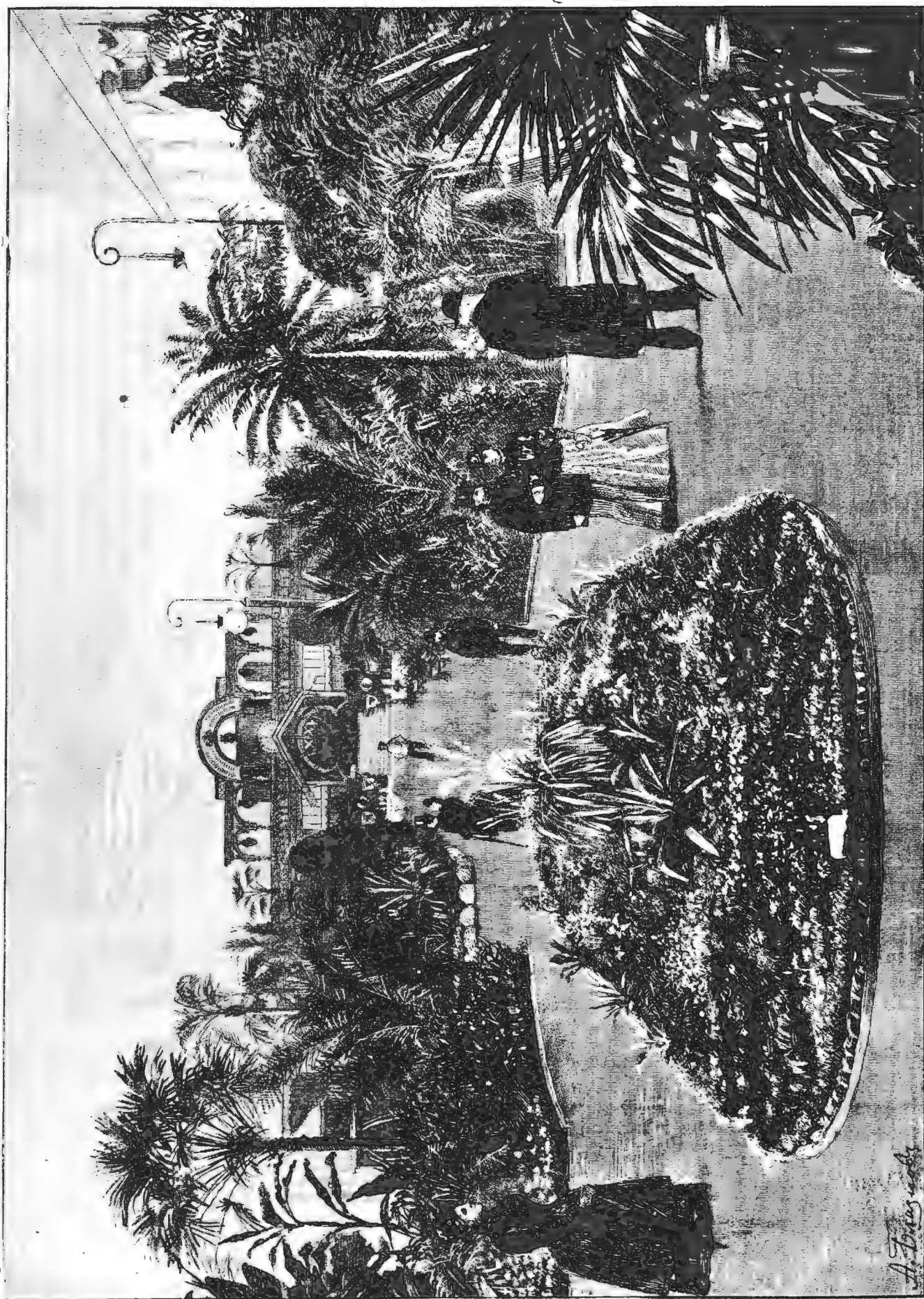
Тушеніе пожара воловейей шкурой въ Техасѣ.

(Рис. на стр. 997).

На необъятныя глазу пространства тянутся въ бассейнѣ рѣки Миссисипи преріи или дуга, покрытыя сочною травой и служащія обширными пастбищами для многочисленныхъ стадъ рогатаго скота. Въ жаркое время, когда трава подсыхаетъ, пожары въ этихъ мѣстахъ являются настоящимъ бѣдствіемъ. Величественное и ужасное зрѣлище представляютъ тогда горящія преріи, и картинныя описанія ихъ многими извѣстны изъ романовъ и разсказовъ Купера, Эмара, Майнъ-Рида и другихъ описателей жизни въ Америкѣ. Вообще же появленіе огня въ преріяхъ составляетъ явленіе заурадное, и когда вѣтъ сильнаго вѣтра и засуха не велика — огонь преобразуется самъ собою или тушится безъ особаго труда. Интересенъ способъ тушенія такого пожара въ Сѣверномъ Техасѣ, гдѣ пастухи стада, такъ называемые Cow-boys, прекращаютъ огонь по своеобразному способу, который они переняли отъ краснокожихъ индѣйцевъ. Какъ только покажется гдѣ-нибудь на полянѣ огонь отъ плохо потушеннаго костра, неосторожно брошенной палиросы или пещала пазъ трубки, — пастухи, кочующіе со своими стадами по сосѣдству, не устремляются къ рѣкѣ или колодцу за водой, а мѣткимъ выстрѣломъ убиваютъ одного изъ воловъ своего стада; затѣмъ, не теряя ни минуты, съ подожжены подоспѣвшихъ пастуховъ сдираютъ, или, правильнѣе сказать, срѣзаютъ шкуру, такъ чтобы на ней оставалось до 2 вершковъ мяса. Прикрѣпивъ послѣ того свои лассо къ двумъ концамъ сырой и тяжелой кожи съ мясомъ, два пастуха на своихъ быстрыхъ лошадакахъ бѣшено несутся по краю пожара. Тяжелая кровавая шкура тушитъ пламя, не подымающаея слишкомъ высоко. Другіе каубон скачутъ слѣдомъ за ними, чтобы окончателью загасить кое-гдѣ оставшіяся мѣста съ горячею травой. Конечно, подобный способъ тушенія доступенъ лишь тамъ, гдѣ пастухи — отчаянные смѣльчаки, а лошади быстры и выносливы. Бѣшеная скачка длится иногда по нѣскольку верстъ среди огня и густаго дыма и ѣздоки мѣняются не разъ, пока опасность не мпнуетъ.

На склонѣ дней. (Рис. на стр. 1001).

Картина А. Д. Муратова переноситъ зрителя въ укромный уголокъ большого помѣщичьяго сада, куда престарѣлые владѣтели его, два старичка, въ родѣ старосвѣтскихъ помѣщиковъ Гоголя, вышли посидѣть въ ясный и тихій осенній день. Высокія деревья и еще недавно густые кусты не шелхнутся въ своемъ цестромъ осеннемъ уборѣ, и въ тѣни ихъ на скамейкѣ, точно подъ обаяніемъ окружающей тишины, молча сидятъ деревенскіе Филемонъ и Бавкида. Степенно и спокойно доживаютъ они свой вѣкъ, ничѣмъ не тревожимые въ своей

Выставка садоводства, плодородства и огородничества въ Михайловскомъ манежѣ въ СПб.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Блазнова, грав. въ мастерской „Нивы“.

жизни, которая, говоря словами безсмертного изображения „Старосветских помѣщиков“ Аванасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, была „такъ тиха, такъ тиха, что на мигу забываешься и думаешь, что страсти, желанія и беспокойныя порожденія злаго духа, возмущающія міръ, вовсе не существуют...“

Невиданное явленіе. (Рис. на стр. 1004).

Появленіе художника „на этудохъ“, гдѣ-нибудь въ захолустьемъ уголкѣ нашей обширной родины, представляетъ необычайное явленіе. Можно себѣ представить, съ какимъ страхомъ и недоумѣніемъ наблюдаютъ деревенскіе ребятишки невиданную работу захожаго незнакомца...

Коза-кормилица. (Рис. на стр. 1005).

Какъ извѣстно, польза приносимая козами, довольно велика. Онѣ даютъ молоко, шерсть, удобреніе, кожу, рога и мясо, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляется въ пищу. При этомъ козы, особенно лѣтомъ, съѣдятъ весьма недорого. Больше всего человекъ извлекаетъ пользы изъ молока, котораго у хорошо вскормленной козы, по вычисленію Ленца, бываетъ въ годъ до 942 штофовъ. Свообразнаго запаха и вкуса, очень питательное, молоко козы охотно употребляется человекомъ; въ особенности имъ усѣбно вскармливается дѣти, такъ какъ молоко козы, а также и ослицы, гораздо лучше усваивается ими, чѣмъ коровье. Какъ происходитъ самое вскармливаніе — можно видѣть изъ картины Н. Канничи, помѣщенной на стр. 1005.

Всероссійская выставка садоводства, плододоводства и огородничества. (Рис. на стр. 1009).

Въ воскресенье, 23 сентября, открылась въ Петербургѣ первая Всероссійская выставка садоводства, плододоводства, огородничества и проч. Почти все устройство выставки принадлежитъ Императорскому Россійскому Обществу Садоводства, которому удалось, при благосклонномъ сочувствіи и поддержкѣ министерствъ Императорскаго Двора и Государственныхъ Имуществъ, а также Департамента Удѣловъ и различныхъ учреждений этихъ вѣдомствъ, впервые соединить въ одной выставкѣ образцы огородничества, плододоводства и садоводства нашей родины. Выставка живописно устроена въ громадномъ зданіи Михайловскаго манежа, и привлекательность ея значительно увеличилась вълѣдствіе суровой погоды, съ холодами и снѣгомъ, которая началась въ Петербургѣ съ самаго дня открытія выставки: посѣтитель, съ грязной улицы, обвѣянный стужей, вступаетъ въ манежъ, и сразу, точно въ сказкѣ, переносится въ какой-то очарованный, роскошный садъ, гдѣ среди зелени и цвѣтовъ разбросаны изящныя домики, кіоски, эстрады, каскады и т. п.

Съ площадки, у входа, на которой въ изящной бесѣдкѣ и вокругъ ея размѣщены растенія комнатной культуры, букеты, вѣнки и т. п., передъ зрителемъ открывается прелестный видъ во всю длину манежа, занятаго посредствѣмъ отдѣлами садоводства. Здѣсь и высокія деревья, и разнородныя кустарники, и пестрыя клумбы самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, начиная съ вѣстниковъ весны — ландышей. Далѣе, по самой срединѣ зданія, у стѣны бьетъ каскадъ въ обширный водопадъ, черезъ который перекинутъ мостикъ. Вдали, у стѣны противоположной входу, помѣщенъ отдѣлъ огородничества, едва-ли не самый интересный на выставкѣ. Въ немъ сгруппированы овощи, какихъ никто не приметъ въ пищу. Многоудовыя тыквы, аршинныя свеклы, моркови, рѣпки, красиво и внушительно разставлены, подавляютъ своими размѣрами изумленнаго посѣтителя. Влѣво отъ отдѣловъ садоводства помѣщены плоды и ягоды, въ свѣжемъ видѣ, до каскада, а за нимъ — въ сушеномъ. Тутъ же памятникъ Пржевальскому отдѣляетъ укромный уголокъ, у самаго входа налѣво, гдѣ помѣщенъ отдѣлы тутоводства, хлопководства, табаководства, хмѣлеводства и сѣмяноводства. На правой сторонѣ помѣщенъ отдѣлъ садовой техники и разбросаны навильоны табачнаго экстракта Богданова, терракотовыхъ издѣлій Турчаниновой, фарфоровыхъ вазъ Разживина, стеколь Шмидта и т. п. Внѣ манежа, въ садикѣ устроены питомники, уже пострадавшіе отъ дурной погоды.

Альфонсъ Каррь († 19 сентября 1890).

(Портр. на стр. 1012).

Пользовавшійся въ свое время большою извѣстностью французскій писатель, Альфонсъ Каррь родился въ Парижѣ 24 (12) ноября 1808 года. Онъ былъ внукомъ мюнхенскаго канцеляриста, переселившагося въ Парижъ въ 1787 году, и сыномъ пианиста-композитора, который въ свое время имѣлъ успѣхъ. Молодой Каррь началъ самостоятельную жизнь въ то время, когда на литературномъ поприщѣ выступила блестящая плеяда романтиковъ 1830-хъ годовъ. Онъ былъ въ дружбѣ со всеми ея представителями, начиная съ самыхъ крупныхъ до скромнѣйшихъ. Преобладавшее среди нихъ сентиментальное настроеніе придадо и его первому роману (*Ночь липами*) отпечатокъ той мечтательно-любвиной грусти, которая характеризуетъ писателей этой эпохи. За первымъ произведеніемъ послѣдовали романы: *Критическій путь*, *Что содержится въ*

чернильномъ пузырькѣ, *Чисомъ позже*, которые хотя и не имѣли такого-же блестящаго успѣха, но упрочили славу автора.

Признанный романтикъ не пренебрегъ однако и журнальнымъ дѣломъ, и пробывъ нѣкоторое время редакторомъ *Figaro*, основалъ двухдѣльный журналъ *Oсы*, въ которомъ лѣтъ десять помѣщались сатирическую хроніку политики и общественной жизни, бичуя пороки, предрасудки и пошлость во всѣхъ ея видахъ. Затѣмъ послѣдовали *Иллюстрированныя осы*, въ которыхъ разсѣяно множество изреченій и афоризмовъ Альфонса Карра, удержавшихся и цитируемыхъ до сихъ поръ.

Альфонсъ Каррь любилъ загородную жизнь, но дѣятельную и трудолюбивую; онъ первый ввелъ въ моду морскія купанья Этрета, гдѣ онъ проводилъ лѣто, до переселенія въ Ниццу, а потомъ въ Сентъ-Рафаэль. Онъ разводилъ розы, которыми гордился больше чѣмъ своими сочиненіями. Пессимизмъ, которымъ дышатъ нѣкоторые страницы его произведеній, смягчался этимъ непосредственнымъ общеніемъ съ природой. Каррь пыталъ свои силы и въ драмѣ (*Нормандская Пенелопя*), и въ такъ-называемыхъ „пословицахъ“ (*proverbes*), наконецъ и въ нравоописательныхъ очеркахъ (*Женщины*).

Каррь скончался восьмидесяти двухъ лѣтъ, въ своемъ домикѣ, обнесенномъ живописною оградой (домикъ такъ и назывался *Maison-close*), въ Сентъ-Рафаэлѣ, отъ воспаенія въ легкихъ, которое схватилъ на прогулкѣ въ лодкѣ. Не смотря на суровую погоду, онъ не хотѣлъ отказать отъ любимаго удовольствія, и сентъ-рафаэльскіе рыбаки видѣли, какъ престарѣлый писатель по обыкновенію выхалъ въ морѣ на лодочкѣ, гдѣ его и захватили ураганъ, оглозавшійся на всемъ побережьѣ Средиземнаго моря. Каррь вернулся домой, насквозь промоченный дождемъ, не принявъ никакихъ мѣръ предосторожности и векоръ долженъ былъ лечь въ постель. Заботливый уходъ его дочери и племянницъ не могъ уже предотвратить роковой развязки, которая послѣдовала 19 сентября 1890 г.

К. Я. Звѣревъ. (Портр. на стр. 1012).

Еще недавно, а именно 26 августа текущего года, чествовалось пятидесятилѣтіе службы въ офицерскихъ чинахъ помощника генералъ-инспектора по инженерной части, генералъ-инженера Константина Яковлевича Звѣрева. Въ этотъ день на квартирѣ его получено было много телеграммъ, которые не застали юбиляра, такъ какъ онъ, по свойственной ему скромности, уѣхалъ отъ торжества изъ Петербурга, съ цѣлью осмотра нѣсколькихъ крѣпостей. И вотъ, черезъ двѣ съ половиною недѣли, Звѣрева не стало: онъ скончался внезапно, отъ удара, 11 сентября, и погребенъ 15 сентября въ Воскресенскомъ Новодевичьемъ монастырѣ. Покойный былъ однимъ изъ даровитыхъ специалистовъ инженернаго искусства и пользовался большою извѣстностью и популярностью среди военныхъ инженеровъ; а если его мало знали внѣ круга его дѣйствій, если имя его не пользовалось въ публикѣ такою громкою извѣстностью, какъ имя другаго подобнаго специалиста, инженера Д. И. Журавскаго, то это потому, что таковъ уже былъ родъ его дѣятельности, которою интересовались едва-ли не одни только специалисты. А между тѣмъ эта дѣятельность была весьма почетною и плодотворною и заключалась въ исполненіи весьма трудныхъ, хотя и невидныхъ работъ и порученій большой важности. Такъ, напримеръ, К. Я. Звѣревъ много трудился надъ возведеніемъ броншадскихъ укрѣпленій, по устройству фортовъ „Константинь“, „Милютинъ“ и укрѣпленій Сѣвернаго фарватера; былъ дѣятельнымъ участникомъ въ работахъ по устройству обороны нашихъ границъ, какъ по части проектированія крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ, такъ и по выполненію фортификаціонныхъ построекъ и сооружений, участвовалъ въ работахъ комитета по устройству Морскаго канала, трудился въ нѣсколькихъ коммисіяхъ, учрежденныхъ при министерствѣ Путей Сообщенія: по освидѣтельствованію сильныхъ поврежденій, произведенныхъ въ каналахъ странами бурями при чрезвычайной высокою поднятіи воды въ Ладожскомъ озерѣ, по составленію проектовъ укрѣпленія дамбъ въ новыхъ каналахъ и разсмотрѣнію проектовъ новыхъ выходовъ Свирскаго канала. Много ума, способностей и энергіи потрачено имя было на эти работы, составившія ему имя въ техническомъ мірѣ, особенно по постройкѣ крѣпостей, о которыхъ публика вѣроятно и не подозрѣвала. Кроме того, К. Я. Звѣревъ выдавался и на поприщѣ административной дѣятельности за все время управленія вѣрною ему частью, причѣмъ отношенія его къ подчиненнымъ отличались всегда гуманностью и справедливостью, а также въ качествѣ члена совѣта министерства Путей Сообщенія, гдѣ онъ имѣлъ право голоса при обсужденіи болѣе важныхъ вопросовъ, касающихся военнаго вѣдомства. К. Я. Звѣревъ довольно дѣятельно слѣдилъ за всѣми усовершенствованіями и новыми открытіями въ области инженернаго искусства и съ ученою цѣлью предпринималъ поѣздки за-границу: въ послѣдній разъ онъ ѣздилъ туда въ 1889 году, когда онъ былъ командированъ на Парижскую всемірную выставку осматривать и читать для желѣзныхъ брустверовъ и башенъ, а также для механическихъ приспособленій, необходимыхъ при гидротехническихъ работахъ.

Константинъ Яковлевичъ Звѣревъ, прошедовавшій изъ дво-

ряня Петербургской губерши, родился 18 октября 1821 года и специальное образование получил в Инженерном училищѣ, поступивъ на семнадцатомъ году въ его кондукторскую роту кондукторомъ. Черезъ два года окончилъ курсъ училища и тогда-же, 26 августа 1840 г., былъ произведенъ въ первый чинъ, съ оставленіемъ въ этомъ учебномъ заведеніи для дальнѣйшаго усовершенствованія въ инженерныхъ наукахъ. По выдержаніи установленныхъ экзаменовъ, въ 1841 и 1842 годахъ, онъ получилъ чинъ подпоручика и поручика, причемъ имя его, какъ одного изъ лучшихъ воспитанниковъ Инженернаго училища, было занесено на мраморную доску. Выйдя изъ училища, К. Я. Звѣревъ былъ отправленъ въ брестъ-литовскую инженерную команду, послѣ чего продолжалъ службу сперва въ штатѣ инженеровъ варшавской команды, а затѣмъ при управленіи начальника инженеровъ дѣйствующей арміи. Въ 1853 году его назначили командующимъ бобруйской инженерной командой, а въ 1856 году произвели въ чинъ подполковника. Спустя три года онъ вновь получилъ повышение по службѣ — чинъ полковника и должность строителя Свеаборгской крѣпости. Его дарованія были замѣчены, и въ слѣдующемъ, 1860 году онъ получилъ новое назначеніе — завѣдывать всею строительною частью по укрѣпленію города Крошштадта, чѣмъ онъ занимался одиннадцать лѣтъ. Съ отличіемъ вышлнвъ, возложенное на него порученіе, К. Я. Звѣревъ быстро пошелъ по службѣ: въ 1861 году его назначили флигель-адъютантомъ и черезъ два года произвели въ генералъ-майоры съ зачисленіемъ въ свиту Его Императорскаго Величества. Въ 1872 году ему уже ввѣряется управленіе дѣлами комитета Главнаго инженернаго управленія и, во время отсутствія генералъ-инспектора и его товарища, ему поручается заступать ихъ мѣста, причемъ онъ выказываетъ много умѣнья и распорядительности. Въ 1873 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанта, а въ 1882 году назначенъ на высшій постъ товарища Е. И. Высочества генералъ-инспектора по инженерной части. Въ уваженіе заслугъ К. Я. Звѣрева, Николаевская Инженерная Академія избрала его въ число своихъ почетныхъ членовъ. Онъ неоднократно удостоивался Высочайшихъ благодарностей и получалъ за отличія высшіе ордена: Св. Александра Невскаго, Вѣлаго Орла, Св. Владиміра 2 степ., Св. Анны 1 степ. и проч. Чинъ полнаго генерала онъ получилъ въ 1887 г.

Для увѣковѣченія пятидесятилѣтней, весьма полезной служебной дѣятельности К. Я. Звѣрева, чина военно-инженернаго вѣдомства испросилъ разрѣшеніе на учрежденіе стипендіи имени генерала при одномъ изъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній. Въ день своего юбилея онъ былъ удостоенъ Высочайшей грамоты, въ которой были перечислены все его заслуги въ точеніе полувѣковой дѣятельности, и получилъ рѣдкую награду — орденъ Св. Владиміра 1 степени.

П. Б—овъ.

Колоссальный памятникъ Колумбу.

(Рис. на стр. 1013).

Американскіе граждане намѣрены воздвигнуть памятникъ, который превзойдетъ Эйфелеву башню, какъ высотой сооруженія, такъ и смѣлостью замысла. Эта новая башня будетъ строиться въ Чикаго и должна быть готова въ 1892 году, къ предполагаемой тамъ выставкѣ. Такъ какъ въ 1892 году исполнится четырехсотлѣтіе открытія Америки Христофоромъ Колумбомъ, то монументъ и посвящается ему. Замѣчательно, что проектъ памятника принадлежитъ соотечественнику Колумба, ибкоему Альберто де-Палласіо, и, какъ видно на нашемъ рисункѣ, представляетъ собою глобусъ, покоящійся на пьедесталѣ. Этотъ послѣдній весьма изященъ въ своихъ пропорціяхъ, но по всей вѣроятности онъ будетъ нарушенъ громаднымъ, непригляднымъ глобусомъ, діаметръ котораго равняется высотѣ Эйфелевой башни. Пьедесталъ будетъ въ 300 футовъ высоты, а на вершинѣ глобуса доставать корабль со всеми снастями, величина котораго пока еще не дана. Высота всего памятника будетъ простираться до 1,400 футовъ. По экватору пойдетъ вокругъ всего глобуса галерея, около $\frac{2}{3}$ мили въ окружности, а на поверхности шара будутъ нанесены материкъ и океаны, какъ на обыкновенномъ учебномъ глобусѣ. Отъ экватора къ сѣверному полюсу, извиваясь вокругъ глобуса, какъ видно на рисункѣ, пойдетъ рельсовый путь въ 4 мили длины. Громадная статуя Колумба станетъ въ центрѣ пьедестала подъ глобусомъ; а вокругъ, на возвышеніяхъ, расположатся: Колумбовскій музей, библиотека, посвященная литературѣ открытія Америки, и нѣсколько ресторановъ. На вершинѣ монумента будетъ устроена обсерваторія. Собственно памятникъ обойдется около милліона фунтовъ стерлинговъ, да на подъемныя и другія машины потребуется около 160,000 фунтовъ стерлинговъ.

Политическое обозрѣніе.

Нашн большіе маневры на Волынѣ, гдѣ было собрано подѣ начальствомъ генераловъ Драгомирова и Гурко до 150,000 войскъ, обратили на себя серьезное вниманіе въ Германіи. Въ обсужденіяхъ ихъ значенія, появившихся въ германскихъ газетахъ, нельзя не замѣтить порой чего-то въ родѣ чувства зависти къ небывалому еще событію подобнаго рода. Въ статьѣ, повидному написанной лицомъ близко стоящимъ къ германскому генеральному штабу, и напечатанной въ *Hamburgische Nachrichten*, говорится, что „если судить о русскихъ маневрахъ объективно, то нельзя не сознаться, что въ настоящемъ случаѣ русское военное вѣдомство прибѣгло къ мѣрѣ, которая, правда, и въ другихъ государствахъ давно уже требуетъ дальновидными военными, но все-таки до сихъ поръ и гдѣ не была примѣняема въ столь обширныхъ размѣрахъ. Устройствомъ маневровъ нынѣшняго года русскій Генеральный Штабъ сдѣлалъ во всякомъ случаѣ знаменательный шагъ, — такой шагъ, который, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ имѣть относительно войскъ прочихъ государствъ значеніе скачка впередъ въ всемъ томъ, что касается образованія высшихъ военныхъ начальниковъ и вспомогательныхъ органовъ. Хотя ни одна страна не пожелаетъ сознаться въ томъ, что другая ее опередила въ военномъ отношеніи, но относительно послѣднихъ русскихъ маневровъ все-таки отрицать нельзя, что здѣсь было пушено въ дѣло нѣчто такое, чего ни въ какой другой арміи не было еще испробовано и выполнено“. Подобное сужденіе высказывается въ германской печати въ то время, какъ въ ней появляются статьи, иногда осуждающія послѣдніе маневры въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ и въ Силезіи. Такъ, *Schlesische Zeitung* очень недовольна употребленіемъ германской кавалеріи на послѣднихъ маневрахъ въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, гдѣ ей приходилось заниматься каргинными, но не особенно подходившими къ дѣйствительности атаками, сторожевая же и развѣдочная служба была совсѣмъ упущена изъ виду. Послѣ этихъ маневровъ появились слухи о выходѣ въ отставку военнаго министра Верди-до-Вернуа и начальника штаба графа Вальдерзе. Такъ какъ

подобные слухи появлялись уже неоднократно, то имъ и не придавалось большой вѣры. Но на этотъ разъ они оправдались, правда, отчасти, и 24 сентября въ *Reichsanzeiger* опубликованы императорскіе указы объ увольненіи генерала Верди-до-Вернуа отъ должности военнаго министра и о назначеніи на его мѣсто генерала Кальтенборнъ-Шахау.

Изъ Вашингтона телеграфируютъ, что президентъ Гаррисонъ подписалъ 19 сентября новый тарифный законъ. По этому биллю, называемому по имени его составителя биллемъ Макъ-Кинлея, значительно возвышается пошлина на все ввозимыя промышленныя издѣлія и на болѣе важныя сырые и полуобработанные матеріалы, въ родѣ шелка, шерсти, а также и на нѣкоторые предметы потребленія, какъ напримѣръ вино, сахаръ, окорока, сало и др. Насколько новый законъ измѣнитъ размѣръ пошлины, можно судить уже по тому, что въ послѣдній день дѣйствія стараго тарифа, 23 сентября, все таможенныя учрежденія были открыты до полуночи и завалены заявленіями о товарахъ, которые хозяева ихъ спѣшили оплатить пошлиной въ прежнемъ размѣрѣ. Капитану парохода „Этрусріа“, который торопился посѣтъ съ большимъ грузомъ товаровъ изъ Европы, удалось представить въ таможенію документы всего за минуту до полуночи: благодаря этому, товары эти будутъ оплачены по старому тарифу, что доставитъ ихъ хозяевамъ полмилліона долларовъ барыша. Хотя новый законъ и заимствованъ у Европы, но послѣднія все-таки очень встревожена новымъ таможеннымъ тарифомъ Соединенныхъ Штатовъ, который, конечно, убыточенъ для европейскихъ поставщиковъ товара въ Америку. Газета Старога Свѣта высказываютъ мнѣніе о необходимости устройства европейскаго таможеннаго союза направленного противъ Соединенныхъ Штатовъ.

Здоровье Голландскаго короля снова начинаетъ вызывать опасенія. По частнымъ свѣдѣніямъ изъ Гааги, болѣзненные припадки по временамъ омрачаютъ его память. Вѣроятно, король не будетъ въ состояніи заниматься государственными дѣлами и на-дняхъ ожидаются мѣры правительства для обезпеченія хода дѣла.

С М Ъ С Ъ.

Тихія колебанія почвы. Съ самаго начала исторіи человечества начинается исторія землетрясеній; однако тотъ фактъ, что земная кора, которую мы привыкли считать неизмѣлемою, подвержена тихимъ, какъ бы отъ біенія пульса, колебаніямъ, продолжающимся дѣлами днями, — это явленіе было замѣчено лишь въ сравнительно очень недавнее время. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно является

оглоскомъ очень отдаленнаго изверженія. Такъ, когда 16 мая 1861 г. сильное землетрясеніе потрясло Малаккскій полуостровъ, водяные вѣсы на Пулковской обсерваторіи пришли въ замѣтное колебаніе; то же самое повторилось 20 сентября 1867 г. при изверженіи въ восточной части Средиземнаго моря.

Исходя изъ того, что тихія колебанія почвы бываютъ гораздо

чаще, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, французскій ученый Антуанъ Дубади построилъ много лѣтъ тому назадъ снарядъ, дозволявшій наблюдать малѣйшія колебанія почвы; мы его не описываемъ, потому что это завело бы насъ слишкомъ далеко. Производя наблюденья при помощи своего прибора, ученый пришелъ къ выводу, что почва лишь очень рѣдко находится въ покой. Оказалось, напр., что морскія волны даже на разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты обуславливаютъ замѣтное дрожаніе почвы. И это движеніе происходитъ не только на поверхности, но распространяется далеко въглубь земли, которая почти все время находится въ колебательномъ движеніи.

Съ 1870 г. въ Италіи начали дѣлать опыты, касающіеся послѣдняго вопроса, изъ которыхъ сдѣланъ былъ выводъ, что почва этой страны безпрестанно тихо колеблется. Движеніе это не всегда одинаково, такъ что является возможность отличать подземныя или сейсмическія буря. Въ разныхъ мѣстахъ колебанія въ одно и то же время бывають различны, равно какъ и ихъ направленіе, хотя, кажется, каждое мѣсто имѣетъ болѣе или менѣе опредѣленное направленіе колебаній, зависящее вѣроятно отъ направленія долины и горъ въ данной мѣстности и ея окрестностяхъ.

Итальянскій изслѣдователь де-Росси, особенно много занимавшійся этимъ предметомъ, примѣнилъ для своихъ изслѣдованій и микрофонъ. При помощи этого усовершенствованія ему удалось различить подземный шумъ, то одиночный, то суммированный, подобный ружейнымъ залпамъ; временами получались звуки какъ бы металла или колокола, тиканіе, стукъ молота,—однимъ словомъ, точно издали доносились звуки дѣлаго живаго города. Наблюдая при помощи своего снаряда по близости Везувія, Росси слышалъ отдаленный шумъ и какъ бы ружейные залпы. Нѣкоторые изъ этихъ звуковъ можно было получить искусственно треніемъ проволоки такимъ образомъ, какъ должны тереться скалы одна объ другую при землетрясеніи, или приставивъ его приборъ къ сосуду съ кипящею водою, или же къ мраморной пластинкѣ, нижнюю поверхность которой царапають чѣмъ нибудь. По мнѣнію лучшихъ ученыхъ, этотъ шумъ и дрожаніе почвы могутъ происходить отъ сгибанія и треска скалъ, которыя растягиваются или сжимаются, или же отъ выдѣленія паровъ изъ глубоко лежащихъ слоевъ расплавленной массы.

До сихъ поръ обнаружено дрожаніе почвы въ Италіи, Франціи, Англии и Германіи, послѣднія же изслѣдованія въ Японіи показали, что и эта страна подвержена тѣмъ же самымъ колебаніямъ. При помощи особенно построенныхъ инструментовъ, которые сами отмѣчаютъ на бумагѣ малѣйшія колебанія почвы, удалось установить, что въ Японіи они тѣсно связаны съ вѣтромъ: при сильномъ вѣтрѣ всегда порядочное дрожаніе земли; впрочемъ, при отсутствіи послѣдняго также бывають колебанія. Далѣе, точныя наблюденія показали, что достаточно сильному вѣтру найти себѣ преграду въ видѣ горы, чтобы въ окрестностяхъ послѣдовало замѣтное колебаніе почвы. Поразительно разстояніе, на которое распространяется это движеніе почвы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ найдено, что это вліяніе горы сказалося на разстояніи 4 миль, а въ нѣкоторыхъ даже на 50 миль.

Такимъ образомъ на основаніи нашихъ настоящихъ знаній оказывается, что это таинственное содроганіе земной коры зависитъ отъ поверхностныхъ явленій: волнъ воды, вѣтра, съ другой же стороны обуславливается причинами лежащими глубоко подъ поч-

вою. Послѣдній конечно имѣетъ перевѣсъ, но все-таки приходится сознаться, что нужно еще много наблюденій, чтобы внести свѣтъ въ эту неизвѣстную намъ область.

Недавно извѣстный профессоръ физиологій въ Туринѣ

Моссо, ученикъ лейпцигскаго профессора Лудвига, произвелъ надъ самимъ собою опыты, доказавшіе, что подъ вліяніемъ усиленной умственной работы происходитъ часто физическая усталость мускуловъ тѣла. Подымая, движеніемъ своихъ пальцевъ опредѣленную тяжесть, онъ отмѣчалъ высоту ея поднятія, причемъ получалась на пишущемъ приборѣ весьма характерная кривая, особенно при сильномъ вліяніи воли. Получивъ эту кривую, профессоръ садился за напряженную умственную работу, которая заключалась въ томъ, что онъ экзаменовалъ нѣсколько часовъ, не вставая съ мѣста; тѣло его при этомъ не совершало никакой работы. По окончаніи экзамена онъ замѣтилъ, что при высшемъ напряженіи воли онъ могъ при помощи пальцевъ поднять прежній грузъ, но на меньшую высоту, причемъ и кривая была ниже и носила другой характеръ. Можно было бы думать, что здѣсь сказалося вліяніе воли экспериментатора; но это возраженіе устраняется тѣмъ, что когда заставляли мускулы работать подъ вліяніемъ не воли, а гальваническаго раздраженія,—кривая умственно утомленнаго человѣка получалась подобная прежней. Профессоръ Моссо объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что при мозговой работѣ образуется нѣ-

которое вещество, переходящее въ кровь, и все болѣе и болѣе, по мѣрѣ своего накопленія въ ней, уменьшаетъ возбудимость и силу дѣятельности частей тѣла въ томъ числѣ и мускуловъ. Это объясненіе подходитъ къ теоріи профессора Крейера о причинѣ сна, по которой постепенное накопленіе въ крови молочной кислоты, происходящей при работѣ мускуловъ и мозга и притягивающей къ себѣ весь кислородъ крови, идущей къ мозгу, ведетъ къ потерѣ чувствительности клѣтокъ большого мозга, т. е. къ тому, что мы называемъ сномъ. (ш.)

Романическая исторія. Въ Венгріи, въ Офенѣ, умерла недавно пожилая дѣвушка, которая тридцать лѣтъ не выходила изъ своей комнаты. Въ юности она была невѣстой молодого человѣка, который однажды въ припадкѣ своенравія потребовалъ, чтобы она, въ доказательство любви своей къ нему, не выходила изъ дому въ день праздника тѣла Христова. Она обещала; но тѣмъ не менѣе, вечеромъ вышла на нѣсколько минутъ на улицу. Взбѣшенный женихъ возвратилъ ей кольцо, такъ какъ не могъ вѣрить въ любовь дѣвушки, которая не хотѣла принести ему такой ничтожной жертвы. Покинутая невѣста, глубоко раскаявшись въ своемъ проступкѣ, принесла въ наказаніе самой себѣ клятву не переступать заживо не только порога дома, но даже своей комнаты. Она сдержала слово: тридцать лѣтъ не выходила она изъ своей комнаты и только смерть вывела ее изъ добровольнаго заключенія, чтобы переселить въ другое, еще болѣе тѣсное помѣщеніе. Не напоминаетъ-ли это рыцаря Тенбурга? (с.)

Достоинно подражанія. Въ Японіи вовсе нѣтъ старухъ дѣвъ. Если дѣвушка достигла извѣстнаго возраста и не вышла замужъ, то само правительство беретъ за дѣло и выбираетъ ей мужа, за котораго она уже обязана выйти. (с.)

Имущество Соединенныхъ Штатовъ простиралось шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ до 4,000 милл. марокъ; въ настоящее время

Альфонсъ Каррѣ († 19 сентября 1890).

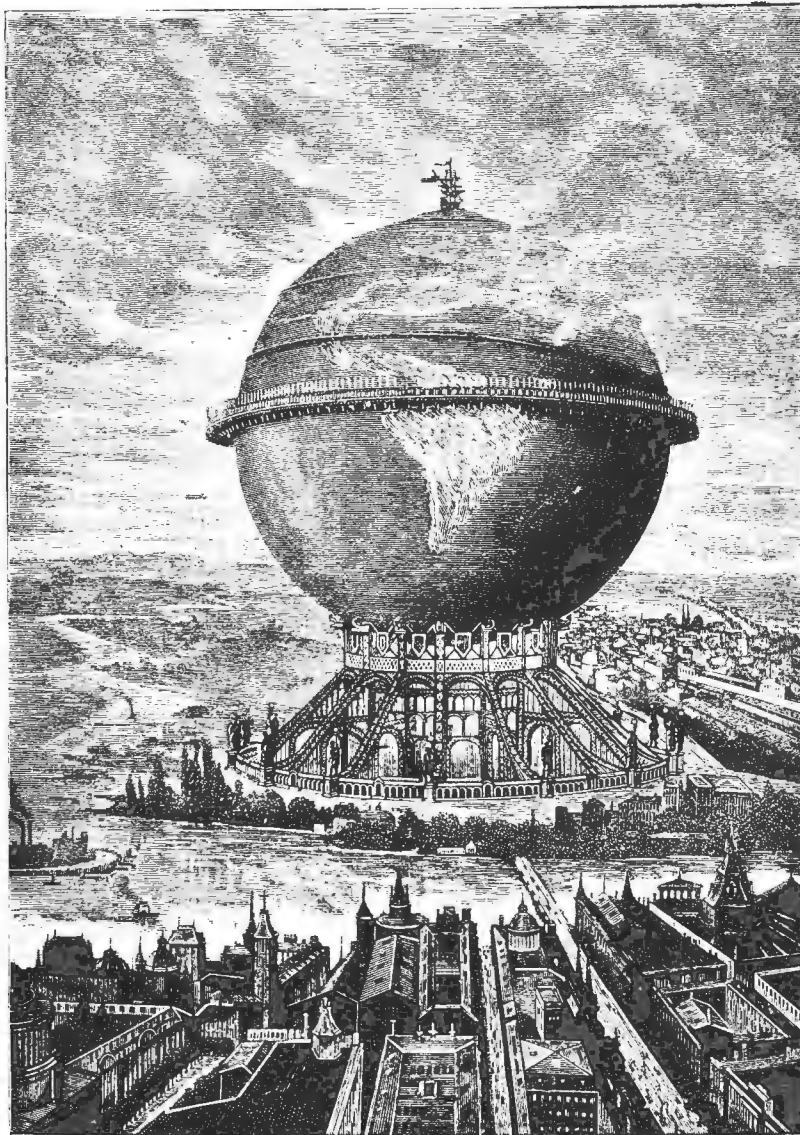
Инженеръ-генераль Н. Я. Звѣзревъ. † 11 сентября 1890.

Съ фотографіи Левицкаго, грав. Шюблеръ.

оно достигает по меньшей мѣрѣ 224,000 милліоновъ марокъ. Въ 1888 году американскія желѣзныя дороги перевезли 428 милліоновъ пассажировъ и 600 милліоновъ тоннъ = 12,000 милліоновъ центнеровъ товара. Северо-американскія желѣзныя дороги насчитываютъ до 36,000 локомотивовъ, 120,000 пассажирскихъ вагоновъ, 60,000 багажныхъ, 1 милліона товарныхъ вагоновъ и т. д. (с.)

Король Фридрихъ Вильгельмъ I отличался, какъ известно, большою бережливостью, но не любилъ иногда, чтобы его считали скупымъ. Такъ напр., въ 1717 г., когда Петръ Великій посетилъ Берлинъ, на вопросъ генералъ-директоріи какимъ образомъ чествовать царственнаго гостя, Фридрихъ написалъ собственноручно: „Я назначаю 6,000 талеровъ, которыми Финанцъ-директорія должна такъ распорядиться, чтобы ихъ хватило на продовольствие царя отъ Мемеля до Везеля. Въ Берлинѣ царь будетъ угощать особо. Я не прибавлю больше ни одного шфелинга; но въ свѣтъ распускайте слухъ, что это стоить мнѣ отъ 30 до 40,000 талеровъ“. (с.)

Ласточки—вѣстники побѣды. Нѣсколько времени тому назадъ,

Проектъ колоссальнаго памятника Колумбу въ Чикаго.

въ газетахъ появилось извѣстіе, что французскіе стали употребляютъ вмѣсто почтовыхъ голубей—очень часто попадающихъ въ котли хищныхъ птицъ—ласточекъ, которыя летаютъ выше и быстрее и потому не такъ легко дѣлаются добычей хищниковъ. Надо замѣтить, что уже римляне пользовались ласточками для возможно скорого возвращенія о своихъ побѣдахъ въ пирахъ. Въ „Картинахъ древне-римской жизни“ Штолля читаемъ: Своеобразное средство извѣщать отсутствующихъ друзей о своихъ побѣдахъ изобрѣлъ патрицій Цезинна Воллатаранусъ. Убѣждая изъ своего помѣстья, въ Греціи, въ Римъ на пирища, въ которыхъ должна была принять участіе его четверка коней, онъ захватилъ изъ дома каждаго изъ своихъ друзей по голубку ленточку, ибо самъ принадлежалъ къ голубымъ (одна изъ партей въ пирахъ), и когда его возница, носивъ одержанной побѣды, получилъ изъ рукъ судьи золотой вѣнокъ, Цезинна, къ неизвѣстному восторгу присутствующихъ, выпустилъ своихъ ласточекъ, которыя полетѣли на родину, какъ вѣстники побѣды. (с.)

Къ нашимъ читателямъ.

Общанная нами третья главная премія за текущій годъ:

СБОРНИКЪ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ, СТИХОТВОРЕНІЙ и пр.

будетъ разослана при 43-мъ № „Нивы“.

Томъ изданъ весьма изящно, въ обыкновенномъ книжномъ форматѣ, т. е. въ 8-ю долю листа, въ 541 стр. убористой печати, и содержитъ въ себѣ слѣдующія произведенія:

1) Стихотворенія А. Фета	стр. 1	10) „Студіозусъ“ Траутманъ. Воспоминанія объ университетской жизни 40-хъ годовъ. Л. Цимсена	238
2) Невѣрный слуга. Разск. Н. Д. Ахшарумова	3	11) Стихотворенія А. Гангеллина	261
3) Стихотворенія В. Н. Авенаріуса	24	12) Головна съ натуры. Разск. Н. Висковатова	263
4) Посоль государевъ. Ист. разск. въ 2-хъ ч. П. Н. Полевого	25	13) Конецъ солнечной системы. Изъ книги Э. Буана	268
5) Стихотвореніе І. І. Яеннекаго	105	14) Очертя голову. Разск. Н. Северина	274
6) Педагогическія картинки изъ міра животныхъ. Професс. А. Ф. Брандта	106	15) Тайна Гертруды. Разсказъ А. Тѣрье	334
7) Лунатикъ. (Изъ учебныхъ годовъ стараго барчука). Евг. Маркова	137	16) Птичьи горы въ Лалландіи. А. Э. Брема	443
8) Сердце и корона. Повѣсть Суттнера	153	17) Неоплаченный букетъ. Разск. В. Строинне	462
9) Къ воротамъ Великой Пустыни. Изъ путеш. Д-ра А. В. Елисеѣва	226	18) Докторъ-пациентъ. Комед. въ 1 д. П. М. Булацель	496
		19) Договоръ. Разск. А. Нозли	512

Книга уже отпечатана, но вслѣдствіе громаднхъ работъ по фальцовкѣ, брошюровкѣ и упаковкѣ болѣе трехъ милліоновъ листовъ, высылка „Сборника“ послѣдуетъ при 43-мъ № „Нивы“.

Смѣемъ надѣяться, что эта литературная премія наша, какъ по содержанию своему, такъ и по объему, вполне оправдываетъ ожиданія нашихъ гг. подписчиковъ.

Рамы для премій „НИВЫ“ 1890 г.

Подробности см. въ прошедшихъ №.№.

Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, выписывающихъ рамы съ картинами, полученныя ими преміи немедленно возвращать намъ въ Контору, дабы, по возможности, безъ задержки, мы могли имъ выслать готовыя рамы со вставленными картинами.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“, Спб., Невскій просп., № 6.

XXII г. Открыта подписка на „НИВУ“ 1891 г. XXII г.

„Нива“ в 1891 году будет преобразована как по количеству материала для чтения, так и по характеру главной художественной премии. Программа нашего журнала и еженедельные номера „Нивы“ останутся в прежнем составе, как литературном, так и художественном. Кроме того, все подписчики „Нивы“ будут получать бесплатно:

ЕЖЕМЕСЯЧНО БОЛЬШОЙ ТОМЪ СБОРНИКА

романовъ, повѣстей, разсказовъ и др. занимательнаго и поучительнаго чтенія.

Каждая книга объемомъ въ 200—250 страницъ въ восьмую долю листа, т. е. въ годъ 12 книгъ, содержащихъ около 3,000 страницъ текста лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей, — и между прочимъ, по истеченіи 50-ти-лѣтняго срока авторской собственности (15 июля 1891 г.):

Сочиненія ЛЕРМОНТОВА,

изданныя подъ редакціей А. И. Введенскаго, съ гравированнымъ на стали портретомъ М. Ю. Лермонтова, его автографомъ и биографіей поэта, составленною редакторомъ.

Что касается главной художественной преміи, мы многолѣтнимъ опытомъ убѣдились, что олеографическія картины, какъ премія, отжили свое время, какъ бы ни были громки имена ихъ авторовъ, какъ бы ни были онѣ хорошо исполнены (какъ напримѣръ, двѣ олеографіи — преміи „Нивы“ на 1890 г. по картинамъ И. И. Шишкина).

Разъ мы пришли къ такому убѣжденію, надо было найти что либо новое, при томъ удобное, изящное, нравящееся всемъ безъ исключенія, и мы надѣемся, что успѣшно разрѣшили нашу задачу, предлагая нашимъ подписчикамъ на 1891 годъ роскошное изданіе

ХУДОЖЕСТВ. АЛЬБОМЪ СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ

исполненными fac-simile по картинамъ Айвазовскаго, Александровскаго, Васильковскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Кившенка, Клевера, Премаци и Сверчнова. Печатаніе красками этихъ акварелей достигло такого совершенства, что все видѣвшіе эти оттиски принимали ихъ за оригиналы. Желающіе могутъ убѣдиться въ этомъ у всехъ извѣстныхъ книгопродавцевъ, гдѣ принимается подписка на „Ниву“ и гдѣ выставленъ нашъ альбомъ.

Альбомъ разошлетъ подписчикамъ въ красивой картонной папкѣ (10 вершковъ длины и 8 вершковъ ширины; той же величины и картины), украшенной роскошнымъ (отпечатаннымъ въ 14 красокъ) заглавнымъ рисункомъ съ акварели художника А. Земцова.

Подписная цѣна „Нивы“ на 1891 годъ со всеми приложениями и преміями и 12 книгами „Сборника“: безъ доставки въ С.-Петербургъ 5 руб., безъ доставки въ Москвѣ, у Н. Н. Печковской 6 руб., съ доставкой въ С.-Петербургъ 6 руб. 50 коп., съ пересылкою иногороднымъ 7 рублей.

и такимъ образомъ можетъ быть настоящимъ украшеніемъ любой гостиной. Каждая картина въ альбомѣ печатана 15—20 красками, на лучшей бѣлой бristolской бумагѣ, и представляется сама по себѣ отдѣльное художественное произведеніе.

Относительно запасеннаго нами литературнаго материала какъ для „Нивы“, такъ и для 12 книгъ „Сборника“, ограничиваемся названіемъ лишь нѣсколькихъ крупныхъ произведеній, какъ-то: П. Д. Боборыкина — „Ушло“, повѣсть.

Кн. М. Н. Волконскаго — „Мальтійская цѣпь“, историч. романъ въ трехъ частяхъ.

Н. С. Лѣскова — „Эпизодическіе отрывки изъ литературныхъ воспоминаній“ (за XXX лѣтъ).

Н. Д. Маслова — „Изыны воли“, романъ въ трехъ частяхъ.

Вас. Ив. Немировича-Данченко — „Въ горныхъ буряхъ“, романъ въ трехъ частяхъ.

И. Н. Потанино — „Сердце сказало“. Ром. изъ малороссійск. жизни.

П. Н. Полевого — „Корень зла“, историч. романъ въ трехъ част.

Гр. Е. А. Салиаса — „Русская амазонка“, историческій романъ XIX вѣка, въ трехъ частяхъ. И проч., и проч., и проч.

Благодаря ежемѣсячному приложенію „Сборника“, „Нива“ въ будущемъ году дастъ своимъ подписчикамъ въ нѣсколько разъ большее количество разнообразнаго чтенія, чѣмъ въ предшедшіе годы.

Помрежнему къ „НИВѢ“ будутъ прилагаться „ПАРИЖСІЯ МОДЫ“, 12 №№ въ годъ, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ, 350 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ, 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину и проч. — словомъ „полный журналъ модъ и рукодѣлій“.

При первомъ номерѣ „Нивы“ будетъ приложенъ изящный, печатанный нѣсколькими красками, стѣнной календарь на 1891 годъ.

Такимъ образомъ „Нива“ на 1891 г. дастъ своимъ подписчикамъ

БЕЗЪ ВОЗВЫШЕНІЯ ПОДПИСНОЙ ЦѢНЫ

кромѣ обычныхъ 52 №№ съ 500 художественно выполненныхъ гравюръ и 2,000 столбцовъ текста,

12 книгъ „Сборника“ романовъ, повѣстей и проч. (въ годъ около 3,000 страницъ).

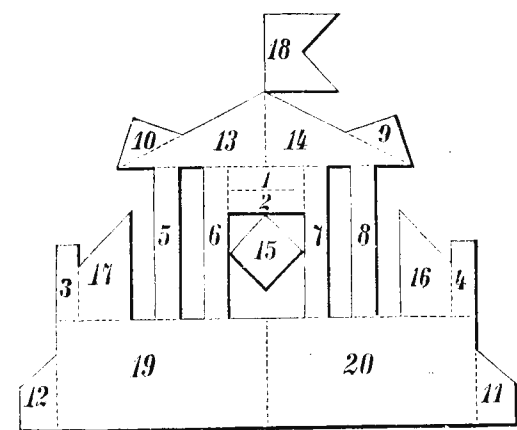
12 №№ „Парижскихъ Модъ“ съ 300 гравюрами.

12 №№ рукодѣлій и выпильныхъ работъ и около 300 выкроекъ въ натуральную величину.

10 акварелей лучшихъ русскихъ художниковъ.

1 изящную папку для альбома.

1 стѣнной календарь.

Рѣшеніе геометрической задачи № 49

(помѣщен. въ № 34).

Вѣрныя рѣшенія

этой задачи при- сланы отъ Гг.:

СПб. — В. Герцель,

А. Г. Гегина, В.

Л. Шегина, П.

Царева, Б. Коро-

вино — В. К. Тер-

скаго, Витебскъ —

В. Зелькина, На-

луга — С. П. Соко-

лова, Лебедянъ —

В. П. Ческовина

Рѣшеніе шашечной задачи

№ 51 (помѣщенной въ № 34).

Бѣлыя. Черныя.

- 1) e 7 — f 4
- 2) f 2 — e 5
- 3) a 5 — c 3
- 4) c 1 — e 3
- 5) h 2 — f 4
- 6) e 5 — a 3
- 7) f 4 — h 2
- 8) h 2 — f 4
- 9) a 3 — f 8
- 10) f 8 — a 3
- 11) f 4 — h 2
- 12) h 2 — f 4
- 13) f 4 — h 6
- 14) g 1 — f 2
- 15) h 6 — f 4
- 16) f 4 — h 2

вар. 1.

- 1) g 5 — e 3
- 2) e 7 — g 5
- 3) d 8 — d 2
- 4) h 4 — g 3
- 5) g 5 — h 4
- 6) h 4 — g 3
- 7) h 6 — g 5
- 8) f 8 — h 6
- 9) g 5 — h 4
- 10) h 4 — g 3
- 11) h 6 — g 5
- 12) g 5 — h 4
- 13) h 4 — g 3
- 14) g 3 — h 2
- 15) h 2 — g 1

вар. 2.

- 1) g 5 — f 4
- 2) h 2 — e 5
- 3) e 5 — h 2
- 4) h 2 — f 4
- 5) h 6 — g 5
- 6) f 8 — h 6
- 7) h 4 — g 3

И т. д.

вар. 3.

- 4) f 8 — e 7
- 5) g 5 — f 4
- 6) h 6 — g 5
- 7) g 5 — e 7
- 8) h 4 — g 3
- 9) g 3 — h 2
- 10) h 2 — g 1
- 11) d 6 — h 2

Остальные вариации подобны тремъ приведеннымъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г. г.: Н. Н. Смирнова въ Москвѣ и С. П. Соколова въ Калугѣ.

Рѣшеніе шахматной задачи

№ 50 (помѣщенной въ № 34).

- Бѣлыя. Черныя.
- 1) K g 7 — h 5
- 2) L e 4 — e 5 +
- 3) e 2 — e 4, K h 5 — f 4, L c 3 — c 5 + +
- 4) d 6 — e 6
- Куда угодно.

Въ этой задачѣ на b 8 по ошибкѣ поставленъ бѣлый слонъ, вмѣсто чернаго. Въ задачѣ № 53 (помѣщ. въ № 36) на b 3 слѣдуетъ черный слонъ.

Рѣшеніе ребуса № 52 (помѣщеннаго въ № 34).

„Не всемъ монахамъ въ игуменахъ быть“.

Рѣшеніе ребуса № 56 (помѣщеннаго въ № 37).

„Не хвались отъѣздомъ — хвались пріѣздомъ“.

Необходимое предупреждение.

При вскрытии премии, рассылаемой при № 41 „Нивы“, необходимы следующие предосторожности, дабы не испортить картины.

Здесь изображенъ чертежъ средней части запечатанной премии. Для вскрытия надо только разрѣзать бумагу по линіи, обозначенной на чертежѣ точками, т. е. выше линіи наклейки а; дабы бумага уже развертывается сама собою.

Чертежъ средней части запечатанной премии въ уменьш. видѣ.

Вынимая изъ обертки картину, скатанную лицевую стороною наружу, не слѣдуетъ ее свертывать въ обратную сторону, какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ дѣлаютъ, ибо лакъ можетъ потрескаться и картина испортиться. Слѣдуетъ, вынувъ, просто разложить картину на столѣ, наложивъ на края какія-нибудь пресы-наше или какія-либо тяжести, и дать ей вылежаться нѣсколько дней, тогда она распрямится сама собою и можетъ быть вставлена въ раму.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

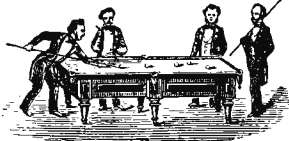
Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографские расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Къ нашимъ читателямъ. — Жизнь, какъ она есть. Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко. Ч. V. (Окончаніе). — Говѣніе. (Изъ учебныхъ годовъ стараго барчука). Евгений Маркова. (Продолженіе). — Законъ наследственности. — Къ рисункамъ: Ильдизъ-Кюсюкъ и мечеть Гамидіе (съ рис.). — Видъ города Выборга (съ рис.). — Тушеніе пожара воловьей шкурой въ Техасѣ (съ рис.). —

На склонѣ дней (съ рис.). — Невиданное явленіе (съ рис.). — Коза-нормилица (съ рис.). — Всероссийская вставка садоводства, плодородства и огородничества (съ рис.). — Альфонсъ Карръ (съ портр.). — Н. Я. Забѣвъ (съ портр.). — Юлосальный памятникъ Колумбу (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Сибирь. — Къ нашимъ читателямъ. — О рамкахъ для премій „Нивы“ 1890 г. — О подпискѣ на „Ниву“ 1891 г. — Рѣшенія задачъ. — Необходимое предупрежденіе. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія. — При семь № прилагаются: „ПРИЖИСКІЯ МОДЫ“ за ОКТЯБРЬ 1890 г., съ 25 рис. и отдѣльный листъ съ 29 чертеш. выкроекъ въ натуральную величину и 25 рисъ рундѣльныхъ работъ

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7-2. 26-20

Иллюстрированные прейсъ-курранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. Павленкова:

ИСТОРИЯ КНИГИ НА РУСИ

А. Бахтіарова. Со многими рисунками. Цѣна 1 р. 50 к.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром. хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и изложенія Царевны Софій. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. II. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКІЙ ПР.
№ 42.

БАЛЬТШВАГЕРЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ПРЕЙСЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

ДЛЯ ВОЛОСЪ

БАЛЬЗАМЪ

ЭЙКАЛИПТИ

косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Облѣкаетъ головную кожу. Ц. флакона 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.; 2 флакона съ перес. 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подписей А. Энглундъ красными чернилами и марку Сиб. Косметическ. Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. агент. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейна, В. Везбардеса, Р. Кедлера и Коми, О Гезлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Интейна, № 38. (2) Ц. № 4478

НЕОБХОДИМО

для всякаго измѣющаго занятіе на открытомъ воздухѣ, какъ-то: для гг. военныхъ, инженеровъ, охотниковъ, золоторойщиковъ и служащихъ на жел. дор.

ВЯЗАНАЯ КУРТКА

изъ англійской крученой шерсти. Цѣна 6, 7, 8, 9 и 10 руб., съ шелков. рукавами 16 и 18 р., съ пересылкою новеемъ 1 р. дороже. Цѣфта коричневыя, буковые, черныя, сѣрыя и бордо. При пересылкѣ необходима мѣра вокругъ туловища. Мт. № 4732

Магазинъ Ю. ГОТЛИБЪ, СПб. по Владимірской, д. 2, уг. Невского пр.

CIGARETTES ESPIC contre

ASTHME & CATARRHE

AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Le dôt general: STOLL & SCHMIDT, a Saint-Petersbourg

Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

новыя въ рекладахъ духовъ и унѣхъ парфюмахъ-говъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисо-висмутова пудра.

CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 4767 (70)

НОВОСТЫ! ПИАНО-МЕЛОДИКО

новѣйшій и лучшій механическій инструментъ со струнами.

Цѣна 80 рублей. Ц. № 4733 (1)

Ноты отдѣльно по 70 коп. за 1 метръ (= 1 1/2 арш.)

Требуйте подробное описаніе и каталогъ нотъ.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

механическій инструментъ съ голосами. Цѣна 70 руб.

І. Ф. МЮЛДЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка.

Иллюстрированн. прейсъ-куррантъ всѣмъ музыкальнымъ инструментамъ бесплатно

В. № 4731 24-1

ДЕНТИНЪ

В. ГЕННА

въ БѢНѢ.

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 10 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ

Главный складъ у Василія

Аурихъ: С.-Петербургъ, Колодольная, 18-19.

ПОВѢСКИ И РАЗСНАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

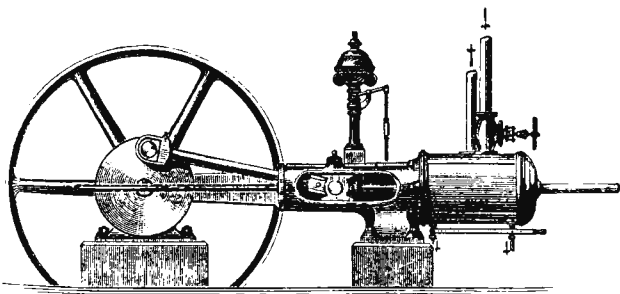
МАШИНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ—ЧУГУННО-ЛИТЕЙНЫЙ И КОТЕЛЬНЫЙ ЗАВОДЪ

Ф. САНЪ ГАЛЛИ.

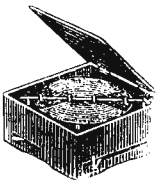
С.-Петербургъ, Лиговка, № 60.

Паровыя машины и котлы, Трансмиссіи, Подъемныя машины, Корчевальныя машины, Табакорѣзальныя машины.

Р. № 4735

СИМФОНІОНЫ

(Музыкальные шкатулки съ перьями, пьесами).
Малые съ ручной. съ 6-ю пьес, 8 р.
 Добавочныя пьесы по 35 к.
Малые заводные съ 6-ю пьес, 18 р.
 Добавочныя пьесы по 35 к.

Большіе заводные 60 тонн, съ 10-ю пьес, 35 р. Добавочныя пьесы по 60 к.
Большіе заводные 84 тонн, съ 10-ю пьес, 55 р. Добавочныя пьесы по 75 к.
Большіе заводные 84 тонн, съ 10-ю пьес, 99 р. Добавочныя пьесы по 1 руб.

Списки пьес для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ съ всѣхъ инструментовъ — бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
 Главное дело № 4734
 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
 С.-Петербургъ, П. Морская, № 34 и 40.
 Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

ФОТОГРАФІЯ

продается, со всѣми принадлежностями, въ центръ города С.-Петербурга. Письменно: СПб. Литейный просп., д. 25, кв. 35, А. М.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

1. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новозобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нежную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПб., Демидовъ пер., д. № 1. (34) № 427.

AU BON MARCHÉ

Гостинный дворъ, № 133 и 134. В. № 4710

Вновь получены послѣднія

НОВОСТИ

Парижа и Лондона.

ШЕЛКОВЫЯ и ШЕРСТЯНЫЯ ТКАНИ, КОСТЮМЫ

съ роскошной отдѣлкой.

Рекомендуемъ особенному вниманію **ФАЙ-ФРАНСЕ** лучшей доброты, всѣхъ цвѣтотвъ, въ виду случайной покупки большой партіи, продаваемой по 1 руб. 50 коп.

ОТДѢЛЕНИЕ

МУЖСКАГО и ДАМСКАГО ВЪЛЫЯ.

Вѣдѣтвіе хорошаго курса цѣны крайне дешевыя.

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ (СВИТЪ)

ПЕРВОЕ МѢСТО

Ж. БЛОКЪ

С.-Петербургъ

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ К. БАУХЪ

В. МОРСКАЯ, № 17, въ бел.-атажѣ, СПб.
 Лечение зубныхъ болѣй, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣльныхъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умеренныя.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прому обратитъ вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку. **Способъ приготовленія.** При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошла бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.

Цѣна: флакону 1 руб. 65 коп., бензоевое мыло 35 коп. и 50 коп., кусокъ, оло-памада (лучше колѣдь-крема) 1 руб. Уакожи и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р. Главный складъ для всей Россіи у **В. Ауриха**, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18-19. Издается во всѣхъ парфюмер. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4739 19-1

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ.

EAU DE BOTO

(ВОДА БОТО) Pt. № 4314 14-9

Главный складъ: 17, Rue de la Paix, PARIS.

Презній адресъ: 229, Rue Saint-Honoré.

Продается во всѣхъ москательныхъ лавкахъ и у всѣхъ парфюмеровъ.

Требов. также Туалетный Уксусъ Бото высш. качества въ отношеніи тонкости запаха.

Представителъ для всей Россіи: Н. Л. Натанъ, Шатяевскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

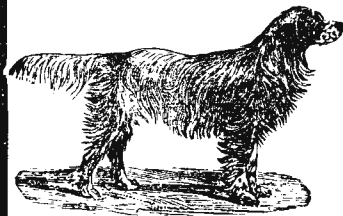
Бѣлая и розовая вода для блоннурыхъ, желтая вода для брюнетокъ. Фланонъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“ ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46. Егерштрассе, Берлинъ.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ Дрогистовъ Россіи. № 4678 8-2

Артуръ Зейфартъ, Кестрицъ (Германія).

Награды, премии, дипломы, медали съ выставокъ государственныхъ и частныхъ. **Значительнѣйшій заводъ породистыхъ собакъ.**

Рѣдчайшій современныхъ породъ, помнатныхъ, охотничьихъ и для всѣхъ видовъ спорта.

Породистыя собаки: Великорослая горная собака, ньюфаундлендскія, мастифы, крупные нѣмецкіе до и. бульдоги, сторожевые собаки, терьеры, пинчеры, пуделя.

Мопсы, крысоловки, дамскія собачки, охотничьи собаки, лягавыя, ищейки, тансы и проч. Преподанные отзывы. — Учрежденіе рекомендуемое крупнѣйшими авторитетами по кинофильму, болѣе 10,000 благодарственныхъ писемъ. — Безплатная франшизованная выписка каталога. — Иллюстрированный альбомъ 50 пфениговъ. R. 4714 50 различныхъ породъ. — Вывозъ во всѣ части свѣта. — 50 различныхъ породъ.

ЭЛЕОПАТЬ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопать Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ cadaго флакона, — пров. Кинуненъ. (39) № 4287

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

ЛЕШНИНГЪ и ГЮЗННГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Им. Цуба. Библиотеки. Оптовая и розничная. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію бесплатно. Поручена на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 20-13

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА въ ВЪВЪ

изъ грецкихъ орѣховъ.

Безвредное средство для быстрого окрашенія волосъ и бороды въ чернѣй, русскій, темпо- и сѣдло-каштановый цвѣтъ. 10-1

Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Европ. Росс. Главный складъ для Россіи у **В. Ауриха** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО !!

приготовленное лабораторіей А. Энглуида. Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, вытѣсняется въ кожу, придаетъ ей нежность и мягкость, употребляется какъ мыло.

Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ прому обратитъ вниманіе на подпись А. Энглуида красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.

Получать можно во всѣхъ цвѣтнхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ всей Россійской Имперіи. Ц. № 4409 12-9

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ **А. ЭНГЛУИДЪ**, СПб., Литейный пр., 6.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

отъ фабр. ЛАМПЪ и БРОНЗЫ **ГАЕВСКАГО**,

съ 1829 г. Екатерининская ул., д. 6, СПб. По случаю прекращенія торговли желаю ликвидировать означенное дѣло и прому моху гг. покупателей обратитъ вниманіе на дешевизну цѣны и выборъ товара, который будетъ отъ сего числа продаваться за пол-цѣны. Р. № 4736

МАССА БЛАГОДАР. и ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ **БУХГАЛТЕРІИ** иногороднихъ и московскихъ **ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ** вполне замѣняющіихъ устное преподаваніе. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ. преподаватель **КОММЕРЧЕСКАЯ НАУКА С.Я. ЛИЛІЕНТАЛЬ**. УСЛОВІЯ ПРОВѢР. * ВЫСЛАЮТСЯ: * БЕЗПЛАТНО. Долгоруковская улица, домъ Финягиной.

ПОЛУЧЕНЫ часы извѣстныхъ американскихъ фабрикъ „Вальтгамъ“ и „Элькинъ“, а также большой выборъ всевозможныхъ часовъ дуцихъ жевевскихъ и швейцарскихъ фабрикъ, по самымъ умереннымъ цѣнамъ. Рекомендуемъ многоуважаемой публикѣ американскіе часы, металлическіе, открытые, ремангуаръ, американе по 10 р. **ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ ЭДУАРДА БУРХАРДЪ**, СПб., Гороховая ул., у Краснаго м., № 17. Отдѣлъ: Вознесенск. пр., у Спасаго м., № 3. Гг. иногороднимъ высылаю съ наложеннымъ платежемъ. Прейсъ-курантъ высылаю бесплатно. Мт. № 4716 2-2

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ МАШИНА **„РЕМИНГТОНА“**. Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость, красота. Введена во всѣхъ Министерстввахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд. Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи: **ГОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ** Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ Б. Морская, 21.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 13 октября 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1891 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	Безъ доставки въ Петербургъ . . .	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской. Петровская Торг. линія	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской. Петровская Торг. линія	Съ доставкой въ Петербургъ . . .	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	Съ доставкой въ Петербургъ . . .	За гра- ницу . . .
5 р.	6 р. 50 к.	6 р.	6 р.	7 р.	7 р.	9 р.	9 р.

Везъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Подписка на „Ниву“ 1890 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 г. нумера „Нивы“ со всѣми приложениями.

При этомъ № разсылаются гг. годовымъ подписчикамъ обѣщанныя первыя двѣ главныя ПРЕМІИ на 1890 годъ: картины, печатанныя масляными красками — съ оригиналовъ извѣстнаго художника, профессора И. И. ШИШКИНА, исключительно для „Нивы“ исполненныя, подъ названіемъ

1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“, 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“.

По вскрытіи премій необходимо соблюдать слѣдующую предосторожность: для распрямленія не слѣдуетъ скатывать картину изображеніемъ внутрь, т. е. въ противоположную сторону: картина скатана лицевою стороною кнаружи и по-этому лакъ можетъ потрескаться при обратномъ скатываніи. Надобно разложить картину на столѣ, лицевою стороною кверху, наложивъ на края что-нибудь тяжелое (пресъ-папье)—картина черезъ день распрямится сама собою и можетъ быть вставлена въ раму. (Смот. „НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНІЕ“ въ прошломъ № 40).

Тихій вечеръ. Съ карт. Блумера, грав. Жонаръ

Стихотвореніе

А. Фета.

Л. И. О—й. (При посылкѣ портрета).

Гляжу съ обычнымъ умилениемъ
На ваши кроткія черты,
И сердце свѣтлымъ впечатлѣньемъ
Наполнилъ образъ красоты.

Какой обмѣнъ несправедливый!
Вдругъ получить издалека
Вамъ, юной, свѣжей и красивой,
Печальный образъ старика.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Полякъ предпочитаетъ поступать
такъ, какъ говорить ему сердце,
а не разсудокъ.

I.

Въ праздникъ Св. Троицы щегольски разодѣтый народъ весело сновалъ по людному селенію Сталупени, самому большому во всемъ дистриктѣ Торуня, важнаго торговаго города Польскаго королевства. Яркіе контуши, жупаны и конфедератки всѣхъ цвѣтовъ пестрѣли всюду. Дѣвушки съ вѣнками на головахъ, съ цвѣтами на груди и у пояса, съ букетами въ рукахъ, гуляли, пѣли или шумно забавлялись разными играми. Молодые люди, а равно и пожилые, тоже съ цвѣтками воткнутыми гдѣ попало: у вѣрота жупана, на шляпѣ, за поясомъ или у шляхтичей на рукояткѣ карабеля—кривой сабли, ухаживали и любезничали съ красавицами. Больше всего народъ толпился около костела и дома ксендза.

Духовный пастырь Сталупеней, отецъ Викентій, былъ ксендзъ недавно перешедшій въ католичество изъ униатовъ и за это достигшій почетнаго званія провинціала или благочиннаго, пользовался большимъ уваженьемъ и любовью однихъ и ненавистью другихъ, такъ какъ за нимъ водились кой-какіе грѣшки, несовмѣстные съ саномъ ксендза.

Молодежь окружила террасу дома, явившись къ пастырю просить, чтобъ онъ отпустилъ съ ними ради праздника его родственницу и въ то же время домоправительницу. Провинціалъ, толстый, плѣшивый человѣкъ, лѣтъ 45-ти, уже два раза выходилъ на террасу объявить собравшимся что его „господыня“, или экономка, нездорова и идти гулять не можетъ. Лицо священника было угрюмо, но не печально, а скорѣе озлобленно.

Наконецъ, когда провинціалъ въ третій разъ гнѣвно крикнулъ на толпу молодежи, приказывая уходить, изъ заднихъ рядовъ раздался голосъ:

— Господыня твоя не хвораетъ, а ты, ойче, ее заперъ, несмотря на большой праздникъ.

Ксендзъ нѣсколько смутился и тотчасъ же ушелъ съ террасы.

Молодежь не расходилась. Кто смѣялся и шутилъ насчетъ ксендза-провинціала, а кто сожалѣлъ о бѣдной паннѣ, его господынѣ.

Дѣйствительно, въ домѣ этомъ, въ маленькой горницѣ, полутемной и душной, съ крошечнымъ окномъ выходившимъ на огородъ, которая могла служить кладовой или чуланомъ, сидѣла молоденькая дѣвушка, чрезвычайно красивая.

Это была панна Франциска или, какъ всѣ ее звали, Франуся, господыня провинціала.

Ксендзъ дѣйствительно засадилъ ее въ чуланъ съ утра подъ наказанье, будучи недоволенъ ея поведениемъ.

Послѣ чьего-то заявленія въ толпѣ, что панна, всеобщая любимица, сидитъ въ заключеніи, молодежь не

только не разошлась, а все увеличивалась новыми кучками.

И всѣ, дѣвушки и молодцы, шумно, весело, полуютя, но довольно назойливо и непріязненно, продолжали осаждать домъ ксендза, пѣть и выкрикивать свою просьбу, освободить и отпустить панну Франусю.

Провинціалъ озлобился, но поневолѣ сдался, и чрезъ полчаса молодая дѣвушка, уже празднично одѣтая, явилась и присоединилась къ веселой толпѣ.

Панна Франуся, слышавшая за рождественницу отца Викентія съ его словъ, очень недавно, лишь съ мѣсяцъ какъ появилась въ Сталупеняхъ, но уже успѣла очаровать всѣхъ и заставила себя обожать и молодыхъ и старыхъ, и мужчинъ и женщинъ. Едва только Франуся вышла, какъ всѣ двинулись съ села къ замку, гдѣ въ большомъ пустомъ сараѣ устраивались всегда танцы, конечно съ разрѣшенья, разъ навсегда даннаго, владѣльцемъ или каштеляномъ.

Молодежь зашла по дорогѣ въ корчму и сманила оттуда съ собой двухъ странствующихъ музыкантовъ, молоденькаго арфиста изъ евреевъ и кларнетиста, рослаго и слѣпаго старика съ лохматыми бровями длиннѣе иныхъ усовъ.

Замокъ стоялъ на холмѣ въ полуверстѣ отъ селенія. Это былъ большой дворецъ съ двумя выступами по бокамъ, на одномъ концѣ котораго, къ дорогѣ ведущей въ Торунь, высилась круглая башня. Каменная, высокая ограда окружала просторный дворъ, въ который входили чрезъ большіе ворота съ легкой аркой, гдѣ красовался гербъ владѣльца.

Каштелянъ панъ Ксаверій Сандецкій, владѣлецъ Сталупеней, былъ чрезвычайно богатый человѣкъ, и хотя по состоянью магнатъ, но по происхожденію—шляхтичъ не очень древняго рода. Послѣднее онъ тщательно скрывалъ, т. е. отрицалъ недавность своего дворянства. Въ признаніи за нимъ правъ на магнатство никто не отказывалъ, благодаря его громадному состоянію и тому, что онъ водилъ дружбу съ Радзивиллами, Потоцкими и Любомирскими. Къ тому же, панъ Сандецкій принадлежалъ къ старо-польской партіи, былъ противникомъ короля на сеймахъ и всячески враждовалъ съ „фамилей“ короля, какъ называли все семейство Чарторыйскихъ.

Теперь состояніе пана Ксаверія было нѣсколько поразстроено, какъ и у большинства магнатовъ Рѣчи Посполитой. Пиры, картежная игра и содержаніе массы „домовниковъ“, т. е. прихлебателей и нахлѣбниковъ, вообще самая распущенная жизнь всей аристократіи подтачивала самыя громадныя состоянія.

Впрочемъ, панъ Сандецкій считался наиболѣе благоразумнымъ изъ всѣхъ его друзей-магнатовъ. Онъ сорилъ деньгами когда бывалъ въ Варшавѣ, но затѣмъ по цѣлымъ полугодамъ сидѣлъ безвыѣздно въ Сталупеняхъ и жилъ сравнительно тихо и скромно.

Теперь онъ былъ уже мѣсяца два въ столицѣ.

Замокъ пана Сандецкаго содержался въ исправно-

сти, имѣлъ видъ резиденціи порядливаго хозяина. Стѣны — темно-коричневныя — красились каждый годъ, вокругъ въ палисадникахъ была масса цвѣтовъ. Паркъ со столѣтними дубами, вязами и тополями, содержался тоже чисто. Маленькая рѣченка Вислейка тоже часто чистилась отъ сорныхъ травъ и камышей и красиво огибала дугой холмъ съ замкомъ, отдѣляя его отъ селенія.

Веселая гурьба молодежи, пройдя по мостику чрезъ Вислейку, поднялась къ замку и вошла во дворъ.

Здѣсь пришлось обождать пана Балтазара, стараго шляхтича, который былъ маршаломъ въ замкѣ или главноуправляющимъ, и попросить его отпереть для танцевъ сарай.

Минуть чрезъ десять на крыльцо замка вышелъ молодой человекъ, лѣтъ 25-ти, статный и красивый, и махнулъ рукой приглашая всю гурьбу.

— Панъ Кароль! Кароль! раздались удивленные, но веселые клики.

И вся молодежь стремительно бросилась впередъ.

II.

Панъ Кароль былъ всеобщимъ любимцемъ въ Сталупеняхъ. Молодой, умный, красивый и крайне сердечный малый былъ въ Сталупеняхъ въ положеніи тоже якобы домовника, перваго любимца у пана Ксаверія Сандецкаго. Но веѣмъ, не только въ Сталупеняхъ, а даже и въ столицѣ, было извѣстно, что красавецъ Кароль — побочный сынъ сталупеньскаго каштеляна, который его любитъ больше нежели своихъ двухъ законныхъ дочерей.

Ходили даже тайные слухи, что Сандецкій неудачно хлопоталъ объ узаконеніи Кароля и передаѣтъ ему всего своего состоянія.

Кароль перездоровался со всей молодежью и тотчасъ заявилъ:

— Не только можно танцы устроить, но все уже готово... Я зналъ, что вы придете сегодня ради Троицына дня, и прѣбавъ вчера въ ночь изъ Варшавы — кой-что уже приготовилъ.

Всѣ двинулись въ глубь двора, завернули за уголъ, и сразу восторженными клики огласили весь дворъ. Сарай съ растворенными настежь дверьми, просторный, съ гладкими лоснящимися полами, былъ сплошь убранъ зеленью и цвѣтами.

— Кароль! Панъ Кароль! Вѣренъ себѣ! раздались голоса. — Отъ него кромѣ такихъ нечаянностей ничего не жди!

— Это не все... Сейчасъ придутъ музыканты. Пять человекъ, отозвался улыбаясь Кароль. — А васъ не нужно, прибавилъ онъ арфисту и кларнетисту, которыхъ привела съ собой молодежь.

Въ то мгновенье, когда Кароль махнулъ двумъ странствующимъ виртуозамъ, чтобы они уходили, глаза его вдругъ удивленно блеснули.

Онъ увидѣлъ дѣвушку средняго роста, черноволосую, съ кудрявою головкой и матово-бѣлымъ лицомъ. Тотъ цвѣтъ лица, большіе черные глаза, два ряда жемчужныхъ зубовъ, между розовыхъ насмѣшливыхъ губокъ, поразили его и приковали къ себѣ.

— Кто это панна? спросилъ онъ. — Я ее никогда не видалъ.

— Это Франциска Дзялынская, за-разъ отвѣчали ему десять человекъ. — Родственница отца ксендза. Его „господыня“. Она съ мѣсяцъ какъ прѣехала изъ Вармійскаго епископства.

Кароль тотчасъ познакомился съ панной и уже не отходилъ отъ нея ни на шагъ.

Франуся, польщенная вниманьемъ красиваго молодца, разумѣется, кокетничала сколько могла.

Часа черезъ два танцы и веселье были въ самомъ разгарѣ.

— Панна Франуся, красота моя! шептала Кароль своей дамѣ, съ которой танцовалъ мазурку.

— Панъ мнѣ тоже нравится, лукаво отзывалась Франуся съ очаровательной улыбкой.

Музыка, мазурка, всякое угощеніе въ обилии и вдобавокъ венгерское изъ погребовъ замка, сильно подѣйствовали на всѣхъ танцующихъ, а отчасти и на красивую панну Франциску. Всѣ замѣтили ея особенное оживленіе и понимали причину. Ей вѣдь предстоитъ теперь выборъ между 45-ти-лѣтнимъ провинціаломъ, который злюка, плѣшивъ и брюзга, и 25-ти-лѣтнимъ Каролемъ, считавшимся однимъ изъ самыхъ красивыхъ молодцовъ въ околоткѣ. Понятно, что не долго будетъ колебаться панна Франуся...

— Могу ли я, панна, видаться съ тобою? страстно говорилъ ей Кароль.

— Можетъ панъ, если желаетъ, усмѣхалась Франуся.

— А гдѣ я могу видѣть тебя, моя очаровательница? шептала Кароль.

— Всегда всюду въ Сталупеняхъ, когда я выхожу гулять.

— А когда ты выходишь?

— Когда отецъ ксендзъ дозволяетъ.

— А онъ дозволяетъ это часто?

— Почти никогда, лукаво улыбнулась Франуся.

— Не смѣйся надо мной такъ жестоко, а скажи гдѣ я тебя могу видѣть завтра.

— Въ концѣ парка у павильона, быстро произнесла кокетка.

— Въ какое время?

— На закатѣ солнца.

— Не обмани, панна, или я съ ума сойду, вымолвилъ съ жаромъ Кароль.

— Если бы это случалось со всѣми тѣми, кто мнѣ это говорилъ, то королевство было бы переполнено одними безумными! отозвалась Франуся, смѣясь и показывая свои жемчужные зубы.

Господыня ксендза не осталась до полуночи; какъ ее ни умоляли, она собралась и въ сопровожденіи трехъ дѣвушекъ-пріятельницъ отправилась домой. Трое молодцовъ вызвались ихъ провожать.

— Чую что мнѣ будетъ строжайшій выговоръ отъ моего тирана, сказала она прощаясь.

Ксендзъ-провинціалъ встрѣтилъ свою господыню такъ, какъ Франуся и ожидала.

Онъ былъ уже на дорогѣ недалеко отъ костела, собиравшись самъ идти за ней въ замокъ.

— Я тебя опять запру на ключъ и буду выпускать лишь по воскресеньямъ и только на село, сказалъ отецъ Викентій глухо, когда они вошли въ домъ.

— Меня не пускали. Я просилась, но всѣ удерживали, робко отозвалась дѣвушка.

— Лжешь, не всѣ тебя удерживали, а тотъ франтъ, который вздумалъ за тобой ухаживать, который отъ тебя не отходилъ все время.

— Я не знаю, что панъ-отецъ хочетъ сказать...

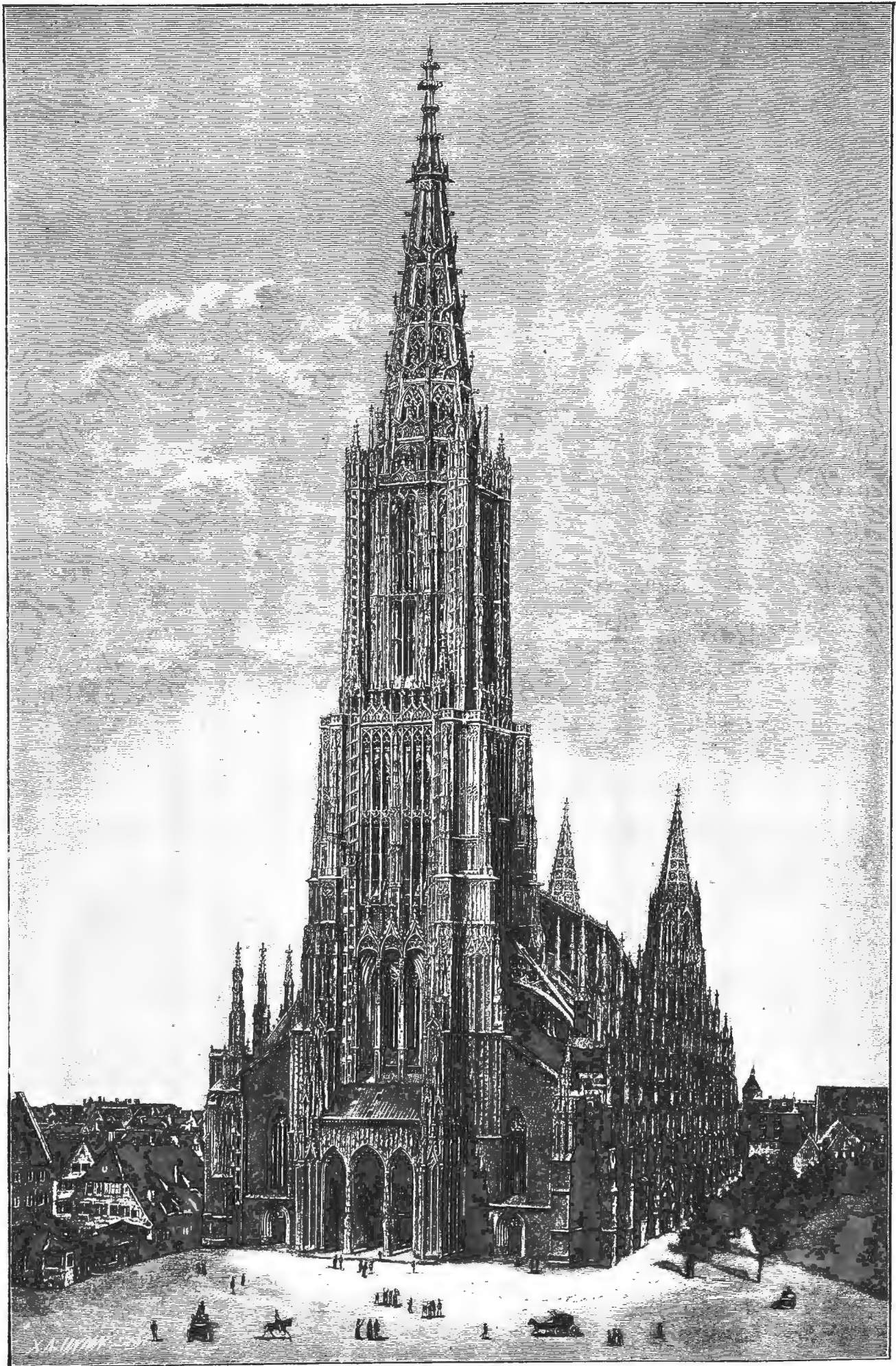
— Пожалуйста не прикидывайся малымъ ребенкомъ... злобно произнесъ ксендзъ. — Ты знаешь про кого я говорю. Я думалъ все-таки, что ты дѣвушка разсудительная, а ты, оказывается, такая-же легкомысленная дѣвчонка, какихъ много на свѣтѣ. Я начинаю думать, что ошибся въ тебѣ...

— Я танцовала какъ и всѣ и ничего себѣ не...

— Замолчи и не раздражай меня! вскрикнулъ отецъ Викентій. — Во всякомъ случаѣ, я требую отъ тебя чтобы ты не позволяла пану Каролю за собой ухаживать такъ же какъ сегодня. Вѣдь я все знаю. Я знаю даже почти все, что онъ говорилъ тебѣ. Помни и знай, Франуся, что ты должна быть моею. Слышишь-ли? Моей! И никто, никакая сила, хотя-бы самъ сатана, тебя изъ моихъ рукъ не выветъ. Покуда я жду твоего добро-

Погибъ конь—погибнетъ и всадникъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина. грав. Флюгель.

Ульмскій соборъ. Съ фот. К. Гердингера въ Ульмѣ, грав. Герике.

вольнаго согласія, но чрезъ нѣсколько времени... я перестану любезничать. Съ тобой очевидно лаской ничего не сдѣлаешь. Ты слишкомъ скоро забыла всѣ мои благодѣянія.

— Я благодарна за то, что меня спасли изъ нищеты; но пусть панъ-отецъ вспомнитъ, что я не знала, не предвидѣла его намѣреній. Если бы я знала это, я бы не пріѣхала сюда.

— Я это слышу въ сотый разъ и мнѣ это уже надоѣло, снова вскрикнулъ отецъ Викентій.

— И я еще сто разъ повторю то же, довольно твердо выговорила Франуся.

— А-а!! Вотъ какъ!! грозно наступая на дѣвушку, хрипливо прошипѣлъ ксендзъ. — Такъ знай-же, глупая дѣвчонка, что ты съ завтрашняго утра будешь заперта и не будешь выходить никуда. И не только Кароля не увидишь болѣе, но даже женщинъ видѣть не будешь, пока не покоришься мнѣ вполне и не уступишь.

— Кто любилъ бы меня истинно, заговорила Франуся вдругъ другимъ голосомъ, грустно нѣжнымъ, — тотъ поступилъ-бы со мною совершенно иначе. Тогда-бы онъ въ два-три дня покорилъ меня и заставилъ-бы... да, заставилъ-бы обожать себя...

Фигура и голосъ дѣвушки подѣйствовали на ксендза. Какъ-бы по удару магическаго жезла онъ подошелъ къ ней съ другимъ лицомъ. Онъ взялъ ее за обѣ руки, посадилъ на диванъ, опустился предъ ней на колѣни и началъ цѣловать ея руки.

— Франуся... скажи мнѣ, что дѣлать... Я на все пойду, чтобы заслужить твою любовь. Единственное, что мнѣ невозможно — это бракъ. Но я готовъ даже бѣжать изъ отечества, перейти въ лютеранство, чтобы жениться на тебѣ...

Франуся, сидя, презрительно глядѣла на склоненную предъ ней фигуру и плѣшивую голову ксендза, и едва замѣтная насмѣшливая улыбка скользнула по лицу ея.

— Будутъ ласковы, добры ко мнѣ, дадутъ мнѣ полную свободу—тогда чрезъ какойнибудь мѣсяцъ — я буду совсѣмъ другая! выговорила Франуся.

— Согласенъ! Тысячу разъ согласенъ! воскликнулъ отецъ Викентій.

Между тѣмъ едва только Франуся покинула танцы, какъ все разстроилось. Кароль скрылся, хотя и не пошелъ провожать ее до села. Три дѣвушки, которыхъ она взяла съ собой, и три молодца, которые вызвались провожать ихъ, были главными коноводами всякаго веселья. Съ ихъ отсутствіемъ пропало и одушевленіе.

Всѣ оставшіеся допивали остатки вина и только пересуживали одно и то же... Всѣхъ занималъ одинъ вопросъ: влюбился-ли панъ Кароль въ господиню отца Викентія. И если „да“ — то что-же изъ этого произойдетъ?

— Землетрясеніе! рѣшилъ кто-то.

Всѣ разсмѣялись и согласились.

Между тѣмъ Кароль бродилъ въ паркѣ, а затѣмъ, вернувшись въ замокъ, задумчивый прошелъ прямо къ себѣ въ горницу.

Музыка еще раза два начиналась въ сараѣ, но не длилась. Танцующихъ было мало. Наконецъ около полуночи музыка совсѣмъ замолкла, и вся гурьба молодежи обоего пола двинулась со двора замка.

Въ воротахъ всѣ остановились, опрашивая привратника о панѣ Каролѣ, для того, чтобы лично поблагодарить его за танцы и угощеніе; но привратникъ, по данному приказанію, отозвался, что тотъ отлучился и что его въ замкѣ нѣту.

Черезъ полчаса повсюду все стихло. Темная ночь давно окутала все, и замокъ, и паркъ, и селеніе, и все спало сномъ праведныхъ. Казалось, даже столѣтніе дубы дремлютъ. Только одни стройные пирамидальныя тополи стояли будто стражами тихой лѣтней ночи.

III.

Кароль не спалъ... Родственница и господиня ксендза произвела на него сильное впечатлѣніе. Кароль, не смотря на то, что былъ красавецъ и молодецъ и уже окончилъ курсъ наукъ у ксендзовъ пiarовъ, не предполагалъ сдѣлаться военнымъ, а хотѣлъ поступить въ „Палестру“, т. е. стать юристомъ. Молодой человѣкъ, по характеру тихій и добродушный, не жилъ той жизнью, которой жили всѣ его товарищи — жизнью въ которой главную роль играли вино, карты и красавицы. Кароль былъ человѣкъ крайне сосредоточенный, а съ виду задумчивый и даже часто печальный. Онъ былъ гордъ и самолюбивъ, а поэтому и несчастливъ. Онъ чувствовалъ себя не хуже и даже много лучше многихъ товарищей. Онъ зналъ, что онъ и уменъ, и образованъ, и красивъ, а между тѣмъ была громадная разница — цѣлая пропасть — между ихъ положеніемъ общественнымъ и его собственнымъ.

Панъ Сандецкій любилъ своего сына, хотя и побочнаго, но единственнаго, и не только не скрывалъ, но громко заявлялъ всѣмъ, что Кароль — по фамиліи Побочекъ — его родное дѣтище.

Тѣмъ не менѣе положеніе Кароля было двусмысленное. Товарищи его и пріятели, носившіе громкія фамиліи, любили Кароля; но среди ихъ громкихъ именъ, въ родѣ Потоцкихъ и Четвертинскихъ, имя Побочка — глупое и вульгарное — часто бывало источникомъ обидъ, недоразумѣній.

Такъ, будучи еще очень молодъ, Кароль влюбился въ сестру одного изъ товарищей — княжну Любомирскую. Едва только родные ея и братъ замѣтили, что восемнадцатилѣтній Кароль неравнодушенъ къ дѣдушкѣ и любимъ взаимно, его тотчасъ перестали принимать въ домъ.

Въ другой разъ молодежь варшавская устраивала пиръ — загородную поѣздку съ дамами. Кароль былъ въ числѣ устроителей, которыхъ было не болѣе двѣнадцати изъ самыхъ знатныхъ фамилій королевства. Когда король Станиславъ - Августъ — любитель всякихъ увеселеній и пировъ — приказалъ заявить, что явится тоже частнымъ образомъ на пикникъ, пришлось ради этикета вычеркнуть Побочка изъ числа устроителей.

Подобнаго рода оскорбленія, ничѣмъ незаслуженныя, часто падали на голову Кароля, и молодой человѣкъ мысленно обвинялъ своего отца. Онъ думалъ, что его слѣдовало воспитать совершенно иначе, держать въ замкѣ въ числѣ другихъ нахлѣбниковъ, а не вводить въ то общество, которое было гордо и надменно вообще, но всего болѣе гордо происхожденіемъ.

Всѣ эти магнаты высококобѣрно обращались съ простыми шляхтичами, а Кароль-Побочекъ былъ не только шляхтичъ, но вдобавокъ и незаконнорожденный сынъ, хотя страшно богатаго, но все-таки не древняго рода шляхтича Сандецкаго.

Во время своего послѣдняго пребыванія въ Варшавѣ, откуда Кароль только что вернулся, онъ подвергся новому незаслуженному оскорбленію.

Онъ отправился вмѣстѣ съ Сандецкимъ на вечеръ къ извѣстному богачу Цонинскому. Уже за полночь, когда пиръ былъ въ самомъ разгарѣ, гости сильно подкутили. Тамъ и сямъ начались споры, придирки и стычки, что было дѣломъ обыкновеннымъ, и одинъ изъ подгулявшихъ гостей, услышавъ, что молодой человѣкъ зоветъ пана Ксаверія отцомъ, заявилъ, что онъ понятія не имѣлъ о томъ, что у Сандецкаго есть сынъ.

Кароль объяснилъ, что онъ пріемышъ; но сидѣвшій неподалеку отецъ его, тоже сильно подкутившій, крикнуть на всю залу, что Кароль вретъ, что онъ его родной сынъ и когда-нибудь будетъ носить и имя Сандецкаго и владѣть Сталупенями.

— Не вѣрь, Кароль! крикнулъ хозяинъ. — Панъ Кса-

верей самъ теперь не знаетъ, что болтасть. Когда проспится, то откажется отъ своихъ словъ. Какимъ ты былъ Побочкомъ, такимъ и останешься!

Сандецкій обидѣлся, схватился за саблю. Кароль счелъ долгомъ сдѣлать то же самое. Нѣсколько человекъ повскакали, тоже взявшись за оружіе, но болѣе благоразумные и болѣе трезвые успокоили обиженныхъ, помирили съ обидчиками—и все обошлось миролюбиво.

Тѣмъ не менѣе Кароль вернулся домой особенно раздраженный и грустный. Этотъ пустой случай былъ какъ-бы каплей переполнившей горькую чашу. Молодой человекъ мысленно рѣшилъ всячески удалиться отъ знати, которая постоянно обижала его.

На другой-же день онъ выѣхалъ въ Сталупени, рѣшившись прожить здѣсь насколько возможно долѣе.

И это исключительное положеніе побочнаго сына, если не знаменитаго магната, то все-таки человека по своему состоянію извѣстнаго на всю Польшу, наложило особую печать на характеръ молодаго Кароля, на его обращеніе съ людьми, даже на его лицо.

Онъ былъ всегда тихъ, скромнѣе, ласковѣе съ людьми ниже его стоявшими, готовъ даже на всякаго рода услуги, иногда на всякаго рода серьезную помощь въ бѣдѣ или несчастьи. Въмѣстѣ съ этимъ его красивое лицо было всегда слегка задумчиво, большіе черные глаза печальны.

Будь онъ сыномъ бѣднаго шляхтича, но не въ этомъ фальшивомъ и двусмысленномъ положеніи, быть-можетъ Кароль сталъ-бы совершенно инымъ человекомъ.

Однако это положеніе и уберегло молодаго человека отъ сердечныхъ увлеченій. Были красавицы-варшавянки, которыя очень нравились ему, которыя благосклонно относились къ нему, но онъ удалаяся, ожидал какъ-то новое оскорбленіе, тягчайшее.

Онъ помнилъ хорошо какъ еще недавно одинъ магнатъ въ качествѣ обманутаго мужа не пожелалъ драться на поединкѣ съ возлюбленнымъ жены, а подстерегъ его въ засадѣ со своими лакеями и исколотилъ палками до полусмерти. Причина этого было общественное положеніе соперника. А положеніе это было такое-же, какъ положеніе Кароля.

Что касается красавицъ, стоявшихъ ниже Кароля—онѣ не нравились ему, потому что стыдливыя и скромныя малыя цѣнили болѣе всего въ женщинѣ свѣтское изящество, свѣтскій лоскъ и блескъ.

Здѣсь въ селѣ, въ Сталупеняхъ, а равно и въ окрестностяхъ были красавицы, нѣжно и вызывающе поглядывавшія иногда на Кароля, но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Онѣ были недостаточно блестящи на его взглядъ.

И вдругъ теперь, въ этотъ вечеръ случилось нѣчто чрезвычайно странное, чего и ожидать было нельзя.

Только что вернувшись изъ Варшавы, онъ вспомнилъ про большой праздникъ и тотчасъ-же рѣшилъ сдѣлать сюрпризъ молодежи села.

Въ одно утро сарай былъ разукрашенъ зеленью и цвѣтами, а изъ сосѣдняго мѣстечка явились музыканты.

Кароль почти съ дѣтства привыкъ баловать всячески обывателей Сталупеней. За это именно они и обожали его. Но думалъ-ли онъ, что въ этотъ вечеръ въ гурьбѣ дѣвушекъ, пришедшихъ съ села, онъ встрѣтитъ молодую красавицу, которая сразу покоритъ себѣ его сердце?..

Сидя теперь среди ночи у открытаго окна, въ своей горницѣ, Кароль разсуждалъ и спрашивалъ себя: пустота-ли его жизни и потребность любить заставила его сразу сильно заинтересоваться молодой дѣвушкой, или дѣйствительно въ этой пріѣзжей было что-то особенное.

Простая дѣвушка, очевидно простаго происхожденія и, конечно, не родственница ксендза, а попавшая къ нему совершенно случайно, отличалась однако не только отъ дѣвушекъ Сталупеней, но отъ многихъ дочерей

богатыхъ шляхтичей, которыхъ Кароль видѣлъ въ Варшавѣ.

Въ этой Франусѣ было что-то особенное. Она была умна, бойка, большая кокетка и при этомъ,—что было для Кароля всегда самымъ привлекательнымъ въ женщинѣ,—чрезвычайно граціозна и изящна, не только въ своихъ движеніяхъ, не только въ манерѣ танцовать, но даже голосокъ ея, громкій, звучный, былъ музыкально-гармониченъ.

— Такъ-ли, сякъ-ли, разсудилъ Кароль вслухъ,—а я, кажется, въ нее влюбленъ не на шутку. Ну что-жь! Если я осудилъ себя на добровольное изгнаніе въ Сталупени, то это будетъ какъ разъ случай поменьше скучать здѣсь. Все дѣло въ томъ, захочетъ-ли Франуса бросить ксендза? И тогда, какъ пристроить ее къ замку, какъ поладить съ духовнымъ пастыремъ, чтобы онъ не очень обидѣлся? Такой лакомый кусочекъ, какъ она, никто даромъ изъ рукъ не выпуститъ. Увидимъ!

Кароль легъ спать, проспалъ крѣпко, такъ какъ не успѣлъ отдохнуть еще вполне отъ дороги, и на утро, рано поднявшись, отправился на село. Здѣсь онъ безъ труда разыскалъ старика Казимира, одного изъ самыхъ богатыхъ сельчанъ.

Онъ хотѣлъ узнать все, что только возможно, о вновь появившейся родственницѣ ксендза; но Казимиръ, на его бѣду, ничего не могъ ему сообщить, кромѣ того, что было ему уже извѣстно.

IV.

Задолго еще до захода солнца, Кароль былъ уже въ глубинѣ парка на условленномъ мѣстѣ около павильона. Мѣсто это для свиданія, назначенное самой Франусей, было одно изъ самыхъ глухихъ.

Кароль удивился, что вновь пріѣзжая къ нему въ мѣстность дѣвушка знала, гдѣ именно всего безопаснѣе видѣться тайкомъ.

„Когда успѣла она, думалъ онъ,—такъ изучить наши мѣста?“

Кароль самъ давно не бывалъ въ этомъ уголкѣ парка. Здѣсь, на берегу маленькаго пруда, стоялъ небольшой красивый и изящный домикъ съ башенками и съ балкономъ, выкрашенный розовой краской.

Павильону этому было уже лѣтъ съ полсотни. Онъ былъ выстроенъ еще отцомъ нынѣшняго владѣльца—Яномъ Сандецкимъ. Въ замкѣ говорили, что этотъ красивый и одиноко стоящій въ глуши домикъ былъ выстроенъ покойнымъ паномъ для какой-то фаворитки восточнаго происхожденія.

Теперь, изрѣдка, раза два въ году, панъ Ксаверій устраивалъ тутъ ужины, когда къ нему случайно собирались человекъ десять ближайшихъ друзей.

И за эти послѣдніе годы въ павильонѣ случилось только одно любопытное приключеніе. Одинъ изъ гостей—шляхтичъ—когда всѣ сѣли въ фараонъ, проигралъ все свое состояніе въ нятдесять тысячъ злотъ и на утро уже оказался нахлѣбникомъ человеклюбиваго пана-хозяина.

Кароль сѣлъ на скамейкѣ около павильона и сталъ нетерпѣливо ждать. Ему казалось, что теперь онъ еще болѣе влюбленъ въ панну Франциску, а между тѣмъ не было еще сутокъ, какъ онъ ее встрѣтилъ.

Не прошло полчасу, какъ онъ увидѣлъ среди чащи кустовъ небольшую женскую фигуру, всю въ черномъ. Онъ присмотрѣлся, узналъ дѣвушку и почти бѣгомъ бросился къ ней навстрѣчу.

Франуса была нѣсколько смущена, но вскорѣ оправилась и заговорила бойко и самоувѣренно.

— Не подумай дурно обо мнѣ, пане, что я такъ быстро и легко согласилась придти на свиданіе. На это двѣ простыя причины, которыя я объясню пану.

— Мнѣ нечего дурно думать, пани, отвѣтилъ Ка-

роль.—Сутокъ нѣту, что я тебя встрѣтилъ, а уже безумно люблю, готовъ на все... И для меня, конечно, великое счастье, если ты можешь отвѣчать на мое чувство...

Подойдя къ самому павильону, они усѣлись и, разумеется, Кароль началъ тотчасъ же клясться въ любви. Онъ дѣлалъ это совершенно искренно. Теперь, когда дѣвушка была передъ нимъ, онъ ясно видѣлъ, что нисколько не ошибается. Онъ провѣрялъ свое вчерашнее впечатлѣніе, провѣрялъ свое возникшее вдругъ чувство, и видѣлъ, что дѣйствительно влюбленъ.

Бесѣдя съ ней, онъ невольно удивлялся умнымъ отвѣтамъ и вообще всѣмъ разсужденіямъ молодой дѣвушки. Онъ вдругъ въ воображеніи своемъ ввелъ ее въ аристократическое общество столицы—и ему показалось, что Франуся будетъ тамъ какъ у себя, не уступитъ ни одной знаменитой красавицѣ, въ родѣ графини Тышкевичъ или Потоцкой.

Кароль сталъ выспрашивать, кто она, откуда родомъ и вообще каково ея прошлое. Дѣвушка искренно и правдиво рассказала про себя все. И все это было незамысловато.

Она родилась въ Вармійскомъ епископствѣ, которое было за годъ передъ тѣмъ насильственно отторгнуто отъ Польши Прусскимъ королемъ. Съ того дня, что пруссаки заняли и захватили самовольно польскую землю, житья не стало обитателямъ отъ солдатчины и всякихъ притѣсненій и оскорбленій.

Франуся жила въ большомъ селеніи, гдѣ отецъ ея, шляхтичъ родомъ, былъ однако простымъ фермеромъ. Прежде, когда была жива ея мать и сестра, онѣ жили въ Гданскѣ, но затѣмъ, когда мать умерла, а сестра скрылась изъ дома, бѣжавъ съ какимъ-то нѣмцемъ-гусаромъ, отецъ ея, огорченный и оскорбленный, не захотѣлъ остаться къ Гданскѣ и сталъ искать себѣ мѣста и занятій въ какой-нибудь глуши.

Черезъ своихъ друзей онъ нашелъ мѣсто фермера въ Вармійскомъ епископствѣ. Тогда Франуся было только двѣнадцать лѣтъ. Здѣсь прожила она тихо лѣтъ пять, и думала всю жизнь прожить.

Условія, на которыхъ получили мѣсто ея отецъ, были крайне выгодны. Онъ надѣялся и часто говорилъ ей, что можетъ составить ей маленькое состояніе въ приданое и выдать отлично замужъ.

Но вдругъ явившіеся пруссаки и ихъ владычество все перевернули. Многіе пострадали. Повсюду, во всякомъ дѣлѣ затѣвалась тяжба, и всякая тяжба кончалась въ пользу нѣмцевъ.

Отторгнутое отъ земель Рѣчи Посполитой епископство не по днямъ, а по часамъ онѣмечивалось и наполнялось пруссаками.

Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ появленія Фридриховскихъ солдатъ, какъ отецъ ея уже имѣлъ тяжбу, затѣмъ былъ разоренъ совершенно. Все у него было отобрано и самъ онъ былъ изгнанъ. Онъ не пережилъ этого и лишилъ себя жизни.

Франуся осталась въ семьѣ чужихъ людей, въ качествѣ няньки. Тамъ встрѣтилъ ее случайно пріѣзжавшій въ гости ксендзъ изъ Сталупеней и предложилъ ей послѣдовать за нимъ въ качествѣ экономки. Она согласилась, потому что семья ея пріютившая были люди бѣдные, да къ тому же и злые, дѣваться ей было некуда, развѣ идти нищенствовать по большимъ дорогамъ.

Всю свою исторію Франуся рассказала просто, и только когда дѣло дошло до гибели ея отца, дѣвушка заплакала, голосъ ея измѣнился, но сталъ не мягче, а рѣзче, тверже.

— Стало быть, ты—круглая сирота? сказалъ Кароль.

— Да. Есть у меня сестра, но гдѣ она и что она—я не знаю... По всей вѣроятности ее бросилъ этотъ нѣмецъ-гусаръ и она гдѣ-нибудь въ положеніи быть-можетъ худшемъ, чѣмъ мое. А какая она красавица!.. Мнѣ говорить, что я красива собой, но что-жъ я противъ моей сестры

Эльжбеты? Она выше меня ростомъ, у нея чудные глаза...

— И у тебя, пани, чудные глаза, вступился Кароль.

— Нѣтъ, я дурнушка противъ сестры. Я хорошо помню ее. Вѣдь мнѣ было уже двѣнадцать лѣтъ, а ей столько, сколько мнѣ теперь—семнадцать. Теперь ей двадцать два или двадцать три... Воображаю себѣ, какъ красива она, если только горе не сгубило ее!..

— Скажи мнѣ еще одно, самое главное, пани... Не сердись на мой вопросъ... Отецъ ксендзъ—какъ смотритъ на тебя, какъ относится къ тебѣ?

— Онъ относится ко мнѣ такъ, какъ и долженъ относиться человѣкъ въ его положеніи къ нищей дѣвушкѣ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— То, что панъ самъ прекрасно понимаетъ. Зачѣмъ онъ предложилъ мнѣ бѣхать сюда и жить у него? Понятное дѣло, что онъ просто влюбился въ меня и теперь предлагаетъ мнѣ все за мою любовь. А что это „все“?

Кароль не понялъ и изумленно поглядѣлъ въ лицо дѣвушкѣ.

— Это „все“—три десятка куръ, двѣ коровы, овцы, бараны... Это—небольшая чистенькая горница, сытный обѣдъ, видъ изъ окошка на Вислейку и на мостикъ, на этотъ замокъ... И затѣмъ жизнь господыни ксендза въ селеніи Сталупени. Не правда-ли, какъ это „все“ лестно и заманчиво для молодой дѣвушки?

— И ты думаешь согласиться на эту жизнь?

Франуся усмѣхнулась и покачала головой.

— Никогда!.. Я буду жить у него, покуда онъ не поставитъ дѣла ребромъ... Тогда пускай онъ выгонитъ меня и я пойду на все четыре стороны. Пойду по большой дорогѣ, куда глаза глядятъ!..

— Нѣтъ, Франуся! воскликнулъ Кароль. — Ты скажешь только одно слово—и не пойдешь по большой дорогѣ. Ты придешь сюда... ко мнѣ въ замокъ и здѣсь найдешь себѣ горницу не хуже той, что у ксендза. Твое положеніе будетъ, конечно, лучше, чѣмъ...

— А какое, пане Кароль?.. Что я буду въ замкѣ?

Кароль помолчалъ мгновеніе и вымолвилъ:

— Я слишкомъ искренній, честный и правдивый человѣкъ, пани, чтобы отвѣчать прямо тотчасъ же. Я еще не рѣшился мысленно и всѣмъ сердцемъ на то, что мнѣ думается и предвидится, но, по всей вѣроятности, скоро я рѣшусь и тогда отвѣчу тебѣ, чѣмъ ты будешь въ замкѣ. Скажи мнѣ, знаешь-ли ты, кто я, какое мое положеніе въ замкѣ?

— Знаю, что любимецъ пана Сандецкаго и знаю больше этого...

— Что я его сынъ?

— Да...

— Это правда. И отецъ любитъ меня больше, нежели своихъ двухъ дочерей.

— И это я знаю, Кароль... Но правда-ли то, что все въ Сталупеняхъ говорятъ? Я отвѣчала пану о себѣ все правдиво, безъ одинаго слова лжи и обмана. Пусть и панъ такъ отвѣтитъ мнѣ. Правда-ли, что каштелянъ хочетъ усыновить его, узаконить его положеніе и сдѣлать своимъ единственнымъ наследникомъ, владѣльцемъ Сталупеней и другихъ своихъ имѣній? Такъ все говорятъ... Говорятъ, что онъ даетъ въ приданое своимъ двумъ дочерямъ только состояніе покойной жены... Простой ли это слухъ, простая болтовня, или правда?

— Какъ же могу я это знать, пани? Я могу сказать только, что отецъ говоритъ объ этомъ со мной, и довольно часто. Кромѣ того, не стѣсняясь, онъ говоритъ это всѣмъ. Обѣ панны Сандецкія тоже знаютъ это и поэтому, конечно, относятся ко мнѣ неприязненно. Но все это—очень мудреное дѣло. Когда нашъ теперешній король былъ только что избранъ, я знаю, что отецъ обращался къ нему съ просьбой объ усыновленіи меня, но изъ этого ничего не вышло. Станиславъ-Августъ отвѣчалъ то же, что и прежде слышалъ отецъ—что это незаконно. А теперь мы живемъ въ такое

Героямъ безъ славы. Съ карт. Эрнеста Эбера, грав. Каргеръ.

смутное время. Паниа знает, какъ и всякій полякъ, всякая полька*, что не нынѣ — завтра грозитъ намъ иноплеменное яшествіе, грозитъ многое. Всѣ земли, лежащія на границѣ съ Пруссіей, будутъ такъ же отторгнуты, какъ Вармійское епископство. И всѣ земли, которыя соприкасаются съ Имперіей москалей, тоже будутъ отторгнуты. Чтѣ случилось съ епископствомъ — то же будетъ и здѣсь. Будутъ дѣйствовать нѣмецкіе законы. Если это случится, то въ этой общей бѣдѣ я найду мое счастье. Вѣроятно отецъ мой предъ королемъ Фридрихомъ будетъ счастливѣе. Можетъ-быть я буду узаконенъ и все перейдетъ мнѣ. Можетъ-быть, нѣтъ... На это, пани, я ничего сказать не могу. Одно только прибавлю по совѣсти: я не желалъ бы быть узаконеннымъ.

— Какъ?! Почему?! воскликнула Франуся рѣзко и громко.

Она, казалось, крайне поражена этими словами.

— Панъ самъ не захочетъ? спросила она снова.

— Нѣтъ. Это будетъ несправедливо по отношенію къ двумъ паннамъ: Моникѣ и Сусаниѣ. Вѣдь тогда онѣ будутъ лишены наслѣдства послѣ своего законнаго отца. Мнѣ кажется, что если-бы это случилось, мнѣ стыдно бы было смотрѣть честнымъ людямъ въ глаза.

— Какой вздоръ! Какал нелѣпость!.. воскликнула Франуся.

— Повѣрь мнѣ, пани, если-бы я подробно рассказала, какъ на это надо смотрѣть, ты бы согласилась со мной.

— Все это пустое!.. Но я хочу знать, если бы панъ Ксаверій выхлопоталъ все это, узаконилъ бы пана королевскимъ декретомъ Станислава-ли, Фридриха-ли... будетъ-ли панъ противодѣйствовать, или будетъ счастливъ сдѣлаться Кароломъ Сандецкимъ?

— Не знаю, пани Франуся, мнѣ кажется, что я на это не соглашусь никогда.

— А-а!.. странно протянула Франуся, потупилась и задумалась.

— Но не все ли это равно? сказалъ Кароль.

Дѣвушка не отвѣтила ни слова. Еще разъ два повторилъ свой вопросъ молодой человекъ, но дѣвушка не отвѣчала: или задумалась глубоко и не слышала вопроса, или же просто не хотѣла отвѣчать.

Наконецъ она пришла въ себя, оглянулась и, увидя, что полная темнота окутала ихъ, покуда они бесѣдовали, она встревожилась.

— Какъ я легкомысленно поступила! Какъ я поздно засидѣлась здѣсь! Я отпросилась у пана ксендза на одинъ часъ, а просидѣла здѣсь цѣлыхъ три.

Они поднялись и двинулись.

— Панъ Кароль проводитъ меня до мостика. Авось мы никого не встрѣтимъ около замка, а встрѣтимъ — что-жъ дѣлать!

— Когда же мы увидимся, Франуся?

— Здѣсь же у павильона.

— Но когда?

— Не знаю... ничего не знаю... ничего не могу сказать.

— Развѣ нельзя завтра въ ту же пору?

— Нѣтъ, не могу, Кароль.

— Ну, послѣ-завтра?

— Тоже не могу...

— Тогда выходи гулять на село, я тоже приду... Хотя бы только мнѣ видѣть тебя, если нельзя бесѣдовать! съ чувствомъ произнесъ Кароль.

— Хорошо... Но я не обѣщаю, что выйду.

И всю дорогу до замка и рѣчки, на всѣ пылкія просьбы Кароля снова придти на свиданіе къ павильону, Франуся отзывалась невозможностью.

Вообще Каролу показалось, что она стала какъ-то холодиѣ относиться къ нему и вмѣстѣ съ тѣмъ голосъ ея звучалъ легкимъ раздраженіемъ.

На мостикѣ чрезъ Вислейку они разстались.

(Продолженіе будетъ).

Говѣніе.

(Изъ учебныхъ годовъ стараго барчука).

Евгенія Марнова.

(Окончаніе).

Вскочилъ я очень рано, хотя спалъ мало. На душѣ было какъ-то особенно свѣтло, какъ будто со мною случилось или случится сейчасъ что-нибудь очень хорошее. Я не ѣлъ ничего со вчерашняго обѣда и поэтому чувствовалъ себя еще легче и радостнѣе.

„Алеша говорилъ, что будетъ страшно... Отчего жъ мнѣ до сихъ поръ совѣмъ ничего не страшно?“ внутренно удивлялся я. — „Должно-быть это послѣ будетъ, когда начнется... А теперь все-таки не надо о другомъ думать... нужно всѣ грѣхи вспомнить...“ увѣщевалъ я самъ себя, вспоминая наставленія Алешы.

Я видѣлъ, что Алеша ходитъ опять одинъ въ сторонкѣ, задумавшись, и какъ будто шепчетъ что-то самъ про себя.

„Вотъ ужъ онъ навѣрно какъ слѣдуетъ кается въ своихъ грѣхахъ, онъ умѣетъ и помнить все... А я даже и припомнить не могу...“ Я не рѣшался подойти къ нему, хотя меня ужасно подмывало походить съ нимъ рядомъ и узнать, о чемъ онъ думаетъ теперь и какъ онъ кается въ своихъ грѣхахъ.

— Шарановъ 4-й! что-жъ вы шлетесь тутъ! Вашъ классъ давно исповѣдываться позвали!.. на бѣгу крикнулъ мнѣ, шумно спускался съ лѣстницы, шестиклассникъ Кумани.

Я испуганно бросился къ лѣстницѣ, крикнувъ Алешу. Шестой классъ дружною гурьбою съ болтовней и смѣхомъ сбѣгалъ въ это время съ широкихъ лѣстницъ, и мы съ Алешей остановились, ухватившись за перила, чтобы этотъ топочущій табунъ не свесъ насъ внизъ вмѣстѣ съ собою. Шестиклассники только что отъисповѣдались, и теперь въ церкви стоялъ затерянною нестройною кучкою нашъ четвертый классъ. Передъ алтаремъ на солѣ батюшка стоялъ задомъ къ намъ у аналоя, въ своей высокой бархатной скуфѣ и черной рясѣ, прикрытой спереди епитрахилью. Онъ казался теперь еще выше, еще худѣе и еще строже, чѣмъ всегда.

Саквинъ стоялъ въ эту минуту передъ нимъ, робко вытянувшись и пригнувшись лбомъ къ самому аналою. Глухой шепотъ батюшкина голоса неясно долеталъ до насъ какъ жужжанье шмеля.

„Что это онъ спрашиваетъ его?“ безпокойно думалось мнѣ. „Вотъ еслибъ знать!.. По крайней мѣрѣ, впередъ бы обдумалъ, какъ отвѣтить. А то спросить — а я и не знаю чтѣ сказать... Вѣдь вотъ Алеша навѣрно знаетъ, а все скрываетъ... не говорить ничего...“

Голова Саквина вдругъ скрылась подъ концомъ золотой епитрахили, острая скуфья батюшки, острая борода батюшки, его острый носъ и торчащія впередъ усы — все вдругъ зачѣмъ-то низко нагнулось надъ головою Саквина; мнѣ сдѣлалось не на шутку жутко. „Что это онъ станетъ дѣлать надъ нимъ?“ тревожно ожидалъ я. Но Саквинъ сейчасъ же благополучно поднялъ голову, расшаркался передъ батюшкой со свойственно ему отчетливостью и граціей, и отмаршировалъ мирно къ намъ, чему-то смущенно улыбаясь.

— Саквинъ, голубчикъ! Чтѣ онъ тебя спрашивалъ? скажи пожалуйста! упрасивалъ я его, остановивъ на дорогѣ.

— Вотъ еще фравтъ! развѣ можно рассказывать, чтѣ спрашиваютъ на исповѣди? презрительно пожимая плечами, отвѣчалъ Саквинъ.

Еще четыре товарища исповѣдывались раньше меня.

— Шарановъ 4-й! Ти теперь стюдай! раздался, наконецъ, надтреснутый голосъ надирателя Гольца.

Очередь была за мною.

Я нѣсколько разъ загнулся погами, пока дошелъ до солѣн, вошелъ на ея ступеньки и достигъ, наконецъ, аналоя. Мнѣ почему-то сдѣлалось очень страшно. Батюшки я какъ будто не видалъ, хотя все время не выпускалъ его изъ глазъ. Но онъ былъ для меня безразличенъ въ эту минуту. Всего меня поглотилъ теперь алтарь, къ дверямъ котораго я приближался въ одиночку. Никогда еще мнѣ не случалось двигаться такъ по церкви, глазъ-на-глазъ съ алтаремъ. Сквозь золотые просвѣты царскихъ воротъ, за голубую занавѣсью, чудился мнѣ какія-то совершающіяся теперь тамъ неизобразимыя, священныя таинства, чудилось прилежаніе на золотомъ престолѣ, въ дыму и солнечныхъ лучахъ, Кого-то могучаго и страшнаго... Въ какомъ-то головокруженіи остановился я около батюшки,

почти уткнувшись носомъ въ край высокаго аналоя. Какъ во снѣ слушалъ я вопросы батюшки, какъ во снѣ отвѣчалъ ему что-то, самъ не зная чѣмъ. Этотъ таинственный, запертый кругомъ алтарь, надвинувшійся надо мною такъ близко, совсѣмъ подавлялъ меня и кромѣ него я не видѣлъ и не сознавалъ ничего.

Но вотъ голова моя вдругъ очутилась словно въ потемкахъ: батюшка накрылъ меня епитрахилью... Я вспомнилъ, что это исповѣдь, что надо молиться и каяться въ своихъ грѣхахъ. Да когда ужъ теперь! Батюшка что-то читаетъ надо мною своими густыми суровыми басомъ, а я, безъ малѣйшаго умиления, не чувствуя ни въ чемъ никакого раскаянія, равнодушно разсматриваю залоснившійся передъ его люстринаго подпятыка и серебряныя монеты, набросанныя на тарелочкѣ около Евангелія...

„Сколько Саквинъ положилъ?“ стараюсь я отгадать, перебирая глазами четвертаки и пятналтынныя и осторожно переношу изъ одной руки въ другую вспотѣвшій и нагрѣвшійся двугривенный, который я приготовилъ для батюшки.

Густой басъ батюшки пронзаетъ: „аминь“, голова моя дѣлается свободною...

— Приложитесь ко Кресту и Евангелію!.. тихо говоритъ батюшка.

Я машинально крещусь и машинально протягиваю губы, напруженно косясь глазами на мѣдную тарелочку, въ которую нужно сейчасъ положить свою лепту.

„Саквинъ, навѣрно, четвертакъ положилъ, а вотъ я только 20 копѣекъ!“ со стыдомъ думается мнѣ. „Хоть-бы ужъ батюшка не разглядѣлъ!“

Слабо звякнувъ, мой двугривенный какъ нарочно медленно покотился по тарелочкѣ, весь на виду.

Я сгорѣлъ со стыда и потушившись, забывъ отъ смущенія поклониться батюшкѣ, пошелъ, заплетаю ногами, къ своему классу, который, какъ я былъ увѣренъ, весь теперь ликуетъ насмѣлками надо мною и моимъ злополучнымъ двугривеннымъ.

„Такъ вотъ это-то исповѣдь! такъ только-то!“ съ упавшимъ сердцемъ, полный разочарованья, думалъ я. Мнѣ сдѣлалось вдругъ такъ скучно и тяжело, и такъ досадно на себя, на батюшку, на Алешу, на Саквина, рѣшительно на всѣхъ, хотя я совершенно не зналъ, на что я досажую...

До обѣда оставался еще цѣлая часть. Я забрался съ горя на заднюю скамью опустѣвшаго класса и улегся на ней, подложивъ подъ голову развернутый по срединѣ толстѣйшій латинскій лексиконъ Кронеберга. Бумага его была мягкая, поэтому въ минуты нужды мы обыкновенно обращали его въ подушку.

Я не замѣтилъ, какъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Меня разбудилъ хорошо знакомый школьному уху шумъ поднимающагося по лѣстницамъ пансіона.

Какъ укушенный, вскочилъ я на ноги и бросился въ цейхаузы къ Панфилычу—облекаться въ мундиръ.

„Какъ я теперь пройду одинъ мимо инспектора и директора?“ съ ужасомъ представлялъ я себѣ. „Да и пары мнѣ теперь нѣтъ, куда я стану?“

Я одѣвался какъ на почтовыхъ, прибывая торопливо до боли мокрою щеткою свои коротко остриженные волосенки и не сказано мучаясь предвкушеніемъ будущихъ опасностей...

Директора, къ счастью, еще не было въ церкви, а инспекторъ стоялъ впереди, вровень съ первыми парами, и въ ту минуту, какъ я входилъ, былъ занятъ своимъ обычнымъ величественнымъ процессомъ сморканья носа.

Въ трубинныхъ звукахъ этого торжественнаго акта своего, онъ уже не могъ слышать сади мышиннаго шороха моихъ трусливыхъ шаговъ, такъ что только одинъ надзиратель Гольцъ успѣлъ злобно сверкнуть на меня своими четырьмя зелеными стеклами...

Сонъ прогналъ мои тяжелыя мысли, въ окна церкви свѣтилось теперь веселое мартовское утро, капель съ крышъ уже звонко шлепала на желѣзные отливы оконъ, и воробьи въ пустыхъ карнизахъ чиркали такъ бойко и громко, что ихъ было отлично слышно сквозь открытыя форточки двойныхъ оконъ.

Церковь сіяла праздничными нарядами; мы всѣ были въ новыхъ мундирчикахъ, говѣвшія дамы въ бѣлыхъ платьяхъ съ розовыми и голубыми лентами. На душѣ у меня сталъ незаметно сіять такой-же солнечный день, такой-же ликующій праздникъ, и тамъ такъ-же точно все вдругъ разодралось въ бѣлое, голубое и розовое...

Когда наступило время причащаться, и колонны наши дружно придвинулись къ ступенямъ солен, я плылъ словно на крыльяхъ по воздуху. Эта минута мнѣ казалась такою торжественною, такою прекрасною. Батюшка въ своей парадной глазетовой ризѣ, разодрѣтый какъ на Свѣтлый Праздникъ, благоговѣнно держитъ тяжелый золотой потиръ, къ которому по-очередно притекаемъ всѣ мы...

— Тѣло Христова примите, источникъ безсмертнаго вкуса! стройни и величественно возглашаетъ черезъ короткіе промежутки хоръ цѣвчихъ.

И я съ самымъ искреннимъ одушевленіемъ и вѣрою вкусилъ Христова Тѣла, и радостно глотнулъ погома изъ серебряной чарочки горячею волною пробѣжавшаго по всѣмъ жиламъ

моимъ церковнаго вина, и съ наслажденіемъ, какого никогда не испытывалъ, сталъ улетать на голодный желудокъ мягкую бѣлую просфору, почтительно поддерживая ее обѣими ладонями, чтобы не сорить на полъ освященнымъ хлѣбомъ.

Мнѣ казалось, что внутри меня, въ моемъ обновленномъ сердцѣ, все вычищено и вымыто, какъ горница на Свѣтлый Праздникъ, всѣ грѣхи изгнаны изъ него навсегда, и навсегда воцарилось въ немъ только одно добро, одна правда и любовь...

„Я никогда, никогда больше не буду ни лгать, ни ругаться, ни драться! Никогда не буду сердиться ни на кого! всѣмъ буду прощать!“ въ приливѣ радостнаго умиления говорилъ я самъ себѣ.

Алеша подошелъ ко мнѣ, тоже весь сіяющей и умиленный. Мы поцѣловали другъ друга крѣпко и цѣбно.

— Поздравляю тебя, Гриша, съ принятіемъ Святыхъ Тайнъ!.. сказалъ ласково Алеша. — Я вѣдь слѣдомъ за тобой причастился. Ты не видалъ? А вѣдь правда, какъ хорошо, когда причастишься? Какъ будто совсѣмъ новый человекъ сдѣлался... Правда вѣдь?

— Конечно, правда! Я, Алеша, никогда больше не буду грѣшнить. Вотъ увидишь. Кто захочетъ, тотъ можетъ... Вѣдь такъ гораздо, гораздо лучше!..

Мы не пили утренняго чаю, и теперь насъ ждалъ чай съ двойными порціями булокъ въ неурочное время, стало быть, гораздо вкуснѣе обыкновеннаго.

Проголодавшись со вчерашняго обѣда, всѣ жадно набросились на него. Я никогда не пилъ казеннаго чаю, привыкнувъ дома къ деревенскому молоку, и потому каждый разъ награждалъ кого нибудь изъ пріятелей своимъ стаканомъ, оставляя на свою долю сухую булку.

— Шарповъ четвертый! голубчикъ! мнѣ, мнѣ сегодня! кричали справа и слѣва перебивающіе другъ друга голоса, и обращались въ мою сторону съ умильными гримасами просиція рожки.

— Шарповъ! смотри-же! не сподличай! не смѣй никому давать! ты мнѣ обѣщаль! требовательнѣе всѣхъ кричалъ Яруновъ, которому я чаще другихъ уступалъ свою порцію.

— Врешь, когда я тебѣ обѣщаль? Я тебѣ и безъ того великій разъ даю... обидѣлся я.—Сегодня я Чермаку отдамъ. Онъ давно просилъ!

— Вотъ сволочь! второкласснику даетъ, а товарища надуетъ! окрысился на меня Яруновъ. — Постой-же, я цюпомню тебѣ: то защищаль тебя ото всѣхъ, а теперь ужъ — слуга покорный!

Меня возмутило нахальство Ярунова, которому я дѣйствительно никогда этого не обѣщаль, и который, пользуясь моею дружбою, всякій разъ почти насильно оттягиваль у меня стаканъ съ чаемъ.

— Что-жъ ты, запретить мнѣ хочешь отдавать кому я хочу? выплилъ, крикнулъ я ему. — Вотъ за это-же никогда больше отъ меня не получишь! И просишь не смѣй! Я тебѣ не лакей—исполнять твои приказы.

— А! такъ ты вотъ какъ? Погоди-жъ, я тебя по своему вздую... Я тебя заставаю слушаться!

— Что-о? ты меня заставишь? вѣ себя крикнулъ я. — Ахъ ты, морда рыба! хрѣновая терка!.. мало тебя братъ Анатолій колотилъ? еще захотѣлось?.. Страшать еще вздумалъ, дрянъ этакая!.. Бабака, свистунъ! Мазена!

Однако когда кончили чай, и колонны пошли опять въ классы, я сильно смутился духомъ, не зная, хвасталь-ли только Яруновъ или дѣйствительно задаетъ мнѣ сейчасъ вѣзучку. Онъ былъ одинъ изъ силачей нашего класса, хотя и малъ ростомъ, такъ потягаться съ нимъ мнѣ было совсѣмъ не по плечу.

Я шель, растерянный и взволнованный, старался ободрить самъ себя, и соображая, кто-бы могъ заступиться за меня.

Пойти-бы можно сейчасъ къ Анатолію въ шестой классъ... Но это, по правдѣ сказать, было-бы подлостью, намѣною передъ своимъ классомъ. Своего-же товарища да вдругъ выдать шестикласснику! Анатолій хоть и братъ, а вѣдь все-таки-жъ шестиклассникъ, стало-быть, все-таки чужой... Нѣтъ, это невозможно... Къ Бѣлородову развѣ подойти, тотъ друженъ со мною и хоть не такой силачъ какъ Яруновъ, а все-таки не дастъ ему меня бить...

Я сталъ разглядывать назадъ, не видно-ли Бѣлородова. Въ это время мы уже прошли дежурную и повернули въ „свой“ коридоръ, куда выходили двери однихъ старшихъ классовъ.

Вдругъ ударъ въ голову оглушилъ меня. Зеленые и красные круги запыркали у меня въ глазахъ. Яруновъ съ разбѣга хватилъ меня по виску своимъ тяжелымъ костлявымъ кулакомъ и сейчасъ началъ меня молотить по головѣ, по лицу, по чемъ понало.

Отъ негодованья и боли я позабылъ весь страхъ передъ силой Ярунова, и низко нагнувъ голову, чтобы защитить свое лицо отъ ударовъ, какъ училъ меня всегда Анатолій, тоже бросился на Ярунова и сталъ отчаянно барабанилъ его на лицу обѣими кулаками, справа и слѣва...

Должно быть, Яруновъ совсѣмъ не ожидалъ отъ меня такого стремительнаго патиска, потому что я сейчасъ-же почувство-

Литературный альбомъ. „Золотая рыбка“ Пушкина. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Когларескаго, гр. въ масгерской „Шивд“.

СЛУГИ И ДРУЗЬЯ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Козачинскаго, грав. Флюгель.

валь, какъ рѣже стали попадать въ меня его удары, и какъ онъ началъ отступать къ дверямъ класса...

Мы нѣсколько минутъ простояли у этихъ дверей, сдвинувшись чуть не лбомъ ко лбу, оба нагнувъ головы, оба наудачу колота другъ друга, и всячески изловчаясь попасть какъ можно больнѣе въ лицо...

Я чувствовалъ, что снѣжки всекакнвали у меня подъ глазами, застывая свѣтъ,—какъ гудѣло, словно труба органа, мое лѣвое ухо, въ которое больно треснулъ кулакъ Ярунова,—какъ изъ разбитаго зуба стала сочиться въ ротъ соленая кровь; но я все бился и бился, не переставая и не уставая, махалъ безъ перерыва кулачками, отчаянно рѣшившись доказать подлецу Ярунову, что со мной плохи шутки и что я съумѣю постоять за себя...

Я понималъ инстинктомъ, не раскрывая прижмурившихся глазъ, что Ярунову тоже достается отъ меня порядкомъ, что онъ, къ великому торжеству моему, скорѣе теперь защищается, чѣмъ нападаетъ на меня.

Это неожиданное открытiе, что чортъ вовсе не такъ страшенъ какъ его малюютъ, что я самъ вовсе ужъ не такой князюкъ, а Яруновъ вовсе не такой ненюбѣднмый силачъ, какими онъ выставлялъ себя, — удесятерило мои силы и мою энергiю.

— Сдаешься! кричалъ я храбрымъ голосомъ, учащая удары и напирая еще ближе на Ярунова, и сейчасъ-же получилъ въ отвѣтъ такой ударъ въ верхнюю губу, что она сразу вздулась какъ дождевой грибокъ...

— Я тебѣ сдамся, сволочь! Отвѣдалъ теперь моихъ пампушекъ? прохрипѣлъ оскорбленный до глубины души Яруновъ.— Пстой! я тебя еще не такъ накормлю... И другу и недругу заречешься драться со мной!..

— Господа! будьте свидѣтели! крикнулъ я по возможности добрымъ и торжествующимъ голосомъ, хотя этому совершенно противилась моя расквашенная губа.— Кто изъ насъ одолѣлъ!.. Видите, я его къ дверямъ призвалъ! Видите, онъ куда отступилъ!..

Товарищи давно уже столпились около насъ и внимательно слѣдили за ходомъ боя. Большинство были довольны, что Яруновъ потерялъ если не поражение, то во всякомъ случаѣ полную неудачу. Они видѣли, что я выбился изъ силъ, и что дѣло, пожалуй, приметъ сейчасъ иной оборотъ.

— Довольно, господа! разнимайте ихъ! что они какъ гусаки сбѣжались! раздались голоса Бѣлобородова и Бардина.— Подрались и будетъ. Не до смерти-же драться! А то сейчасъ Гольдъ четырехглазый сюда явится... Ужъ вонъ онъ нюхаетъ изъ дежурной, издали чуетъ... какъ коршунъ падаль.

И меня, и Ярунова оттащили въ разныя стороны, но я все еще взмахивалъ своими избитыми въ снѣжки кулачками, и рвался къ нему.

— Счастливъ твой Богъ, волченокъ, что въ время тебя выхватили, а то бы тутъ и кануть твоей!.. проговорилъ, захватившись, Яруновъ.

— Это ты, рябой, Богу молись, что живъ остался! хвастливо крикнулъ я ему въ отвѣтъ, съ трудомъ удерживая слезы отъ нестерпимой боли въ глазу и губѣ.— Спасли добрые люди, а то бы изъ моихъ лапъ не выскочилъ!..

Взрывъ хохота раздался вокругъ меня.

— Ай да шарапчикъ, ай да волченокъ! со смѣхомъ сказала Бардинъ, первый силачъ и великанъ нашего класса.— Кулакомъ не возьмешь, такъ хоть языкомъ... Не робѣть, мальчуганъ... Однако ты его ловко обработалъ, рябой!.. Фонарей-то, фонарей понаставилъ... Теперь хоть въ темную ночь—и то ему будетъ свѣтло...

— А я-то ему, господа, поглядите: всю морду на-бокъ своротилъ!.. небось, до новыхъ вѣшниковъ не забудеть!.. Другой разъ не сбѣжится!.. поспѣшилъ я прихвастнуть какъ можно болѣе самоувереннымъ тономъ, хотя уже мучительно ощущалъ въ это время, что мое лицо горѣло и набухло какъ подушка.

Въ эту минуту по корридору торопливыми шагами подходилъ Алеша. Онъ пошелъ было гулять одинъ на дворъ, за дверями, чтобъ никто не помѣшалъ ему предаваться благочестивымъ мыслямъ въ этотъ торжественный для него день. Но Сербиновичъ приближалъ къ нему съ тревожною вѣстью, что меня бьютъ, и онъ сейчасъ-же бросился ко мнѣ на помощь.

Увидавъ мое опухшее и испарянное лицо, и услышавъ мою задорную выходку, Алеша въ изумленiи остановился и съ молчаливымъ укоромъ посмотрѣлъ на меня.

— Гриша!.. Что это?.. сейчасъ послѣ причастiя?.. А ты же говорилъ сейчасъ...

Я вспомнилъ свои кроткiя мысли, свои добродѣтельные рѣшенiя, въ силу которыхъ мнѣ такъ вѣрилось всего только 15 минутъ назадъ, и присыженно отвернулся отъ Алеши...

— Ну такъ что-жъ?.. развѣ я началъ?.. Когда онъ самъ на меня наналъ!.. не глядя на Алешу, проворчалъ я сердито.

— Да вѣдь ты-жъ говѣлъ, Гриша... Развѣ можно такъ? съ грустью сказалъ Алеша.

— Коли говѣлъ, такъ и разговѣлся теперь! съ хохотомъ перербилъ его Бардинъ, съ грубою ласкою хватая меня за плеча и втаскивая въ классъ.— Видишь, какими пирогами его угостили?.. Ничего, волчокъ, не робѣй! все-таки ты молодцомъ нынче воевалъ... Не поддайся рябому бабаку!.. Огдулъ его своимъ боками хоть куда!

— Да за что это они?.. Господи!.. всю губу ему разнесло! И глазъ совсѣмъ носилѣлъ... какъ разъ инспекторъ увидитъ... страдающимъ голосомъ сказалъ Алеша.

— Ну а ты тутъ еще чего причитаешь? Юни еще распусти!.. крикнулъ на него презрительно Бардинъ.— Велика важность, что ребята другъ другу морды поковыряли... Не барышни! до свадьбы заживетъ!..

Алеша ничего не отвѣчалъ ему и стоялъ молча въ дверяхъ, смотря на меня съ выраженiемъ досады и глубокой жалости, съ задумчивою тоскою качая своею, не по лѣтамъ серьезною, лобатою головою...

Роскошь древней Венецiи.

Меланхолическая красота Венецiи придаетъ ей въ настоящее время особый, своеобразный отпечатокъ. На каждомъ шагу встрѣчаются гордые памятники, свидѣтели прежняго величiя; но то состоянiе унадка, въ которомъ они находятся, напоминаетъ намъ, что величiе это было переходящее и что ему давно уже наступилъ конецъ. Венецiя оплакиваетъ измѣнчивость судьбы, которую она испытала на себѣ самой, и только старые дворцы ея говорятъ о томъ, что она когда-то была могущественною царицею Средиземнаго моря, властною и грозною республикой, богатѣйшимъ и прекраснѣйшимъ городомъ въ Европѣ. Утопая въ славѣ и почестяхъ, владѣя обширною областью въ Италiи и далеко распространяя на востокъ свое господство, республика Св. Марка не знала соперницъ, и всѣ смуты и междоусобныя войны, раздѣлившия Италiю, отдавали ее въ большую или меньшую зависимость отъ нѣмецкихъ государей, не касались Венецiи. Счастливое внутреннимъ спокойствiемъ, наилучше управляемое государство въ Европѣ, ведущее обширную, двѣтущую торговлю, главный центръ утонченной культуры, богатства, роскоши, широты и веселiя — такова была Венецiя конца XV и начала XVI столѣтiя.

Венецiя насчитывала до 200,000 жителей; она содержала въ морѣ 3,000 купеческихъ кораблей съ 17,000 матросовъ, 300 военныхъ судовъ съ 8,000 человекъ командъ и 45 галеръ съ 11,000 солдатъ. Стоимость вывозимыхъ ежегодно товаровъ достигала суммы въ 10 миллiоновъ дукатовъ. Одной тисненой золотомъ кожей, которая шла на обивку стѣнъ и мебели, Венецiя производила ежегодно на 100,000 дукатовъ; не менѣе значительна была торговля бархатными и шелковыми тканями, тончайшими кружевами и великолѣпными хрустальными произведенiями. Венецiя представляла слоншю базаръ съ роскошными магазинами, подобнымъ которымъ не было въ Европѣ, и самый городъ, съ его величественными, богато украшенными внутри церквями и дворцами, прекрасно содержимыми улицами и площадями, безчисленными мостами, переки-

нутыми черезъ каналы, усѣянные тысячами гондоль и барокъ, вызывая справедливое удивленiе иностранцевъ. Дворецъ дожей, украшенный мраморомъ и золотомъ, церковь Св. Марка, со сверкающимъ золотомъ куполомъ, площадь Св. Марка, каналъ Гранде и высоко перекинутый черезъ него мостъ Риальто—все это были сооруженiя сказочной красоты, такъ какъ они въ дивной гармонiи соединили въ себѣ вкусы Востока и Запада.

Дворянство, сначала принимавшее участiе въ торговлѣ, перестало теперь заниматься ею. Но мѣрѣ накопленiя богатствъ, оно удалялось въ свои дворцы и занималось художественною ихъ отдѣлкою. Молодые дворяне были честолюбивы, и всѣ государственныя должности были открыты передъ ними. Они охотно посвящали себя и адвокатской дѣятельности, потому что она доставляла славу и открывала путь въ Совѣтъ. Они слушали лекцiи въ школахъ Венецiи или въ Падуанскомъ университетѣ и затѣмъ охотно предпринимали далекия путешествiя. Молодому дворянину подобало умѣть складывать стихи, играть на какомъ-нибудь инструментѣ, цѣть и имѣть портретъ сдѣланный лучшимъ мастеромъ.

Науки и искусства пользовались вообще величайшимъ почетомъ, и въ этомъ городѣ лагушъ процвѣтала знаменитая художественная школа, во главѣ которой стояли Тицианъ, Тичто-ретто и Паоло Веронезе. Это были люди любившие пожить, любимцы народа и общества, которые притомъ съ энтузиазмомъ занимались своимъ искусствомъ.

По мѣрѣ того, какъ торговля и различныя производства переходили въ руки горожанъ, благосостоянiе этого сословiя постепенно росло. Между горожанами встрѣчались и очень богатые люди, которые, подобно дворянамъ, строили себѣ дворцы, нисколько не уступавшiе въ великолѣпiи дворцамъ патрицевъ. Нѣкоторые, изъ нищихъ, успѣвали сдѣлаться миллiонерами, и если имъ удавалось купить себѣ дворянское достоинство и внести свое имя въ Золотую Книгу, то они дости-

гали предѣла своихъ земельныхъ желаній. Это стоило очень большихъ денегъ, повторялось не часто, послѣ строжайшихъ разслѣдованій со стороны Совѣта, и то лишь тогда, когда Венеція вступила уже на путь упадка. Джузеппе Персико, который, выйдя изъ низшаго сословія, успѣлъ сдѣлаться богатымъ торговцемъ сукнами, получилъ дворянское достоинство цѣною 100,000 дукатовъ; а нѣкто Бонтомелли, также торговецъ сукнами, снабжавшій князей и графовъ деньгами изъ своей казны, тѣмъ же мѣнѣе не былъ внесенъ въ Золотую Книгу, несмотря на то, что построилъ великолѣпный алтарь въ церкви С. Сальватора, на свой счетъ перестроилъ церковь на островѣ Джудекка и пожертвовалъ 30,000 дукатовъ на больницы.

По мѣрѣ развитія роскоши въ венеціанской жизни XV и XVI столѣтій, возрастали и требованія приданого при совершеніи браковъ у знати. Обычай требовать, чтобы невѣста приносила своему жениху капиталъ наличными деньгами и соответствующее приданое. Расточительность въ этомъ отношеніи достигла, наконецъ, такихъ размѣровъ, что сенатъ, забываясь объ общественномъ благосостояніи и не желая вовлекать молодыхъ людей въ праздную жизнь посредствомъ богатыхъ браковъ, издалъ въ 1505 году декретъ, по которому приданое и капиталъ не должны были превышать 3,000 дукатовъ. Кромѣ того, каждый дворянинъ, за мѣсяць до свадьбы, долженъ былъ представить на усмотрѣніе дожа, его совѣтниковъ и государственныхъ цензоровъ, свѣдѣнія о состояніи и происхожденіи своей невѣсты. Если онъ, какъ случилось нѣрѣдко, женился на рабынѣ, служанкѣ или вообще особѣ низшаго сословія, то какъ самъ онъ, такъ и сыновья его теряли дворянское достоинство и становились простыми гражданами. По законъ этотъ, въ его первой части, такъ трудно было исполнить, что онъ нѣсколько разъ видоизмѣнился въ теченіе XVI столѣтій и допускалъ то 4,000 дукатовъ, то 6,000, на дѣлѣ же давалось и 40,000 и 60,000.

За два дня до предполагаемой свадьбы, женихъ и невѣста дѣлали визиты, начиная съ родителей и родственниковъ. Они садились въ богато-убранную гоцдолу, за которой, смотря по общественному положенію брачующихся, слѣдовало большее или меньшее число другихъ гоцдолъ, съ разодѣтыми по праздничному гоцдольерами. Изъ оконъ, гдѣ жили родные и знакомые, развѣвались флаги и вышѣшались коври; пушечные выстрѣлы и восторженные клики сопровождали жениха и невѣсту на ихъ пути. Затѣмъ сотни двѣ человекъ провожали ихъ при звукахъ трубъ и флейтъ въ церковь и, послѣ церемоній, въ домъ невѣсты, гдѣ ожидалъ гостей роскошно-убранный столъ. На другой день молодой чепъ приносилъ подарки.

Большою торжественностью сопровождалось также рожденіе и крещеніе ребенка, а въ особенности похороны. Покойника, при торжественной процессіи, переносили въ гробу въ церковь, гдѣ находился фамильный склепъ. Впереди шло съ факелами то братство, къ которому при жизни обязательно долженъ былъ принадлежать умершій; остальные, оплакивающие покойника, шли съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Затѣмъ слѣдовали несомый восемью лицами, покрытый золотымъ покровомъ, гробъ, а за нимъ—духовенство, слуги въ траурныхъ ливреяхъ, толпа монаховъ и прирѣзаемыхъ дѣтей и наконецъ—народъ. Особая пышность проявлялась при похоронахъ одного изъ членовъ Совѣта, дожа или догарессы, т. е. супруги дожа. Въ этихъ случаяхъ, въ церкви Св. Марка звонили двойные колокола, духовенство и представители различныхъ учреждений шли въ сопровожденіи свиты, солдаты и матросы стояли шпалерами, дымъ отъ тысячи факеловъ и свѣтъ бесчисленныхъ свѣчей наполняли воздухъ. Тѣла такихъ умершихъ выставлялись предвременно на три дня, въ открытомъ гробу, въ парадной залѣ дворца дожей или сенаторовъ.

Великолѣпные приемы и балы составляли одно изъ главныхъ удовольствій знатныхъ домовъ и служили предлогомъ къ проявленію величайшей пышности. Гости поражали великолѣпнымъ одеждъ изъ бархата и шелка, украшенныхъ золотомъ и драгоценными камнями и дорогими страусовыми перьями съ бриллиантовыми аграфами. Столъ былъ уставленъ тончайшею утварью изъ маюлики и хрусталя, и художественными приборами изъ серебра и слоновои кости. Несчетныя кушанья соединяли въ себѣ дары Запада и Востока, въ удивительнѣйшихъ сочетаніяхъ. Превосходное вино наполняло бокалы; рѣдкіе сорта фруктовъ, изъ Леванта, Кипра и Греціи, въ роскошныхъ золотыхъ вазахъ, радовали взоръ. На столѣ красовались удивительнѣйшія произведенія кондитерскаго искусства, иногда исполненныхъ размѣровъ и изонствъ художественной формы, а также неисчислимыя лакомства изъ свѣжихъ и засахаренныхъ плодовъ. Послѣ угощенія, продолжавшагося цѣлые часы, гости переходили въ сосѣдніе покои; кавалеры ухаживали за дамами, декламировали стихи, играли на маюликахъ, цѣли и шутили,—или въ теплые лѣтніе вечера бродили парадными, веселыми группами, по благоухающимъ дорожкамъ великолѣпныхъ садовъ, среди убранныхъ разноцвѣтными фонариками бесѣдокъ и павильоновъ.

Расточительность и любовь къ роскоши составляли характерную черту венеціанскаго общества того времени. Всѣ указы и ограниченія сената оставались безплодными въ странѣ, гдѣ государственныя и церковныя празднества сопровождалась

тою же безумною роскошью, такъ какъ сама высшая власть находила, что того требуютъ гордость и слава Венеціи. При посвященіяхъ иностранныхъ принцевъ, приемѣ чужеземныхъ посольствъ, при коронаваніи дожа и его супруги и ежегодномъ торжественномъ обрученіи дожа съ моремъ, развѣтывалась такая пышность, которая не поддается описанію. Головной уборъ дожа, въ формѣ тиары, украшенной драгоценными камнями, представлялъ собою цѣнность въ 150,000 дукатовъ. На дожѣ были золотыя одежды. Впереди его шелъ хоръ музыкантовъ съ серебряными трубами и отрядъ гвардіи съ восемью шелковыми, богато-вышитыми золотомъ знаменами. За дожемъ шли слуги съ кресломъ, подушками и зонтикомъ. Далѣе слѣдовали великій-капитанъ съ офицерами, канцлеръ съ секретаремъ, Великій Совѣтъ, коллегія судей, сенатъ, Совѣтъ Десяти и, наконецъ, въ роскошныхъ одеждахъ догаресса со своими приближенными дамами и прислужницами.

Вообще же говоря, мѣсто женщины, хотя и составлявшей лучшее украшеніе празднествъ и смотрѣвшей на наряды какъ на предметъ кulta, — было у домашнего очага. Старинная республиканская строгость домашнего строя, вмѣстѣ съ государственною полиціей, сдерживали стремленіе къ ослабленію нравовъ и распущенности. Вѣзшателство въ государственныхъ дѣлахъ не допускалось даже для самыхъ уважаемыхъ женщинъ. Само государство охраняло женскую добродѣтель. Невѣрный супругъ вызывалъ общее презрѣніе, точно также какъ поклонникъ, который по простетви шести мѣсяцевъ не просилъ руки дѣвушки, за которой ухаживалъ. Старинный повердіе репутациі женщины — подвергался изгнанію; а тотъ, кто открыто оскорблялъ честь женщины, смотря по обстоятельствамъ, приговаривался къ смерти. Молодой Морозини сильно поцѣловалъ женщину и при этомъ снялъ съ нея драгоценный уборъ; тогда родной отецъ потребовалъ, чтобы виновнаго повѣсили и отрубили ему голову, что и было исполнено. Еще въ 1564 году вся Венеція была возмущена, когда молодая дочь патриція, Біанка Капелло, легкомысленно бѣжала со своимъ возлюбленнымъ, чтобы обвѣнчаться съ нимъ. Отецъ и государство назначили тысячу дукатовъ за поимку бѣглецовъ. Однако впоследствии, когда бѣглянка сдѣлалась великою герцогиней Флоренціи, Венеція, изъ угодливости къ могущественному дому Медичи, провозгласила прекрасную Біанку „дочерью республики“, что составляло высшую честь, которой дожа достигъ венеціанка. Въ 1522 году, жена одного патриція была присуждена къ десятилѣтнему изгнанію за то, что, изъ мести, вымазала дегтемъ порога дома, въ которомъ жила двѣ ея знакомыя дамы; а дожъ Венеріо, за подобное же оскорбленіе одной знатной дамы, уморилъ въ темницѣ своего сына. Помимо этого, порочные люди если и не умерщвлялись тайно сбирания Совѣта Десяти, или открыто—рукою палача, то принуждались нѣрѣдко къ *кебъ* (*ceba*). Наказаніе это заключалось въ томъ, что виновнаго сажали въ желѣзную, проволочную клетку и вздергивали на площади до половины колокольни, для того, чтобы предать его всенародному осмѣянію.

Между тѣмъ дамы становились все болѣе и болѣе изобрѣтательны въ изысканіи средствъ къ развлеченію. Такъ, напримеръ, онѣ со страстью предавались игрѣ, и не только требующей умственной работы, какъ, напримеръ, игра въ шахматы, но и самымъ азартнымъ играмъ. Съ этой цѣлью были изобрѣтены въ Венеціи карты; по крайней мѣрѣ общественная игра въ карты обязана своимъ происхожденіемъ Венеціи конца XV вѣка. Какіе колоссальные размѣры приняла эта страсть, видно уже изъ указа грознаго Совѣта Десяти отъ 1506 года, которымъ воспрещалось безусловно продажа картъ и азартныхъ игръ, и слуги строжайше объявлялись доносить на своихъ господъ, если послѣдніе тайно преступали это законоположеніе. Въслѣдствіе этого появились на сцену общественная игра въ лотъ, а также болѣе разумное времяпрепровожденіе въ видѣ театральныхъ представленій, такъ называемыхъ *момарій*.

Момаріи эти обязаны своимъ происхожденіемъ тѣмъ представленіямъ-импровизаціямъ, которыми давно уже развлекалось общество, въ особенности на свадебныхъ празднествахъ, гдѣ были въ обычаѣ шутки и острооты, часто хватавшія черезъ край. Въслѣдствіи принялись и за трагедіи; въ знатныхъ домахъ охотно ставились: „Агамемнонъ“, „Эдипъ“, „Неистовый Геркулесъ“, „Медея“, „Ипполитъ“, „Ифигенія“, „Гекуба“ и т. д. Изъ момарій составилась впоследствии съ опредѣленнымъ сценаріемъ фарсы, въ которыхъ главнымъ любимымъ лицомъ былъ и остался въ Венеціи честный, добродушный разносчикъ Панталонъ.

Строгій блюститель нравственности, Совѣтъ возсталъ и противъ этихъ представленій, но не могъ остановить развивавшейся склонности къ театру; векорѣ появились даже публичныя сцены, для которыхъ самъ Тинторетто писалъ декорации.

Весьма важную роль въ развитіи общественной жизни того времени играла такъ-называемая „кальца“, т. е. сборище молодыхъ, богатыхъ, любящихъ цовесниться венеціанцевъ, соединившихся для устройства различныхъ празднествъ и развлеченій. Элегантное братство это возникло по поводу коронаванія дожа Микеля Стено, въ XV столѣтіи; оно получило

свое название отъ вышитого разноцвѣтными шелками девиза на правомъ чукѣ (caiza). Къ обществу этому принадлежали мужчины и женщины, дворяне, горожане и даже иностранцы. Кальца вскорѣ раздѣлилась на нѣсколько отдѣльных гвунтъ, изъ которыхъ каждая имѣла свое особое название, сообразно избранному девизу. Такъ, были „безсмертные“, „вѣчные“, „счастливые“, „блаженные“, „учтивые“, „цвѣтущіе“ и т. д. Каждое товарищество имѣло своего предводителя и носило опредѣленный костюмъ, чрезвычайно богатый, съ чулками собственннхъ цвѣтовъ. Товарищества эти, бывшія душою всѣхъ общественныхъ и частныхъ празднествъ, организовавшія также и театральныя представленія, могли быть по праву названы „золотою молодежью“ Венеціи. Денегъ у этихъ людей было достаточно. Во время коронаванія дожа Стено на долю каждаго члена „кальцы“ пришлось внести до 2,000 дукатовъ.

Въ общемъ достаткѣ, благосостояніи и жизнерадостномъ отношеніи къ жизни, отличавшемъ Венецію XV вѣка, въ полной мѣрѣ принималъ участіе и народъ. Въ городѣ почти не было бѣдныхъ и совсѣмъ не было нищихъ. Еще по переписи 1582 года насчитывалось всего 187 человекъ нищихъ. Всякому хватало работы, и каждый трудъ вознаграждался такъ щедро, что никто не могъ терять нужды; поэтому къ нищенству относились съ величайшимъ презрѣніемъ. Къ тому же и благотворительность практиковалась въ Венеціи въ широкихъ размѣрахъ; богатые жертвовали большія суммы на пособія старымъ, больнымъ и сирымъ. Правительство баловало и лелѣяло народъ. Насколько строго оно оберегало порядокъ и право, относясь неумолимо къ проступкамъ дворянъ, настолько снисходительно оно было къ своимъ гражданамъ изъ ремесленного сословія и къ пролетариату. Исключеніе дѣлалось только въ случаѣ тяжкихъ преступленій или преступленій противъ власти и государственнаго порядка. Поэтому народъ былъ очень доволенъ своимъ дворянскимъ управленіемъ и мало интересовался государственными дѣлами, переданными разъ навсегда, обычаемъ и закономъ, въ руки дворянства. Покорно и охотно исполняя законы, народъ гордился величіемъ и пышностью своей республики и принималъ участіе во всѣхъ общественныхъ празднествахъ, карнавалахъ и другихъ увеселеніяхъ, щедро предлагаемыхъ ему господствующимъ классомъ.

Во время всѣхъ общественныхъ праздниковъ, въ шествіяхъ принимали участіе и ремесла, а потому каждый, кто желалъ имѣть опредѣленное положеніе, долженъ былъ принадлежать къ какому-нибудь ремесленному цеху. При коронаваніяхъ дожей и догаресѣхъ, цехи развѣртывали такое богатство и роскошь, которыя ясно доказывали, насколько они дорожили прославленной пышностью своей республики. Цехи шли въ процессіи съ хоромъ трубачей и барабанщиковъ впереди, предшествуемые великолѣпными знаменами; они воздвигали триумфальныя арки, устраивали гонки и блестящія шествія въ самомъ дворцѣ дожей, въ честь главы государства. Большую роль при этомъ

играли золотыхъ дѣлъ мастера и мясники, но въ особенности рыбаки. Последніе образовали даже въ предѣлахъ Венеціи, Санъ-Никола, особую республику, и ихъ цеховой старшина носилъ титулъ дожа, въ качествѣ главнаго служителя царицы Адриатики. Они имѣли свой Совѣтъ двѣнадцати и своего канцлера для веденія рыбачьихъ дѣлъ. Могушественныя властители на площади Св. Марка не отнимали этихъ привилегій у маленькой Санъ-Никольской республики. Мало того, при торжествѣ выборовъ рыбачьяго дожа, всегда присутствовали герцогскій секретарь и въ торжественномъ шествіи провожали избраннаго во дворецъ дожей, гдѣ ему надлежало поѣтить своего великаго собрата, главу государства.

Много способствовало довольству народа патриархальнымъ къ нему отношеніемъ дворянства — ласковое и участливое обращеніе послѣдняго. Пропастъ, отдѣлявшая высшую аристократію отъ горожанъ и рабочихъ, уничтожалась личными добрыми отношеніями. Однимъ изъ доказательствъ сказаннаго можетъ служить тотъ фактъ, что патриции очень часто крестили дѣтей ремесленниковъ или простыхъ рабочихъ, и такое воспріимчивость, носившее имя Санъ-Джуана (Св. Иоанна), имѣло настолько серьезное значеніе, что принимало иногда характеръ дѣйствительнаго родства. Крестный сынъ на всю жизнь привязывался къ своему высокому покровителю, въ домѣ котораго былъ принятъ какъ членъ семьи.

Такимъ образомъ, въ цвѣтущій періодъ Венеціанской республики жилось легко и весело; народной массѣ были доступны такія блага жизни, которыя нигдѣ въ такой мѣрѣ не доступны ей. Прекрасное положеніе города на берегу моря, сотни водныхъ путей, охватывающихъ его со всѣхъ сторонъ, чудный, мягкій климатъ, все это давало возможность пользоваться самими незатѣйливыми развлеченіями. Венеціанецъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи Лидо, гдѣ, при шумѣ волнъ Адриатическаго моря, могъ проводить съ женой и дѣтьми лѣтние вечера; гондолы доставляли его туда и обратно, и веселыя пѣсни молодыхъ дѣвушекъ сопровождали поѣздку. Гуляя, онъ слышалъ на вѣчно-прекрасной площади Св. Марка разсказчиковъ сказокъ и импровизаторовъ стиховъ; былъ свидѣтелемъ шумной, оживленной жизни патрициевъ и чужестранцевъ; окрестности города и близлежащія острова маячили къ экскурсіямъ, и самая домашняя жизнь складывалась весело и беззаботно, вслѣдствіе отсутствія заботъ и добродушнаго, жизнерадостнаго настроенія людей. Чувство справедливости и честность были выдающимися чертами венеціанскаго народа и сохранились долго послѣ того, какъ высшіе круги уже развѣдала распушенность нравовъ и они мало-по-малу обнищали вслѣдствіе расточительности и праздности.

Въ настоящее время Венеція представляетъ лишь тѣнь прежняго величія; населеніе обдѣлѣно и большею частью живеть только пріѣзжими иностранцами. Но старые мраморные дворцы до сихъ норъ сохранили на себѣ отпечатокъ былаго величія Венеціи. (с.)

Къ рисункамъ.

Тихій вечеръ. (Рис. на стр. 1017).

Растуть, растутъ причудливыя тѣни,
Въ одну сливаясь тѣнь...
Что звало жить, что силы горячило
Далеко за горой.
Какъ призракъ дня, ты, блѣдное свѣтло,
Восходишь надъ землей,
И на тебя, какъ на воспоминавье,
Я обращаю взоръ.
Смолкаетъ лѣсъ, блѣдный ручья сіянье,
Потухли выси горъ... (Фетъ).

Погибъ конь — погибнетъ и всадникъ.

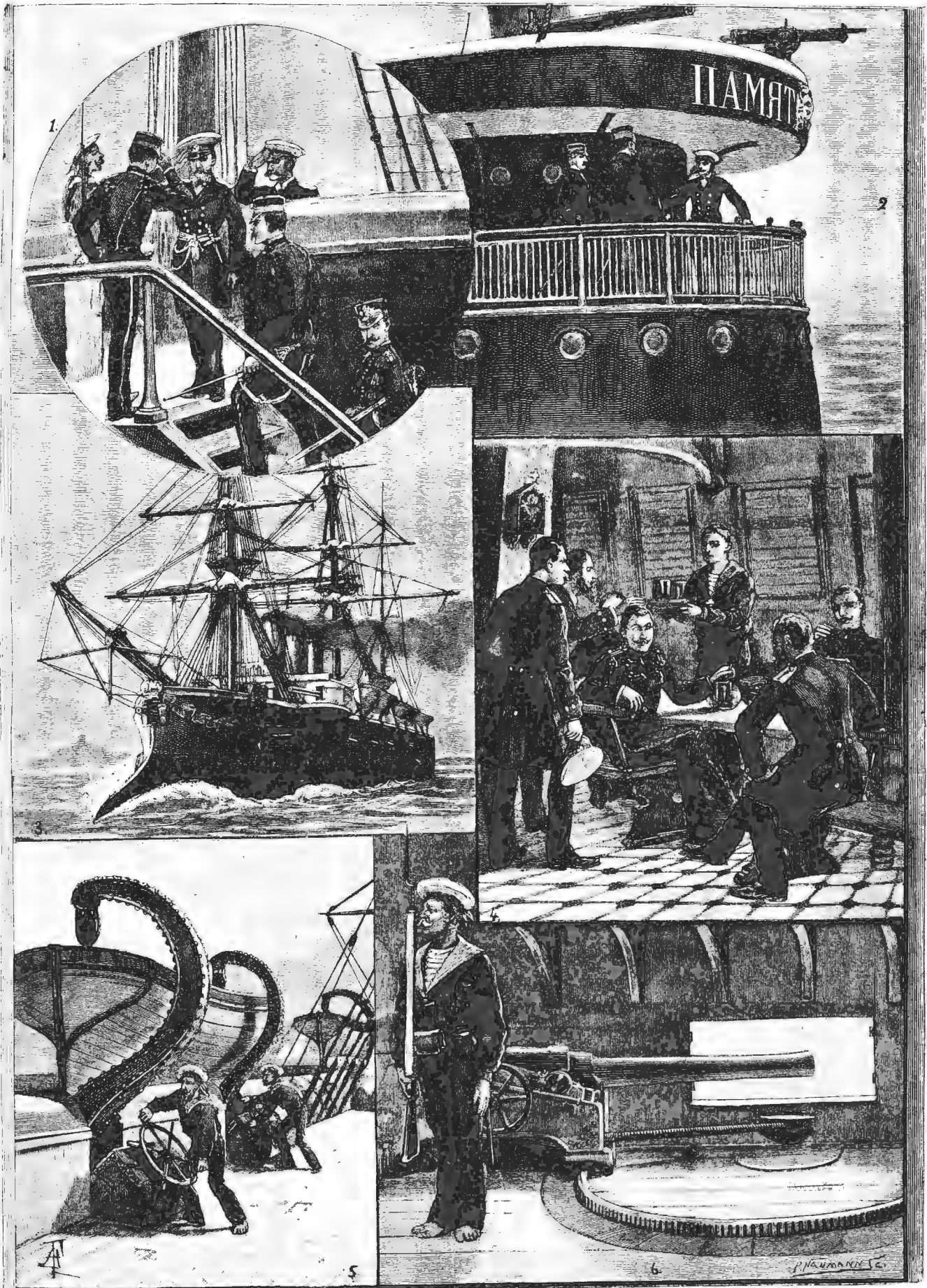
(Рис. на стр. 1020).

Посреди безводной, песчаной степи, предѣловъ, которой даже не видно сквозъ раскаленный воздухъ, наль у туркмена его вѣрный товарищъ — конь. Только на немъ всадникъ могъ перелетать съ одного конца пустыни въ другой, только съ нимъ для него не были страшными хищники этой зловолучной мѣстности. Но конь погибъ, — и его хозяинъ, грустно склонившись надъ его трупомъ, думаетъ невеселую думу о своей безсходной и странной судьбѣ...

Ульмскій соборъ. (Рис. на стр. 1021).

18 іюня 1377 года, въ присутствіи гражданъ города Ульма, торжественно былъ заложенъ первый камень собора бургомистромъ Лудвигомъ Крафтомъ, а 19 мая нынѣшняго года укрѣпленъ послѣдній камень на вышкѣ главной башни этого зданія и тѣмъ закончена постройка. Въ углубленіи, сдѣланномъ въ этомъ камнѣ, помѣщенъ пергаментъ съ надписью: „Въ 1890 году, въ двадцатый годъ новой Германской имперіи и въ 26 годъ благополучнаго царствованія ихъ величествъ короля и королевы Виртембергскихъ, 19 мая, въ 6 часовъ положенъ послѣдній камень этого собора. Снустя

513 лѣтъ послѣ закладки благополучно окончена постройка высочайшей церкви въ нѣмецкой странѣ. Слава въ вышнихъ Богу!“ Ульмскій соборъ, окончаніе котораго было достойно ознаменовано съ 16 по 19 іюня настоящаго года цѣлымъ рядомъ празднествъ, въ присутствіи королевской четы и другихъ высокопоставленныхъ гостей, является выдающимся памятникомъ готическаго стиля позднѣйшаго времени и вмѣстѣ съ Кельнскимъ соборомъ (которому онъ уступаетъ въ объемѣ, но зато превосходитъ его по вышнѣ) представляетъ чету величайшихъ храмовъ Германіи. Кельнскій соборъ занимаетъ площадь около 1,400 кв. сажень, а Ульмскій почти 1,200 кв. сажень; но за-то главная башня Ульмскаго собора, подымаясь за 75 сажень, превосходитъ всѣ высочайшія зданія на землѣ, за исключеніемъ Эйфелевой башни. Постройка собора медленно подвигалась до половины XVI столѣтія и затѣмъ остановилась, а именно осталась неоконченною массивная башня на западной сторонѣ, послѣ того, какъ она была доведена, подъ наблюденіемъ архитектора Матвія Вебллингера, до восьмиметричнаго. Затѣмъ главное вниманіе было обращено на отдѣлку и украшеніе внутренности собора. Такъ продолжалось до 25 марта 1841 г., когда образовалось общество во главѣ съ наслѣдникомъ престола, нынѣшнимъ королемъ Виртембергскимъ Карломъ, для возстановленія собора. 9 августа 1844 г. былъ назначенъ архитекторомъ І. М. фонъ-Маухъ, и возстановленіе началось. При его преемникахъ, Тренѣ, Зебольдѣ и Шей, но мѣру того какъ возобновленіе подвигалось впередъ, было рѣшено, замѣчательный памятникъ средневѣковаго зодчества не только возстановить, но и окончить постройкою, для чего была устроена въ 1867 году лоттерея. 18 іюня 1877 года было торжественно отпраздновано пятисотлѣтіе собора. Послѣ смерти, въ 1880 году, строителя Шей, таковымъ былъ назначенъ профессоръ Вейеръ, который и завершилъ труды своихъ предшественниковъ, доведя постройку величественнаго Ульмскаго собора до конца.

Броненосецъ „Память Азова“ въ Плимутѣ (Англія).

Прибытіе англ. офицеровъ.
Общій видъ броненосца.
Спусканіе шлюпокъ.

Корма броненосца.
Угощеніе англ. офицеровъ чаемъ.
Матросъ на часахъ.

Героямъ безъ славы. (Рис. на стр. 1025).

Антуан-Огюсть-Эрнестъ Эберъ, французскій портретистъ и бытоватой живописецъ, родился въ Греноблѣ въ 1817 г. Восемнадцати лѣтъ онъ прибылъ въ Парижъ, чтобы посвятить себя юридическимъ наукамъ, но скоро его привлекла живопись, и онъ прилежно сталъ заниматься ею, сперва въ мастерской Давида Анжерскаго, а затѣмъ у Делароша. За картину „Иосифовъ кубокъ въ мѣшкѣ Вениамина“ онъ былъ посланъ въ 1839 году въ Римъ, гдѣ пробылъ болѣе 10-ти лѣтъ. Самыми выдающимися картинами, которыя явились отраженіями его пребыванія въ Италіи, были „Malagia“ въ 1850 г. и „Женщины изъ Червары“ (1859). Обѣ онѣ украшаютъ Луксенбургскій музей. Изъ позднѣйшихъ его работъ, указывающихъ на свѣжесть и силу его таланта, должна быть названа картина „Героямъ безъ славы“ (стр. 1025), на которой величавый геній или муза украшаетъ цвѣтами могилу честныхъ и трудолюбивыхъ труженниковъ, совершившихъ свой жизненный путь безъ блеска, славы и шума.

Сказка о рыбацкѣ и рыбакѣ. (Рис. на стр. 1028).

Всѣмъ хорошо извѣстна превосходная сказка Пушкина о рыбацкѣ и рыбацкѣ, и вѣроятно не найдется на Руси человѣка, кто хотя бы въ дѣтствѣ не слыхалъ, какъ „жилъ старикъ со своею старухой, у самаго синяго моря“; какъ „они жили въ ветхой землянкѣ, ровно тридцать лѣтъ и три года“; какъ „старикъ ловилъ неведомъ рыбу, а старуха прила свою пряжу...“

Слуги — друзья. (Рис. на стр. 1029).

Бойкій карадашъ Ѳ. Казачинскаго зарисовалъ сценку, которую рѣдко теперь можно встрѣтить. Гдѣ-нибудь въ заолудствѣ, въ которомъ патриархальная помѣщичья жизнь еще не успѣла вполне угаснуть, старушка-хозяйка, за чайкомъ, играетъ „въ дурачки“ со своими бывшими дворовыми, а теперь вѣрными слугами и бытъ-можетъ единственными друзьями сея одиночества. Какъ самодовольно и въ то же время добродушно улыбается она, сдѣлавъ удачный ходъ, своему партнеру, надъ затруднительнымъ положеніемъ котораго не безъ лукавства посямывается про себя старая прислужница!

Броненосный крейсеръ „Память Азова“ въ Плимутѣ.

(Рис. на стр. 1033).

Крейсеръ „Память Азова“, на которомъ, 23 августа, какъ извѣстно, отпривился въ чинѣ мичмана Е. И. В. Вел. Кн. Георгій Александровичъ въ кругосвѣтное плаваніе, имѣетъ скорость 18 узловъ въ часъ, вооруженъ двумя пушками въ 13½ тонны, казенноартиллерійскими съ Обуховскаго завода, скорострѣльными пушками и миныными приспособленіями. Онъ отличается длиннымъ тараномъ, надъ которымъ помѣщается орудіе въ амбразурѣ, и особымъ устройствомъ кормовыхъ амбразуръ. Внутренняя отдѣлка каютъ — верхъ совершенства, особенно каюта командира. На почетномъ мѣстѣ виситъ картина, изображающая корабль „Азовъ“ (въ память котораго и названъ крейсеръ) въ жаркомъ бою съ турецкимъ флотомъ подъ Савариномъ. Здѣсь же находятся портреты Петра I, какъ основателя русскаго флота, и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Прилагаемый рисунокъ сдѣланъ съ наброска англійскихъ офицеровъ, побѣдившихъ „Память Азова“ во время пребыванія бронепоса въ Плимутѣ. Рис. № 1 изображаетъ побѣдителей вступающихъ на корабль, № 2—кормовую часть и № 3—все судно на ходу, № 4—угощеніе побѣдителей чаемъ. Далѣе, на рис. № 5 показанъ способъ спусканія шлюпокъ на воду; послѣдній рис. изображаетъ матроса на часахъ.

Вѣнценосные спортсмены. (Рис. на стр. 1036).

Императоръ Германскій и король Саксонскій, гости у императора Австрійскаго въ Мюрцштегѣ, въ Штирійскихъ Альпахъ, посвятили первые дни октября (н. с.) охотѣ на серна и горныхъ козловъ. По прибытіи въ Нейбергъ, ближайшую желѣзнодорожную станцію, ихъ величества были встрѣчены собравшимися крестьянами Мюрцской долины. Императоръ Францъ-Иосифъ, чувствуя себя здѣсь какъ дома, былъ одѣтъ въ штирійскій костюмъ, съ темнымъ плащомъ и такъ-называемою тирольскою шляпой. У Германскаго императора шляпа была украшена зеленою лентой и розеткой изъ шерсти впервые убитой имъ серны. Въ замкѣ, придворные служители, въ живописныхъ штирійскихъ нарядахъ, ожидали державныхъ гостей, выстроенные въ рядъ, съ факелами и охотничьими пожами въ рукахъ. Тотчасъ по прибытіи поданъ былъ обѣдъ, и вѣнценосные охотники вскорѣ послѣ стола удалились въ опочивальни, такъ какъ выѣздъ на охоту назначенъ былъ въ три часа утра. Императоръ Францъ-Иосифъ и гости его пробѣжали въ Мюрцъ-цу-шлагъ, откуда пѣшкомъ поднялись на Альпы. Утро было великолѣпное, но около полудня, когда началась охота за сернами, разыгралась такая сильная метель, что прицѣлъ сталъ невозможенъ, и охотникамъ грозила опасность быть сброшенными вѣтромъ въ бездну. Даже такой опытный охотникъ, какъ императоръ Францъ-Иосифъ, не рѣшился дать ни одного выстрѣла, но императоръ Вильгельмъ тѣмъ не менѣе убилъ двухъ серна, а король Саксонскій одну серну

и трехъ горныхъ козловъ. Скоро туманъ спустился до такой степени, что въ двухъ шагахъ уже ничего не было видно, и пришлось отказаться отъ дальнѣйшей охоты. Вечеромъ, послѣ обѣда въ замкѣ, императоръ со своими гостями, спустился во дворъ, гдѣ, при свѣтѣ факеловъ, на основныхъ вѣтвяхъ была разложена уютная дичь.

Графъ фонъ-Мольтне. (Портр. на стр. 1037).

Въ настоящее время Германіе готовится къ небывалому чествованію одного изъ своихъ славныхъ сыновъ. 14 октября исполнится 90 лѣтъ жизни знаменитаго пѣмеккаго стратега, графа фонъ-Мольтне, хорошо извѣстнаго и за предѣлами его родины. Сынъ датскаго генералъ-лейтенанта Виктора фонъ-Мольтне, маститый воинъ родился въ 1800 году въ Мекленбургъ-Шверинскомъ городѣ Пархимѣ. Двѣнадцати лѣтъ онъ отправился въ Коненгагенъ, гдѣ и началъ кадетомъ свое военное поприще. Черезъ десять лѣтъ онъ вступилъ въ прусскую военную службу въ чинѣ поручика пѣфантерін, а спустя еще 10 лѣтъ состоялся пріемъ его въ генеральскій штабъ, въ которомъ востѣдствіи онъ былъ начальникомъ и который приобрѣлъ, благодаря его руководству и личной дѣятельности, заслуженную и почетную извѣстность. Особенно памятными и славными годами въ жизни графа Мольтне являются года войны съ Австріей, а затѣмъ съ Франціей, замѣчательные его дѣятельностью въ направленіи побѣдоносныхъ войскъ своей родины. Услуги имъ оказанныя не прошли незамѣченными, и самыя щедрыя награды были должны даны его способностямъ. Украшенный въ 1871 г. большимъ орденомъ Желѣзнаго Креста и награжденный чиномъ генералъ-фельдмаршала, графъ Мольтне былъ избранъ въ почетные граждане многихъ городовъ и еще при жизни удостоился памятниковъ, воздвигнутыхъ въ честь его въ Пархимѣ въ 1876 году и въ Кельнѣ въ 1881 году. Еще бодрый, въ добромъ здоровьѣ, графъ Мольтне и нынѣ является близкимъ совѣтникомъ своего монарха, который глубоко его уважаетъ и рѣдко свидѣтельствуетъ о своемъ къ нему милостивомъ расположеніи. Такъ, въ *Имперскомъ Указателѣ* уже объявлено, что императоръ повелѣлъ закрыть въ учебныя заведенія въ день празднованія юбилея графа Мольтне.

Оттонъ Егоровичъ Раухъ. (Портр. на стр. 1037).

29 іюля скончался въ Варшавѣ генералъ-лейтенантъ Раухъ, командиръ 15-го армейскаго корпуса. Дворянинъ Эстляндской губерніи, Оттонъ Егоровичъ Раухъ родился 16 января 1834 года. Окончивъ курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпоручиковъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище) въ 1851 г., онъ вышелъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардію Преображенскій полкъ, а въ 1855 году окончилъ отличнѣе курсъ Императорской Военной Академіи, съ награжденіемъ чиномъ штабъ-капитана и причисленіемъ къ гвардейскому Генеральному Штабу.

Исполнительный и дѣятельный, Оттонъ Егоровичъ очень быстро подвигался по службѣ: переведенный въ 1856 году въ гвардейскій Генеральный Штабъ, въ слѣдующемъ году онъ былъ уже дивизионнымъ квартирмейстромъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, а въ 1862 году, въ чинѣ полковника, состоялъ въ распоряженіи Военнаго Министра и генералъ-квартирмейстра штаба Его Императорскаго Величества, и затѣмъ перемѣнялъ начальникомъ многихъ штабовъ. Въ 1867 году произведенъ въ генералъ-майора.

Съ мобилизаціей штаба дѣйствующей арміи, въ ноябрѣ 1876 года, Оттонъ Егоровичъ, назначенный для особыхъ порученій при Главнокомандующемъ дѣйствующею арміей, усѣбно исполнилъ рядъ порученій Его Высочества въ Бессарабіи и Румыніи, а въ іюнѣ 1877 года, прикомандованъ по дѣйствующей арміи, назначенъ помощникомъ начальника передоваго отряда.

По сформированіи передоваго отряда, въ виду неприбытія еще генералъ-адъютанта Гурко, генералъ Раухъ принялъ временно командованіе передовымъ отрядомъ, и подъ его начальствомъ передовой отрядъ перешелъ Дунай у Зимница и двинулся къ Тырнову.

Во время дѣйствій передоваго отряда за Балканами генералъ Раухъ былъ самымъ дѣятельнымъ помощникомъ начальника отряда, какъ въ управленіи боевыми дѣйствіями войскъ, такъ и въ исполненіи различныхъ административныхъ и хозяйственныхъ порученій.

Находясь при генералъ-адъютантѣ Гурко на полѣ сраженія подъ Джурацки, генералъ Раухъ въ самый разгаръ боя получилъ приказаніе отправиться въ Эски-Загры и принять тамъ начальство надъ войсками, которыя были поставлены въ безвыходно-тяжелое положеніе, будучи атакованы подавляющими силами арміи Сулеймана. Исполняя приказаніе, генералъ Раухъ долженъ былъ съ большою личною для себя опасностью почти проскакать черезъ ряды отряда Реуфа-паши. Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ и быстро сообразивъ обстановку, генералъ Раухъ сдѣлалъ все необходимыя распоряженія для удержанія Эски-Загры, а затѣмъ, когда выяснилось значительное превосходство силъ Сулеймана и необходимость отойти отъ Эски-Загры, Раухъ, со свойственною ему энергіей и хладнокровіемъ, руководилъ отступленіемъ и усилъ отойти съ отрядомъ къ Базаилыку, а затѣмъ на Шипку.

Золотое оружіе, орденъ *Св. Анны* 1-й степ. съ мечамъ и нако-

нецъ *Георгія* 4-й степени были награды храброму и распорядительному генералу за первую половину кампании.

Въ первыхъ бояхъ, разыгравшихся на Софійскомъ шоссе, изъ полковъ дивизіи Рауха, лейбъ-гвардіи Ямайловскій полкъ, введенный въ дѣло лично командующими дивизіей и паучетвованный имъ энергическими словами, съ блескомъ участвовалъ въ штурмѣ Горнаго-Дубняка, а другой полкъ, лейбъ-гвардіи Егерей, въ тотъ же самый день велъ молодецкую атаку на Телишъ. Полки 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи сомкнули именно то кольцо подъ Плевной, въ которомъ задохся Османъ-паша со своей арміей.

Когда генералъ-адъютантъ Гурко сдалъ занятые имъ позиціи гренадерамъ и двинулся къ Балканахъ, то на долю генерала Рауха выпало командованіе колонной, направленной въ обходъ чрезвычайно сильной турецкой позиціи подъ Правцемъ.

Послѣ невѣроятныхъ усилій, когда приходилось нѣсколько разъ то подымать орудія въ заоблачныя выси, то спускать ихъ въ глубокія ущелья р. Искера, когда, папргая величайшія усилія, люди умирали отъ истощенія, — отрядъ достигъ наконецъ неприятельской позиціи, сбросилъ противника стремительною атакой съ высотъ въ Орхайскую долину — и тогда сразу почти всеъ предгорья Балканъ очутились въ нашихъ рукахъ.

Съ 13 декабря въ переходѣ отряда генералъ-адъютанта Гурко черезъ Великіе Балканы, — переходѣ, обезсмертившемъ русскую молодую армію, — генералъ Раухъ командовалъ авангардомъ главныхъ силъ и, сбивъ неприятеля съ Негашевской позиціи, прервалъ сообщеніе неприятельской арміи съ Софіей.

Въ Ташкиенскомъ бою генералъ Раухъ командовалъ лѣвымъ крыломъ боевого порядка и выбилъ неприятеля изъ 3-хъ занятыхъ имъ редутовъ.

Черезъ день послѣ того, отрядъ его, разбуженный и поднятый ночью, былъ двинутъ къ Софіи, не доходя которой, на берегахъ Искера, разбилъ на голову посланнаго противъ него войска изъ Софіи. Противникъ, устремленный этими смѣлыми дѣйствіями и сосредоточеніемъ русскихъ войскъ, бросилъ софійскій укрѣпленный лагерь и отступилъ въ глубь страны на Самаково.

При послѣдующемъ наступленіи генералъ Раухъ участвовалъ въ 3-хъ-дневномъ Филиппопольскомъ бою и затѣмъ повелъ свою дивизію къ Адрианополю и Константинополю, въ виду котораго она и заняла свои биваки, гдѣ въ скоромъ времени страшный и неутомимый врагъ — тифъ — распространился между ними. А между тѣмъ санитарныхъ войскныхъ средствъ было недостаточно: довольно упомянуть, что дивизионный лазаретъ, имѣвшій 80 мѣстъ, долженъ былъ принять 1,000 больныхъ. Добрый и заботливый генералъ Раухъ почти ежедневно посѣщалъ санитарныя учрежденія дивизіи и оказывалъ имъ самую дѣятельную помощь. Эти заботы нацелили собою все время продолжительной стоянки въ С.-Стефано.

Подвиги и труды генерала Рауха за этотъ второй періодъ кампаніи не остались безъ оцѣнки: въ числѣ прочихъ отличій онъ былъ удостоенъ высокой награды — ордена *Св. Георгія* 3-го класса. Въ августѣ того же 1878 г. генералъ Раухъ былъ назначенъ въ свиту Его Величества.

Кончилась кампанія, и заслуженный генералъ, прокомандовавъ до 10 сентября 1878 года 2-й бригадой той-же 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ апрѣлѣ 1879 года произведенъ въ генералъ-лейтенанта, а въ маѣ того-же года назначенъ начальникомъ 22-й пѣхотной дивизіи, которую командовалъ до назначенія командиромъ 15-го армейскаго корпуса, — должность, въ которой и скончался 56 лѣтъ отъ роду.

Библиографія.

„Казакъ“. — *Донцы, Уральцы, Терцы, Кубанцы*. — Соч. К. К. Абаза. СПб. 1890. Цѣна 1 руб. 25 коп. Складъ у В. А. Березовскаго, СПб., Колокольная, 14.

Велѣдъ за „Военно-Историческую Христоматію“, нашедшей большой кругъ читателей во всѣхъ классахъ общества, нашъ талантливый популяризаторъ военно-историческихъ знаний, г. Абаза, издалъ новый трудъ, не только полезный, но и въ высшей степени интересный въ смыслѣ пзящаго чтенія. Новая книжка г. Абазы представляетъ солидную военно-историческую монографію, составленную по тщательному собраніямъ и не для всѣхъ доступнымъ источникамъ. Въ живомъ и общедоступномъ изложеніи авторъ мастерски рисуетъ намъ развитіе нашей казачьей силы, начиная съ ея колыбели и кончая кавказскими войнами. Драматическій элементъ войны, характеры отдѣльныхъ героев и вообще военныя сцены читаются съ захватывающимъ интересомъ. Книжку г. Абазы мы смѣло можемъ рекомендовать для чтенія не только въ военномъ кругу, въ смыслѣ пополненія военно-историческихъ знаний, но и вообще какъ поучительное чтеніе, въ которомъ читатели найдутъ истинный, вполне здоровый патріотизмъ, и далеко не

односторонніе идеалы въ лицѣ славныхъ защитниковъ нашего отечества.

Ержемскій, А. Самоучитель фотографіи на бромселеatinныхъ пластинкахъ и хлоросеребряной бумагѣ. СПб. 1890. 8°. Цѣна 2 руб.

За послѣднее время русская литература по фотографическому дѣлу обогатилась нѣсколькими новыми руководствами. Книга г. Ержемскаго занимаетъ среди нихъ почтенное мѣсто. Это весьма полезное руководство для начинающихъ любителей составлено толково, популярно, украшено рисунками и доступно по цѣнѣ.

Положеніе и правила о земскихъ уиштковыхъ начальникахъ, городскихъ судьяхъ и волостномъ судѣ. Изд. типографіи Фрейманъ. СПб. 1890. 8°. 3 р.

Это руководство составлено весьма толково и въ него вошли всѣ позднѣйшія узаконенія, до 25 мая 1890 года опубликованныя. Хотя за послѣднее время подобныхъ справочно-юридическихъ книгъ появилось довольно много, но эта книга очевидно составлена лицомъ хорошо знакомымъ съ источниками дѣйствующаго у насъ права.

Политическое обозрѣніе.

Взаимныя посѣщенія императоровъ Германіи и Австріи не могли пройти незамѣченными со стороны ихъ союзника — Италіи, и представитель ея министерства, г. Криспи, счелъ нужнымъ заявить объ извѣстной всѣмъ привязанности своей родины къ лигѣ мира, но безъ ловкости указывая на то, что необходимость этого союза вызвана „придентизмомъ“, пустою мечтою нѣсколькихъ юношей, какъ онъ недавно обозвалъ это движеніе корреспонденту *Figaro*, — но мечтою, какъ говорятъ о томъ нѣкоторые факты, не мало смущающею г. Криспи. Въ своей рѣчи, произнесенной имъ во Флоренціи, 26 сентября, называя придентизмъ вреднѣйшимъ изъ существующихъ въ Италіи заблужденій, г. Криспи говорилъ, что придентизмъ можетъ подвергнуть риску даже дальнѣйшее бытіе націи и возстановитъ противъ Италіи всѣ правительства. Движеніе это страдаетъ де отсутствіемъ логики, потому что для достиженія цѣли, къ которой оно стремится, должно требовать войны, а не разоруженія Италіи. Непосредственною цѣлью придентизма является расторгненіе тройственнаго союза и разрывъ съ Ватиканомъ, но если бы все это и случилось, итальянцы де сумѣютъ защитить свое единство и царствующій домъ. Велѣдъ затѣмъ г. Криспи сталъ доказывать, что послѣ пагубнаго примѣненія принципа изолированности, коимъ тоже дорожатъ придентисты, онъ вынужденъ былъ присоединиться къ австро-германскому союзу. Въ заключеніи министръ увѣщевалъ всѣхъ благонамѣренныхъ итальянцевъ оставаться вѣрными свободному избранному ими правительственному режиму и уважать трактаты. Рѣчь свою Криспи окончилъ провозглашеніемъ тоста за Италію и короля. Впечатлѣніе произведенное этою рѣчью, даже на союзниковъ Италіи, не одинаково. Вѣснкія и венскія газеты въ восторгѣ отъ рѣчи Криспи, которую они называютъ „хвалебною ибенью“ австрійской дружбѣ. Но въ Германіи не всѣ ею довольны. *Vossische Zeitung* подвергла ее рѣзкой критикѣ. „Криспи — говоритъ га-

зета — не разсѣялъ подозрѣній относительно его готовности заключить союзъ съ Франціею; напротивъ, о Франціи онъ говоритъ скорѣе весьма сочувственно“. Статью свою газета заключаетъ слѣдующими словами: „Хотя въ настоящее время Криспи и держится еще на почвѣ договоровъ, однако, невѣство, какъ онъ поступитъ по истеченіи срока ихъ дѣйствія“. Изъ французскихъ газетъ, *Temps*, сдѣлавъ разборъ рѣчи г. Криспи, говоритъ, что коль скоро итальянскій министръ оправдываетъ тройственный союзъ, указывая, что цѣль и причина существованія союза есть сохраненіе евронеискаго равновѣсія, и коль скоро онъ отвергаетъ всякіе агрессивные и революціонные замыслы, — онъ, конечно, будетъ въ высшей степени благодаренъ тѣмъ, кто, вдохновляясь его рѣчью, продолжитъ дѣло тройственнаго союза, упрочитъ залогъ порядка и мира Европы и обезпечитъ независимость каждаго и спокойствіе всѣхъ, дополнивъ эту лигу все болѣе и болѣе опредѣленнымъ и сознательнымъ соглашеніемъ между государствами, не участвующими въ этой благодѣтельной комбинаціи.

Повидимому, Италію не вполне довольна и Англія, если судить по тому, что происходившіе въ Неаполѣ переговоры о раздѣлѣ сферъ вліянія въ Африкѣ между Италіею и Англіею не привели ни къ чему. Делегаты обоихъ государствъ условились было по всѣмъ пунктамъ конвенціи и оставалось только редижировать статью, касающуюся оккупации Кассалы, какъ вдругъ Берингъ предъявилъ новыя и чрезмѣрныя притязанія, вслѣдствіе чего итальянское правительство отказалось отъ дальнѣйшихъ переговоровъ и переговоры были прерваны. По словамъ *Times*, англичане якобы уступали Италіи значительную часть восточнаго Судана, и между прочимъ признавали за ними право занять Кассалу и другія мѣста при необходимости военныхъ дѣйствій, но за Египтомъ сохранялось право снова занять эту мѣстность какъ только можно будетъ въ ней упрочить порядокъ. Другими словами, какъ за-

О ПРЕМІЯХЪ „НИВЫ“ НА 1890 Г.

При этомъ № „Нивы“ гг. подписчики получаютъ обѣщанія нами первыя **двѣ** преміи, картины профессора П. П. Шишкина. Обращаемъ вниманіе на печатавшееся въ предшедшихъ №№ предостереженіе относительно способа вскрывать обложку преміи. Имѣя теперь предъ глазами оба произведенія нашего знаменитаго пейзажиста и несравненнаго воспроизводителя русской лѣсной природы, читатели наши могутъ судить, правы-ли мы были въ прошломъ году (№ 45 „Нивы“ 1889 г., стр. 1129), назвавъ эти картины живописною поэмой въ двухъ пѣсняхъ. Роскошь и богатство красокъ того и другаго оригинала переданы въ нашихъ копіяхъ fac-simile, какъ могла

убѣдиться публика, посѣщавшая контору редакціи нашего журнала въ минувшемъ году, когда были выставлены въ ней какъ самыя оригиналы, такъ и наши копіи, а также оттиски съ нѣсколькихъ десятковъ литографныхъ камней, каждый особою краской, входившею въ числѣ прочихъ въ безконечную хроматическую гамму тоновъ.

Хотя мы ни разу еще не давали подписчикамъ такой богатой и столь тщательно исполненной преміи, тѣмъ не менѣе, какъ извѣстно уже читателямъ, она будетъ лебединою пѣснью олеографіи въ „Нивѣ“. Надѣемся, что она достойно завершаетъ циклъ выданныхъ нами до сихъ поръ.

ключаетъ *Journal de St.-Petersbourg*, предложенія Англіи сводились собственно къ предложенію Италіи „права“ защищать Каскаду въ пользу Египта. Право это показалось Италіи нѣсколько фальстивнымъ, и она предпочла отъ него отказаться. „Неудачный для кабинета Криени исходъ переговоровъ — пишетъ газета — можетъ произвести въ странѣ неблагоприятное впечатлѣніе съ двойной точки зрѣнія. Сторонниковъ колониальной политики, обманутыхъ въ ихъ вождѣльствахъ, постигнетъ разочарованіе, тогда какъ противники этой политики станутъ быть — можетъ обвинять г. Криени въ томъ, что онъ подвергаетъ опасности дружественныя отношенія между Италіею и Англіею“. Впрочемъ, другія газеты говорятъ, что причины несогласія были чисто экономическаго свойства.

Натянутыя отношенія Франціи съ Дагомеею разрѣшились очень благопріятно для пер-

Вѣщаносные спортсмены. Король Саксонскій, Имп. Германскій, Имп. Австрійскій, захваченные метелью на охотѣ за сернами въ Штирійскихъ Альпахъ.

вой. Адмиралъ Кювервилль доноситъ по телеграфу морскому министру, что миръ съ Дагомеею заключенъ и блокада снята. Король Дагомеи признаетъ за Франціею право владѣнія Котону и протекторатъ надъ Порто-Нуово; всѣ прежніе договоры остаются въ силѣ. Миромъ Франція обязана неустранимому миссіонеру, патеру Доржеру, который оказался въ то же время искуснымъ дипломатомъ. Ему удалось уже разъ оказать важную услугу своимъ соотечественникамъ, убѣдивъ повелителя дагомейцевъ отступить отъ францужескихъ ильбинныхъ, которыхъ король держалъ въ Абомеѣ, грозя имъ страшными пѣтязаніями и смертью. Ободренный этимъ успехомъ, Доржеръ, котораго чернокожіе считаютъ за святаго человека, вторично отправился въ Абомею и сумѣлъ склонить свирѣпаго короля Беханцина къ заключенію мира на выгодныхъ и почетныхъ для Франціи условіяхъ.

Рамы для премій „НИВЫ“ 1890 г.

Подробности см. въ прошедшихъ №№.

Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, выписывающихъ рамы съ картинами, полученныя ими преміи немедленно возвращать намъ въ Контору, дабы, по возможности, безъ задержки, мы могли имъ высылать готовыя рамы со вставленными картинами.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованіями въ Главную Контору журнала „Нива“. С.ПБ.. Невскій просп. № 6.

СМѢСЬ.

Hoppel-roppe! (го-голь-моголь). Известно, какое сильное впечатление производит на всѣхъ Наполеонъ I своею рѣчью, и въ особенности на солдатъ. С ѣ никогда не говорилъ много, но, въ немногихъ словахъ, умѣлъ сказать все что хотѣлъ. Подаренный отъ природы сильнымъ, звучнымъ органомъ, онъ совершенно не умѣлъ пользоваться имъ, пока наконецъ великій трагикъ Тальма, на вопросъ Наполеона, тогда еще перваго консула: „Ну что, какъ тебѣ понравилась моя вчерашняя рѣчь?“ имѣлъ смѣлость возразить: „Я не могу понять, гражданинъ-консулъ, какимъ образомъ, при такомъ органѣ, можно такъ плохо декламировать!“

— Такъ я плохо декламировалъ? переспросилъ Наполеонъ, улыбаясь. — Очень можетъ быть; надо, чтобы ты поучилъ меня этому искусству.

Впоследствии, Наполеонъ дѣйствительно не произносилъ ни одной большой рѣчи, не проренетировалъ ее съ Тальмой. Однажды, не задолго передъ началомъ роковой для императора войны съ Россіей, онъ потребовалъ къ себѣ Тальму для разучиванія рѣчи. Два часа оба бились тщетно.

— Итъ, не идетъ! воскликнулъ наконецъ трагикъ.

— Ты виноватъ: ты сегодня не въ духѣ, отвѣтилъ Наполеонъ.

— Напротивъ, ваше величество сегодня не въ голосѣ. Вы охрипли.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вотъ проклятіе! Я *долженъ* во что бы ни стало говорить завтра!

Тальма пожалъ плечами; Наполеонъ нетерпѣливо позвонилъ; вошелъ камердинеръ.

— Моего лейбъ-медика!

Докторъ явился.

— Я, кажется, охрипъ? А?

— Маленькій катарръ, Sire; это ничего не значитъ; черезъ нѣсколько дней ваше величество будете совершенно здоровы.

— Черезъ нѣсколько дней? Вы должны вылѣчить меня немедленно!

— Невозможно, ваше величество.

— Невозможно? Докторъ вы или нѣтъ?

— Лишу себя надеждою.

— Безъ всякой лести, если вы не можете сію минуту вылѣчить меня, въ такомъ случаѣ... въ такомъ случаѣ, прощайте, милостивый государь!

Наполеонъ сдѣлалъ энергическій жестъ рукой—знакъ увольненія, не допускавшій никакихъ возраженій. Онъ продолжалъ возмущенно шагать по комнатѣ,

Генераль-фельдмаршалъ графъ Мольтке (по поводу 90-й годовщины рожденія). Съ фотографіи грав. Шюблеръ.

Генераль-лейтенантъ Оттонъ Егоровичъ Раухъ. † 29 іюля 1890 г. Съ фотографіи грав. Шюблеръ.

наконецъ, близко подоиди къ трагикъ:

— Не знаешь ли ты какого-нибудь средства, старый другъ? сказалъ онъ. — Вѣдь и у тебя когда-нибудь бываетъ хрипота, однако она не мѣшаетъ тебѣ играть. Кто тебѣ лѣчитъ?

— Мосье Голденбогенъ, нашъ театральнй куафферъ, простой нѣмецъ, котораго мы вывели изъ Веймара. Можетъ-быть, ваше величество, помните?

— Итъ, но не въ томъ дѣло. Такъ ты думаешь, что онъ можетъ мнѣ помочь?

— Я ручаюсь, но только средство, которое онъ употребляетъ, очень сильное.

— Все равно, лишь-бы помогло; такъ доставь мнѣ своего куаффера.

Черезъ четверть часа, въ сильномъ смущеніи, вытирая бѣлымъ платкомъ холодный потъ со лба, предсталъ передъ императоромъ мосье Голденбогенъ.

— Не церемоньтесь, мосье Голденбогенъ! Тальма рекомендовалъ мнѣ васъ. Вы слышите, кака у меня проклятая хрипота. Мнѣ надо отъ нея избавиться!

— Ваше величество — Sire — всемилостивѣйшій государь...

— Вѣдь вы знаете средство?

— Такъ точно, ваше величество. — Госпель-попшель.

— Оно ни-пель! курьезное названіе! Такъ за дѣло!

Голденбогенъ попросилъ позволенія пойти на императорскую кухню. Онъ взялъ стаканъ, положилъ туда четыре яичныхъ желтка, два лота мелко-истолченнаго жженнаго сахара, взбилъ все это хорошенько и загѣмъ, продолжая взбивать, влилъ полъ-кружки самаго крупнаго ямайскаго рома. Попробовавъ питье и оставшись имъ доволенъ, Голденбогенъ пошелъ къ императору и просилъ его выпить лекарство. Наполеонъ бросилъ пронизательный взглядъ на пѣмца, который не выражалъ теперь никакого смущенія, сдѣлалъ глотокъ и, быстро отставивъ стаканъ: — „Вѣдь оно жжетъ, какъ огонь!“ воскликнулъ онъ.

— Должно жечь, ваше величество; должно жечь, иначе не поможетъ.

— Если не поможетъ, я прикажу васъ повѣсить, воскликнулъ Наполеонъ и залпомъ выпилъ стаканъ. Уже часъ спустя, императоръ почувствовалъ значительное облегченіе и прекрасно проспалъ всю ночь. На слѣдующее утро, хрипота исчезла, и Наполеонъ снова послалъ за Голденбогеномъ. — Сдѣлайте мнѣ еще стаканъ этого опшель-опп-пеля, или какъ вы тамъ называете свое дьявольское питье, да покрѣпче.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1891 г.
 Подробности см. въ прошлыхъ №№.

Гольденбогенъ съ радостью исполнилъ приказаніе. Наполеонъ выпилъ еще стаканъ и часъ спустя произнесъ на Марсовомъ полѣ рѣчь, которая произвела сильнѣйшее впечатлѣніе на войско. Мосье Гольденбогенъ былъ въ третій разъ выгребованъ къ императору, который подарилъ ему сто наполеондоръвъ.

Когда Тальма увидѣлъ Наполеона, онъ воскликнулъ:

— Государь, вы говорили какъ богъ!

— Я былъ въ нѣсколько возбужденномъ состояніи, возразилъ Наполеонъ;—но во всякомъ случаѣ я не скоро прибѣгну опять къ вашему оппъ-поппъ-пелю.

Средство это до сихъ поръ часто употребляется во Франціи противъ хрипоты, но такъ какъ французы не могутъ выговорить первоначальнаго, кажущагося имъ нѣсколько варварскимъ, названія, они называютъ его „питьемъ Наполеона“.

Бой между крысами и совами. Въ парижскомъ *Jokey-club* устроенъ былъ лѣтъ сорокъ тому назадъ бой между крысами и совами, ясно свидѣтельствующій, до чего можетъ дойти дурачество богатыхъ, праздныхъ людей. Проживавшій въ Парижѣ, лордъ Гамтонъ имѣлъ двухъ совъ, а нѣкто Викторъ Кутюрье — двѣнадцать крысъ, между которыми, послѣ произведенныхъ испытаній, предполагалось произвести битву. О битвѣ этой давно уже шли толки въ парижскомъ обществѣ жуировъ. Она состоялась 28 октября 1851 года въ залахъ Жюкей-клуба. Пары доходили съ обѣихъ сторонъ до 1250 фунтовъ ст. Многие изъ членовъ клуба пожелали присутствовать на рѣдкомъ зрѣлищѣ. Но такъ какъ во время боя должна была соблюдаться величайшая тишина, то каждому изъ зрителей было указано опредѣленное мѣсто, каждый обязывался хранишь, во все время битвы, полное молчаніе, избѣгать всякаго шума и не произносить ни слова.

По водвореніи тишины и порядка, г. Кутюрье внесъ въ залу своихъ двѣнадцать крысъ, въ желѣзной клеткѣ, и поставилъ ихъ на столъ. Животныхъ, оставленныхъ безъ пищи въ теченіе 24 часовъ, стали кормить на глазахъ у всѣхъ. Требовалось возбудить ихъ боевой пылъ и, съ этою цѣлью, клубнымъ поваромъ былъ изготовленъ „паштетъ изъ трюфелей“, который и былъ въ три минуты уничтоженъ прожорливыми животными.

Тогда лордъ Гамтонъ приказалъ своему сокольничьему внести совъ, каждая изъ которыхъ имѣла свою кличку; одна называлась „Желѣзный клювъ“, другая — „Young“. Совы были родомъ изъ Шотландіи, гдѣ сокольниковъ достать ихъ изъ гнѣзда, на вершинѣ башни, въ одномъ изъ имѣній лорда. Имъ было по два года; онѣ принадлежали къ самой крѣпкой и сильной свиной породѣ и имѣли сильныя, острые и гибкіе когти.

Кутюрье открылъ клетку, въ которой сидѣли крысы, каждая отдѣльно. Паштетъ изъ трюфелей повидимому сильно разгорячилъ ихъ, ибо, едва онѣ вышли на арену, какъ вознамѣрились уже бросить другъ на друга. Но вотъ и сова выпустила на поле битвы. Торжественная тишина царствовала въ залѣ; слышалось только шипѣніе крысъ и своеобразное щелканье клювовъ. Голодные совы вскорѣ перешли въ нападеніе. Каждая изъ нихъ схватила по крысѣ,—именно „Роберта-Мориса“ и „Бухгалтера“—и проглотила ее съ невѣроятной быстротой. Тогда остальные мужественно перешли въ наступленіе. Три изъ нихъ „Принцъ-шалунъ“, „Бродяга“ и „Костобѣдъ“ бросились на сову „Young“ и вцѣпились ей въ ноги. „Принцъ-шалунъ“ успѣлъ перекусить въ двухъ мѣстахъ голень грозному хищнику, но двѣ другія мгновенно полатились жизнью за свою отвагу.

Въ то же время и „Желѣзный клювъ“ не оставался въ бездѣйствіи. На него также напали три крысы: „Вольтеръ“, „Ратолопи“ и „Блинобѣдъ“. Эта битва длилась не болѣе первой и окончилась смертью трехъ крысъ, но храбрый „Желѣзный клювъ“ дорогою заплатился за свою побѣду: одинъ коготь оказался у него переломленнымъ. На кровавой, покрытой трунами крысѣ, арестъ оставались теперь пять, болѣе или менѣе пораненныхъ, крысъ и двѣ тяжело-пораненныя совы. Напряженіе зрителей достигло высшей степеней. Въ эту минуту крыса „Пуластроль“, называвшаяся также „Парикмахеръ“, до сихъ поръ пугливо жанилась въ уголокъ, какъ бы устыдилась своей трусости и бросилась на сову „Young“. Однимъ прыжкомъ, она опрокинула врага на землю и буквально выгла ему глаза. Сова испустила страшный крикъ, отъ боли, но не сдалась; ударомъ клюва она распоролла „Парикмахеру“ животъ, и обѣ упали мертвыя.

Остался одинъ „Желѣзный клювъ“ противъ крысъ: „Маркиза“, „Тулури“, „Парижанна“ и „Принца-шалуна“. Последній снова перешелъ въ нападеніе и яростно вцѣпился въ здоровую ногу совы, между тѣмъ какъ она, сильными ударами клюва, умертвила трехъ остальныхъ враговъ. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ борцовъ остались въ живыхъ только сова „Желѣзный клювъ“ и крыса „Принцъ-шалунъ“. Оба противника были уже неспособны къ бою, но кипѣли яростью и бросали другъ на друга полные огня и ненависти взгляды. Судьи положили конецъ бою и присудили призъ тому изъ противниковъ, борецъ котораго переживетъ другаго.

За потерѣвшими былъ установленъ самый заботливый уходъ; тѣмъ не менѣе сова издохла уже на другой день, и такимъ образомъ „Принцъ-шалунъ“ былъ окончательно объявленъ побѣдителемъ.

Для страдавшихъ сплиномъ сыновъ старой Англіи бой этотъ представлялъ „интересъ новизны“; предполагалось повторить его снова, но, къ счастью, вмѣшалась полиція и положила конецъ безобразной забавѣ. (с.)

Татуировка отъ любви и голода. Въ 1880 году существовалъ

въ Нью-Йоркѣ весьма любопытный музей или кабинетъ рѣдкостей, Джорджа Старра, въ которомъ, между прочимъ, показывали совершенно татуированнаго человѣка. Человѣкъ этотъ побывалъ въ рукахъ дикарей и былъ такимъ образомъ изукрашенъ ими. Однажды къ Старру явилась молодая женщина, назвавшая себя Иреной Вудвордъ, и просила сдѣлать изъ нея какое-нибудь употребленіе для музея. Она объявила, что мужъ ея сломалъ ногу и лежитъ въ больницѣ, а она осталась съ ребенкомъ безъ куска хлѣба и потому убѣдительнѣйше проситъ дать ей какое-нибудь занятіе. Тутъ у Старра внезапно блеснула мысль, что никогда въ музеѣ не видѣли татуированной женщины. Подумать и привести мысль въ исполненіе было для него дѣломъ одной минуты. Онъ предложилъ Иренѣ Вудвордъ дать татуировать себя и затѣмъ показываться въ его музеѣ. Впрочемъ, тутъ-же присовокупилъ, что процессъ татуированія очень долготъ и мучителенъ и что, во всякомъ случаѣ, онъ долженъ сначала найти кого-нибудь кто бы взялся за это дѣло. Послѣ нѣкотораго размышленія Ирена согласилась, и Старръ разыскалъ стараго матроса, по имени Гильдебранда, который жилъ въ Окъ-Стритѣ и снискивалъ себѣ пропитаніе тѣмъ, что вытравлялъ на рукахъ, груди и плечахъ другихъ матросовъ всевозможные знаки и имена. Мистеръ Джорджъ Старръ заключилъ съ Иреной условіе, по которому, за все время татуировки, обязывался платить ей по 10 долларовъ въ недѣлю, а затѣмъ, по окончаніи процедуры, въ теченіе одного года, по 50 долларовъ въ недѣлю, за право показывать ее въ своемъ музеѣ. Ирена приняла условіе и съ геройской твердостью перенесла неопытныя страданія, причиняемыя татуированіемъ. Въ продолженіе семи мѣсяцевъ старій матросъ ежедневно работалъ надъ ея тѣломъ, пока наконецъ она не представляла изъ себя сплошного ходячаго рисунка. Ирена Вудвордъ была первою татуированною женщиною; она доставила своему антрепренеру большіе барыши и до сихъ поръ показывается у Барнума. Сама она успѣла составить себѣ состояніе въ 100,000 долларовъ. (с.)

Понятливость слона. Чтобы испытать умственные способности слона, извѣстнаго своей понятливостью, одинъ французъ просилъ жокака этого слона произвести надъ нимъ слѣдующій опытъ: Мѣдное корыто, изъ котораго пилъ слонъ, продырявилось и жокакъ хотѣлъ отдать его въ починку; по желанію француза, онъ оставилъ корыто на мѣстѣ и, какъ обыкновенно, налилъ въ него воды. Замѣтивъ быструю убыль воды, слонъ приподнял корыто хоботомъ, чтобы показать жокаку, откуда вытекаетъ вода. Жокакъ убралъ корыто, но, по просьбѣ производящаго опытъ, принесъ его черезъ нѣсколько времени обратно непочиненнымъ и поставилъ на мѣсто безъ воды, послѣ чего удалился. Умное животное тотчасъ подняло корыто хоботомъ, отнесло его къ ближайшей водѣ и попробовало наполнить само. Видя, что надъ нимъ посмѣялись, слонъ такъ разсердился на своего жокака, что тотъ едва успѣлъ смягчить его ласковыми словами и порціей арака. Онъ поскорѣ отдалъ починить корыто, но когда наливалъ въ него воду, уже въ присутствіи слона, тотъ всегда приподнималъ корыто, чтобы посмотрѣть не течетъ-ли оно, и только тогда успокоивался.—Однажды, пришедшій въ ярость слонъ-самецъ вырвался изъ своего помѣщенія. Жокакъ, къ которому онъ былъ всегда очень привязанъ, заградилъ ему путь; но слонъ, не помня себя отъ бѣшенства, умертвилъ его и хотѣлъ бѣжать дальше. Услышавъ шумъ и увидѣвъ въ чемъ дѣло, жена жокака бросила къ ногамъ слона своего старшаго мальчика, крича: „Если ты убилъ отца, такъ убей и сына!“ Слонъ остановился, словно опомнившись, осторожно поднялъ мальчика хоботомъ, посадилъ его себѣ на спину и спокойно вернулся въ стойло. Впоследствии, онъ не допускалъ къ себѣ никакого другаго жокака, кромѣ этого мальчика. (с.)

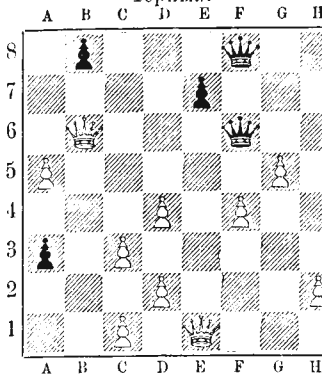
Желѣзные дороги всего земнаго шара. Общее протяженіе всей существующей желѣзнодорожной сѣти возросло съ 1884 по 1888 годъ на 102,899 километровъ и достигло въ общей сложности 571,771 килом. Протяженіе это болѣе чѣмъ въ четырнадцать разъ превышаетъ длину экватора. Главный приростъ дала Америка, а именно 64,547 кил. Сѣть Европы увеличилась на 24,419, въ томъ числѣ Франція дала 4,048 и Германія 4,047 километровъ. Затѣмъ слѣдуетъ Австрія—3,658 кил. и Россія—3,643 кил. Полный застой въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ представляетъ уже въ продолженіи многихъ лѣтъ Норвегія, гдѣ строеніе земной поверхности представляетъ огромныя трудности строенію желѣзнодорожной сѣти. Въ Азіи мы встрѣчаемъ наибольшій приростъ въ Британской Индіи, а именно 4,809 килом. Далѣе слѣдуетъ Закаспійская желѣзная дорога, съ протяженіемъ въ 1,202 килом.; затѣмъ Японія — 734 кил. Въ Китаѣ постройка желѣзныхъ дорогъ все еще не можетъ побороть старинныхъ предрассудковъ. Въ Африкѣ, только Алжиръ и Тунисъ получили приростъ въ 915 кил. Зато Австралія, давшая 4,656 кил. или 88,4%о, представляетъ относительно наибольшее развитіе желѣзнодорожной сѣти.

Относительно протяженія желѣзныхъ путей, первое мѣсто занимаетъ Бельгія, имѣющая 16,4 кил. на 100 квадратныхъ километровъ своей поверхности. Затѣмъ слѣдуетъ королевство Саксонія — 15,3 кил., Англія — 10,4 кил., Эльзасъ-Лотарингія 10 кил. на каждае 100 квадр. кил.—Средняя стоимость сооруженія одного километра желѣзнодорожнаго пути равняется въ Европѣ 296,208 марокъ. Такимъ образомъ общая стоимость всѣхъ открытыхъ къ концу 1888 г. желѣзныхъ дорогъ составляетъ 63,463 милліона марокъ; а весь основной капиталъ, затраченный на сооруженіе желѣзнодорожныхъ путей всего земнаго шара достигаетъ 121,440 милліоновъ марокъ. (с.)

Шашечная задача № 59.

В. Н. Шошинъ.

Черный.

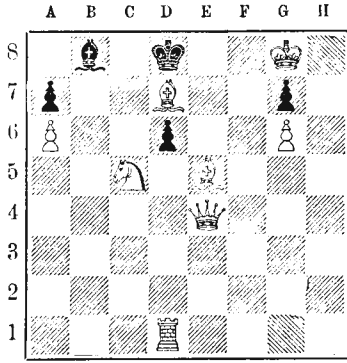

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и забираютъ дамку черныхъ.

Шахматная задача № 60.

Черные.

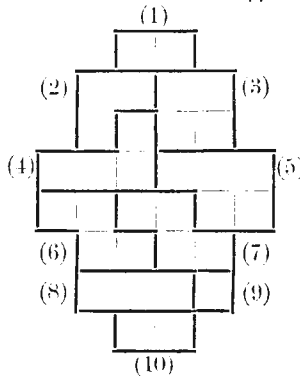
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Задача буквъ № 61.

Найти 10 словъ:

- 1) Отрицаніе.
2) Порода собакъ.
3) Атмосфер. явленіе.
4) Пресмыкающееся.
5) Произведеніе Лермонтова.
6) Водное пространство.
7) Нѣмецкій композиторъ.
8) Полоса свѣта.
9) Согласная буква.
10) Восклицаніе.

Полугласныя ъ и ъ въ концѣ словъ опущены.

Буквы найденныхъ словъ соответственно размѣстить въ каждомъ изъ 10 отдѣлений данной фигуры, но въ такомъ порядкѣ, чтобы можно было прочесть русскую поговорку.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала "Нива" проситъ своихъ гг. подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 25 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.

СОДЕРЖАНІЕ: О разсылкѣ премій "Нивы" 1890 г. — Стихотвореніе А. Фета. — Панъ круль. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Графа Е. А. Саласа. Ч. I. — Говѣніе. (Изъ учебныхъ годовъ стараго барука). Евгений Маркова. (Окончаніе). — Росношь древней Венеціи. — Къ рисункамъ: Тихій вечеръ (съ рис.). — Погибъ нонь — погибнетъ и всадникъ (съ рис.). — Ульмскій соборъ (съ рис.). — Героямъ безъ славы (съ рис.). — Сказка о рыбацкѣ и рыбацѣ (съ рис.). — Слуги — друзья (съ рис.). — Броненосный крейсеръ "Память Азова" въ Плимутѣ (съ рис.). — Вѣнценосные спортсмены (съ рис.). — Графъ фонъ-Мольте (съ портр.). — Оттонъ Егоровичъ Раухъ (съ портр.). — Библиографія. — Политическое обозрѣніе. — О приладимыхъ при этомъ № преміяхъ. — Рамы для премій. — Смѣсь. — Открытіе подлиски на 1891 г. — Задачи. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала "Нива", а также и ко всемъ известнымъ книгопродавцамъ.

LA VELOUTINE. Специальная рисо-рисмутаовая пудра. CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ПАВЕЛЬ БУРЕ. Рекомендую большой выборъ часовъ собственной фабрики. С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23. Москва, по В. Лубанск., противъ Кузнецкаго моста.

"ГЕОГРАФІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ". Съ приложеніемъ 4 картъ, стр. 256 (составляющая отдѣлъ третій "Настольной книги для народа"). Подъ редакціей Н. П. Хрушова и другихъ членовъ редакціоннаго комитета Комисіи народныхъ чтеній. Цѣна 80 к., въ наискъ 90 к.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА. С.-Петербургъ, Малая Дворянская, №№ 17-19. Рекомендуетъ большой выборъ вновь вышедшихъ изящныхъ образцовъ багета, золоченаго, чернаго и подъ старую бронзу.

ЛЕНИНГЪСЪ и ГИОЗНИУЪ. Имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную распу, которую печатается иллюстрированный журналъ "Нива". № 2405

НИШНАЯ МАШИНА "РЕМИНГТОНА". Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министертвахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

ШТРАУСА. Рекомендую вальса Гогана. Высылаютъ за 3 руб. музыкальн. магазинъ А. БИТНЕРЪ. С.-Петербургъ, Невскій пр., № 22.

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА ДЛЯ ЛѢСНИЧИХЪ ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ. Состав. Э. Арнольдъ. СПб., 1890 г. Цѣна въ коленкоромъ переплетѣ 75 коп., съ пересылкою 1 руб.

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE. AUTHORIZED BY THE RUSSIAN GOVERNMENT. Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.

ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ. Современная картина Донскаго рыболовства С. Полушина. № 4742. Съ картиной художницы Краснушкиной. Харьковъ. Магазины Суворина. Цѣна 50 коп.

ФАБРИКА ЗОЛОТЫХЪ И СЕРЕБРЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ КАРЛА ГОЛЬ въ Канштадтѣ (Королевство Вюртембергъ).

высылаютъ безъ всякой доплаты за пересылку нижеозначенныя золотыя вещи въсомъ въ 14 каратовъ 585 пробы, съ искусственными брилліантами, имѣющими великолѣпную игру и трудно отличаеми отъ настоящихъ брилліантовъ.

Illustrations of jewelry items with numbers and prices: No 1351 (5 rubles), No 1353 1/2 (24 rubles 50 kopecks), No 1354 1/2 (25 rubles), No 1362 1/2 (12 rubles), No 1367 1/2 (14 rubles), No 1365 1/2 (12 rubles 50 kopecks), No 1604 (2 rubles), No 2321 (6 rubles for a pair), No 833 (8 rubles for a pair), No 739 (10 rubles), No 800 (12 rubles), No 736 (8 rubles).

XXI г.
№ 42

г. XXI
1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 20 октября 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну непарейль (1/4 шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
25 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 20 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особія приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Безъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

А. Н. Марковичъ.

Помощникъ Главнаго попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, сенаторъ, Андрей Николаевичъ Марковичъ, родился въ 1830 г. въ селѣ Туровкѣ, Полтавской губ., Прилудскаго уѣзда (родовое имѣніе его семейства). Отецъ его, необыкновенно умный, образованный, талантливый и весьма уважасмый человекъ, Николай Андреевичъ Марковичъ, былъ извѣстенъ какъ авторъ „Украинскихъ мелодій“, переводчикъ Байрона и Шиллера, сочинитель напечатанной въ 40-хъ годахъ „Исторіи Малороссіи“, авторъ большого „Историческаго, статистическаго, литературнаго и пр. словаря Россійскаго Государства“. Давъ сыну блестящее домашнее воспитаніе, онъ въ 1844 году послалъ юношу въ Петербургъ и помѣстилъ въ Импер. училище Правовѣдствія. По выходѣ оттуда, въ 1851 году, А. Н. Марковичъ посвятилъ себя всецѣло служебной по судебному вѣдомству, съ твердымъ намѣреніемъ никогда не измѣнять этому призванію. Рѣшеніе свое онъ выпол-

Помощникъ главнаго попечителя Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, сенаторъ А. Н. Марковичъ. Съ фот. грав. Шюблеръ.

нилъ до конца, не взирая на то, что если бы онъ принялъ какое-нибудь изъ предложеній, которыя дѣлали ему въ теченіе его службы, то, можетъ быть, совершилъ бы служебную карьеру скорѣе, чѣмъ теперь. Такъ, напримѣръ, въ 1856 году, когда онъ былъ секретаремъ въ Сенатѣ, Великая Княгиня Елена Павловна приглашала его личнымъ секретаремъ къ себѣ. Около 1861 года, оберъ-полицеймейстеръ И. В. Анненковъ, желая окружить себя честными и достойными довѣрія людьми, просилъ А. Н. Марковича быть управляющимъ его канцеляріею и пригласилъ на службу по канцелярш порядочныхъ молодыхъ людей по своему выбору. Марковичъ уклонился отъ этихъ предложеній и предпочелъ остаться въ Сенатѣ, гдѣ въ то время былъ уже оберъ-секретаремъ. Во время службы, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, оберъ-секретаремъ, онъ заслужилъ трогательную любовь и уваженіе сенаторовъ А. О. Веймарна, Б. К. Данзаса и М. М. Карпѣшина - Пинскаго. Это уваженіе выразилось весьма существенно въ

1863 году, когда А. Ф. Веймарш и обер-прокуроръ М. Е. Ковалевскій (впоследствии членъ Государственнаго Совѣта) прѣехали къ А. Н. Марковичу, тогда еще сравнительно молодому человѣку, и просили разрѣшенія предложить Петербургскому дворянству баллотировать его въ председатели Сиб. Уголовной Палаты. Онъ былъ избранъ председателемъ Палаты, и прослужилъ въ этой должности до 1866 года, т. е. до введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ учреждений. Въ 1866 г. онъ назначенъ былъ въ первый комплектъ новыхъ судей пѣччела „лучшихъ людей“, какъ говорилъ Государю тогдашній министръ Юстиціи Д. Н. Замятинъ, членомъ Сиб. Судебной Палаты, а за сѣмъ, на 47 году жизни, призванъ былъ къ присутствованію въ Правит. Сенатѣ. Такимъ образомъ, работая Марковичу приходилось очень много, но занятія эти, будучи ему по вкусу и по сердцу, не утомляли его. Къ тому же, онъ имѣлъ возможность отдыхать отъ занятій, посвящая досугъ свой такому искусству, въ которомъ усталый человѣкъ дѣйствительно можетъ находить полное отдохновеніе, отвлеченіе и наслажденіе—это музыка. Отецъ А. Н. Марковича, прекрасный музыкантъ, одинъ изъ любимыхъ учениковъ знаменитаго Фильда, съ самыхъ юныхъ лѣтъ внушилъ сыну любовь къ музыкѣ. Онъ избралъ для сына виолончель, и уже въ училищѣ Правовѣдѣнія А. Н. Марковичъ участвовалъ въ концертахъ какъ училца, такъ и у принца Ольденбургскаго (бывшій основатель и почетный училца, очень любившій музыку). По выходѣ изъ училища, Марковичъ, по разнымъ обстоятельствамъ и по недостатку времени, почти бросилъ виолончель и только ревностно посѣщалъ концерты. Но въ 1864 году, рождественскій его, графъ А. И. Гудовичъ подарилъ Марковичу свой знаменитый и извѣстный во всемъ музыкальномъ мѣрѣ—инструментъ *), и Марковичъ снова прилежно занялся игрою на виолончели, подъ руководствомъ К. Ю. Давыдова. Когда образовалось въ С.-Петербургѣ нынѣшнее Им. Русское Музыкальное Общество, то учредители онаго А. Г. Рубинштейнъ и Д. В. Стасовъ пригласили Марковича къ участію въ Обществѣ. Онъ поступилъ въ дирекцію общества въ 1861 или 1862 г. и съ тѣхъ поръ до мая мѣсяца нынѣшняго года состоялъ дѣятелемъ въ обществѣ, то въ качествѣ члена мѣстной дирекціи, то въ главной дирекціи. Въ 1881 году Августѣйшій предсѣдатель общества Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ избралъ Марковича своимъ помощникомъ. Обстоятельства сложились такъ, что Марковичу пришлось вполнѣ самостоятельно распоряжаться дѣлами Музыкальнаго Общества. Любя музыку, вполнѣ убѣжденный, что развитіе музыкальнаго вкуса и занятіе этимъ искусствомъ имѣетъ огромное воспитательное значеніе для народа и молодежи, Марковичъ употребилъ всѣ силы свои для развитія музыкально-учебныхъ заведеній въ Россіи, улучшенія ихъ положенія и поднятія ихъ значенія—въ предоставленномъ имъ, такъ сказать, правѣ гражданства. Не взирая на большое количество служебныхъ занятій, онъ не щадилъ ни труда, ни времени для достиженія этихъ цѣлей и благодаря положенію своему, а главное, связямъ и давнишнимъ пріязненнымъ отношеніямъ съ покойнымъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ графомъ Д. А. Толстымъ, сочувственно относившимся къ Музыкальному Обществу, труды его не пропали даромъ. Въ

продолженіе 9-ти-лѣтняго пребыванія его помощникомъ предсѣдателя, былъ Высочайше утвержденъ уставъ „музыкальныхъ училищъ“ съ правами по воинской повинности и правами государственной службы для лицъ служащихъ въ нихъ; Марковичъ исходатайствовалъ ежегодную отъ казны субсидію Кіевскому, Харьковскому и Тифлисскому училищамъ; въ 1883 г. графъ Толстой сообщилъ ему, что есть лица распускающія неблагопріятныя слухи о дѣятельности консерваторій и что эти слухи проникаютъ въ высшія сферы. Марковичъ принялся за составленіе подробнаго отчета о результатахъ дѣятельности консерваторій за 21 годъ ихъ существованія. Исполненіе этого труда потребовало болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, но отчетъ вышелъ крайне интересенный, вполнѣ доказывающій какъ блестящія результаты консерваторской дѣятельности, такъ и практическую пользу этихъ учреждений. Этотъ отчетъ Марковичъ имѣлъ счастье лично представить Государю Императору. Его Величество изволилъ принять его ласково, милостиво выслушалъ его объясненіе и оставилъ отчетъ у Себя. Дни черезъ три-четыре, министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ Марковичу, что по прочтеніи отчета Государь Императоръ собственноручно изволилъ начертать на немъ: „Желаю отъ души еще большаго развитія этому полезному и благотворному учрежденію“. Отчетъ былъ затѣмъ напечатанъ въ *Правительств. Вѣстникѣ* въ 1883 г. за № 76, а подлинный съ драгоценною надписью Государя, хранится въ Сиб. консерваторіи. Въ 1886 году возникло разномысліе между министерствомъ Внутр. Дѣлъ и Марковичемъ по вопросу о томъ: къ какому разряду учебныхъ заведеній слѣдуетъ причислить консерваторіи. Министерство считало ихъ второразрядными заведеніями, а Марковичъ признавалъ что ихъ должно считать высшими—перворазрядными заведеніями, какъ напр.—университеты, Академія Художествъ и т. п. Этотъ вопросъ онъ довелъ до разсмотрѣнія Правительств. Сената, который въ указѣ, послѣдовавшемъ въ томъ же году на имя министра Внутр. Дѣлъ, призналъ консерваторіи высшими заведеніями. Путешествуя въ 1887 году по Волгѣ, Марковичъ засталъ въ Саратовѣ отдѣленіе Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества умиравшимъ и музыкальные классы, гдѣ было до 100 учениковъ, закрытыми по недостатку средствъ. Не выѣзжая изъ Саратова, Марковичъ испросилъ у Думы ежегодную субсидію для музыкальныхъ классовъ въ 1,000 руб., убѣдилъ суругу бывшаго въ то время губернатора А. А. Зубова принять подъ свое предсѣдательство музыкальное отдѣленіе и, благодаря трудамъ ея и субсидіи, отдѣленіе и классы воскресли. За сѣмъ онъ приступилъ къ разработкѣ вопросовъ: 1) о предоставленіи ученикамъ консерваторій правъ для поступленія на государственную службу по примѣру Академіи Художествъ и 2) объ установленіи правъ на пенсіи лицамъ, служащимъ въ консерваторіяхъ. По оставленіи Марковичемъ въ минувшемъ маѣ должности помощника предсѣдателя, дальнѣйшая судьба этихъ важныхъ вопросовъ предоставляется въ руки его преемника. Употребивъ всѣ силы для пользы учебныхъ заведеній Общества, онъ старался также и о возвышеніи значенія лицъ, правящихъ заведеніями и учащихъ, и для этого сильно два два въ годъ хлопоталъ о Высочайшихъ наградахъ для этихъ лицъ. Хлопоты его всегда увѣнчивались успѣхомъ.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

V.

Прошло два дня, грустныхъ для Кароля, такъ какъ, несмотря на всѣ свои старанія, онъ не видалъ Франуши.

На третій день утромъ онъ рѣшился на нѣсколько опрометчивый шагъ. Онъ отправился въ гости къ Ксандзу, у котораго бывалъ не болѣе раза въ годъ.

Отецъ Викентій конечно догадался что побудило молодого пана къ этому посѣщенію.

Кароль, сидя въ пріемной, пока хозяйинъ отлучился

* Виолончель работи Страдиваріуса, сдѣланная имъ въ 1719 году, пріобрѣтена въ началѣ 1720 годовъ, вывѣтъ съ домомъ и мебелью, въ г. Кремонѣ нѣкимъ Дельфино. Сынъ Дельфино, или внукъ, былъ выписанъ въ качествѣ виолончелиста въ царствованіе Екаторины II княземъ Потемкинскимъ для участія въ его домашней музыкѣ и привезъ этотъ инструментъ съ собою. По смерти князя Потемкина (см. романъ гр. Салиаса „Миліонъ“, 1825 г., стр. 878), графъ Андр. Иван. Гудовичъ, тогда еще молодой человѣкъ, пригласилъ Дельфино къ себѣ и сталъ учиться у него игрѣ на виолончели. За сѣмъ Дельфино, въ началѣ 1800-хъ годовъ, умеръ и оставилъ свой инструментъ графу Гудовичу за 20 т. франковъ, которые графъ, по волѣ Дельфино, послалъ за-границу его дочери. Это было около 1820 года. Съ тѣхъ поръ по 29 декабря 1864 года инструментъ находился у графа Гудовича, который берегъ его, наслаждался имъ и держалъ обыкновенно у себя въ спальнѣ. 29 декабря 1864 года графъ подарилъ инструментъ Марковичу, какъ любимому, по словамъ его, родственнику. Такимъ образомъ, инструментъ, которому минуло 171 годъ, находится болѣе 100 лѣтъ въ Россіи. Въ теченіи 171 года онъ находился во владѣніи только трехъ лицъ, никогда не дѣлалъ большихъ путешествій и поэтому сохранился такъ, какъ ни одинъ изъ его сверстниковъ. Инструментъ этотъ извѣстенъ въ Европѣ и представляетъ одинъ изъ лучшихъ и красивѣйшихъ экземпляровъ работи Страдиваріуса.

на минутку, услышалъ разговоръ въ сосѣдней комнатѣ.

Ксандзъ насмѣшливо, даже ядовито, просилъ Франуску выйти побесѣдовать съ гостемъ, но дѣвушка отвѣчала холодно и надменно, что если она будетъ выходить въ гостиную каждый разъ, какъ появится какой-нибудь женскій угодникъ, то ей некогда будетъ заниматься хозяйствомъ.

— Этихъ Каролей много на свѣтѣ, сказала она,—и если панъ-отецъ будетъ меня ко всѣмъ имъ ревновать. то зря измучаетъ себя, да и мою жизнь сдѣлаетъ тяжкою.

Ксандзъ вернулся къ гостю очень довольный, но Кароль былъ настолько пораженъ, что едва скрылъ свое нравственное состояніе отъ хозяина. Просидѣвъ немало, онъ ушелъ.

Направляясь изъ села къ замку, Кароль увидѣлъ вдали на большой дорогѣ громадный столбъ пыли. Присмотрѣвшись, онъ разобралъ, что къ замку ѣхало четыре экипажа со свитой всадниковъ.

Это не могли быть проѣзжіе, такъ какъ большая дорога кончалась въ Сталуценяхъ. Проѣзжихъ никогда не бывало. Все что появлялось на горизонтѣ—ѣхало въ замокъ.

Когда экипажи нѣсколько приблизились, Кароль удивился еще болѣе, увидѣвъ, что это самъ панъ Сандецкій. Онъ ожидалъ отца не ранѣе какъ недѣли черезъ двѣ, или три. Нежданное его прибытіе съ дочерьми и людьми, взятыми съ собой въ Варшаву, означало что-либо особенное.

Едва Кароль вошелъ на крыльцо замка, какъ запыхленные экипажи со взмыленными лошадьми влетѣли во дворъ. Изъ передняго экипажа вышелъ панъ Сандецкій и, встрѣченный сыномъ, расцѣловался съ нимъ. Изъ другаго — вышли двѣ панны, его дочери. Изъ третьяго — ближайшія лица къ нимъ или ихъ свита, „домовники“ и „домовнички“.

Кароль замѣтилъ, что отецъ не въ духѣ, даже угрюмъ и озабоченъ.

— Иди ко мнѣ, Кароль, сказалъ Сандецкій, входя по большой парадной лѣстницѣ.— Дѣло есть... и такое дѣло важное, какого ты никогда не слышалъ во всю жизнь и никогда больше не услышишь, проживи хоть еще сто лѣтъ. А есть и другое дѣльце, менѣе важное, но тоже хорошенькое, касающееся вотъ этой паненки... показалъ Сандецкій пальцемъ на младшую дочь, Сусанну.

Хорошенькая, бѣлокурая дѣвушка потупилась подъ этимъ отцовскимъ жестомъ, какъ виноватая.

Вѣсь поднялись въ замокъ. Панны пошли въ свои горницы, а Сандецкій въ сопровожденіи сына направился къ себѣ.

Панъ Сандецкій былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, высокій, плотный, пожалуй даже толстый, съ мощными плечами. Голова его была подбрита на лбу, по старому польскому обычаю, а длинные густые усы съ сѣдиной были закручены въ кольца, торчали далеко отъ щекъ и придавали всей его фигурѣ энергическій видъ. Онъ всегда носилъ національный костюмъ, — кунтушь, жушанъ, высокіе сапоги и карабелъ.

Когда гайдукъ принесъ за каштеляномъ сундучекъ, окованный серебромъ, гдѣ были деньги, и поставилъ его на столъ, панъ велѣлъ ему немедленно выйти вонъ и заперъ за нимъ двери на засовъ.

— Слушай, Кароль... То, что ты, будучи въ Варшавѣ, слышалъ какъ басни, стало не басней... Не пройдетъ мѣсяцевъ двухъ, какъ Рѣчь Посполитая будетъ расклевана, словно падалъ, вѣронами. Да и есть она падалъ! И слѣдъ, чтобы ее рвали всякіе вѣроны, и рускіе, и нѣмецкіе!.. Захватъ всѣхъ земель, составляющихъ окраины Польши, рѣшенъ. А это великое событіе касается насъ больше чѣмъ кого-либо. Вѣдь мы на границѣ! Я всячески старался точно узнать въ Варшавѣ, на какихъ основаніяхъ пройдетъ пограничная черта или будущая прусская граница — и ничего не узналъ. Узналъ я только одно, что предполагаемая будущая граница между Пруссіей и Польшей проходить какъ разъ черезъ мои помѣстья. Слѣдовательно, все дѣло въ глупомъ пустомъ случаѣ. Будемъ ли мы принадлежать нѣмцамъ, или останемся поляками — совершенно неизвѣстно и не будетъ извѣстно до послѣдней минуты.

— Это ужасно! воскликнулъ Кароль.

— Да, это ужасно. Вотъ до чего мы дожили! Вотъ до чего довела себя Рѣчь! Или, лучше сказать, до чего довела отечество наемникъ русскій, Станиславъ. Онъ Юда предатель своего отечества и своего королевства. Единственно, что еще можетъ утѣшить меня въ этомъ грозящемъ несчастіи — это ты, твоя судьба.

— Почему? спросилъ Кароль, догадываясь отлично о чемъ идетъ рѣчь.

— Потому что если я стану прусскимъ подданнымъ, то я тотчасъ же обращусь къ Фридриху съ тою же просьбой, съ которой обращался къ Станиславу. И быть-можетъ, благодаря нѣмецкимъ законамъ или добротѣ новаго короля, дѣло удастся. Польша отъ этого

захвата погибнетъ, всѣмъ полякамъ это великое несчастье. Тебѣ одному это будетъ на пользу и на счастье.

— Я бы не желалъ, отецъ, чтобы это такъ было. Я бы не желалъ при всеобщемъ несчастіи найти мое счастье. Если бы я еще согласился быть узаконеннымъ по эдикту польскаго короля, то, право, мало чести получить узаконеніе по милости врага отечества и грабителя родной земли.

— Кто изъ нихъ хуже, Кароль, трудно рѣшить, грустно вымолвилъ Сандецкій.— Фридрихъ нашъ врагъ, правда, а развѣ Станиславъ не врагъ? Худшій врагъ! Предатель! И кто же изъ нихъ болѣе настоящей король, болѣе законный? Фридрихъ — законный наслѣдникъ своего отца и дѣдовъ, а Станиславъ Понятовскій — „доробковичъ“ изъ шляхты *)), узурпаторъ, посаженный на престолъ, благодаря русскимъ штыкамъ. Какой онъ король! Онъ дрянъ, мотъ, игрокъ и женскій соблазнитель! Но, не объ этомъ рѣчь теперь. Тебѣ надо будетъ ѣхать въ Варшаву, чтобы слѣдить насколько возможно за рѣшеніемъ этого дѣла.

— Мнѣ бы не хотѣлось ѣхать въ Варшаву, отецъ.

— Это пустое! Я знаю что ты говорилъ мнѣ тамъ, но пойми, теперь время иное, теперь дни самые важныя въ нашей жизни. Ты долженъ ѣхать, чтобы видѣться со всѣми людьми, отъ коихъ болѣе или менѣе зависитъ установленіе подробностей этого захвата польскихъ земель. Ты долженъ узнать, на какихъ основаніяхъ будетъ проводиться граница и постоянно присылать мнѣ гонцовъ, чтобы я зналъ, что толкуютъ тамъ. Повторяю тебѣ, что предполагаемая граница пройдетъ какъ разъ черезъ Сталупени. Я не могу быть тамъ, потому что, на основаніи того, что ты мнѣ будешь оттуда писать, я долженъ буду здѣсь дѣйствовать.

— Но что же тутъ-то дѣлать?

— Не знаю еще и самъ... Можно продать часть земель Чарторыйскимъ, за грошъ. Они отстоятъ себя при помощи короля-племянника, а стало-быть и меня... Я подумаю... Увижу что дѣлать. Что касается ожидаемаго насилственнаго отторженія нашихъ земель къ Пруссіи, то объ этомъ ты долженъ говорить здѣсь всѣмъ въ извѣстномъ духѣ. Тебя любятъ. Ты долженъ до отъѣзда — взволновать мнѣ всячески всѣхъ моихъ хлопотъ и рабовъ.

Панъ Сандецкій хотѣлъ уже отпустить сына, но вдругъ остановилъ его вновь и выговорилъ:

— А второе совсѣмъ забылъ. Только потому и забылъ, что слишкомъ важно и ужасно первое. Въ другое время это второе озаботило бы меня больше. Знаешь ли ты, что оказалось послѣ твоего отъѣзда изъ Варшавы, какой срамъ у насъ въ семьѣ?

— Что такое? удивился Кароль.

— Моя дочь съумѣла влюбиться въ молодого полковника. Эта интрига раскрылась вдругъ, и мнѣ пришлось быстро увозить ее изъ Варшавы. Да, Сусанна позволила за собой ухаживать и сама влюбилась въ этого полковника. И онъ былъ настолько дерзокъ и нахаленъ, что явился ко мнѣ просить ея руки. Ты не спрашиваешь, кто тотъ полковникъ?

— Вѣроятно онъ изъ нѣхоты и стало-быть наемникъ, чужеземецъ.

— Его имя Мамоновъ.

— Русскій! изумился Кароль.

— Да, офицеръ русской арміи. Сусанна позволила за собой ухаживать москалю и мало этого... сама влюбилась въ него. И этотъ полковникъ Мамоновъ поспѣлъ придти ко мнѣ просить ея руки. Я отвѣтилъ ему, что будь Польша и поляки въ томъ положеніи, въ какомъ были во время моей юности, то я бы въ отвѣтъ, разложивши его у себя въ гостиной, на дорогомъ турецкомъ коврѣ, высыпалъ бы ему сотни двѣ на-

*) Доробковичъ — выскочка.

Отвѣтъ. Боевая сцена XII вѣка. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Шюблеръ.

Аббагамба (рогатый воронъ), клюющій хамелеона. Рис. и грав. Шпехтъ.

гаекъ. А теперь, прибавилъ я ему, къ стыду нашему и несчастію, нельзя москаля трогать. Изъ-за послѣдняго русскаго проходимца всякой бѣды наживешь отъ резидентовъ императрицы, распоряжающихся въ Варшавѣ какъ у себя въ Москвитин. Тогда, знаешь ли ты, что этотъ проклятый москаль отвѣтилъ мнѣ? Онъ сказалъ, что онъ не тайно, а явно, насильственно увезетъ Сусанну и женится на ней! Что же мнѣ оставалось дѣлать? Ты знаешь каково теперь въ Варшавѣ. Москали не только могутъ увести дѣвушку-дочь, могутъ Варшаву увести съ ся мѣста на другое. Мнѣ оставалось только одно: посадить дѣвчонку въ карету и скакать сюда. Здѣсь, разумѣется, москаль не достанетъ ее, а если явится доставать, то здѣсь уже я положительно за себя не отвѣчаю. Здѣсь я приготовлю самый богатый турецкій коверъ среди нашей большой гостиной и прикажу приготовить съ полдюжины хорошихъ нагаекъ. Онъ ихъ и испробуетъ, если явится сюда пробовать дочь увозить. А я думаю, что это такъ и будетъ. И я рассчитываю на тебя. Ты мнѣ поможешь?

— Конечно, отецъ.

— Не пожалѣешь себя?

— Конечно. Но вѣдь мнѣ же надо будетъ ѣхать въ Варшаву?..

— Теперь онъ не явится. Вѣроятно онъ отложить на время свою дерзкую затѣю.

— Я полагаю, отецъ, что сюда въ замокъ Мамоновъ этотъ побойтся заглянуть. Хотя вообще всякій москаль дерзокъ, но зря на смерть не полѣзетъ.

— Увидимъ, Кароль. Но если онъ сунется сюда красть у меня дочь чтобы осрамить меня своимъ родствомъ, то я не погляжу на то, что онъ родня резидента русской императрицы.

Сандецкій отпустилъ сына, затѣмъ переодѣлся послѣ дороги и вышелъ въ залу гдѣ ожидали его разные обитатели-домовники и „покоёвцы“ *), чтобы представиться снова пану каштеляну, котораго давно не видели.

Послѣ приѣма Сандецкій выслушалъ докладъ своего маршала, пана Балтазара Трембицкаго. Въ Сталупеняхъ все оказывалось въ порядкѣ и благополучіи.

Послѣ него явились съ докладомъ два должностныхъ лица, конюшій и „шатный“. Послѣдній завѣдывалъ всѣмъ движимымъ имуществомъ и главное — богатымъ гардеробомъ пана, гдѣ бывали тысячные кунтуши и шапки отдѣланныя жемчугомъ или алмазомъ.

Съ перваго-же дня по возвращеніи пана каштеляна— замокъ будто ожилъ. Помимо того, что вслѣдъ за паномъ пріѣхало изъ Варшавы много людей которыхъ онъ бралъ съ собой, всѣ оставшіеся въ замкѣ теперь зажили веселѣе. Около пана было сытнѣе и выгоднѣе, чѣмъ вдали отъ него.

Замокъ Сандецкаго, какъ и многихъ богачей-магнатовъ и шляхтичей, былъ полонъ народу—нахлѣбниковъ и прислуги. Было въ обычаѣ имѣть большой штатъ придворныхъ.

Весь этотъ людъ, кромѣ крѣпостныхъ рабовъ, получалъ жалованье деньгами и натурой подъ общимъ именованіемъ „salarium“. Всѣ эти и домовники, и покоёвцы равно обязывались носить платье по цвѣту герба каштеляна. Одежда была самая разнообразная и часто фантастическая.

Гайдуки, паюки и скороходы отличались отъ прочихъ своими костюмами. Скороходы одѣвались якобы „по испански“, въ сущности въ самую легкія матеріи, и ходили въ башмакахъ, а на головѣ носили маленькія шапки - ермолки съ металлическимъ гербомъ пана и страусовыми перьями.

Паюки были въ длинныхъ цвѣтныхъ жупанахъ, шальварахъ и фerezіяхъ. Вся одежда обшивалась золотыми или серебряными шнурами. На ногахъ были высокіе

*) Покоёведъ—комнатный шляхтичъ, прислуживающій.

цвѣтные сапоги. На головѣ, почти совсѣмъ обритой, за исключеніемъ затылка и висковъ, носилась высокая и остроконечная шапка - конусъ и всегда бывала обвита кускомъ матеріи цвѣта герба помѣщика.

Гайдуки носили узкіе чекмени, расшитые золотомъ или шелкомъ по швамъ, а на ногахъ чекчеры въ обтяжку, застегивавшіяся сзади большими металлическими крючками, часто золотыми. Чекчеры засовывались въ узкіе зашнурованные полусапожки изъ желтаго или краснаго сафьяна.

Гайдуки отличались отъ паюковъ прической. Они не только не брились, но, наоборотъ, носили, по-женски, длинные волосы. И чѣмъ длиннѣе, тѣмъ лучше... Волосы собирались сзади въ одну толстую косу или въ нѣсколько маленькихъ, но двѣ косички, покорооче, обязательно ниспадали спереди, съ висковъ, на плечи. Шляпы были всегда круглыя, съ большими полями, и надѣты на затылокъ.

Отъ всѣхъ трехъ родовъ прислуги, прежде всего, требовались огромные длинные усы. Отъ длины усовъ зависѣла карьера прислужника и размѣръ получаемаго *salarium'a*.

Паюки выбирались изъ людей большаго роста и крѣпко сложенные. Гайдуки должны были быть не высоки, но за-то стройны и статны, ради ихъ узкой одежды. Скороходы могли быть или огромнаго роста, или совсѣмъ маленькіе, чуть не карлики.

Эти три рода прислуги не носили оружія, изрѣдка лишь кинжалъ за поясомъ, и затѣмъ никогда не снимали своихъ шапокъ, не только въ горницахъ или служа своимъ господамъ за столомъ, но даже и во время богослуженія въ костелахъ оставались съ покрытыми головами, разумѣется, если являлись сопровождать господъ въ качествѣ слугъ. Паюки преимущественно служили дамамъ, гайдуки — мужчинамъ. Въ храмѣ паюкъ держалъ за барыней верхнее платье, или молитвенникъ, или вѣрвь. Гайдукъ, стоя въ храмѣ за бариномъ, всегда держалъ на обѣихъ вытянутыхъ рукахъ саблю своего повелителя—каштеляна.

Въ большіе праздники паны, однако, не снимали въ церкви своихъ сабель. При пѣніи молитвы Пресвятой Дѣвѣ, панъ тихо ударялъ себя въ грудь кулакомъ трижды, до половины вытаскивалъ саблю изъ ноженъ, мысленно клянясь Богоматери постоять за Нее.

Кромѣ того, въ замкѣ пана Сандецкаго было еще два казака и четыре гусара—ради новой, недавно появившейся моды. Казакъ исполнялъ въ домѣ разныя низкія обязанности, которыя бы паюка или гайдука обидѣли. Въ учрежденіи такой должности сказывалась та-же вражда къ москалю.

Наконецъ, въ замкѣ былъ оберъ-паюкъ, полу-хохолъ, по имени Вурчимуха, который служилъ за столомъ важному гостю, въ помощь къ его собственному слугѣ, съ нимъ пріѣхавшему и по обычаю ему служащему, хотя и въ чужомъ домѣ.

При большихъ парадныхъ обѣдахъ главный паюкъ приносилъ и ставилъ на столъ передъ именитымъ или дорогимъ гостемъ большую и круглую зеркальную доску обдѣланную въ бронзовый ободокъ. На этомъ зеркальномъ блюдѣ красовался гербъ гостя, но гербъ всегда вкусный, т. е. пирожное исключительно для гостя приготовленное домашнимъ кондитеромъ.

VI.

Панъ Янъ-Святославъ-Ксаверій Сандецкій, не очень древняго и именитаго рода шляхтичъ, былъ извѣстенъ во всей Польшѣ своимъ богатствомъ, принадлежностью къ старо-польской партіи и какъ членъ Барской конфедерации, сформировавшейся противъ короля.

Женитьба его, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, на единственной дочери богача воеводы Длусскаго, породнила его со многими магнатами Польши. Но еще прежде своей женитьбы, молодой Ксаверій Сандецкій былъ лас-

ково принять во всѣхъ аристократическихъ семьяхъ королевства и былъ хорошо извѣстенъ многими подвигами, которые по времени требовались отъ всякаго молодца. Сандецкій былъ и остался человѣкомъ своего времени. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражались нравы польскаго общества.

Панъ Ксаверій, окончивъ курсъ наукъ, подъ руководствомъ иезуитовъ, съ двадцати лѣтъ остался одинъ, безъ отца и матери, наслѣдникомъ очень большого состоянія, и жизнь его пошла тѣмъ же чередомъ, какимъ шла у другихъ молодыхъ людей.

Сандецкій, какъ большинство, былъ усердный поклонникъ прекраснаго пола и большой ухаживатель; затѣмъ любилъ охоту и карты, любилъ выпить на пиру и никогда не уклонялся отъ послѣдствій пировъ. А послѣдствія эти были всегда одни и тѣ же: драки, поединки, иногда и цѣлыя побоища.

Разумѣется, Сандецкій хорошо рубился на сабляхъ, отлично стрѣлялъ, лихо ѣздилъ верхомъ. Если онъ не былъ неустрашимъ и храбръ по природѣ, то сдѣлался таковымъ въ силу обстоятельствъ, нравовъ, по требованію времени. Всѣ кругомъ были если не храбры, то дерзки, отчасти на дѣлѣ, но еще болѣе на словахъ. Однако Сандецкому пришлось нѣсколько разъ въ жизни доказать свое удалство. У него было нѣсколько поединковъ на сабляхъ и на пистоляхъ, а одинъ поединокъ верхомъ и на пикахъ. Изъ всѣхъ онъ вышелъ побѣдителемъ.

Въ это время было нѣчто, за чѣмъ гонялись не только молодые люди, но и пожилые, и простая шляхта, и аристократія.

Заставить говорить о себѣ—вотъ что было слабой струной, большимъ мѣстомъ. Эта погоня за славой въ маломъ видѣ была характерною чертой времени. Всѣ старались отличиться другъ передъ другомъ и выкинуть такое колѣно, о которомъ заговорила бы если не вся Польша, то по крайней мѣрѣ столица, городъ, мѣстность, околотокъ.

Сандецкому удалось добиться этого. Въ теченіе лѣтъ пяти по окончаніи курса и до женитьбы онъ дѣлалъ всякіе фокусы, всякія чудеса, конечно задѣвая ими честь и достоинство себѣ подобныхъ.

Слава отличнаго рубаки спасала его часто отъ наказанія или мщенія. Изъ всѣхъ штукъ, которыя продѣлывалъ когда-то Сандецкій, осталась теперь въ памяти его знакомыхъ одна, главная...

Однажды, проезжая черезъ селеніе пана Яницкаго, одного изъ своихъ сосѣдей, съ которымъ у него были непріязненные отношенія, Сандецкій разсердился на какого-то жида, который со своей повозкой во-время не посторонился. Это было большою дерзостью.

Панъ сталъ кричать на жида. Жидъ вѣроятно былъ слегка пьянъ, или удивительный, не жидовскій стихъ напалъ на сына Израиля, но дѣло въ томъ, что онъ, къ изумленію Сандецкаго, отвѣчалъ нѣсколькими грубостями.

Панъ Ксаверій, какъ часто случалось ему и какъ вообще дѣлали всѣ шляхтичи, приказалъ своему скороходу обратиться къ помощи нагайки. Тотъ забарабанилъ по жиду и попалъ нѣсколько разъ по головѣ, но такъ какъ въ хвостѣ его нагайки была защита пули, то случилось нѣчто самое простое. Скороходъ случайно попалъ жиду въ високъ и положилъ его мертвымъ на мѣстѣ.

Дѣло было самое заурадное. Только лѣнивый жида не билъ и случайно не убивалъ.

Панъ Яницкій, вслѣдствіе давнишней непріязни, разобидѣлся и написалъ пану Ксаверію дерзкое письмо, говоря, что ему, конечно, не жаль жида, но все-таки этотъ жидъ принадлежалъ ему и, слѣдовательно, Сандецкій дерзко и самовольно лишилъ его одного изъ рабовъ.

Панъ Ксаверій на другой же день посадилъ верхомъ,

изъ своихъ домовниковъ и гайдуковъ, человѣкъ пять-десять, и съ этой дружиной направился по большой дорогѣ пролежавшей по его помѣстьямъ, а за нимъ выѣхали три длинныя фуры. Далекое онъ не уѣхалъ. Цѣль была такая, что ее можно было достигнуть по близости.

Молодцы его по ближайшимъ селеніямъ ловили жидовъ, и старыхъ, и молодыхъ, какіе попадались навстрѣчу, затѣмъ каждого пойманнаго они укладывали въ фуру. Такимъ образомъ, наклавъ рядами какъ бревна, въ трехъ большихъ фурахъ, десятковъ пять жидовъ, они на каждую фуру положили гнетъ и обвязали каждую кучку веревками. Въ этомъ видѣ три фуры, полныя живыми бревнами, были отправлены въ подарокъ сосѣду, отъ пана Сандецкаго, какъ „то что панъ-сосѣдъ наиболѣе любить“. Разумѣется, когда фуры достигли мѣста назначенія, то нижніе ряды оказались въ самомъ плачевномъ состояніи, а два-три старика были уже на томъ свѣтѣ.

Эта насмѣшка надъ сосѣдомъ, оскорбительная по времени, долго заставляла смѣяться знакомыхъ Сандецкаго. Но этотъ „срамной“ подарокъ сталъ только прелюдией къ распрѣ двухъ сосѣдей.

Сосѣдъ, панъ Яницкій, страшно разобидѣлся присылкой фуръ съ жидами и послалъ сказать Сандецкому, что считаетъ себя „фамильно оскорбленнымъ“, на поединокъ съ паномъ выходить не желаетъ, такъ какъ владѣеть саблей хуже чѣмъ тотъ, но обѣщается „такъ напугать“ пана-сосѣда, что онъ всю жизнь будетъ помнить, если не умретъ отъ страха.

А напугать кого-либо, т. е. заставить струсить, было мщеніемъ времени. Можно было вѣкъ хвастаться, что такого-то заставилъ поневолѣ доказать себѣ и всѣмъ, что онъ срамной трусъ.

Панъ Ксаверій, разумѣется, черезъ посланнаго отвѣтствовалъ сосѣду, что и онъ, въ свой чередъ, клянется напугать пана Яницкаго еще пуще, если не совѣмъ до смерти, то „до сѣдины“.

Дѣйствительно, спустя около года съ Сандецкимъ, во время пути въ Варшаву, случилось очень странное происшествіе. Онъ остановился гдѣ-то ночевать въ гостиницѣ и въ самую полночь, проснувшись въ постели, увидѣлъ, что его душитъ мертвецъ—скелетъ въ саванѣ.

Суевѣрный панъ Ксаверій не могъ даже молитвы прочесть, а лишился чувствъ. Затѣмъ, придя въ себя и не найдя, конечно, никакихъ слѣдовъ являвагося привидѣнія, онъ отправился въ ближайшій отъ своего помѣстья монастырь и, сдѣлавъ богатый вкладъ, рѣшилъ цѣлыхъ шесть недѣль молиться какъ о себѣ, такъ и за упокой души того человѣка, которому принадлежалъ скелетъ.

Но не успѣлъ еще окончить Сандецкій эпитимью, наложенную на себя добровольно, какъ узналъ, что все это было шуткой врага-сосѣда. Яницкій уже хвастался, какъ струсилъ Сандецкій.

Не прошло мѣсяцевъ двухъ, Ксаверій предложилъ сосѣду примириться и болѣе не враждовать. Онъ признавалъ, что сосѣдъ его пересилилъ, перехитрилъ и вообще остался побѣдителемъ.

Враги помирились, а черезъ нѣсколько дней Сандецкій задалъ пиръ, созвалъ гостей и въ томъ числѣ позвалъ, конечно, и прежняго своего врага.

Дни, въ которые произошло примиреніе и назначено было пированіе въ Сталупеняхъ, пришлось какъ разъ въ междуцарствіе. Прежняго короля уже не было въ живыхъ, а новый—Станиславъ-Августъ—еще не былъ избранъ. Повсюду въ Польшѣ собирались сеймики и бушевало все.

Во дни этихъ междуцарствій наступала во всей Рѣчи Посполитой полная анархія и полный хаосъ. Хотя королевствомъ и управлялъ всегда временно примасть или interrex, но трибуналы прекращали свою дѣятель-

ность въ силу обычая. Поэтому за это время между царствій творилось часто многое совершенно немислимое въ обыкновенное время. Разумѣется, многие, по избраніи короля, шли въ отвѣтъ за то, что натворили при интеррексе, но эти соображенія не останавливали никого. Всякій, въ силу обычая, пользовался такими днями для своихъ цѣлей...

Панъ Яницкій, отправляясь на ширъ сесѣда, зналъ, конечно, что король Польскій еще не избранъ и что въ такую пору всякое самое удивительное со всякимъ можетъ приключиться.

„Но вѣдь хозяинъ гостя обидѣть не можетъ!“ разсуждалъ онъ.

Принятый паномъ Сандецкимъ съ особымъ почетомъ, Яницкій совсѣмъ успокоился.

Въ тотъ же вечеръ, въ разгарѣ шира, происходившаго въ навильонѣ въ концѣ парка, хозяинъ сталъ разсказывать гостямъ, какъ напугалъ его Яницкій, подославъ ему въ дорогѣ кого-то ряженаго мертвецомъ.

— Надо было быть такимъ дуракомъ, какъ я, сказала панъ Ксаверій, — чтобы, проснувшись, не свистнуть кулакомъ пришедшаго негодяя. Тогда бы у него черепъ свалился съ головы и я бы его отхлесталъ нагайкой. Чтò дѣлать—испугался... Но думаю, что надо тоже быть еще пущимъ дуракомъ, чтобы шутить такими великими вещами, какъ загробная жизнь. Я думаю, что другого такого осла, какъ ясновельможный панъ Яницкій, не отыщется во всей Рѣчи Посполитой.

Къ этому панъ Ксаверій прибавилъ еще нѣсколько выражений, которыя заставили его гостя—Яницкаго—побагровѣть. Разумѣется, гость отвѣчалъ болѣе или менѣе невѣжливо.

— А!.. закричалъ Сандецкій.—Ты такъ? Ты, жидовскаго происхожденія шляхтичъ! Я тебя, пса, пустилъ къ себѣ, но не пустилъ въ замокъ, а только въ этотъ навильонъ, чтобы ты не маралъ моего жилища. А теперь, за твою дерзость, я проучу тебя! Ты забылъ, что теперь править interrex и никакихъ судовъ нѣтъ... А я здѣсь, въ моемъ помѣстьѣ, самъ судья!

Немедленно панъ Сандецкій перешелъ съ гостями въ замокъ, а за ними вели уже связаннаго по рукамъ подсудимаго Яницкаго.

Въ большой залъ замка былъ учрежденъ временной трибуналъ. Четыре человѣка, въ предѣлительствѣ самого пана Сандецкаго, образовали судилище и сѣли за столъ, покрытый краснымъ сукномъ.

Здѣсь, въ часъ времени, панъ Яницкій былъ обвиненъ въ вѣроотступничествѣ, въ кощунствѣ, во всякихъ государственныхъ преступленіяхъ и единогласно приговоренъ къ смертной казни.

Разумѣется, и самъ панъ Сандецкій, и его гости, и самъ попавшій въ западню Яницкій, знали отлично, что во дни междуцарствія подобное происшествіе было дѣломъ самымъ зауряднымъ.

На другое утро на дворѣ замка уже былъ выстроены эшафотъ, и весь дворъ былъ залитъ народомъ, обитателями замка и обывателями села. Всѣхъ позвали смотрѣть, какъ покончить свои расчеты съ жизнью злѣйшій врагъ могущественнаго пана Сандецкаго.

Часовъ въ девять утра все было готово. Вызванный ксендъ отправился въ горницу, гдѣ сидѣлъ заключенный, чтобы его исповѣдовать и причастить.

Панъ Яницкій, посѣдѣвший за одну ночь,—босоногий, въ одной бѣлой рубахѣ, онаянный веревкой,—появился изъ замка среди цѣлой процессіи, съ ксендзомъ впе-

реди, несшимъ надъ головой большое Распятіе, и съ францисканскими монахами, несшими зажженные свѣчи. При полномъ безмолвіи народа, всѣ приблизились къ эшафоту, гдѣ уже стоялъ на своемъ мѣстѣ палачъ съ сѣкирой.

Взойдя на помость, панъ Яницкій сталъ, рыдая, умолять врага помиловать его, простить ему всѣ обиды; но панъ Ксаверій былъ неумолимъ.

— Я долженъ воспользоваться этими днями, чтобы проучить буйнаго сесѣда, отвѣчалъ онъ.—Отвыкъ всѣ будутъ знать, что пана Ксаверія трогать опасно. Прочти еще молитву, а затѣмъ отправляйся къ праотцамъ!

Панъ Яницкій сталъ на колѣни и началъ читать молитву. Затѣмъ ему завязали глаза, и панъ Сандецкій, приблизившись къ эшафоту, громко приказалъ палачу:

— Если ты сразу отсѣчешь ему голову, то получишь сто червонцевъ. Если же ты ранишь его настолько, что онъ упадетъ, а голова будетъ держаться, хотя бы на одной кожицѣ, то я тебѣ велю дать здѣсь же сто илтей, отъ которыхъ ты отправишься на тотъ свѣтъ. Ну! прибавилъ онъ. — Я сочту: разъ, два и три... По третьему разу, чтобы голова злодѣя запрыгала на помость.

И среди глубокой тишины, наступившей среди двора, раздался голосъ пана Ксаверія, начавшаго протяжно, съ остановками считать.

— Ра-азъ!.. произнесъ Сандецкій громко и повелительно.

Стоящій на колѣняхъ съ завязанными глазами, слегка осунулся и быстро перекрестился.

— Два!.. вскрикнулъ панъ.

Яницкій еще болѣе сгорбился, безсознательно подставляя палачу свою голую шею еще удобнѣе.

— Три!.. вскрикнулъ Сандецкій.

Палачъ не шелохнулся и стоялъ истуканомъ, даже улыбаясь, но Яницкій свалился на-бокъ и илпнулся на помость.

— Вотъ и все! крикнулъ панъ Сандецкій на весь дворъ. — Я обѣщалъ пану Яницкому напугать его до смерти или до полусмерти, и сдержалъ свое слово!

Яницкаго, развязавъ ему глаза, тщательно осмотрѣли. Онъ дышалъ.

— Ну, и слава Богу! воскликнулъ Сандецкій. — До смерти испугать труса я бы не желалъ... Будетъ помнить и такъ.

Это колѣно пана Сандецкаго, разумѣется, было извѣстно во всей Польшѣ. Онъ напугалъ своего врага такъ, какъ рѣдко кому-либо удавалось.

Панъ Яницкій съ тѣхъ поръ уже не оправился вполне, все хворалъ и прожилъ недолго. Ночь, проведенная передъ казнью въ Сталушенияхъ и самое ожиданіе сѣкиры на помость, состарило его въ нѣсколько часовъ на двадцать лѣтъ.

Этотъ фокусъ съ врагомъ панъ Сандецкій устроилъ когда былъ уже давно женатъ. Вообще же онъ послѣ женитбы остепенился. Онъ позволялъ себѣ только изрѣдка попировать съ друзьями и, конечно, продолжалъ играть въ фараонъ, дьябелку и другія азартныя игры, но поставилъ себѣ правиломъ болѣе пяти тысячъ злотъ не проигрывать въ одинъ вечеръ.

Только одно осталось по старому Несмотря на женитбу, Сандецкій продолжалъ быть поклонникомъ прекраснаго пола. Потерявъ жену чрезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ свадьбы, панъ Ксаверій далъ клятву никогда болѣе не жениться. Узы брака были ему не по плечу...

(Продолженіе будетъ).

Артемій Саватьевъ.

Разсказъ **В. В. Тютчева.**

Вотъ уже второй мѣсяцъ Артемій Саватьевъ, рядовой X*** пѣхотнаго полка, находится въ возбужденномъ состояніи духа. Каждое утро, просыпаясь, онъ первымъ деломъ суетъ руку подъ подушку, вытаскиваетъ коробочку изъ-подъ напиростъ, въ

которой у него хранится огрызокъ карандаша и продолговатый лоскутокъ бумаги, весь написанный цифрами. Доставъ бумажку, Саватьевъ съ минуту смотритъ на нее, точно любитъ ее, зачеркиваетъ или, вѣрнѣе, зацарапываетъ одну изъ

Напрасные поиски. Карт. Е. Жирарде, грав. Т. Жирарде.

цифры и, сунув коробочку опять под подушку, крестится и бормочет:

„Слава Богу — вот и еще денек прошел!“

В свободное от службы время Саватьев лежит на койке и размышляет:

„Чудно, думает он, — шесть лет прошло, ровно шесть дней; некогда служил, как долго время-то шло, а вот как отслужил, кажется, словно бы вчера на службу прибыл“.

Вспоминается Саватьеву первое время поступления в полк. Первые шаги по службе не легки были. Помнить он, как обучали их в длинной, сырой, холодной казарме, как кричали на них ундера, искренно изумляясь их безтолковости.

„Чудно, продолжает размышлять Саватьев, — точно вчера, а ведь этому почитай шесть лет! А чудные мы тогда были, надо правду молвить, добродушно ухмыляется Саватьев, вспоминая, как неуклюже маршировали они новобранцами на ротном дворе, переваливаясь съ боку-на-бок и старательно, до поту лица, вытягивая и выворачивая ноги под оглушающий треск барабана, — чудные, быдто и не люди, а лѣсовники какие — одно слово „деревня“.

Прозвонит Саватьев слово „деревня“, а сам усмѣхается: но не насмѣшкой, не презрѣнием, как у иных, звучит въ устах его это слово, — напротив, оно пробуждает въ немъ чувство умиления и тихой радости. Шесть лет прослужил Саватьев, до косточки изучил солдатскую службу, и маршируетъ козыремъ, и приемы ружьемъ откальваетъ — глядѣть сердце радуется, — но въ душѣ онъ остался все тѣмъ же деревенскимъ парнемъ. Добродушный, смиренный, безхитростный Артемій Саватьев только и мечталъ о томъ, какъ бы скорѣй отслужить свой срокъ, да и вернуться къ себѣ во-свои, въ свою родную Колосевку, къ отцу съ матерью. Снять мундиръ, надѣть снова крашенину и, осѣнившись крестомъ, съ любовью и рвениемъ приняться за землю-кормилицу.

Шесть летъ постоянно, словно волшебною силой, тянула его къ себѣ деревня, тянула до упомраченья, до безвыходной тоски. Нѣсколько разъ покушался Саватьев бѣжать со службы, но всякій разъ благоразуміе брало верхъ. Не преступникомъ, не бѣгунѣмъ боящимся свѣта Божьяго и добрыхъ людей хотѣлось возвратиться Саватьеву въ родимую пѣзу, а какъ быть должно — по чести, по хорошему, чтобы никто слова худаго про него сказать не могъ, укорить имъ старика-отца.

День за день, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ медленно, однообразно пошло время и... вдругъ, какъ-то сразу случилось такъ, что всѣ шесть летъ безъ малаго отслужилъ уже за снпшой, и до конца службы Саватьева осталось всего какихъ-нибудь два мѣсяца. Тогда-то вотъ Саватьев и раздобылъ себѣ коробочку, бумажку и огрызокъ карандаша. На бумажкѣ онъ написалъ сверху: „Октябръ, Ноябрь, Декабръ“, сбоку — дни недѣли, а рядомъ числа. Первымъ числомъ было 20 октября, день его Ангела, Св. Великомученика Артемія, послѣднимъ 20 декабря — срокъ службы. Съ этого дня, онъ каждое утро, просыпаясь, первымъ дѣломъ вычеркивалъ вчерашній день — и по мѣрѣ того, какъ уменьшался рядъ незачеркнутыхъ цифръ, сердце его билось тревожнѣй и нерѣшлнвѣй.

А тутъ отецъ его, какъ нарочно, словно поддразниваетъ. Въ началѣ ноября Артемій получилъ изъ дому письмо, которое чрезвычайно взволновало его. Послѣ подробнаго описанія своихъ дѣлъ и перечисленія безконечныхъ поклоповъ, чуть-ли не отъ всей деревни, внизу письма стояло слѣдующее: „а въ концѣ сего, любезнѣйшій сынъ мой, слезно прошу тебя, пріѣзжай къ намъ скорѣйча, ждемъ тебя съ нетерпѣніемъ, я тебѣ и невѣсту уже приглядѣлъ, помнишь Маланью, тетки Арнины дочку. Они тащерица живутъ хорошо, дядя въ Питерѣ въ извозчикахъ и денегъ имъ высылаетъ, пѣзу поставили новую и надѣла держатъ на двѣ души. Мать уже кое-что вывѣдала отъ тетки Арнины и мысля я, обѣ онѣ не прочь, а тебѣ Маланька и прежде по мысли была!“

Прочитавъ это письмо, Артемій задумался. Какъ живая встала передъ нимъ черноглазая, шустрая Маланька, подруга его дѣтскихъ игръ. Когда онъ уходилъ въ службу, Маланькѣ было уже шестнадцатый годъ, а теперь ей стало-быть уже и всѣ двадцать два. „Чай раздобрѣла, вытянулась“, думаетъ Артемій. Онъ никогда не былъ влюбленъ въ Маланьку, да и не думалъ о ней почти никогда, но послѣ отцовскаго письма не на шутку задумался о ней, и не прошло недѣли, какъ ему казалось уже, что онъ всегда любилъ ее. Теперь онъ глядѣть на нее, какъ на свою невѣсту.

„Вотъ ужъ пріѣду, зашло сватовъ, то-то важно будетъ!“

И Саватьев улыбаясь добродушнѣйшей улыбкой, мечтал, какъ заливаетъ онъ съ молодою женой на новомъ хозяйствѣ. Любо!

Если въ стѣнахъ казармы Саватьев не ощущалъ потребности заводить съ кѣмъ бы то ни было особенно близкихъ, пріятельскихъ отношеній, проводя все свободное время въ постоянныхъ мечтаніяхъ, то въ казармѣ, въ городѣ, у него и подавно не было никого знакомыхъ. Саватьевъ терпѣть не могъ городской жизни, не понималъ ее, и никогда бы добровольно не рѣшился остаться жить въ городѣ. Въ отпускъ изъ казармы онъ уходилъ очень рѣдко и то не надолго, и

только по дѣлу. Только въ послѣдній годъ службы, онъ совершенно случайно познакомился съ церковнымъ сторожемъ Сидоровичемъ. Сидоровичъ или, какъ его звали, Сидорычъ, былъ сторожемъ при церкви Іоанна Крестителя, въ приходѣ которой состояли и казармы N*** пѣхотнаго полка. Главною и отличительною чертой Сидорыча было безпробудное пьянство. Это былъ горячій пьяница, какого только свѣтъ видалъ, и если онъ до сихъ поръ держался еще въ должности сторожа, то единственно благодаря необыкновенному добродушію и снисходительности настоятеля церкви, отца Пансія, который терпѣлъ Сидорыча изъ сожалѣнія къ его семьѣ. Не проходило ни одного праздника, чтобы Сидорычъ къ вечеру не очутился въ какой-нибудь канавѣ мертвецки-пьяный. Излюбленнымъ его мѣстопребываніемъ въ такія минуты былъ глубокой песчаный ровъ, окружавшій плацъ и отдѣлявшій площадь, на которой стояла церковь, отъ казармы. Однажды Саватьевъ, возвращаясь домой, услышалъ во рву не то стоны, не то какое-то хрюканье. Заглянувъ въ ровъ, онъ увидѣлъ Сидорыча, но въ такой неудобной, невозможной позѣ, съ ногами выше головы, съ лицомъ прижатымъ къ песчаному дну рва, что надо было удивляться, какъ онъ не задохся въ немъ. Саватьевъ не безъ труда слѣзъ въ канаву и принялся изъ-всѣхъ силъ тормошить полубезчувственнаго Сидорыча.

— Эй ты, милѣ-человѣкъ, протухайся! ну, что такъ-то, на манеръ какъ бы свиньи! урезонивалъ Саватьевъ Сидорыча.

Но милѣ-человѣкъ только глазами хлопалъ и испускалъ какое-то непонятное мычаніе.

— Ишь ты дѣла какія! почесалъ загривокъ Артемій, — иначе такъ оставишь нельзя.

Онъ вылѣзъ изъ канавы, безъ церемоніи вытащилъ Сидорыча за одну ногу на свѣтъ Божій и поставивъ кое-какъ на дыбки, поволокъ его, придерживая одной рукой за шиворотъ, а другой за спину пониже тали.

На порогѣ полукаменной, полудеревянной, почти развалившейся хибарочки, ютившейся между церковной оградой и папертью, ихъ обоихъ встрѣтила высокая, еще молодая, лѣтъ тридцати двухъ-трехъ женщина, чрезвычайно худая, блѣдная и истощенная. Осъ тувшееся лицо ея, со свалившимися, сухими щеками и острыми подбородкомъ носило печать болѣзненности и затаеннаго недовольства. Слово бы кто ее только что горько обидѣлъ и она старается какъ-нибудь удержаться и не заплакать. Рядомъ съ женщиной, цѣпляясь рученкой за ея платье, стояла дѣвочка лѣтъ семи, бѣлокурая, голубоглазая, съ пріятными, но болѣзненными чертами лица. Она чрезвычайно походила на мать и была такъ же худощава, блѣдна и истомлена.

Высокая, блѣдная женщина была жена Сидорыча, Анисья, голубоглазая дѣвочка — его дочь, Оля. Увидя торжественное шествіе, направлявшееся къ порогу избушки, Анисья сурово насушилась и раздраженнымъ, звонкимъ голосомъ крикнула:

— Что, сударникъ, опять пьянъ? опять люди добрые изъ какой-нибудь канавы выволокли? И въдь не лопнешь-то ты никогда, Иродъ провальный, безстыжіе твои глаза! Не сдохнешь, пьяница!

Сидорычъ ни единымъ словомъ не возразилъ на привѣтствіе суируги, а только изъ-всѣхъ силъ тарачилъ и пучилъ глаза, словно старался получше разглядѣть ее.

Безмолвіе мужа и его бессмысленно выпученные глаза по-видимому имѣли свойство окончательно выводить изъ себя Анисью.

— Господи Боже мой! заголосила она, размахивая руками и съ ненавистью поглядывая на взерошенную, перемазанную фигуру Сидорыча. — Господи Боже мой! что я за несчастная такая! Дня, дня не проходитъ, чтобы ты не наливался, аспидъ ты этакій, *стуканъ* безчувственный, Иродъ безстыжіи!..

Неизвѣстно, какъ долго наливала бы разгнѣванная сторожиха справедливое негодованіе на голову своего окостенѣшаго суируга, еслибъ страшный припадокъ кашля не пресѣкъ сразу потоковъ ея краснорѣчія. Схватившись одной рукой за бокъ, а другой за косякъ двери, она въ теченіе нѣсколькихъ минутъ вся сотрясалась отъ порывовъ удушливаго кашля. Блѣдное лицо ея поблѣднѣло еще больше, глаза расширились, на лбу выступили крупныя капли пота; словно березку на огнѣ, сводило ея тщедушное тѣло. Она кашляла такъ, какъ будто что рвалось у нея въ груди. Наконецъ она съ трудомъ перевела духъ..

— Убивецъ ты мой, лиходѣй!.. начала она было снова, но въ эту минуту въ избушкѣ раздался пронзительный плачь и пискъ.

Женщина махнула рукой и поспѣшно скрылась за дверь. Сидорычъ тупо посмотрѣлъ ей вслѣдъ и такъ же, какъ до этого глядѣлъ на жену, уперся глазами въ лицо дочери. Дѣвочка стояла на томъ же мѣстѣ, въ дверяхъ избушки, и пристальнымъ пристальнымъ взглядомъ глядѣла въ лицо отцу. Кто знаетъ, что думалъ въ эту минуту семилѣтній ребенокъ, какія мысли копошились въ его маленькой головкѣ; но судя по грустному выраженію личка, можно было угадать, что мысли эти далеко не веселыя. Затаенное, не дѣтское горе и печаль свѣтились въ этихъ голубыхъ, какъ незабудки, задумчивыхъ глазахъ.

Саватьевъ махнулъ рукой, и не дожидаясь конца всей этой

сцены, повернулся и торопливо зашагал домой в казармы. Весь вечер и весь следующий день продумал Саватьев о вчерашней встрече. Ему чрезвычайно было жаль Анисью, а еще того больше Олю, ее двух сестриц и брата, а между тем, он не мог негодовать на Сидорыча, даже не упрекал его.

— Чай и сам не радъ, а что ты тут подблаешь, хворость не хворость, а хуже того... Ахъ эта водка okayная, и сколько это съ ней по людямъ горя ходитъ... и-ихъ!..

Въ следующее воскресенье Саватьевъ закупилъ бубликовъ, пряниковъ, леденцовъ въ пестрыхъ бумажкахъ и отправился къ Сидорычу. Сидорыча, по обыкновенію, не было дома; онъ гдѣ-нибудь или благодумствовалъ, или мирно хранилъ въ какой-нибудь канавкѣ. Анисья хотя и удивилась нѣсколько неожиданному посѣщенію Саватьева, но вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовалась ему. Она съ сияющимъ отъ удовольствія лицомъ, улыбалась, глядя, какъ ея любимица Оля, пятилѣтняя Настя и двухлѣтняя Паша накиннулись на принесенныя сласти и съ блистательными отъ наслажденія глазками принялись за быстрое уничтоженіе ихъ. Даже девятимѣсячный Ванюша, барахтавшийся въ бѣльевой корзинѣ, замѣшавшей ему люльку, получилъ бубликъ и важно принялся сосать его, пуская пузыри и барабани ножками по краямъ корзины.

Весь день просидѣлъ Саватьевъ у сторожика, наколотъ ей дровъ, наносилъ воды, между дѣломъ починилъ разохнувшуюся кадку. Анисья была въ восторгѣ. Какъ все много вынесешь, въ концѣ несчастлившихся люди, она рада была излить передъ кѣмъ-нибудь свое горе. Саватьевъ былъ самый подходящий слушатель. Самъ онъ ничего не говорилъ, ни о чемъ не спрашивалъ, слушалъ молча, внимательно, и Анисья въѣмъ нутромъ чувствовала, что рѣдко могла она встрѣтить человѣка столь глубоко и искренно сочувствующаго ей, какъ Артемій.

Съ этого дня Саватьевъ частенько сталъ похаживать въ сторожку Сидорыча. Тамъ онъ былъ дорогимъ гостемъ. Дѣти въѣмъ сердцемъ полюбили его, и стоило ему показаться, какъ они съ визгомъ и крикомъ бросались къ нему и вили на немъ. Даже маленький Ванюша очень скоро привыкъ къ нему и, завидя его, принимался усиленно пускать пузыри и махать рученками, испуская при этомъ какой-то невообразимо пронзительный визгъ, что выражало его сердечное удовольствие.

Трудно сказать, что главнымъ образомъ влекло Саватьева къ семьѣ Сидорыча. Жалость ли къ Анисѣ и ея дѣтямъ, желаніе помочь и облегчить ей трудную, рабочую жизнь, или сама эта жизнь, хоть и бѣдная, и непритягательная, но все-же волная, не казарменная? Всего вѣрнѣе — то и другое вмѣстѣ. Какъ бы то ни было, но съ каждымъ посѣщеніемъ Саватьевъ все больше и больше привязывался къ семьѣ Сидорыча. Особенно полюбили ему Олю. Всякій разъ, приходи, Саватьевъ приносилъ ей гостинцы, а однажды даже довольно большую папачную куклу въ ситцевомъ платьѣ и какой-то небывалой шляпѣ. Трудно вообразить себѣ восторгъ всей семьи, но еще труднѣе сказать, кто былъ больше радъ этой куклѣ: Оля или сама Анисья.

Увидя куклу въ рукахъ дочери, она даже прослезилась и съ выраженіемъ безграничной благодарности взглянула въ курносое, рябоватое лицо Артемія.

— Богъ тебя наградитъ, Артемьюшка, спасибо тебѣ, родной! прошенгала она и поспѣшно отвернулась, чтобы скрыть свое волненіе.

Сидорычъ совершенно безучастно относился къ посѣщеніямъ Саватьева; приходи домой и видя у себя въ комнатѣ солдата, онъ молча кивалъ ему головой и отправлялся спать. Раза два Артемій заставлялъ его трезвымъ, но въ трезвомъ видѣ Сидорычъ былъ угрюмъ и молчаливъ, и сколько ни заговаривалъ съ нимъ Саватьевъ, онъ или отмалчивался, или отгадывался короткими, отрывочными фразами. Сначала Саватьевъ думалъ, что онъ ревнуетъ его и сердится, но вскорѣ онъ убѣдился, что Сидорычу было рѣшительно все равно. Роковая страсть, съ каждымъ днемъ все больше и больше овладевавшая имъ, сдѣлала его апатичнымъ ко всему, кромѣ вина и кабака. Казалось, вся жизнь этого человѣка сосредоточилась въ одномъ роковомъ, мучительномъ вопросѣ: „Какъ бы выпить!“ Нѣсколько разъ онъ пробовалъ просить у Артемія на выпивку, но тотъ денегъ не давалъ, откровенно говори ему, что на водку не дастъ, а лучше купишь имъ хлѣба или чаю. Сторожъ соглашался, что это лучше, но тѣмъ не менѣе кончалъ тѣмъ, что угаскивалъ изъ дому что-нибудь и пропивалъ.

— Эхъ, горемыки, горемыки! думалъ порой Артемій, сидя въ низкой закопѣтой комнатѣ сторожевой хибарочки и глядя на возившихся на полу дѣтей, — эхъ вы горемыки, и чтой-то съ вами будетъ, какъ съ матерью, аль пуце того съ отцомъ случится что? Онъ хучь и пьяница, а все какъ-никакъ имъ держится, а умри онъ... И сердце Артемія болѣзненно сжималось при мысли что будетъ дѣлать въ случаѣ смерти мужа Анисья съ четырьмя ребятишками малъ-мала-меньше. Къ тому же и Анисья послѣднее время стала все чаще и чаще прихварывать. Невыносимая жизнь видимо и быстро подтачивала ея здоровье.

Наступилъ декабрь. Въ первой половинѣ его отецъ Пансіей,

по разъ заведенному обычаю, отпраивалъ въ Москву тестю своему цѣлый транспортъ всякой домашней провизіи. Тутъ были и цѣла откормленные гуси, и жирныя индѣйки, парные поросята, и цѣлая коллекція всякихъ вареній и солений. Отецъ Пансіей былъ человѣкъ хозяйственный и заcasливый. Обыкновенно онъ самъ лично отвозилъ въ сопровожденіи Сидорыча посылку на станцію желѣзной дороги, отстоявшую отъ города въ пяти верстахъ съ небольшимъ, но на сей разъ отецъ Пансіей почувствовалъ себя не хорошо; у него сильно разыгрался застарѣлый ревматизмъ, и онъ рѣшился остаться дома, а на станцію послать одного Сидорыча.

Долго уговаривалъ отецъ Пансіей Сидорыча, утраивая его не нантись и исполнить въ точности возложенное порученіе. Сидорычъ клялся, божился на чемъ свѣтъ стоитъ, что глотка въ ротъ не возьметъ.

— Отеохи мои руки, лопни глаза, сдохнуть бы мнѣ безъ покаянія, крестился онъ, — коли ежели рюмку одну выпью.

— Ну, то-то же, смотри, Сидорычъ, грѣхъ большой будетъ коли обманешь, погрозилъ пальцемъ отецъ Пансіей. — Ну, Богъ съ тобой, иди, запрягай Буланку въ рабочыя сани и поѣзжай съ Богомъ, да назадъ скорѣй вертайся.

— Будьте спокойны, будьте спокойны, все падѣлаю какъ слѣдуетъ, увѣрялъ Сидорычъ, отбѣсивая низкіе поклоны и пятясь къ двери.

Все время пока Сидорычъ запрягалъ кудастаго, мохнатого „Буланку“, Оля находилась въ болыномъ волненіи. Она то вертѣлась подлѣ отца, то бѣжала къ матери, стравившей какія-то тряпки, и умильно заглядывала ей въ глаза.

— Ты чего, езова, езовишь? ласково спросила Анисья, оглядываясь на дочь. — Небось съ отцомъ на станцію хочешь?

Вмѣсто отвѣта Оля бросилась къ матери и повисла ей на шеѣ. Еще бы не хотѣлось, такого удовольствія годами не дожидаясь. Мать любовно погладила ее по головкѣ.

— Погодь, отецъ придетъ, я скажу, чтобы онъ тебѣ взялъ!

Оля взвизгнула и повнеслась изъ комнаты; въ дверяхъ она столкнулась со входившимъ отцомъ.

— Куда ты несешь, юля! окрикнулъ онъ ее.

— Послушай-ка, сказала Анисья, не глядя на мужа (она терпѣть не могла просить его о чемъ-нибудь). — возьми дѣвочку-ать съ собой, пусть прокатится.

— Ну, вотъ еще придумала, недовольнымъ тономъ отозвался тотъ, — куда ее, только руки свяжетъ.

При этихъ словахъ личико Оли вытянулось и поблѣднѣло, губки затряслись, она готова была заплакать. Анисья вскинула отъ досады.

— Знаю я отчего ты ее брать не хочешь: съ ней тебѣ въ кабацъ идти нельзя наливать, пьяница, каторжникъ! сердито закричала она, сверкнувъ глазами на мужа.

— Ну, завела! поморщился Сидорычъ. — По моему, пусть ѣдетъ, мнѣ што... ты только ее укутай потеплѣе... Да вотъ еще что... знаешь... того, — Сидорычъ замаялся, — дай-ка, того, итачекъ, аль гривенникъ, булку, что-ль, тамъ купишь ей, отощаетъ она на морозѣ.

— Ишь ты заботливый какой, смотри пожалуйте! извистельно замѣтила Анисья, — знаю я на что тебѣ гривенничекъ-то! купишь ты ей булку, какъ же, держи карманъ, пьяница!

Однако она достала платокъ, и вынувъ изъ узелка серебряную монетку, сунула ее въ руку мужу.

— На, подавись, Иродъ!

Тотъ, не обижаясь на прозвище, торопливо сунулъ монетку въ карманъ и вышелъ на дворъ. Анисья наскоро снарядила Олю, закутавъ ее чуть-ли не во все находившіяся въ наличности тряпки. Она сунула ей за пазуху двѣ лешенки, видно и взаправду не очень-то разсчитывая на заботливость Сидорыча.

— Ну, Господь съ тобой! торопливо произнесла она, крѣпко цѣлуя дочь и крестя ее. — Смотри же, будь умная, да не давай отцу пить! прибавила она, понизивъ голосъ.

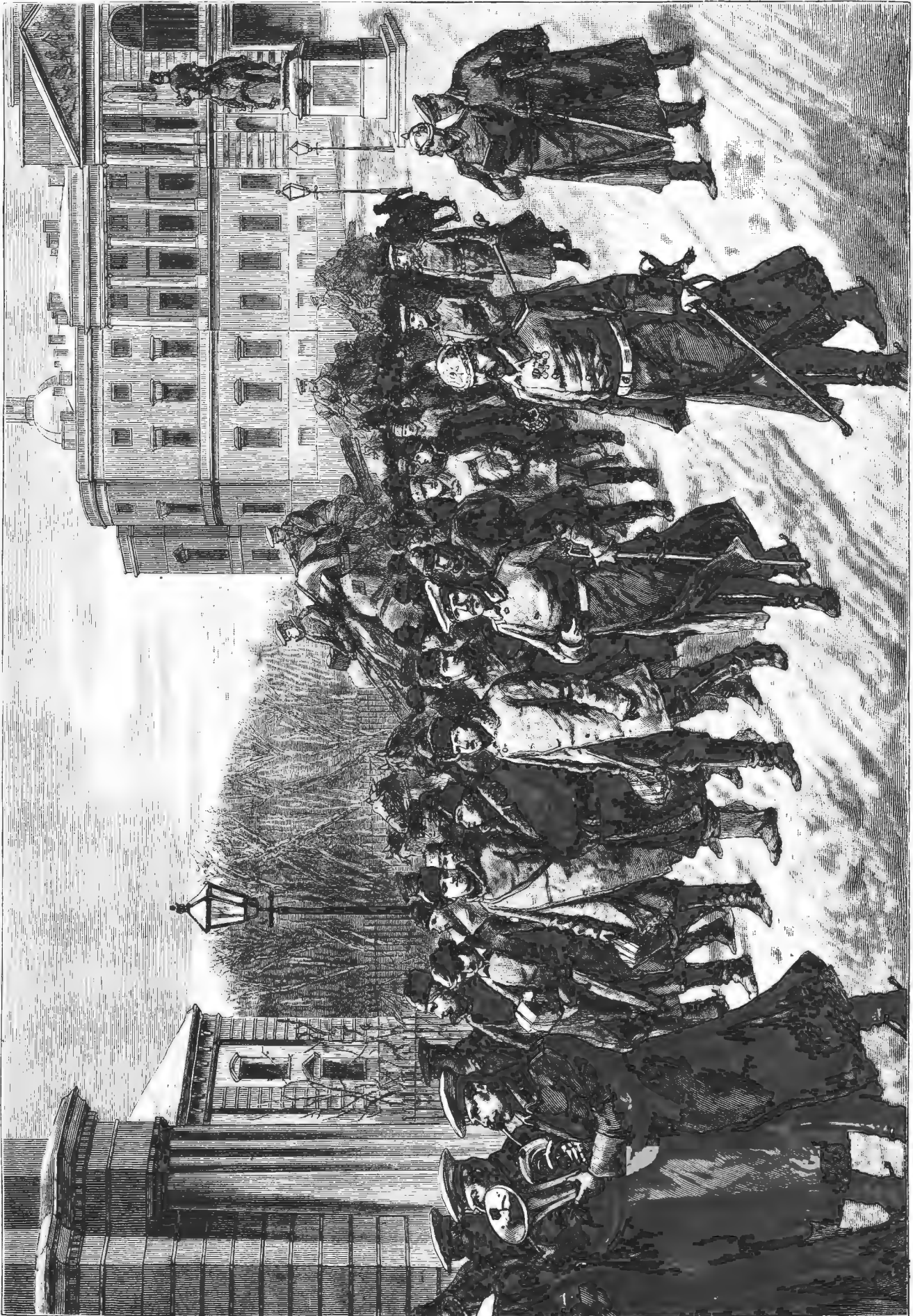
Дѣвочка кивнула головкой: „Понимаю, молъ“ — и выпорхнула изъ комнаты.

Отпустивъ мужа и дочь, Анисья принялась за прерванную работу, но сегодня ей что-то сильно нездоровилось. Нѣсколько разъ бросала она дѣло и въ изнеможеніи садилась на лавку. День быстро клонился къ вечеру. Дѣти, навозившіяся и набѣгавшіяся на морозѣ, крѣпко заснули, какъ котята кучкой въ ногахъ широкой кровати. Ванюша тоже спалъ, изъ всей силы прижимая свой кулачекъ къ губамъ.

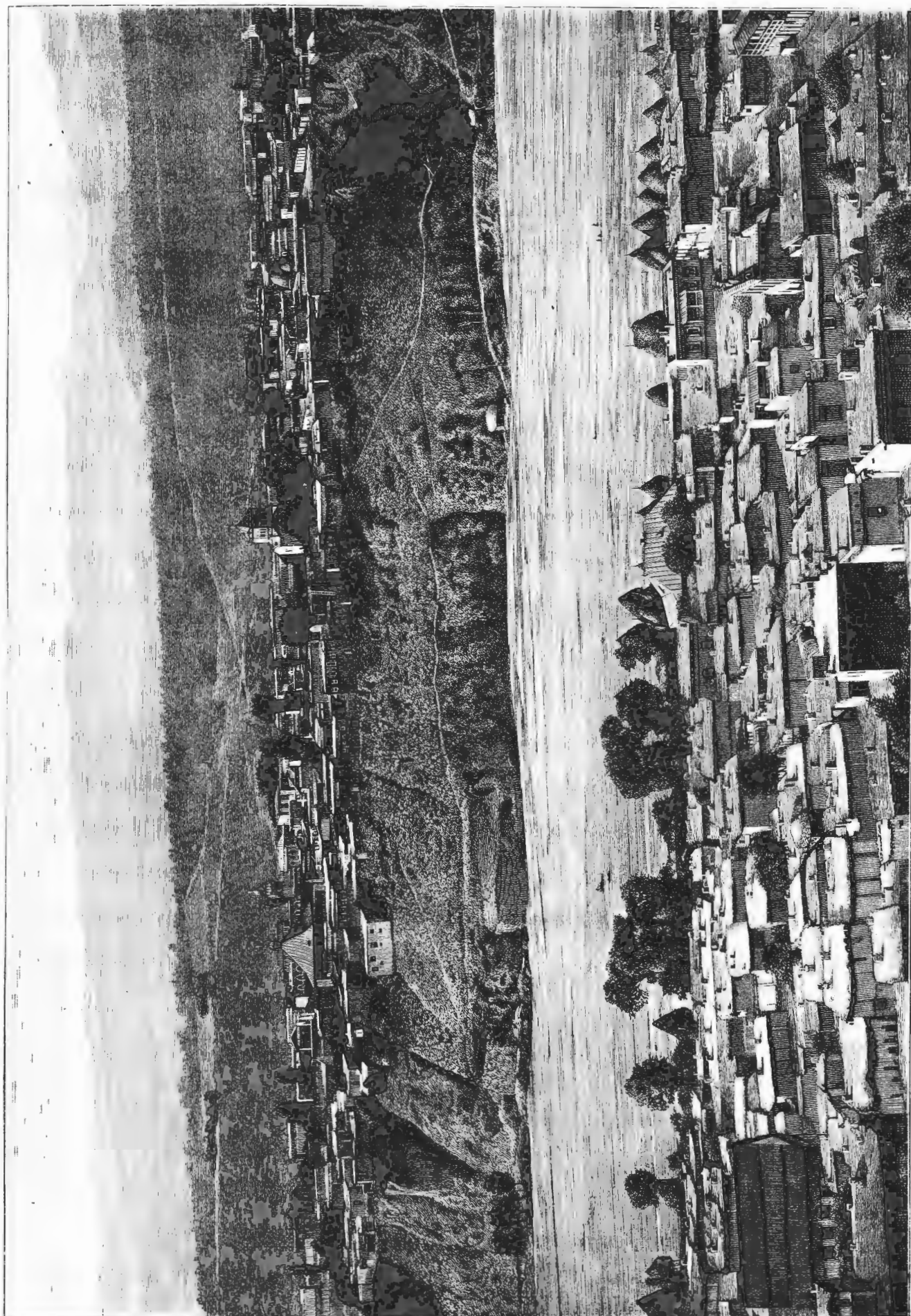
Анисья печальнымъ взглядомъ обвела невзрачную комнатку и вздохнула.

— Чтой-то это мнѣ какъ сегодня нездоровится, прошенгала она, — прилечь нешто.

Она, слегка пошатываясь, подошла къ кровати и осторожно, чтобы не разбудить спящихъ дѣтей, опустилась на жесткое ложе. Голова ея слегка закружилась, и она сама не замѣтила какъ заснула. Страшный, безобразный сонъ приснился Анисѣ. Приснилось ей поле и на этомъ полѣ мертвецъ лежитъ, а въ рукахъ мертвеца свѣча, и тутъ же чья-то шинель — и шинель эта копошится и изъ-подъ нея что-то дѣлаетъ страшное, змѣя не змѣя, лягушка не лягушка. Съ тихимъ стономъ проснулась Анисья, очулась и поднялась въ постели. Въ комнатѣ было

Проводы новобранцевъ въ казармы. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Броллинга, грав. Гашевскій.

Видъ города Кубы, на р. Кубинкѣ, Бакинской губерніи. Съ фот. Ройнова, грав. Раппевскій.

темно какъ въ могилѣ. Мертвая тишина, только слышно тихое дыханіе спящихъ дѣтей. За стѣнами хибарочки раздавались пронзительное стenanіе вѣтра.

„Должно-быть вьюга!“ мелькнуло въ умѣ Анисьи, — „а мужъ? а Оля?“ — вспомнилось ей вдругъ, и холодный потъ облилъ ея тѣло, — „неужели они не вернулись еще! Который же однако часъ?“

Въ эту минуту, словно въ отвѣтъ на ея вопросъ, на противоположной стѣнѣ что-то зашумѣло, затрещало, и стѣнные часы пробили два.

Анисья торопливо соскочила съ кровати, дрожа отъ страха заглянула сичку, и засвѣтивъ небольшую жестиную лампу, взглянула на часы.

„Да, два часа уже, однако я заспалась; гдѣ же мой-то злодѣй провалялся, чего онъ не ѣдетъ?.. неужель опять напился?.. само собой разумѣется что не иначе... Гдѣ ему утерпѣть, поди встрѣлся съ кѣмъ-нибудь, у него знакомыхъ до Москвы не перевѣшаешь! Олюшка-то съ нимъ, вотъ бѣда!.. Эхъ, и я-то, дура, нашла съ кѣмъ пустить, — право дура, десять лѣтъ съ нимъ маюся, а все вѣрю еще, что совѣтъ у него есть!“

(Продолженіе будетъ).

Современная кухня.

Иды Барберъ.

Разнообразіе пищи необходимо, но при этомъ кушанья должны быть еще такъ скомбинированы, чтобы обѣдъ давалъ достаточное количество питательныхъ веществъ; вотъ нелегкая задача, отъ выполненія которой зависятъ въ значительной степени здоровье и силы каждой семьи.

На этомъ пути не мало приходится бороться со старинными предрассудками, какъ напримѣръ съ убѣжденіемъ, что только мясо составляетъ питательную пищу. Хотя безспорно животное царство, сравнительно съ растительнымъ, даетъ больше продуктовъ содержащихъ питательныя азотистыя и бѣлковыя вещества, — почему большинство людей болѣе довѣряютъ мясу, чѣмъ овощамъ, — однако существуетъ не мало растений которыя, въ качествѣ веществъ образующихъ кровь, не уступаютъ мясу. Во многихъ хозяйствахъ овощи оказываются даже гораздо питательнѣе мяса, которое сначала вываривается въ теченіе нѣсколькихъ часовъ для приготовленія бульона.

Разсмотримъ, сколько процентовъ азотистыхъ веществъ, т. е. бѣлка, казеина или клейковины, содержатъ въ себѣ въ сыромъ видѣ наиболѣе употребительныя животныя и растительныя пищевые продукты, и мы убѣдимся, что послѣдніе могутъ смѣло конкурировать съ первыми.

Животные продукты:

Растительные продукты:

Животные продукты:	Процент.	Растительные продукты:	Процент.
Коровье молоко	6—7	Рисъ	3—6
Ослиное молоко	2—6	Морковь	1—1 1/2
Бѣлокъ	11—14	Картофель	2—2 1/2
Яичный желтокъ	12—14	Стручковые плоды	24—26
Мясо	14—16	Пшеничная мука	11—20
Рыба	12—14	Мансовая мука	10—12
Сыръ	60—62	Ячменная мука	12—15

На ряду съ веществами, идущими на образованіе крови, многие растительныя продукты содержатъ также вещества поддерживающія дыханіе въ болѣебольшомъ количествѣ, чѣмъ животныя.

Если хорошее молоко содержитъ среднимъ числомъ 3% жиру и 4—5% сахару, голубиное мясо 3, гусиное 8—10, дичь 5—8, баранина и телятина 9—10, а говядина 20% жиру, то ниже поименованныя растения заключаютъ въ себѣ въ слѣдующемъ количествѣ крахмалъ и сахаръ, вырабатывающія жиръ: рисъ — 83, маисъ — 73, пшено — 70, рожь — 66, чечевица — 50, бобы — 57, горохъ — 55, картофель — 15—20.

Только тотъ, кто знаетъ химическія свойства продуктовъ, можетъ соединять негннную пользу съ благообразною экономіею. Такъ, напримѣръ, если хозяйка будетъ кормить свою семью исключительно рисомъ свареннымъ съ жиромъ, водою и картофелемъ, то такая пища дастъ средства лишь для дыханія, но не для образованія крови. Это питаніе не будетъ достаточно, въ особенности для дѣтей, которыя растутъ. Если-бы семья питалась исключительно картофелемъ, то при такой пищѣ члены ея, просуществовавъ 6—8 недѣль, могли-бы съ полными желудками умереть съ голоду. Дыханіе поддерживалось-бы, теплота развивалась-бы, но не было-бы достаточнаго образованія крови, и дѣти перестали-бы расти. Этимъ и объясняется то, что дѣти, вскармливаемые картофелемъ, арроруту и другими не содержащими азота веществами, — слабы и худосочны. Не меньшую ошибку дѣлаютъ хозяйки дома, когда, желая дать болѣе питательную пищу, онѣ кормятъ свою семью исключительно образующими кровь веществами, какъ напримѣръ мясомъ, бульономъ, зеленью, кушаньями изъ яицъ, устрицами, кофе, чаемъ, шоколадомъ, совершенно избѣгая мясныхъ блюдъ. Лучшимъ руководителемъ является инстинктъ. Какъ бѣднякъ, обреченный на картофельную пищу, жаждетъ кофе, такъ и человѣкъ достаточный, инстинктивно удовлетворяя потребности организма въ дыхательныхъ веществахъ, ищетъ ихъ въ винѣ, пивѣ, ликерѣ или въ десертѣ, вареньяхъ, компотахъ, торгахъ и т. п., вводя такимъ образомъ въ организмъ необходимое количество углерода.

Для мало достаточныхъ людей вопросъ о доставленіи организму необходимыхъ для питанія веществъ осложняется еще заботою о томъ, чтобы достать эти вещества за возможно недорогую цѣну. Въ этомъ случаѣ подтверждается еще разъ давно извѣстная истина, что „дешевое часто выходитъ на дорогое“. Картофель, рисъ и т. п. повидному весьма дешевые продукты — въ сущности нерѣдко обходятся дороже мяса, такъ

какъ для достаточнаго питанія организма ихъ требуется несравненно большее количество. Молоко, яйца, мясо, хлѣбъ и болѣе всего недостаточно цѣнные стручковые плоды доставляютъ наиболѣе дешевую и питательную пищу. Бѣдняки, съѣдая часто огромныя количества, — не насыщаются, потому что не количество принятой пищи, а качество ея имѣетъ значеніе для правильнаго питанія организма. Пища только тогда достигаема цѣли, когда она даетъ организму средства для его химическаго обновленія, т. е. для жизненнаго процесса.

Современная кухня охотно пользуется экстрактами, представляющими сгущенную, легко переваримую пищу, какъ напримѣръ Либиховскій экстрактъ, одна ложка котораго придаетъ вкусъ и питательность самому плохому водянистому супу или самой безвкусной зелени. Экономныя хозяйки, слѣдующія американской пословицѣ „время—деньги“, давно уже пришли къ убѣжденію, что не сгодитъ топить по три часа плиту, чтобы приготовить крѣпкій бульонъ изъ мяса, когда этого можно достигнуть, сберегая время и деньги, небольшимъ прибавкомъ къ супу Либиховскаго бульона. Точно также достаточно сдѣлать одинъ шагъ, чтобы убѣдиться, насколько цѣлесообразнѣе употреблять для подливки къ жаркому мясной экстрактъ вмѣсто того, чтобы жарить мясо до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается жесткимъ и безвкуснымъ.

Хозяйка, умѣющая пользоваться экстрактомъ, можетъ въ десять минутъ приготовить вкусный обѣдъ, состоящій изъ супа, овощей и жаркаго, что составляетъ важный шагъ впередъ, которому позавидовали-бы наши бабушки.

По примѣру Либиха, приготовленіемъ мясныхъ экстрактовъ занялись и другія фирмы; всѣ онѣ находятъ сбытъ для своихъ произведеній, но лучшимъ остается попрежнему экстрактъ Либиха, который вываривается изъ мяса американскихъ бычковыхъ, герметически закупоривается и нѣсколько лѣтъ сохраняетъ свою свѣжесть и годность къ употребленію.

Въ общемъ интересъ слѣдуетъ пожелать, чтобы выводы современной науки получили болѣе доступа въ наше домашнее хозяйство. „Сберегать безъ лишней, пользоваться безъ расточительности“ — должно быть девизомъ каждой мыслящей хозяйки. Въ наше время разумнаго отношенія ко всему, нельзя не обратить вниманія на такой существенный факторъ народнаго благосостоянія, какъ нормально поставленный на научныхъ основаніяхъ вопросъ о питаніи. Химія и физика теперь сдѣлались важнымъ подспорьемъ домашней жизни. Съ помощью этихъ наукъ не трудно выяснитъ себѣ процессы питанія, пищеваренія и обменъ веществъ.

Отъ знанія свойствъ пищевыхъ продуктовъ и ихъ правильнаго употребленія зависитъ въ значительной степени физическое, а вмѣстѣ съ нимъ и интеллектуальное благосостояніе цѣлаго народа, по извѣстной пословицѣ: „въ здоровомъ тѣлѣ живеть и здоровый духъ“.

Научно доказанъ фактъ, что человѣкъ частью по привычкѣ, частью вслѣдствіе соблазновъ кухни, ѣстъ вдвое чаще, чѣмъ необходимо для поддержанія его жизни. Человѣкъ состоятельный наполняетъ себѣ желудокъ азотомъ и углеродомъ, и та излишняя полнота, которая тяготитъ его, полнокровіе, подагра, страданія печени, ипохондрія, — однимъ словомъ, масса болѣзней происходитъ отъ того излишка азота и углерода, который введенъ въ желудокъ неразумно организованною кухней. Съ другой стороны, человѣкъ неимущій, стѣсненный въ средствахъ, страдаетъ общимъ ослабленіемъ организма, слабостью легкихъ, слабостью мускуловъ, малокровіемъ, потому что его пища содержитъ въ себѣ слишкомъ много углеродныхъ веществъ, которыя легкія и кожа не успеваютъ выдыхать. И благодаря такому чрезмѣрному напряженію, дыхательныя органы ослабѣваютъ и болѣютъ.

Для рациональнаго питанія необходимо принимать въ соображеніе, что именно потребно для даннаго организма. Такъ какъ пищевыя вещества имѣютъ различную степень питательности, то каждая образованная хозяйка должна умѣть опредѣлять эту степень, чтобы правильно комбинировать обѣдъ своей семьи. Малокровному ребенку нужно иное питаніе, чѣмъ полнокровному; худому — иное, чѣмъ полному; мускулисту — иное, чѣмъ рахитику.

Вопросъ о питаніи можетъ быть тогда только рѣшенъ удовлетворительно, когда стоящая во главѣ дома хозяйка знаетъ составъ находящихся въ ея распоряженіи пищевыхъ веществъ.

„Практичнымъ хозяйкамъ“, которыя часто бываютъ очень непрактичны, вѣроятно покажется смѣшнымъ, если имъ предложить руководиться при заказываніи обѣда табличкою, опредѣляющей химической составъ продуктовъ; а между тѣмъ давно пора, чтобы прекратилось безсознательное блужданіе въ такомъ важномъ вопросѣ и чтобы выводы науки въ этомъ отношеніи были примѣнены на дѣлѣ.

Химики и физиологи опредѣляютъ общее количество пищи, потребное для взрослого человѣка на 24 часа, отъ 3,7—4 килограмма; но при этомъ должно быть принято въ соображеніе, сколько нужно для человѣка азота и сколько углерода. Научно сдѣланы въ этомъ отношеніи обширныя изслѣдованія; установлено также то вліяніе, которое оказываютъ на питаніе родъ занятій, образъ жизни, настроеніе духа и темпераментъ человѣка. Тотъ, кто ведетъ жизнь спокойную и тратитъ мало жизненной энергіи, но при этомъ пользуется порціей рабочаго человѣка, неизбежно заболѣваетъ; тотъ же, кто много работаетъ и принужденъ довольствоваться количествомъ пищи человѣка празднаго—ослабѣваетъ, рано старится и также заболѣваетъ.

Руководящій принципъ питанія слѣдующій: каждый индивидуумъ долженъ получать опредѣленное количество бѣлковыхъ веществъ и углеводовъ, сообразно съ количествомъ производимой имъ работы.

Приводимъ таблицу главнѣйшихъ пищевыхъ веществъ по количеству содержащихся въ нихъ азота, угля и жира:

	Азота.	Углерода.	Жиры.
Курица имѣетъ.	3%	16%	7%
Сало.	1%	21%	12%
Селедка.	1%	21%	10%
Яйцо.	1%	13%	7%
Молоко.	1/2%	8%	3%
Сыръ.	2%	23%	5%
Бѣлый хлѣбъ.	1%	29%	1%
Черный.	1%	40%	2%
Бобы.	4%	40%	2%
Шоколадъ.	1%	58%	26%
Масло.	1/2%	7%	82%
Растит. масло.	0%	2%	76%

Усвоивъ себѣ разъ основанія этой таблицы, легко уже составить ежедневное меню какъ для здороваго человѣка съ тяжелой и легкой работой, такъ и для больного и выздоравливающаго, и при томъ соблюдать экономію, не отнимая ничего у организма. Именно, у людей недостаточныхъ питаніе должно быть поставлено на самыхъ твердыхъ основаніяхъ, ибо, тамъ гдѣ каждый кусокъ на счету, степень его питательности должна быть строго сообразована съ его стоимостью. Если же обѣдъ составляется какъ попало, подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ, то происходитъ непроизводительная трата и бесполезныя лишненія для организма, во вредъ здоровью.

Такъ, напримѣръ, если человѣка кормить постоянно жирными веществами, каковы: крахмалъ, жиръ, сахаръ, пиво, то организмъ получитъ теплоту, но не будетъ вырабатывать крови. Черезъ шесть недѣль данный субъектъ будетъ уже безнадеженъ; какъ бы ни былъ переполненъ его желудокъ названными веществами, онъ умретъ со всеми признаками голодной смерти. Если бы, напротивъ, человѣку давали одни кровеобразовательныя вещества, какъ напримѣръ: бѣлокъ,

казенинъ, клейковину, животныя волокна, то хотя кровь его возобновлялась бы, по ему нечѣмъ было бы дышать; онъ бы холодѣлъ, слабѣлъ и черезъ тотъ же приблизительно промежутокъ времени умеръ бы съ тѣми же признаками голодной смерти.

Тѣ продукты, которые въ одно и то же время служатъ для дыханія и для кровеотворенія, должны, конечно, предпочтаться другимъ. Къ такимъ принадлежатъ:

Яйца (бѣлокъ, фосфоръ, сѣра, жиръ).

Молоко (казенинъ, жиръ, сахаръ, соли калія).

Жирное мясо (животныя волокна, бѣлокъ, жиръ, соли).

Кровавой супъ и колбаса (животныя волокна, бѣлокъ, жиръ, желѣзо, фосфоръ).

Хлѣбныя растенія, какъ-то: пшевица, рожь, овесъ, ячмень, греча.

Стручковые плоды (казенинъ, леуминъ, крахмалъ).

Зелень, напримѣръ, салатъ, шпинатъ (клейковина, бѣлокъ, крахмалъ, щелочи).

Грибы (клейковина, бѣлокъ, крахмалъ) чрезвычайно питательны.

Кофе, чай, шоколадъ (азотистыя щелочи, кофеинъ, теинъ, клейковина, дубильная кислота).

Другая группа пищевыхъ веществъ содержитъ преимущественно кровеобразовательныя вещества, какъ напримѣръ: мышечныя волокна безъ жира, нежирный сыръ, устрицы и т. п. Продукты эти недостаточны для дыханія.

Бѣлый хлѣбъ, картофель, рисъ, рѣпа, жиры, плоды, вина, водка, пиво, богаты, напротивъ того, дыхательными веществами, такъ какъ содержатъ въ себѣ много углерода и мало азота.

Практичная хозяйка, ведущая свой домъ на рациональныхъ началахъ, можетъ принести много пользы своей семьѣ. Она пойметъ, что нужно не только насытить своихъ близкихъ, но дать имъ именно ту пищу, которую требуютъ ихъ организмы при данныхъ условіяхъ.

Сангвинику нуженъ не такой столъ, какъ холернику, малокровному иной, тѣмъ дышащему силой и здоровьемъ.

Прежде хозяйка успокаивалась на томъ, чтобы обѣдъ былъ вкусенъ; новѣйшая наука сдѣлала возможнымъ питія требованія. Современная кухня ставитъ главной своей цѣлью такой составъ обѣда, который служитъ къ укрѣпленію, поддержанію и развитію организма, и переноситъ часто на второй планъ кулинарныя достоинства, служащія только къ раздраженію вкуса.

Мы обязаны этимъ шагомъ впередъ научно-популярнымъ трудамъ такихъ людей, какъ Либихъ, Петтенкоферъ, Кленке, — трудамъ, съ которыми должна быть знакома каждая мать семейства.

Когда домашняя лабораторія-кухня будетъ соответствовать своему назначенію, исчезнутъ и часто повторяющіяся жалобы на то, что человечество мельчаетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Дымящіяся котелки и кастрюли имѣютъ свою поэзію, и тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ поддерживать огонь семейнаго очага, не въ правѣ жаловаться на то, что задача ихъ слишкомъ мелка. Если онѣ правильно понимаютъ и исполняютъ свой долгъ, то служатъ благу ближняго лучше, чѣмъ женщины посвятившія себя болѣе широкой, эстетической дѣятельности. Къ сожалѣнію, число соединяющихъ въ себѣ идеальныя и практическія стремленія и приносящихъ пользу въ той и другой области—весьма ограничено. (С).

Къ рисункамъ.

Отвѣтъ. (Рис. на стр. 1044).

Талантливый художникъ нашъ, Н. Н. Карзинъ, удачно избралъ тему для своего смѣлаго рисунка. Какъ хорошъ этотъ чудный, могучій конь, могучею рукою сдержанный въ своемъ бѣшеностѣ, быстромъ порывѣ! Какъ могучъ этотъ сѣдокъ, законанный въ желѣзо и самъ словно выкованный изъ того же металла! Сколько силы, сколько стремительной мощи въ этомъ поворотѣ богатыря, взмахнушаго копьемъ!.. Горе тому, кого оно достигнетъ въ своемъ полетѣ, когда богатырь выпуститъ его изъ своей крѣпкой руки—и оно, свистя и разсѣвая воздухъ, устремится въ пространство!

Но итѣтъ, это конь никого не убьетъ и не ранитъ... Не на смертный бой, не на послѣдній бой выѣхалъ этотъ богатырь, обвѣшанный оружіемъ, съ копьемъ въ рукахъ, съ боевою налицо у сѣдла, съ тугимъ лукомъ въ налуччѣ, съ пернатыми стрѣлами въ колчанѣ... Онъ выѣхалъ только для того, чтобы дать смѣлый отвѣтъ на вызовъ дерзкаго врага, который напустилъ метнулъ свое копьѣе черезъ рубежъ Русской земли, вызывая могучихъ русскихъ богатырей помѣряться силами, потѣшить свою удалъ богатырскую, показать въ честномъ бою ухватку молодецкую... Богатырь прослышалъ о дерзкомъ замыслѣ врага и выѣхалъ на рубежъ, чтобы послать ему отвѣтъ, послать *естъ смерти*, написанную ясно на его копьѣ. На завтра, по пути, указанному полетомъ копьѣа, двинутся десятки богатырей и поведутъ за собою свои храбрыя дружины—и на-

помнить врагамъ о томъ, что еще не народился тотъ воинъ, который бы могъ угрозить Святой Руси своею грозой... Среди ея широкихъ полей много насыпано могилъ надъ тѣми, кто дерзалъ вторгаться въ русскіе предѣлы; много еще осталось въ нихъ мѣста и для будущихъ недруговъ.

Н. Н. Карзинъ, рисуя своего богатыря, очевидно, имѣлъ въ виду не только тѣхъ Добрыней, Чуриль, Потоковъ и Поповичей, которые окружали Владиміра Красное-Солнышко, но и самого отца Владимірова, знаменитаго и закаленнаго въ бояхъ суроваго Святослава... Тотъ никогда не попадалъ врасплохъ на своего врага, пренебрегая воинскою хитростью, презирая коварство; онъ сначала посылалъ въ землю врага послы съ какою-либо просьбою, а когда послы не достигали своей цѣли, онъ самъ выступалъ на поле битвы, и тогда врагъ долженъ былъ сказать: „иду на васъ! готовьтесь, припасайте кроваваго вина на пиръ мечей!“ И слѣдомъ за мощнымъ, крылатымъ словомъ шелъ самъ и велъ свои грозныя, беззащитно храбрыя, ненормальныя дружины...

Аббаганба, клюющая хамелеона. (Рис. на стр. 1045).

Начиная съ 17° сѣверной широты, къ югу, во многихъ мѣстахъ Африки водится очень интересная птица изъ рода рогатыхъ воронковъ—аббаганба (*Bucogax abyssinicus*). Влестчатый чернаго цвѣта, съ короткими крыльями и хвостомъ, на высокихъ ногахъ, аббаганба обращаетъ на себя вниманіе своимъ большимъ и тупымъ, по бокамъ сплюснутымъ клювомъ, снабженнымъ наверху короткимъ и довольно высокимъ наростомъ. По наблюденіямъ Брэма, аббаганба понадевается длиною

больше 43 дюймов. Живет она парами, преимущественно на землях, отыскивая пищу, которая состоит из улиток, змий, ящериц, лягушек, мышей, насекомых и т. п. На нашем рисунке абагамба изображена ключою своим сильным клювом хамелеона (Chamaeleo), чешуйчатую ящерицу, многим известную, благодаря замечательной способности изменять цвет своей кожи. Но кроме этого удивительного свойства, обыкновенного Брюкке двойным расположением различных красящих веществ или пигментов, хамелеон отличается от других ящериц странным устройством лап, на которых одна часть пальцев обращена вовнутрь, а другая наружу, а также чрезвычайно подвижным языком, который может выдвигаться, без видного усилия со стороны животного, больше чем на полфута. В противоположность своему мучителю (на нашем рисунке), который забрасывается на деревья только когда его спугнут или для отдыха, хамелеон вползает на древесное животное, редко сходящее на землю. Встречается он только в Старом Свете, начиная от южной Испании, по большей части Африки и Азии.

Неудачные поиски.

(Рис. на стр. 1049).

Кажется, нельзя больше грациозно и мило изобразить неудачные поиски двух дѣток в огороде—как это передал в своей картинѣ французскій художник Е. Жирарде. Одна из дѣвочек обошла все гряды съ капустой, внимательно заглядывая в кудрявые, большие кочни, но къ своему удивлению и неудовольствию, ничего в них не нашла. А ей не раз говорили, что именно под широколи и зелеными капустными листьями появляются на Божій свѣтъ дѣти, — но тутъ, какъ на зло, такое разочарование: ни одного маленькаго человечка во всем огороде, и огородная дѣвчурочка выражаетъ маленькой сестренкѣ свою неудачу.

Прибытіе новобранцевъ. (Рис. на стр. 1052).

Каждый годъ, въ началѣ зимы, въ Петербургъ прибываютъ новобранцы послѣдняго призыва въ разные части войскъ, квартирующихъ въ столицѣ и окрестностяхъ. Живописная картина толпа ихъ, по дорогѣ къ своему полку, очень живо изображена безъизвѣстнымъ читателямъ „Нивы“ художникомъ, г. Бродлингомъ, который нерѣдко весьма удачно воспроизводитъ сцены и событія изъ Петербургской жизни. Идутъ новобранцы еще въ своей разнообразной одеждѣ, подъ звуки музыки, по площади, на которой воздвигнутъ императоромъ Павломъ Петровичемъ памятникъ Петру Великому, противъ Ивлернаго замка.

Видъ города Кубы, на р. Кубинкѣ.

(Рис. на стр. 1053).

Городъ Куба, Бакинскій губерніи, находится въ 40 верстахъ отъ берега Каспійскаго моря, на склонахъ Кавказскаго хребта. Рѣка (Куба-чай) дѣлитъ городъ на двѣ части. На правой сторонѣ рѣки живутъ армяне и персіяне шиптской секты. Послѣдніе рѣзко отличаются отъ своихъ миролюбивыхъ и трудолюбивыхъ сосѣдей въ окрестностяхъ Кубы страстью къ разбою, повторяющимся очень часто какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ. Въ другой части города, на лѣвой сторонѣ рѣки, живутъ одни евреи. Всѣхъ жителей 13,429.

При первомъ взглядѣ на городъ можно заключить, что прежде онъ былъ богатѣе и цвѣтущее, но въ настоящее время большая часть зданій, красивыхъ по архитектурѣ, пред-

ставляютъ полуразрушенный видъ. Обѣдѣніе города зависитъ отъ упадка торговли мареною. Прочіе промыслы ограничиваются издѣльемъ шелковыхъ и шерстяныхъ тканей и окраскою ихъ. Плодородная почва даетъ въ изобиліи виноградъ, фрукты, табакъ и проч.

Евгенія Константиновна Мравина. (Портр. на этой стр.).

7 января 1886 года на Мариинской сценѣ шла опера „Риголетто“: дебютировала въ первый разъ совершенно неизвѣстная петербургской публикѣ новая пѣвица, названная въ афишахъ Е. К. Мравиной. Молодость и красота дебютантки произвели на публику прекрасное впечатлѣніе, а ея симпатичный, необыкновенно чистый

голосъ и большое умѣнье пѣть, привели въ восторгъ дѣятелей музыки; молодую, можно сказать, совершенно юную артистку вызывали множество разъ, рукоплесканія не было конца. Г-жа Мравина была очарована такимъ пріемомъ со стороны публики, но высшею для ней наградою было одобреніе ея таланта Государемъ Императоромъ, ослѣдствиемъ г-жу Мравину присутствіемъ въ театрѣ на ея дебютѣ. Музыкальные критики, обыкновенно строгіе и неторопливые въ своихъ заключеніяхъ о достоинствѣхъ дебютирующихъ, на этотъ разъ отнеслись вполнѣ сочувственно къ начинающему таланту. Второй дебютъ, 4 февраля, въ роли Маргариты въ „Фаусти“ Гуно, рѣшилъ судьбу г-жи Мравиной: дирекція Императорскихъ театровъ немедленно заключила съ нею контрактъ. Такимъ образомъ г-жа Мравина приобрѣла къ міру оперныхъ артистовъ, о которомъ до 17-лѣтняго возраста вовсе и не помышляла.

Родилась Е. К. Мравина въ Петербургѣ 4 февраля 1864 г., въ обеспеченной семьѣ, и до 12-лѣтняго возраста воспитывалась дома, вмѣстѣ съ сестрою и братомъ, подъ руководствомъ мату-

тери; еще ребенкомъ она выказывала большую любовь къ пѣнію и, по ея собственнымъ словамъ, пѣла много, пѣла какъ шло, т. е. безъ всякаго руководства съ чьей-либо стороны; уроки музыки брала у г-на Гаттендорфа, извѣстнаго многимъ петербургскимъ семьямъ учителя музыки. На нѣсколько лѣтъныхъ мѣсяцевъ занятія музыкой обыкновенно прекращались: семья Мравиной уѣзжала въ имѣніе Куза, Выборгской губ., въ 25 верстахъ отъ станціи Перкьярви, по Финляндской желѣзной дорогѣ. Уже на 12-мъ году Мравину помѣстили въ Екатерининскую гимназію, прямо въ 4-й классъ. Здѣсь она тотчасъ обратила на себя вниманіе знаніемъ многихъ иностранныхъ языковъ и своимъ прекраснымъ голосомъ; при посѣщеніяхъ гимназіи принцемъ Петромъ Георгиевичемъ Ольденбургскимъ и другими почетными лицами, ее обыкновенно ставляли пѣть соло, и она еще тогда своимъ пѣніемъ приводила въ восторгъ слушателей. Естественно, что лестные отзывы о ея голосѣ заставили Мравину больше думать о пѣніи, чѣмъ о наукахъ и музыкѣ; къ великому огорченію г-на Гаттендорфа, заданный имъ урокъ оставался по большей части неразученнымъ: ей хотѣлось играть не то, что задано, а то, что нравилось. Безъ сожалѣнія оставила она и гимназію, когда ея вочимъ, назначенный временнымъ губернаторомъ въ Тырноу вѣдѣ за оккупацией русскими войсками Болгаріи, пожелалъ, чтобы переселилось туда все его семейство. Годъ въ Болгаріи можно сказать, былъ праздникомъ для Мравиной; она была предметомъ постоянныхъ восторговъ на многочисленныхъ вечерахъ и концертахъ, которые устраивались въ губернаторскомъ домѣ въ пользу болгаръ. По возвращеніи въ Петербургъ, Мравина рѣшила заняться серьезной обработ-

Евг. Конст. Мравина, артистка Имп. русской оперы.
Съ фот. Яковина, грав. Шюблеръ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Для удобства гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при этомъ № прилагается **подписной бланкъ и конвертъ** съ адресомъ редакціи, для **заблаговременнаго возобновленія подписки** на журналъ „Нива“ въ **1891** году.

Туркестанская выставка въ Ташкентѣ: Общій видъ главной площади отъ кустарнаго отдѣла. Съ фотогр. Николаи, грав. Рашевскій.

Туркестанская выставка въ Ташкентѣ: Павильонъ древностей ташкентскаго сарта Акрамъ Аскара и модель желѣзнодорожнаго поѣзда. Съ фотогр. Николаи, грав. Шюблеръ.

кой своего голоса и обратилась къ хорошо известному петербургской публикѣ пѣвцу И. П. Врининичкову, который, несправивъ ей голосъ, нашеть его восхитительнымъ, вполнѣ стѣющимъ серьезной обработки. Потребовавъ отъ будущей своей ученицы, чтобы она дала голосу полифоній отдыхъ по крайней мѣрѣ на полгода, и взявъ съ нея слово, что займется подготовкой себя къ сценѣ, съ осени 1883 года онъ съ увлеченіемъ принялся за уроки съ Мравиной; когда въ 1885 году семья г-жи Мравиной отправилась за-границу, онъ везудъ слѣдовалъ за нею, стараясь познакомиться съ со всѣми извѣстными ему композиторами, пѣвцами и музыкантами, бывшими тогда въ Италіи, и 7 августа того же года устроилъ ей дебютъ въ мѣстечкѣ Вигторіо, близъ Венеціи, въ оперѣ „Риголетто“. Первые шаги Мравиной въ публикѣ увѣщались блестящимъ успѣхомъ; благодаря ей, всѣ девять представлений названной оперы дали полный сборъ; совершенно юная пѣвица приводила въ восторгъ своихъ слушателей, ее осмыслили цвѣтами, писали ей стихи, отовсюду стали являться къ ней съ предложеніями на гастроль—въ Верону, Венецію, Миланъ. Но семейныя обстоятельства потребовали возвращенія на родину, гдѣ Мравина и дебютировала въ первый разъ, какъ сказано выше, 7 января 1886 года.

Немедленно по заключеніи контракта съ дирекціей Императорскихъ театровъ, Мравина снова отправилась за-границу, для занятій съ извѣстнѣйшими профессорами пѣнія. Провела около двухъ мѣсяцевъ въ Берлинѣ, гдѣ брала уроки у г-жи Арто, 1 мая она поѣхала въ Парижъ заниматься у извѣстнаго профессора тамоншей консерваторіи St. Yves Bax, подъ исключительнымъ руководствомъ котораго выработались такія оперныя знаменитости, какъ М-г Tolozac, M-me Isaac, Fidès-Devgiès, Simonet и др. Мравина и до сихъ поръ половину лѣта проводитъ обыкновенно въ Парижѣ, занимается у названнаго профессора; кромѣ того, во многихъ операхъ она репетировала свои партіи подъ руководствомъ самихъ композиторовъ, а именно: Гуно, Маснѣ, Томѣ, Делиль и др.

Естественно, что, получивъ такое солидное образованіе, — хотя и помимо консерваторіи, — Мравина сразу заняла видное мѣсто среди примадонъ русской оперы и въ первый же оперный сезонъ приобрѣла симпатіи петербургской публики, которая и до сихъ поръ, несмотря на частое повтореніе однихъ и тѣхъ же оперъ, съ наслажденіемъ слушаетъ ее въ „Русланѣ“, въ „Жизни за Царя“, въ „Гугенотахъ“, „Риголетто“, „Фаустѣ“, „Лоэнгринѣ“, „Демонѣ“, „Травиатѣ“, „Сифгурочкѣ“ и проч. Всего со времени вступленія на сцену, она пѣла болѣе двухсотъ разъ въ шестнадцати различныхъ операхъ. Выходъ замужъ не помѣшалъ Мравиной оставаться на сценѣ. Кромѣ Марійнскаго театра, Петербургъ слышалъ Мравину во многихъ концертахъ, какъ напр., Женскаго Патриотическаго Общества, Общества Краснаго Креста и др., дававшихся съ благотворительною цѣлью. Зимой 1888 г. она участвовала въ симфоническихъ концертахъ въ Москвѣ, а весной 1889 года, совершила артистическую поѣздку по Россіи и пѣла въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Курскѣ, Орлѣ и Полтавѣ. Такая неутомимая дѣятельность Мравиной можетъ быть объяснена лишь избыткомъ энергіи и молодыхъ силъ пѣвицы, всюду ножищающей лавры, достойные ея высокихъ сценическихъ дарованій, которая съ лѣтами должна лишь еще болѣе развиваться, совершенствоваться и крѣпнуть; желательнѣе, чтобы она еще долгіе годы была предметомъ восторговъ публики и своимъ симпатичнымъ и очаровательнымъ голосомъ вызывала отголоски въ поэзии, подобныя помѣщаемому ниже.

И. П.

Е. К. Корибуть-Дашкевичъ.

Какъ въ маѣ ландышъ бѣлоснѣжный
Благоуханій льетъ волну,
Звучитъ вашъ голосъ чистый, пѣжный,
Напомянувъ намъ весну.

И сердце чуткое трепещетъ,
Души яснѣе идеаль...
Замолкли звуки... рукоплещетъ
Восторгомъ потрясенный залъ.

Вы жрица юная искусства,
Даны вамъ чары красоты,
Власть зажигать свята чувства,
Будить поэзіи мечты.

Останьтесь вѣрно призванью,
Блюдите строго Божій заветъ,
И упительной вамъ данью
Привѣтовъ шумныхъ будетъ рядъ.

Н. С.—въ.

Туркестанская выставка въ Ташкентѣ.

(Рис. на стр. 1057 и 1060).

30 августа открыта Туркестанская выставка сельскаго хозяйства и промышленности—этотъ юбилей двадцатипятилѣтія русскаго владычества въ Средней Азійи. За эти 25 лѣтъ мно-

го измѣнилось въ краѣ, расширилась и развилась мѣстная промышленность, чему много способствовало русское вліяніе. Показать насколько увеличилась производительность нашей окраины и имѣть свою цѣль выставка.

На выставку съ Константиновскаго сквера, работата противъ гимназіи и учительской семинаріи, ведутъ большія каменные ворота, въ древне-московскомъ стилѣ XVI столѣтія. Украшены эти ворота деревянною рѣзью, окаймляющею бордюромъ самый входъ, гербомъ Туркестана надъ этой рѣзью и гербами областей Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской и Закаспійской по бокамъ входа (см. рис. на стр. 1060).

Прямо противъ послѣдняго находится небольшой прудъ съ двумя островками, покрытыми густой растительностью.

По обѣ стороны пруда расположены два навильона садоводства, цвѣтоводства и плодоводства. Группы декоративныхъ растений обвиваютъ своею причудливою листвою горку изъ шлаковъ, наверху которой раскидываютъ свои широкіе листья пальма-латанія. Далѣе выглядываютъ драцены, финики, ароидковыя, померанцы и лимоны съ фруктами, туи, сосны, шхты, ели и масса цвѣтовъ и другихъ растений, культивируемыхъ мѣстными любителями-садоводами. Въ другомъ навильонѣ выставлены образцы мѣстнаго плодоводства: всевозможные фрукты, какъ свѣжіе, такъ и высушенные на солнцѣ и въ огневой плодосушильнѣ, зданіе которой непосредственно прилегаетъ къ одному изъ навильоновъ садоводства. Фасадъ плодосушильни Туркестанскаго отдѣла Императорскаго Общества Садоводства, украшенный лѣною алебастровою работой и статуями флоры и Агрикультуры у дверей, выходитъ на улицу противъ сквера (см. рис. на стр. 1060).

Оригинальная черта Туркестанской выставки — та, что навильоны, скрываясь въ зелени сада, одинъ за другимъ, какъ картины панорамы представляются взорамъ зрителей.

За навильонами садоводства построены два навильона военно-историческаго отдѣла, расположенные по обѣ стороны колонны изъ кокандскихъ пушекъ. Рядъ возведенныхъ укрѣпленій со смотрящими изъ амбразуръ пушками, какъ бы защищаютъ собранія въ этихъ навильонахъ коллекціи вооруженій, военныхъ снарядовъ, батальныхъ картинъ и портретовъ тѣхъ Государей, при которыхъ предпринимались походы на Среднюю Азійу, и генераловъ, которые велили храбрыя войска въ необозримыя Туркестанскія степи.

Въ пѣсколькихъ шагахъ отъ этихъ навильоновъ, на небольшой площадкѣ возвышается памятникъ русской арміи, которая своею кровью приобрѣла Туркестанъ—этотъ драгоценный алмазъ Русской короны. На каменномъ пьедесталѣ, на которомъ перечислены названія всѣхъ выдающихся пунктовъ сраженій, начиная съ Ташкента и кончая Кушкомъ, громоздится обломокъ стѣны Кокандской крѣпости. На этой стѣнѣ стоитъ статуя русскаго чудо-богатыря, водружающаго русское знамя.

Къ востоку отъ памятника, въ концѣ одной аллеи, на площадкѣ противъ зданія лѣтнаго театра, расположены: навильонъ горнаго отдѣла, отдѣла научныхъ трудовъ и нумизматики и навильонъ Закаспійской желѣзной дороги. Высокая модель гранитной скалы, увѣщанная чучеломъ горнаго орла и украшенная по склонамъ горными растениями, поднимается надъ коллекціями геологическихъ картъ и образцовъ горнаго дѣла въ Туркестанѣ, которые размѣщены въ искусственномъ гротѣ этой скалы (см. рис. на стр. 1060).

Рядомъ съ этой скалой стоитъ зданіе въ дорійскомъ стилѣ, въ которомъ собраны груды Ташкентской обсерваторіи, библиотека научныхъ трудовъ по Туркестановѣдѣнію и портреты знаменитыхъ изслѣдователей Туркестана.

Небольшое зданіе желѣзно-дорожнаго полустанка, построенное изъ дерева и камня, служитъ навильономъ Закаспійской желѣзной дороги, которая устроила на выставкѣ электрическое освѣщеніе, телефонную станцію и газовый заводъ, а также выставила модели различныхъ желѣзнодорожныхъ сооружений, виды Закаспійской желѣзной дороги, рельефную карту части р. Аму-Дарьи съ мостомъ у Чарджуи и сверхъ всего модель поѣзда, который движется по площадкѣ около фонтана передъ навильономъ (см. нижній рис. на стр. 1057).

Къ западу отъ памятника, въ тѣнистомъ уголку сада пріютились близъ двухъ прудовъ, соединенныхъ небольшимъ протокомъ, отдѣлы охоты, рыболовства и лѣсоводства.

Въ изыскомъ навильонѣ, украшенномъ деревянною рѣзью, изображающею рога оленей, помѣщаются коллекціи охотничьихъ принадлежностей туземной охоты и, въ параллель къ ней, коллекціи русскіихъ; далѣе, живые экземпляры ловчей птицы со всѣми атрибутами туземной соколиной и ястребной охоты и чучела животныхъ, служащихъ предметами охоты.

Напротивъ навильона охоты, черезъ группу деревьевъ и по другую сторону пруда, расположилось рыболовство. Широкія окна навильона увѣщаны занавѣсками изъ рыболовныхъ стѣей. Тѣ же стѣи и другія снасти Косъ-Аральскаго рыболовства покрываютъ всѣ стѣны навильона, въ которомъ находятся чучела всевозможныхъ рыбъ, служащихъ предметомъ ловли, модели лодокъ; около навильона камышевыи мазанъ хивинскихъ рыбаковъ и садокъ въ пруду передъ навильономъ.

Южнѣ этихъ навильоновъ открывается рядъ навильоновъ туркестанской промышленности, которые кольцомъ охватыва-

ваютъ большой красивый цвѣтникъ съ посаженными тутъ же деревьями (см. верхній рис. на стр. 1057).

Одну треть этого кольца занимаютъ павильоны добывающей промышленности: сельскаго хозяйства, хлопководства и шелководства; а остальные двѣ трети—обрабатывающей: кустарный отдѣлъ, павильоны кожевенныхъ заводовъ Тезикова и Яушева, павильонъ конфектной фабрики Ячевскаго, павильонъ работъ арестантовъ Ташкентской тюрьмы, павильоны пздѣлй Бухары и Хивы, винокуреннаго завода и табачной фабрики наследниковъ Первушина, винокуреннаго, пивовареннаго и сантошинаго заводовъ Иванова, пивовареннаго завода Ильина, спичечной фабрики Петрова и винодѣлй —Филатова.

Среди цвѣтника подымается высокая башня изъ тюковъ хлопка съ корзинами очищеннаго волокна.

Туркестанская природа дала возможность при павильонѣ сельскаго хозяйства, гдѣ, кромѣ различныхъ коллекцій и картъ приращенныхъ сѣтей, находится всевозможнѣйшія усовершенствованныя земледѣльческія орудія отъ фирмы „Работникъ“—устроить небольшой плантаціи всевозможныхъ растений, произрастающихъ и могущихъ произрастать въ краѣ. Тутъ есть и хлопокъ, и табакъ, кедръ, кунжутъ, сорго, рами, клеверина, рисъ, огородныя растенія и многія другія.

Въ павильонѣ хлопководства, украшенномъ лѣнными алебастровыми украшениями, стоятъ американскіе жинки и другія машины и выставлена коллекція различныхъ сортовъ хлопка, между которыми помѣщается кустъ *Upland* съ 150 коробочками, а также коллекція предметовъ различной утилизациі корней, стеблей, листьевъ и сѣмянъ хлопчатника. Эта коллекція показываетъ какую пользу можетъ приносить хлопокъ.

Нѣсколько въ сторонѣ стоящій павильонъ Бѣлякова, одного изъ крупныхъ мѣстныхъ хлопководовъ, обращаетъ на себя вниманіе оригинальностью постройки: во всемъ павильонѣ нѣтъ мѣста, не обвернутаго и не облееннаго волоконномъ хлопчатника. Гирлянда коробочекъ хлопка виситъ надъ входомъ и между отдѣльными колоннами павильона.

Павильонъ-же Большой Ярославской Мануфактуры съ коллекціями хлопка, жинками американскими и сартовскими и съ витриной всевозможныхъ бумажныхъ тканей, поражаетъ своими размѣрами и изяществомъ отдѣлки.

Въ павильонѣ шелководства, тоже очень изящномъ домикѣ покрытомъ лѣнной работой, прежде всего бросается въ глаза башня изъ коконовъ, упирающаяся въ потолокъ, затѣмъ образцы шелка, грены, микроскопическіе препараты, рисунки анатоміи тутоваго шелкопряда и усовершенствованныя машины для размотки коконовъ.

Противъ павильона сельскаго хозяйства громадною дугой расположилось зданіе кустарнаго отдѣла, съ куполами на крышѣ и съ длинными окнами азиатской архитектуры. Стѣны павильона разукрашены мѣстами нестрымъ азиатскимъ рисун-

комъ и уборы ковровъ разноцвѣтныхъ шелковыхъ и бумажныхъ матерій, пздѣлами изъ кожи, мѣха, мѣди, желѣза, серебра и дерева. Все что выработано руками мѣстнаго производителя и все то, что требуется туземнымъ потребителемъ— все это развѣшано, разставлено по павильону и утомляетъ зрѣніе своей пестротой.

Входъ въ павильонъ украшенъ старинными рѣзными дверями изъ хавскаго дворца, а противъ входа портретъ Государя Императора въ деревянной рамѣ, вокругъ коей сдѣлана еще рѣзная рамка изъ алебаstra, въ просвѣтахъ которой натянута разноцвѣтная бумага. Впечатлѣніе отъ этой рамки поразжающее. Удивляешься художественному творчеству сарта и сожалеешь, что такая изящная вещь находится въ павильонѣ каркасной постройки, которая въ скоромъ времени будетъ разобрана по частямъ.

Передъ фасадомъ кустарнаго отдѣла выставлены горки кирпича и горки гончарныхъ пздѣлй.

Рядомъ съ кустарнымъ отдѣломъ расположены павильоны Бухары и Хивы. Отъ этихъ павильоновъ дышало бы совсѣмъ нетронутою Азіей, если бы не солдаты Бухарской арміи, одѣтые въ лѣтнюю форму, замешивавшую у русскихъ.

Среди павильоновъ Бухары и Хивы идетъ рядъ мастерскихъ-лавокъ. Здѣсь расположились со своими орудіями производства представители туземныхъ кустарныхъ промысловъ. Тутъ и чугушно-литейный заводъ, и производители пожей, и серебряныхъ дѣлъ мастеръ, и ткачъ, и портной, шорникъ, сапожникъ, плотникъ, сундучникъ, столяръ, шелкомотальная мануфактура сартовъ и наконецъ даже туземный цирюльникъ.

Посѣтителя въ этомъ углу выставки охватываетъ со всѣхъ сторонъ атмосфера уличной жизни промышленнаго центра туземнаго города.

Вблизи этихъ мастерскихъ находится и азиатскій ресторанъ—чайхана, и лавочка сартовскихъ конфетъ, гдѣ посѣтитель можетъ испробовать всѣ продукты сартовской кухни, начиная съ полау и кончая обахаренными фисташками.

На самомъ заднемъ планѣ выставки расположенъ отдѣлъ скотоводства и игницеводства. Различныя породы лошадей и рогатаго скота размѣнены въ конюшняхъ. Птицы помѣщены въ отдѣльномъ птичникѣ.

Въ разныхъ мѣстахъ выставки разставлены киргизскія и туркменскія юрты, богато разукрашенныя и разубранныя внутри.

Всюду на выставкѣ деревья, цвѣты и зелень. Снующая взадъ и впередъ пестрая толпа народа мелькаетъ между высокими айлантусами и тѣнистыми карагачами и кленами, а въ воздухѣ неумолчно, смѣняясъ одинъ другимъ, гремятъ оркестры сартовской музыки и русской военной, празднующей 25-лѣтнюю годовщину побѣды русскаго оружія въ сердцѣ Азій.

Политическое обозрѣніе.

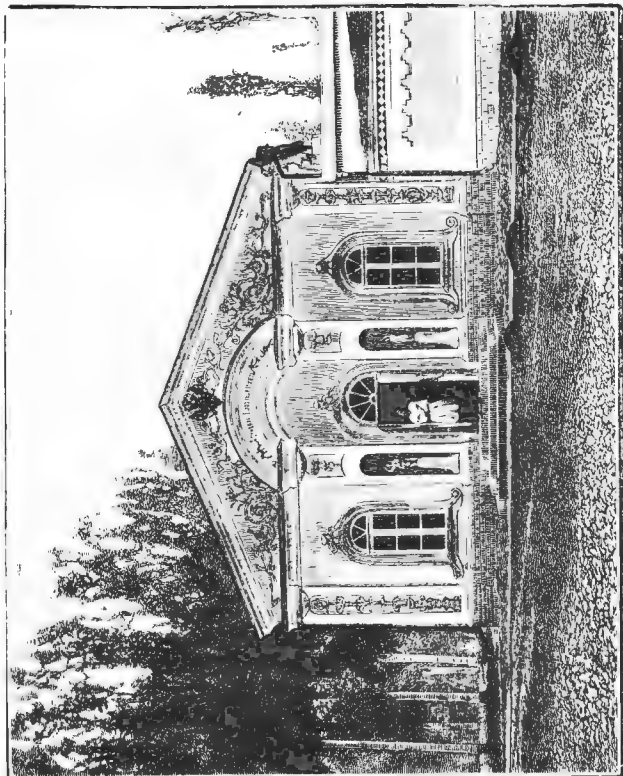
Послѣ лѣтнихъ каникулъ въ Западной Европѣ снова оживаетъ парламентская дѣятельность. Во Франціи засѣданія палаты депутатовъ начались 8 октября. Въ первый-же день открытія было внесено нѣсколько законопроектовъ, въ томъ числѣ военный министръ Фрейснѣ представилъ законопроектъ о выдачѣ, въ случаѣ мобилизаціи, особій недостаточнымъ семьямъ, а также законопроектъ по вопросу о шпионствѣ. Проекты эти были встрѣчены знаками одобренія. Последній изъ нихъ долженъ замѣнить законъ 1886 г., въ которомъ оказались пробѣлы. Новымъ закономъ увеличиваются преимущественно наказанія, налагаемыя на гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, уличенныхъ въ выдачу или оглашеніи документовъ, имѣющихъ значеніе для національной обороны. Внесеніе этого закона можно считать послѣдствіемъ возмутительныхъ подробностей, какія открылись по дѣлу французскаго офицера Бонне, приговореннаго въ Нансѣ за шпионство къ заключенію въ тюрьмѣ на пять лѣтъ и къ 5,000 фр. штрафа. Вся французская печать крайне возмущена этимъ дѣломъ, гдѣ бывший французскій офицеръ состоялъ на жалованьи у германскаго правительства и служилъ шпиономъ. Уволенный недавно со службы безъ прошенія съ пенсіей 800 франковъ, Бонне уѣхалъ сперва въ Лозанну, побывалъ затѣмъ и въ Германіи и наконецъ вернулся во Францію. Здѣсь онъ слѣдилъ за поведеніемъ генерала Миребиля, провѣрившаго готовность восточныхъ департаментовъ на случай мобилизаціи. Бонне сумѣлъ искусно разузнать все, что представляло интересъ для иностранной державы, но, наконецъ, попался. Въ своемъ преступленіи Бонне тотчасъ сознался, причѣмъ обнаружилъ возмутительный цинизмъ. Оказалось, что онъ получалъ отъ германскаго правительства 300 фр. въ мѣсяцъ постоянного жалованья и, сверхъ того, 15 фр. въ сутки на разъѣзды. Дѣло о Бонне горячо обсуждалось въ печати и обществѣ. Всюду раздавались жалобы на то, что сохраненіе военныхъ тайнъ не обезпечено, что опредѣленные закономъ о шпионствѣ мѣры наказанія не достаточно строгы и что необходимо измѣнить существующіе законы въ томъ смыслѣ, чтобы уличенные въ шпионствѣ французскіе офицеры

или чиновники гражданскаго вѣдомства подвергались смертной казни и въ мирное время.

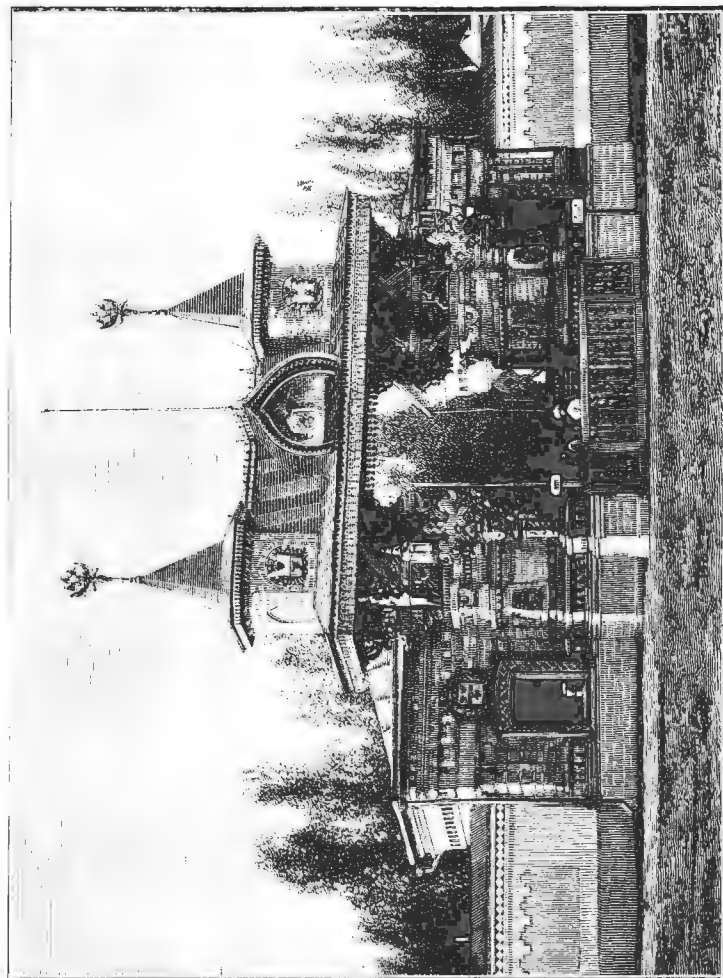
Буланжисты продолжаютъ всячески стараться быть на виду, и на другой-же день открытія палаты тамъ произошелъ инцидентъ, вызванный буланжистскими депутатами, потребовавшими, чтобы для выясненія положенія правительства возбуждено судебное преслѣдованіе противъ лицъ, уличенныхъ въ буланжистскихъ проискахъ. Министръ Констанъ отвѣтилъ, что дѣйствія буланжистовъ уже осуждены, новыя же преслѣдованія принесли бы пользу лишь тѣмъ кто ихъ требуетъ; въ случаѣ дальнѣйшихъ посягательствъ правительство сумѣетъ принять надлежащія мѣры. Въ заключеніе палата рѣшила перейти къ очереднымъ дѣламъ.

Флорентійскій рѣчь Криени повидимому вызвала не мало недовольства. Только въ Вѣнѣ она произвела пріятное впечатлѣніе, и римскій корреспондентъ *Journal des Débats* уверяетъ, будто императоръ Францъ-Иосифъ собирается пожаловать г. Криени орденъ Золотого Руна. Но въ Италіи очень недовольны рѣчью премьера. Такъ, органы Ватикана строго осуждаютъ рѣчь г. Криени и *Moniteur de Rome* замѣчаетъ, что „по вѣнѣ Криени тройственный союзъ идетъ навстрѣчу полному пораженію. Криени былъ самъ настолько циниченъ, что громкогласно заявилъ объ антикатолическомъ характерѣ союза. Вотъ почему католики Австріи и Германіи должны хорошо взвѣснить, слѣдуетъ-ли имъ долге содѣйствовать упроченію союза, столь противнаго католическому чувству и столь разорительнаго для всѣхъ государствъ.“ Недовольна также оппозиціонная партія; одинъ изъ выдающихся представителей ея, депутатъ Кавалотти, произнесъ во Флоренціи рѣчь, въ которой опровергалъ по пунктамъ доводы премьера, осуждалъ внутреннюю и внѣшнюю политику правительства, высказался противъ тройственнаго союза и, перейдя къ финансовому положенію страны, выставилъ, между прочимъ, что за послѣдніе три года дефицитъ достигъ огромной цифры и что съ тѣхъ поръ, какъ Криени стоитъ въ власти, число банкротствъ увеличилось ежегодно съ 700 до 2,400.

Но Криени сдѣлалъ свое дѣло, и уже появились слухи, будто

Туркестанская выставка в Ташкентѣ: Огнезащитное плодовое и овощное Общество
Садоводства. Съ фотогр. Николаи, грав. Фиггелъ.

Туркестанская выставка в Ташкентѣ: Главный входъ выставки. Съ фотогр. Николаи, грав. Фиггелъ.

Туркестанская выставка в Ташкентѣ: Павильонъ XIII отдѣла (горнаго).
Съ фотогр. Николаи, грав. Шюблеръ.

онъ приказалъ освѣдомиться, какъ отнеслась бы Франція къ занятію итальянцами Триполи, предлагая, съ своей стороны, предоставить Франціи полную свободу дѣйствій въ Триполи. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ весьма навѣтный банкиръ. Не трудно отгадать, каковы были отвѣты Франціи.

Рядомъ съ тѣмъ, лордъ Дѣфферинъ побывалъ у Криени въ Сорренто и между ними послѣдовалъ обменъ весьма сердечныхъ объясненій, исключаящихъ даже тѣмъ малѣйшаго нарушения взаимныхъ отношеній Англій къ Италиі въ дѣлѣ преразрѣшенія происходившихъ въ Неаполѣ переговоровъ.

Къ довершенію всего, органъ Криени, *Riforma*, не смотря на опроверженіе *Osservatore Romano*, утверждаетъ, что кардиналъ Рамполла послалъ 15 сентября нунцію Галлмберти погу, въ которой предлагалъ ему дать понять австрійскому правительству, что возобновленіе тройственнаго союза было бы чудовищнымъ поступкомъ. Нунціи отвѣтила, что въ Вѣнѣ о возобновленіи тройственнаго союза нѣтъ и рѣчи.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Согласно неоднократно выраженному желанію многихъ изъ нашихъ гг. подписчиковъ имѣть, кромѣ получаемого ими подписнаго бланка на „НИВУ“, еще и другой экземпляръ—ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ТѢМЪ ИЗЪ СВОИХЪ ЗНАКОМЫХЪ, КОТОРЫЕ ЖЕЛАЛИ БЫ ПОДПИСАТЬСЯ НА „НИВУ“, мы при этомъ № разсылаемъ его въ двухъ экземплярахъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.
Одесса, подписчику № 69,127.
 Въ разъясненіе вашего недоразумѣнія имѣемъ честь сообщить, что обѣщанная нами, кромѣ „Художественнаго альбома“, вторая безплатная премія „Нивы“ на будущій 1891 г.: **Сочиненія Лермонтова**, войдетъ въ число составляющихъ особое приложение 12-ти ежемѣсячныхъ книгъ и будетъ заключаться въ 3-хъ томахъ. Такимъ образомъ подписчики получаютъ 9 томовъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и пр. и 3 тома **полнаго собранія сочиненій Лермонтова**, представляющее самостоятельное изданіе. Нумера „Нивы“ остаются попрежнему: 52 № въ годъ, и также 12 №№. Модъ, рукодѣлій и проч.

О выставкѣ главной преміи „НИВЫ“ на 1891-й годъ:

По примѣру прошлыхъ лѣтъ, желая заранѣе ознакомить своихъ Гг. подписчиковъ съ главною безплатною премією „Нивы“ на будущій 1891-й годъ, большимъ

ХУДОЖЕСТВЕННЫМЪ АЛЬБОМОМЪ СЪ 10-ю АКВАРЕЛЯМИ,

мы теперь-же разослали его для выставки въ нижепоименованные книжные магазины и бібліотеки, гдѣ желающіе и могутъ наглядно убѣдиться въ высоко-художественномъ исполненіи акварелей, сдѣланныхъ fac-simile съ картинъ извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ, а именно: 1) „На черномъ морѣ“ И. К. Айвазовскаго, 2) „Молодая шведка“ С. Ф. Александровскаго, 3) „Раннее утро у запорожцевъ“ С. И. Васильевскаго, 4) Пейзажъ Е. Е. Волнова, 5) „Тамара“ М. Зичи, 6) „Конный бухарскій стрѣлокъ“ Н. Н. Каразина, 7) „Охота на лисицу“ А. Д. Кившенка, 8) „Вечеръ въ деревнѣ“ Ю. Ю. Клевера, 9) „На дворѣ Толедскаго дома“ Л. О. Премацци и 10) „На медвѣдѣ“ Н. Е. Сверчкова.

На приложенномъ отдѣльномъ листѣ помѣщено описаніе картинъ и краткая характеристика ихъ авторовъ. Альбомъ разошлетъ подписчикамъ въ красивой папкѣ (10 вершк. длины и 7½ вершк. ширины; той-же величины и картины), украшенной акварелью художника А. Земцова, отпечатанной въ 14 красокъ.

Альбомъ можно видѣть:

Въ С.-Петербургѣ: въ Главной Конторѣ „Нивы“ и въ книжн. магаз. И. П. Анисимова, В. А. Березовскаго, Ф. А. Египетана, А. И. Бортовскаго, М. О. Вольфа, Глазунова, Дейбнера, Н. П. Карбасникова, Бр. Курбатовыхъ, П. В. Луковникова (бывш. Цвѣлева), Н. Г. Мартынова, „Народная Польза“, „Нового Времени“, А. Я. Панафидина, М. В. Полова, Карла Рикнера, И. Д. Тяпкина, М. М. Стасюлевича, Тузова, Н. О. Фену, Цинзерлинга (бывш. Мелье и К), Эггерса и К^о, Эриксона. Въ Москвѣ: въ отд. конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской (въ Петровскихъ линіяхъ), въ книжн. магаз. насл. бр. Салаевыхъ, „Нового Времени“, А. Ланга, Васильева, Н. П. Карбасникова, Поста, Н. И. Мамонтова, Шапошникова, Ласточкина, Глазунова, Анисимова, Вольфа, Леухина. Въ Астраханельскѣ: въ Обществ. библ. Астрахани: въ „Принаспійск. книжн. магаз.“ „Вакъ: у книгопродавца Тараева. „Ватумѣ: у книгопр. М. Николадзе. „Бердянскѣ: въ книж. магаз. Гаврилицы и К^о. „Борисоглѣбскѣ: у П. Дурново. „Брестъ-Литовскѣ: въ книж. магаз. Варгафтига.	Въ Варшавѣ: въ книжн. магаз. В. М. Истомина и Карбасникова. „Вильно: въ книж. магаз. Сыркина и Странуна. „Витебскѣ: у книгопродавцевъ Миндельсона и В. П. Магеровскаго. „Владимирскѣ: въ книж. магаз. Червинской. „Владимирѣ: въ книжн. магазинѣхъ А. А. Бѣлянина и И. П. Иванова. „Вологдѣ: въ магаз. Д. В. Волоцкаго. „Воронежѣ: въ книж. магаз. М. П. Савостьянова, М. С. Селингъ и В. В. Юрковича. „Вяткѣ: въ книж. магаз. А. И. Залѣтской. „Гомель: (Мог. г.): у книж. Я. Г. Сыркина. „Гродно: въ книж. магаз. „Народная Польза“. „Дерптѣ: въ Русской Библіотекѣ. „Динабургѣ: у книж. К. Юзеса и у Я. Паденина. „Екатерибургѣ: въ книжн. магаз. Пономарева, Н. В. Пироговскаго и у книж. Бабинова. „Екатеришодарѣ: у книж. П. Т. Галладжанца. „Екатеришославѣ: у книгопрод. Шаффермана и въ книж. магаз. Ульмана и К^о. „Елисаветградѣ: въ книж. магаз. Золотарева. „Житоирѣ: у книгопр. Савчука.	Въ Иркутскѣ: у книгопрод. Синицына. „Казани: у книж. А. А. Дубровина, З. П. Рязанова, К. П. Алехѣева и въ муз. магаз. „Восточная лира.“ „Калугѣ: въ книж. магаз. А. А. Мантейфеля и въ магаз. наслѣдн. Мясникова. „Кашинскѣ: въ книж. магаз. М. О. Шаха и Лихтанскаго. „Кіевѣ: въ книж. магаз. Н. Я. Оглоблина, Кореяво, гг. Гинтера и Малецкаго, Югансона, въ „Южно-Русскомъ книжн. магаз.“ и у И. А. Розова. „Керчи: въ книж. магаз. А. Г. Дервисье. „Ковно: въ книж. магаз. „Общ. любит. чтенія“ и въ магаз. І. С. Мандельштама. „Козловѣ: въ книж. магаз. Муравьева и у П. П. Дурново. „Костромѣ: въ книж. магаз. Бекенева, Д. П. Бѣлянина и Соколова. „Кременчугѣ: въ библ. И. М. Саддъ. „Кронштадтѣ: въ книж. магаз. „Кроншт. Вѣсти.“ и въ магаз. В. С. Чекунова. „Курскѣ: въ книж. магаз. Кашнина, Переплетенно и М. Н. Дружинина. „Кутаисѣ: въ книж. магаз. Бр. Чиладзе. „Кѣльмнхъ: въ магаз. Леонъ и К^о. „Либавѣ: въ книж. магаз. Р. Пуце. „Лебедяни (Тамб.): въ магаз. В. Н. Чуирлина. „Лодзи: у книж. Р. Шатне и Г. М. Странуна.

(Смъ на отдѣл. стран.)

ЦАРЬ-ДЬВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

МАССА БЛАГОДАРН. И ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ. ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ БУХГАЛТЕРИИ ИНОГОРОДНЫХЪ И МОСКОВСКИХЪ ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ. ВПОЛНЪ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ. ПРЕПОДАВАНІЕ КОММЕРЧЕСКИХЪ НАУКЪ С. Я. МИЛЕНТАЛЬ. МОСКВА. ВЫСЛАЮТЪ БЕЗПЛАТНО. Долгоруковская улица, домъ Финногеновой.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ фабр. ЛАМПЪ И БРОНЗЫ ГАЕВСКАГО, съ 1829 г. Екатерининская ул., д. 6, СПб.

По случаю прекращенія торговли желаютъ ликвидировать означенное дѣло и просятъ моихъ гг. покупателей обратить вниманіе на дешевизну цѣны и выборъ товара, который будетъ отъ сего числа продаваться за пол-цѣны. Р. № 4761

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСИЯ косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи березовой эмульсии, кожа лица дѣлается бѣлою. Ц. флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предуредженія подѣлокъ, прошу требовать: подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметической Лаб. раторіи. Ц. № 4477. Получать можно: въ Русск. Общ. торгон. антек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейна, В. Безбардиса, Р. Келлеръ и Ю. Ф. Гетлингъ, и во всѣхъ известныхъ аптекахъ и парфюм. торгон. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лаб. раторія А. Энглундъ. Литейная, № 38.

ЛЕННИНГЪ и ГЮЗНИНЪ имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу въ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА „НИВА“ (СПб., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

новое изданіе А. Ф. МАРКСА: ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА ДЛЯ ЛѢСНИЧИХЪ И ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ. Состав. Ф. Арнольдъ. СПб., 1890 г. Цѣна въ колѣнноровомъ переплетѣ 75 коп., съ пересылкою 1 руб.

ДЕНТИНЪ В. ГЕННА вь ВѢННѢ. В. № 4781 24-27. Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ. Цѣна 40 коп. Продается въ парфюмерии и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аврихи: С.-Петербургъ, Колокольная, 18-19

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE. AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE. Le dépôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg. Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris. Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахерскихъ во Франціи и заграничій. LA VELOUTINE. Специальная рисово-висмутовая пудра. CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris. Ц. № 3787 (81)

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ. С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7-2. 26-21. Иллюстрированные преисъкуртанты по потребованіямъ высылаются безвозмездно.

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ МОЛОЧНАЯ МУКА для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока. Паров. фабр. ВЛИГКЕНЪ и РОБИНСОНЪ въ СПб. Единственный агентъ для Россіи: ВАСИЛІЙ АУРИХЪ, Колокольная, 18 — 19, въ С.-Петербургѣ. Ею подпись должна быть на каждой жестянкѣ: Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки. Продается въ аптекахъ, магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4721 17-2

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И. И. БАЛДИНЪ и К°. Москва, Столешниковъ пер., д. Карзинкина. № 4760. Рекомендуетъ большой выборъ: Столовые сервизы отъ 10 руб. Чайные сервизы отъ 3 руб. Хрусталь „Вакаръ“ и Богемскій. Цѣны умѣренные. Лампы столовая, кабинетныя и для гостиной. „Молнія“ и вообще новой системы. Фонари (аэлипы). Эмалированная посуда. Полная кухня 30 рублей. Отправна во всѣ города Россіи и на всѣ станции желѣзныхъ дорогъ. Принимаемъ поставку во всѣ учебныя и казенныя заведенія.

Вышла въ свѣтъ весьма полезная справочная книга для взрослыхъ: „ГЕОГРАФІЯ ВСЕОБЩАЯ и РУССКАЯ“. Съ приложеніемъ 4 картъ, стр. 256 (составляющая отдѣлъ третій „Настольной книги для народа“). Подъ редакціей П. П. Хруцова и другихъ членовъ редакціоннаго комитета комисиіи народныхъ чтеній. Цѣна 80 к., въ папкѣ 90 к. Той же книги; отдѣлы: первый „Календарь православной церкви“, и 60 к., въ папкѣ 70 к. и второй — „Исторія всемірной и русской“, и 40 к., въ папкѣ 50 к. Продаются въ складѣ Комисиіи народныхъ чтеній (Литовка, 19). Тамъ же продается и др. изданія Комисиіи народныхъ чтеній. Каталогъ высылается бесплатно. № 4744 2-2

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПАРОВОЙ ФАБРИКИ В. Ф. БОНАКЕРЪ, въ МОСКВѢ, близъ Яузскаго моста, Серебриническій переулокъ, домъ бывш. Шукина. (Телефонъ № 469) ГЛИЦЕРИНОВАЯ ВАКСА въ ЖЕСТЯНЫХЪ КОРОБКАХЪ (фабричное клеймо „СЛОНЪ“) ДАЛЕКО ПРЕВОСХОДИТЪ СВОИМИ ОТЛИЧНЫМИ КАЧЕСТВАМИ ВСѢ СУЩЕСТВУЮЩАЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ И РУССКІЯ ВАКСЫ, дѣлаетъ кожу обуви мягкой, непромокаемою и даетъ ей необыкновенно яркій блескъ. ФРАНЦУЗСКАЯ ВАКСА въ ЖЕСТЯНЫХЪ КОРОБКАХЪ (фабричное клеймо „Левъ“) равняется достоинствомъ лучшимъ ваксамъ другихъ фабрикъ. МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ МАЗЬ въ ЖЕСТЯНЫХЪ КОРОБКАХЪ (фабричное клеймо „Самоваръ“) самое хорошее средство для чистки и полировки всѣхъ металловъ, главнымъ образомъ, самоваровъ. ЖЕСТЯНЫЯ КОРОБКИ съ разнообразными печатными украшеніями, а также безъ оныхъ, для чая, кофе, кондитерскихъ и табачныхъ товаровъ, консервовъ и проч. ЖЕСТЯНЫЯ ПЛАНАТЫ (выѣтски) для рекламы, печатанные художественно разными красками и рисунками. Продажа моихъ товаровъ производится у всѣхъ торговцевъ. Прейскуранты высылаются по требованію.

НОВОСТЫ ПІАНО-МЕЛОДИКО новейшій и лучший механическій инструментъ со струнами. Цѣна 80 рублей. Ц. № 4733 (2) Ноты отдѣльно по 70 коп. за 1 метръ (= 1 1/2 арш.). Требуется подробное описаніе и каталогъ нотъ. ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ механическій инструментъ съ голосами. Цѣна 70 руб. І. Ф. МЮЛЛЕРЪ Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка. Иллюстрированы. преисъкуртантъ всѣмъ музыкальнымъ инструментамъ бесплатно.

Артуръ Зейфартъ, Кестриць (Германія). Награды, премии, дипломы, медали съ выставокъ государственныхъ и частныхъ. Значительнѣйшій заводъ породистыхъ собакъ. Рѣдчайшихъ современныхъ породъ, комнатныхъ, охотничьихъ и для всѣхъ видовъ спорта. (специальности: Великорослая горная собаки, ньюфаундлендскія, мастифы, крупные и немецкіе доги, бульдоги, сторожевыя собаки, терьеры, пинчеры, пудели, молсы, крысоловы, дамскія собачки, охотничьи собаки, лягавыя, швейцарскія, тансы и проч.) Преисходные отзывы. — Учрежденіе рекомендуемое крупнейшими авторитетами по кинологіи, болѣе 10,000 благодарственныхъ писемъ. — Безплатная франкированная высылка каталога. — Иллюстрированный альбомъ 50 фиенгиновъ. К. 4714 50 различныхъ породъ. — Вывозъ во всѣ части свѣта. — 50 различныхъ породъ.

Leichner's Fettwaxer. ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА. Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшения красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль! Театральная гримировка! Жирный румяна, бѣлила. Нарандаши для бровей! Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ. Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

!МОНОГРАММЫ!
Гладью и крестиками, русскія и французскія, для мѣткі бѣлыя, зѣбелы и проч. исполняются по умѣреннымъ цѣнамъ; образцы съ обозначеніемъ цѣны высылаются безплатно. — С.Петербургъ, Кронвергскій пр., № 71, кв. 42, Каролина Кримеръ.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ
для смягченія кожи.
Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желанную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главный складъ: СПб., Демидовъ пер., д. № 1. (35) № 4278

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
Специальность хронометровъ. СПетербургъ, Невскій пр., № 62 прот. Изв. Цубл. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 29-14

ПЛАСТЫРЬ
ПРОФИЗОРА
В. И. ШЕПФЪ
или
УМНОЖЕНІЯ
МОЗОЛЕЙ
БОРОДАВОКЪ
Цѣна 35 коп.
Можно подучать во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ магазинахъ, мажоранскихъ обочи и резинковъ. Издѣлій. Выписывающимъ не менѣе 3-хъ педальчиковъ пересылка безплатно, торговцамъ значительная уступка.
Главный складъ у изобрѣтателя, провизора В. И. Шепфъ, въ Москвѣ, Патриаршіе пруды, д. Бриткина. Ц. № 4750 12-1

ПРИГЛАШАЮТЪ
агентовъ. За условіями обратителъ письменно: Генрихъ Блоннъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59-57, соб. домъ.

Главное депо часовъ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Прейсъ-Кур. Высыл. Безпл.

НАСТОЯЩІЕ
ВЕЛОСПЕДЫ
СВИФТЪ
ПЕРВОЕ МѢСТО
Ж. БЛОКЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ

ПИАНО - МЕЛОДИКО.
Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій полностью всевозможныя пьесы.
Цѣна безъ нотъ 80 руб. Ноты по 75 коп. за метръ (=1½ арш.).
ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ
Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія оперы, салонныя пьесы, русскія пѣсни и все танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полно и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленъ для громкой и тихой игры. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами 75 руб. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. Къ инструменту прилагается 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 85 фунт. Спескъ пьесъ для Оркестра-Манопана, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ въ вѣтъ инструментамъ — безплатно. № 4755

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40 | Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

СВѢЖІЕ ЧАИ
развѣшены подъ правительственною бандеролью и поступили въ продажу съ 2-го октября въ собственныхъ магазинахъ
ТОРГОВАГО ДОМА „ЦЗИНЬ-ЛУНЪ“
СОЕДИНЕННОЕ Т-ВО КЯХТИНСКИХЪ ЧАЕТОРГОВЦЕВЪ.
Въ С.-Петербургѣ, Невскій, 5 и Б. Садовая, 51.
Варшава, Краковское предместье, д. 67.
Рига, Сарайная, 2.
Москва, Театральная площадь, д. Журавлева.
Прейсъ-куранты, по требованію, высылаются безплатно.
Гг. торговцамъ скидка съ прейсъ-курантной цѣны по взаимному соглашенію.
Главная контора въ С.-Петербургѣ, Невскій, 5.
Мт. № 4743 3-2

ИЗВѢСТНЫЕ ДУХИ ДЛЯ НОСОВЫХЪ ПЛАТНОВЪ и проч.
ГУСТАВА ЛОЗЕ № 4723 8-2
ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN Ландышъ. **НОВОСТЬ**
ЛОЗЕ GOLDLIE Золотая Лилія.
ЛОЗЕ PEAU D'ESPAGNE **LILAS BLANC**
ЛОЗЕ HELIOTROPE BLANC Вѣлая Сирень.
ЛОЗЕ ROSE MARÉCHAL NIEL
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ Придворный парфюмеръ, Берлинъ, Егерштрассе, 46.
Можно получить во всѣхъ парфюмерн. магаз. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (11) № 4287
Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
духовно - музыкальныхъ сочиненій
Ст. ДАВЫДОВА,
10 концертовъ четырехголосныхъ, 3 концерта двухорныхъ, 1 трио и Полная обѣда. Цѣна въ одномъ томѣ: Парт. 4 р. Голоса 4 р.
Москва, у П. ЮРГЕНСОНА.

МОЛЬДАКОТЪ
съ КОЛЕСОМЪ, усовершенствованная английская нармная двухниточная швейная машина — вѣсомъ около фунта.
Эта машина шьетъ въ 2 нити нераспрываемымъ швомъ, какъ тонкій, такъ и толстый матеріи, даже кожу, удобна въ холить и легка для дѣтей. Наставленіе прилагается. Цѣна съ пересылкой въ картонѣ 7 р., въ полнор. орѣхъ ащикѣ 8 р.; въ Азіатскую Россію перес. за 3 фунта отдѣльно.
Главный складъ въ Москвѣ, въ ишеско-букажаномъ магазинѣ „ПОЛИГРАФЪ“, Мясницкая, д. Ермакова. № 4756

НОВОСТЬ
мужскіе капелюны изъ **ТВИСТЪ**, прочностью незыбимыи шиканіи друими.
Только въ магаз. Ю. ГОТЛИБЪ, во Владимірск. д. 2, уг. Невскаго пр., СПб.
Гг. иногородн. заказчикъ благоволятъ прислать мѣру пошеа и дѣлны отъ пошеа и пошеа.
Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. по Европ. Рос. — 2 р., а по Азіатск. Россіи по 2 р. 25 к. за пару. Торговцамъ уступка. Меньше трехъ паръ не высылаются. № 4748

НОВЫЕ ПЛАТНОВЫЕ АППАРАТЫ
для ВЫЖИГАНІЯ РИСУНКОВЪ ПО ДЕРЕВУ.
Рисунки и описаніе безплатно.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ
отъ 2-хъ руб. и дороже
и всѣ отдѣльныя части и принадлежноти къ нимъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ.
Цѣна 20 руб. на пересылку за 4 фунта.

Иллюстриров. прейсъ-куранты безплатно.
Отлов. покупатель. значит. уступка.
СПб., Екатерининскій каналъ, 27, кв. 36, противъ Государственн. Банка, складъ оптичскихъ и механическихъ товаровъ
Мт. № 4758 бывшій В. ВЕСТБЕРГЪ.

ИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.
Шьетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывовъ отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ
продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи. № 4754 28-1
При этомъ № прилаг. для гг. иногородн. подписч. (за исключен. московскихъ) объявл. отъ книжнаго магазина И. Л. Тузова въ СПб.
Довол. цензур., СПб., 17 октября 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПб., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1. Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.

г. XXI

№ 43

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬН. №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ ПРИЛОЖ. „ПАРИЖСН. МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫНР. Выданъ 27 окт. 1890 г. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ безъ Сборника 15 к., съ пер. 20 к. Съ Сборникомъ 1 р. 65 к., съ пер. 2 р.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/2 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 75 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.
Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 10 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихнхъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

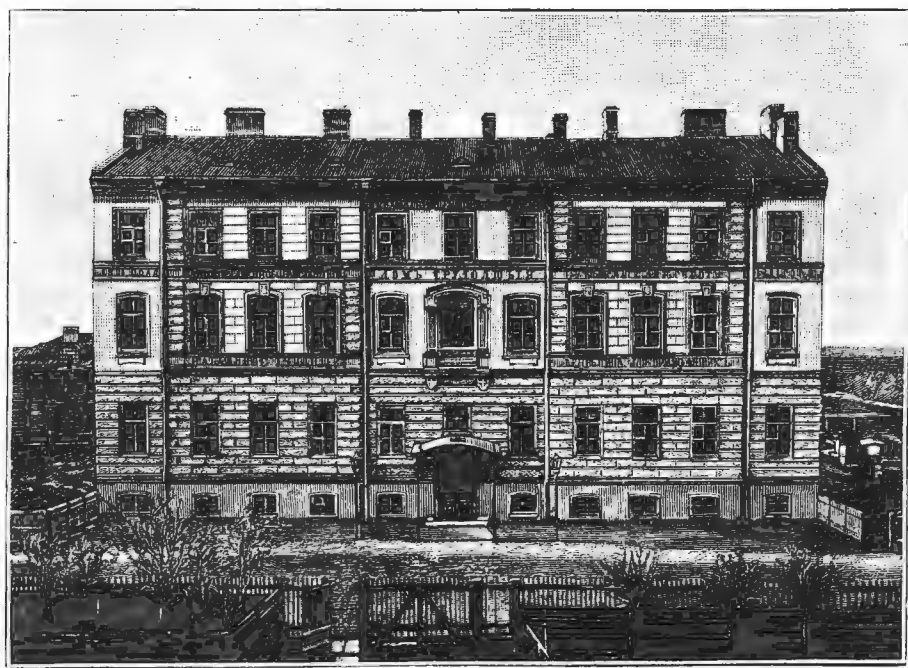
БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

Подписка на „Ниву“ 1890 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 г. нумера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

При этомъ №. разсылается гг. годовымъ подписчикамъ „Нивы“ ТРЕТЬЯ главная премія:
БОЛЬШОЙ ТОМЪ „СБОРНИКА“ „НИВЫ“ 1890 г.

„Домъ трудолюбія“ въ Кронштадтѣ.

Если взять, въ зимнее время, относительное число бѣдствующихъ рабочаго люда въ Кронштадтѣ и Петербургѣ, то значи-

„Домъ трудолюбія“ въ Кронштадтѣ, учрежденный протоіереемъ отцомъ Іоанномъ. Съ фот. грав. Форбергеръ.

тельный перевѣсъ будетъ на сторонѣ Кронштадта. Въ лѣтнее время обиліе работы, при непривычкѣ откладывать на черный день, — къ осени, а въ особенности къ зимѣ, въ Кронштадтѣ даетъ громадное число бѣдствующихъ, изъ которыхъ многіе, вмѣсто возвращенія на родину, чаще всего, съ отчаяніемъ, противъ несчастный остатокъ отъ лѣтняго заработка, питаются лишь подащеніемъ. Подобное положеніе нерѣдко ведетъ къ воровству, а иногда и грабежу.

Вотъ причина почему въ Кронштадтѣ о преступленій противъ собственности весьма значителенъ.

Въ концѣ 60-хъ годовъ протоіереею

Іоанну Ильичу Сергѣеву, предсѣдателю кронштадтскаго Ап-
дреевскаго попечительства, приходило на

мысль устроить что-либо въ облегченіе бѣдствующихъ; но скудость средствъ попечительства не позволяла предпринять ничего солиднаго, почему отецъ Іоаннъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, помогаль лишь нѣкоторымъ, наиболѣе бѣдствовавшимъ, причѣмъ отдавалъ рѣшительно все что получалъ, памятуя, что рука дающаго не оскудѣетъ. Въ то же время онъ старался проводить мысль свою какъ въ проповѣдяхъ съ амвона, такъ и въ заведеніяхъ и собраніяхъ попечительства, равно какъ и въ частныхъ бесѣдахъ со своею громадною наставой. Такимъ образомъ, въ началѣ 1881 года начинается уже разработка плана дѣйствій для

достижения благой дѣли, постановленной себѣ попочительствомъ. Не смѣя рассчитывать на большія средства, попочительство сначала ограничивается желаніемъ построить небольшой деревянный домъ. Страшное событіе 1 марта, повергшее въ горе всю Россію и вызвавшее всенародное желаніе увѣковѣчить имя незабвеннаго Царя-Мученика, въ корни измѣнило скромныя желанія попочительства, которое исходатайствовало разрѣшеніе посвятить предполагаемый домъ памяти Императора Александра II, справедливо полагаая, что лучшимъ памятникомъ Царю-Мученику, Царю-Освободителю будетъ приютъ для „страждущихъ и обремененныхъ“.

Дѣйствительно, пожертвованія съ этого времени полились обильно, такъ что попочительство рѣшило немедленно приступить къ закладкѣ уже каменнаго 3-хъ - этажнаго дома. 23 августа 1881 года домъ былъ заложенъ въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великой Княгини Александры Юсифовны и Великаго Князя Алексѣя Александровича.

Болѣе половины постройки было окончено, когда 7 декабря выпыхнулъ въ сосѣднемъ домѣ пожаръ, хорошо извѣстный по дѣлу Головачева. Домъ сильно пострадалъ, но страховая премія не дала дѣлу погибнуть, почему весной вновь приступили къ работамъ и 10 октября 1882 года происходило торжественное освященіе зданія.

Съ 12 октября 1882 года дѣятельность Дома Трудолюбія объявлена открытою. На первыхъ порахъ было много попытокъ завести въ Домѣ ремесла, но за чтѣмъ ни пробовали браться— все терѣло неудачи, не взирая на свою безхитрость и простоту; такъ, напримеръ: плетенье корзинъ изъ прутьевъ, стульевъ изъ прутьевъ, клейка картузовъ и пакетовъ изъ бумаги, шитье обуви и переплетное дѣло. Всѣ эти работы, кромѣ множества хлопотъ и труда Совѣту, давали такой внушительный дефицитъ, что поневолѣ пришлось ихъ закрыть, хотя и не сразу, а постепенно. Теперь хорошо идетъ одно шипанье пеньки; эготъ трудъ не требуетъ указателей, не требуетъ познаний и сравнительно даетъ возможность къ существованію.

Переплетная и сапожная, открытыя въ 1884 году, идутъ хотя и туго, но не падаютъ. Первая основана на началѣ отсутствія расходовъ со стороны попочительства. Переплетному мастеру дается даровое помѣщеніе, за чтѣмъ онъ обучаетъ мальчиковъ лѣтъ 10-ти—15-ти ремеслу, дающему имъ кусокъ хлѣба.

Сапожная работаетъ (по качеству работы) лишь на Сиротское Убѣжище попочительства, да на даровыя раздачи бѣднымъ.

Въ Домѣ имѣются: 1) два прекрасныя начальныя училища; 2) убѣжище для сиротъ и дѣтское дневное пристанище; 3) лечебница для приходящихъ; 4) народныя чтенія; 5) даровой ночлежный приютъ (въ особомъ зданіи); кромѣ того, тратятся громадныя суммы на ежемѣсячныя пособія не могущимъ за болѣзнь работать и на временныя пособія при несчастныхъ случаяхъ.

Въ школахъ обучается около 180 мальчиковъ и дѣвочекъ (помѣщенія отдѣльныя), и окончившіе курсъ пользуются правомъ на льготу по 4 разряду по отбыванію воинской повинности. Школы ведутся блестятельно.

Въ лечебницѣ есть приемный покой, кабинетъ дежурнаго врача, комната съ двумя кроватями для внезапно и трудно заболѣвшихъ, небольшая аптека и двѣ ванны. Изъ аптеки лекарства отпускаются бесплатно; по кромѣ того городскія аптеки, съ рецептовъ на бланкахъ лечебницы, дѣлають значительную скидку.

Ванны—простыя по 30 к., морской соли 50 к., а для бѣдныхъ—бесплатно. Входная плата въ лечебницу 20 к., бѣдные ничего не платятъ.

Среднимъ счетомъ въ мѣсяцъ въ лечебницѣ было приходящихъ больныхъ 120 человекъ, поступало же сбора (входная плата, ванна и кружка) около пяти рублей въ мѣсяцъ. Врачебная помощь дается, горячо принимающимъ участіе, врачамъ морского и военнаго вѣдомствъ. Въ дѣлѣ выдачи бесплатныхъ лекарствъ громадную помощь оказало и оказываетъ Русское Общество торговли аптекарскими товарами.

Приходъ Дома состоитъ изъ отнускаемыхъ по Высочайшему повелѣнію изъ Государственнаго Казначейства 1,000 р., пожертвованій Высочайшихъ Особъ и частныхъ лицъ, членскаго взноса (въ размѣрѣ 3, 5, 10 и 25 р.), кружечнаго сбора, а главное сбора о. Іоанна, дающаго ежегодно болѣе 10,000 р. Общій расходъ Дома доходить до 15,000 р., причемъ приходъ, благодаря стараніямъ предсѣдателя попочительства о. Іоанна, всегда превышаетъ расходы. Теперь въ Домѣ есть своя церковь, устроенная въ бывшей мастерской. Въ одной изъ классныхъ залъ висятъ мраморныя доски съ именами главныхъ жертвователей.

Д. Шишмаревъ.

Ланъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

VII.

Короля, сына красавицы-литвинки, панъ Сандецкій баловалъ всячески, но за-то жизнь двухъ законныхъ дочерей пана была не веселая. Отецъ ихъ не любилъ, ласкалъ рѣдко, а поучалъ часто. Обѣ панны боялись отца. Со смерти матери онѣ жили однообразною, замкнутою жизнью. Прежде бывали часто въ Сталупеняхъ гости, пріѣзжали дворяне, и сосѣдніе, и дальніе, вмѣстѣ съ женами и дочерьми. Теперь же гостями Сандецкаго бывали одни мужчины, и когда бывало весело и шумно въ замкѣ, то обѣ панны сидѣли почти взаперти, не имѣя возможности выдти даже въ паркъ. Можно было встрѣтить кого-либо изъ пирующихъ гостей... А всѣ они бывали сильно на-веселѣ.

Двѣ сестры не подходили одна на другую ни внѣшностью, ни нравомъ. Старшая—Моника, которой было уже двадцать три года, была черноволоса и не очень красива. Моника портила большой носъ и чрезвычайно смуглый цвѣтъ лица; за то большіе черные глаза, тихо задумчивые, дѣлали ее привлекательною. Панну очень любили всѣ въ замкѣ. Нравомъ она была тихая, скромная, даже отчасти робкая и поэтому уступчивая... За-то она была ласкова со всѣми, и домовнички замка обожали ее, всегда звали разсуживать и рѣшать ихъ домашніе дрязги и споры. Послѣ этого суда слово панны Моника стало необходимымъ для всѣхъ нихъ закономъ.

Дѣвушка была очень набожна и не требуя, даже не ожидая отъ жизни ничего—часто подумывала поступить въ монастырь. Все ея личное честолюбіе сводилось къ тому, чтобы со временемъ быть доброю и справедливою игуменьей.

Панна Сусанна была контрастомъ сестры. Она была

моложе почти на четыре года, ей не было полныхъ двадцати лѣтъ.

Сусанна была вся въ отца, и лицомъ, и характеромъ. И за это именно, по странной игрѣ судьбы, панъ Ксаверій былъ особенно холоденъ съ младшею дочерью. Онъ относился къ ней еще строже, чѣмъ къ старшей.

Сусанна была толстенькая и бѣленькая блондинка съ небольшими сѣрыми глазами, полными огня и воли. Она глядѣла всегда какъ-то искоса, и если не коварно, то хитро.

Насколько ея сестра, Моника, была тиха и уступчива, настолько Сусанна—бойка исподтишка. Не тяготилъ надъ нею съ дѣтства воля и строгое обращеніе отца, панна была бы одною изъ самыхъ бойкихъ молодыхъ дѣвушекъ.

Она была нелюбима въ замкѣ всѣми приживальщиками за то, что часто, всплывъ, оскорбляла ихъ рѣзкимъ словомъ. Сусанна, однако, не была злою дѣвушкой... Причиной неровности въ ея характерѣ— была скучная жизнь въ замкѣ. Ея природа требовала больше воли, больше удовольствій и развлеченій, больше жизни... А между тѣмъ она вела почти затворническое существованіе. Отсюда явилась въ ея характерѣ какая-то раздражительность. Сусанна иногда по цѣлымъ днямъ плакала сидя у себя, иногда же день за день придиралась ко всѣмъ и ссорилась даже съ сестрой, которую очень любила.

Отношенія двухъ сестеръ были странныя. Моника, лишь на четыре года старше, играла роль матери для сестры, обожала ее и если когда мечтала, то не для себя, а для „милрой Саси“, какъ звала она сестру. Моника дошла до той степени любви къ сестрѣ, что

давно уже рѣшила, въ случаѣ своего постриженія, отдать свою часть приданаго или наслѣдства своей Сасѣ.

Всѣ прихоти младшей сестры старшая исполняла не только безпрекословно, но даже рабски, съ наслажденіемъ. Когда Сусанна бывала довольна и спокойна, Моника была счастлива. И наоборотъ, когда Сусанна разливалась рѣкой дешевыхъ слезъ, Моника чуть не заболѣвала отъ сочувствія, жалости и отъ мысли, что она, при всемъ страстномъ желаніи, не можетъ пособить горю сестры.

Разумѣется, онѣ жили душа въ душу, при чемъ, однако, чувство старшей было глубже и чище, безъ примѣси себялюбія. Моника еще въ раннемъ дѣтствѣ брала на себя шалости сестры и шла покорно подъ наказанье. Ей будто доставляло наслажденіе „пострадать за сестру“. Сусанна, наоборотъ, не понимала многого въ Моникѣ, настолько натура сестры была чужда ея натурѣ.

— Ты—святая! часто говорила теперь Сусанна, смѣясь.

— Не грѣши, строго отвѣчала Моника. — Я просто разумный человекъ, а ты малое дитя. И такимъ ребенкомъ ты останешься на всю жизнь.

Панни нѣсколько разъ были съ отцомъ въ Варшавѣ, но Сандецкій, знакомый со всемъ высшимъ обществомъ, мало вывозилъ въ свѣтъ дочерей. Онѣ стѣсняли его. Однако, благодаря дальней родственицѣ, которую панни называли изъ приличія теткой—онѣ бывали на вечерахъ. Когда приходилось уѣзжать въ Сталупени, Моника радовалась, Сусанна горевала. У старшей была куча дѣла въ замкѣ, всякія занятія и работы и, наконецъ, домовнички и ихъ дѣти. У младшей не было никакихъ занятій—она проводила день у окна выходившаго въ пустынный паркъ и часто заявляла занятой или озабоченной чѣмъ-нибудь сестрѣ:

— Господи, какъ скучно жить на свѣтѣ! Зачѣмъ я не уродилась мужчиной? Я была бы теперь извѣстна во всемъ королевствѣ какъ бунякъ, рубака, пьяница, картежникъ и побѣдитель всѣхъ красавиць... Я бы и тебя, Моника, въ себя влюбила и бросила.

Моника въ отвѣтъ только добродушно качала головой, сидя надъ пальцами или за шитьемъ платица какой-нибудь дѣвочкѣ-домовничкѣ.

Впрочемъ, Сусанна была бойка на словахъ, а въ дѣйствительности воли у нея было не много. Одно рѣзкое слово или грозный взглядъ отца пугали ее еще болѣе, чѣмъ тихую Моника.

Теперь обѣ сестры были смущены равно.

За послѣднее пребываніе ихъ въ Варшавѣ случилось крупное происшествіе въ ихъ личной жизни. На этотъ разъ, за пѣлыхъ два мѣсяца, онѣ провели время весело и развлекались на всѣ лады. Слишкомъ шумна была Варшава, слишкомъ силенъ потокъ веселья, распушенности нравовъ и всякихъ искушеній, чтобы не увлечь въ свои бушующія волны кого бы то ни было.

— Тутъ и святой согрѣшить! почти печально говорила Моника, укоряя себя то за одно искушенье, то за другое.

Дѣвушки бывали почти всякій день на разныхъ вечерахъ, обѣдахъ и всякихъ увеселенійхъ—отъ катанья въ экипажахъ за городъ до театральныя зрѣлищъ. Повсюду возила ихъ тетюшка, панна Длуская, старая дѣвица, принятая во всѣхъ аристократическихъ домахъ, очень уважаемая и любимая всѣми за свой веселый нравъ. Даже самъ панъ Сандецкій безъ лести говорилъ родственицѣ покойной жены:

— Удивляюсь, какъ панну никто замужъ не взял!

— Брали, да я не шла! былъ ея отвѣтъ. — Все принца или герцога поджидала.

— А онъ, какъ всегда бываетъ, не нашелся?

— Нѣтъ, нашелся, но запоздалъ въ дорогѣ. И вотъ до сихъ поръ... онъ ѣдетъ, а я жду!..

Панна Длуская бывала равно во всѣхъ слояхъ об-

щества. Всюду, гдѣ было весело, она являлась безъ разбора. Такимъ образомъ, она была знакома и со многими русскими семействами, которыя по неволѣ жили въ Варшавѣ, находясь въ штатѣ русскихъ резидентовъ.

Разумѣется, панна Длуская тщательно скрывала отъ Сандецкаго, что въ иныхъ домахъ, гдѣ танцуютъ и веселятся его дочери, бываетъ много его заклятыхъ враговъ — москалей.

И какъ на грѣхъ случилась бѣда, совершенно непредвидѣнная. За панной Сусанной началъ вдругъ сильно ухаживать новый знакомый, молодой и статный офицеръ, русскій дворянинъ и родственникъ довольно высокопоставленнаго въ Россіи лица.

Это былъ артиллерійскій полковникъ Дмитрій Мамоновъ.

Сусанна, хотя и была патриоткой, какъ всѣ польки, но однако не настолько занималась политикою, чтобы дѣйствія русскаго кабинета относительно Рѣчи Посполитой могли заслонить отъ ея глазъ статную фигуру и красивое лицо „москаля“ Мамонова.

Молодая дѣвушка влюбилась въ русскаго офицера такъ же быстро и пылко, какъ онъ въ нее. Одинъ удивительно скоро навѣкъ говорить о своей любви по-польски, а дѣвушка скоро обучилась словамъ: „люблю, не забуду во-вѣки“ и т. д.

Мамоновъ, не мудрствуя, самымъ наивнымъ образомъ явился къ пану Сандецкому просить руки его дочери. Каштелянъ Сталупеньскій принялъ это предложеніе какъ нахальство и кровное оскорбленіе. Если бы были иныя времена, онъ вызвалъ бы просто Мамонова на поединокъ или поступилъ бы еще проще, какъ грозилъ ему.

Но въ эти дни было уже крайне опасно не поладить съ кѣмъ-либо изъ свиты резидента Русской императрицы.

Панъ Сандецкій гордо и холодно поблагодарилъ офицера Мамонова за честь, сказавъ, что такой бракъ невозможенъ и даже не зависитъ отъ его отцовской воли.

— Въ одномъ храмѣ вамъ вѣнчаться нельзя, папе, сказалъ онъ. — А въ двухъ храмахъ, два раза вѣнчаться—дураки придумали. Это только, по моему, чорта смѣшить...

Затѣмъ, имѣя основаніе опасаться, что Мамоновъ просто похититъ Сусанну, Сандецкій немедленно выѣхалъ изъ Варшавы въ Сталупени.

За то теперь онъ былъ страшно сердитъ на своихъ обѣихъ дочерей и строже къ нимъ чѣмъ когда-либо... Моника была виновата въ томъ, что не доглядѣла и потакала срамному увлеченію сестры.

Теперь Сусанна потеряла даже право гулять въ паркѣ иначе какъ въ сопровожденіи двухъ домовничковъ при сабляхъ на-голо, чтобы „рубить бѣгланку“, если она вздумаетъ бѣжать.

Дѣлалось это паномъ якобы въ видѣ насмѣшки надъ дочерью, но тайно было приказано въ случаѣ появленія въ паркѣ около дочери какого-либо незнакомца — зарубить его.

VIII.

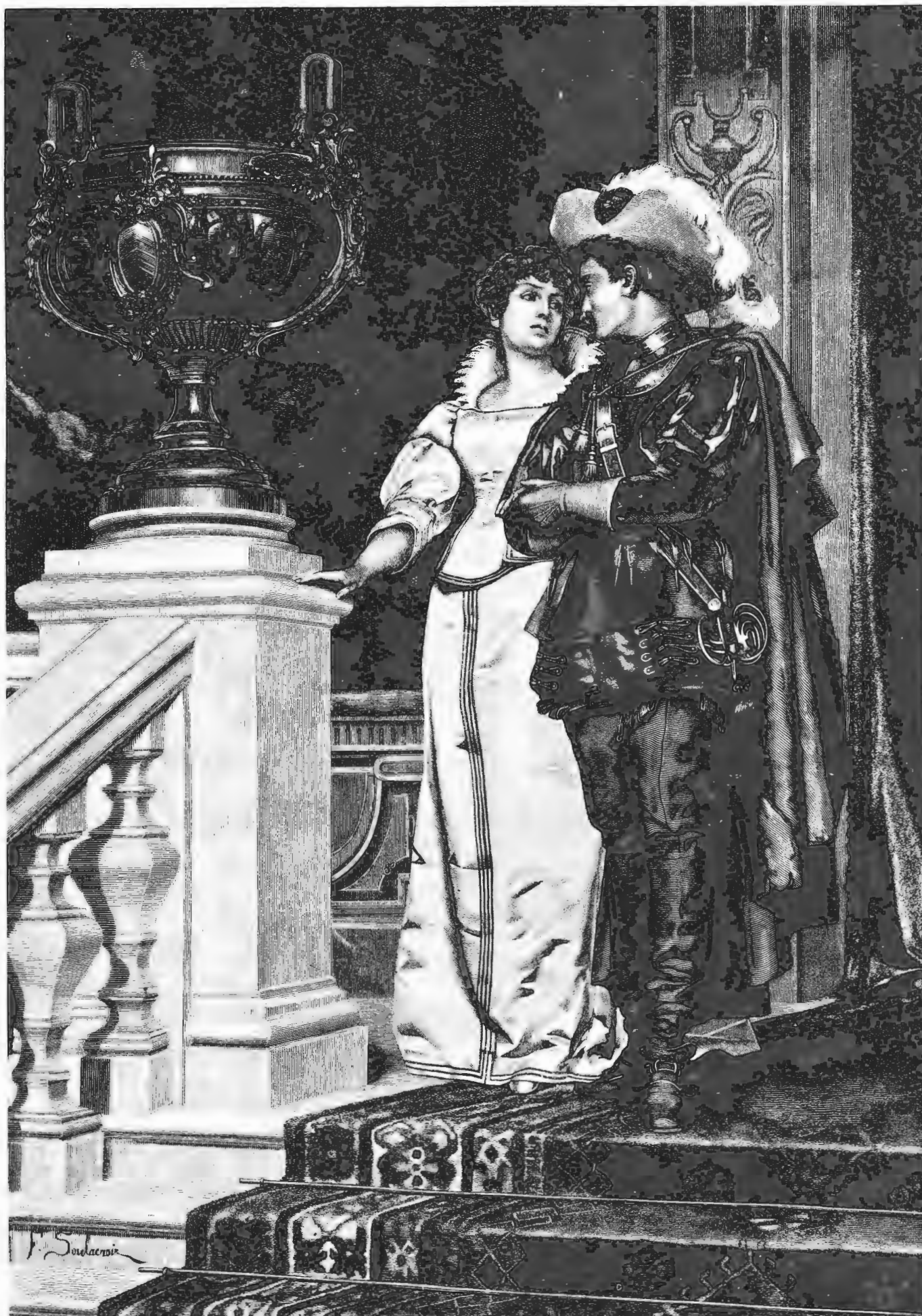
Прошло три дня съ пріѣзда Сандецкаго, и за все это время онъ со своимъ любимцемъ-сыномъ только и говорилъ, что объ угрожающемъ Польшѣ отторженіи земель тремя сосѣдними могущественными державами.

Въ Сандецкомъ былъ озабоченъ равно и патриотъ, и частный человекъ-землевладелецъ. Если бы его замокъ стоялъ въ центрѣ тѣхъ земель, которыя должны были отойти къ Прусскому королю, то, конечно, не пришлось бы ему и голову ломать, онъ могъ бы спокойно подвергнуться общей участи.

Но, какъ на зло, его замокъ съ прилегающими къ нему обширными помѣстьями находился какъ разъ въ

Ермакъ является къ Строгановымъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) професс. Н. Дмитриева-Оренбургскаго, грав Шюблеръ.

Прощанье передъ походомъ. Съ карт. Ф. Сулакромъ, грав. Арландъ.

той мѣстности, гдѣ должна была пройти новая граница между Рѣчью Посполитой и Прусскимъ королевствомъ.

Санецкій собралъ вѣрныя свѣдѣнія въ Варшавѣ. Онъ зналъ, что Гданскъ и Торунь будутъ непременно взяты Фридрихомъ съ ихъ округами, а онъ принадлежалъ къ округу Торуня. Будь его замокъ верстъ на пять, на шесть подалѣе, повосточнѣе, Санецкій остался бы попрежнему подданнымъ своего отечества.

Кароль, несмотря на эти постоянныя бесѣды, все-таки не переставалъ думать о Францискѣ и тосковать. Снова раза два былъ онъ на селѣ и прошелъ одинъ разъ недалеко отъ дома отца Викентія, надѣясь увидать дѣвушку хотя бы въ окно. Но всѣ усилія видѣть ее были напрасны. Она положительно скрывалась. Предполагать, что ксендзъ держитъ ее взаперти, было трудно: Кароль вспомнилъ подслушанный имъ когда-то разговоръ.

„Быть-можетъ она притворялась, чтобы успокоить ревность ксендза“.

Этой мыслью онъ утѣшалъ себя.

Наконецъ, на четвертый день съ приѣзда Санецкаго въ замокъ, въ горницахъ Кароля появился двѣнадцатилѣтній мальчуганъ съ села и пожелалъ видѣть его лично, наединѣ. Кароль, удивляясь, пустилъ его къ себѣ, и мальчуганъ передалъ ему записку.

Въ этой запискѣ ему назначалось свиданіе, послѣ захода солнца, у того же павильона. Записка не была никѣмъ подписана, но Кароль, конечно, догадался отъ кого она и пришелъ въ неописанный восторгъ.

Такъ какъ посланцу было приказано не ждять отвѣта и только доставить записку въ собственныя руки, то молодой человѣкъ ничего не отвѣчалъ, а только далъ мальчику нѣсколько грошей и отпустилъ его.

Разумѣется, при заходѣ солнца онъ былъ уже на томъ же мѣстѣ. Дѣйствительно, спустя нѣсколько мгновений послѣ него, съ противоположной стороны, среди той же чащи кустовъ, появилась Франуся. И точно также Кароль бросился къ ней навстрѣчу.

Франуся была на этотъ разъ взволнована. Лицо ея было заплакано. Она объяснила молодому человѣку, что это ихъ второе свиданіе будетъ вѣроятно и послѣднимъ.

Они усѣлись на той же скамейкѣ, и Франуся объяснила, что ея жизнь становится нестерпимой у ксендза-провинціала.

— Я избѣгала пана, заговорила она, — чтобы не навлечь на себя подозрѣній со стороны отца Викентія. И мнѣ кажется, что это мнѣ удалось. Онъ меня за это время ревновалъ ко всѣмъ, къ кому было только можно, кромѣ пана. Слѣдовательно, я добилась своей цѣли. И теперь я обращаюсь къ пану съ просьбой... спасти меня!..

— Я готовъ на все! воскликнулъ Кароль. — Скажи, въ чемъ дѣло?

Франуся, смущаясь, объяснила, что ей оставаться долѣе въ домѣ ксендза невозможно... Надобно соглашаться на всѣ его условія или уходить. По счастью, прямыхъ законныхъ правъ ксендзъ, конечно, никакихъ на нее не имѣетъ и она можетъ спокойно уйти отъ него. Дѣло только въ томъ, чтобы нашелся человѣкъ, который бы согласился увезти ее или приютить.

— Нѣтъ ничего проще, отвѣтилъ Кароль. — О чемъ же тревожиться? Панина должна знать, что я готовъ увезти ее или похитить изъ рукъ цѣлой кучи враговъ, вонзовъ, не только изъ рукъ простаго священника. Малѣйшая попытка отца Викентія вернуть ее къ себѣ будетъ въ его положеніи духовнаго лица позорищемъ — и онъ на это не рѣшится... Стало быть, о чемъ же печалиться?

— Но куда же я дѣнусь? Что можетъ панъ для меня сдѣлать?

— Покуда укрою въ замкѣ...

— Это невозможно, пане Кароль. Отецъ Викентій не разъ говорилъ мнѣ, что всякая малѣйшая его просьба будетъ исполнена паномъ Санецкимъ въ силу угрозы; слѣдовательно, если онъ обратится къ пану, тотъ прикажетъ вернуть меня обратно.

— Онъ лжетъ! Что можетъ быть общаго между ксендзомъ и владѣльцемъ Сталупеней?

— Я вѣрно говорю, Кароль. Есть что-то... Есть какая-то тайна... Отецъ Викентій въ силу какого-то договора имѣетъ право потребовать три вещи у пана Санецкаго и тотъ всѣ три исполнить, какъ бы онѣ мудрены ни были. А что же мудренаго для пана отъ дать меня изъ замка обратно въ руки ксендза?

— Не вѣрю я этому... Во всякомъ случаѣ я обещаю укрыть тебя въ замкѣ такъ, что и отецъ не будетъ ничего знать. Я ручаюсь головой за это. А затѣмъ, черезъ нѣсколько времени, быть-можетъ даже черезъ нѣсколько дней, я долженъ буду ѣхать въ Варшаву по дѣламъ, по приказанію отца, и тогда возму тебя съ собою. И тамъ, въ Варшавѣ, все рѣшится. Захочешь разстаться со мной — мы разстанемся, и ты найдешь себѣ какое-либо занятіе въ столицѣ, какое-либо мѣсто.

Послѣ долгихъ увѣщаній Франуся согласилась, но съ условіемъ, что если панъ Санецкій, узнавъ, что она находится въ замкѣ, вернетъ ее ксендзу, то Кароль обязывался клятвой снова, хотя бы силкомъ, освободить ее изъ его рукъ.

— Возвращенная изъ замка къ нему въ домъ, сказала Франуся, — я уже буду совершенно въ иномъ положеніи. Онъ уже не станетъ стѣсняться со мной... Тогда не теряй ни минуты, панъ!

— Я отвѣчаю, успокаивалъ дѣвушку Кароль, — что мой отецъ не выдастъ тебя. Что ему ксендзъ? Во всякомъ случаѣ, отецъ самъ не будетъ знать, что ты въ замкѣ. Подумай, какъ обширенъ замокъ и какъ много въ немъ пароду. Вѣдь въ немъ по крайней мѣрѣ до четырехсотъ человѣкъ однихъ домовниковъ, безъ прислуги.

Молодые люди условились, что на другой же день они встрѣтятся на селѣ у старика Казиміра и оттуда ночью Кароль тайкомъ проведетъ дѣвушку въ замокъ.

Проводивъ Франусю снова до рѣчонки, Кароль разстался съ нею на мостикѣ и вернулся въ замокъ. Здѣсь онъ прямо прошелъ къ одному изъ приживальщиковъ, шляхтичу Зарембѣ.

Этотъ шляхтичъ, человѣкъ уже семидесяти лѣтъ, проживалъ въ замкѣ съ женою, тоже семидесятилѣтнею женщиной, и съ дочерью, дѣвицей лѣтъ уже сорока пяти.

Семья помѣщалась въ нижнемъ этажѣ замка, въ углу, въ концѣ длиннаго коридора на сводахъ. Квартирка Зарембы изъ трехъ комнатъ была, такъ сказать, въ самомъ глухомъ мѣстѣ замка. Несмотря на множество народа и на постоянный шумъ и суетню по всѣмъ этажамъ, здѣсь всегда бывала совершенная тишина.

Кромѣ того, Заремба былъ человѣкъ угрюмаго нрава и даже страннаго характера. Онъ былъ нелюдимъ и домосѣдъ, рѣдко выходилъ даже прогуляться, а проводилъ дни въ томъ, что читалъ какіе-то фоліанты, болѣею частью по-латыни.

Жена его, женщина хворая, почти безногая, бродила только по горницамъ. Дочь ухаживала за матерью, готовила сама кушанье въ своей отдѣльной маленькой кухнѣ и тоже почти не зналась съ остальными обитателями замка.

Каролю пришло на умъ просить это семейство взять къ себѣ Франусю. Это была блестящая мысль. У Зарембы въ горницахъ было такъ же безопасно, какъ въ густомъ лѣсу. Франуся могла бы пробыть здѣсь цѣлый мѣсяцъ, прежде чѣмъ кто-либо догадался или узналъ, что она въ замкѣ.

Несмотря на позднее время, Кароль постучался в дверь къ приживальщику. Его окликнули. Онъ назвался. Тогда дочь взволновалась, переговорила съ родителями и затѣмъ отворила дверь.

Крайне изумленное и встревоженное лицо увидѣлъ предъ собой Кароль. Онъ успокоилъ панну и попросилъ доложить о себѣ ей отцу по очень важному и неотложному дѣлу.

Старикъ Заремба тоже смущенно принялъ побочнаго сына пана-каштеляна и первыя минуты былъ настолько взволнованъ, что едва могъ говорить. Ему вообразилось, что Сандецкій присылаетъ въ этотъ поздній часъ своего сына, чтобы гнать вонъ всю семью.

Въ качествѣ нахлѣбниковъ или приживальщиковъ, вся семья, такъ же какъ и многіе другіе обитатели замка, была, конечно, въ полной власти пана-каштеляна.

— Успокойтесь, я къ вамъ являюсь не по приказанію отца, а по собственному дѣлу. У меня къ пану огромная просьба. Если панъ исполнитъ ее, то приобрѣтетъ во мнѣ самаго вѣрнаго слугу.

И Кароль разсказалъ подробно и толково, безъ всякой утайки, въ чемъ дѣло.

Заремба подумалъ, вздохнулъ и выговорилъ:

— Пана Кароль, дай мнѣ честное слово шляхтича, что панъ Ксаверій, узнавъ кого я укрываю у себя, т. е. въ его же собственномъ замкѣ, безъ его на то разрѣшенія, не выгонитъ меня съ женою и дочерью.

— Отвѣчаю моимъ честнымъ словомъ, клянусь Маткой Божьей, что если бы отецъ наказалъ васъ за это изгнаніемъ, то я, Кароль, выйду изъ замка вмѣстѣ со всѣми вами.

— Это другое дѣло, проговорилъ Заремба, протянулъ руку Каролю и крѣпко пожалъ ее.—Мои три горницы, которыя, собственно говоря, принадлежатъ не мнѣ, а пану каштеляну, онѣ къ услугамъ панни Франциски. Что касается нашихъ сердецъ, то это будетъ ея дѣло покорить ихъ. Я отчасти понялъ скрытый смыслъ этого дѣла и радъ служить и въ пользу пана, и во вредъ ксендза. Я ненавижу іезуитовъ, піаровъ, ксендзовъ и всѣхъ имъ подобныхъ.

— И такъ, сказалъ Кароль, вставая, — завтра, въ эту же пору, когда станетъ темно, я приведу сюда дѣвушку, которая останется подъ вашей охраной. И при этомъ повторю, всѣ вы должны клятвенно обѣщаться мнѣ не сказывать никому, что она у васъ.

Шляхтичъ перешелъ вмѣстѣ съ Каролемъ въ другую комнату, гдѣ сидѣла на большомъ креслѣ худая желтенькая старушка. Затѣмъ онъ кликнулъ въ ту же горницу дочь и при нихъ объявилъ въ чемъ дѣло.

— Завтра, въ эту же пору, явится къ намъ и укроется у насъ на нѣсколько времени молодая панна, сказалъ онъ, обращаясь къ женѣ. — Я, ты и дочь наша клятвенно обязуемся, принявъ ее къ себѣ, никому о ней ни слова не говорить.

Старушка, очень удивленная, отвѣчала машинально, что клянется. Дочь съ радостью, ясно написанной на лицѣ, сдѣлала то же самое. Ей было скучно сидѣть безвыходно со стариками, а тутъ вдругъ Богъ послалъ какую-то таинственную исторію, какую-то незнакомку. Все-таки будетъ лишній человѣкъ, съ которымъ ей можно будетъ перекинуться словечкомъ.

На другой день, въ сумерки, Кароль былъ уже на селѣ у старика Казимира. Онъ думалъ, что ему придется ждать Франусю, но къ величайшему своему изумленію узналъ, что она уже съ утра скрывается у старика.

— Прибѣжала ко мнѣ, объяснилъ Казимиръ, — рано утромъ, въ самомъ ужасномъ видѣ, въ изорванномъ платьѣ, съ распущенными волосами, точно съ пожара или отъ нашествія прусскихъ солдатъ. Цѣлый день прислужники ксендза бродили по всему селу, молча и

тихо, какъ волки, да заглядывали повсюду. И ко мнѣ заходили... Опрашивали, не видаль-ли я панни Франциски. Я, разумѣется, отвѣтилъ, что и въ лицо ее не знаю, никогда въ глаза не видаль.

Кароль нашелъ Франциску встревоженной и съ трудомъ успокоилъ ее.

— Пойми же, наконецъ, панна, что я безумно люблю тебя, готовъ сейчасъ же отстоять тебя отъ цѣлаго полка прусскихъ гренадеръ, не только отъ одного ксендза, находящагося еще вдобавокъ во власти моего отца. Изъ-за чего тревожиться? Если бы нужно было, я бы съ оружіемъ сталъ защищать тебя.

Франуся постепенно успокоилась, и они стали дожидаться ночной темноты. Наконецъ, часовъ уже въ десять они двинулись по селу задомъ, полемъ, потомъ прошли берегомъ рѣчки, которая мѣстами переходила въ настоящій ручей, и двинулись къ мостику.

На мостикѣ оказался, какъ нарочно, народъ. Имъ приходилось обождать на берегу. Франуся снова стала волноваться.

— Я увѣрена, что это меня ищутъ. Это просто люди нанятые ксендзомъ, чтобы стоять всю ночь на мосту. Нѣтъ-ли возможности перейти прямо черезъ рѣчку?

Дѣйствительно, если бы была возможность перейти прямо, то, минуя мостикъ, они бы очутились прямо за оранжерейми замка и могли бы грунтовыми сараями и плодовымъ садомъ пройти во дворъ замка.

Кароль убѣдилъ дѣвушку обождать немного. Однако прошло съ полчаса, а люди съ мостика не сходили. Они стояли тамъ, тихо переговариваясь. Въ темнотѣ нельзя было видѣть, сколько ихъ тамъ, но можно было предположить, что не менѣе пяти-шести человѣкъ. Молодые люди осторожно отделились отъ мостика по берегу.

— Пана Кароль, сдѣлай для меня пустое дѣло, взмолилась, наконецъ, Франуся.—Перейдемъ прямо на тотъ берегъ. Вѣдь тутъ почти ручей... Тутъ, вѣроятно, не глубоко... Я умѣю и плавать, но я увѣрена, что тутъ воды будетъ по поясъ.

— Это совершенно вѣрно, панна. Но вѣдь если ты измочишь платье, то въ чемъ же ты будешь въ замкѣ? Мнѣ все равно, я могу переодѣться.

— Пусть панъ идетъ впередъ и отойдетъ немножко въ сторону. Я уже съумѣю устроиться, перейду и оклику пана на томъ берегу.

Кароль отошелъ, и быстро снявъ половину платья, ловко перешелъ рѣчку, которая въ этомъ мѣстѣ была дѣйствительно очень мелка. Воды было меньше, чѣмъ по поясъ.

Перейдя на ту сторону и снова быстро одѣвшись, онъ тихо окликнулъ Франусю. Она отозвалась.

— Здѣсь совсѣмъ бродъ. Иди, панна! Я отойду.

И двинувшись въ сторону шаговъ на пятьдесятъ, Кароль сталъ ждать. Не прошло минутъ десяти, какъ послышался легкій плескъ воды, затѣмъ все стихло, а еще черезъ нѣсколько минутъ голосъ Франуси окликнулъ его.

— Здѣсь! отозвался Кароль.

Радостное ли сознаше безопасности или, быть можетъ, купанье въ свѣжей водѣ, сдѣлало то, что Франуся была уже иная; болѣе бодрая и веселая. Они прислушались къ голосамъ на мостикѣ и снова убѣдились, что стоящіе тамъ и не думаютъ уходить.

Весело двинулись они по берегу, миновали оранжерею, садъ съ фруктовыми деревьями, и черезъ нѣсколько мгновений были уже во дворѣ замка.

Кароль опасался, что здѣсь они встрѣтятъ кого-нибудь.

Конечно, все зависѣло отъ того, кого именно они встрѣтятъ. Въ числѣ обитателей замка были лица недавно появившіяся здѣсь, которыя не могли еще знать

всѣхъ въ лицо, но были и старожилы, которые сейчасъ же замѣтили бы, что съ паномъ Каролемъ идетъ совершенно незнакомая личность.

На счастье молодыхъ людей, они прошли дворъ и вошли подъ своды коридора, не встрѣтивъ ни души. Черезъ минуту Франуся была уже въ горницахъ пана Зарембы и знакомилась съ его обитателями.

— Уберегите мнѣ панну Франциску, сказалъ Кароль, — и я во всю жизнь не забуду этой услуги!

IX.

На другое же утро на селѣ и въ замкѣ много было толку о томъ, что всѣхъ прельщавшая красавица панна Франуся исчезла изъ дома ксендза, пропала и, какъ кладъ, не дается.

Изъ Сталупеней шла, собственно, одна большая дорога. Двѣ остальные были проселками, которые вели: одинъ — на кладбище, другой — въ лѣсъ. На большой дорогѣ за это время никто не встрѣтилъ дѣвушки ни пѣшкомъ, ни въ экипажѣ.

Ксендзъ, нанявшій человѣкъ двадцать разыскивать свою господиню, бѣсился и волновался страшно, готовъ былъ обшарить всѣ дома всего селенія. Онъ былъ увѣренъ, что дѣвушка находится въ Сталупеняхъ.

Будь у нихъ рѣка настоящая, можно было бы подумать, что она утопилась, но въ этой Вилейкѣ курица развѣ только утопаетъ. Она бѣжитъ быстро, мѣстами похожа на рѣчку, но глубина ея самая большая не превышаетъ трехъ аршинъ. Если бы дѣвушка и утопилась на какомъ-либо глубокомъ мѣстѣ, то тѣло ея было бы теперь уже на виду.

„Да и не такова она, думалось отцу Викентію, — чтобы утопиться!“

А между тѣмъ, на большой дорогѣ никто не видалъ ее, на кладбищѣ или въ лѣсу она сидѣть не станетъ: стало быть, она въ Сталупеняхъ, и если не въ селеніи, то въ замкѣ.

„Если ты, дѣвчонка, въ замкѣ, злобно думалъ ксендзъ, — то я скажу одно слово пану Ксаверію — и ты будешь опять у меня въ рукахъ!“

Нѣсколько дней нанятые имъ люди ловко и хитро обшаривали всѣ Сталупени и если не обшарили самаго замка, то освѣдомились обо-всемъ, чтѣ было тамъ... Франуси не оказывалось нигдѣ.

Быль, правда, въ замкѣ какой-то полупомѣшанный шляхтичъ Заремба со старою женой и дочерью, которые никогда нигуда не выходили, но къ нимъ наемники ксендза не думали обращаться или подглядывать въ ихъ окна.

Да и подойти-то къ окнамъ Зарембы было трудно. Они выходили въ такую часть парка, куда пробраться было возможно только пройдя мимо террасы самого пана-каштеляна. А панъ если бы увидѣлъ сычиговъ, то, разумѣется, за такую прогулку засѣкъ бы ихъ тутъ же предъ домомъ до смерти.

За это время, въ теченіе около недѣли, Кароль всякій день, но съ величайшими предосторожностями, ходилъ въ комнаты Зарембы и видѣлся съ Франусей.

Семья была весьма ласкова къ ней. Заремба, зная хорошо Кароля, какъ добраго и честнаго малаго, понималъ, что онъ, помѣстивъ у себя панну Франусю, быть можетъ устраиваетъ свою будущность.

Кароль, любимецъ стараго пана, можетъ сдѣлаться когда-нибудь владѣльцемъ замка, а эта красавица-дѣвушка, милая, чрезвычайно привѣтливая, можетъ сдѣлаться владѣлицей этого же замка. Такимъ образомъ со временемъ Заремба съ семьей, или во всякомъ случаѣ его дочь, найдетъ въ этой укрывающейся теперь дѣвушкѣ будущую покровительницу и благодѣтельницу.

Эти догадки заставили Зарембу отнестись къ укрывательству Франуси совершенно особенно.

На третій же день онъ горячо объяснилъ Каролю,

будто такъ полюбилъ Франусю, что готовъ за нее взяться за саблю, которой тридцать лѣтъ не держалъ въ рукахъ.

Такимъ образомъ Франуся была въ квартирѣ шляхтича въ такой же безопасности, какъ если бы находилась въ неприступной крѣпости.

Когда у Зарембы появлялся кто-нибудь посторонній, а такихъ лицъ бывало не болѣе одного человѣка въ день, то Франуся, слыша стукъ въ дверь, удалялась въ заднюю горницу.

А на случай насильственного вторженія кого-нибудь, семья заранѣе придумала очень хитро, какъ спрятать дѣвушку.

У старушки былъ огромный шкапъ, наполненный платьемъ, и въ этомъ шкапу нѣчто въ родѣ отдѣленія, которое можно было назвать почти потайнымъ. Шкапъ этотъ былъ купленъ давнымъ-давно въ какой-то корчмѣ, которая часто подвергалась нашествію воровъ. Корчмарь, обокраденный нѣсколько разъ, придумалъ этотъ шкапъ и много разъ потомъ все положенное въ потайное отдѣленіе оставалось невредимо.

Когда Кароль являлся въ горницы Зарембы, Франуся выходила въ первую горницу. Они подолгу сидѣли вмѣстѣ и бесѣдовали наединѣ. Имъ не мѣшали.

Заремба объяснилъ женѣ и дочери, что Кароль не такой молодецъ, чтобы укрывать у нихъ кого-либо, кромѣ своей будущей жены.

Въ этихъ бесѣдахъ молодаго человѣка съ дѣвушкой было много непонятнаго для Кароля. Онъ, конечно, каждый разъ клялся ей въ любви и въ рѣшимости сочетаться бракомъ, но Франуся вела себя загадочно.

Она говорила, что любитъ Кароля, благодарна ему за помощь, но еще не знаетъ, рѣшится-ли пойти за него замужъ. И ни разу, не смотря на всѣ просьбы Кароля, она не пожелала объяснить, чтѣ именно помѣхой ему.

— Помѣха есть, говорила Франуся. — И важная... Это препятствіе почти непреоборимое... Но какое оно, теперь я не скажу.

Молодой человѣкъ не зналъ, что препятствіе заключалось лишь въ одномъ... Онъ неосторожно проговорился на первомъ же свиданіи, что будетъ противодѣйствовать отцу, когда тотъ вздумаетъ узаконить его и сдѣлать своимъ наслѣдникомъ.

Панна Франциска мысленно думала:

„Кароль Побѣчекъ никогда моимъ мужемъ не будетъ!“

Черезъ недѣлю послѣ исчезновения Франуси, отецъ Викентій явился, наконецъ, въ замокъ и велѣлъ доложить о себѣ пану-каштеляну.

Принятый паномъ, ксендзъ объяснилъ ему, по какому дѣлу явился.

— Я-то причемъ же тутъ? сказалъ панъ.

— Я вѣрно знаю, что моя родственница скрывается въ замкѣ пана, отозвался ксендзъ, — поэтому я убѣдительно прошу пана дозволить мнѣ обойти всѣ горницы, всѣ закоулки, хотя бы даже обшарить чердаки и подвалы.

Панъ Сандецкій задумался.

— Но вѣдь это въ нѣкоторомъ смыслѣ мнѣ оскорбленіе, ойче... Что-же, я воръ и укрыватель чужаго добра?

— Очень сожалѣю, что пану это неприятно, но долженъ заявить, что если панъ Ксаверій не согласится на это, то я — ксендзъ Сталупеней — буду принужденъ отомстить пану...

— А!.. вотъ какъ! озлобился вдругъ Сандецкій. — Какимъ же способомъ?

— Панъ Ксаверій, вѣроятно, забылъ, что есть нѣчто, что панъ просилъ меня держать втайнѣ.

— А-а!.. протинулъ снова Сандецкій. — Я, правда, забылъ про это. Да, къ несчастію, это вѣрно. Да, къ несчастію — выборъ простой: или дозволить срамнымъ образомъ обшарить весь замокъ...

Литературный альбомъ. „Въ лѣсахъ“ Мельникова. Настасья Чапурина.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Лоренца, авторитиія мастерской „Нивы“.

— Или другой способ найти... вымолвилъ ксендзъ.
— Есть, ойче, другой... Это—въ темную ночь подо-
слать двухъ хорошихъ молодцовъ прирѣзать ксендза
Викентія.

И Сандецкій расхохотался.

— Это будетъ грѣхъ передъ Богомъ...

— Вѣрно, ойче, грѣхъ! Я вѣрный католикъ, вѣр-
ный слуга святаго отца-папы и церкви, и не могу
такъ поступить. Дѣлать нечего... Сейчасъ же мы, ойче,
взявши десять человѣкъ, обшаримъ весь замокъ.

X.

Панъ-каштелянъ позвалъ нѣсколько человѣкъ изъ
прислуги и одного изъ нихъ послалъ за сыномъ. Ка-
роль, уже извѣщенный обо всемъ, успѣлъ побывать у
Зарембы и предупредить его.

Послѣдствіемъ этого было то, что старушка раздѣ-
лась и, якобы хвораая совсѣмъ, легла въ постель въ
послѣдней комнатѣ около шкапа, въ потайномъ отдѣ-
леніи котораго спряталась Франуся.

Обходъ громаднаго замка продолжался часа два.
Сандецкій, не смотря на то, что этотъ обходъ былъ
ему скученъ, не отлучался. Гоноръ каштеляна застав-
лялъ его быть на-лицо.

Онъ какъ бы самъ водилъ ксендза по всѣмъ горни-
цамъ всѣхъ этажей, начавши сверху и пройдя повсюду
безъ исключенія. Даже по комнатамъ покойной жены,
всегда запертымъ, и по комнатамъ двухъ дочерей,
а затѣмъ по всѣмъ помѣщеніямъ всѣхъ нахлѣбниковъ
прошли они и достигли нижняго этажа.

Наконецъ пришелъ чередъ и комнатамъ Зарембы.

Панъ Сандецкій почти забылъ о существованіи этой
семьи. Домосѣды-нахлѣбники такъ мало напоминали о
себѣ, о своемъ существованіи, что можно было забыть.

— Ну, этихъ-то можно было бы оставить въ покоѣ!
сказала Сандецкій. — Они какіе-то полупомѣшанные,
никада не выходятъ, да и къ себѣ никого не пу-
скаютъ.

Но отецъ Викентій настоятельно просилъ не исклю-
чать ни единого угла замка.

И въ первый разъ уже за много лѣтъ, въ горни-
цахъ Зарембы оказалось такое общество, какого давно
не бывало. Заремба и его дочь встрѣтили папа-каште-
ляна, пана Кароля и пана-ксендза со свитой низкими
поклонами и заявили, что старая пани хворааетъ и
лежитъ въ постели.

Заремба убѣдительно сталъ молить пана-каштеляна
не тревожить старушку.

— Во-вѣки вѣковъ, говорилъ Заремба, — никто не
видѣлъ ее, помимо меня, мужа, лежащую въ постели,
а теперь придется принять этакъ человѣкъ десять.

Сандецкій остановился въ нерѣшительности.

— Я—духовное лицо, заявилъ ксендзъ,—и поэтому
могу войти.

— Это вѣрно, замѣтилъ Сандецкій. — Отецъ-ксендзъ
можетъ войти. Поэтому пусть онъ одинъ входитъ.

Всѣ остались, а ксендзъ, вмѣстѣ съ Зарембой, во-
шелъ въ слѣдующую горницу. Сухо поздоровавшись
со старушкой, онъ тщательно, волчьимъ взглядомъ,
оглядѣлъ всю комнату, даже глянулъ подъ кровать.

Большой шкапъ сразу обрадовалъ и смутилъ его.
Уйти изъ этой горницы не отворивши шкапа, было
бы большой нелѣпностью. Къ чему же служилъ весь
обходъ? Ксендзъ рѣшился и обратился ехидно къ
шляхтичу:

— Если предположить, пане Заремба, что моя род-
ственница скрывается въ замкѣ у кого-либо изъ жи-
вущихъ, то, конечно, ей можно укрываться и у пана.
Если она здѣсь, а въ этихъ трехъ горницахъ мы ее
не видѣли, то я имѣю право предполагать, что она
находится въ этомъ большомъ шкапу. Слѣдовательно,
пане, я прошу отворить шкапъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ! отозвался Заремба.

И быстро растворивъ двѣ дверки шкапа, съ боль-
шой охотой и готовностью онъ сталъ снимать съ крюч-
ковъ и выкидывать всѣ женины и дочернины платья,
какія тамъ были. Но не успѣлъ онъ выкинуть пяти-
шести юбокъ и кофтъ, какъ ксендзъ, сумрачный и
угрюмый, остановилъ его.

— Довольно... Тутъ самъ сатана замѣшался, провор-
чалъ отецъ Викентій.

Ксендзу яснымъ показалось, что шкапъ пустъ. Онъ
не извинился и направился обратно.

И все шестивіе, продолжая свой путь, дошло до под-
валовъ. Когда всѣ подвалы были перешарены, усталый
панъ Ксаверій, провожая ксендза, остановилъ его на
главномъ подъѣздѣ и вымолвилъ сердито:

— Слушай теперь, ойче. Я подвергся этому срамному
обыску, потому что былъ у тебя въ долгу. Помни же,
ойче, что теперь мы квиты. И если въ слѣдующій разъ
ты обратишься ко мнѣ съ просьбой, въ родѣ этой, то
есть, по правдѣ говоря, со строгимъ приказаніемъ, то
я могу не исполнить и отвѣчу тебѣ: „мы квиты!“ А если
не смотри на это ты скажешь, что я у тебя въ долгу
и снова будешь угрожать тѣмъ же, снова поставишь
меня въ необходимость дѣлать выборъ между согласіемъ,
или чѣмъ-нибудь инымъ... Помни, ойче, я выберу вто-
рое... Я выберу двухъ молодцовъ надежныхъ и вѣр-
ныхъ и стану грѣшникомъ предъ престоломъ святаго
отца и передъ церковью. Отвѣчай, квиты ли мы, ойче?

— Квиты! глухо и сурово отозвался ксендзъ.

Едва только духовное лицо миновало ворота, какъ
панъ Сандецкій, вернувшись къ себѣ, позвалъ сына.

— Ну, Кароль, винись теперь.

— Въ чемъ?

— Не лги и не притворяйся. Я—старая лисица, на
своемъ вѣку столько продѣлалъ всякихъ фокусовъ,
сколь угодно, тебѣ не продѣлать... Ты не таковъ
уродился. Я уворованныхъ мною женщинъ пряталъ по-
всюду, чуть не въ орѣховой скорлупѣ. Но вѣдь и орѣхъ
можно найти. Скажи ты мнѣ, гдѣ спрятала ты эту под-
ставную родственницу отца-провинціала?

— Почему же, батюшка...

— Не задавай мнѣ вопросовъ! Говорятъ тебѣ: я—
старая лисица. Я видѣлъ, какъ раза два-три взглянуть
на тебя отецъ Викентій, и по его глазамъ понялъ, что
украденная у насъ въ замкѣ, а воръ—Кароль. Отвѣчай...
Поступай со мной честно и тогда рассчитывай на мою
помощь. А помощь моя тебѣ нужна, потому что тебѣ
надо ѣхать тотчасъ же въ Варшаву по нашимъ дѣламъ.
Если уворованный товаръ ты хочешь взять съ собой,
то я помогу тебѣ его увезти. Если ты уворованное
оставишь въ замкѣ, то я останусь охранителемъ, якобы
корчмарь, принявшій за ведро водки краденый кунтуинъ,
или краденые часы.

Кароль, конечно, тотчасъ же сознался во всемъ.

— Откуда же она? спросилъ панъ Сандецкій, когда
сынъ окончилъ свое повѣствованіе.

— Изъ Вармійскаго Епископства, гдѣ ксендзъ и по-
знакомился съ ней.

— Когда же ты успѣлъ влюбиться въ эту Фран-
циску?

— Въ одинъ вечеръ, отецъ.

— Въ одинъ вечеръ? Стало-быть она почти сверхъ-
естественное чудо. До сихъ поръ ни одна женщина,
нигдѣ, хотя бы въ Варшавѣ, тебя не побѣждала. Ка-
кое же диво-дивное должна быть эта очаровательница!
Вѣдь ее даже любовито было бы поглядѣть.

Панъ Ксаверій кончилъ тѣмъ, что обѣщалъ свою по-
мощь сыну, не только противъ ксендза, а хотя бы про-
тивъ самихъ пруссаковъ, если бы они стали искать Фран-
циску, какъ нѣмецкую подданную.

Черезъ нѣсколько дней панъ Сандецкій получилъ
письмо изъ Варшавы, которое побудило его немедленно
снарядить сына въ путь.

Важное политическое событие было окончательно решено. Отделение польских земель восточных и западных двумя державами должно было вскоре совершиться.

Пань принужден был послать сына в Варшаву, чтобы узнать наконец наврное, останутся-ли Сандевики поляками или отойдут к новому отечеству.

— Как же теперь насчет твоего дѣла? Увезешь ты свою красавицу съ собой? спросил пань.

— Не знаю, отозвался Кароль.—Мнѣ надо переговорить съ ней.

Молодой человекъ тотчас же отправился в комнату Зарембы и долго бесѣдовалъ съ Франусей. Онъ вернулся къ отцу не только разстроенный, но даже грустный, и объяснилъ, что дѣвушка отказывается ѣхать в Варшаву, а хочет оставаться укрытая въ замкѣ.

— Сказали-ли ты ей, что я самъ беру ее подъ свою защиту, если она останется?

— Сказалъ, отозвался Кароль.— Это именно и послужило мнѣ во вредъ, иначе она согласилась бы ѣхать со мной.

— Да любить-ли она тебя, Кароль?

— Любить, отецъ.

— На чемъ ты основываешь это?

— На всемъ...

— Не вижу на чемъ. Бѣжала она отъ ксендза не изъ любви къ тебѣ, а изъ ненависти къ нему. Укрылась здѣсь для спасенія себя самой, а не ради того, чтобы тебя видѣть. Иначе на ея мѣстѣ всякая женщина была бы счастлива бѣжать съ тобой в Варшаву на многолюдство, на веселье, а она хочет остаться въ тѣхъ же душныхъ горницахъ, у этого полоумнаго Зарембы. Ничего не понимаю!.. Во всякомъ случаѣ, ступай, обдѣлывай наше дѣло, а Франусю твой ксендзь не получитъ. За это я тебѣ отвѣчаю. Отвѣчаю даже, что приди самъ Фридрихъ со своими солдатами—и они не получатъ ее.

На слѣдующій же день, молодой человекъ, простившись съ отцомъ, простившись съ Франусей, выѣхалъ в Варшаву, скучный и печальный.

Послѣдній разговоръ съ отцомъ, а равно и послѣдній разговоръ съ дѣвушкой при прощаніи, подѣйствовали на Кароля. Онъ начиналъ сомнѣваться въ любви Франуси.

„Ничего въ ней страннаго и непонятнаго нѣтъ, говорилъ себѣ Кароль.—Она просто не любитъ меня, не можетъ любить... Нѣтъ, она меня любитъ, снова говорилъ онъ себѣ.—По многому это видно. Какъ горячо и не разъ умоляла она меня согласиться быть узаконеннымъ ради моего же счастья!“

(Продолженіе будетъ).

Артемій Саватьевъ.

Рассказъ В. В. Тютчева.

(Окончаніе).

Анисья металась по комватѣ, нервно сжимая руки и съ замирающимъ сердцемъ прислушиваясь къ разгуливавшей непогодѣ.

„Господи, что же это такое?“ простонала Анисья, прижимаясь къ запертому окошечку, но какъ она ни напрягала зрѣнія—ничего не могла различить, кромѣ неистово кружившихся свѣжыхъ хлопьевъ. А вьюга разыгрывалась не на шутку.

Отъ безпокойства у Анисьи началась лихорадка, она закуталась въ свой дырявый платокъ и снова подошла къ окну. Вьюга жалобно завывала на всемъ просторѣ. Долго стояла Анисья, напиргая свой слухъ и зрѣніе, но ничего не видѣла она, кромѣ волнуемой бѣлосвѣжной пелены, ничего не слышала, кромѣ унылаго завыванія вѣтра. Сердце рвалось у ней въ груди. Никогда она не любила свою дочь такъ сильно, какъ въ эти минуты, никогда не хотѣлось ей такъ страстно прижать ее къ своей груди. Нѣсколько разъ Анисья была готова идти встрѣчать мужа, но она ясно сознавала всю безплодность подобныхъ поисковъ. Часы пробили три.

„Господи, смилуйся, заступись!“ простонала Анисья, въ отчаяніи оглядываясь на висющую въ углу, почернѣвшую отъ времени шкуну. Вдругъ Анисья показала, будто что-то темное промелькнуло мимо окна. Она чутко прислушалась. Въ вѣтра ей почудился скрипъ полозьевъ и тяжелое дыханіе лошади. Съ замирающимъ сердцемъ вышла Анисья на крыльцо. Вѣтеръ опохнулъ ее съ ногъ до головы, но она не обратила на это вниманія, стараясь взглянуть въ темноту.

Въ первую минуту глазъ ея ничего не могъ различить въ этомъ неистово кружащемся морѣ свѣга, но вскоре она разсмотрѣла въ тѣни навѣса занесенную свѣгомъ конскую снину, лохматую голову, санки. Осторожными шагами спустилась Анисья съ крылечка и почти ощупью добралась до саней. Торопливо обшарила она ихъ и замерла въ невыразимомъ ужасѣ. Ея теплые пальцы встрѣтили холодное какъ ледъ лицо мужа. Анисья торопливо дернула его за плеча—Сидорычъ лежалъ безъ движенія.

„Что же это такое?“ молвіей промелькнуло въ головѣ Анисьи. Она даже не могла дать себѣ отчета во всемъ случившемся. Машинально, замеревъ вся, сама не сознавая вполнѣ что дѣлаетъ, Анисья начала тащить мужа изъ саней. Кое-какъ, съ большимъ трудомъ, втащила она его волокомъ по ступенькамъ въ сѣни, снinou отворила дверь и вволокла его въ комнату. Свѣтъ лампы прямо уналъ на посинѣвшее, безжизненное лицо Сидорыча. Тусклые, безжизненные глаза его блили полукрѣпы, губы плотно сжаты, оконченныя ноги согнуты. Анисья еще разъ обшарила его всего, засунула руку за пазуху, нащупала грудь—тѣло было холодно такъ же, какъ и лицо. Сердце не билось. Молча, пристально, какимъ-то страннымъ взглядомъ еще разъ взглянула Анисья въ лицо мужа... Вдругъ она вздрогнула и, опротивѣвъ бросившись изъ комнаты, кинулась къ санямъ и съ лихорадочною настойчивостью принялась шарить въ нихъ руками. Она сбила и выворотила рогожку, взворочила все сѣно, нащупала дно, провела по немъ ладо-

нами—сани были пусты. Анисья, не помня себя, утопая въ свѣгу, привалась шунать и шарить вокругъ саней, но Оли нигдѣ не было. Наконецъ, она встала съ колѣнъ и медленно вошла въ комнату. На полу, лицомъ кверху, съ мокрой, таящей бородой, лежалъ Сидорычъ. Анисья подошла къ нему и вдругъ судорожно схватила его за плечо.

— Гдѣ Олюшка, Олюшка гдѣ? прохрипѣла она ему въ самое лицо, — гдѣ? злодѣй, душег...

Она вскрикнула и съ глухими рыданьями ударила головой объ полъ. Дѣти въ испугѣ проснулись и, не понимая, что это дѣлается, съ широко раскрытыми глазами, съ поблѣднѣвшими личиками, тряса отъ страха, смотрѣли на лежащаго неподвижно отца и на бьющуюся подлѣ него въ конвульсияхъ мать.

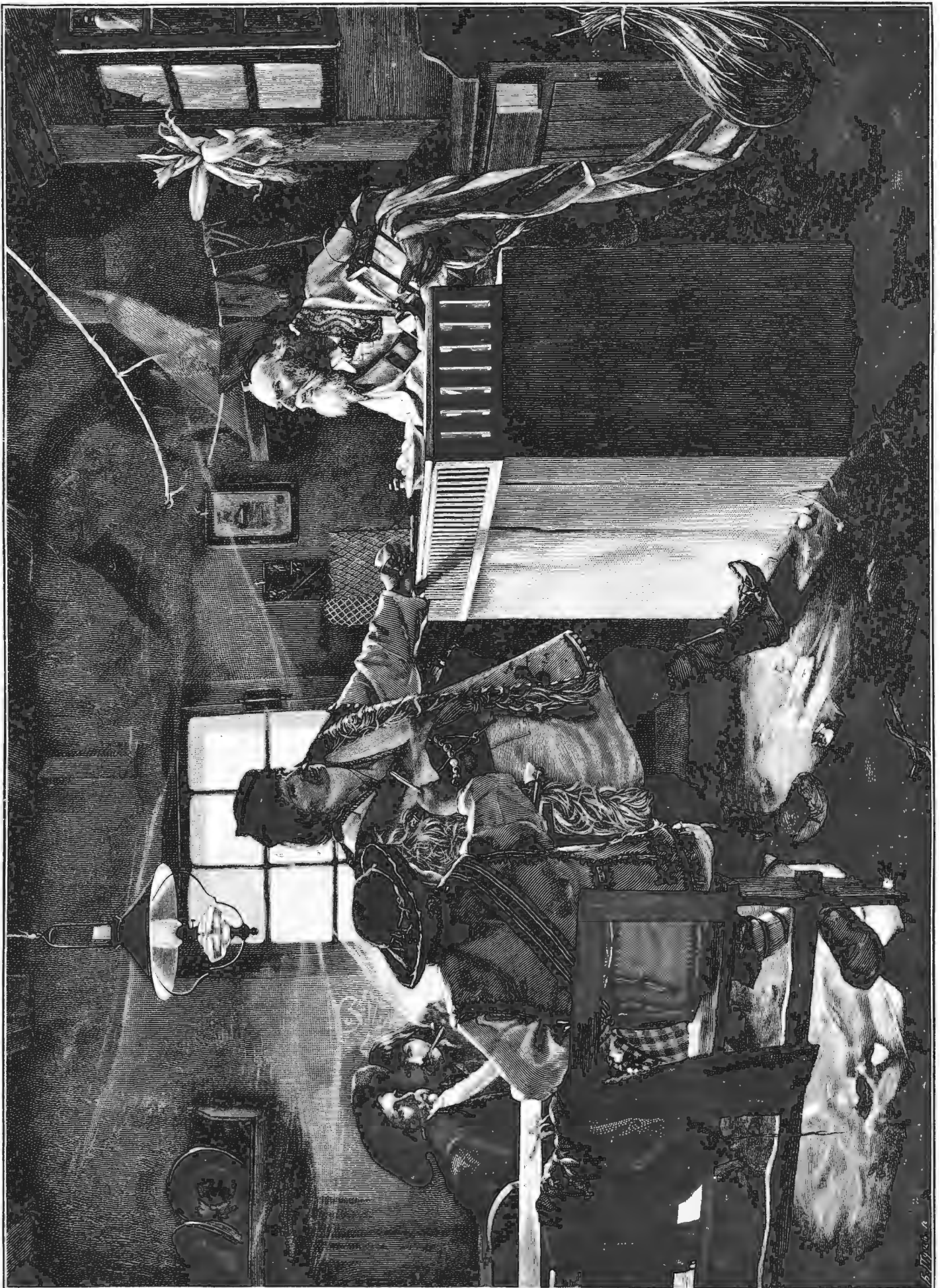
Пронзительно стонетъ и плачетъ вьюга. Темно. Тяжелыя свинцовыя тучи загромодили небо и скрыли собою и мѣсяцъ, и звѣзды. Жутко въ полѣ одному, жутко и холодно.

Морозъ крѣпчаетъ часъ отъ часу, холодный вѣтеръ пронзываетъ насквозь.

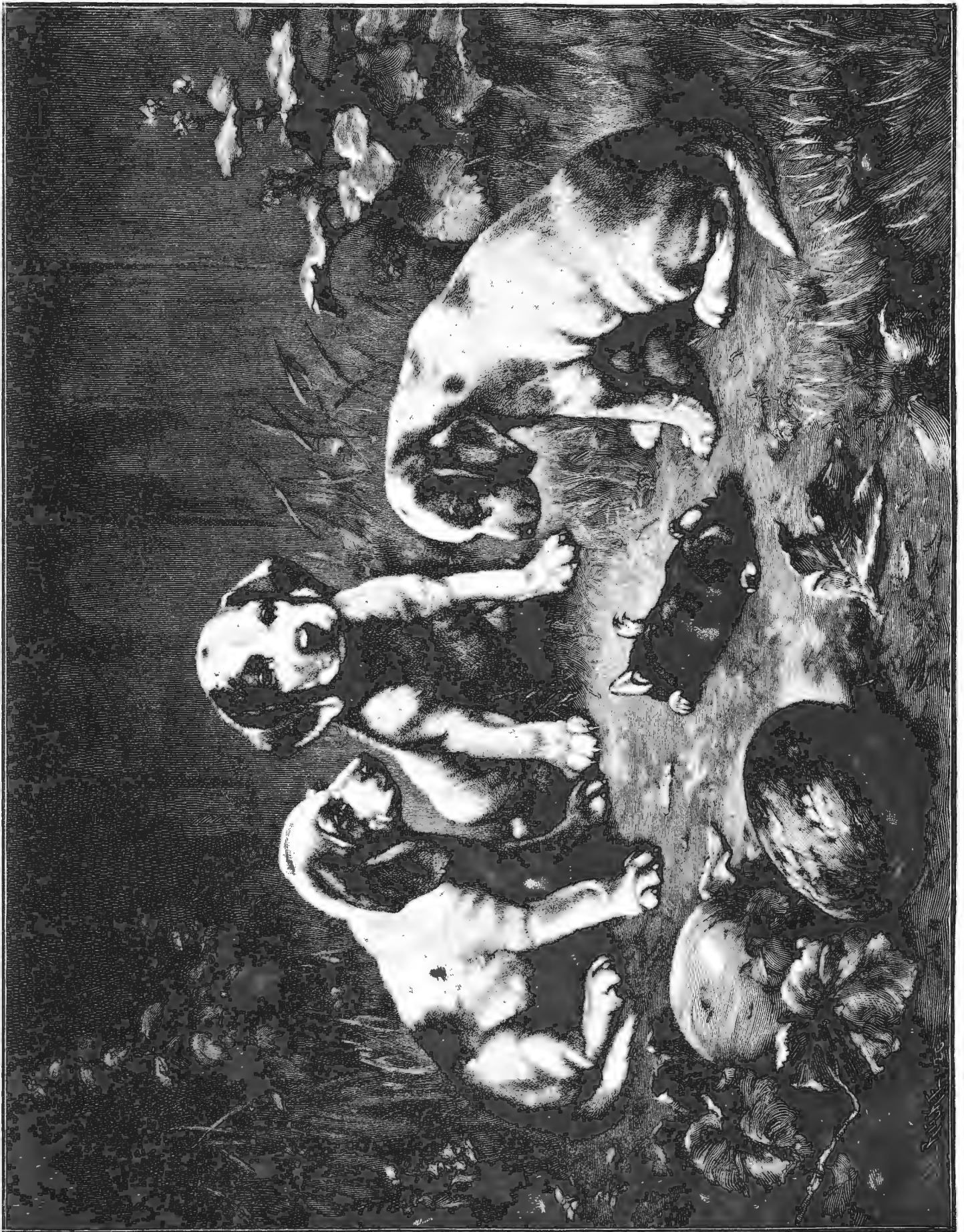
Среди поля, шагахъ въ шестидесяти отъ проѣзжей дороги, возвышается огромное, угрюмое, каменное зданіе, съ тяжелой, окованной желѣзомъ дверью и полосатою будкой на углу. Зданіе это—цейхгаузъ N*** пѣхотнаго полка. Передъ дверью, съ ружьемъ на плечѣ, закутанный въ длинный до пятъ *постовой* тулупъ, въ неуклюжихъ *кельсахъ* *, въ башлыкъ, палюдь котораго и лица-то не видно, шагаетъ часовой—Артемій Саватьевъ. Скучно и боязно ему одному среди непривѣтливаго поля въ глухую, темную, вьюжную ночь. Невольная робость закрадывается ему въ душу, и онъ изъ всѣхъ силъ старается преодолѣть ее, разогнать невеселія думы. А чѣмъ разогнать ихъ, какъ не мыслями о скоромъ возвращеніи на родину? И Саватьевъ усиленно думаетъ объ этомъ, залушая поднимающееся въ душѣ безпокойство.

„Должно сегодня въ послѣдній разъ на часахъ стоять приходится“, размышляетъ Саватьевъ, шагая по узенькой, прогнанной въ глубокомъ свѣгу дорожкѣ, — „а затѣмъ бы считать, сколько разъ я за эти шесть лѣтъ на часахъ стоялъ? не счастье. И вотъ, слава Богу, Господь милостивъ, никогда ничего“. При этомъ вспоминались Саватьеву нѣсколько случаевъ во время его службы,—случаевъ, при которыхъ пострадалъ его товарищи. Одинъ заснулъ на часахъ и ружье выпрошилъ—пошелъ за это въ арестантскія роты; другой курилъ—тоже попалъ туда же, а въ зашломъ году одинъ печатн у денежнаго ящика сломалъ—въ каторгу сослани. Вспомнилъ Саватьевъ эти случаи—и самому боязно стало. „Ну да ладно, Богъ милостивъ, не долго, еще деньковъ пять-шесть—и шабашъ, ау! Артемій, загремишь по чугункѣ на родимую сторону, только и видѣли Саватьева!“ Замечтался Саватьевъ. Услужливая фантазія такъ и разыгрывается, такъ и рисуетъ ему картину за картиной, одну другой привлекательнѣй, заманчивѣй. Увлеченный своими мыслями, Артемій Саватьевъ и не замѣтилъ,

* Кельты—калоши, надрываемыя часовой.

Въ корчмѣ. Ст. карт. (право воспроизведенія приобретено „Нивою“) С. Грохольскаго, грав. Б. Цуца.

Ученое засѣданіе. Карт. К. Рейхерта, грав. Герике.

как перестала шагать по тропинкѣ. Онъ прислонился спиной къ стѣнѣ, опустивъ ружье къ ногѣмъ и облокотился на него. Дремота, неотвязчивая какъ воръ, тихонько, осторожно, подкрадывается къ нему, истомой-чѣгой ползетъ по ногамъ, груди, виснетъ на тяжѣющихъ вѣкахъ, смежаетъ усталые глаза. Мысли лѣниво, вразбродъ плывутъ и расплзаются, неясныя, неуловимыя. Дѣйствительность отходитъ прочь, уступаетъ мѣсто грезамъ, сонъ постепенно очаровываетъ и завладѣваетъ всею существомъ Саватьева. Снится ему яркое, полуденное солнце, подъ его палящими лучами лѣниво отдыхаютъ сверкающіе свѣжей, яркой зеленью залитые луга. Нѣсколько человекъ косярей отдыхаютъ подъ тѣнью свѣженаметанныхъ копенъ. Все близкія, родныя лица. Вотъ худощавое, суровое, обросшее густою, сѣдющею бородой лицо отца Артемія, съ добродушнымъ, но немного какъ бы печальнымъ, задумчивымъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ. Старикъ большими глотками пьетъ изъ глинянаго, побурѣвшаго кувшина. Нѣсколько капель какъ бриллиантики повисли на его бородѣ. Вотъ румяное, безусое лицо младшаго брата Савы, онъ лежитъ на спинѣ, закинувъ подъ курчавую голову мускулистую, загорѣлую руку и благодушно щурится на яркое солнце; тамъ дальше неутомимый Петруша мученически мучаетъ лохматую Жучку. Собаченка визжитъ отъ удовольствія и отъ боли, и сама не знаетъ, сердиться-ли ей на своего мучителя или благодарить за вниманіе. Самъ Артемій лежитъ тутъ же, положи голову на руку и пристально глядитъ вдалѣ, гдѣ солнце граничитъ съ землею.

„Когда же это я успѣлъ прѣхать? раздумываетъ Саватьевъ,— да полно, уѣзжалъ-ли я, не сонъ-ли вся моя шестилѣтняя служба?.. Вѣдь я давно уже здѣсь, и вчера, и третьяго дня, и мѣсяцъ тому назадъ, воиъ и Мазанка, смуглая, черноволосая, съ румянцемъ во всю щеку, пѣжитъ подлѣ другой конны“. Саватьевъ любитъ на ея статную, полную жизни и огня фигуру и вдругъ странный вопросъ является ему: „Жена она мнѣ или нѣтъ еще? Вѣстимо жена, а когда же мы съ ней вѣнчались, гдѣ? А служба? Когда же я со службы-то вернулся?“ ломаетъ голову Артемій Саватьевъ и ничего не можетъ понять, выходитъ какъ будто бы онъ и не уѣзжалъ вовсе, а между тѣмъ вѣдь служилъ же онъ, не изъ головы же выдуманы имъ и знаніе условій, и умѣнье выдѣлывать артикулы ружьемъ. „Чудно, право!“

Пока Саватьевъ размышляетъ, самый младшій членъ семьи, пятилѣтняя сестренка Магрешка, бойко отползаетъ отъ копенъ и хохоча и крича принимается кататься по душистому сѣлу. Весело, задорно звенитъ ей тоненькій голосокъ въ неподвижномъ, знойномъ воздухѣ, но вдругъ она жалобно вскрикиваетъ, веселый смѣхъ смѣняется плачемъ. Отчаянный, цемлящій душу крикъ рѣжетъ ухо. Артемій хочетъ вскопчить, чтобы броситься къ ней на помощь, но не можетъ: руки и ноги ему не повинуются и висятъ какъ плети, а крикъ съ каждымъ мгновеньемъ становится все протяжнѣй, жалобнѣй, онъ навоиливо прощипываетъ въ уши, заставляя содрогаться все внутренности Саватьева. Въ этомъ крикѣ чудится отчаяніе, горькія слезы, призывъ на помощь. Съ трудомъ разжимаетъ наконецъ Артемій отяжелѣвшія, слипшіяся вѣки и туцо оглядывается. Попрямеемъ произительно уныло завываетъ втѣрь, горькія слезы, призывъ на помощь. Съ трудомъ разжимаетъ наконецъ Артемій отяжелѣвшія, слипшіяся вѣки и туцо оглядывается. Попрямеемъ произительно уныло завываетъ втѣрь, горькія слезы, призывъ на помощь. Съ трудомъ разжимаетъ наконецъ Артемій отяжелѣвшія, слипшіяся вѣки и туцо оглядывается. Попрямеемъ произительно уныло завываетъ втѣрь, горькія слезы, призывъ на помощь.

„Съ нами крестная сила!“ прошепталъ онъ тревожно, взглядыаясь въ темноту.

Крикъ повторился, но гораздо слабѣе, втѣрь заглушилъ его. Прошла томительная минута, во время которой Саватьевъ, перегнувшись всею тѣлою впередъ и сложивъ шиткомъ руки, старается проникнуть взоромъ сквозь волнующуюся пелену смѣга. Но вотъ крикъ снова повторился, еще и еще... Нѣтъ сомнѣнья, кричитъ ребенокъ, кричитъ отчаянно, со слезами въ голосѣ, въ смертельномъ страхѣ, можетъ быть въ виду страшной опасности.

Втѣрь то относитъ его крикъ и онъ замираетъ гдѣ-то вдали, то парвываетъ въ самыя уши. Нѣсколько минутъ Саватьевъ находится въ страшной, мучительной нерѣшимости, онъ колеблется, сердце его бьется такъ сильно, что онъ слышитъ его удары сквозь мѣховый тулупъ.

„Какъ быть? Что дѣлать? На что рѣшиться? Оставить постъ и бѣжать искать погибающаго въ сѣгѣ ребенка? А вдругъ смѣгна, тогда что? Подъ судъ—пропадемъ! Да полно... ребенокъ-ли это... не навожденіе-ли бѣсовское?“

Саватьевъ робко перекрестился и снова прислушался. Вьга какъ будто бы немного стихла, не такъ густа сѣбная пелена, не такъ неистово завываетъ втѣрь. А ребенокъ межъ тѣмъ все кричитъ да кричитъ, но голосъ его слабѣетъ, прерывается. Вслушивается Саватьевъ и сдается ему, что онъ уже слышалъ гдѣ-то этотъ голосъ, чѣмъ-то знакомымъ вѣетъ отъ него.

„И не далече вѣдь должно быть“, разсуждаетъ Артемій, самъ не замѣтая какъ подвигается впередъ отъ будки по направлению голоса. „тутъ гдѣ-нибудь бьется сердяга, эхъ кабы по свѣтлѣ маненько!“ Онъ еще разъ пристально взгляделся. — „Та-та, кажись вижу, такъ и есть!“

И забывъ о смѣгѣ, о могущей произойти для него бѣдѣ, увлекаемый однимъ чувствомъ жалости къ беззащитному, погибающему созданию, Артемій бѣгомъ пустился по полю, увязая и спотыкаясь, къ тому мѣсту гдѣ ему померещилась небольшая черная фигурка. Увидѣвъ Саватьева, въ широкой шубѣ съ торчащимъ мѣховымъ воротникомъ, ребенокъ произительно вскрикнулъ и не помня себя отъ ужаса бросился бѣжать, оглашая воздухъ пронзительнымъ плачемъ и беспомощно разводя ручейками.

— Эй, малецъ, глухой, не бойся, постой—не бѣги, я солдать, я тебѣ дураго не сдѣлаю! кричалъ Саватьевъ, задыхаясь и увязая въ сѣгѣ.

Услышавъ голосъ Артемія, маленький бѣглець остановился. — Дядя Артемъ, услышалъ Саватьевъ тоненькій, прерывающийся, запыхавшійся голосокъ,— это ты?

— Олюнка! пзумленно воскликнулъ Артемій,—ты какъ сюда пошла?

Говоря это, онъ торопливо поднялъ на руки ребенка и, сиртывая подъ полы тулупа, бережно понесъ его къ будкѣ. Дѣвочка крѣпко обхватила его за шею и прижалась къ нему. Она дрожала какъ осиновый листокъ. Принеся дѣвочку къ будкѣ, Артемій поспѣшно снялъ свой тулупъ и, закутавъ ее съ ногъ до головы въ мѣхъ, усадилъ въ самый уголокъ будки.

— Ну что, тепло тебѣ?

— Тепло, дяденька, а какъ же ты-то безъ тулупа—холодно тебѣ чай?

— Не бось, весело усмѣхнулся Артемій,—солдату и въ шипелли тепло!—И Саватьевъ, скинувъ ружье, сталъ бодро прохаживаться взадъ и впередъ передъ будкой. — Какъ же ты пошла-то, скажи ты мнѣ? остановился онъ на минутку передъ дѣвочкой.

— Мы съ тяткой изъ города Фхали, онъ меня и обронилъ, прощипала Оля изъ глубины тулупа.

— Ишь ты, ты стало-быть заснула малость?

— Заснула. Онъ самъ сказалъ: „посни, Оля“.

— Гм... А онъ не былъ выпивши, тятка-то твой?

— Былъ. Онъ на вокзалѣ съ кумомъ встрѣлся... Я и то завалавала его, насилу дозвалась.

— Ишь ты... однако, того, пробираетъ! проворчалъ Саватьевъ и сталъ снова шибко ходить взадъ и впередъ, стараясь согрѣться.

Однако, какъ ни храбрился Саватьевъ, а морозъ давалъ таки себя чувствовать, холодный вѣтеръ пронизывалъ насквозь, забираясь подъ жидкое сукно шинели. Саватьевъ чувствовалъ какъ щиплетъ ему уши, носъ и щеки, особенно знобило концы пальцевъ на ногахъ.

„Не отморозить бы себѣ чегонибудь!“ думаетъ Саватьевъ, подпрыгивая и похлопывая руками.

— Холодно тебѣ, дяденька, полусоннымъ, усталымъ голозомъ шепнула Оля,—возьми тулупъ свой, мнѣ тепло.

— Ладно тепло, сиди ужъ, смотри какъ вымокла вся въ сѣгѣ-то барахтавшись, безъ тулупа ты въ разъ замерзнешь, а мнѣ что, я человекъ привычный!

„И чего смѣна не идетъ? думаетъ Саватьевъ, бѣгая взадъ и впередъ и зорко выглядываясь въ окружающій праекъ,—пора бы ужъ... Охъ холодно, чай градусовъ двадцать будетъ... Никола-угодникъ, заступись! Охъ ноженки, сила монхъ нѣтъ, зпобить!“ Артемій подошелъ къ будкѣ и развернулъ тулупъ. Пригрѣтая Оля снала въ мѣху крѣпкимъ сномъ. „Надѣть развѣ тулупъ-то, а ее на руки взять? Нельзя—за эфто, не приведи Богъ какъ пострадать можно, у часоваго окромя ружья ничего не должно быть въ рукахъ! Ужъ потерплю какъ нибудь!“ Артемій снова бережно укуталъ Олю, а самъ припаялся бѣгать и прыгать, тщетно стараясь не дать морозу побѣдить себя. „Снеси ее развѣ домой, мелькнула у него мысль,—нельзя съ поста отлучиться, на то и присягу принялъ, мнѣ стало бытъ довѣрие дѣлають, добро казенное охранять дають, хоть умри, а стой на своемъ посту, помни присягу... А дуже заворачиваетъ морозецъ-то. Эхъ смѣна бы поскорѣе!“

Мучительно, долго, невыносимо мучительно тянется время для Артемія Саватьева, онъ чувствуетъ какъ постепенно застываютъ, деревенѣютъ его члены. Особенно правая нога, зная обувь худо. Саватьевъ перестаетъ ее чувствовать—точно обрубокъ дерева. „Эхъ смѣна бы!“ Чувствуетъ Саватьевъ что еще немного—и онъ пожалуй не выдержитъ, роковое оцѣпенѣніе уже постепенно овладѣваетъ имъ, глаза слипаются, голова кружится.

„Никола, угодникъ Божій, заступись“, шепчетъ Саватьевъ, теряя сознаніе.

Но въ эту минуту словно изъ-подъ земли вырастають передъ нимъ двѣ закутанныя фигуры разводящаго ефрейтора и поваго часоваго.

— Эй, Артемій, живъ что-ль, аль сплнлъ? громкимъ голосомъ окликаетъ разводящій, теребя его за плечо.

— Живъ еще, слабымъ голосомъ произнесъ Артемій,—а кабы вы, братцы, позамедлились, пожалуй бы и замерзъ.

— Ишь ты, а гдѣ же твой тулупъ?

— А я въ его рабончка завернулъ, сторожа Сидорыча дочку, заблудилась... Отецъ выронилъ изъ саней, ко мнѣ припаялась, я ее и усадилъ въ будку... спить чай, пригрѣлась.

— Ах ты, Божья душа, усмѣхнулся разводичій.—дѣвочку пригрѣлъ, а самъ чуть не смерзь; ну идемъ скорѣй, въ карманѣхъ отогрѣемся, а дѣвочку по дорогѣ къ матери занесемъ. И говоря это, разводичій взялъ спящую дѣвочку на руки и въ сопровожденіи Саватьева поспѣшно зашагалъ къ городу.

Анисья сидѣла на полу, надъ тѣломъ мужа, и безмысленно глядѣла въ темный уголъ комнаты. Дѣти, наплакавшись въволю, снова заснули; Анисья не обращала на нихъ вниманія. Мысли ея бродили далеко, да она и сама не могла бы дать отчета о чемъ она думала.

Вдругъ дверь скрипнула, отворилась. Въ комнату вошли два солдата, у одного изъ нихъ на рукахъ была спящая дѣвочка. Быстрѣе молнии вскочила Анисья на ноги и бросилась къ пришедшимъ.

— Нашли, нашли? гдѣ? заговорила она, протягивая руки къ дѣвочкѣ. — Жива?! воскликнула она, — жива! Господи, какъ же это?!

Въ теченіе этого часа какъ она сидѣла на полу надъ тѣломъ мужа, Анисья уже такъ освоилась съ мыслью о смерти дочери, такъ свято и окончательно увѣрилась въ этомъ, что теперь, видя ее живою и здоровою, не хотѣла этому вѣрить.

— Олюшка, милая, дорогая, доченька моя! причитала она цѣлуя и обнимая еще не вполне проснувшуюся дочь. Та только ежилась и подставляла подъ поцѣлуй матери разгорѣвшіеся щеки. Разбуженная шумомъ и возгласами, дѣти снова проснулись и захныкали. Голова ихъ какъ будто привели въ себя Анисью, она опомнилась, оглянула комнату дикимъ, блуждающимъ взглядомъ и, остановивъ его на Саватьевѣ, вдругъ отчаянно заломила руки. — Боже мой, что я теперь буду дѣлать! я одна, больная, слабая, а ихъ четверо, четверо... спироты!

И она глухо зарыдала.

— Не плачь, уладится какъ нибудь, наставительно замѣтилъ разводичій. — Однако, намъ пора—служба, какъ бы не напѣло. Идемъ Саватьевъ!

И они вышли.

На другой день Саватьева отправили въ госпиталь. Правая нога его до самаго почти колѣна оказалась отмороженной, пришлось дѣлать ампутацію. Ногу отняли. Когда Артемій очулся отъ хлороформа и увидѣлъ вмѣсто своей правой ноги—обрубокъ, онъ застоналъ и вдругъ залился слезами.

— Ну полно, что съ тобой? утѣшалъ его докторъ,—эка бѣда, ноги нѣтъ—и безъ ноги ты молодецъ. Съ двумя-то погами и дуракъ проживетъ, а вотъ ты съ одной проживи-ка, шутитъ докторъ.

— Эхъ, ваше благородіе, съ невыразимой тоскою въ голосѣ проговорилъ Саватьевъ,—ухнуло мое дѣло на вѣки-вѣковъ, теперь ужъ я въ деревнѣ не работникъ—а только обуза, не работать ужъ мнѣ надъ своей землицей!

И онъ снова залился слезами. Докторъ былъ тронутъ и принялся утѣшать чѣмъ могъ, но на всѣ его слова Артемій только головой качалъ и уныло повторялъ: — Нѣтъ, ужъ не работникъ я теперь, не для чего и въ деревню ѣхать.

Черезъ нѣсколько дней послѣ ампутаціи Саватьевской ноги, въ госпиталь пришелъ отецъ Пансій, провѣдать одного труднобольнаго. Увидѣвъ священника, Саватьевъ всполошился и попросилъ его къ себѣ.

— Батюшка, робкимъ голосомъ спросилъ онъ его, — что Анисья?

— Она больна теперь, отвѣчалъ священникъ.—Мужа-то похоронили.

— Стало-быть теперь вамъ другаго сторожа надоть? снова спросилъ, не глядя въ лицо священнику, Артемій.

— Надо; я и то присматриваю кого бы взять.

— А коли другой придетъ, стало быть Анисья уходить придется.

— Что-жъ дѣлать, я и то все о ней думаю, какъ бы устроить ее получше, въ раздумьи отвѣтилъ отецъ Пансій.

— А вотъ что, батюшка, полуночотомъ торопливо заговорилъ Саватьевъ,—возьмите меня въ сторожа, я хоть и паа деревяшкѣ, а думаю управлюсь; какъ выпустить изъ госпиталя, такъ и возьмите, тогда и Анисья съ ребятишками хорошо будетъ.

— Что-жъ я тебя взять не прочь, парень ты хороший, непьющій, улыбнулся священникъ,—деревяшка не помѣха, а только не возьму я въ толкъ, почему же Анисья хорошо будетъ, оттого что ты сторожемъ будешь?

— А оттого, что тогда стало быть ей нигуда уходить не надо, пусть живетъ у меня.

— Эка что выдумалъ! нахмурился священникъ.—Сидорычъ былъ ей мужъ, а ты что такое? нѣтъ, братъ, я такихъ вещей при церкви не потерплю.

— Да я батюшка не то что.. вы не думайте, смутился Саватьевъ,—а по хорошему, коли хочеть—я и вѣнчаться съ ней согласился бы.

— А какъ же, ты развѣ въ деревню не поѣдешь? удивился священникъ.

— Какая ужъ теперь деревня—въ деревнѣ я теперь лишній, калѣка. Нѣтъ, ужъ возьмите меня сторожемъ.

— Ну что-жъ, я не прочь, поправилъ скорѣе.

Прошло полгода. Артемій Саватьевъ давно уже выписался изъ госпиталя и, не смотря на деревяшку вмѣсто ноги, исправно и усердно исполняетъ должность церковнаго сторожа. Отецъ Пансій не парадуется на него и очень имъ доволенъ. Еще больше того довольна имъ и счастлива жена его, Анисья. Артемій любитъ ее, бережетъ и нянчится съ ребятами какъ бы своихъ собственныхъ; и ребята любятъ его, какъ никогда не любили своего отца. Да и самъ Артемій Саватьевъ, кажется, совершенно доволенъ своей судьбой и примирился со своей новой жизнью и должностью. Только парѣдка, когда ему приходится проходить мимо полей и до его слуха долетаютъ громкіе крики пашущихъ или веселый лягъ кося, онъ нахмуривается и лицо его дѣлается печально, но и то не надолго.

„Не судьба видно, на то воля Божья!“ говоритъ онъ самъ себѣ; при этихъ словахъ лицо его проясняется и снова дѣлается такимъ же спокойнымъ, добродушнымъ, какъ всегда.

На просторѣ океана.

Переводъ М. Штауде.

Густая сѣть желѣзныхъ дорогъ, соединяющая между собою различные культурные центры, воистинѣ справедливо заслуживаетъ нашего удивленія. Не менѣе поразительны успѣхи техники, выражающіеся въ прорытіи туннелей сквозь мощныя горы и постройкѣ мостовъ гигантской длины и высоты. Особенно же выступаетъ въ вѣсть человѣческаго ума надъ природою, если мы взглянемъ на большой океанскій пароходъ, который, не взирая на бури, совершенно точно, по часамъ, совершаетъ изъ года въ годъ рейсы съ быстротою почти желѣзнодорожнаго поѣзда между отдаленными странами, перевоза пассажировъ и грузы съ такою безопасностью, о которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ лишь мечтали. Громадные пароходы въ 8—10 тысячъ тоннъ, и днемъ, и ночью, и въ бурю, и въ мятель пролагающіе себѣ путь по необъятной пустынѣ океана, представляютъ для нашего умышленнаго ока зрѣлище, подобнаго которому трудно подыскать, и способны болѣе другихъ произведеній техники заставлять человѣка гордиться своими умственными силами.

Развитіе техники, насколько оно касается постройки океанскихъ пароходовъ повѣйшаго времени, поразительно еще потому, что является дѣломъ сравнительно короткаго промежутка времени, причѣмъ были побѣждены техническія трудности, которая прежде казалась непреодолимыми. Между тѣмъ какъ желѣзнодорожная техника не дала намъ за послѣднія 25 лѣтъ ничего особенно новаго (развѣ за исключеніемъ водной желѣзной дороги—этой желѣзной дороги будущаго), кораблестроеніе за этотъ же періодъ времени шло гигантскими шагами и при томъ почти во всѣхъ своихъ отрасляхъ. Самое послѣднее время ознаменовано появленіемъ на свѣтъ гигантскихъ броненосцевъ и быстроходныхъ минныхъ судовъ; точно такъ же достигнуто замѣчательное

улучшеніе въ постройкѣ быстроходныхъ кораблей и яхтъ, причѣмъ появились большіе пассажирскіе пароходы, которые окружаютъ своихъ пассажировъ такими удобствами, какихъ нельзя имѣть даже въ первоклассныхъ гостиницахъ. Пароходное сообщеніе между портами Европы и Америки, считавшееся прежде мечтою, въ настоящее время относится къ самымъ зауряднымъ явленіямъ, причѣмъ существуетъ цѣлый рядъ линій, по которымъ пароходы дѣлаютъ болѣе отдаленные рейсы на востокъ, въ Австралію и къ южной оконечности Америки безъ всякой задержки и съ изумительною точностью. Въ 1838 г. въ первый разъ отправились въ Нью-Йоркъ пароходы „Спріуель“ и „Грегъ-Истернъ“, послѣдній только съ семью пассажирами. Путешествіе продолжалось двѣ недѣли. Теперь на переѣздъ едва-ли потребуется половина этого времени, причѣмъ нѣрѣдко болѣе тысячи переселенцевъ довѣряютъ свою жизнь и имущество одному изъ гигантскихъ пароходовъ нынѣшняго времени.

Что-же обусловило эти громадные успѣхи въ постройкѣ океанскихъ пассажирскихъ пароходовъ, о которыхъ мы поведемъ рѣчь въ настоящей статьѣ? Съ одной стороны, эти успѣхи являются отъ конкуренціи многочисленныхъ пароходныхъ компаній, перевозившихъ переселенцевъ въ Новый Свѣтъ, съ другой, и главнымъ образомъ, отъ успѣховъ въ постройкѣ машинъ, въ металлургіи и въ другихъ отрасляхъ техники, которые, хотя и не имѣли въ виду улучшить кораблестроеніе, однако принесли ему не малую пользу.

Сначала рассмотримъ конкуренцію трансатлантическихъ пароходныхъ компаній, конечно, по возможности короче.

Толчокъ былъ данъ извѣстною компаніею Кунарда, которая еще недавно могла хвалиться тѣмъ, что ни одинъ изъ ея пароходовъ не терпѣлъ крушенія. Желая отбить у своихъ

попунктовъ быстрое сообщеніе между Ливерпулемъ и Нью-Йоркомъ, она заказала вначалѣ пароходы „Уранию“ и „Сервію“, которые при скорости въ 17 узловъ (около 29½ в.) значительно опережали прежніе пароходы, предѣльная скорость которыхъ равнялась 13—14 узламъ въ часъ. Однако скоро пальма первенства перешла отъ нихъ къ пароходамъ „Этрусія“, „Умбрія“ и „Ореговъ“, который позорно погибъ, столкнувшись съ одною незначительною шкуною. Эти послѣдніе, съ машинами до 14,000 лошадиныхъ силъ, доводятъ быстроту до 19 узловъ (т. е. 33 верствъ) въ часъ и доставляютъ своихъ пассажировъ изъ Ливерпуля въ Нью-Йоркъ менѣе чѣмъ въ недѣлю. Они идутъ быстрѣе обыкновеннаго пассажирскаго железнодорожнаго поезда уже потому, что послѣдній часто вынужденъ останавливаться на станціяхъ, тогда какъ винтъ океанскихъ пароходовъ работаетъ безостановочно вплоть до того момента, когда якорь, стуча своими цѣпями, падаетъ на дно и закрѣпляетъ пароходъ у цѣли его путешествія.

Такъ какъ путешественники отдавали рѣшительное предпочтеніе тѣмъ пароходамъ, которые скорѣе доставляютъ къ цѣли путешествія, то и другія общества, не желая лишиться своихъ заработковъ, поневолѣ должны были слѣдовать примѣру линіи Кунарда. Благодаря этому появились къ услугамъ публики пароходы: „City of Rome“, „Америка“, „Аризона“ и „Аляска“, скорость которыхъ достигаетъ 17½ узловъ въ часъ. Немного позже появляется на сцену Сѣверо-германскій Ллойдъ со своими пароходами: „Верра“, „Фульда“ и „Эльба“, которые, хотя и уступаютъ прежде именованнымъ въ скорости, доходившей у нихъ лишь до 16—17 узловъ въ часъ, но зато превосходятъ всѣ предыдущіе своими удобствами для пассажировъ. То же самое относителю и къ новѣйшей французской Compagnie transatlantique, пароходы которой имѣютъ скорость до 16—17 узловъ въ часъ.

Англіи и нѣмцамъ общества, поддерживающія сообщеніе съ Австраліею и восточною Азіею, также имѣютъ пароходы, которые по своей скорости могутъ съ успѣхомъ состязаться съ трансатлантическими.

Въ такомъ положеніи находятся дѣла въ настоящее время. Теперь самъ собою возникаетъ вопросъ, будутъ-ли пароходныя общества продолжать идти въ этомъ направленіи и сгязаться въ постройкѣ все болѣе и болѣе быстроходныхъ пароходовъ? Постройтѣ ли все болѣе и болѣе быстроходныхъ пароходовъ?—и по той простой причинѣ, что быстроходные пароходы не окунаются. Трудно себѣ представить до какой степени увеличивается потребленіе угля, чтобы получить скорость большую на какой-нибудь одинъ узелъ въ часъ. Это возрастаніе идетъ почти въ геометрической пропорціи сравнительно съ возрастаніемъ скорости, такъ что пароходъ, дѣлающій переходъ въ Америку въ 6 дней 7 часовъ, потребляетъ угля въ полтора раза болѣе, чѣмъ пароходъ, совершающій этотъ же рейсъ въ 7 сутокъ. Къ тому же, роскошныя пароходы зимою по большей части не ходятъ и поэтому имъ приходится въ немногіе лѣтніе мѣсяцы уже съ полнымъ грузомъ вырывать расходы цѣлаго года, что едва-ли удается.

Первое, что бросается всякому въ глаза при взглядѣ на быстроходный пароходъ новѣйшаго времени, это — незначительная ширина при большой длинѣ его корпуса (относится какъ 1 къ 10); свойство это даетъ судну возможность легче

разрѣзать волны, но вмѣстѣ съ тѣмъ влечетъ за собою немаловажныя и даже опасныя неудобства. Дѣло въ томъ, что благодаря этому пароходы не обладаютъ достаточною устойчивостью, которую приобретаютъ лишь при наличности значительнаго балласта въ видѣ балласта или угля; когда же къ концу рейса послѣдній истощается, то мѣсто его въ трюмѣ занимаетъ нарочно выпускаемая туда вода. Какъ мала устойчивость такихъ пароходовъ, показываетъ случай, бывшій съ колоссальнымъ пароходомъ „Аustral“, который загонулъ, сильно накренившись вълѣдствіе неосторожной нагрузки на одинъ бортъ угля. Въ виду этого возможно, что, какъ только уляжется горячка конкуренціи, постепенно вернуться къ прежнему болѣе благоразумному отношенію между шириною и длиною корпуса. При постройкѣ парусныхъ яхтъ въ Англіи это отношеніе не падаетъ ниже 1:6, да при томъ еще въ видѣ балласта берутъ много тоннъ свинца, потому что иначе грозила бы опасность опрокинуться.

Сравнивая парусныя суда съ вышѣнными океанскими пароходами, невольно замѣчаешь, какою жалкою парусностью обладаютъ послѣдніе. Мачты коротки, а паруса слишкомъ малы сравнительно съ самимъ пароходомъ. Существуетъ не мало спеціалистовъ, утверждающихъ, что оснастка пароходовъ лишь излишняя обуза, безъ которой можно обойтись, полагаясь на одну машину. Но это едва-ли вѣрно. При этомъ поневолѣ приходится прибѣгнуть къ запаснымъ машинамъ и винтамъ, между тѣмъ какъ при поломкѣ винта или его вала, или порчѣ въ какой-нибудь части сложной паровой машины и неизбежной при этомъ безпомощности парохода, мачты съ парусами могутъ оказать неоцѣнимыя услуги: при помощи ихъ, хотя медленно, но все-таки вѣрно прибудетъ пароходъ къ цѣли. Даже, когда все на немъ въ исправности, при благоприятномъ встрѣчѣ они значительно увеличиваютъ его скорость, а при сильной зыби поддерживаютъ и уменьшаютъ его качку.

Усовершенствованіе мореплаванія основывается однако болѣе на цѣлесообразномъ выборѣ строительнаго матеріала и на прогрессѣ въ машинномъ дѣлѣ, чѣмъ на улучшеніи формы корпуса. Уже вълѣдствіе непрочности дерева нельзя было употреблять этотъ матеріалъ на постройку корпуса длиною болѣе чѣмъ въ 70 саж., что теперь не рѣдкость. Это стало возможнымъ со времени введенія для этой цѣли желѣза, а за послѣднее время и стали. Послѣдняя произвела цѣлый переворотъ въ кораблестроеніи: будучи крѣоче желѣза, она даетъ возможность примѣнять тонкія пластинки ея тамъ, гдѣ прежде требовалось желѣзо значительной толщины, что повело къ уменьшенію вѣса корабля и увеличенію его емкости.

Главная же доля успѣховъ въ постройкѣ пароходовъ, какъ уже упомянуто раньше, принадлежитъ паровой машинѣ. Самыя важныя ея усовершенствованія заключаются въ новѣйшемъ давленіи паровъ, примѣненіи конденсаторовъ, а въ особенности въ примѣненіи машинъ съ двойнымъ, тройнымъ и даже четвернымъ расширеніемъ пара, т. е. такихъ, въ которыхъ отработавшій въ одномъ цилиндрѣ такъ-называемый мятый паръ наполняетъ потомъ другой цилиндръ и такъ до четвертаго, послѣ чего онъ переходитъ уже въ конденсаторъ.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

„Ермакъ является къ Строгановымъ“. Рис. проф. Н. Дмитріева-Оренбургскаго. (Рис. на стр. 1068).

Подданство Зауралья и Сибири Московскому государству могло утвердиться лишь благодаря движенію русскаго населенія на сѣверо-востокъ, когда русскіе промышленные люди приближили свои селенія къ Каменному Полю (Уралу), а затѣмъ задумали перейти и черезъ него. Въ исторіи этого движенія важное значеніе получаетъ родъ Строгановыхъ. Около второй половины XV вѣка, когда Іоаннъ III получилъ возможность раздѣлиться съ новгородцами въ Двинской землѣ, при перенесеніи земель отходившихъ къ Московскому государю и князю Ростовскому говорится, что ихъ искали такіе-то люди на такихъ-то новгородцахъ, несправедливо эти земли захватившихъ. Въ числѣ другихъ показанъ и Лука Строгановъ. Искалъ-ли онъ этихъ земель, потому что онѣ находились у него въ оборотномъ содержаніи, или потому что былъ уполномоченъ искать ихъ отъ князей Московскаго и Ростовскаго, какъ извѣстный, богатый, искусный въ дѣлахъ и знающій старину уроженецъ тѣхъ странъ—изъ акта не видно (на богатство Строгановыхъ при Василии Темномъ есть любопытное указаніе въ грамотѣ царя Василія Іоанновича Шуйскаго, который, уговаривая въ 1610 году Строгановыхъ сеудить его значительною суммой денегъ, пишетъ къ нимъ: „Припомните, когда вы въ прежнія времена выкупили изъ плѣна князя Василія Васильевича: какой великой части сподобились!“). Послѣдствія Строгановы, благодаря своимъ обширнымъ средствамъ, являются главными населителями пустынныхъ земель на сѣверо-востокѣ. При великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ, внуки помѣшатаго Луки Строганова получили право населить

пустынный участокъ въ Устюжскомъ уѣздѣ, въ Вондокурской волости. Въ царствованіе Грознаго Строгановы обратили свою промышленную дѣятельность далѣе на востокъ, въ область Камы. Въ 1558 г. Григорій Анкиевъ Строгановъ былъ царю челомъ и сказывалъ: „Въ 80-ти верстахъ ниже Великой Перли, по рѣкѣ Камѣ, по обѣ ея стороны, до рѣки Чусовой, лежатъ мѣста пустыя, лѣса черные, рѣчки и озера дикія, острова и наволоки пустыя... До сихъ поръ на этомъ мѣстѣ наши не пахали, дворы не ставили и въ царскую казну пошлина никакая не бывала“. Григорій Строгановъ былъ челомъ, что „хочетъ на этомъ мѣстѣ городокъ поставить, городъ пушками и пищальми снабдить, пищальниковъ и воротниковъ прибрать, для береженія отъ Ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, по рѣчкамъ до самыхъ вершинъ и по озерамъ лѣсъ рубить, расчистя мѣсто пашию пахать, дворы ставить, людей созывать пашенныхъ и не тяглыхъ (т. е. вольныхъ), разолю искать, а гдѣ найдется разолю, варники ставить и соль варить“. И царь Григорія пожаловалъ, отдалъ ему эти земли со многими льготами на 20 лѣтъ. Прикамская сторона была украиня, на которую нападали дикіе зауральскіе и пріуральскіе народцы; правительство не могло защищать отъ нихъ поселенка: онъ долженъ былъ защищаться самъ, своими средствами, долженъ былъ строить городки или острожки, снабжать ихъ *арядомъ* (артиллеріей), содержать ратныхъ людей. Отсюда усиляется важное значеніе Строгановыхъ, которые одни по своимъ средствамъ могли заселить Прикамскую страну. Понятно также, что Строгановы могли совершить этотъ подвигъ не вълѣдствіе только своего богатства: нужна была необыкновенная смѣлость, энергія, ловкость, чтобы завести поселенія въ пустынной странѣ, подверженной нападеніямъ дикарей, пахать пашию

Памятникъ Импер. Екатеринѣ II въ Симферополѣ, работы проф. Лаверецкаго, открытый 18 октября 1890 г.
Съ фот. грав. Барановскій

и разсолъ некакъ съ ружьемъ въ рукѣ, сдѣлать вызовъ дикарю, положивъ передъ его глазами основы гражданственности мирными промыслами. Строгановъ построилъ городокъ, назвалъ его *Канкоромъ*, но черезъ 5 лѣтъ одного городка оказалось мало — и явился новый городокъ *Кериданъ*, въ двадцати верстахъ дальше, со стѣнами въ тридцать сажень. Въ 1556 г., братъ Григорія, Яковъ, отъ имени отца своего, Анкія Федорова, билъ челомъ, чтобы государь пожаловалъ ихъ, взявъ городки и всё ихъ промыслы въ опричину — и эта просьба была уважена.

Утвердившись по сю сторону Урала, Строгановы естественно должны были обратить вниманіе и на земли зауральскія, обѣщавшія еще болѣе выгоды. Случай къ испрошенію себѣ права на отысканіе *новыхъ* земель за Ураломъ скоро представился Строгановымъ: новый Сибирскій салтанъ Кучумъ дѣйствовалъ враждебно противъ Московскаго государства. Иоаннъ далъ право Якову и Григорію Строгановымъ укрѣпляться и за Ураломъ на тѣхъ-же условіяхъ. Но за Ураломъ, прежде чѣмъ взять землю въ свое владѣніе, надо было очистить ее отъ Сибирскаго салтана, т. е. вести наступательную войну. Строгановы обязывались вести эту войну на свой счетъ, должны были имѣть свое войско; изъ кого же могли они составить его? На охочіихъ инородцевъ — Остяковъ, Вогуличей, Югичей и Самоѣдовъ — надежда была плохая. Мирные промышленники нуждались въ передовыхъ людяхъ колонизаціи, въ исконыхъ отыскателяхъ путей и новыхъ земель, словомъ, нуждались въ казакахъ.

Въ это время, Донскіе казаки, надѣясь на безнаказанность вдали отъ государства, не ограничивались тѣмъ, что не исполняли царскихъ и посольскихъ приказаній, нападали не на однихъ ногаевъ, азовцевъ и крымцевъ, но, разбѣгая по Волгѣ, грабили суда царскія, били людей, разбивали персидскихъ и бухарскихъ пословъ, русскихъ торговыхъ людей. Царь принужденъ былъ выслать противъ нихъ воеводъ съ большою ратью. Казаковъ казнили и ловили, многіе изъ нихъ разбѣжались, и одна толпа отправилась вверхъ по Волгѣ, гдѣ получила приглашеніе отъ Строгановыхъ вступить къ нимъ въ службу. Казаки явились къ Строгановымъ въ числѣ 540 человекъ подъ главнымъ начальствомъ атамана Ермака Тимоѣева; другіе атаманы были: Иванъ Кольцо, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ и Матвій Мещерякъ. Пришли они въ концѣ іюня 1579 г., а 1 сентября 1581 г. Строгановы, Семень съ племянниками Максимомъ и Никитой, отпустили на Сибирскаго салтана казаковъ Ермака Тимоѣева съ товарищами, придавъ къ нимъ ратныхъ людей изъ городковъ своихъ, всего съ казаками 840 человекъ, снабдивъ ихъ жалованьемъ, съѣзными припасами, одеждою, оружіемъ, пушечками и шипцами, проводниками и толмачами. Такъ началось покореніе Сибири.

Передъ походомъ. (Рис. на стр. 1069).

Только въ часъ разлуки мы узнаемъ иногда, какъ дорого намъ любящее сердце... На дворѣ уже давно нетерпѣливо бьетъ конь копытомъ землю, а статный рыцарь въ богатой одеждѣ временъ Возрожденія все еще не можетъ разстаться со своею возлюбленною, заботливо и любовно смотрящею ему въ очи...

„Въ лѣсахъ“. Настасья Чапурина. (Рис. на стр. 1073).

Тонкій карандашъ Н. Лоренца особенно удачно передаетъ изящныя и ибжныя черты женскихъ головокъ, и на страницахъ нашего журнала неоднократно появлялись миловидныя лица, зарисованныя молодымъ художникомъ. Въ нынѣшнемъ номерѣ мы помѣщаемъ типъ русской красавицы, одной изъ героинь замѣчательнаго разсказа Андрея Печерскаго (Мельникова) изъ жизни въ привольномъ краѣ — верховомъ Заволжьѣ. Тамъ, въ деревнѣ Осиповкѣ, жилъ богатый и почтенный торговый человекъ, „тысячникъ“ Потапъ Максимычъ Чапурина. Старшая дочь его, восемнадцатилѣтняя Настасья и воспроизведена на рисункѣ Лоренца. По словамъ автора „Въ лѣсахъ“, это была такая красавица, какихъ и за Волгой не много родится: „кругла да бѣла, какъ мытая рѣпка, алый дѣвѣтъ по лицу разстилается, толстыя ровно шелковыя косы висятъ ниже пояса, звѣздистыя очи разсыпчаты, брови тонкія, руки бѣлыя ровно выточенны...“

Въ корчмѣ. (Рис. на стр. 1076).

Въ своей картинѣ С. Грохольскій переноситъ зрителя въ душную, закопѣлую комнату еврейской корчмы въ Татрахъ, въ Карпатскихъ горахъ. Въ нее собралось нѣсколько мѣстныхъ крестьянъ-гуцуловъ, въ то время, какъ шинкаръ совершаетъ свою ежедневную молитву. Старикъ-еврей, съ накинутымъ на плечи таллисомъ и съ тефилинномъ на лбу, гнѣвно отвергаетъ назойливыя требованія подгулявшаго посетителя, а его собутельники довольно равнодушно ожидаютъ окончанія ихъ горячаго спора.

Ученое засѣданіе. (Рис. на стр. 1077).

Миръ животныхъ является неисчерпаемымъ родинкомъ, откуда художники могутъ почерпнуть всегда интересные сю-

жеты для своихъ работъ, разъ передаются они правдиво и даровито. Что можетъ быть безхитростнѣе жизни котятъ или щенятъ, а какъ зампмательны и затѣйливы бываютъ картины Ю. Адама, Ламбера и другихъ пюобразителей жизни домашнихъ животныхъ, только и воспроизводящихъ разныя сцены изъ ихъ быта. Къ числу такихъ простыхъ и милыхъ произведеній должна быть отнесена и картинка К. Рейхерта, гдѣ представлены три щенка вокругъ мертваго крота, точно на совѣщаніи, что это за безглазое животное, съ вывороченными наружу лапками...

Памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II, работы проф. Лаверецкаго. (Рис. на стр. 1081).

Памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II, рисунокъ котораго помѣщенъ въ этомъ номерѣ, созданъ профессоромъ Н. А. Лаверецкимъ и поставленъ въ городѣ Симферополѣ въ память столѣтія завоеванія Крыма.

Задуманъ онъ очень хорошо. Императрица изображена стоящею у малаго постаменты, на которомъ лежитъ развернутая карта Крыма и Чернаго моря. На ней покоится правая рука императрицы, держащая скипетръ. Лѣвой рукой она какъ бы указываетъ на покоренную страну. Поза ея величественна, полна выразительности.

У подножія ея стоятъ двѣ большія (въ двѣ величины) фигуры: знаменитаго князя Потемкина и Долгорукова-Крымскаго, титулованнаго такъ за одержанную имъ побѣду и освобожденіе Крымскаго полуострова отъ турокъ. Долгорукій-Крымскій изображенъ задумчиво смотрящимъ въ даль и вкладывающимъ свою лпагу въ ножны, — дѣло, молъ, покончено... А Потемкинъ, дружественно положивъ свою руку ему на плечо, одобрительно на него смотритъ. Эти двѣ фигуры и сами по себѣ могли бы быть характернымъ памятникомъ.

Профессоръ дѣлалъ ихъ лица по нѣсколькимъ различнымъ портретамъ.

По бокамъ пьедестала помѣщены бюсты Суворова, какъ энергическаго начинателя дѣла завоеванія Крымскаго полуострова, и посла Булгакова, много способствовавшаго своимъ дипломатическимъ талантомъ къ благополучному окончанію этого дѣла.

На задней сторонѣ этого монумента — барельефъ, изображающій небывалое для того времени событіе, а именно пріѣздъ императрицы въ Крымъ. О сказочно роскошной обстановкѣ этого торжественнаго путешествія императрицы существуетъ много легендарныхъ разсказовъ. Устроилъ его Потемкинъ, дабы придать больше вѣса и значенія завоеванію Крыма въ глазахъ Европы.

Для такого барельефа на пьедесталѣ памятника слишкомъ мало мѣста, и потому профессоръ долженъ былъ стѣснить воплощеніе своей идеи. Но и этимъ небольшимъ пространствомъ онъ прекрасно воспользовался, сумѣвъ изобразить императрицу, пріѣздившую встрѣчающую многочисленную восгорженную толпу представителей населяющаго Крымъ народа, а около нея ея секретаря по крымскимъ дѣламъ.

Фигуры этого памятника отлиты изъ бронзы въ Петербургѣ, на литейномъ заводѣ Морана. Пьедесталъ, работы архитектора И. В. Вольфа, сдѣланъ тоже въ Петербургѣ, изъ сердобольскаго гранита, изъ круцныхъ монолитныхъ частей.

Инициатива этого памятника принадлежитъ бывшему предводителю дворянства въ городѣ Симферополѣ В. П. Понову.

18 октября состоялось открытіе памятника. Послѣ обѣдни и молебствія въ кафедральномъ соборѣ, въ полдень процессія съ преосвященнымъ Мартианомъ, епископомъ таврическимъ, и таврическимъ губерскимъ предводителемъ В. В. Оливъ во главѣ, двинулась отъ собора къ памятнику-obelisku покорителя Крыма Долгорукова, затѣмъ по бульвару къ памятнику императрицы. Въ процессіи участвовали учащіяся, представители города и администраціи и многочисленная публика, оркестръ гимназистовъ и хоръ ибвчихъ изъ учениковъ семинаріи. Вокругъ памятника были разставлены войска. Когда звилась сигнальная ракета, покровъ, покрывавшій памятникъ, упалъ — при салютѣ войскъ и при гимнѣ „Боже Царя храни“, исполненнымъ хоромъ музыки и ибвчими. Погода стояла прекрасная.

Спускъ броненосца „Гангутъ“. (Рис. на стр. 1083).

6 октября, съ верфи Новаго Адмиралтейства, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, спущенъ новый броненосецъ „Гангутъ“. Къ постройкѣ этого корабля было приступлено 29 октября 1888 г., закладка — въ присутствіи Государя Императора — совершена 20 мая 1889 г. и наконецъ, спускъ — 6 октября настоящаго года, т. е., корабль строился почти два года. Длина „Гангута“ по грузовой ватерлиніи 289 ф. 9 д., а съ тараномъ 301 ф. 5 д., наибольшая ширина — 62 ф., углубленіе на ровный киль — 21 ф. и водоизмѣщеніе 6627,86 тон. Постройка корнуса производилась казенными средствами въ Новомъ Адмиралтействѣ изъ стали Александровскаго и адмиралтейскихъ заводовъ. Штевень и рулевая рама (изъ литой стали) изготовлены Путиловскимъ заводомъ; сталежѣловая броня изготовляется адмиралтейскими Ижорскими заводами.

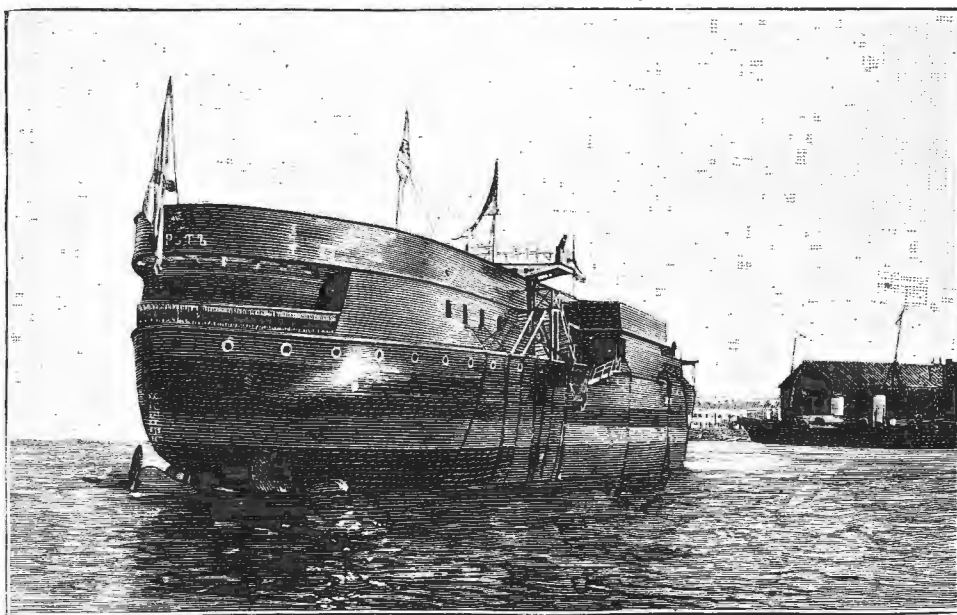
Стали до сих пор употреблено: на корпус до 163,200 пуд., а на штевень и рулевую раму 2,044 пуда. Корабль будет вооруженъ 9 нарѣзными дальнѣйшими орудіями, минными приспособленіями и скорострѣльными пушками Гочкиса. Па-

ровой механизмъ для корабля—тройнаго расширенія въ 6,000 индикаторныхъ силъ, изготовляется въ Петербургѣ на Балтійскомъ заводѣ. Строитель корабля корабельный инженеръ младшій судостроитель Леонтьевъ 2-й.

Политическое обозрѣніе.

Съ нѣкоторыхъ поръ изъ Турціи стали получаться тревожнаго свойства извѣстія объ отношеніяхъ оттоманскаго правительства къ своимъ подданнымъ православнаго исповѣданія. Извѣстія эти съ теченіемъ времени становились все прискорбнѣе, и наконецъ было получено сообщеніе о закрытіи Константинопольскимъ патриархатомъ подчиненныхъ ему греко-православныхъ церквей. „Эта крайняя мѣра, замѣчаетъ *Journal de St.-Petersbourg*,—является самымъ прискорбнымъ событіемъ въ борьбѣ, происходящей между патриархатомъ и Портою за „привилегіи вселенской церкви“. Этотъ вопросъ о „привилегіяхъ вселенской церкви“ слишкомъ хорошо извѣстенъ и нѣтъ надобности объяснять здѣсь его происхожденіе. Достаточно будетъ напомнить, что патриархатъ старается защитить свои преимущества и свои юрисдикціонныя права сохранивъ ихъ такими, какими они были дарованы султаномъ Магометомъ II вскорѣ послѣ завоеванія Константинополя. Напротивъ, Порты предлагаетъ старанія къ тому, чтобы все болѣе и болѣе слышать кругъ этихъ привилегій установленіемъ различія между преимуществами чисто духовнаго свойства и остальными, и стремленіемъ подвести послѣднія подъ уровень общихъ оттоманскихъ законовъ. Перипетіи этого спора вызвали нѣсколько лѣтъ тому назадъ отставку патриарха Іоакима III, а недавно и отставку патриарха Діонисія, извѣстнаго однако своею преданностью турецкому правительству и избраннаго Константинопольскимъ синодомъ въ надеждѣ, что доверіе, внушаемое издавна этимъ духовнымъ лицомъ Порты, облегчитъ установленіе *modus vivendi* между правительствомъ и вселенскою церковью. Необходимо замѣтить, что именно во время патриаршества Діонисія кризисъ обострился и церкви были закрыты. Какъ уже выше объяснено, Порты поставила себѣ задачей примѣнить общій законъ къ нѣкоторымъ дѣламъ, подлежащимъ до сихъ поръ юрисдикціи патриарха, заявляя въ то же время о своемъ намѣреніи сохранять въ неприкосновенности „привилегіи“ церкви. Но по справедливости должно признаться, что въ преслѣдованіи этой цѣли перенесли всѣ границы. Общій оттоманскій законъ, основанный на „шеріатѣ“, не можетъ быть, на примѣръ, примѣняемъ прямо и безъ измѣненій къ положенію христіанскаго духовенства или къ тяжбамъ, происходящимъ изъ такихъ актовъ, какъ браки между православными, духовное завѣщаніе и т. п. Нѣкоторыя постановленія турецкаго кодекса безусловно неприимлемы къ христіанскому обществу, установленному на совѣтъ инныхъ началахъ чѣмъ мусульманское общество, для котораго былъ созданъ шеріатъ. Съ незапамятныхъ временъ закономъ патриархата является Юстиниановъ кодексъ; каково-бы ни было мнѣніе турецкихъ законодѣловъ о значеніи шеріата—законодательство это не можетъ удовлетворять нуждамъ христіанскихъ общинъ. Слѣдовательно, несправедливо утверждать, что Порты можетъ поступать такъ-же, какъ удалось поступить другимъ правительствамъ въ ихъ отношеніяхъ къ церкви. Оттоманское правительство далеко не находится въ такомъ-же положеніи, какъ другія государства, которыя тѣмъ не менѣе вынуждены были дѣлать уступки церкви съ цѣлью обезпеченія религиознаго мира. Горячо принимая къ сердцу интересы православія и желая, чтобы христіанскія общины жили въ полномъ согласіи съ оттоманскимъ правительствомъ, мы питаемъ твердую на-

дежду, что султанъ по собственной инициативѣ вскорѣ положитъ конецъ этому опасному положенію. Мы надѣемся также, что патриархъ, уповаю на эту державную инициативу, приметъ безотлагательно мѣры къ восстановленію богослуженія, котораго не слѣдовало-бы прерывать, какъ-бы ни были законны требованія патриархата“. Нѣкоторые изъ нашихъ доброжелателей, въ видѣ англійскихъ, австрійскихъ и германскихъ газетъ, уже носѣшили обвинить русскую дипломатію въ подстреканіяхъ Константинопольскаго патриархата поддерживать натянутыя отношенія съ Портою. Но подобныя инсинуаціи даже на западѣ мало вызываютъ къ себѣ доверія, и даже такія газеты, какъ *Koelnische Zeitung* и *Neue Freie Presse*, вынуждены сознаться, что въ патриаршемъ кризисѣ Россія соблюдаетъ полное безпристрастіе, и что весь ея образъ дѣйствій свидѣтельствуетъ о желаніи не дать обостриться конфликту. Другія изъ западно-

Спускъ броненоснаго корабля „Гангутъ“ съ элинга Нового Адмиралтейства 6 окт. 1890 г.
Съ фотографіи генерала Насвѣтвенча, грав. Флюгель.

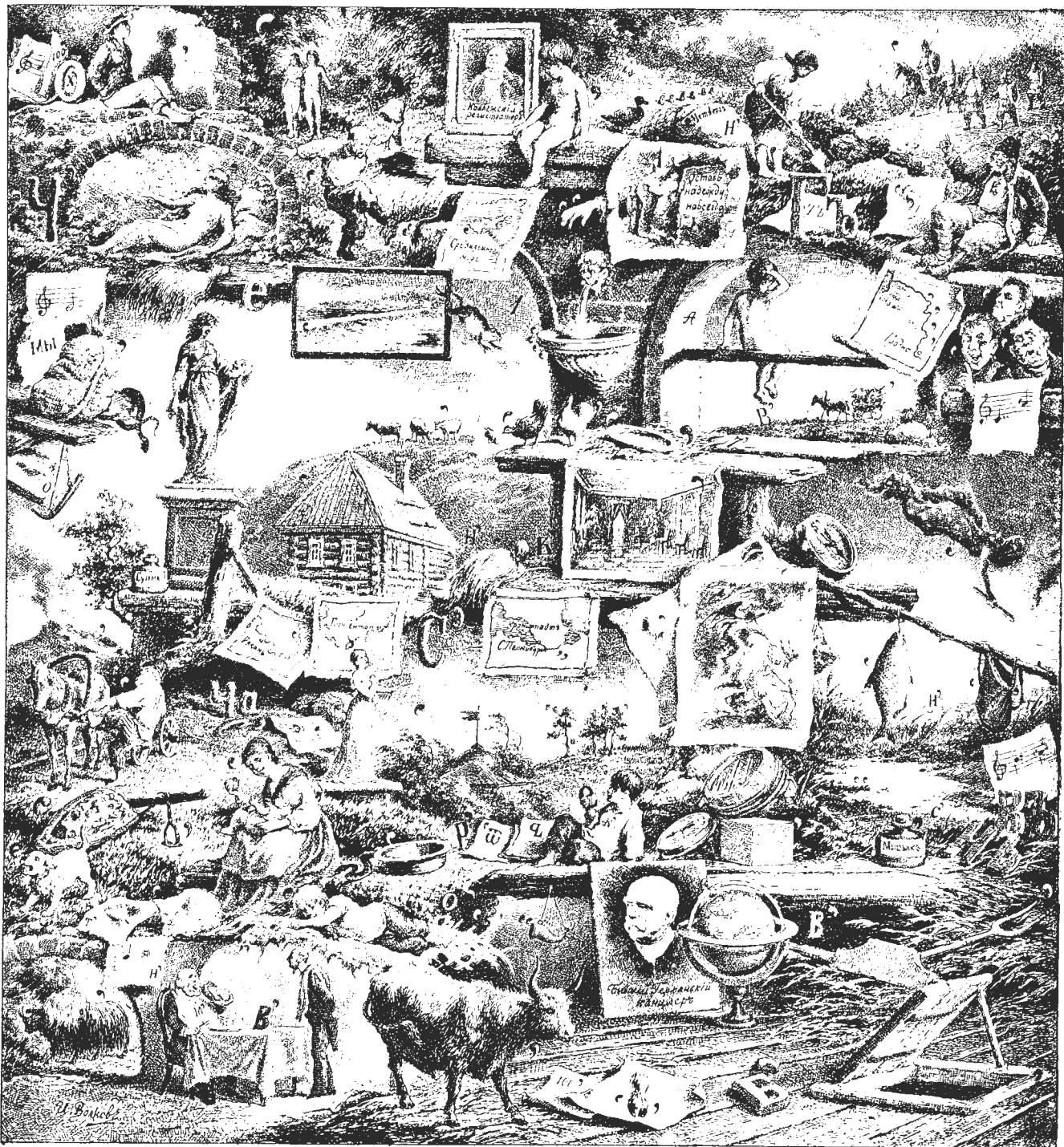
европейскихъ газетъ приписываютъ возникновеніе конфликта патриархата съ турецкимъ правительствомъ Гречин, гдѣ дѣйствительно патриархъ и кризисъ вызвалъ вполне понятное возмущеніе. Находятся лица, которыя видятъ необходимость этого возмущенія для происшедшихъ недавно выборовъ въ Грецію и для объясненія неожиданныхъ ихъ результатовъ, которые являются пораженіемъ правительственной партіи. Вслѣдствіе такого исхода выборовъ Трикуписъ подавъ прошеніе объ отставкѣ, и король поручилъ Дельянису сформировать новый кабинетъ.

Парижъ недавно былъ свидѣтелемъ дружественной манифестаціи Россіи со стороны французовъ. Русскій посолъ баронъ Моренгеймъ выдавалъ свою дочь замужъ за виконта де-Сэвъ. 16 сентября, при вѣчаніи баронессы Моренгеймъ присутствовали всѣ послы, госпожа Карно, пріѣхавшая въ сопровожденіи полковника Лихтенштейна и генерала Брюжера и всей военной свиты президента республики въ полной парадной формѣ, и многія выдающіяся лица. Гражданская толпа привѣтствовала кортежъ при входѣ и выходѣ изъ церкви криками „ура“ и многочисленными вѣтаньями въ честь Россіи и русскаго посла; а наканунѣ, когда происходилъ гражданскій обрядъ бракосочетанія, бывший депутатъ Фребо, поднося невестѣ букетъ отъ имени обывателей участка, обратился къ барону Моренгейму съ рѣчью, въ которой констатировалъ, что баронъ, выдавая дочь за французскаго офицера, являетъ великое доказательство дружбы между обоими народами и уваженіе къ французской арміи,—доказательство, значеніе котораго вполне сознается. Баронъ Моренгеймъ благодарилъ Фребо за шагъ, долженствующій скрѣпить узы дружбы его съ обывателями участка. Мэръ Ризлеръ, совершивъ обрядъ, сказалъ, что члены парижскаго муниципалитета представляютъ себѣ въ особую честь привѣтствовать и свидѣтельствовать свое почтеніе и уваженіе къ благородному представителю великой дружественной державы.

Смѣсь.

Нѣкоторыя рыбы обладаютъ замѣчательною способностью измѣнить свой цвѣтъ и могутъ вслѣдствіе этого такъ приспособиться къ окружающей средѣ, что вполне защищены отъ нападеній хищныхъ животныхъ, которыя не въ состояніи ихъ разглядѣть. Такая перемена цвѣта возможна, благодаря присутствію въ ихъ кожѣ особыхъ

РЕБУСЪ НА ПРЕМИИ № 62.

За вѣрное рѣшеніе этого ребуса назначаются 23 преміи, состоящія изъ слѣдующихъ книгъ, на сумму 202 рубля, а именно: 2 экз. „Фауста“ Гёте, съ рисунками Зейбертца, въ кожаныхъ тисненыхъ переплетахъ, цѣна по 40 руб. за экз. (1 экз. для городск. подписчик. и 1 для иногородныхъ); 5 экз. Полнаго собранія сочиненій А. Н. Майкова, 3 тома, въ коленкор. переплет., цѣна по 8 руб. (2 экз. для городск. подп. и 3 иногородн.); 8 экз. книги Гнѣдича: „Исторія Искусствъ“, въ роскошн. перепл., цѣна по 7 руб. (3 экзempl. для городск. и 5 для иногородн. подп.); 4 экзempl. романа графа Е. А. Салиаса: „Въ старой Москвѣ“, въ коленк. перепл., цѣна по 3 р. 50 к. (1—для городск. и 3—иногородн. подп.); 4 экз. книги: „Шесть разсказовъ Н. Морскаго (Н. Лебедева), съ рисунк., въ коленк. перепл., цѣна по 3 руб. (1 для городск. и 3 для иногородн. подп.).

Всѣ полученныя до 5 декабря 1890 г. вѣрныя рѣшенія ребуса пронумеруются по порядку ихъ поступленія (городскія и иногородныя отдѣльно) и затѣмъ, по жребію, будутъ распределены между ними преміи. Рѣшеніе ребуса, фамиліи и адреса лицъ, на рѣшенія которыхъ пали преміи (съ обозначеніемъ названія ихъ), напечатаются въ № 50 „Нивы“.

При этомъ №. разсылается гг. годовымъ подписчикамъ „Нивы“
ТРЕТЬЯ главная премія
БОЛЬШОЙ ТОМЪ „СБОРНИКА“ „НИВЫ“ 1890 ГОДА.

XXII г. Открыта подписка на „НИВУ“ 1891 г. XXII г.

Программа нашего журнала и еженедельные номера „Нивы“ останутся в прежнем составе, как литературном, так и художественном. Кроме того, все подписчики „Нивы“ будут получать бесплатно:

ЕЖЕМЕСЯЧНО БОЛЬШОЙ ТОМЪ СБОРНИКА

романовъ, повѣстей, разсказовъ и др. занимательнаго и поучительнаго чтенія.

Каждая книга объемомъ въ 200—250 страницъ въ форматѣ „СБОРНИКА“ прилагаемаго при этомъ №; въ число этихъ 12-ти книгъ войдетъ:

по истеченіи 50-ти-лѣтняго срока авторской собственности (15 іюля 1891 г.):

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

въ 3-хъ томахъ,

СОСТАВЛЯЮЩЕЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ,

Подписная цѣна „Нивы“ на 1891 годъ, см. на 1-й страницѣ этого номера.

подъ редакціей А. И. Введенскаго, съ гравированнымъ на стали портретомъ М. Ю. Лермонтова, его автографомъ и біографіей поэта, составленною редакторомъ.

Главную художественную премию будетъ

ХУДОЖЕСТВ. АЛЬБОМЪ СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ

исполненными fac-simile по картинкамъ извѣтнѣйшихъ русскихъ художниковъ, въ красной картонной папкѣ, украшенной роскошнымъ заглавнымъ рисункомъ.

Помимо кѣ „НИВЪ“ будутъ прилагаться „ПARIЖСКІЯ МОДЫ“, 12 №№ въ годъ, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ, 350 рисунковъ руководящихъ работъ, 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину и проч. — словомъ „полный журналъ модъ и рукодѣлій“.

При первомъ номерѣ „Нивы“ будетъ приложенъ изящный, печатанный нѣсколькими красками, стѣшной календарь на 1891 годъ.

Отзывы художниковъ и печати о главной преміи „Нивы“ на 1891 годъ — „Художественномъ Альбомѣ“.

Мы разослали нашъ Альбомъ находившимся въ Петербургѣ авторамъ картинъ и въ редакціи главнѣйшихъ столичныхъ газетъ — и вотъ полученные нами отзывы въ письмахъ художниковъ и въ газетныхъ рецензіяхъ:

ОТЗЫВЫ ХУДОЖНИКОВЪ:

И. К. АЙВАЗОВСКАГО: „...Прекрасный Альбомъ я имѣлъ удовольствіе получить, и нахожу все рисунки превосходными“.

С. Ѡ. АЛЕКСАНДРОВСКАГО: „...Разсматривая внимательно Вашъ Альбомъ я былъ пораженъ замѣчательнымъ совершенствомъ исполненія; все картины, въ томъ числѣ и моя „Шведка“, переданы дѣйствительно fac-simile и могутъ соперничать съ лучшими заграничными изданиями этого рода“.

Е. Е. ВОЛКОВА: „Альбомъ Вашъ изданъ прекрасно, тщательно и вполне добросовѣстно“.

М. ЗИЧИ: „...Я былъ изумленъ кра-

сотою Вашего Альбома. Наконецъ-то, наконецъ можемъ мы похвалиться побѣдоноснымъ соперничествомъ съ иноземцами въ художественномъ воспроизведеніи“.

Н. Н. КАРАЗИНА: „Конечно, премія въ этомъ видѣ гораздо интереснѣе отдѣльно изданной большой картины; что касается исполненія рисунковъ, то нахожу его превосходнымъ. У насъ это первый опытъ — и опытъ крайне удачный — дай Богъ въ добрый часъ!“

А. Д. КИВШЕНКА: „Получивъ „Художественный Альбомъ“, изданный Вами, а главное исполненный въ Петербургѣ въ Вашемъ заведеніи, и разсмотрѣвъ его внимательно — въ особенности съ технической стороны исполненія копій съ картинъ — пришелъ къ положительному заключенію,

что техническая часть исполненія, а также выдержка общаго тона и характера живописи художниковъ, доведена до высокой степени. Собственно въ копіи съ моей акварели все оттѣнки красокъ подкопированы настолько близко къ оригиналу, что на извѣстномъ разстояніи даже я могъ бы ошибиться. Поздравляю Васъ съ успѣхомъ, и большимъ, въ такомъ сложномъ и трудномъ у насъ въ Россіи дѣлѣ, какъ печатаніе красками съ картинъ и рисунковъ“.

Н. Е. СВЕРЧКОВА: „Очень благодарю Васъ за присланный прелестный Альбомъ. Изданъ онъ безукоризненно, и такая премія, конечно, порадуетъ и прибавитъ Вамъ подписчиковъ, чего искренно Вамъ желаю“.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ:

ПРАВИТЕЛЬСТВЕНН. ВѢСТНИКЪ, № 229, 19 октября 1890 г. „...Наиболѣе, какъ извѣстно, распространенное изъ всѣхъ иллюстрированныхъ повременныхъ русскихъ изданій — еженедельный журналъ „Нива“, кроме литературныхъ приложеній, . . . на 1891 годъ. . . издала для разсылки своимъ подписчикамъ альбомъ исполненныхъ красками . . . снимковъ съ картинъ и акварелей современныхъ русскихъ художниковъ.“

„Какъ извѣстно, русская художественная литература далеко не богата подобнаго рода изданиями. Немногіе существующіе у насъ сборники снимковъ съ художественныхъ произведеній по большей части недоступны по цѣнѣ и составляютъ достояніе только избранной части общества. Нельзя, въ виду этого, не обратить вниманія на вышеупомянутый альбомъ „Нивы“, который, будучи предназначенъ для подписчиковъ этого журнала, весьма не дорогого по подлинной цѣнѣ, представляетъ собою изданіе доступное и для небогатыхъ людей. Альбомъ составляютъ десять прекрасно исполненныхъ снимковъ со слѣдующихъ картинъ (слѣдуетъ перечень картинъ).“

„Приведенный перечень даетъ понятіе о разнообразіи снимковъ, составляющихъ „Альбомъ“, въ который входятъ образцы почти всѣхъ отдѣловъ живописи: пейзажа,

морскихъ видовъ, жанра и проч. Что касается выбора произведеній для „Альбома“, то онъ сдѣланъ весьма толково и съ виднымъ пониманіемъ дѣла; изъ картинъ каждаго художника избрана для снимка такая, которая болѣе бы выражала его дарованіе, служа типичнымъ образцомъ его художественной снѣцальности.“

„Что касается исполненія снимковъ, то оно не оставляетъ желать ничего лучшаго: картины и акварели, послужившія для нихъ оригиналами, переданы fac-simile, съ совершенною точностью и сохраненіемъ всѣхъ, даже болѣе тонкихъ, оттѣнковъ. Снимки напечатаны на прекрасной бумагѣ и заключены въ изящную папку, украшенную художественными виньетками“.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ, № 285, 15 октября 1890 г. „Это роскошное изданіе, надъ которымъ артистическое заведеніе г. Маркса трудилось около года, вполне отвѣчаетъ требованіямъ современной техники и служитъ нагляднымъ доказательствомъ тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлало въ Россіи печатаніе красками произведеній живописи. Вглядываясь въ любую изъ картинъ Альбома съ нѣкотораго разстоянія, трудно повѣрить, что это — печатная копія, а не оригинальная акварель, — до такой степени соблюдено fac-simile въ передачѣ каждаго удара ки-

сти и своеобразной манеры художника. Все манеры современной живописи водными красками, начиная отъ прозрачныхъ и паробразныхъ тоновъ чистой акварели до соперничающей съ масляными красками гуаши, имѣютъ своихъ представителей въ альбомѣ, который въ этомъ отношеніи весьма поучителенъ для начинающихъ любителей акварели“.

НОВОЕ ВРЕМЯ, № 5245, 5 октября 1890 г. „Акварели исполнены fac-simile въ артистическомъ заведеніи г. Маркса и говорятъ о тѣхъ громадныхъ успѣхахъ, которые сдѣлало у насъ печатаніе картинъ красками. Акварели дѣйствительно воспроизведены съ замѣчательнымъ совершенствомъ, на нихъ переданы малѣйшія подробности оригиналовъ“.

НОВОСТИ, № 280, 11 октября 1890 г. „Альбомъ исполненъ прекрасно. Очень изящна также виньетка на папкѣ альбома, исполненная по рисунку художника Земцова“.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА, № 282, 15 октября 1890 г. „Не желая дѣлать рекламы этой совершенно исключительной по своей цѣнности преміи, нельзя не подивиться самой возможности выдавать такіе шедевры. „Альбомъ“ дѣйствительно нѣчто выходящее изъ ряда.“

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЛИСТОКЪ, № 276, 6 октября 1890 г. „Намъ удалось видѣть эти картины. Онѣ производятъ чарующее впечатлѣніе, и мы можемъ только поздравить г. издателя „Нивы“, придумавшаго такія преміи, полныя смысла и столь блестяще исполненныя“.

ДЕНЬ, № 845, 16 октября 1890 г. „Альбомъ въ цѣнкѣ съ прекрасными вѣнсетками художника Земцова и вышущенный отдѣльно стоилъ бы, вѣроятно, не дешевле пятнадцати рублей, если вспомнить, что альбомъ десяти рисунковъ Зичи, рисунковъ краснымъ карандашомъ (сангиной), изданный Беггровымъ, стоитъ 12 р. Только для „Нивы“, при ея громадныхъ средствахъ, распространенности и собственномъ артистическомъ заведѣніи А. Ф. Маркса, кажется и возможны такія изданія“.

МИНУТА, № 190, 14 октября 1890 г.

...Новизна и разнообразіе въ изданіи, особенно иллюстрированіемъ, должны быть отличительною чертою. Поэтому самаго радужнаго пріема со стороны публики заслуживаетъ новинка, которую даетъ издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ своимъ подписчикамъ на будущій годъ. Издатель распространѣннѣйшаго въ Россіи журнала опередилъ своихъ собратьевъ, придумавъ замѣнить багалыши олеографіи альбомомъ изъ 10 акварелей.“

JOURNAL DE S.-PETERSB., № 268, 9 октября 1890 г. „Г. Марксъ, дѣятельный и просвѣщенный издатель „Нивы“, окончилъ печатаніемъ превосходный альбомъ, въ краскахъ передающій съ замѣчательною точностью десять акварелей извѣстныхъ русскихъ художниковъ. Изданіе чрезвычайно изящно и составляетъ великолѣпный подарокъ подписчикамъ „Нивы“.“

ST. - PETERSB. ZEITUNG, № 280, 7 октября 1890 г. „Картины альбома, пе-

чатанныя въ артистическомъ заведѣніи А. Ф. Маркса въ Петербургѣ, отличаются достоинствою всякой похвалы техникой, тщательной пригонкой камня на камень при печатаніи отдѣльныхъ красокъ, полнымъ до обмана сходствомъ съ оригинальными акварелями и обличаютъ старательную и трудную работу. Мы ставимъ эти акварели безусловно выше всѣхъ прежнихъ олеографій „Нивы“.

ST.-PETERSBURG. HEROLD, № 286, 13 октября 1890 г. Наибольше распространеными у насъ преміями были, конечно, преміи „Нивы“. Если однихъ эти преміи вполне удовлетворяли благодаря своей дешевизнѣ, то другимъ онѣ не подходили по своему назначенію, — слѣдовательно, преміи эти были не для всѣхъ.

„Въ роскошномъ изданіи альбома, безплатнаго приложения для подписчиковъ „Нивы“ на 1891 г., издателю удалось создать художественное произведение для всѣхъ“.

клеточекъ, наполненныхъ красящимъ веществомъ, которыя могутъ стягиваться отъ нѣкоторыхъ раздраженій. Въ обыкновенное время, когда эти обладающія красящимъ веществомъ клеточки растянуты, животныя кажутся темнѣе, ибо въ этомъ случаѣ красящее вещество распределено на большей поверхности; стягиваясь же и принимая шаровой видъ, клеточки занимаютъ незначительное пространство, такъ что окружающая ихъ ткань кожи свободна отъ красящаго вещества, вслѣдствіе чего и вся поверхность ея кажется свѣтлѣе. Прекрасными опытами, произведенными французскимъ ученымъ Пуше (Pouchet), въ началѣ 70-хъ годовъ, было доказано, что раздраженіе, вызывающее измѣненіе цвѣта, дѣйствуетъ не прямо на клеточки обладающія красящимъ веществомъ, но на глазъ рыбы. Это наглядно подтверждается наблюденіемъ, сдѣланнымъ тѣмъ же Пуше надъ камбалою. Верхняя поверхность этой плоской рыбы въ высшей степени цвѣтоперемѣнлива. Пуше пустилъ въ аквариумъ большое количество камбалъ. Животныя, лежа на блѣдомъ песчаномъ днѣ, принимали или соответствующій блѣлый цвѣтъ или очень свѣтлый; только одна рыба сильно отличалась отъ товарищей и отъ дна аквариума своимъ темнымъ цвѣтомъ. Дальнѣйшее наблюденіе показало, что эта рыба было совершенно слѣпа и поэтому уже не могла измѣнить окраски, такъ какъ глазъ уже болѣе не игралъ роли посредника между животнымъ и его обладающими красящимъ веществомъ клеточками. Точно такое же наблюденіе произвелъ недавно вѣнскій естествоиспытатель Алоизій Лоде. Въ пруду Клостернейбурга подъ Вѣною, между многочисленными свѣтлоокрашенными камбалами онъ замѣтилъ одну темную, которая при дальнѣйшемъ изслѣдованіи точно также оказалась слѣпою. Какимъ образомъ дѣйствующее на глазъ раздраженіе передается отъ зрительныхъ нервовъ до клеточекъ въ кожу, обладающихъ красящимъ веществомъ, — это было опредѣлено еще Пуше. Именно онъ доказалъ на опытахъ, что раздраженіе передается не черезъ спинной мозгъ, а двумя проходящими подъ нимъ отъ головного мозга продольными нервами, такъ-называемыми симпатическими. Если спинной мозгъ перерѣзанъ подъ головнымъ мозгомъ, то не смотря на это животное еще сохраняетъ способность измѣнять цвѣтъ; оно теряетъ окончательно эту способность только тогда, когда перерѣзаны у него оба симпатическихъ нерва. Отъ симпатическихъ нервовъ раздраженіе передается далѣе выходящими изъ спиннаго мозга въ мускулы парными спинными нервами, находящимися въ связи съ симпатическими. Когда Пуше устранялъ эту связь у какой нибудь рыбы, то въ соответственныхъ мѣстахъ она теряла способность окраски, и такимъ образомъ ученому удалось вызвать у рыбы полосатость, какъ у зебры. Употребивъ средствомъ для раздраженія индуктивный токъ, можно наблюдать при помощи микроскопа стягиваніе и расширеніе клеточекъ, содержащихъ красящее вещество. Эти клеточки, вначалѣ красиво развѣтвленная и имѣющія форму звѣздочекъ, постепенно начинаютъ стягивать отростки и приближаться къ шаровой формѣ, причемъ кожа становится свѣтлѣе. Что дѣйствіе электрическаго тока проходитъ чрезъ нервы — это Лоде, по словамъ *Naturwissenschaftlichen Rundschau*, доказалъ на фореляхъ тѣмъ, что проводилъ чрезъ иглы индуктивные токи въ спинной мозгъ. Среди судорогъ форель принимала свѣтлосѣрый видъ, но если раньше въ какомъ-либо мѣстѣ были перерѣзаны нервы кожи, то это мѣсто при раздраженіи спиннаго мозга оставалось темнымъ, хотя все прочее тѣло становилось блѣднымъ. Когда у форели былъ перерѣзанъ въ одномъ мѣстѣ спинной мозгъ, то при раздраженіи неповрежденныхъ частей тѣла наблюдались судороги только въ этихъ неповрежденныхъ мѣстахъ, окраска же была замѣтна на всемъ тѣлѣ. Новое доказательство того, что нервы, окружающіе обладающія красящимъ веществомъ клеточки, не проходятъ въ спинной мозгъ. Разсыпавши по всему тѣлу форели красныя пятна образованы красящими клетками, по своему устройству и своимъ отравленіямъ отличными отъ тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ перемѣна цвѣта. Ни раздраженіемъ нервной системы, ни мѣстнымъ дѣйствіемъ индуктивнаго тока нельзя вызвать измѣненія

этого краснаго цвѣта. У хамелеона, обязаннаго своею извѣстностью происходящимъ отъ раздраженія перемѣнамъ цвѣта его кожи, наблюдаютъ вліяніе освѣщенія на цвѣтъ его окраски. Онъ бываетъ свѣтлѣе въ темнотѣ, и темнѣе при свѣтѣ. Это вѣдѣйствіе свѣта чисто мѣстное, и всегда можно сидящаго на солнцѣ хамелеона точно-же заставить принять свѣтлый цвѣтъ, затѣнивъ его оловяннымъ листомъ. Освѣщеніе дѣйствуетъ также и на рыбъ, но только потому что свѣтъ, падая въ глаза, отъ нихъ уже рефлективно производитъ раздраженіе. Однакоже и свѣтлое состояніе хамелеона основано на растяженіи обладающихъ красящимъ веществомъ клеточекъ, присутствующихъ его кожѣ. (к.)

Самое страшное животное. „Богатый и грубый Квантъ“, учившій Фридриха Великаго игрѣ на флейтѣ, нерѣдко давалъ пищу остроумію берлинцевъ. Онъ женился поздно и тѣмъ неизбѣжнѣ попалъ подъ башмакъ своей жены, урожденной Шиндлеръ. Это подало мысль композитору Филиппу-Эмануилу Баху, сыну безсмертнаго Іоанна-Себастьяна Баха, предложить однажды въ обществѣ загадку: „какое животное можетъ считаться самымъ страшнымъ въ свѣтѣ?“ Загадка была: „Комнатная собачка г-жи Квантъ“, потому что она повѣлываетъ госпожѣ Квантъ, а госпожи Квантъ очень боится господинъ Квантъ; а господина Кванта боится король; а король боится весь свѣтъ“. Когда Фридрихъ услышалъ отъ маркиза д'Анжанъ эту острогу, онъ сказалъ смѣясь: „Смотрите только, чтобы Квантъ не узналъ объ этомъ, а то онъ всѣхъ насъ прогонитъ со службы“. (с.)

Гимнастика. *Journal d'Hygiène* указываетъ на то, что гимнастика имѣетъ и свои вредныя стороны для потомства, если упражненія настолько многочисленны, что становятся въ тягость ребенку и вызываютъ въ немъ неудовольствіе. При такихъ условіяхъ вмѣсто желаемого укрѣпленія мускуловъ, возвышенія дѣятельности сердца и ускоренія кровообращенія, могутъ получиться совершенно противоположные результаты. Если ребенокъ ощущаетъ неудовольствіе, то это не есть признакъ одного тѣлеснаго утомленія, а показываетъ, что въ переутомленныхъ мускулахъ начинается разложеніе, которое можетъ вызвать серьезное болѣзненное состояніе, если продолжать упражненіе въ этомъ переутомленномъ состояніи. (с.)

Человѣкъ, выраженный въ цифрахъ. Одинъ американскій фізіологъ приводитъ слѣдующія цифры, выражающія собою строеніе человѣческаго тѣла: человѣкъ имѣетъ 105 костей и 500 мускуловъ; длина пищеварительнаго канала достигаетъ 8 м.; вѣсъ крови взрослого субъекта доходитъ до 15 килограммовъ. Сердце имѣетъ обыкновенно 15 сант. длины и 8 сант. діаметра. Оно дѣлаетъ 70 ударовъ въ минуту, 4200 ударовъ въ часъ, и 36.792.000 ударовъ въ годъ. Каждый ударъ передвигаетъ 44 гр. крови, т. е. 2030 гр. въ минуту, 122 килограммъ въ часъ и 58½ центнеровъ въ сутки. Вся кровь нашего тѣла проходитъ черезъ сердце въ 3 минуты. Легкія въ нормальномъ состояніи содержатъ въ себѣ 5 литровъ воздуха; но среднимъ числомъ мы производимъ 1200 выдыханій въ часъ, для чего употребляемъ 300 литровъ воздуха. Кожа состоитъ изъ 3 слоевъ, толщина которыхъ колеблется между 6 и 3 миллиметрами. Каждый квадратный миллиметръ кожи содержитъ 12.000 потовыхъ скважинъ или поръ, длина которыхъ на всемъ тѣлѣ составитъ 50 километровъ. (с.)

Противъ озноба конечностей — руки и ступни ногъ, по словамъ одного популярнаго медицинскаго изданія, полезно употреблять настойку изъ стручковъ перца и горчичныхъ сѣмянъ на простой очищенной водкѣ. Не входя сразу въ теплую комнату, законченныя конечности надо натереть въ прохладномъ помѣщеніи этой настойкой, отчего члены приходятъ въ нормальное состояніе. (в.)

Дикий буйволъ все болѣе и болѣе размножается въ сѣверной Австраліи, гдѣ онъ образуетъ уже многочисленныя стада. Австралійскій буйволъ, отличающійся громадностью всего тѣла и величиною своихъ роговъ, происходитъ, говорятъ, отъ тѣхъ первыхъ буйволовъ, которые были привезены въ 1829 году въ портъ Элинггоу. (с.)

Рамы для премій „НИВЫ“ 1890 г.

Подробности см. въ прошедшихъ №№.

Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, выписывающихъ рамы съ картинами, полученныя ими преміи немедленно возвращать намъ въ Контору, дабы, по возможности, безъ задержки, мы могли имъ выслать готовыя рамы со вставленными картинами.
Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москву) благоволятъ обращаться съ требованиями въ Главную Контору журнала „Нива“, СПб., Невскій просп., № 6.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНИЕ: „Домъ трудолюбія“ въ Кронштадтѣ (съ рис.). — Пань круль. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Графа Е. А. Саласа. Ч. I. (Продолженіе). — Артемій Саватеевъ. Рассказъ Ф. Ф. Тютчева. (Окончаніе). — На просторѣ океана. Переводъ М. Штауде. — Къ рисункамъ: „Ермакъ является къ Строговымъ“. Рис. проф. Н. Дмитріева-Оренбургскаго (съ рис.). — Передъ походомъ (съ рис.). — „Въ лесахъ“. Настасья Чапурина (съ рис.). — Въ корчмѣ (съ рис.). — Ученое засѣданіе (съ рис.). — Памятникъ императрицѣ Екаторинѣ II, работы проф. Лаверецаго (съ рис.). — Спускъ броненосца „Гангутъ“ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Сибирь. — Ребусъ на преміи. — О разсѣлѣ третей преміи „Нивы“. — Отзывы художниковъ и печати объ альбомѣ на 1891 г. — О подпискѣ на „Ниву“ 1891 г. — Рамы. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія. — При этомъ № прилагается ТРЕТЬЯ ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ: „СБОРНИКЪ НИВЫ“ 1890 г.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Артуръ Зейфартъ, Кестрицъ (Германія).

Награды, преміи, дипломы, медала съ выставокъ государственныхъ и частныхъ.
Значительнѣйшій заводъ породистыхъ собакъ

Рѣдчайшихъ современныхъ породъ, комнатныхъ, охотничьихъ и для всѣхъ видовъ спорта.

Породистыхъ собакъ: (Спеціальности: Великорослая горная собака, ньюфаундлендскія, мастифы, крупные нѣмецкіе доги, бульдоги, сторожевыя собаки, терьеры, пинчеры, пуделя, мопсы, крысоловы, дамскія собачки, охотничьи собаки, лагавы, швейцарскія, таксы и проч.)

Превосходные отзывы. — Учрежденіе рекомендуемое крупнѣйшими авторитетами по кинологіи, болѣе 10,000 благодарственныхъ писемъ. — Безплатная франкированная высылка каталога. — Иллюстрированный альбомъ 50 френковъ. R. 4714

50 различитъ породъ. — Вывозъ во всѣ части свѣта. — 50 различитъ породъ.

ОТПЕЧАТАТЬ И ПОСТУПИТЬ ВЪ ПРОДАЖУ

КАЛЕНДАРЬ И СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА „СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА“ 1891 ГОДА,

въ которомъ, кромѣ обыкновенныхъ календарныхъ, помѣщены слѣдующія свѣдѣнія и статьи:

Пространство и населеніе Россійской Имперіи по губерніямъ и уѣздамъ.
Движеніе населенія въ Россійской Имперіи (число родившихся и умершихъ по губерніямъ).
Какъ образовался расколъ и на чемъ нынѣ стоитъ.
Положеніе и въ стѣнахъ за право торговли и другихъ промысловъ, съ прибавленіемъ другихъ узаконеній, касающихся торговли и промысловъ.
Расчетъ вынужденнаго долга бывшихъ помещичьихъ крестьянъ.
Наставленіе о воспитаніи и содержаніи рабочей лошади.
Объ измѣреніи и развитіи земельныхъ участковъ (съ чертежами).
Продажа въ Редакціи и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ (выписывающіе изъ Редакціи ничего не платятъ за почтовую пересылку). Цѣна 25 коп. въ бумажкѣ и 30 коп. въ папкѣ.
Подписчики на „Сельскій Вѣстникъ“ получаютъ „Календарь“ безплатно, въ приложеніи къ № 1.

№ 4762

Нов. полн. руководство къ изуч. извѣстн. вѣдѣнъ.

ВАЛЛГРАФИИ и кн. теоріи (самочит. письма для вѣж. возраста). Сост. по 35 л. наблюденій и опыту уч. В. Буевскій. Ц. за Р. курсъ 1 р. 50 к., Фр. 25 к., Нѣм. 40 к., особ. записки 30 к. СПб., Знаменская, 2, кв. 1.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки. Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивовъ Илейтона и Штлеворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣносносилковъ, именень „Дези“ и сноповязаловъ Маилъ Кормина въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочная борона Рандаля и кониная грабли Тигръ завода Стодарта, радонныя сѣлки Сакка и проч. № 4484 26—11
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутенкозъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ДЛЯ ЧАСОВЫХЪ И ЗОЛОТЫХЪ ДѢЛЪ МАСТЕРОВЪ.
Принимаю окислять часы, портъ-сигары и другія стальные вещи.
Екатерининскій каналъ, д. № 27, кв. № 23.
Жаканъ, граверъ. № 4764 2—1

ПОДПИСКА на „СЕЛЬСКИЙ ВѢСТНИКЪ“
1891 г. — въ Конторѣ редакціи „Правительственнаго Вѣстника“. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ доставкою на домъ въ Петербургѣ 2 руб., съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 60 к., а желающіе получить газету чрезъ волостныя правленія платятъ всего 1 рубль.

Только подлинно съ этой фабрич. маркой

„НЕ КАШЛЯЙ“.
Медо-Травяной-Мальць-Экстрактъ и Конфекты. *)

Во всѣхъ складахъ духовныхъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.

„LA VELOUTINE“
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ЛЕВНИНСКІЙ и ГРОЗНИКЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2406

ПРИГЛАШАЮТЪ
агентовъ. За условіями обратиться письменно: Генералъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—67, соб. домъ.

Л. Г. ШИТШЪ и Ко.
въ Бреславлѣ.

Лампы съ накаливаніемъ въ 16 свѣчей, въ 50, 65 и 100 вольтъ, за 100 штукъ РС. 100. Патроны Эдиссона и Сименса. Тюльпаны стелляны, отъ 50 к. до 1 р. 25 к. Электрическіе звонки отъ 1 р. 50 к. Аппараты №№ 3, 4, 6, 8, 10, 12 РС. 7.50, 8.50, 14, 16, 20, 23. Нюпки отъ 25 к. Элементы Ленанше отъ 1 р. 25 к. — 1 р. 50. Сухой элементъ Электронъ отъ 2 р. Изолированная проволока за ф. отъ 1 р. 20. Изоляторы отъ 20 к. — 50 к. Симвленсъ Микрофонъ, Телефонъ со звонкомъ, за станцію РС. 15. Микрофонъ телефонъ Вадена, съ индукторомъ, на протяженіи 400 верстъ, за станцію РС. 60. Домашній телеграфъ, легко устанавливается домашнимъ образомъ, безъ помощи спеціалистовъ, цѣна 7 р. Постановка и проводъ телефоновъ и звонковъ, а также ремонтъ и починка по весьма умѣреннымъ цѣнамъ. Руководство и пріемы-курсы высыл. за 50 к. марками.

5—1 **К. И. ФРЕЛАНДТЪ** В. № 4775
Складъ электрическихъ приборовъ, С.-Петербургъ, уг. Невскаго пр. и Екатерининскаго канала, д. Учетнаго Банка, входъ съ канала № 18.

ОВОСТЬ
мужские калесоны 2—1 изъ **ТВИСТЪ**, прочностію незамѣнимы никакими другими.
Только въ магаз. **Ю. ГОТЛИБЪ**, по Владимірск., д. 2, уг. Невскаго пр., СПб.
Гг. иногородн. заказчики благоволятъ прислать мѣру пояса и длины отъ пояса и подошвы.
Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. по Европ. Рос.—2 р., а по Азіатск. Россіи по 2 р. 25 к. за пару. Торговцамъ уступка. Меньше трехъ паръ не высылается. № 4766

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всѣхъ случаяхъ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрешены.
*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.
Упаковка и пересылка считаются особо.
Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В № 4719 18—3

НЕВОХОДИМО
для всякаго измѣющаго занятіе на открытомъ воздухѣ, какъ-то: для гг. военн., инженер., охотник., золотопромышленн. и служац. на жел. дор.

ВЪЗВАНА КУРТКА
изъ англійской крученой шерсти. Цѣна 6, 7, 8, 9 и 10 руб., съ шелков. рукавами 16 и 18 р., съ персидскою пошеманско 1 р. дорож. Цѣмба коричневые, кубовые, черные, сѣрые и бордо. При пересылкѣ необходима мѣра вокругъ туловища. Мт. № 4765
Магазинъ Ю. ГОТЛИБЪ, СПб. по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго пр.

!!! НОВОСТЬ !!!
ЧОРТОВЪ-САПОГЪ
вѣчная спичечница для шведскихъ спичекъ.
60 коп.
Съ пересылкою наложеннымъ платежемъ 1 руб. Въ Главномъ Депо Товарищества „Проводникъ“, Болш. Морская, № 11, Мт. № 4772 близъ Невскаго. 2—1

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.
Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ колѣчкѣ пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

60 к., 75 к., 1 р., 1 р. 25 к. до 5 р. съ полнымъ комфортомъ отдѣльныя комнаты во вновь перестроенной и значительно увеличенной Ц. № 4768 (1)

БОЛЬШОЙ ГОСТИНИЦЪ „РОССІЯ“ ВЪ ХАРЬКОВѢ.
Лучшая кухня. Первоклассный ресторанъ. Самыя умѣренныя цѣны на всѣ предметы. Омнибусъ; ванны. Телефонъ. Подземная машина (lift) во всѣ этажи. Уступка при болѣе продолжительномъ пребываніи. Подробный тарифъ высылается по требованію.

4711
О-ДЕ-КОЛОНЪ.
Съ зелено-золотистымъ ярлыкомъ. Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магаз. Россіи. Требуется **зелено-золотистый ярлыкъ**. Главное депо у **Александра Тиссъ и Ко**. Пушкинская, № 4. Ц. № 4769 4—1

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.

г. XXI

№ 44

1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

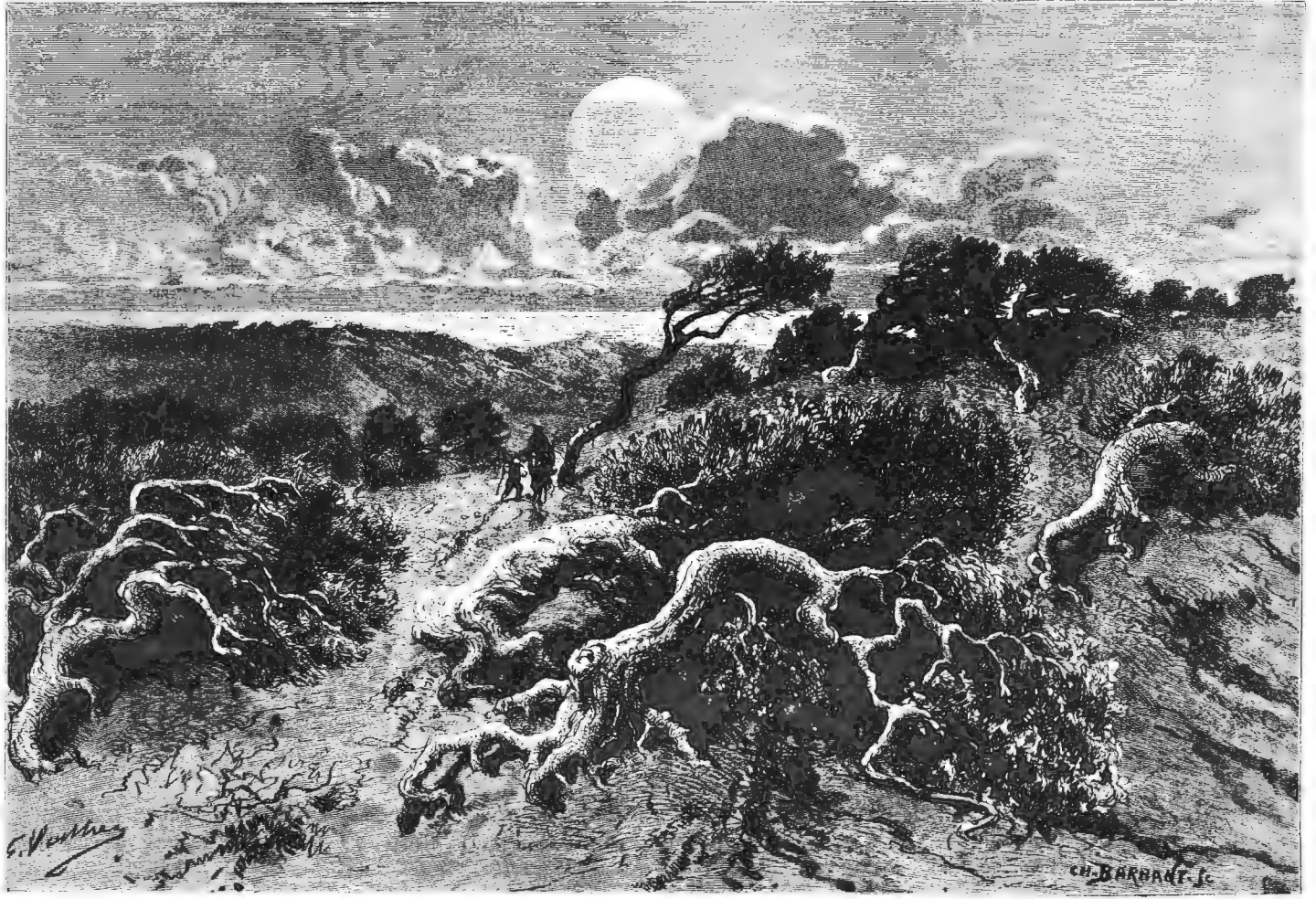
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 3 ноября 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1891 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской. Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . .	7 р.	За гра- ницу . .	10 р.
------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	------------------------	-------

Безъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Подписка на 1890 г. продолжается и каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 г. №№ съ преміями.
При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за НОЯБРЬ 1890 г., съ 27 рисунками и отд. листъ съ 32 чертеж.
выкроекъ въ натур. величину и 23 рис. вышитыхъ работъ.

Согнутыя морскимъ вѣтромъ деревья на островѣ Минорѣ. Рис. Вертеръ, грав. Барбанъ.

Стихотворенія

А. Фета.

I.

Графинѣ Н. М. С—бъ.

Вамъ пѣснь моя. Въ степи мірской,
Среди толпы безцвѣтно блѣдной,
Лишь вы поэта за собой
Красой влечете всепобѣдной.

Прелестны матовымъ челомъ,
Могучи пышными кудрями,
Вы обаятельны умомъ,
Очаровательны очами.

Что смертныхъ трогаютъ сердца—
Лишь вы внушите робкой лирѣ,
И слово на устахъ пѣвца
При васъ цвѣтетъ пышнѣй и шире.

II.

Кто писалъ стихи иль прозу?
Кто даритъ вотъ эту розу?
То-жъ выходитъ, да не то.
Въ этомъ весь вопросъ опасный,
И хотѣль-бы, другъ прекрасный,
Настоящимъ быть я: *кто*.

III.

Если захочешь ты душу мою разгадать,
То перечти со вниманіемъ эту тетрадь:
Можно-ли трезвой то высказать силой ума,
Что опьяненному муза прошепчетъ сама?
Я назову лишь цвѣтокъ что срываетъ рука,—
Муза раскроетъ и сердце, и запахъ цвѣтка;
Я расскажу, что тебя безпредѣльно люблю,—
Муза повѣдастъ, что я за муки терплю.

Ланъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XI.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Побѣчка въ Варшаву, Сандецкій вспомнилъ о любопытной для него незнакомкѣ, которая скрывалась въ его собственномъ замкѣ.

„Надо пойти поглядѣть на нее, рѣшилъ панъ Ксаверій.—Должно быть панна—что-нибудь удивительное, такъ какъ сынъ до сихъ поръ ни въ кого влюбленъ не бывалъ, а тутъ потерялъ разумъ въ одинъ вечеръ“.

И рѣшивъ это, Сандецкій отправился въ нижній этажъ, въ горницы шляхтича-нахлѣбника. Дверь квартиры была всегда заперта. Сандецкій постучался и на вопросъ „кто тамъ?“ отвѣчалъ:

— Смиранный рабъ Божій Ксаверій, кастелянъ Сталупеньскій.

Дѣвица Заремба тотчасъ отворила дверь и, разумѣется, въ горницахъ произошла сумятица. Старикъ-шляхтичъ, вспочивъ со своего мѣста, засуетился, не зная что дѣлать. Онъ не считалъ себя въ правѣ скрыть жилищу отъ самого пана.

Франуся, уже собиравшаяся спрятаться въ шкафъ, по собственному почину, была остановлена имъ рѣшительно.

Вошедшій Сандецкій увидѣлъ въ горницѣ старика и старуху, а между ними смущенную и растерянную Франусю. И старому кастеляну сразу показалась молодая дѣвушка красивою. Онъ молча приглядѣлся къ ней.

— Да, въ тебѣ, панна, что-то есть! выговорилъ онъ, усмѣхаясь.—Отецъ Викентій—не глупецъ. Не смущайся и не робѣй! Я не затѣмъ пришелъ, чтобы тебя скрутить и выдать ксендоу. Я хочу только на тебя поглядѣть и съ тобой побесѣдовать. Иди за мной!

Панъ Ксаверій двинулся изъ горницъ Зарембы, а Франуся, нѣсколько тревожная, молча, послѣдовала за нимъ, какъ бы провинившаяся.

Всѣ, встрѣчавшіе пана съ его спутницей, удивлялись, не понимая откуда взялась въ замкѣ незнакомая, красивая дѣвушка, и куда, зачѣмъ ведетъ ее панъ и почему она идетъ какъ подсудимая.

Сандецкій тихими шагами, ни разу не обернувшись, достигъ своихъ горницъ. Франуся шла за нимъ. Когда они вошли въ угловую горницу, гдѣ всегда пребывалъ владѣтель замка, онъ сѣлъ, посадилъ дѣвушку и приказалъ ей рассказать о себѣ все по сущей правдѣ.

Подъ ласковымъ взглядомъ, вдобавокъ любующимся ею, Франуся ободрилась и оживилась. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ она уже совершенно свободно бесѣдовала съ паномъ.

Едва успѣла она рассказать всю свою незамысловатую исторію жизни—Сандецкій пересталъ уже удивляться, что его сынъ Кароль влюбился въ Франусю.

— Да, въ тебѣ что-то есть... А что—и я, старая лица, разобрать сразу не могу. Въ тебя влюбиться можно... пожалуй даже должно... И я, не смотря на свои годы, могъ бы влюбиться. Отвѣчай теперь мнѣ правдиво на мои вопросы... Ты знаешь, конечно, что Кароль мой сынъ?

— Знаю, отвѣчала Франуся.

— Знаешь, что я хочу усыновить его, но что до сихъ поръ мнѣ это не удавалось... Быть-можетъ когда-нибудь и удастся. Но самъ онъ этого не хочетъ, по своей крайней честности, или, сказать проще, по своей честной глупости. Скажи мнѣ, любишь-ли ты его?

Франуся молчала,

— Что же значить твое молчаніе?

— Я не знаю что пану отвѣчать. Конечно, молодой и красивый панъ Кароль можетъ и долженъ нравиться всякой дѣвушкѣ, но... не такой, какъ я.

— Почему же это?

— Я не похожа на другихъ... У меня свои вкусы, которые многимъ могутъ показаться странными.

— Объяснись...

— Онъ не можетъ не нравиться, но мнѣ онъ долженъ нравиться меньше, чѣмъ какой-либо другой дѣвушкѣ.

— Отчего?

— Я не люблю молодыхъ людей... Я предпочитаю пожилыхъ.

— Вотъ какъ! удивился Сандецкій.—Что за вздоръ! Почему же это?

— Не знаю... Мнѣ всегда нравились люди пожилые и, пожалуй, даже старые. По мнѣ самый красивый цвѣтъ волосъ—сѣдой... Потомъ, я недоувѣрчива... Я съ трудомъ могу повѣрить, что меня любятъ. А какъ вѣрить молодежи? Молодежь легкомысленна. Молодой человекъ самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ, не можетъ отвѣчать за себя. Сегодня Кароль, или другой, будетъ клясться мнѣ въ любви, а черезъ годъ, два, пожалуй хоть и пять лѣтъ,

полюбить другую, и это будет совершенно естественно. Тогда какъ пожилой человѣкъ, или старый, полюбивши меня, не разлюбитъ. Онъ будетъ счастливъ, что такая, какъ я, любитъ его. У него все въ прошломъ... Ему не на что уже надѣяться. У молодого все въ будущемъ. Я хочу быть любима... какъ бы сказать это?... ну, до обожанія, до боготворенія. Старый человѣкъ можетъ полюбить меня такъ... Онъ будетъ страшно дорожить тѣмъ, что такая, какъ я, принадлежитъ ему, любить его и вѣрна ему. А молодой этого не оцѣнитъ и если будетъ обожать меня, то это обожаніе все-таки пройдетъ черезъ нѣсколько времени. Правду-ли я говорю, панъ?

— Истинную, золотую правду... Только все это неестественно, пани... Старого полюбить нельзя.

— Кому какъ, панъ... а я молодого полюбить не могу. Чтобы я могла любить, мнѣ нужна полная увѣренность, что человѣкъ меня обожаетъ и всегда обожать будетъ.

— Удивительная ты дѣвушка, пани! задумался Сандецкій.

И долго продолжалось молчаніе.

Сандецкій глядѣлъ и любовался Франусей, а дѣвушка привѣтливо улыбалась ему.

И Сандецкій увидѣлъ въ глазахъ ея что-то удивительное. Она какъ будто бы тоже любовалась имъ.

— Скажи мнѣ, пани, невольно вымолвилъ онъ, — могъ-ли бы понравиться тебѣ человѣкъ... ну, въ родѣ меня?

— Еще бы! воскликнула Франуся.

— Какъ еще бы... Могъ бы?!

— Панъ шутитъ! Если онъ не можетъ понравиться, такъ кто же тогда можетъ? Какой-нибудь двадцатилѣтній молокососъ! презрительно выговорила Франуся.

— Да! Вотъ что! Такъ ты, стало-быть, пани, или удивительное ангельское созданіе, или... извини, самый отчаянный дьяволенокъ, какой когда-либо мнѣ попадался.

Сандецкій приглядѣлся еще пристальнѣе къ Франусѣ и прибавилъ болѣе рѣшительно:

— Да, это вѣрно—ты, пани, дьяволенокъ самого первѣйшаго разбора! И такой еще вдобавокъ, отъ котораго ни молитвой, ни крестомъ, ни святой водой не спасешься! Отвѣчай мнѣ въ заключеніе нашей бесѣды на три вопроса... Не любишь ты Кароля?

— Нѣтъ, панъ.

— Можешь меня полюбить?

— Да, панъ.

— А пойдешь ты за меня? Только съ условіемъ... Идя-то, ты пройдеши мимо церкви, а въ нее мы не войдемъ... Пойдешь?

— Нѣтъ, панъ.

— А!.. Такъ ты вотъ изъ какихъ?.. Изъ гонорныхъ!

— Да, панъ... изъ нихъ.

Сандецкій отпустилъ Франусю и весь вечеръ думалъ объ дѣвущкѣ и о томъ что слышалъ отъ нея.

„Агунья она, судя по словамъ... Только по словамъ. Судя по лицу, не лжетъ!“ соображалъ онъ.

XII.

На другой день каштелянъ снова вызвалъ къ себѣ Франусю и, побесѣдовавъ съ ней просто, не стѣсняясь, веселѣе и пріятнѣе чѣмъ когда-либо съ какою другою женщиной, панъ задумался, потомъ потрясъ глубоко-мысленно головой.

— Да, вымолвилъ онъ наконецъ.—Самый прелестный бѣсъ, какихъ, конечно, въ аду никогда у пана сатаны въ услуженіи не водилось. Ну, вотъ что, милый мой дьяволенокъ... Въ горницы Зарембы ты не вернешься. Отдамъ я тебѣ двѣ горницы наверху, недалеко отъ горницъ дочерей. Отецъ Викентій, конечно, знаетъ, что ты въ замкѣ, стало-быть, нечего тебѣ и скрываться. Если онъ что-либо предприметъ противъ тебя—и стало-

быть теперь выходить—противъ меня, то я его проучу. А если хочешь быть умницей, то я отдамъ тебѣ навильонъ въ паркѣ, тотъ самый, у котораго ты назначала свиданія Каролю. Ты будешь тамъ владѣтельница.

— Я буду бояться тамъ, панъ... Оттуда ксендзъ можетъ меня похитить силой.

— Напрасно. Ксендзъ на такое самоубійство не пойдетъ...

— Что хочешь сказать панъ?

— А то, что если онъ тебя похититъ, то я тогда и тебя обратно похищу, и его тоже. Тебя поселю опять въ навильонѣ, а его повѣшу на первомъ ближайшемъ деревѣ предъ твоими окошками.

— Панъ такъ говоритъ, а на это не рѣшится...

— Милый мой дьяволенокъ, вѣтъ того дѣла, на которое бы панъ Ксаверій Сандецкій не рѣшился. Если бы ты была умнѣе, благоразумнѣе... Да что объ этомъ толковать! увидимъ! Прежде всего надо дожидаться возвращенія Кароля. Надо, чтобы онъ узналъ изъ твоихъ устъ, что ты его не любишь. А покуда, такъ какъ мнѣ теперь дѣлать здѣсь нечего, а скука отчаянная, то всякій день ввечеру я тебя проищу приходить ко мнѣ въ гости и мы будемъ болтать. Можетъ-быть мнѣ удастся въ мои годы тебѣ поправиться...

— Напрасно панъ такъ думаетъ. Это уже сдѣлано...

— Ты лжешь или принимаешь меня за самага глупаго дурака во всей Польшѣ.

— Нѣтъ, панъ, не лгу... Да и нѣтъ цѣли у меня лгать. Жениться панъ на мнѣ не захочетъ, а идти къ пану мимо церкви я не захочу. Такъ отчего же мнѣ прямо и откровенно не сказать? Мы познакомились, а вскорѣ разознакомимся и разоидемя, такъ какъ я попрошу добраго пана отправить меня въ столицу.

— Ну, все это послѣ видно будетъ. А покуда я распоряджусь.

Сандецкій вызвалъ людей и приказалъ тотчасъ же осмотрѣть горницы, предназначавшіяся для Франуси. Черезъ нѣсколько минутъ ему доложили, что все тамъ въ порядкѣ.

— Ну, отправляйся въ свое новое помѣщеніе, пани дьяволенокъ, а завтра ввечеру приходи ко мнѣ безъ всякихъ приглашеній и входи не стуча даже въ дверь. А коли ты настоящій сущій дьяволенокъ, такъ приходи прямо сквозь стѣну или сквозь потолокъ. А я сию минуту отправлю гонца въ Варшаву, чтобы тебѣ привезли кое-что надѣтъ. Штукъ двѣнадцать разныхъ платьевъ и т. д. Ты ступай и сейчасъ же принеси мнѣ листу всего, что тебѣ нужно, отъ помады, мыла и духовъ и до башмаковъ, чулокъ, ну, и все прочее... Только помни, пани, каждую листу твою я буду возвращать тебѣ обратно и заставляю съизнова писать до тѣхъ поръ, покуда ты не пропишешь всего товару, по крайней мѣрѣ, на три тысячи злотъ. Такъ и знай! Коли не хочешь долго возиться, такъ шши прямо побольше. Къ вечеру поспѣетъ?

— Поспѣетъ, панъ.

— Ну, хорошо. А на зарѣ гонецъ поскачетъ въ Варшаву. А когда все привезутъ сюда и все ты въ своихъ горницахъ разложишь, то знаешь... что будетъ, пани дьяволенокъ?

— Что?

— Тогда тебѣ панъ Ксаверій Сандецкій покажется моложе лѣтъ на пятнадцать.

— Вотъ и неправда! Онъ мнѣ покажется еще старѣе!

— Ахъ ты дерзкая дѣвчонка!.. разсмѣялся панъ.

— Старѣе—значитъ еще милѣе!.. Вѣдь я же люблю старыхъ.

— Охъ, ужъ не знаю я, любишь-ли ты старыхъ, вздохнулъ Сандецкій,—но что вотъ любишь ты лгать—это я знаю.

Панъ и Франуся весело разстались, и молодая дѣвушка отправилась въ свое новое помѣщеніе.

Христианство, Цивилизация, Свобода. Аллегорическая картина академика Ю. Бонча-Томашевского (собственность Государя Императора). По эскизу художника, грав. Ю. Шюблерь.

Первый мундиръ. Картина П. И. Геллера (право воспроизвед. въ гравюрѣ и т. п. принадлеж. „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

Двѣ горницы, ей отведенныя, были изъ самыхъ веселыхъ, самыхъ изящно отдѣланныхъ, на солнцѣ, съ балкономъ, выходящимъ въ паркъ.

Франуся за однѣ сутки ожила. Она уже не скрывалась въ душныхъ горницахъ у старика со старухой, опасаясь постоянно быть найденною и выгнаною или возвращенною противному ксендзу. Вдобавокъ Франуся знала отлично, что въ своихъ бесѣдахъ съ владѣльцемъ замка она уже успѣла ему понравиться.

Разумѣется, на другой день ввечеру Франуся смѣло отправилась къ горницамъ пана, нашла его у себя читающимъ и нѣсколько озабоченнымъ, но смѣла своей болтовней, остроумной и забавной, развеселить его тотчасъ же.

Франуся пробыла у Сандецкаго часа два, и когда прощалась съ нимъ, чтобы вернуться къ себѣ, то панъ Ксаверій поцѣловалъ у ней ручку и проводилъ до коридора.

Черезъ шесть дней на дворъ замка въѣхалъ фургоны. Оттуда повытаскали пропасть ящиковъ и сундуковъ, и все это было перенесено въ горницы, гдѣ помещалась новая домовничка пана Сандецкаго.

Въ тотъ же вечеръ, когда Франуся явилась въ условное время въ гости къ каштеляну въ одномъ изъ новыхъ туалетовъ, панъ Ксаверій ахнулъ, вытаращилъ глаза, а потомъ плюнулъ.

— Навожденіе! Надо „дисциплину“ на себя наложить въ какомъ-нибудь монастырѣ... Ты отъ сатаны посланецъ, ей-Богу! выговорилъ онъ. — Помнишь, я сказывалъ, когда все изъ Варшавы пріѣдетъ, то я тебѣ покажусь краше, а вышло-то совсѣмъ наоборотъ. Ты въ сто кратъ красивѣе стала!

Дѣйствительно, молодая дѣвушка, въ пунцовомъ бархатномъ платьѣ, расшитомъ серебромъ, и затѣмъ со всякими украшениями: серьгами, брошью и браслетами, да къ тому же въ прелестныхъ ажурныхъ башмачкахъ на маленькихъ и — по модѣ — босыхъ ножкахъ, была очаровательна. Она болѣе чѣмъ когда-либо походила на то, чѣмъ окрестилъ ее панъ Сандецкій — на дьяволенка.

XIII.

Одновременно съ прибытіемъ фургона, явился изъ Варшавы гонецъ отъ Кароля и привезъ письмо, имѣвшее огромное значеніе.

Кароль сообщалъ отцу, что разграниченіе между Польшей и Пруссіей должно произойти въ самомъ скоромъ времени. При этомъ онъ сообщалъ, что граница, дѣйствительно, пройдетъ прямо по Сталупенямъ, по селу и замку, и что, къ несчастію, Сталупени отходятъ Прусскому королю.

Причина на это была глупая, а между тѣмъ естественная. И Кароль подробно передавалъ въ письмѣ главные основанія, иринитыя для раздѣла.

Границу предполагалось проводить по урочищамъ, рѣкамъ, ручьямъ, оврагамъ, болотамъ и т. д. Граница, по плану, должна была пройти по большому болоту, которое было верстъ за пять отъ Сталупеней, и затѣмъ продолжала слѣдовать по рѣчонкѣ Вислейкѣ, которая проходила мимо Сталупеней.

Такъ какъ, конечно, могло случиться, что какое-либо урочище раздѣлитъ чье-либо большое помѣстье, какого-либо магната или шляхтича, пополамъ, то предположено было, ради законности, не дѣлить этого помѣстья на-двое.

Не могъ же панъ-владѣтель быть насильственно лишенъ своего состоянія, хотя бы и продажей, и не могъ же онъ одновременно сдѣлаться польскимъ и прусскимъ подданнымъ. Поэтому принято было основаніемъ или временнымъ закономъ при раздѣлѣ слѣдующее:

Если урочище, а главнымъ образомъ рѣка или хотя бы простой ручей, проходитъ такъ, что отдѣляетъ земли отъ замка, то все помѣстье должно было отходить къ

тому государству, къ которому примыкаетъ отдѣленный урочищемъ замокъ.

На великое горе, поганая рѣчонка Вислейка протекала такъ, что селеніе Сталупени и огромное количество земель оставалось со стороны Польши, а самый замокъ — со стороны Пруссіи, слѣдовательно, будущая граница двухъ государствъ должна была пройти по границѣ земель пана Сандецкаго, и все помѣстье должно было отойти Прусскому королю.

Прочитавъ посланіе сына, панъ Ксаверій заперся у себя и цѣлый день никого не принималъ. Никогда за всю жизнь не было ему такъ тяжело и такъ грустно, какъ въ этотъ день.

Сандецкій былъ патриотъ; вдобавокъ онъ любилъ свое отечество именно, какъ сказывается, сыновнею любовью. Быть отрѣзаннымъ отъ Польши, сдѣлаться нѣмецкимъ подданнымъ Прусскаго короля — было бы для него ударомъ, который трудно казалось и пережить.

Панъ тѣмъ болѣе досадовалъ, что все это приключается изъ-за глупой подробности, изъ-за пустяковъ. Пройди проклятая рѣчонка иначе или выстрой дѣдъ его замокъ на другомъ мѣстѣ, на другой сторонѣ этой рѣчонки, панъ остался бы польскимъ подданнымъ.

Когда ввечеру кто-то постучался въ дверь, Сандецкій грозно отвѣтилъ:

— Убирайся къ чорту!

Стукъ въ дверь повторился снова.

— Говорятъ толкомъ: къ чорту уходи! крикнулъ панъ.

— Стало-быть, къ себѣ самой? раздался голосъ Франуся.

— А! ты это? Ну, къ себѣ самой... Нѣтъ, стой!

Сандецкій всталъ, отворилъ дверь и впустилъ Франуся, которая появилась въ черномъ шелковомъ платьѣ и вообще съ такими прикрасами, которыя были трауромъ.

— Что это ты нынче? Точно съ похоронъ!

— Такъ слѣдуетъ одѣваться всякой истинной полькѣ, отозвалась Франуся. — Панъ долженъ знать то, о чемъ говорятъ всѣ въ замкѣ... Мы умираемъ.

— Кто?..

— Мы всѣ... и панъ. Всѣ живущіе въ Сталупеняхъ. Мы отходимъ къ Прусскому королю. Это смерть гражданская...

— Умица ты, Франуся. Иди сюда! Садись. Да, правда твоя, это — смерть.

И Сандецкій сталъ толковать съ дѣвушкой и рассказывать ей все, чтѣ писалъ Кароль. Первый разъ случилось Сандецкому вести дѣловой разговоръ съ дѣвушкой. До сихъ поръ они болтали о всякихъ пустякахъ. Она кокетничала, а онъ любовался ею.

Теперь же Франуся не смѣялась, не дѣлала глазки, не вертѣлась бѣсенкомъ. Она сидѣла серьезная, положивъ красиво сжатый кулачокъ на столъ, точно какой судья въ трибуналѣ. Разсуждала она медленно, задумчиво, почти угрюмо, говорила вообще все очень разумно, и наконецъ замолчала.

Прошло въ полной тишинѣ около получаса. Франуся все молчала, а Сандецкій любовался ея серьезною и задумчивою фигурой, изображавшей якобы маленькаго судью, красиваго и миловиднаго.

— О чемъ ты задумалась? спросилъ онъ наконецъ.

— О важномъ дѣлѣ, панъ... Думала-думала и кажется придумала. Чтѣ мнѣ дать панъ, чѣмъ наградить меня, если я сдѣлаю такъ, что панъ не будетъ подданнымъ Прусскаго короля, а останется подданнымъ Рѣчи Посполитой?

— Что ты, съ ума сошла?

— Нѣтъ, панъ, не сходила съ ума. А пусть панъ скажетъ: чѣмъ меня наградить?

— Да это не въ твоей власти... Да я и не знаю, пани... я тебѣ цѣлое состояніе подарю. Ну, пятьдесятъ или сто тысячъ злотъ подарю...

— Это очень немного...
 — Ну, мало — двѣсти подарю... триста...
 — И этого мало...
 — Ишь ты какал! Такъ неужто же мнѣ отдавать тебѣ половину всего моего состоянія?..
 — И этого, панъ, мало... Вѣдь подумать только, чего стѣдить это! Панъ останется полякомъ. Вѣдь это чего-нибудь да стѣдить!
 — Да глупая ты! Не могу же я отдать тебѣ все свое состояніе. Отдать вотъ Сталупени, остаться полякомъ и пойти нищимъ по большой дорогѣ.
 — Я этого не требую.
 — А чего же ты требуешь?
 — А сдѣлать такъ, чтобы состояніе пана, пожалуй хоть все или половина, было моимъ, оставаясь панскимъ.
 — Ужь этого я и не пойму...
 — Чудно, панъ! Кажется, понять легко. Пойти намъ вмѣстѣ, только такъ пойти, чтобы не мимо храма...
 — А въ самый храм! воскликнулъ Сандецкій.
 — Да, панъ Ксаверій, въ самый храмъ.
 — Да. Это, милый дьяволенокъ, не глупо! И даже чѣмъ больше я на тебя смотрю и чѣмъ больше тебя слушаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что мнѣ другаго и дѣлать нечего. Даже если я и въ прусскіе подданные попаду, то и тогда мнѣ другаго дѣлать нечего. Меня теперь, по правдѣ, только одно и смущаетъ, что я, какъ дуракъ, влюбился въ ту же дѣвушку или въ того же бѣсенка, въ котораго влюбленъ мой сынъ. Вотъ что меня смущаетъ! А не будь этого...

И панъ Ксаверій махнулъ рукой.

— Тутъ важно не это, панъ. Важно то, что я люблю не сына, а отца. Бросимъ этотъ глупый разговоръ и будемъ говорить о важномъ. Общается-ли панъ честнымъ словомъ Ксаверій Сандецкаго, что женится на Францискѣ Дзялынской, если при ея помощи и по ея совѣту останется польскимъ подданнымъ.

— Да Вислейка-то? Вѣдь ты болтаешь, не зная... Вислейка-то поганая...

— Нѣтъ, она не поганая, панъ. Она милая, хорошая. Что воды-то въ ней совѣмъ нѣтъ? Надо молиться Пресвятой Дѣвѣ и благодарить Ее за то, что въ Вислейкѣ воды нѣтъ. Да, вотъ панъ Ксаверій умный человекъ, а этакая дѣвушка какъ я, много моложе его, догадалась, додумалась до того, до чего онъ не додумался. А вѣдь мнѣ ровно на тридцать три года меньше, чѣмъ пану. Панъ втрое дольше меня имѣлъ время думать, живя на свѣтѣ.

— Такъ говори, въ чемъ дѣло?

— Ничего не скажу! Прежде всего—слово, что если панъ Ксаверій Сандецкій останется польскимъ подданнымъ, а граница прусская пройдетъ по границѣ его владѣній, оставивъ его за Рѣчью Посполитой, то въ этомъ замкѣ появится законная супруга пана Ксаверія, по имени панна Франциска.

— Дай подумать, дьяволенокъ.

— Думать тутъ совершенно не о чемъ. Дѣло совершенно простое. Станетъ панъ прусскимъ подданнымъ, онъ этого не переживетъ. Да и какой же истинный полякъ можетъ пережить такую обиду и такой срамъ?..

— Это вѣрно, Франуся...

— Слѣдовательно, что же выбирать? Или тоскливую жизнь и смерть, или счастливую, веселую жизнь со мной. Неужто выборъ мудреный?

— Ахъ, чортъ тебя поberi! воскликнулъ Сандецкій.— Да впрочемъ, нѣтъ... Сама ты сатана. Ну, вотъ что я тебѣ отвѣчу. Подождемъ прїѣзда Кароля. Какъ онъ отнесется ко всему этому... Коли онъ уступитъ тебя мнѣ—согласенъ.

— Онъ не имѣетъ никакого права уступать или не уступать.

— Все равно дождемся Кароля. Если Кароль согласится и если ты дѣйствительно дьявольски придумала

какъ мнѣ избавиться отъ прусскаго подданства, то тогда что же дѣлать... Тогда будешь панной Сандецкой. Франуся поднялась, улыбнулась и протянула руку Сандецкому.

— Съ удовольствіемъ! отозвался панъ, цѣлуя руку.— Пожалуй, и другую поцѣлую...

— Нѣтъ, этого будетъ слишкомъ много... Довольно покуда и одной... А теперь я пойду, сейчасъ же сниму весь этотъ черный туалетъ, надѣну праздничный и явлюсь къ вамъ снова.

Панъ Сандецкій остался одинъ и задумался. Но онъ думалъ уже не о томъ, что ему грозитъ прусское подданство, а о томъ, что хотя и много женщинъ видѣлъ онъ на свѣтѣ, которыхъ любилъ, которыми былъ любимъ, но такой, какъ эта Франуся, не встрѣчалъ.

„Въ ней что-то есть!“ говорилъ онъ.— „А что—опредѣлить очень мудрено. Въ ней не одна жизнь кипитъ и бурлитъ—въ ней будто три жизни. Три красивыя дѣвушки въ ней живутъ и всѣ три кипятятся, жить хотятъ...“

„Суцій сатаненокъ!“ думалъ панъ и задумывался надъ вопросомъ: можетъ-ли молодая и красивая семнадцатилѣтняя дѣвушка полюбить пятидесятилѣтняго человѣка.

„Да“, рѣшалъ Сандецкій, и прибавлялъ:— „но едва ли эта—тебя“.

XIV.

Панна Франциска Дзялынская, которою Сандецкій былъ уже серьезно увлеченъ, была дѣйствительно личностью не только недюжинною, но въ нѣкоторомъ отношеніи исключительною.

Хотя она и была дочерью бѣднаго шляхтича, самаго простаго смертнаго, скромнаго и недалекаго, который съ большимъ трудомъ добился мѣста фермера, но ни капли не походила на отца. И она, и ея старшая сестра, Эльжбета, не имѣли даже ничего общаго съ тихимъ, мягкимъ и отчасти робкимъ шляхтичемъ.

Дзялынской былъ дурень собой, а обѣ дочери были красавицы. Онъ былъ человекъ ограниченный, а дочери были очень умны. Онъ былъ человекъ болѣе чѣмъ смиренный, безвольный, а дѣвушки, напротивъ, очень бойки и предприимчивы.

Обѣ сестры уродились въ породу своей матери. Ихъ мать, бывшая пѣвица при дворѣ Саксонскаго короля, послѣ довольно бурной жизни, вышла замужъ за Дзялынскаго, двадцатитрехлѣтняго человека, имѣя сама уже подъ сорокъ лѣтъ. Она была женщина красивая, но опять-таки дочери и на нее походили мало.

Уродились онѣ вполнѣ въ свою бабушку. По словамъ пани Дзялынской, обѣ дочери ея, чрезвычайно похожія одна на другую, какъ могутъ походить только близнецы, были вѣрнымъ портретомъ ея собственной матери. А бабушка Эльжбеты и Франуси была замѣчательная красавица южнаго типа и сомнительнаго происхожденія. Она всегда скрывала, откуда и кто она родомъ.

Дзялынская, часто разговаривая съ дѣвочками обѣихъ бабушкѣ, называла ее то гречанкой, то молдаванкой, то итальянкой и, наконецъ, однажды созналась, что она и сама вѣрно не знаетъ, къ какой ея мать народности принадлежала.

Въ дѣйствительности эта бабушка была полугречанка, полутурчанка по крови и фанариотка. О томъ, какъ прошла жизнь бабушки, Дзялынская подробно дочерямъ избѣгала рассказывать, а говорила только, что жизнь бабушки прошла съ большими приключеніями.

Такъ какъ Дзялынская не стѣснялась рассказывать дочерямъ нѣкоторыя свои происхожденія, передавая все только въ мягкой формѣ, то дѣвушки могли легко догадаться, что жизнь бабушки была, стало-быть, еще удивительнѣе.

Двѣ сестры были поразительно похожи одна на другую даже въ мелочахъ. Разница была въ томъ лишь, что старшая была энергичнѣе и рѣшительнѣе младшей.

Обѣ онѣ были большія мечтательницы и, будучи очень дружны между собой, повѣряли одна другой все.

Онѣ наивно не догадывались и не знали, что были обѣ крайне честолюбивы и требовали отъ жизни почти несбыточнаго.

— Женщина красивая, умная и смѣлая можетъ достигнуть всего, чего захочетъ! говорила Эльжбета.

— Ты всего достигнешь, чего пожелаешь, отзывалась Франуся,—а я нѣтъ... Я не съумѣю!

А между тѣмъ, теперь какъ будто судьба помогала ей. Она будто вдругъ чудомъ очутилась въ богатомъ замкѣ магната, и между ними уже шелъ разговоръ не о чемъ иномъ, какъ о законномъ бракѣ.

Сидя теперь у себя въ комнатахъ, заваленныхъ всевозможными дорогими вещами, Франуся невольно удивлялась. Ей казалось, что тѣ мечты, о которыхъ такъ часто бесѣдовали онѣ съ сестрой, собственно были не мечты. Все это очень легко достается... Легче, чѣмъ она думала...

Дала-ли она себѣ хоть малѣйшій трудъ, чтобы заставить молодого Кароля полюбить себя? Никакого! А много-ли ловкости или кокетства потратила она, чтобы самъ, пожилой уже, каштелянъ влюбился въ нее? Очень мало!

Впрочемъ, иногда Франусю смущала именно та быстрое, съ которою все произошло. Ей казалось, что все что легко дается—непрочно. А все случившееся съ ней за послѣднiе дни—далось чрезвычайно легко.

Вѣдь еще нѣсколько дней тому назадъ она была въ маленькой комнатѣ у небогатаго ксендза, и судьба обрекала ее на всю жизнь быть простой господиней провинціала, то-есть обрекала на положеніе совершенно двусмысленное, къ которому народъ относится всегда съ легкимъ презрѣніемъ и съ постоянной усмѣшкой... А теперь она почти уже невѣста одного изъ самыхъ богатыхъ людей Рѣчи Посполитой.

И Франуся чувствовала минутами, что у нея какъ бы кружится голова. Ей казалось, что она сразу, какою-то невидимою силой была поднята на страшную высоту, поставлена на ноги и покинута. Эта невидимая сила исчезла и только шевнула ей: „Ну, теперь смотри, держись сама!“

Вернувшись вечеромъ къ себѣ, Франуся долго думала о томъ, что сказала, но не пояснила пану Сандецкому. Она дѣйствительно додумалась, какимъ образомъ Сталупенямъ остаться за Польшей, а Сандецкому не дѣлаться насильственно прусскимъ гражданиномъ.

Однако Франуся не была еще вполне убѣждена, что зародилось въ ея головѣ вѣрная ли догадка, или пустая мечта.

XV.

На утро, поднявшись очень рано, дѣвушка приказала доложить пану, что желаетъ имѣть четырехъ провожатыхъ домовниковъ для прогулки по парку и по селу. Франуся даже не прибавила, что эта свита должна была защитить ее на случай встрѣчи съ отцомъ Викентіемъ. Она уже перестала опасаться ксендза. Свита была нужна для иной цѣли.

Черезъ полчаса явился лакей и попросилъ панну къ каштеляну.

Франусяшла Сандецкаго, ожидавшаго ее уже въ шавкѣ и съ саблей.

— Никакой свиты тебѣ, пани, не нужно! Я самъ съ тобой пойду гулять. И знаешь-ли ты, почему?..

— Панъ догадался, зачѣмъ я собралась гулять?

— Да, догадался.

— Стало-быть все пропало! воскликнула Франуся.

— Что пропало?

— И ставила условіемъ, что если панъ останется по-прежнему по моей милости, то долженъ вознаграждать меня... сказано чѣмъ. Теперь же, если панъ самъ догадался, то честь принадлежитъ уже не мнѣ. Панъ мнѣ ничѣмъ не обязанъ и награждать меня не станетъ.

— Нѣтъ, пани Пржеде всего, панъ Ксаверій Сандецкій—честный человекъ и никогда никого не обманывалъ. И тебя, пани, я не обману. Дѣйствительно, я догадался въ чемъ дѣло, но не будь у насъ вчерашняго разговора, не скажи ты мнѣ, что есть средство отдѣлаться отъ пруссаковъ, самъ бы я никогда до этого не додумался.

— Почему?

— Да Богъ знаетъ! А такъ какъ ты надумила меня, то все-таки я всѣмъ буду обязанъ тебѣ. И если это удастся...

— Я буду женой пана?

— Да, если Кароль это позволитъ...

— Но Кароль, панъ, не имѣетъ... раздражительно воскликнула Франуся.

Сандецкій протянулъ руку и выговорилъ рѣшительно.

— Довольно объ этомъ. Повторяю—все зависить отъ Кароля. Если онъ безумно любитъ тебя, то и ты должна полюбить его и выходить за него замужъ. Я у сына отбивать любезную не стану. Много я всякихъ чудесъ натворилъ въ жизни, даже сосѣдей-шляхтичей судилъ и приговаривалъ къ смертной казни, но всему есть мѣра. Ну, пойдемъ, пани, въ обходъ!

И каштелянъ, вмѣстѣ съ Франусей, одѣтой на этотъ разъ въ красивое шерстяное платье темно-лиловаго цвѣта, двинулся въ большія ворота. Они направились прямо къ Сталупенямъ, но дойдя до мостика, повернули вправо вдоль берега.

Здѣсь панна разсмѣялась и, указавъ одно мѣсто, рассказала Сандецкому, какъ она, ночью, вмѣстѣ съ Каролемъ, переходила въ бродъ.

— И вотъ, вѣдь эта необходимость спастись въ бродъ имѣла великое значеніе. Не случись этого со мной, я бы никогда не обратила вниманія и не замѣтила, что эта рѣчонка мелка и даже не стоитъ названія рѣчки. Вотъ какъ все бываетъ на свѣтѣ! А теперь вся сила въ этомъ... Судьба пана и моя судьба зависить отъ этой рѣчки. Или, лучше сказать, все стало зависить отъ того, что я когда-то переправлялась здѣсь въ бродъ и по себѣ узнала, что эта Вислейка—простой ручей.

Сандецкій и Франуся двинулись далѣе, все вдоль берега, и такимъ образомъ обошли весь холмъ, на которомъ номѣщался замокъ и часть парка. Уже очутившись въ паркѣ, они прямо прошли снова черезъ надворныя строенія, снова были въ воротахъ, снова на томъ же мѣстѣ, откуда начали свою прогулку, но затѣмъ взяли влѣво и пошли вдоль холма по противоположной сторонѣ.

Все время, что длился этотъ второй обходъ съ западной стороны замка, и Сандецкій, и Франуся упорно молчали, озирались, наконецъ поглядѣли другъ другу въ глаза и разсмѣялись.

Лицо Франуси было почти восторженно-счастливое. Сандецкій тоже сиялъ.

— Скажи, папе, возможно-ли сдѣлать это... Такъ-то глазами я вижу, что возможно. Но сколько надо народу, сколько времени и сколько денегъ—этого я знать не могу.

— Время, народъ и деньги—во власти людей, Франуся. Главное уже сдѣлаю. И знаешь ли ты, что главное?.. Главное то, что вотъ этотъ, стоящій предо мной, дьяволенокъ додумался хитроумно до пустяка! Вотъ что главное!.. А времени у насъ недѣли двѣ навѣрное. Народу въ Сталупеняхъ довольно, а денегъ,

Передъ кондитерской. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Козачинскаго, авторниія мастерской „Нивы“.

сама знаешь, никаких не нужно. Только вот что, дорогая моя... Обь одномъ ты не подумала, а я думаю и смущаюсь... Еще одно важно—соблюдение тайны. За своихъ рабовъ я отвѣчаю, никто слова не промолвить, но нѣкоторые изъ сосѣдей...

Санецкій вздохнулъ, потомъ махнулъ рукой и прибавилъ:

— Ну, да чортъ съ ними! Я полагаю такъ, что съ помощью Божіей дѣло уладится.

Они вернулись въ замокъ. Санецкій приказалъ послать къ себѣ молодого домовника-шляхтича, который умѣлъ рисовать. Франуся хотѣла идти къ себѣ, но Санецкій остановилъ ее.

— Нѣтъ, пани, иди тоже ко мнѣ. Мы вмѣстѣ займемся.

Черезъ нѣсколько минутъ Санецкій, Франуся и молодой человѣкъ, вызванный имъ, сидѣли за столомъ, на которомъ былъ развернутъ планъ всего уѣзда и въ томъ числѣ, конечно, были обозначены отдѣльною краской помѣстья пана Санецкаго.

Рѣчонка, протекавшая между замкомъ и селеніемъ, къ которой съ такимъ презрѣніемъ относились всегда владѣльцы замка изъ рода въ родъ, теперь получала громадное значеніе.

Сколько разъ отецъ и дѣдъ Санецкаго жалѣли, что при великолѣпномъ замкѣ нѣтъ красивой широкой рѣки. А теперь это было бы погибелью.

— Ну, бери перо! скомандовалъ Санецкій, весело улыбаясь Франусѣ.—И ты тоже! обернулся онъ къ шляхтичу.—Бери перо, давай чертить.

И они стали чертить по плану, вспоминая, конечно, мѣстность. Работа ихъ была простая. Они на картѣ переносили рѣчку Вислейку съ восточной стороны замка—на западную.

Мѣстность на западъ отъ замка подъ холмомъ была тоже довольно низменная, поросшая кустарникомъ. Отвести русло рѣчонки въ эту сторону и провести вдоль холма было дѣломъ, конечно, не легкимъ, но возможнымъ.

Почертивши, они стали разсуждать, сколько потребуются на эту работу времени и людей. Оказалось, что сдѣлать новое русло на западной сторонѣ и засыпать старое, даже засадить кустарникомъ—на все необходимо было около мѣсяца.

— Вздоръ это! воскликнулъ Санецкій.— Будемъ работать и день и ночь, и сдѣлаемъ гораздо скорѣе.

И поднявшись съ мѣста, Санецкій прочиталъ молитву, а затѣмъ приказалъ молодому домовнику послать къ

себѣ нѣсколько другихъ домовниковъ изъ самыхъ умныхъ. Въ томъ числѣ былъ позванъ и старикъ Заремба.

Франуся осталась въ кабинетѣ пана-каштеляна и уже отчасти важно сидѣла на большомъ креслѣ. Предъ ней появились всѣ нахлѣбники и, раскланявшись съ паномъ, кланялись и ей.

По ихъ поклонамъ можно было догадаться, что положеніе Франуси въ замкѣ уже стало совершенно иное. Они будто чужли въ ней будущую, а быть-можетъ уже и настоящую повелительницу.

Всѣмъ своимъ домовникамъ Санецкій показалъ планъ и объяснилъ дѣло. Всѣ были въ восторгѣ, клялись и божились, что это—геніальная выдумка и что только такой удивительно-умный человѣкъ, какъ ясновельможный панъ, могъ выдумать такое средство спасти себя и всѣхъ отъ Фридриха.

— Надумалъ не я, заявилъ наконецъ Санецкій.— Надумалъ другой человѣкъ—и человѣкъ этотъ требуетъ большаго вознагражденія. Не знаю, стобить-ли на это идти. Какъ вы полагаете?

— Какъ можно, панъ! отвѣчали гвалтомъ домовники,— за такое дѣло, за такой совѣтъ, можно все отдать, можно четверть состоянія отдать.

Санецкій, хитро ухмыляясь, только поглядывалъ нѣско на Франусю. Она усмѣхалась, но нѣсколько гордо и важно.

„Суцая королева на тронѣ сидитъ!“ думалъ про себя Санецкій, глядя на дѣвушку.

Дѣйствительно, Франуся, сидя въ большомъ креслѣ, положила руку, украшенную перстнями и браслетами, которые ярко сіяли, на край кресла, а сама, выпрямившись немножко, откинула голову назадъ и смотрѣла на всѣхъ въ полъ-оборота, почти черезъ плечо.

Когда всѣ домовники вышли, Санецкій приблизился къ Франусѣ и выговорилъ:

— Теперь я уже не сомнѣваюсь, что это дѣло совершенно возможное. Я остаюсь полякомъ, подданнымъ моего дорогаго отечества, и все это благодаря тебѣ, твоей умной головкѣ. Но теперь—что скажетъ Кароль. Мы ему все объяснимъ—и если онъ согласится, то все будетъ ладно. Сначала мы примемся за работу, а когда Польшу и Пруссію разграничатъ, мы съ тобой отправимся въ Варшаву и тамъ, послѣ цѣлаго ряда баловъ и пировъ, у которыхъ слухъ по землѣ пройдетъ, мы будемъ вѣнчаться такъ, что намъ всѣ Потоцкіе, Чарторыйскіе и Радзивилы позавидуютъ. А мнѣ лично даже позавидуетъ самый знаменитый побѣдитель женскихъ сердець—король Станиславъ.

(Продолженіе будетъ).

Колесо Фортуны.

Историческій разсказъ П. Н. Полевого.

I.

Рано утромъ, 24 ноября 1741 года, сенаторъ князь Яковъ Петровичъ Луговскій проснулся въ своей уютной и теплой опочивальнѣ, откинулъ пестрый, китайчатый пологъ кровати и залюбовался на причудливые узоры, которыми трескучій морозъ снизу доверху разрисовалъ стекла окна, выходившаго на набережную Невы. Ярko-красные лучи солнца, только-что подымавшагося изъ-за крыши сосѣдняго дома, дополняли узоры мороза, придавая имъ то огнистый блескъ алмазовъ, то радужные переливы и отбѣны перламутра.

„Прошка ставни открылъ—значитъ пора вставать и за дѣло приниматься!“ подумалъ Яковъ Петровичъ, потягиваясь на мягкомъ пуховикѣ и поворачиваясь на-бокъ, съ благороднымъ намѣреніемъ подняться съ постели. „А дѣла много, такъ много, что, право, не передѣлать всего, какъ ни бейся, какъ ни работай!“

И при этой мысли о работѣ, Якову Петровичу пришли на память тѣ груды дѣлъ, которыя вчера принесъ къ нему изъ Сената экзекуторъ Дурновъ; припомнились и тѣ товарищи-сенаторы, среди которыхъ онъ засѣдалъ уже болѣе полу-года—всѣ эти весьма ужъ пожилые и даже старые генералы-шефы и статскіе дѣйствительные совѣтники, которые весьма охотно сваливали на Якова Петровича всю работу, какъ на ретиваго работника и надежнаго дѣльца.

„И всего-то мнѣ 36 лѣтъ,“ продолжалъ уже съ нѣкоторымъ

довольствомъ думать Луговской,—„а между какими знатными, какими именитыми персонами я засѣдалъ призванъ! А все отъ кого? Отъ благодѣтеля моего, отъ графа Миханла Гавриловича Головкина—отъ него всѣ милости ко мнѣ... Отъ него и вознесенъ, и обласканъ я... Да чего еще! Отъ него же и *кавалерію* обвадежень! Шутка-ли? Черезъ плечо-то какъ повѣсятъ?“

И Яковъ Петровичъ невольно улыбнулся при мысли о предстоящей блестящей служебной карьерѣ, которую дѣйствительно могъ доставить ему графъ Головкинъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ вельможъ при дворѣ правительницы Анны Леопольдовны, матери младенца-императора Юанна Антоновича.

„Да, много мнѣ благодаренъ мой и благосклонности выказываетъ, и ласки... И даже намекалъ черезъ супругу свою, графиню, что онъ не прочь бы и породниться со мною... Невѣста въ домъ и на возрастъ—и мнѣ по праву пришлось... Ну, и не безприданница какая-нибудь...“

И Якову Петровичу представились довольно ясно и отчетливо спокойные дни отдыха, въ концѣ жизни, среди живописной деревенской глуши, среди своей семьи и сосѣдей-приятелей... Но эти мирныя мечты были внезапно нарушены какими-то страннымъ шумомъ, какими-то чуждыми, непривычными звуками, доносившимися, повидимому, изъ диванной. Тамъ какъ будто въ ступѣ пестомъ толкали, а потомъ какъ будто стекло звенѣло и дребезжало, и явственно доносился какой-то невнятный смѣхъ и говоръ.

Яковъ Петровичъ, человѣкъ степенный и положительный, былъ въ домѣ своемъ строгимъ хозяиномъ и никакъ безпорядковъ не терпѣлъ. Вся прислуга у него, по правдѣвскому обычаю, по струнѣ ходила.

— Чтѣ это за шумъ? — думалъ онъ, послѣдно поднимаясь съ постели. — Спозаранокъ и вдругъ какую возню затѣяли! Грозы давно не видѣли... Эй, Прошка! Прошка! закричалъ сенаторъ.

Но исполнительный и точный Прошка не откликнулся и не явился на зовъ Якова Петровича. Тогда, накинувъ на ходу халатъ, Яковъ Петровичъ быстро очутился у двери въ соседнюю комнату и на порогѣ ея почти столкнулся со старымъ, съдымъ слугою, въ поношенномъ нѣмецкомъ платьѣ съ барскаго плеча и въ какихъ-то широчайшихъ валенцахъ.

— Куда ты запропалъ? сердито крикнулъ на него Яковъ Петровичъ. — Тебѣ бы тутъ надлежало быть, а я тебя кричалъ — не докричался...

— И все тутъ былъ! недовольно и хмуро отвѣчала старая слуга. — Да мнѣ вѣдь не разорваться тоже! И здѣсь будь — и туда поспѣвай!

— Куда поспѣвай? Чтѣ ты городишь?

— А вонъ туда — въ диванную! Вашего брата унимать... двуродного... Принесла его нелегка... прости Господи!

— Ты это про Семена Павловича? Да развѣ здѣсь онъ?

— Вѣстимо здѣсь. Онъ тамъ и кутермитъ! Никкакъ часа ужъ три съ нимъ возмесь.. Всю вашу дворню съ ногъ сбиль... — Да откуда онъ вдругъ взялся? съ недовольнымъ видомъ спросилъ Яковъ Петровичъ, не очень жалованный брата.

— Недѣлю цѣлую и глазъ не казалъ, да вдругъ... — Прикатилъ — ни свѣтъ, ни зоря! И, то-есть, пьянѣе вина! Шумѣть началъ, пѣсни пѣть... Я его унимать сталъ, а онъ только поспѣвается; а потомъ, на трескучемъ морозницѣ, мундиръ съ себя долой — да и велѣлъ себѣ голову водою обливать! Ей Богу!

— И ты, старый дуракъ, обливалъ?

— А развѣ его послушаться можно? Онъ кочерги въ кольцо гнетъ, подкову о колѣно ломаетъ — а ты его послушайся! Благодарю покорно! Вонъ ты и князь, и сенаторъ, а пойдика, уймн его, коли онъ унять самъ не захочеть... Ну, и пришлось его всѣмъ убажывать — всѣмъ какъ ребенка малаго тѣшить. — Экій безпутный какой! Поди вознесъ тутъ съ нимъ! съ досадою проговорилъ Яковъ Петровичъ. — Хотѣ бы спать завалился поскорѣе!

— Какой тамъ сонъ! Ужъ мы его пытали укладывать... Такъ пѣтъ! Говорить: съ братцемъ видѣться желаю и по душѣ поговорить... Едва-едва мы уломали его, чтобы тебя-то не разбудить. Твой сонъ оберегая, всѣмъ его умасливать старались... Тамъ въ диванной сидитъ теперь — оныхмѣляется!

— Ну, дѣлать нечего... Видно ужъ пойти къ нему надо — уговорить да пристыдить его. Давай скорѣе мыться и одѣваться!

II.

Полчаса спустя, Яковъ Петровичъ вышелъ изъ опочивальни приодѣтый, гладко выбритый, въ чистомъ батистовомъ бѣльѣ и въ стромъ французскомъ кафтанѣ со свѣтлыми стальными пуговицами.

Онъ не спѣша прошелъ двѣ комнаты, отдѣлявшія опочивальню отъ диванной. Впереди его шелъ Прошка, побрякивая на ходу ключами и мягко выстукая по скрипящему полу въ своихъ валенцахъ.

Когда они подошли къ двери въ диванную, изъ-за нея слышалось треньканье балалайки и топотъ босыхъ ногъ, усердно отбивавшихъ въ тактъ музыки какую-то пляску; а чей-то звонкий и громкій голосъ въ перемежку со смѣхомъ, восклицалъ:

— Такъ-такъ! Важно!.. Любо... Ходи браво, чортъ кучерявый! Лихо!

Ужъ какъ мужъ жену училъ,
Щенегливною водилъ —
По крапивѣ босикомъ,
По морозу..."

Тутъ Прошка распахнулъ дверь въ диванную, и Яковъ Петровичъ съ недовольнымъ и нѣсколько-озадаченнымъ видомъ остановился на порогѣ. Картина, которую онъ окинулъ взглядомъ, была дѣйствительно курьезна и не могла понравиться степенному сенатору...

На диванѣ, по-турецки подкорчивъ ноги, сидѣлъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, красивый молодой человѣкъ, богатырскаго роста и сложения. — сидѣлъ босой, полуодѣтый. Воротъ рубахи его, разстегнутой и разорванной, былъ широко открытъ на высокой, волосатой груди. Густые черные кудри, недавно смоченные обильнымъ полываньемъ, липли ко лбу его и къ щекамъ, и спускались на самые глаза — полуоткрытые, утомленные, но весело и привѣтливо смотрѣвшие изъ-подъ густыхъ бровей. Въ могучихъ рукахъ этого богатыря была балалайка, на которой онъ ловко подыгрывалъ, прищелкивая ногтемъ въ тактъ пляски двухъ босоногихъ дворовыхъ мальчугановъ, которые изъ силъ выбивались, то съмени ноженками, то пускаясь въ присядку, по знаку Семена Павловича. На столѣ, придвинутомъ къ дивану, поставлена была закуска: сулея съ виномъ, жбанъ съ квасомъ, чарки и стаканы, кото-

рые дребезжали, вторя пляскѣ... А между тѣмъ около дверей въ сѣни столпилась вся прислуга Якова Петровича. Одинъ изъ слугъ бережно держалъ въ рукахъ треуголку гвардейца, другіе — мундиръ, палашъ съ широкой кожаной портусеей и громадные ботфорты со шпорами... Кругомъ на стульяхъ были разбросаны камзолъ, перчатки, епанча, парикъ съ помятами буклями.

— Семень Павловичъ! укоризненно проговорилъ Луговской, обращаясь къ братцу-гвардейцу. — Побойся Бога! Въ умѣ-ли ты... Добрые люди встаютъ, за дѣло принимаются... А ты ужъ и уготованъ — и весь мой домъ на-изнанку выворачиваешь. Ну, на кого похоже?..

Семень Павловичъ, бросивъ балалайку въ сторону, махнулъ рукою плясунамъ, чтобы они остановились, и предобродушно взглянулъ на брата-сенатора.

— Ты, Яшенька, говоришь: добрые люди встаютъ, за дѣло принимаются... А я не могу за дѣло пристаться — потому я не ложился еще вовсе! Не могу — дай прежде выспаться... Ты это пойми!

— Вольно же тебѣ о-сю-пору бѣса тѣшить, безпутный ты человѣкъ! Ну, посмотри ты на себя, — на чтѣ похожъ?

— Виноватъ, ваше — сество! Пронитрафился маленько! смѣясь отозвался Семень Павловичъ, прикладывая руку ко лбу. — Точно что пересыпалъ малость... И если-бы твой Прошка не догадался окатить меня водою, да не подаль бы мнѣ оныхмѣлиться, — я бы, братецъ, пропалъ!.. Ей-ей, пропалъ бы какъ шведъ подъ Полтавою! А тутъ вотъ эта тѣшка съ хрѣномъ, да сулея съ двойнымъ виномъ, да квасъ — забористый, шельмецъ! — ну, вотъ и отрезвился я, и въ образъ свой пришелъ...

— Какой тамъ образъ! На тебѣ и теперь лица Божія нѣтъ! Эй, Прошка, приготовь братцу постель въ верхнемъ жильѣ! А вы всѣ — вонъ отсюда! По мѣстамъ! Чего зѣваете! грозно крикнулъ Луговской на прислугу, которая мигомъ побросала на диванъ и треуголку, и палашъ, и ботфорты Семена Павловича — и выскользнула изъ комнаты.

— Хе, хе, хе! Молодцомъ распорядишься — люблю! заговорилъ поспѣвая Семень Павловичъ. — Ты это съ ними, по нашему, по военному — хоть и по статскимъ дѣламъ служишь... Ни дать, ни взять, какъ у насъ во фронтѣ: *Смирно! Фузелъ къ но-ви! Отмыкай боинетъ!.. Правое плечо!..* Послушай-ка, сенаторъ, высьемъ!

— Ну, тебя къ шуту съ питьемъ! сердито отозвался Яковъ Петровичъ. — Поди, просппись... Тутъ дѣлъ — берѣмя цѣлое! До вечера не передѣлаешь; а онъ — съ питьемъ!

Гвардеецъ вдругъ спустилъ ноги съ дивана, поднялся во весь ростъ и, слегка покачиваясь, подошелъ къ Луговскому.

— Съ питьемъ? сказалъ онъ укоризненно. — Питьемъ изволишь поирекать меня. Да развѣ же могу я не пить, когда у насъ сегодня въ гренадерской ротѣ всѣ пили — всѣ лоскомъ полегли — вотъ какъ! Развѣ я отъ товарищей могу отстать? Самъ посуди...

— Да чтѣ же это вы?.. Съ какой же радости?

— Не съ радости, а съ горя, господишь сенаторъ! Съ горю — понимаешь?

— Ну, ужъ это смѣху подобно... Вся рота перенилась — и съ горю! Поминки, что-ли, правили?

— Не поминки; а такую, значить, службу намъ объявили, что просто — тьфу!

— Да говори толкомъ... въ чемъ дѣло?.. Какую службу?

— На 25-е число всей гвардіи походъ! Подъ шведа походъ! Понимаешь, куда оно пошло!

— Чтѣ-же тутъ такого? Со шведомъ, второй ужъ мѣсяць, у насъ война... Ну, вотъ туда и шлютъ...

— Эхъ, братецъ! Тутъ не въ шведѣ дѣло, а просто гвардію хотятъ отсюда выслать... У *цесаревны руки хотятъ отнять!* А на кого же мы ее, голубку нашу, покниземъ?..

— Тсс! Чтѣ ты! Чтѣ ты! заговорилъ вполголоса Яковъ Петровичъ, отмахиваясь обѣими руками и опасливо оглядываясь на дверь въ сѣни, — что ты мелешь? Поостерегайся бы людей!

Гвардеецъ посмотрѣлъ на „брата“ съ насмѣшливой улыбкой:

— Трусу правдуешь, господишь сенаторъ! Мѣстечко тепленькое потерять боишься... а?! Понимаешь!

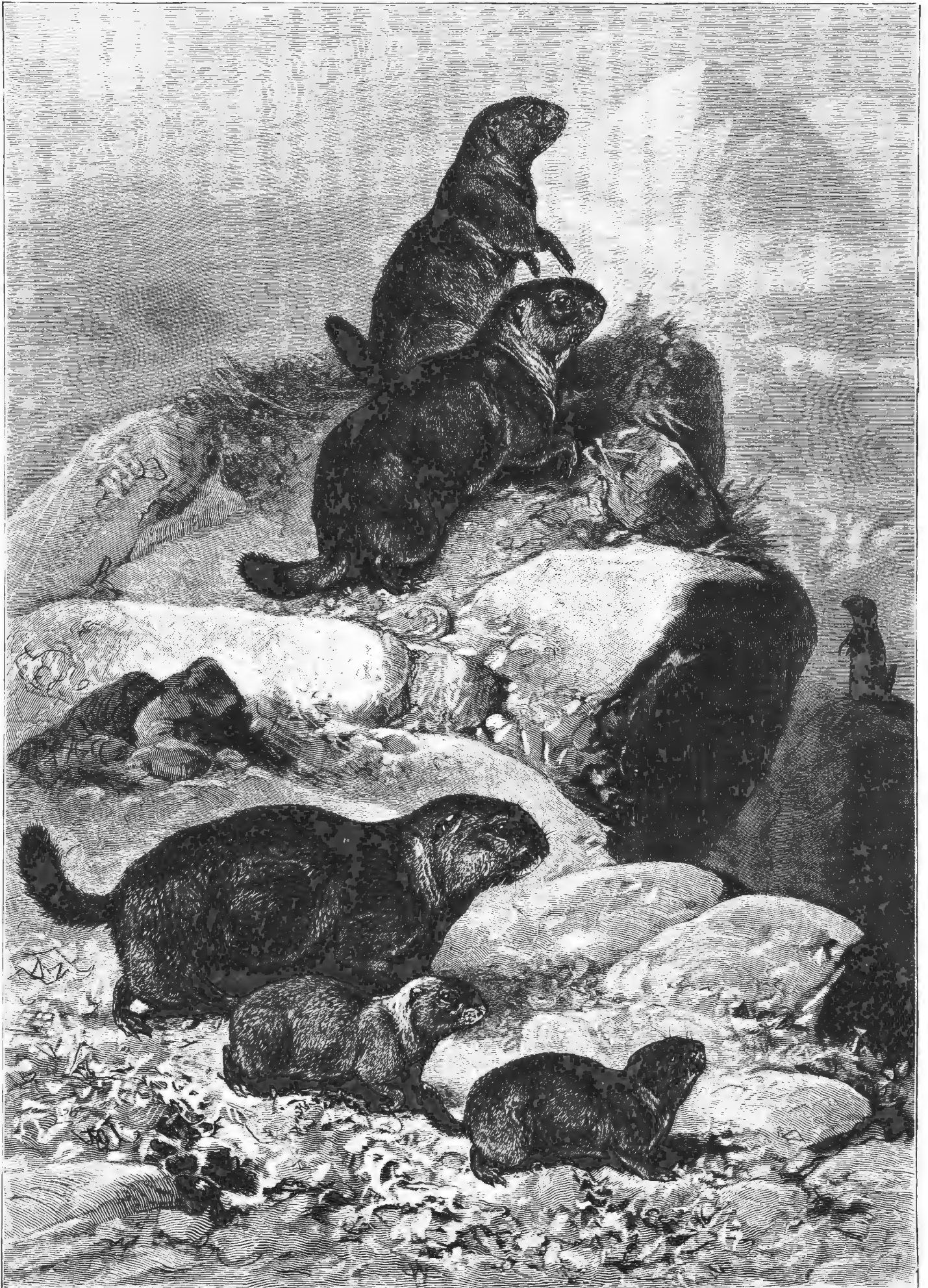
— Мѣстечко! съ досадою сказалъ Луговской. — Да знаешь-ли ты, въ какое ты *мѣстечко* угодишь за эти рѣчи о цесаревнѣ?.. — А ты-то знаешь-ли, заглавно заговорилъ гвардеецъ, — что если бы цесаревна намъ, гренадерамъ, только словечко промолвила, такъ ужъ давно бы въ Зимнемъ дворцѣ не правительница Анна и не ея малодѣтство-императоръ...

— Да ты съ пьяныхъ-то глазъ ума рехнулся! крикнулъ, наконецъ, Луговской. — Ну, развѣ стачочное дѣло такъ о высокнхъ персонахъ пересуживать! Вѣдь этакъ ты какъ разъ въ лапы генералу Ушакову угодишь!

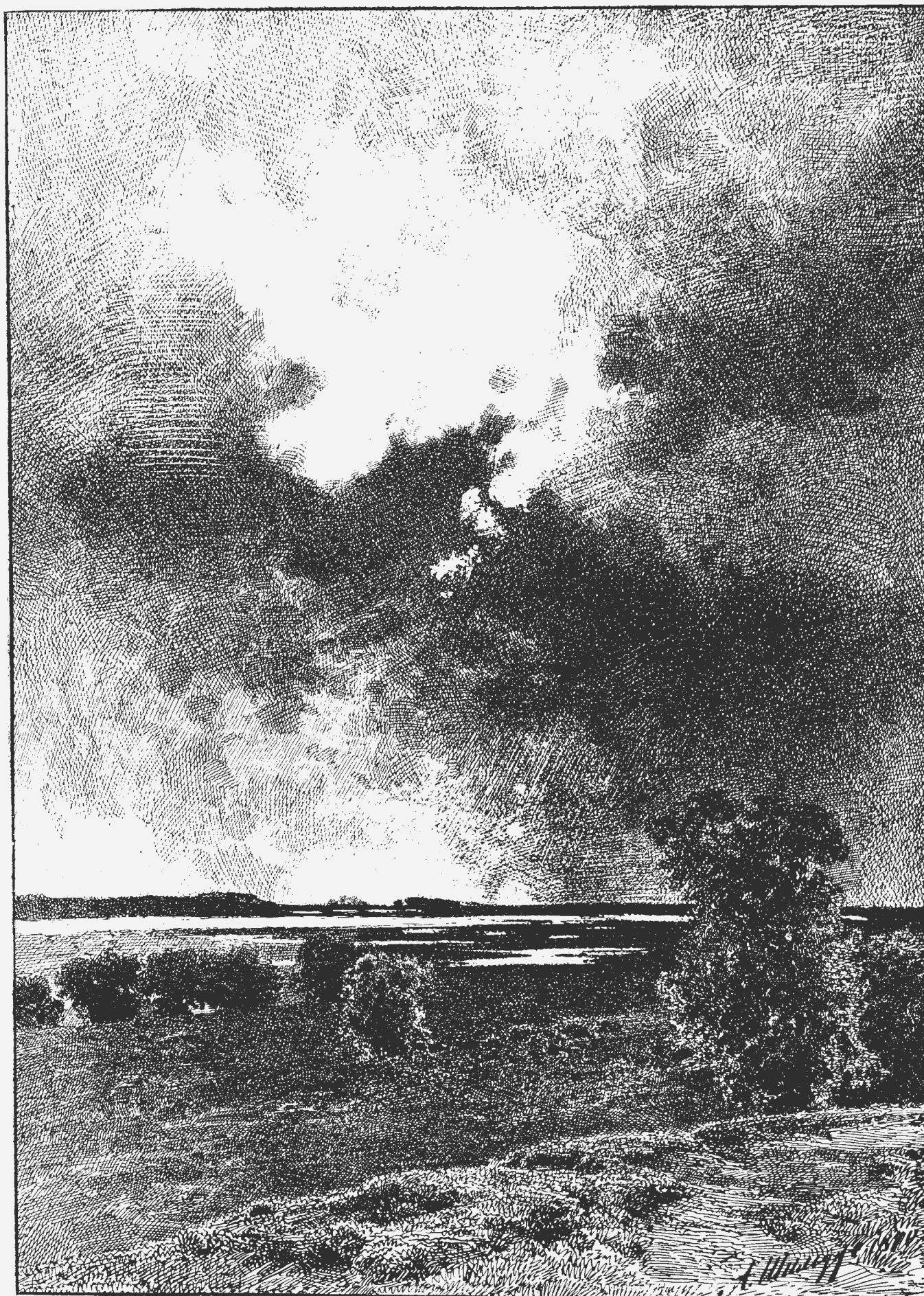
— Не страшнѣ намъ! Мы только одного боимся, какъ бы тутъ безъ насъ какого зла цесаревнѣ не приключилось! Вотъ что...

— Ну, видно тебя не переслушаешь! Ложись хоть здѣсь, да выспись... Мнѣ некогда съ тобою бесѣдовать. Сегодня и такъ полдня, почитай, пропадетъ — на именины ѣхать надо, поздравить благодѣтеля и покровителя моего супруга, Екатерину Ивановну.

— Головинку графиню? переспросилъ гвардеецъ, какъ будто

Сурки (*Arctomys marmotta*). Рис. и грав. Шпехтъ.

Гроза. Ориг рис (собств. „Нивы“) И. Шильдера, автотипія мастерской „Нивы“.

припоминаю что-то.—Надо будетъ и мнѣ... туда же съѣздить, какъ высказуюсь... Да! кстати, о Головкинскихъ... Скажи-ка, братецъ, правду-ли болтають, будто ты на ихъ племянницъ, на Настенькѣ, жениться собираешься?..

— А хоть бы и такъ! Тебѣ до этого какая же забота?

— А вотъ какая. Чтобы — и ни-ни! И думать не могъ! Не уступлю!.. У насъ ужъ съ Настенькою все уговорено и слажено!..

— Зачѣмъ же дѣло стало? съ недоувѣрчивой улыбкой сиротилъ Яковъ Петровичъ.

— Зачѣмъ и стало, что графъ съ графиней не согласны... Да я бы уломалъ ихъ!.. А тутъ вдругъ вчера походъ объявленъ — помѣха новая! Вотъ, съ горя, повинаешь, мы и того... Эх-ма, вышлемъ, братецъ?

— Сказалъ, не вышью! Не до того... Пей, если хочешь, и спать ложись. Да, сдѣлай милость, не проболтайся никому объ этихъ вашихъ затѣяхъ пустяковыхъ... Изъ-за пустяга слова погубишь себя, да и мнѣ не въ пользу...

И Яковъ Петровичъ послѣдно вынулъ изъ диванной и направилъ къ своему письменному столу, заваленному пыльными бумагами.

„Нѣтъ“, думалъ онъ разбираясь въ нихъ, „не вѣрится мнѣ, чтобы Настенька, дѣвица скромная, да за такого забулдыгу замужъ пошла! Ну, какой же онъ ей будетъ мужъ?.. Однакожъ, кто ихъ знаетъ?.. Сегодня же, заблаговременно, поговорю объ этомъ дѣлицѣ и съ графомъ, и съ графиней...“

(Продолженіе будетъ).

На просторѣ океана.

Переводъ М. Штауде.

(Окончаніе).

Въ гигантскихъ пароходахъ послѣдняго времени двигатель состоитъ по большей части изъ трехъ машинъ, каждая съ двумя другъ надъ другомъ лежащими цилиндрами, поршни которыхъ при помощи передаточныхъ частей сообщая вращаютъ валъ гребнаго винта. Паръ сперва поступаетъ въ верхніе маленькіе цилиндры, откуда, оставивъ тамъ часть своей силы, переходитъ въ большіе нижніе, что конечно очень повышаетъ работу машины. Невозможно удивляешься, что весь этотъ тяжеловѣсный аппаратъ управляется однимъ человѣкомъ при помощи нѣсколькихъ рычаговъ, какъ самый маленькій комнатный двигатель.

Лучше всего иллюстрируютъ прогрессъ въ машиностроеніи слѣдующія цифры. Двадцать лѣтъ тому назадъ машина сжигала два килограмма угля на каждую лошадиную силу въ 1 часъ. Если бы это отношеніе сохранилось до сихъ поръ, совсѣмъ не было бы возможности имѣть нынѣшніе двигатели въ 10—14 тысячъ лошадиныхъ силъ, такъ какъ для переезда въ Америку пришлось бы везти съ собою болѣе 4,000 тоннъ угля, для пассажирова же и багажа мѣста бы не было. Теперь же большая машина потребляетъ на каждую лошадиную силу въ часъ только 600—700 граммовъ угля, — болѣе чѣмъ на половину меньше прежняго.

Одновременно съ этимъ шло улучшеніе въ устройствѣ паровыхъ котловъ и вообще всѣхъ частей машинъ, благодаря чему служба ихъ дѣлалась гораздо продолжительнѣе. Замяна желѣза сталью здѣсь имѣла громадное значеніе. Къ числу усовершенствованій нужно отнести также примѣненіе искусственной тяги. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ естественный притокъ кислорода къ огню не достаточенъ, вслѣдствіе чего прибавляютъ вспомогательныя машины, которыя вгоняютъ въ топку сгущенный до извѣстной степени воздухъ. Результаты очевидны. Огонь усиливается и отдѣленіе пара значительно возрастаетъ. Однако примѣненіе искусственно усиленной тяги встрѣчается не такъ часто, главнымъ образомъ на военныхъ пароходахъ, преимущественно миноносцахъ, которымъ особенно важно приобрести наибольшую скорость, а также на быстроходныхъ пароходахъ, совершающихъ небольшіе рейсы. Причины этого многочисленны. Во-первыхъ, при этомъ значительно увеличивается потребление топлива, потому что большая часть горячихъ продуктовъ горѣнія пропадаетъ даромъ, такъ какъ уносится быстро черезъ трубу въ воздухъ. Далѣе, котлы сильно страдаютъ отъ столь высокой температуры и гораздо раньше обыкновеннаго требуютъ ремонта. Наконецъ, служба кочегаровъ и всего машиннаго персонала превращается благодаря нестерпимой жарѣ въ чистую каторгу, въ сравненіи съ которой служба на локомотивѣ является просто идиллей.

Вообще лицамъ со слабыми нервами не слѣдуетъ входить въ машинное отдѣленіе идущаго на всѣхъ парахъ парохода съ двигателемъ въ 10—12 тысячъ лошадиныхъ силъ. Шумъ вентиляторовъ, сильное кипѣніе воды въ громадныхъ котлахъ, толпы кочегаровъ и угольщиковъ, которые бѣгаютъ какъ бѣшеные изъ угля въ уголь среди раскаленнаго воздуха, яркій блескъ открываемыхъ топокъ, свистъ пара, движущагося съ бѣшеною быстротою 120—150 оборотовъ въ минуту части гигантской машины, — все это представляетъ такое зрѣлище, которое сначала оглушаетъ даже привычнаго человѣка и долго не даетъ ему возможности придти совершенно къ себѣ.

Ниже мы еще вернемся къ службѣ въ машинномъ отдѣленіи.

Поразительны также усилѣніи въ построеніи самыхъ машинъ. Мы уже указали на выдающееся улучшеніе въ этомъ отношеніи, заключающееся въ болѣе выгодномъ пользованіи паромъ, который, отработавъ, не поступаетъ, какъ прежде, прямо въ холодильникъ или на воздухъ, имѣя еще значительное давленіе, а работаетъ въ другомъ цилиндрѣ.

Еще болѣе изумительна крѣпость и выносливость нынѣшнихъ машинъ. Чтобы измѣрить ихъ, стонѣть только подумаетъ, что валъ гребнаго винта во время переезда чрезъ Атлантическій океанъ долженъ сдѣлать 600,000 оборотовъ. Цилиндры съ тройнымъ расширеніемъ пара, за это же время должны

3,600,000 разъ наполниться паромъ и его выпустить — и это безъ малѣйшаго перерыва, по цѣлымъ суткамъ! Котлы, наконецъ, должны превратиться въ паръ 15 миллионъ литровъ воды. Для такой непрерывной работы на каждую лошадиную силу пришлось бы имѣть по 4 лошади. Такой пароходъ, какъ „Умбрия“ съ его 14,000-сильной машиной, чтобы производить ту же механическую работу при помощи животной силы, долженъ былъ бы везти 56,000 лошадей, общій вѣсъ которыхъ въ девять разъ превышалъ бы вѣсъ ея нынѣшней машины.

Но паръ на нынѣшнемъ пароходѣ не служитъ только для вращенія вала гребнаго винта. Броненосцы и большіе пассажирскіе пароходы имѣютъ цѣлый рядъ вспомогательныхъ машинъ, которыя, съ одной стороны, помогаютъ главной машинѣ, съ другой — исполняютъ тяжелыя корабельныя работы и приводятъ въ движеніе электромоторы, при помощи которыхъ пароходъ освѣщается электричествомъ. Къ первымъ относятся паровыя насосы, маленькіе двигатели, удаляющіе шлаки и золу изъ пространства, которое занимаютъ паровыя котлы, или двигающіе главную машину, когда подъ котлами вѣтъ огня, а нужно осмотрѣть или исправить ее.

Двигатели, исполняющіе тяжелыя работы на пароходѣ, очень многочисленны; главнѣйшіе изъ нихъ выкачиваютъ изъ трюмовъ воду, опускаютъ и вытаскиваютъ якорь и нагружаютъ и выгружаютъ кладь. Вслѣдствіе этого, понятно, число людей на пароходѣ значительно уменьшилось и самая работа упростилась. Приведемъ примѣръ. На прежнихъ деревянныхъ линейныхъ корабляхъ для поднятія якоря нужно было 150 человѣкъ, причемъ эта работа длилась нѣсколько часовъ подъ заунывные звуки ихъ пѣсенъ, а нынѣ, при помощи паровыхъ воротовъ и дюжины матросовъ, совершается это въ нѣсколько минутъ, несмотря на то, что якорь нѣредко вѣситъ болѣе 3,500 килограммовъ.

Равнымъ образомъ, существенно важными являются двигатели, приводящіе въ движеніе электродинамическія машины. Электрическое освѣщеніе принадлежитъ теперь къ числу обычныхъ удобствъ на военныхъ и большихъ пассажирскихъ пароходахъ и примѣняется для двухъ цѣлей: во-первыхъ, для освѣщенія поверхности океана предъ бушпритомъ парохода и для сигнальных огней (красный, зеленый, бѣлый) во пѣбжаніе стальной и; во-вторыхъ, для освѣщенія палубы, машиннаго отдѣленія и каютъ. При большей яркости оно совершенно безопасно въ пожарномъ отношеніи и теперь, при желаніи, каждый пассажиръ можетъ пользоваться свѣтомъ хоть цѣлую ночь въ своей каюткѣ, между тѣмъ какъ раньше всѣ огни погашались къ опредѣленному часу. Не маловажная выгода этого освѣщенія заключается еще въ томъ, что оно не портитъ воздуха и не накаливаетъ его.

Наконецъ, къ числу этихъ же вспомогательныхъ машинъ слѣдуетъ отнести паровой аппаратъ для управленія рулемъ. Это дѣло при быстромъ ходѣ нынѣшнихъ громадныхъ пароходовъ, является для человѣка крайне тяжелымъ. Здѣсь опять паръ является на помощь человѣку, и существуютъ пароходы, у которыхъ этотъ аппаратъ достигаетъ 100 лошадиныхъ силъ. Поэтому вся работа рулевого сводится теперь къ тому, чтобы повернуть стрѣлку на циферблатѣ на опредѣленное число градусовъ вправо или влево, а послушный паръ ставитъ руль подъ тѣмъ же угломъ, который остается постояннымъ до новаго измѣненія. Обыкновенно паровой рулевой аппаратъ находится подъ мостикомъ, на которомъ находится вахтенный офицеръ.

Просто изумительна цѣлесообразность и практичность помѣщенія тысячи предметовъ, необходимыхъ для океанскаго парохода, но еще пожалуй удивительнѣе, что ничего при этомъ не забывается. Вѣдь у такого парохода выдать пассажировъ болѣе, чѣмъ въ самой большой гостиницѣ, у всѣхъ разнообразныя привычки, при томъ эта громадная шлюзовая гостиница на недѣлю оторвана отъ земли и не можетъ получать свѣжей провизіи; далѣе, цѣлая дюжина, если не больше, машинъ съ соответственными количествами угля и запасныхъ частей, масса канатовъ, блоковъ, парусовъ, большое число спасательныхъ ботовъ, различныхъ инструментовъ, перегонныхъ

снарядовъ и еще Богъ знаетъ чего... Чтобы не запутаться въ этомъ разнообразіи нужно констатирѣ имѣть смысленую голову.

Отдѣленіе для пассажировъ перваго класса, теперь обыкновенно находящееся въ носовой части парохода, а не на кормѣ какъ прежде, устраняется съ роскошью, которую можно даже назвать излишнею. Роскошная обстановка находится не только въ столовой и въ общихъ залахъ, но простирается даже на отдѣльныя каютки. Послѣднія могутъ быть сравнены со снальными купе придворныхъ поѣздовъ. Кровать на день превращается въ диванъ, такъ что вся каютка сильно напоминаетъ будуаръ. Убранство ея дополняется шкапчиками, умывальникомъ, а иногда стѣны только сняты часть пола — и къ вашимъ услугамъ является еще ванна. Для переселенцевъ, которые располагаются обыкновенно въ третьемъ классѣ, теперь существуетъ также много удобствъ, къ числу которыхъ главнымъ образомъ слѣдуетъ отнести устройство отдѣльнаго помѣщенія для женщинъ.

Въ рѣзкой противоположности съ роскошью и удобствами, которыми окружены временные обитатели парохода, стоитъ жизнь машинистовъ, кочегаровъ. Какъ уже сказано, служба на желѣзнодорожномъ локомотивѣ гораздо легче. Главная бѣда всѣхъ этихъ служащихъ заключается въ невыносимой жарѣ, которая господствуетъ въ машинномъ отдѣленіи и доходитъ подъ тропиками до такой степени, что выносить ее могутъ лишь туземцы, европейцы же ни одного дня ее не выносятъ; съ другой стороны, необходимость при этой жарѣ еще исполнять тяжелую работу вблизи быстро движущейся съ оглушительнымъ шумомъ машины. Строжайшее вниманіе къ своему дѣлу заставляетъ считать службу моряка-офицера на капитанскомъ мостикѣ еще труднѣе и отвѣтственнѣе. Впрочемъ, ниже мы вернемся къ этому, а сначала рассмотримъ нѣсколько ближе рабовъ паровой машины во время исполненія ими своихъ обязанностей.

Задолго до отхода парохода весь служебный персоналъ машиннаго отдѣленія находится на своихъ мѣстахъ. Нужно приготовить уголь, развести огонь, наполнить котлы водою, всѣ бесчисленныя трущіяся поверхности большихъ и малыхъ машинъ смазать, испробовать все-ли въ порядкѣ, — работа, которая при сложности нынѣшнихъ паровыхъ двигателей принадлежитъ къ самымъ труднымъ и требуетъ много знаній и опытности.

Наконецъ, все готово. Сильно хлопочетъ кипящая вода въ котлѣ и излившій паръ съ шипѣніемъ вырывается изъ предохранительныхъ клапановъ. Капитанъ появляется на мостикѣ, откуда проведенные телеграфные аппараты передаютъ его приказанія въ машинное отдѣленіе. Оглянувшись еще разъ на все своимъ опытнымъ глазомъ, онъ, если приближается минута отбѣзда, нажимаетъ кнопку телеграфнаго аппарата и отдаетъ приказаніе испробовать машину. По его слову, инженеръ пускаетъ машину въ ходъ и она дѣлаетъ нѣсколько оборотовъ, чего вполне достаточно чтобы видѣть, все-ли въ исправности. Едва приказаніе долетѣло до машиннаго отдѣленія, тамъ какъ бы просыпается гигантское чудовище, до того времени спавшее: съ большимъ шумомъ устремляется паръ въ цилиндры, всѣ части начинаютъ медленно шевелиться, будто чудовище потягивается послѣ долгаго сна. Затѣмъ опять все успокаивается. Если все найдено въ порядкѣ, инженеръ докладываетъ капитану, что можно ѣхать.

Тогда отдается приказаніе поднять якорь, если пароходъ стоитъ на рейдѣ. Чаще однако онъ останавливается у пристани и поэтому необходимо вывести сначала колесо на свободное пространство. Это не маловажная работа. Собственная машина парохода для этого не годится, такъ какъ управлять ею не легко, да и руля слушается эта громада лишь тогда хорошо, когда имъ пріобрѣтена известная скорость, поэтому по большей части пользуются для этой цѣли небольшимъ пароходомъ, который, являясь мухою передъ слопомъ, медленно буксируетъ его между другими судами.

Лишь только достигъ пароходъ достаточно свободнаго пространства, съ мостика отдается приказаніе: „тихий ходъ!“ и машина понемногу оживаетъ, винтъ начинаетъ осторожно вращаться, пока дальнѣйшее приказаніе: „полный ходъ!“ не снимаетъ съ нея окончательно оковъ. Тогда машина начинаетъ работать съ бѣшеною быстротою безъ перерыва до самаго конца путешествія.

Теперь, когда намъ нечего дѣлать на палубѣ, спустимся въ машинное отдѣленіе, такъ сказать, въ самое сердце парохода, и посмотримъ поближе, что тамъ дѣлаютъ замазанныя углемъ создания.

На большихъ пароходахъ машинный персоналъ состоитъ обыкновенно изъ инженера, нѣсколькихъ машинистовъ и дѣлой толнѣ кочегаровъ, смазчиковъ и угольщиковъ. Инженеръ по своему служебному положенію занимаетъ на пароходѣ второе мѣсто, непосредственно за капитаномъ, и не несетъ вахты, т. е. время его службы точно не опредѣлено. Но ему приходится еще болѣе, чѣмъ капитану, находиться на своемъ посту. На немъ лежитъ общій присмотръ за всѣмъ машиннымъ отдѣленіемъ. Непосредственно ему подчинены машинисты, которые дежурятъ поочередно по четыре часа. Обыкновенно нѣ-

сколько ихъ одновременно находятся на дежурствѣ. Одинъ стоитъ на платформѣ посреди главной машины и долженъ быть ежеминутно готовымъ, по приказанію съ мостика, „за-стопорить“ машину или даже, въ случаѣ какой-нибудь опасности, дать ей задній ходъ. Второй наблюдаетъ за валомъ, приводящимъ въ движеніе гребной винтъ, и сидитъ въ узкомъ туннелѣ, въ которомъ вращается этотъ валъ; третій присматриваетъ за котломъ и кочегаромъ, четвертый — у вспомогательныхъ машинъ.

Опасна работа смазчиковъ. Вслѣдствіе того, что во все время поѣздки машина не останавливается, а между тѣмъ требуетъ постоянной чистки и смазки, этимъ людямъ приходится исполнять свою обязанность при быстромъ ходѣ различныхъ частей машины и очень остерегаться. Еще тяжелѣе кочегарамъ и угольщикамъ, которые приносятъ новыя количества угля и питаютъ ненасытное огненное жерло подъ котлами. Страдаютъ они преимущественно отъ жары и часто заболѣваютъ отъ простуды, которую получаютъ выходя на воздухъ.

На пароходѣ въ 10,000 лошадиныхъ силъ обыкновенно одновременно находится въ работѣ до 30 человекъ. Весь же служебный машинный персоналъ, включая сюда и инженера, состоитъ изъ 78 человекъ. Несмотря на такое ихъ число, оно сравнительно съ прежнимъ не велико: имъ приходится и стоять на рулѣ, и мыть пароходъ, а при благоприятномъ вѣтрѣ ставить паруса.

Когда машина въ полномъ ходу, машинисты болѣе прочихъ обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы скорость все время оставалась постоянною, что при продолжительномъ путешествіи дѣло не совсемъ легкое. Надо обращать вниманіе, чтобы притокъ воды въ котлы всегда былъ достаточенъ, давленіе пара—однаковымъ и чтобы угольщики и кочегары не зѣвали за своимъ дѣломъ. Вслѣдствіе этого машина все время находится подъ самымъ тщательнымъ присмотромъ и всякое непослушаніе или небрежность строго наказывается. Если что-нибудь не въ порядкѣ, привычному уху машиниста сейчасъ же это замѣтитъ по необыкновеннымъ звукамъ, которые начинаютъ издавать машина, привлекая къ себѣ особенно тщательное вниманіе. Вдругъ раздается подозрительный скрипъ, показывающій, что какаля-то трущіяся поверхность не достаточно смазана и начинается накаливаться. Въ одинъ мигъ весь персоналъ подымается на ноги, машину застопориваютъ, наскоро осматриваютъ и исправляютъ. На локомотивѣ все это гораздо легче; здѣсь же приходится работать въ полутьмѣ и вдобавокъ часто въ такую качку, что нельзя устоять на ногахъ.

Конечно, гораздо хуже, когда ломается какаля-нибудь паропроводная трубка, сломается важная часть машины или даже валъ гребнаго винта. Въ послѣднемъ случаѣ, равно какъ и при поломкѣ самаго винта, пароходъ предоставляется всѣмъ прихотливымъ капризамъ волнъ, если только не удастся воспользоваться парусами или не явится за громадными деньгами другой пароходъ на помощь. Вслѣдствіе этого, несмотря на расходы и тяжесть его, лучше всегда имѣть запасной валъ. Сломанный винтъ замѣнить другимъ нельзя, такъ какъ онъ находится подъ водою. Поэтому, особенно въ Германіи, часто раздаются голоса за примѣненіе двойной машины съ двойными гребными винтами. Испортится одна машина или винтъ сдѣлается негоднымъ, можно при помощи другой машины и одного винта доѣхать до цѣли, хотя, конечно, не съ прежнею скоростью.

Въ такихъ случаяхъ служба въ машинномъ отдѣленіи дѣлается очень тяжелою, особенно если это случится во время бури, такъ какъ влияние ея тогда ужасно: при неподвижности машины пароходъ не слушается болѣе руля и какъ мячикъ скачетъ по волнамъ.

Такъ же тяжела служба капитана и всей остальной команды, особенно зимою и во время бури. Случается, что отвѣтственный начальникъ парохода и его помощники по дѣламъ сугкамъ не сходятъ съ мостика и все это время подвергаются всѣмъ невгодамъ непогоды. Хладнокровіе, желѣзное спокойствіе и рѣшительность — вотъ качества, необходимыя этимъ лицамъ въ еще болѣе степенн, чѣмъ полководцамъ. Отъ нихъ зависитъ жизнь сотенъ людей и цѣлость парохода, который стоитъ нѣсколько миллионовъ, причемъ имъ приходится бороться еще со многими обстоятельствомъ, съ которыми считается не приходится. Даже когда волны яростно хлещутъ черезъ палубу и готовы каждую минуту поглотить корабль, когда вѣтеръ воетъ въ снастяхъ, а снѣгъ и дождь заслѣпляютъ глаза, или когда пароходъ окруженъ непроницаемою пеленою тумана, являющагося самымъ страшнымъ врагомъ мореплаванія, и когда каждая минута можетъ быть приближаетъ моментъ столкновенія его съ другимъ кораблемъ, — и тогда спокойствіе не должно покидать вахтеннаго офицера: ему приходится быть такимъ же любезнымъ, какъ и во время самой лучшей погоды, чтобы не напугать пассажировъ.

Если же, несмотря на всю бдительность капитана, кораблю угрожаетъ опасность—наскочить онъ на мель, или столкнется съ другимъ пароходомъ, или вспыхнетъ на немъ пожаръ —

тогда капитанъ и его подчиненные являются въ полномъ своемъ величїи. Успокаивать обезумѣвшихъ отъ страха пассажировъ и по необходимости иногда принимать суровыя мѣры, чтобы уберечь неосторожныхъ отъ еще большей опасности, приготовить спасательныя лодки и повинуть корабль не раньше какъ послѣдній человекъ находится въ сравнительной безопасности, — вотъ тѣ почти нечеловѣческія обязанности, кото-

рыя имъ, слава Богу, не часто приходится исполнять, но которымъ въ случаѣ надобности остаются моряки вѣрными до послѣдняго своего часа.

Мы достигли своей цѣли, если намъ удалось, при помощи этого краткаго очерка, возбудить участіе въ путешествующей публикѣ къ лицамъ, находящимся въ глубинѣ и на вышнѣ пародовъ, тихо и скромно исполняющимъ свое геройское дѣло.

Къ рисункамъ.

Деревья на островѣ Миноркѣ. (Рис. на стр. 1089).

У береговъ Испанїи, верстахъ въ 100 отъ Валенсїи лежитъ посреди Средиземнаго моря группа острововъ Балеарскихъ, извѣстныхъ еще въ глубокой древности благодаря искусству ихъ жителей въ метанїи изъ пращи. Въ составъ этой группы входятъ нѣсколько мелкихъ острововъ и два — покрупнѣе: Майорка и Минорка. Съ мягкимъ климатомъ и хорошою растительностью у береговъ и въ мѣстахъ низменныхъ, они представляютъ суровую картину природы на возвышенностяхъ, особливо меньшїи изъ этихъ острововъ, Минорка. Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ путешественниковъ по Миноркѣ, Гастонъ Вюлье, мѣстность, которая изображена на нашемъ рисункѣ. „Мы выѣхали подъ вечеръ по каменистой тропинкѣ изъ мѣстечка Ферраріасъ по направленію къ Суберверо и вскорѣ достигли возвышенности. Издали видѣлось море, по-видимому спокойное и сверкавшее тысячами огней. Громадный желтый шаръ луны медленно поднимался по небу. Вокругъ насъ разстилалась каменистая, волнообразная мѣстность, гдѣ лѣтомъ немилосердно жжетъ солнце, а зимою свирѣбствуютъ холода, гдѣ вѣтры дуютъ непрестанно. Однокоя, беззащитныя деревья пригнулись подъ ихъ суровымъ дыханіемъ; изогнутыя вѣтви, похозя дѣвтомъ на окружающіе камни, сгибаются разстилаясь по землѣ, точно въ желанїи ухватиться за почву. Полубожанные корни, корчась, едва удерживали въ почвѣ эти жалкія деревья, постоянно раскачиваемыя вѣтромъ. Въ этой борьбѣ и лства приняла особую какую-то вздерошенную форму, и полусухіе, изодранные листья шумѣли, какъ-бы жалуюсь на незавидную долю“...

Христіанство, цивилизація и свобода.

(Рис. на стр. 1092).

Талантливый художникъ, г. Бонча-Томашевскїй, задумалъ наглядно изобразить три выдающіяся эпохи русской исторїи въ лицѣ ихъ главныхъ представителей. Первымъ въ хронологическомъ послѣдованїи является намъ Св. Равноапостольный князь Владимїръ, насадитель духовныхъ силъ юнаго государства, положившїй краеольный камень православной церкви, которая сплотила разрозненныя племена русскихъ славянъ и, одноко вынесши на плечахъ своихъ татарское иго и смутное время, соединила закаленную въ борьбѣ Русь подъ знаменемъ *православїя*, наложившаго особую печать на внутреннее — духовное — просвѣщенїе народа. Представителемъ вышшаго — умственнаго — просвѣщенїя и развитїя вышнихъ силъ государства выступаетъ Петръ, сблизившїй насъ съ европейскою наукой, творецъ арміи и флота, промышленности, торговли и правительныхъ сношенїй съ Европой, и въ то же время завершитель торжества другой великой національной идеи — *самодержавїя*. Наконецъ, осуществителемъ третьей идеи — *народности* — предстаетъ намъ Царь-Освободитель, призвавшїй весь многомиліонный народъ свой къ участію въ гражданской свободѣ и дальнѣйшемъ развитїи подъ сѣнью трехъ неизблемыхъ началъ — трїедной, нераздѣльной и у насъ въ Россїи, въ силу неконнаго единенїя царя съ народомъ, въ полномъ смыслѣ слова, единоосущной идеи православїя, самодержавїя и народности.

Первый мундиръ. (Рис. на стр. 1093).

Молодой художникъ Петръ Исааковичъ Геллеръ всего второй годъ выставляетъ свои картины на выставкахъ въ Императорской Академіи Художествъ, а имя его уже извѣстно всѣмъ любителямъ живописи. Первая картина Геллера, выставленная въ 1889 году „Присяга евреевъ-новообращенцевъ“, приобрѣтена Академіей Художествъ. Другая его картина, „Полехонская старина“, памятна посетителямъ академической выставки настоящаго года. Гравюра съ третьей картины, „Первый мундиръ“, помѣщена нами на стр. 1093. Здѣсь художникъ безхитростно нарисовалъ поступившаго въ гимназію мальчугана, которому портной примѣряетъ только что сшитый мундиръ, къ несказанному удовольствію какъ самого гимназистика, такъ и всѣхъ присутствующихъ.

Передъ кондитерской. (Рис. на стр. 1097).

Пестро и затѣйно разставлены въ ярко-освѣщенномъ окнѣ кондитерской всевозможныя лакомства и сласти. Такъ и манятъ къ себѣ эти разноцвѣтныя коробочки, съ красными картинками снаружи и съ чѣмъ-то еще болѣе заманчивымъ

внутри. Не удивительно, что такая выставка привлекала къ себѣ маленькую дѣвочку, и она съ наслажденіемъ смотритъ въ соблазнительное окно кондитерской своими большими жадными глазами.

Сурки (*Arctomys marmotta*). (Рис. на стр. 1100).

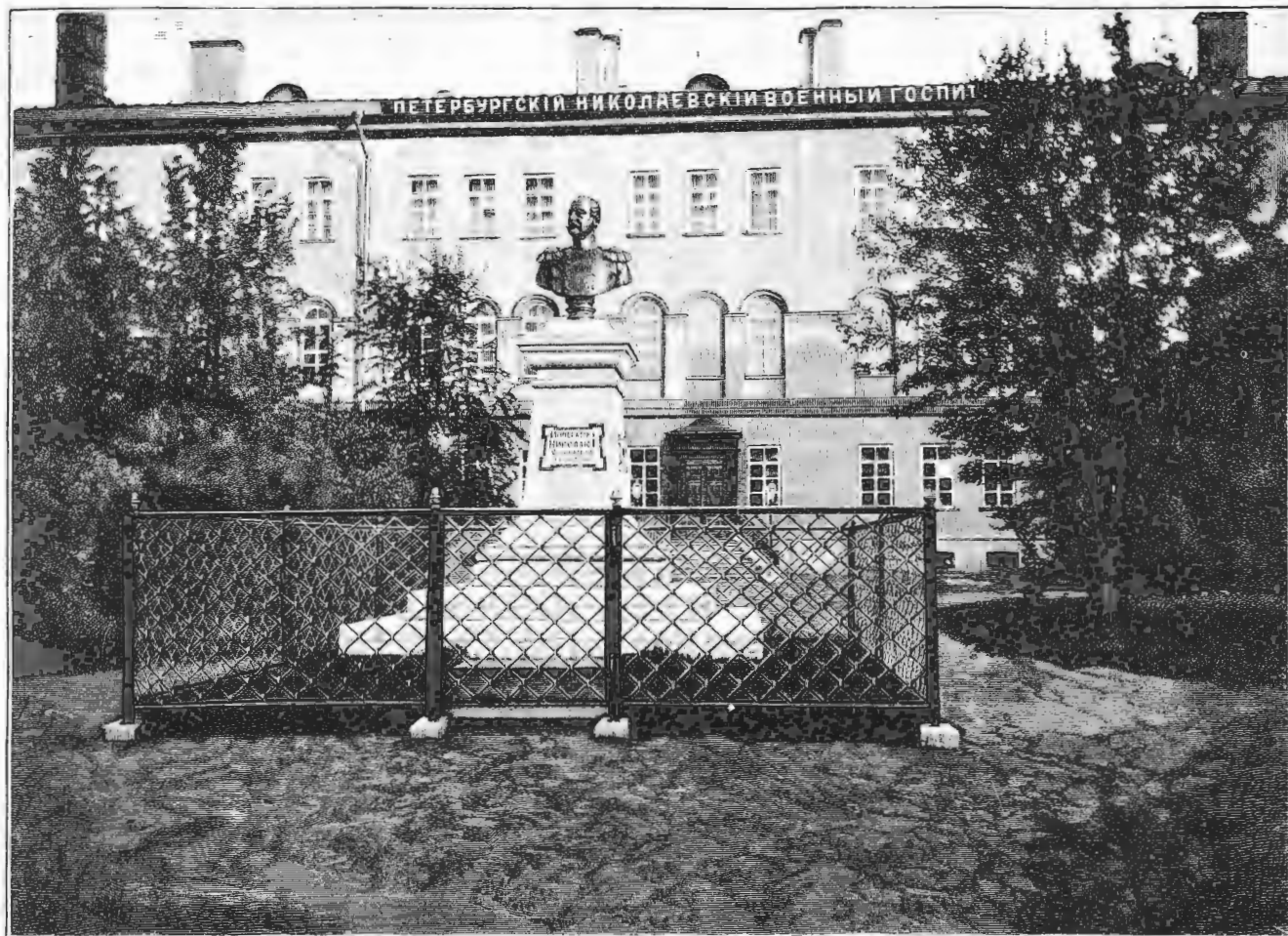
Еще въ пятидесятыхъ годахъ нашего вѣка, на улицахъ Москвы и Петербурга частенько можно было встрѣтить мальчика-савояра (уроженца Савойи) съ ручнымъ и дрессированнымъ суркомъ. Теперь они больше не заходятъ къ намъ. Желающіе познакомиться съ вышеозначеннымъ интереснымъ звѣркомъ должны отправляться въ зоологическій садъ или, еще лучше, въ отечество сурка. Онъ живетъ въ Швейцарскихъ Альпахъ, въ Пиренеяхъ, въ Карпатахъ и въ Баварскихъ Альпахъ. Сурки населяютъ солнечную сторону горныхъ склоновъ высочайшей альпійской области, выше лѣсной полосы, на границѣ вѣчныхъ снѣговъ и ледниковъ. Ихъ подземныя жилища, въ которыхъ они проводятъ большую часть жизни, состоятъ изъ длиннаго коридора, ведущаго въ круглую пору, при чемъ выходъ скрывается обыкновенно подъ выступомъ какого-нибудь камня. Подобно тѣмъ горожанамъ, у которыхъ кромѣ городской осѣлости есть еще лѣтняя дача, многіе сурки устраиваютъ еще себѣ на лѣто особое жилище, залегающее гораздо выше зимняго въ гору, по близости сочныхъ альпійскихъ луговъ, такъ чтобы суркамъ удобно было выходить на пастбище. Подобно бобрамъ, сурки всегда живутъ обществами, а потому и жилища ихъ постоянно скучены. Любителемъ природы трудно найти зрѣлище болѣе привлекательное чѣмъ компанїя сурковъ, собирающихся въ лѣтніе мѣсяцы предъ своими жилищами. Желающїй насладиться имъ долженъ выбрать ясный денекъ, такъ какъ въ пасмурную погоду сурки по цѣлымъ днямъ остаются въ норахъ. Раннимъ утромъ, наблюдатель видитъ, какъ въ отверстїяхъ коридоровъ показываются толстыя мордочки. Это старыя самцы. Маленькіе блестящіе глазки зорко осматриваютъ окрестность. Если кругомъ все спокойно, звѣрки выходятъ наружу. Подобно зайцамъ, они садятся на корточки, поднимаются на дыбки и еще разъ осматриваются. Затѣмъ появляются самки съ дѣтенышами, и вся стая, со старыми самцами во главѣ, отправляется на пастбище (см. рис.). Острыми зубами срѣзаютъ сурки альпійскую траву, выкапываютъ когтями корни изъ земли и тутъ же съѣдаютъ, сидя на корточкахъ и поднося лицу передними лапками ко рту. Веселыя игры чередуются со сномъ. Но при этомъ старыя самцы никогда не забываютъ осторожности: то тотъ, то другой поднимается на заднія лапки и оглядываетъ окрестность. Покажишь только что-нибудь подозрительное — тотчасъ раздается пронзительный свистъ. Всѣ прочїе самцы поднимаются на дыбки, и каждый завидѣвшїй опасность повторяетъ свистокъ. Самки и дѣтеныши бросаются къ жилищамъ, самцы слѣдуютъ за ними — съ быстротой молніи вся компанїя исчезла въ коридорахъ. Но если ничто не нарушаетъ ихъ спокойствїя, сурки остаются на пастбищѣ до вечера и тогда уже медленно возвращаются по домамъ, причѣмъ самцы попрежнему тщательно осматриваются.

Въ августѣ звѣрки начинаютъ срѣзывать траву, сушить ее на солнцѣ и перевозить въ зимнїя квартиры. Сѣно частію идетъ на устройство мягкаго ложа, частію бережется въ пищу до ранней весны, когда еще цѣтъ свѣжей травы. Въ октябрѣ сурки расходятся семьями по зимнимъ квартирамъ, тщательно закупориваютъ отверстїя коридоровъ землею, камнями и сѣномъ, дабы въ нихъ не проникъ холодъ; свертываются въ кучу другъ къ другу въ норѣ и предаются зимней спячкѣ, которая на высокихъ горахъ длится иногда до трехъ четвертей года. Мясо сурка очень вкусно, особенно осенью, когда они жирны; мѣхъ цѣнится менѣе. Сурковъ ловятъ различными способами, выкапываютъ зимою изъ норъ или ставятъ западню; рѣже удается застрѣлить звѣрка, обладающаго превосходнымъ обоняніемъ и слухомъ. Во многихъ странахъ, гдѣ сурки сильно повывелъ влѣдствіе истребленїя, охота на нихъ запрещена закономъ.

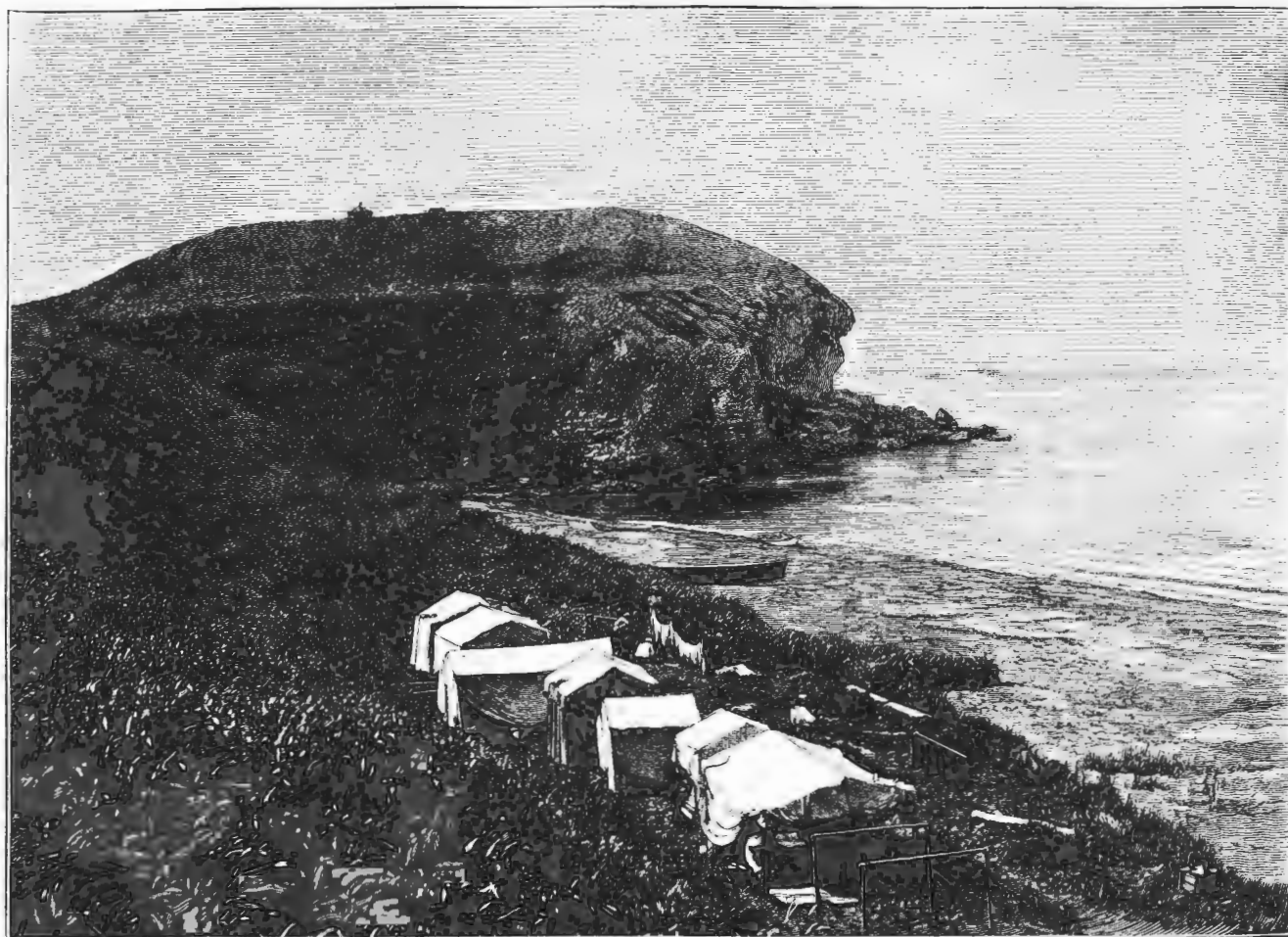
Гроза. (Рис. на стр. 1101).

...Гремятъ раскаты молодые...
Вотъ дождикъ брызнулъ, пылъ летитъ,
Повнели капли дождевыя,
И солнце нивы золотитъ...

(Тютчевъ).

Памятникъ Императору Николаю I въ СПб. у Николаевского Военнаго госпиталя. Съ фотографіи генерала Пасятевича, грав. Пйюблеръ.

Южная оконечность острова Сахалина, мысъ Крильонъ, у котораго погибъ пароходъ „Нострома“. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Пятидесятилѣтіе Николаевскаго военнаго госпиталя въ СПБ. (Рис. на стр. 1105).

Николаевскій госпиталь получилъ свое названіе въ память своего основателя, императора Николая I. 6 августа 1840 г. госпиталь началъ свою дѣятельность въ стѣнахъ каменнаго трехъэтажнаго зданія, приспособленнаго вначалѣ на 1320 нижнихъ чиновъ и 20 офицеровъ. Вскорѣ къ нему присоединены были деревянныя лѣтнія палаты, нынѣ замѣненныя двумя бараками; затѣмъ возникъ двухъэтажный арестантскій корпусъ, четыре флигеля для служащихъ, а въ текущемъ году заложено особое зданіе для душевно-больныхъ.

За все время существованія госпиталя, въ немъ перебивали 442,000 больныхъ, изъ коихъ умерло 8%. Наибольшее число больныхъ было въ теченіе Крымской кампаніи и въ холерную эпидемію 1846 и 1848 годовъ. 15 августа 1890 года госпиталь праздновалъ пятидесятью годовщину своей дѣятельности. Къ этому дню, по единодушному желанію офицерскихъ чиновъ госпиталя и на ихъ средства, въ центрѣ сквера передъ главнымъ фасадомъ госпиталя сооруженъ былъ памятникъ державному основателю. На гранитномъ пьедесталѣ, имѣющемъ въ основаніи квадратную сажень, поставленъ поясной бюстъ императора Николая Павловича. Высота памятника 1½ сажени. На четырехъ сторонахъ пьедестала помѣщены надписи: на западной—„Императору Николаю I, основателю госпиталя“, на восточной—„благодарные чины Петербургскаго Николаевскаго военнаго госпиталя“; на остальныхъ двухъ—годы „1840“ и „1890“. Въ день пятидесятилѣтія, послѣ литургіи въ госпитальной церкви и молебствія въ присутствіи Е. И. В. Вел. Кн. Владиміра Александровича, совершенно былъ крестный ходъ въ скверъ и передъ памятникомъ отслужена паннихида по въ Божѣ почившемъ основателѣ. Празднованіе юбилея окончилось завтракомъ, сервированнымъ въ двухъ залахъ госпиталя.

Сахалинь. Мысь Крильонъ. (Рис. на стр. 1105).

Три года тому назадъ, у южной оконечности Сахалина, мыса Крильонъ, разбился пароходъ Добровольнаго Флота „Кострома“, имѣя въ своихъ помѣщеніяхъ нѣсколько сотъ каторжанковъ. На судѣ выяснилось, что причиною разбитія оказалось неправильное нанесеніе на карту западнаго берега южной оконечности острова.

Лѣтомъ 1888 года была послана на Крильонъ промѣрная партія изъ морскихъ офицеровъ, которой удалось астрономически опредѣлить нѣкоторые пункты и затѣмъ связать ихъ строгой съемкой берега, причемъ неправильность картъ подтвердилась.

Производить астрономическія наблюденія въ мѣстахъ, гдѣ царствуютъ непрерывные дожди, вѣтры и туманы, дѣло далеко не легкое; поэтому шѣтъ ничего удивительнаго, что раньше и вкралась ошибка отъ неизбежной неточности наблюденій въ дурную погоду. А такой погодой Крильонъ можетъ похвастаться, и всякому, кто огибалъ мысь, надолго останутся въ памяти всѣ трудности плаванія.

На мысу стоитъ маякъ съ колоколомъ, въ который, во время тумана, постоянно бьютъ, а если явится надобность, то стрѣляютъ изъ пушки.

Плавать у береговъ Сахалина надо въ высшей степени осторожно и по возможности чаще опредѣлять свое мѣсто, потому что можетъ вдругъ найтись туманъ и тогда рискованно идти къ берегу и проходить Лаперузовымъ проливомъ.

Направленіе и скорость теченій правильно не опредѣлены, и бывали случаи, что за сутки судно сносило на 60 миль. Пока сравнительно въ этихъ водахъ плаваютъ мало судовъ, но по мѣрѣ развитія торговли, число судовъ съ каждымъ годомъ увеличивается; поэтому, во избѣжаніе крушеній, необходимо скорѣе найти средства опредѣлить силу и направленіе теченій.

На предлагаемомъ рисункѣ изображенъ мысь Крильонъ и лагерь промѣрной партіи. Вся мѣстность покрыта густою травой, но немного съѣривше начинаются кустарная растительность, которая понемногу переходитъ въ густой лѣсъ и непроходимую тайгу.

Открытіе Луцкой военной желѣзной дороги.

(Портр. и рис. на стр. 1108 и 1109).

Въ связи съ грандіозными маневрами, производившимися нашими войсками нынѣшнимъ лѣтомъ на Волынѣ, исполнена чрезвычайно интересная постройка желѣзнодорожной вѣтви, связывающей г. Луцкъ, этотъ богатый историческими воспоминаніями городъ, съ остальной сѣтью дорогъ нашего отечества. Завѣдываніе постройкою было возложено на начальника Отдѣла Главнаго Штаба по передвиженію войскъ и военныхъ грузовъ, генеральнаго штаба генералъ-маіора Николая Михайловича Головина, подъ руководствомъ котораго и производились офицерами желѣзнодорожныхъ баталіоновъ предварительныя изысканія и всѣ работы по сооруженію Луцкой вѣтви.

Къ работамъ были привлечены 3-й и 4-й желѣзнодорожные баталіоны, которымъ вмѣсто учебныхъ работъ на полигонахъ, представился счастливый случай показать свои силы и опытность въ производствѣ настоящихъ желѣзнодорожныхъ работъ.

при условіяхъ военнаго времени. Вызванные къ такому дѣлу, баталіоны показали себя молодцами, отъ офицера до рядоваго включительно. 1 августа закипѣла работа, заступали топоры и столбѣнія деревья повалились, образуя просѣку для новой линіи. Срубленные деревья тутъ же шли на сваи, на телеграфные столбы и другія желѣзнодорожныя сооруженія. Мосты строились изъ этого же матеріала, кромѣ верхняго строенія, для котораго приобретался покупкою сухой матеріалъ. Всѣхъ мостовъ на линіи возведено три. Въ тонкомъ и вязкомъ грунтѣ, гдѣ сваи входили на 4½ сажени, приходилось сращивать по двѣ сваи, одна на другую. По министерскимъ правиламъ, сваи должны быть 6 вершковъ въ діаметрѣ; при постройкѣ же этой дороги, для большей прочности, были забиты сваи въ 8½ вершковъ въ діаметрѣ—и забиты до полного отказа. Медленная и тяжелая работа забивки свай, для скорости дѣла, шла перемѣнными сѣнами рабочихъ днемъ и ночью, причемъ ночью мѣста работъ освѣщались нефтяными лампами Уэльса, оказавшимися весьма удобными и въ подобнаго рода случаяхъ. Не легкими оказались работы и на торфяномъ болотѣ длиною въ 350 сажень, гдѣ пришлось, стоя по поясъ въ водѣ, вынимать торфъ и болотный илъ до самаго грунта и затѣмъ на этомъ мѣстѣ возводить почти 2-хъ-саженную насыпь. Такихъ высокихъ насыпей не одна на линіи; кромѣ того, пришлось въ одномъ мѣстѣ дѣлать и выемку, тоже до 2-хъ сажень глубиною. Работы еще болѣе усложнились тѣмъ, что производить ихъ приходилось при жарѣ доходившей до 35° по Реомюру. Отъ такого зноя глинистая почва, преобладающая тамъ, до того отвердѣла, что приходилось работать киркой и топоромъ. Мало того, благодаря жарѣ увеличилась и жажда у людей, а воды во всей окрестности, кромѣ болотной, производившей спазмы въ желудкѣ и рвоту, не было и въ поминѣ. Завѣдывающій постройкою, вслѣдствіе этого, распорядился варить квасъ и сахарную воду, которые и имѣлись въ бочкахъ около работающихъ. Но всѣ эти трудности были преодолены молодцами-солдатами, и 5 августа была уже заложена Луцкая военная желѣзнодорожная станція, въ присутствіи командующаго 11-ю пѣхотной дивизіею генерала Панютина и завѣдывающаго постройкою дороги генерала Головина. Къ этому торжеству были приглашены и всѣ офицеры изъ сосѣдняго Луцкаго лагеря.

Чтобы ускорить укладку пути, шпалы и рельсы были развезены на подводахъ по всему пути. Работа эта была ведена по тремъ направленіямъ: отъ конечной станціи Киверцы по одному направленію и отъ одной изъ промежуточныхъ точекъ линіи по двумъ направленіямъ, изъ которыхъ одно къ Луцку, а другое навстрѣчу работамъ, веденымъ отъ станціи Киверцы. До начала укладки пути завѣдывающій постройкою съ офицерами, при немъ состоявшими, слѣдилъ за ходомъ работъ, объѣзжая всю линію по нѣсколькимъ разъ въ день верхомъ на коняхъ; затѣмъ, по укладкѣ пути, осмотрѣ работъ онъ производилъ подъѣзжая къ нимъ, по уложенному пути, на дрезины. Благодаря дѣятельному участію завѣдывающаго постройкою дороги, компетентность котораго въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ давно извѣстна, 19 августа, т. е. на 19-й день работъ, была произведена смычка рельсъ, при чемъ, благодаря употребленію рельсъ разной длины, удалось произвести смычку не отрубая рельсъ.

Въ этотъ же день по проложенному пути въ г. Луцкъ приѣхалъ первый рабочій поѣздъ, и окрестности Луцка впервые огласились свистомъ паровоза. Поѣздъ шелъ при громкомъ „ура“ желѣзнодорожныхъ баталіоновъ, радостно приветствовавшихъ дѣло рукъ своихъ. Вся прислуга на поѣздѣ состояла изъ нижнихъ чиновъ эксплуатаціонныхъ желѣзнодорожныхъ ротъ. Съ этого дня начался подвозъ балласта на рабочихъ поѣздахъ изъ карьеровъ Юго-Западныхъ дорогъ.

20 августа со станціи Киверцы въ Луцкъ отошелъ первый воинскій поѣздъ; на немъ перевезенъ на маневры шестой саперный баталіонъ. 22 августа состоялось торжественное открытіе Луцкой военной желѣзной дороги Августѣйшимъ генералъ-инспекторомъ по инженерной части, Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ. Его Высочество позволилъ особенно интересоваться постройкою этой дороги и давать руководящія указанія, а по окончаніи постройки изволилъ осмотрѣть произведенныя работы и собственноручно забить два костыля, и затѣмъ по вѣтви открылось уже правильное движеніе пассажирскихъ поѣздовъ, по росписанію согласованному съ росписаніемъ пассажирскихъ поѣздовъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Въ день открытія Августѣйшій инспекторъ разрѣшилъ желѣзнодорожнымъ баталіонамъ поднести ему деревянное блюдо, сдѣланное изъ отрѣзка вѣковой сосны въ 28 вершковъ въ діаметрѣ.

И такъ, благодаря общему единодушію и любви къ набранному дѣлу, въ 18½ дней была построена дорога протяженіемъ въ 11 верстъ главнаго пути и около 3 верстъ запасныхъ путей, при профили нормальныхъ размѣровъ съ уклонами не превосходящими 0,008, при чемъ общее количество исполненныхъ земляныхъ работъ достигло до 12,000 кубовъ. На постройку этой дороги Военное министерство ассигновало 85 т. рублей, но благодаря распорядительности и экономіи генерала Головина, издержано всего 60 т. рублей, при чемъ рельсы и

шпалы взяты заимообразно из общества Юго-Западных дорог. Въ эти 60 тысячъ входятъ и 7 тысячъ рублей уплаченныхъ за отчужденную подъ дорогу землю.

27 августа по новой дорогѣ въ Луцкъ на маневры и обратно, позволилъ проѣхать Государь Императоръ съ Августѣйшею Семьею и свитой, безъ пересадки, въ Императорскомъ поѣздѣ, въ которомъ Его Величество изволилъ ѣздить по Николаевской и другимъ желѣзнымъ дорогамъ. Къ этому радостному для строителей дню вся дорога приняла особый праздничный видъ, при чемъ станціи Луцкъ и Киверцы и мѣста расположенія желѣзнодорожныхъ ротъ украсились флагами и положительно топили въ зелени и различныхъ украшеніяхъ, на которыя такіе искусники наши солдатики.

Всѣ сооруженія по Луцкой военной желѣзной дорогѣ, не смотря на чисто военный характеръ ея постройки, были совершены ни въ чемъ не отступая отъ правилъ, преподаваемыхъ на этотъ предметъ министромъ Путей Сообщенія. Быстрота постройки одновременно съ каштальностью ея сооруженія вызвала удивленіе специалистовъ, какъ у насъ, такъ и за-границей.

Строитель дороги, генералъ Головинъ, и желѣзнодорожные батальоны удостоились Монаршею благодарности. Маневры окончились; на Волынскихъ поляхъ опять тишина, а городъ Луцкъ получилъ поспѣвшій царскій подарокъ, въ видѣ желѣзнодорожнаго пути, соединяющаго его съ остальными городами Россіи.

Баронъ В. М. Келлескрауссъ. (Рис. на стр. 1109).

На-дняхъ прибылъ въ С.-Петербургъ штабсъ-капитанъ Ковенской крѣпостной артиллеріи, баронъ В. М. Келлескрауссъ,

совершившій на двухколесномъ велосипедѣ системы Swift № 1 путешествие изъ Ковно въ Тобольскъ.

По словамъ путешественника, онъ выѣхалъ изъ Ковно 12 іюля, прибылъ въ Петербургъ 22 и, пробывъ здѣсь нѣсколько дней по случаю исправленія своего велосипеда (на которомъ въ минувшемъ году онъ ѣздилъ на Парижскую выставку), отправился далѣе въ Москву, откуда, перемѣнивъ его на другой велосипедъ той же системы, прослѣдовалъ на немъ, съ нѣкоторыми остановками въ лежащихъ по пути городахъ, до Тобольска. Такимъ образомъ оказывается, что баронъ совершилъ свою экскурсію отъ Ковно до Тобольска, на протяженіи почти 3,400 верстъ (изъ числа ихъ шоссеиныхъ 1,500 и грунтовыхъ 1,900 верстъ) всего въ 71½ день; но изъ этого времени, по словамъ барона, надобно исключить 24½ дня, проведенные имъ по болѣзни и другимъ независѣвшимъ отъ него причинамъ на пути въ городахъ. Весь путь свой баронъ Келлескрауссъ совершилъ въ одномъ мундирномъ сюртукѣ, лишь въ ненастную погоду прикрывая плечи легкой непромокаемою накидкою; въ селеніяхъ, гдѣ по случаю страднаго рабочаго времени трудно было найти питательную пищу, онъ довольствовался только чаемъ да молокомъ; владѣлъ онъ съ нимъ до 30 фунтовъ, часть которой была оставлена имъ на пути въ г. Пермь; по хорошимъ дорогамъ баронъ дѣлалъ приблизительно до 120 верстъ въ сутки, а отъ Екатеринбургга до Тюмени только по 60-ти. На всемъ протяженіи пути и особенно въ Нижнемъ и Казани, какъ городскія начальства, такъ и сельское населеніе оказывали путешественнику радушіе и предупредительность; встрѣчавшіеся же ему на пути черемисы и чувашъ съ недоумѣніемъ, смѣшаннымъ какъ будто съ испугомъ, слѣдили за движеніемъ его „самохода“.

Политическое обозрѣніе.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ 23 октября, въ 2 часа пополудни, выѣхалъ изъ Гатчины, направляясь въ Триестъ черезъ Вѣну. Въ Триестѣ ожидаетъ Великаго Князя эскадра, въ составъ которой входитъ фрегатъ „Память Азова“. На немъ, какъ сообщаетъ *Правителств. Вѣстникъ*, Наслѣдникъ Цесаревичъ предполагаетъ совершить путешествие по Востоку. Великаго Князя сопровождаютъ: свиты Его Величества генералъ-майоръ князь Барятинскій, штабс-ротмистры князь Кочубей и Волковъ и фангель-адъютантъ поручикъ князь Оболенскій. Ихъ Императорскія Величества проводили Цесаревича до станціи Сиверской. Проѣздъ Наслѣдника Русскаго Престола чрезъ Австро-Венгрію и остановка въ Вѣнѣ привѣтствуется въ политическихъ кругахъ, имѣющихъ связи съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, съ живѣйшею радостію. Газеты переполнены статьями по поводу этого прѣзда. Въ иллюстрированныхъ изданіяхъ помѣщены портреты Наслѣдника Цесаревича. *Neuigkeits-Weltblatt* сопровождаетъ напечатанный ею портретъ слѣдующими словами: „Съ искренними чувствами встрѣчаетъ населеніе Австро-Венгріи прибытіе сюда Наслѣдника Русскаго Престола и самымъ сердечнымъ образомъ привѣтствуетъ рыцарственнаго, украшеннаго прекраснѣйшими духовными дарами Сына того Императора, дружба котораго является драгоценнымъ залогомъ всеобщаго мира. Да укрѣпитъ Провидѣніе сердечную взаимную и неразрывную привязанность между Императорскими Домами Россіи и Австріи, а также между обѣими націями, связанными между собою блестящими воспоминаніями!“ *Wiener Abendpost*, служащая вечернимъ изданіемъ официальной *Wiener Zeitung*, пишетъ по поводу прибытія въ Вѣну Наслѣдника Цесаревича: „Народы Австро-Венгріи, подобно ихъ монарху, съ сердечнымъ сочувствіемъ привѣтствуютъ въ Вѣнѣ Наслѣдника Русскаго Престола, а столбичныя газеты спѣшаютъ выразить въ теплыхъ словахъ чувства населенія“. *Fremdenblatt* привѣтствуетъ въ передовой статьѣ прибытіе Наслѣдника Цесаревича, заявляя, что пребываніе Его Высочества въ Вѣнѣ отнюдь не имѣетъ политическихъ дѣлей и, безъ сомнѣнія, должно быть признано за доказательство дружественныхъ отношеній между обѣими Императорскими Фамиліями. „Поэтому-то — прибавляетъ газета — населеніе и принимаетъ посѣщеніе Наслѣдника Цесаревича за утѣшительный симптомъ. Всякому извѣстно, какъ много дѣло мира обязано Петербургскому Двору; Импе-

раторъ Александръ, вполне русскій — почему Онь и пользуется такою любовью всего Русскаго народа — постоянно ограждаетъ миръ. Глубочайшее уваженіе, которымъ въ здѣшнихъ вѣстельныхъ сферахъ пользуется Императоръ Александръ, выражается въ сочувственномъ пріемѣ оказываемомъ Его Сыну. Наслѣдникъ же Цесаревичъ убѣдится здѣсь, что и въ Вѣнѣ господствуютъ самыя миролюбивыя намеренія. Народы желаютъ мира и благополучія; Наслѣдникъ Цесаревичъ ясно увидитъ это при посѣщеніи большихъ торговыхъ учрежденій“.

Въ Голландіи обнародованъ декретъ генеральныхъ штатовъ, объявляющій о неспособности короля править государствомъ. Съ 18 (30) октября королевскою властью временно облеченъ государственный совѣтъ, а недѣли черезъ двѣ будетъ внесенъ законопроектъ объ учрежденіи регентства. Событія эти ожидалось уже давно вслѣдствіе тревожныхъ вѣстій о печальномъ состояніи здоровья короля. Послѣ неоднократныхъ консультаций, врачи вынуждены были сдѣлать заявленіе, что хотя состояніе ея большаго попрежнему удовлетворительно, но переутомленіе мозга достигло такой степени, что король лишентъ возможности далѣе заниматься серьезными дѣлами. Въ виду этого сообщенія, 17 октября въ общемъ засѣданіи обѣихъ палатъ, большинствомъ 109 голосовъ противъ 5, признано, что король не въ состояніи управлять государствомъ и затѣмъ появился приведенный выше декретъ въ *Staatscourant*.

Бывшій король Сербіи Миланъ, должно-быть видя всю бесполезность для себя борьбы и интригъ, вошелъ наконецъ въ соглашеніе съ правительствомъ. Онь письменно обязался не вмѣшиваться въ политику и не подавать повода къ нападкамъ газетъ. Правительство проведетъ въ скупщинѣ законъ о печати, защищающій членовъ королевской семьи. По поводу намѣренія королевы обратиться въ скупщину, правительство заявляетъ, что въ вопросахъ, касающихся отношеній членовъ королевской семьи, признается компетентнымъ лишь регентство; на предложеніе правительства мигрополитъ разъяснилъ смыслъ двухъ документовъ о бракоразводѣ. Первый заключаетъ мнѣніе собора о незаконности бракоразвода, второй — постановленіе не поднимать дѣла ранѣе рѣшеннаго. Миланъ, получая ежегодно 360,000 фр., денежнаго вопроса не возбуждалъ. Послѣ соглашенія, бывшій Сербскій король 17 октября выѣхалъ въ Вѣну.

С м ѣ с ь.

Извѣстная петербургская фирма А. М. Рузанова въ настоящее время разсылаетъ свой рождественскій прейсъ-курантъ, въ которомъ, между прочими предметами, помѣщена весьма интересная и полезная новинка, подъ названіемъ: „Зоологическій садъ для дѣтей“. Это очень изящная коробка, заключающая въ себѣ 42 фигуры главнѣйшихъ представителей животнаго царства. На приложенномъ листѣ помѣщенъ списокъ названій животныхъ, распределенныхъ по классамъ. Такимъ образомъ дѣти легко отыскиваютъ, по имѣющимся на фигурахъ №№, какъ названіе даннаго животнаго, такъ и классъ, занимаемый имъ въ естественной исторіи. Такая вещьца, представляя собою изящную игрушку, служить

вмѣстѣ съ тѣмъ весьма практичнымъ пособіемъ при первоначальномъ ознакомленіи съ зоологіей.

Тайна чревоушанія. Физиологическіе процессы при такъ-называемомъ чревоушаніи, до сихъ поръ весьма мало изслѣдованные, въ значительной мѣрѣ выяснены теперь докторъ Кюсснеромъ, профессоромъ въ Галле-на-Зааль, который произвелъ тщательныя наблюденія надъ однимъ чревоушчателемъ. Уже раньше Юганномъ Мюллеромъ было доказано, что своеобразные, слышимые какъ-бы съ нѣкотораго отдаленія, звуки, производятся выдыханіемъ. Но выдыханіе это совсѣмъ особаго рода. Оно является при очень узкомъ горланномъ отверстіи и происходитъ весьма медленно, посредствомъ

Генеральнаго штаба генералъ-майоръ
Николай Михайловичъ Головинъ.
Съ фотогр. Мбчковскаго, грав. Шюблеръ.

рия при нормальной рѣчи придаютъ голосу его специфическій характеръ. Гласныя измѣняются менѣе согласныхъ; только „и“ звучитъ не совсѣмъ чисто и болѣе походить на „э“. Чревогидатель старается держать языкъ по возможности неподвижно, на днѣ полости рта. Профессоръ Кюсснеръ приходитъ къ выводу, что при чревогиданіи является лишь незначительное измѣненіе фальцета, что и подтвердилось многими его наблюденіями надъ чревогидателемъ. (с.)

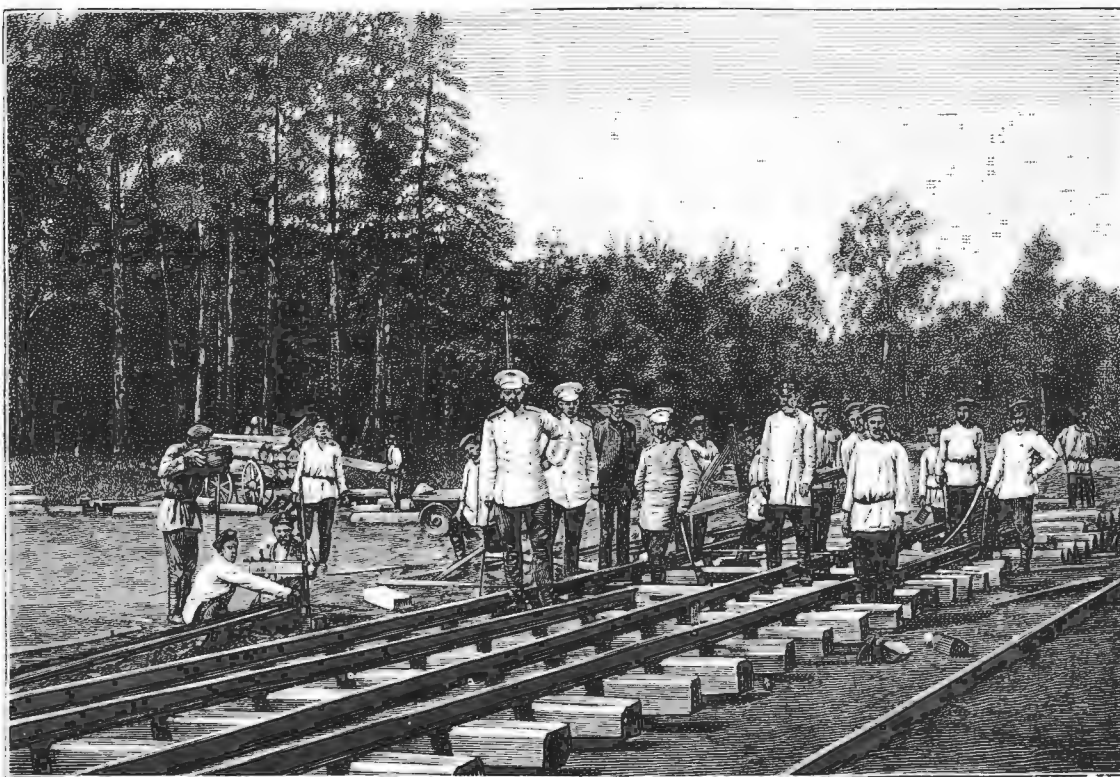
Стоимость величайшихъ мостовъ.
Мостъ Лагонгъ, черезъ одинъ изъ рукавовъ Китайскаго моря, имѣющій 5 англійскихъ миль длины, 300 пролетовъ, въ 70 футовъ вышины и столько же ширины, весь выстроенный изъ камня и украшенный на каждомъ столбѣ львомъ изъ цѣльнаго мрамора въ 21 футъ длиною, могъ-бы конечно считаться самымъ дорогимъ въ свѣтѣ, еслибы возможно было привести въ извѣстность сдѣланныя на него затраты. За неизмѣнимъ этихъ свѣдѣній, самымъ дорогимъ долженъ считаться недавно открытый мостъ на Фиртъ-офъ-Фортъ. Онъ обошелся въ 3¼ милліона фунтовъ стерлинговъ (65 милліоновъ марокъ). За нимъ слѣдуетъ Бруклинскій мостъ, стоящій 50 милліоновъ марокъ. Вновь проектированный мостъ черезъ Гудзоновъ проливъ, между Нью-Йоркомъ и берегомъ Нью-Джерси, обойдется въ 120 милліоновъ марокъ, а проектъ моста черезъ Ла-Маншъ, который быть-можетъ никогда не получитъ осуществленія, исчисленъ въ 680 милліоновъ марокъ. Что значитъ въ сравненіи съ этими цифрами цѣны величайшихъ мостовъ на континентѣ Европы! (с.)

Сокровища персидскаго шаха, хранящіяся во дворцѣ его, въ Тегеранѣ, заключаютъ въ себѣ драгоцѣнности сказочной стоимости. Такъ-называемый главный тронъ, введенный 150 лѣтъ тому на-

сжиманія грудныхъ стѣнокъ, между тѣмъ какъ грудо-брюшная преграда сохраняетъ свое опущенное положеніе, такъ что брюшная полость во время говора остается расширенною. Д-ръ Кюсснеръ замѣтилъ во время своихъ изслѣдовацій тѣ-же явленія; по ему удалось, кромѣ того, опредѣлить процессы въ полости рта и глотки, обуславливающіе своеобразный звукъ голоса при чревогиданіи. Профессоръ Кюсснеръ нашелъ, что головка дыхательнаго горла въ этомъ случаѣ не поднимается, какъ полагали до сихъ поръ, а напротивъ, опускается настолько, что голосъ кажется исходящимъ изъ груди и потому становится ниже, тогда какъ при нашемъ обыкновенномъ, фальцетномъ голосѣ, головка поднимается значительно выше. Чревогидатель пользуется одновременно этимъ голосомъ, благодаря чему звукъ его словъ становится еще своеобразнѣе. Согласно, вѣдѣствіе уменьшенія дѣятельности болѣе части мускуловъ рта, дѣлаются гораздо менѣе явственными, чѣмъ при обыкновенной рѣчи. Этимъ, главнымъ образомъ, и объясняется впечатлѣніе, какъ будто голосъ слышенъ издали. Но всей вѣроятности отпадаетъ также и некоторая доля верхнихъ нотъ, кото-

Постройна Луцкой военной желѣзной дороги. Въ болотахъ.
Съ фотогр. Целибѣва, грав. Шюблеръ.

Постройна Луцкой военной желѣзной дороги. Укладка рельсовъ.
Съ фотогр. Целибѣва, грав. Шюблеръ.

Генераль-майоръ Головинъ, осматривающій Луцкую дорогу на дрезинѣ. Съ фотогр. Целибѣва, грав. Шюблеръ.

ности находятся въ особомъ помѣщеніи, ключъ отъ котораго, днемъ и ночью, шахъ постоянно имѣетъ при себѣ. То, что хранится въ этомъ помѣщеніи, равно какъ и различные кладовыя и подвалы, въ которыхъ кучами и грудами сложена звонкая монета, шахъ не показываетъ никому. Остальные сокровища открываются одинъ разъ въ годъ для европейскихъ дипломатовъ и вводимыхъ ими лицъ. (с.)

задь изъ Дели, представляетъ одинъ много - миллионную цѣнность. Большія вазы изъ агата, золота и ланьсѣ-лазули стоятъ также миллионы. Тутъ же находятся драгоцѣнные мозаики, художественно расписанные кубки и вазы, подарки европейскихъ дворовъ: хрустальные ларцы, въ которыхъ насажены кучи брилліантовъ, рубиновъ, изумрудовъ, сапфировъ, бирюзы, топазовъ, берилловъ и т. д., шлифованныхъ и не шлифованныхъ; всевозможные музыкальные инструменты; ручные органы, табакерки съ музыкой, арфа и т. д. Большой стеклянный сосудъ вмѣщающій въ себѣ драгоцѣннѣйшій жемчугъ, выловленный болѣею частью въ Персидскомъ заливѣ. Коронныя драгоцѣн-

Баронъ В. М. Келлеснрауссъ, ѣздившій на велосипедѣ изъ Ковно въ Тобольскъ. Съ фотографіи Фидлермана, грав. Шюблеръ.

Открыта подписка на 1891 г. „НИВУ“ 1891 г.

Программа нашего журнала и еженедѣльные номера „Нивы“ останутся въ прежнемъ составѣ, какъ литературномъ, такъ и художественномъ. Кроме того, всѣ подписчики „Нивы“ будутъ получать бесплатно:

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ

романовъ, повѣстей, разсказовъ и др. занимательнаго и поучительнаго чтенія.

Каждая книга объемомъ въ 200—250 страницъ въ форматѣ „СБОРНИКА“ разосланнаго при 43-мъ № „НИВЫ“; въ число этихъ 12-ти книгъ войдетъ:

по истеченіи 50-ти-лѣтняго срока авторской собственности (15 іюля 1891 г.),

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА,

въ 3-хъ томахъ,

составляющее самостоятельное изданіе,

подъ редакціей А. И. Введенскаго, съ гравированнымъ на стали портретомъ М. Ю. Лермонтова, его автографомъ и біографіей поэта, составленною редакторомъ.

Главною художественною премією будетъ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10-Ю АКВАРЕЛЯМИ

исполненными fac-simile по картинамъ Айвазовскаго, Александровскаго, Васильевскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Кившенка, Клевера, Премацци и Сверчкова, въ красивой картонной папкѣ, украшенной роскошнымъ заглавнымъ рисункомъ.

Появленіе этого альбома было встрѣчено весьма лестными отзывами со стороны художниковъ и столичной печати. Выдержки изъ отзывовъ помѣщены въ 43-мъ № „НИВЫ“.

Мы разослали альбомъ для выставки въ книжные магазины всѣхъ большихъ городовъ, гдѣ желающіе и могутъ его видѣть. Списокъ магазиновъ помѣщенъ въ 42-мъ № „НИВЫ“.

Попрежнему къ „НИВѢ“ будутъ прилагаться „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“, 12 №: въ годъ, содержащихъ до 500 модныхъ гравюръ, 350 рисунковъ руководѣльныхъ работъ, 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину и проч.—словомъ „полный журналъ модъ и руководій“.

При первомъ номерѣ „НИВЫ“ будетъ приложенъ изящный, печатанный нѣсколькими красками, стѣнной календарь на 1891 годъ.

Подписная цѣна „Нивы“ на 1891 г. см. на 1-й стр. этого номера.

Рамы для премій „НИВЫ“ 1890 года.

Подробности см. въ прошедшихъ №№.

Просимъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, выписывающихъ рамы съ картинами, полученныя ими преміи немедленно возвращать намъ въ Контору, дабы, по возможности, безъ задержки, мы могли имъ выслать готовые рамы со вставленными картинами.

Какъ гг. городскіе, такъ и иногородные наши подписчики (исключая Москвы) благоволятъ обращаться съ требованиями въ Главную Контору журнала „Нива“. СПб., Невскій, № 6.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотворенія А. Фета. — Панъ круль. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Графа Е. А. Сазанса. Ч. I. (Продолженіе). — Колесо Фортуны. Историческій рассказъ П. Н. Полевого. — На просторъ океана. Переводъ М. Штауда. (Окончаніе). — Къ рисункамъ: Деревья на острове Минорѣ (съ рис.). — Христианство, цивилизація и свобода (съ рис.). — Первый мундиръ (съ рис.). — Передъ кондитерскою (съ рис.). — Сурик (Arctomys marmotta) (съ рис.). — Гроза (съ рис.). — Пятидесятилѣтіе Николаевского военного госпиталя въ СПб. (съ рис.). — Сахалинъ. Мысль Крыльонъ (съ рис.). — Открытіе Дуцой военной желѣзной дороги (съ портр. и 3 рис.). — Баронъ В. М. Келескраусъ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — О подпискѣ на „Ниву“ 1891 г. — Работы для премій „Нивы“ 1890 г. — Объявленія. — При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за НОЯБРЬ 1890 г. съ 27 рис. и отд. листъ съ 32 чертж. выроекъ въ натур. величину и 23 рис. выпильныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ

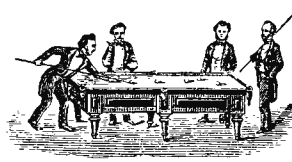
ПРИ УЧАСТІИ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ГОДЪ ВТОРОЙ (съ 1 Ноября 1890 г.)

Въ 1-ю четверть книги журнала за 1-ый годъ вошли статьи и замѣтки Влад. Соловьева, проф. А. А. Козлова, проф. Н. И. Грога, проф. Н. А. Зиберева, Л. М. Лопатина, Кн. С. и Е. Н. Трубецкихъ, П. Е. Астафьева, В. В. Лесевича, проф. Н. П. Карьева, В. А. Гольцева, — д-ровъ С. С. Корсакова, А. А. Токарскаго, Н. П. Басенкова и П. Мокіевскаго, проф. Д. Н. Овсіннико-Куликовскаго, В. В. Ролянова, Е. П. Челпанова и др.

Подписная цѣна: въ годъ 5 книгъ 6 р. безъ дост., — 6 р. 50 к. съ дост. въ Москвѣ и перес. въ другіе города Россіи; для сельскихъ священниковъ, учил. школъ, студентовъ и воспит. учеб. завед. — 4 р. безъ дост., — съ дост. и перес. 4 р. 50 к. — Заграничій 7 р. 50 к., а для русск. и славян. студентовъ загран. 5 р.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“ (въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ); Н. П. Каросинкова въ Москвѣ, Петербургѣ и Варшавѣ; Н. Я. Оглобина въ Киевѣ; Е. Расолова и В. Блато въ Одессѣ, и въ другихъ большихъ книжныхъ магазинахъ и въ редакціи: Новинскій бульваръ, д. Котлярева. № 4781

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—23
Иллюстрированные прейсъ-курanty по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

Подошла въ продажу новая книга: ПОДЪ ВОЛНАМИ ОКЕАНА.

Романъ д-ра Рангада. Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и изложенія Царевны Вишневецкой чрезъ редакцію журнала Софія. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ „Природа и Люди“, СПб., Вознесенскій, 47, перес. 2 р. 50 коп.; въ колонкор. перепл. за пересылку по платятъ. № 4783 2—1 | 2 р. 75 к., съ перес. 8 руб. 25 коп.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграничій.

VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHATELAIN FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix, Paris.

НЕВОЗХОДИМО

для великаго ильбющаго занятія на открытомъ воздухѣ, какъ-то: для гг. военн., инженер., охотник., золоторошителей, и службъ на жел. дор.

ВЯЗАНАЯ КУРТКА

изъ англійской крученой шерсти. Цѣна 6, 7, 8, 9 и 10 руб., съ шелков. рукавами 16 и 18 р., съ пересылкою посылается 1 р. дороже. Цвѣта: коричневые, клубовые, черные, сѣрые и бордо. При пересылкѣ необходима мѣра вокругъ талиища. №. № 4765
Магазинъ Ю. ГОТЛИБЪ, СПб., по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго пр.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ. желтая вода для брюнетокъ. Фланонъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“ ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46. Егерштрассе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 4677 8—3

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПАРОВОЙ ФАБРИКИ В. Ф. БОНАКЕРЪ,

въ МОСКВѢ, близъ Лузскаго моста, Серебряническій переулокъ, домъ бывш. Шукина. (Телефонъ № 469)

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ВАКСА

въ ЖЕСТИЯНЫХЪ КОРОБКАХЪ (фабричное клеймо „СЛОПЪ“) ДАЛЕКО ПРЕВОСХОДИТЪ СВОИМИ ОТЛИЧНЫМИ КАЧЕСТВАМИ ВСѢ СУЩЕСТВУЮЩІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ И РУССКІЯ ВАКСЫ, дѣлаютъ кожу обуви мягкой, непромокаемою и даютъ ей необыкновенно яркій блескъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ВАКСА

въ жестяныхъ коробкахъ (фабричное клеймо „Левъ“) равняется достоинствомъ лучшимъ ваксамъ другихъ фабрикъ

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ МАЗЬ

въ жестяныхъ коробкахъ (фабричное клеймо „Самоваръ“) самое хорошее средство для чистки и полировки всѣхъ металловъ, главнымъ образомъ, самоваровъ

ЖЕСТИЯНЫЯ КОРОБКИ

съ разноцвѣтными печатными украшеніями, а также безъ оныхъ, для чая, кофе, кондитерскихъ и табачныхъ товаровъ, консервовъ и проч.

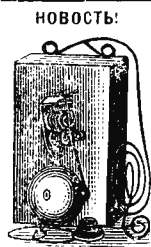
ЖЕСТИЯНЫЯ ПЛАКАТЫ (выѣски)

для рекламъ, печатанные художественно разными красками и рисунками.

Прейскуранты высылаются по требованію.

ДЕШЕВЕВО, ХОРОШО И ПРАКТИЧНО.

Новость! Предохранители отъ лопанія ламповыхъ стеколъ 1 дюжина 2 руб. Испытатель вина, плащи патентов. аппаратъ безошибочно опредѣляющей доброты качества вина. Необходимо въ каждой семьѣ 1 руб. Аппаратъ для высасыванія яда отъ укушенія насекомыми 50 коп. Всевидный ножикъ, содержащій 12 предметовъ 1 руб. 50 коп. Щипцы для ногтей 1 руб. Машинка для шитья перчатокъ 2 руб. Машинка для дѣланія петель (французское изобрѣтеніе) 3 руб. Приборъ для раскрашиванія фотографіи, литографіи и проч. безъ перевода на стекло (10 видныхъ красокъ и наставленіе) цѣна 6 р. Пробочникъ винтовой, легчайшій способъ 1 руб. 50 коп. и 2 руб. Кухня бензиновая на 6 пламени 1 руб. 50 коп. Паршпринскъ-автоматъ, плащи, столовый приборъ, выбрасывающій при нажимѣ по одной папирокѣ, украшеніе любого кабинета 3 руб. 50 коп. Новость! Магическая карман. лампа и огниво 3 руб. Въставка для бумажъ съ обоюмъ надписью по 50 коп. Музыкальн. ящикъ 3 р. 50 к. и 3 р. Автоматъ перо-карандашъ 75 коп. Автоматъ-карандашъ 50 коп. Карман. фонарь являющій 50 коп., 75 коп. и 1 руб. 50 коп. Самосвѣтъ, полный курительн. приборъ британскаго серебра 8 руб. Гравированіе на стеклѣ (приборъ) 2 р. Гравированіе на стали 50 коп. Кремлевая спичечница съ Эйфел. башнею, очень изящная 4 руб., безъ оной 2 руб. Электр. свѣчица 75 коп. Путевестіе вокругъ свѣта 75 к. Спичечница съ фиделемъ 75 коп. Тоже безъ оного 50 к. Губка-чистки аппаратъ для мытья и фротировки тѣла 1 руб. Дѣтскіе фокусы, часмъ 75 коп. Игра смѣхъ дѣтей и взрослыхъ и. 1 руб. 25 коп. Шкатулка-чародейка 75 коп. Чунитъ-машинка или аппаратъ превращенія предметовъ 3 р. Ящикъ съ фокусами въ 1 р., 2 р., 4 р. Нордфелъ съ фокусами (10 и 20 фокусовъ) 1 руб. 50 коп., 2 руб. 30 штукъ головоломокъ (игра въ терпѣніе) 3 р. Игра (Пасьянсъ) Эйфелева башня 50 коп. Америк. никелев. столов. часмъ, ручательство—4 руб. Машинка для стрижки волосъ у людей и животныхъ 7 руб. Козинатные фигурчатые (медьѣди) кегли (очень изящн.) Игра 6 руб. Французскія столовая кегли, новая игра 3—4 руб. Салогоразуватель и обузатель 2 руб. Летящая муха (паражская новость) 1 р. 50 к. Музыкальн. волчекъ 1 руб. Выжиганіе по дереву и кожѣ, полный приборъ съ платиновымъ прижателемъ. Ц. 12 руб. Тисненіе по кожѣ любыхъ рисунковъ, съ инструментами и образцами. Ц. 6 руб. Большой приборъ. Ц. 10 руб. Живопись на фарфорѣ, фаянсѣ, маюльнѣ и стеклѣ. Ц. 12 р. Гелиоэмпіатора или искусство раскрашиванія по стеклу красками портретовъ, картинъ, пейзажовъ и проч. Ц. 6 руб. Антрохромія или искусство обращать гравюры и литографіи въ плащима масляныя картины. Ц. 7 р. Гелиоэмпіатора и антрохромія имѣетъ. Ц. 11 руб. Домашній фотографъ, посредствомъ котораго всѣмъ, даже ребѣнокъ, можетъ переписать портреты, гравюры и проч. Ц. 4 руб. Тоже съ приложеніемъ и. 4 руб. 50 коп. Гальваноластикъ или искусство золоченія, серебренія, никелированія и т. д. и. 4 р., 6 р., 8 р. и 10 р. Омыты съ электричествомъ, полный приборъ ц. 2 руб. 50 коп. Работы изъ стружекъ и бересты и. 1 руб. 50 коп. Живопись образцами и. 2 руб. Пантографъ, приборъ для увеличенія и уменьшенія картинъ, плановъ, рисунковъ и проч. ц. 1 р. 50 коп., тоже металлическій 4 руб. Каллиграфъ, коимъ всякій можетъ научиться красиво писать и. 1 руб. Механографъ для увеличенія и уменьшенія картинъ съ краск. и. 1 руб. 50 коп. Живопись-самоучка, съ красками и. 2 руб. Дитя архитектора и. 2 руб. Кораблестроитель, постройка судовъ по моделямъ и. 3 р. 50 коп. Живописное лото, для изуч. лѣ. русск., франц., нѣмец. и. 1 р. 50 к. Шахматы и. 2 руб. Шашки и. 1 руб. Волшебные фонари съ наставленіемъ самому раскрашивать картины ц. 1 руб. 50 коп., 2 руб., 2 руб. 50 коп., 3 руб., 4 руб., 5 руб., до 50 руб. Камеръ-обскуры, для рисованія съ натуры и. 2 руб. 50 коп. Тоже большія, складныя и. 6 руб. Ортограма, новый приборъ для рисованія перспективныя съ красками и проч. и. 5 руб. Станокъ для вышпловки по дереву и металлу (работаетъ рукою и ногою) деревянн., со всѣми прилож. нѣями, и. 3 руб. Такой же желѣзный 6 руб. Ящикъ со столярными и переплетными инструментами, и. 10 руб. Назальный приборъ для снаиванія и приная всякихъ металлическихъ вещей, цѣна 5 руб. Приборъ для дѣланія рамъ изъ бѣгетовъ съ инструментами, и. 6 руб. Фотографич. аппаратъ — не игрушка, для сниманія съ натуры визитныхъ и кабинетныхъ портретовъ, видовъ и проч., съ пробнымъ снимк. и подроб. руководствомъ (пересылка за 15 фунт.), ц. 10 р. Симфоніонъ, музыкальн. инструментъ, играющій неограниченное число шестъ, съ приложеніемъ 6 шестъ 8 руб. Нѣсья отдѣльн. по 60 коп. Новость! Электрическая лампа, автоматъ, какъ ночникъ и для закуриванія папирсовъ, и. 5 руб. Электрическая столовая лампа для освѣщенія комнаты, цѣна 15 р. и много другихъ новостей.

Телефоны и электрические телеграфы по 8 рублей.

Всѣ вышеозначенные приборы съ руководствами. Заказы исполняются немедленно, но не менѣе какъ на три рубля. Новый иллюстрированный каталогъ всѣхъ изобрѣтеній высылается за 7 коп. марну. Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 4. Складъ новыхъ изобрѣтеній. Мт. № 4785 (Фирма существ. съ 1872 года).

Развитие газ. „Нов. Дня“ всегда шло рука об руку съ возростающим успехом газеты. За последнее время въ этомъ смысле сдѣлао весьма много. Въ общемъ, всесторонняя полнота содержания и богатство беллетристическаго матеріала, помещаемаго въ „Новостяхъ Дня“, дѣлаютъ газету одинаково интересной, какъ для столичныхъ, такъ и для провинціальныхъ читателей. Въ настоящее время редакція, кромѣ того, озабочилась приглашеніемъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Петербургъ и болышинство провинціальныхъ городовъ, съ цѣлью дать читателямъ своевременныя и полныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ фактахъ законодательной хроники и общественной жизни. Съ этою же цѣлью редакція, въ дополненіе къ телеграммамъ „Съверн. телеграф. агентства“, организовала отдѣлъ собственныхъ телегр. сообщеній.

За истекшее время помѣщено множество портретовъ Высочайшихъ Особъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, писателей, композиторовъ и музыкантовъ, ученыхъ, артистовъ и проч. Между прочимъ, изъ беллетристическихъ произведеній помѣщены слѣдующіе романы, повѣсти и рассказы:

Драма на охотѣ (А. Чеснот), Никифоръ Геркулесовъ и Вѣрный способъ (Н. Невъжина). Безприданница и Дама самъ-третей (ж. С. В. Толбукина). Въ лунную ночь (И. Н. Ге). Первый уронъ (Ив. Ш. Лодыженскаго). На литературныхъ хлѣбахъ (В. И. Немировича-Данченка). Отецъ (К. В. Назаровъ). Въ заколдованномъ кругѣ (Е. О. Дубровинъ).

Открыта подписка на 1891 годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

НОВОСТИ ДНЯ

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

IX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Годовая иногородная подписка въ три срока по

3 рубля.

ной). Ирина Калугина (А. П. Лемана) и мн. другихъ. Изъ переводныхъ: Сафо Альфонса Додэ. Прелести жизни Эмили Зола. Фальшивый монетчикъ А. Дома. Изъ окна въ окно Элемеръ Мавола. Дѣло Греллу, ром. Поля Вурже и мн. др.; въ 1891 году также будутъ помѣщены беллетристическія произведенія извѣстныхъ писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12	6	1
	мѣс.	мѣс.	мѣс.
Съ дост. въ Моск.	8	5	1
перес. въ город.	9	5	1
за гран.	13	7	1
Дѣло иногородныхъ годовыхъ допускается размеромъ по 3 руб. въ три срока: при подпискѣ, второй—къ 1 апрѣля и послѣдній—къ 1 юня.			

Объявленія—25 к. за строку на первой стран. и 12 к. на послѣдней; сторонній сообщенія въ концѣ тиража газеты—50 к. строка.

Въ свидѣніи публикаторовъ: „НОВОСТИ ДНЯ“ печатаются въ большомъ количествѣ экземпляровъ, причѣмъ кругъ читателей постоянно увеличивается. Публикація, которая вообще есть достоинство торговли, вполнѣ достигаетъ, такъ сказать, своей цѣли, такъ какъ становится извѣстной въ видѣ извѣстнаго количества читателей изъ различныхъ обществѣнныхъ слоевъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ГАЗЕТЫ „НОВОСТИ ДНЯ“ Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.

НАСТОЛЬНЫЙ

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Отдѣлы, вып. прод. по 40 и 30 коп. Адресъ редакціи и конторы: Москва, В. Губерт-никовскій переулокъ. № 4779 1—2

РУССКІЙ КУРЬЕРЪ

(ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ) ПОСЛѢ ПРИОСТАНОВКИ

ВНОВЬ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ съ 1-го января 1891 года по прежней программѣ и подт. прежней редакціи.

Въ Москвѣ на 1891 г.	На города на 1891 г.
На 12 мѣс. 9 р. — к.	На 12 мѣс. 10 р. — к.
11 „ 8 „ 50 „	11 „ 9 „ 30 „
10 „ 8 „ — „	10 „ 8 „ 50 „
9 „ 7 „ 40 „	9 „ 8 „ — „
8 „ 6 „ 70 „	8 „ 7 „ 20 „
7 „ 5 „ 90 „	7 „ 6 „ 50 „
6 „ 5 „ — „	6 „ 6 „ — „
5 „ 4 „ 60 „	5 „ 5 „ — „
4 „ 3 „ 70 „	4 „ 4 „ — „
3 „ 2 „ 75 „	3 „ 3 „ — „
2 „ 2 „ — „	2 „ 2 „ — „
1 „ 1 „ 10 „	1 „ 1 „ 25 „

За границу плата двойная. Подписка съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не далѣе конца года.

За перемѣну адреса 30 к., а городского на иногородній доплачивается разица въ цѣнѣ. Подписка принимается при конторѣ изданія и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Гр. новыя годовыя подписчикамъ, не читавшимъ помѣщеннаго въ „РУССКОМЪ КУРЬЕРѢ“ романа: „ТАЙНА ГАНСОНЪ КЕ-БА“ будетъ оной выданъ ВЪ ВИДѢ ПРЕМИИ.

Романъ этотъ разошелся въ Англіи въ 800,000 экземплярахъ и имѣлъ среди подписчиковъ и читателей „РУССКАГО КУРЬЕРА“ большыя успѣхи; онъ изданъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярахъ.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА ИЗДАНІЯ: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. Ланина.

Редакция открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 1 до 3 часовъ дня.

Контора изданія открыта въ будни—отъ 9 до 5 ч. веч., въ праздники—отъ 10 до 3 час. пополудни. № 4780 5—1

ТЕЛЕФОНЪ № 784.

Редакторъ-издатель Н. П. ЛАНИНЪ.

В. № 4781 24—3

ДЕНТИНЪ В. ГЕННА въ Вѣнѣ.

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ. Цѣна—10 коп. Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ Главныя склады у Василія Ауриха: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1891 (шестой) годъ съ слѣд. (52 №№) иллюстр. журналь прантнч. сельск. хозяйства

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“

К. И. Масляникова.

Много рисунковъ. Бесплатно: отвѣты на все вопросы, разныя стѣмена, архитект. проекты, модели.

IV вып. „Альбома животныхъ“.

Въ ближайшихъ №№ будутъ проекты красками: I) Малой виноурни, II) Духовой печи для отопленія ею всего дома (модель большая), III) Дома-дачи, IV) Двусрубной дешевой церкви и др.

На годъ 6 руб. съ перес.

Адресъ: СПб., Редакція „Сельскаго Хозяина“. № 4790 2—1

ПРИГЛАШАЮТЪ агитовъ. За условіями обращаться писемно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

МАССА БЛАГОДАРНЫХЪ ПОЧЕТОВЪ ОТЪ ВЫСОКАГО ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ БУХГАЛТЕРІИ ИНОГОРОДНЫХЪ И МОСКОВСКИХЪ ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНО ПРЕПОДАВАНІЕ.— ПЛАТА УМѢРЕННАЯ. ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКИХЪ НАУКЪ С.Я. ИГЛЯНТАЛЬ. УСЛОВІЯ ПРОСЬБЫ ЛЕКЦІИ * МОСКВА * ВЫСОКАГО ДОЛГОРУКОВСКАЯ УЛИЦА, ДОМЪ ФИЛОТОВОЙ. БЕЗПЛАТНО.

Главное депо часовъ НЕВСКІЙ ПР. № 42. **Б. АЛЬТШВАГЕРЪ** С. ПЕТЕРБУРГЪ. Преисъ-Кур. Выс. Изд. БЕЗПЛ.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНИЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА: ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ.

Соч. Ю. Майера и В. Присса. Перевелъ съ нѣмецкаго и англійскаго изданій Д. Голловъ. Съ 293 рисунками. Книга эта одобрена Морскимъ Ученымъ Комитетомъ. Цѣна 2 рубля 50 коп. Мт. № 4784

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ, БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. Способъ приготовленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ. Цѣна: флакону 1 р. 65 к., бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ, опо-падама (лучше колдѣ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р. Въ виду многыхъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента Главнаго склада для всей Россіи у В. Ауриха, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. Издается во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4780 10—2

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ. **EAU DE BOTO** (ВОДА БОТО) Рт. № 4314 14—10

Главный складъ: 17, Rue de la Paix, PARIS. Прежній адресъ: 229, Rue Saint-Honoré. Продается во всѣхъ носкательныхъ лавкахъ и у всѣхъ парфюмеровъ. Требуемъ также Туалетный Экстракт Бото высш. качества въ отношеніи тонкости запаха. Предоставитель для всей Россіи: Н. Л. Натанъ, Платевскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ДЕНЬ

Газета „День“ выходитъ ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, въ количествѣ 360 выпусковъ въ годъ. Повѣсти, рассказы и очерки помѣщаются въ газетѣ въ формѣ приложений, съ особымъ счетомъ страницъ; на нихъ составлена въ годъ 12 книжекъ—4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Въ программу входятъ всѣ обычные отдѣлы Заграничнаго на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская летопись, московская летопись, провинціальная летопись; хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книжкахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявленія. Условія подписки съ пересылкою: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Условія подписки на Заграницу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ ежедневныхъ изданій, а именно: передовая пискъ допускается расрочка: къ 1-му Января—статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ 2-го, къ 1-му Апрѣля, 1-му Юня и 1-му Заграница. жизни; мнѣнія печати, фелетонъ— Августу на 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп. разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе,

НОВАЯ КНИГА:

ОТЕЦЪ ІОАННЪ ІЛЬИЧЪ СЕРГІЕВЪ,

Кронштадтскій протоіерей Андреевскаго собора.

Очеркъ (изъ газеты „День“ съ депонированіи). Составилъ Н. П. Живографи.

Изданіе редакціи газеты „ДЕНЬ“.

Содержаніе: Вступленіе. I. День о. Іоанна. II. Біографія его. III. Дѣтство о. Іоанна. IV. Начало служенія. V. Законоучительство. VI. Проповѣди. VII. Наставленія о. Іоанна. VIII. Личность о. Іоанна. IX. Молитвы. X. Благотворительность. XI. Заключеніе.

Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ газеты „День“, С.-Петербургъ, Преображенская, 4. № 4778

Цѣна 40 к.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

I. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новообрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желанную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп. 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и антрекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (36) № 4278

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специальность хронометровъ. СПетербургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 20-15

ЛЕПНИЦКІЙ и ГИЗЕНЦКІЙ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2406

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

О-ДЕ-РОЖОНЪ

ЦВѢТОЧНЫЙ БРОКАРЬ и КО.

ИЗОБРЕТЕННЫЙ

Складъ фабрики: Офицерская, 5.

НАСТОЯЩЕ ВЕЛОСИПЕДЫ (ВИБЪ)

ПЕРВОЕ МѢСТО

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

С.-Петербургъ

НОВОСТЬ! МЕХАНИЧЕСКОЕ ПІАНИНО

заграничной работы, новѣйшей конструкціи. Можно играть не только какъ на обыкновенномъ піанино, но также отлично исполнять вѣтання и концертная пьеса посредствомъ верченія ручки. Цѣна безъ нотъ 600 руб. Ноты по 1 руб. 25 коп. за каждый метръ (=1½ аршина).

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 34 и 40. | Москва, Кузнецкій м., д. Захарьина.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ
ВЪ
СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

Основный и запасные капиталы 12.000,000 руб.

Общество заключаетъ на выгодныхъ условіяхъ и по умѣреннымъ преміямъ страхованіе:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовыхъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданаго для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. № 4782 4-1

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1890 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 22.300 лицъ на капиталъ въ 62.000,085 руб. Дивидендъ страхователей въ 1890 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и въ Агентствахъ Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

НОВОСТИ! ПІАНО-МЕЛОДИКО

новѣйшій и лучший механическій инструментъ со струнами.

Цѣна 80 рублей. Ц. № 4733 (3)

Ноты отдѣльно по 70 коп. за 1 метръ (= 1½ арш.).
Требуйте подробное описаніе и каталогъ нотъ.

ОРКЕСТРЪ-МАНОШАНЪ
механическій инструментъ съ голосами. Цѣна 70 руб.

I. Ф. МОЛДЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка.
Иллюстрированн. прейсъ-курантъ всѣмъ музыкальнымъ инструментамъ бесплатно.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ не премѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (43) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

СКОБИЛЬНАЯ СТАЛЬ
Доннерлера

скоблить такъ скоро и незамѣтно, что каждый по первомъ употребленіи дастъ ей предпочтеніе предъ всеми бывшими до сихъ поръ въ употребленіи скобильными ножками и преч.

Единственная продажа отовая и розничная у № 4788 3-1

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ

Складъ резиновыхъ товаровъ и новостей Большая Морская, № 34.
Цѣна съ пересылкою 1 рубль.

НОВОСТЬ!
мужские сапожки 2-2

изъ **ТВИСТЪ**, прочностію неизмѣнима никакими другими.

Только въ магаз. Ю. ГОТЛИБЪ, по Владимірск., д. 2, уг. Невскаго пр., Спб.

Гг. иногородн. заказчики благодарятъ прислать мѣру носка и длины отъ носка и подошвы.

Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. по Европ. Рос.—2 р., а по Азиатск. Россіи по 2 р. 25 к. за пару. Торговцамъ уступка. Меньше трехъ паръ не высчитается. № 4786

!!! НОВОСТЬ!!!
ЧОРТОВЪ-САПОГЪ

вѣчная спичечница для шведскихъ спичекъ.

60 КОП.

Съ пересылкою наложеннымъ платежомъ 1 руб. Въ Главному Депо Товарищества „Проводникъ“, Больш. Морская, № 11, М. № 4772 близъ Невскаго. 2-2

ГРОМАДНАЯ ЭКОНОМІЯ
въ хозяйствѣ.

ПРЕДОХРАНИТЕЛЬ ОТЪ ЛОПАНІЯ ЛАМПОВЫХЪ СТЕКОЛЬ.

Это остроумное изобрѣтеніе приспособляется ко всякой лампѣ и безусловно предохраняетъ ламповое стекло отъ лопанія. За границею въ 2 мѣсяца продано свыше 10 милліоновъ штукъ. Высылается немедленно, но не менѣе 1 дюжины.

1 ДЮЖИНА 2 РУБ.

Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ Новыхъ Изобрѣтеній, Невскій просп., № 4. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 коп. марку.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.

СКРИПКИ.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6-30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30-200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1½-50 мар. Фугляры 3½-40 мар. Цитры 16-300 мар. Гитары 6-50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Изъясн. скрипка для ученія (собств. изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендация отъ Вилгелми, Саразате, Сорэ, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-курантъ бесплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ. Ц. № 4787 Крещенныхъ. 9-1

Новое изданіе, и корректное изданіе извѣстной

ШКОЛЫ ЭТЮДОВЪ К. ЛЮТШЪ
(въ 12 тетрадяхъ, каждая по 1 р. 50 к.) поступило въ продажу

у **ВАСИЛІЯ БЕССЕЛЯ и КО.**

С.-Петербургъ (Невскій, 51) и Москва (Петровка, 12).

Каталогъ дешевыхъ изданій В. Бесселя и Ко. высылаются бесплатно. № 4789

ПЕЧАТНАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстре пера. Чистота, четкость и красота. Изведена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ прейсъ-курантъ А. М. Рузанова въ СПБ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выдаѣть 10 полбръя 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1891 г.

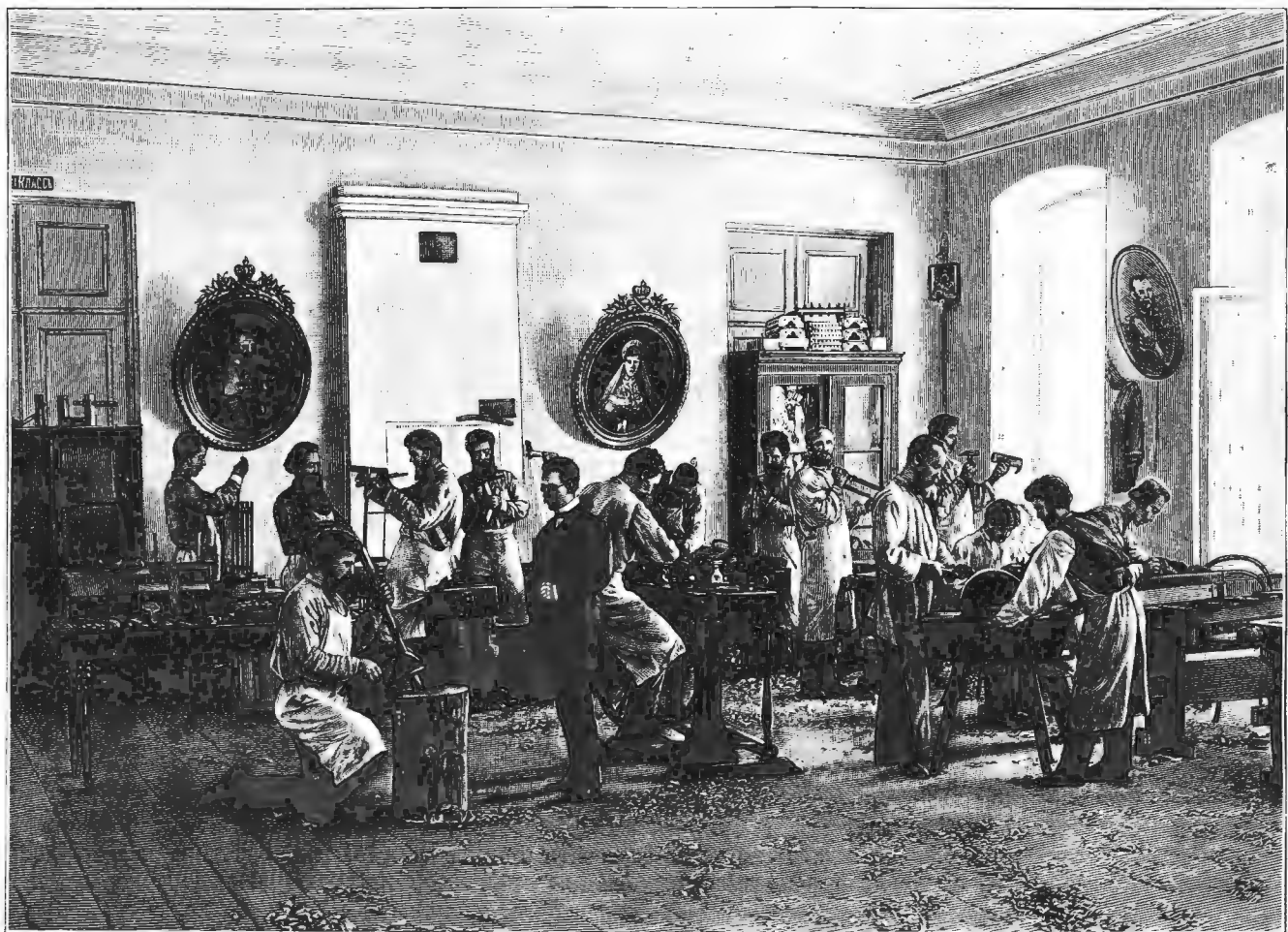
КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются за
 строку нонпарейль (¼ шир.
 стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
 25 к. — Загран.: для Франціи у
 Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
 для Австр., Герман. и Швейц.
 у Rudolf Mosse по 2 марк.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
 Безъ доставки въ Петер-
 бургъ **5 р.**
 Съ доставкою въ Петер-
 бургъ **6 р. 50 к.**
 Безъ дост. въ Москвѣ чр. конг. объявл.
 Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. **6 р.**
 Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
 рода Россіи **7 р.**
 За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **10 р.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особья приложенія при
 „НИВѢ“ объявленій отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

Временные курсы ручного труда въ Теодосіи. Съ фот. Редлиха, грав. Флюгель.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XVI.

Черезъ два дня, на дворѣ замка появилась простая петычанка, и изъ нея вышелъ запыленный до неузнаваемости молодой Кароль.

Франуся въ это время стояла у окна своей горницы, увидѣла и узнала его. Она усмѣхнулась и выговорила сама себѣ:

„Да, магнатъ Ксаверій Сандецкій или незаконно-рожденный Кароль Побочекъ — это разница большая! Вдобавокъ, одинъ любить, но чрезъ десять лѣтъ можетъ легко и разлюбить... Другой тоже любить и, конечно, не разлюбить. Черезъ какихъ-нибудь десять-пятнадцать лѣтъ онъ будетъ уже совсѣмъ старикъ. Каково мнѣ тогда будетъ?! Объ этомъ думать нечего, тогда увидимъ... Нельзя въ жизни загадывать такъ далеко... Думая о завтрашнемъ днѣ, прозѣваешь нынѣшній. Надобно брать быстро и ловко все, что попадаетъ подъ руку. Если хорошее, нужное — сохранить, если ненужное — бросить“.

И Франуся задумалась, стоя у окна. Она думала о томъ, что должно теперь произойти между отцомъ и сыномъ, что скажетъ и какъ поступитъ Кароль. Онъ никакого права не имѣетъ на нее. Онъ влюбленъ въ нее, но что-жъ изъ этого? Она тоже сказала ему, что любить его, но подлунуть, во время танцевъ, а серьезно она не говорила этого.

Между тѣмъ молодой человѣкъ, войдя въ замокъ, къ себѣ, умывшись и переодевшись послѣ дороги, перемѣнился съ прислуживавшимъ старымъ лакеемъ и получилъ исцѣданно первый нравственный ударъ.

Старикъ сказалъ ему, что наверху, въ одномъ этажѣ съ паннами, помѣщается молодая панна, Франциска именемъ, которая прежде тихонько скрывалась у домовника Зарембы, бѣжавъ отъ ксендза.

Разумѣется, лакей прибавилъ къ этому подробно все что зналъ. А всѣ въ Сталупеняхъ знали теперь, что красавица-панна проводить цѣлыя часы вмѣстѣ съ паномъ-каштеляномъ и что, повидимому, старый панъ влюбленъ въ молодую дѣвушку.

Кароль былъ настолько пораженъ что, уже совсѣмъ готовый идти къ отцу, опустился на кресло и сидѣлъ, какъ пришибленный. Все что ему передали было совершенно просто и совершенно вѣроятно.

Если бы ему сказали, что всѣ магнаты Польши влюблены въ Франусю, онъ бы повѣрилъ этому. А отецъ его, часто влюблявшійся въ жизни, и подавно могъ влюбиться за нѣсколько дней въ такую дѣвушку какъ она.

Однако Кароль не могъ понять, или не могъ рѣшиться уразумѣть, какимъ образомъ отецъ, любящій его, не подумалъ о немъ — Каролѣ. Вѣдь это соперничество между отцомъ и сыномъ! Это что-то нехорошее!

„Мало-ли чего не творится въ теперешнее время! прощенталъ Кароль. — Удивительныя и странныя времена мы переживаемъ!“

И Кароль вспомнилъ, что недѣлю назадъ, одинъ магнатъ, самый скромный и порядочный человѣкъ всей Рѣчи Посполитой, добрый, набожный, поставившійся по нѣсколько разъ въ годъ, проигралъ въ карты все свое состояніе въ одинъ вечеръ, затѣмъ продалъ свою жену за крупную сумму своему же родному дядѣ, притомъ противъ ея воли, такъ какъ она обожала мужа.

Посидѣвъ нѣсколько мгновений, Кароль рѣшился идти къ отцу; но когда онъ вошелъ, Сандецкій тотчасъ же замѣтилъ сильное волненіе въ лицѣ сына. Они обнялись, поцѣловались и сѣли.

Кароль сталъ передавать столичные новости, затѣмъ перешелъ къ самому важному вопросу, о разграниченіи Рѣчи Посполитой съ Пруссіей на западѣ и съ Россіей на востокѣ; но все, что ни говорилъ онъ — онъ говорилъ вяло, разбѣянно.

Лицо его было тревожно, онъ былъ занятъ другимъ, и это очевидно поглощало его всего.

Сандецкій замѣтилъ, понялъ и, вздохнувъ, выговорилъ:

— О дѣлѣ переговоровъ мы въ другой разъ, Кароль. Ты уже мнѣ написалъ все подробно, а я здѣсь принялъ свои мѣры. У насъ тоже много новаго есть, что я долженъ тебѣ передать.

Сандецкій рассказалъ Каролу, что нѣкій человѣкъ придумалъ средство простое и въ то же время хитрое, какъ остаться Сталупенямъ при Польшѣ. Этотъ нѣкій человѣкъ — женщина, которая себѣ въ награду за такой совѣтъ потребовала у него брака съ ней. А такъ какъ она любить его и онъ со своей стороны тоже увлекся ею, то все дѣло состоитъ пока благополучно. Но вся сила въ согласіи на это третьяго человѣка.

Кароль, конечно, тотчасъ же догадался въ чемъ дѣло, понурился и молчалъ.

— Ты все понялъ, Кароль? выговорилъ Сандецкій.

— Все понялъ, отецъ, но не знаю... ушамъ не вѣрится...

— Не лучше-ли намъ, Кароль, позвать на наше свиданіе еще одно лицо? Второе мы легче и лучше выяснимъ многое.

— Конечно, лучше... глухо отозвался молодой человѣкъ.

Но затѣмъ, когда Сандецкій поднялся, чтобы позвать человѣка и послать за Франусей, Кароль вдругъ тоже быстро вскочилъ съ мѣста и выговорилъ:

— Нѣтъ, батюшка, я не могу... Не могу ее видѣть теперь здѣсь... Надо мнѣ пойти къ себѣ, успокоиться. Да и зачѣмъ мнѣ видѣть ее? Я знаю, что она скажетъ... Я вѣрю всему что слышалъ.

— Но все-таки она сама можетъ...

— Не надо, ничего не надо! прервалъ Кароль.

Молодой человѣкъ ушелъ къ себѣ, но вечеромъ онъ уже снова явился къ отцу, болѣе спокойный, и попросилъ его вызвать Франусю.

И тутъ произошло короткое объясненіе.

Франуся была холодно-важна, раза два только слегка вспыхнула. Она объяснила, что, хотя панъ Кароль сдѣлалъ ей честь — влюбился въ нее, затѣмъ былъ ея спасителемъ изъ рукъ ксендза, но тѣмъ не менѣе она никогда не любила его и не можетъ любить, потому что никогда не отдастъ сердца своему молодому человѣку.

— Молодые люди легкомысленны, кончила она, — непостоянны. Связывать свою судьбу съ ними — бессмысленно.

Панъ Ксаверій сидѣлъ смущенный и виновато поглядывалъ на сына. Кароль былъ спокоенъ, повидимому, но совершенно придавленъ всѣмъ происшедшимъ.

— Не обвиняй меня, Кароль, даже и мысленно! выговорилъ наконецъ Сандецкій.

— Нѣтъ, батюшка, клянусь Богомъ, что не обвиняю. Я вижу и понимаю, какъ все это могло произойти въ мое отсутствіе... Я теперь только понялъ, что за личность панна Франциска. Она никогда никого не любила и никогда никого не полюбитъ! Она любила, любить и будетъ любить страстно и пылко себя самое, себя одну. Дай Богъ только — и я молю Его объ

этомъ—чтобы когда-нибудь, при другихъ, болѣе сложныхъ обстоятельствахъ, пани Сандецкая не поступила бы такъ, какъ поступаетъ теперь со мной пани Дзялынская!

Франуся на это презрительно улыбнулась и взглянула на Сандецкаго. Взглядъ былъ настолько полонъ любви и нѣжности, казалось, виолнѣ естественной и искренней, а не игранный, что Кароль вздрогнулъ какъ бы отъ удара ножа.

— И такъ скажи, Кароль, ты отдаешь мнѣ панну Франусю?

— Я повторю слова ея, отозвался Кароль, — я никакого права на нее не имѣю. Но насколько все это зависитъ отъ меня, я на все согласенъ безъ всякаго дурнаго чувства къ отцу. Ее же я надѣюсь когда-нибудь забыть или возненавидѣть всей душой. Но мстить я не стану, обернулся Кароль къ Франусѣ, — за себя! Помни, пани, за *себя*. Если же когда-либо я узнаю, что ты поступила съ моимъ отцомъ такъ же безсердечно, какъ поступила теперь со мной, то помни, пани, явлюсь мстителемъ самымъ беспощаднымъ. А теперь, батюшка, у меня просьба... Это мое, такъ сказать, условіе... Мнѣ нужно позволеніе уѣхать изъ замка и не возвращаться, по крайней мѣрѣ, около года.

— Какъ?!. воскликнулъ Сандецкій. — Зачѣмъ?!

— Этого я прошу и этого я требую, надо согласиться. Мое пребываніе здѣсь будетъ нестерпимо. Видѣть женщину къ которой я относился какъ къ своей невѣстѣ—супругой моего отца... Развѣ это мыслимо?

Наступило молчаніе, послѣ котораго Сандецкій выговорилъ вздохнувъ:

— Что-жъ дѣлать... Я согласенъ. Но скажи, куда же ты отправишься, чтѣ ты будешь дѣлать?

— Я хочу заняться чѣмъ-нибудь. Я хочу жить самостоятельною жизнью.

— Что же? Поѣдешь въ Варшаву, поступишь въ Палестру?

— Нѣтъ, батюшка, времена не тѣ наступаютъ. Какая теперь Палестра! Теперь нужны отечеству рубаки. Я хочу поступить въ Албанскую банду.

Сандецкій задумался, снова вздохнулъ и произнесъ:

— Ну, что-жъ, пожалуй. Если бы ты носилъ мое имя, я бы не позволилъ быть тебѣ домовникомъ Радзивила и албанчикомъ, но такъ какъ, къ несчастью, ты не носишь фамиліи Сандецкихъ, то можешь быть хорошимъ членомъ банды. На прощаніе ты мнѣ все-таки подтвердишь клятву, что не имѣешь никакого дурнаго чувства противъ меня. Какъ я любилъ тебя, такъ теперь и люблю.

— Нѣтъ, батюшка, клянусь—ровно ничего не имѣю. Все это — несчастная случайность. Скажу только, что я боюсь панны Франциски. Она кажется мнѣ теперь не тою, какой я ее воображалъ. Прости мнѣ, пани, прямое слово—я не вѣрю въ твою любовь къ отцу.

— О! это я докажу вскорѣ и мужу, и всѣмъ молодымъ вѣтреникамъ! воскликнула Франуся. — Панъ не можетъ читать въ моемъ сердцѣ. Панъ уже однажды ошибся, воображивъ себѣ, что я могу его любить. Теперь панъ ошибается вторично.

Кароль понурился и глубоко вздохнулъ.

— Увидимъ... Давай Богъ... глухо проговорилъ онъ.

XVII.

Въ ту же ночь Кароль Побѣчекъ выѣхалъ изъ замка. Сандецкій особенно нѣжно простился съ сыномъ. Онъ былъ очень смущенъ тѣмъ положеніемъ, въ которое поставило его неожиданное знакомство съ Франусей. Какъ бы то ни было, онъ оказывался соперникомъ собственнаго сына и вдобавокъ еще счастливымъ, предпочтеннымъ.

Какъ ни утѣшался панъ Кеаверій, что его любимецъ

Кароль еще человѣкъ молодой, увлекся дѣвушкой случайно и можетъ еще много разъ влюбиться такъ же, тѣмъ не менѣе совѣсть возмущалась въ немъ.

Вдобавокъ онъ постоянно себя спрашивалъ, можетъ ли дѣйствительно пани Франциска любить его. Въ отвѣтъ на это онъ пожималъ плечами, сомнѣвался, но утѣшался тѣмъ, что отношенія возникшія между ними—особенныя, странныя, исключительныя. Онъ якобы долженъ жениться на Францискѣ изъ благодарности за спасеніе своихъ помѣстій отъ Прусскаго короля.

Кончилось тѣмъ, что Сандецкій убѣдилъ себя въ томъ, что если онъ и отнял у сына возлюбленную, то ради государственныхъ интересовъ. Большія помѣстья Сталупеней благодаря этому останутся подъ властью польской короны.

Проводивъ сына, каштелянъ Сталупеньскій тотчасъ рѣшилъ взяться за дѣло. Медлить было нельзя. Уступка многихъ областей Рѣчи Посполитой тремъ сосѣдямъ: Пруссіи, Австріи и Россіи, была уже рѣшена въ Варшавѣ, и народу оставалось только покориться судьбѣ. Въ скоромъ времени должны были появиться въ Сталупенѣ Фридриховскіе комиссары для проведенія новой границы.

На другой же день послѣ отъѣзда Кароля, каштелянъ Сталупеньскій приказалъ всѣмъ отъ мала до велика, за исключеніемъ женщинъ, собраться на большомъ дворѣ замка.

Съ утра дворъ переполнился густою толпой. Всѣ подданные каштеляна были на-лицо, отъ стариковъ до юношей. Всѣ Сталупени были во дворѣ замка. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ обитатели, домовники замка тоже вышли изъ своихъ горницъ на тотъ же дворъ и стали въ переднихъ рядахъ.

Полуторатысячная толпа стояла мертво-тихо въ ожиданіи появленія каштеляна. Всѣмъ было, конечно, извѣстно, что дѣло идетъ о великой государственной бѣдѣ, постигшей королевство.

Панъ-каштелянъ долженъ былъ, по мнѣнію всѣхъ, объявить во всеуслышаніе горькую вѣсть о переходѣ вѣрныхъ сыновъ Рѣчи подъ скипетръ и державу ненавистнаго Прусскаго короля.

Наконецъ, домовникъ каштеляна, ближайшій къ нему наперсникъ и маршалъ замка, панъ Балтазаръ, вышелъ на подъѣздъ и махнулъ на толпу, какъ бы приказывая этимъ стихнуть окончательно. Вслѣдъ за нимъ вынесли раззолоченное кресло и поставили на подъѣздѣ, раньше накрытомъ краснымъ сукномъ.

Появился наконецъ самъ панъ-каштелянъ въ великолѣпномъ одѣяніи. Всѣ ожидали, что панъ надѣнетъ и кунтушъ, и жупанъ траурныя, какъ часто бывало это, но, къ своему удивленію, увидали каштеляна въ яркомъ одѣяніи. Еще болѣе удивилась толпа, замѣтивъ на лицѣ пана не грустное выраженіе, а воодушевленно-веселое.

Панъ-каштелянъ сѣлъ на кресло, за нимъ стали его двѣ дочери, одѣтыя тоже въ свѣтлыя платья, а около нихъ, немного отступя, стала всѣмъ извѣстная бывшая господиня ксендза, а нынѣ домовничка самого пана Сандецкаго.

Каштелянъ поздоровался со всѣми громкимъ голосомъ и, послѣ долго не умолкавшихъ кликовъ и *виватовъ*, заговорилъ своимъ сильнымъ голосомъ и сказалъ дѣловую рѣчь.

Панъ Сандецкій объяснилъ, что времена наступили лихія. У Рѣчи Посполитой три могущественныхъ врага. Король Станиславъ-Августъ, самый слабодушный король, когда-либо вступавшій на польскій престолъ, ничего не дѣлаетъ, чтобы спасти свое королевство. Напротивъ, онъ проданъ Русской императрицѣ и въ качествѣ ея ставленника и почти раба, какъ Иуда-предатель, предаетъ свое отечество на поруганіе и разграбленіе.

Изложивъ подробно положеніе королевства Польскаго

Стрѣльба динихъ утокъ. „Выплывають“. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Котляревскаго, грав. Флюгель.

Канъ у себя дома. Съ карт. Ю. Адама, грав. Брендамуръ.

по отношенію къ двумъ главнымъ врагамъ его—Россіи и Пруссіи, панъ Сандецкій перешелъ къ дѣлу.

Онъ объяснилъ, что новая граница между королевствами Прусскимъ и Польскимъ должна пройти какъ разъ черезъ Сталупени. Граница должна идти по урочищамъ. Одно изъ этихъ урочищъ, увы! рѣчонка, которая течетъ подъ холмомъ. Поверни эта рѣчонка отъ селенія направо—они бы оставались подданными польской короны, но Вислейка повернула налево еще въ незапамятные времена, и теперь этотъ поворотъ сталъ роковымъ. Они должны принадлежать вѣковому врагу.

При этомъ панъ Сандецкій подробно разъяснилъ, что будетъ служить основаніемъ для проведенія новой границы между двумя королевствами.

— Хорошо-ли вы поняли меня?! воскликнулъ наконецъ Сандецкій на весь дворъ.

— Поняли, пане! раздались голоса бѣльшею частью стариковъ.

— Рады-ли вы сдѣлаться подданными короля Фридриха и нѣмцами?

Толпа заревѣла вся. Самые молодые—и тѣ рявкнули. Не было слышно ни *да*, ни *нѣтъ*, но по гулу этому видно было, что вопросъ былъ только оскорбителенъ.

— Готовы-ли вы, воскликнулъ панъ, вставъ съ кресла,—пожертвовать собой, чтобы остаться поляками?

Снова рявкнула толпа и даже шелохнулась, какъ бы готовая идти на приступъ.

— Согласны-ли вы проработать денно и нощно недѣли двѣ или три? Не сражаться, не биться съ врагами, а работать... Обратиться въ простыхъ землекоповъ и усиленно работать.

И на новый гулъ, выразившій полное согласіе, панъ Сандецкій объяснилъ въ чемъ дѣло.

Стоило только, начавъ близъ селенія земляную работу, провести ее на разстояніе около версты, и Сталупени—зѣмокъ, селеніе и всѣ земли—останутся подъ властью польской короны.

Когда вся толпа поняла въ чемъ дѣло, восторженные клики огласили окрестность, и казалось, что на далекое разстояніе кругомъ слышны были эти клики.

Панъ Сандецкій объяснилъ какимъ образомъ и по какому мѣсту выроютъ новое русло для Вислейки, засыплютъ старое, насадятъ кустовъ, кое-гдѣ выстроятъ какой-нибудь сарай или избушку. Въ концѣ концовъ Вислейка въ одномъ мѣстѣ исчезнетъ съ лица земли, а въ другомъ появится.

— Но это не все! снова воскликнулъ панъ-каштелянъ.—Мы всѣ единодушно желаемъ остаться поляками, но тѣмъ не менѣе легко можетъ случиться, что найдется и среди насъ, какъ бываетъ часто, предатель, который при появленіи властей нѣмецкихъ продастъ насъ. Поэтому, во-первыхъ, отправимся сейчасъ же въ костель, прослушаемъ обѣдню, а затѣмъ поклянемся всѣ ни единымъ словомъ не выдавать себя и, чѣмъ бы насъ ни устрашали, стоять крѣпко за то, что Вислейка всегда, испоконъ вѣка, текла на западъ отъ зѣмка, а не на востокъ. Кромѣ того, мы поклянемся, что тотъ, кто насъ продастъ, будетъ нами наказанъ смертною казнью. Я велю приготовить на этотъ случай среди этого двора висѣлицу. На ней мы повѣсимъ гуду-предателя.

Послѣ новыхъ кликовъ, *виватовъ* и долго неумолкавшаго гула голосовъ, вся громада двинулась со двора зѣмка въ Сталупени, прямо къ костелу.

Впереди этой толпы шелъ ксендзь, присутствовавшій при всемъ. Ему предстояло служить обѣдню, но отецъ Викентій или былъ болѣе всѣхъ взволнованъ извѣстіемъ, или иное что-нибудь случилось съ нимъ. Онъ былъ блѣденъ, такъ что его нельзя было узнать.

Разумѣется, не переходъ Сталупеней къ Пруссіи взволновалъ его. Его поразило, оскорбило, привело въ бѣшенство совершенно иное. Все время, что панъ-каш-

телянъ держалъ рѣчь къ народу, ксендзь не спускалъ глазъ со своей бывшей госпожи, которая гордо и величаво стояла за кресломъ пана вмѣстѣ съ его дочерью.

Давно-ли она боялась его, робѣла при малѣйшемъ его словѣ, опускала глаза и даже дрожала отъ страха а теперь, увидя его впереди толпы, она усмѣхнулась, головкой дернула и глаза прищурила, какъ будто разглядывая: какая такая букашка чернѣетъ передъ ней.

„Да“, ворчалъ себѣ подъ носъ отецъ Викентій, — „она посмотрѣла на меня какъ на какое-то насекомое. Хорошо! Увидимъ, кто въ концѣ концовъ кого поборетъ: каштелянъ ксендза, или ксендзь каштеляна!“

Костель наполнился народомъ, разумѣется, самыми старыми или важными обывателями. Остальные обступили храмъ кругомъ. Каштелянъ явился тоже, но безъ дочерей, а въ сопровожденіи лишь двухъ или трехъ домовниковъ.

Здѣсь, когда началось пѣніе молитвы Пресвятой Дѣвѣ, каштелянъ и всѣ присутствующіе надѣли шапки, вытащили сабли на половину изъ ноженъ и громко поклялись стоять за Пресвятую, но вмѣстѣ съ тѣмъ на этотъ разъ стоять вѣрой и правдой за свое личное, частное дѣло.

Послѣ обѣдни всѣ присутствующіе, а равно и стояшіе кругомъ костела, поклялись держать все втайнѣ и наказать предателя, если таковой окажется.

Ксендзь служилъ обѣдню опустивъ глаза въ землю, а блѣдное лицо его иногда искривлялось презрительной усмѣшкой. Онъ зналъ впередъ, что этимъ предателемъ будетъ онъ. Единственно что смущало его—выйдетъ-ли толкъ изъ этого предательства.

Послѣ обѣдни толпа, и старъ и малъ, наполнила снова дворъ зѣмка. Панъ-каштелянъ устроилъ пиръ. На дворъ выкатили бочки вина, а въ большомъ сараѣ для молодежи снова были устроены танцы. Но такъ какъ души общества — Кароля — и другой когда-то всѣхъ увлекавшей личности въ сараѣ не было, то и танцы шли довольно вяло.

XVIII.

Съ восходомъ солнца недалеко отъ мостика между селеніемъ и зѣмкомъ уже собрались толпы въ простыхъ будничныхъ одеждахъ со всякаго рода земляными орудіями. Ломы, кирки, лопаты, тачки — все тутъ было на-лицо.

Началась работа, длившаяся цѣлый день. Самъ каштелянъ руководилъ работой и обозначалъ ту мѣстность, по которой должно было идти будущее русло.

Къ большому удивленію всѣхъ, главнымъ помощникомъ каштеляна оказался старикъ-домовникъ, котораго едва знали въ лицо сельчане, несмотря на то, что онъ жилъ въ зѣмкѣ уже цѣлые годы. Это былъ старикъ Заремба.

Онъ оказался специалистомъ по тому важному дѣлу, которое теперь предпринималось. Онъ же распредѣлил рабочихъ такимъ умнымъ способомъ, что работа пошла вдвое быстрѣе. Народъ не толпился безпорядочною кучей, а раздѣленный на четыре партіи дѣлалъ свое дѣло успѣшнѣе и даже веселѣе.

Тутъ же было окончательно рѣшено стариками, что, по всей вѣроятности, работа, несмотря на ея трудность, будетъ окончена недѣли въ двѣ, много въ три, а до появленія прусскихъ солдатъ, или комиссаровъ, оставалось по крайней мѣрѣ около мѣсяца.

Главная трудность задачи заключалась не въ рытьѣ русла, а въ уничтоженіи слѣдовъ этого рытья, и затѣмъ вторая трудность—уничтоженіе слѣдовъ прежняго русла.

Панъ-каштелянъ ежедневно вставалъ съ восходомъ солнца и проводилъ цѣлые дни на работѣ. Сюда же ради любопытства являлись и обѣ панны-дочери. Сусанна подбадривала хлоповъ шутками и смѣшками.

Моника, по своему обыкновению, являлась болѣе полезной для рабочихъ. Она постоянно приходила съ цѣлой свитой дѣвушекъ и приносила для раздачи хлѣбъ, мясо, лакомства, а иногда и вино.

Прошло двѣ недѣли.

Старикъ-домосѣдъ Заремба зарабатывалъ теперь весь хлѣбъ, который, въ качествѣ домовника, съѣлъ за много лѣтъ у своего благодѣтеля-пана. Онъ поквитался теперь съ каштеляномъ. Безъ него быть-можетъ работа шла бы медленнѣе и вышла бы грубѣе. Всякій могъ бы догадаться и замѣтить обманъ.

Такъ, между прочимъ, Сандецкій предполагалъ провести прямо простое русло съ одинакими берегами. Старикъ Заремба убѣдилъ пана-каштеляна и всѣхъ прочихъ, что нужно потратить нѣсколько болѣе труда и какихъ-нибудь нѣсколько лишнихъ дней, но провести русло болѣе причудливое.

— Надо, чтобы это была рѣчка, а не искусственный каналъ, говорилъ онъ.

Но это легко было сказать, сдѣлать было мудренѣе. И въ этомъ отношеніи старикъ-шляхтичъ не ограничивался однимъ совѣтомъ. Онъ выдумывалъ тотчасъ же что-нибудь, что дѣлало будущіе берега новой самодѣльной Вислейки самыми естественными, какіе только могла сдѣлать сама природа.

Наконецъ, въ одинъ сумрачный день, съ грозовой тучей на небосклонѣ, всѣ обитатели Сталупеней явились въ праздничныхъ одеждахъ. Только человѣкъ съ десятокъ были съ ломачами и заступами. Оставалось только прорыть, или пробить небольшое пространство, въ сажень, которое отдѣляло новое русло отъ извилины стараго.

Эта работа продолжалась всего часъ—и при громкихъ кликахъ *vivatъ*, Вислейка, довольно глубокая въ этомъ мѣстѣ, ринулась весело, будто съ большой охотой—въ правую сторону. Народъ, стоявшій по берегамъ, весело бросился бѣжать за водой вдоль новаго русла. Черезъ нѣсколько минутъ Вислейка отдѣлила замокъ отъ невидимаго, но всѣми какъ бы чувствуемаго врага—нѣмца.

Панъ Заремба, бывшій тутъ, даже прослезился отъ восторга. То, что ему одному мерещилось теперь и днемъ и ночью, оказалось не только удивительно исполненнымъ, но и замѣчательно сооруженнымъ.

Новая Вислейка была самая обыкновенная рѣчка, то глубокая, то мелкая, бросавшаяся и вправо и влѣво, кое-гдѣ бурлившая на глубокихъ мѣстахъ, а кое-гдѣ тихо скользящая по броду, и сквозь небольшой пластъ воды блестя чистый бѣлый песокъ на днѣ. Сама природа лучше бы не провела рѣчку.

Послѣ одного дня отдыха и пированія на дворѣ замка, на утро началась новая работа—засыпаніе стараго русла. И здѣсь домосѣдъ и нелюдимъ Заремба снова оказался мастеромъ своего неожиданнаго дѣла.

Здѣсь онъ распланировалъ мѣстность и занялся уже садоводствомъ, огородничествомъ, а кое-гдѣ и строительствомъ. Въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ пришлось строить. Кое-гдѣ были выстроены сараи, кое-гдѣ посажены деревья и кусты. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось класть огромные куски привознаго дерна.

Эта работа—уничтоженія слѣдовъ стараго русла—была наконецъ тоже окончена, и какъ разъ наканунѣ праздничнаго дня.

На утро снова было пированіе въ замкѣ и во дворѣ. Всѣ были несказанно счастливы, всѣ только и толковали о томъ, какой панъ Ксаверій молодецъ, что додумался до такого простаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и диковиннаго способа: остаться Сталупенямъ на вѣки вѣчные за Рѣчью Посполитой.

Въ самый разгаръ веселья снова появилось красное сукуно на подъѣздѣ, снова появилось кресло золоченое

и снова вышелъ изъ замка въ красивомъ нарядѣ панъ Ксаверій съ дочерьюми. Но теперь впереди паннъ, и рядомъ съ каштеляномъ, стояла панна Франциска въ пунцовомъ бархатномъ платкѣ съ конфедераткой на головѣ, украшенной большимъ пунцовымъ перомъ, которое красиво падало на плечо ея.

Народъ невольно притихъ и, столпившись, ждалъ чего-то особеннаго. Всѣ чуяли, что панъ скажетъ что-нибудь удивительное. И дѣйствительно, панъ-каштелянъ удивилъ всѣхъ.

Прежде всего панъ Ксаверій громко назвалъ нѣсколько лицъ изъ обитателей Сталупеней, съ цѣлью убѣдиться, что они на-лицо. Въ числѣ прочихъ панъ назвалъ отца Викентія.

— Здѣсь, пане! отозвался глухо, сдавленнымъ голосомъ ксендзъ, стоявшій на этотъ разъ не въ первыхъ рядахъ, а среди народа.

— Не годно тебѣ, духовному лицу, стоять среди толпы, выговорилъ панъ Сандецкій, усмѣхаясь.—Выйди впередъ.

Ксендзъ поневолѣ повиновался, выбрался изъ толпы и сталъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ подъѣзда. Разъ три искоса глянулъ онъ на красавицу Франциску, блестящую своею красотой и богатымъ нарядомъ, но встрѣтивъ ея дерзко-насмѣшливый взглядъ, снова измѣнился въ лицѣ, уперся глазами въ землю и стоялъ, стараясь сдерживать свое бѣшенство и злобу.

Ему чудилось нѣчто. Онъ былъ увѣренъ, что эта его догадка не ошибочна. А между тѣмъ его догадка казалась ему же и полною бессмыслицей.

„Зачѣмъ же она, Франциска, явилась въ праздничномъ нарядѣ, думалось ксендзу, — якобы ради какого торжества? Почему же не быть этому? Вѣдь она стоитъ впереди двухъ дочерей каштеляна, рядомъ съ нимъ“.

— Слушайте меня, мои вѣрные домовники и хлопцы, началъ говорить Сандецкій.

Рѣчь его продолжалась довольно долго. Панъ любилъ ораторствовать и умѣлъ говорить.

— Однимъ словомъ, закончилъ панъ Ксаверій,—спасеніе наше придумала стоящая предъ вами, панна Франциска Дзялынская. Но прежде чѣмъ сообщить мнѣ свою выдумку она взяла съ меня слово, что если я, благодаря ей, на-вѣки останусь съ потомками, изъ рода въ родъ, въ Польшѣ, то обязанъ вознаградить ее, сочетавшись съ ней законнымъ бракомъ. Скажите мнѣ правдиво: стоить-ли ея совѣтъ такой награды?

Обыватели Сталупеней почти всѣ, отъ мала до велика, давно любившіе, а нѣкоторые и обожавшіе Франциску, встрѣтили слова пана-каштеляна ликованіемъ почти такимъ же, какимъ проводили Вислейку, когда она побѣжала направо отъ мостика въ новое русло.

Только одинъ человѣкъ въ эту минуту страшно поблѣднѣлъ и даже затрясся всѣмъ тѣломъ. Это былъ отецъ Викентій.

— Я очень радъ, воскликнулъ панъ Ксаверій,—что будущая каштелянша Сталупенская вамъ по сердцу! Черезъ нѣсколько дней я ѣду въ Варшаву и тамъ намѣренъ отпраздновать свою свадьбу самымъ пышнымъ образомъ. Затѣмъ я вернусь сюда, и здѣсь мы будемъ пировать цѣлыхъ три дня. Нынѣшніе мальчуганы десяти лѣтъ отъ роду, которые проживутъ лѣтъ девяносто на свѣтѣ, будутъ и въ половинѣ будущаго столѣтія разсказывать, какъ панъ Ксаверій Сандецкій, каштелянъ Сталупенскій, праздновалъ свою женитьбу на самой умной полькѣ всего королевства, паннѣ Францискѣ Дзялынской.

Окончивъ рѣчь, Сандецкій крикнулъ *vivatъ*, и тысячная толпа гулко и лихо подхватила его. Шапки полетѣли вверхъ. А панна Франциска мило, любезно, но горделиво и величаво раскланивалась съ высокаго подъѣзда на всѣ стороны.

Она видѣла въ толпѣ нѣсколько молодыхъ Сталу-

пеньскихъ франтовъ, которые еще такъ недавно любезничали съ ней, объяснялись ей въ любви на задворкахъ и на огородахъ села. Она видѣла впереди всѣхъ зеленое, искаженное злобой лицо своего недавняго страшилица—отца Викентія.

И все это веселило сердце Франуси.

Давно-ли все это было?.. А теперь? Насколько это крыльцо, покрытое краснымъ сукномъ, выше всей этой толпы, настолько и она положеніемъ стала выше ихъ всѣхъ. Не пройдетъ нѣсколькихъ дней, какъ она будетъ супругой одного изъ самыхъ богатыхъ людей королевства.

XIX.

Разумѣется, тотчасъ же начались въ замкѣ сборы къ отъѣзду. Панъ Сандецкій былъ въ духѣ и счастливѣе чѣмъ когда либо.

За послѣднее время онъ сталъ ласковѣе обращаться со своими дочерьми, а теперь, по просьбѣ Франуси, согласился и на то, что считалъ невѣроятнымъ нѣсколько дней назадъ, на ихъ поѣздку въ столицу. Обѣ дочери пана Ксаверія, уже давно зная, въ какихъ отношеніяхъ находится новая домовничка къ ихъ отцу, въ чѣмъ заключается ея заслуга предъ нимъ, покорились случайности и примирились съ удивительною новостью.

Для нихъ никакой перемѣны въ жизни отъ брака отца произойти не могло. Онѣ знали, что и прежде отецъ предполагалъ все свое состояніе передать такъ или иначе своему сыну, Каролу. Имъ же должно было достаться только приданое матери. Теперь, если у отца и будутъ дѣти отъ второй жены, на ихъ судьбу это пріямъ не вліяло.

Между тѣмъ Франуса съумѣла заставить обѣихъ дѣвухекъ быстро полюбить себя, и какъ только онѣ сблизились, положеніе паннъ стало совершенно иное въ замкѣ. И не только съ ними отецъ сталъ ласковѣе, но стали появляться такія мелочи, которыя озадачивали и всѣхъ домовниковъ. Каштелянъ измѣнился въ обращеніи со всѣми.

Франуса, зная теперь сердечную тайну младшей Сусанны — надежду выйти замужъ за русскаго офицера, и другую сердечную тайну старшей, Моники — ея желаніе быть игуменьей, прямо общалась обѣимъ паннамъ свою помощь. Она заранѣе отвѣчала за успѣхъ. Панна Франуса знала лучше, чѣмъ кто-либо, въ какой уже власти находится у нея будущій пожилой мужъ.

Теперь въ замкѣ стало веселѣе чѣмъ когда-либо. Всѣ ликовали, что панъ Сандецкій съ невѣстой, съ двумя дочерьми и почти съ полнымъ составомъ своихъ домовниковъ и домовничекъ, собирается въ Варшаву на бракосочетаніе.

Недѣлю продолжались сборы въ замкѣ. Все было наконецъ готово къ отъѣзду, но панъ-каштелянъ былъ задержанъ полученіемъ тѣхъ денегъ, какія слѣдовало взять съ собой. Онъ рѣшилъ взять не менѣе ста тысячъ злотъ, дабы отпраздновать свою свадьбу въ Варшавѣ такъ громко и съ такимъ великолѣпіемъ, чтобы вся столица заговорила о немъ.

Каштелянъ Сталупеньскій мечталъ уже о томъ, что, конечно, самъ ненавистный ему король Станиславъ со своимъ дворомъ будетъ тоже присутствовать на его свадьбѣ.

Но поступленіе денегъ шло очень медленно, и каштелянъ былъ задержанъ еще на цѣлую лишнюю недѣлю.

Однажды утромъ, около полудня, въ селеніи произошла тревога. Нѣкоторые молодцы бросились бѣгомъ къ замку объявить о томъ, что случилось на селѣ. Скоро вѣсть достигла и до самого каштеляна и слегка взволновала его.

Въ Сталупеняхъ появились два комиссара съ какими-

то столбами и значками, на которыхъ были намазаны черные орлы. Конечно, обитатели знали, что это за орлы, давно имъ ненавистные, и знали тоже, кто эти давно ожидаемые гости.

Съ комиссарами было нѣсколько человѣкъ солдатъ въ прусскихъ мундирахъ. Это была коммиссія по разграниченію двухъ королевствъ.

Панъ Сандецкій не двинулся изъ замка, а послалъ къ гостямъ маршала Балтазара Трембицкаго и двухъ домовниковъ, изъ самыхъ умныхъ и важныхъ. Они вмѣстѣ съ комиссарами обошли село, замокъ и, изображая изъ себя людей наивныхъ, якобы не знающихъ совершенно о томъ, по какимъ правиламъ должно происходить размежеваніе и разграничиваніе, указали комиссарамъ мѣстность, окружающую замокъ.

Нѣмцы и поляки, прогуливаясь кругомъ замка, объяснявшіеся больше мимикой и жестами, кое-какъ перетолковали. Дѣло оказалось простое.

Нѣмцы увидѣли сами, что рѣчка проходила по владѣніямъ каштеляна Сандецкаго такимъ образомъ, что замокъ отдѣлялся ею къ Польшѣ, слѣдовательно, и все огромное помѣстье пана оставалось за польской короной.

Пруссаки, уже собиравшіеся разставлять свои столбы съ черными орлами и уже вытацившіе нѣсколько листовъ съ объявленіями для жителей, все уложили обратно.

Только одинъ изъ этихъ пруссаковъ, человѣкъ, очевидно, болѣе дальновидный и умный, сомнительно покачивалъ головой и по-волчьи озирался, гуляя вокругъ замка. Или онъ былъ проницательнѣе, или до него достигли какіе-нибудь слухи, или уже нашелся предатель въ Сталупеняхъ. Этотъ комиссаръ то морщился, то усмѣхался. Собираясь обратно, онъ заявилъ на ломаномъ польскомъ языкѣ, что Сталупени остаются во власти Рѣчи Посполитой „покуда“, а что будетъ послѣ—видно будетъ.

Это „покуда“ смутило тѣхъ домовниковъ, которые слышали это.

Комиссары съѣли снова въ свои брички и выѣхали изъ Сталупеней.

Слово „покуда“ облетѣло скоро Сталупени, облетѣло и замокъ, достигло и до слуха самого пана.

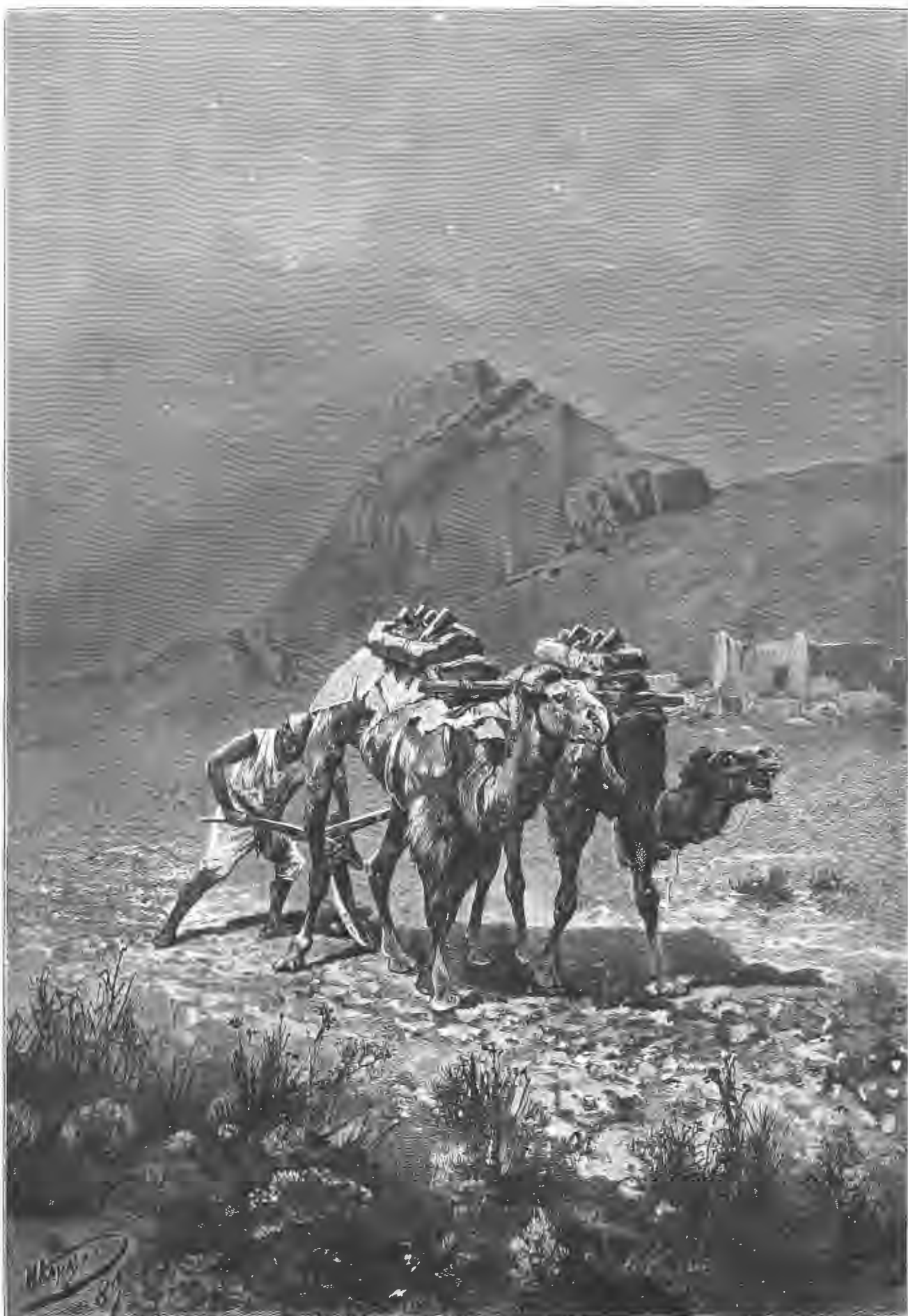
— Это пустое! отозвался Сандецкій.—Если нашелся предатель, то мы всѣ, сколько насъ ни есть живыхъ людей въ Сталупеняхъ, поклянемся, что все это ложь, что Вислейка съ незапамятныхъ временъ, со временъ Ольгерда, съ самыхъ дней потопа текла именно по тому мѣсту, гдѣ течетъ теперь.

Черезъ день послѣ посвященія ненавистныхъ нѣмцевъ, длинный поѣздъ выѣхалъ изъ замка по дорогѣ въ столицу. На этотъ разъ поѣздъ былъ гораздо пышнѣе, чѣмъ когда-либо. Нѣсколько новыхъ экипажей, роскошныхъ и простыхъ, длинной вереницей понеслись по дорогѣ.

Впереди всѣхъ скакали гайдуги и паюки каштеляна Сталупеньскаго. Самъ онъ ѣхалъ въ данцигской каретѣ, отдѣланной золотыми украшениями, запряженной четверней великолѣпныхъ лошадей. За нимъ, въ другой каретѣ, ѣхала одна панна Дзыльнская, въ третьей—ѣхали двѣ панны-дочери, въ остальныхъ бричкахъ и нетычанкахъ ѣхали домовники и прислуга. Всего было около двадцати-пяти экипажей.

Рядомъ съ поѣздомъ и позади его скакало много всадниковъ. Это были молодые домовники, которые, не найдя мѣста въ экипажахъ, двинулись верхомъ. Разумѣется, вся дорога отъ замка на цѣлыхъ полверсты была покрыта народомъ. Хлопы вышли провожать поѣздъ каштеляна.

Панна Франиска ласково раскланивалась изъ окошка кареты на обѣ стороны и показалась обывателямъ красивѣе чѣмъ когда-либо...

Окрестности Асхабада. Пахарь. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Карзина, грав. Флюгель.

XX.

Между тѣмъ Кароль, бѣжавшій изъ отцовскаго дома, послѣ долгаго пути, достигъ цѣли своего странствованія. Молодой человѣкъ измѣнился за это время до неузнаваемости.

Оказывалось, что его любовь къ Франусѣ была не простою вешинкой, а глубокою страстью. Быстро, чуть не въ одинъ вечеръ влюбился онъ въ кокетку, а между тѣмъ чувство оказывалось гораздо болѣе серьезнымъ, нежели онъ самъ вначалѣ думалъ.

Правда, до тѣхъ поръ Кароль никогда влюбленъ не бывалъ, за исключеніемъ одного легкаго увлеченія. Если-бы соперникомъ его былъ не родной отецъ, то, конечно, онъ не уступилъ бы предмета своей страсти такъ легко. Съ другой стороны, именно это обстоятельство, что соперникомъ былъ родной отецъ, дѣлало его теперешнее чувство еще болѣе тяжелымъ.

Все это случилось слишкомъ неожиданно и казалось слишкомъ невѣроятно. Вдобавокъ Каролю чудилось, что панна Франциска если не играетъ комедію, то, во всякомъ случаѣ, поступаетъ странно.

Не можетъ же она быть, въ самомъ дѣлѣ, влюблена въ пожилаго, хотя бодраго, но все-же далеко не красиваго вдовца! Будь онъ бѣденъ, развѣ все это случилось бы?..

Размышляя объ этомъ, Кароль приходилъ къ убѣжденію, что рано или поздно, а можетъ быть и очень скоро въ отношеніяхъ будущихъ супруговъ произойдетъ какая-нибудь драма. Онъ понималъ, видѣлъ, что Франуся много беретъ на себя. Она не знаетъ пана Ксаверія. Она не знаетъ, что, будучи у нея въ рукахъ игрушкой, онъ можетъ въ одинъ прекрасный день оказаться опасною игрушкой. Если Франуся захочетъ, играя, сломать эту игрушку, то можетъ не только поранить себя, но и убить.

Въ случаѣ враждебныхъ отношеній, которыя могли бы возникнуть между отцомъ и его молодой женой, Кароль предполагалъ, конечно, явиться и стать на сторонѣ отца, чтобы наказать примѣрно ту, которая рѣшается играть жизнью людей.

Теперь Кароль былъ въ самомъ трудномъ положеніи. Ему нельзя было оставаться къ Сталупеняхъ. Съ другой стороны, ему не хотѣлось ѣхать на житье въ Варшаву. Отправляться въ какой-либо небольшой городъ было излишне, ибо тамъ нечего было дѣлать. Поэтому молодой человѣкъ избралъ нѣчто привлекательное по времени, или, лучше сказать, модное.

Во всей Польшѣ, у всѣхъ большихъ магнатовъ была масса молодцовъ-нахлѣбниковъ получавшихъ *salarium*, то-есть молодыхъ людей жившихъ на жалованіи и, конечно, всѣ они были изъ природныхъ шляхтичей. Молодежь, и мужчины, и дѣвушки, какъ бы въ силу обычая, поступали на службу къ этимъ магнатамъ. Юноши поступали пажами, молодые люди въ качествѣ адъютантовъ или вообще членовъ свиты магната, молодые дѣвушки въ качествѣ компаньенокъ или фрейлинь.

У нѣкоторыхъ магнатовъ эти дворы были на царскую ногу; но выше всѣхъ по роскоши и блеску, вслѣдствіе огромнаго состоянія и самаго древняго происхожденія, стоялъ князь Кароль Станиславъ Радзивиль.

Это была крупнѣйшая личность времени. Но значеніе Радзивила опредѣлялось не его личными качествами, а исключительно страшными суммами, которыми онъ безпорядочно сорилъ. Радзивиль, въ силу обычая, подобно отцу, дѣду и прадѣду былъ палатиномъ Виленскимъ или воеводой, и былъ счетомъ шестнадцатый воевода. Слѣдовательно, всѣ Радзивилы господствовали въ Литвѣ съ незапамятныхъ временъ.

Предъ избраніемъ на престолъ польскій ставленника Русской императрицы, бѣднаго дворянина Станислава Понятовскаго, многіе мечтали попасть на польскій престолъ, имѣя на то больше правъ чѣмъ Понятовскій. Въ

числѣ прочихъ былъ, конечно, и Кароль Радзивиль.

Понятовскій былъ избранъ благодаря тому, что его дяди, князья Чарторыйскіе, хлопотали за него при Русскомъ дворѣ и, главнымъ образомъ, благодаря прежнему знакомству Понятовскаго съ великою княгиней Екатериной Алексѣевной. Радзивиль сдѣлался, разумѣется, заклятымъ врагомъ и самого короля, и его „фамиліи“, какъ называли въ Польшѣ Чарторыйскихъ.

„Фамилія“ въ первые годы царствованія Понятовскаго распоряжалась и королемъ, и судьбами Рѣчи Посполитой. Князь Радзивиль составилъ свою анти-правительственную партію. Въ Польшѣ говорилось:

— Куда глянетъ Радзивиль, туда бросится и вся Литва!

Дѣйствительно, Литва какъ бы привыкла къ своему собственному королю, такъ какъ всѣ Радзивилы властвовали здѣсь уже за триста-пятьдесятъ лѣтъ, играли крупную роль въ исторіи своего отечества; поэтому князь Кароль могъ, конечно, мечтать о томъ, чтобы сдѣлаться королемъ. Теперь же, оставшись простымъ магнатомъ и воеводой Виленскимъ, онъ, во всякомъ случаѣ, стоялъ выше всѣхъ остальныхъ магнатовъ.

Положеніе Кароля Радзивила было тѣмъ исключительнѣе, что онъ стоялъ за старо-польскіе порядки. Онъ со своею многочисленною партіей былъ закоренѣлымъ врагомъ всего новаго, всѣхъ реформъ и всѣхъ переменъ, какія вводила Екатерина чрезъ своихъ резидентовъ.

Когда началось время всякаго рода конфедерацій, въ которыхъ сами поляки не могли разобраться и которыхъ набралось до двухсотъ, Радзивиль явился первымъ основателемъ знаменитой Барской конфедераціи, сыгравшей крупную роль въ исторіи Польскаго государства. Россія долго боролась съ ней, и только Суворовъ раздавилъ „польскую гидру“, какъ называли ее въ Петербургѣ.

Барская конфедерація была, дѣйствительно, гидрой. Каждый разъ, что погибалъ какой-нибудь коноводъ, прославившійся своими подвигами,—на его мѣсто появлялись двое другихъ.

Разумѣется, Русское правительство всячески хлопотало, чтобы привлечь на свою сторону такую силу, какъ Радзивиль; но такъ какъ упрямый магнатъ не уступалъ, требовалъ не болѣе, не менѣе, какъ низложенія короля изъ рода простыхъ шляхтичей, то пришлось употребить противъ него самое сильное средство, какое было въ рукахъ правительства.

Радзивиль былъ безъ суда наказанъ „банниціей“, т. е. подвергся изгнанію изъ своего отечества. Всѣ его громадныя помѣстья, которымъ счету не было, были конфискованы и якобы отобраны въ пользу государства. Но оказалось все это въ концѣ-концовъ мыльнымъ пузыремъ.

Если за всѣ двадцать-пять, тридцать послѣднихъ лѣтъ существованія Рѣчи Посполитой не видно было нигдѣ, ни въ чемъ ни капли единодушія, то въ частномъ дѣлѣ банниціи Радзивила проявилось единодушіе удивительное. Когда магнату пришлось удалиться, почти бѣжать изъ своего отечества, то нашлись люди, которые моментально разобрали въ аренду всѣ его безчисленныя помѣстья. У этихъ арендаторовъ невозможно было, въ силу ихъ частныхъ договоровъ, отнять земли. А между тѣмъ всѣ эти арендаторы были подставные.

Разобравъ всѣ помѣстья и фольварки магната, они послали ему за-границу весь доходъ. И князь Радзивиль, изгнанный изъ предѣловъ отечества, изумлялъ Францію и Италію своей роскошью и своимъ швыряньемъ золота.

Проживая одно время въ Венеціи, польскій магнатъ затмилъ своимъ блескомъ блестящую и богатую Венецію. Послѣ его путешествія на цѣлую сотню лѣтъ осталось въ Италіи выраженіе „*far viaggio alla pollaca*“—„путешествовать по-польски“.

За время этого заграничного кочеванія, Радзивиль дѣйствовалъ еще враждебно относительно Русскаго правительства и короля Станислава, сносився со всѣми врагами Екатерины, подружился даже съ самозванкой принцессой Владимірской, открыто объявлялъ по всей Европѣ, что онъ хлопочетъ не только объ изложеніи короля Польскаго, но и императрицы Всероссийской.

Тѣмъ не менѣе, въ концѣ-концовъ Русское правительство всячески старалось прекратить „Радзивильовъ шумъ“ въ Европѣ. Русская царица не любила тѣхъ лицъ, которыя въ Европѣ „шумѣли“ противъ нея.

И прорастававъ нѣсколько лѣтъ, Радзивиль вернулся въ свое отечество съ разрѣшеніи своихъ враговъ.

Нѣчто, составлявшее силу князя Радзивила, послужившее когда-то ядромъ для основанія Барской конфедерации, парализовавшее усилія Польскаго короля избавиться отъ своего врага, наконецъ, сдѣлавшее банницію пустынями—это нѣчто и было теперь цѣлью путешествія Кароля. Это была извѣстная на всю Польшу „Албанская банда“.

Когда-то Радзивиль, оставшись послѣ отца наследникомъ громаднаго состоянія и найдя въ замкѣ нѣскольکو сотъ нахлѣбниковъ и служителей изъ шляхты, которые всѣ носили названіе домовниковъ, первый изъ польскихъ магнатовъ надумался воспользоваться этою праздною и зря буйнвшею толпой.

Избравъ лучшихъ, Радзивиль основалъ свою дружину, далъ ей особый мундиръ и написалъ для нея особый статуть. Дѣло было обставлено такъ, что скоро рѣ сыновья самыхъ знатныхъ, но обѣднѣвшихъ фамилій считали за честь поступить въ банду Радзивила. Начальникъ ея назывался канцлеромъ.

Въ скоромъ времени это было уже многочисленный полкъ первыхъ удалцовъ Польши. Разумѣется, они были нѣчто въ родѣ опричниковъ для враговъ магната-князя, но были за-то опорой Радзивильовской партіи.

Князь жилъ въ своемъ имѣніи въ Несвижѣ, называвшемся Алба, и дружина его или банда, была названа по имени его резиденціи.

Вотъ въ эти-то „албанчики“ и явился теперь молодой Кароль Побѣчекъ поступить охотникомъ.

(Продолженіе будетъ).

Колесо Фортуны.

Историческій разсказъ П. Н. Полевого.

(Продолженіе).

III.

Графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ — одинъ изъ влиятельнѣйшихъ кабинетъ-министровъ, а по женѣ и близкій родственникъ правительницы, герцогини Анны Леопольдовны,— жилъ въ то время въ одномъ изъ своихъ домовъ, на Васильевскомъ островѣ, близъ бывшихъ Меншиковскихъ палатъ.

Домъ графа Михаила Гавриловича былъ обширный, въ два жилья, и хотя верхнее жилье и было деревянное, но весь домъ, красиво отстроенный заѣзжимъ итальянцемъ-архитекторомъ, сморгѣлъ изящно и легко на улицу изъ-за рѣшетки сада. Садъ былъ тоже обширный; онъ тянулся позади графскаго дома до самой Невки, и, по обычаю времени, былъ переполненъ всякими люсть-гаузами, гротами, бесѣдами и статуями, которыми въ изобиліи были обставлены прямиа, крытая и огниная дорожки графскаго сада.

Домъ графа Головкина былъ казистъ не одною внѣшностью: „красна была изба углами — красна и пирогами“. Графъ Головкинъ слылъ издавна великимъ хлѣбосоломъ и гастрономомъ и любилъ частенько собирать въ своихъ богатыхъ палатахъ цвѣтъ современнаго петербургскаго общества. Графскіе повара считались чуть-ли не первыми въ Петербургѣ; а погребъ графа цѣнился высоко любителями и знатоками не только за запасы дорогихъ и рѣдкихъ винъ, но и за дѣдовскій запасъ медовъ, наливокъ и настоекъ. Вотъ почему банкеты и праздничныя трактованья графа усердно и охотно всѣми посѣщались и въ графскомъ домѣ не было госямъ перевода. Танцевальныя вечеринки у графа были тоже преледелия. Онъ, какъ любитель музыки, держалъ свой собственный домовый оркестръ, подъ управленіемъ извѣстнаго канцельмейстера, Ивана Мурзина, и Головкинскіе музыканты обыкновенно приглашались даже на придворныя балы и маскарады.

Насколько графъ Михаилъ Гавриловичъ, воспитанный въ Петровское время и долго жившій за границей, умѣлъ придать своему дому внѣшній видъ и характеръ европейскаго знатнаго дома,—настолько-же его супруга, добрейшая Екатерина Ивановна умѣла и среди европейской обстановки удерживать въ домѣ духъ и характеръ стариннаго русскаго боярства и сохранить всѣ обряды, всѣ обычаи исконной русской старины. Никто, во всемъ тогдашнемъ Петербургѣ, не умѣлъ такъ радушно принять, такъ сытно и вкусно угостить гостей, какъ графиня Екатерина Ивановна; ни въ чьемъ домѣ не водилось такихъ чудесныхъ квасовъ, шипучекъ и водянокъ, какъ въ ея домѣ; нигдѣ такъ весело и безцеремонно не справляли Святокъ, нигдѣ такъ шумно не пировали на Масляной, какъ подъ милымъ, теплымъ, гостеприимнымъ кровомъ Екатерины Ивановны, которая, казалось, была всѣмъ родня, всѣмъ кума, всѣмъ—своя.

У графа и графини не было дѣтей; но въ домѣ у нихъ жила племянница-сиротка, Настасья Ивановна Мезецкая, въ которой графъ съ графиней души не чаяли. Настенькѣ пошелъ недавно осьмнадцатый годъ, она считалась невѣстою „на выданьи“, и такъ какъ, въ придачу къ красотѣ, за нею числилось еще тысячи три душъ въ Гетманщинѣ, то отъ жениховъ отбою не было. Однакожь, Настенька не торопилась замужествомъ и никто изъ видныхъ жениховъ ея не могъ еще похваляться особеннымъ успѣхомъ въ своихъ искательствахъ...

— Вотъ, Настенька, стала съ нею частенько заговаривать

въ послѣднее время Екатерина Ивановна, — есть у насъ на примѣтѣ и женишокъ тебѣ: разумникъ, дѣловитъ, и саномъ сановитъ, и на пути хорошемъ!

— Ужь не вашъ-ли смиренъ, не Луговскаго-ли князь? плутовато улыбаясь, спрашивала Настенька.

— А хоть-бы и онъ? Чѣмъ онъ тебѣ не нравень? Въ какихъ еще лѣтахъ, а ужъ сенаторъ и скоро кавалерію черезъ плечо получить...

— Чай не своимъ умомъ, а все дядюшкиными милостями пользуетесь? Самъ-то онъ не очень боекъ — не далеко-бы ушелъ...

— Ахъ, ты сорока-бѣлобока! съ досадою отзывалась добрейшая графиня.—Туда-же со своимъ ребячьимъ разумомъ суется о людяхъ судить! Вѣдь мы-то лучше видимъ, кто тебѣ парой можетъ быть! Да знаю, знаю, кто тебѣ по сердцу пришелся! Знаю! За гвардейца нашего, за Измайлова Семена сейчасъ-бы выскочить готова!..

Дѣвушка покраснѣла, потупилась и не сказала ни слова.

— Такъ вѣдь ты подумай, глушенькая, наставительно продолжала графиня.—вѣдь онъ буйнъ, гуляка! Въ дракѣ, въ задорѣ — первый! Какія были вотчинки — всѣ прожилъ, пропираль... Осталось-ли отъ всѣхъ вотчинокъ хоть на поминъ души родительской? Да онъ-же и нечутевый — отъ живого мужа жену увезъ да бросилъ. Нѣтъ,—воля твоя!—за этого не выдадимъ тебя. И будь онъ мнѣ не ввучатный племянникъ — и на порогъ-то его-бы не пустила...

Дѣвушка молчала, опутивъ глаза, и только перебирала складочки кисейнаго рукава, расшитаго пестрыми шелковыми узорами...

Настеньку не смущали всѣ эти разсказы о любовныхъ шалняхъ и удалыхъ шалостяхъ Измайлова, которыя вошли въ словеницу... Настенька знала, что Семень Павловичъ ее любитъ, и гордилась тѣмъ, что этотъ богатырь покоряется ея волѣ какъ ребенокъ. И когда она сравнивала, припоминая, этого браваго молодца-гвардейца съ точнымъ, степеннымъ и исполнительнымъ княземъ Луговскимъ, который и въ менуэтѣ, какъ въ жизни, разсчитывалъ каждый шагъ и каждое движеніе—она думала:

„Нѣтъ! Отъ него чернилами несетъ! Онъ, чай, и спитъ-то съ перомъ за ухомъ?... Нѣтъ, съ такимъ мужемъ я отъ скуки помру! Ну, гдѣ-же ему равняться съ Сенюшкой? Тотъ...“

И, думая о Сенюнкѣ, Настенька на мгновение закрывала глаза, представляла себѣ его красивую, мужественную фигуру и неволью, велухъ договаривала свою мысль:

„Тотъ—совсѣмъ иной! Тотъ—всѣмъ взятъ!“

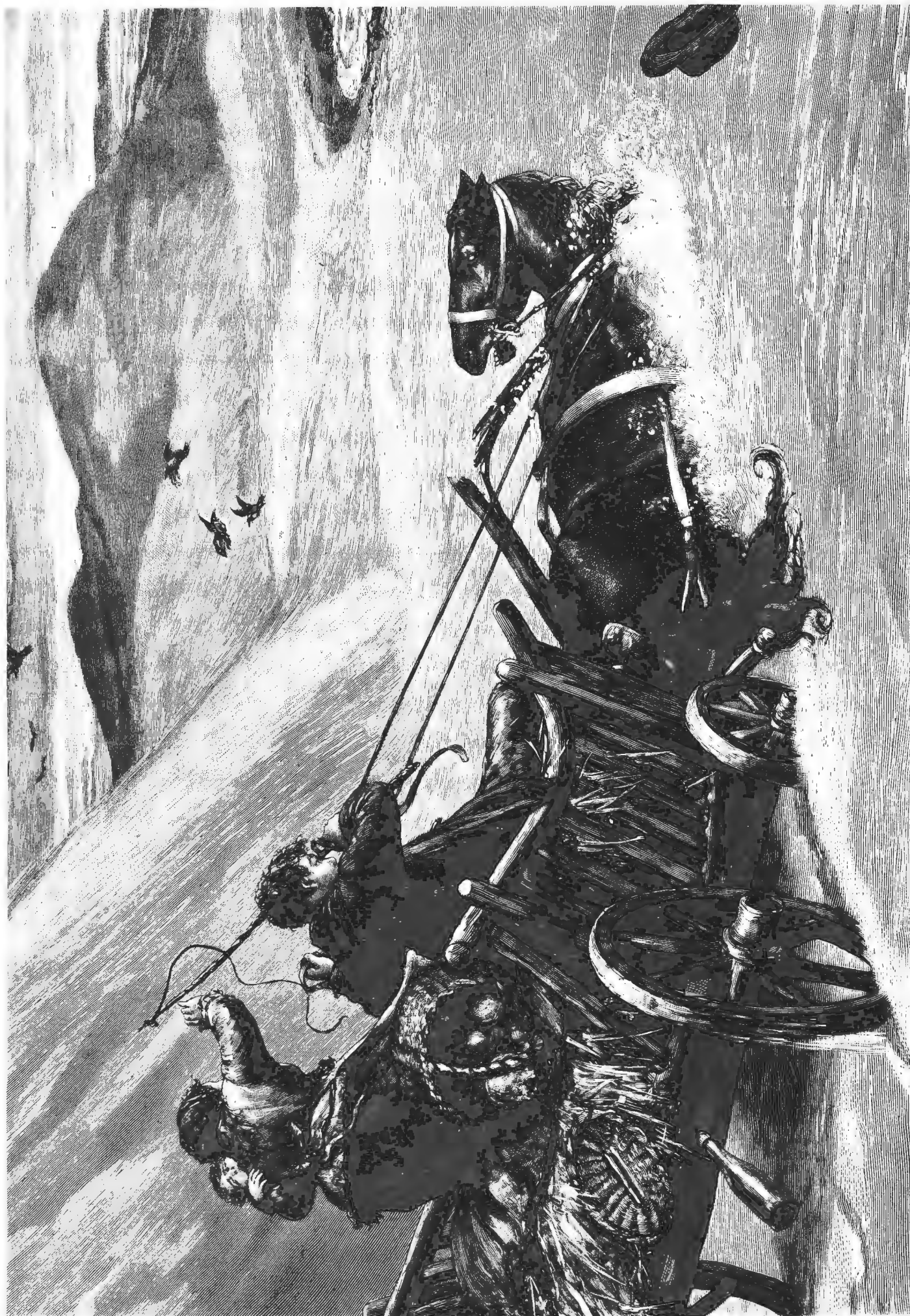
IV.

Когда Яковъ Петровичъ въ своей каретѣ, запряженной цугомъ, подъѣхалъ, въ первомъ часу, къ дому графа Головкина, ему не легко было добраться до подъѣзда, потому что вся улица и весь дворъ графскаго дома были заставлены всевозможными экипажами: возками, каретами, кибитками, санями, и парными, и въодиночку.

Къ обширному крыльцу сѣней графскаго дома то и дѣло подъѣзжали экипажи, изъ которыхъ проворные Головкинскіе слуги, въ богатыхъ гайдудскихъ ливреяхъ, высаживали все новыхъ и новыхъ гостей. Наконецъ, черѣдъ дошелъ и до кареты князя Луговскаго: высадили и его на крыльцо, и между тѣмъ

Видь на дюны Куришского Нерунга. Съ фотогр грав К.лоссь

Въ зыбучихъ песнахъ Нуришскаго Нерунга. Съ наброска Буша. грав. Креперъ.

как онъ вѣхидилъ на его ступени, сзади уже слышенъ былъ скрипъ полозьевъ подъѣзжавшаго другаго экипажа.

Въ обширныхъ сѣняхъ, гдѣ грудями были на зѣрахъ навалены шубы господъ и толпились ихъ слуги, въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ, Яковъ Петровичъ отдалъ шубу Прощкѣ, отряхнулся, оправилъ батистовую сборчатую манжику и осторожно снялъ треуголку съ высокаго напудренного французскаго парика, который покрывалъ его голову.

Затѣмъ, придерживая рукою шнагу, выставившуюся изъ подъ наряднаго сюртука, молодой сепаторъ, по дѣтницѣ, устланной коврами, поднялся во второй этажъ Головкинскаго дома. Здѣсь онъ вступилъ въ тѣсную толпу гостей, наполнявшихъ все три обширныхъ залы, до угловой, въ которой сама хозяйка-имениница принимала поздравленія. Яковъ Петровичъ совсѣмъ затерялся и сталъ незамѣтенъ въ этой пестрой и шумной толпѣ; тутъ видѣлъ онъ около себя и военныхъ, и придворныхъ, и иныхъ сановниковъ, и знатнѣйшихъ духовныхъ особъ и даже полномочныхъ иностранныхъ пословъ и посланниковъ... Шумъ и говоръ множества голосовъ едва покрывался рѣзкими звуками хора „молдавскихъ“ музыкантовъ, которые пришли поздравить графиню и гремѣли какой-то не совсѣмъ складный маршъ въ соседнемъ залѣ.

Расшаркиваясь направо и налево, пожимая руки пріятелямъ и отгвѣщая низкіе поклоны знатымъ персонамъ, князь Луговской наконецъ кое-какъ добрался до хозяйки дома и послѣ обычныхъ поклоновъ и привѣтствій облобызалъ ей руку. При этомъ, графиня милостиво потрепала его по плечу и ласково сказала ему вполголоса:

— Ты, Яшенька, у насъ вѣдь свой... Клади треуголку и шнагу въ сторону — да помогай мнѣ принимать и занимать гостей. Вѣдь графъ-то мой совсѣмъ сегодня расклеился: лежитъ да охаеетъ въ опочивальнѣ.

Яковъ Петровичъ, польщенный милостивымъ вниманіемъ хозяйки, тотчасъ поспѣшилъ исполнить ея желаніе, но, прежде чѣмъ приступить занимать гостей, направился въ опочивальню „благодѣтеля“, чтобы и ему принести поздравленіе и выразить соболезнованіе.

Въ опочивальнѣ графа, обитой по стѣнамъ малиновымъ штофомъ, устланной мягкими коврами, занавѣси оконъ были приспущены. Самъ графъ Михаилъ Гавриловичъ, въ сильнѣйшемъ припадкѣ подагры и хирогры, лежалъ на кровати, полуодѣтый, въ вязаномъ колпакѣ, окутаный соболями одѣяломъ. Около него, за ширмами, обитыми печатнымъ холстомъ, сидѣли въ креслахъ его ближайшіе пріятели и знатнѣйшіе изъ гостей: кабинетъ-министръ Черкасскій, князь Трубецкой, генералъ-прокуроръ сената и генералъ Апраксинъ. Бесѣда за ширмами, интимная и очень оживленная, велась вполголоса, лишь изрѣдка прерываемая стономъ больного графа.

Когда Яковъ Петровичъ, на цыпочкахъ, вошелъ въ опочивальню графа и отгвѣсилъ всѣмъ гостямъ низкіе поклоны, бесѣда смолкла, и князь остановился въ нерѣшительности, не зная, остаться-ли ему у постели больного графа, или удалиться въ залу, къ остальнымъ гостямъ.

Но графъ тотчасъ-же вывелъ его изъ затрудненія:

— А! Яшенька! Вотъ... очень рада! сказала онъ слабымъ, болѣзненнымъ голосомъ. — Поди сюда поближе, поправь мнѣ изголовье, да прислушай, что князь рассказываетъ... А ты, князь, обратился Головкинъ къ Черкасскому, — ты его не ошарсайся. Онъ и мнѣ-то *своей*, и государынѣ-правительницѣ всей душою преданъ: вѣрный и преданнѣйшій рабъ ея высокогерцогскаго величества...

Черкасскій окинулъ Луговскаго взглядомъ, расправилъ морщины на лбу, пожевалъ тонкими блѣдными губами и продолжалъ вполголоса начатый разговоръ:

— Такъ вотъ, вчера-то, въ понедѣльникъ, на куртагѣ, мы видимъ, ея высочество въ такомъ гуморѣ выйти къ намъ изволила, что просто и не подступиться къ ней. По галлерей изволила взадъ и впередъ ходить, почти ни съ кѣмъ не кланяется, а потомъ вдругъ посылаетъ Минихова-сына за цесаревной и ушла въ ту боковую, что направо. Цесаревна переглянулась со своими, а Шегарди проклятый, слышу, шенчетъ, наклонившись къ Финчу: „ну, говоритъ, намылитъ она ей голову!“

— Вотъ кого-бы надо было давнымъ-давно по первопутку за границу сбрызнуть съ досады воскликнулъ Трубецкой, ударивъ ладонью по колѣну.

— Пстой, стой, князь! Не горячись! остановилъ Трубецкаго Черкасскій, спокойно и мѣрно поворачивая между пальцами богатую жалаванную табакерку. — Дослушай сперва... О чемъ ея высочество изволила вести бесѣду съ цесаревной — никто не знаетъ; а только слышно было, что объ знатно горичилась... Въ галлерей даже, гдѣ мы играли въ ломберъ, слышны были ихъ голоса. А потомъ ужъ, смотримъ, цесаревна вышла изъ боковой вся красная, взволнованная — мелькнула мимо насъ и тотчасъ съ куртага уѣхала...

— Охъ, не къ добру все эти ссоры съ цесаревной! заговорилъ чуть слышно Головкинъ. — Надо-бы съ ней помягче обойтись...

Черкасскій промолчалъ и улыбнулся, попрежнему мѣрно поворачивая свою везелевую табакерку между пальцами; за то Трубецкой опять вскипѣлъ:

— Помилуй! Ты, графъ, все помягче хочешь! А по-моему, дави-бы цесаревну въ монастырь упрятать! Ужъ очень много воли стала забирать... На первѣйшихъ вельможъ изволила ужъ покрикивать! Вотъ спроси-ка у Апраксина — при немъ и было дѣло...

— Да! да! Изрядно — нечего сказать! смѣясь отозвался добродушный генералъ Апраксинъ. — Она мнѣ батюшку, блаженной памяти, напомнила! Прислала насъ къ ней государыня съ персидскими дарами; а персидскому послу ихъ подносить не приказала... А цесаревнѣ кто-то и шепни, что это сдѣлано по наущенію Остермана. Вотъ она на насъ обоихъ и накиннулась: „скажите“, говоритъ, „графу Остерману, чтобы онъ не забывалъ, кто онъ, и кто я, и чѣмъ онъ моему отцу обязанъ, который изъ нищезовъ его великимъ господиномъ сдѣлалъ“. И пошла, и пошла! Да такъ и сыплетъ, такъ и сыплетъ словами — а мы-то на нее любуемся... Глаза горятъ, а на щекахъ румянецъ полымемъ пылаетъ!.. Красавица какая!

— Есть на что полюбоваться! рѣзко перебилъ Трубецкой. — Тутъ надо-бы нынѣ мѣры принять...

— Иныя мѣры, спокойно и извѣстно замѣтилъ князь Черкасскій, — теперь принять было нельзя. Дай гвардію сначала вывести изъ Петербурга да подъ Шведа отправить — тогда о *мѣрахъ* можно говорить. А то, вотъ видишь, графъ Михаилъ Гавриловичъ совѣтуетъ ея высочеству „помягче“ да „помягче“ обходиться съ цесаревной, а Остермана-то... не очень слушаютъ. Едва-едва онъ уломалъ ея высочество, чтобы гвардію отослать отсюда на войну...

Графъ Головкинъ собирался оправдываться и возражать Черкасскому, но дверь въ опочивальню отворилась, и на порогѣ ея явилась сановитая фигура стараго дворецкаго, въ пудреномъ парикѣ и въ богатой лиреѣ.

— Магущка-графиня проситъ дорогихъ гостей пожаловать въ столовую палату за именинный столъ, на трактованкѣ! прозвезъ дворецкій во всеуслышанье и поклонился въ почесъ.

— Ну, гости дорогие! Пожалуйте за столъ... Иша, а Яшенька! Веди гостей и помоги графинѣ всѣхъ разсадить и угостить... А ужъ меня не осудите — здѣсь останусь... Охъ! какъ ломитъ — охъ!

И графъ Головкинъ опустился въ изнеможеніи на изголовье, между тѣмъ какъ гости, предшествуемые Яковомъ Петровичемъ, попарно двинулись въ столовую, подъ звуки музыки, исполнявшей какую-то громкую и торжественную кантату.

V.

За столомъ, хозяйка дома посадила Луговскаго, какъ „своего“, поближе къ себѣ, за одинъ изъ маленькихъ столиковъ, которыхъ было множество накрыто кругомъ большаго, банкетнаго стола, украшеннаго по срединѣ высокою „банкетною горкою“ со сластями и фруктами. Столъ, заставленный множествомъ блюдъ со всякими яствами, блисталъ великолѣпнымъ серебрянымъ сервизомъ, пожалованнымъ графу самою государыней-правительницею.

За обѣдомъ, на долю Луговскаго досталась не легкая задача. Графиня безпрестанно обращалась къ нему то съ просьбою угостить кого-нибудь изъ почетнѣйшихъ гостей, то — провозгласить тостъ за родню и графа, и графини или за именинхъ гостей. Среди хлопотъ и суеты Якову Петровичу почти не удалось и прикоснуться ни къ блюдамъ, ни къ напиткиамъ, которые лились рѣкой. Онъ только впопыхахъ успѣлъ отгвѣдать знаменитой „кабаньей головы, разваренной въ рейнвейнѣ“, и тѣхъ ягодныхъ *шалеевъ*, которыми славился поваръ Головкинскихъ, обученный въ Парижѣ. Вся эта суетливая дѣятельность, все эти тосты, весь этотъ шумъ и гамъ подгулявшихъ гостей — совсѣмъ вскружили голову Якову Петровичу. Къ концу обѣда онъ чувствовалъ себя и утомленнымъ, и раздраженнымъ...

И было отчего! Какъ разъ напротивъ Настеньки усѣлся за столомъ братецъ его, Семенъ Измайловъ, — свѣжій, бодрый, принаряженный въ мундиръ, съ золотымъ шнуркомъ и красными отворотами, который очень былъ ему къ лицу. И Яковъ Петровичъ самъ видѣлъ, какъ Настенька не разъ украдкой взглядывала на Семена Павловича и какъ тотъ каждый разъ отгвѣчалъ ей на эти взгляды долгими и пламенными взглядами. А значеніе этихъ взглядовъ было поистинѣ Якову Петровичу послѣ его утренней бесѣды съ братцемъ, и онъ досадовалъ на то, что этотъ гуляка и сорванецъ сумѣлъ найти себѣ отголосокъ въ сердцѣ Настеньки, тогда какъ онъ самъ, при всѣхъ своихъ заслугахъ и солидныхъ достоинствахъ, не удостоенъ былъ отъ нея никакого вниманія.

Однакоже, задумываться надъ этимъ было некогда. Шумный ширъ закончился новыми громкими здравницами въ честь хозяевъ — и все гости поднялись изъ-за стола... Хозяйка приглашала всѣхъ въ залу, гдѣ громкіе и веселые звуки музыки уже призывали молодежь къ танцамъ. Но князю Луговскому уже не до танцевъ. Онъ только издалъ, мелькомъ видѣвъ, какъ танцующіе распредѣлились по парамъ и чинно присѣдая, начали менуэтъ... По просьбѣ графини, ему опять пришлось сновать между гостями: однихъ почтительно провожать въ опочивальню графа, другихъ распредѣлять въ бильярдную и шахматную палаты, третьихъ — потихоньку спроваживать до-

мой, сдавая на руки ихъ слугамъ... Вернулся князь въ залу уже тогда, когда балъ былъ въ полномъ разгарѣ и нѣсколько паръ, среди тѣсно столпившейся массы гостей, оканчивали гавотъ.

— Эхъ, къ чорту бы всю эту нвоземщину! Ну, что за прокъ въ этихъ гавотахъ да менуэтахъ! громко толковалъ въ толпѣ гостей крѣпко-подгулявшій генералъ Апраксинъ.—Старину бы вспомнить— да *русскую* трихнуть!

— Да! да! Вѣрно-вѣрно! подтвердили нѣсколько голосовъ въ толпѣ гостей, вокругъ Апраксина.— У графини Екатерины Ивановны, на именинномъ ей пиру, да чтобы русской пляски не было! Да виданое-ли это дѣло?

— Матушка-графинюшка! обратился Апраксинъ къ именинницѣ.—Дай душу отвести—прикажи намъ русскую сыграть. Авось еще найдутся среди твоихъ гостей такіе, что за нѣмецкими гавотами не позабыли и русской старинной пляски?

— Съ чего-жь ты взялъ, что позабыли? съ улыбкой отозвалась графиня.— Спляшутъ и молодые не хуже, чѣмъ мы съ тобою смолоту плясывали... Вотъ хоть бы Настенька у меня—пайво ходитъ въ хороводѣ! Да и другія тоже...

— Вотъ, вотъ! Настасью Ивановну просить, заговорилъ Апраксинъ, а за нимъ то же загудѣли и другіе голоса въ толпѣ гостей.

— А кто же противъ нея изъ кавалеровъ спляшетъ? Кто не забылъ плясать по-русски? спросила Екатерина Ивановна, возвышая голосъ.

— Семена Павловича просить! Никто не спляшетъ какъ Семень Измайловъ! закричали разомъ нѣсколько голосовъ.

— Измайлова просить! Пусть спляшетъ русскую! раздалось по всей залѣ, и музыканты, сообразивъ, въ чемъ дѣло, самими собою, не ожидая ни чьихъ распоряженій, перешли отъ гавота къ плясовой разудалой пѣснѣ:

„Какъ у Спаса въ Чигасахъ къ обѣднѣ звонять,
„У Николя часы говорить...“

Вся пестрая толпа гостей собралась въ тѣсный кружокъ на средину залы, подпѣвая и притопывая въ тактъ пѣснѣ, а на средину круга, съ двухъ противоположныхъ концовъ, выступили Настенька и Семень Павловичъ. Настенька, высокая и стройная, разгорѣвшаяся отъ танцевъ, всѣхъ поразила въ это мгновеніе своею свѣжею, чисто-русскою красотою. Нарядная *рѣба* изъ бѣлой парчи, обшитая по вороту широкимъ золотымъ кружевомъ, обрисовывала ея стройный, роскошно-развитый станъ; тяжелыя темныя косы, обвитыя жемчугомъ, были въ три ряда отяжелены вокругъ ея головы. Смущенная тѣмъ, что на нее были обращены всѣ взоры, Настенька то опускала глаза, то вдругъ поднимала ихъ на Измайлова и нетерпѣливо перебирала пальцами уголки расшитого шелкомъ платочка, ожидая

начала пляски. А Семень Павловичъ стоялъ передъ нею сіяющей, радостный, гордый тѣмъ, что ему предстоитъ плясать съ красавицей Настенькой, и тѣмъ, что всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ его пляски. Молодцовато избоченясь и крутя свой курчавый устъ, онъ обвелъ весь кругъ гостей глазами—и вдругъ двинулся по кругу, плавно выступающа, слегка пристукивая каблуконъ и поводя широкими плечами.

— Ай, молодець! Ай, любю! слышались отовсюду одобрительные возгласы.

— Погодите, тѣ-ли будетъ! говорили другіе.

И точно: Семень Павловичъ, плавно обойдя кругъ, остановился противъ Настеньки, махнулъ рукою музыкантамъ, и вдругъ рассыпался бѣшеною, лихою присядкою. То выпрямляясь во весь ростъ, то присядая почти до полу, онъ подступалъ къ Настенькѣ и опять отдалялся отъ нея, то вертѣлся турманомъ около своей красавицы, то, кружась и приликаясь, отходилъ отъ нея въ сторону. Въ его пляскѣ было столько огня, столько страсти, столько могучей силы и удали, что вся зала вдругъ огласилась восторженными кликами и рукоплесканіями.

— Ай, Сенья! Ай, годубчикъ! кричала Апраксинъ, хлопая въ ладоши.—Распогѣнись, братецъ!

— Лихо, лихо! Вотъ пляшетъ... Слово на приступъ идетъ! Экій бѣсъ у него въ ногахъ сидитъ, прости Господи!

Но Семень Павловичъ сплясалъ свой кругъ, вернулся на свое мѣсто и сталъ, какъ выопалый. Музыка перешла въ другую, болѣе тихую и пѣвучую мелодію, и Настенька, мѣрно и плавно, бѣлою лебедушкой, пошла ему навстрѣчу, то граціозно и красиво разводя бѣлыми, полными руками, словно маня суженаго вслѣдъ за собой, то стыдливо отстраняя его, когда онъ, порывисто и страстно, двинулся за нею.

— Ай-да Настенька! заговорили кругомъ Екатерины Ивановны разныя гости и кумушки.—Да гдѣ это она такъ маучилась? Н-ну! Вотъ тебѣ и тихоня—и водой не замутитъ!

— Ахъ, хорошо! восхищался Апраксинъ.— „*Плыла лебедь, плыла бѣлая*“—и плечикомъ-то, и глазами какъ поводить... Ну, ей-же-ей, плясунья плясуну подъ пару! Не такъ-ли, князь? обратился онъ къ Луговскому, который съ досадою и завистью смотрѣлъ на торжество своего соперника.

Но Луговской какъ будто и не слышалъ вопроса Апраксина; онъ круто повернулъ въ сторону и, направляясь къ очинившій графа Головкина, все твердилъ про себя:

„Пострѣлъ какой!.. Вездѣ поспѣеть, вездѣ пристроится, вездѣ выгрется... Въ рубашкѣ родился, безнутный забулдыга! Да чѣтъ же!.. Не бывать Настенькѣ за нимъ... Сегодня же и благодѣтели и благодѣтельницу стану просить, чтобы порѣшили съ этимъ дѣломъ... Дальше нечего и ждать!“

(Окончаніе будетъ).

Скучающимъ провинціаламъ.

Замѣтка проф. А. Ф. Брандта.

„У насъ глухая провинція. Лишь изрѣдка забредетъ къ намъ какой-нибудь циркъ или плохая труппа; а въ лучшемъ случаѣ, музыкальная извѣстность на нѣсколько дней расшевелитъ наше дремлющее общество. Да, нечего и говорить, мы не живемъ, а прозябаемъ!“ Такія жалобы частенько приходится слышать отъ жителей не однихъ уѣздныхъ, но и губернскихъ городовъ. Съ такими жалобами наши провинціалы встрѣтили и наступившій сезонъ, какъ встрѣчали ими длиннѣйшій рядъ предшествовавшихъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда въ мѣстномъ обществѣ впервые проявилось самосознаніе. Изреченіе философа: *Cogito, ergo sum*—„я мыслю, стало быть существоую“, наши провинціальныя интеллигенты готовы переводить по своему: „я скучаю, стало быть существоую“.

Однако, разъ въ скучающихъ провинціалахъ проснулось сознание безсодержательности ихъ обычной жизни, отчего они не пошевельнутъ пальцемъ для доставленія себѣ недостающихъ имъ умственныхъ и эстетическихъ наслажденій? Развѣ они уже до того подняли всепоглощающему винту, что инициатива къ устройству другаго рода развлеченій окончателно въ нихъ убита? Что касается меня лично, то я не могу согласиться съ такимъ предположеніемъ и твердо убѣжденъ въ томъ, что наши провинціалы просто-на-просто не знаютъ, какъ завтѣся за привлеченіе хотя бы популярныхъ лекторовъ и солидныхъ артистовъ. Цѣль настоящей замѣтки помочь имъ въ этомъ дѣлѣ кое-какими практическими указаніями. Право же мое давать подобныя совѣты основывается на томъ, во-первыхъ, что волею судебъ я самъ изъ столичнаго жителя превратился въ провинціала и потому знаю провинцію, а во-вторыхъ, являясь съ прошлаго года за организацію странствующихъ лекцій въ разныхъ городахъ нашего Юга. Въ прошлый сезонъ я, для начала, кромѣ своего Харькова, читалъ еще въ двухъ городахъ, одномъ губернскомъ (въ Курскѣ) и другомъ заштатномъ (въ Чугуевѣ)*. Въ настоящемъ сезонѣ, умудренный опытомъ, надѣюсь продолжать свое, по крайнему моему убѣжденію, хорошее и полезное начинаніе въ болѣе широ-

кихъ размѣрахъ. Въ настоящей замѣткѣ я, естественно, буду говорить главнымъ образомъ объ устройствѣ популярныиъ чтеній; но читатели сами увидятъ, что по отношенію къ устройству между чтеніемъ и концертомъ нѣтъ существеннаго различія.

Распространяться много о значеніи, живительномъ вліяніи публичныхъ лекцій вообще—значило бы повторять давно избитыя истины. Печатная статья, какъ бы хорошо она ни была составлена и ясно изложена, никогда не замѣнитъ собою живаго слова. „Помощь самообразованію“ доктора Тельнихина, этотъ почтенный общепитересный сборникъ популярныхъ лекцій по преимуществу—и тотъ является все-таки не болѣе какъ суррогатомъ устныхъ сообщеній. Къ тому же, самое собраніе въ одной обширной аудиторіи множества слушателей, принадлежащихъ къ одному и тому же обществу, объединяетъ членовъ послѣдняго, поддерживая въ нихъ чувство солидарности, создаетъ общность интересовъ, даетъ матеріалъ для общія мыслей. Вотъ почему и на Западѣ, и у насъ въ столицахъ, популярныя лекціи давно процвѣтаютъ, усердно посѣщаются публикою и все болѣе входятъ въ моду, признаются неотъемлемымъ звеномъ въ общественной жизни. Кромѣ столицъ, публичныя лекціи обыкновенно читаются у насъ еще только въ городахъ университетскихъ, ибо у преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и у частныхъ лицъ рѣдко хватаетъ смѣлости выступать публично. Такимъ образомъ большинство нашихъ городовъ, даже насчитывающихъ десятки тысячъ жителей, повидному, лишены до сихъ поръ возможности слушать публичныя лекціи. Однако въ Западной Европѣ и въ Америкѣ давнымъ-давно получили право гражданства „странствующія лекціи“ и отчасти правильно организованы. Только у насъ онѣ составляютъ пока еще большую рѣдкость. Причина очень понятна. Она прежде всего кроется въ недостаткѣ нашихъ популярныхъ чтенцевъ къ публикѣ глухой провинціи и, нельзя не сознаться, что недостатокъ это не безосновательное: извѣстные чтенцы оставались почти безъ слушателей, потому только, что пренебрегали широкой рекламой и искали предварительно личныхъ связей; да гдѣ ихъ и взять

* Предметомъ служило мое путешествіе на Афонскій полуостровъ. Лекція читалась въ *Нисѣ*.

въ чужомъ, далекомъ городѣ? Въ данномъ городѣ либо вовсе нѣтъ газеты, либо она состоитъ изъ однихъ только казенныхъ объявленій и читается одними лавочниками и подрядчиками, да и на афиши вниманія не обращаютъ, ибо трудно надѣяться встрѣтить въ нихъ что-либо интересное; да къ тому же, позаботятся ли еще о правильной ихъ расклейкѣ? Прѣзжаетъ лекторъ въ данный городъ и находитъ полное отсутствие всякой организации, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствіе въ публикѣ всякихъ свѣдѣній о предстоящей лекціи. Хорошо еще, если онъ прѣзжалъ достаточно заблаговременно для того, чтобы сдѣлать кому слѣдуетъ визиты, развезти десятками даровые билеты по учебнымъ заведеніямъ и снасти такимъ образомъ нравственный свой успѣхъ; о матеріальномъ же онъ въ такомъ критическомъ случаѣ, конечно, ужъ и не думаетъ. Со мною былъ такой казусъ. Я не желалъ бы его повторенія ни со мною лично, ни съ кѣмъ-либо изъ собратовъ-популяраторовъ.

Но какъ же послѣ того провинциалы могутъ надѣяться залучить къ себѣ популярныхъ лекторовъ? Отвѣтъ ясенъ: ихъ надо приглашать, заранѣе обезпечивъ вишній успѣхъ лекцій; другими словами, инициатива должна исходить отъ самой публики даннаго города. Во всякомъ маломальски порядочномъ городѣ имѣется клубъ, „собраніе“. Обязанности его распорядителей, старшинъ, сводятся къ доставленію членамъ и, косвенно, всему мѣстному обществу, развлеченій. Они-то представляютъ собою общественные будильники, подобные тѣмъ эклезіархамъ, которые въ афонскихъ монастыряхъ во время ночной службы отъ времени до времени обходятъ братію и расшевеливаютъ дремящихъ. Достаточно, чтобы между старшинами оказался только одинъ, готовый взять на себя инициативу организации, на первый разъ въ видѣ опыта, хотя бы одной только популярной лекціи. Полагаю, что во многихъ, по крайней мѣрѣ губернскихъ городахъ, найдется такой старшина по прочтеніи тѣхъ простыхъ практическихъ указаний, которыя я позволяю себѣ тутъ высказать. Прежде всего онъ списывается съ тѣмъ лицомъ, которое могло бы быть приглашено для прочтенія лекціи. Если же онъ самъ такого лица не знаетъ, то обращается предварительно въ ближайшій университетъ, прося объ указаніи ему опытныхъ профессоръ-популяраторовъ по естествознанію-ли, исторіи, литературѣ. По-

добные запросы бывали уже въ практикѣ университетовъ и, кромѣ полной предупредительности, ничего не встрѣчали со стороны ихъ начальства. Заручившись предварительнымъ принципиальнымъ согласіемъ лектора и его указаніемъ на предпо-

Агриппина (жена Германина). Статуя Вейценберга (исключит. право воспроизвед. въ гравюрѣ и т. п. принадлеж. „Нивѣ“), грав. Бухеръ.

лагаемую тему, инициатору прежде всего лично знакомить съ задуманнымъ имъ начинаніемъ высшихъ представителей мѣстнаго общества. Утвердившись въ ихъ сочувствіи и согласіи присутствовать на лекціи въ качествѣ почетныхъ гостей, онъ пускаетъ въ обращеніе листъ, на которомъ желающіе отмѣчаютъ: сколько билетовъ и въ какую цѣну они желали бы получить. На листѣ, кромѣ фамиліи лектора, темы, дня и часа, помѣщенія, должна быть обозначена также и минимальная сумма предварительныхъ заказовъ на мѣста и тотъ срокъ, къ которому сумма эта должна быть обезпечена. Такой листъ можетъ быть составленъ и въ трехъ экземплярахъ, изъ числа которыхъ одинъ разсылается по извѣстнѣйшимъ лицамъ города, другой выставляется въ книжномъ или другомъ магазинѣ, а третій—въ собраніи. Разъ предварительною подпиской обезпечена матеріальная сторона дѣла, остается исходатайствовать разрѣшеніе мѣстнаго губернатора — дѣло весьма легкое, — напечатать афишу и билеты; утвержденіе же программы лекціи—обязанность самого лектора.

Устройство публичныхъ лекцій клубами далеко не составляетъ новости; напротивъ того, въ столицахъ оно практикуется уже давно. Для примѣра достаточно вспомнить многочисленные отдѣльныя лекціи и даже цѣлые курсы, устроенныя нѣкогда петербургскимъ клубомъ художниковъ, а нынѣ устраниваемые его преемникомъ по имѣщенію, клубомъ врачей. Приглашеніе лекторовъ изъ другихъ городовъ тоже не было бы нововведеніемъ. Могу указать на приглашеніе въ свое время петербургскаго ученаго, моего однофамильца и друга, Э. К. Брандта въ Кронштадтъ для цѣлаго ряда чтеній по зоологіи, на приглашеніе одесскихъ и харьковскихъ профессоровъ портовымъ управленіемъ Севастополя и Николаева какъ для отдѣльныхъ, такъ и для серий чтеній. Господа офицеры, служащіе при юнкерскомъ училищѣ въ Чугуевѣ, прошлою весною удостоили меня самого приглашеніемъ на популярную лекцію, при чемъ инициаторомъ явился извѣстный педагогъ капитанъ *Е. А. Малиновскій*.

Теперь о матеріальной сторонѣ скромнаго предпріятія. Умал-

Осьминогъ въ борьбѣ съ омаромъ. Ориг. рис. Ф. Шнехта, грав. Шнехтъ.

чивать о ней нельзя въ пропагандирующей замѣткѣ, ибо старшина клуба, инициаторъ, прежде всего могъ бы передъ ней остановиться. На дѣлѣ тутъ нѣтъ ничего устрашающаго. Печатаніе афишъ и билетовъ, освѣщеніе зала (лекція можетъ, впрочемъ, происходить и днемъ), вознагражденіе прислуги и развѣды, все это въ совокупности составляетъ какихъ-нибудь 10 руб. Единственнымъ крупнымъ расходомъ является лекторскій гонораръ. Для него существуетъ давнишняя столичная норма — сто рублей, съ придачею *иногда* еще известной части съ могущей быть чистой прибылью. При выписываніи чтеца издалека ему пришлось бы предложить и путевые расходы, которые могутъ равняться лишь двумъ-тремъ десяткамъ рублей, ибо изъ особенно далекаго пункта лекторъ самъ не прѣдетъ или прѣдетъ лишь для прочтенія въ одномъ походѣ лекцій въ двухъ или трехъ, отстоящихъ

близко одинъ отъ другаго, городахъ. И такъ, весь нормальный расходъ по устройству лекцій опредѣляется суммою не свыше 150 руб. Городъ долженъ быть уже очень плохъ, чтобы въ немъ не набралось 50 человекъ подписчиковъ на мѣста по 1 руб. и 200 по 50 коп. При указанной организаціи дѣла наличныхъ денегъ никакихъ не требуется, да и рискъ равняется нулю. Мало того, предприниматели могутъ надѣяться еще на нѣкоторый избытокъ въ приходѣ, который послужитъ началомъ спеціального фонда къ дальнѣйшему развитію тѣхъ же лекцій, а также къ устройству музыкальныхъ вечеровъ на аналогичныхъ началахъ. Не примкнуть-ли къ публичной лекціи или концерту еще „семейнаго вечера“—это вопросъ заслуживающій обсужденія со стороны стариннаго клуба, такъ какъ такой вечеръ можетъ оказать влияние на удачность лекціи или концерта.

Харьковъ, 9 октября 1890.

Къ рисункамъ.

Курсы ручнаго труда въ г. Феодосіи.

(Рис. на стр. 1113).

Въ послѣднее время вопросы физическаго воспитанія подрастающихъ поколѣній стали занимать одно изъ видныхъ мѣстъ въ повѣйшей педагогикѣ. Несостоятельность одной гимнастики выолнить этотъ проблъ физическаго развитія сознавалась давно; давно также предлагались время отъ времени и различные мѣры къ разрѣшенію этого вопроса, но, вслѣдствіе многихъ причинъ, горячая проповѣдь Каменскаго, Локка, Руссо и др., оставалась гласомъ воющаго въ пустынь, если не считать попытокъ отдѣльныхъ личностей. Въ настоящее время, благодаря быстро растущему самосознанію европейскаго общества, благодаря также повѣйшимъ экономическимъ теченіямъ, вопросъ этотъ, по всѣмъ даннымъ, близокъ къ правильному разрѣшенію; онъ выразился въ устройствѣ при общеобразовательныхъ школахъ — классовъ ручнаго труда, въ которыхъ дѣти подъ руководствомъ учителя-педагога, а не мастера-самоучки, какъ это бывало раньше, занимаются различными работами, преимущественно изъ ремеслъ столярнаго, токарнаго и др., по строго выработанной системѣ на основаніи общихъ педагогическихъ правилъ и сообразно развитію учащихся. Дѣти сначала знакомятся съ простыми инструментами, работая небольшими вещи (колышки для цѣтвовъ, линейки, лопаточки и т. п.), но чѣмъ дальше, тѣмъ инструменты становятся сложнѣе, пріемы работъ осложняются и вещи становятся труднѣе (ложки, ящички, скамеечки и т. п.). Каждый предметъ долженъ быть сдѣланъ правильно и чисто и потомъ становится собственностью работающаго; этимъ возбуждается интересъ и дѣти пріучаются къ внимательности, настойчивости и аккуратности, не говоря о томъ, что научаются владѣть инструментами и могутъ дѣлать очень много вещей домашняго обихода и класснаго употребленія. Благодаря такой постановкѣ ручнаго труда, преслѣдующей преимущественно цѣли педагогическаго, онъ быстро сталъ развиваться: въ Швеціи много школъ, съ классами ручнаго труда, а въ Неебъ есть спеціальная учительская семинарія, куда на дѣло съѣзжается очень много учителей, даже изъ другихъ государствъ, для его изученія. Въ Германіи свыше 300 училищъ съ классами ручнаго труда, спеціальная семинарія въ Лейпцигѣ и довольно многочисленное Общество ручнаго труда въ Берлинѣ, которое уже 9 лѣтъ подрядъ устраиваетъ въ различныхъ городахъ съѣзды и выставки. Болѣе же всего педагогической ручнаго трудъ распространенъ во Франціи и у насъ въ Финляндіи, гдѣ онъ преподается въ каждой школѣ, какъ обязательный общеобразовательный предметъ. Въ остальной Россіи впервые онъ введенъ въ Сиб. Учительскомъ Институтѣ съ 1884 г., и съ этого времени, правда довольно медленно, но вѣрными шагами идетъ впередъ; теперь можно указать свыше 30 учебныхъ заведеній, гдѣ онъ преподается. Окончившійся недавно Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію ходатайствуетъ предъ правительствомъ объ обязательномъ преподаваніи ручнаго труда во всѣхъ учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, чтобы лица выходящіе изъ этихъ заведеній могли въ школахъ заняться преподаваніемъ этого предмета. Нѣкоторые изъ институтовъ (Глуховскій, Виленскій) и семинарій (Дерикская, Вольская, Гольдингенская) уже устраиваютъ классы ручнаго труда. Такъ какъ подобный способъ подготовки учителей довольно медлененъ и даетъ результаты не раньше, чѣмъ черезъ три года, то учебное начальство нѣкоторыхъ мѣстностей устраиваетъ временные курсы ручнаго труда для учителей во время лѣтнихъ каникулъ; такіе курсы были послѣдовательно устроены въ теченіе трехъ лѣтъ въ Новой Ладогѣ (Сиб. губ.) и Ригѣ, и одинъ разъ въ Кіевѣ. Во время настоящихъ каникулъ, по инициативѣ понечинскаго Одесскаго учебнаго округа, директоромъ народныхъ училищъ Таврической губ. были устроены въ г. Феодосіи курсы ручнаго труда для учителей городскихъ и двухклассныхъ сельскихъ училищъ. Эти курсы продолжались подъ руководствомъ преподавателя ручнаго труда Сиб. Учит. Института Н. В. Касаткина шесть недѣль. Принимало участіе на нихъ 17 чело-

вѣкъ, которые, не смотря на сильный зной, доходившій до 45°, работали ежедневно по 8 ч. Благодаря такому усердію со стороны учителей и строго-выработанной программѣ Сиб. Учительскаго Института, составленной на основаніи шведской системы ручнаго труда, результаты курсовъ вполне оправдали ожиданія: въ среднемъ на каждаго участника пришлось 33 работы, состоящія изъ предметовъ домашняго обихода (лопаточки, скамеечки, ящички, ложки и т. п.), а болѣе усѣбные сдѣлали до 40 вещей. Устроенная, 1-го августа, выставка этихъ работъ привлекла очень много публики, удивлявшейся чистотѣ и точности работы, а также количеству изготовленныхъ предметовъ въ такое, сравнительно короткое, время и при этомъ еще людьми никогда не занимавшимися физическимъ трудомъ.

На рисунокѣ, снятомъ мѣстнымъ фотографомъ г. Реданхомъ, изображена мастерская ручнаго труда, устроенная въ залѣ Феодосійскаго городского училища, въ одинъ изъ моментовъ работы; картинка не нуждается въ объясненіи—на ней можно видѣть, какъ каждый углубленъ въ свою работу: одинъ точитъ на токарномъ станкѣ, другой строгоаетъ, третій приготавливаетъ инструменты для работы, четвертый провѣряетъ точность своей задачи. Многие изъ участниковъ этихъ курсовъ съ настоящаго же учебнаго года примутся за устройство классовъ ручнаго труда при своихъ школахъ; остается пожелать имъ полнаго усѣбха въ распространеніи этого полезнаго предмета, который за послѣднее время сталъ очень быстро развиваться въ особенности на Западѣ, а во Франціи и у насъ въ Финляндіи уже вошелъ, какъ обязательный предметъ, въ программу всякой общеобразовательной школы. Э. Р.

Стрѣльба дикихъ утокъ. (Рис. на стр. 1116).

Разсѣянные во множествѣ по всей Малороссіи, болѣе или менѣе обширные пруды (ставки), заросшіе очеретомъ (камышемъ) и осокой,—любимый притонъ дикихъ утокъ всевозможныхъ породъ. Крестьянская молодежь, вооруженная старинными истонными одностволками, нерѣдко съ самодѣльнымъ куркомъ или прикладомъ, съ неутомимымъ рвеніемъ охотится за болѣе крупными представителями утинаго рода, особенно за крыжками (кряковыми утками), пренебрегая чирятами и стрѣлая ихъ развѣ въ кучѣ, когда однимъ выстрѣломъ можно убить нѣсколько штукъ. На нашемъ рисунокѣ изображены два иароба съ однимъ ружьемъ, напоминающимъ древній самональ; гдѣ крадучись въ камышахъ, гдѣ ползкомъ въ травѣ, подобрались они на выстрѣлъ къ стайкѣ крыжей, и часто-рожившійся, ожидаютъ, чтобы она выплыла изъ камышей.

Какъ у себя дома. (Рис. на стр. 1117).

Еще одна изъ прелестныхъ картинокъ даровитаго и нестоимаго художника, Юлія Адама. Посреди зеленѣющей лужайки рѣзвится кошачья семья, расположившійся возлѣ старой соломенной шляпы „какъ у себя дома“.

Пахарь. (Рис. на стр. 1121).

Солнечный жаръ раскалитъ воздухъ, земля горитъ подъ ногами, поирягалось въ тѣни садовъ и темныхъ сакель все живое; даже привычныя животныя, верблюды—эти дѣти засухи и жара—и тѣ, отказываясь отъ своей тяжелой работы, дремлютъ, сбившись въ тѣсныя, молчаливо-неподвижныя группы. Пустыя поля—пути къ нимъ словно вымерли... Но мало-по-малу день склоняется къ вечеру, въ воздухѣ повѣяло прохладою, а съ нею пробуждается жизнь... Страдная пора въ самомъ разгарѣ, время не сидеть и рабочій народъ показывается на поляхъ, этихъ безконечныхъ равнинахъ упорнаго труда и борьбы съ природою... Коротокъ вечеръ—ночь длинна... Залитые фосфорическимъ блескомъ луннаго свѣта, отбрасывая длинные тѣни, горбатые колоссы усердно тащатъ неуклюжія, первобытныя плугъ, прорѣзывая въ сухой, но плодоносной почвѣ—борозду за бороздою...

Ночь съ ея прохладою—для труда, день съ его мергящимъ жаромъ—для отдыха.

Это картинка выхваченная цѣлкомъ изъ жизни на на-

шихъ далекихъ окраинахъ—въ пустыняхъ Мургаба, недавно еще жившихъ только разбоями и неправдою, нынѣ оживленныхъ мирнымъ трудомъ, смѣнившимъ желѣзо сабельнаго клинка на то же желѣзо—косы, серпа и плуга. Н. Каразинъ.

Пески у Куриша. (Рис. на стр. 1124 и 1125).

Въ самой сѣверной части Германской имперіи, близъ города Мемеля, тянется болѣе ста верстъ узкая песчаная полоса, отдѣляющая Куришъ-Гафъ отъ Балтійскаго моря. Высокимъ валомъ, шириною отъ четверти версты до четырехъ верстъ, поднимаются пески изъ самаго моря. Почти безо всякой растительности тянутся эти пустынные дюны, передвигающіяся ежегодно аршинъ на 8—11 съ запада на востокъ, поглощая въ себя все встрѣчающееся на пути, будь то лѣса, сады, поля, или даже дѣльныя поселенія, и засыпая понемногу узкій заливъ. По направленію къ нему дюны поднимаются нерѣдко отвѣсною стѣною, которая при буряхъ и непогодѣ иногда обрушивается. Горы путникамъ въ то время въ этихъ мѣстахъ. Они безвременно найдутъ въ сыпучихъ пескахъ могилу. Такъ однажды были погребены обвалившиеся песчаню лавиною 14 человекъ возвращавшихся съ ярмарки къ себѣ въ родное село. Не менѣе опасны подвижные пески и на западной сторонѣ. Со стороны моря отлогою равниной поднимаются они, кое-гдѣ покрытые бѣдною растительностью. Здѣсь тянется дорога, обозначенная изрѣдка кустами или посаженными кустами. Изъ-за нее она безопасна, такъ какъ верхній слой песка подсыхаетъ и образуетъ довольно прочную кору. Но весною и осенью ѣздить по этой дорогѣ крайне опасно. Лошади и повозки часто проваливаются въ песокъ и если не подосятъ во время помощи, все усилія выбраться бывають напрасными: „живой песокъ“ всасываетъ въ себя понемногу несчастныхъ и таинственное песчаное море поглощаетъ ихъ павѣки...

Агриппина. (Рис. на стр. 1128).

Скульптура, древнѣйшее изобразительное искусство, нынѣ занимаетъ второстепенное мѣсто, тогда какъ въ древней Греціи и у римлянъ до царствованія императора Адриана она первенствовала и время это было золотымъ вѣкомъ ваянія. Исчезнувъ почти совсѣмъ около III вѣка, она вновь появляется въ средніе вѣка, какъ спутница архитектуры. Внѣстѣдствіи, со времени Возрожденія, скульптура вновь становится самостоятельною, и въ своихъ образцахъ приближается къ произведеніямъ античнаго міра, тщетно пытающіяся возвыситься до ихъ совершенства. Въ нашъ вѣкъ, вѣдетъ съ необычайнымъ развитіемъ вообще графическихъ искусствъ, и скульптура насчитываетъ не мало славныхъ мастеровъ, но въ сравненіи съ другими художниками число ихъ незначительно и имена ихъ теряются среди множества громкихъ именъ представителей живописи. Между тѣмъ, чтобы стать сколько нибудь замѣтнымъ ваятелемъ, нужно, помимо таланта, много труда и времени. Если и на Западѣ Европы не много скульпторовъ, то у насъ, въ Россіи, они составляютъ крайне ограниченное число художниковъ, при томъ многіе изъ нихъ едва извѣстны даже по имени. Къ послѣднимъ должно отнести и Августа Ивановича Вейценберга, нѣсколько знакомаго по своимъ произведеніямъ поѣтителямъ нашихъ академическихъ выставокъ. Уроженецъ Лифляндской губерніи, онъ началъ свое художественное образованіе въ Берлинѣ, затѣмъ продолжалъ его съ 1865 по 1870 годъ, подъ руководствомъ барона фонъ-Блюда, въ Петербургской Императорской Академіи Художествъ и затѣмъ въ Мюнхенѣ. Поселившись въ 1873 году въ Римѣ, онъ прожилъ тамъ 17 лѣтъ, прилежно работая и посылая свои произведенія на разныя выставки, въ томъ числѣ и въ Петербургъ. Въ нынѣшнемъ году онъ переѣхалъ въ нашу столицу и устроилъ въ ней свою мастерскую. Изящныя по формѣ и тонкія по выполнению, его произведенія свидѣлствуютъ о замѣтельномъ талантѣ и превосходной техникѣ ихъ автора. Какъ образецъ можетъ служить его статуя Агриппины, гравюра съ которой помѣщена на стр. 1128. Славная своею красотой и добродѣтелью, внучка императора Августа изображена скорбящею у погребальной урны съ прахомъ своего супруга, Германника, преждевременно умершаго въ Сиріи. Тѣмъ же прекрасными формами и выполненіемъ отличаются и другія его работы, напримѣръ: Ромео и Юлія, Ундина и пр., не безызвѣстныхъ поѣтителямъ нашихъ академическихъ выставокъ. Послѣднимъ произведеніемъ А. И. Вейценберга является бюстъ-портретъ недавно умершаго знаменитаго анатома и профессора Петербургской Медико-Хирургической Академіи В. Грuberа, свидѣлствующій, что въ лицѣ Вейценберга счастливо соединены талантъ изящнаго скульптора съ дарованіемъ прекраснаго портретиста.

Осьминогъ и омаръ. (Рис. на стр. 1129).

Мореплаватели прошлыхъ вѣковъ оставили намъ множество ужасающихъ разсказовъ о *спрутѣ*, колоссальномъ осьминогѣ, котораго тѣло было величиною съ островъ, а хватательные отростки (такъ-называемыя *руки* или *ноги*), толщиной съ мачту, могли утащить на дно морское большой военный корабль со всемъ экипажемъ. Само собою разумѣется, что всѣ

эти разсказы въ высшей степени преувеличены, однако же отнюдь не вымыслъ съ вѣтру и не голыя выдумки; такъ какъ даже въ повѣйшее время, преимущественно въ западной части Атлантическаго океана, наблюдали и даже ловили выкинутыхъ моремъ на берегъ сиротовъ, у которыхъ величина тѣла простиралась до трехъ саженъ (6 метровъ), а ноги до 5 саженъ длины. Нѣтъ сомнѣній, что такія чудовища въ высшей степени опасны для рыбацкихъ лодокъ. Но повидному такіе крупныя осьминоги весьма рѣдко встрѣчаются; болѣе же мелкими кишать воды Средиземнаго моря, и на Ривьерѣ ловлей ихъ занимаются даже дѣти.

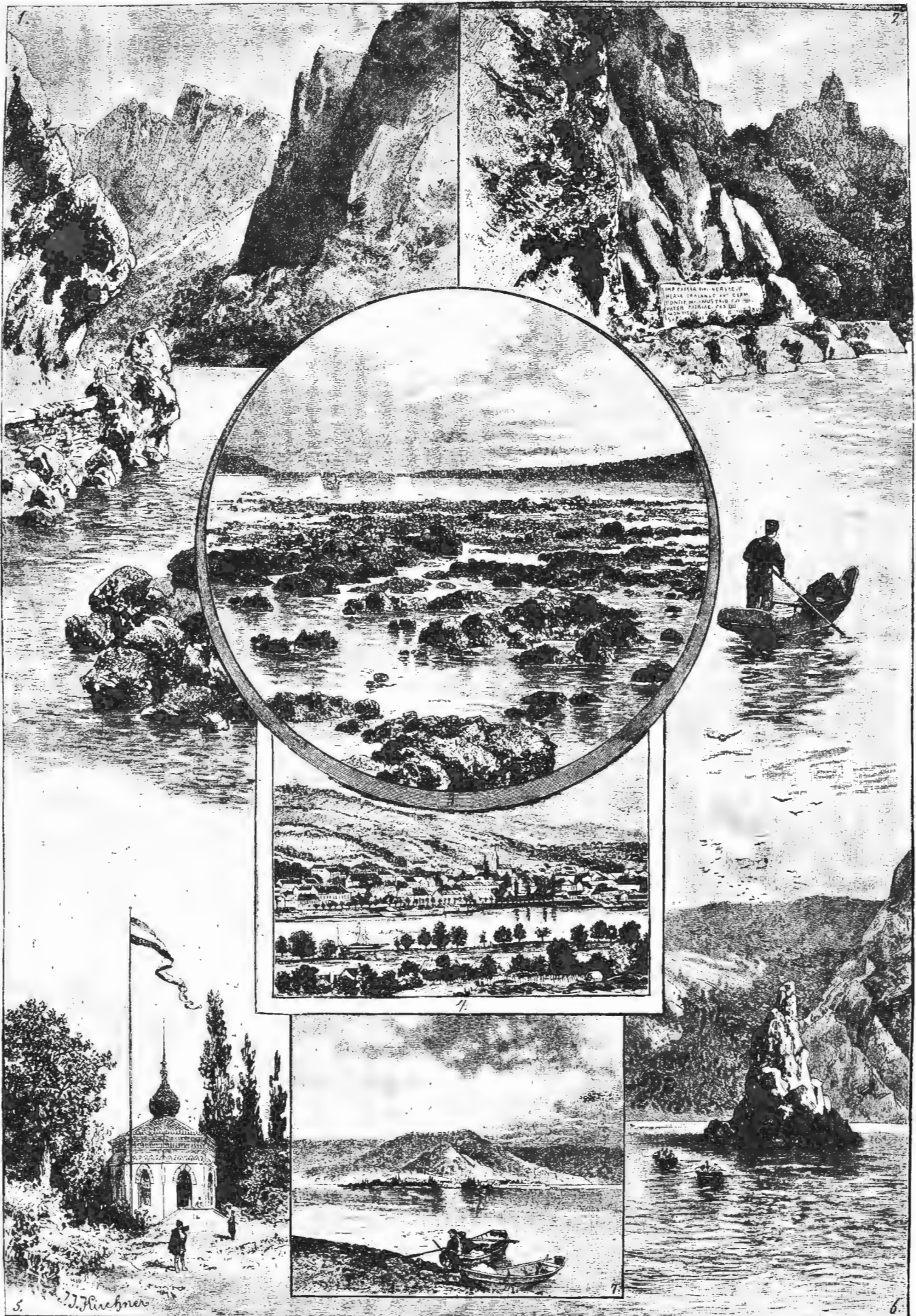
Обыкновенный сируть или осьминогъ (*Octopus*) принадлежитъ къ отряду мягкотѣлыхъ и классу головоногихъ. Тѣло у него округлое, мѣшкообразное; у головы прикрѣплены 8 равныхъ по длинѣ или неравныхъ рукъ, снабженныхъ на нижней поверхности двумя рядами присосковъ, а ближе къ тѣлу соединенныхъ между собою сначею. Глаза очень велики, темнаго цвѣта и въ гнѣбѣ искрятся демоническимъ огнемъ. Близъ головы изъ туловища выходитъ трубкообразный органъ, такъ-называемая *воронка*. Животное употребляетъ его при плаваніи какъ двигательную силу, набирая въ полость тѣла воду и выпуская ее изъ всей силы черезъ воронку, при чемъ оно движется со скоростью стрѣлы заднею оконечностью впередъ. Изъ воронки же въ минуту опасности оно выпускаетъ похожую на чернила, темную жидкость, *сепию*, которая окружаетъ осьминога какъ бы облакомъ и скрываетъ его отъ глазъ врага. Дышетъ осьминогъ жабрами. Это животное весьма хищное и пожираетъ множество рыбъ, раковъ, улитокъ и др. мягкотѣлыхъ, вообще все живое, что только можетъ одолѣть и употребить въ пищу. Въ береговыхъ водахъ, сила неподвижно между камнями, сируть поджидаетъ добычу и при этомъ имѣетъ совершенно подобную камнямъ сѣвратую окраску. Какъ только приближается какое-нибудь животное, которое онъ въ силахъ одолѣть, осьминогъ съ невѣроятною быстротою кидается на него, опутываетъ его своими руками и крѣпко держитъ его присосками. Вѣдѣствие возбужденія при борьбѣ окраска его тѣла мѣняется изъ бурой въ красную и желтую, длинныя руки движутся туда и сюда на подобіе змѣй, на спинѣ выступаютъ бородавочныя возвышенія кожи, и глаза блестятъ такою кровожадностью, что и безъ того невзрачный осьминогъ становится еще отвратительнѣй.

Какъ велики мужество и отвага сирута въ нападеніи и самозащитѣ, а также и сила его мягкихъ, безкостныхъ рукъ, видно изъ боя между маленькимъ осьминогомъ и омаромъ, происходившаго въ акваріумѣ Dr. Дорна, при устроенной имъ въ Неаполѣ зоологической станціи. Средиземноморскій омаръ, великанъ своего рода, находившійся въ большомъ отдѣленіи морскаго акварія, клешнею своею раздробилъ голову черепахи. Въ наказаніе за провинность онъ былъ посаженъ въ другое отдѣленіе, гдѣ находились маленькіе осьминоги. Сначала сирутки осторожно плавали вокругъ непривычнаго гостя, пѣбгая его страшныхъ и постоянно настороженныхъ клешней; но затѣмъ одинъ изъ осьминоговъ рѣшительно перешелъ въ нападеніе. Вмигъ весь омаръ былъ опутанъ спайной и ногами сирута—отъ него оставались видимыя лишь нѣкоторыя части, особенно одна клешня, которую ракъ и схватилъ ногу своего врага, такъ что казалось она будетъ перерѣзана. Этому повидному болѣе и осьминогъ, тотчасъ отказавшійся отъ битвы. Противники разбѣжались въ противоположные углы акварія. По перемірѣ длилось недолго. Время отъ времени нападенія возобновлялись, и омаръ пришлось перемѣнить въ сосѣдній бассейнъ, отдѣленный отъ бассейна осьминоговъ стѣнкой, возвышающеюся на 2 сантиметра надъ уровнемъ воды. Но и это ни къ чему не повело. Въ тотъ же день одинъ изъ осьминоговъ перелѣзъ черезъ стѣнку, попалъ на считаваго себя въ безопасности омара и буквально перервалъ его пополамъ. Замѣчательно, что побудили къ этому осьминога единственно ненависть и жажда мести, а никакъ не голодь, ибо сиротовъ обильно кормили.

Свободный путь къ Черному морю.

(Рис. на стр. 1132).

Нѣсколько времени тому назадъ, а именно 3 сентября, на юго-восточной границѣ Австріи приступлено къ громаднымъ работамъ, которыя должны имѣть культурно-историческое значеніе не только для Австро-Венгерской имперіи, но для всей Средней Европы. Работы эти имѣютъ цѣлью устраненіе препятствій, которыя встрѣчаются на Дунаѣ, у такъ-называемыхъ Желѣзныхъ воротъ, близъ Орсовы, и дѣлаютъ невозможнымъ непрерывное плаваніе по этой рѣкѣ, одной изъ самыхъ значительныхъ въ материкѣ. Значительныя скалы и пороги въ этой мѣстности препятствовали слѣдованію большихъ кораблей изъ Чернаго моря вверхъ по теченію далѣе Орсовы и съ другой стороны всякихъ судовъ—ниже этого города. Грузы, которые слѣдовали изъ мѣстъ выше Орсовы къ устьямъ Дуная и обратно, должны были перегружаться, что вызывало не только большія издержки, но и значительную потерю времени. Тѣснины на рѣкѣ начинаются у скалъ „Бабакай“. Здѣсь находится мѣстечко Галубачъ и сюда-то пришли первые турки, которые внѣстѣдствіи не разъ совершали свои

Тѣснина Дуная у „Желѣзныхъ вѳрѳтъ“. Рис. I. I. Кирхнера, автотипія мастерской „Нивы“.

1. Видъ у „Казана“. 2. Надпись Траяна. 3. Желѣзныя вѳрѳта. 4. Орсова. 5. Часовня близъ Орсовы. 6. Скала „Бабанай“ у верхняго конца тѣснины. 7. Острова Ада-Кале близъ Орсовы.

гроваяя нашествя на Еврону. Сбуженіе рѣки, слѣдующее затѣмъ, является въ иѣкоторомъ родѣ преддверіемъ собственно тѣснины, носящей названіе „Казана“, что по-сербски значитъ „Котель“. Громадныя глыбы скаль служатъ ложе Дуная, который въ этомъ мѣстѣ имѣетъ страшную глубину, почти въ 105 аршинъ, чего не встрѣчается ни въ одной европейской рѣкѣ. Если бы Дунаю пришлось высохнуть, то въ этомъ мѣстѣ осталось бы озеро или котловина, въ которой глубина все-таки достигала въ среднемъ 55 аршинъ. Въ этихъ мѣстахъ, 100 лѣтъ по Р. Х., при римскомъ императорѣ Траянѣ, была проложена при необычайныхъ усиліяхъ и съ удивительною энергіей—дорога, по которой римляне направлялись къ Карнатамъ. „Тра-

Рис. 1. Способъ употребленія аппарата. Управление термографомъ, какъ карандашомъ. Слева резервуаръ для воздуха. Вокругъ—образцы пирографуры.

нова“ дорога, замѣчательное до нашихъ дней сооруженіе, представляетъ верхъ совершенства проложенныхъ римлянами путей. У оконечности „Казана“ находится надпись, свидѣтельствующая объ этой постройкѣ. Встрѣчавшіяся до сихъ поръ затрудненія устранилъ неслыханное преніяствіе для судоходства по Дунаю въ этомъ мѣстѣ—частію завѣсели отъ техническихъ трудностей, частію отъ расходовъ. Только современное инженерное искусство могло завершить съ успѣхомъ подобное предпріятіе, и около 12 лѣтъ тому назадъ Венгрія получила разрѣшеніе прозвестн за свой счетъ работы по расширенію и урегулированію теченія Дуная у Желѣзныхъ воротъ, что обойдется около 7 миллионъ гульденовъ. За свой трудъ Венгрія получаетъ право обложить платою въ свою пользу всѣ проходящія въ этихъ мѣстахъ суда, пока не окупится стоимость сооруженій.

Выжиганіе. (Рис. на этой стр.).

Пирографура или выжиганіе по дереву, кости, кожѣ, тканямъ и проч. получаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе распространенія, благодаря полученію чрезвычайно изящныхъ рисунковъ безъ значительныхъ трудностей и особеннаго худо-

жественнаго образованія, что и дѣлаетъ выжиганіе доступнымъ всѣмъ и каждому. Удобствомъ и совершенствомъ самаго процесса выжиганія, пирографура обязана главнымъ образомъ стараніямъ М. Мануэли Перье, который является въ то же время и изобрѣателемъ этого занятія, но только служащаго пріятнымъ препровожденіемъ времени, но имѣющимъ значительное примѣненіе, какъ декоративное искусство, въ промышленности. Первые опыты выжиганія были сдѣланы г. Перье въ 1869 году. Первая мысль о рисованіи раскаленнымъ предметомъ явилась при видѣ деревянныхъ ящиковъ съ виномъ, на которыхъ были выжжены клейма. Перье пробовалъ выжигать накаленною желѣзною палочкой, но быстрое охлажденіе инструмента имѣло большія неудобства. Чтобы поддерживать каленіе онъ прибѣгалъ къ паяльной трубчкѣ, но и это было безуспѣшно. Лучшихъ результатовъ онъ достигъ въ 1874 г. при помощи платиновой проволоки, накаленной вслѣдствіе прохожденія черезъ нее электрическаго тока. Только въ 1875 году, послѣ изобрѣтенія Dr. Пакелена, была разрѣшена задача г. Перье поддерживать сколько угодно времени одинаковую температуру въ рисующей палѣ. Инструментъ д-ра Пакелена, перѣдко употребляемый въ хирургіи, устроенъ

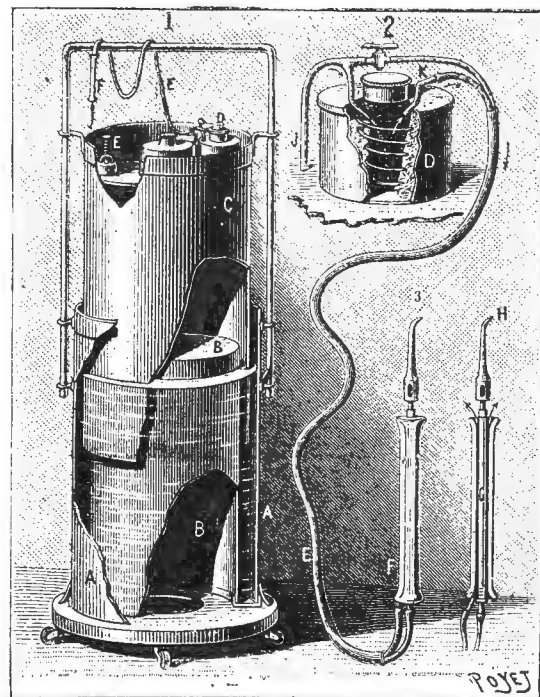

Рис. 2. Аппаратъ для пирографуры. 1. Резервуаръ для воздуха. 2. Карбюраторъ. 3. Выжигатель.

такимъ образомъ, что въ платиновую трубчочку нагнетаются углеводородныя пары. Разъ доведя трубчочку до извѣстной теплоты, можно, благодаря соединенію паровъ и воздуха въ трубчкѣ и сгоранію ихъ тамъ, поддерживать до безконечности температуру въ трубчкѣ, пока попадетъ туда воздухъ. Но при хирургическихъ операціяхъ это бываетъ нужнымъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ и получается при посредствѣ Ричардсоновой груши. Для выжиганія г. Перье устроилъ особый резервуаръ (см. рис. 2, фиг. 1). Изъ этого резервуара воздухъ, вслѣдствіе давленія верхней его части, идетъ по трубчкѣ J (фиг. 2) въ карбюраторъ. Тамъ, вслѣдствіе раздѣленія трубки, часть воздуха поступаетъ въ резервуаръ, заключающій губку съ алкоголемъ, бензиномъ и т. п., а другая часть идетъ прямо къ выжигателю и служитъ для охлажденія его рукоятки. Выжигатель состоитъ изъ простой металлической трубки, къ которой привинчивается платиновый наконечникъ различной величины, накаливаемый при работѣ. Расширенная часть трубки снабжена отверстіемъ, чрезъ которое выдѣляются продукты сгоранія, пронеходящаго на концѣ платиноваго наконечника. Рис. 1 изображаетъ рисовальщика за работой.

Политическое обозрѣніе.

Заграничныя газеты свидѣлствуютъ о блестящемъ приѣмѣ Наслѣдника Русскаго Престола въ столицѣ Австріи и видятъ въ томъ оградный признакъ сохраненія европейскаго мира. Прибыль Наслѣдникъ Цесаревичъ въ Вѣну въ 2 часа пополудни 25 октября. Для встрѣчи Его Высочества явился въ вокзалъ императоръ Францъ-Иосифъ, эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ съ тремя сыновьями—Францемъ-Фердинандомъ, Эсте, Оттономъ

и Вильгельмомъ -- эрцгерцогъ Вильгельмъ и Райнеръ, совѣтникъ русскаго посольства князь Каптажунскій съ персоналомъ посольства и русскаго консульства, намѣстникъ, командующій корпусомъ, президентъ полиціи и предсѣдатель Свѣрхой желѣзной дороги маркграфъ Паллавичини. Императоръ и эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ и Вильгельмъ были въ мундирахъ русскихъ полковъ, шефами которыхъ они состоятъ, и въ Ан-

древесных лентах; эрцгерцог Райнеръ былъ въ австрійской формѣ, но тоже съ Андреевскою лентой. Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ въ австрійской уланской формѣ и имѣлъ на себѣ ленту ордена Св. Стефана. Встрѣча Его Высочества съ императоромъ отличалась необычайно сердечнымъ характеромъ; императоръ два раза поцѣловалъ Наслѣдника Цесаревича. Такъ же сердечна была встрѣча и съ эрцгерцогами, особенно съ Карломъ-Лудвигомъ, съ которымъ Его Высочество обнялся и поцѣловался. При звукахъ русскаго параднаго гимна императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ прошли вдоль фронта почетнаго караула, послѣ чего состоялось представленіе членовъ русской и австрійской свиты, а также почетныхъ военныхъ лицъ, графовъ Пальфи и Комерса, назначенныхъ состоять при Особѣ Его Высочества. Каждому изъ представленныхъ лицъ Наслѣдникъ Цесаревичъ сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ; то же самое сдѣлано было и императоромъ Австрійскимъ при представленіи ему членовъ свиты Его Высочества. Прибытіе Его Высочества состоялось при превосходной солнечной погодѣ. Многочисленная публика тянулась шпалерами отъ вокзала Сѣверной дороги, вдоль Пратера и Риппигтрассе, до Гофбурга. На пути отъ вокзала къ Гофбургу народъ приветствовалъ Высочайшаго Гостя восторженными кликами. Собравшаяся у вокзала хорватская и сербская учащая молодежь оглашала воздухъ криками „ура!"; горячіе клики неслись также съ платформы памятника Тегетгофу, гдѣ стояло много народа, въ томъ числѣ русскіе студенты, уходящіе въ Вѣну. Такія проявленія сочувствія Высокому Guestю не прекращались на всемъ пути слѣдованія Наслѣдника Цесаревича. Большое вниманіе обращали на себя великолѣпные мундиры членовъ свиты Его Высочества. Въ Гофбургъ Наслѣдникъ Цесаревичъ прослѣдовалъ въ придворной коляскѣ, занявъ мѣсто по правую руку отъ императора. Въ Гофбургѣ Наслѣдника Цесаревича встрѣтили оберъ-гофмейстеръ князь Гогенлоэ и оберъ-перемоніймейстеръ графъ Гуніади; они проводили Его Высочество во внутреннеіе покои. Въ теченіе дня Наслѣдникъ Цесаревичъ дѣлалъ визиты. Во дворцѣ эрцгерцога Карла-Людвига, около котораго толпилась громадная масса народа, Его Высочество было встрѣчено въемъ семействомъ эрцгерцога. Пробывъ тамъ полчаса, Наслѣдникъ Цесаревичъ пробѣжалъ въ отель русскаго посольства и былъ сочувственно приветствованъ на пути ожидавшаго Его профва публичкой. Изъ отеля русскаго посольства Наслѣдникъ Цесаревичъ отправился въ монастырь кануниновъ, гдѣ находится гробница Габсбургскаго императорскаго дома. Монахи проводили Наслѣдника Цесаревича къ гробу принца Рудольфа: Его Высочество возложилъ на гробъ великолѣпный вѣнокъ и затѣмъ возвратился въ Гофбургъ. Вскорѣ по возвращеніи Наслѣдника Цесаревича въ Гофбургъ, германскій посолъ князь Рейссъ и посолъ австро-венгерскій графъ Волькенштейнъ пріѣзжали съ визитомъ къ Его Высочеству. Затѣмъ Его Высочество прослѣдовалъ въ замокъ Шенбрунъ, гдѣ былъ въ 6 часовъ парадный обѣдъ. По прибытіи Наслѣдника Цесаревича въ Шенбрунъ, императоръ вышелъ къ нему навстрѣчу на Голубое Крыльцо и повелъ Его Высочество въ Зеркальную комнату. На обѣдѣ присутствовали: Наслѣдникъ Цесаревичъ, императоръ Францъ-Иосифъ, находившіеся въ Вѣнѣ эрцгерцогиня, эрцгерцогиня Марія-Тереза, Марія-Иозефа и Маргарита-Софія, князь Лобановъ-Ростовскій съ членами посольства, спутники Наслѣдника Цесаревича и состоящіи при Особѣ Его Высочества почетныя лица, придворные сановники, графъ Таафе, Каппай, генералъ Бауэръ, баронъ Орчи, посолъ графъ Волькенштейнъ и начальникъ отдѣленія Сегени; всего было 58 курьеровъ. За обѣдомъ императоръ сѣдѣлъ по среднѣмъ, имѣя по

правую сторону Наслѣдника Цесаревича, а по лѣвую—эрцгерцогиню Марію-Терезію. Рядомъ съ Цесаревичемъ сѣдѣла эрцгерцогиня Марія-Иозефа, эрцгерцогъ Карлъ-Лудвигъ и эрцгерцогиня Маргарита. Послѣ обѣда Наслѣдникъ Цесаревичъ отправился съ графомъ Пальфи въ Вѣну, въ Гофбургъ, куда императоръ заѣхалъ за Его Высочествомъ и отправился съ нимъ въ оперный театръ, гдѣ шла „Африканка“ Мейербера. Въ 10 часовъ, императоръ въ австрійскомъ мундирѣ и Наслѣдникъ Цесаревичъ въ походной формѣ своего австрійскаго уланскаго полка отбыли на вокзалъ Южной желѣзной дороги, гдѣ находился уже князь Лобановъ-Ростовскій со всеми членами русскаго посольства. Императоръ сердечно простился съ Цесаревичемъ, неоднократно обнявъ и поцѣловалъ Его Высочество, а когда поѣздъ тронулся, дѣлалъ ему прощальные знаки. Изъ Вѣны Наслѣдникъ Цесаревичъ отбылъ въ Триестъ. Послѣ отбыта Цесаревича императоръ выѣхалъ въ Гёдёлло.

Въ Триестѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ со свитою прибылъ въ 11 час. утра съ экстреннымъ поѣздомъ и въ роскошно убранномъ вокзалѣ былъ встрѣченъ русскимъ консуломъ, намѣстникомъ, военнымъ комендантомъ и желѣзнодорожнымъ персоналомъ въ парадныхъ мундирахъ. Во время слѣдованія на пристань въ Sant'Andrea Его Высочество было горячо приветствовано народомъ, толпившимся отъ вокзала до набережной. Изъ Триеста русская эскадра съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ въ 2 ч. 25 м. пополудни вышла въ море, направляясь къ Греціи.

Въ это время въ Греціи состоялось открытіе греческаго парламента. Въ тронной рѣчи по этому случаю упомянуто о рожденіи внука у короля и, далѣе, говорится, что Греція желаетъ всегда оставаться въ дружественныхъ отношеніяхъ съ иностранными державами. Затѣмъ въ тронной рѣчи заявлено о перемѣнѣ министерства, вызванной требованіемъ общественнаго мнѣнія, и сказано, что правительство употребитъ всѣ усилія, чтобы улучшить финансы и поставить государство въ возможность выдѣлнить всѣ его обязательства. По словамъ рѣчи, правительство серьезно займется также организаціею народной обороны. О внѣшнихъ дѣлахъ въ тронной рѣчи не упоминается.

Давно ожидаемое посѣщеніе Италіи германскимъ канцлеромъ фонъ-Каприви наконецъ состоялось. Генералъ Каприви прибылъ въ Миланъ 26 октября въ 6 1/2 часовъ утра, и былъ встрѣченъ на вокзалѣ г. Крисни. Около сотни лицъ находились внутри вокзала, не больше было и снаружи; вообще встрѣча была холодная. Миланская печать, въ противоположность римскимъ офиціозамъ, воздержалась отъ особенно горячихъ привѣтственныхъ статей въ честь канцлера Каприви. Въ *Secolo* даже напечатано письмо депутата Сонцоньо къ Каприви, предлагающее германскому канцлеру повращаться среди народа, причемъ онъ убѣдился бы въ томъ, что итальянцы мало восторгаются колониальною политикою и разоряющимъ ихъ тройственнымъ союзомъ—налоги де утроились со времени заключенія союза. Въ письмѣ присовокупляется, что предденіемъ—явленіе не опасное: народъ ждетъ только отъ времени возвращенія братственныхъ областей. Италія должна де играть роль нейтральной и посреднической державы. Изъ Милана генералъ Каприви ѣздилъ съ г. Крисни въ Монду, гдѣ происходилъ придворный обѣдъ, на которомъ присутствовала итальянская королевская чета. На другой день, 28 октября утромъ, германскій канцлеръ выѣхалъ обратно въ Берлинъ черезъ Сель-Готардъ. Многія изъ австрійскихъ и германскихъ газетъ увѣряютъ, что никакихъ новыхъ политическихъ послѣдствій свиданіе Крисни съ Каприви имѣть не будетъ и что посѣщеніе итальянскаго премьера генераломъ фонъ-Каприви является простымъ актомъ вѣжливости.

Библиографія.

Намъ доставлена газета *День* за послѣдніе мѣсяцы текущаго года. Газета выходитъ ежедневно, и по своей цѣнѣ, 5 р. съ пересылкой и доставкой, является однимъ изъ самыхъ дешевыхъ органовъ періодической печати.

Въ *Днѣ*, кромѣ многихъ другихъ сотрудниковъ, принимаютъ участіе слѣдующіе извѣстные литераторы: Н. С. Лѣсковъ, А. Н. Плещеевъ, В. В. Стасовъ, Филипповъ, Бахтаровъ и проч. Въ своихъ передовыхъ и политическихъ статьяхъ газета *День* старается служить русскимъ интересамъ и зорко слѣдитъ за сочувственнымъ въ пользу Россіи движеніемъ славянъ въ Австріи и на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ у нея имѣются собственные постоянные корреспонденты. Внутреннее обозрѣніе, провинціальная лѣтопись и

отдѣлы корреспонденцій изъ различныхъ городовъ Россіи отличаются обиліемъ интересныхъ и всегда строго проверенныхъ фактовъ. Беллетристическій матеріалъ, за достоинство котораго отвѣчаютъ имена извѣстныхъ литераторовъ, разнообразенъ и чуждъ всякой скабрёзности, уголовщины и вопросовъ „улицы“.

День, какъ безусловно опрятную газету во всѣхъ отношеніяхъ, можно смѣло рекомендовать любой семьѣ, желающей выписывать недорогое ежедневное изданіе.

Въ нынѣшнемъ году, между прочимъ, въ газетѣ помѣщенъ рядъ прекрасныхъ очерковъ жизни и благотворной дѣятельности отца Іоанна (Сергіева), Крошигдтскаго протоіеря.

С М Ъ С Ъ .

Профессоръ Робертъ Кохъ и его лѣченіе чахотки. Важнѣйшимъ изъ всѣхъ сообщеній, сдѣланныхъ на международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Берлинѣ, было сообщеніе профессора Р. Коха, въ первый же день засѣданій при чтеніи его доклада о „бактеріологическихъ изслѣдованіяхъ“. Извѣстный ученый просто, безо всякаго пафоса и даже почти мимоходомъ, такъ что большин-

ство едва замѣтило это (а дѣло шло о дѣлающемъ эпоху открытіи) заявилъ, что въ скоромъ времени надѣется найти средство лѣченія чахотки. Чтѣ въ то время едва прослушали и на что не обратили должнаго вниманія, теперь, когда напечатанъ докладъ Коха, выступаетъ во всей своей великой важности. Р. Кохъ даетъ міру не простую надежду, а почти вполне твердую увѣренность,

сообщая о своих наблюденіяхъ надъ условіями жизни чахоточнаго бацилла и своихъ изысканіяхъ средствъ, останавливающихъ его развитие и дѣлающихъ его безвреднымъ. Важнѣйшее мѣсто доклада гласитъ: „Почти точно же за открытіемъ чахоточнаго бацилла я приступилъ къ изысканію средствъ противъ чахотки и до сихъ поръ неотступно продолжалъ мои опыты, часто прерываемые служебными обязанностями. Я не одинъ увѣренъ въ излѣчимости чахотки. Бильротъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ сочиненій весьма рѣшительно высказалъ такое же мнѣніе, и кромѣ того извѣстно, что еще многіе изслѣдователи преслѣдуютъ ту же цѣль. Только, по моему мнѣнію, они избрали ложный путь въ своихъ изслѣдованіяхъ, допуская произведеніе опытовъ надъ людьми. Вотъ почему все, чего надѣялись достигнуть на этомъ пути, начиная съ лѣченія бензоилснлымъ натромъ до метода лѣченія горячимъ воздухомъ, оказалось иллюзіей. Не надъ людьми должно производить первые опыты, но надъ самимъ паразитомъ, въ его чистыхъ культурахъ; даже и въ томъ случаѣ, если-бы найдено было средство, останавливающее развитие чахоточнаго бацилла въ его культурахъ, еще нельзя переносить опыта прямо на людей; надо прежде вновь произвести ихъ на этотъ разъ уже надъ животными, наблюдая, не будутъ-ли имѣть силу и по отношенію къ живымъ организмамъ изысканія сдѣланныя въ реактивныхъ трубочкахъ. Впервые можно примѣнить способъ лѣченія къ человѣку, когда удадутся опыты надъ животными. Руководясь этимъ правиломъ, я въ теченіе нѣкотораго времени производилъ опыты надъ множествомъ разныхъ веществъ, изучая то вліяніе, которое они оказываютъ на чахоточныхъ бациллоу, разведенныхъ въ чистыхъ культурахъ. При этомъ оказалось отнюдь не мало веществъ, которая даже въ ничтожной дозѣ въ состояніи помѣшать росту чахоточныхъ бациллоу. Впрочемъ ясно, что этого достаточно; вовсе не нужно, какъ ошибочно полагаютъ многіе, убивать бактерій въ тѣлѣ, чтобы сдѣлать ихъ безвредными для человѣка,—довольно остановить только ихъ ростъ и размноженіе. Такими средствами, препятствующими, даже при употребленіи въ малыхъ дозахъ, развитію бактерій, оказались (безъ сомнѣнія найдутся и болѣе важныя): нѣкоторые роды эфирныхъ маселъ; изъ ароматическихъ соединеній: β -нафтиланинъ, пара-толуидинъ, ксилитинъ; изъ красящихъ веществъ—краски: фуксинъ, гениановая фиолетовая, синія метиленовая, желтыя хинолиновая и анилиновая, авраминъ; изъ металловъ: ртуть въ пареобразномъ видѣ, соединенія золота и серебра, наилучшее же дѣйствіе, благодаря своимъ особенностямъ, оказываетъ соединеніе золота съ синеюродомъ. Уже при разжиженіи отъ 1—2 миллионновъ они останавливаютъ развитіе бациллоу чахотки. Но всѣ эти вещества остались безъ дѣйствія, когда были примѣнены къ чахоточнымъ животнымъ. Несмотря на эту неудачу, я не прекратилъ своихъ опытовъ въ отысканіи средствъ, останавливающихъ развитіе бациллоу, и наконецъ нашелъ вещества, которая въ состояніи препятствовать развитію бациллоу не только въ реактивныхъ трубочкахъ, но и въ тѣлѣ животныхъ. Изслѣдованія надъ чахоточнымъ бациллоу, какъ это знаетъ всякій занимавшійся ими, подвигаются впередъ весьма медленно; точно такъ же и мои опыты надъ нимъ, хотя и продолжавшіеся цѣлый годъ, еще далеко не кончены, и я могу сообщить относительно ихъ только слѣдующее. Если къ морскимъ свинкамъ, какъ извѣстно, особенно предрасположеннымъ къ чахоткѣ, примѣнить одно изъ этихъ веществъ, то на нихъ уже не дѣйствуетъ прививка туберкулезнаго гноя чахоточнаго яда. Затѣмъ у морскихъ свинокъ, страдающихъ самую сильную степень чахотки, можно совершенно прекратить болѣзненный процессъ, причемъ средство не приноситъ никакого вреда организму. Изъ этихъ опытовъ я дѣлаю пока только то заключеніе, что есть возможность дѣлать безвредными бактерій болѣзнь въ живомъ тѣлѣ безъ вреда для послѣдняго, въ чемъ до сихъ поръ сильно сомнѣвались“.

Вскоръ за тѣмъ профессоръ Р. Кохъ приступилъ и къ опытамъ надъ людьми. Изслѣдованія его надъ лѣченіемъ бугорчатки еще не закончены, но подвинулись настолько, что вскорѣ, по словамъ *National Zeitung*, будутъ опубликованы. Хотя уже и въ настоящее время получился цѣлый рядъ положительныхъ результатовъ и счастливыхъ излѣченій, тѣмъ не менѣе Р. Кохъ предполагаетъ, что еще не время ихъ обнародовать. Четверо врачей принимаютъ участіе въ продолжающихся еще специальныхъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ надъ больными: докторъ Арнольдъ Либбертъцъ изъ Франкфурга на Майнѣ, въ теченіе многихъ лѣтъ пользовавшійся довѣренностью и дружбой Коха, хирургъ докторъ Вильямъ Леви, докторъ Георгъ Корнетъ изъ Рейхенгала и штабный врачъ Эдуардъ Ифудъ, зять Р. Коха. Относительно мѣста, гдѣ Кохъ производитъ свои опыты, *National Zeitung* до сихъ поръ въ интересахъ дѣла хранитъ молчаніе, дабы преждевременными сообщеніями не смутить спокойствія пациентовъ и безрешительнаго теченія опытовъ. Теперь уже нѣтъ надобности въ этой сдержанности, и газета сообщаетъ слѣдующее: „Приступивъ въ началѣ сентября къ опытамъ въ Charité, въ отдѣленіи профессора Сенатора, Р. Кохъ вслѣдъ за тѣмъ вошелъ въ соглашеніе съ докторомъ Леви, содержащимъ частную хирургическую клинику и обладающимъ въ качествѣ фабричнаго врача обширной практикой. Въ величайшей тайнѣ нѣсколько больныхъ были приняты въ эту клинику, и начались опыты излѣченія какъ легочной чахотки, такъ и бугорчатки другихъ органовъ. Ради сохраненія тайны больныхъ выбирали съ предосторожностями: какъ они, такъ и ходившіе за ними врачи обязались словомъ не говорить никому о мѣстѣ и способѣ лѣченія; въ клинику не допускались посторонніе во время лѣченія. Теперь и въ другихъ больницахъ начались опыты по способу Коха, какъ напр. въ хирургической клиникѣ профессора

Бергмана, въ гарнизонномъ лазаретѣ и др. Въ Бергмановской клиникѣ началось лѣченіе по способу Коха 15-ти человѣкъ, страдавшихъ бугорчаткой костей и сочлененій, и на другой же день профессоръ Бергманъ демонстрировалъ тѣсному кружку врачей прошедшее за одиѣ сутки излѣченіе въ ходѣ болѣзни одного изъ этихъ больныхъ. Составныя части Коховскаго средства еще никому не извѣстны: профессоръ Кохъ самъ приготовляетъ лѣкарства и не желаетъ открывать тайны до ея обнародованія имъ самимъ. По словамъ нѣкоторыхъ врачей, таинственное вещество, которымъ достигается излѣченіе, есть извѣстный химическій продуктъ объема вещества туберкулезнаго бацилла или какой либо иной бактеріи, который вслѣдствіе его ядовитыхъ составныхъ частей названъ токсальбуминомъ. Это вещество жидко, вырывается шприцемъ подъ кожу больнымъ (подобно морфию), и такимъ образомъ прямо вводится въ кровеносные сосуды. При легочныхъ страданіяхъ оно вырывается въ спину, при бугорчатныхъ болѣзняхъ другихъ органовъ, какъ напр. въ колѣнномъ или бедряномъ суставѣ или шеѣ—въ ближайшую окрестность больнаго мѣста. Не рѣдко черезъ день или два по вырискиваніи у больныхъ является лихорадка, но ее всегда преодолаваютъ, и организмъ выдерживаетъ лѣченіе безо всякаго вреда. Такимъ путемъ было достигнуто нѣсколько излѣченій какъ у стариковъ, такъ и у молодыхъ людей съ довольно-значительнымъ развитіемъ чахотки, равно какъ и у дѣтей“. *Берлинскій Гирзесвой Курьеръ* утверждаетъ, что дѣйствіе Коховскаго средства на туберкулезные бациллы отнюдь несомнѣнно. „Въ числѣ тѣхъ формъ туберкулезнаго болѣзанія, которыя наиболѣе сопротивлялись искусству врача, первое мѣсто занимаетъ такъ-называемый lupus. Это—бугорчатка кожи, проявляющаяся болѣе или менѣе распространеннымъ или полнымъ разрушеніемъ кожи лица, носовыхъ крыльевъ и губъ, и часто ведущая къ общему зараженію тѣла. До сихъ поръ лѣченіе его производилось такимъ образомъ, что, не дожидаясь распада пораженныхъ частей, всѣ зараженные ткани разрушались посредствомъ ждкихъ кислотъ или соскабливанія острыми инструментами, если не предпочиталось прижиганіе раскаленнымъ желѣзомъ. Само собою разумѣется, что вслѣдствіе такихъ искусственныхъ разрушеній образовывались рубцы, обезображивавшіе лицо не менѣе чѣмъ сама болѣзнь, причемъ только препятствовали ея дальнѣйшему распространенію. Теченіе болѣзни длится отъ 6 недѣль до нѣсколькихъ лѣтъ; нынѣ же одному изъ нашихъ знаменитыхъ хирурговъ удалось съ помощью Коховскаго средства достигнуть неслыханнаго излѣченія въ 5 дней“.

Въ первыхъ числахъ декабря въ СПб. откроется Всероссийская выставка женскаго художественно-ремесленнаго труда, устраиваемая Ремесленнымъ Отдѣломъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ. Всѣ предметы выставки подраздѣляются на слѣдующіе отдѣлы и группы: 1) дѣлты искусственные изъ разныхъ матеріаловъ; 2) кружева; 3) вязанье; 4) вышиванье шелкамъ, шерстями, бумагой, бисеромъ, стеклырусомъ, суташемъ, золотомъ, серебромъ и проч.; 5) подѣлки изъ кожи, стружекъ, волосъ, перьевъ и др. матеріаловъ; 6) живопись по фарфору, стеклу, дереву и тканямъ; 7) выжиганіе, рѣзба, вытравленіе по мрамору; 8) лѣпка; 9) мозаика; 10) картонажныя работы; 11) плетеніе изъ ивы и камыша; 12) особо характерныя издѣлія крестьянокъ (кустарныя), а также работы монастырей; 13) принадлежности женскаго туалета (платья, блузы, шляпы, галстукки, перчатки, обувь и т. п.); 14) литература женскихъ производствъ: книги, рисунки и проч.; 15) пособия для предметовъ женскаго профессиональнаго образованія, инструменты, орудія, употребляемые въ женскихъ производствахъ и образцы употребляемыхъ въ нихъ матеріаловъ. За издѣлія особенно выдающіяся, по совершенству работы, художественному рисунку и другимъ достоинствамъ будутъ выдаваться особаго рисунка брошки, похвальные листы и медали, по присужденію спеціалистовъ, — художниковъ и ремесленниковъ; а за новые виды практическаго прилженія женскаго труда и за коллекціи, имѣющія образовательное значеніе,—особые жетоны. Заявленія о желаніи экспонировать принимаются въ канцеляріи выставки, въ СПб., въ Солянномъ Городкѣ, по Шантелеймонской, д. 2; а съ 15 ноября тамъ же начнется приемъ экспонатовъ.

Англійскому писателю Драйдену случилось однажды быть въ обществѣ герцога Букингэма, лорда Рочестера и лорда Дорсета. Разговоръ зашелъ объ англійскомъ языкѣ и о способѣ выражаться на немъ кратко, содержательно и въ то-же время элегантно. Каждый изъ присутствующихъ считалъ себя наиболѣе искуснымъ въ этомъ дѣлѣ. Споръ былъ горячій; наконецъ пришли къ рѣшенію, что каждый напишетъ что-нибудь на листкѣ бумаги, а Драйденъ рѣшилъ чей стиль лучше. Герцогъ и Рочестеръ повидимому сильно ломали себѣ голову; они поднимали глаза къ потолку, грызли перья и употребляли на писаніе очень много времени, тогда какъ Дорсетъ очень скоро и небрежно набросалъ нѣсколько строкъ. Когда все было готово и написанное, по условію, положено подъ подписчикъ, Драйденъ выступилъ въ качествѣ судьи. Онъ обратился съ улыбкой къ Букингэму и Рочестеру: „Милорды, скажите мнѣ, — вашъ стиль нравится мнѣ чрезвычайно, но стиль лорда Дорсета привлекъ меня просто въ восторгъ. Слушайте и судите сами: „Перваго будущаго мая я плачу Джону Драйдену или его довѣренному пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ. Валюту получилъ. Лондонъ, 16-го апрѣля 1686 г. Дорсетъ“.— По прочтеніи этихъ строкъ, Букингэмъ и Рочестеръ не могли не согласиться, что этотъ слогъ превосходилъ всякій другой по краткости, содержательности и элегантности. (с.)

Неустойчивый законъ. Лѣтъ двѣсти тому назадъ въ Уденардѣ,

во Фландрии, один высокоумный советъ издавъ приказъ, чтобы никто не смѣлъ выходить вечеромъ на улицу безъ фонаря. Граждане возротаили чтобы исполнить букву закона и въ то же время позлить советъ они, по взаимному уговору, стали по вечерамъ брать съ собой фонарь, но только безъ свѣчи. Тогда советъ издалъ второй приказъ, повелѣвающій каждому имѣть въ фонарѣ свѣчу. Горожане повиновались и этому приказу; они стали носить фонарь со свѣчей, но только не зажженной. Советъ вынужденъ былъ издать третій приказъ, которымъ, подъ двойнымъ штрафомъ, требовалось, чтобы каждый носилъ въ фонарѣ зажженную свѣчу. Послушные обыватели исполнили и это требование: они стали носить фонарь съ зажженной свѣчей, но только—подъ плажомъ. Члены совета сердито покачали своими аловженными париками и издали законъ, что каждый долженъ носить въ рукѣ, безъ всякаго прикрытiя, снабженный горящею свѣчею фонарь, послѣ чего обывателямъ уже не пришло въ голову никакого новаго школьничества. (с.)

Домашняя или обыкновенная муха безъ сомнѣнiя имѣетъ определенное и даже полезное назначенiе допозднѣе въ домашнемъ быту упущенное изъ виду природою. Она занимаетъ между насѣкомыми такое же мѣсто, какъ свинья среди млекопитающихъ, уничтожая громадное количество нечистотъ и заразныхъ веществъ. Мухи встрѣчаются въ большомъ количествѣ на нечистотахъ и въ комнатахъ съ испорченнымъ воздухомъ, подобно тому какъ протинные, но часто полезные тараканы-прусаки водятся въ грязныхъ

кухняхъ и домахъ; послѣднихъ однако легко и скоро можно вывести чистотою и свѣжимъ воздухомъ. Муха чрезвычайно приспособлена къ уничтоженiю нечистотъ: на языкѣ у ней находится родъ щеточки, гребенки или скребка, который она пускаетъ въ ходъ съ большою силой, такъ что можетъ соскабливать и счищать имъ засохшiй лакъ, сургучъ и клей. Тотъ, къ кому она слѣзетъ на кожу для очищенiя съ нея грязи или влажности, тотчасъ почувствуетъ жесткость ея языка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ домашняя муха самое наглосе и надоедливое созданiе, разбойникъ не дающiй пощады ничему, что можетъ служить ему пищей. Она нападаетъ на человѣка и во время сна и во время бодрствованiя. Этотъ маленький тиранъ охотно садится на гнилыя и протухлыя вещества, и долженъ считаться разносителемъ заразы, такъ какъ постоянно мѣняетъ мѣста своихъ кормежекъ. Муха отравляетъ раны человѣка и переноситъ въ наши кушанья заразу со стгнившихъ органическихъ веществъ, напримеръ, съ труновъ или съ вредныхъ нагноенiй; поэтому тѣ болiные, которымъ необходимо имѣть открытую рану, должны заботливо слѣдить, чтобы мухи не касались ея. (к.)

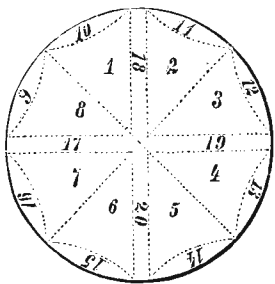
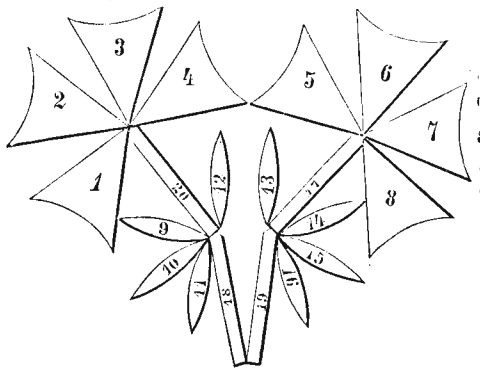
Оригинальный кустаръ явился со своими издѣлiями на Казанскую выставку. Это 25-лѣтний крестьянинъ Вятской губ., Уржумскаго уѣзда, Макарь Никитичъ. У него, отъ рожденiя, нѣтъ ни рукъ, ни ногъ, и инструменты онъ беретъ зубами. Дѣлаетъ онъ вѣлки, повозки, кухонные столы и проч. Онъ ходитъ довольно скоро, передвигая то одну, то другую сторону корпуса. (в.)

Задача буквъ (ходъ коня) № 63.

Н. В. П.

Требуется сложить данныя четыре фигуры въ одну общую и посредствомъ хода коня прочесть извѣстное стихотворенiе.

Рѣшенiе геометрической задачи № 58 (помѣщ. въ № 38).

Вѣрныя рѣшенiя этой задачи присланы отъ г.г.: СПб.—В. Сизова, В. Лбова, К. В. Петрова, Е. Бѣлова, В. А. Ларсенъ, П. Епшикина, К. Носкова, О. Ф. Кузина, В. Федрикова, П. З. Андреева, М. Шувалова, П. В. Волокитина, П. П. Некитѣлова, Л. Дашера, П. Р. Милкова, С. Ф. Крылова, П. Парва, Р. Цойсъ, С. Кликочка; **Москва**—А. А. Боголюбова, Ф. А. Куликова, М. Носохина, П. В. Серебрякова, Л. А. Козель, П. Волгина, Л. Кочетова, Н. Ситова, Е. Гемзиневъ; **Александрополь**—М. Вѣлгородова; **Борисоглѣбскъ**—А. Д. Алексина; **Борзна**—Т. Погибкина; **Бахчисарай**—М. М. Дремджи; **Безтроекъ**—В. Карницкой; **Б. Коровино**—В. К. Терскаго; **Ветлуга**—Ф. Р. Чиркина; **Винница**—С. П. Мильбрудъ; **Варшава**—К. Меркушкина; **Вильно**—А.

Пѣцова; **Златоустъ**—М. О. Рябинина; **Злынка**—Х. Е. Макарова; **Креставль**—Б. А. Холкина; **Кременчугъ**—Э. Л. Виккулъ-Добровенской; **Ковровъ**—И. П. Митарова; **Нивъ**—А. Н. Шульженко; **Налуга**—С. П. Соколова; **Новно**—А. Аронштамъ; **Лебе-**

Шашечная задача № 64.

В. Н. Шошина.

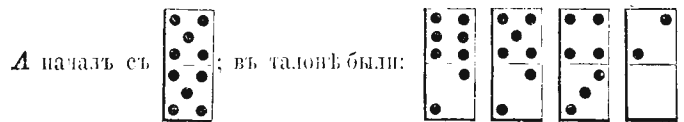
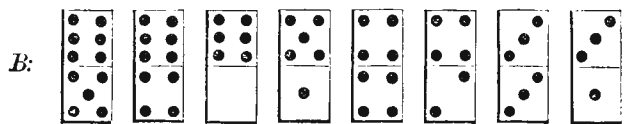
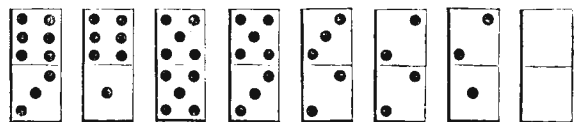
Бѣлые начинаютъ и запраютъ Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шахматная задача № 65.

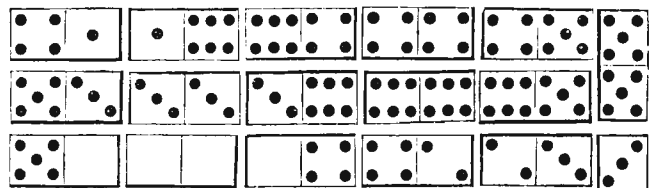
Черные.

Рѣшенiе задачи въ домино № 57 (помѣщ. въ № 38).

А имѣтъ камни:

Ходъ игры:

Вѣрныя рѣшенiя этой задачи присланы отъ г.г.: СПб.—К. Н. Лапшина, **Нарачевъ**—И. П. С. М., **Налуга**—С. П. Соколова, **Одесса**—М. Юрьева.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1891 г.

Подписчики „Нивы“ въ 1891 г. получаютъ кромѣ 52 номеровъ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала „Нива“ еще **БЕЗПЛАТНО**

12

ежемѣсячныхъ большихъ книгъ

романовъ, повѣстей, рассказовъ и друг. занимательнаго и поучительнаго чтенія. Каждая книга объемомъ отъ 200 до 250 стран., въ форматѣ „Сборника“ разосланаго при №. 43 „Нивы“ на 1890 г. Три изъ этихъ 12 книгъ будутъ состоять изъ Полнаго собранія сочиненій

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ 3 томахъ, какъ самостоятельное изданіе, съ біографіею Лермонтова и его портретомъ, гравированнымъ на стали.

Попрежнему къ „Нивѣ“ будутъ прилагаться „Парижскія моды“, 12 №.№. въ годъ, содержащихъ въ себѣ до 500 модныхъ гравюръ, 350 рисунковъ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ, 400 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, хозяйственные совѣты и рецепты и проч. и проч.

При 1-мъ №. „Нивы“ разошлетя изящный „Стѣнной календарь“ на 1891 г., отпечатанный красками.

Кромѣ того подписчики „Нивы“ на 1891 г. получаютъ какъ главную художественную премію съ даровою пересылкою

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10 АКВАРЕЛЯМИ

исполненными fac simile въ краскахъ по картинамъ: Айвазовскаго, Александровскаго, Васильковскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Кившенка, Клевера, Премацци и Сверчкова, въ красивой картонной папкѣ, украшенной роскошнымъ заглавнымъ рисункомъ.

Относительно запасеннаго нами литературнаго матеріала какъ для „Нивы“, такъ и для 12 книгъ, можемъ указать на нашу слишкомъ двадцатилѣтнюю дѣятельность, въ теченіе которой читатели „Нивы“ могли убѣдиться, что мы даемъ произведенія лишь извѣстнѣйшихъ и лучшихъ русскихъ писателей.

Подписная цѣна „Нивы“ показана на первой страницѣ.

5% съ выигр. заемъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка 1889 г.

2-й тиражъ 1-го ноября 1890 г.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.			
76	11	500	2244	46	500	4282	6	500	6456	13	500	8221	13	500	10231	42	8000			
87	21	500	2250	8	500	4323	40	500	6457	29	200000	8283	50	8000	10277	44	500	12064	29	500
118	30	500	2430	21	500	4352	9	500	6572	9	500	8347	37	500	10325	7	500	12073	6	500
142	13	500	2525	16	500	4465	47	500	6606	8	500	8356	6	500	10433	12	500	12078	33	500
145	24	500	2774	16	500	4489	38	500	6659	6	500	8359	17	500	10444	47	500	12112	11	500
221	39	500	2813	16	500	4543	18	500	6673	1	500	8361	36	500	10463	5	500	12216	47	500
284	35	500	2856	33	1000	4597	5	500	6689	23	1000	8393	34	500	10464	26	1000	12270	4	500
330	25	500	2902	36	500	4623	47	500	6696	36	500	8445	13	1000	10536	9	1000	12283	47	500
348	38	500	3161	41	500	4709	39	500	6715	21	500	8508	10	500	10565	13	5000	12413	10	500
369	18	500	3172	14	500	4740	42	500	6723	28	500	8527	14	500	10667	47	500	12413	10	500
385	13	500	3251	30	500	4777	20	500	6751	12	500	8591	11	1000	10721	43	500	12568	25	500
385	44	500	3268	19	500	4849	46	500	6785	24	500	8620	1	500	10724	32	1000	12593	4	500
465	6	500	3331	23	500	4962	16	5000	6837	16	500	8774	12	500	10729	49	500	12639	43	500
474	18	500	3358	47	500	5058	35	500	6861	48	500	8846	29	500	10753	49	500	12661	2	500
521	1	10000	3373	13	500	5103	33	500	6951	48	500	8982	18	500	10799	16	500	12781	41	500
551	24	500	3383	16	500	5210	37	500	7011	41	500	9019	44	500	10831	29	500	12856	19	500
673	11	500	3422	18	500	5216	11	500	7081	3	500	9099	35	500	10840	6	1000	12915	12	1000
721	40	500	3449	42	500	5239	30	5000	7205	1	500	9143	44	500	10879	27	500	12950	15	500
762	11	500	3456	34	500	5406	11	500	7232	29	500	9232	31	500	10880	47	5000	12955	42	500
824	20	500	3473	44	500	5492	32	500	7243	25	8000	9255	10	500	10898	28	8000	13022	5	500
1059	49	500	3487	21	500	5529	38	500	7257	45	10000	9277	28	500	10922	31	500	13037	22	500
1063	37	1000	3525	48	500	5541	48	500	7276	45	5000	9298	28	500	11052	33	500	13139	22	75000
1081	2	500	3535	28	500	5552	35	500	7307	27	500	9325	4	500	11052	33	500	13168	11	500
1105	34	500	3691	25	500	5686	29	500	7327	11	500	9367	29	25000	11218	23	500	13224	10	500
1134	29	500	3699	35	500	5787	14	500	7381	6	500	9447	35	500	11220	4	500	13259	17	500
1866	88	500	3786	17	500	5813	9	500	7421	18	500	9457	43	500	11225	18	500	13264	21	500
1393	50	500	3821	8	500	5929	45	500	7450	8	500	9474	40	500	11354	50	500	13328	6	500
1432	6	500	3855	6	500	6027	36	500	7627	17	5000	9480	15	500	11494	44	500	13345	12	500
1470	6	500	3906	36	500	6092	4	500	7652	16	500	9539	12	500	11533	27	1000	13372	16	500
1519	47	500	3929	47	500	6144	27	500	7712	13	500	9638	41	500	11540	18	500	13398	34	500
1540	47	8000	3939	16	500	6179	6	500	7738	44	500	9685	14	500	11586	8	500	13412	39	500
1355	41	500	4037	11	500	6181	44	500	7743	31	500	9741	29	500	11624	30	500	13475	43	1000
1693	1	500	4088	16	500	6213	34	500	7772	48	500	9791	46	1000	11723	36	1000	13478	44	500
1705	30	500	4088	33	500	6261	26	500	7895	45	500	9837	6	500	11753	32	500	13480	47	500
1778	40	500	4126	43	500	6273	50	500	7975	7	500	9933	42	40000	11753	32	500	13594	31	500
2105	1	500	4218	23	500	6295	6	500	8087	50	1000	9987	42	40000	11947	9	500	13667	35	500
2126	31	500	4261	28	1000	6430	36	1000	8185	47	500	10137	14	500	11947	36	500	13723	8	500
2201	20	500	4278	46	500	6434	18	1000	8191	18	500	10137	14	500	11985	7	500	13736	18	500
																		13763	47	500

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го февраля 1891 года.

Тиражъ погашенія будетъ производиться съ 1-го мая 1896 года.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

№ 4754 28-2

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

фабрикантовъ шелковыхъ издѣлій
Бр. С. и Р. ШЕЛЖЕВЫХЪ

Москва, пассажъ Солодовникова, Москва

ПРЕДЛАГАЕТЪ:

изящныя шелковыя ткани для вечернихъ, балныхъ и визитныхъ платьевъ, какъ и плюшь и бархаты для разныхъ верхнихъ вещей по Ш. № 4802

КРАЙНЕ ДЕШЕВЫМЪ ЦѢНАМЪ.

По желанію образцы высыл. бесплатно.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собр. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:

съ 3 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к.

7 " " съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей

Самый легкій инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

И. Ф. МЮЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (40) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣляется скидка.

ЦЕЗАРЬ и МИНКА

въ Цанѣ (кор. Прусское)

обширѣйшій въ Европѣ извѣстный заводъ для разведенія породистыхъ собакъ.
Поставщикъ Е. Н. Величества Государя Императора, Императора Германскаго, Султана Турецкаго, Короля Голландскаго, Бел. Герцога Ольденбургскаго и другихъ царствующихъ особъ. R. № 4806

Предлагаетъ, какъ спеціальность завѣденія, всевозможныхъ роскошныхъ и породистыхъ собакъ, начиная отъ громаднѣхъ ульмскихъ договъ и сенбернаровъ, до самыхъ маленюхихъ комнатныхъ собачекъ, а также охотничьихъ собакъ, какъ-то: лгавыхъ, борзыхъ, даксовъ и другихъ, отлично дрессированныхъ и молодыхъ.
Иллюстрированные прейсъ-куранты по-французски и по-нѣмецки бесплатно. 5-е издание брошюры „Воспитаніе, уходъ, дрессировка и болѣзни чистокровныхъ собакъ“, съ 50-ю рисунками премириванныхъ собакъ, по франц. и нѣмц. — за 10 марк. = 12,50 франк. = 5 руб. = 6 гульд.
Собственная постоянная выставка многихъ сотенъ собакъ на продажу. (Bahnhof-Wittenberg).

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ «ЕСТУЖИ»
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ
ПРЕДУПРЕЖДАЕМЪ ВЪЗВОРАЖАЮЩАЯ НА ШЕИ МАРКИ

НОВЫЯ ИГРЫ И ЗАБАВЫ

для дѣтей и взрослыхъ

въ долгіе зимніе вечера и на праздникахъ.

ВЫПИСЫВАЙТЕ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО!

Кромѣ вещей, опубликованныхъ въ прошломъ номерѣ, только что поступили слѣдующія игры: По 50 коп.: Изъ мухи слона. Рыбка гадалка. Непорѣшная птичка. Живописъ огнемъ. Игра въ Генераль Багъ. Четъ или нечетъ. Автоматическая таблица умноженія. Игра капризъ. Албука крошка. Албука малюта. Карты гадающаго. 5 игръ головоломки, очень интересны. Оффелева башня (Question de la Tour). Карты гадающаго „Амуры“. Вышиваніе по канвѣ. Складныя картины (для маленюхихъ). Игра въ магнитъ. рыбки. Калѣброскомъ. То же болѣе 1 р. и 2 р. Свинка въ клеверѣ. То же брелкомъ 25 к. Рисованіе по шаблонамъ. Дѣтскіе, двоядѣтскіе, часы.

По 75 коп.: Бюбнискій и Добчинскій. Путешествіе вокругъ свѣта. Ринарскій турниръ. Игра въ почту. Черный Петръ (очень забавно). Коло и Рокко. Лото зѣбрѣй. Лото рыбъ. Шкатулка чародѣйка. Вырѣзаніе тѣней. Зоологическій мѣръ, для легчайшаго изученія естество. исторіи. Рогопальца.

По 1 руб.: Со ступенки на ступенку. Колоколь и золотъ. Сильной странникъ. Игра парадъ въ Петербургѣ. Игра леопардице. Игра „Впередъ“, общество. Ищитъ фокусомъ. То же болѣе 2 р., 4 р., 6 р., 8 р. и 10 р. (очень интересно для развлеченія цѣлаго общества и домашнихъ сценъ). Игра: разъ, два, три. Ано-Като или элетрич. плающія фигуры. Игра „Варанки“, очень смѣшна. 10 головоломки (jeux de patience) одинаково интересны дѣтямъ и взрослымъ. Дѣтскій театръ. Дѣтская мебель. Тоже болѣе 2 р. и 3 р.

По 1 р. 50 коп.: Вооруженная Европа. „Дарина“ — игра. Живописное лото, для изученія 3 языковъ. Кошка и мышка. Свѣтъ до слезъ дѣтей и взрослыхъ. Веселая таблица умноженія. Мужикъ, мѣщанинъ и дворянинъ. Маленюхая портинка (съ моделями и вырѣзаніемъ). Разборная кухня. Аллотасъ или 120 предсказывающихъ картъ. Оффелева башня составная. Летящая муха (шумитъ и летаетъ). Портфель съ 10 забавными фокусами. Школа рукодѣлія для дѣвочки. Гуливеръ-чародѣй. Игра въ музыканты. Заводная желѣзная дорога съ вагонами. Логомотивъ со свѣткомъ. Назначай альбомъ писателей.

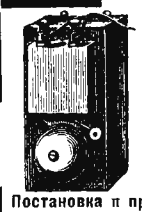
По 2 руб.: Во всѣ Имперіи (очень интересн. и полезн.). Цвѣтное вышиваніе. Работы плетенія. Маленюхій мозаичникъ или мозаичница. Игра въ скачки. Веселое лото для дѣтей и взрослыхъ. Тысяча картинъ или азбука игра. Игра въ рыбки (очень забавно). Дѣтская прѣмья. Работы крючкомъ. Дѣтскій бильярдъ.

По 2 р. 50 коп.: Китайская игра съ волчкомъ (интересна и взрослымъ). Военная игра для мальчиковъ. Игра горошинами, очень интересна для маленюхихъ. Названіе и вышиваніе по канвѣ и серебряной бумажѣ. Подзорная труба.

По 3 руб.: Вокругъ всего свѣта. Наглядная таблица умноженія (объ очень интересн. обществомъ игр). Флора, прекраснѣйшая игра для дѣвочки. Жѣбеноска (очень забавная). Разрушительная крѣпость (для мальчиковъ). Кораблестроитель, постройка судовъ по моделямъ. Автоматическій производитель.

По 5 руб.: Живое колесо (перемѣняющіяся картины). 30 головоломки съ приложеніемъ китайскихъ катетовъ и книжку, а равно громадный выборъ волшебныхъ фонарей отъ 1 р. 50 коп. и картины съ нимъ отъ 1 р. за двѣж.

Всѣ игры весьма занимательны и съ печатными наставленіями.
Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній. Невскій проспектъ. № 4. (Фирма существ. съ 1872 г.). Заказы исполняются немедленно, но не менѣе чѣмъ на 3 рубля. М. № 4803

Лампы съ накаливаніемъ въ 16 свѣчей, въ 50, 65 и 100 вольтъ, за 100 штукъ РС. 100. Патроны Эдиссона и Сименса. Тюльпаны стекляныя, отъ 50 к. до 1 р. 25 к. Электрическіе звонки отъ 1 р. 50 к. Аппараты №№ 3, 4, 6, 8, 10, 12 РС. 7,50, 8,50, 14, 16, 20, 23. Кнопки отъ 25 к. Элементы Ленданше отъ 1 р. 25 к. — 1 р. 50. Сухой элементъ Электронъ отъ 2 р. Изолированная проволока за ф. отъ 1 р. 20. Изоляторы отъ 20 к. — 50 к. Симплексъ Микрофонъ. Телефонъ со звонкомъ, за станцію РС. 15. Микрофонъ телефонъ Вадена, съ индукторомъ, на протяженіи 400 верстъ, за станцію РС. 60. Домашній телеграфъ, легко устанавливается домашнимъ образомъ, безъ помощи спеціалистовъ, цѣна 7 р. Постановка п проводъ телефонныхъ и звонковыхъ, а также ремонтъ и починка по весьма умѣреннымъ цѣнамъ. Руководство и прейсъ-курантъ высыл. за 50 к. марками.

К. И. ФРЕЛАНДТЪ В. № 4775
Складъ электрическихъ приборовъ, С.-Петербургъ, уг. Невскаго пр. и Екатерининскаго канала, д. Учетнаго Банка, входъ съ канала, № 16.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ВѢСТНИКЪ

САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА

1891 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства подъ редакціею **В. И. Кутузова** (СПБ., Лесной Институтъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромолитографіями и разными рисунками въ текствѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива“ (СПБ., Невскій просп., № 6) и у казначея Общества Э. И. Эндеръ (СПБ., Импер. Ботанической Сады). Цѣна 8 рублей за годъ. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ редакціи „Нивы“.

Leichner's Fettwunder
ЖИРНАЯ ШУДРА ЛЕЙХНЕРА.
Шудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшения красоты кожѣ! Цѣна коробки 1 рубль!
Театральная гримировка! В. № 4720 17—3
Жирная румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!
Ищется во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.
Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

Н. П. ДАНИНЪ,

КОММИССІОНЕРЪ ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ
№ 4796 ВРАЧЕЙ ВЪ МОСКВѢ. 5-1

С Ф Ф Р
ИЛАДЫ: Москва, Москворѣцкій мостъ, соб. д. Телефонъ № 764. С.-Петербургъ, Чернышев пер., д. № 2-64. Одесса, уголъ Екатерининской и Еврейской улицъ, д. Испаскъ. Нижегородская ярмарка, уголъ Нижегородской и Макарьевской улицъ. Въ Баку, во время ярмарки.

ИРМА СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1854 ГОДА.

Она удостоена: на всероссійскихъ выставкахъ 11 и на иностранныхъ 45 наградъ. Кромѣ того, на всемирной выставкѣ въ Барселонѣ 1888 года предсидатель фирмы удостоенъ званіемъ члена жюри и кромѣ золотой медали награжденъ командорскимъ крестомъ „Св. Изабеллы Католической“ и на выставкѣ въ Бордо двумя почетными дипломами и золотой медалью.

РЕКОМЕНДУЕТСЯ НА ЗИМНІЙ СЕЗОНЪ ОТЛИЧНАГО КАЧЕСТВА ШАМПАНСКОЕ:

IMPERIAL: Русское шампанское. 1-е классъ. полусухое. Crémant Rosé, очень сухое. Crémant Sec, сладокъ. Crémant Demi Sec.

Во избѣжаніе поддѣлокъ всѣ эти сорта выпущены въ продажу съ новой герметической упорной, при помощи проволоночной сѣтки и металлической пластинки сверху пробки, съ выдавленнымъ въ ямочку: „Н. П. Данинъ и съ ПЛОМБОМЪ „Н. П. Данинъ, Москва“.

4711
О-ДЕ-КОЛОНЪ.
Съ зелено-золотистымъ ярлыкомъ. Продается во всѣхъ лучшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магаз. Россіи. Требуется зелено-золотистый ярлыкъ. Главное депо у Александра Тиссъ и Н°. Пушкинская, № 4. Ц. № 4769 4-2

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО !!

приготовленное лабораторіею А. Энгльндъ. Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и приятная пѣна, впитывается въ кожу, придаетъ ей нежность и мягкость, употребляется какъ мыло.

Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп.

Для предуредженія поддѣлокъ прошу обратить вниманію на подпись А. Энгльндъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.

Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ всей Россійской Имперіи. Ц. № 4409 12-10

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
А. ЭНГЛЮНДЪ,
СПБ., Литейный пр., 36.

Поступила въ продажу новая книга:

ПОДЪ ВОЛНАМИ ОКЕАНА.

Романъ д-ра Рангада. Цѣна 1 руб. Съ 24-мя рисунками. Выписываются черезъ редакцію журнала „Природа и Люди“, СПБ., Вознесенскій, 47. За пересылку не платятъ. № 4783 2-2

НОВОСТЬ! 3-1

Французская **СТАЛЬНАЯ ДРОБИЛКА 9 руб.** Корнѣ лошадей, коровъ, птицъ и т. п. дробленымъ ачичемъ, овсомъ, кукурузой и пр., зерна будетъ выходить значительно менше, что дастъ большую экономію въ хозяйствѣ и кавалерійскихъ полкахъ. Адресъ: Одесса, складъ маляжь технолога Н. МЕЛЬНИКОВА.

ЛУЧШАЯ ВЪ МИРѢ
ГАРМОНИИ
Фабрики **И. Ф. КАЛЬБЕ.**

имѣють такой
TRADE MARK

Фабричный знакъ и продается у меня по фабричнымъ дешевымъ цѣнамъ:

Однорядная: въ 4, 5, 5½, 6, 7, 7½, 8, 8½, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
Двурядная: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р. и въскія въ 19 и 22 р.
Трехрядная: въ 60 р. и въскія въ 30, 50 и 75 р.

Самочинитель, Соколова по 1 р. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.
Гармонию можно имѣть въскіаго или русскаго строя. № 4793
Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратно.
Иллюстрир. прейсъ-курантъ бесплатно.
Продажа оптомъ и въ розницу.

ЮЛІИ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

СКОБИЛЬНАЯ СТАЛЬ
Доннерлера

скоблить такъ скоро и незаметно, что каждый по первому употребленіи дастъ ей предпочтеніе предъ всѣми бывшими до сихъ поръ въ употребленіи скобильными ножницами и преч.

Единственная продажа оптова и розничная у
№ 4783-2

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ
Складъ резиновыхъ товаровъ и новостей
Большая Морская, № 34,
Цѣна съ пересылкою 1 рубль.

ФАБРИКА
МЕЛЬХИОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
А. КАЧЪ

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., домъ № 36.
Рекомендуетъ огромный выборъ новѣйшихъ фасоновъ, всевозможнѣйшихъ вещей, подражающихъ серебру. Г.г. иногороднымъ высылаются иллюстрированные каталоги, по требованію, бесплатно. № 4797 3-1

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59-57, соб. домъ.

НАСТОЯЩЕ
ВЕЛОСИПЕДЫ (ВУФЪ)

ПЕРВОЕ МѢСТО
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
С.-Петербургъ

Только что вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу новая книга:
„ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ“
Стихотворенія 1887-1890 гг.
Я. П. ПОЛОНОСКАГО.
Цѣна 1 руб. 25 коп., съ пересылкою 1 р. 50 коп. Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. № 4807

CIGARETTES ESPIC contre
ASTHME & CATARRHE
AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
Dét general: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg
Vente en gros: J ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la signature sur chaque Cigarette.

Всѣмъ въ складахъ духовныхъ и въ всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CH. LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Поступило въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:
Сочиненіе **Ф. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ трехъ большихъ томовъ, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и политипажей и 17 эстамповъ на мѣди.

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсности Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками.

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсности Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе втораго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, приемы возращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконѣцъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣльч. устройствахъ лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплоатаціи лѣса; учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соответственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:
При выписываніи 1-го тома вносится 4 р., до выхода 2-го тома 8 р., а до выхода 3-го тома 2 р., а всего 14 руб.
Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ.
За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.
По выходѣ всего сочиненія цѣна будетъ значительно возвышена.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкою 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и желающія приобрести слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносить 7 р., а 3-го тома 2 р.

Товарищество Промышленниковъ сарпинскихъ издѣлій
въ САРАТОВѢ.
Сезонъ 1891 года. П. № 4798 6-1

САРПИКА

ручного ткачества, собственной выработки самыхъ новѣйш. и изящн. рисунковъ.
Продажа оптомъ и въ розницу, пересылка во всѣ города Россіи.
Образцы сарпинковъ высылаются съ 15-го ноября с. г. въ альбомѣ за 42 к.
Цѣны и условія по альбому (пересылка на русскій языкъ).

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.
Н. Н. Карзина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и во всѣмъ извѣстнѣмъ книгопродавцамъ.

ЛЕШИНСКІЙ и ГЮЗІНСКІЙ

имѣють честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Спеціальность: плуги и молотилки.
Они же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивовъ Нейтона и Шутлеворта въ Ангайнъ и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, жне-ней „Дези“ и сноповязаловъ Маиъ Нормина въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конный грабли Тигра завода Стодарда, рядовыя сѣлки Сакка и проч. № 4484 26-12
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеневъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

БРОКАРЪ и Ко.
ИЗВѢСТНѢЙШИЙ
ЦВѢТОЧНЫЙ
ДЕКОРАТИВЪ

Складъ фабрики: Офицерская, 5.

Только подлинно съ этой фабрики, марки:

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.
Медо-Травяной-Мальць-Экстрактъ и Конфекты. *)
Л. Г. ПИТЦЪ и Ко.
въ Бреславлѣ.
Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составѣ этихъ препаратовъ не входитъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрешены.
*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфеты по 30 и 50 к.
Упаковка и пересылка считаются особо
Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18-19.
Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4719 18-4

КНИЖУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, чекоткость красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.

г. XXI

№ 46

1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выдавъ 17 ноября 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1891 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печнов- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	---------------------	-------

Передъ свадьбой. А. Шредера, грав. Гейеръ.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XXI.

Остановившись въ маленькой гостиницѣ, Кароль отправился къ канцлеру банды, шляхтичу Володковичу, и представился, объявивъ о своемъ намѣреніи. Володковичъ принялъ его ласково, узнавъ, что онъ тотъ самый молодой человѣкъ, о которомъ онъ слышалъ въ Варшавѣ, т. е. сынъ извѣстнаго пана Сандецкаго.

Прежде всего Володковичъ потребовалъ, чтобы Кароль ознакомился со статутомъ, или съ правилами, которыми руководится Албанская банда. Затѣмъ молодому человѣку было сдѣлано нѣчто въ родѣ экзамена.

Каждый албанчикъ обязывался знать хоть немного полатыни, но это было самое послѣднее, что требовалось.

Главное было въ томъ, чтобы лихо ѣздить верхомъ на самыхъ дикихъ лошадяхъ и если валиться на землю, то не иначе, какъ вмѣстѣ съ лошадью, но вмѣстѣ съ нею и вставать. Затѣмъ искусно рубиться на сабляхъ, стрѣлять безъ промаха, много пить не напиваясь, буйнить въ трезвомъ видѣ, а не въ пьяномъ. Между собой не ссориться, а въ случаѣ распри съ кѣмъ-нибудь изъ банды никогда не обращаться къ собственной расправѣ, а просить арбитра изъ банды. Въ случаѣ опаснаго порученія—не жалѣть себя, такъ какъ отъ всякаго поступающаго требовалось вообще, по польскому выраженію, „умѣнье держать чорта за рога“.

Кароль, получившій воспитаніе у монаховъ-піаровъ и собиравшійся было уже поступить въ Палестру, т. е. быть юристомъ или чиновникомъ, все-же, какъ всякій полякъ своего времени, былъ хорошо знакомъ съ оружіемъ и съ верховой ѣздой. Теперешнее же его положеніе измѣнило его образъ мыслей, и онъ готовъ былъ наостриться въ военномъ дѣлѣ. Ему хотѣлось теперь начать жизнь не тихую и мирную, а буйную, въ которой можно было бы потопить, заглушить свои страданія.

Молодой человѣкъ заявилъ канцлеру, что онъ болѣе или менѣе умѣетъ и знаетъ все что требуется, но постарается обучиться всему до тонкостей.

Черезъ три дня Кароль, нѣсколько смущаясь, уже вступалъ въ великолѣпный дворецъ князя Радзивила. Молодой человѣкъ, не разъ жившій въ Варшавѣ и видѣвшій дворъ короля Станислава, бывшій раза два въ замкѣ королевскомъ, былъ все-таки пораженъ роскошью и великолѣпіемъ при дворѣ мѣстнаго Цезаря.

Хотя Каролу назначили для пріема такіе часы, когда князь отдыхалъ послѣ завтрака, тѣмъ не менѣе въ гостиной, богато убранной всякими чудесами Европы, отъ бронзы и картинъ до фарфора и гобеленевъ, было нѣсколько лицъ, ожидавшихъ пріема.

Когда князю доложили о явившемся представиться новомъ охотникѣ въ банду, Радзивиль по обыкновенію задалъ всегдашній свой вопросъ доложившему:

— Въ чемъ молодецъ? Въ „плюндрахъ“ или въ платьѣ?

Докладывавшій заявилъ, что не только молодой Кароль Побочекъ не въ плюндрахъ, а въ самомъ настоящемъ старо-польскомъ одѣянніи, но и душой приверженецъ всего старо-польскаго, равно какъ и его отецъ, извѣстный панъ Сандецкій.

„Плюндры“ было ненавистное слово для всѣхъ партизановъ Радзивила. Это было платье, вновь появившееся на свѣтѣ съ легкой руки французовъ и уже начинавшее проникать во всѣ углы Европы.

Всѣ думали и надѣялись, и не въ одной Польшѣ, что плюндры исчезнутъ, какъ всякая временная мода, и тѣмъ болѣе надѣялись, что безобразіе этой одежды ничего и выдумать было нельзя.

— Никакой хлопъ, никакой жидъ, никакой песь,

говорилъ Радзивиль и ему подобные,—не поспѣетъ со временемъ носить то во что теперь стали наряжаться молодые люди Варшавы.

Плюндры была черная пара — фракъ и панталоны. Много старыхъ умныхъ головъ въ Европѣ крайне изумились бы, если бы могли предвидѣть, что плюндры останутся на бѣломъ свѣтѣ на сто лѣтъ, обойдутъ земной шаръ и будутъ угрожать міру остаться на вѣки-вѣчныя, а вдобавокъ стануть главнымъ уравнивателемъ сословій, болѣе сильнымъ чѣмъ законъ, ибо будутъ уравнивателемъ осязательнымъ и нагляднымъ,—стануть мундиромъ въ парадныхъ случаяхъ для вельможъ, сановниковъ, министровъ, даже для коронованныхъ особъ и... внизъ до лакеевъ.

Кароль Побочекъ конечно былъ одѣтъ въ кунтушъ и жупанъ темнаго цвѣта, но все-таки довольно красивые и свѣжіе. Сильно смущенный переступилъ Кароль порогъ знаменитаго магната. Когда онъ вошелъ въ небольшую кабинетъ, то нѣсколько удивился. Онъ представлялъ себѣ князя совершенно инымъ.

Радзивилу было теперь менѣе пятидесяти лѣтъ, но на видъ, благодаря праздно-беспорядливой жизни, онъ казался человѣкомъ лѣтъ уже за шестьдесятъ. Онъ былъ средняго роста, скорѣй даже маленькаго, и очень толстый съ выдающимся брюшкомъ. Костюмъ на немъ былъ всегда польскій и всегда одного цвѣта: темно-гранатовый кунтушъ, малиновый жупанъ и малиновые отвороты. Къ этому въ парадныхъ случаяхъ прибавлялись только шнуры чистаго золота и пуночная конфедератка, осыпанная крупными брилліантами.

Сабля, которую носилъ Радзивиль, была самая удивительная во всей Польшѣ. На эту саблю можно было бы купить себѣ огромное состояніе, два-три лучшихъ помѣстья Польши. Крупные драгоценные камни, украшавшіе ее, не имѣли цѣны.

Кароль представился и назвалъся. Не прошло пяти минутъ послѣ бесѣды и нѣсколькихъ вопросовъ князя—Кароль уже былъ очарованъ княземъ. Главною чертой характера Радзивила было его самое простое добродушное обращеніе „за панибрата“. Прозвище князя, извѣстное во всемъ королевствѣ и оставшееся за нимъ на-вѣки, было: „пане коханку“, что значитъ: „милый панъ“. Магната иначе и не звали заглазно. Случилось это потому, что Радзивиль постоянно и ровно всѣмъ говорилъ въ бесѣдѣ: „пане коханку“.

Однажды, поневолѣ представившись вновь избранному королю, и ему сказалъ онъ нѣсколько разъ съ упорствомъ: „ваше величество, пане коханку“. Впрочемъ, во время этого представленія королю, Радзивиль не утерпѣлъ, чтобы не кольнуть своего врага.

Князь долженъ былъ представиться королю, вмѣстѣ съ другими лицами, въ качествѣ воеводы Виленскаго. Передъ тѣмъ король придумалъ новые мундиры для воеводъ. Князь Радзивиль явился въ старомъ кунтушѣ, изодранномъ и полиняломъ, и почти въ дырявомъ жупанѣ, цвѣта Виленскаго воеводства. На вопросъ короля, отчего на князѣ такой странщій изношенный нарядъ, Радзивиль отвѣчалъ:

— Ваше величество, вашу королевскую одежду не носили ваши предки, а мою изъ поколѣнія въ поколѣніе носили всѣ воеводы Виленскіе, въ числѣ коихъ я шестнадцатый.

Высочка въ короли, шляхтичъ Понятовскій былъ, разумѣется, уязвленъ.

Помимо старо-польскаго одѣянія, Радзивиль, какъ и всѣ его партизаны, подбиралъ волосы на лбу, но

болѣе, чѣмъ кто-либо, почти до половины головы. Онъ бы обрилъ волосы и далѣе, но этого не позволяла неприятная мелочь: на темени была маленькая шишка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Радзивиль брился, но носилъ только большіе усы, низко падавшіе до ворота. Видъ у князя былъ, конечно, самый не щегольской и не воинственный. Это былъ добродушный толстякъ, слегка обрюзглый.

Второю крупною чертой его характера были постоянно веселое расположеніе духа и постоянное шутливое отношеніе ко всѣмъ. Далекое не глупый человѣкъ, Радзивиль, въ минуты откровенности, объяснялъ друзьямъ равнымъ себѣ, что это шутливо-фамиллярное отношеніе къ окружающимъ придумано имъ поневолѣ.

Онъ принужденъ былъ почти всегда сноситься съ людьми которыхъ считалъ много ниже его стоящими. Гоноръ, старинный польскій, не позволялъ ему запросто бесѣдовать съ разными мелкими шляхтичами. А между тѣмъ онъ проводилъ съ ними жизнь. Говорить съ ними свысока, гордо и важно—было бы неудобно, скучно. Говорить съ ними спокойно, дружелюбно, душевно—было невысказано для магната. Оставалось придумать фамиллярно-шутливую манеру. Такимъ образомъ можно было третировать всѣхъ свысока, но добродушно, въ видѣ шутки, а не серьезно. Оно было не обидно.

Наконецъ, еще крупною чертой князя была страсть болтать и рассказывать большею частію о себѣ. Враги Радзивила распускали слухъ, оставшійся и впоследствии, что онъ немилосердно лгалъ и хвасталъ.

Люди близко къ нему стоящіе знали, что князь далеко не вралъ и не хвастунъ. Оно было для него однимъ изъ средствъ забавно проводить время. Всѣмъ были извѣстны въ Польшѣ, да остались и на вѣчныя времена въ памяти поляковъ диковинные случаи изъ жизни князя, которые онъ самъ про себя повѣдалъ.

Эти случаи, или вѣрнѣе его выдумки, благодаря своей оригинальности, остались даже на-вѣкъ въ другихъ странахъ и впоследствии приписывались другимъ лицамъ, другимъ знаменитостямъ, и стали, слѣдовательно, легендами.

Извѣстенъ рассказъ Радзивила, какъ онъ бралъ приступомъ Гибралтаръ у англичанъ. Посадивъ свою албанскую банду на коней, онъ налетѣлъ на Гибралтаръ. Онъ первый перескочилъ верхомъ черезъ крѣпостную стѣну—и самымъ удивительнымъ образомъ: въ тотъ моментъ, когда лошадь его перепрыгивала, ядромъ ей оторвало весь задъ, и князь вскочилъ въ крѣпость лишь на половинѣ лошади и на двухъ переднихъ ногахъ.

Рассказывая это, князь Радзивиль не могъ не знать, что рассказаться къ Гибралтару было трудно, развѣ только „по морю, яко по-суху“.

Кромѣ того, во всей Польшѣ было извѣстно, что князь Радзивиль, опять-таки съ его словъ, заказалъ громадную лѣстницу, по которой лазилъ на небеса и пилъ тамъ чудный кофе, какого нѣтъ на землѣ.

Когда у него спрашивали, нельзя-ли видѣть эту лѣстницу, князь очень сожалѣлъ, что не можетъ показать ее: когда онъ съ нея слѣзъ, то ее вдругъ кто-то потянулъ наверхъ... и укралъ.

Этотъ чудодѣй-магнатъ принялъ Кároля такъ же ласково и шутливо, какъ всегда всѣхъ принималъ. Узнавъ его происхожденіе, онъ приказалъ тотчасъ же, безъ всякихъ особыхъ формальностей, принять Побѣчка въ банду. Въ то же время князь приказалъ канцлеру Володковичу—все-таки собрать всѣхъ албанчиковъ и предложить Кároля въ члены.

По уставу, всякій молодой человѣкъ могъ быть принятъ въ банду при томъ только условіи, чтобы двѣ трети наличнаго числа членовъ согласились на это. Князь только подписывалъ патентъ на званіе албанчика.

Одежда албанчиковъ была очень красивая. Поверхъ всего надѣвалась сайета, нѣчто въ родѣ кунтуша золо-

тистаго цвѣта, иногда канареечнаго, съ синимъ воротникомъ и синею подкладкой. Подъ нею былъ жупанъ, на которомъ лежалъ узенькій бѣлый воротникъ рубашки. Жупанъ былъ изъ голубаго атласа, застегнутый большими металлическими застѣжками. Затѣмъ, красные шальвары, заткнутые въ желтые сафьянные сапоги, были завязаны нѣсколько ниже талин на животѣ золотыми шнурами съ густыми кистями. На голову надѣвалась голубая бархатная конфедератка съ черною мерлушкой. На груди всегда носилась большая бляха съ тремя буквами изъ брилліантовъ: X. K. R., т. е. съ инициалами имени магната: Xeng Karol Radziwil. Поверхъ всего былъ литой серебряный поясъ, на которомъ висѣла кривая, остро-отточенная сабля, карабель. Рукоятка бывала отдѣлана драгоценными камнями.

Самъ князь носилъ такой же мундиръ, но только тогда, когда находился у себя въ Несвижѣ. Разница была лишь одна, на его бляхѣ, вмѣсто его инициаловъ X. K. R., стояли буквы F. A. F. Это были начальныя буквы латинскаго изреченія: „Fiducia amicorum fortis—Вѣрностью друзей силенъ“.

Кároль Побѣчекъ былъ почти единогласно принятъ въ банду. Черезъ четыре дня онъ уже носилъ красивый мундиръ, который удивительно шелъ къ нему. Князь прислалъ новому албанчику въ подарокъ отличную саблю съ дорогой рукояткой.

Всѣ товарищи вскорѣ полюбили Кároля и только удивлялись его постоянной задумчивости и тоскливому лицу. Всѣ догадывались, что новый албанчикъ „вдыхаетъ“ по какой-нибудь жестокосердной красоткѣ или измѣнницѣ. Многие предлагали ему не шутя:

— Скажи, кто и гдѣ твой счастливый соперникъ, и мы его зарубимъ.

„Кабы они знали—кто?!“ думалъ Кároль.

XXII.

Панъ Ксаверій остановился въ столицѣ въ собственномъ своемъ дворцѣ, который онъ недавно себѣ выстроилъ. Сандецкій въ этомъ случаѣ подражалъ другимъ польскимъ магнатамъ. За послѣдніе годы всѣ ихъ дворцы были отремонтированы до неузнаваемости, или выстроены вновь.

Варшава съ первыхъ же годовъ правленія короля Станислава-Августа сильно измѣнилась. Старожилы не узнавали ее. За это время Варшава стала тѣмъ, чѣмъ никогда не бывала и чѣмъ вскорѣ перестала быть. Столица Польскаго королевства стала фокусомъ, собравшимъ, казалось, всѣ лучи королевства.

За это время Варшава являлась самымъ оригинально-страннымъ городомъ. Это была не столица, это былъ круговоротъ. Всякому прїѣзжему съ перваго же часа казалось, что въ городѣ сейчасъ произошло какое-нибудь чрезвычайно крупное событіе.

Жизнь была ключемъ, но въ этой жизни было что-то лихорадочное, что-то неестественное. Многія умныя головы замѣчали, видѣли и чуяли этотъ круговоротъ, но, конечно, не могли уяснить себѣ все его значеніе. Если бы нашелся дальновидный и проницательный человѣкъ, то и онъ не догадался бы въ чемъ причина этого безумнаго лихорадочнаго колдованія.

Только пророкъ могъ бы провидѣть и сказать въ чемъ дѣло. Онъ сказалъ бы, что государство, существовавшее тысячу лѣтъ,—наканунѣ смерти политической; а сердце этого организма въ послѣднія мгновенія бьется усиленно, судорожно.

Во всемъ городѣ, на улицѣ и въ домахъ, во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ, въ костелахъ, въ средѣ всѣхъ слоевъ населенія—отъ магнатовъ до нищихъ, отъ монаховъ-кармелитовъ и бернардинцевъ до разныхъ солдатъ и конфедератовъ въ фантастическихъ костюмахъ,—во всемъ и во всѣхъ было одно общее имъ:

Б'їленіе холста. Ориг. рпс. (собств. „Нивы“) А. Котляревскаго, грав. Шалпшеръ.

Вендская (славянская) школа въ Лужицахъ. Съ карт. О. Пильца, грав. Пейпе.

спѣшная суетня, ликование и тревога, веселье и растерянность вмѣстѣ, рядомъ...

Никогда Варшава такъ буйно не веселилась, никогда такъ не пировала. Вся столица казалась или какою-то громадною ярмаркой, которая должна закрыться къ вечеру, или мѣстомъ зрѣлища, куда сбѣжалась отовсюду, ради рогозѣйства, разношерстная толпа.

Вся Польша теперь являлась сюда сорить деньги, быстро разбрасывать сотни, тысячи и десятки и сотни тысячъ злотыхъ, и самый дешевый товаръ въ городѣ были эти злоты. Народонаселеніе быстро увеличилось, но это были очередные прѣзжіе — гости. Улицы, цукерни, рестораны, кабаки, всякаго рода увеселительныя заведенія, даже игорные дома, открытые день и ночь, — все это было полно народомъ.

Вмѣстѣ съ этой суетней, сказавшейся бурнымъ круговоротомъ, была такая пестрота, какой не было ни въ одномъ городѣ на свѣтѣ. Прежде всего поражало безчисленное количество разныхъ одеждъ. Богатое дворянство само носило три костюма и фантастично одѣвало свою свиту, а небогатая шляхта подражала.

На первомъ мѣстѣ была національная одежда: кунтушъ и жупанъ различныхъ цвѣтовъ, самыхъ темныхъ и самыхъ яркихъ, съ золотомъ и серебромъ. Национальнаго костюма придерживалась партія противная королю и Россіи, борющаяся со всякаго рода нововведеніями и тормозившая реформы, предлагаемыя Петербургскимъ кабинетомъ.

Часть дворянства уже давно начала носить французскій костюмъ временъ королей, т. е. кафтанъ и камзолъ съ кружевомъ на груди и рукавахъ, съ трикорномъ на напудренномъ парикѣ, со шпагой, продѣтой зади въ фалдахъ. Разумѣется, они были одѣты столь же изящно и богато, какъ любой Версальскій придворный Людовиковъ XIV и XV.

Наконецъ, модники и франты, принадлежавшіе къ партіи Чаргортскихъ, поборники нововведеній и реформъ, носили „длюнды“, т. е. фракную пару, при этомъ, однако, измѣняя черный цвѣтъ на яркіе. Фраки съ длинными фалдами, почти до пятъ, бывали красные и голубые, и желтые. При нихъ носились короткія панталоны до колѣнъ, чулки и башмаки.

Это былъ новѣйшій костюмъ Франціи, явившійся предъ революціей.

Было много лицъ носившихъ по два костюма. Члены старо-польской партіи, конечно, не покидали своихъ жупановъ и кунтушей и никогда не снимали карабелей, считая это даже непристойностью. За-то новаторская партія носила оба костюма: и пудренный парикъ съ Версальскимъ одѣяніемъ, и цвѣтные фраки.

Рядомъ съ ними видѣлись повсюду самыя разнообразныя одѣянія. Всѣ приживальщики или домовники важныхъ магнатовъ носили платъе по цвѣту герба своихъ цокровителей. Тутъ же пестрѣли иногда довольно богатые длиннополые кафтаны евреевъ и юбки евреевъ, расшитые серебромъ или золотомъ.

Почти такое же разнообразіе было въ экипажахъ, въ упряжкахъ. По городу день-деньской скакали всевозможные открытые и закрытые экипажи, данцигскія кареты и коляски огромныхъ размѣровъ, одѣланныя позолотой, съ большими гербами; маленькія каретки и коляски въ два мѣста, одно противъ другаго, по имени „визавишки“, отъ слова vis-à-vis; такіе же маленькіе экипажи въ одно мѣсто, по имени „солитерки“. Наконецъ, попадались и самаго разнообразнаго вида кабриолеты.

Всѣ эти экипажи были разныхъ яркихъ цвѣтовъ, и при этомъ не только въ большія кареты, но даже въ маленькія, запрягались восемь и двѣнадцать лошадей. Даже въ крошечные кабриолеты запрягались четыре коня въ рядъ, и франты скакали въ нихъ на подобіе римлянъ въ колесницахъ.

Къ общій пестротѣ прибавлялись и лошади. Упряжка была всегда раззолоченная съ „хохлами“ изъ перьевъ, съ лентами, съ погремучками и бубенчиками, но при этомъ лошади были тоже различныхъ цвѣтовъ. Самыя модныя были „таранты“, походившія на леопардовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ были въ модѣ и другіе кони, съ зелеными и красными гривами и хвостами. Лошадей этихъ, разумѣется, не природа поставляла, а красильщики.

Среди дня, когда начиналось гулянье въ экипажахъ по Краковскому предмѣстью, конечно, всякій вновь прибывшій въ Варшаву развѣвалъ ротъ и у него рябило въ глазахъ. На улицахъ была, казалось, не толпа, а тянулась оживленная радуга. Люди, экипажи, лошади — все было всевозможныхъ цвѣтовъ и колеровъ.

Среди разнообразныхъ блестящихъ костюмовъ сновала и поражала своимъ многолюдствомъ и своимъ видомъ масса нищихъ. Казалось, что всѣ оборвыши всего міра тоже собрались сюда. Хотя деньги и были теперь самымъ дешевымъ товаромъ, тѣмъ не менѣе на улицахъ бродили стаями дикія фигуры, полунагія, голодные, зеленолицыя, испитыя.

Дворецъ пана Ксаверія помѣщался на Медовой улицѣ, между двумя другими, хорошо извѣстными Варшавѣ. Одинъ изъ нихъ вмѣщалъ Россійское посольство, а другой принадлежалъ первому варшавскому банкиру Тепперу — нѣмцу изъ евреевъ.

Этому Тепперу была должна чуть не вся Варшава. Лучшіе дворцы были у него въ залогѣ. Многіе капиталы, за большіе проценты, были въ его рукахъ. Но Тепперъ жилъ особенною жизнью. Это былъ первый на всю столицу кутила, первый игрокъ и первый яростный поклонникъ прекраснаго пола.

Пиры его были не хуже пировъ Потоцкихъ, Любомирскихъ и другихъ магнатовъ. Никто не предвидѣлъ, что знаменитый ясновельможный жидъ прогоритъ и что черезъ десять лѣтъ все его собственное имущество и все ему ввѣренное другими рухнетъ въ банкротствѣ, а онъ пойдетъ просить милостыню по Краковскому предмѣстью, ставъ посмѣшищемъ уличныхъ мальчишекъ.

Домъ, или, какъ говорили для большей важности, дворецъ пана Сандецкаго былъ въ глубинѣ большого двора на подобіе маленькой крѣпости. Помимо множества людей, домовниковъ и прислуги, которые прѣхали вмѣстѣ съ паномъ и вслѣдъ за нимъ, въ его домѣ всегда было про всякій случай болѣе ста нахлѣбниковъ.

Разумѣется, теперь, въ виду празднованія свадьбы, Сандецкій постарался сразу поставить все на самую широкую ногу. Много тысячъ злотыхъ рѣшилъ панъ за это время расшвырять по всей Варшавѣ на всякіе лады. За-то цѣлый мѣсяць будетъ говорить Варшава, заговорить и вся Рѣчь Посполитая о свадьбѣ пана Сандецкаго съ панной Дзялынскою.

Франсуа, въ первый разъ въ жизни попавшая въ столицу, съ первыхъ же часовъ потеряла голову. Ей, разумѣется, никогда и не снилось ничего подобнаго. Этотъ круговоротъ на улицахъ и въ домахъ, этотъ блескъ, это богатство стали для нея какимъ-то откровеніемъ свыше. Она была въ опыаненіи.

Первую мысль, зародившуюся въ головкѣ красавицы и кокетки, можно было выразить словами:

„Панъ-каштелянъ Сталупеньскій — не все на свѣтѣ... Есть нѣчто и высшее. Болѣе завидное...“

XXIII.

Франсуа однако рѣшила, что первымъ дѣломъ ея будетъ — выйдя скорѣй замужъ съ блескомъ за пана Сандецкаго — заставить его переѣхать въ Варшаву и поселиться въ этомъ дворцѣ, чтобы ей было возможно блистать среди этого блеска. Она чувствовала, что среди многихъ звѣздъ и она, въ качествѣ звѣзды, засіяетъ не менѣе, если не болѣе другихъ.

Дѣйствительно, черезъ четыре дня по прѣздѣ уже

случилось нѣчто, подтвердившее ея мечты. Франуся, съ двумя паннами Сандецкими, выѣхала въ великолѣпной голубой данцигской коляскѣ на гулянье по Краковскому предмѣстью. Ея красивая фигурка, въ яркомъ, лиловато-серебристомъ костюмѣ, привлекла общее вниманіе. Все высшее общество замѣтило новую личность.

Разумѣется, панъ Сандецкій тотчасъ представилъ свою невѣсту самымъ первымъ лицамъ въ городѣ, и прежде всего княгинѣ Сапѣгѣ, у которой бывали часто великолѣпные вечера и спектакли; затѣмъ — княгинѣ Сангушко, у которой былъ свой замѣчательный оркестръ и устраивались лучшіе концерты. Хотя домъ княгини и считался мѣстомъ всѣхъ любовныхъ затѣй и интригъ, но Сандецкій — начинавшій уже ревновать немного свою кокетку-невѣсту — все-таки повезъ ее къ княгинѣ-меломанкѣ.

Вскорѣ было испрошено позволеніе представить панну Дзялынскую первой дамѣ въ Варшавѣ. Это была Madame de Cracovie или Pani Krakowska, титулъ, который носила Понятовская, родная сестра короля. Такъ какъ самъ король бывалъ у сестры часто и любилъ ее, то всѣ, принимаемые ею, имѣли случай познакомиться съ королемъ и возможность бесѣдовать съ нимъ.

По понедѣльникамъ у панни Краковской бывали обѣды, на которыхъ всегда присутствовалъ король.

Франуся была занята болѣе всего своимъ приданымъ. Въ самыхъ лучшихъ магазинахъ Варшавы готовились всякаго рода украшенія, отъ платьевъ и башмаковъ до брилліантовыхъ діадемъ и ожерелій.

Сандецкій назначилъ на это большую сумму. Онъ хотѣлъ, чтобы его будущая жена хотя бы временно затмила роскошью своихъ нарядовъ и драгоценностей всѣхъ щеголихъ, модницъ и красавицъ, за исключеніемъ, конечно, такихъ звѣздъ Варшавы, какими были двѣ княгини — Сапѣга и Сангушко, и двѣ другія знаменитости — Юлія и Христина Потоцкія. Этихъ звѣздъ Варшавы нельзя было затмить, первыхъ двухъ — роскошью, а вторыхъ — красотой.

Франуся проводила день въ томъ, что ѣздила по магазинамъ, заказывала и покупала. Выѣзжала она всегда въ новой солитеркѣ, подаренной женихомъ. Эта солитерка сразу обратила на себя вниманіе всей столицы. Она была золотисто-желтая съ серебряной отдѣлкой, съ шестью лошадыми цугомъ, при чемъ лошади снѣжно-бѣлыя были съ ярко-малиновыми гривами и хвостами.

Вновь явившаяся въ Варшавѣ молоденькая дѣвушка, сирота, недавно еще сидѣвшая въ глуши на фермѣ отца, а затѣмъ въ одной горницѣ Сталупеньскаго ксендза, быстро привыкла къ столичной обстановкѣ. И первое, что стала дѣлать Франуся — она не стала подражать. Она поняла, что, будучи копией, не обратитъ на себя вниманія.

Прежде всего, Франуся испробовала свой способъ быть замѣченною — на такой простой выдумкѣ, простѣе которой быть не могло. А вся Варшава заговорила о ней. Въ своей солитеркѣ, ярко сіяющей на солнцѣ, со своими великолѣпными бѣло-снѣжными конями, Франуся ѣздила по улицамъ Варшавы чуть не шагомъ. Это было все...

Въ модѣ было ѣздить страшно быстро. Не только франты въ своихъ колесницахъ-кабриолетахъ, въ четыре коня въ рядъ, носились какъ вихрь, но вообще всѣ коляски, кареты и солитерки всегда, по обычаю, мчались не смотря на плохо вымощенныя улицы.

Поэтому понятно, что первая и единственная панна, появившаяся на улицахъ столицы шагомъ, была, конечно, тотчасъ всѣми замѣчена. Не прошло десяти дней, какъ Сандецкій первый передалъ своей невѣстѣ новость, дошедшую до него.

— Правда-ли, что ты ѣздишь всегда шагомъ?

— Правда.

— Зачѣмъ?..

— Мнѣ такъ нравится... усмѣхнулась Франуся.

— Но знаешь-ли ты, что изъ этого вышло?

— Нѣтъ, не знаю, лукаво отозвалась Франуся.

— А то, что всѣ объ этомъ вездѣ говорятъ. Изъ-за этого тебя самъ король видѣлъ. Ему передали, что ты всегда выѣзжаешь въ своей солитеркѣ на бѣлыхъ коняхъ и всегда ѣздишь шагомъ. И онъ, проѣзжая, узналъ тебя только поэтому. Но это еще не все... Знаешь-ли, что произошло?.. Удивительная вещь!..

— Что же такое?! невольно встрепенулась Франуся, узнавъ о встрѣчѣ съ королемъ.

— А то, что тебѣ уже стали двѣ модницы подражать — княгиня Христина Потоцкая и госпожа Ляндкоронская. Онѣ тоже поѣхали шагомъ!

Франуся задумалась и, продумавъ цѣлый день, ввечеру сказала себѣ: — Теперь я не боюсь... На все пойду...

Черезъ три дня она выѣхала въ новой солитеркѣ, не желтой, а бѣлой отъ кузова и обивки до колесъ и послѣдняго винта, но при этомъ на запяткахъ экипажа стояли уже не паюки, а двое красивыхъ юношей-пажей въ цунцовыхъ французскихъ костюмахъ и въ пудренныхъ парикахъ.

Сама Франуся сидѣла въ солитеркѣ тоже въ бѣломъ атласномъ платьѣ, а на корсажѣ ея, у пояса, на бѣлой шапочкѣ, уже не похожей на конфедератку, повсюду были бѣлыя розы, свѣжія, только что сорванныя.

Этотъ выѣздъ красавицы произвелъ въ столицѣ такой эффектъ, что вечеромъ у сестры короля, пани Краковской, только и было толку, что о „бѣлой пани“.

Разумѣется, тотчасъ же узнали, что biała pani та-же невѣста Сандецкаго.

— Я бы желалъ, право, видѣть ее вблизи, замѣтилъ король своей сестрѣ.

— Въ будущій понедѣльникъ она будетъ у меня обѣдать, ваше величество, шутливо-церемонно присѣла Madame de Cracovie.

Эта пустая фраза въ устахъ короля имѣла огромное значеніе. Всесвѣтно извѣстный Донъ-Жуанъ король, мѣнявшій своихъ возлюбленныхъ гораздо чаще, нежели перчатки, могъ точно также влюбиться и въ невѣсту пана Ксаверія Сандецкаго. А если бы это произошло, то пятидесятилѣтній женихъ могъ бы нажить себѣ много заботъ и хлопотъ.

Такимъ образомъ, скорѣ послѣ своего приѣзда въ столицу, панна Дзялынская была уже со своимъ прозвищемъ: „бѣла пани“, которое знала вся Варшава.

Но за это время съ самой бѣлой панной случилось происшествіе, сначала поразившее ее, а затѣмъ повліявшее на все ея существованіе.

Однажды, Франуся ѣхала прогуливаясь по самому грязному и бѣдному кварталу, подъ названіемъ „Новый Свѣтъ“, и двигалась по своему обыкновенію шагомъ, съ любопытствомъ озираясь направо и налево. Этотъ кварталъ Варшавы напоминалъ ей ея родину, городокъ, гдѣ она провела свое дѣтство.

Здѣсь были такія же сѣрыя, ветхія лачуги. Нѣкоторые изъ нихъ, повыше и побольше, похожія на дома, были все-таки бревенчатыя, съ крытыми крышами изъ гонта. Кое-гдѣ въ стѣнахъ виднѣлись дыры, кое-какъ заткнутыя чѣмъ попало. Повсюду виднѣлись покосившіеся углы, дымовыя трубы и окна. Улица эта не только не была мощена, но еще наполовину завалена грязью, наполовину заросла бурьяномъ. Въ этомъ кварталѣ, гдѣ помѣщалось самое бѣдное населеніе, бродило наиболѣе нищихъ, оборвышей и заморышей.

Когда Франуся приказала уже воротать назадъ, къ ея экипажу близко подошла женщина въ лохмотьяхъ, протянула руку за милостыней, но вдругъ отдернула эту руку, вскрикнула, и полубезумными отъ изумленія глазами глянула ей въ лицо.

Франуся перепугалась страшно, даже откинулась въ противоположную сторону экипажа. И въ первый разъ съ тѣхъ поръ, что она была въ Варшавѣ, приказала

бхать крупной рысью. Уже вернувшись въ центръ города, Франуся все еще дрожала отъ испуга и нравственнаго потрясенія: фигура нищей въ лохмотьяхъ поразила ее и своимъ безобразіемъ, и еще чѣмъ-то загадочнымъ.

Лицо этой женщины, которой трудно было опредѣлить по виду года, было все изуродовано болѣзнью свирѣпствовавшей во всей Европѣ—оспой.

Но не этимъ однимъ страшно поразила ее эта безобразная нищія. Франусѣ показалось, что она когда-то уже видѣла ее. Но гдѣ? Когда? Въ ней было что-то знакомое Франусѣ.

Разумѣется, продумавъ около часу о нищей, она забыла о ней, вернувшись домой.

Въ этотъ-же день панъ Ксаверій объявилъ невѣстѣ, что черезъ три дня они приглашены на балъ къ княгинѣ Сапѣгѣ, а затѣмъ, въ слѣдующій понедѣльникъ, стало-быть дней черезъ шесть, званы на обѣдъ къ Madame de Cracovie, на которомъ, по обыкновенію, будетъ присутствовать самъ король Станиславъ.

— Смотри не влюбись въ него! разсмѣялся Сандецкій.—Ты знаешь, во всемъ мірѣ нѣту такого пожира-теля женскихъ сердець. До сихъ поръ, говорятъ, не устояла противъ Станислава-Августа. Положимъ онъ теперь король; но когда онъ былъ простымъ польскимъ дворяниномъ, то уже во всѣхъ европейскихъ столицахъ съ ума сводилъ всѣхъ женщинъ... Смотри и ты съ ума не сойди!..

Франуся разсмѣялась.

— Вы забыли главное препятствіе къ тому, чтобы я сошла съ ума отъ короля... Онъ слишкомъ молодъ, а вы знаете, что я говорила вамъ сто разъ... Молодые мнѣ не нравятся—я люблю стариковъ.

— Это я, пани-сатанёнокъ, слышалъ отъ тебя, но вѣдь это ложь. Къ тому-же ты забываешь, что король не можетъ быть причисленъ къ молодымъ. Ему теперь сорокъ лѣтъ.

— Сорокъ! воскликнула Франуся.—Я думала двадцать пять, потому что я слышала... Я думала...

— Нѣтъ, милая моя, ему сорокъ, если не больше, но на лицо дать ихъ нельзя. И такъ помни: черезъ пять дней мы обѣдаемъ съ нимъ вмѣстѣ. Пани Краковска прислала мнѣ одного изъ своихъ камергеровъ съ самымъ любезнымъ приглашеніемъ. Тебѣ нуженъ особенный туалетъ, и придумай такой, чтобы опять Варшава заговорила о тебѣ.

— По модѣ туалетъ, или собственнаго сочиненія? спросила Франуся, лукаво усмѣхаясь.

— Что ты хочешь сказать?

— Я спрашиваю, хотите-ли вы, чтобы я была одѣта по послѣдней модѣ, какъ одѣваются самыя щеголеватыя женщины столицы, или я могу сочинить свой собственный туалетъ?

— По модѣ... по модѣ... проворчалъ вопросительно Сандецкій почесывая за ухомъ.— Я понимаю, что ты хочешь сказать... Я принадлежу къ старопольской партіи и, признаюсь тебѣ, не очень желалъ-бы, чтобы моя невѣста одѣвалась такъ, какъ нынѣ стали одѣваться, или, вѣрнѣе, раздѣваться модницы.

— Какъ вамъ угодно, отозвалась Франуся.

Сандецкій подумалъ, разсмѣялся и вымолвилъ:

— Ну, была не была, такъ и быть! Давай сведемъ короля съ ума! Одѣвайся по самой послѣдней модѣ. Вѣдь это, стало быть, съ голыми руками, плечами, ногами...

— По модѣ... отозвалась, извиняясь, Франуся.

Получивъ разрѣшеніе жениха, Франуся занялась приготовленіями. Она заказала платье у первой варшавской портнихи-француженки и только пожелала видоизмѣнить одно по своему вкусу. Платье должно было быть не бѣлое, а блѣдно-дымчатое. Кокетка знала напередъ чего она этимъ достигнетъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Франуся начала всякій вечеръ предъ сномъ брать молочныя ванны и затѣмъ натиралась благовоннымъ аеионскимъ масломъ. Это дѣлалось аккуратно, то же ради будущаго бала. Но болѣе всего хлопотала Франуся со своими ногами, ступнями и пальцами, чтобы выхолить ихъ всячески, придать имъ бѣлизну, свѣжесть и лоскъ. Днемъ она тоже брала ванны, а ножки свои держала послѣ этого еще въ какой-то бѣлой и теплой смѣси—по три часа въ день.

XXIV.

Наступилъ день бала у княгини Сапѣги, и Франуся, волнуясь и смущаясь, явилась уже въ три часа дня въ горничныя жениха въ новомъ и новомодномъ нарядѣ.

Панъ Сандецкій вспыхнулъ при видѣ невѣсты. Старая кровь закипѣла, но по двумъ причинамъ. Въ первый разъ увидѣлъ панъ свою возлюбленную въ такомъ „одѣяніи“, но въ немъ-же увидятъ ее и многіе... многіе... чужіе люди... Они тоже своими нескромными и жадными взорами будутъ любоваться его невѣстой. Ревнивецъ-женихъ отъ этой мысли вдругъ вскипятился.

— Дурацкая выдумка безстыжихъ французовъ, непристойная и недостойная женщины!.. выговорилъ онъ.

— Прикажете, я переодѣнусь въ польскій костюмъ. Мнѣ все равно, кротко отозвалась Франуся.— Но я не одна такъ буду одѣта. Портниха шившая платье говорила, что у княгини Любомирской и Сангушки, у графини Браницкой, наконецъ даже у красавицы Юліи Потоцкой,—у всѣхъ будутъ сегодня такія-же платья.

— Онъ всѣ замужнія женщины, Франуся. А ты еще дѣвица... угрюмо отвѣтилъ Сандецкій.

— Какъ прикажете... Я переодѣнусь...

Панъ Ксаверій угрюмо пораздумалъ о чѣмъ-то, вздохнулъ и наконецъ махнулъ рукой:

— Нѣтъ... Что-жь?.. Да и поздно. Въ четыре часа уже начнутся танцы.

Новомодный бальный костюмъ Франуси былъ нѣчто въ родѣ древне-греческаго одѣянія, недавно появившагося во Франціи и уже достигшаго, миновавъ Германію, до Польскаго королевства.

Помимо французенокъ и полекъ, никто изъ женщинъ другихъ націй не рѣшался послѣдовать этой не долго длившейся модѣ. Этотъ бальный костюмъ былъ крайне простъ и состоялъ изъ туники схваченной у талии и прорѣзанной съ боку. Плечи и руки были обнажены, одна обнаженная нога до колѣна тоже виднѣлась въ прорѣзъ... Но самая туника надѣвалась безъ сорочки прямо на тѣло и была изъ легкой и прозрачной матеріи, въ родѣ газа. При этомъ костюмѣ ноги были всегда босыя, на одѣхъ подошвахъ съ лентами, нѣчто въ родѣ сандалій древнихъ. Всѣ пальцы украшались перстнями.

Костюмъ этотъ любилъ надѣвать на балъ только молодыя женщины... А надъ тѣми, которыя его избѣгали—мужчины подшучивали, не вѣря въ скромность, а предполагая иныя причины воздержанія.

Панъ Ксаверій зналъ это... и не захотѣлъ чтобы непрекрасный полъ столицы заподозрилъ, что его невѣста не можетъ явиться на балъ въ новомодномъ платьѣ. Старому каштеляну захотѣлось доказать, что его Франусѣ нечего бояться сквозной туники.

Одно обстоятельство смущало пана.

— Отчего на тебѣ этотъ костюмъ, спросилъ онъ,—еще пуще... какъ-то... азартенъ что-ли?..

— Не знаю.

— Я видалъ уже многихъ красавицъ на балахъ, одѣтыхъ этакъ-же. Но модный нарядъ на тебѣ еще пуще въ глаза прыгаетъ...

— Можетъ-быть цвѣтъ это дѣлаеть... замѣтила Франуся игривно-наивнымъ голосомъ.— Обыкновенно эти платья бывають бѣлыя, а мое дымчатое.

— Вотъ... Вотъ!.. Ты въ немъ еще бѣлѣе и пуще

Граціелла. Карт. Евг. Блааса, грав. Кирязс.

вся насквозь видна. Напрасно. Чортъ мою душу побери, если этотъ костюмъ не онъ-же и выдумалъ.

Чрезъ часъ два экипажа подъѣхали ко дворцу княгини Сапѣги. Изъ нихъ вышли, сначала панъ Сандецкій съ Сусанной, а затѣмъ Моника съ Франусей.

Съѣзжавшіеся гости выходили изъ своихъ экипажей, другіе уже поднимались по широкой лѣстницѣ, покрытой краснымъ сукномъ.

Богато отдѣланный дворецъ былъ переполненъ блестящею толпою въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, старопольскомъ, французскомъ, въ плюндрахъ, въ разныхъ фантастическихъ мундирахъ... Между гостями, на лѣстницѣ и въ комнатахъ сновали или стояли у дверей парно гайдуки, паюки, гусары и скороходы въ самыхъ яркихъ и богатыхъ костюмахъ и ливреяхъ.

Не смотря на денной свѣтъ, ярко сіявшій въ окна, люстры, канделябры и рожки на стѣнахъ гостиныхъ и залы, были уже наполовину зажжены, на половину зажигались прислугой. Свѣчей до двухъ тысячъ надо было успѣть зажечь—до начала танцевъ, чтобы не мѣшать веселью въ самомъ разгарѣ.

Эти два свѣта, солнечный и огнистый, перемѣшиваясь вмѣстѣ и будто колебля воздухъ, то мерца, то сверкая, странно играли въ яркихъ атласахъ костюмовъ, пылали голубымъ и пуцовымъ огнемъ въ брилліантахъ, сіяли въ оружіи.

Дворецъ, вмѣщавшій до полуторы тысячи гостей, былъ переполненъ. Разумѣется, здѣсь было все высшее общество, всѣ магнаты, съ женами и дочерьми, но вмѣстѣ съ тѣмъ и небогатая шляхта.

Сандецкій едва нашелъ хозяйку чтобы поздороваться съ ней. Вирочемъ всюду гдѣ двигался всѣмъ извѣстный панъ Ксаверій—всѣ расступались и, сторонясь, любовались его дамой и перешептывались...

Франуса производила впечатлѣныя и своимъ лицомъ, и еще болѣе своимъ новомоднымъ костюмомъ, хотя помимо нея было много дамъ въ такихъ-же прозрачныхъ греческихъ туникахъ; у нѣкоторыхъ обнаженная нога была видна въ прорѣзъ выше колѣна. Всѣ онѣ разумѣется были тоже босы, съ дорогими сверкающими перстнями на пальцахъ ногъ.

Панъ Сандецкій, усѣвшись съ невѣстой и дочерьми въ одной изъ гостиныхъ, показывалъ Франусѣ всѣхъ почему либо интересныхъ гостей.

Когда дѣло касалось молодыхъ женщинъ, чаще всего слышала Франуса: „Она была въ милости у короля!..“

— Неужели ихъ такъ много? воскликнула она наконецъ.

— По правдѣ говоря, почти всѣ красивыя женщины Варшавы были въ милости—кто мѣсяцъ, а кто и годъ... Гляди, вотъ сидитъ Любомирская—была мѣсяцъ. А вотъ жена Адама Чарторыйскаго, Изабелла, бѣлокуроая, бѣлая вся, голландка родомъ—была цѣлый годъ. По праву родства должно-быть ей было предпочтеніе. А

вонъ Огинская и Кассаковская—обѣ были... Вотъ графиня Тышкевичъ—тоже...

— Да эта Кассаковская дурна страшно!

— Онъ иногда къ дурнушкамъ больше благовольтъ чѣмъ къ первымъ красавицамъ... Вотъ погоди пріѣдетъ Грабовская—ты ахнешь. А это самая серьезная. Ходитъ даже слухъ, что онъ на ней морганатически тайно женатъ... Почти послѣ каждой новой склонности онъ возвращается снова къ Грабовской.

— Даже не вѣрится, выговорила Франуса, качая головой.

— Стой! вдругъ воскликнулъ Сандецкій.—Главную-то склонность короля я и забылъ—сама хозяйка, княгиня, у которой мы въ гостяхъ... Но это правда дѣло давнишнее.

Затѣмъ панъ Сандецкій указалъ невѣстѣ много красивыхъ молодыхъ людей. Болѣе всѣхъ поразили ее двое: принцъ Виртембергскій, сдѣлавшійся совѣмъ полякомъ по индигенату или по натурализаціи, затѣмъ племянникъ короля, первый мазуристъ, Иосифъ Понятовскій и первый танцоръ графъ Бѣлинскій.

Показывая нѣкоторыхъ мужчинъ, панъ Сандецкій прибавлялъ:—Онъ посолъ на Сеймѣ... Получаетъ пенсіонъ отъ русскаго резидента... Получаетъ отъ Фридриха...

Услыхавъ нѣсколько разъ тѣ же слова „посолъ“ и „пенсіонъ“, Франуса наконецъ попросила объясненія.

— Посолъ есть выборный отъ мѣстности, города, членъ сейма полномочный... А пенсіонъ они получаютъ воровскимъ образомъ, т. е. подкуплены кто русскимъ, а кто прусскимъ посланникомъ, чтобы на сеймѣ орудовать въ пользу своихъ покупателей.

— Это безчестно... замѣтила Франуса.

— Такія времена, Франуся... Мужчины безъ чести; женщины безъ стыда... Вонъ гляди идетъ важно, ломается... Пустой, но честный человекъ, Потоцкій. Онъ предлагалъ на сеймѣ чтобы постановить смертную казнь тому послу, который будетъ продавать свой голосъ иностранцамъ, т. е. брать деньги съ Пруссіи или Россіи. Ну что-жь? Его только осмѣяли. Всѣ берутъ эти пенсіоны. Одни, поумнѣе—чтобы ораторствовать, берутъ дорого; другіе поглупѣе—берутъ только за то, чтобы молчать... Но за молчаніе болѣе двухъ-трехъ сотъ червонцевъ не даютъ.

— И это дорого! разсмѣялась Франуса.

— Нѣтъ! Когда на сеймѣ рѣшается важный вопросъ, то изъ трехсотъ пословъ съ лишнимъ—вдругъ подадутъ голоса только сто тридцать. Остальные молчатъ.

Бесѣда Сандецкаго съ невѣстой была прервана появленіемъ хозяйки, просившей всѣхъ молодыхъ танцующихъ идти въ залъ. Панъ Ксаверій повелъ невѣсту и Сусанну. Старшая дочь никогда не танцевала и поэтому осталась въ гостиной. Моника надѣялась повидаться съ однимъ изъ друзей Мамонова и передать сестрѣ вѣсти объ ея возлюбленномъ.

(Продолженіе будетъ).

Колесо Фортуны.

Историческій разсказъ П. Н. Полевого.

(Окончаніе).

VI.

„Пострѣлъ“—дѣйствительно „въ рубашкѣ родился“. Удача за нимъ по пятамъ ходила, а счастье само къ нему на руки напрашивалось. Въ то время, когда всѣ взоры гостей на именинномъ вечерѣ Головкиныхъ были обращены на него—въ то время, когда всѣ такъ жадно и горячо слѣдили за каждымъ его движеніемъ, за каждымъ поворотомъ головы и плечъ—счастье и съ другой стороны не забывало о своемъ любимцѣ. Между тѣмъ какъ онъ турманомъ кружился около Настеньки, а она, плавно и легко двигаясь, стыдливо ускользала отъ его объятій—онъ явственно услышалъ, какъ, при одномъ изъ поворотовъ, она шепнула ему:

— Послѣ русской—въ садъ... въ бесѣдку...

Сердце такъ сильно забилось въ груди Семена Павловича, когда онъ уловилъ слухомъ никому, кромѣ его, невнятные слова, что онъ едва могъ совладать съ собою. Ему такъ пламенно захотѣлось поскорѣе закончить пляску, поскорѣе уйти

изъ этой толпы, поскорѣе очутиться наединѣ съ нею, что онъ уже не могъ плясать съ прежнимъ увлеченіемъ и страстью. Онъ разомъ охладѣлъ и къ пляскѣ, и къ тому впечатлѣнію, которое производилъ на всѣхъ окружающихъ: онъ весь отдался мечтамъ о предстоящемъ свиданіи съ Настенькой. Постепенно сокращая круги и сдерживая порывы своей размашистой удалы, Семенъ Павловичъ вернулся на свое мѣсто противъ Настеньки и отвѣсилъ ей низкій поклонъ.

При общемъ взрывѣ одобрительныхъ возгласовъ и рукоплесканій, Семенъ Павловичъ, потряхивая кудрями и утирая лобъ платкомъ, направился въ смежную комнату, изъ которой, какъ ему было извѣстно, былъ выходъ въ сѣни и въ садъ. Но ему не легко было пробиться черезъ толпу гостей, не легко было отбиться отъ дружескихъ объятій, рукопожатій и поцѣлуевъ со стороны знакомыхъ и незнакомыхъ ему людей. И молодежь, и старики—всѣ приветствовали Семена Павловича восторженно, всѣ горячо благодарили его за то, что онъ своею

пляскою всёх их заставил встепенуться, пробудивъ въ сердцѣ ихъ русскія струны. Съ большимъ трудомъ пробившись сквозь толпу своихъ поклонниковъ и почитателей, Семень Павловичъ, какъ былъ, безъ плаща и съ непокрытою головой, выбѣжалъ въ сѣни, а изъ сѣней спустился въ садъ, и невольно остановился на минуту, залюбовавшись чудною картиною.

На дворѣ было свѣтло, тихо и морозно. Яркимъ луннымъ свѣтомъ были облиты опушенные инеемъ вѣтви старыхъ деревьевъ, блиставшія миллионами алмазныхъ искръ. Бѣлымъ, мягкимъ ковромъ были покрыты въ саду всѣ куртины и лужайки, и серебристыми лентами тянулись отъ нихъ, въ непроглядную тьму павилистыя дорожки. Весь садъ казался какимъ-то заколдованнымъ царствомъ, полнымъ дивныхъ чудесъ и таинственныхъ загадокъ. Морозъ былъ очень силенъ и давалъ себя чувствовать; но Семену Павловичу, разгоряченному пляской, казалось тепло, и его пробирала только дрожь ожиданія, когда онъ быстро направился по одной изъ дорожекъ къ знакомой бесѣдкѣ.

Едва переступилъ онъ порогъ, Настенька, окутанная легкою шубейкой, вышла изъ темнаго угла и протянула навстрѣчу ему обѣ руки.

Измайловъ осыпалъ ихъ горячими поцѣлуями. Настенька посиѣшила ихъ отнять, и спрятала подъ шубейку.

— Дорогая... Настасья Ивановна... вы приказали... вы позволили... началъ было смущенный и растерявшийся отъ счастья гвардеецъ.

— Да... Я просила, чтобы вы пришли... Хотѣла еще разъ услышать отъ васъ,—точно-ли вы любите меня, или только шутя мнѣ это говорили прошлый разъ... на куртагѣ? прерывающимся отъ волненія голосомъ проговорила Настенька.

— Что вы это, радость моя, сокровище!.. Я-то шутить стану съ вами?.. Да смѣю-ли я подумать?..

— Ахъ, полно вамъ!.. *Смѣю ли, смѣю ли?*.. Вы, мужчины, все смѣете—вамъ все съ рукъ сходить... Вамъ и вѣрнуть-то нельзя. Вонъ тетушка мнѣ сказывала, будто мужнюю жену вы увезли да бросили!..

— Настасья Ивановна!.. Да я поклясться вамъ готовъ, что ни въ жизнь!..

— Не пужны мнѣ ваши клятвы... Вы лучше просто мнѣ скажите, что любите, да только такъ скажите, чтобы я могла повѣрить!..

— Да какъ же мнѣ это вамъ сказать... Я на рѣчи не гораздъ... На дѣлѣ докажу—приказывайте... Хотя въ прорубь голову готовъ для васъ!

— Очень мнѣ это нужно. Ахъ, да это все не то... да я и не о томъ пришла съ вами говорить. А вотъ о чемъ: завтра, въ кабинетѣ будетъ рѣшено, чтобы дядя ѣхалъ за-границу на два года, по болѣзни... И тетушка съ нимъ тоже... И меня беретъ.

— Ну!? А вы-то сами... хотите ѣхать, или нѣтъ? въ величайшемъ волненіи спросилъ Семень Павловичъ.

— Какъ же я могу не ѣхать?.. Могла бы только въ томъ случаѣ, если бы!..

— Если бы замужъ вышли!.. Понимаю... За этого... за брата моего, сенатора? съ озлобленіемъ заговорилъ Измайловъ.

— За чѣмъ же за него? сказала Настенька потупившись.

— Да за меня же васъ не выдадутъ... Вѣдь вы же сами говорили!.. Вѣдь я же и сунуться не смѣю къ графу и къ графинѣ!

— Не надо вовсе къ нимъ и соваться.

— Ахъ, Господи! Да полно вамъ загадки загадывать! Говорите просто! чуть не со слезами взмолился Измайловъ.

— А если просто-то говорить—такъ можно и безъ спросу намъ обвѣчаться!..

Семень Павловичъ упалъ на колѣни передъ Настенькой и, протягивая къ ней руки, заговорилъ съ величайшимъ одушевленіемъ:

— Давно бы вамъ, голубушка, этакое словечко вымолвить... Люблю васъ—то есть вотъ какъ!.. И сказать не могу... Но научите же, какъ обвѣчаться?

Настенька положила руку на его плечо, наклонилась къ нему и сказала шепотомъ:

— Сегодня, ровно въ полночь, пріѣзжайте за мною къ той калиткѣ, что позади этой бесѣдки. Вотъ и ключъ отъ нея. Я буду здѣсь ожидать васъ и выйду, какъ только вы подъѣдете къ калиткѣ и бриквете въ колечко. Завтра, прежде чѣмъ графъ съ графиней проснется—чтобы мы были ужь обвѣчаны!

Семень Павловичъ совсѣмъ оторопѣлъ отъ радости и такъ растерялся, что только сморгнулъ въ глаза Настенькѣ и не могъ произнести ни слова.

Она поняла его душевное состояніе и добавила просто:

— Убѣжайте поскорѣе... И помните, что если вы не пріѣдете, то я ужь буду знать, что мнѣ съ собою дѣлать.

— Я-то не пріѣду?! Я-то?.. съ изумленіемъ воскликнулъ Измайловъ, почти вырывая ключъ изъ рукъ Настеньки.—Нѣтъ! Ужь вы такъ и знайте, что если бы я не пріѣхалъ, значить—или меня убили, или я умеръ отъ радости.

И въ этотъ мигъ ему страстно хотѣлось обнять, расцѣловать Настеньку... Но онъ самъ побоялся этого порыва, и только крѣпко пожалъ ей руку, шепнувъ:

— До свиданія!

Черезъ минуту онъ уже стремглавъ бѣжалъ отъ бесѣдки къ дому, прыгая на пути черезъ скамейки, ломая вѣтви докучныхъ деревьевъ, преграждавшихъ ему дорогу и осыпавшихъ его инеемъ.

VII.

Добѣжавъ до сѣней, Семень Павловичъ не пошелъ прямо въ залу, черезъ смежную съ нею комнату, а задумавъ проскользнуть на главное крыльцо графскаго дома, черезъ шахматную палату.

Но едва Измайловъ переступилъ порогъ шахматной палаты, гдѣ любители шахматной игры въ глубокомъ молчаніи сидѣли за своими столиками, какъ надъ самымъ ухомъ его раздался знакомый голосъ:

— А вотъ и Измайловъ! Его-то намъ и надо.

Семень Павловичъ оглянулся и увидѣлъ передъ собою генераль-шефа Василія Теодоровича Салтыкова и графа Воронцова, подъ руку шедшихъ къ нему навстрѣчу.

— Господинъ поручикъ, съ ласковой улыбкой сказалъ Салтыковъ,—гдѣ ты запропалъ? Мы тебя по всему дому ищемъ.

— За человѣкомъ бѣгалъ за своимъ—приказывалъ ему, чтобы карету!..

— Куда же ты такъ спѣшишь извольнишь? Развѣ больше ужь сегодня плясать не собираешься?

— Въ казармы ѣду... Завтра намъ вѣдь выступать, чуть свѣтъ.

— *Завтра?* загадочно улыбаясь сказалъ Салтыковъ.—Каковъ поручикъ! Знаетъ, что завтра будетъ! добавилъ онъ, лукаво подмигивая Воронцову.

— Какъ ему не знать, когда въ приказѣ отдано? сказалъ спокойно Воронцовъ.

— Ну, да не въ томъ дѣло, господинъ поручикъ... Мы тебя искали по дѣлу... А дѣло наше въ просьбѣ.

— Чѣмъ могу служить вашему превосходительству? съ нѣкоторой тревогой обратился Измайловъ къ Салтыкову, каждую минуту опасаясь какой-нибудь непредвидѣнной задержки.

— Не по превосходительству, братецъ, а по пріятельству—садись скорѣе хоть въ мою карету, что у крыльца стоитъ, и тотчасъ отвези вотъ эту цидулку командиру вашего полка.

— Слушаю-съ.

— Да тотчасъ передай, смотри! да прямо въ руки!

— Исполню какъ приказано.

— Ну, такъ съ Богомъ!

И ласково потрепавъ Измайлова по плечу, Салтыковъ направился съ Воронцовымъ въ залу, гдѣ, попрежнему, гремѣла съ хоромъ музыка и среди толпы гостей мелькали танцующія пары.

А Семень Павловичъ разыскавъ въ толгѣ слугъ, дремавшихъ на крыльцѣ, своего денщика, растолкавъ его, быстро накинулъ епанчу, нацѣпилъ налашъ и сбѣжалъ къ подъѣзду.

— Чья карета? спросилъ онъ у кучера, который прилясывался на морозѣ и похлопывалъ въ рукавицы, рядомъ съ дверцами кареты.

— Генерала Салтыкова карета.

— Садись живѣй на козлы—вези меня скорѣе въ Преображенскія казармы. Такъ приказано!

Измайловъ вскочилъ въ карету и захлопнулъ дверцы. Денщикъ его вообразился съ кучеромъ на козлы, и карета повалилась, встряхивая кузовомъ на ухабахъ.

Дивныя впечатлѣнія минушаго свиданія, ласковыя рѣчи Настеньки, страстное ожиданіе наступающаго, тревожнаго счастья, которое обставлялось такими странными, неожиданными условіями,—все это увлекало и кружило голову юному гвардейцу. Сидя въ полугѣмѣ кареты, онъ нарочно закрывалъ глаза, чтобы живѣе, цѣльнѣе представить себѣ образъ любимой дѣвушки, которая являлась передъ нимъ во всемъ блескѣ своей красоты.

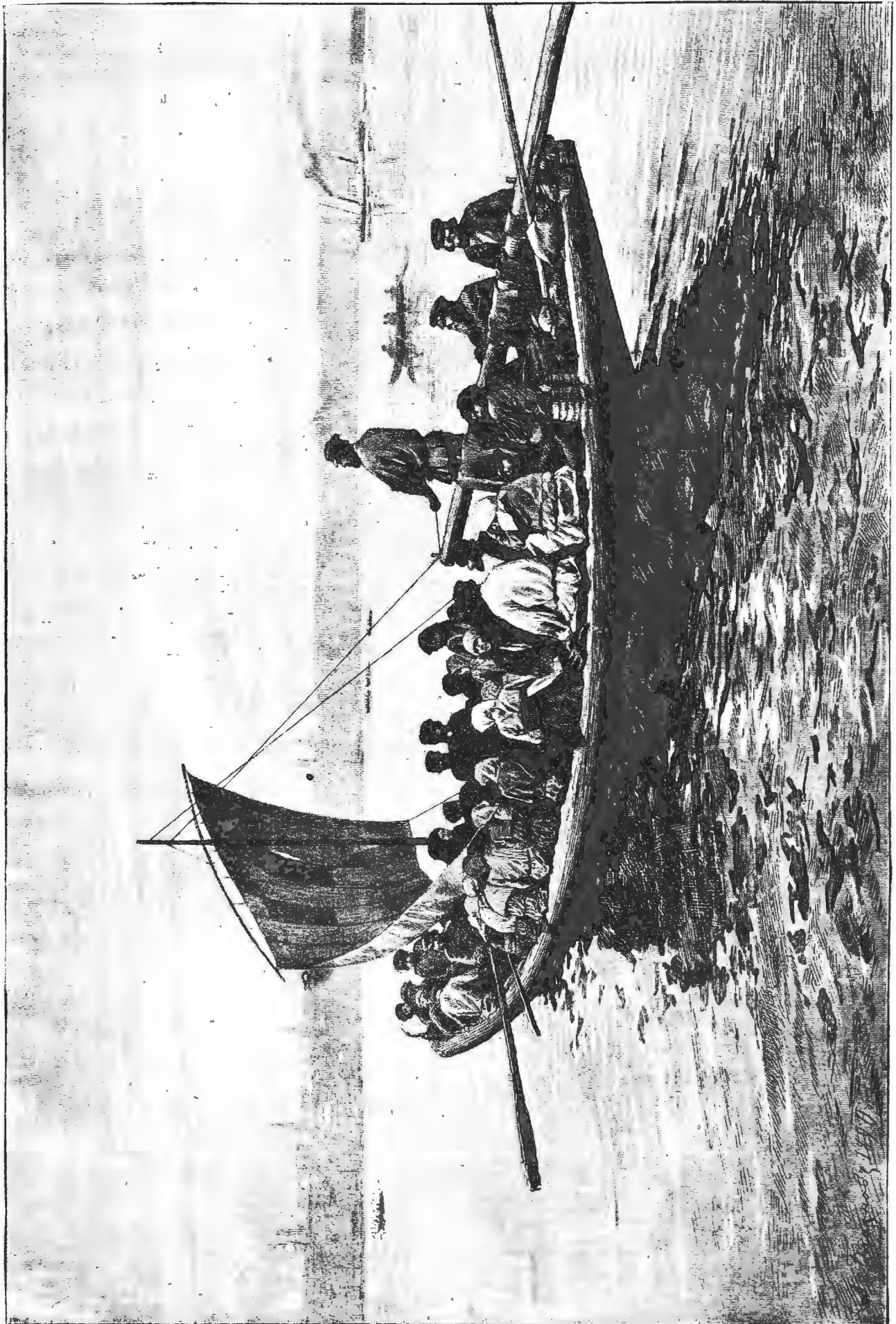
„Радость моя, голубка моя!“ съ восторгомъ говорилъ Семень Павловичъ.—„Она будетъ ждать меня, будетъ зябнуть на морозѣ, будетъ считать каждую минуту, будетъ прислушиваться къ каждому шороху за заборомъ сада!.. И я бы не пріѣхалъ! Ахъ, Господи! Откуда это такія мысли ей въ голову прійти могли?.. Да если бы меня теперь въ оковы заковали, я, кажется, разбилъ бы ихъ, и...“

Но кузовъ кареты крѣпко тряхнуло на одномъ изъ поворотовъ и Семень Павловичъ сразу перешелъ отъ розовыхъ мечтаній къ дѣйствительности.

„Сейчасъ пріѣду въ казармы, [возьму у Непейцына его карету съ цугомъ рыжихъ, махну за Настенькой, а Щеголева поплюю на Охту къ священнику, чтобы пріготовилъ все къ вѣнчанію. А этотъ попъ—лихой!.. Не спроситъ даже, кого вѣнчаютъ, и на комъ, а прямо: *Исайя микуй*—и все тутъ! А ужь оттуда, изъ-подъ вѣнца, куда мы съ Настенькой дѣнемся—и самъ не знаю. Ну, да вѣрно она лучше моего придумаетъ! Вотъ только ключъ-то отъ калитки не потерять бы мнѣ...“

И сунувъ руку въ карманъ, Измайловъ оцупалъ въ немъ заветный ключъ, а рядомъ съ ключемъ и ту „цидулку“, которую приказано было отдать „въ собственные руки“ командиру полка.

„Ну, хорошо что подъ руку попалась! А то бы, пожалуй, и

Сцены и типы на Волгѣ. „На базаръ“. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Блазнова. авторшия мастеркой „Нивы“.

Подаяніе. Съ карт. французскаго художника Э. Нуара, грав. Гюдь.

забыл о ней... Свести ее скорѣе къ командиру—да и за дѣло приниматься... чтобы ровно въ полночь быть на мѣстѣ“.

Между тѣмъ карета подкатила къ Преображенскимъ казармамъ и въѣхала во дворъ гренадерской роты. Выскочивъ изъ кареты, Измайловъ тотчасъ отправилъ денщика къ Нешей-цину, а самъ направился въ квартиру командира.

Къ крайнему удивленію, Измайловъ засталъ командира полка—старога заслуженнаго полковника—не въ халатѣ и не съ трубкою въ зубахъ, а въ полной формѣ и даже со шпагой на боку. Съ озабоченнымъ видомъ ходилъ онъ взадъ и впередъ по своей приемной и видимо такъ былъ тѣмъ-то занятъ, что почти не замѣтилъ Измайлова, когда тотъ вошелъ въ приемную и почтительно остановился у порога.

— Отъ генералъ-шефа Салтыкова цидулу вашему высоко-родію...

Полковникъ принялъ цидулу отъ Измайлова, подошелъ къ столу, на которомъ горѣли свѣчи въ тяжеломъ мѣдномъ шандалѣ, и развернулъ цидулу. Онъ быстро пробѣжалъ ее глазами, потомъ перечиталъ и, бережно свернувши, сунулъ за обшлагъ мундира.

— Счастье твое, господинъ поручикъ, что въ-время вернулся!.. Опоздай еще немного—въ большую бы бѣду попалъ!

Измайловъ выразилъ изумленіе на лицѣ: онъ рѣшительно ничего не понималъ.

— Ну, а теперь изволь немедля отправиться въ дежурную и ждать тамъ, пока я за тобой пришло.

— Господинъ полковникъ! взмолился Измайловъ, измѣняясь въ лицѣ,—я не могу, я долженъ... дѣло есть... я слово далъ...

— Господинъ поручикъ, по моему приказу, всѣ двери и ворота въ казармѣ нашей на запорѣ. Караулы вездѣ удвоены: отсюда муха не вылетитъ! Изволь идти въ дежурную.

— Да что же это? почему? Мнѣ нужно ѣхать—ждать меня! съ отчаяніемъ воскликнулъ Измайловъ, позабывая о дисциплинѣ.

— Объяснять тебѣ мои приказовъ я не стану! петербургско крикнулъ полковникъ.— Или въ дежурную, или сейчасъ же подъ арестъ! А все же изъ казармъ—ни шагу! Выбирай!

Измайловъ понялъ, что дальѣе говорить было невозможно, тѣмъ болѣе, что въ строгомъ взглядѣ командира прочелъ непоколебимую рѣшимость. Машинально приложивъ руку къ треуголкѣ, онъ повернулся на каблучкахъ и вышелъ изъ приемной командира.

Досада, злоба и мрачное отчаяніе овладѣли его душою, когда по длинному, тускло освѣщенному коридору казармъ онъ направился въ дежурную. Онъ самъ не зналъ, на что ему рѣшиться.

VIII.

Поздно, очень поздно разѣхались гости съ именнаго вечера отъ графа Головкина. Было уже около часа ночи, когда послѣдніе возки и сани съ гостями съѣхали съ широкаго графскаго двора, а полусонные музыканты сошли съ хоръ и стали укладывать въ мѣшки и баулы свои духовые и струнные инструменты.

Огни стали одинъ за другимъ погасать въ окнахъ графскаго дома, и только въ опочивальнѣ графа еще попрежнему ярко свѣтились оба окна. Тамъ, проводивъ гостей, графиня и князь Яковъ Петровичъ сошлись у изголовья больнаго графа, чтобы поговорить и посоветоваться съ нимъ объ *общемъ семейномъ дѣлѣ*.

Они нашли больнаго очень расстроеннымъ разными недобрыми вѣстями и слухами, которыхъ много нанесли ему приятели въ теченіе дня.

— Охъ, кабы знали только вы, что тамъ, *наверху*, творится! стонала и охая говорила графиня.— Смѣха достойно! Право, подумать можно, что въ куклы играть изволитъ государыня-правительница! Ей приносятъ къ подписи важнѣйшую бумагу, а она ее на столъ кладетъ и говоритъ: „*хорошо!*“ А что *хорошо*—то никому не вѣдомо! Приходятъ къ ней съ докладомъ о дѣлѣ государственномъ, а она не принимаетъ: „некогда, молю, съ Менгденшой кататься ѣдемъ“. Сущая бѣда! Все и стало—и всѣ дѣла ни съ мѣста!.. Горе да и только! А тѣмъ временемъ Елисаветинцы не дремлютъ... Затѣваютъ что-то и въ глубокой тайнѣ держатъ!.. Охъ, Господи, какія боли! Да скоро-ли конецъ моимъ мученьямъ?”

— Ну, потерпи, Михайло Гавриловичъ! Теперь не долго ужъ и до отъѣзда... А тамъ, на теплыхъ-то водахъ, поправиться, Богъ дастъ! ласково утѣшала мужа графиня, ловко оправляя около него подушки.

— На теплыхъ водахъ!.. Боюсь я, какъ бы до теплыхъ водъ на соборную ловлю не угодить! Чуетъ у меня сердце, что мы передъ бѣдой живемъ!

— Да полно тебѣ бѣду накликасть, покуда сама не пришла! съ досадою сказала Екатерина Ивановна.—Охъ, ужъ эти мнѣ вѣстовники твои...

— Не они, матушка, а сердце-вѣщуетъ! Живучи среди такихъ тревогъ и козней вражескихъ, невольно вспоминаешь, что Фортуна слѣпа: ажмурившись катитъ на колесѣхъ своемъ... Кто нынче *наверху*—величается и саномъ кичится—тотъ, смотришь, завтра лежитъ раздавленъ колесомъ Фортуны. Этого за-

бывать не слѣдуетъ, и, въ наши многоятежныя времена, ничего на будущемъ не строить...

Графъ громко застоналъ, ворочаясь на своемъ пуховикѣ, между подушками. Графиня и князь Луговской молчали.

— И больше-то всего болитъ у меня сердце не за насъ съ тобою, Катеринушка, а за сиротку нашу, за Настеньку! Ну, если, Боже сохрани, да повернется колесо Фортуны и мы очутимся подъ нимъ, что съ нею станется? Куда ей дѣться?

— Надо Настеньку теперь же намъ пристроить сказала графиня.

— Знаю, что надобно. Вотъ и женихъ ей на-лицо. Да какъ ее пристроить, какъ сама-то не захочетъ?

— Пустое! Захочетъ, какъ скажемъ ей построже, что вотъ, молю, или за Яшеньку ей выйти, или съ нами на теплыя воды ѣхать и въ дѣвкахъ сидѣть!

— Ну, ужъ это ты съ ней и говори построже... Я не умѣю, сказалъ графъ, добродушно улыбаясь.

— Что-жъ? И скажу! Вотъ, кстати, я теперь схожу ее провѣдать... Понездоровилось ей что-то; послѣ *русской* тотчасъ въ горенку свою ушла. И если только она не спитъ, я съ ней сегодня же поговорю...

— Охъ, какъ бы я былъ радъ! Какой бы камень съ души моей сняла, когда бы согласилась выйти за Яшеньку...

— Одно могу сказать, вступился Яковъ Петровичъ,— что я бы всѣми силами и не жалѣя себя...

— Да знаемъ, знаемъ, перебила его Екатерина Ивановна,— что ты надежный, вѣрный человекъ! Ну, такъ вотъ повремени: сейчасъ пойду и всю твою судьбу узнаю.

И Екатерина Ивановна слѣшно вышла изъ опочивальни графа, гдѣ водворилось мертвое молчаніе, прерываемое только вздохами и стонами больнаго да тиканьемъ часовъ въ углу.

Черезъ нѣсколько времени въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги и въ опочивальню графа вошла графиня, въ сопровожденіи Настеньки, которую она вела за руку. На лицѣ Екатерины Ивановны играла улыбка; Настенька шла за нею потупившись, блѣдная и взволнованная.

— Ну, вотъ, Михайло Гавриловичъ, весело сказала графиня,—ты все ждалъ бѣды, а я къ тебѣ съ доброй вѣсточкой.

— Охъ, отъ сердца отлегло! Неужто согласилась? радостно заговорилъ графъ.

— Да. Я *теперь* согласна выйти за кого прикажете! глухо произнесла Настенька.

Яковъ Петровичъ вскочилъ съ мѣста и бросился цѣловать руки графини.

— Благодарствуйница вы моя! Это вы Настасью Ивановну уговорили! воскликнулъ онъ, захлебываясь отъ радости и волненія.

— Нѣтъ, Яшенька, не уговаривала. Она сама, по первому же спросу, согласилась.

— И умно, и дѣльно, Настенька! сказалъ графъ.—Человѣкъ онъ намъ близкій, свой... И съ головою, и съ путемъ. И мужемъ тебѣ хорошимъ будетъ! Ну, Катенька, благослови ихъ, не томи! А завтра поговоримъ о свадьбѣ.

Графиня достала дорогій, старинный образъ, въ жемчужномъ окладѣ, изъ божицы въ углу опочивальни, поставила Настеньку и Якова Петровича рядомъ на колѣни и молча благословила ихъ.

— Ну, Богъ васъ благословитъ! шепталъ при этомъ графъ, слегка приподымаясь на постели и сбывая ихъ крестнымъ знаменіемъ.—Теперь мнѣ, право, и умирать-то легче будетъ.

Яковъ Петровичъ, послѣ благословенія, весь просіялъ и даже растерялся отъ радости. Онъ хотѣлъ что-то сказать своей невестѣ, что-то объяснить ей и выразить свои чувства... Но Настенька оставалась серьезною, сосредоточенною и даже сумрачною, и когда Луговской взяла ее руку и поцѣловала, онъ замѣтилъ, что рука была холодна какъ ледь.

Въ это время высокіе англійскіе часы, стоявшіе въ углу, въ рѣвномъ темномъ футлярѣ, пробили два часа, звонко отбивая каждый ударъ, словно молотомъ по наковальнѣ.

— Ну, пора и на покой! сказала графиня, видимо обрадованная и успокоенная тѣмъ, что произошло.—Завтра посмотрите еще и налюбуетесь другъ на дружку. Ступай къ себѣ, Настенька, и спи спокойно.

Настенька всѣмъ поклонилась однимъ общимъ поклономъ и вышла изъ опочивальни графа, не проронивъ ни слова, даже не взглянувъ на жениха...

Но женихъ былъ такъ доволенъ, такъ польщенъ своею удачею, что даже и не замѣтилъ страннаго настроенія своей невесты. Онъ еще разъ облобызалъ руки благодѣтеля и благодѣтельницы, еще разъ благодарилъ ихъ за милости и наконецъ удалился домой въ полнѣйшемъ упоеніи.

„Ну“, самодовольно думалъ онъ, укладываясь въ постель,— „посмотримъ, что завтра скажетъ братецъ любезнѣйшій, какъ о моей удачѣ услышитъ! Сегодня утромъ такъ важно говорить: *у насъ ужъ съ нею все улажено*... Вотъ тебѣ и *улажено!* И то надо сказать: на все своя судьба, и благодѣтель совершенно справедливо говорилъ... сегодня... на счетъ колеса Фортуны...“

Но на этомъ „колесѣ“ нить мыслей сенатора запуталась, потому порвалась и спокойный, крѣпкій сонъ человѣка

довольнаго собою и своей судьбою—смежнлѣ очи Якова Петровича.

IX.

Семенъ Павловичъ, прїидя отъ командира въ дежурную, рѣшительно не зналъ, гдѣ себѣ мѣсто найти. Какъ дикій вѣтръ, запертый съ простора въ клѣтку, безцѣльно мечется и мотается въ ней изъ стороны въ стороны, такъ и Измайловъ, самъ себѣ не отдавая отчета въ своихъ дѣйствїяхъ, сталъ огромными шагами ходить изъ угла въ уголъ дежурной комнаты, стараясь разобраться въ той путаницѣ впечатлѣній и ощущений, которая совсѣмъ заполонила его голову. Онъ даже не обратилъ вниманїя на то, что дежурнаго офицера не было въ комнатѣ, въ обычномъ мѣстѣ. Его мучила и неопредѣленная тоска, и тупое, бессмысленное озлобленіе человѣка, который видитъ передъ собою каменную стѣну и перелѣзать черезъ нее не можетъ... А перелѣзать необходимо!

«Вѣдь Настенька-то ждетъ меня! Можетъ-быть забнеть на свѣгу да на морозѣ», чуть не со слезами говорилъ онъ самъ себѣ. — «И что она обо мнѣ подумаетъ?! Я ей слово далъ, клятвами всякими заклинался, и вотъ какъ сдержалъ ихъ! Это просто гибель!.. Лобъ объ стѣну разбить можно!.. И что этому старому дураку забрело въ голову? Вѣрно нажаловался кто-нибудь на наши ночныя гулянки, что-ли? Да нѣтъ же! Это невозможно... Надо идти, надо все ему рассказать...»

Но какъ разъ въ тотъ моментъ, когда назрѣвала эта мудрая рѣшимость, въ снѣгахъ передъ дежурной комнатой послышались снѣжные шаги, а затѣмъ дверь широко распахнулась и въ комнату почти вбѣжала товарищъ Измайлова, Щеголевъ, закутанный въ епанчу, покрытую бѣлымъ налетомъ инея.

— Гдѣ ты запропастился? Куда тебя нелегка носить? весело и радостно закричалъ онъ, подбѣгая къ Измайлову и сбрасывая свою епанчу на лавку. — Ужъ гдѣ-гдѣ мы только тебя не искали!..

— Да что вамъ всѣмъ за нужда до меня припала? съ досадою отозвался Измайловъ, продолжая шагать изъ угла въ уголъ и почти не оборачиваясь къ товарищу.

— А ты - то что, угорѣлъ никакъ? Или еще отъ вчерашняго хмѣля не очухался? Неужли ты не знаешь, что у насъ въ ротѣ творится?

— Э-э, не до роты мнѣ теперь! Кабы ты зналъ, что у меня на сердцѣ...

— Да убирайся ты съ сердцемъ своимъ... Тутъ, братъ, всѣ сердечныя дѣла въ сторону... Тутъ государственное дѣло! тайственно добавилъ Щеголевъ.

Измайловъ остановился и недовѣрчиво взглянулъ на товарища.

— Или не вѣришь?.. Да знаешь-ли ты, гдѣ всѣ мы, гренандеры, были съ полчасъ назадъ? Во дворцѣ у цесаревны!

Измайловъ вдругъ нахмурилъ брови, схватилъ Щеголева за плечи и крикнулъ на него строго:

— Какъ ты смѣешь именемъ высочайшей персоны шутить?

— Да уймись! Медвѣдъ костромской! Убирайся со своими лапщами!.. Я тебѣ сущую правду говорю. Сейчасъ она сама—государыня Елисаветъ Петровна—заволитъ къ намъ пожаловать сюда, въ казармы!.. Понимаешь!

Тутъ только понялъ Измайловъ въ чемъ дѣло; понялъ, что Салтыковъ и Воронцовъ не даромъ отправили его съ цидулой къ командиру; понялъ, почему и командиръ задержалъ его въ казармахъ.

— Ну, слава Богу! Слава Богу! радостно заговорилъ онъ вдругъ, крестясь широкимъ крестомъ и словно ограждая имъ себя отъ напасти.—Слава Богу, что я сюда не опоздалъ!

— Чудной какой-то ты! Право, чудной! То отъ насъ чураться, то ни вѣсть чему радуешься и Бога благодарить... Скажи, Бога ради, что съ тобой?

— Нѣтъ, прежде ты все Расскажи мнѣ по порядку, что здѣсь у васъ безъ меня случилось? Какъ вы въ цесаревнинѣ дворцѣ понали?

— Да мы еще съ утра, собравшись, рѣшили, чтобы завтра не выступать въ походъ, не покидать цесаревну среди ея враговъ! Вотъ тутъ-то мы тебя и искали!.. А вечеромъ, въ 11 часовъ, тайкомъ пробрались мы къ цесаревнѣ во дворецъ и объявили ея высочеству, что мы на все для нея готовы — не выдадимъ!..

— Ну, ну! радостно торопилъ Измайловъ.

— Ахъ, право, и вспомнить до сихъ поръ не могу! продолжалъ Щеголевъ дрогнувшимъ голосомъ.—Какъ мы ей это объявили, она, голубушка, въ слезы... Да и говорить намъ: «выидите отсюда — мнѣ помолиться надо...»

Щеголевъ отвернулся и отеръ слезу; потомъ добавилъ:

— Погодя немного, вышла къ намъ цесаревна со крестомъ, и мы всѣ ей присягнули.

— Ахъ, горе мое! добродушно воскликнулъ Измайловъ. — Зачѣмъ меня тамъ не было!

— Не горюй! Усибешь присягнуть, какъ она сама сюда прїдетъ. Такъ и сказать изволила: «Ступайте, соберите вашу роту во всякой готовности и тихости, а я сама сейчасъ за вами слѣдомъ». Пойдемъ скорѣе, командиръ меня отправилъ за тобою. Тамъ ужъ вся рота въ сборѣ!

Дѣйствительно, всѣ гренандеры были въ сборѣ; въ коридорѣ, тускло освѣщенномъ свѣчами и фонарями, поставленными на окнахъ и по стѣнамъ, солдаты, въ полной формѣ и аммуниціи, въ киверахъ и съ ружьями, стояли темною массой около одной изъ стѣнъ, оживленно бесѣдуя между собою о чемъ-то, вполголоса. Капральство суетливо бѣгало по рядамъ, перекликая и пересчитывая людей, и слѣдомъ за нимъ длинныя темныя тѣни шагали и двигались по стѣнамъ.

Офицеры, съ командиромъ во главѣ, стояли отдѣльно, тѣсною кучкою около кіота съ ротными образами, и переговаривались между собою шепотомъ. Общее настроеніе было торжественное и тревожное: напряженное ожиданіе было написано на всѣхъ лицахъ...

Когда Измайловъ со Щеголевымъ подошли къ кучкѣ офицеровъ, раздались дружескіе привѣты и веселые возгласы. Измайлова всѣ любили, какъ лихаго товарища, который ни въ какой бѣдѣ не выдастъ, и уважали за его непомѣрную силу и безумную отвагу.

— Наконецъ-то! Вотъ и Измайловъ! А ужъ мы думали, что ты не съ нами! говорили ему товарищи-гренандеры.

— За что же обижаете, братцы! отзывался Измайловъ.— Это точно, что я чуть-чуть не пропалъ... Да вотъ Богъ спасъ и добрые люди помогли!..

— Да, господа офицеры, подтвердилъ съ улыбкой командиръ,—чуть-чуть я его подъ арестъ не упряталъ! Съ такою-то дурью онъ сюда вернуться изволилъ!

Въ это время въ роту вбѣжалъ гренандеръ поставленный на крылечкѣ казармъ и крикнулъ во весь голосъ:

— Ъдутъ! Ъдутъ!

— Смѣррно! скомандовалъ командиръ, обнажая палашъ. Офицеры бросились вразсыпную занять свои мѣста передъ развернутымъ фронтомъ гренандеръ, между тѣмъ какъ командиръ посибнл къ входнымъ дверямъ.

Черезъ минуту топотъ коней и скрипъ полозьевъ раздались у крыльца казармъ, двери распахнулись настезь, и среди клубовъ бѣлаго морознаго пара, влетѣвшаго съ надворья—въ казармы вступила цесаревна, окутанная легкой шубкою. За ней слѣдовали Воронцовъ, лейбъ-медикъ Лестокъ и неразалучный слугиникъ ея, старикъ Шварцъ, ея бывший учитель музыки, преданный ей, какъ собака.

Остановившись передъ фронтомъ гренандеръ, цесаревна быстрымъ движеніемъ сбросила шубку на руки Шварцу, и окинула взглядомъ солдатъ и офицеровъ. Всѣ съ изумленіемъ увидѣли цесаревну въ кирасѣ, надѣтой поверхъ обычнаго темнаго платя. Ея взоры пылали яркимъ пламенемъ, щеки горѣли румянцемъ... Красавица-цесаревна въ этотъ мигъ казалась грозною богиней, которая съ небесной выси спустилась на землю рѣшать и вершить дѣла людей!.. Всѣ замерли въ ожиданіи того, что она скажетъ.

— Ребята! громко и звучно произнесла цесаревна, глубоко взволнованная,—вы знаете, чья я дочь! Пойдете-ли вы за мною, куда я васъ поведу?

Эти простыя слова произвели такую бурю, какой не ожидала цесаревна. Всѣ эти богатыри, всѣ эти закаленные, мужественные люди, разомъ, словно изъ одной груди, грянули ей въ отвѣтъ:

— Матужка! веди насъ! Всюду за тобою пойдёмъ! Всѣхъ ихъ перебьемъ!

Елисавета вздрогнула и отступила въ ужасѣ: она сама еще не знала той силы, которую вызывала къ себѣ на помощь. Она махнула рукой, показывая, что хочетъ говорить... Всѣ разомъ смолкли и присмирѣли.

— Ребята! Если вы точно будете такъ дѣлать—я съ вами не пойду!.. *Никого не бить! Я такъ хочу*—слышите-ли?

Потомъ обратилась къ командиру и сказала:

— Прикажете сейчасъ-же разломать всѣ барабаны, чтобы сторича кто не ударилъ тревогу...

Приказаніе цесаревны было мигомъ исполнено: барабаны были пробиты и растоптаны.

Тогда Елисавета вынула изъ-за кирасы крестъ и медленно опустила на колѣни передъ фронтомъ. Всѣ гренандеры и всѣ лица, стоявшїя около цесаревны, какъ одинъ человекъ рухнули на колѣни. Мертвое молчаніе воцарилось въ казармѣ.

— Клянусь умереть за васъ! твердо и торжественно произнесла Елисавета, высоко поднимая правую руку и цѣлуя крестъ.—Клянётесь-ли вы умереть за меня?

— Клянёмся!.. вырвался опять однимъ общимъ взрывомъ и откликъ изъ строя гренандеръ грознымъ эхомъ перекатился подъ сводомъ казармъ.

— Такъ пойдёмте-же! сказала цесаревна, поднимаясь и выпрямляясь во весь ростъ,—и будемъ думать не о себѣ, а о томъ, чтобы отечество наше было счастливо во что бы то ни стало!

Она направилась къ выходу, и за нею слѣдомъ двинулись темною стройною массой гренандеры, мѣрно отбивая шагъ и мѣрно брядая на ходу оружіемъ.

На дворѣ казармъ, цесаревну усадили въ сани, бережно окутали и шубкой, и полостю. Рядомъ съ нею помѣстился Лестокъ. Въ другія сани сѣли Воронцовъ со Шварцемъ.

— Съ Богомъ! произнесла Елисавета.

Сани двинулись шагом, отовсюду окруженные строем гренадеръ, которые скрывали въвшихъ отъ любопытныхъ взоровъ...

Но эта предосторожность была излишнею. Ни единой души не было нигдѣ на стихнувшихъ, пустынныхъ улицахъ Петербурга... Никто не повстрѣчался гренадерамъ на всемъ пути ихъ отъ казармъ къ Фонтанкѣ и далѣе за Фонтанкой, когда они, мимо Слоноваго Двора, завернули на Невскую перспективную улицу и направились по ней къ Зимнему дворцу.

А ночь была все такая-же чудная—морозная, свѣтлая и тихая... Луна свѣтила во всю силу, обливая своимъ волнистымъ блескомъ засыпанная снѣгомъ улицы и дома Петербурга. Городъ спалъ мертвымъ, непробуднымъ сномъ... Никому и въ голову не приходило, что ожидаетъ на завтра столицу Петра при ея пробужденіи.

X.

Яковъ Петровичъ спалъ удивительно сладко, и даже сны видѣлъ какіе-то особенно пріятные. То представлялось ему, что товарищи-сенаторы съѣхались поздравить его съ новою Монаршею милостью и что онъ уже примѣряетъ передъ зеркаломъ пожалованную ему „кавалерію“. То снилось ему, что онъ, съ Настенькою подъ руку, гуляетъ по тѣнистой аллеѣ и бесѣду ведетъ съ нею такую нѣжную и хорошую... А кругомъ и птицы щебечутъ что-то веселое и цвѣты ароматами благоухаютъ, и деревья какъ-то пріятно шелестятъ листьями...

— Другъ мой! говоритъ Яковъ Петровичъ Настенькѣ,—зайдемъ въ бесѣдку, отдохнемъ отъ прогулки...

— Зайдемъ, мой другъ! нѣжно и ласково соглашается Настенька.

И они входятъ въ бесѣдку—а крыша въ бесѣдкѣ, надъ самою ихъ головою—тррахъ!

„Ай, батюшки! Еще пожалуй обвалится!“ подумалъ осторожный Яковъ Петровичъ, бросилъ руку Настеньки и метнулся въ сторону...

И проснулся... Но надъ самою его головою опять раздался тотъ-же зловѣщій трескъ и стукъ.

Яковъ Петровичъ приподнялся на постели, прислушиваясь...

Стукъ повторился съ новою силою—и тутъ только Яковъ Петровичъ разобралъ, что кто-то отчаянно колотитъ кулакомъ въ его ставню, такъ что стекла дребезжаютъ...

Быстро вскочивъ съ постели, Яковъ Петровичъ подбѣжалъ къ окну и закричалъ во все горло:

— Кто тамъ стучитъ?.. Чтѣ за озорство! Вотъ погоди ужъ я вышлю людей...

— Князь-батюшка! раздался пѣз-за ставни знакомый ему голосъ сенатскаго экзекутора Дурнова,—вставай! Изволь немедленно ѣхать въ цесаревнинъ дворецъ... Изволила ея высочество принять престолъ Россійскаго правленія и я съ тѣмъ объявленіемъ по всѣмъ сенаторамъ посланъ...

— Что-о-о? съ изумленіемъ и ужасомъ воскликнулъ Яковъ Петровичъ.—Чтѣ ты городишь?.. Зайди сюда скорѣе!

Но Дурновъ не отозвался болѣе: онъ бѣгомъ пустился далѣе „по всѣмъ сенаторамъ“.

— Проща! Проща! завопилъ не своимъ голосомъ оторопѣвшій сенаторъ, босикомъ выбѣгая въ другую комнату.— Проща! Проща! ставни открывай! Мундиръ—шпагу—карету! Мыться! одѣваться!

И когда Проща бросился исполнять приказаніе Якова Петровича, тотъ, самъ себя не узнавая, подумалъ:

„Нѣтъ! быть не можетъ! Дурновъ либо мнѣ во снѣ приснился, либо съ ума сошелъ“.

Но когда ставни были открыты, темное и сумрачное петербургское утро глянуло въ окно, Луговской замѣтилъ, несмотря на раннее время (было 7 часовъ утра), необыкновенное движеніе на улицѣ. Толпы народа, сѣрыми и темными волнами, сѣшили куда-то по улицѣ, все въ одномъ направленіи. Яковъ Петровичъ понялъ, что Дурновъ не съ ума сошелъ, а сообщилъ ему нѣчто весьма близкое къ истинѣ.

Полчаса спустя, Яковъ Петровичъ, въ мундирѣ и треуголкѣ, уже сѣвшилъ ко дворцу цесаревны (что былъ на Царицыномъ лугу) въ каретѣ, запряженной цугомъ доморожденных равношерстныхъ коней.

Когда карета вѣхала на Адмиралтейскую сторону, князь Луговской пришелъ уже къ полной увѣренности въ томъ, что въ ночь совершился переворотъ, котораго наканунѣ такъ опасался графъ Головкинъ. Всюду, по улицамъ, войска стояли шпалерами, а между ними, не прерываясь, сѣшили, бѣжали, шумѣли народныя толпы. Часто въ толпѣ и въ рядахъ войска слышались радостныя восклицанія:

— Здравствуй наша матушка, Императрица Елисаветъ Петровна! Урра!

А Яковъ Петровичъ сидѣлъ прижавшись въ углу кареты, которая медленно тащилась ко дворцу среди тройнаго ряда другихъ экипажей, и рѣшительно не зналъ: чтѣ ему думать, чтѣ дѣлать, чего держаться.

— Вотъ тебѣ и кавалерія! грустно твердилъ онъ про себя, — вотъ тебѣ и свадьба!

— Стой! Куда на народъ въ рыдванѣ лѣзешь? закричало нѣсколько грубыхъ голосовъ вокругъ кареты, которая остановилась, за невозможностью проѣхать черезъ толпу.

Яковъ Петровичъ выскочилъ изъ кареты и сталъ пробираться сквозь густую толпу народа къ дворцовому крыльцу.

— Ну-ну! приходилось ему не разъ при этомъ слышать въ толпѣ,—толкайся, да не очень! Ишь, больно прытокъ!—Опоздалъ, небось, вотъ и слѣшнитъ теперь безъ памяти!

Наконецъ, кое-какъ протискавшись на дворцовое крыльцо, Луговской сталъ медленно всходить по его ступенямъ среди сплошной толпы придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Здѣсь, почти столкнувшись со своимъ товарищемъ-сенаторомъ Голицынымъ, Яковъ Петровичъ спросилъ его шепотомъ:

— Князь! поясни ради Бога, чтѣ все это значитъ—и какъ произошло?

— Коли тебѣ это извѣстно—ты ужъ лучше поясни; а я—ей-ей не знаю ничего.

Въ снѣгахъ дворца, оба сенатора наткнулись на камергера Петра Ивановича Шувалова, который съ веселымъ видомъ и очень оживленно рассказывалъ о чемъ-то собравшемуся около него кружку знатныхъ господъ.

— Да! да! съ особеннымъ наосомъ говорилъ Шуваловъ,—истинно перстъ Божій проявился въ этомъ дѣлѣ! Благополучно, съ помощью Всевышняго, и началось, и кончилось, хотя не малой отважности требовало, которой не сыскать нѣ въ комъ, кромѣ крови Петра Великаго. И вотъ ужъ все враги Петровой дщери—нынѣ благополучно царствующей—покорены подъ ношъ ея! Все подъ стражей: и генералъ-фельдмаршалъ Минихъ, и кабинетъ-министры графы Остерманъ и Головкинъ—все взяты и будутъ преданы...

Луговской такъ и вздрогнулъ, опасаясь услышать что-нибудь странное... Сердце у него уняло—онъ присѣвшилъ двинуться далѣе и наконецъ попалъ въ тотъ уголокъ зала, въ которомъ тѣсно и покорной кучкой стояли все его товарищи-сенаторы.

— А знаешь-ли кто очень отличился и въ случай попалъ? шепотомъ сказалъ Луговскому Голицынъ.

— Не до того мнѣ, чтобы въ отгадки теперь играть! грустно отозвался Луговской.

— Да твой-же братецъ! Гуляка этотъ и сорванецъ—ну, какъ бнишь звать-то его?

— Семенъ Измайловъ?

— Онъ самый! Онъ и Миниха, и Остермана, и Головкина арестовалъ, и на глазахъ у государыни вырвалъ ружье изъ рукъ солдата, который сгоряча хотѣлъ кого-то заколотъ! Удостоенъ былъ Высочайшимъ одобреніемъ. Сказать изволили: „не позабуду вашей вѣрности!“ Такъ самъ Шуваловъ сказывалъ намъ.

„Опять этотъ пострѣлъ!“ подумалъ съ досадою Луговской. „Небось теперь и думать забылъ о Настенькѣ! Не то ужъ держитъ на умѣ... А я-то? Я-то хорошъ! Ну, чего я слѣшнилъ—куда я рвался? Что заведу я дѣлать, когда и графа-то пожалуй въ сылку упекутъ, да и меня-то тоже, какъ близкаго къ нему... Ужъ до женитьбы-ли тутъ?“

Вдругъ, кто-то сзади положилъ на плечо Луговскому тяжелую руку и знакомый голосъ проговорилъ подъ самымъ его ухомъ:

— Братецъ! Яковъ Петровичъ, пожалуй-ка сюда къ окошку!

Яковъ Петровичъ совершенно машинально повиновался и постѣдовалъ за братцемъ въ амбразуру окна.

— Голубчикъ! Вотъ радость-то! Великая, всеобщая! восторженно говорилъ Семенъ Павловичъ, крѣпко обнимая Луговскаго и цѣлуя въ обѣ щеки. — Наконецъ-то солнышко наше пѣз-за тучъ показалось! И какъ добра-то, кабы ты зналъ, какъ милостива къ намъ наша матушка! Всѣхъ наградишь насъ общалась превыше нашихъ заслугъ!.. И я, признаться, на радостяхъ—ужъ даже черезъ край хватилъ! Какъ все уладилось, да всѣхъ враговъ-то государыни мы къ рукамъ прибрали—и прямо: бухъ ей въ ноги! Такъ и такъ мило, милости прошу моея невѣстѣ...

— Твоей невѣстѣ? какъ-то странно спросилъ Яковъ Петровичъ.

— Ну, да! Конечно! Настенькѣ. Чтѣ ты такъ мудрено какъ-то смотришь на меня? Въдъ она-же моя невѣста... Мы съ пей сегодня подъ утро и обвѣчались условилась—бѣжать хотѣли! Я все это государыни—какъ есть, безъ утайки! И что-же ты думаешь?.. Все выслушала милостиво и сказать изволила: „свадьбу во дворцѣ моемъ сыграйте и меня въ посаженія зовите!“ Вотъ Ангель-то небесный! Не такъ-ли?

И еще разъ облобызавъ брата въ обѣ щеки, сіяющей отъ радости гвардеецъ исчезъ въ толпѣ.

И ни единымъ словомъ не обмолвился ему Яковъ Петровичъ, что онъ вчера тоже былъ на единый мигъ женихомъ Настеньки. Да и не время было съ братцемъ говорить объ этомъ: какой-то камергеръ, суетливо пробѣгая по толпѣ, всѣмъ объявлялъ, что государыня „изволила жаловать въ аван-залу и тамъ будетъ подданническія поздравленія принимать“.

Двери аван-залы отворились... Толпа заколыхалась и двинулась впередъ, къ этимъ завѣтнымъ дверямъ.

„Колесо Фортуны!“ думалъ Яковъ Петровичъ, грустно вздыхая и вступая вмѣстѣ съ другими въ ярко-освѣщенную аван-залу...

Выдра, хватающая дикаго гуся. Рис. Домбровскій.

Къ рисункамъ.

Передъ свадьбой. (Рис. на стр. 1141).

Картина Шредера изображаетъ жениха и невесту, которые обмѣниваются радужными мечтами о томъ золотомъ времячкѣ, когда они составятъ, наконецъ, счастливую парочку. — мечтаютъ, не догадываясь, что эти-то настоящія минуты быть-можетъ и останутся въ ихъ воспоминаніи самою счастливою порой ихъ жизни. Увы! какъ извѣстно, даже медовый мѣсяць не обходится безъ капель горечи, которыя все растутъ по мѣрѣ того, какъ онъ подходитъ къ концу.

Бѣленіе холстовъ. (Рис. на стр. 1144).

Бѣленіе полотна въ деревняхъ до сихъ поръ производится довольно первобытнымъ способомъ. Холстъ слегка бучать и затѣмъ разстилаютъ на лугу, причѣмъ воздухъ и свѣтъ уничтожаютъ красящее вещество растительныхъ волоконъ.

Ручного холста производится въ Россіи до 170 милл. аршинъ, на сумму около 14 милл. руб., преимущественно въ губ. Вятской, Ярославской, Тверской и Вологодской. Самые грубые холсты вятскіе, потомъ вологодскіе.

Вендская школа въ Лужицахъ. (Рис. на стр. 1145).

Вендами, какъ извѣстно, называется у нѣмцевъ сербское племя Лужичанъ, вѣтви славянъ Полабскихъ, которые въ VIII вѣкѣ принадлежали Велико-Моравскому княжеству и были покорены нѣмцами при Оттонѣ I. Затѣмъ началось рабство народа и постепенное оѣмечиваніе лужичанъ. Въ XIII вѣкѣ сербскій языкъ еще удерживался въ церкви и судѣ, но къ XIV столѣтію былъ изгнанъ и отсюда. Съ теченіемъ времени западные лужичане совершенно оѣмечились. Теперь славянское нарѣчіе и кое-какіе обычаи удержались между ними кое-гдѣ, въ верхней и нижней Лузани (Лужицахъ) и особенно въ Шревалдѣ. Въ послѣднемъ славянскія особенности быта сохранились почти въ первобытной чистотѣ. Рисункъ нашъ изображаетъ сельскую школу съ ея низкими стѣнами, завѣшанными, по лужицкому обычаю, множествомъ вѣнковъ. Въ дѣтскихъ личикахъ ярко выступаетъ печать славянскаго типа.

Граціелла. (Рис. на стр. 1149).

Читатели *Нивы* хорошо знакомы съ прелестными картинками Бааса, воспроизводящими различныя типы италянковъ. На этотъ разъ передъ нами повидимому венеціанская рыбацка, кокетливо играющая вѣтромъ, который въ Итали составляетъ неотъемлемую принадлежность какъ знатныхъ дамъ, такъ и простолюдиновъ.

Сцены и типы на Волгѣ. „На базаръ“.

(Рис. на стр. 1152).

Обыкновенное средство переправы на Волгѣ представляетъ изображенная художникомъ лодка обь одной мачтѣ съ прямыми рейковыми парусомъ. Кромѣ послѣдняго работаютъ еще три-четыре гребца веслами. На рисункѣ изображена партия зарѣчныхъ крестьянъ, сѣвшихъ со своими сельскими произведеніями въ городъ на базаръ.

Подаяніе. (Рис. на стр. 1153).

Горе роднитъ бѣдняковъ. Двое маленькихъ внучихъ, повидимому братья съ сестрою, повстрѣчались на пути отъ села къ селу несчастную собачку, голодную, искальченную, съ перебитой ногой, точь-въ-точь какъ у самого паренька, опирающагося на костыль. Тожество-ли страданій тронуло его сердце, или быть-можетъ онъ шестипятино захотѣлъ доставить себѣ удовольствіе богатыхъ—роскомъ благотворенія, только мальчикъ досталъ изъ сумки черствый ломоть хлѣба и протягиваетъ его существу еще болѣе несчастливому, чѣмъ самъ онъ съ сестренкой.

Дикій гусь и выдра. (Рис. на стр. 1157).

Какъ закованные въ броню средновековные рыцари спускались изъ своихъ горныхъ замковъ и, спрятавшись въ какомъ-нибудь укромномъ уголкѣ, поджидали мирныхъ странниковъ и останавливали ихъ крикомъ: „бошелекъ или живанъ“, причѣмъ обыкновенно обирали свою беззащитную жертву безъ всякаго сопротивленія съ ея стороны, такъ точно поступаютъ еще теперь „рыцари дорогъ и полей“ изъ животнаго царства, съ тою только разницею, что послѣдніе не довольствуются кошелекомъ своей жертвы, а похищаютъ самую жизнь. Вездѣ, въ лѣсахъ и на поляхъ, въ воздухѣ и водѣ находятся такіе хищники, вооруженные самымъ лучшимъ образомъ для нападенія и благодаря хитрости и смѣлости очень опасные для беззащитныхъ животныхъ. Послѣднія нигдѣ не могутъ отъ нихъ скрыться. Такое отношеніе различныхъ животныхъ другъ къ другу естественно повело къ тому, что животныя не хищныхъ устраиваютъ свои жилища въ самыхъ потайныхъ мѣстахъ и выходятъ изъ нихъ лишь съ величайшею осторожностью. Съ другой стороны, чувство голода и подборъ болѣе ловкихъ и совершенныхъ хищниковъ заставляетъ послѣднихъ

постоянно вырабатывать въ себѣ все, что только можетъ способствовать ихъ пропитанію. Но все-таки въ этой борьбѣ мы видимъ громадный перевѣсъ на сторонѣ хищниковъ, конечно происходящій отъ того, что имъ принадлежитъ активная, дѣятельная роль въ жизни, вслѣдствіе чего совершенствуются всѣ ихъ способности. Изъ рыбъ, напримѣръ, выше всѣхъ по развитію своего мозга и въ особенности органовъ обонянія стоитъ такой хищникъ, какъ акула, которая чувствуетъ запахъ жаренаго мяса за нѣсколько верстъ. Не удивительно поэтому, если хищникъ, несмотря на всѣ предосторожности своей жертвы, все-таки ухитрится достигнуть своей цѣли. Одинъ изъ такихъ моментовъ представленъ на нашемъ рисункѣ. Дикій гусь, чрезвычайно осторожный птица, долго осматривался кругомъ. Тихо и мирно разстилается передъ нимъ гладкая водная поверхность, не обнаруживая ничего подозрительнаго. Наконецъ онъ рѣшается на нее спуститься. Но не успѣлъ онъ прикоснуться къ поверхности, какъ съ быстротою молніи высовывается блестящая голова, въ тѣло вонзаются острые когти и зубы. Предсмертный крикъ—и безжизненное тѣло оказывается во власти выдры, спѣшащей удалиться со своею добычею.

Выдра является страшнымъ хищникомъ. По наружности она извѣстна всѣмъ и легко отличима отъ другихъ животныхъ. Кто не выдалъ ее на свободу, тотъ навѣрное встрѣчалъ въ зоологическихъ садахъ. Она сходна съ кунницею, будучи близко къ ней формою, по строенію черепа, чрезвычайно сильными челюстями, удлинненному туловищу, короткимъ ногамъ; голова только нѣсколько болѣе округлена. Остальные отличія выдры обуславливаются мѣстомъ ея обитанія—водою. Въ зависимость отъ послѣдняго обстоятельство все тѣло, а также постепенно заостряющійся хвостъ немного сплюснены, маленькіе глаза и уши совершенно теряются въ шерсти, пятипалыя ноги снабжены плавательными перепонками, шерсть коротка, но прилегаетъ такъ плотно, что непроницаема для воды, причѣмъ поверхностныя волоски жестки и слегка сплюснены, какъ бы напоминая чешуи рыбъ. Сверху тѣло блестящаго темно-коричневаго цвѣта, снизу у горла свѣтлѣе. Длина тѣла 130 сантиметровъ, вѣсъ достигаетъ 15—20 килограммовъ. День проводитъ выдра, сидя въ своей норѣ, которая представляетъ естественное или ею самою вырытое углубленіе въ берегѣ и соединяется нѣсколькими ходами съ водою, а также съ землею поверхностью. Лишь жестокой голодъ или другая какая-нибудь крайность заставляетъ выдру днемъ покидать свое жилище. Обыкновенно выходитъ она лишь вечеромъ; лунный-же ночи особенно удобны для ея охоты. Главная пища выдры состоитъ изъ рыбы и раковъ. Старались вычислить тотъ вредъ, который она вслѣдствіе этого приноситъ, и оказалось, что каждое животное съѣдаетъ ихъ на сумму около 200 р. Далѣе она поглатитъ еще мышами, водяными крысами, птицами и ихъ личинами, причѣмъ не брезгаетъ также и лягушками. Какой громадный вредъ онъ можетъ нанести пернатому царству—указываетъ слѣдующій случай. Въ одинъ прудъ, находящійся въ королевскомъ паркѣ въ Штутгартѣ и густо заселенный птицами, забралась выдра и въ продолженіе 6 или 7 недель распорядилась тамъ со свойственною ей жестокостью: уничтожила всѣ гнѣзда утокъ на материкѣ и островахъ, выкинула яйца и поѣла всѣхъ утятъ и гусятъ, кромѣ того каждый день можно было находить много взрослой птицы съ отъѣденными головами, а также много гусей и лебедей раненыхъ ею до такой степени, что они погибали отъ ранъ. Лишь послѣ долгаго труда удалось подкараулить выдру и убить ее. Самка выдры приноситъ въ различное время года отъ 3 до 4 сѣтвыхъ дѣтенышей, которые начинаютъ видѣть свѣтъ спустя послѣ рожденія и выходятъ изъ норы по истеченіи двухъ мѣсяцевъ въ сопровожденіи своей матери, подъ руководствомъ которой очень скоро выучиваются ловить рыбу. Маленькія выдры очень интересны и легко дѣлаются ручными. Любопытно, что на Западѣ мясо выдры употреблялось прежде въ монастыряхъ въ пищу въ постные дни. Въ настоящее время оно совсѣмъ почти не употребляется. За то мѣхъ ея цѣнится высоко. Вслѣдствіе вреда, который наноситъ выдра, въ очень многихъ государствахъ назначена награда за истребленіе этого животнаго; убиваютъ ее изъ ружья, пользуясь для этого особыми собаками, или-же при помощи капкановъ.

„Князь Игорь“, опера А. П. Бородина.

(Рис. на стр. 1160).

Болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ задумалъ А. П. Бородинъ написать оперу, которую привелось видѣть петербургской публикѣ 23 октября 1890 г. на сценѣ Маринскаго театра, три года спустя по смерти ея автора. Ободренній успѣхомъ первой симфоніи, бывшей его первою значительною работою, А. П. Бородинъ принялся за оперу, сюжетъ которой ошъ, по указанію г. Стасова, рѣшился заимствовать изъ „Слова о полку Игорѣ“. Это произведеніе древности, озаглавленное, по словамъ нашего историка Н. М. Карамзина, силою выраженія,

красотами языка живописного и смѣлыми уподоблениями, свойственными стихотворству юных народов", представляло *для музыки* благодарный сюжетъ. „Но публикѣ врядъ-ли онъ можетъ понравиться, сознавался композиторъ въ одномъ изъ писемъ къ женѣ.—Драматизма тутъ мало, движенія сценическаго почти никакого...“ И тѣмъ же менѣе Бородинъ написалъ при такомъ содержаніи замѣчательную оперу. По „Слову“ было составлено г. Стасовымъ либретто, которое, впрочемъ, существенно было измѣнено самимъ Бородинымъ. Свое произведение, мало уклоняющееся отъ „Слова о полку Игоря“, композиторъ раздѣлилъ на 4 дѣйствія съ прологомъ, причемъ въ первомъ дѣйствіи 2 картины. Въ прологѣ князь Сѣверскій Игорь отправляется изъ Путивля въ походъ на половцевъ, несмотря на солнечное затмѣніе, истолкованное какъ дурное предзнаменованіе. Первое дѣйствіе, болѣе всего удаляющееся отъ подлинника поэмы, рисуетъ состояніе Путивля въ отсуствіи Игоря. Въ первой картинѣ, на княземъ дворѣ, живо передаются разгулъ и безпутства Владиміра Ярославича Галицкаго, шурина Игоря, которому послѣдній поручилъ свою жену Ярославну; а во второй картинѣ мы видимъ тоску княгини безъ мужа, ея гнѣвъ на брата и ужасъ при вѣсти о неудачномъ походѣ Игоря и нашествіи половцевъ на Путивль. Второе, лучшее дѣйствіе оперы, переноситъ зрителей въ станъ половцевъ, откуда плѣннаго Игоря уговариваютъ бѣжать. Въ третьемъ дѣйствіи совершается этотъ побѣгъ, а въ послѣднемъ дѣйствіи, когда „Ярославна рано плачетъ, во Путивлѣ на оградѣ“, возвращается Игорь Святославичъ—и опера оканчивается ликованіемъ народа.

Къ этому либретто А. П. Бородинъ написалъ, какъ мы уже сказали, замѣчательную музыку, увлекательную и понятную всякому русскому. Къ сожалѣнію, преждевременная смерть помѣшала композитору довести свое дѣло до конца и насладиться успѣхомъ. Но у г. Бородина были искренніе друзья, съ г. Римскимъ-Корсаковымъ во главѣ, — которые довели труды почившаго до конца, обогативъ русское искусство превосходнымъ музыкальнымъ произведеніемъ.

Робертъ Кохъ. (Портр. на стр. 1161).

Наука освѣтилась новымъ открытіемъ. Нѣмецкому ученому, доктору Коху, удалось найти средство для борьбы съ чахоткой, этимъ ужаснымъ бичемъ человѣчества, истребляющимъ миліоны человѣческихъ жертвъ ежегодно. Имя Коха было уже навѣстно всему просвѣщенному міру, а послѣднее его изслѣдованіе навсегда увѣнчаетъ славою многолѣтніе труды ученаго.

Робертъ Кохъ родился 29 ноября 1843 года, въ городѣ Клаусталѣ, въ Гарцѣ. Медицинское образованіе получилъ онъ въ Геттингенѣ съ 1862 по 1866 годъ, затѣмъ былъ продолжительное время ассистентомъ въ гамбургской общей больницѣ, покинувъ которую онъ занялся собственною практикою. Жилось ему въ это время не легко: молодой докторъ перебивалъ не разъ свое жительство, переѣзжая изъ одного города въ другой. Такъ онъ бѣжалъ и въ Лангенгатенѣ, близъ Ганновера, въ Раквицѣ, Позенскаго уѣзда, и въ Вольштейнѣ, въ уѣздѣ Бомель. Свои досуги онъ посвящалъ изслѣдованіямъ, которыя теперь доставили ему почетъ и извѣстность. Началомъ ихъ послужили занятія по ботаникѣ, которую онъ изучалъ подъ руководствомъ извѣстнаго нѣмецкаго ботаника Фердинанда Кона, въ Бреславлѣ. Какъ разъ въ это время, въ разрѣшеніи вопроса объ отношеніи растительныхъ паразитовъ къ заразнымъ болѣзнямъ, раздѣлились мнѣнія послѣдователей Кона и Карла фонъ-Негелиса изъ Мюнхена. Кохъ примкнулъ

къ первымъ и горячо защищалъ возвращеніе своихъ едипомышленниковъ, которые, какъ извѣстно, и оказались правыми въ этомъ спорѣ. Первымъ, болѣе зрѣлымъ плодомъ самостоятельныхъ изысканій Коха была работа подъ заглавіемъ „Объ микроорганизмахъ при заразныхъ болѣзняхъ рта“. Сочиненіе это было съ успѣхомъ доложено въ 1878 году медицинскому отдѣлу собранія естествоиспытателей въ Касселѣ. Уже въ первой своей работѣ Кохъ обрисовался тѣмъ серьезнымъ и точнымъ изслѣдователемъ, какимъ онъ является и понынѣ. Ходъ его мыслей и его заключенія—строго логичны; его способности изслѣдованія, созданныя многотѣтными и непрерывными занятіями, проведены съ такою послѣдовательностью, точностью и осмотрительностью, что не допускаютъ никакого возраженія. Многократный успѣхъ Коха зависитъ отъ того, что онъ въ своихъ изслѣдованіяхъ не дѣлаетъ ни шагу впередъ, пока не чувствуетъ твердой почвы подъ ногами. Этотъ осторожный и точный, научный способъ предохранилъ Коха отъ заблужденій и всѣ славныя и многочисленныя открытія Коха, начиная отъ нахожденія споръ при сибирской язвѣ до дѣянія чахотки, являющейся нераздѣльными звеньями одной цѣпи послѣдовательныхъ работъ. Значеніе Коховскихъ изслѣдованій было сразу оцѣнено по достоинству. Иосифъ Листеръ, знаменитый англійскій хирургъ и создатель антисептического способа ухода за ранами, поручилъ перевести на англійскій языкъ упомянутое выше сочиненіе Коха, тотчасъ послѣ появленія его въ печати. Дальнѣйшія изслѣдованія доктора Коха въ его бактериологической дѣятельности, относились до зараженія крови и сибирской язвы. Затѣмъ слѣдовало открытіе передачи возвратной лихорадки (*Febbris recurrens*) и вызывающаго ее спиралы Обермейера. Своими открытіями Кохъ обязалъ своему способу искусственной окраски микроскопическихъ объектовъ, особенно бактерий,—благодаря чему онъ становится для глаза видимыми и распознаваемыми. Этотъ же способъ окрашиванія привелъ вскорѣ Коха къ тому открытію, которое на-вѣки останется однимъ изъ величайшихъ дѣяній въ области медицинскіхъ изслѣдованій всѣхъ временъ. Мы говоримъ объ открытіи туберкулезной бациллы, порождающей бугорчатку во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ у человѣка и животныхъ. 12 марта 1882 года состоялось памятное засѣданіе Берлинскаго физиологическаго общества, въ которомъ Кохомъ было доложено объ „этиологій туберкулеза“, и доказано, что легочная чахотка, различные виды мѣстныхъ бугорчатокъ кожи, костей, суставовъ и проч., затѣмъ жемчужница у рогатаго скота и т. п., вызываются развитіемъ туберкулезной бациллы. Дальнѣйшіе его труды были, между прочимъ, обращены на борьбу съ этой ужасной бациллою, и результаты ея мы помѣщаемъ ниже.

Наградой за труды доктора Коха было назначеніе его дѣйствительнымъ членомъ имперскаго врачебнаго совѣта въ Берлинѣ въ 1880 году. Въ 1883 году онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и посланъ, какъ руководитель нѣмецкой холерной комиссіи, въ Египетъ и Индію. И здѣсь работы геніальнаго и счастливаго изслѣдователя не остались безплодными: имъ были открыты источникъ заразы, холерная бацилла, извѣстная подъ именемъ „Коховской занозы“. Открытіе это произвело полный переворотъ во взглядахъ на возникновеніе, распространеніе и существованіе эпидеміи. Въ награду за это открытіе прусское правительство даровало изслѣдователю 100,000 марокъ. Замѣчательныя работы Коха по бактериологій и гигиенѣ вызвали всеобщее признаніе большаго значенія этихъ наукъ, и каѳедры по нимъ были учреждены въ германскихъ университетахъ, начиная съ Берлинскаго, гдѣ ординарнымъ профессоромъ и былъ сдѣланъ докторъ Кохъ.

О врачебномъ средствѣ противъ туберкулеза (бугорчатки).

Профессора Роберта Коха *).

Въ докладѣ читанномъ мною нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на международномъ врачебномъ конгрессѣ и упомянулъ о средствѣ, которое можетъ здоровыхъ животныхъ сдѣлать невосприимчивыми къ прививкѣ имъ туберкулезныхъ бациллъ, а въ больныхъ животныхъ остановить теченіе туберкулезнаго процесса. Съ того времени, средство это было неспробовано на людяхъ, о чемъ теперь и пойдетъ рѣчь.

Первоначально и намѣренъ былъ ничего не обнаруживать изъ моихъ изслѣдованій пока не доведу ихъ до возможной полноты, а именно пока не добуду достаточно данныхъ относительно примѣненія этого средства на практикѣ и приготовленія его въ большихъ количествахъ. Но, не смотря на всѣ предосторожности, въ публику все-таки проникло о немъ такъ много и притомъ искаженныхъ или преувеличенныхъ слуховъ, что я считая умѣреннымъ, ради устраненія ложныхъ понятій, теперь-же дать руководящій обзоръ настоящаго положенія этого дѣла. Само собою разумѣется, что обзоръ этотъ, при существующихъ обстоятельствахъ, можетъ быть лишь весьма краткимъ и долженъ оставить открытыми многіе весьма важныя вопросы.

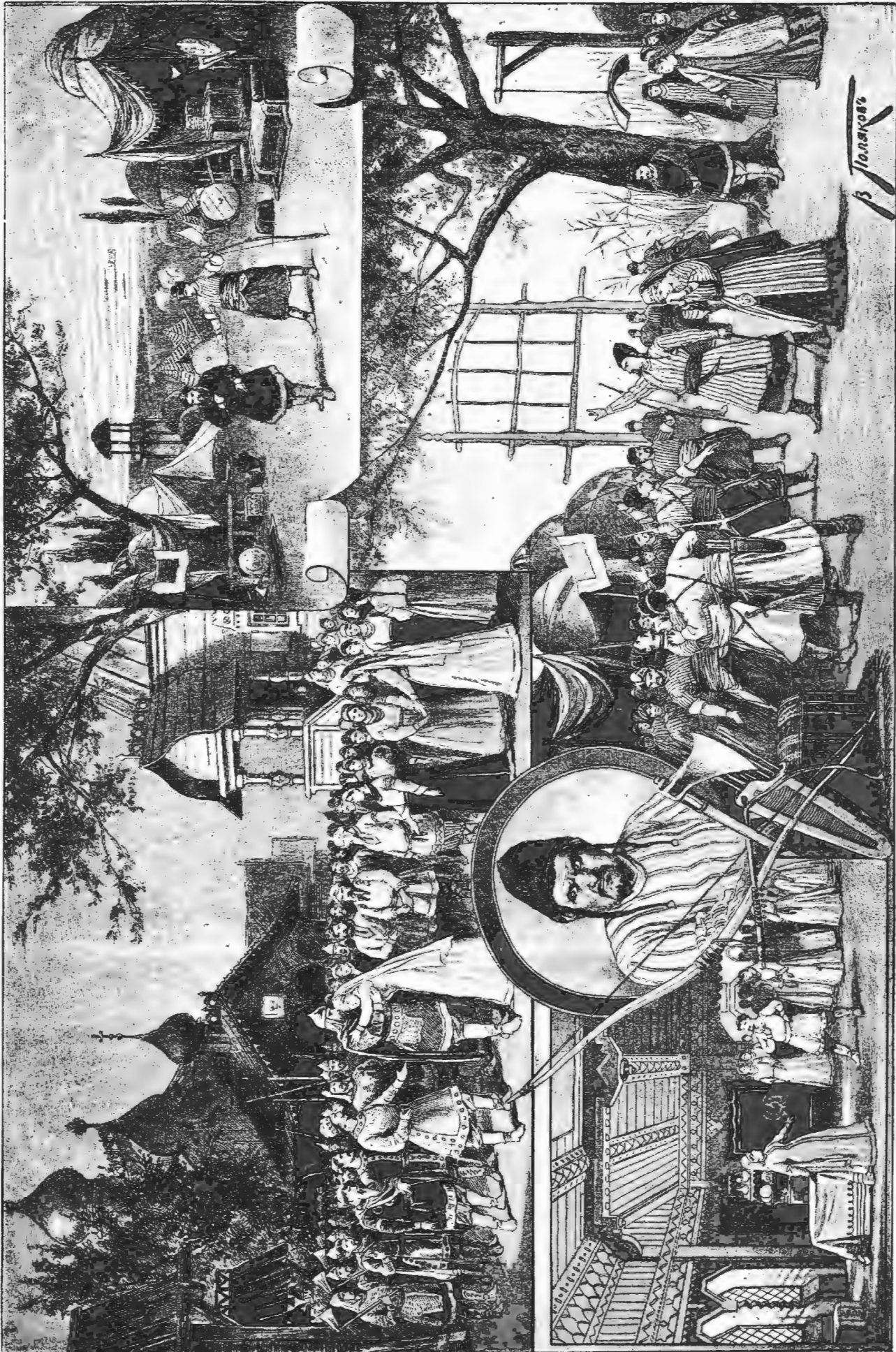
Опыты производились, а частію и теперь еще производятся.

* Изъ „Deutsche Medizinische Wochenschrift“.

подъ моимъ руководствомъ, Dr. А. Либбертомъ и штабнымъ врачомъ Dr. Э. Пфулемъ. Необходимый контингентъ большихъ доставили проф. Бригеръ изъ своей поликлиники, Dr. В. Левинъ своей частной хирургической клиникѣ, тайный совѣтникъ Френцель и главный штабный врачъ Р. Келлеръ въ больницѣ *Charité*, и тайный совѣтникъ фонъ-Бергманъ въ университетской хирургической клиникѣ. Въсѣмъ этимъ лицамъ, а также ихъ ассистентамъ, помогавшимъ при опытахъ, я долженъ здѣсь заявить глубочайшую признательность за живой интересъ съ которымъ они посвятили себя дѣлу и за безкорыстное содѣйствіе ими мнѣ оказанное. Безъ этого многосторонняго содѣйствія невозможно было-бы въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ такъ подвинуть эти трудныя и сопряженныя съ отвѣтственностью изслѣдованія.

Такъ какъ трудъ мой не доведенъ еще до конца, то о составѣ и приготовленіи моего средства я не могу еще дать никакихъ указаній и долженъ отложить это до позднѣйшихъ сообщеній *).

* Врачи желаютъ безоплаательно присутствовать къ опытамъ съ этимъ средствомъ—могутъ получать его у Dr. А. Либберта (Berlin, N. W. Lüneburgerstrasse 28 II), который взялъ на себя приготовленіе оного при моемъ и Dr. Пфуля содѣйствіи. Но и долженъ замѣтить, что запасъ его въ настоящее время весьма малъ и лишь черезъ нѣсколько недѣль приготовлено будетъ нѣсколько большее количество.

Пролог: Прощание Игоря и Ярославны.
Ханъ Кочкаль.

I действие, II картина: Ярославна упрекает брата.

„Князь Игорь“, опера А. П. Бородина. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Полякова, авторшия мастерской „Нивы“.

II действие. Озлурь уговаривает Игоря бѣжать.

III действие. Освобождение Владимира от Полочанъ.

Средство это представляет буроватую прозрачную жидкость, которая сохраняется сама по себѣ, т. е. безъ особыхъ мѣръ предосторожности. При употребленіи же эта жидкость должна быть болѣе или менѣе разбавлена, и если эти разжиженія произвести дистиллированной водою, они легко разлагаются; въ нихъ развиваются гнѣзда бактерій, они мутнѣютъ и становятся негодными къ употребленію. Во избѣжаніе этого, разбавленная жидкость должна быть стерилизована при помощи высокой температуры и хранится въ сосудахъ заткнутыхъ ватой, или же, что гораздо удобнѣе, первоначальную жидкость разбавляютъ не водою, а полупроцентнымъ растворомъ (0,5%) карболовой кислоты. Но какъ частое нагреваніе, такъ и примѣсь карболовой кислоты, по истеченіи нѣкотораго времени, ослабляютъ дѣйствительность средства, особенно въ сильно разжиженныхъ растворахъ, и поэтому я употреблялъ по возможности свѣжайшіе растворы.

Введенное въ желудокъ средство это не дѣйствительно; чтобы достигнуть надежнаго дѣйствія, необходимо ввести его подъ кожу. При нашихъ опытахъ мы для этой цѣли употребляли исключительно приспособленную мною для бактериологическихъ работъ шприцовку, снабженную полымъ гуттаперчевымъ шарикомъ. Такую шприцовку легко дезинфицировать прополаскивая ее безводнымъ спиртомъ, и этому обстоятельству мы приписываемъ то, что при тысячѣ (слишкомъ) произведенныхъ нами подкожныхъ впрыскиваній не образовалось ни одного нарыва.

Мѣстомъ впрыскиванія, послѣ нѣсколькихъ сравнительныхъ опытовъ, мы избрали кожу спины между лопатками и въ области поясницы, такъ какъ на этихъ мѣстахъ впрыскиванія не вызывали, можно сказать, никакой мѣстной реакціи, но крайней мѣрѣ наименьшую, и обходились почти безъ всякой боли.

Что касается дѣйствія этого средства на людей, то при самомъ началѣ нашихъ опытовъ оказалось, что въ весьма важномъ отношеніи средство это дѣйствуетъ на человѣка существенно иначе нежели на обычно употребляемое при опытахъ животное—морскую свинку. Такимъ образомъ снова подтверждено было важнѣйшее для экспериментатора правило, что изъ опытовъ надъ животными отнюдь нельзя прямо заключать о томъ же дѣйствіи даннаго средства на человѣка.

А именно, человѣкъ оказался гораздо чувствительнѣе морской свинки къ дѣйствію нашего средства. Здоровой морской свинкѣ можно впрыснуть подъ кожу до двухъ кубическихкихъ сантиметровъ неразбавленной жидкости и даже болѣе, при чемъ не оказывается замѣтнаго дѣйствія. Здоровому взрослому человѣку достаточно впрыснуть 0,3 куб. сантиметра чтобы вызвать сильное дѣйствіе. Если принять во вниманіе сравнительный вѣсъ тѣла, то выходитъ, что $\frac{1}{1500}$ того количества, которое на морскую свинку не оказываетъ еще замѣтнаго дѣйствія, на человѣка уже дѣйствуетъ весьма сильно.

Симптомы возникающіе у человѣка по впрыскиваніи 0,3 куб. сантиметра, я научилъ на себѣ самомъ сдѣлавъ себѣ инъекцію въ верхнюю часть руки. Вкратцѣ они представляли слѣдующее: три или четыре часа спустя по впрыскиваніи—подергиванія въ конечностяхъ, слабость, расположеніе къ кашлю, затрудненіе дыханія, быстро возрастающее; въ теченіе пятиго

часа наступилъ необыкновенно сильный ознобъ, длившійся почти часъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, тошнота, рвота и возвышеніе температуры до 39,6°. Черезъ 12 часовъ всѣ болѣзненные явленія ослабли, температура стала понижаться и къ слѣдующему дню достигла нормальной высоты; тяжесть въ конечностяхъ и слабость продолжались еще нѣсколько дней и столь-коже времени оставалась нѣкоторая боль и краснота на мѣстѣ впрыскиванія.

Низшій предѣлъ дѣйствія жидкости на здороваго человѣка составляетъ около 0,01 куб. сантиметра (или 1 куб. сантиметръ во ста сантиметрахъ воды), какъ оказалось изъ многочисленныхъ опытовъ. У большинства при такой дозѣ ощущается лишь легкая боль въ конечностяхъ и скоро проходящая слабость. У нѣкоторыхъ, кромѣ того, является небольшое возвышеніе температуры, градусъ до 38 или немно-го болѣе.

Но если относительно дозы (сравнительно съ вѣсомъ тѣла) между животнымъ и человекомъ оказывается весьма значительная разница, то относительно другихъ свойствъ лекарства проявляется довольно ошутительное совпаденіе.

Важнѣйшее изъ этихъ свойствъ есть *специфическое дѣйствіе нашего средства на туберкулезные процессы, каковы бы рода ни были они.*

Я не буду вдаваться въ дальнѣйшее описаніе явленій у животного подвергаемаго опытамъ, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко, и прямо перейду къ замѣчательнымъ въ высшей степени явленіямъ у человѣка страдающаго бугорчаткой.

Здоровый человѣкъ, какъ мы видѣли, почти или даже вовсе не реагируетъ при введеніи 0,01 куб. сантиметра жидкости. Какъ показали многократные опыты, то же самое наблюдается у больныхъ, если только они страдаютъ не бугорчаткой. Но совершенно иное происходитъ у туберкулезныхъ: если такимъ

ту же дозу (0,01 куб. сант. *), наступаетъ какъ сильная общая, такъ и мѣстная реакція.

Общая реакція заключается въ приступѣ лихорадки, которая, начинаясь болѣею частію ознобомъ, повышаетъ температуру тѣла до 39°, нерѣдко до 40° и даже 41°. При этомъ ощущаются боли въ конечностяхъ, позывъ на кашель, общая слабость, нерѣдко тошнота и рвота. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ наблюдалось легкое желтушное окраиваніе, въ другихъ—даже коревидное высипаніе (экзантема) на груди и на шеѣ. Принадокъ начинается обыкновенно спустя 4—5 часовъ по впрыскиваніи и длится 12—15 часовъ. Въ исключительныхъ случаяхъ онъ можетъ наступать и позднѣе и протекаетъ менѣе интенсивно. Больные мало тяготятся припадкомъ, и какъ только онъ миновалъ, чувствуютъ себя сравнительно хорошо, обыкновенно даже лучше нежели до припадка.

Мѣстную реакцію лучше всего наблюдать на такихъ больныхъ, у которыхъ туберкулами поражены наружныя части, какъ напр. у страдающихъ волчанкою (разъѣдающимъ лишаемъ, lupus). У этихъ послѣднихъ наступаютъ измѣненія, поразительно убѣждающія въ анти-туберкулезномъ дѣйствіи средства.

* Дѣтямъ 3—5 лѣтъ мы давали десятую часть этой дозы, т. е. 0,001 очень слабымъ дѣтямъ только 0,0005, и получали при этомъ сильную, хотя и не описанную реакцію.

Профессоръ Робертъ Кохъ.

Немного спустя после инъекции под кожу спины, следовательно въ мѣстѣ весьма удаленномъ отъ пораженныхъ частей кожи на лицѣ и т. п., лунозные мѣста обыкновенно еще до приступа лихорадки начинаютъ припухать и краснѣть. Въ теченіе лихорадки припуханіе и краснота все увеличиваются и могутъ достигнуть весьма значительной степени, такъ что лунозная ткань мѣстами становится бурокрасною и некротической (омертвѣлою). У рѣзче ограниченныхъ очаговъ волчанки сильно припухшая и бурокрасная ткань нерѣдко бывала окружена бѣловатою каймой, почти въ сантиметръ ширины, которая въ свою очередь окружалась широкимъ, яркочернымъ поясомъ. По прекращеніи лихорадки, припухлость лунозныхъ мѣстъ постепенно опадаетъ, такъ что для черезъ 2 — 3 можетъ совершенно исчезнуть. Самые очаги волчанки покрываются корою изъ просочившейся и засохшей на воздухѣ сукровицы (Serum), превращаются въ чешуйки, спадающія черезъ 2 — 3 недѣли и обнажающія даже при однократномъ высккиваніи гладкій красный рубецъ. Обыкновенно же требуется нѣсколько высккиваний для полного уничтоженія лунозной ткани, но объ этомъ послѣ. При этомъ процессѣ слѣдуетъ указать то особенно важное обстоятельство, что описанныя измѣненія ограничиваются исключительно лишь пораженными волчанкой мѣстами кожи. Даже малѣйшіе, незамѣтные глазу, причувствія въ рубцовой ткани узелки подвергаются этому процессу и вслѣдствіе припуханія и перемѣны окраски становятся видными, тогда какъ самая ткань рубца, въ которой лунозные измѣненія уже закончились, остается неизмѣненною.

Наблюденіе надъ дѣйствіемъ нашего средства на больного волчанкой въ такой степени поучительно и въ то же время такъ убѣждаетъ относительно специфическихъ свойствъ самаго средства, что каждый желающій заняться его изученіемъ долженъ по возможности начинать свои опыты съ лунозныхъ больныхъ.

Мѣнѣе поразительны, но все-таки замѣтны глазу и осизанію мѣстныя реакціи при бугорчаткѣ лимфатическихъ железъ, костей, сочлененій и т. д., при чемъ наблюдаются припухлость, возвышенная болѣзненность, а на поверхностныхъ частяхъ и краснота.

Напротивъ, реакціи во внутреннихъ органахъ, напр. въ легкихъ, ускользаютъ отъ наблюденія, если не отнести къ мѣстной реакціи увеличение кашля и мокроты у легочныхъ больныхъ послѣ первыхъ высккиваний. Въ такихъ случаяхъ преобладаетъ общая реакція. Тѣмъ не менѣе мы должны допустить, что и здѣсь происходятъ такія-же измѣненія, которыя прямо наблюдаются при волчанкѣ.

Во всѣхъ безъ исключенія произведенныхъ нами опытахъ, если только въ тѣлѣ былъ туберкулезный процессъ, доза 0,1 неизбежно вызывала описанныя явленія реакціи; поэтому я не считаю преувеличеннымъ предположеніе, что наше средство въ будущемъ явится необходимымъ *пособіемъ при діатозѣ*. Въ сомнительныхъ случаяхъ начинающейся чахотки, съ помощью этого средства можно будетъ ставить правильный диагнозъ даже тогда, если не удастся добыть вѣрнаго показанія о свойствахъ болѣзни путемъ находженія бациллъ или эластическихъ палочекъ въ мокротѣ или-же физическимъ изслѣдованіемъ. Пораженія железъ, скрытый туберкулезъ костей, сомнительная бугорчатка кожи и т. п. легко и безопасно будутъ распознаваемы.

Во кажущихся законченными излѣченіемъ случаяхъ легочной бугорчатки или туберкулеза сочлененій можно будетъ утвердительно сказать, дѣйствительно-ли окончился болѣзненный процессъ и не осталось-ли еще кое-гдѣ очаговъ, изъ коихъ болѣзнь можетъ вновь распространиться, какъ отъ скрытой тлѣющей подъ пеломъ.

Но гораздо важнѣе диагностическаго значенія цѣлебное дѣйствіе этого средства.

При описаніи измѣненій вызываемыхъ подкожнымъ высккиваніемъ этого средства въ частяхъ кожи измѣненіяхъ волчанкой, уже было упомянуто, что но уменьшенія припухлости и красноты лунозная ткань уже не возвращается въ первоначальное состояніе, но болѣе или менѣе разрушается и исчезаетъ.

На нѣкоторыхъ мѣстахъ это очевидно происходитъ такимъ образомъ, что больная ткань послѣ перваго-же достаточнаго высккиванія непосредственно отмираетъ и отмершая масса ея впоследствии отпадаетъ. Въ другихъ мѣстахъ повидимому наступаетъ распаденіе, какъ-бы таяніе ткани, которая для полного исчезновенія требуетъ повторныхъ воздѣйствій средства. Какимъ образомъ совершается этотъ процессъ — въ настоящее время нельзя еще сказать съ увѣренностью, за недостаточностью изслѣдованій. Твердо установлено только то, что дѣло состоитъ не въ умерщвленіи находящихся въ ткани туберкулезныхъ бациллъ, а въ томъ только, что самая ткань, заключающая въ себѣ туберкулезныя бациллы, подвергается дѣйствію средства. Въ ней, какъ показываютъ замѣтныя припуханія и краснота, происходитъ значительное нарушеніе циркуляціи соковъ и вслѣдствіе этого глубоко проникающія измѣненія въ питаніи, доводящая ткань до отмирания въ болѣе или менѣе скоромъ времени, смотря по способу примѣненія средства.

И такъ, это средство, повторяемъ еще разъ вкратцѣ, убиваетъ не бациллы бугорчатки, а самую ткань пораженную ею. Этимъ вполне точно опредѣляется и граница, до которой можетъ простираться дѣйствіе средства. Оно въ состояніи вліять лишь на живую туберкулезную ткань; на мертвую же, напр., на отмершія творожистыя массы, некротическія кости и т. п. оно не дѣйствуетъ; точно такъ же какъ и на ткань доведенную уже до отмирания самимъ средствомъ. Въ такихъ мертвыхъ уже массахъ ткани могутъ, однако, еще гнѣздиться живыя туберкулезныя бациллы, которыя или отпадаютъ вмѣстѣ съ некротической тканью, или же могутъ при особыхъ обстоятельствахъ снова проникнуть въ сосѣдную, еще живую ткань.

Эту-то особенность средства и слѣдуетъ осмотрительно принимать во вниманіе, если желаютъ воспользоваться правильно его цѣлебнымъ дѣйствіемъ. Поэтому прежде всего надо довести до омертвѣнія живую туберкулезную ткань и затѣмъ примѣнить все средства къ тому, чтобы удалить, напримѣръ, при помощи хирургическихъ приемовъ, все омертвѣвшія части. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ это невозможно и гдѣ это удаленіе можетъ лишь медленно произойти само собою съ помощью самаго организма, слѣдуетъ непрерывнымъ примѣненіемъ средства предохранять находящуюся въ опасности живую ткань отъ проникновенія въ нее паразитовъ.

Изъ того, что средство это производитъ омертвѣніе туберкулезной ткани и дѣйствуетъ лишь на живую ткань, можно объяснить другую особенность средства, а именно: что оно можетъ быть введено въ дозахъ быстро увеличиваемыхъ. Прежде всего это явленіе можно было бы объяснить привыканіемъ организма къ средству. Но когда узнаешь, что дозу въ теченіе приблизительно трехъ недѣль можно увеличить въ 500 разъ болѣе начальной, тогда этого уже нельзя объяснить привычкою, такъ какъ неизвѣстно ни одно аналогическое сильное средство, къ которому можно было бы такъ скоро привыкнуть.

Явленіе это можно объяснить себѣ тѣмъ, что вначалѣ было много туберкулезныхъ живыхъ тканей и соотвѣственно этому достаточно было небольшого количества дѣйствующаго средства, чтобы вызвать сильную реакцію. Но каждому подкожнымъ высккиваніемъ извѣстное количество способной къ реакціи ткани уничтожается, и тогда требуются сравнительно все большія дозы, чтобы вызвать одинаковой силы реакцію. Рядомъ съ этимъ можетъ, до нѣкоторой степени, дѣйствовать и привычка къ средству. Какъ скоро больной бугорчаткою подвергается дѣйствію увеличиваемыхъ дозъ до того, что онъ реагируетъ не болѣе незараженной ею, тогда можно будетъ предположить, что все туберкулезныя ткани способны къ реакціи и убиты. Тогда только придется больнаго, пока въ тѣлѣ его еще есть бациллы, чтобы защитить его отъ новаго зараженія, лѣчить медленно увеличивающимися дозами и съ извѣстными перерывами.

Вѣрно ли такое воззрѣніе и вытекающія отсюда слѣдствія — покажетъ будущность. До сихъ же поръ я принималъ эти слѣдствія въ руководство, вырабатывая способъ примѣненія средства, который при нашихъ опытахъ получилъ слѣдующій видъ:

Чтобы снова начать съ самаго простаго случая, а именно съ волчанки, замѣчу что мы вѣдемъ такимъ образомъ съ самаго начала высккивали полную дозу въ 0,1 кубическаго сантиметра, затѣмъ давали реакціи совершенно закончиться и по прошествіи одной или двухъ недѣль снова давали 0,1 кубич. сантиметра, продолжая, такимъ образомъ, до тѣхъ поръ, пока реакція становилась слабѣе и наконецъ совершенно прекращалась. У двухъ больныхъ волчанкою на лицѣ (накожная бугорчатка) такимъ образомъ трехъ- и четырехкратнымъ высккиваніемъ лунозные мѣста были доведены до полного зарубцованія, другіе страдавшіе волчанкой получили улучшеніе сообразно со временемъ ихъ лѣченія. Всѣ эти больные много лѣтъ страдали своею болѣзью и безуспѣшно лѣчились всевозможными способами.

Такимъ же образомъ лѣчили мы бугорчатку железъ, костей и сочлененій, причѣмъ тоже употреблялись большія дозы съ извѣстными перерывами. Результатъ былъ такой же какъ и при волчанкѣ: быстрое выздоровленіе въ свѣжихъ и легкихъ случаяхъ, медленное улучшеніе въ случаяхъ тяжелыхъ.

Нѣсколько иные обстоятельства сопровождали лѣченіе главной массы нашихъ больныхъ — фтизииковъ (больныхъ легочною чахоткой). Больные легочною чахоткой болѣе чувствительны къ средству чѣмъ больные съ хирургическимъ туберкулезнымъ поражениемъ. Мы были скоро вынуждены принять для чахоточныхъ вначалѣ высокую дозу 0,1 куб. сант. понизить и напилн, что чахоточные почти всегда реагировали сильно на дозы въ 0,002 и даже 0,001 кубич. сантм., но что отъ этой незначительной начальной дозы можно было болѣе или менѣе скоро доходить до такого же количества какое хорошо переносятъ и другіе больные. Мы поступали обыкновенно такъ, что если чахоточный вначалѣ получалъ вспрскиваніе въ 0,001 куб. сантиметра и вслѣдъ затѣмъ наступало повышеніе температуры, то эта доза повторялась ежедневно одинъ разъ до тѣхъ поръ, пока не исчерпывалась вызывать реакціи. Только послѣ того мы переходили къ дозѣ въ 0,002, пока и это количество переносилось безъ реакціи и т. д. увеличивая на 0,001

или много на 0,002 до 0,01 и больше куб. сантиметров. Это острое лечение казалось мне особенно необходимым для больных отличающихся упадком сил. Если действовать описанным образом, то можно достигнуть того, что большой почти без лихорадочного состояния и почти незамытным образом для него может быть доведен до больших доз. Некоторые более критические чахоточные частью получали с самаго начала большие дозы, частью их дозы быстрее увеличивались, причем казалось, что сообразно с этим скорее наступал и благоприятный результат. Действие средства у чахоточных в общем выражается тем, что кашель и мокрота послѣ первого вспыскивания обыкновенно слегка увеличивались, но затѣм все более уменьшались и въ болѣе благоприятных случаях совершенно исчезали: притомъ и мокрота теряла гнойный характер и становилась слизистою. Число бактерий (для опытовъ брались только такіе большыя, у которыхъ въ мокротѣ находились бактерии) уменьшалось только тогда когда мокрота дѣлалась слизистою. Временно бактерии совсѣмъ исчезали, затѣмъ отъ времени до времени снова появлялись, пока, наконецъ, не прекращалось появление мокроты. Одновременно съ этимъ прекращались ночные поты, видъ больных становился лучше и вѣсь тѣла ихъ увеличивался. Всѣ больные, у которыхъ чахотка была въ началѣ развитія—освободились отъ всѣхъ болѣзненныхъ симптомовъ въ теченіи 4—6 недѣль, такъ что ихъ можно было считать излеченными. Также и больные съ не особенно большими кавернами значительно поправились и почти излечены.

Только у чахоточныхъ съ большими и многочисленными кавернами въ легкихъ—не было замѣтно объективнаго улучшения, хотя мокрота и у нихъ уменьшилась и субъективное самочувствие улучшилось. На основаніи этихъ опытовъ, я желалъ бы предположить, что начинающаяся легочная чахотка навѣрно можетъ быть излечена этимъ способомъ*). Отчасти это сохраняетъ силу и для такихъ случаевъ, гдѣ развитіе болѣзни не достигло высшей степени.

Но больные съ большими кавернами, у которыхъ есть осложненія, напримеръ вслѣдствіе проникновенія въ каверны другихъ вызывающихъ гниеніе микроорганизмовъ, вслѣдствіе неустранимыхъ патологическихъ измѣненій въ другихъ органахъ и т. д.,—только въ исключительныхъ случаяхъ получаютъ надолго пользу отъ этого средства. Временное улучшение въ болѣзненныхъ случаяхъ получали, впрочемъ, и такіе больные. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что и у нихъ на первоначальный болѣзненный процессъ, бугорчатку, это средство вліяетъ такъ же образомъ, какъ и у другихъ больныхъ, и что обыкновенно нѣтъ только возможности удалить омертвѣвшія массы ткани вмѣстѣ со вторичными процессами гниенія. Невольно является мысль, вѣрнѣе ли будетъ помочь такимъ тяжело-болѣзнымъ соединеніемъ новаго способа леченія съ хирургическими приемами (въ родѣ операній эмпемы, то-есть удаленія скопленія гноя изъ грудной полости), или съ другими врачебными способами. Вообще и настоятельно совѣтовать бы не употреблять это средство по извѣстной схемѣ безъ различія у всѣхъ туберкулезныхъ. Проще всего, повидному, окажется леченіе при начинающейся чахоткѣ и при простыхъ хирургическихъ по-

раженіяхъ, но при всѣхъ другихъ формахъ бугорчатки врачебная наука должна вступить въ свои полныя права, слѣдуетъ тщательно индивидуализировать и прибѣгать ко всѣмъ вспомогательнымъ средствамъ, чтобы усилить дѣйствіе средства. Во многихъ случаяхъ я получалъ твердую увѣренность, что уходъ оказываемый больнымъ имѣлъ не малое вліяніе на успѣхъ леченія, и я потому предпочелъ бы, чтобы средство употреблялось въ подходящихъ заведеніяхъ, гдѣ внимательное наблюденіе за больными и необходимый уходъ за ними легче устроить, чѣмъ въ амбулаторіяхъ или на дому. Въ какой степени до сихъ поръ признаваемые полезными способы леченія, какъ пользованіе горнымъ воздухомъ, леченіе на открытомъ воздухѣ, специальный способъ питанія и т. д. могутъ быть успѣшно соединены съ новымъ способомъ леченія, въ настоящую минуту сказать невозможно, но я думаю, что и эти врачебныя факторы во многихъ случаяхъ, въ особенности въ запущенныхъ и тяжелыхъ, затѣмъ въ періодѣ выздоровленія, въ связи съ новымъ средствомъ, принесутъ значительную пользу*).

Центръ тяжести новаго способа леченія заключается, какъ сказано, въ возможно раннемъ его примѣненіи. Главнымъ объектомъ леченія должна стать начальная стадія чахотки, потому что средство это дѣйствуетъ на нее въ полной силѣ; поэтому необходимо особенно настойчиво указывать на то, что на будущее время, болѣе чѣмъ до сихъ поръ, практические врачи должны употребить всѣ средства къ тому, чтобы распознать чахотку возможно раньше. До сихъ поръ находеніе бактерий въ мокротѣ считалось беззачиннымъ побочнымъ дѣломъ, которымъ, правда, діагнозъ подтверждался, но которое болѣзному не приносило пользы и потому часто не производилось, какъ я это нашелъ въ послѣднее время у многихъ чахоточныхъ, которые обыкновенно прошли черезъ руки многихъ врачей, причемъ ихъ мокрота не была ни разу изслѣдована. На будущее время это должно измѣниться. Врачъ, который не употребитъ всѣ средства, въ особенности съ помощью застѣдованія подозрительной мокроты, дабы констатировать по возможности раньше чахотку, подвергнется обвиненію въ непростительной небрежности къ больному, потому что отъ этого діагноза и начатаго на основаніи его леченія болѣзны можетъ зависѣть жизнь больного. Въ сомнительныхъ случаяхъ врачъ долженъ былъ бы пробнымъ вспыскиваніемъ названнаго средства убѣдиться въ существованіи или отсутствіи бугорчатки.

Новый способъ леченія тогда только сдѣлается истиннымъ счастьемъ для страждущаго человечества, если будетъ достигнуто, чтобы по возможности всѣ случаи бугорчатки подвергались леченію въ начальной стадіи и дѣло не доходило до образованія запущенныхъ тяжелыхъ формъ, которые дѣлаются неизлечимымъ источникомъ новыхъ зараженій.

Въ заключеніе я долженъ замѣтить, что и съ измѣреніемъ опустилъ здѣсь всѣ статистическія данныя и описаніе отдѣльныхъ случаевъ болѣзни, потому что тѣ врачи, которымъ принадлежали больные, послужившіе для нашихъ опытовъ, сами взяли на себя описаніе этихъ случаевъ, и я не желалъ бы мѣшать имъ въ возможно объективномъ ихъ наблюденіи.

Политическое обозрѣніе.

Путешествіе Государя Наслѣдника Цесаревича и пребываніе Его Высочества въ Греціи являются цѣлымъ рядомъ торжествъ, свидѣтельствующихъ о тѣхъ симпатіяхъ, которыя питаютъ Греческое королевство къ Россіи и ея Державному Вождю.

Прибывъ изъ Триеста въ Патрасъ 29 октября, черезъ два дня Наслѣдникъ Цесаревичъ отбылъ въ Афины, которыхъ и достигъ благополучно въ 5½ ч. пополудни. Вся королевская фамилія и Великій Князь Павелъ Александровичъ съ супругою выѣхали на встрѣчу Его Высочества въ Пирей; министры, посланники и власти ожидали Цесаревича на афинскомъ вокзалѣ. Народъ горячо привѣтствовалъ Его Высочество. Состояніе его здоровья отличное. Свирѣпствующія ужасныя бури нѣсколько измѣнили ходъ дальнѣйшаго путешествія. Наслѣдникъ Цесаревичъ ведетъ уединенный образъ жизни; по вечерамъ Его Высочество мошится съ Королевскою фамиліею спектакли въ театрѣ. 2 ноября во дворцѣ былъ обѣдъ въ честь Наслѣдника Цесаревича. Къ обѣду приглашены были члены русской миссіи, адмиралъ, командиры судовъ и штабъ-офицеры стоявшей въ Пирей русской эскадры. 3 ноября былъ при дворѣ блестящій балъ. На балу присутствовали всѣ министры, посланники и офицеры русской и французской эскадръ. Наслѣдникъ Цесаревичъ открылъ балъ, участвуя въ первой кадрили съ королевою, которая была въ лентѣ ордена

Св. Екатерины; вторую кадрили Его Высочество танцовалъ съ Великою Княгинею Александрою Георгиевною. Цесаревичъ и Великій Князь Павелъ Александровичъ были въ мушкетерахъ л.-гв. Гусарскаго полка, а Великій Князь Георгій Александровичъ—въ морскомъ мундирѣ. Ихъ Высочества пробыли на балу до 2 часовъ пополудни. Король, бывший въ русскомъ морскомъ мундирѣ и въ Андреевской лентѣ, ходилъ по заламъ, бесѣдуя со многими лицами. 4 ноября, Греческая королева. Цесаревичъ, Великій Князь Георгій Александровичъ и Великій Князь Павелъ Александровичъ съ супругою присутствовали со свитою на богослуженіи въ русской церкви. Погода улучшилась и послѣ полудни состоялась прогулка въикомъ по городу. Днемъ Наслѣдникъ Цесаревичъ сдѣлалъ визитъ главѣ греческаго министерства, Дельянису. Его Высочество сдѣлалъ также визиты иностраннымъ посланникамъ. Вечеромъ состоялся очень оживленный балъ у французскаго посланника при греческомъ дворѣ, графа Монтолона. Всѣ Высочайшія Особы мужскаго пола были во фракахъ. Король и Цесаревичъ были въ лентахъ Почетнаго Легіона, а Великій Князь Павелъ Александровичъ и графъ Монтолонъ—въ лентахъ ордена Спасителя. Наслѣдникъ Цесаревичъ танцовалъ съ г-жами Бахметевой, Раушъ-фонъ-Граубенбергъ и съ дѣвцею Опу. На другой день Цесаревичъ, Великій Князь Георгій Александровичъ и принцъ Георгій завтракали у Бахметевыхъ. Бывшій затѣмъ балъ въ русской миссіи былъ еще великолѣпнѣе французскаго. Во время бала залы миссіи были великолѣпно убраны. Г-жа Опу, несмотря на нездоровье, всѣмъ распорядилась сама при содѣйствіи дѣвицъ Бахметевыхъ и Раушъ. Полковникъ Раушъ дирижировалъ танцами. Наслѣдникъ Цесаре-

*) Это заявленіе требуетъ еще нѣкотораго ограниченія, такъ какъ въ настоящую минуту нѣтъ окончательныхъ данныхъ, да и не можетъ ихъ быть на счетъ того, можно-ли считать излеченіе полнымъ. Само собою разумеется, что рецидивы возможны. Но можно полагать, что ихъ такъ же легко и скоро можно будетъ устранить, какъ и первый припадокъ.

Съ другой стороны, весьма возможно, что, по аналогіи съ другими инфекционными болѣзнями, разъ излеченные навсегда останутся недоступны этой болѣзни. Но и это пока должно остаться открытымъ вопросомъ.

*) Въ отношеніи бугорчатки мозга, гортани и милиарнаго туберкулеза, мы имѣли слишкомъ мало матеріала, чтобы собрать достаточно данныхъ.

вичъ, въ русскомъ морскомъ мундирѣ и въ лентѣ ордена Спасителя, танцовалъ съ г-жами Бахметевой, Рангаба, Рауши и съ дѣвикою Ону. Великій Князь Павелъ Александровичъ былъ въ мундирѣ д.-гв. Гусарскаго полка, Великій Князь Георгій Александровичъ—въ морскомъ мундирѣ. Адмиралъ Босаринъ и прочія лица, имѣющія ордена Спасителя, были въ лентахъ этого ордена. Королева танцовала съ нѣсколькими русскими офицерами. Балъ закончился ужиномъ на 300 кувертовъ. На ужинѣ присутствовали все министры, посланники и французскіе офицеры.

Посѣщеніе, при дальнѣйшемъ плаваніи, Наслѣдникомъ Песаревичемъ Индіи дало поводъ англійскому премьеру, маркизу Солсбери, произнести на банкетѣ въ Гильдхоллѣ: „Все признаки указываютъ на поддержаніе мира и въ числѣ счастливыхъ предзнаменованій является посѣщеніе Наслѣдникомъ Россійскаго Престола Индіи въ качествѣ гостя королевы и индійскаго правительства. Такое неожиданное совпаденіе идей „Россия“ и „Индія“ можетъ принести обоимъ государствамъ только добрыя послѣдствія и обезпечитъ взаимныя мирныя отношенія, которыхъ оба они желаютъ. Я держусь, впрочемъ, мнѣнія, что все вопросы, въ которые замѣшаны общіе интересы обоихъ народовъ, имѣютъ миролюбивый, а вовсе не воинственный характеръ“.

Другимъ подтвержденіемъ упроченія всеобщаго мира служитъ рѣчь императора Вильгельма при открытіи прусскаго сейма 31 октября. Мирολюбивою является она не только въ виду прямого заявленія императора о дружественныхъ отношеніяхъ ко всемъ державамъ, но и вслѣдствіе реформъ. Такія реформы должны послѣдовать въ законѣ о налогахъ, объ устройствѣ сельскихъ общинъ и въ народныхъ школахъ.

Во Франціи не перестаютъ проявляться выраженія симпатій и расположенія къ Россіи. Такъ, въ Енисейскомъ дворцѣ состоялся большой обѣдъ въ честь Датскаго наслѣднаго принца. Столъ былъ великолѣпно убранный, обѣдъ сервированъ на тридцать кувертовъ. Наслѣдная принцесса Датская, въ изящномъ туалетѣ, сидѣла по правую сторону президента республики, по лѣвую сторону котораго сидѣла супруга русскаго посла, баронесса Моренгеймъ. Госпожа Карно была въ бархатномъ платьѣ, опушенномъ соболемъ; по правую ея сторону сидѣлъ наслѣдній принцъ Датскій, а по лѣвую—баронъ Моренгеймъ. Во время обѣда оркестръ исполнялъ датскія, шведскія и русскія пьесы, начавъ съ датскаго народнаго гимна. Послѣ обѣда состоялся музыкальный вечеръ, на который приглашено было избранное общество. Исполнителями были артисты „Opéra Comique“ и „Comédie Française“.

Смѣсь.

Величайшія морскія глубины найдены въ Южномъ океанѣ, а именно между островомъ Тристанъ д'Акунья и устьемъ Рио-де-ла-Платы, гдѣ дно определено на глубинѣ 40,286 англійскихъ футовъ=12,264 метровъ. Глубина эта гораздо больше—почти вдвое—высоты горы Эверестъ. На сѣверѣ Атлантическаго океана найдены до сихъ поръ величайшія глубины къ югу отъ Бермудскихъ острововъ, а именно 34,000 футовъ=10,370 метровъ, и къ югу отъ Ньюфаундленда—27,480 футовъ=8,235 метровъ. Средняя глубина Тихаго океана 2,000 сажень, а всехъ океановъ вмѣстѣ взятыхъ

2,000—2,500 сажень. Другими словами, глубины эти достигаютъ нѣсколькихъ верстъ. (с.)

Купальныя маски составляютъ послѣднее слово сумасбродной моды и въ настоящее время приняты уже почти на всехъ морскихъ купаньяхъ Америки. Пзнѣженныя барыни находятъ, что солнце и вѣтеръ портятъ ихъ цвѣтъ лица и потому надѣваютъ для купанья маски изъ мягкой бѣлой или черной кожи. Впрочемъ, остряки предполагаютъ здѣсь и другую причину: они утверждаютъ, что нѣкоторыя изъ дамъ не желаютъ быть узаны въ купальномъ костюмѣ, вслѣдствіе своей рѣдкой красоты, которая стѣсняетъ ихъ, а другія—вслѣдствіе своего безобразія, которое стѣсняетъ другихъ. Такъ говорятъ, впрочемъ, одни злые языки. (с.)

Естественный приростъ населенія среди живущихъ во Франціи итальянцевъ превышаетъ въ восемь разъ, а среди бельгийцевъ, въ десять разъ приростъ кореннаго французскаго населенія. Взрѣсть съ тѣмъ итальянское населеніе увеличивается во Франціи вдвое больше швейцарскаго и испанскаго. (с.)

Перелетъ сѣмянъ. Европейскій хмѣль и чеснокъ удивительнымъ образомъ распространяются въ Южной Америкѣ. Въ настоящее время ими покрыты уже цѣлыя поля. Утверждаютъ, что растенія эти не разводятся тамъ намѣренно человѣкомъ, но что сѣмена переносятся черезъ океанъ благоприятными вѣтрами. (с.)

Ребусъ. Задача № 66.

Открыта подписка на „Ниву“ 1891 г.

(Подписная цѣна см. на 1 страницѣ).

Подписчики „Нивы“ на 1891 г. получаютъ, кромѣ 52 номеровъ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала „Нива“ и кромѣ 12 номеровъ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ и 12 номеровъ РУКОДѢЛЬНЫХЪ и ВЫПИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ и выкроекъ и пр., еще **БЕЗПЛАТНО**

12

ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ

романовъ, повѣстей, рассказовъ и друг. занимательнаго и поучительнаго чтенія. Каждая книга объемомъ отъ 200 до 250 стр., въ форматѣ „Сборника“ разобланнаго при № 43 „Нивы“ на 1890 г. Въ трехъ изъ этихъ 12 книгъ будетъ заключаться

полное собраніе сочиненій

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ 3 томахъ, какъ самостоятельное изданіе, съ биографіею Лермонтова и его портретъ, гравир. на стали. Кромѣ того подписч. „Нивы“ на 1891 г. получаютъ какъ главную художеств. премію съ даровою пересылкою

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10 АКВАРЕЛЯМИ

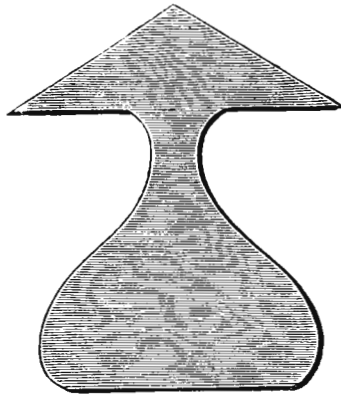
исполн. fac-simile въ краскахъ по картинамъ: Айвазовскаго, Александровскаго, Васильевскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Кившенка, Клевера, Премацци и Сверчкова, въ красивой картонной папкѣ, украшенной роскошнымъ заглавнымъ рисункомъ.

Геометрическая

задача

№ 67.

Данную фигуру разрезать двумя прямыми линиями на части, изъ которых составить параллелограмъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Картины, печатанныя масляными красками, съ оригиналовъ профессора Императорской Академіи Художествъ И. И. ШИШКИНА

- 1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“,
2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“.

Картинъ этихъ осталось очень ограниченное количество. Цѣна за обѣ 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору „НИВЫ“, Невскій, № 6.

СОДЕРЖАНІЕ: Панъ круль. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Графа Е. А. Саласа. Ч. I. (Продолж.). — Колесо Фортуны. Историч. разсказъ П. Н. Полевого. (Окончаніе). — Къ рисункамъ: Передъ свадьбой (съ рис.). — Бѣшеніе холстовъ (съ рис.). — Вендская школа въ Лужицахъ (съ рис.). — Граціелла (съ рис.). — Сцены и типы на Волгѣ. „На базаръ“ (съ рис.). — Подаяніе (съ рис.). — Дикій гусь и выдра (съ рис.). — „Нназь Игорь“, опера А. П. Бородина (съ рис.). — Робертъ Нохъ (съ портр.). — О врачебномъ средствѣ противъ туберкулеза (бугорчатки). Профессора Роберта Коха. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Задача. — О подпискѣ на „Ниву“ 1891 г. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марисъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи

П. П. ГИЛЬДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ 2 столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „Нивы“ 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к., въ перепл. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

Большое роскошно иллюстрированное изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

ГІТЕ

„ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА, исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ Альгейеромъ, Зигле и др.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзкомъ и въ футлярѣ 40 р., пересылка за 35 фунт. по разсчету.

Съ требованіями просить обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА,

изданно изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученого Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду учащимся мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 3 р. 75 к.; въ роскош. каленкор. перепл. съ золот. тиснен.—8 р., съ перес. 9 руб.

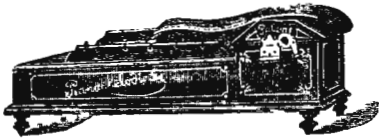
Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями просить обращаться въ СПбургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ НОВОЕ ИЗДАНИЕ Ф. НАВЛЕНКОВА:

ЧЕРЕЗЪ СТО ЛѢТЪ.

Социологическій романъ Э. Беллами. Переводъ Ф. Зинина съ 21 англ. изданія, дополн. по 301 америк. изданію. Безъ предварительной цензуры. 312 стр. Цѣна 1 руб.

НОВОСТЫ! ПІАНО-МЕЛОДИКО

новѣйшій и лучший механическій инструментъ со струнами.

Цѣна 80 рублей. Ц. № 4733 (4)

Ноты отдѣльно по 70 коп. за 1 метръ (= 1 1/2 арш.)

Требуйте подробное описаніе и каталогъ нотъ.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

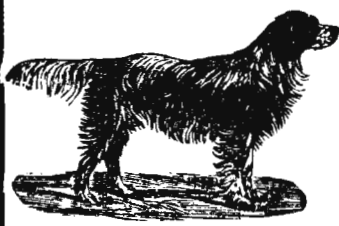
механическій инструментъ съ голосами. Цѣна 70 руб.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка.

Иллюстрированы. преисъ-курантъ всѣмъ музыкальнымъ инструментамъ бесплатно.

Артуръ Зейфартъ, Кёстрицъ (Германія).

Награды, премии, дипломы, медали съ выставокъ государственныхъ и частныхъ. Значительнѣйшій заводъ породистыхъ собакъ

Рѣдчайшихъ современныхъ породъ, комнатныхъ, охотничьихъ и для всѣхъ видовъ спорта. (Спеціальности: Велнокорслагъ, горныя собаки, ньюфаундлендскія, мастифы, крупныя кіеціе доги, бульдоги, сторожевыя собаки, терьеры, пинчеры, пуделя, кіеціе доги, ищейки, тансы и проч.)

Превосходные отзывы. — Учрежденіе рекомендуемое крупнѣйшими авторитетами по кинологіи, болѣе 10,000 благодарственныхъ писемъ. — Бесплатная франкированная высылка каталога. — Иллюстрированный альбомъ 50 пфениговъ. В. 4714 50 разл. члнть вперед. — Вывозъ во всѣ части свѣта. — 50 разл. члнть вперед.

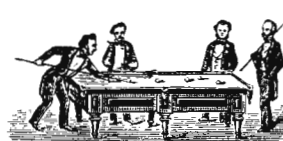
Въ своихъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.

VELOUTINE

Спеціальная рисово-писмучовая пудра.

CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (85)

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7-2. 26-23

Иллюстрированные преисъ-куранты по требованіямъ высылаются безвозмездно.

Advertisement for a mill with text: № 4795 НОВОСТЫ! Французская СТАЛЬНАЯ ДРОБИЛКА 9 руб. Корнито лошадей, коровъ, птицъ и т. п. дробильнымъ ачменемъ, овсомъ, кукурузой и пр., зерна будетъ выходить значительно меньше, что дастъ большую экономию въ хозяйствѣхъ и кавалерійскихъ полкахъ. Адресъ: Одесса, складъ машинъ технолога Н. МЕЛЬНИКОВА.

Advertisement for a comb with text: НОВОСТЫ! Штопальный приборъ привилегированный для штопанья чулокъ, скатертей и др. под-предметовъ. Цѣна 1 р. Издѣльной отдѣлѣ въ роскошномъ футлярѣ 1 р. 80 к. За перес. 3 семикоп. почтов. марк. Торговый домъ В. С. МЕЛЬНИКОВА и Ко., Москва, Большая Дубинка, д. Трындина.

Advertisement for violins with text: Семь разъ удостоены первыхъ наградъ. СКРИПКИ. Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1 1/2—50 мар. Футляры 3 1/2—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Нѣмая скрипка для ученя (собств. изобрѣт.). Мастерская для починокъ. Рекомендаци отъ Вильгельми, Саразате, Сорэ, Зингеръ и проч. Подлинная гарантія. Преисъ-куранты бесплатно. Бр. ВОЛЬФЪ. Фабрика струнныхъ инструментовъ. Ц. № 4787 Крейцнахъ. 9-2

Advertisement for cream with text: БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ. Косметика А. ЭНГЛУНДЪ. Противъ шероховатости кожи и пр. Цѣна каждой банки 1 руб., съ перес. 2 руб.—2 банки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждой этикеткѣ подписи: А. Энглундъ, красными чернилами и марку Сиб. Косметической Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. агент. товариамъ, у А. Рузанова, Спб. Техно-Химич. Лабор.— Въ Москвѣ: у К. Феррейна, В. Безбардиси, Р. Келлеръ и Ко, О. Гетлингъ и во всѣхъ известнѣйшихъ аптекахъ и парфюмер. торгов. Россійскій имперіи. Главнѣйшій складъ для всѣхъ Россіи: С.-Петербургъ, Сиб. Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 88. Ц. № 4479

РУССКІЙ КУРЬЕРЪ

(ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ)
ПОСЛѢ ПРЮСТАНОВКИ

ВНОВѢ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ
съ 1-го января 1891 года
по прежней программѣ и подъ прежней редакціей.

Въ Москвѣ на 1891 г.	На города на 1891 г.
На мѣс. 9 р. — к.	На 12 мѣс. 10 р. — к.
11 8 50	11 9 30
10 8 —	10 8 50
9 7 40	9 8 —
8 6 70	8 7 20
7 5 90	7 6 50
6 4 60	6 5 —
5 3 70	5 4 —
4 2 75	4 3 —
3 1 10	3 2 —
2 1 —	2 1 25

За границу плата двойная.
Подписка съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не далѣе конца года.

За перенумерованіе адреса 30 к., а городского на иногородный дополняется разницей въ цѣнѣ.
Подписка принимается при контролѣ изданія и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Гр. новымъ годовымъ подписчикамъ, не читавшимъ помѣщенного въ „РУССКОМЪ КУРЬЕРѢ“ романа: „ТАЙНА ГАНСОНЪ КЕ-БА“ будетъ оный выданъ ВЪ ВИДѢ ПРЕМИИ.
Романъ этотъ разошелся въ Англіи въ 300,000 экземплярахъ и имѣлъ среди подписчиковъ и читателей „РУССКАГО КУРЬЕРА“ большой успѣхъ; онъ изданъ въ несколькихъ тысячахъ экземплярахъ.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА ИЗДАВАНІЯ: Москва, Московскій мостъ, домъ Н. П. Ланина.
Редакция открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 1 до 3 часовъ дня.
Контора изданія открыта въ будни—отъ 9 до 5 ч. веч., въ праздники—отъ 10 до 3 час. пополудни. № 4780 5-2
ТЕЛЕФОНЪ № 764.
Редакторъ-издатель **Н. П. ЛАНИНЪ.**

НОВОСТЬ!

Настоящая англійскія иглы „КАЛИНСЪ“, фабр. Мильворда и сынъ въ Англіи. Нитка вдвѣвается моментально и даже въ темнотѣ; незамѣнимое приспособленіе для дамъ.
Пакетъ 15 коп. № 4811
Обыкновенныя англійскія иглы превосходнаго качества. Пакетъ 10 коп.
Главный складъ для Россіи: Гостиный Дворъ, Першная линія, № 23, А. П. Ложковой.
Гр. торговцамъ дѣлается уступка.

ВЪ РОССІЙСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ у книгопродавца А. М. ЗЕМСКАГО,

въ Москвѣ, въ домѣ Синодальной типографіи, въ зданіи Славянскаго Базара, на Никольской улицѣ,

только-что вышла и поступила въ продажу замѣчательно важная новая книга въ обличіе атеизма и въ опроверженіе доктринъ невррія. Окончательное доказательство о вѣчномъ безсмертіи человѣка, и со включеніемъ

ВѢКОВЫХЪ ТАЙНЪ

О ТОМЪ,
БУДЕМЪ-ЛИ МЫ ЖИТЬ ВЪ ЗАГРОВНОМЪ МІРѢ
ПОСЛѢ НАШЕЙ КОНЧИНЫ?

Эти окончательные вопросы о дѣйствительной и вѣчно-безсмертной жизни

ЧЕЛОВѢКА за ГРОБОМЪ,

разрѣшенные по неопровержимымъ выводамъ на основаніи Св. Писанія и ученія Св. Отца, съ указаніемъ на мнѣнія и древнихъ мудрецовъ. Объясненіе о состояніи души, что она испытываетъ, слышитъ и видитъ вокругъ себя въ тотъ страшный моментъ, когда она исходитъ изъ тѣла и куда и въ какія мѣста переселится.

„Въ домѣ Отца Моего обителей много.“ (Іоан. гл. 14,2).
„Человѣкамъ положено однажды умереть, а потомъ судъ.“ (Евр. гл. 3 ст. 27).
Книга составлена по историческимъ Богословскимъ сочиненіямъ и по научнымъ трактатамъ древнихъ и новыхъ философовъ.

АРХАНГЕЛЬСКІЙ. Изданная трудами Алекс. Земскаго. Москва, 1889. Цѣна съ пересылкой 2 руб., въ роскошномъ переплетѣ 3 руб. № 4816

Константинополь. Турція.
ПЕРВАЯ РУССКАЯ КОММИССИОННАЯ КОНТОРА НИКОЛАЯ Д. СМІРНОВА.
Галата, домъ церкви Святаго Николая, противъ Ильинскаго Подворья.

Предлагаю гр. фабрикантамъ, торговцамъ и промышленникамъ продавать ихъ произведенія въ Константинополь, а равно приобретать мѣстныхъ.
Принимаю товары на комиссію, продаю таковые за счетъ доверителей со взиманіемъ условныхъ процентовъ, а потому прошу лицъ, желающихъ продавать здѣсь какіе-либо товары и продукты, обращаться ко мнѣ съ приложеніемъ образцовъ и прейскурантовъ.
Принимаю на себя очистку товаровъ отъ таможенныхъ пошлинъ, ходатайствую по судебнымъ и коммерческимъ дѣламъ во всѣхъ консульствахъ и турецкихъ учрежденіяхъ; рекомендую банки, торговые дома, учрежденія, гостиницы и частныя квартиры.
Высылаю письменные совѣты и справки по судебнымъ дѣламъ, по отрасли торговли и промышленности, частная свѣдѣнія, о путешествіяхъ, мѣстныхъ законахъ и обычаяхъ, за присланные три рубля.

Всѣхъ прибѣгающихъ въ Константинополь, на пароходахъ встрѣчаютъ мои агенты, для всевозможныхъ услугъ, по полученіи письма или телеграммы; даю проводниковъ въ городъ и окрестностямъ, говорящихъ и на русскомъ языкѣ, содѣлываю путешествіямъ въ приобретеніи билетовъ на всѣ пароходы и желѣзныя дороги, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей.

Покорно прошу вѣрить въ точное и аккуратное исполненіе всѣхъ порученій.
Николай Д. Смирновъ.

Адресъ: для писемъ и телеграммъ: Constantinople-Galata, Nicolas Smirnov; для денежной же корреспонденціи: чрезъ Одессу, въ Константинополь, Русское Агентство, Николаю Дмитріевичу Смирнову. — Неоплаченные письма не принимаю; на всѣ отвѣты прошу прилагать 20 копѣекъ почтовыхъ марками.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть время Екатерины II. Петрова и В. Ключикова. Ц. 1 р.

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛЬ „АРГУСЪ“

Карм. форм. въ замшев. кошельк. 8 руб. пересылка за 3 ф.
Больш. форм. съ футляр. и рем. 9 руб. пересылка за 4 ф.

„Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптич. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, охоты, моря и театра, а потому вполне заслуживаетъ названія „универсальнаго бинокала“.

Театральн. бинокли въ разн. оправ. отъ 5 до 65 р.

Миниатюрн. Лилитъ въ 5 и 8 р. 50 к.
Минирисопы въ 3 р. 50, 5, 8, 20, 26, 40, 50 р. и дороже. № 4812

СПЕЦИАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ.

Е. КРАУСЪ И КЪ.
въ Парижѣ, Aven. d. l. Republ., 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербург, Мойка, № 42 (у Полицейскаго м.)
Иллюстр. прейс-курantzъ высыл. бесплатно.

ДЕНТИНЪ В. ГЕННА
въ ВѢНѢ.

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.
Цѣна 40 коп.
Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ.
Главный складъ у Василія
Аурихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE
AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
ôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg
Vente en gros: J ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ.
EAU DE BOTO
(ВОДА БОТО) Pt. № 4814 14—11

Главный складъ: 17, Rue de la Paix, PARIS.
Презній адресъ: 229, Rue Saint-Honoré.
Продается во всѣхъ москвитскихъ лавкахъ и у всѣхъ парфюмеровъ.
Требов. также Туалетный Укусъ Бото выш. качества въ отношеніи тонкости запаха.
Представитель для всей Россіи: Н. А. Натанъ, Ипатьевскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ
для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (45) № 4287
Главный складъ: С.-Петербург., Демидовъ пер., д. № 1.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ
ВЪ
СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.
Основный и запасные капиталы 12.000,000 руб.
Общество заключаетъ на выгодныхъ условіяхъ и по умѣреннымъ преміямъ страхованія:
Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданого для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ. № 4782 4—2

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.
Къ 1 января 1890 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 22,300 лицъ на капиталъ въ 62.000,085 руб.
Дивидендъ страхователей въ 1890 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и въ Агентствахъ Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

НЕОБХОДИМО
для всякаго ищущаго занятіе на открытомъ воздухѣ, какъ-то: для гр. военн., инженер., охотник., золотопромышленн. и служащ. на жел. дор.
ВЪЗНАЯ КУРТКА
изъ англійской крученой шерсти. Цѣна 6, 7, 8, 9 и 10 руб., съ шелков. рукавами 16 и 18 р., съ персидскою новостью 1 р. дороже.
Цѣна коричнев., кубовые, черные, сѣрые и бордо. При пересылкѣ необходима мѣра вокругъ туловища. Мѣ. № 4823
Магазинъ Ю. ГОТЛИБЪ, СПБ. по Владимирской, д. 2, уг. Невскаго пр.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вл. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

СКОБИЛЬНАЯ СТАЛЬ
Доннерлера

скоблить так скоро и незаметно, что каждый по первом употреблении даст ей предпочтении предъ всеми бышими до сих поръ въ употребленіи скобильными ножиками и преч.

Единственная продажа оптова и розничная у № 4788 3-3

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ
Складъ резиновыхъ товаровъ и новостей
Большая Морская, № 34,
Цѣна съ пересылкою 1 рубль.

МАССА БЛАГОДАР. И ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ
БУХГАЛТЕРІИ
ИНОГОРОДНИХЪ И МОСКОВСКИХЪ
ПОСРЕДСТВЪ ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ
ВПОЛНЪ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.— ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКИХЪ НАУКЪ
С. Я. ЛИЛЕНТАЛЬ.
УСЛОВІЯ ПРОБЪ * МОСКВА * ВЫСЫЛАЮТСЯ
НОВАЯ ЛЕКЦІЯ * БЕЗПЛАТНО *
Долгоруковская улица, домъ Фигоиной.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. ГЕНА въ ВѢНѢ
ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРХОВЪ.

Безвредное средство для быстрого окрашивания волосъ и борды въ черной, русой, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 16-3

Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс.
Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

О-ДЕ-КОЛОНЪ
ЦВѢТОЧНЫЙ

БРОКАРЪ И КО.
ИЗОРЪТЕННЫИ

Складъ фабрики: Офицерская, 5.

Главное депо часовъ
Невскій пр. № 42.
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
Преисъ-Кур. высыл. безпл.

НАСТОЯЩІЕ
Велоспеды **Викъ**

СЕРВИСЪ ПО РАЗЪЯВЛЕНІЮ ПОРЧЪ
КАЖДОМУ ИЗЪ РУССКОЙ АРМІИ
ОБЪЯВЛЯЮЩИМЪ ВОЛѢ
ПЕРВОЕ МѢСТО
СЪ ПЕРВОГО ПОКАЗАТЕЛЯ
С ПЕТЕРБУРГА
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
Ж. БЛОКЪ
СВѢТЬ

№ 4612 (17)

Только что вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу:
НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ
(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

состоящій изъ 25 листовъ, заключающихъ въ себѣ 179 исключительно новыхъ, оригинальныхъ и нигдѣ еще не напечатанныхъ рисунковъ художника В. Н. Клагеса.

Къ альбому приложено подробное наставленіе, служащее прекраснымъ руководствомъ для начинающихъ выпиливать по дереву.

Цѣна этому превосходному изданію назначена крайне умѣренная: въ пзидиной литографированной оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылк. 1 р. 60 к.—Съ требованіями обращаться въ Главную Контору „Нивы“, СПбургъ, Невскій просп., домъ № 6.

ПИАНО-МЕЛОДИКО.
Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій полностью всевозможныя пьесы.
Цѣна безъ нотъ 80 руб.
Ноты по 70 коп. за метръ (=1½ арш.).

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ
Большой пзидиной салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія поурри, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно поднимаетъ и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленъ для громкой и тихой игры. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами 70 руб. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 85 фунт. Силки пьесъ, а также иллюстрированыя, преисъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—**бесплатно.** № 4822

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40 | Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

УКРАШЕНІЕ ДЛЯ ЕЛОКЪ
ДЛЯ УДОБСТВА ГГ. ПОКУПАТЕЛЕЙ Я СОСТАВИЛЪ СЛѢДУЮЩІЯ КОЛЛЕКЦІИ:

въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.

и каждая коллекція (даже 5 руб.), такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшения елокъ. Коллекція въ 25, 30 и 160 р. особенно пригодна для большихъ семействъ, школъ, приютовъ, базаровъ, собраний, благотворительныхъ обществъ, пансіоновъ и пр. Нокорѣйше прошу дать заказъ на эти коллекціи немедленно, такъ какъ оны составлены въ ограниченномъ количествѣ и ихъ нельзя возобновить послѣ распродажи запаса, такъ какъ

ВЪ ИХЪ СОСТАВЪ ВОШЛИ ВСѢ ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ, которыхъ нельзя выписывать вновь до праздниковъ. № 4818

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ, Невскій просп., № 20.
Ночь картиннымъ магазиномъ г-на Фелтена.
Иллюстрированный преисъ-курантъ „Елка“ пересылается бесплатно.

НАСТОЛЬНЫЙ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.
Отдѣльн. вып. прод. по 40 и 30 коп. Адресъ редакціи и конторы: Москва, Б. Гряздинковскій переулокъ. № 4779 2-2

ИЗВѢСТНЫЕ ДУХИ ДЛЯ НОСОВЫХЪ ПЛАТКОВЪ и проч.
ГУСТАВА ЛОЗЕ № 4728 8-3

ЛОЗЕ MAIGLÖSCHEN Ландышъ. **НОВОСТЬ**
ЛОЗЕ GOLDLILIE Золотая Лилія.
ЛОЗЕ PEAU D'ESPAGNE
ЛОЗЕ HELIOTROPE BLANC
ЛОЗЕ ROSE MARÉCHAL NIEL Бѣлая Сирень.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ Привозный парфюмеръ, Берлинъ, Егерштрассе, 46.
Можно получить во всѣхъ парфюмерн. магаз. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
Г. ГОЛЛЕНДЕРЪ
ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОНИ.
Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главный складъ: С.ПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (37) № 4278

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
Специалистъ хронометровъ.
СПбургъ, Невскій пр., № 52
прот. Имп. Цубл. Библиотеки.
Оптовая и розничн. продажа.
Подробный иллюстрированный преисъ-курантъ высылается по требованію бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручатъ льство на 2 года. № 4501 2-16

ЛЕННИНГЪ и ГЮЗНИНЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПРИГЛАШАЮТЪ
агентовъ. За условіями обращаться писменно: Генрихъ Блокъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59-57, соб. домъ.

САРПИНКА.
Ткань изъ высшихъ сортовъ бумажной пряжи — сходство шерсти и батиста.
Собственн-ое ручное плетство.
Крѣпкія краски.
Розничная продажа.
Большой разнообразный выборъ рисунковъ, составленныхъ, какъ новостъ, на лѣто 1891 г.
Альбомъ высылается по полученіи 40 коп. почтовыми марками, присланными заказнымъ письмомъ.
АДРЕСЪ:
Саратовъ, Торговому Дому **БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ.**
№ 4821 5-1

парфюмерія высшаго качества
А. СИУ и КО.
16, Невскій проспектъ, 16.
ЦВѢТОЧНЫЙ
О-ДЕ-КОЛОНЪ
удостоенный серебряной медали на Всероссийской Московской Выставкѣ 1882 г.
20 РАЗНЫХЪ ЗАПАХОВЪ
поль-флакона 60 к., флаконъ 1 р.
О-ДЕ-КОЛОНЪ № 4
(Quadruple) Рт. № 4819
самый крѣпкій отъ 50 коп. за флаконъ.

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.
Преисъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.
№ 47

г. XXI
1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 24 ноября 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1891 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 2 марки.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою 10 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особая приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говъхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Н. Е. Сверчковъ.
Знаменитый творецъ русской тройки, праздновавший на-дняхъ пятидесятилѣтіе своей художественной дѣятельности, Н. Е. Сверчковъ родился въ Петербургѣ 6 марта 1817 года, воспитывался въ Петропавловскомъ училищѣ, и всѣмъ своимъ художественнымъ развитіемъ обязанъ исключительно самому себѣ и природнымъ дарованіямъ. Отецъ его служилъ по вѣдомству придворныхъ конюшенъ, и здѣсь-то молодой Сверчковъ, съ дѣтства любившій рисовать самоучкою, нашелъ живые образцы излюбленнаго пмъ рода живописи — рисованія лошадей во всевозможной обстановкѣ. Служба въ министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, куда онъ поступилъ по желанію отца, лишь на время отвлекла его отъ любимыхъ занятій (съ 16-ти до 25-ти лѣтъ), а съ 1843 года онъ окончательно посвятилъ себя искусству. Въ 1844 году онъ уже явился въ числѣ экспонентовъ на выставкѣ Академіи Художествъ и получилъ за свою картину званіе класснаго художника. Затѣмъ, послѣ нѣсколь-

Профессоръ Н. Е. Сверчковъ (по поводу 50-лѣтія его художественной дѣятельности).
Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

кихъ картинъ изъ русскаго народнаго быта, въ 1852 году Академія присудила ему званіе академика за картину „Помѣщицья тройка, пересѣкающая на всемъ скаку цѣнь обоза, тинушагося по большой дорогѣ“, а черезъ три года — званіе профессора за картину: „Грузный экипажъ съ пассажирами тиетеса въ лѣтній знойный день по тяжелой песчаной дорогѣ, измученными шестью почтовыми лошадьми“. Съ этого времени Сверчковъ приобрѣлъ громкую извѣстность, и лѣтъ двадцать пять ишалъ портреты извѣстныхъ лошадей по заказу коннозаводчиковъ. Большинство этихъ портретовъ было литографировано. Писанные портреты знаменитыхъ производителей въ Хрѣновскомъ Государственномъ заводѣ были изображеніями типовъ и формъ оставшихся еще Орловскихъ лошадей, которыхъ нынѣшніе заводчики знаютъ лишь по описаніямъ. Портреты же Сверчкова показываютъ лошадь, какова она есть на самомъ дѣлѣ — и это величайшая заслуга художника нашему коннозаводству. Сверчковъ былъ пер-

вымъ изъ оригинальныхъ русскихъ художниковъ, посланныхъ свои картины изъ русскаго быта на выставку въ Парижскій Салонъ съ 1856 года; за одну изъ этихъ картинъ „Возвращеніе съ медвѣжьей охоты“ онъ получилъ орденъ Почетнаго Легіона. Кромѣ того, онъ имѣетъ орденъ Св. Михаила (Баварскій), Филиппа Великодушнаго (Гессенъ-Дармштадтскій) и Саксенъ-Веймарскую золотую медаль за заслуги. Въ Россіи онъ получилъ чинъ статскаго совѣтника. Кромѣ

живописи П. Е. Сверчковъ занимается и скульптурой; онъ выдѣлилъ нѣсколько превосходныхъ конскихъ фигуръ.

Изъ большихъ картинъ его особенно замѣчательны: 2 портрета въ Бозѣ почившаго императора Александра II (на конѣ) и портретъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора (также на конѣ), картины историческія, батальныя, охотничьи сцены и др. Всего Сверчковъ написалъ до 250 картинъ и до 1,000 рисунковъ и акварелей.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

XXV.

Баль по обычаю открылся полонезомъ.

Во дворцѣ уже раздавались его размашисто плавные звуки. Когда Франуся вошла въ большой продольный залъ на двухъ рядахъ бѣлыхъ мраморныхъ колоннъ, къ ней тотчасъ-же явился кавалеръ...

Съ этой минуты она почти не садилась... Ее охватило тогъ-же радостный трепетъ наслажденія, которымъ вѣяло отъ многихъ ей подобныхъ красавицъ...

Танцы быстро смѣнялись одинъ другимъ, но чаще всего повторялась мазурка. Новые французскіе танцы знали хорошо не всѣ, за исключеніемъ менуэта и „драбанга“ походившаго на кадрили—а мазурку... всѣ. Кто-же не любилъ и не танцевалъ ее? И старъ и малъ. И часто случалось старикамъ, помолодѣвъ въ мазуркѣ, заткнуть за поясъ юношей.

Франуся танцевала мазурку легко, граціозно и съ огнемъ. Но здѣсь, вдругъ, стало ей стыдно танцевать ее... Она вдругъ на этомъ балѣ узнала, что она безобразно скачетъ или бѣгаетъ...

— А! Вотъ это мазурка!.. почти вслухъ воскликнула Франуся чуть не со слезами страсти и зависти.

Мимо нея пронеслась пара, въ которой шли Иосифъ Понятовскій, юный красавецъ, лучшій мазуристъ всего королевства, а съ нимъ первая мазуристка, знаменитая красавица Юлія Потоцкая. Франуся уже слышала объ нихъ двухъ, слышала, что когда они идутъ вмѣстѣ, то старики покидаютъ карточные столы или буфеты съ венгерскимъ и бѣгутъ глядѣть.

Извѣстна была въ Польшѣ острота князя Радзивила:

— Кто хочетъ, пане-коханку, помолодѣть сразу на двадцать лѣтъ—иди глядѣть когда Юлія Потоцкая колдуетъ въ мазуркѣ.

Варшава всегда говорила про красивыхъ женщинъ:

— Красива—какъ Юлія!

Дѣйствительно, замѣчательная красавица, Потоцкая танцевала свой родной танецъ по своему, особенно... Много было у нея подражательницъ, но ни у одной не было той нѣги и граціи, того огня какими вѣяло отъ лица и отъ всѣхъ движеній Потоцкой. Она носилась какъ фея, какъ сифида, какъ чудное волшебное видѣніе. Красавица рѣдка въ свѣтѣ—въ мазуркѣ становилась она божествомъ, дивнымъ, восторженно-страстнымъ и въ то же время граціозно-стыдливымъ, допускающимъ лишь безнадежное рабское обожаніе.

Разумѣется не мало прелести прибавляло и то, что идеально-красивая женщина, сводившая всю молодежь съ ума, оставалась, среди распущенности нравовъ времени, строго вѣрна пожилому мужу, вѣчно занятому археологіей, скиѣскими и сарматскими слѣдами...

Франуся, увидя Потоцкую, перестала танцевать сама и долго вшивалась глазами въ красавицу-мазуристку. Она, какъ и многія женщины, мечтала теперь усвоить себѣ хотя-бы сотую долю того, что восхитило ее и околдовывало всѣхъ кругомъ...

Баль длился до вечера... Онъ утихалъ, смирялся, когда раздавались звуки менуэта, и снова превращался въ ураганъ съ грозой и молніей, когда гремѣлъ кадансъ мазурки, а ему въ тактъ били полсотни каблуковъ

со звономъ шпоръ, раздавались хлопанье въ ладоши и ухарскіе клики кавалеровъ, получавшихъ обратно свои дамы, на мгновенье усесенныхъ вихремъ танца.

Франуся танцевала до упаду, но ей казалось, что она не танцуетъ какъ бывало прежде, а носится въ какомъ-то заоблачномъ мірѣ, въ поднебесьи, или плаваетъ и тонетъ въ благоухающихъ и опьяняющихъ волнахъ волшебнаго свѣта, счастья и любовныхъ грѣзъ.

Изрѣдка она приходила въ себя на мгновеніе, будто просыпалась отъ чуднаго сна со сказочными, дотошъ ей невѣдомыми ощущеніями.

Ее будила появлявшаяся предъ ней безобразная фигура пришлеца изъ инаго, простаго, будничнаго міра. Это былъ ея женихъ—пятидесятилѣтній, толстый и краснолицый панъ Ксаверій.

И около полуночи, среди послѣдняго менуэта, который Франуся танцевала съ извѣстнымъ красавцемъ и первымъ менуэтистомъ всей Польши, графомъ Вѣлинскимъ, онъ нагнулся и шепнулъ ей на ухо:

— Такая красавица какъ пани Дзялынская могла-бы выйти замужъ иначе...

— О, да! да!.. воскликнула Франуся со слезами на глазахъ...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Красивая невѣста пана Сандецкаго была замѣчена на балу княгини Сапѣги, и объ ней стало еще болѣе толковъ въ Варшавѣ. Всѣ удивлялись, что дочь простаго бѣднаго шляхтича, явившаяся изъ глуши деревни, можетъ быть такъ умна, можетъ держать себя въ обществѣ такъ непринужденно и граціозно...

Франуся знала, что имѣла успѣхъ. Болѣе чѣмъ когда либо мечтала она о томъ, чтобы, выйдя замужъ за Сандецкаго, поселиться въ столицѣ и блистать въ обществѣ.

„Но было-бы еще лучше, думалось ей, еслибы мужъ былъ хоть и бѣднѣе пана Ксаверія, да имѣлъ-бы титулъ и былъ-бы моложе...“

Черезъ два дня съ Франусей произошелъ случай—перемѣнившій все и имѣвшій роковое вліяніе на всю ея жизнь.

Однажды, когда она вновь выѣхала изъ дому, въ сумыхъ воротахъ къ ея экипажу подошла та-же безобразная нищая, которую она видѣла на Новомъ Свѣтѣ. Она бросила ей письмо въ экипажъ и цустилась почти бѣгомъ въ сторону. Франуся была изумлена, но тѣмъ не менѣе развернула листокъ сложенной бумажки и прочла:

„Я твоя сестра Эльжбета, несчастная, нищая и голодная. Если ты хочешь допустить меня къ себѣ, то пришли за мной. Я буду счастлива твоимъ счастьемъ. Если погнушаешься, то пришли мнѣ денегъ на пропитаніе...“

Франуся была такъ поражена, что немедленно велѣла вернуться. Она стала думать о томъ, какъ поступить: признаться-ли во всемъ и рассказать все Сандецкому, или тайно повидаться съ сестрой. И дѣлая сутки промучилась Франуся, не зная что дѣлать...

А вдругъ Сандецкій, узнавъ, что въ Варшавѣ у его

невѣсты есть сестра, нищая, безобразная женщина, будетъ смущенъ этимъ? Конечно, лучше было-бы ничего ему не говорить, сохранить это тайной самою сокровенною; но въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ повидаться съ сестрой? Какъ отлучиться изъ дому, чтобы никто этого не зналъ? Вѣдь нельзя-же ѣхать въ своей блестящей соли-теркѣ въ грязный кварталъ, въ какіе нибудь притоны, и тамъ разыскивать сестру по прилагаемому ея адресу!

Послать за ней тоже нельзя... Не будь она изуродована такъ страшно, она могла-бы появиться въ видѣ какой-нибудь портнихи, или какой-нибудь посланной изъ магазина; но ея лицо, конечно, обратить на нее вниманіе всѣхъ обитателей дома.

Кончилось тѣмъ однако, что Франуся додумалась. Вечеромъ она обратилась съ просьбой къ жениху. Сандецкій не мало удивился этой просьбѣ, но согласился.

Франуся попросила жениха позволить ей рано утромъ съ одною горничной, пѣшкомъ, въ самыхъ простыхъ платьяхъ отправиться въ монастырь кармелитокъ и вернуться домой уже къ полудню.

На утро до восхода солнца Франуся вмѣстѣ со своей Юзей—разбитною горничной, страстно полюбившею свою госпожу,—шла уже пѣшкомъ по направленію къ Новому Свѣту. Никогда Франуся не видѣла того, что увидѣла въ томъ домѣ, который былъ назначенъ въ адресѣ.

Домъ оказался большой и былъ поюнь жильцами. Грязь и зловоніе не позволяли дышать. Кучи полуго-лыхъ дѣтей прыгали по двору, или спали на солнцѣ. Это были хлопъ съ ихъ семьями.

Франуся разыскала безъ труда этажъ и уголь, въ которомъ помѣщалась сестра. Разспросить объ ней было не трудно благодаря ея обезображенной внѣшности.

Когда Эльжбета узнала о появленіи двухъ женщинъ, ее спрашивающихъ, она не догадалась, что это ея сестра; но выйдя и увидя Франусю, стала цѣловать ее въ грудь, плечи и руки. Въ лицо она не поцѣловала. Она уже отвыкла дѣлать это съ тѣхъ поръ, какъ замѣтила что это противно людямъ.

Несчастная женщина тотчасъ-же выпросила у какой-то другой, такой-же нищей, какъ и она, отдѣльную каморку, гдѣ-бы можно было наединѣ посидѣть часъ или два съ гостьей. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько минутъ, двѣ сестры остались вдвоемъ глазъ-на-глазъ, а горничная вышла на улицу дожидаться своей госпожи.

— Какая ты добрая!. Ты все такая-же, какъ была... Я даже не надѣялась, что ты позовешь меня къ себѣ, а ты сама пришла, заговорила Эльжбета. — Богъ вознаграждаетъ тебя за это, сестра! Ты видишь, что бываетъ на свѣтѣ... какія бѣды. Скажи мнѣ: гдѣ теперь та Эльжбета, которую ты знала? Посмотри на меня!. Я имѣла многое... Больше чѣмъ кто либо. Я была здѣсь въ Варшавѣ не далѣе, какъ года два тому назадъ, по положенію своему чуть не выше всѣхъ красавицъ, всѣхъ знаменитыхъ дамъ. Во мнѣ всѣ заискивали... Была минута—и у меня закружилась голова... Я мечтала уже о невозможномъ... Я была на высотѣ неизмѣримой. Если я расскажу тебѣ, то ты, конечно, не повѣришь мнѣ.. А теперь посмотри, гдѣ я? У меня уголь, у меня нѣтъ платья, а главное—нѣтъ хлѣба... Я не могу даже по-ступить куда либо горничной. Изъ-за моего лица меня никто не беретъ.

Франуся, разглядѣвъ теперь ближе сестру, была еще болѣе поражена. Дѣйствительно, но мудрено, что она не узнала ее! Прежнюю красавицу Эльжбету нельзя было найти въ этой женщинѣ. Когда-то обѣ сестры были поразительно похожи одна на другую, а теперь между ними было столько-же общаго, сколько между человѣкомъ и обезьяной.

Разумѣется, Франуся обѣщала сестрѣ помощь, дала слово, что ея нищета прекратится. Она обѣщала, что Эльжбета получитъ въ Сталуценьяхъ горницу и все что нужно. Если-же Сандецкій не согласится на это по ка-

кимъ-либо причинамъ, то она устроить сестру иначе, въ какомъ либо изъ монастырей.

Франуся попросила сестру откровенно, искренно разсказать ей все, что случилось съ ней съ тѣхъ поръ какъ она бѣжала изъ родительскаго дома.

Исторія приключеній Эльжбеты не мало изумила Франусю.

Все что сдѣлала Эльжбета и все что случилось съ ней—все это могло случиться и съ Франусей, такъ какъ она поступила-бы не иначе. Разумѣется, болѣзнь, обезобразившая сестру, могла-бы не приключиться.

Но прежде чѣмъ разсказывать о себѣ, Эльжбета задала сестрѣ нѣсколько вопросовъ.

— Ты выходишь замужъ... скоро?..

— Да. Черезъ двѣ недѣли свадьба.

— За старика?

— Пану Ксаверію пятьдесятъ лѣтъ.

— Тебѣ это не противно?.. не страшно?

— Онъ очень богатъ, Эльжбета... А мое положеніе то же, что твое. Я тоже нищая...

— Но красавица... Скажи мнѣ только одно. Искренно. Ты его не любишь?

— Конечно, не влюблена...

— Ну... мы увидимъ... Да! увидимъ. Слушай что со мною было...

II.

Эльжбета пространно, откровенно повѣдала сестрѣ свою судьбу съ тѣхъ поръ, что она бѣжала изъ дома отца.

Ея соблазнитель, офицеръ гвардіи Прусскаго короля, привезъ ее въ Берлинъ, но вскорѣ покинулъ. Она прожила тихо мѣсяца два, не зная что дѣлать, и уже собиралась вернуться въ родительскій домъ. Положеніе ея было крайне затруднительно, средствъ къ существованію не было никакихъ.

Но за это время Эльжбета неожиданно познакомилась съ молодымъ полякомъ, графомъ Бѣлинскимъ, и онъ увезъ ее съ собой въ Варшаву.

Здѣсь черезъ полгода она встрѣтилась въ одномъ домѣ съ человѣкомъ который сразу влюбился въ нее. Этотъ человѣкъ былъ не кто иной, какъ самъ король Станиславъ-Августъ.

Тогда совершился переворотъ въ ея судьбѣ. Она держала себя съ нимъ гордо и недоступно, и это окончательно приковало къ ней короля вѣтреника, не привыкшаго къ подобному обращенію. Она достигла того, о чемъ онѣ, обѣ сестры, такъ часто мечтали. Положеніе ея вскорѣ сдѣлалось таковымъ, что самые важные магнаты ухаживали за ней, когда имъ нужно было получить что-либо. Увлеченный король, добиваясь ея благосклонности, не отказывалъ ей ни въ чемъ.

Эльжбета даже раздавала помѣстья изъ конфискованныхъ у разныхъ изгнанныхъ лицъ. Она же вляла на пожалованіе польскихъ орденовъ Станислава и Бѣлаго Орла. Она дѣлала изъ Станислава-Августа что хотѣла, сама не поступаясь ничѣмъ. Едва ли бы это долго могло продолжаться такъ, но судьба безжалостно отнеслась къ ней.

Эльжбета заболѣла самою страшною болѣзнью, какая сплошь и рядомъ появлялась во всѣхъ государствахъ Европы, и самою страшною для женщины молодой и красивой.

Самая сильная оспа въ теченіе шести недѣль изуродовала ее и изъ красивой женщины сдѣлала страшилищемъ. Король послѣ ея болѣзни даже не пожелалъ увидать ее, написалъ ей, что ему было бы тяжело и горько видѣть ее изуродованною.

Впрочемъ, Эльжбета и сама не хотѣла показаться со своимъ страшнымъ лицомъ на глаза человѣка, котораго начинала любить. Король обѣщала ей пожизненную пенсію, но она тогда же узнала, что эти пенсіи, раз-

Первый иней. Карт. Г. Дарно, грав. Гейеръ и Кирмэс.

дававшаяся огромному количеству женщинъ, или не доходили по своему назначенію, или же были простыми общаніями короля, которыя потомъ не сдерживались.

Она получала немного денегъ въ теченіе полугода, но затѣмъ перестала получать и какъ-то вдругъ, сразу очутилась въ полной нищетѣ. Она бросилась искать себѣ какое-нибудь мѣсто, но всюду внушала такое отвращеніе къ себѣ, что не могла нигдѣ пріютиться. Даже въ одинъ монастырь, въ который она просилась, ее не приняли.

На эту откровенную исповѣдь сестры, Франуся, отвѣчала тоже правдивымъ рассказомъ о своей судьбѣ.

Къ удивленію Франуси, Эльжбета высказалась еще рѣзче о томъ, что сестра — невѣста Сандецкаго.

— Ты могла бы мечтать о чемъ-либо гораздо больше, сказала она.

— О чемъ же? спросила Франуся.

— Ты красавица... такая же, какою я была. Въдмы были похожи другъ на друга, какъ только могутъ быть похожи близнецы; но ты умѣе меня... Я это и прежде сознавала. Мнѣ кажется, что нѣтъ человѣка, который бы не сошелъ съ ума отъ тебя, если ты только захочешь. Слѣдовательно, здѣсь, въ Варшавѣ, предъ тобой широкій выборъ. Бери любаго, кто только тебѣ понравится изъ самыхъ богатыхъ магнатовъ королевства. Зачѣмъ же тебѣ выходить замужъ за пятидесятилѣтняго старика, который запретъ тебя въ своемъ замкѣ? Теперь тебѣ кажется эта участь дивною, но не пройдетъ полугода, какъ ты раскаешься. Ты могла бы выйти замужъ здѣсь за молодого и богатаго аристократа и блистать въ Варшавѣ не хуже первыхъ красавицъ, въ родѣ Юліи Потоцкой.

Эльжбета долго доказывала сестрѣ, что ея бракъ съ Сандецкимъ не есть истинное счастье.

Франуся ничего не отвѣчала, защищалась слабо. Да и что могла она сказать? Она сама знала, что ея бракъ со старымъ вдовцомъ, который собственно ей не нравился, который былъ только не противенъ ей, конечно, не то, чего она могла бы пожелать въ жизни, могла бы, конечно, и достигнуть.

— Можетъ-быть ты и права, отвѣтила наконецъ Франуся. — Но подумай: говорить легко, но какъ же сдѣлать? Я въ домѣ пана Сандецкаго, представлена обществу въ качествѣ его невѣсты, мнѣ дѣлаютъ приданое, черезъ двѣ недѣли будетъ свадьба, а мы толкуемъ о томъ чтобы не выходить за него замужъ. Отказать ему я могу, но что же будетъ тогда? Я выйду пѣшкомъ изъ его дома, безъ гроша денегъ. И куда же я пойду? Къ тебѣ... сюда?..

Эльжбета ничего не отвѣтила, но улыбнулась странно улыбкой, которая была отвратительною гримасой на ея изуродованномъ лицѣ.

— Вотъ что, Франуся, сказала она. — Прежде всего сегодня же пришли мнѣ денегъ насколько можешь больше, для того, чтобы я могла поскорѣй нанять себѣ приличную квартиру и прилично одѣться. Нужно это не для меня, а для тебя, пойми это!.. Есть-ли у тебя такія деньги?

Франуся объяснила, что въ настоящую минуту у ней денегъ совершенно нѣтъ, такъ какъ она истратила всѣ полученныя отъ жениха. Но, по счастью, на другой же день утромъ она должна снова получить отъ него около двухъ тысячъ злотъ на разныя покупки.

— Вотъ половину этихъ денегъ ты и передашь мнѣ. Повторяю тебѣ, не для меня.

Сестры разстались. Франуся общалась на другое же утро прислать сестрѣ денегъ съ горничной Юзей. Она вернулась домой и долго просидѣла одна.

Ей казалось, что онѣ разстались съ сестрой какъ-то странно. Эльжбета положительно будто замышляетъ что-то, и не только замышляетъ какой-то планъ, но

будто уже знаетъ какъ дѣйствовать и что дѣлать. У нея уже ясная цѣль, которая неизвѣстна Франусѣ.

„И вдругъ сестра устроитъ все, о чемъ говорила“, думалось ей. — „Найdetь мнѣ блестящую партію...“

Не прошло трехъ дней, какъ Франуся получила записку отъ сестры, которая увѣдомляла ее, что она уже наняла приличную квартиру, успѣла одѣться, преобразиться изъ нищей въ панну и зоветъ сестру къ себѣ.

Въ тотъ же вечеръ Франуся объявилась съ Сандецкимъ и объявила ему, что встрѣтила въ магазинѣ родственницу своей матери, женщину пожилую и вдобавокъ изуродованную оспой, которая никуда не выѣзжаетъ. Эта женщина умоляла навѣстить ее.

Сандецкій, конечно, не нашелъ ничего противъ этого.

III.

Въ условленный день и часъ Франуся, въ скромномъ экипажѣ, въ сопровожденіи одного паюка, выѣхала и нашла сестру по адресу, въ очень порядочной, небогато, скромно, но чисто отдѣланной квартирѣ.

Эльжбета встрѣтила сестру радостная, почти счастливая. Франуся приписала это тому, что сестра уже болѣе не находится въ своемъ прежнемъ ужасномъ положеніи; но затѣмъ вскорѣ она замѣтила, что не квартира и деньги дѣлаютъ Эльжбету счастливою...

Эльжбета объявила, что у нея въ гостяхъ будетъ ея одна знакомая дама, очень извѣстная въ Варшавѣ, очень важная, хотя и не принадлежащая къ дворянству.

— Ее всѣ знаютъ, она пользуется огромнымъ вліяніемъ даже у пани Краковской и у самого короля. Тебѣ надо непременно съ ней познакомиться и постараться понравиться ей.

— Зачѣмъ? Я и безъ того должна черезъ пять дней обѣдать у самой пани Краковской, не безъ важности произнесла Франуся.

Ей вдругъ стало досадно, что сестра, которую она на-дняхъ высвободила изъ притона, изъ лохмотьевъ, уже берется какъ бы оказывать ей покровительство.

Эльжбета поняла тайную мысль сестры.

— Я знаю, что невѣстѣ пана Сандецкаго не нужно покровительство моей хорошей знакомой, но вспомни, Франуся, что съ тобой было недавно, что со мной случилось по твоей милости на этихъ дняхъ. Вспомни, что на свѣтѣ бываютъ чудеса... Нельзя отвѣчать за то, что можетъ завтра случиться у хорошаго, и дурнаго... то, о чемъ и во снѣ не снится. Думала-ли я въ мои годы, во цвѣтѣ лѣтъ и красоты, сдѣлаться отвратительнымъ уродомъ? Думала-ли ты, сидя въ горницѣ деревенскаго ксендза, вдругъ стать невѣстой богатаго пана, магната? Вотъ и теперь... Почему ты знаешь, что можетъ произойти вслѣдствіе твоего знакомства съ моей, могу сказать, пріятельницей? Объ одномъ только я буду серьезно просить тебя... Ты должна дать мнѣ слово, что не скажешь жениху своему и не скажешь никому фамилію дамы, съ которой сегодня познакомишься.

— Это очень легко, но я не понимаю причины, Эльжбета...

— Это необходимо на нѣсколько дней... Ну на недѣлю. А послѣ все равно.

Едва только Франуся успѣла общать сестрѣ не говорить никому ничего, какъ въ квартирѣ появилась ожидаемая гостыя. Эльжбета быстро поднялась, пошла къ ней навстрѣчу, съ поклономъ особливо вѣжливымъ приняла ее и затѣмъ представила ей сестру, Франдиску.

Вошедшая была низенькаго роста, брюнетка, лѣтъ сорока, а можетъ быть и болѣе, очень смуглая, съ очень характернымъ лицомъ. Женщина была, очевидно, какого-нибудь южнаго происхожденія, но не итальянка и не испанка, скорѣе гречанка, а быть можетъ, какъ показалось Франусѣ, простая еврейка. Послѣднее казалось ей всего вѣроятнѣе.

Франуся поклонилась гостѣ и вспомнила, что сестра

не сказала ей фамилии этой дамы. Впрочемъ, ей прозвище ничего бы не сказало, какъ и всякой вновь прїѣзжей въ столицу.

Онѣ усѣлись въ гостиной и занялись шоколадомъ и сладостями, которая подала горничная.

Гостыя долго разглядывала Франусю довольно безцеремонно, немножко свысока, и наконецъ, обернувшись къ Эльжбетѣ, произнесла:

— Да, панна права... Это поразительно... Это почти невѣроятно. Признаюсь, я вѣдь еще вчера не вѣрила, думала, панна преувеличиваетъ, а теперь я каюсь въ своихъ грѣхахъ, въ своемъ невѣрїи.

— Знаешь-ли ты, о чемъ мы говоримъ? обратилась Эльжбета къ сестрѣ.—Мы говоримъ о страшномъ сходствѣ между тобой и мной, какою я была.

— Да, качивая головой, произнесла гостыя,—удивительное сходство! Мнѣ кажется, что передо мной сидитъ Эльжбета Дзялынская, какою я ее знала, но только, прибавлю, пожалуй еще красивѣе. Не сердись на меня, пани, прибавила она, обращаясь къ Эльжбетѣ.

— Знаешь, Франуся, панна Камели вѣрить не хочетъ, что ты выходишь замужъ за Сандецкаго.

„Панна Камели?“ подумала про себя Франуся.

Это имя какъ бы рѣзнуло ее по уху. Она положительно слышала это имя когда-то. Здѣсь-ли, въ Варшавѣ, или еще въ Стадуненяхъ—она вспомнить не могла. Но съ этимъ именемъ „Камели“ соединяется что-то особенное.

Гостыя просидѣла недолго. Она спѣшила куда-то по важному дѣлу. Она пригласила къ себѣ на другой же день вечеромъ обѣихъ сестеръ и, поглядѣвъ на Эльжбету, вымолвила:

— Но ручается-ли мнѣ пани Эльжбета, что сестра прїѣдетъ съ нею?

— Франуся, отвѣчай за меня, можешь-ли ты быть? Пани Камели должна знать это навѣрное.

— Почему же нѣтъ? отозвалась Франуся.

— Незачѣмъ говорить Сандецкому къ кому вы ѣдете и называть меня. Панна скажетъ, что ѣдетъ къ Эльжбетѣ.

— Конечно.

— И такъ это рѣшенное дѣло?

— Рѣшенное, отозвалась Франуся.

Дѣйствительно, на другой же вечеръ Франуся явилась къ сестрѣ еще въ сумерки и привезла съ собой другой туалетъ. Отпросившись у жениха къ родственницѣ, она не могла одѣться дома, не возбудивъ подозрѣнія. Здѣсь у сестры Франуся переодѣлась и явилась въ своемъ бѣломъ платьѣ съ бѣлыми розами. Эльжбета накануне настояла на этомъ.

— Тебя въ Варшавѣ зовутъ „пани бяла“, вотъ ты и должна бѣлой панной появиться у госпожи Камели. Да къ тому же я должна тебѣ сказать, хотя это и странно, но бѣлый цвѣтъ наиболѣе идетъ къ тебѣ. Слушай теперь самое главное и пожалуйста не удивляйся, не пугайся... Мы поѣдемъ вмѣстѣ къ паннѣ Камели, у которой если и будутъ гости, то развѣ только одна пожилая дама и одинъ очень милый господинъ, кажется, ея родственникъ. Я же въ гостиную не войду.

— Почему? удивилась Франуся.

— Очень просто. Съ тѣхъ поръ, что я такъ изуродована, я не показывалась нигдѣ. Вспомни, гдѣ я была и откуда ты меня вытащила. Я не хочу снова появляться въ обществѣ. Я ѣду ради тебя, чтобы ты могла у панны Камели познакомиться съ двумя интересными личностями, въ особенности... съ ея родственникомъ.

— Кто онъ такой? спросила Франуся, и очень удивилась, потому что Эльжбета слегка смутилась и, запинаясь, выговорила страннымъ голосомъ:

— Графъ... кажется... Навѣрное не помню... Фамилія мнѣ не дается... Сто разъ запоминаю и все забываю...

Франусѣ показалось замѣшательство сестры крайне подозрительнымъ.

„Неужели, подумала она,—сестра хочетъ, чтобы я у этой госпожи Камели познакомилась съ какимъ-нибудь магнатомъ и промѣняла Сандецкаго на него?.. За пана Ксаверія я могу ручаться, что онъ всю жизнь будетъ обожать меня... А этотъ господинъ, съ которымъ, очевидно, устраивается свиданіе,—кто онъ и что онъ?.. Какой-нибудь вѣтренникъ!“

IV.

Черезъ часъ обѣ сестры въ экипажѣ Франуси уже проѣхали городъ и на Краковскомъ предмѣстьѣ остановились у довольно элегантнаго домика.

Роскошь обстановки удивила Франусю. Всѣ лакеи были въ атласной ливреѣ и въ пудрѣ. Огромный паюкъ-негръ въ дверяхъ еще болѣе поразилъ ее, такъ какъ до сихъ поръ она никогда негроу не видала.

Въ гостиной, отдѣланной съ особымъ богатствомъ, встрѣтила ихъ панна Камели, разодѣтая по-бальному.

„Немогимъ ты отличаешься отъ своего паюка“, невольно подумала Франуся, увидя смуглыя коричневыя плечи хозяйки.

Эльжбета, поздоровавшись съ хозяйкой, тотчасъ же прошла въ ея спальню. Франуся осталась одна съ хозяйкой въ гостиной.

— Очень рада, что познакомилась съ панной, ласково заговорила панна Камели. — Я очень люблю Эльжбету. Кромѣ того, мнѣ прїятно, что пани такъ удивительно похожа на нее. Впрочемъ, мы сейчасъ же убѣдимся, насколько похожа... Я должна сказать, что у меня будетъ въ гостяхъ одинъ мой родственникъ, графъ Оссовскій—человѣкъ уже не молодой, съ очень большимъ состояніемъ. Онъ холостякъ, ведущій жизнь довольно шумную, но скучающій, какъ и всѣ кому некуда дѣвать своихъ огромныхъ денегъ. Когда-то графъ Оссовскій былъ серьезно влюбленъ въ сестру панны, и признаюсь, что если бы не этотъ ужасный случай съ Эльжбетой, то, быть можетъ, она была бы теперь графиней Оссовской. Онъ до сихъ поръ не можетъ равнодушно вспомнить о ней, но, разумѣется, не желалъ бы ее видѣть изуродованною. Онъ сейчасъ будетъ здѣсь—и вы понимаете какое значеніе можетъ имѣть ваша встрѣча съ нимъ... Онъ можетъ влюбиться въ панну, а это будетъ не что иное какъ продолженіе чувства къ ея сестрѣ.

— Я не знаю, зачѣмъ пани хочетъ знакомить меня съ графомъ Оссовскимъ? Пани забыла какъ будто, что я невѣста пана Ксаверія Сандецкаго.

— Э! моя милая, пани Франциска, вотъ увидишь графа Оссовскаго и сравнишь его съ женихомъ. Состояніе его въ десять разъ больше, чѣмъ состояніе вашего стараго жениха. Собою онъ въ десять разъ красивѣе пана Сандецкаго, влюбится сразу такъ, какъ Сандецкій на старости своей и влюбиться не можетъ... Да что же говорить! Кажется, вотъ и онъ.

Дѣйствительно, въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги и въ дверяхъ появился во французскомъ платьѣ, въ напудренномъ парикѣ, ожидаемый гость.

Прежде всего Франусю поразила его фигура, походка и манера держаться. Онъ положительно не былъ похожъ на всѣхъ тѣхъ мужчинъ, которыхъ она до сихъ поръ видѣла. Сразу, какъ бы по мановенію жезла волшебника, почувствовала она какую-то робость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и влеченіе. Онъ понравился ей прежде, чѣмъ отодвинулся отъ дверей.

„Какъ странно!“ тотчасъ подумала Франуся.

Госпожа Камели низко поклонилась гостю и, обернувшись къ Франусѣ, показала на нее рукой.

Графъ Оссовскій, увидя дѣвушку, широко раскрылъ глаза, потомъ сдѣлалъ два шага впередъ, снова остановился и снова изумленнымъ взоромъ глядѣлъ на нее, не говоря ни слова.

— Это поразительно! выговорилъ онъ наконецъ.— Эльжбета!.. живая Эльжбета Дзялынская.

Онъ произнесъ это съ такимъ жаромъ, что Франуся невольно смутилась и потушилась.

Графъ Оссовскій приблизился къ самой Франусѣ, взялъ ея руку, прижалъ къ губамъ и три раза поцѣловалъ.

Франуся не отдернула руки, не зная, должна-ли она это сдѣлать, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не имѣя силы сдѣлать это. Она положительно находилась уже подъ какимъ-то очарованіемъ.

Хозяйка тотчасъ же выскользнула изъ гостиной. А графъ сѣлъ около Франуси и сталъ разспрашивать откуда она и когда пріѣхала. Франуся отвѣчала, потушлясь, но наконецъ звонкій смѣхъ его заставилъ ее поднять глаза.

— Я, шутя, разспрашиваю панну. Я давно слышалъ и знаю все... Я видѣлъ бѣдую панн здѣсь, недалеко отъ дома, во время гулянья.

Франуся стала разглядывать лицо графа Оссовскаго и должна была согласиться, что онъ очень красивъ собой и кажетъ гораздо моложе своихъ лѣтъ. Ему можно было дать не болѣе тридцати. Въ красивыхъ чертахъ лица была даже грація, а всего прелестнѣе были болшіе голубые глаза.

Но главное, что поразило Франусю, было его голосъ, невыразимо гармоничный, звучный, будто поющій. Мало того, въ этомъ голосѣ была какая-то власть.

Франусѣ казалось, что этотъ, тихо и нѣжно говорящій съ ней, человѣкъ, своими глазами и своимъ голосомъ очаровываетъ ее все болѣе, потихоньку, нѣжно, опутываетъ ее невидимой волшебной паутиной.

„Что же это такое? мысленно спрашивала себя Франуся.—Вѣдь положительно въ этомъ что-то есть... Какое-то колдовство“.

Бесѣда графа Оссовскаго съ Франусей изъ простой перешла сразу въ такую, какой, казалось Франусѣ, немислимо имѣть съ человѣкомъ котораго почти не знаешь.

Графъ объяснилъ Франусѣ, что когда-то былъ безумно влюбленъ въ ея сестру Эльжбету и продолжаетъ обожать ее. Онъ долженъ былъ временно стараться забыть о ней, такъ какъ ее страшно изуродовала оспа. Но теперь, когда любимая женщина снова стала прежней Эльжбетой, хотя называется Франусей, онъ попрежнему сразу очутился въ ея власти. Онъ безумно любить ее.

Франуся слушала, не зная, что отвѣчать, а между тѣмъ графъ Оссовскій уже давно держалъ ея руки въ своихъ, уже давно цѣловалъ ихъ. Франусѣ казалось, что она не будетъ въ состояніи противиться, что бы этотъ человѣкъ ни сдѣлалъ. Наконецъ, она услышала вопросъ, который немного привелъ ее въ себя и отрезвилъ отъ того оцѣпенія, въ которомъ она находилась.

— Могу-ли я надѣяться, что и панна не оттолкнетъ меня... полюбить меня? Я всю жизнь готовъ посвятить ей.

— Я невѣста, графъ... Свадьба черезъ двѣ недѣли.

— За двѣ недѣли, панн, не только можно успѣть полюбить другаго, за двѣ недѣли можно умереть, за двѣ недѣли можетъ быть свѣтопреставленіе, конецъ всему міру. Я спрашиваю только: можетъ-ли панна полюбить меня?.. И только черезъ день, или два спрошу, любить-ли она меня.

Франуся хотѣла отвѣчать, что не можетъ полюбить его, такъ какъ она дала слово другому человѣку и считается его невѣстой, но вмѣсто этого отвѣтила робко:

— Не знаю.

— Это не отвѣтъ, панн.

— Можетъ быть... не знаю... путалась Франуся и дѣлала невольно такія движенія головой и руками, какъ бы и впрямь, въ дѣйствительности, освобождалась отъ паутины, опутывающей ее съ головы до пятъ.

Въ эту минуту появилась въ гостиной хозяйка и любезно заявила гостю:

— Графъ опоздаетъ, уже десять часовъ... Прошу извиненія, что я напоминаю.

— И хорошо сдѣлала, панн, отозвался графъ, вставая. — Если бы не пришли мнѣ напомнить этого, то я бы остался здѣсь до утра подъ очарованіемъ волшебницы.

Графъ простился съ Франусей и съ хозяйкой и вышелъ. Панна Камели пошла провожать его.

V.

Франуся осталась одна и дико озиралась въ гостиной. Потомъ она взяла себя за голову, какъ бы пытаясь привести въ порядокъ спутанныя мысли; потомъ она вздохнула, встала, прошлась по гостиной и наконецъ, остановившись, произнесла:

„Да, въ этомъ человѣкѣ что-то есть!.. Вѣдь говорятъ же, есть колдуны... Онъ меня околдовалъ. Боже мой, какая разница... Какая страшная разница!“

И эти послѣднія слова были вызваны невольнымъ сравненіемъ, которое напросилось Франусѣ. Предъ ея глазами стояли два человѣка рядомъ: графъ Оссовскій и панъ Сандецкій. И въ эту минуту, если бы Франусѣ предложили выбирать себѣ мужа изъ нихъ двухъ, то она бы разсмѣялась наивности такого предложенія.

„Развѣ возможенъ выборъ? Развѣ можно колебаться хоть одно мгновеніе!“

Франуся такъ глубоко задумалась, что не замѣтила, какъ вошла въ гостиную хозяйка, какъ вслѣдъ за ней вошла Эльжбета и обѣ стояли предъ ней, пересмѣиваясь...

— Ну, какъ правится тебѣ графъ? спросила Эльжбета, и голосъ ея прозвучалъ странною грустью.

Оттѣнокъ этого голоса поразилъ Франусю.

— Какъ онъ правится тебѣ? повторила Эльжбета.

— Онъ очень пріятный собесѣдникъ, отозвалась Франуся.—Очень умный.

— Желаетъ-ли панна вновь его видѣть? спросила госпожа Камели.

— Зачѣмъ? отвѣтала Франуся.— Я не вижу цѣли... Повторяю, вы забываете, что я—невѣста другаго и что мнѣ не хорошо, не честно слушать объясненія въ любви другихъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, я не промѣню моего пана Ксаверія на какихъ бы то ни было легкомысленныхъ красавцевъ, магнатовъ варшавскихъ.

— Ну, это мы увидимъ! разсмѣялась госпожа Камели.—Обѣщай мнѣ только, панн, быть послѣ-завтра въ эту же пору у меня въ гостяхъ и снова я оставлю панну побесѣдовать съ графомъ.

Франуся ничего не отвѣтила.

— Я вижу, что колеблетъ панна. Подумайте, изъ-за чего?

— Я не должна...

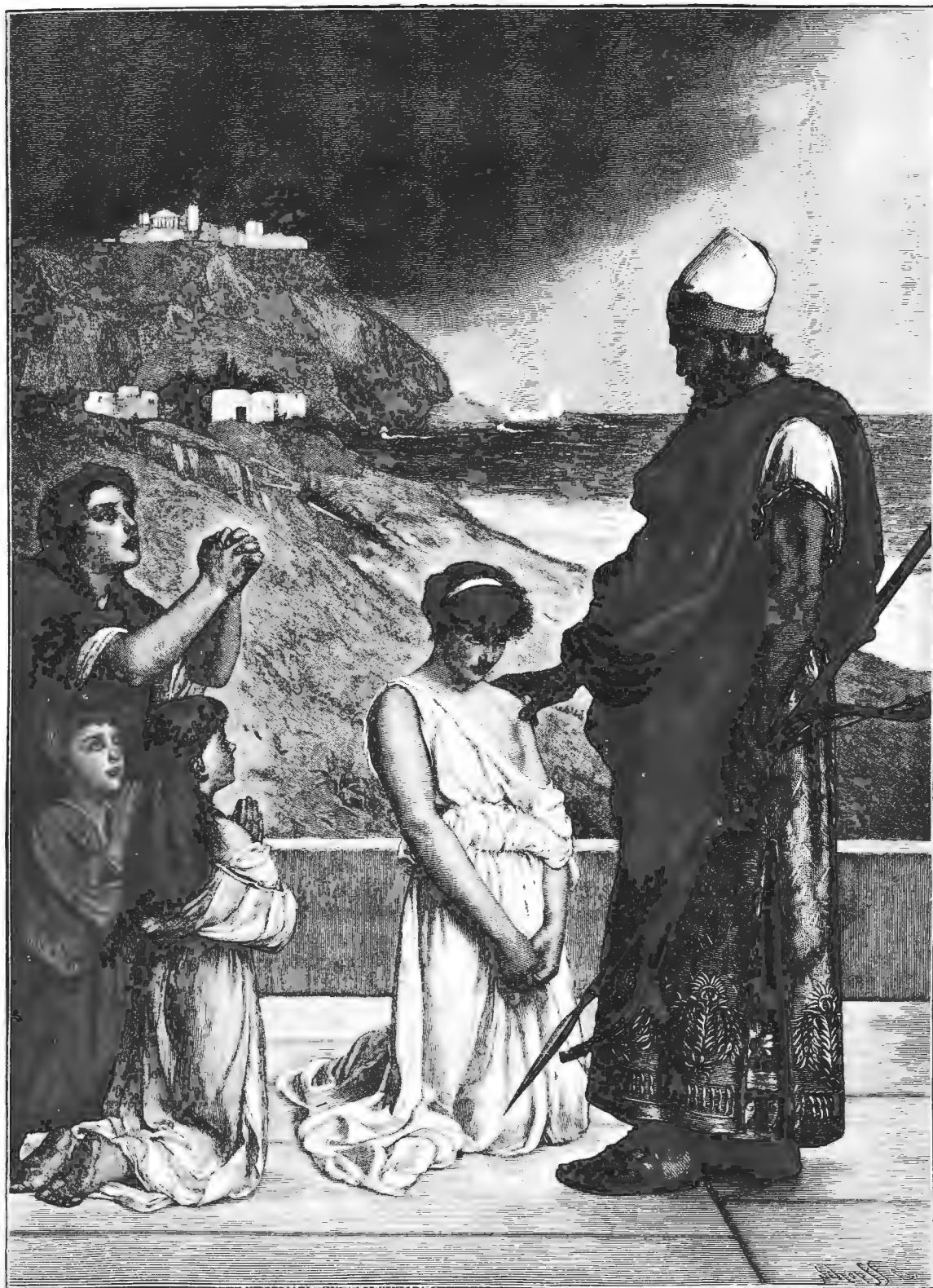
— Пустое, панн. . Вздорь!.. Панна еще разъ повидаетъ графа Оссовскаго и затѣмъ волна дѣлать, что угодно. Хочетъ выходить за пана Сандецкаго замужъ — выйдетъ... Захочетъ выйти замужъ за графа Оссовскаго— тоже выйдетъ. Панну, я знаю, что поражаетъ!.. Паниѣ кажетъ страшною та быстрота, съ которой все это можетъ произойти, но и съ этимъ она скоро примирится. И такъ до послѣ-завтра?

— Конечно, конечно! выговорила Эльжбета.—И отвѣчаю за сестру. Это послѣдняя моя просьба къ ней. Если она ее не исполнитъ, то мы съ ней никогда не увидимся. Я потребую, чтобы послѣ-завтра она была у васъ и еще разъ повидалась съ графомъ. Если она не согласится, она не сестра мнѣ... И я снова вернусь въ мой притонъ и одѣнусь въ мои лохмотья.

— Если такъ, Эльжбета, твердо произнесла Франуся,—то, конечно, послѣ-завтра въ девять часовъ я буду здѣсь.

— Вотъ!.. милая, добрая! воскликнула Эльжбета, цѣлуя сестру.

Цѣлую ночь, цѣлый день затѣмъ Франуся проду-

Милость плѣннымъ. Карг. Кальдерона, грав. Шенфъ.

мала о графѣ Оссовскомъ. Она задавала себѣ все тотъ же вопросъ:

„Что же такое особенное есть въ этомъ человѣкѣ? Ничего и все! И держится онъ не такъ, какъ другіе, и говорить иначе, и смотреть иначе, пронизывая насъ взоромъ своими глазами“.

Когда Франуся спрашивала себя, возможно-ли ей вдругъ отказаться отъ пана Сандецкаго и сдѣлаться невѣстой и женой графа Оссовскаго, то внутренній голосъ говорилъ ей, что все это совершенно возможно, но страшно и страшно.

„А если все это поведетъ къ какому-нибудь обману? Но къ какому же обману? Вѣдь она откажетъ Сандецкому только въ томъ случаѣ, если графъ Оссовскій серьезно, формально сдѣлаетъ ей предложеніе? Вѣдь не можетъ же онъ быть наглымъ обманщикомъ? Не лучше-ли искренно рассказать все жениху? Спросить у него, знающаго всю Варшаву, кто такая эта панна Камели и что за человѣкъ графъ Оссовскій?“

Нѣсколько разъ за весь день собиралась Франуся сдѣлать эти два вопроса жениху—и не рѣшилась. На другой день она хотѣла непременно сдѣлать это, прежде чѣмъ снова ѣхать къ госпожѣ Камели, а между тѣмъ, каждый разъ что она собиралась задать одинъ изъ двухъ вопросовъ Сандецкому, слова замирали на губахъ.

Наступило назначенное время, и Франуся снова вышла въ простомъ платьѣ къ своей сестрѣ, снова надѣла свое бѣлое платье съ бѣлыми розами и черезъ часъ была снова въ гостиной того же богато-отдѣланнаго домика.

Все это будто дѣлала Франуся не сама; все это будто совершалось само собой и въ какомъ-то полуснѣ. Сидя въ той же гостиной, Франуся спрашивала себя, когда и зачѣмъ поѣхала она сюда. Ей захотѣлось очутиться въ ея собственной горницѣ, въ домѣ Сандецкаго. Она готова была въ минуту подняться, сѣсть въ свой экипажъ и скакать домой.

Госпожа Камели и Эльжбета удивлялись мрачному настроенію и задумчивости Франуси, но смѣялись и подшучивали надъ ней. Эльжбета точно такъ же удалилась въ спальню хозяйки, а хозяйка осталась съ Франусей въ гостиной.

Но на этотъ разъ Франуся уже съ тревогой на сердцѣ прислушивалась къ сосѣднимъ горницамъ, и когда тамъ раздались шаги, а госпожа Камели поднялась навстрѣчу къ родственнику, сердце замерло у Франуси.

Графъ Оссовскій вошелъ на этотъ разъ быстро, прямо подошелъ къ Франусѣ, взялъ ее за обѣ руки и долго цѣловалъ ихъ. Потомъ, усадивъ ее на диванъ, опустился передъ ней на колѣни. Франуся, сидѣвшая долго потупившись, подняла наконецъ глаза и увидѣла, что они снова одни въ гостиной. Госпожа Камели исчезла.

На этотъ разъ бесѣда графа съ Франусей продолжалась дольше, но съ первыхъ же словъ Франуся была уже въ полной власти его. Она обѣщала ему подумать, выходить-ли за Сандецкаго, обѣщала все, что просилъ онъ, не помня и почти не зная сама, что обѣщаетъ.

Она хорошо понимала, что онъ говорилъ ей о готовности посвятить ей всю свою жизнь, обожать ее, но Франусѣ смутно помнилось, что слова о бракѣ не было сказано ни единого. Иногда же ей казалось, что графъ говорилъ что-то равнозначущее.

На этотъ разъ, когда они разстались, Франуся должна была сознаться себѣ, что она очарована графомъ Оссовскимъ и бракъ ея съ Сандецкимъ начинаетъ казаться ей совершенно невозможнымъ дѣломъ.

Она, до сихъ поръ кокетничавшая со всѣми, своднившая съ ума и старыхъ и молодыхъ, сама, казалось, лишилась разсудка. Она почти не помнила, какъ уѣхалъ графъ, не понимала, что говорили ей хозяйка и сестра.

Онѣ взяли съ нея слово опять пріѣхать вечеромъ, не назначая дня, а Эльжбета вызвалась написать се-

стрѣ, въ какой именно день графъ Оссовскій явится къ паннѣ.

VI.

Между тѣмъ на другой день Сандецкій напомнилъ невѣстѣ, что въ тотъ же вечеръ балъ у княгини Любомірской, на который они приглашены. Франуся была настолько потрясена всѣмъ съ ней приключившимся, что ничего не отвѣтила, но рѣшила сказать больною.

Послѣ обѣда она уже легла въ постель и послала сказать пану Ксаверію, что хвораетъ и ѣхать не можетъ. Ей казалось, что ей невозможно въ томъ нравственномъ состояніи, въ какомъ она находится, быть среди многолюднаго общества.

Франуся легла въ постель, думая притвориться больной, а между тѣмъ оказалось, что она дѣйствительно немножко нездорова. Она осталась въ постели до сдѣвующаго утра.

Цѣлыхъ два дня подъ-рядъ она нравственно мучилась въ борьбѣ сама съ собой. Но счастью, и Сандецкій, и обѣ его дочери, объясняли состояніе Франуси болѣзнью, иначе могло бы возникнуть подозрѣніе.

Франуся боролась, мучилась и въ концѣ-концовъ истерзалась. Предъ ея воображеніемъ отъ зари до зари стояли два человѣка: ея женихъ и графъ.

Франуся чувствовала, что она положительно страстно влюблена въ этого человѣка, хотя видѣлась съ нимъ всего два раза.

„Онъ колдунъ и больше ничего!“ рѣшила Франуся вмѣсто всякихъ объясненій.

Наконецъ, на третій день утромъ, Сандецкій объявилъ невѣстѣ, что въ этотъ день надо ѣхать на обѣдъ къ сестрѣ короля. Франуся стала отказываться. Сандецкій былъ озадаченъ.

— Помилуй, Господь съ тобой! Развѣ это возможно! Развѣ ты воображаешь, что можно не ѣхать? Пани Краковска та же королева. Отъ такихъ приглашеній не отказываются ссылаясь на простую хворость... Если бы ты была при смерти—другое дѣло. Это невозможно!

Франуся продолжала отказываться, говоря, что она чувствуетъ себя больною и совершенно не въ состояніи быть въ гостяхъ. Сандецкій доказывалъ ей, что гостей у панны Краковской будетъ немного; и такъ какъ будетъ самъ король, то поэтому обѣдъ будетъ чинный, разговаривать придется мало, а ей, въ качествѣ молодой дѣвушки, слѣдуетъ даже побольше молчать и держать себя сдержаннѣе.

Волей-неволей Франуся велѣла приготовить себѣ красивый пунцовый нарядъ, отдѣланный бархатомъ и шитый золотомъ. Начавъ одѣваться, она невольно пріободрилась. Ей показалось вдругъ, что она въ этотъ день красивѣе,—потому-ли, что она поблѣднѣла, или потому, что глаза ея смотрятъ какъ-то особенно задумчиво и тоскливо.

„Да, я сегодня красивѣе!“ рѣшила она наконецъ.

Панъ Ксаверій, придя за невѣстой, остановился и самодовольно усмѣхнулся.

— Отлично, выговорилъ онъ.—Вотъ видишь-ли, сказывалась больною, а поглядѣть на тебя—здоровѣе чѣмъ когда-либо. И знаешь что, пани дьяволенокъ, вѣдь ты нынче еще красивѣе. Я думаю, это случилось потому, что тебѣ все-таки пріятно подумать, какъ ты будешь обѣдать съ самимъ королемъ и съ панной Краковской. Франуся ничего не отвѣтила.

Черезъ полчаса Сандецкій съ дочерью и съ невѣстой были уже въ замкѣ и вступали въ апартаменты паны Краковской.

Двѣ панны Сандецкія и панна Дзялынская были представлены сестрѣ короля пожилою дамой, которая была ея гофмейстериной. Гостей было уже челоѣкъ семь помимо Сандецкихъ. Изъ нихъ Франуся была уже знакома съ двумя мужчинами.

Едва только успѣли они сѣсть, едва только пани

Краковская усѣла что-то спросить у Франуси, какъ ей камергеръ подалъ ей на маленькомъ подносикѣ записку и произнесъ:

— Отъ его королевскаго величества.

— Неужели отказывается? воскликнула панна Краковская.—Вотъ это было бы нехорошо со стороны короля-брата.

Она развернула записку, прочла нѣсколько строкъ и невольно сразу вскинула глаза на Сандецкаго и Франусю. Не только они, но и все общество поняло, что между запиской и паномъ съ его невѣстой было что-то общее.

Въ одно мгновение панна Краковская видимо смутилась, зажала нижнюю губу красивыми зубами, какъ-бы раздумывая и слегка волнуясь. Затѣмъ она чинно поднялась, извинилась предъ обществомъ и вышла изъ гостиной въ сопровожденіи камергера.

Очувтившись въ другой горницѣ, она быстро обернулась къ нему и вымолвила:

— Сейчасъ ступайте... скажите... Ступайте сами... Доложите королю, что это невозможно! Они уже здѣсь...

— Я не понимаю, что изволите?... вѣжливо замѣтилъ камергеръ.

— Король пишетъ, чтобы я не звала обѣдать или избавилась какъ-нибудь отъ пана Сандецкаго и его невѣсты. Скажите скорѣй, доложите, что они здѣсь... Я не могу ихъ выгнать. Тогда пусть король не прѣзжаетъ.

„Пани Краковска“ вернулась въ гостиную. Камергеръ стрѣлой пустился по горницамъ и черезъ минуты двѣ уже скакалъ въ маленькой солитеркѣ по направлению къ Лазенковскому дворцу, въ которомъ находился тогда король.

Въ ту минуту, когда камергеръ повернулъ въ какою-то улицу, чтобы сократить путь, красивая коляска въ восемь лошадей промчалась отъ Лазенокъ. Въ ней былъ король, направлявшійся къ сестрѣ.

Между тѣмъ въ гостиной панны Краковской бесѣда

не клеилась. Хозяйка была видимо взволнована. Ей было неприятно, что король не будетъ на обѣдѣ. А онъ, очевидно, не будетъ.

Это случилось-бы въ первый разъ въ этомъ году, ибо каждый понедѣльникъ братъ-король обѣдалъ у нея. Только самыя важныя государственныя дѣла могли помѣшать этому обычному появленію въ ея апартаментяхъ.

И въ ту минуту, когда панна Краковская начинала уже утѣшаться и примиряться съ мыслью, что король не будетъ, появившаяся гофмейстерина доложила, что король подъѣхалъ къ подъѣзду.

„Пани Краковска“ быстро поднялась, смутилась и, взволнованная, двинулась навстрѣчу.

Гости тоже поднялись и двинулись изъ гостиной въ обѣденный залъ. Всѣ они, червѣкъ до двадцати, стали невдалекѣ отъ входныхъ дверей, въ которыхъ долженъ былъ появиться король.

Панъ Сандецкій стоялъ около Франуси и тихо шепталъ ей:

— Что-то такое приключается тутъ, Франуся. Нашла записку, и я думаю, онъ не будетъ обѣдать, отказывается... Досадно было... А выходитъ, что послѣ записки тотчасъ-же самъ прѣзжалъ.

Франуся почти не слушала и пристально смотрѣла въ двери. Ее интересовала, конечно, король Станиславъ-Августъ, о которомъ она такъ много слышала: въ особенности объ его умѣ и любезности, а главное объ его всесвѣтныхъ побѣдахъ надъ женщинами.

Черезъ нѣсколько мгновений въ дверяхъ появился король въ сопровожденіи сестры и своей свиты. Всѣ гости двинулись навстрѣчу и почтительно наклонили головы. Только одна Франуся не двинулась, стояла, окаменѣвъ, на мѣстѣ и наконецъ схватилась за руку своего жениха. Еще немного — и она упала-бы безъ чувствъ...

Предъ ней, въ видѣ короля Станислава-Августа, стоялъ графъ Оссовскій.

(Продолженіе будетъ).

СЪДОЙ ЛОКОНЪ.

Сказка Георга Эберса.

(Право перевода приобретено редакціей отъ автора).

Была нѣкогда страна прекраснѣе всѣхъ странъ на свѣтѣ, а дворецъ герцога, владѣвшаго ею, стоялъ на берегу озера, такого синяго, что синѣе и представить себѣ невозможно.

Однажды, давнымъ-давно, подъѣхалъ къ этому озеру рыцарь Венделинъ со своимъ оруженосцемъ Юргомъ и нашелъ на его берегахъ однѣ пустынные, голыя скалы. Однако, прежде, повидимому, здѣсь было не то; мѣстами видѣлись еще полуразрушенныя колонны и лежали опрокинутыя мраморныя статуи съ отбитыми руками и ногами. Сохранились старыя каменныя стѣны на откосахъ горъ, которые были когда-то покрыты плодородною землею и виноградными лозами; но дожди давно уже смыли со скалъ слой мягкой земли, а среди разрушившихся построекъ и въ обвалившихся погребкахъ жили лисы, совы и другія ночныя птицы и животныя.

Рыцарь Венделинъ не любилъ предаваться размышленіямъ, но, осмотрѣвшись вокругъ, невольно подумалъ: „Что здѣсь такое произошло?“ Оруженосецъ подумалъ то же самое и пошелъ вслѣдъ за своимъ господиномъ. Рыцарь повелъ коня къ синему озеру, ибо, хотя страна и изобилвала рѣчными руслами, но они представляли одни лишь голые камни, сѣрый, пересохшій гравель, да мелкій песокъ, котораго хватило бы на столькокъ писарей, сколько рыбъ въ морѣ.

— А что если вода здѣсь соленая, какъ въ Мертвомъ морѣ? сказалъ рыцарь; оруженосецъ возранулъ:

— Тѣфу, провастъ! этого только не доставало!

Въ то время какъ Венделинъ подносилъ горсть къ губамъ, чтобы отвѣдать воду — которая, къ сожалѣнію, мало походила на вино — онъ услышалъ какіе-то странные звуки. Они были жалобные и печальные, но въ то же время нѣжныя и пріятныя. Казалось, они исходили изъ жестоко страдающей женской груди, а это было нашему рыцарю какъ разъ на руку; онъ и выѣхалъ-то затѣмъ, чтобы искать приключеній.

Венделинъ дѣйствительно встрѣтилъ ихъ уже не мало; къ сѣду его оруженосца были привязаны семь хвостовъ отъ драконовъ, убитыхъ его господиномъ. Но женщина въ опасности — женщина съ прекраснымъ, нѣжнымъ голосомъ — была такою рѣдкою находкой, какой еще не доводилось встрѣчать рыцарю.

Оруженосецъ замѣтилъ, что глаза Венделина такъ и засверкали отъ удовольствія; онъ потеръ себѣ лобъ и подумалъ:

„Плакать бы тутъ надобно; а нашему рыцарю все въ радость!“

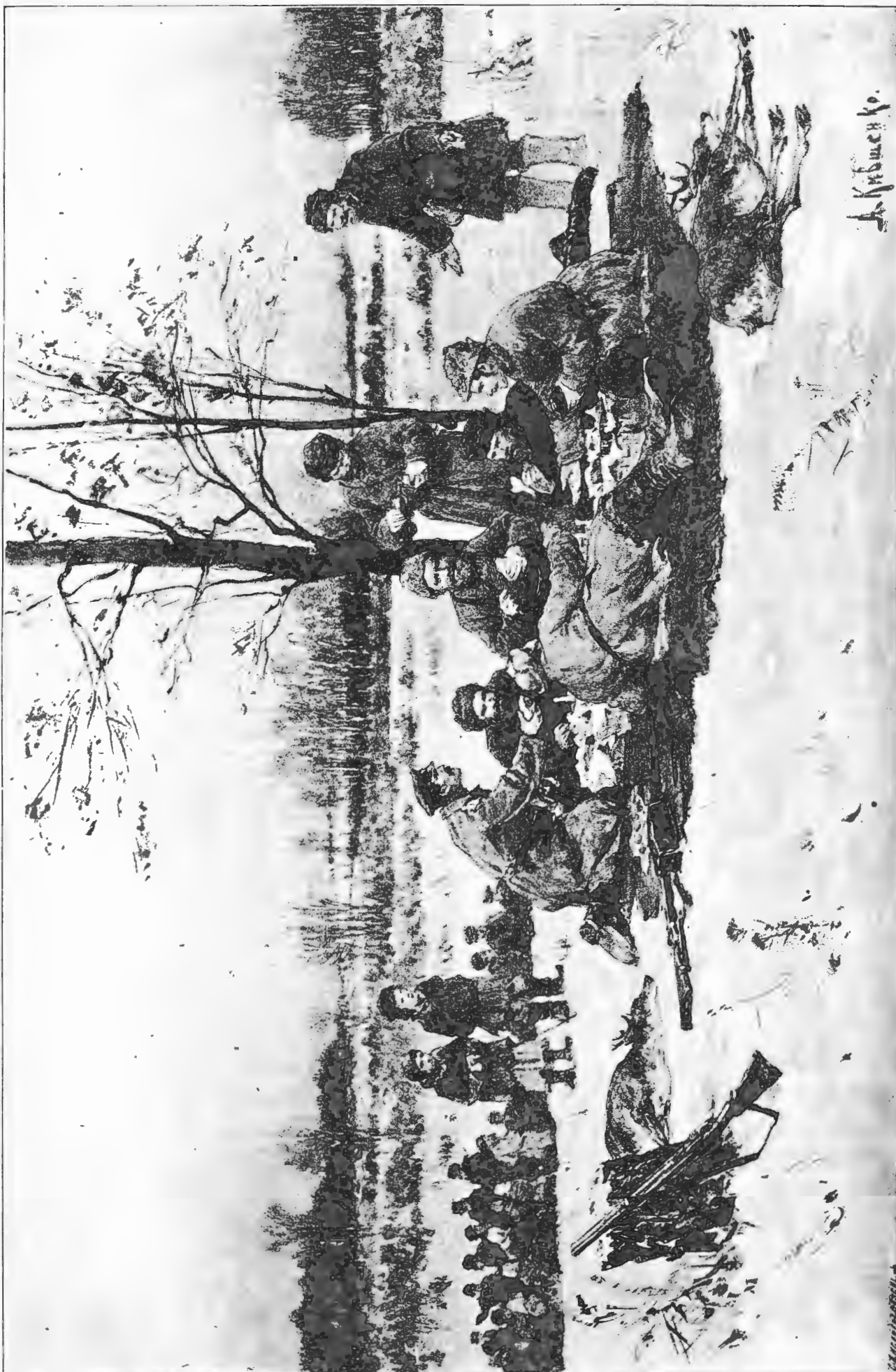
Между тѣмъ вода въ озерѣ была вовсе не соленая, а напротивъ, необычайно сладкая, и когда Венделинъ дошелъ до пещеры, изъ которой доносился жалобный голосъ, онъ увидѣлъ женщину волшебной красоты, красивѣе всѣхъ тѣхъ, которыхъ когда-либо доводилось встрѣчать какъ ему, такъ и посѣдившему уже Юргу. Правда, она была блѣдна, но зато губы ея блистали влажнымъ пурпуромъ, какъ свѣжая земляника; глаза были сини, какъ небо Святой Земли, а волосы золотились, какъ лучи солнца. У рыцаря при видѣ ея сильно забилось сердце, и онъ не могъ выговорить ни слова, но тѣмъ не менѣе успѣлъ разглядѣть, что на рукахъ и ногахъ красавицы были дѣны и что чудные волосы ея скривало изумрудное кольцо, спускавшееся съ потолка. Женщина не замѣчала ни рыцаря, ни оруженосца, который даже прикрылъ глаза рукою, чтобы лучше разглядѣть ее.

Сердце рыцаря закипѣло горячимъ негодованіемъ. Изъ прекрасныхъ глазъ красавицы катились слезы одна за другой и падали на ея одежду, которая была уже такъ мокра, какъ будто ее только-что вытащили изъ озера.

Когда рыцарь замѣтилъ и это, гнѣвъ его смѣнился жалостью, а Юргъ, отличавшійся мягкосердечіемъ, просто заплакалъ навзрыдъ; ужъ очень жалко ему было смотрѣть на плѣнницу. Рыцарь взволнованнымъ голосомъ окликнулъ женщину и объявилъ ей, что онъ германецъ, что зовутъ его Венделиномъ и что онъ выѣхалъ, чтобы убивать драконовъ и защищать своимъ мечемъ всѣхъ страждущихъ и угнетенныхъ. Ему посчастливилось уже во многихъ столкновеніяхъ, и онъ ничего лучшаго не желаетъ какъ сравниться за нее.

Плѣнница перестала плакать, но печально покачала головой, насколько то допускали прикованные волосы, и проговорила:

— Врагъ мой могущественъ. Ты молодъ и красивъ, тебѣ навѣрное ждетъ дома любящая мать, и я не хочу, чтобы тебя постигла участь остальныхъ. Посмотри на это дерево. Эти бѣлые плоды на его иссохшихъ вѣтвяхъ — вѣдь это ихъ че-

Послѣ удачной охоты на дикихъ козъ. Оргл. рис. (собств. „Нивы“) А. Крившенка, грав. Ангереръ.

Адресный столъ въ Петербургѣ. Ориг. рѣс. (собств. „Нивы“) Г. Бролинга, авторпція мастерской „Нивы“.

рена... Иди лучше своею дорогою; злой волшебникъ, который держитъ меня своею плѣнницей и не хочетъ освободить, пока я не обѣщаю быть его женою, скоро вернется сюда. Его зовутъ Мисдраль; онъ силенъ и могучъ. Онъ живетъ вонъ тамъ, въ пустынныхъ скалахъ, на сѣверномъ берегу озера. Прими мою благодарность за доброе желаніе помочь мнѣ и ступай своею дорогою.

Рыцарь и не думалъ слѣдовать ея совѣту. Не теряя лишнихъ словъ, онъ подошелъ къ красавицѣ и взялся за ея волосы, чтобы высвободить ихъ изъ кольца. Но не успѣлъ онъ коснуться изумруда, какъ двѣ темно-коричневыя змѣи выскочили навстрѣчу ему сверкающими глазами.

— Вотъ оно что! промолвила Венделина.

Не долго думая, схватилъ онъ одною рукою обѣихъ змѣй за шеи, другою за хвосты, перервалъ ихъ пополамъ и выбросилъ на прибрежные камни.

Увидѣвъ это, плѣнница вздохнула свободнѣе.

— Теперь я вѣрю, сказала она, — что тебѣ удастся освободить меня. Сними кольцо съ моей руки!

Рыцарь повиновался, и когда онъ коснулся тонкихъ, изящно закругленныхъ пальцевъ красавицы, ему стало тепло и хорошо на сердцѣ и захотѣлось поцѣловать ее. Однако онъ ограничился тѣмъ, что снялъ кольцо и надѣлъ его на кончикъ собственного мизинца.

— Если ты повернешь это кольцо на пальцѣ, сказала женщина, — ты обратишься въ сокола; ибо, знай... Но, увы! горе намъ!.. Видишь, забурлила вода, это она плыветъ сюда.

Не успѣла женщина произнести этихъ словъ, какъ изъ озера, отфыркиваясь, поднялось отвратительное чудовище. Оно казалось огромнымъ кускомъ сѣрой, гнилой пемзы. Изъ глазныхъ впадинъ, вмѣсто глазъ, выглядывали двѣ жабы; вмѣсто волосъ, голова его была покрыта сивою вклокоченною морскою травой, которая падала ему на лобъ и плечи, а вмѣсто зубовъ торчали, осклизши, длинные желѣзные гвозди.

— Хорошъ женишокъ! пробормоталъ оруженосецъ. — Если въ каменномъ тѣлѣ его не найдется мягкаго мѣстечка — пропала моя головушка!

Тѣ же мысли пришли въ голову и рыцарю, а потому онъ не считалъ нужнымъ заносить меча надъ чудовищемъ, а поднялъ большой обломокъ гранита и пустилъ его прямо въ лобъ волшебнику. Тотъ только чихнулъ и провелъ себѣ рукою по лбу, словно отгоняя муху. Потомъ, оглядѣвшись вокругъ и увидѣвъ рыцаря, онъ испустилъ громкое ржаніе и мгновенно превратился въ дракона съ огненной настью. Венделина это порадовало; сражаться съ подобною нечистью было для него привычнымъ, разлюбезнымъ дѣломъ. Но не успѣлъ онъ вонзить свой добрый мечъ въ тѣло чудовища и нанести ему кровавую рану, какъ оно отдѣлилось отъ земли и ринулось на рыцаря уже въ обликѣ грифона. Защита становилась трудна, но Венделина не знала страха и доблестно владѣла рукою и мечемъ, несмотря на какіе новые образы, въ которыхъ падала на него злой волшебникъ. Однако, въ концѣ концовъ, рыцарь замѣтилъ, что силы измѣняются ему. Всѣ мечи его увеличились во сто кратъ, а на рукахъ и ногахъ словно повисло по десятипудровой гирѣ. У оруженосца замерло сердце, и онъ считалъ за лучшее отбѣжать къ сторонкѣ; на этотъ разъ дѣло могло кончиться плохо. Кольна подкосились у рыцаря, и когда великанъ, уже въ образѣ единорога, ударилъ въ его щитъ, Венделина не выдержала и повалилась наземь.

Между тѣмъ чудовище внезапно свернулось въ клубокъ и снова бросилось на противника въ видѣ черной, проворной крысы.

Венделина готовъ была лишиться чувствъ, но въ это время изъ щелеры раздался голосъ плѣнницы:

— Кольцо! вспомни о кольцѣ!..

Рыцарю удалось слегка повернуть кольцо на мизинцѣ большимъ пальцемъ, и въ ту же минуту онъ почувствовалъ себя такъ легко и привольно, какъ никогда. Ему казалось, что ослабѣвшему сердцу его придана упругость стали; ему стало весело и легко на душѣ и страстно захотѣлось подраться, какъ въ былое время, когда онъ былъ четырнадцатилѣтнимъ мальчуганомъ. Какая-то необъяснимая сила толкала его вверхъ, все выше и выше; онъ повиновался ей, свободно и увѣренно махая нестрыми крыльями, которыя мгновенно выросли у него. Пернатая спина его уже касалась облака, а онъ по-прежнему ясно видѣлъ все, что происходило на землѣ. Обострившійся глазъ различалъ мельчайшіе предметы съ такой ясностью, будто они отражались въ чистомъ, полированномъ зеркалѣ. Онъ видѣлъ каждый волосокъ на синихъ крысахъ, и снова необъяснимая сила, которой онъ не могъ и не хотѣлъ сопротивляться, заставила его ринуться внизъ и ударить клювомъ и когтями въ долготу. Венделина превратилась въ сокола, и крыса не въ силахъ была защищаться противъ его грознаго нападенія.

Плѣнница сначала со страхомъ, потомъ съ радостью слѣдила за всѣмъ происходившимъ. Когда же соколъ схватилъ крысу когтями и сталъ наносить ей ударъ за ударомъ, красавица подождала оруженосца и приказала ему снять съ себя оковы. Работа эта такъ понравилась Юргу, пришлась ему такъ по сердцу, что онъ и не думалъ торопиться съ нею.

Освободившись отъ путъ, женщина выпрямилась, потянулась и стала еще во сто кратъ прекраснѣе. Потомъ, взявъ изумрудное кольцо, которымъ волшебникъ сковалъ ея волосы, она бросила его въ воздухъ со словами:

— Соколъ, соколъ, будь тѣмъ, чѣмъ ты былъ прежде. Мисдраль, выслушай свой приговоръ!

Тогда Венделина снова приняла свой рыцарскій обликъ, который показался ему очень тяжелъ послѣ того, какъ онъ побывалъ соколомъ. Крыса же какъ-то вытянулась, вздулась и снова обратилась въ пемзоваго исполина. Но чудовище не поднялось теперь во весь ростъ, а съ визгомъ и воемъ извивалось у ногъ красавицы, словно провинившаяся собака.

— Теперь изумрудъ, въ которомъ таилась твоя власть надо мною, въ моихъ рукахъ, проговорила женщина. — Я могла бы стереть тебя съ лица земли, но имя мое Клементина, т. е. Милосердная. Я ограничусь тѣмъ, что сошлю тебя въ твои скалы и тамъ ты останешься до послѣдняго часа послѣдняго дня. Панаука, Панарука, — изумрудъ, дѣлай свое дѣло!

Тогда пемзовый исполинъ сталъ огненно-краснымъ, какъ раскаленное желѣзо. Онъ все-таки поднялъ кулакъ, чтобы погрозить Венделину, и затѣмъ бросился въ озеро, откуда поднялся паръ, вода зашипѣла, закипѣла и сомкнулась надъ чудовищемъ.

Теперь рыцарь и красавица остались одни; она спросила Венделина, чѣмъ можетъ отблагодарить его, и онъ не могъ придумать ничего иного, какъ то, чтобы она стала его женою и посѣдовала за нимъ на его родину, въ Германію.

Но женщина слегка покраснѣла и сказала печально:

— Я не могу покинуть эту страну и не могу быть женою смертнаго. Но я знаю, какъ слѣдуетъ награждать героевъ, и потому дарю тебѣ свой поцѣлуй.

Венделина преклонилъ коленъ; красавица обняла его голову своими стройными руками и слила уста съ его устами.

Оруженосецъ, увидѣвъ это, потихоньку вздохнулъ и прошепталъ:

— И отчего это мой отецъ былъ простымъ мельникомъ? Какъ посмотришь, что только ни доступно этимъ рыцарямъ!.. Но я полагаю, что поцѣлуемъ дѣло не окончится, а будетъ что-нибудь на придачу, либо скатерть-самобранка, либо что другое.

Но Клементина даровала своему избавителю еще болѣе цѣнную награду. Замѣтивъ, что во время боя со злымъ волшебникомъ у него посѣдѣла на лѣвомъ вискѣ прядь волосъ, она сказала:

— Отнынѣ страна эта будетъ принадлежать тебѣ, а такъ какъ въ борьбѣ со зломъ у тебя посѣдѣлъ одинъ локонь, то ты будешь называться впредь герцогомъ Гризо. Всѣ владѣтельные князья и самъ императоръ признаютъ за тобою достоинство, которое я даю тебѣ, моему избавителю. И каждый разъ, когда въ царственномъ домѣ, коего я тебя назначаю родоначальникомъ, родится ребенокъ, я буду его восприемницей. Всѣхъ сыновей твоего рода, отъ перваго до послѣдняго, будетъ украшать серебряный локонь, будутъ-ли они черноволосые, русые или бѣлокурые. Эта сѣдая прядь будетъ служить для твоихъ потомковъ ручательствомъ, что они могутъ ожидать отъ жизни всякихъ благъ. Но власть моя имѣетъ предѣлы, и если у одного изъ твоихъ потомковъ будетъ отсутствовать сѣдая прядь, значитъ болѣе могущественныя силы помѣшаютъ мнѣ пролить надъ нимъ свои дары и отъ него самого будетъ уже зависѣть, какъ устроить свою жизнь... Еще одно слово: Отдай мнѣ кольцо и возьми взаменъ это зеркало, въ которомъ ты и твои близкіе можете во всякое время увидѣть то, что имъ дорого, какъ бы далеко оно ни находилось.

— Значитъ, я могу всегда вызвать твой образъ, красавица! воскликнулъ рыцарь.

Волшебница усмѣхнулась и проговорила:

— Итъ, герцогъ Гризо, зеркало властно вызывать только изображенія смертныхъ; но я укажу тебѣ жену, которую ты будешь видѣть охотнѣе, чѣмъ любую волшебницу въ зеркалѣ. Еще разъ благодарю тебя! Ты владѣтельный герцогъ; прими же свое царство!

Съ этими словами волшебница исчезла. Въ воздухѣ раздался тихій звонъ и шелестъ, и пустыня одѣлась свѣжею растительностью; пересохшія русла рѣкъ наполнились прозрачною, струящеюся водой, а по берегамъ ихъ возникли дѣвущія аллеи, тѣнистые лѣса и роицы. Развалившіяся стѣны на откосахъ горъ укрѣпились, встали на мѣста, а склоны покрылись плодородною землею, поросшею фруктовыми деревьями и виноградниками. Селенія и города вынырнули изъ-подъ земли. Великолѣпныя сады съ цвѣтами, оливковыми, померанцевыми, лимонными, фиговыми и гранатовыми деревьями, украсились темными или золотистыми плодами и фруктами. Вблизи мѣста, гдѣ была заключена волшебница, выросъ паркъ несравненной красоты съ журчащими ручейками, высоко бьющими фонтанами, крытыми верандами и серебряными и золотыми стѣнками, по которымъ живописно вились, цѣпляясь тысячами побѣговъ и усиковъ, роскошныя вьющіяся растенія.

Разрушенныя колонны встали на свои мѣста, у мраморныхъ статуй выросли носы и руки, а на заднемъ планѣ всего этого великолѣпія, молодой герцогъ увидѣлъ какъ-бы туманное пятно, которое, постепенно опредѣляясь, приняло, наконецъ, очер-

танія герцогскаго дворца съ балконами, башнями, колоннадами, бронзовыми и мраморными статуями по краямъ широкой, плоской крыши.

Оруженосецъ Юргъ широко раскрылъ ротъ, но, войдя въ сѣни, снова закрылъ его, чтобы дать ему отдыхъ для предстоящей работы; ибо изъ кухни доносился пріятный запахъ жаренаго, а такъ какъ голодъ его былъ сильнѣе любопытства, то онъ тотчасъ же приказалъ услужливому повару позаботиться объ удовлетвореніи его аппетита.

Между тѣмъ рыцарь Венделинъ обходилъ залы и покои дворца; по его галереямъ и коридорамъ вездѣ толпились лакеи, стражи и гайдуки, изъ конюшенъ доносился тонотъ крѣпкихъ коней придворныхъ коней и звяканье цѣней о ясли. Хоры трубачей играли тушь и тысячеголосая толпа, собравшаяся на переднемъ дворѣ замка, не умолкая кричала: „Да здравствуетъ нашъ свѣтлѣйшій герцогъ Гризо!“

Рыцарь спешительно кивалъ головою своимъ добрымъ подданнымъ, и когда канцлеръ, съ глубокимъ поклономъ, въ вычурной рѣчи, перечислилъ благородному герцогу все его заслуги передъ страной,—о которыхъ самъ Венделинъ ровню ничего не зналъ,—онъ выслушалъ канцлера самымъ серьезнымъ образомъ.

Утомленный уже многочисленными приключеніями, Венделинъ не безъ удовольствія сидѣлъ теперь на спокойномъ тронѣ. Впрочемъ, онъ старался быть достойнымъ того высокаго положенія, которое дала ему волшебница; и когда, начавъ съ азбуки, основательно изучить искусство управленія государствомъ, онъ отправился въ Германію. Тамъ онъ прошилъ руки своей кузины Вальбурги; привезъ ее съ собою въ замокъ и счастливо царствовалъ вмѣстѣ съ нею много-много лѣтъ. Пять сыновей, которыхъ подарила ему жена, все явились на свѣтъ съ сѣдыми локонами. Они сдѣлались доблестными мужиками, служили своему отцу вѣрными вассалами, братски любили другъ друга и частыми походами расширили границы своего государства.

Такъ прошло много лѣтъ. Одинъ потомокъ храбраго Венделина слѣдовалъ за другимъ; перенецъ всегда носилъ имя родоначальника, и на крестинахъ каждаго изъ сыновей всегда присутствовала волшебница Клементина.

Положимъ, никто не видѣлъ ее, но пѣанный звонъ, раздававшійся по всему дворцу, извѣщалъ ея присутствіе, а когда звонъ прекращался, сѣдая прядь на лѣвомъ вискѣ новорожденнаго оказывалась свисшеюся серебристымъ локономъ.

Прошло пять столѣтій и, наконецъ, снесли въ могилу герцога Венделина XV.

Съ болѣе роскошнымъ сѣдымъ локономъ еще не являлся на свѣтъ ни одинъ изъ Гризовъ, а между тѣмъ онъ рано закрылъ глаза. Мудрецы страны утверждали, что на долю каждаго особенно счастливаго человѣка полагается извѣстная мѣра счастья, а Венделинъ XV, за тридцать лѣтъ своей жизни, успѣлъ исчерпать ее всю.

И дѣйствительно, этому герцогу все удавалось съ дѣтства. Когда онъ былъ еще кронпринцемъ, отъ него ожидали чего-то особеннаго, и, несмотря на такія ожиданія, онъ все-таки сдѣлался прекраснымъ правителемъ. Все любили его, войско подъ его предводительствомъ шло отъ побѣды къ побѣдѣ; во все время его царствованія одна богатая жатва смѣняла другую и, наконецъ, женою его стала красивѣйшая и добродѣтельнѣйшая дочь владѣтельнаго князя.

Венделинъ XV нашелъ смерть въ пылу битвы, когда со всѣхъ сторонъ слышался уже побѣдный кликъ его арміи. Все, чего можетъ желать человѣческое сердце, было дано ему; одного лишь счастья онъ былъ лишень при жизни,—счастія имѣть потомство. Но, по крайней мѣрѣ, онъ умеръ съ надеждой оставить послѣ себя наследника.

На зубчатыхъ стѣнахъ замка развѣвались черные флаги, колонны въ высокихъ сѣняхъ были обвиты флѣромъ, золотыя кареты покрыты чернымъ лакомъ, въ гривы и хвосты герцогскихъ коней вилели черныя ленты. Егермейстеръ велѣлъ выкрасить въ звѣриницѣ всѣхъ пестрыхъ птицъ въ темные цвѣта, а учитель приказалъ школьникамъ обернуть тетрадки черными обложками. Опереточные цѣвцы пѣли однѣ грустныя арии, въ минорномъ тонѣ, и каждый изъ вѣрно-подданныхъ считалъ долгомъ наложить на себя знаки траура. Когда, какъ разъ въ это время, рубиново-красный носъ придворнаго виночерпья принялъ фіолетовый оттѣнокъ, гофмаршалъ нашелъ это совершенно естественнымъ. Даже къ свивальникамъ грудныхъ младенцевъ пришивали черныя завязки. Горе было также въ сердцахъ, но въ особенности въ сердцахъ вдовствующей молодой герцогини. Она тоже сбросила все яркіе цвѣта и ходила въ глубокомъ-глубокомъ траурѣ; но ея прекрасные, кроткіе глаза, противъ всякаго дворцоваго этикета, были ярко-красны отъ пролитыхъ слезъ.

Охотнѣ всего она сама слѣдовала бы въ могилу за суругомъ; но сладкая надежда и ожиданіе отрадныхъ обязанностей удержали ее въ живыхъ и бросили мягкій солнечный лучъ въ мрачное будущее, которое казалось ей чернѣе траурныхъ одеждъ окружающаго ее двора.

Такъ прошло пять долгихъ мѣсяцевъ, и въ первый день шестаго, съ крѣпостныхъ стѣнъ резиденціи раздались пунеч-

ная пальба. Выстрѣлы одинъ за другимъ потрясли воздухъ, но не могли нарушить сна мирныхъ гражданъ.—и безъ того въ эту ночь никто не сомкнулъ глазъ. Даже старожилы не могли запомнить ничего подобнаго. Со скалистыхъ береговъ сѣверной части озера, гдѣ жилъ злой волшебникъ Мисдраль, поднялась непогода и разразилась надъ городомъ и герцогскимъ дворцомъ. Громъ, трескъ, свистъ и шумъ стоялъ такой, какого можно ожидать лишь въ день Страннаго Суда. Молнія прорывала воздухъ не такъ, какъ обыкновенно—тонкою, зубчатою стрѣлой, быстрою, какъ сама молнія,—но падала на землю въ видѣ огненныхъ шаровъ, изъ которыхъ, къ счастью, ни одинъ не произвелъ пожара. Часовые на башнѣ рассказывали, что на темномъ небѣ,—подобно млечному потоку по черной шерсти,—текла какая-то серебристо-бѣлая масса, и съ высоты, съвозъ шумъ вѣтра и грохотъ бури, слышались нѣжные звуки струнъ. Звукъ эти слышали многие изъ городекихъ жителей, а придворный фортепьянный мастеръ объявилъ даже, что они напоминали звукъ его собственныхъ инструментовъ,—конечно, не изъ самыхъ лучшихъ.

Когда началась пальба съ крѣпости, жители выходили на улицу, а метельщики, которые убирали унавшие съ крышъ листы желѣза и кирпичи, отложили въ сторону метлы и стали слушать. Фейерверкеръ издержалъ въ этотъ день много пороха, а горожане, считавшіе выстрѣлы, потратили не мало времени; пальба не было конца. Шестидесять выстрѣловъ означали рожденіе принцессы, сто одинъ—принца. Когда послышался шестидесять первый выстрѣлъ, все возликовало, ибо поняли, что герцогиня разрѣшилась отъ бремени сыномъ; но когда за сто первымъ слѣдовалъ сто второй, одинъ находчивый адвокатъ первымъ предположилъ, что родился мальчикъ и дѣвочка; при сто восьмидесятомъ, школьный учитель, котораго жена наградила семью дѣвочками, воскликнулъ: „Должно быть тройня!“—*femenini generis!* Но это предположеніе было устраниено сто восьмидесять первымъ выстрѣломъ, и когда, наконецъ, пальба прекратилась на двѣсти второмъ, не оставалось больше сомнѣнія, что обожаемая монархія разрѣшилась двумя мальчикамими.

Весь городъ ликовалъ. Траурные флаги замѣнились пестрыми, національныхъ цвѣтовъ. На окнахъ магазиновъ снова появились красныя, желтыя и голубыя матеріи, придворные разгладили морщины на лбу и стали утрачивать себя въ радостныхъ улыбкахъ.

Все были счастливы,—только астрологъ, старыя бабы да ученые сомнительно покачивали головами. Несомнѣнно, что дѣти, родившіяся въ такую почъ, явились на свѣтъ при дурныхъ предзнаменованіяхъ. Но и въ самомъ дворцѣ радость была не полная. Наиболѣе вѣрные изъ слугъ казались чѣмъ-то озабочены и съ тревогой шептались между собой.

Надо сказать, что хотя оба мальчика родились совершенно здоровыми и правильно сложенными, но у родившагося вторымъ недоставало сѣдой пряди волосъ, которая до тѣхъ поръ украшала каждаго новорожденнаго Гризо.

Дворецкій Пене, прямой потомокъ оруженосца Юрга, который хорошо зналъ исторію Венделина I, такъ какъ слышалъ ее изъ устъ своего дѣда,—былъ такъ убитъ, какъ будто его постигло большое несчастье; и когда, вечеромъ, виночерпій, хранитель серебра и главный краувій сидѣлъ вмѣстѣ съ нимъ за стаканомъ вина, онъ не скрывалъ отъ нихъ своихъ опасеній. Вслѣдъ за нимъ и у другихъ сложилось убѣжденіе, что въ двери счастливаго герцогскаго дома Гризо постукалась бѣда.

Младшему мальчику предстояла суровая участь. Такъ думала не только домашняя челядь, но и весь придворный штатъ, ибо составленный астрологомъ гороскопъ былъ извѣстенъ каждому. Все мудрецы были согласны съ мнѣніемъ звѣздочета, и вскорѣ оказалось, что сама волшебница Клементина безсильна противъ угрожающей второму принцу злой участи: въ день крестинъ не слышно было ни нѣжныхъ звуковъ, ни благоуханія, обозначающаго ея присутствіе. Она не осталась совсѣмъ чужда герцогскому дому, ибо бѣлая прядь волосъ на вискѣ перворожденнаго принца завилась серебристымъ локономъ; но волосы втораго ребенка остались каштановыми, и даже въ увеличительное стекло нельзя было найти въ нихъ ни одной бѣлой нити. Все это наполнило сердце молодой матери глубокою тревогой. А когда она позвала старую Нонну, которая вынаивчала еще ея покойнаго суруга,—чтобы разспросить, какъ было дѣло при его крещеніи,—старуха разразилась громкими рыданіями и открыла герцогинѣ все, что предсказывали мальчику астрологъ и мудрецы. Герцогъ Гризо, которому придется прожить жизнь безъ сѣдаго локона! Это было нѣчто неслыханное, нѣчто ужасное; и старая нянька нѣсколько разъ повторила, говоря о второмъ мальчикѣ, что онъ „дити несчастья, бѣдный, обездоленный маленькій принцъ!“

Тогда герцогиня вспомнила, что она въ предыдущую ночь видѣла во снѣ, какъ драконъ нападалъ на ея младшаго мальчика. Великій страхъ объялъ ея душу; она велѣла принести себѣ ребенка и, когда его положили воалѣ нея голенькаго, стала ощущать своими ослабѣвшими руками его маленькую

круглую головку, прямую спинку и стройные ножки. О, какъ это благотворно на нее подействовало!

Мальчикъ былъ сложенъ безукоризненно и, если ему чего не доставало, то всего только сѣдаго локона. Молодая мать не могла вдоволь насмотрѣться на него и наконецъ, склонившись надъ ребенкомъ, проговорила вполголоса:

— Милое, дорогое дитя, ты такъ же дорогъ и близокъ мнѣ, какъ твой братъ. Онъ будетъ герцогомъ, но это счастье не такъ ужъ велико, и мы не станемъ его оснаривать. Подданные доставятъ ему въ свое время не мало заботъ. Для нихъ онъ долженъ расти сильнымъ и крѣпкимъ, и, конечно, кормилица дастъ ему болѣе питательную пищу, чѣмъ я, слабая женщина. Но тебя, бѣдное, дорогое, несчастное дитя, и буду кормить собственною грудью, и если ты не будешь счастливъ въ жизни, вина будетъ не моя.

Когда явился главный пасторъ, чтобы спросить, какое имя намѣрена дать герцогиня второму мальчику, такъ какъ первый несомнѣнно долженъ называться Венделиномъ XVI, она снова вспомнила свой сонъ и проговорила торопливо:

— Георгиемъ, такъ какъ онъ побѣдилъ дракона.

Старикъ сочувственно посмотрѣлъ на герцогиню и сказалъ серьезно:

— Да, это хорошее для него имя.

Время шло, и оба принца благополучно росли. Георга кормила сама мать, Венделина—кормилица. Они выучились въ свое время лепетать, потомъ бѣгать, потомъ говорить, ибо въ этомъ отношеніи нѣтъ никакого различія между сыновьями герцога съ сѣдыми локонами и самыми обыкновенными мальчуганами. И, несмотря на то, ни одинъ ребенокъ не похожъ въ сущности на другаго. Если бы нашлся такой выродокъ изъ школьныхъ учителей, который пожелалъ бы написать идеальную книгу о воспитаніи, въ ней пришлось бы сдѣлать столько главъ, сколько на свѣтѣ мальчиковъ и дѣвочекъ, а следовательно, книга вышла бы не изъ тонкихъ.

Что же касается нашихъ царственныхъ близнецовъ, то въ нихъ уже съ первыхъ дней жизни выразилось большое несходство. Волосы Венделина были гладки и, если бы не сѣдой локонъ,—который въ видѣ серебрянаго вопросительнаго знака висѣлъ на его лѣвой високѣ,—были бы совершенно черны: у Георга же были свѣтло-русые, курчавые волосы. Роста они были одинаковаго до семилѣтняго возраста, но затѣмъ младшій сталъ тянуться болѣе старшаго. Они очень любили другъ друга, но игры, которыя нравились одному, рѣдко приходились по вкусу другому, и можно было подумать, что глаза ихъ созданы по различному рецепту, ибо то, что Георгу казалось бѣлымъ, братъ его видѣлъ часто въ черномъ цвѣтѣ.

За обоими былъ установленъ тщательный присмотръ: ни тотъ, ни другой никогда не оставались одни. Старшему это

нравилось: онъ любилъ лежать спокойно, когда его обмахивали опахалами и отгоняли отъ него мухъ; при этомъ онъ требовалъ, чтобы ему разсказывали сказки, которыя охотно слушать, пока не задремлетъ. Удивительно было, какъ крѣпко и долго онъ могъ спать. Придворные говорили, что онъ набирался силъ для тяготъ будущаго правленія.

Онъ еще не научился порядочно говорить, но уже отлично умѣлъ приказывать и никогда не пошевелилъ пальцемъ тамъ, гдѣ другіе могли за него что-нибудь сдѣлать. При этомъ его спокойное лицо съ большими усталыми глазами было такъ необычайно красиво, что сама мать смотрѣла на него со страхомъ и уваженіемъ, какъ на нѣчто сверхъестественное. За него ей не приходилось тревожиться: во всей странѣ не было болѣе послушнаго, примѣрнаго мальчика.

Совесть не таковъ былъ Георгъ—«дитя несчастна». За нимъ всегда требовался самый бдительный надзоръ; шалости какъ будто гнѣздились у него въ крови, и можно было подумать, что онъ намѣренно призываетъ на свою голову несчастья, которыя и безъ того угрожали ему. Онъ при всякой возможности ускользалъ отъ наблюденія приставленныхъ къ нему лакеевъ и сторожей; придумывалъ головоломныя игры, къ участію въ которыхъ привлекалъ также сыновей садовниковъ и служащихъ въ замкѣ.

Стронть и вѣчно стронть—было его маніей.

Онъ то сооружалъ дома изъ камней, то рылъ глубокія пещеры съ залами и коридорами. При этомъ онъ работалъ усерднѣе всѣхъ своихъ сверстниковъ, и когда возвращался во дворецъ, весь въ грязи, въ капляхъ пота на лбу, придворные задумчиво покачивали головами и съ удовольствіемъ переводили глаза на Венделина, который, какъ истый герцогскій сынъ, никогда не начкалъ своихъ бѣлооцѣнныхъ рукъ.

По всему видно было, что Георгъ сортомъ пониже своего высокороденнаго брата. Когда старшій жаловался на жару, младшій, не долго думая, кидался въ озеро. Когда Венделину было холодно, Георгъ восхищался свѣжимъ, бодрящимъ воздухомъ. За нимъ герцогиня хотѣла бы имѣть сто глазъ; ей часто приходилось бранить и порицать его, тогда какъ старшій сынъ слышалъ отъ нея однѣ только похвалы. Но за то, когда Георгъ, совершенно не по-герцогски, стремительно бросался къ ней на грудь, она ласкала и цѣловала его и не могла выпустить изъ своихъ объятій; когда же хотѣла быть особенно нѣжна съ Венделиномъ, то только прикасалась губами къ его лбу или гладила его по головѣ. Георгъ былъ далеко не такъ крѣпокъ, какъ его братъ; у него было просто розовое, свѣжее дѣтское лицо, но за то взглядъ его глазъ былъ необычайно глубокъ и искрененъ; въ этомъ взглядѣ герцогиня читала все то, къ чему стремилось ея собственное сердце.

(Продолженіе будетъ).

Литературныя бесѣды.

Гоголевскія повѣсти.

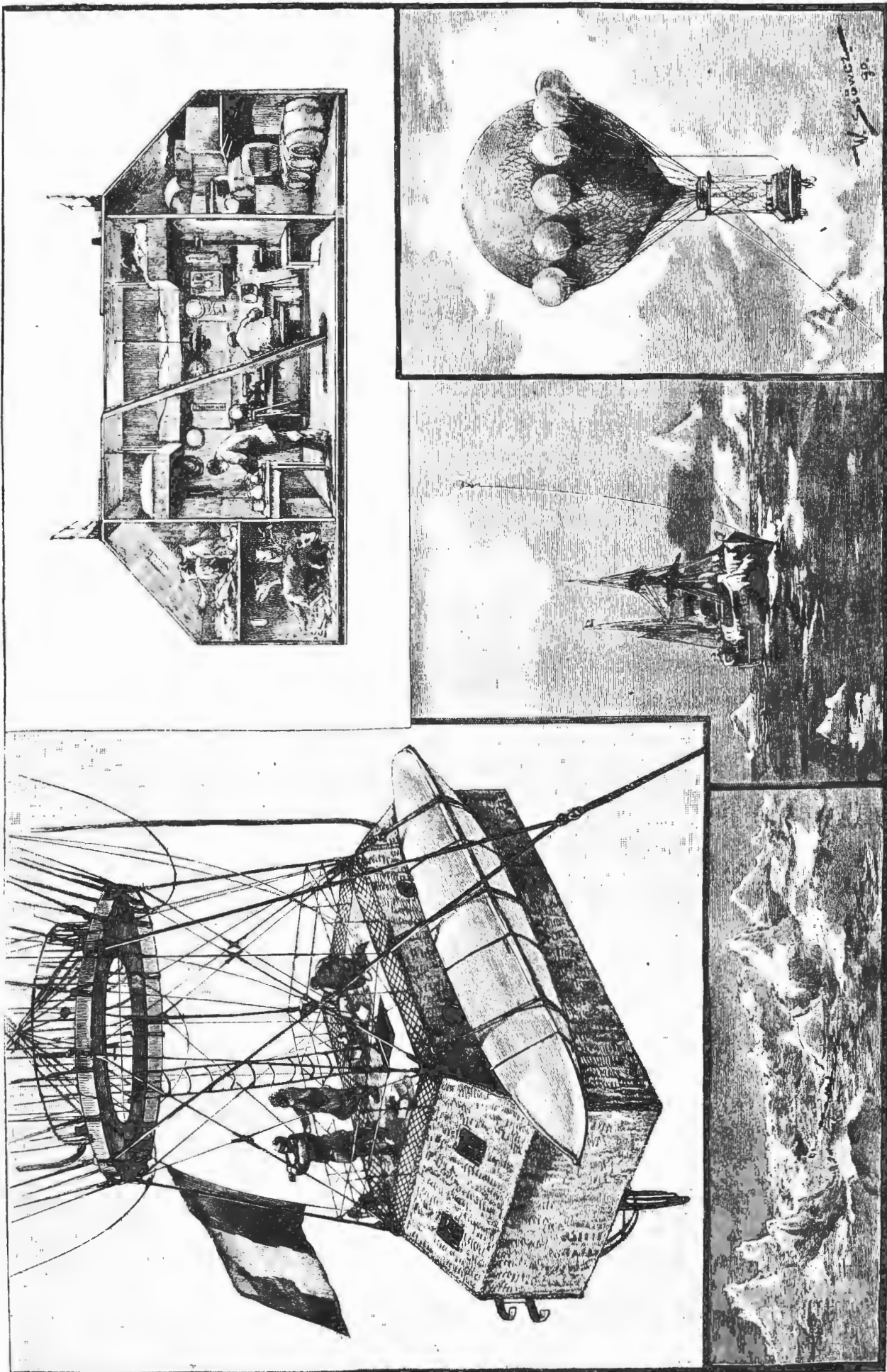
Гоголь началъ свое великое литературное поприще, какъ извѣстно, «Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки». За ними непосредственно слѣдовалъ рядъ роскошныхъ повѣстей, повѣстныхъ нодъ общими заглавіемъ «Арабески и Миргородъ» («Старосвѣтскіе помѣшники», «Вій», «Тарасъ Бульба», «Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ», «Невскій просектъ» и пр.), къ которымъ позже прибавилось уже не многое, завершеное «Шинелью» въ 1842 году. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣстей были замѣчательно измѣнены къ изданію 1842 года, выигравъ и въ художественности, въ формѣ, и въ значительности содержанія. Разсматривая эти произведенія Гоголя въ порядкѣ ихъ появленія, невозможно не поразиться необычайно быстрымъ ростомъ и раскрытіемъ гениальнаго таланта ихъ автора,—съ каждымъ новымъ шагомъ великій творецъ «Тараса Бульбы» обнаруживалъ ширь и мощь проникновенія въ законы жизни, мысль его крѣпла, и возрѣнія на дѣйствительность становились серьезнѣе и глубже. Тѣмъ не менѣе, въ общей суммѣ дѣятельности Гоголя, по общепринятому возрѣнію, повѣсти его имѣютъ не первостепенное мѣсто и значеніе; произведенія позднѣйшія, крупныя, какъ «Ревизоръ» и «Мертвыя души» и пр., съ которыми связываются представленія объ общественныхъ заслугахъ, о раскрытіи золь общественной жизни русской, объ опредѣленіи ея характера,—они ставятся истиннымъ основаніемъ славы Гоголя, вѣчной славы, неувидающей.

Но если смотрѣть на поэзію не только какъ на средство постановки и рѣшенія общественныхъ вопросовъ, если она должна учить и воспитывать людей въ сферѣ ихъ повседневныхъ душевныхъ движеній, чувствъ и мыслей, составляющихъ основаніе, почву для мыслей и чувствъ высшаго порядка, каковы общественныя и общеміровыя, — то простины повѣсти Гоголя, безпритязательныя по глубокія, вырастутъ въ нашихъ глазахъ до огромныхъ явленій въ русской литературѣ.

«Вечера на хуторѣ», въ которыхъ отразилась родина великаго поэта, Малороссія, дышатъ такою свѣжестью, молодостью впечатлѣній, такою упительною поэзіей! Читатель переживаетъ въ нихъ съ авторомъ годы молодости, годы непо-

средственнаго сліянія съ міромъ, годы радостнаго созерцанія природы и жизни, еще не смущеннаго опытомъ и утомленіемъ, горькими сомнѣніями и разочарованіями. Какъ упительны прекрасны лѣтній день и лунная чарующая ночь въ произведеніяхъ Гоголя, какъ незлобивъ и мягокъ его юморъ, съ которымъ онъ относится къ явленіямъ людской жизни! Вѣчно погруженнымъ въ тяжкія заботы мелкой дѣйствительности, утомленнымъ уже жизнью людямъ—и тѣмъ отрадно на мгновеніе отрѣшиться отъ гнетущихъ и втягивающихъ мелочей и погрузиться въ созерцаніе картины, гдѣ «мѣсяцъ блистательно и чудно плыветъ въ необъятныхъ пустыняхъ роскошнаго украинскаго неба», гдѣ въ вышнѣй «торжественно дышетъ» и «величественно догораетъ» ночь, божественная ночь, а также «прекрасна земля въ дивномъ серебряномъ блескѣ».

Но чѣмъ дальше вы идете съ Гоголемъ, тѣмъ болѣе и болѣе начинаютъ звучать нныя струны жизни, развертываются передъ вами нныя перспективы. Народныя повѣрья родной Малороссіи сообщаютъ повѣствованіямъ великаго поэта жизни дѣйствительной, какъ называетъ Гоголя Бѣлинскій, строгій колоритъ, и, напр., въ «Странной местѣ», среди роскошной природы и игриво комической жизни, возбуждающей развѣ смѣхъ, передъ вами уже суровая игра страстей человѣческихъ, трагическій мрачный характеръ которыхъ уже обнимаетъ васъ, томитъ и волнуетъ. И рядомъ съ этимъ глубокія нравственныя основанія жизни выдвигаются на этомъ фонѣ въ одно и то же время мрачнаго и прекраснаго, чарующаго разсказа. «Великую обиду нанесъ мнѣ сей человѣкъ: предавъ своего брата, какъ Иуда», говоритъ одинъ изъ героев трагедіи на судѣ Вождемъ, и избрѣтаетъ странную казнь. «Странна казнь, тобою выдуманная, человѣче!» сказали Богъ, «пустъ будетъ все такъ, какъ ты сказалъ: но и ты сиди вѣчно тамъ на конѣ своемъ и не будетъ тебѣ Царства Небеснаго, покаместъ ты будешь сидѣть тамъ на конѣ своемъ!» Вотъ нравственный смыслъ народнаго преданія, облеченнаго въ чудныя формы колоссальною фантазіей Гоголя: избрѣгающій мѣсть, самъ для себя приготовилъ осужденіе и наказаніе. Попытки въ фанта-

Гондола съ обсерваторіей.
На лыжахъ въ области льдовъ.

Аэростатъ на привязи
у парохода.

Внутренній видъ гондолы.

Аэростатъ съ добавочными шарами и гондолой.

Предполагаемая экспедиція къ Сѣверному полюсу на аэростатъ.

стическомъ родѣ, какъ „Страшная мѣсть“ и вскорѣ за нею созданныя „Вій“, „Портретъ“ въ „Арабескахъ и Миргородѣ“ и т. п., по общему замыслу не всегда удавались Гоголю; но они блестятъ такими мощно поэтическими частностями, которыя заставляютъ насъ не замѣчать недостатки, и всегда носить на себѣ печать высокихъ нравственныхъ законовъ, правящихъ жизнью.

Быстро кончилися юношескія мечтанія Гоголя, его молодая поэтическая греза скоро уступила мѣсто серьезнѣйшимъ и глубочайшимъ мыслямъ о жизни людской, о странномъ противорѣчьи между идеаломъ челоѣка и дѣйствительнымъ челоѣкомъ, съ неуточностью его природы, съ искаженіями въ немъ образа и подобія Божія, которыя поражаютъ въ дѣйствительности проникательныя очи поэта. Въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ“ это противорѣчіе выражено въ простыхъ и задушевныхъ формахъ. Съ гениальнымъ чутьемъ истины, великій поэтъ не останоѣлся на какихъ либо глаза рѣзущихъ извращеніяхъ челоѣческой природы. Нѣтъ, онъ беретъ самыхъ обыкновеннѣйшихъ изъ обыкновенныхъ людей, даже можно сказать лучшихъ людей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, добрыхъ и благороднѣйшихъ, — но, Боже, какое поразительное ничтожество въ ихъ жизни! Эти два старичка, живущіе безъ интересовъ облагораживающихъ челоѣческое существованіе, безъ умственной дѣятельности, стали рабами плотскихъ привычекъ, подобные растеніямъ. Души ихъ спятъ безиробудно и, казалось-бы, разбуди ихъ — и жизнь ихъ сразу сдѣлается содержательною и истинно челоѣческою. Великая и простая мысль вложена въ это произведеніе Гоголя, — та мысль, что не тѣлесная, а духовная жизнь есть истинно челоѣческая жизнь, что ничтожество грозитъ тому, кто пренебрежетъ интересами духа въ пользу плоти.

Какъ бы для освѣщенія той же идеи съ другой стороны, Гоголь рядомъ съ „Старосвѣтскими помѣщиками“ создалъ „Тараса Бульбу“. Въ этой роскошной эпопее, отраженной съ необыкновенной яркостью внутреннее содержаніе, внутренній духъ исторической борьбы Малороссіи противъ Польши за вѣру и самостоятельность свою, Гоголь обнаружилъ свой великій талантъ съ совершенно новыхъ сторонъ. Какое проникновеніе въ духъ народа, въ отдаленную историческую эпоху, когда духъ этотъ принялъ формы грозныя и рѣшительныя! И вся она, эта эпопея, можетъ служить доказательствомъ, какая сила дается челоѣку высокими интересами существованія, вѣрою, идеей отечества, вопросами не временнаго, а вѣчнаго существованія духа челоѣческаго. Что такое этотъ протѣйшій Бульба, бьющійся со своими дѣтьми на кулачки, деспотически не обращающій вниманія на чувства матери, льющій горилку и ничего знать не хотящій, кромѣ военного ремесла? Что такое его дѣти съ ихъ семинарскою премудростью, такъ дорого доставшеюся имъ при поощреніи безразумными гостиницами? И что такое вся эта Сѣчь Запорожская съ ея разгулемъ и вѣчнымъ бражничаньемъ? Но идея превращаетъ Тараса Бульбу въ величаваго героя, грознаго и твердаго, какъ скала, умиющаго среди безграничныхъ предсмертныхъ мученій заботиться не о своемъ бренномъ существованіи, а о судьбѣ товарищей, отъ которыхъ онъ ждетъ продолженія своего дѣла. И сынъ его Остапъ, проникнутый тою же идеею, является передъ нами гигантомъ, когда онъ, предъ смертными муками только объ одномъ молить Бога, чтобы „не услышали нечестивые, какъ мучится христіанинъ“, въ то время, какъ братъ его, Андрий, отринувшій эту идею, не устоявшій передъ искушеніемъ временнаго счастья, погибаетъ жалко и низко. И какъ могуча и величава вся Сѣчь, съ ея выставляемыми на показъ презрѣніемъ къ богатству, къ тѣмъ побрякушкамъ, которыми тѣшится челоѣчество, подъ влияніемъ все той же идеи! Чающая форма, полная жизненной правды и движенія, той

высокой художественности, до которой возвышаются только гениальнѣйшіе поэты, представляетъ только великую форму для великой идеи — о несущественности временнаго существованія челоѣка передъ вѣчными задачами жизни.

Возьмете ли вы „Сору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“, вы и тамъ найдете ту же великую идею въ ея развитіи. Въ герояхъ этой повѣсти, приниженныхъ безъидейнымъ существованіемъ, авторъ показываетъ, что даже некачественнымъ нравственно людямъ не чужда потребность идеаловъ существованія, — что и они ихъ ищутъ и, не будучи въ состояніи найти ихъ, замѣняютъ ихъ призраками, ложными идеями. Въдѣ вся сущность повѣсти въ томъ и состоитъ, что герои ея, погруженные въ самые мелкіе и пошлые интересы плотской жизни, хотятъ тѣмъ не менѣе быть носителями нѣкотораго рода „чести“, за которую они готовы отдать все, и состояніе, и душевное спокойствіе. Названіе „дусака“ — вотъ чего не могъ вынести одинъ изъ героевъ, и безконечная разорительная тяжба съ врагомъ, бывшимъ другомъ, наполняетъ все его существованіе. Не тотъ смельчакъ повѣсти, столько разъ указанный, что-де до какого ничтожества можетъ унизиться челоѣкъ, не обличеніе челоѣческой природы, — а тотъ, что и въ самой униженной душѣ живутъ потребности высшихъ духовныхъ идеаловъ, безъ которыхъ жизнь пошла и безцѣльна. Та же мысль, въ еще болѣе глубокой формѣ, проводится въ позднѣйшей „Шинели“. Какъ, повидимому, шъ приниженъ челоѣкъ, Акакій Акакіевичъ, по въ немъ до мелочей проявляется это псканіе идеальныхъ сторонъ существованія. Погруженный въ свое вѣчное и безмысленное писанье, онъ и въ немъ ищетъ чертъ открывающихъ ему, такъ сказать, пути къ идеалу; помните ли, съ какою любовью онъ стремится выводить буквы, подмигивая себѣ и любуясь ими. Наконецъ, его увлекаетъ „идея“ новой шинели, она становится его идеаломъ, въ это пустое дѣло онъ влагаетъ всю свою душу и гибнетъ за него. Но, въ смыслѣ широко, не пренебрегая ли въ немъ тотъ же душевный процессъ, который совершается въ душѣ великаго дѣятеля „идея“ гибнущаго за нее. Вотъ почему Акакій Акакіевичъ говоритъ своимъ видомъ и жизнью: „я братъ твой“, въ укоръ неопытающимъ его. Не осужденіе природы челоѣческой опять въ повѣсти Гоголя, а отраженіе лучшихъ свойствъ ея, невведенныхъ жизнью до комическаго.

Въ „Портретѣ“, какъ ни неудачна эта повѣсть, показывается, что въ самопожертвованіи за высшіе интересы челоѣкъ находитъ больше счастья, чѣмъ въ удовлетвореніи временныхъ потребностей жизни. — судьба художника, героя повѣсти, говоритъ намъ объ этомъ. Въ „Невскомъ проспектѣ“ изображается тотъ случай, когда надежды на торжество высшихъ стремленій обманчивы, — когда красота вишняя скрываетъ внутреннее безобразіе, и тамъ, гдѣ вы падаетесь найти идеаль, жизнь приготовитъ для васъ поражающій обманъ. И за подобные обманы гибнутъ. Но не отдадите ли предпочтеніе обманувишемуся идеалисту-художнику Нискареву передъ реальнымъ юношей поручикомъ Пироговымъ?..

Во всѣхъ повѣстяхъ Гоголя звучитъ одна и та же мысль, высокая и прекрасная, какъ и формы, въ которыхъ поэтъ облечаетъ ее. И въ этомъ смыслѣ общественное значеніе ихъ, не обличительное, а идейное, также огромно. Въ литературномъ смыслѣ повѣсти Гоголя были источникомъ новаго направленія въ литературѣ, убившемъ возможность писать выдуманныя хитросплетенія, которыми полна была русская литература, не смотря на то, что Пушкинъ уже далъ высокіе примѣры повѣсти. Гоголь обратилъ литературу къ изображенію будничной дѣйствительности и къ идеямъ которыя въ ней паходятъ. Съ тѣхъ норъ повѣсть перестала быть просто развлекающимъ чтеніемъ и получила высокій характеръ поучительнаго изображенія жизни.

Арс. Введенскій.

Листокъ воспоминаній къ юбилейному вѣнку.

(Посвящается Николаю Игнатьевичу Музилю).

I.

Осень 1863 года въ окрестностяхъ Москвы открылась валовымъ пролетомъ вальдиненовъ, и насъ челоѣкъ пять молодежи собралось на высылки. Въ то время лѣса еще не были сведены желѣзнодорожниками. Охватывая Москву почти непрерывнымъ кольцомъ, они тянулись на десятки верстъ громадными дачами, примыкая на югъ за Подольскомъ и Серпуховымъ къ непрогляднымъ чащамъ Брынскимъ. Подъ самую Москву, верстахъ въ четырехъ за Серпуховскою заставою, въ сторону отъ почтоваго тракта, но также на шоссе (частномъ) расположено было великолѣпное имѣніе князя Меншикова, Черѣмушки, съ громаднымъ каменнымъ домомъ подъ куполомъ Александровскаго стиля, среди цвѣтника въ обширномъ паркѣ, незамѣтно переходившемъ въ лѣсъ. Версты двѣ далѣе отъ него, на взлѣбѣ пологого холма открывалась не менѣе богатая, и въ томъ-же стилѣ, кажется — Юсуповская, усадьба села Зюзино, съ его безконечными фруктовыми и ягодными садами; правѣ отъ него раскидывались лѣсныя дачи села Воронцова, прорѣзанныя прямыми какъ стрѣла аллеями, превращавшими ихъ въ своего рода паркъ; еще далѣе — Деревлевская сѣча и

Коньковскій лѣсъ... А промежутки между ними были заняты сплошнымъ моремъ паросинокъ изъ дубняка, орѣшника, калиты и т. д. Въ центрѣ всего этого вальдиненаго и заячьяго раздолья ютилась точно за Черѣмушками деревушка Шаболово, въ которой проживалъ мужичокъ Павелъ, страстный хотя и горе-охотникъ; мы знали его чуть не съ дѣтства. Спрѣдьялъ онъ только „по сидичимъ“ изъ невозможнаго ружья съ самодѣльнымъ куркомъ, но вожакъ былъ всецѣнный и даже сторча бросался вдогонку за прокудеванымъ зайцемъ. „Стоятъ тутъ, я сейчасъ его на тебя выгоню!“ крикнуть бывало, подберетъ полъ шишуна и дуетъ во все дынатики. Къ чему-то мы и отправившись въ одну изъ субботъ послѣ обѣда, съ тѣмъ чтобы заночевать и взять еще утреннее поле въ воскресенье.

Всѣ мы были очень юны, въ началѣ двадцатыхъ годовъ жизни и моложе: окончивашій курсъ студентъ-медикъ В. М.—скій съ братомъ, студентъ-юристъ В. Д.—въ и студентъ Петровской Земледѣльческой академіи И. М.—ль, поджидавшій брата, который долженъ былъ прѣхать одинъ и попозже къ ночи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и познакомиться съ нами, такъ какъ онъ недавно пріѣхалъ откуда-то изъ провинціи. Мы взяли вечернее

поле и, вернувшись в тѣсную бревенчатую свѣтлукъ Павла, давно уже сидѣли за самоваромъ и захваченною съ собой закуской, и въ крохотныя окошечки глядѣла черная осенняя почва—а поджидаемаго товарища все не было.

— Николаша навѣрно опять удраля въ театрѣ, прои́знесъ наконецъ съ пѣкоторымъ неудовольствіемъ М—ль, очевидно потерявъ надежду,—вотъ, господа, погодите — на Святкахъ будемъ устраивать обычный нашъ спектакль, ужь тутъ онъ отличится—за поясъ насъ всѣхъ заткнетъ, не то что на охотѣ.

— Ужь будто? спросилъ я съ усмѣшкой. Я тоже „игралъ“ съ дѣтскихъ лѣтъ и былъ пренепосредственнѣйшимъ самоубійцей въ этомъ отношеніи.

— Право! И толкула-же его судьба на телеграфѣ, тогда какъ изъ него можетъ-быть вышелъ-бы настоящій актеръ...

Мы все еще стояли на жизненномъ распутии; разговоръ невольно перешелъ къ тому, какъ много у насъ въ Россіи долго не находятъ своего призванія, если не совсѣмъ манкируютъ его. Миѣ эта тема въ то время была даже ближе другихъ. Года два тому назадъ кончивъ курсъ кандидатомъ естественнаго факультета, я въ то время служилъ въ Сенатѣ и мечталъ о литературномъ поприщѣ. „Николаша“ не прѣхалъ и къ утру. Порядкомъ набивъ яхтши, кто вальдшнепами, а кто и дроздами, въ конецъ усталые мы тронулись въ обратный путь къ Москвѣ и подошли уже къ Черемшниковскому нижескому дому, откуда начиналось шоссе, обсаженное съ обѣихъ сторонъ густыми куртинами парка, какъ вдругъ на песчаной дорогѣ показались подѣзжавшія извозчичьи дрожки съ сѣдокомъ, который немилосердно гналъ возницу.

— А вѣдь это Николаша! воскликнулъ М—ль, и пародируя Грибоевскій стихъ, обратился къ слѣзавшему съ дрожекъ брату:—Извольте во время явиться! Коли на вальдшнеповъ, то можете возвратиться.

— Какъ?... Почему?... Что такое?... необычно громко, рѣзко и отчетливо заговорилъ прибывшій, съ самою впрочемъ добродушной улыбкой, — нѣтъ, я во всякомъ случаѣ буду охотиться... Пои́демте назадъ, а?

Предъ нами былъ средняго роста, но статный и какъ-уютно-складный, смугловатый, подвижный какъ ртуть, молодой человекъ, съ необыкновенно живыми, пронизывающими васъ, темными глазами и неподдѣльно-комическою складкой у носа и губъ. Онъ носилъ форму телеграфиста, при охотничьихъ сапогахъ, и гладкую прическу съ небольшимъ кокомъ надъ высклывъ лбомъ, котораго красивыя линии кинулись миѣ въ глаза, когда онъ снялъ фуражку и сталъ вытирать его платкомъ. Насъ презирали. Онъ до боли крѣпко пожималъ намъ руки, какъ-то сразу обдавая насъ искренностью чувства и смущая своимъ испытующимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это что-жъ такое, и слышать не хочу, вернемтесь—я прѣхалъ охотиться и буду во что бы то ни стало, повторилъ онъ.—А? Какъ по вашему? Ура! вперед!

— Да помилуй, хорошо тебѣ говорить, перебилъ его братъ,—а мы-то вѣдь ноги всѣ обили за дѣляи сутки... Впору только до Москвы добраться...

Периодичное огорченіе разомъ, словно набѣжавшая туча, омрачило подвижные черты „Николаши“.

— Экое горе! проговорилъ онъ и почесалъ затылокъ съ такою выразительностью, что мы все невольно покотились со смѣху. Дѣло наконецъ уладилось. Кто-то изъ братьевъ М—скихъ, страстныхъ охотниковъ, выразилъ желаніе сопутствовать „Николаши“ на охоту, а мы четверо, простившись съ нимъ, стали разбѣжаться все гургомъ на его извозчикѣ, такъ-взявшемся дотачить насъ до Москвы. Пока остальные усаживались, я глядѣлъ въ слѣдъ новому знакомому, который миѣ сразу понравился. „Николаша“, со свойственною ему порывистостью, уже большими шагами рядомъ съ М—мъ, помахивая ружьемъ на перевязи и оживленно бесѣдуя съ нимъ, мимо великолѣпнаго Мещниковаго дома...

Думалъ-ли я въ то время, что предо мною будущій крупный сценическій талантъ и что мы стоимъ у того самаго дома, которому суждено быть мѣстомъ перваго его публичнаго успѣха?

II.

Настали Святки. Къ этому времени мы уже все сошлись съ „Николашей“. Его неистощимая веселость и остроуміе дѣлали его душой нашего кружка, и обычный домашній спектакль на этотъ разъ было рѣшено дать у братьевъ М—ль. Отецъ ихъ, осанитый старикъ съ бѣлою какъ свѣтъ львиною гривой сѣдицею и крупными чертами лица славянскаго типа (родомъ чехъ), отличался широкимъ гостеприимствомъ, а большой трехэтажный домъ его, за-Москворѣчьемъ, близъ Конной площади, съ просторными залами представлялъ все удобства для устройства сцены. Выбрали мы пьесу Королева „Карьера“, въ которой „Николаша“ долженъ былъ играть роль прои́онцы Орѣхина. Случилось такъ, что за все это время миѣ не приходилось даже поговорить съ нимъ о театрѣ; я тогда готовилъ къ печати свою первую литературную понышку и, весь поглощенный этимъ, почти забывъ о сценическихъ способностяхъ новаго пріятеля. Теперь-же, занявъ по обыкновенію роль старика, по пьесѣ—откупщика, я вспомнилъ нашу вечернюю бесѣду въ Шаболовѣ и, полный прежняго самоубійца,

предвкушалъ свое торжество давнинаго „опытнаго актера“. Я недурно читалъ, подражая старческому голосу, развизно — пожалуй даже черезчуръ—двигался по сценѣ, кое-какъ жестикулировать, предоставлялъ гриммировку парикмахеру — и въ простотѣ сердечной полагалъ, что очень похожъ на Щенкина, считая даже палившимъ для хорошаго актера заглядывать въ зеркало. Какъ всегда бываетъ при домашнихъ спектакляхъ, на первыхъ репетиціяхъ мы больше ухаживали за женскимъ персоналомъ — какъ парочно, въ числѣ его замѣшалась одна бѣдовая „вдовушка“ лѣтъ двадцати трехъ,—никто не зналъ роли, дѣло ограничивалось снѣжкой, и какъ-то вдругъ подошло время спектакля. Накаунтъ назначили „генеральную репетицію въ костюмахъ“, но у меня разболѣлась голова и я не побѣхалъ, увѣренный въ своихъ силахъ. Въ самый день спектакля, мени со всѣхъ сторонъ встрѣтили возгласами:

— Какъ хороше былъ вчера Николаша!.. Чудо что такое!.. Куда намъ!..

— А вотъ увидимъ! самодовольно отвѣчалъ я, проходя въ уборную.

Но увидѣть миѣ довольно долго не приходилось. Въ теченіе перваго акта меня гриммировали и одѣвали, а во второмъ и третьемъ — на сценѣ миѣ было не до наблюдений, да и роль Орѣхина, пока еще не сплывагося зауряднаго молодого чиновничка, не особенно выдавалась. Николаша сквозъ собственную мою игру показался миѣ довольно бездѣвственъ. А ужь я-то старался, изображая шестидесятилѣтняго, безсердечнаго старика, умирающаго отъ апоплексическаго удара вслѣдствіе сильнаго припадка гнѣва; я просто надесяживался, то хрипѣлъ, то взвизгивалъ своимъ двадцатилѣтнимъ голосомъ, размахивалъ руками, наконецъ зашатался и ушелъ со сцены опираясь на чье-то плечо, посреди обычныхъ въ домашнемъ кружкѣ рукоплесканій.

— Ну что, какъ вы находите мою игру? спросилъ я у „Николаши“, столкнувшася со мной за кулисами.

— Да... что-жъ... очень хорошо, отвѣтилъ онъ, противъ обыкновенія глядя какъ-то въ сторону.—А вотъ вы теперь освободились, торопливо заговорилъ онъ, словно снѣна перейти къ другому предмету, — не посуфлеруете-ли послѣдній актъ? М—скому надо играть теперь самому.

— Съ удовольствіемъ.

„Завидуетъ!“ подумалъ я, опускаясь въ суфлерскій люкъ, между тѣмъ какъ онъ побѣжалъ переодѣваться. И вотъ, я не безъ любопытства засѣлъ въ своей будочкѣ, выставивъ одну голову надъ поломъ сцены, и приготовился смотрѣть „Николашу“. Самодѣльный занавѣсъ поднялся шумна. Сцена изображала трактирную залу, и за буфетной стойкой съ графинчиками и закусками помѣстился уже младшій М—скій въ костюмѣ половаго, съ полотенцемъ черезъ плечо. Онъ что-то говоритъ, кажется насчетъ невыгодности трактира въ захолустномъ городкѣ, гдѣ такъ мало проѣзжихъ. Вдругъ отворяется средняя дверь, и входитъ... да кто же это?... я глазами не повѣрилъ. Я ожидалъ увидѣть „Николашу“ М—ля, какъ видѣлъ уже его брата, М—скаго, его сестру. А тутъ входитъ вдругъ какой-то испитой оборванецъ, въ заплаткахъ, небритый до синева на вискахъ щекахъ и подбородкѣ, съ краснѣющимъ носомъ и слезящимися глазами горькаго пьяннца,—портретъ одного изъ тѣхъ субъектовъ, которые подходятъ къ вамъ у Иверскихъ воротъ съ предложеніемъ написать просьбу или остановить васъ протягивая руку съ возгласомъ: „бла-а-родному человѣку пурбуаръ!“ Входитъ онъ, робко озираясь на все стороны, но увидавъ половаго, внезапно принимаетъ развязный и даже слегка надменный видъ, тщательно причешъ прорванные рукава за спину и начинаеть свысока разспрашивать половаго о торговлѣ.

— Причъ, причъ локти-то! бормочеть половою, котораго маневръ этотъ, очевидно, не можетъ провести.

Орѣхинъ взглядываетъ на стойку—и Боже мой, какую голую, животную жадностью загораются его глаза, колѣна начинаютъ трестись... Чтобы подкрѣпиться сколько-нибудь „для контенансу“, онъ, отворачиваясь отъ половаго, достаетъ изъ кармана рваныхъ панталонъ маленькій фунтикъ свернутой бумаги, беретъ изъ него понюшку табаку, наклоняясь наливаетъ въ ту, то другую ноздрю и вытираеть носъ грязнѣйшимъ цвѣтнымъ платкомъ, который также тщательно причешъ, отворачиваясь въ другую сторону.

Я замеръ въ своемъ люкѣ и впилъ въ него глазами, совершенно забывъ о своей обязанности. Къ счастью, оба отлично знали свою роль и шли безъ суфлера. Орѣхинъ какъ будто выросалъ предо мною въ новомъ свѣтѣ...

— Что это у тебя тутъ? указываетъ онъ половому дрожащимъ пальцемъ на графинъ,—водка, кажется?

— Точно такъ-съ, рибнивая...

— Удивительная вкусная вещь эта рибнивая, говоритъ Орѣхинъ, прищелкивая языкомъ и протягивая руку.

— Да-съ, денегъ стѣбитъ, отвѣчаетъ половою и оставляетъ графинъ подалеку.

— А это что у тебя тутъ? какъ бы не замѣчая грубости, наклоняется Орѣхинъ къ стойкѣ,—кажется бутербродъ съ телячьимъ бульономъ?

Онъ такъ это выговорилъ, что я почувствовалъ, будто у меня самого, что называется, слюнки текутъ.

— Точно такъ-съ, съ жалеемъ.

— Дай-ка мнѣ...

— Пятачекъ пожалуйста, отстраняетъ его руку полой.

Орѣхинъ начинаетъ ощупывать свои карманы, дѣлаетъ пальцами то въ тотъ, то въ другой, и дѣлаетъ удивленные глаза снова шарить, выворачиваетъ одинъ карманъ, выражаетъ до осязаемости притворный испугъ на лицѣ, увѣряетъ, что забылъ или потерялъ кошелекъ.

— Шаромыга ты, шаромыга! бормочетъ полой и начинаетъ выживать гостя.

Надменный тонъ посетителя вдругъ замѣняется фамильярно-просительнымъ.

— Вотъ что, почтенный, умилно заговариваетъ Орѣхинъ, — дай ты мнѣ чуточку... понимаешь, только чуточку, показывая онъ двумя пальцами величину рюмки съ наперстокъ, — червячка заморить...

— Ступай, ступай! теряетъ терпѣніе полой и даетъ Орѣхину толчка отъ стойки.

мымъ нагляднымъ образомъ. Одинъ изъ нашихъ актеровъ, игравшій драматическую роль пѣссы и воображавшій, что „беретъ вутромъ“, впасть въ невѣроятно фальшивую декламацию, которая становилась еще ужаснѣе на ряду съ репликами Николаши, началъ въ увлеченіи ложнымъ пафосомъ потрясать боковую декорацию за створку открытаго окна, сорвалъ и опрокинулъ ее себѣ окномъ на голову, она застряла у него на шеѣ—и онъ, бросившись бѣжать, буквально вынесъ ее на плечахъ, причемъ голова торчала словно изъ громаднаго воротника, къ общему хохоту зрителей.

Едва опустили занавѣсь, я бросился въ уборную и, отыскавъ „Николашу“, окруженного всеми нашими, присоединилъ свои восторженные поздравленія.

— Вамъ предстоитъ блестящая будущность на сценѣ! воскликнуть я.

— О? Ну вотъ! развѣ въ самомъ дѣлѣ хорошо? проговорилъ онъ со своей милой улыбкой и чуть не ломая мнѣ пальцевъ рукопожатіемъ.— Вы очень добры, право!

Михаилъ Николаевичъ Капустинъ, попечитель
СПБ. учебнаго округа. Съ фот. Реша, грав. Шюблеръ.

Николай Алексѣевичъ Лавровскій, попечитель
Дерптскаго учебнаго округа. Съ фот. Конрада, грав. Шюблеръ.

Тотъ, перевернувшись раза два на стоптанныхъ каблукахъ, отходить въ сторону и задумывается.

— Однако положеніе! произноситъ онъ беззвучнымъ голосомъ.

Вся зрительная зала загудѣла отъ рукоплесканій, а у меня будто повязка съ глазъ свалилась.

„Господи, такъ вотъ что такое актеръ! Какъ же этого до сихъ поръ мнѣ точно въ голову не приходило! А еще театраль!.. Шлегеля тоже о драматическомъ искусствѣ читалъ!.. Въдъ это каждое слово, каждое движеніе, каждая складка лица— плодъ подробнѣйшаго изученія, а все такъ просто и естественно, какъ сама жизнь!“

Теперь только мнѣ стали понятны тѣ неотвязные, пронизательные взгляды, которыми „Николаша“ вдругъ, среди разговора, впивался въ каждое изъ насъ и которые такъ смущали меня на первыхъ порахъ знакомства. Это онъ подмѣчалъ и фотографировалъ въ своей памяти наши ухватки или мимику, почему либо казавшіяся ему характерными. Онъ жилъ и работалъ своему искусству нераздѣльно.

И какъ мнѣ стыдно стало недавнихъ монхъ попользованій затмить его, какимъ ничтожествомъ показалось мнѣ все мое мнимо-сценическое прошлое! Мнѣ стала ясна вся разница между истиннымъ дарованіемъ, которое чутьемъ угадываетъ тайны своего искусства,— и дилетантомъ не умѣющимъ приложить къ дѣлу своей хотя бы и обширной начитанности.

Этому выводу суждено было тутъ же и подтвердиться са-

долго толковали у насъ въ кружкѣ о новомъ, настоящемъ талантѣ. Съ этого спектакля мы стали все чаще и чаще играть; вмѣсто двухъ обычныхъ, святочнаго и масляничнаго, потянулся цѣлый рядъ чередовавшихся то у тѣхъ, то у другихъ изъ общихъ знакомыхъ, играли точно залосомъ,—и такъ подошло лѣто. Мы всемъ кружкомъ переѣхали на дачи въ Черемушки и Шаболово, конечно не въ свѣтелку Павла, чѣмъ онъ сильно обижался. Впрочемъ, кто-то и у него, кажется, поселился. И тутъ-то, разъ, на общей прогулкѣ въ Черемюшкинскомъ паркѣ возникла мысль дать спектакль въ Меншиковскомъ домѣ, который стоялъ въ то время совершенно пустой, и дать его en grand, то-есть публику пригласить изъ Москвы. Сказано, сдѣлано. Мы договорились съ управляющимъ, и работа закипѣла. Громадная зала, въ два свѣта, была превращена въ зрительную, причемъ треть ея пошла на сцену. Павелъ и тутъ явился необходимымъ помощникомъ при стройкѣ подмостковъ, улаживая наши отношенія съ оставщиками лѣса, досокъ и мѣтными плотниками. Наконецъ, онъ же былъ приставленъ къ занавѣсу. „Николаша“ кипѣлъ энергіей и всюду носилъ, точно леталъ,—руководилъ устройствомъ сцены, то и дѣло самъ что-то приколачивалъ и подмалевывалъ, присматривалъ за шитьемъ занавѣса, которымъ заняты были дамы кружка, авторитетно распоряжался на репетиціяхъ,— все уже мало-по-малу подчинялось ему. Днемъ шли работы, считки и репетиціи гдѣ-нибудь на площадкѣ парка, а позже, темными июльскими вечерами съ золотой луною и черными

тѣнами деревьевъ, общество разбивалось на пары, и въ темныхъ боковыхъ аллеяхъ слышались восторженные декламации стиховъ, робкій шопотъ, веселый смѣхъ...

...О наша юность, о наша свѣ- жость!..

Наконецъ, настала и день спектакля. Тотчасъ послѣ обѣда стали прибывать изъ Москвы кареты, коляски, пролетки и простыя извозничьи дрожки съ публикой, которая кое-какъ размѣщалась по дачамъ знакомыхъ, а то и просто въ паркѣ дожидалась гуляя. Прежде мы давали свои представления тѣсному кружку знакомыхъ; теперь же, благодаря обширности помещенія, мы впервые выступили почти публично: мы сами не ожидали такого съѣзда. Пѣсколькихъ возовъ съ вѣскими стульями, прибывшихъ изъ Москвы, не хватило, пришлось поспѣшить задніе ряды садовыми скамьями. Къ вечеру зажглись лампы и стаканчики на подбѣздѣ и въ цвѣтницѣ. Сборный оркестръ грянулъ тушь навстрѣчу публикѣ, вступавшей въ импровизованный храмъ Талии и Мельпомены...

Шла какая-то пьеса Островскаго для всего кружка и „Колечко съ бирюзой“ — исключительно для „Николаши“. За все это время онъ перепрочел много

Николай Игнатьевич Музиль (по поводу 25-лѣтія артистической дѣятельности). Съ фот. Конарскаго, грав. Шюблеръ.

ролей, выступалъ то Бородинъ, то Кочкаревъ, то вдовильными *jeune - premiers* и, само-собою разумѣется, всюду восхищались насъ, преданныхъ ему друзей. Но теперь онъ странно волновался. Замѣтно поблѣднѣвшій, съ разсѣянными взглядомъ горящихъ глазъ, онъ появлялся то въ уборной, то на сценѣ, дѣлая послѣднія распоряженія, почти не слушая, что ему говорятъ, и его нервною неволью передавалась всѣмъ намъ...

Но всѣ уже чувствовали, что дѣло не въ насъ, что это его день, — рѣшительный день для „Николаши“.

И вотъ мы всѣ собрались въ уборной, онъ вынулъ стаканъ холодной воды, сѣлъ передъ зеркаломъ, взялъ краски и притиралъ палець въ строгой сосредоточенности, вглядываясь въ свое лицо и накладывая гриммъ.

Успѣхъ его въ этотъ вечеръ былъ необычайный. Вызовомъ не было конца. Фамилія его переходила изъ устъ въ уста среди съѣхавшейся публики. Москва впервые замѣтила его...

Съ тѣхъ поръ прошло уже четверть вѣка служенія его любимому искусству на сценѣ Малаго театра... Дай Богъ ему

В. Ключниковъ.

дождаться еще такого же юбилея.

Къ рисункамъ.

Первый иней. (Рис. на стр. 1172 и 1173).

Точно серебромъ изукрашенъ первымъ инеемъ обнаженный лѣсъ. Поблѣкшая трава, опавшіе листья, темные стволы и вѣтви — покрылись бѣлымъ налетомъ, — предтечей первымъ заморозковъ. Легкій туманъ еще не успѣлъ подняться и застиласть

Піанистка Шарлотта Бойсь-Рюнкеръ.

дали серебрянаго лѣса, въ которомъ съ отголоскомъ раздаются мѣрные удары топора...

Милость побѣжденнымъ. (Рис. на стр. 1177).

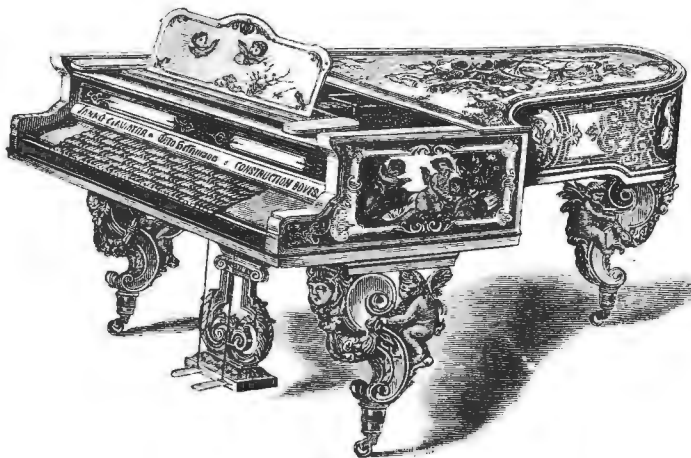
Тяжелымъ временемъ для античной Греціи была борьба ея съ персидскимъ могуществомъ. Точно бурный потокъ, все разрушая и истребляя на своемъ пути, двинулись персы на Элладу, и только единодушіе ея обитателей и военныя доблести Мильтиада иThemistocla положили преграду грозному опустошенію.

Въ эту печальную эпоху и переноситъ зрители картина Кальдерона. Городъ взять, преданъ огню и мечу — и жители его, обезумѣвшіе отъ страха, выслали своихъ женъ и дѣтей просить у побѣдителя милости и состраданія побѣжденнымъ.

Отдыхъ послѣ удачной охоты на дикихъ козъ.

(Рис. на стр. 1180).

Прелестные охотничьи жанры академикъ Кившенко хорошо знакомы нашимъ читателямъ. На прилагаемомъ рисункѣ художникъ изобразилъ привалъ стрѣлковъ послѣ облавы на дикихъ козъ или косуль, какъ называется самый маленькій олень изъ водящихся въ Западной Европѣ и въ Россіи. Охота удалась

Фортепіано системы Янко.

вполнѣ — добыты двѣ козы, лежація на травѣ у ковра, на которомъ подкрѣпляютъ свои силы охотники.

Адресный столъ. (Рис. на стр. 1181).

По Садовой улицѣ, въ зданіи Спасской части, въ Петербургѣ, помѣщается Адресный столъ, гдѣ за ничтожное вознагражденіе (2 коп.) всякій можетъ узнать мѣсто жительства любого изъ миллиона обитателей нашей столицы. Оттого съ утра до вечера онъ и переполненъ самою разнообразною публикой, какъ это видно на нашемъ рисункѣ.

1 степ., Блго Ордн и Св. Александра Невскаго. Кромѣ многочисленныхъ статей въ разныхъ издавнхъ. Канустинъ издалъ отдѣльно: „Юридическую Догматику“, „Обозрѣніе предметовъ международного права“ и др.

П. Б.—овъ.

Н. А. Лавровскій. (Портр. на стр. 1188).

Русское дѣло въ Прибалтійскомъ краѣ, поставленное столь прочно за послѣдніе годы бывшимъ попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа М. П. Канустинымъ, не остается безъ энергичнаго руководителя. Новымъ попечителемъ округа назначенъ Николай Алексѣевичъ Лавровскій, бывший ректоръ Варшавскаго университета, также истинно русскій человекъ и одинъ изъ блестящихъ пионеровъ въ области государственнаго объединенія на другой изъ нашихъ окраинъ, съумѣвшій постоять за русское дѣло. Вся предшешая дѣятельность Н. А. Лавровскаго служитъ нагляднымъ доказательствомъ недюжинныхъ способностей и выходящихъ изъ ряда качествъ государственнаго дѣятеля, какими обладаетъ этотъ сильный и энергичный человекъ. Онъ такъ прекрасно поставилъ себя, что къ его педагогической дѣятельности относилась съ одинаковымъ сочувствіемъ и уваженіемъ какъ русскіе, такъ и поляки. Твердый въ политикѣ, всегда увѣренно и спокойно шедшій по предначертанному пути, онъ дѣйствовалъ съ умѣренностью, замѣчательнымъ тактомъ и безпристрастіемъ, и одинаково близко принималъ къ сердцу нужды учащейся молодежи безъ племеннаго различія. Въ послѣдніе годы его ректорства ничто не прерывало правильнаго хода учебныхъ занятій, университетскій судъ не создавался совѣмъ, такъ какъ въ этомъ не было никакой надобности, и даже смуты, происходившія въ сѣбствѣ университета, въ Институтъ сельскаго хозяйства и дѣшеводства, прошли безслѣдно для университета, не возмутили жизни студентовъ, отлично регулировавши ректоромъ.

Николай Алексѣевичъ Лавровскій, тайный совѣтникъ, докторъ славяно-русской филологіи и ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, родился 21 ноября 1826 года, въ селѣ Выдропускѣ, Тверской губерніи, Вышневолоцкаго уѣзда, гдѣ его отецъ Алексѣй Степановичъ Оглобинъ, женатый на Паталіи Ивановнѣ Постниковѣ, былъ сельскимъ священникомъ. Обучившись грамотѣ дома, юноша поступилъ въ Новгородское духовное училище: здѣсь онъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ и здѣсь-же получилъ фамилію Лавровскаго. По окончаніи курса въ училищѣ онъ продолжалъ свое высшее образованіе въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, гдѣ уже воспитывался одинъ изъ его братьевъ, Петръ Алексѣевичъ Лавровскій, впоследствии извѣстный поборникъ славянства. Здѣсь Лавровскій пробылъ съ 1842 г. девять съ половиною лѣтъ въ трехъ отдѣленіяхъ—малолѣтнемъ или пансіонѣ, среднемъ и высшемъ, студентомъ по историко-филологическому факультету. По окончаніи курса въ 1851 году, съ золотой медалью, Лавровскій былъ оставленъ при Институтѣ въ званіи исправляющаго должность адъюнкта по кафедрѣ греческой и латинской словесности, которую занималъ тогда извѣстный эллинистъ О. В. Греффе. По смерти послѣдняго, молодой адъюнктъ, защитивъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ диссертацию на степень магистра русской словесности „О Византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками“, перешелъ, въ ноябрѣ того-же 1851 г., въ Харьковскій университетъ, занявъ кафедру сперва педагогики, а затѣмъ русской словесности. Въ январѣ 1855 года Лавровскій защитилъ диссертацию на степень доктора русской словесности, на тему „О древнерусскихъ училищахъ“, и тогда-же назначенъ исправлять должность экстраординарнаго профессора. Около четверти вѣка всю свою учебно-педагогическую дѣятельность Лавровскій посвятилъ Харьковскому университету, воспитавъ не одно поколѣніе приватныхъ ему учениковъ, изъ которыхъ многіе пошли по ученой дорогѣ и приобрѣли себѣ имя въ научной области. Кромѣ прямыхъ профессорскихъ обязанностей, Лавровскій исполнялъ и разныя другія, какъ въ университетѣ, такъ и внѣ его. Въ 1875 году онъ былъ назначенъ директоромъ историко-филологическаго института въ Ивжнѣ, а черезъ шесть лѣтъ—ректоромъ Варшавскаго университета; послѣднюю должность онъ занималъ до 17 августа текущаго года, до назначенія его на настоящій отвѣтственный постъ. Въ нынѣшнемъ же году, онъ избранъ въ ординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словесности въ Императорской Академіи Наукъ. За свои ученые труды онъ получилъ орденъ Св. Анны 2-й степ., за службу—другіе ордена и Высочайшія награды.

П. Быковъ.

Н. И. Музиль. (Портр. на стр. 1189).

Высокоталантливый и заслуженный артистъ, двадцати-пятилѣтнй сценической дѣятельности котораго будетъ на-дняхъ ознаменовано въ Москвѣ юбилейнымъ бенефисомъ, выступилъ впервые на подмосткахъ Малаго театра въ то время, когда тамъ блистала цѣлая плеяда первостепенныхъ талантовъ: Са-

довскій, Шумейскій, Самаринъ, Полтавцевъ, Пикифоровъ, Жиковкинъ и мн. другіе. Молодой артистъ не только не затерялся въ ней, но вскорѣ приобрѣлъ такое общее уваженіе, что покойный Островскій съ 1872 года всѣ свои новыя пьесы ставилъ исключительно въ бенефисъ Музиля.

Николай Игнатьевичъ Музиль родился въ 1841 году въ Москвѣ, на Чесменкѣ, гдѣ у отца его (чеха по происхожденію) была извѣстная въ Россіи фабрика. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ пансіонѣ Стори и затѣмъ поступилъ въ число пансіонеровъ 1-й Московской гимназіи. Здѣсь-то, благодаря ученическимъ спектаклямъ, подъ руководствомъ Ал. Григорьева, развилась его страсть къ театру. Обстоятельства помѣшали ему продолжать свое образованіе въ этомъ направленіи, и только въ 1861 году, возвратясь въ Москву изъ Екатеринослава, онъ отдался своему призванію, начавъ съ домашнихъ спектаклей, сперва въ домѣ отца, потомъ въ своемъ кружкѣ на частныхъ сценахъ Шенелова и Секретарева, занимая комическія роли во всевозможныхъ пьесахъ. Онъ уже пользовался значительною извѣстностью въ Москвѣ, когда въ 1865 году, наконецъ, добился дебюта на Императорской сценѣ въ театрѣ Петровскаго парка и 19 января 1866 года былъ принятъ въ число артистовъ Московской драматической труппы безъ жалованья. Въ 1867 году Музиль былъ отпущенъ для практики въ Тифлисъ и по окончаніи сезона получилъ отъ Великаго Князя Намѣстника драгоцѣнный алмазидный осыпанный брилліантами перстень. Вернувшись въ Москву, онъ сталъ получать годовую окладъ въ 500 руб., затѣмъ въ 1872—900 руб., въ 1874—полный окладъ (1.143 р.) и только по реформѣ 1882 года—7,000 руб. Въ 1885 году получилъ пенсію за 20 лѣтъ въ размѣрѣ 1.140 руб., а 19 апрѣля сего года—званіе почетнаго гражданина.

За все время своего служенія сценическому искусству Н. И. Музиль исполнилъ болѣе 400 ролей. Изъ которыхъ изъ нихъ, какъ напр. Митрофанушки въ „Недоростѣ“, царскаго повара въ „Дмитріи Самозванцѣ“ Островскаго, Юродиваго въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина—созданы имя волюн самобытно. Въ комизмѣ его, то серьезно, то чрезвычайно увлекающаго зрителя къ веселому, беззаботному смѣху, никогда нѣтъ ничего дѣланнаго; онъ, такъ сказать, свободно истекаетъ изъ самой природы изображаемаго лица.

Для юбилейнаго бенефиса, который назначенъ на 22 ноября, Н. И. Музиль выбралъ комедію Шекспира *Виндзорскія кумирки*, пьеску Мольера *Прищипицы* и *Картинку семейнаго счастья* Островскаго.

Фортепіано системы Янкò и піанистка Шарлотта Бойсь-Рюккеръ. (Рис. и портр. на стр. 1189).

Ожидаемая къ декабрю въ Петербургъ піанистка Шарлотта Бойсь-Рюккеръ дастъ въ нашей сѣверной столицѣ рядъ концертовъ на фортепіано ново-изобрѣтенной системы, извѣстной подъ названіемъ Янкò-клавіатуры.

Какъ видно на нашемъ рисункѣ, клавіатура эта представляетъ собою шесть ступеней. Клавіши расположены въ 6 рядовъ террасообразно однѣ надъ другими; число ихъ то же, что и въ прежнихъ инструментахъ, но каждая клавіша раздѣлена на три отдѣльныя части; такимъ образомъ образуются три двойныхъ ряда и каждая пара рядовъ совершенно подобна прочимъ парамъ. Первый, третій и пятый рядъ содержатъ тоны *C, D, E, Fis, Gis, Ais*; во второмъ, четвертомъ и шестомъ рядѣ находятся тоны *Cis, Dis, F, G, A, H*. Для легчайшаго различенія клавіши, тоны *Fis, Gis, Ais, Cis* и *Dis* обозначены черными полосками. Техническія преимущества Янкò-клавіатуры, если вѣрнѣе ея сторонникамъ, заключаются въ болѣе естественномъ и удобномъ положеніи рукъ и облегченіи игры. Пальцы не вытягиваются на черныхъ клавішахъ и не втискиваются между ними, почему не устаютъ и не подвержены судорогѣ піапистовъ. Самые маленькія дѣти легко берутъ октаву, а дамскія руки—дециму. Аккорды можно брать сравнительно громадные, порядкомъ черными пальцевъ (двугитаровка) одинаково во всѣхъ ладахъ дѣрныхъ и мольныхъ, время обученія значительно сокращается, и проч. и проч.

Шарлотта Бойсь-Рюккеръ, одна изъ первыхъ оцѣнившая выгоды новой системы и единственная концертантка на фортепіано-Янкò, родилась въ 1860 году въ Тирольскомъ мѣстечкѣ Швацъ, первоначальное музыкальное образованіе, десяти лѣтъ отъ роду, получила въ Линцѣ у тамошняго соборнаго органиста Карла Вальдека, потомъ училась у Гаунтмана и Герике, а впоследствии временно совершенствовалась подъ руководствомъ самого Листа. Концерты ея имѣли повсюду значительный успѣхъ, особенно блестяще исполняетъ ова пьесы для одной лѣвой руки, послѣ чего публика обыкновенно вызываетъ ее съ присоединеніемъ возгласа: „comme comte Zichy (какъ графа Зичи)“. Нынѣ она придворная піанистка его королевскаго высочества князя Карла-Антоня Гогенцоллернскаго.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ 9-дневнаго пребыванія въ Греціи, Государь Императоръ Цесаревичъ отправился въ Египетъ, 7 ноября. Въ день отъ-

ѣзда, поутру, Его Высочество, въ сопровожденіи Греческой королевы и Великаго Князя Георгія Александровича, изво-

лишь присутствовать на богослужении, совершенномъ въ часовнѣ новаго русскаго кладбища въ Пирей, а въ 4 часа по-полудни отбылъ изъ радуншій Греціи, при дурной погодѣ и во время волненія. При отходѣ салютовали орудія порта и французскихъ и греческихъ броненосцевъ. 10 ноября, въ 8 ч. утра, фрегатъ „Память Азова“ и три другихъ военныхъ судна съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ и Греческимъ принцемъ Георгіемъ пришли въ Портъ-Саидъ. Затѣмъ въ 11 ч. утра фрегатъ „Память Азова“ съ Ихъ Высочествами вошелъ въ каналъ и прибылъ въ Измацію вечеромъ. На другой день Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Георгіи Александровичъ и принцъ Георгіи Греческій вышли съ фрегата на берегъ въ 8 ч. утра и были встрѣчены принцемъ Хуссейномъ, чиновниками хедива, русскими и греческими консулами, служащими общества Суэзскаго канала и греческою и французскою колоніями. Въ 9 ч. Ихъ Высочества отбыли съ поѣздомъ хедива въ Каиръ. Въ столицу Египта Наслѣдникъ Цесаревичъ со своими Августѣйшими спутниками и свитой прибылъ въ 12½ ч. дня и былъ встрѣченъ на вокзалѣ хедивомъ, министрами, русскими и греческими дипломатическими агентами, генераломъ Гренвиллемъ со штабомъ, генераломъ Доржеромъ, сэръ-Великомъ Барингомъ, баронетомъ Порталемъ, шведскимъ агентомъ и др. На платформѣ былъ выставленъ почетный караулъ отъ египетскихъ войскъ. Съ вокзала Высokie Путешественники прослѣдовали въ домъ русскаго дипломатическаго агента. За первымъ экипажемъ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и хедивомъ слѣдовалъ конный коновой, во второмъ экипажѣ сидѣли Великій Князь Георгіи Александровичъ и принцъ Георгіи, въ третьемъ русскій и греческій дипломатическіе агенты и другіе. Улицы были запружены народомъ, русскіе, французы и греки воздвигли триумфальныя арки, тысячи флаговъ украшали дома. Многія высокопоставленныя лица смотрѣли на въѣздъ съ балкона „Shepherd's Hotel“, въ томъ числѣ Наслѣдникъ принцъ Шведскій съ супругою, лэди Гранвилль и Барингъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Августѣйшими спутниками и свитой завтракалъ въ домѣ русскаго дипломатическаго агента. Послѣ полудня Его Высочество посетилъ хедива, который велѣлъ затѣмъ отдалъ визитъ. Населеніе очень оживлено и настроено восторженно. Ночью многіе дома были иллюминированы. 12 ноября Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ утромъ въ греческой церкви, а послѣ полудня посетилъ музей Гизехъ. Затѣмъ въ Абди-скомъ дворцѣ хедивъ давалъ банкетъ, сервированный на 90 кувертовъ. Во время обѣда греками было устроено факельное

шествіе и кромѣ того передъ дворцомъ сожжены были великолѣпный фейерверкъ. По улицамъ гуляли несметныя толпы народа. 13 ноября Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Георгіи Александровичъ, принцъ Георгіи Греческій и Наслѣдникъ принцъ Шведскій совершили поѣздку къ пирамидамъ.

Въ Голландіи, 11 ноября, на третій день послѣ того, какъ королева Эмма приняла, въ качествѣ регентши, присягу въ присутствіи генеральныхъ штатовъ, скончался король Нидерландскій и великій герцогъ Люксембургскій Вильгельмъ III, старшій сынъ Вильгельма II и великой княгини Анны Павловны, вступившій на престолъ 17 марта 1849 года. Это печальное, но давно жданное событіе создаетъ новый строй среди европейскихъ государствъ, такъ какъ на великогерцогскій престолъ въ Люксембургѣ вступилъ герцогъ Сассарскій и страна стала отдѣльнымъ государствомъ.

По этому поводу нѣкоторые органы англійской печати поторопились высказать свои предположенія, что Люксембургъ теперь войдетъ въ сферу вліянія Германіи. На это замѣчаетъ *Times*, что сперва надо узнать, каково на этотъ счетъ мнѣніе самихъ люксембургцевъ. „Было бы оскорбленіемъ для герцога Сассарскаго предполагать, будто онъ свои германофильскія чувства не подчинитъ интересамъ великаго герцогства Люксембургскаго“.

Въ Англій и Сербіи началась парламентская дѣятельность. Скупщина была торжественно открыта, 7 ноября, тронною рѣчью, которую прочелъ Ристичъ. Въ ней заявляется, что правительство, отстаивая національную независимость государства, нынѣ, подкрѣпленное снова народнымъ довѣріемъ, посвятитъ свои труды, совместно со скупщиною, преимущественно экономическимъ реформамъ. Въ проектахъ отвѣтныхъ на тронную рѣчь адресовъ, между прочимъ, говорится: „Пользуясь настоящимъ торжественнымъ случаемъ, скупщина заявляетъ о всегдѣшней глубокой благодарности Сербскаго народа великому Императору братской Россіи, который, какъ всегда, такъ и въ новѣйшее время, далъ особенныя доказательства Своего благоволенія къ сербскому народу. Въ этомъ благоволеніи заключается вѣрнѣйшій залогъ, что узлы искренней дружбы между Русскими и Сербскими народами сохраняются навсегда непоколебимыми“.

Въ Лондонѣ парламентъ открытъ 13 ноября тронною рѣчью, въ которой сказано, что со времени послѣдней парламентской сессіи никакихъ переменъ въ международныхъ отношеніяхъ Англій не произошло и гарантіи сохраненія европейскаго мира, насколько это представляется королевѣ, не ослабли.

Библиографія.

С.-Петербургскіе врачи, больницы, дантисты и аптеки, съ указаніемъ ихъ адресовъ. СПб. Изд. К. Риккера. 1890. 8°.

Рекомендуемъ эту книжку каждому жителю Петербурга. Помимо познанаго списка врачей по фамиліямъ, они перечислены еще и по районамъ ихъ жительства. Цѣна доступная—20 к.

Черезъ сто лѣтъ. Фантастическій романъ Э. Беллами. СПб. 1891. 8°.

Въ послѣднее время появилось нѣсколько подобныхъ романовъ за счетъ будущаго. Но всѣ эти произведенія фантазировали больше насчетъ развитія и усовершенствованій техники; разсматриваемый же романъ затрогиваетъ другую область—экономическую. Читается довольно легко.

Практическое руководство къ применению электричества въ

промышленности. Составили *Е. Кадія и Л. Дубость.* Перевелъ К. де-Шарьеръ. 2-е изд. СПб. 1890. 8°.

Это сочиненіе одно изъ самыхъ полныхъ и практическихъ курсовъ электротехники. У насъ оказался большой спросъ на это сочиненіе, и первое изданіе быстро разошлось. Настоящее изданіе значительно пополнено по новому французскому изданію и является необходимымъ подспорьемъ каждому интересующемуся практическими приложеніями электричества.

Бувескій, В. Полное руководство къ изученію русской, французской и немецкой каллиграфіи. СПб. 1890.

Руководство г. Бувескаго весьма полезно при изученіи красиваго и быстрого письма. Авторъ обратилъ большое вниманіе на гигиенически правильное положеніе тѣла пишущихъ. Къ курсу приложены классныя тетради. Издано хорошо и недорого.

С М Ъ С Ъ .

Время — деньги. Издатель одной газеты въ Сидней мѣрничъ время, которое онъ посвящаетъ своимъ посетителямъ, на деньги. Каждый желающій его видѣть долженъ кунить въ передней карточку, которая стоитъ для часоваго посѣщенія 10 шиллинговъ, для получасоваго—6 шиллинговъ и для 15 минутъ—3 шиллинга. (с.)

Находчивость. Одному актеру приходилось сказать въ своей роли: „А, вотъ и докторъ!“ и въ ту же минуту играющій роль доктора долженъ былъ появиться изъ-за боковой кулисы. Но послѣдній не показавшася—и актеру надо было наполнить чѣмъ-нибудь неожиданную паузу, чтобы отвлечь вниманіе публики. „Однако, онъ не торопится“, вставилъ актеръ въ свою роль. „Ну вотъ, теперь остановился, поговорить съ какой-то женщиной... Воже мой, онъ кажется и не думаетъ идти сюда! Волтаютъ себѣ да и только! Ну вотъ, наконецъ! Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! Опять остановился; какой-то человекъ подошелъ къ нему; вѣроятно что-нибудь важное, говорить такъ горячо... Докторъ поднесъ трость къ губамъ и что-то обдумываетъ. Это ужъ чересчуръ. Всякое терпѣніе лопнетъ! Не позвать-ли его? Докторъ! Господинъ докторъ! Ахъ, еслибъ онъ услышалъ! Онъ должно-быть глухъ... Ну, наконецъ-то, наконецъ-то идетъ!—Здравствуйте, господинъ докторъ! Еслибъ вы знали, какъ нетерпѣливо васъ ждали здѣсь!“ вдохнулъ съ облегченіемъ актеръ. (с.)

Анекдотъ о Гейне. Молодой Левинъ, братъ Рахили Варнгагенъ, однажды полу-шутя, полу-серьезно сталъ увѣрять Гейне, что его стихотворенія далеко не заслуживаютъ громкой извѣстности,

какою пользуются, такъ какъ вся ихъ прелесть заключается въ умышленно рѣзкихъ переходахъ отъ возвышеннаго къ самому обыкновенному, и вовсе не трудно, появивъ разъ этотъ секретъ, писать точно такъ-же, какъ онъ. —„Ну, напичи что-нибудь à la Гейне, отвѣтилъ поэтъ смѣясь,—я не боюсь твоей конкуренціи“. На другой день пріятель пришелъ снова и принесъ лирическое стихотвореніе слѣдующаго содержания:

Въ свой смертный часъ моя дорогая
Дала мнѣ блѣдно-голубую денгу;
Я храню ее у себя въ комодѣ,
Въ правомъ верхнемъ ящикѣ.

Гейне отъ души расхохотался и бросился на шею своему товарищу. —„Если ты обнаружешь это стихотвореніе, я пропалъ!“ воскликнулъ онъ, признавая себя побѣжденнымъ такимъ удачнымъ подражаніемъ. (с.)

Противъ охриплости, въ случаѣ острой формы ея, самымъ лучшимъ средствомъ служить теплая вода, употребляемая внутрь и снаружи. Внутреннее дѣйствіе состоитъ въ томъ, что ее пьютъ какъ можно больше, пока не вызовется исцарина, и полоסקаютъ горло какъ можно чаще, хотя каждые полчаса: вода должна быть такъ горяча, какъ только втерпѣть. Снаружи прикладываютъ теплые компрессы изъ выжатой фланели и обвязываютъ горло 2 раза въ день. При настойчивомъ употребленіи этого средства, хрипота въ короткое время исчезаетъ. (к.)

Население Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ достигаетъ въ настоящее время 64 миллионѣвъ. Ежемѣсячный приростъ, не включая сюда переселенцевъ, исчисляется въ 100,000 душъ; а вмѣстѣ съ переселенцами—въ 143,000, т. е. въ 1.716,000 ежегодно. Изъ числа 64 миллионѣвъ—около 14 миллионѣвъ иностранцы. (с.)

Соляныя залежи. Президентъ торговой палаты въ Стоктонѣ-на-

Тн (Stockton on Tee) заявилъ въ своемъ послѣднемъ годовомъ отчетѣ, что находящаяся въ округѣ Тисайдскія соляныя копи имѣютъ 11 квадратныхъ миль прогнѣнія, при средней толщинѣ слоя въ 70 футовъ=21,35 метровъ. Каждый акръ заключаетъ въ себѣ 200,000 тоннъ (=4 миллиона центнеровъ) соли. Названный округъ могъ бы снабжать весь свѣтъ солью въ продолженіе 800 лѣтъ. (с.)

Открыта подписка на „Ниву“ 1891 г.

(Подписная цѣна см. на 1 страницѣ).

Подписчики „Нивы“ на 1891 г. получаютъ, кромѣ 52 номеровъ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала „Нива“ и кромѣ 12 номеровъ „ПARIЖСКИХЪ МОДЪ“ и 12 номеровъ РУКОДѢЛЬНЫХЪ и ВЫШИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ и выкроекъ и пр., еще **БЕЗПЛАТНО**

12

ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ романовъ, повѣстей, рассказовъ и друг. занимательнаго и поучительнаго чтенія. Каждая книга объемомъ отъ 200 до 250 стр., въ форматѣ „Сборника“ разосланнаго при № 43 „Нивы“ на 1890 г. Въ трехъ изъ этихъ 12 книгъ будетъ заключаться **полное собраніе сочиненій**

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ 3 томахъ, какъ самостоятельное изданіе, съ біографіею Лермонтова и его портретъ, гравир. на стали. Кромѣ того подписч. „Нивы“ на 1891 г. получаютъ какъ главную художеств. премію съ даровою пересылкою

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10 АКВАРЕЛЯМИ

исполн. fac-simile въ краскахъ по картинамъ: Айвазовскаго, Александровскаго, Васильевскаго, Волнова, Зичи, Каразина, Кившенка, Клевера, Премацци и Сверчкова, въ красивой картонной папкѣ, украшенной роскошнымъ заглавнымъ рисункомъ.

Помѣстивъ въ 43-мъ № „Нивы“ 1890 г. выдержки изъ отзывовъ объ „Альбомѣ“ художниковъ-авторовъ и столичной печати и разславъ его въ нѣкоторыя Московскія и провинціальныя изданія, мы до сихъ поръ успѣли уже получить отзывы слѣдующихъ органовъ.

„**РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ**“, отъ 15 ноября, № 315. Педантно отпечатанный альбомъ, представляя новую форму преміи журнала „Нива“, отличается на этотъ разъ выдающимися достоинствами въ смыслѣ художественнаго воспроизведенія посредствомъ хромолитографіи акварелей и картинъ нашихъ извѣстныхъ художниковъ. Внѣшній видъ альбома представляетъ папку, украшенную съ лицевой стороны прекрасно выполненнымъ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ и разбросанными по букету четырьмя акварельными картинками. Папка заключаетъ въ себѣ десять хромолитографическихъ снимковъ, отпечатанныхъ на отдѣльныхъ листахъ, и кромѣ того листъ пояснительнаго къ снимкамъ текста. Послѣдній содержитъ не только объясненіе сюжета картины, но и знакомитъ читателя съ заслугами самого художника и такимъ образомъ какъ бы мотивируетъ выборъ картины для альбома. Что же касается снимковъ альбома, то они выполнены замѣчательно хорошо, такъ что представляютъ точную и дѣйствительно художественную передачу самихъ оригиналовъ. Такимъ образомъ настоящій альбомъ служитъ прекраснымъ образцомъ художественной техники хромолитографскаго производства и можетъ смѣло выдерживать конкуренцію съ заграничными изданіями этого рода.“

„**НОВОРОССИЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ**“, отъ 10 ноября. № 4936. „...До настоящаго времени русская художественная литература не имѣла ничего подобнаго. Снимки переданы съ замѣчательнымъ совершенствомъ и поражаютъ своимъ тща-

тельнымъ, совершенно художественнымъ и точнымъ подражаніемъ оригиналамъ, съ сохраненіемъ вѣхъ, даже самыхъ тонкихъ, оттѣнковъ оригинала. Положительно, альбомъ „Нивы“—это своего рода шедевръ. Снимки исполнены на прекрасной бумагѣ и собраны въ изящной папкѣ, на которой имѣются изящныя виньетки и не менѣе изящные рисунки. Если-бы Альбомъ „Нивы“ былъ издавъ отдѣльно, то сравнительно съ цѣнами другихъ подобныхъ изданій, онъ стоилъ-бы не дешевле того, что стоитъ „Нива“ со всеми своими приложеніями...“ и т. д.

„**КРОНШТАДСКІЙ ВѢСТНИКЪ**“, отъ 26 октября, № 126. „...Издатель „Нивы“ г. Маркель, даетъ въ 1891 г. читателямъ своего журнала дѣйствительно прелестную премію—художественно исполненный альбомъ по картинамъ нашихъ извѣстнѣйшихъ живописцевъ. Въ альбомѣ вошли слѣдующія картины (слѣдуетъ переченъ картинъ). Картины исполнены акварелью настолько хорошо, что можно удивляться изяществу и тонкости техники исполненія. Альбомъ вложенъ въ изящную папку...“

„**ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ**“, отъ 10 ноября, № 297. „...Передъ нами премія „Нивы“ на будущій годъ. Это роскошный альбомъ, заключающій въ себѣ десять акварелей-хромолитографій, написанныхъ русскими художниками. Каждая акварель—заключенная художественная картина...“

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ“ 1891 ГОДА

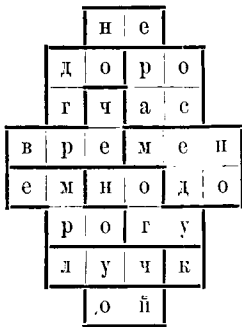
СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

Исполняя желаніе многихъ изъ нашихъ иногородныхъ гг. подписчиковъ, мы нашли возможнымъ допустить **РАЗСРОЧКУ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ ЗА „НИВУ“ 1891 ГОДА**, на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) Въ два сроча: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Юня 1891 г. 3 р.
- 2) Въ три сроча: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1891 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1891 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всеми приложеніями и преміями—наравнѣ съ годовыми подписчиками.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

Рѣшеніе задачи буквъ № 61

(помѣщенной въ № 41).

- 1) Не
- 2) Дог(ъ)
- 3) Роса
- 4) Червь(ь)
- 5) Демон(ъ)
- 6) Море.
- 7) Гуно
- 8) Луч(ь)
- 9) К
- 10) Ой!

„Не дорогъ часъ временемъ, но
дорогъ улучкой“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.:
СПб.—П. В. Панкова, Златополь—А. Педачина,
Калуга—С. Н. Соколова, Одесса—М. Юрьева.

Рѣшеніе шашечной задачи
№ 59 (помѣщенной въ № 41).

- Бѣлыя. Черныя.
- 1) b 6 — c 5
 - 2) h 2 — g 3
 - 3) e 1 — d 8
 - 4) d 8 — e 7
 - 5) d 4 — c 5
 - 6) f 4 — d 6
 - 1) f 6 — h 4
 - 2) h 4 — f 2
 - 3) f 8 — b 4
 - 4) b 8 — d 6
 - 5) d 6 — e 5
 - или a 3 — b 2

или e 1 — a 3 дамка заперта
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы
отъ Г.г.: СПб.—Н. В. Панкова, К. П. Па-
нафина, А. А. Писѣва; Москва—Н. И. отъ Г.г. СПб.: — А. А. Писѣва; Берди-
Смирнова; Егорьевскъ—Н. П. Матѣева; чевъ—А. В. Магазинскъ; Люботинъ—Д. С.;
Елисаветградъ—Д. Лагунова; Калуга—Серпецъ—Г. Гарфинкель.

Рѣшеніе шахматной задачи
№ 60 (помѣщенной въ № 41).

- Бѣлыя. Черныя.
- 1) Фе 4 — b 4
 - 2) К с 5 — с 6 ++
 - 1)
 - 2) Ф b 4 — a 5 ++
 - 1)
 - 2) Ф b 4 — h 4 ++

или a 3 — b 2 дамка заперта
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы
отъ Г.г.: СПб.—Н. В. Панкова, К. П. Па-
нафина, А. А. Писѣва; Москва—Н. И. отъ Г.г. СПб.: — А. А. Писѣва; Берди-
Смирнова; Егорьевскъ—Н. П. Матѣева; чевъ—А. В. Магазинскъ; Люботинъ—Д. С.;
Елисаветградъ—Д. Лагунова; Калуга—Серпецъ—Г. Гарфинкель.

СОДЕРЖАНІЕ: Н. Е. Сверчковъ (съ портр.).—Панъ нуль. Историческій романъ
въ 2-хъ частяхъ. Графа Е. А. Саласа. Ч. I и II. (Продолженіе).—Сѣдой донокъ.
Сказка Георга Эберса.—Литературная бесѣда. Гоголевскія повѣсти.—Листонъ
воспоминаній къ юбилейному вѣнку. (Посвящается Н. И. Музилю).—Къ рисункамъ:
Первый иней (съ рис.).—Милость побѣжденнымъ (съ рис.).—Отдыхъ послѣ удач-
ной охоты на дикихъ козъ (съ рис.).—Адресный столъ (съ рис.).—Экспедиція къ
Сѣверному полюсу съ помощью азростата (съ рис.).—М. Н. Напустинъ (съ портр.).—

Н. А. Лавровскій (съ портр.).—Н. И. Музиль (съ портр.).—Фортепіано системы
Янкѣ и пианиста Шарлотта Бойсъ-Рюнкеръ (съ портр. и рис.).—Политическое обо-
зрѣніе.—Библиографія.—Смѣсь.—О подпискѣ на „Ниву“ 1891 г.—О подпискѣ на
„Ниву“ съ разсрочкою.—Рѣшенія задачъ.—Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА,
изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора,
гравированнымъ на стали, и фансимиле.
Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними
произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно
и исправлено авторомъ.
Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученого Ко-
митета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено:
книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомен-
довать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ
среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при вы-
пускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ
заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напе-
чатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес.
8 р. 75 к.; въ роскош. каленкоп. перепл. съ золот. тиснен.—
8 р., съ перес. 9 руб.
Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.;
въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.
Съ требованіями просить обращаться въ СПбургъ, въ кон-
тору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Большое роскошно иллюстрированное
изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.
ГѢТЕ
„ФАУСТЪ“
объ части, переводъ А. ФЕТА, съ
25-ю эстампами гравированны-
ми на мѣди и 132-мя гравюра-
ми на деревѣ по рисункамъ
ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА,
исполненными знаменитыми гра-
верами: Адрианомъ Шлейхомъ
Альгейеромъ, Зигле и др.
Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (ша-
греновомъ) переплетѣ, съ золотымъ
обработкой и въ футлярѣ 40 р., пере-
сылка за 35 фунт. по разстоянію.
Съ требованіями просить обращать-
ся въ Главную Контору журнала „Нива“,
Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.
ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ
Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Ору-
жіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Укра-
шенія и пр. и пр.
съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней,
въ популярномъ изложеніи
Н. П. ГНѢДИЧА.
Большой томъ, in quarto, въ 2 столбца, съ 430
прекрасно исполн. гравюрами—копіями съ произ-
веденій искусства въ области живописи, скульп-
туры и архитектуры.
Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 р.; въ коленк.
переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р.,
съ перес. 8 р. 50 к.
Для подписчиковъ „Нивы“ 5 р. 50 к., съ перес.
6 р. 50 к., въ перепл. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.
Съ требованіями обращаться въ Контору журнала
„Нива“, Невскій пр., № 6.

САРПИНКА.
Ткань изъ высшихъ сортовъ бумажной
пряжи —
сходство зѣфира и батиста.
Собственное ручное ткачество.
Крѣпкія краски.
Розничная продажа.
Большой разнообразный выборъ рисунковъ,
составленныхъ, какъ новосты, на лето 1891 г.
Альбомъ высылается по полученіи 40 коп.
почтовыми марками, присланными заказ-
нымъ письмомъ.
АДРЕСЪ:
Саратовъ, Торговому Дому
БЕНДЕРЬ и СТЕПАНОВЪ.
№ 4821 5—2

CIGARETTES ESPIC contre
ASTHME & CATARRHE
AUTORISEES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
et general: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Провѣсь складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахер-
скихъ въ Франціи и заграничій.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисо-
всмутовая пудра.
CHALES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
на годъ 5 р.
на 8 мѣс. 4 р.
на 6 мѣс. 3 р.
За границу
на годъ 10 р.
на 4 мѣс. 2 р.
на 2 мѣс. 1 р.
на 1 мѣс. 60 к.
№ 4792 6—3
Объявленія по
10 к. за строку.
Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Сиворцовъ.
Преображенская, 4, 12 кв. разсказовъ и очерковъ. Издатель А. А. Греве.

ДЕЖЪ

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
на Всемирной Выставкѣ въ
Парижѣ 1889 года.
О-ДЕ-КОЛОНЪ
ЦВѢТОЧНЫЙ
БРОКАРЬ и Ко.
ИЗОРЪЖЕНІИ
Складъ фабрики: Офицерская, 5.

Артуръ Зейфартъ, Кестрицъ (Германія).
Награды, преміи, дипломы, медали съ
выставокъ государственныхъ и частныхъ.
Значительнѣйшій заводъ
породистыхъ собакъ
Рѣдчайшихъ современныхъ
породъ, комнатныхъ,
охотничьихъ и для
всѣхъ видовъ спорта.
Породистыя собаки: (спеціальности)
Великорослыя гор-
ныя собаки, ньюфаунд-
лендскія, мастифы, крупныя
нѣмецкіе доги, бульдоги, стороже-
выя собаки, терьеры, пинчеры, пуделя,
и проч.
Превосходные охотники. — Учрежденіе рекомендуемое крупнѣйшими авторитетами по
сплюноты, болѣе 10,000 благотворительныхъ писемъ. — Безплатная франкированная
высылка каталога. — Иллюстрированный альбомъ 50 цѣнниковъ. К. 4714
50 различныхъ породъ. — Вывозъ во всѣ части свѣта. — 50 различныхъ породъ.

Картины, печатанныя масляными
красками, съ оригиналовъ про-
фессора Императорской Акаде-
міи Художествъ **И. И. ШИШКИНА**
1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“,
2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“.
Картинъ этихъ осталось очень ограни-
ченное количество. Цѣна за обѣ 2 р. 50 к.,
съ перес. 3 р.
Съ требованіями обращаться въ
Главную Контору „НИВЫ“, С.-Пе-
тербургъ, Невскій, № 6.

КОМНАТНЫЕ ОРГАНЫ
въ 3 октавы 80 руб., въ 4 октавы
110 руб., въ 5 октавъ въ 175 руб.
до 1300 руб.
знаменитой фабрики
МЕЗОНА И ХЕМЛИНА,
у единственнаго агента фабрики
П. Юргенсона въ Москвѣ.

4711
О-ДЕ-КОЛОНЪ.
Съ зелено-золотистымъ ярлыкомъ.
Продается во всѣхъ лучшихъ антикар-
спкихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.
Требовать зелено-золотистый ярлыкъ.
Главное депо у Александра Тиссъ и Ко,
Пушкинская, № 4. П. № 4769 4—3
ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-эроп.
XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к.,
съ пер. 2 р.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

V. № 4754 28--8

ССУДЫ

подъ все % бумаги. **ВЫГРЫШН. ЗАЙМЫ** посредствомъ залога. Задатокъ 15 и 20 р. Ежемесячно 10 и 5 р. Въ опроверженіе слуховъ симъ объявляется, что никакого запрещенія продажи выигранныхъ займовъ съ стороны Правительства не было сдѣлано и такіе слухи, какъ распространяемые лицами, заинтересованными лишь въ пониженіи цѣны, не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія.

БАНКІРСКИЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
СПб., Невскій, 59—57, собоств. домъ. № 4813 3—2

БИБЛИОТЕЧКА СТУПИНА.

- Первинка.
- Азбука крошка.
- Дѣтскія пѣсенки.
- Книжка малютка.
- Бабушкины сказки.
- Елка.—Балагуръ.
- Дѣтки-малолѣтки.
- Старинъ-Годовинъ.
- Русскія басни.—Собана.
- Кошка.—Обезьяна.
- Матушка Москва.
- Чудесныя животныя.
- Чародѣи.—Крѣпость.
- Приключенія Коли.
- Забава всему приправа.
- Всего понемногу.
- Французская азбука.
- Нѣмецкая азбука.
- Прокляты Мишки Топт.
- Ариеметика крошка.

Цѣна каждой книжки 10 коп. На рубль высылается 9 книжекъ, на 2 рубля высылается 18 книжекъ. Адресъ издателя: Москва, Никольская ул., рядъ съ Ремесленной Управой, А. Д. СТУПИНУ; въ СПБ. у нигопр. Тузова, Нулина и Панафидина.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ПОВСЕМѢСТНО:

ЕДИНСТВЕННЫЙ

по полнотѣ свѣдѣній

„СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ“ СТУПИНА НА 1891 ГОДЪ.

72 стр. уборист. печ., съ рисунками, 72 портрет. русскихъ писателей и приложенийъ свѣдѣній календаря и карты Россіи, печатанной въ краскахъ.

Цѣна: 15 коп., съ перес. заказъ банд. 28 коп. НА РУБЛЬ высл. 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

СОВРЕМЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ содержитъ въ себѣ невозможныя сирочныя свѣдѣнія и статьи, посвящаемыя выдающимся лицамъ и событіямъ церковной и гражданской жизни, при чемъ сирочныя свѣдѣнія отличаются полнотою, точностью и новизною, а статьи — интереснымъ и серьезнымъ содержаніемъ и популярнымъ изложеніемъ. По внешнему своему виду календарь отличается чистотою печати и изяществомъ рисунковъ. Благодаря указаннымъ достоинствамъ, календарь въ первый же годъ изданія заслужилъ лестные отзывы периодической печати.

Цѣна каждой книжки 10 коп. На рубль высылается 9 книжекъ, на 2 рубля высылается 18 книжекъ. Адресъ издателя: Москва, Никольская ул., рядъ съ Ремесленной Управой, А. Д. СТУПИНУ; въ СПБ. у нигопр. Тузова, Нулина и Панафидина.

Изящно-иллюстрированная

ДѢТСКІЯ КНИЖКИ:

- Зайчики.—Колосья.
- Удивительный червячокъ.
- Ручн. тѣни и коми. игры.
- Маленькій рисовальщикъ.
- Поздравит. стихотвор. Стенка растрепка.
- Три царства природы.
- Освобожденіе Руси.
- Красный сарафанчикъ.
- Игра въ солдаты.
- Царь-богатырь.
- Лисичка-Сестричка.
- Алеша Поповичъ.
- Садко и Васьяна Буславъ.
- Илья Муромецъ.
- Добрыня Никитичъ.
- О рыбацкѣ и рыбацкѣ.—О царѣ Салтанѣ.—О нуцѣ Сестолюпѣ.—О мертвой царевнѣ.

№ 4829 2—1

на 1891 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1891 г.

НА

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ЕДИНСТВЕННУЮ БОЛЬШУЮ И ДЕШЕВУЮ ВЪ РОССИИ ГАЗЕТУ.

„Русскій Листокъ“, выходя ежедневно, даетъ наиболѣе свѣдѣнія изъ современной жизни. Сообщенія болѣе чѣмъ изъ 600 городовъ. Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ и отъ собственныхъ корреспондентовъ, Московскій дневникъ, Театръ и музыка. Спортъ. Торговая хроника. Фельетоны. Романы, новѣсти, разсказы, стихотворенія, мелодіи и проч.

Въ вышедшихъ номерахъ за 1890 годъ начатая двѣнадцатью большими романами (В. А. Ривалъ, С. М. Нестерова, И. К. Кондратьева, И. О. Дубровинъ и проч.), свыше двухсотъ пятидесяти разсказовъ (каждый день по одному обязательно), множество сценокъ, стихотвореній, каламбуровъ, шутокъ и проч.

Въ портфель редакціи для 1891 г. имѣются романы: В. А. Ривалъ — „ЦАРИЦА СЕРДЦА“, И. К. Кондратьева — „ПСКОВСКАЯ КРАМОЛА“, историч. ром. въ 3 част., Ив. Потурлыгина — „СКОПЧЕСКАЯ ЕРЕСЬ“, новѣсти-хроника изъ прошлаго столѣтія, С. М. Нестерова — „ПОТЕРЯННОЕ СЧАСТЬЕ“ и ми. др. Ш. № 4826 2—1

ПОДПИСКА ЦѢНА съ доставкой и пересылкой:

На годъ 5 руб. На полгода 3 руб. На 1 мѣсяць 60 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Москва, Варсонофьевскій переулокъ, домъ Рыбушнскаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“

ежемесячно историческое изданіе 1891 г.

двадцать второй годъ изданія. 12 книгъ съ портретами, цѣна ДЕВЯТЬ рублей съ пересылкою.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1891 года будутъ, между прочимъ, напечатаны: Заниски А. М. Туркенева, — Дневникъ атаманика А. В. Ивонина (1861—1872 гг.), — Записки профессора Н. В. Липа (+ 1884 г.), — Записки Н. А. Огаревой-Турковой (1856—1873 гг.); — Очерки и воспоминанія: ген.-отъ-инф. князя Н. С. Голицына; ген. отъ-инф. А. А. Обинова; Н. В. Вернина; Штрайдмана (1769—1790 гг.); кн. И. Горюховъ; кн. Явчича; М. Бестужева; Ю. Селверскаго, Гагерна; Печерина; Третьякова (о Московскомъ университетѣ); П. Д. Шестакова (о гр. Д. А. Толстомъ и Казанскомъ университетѣ); Хржановскаго и Москалкова (1831 г.); архимандрита Терлецкаго; проф. Ростиславова и мног. друг.; — Исследование о царствованіи Александра I^{го}, Н. К. Шальдера, — и проч.

Подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1891 г. принимается для иногородныхъ въ С.-Петербургѣ, въ редакціи „РУССКОЙ СТАРИНЫ“, по Большой Подкаменной, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Цинзерлинга (Невскій просп., домъ № 20).

Подписчики на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ 1891 года получаютъ за ОДИНЪ руб. при чемъ на пересылку прилагаютъ 21 к. (почтовыми марками).

Пятое собраніе портретовъ, превосходно выполненныя, весьма точныя снимки гравированы съ лучшихъ старинныхъ гравюръ на металлѣ. № 4828

Изд.-Ред. „Русской Старинѣ“ Мих. Ив. Семеновскій.

Въ 1891 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 г. ежемѣсячный толстый журналъ литературы, науки, искусства и общественной жизни (съ рисунками и картинами)

Съ дост. и перес. „КОЛОСЬЯ“ За полгода . . 4 р. за годъ 8 р. „три мѣсяца 2 р.“

Редакція: СПб., Николаевская, 16.

Выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книгами отъ 300—400 страницъ, вмѣщая въ себѣ произведенія наиболѣе известныхъ литературныхъ дѣателей.

- Редакція обратила свое преимущественное вниманіе на беллетристическія произведенія отечественной и иностранной литературы;
- отдѣлъ научныхъ статей заключаетъ въ себѣ статьи, относящіяся до всѣхъ отраслей науки, въ формѣ популярныхъ лекцій или очерковъ;
- редакція даетъ (съ сентября текущаго года) портреты русскихъ дѣателей на страницѣ литературы, науки, искусства, государственной и общественной жизни, съ историко-биографическими свѣдѣніями;
- литературно-критическій отдѣлъ содержитъ въ себѣ, во 1-хъ, ежемѣсячный обзоръ текущей журналистики, т. е. сокращенное изложеніе содержанія интересныхъ беллетристическихъ произведеній и статей, напечатанныхъ въ остальныхъ литературныхъ, научн. и историч. журналахъ; 2) такой же обзоръ произведеній изящной и научной литературы (отечественной и иностранной), издаваемыхъ отдѣльн. книгами;
- въ „Фельетонномъ обзорѣ общественной жизни“ редакція даетъ, рядомъ съ серьезнымъ разсмотрѣніемъ общественныхъ вопросовъ и задачъ, обзоръ такихъ же вопросовъ въ легкой, юмористической формѣ.

ВЪ ПОРТФЕЛѢ РЕДАКЦІИ НА 1891 г. имѣются слѣдующія произведенія: ОШИБКИ И ИСПУЛНЕНІЕ, болш. ориг. романъ изъ совр. жизни рус. общ. А. Каренина изъ Московской жизни В. Попова. ЧЛЕНЪ РИОНДА НАРОДОВАГО, пов. изъ послѣдняго полскаго возстанія 1863 г., С. Литвина. ВАСЬНА ПАЛЕНЫЙ, болш. разск. изъ жизни горнораб. на Уралѣ. И. Святъ-го. СОПЕРНИКИ, истор. ром. врем. Екатерины II, изъ неизданныхъ записекъ кн. Е. Р. Дашковой, кн. Н. В. Н.-а. ТРИ ДОРОГИ, пов. изъ жизни, быта, М. Р. СТАРЫЕ СЧЕТЫ, разск. изъ еврейской жизни Шляревскаго. НЕЖДАННАЯ ДОЛЯ, пов. изъ русск. провинц. жизни В. П. Езерина. ХРИСТИАНСКІЙ РЫЦАРЬ, ист. ром. Т. ЕЖА. ЗАГУБЛЕННАЯ, ром. изъ жизни петербург. большаго свѣта Гр. Е. Р.-ць. ДЕНЬГИ (L'ARGENT), послѣдній романъ Э. Зола. ДУША, послѣдній романъ Ж. Онэ. МАРИЯ-АННА, историч. разск. Захеръ-Мазоха, и зн. др. новѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и научныхъ статей.

Кромѣ того, гг. годовые подписчики получаютъ полное собраніе сочиненій М. Ю. ЛЕРМОНТОВА, съ портретомъ, биографіей, автографомъ и приложеніями, подъ ред. знаменитаго библиографа Д. П. Сильчскаго. № 4830 2—1

Оптовая продажа 7 разъ удостоены

ЦИТРЫ отличной работы, хорошаго качества и сильнаго тона отъ 16—22—28—38—300 мар. Школа Гретера для самообученія 1 ч. 5 м., 11 ч. выси. инструм. 7 м. Скрипки и всѣ струнные инструменты. Прейс-курантъ бесплатно. Ц. № 4825 БРАТЯ Вольфъ, 4—1 Фабрика инструментовъ, Крейцшахъ

Въ 1891 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 г. агентствъ. За условіями обращайтесь письменно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, собоств. домъ.

№ 4795 **НОВОСТЬ!** 3—3 Французская **СТАЛЬНАЯ ДРОБИЛА** 9 руб. Кормитъ лошадей, коровъ, птицъ и т. д. дробильныя ачмепель, овомъ, кукурузой и пр., аерна будетъ выходить значительно менѣе, что дастъ большую экономию въ хозяйствахъ и кавалерійскихъ полкахъ. Адресъ: Одесса, складъ машинъ технолога И. Мельникова.

Усовершенствованныя **НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ** собоств. изданія продаются по вновь усовершенствованнымъ цѣнамъ: съ 3 медалями по 4 р. и 4 р. 50 к. 7 съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей. Самый легкій инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

И. Ф. МЮЛДЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова. Иллюстр. прейс-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (41) Ц. № 3864 Торговцамъ дѣляется скидка.

Только подлинно съ этой фабрич. маркой.

Huste-Nicht
Bergricht geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“.
Медо-Травяной-Мальць-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТЦЪ и К^о.
въ Бреславлѣ.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входитъ никака вредная для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрешены.

*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо

Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В № 4719 18—5

ШИШУЦАИ МАШИНА **„РЕМИНГТОНА“.**

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительствъ, и частныхъ учрежд.

Прейс-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнечій мостъ. Б. Морская, 21.

60 к., 75 к., 1 р., 1 р. 25 к. до 5 р. съ полнымъ комфортомъ отстроенной и значительно увеличенной Ц. № 4768 (3)

БОЛЬШОЙ ГОСТИНИЦЪ „РОССІЯ“ ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Лучшая кухня. Первоклассный ресторанъ. Самыя убранныя цѣны на всѣ предметы. Омнibusъ; ванны. Подъемная машина (lift) во всѣ этажи. Уступка при болѣе продолжительномъ пребываніи. Подробный тарифъ высылается по требованію.

1891 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 г. ежемѣсячный толстый журналъ литературы, науки, искусства и общественной жизни (съ рисунками и картинами)

Съ дост. и перес. „КОЛОСЬЯ“ За полгода . . 4 р. за годъ 8 р. „три мѣсяца 2 р.“

Редакція: СПб., Николаевская, 16.

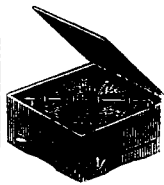
Выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, книгами отъ 300—400 страницъ, вмѣщая въ себѣ произведенія наиболѣе известныхъ литературныхъ дѣателей.

- Редакція обратила свое преимущественное вниманіе на беллетристическія произведенія отечественной и иностранной литературы;
- отдѣлъ научныхъ статей заключаетъ въ себѣ статьи, относящіяся до всѣхъ отраслей науки, въ формѣ популярныхъ лекцій или очерковъ;
- редакція даетъ (съ сентября текущаго года) портреты русскихъ дѣателей на страницѣ литературы, науки, искусства, государственной и общественной жизни, съ историко-биографическими свѣдѣніями;
- литературно-критическій отдѣлъ содержитъ въ себѣ, во 1-хъ, ежемѣсячный обзоръ текущей журналистики, т. е. сокращенное изложеніе содержанія интересныхъ беллетристическихъ произведеній и статей, напечатанныхъ въ остальныхъ литературныхъ, научн. и историч. журналахъ; 2) такой же обзоръ произведеній изящной и научной литературы (отечественной и иностранной), издаваемыхъ отдѣльн. книгами;
- въ „Фельетонномъ обзорѣ общественной жизни“ редакція даетъ, рядомъ съ серьезнымъ разсмотрѣніемъ общественныхъ вопросовъ и задачъ, обзоръ такихъ же вопросовъ въ легкой, юмористической формѣ.

ВЪ ПОРТФЕЛѢ РЕДАКЦІИ НА 1891 г. имѣются слѣдующія произведенія: ОШИБКИ И ИСПУЛНЕНІЕ, болш. ориг. романъ изъ совр. жизни рус. общ. А. Каренина изъ Московской жизни В. Попова. ЧЛЕНЪ РИОНДА НАРОДОВАГО, пов. изъ послѣдняго полскаго возстанія 1863 г., С. Литвина. ВАСЬНА ПАЛЕНЫЙ, болш. разск. изъ жизни горнораб. на Уралѣ. И. Святъ-го. СОПЕРНИКИ, истор. ром. врем. Екатерины II, изъ неизданныхъ записекъ кн. Е. Р. Дашковой, кн. Н. В. Н.-а. ТРИ ДОРОГИ, пов. изъ жизни, быта, М. Р. СТАРЫЕ СЧЕТЫ, разск. изъ еврейской жизни Шляревскаго. НЕЖДАННАЯ ДОЛЯ, пов. изъ русск. провинц. жизни В. П. Езерина. ХРИСТИАНСКІЙ РЫЦАРЬ, ист. ром. Т. ЕЖА. ЗАГУБЛЕННАЯ, ром. изъ жизни петербург. большаго свѣта Гр. Е. Р.-ць. ДЕНЬГИ (L'ARGENT), послѣдній романъ Э. Зола. ДУША, послѣдній романъ Ж. Онэ. МАРИЯ-АННА, историч. разск. Захеръ-Мазоха, и зн. др. новѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и научныхъ статей.

Кромѣ того, гг. годовые подписчики получаютъ полное собраніе сочиненій М. Ю. ЛЕРМОНТОВА, съ портретомъ, биографіей, автографомъ и приложеніями, подъ ред. знаменитаго библиографа Д. П. Сильчскаго. № 4830 2—1

СИМФОНІОНЫ

(Музыкальные и иллюстрированные альбомы с перьями, пьесами).
 Маленькие с ручной съ 6-ю пьес. 8 р.
 Добавочный пьесы по 35 к.
 Маленькие заводные съ 6-ю пьес. 18 р.
 Добавочный пьесы по 35 к.
 Большие заводные 60 тонн. съ 10-ю пьес. 35 р. Добавоч. пьесы по 60 к.
 Большие заводные 84 тонн. съ 10-ю пьес. 55 р. Добавоч. пьесы по 75 к.
 Большие заводные 84 тонн. „Stahltonne“ съ 10-ю пьес. 90 р. Добавочный пьесы по 1 руб.

Списки пьес для симфоніоновъ, а также иллюстрированный прейсъ-куррантъ въсьмъ инструментовъ — безплатно.

ЮЛИЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
 Главное депо № 4827
 музыкальных инструментовъ и нотъ,
 С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40,
 Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

Только что вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу:
**НОВЫЙ БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ
 РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ
 (АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)**

состоящій изъ 25 листовъ, заключающихъ въ себѣ множество исключительно новыхъ, оригинальныхъ и нигдѣ еще не напечатанныхъ рисунковъ художника

В. Н. КЛАГЕСА.

Въ альбому приложено подробное наставленіе, служащее прекраснымъ руководствомъ для начинающихъ выпиливать по дереву.

Цѣна этому превосходному изданію назначена крайне умеренная: въ изданіи литографированной оберткѣ 1 р. 25 к., съ пересылкой 1 р. 60 к. — Съ требованіями обращаться въ Главную Контору „Нивы“, С.-Петербургъ, Невскій просп., домъ № 6.

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАНЫЕ

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
 строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Спеціальность: плуги и молотилки. Они же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомотивовъ Клейтона и Шутлеворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, мненіе „Дези“ и сноповязалокъ Маи Кормина въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочный борони Рандаля и конныя грабли Тигръ завода Стодарда, рядовыя сѣлки Сакка и проч. № 4484 26—13
 Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Масницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеневъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

КАТАЛОГЪ РИСУНК. ВЫПИЛИВАННО.

ЛЮБИМЦЕВЪ и ГРОЗИМЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которму печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

**ФАБРИКА
 МЕЛЬХИОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ
 А. КАЧЪ**

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., домъ № 38.
 Рекомендуютъ огромный выборъ новѣйшихъ фаянсовъ, всевозможнѣйшихъ вещей, подражающихъ серебру. Г.г. иногороднымъ высылаются иллюстрированные каталоги, по требованію, безплатно. № 4797 3—2

ПОЛУЧЕНЫ часы известнѣйшихъ американскихъ фабрикъ „Вальтгамъ“ и „Эльминъ“, а также большой выборъ всевозможныхъ часовъ лучшихъ женевскихъ и швейцарскихъ фабрикъ, по самымъ умереннымъ цѣнамъ.
**Главное депо часовъ
 ЭДУАРДА БУРХАРДЪ,**
 СПб., Гороховая ул., у Краснаго м., № 17.
 Отдѣл.: Вознесенск. пр., у Синяго м., № 3.
 Г.г. иногороднымъ высылаю съ наложеннымъ платежомъ. Прейсъ-курранты высылаю безплатно. Мт. № 4794 2—2

**НАСТОЯЩІЕ
 ВЕЛОСИПЕДЫ (ВИФЪ)**

ПЕРВОЕ МѢСТО

Ж. БЛОКЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

№ 4612 (18)

**ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МЪХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ
 ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА
 П. М. ГРИНВАЛЬДТЪ**

въ С.-Петербургѣ № 4831
 № 22, Невскій проспектъ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ.
 Участіе на Всемирной Единбургской Выставкѣ 1890 г. **ВЫСШАЯ НАГРАДА „ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ“.**

Адресъ для телеграммъ: ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДТЪ.

РЕКОМЕНДУЮ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ
 собственной фабрики съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. В. № 4696 8—6

ПАВЕЛЬ БУРЕ
 поставщикъ Двора Его Величества.
 С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23.
 Москва, по В. Лубянкѣ, противъ Кузнецкаго моста.
 Новый иллюстрир. прейсъ-куррантъ высыл. по требован. безплатно.

Лампы съ накаливаніемъ въ 16 свѣчей, въ 50, 65 и 100 вольтъ, за 100 штукъ РС. 100. Патроны Эдиссона и Сименса. Тюльпаны стѣнныя. отъ 50 к. до 1 р. 25 к. Электрическіе звонки отъ 1 р. 50 к. Аппараты №№ 3, 4, 6, 8, 10, 12 РС. 7.50, 8.50, 14, 16, 20, 23. Кнопки отъ 25 к. Элементы Лекланше отъ 1 р. 25 к.—1 р. 50. Сухой элементъ Электронъ отъ 2 р. Изолированная проволока за ф. отъ 1 р. 20. Изоляторы отъ 20 к.—50 к. Симплесъ Микрофонъ. Телефонъ со звонкомъ, за станцію РС. 15. Микрофонъ телефонъ Вадена съ индукторомъ, на протяженіе 400 персетъ, за станцію РС. 60. Домашній телеграфъ, легко устанавливается домашнимъ образомъ, безъ помощи спеціалистовъ, цѣна 7 р.

Постановка и проводъ телефоновъ и звонковъ, а также ремонтъ и починка по весьма умереннымъ цѣнамъ. Руководство и прейсъ-куррантъ высыл. за 50 к. марками.
 5—3
К. И. ФРЕЛАНДТЪ В. № 4775
 Складъ электрическихъ приборовъ, С.-Петербургъ, уг. Невскаго пр. и Екатерининскаго канала, д. Ученнаго Банка, входъ съ канала. № 16.

ПЕРО - ФОНТАНЪ!
 НОВОЕ АМЕРИКАНСКОЕ
 ИЗОБРЕТЕНІЕ.

Въ перѣ находится стеклянный цилиндръ, который наполненъ чернилами и во время писанія чернила стекаютъ черезъ особенное внутреннее устройство на перо. Копивши писаніе, на перо надвѣваютъ капсюль, чтобъ его можно было въ бу- мажникѣ или въ кармапѣ носить. Перо выдоченное и поэтому не ржавѣетъ. Одного наполненія хватаетъ, если много писать, на два дня.

Цѣна 60 коп., съ пересылкой 1 руб.

СКЪБЛИЛЬНАЯ СТАЛЬ.
 Скоблить такъ скоро и незаметно, что каждый при первомъ употребленіи даетъ ей предлогеніе предъ всѣми бывшими до сихъ поръ въ употребленіи скобильными 3—1 ножницами и проч. № 4824
 Цѣна 50 коп., съ пересылкой 1 руб.
 Оптова и розничная продажа у

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ флакона.—пров. Кинуненъ. (16) № 4287

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ.
 СКЛАДЪ РЕЗИН. ТОВАРОВЪ
 Больш. Морская, № 34.

Главное депо часовъ
 НЕВСКІЙ ПР.
 № 42.

Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
 С. ПЕТЕРБУРГЪ
 ПРЕЙСЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

Съ ручательствомъ за вѣрность хода и прочность механизма.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни.
 Вс. Соловьева. II. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.
№ 48

г. XXI
1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ въ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 1 декабря 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1891 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . . 5 р. Съ доставкою въ Петербургъ 6 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печниковской, Петровская Торг. линія 6 р. Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . . 7 р. За границу . . . 10 р.

Подписчики „Нивы“ на 1891 г. получать, кромѣ 52 номеровъ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала „Нива“ и кромѣ 12 номеровъ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ и 12 номеровъ РУКОДѢЛЬНЫХЪ И ВЫШИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ и выкроекъ и пр., еще **БЕЗПЛАТНО**

12

ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ
романовъ, повѣстей, разсказовъ и друг. занимательнаго и поучительнаго чтенія. Каждая книга объемомъ отъ 200 до 250 стр., въ форматѣ „Сборника“ разосланнаго при № 43 „Нивы“ на 1890 г. Въ трехъ изъ этихъ 12 книгъ будетъ заключаться **полное собраніе сочиненій**

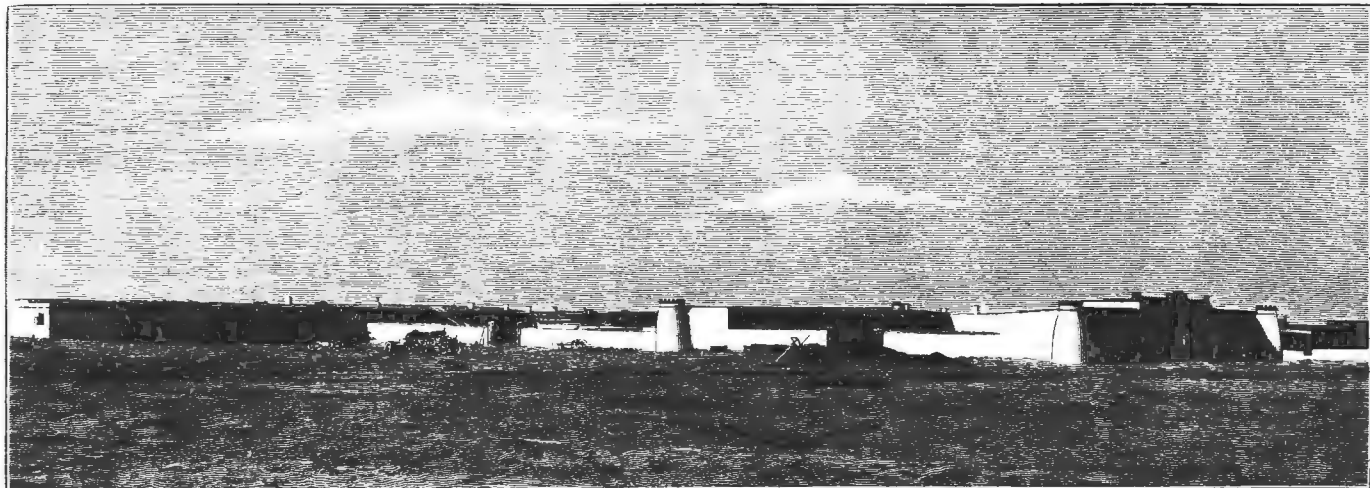
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ 3 томахъ, какъ самостоятельное изданіе, съ біографіею Лермонтова и его портрет., гравир. на стали. Кромѣ того подписч. „Нивы“ на 1891 г. получать какъ главную художеств. премію съ даровою пересылкою

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10 АКВАРЕЛЯМИ

исполн. fac-simile въ краскахъ по картинамъ: Айвазовскаго, Александровскаго, Васильковскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Кившенка, Клевера, Премацци и Сверчкова, въ красивой картонной папкѣ, украшенной роскошнымъ заглавнымъ рисункомъ.

При семъ № прилагаются: „ПАРИЖСКИЕ МОДЫ“ за ДЕКАБРЬ 1890 г., съ 26 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 чертеж. выкроекъ въ натуральную величину и 26 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Назармы и хозяйственныя постройки въ Мургабскомъ имѣніи Государя Императора близъ желѣзно-дорожной станціи Байрамъ-Али въ Мервѣ. Съ фотографіи грав. М. Рашевскій.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

VII.

Прошелъ мѣсяцъ съ того дня, что панъ Сандецкій весело выѣхалъ въ Варшаву, въ качествѣ жениха, чтобы отпраздновать свою свадьбу. Теперь каштелянъ былъ снова у себя въ замкѣ. За это время многое произошло въ его жизни, чего никто не могъ-бы ожидать.

Съ гордымъ паномъ Сандецкимъ случилось нѣчто, едва не убившее его. Панъ Ксаверій, никогда въ жизни не болѣвшій, вылежалъ въ постели цѣлую недѣлю и до сихъ поръ еще вполне не оправился и все еще, какъ многимъ казалось, продолжалъ странно хворать.

Дѣйствительно, самолюбію каштеляна Сталупеньскаго былъ нанесенъ тяжкій ударъ. За недѣлю до того дня, когда было назначено его бракосочетаніе, когда все было готово, все блестящее общество столицы приглашено на свадьбу, приключилось странное и смѣшное происшествіе.

Красавица-невѣста, прославившаяся въ столицѣ подъ прозвищемъ „бѣлой пани“, выѣхавъ однажды среди дня изъ дому въ гости, не вернулась до вечера, не вернулась и къ ночи, не вернулась и на слѣдующіе дни. Франуся пропала безъ вѣсти.

Панъ Сандецкій въ первый-же день вечеромъ, крайне смущенный, разослалъ гонцовъ по всѣмъ знакомымъ домамъ опросить, нѣтъ-ли тамъ панны Франциски. Отвѣты были получены отрицательные.

Люди, бывшіе при экипажѣ, въ которомъ выѣхала Франуся и который уже поздней ночью возвратился пустой, заявили пану Сандецкому, что панна Франциска вошла въ квартиру на Краковскомъ предмѣстьѣ и болѣе оттуда не выходила. Карета и люди прождали ее весь день и уже ночью паюкъ-арабъ дерзко объяснилъ имъ, что никогда панна Франциска въ домъ якобы не входила, что никто ее не видалъ и вѣроятно тутъ кроется недоразумѣніе.

— А можетъ-быть и просто вы пьяны! сказалъ имъ паюкъ.—Сами не знаете гдѣ ваша госпожа.

Разумѣется, вся Варшава тотчасъ заинтересовалась пропажею „бѣлой панны“. Со втораго-же дня пожилые люди, старые пріятели Сандецкаго, стали ему намекать, гдѣ можетъ быть его невѣста и что могло съ ней приключиться. Панъ Сандецкій не понималъ намековъ.

— Она пропала временно, говорили они,—такъ-же какъ и многія по нашему времени пропадаютъ... Не тревожься, панна найдется...

Наконецъ Сандецкій замѣтилъ, что онъ одинъ воображаетъ, будто Франусю убили какіе-нибудь злодѣи. Всѣ, къ кому обращался онъ, усмѣхались двумысленно на его предположеніе.

Наконецъ, дѣло объяснилось очень просто. Франусю постигла та же судьба, что и многіхъ красавицъ Варшавы... Она была похищена самимъ королемъ... Вѣрнѣе сказать, сердцеѣдъ Станиславъ переманилъ невѣсту Сандецкаго.

Для всѣхъ въ Варшавѣ тутъ не было ничего особеннаго. Чуть не каждые два мѣсяца случалось такое происшествіе. Не далѣе, какъ мѣсяца за три передъ тѣмъ тотъ-же король буквально похитилъ и даже чуть не насильственнымъ образомъ фаворитку одного изъ первыхъ магнатовъ Польши, маршала князя Огинскаго.

Однако, что было самымъ простымъ дѣломъ для варшавскаго общества—было невѣроятнымъ случаемъ для пана Сандецкаго, было страшнымъ, жесточайшимъ оскорбленіемъ его самолюбію. Съ пожилымъ паномъ

приключилось нѣчто въ родѣ легкаго удара. У него отнялись временно ноги, и онъ только съ трудомъ спустился недѣлю могъ двигаться.

Слегши въ постель, онъ пролежалъ три дня въ полусознательномъ состояніи. Доктора ожидали каждую минуту вторичнаго удара и конца, но вмѣсто этого къ ихъ изумленію черезъ недѣлю желѣзное здоровье предъявило свои права.

Панъ Сандецкій поднялся на ноги и казался бодрымъ, никогда не болѣвшимъ. Только во взглядѣ осталось какое-то странное выраженіе.

Оправившись совершенно, панъ Сандецкій сталъ обдумывать мнѣніе своему счастливому сопернику. Онъ готовъ былъ на всякое преступное дѣйствіе, за которое могъ-бы, пожалуй, подвергнуться не только „баннымъ“, но и болѣе тяжкому наказанію.

На его счастье, при первомъ извѣстіи о болѣзни его, въ Варшаву явился албанчикъ Кароль-Побѣчекъ. По пріѣздѣ онъ не отходилъ отъ отца и, когда панъ Сандецкій былъ уже на ногахъ, онъ всячески успокаивалъ его, уговаривалъ и развлекалъ. Онъ убѣдилъ отца бросить все дѣло.

Хотя пожилой панъ и былъ оскорбленъ, но все-таки менѣе, нежели бывали прежде оскорблены многіе извѣстные люди столицы, подвергшіеся той-же участи.

Панъ Сандецкій лишился невѣсты. У другихъ похищали женъ и дочерей. И они должны были снести это.

Сандецкій, подъ влияніемъ бесѣды съ сыномъ, дѣйствительно, нѣсколько успокоился. Какъ ни былъ онъ влюбленъ въ свою бывшую невѣсту—теперь главнымъ источникомъ его мученій было исключительно самолюбіе. Онъ не могъ привыкнуть къ мысли, что въ свои годы сталъ посмѣшищемъ всей Варшавы.

Кароль успокаивалъ отца преимущественно тѣмъ, что они непременно придумаютъ средство современемъ отметить Станиславу.

Оправившись, панъ Сандецкій тотчасъ-же выѣхалъ въ свой замокъ вмѣстѣ со своими дочерьми и здѣсь буквально заперся, никуда не выходя, даже не появляясь ни на минуту изъ своихъ горницъ.

Пробывъ съ отцомъ нѣсколько дней, Кароль выѣхалъ снова въ Несвижъ по мѣсту своей службы.

Проведя около мѣсяца въ одиночествѣ, Сандецкій однажды велѣлъ запретъ себѣ маленькую нетычанку, взявъ съ собой молоденькаго гайдука и выѣхалъ изъ замка. Вернулся панъ къ вечеру. Никто не зналъ, гдѣ онъ былъ, а гайдукъ отзывался на вопросы всѣхъ, что панъ не приказалъ ничего никому сказывать.

Сандецкій съѣздилъ лично освидѣтельствовать границу своего имѣнія, которая теперь была уже границей Польскаго королевства. По краю его владѣній уже появился прусскій кордонъ. Въ двухъ мѣстахъ стояли сторожевыя будки, а на дорогахъ торчали щиты съ прусскими черными орлами.

Мысль, что онъ, каштелянъ Сталупеньскій, остался польскимъ подданнымъ на вѣчныя времена, теперь не утѣшала его, а даже раздражала. Онъ былъ теперь подданнымъ самаго ненавистнаго ему человѣка.

Если-бы панъ могъ предвидѣть все, что съ нимъ случится, то конечно пожелалъ-бы сдѣлаться нѣмцемъ, лишь бы не быть подданнымъ Станислава-Августа.

Послѣ загадочной поѣздки Сандецкій просидѣлъ снова безвыходно нѣсколько дней въ своихъ горницахъ. Одинъ домовникъ и одинъ гайдукъ—единственные люди, которымъ позволялось входить въ его горницы, очень тревожились, глядя на пана. Они говорили въ замкѣ, что

хорошо-бы опять послать гонца къ молодому Каролу, такъ какъ у каштеляна очень нехорошій видъ.

Оказывалось, что панъ по ночамъ все на ногахъ, ложится подь утро, спитъ мало. Дни и ночи онъ проводитъ въ томъ, что бродитъ по своимъ горницамъ, самъ съ собою разговариваетъ, иногда гнѣвается и кричитъ, чаще всего повторяетъ слово „король“.

И это было дѣйствительно такъ...

Наконецъ, однажды утромъ панъ Сандецкій, сидѣвшій съ книгой въ рукахъ, вдругъ вскочилъ съ мѣста, заговорилъ вслухъ и заволновался.

— Нѣту, нѣту! говорилъ онъ.—Нигдѣ не видалъ ни единого!.. Что-же это значить? Какъ-же я не догадался, не подумалъ?.. Правда мнѣ не до того было, да и не любопытно. А теперь оказывается, что въ этомъ вся сила!..

Сандецкій тотчасъ-же позвалъ человѣка и приказалъ послать къ себѣ маршала своего замка, пана Балтазара.

Маленькій, тщедушный старикъ, но умный и отличавшійся главнымъ образомъ своей несловобохотливостью, тотчасъ явился по требованію каштеляна.

— При разграниченіи королевства съ нѣмцами, спросилъ панъ.—присутствовалъ-ли кто изъ нашихъ польскихъ комиссаровъ?

— Нѣтъ, пане, никого не было. Наши комиссары должны были прѣхать, но заоздали. Я ихъ жду всякій день вотъ уже недѣли съ три. Даже пограничные нѣмцы удивлялись, что Польское королевство со своей стороны не выставляетъ нигдѣ значковъ по границѣ.

Панъ Сандецкій усмѣхнулся загадочно и странно. Затѣмъ онъ приказалъ послать къ себѣ домовника Зарембу. Старый шляхтичъ немедленно явился въ горницы пана и тоже нашелъ въ Сандецкомъ большую перемѣну.

Панъ Ксаверій показался ему другимъ человѣкомъ. Онъ немножко посѣдѣлъ, слегка осунулся и главнымъ образомъ глядѣлъ странно. Глаза его по временамъ блуждали, останавливались на какомъ-нибудь простомъ предметѣ и оставались такъ прикованными подолгу.

— Скажи мнѣ, пане Заремба, возьмешься-ли ты опять за важную работу, съ тѣмъ чтобы исполнить ее быстро и искусно? Надо пустить нашу Вислейку въ старое русло и все передѣлать, зарыть и всячески уничтожить слѣды того, что мы сдѣлали.

Старикъ-шляхтичъ отвѣтилъ, что подобнаго рода работа будетъ гораздо легче, чѣмъ когда приходилось рыть новое русло.

— Такъ за работу, пане! Я отдамъ приказаніе, чтобы все что есть здороваго люда поступило съ завтрашняго дня подь твою команду и, кромѣ того, пошлю созвать еще человѣкъ триста изъ другихъ деревень.

— Неужели панъ-каштелянъ хочетъ сдѣлаться прусскимъ подданнымъ?! воскликнулъ Заремба.

— Избави Богъ! отозвался Сандецкій.

— Но вѣдь такъ будетъ, если Вислейка протечетъ по старому руслу?

— Это мы увидимъ, пане, а покуда—за работу!

VIII.

Черезъ два дня вокругъ замка снова уже кишѣлъ народъ: рабочіе съ заступами и тачками. Нѣсколько десятковъ фуръ опять увозили землю. Все старое русло Вислейки походило на длинный муравейникъ. На этотъ разъ, по приказанію пана, рабочіе, въ количествѣ пятисотъ человѣкъ, работали въ двѣ смѣны—и день, и ночь.

Черезъ недѣлю прежнее русло было очищено, и Вислейка повернула изъ новаго въ старое мѣсто. Рѣчонка, казалось, съ удовольствіемъ запрыгала по своему давнишнему руслу. При этомъ, однако, всѣ горевали, такъ какъ не было никакого праздника или угощенія отъ пана.

Впрочемъ, и вся работа была произведена мрачно,

безъ воодушевленія и веселья, какъ бы изъ-подъ палки. Послѣдній хлопъ зналъ, что работаетъ противъ совѣсти. Повернуть Вислейку на старое мѣсто, значило сдѣлаться нѣмцемъ.

— Грѣхъ пану! говорили всѣ. — Затѣя умная удалась какъ нельзя лучше. Прусскіе орлы Богъ вѣсть гдѣ торчатъ отъ насъ. Все осталось попрежнему, а теперь явятся въ Сталупени нѣмцы... Пожалуй, чего добраго, появятся на селѣ и Фридриховскіе солдаты.

При этомъ нѣкоторые прибавляли тайно:

— Надо ума лишиться, чтобы пойти на такое дѣло!

Не успѣли еще совершенно уничтожить слѣды недавно прорытаго русла, какъ на восточной границѣ помѣстій пана Сандецкаго появились польскіе комиссары. Но ни одинъ изъ нихъ не явился въ замокъ.

Пана Сандецкаго это обстоятельство нисколько не удивило. Онъ отправилъ въ качествѣ наблюдателя за комиссарами своего стараго Балтазара. Вернувшись, маршалъ замка объяснилъ каштеляну, что у комиссаровъ есть свои инструкціи и свои карты. Они ведутъ границу и разставляютъ польскіе значки тамъ, гдѣ имъ указано, а узнавъ отъ него, что прусскій кордонъ прошелъ далеко отъ замка, они очень удивились. У нихъ были свѣдѣнія о томъ, что русло Вислейки отдѣляетъ помѣстья Сандецкаго въ пользу Пруссіи. На ихъ картахъ оно такъ значилось.

— Что же они сказали?

— Ничего, пане. Сказали: „намъ нѣту никакого дѣла, что нѣмцы не знаютъ, гдѣ границу свою проводить...“ Впрочемъ, одинъ изъ нихъ долженъ завтра явиться къ пану.

Дѣйствительно, на другой день комиссаръ—молодой и франтоватый шляхтичъ—явился въ замокъ, прошелъ по селу, прошелъ вдоль берега Вислейки и затѣмъ представился пану.

Прежде всего онъ выразилъ Сандецкому соболѣзнованіе, что стариннаго рода шляхтичъ-магнатъ долженъ вслѣдствіе простой случайности—мѣстонахожденія замка—сдѣлаться прусскимъ подданнымъ.

— Граница короля Фридриха, отвѣчалъ Сандецкій,—уже обозначена. Это дѣло законнымъ образомъ совершилось—и я не вижу, по какому праву панъ меня называетъ прусскимъ подданнымъ. Нѣмцы разставили свои значки. Вы, комиссары сосѣдняго со мной государства—Рѣчи Посполитой, тоже разставили свои значки, протянули свой кордонъ. Я надѣюсь теперь, что я буду жить въ дружбѣ съ обоими сосѣдними государствами.

Молодой комиссаръ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ и не ваялъ, какъ понимать слова пана-каштеляна, не зналъ, что и отвѣтить ему.

— Да, продолжалъ Сандецкій, — не смотря на то, что вашъ король—негодяй и выскочка, доробковичъ, попавшій въ короли изъ нищихъ шляхтичей, я все-таки постараюсь войти съ нимъ въ миролюбивыя сношенія... Впрочемъ, я предупреждаю Рѣчи Посполитую въ одномъ. Въ случаѣ войны между ею и Фридрихомъ, я возьму сторону послѣдняго. Пока царствуетъ въ Польшѣ негодяй, узурпаторъ трона, до тѣхъ поръ я буду вѣрнымъ союзникомъ Фридриха. Я васъ попрошу все-таки, когда вы вернетесь въ Варшаву, заявить отъ моего имени кому слѣдуетъ, что не мѣшало бы королю Станиславу аккредитовать при мнѣ какого-либо посла. На-дняхъ я начну строить новое зданіе въ паркѣ, гдѣ будутъ два роскошныя помѣщенія для двухъ будущихъ резидентовъ сосѣднихъ государствъ. Оба резидента — и прусскій, и польскій, будутъ равно пользоваться моимъ вниманіемъ и моими милостями. Вотъ все, что я имѣю сказать. Прибавлю только, что панъ, на память отъ меня, получить вскорѣ съ моимъ посломъ орденъ „крылатаго тигра“, который я намѣренъ учредить.

Комиссаръ, выйдя изъ замка Сандецкаго, долго разводилъ руками и махалъ ими по воздуху.

Капризная натура. Съ карт. Ф. Зимма, грав. Лаустереръ.

— Удивительно! говорил онъ самъ себѣ.

Когда онъ разсказать все что слышалъ своимъ товарищамъ, то, разумѣется, все они пожалѣли бѣднаго свихнувшагося пана. Эту вѣсть свезли они и въ Варшаву.

Панъ Кеаверій, между тѣмъ, вдругъ пересталъ грустить и задумываться. Все домовники увидѣли его веселымъ послѣ свиданія съ польскими комиссарами.

Объясненіе было простое...

Сандецкій мысленно рѣшилъ мудреный вопросъ, рѣшилъ безповоротно и съ твердымъ намѣреніемъ отстоять рѣшенное имъ, не жалѣя ни себя лично, ни своего состоянія. Тема размысленной каштеляна была слѣдующая:

Что такое государство? Имперія? Королевство? Великое герцогство? Это извѣстное количество земель съ извѣстнымъ числомъ жителей. Очень богатый помѣщикъ есть тотъ же государь въ предѣлахъ своихъ владѣній. Существованіе всякаго государства зависитъ отъ случайности, отъ счастья и несчастья.

Огромное королевство Польское въ эти самые дни стало гораздо меньше, разобранное тремя сильными сосѣдями. Тѣ же самыя земли, что были еще вчера въ польскомъ подданствѣ, стали въ одинъ прекрасный день прусскими, австрійскими, русскими. Рѣшено это было чернилами на бумагѣ.

Существуютъ-ли мелкія государства? Конечно, существуютъ! Даже есть крошечныя. Германія полна такихъ отдѣльныхъ независимыхъ государствъ, которыя вдвое меньше обширнаго помѣстья пана Сандецкаго.

Сталупени и все къ нимъ примыкающее на нѣсколько верстъ кругомъ, на десять и двадцать верстъ, конечно, гораздо болѣе какого-нибудь герцогства Липпедетмольдъ, или Рейсъ, или Глейцъ.

Какимъ образомъ создались въ Германіи эти крошечныя монархіи—пану Сандецкому нѣтъ никакого дѣла. Очутись Сталупени болѣе на западъ, въ центрѣ Германіи, быть-можетъ были бы уже давно, при третьемъ, четвертомъ поколѣніи, независимымъ государствомъ, великимъ герцогствомъ Сталупеньскимъ.

Панъ—подданный польскихъ королей случайно.

Наконецъ, теперь вопросъ упрощается еще болѣе. Во-первыхъ, онъ, Сандецкій, принадлежитъ къ старопольской партіи, не признающей неправильно избраннаго короля изъ простыхъ шляхтичей Понятовскихъ. Въ эти дни король—ставленникъ Русской императрицы—предательски позволяетъ отнимать пространства неконно принадлежавшія польской коронѣ.

Если первый попавшійся шляхтичъ, незаконно сѣвшій на польскій престолъ, можетъ такимъ образомъ распоряжаться старинными землями польской короны и уступать ихъ Фридриху, или Екатеринѣ, или Марин-Терезинъ, то почему же какой-либо богатый магнатъ не имѣетъ права самъ отойти отъ польской короны и объявить себя независимымъ.

Будь онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ землями другихъ подданныхъ его же отечества, то объявляясь независимымъ, онъ попалъ бы въ смѣшное положеніе.—хотя есть, однако, на свѣтѣ крошечныя государства, въ родѣ Андорской или Санъ-Маринской республикъ.

Вопросъ по отношенію къ нему измѣнялся совершенно и становился крайне простымъ.

Случайно онъ оказался на границѣ между двухъ большихъ государствъ. Онъ не желаетъ, въ качествѣ патриота-поляка, отходить къ Фридриху и дѣлаться нѣмцемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не желаетъ оставаться подданнымъ незаконнаго короля и подданнымъ такого государства, которое разрушается. Ему остается одно: отдѣлиться и объявить себя независимымъ герцогомъ или великимъ герцогомъ.

Затѣмъ заговорилъ оскорбленный въ Варшавѣ женихъ. Красавица, которою онъ имѣлъ неосторожность и легкомысліе увлечься, предпочла ему челоуѣка немно-

гимъ моложе. Это случилось только потому, что онъ король и, слѣдовательно, стоитъ гораздо выше Сандецкаго—простаго магната.

Теперь онъ можетъ сравниться съ соперникомъ. И очень просто. Вмѣсто того, чтобы объявить себя независимымъ великимъ герцогомъ, онъ объявить себя королемъ. Въдѣ это только одно прозвище. Въдѣ это только условный пустой звукъ... Дѣло въ независимости и въ умѣніи отстоять себя, а прозвище совершенно не имѣетъ никакого значенія. Слѣдовательно, онъ, панъ Кеаверій Сандецкій, объявить свою независимость, помѣстья свои—королевствомъ, а себя—королемъ.

Панъ Кеаверій засѣлъ на нѣсколько дней снова въ своемъ кабинетѣ, и позвавъ двухъ домовниковъ, хорошо писавшихъ, продиктовалъ и написалъ массу писемъ и разослалъ ихъ въ разныя края. Всѣмъ заявилъ онъ о своемъ рѣшеніи, начиная съ правительства Рѣчи Посполитой и кончая пріятелями-сосѣдами.

Затѣмъ онъ собралъ всѣхъ обывателей зѣмка и села во дворѣ и на этотъ разъ объявилъ нѣчто болѣе диковинное, чѣмъ когда-то по поводу рытья русла Вислейки.

Сталупенцы послѣ заявленія пана Кеаверія разошлись нѣсколько смущенные. Давно ходилъ слухъ, что ихъ панъ, глубоко оскорбленный королемъ въ Варшавѣ, слегка разстроился въ способностяхъ мышленія. Теперь приходилось окончательно убѣдиться, что добрый ихъ каштелянъ не въ своемъ умѣ.

— Панъ—не панъ, а *крудль*, монархъ?!...

IX.

Въ слѣдующіе же дни въ зѣмкѣ началась суетня. Гонцы, давно уже посланные въ столицу, вернулись, а велѣдъ за ними пріѣхали всякія повозки и фургоны и привезли массу всякаго добра.

Зѣмокъ внутри отдѣлывался заново. Но всего поразительнѣе по великолѣпію отдѣлывалась большая зала, гдѣ въ глубинѣ появилось возвышеніе, балдахинъ и тронъ. На потолокѣ огромныхъ размѣровъ рисовался гербъ владѣльца: крылатый тигръ, но уже съ королевской короной, со скипетромъ и державой.

На дворѣ зѣмка появился караулъ изъ формировавшейся дружины, именуемой „Сталупеньская банда“. Мундиръ ея былъ почти тотъ же, что и мундиръ албанской банды, но по цвѣту герба Сандецкаго, т. е. пушковые кунтуши, желтые жушаны съ серебряными шнурами. На груди дружинниковъ тоже была бляха съ одной буквой S, но съ королевской короной.

Одновременно по всей границѣ прусской и по всей сторонѣ, гдѣ были разставлены значки польскаго королевства, Сталупенцы разставили свои пограничныя значки. Тамъ были, на западѣ черныя орлы, на востокѣ бѣлыя орлы, а рядомъ съ ними, кругомъ помѣстьевъ, обошли границу свои собственные значки съ изображеніемъ крылатаго тигра. Но теперь въ гербѣ появилась новая подробность: тигръ держалъ королевскую корону въ поднятой лапѣ. Это былъ символъ дѣянія Сандецкаго.

Наконецъ, когда все было готово, зѣмокъ преобразился. Онъ былъ великолѣпенъ внутри и извнѣ. На угловой башнѣ развѣвался огромный флагъ цвѣтовъ герба.

Каштелянъ Сталупеньскій назначилъ и день для окончательнаго формальнаго провозглашенія себя независимымъ монархомъ, и въ зѣмокъ двинулись отовсюду приглашенные имъ.

Сосѣди, и дальніе и ближніе, ѣхали, конечно, ради того, чтобы позабавиться, а главное, чтобы попить. Отчасти любопытно было и посмотреть на всѣмъ давно извѣстнаго пана Кеаверія, который сошелъ съ ума. То, что предстояло увидѣть, было далеко не зауряднымъ или обыкновеннымъ зрѣлищемъ.

Скоро Сталупени, и зѣмокъ, и село, переполнились пахавшими гостями. Мѣста едва-едва хватало.

Однажды утромъ зала замка переполнилась прїѣзжими гостями и домовниками. Всѣ были веселы. Всѣхъ забавляло то, что происходитъ и произойдетъ. Тронъ сїалъ въ глубинѣ залы, а вокругъ него стояла стража изъ Сталупенской банды въ новыхъ мундирахъ.

Затѣмъ двери растворились, появились по два въ рядъ разные придворные, вновь пожалованные разными чинами и званіями. За ними явился въ великолѣпномъ одѣяніи самъ владѣлецъ Сталупеней. На немъ былъ тоже пунцовый кунтушь, желтый жупанъ и большая брилліантовая бляха на груди съ замысловатыми буквами: „Т. А. А.“ Это были начальныя буквы новаго латинскаго девиза взятаго имъ: „Tengo ad ardua“— „Стремлюся къ трудному“.

Каштелянъ былъ не только суровъ и важенъ, но даже величественъ. Поднявшись на ступени и сѣвъ на тронъ, онъ сказалъ рѣчь. Присутствующіе ожидали услышать ибчто смѣхотворное и слышали ибчто весьма логическое, а главное убѣдительное.

Сандецкій красно и доказательно объяснилъ всѣмъ то, что самъ наединѣ долго рѣшалъ и теперь рѣшилъ. На заданный себѣ вопросъ, почему Сталупенямъ не быть самостоятельнымъ государствомъ, онъ доказалъ, что оно совершенно возможно благодаря обстоятельству и совершенно естественно по существу.

Но болѣе всего поразили всѣхъ конецъ рѣчи каштеляна. Онъ заявилъ, что будетъ отстаивать свое дѣло до послѣдней капли крови, и отъ всякаго живущаго въ предѣлахъ новаго государства онъ требуетъ чтобы тотъ рѣшился пожертвовать собой или же заблаговременно покинуть его, потому что всякаго, кто не согласенъ положить жизнь за свое новое отечество, онъ сочтетъ измѣнникомъ, предастъ суду и разстрѣляетъ.

Затѣмъ Сандецкій поднялся. Маршалъ, панъ Балтазаръ Трембицкій, почитательно изгибаясь, поднесъ ему на бархатной пунцовой подушкѣ богато осѣянную драгоценными камнями корону. Владѣтель замка взялъ ее, надѣлъ себѣ на голову и, гордо окинувъ всѣхъ присутствующихъ, вымолвилъ:

— Собственно своею властью, на подобіе конунговъ древнихъ временъ, объявляю себя королемъ Сталупенскимъ подъ именемъ Яна I. Наслѣдникомъ престола объявляю сына моего, моею королевскою властью въ эту минуту словесно узаконяю, и дарю ему титулъ принца Вислейскаго. Пана Балтазара Трембицкаго произвожу въ графское достоинство и назначаю государственнымъ канцлеромъ. Пана Юзефа Зарембу назначаю хранителемъ государственной печати. Пана Викентія—духовнаго нашего отца—назначаю примасомъ королевства. Главнаго моего паюка Бурчимуху, за его отлѣнную храбрость, давно доказанную, произвожу въ шляхетское достоинство и назначаю оберегателемъ границъ государства. Главнокомандующимъ войскъ будетъ мой сынъ, принцъ Вислейскій.

Аудиенція кончилась.

Въ залѣ раздались громкіе долго не умолкавшіе клики: „vivat Krul! Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ Янъ I!“

Король величественно спустился съ трона и удалился въ свои апартаменты.

Тотчасъ же началось пированіе и длилось до ночи, а затѣмъ продолжалось и слѣдующіе два дня.

Среди съѣхавшихся въ Сталупени гостей уже былъ раздоръ. Половина гостей продолжала считать пана Сандецкаго помѣшавшимся отъ того случая, который былъ съ нимъ въ Варшавѣ; помѣшательство отъ любви или отъ оскорбленія—дѣло де обыкновенное. Другіе были убѣждены, что прежній панъ Сандецкій, а нынѣ король Янъ, столько же безумный, сколько и они сами.

Обстоятельства такъ сложились, что онъ, дѣйствительно, могъ объявить себя независимымъ монархомъ. Все сводилось къ тому, чтобы достигнуть этого. А воз-

можно ли достигнуть? Въ смутное время, которое переживалось, всякія чудеса и диковины были, казалось, возможны.

Главный фактъ былъ на-лицо. Прусская граница прошла по одному краю, а польская—по другому. Для Рѣчи Посполитой было даже отчасти удобнѣе и выгоднѣе на большомъ пространствѣ имѣть на границѣ не бранденбуржцевъ, не подданныхъ Фридриха Прусскаго, а Яна Сталупенскаго.

Однако событію въ Сталупеняхъ не суждено было пройти мирно. Черезъ нѣсколько дней, однажды утромъ, на селѣ появились нѣмцы-комиссары съ прусскими значками. Они передали печатныя листки ксендзу для прочтенія въ церкви, нѣсколько листовъ дали новому шляхтичу Бурчимухѣ для передачи каштеляну, а затѣмъ съ сотней листовъ въ двѣ корчмы для распространенія среди жителей.

Въ листкахъ говорилось давно всѣмъ извѣстное, что на основаніи такихъ-то данныхъ Сталупени переходятъ съ остальными польскими землями подъ власть короля Прусскаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссары, перейдя къ границѣ, гдѣ стояли значки съ бѣлыми орлами, стали вытаскивать и выбрасывать на землю значки съ крылатымъ тигромъ и разставлять значки съ черными орлами.

Когда явившійся съ королемъ графъ Трембицкій заявилъ о поступкахъ нѣмцевъ, „круль Янъ“ распорядился немедленно. Комиссары были схвачены, приведены и заперты въ подвальный этажъ. Надъ ними былъ наряженъ судъ за нарушеніе границъ государства. Черезъ день ихъ всѣхъ изрядно высѣкли на дворѣ замка въ присутствіи толпы народа и затѣмъ отпустили на родину.

Янъ I былъ очень доволенъ началомъ непрїязненныхъ дѣйствій съ сосѣдомъ Фридрихомъ. Подданные его были другаго мнѣнія. Всѣ въ Сталупеняхъ и въ замкѣ были озабочены, какъ посмотреть прусское правительство на то, что комиссаровъ отличнѣйшимъ образомъ угостили нагайками въ новомъ королевствѣ.

Не прошло недѣли, какъ въ замкѣ стало извѣстно, что въ нѣсколькихъ верстахъ появился отрядъ въ двадцать человекъ всадниковъ и приблизительно сорокъ человекъ пѣхоты. Это были прусскіе солдаты въ зеленыхъ бранденбургскихъ мундирахъ съ красными отворотами, въ низенькихъ треуголкахъ, съ наудренными косами.

Это были тѣ Фридриховскіе „зеленыя черги“, которыхъ давно ненавидѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшно боялся всякій полякъ, и шляхтичъ, и хлопъ.

Янъ I тотчасъ же собралъ вдвое большее количество молодцовъ, домовниковъ и разныхъ рослыхъ парней съ села и нѣкоторыхъ вооружилъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Сабли были у всѣхъ.

Сталупенская банда, въ которой было уже съ полсотни молодцовъ, вышла въ походъ первая, но не встрѣчу бранденбуржцамъ, а въ обходъ, чтобы отрѣзать отступление. Самъ Янъ командовалъ сборнымъ отрядомъ, а оберегатель границъ—рослый и удалой Бурчимуха командовалъ бандой.

Нѣмцы были взяты врасплохъ и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, потерявъ одного человека убитымъ и двухъ ранеными, сдались безъ выстрѣла.

Плѣнники съ торжествомъ были приведены въ замокъ и снова рассажены въ подвальный этажъ; но черезъ три дня всѣ они, обезоруженные, подъ конвоемъ были отправлены на подводахъ въ Варшаву въ подарокъ королю Польскому отъ короля Яна.

Такъ когда-то поступилъ Янъ Собѣскій, подаривъ много турецкихъ плѣнниковъ Рѣчи Посполитой. Такъ поступилъ теперь и новый король Янъ I.

Разумѣется, вскорѣ „круль“ Сталупенскій сталъ притчей во языцѣхъ и въ Варшавѣ, и въ Берлинѣ.

Давно доходили уже странные слухи и многіе по-смѣивались, что старый панъ Сандецкій отъ любви и обиды сошелъ съ ума. Теперь его безуміе принимало какой-то другой видъ. Какъ бы то ни было, этотъ сумасшедшій сдѣлалъ то, чего давно уже не видали поляки. Онъ прислалъ въ Варшаву болѣе полсотни чело-вѣкъ военно-плѣнныхъ въ ненавистныхъ зеленыхъ мундирахъ.

Король Станиславъ-Августъ серьезно смутился, боясь быть причастнымъ къ дѣлу и навлечь на себя много неприятностей отъ Фридриха. Резидентъ Русской императрицы тоже посмотрѣлъ на дѣло какъ на очень глупую шутку и немедленно рѣшилъ отрядить кого-либо изъ русскихъ офицеровъ къ сумасшедшему помѣщику.

Выборъ палъ на явившагося охотникомъ полковника Мамонова.

Одновременно въ Берлинѣ тоже были озадачены дерзостью польскаго помѣщика. У Фридриха Великаго было не мало заботъ, и крупныхъ, и мелкихъ; тѣмъ не менѣе подобное самоуправство новаго подданнаго оставить безъ наказанія было немислимо. Могли и другіе помѣщики отобранныхъ вновь земель придумать что-нибудь такое же, и Пруссія вдругъ бы пришлось серьезно восвать съ отторгнутыми отъ Рѣчи Посполитой провинціями. Чего не сдѣлало польское правитель-ство, то затѣять сами подданные.

Составиться и быстро учредиться какой-нибудь новой конфедерациі ничего не стоило. У всѣхъ былъ при-мѣръ на лицо—Барская конфедерациа, съ которой при-шло съ серьезно бороться русскому правительству.

Фридрихъ понялъ, что можетъ неожиданно наткнуться на новую Сталупенскую конфедерацию, у которой вдругъ явится войско и съ которой придется правильно вое-вать, а у него и безъ того много враговъ кругомъ и нужно много войскъ.

X.

Между тѣмъ въ замкѣ появилась личность давно ожидаемая всѣми съ нетерпѣніемъ. Всѣ вздохнули сво-боднѣе. Эта личность что-нибудь да принесетъ съ со-бой новаго.

Въ Сталупени прибылъ албанчикъ Кароль. Слухи о томъ, что его отецъ лишился разсудка, поразили его настолько, что Кароль, и безъ того хворавшій, серьезно заболѣлъ. Но едва только онъ оправился, какъ рѣшилъ-ся снова ѣхать въ Сталупени.

Съ грустью и горечью думалъ добрый малый о томъ, что онъ какъ бы виновникъ несчастія. Онъ нашелъ, въ Сталупеняхъ, въ домѣ ксендза, змѣю, пригрѣлъ ее, пу-стилъ въ замокъ и, спасая чуждую ему личность, по-губилъ отца. Теперь наступало время совершить то, въ чемъ Кароль поклялся, т. е. отметить Францискѣ Дзи-лынскій за ея коварное поведеніе.

Кароль, явившійся въ Сталупени, тотчасъ же быстро собралъ всѣ свѣдѣнія, какія ему были нужны, Молодой чело-вѣкъ спрашивалъ, въ какомъ состояніи находится отецъ, какіе признаки его помѣшательства помимо объ-явленія себя королемъ.

Ему отвѣчали, что подобныхъ признаковъ нѣтъ ни одинаго, что панъ Ксаверій спокоенъ, повидимому счаст-ливъ, очень дѣятеленъ, очень добръ и ласковъ со всѣми—и только за одно наказуетъ жестоко: если узнаетъ, что кто-либо называетъ его заглазно паномъ Ксаверіемъ, или паномъ Сандецкимъ, а не крулемъ Яномъ Сталупенскимъ.

Наконецъ Кароль послалъ доложить отцу о своемъ прїездѣ. Сандецкій при этомъ извѣстіи векочилъ съ мѣста и хотѣлъ бѣжать въ нижній этажъ, но вдругъ остановился, вспомнивъ свое высокое положеніе, и при-казалъ просить къ себѣ „принца Вислейскаго“.

Явившійся Кароль бросился на шею къ отцу, долго цѣловалъ его, потомъ сталъ смотрѣть ему въ лицо долго, пронизательно.

— Какъ здоровье, батюшка? выговорилъ онъ.

— Слава Богу! Зачѣмъ ты не ѣхалъ и не отвѣчалъ ни на одно изъ моихъ писемъ?

Кароль объяснилъ, что онъ былъ боленъ очень серьез-но. Сандецкій усадилъ сына и началъ:

— Ну, милый, давай говорить о важномъ дѣлѣ. Что ты думаешь о томъ событіи, которое здѣсь соверши-лось? Твое мнѣніе мнѣ дороже всѣхъ другихъ... Ты знаешь, что теперь ты мой законный сынъ и наслед-никъ... И не только наследникъ имѣнія, но наслед-никъ престола... королевичъ!

Кароль невольно вздохнулъ и не зналъ, что отвѣ-чать. И вдругъ, будто осѣненный свыше, молодой чело-вѣкъ смѣло рѣшился на то, что показалося бы всякому излишнимъ и не только глупымъ, но и жестокимъ.

— Батюшка, заговорилъ онъ,—я по природѣ своей лгать и притворяться не умѣю, слѣдовательно и те-перь, въ такія важныя минуты, не стану лгать, буду говорить сухую правду...

— Разумѣется! Въ этомъ вся сила! воскликнулъ Сан-децкій.

Молодой чело-вѣкъ объяснилъ отцу, что поведеніе его, вся эта затѣя, объясняется не только въ Сталупе-няхъ, въ соебдствѣ, но даже и въ Варшавѣ, даже и въ Несвижѣ, тѣмъ горемъ, которое постигло Сандецкаго. Всѣ убѣждены, что онъ, будучи обманутъ невѣстой и оскорбленъ королемъ, нравственно заболѣлъ.

— Всѣ прямо говорятъ, прибавилъ Кароль,—каште-лянъ просто сошелъ съ ума.

Сандецкій поглядѣлъ на сына, широко раскрылъ глаза и разсмѣялся самымъ веселымъ хохотомъ.

— Ну, а ты? Какъ ты самъ думаешь? выговорилъ онъ наконецъ.—Помни, сынъ, положи руку на сердце... не лги.

— Я?... смутился Кароль.—По правдѣ? Я не знаю... Черезъ нѣсколько дней я, пожалуй, скажу. Вѣдь из-вѣстно, батюшка, что нѣту на свѣтѣ ни одинаго сумас-шедшаго, который бы признавалъ себя таковымъ, иначе онъ не былъ бы сумасшедшимъ.

— Не въ этомъ дѣло, Кароль... Дѣло въ томъ, какъ ты рѣшишь... какъ ты помотришь! Если ты скажешь мнѣ: „да, батюшка—сумасшедшій“, тогда я повѣрю, что я сумасшедшій; но я думаю, ты мнѣ скажешь, что, по твоему мнѣнію, я въ здравомъ разсудкѣ. Вотъ въ чемъ дѣло... Выслушай меня! Я, дѣйствительно, по-лучилъ сильный ударъ, когда эта дрянная дѣвчонка бѣжала изъ дому самымъ срамнымъ образомъ и сдѣ-лала меня посмѣшищемъ всей Варшавы. Я, дѣйстви-тельно, былъ страшно озлобленъ, даже захворалъ, когда узналъ, что негодяй и волокита, соблазвившій сотни жен-щинъ, соблазнилъ и мою невѣсту, чтобы бросить ее черезъ двѣ-три недѣли. Оставаться въ этомъ положе-ніи обманутаго жениха и осмѣяннаго подданнаго я не могъ. Нуженъ былъ какой-нибудь исходъ, что-ни-будь такое, что прогремѣло бы по Рѣчи Посполитой еще болѣе чѣмъ прогремѣлъ мой срамъ. И вотъ я на-шелъ. Я временно сравнялся съ моимъ соперникомъ. Изъ-за чего Франуся обманула меня? Потому что я—простой дворянинъ, а тотъ—король... Ну, вотъ теперь я тоже король—и королемъ умру.

— Какимъ образомъ?! воскликнулъ Кароль.

— Повторяю тебѣ: королемъ умру! Я объявилъ себя королемъ Яномъ Сталупенскимъ и буду защищать свое королевство и свой тронъ до послѣдняго издыханія. Очевидно, что рано или поздно я погибну отъ бренден-буржской пули или сабли. Но, умирая, я крикну: „Vivat król Jan!“ Жизнь мнѣ теперь не дорога... Мнѣ дорого одно... Мнѣ нужно возстановить свою честь. Мнѣ нужно, чтобы надъ Ксаверіемъ-Сандецкимъ перестали смѣяться! съ чувствомъ произнесъ панъ.—И даю тебѣ слово, что перестанутъ! Прежде чѣмъ пруссаки убьютъ меня, я много шуму надѣлаю—и много пруссаговъ, бренден-

Лѣсная бѣда. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Бухеръ.

буржцевъ и померанцевъ отправлю на тотъ свѣтъ или отправлю въ подарокъ королю Станиславу-Августу. Я ничѣмъ не рискую... Послѣ моей смерти Сталупени сдѣлаются все-таки прусской землей, но имѣніе это не отнимутъ у законныхъ наслѣдниковъ. Я надѣюсь даже такъ повернуть дѣло, что послѣ моей смерти законнымъ наслѣдникомъ будешь все-таки ты. Во всякомъ случаѣ, Кароль, надолго останется память въ королевствѣ о томъ вѣрнопопданномъ Рѣчи Посполитой, который не поддался Прусскому королю и, переходя въ его вѣчное владѣніе, поднялъ на него вооруженную руку. Успокойся, милый мой, твой отецъ съ ума не сошелъ! Твой отецъ, осрамленный собственнымъ своимъ государемъ, захотѣлъ смыть срамъ чѣмъ-нибудь выдающимся—кровью, но не кровью врага, а своею собственной.

Кароль бросился на шею къ отцу со слезами на глазахъ и наконецъ выговорилъ взволнованно:

— Батюшка, я буду здѣсь. Я буду отстаивать новое королевство Сталупеньское тоже до послѣдней капли крови, и если король мой погибнетъ на глазахъ моихъ, то и я тоже погибну. Но жизнь моя обойдется дорого бранденбургцамъ.

Санецкій съ чувствомъ расцѣловалъ сына.

— Но еще одинъ вопросъ, батюшка... одинъ только вопросъ, который меня смущаетъ. Любить-ли еще мой король Дзялынскую?

Санецкій помолчалъ и выговорилъ:

— Да... но это проходитъ, пройдетъ... Даже быть можетъ прошло... Вѣрно не знаю.

— Способенъ-ли онъ простить ее?..

— Какимъ образомъ?.. Это и не придется.

— Станиславъ бросить новую фаворитку и тогда она—я знаю ее—явится сюда просить прощенія... Простить-ли ее Его Мосць? *)

— Прощу, но заглазно... Прощу, но не примирюсь.

— Вѣрно-ли это, отецъ? грустно сказалъ Кароль какъ бы себѣ самому.

— Вѣрно, милый Кароль. Вѣрно! воскликнулъ Санецкій.—Объ этомъ и говорить не стоитъ.

— Давай Богъ! Давай Богъ...

Санецкій вполне успокоилъ сына, и Кароль остался совершенно доволенъ своимъ объясненіемъ съ отцомъ. Разумѣется, вскорѣ всѣ и въ замкѣ, и на селѣ были не мало изумлены, когда общій любимецъ Кароль Побочекъ объявилъ, что безумецъ тотъ, кто считаетъ его отца умалишеннымъ.

— Если отецъ лишился разсудка, то считайте и меня сумасшедшимъ, такъ какъ я отнынѣ буду стоять до послѣдняго издыханія за существованіе новаго королевства. Сталупени должны быть самостоятельной монархіей, или не быть совсѣмъ. Его Мосць король Янъ I удостоилъ меня назначеніемъ главнокомандующимъ войскъ. Я докажу ему и вамъ, что я, собиравшійся въ палестранты, достоинъ этого назначенія.

Подобнаго рода рѣчи поразили, конечно, всѣхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на всѣхъ рѣшительно повліяли. Тѣ изъ обитателей, которые еще смущались, что играютъ благодаря помѣщику глупую и опасную роль, и тѣ, которые боялись „зеленыхъ чертей“, сразу приободрились и воодушевились.

Кароль немедленно взялся за дѣло, и въ этомъ дѣлѣ нашелъ двухъ рѣдкихъ помощниковъ: Зарембу и Бурчимуху. Главный паукъ, про котораго и прежде ходили темные слухи, что онъ когда-то былъ ярымъ участникомъ Колливщины, или Уманьской рѣзни, сталъ теперь неоцѣненнымъ человѣкомъ.

Бурчимуха въ первой же стычкѣ съ нѣмцами уже показалъ, что онъ такое. Это былъ не то левъ, не то чортъ храбрости, удалства и ловкости.

*) Титулъ польскихъ королей, соответствовавшій нынѣшнему: *ею величество*.

Съ помощью Бурчимухи Кароль тотчасъ же занялся окончательнымъ формированіемъ и обученіемъ Сталупеньской банды. Немедленно послалъ онъ гонца съ письмомъ къ князю Радзивилу, гдѣ объяснилъ все дѣло отца съ совершенною новой точки зрѣнія.

Вождь старо-польской партіи, основатель Барской конфедераціи и врагъ Понятовскаго, разумѣется, пришелъ въ восторгъ, когда узналъ, что надумалъ панъ Санецкій. Сначала и онъ считалъ его умалишеннымъ, но теперь, по полученіи письма отъ Кароля, только восклицалъ:

— Молодецъ старый Ксаверій! Всѣмъ бы намъ такъ поступать, а мнѣ—прежде другихъ.

Князь Пана-Коханку тотчасъ призвалъ канцлера своей банды, затѣмъ была созвана вся банда и было предложено албанчикамъ, кто желаетъ, отправляться въ Сталупени, чтобы постоять за храбраго и знаменитаго пана-круля и насладиться возможностью порубить и пострѣлять нѣмцевъ.

— Упустить такай случай — рѣдкій въ наши времена — грѣхъ предъ Богомъ! объявилъ князь.

На княжій призывъ до полусотни человѣкъ самыхъ отчаянныхъ албанчиковъ заявили свое согласіе, а черезъ десять дней они были уже въ Сталупеняхъ. Кароль съ восторгомъ принялъ своихъ товарищей. Всѣ албанчики временно покинули свои мундиры и надѣли мундиръ Сталупеньской банды.

Отчаянные удалцы и рубачи, изъ которыхъ каждый былъ, что говорится, о двухъ головахъ, стали какъ бы ядромъ въ формированіи сталупеньскаго войска. Съ такими воинами можно было изъ всякаго новичка въ нѣсколько дней сдѣлать молодца.

Одновременно съ прибытіемъ охотниковъ изъ Албанской банды, къ великому удивленію Кароля и самого круля Яна, въ Сталупени стали стекаться партіями молодые и ножиные люди со всѣхъ концовъ Польскаго королевства.

Всюду, куда проникъ слухъ, что извѣстный богачъ панъ Санецкій, при рабскомъ смиреніи короля предъ своими врагами, поднялъ оружіе на одного изъ нихъ, Фридриха.— всѣ горевавшіе о лихихъ временахъ бросились туда, гдѣ не сидѣли сложа руки, а боролись за отечество.

Черезъ нѣсколько времени въ Сталупеняхъ уже было войско. Сталупенчики, какъ стали ихъ называть, были раздѣлены на двѣ банды, и въ каждой было до трехсотъ человѣкъ. Къ нимъ предполагалось, на случай серьезнаго столкновенія съ пруссаками, прибавить еще столько же вооруженныхъ чѣмъ попало людей изъ самыхъ удалыхъ молодцовъ изъ села Сталупеней и другихъ деревень.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, покуда Кароль съ Бурчимухой занимались комплектованіемъ и обученіемъ войска, другой помощникъ Кароля—Заремба—занялся снова земляною работою. Но эти работы, которыми теперь руководилъ старикъ-домосѣдъ и нелюбимъ, были много важнѣе прежнихъ.

Дѣло шло не о томъ, чтобы переимѣнить теченіе рѣчки. Теперь нужно было быть настоящимъ инженеромъ. И Заремба, къ удивленію всѣхъ, оказался изумительнымъ искусникомъ.

Замокъ и село окружались укрѣпленіями, окопами, волчьими ямами и всякаго рода западнями. Только объ одномъ пришлось горевать, что не было пушекъ. Во всякомъ случаѣ, Заремба отвѣчалъ, что если всѣ эти укрѣпленія будутъ заняты такими лихими удалцами какъ албанчики, то никакой пруссакъ не войдетъ въ Сталупени.

Вскорѣ замокъ и село приняли видъ вооруженнаго лагеря. Народу было такъ много, что всѣмъ помѣститься было невозможно. Многие жили во временныхъ постройкахъ. Кароль Сталупеньскій изрѣдка появлялся на ра-

ботахъ и на ученнн и бываеь всегда встрѣчаемъ *отвѣтами*.

Къ превращенію челоѵка изъ простыхъ пановъ въ „крули“ уже никто не относился съ насмѣшкой, такъ какъ самъ Кароль и многіе другіе домовники объяснили всѣмъ, что въ Германіи ееть самостоятельныя

монархіи размѣромъ много меньше, чѣмъ владѣнія ихъ прежняго пана, нынѣ монарха.

И все обстояло благополучно. Всѣ были одинаково воодушевлены, всѣ желали побѣить съ нѣмцами и нетерпѣливо ждали ихъ новаго нападенія.

(Продолженіе будетъ).

СЪДОЙ ЛОҚОНЪ.

Сказка Георга Эберса.

(Право перевода пріобрѣтено редакціей отъ автора).

(Продолженіе).

Оба были счастливы, какъ всѣ дѣти выросшія подъ теплыми лучами материнской любви; но придворные дамы, кавалеры и служащіе тѣмъ не менѣ замѣчали, что злой рокъ уже положилъ свою руку на младшаго принца. Какъ часто, напри- мѣръ, онъ навлекалъ на себя неудовольствіе кроткой герцогини! А всѣхъ несчастныхъ случаевъ, которые выпадали на долю одиннадцатилѣтняго мальчика, было и не перечестъ. Купался, онъ однажды слишкомъ далеко заплыть въ озеро и чуть не утонулъ; въ манежѣ бѣшеная лошадь сбросила его черезъ барьеръ, и лейбъ-хирурга безпрестанно тревожили то по случаю прошибленной головы, то вывихнутой руки или ноги младшаго принца. Правда, никто не питалъ къ мальчику ненависти, за исключеніемъ гофмаршала и церемонійстера,— но всѣ относились къ нему съ состраданіемъ. Насколько его преслѣдовала судьба—выразилось яснѣе всего, когда домъ, сложенный мальчикомъ изъ камней, обрушился на него. Георгъ вытащили безъ чувствъ изъ-подъ развалинъ, и дворцкій прн- бѣжавшій на крикъ товарищей принца, отнесъ мальчика на его постель и ухаживалъ за нимъ до прихода доктора.

Старая Нонна помогала дворцкому, и оба вѣрные слуги дѣлились между собой тѣмъ, что было у нихъ на сердцѣ. Они вспоминали дурныя предзнаменованія, сопровождавшія ро- жденіе принца, и Пене выразилъ опасеніе, что „дита несчастья“ не встанетъ больше.

— Увы! увы! сказалъ онъ, — для бѣднаго принца пожалуй будетъ лучше, если Господь приберетъ его къ себѣ: ранняя смерть все-таки легче, чѣмъ долгая жизнь полная бѣдствій и лишений.

Мальчикъ слышалъ все это отъ слова до слова, хотя не могъ шевельнуть ни однимъ членомъ; глаза его были закрыты, но слухъ и сознаніе не покидали его. Старая Нонна успѣла пролить не мало слезъ, слушая слова преданнаго Пене, который со своей стороны старался внушить ей твердость, какъ вдругъ Георгъ поднялся на постели, протеръ себѣ глаза кулаками и потянулся. Потомъ быстро вскочилъ на ноги, живо и веселый, какъ молодой зябликъ.

Испуганные слуги сначала громко вскрикнули, потомъ еще громче захохотали, не помня себя отъ радости, но лейбъ-хи- рургъ, какъ разъ въ эту минуту вошедшій въ комнату, сдѣ- лалъ очень кислую и недовольную мину, такъ какъ прнятная перспектива снасти отъ смерти герцогскаго сына распалась прахомъ на его глазахъ.

Герцогиня во время этого происшествія находилась въ от- сутствіи. Возвратясь домой, она хотѣла было побранить Георга за его неосторожность, но материнское чувство взяло верхъ, и когда мальчикъ, бросившись къ ней на шею, сталъ спра- шивать, правда-ли, что ему въ жизни предстоитъ одинъ не- счастья, герцогиня готова была громко разрыдаться; но, сдѣ- лавъ надъ собой усиліе, назвала Пене и Нонну старыми ду- раками, а всѣ ихъ рассказы о предзнаменованіяхъ глупыми бреднями. Потомъ поспѣшно выбѣжала въ другую комнату, и Георгу показалося, что она заплакала. Онъ поинялъ изъ увѣ- реній матери, что она хочетъ только утѣшить его, и съ этой минуты началъ самъ видѣть въ себѣ „дита несчастья“.

Это было конечно дурно, но имѣло и свои хорошія сто- роны. Каждое утро, просыпаясь, мальчикъ ожидалъ чего-ни- будь дурнаго; когда же день приходилъ къ концу, и онъ не испыталъ ничего, кромѣ радости и удовольствія,—онъ вече- ромъ ложился спать съ благодарнымъ чувствомъ за то хорошее, на которое онъ въ сущности не имѣлъ никакого права. Съ этихъ поръ герцогиня уредила надъ сыномъ еще болѣе строгій присмотръ, сама ходила за нимъ, какъ курица выведшая утятъ, и запретила ему складывать дома изъ камней.

Благородную герцогиню осаждали въ это время и другія заботы. Король сосѣдняго государства, разбитый неоднократно ея покойнымъ сузругомъ и его предшественникомъ, счелъ, что теперь—когда страна Грнзовъ управляется женщиной и *ея намѣстникомъ*, насталъ самый удобный моментъ напасть на герцогство и возвратитъ отторгнутыя когда-то провинціи. Войсками герцогини предводительствовала маршалъ Мустагъ, и вскорѣ предстояло сраженіе, которое, какъ и всѣ сраженія, должно было окончиться либо побѣдой, либо пораженіемъ.

Однажды появился посланецъ изъ лагеря съ письмомъ отъ храбраго Мустага, который просилъ подкрѣпленій, такъ какъ неприятель значительно превосходилъ его численностью. Тогда намѣстникъ созвалъ Великій Совѣтъ, на которомъ обязана

была присутствовать и герцогиня, и пока ученые господа со- вѣщались въ ея предсѣдательствѣ, ей пришлось въ первый разъ въ теченіе многихъ недѣль выпустить изъ глазъ Георга.

Рѣзвый мальчикъ только того и ждалъ, и такъ какъ по- года была въ этотъ день особенно бурная, онъ убѣжалъ къ озеру,—въ то время какъ брать его по случаю ненастья сидѣлъ дома,—вскочилъ въ лодку съ сыномъ оберъ-гондольера и, усердно работая веслами, понесся по волнамъ. Баштановые локоны его развѣвались по вѣтру, и когда большая волна осо- бенно сильно подбрасывала челнокъ, онъ громко кричалъ отъ восторга. До сихъ поръ ему позволяли пускаться въ озеро не иначе какъ съ особаго разрѣшенія, на безопасной лодкѣ, съ надежными гребцами, и держаться вблизи южнаго берега. Это доставляло мальчику довольно умѣренное удовольствіе; но са- мому, безъ посторонней помощи, бороться противъ волнъ и вѣтра—было, наоборотъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ наслаж- деніемъ.

Георгъ никогда еще не былъ въ сѣверной части озера, а именно тамъ-то и было такъ таинственно темно; тамъ, по сло- вамъ Нонны, жили духи, которые стерегли сосланнаго туда отвратительнаго пемзоваго великана. Можетъ-быть, добравшись до того берега, ему удастся взглянуть на чудовище. Это было такъ заманчиво! Георгъ повернулъ челнокъ къ сѣверу, при- казавъ своему спутнику налечь на весла, и самъ сдѣлалъ то же самое. По мѣрѣ приближенія къ сѣверной части озера, волны становились все выше и выше. Поднялась буря; вѣтеръ рѣзалъ ему лицо, но чѣмъ неистовѣе бушевало озеро, тѣмъ радостнѣе и веселѣе становилось у него на душѣ.

Сынь гондольера началъ трусить и просилъ вернуться, но Георгъ въ первый разъ въ жизни воспользовался своимъ гер- цогскимъ правомъ и потребовалъ, съ несвойственной ему строгостью, чтобы мальчикъ повиновался, если ему приказыва- ютъ.

Но тутъ внезапно наступила тьма, и какая-то необъяснимая сила подбросила челнокъ на воздухъ, словно громадный гипшо- потамъ нырнулъ подъ лодку и поднялъ ее своей синой. Георгъ почувствовалъ, какъ стремительный водоворотъ под- хватилъ его и быстрыми кругами тянетъ ко дну. Духъ захватило у мальчика, сознаніе исчезло, и когда онъ снова пришелъ въ себя, онъ очутился въ закрытой пещерѣ, окру- женной со всѣхъ сторонъ причудливой формы сталактитами, сѣвровато-коричневаго цвѣта, съ которыхъ капала какая-то влага. Гдѣ-то наверху, за сводомъ, слышался громкій смѣхъ, похожій на хрюканье, и голосъ, напоминавшій лай осипшей собаки, пронзился нѣсколько разъ:

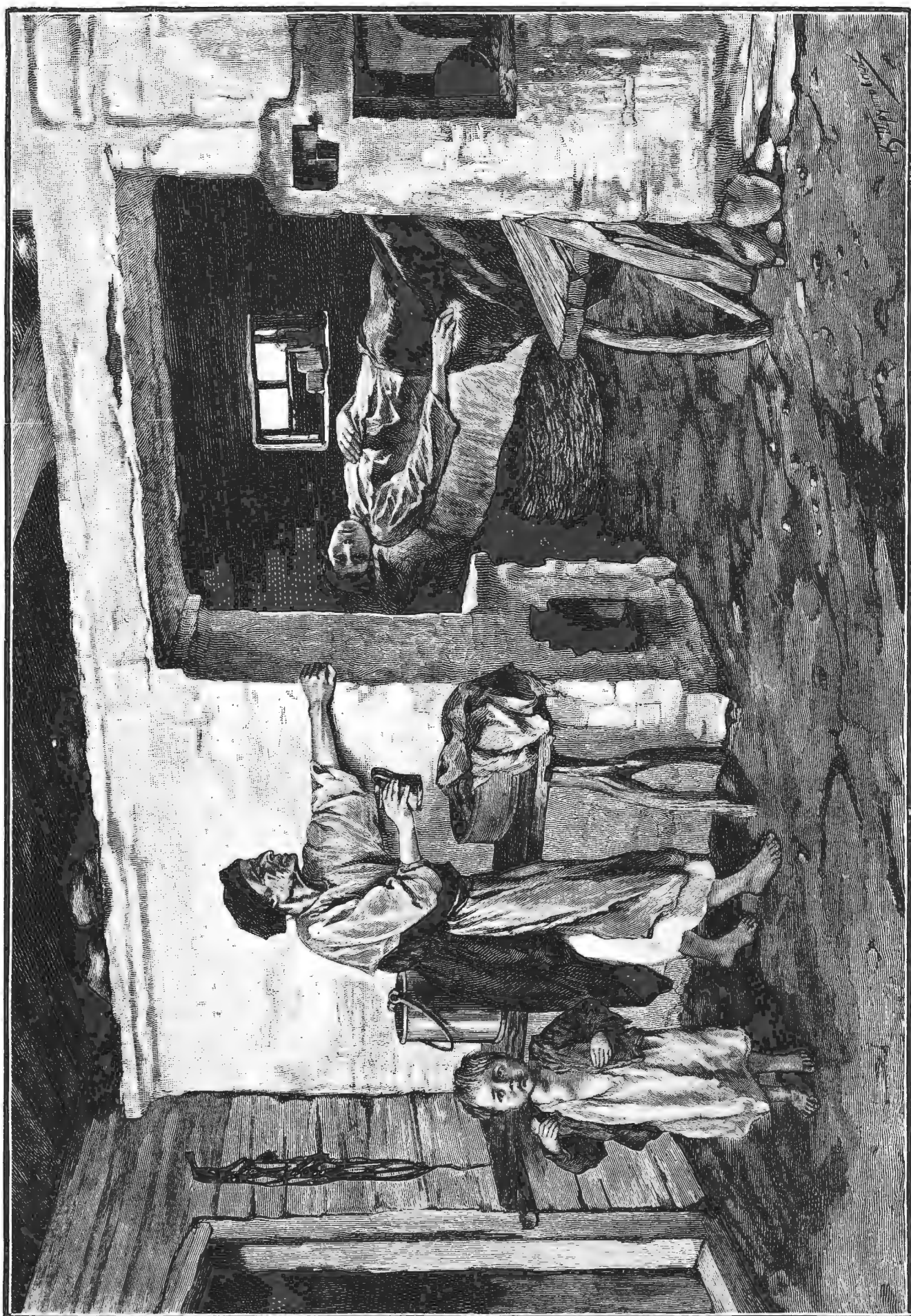
— Наконецъ-то, наконецъ, намъ подалось отродье Венде- лина! Наконецъ-то одинъ изъ Грнзовъ—въ нашихъ рукахъ!

Георгу пришло на память все, что онъ случайно слышалъ отъ Пене и Нонны и впоследствіи потихоньку выспросилъ у нихъ. Онъ поинялъ, что попалъ въ руки злаго волшебника Мис- драпа и что теперь его постигло настоящее несчастье, кото- рое угрожало ему съ дѣтства. Ему было холодно, голодь да- вала себя знать, и когда мальчикъ вспомнилъ о чудномъ паркѣ у себя дома, о накрытомъ столѣ, за которымъ такъ удобно было сидѣть на стульяхъ съ высокими спинками, о сытыхъ, прислуживающихъ лакеяхъ, ему стало совсѣмъ скверно на душѣ.

Затѣмъ Георгу пришло въ голову, какое горе доставитъ ма- тери его отсутствіе. Своимъ внутреннимъ взоромъ онъ ясно представлялъ себѣ какъ она съ распущенными волосами ме- чется по парку, вездѣ отыскивалъ его.

Когда онъ былъ маленькій, герцогиня имѣла привычку брать его къ себѣ въ постель и играть съ нимъ въ „Красную Шапочку“. Георгъ думалъ теперь объ этомъ и представлялъ себѣ мать, лежащую безъ сна, въ слезахъ, на шелковыхъ подушкахъ, и въ эту ночь, и въ многія другія, послѣдующія. Ему захотѣлось плакать, но онъ тотчасъ же разсердился на самого себя и съ досады тоннулъ ногой.

Мальчику было только тринадцать лѣтъ, но страхъ и ро- боость были такъ же мало знакомы ему, какъ его предку, Вен- делину I-му. Когда онъ услышалъ голосъ злаго Мисдрала и тѣ проклятія, которыми волшебникъ осыпалъ его близкихъ, Георгомъ овладѣлъ страшный гнѣвъ, и, подобно первому Вен- делину, за пять столѣтій передъ тѣмъ, онъ схватилъ камень, чтобы бросить въ морщинистое лицо чудовища. Но Мисдралъ не показывался, и Георгъ не могъ даже надѣяться увидѣть

Слѣпая сидѣлка. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Трутовскаго, грав. Флюгель.

Любимцы. Сь карт. Ал. Эберле, грав. Пейне

его, такъ какъ изъ разговора двухъ духовъ онъ узналъ, что волшебникъ, вѣдѣтвие данной феи Клементины клжгвы, не смѣетъ прикоснуться къ нему и потому рѣшилъ уморить его голодомъ. Перспектива эта тѣмъ менѣе улыбалась мальчику, что онъ уже теперь ощущалъ неприятное чувство въ области желудка.

Въ пещеру проникалъ нѣкоторый свѣтъ черезъ отверстие въ сводѣ. И потому, когда мальчикъ усталъ плакать и сердиться на самого себя и волшебника, онъ счелъ за лучшее оглядѣться нѣсколько и принялся разсматривать окружающія его сталактитовыя образования. Одно походило на кафедру, другое на верблюда, третье заставило его расхохотаться, ибо удивительно напоминало учителя Софуса, преподававшего ему и брату грамматику. У одной изъ колоннъ какъ будто стояла плачущая женщина, и это снова вызвало слезы на глаза мальчика. Но онъ не хотѣлъ плакать и сталъ разглядывать потолокъ. Оттуда спускались длинныя сталактиты, изъ которыхъ одни были похожи на ледяныя сосульки, другіе напоминали развѣшенное мокрое бѣлье. Георгу вспомнилось мѣсто за паркомъ, гдѣ происходила сушка бѣлья; ему живо представились то длинный чулокъ, то рубашка, прикрѣпленные къ фруктовымъ деревьямъ, на которыхъ осенью висѣли такіе сочные и вкусные плоды. Это представление еще больше подстрекало его голодъ. Онъ pokrѣиче затянулъ поясъ и началъ громко стонать.

Наступила ночь; въ пещерѣ стало совсѣмъ темно. Георгъ попробовалъ уснуть, но это не удавалось ему, несмотря на однообразный, усыпительный шумъ капель, съ равномернымъ плескомъ падавшихъ съ потолка въ лужу.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ сильнѣе мучилъ его голодъ и раздражалъ свистъ легучихъ мышей, невидимыхъ въ темнотѣ.

Мальчикъ страстно желалъ, чтобы скорѣе наступило утро, и не разъ воздѣлывалъ руки къ небу въ горячей молитвѣ о своемъ спасеніи, но еще болѣе о кусочкѣ хлѣба и о томъ, чтобы разсвѣло. Такъ онъ сидѣлъ, погруженный въ самого себя и, чтобы что-нибудь жевать, грызъ себѣ ногти. Вдругъ онъ услышалъ въ лужѣ на полу какой-то плескъ, — вѣроятно, это была рыба; Георгъ приподнялся, желая прислушаться, и ему показалось, что чей-то тихій голосъ зоветъ его. Онъ еще внимательнѣе насторожилъ уши и — нѣтъ онъ не ошибся — голосъ прозвучалъ снова явственно и привѣтливо:

— Георгъ, бѣдный мальчикъ, ты не спишь?

Какъ отрадно стало ему на душѣ, какъ быстро онъ вскопился на ноги и отвѣтилъ на вопросъ! Теперь онъ былъ спасенъ, это казалось ему такъ же вѣрно, какъ дважды два-четыре, хотя въ сущности могло быть и иначе.

Надъ лужей, изъ которой слышался голосъ, появилась слабая полоска свѣта; хорошенькая золотая рыбка высунула изъ воды головку, препотѣнно открыла свой круглый ротъ и проговорила едва слышнымъ голосомъ — настоящая рыба не можетъ говорить громко, ибо лишена легкихъ, — что ее посылаетъ крестная мать Георга, фея Клементина. Повелительница ея хотя и недовольна поведеніемъ своего крестника, но такъ какъ онъ вообще хорошій мальчикъ и она предана семьѣ Гривовъ, то хочетъ на этотъ разъ выручить его изъ бѣды.

Георгъ закричалъ съ жаромъ:

— Домой, домой! отпирывъ меня только скорѣе къ матери.

— Это было бы конечно проще всего и исполнимо возможно, возразила рыбка; — но если моя повелительница освободитъ тебя изъ власти злаго волшебника Мисдрала, она принуждена будетъ дозволить ему нанести вашей семьѣ другой ударъ. Войска ваши готовятся къ битвѣ. Если ты вернешься домой, великанъ станетъ помогать вашимъ врагамъ: они разобьютъ вашихъ, возмутъ вашу столицу и матери твоей можетъ угрожать опасность.

Георгъ, при этихъ словахъ, стремительно вскопился на ноги и сдѣлалъ отрицательный жестъ рукой. Потомъ опустилъ на грудь свою кудрявую голову и проговорилъ печально и кротко:

— Тогда я останусь здѣсь и лучше умру съ голоду.

Рыбка радостно ударила хвостомъ, такъ что во все стороны брызнула вода, и заговорила снова, хотя голосъ ея охрипъ уже отъ одной фразы:

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же! Если ты согласишься начать жизнь бѣднымъ, неизвѣстнымъ мальчикомъ, не говоришь никому что ты принцъ и откуда происходишь, тогда никакой врагъ не можетъ причинить вреда ни герцогинѣ, твоей матери, ни ея войску.

— А я никогда не увижу ни моей матери, ни брата? спросилъ Георгъ. Щеки его стали такъ же влажны, какъ окружающіе его сталактиты.

— Нѣтъ, отчего же! возразила рыбка. — Если ты будешь честнымъ человѣкомъ и согласишься въ жизни что-нибудь великое и прекрасное, тебѣ разрѣшено будетъ вернуться къ своимъ.

— Великое и прекрасное, повторилъ Георгъ. — Это должно быть весьма не легко. А если я дѣйствительно совершу что-либо хорошее, почему я буду знать, что и волшебница признаетъ его таковымъ?

— У тебя тогда вырастетъ сѣдой локонъ. Ты будешь въ правѣ объявить всемъ и каждому, что ты сынъ герцога, и вернешься

домой, проговорила рыбка едва слышно. — а теперь слѣдуй за мной. Я буду освѣщать тебѣ путь. Счастье твое, что ты такъ много бѣгалъ и остался худымъ; иначе ты пожалуй застрялъ бы гдѣ-нибудь по пути. Ну, слушай же! Эта лужа, черезъ трещину въ скалѣ, протекаетъ въ озеро. Я и пошлыву впередъ тебя до большого пруда, куда стекаютъ все ключи изъ этихъ горъ. Тамъ я поверну направо; а ты — въ каналъ направо. Ты будешь плыть по немъ въ теченіе часа, пока не достигнешь главнаго потока; по немъ ты поплывешь до поворота на востокъ, потомъ перейдешь черезъ гору и направишь путь на сѣверъ. Протяни сюда свою руку, чтобы я могла тебѣ дать денегъ на дорогу.

Георгъ повиновался, и рыбка выбросила ему изъ рта на руку сорокъ блестящихъ грошей. Каждой монеты ему должно было хватить на пропитаніе себя въ теченіе сутокъ и на уплату за поплавокъ.

Рыбка нырнула въ глубину, Георгъ послѣдовалъ за ней, сообразуясь съ полоской свѣта, исходившей отъ чешунятаго проводника. Мѣстами проходъ въ скалѣ становился такъ тѣсенъ, что мальчикъ ползалъ на животѣ по дну, едва покрытому водой, ударился головой объ стѣнки и принужденъ былъ сжимать плечи. Иногда ему казалось, что онъ застрянетъ между камнями, какъ вбитый въ дерево клинъ; но онъ каждый разъ высвобождался и наконецъ достигъ большого пруда ключевой воды, въ которомъ, играя, топились одна за другой молодыя русалки съ зелеными волосами и рыбьими хвостами. Онѣ приглашали Георга принять участіе въ ихъ играхъ; но рыбка посоветовала ему не терять время съ праздными дѣвами, и затѣмъ разсталась съ нимъ.

Георгъ остался одинъ и отдался теченію подземнаго потока. Наконецъ, потокъ вырвался на свободу въ видѣ широкой рѣки, и мальчикъ, переваливъ вмѣстѣ съ нею черезъ каменные пороги, шлепнулся въ большой, обросшій зеленою басыней, поднявъ своимъ паденіемъ цѣлый столбъ брызгъ. Форелл въ бассейнѣ пришли въ странное смѣтеніе, собака на берегу подняла громкій лай, а пастухъ отъ удивленія вскопился на ноги, когда нестрѣйный комокъ, перенесенный потокомъ черезъ скалу, вынырнулъ изъ воды въ видѣ красиваго тринадцатилѣтняго мальчугана.

Вскорѣ Георгъ уже стоялъ на берегу, отдуваясь и съ вожделѣніемъ поглядывая на хлѣбъ и сыръ, составившіе пищу пастуха, въ то время какъ вода ручьями стекала съ мокрой одежды мальчика.

Пастухъ былъ очень, очень старъ и совершенно глухъ; но онъ умѣлъ читать въ глазахъ человѣка, и такъ какъ былъ добрый старикъ и успѣлъ уже подонить своихъ козъ, то протянулъ мальчику кружку молока. Онъ отломилъ также кусокъ хлѣба и указалъ Георгу мѣсто на солнышкѣ, которое вошло съ часъ тому назадъ.

Никогда еще завтракъ не казался принцу такимъ вкуснымъ; и пока онъ ѣлъ, пилъ и грѣлся на солнцѣ, онъ готовъ былъ назвать глушомъ всякаго, кто-бы сказалъ, что онъ „дити несчастья“.

Насытившись, Георгъ поблагодарилъ пастуха и протянулъ ему одну изъ монетъ, полученныхъ отъ рыбки, но старикъ отстранилъ его руку.

Тутъ въ мальчикѣ проснулася герцогская гордость; онъ не хотѣлъ быть обязаннымъ нищему въ лохмотьяхъ и снова подвинулъ деньги пастуху. Старикъ и на этотъ разъ не принялъ ихъ. Когда же онъ замѣтилъ дорогую одежду молодого принца, которую не успѣла испортить вода, онъ покачалъ головой и сказалъ наставительно:

— То, что даетъ рука немущаго, не можетъ быть оплачено никакими деньгами. Возьми назадъ свою монету.

Тогда Георгъ сильно покраснѣлъ, сироталъ свои деньги въ карманъ и проговорилъ:

— Въ такомъ случаѣ, да наградишь тебя Господь!

Слова эти легко и свободно сошли съ устъ мальчика, а между тѣмъ это были тѣ самыя слова, которыми нищѣ въ странѣ Гривовъ благодарили за подаеніе.

До полудня Георгъ бѣгомъ слѣдовалъ по берегу рѣки, чтобы обсушиться, и при этомъ старался сосредоточиться, но мысли такъ быстро смѣнялись одна другою, что онъ не могъ остановиться ни на дурномъ, ни на хорошемъ. Когда же онъ слѣлъ отдыхать подъ цвѣтущимъ кустомъ бузины, ему снова вспомнились мать, которой онъ причинилъ такое горе, его братъ, Нонна и старый Пене, и онъ принялся плакать, при мысли, что никогда болѣе не увидитъ ихъ. Какъ можетъ онъ совершить что-либо великое и прекрасное, какъ того требовала рыбка! Три дня онъ чувствовалъ себя совсѣмъ убитымъ, а когда проходилъ мимо играющихъ сверстниковъ или мимо лпы, подъ которой весело плясали или пѣли парни и дѣвушки, онъ думалъ про себя: „Вамъ хорошо; вы не дѣти несчастья, какъ я!“

Первую ночь онъ провелъ на мельницѣ, вторую на постояломъ дворѣ, а третью въ кузницѣ. На зарѣ, готовясь идти дальше, онъ увидѣлъ подѣхавшаго всадника, который закричалъ стоявшему на порогѣ кузнецу:

— Битва проиграна. Король обратился въ бѣгство. Гривы плутъ на столицу.

Георгъ весело засмѣялся. Посланецъ, услышавъ это, хотѣлъ ударить его хлыстомъ, но мальчикъ увернулся и побѣжалъ дальше. Ему казалось, что съ него внезапно сняли великую тяжесть, которая до сихъ поръ давила его. У него мелькнула мысль, что сраженіе было бы проиграно военачальникомъ Мусташемъ, если бы онъ, Георгъ, остался приндемъ и сидѣлъ спокойно дома, вмѣсто того, чтобъ отбивать себѣ ноги о камни большой дороги.

Было еще рано, когда онъ пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ рѣка повертывала на востокъ. Отсюда ему надо было держаться къ сѣверу, и онъ увидѣлъ лѣсную дорожку, взбѣгающую на вершину горнаго хребта, который тянулся вдоль рѣки. Роса еще покрывала почву, а среди дубовъ и буковыхъ деревьевъ надъ его головой уже все свистало, пѣло, чиркало и щебетало,—словно весь птичій міръ слился въ одинъ ликующій хоръ, въ которомъ дятель выстукивалъ тактъ. Въ листьяхъ игралъ солнечный лучъ, а на цвѣтущую землю ложились отъ листьевъ красныя, круглыя тѣни. Хотя Георгъ шелъ въ гору, ему дышалось необычайно легко, и вдругъ, самъ не зная почему, онъ полой грудью зашѣлъ, навстрѣчу лѣсу, ибѣню, которой научилъ его сынъ садовника. Около полудня онъ подумалъ, что достигъ вершины горы; но за нею оказалась другая, еще болѣе высокая, цѣль горъ. Отдохнувъ и подкрѣпивъ свои силы бутербродомъ,—который дала ему на дорогу жена кузнеца,—Георгъ пошелъ дальше и, когда солнце уже склонилось къ западу, достигъ, наконецъ, высшей точки горнаго хребта.

Отсюда снова видѣлась рѣка. Она называлась, блестя и сверкая среди зеленыхъ луговъ, какъ серебряная лента. Лѣсные холмы тянулись вдоль ея береговъ, верхушки деревьевъ были позлащены заходящими лучами солнца, а снѣжныя вершины дальнихъ горъ покрыты розоватымъ сіяньемъ, которое напомнило ему персиковыя деревья тамъ, дома, въ ихъ бѣдно-розовомъ цвѣту. Фиолетовая дымка окутывала сѣри, каменные высоты, а на горизонтѣ, далеко-далеко, сверкало что-то голубое, можетъ быть дорогое, родное озеро, которое Богъ знаетъ когда придется ему снова увидѣть.. Все это было такъ чудно хорошо, и такъ переполнило его сердце сладкими воспоминаніями и надеждами! Влажные глаза мальчика устремлялись то вправо, то влѣво, но пространство открывавшееся передъ нимъ было безграницно. Какъ великъ, какъ неизмѣримо великъ Божій міръ, который съ этихъ поръ будетъ весь его домомъ, вмѣсто тѣснаго, обнесеннаго каменной оградой дворцоваго парка! Два орла парили высоко подъ золотыми барашками облаковъ, и Георгъ сказалъ себѣ, что съ этой минуты онъ тоже свободно, какъ они по небу, будетъ странствовать по землѣ. Чувство свободы охватило его съ необычайной силой; онъ сорвалъ съ головы шляпу и подкрѣпилъ ее высоко къверху, потомъ стремглавъ пустился бѣжать съ горы и вскорѣ нашель гостеприимный почлегъ въ кельѣ лутышника.

Съ этихъ поръ странствованіе стало доставлять ему удовольствие. Конечно, онъ былъ дитя несчастья — отрицать это было бы бесполезно, — но вриды-ли дѣти счастья чувствовали себя иначе, чѣмъ онъ. На тридцатый день, когда Георгъ шелъ уже по другой, болѣе ровной мѣстности, онъ нашель себѣ спутника. Это былъ сынъ каменотеса. Онъ былъ гораздо старше Георга, но охотно принялъ его себѣ въ товарищи, и замѣтивъ, что это ловкій, здоровый мальчикъ, съ головой на плечахъ, убѣдилъ его поступить въ ученіе къ своему отцу. Каменотеса звали Крафтъ, онъ былъ мастеръ своего дѣла и съ готовностью принялъ къ себѣ спутника сына, который какъ разъ вручилъ ему своей послѣдній грошъ. Такимъ образомъ сынъ герцога сдѣлался каменотесомъ.

Между тѣмъ въ замкѣ Гривовъ царствовало горе и смятеніе. Мальчикъ, съ которымъ Георгъ отпавился на озеро, успѣлъ спастись, и на утро вернулся домой. Но сколько ни разспрашивали его, могли добиться только одного, что онъ собственными глазами видѣлъ, какъ утонулъ принцъ. Дворъ удволился этимъ сообщеніемъ, но не герцогиня; ибо скорѣе властелинъ откажется отъ своихъ владѣній, чѣмъ любящая мать отъ надежды снова увидѣть свое дѣтище. Кстати, герцогиня имѣла средство убѣдиться, живъ-ли ея любимецъ: у нея было зеркало, подаренное волшебницей первому Венделину, въ которое всъ Гривы могли во всякое время увидѣть того, кто имъ дорогъ. Въ этомъ же зеркалѣ герцогиня видѣла, какъ мужъ ея уиалъ съ лошади, пораженный на смерть. Герцогиня испѣшила вынуть зеркало изъ шкатулки чернаго дерева, въ которой оно хранилось, но пока Георгъ оставался въ пещерѣ злаго волшебника, на гладкой поверхности зеркала не отражалось ничего. Это было мало утѣшительно, но герцогиня продолжала надѣяться, думая про себя: „Если бы его не было болѣе въ живыхъ, я должна была бы увидѣть по крайней мѣрѣ его трупъ“. Всю ночь сидѣла она передъ зеркаломъ, а на утро прибылъ гонецъ изъ лагеря съ извѣстіемъ, что непріятель наступаетъ, и что Мусташъ долженъ будетъ принять сраженіе до прибытія требуемыхъ имъ подкрѣпленій. Исходъ битвы весьма сомнителенъ; герцогинѣ слѣдуетъ приготовиться къ бѣгству, вмѣстѣ съ приадами и, если дѣло дойдетъ до край-

ности, захватить съ собою коронныя брилліанты, государственную печать и нѣсколько мѣръ золота.

Намѣстникъ приказалъ уложить все это въ сундуки и положить туда же собственный его халатъ. Затѣмъ онъ попросилъ вдовствующую герцогиню посморѣть въ зеркало и приказать позвать его, какъ только тамъ появится картина битвы.

Подъ утро герцогиня увидѣла, какъ оба войска ударили другъ на друга; но у нея тотчасъ же явилось желаніе узнать, что съ ея сыномъ — и на этотъ разъ онъ дѣйствительно появился рядомъ со старымъ оборваннымъ пастухомъ. Старикъ дѣлилъ съ нимъ хлѣбъ и сыръ, а мальчикъ сидѣлъ весь измокшій, не имѣя даже возможности переимѣнить платье. Это сильно встревожило герцогиню. Она уже представила себѣ, что Георгъ схватилъ насморкъ, горячку или воспаленіе легкихъ и лежитъ одинъ, безъ помощи, подъ открытымъ небомъ. Съ этой минуты она совсѣмъ забыла о предстоящей рѣшительной битвѣ и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ не думала ни о чемъ другомъ, какъ о сынѣ. Она созвала егерей, гонцовъ и профессоровъ географіи, ботаники и геологій, и просила ихъ посморѣть въ зеркало и рѣшить, гдѣ находится тѣ горы, которыя они тамъ видятъ. Но свѣтлая поверхность зеркала отражала только непосредственно окружающіе Георга предметы, а потому никто не могъ рѣшить, гдѣ онъ находится. Тогда она разослала людей во всѣхъ направленіяхъ искать пропавшаго принца.

Такъ прошла половина дня, и когда намѣстникъ, послѣ обѣда, явился снова, чтобы узнать о ходѣ битвы, герцогиня съ ужасомъ замѣтила, что совсѣмъ забыла о ней.

Она снова приказала зеркалу показывать себѣ войско и главнокомандующаго Мусташи, который приходился двоюроднымъ братомъ покойному герцогу, и съ отчаяніемъ увидѣла, что ряды дрогнули.. Намѣстникъ увидѣлъ то же самое. Онъ схватился обѣими руками за свой низкій лобъ и воскликнулъ:

— Все погнбло!.. Мой санъ, ваша свѣтлость и государство! Лечу въ казначейство, въ конюшню! Непріятель.. бѣгство.. наши храбрцы.. Ваша свѣтлость, наблюдайте за ходомъ битвы! Болѣе неотложныя обязанности..

Съ этими словами онъ скрылся и когда черезъ полчаса вернулся, весь красный отъ сдѣланныхъ имъ распорядженій, и незамѣтно, изъ-за спины герцогини, взглянулъ въ зеркало, онъ съ негодованіемъ откинулся назадъ и вскричалъ съ такимъ гнѣвомъ, котораго въ сущности истинный царедворецъ никогда не смѣлъ выражать въ высочайшемъ присутствіи:

— Клянусь кровью моихъ предковъ! Мальчуганъ, взбирающійся на гору.. когда намъ такъ важно узнать..

Герцогиня глубоко вздохнула, снова вызвала картину битвы и увидѣла, что пока она наблюдала за сыномъ, все успѣло измѣниться къ лучшему. Это очень порадовало ее, а намѣстникъ воскликнулъ:

— Я всегда это предсказывалъ вашей свѣтлости. Условія были таковы, что побѣда не могла не остаться за нами. Доблестный Мусташъ! Полагаясь на него, я спокойно могъ отирать оboзы съ вещами. Ваша свѣтлость, разрешите теперь вернуть ихъ?

Съ этой минуты герцогиня до конца сраженія не слѣдила болѣе за сыномъ. За-то когда побѣда окончательно сложилась на сторону ея войска, она снова вызвала въ зеркалѣ до-рогого образъ.

Пока Георгъ печально шелъ впередъ, мать думала:

„Неужели это мой неисправимый сорванецъ? Хотя бы онъ опять взглянулъ весело и выкинулъ какую-нибудь шалость!“

Когда же мальчикъ беззаботно продолжалъ свой путь, какъ веселая и свободная перелетная птичка, герцогиня, конечно, порадовалась, но вмѣстѣ съ тѣмъ и взгустнула. Если онъ такъ доволенъ и беззаботенъ, значитъ, онъ совсѣмъ забылъ о ней.

Всѣ гонцы, которые были разосланы искать пропавшаго Георга, вернулись ни съ чѣмъ. Но герцогиня успѣла узнать изъ зеркала, что онъ сталъ ученикомъ каменотеса и исполняетъ самыя тяжелыя работы. Это очень огорчило любящую мать. Правда, онъ обреченъ на несчастье; но когда герцогиня увидѣла, что онъ ѣсть грубую пищу, которую пренебрегли бы ея дворовыя собаки,—изъ одной миски съ грубыми, грязными сотоварищами, она подумала, что бѣдствія, постигшія ея сына, переняли уже всякую мѣру.

При всемъ томъ Георгъ, къ удивленію, всегда казался веселъ, тогда какъ Венделинъ, наслѣдникъ престола, болѣею частью смотрѣлъ пасмурно.

Вслѣдствіе одержанной побѣды, герцогство счастливаго мальчика еще болѣе расширилось и сословія начали поговаривать о томъ, чтобы возвести его на стень королевства. Венделинъ имѣлъ все, чего можетъ желать человекъ, и тѣмъ не менѣе, онъ съ каждымъ мѣсяцемъ становился все пасмурнѣе и недовольтѣе.

Когда наслѣдникъ престола всѣзжалъ въ золотой каретъ и герцогиня слышала, какъ привѣтствовалъ его народъ, или когда онъ аппетитно прищелкивалъ языкомъ, сидя за блюдомъ фазановъ, или со вкусомъ потягивалъ сквозъ зубы сочную снарю, матери приходило на мысль, какъ тяжело теперь его брату, и у нея, помимо воли, являлось непріязненное чувство къ счастливцу, которому дано все то, чего лишены бѣд-ный, выброшенный изъ дому Георгъ.

Однажды герцогиня увидела, как Георг старается вновь собрать часовой механизм, осторожно разобранный имъ. Въ эту минуту шамбестникъ и церемониймейстеръ также подошли къ зеркалу, чтобы взглянуть въ него, и подняли такой страшный крикъ и выразили такое отчаяніе, какъ будто неприятель снова вступилъ въ страну.

— Бѣдный, жалкій, достойный сожалѣнія и состраданія принцъ! соблазновать одинъ!

— И это Гризо! Это неслыханно, безбожно, это святотатство! восклицала другой.

И дѣйствительно, имъ пришлось увидѣть вѣчно ужасное: грубый ремесленникъ, на ихъ глазахъ, избилъ тростью сына Венделина XV-го! Подобныя же сцены видала герцогиня и позже, въ школѣ, куда каменотесъ отдалъ своего бойкаго, способнаго ученика. Сколько времени приходилось бѣдному мальчику просиживать за огромными чертежами или простаивать передъ класною доскою съ противными цифрами, между тѣмъ какъ Венделинъ занимался не болѣе двухъ часовъ въ день съ ласковымъ, вкрадчивымъ учителемъ, который мягко и какъ бы шути вводя его въ храмъ науки. Все, что представляло малѣйшія трудности, тщательно устранялось съ его пути, все горькое покрывалось слоемъ сладчайшаго меда. Точно также и въ школѣ счастливцевъ ступать по розамъ безъ шиповъ; если же онъ и зѣвалъ иногда въ лицо учителю, тотъ лишь гордился этимъ, зная, что принцъ зѣваетъ точно такъ же — если еще не громче и чаще — за всѣмъ тѣмъ, что другіе привыкли считать удовольствіемъ.

Когда Венделину исполнилось шестнадцать лѣтъ, онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, ибо, какъ извѣстно, принцы развиваются раньше другихъ людей. Вскорѣ послѣ того его короновали — и уже не герцогомъ, а королемъ; но и при этой церемоніи, принцъ безирестанно прикрывалъ ротъ кружевнымъ платкомъ.

Государствомъ онъ управлялъ превосходно, ибо мать и свѣдущіе люди въ странѣ избрали ему прекрасныхъ, способныхъ помощниковъ, которые исполняли все, что было нужно. Они носили названіе тайныхъ совѣтниковъ короля. Въ вѣдѣніи одного находилось войско, у другаго — администрація, третій управлялъ податями и таможенными сборами, четвертый — школами, пятый обязанъ былъ оказывать вмѣсто короля милости, шестой — носившій титулъ совѣтника совѣтниковъ — думать за его величество. Этому же опытному царедворцу представлено было выбрать для молодого короля супругу, и онъ необыкновенно усѣбно выполнилъ свою задачу; ибо принцесса, которая въ двадцатый день рожденія Венделина XVI соединилась съ нимъ узамъ брака, была такъ прекрасна, какъ будто ее изваяли изъ драгоцѣннаго матеріала, особенно тонкими инструментами. Болѣе пропорціонально сложенной фигуры нельзя было бы найти ни въ одномъ кабинетѣ восковыхъ фигуръ. При этомъ она обладала искусствомъ никогда не нарушать гармоніи своихъ правильныхъ чертъ; если случалось что-нибудь смѣшное, она только слегка приподнимала верхнюю губу, а тамъ гдѣ другіе плакали бы, исказя тѣмъ свое лицо, она только медленно опускала вѣки. Она была очень добродѣтельна и, несмотря на ея семнадцать лѣтъ, ее называли „мудрой“, ибо она никогда не говорила ничего глупаго, а наиболѣе умныя свои мысли также скрывала, вѣроятно изъ скромности. Венделину это нравилось, потому что онъ самъ не любилъ говорить; но герцогиню это печалило. Она такъ радовалась, что будетъ имѣть дочь, передъ которой можно

будетъ наливать всю полногу своего сердца, и надѣялась имѣть повѣренную въ лицѣ жены своего сына. Но вышло иначе. Когда герцогиня пробовала налить волнованія ея чувства, ей казалось, что на королевѣ все это оставляетъ такъ же мало слѣда, какъ вода на перьяхъ лебедя.

Народъ восхищался своей царственной четой. Король и королева были такъ поразительно красивы, когда катались въ золотой коляскѣ, откинувшись въ противоположные углы, и такъ высокомерно и гордо смотрѣли вверхъ, какъ будто все имъ близкое находилось на небѣ; на землѣ же имъ нечего было искать.

Такъ шли годы. Но выборъ совѣтника совѣтниковъ оказался на этотъ разъ не вполне удаченъ. Королева не дарилла наследника своему супругу и дому Гризовъ угрожала опасность прекратиться съ Венделиномъ XVI. Это конечно озабочивало герцогиню, но не такъ сильно, какъ можно было бы ожидать; она знала, что есть на свѣтѣ еще одинъ Гризо, и ея материнское сердце не переставало надѣяться, что онъ когда-нибудь вернется и продолжитъ славный родъ ея супруга.

Герцогиня по-прежнему посылала гонимыхъ въ тѣ страны, гдѣ, судя по костюму окружающихъ его людей и характеру мѣстности и зданій, могъ находиться Георгъ.

Одинъ разъ герцогиня предложила своей невѣстѣ взглянуть вмѣстѣ съ нею на свѣтлую поверхность зеркала, но больше уже не повторила опыта. Когда королева увидѣла Георга, плохо одѣтаго, съ каплями пота на лбу, сидящаго согнувшись надъ чертежами, въ бѣдой каморкѣ подъ крышей, она лишь слегка повела плечами, какъ будто ее оттолкнулъ запахъ нищеты, и проговорила холодно:

— И это братъ моего супруга? Не можетъ быть!

Съ этихъ поръ герцогиня никому, кромѣ старой Нонны, не позволяла смотрѣть въ

зеркало, а между тѣмъ сама проводила много часовъ въ день, слѣдя за труднымъ жизненнымъ путемъ своего несчастнаго сына. Правда, иногда ей казалось, что къ печальному существованію бѣднаго, отверженнаго принца примѣшивается немножко и счастья; ей даже приходило иногда въ голову, что въ то время, какъ красавецъ Венделинъ, не смотря на свой сѣдой локонъ, становится такимъ тучнымъ и краснощекимъ, что напоминаетъ скорѣе отъѣвшаго арендатора, простой, дюжинный Георгъ превращался постепенно въ высокаго, стройнаго молодого человѣка съ открытымъ челою и прекрасными выразительными глазами.

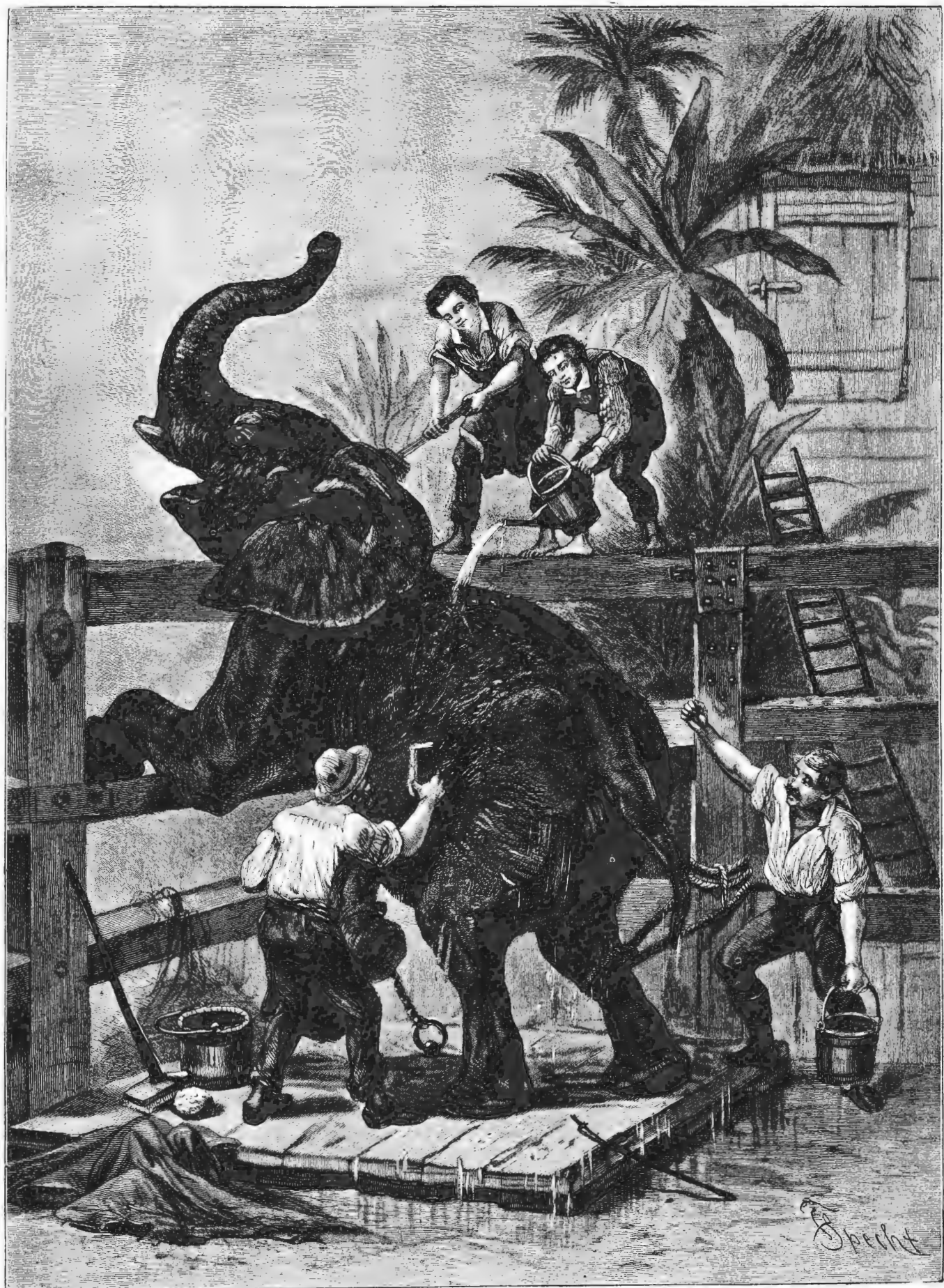
Какихъ страховъ не пережила она вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ! какое горе не сжимало ей сердца, при видѣ нужды, которую онъ терпѣлъ, а это случалось не рѣдко; — но за то, какъ часто она смѣялась и радовалась, когда видѣла, что „дитя несчастія“, по какому-то необъяснимому самообману, считаетъ себя счастливымъ!

Развѣ случалось ей видѣть когда-нибудь болѣе великое лицо, чѣмъ лицо ея Георга, въ тотъ день, когда въ великолѣпной залѣ какой-то почтенный старецъ въ длинной мантіи прижалъ его къ своей груди и увѣчалъ лаврами тѣ самые чертежи, надъ которыми онъ когда-то просиживалъ ночи? А потомъ, когда онъ прибылъ уже въ другую страну, среди величайшей нужды — свѣтъ иногда идетъ на выворотъ! — Георгъ казался такъ необузданно счастливъ, какъ будто фортуна высыпала на него весь свой рогъ изобилія.

Онъ жилъ въ выбѣленной известкой каморкѣ, которая вмѣсто пола была вымощена кирпичемъ. Придя домой, онъ не ѣлъ ничего кромѣ куска хлѣба, нѣсколькихъ винныхъ

Развалины древней мечети въ Байрамъ-Али-кала. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Туалетъ слона. Рис. и грав. Шпехтъ.

ягодъ и козяго сыра съ глоткомъ мутнаго вина, разбавленнаго водой. Этотъ нищенскій обѣдъ приносилъ ему старая, бѣдно одѣтая женщина, и у герцогини разрывалось сердце, при видѣ того, какъ онъ вытаскивалъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ, чтобы заплатить ей. А на этотъ разъ онъ, кажется, выдалъ поспѣшнѣе; по крайней мѣрѣ, онъ вывернулъ своей кошелькъ, вытрясъ его на полъ, но оттуда не выпало ничего.

Все это глубоко уязвляло сердце любящей матери; она долго и горько плакала, думая о благосостояніи своего старшаго сына и о жестокой слѣпой судьбѣ, которая такъ несправедливо распредѣляетъ свои дары.

Когда глаза ея, отуманенные слезами, могли снова различать предметы, герцогиня опять посмотрѣла въ зеркало и увидѣла длинное, довольно жалкое зданіе, къ которому примыкала большая, покрытая рѣшетчатою кровлею веранда. Вокругъ простыихъ, деревянныхъ столбовъ вилась роскошная виноградная зелень, луна обливала серебристымъ свѣтомъ зеленые побѣги и листья, и веселый свѣтъ огней бросалъ золотистый, пурпурный отблескъ на освѣщенную рѣшетчатую крышу и на радостныя лица ширющихъ.

За длиннымъ, узкимъ столомъ сидѣли молодые люди въ удивительныхъ одеждахъ, съ веселыми, оживленными лицами. Передъ каждымъ изъ нихъ стояла, оплетенная соломой, бутылка съ длиннымъ горлышкомъ, кубки наполнялись, опоражнивались, поднимались вверхъ. Молодые люди чокались между собою, въ глазахъ ихъ загорался вдохновенный огонекъ, движенія становились быстрые, и вотъ, одинъ изъ нихъ вскомилъ на столъ—и этотъ одинъ былъ прекраснѣе всѣхъ другихъ, это былъ ея Георгъ.

Казалось, онъ чувствовалъ себя не на землѣ, а на небѣ. Онъ говорилъ и говорилъ, а другіе слушали его, притановъ дыханіе, пока онъ не опорожнилъ заломъ такого огромнаго кубка, что у герцогини морозъ пробѣжалъ по кожѣ.

Что за непонятный восторгъ вызвала эта рѣчь среди присутствующихъ! Слово бѣсноватые, повекакали они со своихъ мѣстъ, а одинъ даже высоко забросилъ свой кубокъ черезъ рѣшетчатую крышу веранды.

Когда Георгъ сошелъ со стола, всѣ окружили его, бросались къ нему на грудь, обнимали его и наконецъ зашли хоромъ. Въ концѣ-концовъ герцогиня увидѣла своего сына съ увлеченіемъ кружившагося въ вальсѣ съ молодой дѣвушкой; она была

очень красива, но плясала босикомъ, вѣроятно, это была дочь трактирщика. Хотя ему, какъ принцу, не совсѣмъ подобало это, но герцогиня охотно простила ему, — она видѣла, какъ Георгъ дѣловалъ свѣжія какъ вишни губы молодой дѣвушки.

Все это очень походило на счастье, хотя конечно не могло быть таковымъ; ибо какое-же счастье можетъ выпасть на долю обреченнаго злему року? Трудно было сказать, что это, но во всякомъ случаѣ, Георгъ имѣлъ видъ человѣка находящагося на верху блаженства.

Герцогиня не сомнѣвалась теперь, что сынъ ея находится въ Италіи; но, тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ посланцевъ не могъ найти его. Годъ спустя, Георгъ началъ заниматься дѣломъ, которое, она надѣялась, могло навести новыхъ посланныхъ на его слѣдъ. Георгъ покинулъ жалкую каморку и жилъ теперь въ великолѣпной высокой комнатѣ. Она видѣла его ежедневно, съ пергаментнымъ сверткомъ въ рукахъ, отдающій приказанія толпѣ рабочихъ. Иногда онъ взбирался на испанскіе лѣса—окружавшіе постройку—такъ высоко-высоко въ поднебесье, что у нея, глядя на него, дѣбалось головокруженіе, а ему, вѣроятно, это было привычнымъ дѣломъ.

По временамъ приходилъ на постройку царственной осанки господинъ, съ прекрасною молодою дѣвушкой, окруженный толпою царедворцевъ и слугъ. Тогда вызывали Георга; онъ показывалъ государю и молодой дѣвушкѣ—вѣроятно его дочери—планы и долго бесѣдовалъ съ высокими постыгелями. При этомъ онъ вовсе не выказывалъ подобострастія, свойственнаго придворнымъ; движенія его были свободны и увѣренны, глаза смотрѣли такъ открыто и съ такой скромною привѣтливостью, что герцогиня такъ и хотѣлось привлечь его къ себѣ на грудь и крѣпко расцѣловать; но, увъ! это было невозможно, къ тому-же мало-по-малу ей стало казаться, что сынъ ея гораздо болѣе жаждетъ другихъ поцѣлуевъ; по крайней мѣрѣ, онъ какъ-то особенно поглядывалъ на молодую дѣвушку, и та, вѣроятно, ничего не имѣла противъ этого.

Однажды, разговаривая съ Георгомъ, молодая принцесса уронила розу, и когда онъ поднялъ цвѣтокъ, она, видимо, позволила ему оставить его у себя; по крайней мѣрѣ, она ничего не возражала, когда молодой человѣкъ поднесъ розу къ губамъ и спрягалъ къ себѣ на грудь. Большой чертѣжъ скрывалъ всю эту сцену отъ нескромныхъ взглядовъ окружающихъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Съ горячаго Юга. (Рис. на стр. 1197 и 1212).

Когда, 26 лѣтъ тому назадъ, Вамбернъ впервые привезъ въ Европу рядъ извѣстій о народахъ живущихъ къ югу отъ нашихъ киргизскихъ степей, весь читающій міръ съ живѣйшимъ участіемъ слушалъ его рассказы о кровожадныхъ туркменцахъ, несчастныхъ персахъ, воодушевленныхъ рыцарскими чувствами, о фацатикахъ Хивы, Бухары и всего этого неказистоваго Востока. Теперь, сидя въ вагонѣ-буфетѣ Закаспійской желѣзной дороги за холоднымъ рюшномъ и несясь съ быстротой 25 верстъ въ часъ по песчанымъ пустынямъ, мы считаемъ весь этотъ рассказъ просто тяжелымъ сномъ человѣка получившаго солнечный ударъ при 55° жары.

Да, 55° Реомюра—легко сказать, да выдержать-то каково, а выдержалъ-же это нашъ русскій пионеръ, выдержалъ такъ же какъ недавно Балканскую зиму, а нѣкогда переходъ черезъ Альпы.

Эта страшная жара, противъ которой приходится бороться намъ, сѣвернымъ жителямъ, въ Закаспійскихъ степяхъ, которая на первый взглядъ должна-бы изушить все живое, однако безпальна противъ растительности и человѣка гдѣ есть вода.

Эта истина спокойнѣе вѣковъ извѣстна народамъ Средней Азии. История учитъ насъ, что эти народы съ древнѣйшихъ временъ старались расширить *искусственно* область распространения воды для ирригаціи ихъ полей и садовъ.

Искусство помощью канавъ, выведенныхъ изъ какихъ-нибудь водохранилищъ или рѣчекъ, орошать поля и сады, называемое нынѣ ирригаціей, широко примѣнялось съ незапамятныхъ временъ на всемъ Югѣ Азии и Сѣверѣ Африки, гдѣ сухость климата обширныхъ пустынь и степей и даже значительныхъ предгорій дозволяла развиваться растительности лишь тамъ гдѣ была живительная влага, проведенная и сохраняемая искусственно рукой человѣка.

Послѣднія изъ нашихъ завоеванныхъ окраинъ—знаменитый вѣкогда Мервскій оазисъ—представляетъ въ своихъ суглинкахъ и песчаныхъ равнинахъ одинъ изъ ярнѣхъ примѣровъ той невѣроятной массы земляныхъ работъ, которую могъ скопить человѣческій трудъ на незначительномъ сравнительно пространствѣ десятками вѣковъ, для получения хорошо устроенной оросительной сѣти.

Понятно, много найдется въ Азии и нашихъ даже владѣніяхъ (Хива, Фергана) работъ болѣе грандіозныхъ размѣрами, чѣмъ старый главный оросительный каналъ Мерва, называемый Султани-бедомъ; но рѣдко гдѣ распределеніе воды по оазису было такъ удобно и рационально устроено какъ въ Мервѣ, этой бле-

стящей резиденціи нѣсколькихъ династій, Сассанидовъ и др., и наконецъ могучихъ турецкихъ султановъ, одному изъ которыхъ, Санджару, приписываютъ устройство каменнаго водослива на рѣкѣ Мургабѣ, высотой въ четыре слишкомъ сажени, и вообще исправленіе всей старой сѣти ирригаціонныхъ работъ, главный каналъ коихъ и называется съ тѣхъ поръ Султанинъ.

Прахъ Санджара, когда-то, до пришествія монголовъ, почивалъ въ великолѣпномъ мавзольѣ, воздвигнутомъ среди развалинъ арабскаго города; куполь этого зданія, сильно пострадоваго отъ руки людей—не времени, имѣетъ до 28 сажень высоты и теперь.

Кругомъ этого мощнаго памятника на много верстъ во всѣ стороны видны только громадные холмы, покрытые кирпичнымъ мусоромъ, среди которыхъ, судя по остаткамъ стѣнъ и громадныхъ валовъ, въ разное должно-быть время было воздвигнуто до 6 разныхъ городовъ, а судя по остаткамъ стариннаго вала, когда-то окружавшаго 5 изъ нихъ, окружность города должна была доходить до 40 верстъ, что, впрочемъ, только подтверждаетъ сказанія персидскихъ лѣтописцевъ, доводящихъ до 1.500,000 людей число истребленныхъ въ Мервѣ жителей, знаменитымъ полководцемъ Чингисъ-Хана — Гулагу, впоследствии основателемъ персидской династіи Иль-Хановъ. Кстати тутъ припомнимъ рассказъ Марко Поло о двухъ шприпахъ изъ человѣческихъ головъ, сооруженныхъ въ развалинахъ этого несчастнаго города, невѣроятныхъ, какъ говорятъ, размѣровъ, для назиданія потомству, по приказанію Чингисъ-Хана.

Теперь этого памятника не осталось на мѣстѣ и слѣда, и лишь въ одной изъ туземныхъ пѣсенъ поется о горѣ головъ, что счетъ имъ туманъ-тумановъ (100.000.000).

Но вотъ на мѣстѣ, осариваемомъ какъ узелъ главныхъ дорогъ всѣми князьями Востока, Россія водрузила свое знамя, раздоры прекратились, столь грозные туркмены сдѣлались вдругъ мирными кочевниками или земледельцами, ихъ прославленные набѣги — *мигомъ* времени прошедшихъ; мало того, Высочайшимъ указомъ 1887 года повелѣно возстановить во всемъ ея объемѣ старинную оросительную сѣть оазиса, и близко то время, когда среди развалинъ шести старыхъ городовъ возникнетъ седьмой—русскій. На прилагаемой фотографіи виденъ зародышъ этого будущаго города, это рядъ казармъ, помѣщеній и хозяйственныхъ построекъ Государева Мургабскаго имѣнія около станціи ж. д. Байрамъ-Али, пункта выбранаго для помѣщенія управленія этимъ имѣніемъ, и гдѣ кстати разводятся громадный питомникъ всевозможныхъ полезныхъ мѣстныхъ или иноземныхъ акклиматизируемыхъ растений

и деревьевъ, предназначенный впоследствіи для снабженія плѣвня громаднымъ количествомъ саженцевъ.

Глядя на ростъ деревьевъ этого питомника и сравнивая ихъ съ подобными деревьями въ Россіи, удивляешься той силѣ, которая какъ бы волшебствомъ заставляетъ ихъ расти буквально не по днямъ, а по часамъ. Какъ любопытную иллюстрацію могу привести извѣстный въ Мервѣ случай, что въ 1888 году ридиновый кустъ въ городѣ, у дома командующаго стрѣлковой бригадой, достигъ въ высоту *три* саженя и отъинилъ пространство диаметромъ тоже въ три саженя.

Другое изображеніе — развалины мечети въ последнемъ изъ разрушенныхъ городовъ. Городъ этотъ, называемый нынѣ въ отличіе отъ другихъ развалинъ Байрамъ-Али-кала, по имени послѣдняго удѣльнаго владѣльца, сохранился лучше другихъ и разрушенъ всего 104 года тому назадъ бухарскимъ эмиромъ Маасумомъ за непризнаніе его верховныхъ правъ на Мерв; но, какъ говоритъ преданіе, не дешево досталась бухарцамъ эта побѣда, — три года длилась съ перерывами война и осада города, и только за полнымъ недостаткомъ воды, вслѣдствіе разрушенія Султанской плотины, сдался этотъ храбрый городокъ власти кровожаднаго эмира, превратившаго въ пустыню весь Мервскій оазисъ и выведшаго въ плѣнъ изъ этихъ развалинъ болѣе 42.000 семействъ, поселенныхъ теперь въ Каракулъ, Бузаръ и Самаркандъ.

Недавно еще я видѣлъ стариковъ въ этихъ городахъ, которые съ горькими слезами вспоминали о наденіи славной «царицы міра», какъ, помимо всѣхъ превратностей судьбы, назывался еще этотъ обломокъ прежняго величія разрушенной турецкой столицы. Въ особенности славилось плодородіе почвы этого оазиса и прекрасные его сады, что давало надежду намъ, что со временемъ Мервъ, нѣкогда славный своимъ шелководствомъ, станетъ хлопчатникомъ Россіи и избавитъ насъ отъ тагостной платы иностранцамъ, доходившей и теперь до 20 милліоновъ рублей ежегодно.

Капризная натура. (Рис. на стр. 1200 и 1201).

Давнишнее желаніе исполнилось. Старый маркизъ и его почтенная супруга стали дѣдушкой и бабушкой. Чтобы всегда имѣть около себя милыхъ черты новаго представителя ихъ славнаго рода, они рѣшились утѣковичить своего ненагляднаго любимца на холостѣ. Съ этою цѣлю приглашается извѣстный живописецъ. Но капризный и подвижной ребенокъ не хочетъ оставаться покойнымъ, и бѣднымъ старичкамъ предстоитъ не мало хлопотъ и возни, пока неугомонное дитя будетъ красоваться, какъ живое, на картинахъ.

Лѣсная бѣда. (Рис. на стр. 1205).

Воспользовавшись первою порохомъ, звѣропромышленникъ разставилъ по звѣринымъ тропамъ въ лѣсу капканы, которые и занесло снѣжкомъ вмѣстѣ со слѣдами коварнаго злодѣя. Ничего не подозревавшая куза лиса-Патрикѣвна пробиралась вечеркомъ на свой курятный промыселъ, какъ вдругъ со страшною болью защекакнуло ей ногу, и пронзительный визгъ ея огласилъ лѣсную чащобу... Всѣ пернатые враги ея, у которыхъ она истребляла яйца и птенцовъ, слетаются на знакомый крикъ, злобно привѣтствуя чужую бѣду, — особенно воробьи такъ и надрываются въ своихъ поздравленіяхъ...

Слѣпая сидѣлка. (Рис. на стр. 1208).

Рисунки академика Трутовскаго изъ малороссійскаго быта всегда исполнены жизни и поэтической правды. На этотъ разъ передъ нами внутренность крестьянской хаты, въ которой слѣпая «бабуся» ухаживаетъ за больнымъ «хлопцемъ», повидному роднымъ внукомъ. Заслышавъ жалобный призывъ недужнаго, старуха оцѣпую пробирается по стѣнкѣ въ «свѣтлицю», гдѣ лежитъ мальчикъ, готовая подать ему посылную помощь.

Любимцы. (Рис. на стр. 1209).

Преданность и вѣрность собаки вошла въ пословицу. Оттого человекъ и любитъ это животное, на каждомъ шагѣ выражающее свою привязанность. Эта взаимная любовь проявляется съ малыхъ лѣтъ, какъ-то сама собою, и мы часто любимея забавами ребятишекъ играющихъ со своими четвероногими друзьями.

Туалетъ слона. (Рис. на стр. 1213).

Слонъ, величайшее изъ млекопитающихъ сухопутныхъ, необычайно любитъ воду, въ которой неуклюжій великанъ умѣетъ мастерски плавать. По словамъ натуралиста Брэма, онъ бросается въ воду съ истиннымъ наслажденіемъ и по произволу опускается въ глубь. Если ему нужно, онъ въ прямомъ направленіи переплываетъ самую широкія рѣки, а иногда просто ложится подъ водой, высывая на поверхность одинъ только кончикъ хобота. Въ неволѣ купанье слона иногда замѣняется омываньемъ, причѣмъ его обливаютъ цѣлыми потоками воды, къ видимому удовольствію исполнна, который неуклюже и смѣшно выражаетъ при томъ приятное ощущеніе, доставляемое ему туалетомъ.

Спасательная ракета. (Рис. на стр. 1216).

Всѣ спасательныя станціи, военныя и коммерческія суда снабжены спасательными ракетами, благодаря которымъ можно перебросить тонкій манильскій линъ (канатъ) на разстояніе 250 саж.

Ракета состоитъ изъ желѣзной гильзы, длиною въ 2 фута 1½ дюйма и диаметромъ въ 3 дюйма; наполнена ракетнымъ составомъ. Ракетный хвостъ, березоваго дерева, имѣетъ форму усѣченнаго конуса длиною въ 2 фута 5 дюймовъ. Въ концѣ хвоста прикрѣпленъ желѣзный крючекъ съ пружиною, которымъ ракета при спускѣ захватывается за кольцо линя.

Ракетный спускъ состоитъ изъ желѣзной трубы, имѣющей въ разрѣзѣ форму квадрата; края трубы отогнуты внизъ и образуютъ прорѣзъ, для прохожденія хвостоваго крючка. Труба положена на треногу и можетъ измѣнять углы возвышенія.

Приготовляя ракету къ спуску, надо главнымъ образомъ наблюдать, чтобы линъ былъ хорошо уложенъ въ ящикъ, въ противномъ случаѣ можетъ образоваться колышка, т. е. узелъ, линъ лопнетъ и ракета пропадетъ даромъ. Когда ракета съ линемъ достигнетъ до мѣста, то переправа людей уже на половину готова, остается только по этому тонкому линю передать 3-хъ-дюймовый лееръ и оттяжку. Лееръ закрѣпляютъ насколько возможно выше отъ воды и туго вытягиваютъ. По этому лееру ходитъ блокъ, къ нижней части котораго привязанъ спасательный кругъ съ брюками. Оттяжки-же служатъ для того, чтобы переводить блокъ съ кругомъ отъ судна къ берегу, и обратно.

Жоржъ Бизе. (Портр. на стр. 1217).

Въ 1875 году внезапно скончался въ Буживальѣ, отъ аневризма, Жоржъ Бизе, мало еще извѣстный тогда музыкантъ и композиторъ, и потребовались цѣлыя 15 лѣтъ, чтобы музыка автора «Карменъ» была оцѣнена по достоинству. Родившись въ 1838 году, Жоржъ Бизе 29 лѣтъ получилъ римскую премію и линъ незадолго до смерти былъ награжденъ орденомъ Почетнаго Легіона. Любимый ученикъ Галеви, впоследствіи его зять, Бизе въ своихъ твореніяхъ былъ продолжателемъ того направленія, которое было насаждено во французской оперной музыкѣ его наставникомъ и тестемъ, а также Герольдомъ, Мейерберомъ и др., и которое достигло своего расцвѣта въ бессмертныхъ твореніяхъ Гуно. Усидѣвъ при жизни написать немного, тѣмъ не менѣе, въ своихъ работахъ Бизе не мало внесъ новаго и своеобразнаго во французскую музыку. Его оперы «Пертская красавица», «Искатель жемчуга», «Карменъ», музыка къ «Арлезиенкѣ», увертюра, озаглавленная «Отечество», романсы и другія немногія творенія свидѣтельствуютъ о безспорномъ дарованіи молодого композитора, который видимо стремился къ чему-то новому, но былъ преждевременно похищенъ смертью въ самую цвѣтущую пору жизни и таланта.

Сухопутно-водяной велосипедъ. (Рис. на стр. 1217).

Недавно въ Марсели производились опыты съ велосипедомъ, который двигается одинаково легко и свободно какъ на сушѣ, такъ и въ водѣ, безъ всякихъ измѣненій въ устройствѣ или остановокъ на ходу. Снарядъ этотъ устроенъ по образцу трехколесныхъ велосипедовъ (tricycle), приводится въ движеніе ногами при посредствѣ педалей и передаточной шестни, снабженъ тормазомъ, легко поворачивается съ помощью руля руками и свободно скатывается съ берега въ воду и выходитъ обратно на сушу. Каждое колесо велосипеда представляетъ какъ бы двѣ металлическихъ тарелки или крышки, соединенныя краями, которые обтянуты резиновыми шинами, какъ и всѣхъ велосипедовъ, предохраняющими отъ толчковъ. Кроме того, эти пустыя внутри и легкія колеса, толщиною въ 20 сантиметровъ, снабжены снаружи нѣсколькими лопастями, которыя дѣйствуютъ какъ у пароходныхъ колесъ, какъ только велосипедъ переходитъ въ воду. Размѣръ заднихъ, большихъ колесъ достигаетъ почти двухъ аршинъ въ поперечникѣ и они отстоятъ другъ отъ друга на 1¾ аршина. Сѣдло помещается надъ осью на ¼ аршина. Въ водѣ колеса погружаются, какъ это видно на нашемъ рисункѣ, вершковъ на 8—9.

Первые опыты съ новымъ снарядомъ, названнымъ велонотикъ (vélonautique), дали прекрасные результаты. Средняя быстрота хода: около 3 минуты верста на сушѣ и 1½ часа въ водѣ, при 6 допаяхъ шириною въ 2 дюйма. Но число и ширина послѣднихъ могутъ быть увеличены, такъ что скорость въ водѣ можетъ дойти до 7 верствъ въ часъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ велонотикъ отличается замѣчательною устойчивостью какъ на сушѣ, такъ и на водѣ: только съ большими усиліями удалось двумъ лицамъ опрокинуть приборъ, когда онъ былъ въ водѣ, но и тогда онъ, благодаря своей плавучести, явился какъ бы плотомъ, который легко могъ выдержать двухъ человекъ. Однако эти качества не вполне удовлетворили изобрѣтателя новаго снаряда, морскаго механика Романеси, и его строителя Руссо, управляющаго большою велосипедною фабрикой въ Марсели, и они надѣются, благодаря нѣсколькимъ измѣненіямъ, еще болѣе усовершенствовать велонотикъ.

Политическое обозрѣніе.

Минувшая недѣля была посвящена Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ обозрѣнію древностей Египта. Посѣтивъ 12 ноя-

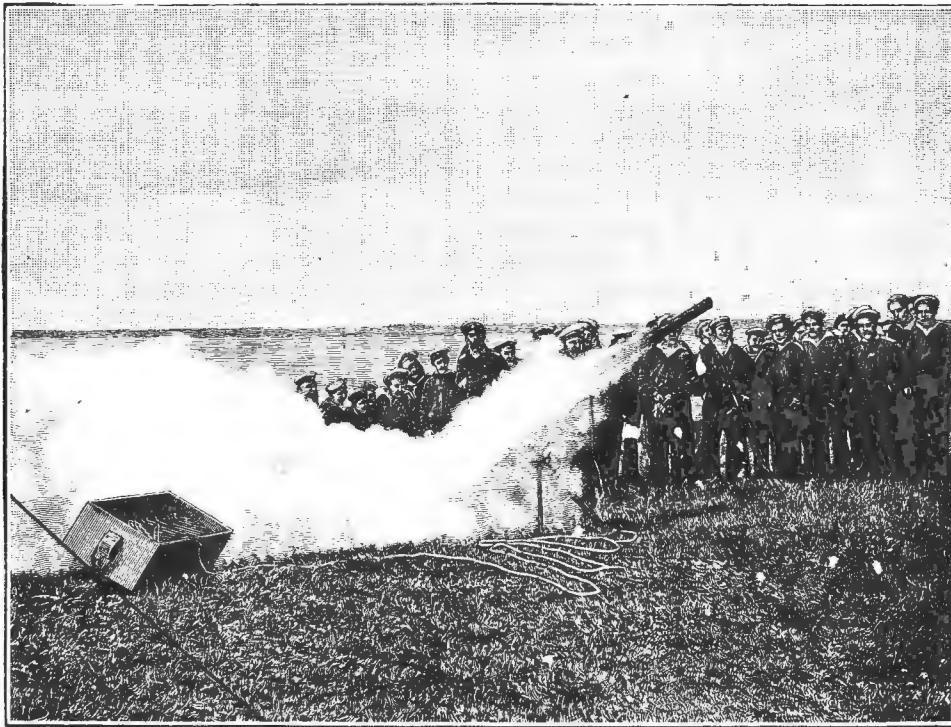
бря празднество, устроенное русскимъ генеральнымъ консуломъ на иллюминированныхъ баркахъ на Нилѣ, Его Высочество 14 ноября присутствовало въ греческой церкви на торжественномъ молебствіи по случаю дня рожденія Государыни Императрицы, вечеромъ выѣхало въ сопровожденіи свиты въ Ассіутъ, а отсюда въ Луксоръ. На пути, 15 ноября, Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Августѣйшими спутниками и свитой посѣтилъ Сухагъ. Городъ былъ иллюминированъ. Арабскіе нотабли исполнили на коняхъ „фантазію“. Въ пятницу Высокіе Путешественники отбыли въ Кенехъ, куда и прибыли въ 9 часовъ вечера. Въ Луксоръ Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Августѣйшими спутниками и свитой прибылъ въ часъ дня 17-го числа и на другой день осматривалъ Карнакъ и статую Мемнона.

Католическій міръ сильно заинтересованъ въ настоящее время отношеніемъ католическаго духовенства къ существующей формѣ правленія во Франціи. Эти новыя отношенія, неоднократно и многообразно измѣнявшіяся, снова стали злобою дня, вслѣдствіе рѣчи примаса Африки, кардинала Лавижери, произнесенной имъ 31 октября на завтракѣ въ честь штаба эскадры Средиземнаго моря. Въ ней кардиналъ сказалъ, что согласно необходимо, что церковь и духовенство этого больше всего желаютъ и что патристическій долгъ повѣлываетъ безъ всякой задней мысли присоединиться къ нынѣшней формѣ правленія, потому что она неоднократно утверждала націю и потому что отъ согласія зависитъ спасеніе отечества. Затѣмъ кардиналъ выразилъ желаніе, чтобы французское духовенство раздѣлило его идеи, и присовокушилъ, что не предвидитъ возраженій со стороны авторитетныхъ голосовъ.

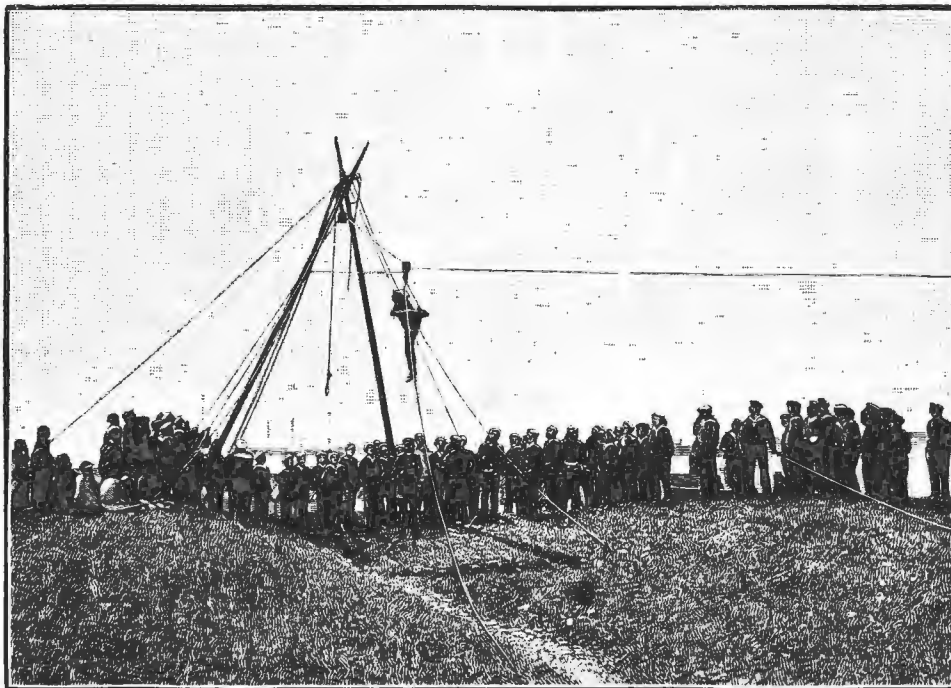
Рѣчь кардинала произвела глубокое впечатлѣніе въ виду особаго положенія, имъ занимаемаго. При отъѣздѣ гостей кардиналъ приказалъ исполнить марсельезу.

Какъ самая рѣчь, такъ и вообще образъ дѣйствій кардинала вызвали массу разнорѣчивыхъ толковъ. Чтобы не быть понятымъ превратно, кардиналъ Лавижери въ письмѣ, обращенномъ къ одному изъ французскихъ католиковъ, поясняетъ своей недавней тогѣ въ честь французскаго флота и говоритъ, что опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ, что республиканская форма правленія является единственно возможною формою правленія во Франціи, если только не произойдетъ какого либо чуда. Монархія, въ лицѣ графа Шамбора, сама окончила съ собою; графъ Парижскій, заявивъ, что всѣ средства хороши, обрекъ себя на самоубійство. Самъ онъ, Лавижери, полагаетъ, что во всѣхъ признакахъ республика въ ближайшемъ будущемъ станетъ неразрушимой. Наконецъ Лавижери, цитируя различныя мѣста изъ напекской энциклопедіи, доказываетъ, что и церковь признаетъ всѣ формы правленія, лишь бы только онѣ не противорѣчили принципамъ нравственности и вѣры.

Слова кардинала Лавижери произвели въ Ватиканѣ глубокое впечатлѣніе. Приближенные папы, какъ телеграфируетъ римскій корреспондентъ *Journal des Débats*, рассказываютъ, что Льва XIII рѣчь эта глубоко поразила и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворила. Въ самой Франціи рѣчи и письма примаса Африки тоже возбуждаютъ оживленные толки какъ въ публикѣ, такъ и въ печати. Часть консервативной печати и умеренно-республиканскіе органы очень сочувственно относятся къ идеямъ Лавижери, но большинство консерваторовъ ихъ не одобряетъ, при чемъ кардиналъ подвергается особенно ожесточеннымъ нападкамъ со стороны легитимистской *Gazette de France* и бонапартистской *Autorité*. Радикалы тоже сильно полемизи-

Спасательная ракета. Выпускъ ракеты гибнущему судну.
Съ фот. Апостоли, грав. Флюгель.

Спасательная ракета. Встрѣча спасеннаго съ гибнущаго судна.
Съ фот. Апостоли, грав. Флюгель.

печати. Часть консервативной печати и умеренно-республиканскіе органы очень сочувственно относятся къ идеямъ Лавижери, но большинство консерваторовъ ихъ не одобряетъ, при чемъ кардиналъ подвергается особенно ожесточеннымъ нападкамъ со стороны легитимистской *Gazette de France* и бонапартистской *Autorité*. Радикалы тоже сильно полемизи-

ругую против Лавижери, так как примирение католиков с республикой вовсе не входит в их расчеты. Что касается духоуства, то оно до сих пор соблюдает выжидательное положение, и пока только один из французских епископов, Анесси, открыто, но в то же время очень осторожно, высказался в пользу программы Лавижери.

Чрезвычайно интересно финансовое положение Франции, как о том свидетельствует Пельтанъ в своемъ докладѣ палатѣ депутатовъ. По его словамъ, долгъ Франціи опредѣляется въ 30.300.813,594 фр. номинального капитала и въ 22.824.043,690 фр. капитала дѣйствительнаго; номинальные проценты на этотъ долгъ составляютъ 3,48, а дѣйствительные — 4,62%. Докладчикъ свидетельствуетъ, что это самый крупный долгъ на всемъ земномъ шарѣ, отводя второе мѣсто въ этомъ отношеніи Англіи, гдѣ государственный долгъ равняется приблизительно 18-ти миллиардамъ; но г. Пельтанъ думаетъ, что кредитъ Франціи достаточно проченъ, чтобы на денежномъ и фондовомъ рынкѣ долгъ могъ быть устанавленъ почти полностью, по расчету 3-хъ проц. Докладчикъ признаетъ, впрочемъ, невозможнымъ достигнуть сокращенія долга въ виду усвоенныхъ способовъ займовъ. Пельтанъ считаетъ тягостными усугубляемыя во Франціи комбинаціи, которыя съ самаго начала сильно содѣйствовали образованію французскаго долга.

На образованіе государственнаго долга прежде всего вліяли военные тягости. Такъ, войны Второй имперіи обошлись странѣ въ 2.565.000.000 фр.; война 1870 года, тоже начатая Наполеономъ III, стоила 2.820.000.000, не считая, конечно, военной контрибуціи. Расходы на тунисскую экспедицію исчислены въ 126 миллионѣвъ, экспедиціи на Мадагаскаръ поглотили уже 21 миллионъ, а на завоеваніе Топикива израсходовано 270 миллионѣвъ. Со времени Первой имперіи — говорить въ заключеніе Пельтанъ — Франція израсходовала на войны 16 миллиардовъ.

Нашимъ финансовымъ положеніемъ сильно интересуется Берлинъ, особенно со времени утраты берлинскою биржею главнаго вліянія на нашъ денежный рынокъ. *Boersencourier*, вѣдѣствие распротраивающагося слуха о томъ, что русскій министръ финансовъ закупками золота производитъ, для пользы сельскихъ хозяевъ, давленіе на курсъ рубля, признаетъ, въ интересахъ русскаго государственнаго кредита, желательнымъ официальное или офиціозное объясненіе производимыхъ съ валютою операцій. Но на удовлетвореніе этого желанія даже въ финансовыхъ кругахъ Берлина совсѣмъ не надѣются, такъ какъ на всѣ вопросы, уже нѣсколько лѣтъ обрацаемые къ русскому министру финансовъ относительно операцій съ валютою, онъ всегда съ большою любезностью отвѣчаетъ, что въ дѣлѣ валюты онъ приверженецъ золота, а такъ какъ, по слову нѣтъ, разговоръ есть серебро, а молчаніе золота, то онъ предпочитаетъ молчать.

СМѢСЬ.

Откуда началась у Достоевскаго падачая болѣзнь, объ этомъ рассказываетъ, въ одномъ изъ нашихъ ежемѣсячныхъ жур-

наловъ, профессоръ Стокгольмскаго университета, г-жа Ковалевская. **Ф. М. Достоевскій** былъ на поселеніи и ужасно томился одиночествомъ, цѣлый мѣсяць не вида живой души. Вдругъ, совсѣмъ неожиданно, пріѣхалъ къ нему одинъ его старый товарищъ, какъ разъ въ ночь подъ Свѣтлое Христово Воскресеніе. На радостяхъ свиданія они, забывъ, какая это ночь, просидѣли ее всю напролетъ дома, разговаривая обо всемъ. Коснулись они, наконецъ, и религіи. Товарищъ его былъ атеистъ, Достоевскій — вѣрующій, оба горячо убѣжденные. „Есть Богъ, есть!“ закричалъ, наконецъ, Достоевскій, виѣ себя отъ возбужденія. Въ эту самую минуту ударили колокола сосѣдней церкви къ заутренѣ. Воздухъ весь загудѣлъ и заколыхался. „И я почуствовалъ, — рассказывалъ Федоръ Михайловичъ, — что Небо сошло на землю и поглотило меня. Я реально постигъ Бога и проникнулся имъ.“ „Да, есть Богъ!“ закричалъ я и больше ничего не помню“. Съ тѣхъ поръ у Достоевскаго и начались припадки падачей. „Вы всѣ, здоровые люди, — говорилъ онъ, — и не додрѣваете, что такое счастье, то счастье, которое испытываемъ мы, эпилептики, за секунду передъ припадкомъ. Магометъ увѣряетъ въ своемъ Коранѣ, что видѣлъ рай и былъ въ немъ... Онъ не лжетъ! Онъ, дѣйствительно, былъ въ раю въ припадкѣ падачей, который страдалъ, какъ я. Не знаю, длится-ли это блаженство секунды, или часы, или мѣсяцы, но върите слову, всѣ радости, которыя можетъ дать жизнь, не взялъ бы я за него!“ (в.)

Жоржъ Бизе, авторъ оперы „Кармень“. Съ фотогр. грав. мастер. „Нива“.

Первый слонъ въ Вѣнѣ. Когда, въ 1552 году, эрцгерцогъ Максимилианъ Австрійскій, послѣ долготѣннаго отсутствія, вернулся въ Вѣну, онъ привезъ съ собою слона, до тѣхъ поръ невиданнаго въ дунайской столицѣ. Мѣста для зрителей и улицы были переполнены толпами народа, которыя громко привѣтствовали блестящее шествіе принца, ѣхавшаго вмѣстѣ со своею супругой Маріей въ золоченой каретѣ, запряженной восьмеркой лошадей. Но при появленіи колоссальнаго, невиданнаго звѣря, все заволновалось и обратилось въ бѣгство. Произошла страшная сумятица и многіе изъ кавалеровъ, принимавшихъ участіе въ шествіи, дѣлали, со своей стороны, всевозможныя усилія чтобы предотвратить опасную панику. Мало-помалу толпа успокоилась, съ любопытствомъ глазѣла на диковинное животное и близко подходила къ нему. Вдругъ раздался страшный крикъ. Какая-то женщина, находившаяся въ числѣ зрителей, стиснутая толпой, выронила изъ рукъ дѣвочку и ребенокъ подкатился къ самымъ ногамъ исполинскаго чудовища. Наступила минута несказаннаго ужаса. Слонъ сначала взглянулъ въ толпу своими умными глазами, потомъ осторожно поднялъ хоботомъ ребенка и передалъ его трепетавшей отъ страха матери. Воздухъ буквально задрожалъ отъ радостныхъ кликовъ народа, и такимъ образомъ, среди восторженныхъ привѣтствій и возгласовъ, подобно какой-либо высокой особѣ, первый слонъ торжественно вступилъ въ Вѣну. (с.)

Новый сухопутно-водяной велосипедъ, представленный въ моментъ приближенія къ Марсельскому берегу.

Абдуль-Кадри и лепестокъ розы. Абдуль-Кадри, знаменитый турецкій ученый, предпринялъ путешествіе въ Вавилонъ, съ цѣлю основать тамъ. Вавилонскіе старѣйшины не пожелали однако принять его, но, узнавъ, что онъ уже прибылъ къ воротамъ города, не знали какъ выразить ему свой отказъ, не погрѣшивъ противъ пра-

виль гостеприимства. Наконец они напали на мысль выслать навстречу ученому чужестранцу нескольких выборных людей, которые должны поднести ему полный до краев стакан воды, желая тем выразить иносказательно, что Вавилонь, подобно этому стакану, до краев переполнен поэтами и учеными и потому не может вместить его. Абдуль-Кадри тотчас понял тонкий намек, но не удовлетворился им; он нагнулся, поднял розовый лепесток и осторожно положил его на поверхность воды, показывая тем, что для лепестка нашлось место и вода не пролилась через край. Эта остроумная выдумка произвела впечатлительные на вавилонян; они с уважением и удивлением взглянули на Абдуль-Кадри и торжественно ввели его в свой город. (с.)

Сильнейшим военным кораблем мира является спущенный 15 (27) сентября в Специи „Sardegna“; по наружному виду весьма похожий на величайшие итальянские броненосцы „Leranto“ и „Italia“, он снабжен внутри всеми новейшими приспособлениями и усовершенствованиями по части кораблестроения. В особенности хорошо вооружен „Sardegna“ предохранительными снарядами для отражения торпед. Этот громадный корабль располагает 4 паровыми машинами, представляющими в совокупности 22,800 лошадиных сил; машины приводятся в действие 18-ю паровыми котлами при 2-х вспомогательных и сообщают „Sardegna“ скорость 18 морских миль в час. Шесть котлов находятся в кормовой части корабля, остальные 12 тянутся по направлению к носовой. Запас угля простирается до 24,000 центнеров, т. е. 72,000 пудов. Кроме того на корабль находится много и других машин: гидравлическая для артиллерии, динамомашинка, доставляющая электрическое освещение, паровой насос для устранения опасности пожара, несколько вентиляционных и т. д. На борту броненосца собрана маленькая флотилия, состоящая из двух паровых миноносцев, парового и парусного баркасов, двух парусных шлюпок и трех весельных, из которых две тонущи, и лодки. На носу и корме „Sardegna“ воздвигнуто по броненосной башне, из которых каждая покрыта желтыми плитками, толщиной от 30 до 35 сантиметров, и вооружена 4 громадными, морскими пушками, в 68 тонн каждая. Артиллерийский парк содержит 8 пятнадцати-сантиметровых пушек, помещенных на меньших башнях, и 16 двенадцати-сантиметровых пушек, из которых 12 также находятся на маленьких башнях, а остальные 4 расположены на особых возвышениях между двумя броненосными башнями. Кроме того, еще целый парк скорострельных пушек, митральез и минных пушек, дополняет вооружение корабля. „Sardegna“ поднимает 280,000 центнеров; при длине в 440 футов, самое широкое место ее имеет 81 фут. Подводная часть корабля средним числом 29¼ фут. Экипаж состоит из 21 офицера и 650 матросов. Киль „Sardegna“ весит из стали; все трубы и помещения снабжены трубами, из которых в случае аварии проникающая вода может тотчас же выкачиваться при помощи помп с громадным давлением. На броненосце два командорских мостика, один в носовой, другой в кормовой части, соединенные друг с другом. Корабль имеет только одну мачту из железа, на которой находится приспособление для освещения электричеством моря и берегов на далеком расстоянии. Сообразив все потребовавшиеся для этой исполненной постройки чудеса техники, нечего удивляться, что на эту новейшую и величайшую пловучую крепость издержано до 32 миллионов франков. (к.)

Эйфелева башня в нынешнем году, оставшая без перемены на взгляд обыкновенного зрителя, много потеряла в глазах акционера. После доходного года наступают малоходные, сенсационное чудо стало массой старого железа. В общем доходы недавно кончившегося сезона составили 665,000 франков; расходы же на содержание потребовали 350,000 фр., кроме того чрезвычайные издержки на ремонт простирались до 300,000 фр., так что за вычетом всех расходов остается 15,000 чистой прибыли. Весьма возможно, что в будущем году получится дефицит. На этот же раз, благодаря предусмотрительно-сбереженной от выставочного года сумм в 168,000 фр., каждому акционеру придется еще 9 фр. дивиденда. (к.)

Простое средство. Нькто пишет в *Neue Blatt*: На основании долгих опытов я могу дать следующую полезный совет. Если кому несчастливится облитись купоросом, то стоит только вытереть облитое место сухой тряпкой или суконкой, и вреда никакого не произойдет. Обжог кожи происходит только в том случае, когда купорос смывается другими жидкостями, например, водой. (к.)

Фотографические снимки планеты Марс. При наибольшем

приближении к землѣ въ нынѣшнемъ году, планету Марсѣ все-таки нельзя было достаточно хорошо наблюдать въ нашихъ широтахъ, такъ-какъ она за все это время стояла слишкомъ низко надъ горизонтомъ. Кроме нѣсколькихъ темныхъ и очень расплывчатыхъ пятенъ, только у южнаго полюса Марса видно было свѣтлое пятно, обозначающее поясъ льдовъ. Профессоръ Пиккерингъ въ настоящее время сообщаетъ, что на горѣ Вильсонъ въ Калифорніи ему удалось снять 14 фотографій Марса въ дни 9 и 10 апрѣля. На этихъ снимкахъ за оба дня видна одна и та же часть поверхности Марса, потому что планета въ моменты снѣтія была обращена къ землѣ одной и той-же стороной. На снимкахъ отчетливо видны какъ темныя пятна, соответствующія, какъ извѣстно, морямъ Марса, такъ и свѣтлое пятно у южнаго полюса Марса. Замѣчательно, что послѣднее на фотографическомъ снимкѣ 10 апрѣля значительно больше, чѣмъ на снимкѣ въ предыдущій день. Утромъ 9 апрѣля поясъ льдовъ мало выступалъ и казался закутанымъ облаками или мелкими тусклыми тѣлами, трудно различаемыми въ отдѣльности. Напротивъ, 10 апрѣля та же область явилась повсюду совершенно свѣтлою и полярное пятно простиралось до 30° южной широты. Если представить себѣ подобный же свѣтловый поясъ въ нашемъ сѣверномъ полушаріи, то надо было бы покрыть свѣгомъ одновременно всю Европу, Сѣверную Африку, Персію, Китай и Сѣверную Америку до Мексиканскаго залива. Давно извѣстно, что такое большое протяженіе свѣтлага пояса встрѣчается только на Марсѣ, но быстрое, менѣе чѣмъ въ 24 часа совершающееся, расширеніе его въ высшей степени поразительно. Тогдашнее время года на Марсѣ соответствовало срединѣ февраля въ нашемъ полушаріи. Какъ же объяснить это увеличеніе свѣтлага пояса? Всего основательнѣе приписать это выпаденію снѣга на большомъ пространствѣ, и въ действительности едва-ли можно отвергнуть то заключеніе, что 10 апрѣля снѣганіе фотографіи происходило во время огромнаго выпаденія снѣга на южномъ полушаріи планеты Марсѣ. Пространство этого свѣтлага поля, насколько видно было глазу, какъ указываетъ профессоръ Пиккерингъ, было громадно: оно обнимало поверхность въ 9,000,000 кв. верствъ, причемъ не должно упускать изъ виду того, что по своей величинѣ Марсѣ значительно уступаетъ землѣ. Подобное замѣченію въ день 10 апрѣля на Марсѣ, состояніе могло быть преобладающимъ и на нашей землѣ во время ледоваго періода на нашемъ полушаріи. Во всякомъ случаѣ и всѣ другія наблюденія, въ особенности сдѣланныя Скиапарелли, выяснили, что на планетѣ Марсѣ далеко еще не достигнуто то состояніе устойчивости коры, которое, какъ извѣстно, господствуетъ теперь на нашей землѣ. (к.)

Деревянные загородные домики изготовляются въ настоящее время на вывозъ въ готенбургскихъ лѣсонильныхъ заводахъ, въ Швеціи. Отдѣльные части выполнены съ величайшей тщательностью и со вкусомъ. Ихъ экспортируютъ большею частью въ американскіе порты и затѣмъ собираютъ на мѣстѣ. Недавно отправленъ изъ Готенбурга новый транспортъ, состоящій изъ 50 товарныхъ вагоновъ. (с.)

Ураденная простыня. Паоло Веронезе, во время своихъ путешествій, былъ однажды очень хорошо принятъ въ загородномъ домѣ одной семьи, гдѣ и провелъ съ удовольствіемъ нѣсколько недѣль. Когда онъ наконецъ распрощался, въ комнату, которую онъ занималъ, не оказалось одной простыни, и обстоятельство это произвело очень непріятное впечатлѣніе на хозяевъ. Каково-же было ихъ удивленіе, когда въ углу нашли большой свертокъ, представляющій превосходную картину: „Александръ въ шатрѣ Дарія“. Картина оказалась написанною на пропавшей простынѣ. Художникъ избралъ этотъ оригинальный способъ отблагодарить своихъ любезныхъ хозяевъ за оказанное ему гостеприимство. (с.)

Шизофонъ. Такъ называется вновь изобрѣтенный у насъ электро-механической приборъ, который обнаруживаетъ внутренніи илѣнки, трещинки и т. п. пороки въ рельсахъ, производящихъ большей частью поломки рельсовъ, способныя вызвать крушеніе поезда. Приборъ состоитъ изъ микрофона и телефона, соединенныхъ съ механическимъ ударникомъ и аудіометромъ, позволяющими навѣрное угадывать всѣ скрытыя погрѣшности рельса. Главное Общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ будетъ производить опыты съ этимъ приборомъ нынѣшнюю осень въ присутствіи техниковъ и инженеровъ всѣхъ вѣдомствъ. (в.)

Князь и княгиня Монако, по сообщенію изъ Парижа, уѣхали изъ своего замка Маршэ и предприняли долгое путешествіе. По заказу князя Альберта строится въ настоящее время въ Англии яхта, въ 555 тоннъ водоизмѣщенія, которая явится настоящимъ чудомъ судостроительнаго искусства. Она будетъ представлять собою пловучую лабораторію, снабженную новейшими аппаратами, приспособленными и машинами для измѣренія глубины. (с.)

Библиографія.

Желиховская, В. Княжна Цени. Романъ изъ кавказской жизни. СПб. 1890. 8°.

Г-жа Желиховская даетъ не первый романъ изъ жизни Кавказа. Знаніе мѣстныхъ условий и обычаевъ придаетъ ей произведеніямъ большой интересъ; кроме того романъ написанъ крайне живо и читается легко.

Дѣтскій театр. В. III. СПб. 1889. 8° 30 коп.

Въ этой небольшой книжечкѣ авторъ помѣстилъ три пьесы

для дѣтскаго театра: „Одуванчикъ“, „Стрекова и муравей“, „Кто милѣе“. Пьесы эти написаны живымъ языкомъ и вполне доступны для дѣтскаго пониманія. По цѣнѣ крайне дѣстна.

Шуфъ, Вл. Крымскія стихотворенія. М. 1890. 8°. Ц. 1 р.

Въ этотъ сборникъ вошли лирическія стихотворенія, поэмы и пѣсни крымскихъ татаръ. Между ними есть нѣсколько недурныхъ стихотвореній.

„ЛЮБИТЬ-ЖАЛѢТЬ“

2-1 РОМАНЪ Ц. № 4835

Е. О. ДУБРОВИНОЙ

будетъ печататься съ будущаго года въ ежедневной газетѣ

„НОВОСТИ ДНЯ“.

Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.
Годовая инопорядная подписка 9 руб., полугодичная 5 руб. 50 коп. и для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ три срока по

3 руб. сер.

„ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ“
Комическій этюдъ Инокенто. Цѣна съ перес. 40 к. Складъ—Москва, Никольская, м-нѣ Т-ва И. И. Кушнеревъ и К^о. По красотѣ изложени, тонкости юмора „Возд. Замки“ можно смѣло сравнить съ лучшими вещами Гейне или Курье.

МАССА БЛАГОДАР. И ПОЧЕТН. ОТЗЫВОВЪ
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ **БУХГАЛТЕРІИ**
иногороднихъ и московскихъ **ПОСРЕДСТ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ**
вполнѣ замѣняющихъ усное преподаваніе.— ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.
Преподаватель коммерческаго наукъ **С. Я. ДИЛІАНТАЛЬ.**
УСЛОВІЯ ПРОБН. ЛЕКЦІИ * **МОСКВА** * ВЫСЫЛАЮТСЯ БЕСПЛАТНО.
Долгоруковская улица, домъ Финюгеновой.

САМОУЧИТЕЛИ И НОТЫ
для всѣхъ инструментовъ. 10—1
Народная школа д. гармоніи 7 кл., ц. 75 к.
Самоучит. д. гармоніи 8 кл. и 10 кл. по 1 р.
Школа д. 2-радн. гарм. въ 17, 19 и 21 кл., ц. 1 р.
Школа для 3-хъ-радн. гармоніи, ц. 75 к.
Самоучитель для скрипки, ц. 1 р. 50 к.
Самоучитель д. гитары, I, ц. 1 р.
и для всѣхъ прочихъ инструментовъ.
у **КУЛИКОВА**, Москва, Малостѣнка.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
ДУХОВНО-МУЗЫКАЛЬНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ
СТ. ДАВЫДОВА,
10 концертовъ четырехголосныхъ, 8 концертовъ двухголосныхъ, 1 трио и Полная обѣдина.
Цѣна въ одномъ томѣ: Пар. 4 р. Голоса 4 р.
Москва, у П. ЮРГЕНСОНА.

Товарищество Промышленниковъ сарпинскихъ издѣлій въ САРАТОВѢ.
Сезонъ 1891 года. Ц. № 4798 6—3
САРПИИКА
ручного ткачества, собственной выработки самыхъ новѣйш. и изящн. рисунковъ.
Продажа оптомъ и въ розницу, пересылка во всѣ города Россіи.
Образцы сарпинныхъ вышиваются съ 15-го ноября с. г. въ альбомѣ за 42 к.
Цѣны и условія по альбому (переписка на русскомъ языкѣ).

КОЛУМБУСЪ.

Коньки новѣйшаго изобрѣтенія.
Высшій почетный дипломъ въ Вѣнѣ 1890 г.
При заказѣ указывать длину обуви.

Въ С.-Петербургѣ, единственный складъ въ магазинѣ **А. ВОЗЕ,** у Краснаго моста, № 17—56. В. № 4848

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ
МОЛОЧНАЯ МУКА
для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока
Шаров. фабр. **ВЛИГЕНТЪ** и **РОБИНСОНЪ** въ СПБ.
Единственный агентъ для Россіи: **ВАСИЛІЙ АУРИХЪ,**
Колокольная, 18—19, въ С.-Петербургѣ.
Его подпись должна быть на каждой жестянкѣ:
Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки.
Продается въ аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4721 17—4

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,
БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЯ

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. Способъ приготовленія. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ оного вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и притомъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.
Цѣна: флакону 1 р. 65 к., бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кускомъ, опо-мада (лучше колѣдъ-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.
Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на причептанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента Главнаго склада для всей Россіи у **В. АУРИХА**, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4730 19—3

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ.
EAU DE BOTO
(ВОДА БОТО) Pt. № 4314 14—12

Главный складъ: 17, Rue de la Paix, PARIS.
Прежній адресъ: 229, Rue Saint-Honoré.
Продается во всѣхъ москательныхъ лавкахъ и у всѣхъ парфюмеровъ.
Требов. также Туалетный Уксусъ Бото высш. качества въ отношеніи тонкости запаха.
Представитель для всей Россіи: **Н. Л. Натанъ,** Ипатьевскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

Оптическое заведеніе въ С.-Петербургѣ
И. Я. УРЛАУБЪ.
по Невскому проспекту № 44, напротивъ Гостиного двора,
предлагаетъ съ ручательствомъ за доброкачественность

БИНОКЛИ съ ахроматическими стеклами хорошаго достоинства, съ футлярами по 5, 6 и 7 руб. сер.; Мт. № 4854
тоже съ обыкновенными стеклами по 2.50, 3.50 и 4 р. сер.

БИНОКЛИ съ наилучшими чечевицами, годные для театра, поля и моря по 8, 10, 12 руб. сер. и дороже;
тоже изъ алюминіума, весьма легкіе, по 12, 15, 25 руб. сер. и дороже;
тоже изъ слоновой кости отъ 10 до 45 руб. сер.; также изъ перламутра и черепахи отъ 14 руб. сер. и разныя другіе до 160 руб. сер.

Заказы Гг. иногороднихъ высылаются съ наложеннымъ платежемъ.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ
для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (47) № 4287
Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

УКРАШЕНІЕ ДЛЯ ЕЛОКЪ

Для удобства Гг. ПОКУПАТЕЛЕЙ Я СОСТАВИЛЪ СЛѢДУЮЩІЯ КОЛЛЕКЦІИ:

въ 5 р. 10 р. 15 р. 25 р. 50 р. 100 р.

и каждая коллекція (даже 5 руб.), такъ составлена, что она содержитъ все необходимое для украшенія елокъ. Коллекціи въ 25, 50 и 100 р. особенно пригодны для большихъ семействъ, шоль, пріютовъ, базаровъ, соборній, благотворительныхъ обществъ, пансіоновъ и пр.

Покорѣйше прошу дать заказы на эти коллекціи немедленно, такъ какъ онѣ составлены въ ограниченномъ количествѣ и ихъ нельзя возобновить послѣ распродажи запаса, такъ какъ

ВЪ ИХЪ СОСТАВѢ ВОШЛИ ВСѢ ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ,
которыя нельзя выписывать вновь до праздниковъ. № 4840

БАЗАРЪ МАРОКЪ С.-Петербургъ,
Невскій просп., № 20.
Подъ картиннымъ магазиномъ г-на Фельтена.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ „Елка“ пересылается бесплатно. Упаковка бесплатно. За пересылку можно платитъ при полученіи товара.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора „Петербург. Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Константинополь. Турція.
ПЕРВАЯ РУССКАЯ КОММИСИОННАЯ КОНТОРА НИКОЛАЯ Д. СМІРНОВА.
Галата, домъ церкви Святаго Николая, противъ Нальнскаго Подворья.
Предлагаю гг. фабрикантамъ, торговцамъ и промышленникамъ продавать ихъ произведенія въ Константинополь, а равно приобретать мѣстные.
Принимаю товары на комиссію, продаю таковые за счетъ доверителей со взиманіемъ условныхъ процентовъ, а потому прошу лицъ, желающихъ продавать здѣсь какіе-либо товары и продукты, обращаться ко мнѣ съ приложеніемъ образцовъ и прейскурантовъ.
Принимаю на себя отчетку товаровъ отъ таможенныхъ пошлинъ, ходатайствую по судебнымъ и коммерческимъ дѣламъ во всѣхъ консульствахъ и турецкихъ учрежденіяхъ; рекомендую банки, торговые дома, учрежденія, гостиницы и частныя квартиры.
Высылаю письменные совѣты и справки по судебнымъ дѣламъ, по отрасли торговли и промышленности, частныя свѣдѣнія, о путешествіяхъ, мѣстныхъ законахъ и обычаяхъ, за присланные три рубля.
Всѣхъ прѣзжающихъ въ Константинополь, на пароходахъ встрѣчаютъ мои агенты, для всевозможныхъ услугъ, но полученіи письма или телеграммы; даю проводниковъ по городу и окрестностямъ, говорящихъ и на русскомъ языкѣ, содѣйствующую путешественникамъ въ пріобрѣтеніи билетовъ на всѣ пароходы и желѣзныя дороги, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей.
Покорно прошу вѣрить въ точное и аккуратное исполненіе всѣхъ порученій.
Николай Д. Смирновъ.
Адресъ: для писемъ и телеграммъ: Constantinople-Galata, Nicolas Smirnov; для денежной же корреспонденціи: чрезъ Одессу, въ Константинополь, Русское Агентство, Николаю Дмитріевичу Смирнову. — Неоплаченныя письма не принимаю; на всѣ отвѣты прошу прилагать 20 копѣекъ почтовыми марками. № 4814

ПРО ЧТО ЩЕБЕЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Штильманна.* Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ПРАКТИЧНЫЕ ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ:

СКРИПКИ по 2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже.
Смычки для скрипки по 50 к., 1 р., 1 1/2 р., 2, 3, 5, 10, 15, 20 р. и дороже.
Струны и все другія принадлежности.
Скрипки 3/4, 1/2 и 1/4 величины для дѣтей по тѣмъ же цѣнамъ какъ и большія.
Виолончели по 20, 35, 50, 75, 100, 150 и 200 р.
Альты и **Контрабасы**.
ГИТАРЫ по 3, 5, 7, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 75, 100 и 125 р. (Гитары отъ 7 руб. и дороже имѣютъ механизмъ для струнъ).
ЦИТРЫ по 8, 12, 20, 40, 60, 80, 100 и 125 р.
Полный аккордъ струнъ для цитры 3 р.
Мандолины по 10, 20, 30, 50, 75, 100 и 150 р.
КОРНЕТЫ-А-ПИСТОНЫ по 15, 22, 25, 35, 50, 60, 75, 85, 100, 135 и 200 р. Отъ 50 р. и дороже собственнаго издѣлія.
Охотничьи рожи по 3, 5, 6, 8, 12 и 15 р.
ФЛЕЙТЫ по 2, 4, 6, 9, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и 160 р.; отъ 75 р. и дор. собств. изд.
Николо-флейты по 1 1/2, 3, 5, 6, 10 и 20 р. Въ 20 р. собственнаго издѣлія.
Кларнеты по 6, 10, 15, 20, 25, 35, 45, 60 и 75 р. Отъ 45 р. и дор. собств. издѣлія.
Флажолеты по 1 1/2, 3 и 6 р.
Чаканы по 5, 10 и 15 р.

Мозеты по 3 и 8 р.
Пали-флейты по 1 р. и 20 р.
Барабаны по 4, 6, 10, 12, 15, 30 и 40 р.
Барабаны большіе по 25, 35, 50, 60 и 90 р.
Тамъ-тамъ, **Тарелки**, **Бубны**, **Треугольники**, **Бастаньети**
ГАРМОНИИ фабрики **Кальбе**, лучшія въ мірѣ:
Однорядныя въ 4, 5, 5 1/2, 6, 7, 7 1/2, 8, 8 1/2, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
Двухрядныя въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р. и въскія въ 10 и 22 р.
Трехрядныя въ 60 р. и въскія въ 30, 50 и 75 р.
Рубныя гармоніи по 30, 50 к., 1 р. и дороже.
Оварныя 60 к., 75 к., 1, 1 1/2, 2, 2 1/2, 5 и 7 р.
Бандионы 20, 30, 40 и 50 р.
Имѣющія концертно по 3, 5, 8, 12 и 15 р.
Англискія концертно по 24, 30, 40, 50, 65, 85, 100, 125, 140, 160 и 200 р.
Музыкальныя шатуны малыя съ ручкой въ 2 и 3 1/2 р. Малыя заводныя въ 6, 9 и 15 р.
Большія заводныя въ 22, 28, 45, 55, 65, 80 р. до 200 р.
МУЗЫКАЛЬНАЯ ПОДСТАВКА для **Елки** съ заводомъ, вертитъ медленю елку и въ то же время играетъ 4 пьесы, цѣна 30 р.
Симфоніоны, позволающіе исполнять музыкальныя шатуны съ перемѣнными пьесами,
 № 3 съ ручкой, съ 6-ю пьесами 8 руб. Добавочныя пьесы по 35 к.
 № 5 заводныя, съ 6-ю пьес. 18 р. Добавочныя пьесы по 35 к.
 № 7 заводныя, 60 тон., съ 10-ю пьес. 35 р. Добавочныя пьесы по 60 к.
 № 9 заводныя, 84 тон., съ 10-ю пьесами, 55 р. Добавочныя пьесы по 75 к.
 № 12 заводныя, 84 тон., Sublime harmonie съ 10-ю пьес. 90 р. Добав. пьесы по 1 р.
Гармонифлюты въ 45, 60, 75, 90 р.
Желѣзныя складныя педали къ нимъ по 10 р.
Серафинъ, новый органъ для дѣтей, съ 6-ю пьесами, 12 р., добавочныя пьесы по 30 к.
АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ съ 10-ю пьесами 24 р. Добавочныя пьесы по 50 к.
ГЕРОФОНЪ съ 10-ю пьесами 26 р. Добавочныя пьесы по 50 к.
Герофонъ съ приспособленіемъ для громкой и тихой игры съ 10-ю пьесами 30 р. Добавочныя пьесы по 50 к.
ФЕНИКСЪ-ОРГАНЪ съ 10-ю пьесами 32 р. Добавочныя пьесы по 60 к.
ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ съ 10-ю пьесами 70 р. Добавочныя пьесы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 и дороже.
ПИАНО-МЕЛОДИКО (новый механическій ин-

струментъ со струнами) цѣна 80 р. Ноты отдѣльно по 70 к. за метръ (=1 1/2 арш.).
Американскія фисгармоніи въ 100, 140, 160, 200, 250, 300, 400, 500, 600 и 800 р.
Французскія фисгармоніи въ 100, 130, 160, 190, 275 и 450 р.
Складн. французскія фисгарм въ 140 и 225 р.
Фисгармоніи съ органомъ, 4-хъ октавъ, 4 регистр., съ 1 валомъ 275 руб.
Отдѣлыя валы, играющ. по 7 пьесъ, по 40 р.
РОЯЛИ и ПИАНИНО лучшійхъ русскихъ и заграничныхъ фабрикъ (также знаменитой парижской фабрики „Эраръ“)
МЕХАНИЧЕСКОЕ ПИАНИНО, на которомъ можно играть не только какъ на обыкновенномъ пианино, но также исполнять посредствомъ верченія ручкою все тавцы и концертныя пьесы, цѣна инструмента 600 р. Ноты 1 р. 25 к. за метръ (=1 1/2 арш.).
МЕХАНИЧЕСКІЙ ПИАНИСТЪ. Аппаратъ, который можно приставить къ роялю или пианино, и посредствомъ верченія ручкою артистически выполнять всевозможныя пьесы. Цѣна 4 1/2 р. Ноты изъ картона за метръ 1 р. и 1 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРѢССЪ-КУРАНТЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ВЪЗДѢЛНО.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
 С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34 и 40. | Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

О ПОДПИСКѢ на „НИВУ“ 1891 г.

СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

Исполняя желаніе многихъ изъ нашихъ иногороднихъ гг. подписчиковъ, мы нашли возможнымъ допустить разсрочку подписной платы за „Ниву“ 1891 года, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ два срока: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Юня 1891 г. 3 руб.

2) Въ три срока: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1891 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1891 г. 2 руб.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всѣми приложениями и преміями—наравнѣ съ годовыми подписчиками.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и **НА ВОЛѢ ЛЬБОТНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ** (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

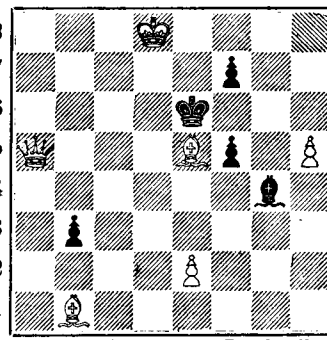
Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: О подпискѣ на „Ниву“ 1891 г.—Пань круль. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Графа Е. А. Саласа. Ч. II. (Продолж.).—Сѣдой локонь. Сказка

Шахматная задача № 68.

Черные.

А В С D E F G H

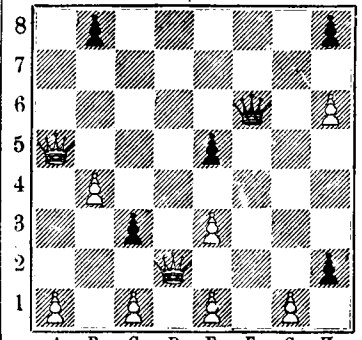
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 69.

Черныя.

А В С D E F G H

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку черныхъ.

Георга Эберса. (Продолж.).—Къ рисункамъ: Съ горячаго Юга (съ 2 рис.).—Напрізная натура (съ рис.).—Лѣсная бѣда (съ рис.).—Слѣпая сидѣлка (съ рис.).—Любимый (съ рис.).—Улетѣлъ слонъ (съ рис.).—Спасательная ракета (съ 2 рис.).—Журжъ Бизе (съ портр.).—Сухопутно-водяной велосипедъ (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Библиографія.—О подпискѣ на „Ниву“ 1891 г. съ разсрочкою платежа.—Задача.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.—При семь № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ДЕКАБРЬ 1890 г., съ 26 рис. и отдѣльн. листъ съ 30 чертж. выкроекъ въ натур. величину и 26 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Соч. ОЛЬГИ ШАПОРЪ:

Ея Сіятельство. II. 1 р. 25 к.
Безъ любви. Ром. II. 2 р.
Пов. и рассказы. II. 2 р.
Иногороднымъ пересылка отъ авт. СПб., Надеждинскаго, 34. Можно съ наложеннымъ платежемъ. № 4839

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
НЕВСКОЙ ПР. № 42.
С ПЕТЕРБУРГА
Преисъ-Куръ высыл. безпл.

НОВОСТЬ!

НОСКИ ДЖУТОВЫЕ БЕЗЪ ШВА.

отличающиеся прочностію отъ всѣхъ другихъ сортовъ. Только въ магаз. Ю. ГОТЛИБЪ, по Владимірской, д. 2, ут. Невскаго просп., СПб.

Гг. иногородные заказчики благоволятъ прислать мѣру подошвы. Цѣна 5 руб. съ перес. 6 р. за дюж. Торговцамъ уступка.

НОВАЯ КНИГА:

ПЯТЬ КОМИЧЕСКИХЪ ПЬСЕЙ ДЛЯ ДѢТСКАГО ТЕАТРА,

съ тремя рисунками, П. Д. Глазунова. Цѣна 80 коп. съ пересылкой 1 руб. Складъ изданія въ книжн. магаз. Скворцова, С.-Петербургъ, Владимірская площадь.

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генрихъ Блонкъ, С.-Петербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

АЛЬБОМЪ 46 ПОРТРЕТОВЪ РОССІЙСКАГО ИМПЕРАТОРСКАГО ДОМА ГРАВИРОВАННЫХЪ НА ДЕРЕВѢ ВЕЙЕРМАНОМЪ.

- СОДЕРЖАНІЕ:**
- Е. П. В. Государь Императоръ Александръ III Александровичъ.
 - Е. П. В. Государыня Императрица Марія Оеодоровна.
 - Е. П. В. Настѣдникъ Цесаревичъ В. К. Николай Александровичъ.
 - Е. П. В. В. К. Георгій Александровичъ.
 - Е. П. В. В. Кн. Кесія Александровна.
 - Е. П. В. В. К. Михаилъ Александровичъ.
 - Е. П. В. В. Кн. Ольга Александровна.
 - Е. П. В. В. К. Владимір Александровичъ.
 - Е. П. В. Вел. Кн. Марія Павловна.
 - Е. П. В. В. К. Кирилъ Владиміровичъ.
 - Е. П. В. В. К. Борисъ Владиміровичъ.
 - Е. П. В. В. К. Андрей Владиміровичъ.
 - Е. П. В. Вел. Кн. Елена Владиміровна.
 - Е. П. В. В. К. Алексій Александровичъ.
 - Е. П. В. Вел. Кн. Марія Александровна.
 - Е. П. В. В. К. Сергій Александровичъ.
 - Е. П. В. Вел. Кн. Елизавета Оеодоровна.
 - Е. П. В. В. К. Павелъ Александровичъ.
 - Е. П. В. В. Кн. Александра Георгіевна.
 - Е. П. В. В. К. Константинъ Николаевичъ.
 - Е. П. В. Вел. Кн. Александра Юсифовна.
 - Е. П. В. Вел. Кн. Ольга Константиновна Королева Греческая.
- Всѣ 46 портретовъ, каждый на отдѣльномъ листкѣ, уложены въ красивый коленкорный переплетъ съ надписью на верхней крышкѣ, тисненой настоящимъ золотомъ. Такой альбомъ для каждаго семейства—прекрасное приобретѣніе, какъ по содержанію, такъ и по красотѣ наружнаго вида.
- Цѣна 1 р. 50 к.; съ пересылкой по почтѣ 1 р. 75 к. наложеннымъ платежемъ. При требованіи 10 экземпляровъ и болѣе, прилагается одинъ экземпляръ безплатно. Заказы проситъ присылать въ Главнй складъ изданія: Г. К. Клозь въ С.-Петербургѣ Вас. Остр., 5 линия, д. № 10, кн. 3. № 4842

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE

Бѣлая и розовая вода для бѣлокурокъ, желтая вода для брюнетокъ.
Флаконъ 1 р. 75 к., большой 3 р. 50 к.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“ ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный парфюмеръ, 46, Егерштразе, Берлинъ.
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи. № 4678—4

ГРЕЧЕСКІЯ ВІНА

сорта:	№ 0	№ 1.	№ 2.	№ 3.
	МУСКАТЪ старій (сладкое)	МАЛЬВАЗІЯ сладкое.	МАВРОДАФНЭ старое—полусухое въ родѣ портувейна красн.	НЕФАЛОНСКОЕ сухое въ родѣ хереса.

Всѣ собственн. погребахъ торговаго дома: Забалканскій пр., д. 1. • Невскій пр., д. 15. • Кокушкинъ пер., д. 1 и слѣдующ. виноторговцевъ: Въ СПб.—Централный погребъ, ут. Невскаго и Садовой. • К. Е. Шестаковъ—Байковскій мостъ. • Н. П. Павловъ, у Измайловскаго моста. • Н. С. Перовъ—Английскій пр., д. № 44. • В. Т. Кузмичевъ—Садовая, д. 72. • Андреевъ—Екатерингофскій пр., д. 17—27. • Н. Ф. Скворцовъ—Невскій, д. № 110. • Удазовъ—уг. Загороднаго и Торговаго дома ЯКОВЪ ЦЕРЕТЦЪ и КЪ, въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. Складъ и контора для оптовой продажи въ боч. и бут.: Забалканскій просп., д. № 1 (собственн.)

ЛЕВИНГЪ и ГЛОЗНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Un jeune Allemand de bonne éducation, qui comprend les langues anglaise & française cherche une place comme secrétaire etc. № 4851

L'adresser à Otto Kieser à Oberndorf a/Neckar, Württemberg.

СЕМЬ РАЗЪ УДОСТОВЕРЕННЫХЪ НАГРАДЪ.

СКРИПКИ.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1/2—50 мар. Фуцлары 3 1/2—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Нѣмая скрипка для ученія (собств. изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендация отъ Вилхельми, Саразате, Сорэ, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-курантъ безплатно.

Бр. Вольфъ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ. Ц. № 4787 Крещатокъ. 9—3

ДЛЯ ВОЛОСЪ

БАЛЬЗАМЪ ЭЙКАЛИПТИ

косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Освѣжаетъ головную кожу. Ц. флакона 1 р. 50 к., съ перес. 2 р., 2 флакона съ перес. 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подлинн. А. Энглундъ крайними чернилами и марку Сиб. Косметическ. Лабораіоріи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. агент. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейль, В. Везбардьян, Р. Келлеръ и Коми, О Геллингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главнй складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораіорія А. Энглундъ, Литейная, № 38. (3) Ц. № 4478

ССУДЫ подъ всё % бумаги. ВЫИГРЫШН. ЗАЙМЫ

посредствомъ залогов. Задатокъ 15 и 20 р. Ежемесячно 10 и 5 р. Въ опроверженіе слуховъ снмъ объявляется, что никакого запрещенія продажи выигранныхъ займовъ съ срочною платжею со стороны Правительства не было сдѣлано и такіе слухи, какъ распространяемые лицами, заинтересованными лишь въ понижении цѣны, не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія.

БАНКИРСКИЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ
СПБ., Невскій, 59—57, собств. домъ. № 4813 3—3

МОЛЬДАКОТЪ

съ КОЛОСОМЪ, усовершенствованная английская нарядная двухниточная швейная машина—вѣсомъ около фунта.

Эта машина шьетъ въ 2 нитки нераспарываемымъ швомъ, какъ тонкая, такъ и толстая матерія, даже кожу, удобна въ хозяйствѣ и легка для дѣтей. Наставленіе прилагается. Цѣна съ пересылкой въ картонѣ 7 р., въ полнор. орт. ящикѣ 8 р.; въ Азіатскую Россію перес. за 3 фунта отдѣльно.

Главный складъ въ Москвѣ, въ писчебумажномъ магазинѣ „ПОЛИГРАФЪ“, Мясницкая, д. Ермакова. № 4845

РУССКІЙ КУРЬЕРЪ

(ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ) ПОСЛѢ ПРЮСТАНОВКИ

ВНОВЬ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ съ 1-го января 1891 года по прежней программѣ и подъ прежней редакціей.

№	Москвѣ на 1891 г.	На города на 1891 г.
1а	12 мѣс. 9 р. — к.	На 12 мѣс. 10 р. — к.
11	8 — 50	11 — 9 — 30
10	8 — —	10 — 8 — 50
9	7 — 40	9 — 8 — —
8	6 — 70	8 — 7 — 20
7	6 — 90	7 — 6 — 50
6	6 — —	6 — 6 — —
5	4 — 60	5 — 5 — —
4	3 — 70	4 — 4 — —
3	2 — 75	3 — 3 — —
2	2 — —	2 — 2 — —
1	1 — 10	1 — 1 — 25

За границу плата двойная. Подписка съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не далѣе конца года.

За перешнута адреса 30 к., а городского на иногородній доплачивается разица въ цѣнѣ. Подписка принимается при конторѣ изданія и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Гр. новымъ годовымъ подписчикамъ, не читавшимъ помѣщеннаго въ „РУССКОМЪ КУРЬЕРѢ“ романа: „ТАЙНА ГАНСОНЪ КЕ-БА“ будетъ оный выданъ ВЪ ВИДѢ ПРЕМИИ. Романъ этотъ разошелся въ Англіи въ 900,000 экземплярахъ и имѣлъ среди подписчиковъ и читателей „РУССКАГО КУРЬЕРА“ большой успѣхъ; онъ изданъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярахъ.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА ИЗДАНІЯ: Москва, Московскій мостъ, домъ Н. П. Ланина. Редакція открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 1 до 3 часовъ дня.

Контора изданія открыта въ будни—отъ 9 до 5 ч. веч., въ праздники—отъ 10 до 3 час. пополудни. № 4780 5—3

ТЕЛЕФОНЪ № 764.

Редакторъ-издатель Н. П. ЛАНИНЪ.

ДЕНТИНЪ
В. № 4781 24—5
В. № 4781 24—5
В. № 4781 24—5

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ. Цѣна 40 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія Аурхана: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ ВЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

Основный и запасные капиталы 12.000,000 руб.

Общество заключаетъ на выгодныхъ условіяхъ и по умѣреннымъ преміямъ страхованія:

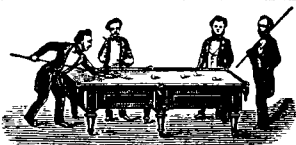
Капиталовъ на случай смерти, Вдовыхъ пенсій, Капиталовъ на старость, Пенсій на старость, Приданнаго для дѣвушекъ, Стипендіи для мальчиковъ, Пожизненныхъ доходовъ.

№ 4782 4—3

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Къ 1 января 1890 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 22,300 лицъ на капиталъ въ 62.000,085 руб. Дивидендъ страхователей въ 1890 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и въ Агентствахъ Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7--2. 26—24

Иллюстрированные прейсъ-курanty по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

НОВОСТЫ ПІАНО-МЕЛОДИКО

новѣйшій и лучший механический инструментъ со струнами.

Цѣна 80 рублей.

Ц. № 4733 (5)

Ноты отдѣльно по 70 коп. за 1 метръ (= 1 1/2 арш.)

Требуютъ подробное описаніе и каталогъ нотъ.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

механический инструментъ съ голосами. Цѣна 70 руб. съ 10-ю пьесами.

І. Ф. МЮЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка.

Иллюстриованн. прейсъ-курanty въсѣмъ музыкальнымъ инструментамъ безплатно.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПАРОВОЙ ФАБРИКИ В. Ф. БОНАКЕРЪ,

ВЪ МОСКВѢ, близъ Яузскаго моста, Серебряническій переулокъ, домъ бывш. Шукина. (Телефонъ № 469)

ГЛИЦЕРИНОВАЯ ВАКСА

ВЪ ЖЕСТЯНЫХЪ КОРОБКАХЪ (фабричное клеймо „СЛОНЪ“)

ДАЛЕКО ПРЕВОСХОДИТЪ СВОИМИ ОТЛИЧНЫМИ КАЧЕСТВАМИ ВСѢ СУЩЕСТВУЮЩІЯ ЗАГРАНИЧНЫЯ И РУССКІЯ ВАКСЫ.

дѣлаетъ кожу обуви мягкой, непромокаемою и даетъ ей необыкновенно яркій блескъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ВАКСА

въ жестяныхъ коробкахъ (фабричное клеймо „Левъ“) равняется достоинствомъ лучшимъ ваксамъ другихъ фабрикъ.

МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ МАЗЬ

въ жестяныхъ коробкахъ (фабричное клеймо „Самоваръ“) самое хорошее средство для чистки и полировки всѣхъ металловъ, главнымъ образомъ, самоваровъ.

ЖЕСТЯНЫЯ КОРОБКИ

съ разнообразными печатными украшеніями, а также безъ оныхъ, для чая, кофе, консервовъ и табачныхъ товаровъ, консервовъ и проч.

ЖЕСТЯНЫЯ ПЛАКАТЫ (вывѣски)

для рекламы, печатанные художественно разными красками и рисунками.

Прейскуранты высылаются по требованію.

Фабричныя марки утверждены Правительствомъ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

ИЗВѢСТНѢЙШІЙ
БРОКАРЪ и Ко.
ЦВѢТОЧНЫЙ
О-ДЕ-КОЛОНЪ

Складъ фабрики: Офицерская, 5.

1891 (годъ шестой).

МАЛЮТКА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ для самыхъ маленькиихъ дѣтей.

12 книжекъ въ годъ и 12 премій игрушекъ. 2—1

Годовая цѣна 1 руб. 50 коп.

За доставку прилагается 1 р.

Иногородные адресуютъ исключительно въ Москву, въ редак. журн. „МАЛЮТКА“. Подписка безъ достав. принимается въ конт. Н. Нечовской (Петровск. Линія).

Развитіе газ. „Нов. Дня“ всегда плю рука объ руку съ возрастующимъ успѣхомъ газеты. За послѣднее время въ этомъ смыслѣ сдѣлао весьма много. Въ общемъ, всесторонняя полнота содержания и богатство беллетристическаго матеріала, помещаемаго въ „Новостяхъ Дня“, дѣлаютъ газету одинаково интересной, какъ для столичныхъ, такъ и для провинціальныхъ читателей. Въ настоящее время редакція, кромѣ того, озабочилась приглашеніемъ специальныхъ корреспондентовъ въ Петербургъ и большинствѣ провинціальныхъ городовъ, съ цѣлью дать читателямъ своевременныя и полныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ фактахъ законодательной хроники и общественной жизни. Съ этою же цѣлью редакція, въ дополненіе къ телеграммамъ „Сѣверн. телеграф. агентства“, организовала отдѣлъ собственныхъ телегр. сообщеній.

За истекшее время помѣщено множество портретовъ Высочайшихъ Особъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, писателей, композиторовъ и музыкантовъ, ученыхъ, артистовъ и проч. Между прочимъ, изъ беллетристическихъ произведеній помѣщены слѣдующіе романы, повѣсти и разсказы:

Драма на охотѣ (А. Чеховъ). Никифоръ Геркулесовъ и Вѣрный способъ (П. Невъжина). Безприданница и Дама самъ-третей (кн. С. В. Голицына). Въ лунную ночь (И. Н. Ге). Первый урокъ (И. Н. Лодыженскаго). На литературныхъ хлѣбахъ (В. И. Немировича-Данченка). Отецъ (К. В. Назаровой). Въ заколдованномъ кругу (Е. О. Дубровиной). Ирина Калугина (А. И. Лелана) и мн. другихъ. Изъ переводныхъ: Сафо Альфонса Доде. Прелести жизни Эмиля Зола. Фальшивый монетчикъ А. Дюма. Изъ она въ око Захеръ Махова. Дѣло

Открыта подписка на 1891 годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

НОВОСТИ ДНЯ

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

IX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Годовая иногородная подписка въ три срока по

3 рубля.

Греллу, ром. Поля Вурже и мн. др.; въ 1891 году также будутъ помѣщены беллетристическія произведенія извѣстныхъ писателей: историческая повѣсть Е. А. Салласа, повѣсть Диллетанты В. И. Немировича-Данченка, повѣсть Страховая премія П. М. Невъжина, очеркъ Въ крамъ Мельпомены И. Н. Ге, романъ Любить-жалеть Е. О. Дубровиной, романъ Тузъ червей К. В. Назаровой, повѣсть Счастье Н. О. Ракиннича, повѣсть Преступленіе П. А. Хлопова, повѣсть Въ тѣни замоскворѣцкихъ садовъ А. М. Парзюгина, историческая повѣсть Елена Глинская Д. С. Дмитриева и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12	6	1
	мѣс.	мѣс.	мѣс.
Съ дост. въ Моск.	8	5	1
перес. въ город.	9	5	50
за гран.	13	7	90

Для иногородныхъ годовыхъ допускается разсрочка по 3 руб. въ три срока: при подпискѣ, второй—въ 1 апрѣля и послѣдній—въ 1 іюня.

Объявленія—25 к. за строку на первой стран. и 12 к. на послѣдн.; стороннія сообщенія въ концѣ текста газеты—50 к. строк.

Къ свѣдѣнію публикующихъ: „НОВОСТИ ДНЯ“ печатаются въ большомъ количестве экзempl., причемъ кругъ читателей постоянно расширяется. Публикація, которая вообще есть дешавымъ торговлѣ, вполне достигаема, такимъ образомъ, своей цѣлю, такъ какъ она привлекаетъ на себя вниманіе большого континента читателей изъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ГАЗЕТЫ „НОВОСТИ ДНЯ“ Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.

на 1891 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1891 г.

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ЕДИНСТВЕННУЮ БОЛЬШУЮ И ДЕШЕВУЮ ВЪ РОССИИ ГАЗЕТУ.

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“, выходя ежедневно, даетъ наиболѣе полныя свѣдѣнія изъ современной жизни. Сообщенія болѣе чѣмъ изъ 600 городовъ. Телеграммы „Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства“ и отъ собственныхъ корреспондентовъ. Московскій дневникъ. Театръ и музыка. Спортъ. Торговая хроника. Фельетонъ. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, мелочи и проч.

Въ вышедшихъ нумерахъ за 1890 годъ напечатано двѣнадцать большихъ романовъ (В. А. Ривалла, С. М. Нестерова, И. К. Кондратьева, И. О. Дубровиной и проч.), свыше двухсотъ пятидесяти разсказовъ (каждый день по одному обязательно), множество сценкозъ, стихотвореній, каламбузовъ, шутокъ и проч.

Въ портфелѣ редакціи для 1891 г. имѣются романы: В. А. Ривалла — „ЦАРИЦА СЕРДЦА“, И. К. Кондратьева — „ПСКОВСКАЯ КРАМОЛА“, историч. ром. въ 3 част., И. О. Дубровиной — „СНОПЧЕСКАЯ ЕРЕСЬ“, повѣсть-хроника изъ прошлаго столѣтія, С. М. Нестерова — „ПОТЕРЯННОЕ СЧАСТЬЕ“ и мн. др. III. № 4826 2—2

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой:

На годъ 5 руб. На полгода 3 руб. На 1 мѣсяць 60 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Москва, Варсонофьевскій переулокъ, дозъ Рабушинскаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 ГОДЪ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ДЕНЬ

№ 4777 2—2

Газета „День“ выходитъ ежедневно, не исключая дней постѣ-праздничныхъ, въ количествѣ 360 выпусковъ въ годъ. Повѣсти, разсказы и очерки помѣщаются въ газетѣ въ формѣ приложеній, съ особымъ счекомъ страницъ; изъ нихъ составится въ годъ 12 книжекъ.

Въ программу входятъ всѣ обычные отдѣлы ежедневныхъ изданій, а именно: передовыя статьи; телеграммы, политич. хроника; изъ загранич. жизни; мѣсяцныя печати, фельетонъ—разсказы и очерки, стихотворенія, журнальное обозрѣніе, критика и библиографія, научное обозрѣніе, письма изъ провинціи; внутренняя хроника; петербургская лѣтопись, московская лѣтопись, провинціальная лѣтопись;

хроника открытій и изобрѣтеній; театр и музыка; свѣдѣнія о новыхъ книгахъ; биржевой указатель; торговыя извѣстія; объявления.

Условія подписки съ пересылкой: на годъ—5 р., на 8 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 4 мѣс.—2 р., на 2 мѣс.—1 р., на 1 мѣс.—60 к. Заграничу на годъ—10 р. При годовой подпискѣ допускается разсрочка: къ 1-му Января—2 р., къ 1-му Апрѣля, 1-му Іюня и 1-му Августа по 1 р. Отдѣльные №№ по 3 коп.

Объявленія: по 10 коп. за строку печати (35 буквъ).—Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Преображенская, 4.

Редакторъ И. В. Сиворцовъ. Издатель А. А. Гриве.

НЕОБХОДИМО для всякаго имѣющаго занятіе на открытомъ воздухѣ, какъ-то: для гг. военн., инженер., охотник., золотопромышленн. и служакъ на жел. дор. **ВЬЗАНЯ КУРТКА** изъ англійской крученой шерсти. Цѣна 6, 7, 8, 9 и 10 руб., съ шелков. рукавами 16 и 18 р., съ пересылкою повсемѣстно 1 р. дороже. Цѣба коричневые, кубовые, черные, сѣрые и бордо. При пересылкѣ необходима мѣра вонругъ туловища. Мт. № 4852 Магазины Ю. ГОТЛИБЪ. СПБ. по Владимірской, д. 2, уг. Невскаго пр.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

1891 г.

„МУЗА“

Изданія годъ I-й.

Музыкальный журналъ „МУЗА“ будетъ выходить 20-го числа каждаго мѣсяца, тетрадами отъ 28—32 нотныхъ страницъ.

Каждая тетрадь будетъ содержать: нѣсколько пьесъ для фортепьяно въ 2 руки, одну пьесу въ 4 руки, одинъ танецъ, одинъ или два романа (въ томъ числѣ и дуэты). Сверхъ того въ теченіе года будутъ помѣщены въ журналѣ „МУЗА“ пьесы для скрипи и виолончели, дѣтскія пьесы и пѣсенныя, а также и хоры (свѣтскіе и духовные). Гг. абоненты журнала „МУЗА“ получаютъ ежегодно при подпискѣ особую **бесплатную премию**. На первый годъ изданія редакція наша возможнымъ дать своимъ подписчикамъ въ видѣ таковой премии

АЛЬБОМЪ СОЧИНЕНІЙ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

П. И. ЧАЙКОВСКАГО **бесплатно.**

Эта премія выдается гг. городскимъ подписчикамъ теперь-же, а гг. иногороднымъ будетъ выслана съ выходомъ перваго номера, 20-го декабря сего года, такимъ образомъ

еще до праздниковъ Рождества Христова. № 4841

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ТОЛЬКО НА ГОДЪ.

Подписная цѣна 4 р 50 к.

Съ доставкой или пересылкой 5 р 50 к.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ редакціи музыкальнаго журнала для семьи и школы „МУЗА“ при музыкальномъ магазинѣ А. Битнера, Коммиссіонера Императорскаго Русск. Музык. Общества и Консерваторіи, СШВ. Филармон. общ., Общества камерной музыки и пр., и пр. Невскій проспектъ, д. № 22.

Пробный номеръ журнала „МУЗА“ высылается по требованію за 1 руб. серебромъ.

ВЪ РОССИЙСКОМЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ У МОСКОВСКАГО КУПЦА

книгопродавца **А. М. ЗЕМСКАГО,**

въ Москвѣ, въ зданіи Славянскаго Базара, на Никольской улицѣ.

ВОЛШЕБНАЯ КНИЖКА

Составлена анти-спиритомъ Алхазаръ Товіемъ Молдаваниномъ для невнятнаго семейнаго развлечения и весьма пріятной забавы каждому семейству въ длинные зимніе вечера, а также и для дачныхъ жителей въ лѣтнее время. Изд. 4-е.

Книжка необыкновенно интересна и необыкновенно забавна и чрезвычайно любопытна, въ которой имѣются удивительныя, чудные фокусы и необыкновенно загадочныя таинственныя явленія; они заключаются въ слѣдующемъ: напримеръ, по этой чудной волшебной книжкѣ можно узнать у всякаго незнакомаго лица—сколько у него въ карманѣ денегъ, сколько кому лѣтъ; кромѣ того по этой волшебной книжкѣ можно вызывать тѣни на воздухъ, или у себя дома въ освѣщенной комнатѣ лицъ или кто кого пожелаетъ, хотя бы эта личность была въ отсутствіи. Кромѣ сего по этой чудной волшебной книжкѣ можно узнать великаго незнакомаго человѣка, какъ его прозваніе и имя. Съ наиболѣе мистическимъ открытіемъ объ угадываніи чужихъ мыслей, съ приложеніемъ открытій и тайнъ древнихъ магиковъ, извѣстныхъ профессоромъ Галлемъ. Цѣна этой книжечки съ пересылкой 1 руб. во всѣ города. № 4838

Вонѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграничій.

VELOUTINE

Спеціальная рисово-пшуттовая пудра. CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (87)

ПЕРО - ФОНТАНЪ!

НОВОЕ АМЕРИКАНСКОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ.

Въ перѣ находится стеклянный цилиндръ, который наполненъ чернилами и во время писанія чернила стекаютъ черезъ особенное внутреннее устройство на перо. Кончивши писаніе, на перо надвѣваютъ капсулу, чтобъ его можно было въ бумажникъ или въ карманъ носить. Перо выключенное и поэтому не ржавѣетъ. Одного наполненія хватаетъ, если много писать, на два дня.

Цѣна 60 коп., съ пересылкой 1 руб.

СКОБЛИЛЬНАЯ СТАЛЬ.

Скоблить такъ скоро и незаметно, что каждый при первомъ употребленіи даетъ ей предпочтеніе предъ всеми бывшими до сихъ норъ въ употребленіи скобильными 3-2 ножиками и проч. № 4824

Цѣна 50 коп., съ пересылкой 1 руб.

КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ.

СКЛАДЪ РЕЗИН. ТОВАРОВЪ

Больш. Морская, № 34.

НАСТОЯЩЕ ВЕЛОСИДЕЛЬСКОЕ СВЯТО

ПЕРВОЕ МѢСТО

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

№ 4842 (191)

Къ свѣдѣнію гг. любителей ВЫПИЛКИ по дереву:

На-дняхъ отпечатанъ и поступилъ въ продажу только что изданный конторою журнала „Нива“ **НОВЫЙ** (по счету ТРЕТІЙ)

„АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛКИ ПО ДЕРЕВУ“

состоящій изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ множество превосходно выполненныхъ рисунковъ, разнообразнѣйшихъ по величинѣ и стилю всевозможныхъ предметовъ, и около 100 русскихъ, славянскихъ и французскихъ буквъ-монограммъ. Въ альбомѣ вошли исключительно **НОВЫЕ**, НИГДѢ ЕЩЕ НЕ ПЕЧАТАВШИЕСЯ РИСУНКИ художника

В. Н. КЛАГЕСА.

Имъ же составленъ и помѣщенный въ альбомѣ объяснительный текстъ къ рисункамъ, служащій, вмѣстѣ съ тѣмъ, общепонятнымъ руководствомъ при выпилваніи, что особенно важно для начинающихъ.

Цѣна альбома въ издѣльной литографированной папкѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 60 к.

Съ требованіями обращаться въ СІБ., въ контору журн. „Нива“, Невскій, 6.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

Для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп. 3 куска съ пересыл. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СІБ., Демидовъ пер., д. № 1. (38) № 4278

НОВОЕ ИЗДАНИЕ Ф. ПАВЛЕНКОВА:

ДАРВИНИЗМЪ.

Общедоступное изложеніе теоріи Дарвина и ея приложенія къ жизни человека. Э. Ферьера. Переводъ съ 2-го француз. изданія. Цѣна 60 коп. Продается у всѣхъ книгопродавцевъ. Главн. складъ у П. Луковникова. Лештуковъ пер., 2. М. № 4833

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалистъ хронометровъ. СІБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Им. Публ. Библиотеки. Оптовая и рознич. продажа.

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію бесплатно. Пересылка за счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 20-17

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствъ и мпог. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывовъ отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. В. Морская, 21.

Leichner's Fettpulver

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незаметная на кожѣ! Косметическое средство для улучшения красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 4720 17-4

Жирная румяна, бѣлила. Карандаши для бровей!

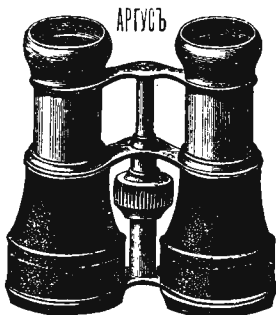
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ въ Берлинѣ, настоящихъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.

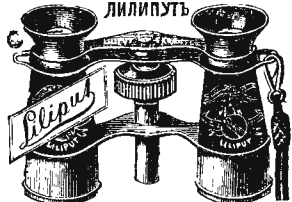
Главный складъ для всей Россіи у В. Ауриха, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

Фабрика оптич. инструм. Е. КРАУСЪ и К^о. въ Парижѣ, Aven. d. I. Republ. 4.

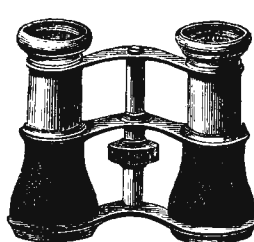
Единствен. складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ, Мойка, № 42 (у Полицейскаго моста). Рекомендуетъ слѣдующія специальности, съ ручательствомъ за доброкачественность. Отправка въ провинцію за наличныя деньги, или наложеннымъ платежѣмъ. При неудовлетворительности, проданная вещь обмѣняется. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по требованію бесплатно. № 4847

№ 1. Ахромат. универсалн. бинокль „Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптич. качества и одинаково годенъ для поля, моря и театра. Карман. форм. 8 р. пер. за 3 фун. Больш. „ 9 „ „ 4 „

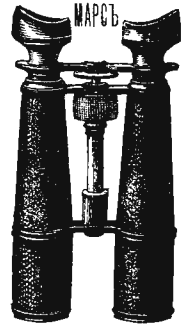

№ II. Миниатюр. бинокль „Лиллипутъ“ помѣщается въ карманъ жилета и пригоденъ какъ для поля, такъ и театра. Въ замш. кошел. 8 р. 50, съ перес. 9 р.

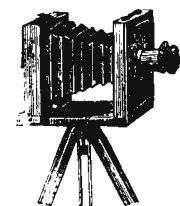

№ XX. Ахромат. специально театральн. бинокли.

Въ черной оправѣ отъ . . . 5 до 10 р.
Въ слонов. кости „ . . . 14 „ 24 р.
„ перламутра „ . . . 15 „ 60 р.
„ алюминія (оч. легк.) отъ 20 „ 52 р.
№ IV до VIII. Полев. бинокли отъ 12 до 38 р.

№ XII. Двойн. зрительн. труба „Марсъ“ съ 16-ю стеклами, для очень большихъ расстояній, 57 р., 72 р. и дорож. Пересылка за 4 фунта.

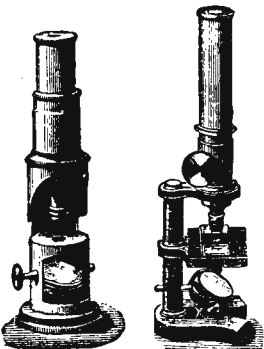

Съ изобрѣтеніемъ сухихъ пластинокъ, фотограф. доступно каждому.

№ II. „Тандемъ“

Фотограф. аппаратъ для любителей, которыми вслѣдъ, безъ особенн. подготовки, можетъ снимать вполне хорошіе портреты, группы и ландшафты.

Въ 18 р., 30 р., 35 р., 50 р. и др. Прейсъ-курантъ и краткое наставленіе высылаются бесплатно.

№ 113. Микроскопы № 108

Увелич. 60× цѣна 5 р. 50 к.
„ 90× „ 6 р. — к.
„ 150× „ 19 р. — к.
„ 200× „ 23 р. — к.
„ 300× „ 40 р. — к.
„ 500× „ 50 р. ит. д.

№ 113. Нарм. микроскопъ увелич. 50× 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

№ XXX. Подзорныя трубы 5 р., 10 р., 13 р., 28 р. и дорож.
№ XXXI. Подзорн. трубы для туристовъ отъ 18 до 50 руб.
№ XXXII. Морскія трубы отъ 12 руб.

Чертежн. инструм. (Готовальни) въ разныхъ наборахъ, приравлены къ немедленн. употребленію.
Назъ желтой мѣди отъ 2 до 12 р.
Назъ массивн. никелина отъ 4 до 30 руб. Пересылка за 2 и 3 фунта.

Барометры-анероидъ въ разныхъ оправкахъ, хорошо вывѣренные: въ никитер. оправкѣ. въ издѣл. дер. опр. № 40-5 р., пер. за № 46 - 14 р., пер. за 6 фун.
Карманн. барометры для измѣренія высотъ, отъ 11 до 45 р.

НИВА

XXI г.

№ 49

ЛИТЕРАТУРЫ

г. XXI

1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдавъ 8 декабря 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕЖЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1891 г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . **5 р.** { Съ доставкою въ Петербургѣ **6 р. 50 к.** { Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія **6 р.** { Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . . **7 р.** { За гра- ницу. **10 р.**

Подписчики „Нивы“ на 1891 г. получаютъ, кромѣ 52 номеровъ еженедеельнаго иллюстрированнаго журнала „Нива“ и кромѣ 12 номеровъ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ и 12 номеровъ РУКОДЕЛЬНЫХЪ и ВЫШИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ и выкроежъ и пр., еще **БЕЗПЛАТНО**

12

ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ

романовъ, повѣстей, рассказовъ и друг. занимательнаго и поучительнаго чтенія. Каждая книга объемомъ отъ 200 до 250 стр., въ форматѣ „Сборника“ разосланнаго при № 43 „Нивы“ на 1890 г. Въ трехъ изъ этихъ 12 книгъ будетъ заключаться

полное собраніе сочиненій

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ 3 томахъ, какъ самостоятельное изданіе, съ біографіею Лермонтова и его портрет., гравир. на стали. Кромѣ того подписч. „Нивы“ на 1891 г. получаютъ какъ главную художеств. премію съ даровою пересылкою

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10 АКВАРЕЛЯМИ

исполн. fac-simile въ краскахъ по картинамъ: Айвазовскаго, Александровскаго, Васильковскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Кившенна, Клевера, Премацци и Сверчкова, въ красивой картонной папкѣ, украшенной роскошнымъ заглавнымъ рисункомъ.

Деревенская улица. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XI.

Однажды на большой дорогѣ появились всадники, счѣтомъ не болѣе дюжины. Полусотня изъ Сталупеньской банды уже приготовилась выѣхать и перехватать смѣльчаковъ, но была остановлена Каролемъ. Мундиры всадниковъ были не нѣмецкіе. Это не были зеленые браденбургцы.

Приглядѣвшись съ башни къ тихо подвигавшимся всадникамъ, Кароль объявилъ, что ѣдутъ „москаля“ съ офицеромъ. Какимъ образомъ русскіе солдаты могли очутиться здѣсь — было загадкой. Во всякомъ случаѣ, Кароль приказалъ вѣжливо встрѣтить гостей и никакого худа имъ не дѣлать.

Бурчимуха сѣлъ на коня и съ десяткомъ молодцовъ сталупенчиковъ выѣхалъ навстрѣчу. Черезъ полчаса кучка всадниковъ въ русскихъ гвардейскихъ мундирахъ, съ офицеромъ во главѣ, вѣехала во дворъ замка.

Кароль встрѣтилъ офицера. Тотъ отрекомендовался.

— Я полковникъ Мамоновъ. Присланъ къ пану Саидецкому отъ имени резидента ея величества императрицы Всероссийской для самыхъ важныхъ переговоровъ.

Кароль косо взглянулъ на офицера и выговорилъ холодно:

— Я прямо заявляю пану-полковнику, что если онъ является съ хитрымъ намѣреніемъ похитить кого-либо изъ замка, то потеряетъ голову. Здѣсь не простой помѣщикъ—здѣсь самостоятельный круль. И если опасно было шутить съ паномъ Саидецкимъ, то съ крулемъ Яномъ еще опаснѣе.

— Я понимаю, что хочетъ сказать панъ, отозвался Мамоновъ, кротко улыбаясь. — Даю честное слово, что никакой задней мысли у меня нѣтъ, никакого ухищренія съ моей стороны не будетъ. Я дѣйствительно присланъ резидентомъ императрицы.

Лицо Мамонова, его голосъ, его красивые голубые глаза, улыбка, — все такъ понравилось Каролю, что онъ, самъ удивляясь, мягче, не только вѣжливо, но почти любезно, заговорилъ съ офицеромъ. Прежде всего онъ позвалъ его къ себѣ отдохнуть отъ дороги и закутить. Солдаты были точно такъ же приглашены сталупенчиками.

Не прошло получаса, какъ въ горницѣ Кароля, гдѣ сидѣлъ Мамоновъ, а равно и въ небольшомъ флигелѣ, крылѣ дома, гдѣ Бурчимуха съ компаніей угощалъ гостей, было быстро забыто, что прибывшіе не кто иные, какъ москаля. Вѣроятно, близость врага-браденбургца дѣлала врага-москаля полу-пріятелемъ по сравненію.

Главное что сблизило сейчасъ же прибывшихъ русскихъ солдатъ съ членами банды—было заявленіе первыхъ, съ какимъ бы они наслажденіемъ тоже подрались съ нѣмцами.

— Сейчасъ же, если бы могли, поступили бы тоже къ вамъ въ охотники! говорили они.

Панлились среди этихъ москалей и такіе, которые, если сами не сражались съ Фридриховскими солдатами, то помнили рассказы своихъ отцовъ о томъ, какъ они били нѣмцевъ и какъ они взяли Берлинъ.

Между тѣмъ Кароль и Мамоновъ, бесѣдуя, закусывая и запивая хорошимъ венгерскимъ, становились все болѣе друзьями. Прошло полтора часа съ тѣхъ поръ, что вѣехалъ во дворъ русскій полковникъ, а Кароль уже объяснялъ ему:

— Если бы всѣ москаля были похожи на пана Мамонова, то многое и многое въ Польшѣ пошло бы иначе.

И пойду докладывать о панѣ моему отцу, но заранѣе предупреждаю: если его будутъ называть паномъ, то онъ не станетъ бесѣдовать съ вами.

— Но, дорогой мой панъ Кароль, каково же мое-го положеніе! Какъ же я въ качествѣ русскаго офицера, являющагося официально, могу простаго помѣщика величать королевскимъ титуломъ? добродушно смѣясь, вымолвилъ Мамоновъ.

— Какъ угодно пану! Иначе никакого толку не будетъ. Хотя я и не знаю, въ чемъ заключается порученіе пана, но повторяю, что толку не будетъ.

Мамоновъ подумалъ, разсмѣялся и махнулъ рукой.

— Ладно! Буду говорить: „ваше королевское величество“. Вѣдь никто этого не узнаетъ! Такъ и быть, готовъ покривить душой, но главнымъ образомъ потому, что панъ мнѣ чрезвычайно по сердцу. Если и отецъ пана такой же милый человѣкъ, то я надѣюсь, что и мое личное дѣло удется...

Кароль, конечно, понялъ, что Мамоновъ намекаетъ на свою любовь къ Сусаннѣ.

— Личное дѣло?.. Личное?! воскликнулъ Кароль. — Я бы право готовъ былъ помочь...

Черезъ часъ въ тронной залѣ уже было много народу въ парадныхъ красивыхъ костюмахъ. Вокругъ трона стояла опять стража изъ сталупенчиковъ.

Затѣмъ появился круль Янъ и занялъ свое мѣсто на тронѣ. Черезъ двѣ минуты въ противоположныя двери появился посланникъ отъ имени резидента Русской императрицы, съ согласія короля Станислава-Августа.

Входя въ залу и увидя торжественную обстановку, Мамоновъ невольно усмѣхнулся, но поскорѣ постарался измѣнить выраженіе лица и сдѣлать его тоже торжественнымъ.

Приблизясь къ трону, на которомъ сидѣлъ король, русскій полковникъ представился и заявилъ, что онъ посланъ объяснить королю Сталупеньскому, чтобы онъ отрекся отъ престола и отказался отъ своего намѣренія бороться съ Фридрихомъ, такъ какъ все это не только можетъ погубить его самого, но и навлечъ всякаго рода непріятности королю Польскому. Въ Варшавѣ извѣстно, что со всѣхъ сторонъ стекаются охотники въ Сталупени, что образуется какъ бы новая конфедерація, на подобіе Барской, и польское правительство не можетъ допустить этого. вмѣстѣ съ тѣмъ и правительство Русской императрицы считаетъ долгомъ вступиться за права Фридриха.

— Мнѣ нѣтъ никакого дѣла, отозвался гордо круль Янъ, — до мнѣи моего сосѣда и брата, короля Польскаго! Что касается императрицы Всероссийской, то, при всемъ моемъ уваженіи къ ея могуществу, я долженъ сказать, что дѣла пани до нея совершенно не касаются. Наши двѣ монархіи—ея и моя—не пограничны...

При этихъ словахъ что-то особенное мелькнуло на лицѣ говорившаго. Мамонову показалось, что самъ „господинъ король“ усмѣхнулся внутренно, говоря о двухъ монархіяхъ: Всероссийской и Сталупеньской.

— Я долженъ тогда заявить вашему королевскому величеству, выговорилъ Мамоновъ, слегка улыбаясь, — что сюда явится польское войско, чтобы передать это помѣстье королю Прусскому. Это заступничество за врага есть необходимость. Русская императрица находится въ такомъ же положеніи, какъ и Фридрихъ, — нѣкоторыя земли отошли къ Россіи. Примѣръ короля Сталупеньскаго можетъ быть заразительно на другой, восточной окраинѣ. Ваша Мозь изволили объявить себя

независимымъ монархомъ... Гдѣ-нибудь въ Мипекѣ, а то и ближе... подѣ Смоленскомъ можетъ оказаться тоже король, съ которымъ придется императрицѣ начать войну. И такъ, имѣю честь заявить, что русское правительство, съ согласія польскаго, присылаетъ меня объявить ультиматумъ: чрезъ недѣлю Сталупени должны принадлежать Прусскому королю, все Сталупеньское войско должно быть распущено по домамъ, а Ваша Мосць должны именовать себя не королемъ Яномъ I, а попрежнему паномъ Ксаверіемъ Сандецкимъ.

— На это я отвѣчаю, отозвался круль,—что покуда я живъ—я буду монархомъ. Я провозгласилъ себя королемъ—и умру королемъ. Покуда я живъ—никто изъ враговъ моихъ: солдатъ королевства Польскаго, имперіи Россійской или королевства Прускаго, не ступитъ на землю короля Сталупеньскаго.

Круль Янъ поднялся со своего трона и величественно двинулся въ свои апартаменты, въ предшествіи придворныхъ и въ сопровожденіи своей почетной стражи.

Посланникъ направился прямо къ Каролу и сталъ было собираться тотчасъ же выѣзжать изъ замка обратно въ Варшаву, но однако не скрылъ отъ Кароля, что сильно усталъ отъ дальняго пути верхомъ. И Кароль сталъ уговаривать его остаться сутки въ гостяхъ.

— Я самъ не понимаю что со мною, но я никогда не встрѣчалъ ни одного русскаго, который бы такъ быстро меня очаровалъ, говорилъ Кароль.

Мамоновъ, конечно, тотчасъ согласился остаться отдохнуть.

ХІІ.

Не прошло часу, какъ Кароль, самъ себя изумляясь, рѣшился на такое дѣло, которое за сутки передъ тѣмъ показалось бы ему бессмысломъ или подлостью. Онъ рѣшился устроить свиданіе между Мамоновымъ и Сусанной.

Думая о томъ, что это измѣна по отношенію къ отцу, Кароль утѣнялъ себя мыслью, что времена переимѣнились: крулю Яну уже не важны семейныя дѣла пана Сандецкаго.

Вообще Кароль самъ не понималъ, по какому побужденію онъ такъ дѣйствуетъ.

А причина была, между тѣмъ, простая. Кароль увидѣлъ, какъ страстно влюбленъ Мамоновъ въ панну. Этотъ офицеръ съ дрожью въ голосѣ и со слезами на глазахъ заговорилъ о Сусаннѣ.

„Сто лѣтъ не видѣлъ онъ ее и отдалъ бы полжизни, чтобы увидать хоть на мгновеніе“.

Кароль, еще недавно самъ безумно влюбленный въ Франусю и теперь еще страдавшій отчасти, тоже отдалъ бы половину существованія за то, чтобы повидаться съ Франусей, если бы она любила его. А Сусанна любитъ Мамонова попрежнему и пылко.

„Разсуждать тутъ нечего, мысленно говорилъ себѣ Кароль.—Что-то такое подсказываетъ мнѣ, что и отецъ не очень разгнѣвается, если узнаетъ... Пускай повидаются!“

Кароль отлучился, потомъ вернулся и объяснилъ Мамонову, что въ сумерки, въ паркѣ, около павильона, онъ появится вмѣстѣ съ двумя паннами: Моникой и Сусанной, а затѣмъ Сусанна останется одна.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ захода солнца, спрятавшійся въ чащѣ Мамоновъ увидѣлъ предметъ своей страсти. Съ полчаса бесѣдовали здѣсь влюбленные и снова поклялись въ вѣрности.

— Наступаютъ такія времена въ Польшѣ, когда ни отецъ панны, ни кто-либо иной не сможетъ сказать, что будетъ завтра, сказалъ Мамоновъ.

— Я же готова на все идти... прибавила Сусанна.

Въ тотъ же вечеръ Кароль, переговоривъ съ отцомъ, явился къ Мамонову и предложилъ ему идти за-просто

побесѣдовать съ нимъ, не въ качествѣ официальнаго посланца и не съ королемъ Яномъ, а съ прежнимъ паномъ-каштеляномъ Сталупеней.

Подѣ вліяніемъ сына, панъ Ксаверій принялъ русскаго офицера такъ, какъ, конечно, не предполагалъ даже и возможности принять.

Мамоновъ снова объяснилъ Сандецкому, что положеніе его очень опасно. Въ Варшавѣ боится недовольства Фридриха, боится, что хитроумный и лукавый король, придравшись къ бунту въ одномъ изъ дистриктовъ отшедшихъ къ нему земель по договору съ польскимъ правительствомъ, вступить съ многочисленнымъ войскомъ, по пройдетъ Сталупени, ворвется въ предѣлы Польни и въ концѣ-концовъ отберетъ себѣ еще больше земель.

— Пану остается только одно, сказалъ Мамоновъ,—прекратить какъ можно скорѣй всю эту затѣю. Теперь, ближе знакомый съ дѣломъ, я могу только одно посоветовать: снова пустить Вислейку по новому руслу и остаться подданнымъ Польши. Это дѣло еще возможное... Если же продолжать настаивать, что Ваша Мосць—независимый монархъ, то я знаю, что нацѣльный коронный гетманъ будетъ присланъ сюда съ значительнымъ войскомъ, чтобы взять Сталупени, разрушить все до основанія, взорвать замокъ на воздухъ, а пана увести въ качествѣ бунтовщика въ Варшаву и передать затѣмъ въ руки Прускаго короля.

Наступило молчаніе. Панъ Ксаверій не зналъ что отвѣчать. Онъ готовъ былъ, дѣйствительно, сложить голову въ битвѣ съ ненавистными бранденбуржцами, да и всѣ его воины, вся банда, готовы были на то же. Но сражаться со своими братьями-поляками, проливать родную кровь—на это они бы не рѣшились, да и самъ панъ Сандецкій не считалъ себя способнымъ.

— Что же тутъ дѣлать? съ отчаяніемъ произнесъ онъ.

— Покориться! выговорилъ Мамоновъ.

— Это легко сказать, пане полковникъ! Дратся со своими братьями, поляками, мы не можемъ... Никто не пойдетъ. Покориться мнѣ польскому правительству или Русской императрицѣ тоже невозможно. Что же тутъ дѣлать?.. Что же ты молчишь, Кароль? обратился Сандецкій къ сыну.

— Я тоже ничего не могу придумать, батюшка... Я мысленно соглашаюсь, что предлагаемое паномъ Мамоновымъ невозможно.

— Когда подумаешь, воскликнулъ Сандецкій,—что мое спасеніе, мое личное спасеніе зависѣло бы отъ того, чтобы можно было отсрочить появленіе здѣсь польскаго войска. Я бы успѣлъ подрагаться съ бранденбуржцами, успѣлъ бы еще нѣсколько десятковъ, а то и сотенъ, переслать въ Варшаву плѣнниковъ въ видѣ подарка, и успѣлъ бы, конечно... ты знаешь что, Кароль... Я успѣлъ бы смыть свой позоръ...

Наступило снова молчаніе. Мамоновъ вздохнулъ и выговорилъ слегка грустнымъ голосомъ, который поразилъ Сандецкаго.

— Пана Ксаверій, я полковникъ русской службы, находящійся при резидентѣ въ Варшавѣ, и пользуюсь его особеннымъ расположеніемъ. Въ самыхъ важныхъ вопросахъ онъ обращается за моими совѣтами и почти всегда исполняетъ ихъ. Резидентъ ея величества, какъ извѣстно, имѣетъ огромное значеніе въ Польшѣ и имѣетъ большое вліяніе на правительство короля Станислава, слѣдовательно, мои слова могутъ имѣть значеніе, хотя я не болѣе, не менѣе, какъ простой полковникъ. Желаетъ-ли панъ, чтобы наступленіе сюда польскихъ войскъ было отсрочено на мѣсяцъ, а то и болѣе... на три мѣсяца?.. Я берусь за это и даю честное слово, что оно такъ и будетъ. Въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, двухъ мѣсяцевъ, ни одинъ солдатъ польской арміи не ляжетъ въ Сталупеняхъ. Въ Варшавѣ, со словъ резидента Русской императрицы, будутъ относиться къ пану

Психея, открывающая сосудъ со стигійскимъ сномъ. Карт. П. Тумана, грав. Веберъ.

Et ecce, inquit, inerta ego divinae formositatis gerula, quae ne tantillum quidem indidem mihi delibo, vel sic illi amatorî meo formoso placitura. Et cum dicto reserat puxidem.

Apulei Metamorphoseon, liber VI.

И такъ, сказала она, я глупая буду только нянчиться съ этой божественной красотой, ничего не вкусивъ отъ нея, хотя бы для того чтобы болѣе нравиться моему прекрасному возлюбленію. И съ этими словами она открыла сосудъ.

Апулей. Метаморфозы. Кн. VI.

шутя, смотрѣть на его борьбу съ Фридрихомъ сквозь пальцы и будутъ только собираться вступиться въ эту распрю. Я за это берусь... Но не даромъ, пане Ксаверій. Я потребую за это большой награды... Награды не по заслугамъ быть можетъ! Надо подумать, можетъ-ли панъ мнѣ за мою услугу заплатить тѣмъ, что я требую.

Сандецкій и Кароль оба смотрѣли въ лицо Мамонова, потомъ переглянулись между собой. Разумѣется, оба поняли, про что говорить офицеръ.

— Извини, пане Мамоновъ, выговорилъ Сандецкій, — я не вѣрю... Чѣмъ можетъ панъ мнѣ доказать, что онъ дѣйствительно въ состоянн дѣлать въ Польшѣ что ему угодно? Такъ, по крайней мѣрѣ, явствуетъ изъ его словъ?

— Да, пане. Болѣе или менѣе, моимъ совѣтамъ слѣдуетъ постоянно резидентъ, по причинамъ, которыя я не имѣю возможности передать. Скажу одно: въ Петербургѣ есть очень высокопоставленное лицо, предъ которымъ даже варшавскій резидентъ — малая величина. А это лицо — мой близкій родственникъ, меня любящій. Однимъ словомъ, я могу дать честное слово, что, по крайней мѣрѣ, мѣсяца два противъ пана польское правительство не предприметъ ничего, а предоставитъ королю Прусскому ладить съ паномъ по его усмотрѣнню.

— Кароль, что ты скажешь? вымолвилъ Сандецкій.

— Я скажу, батюшка, что хотя этотъ человекъ, здѣсь сидящій, — москаль, но это такая прелесть-человѣкъ, я его такъ полюбилъ за нѣсколько часовъ времени, что, если бы у меня была дочь, то...

— Слушай, пане!.. Последнй разъ! громко воскликнулъ Сандецкій и ударилъ кулакомъ по столу. — Поклянись мнѣ, что ты меня не обманываешь!

— Клянусь Богомъ! Клянусь моей любовью къ Сусаннѣ! съ чувствомъ и воодушевленіемъ воскликнулъ Мамоновъ такимъ голосомъ, что нельзя было ему не вѣрить.

— Кароль! выговорилъ уже улыбаясь Сандецкій, — хотя и позднее время, неприличное время, а все-таки ступай скорѣй на-верхъ и веди сюда Сусанну.

Кароль двинулся охотно, быстро, и почти выбѣжалъ изъ горницы.

Мамоновъ приблизился къ Сандецкому и выговорилъ:

— Пане, вражда двухъ народовъ не можетъ быть преной и помѣхой для дружбы частныхъ лицъ. Я — православный и русскій, панъ — католикъ и полякъ. Но помимо этого, нѣтъ ничего. Я же отнынѣ въ Варшавѣ буду самымъ ярымъ другомъ и защитникомъ пана тѣмъ болѣе, что его врагъ — Фридрихъ — есть какъ бы мой личный врагъ.

— Какимъ образомъ? воскликнулъ Сандецкій.

— Мой отецъ былъ во время прошлой войны убитъ въ Гросегернедорфскомъ сраженн.

Кароль, вернувшись въ горницу, нашелъ отца и Мамонова уже обнимающимися и лобызаяющимися. Черезъ нѣсколько мгновений, вслѣдъ за нимъ, вошла, смущенно опустивъ голову, младшая панна. Сандецкій встрѣтилъ ее словами:

— Сусанна, хочешь-ли ты выйти замужъ за русскаго полковника, пана Мамонова?

Сусанна вскинула глаза на отца, перемѣнилась въ лицѣ, хотѣла что-то отвѣчать и не могла.

— Ну, пане полковнику, бери ее за руку и поцѣлуйтесь при мнѣ, я благословляю васъ. Такое дѣло, какъ это дѣло, только и можно сдѣлать что наобумъ, съ плеча, въ десять минутъ. Если бы я стала размышлять, то во мнѣ снова заговорила бы польская кровь и она бы воспротивилась тому, чтобы мое родное дѣтище стало супругой москаля. Ну, да что объ этомъ! Поцѣлуйтесь.

Мамоновъ и Сусанна исполнили приказаніе.

— Знай и помни одно, мой нареченный зять, сказалъ Сандецкій. — Ты получишь въ приданое за женой пятьдесятъ тысячъ польскихъ флориновъ, половину состоя-

ння моей покойной жены. Что касается моего личнаго состоянн — объ немъ не помышляй. Мой наследникъ — Кароль... или каштелянъ или круль Сталупеньскій — какъ онъ самъ того пожелаетъ или какъ обстоятельства дозволятъ.

XIII.

Варшава нѣсколько не удивилась, когда узнала, что всемъ извѣстная „бѣлая“ панна сдѣлалась фавориткой короля. Подобнаго рода приключенн у Станислава-Августа были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Все происшествн, которое такъ сильно повліяло на самого пана Сандецкаго, представлялось варшавскому обществу дѣломъ совершенно простымъ.

То-ли бывало и случалось прежде? Бывали почти драмы. Иногда блестящія красавицы, жены магнатовъ, прельстившись личностью короля, искренно увлекались имъ, безъ всякихъ расчетовъ, и вносили раздоръ въ свои семьи. Иногда мужъ, отецъ или братъ становился такими врагами короля, что дѣло могло дойти до покушенн на его особу.

Приключенн самое заурядное съ паномъ Сандецкимъ, казалось всемъ еще зауряднѣе. Во-первыхъ, разница лѣтъ между женихомъ и невѣстой могла объяснить поведенн бѣлой панны, во-вторыхъ, она сама была личностью совершенно темная, кака-то сирота безъ роду и племени.

Какъ ни скрывалъ панъ Сандецкій, откуда появилась красавица Дзялынская, все-таки Варшава дорылась до всего и знала все.

Вообще, вся исторія надѣлала гораздо менѣе шума и была менѣе всеми замѣчена, нежели это воображалъ самъ оскорбленный Сандецкій.

Сама Франуся поступила безсердечно, жестоко, по вмѣстѣ съ тѣмъ и опрометчиво. Если бы не Эльжбета, то быть-можетъ она и не рѣшилась бы на этотъ роковой шагъ, на который ее толкнули. Госпожа Камели, игравшая при королѣ сомнительную и постыдную роль, а равно и сама Эльжбета обманули Франусю самымъ ужаснымъ образомъ.

Разница была только въ томъ, что госпожа Камели дѣйствовала предательски съ расчетомъ, Эльжбета же дѣйствовала искренно и правдиво, сама обманутая своими мечтами. Когда-то король былъ сильно привязанъ къ ней. Ея болѣзнь все уничтожила... Если бы не эта, изуродовавшая ее оса, то она была бы, по ея мнѣнн, теперь въ положенн рѣшительницы судебъ и важныхъ государственныхъ вопросовъ.

Эльжбета не думала, что была бы покинута королемъ, если бы оставалась тою же красавицей. Пользуясь сходствомъ съ сестрой, она простодушно мечтала о томъ, что Франуся займетъ ея мѣсто и, конечно, надолго. Она дѣйствовала изъ любви къ сестрѣ. То, что не далось ей, пускай достается близкому ей существу.

Дальновидна и лукава была Франуся, а пошалась въ разставленные сѣти, какъ глупая птица. Самолюбн и самонѣнн погубили ее. Красивая и умная кокетка не могла себѣ представить, что кто-либо въ нее влюбившійся могъ ее разлюбить.

Ей на умъ не приходило, что если у короля была въ жизни тысяча всякихъ авантюръ и побѣдъ, то онъ не остановится на тысяча первой женщинѣ и не будетъ ей вѣрять всю свою жизнь.

Къ чести Франуси надо сказать, что она дѣйствовала не изъ одного расчета, а дѣйствительно въ первый разъ въ жизни сильно увлеклась. Она влюбилась еще въ графа Оссовскаго, слѣдовательно, ея чувство не основалось на одномъ лишь тщеславіи. Разумѣется, когда графъ Оссовскій оказался королемъ Польскимъ, то чувство усилилось.

Послѣ обѣда у пани Краковской, гдѣ въ первый разъ Франуся узнала, что ея возлюбленный не простой магнатъ, а монархъ, она видѣлась съ Станиславомъ

лишь одинъ разъ—и все было кончено... Черезъ двое сутокъ она уже скрылась изъ дому жениха, съ тѣмъ чтобы не возвращаться.

Въ тѣ дни, когда панъ Сандецкій объявилъ себя королемъ и началъ бороться съ сѣбдомъ Фридрихомъ, изображая въ лицахъ басню „Слонъ и моська“, Франуся была въ Варшавѣ и была лишь болѣе или менѣе счастлива.

Разсудокъ не покинулъ ее. Она сердечно привязалась къ королю, но думала чаще всего и болѣе всего, какъ удержать за собой положеніе. Не прошло двухъ недѣль, какъ она уже начинала смущаться. Она уже изучила характеръ Понятовскаго, и это привело ее къ самымъ безотраднѣйшимъ мыслямъ.

Дѣйствительно, Станиславъ-Августъ былъ одинъ изъ самыхъ странныхъ людей своего времени. Трудно было встрѣтить характеръ, въ которомъ бы было болѣе противорѣчій. Кромѣ того, про него можно было сказать словами гениальнаго поэта, что „въ этой головѣ мыслей миллионы, но всѣ онѣ микроскопическія“.

Станиславъ былъ олицетвореніемъ того, что теперь называется словомъ „viveur“. Человѣкъ, любящій жизнь, любящій пользоваться всѣмъ, что жизнь даетъ. При его положеніи монарха оно было возможно.

Станиславъ любилъ все и занимался всѣмъ: музыкой, искусствомъ, науками. Но слабой струной его было поклоненіе женщинѣ. Когда женщина, случайно имъ встрѣченная, имѣла несчастіе ему понравиться, то ничто не останавливало Станислава. Даже мысль najить страшнаго и опаснаго врага въ эти дни смуты и безурядицы при шаткости его трона—и та не останавливала его.

Черезъ всю его жизнь прошла нитью одна главная черта характера: легкомысліе. Отсюда являлись самыя странныя противорѣчія во всемъ.

Король былъ набожный католикъ, вѣрный сынъ Святаго Престола, охотно и часто постившійся и причащавшійся, вѣрившій въ волшебство, въ колдовство и во врага человѣческаго, подъ разными наименованіями и видами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, страстно увлекавшійся писаніями Руссо и Вольтера, не вѣрившихъ ни въ Бога, ни въ чорта. Онъ былъ впечатлительнъ, мягкосердъ. Онъ не могъ видѣть нищаго, чтобы не подать ему милостыни, часто очень щедро помогая бѣднымъ людямъ, и рядомъ съ этимъ безсердечно обращался съ нѣкоторыми изъ близкихъ лицъ, зло отомщалъ малѣйшую обиду, а всплывъ, собственноручно и жестоко билъ своихъ придворныхъ, домовниковъ и лакеевъ.

Время, въ которое Станиславъ жилъ и царствовалъ, и его личное положеніе насильно навязаннаго народу короля, поддерживаемаго русскими штыками, сдѣлали изъ него человѣка лукаваго, лавирующаго среди волнъ житейскаго моря. Если онъ не былъ лукавъ отъ природы, то сдѣлался двоедушнымъ хитрецомъ въ силу исключительныхъ обстоятельствъ.

Въ самомъ главномъ своемъ занятіи или препровожденіи времени, т. е. въ своихъ ухаживаніяхъ за женщинами, Станиславъ допускалъ болѣе чѣмъ въ иныхъ дѣлахъ—хитрость и лукавство, или даже простой наглый обманъ.

Вносить предательство въ любовную интригу считалось не только не предосудительнымъ, но даже моднымъ. Клясться женщиной въ любви до гроба, обѣщать золотыя горы съ тѣмъ, чтобы не сдержать слова, считалось по времени самымъ простымъ поступкомъ, самымъ естественнымъ.

Ухаживаніе, въ видѣ преслѣдованія красавицъ, было по времени своего рода охотой, или спортомъ. Самые извѣстные покорители сердецъ гордились этой своей извѣстностью и наименованіемъ „сердцеѣда“.

Франуся вскорѣ же, благодаря своей проникательности, увидѣла, что она попала въ ловко-разставленныя сѣти и что нельзя быть увѣренной въ человѣка

котораго она полюбила насколько могла, т. е. довольно сильно по своему характеру. Она увидѣла, что не нынѣ—завтра будетъ покинута своимъ возлюбленнымъ вѣнецомъ. И тогда что же станетъ съ нею?

Она очутится въ положеніи жены богача Сандецкаго. Послѣ своей исторіи съ королемъ, она можетъ мечтать только о томъ, чтобы стать такой же фавориткой какого-нибудь магната, но никакъ не законной женой.

Боязнь и опасеніе того, что мерещилось Франусѣ почти черезъ двѣ недѣли послѣ сближенія съ королемъ, сдѣлали ея отношенія къ нему нѣсколько сдержанными, нѣсколько холодными. Она слишкомъ тревожилась, чтобы спокойно предаваться своему чувству.

При первомъ же объясненіи съ Станиславомъ, она увидѣла, что ея тайныя опасенія оправдываются. Когда она заговорила съ возлюбленнымъ о томъ, что онъ можетъ вдругъ покинуть ее, увлеченъ другой женщиной, Станиславъ, полунуты, наивно, какъ-то ребячески сознался, что, дѣйствительно, онъ легко увлекается и не можетъ отвѣчать за себя.

— Но что же я тогда буду дѣлать... въ тотъ день, когда Ваша Мосць броситъ меня?! воскликнула Франуся.

— Я тебѣ дамъ пенсію, на которую ты можешь жить отлично.

— Пенсію! воскликнула Франуся и истерически расхоталась сквозь слезы.

Она уже слышала и знала отъ сестры, что госпожа Камели, состоя при королѣ, завѣдуетъ этими пенсіями, которыхъ было крайне много. Деньги проходили черезъ руки этой женщины. Нѣкоторыя прежнія фаворитки, имѣвшія кое-какія связи въ Варшавѣ, дѣйствительно, получали небольшія суммы, другія же—какъ бы выброшенные за порогъ и не имѣвшія кого просить, не получали отъ госпожи Камели ни гроша.

Такимъ образомъ инья изъ этихъ женщинъ, которыхъ когда-то, хотя недолго, король наиболѣе любилъ, находились въ полной нищетѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ продолжали любить его, оставались вѣрными чувству и предпочитали голодъ измѣнѣ.

XIV.

Однажды Франуся снова объяснилась со своимъ возлюбленнымъ, требуя чтобы онъ прямо сказалъ ей, долго-ли она будетъ игрушкой въ его рукахъ. Это вторичное объясненіе раздражило Станислава. Онъ сталъ упрекать Франусю, что въ ней болѣе тщеславія и болѣе заботы о себѣ самой и своей будущности, нежели любви, простой и искренней, къ нему.

Эта бесѣда привела къ тому, что Франуся объявила рѣзко:

— Если Ваша Мосць меня вдругъ покинетъ, то я отомщу за себя.

— Какимъ образомъ? разсмѣялся Станиславъ.

— Не знаю, но отомщу за себя. Я не могу допустить мысли, что я могла сдѣлаться игрушкой въ рукахъ простаго ухаживателя, мѣняющаго свои сердечныя привязанности, какъ мѣняютъ платья.

— На это я могу тебѣ отвѣтить, моя милая, только одно... Мнѣ такъ часто многія женщины грозили местию, даже смертью, что если бы хотя десятая доля ихъ привела въ исполненіе свою угрозу, то я давнымъ-давно былъ бы на томъ свѣтѣ.

Тѣмъ не менѣе рѣзкое объясненіе зашло въ душу впечатлительнаго донъ-Жуана-вѣнецосца и быстрѣе охладило его временное чувство къ разсчетливой паннѣ Дзялынскій.

— У бѣлой панны не все бѣло, сказалъ Станиславъ своей наперстницѣ Камели,—душа у нея сѣренькая.

Однажды Франуся явилась къ этой наперстницѣ объяснить съ ней о томъ же. Женщина сомнительной

национальности встрѣтила Франусю нѣсколько холодно и объяснила ей нѣчто, чего, конечно, Франуса не ожидала.

— Неужели панна воображаетъ, что король полюбилъ ее на вѣки-вѣчные и будетъ вѣренъ, какъ говорится, до гробовой доски? Вѣдь это ребячество! Панна должна быть счастлива, что король временно влюбился въ нее и дастъ ей средства къ существованію. Панна будетъ получать пенсію черезъ мои руки. Изъ всѣхъ многихъ увлеченій короля, у него только одно взяло верхъ надъ другими. Онъ только одной женщинѣ вѣренъ уже много-много лѣтъ и, какъ говорятъ, уже собирается тайно обвѣнчаться съ ней морганатическимъ бракомъ. Вы, вѣроятно, знаете, о комъ я говорю?.. Это пани Грабовская. Всѣ остальные женщины для короля — простое времяпрепровожденіе.

Франуса при этомъ разговорѣ едва не лишилась чувствъ, до того панна Камели была грубо-откровенна. Сестра Франуси тоже была крайне озабочена. Она теперь только поняла нѣчто, чего прежде не понимала. Теперь только госпожа Камели безцеремонно объяснилась и съ ней.

И однажды, приблизительно черезъ мѣсяць, послѣ исчезновенія Франуси изъ дома Сандецкаго, все прекратилось. Франуса объяснилась съ королемъ крайне рѣзко, вспылала, и сказала ему нѣсколько такихъ вещей, къ которымъ ухо монарховъ не привыкло.

Станиславъ вышелъ изъ горницы не прощаясь, и когда онъ отбѣхалъ отъ дома, Франуса почувствовала, что онъ болѣе не переступитъ ея порога, что все кончено.

Дѣйствительно, черезъ три дня пріѣхала госпожа Камели и объяснила Франусѣ, что ей оставаться въ томъ же домѣ невозможно. Срокъ найма кончается и она должна искать себѣ квартиру въ Варшавѣ—или же она, Камели, съ удовольствіемъ озаботится дальнѣйшею судьбой Франуси.

Эльжбета присутствовала при этомъ объясненіи. Франуса была поражена, убита, едва способна мыслить. Эльжбета была внѣ себя отъ гнѣва.

— Это такъ не останется! объяснила Эльжбета.—Теперь я вижу, что я погубила сестру. Она была бы теперь законною женою одного изъ самыхъ богатыхъ людей Польши, а между тѣмъ она будетъ ницею, потому что она не пойдетъ по той дорогѣ, на которую панна желала бы ее толкнуть. Мы лишили Франусю человѣка который любилъ ее. Пани извѣстно, что панъ Сандецкій сошелъ съ ума? Онъ объявилъ себя королемъ и чудачествуетъ. Стало быть, привязанность его къ Франусѣ была сильна, если онъ лишился разсудка съ горя, отъ оскорбленія. Это, пани Камели, такъ не останется!.. Я пожертвую жизнью своей, которая мнѣ теперь ни на что не нужна, но отомщу королю.

— Очень благодарна, отозвалась госпожа Камели,— что такъ откровенно со мной объясняетесь! По всей вѣроятности, обѣ вы будете высланы изъ Варшавы въ какой-либо маленький городокъ, гдѣ будетъ за вами самый строгій надзоръ, покуда этотъ мстительный пылъ въ васъ не остынетъ!

— Сколько угодно! воскликнула Эльжбета.— Пускай же меня посадятъ въ крѣпость!.. Это единственное, что можетъ спасти короля отъ моего мщенія... Не страшна угроза того, кто дорожить своимъ собственнымъ существованіемъ. Я же, повторяю, пожертвую моею жизнью, которая мнѣ ни на что не нужна. Пусть король засадитъ меня въ казематъ на всю жизнь, чтобы избавиться отъ заклятаго врага.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого обѣ сестры выѣхали уже изъ роскошнаго помѣщенія и были на простой маленькой квартирѣ, на еврейской улицѣ.

Франуса сильно измѣнилась за нѣсколько дней. Она молчала отъ зари до зари. Эльжбета уже начинала опасаться, чтобы сестра не лишилась разсудка. Иногда

ночью Франуса разговаривала вслухъ, и Эльжбета слышала, что она бесѣдуетъ съ паномъ Сандецкимъ, котораго якобы видитъ предъ собой.

Вскорѣ Франуса заболѣла и слегла въ постель. Съ ней приключилось нѣчто въ родѣ горячки. Сестра, конечно, не отходила отъ больной ни на шагъ. И въ эти дни во всей Варшавѣ не было, конечно, личностей болѣе удрученныхъ нравственно, болѣе несчастныхъ, нежели двѣ панны Дзальнскія.

Однако не смотря на опасное положеніе больной, молодость взяла верхъ, и Франуса, проболѣвъ мѣсяць, поднялась на ноги.

Едва оправившись, несчастная женщина стала собирать свѣдѣнія, какія и гдѣ только могла, объ панѣ Сандецкомъ.

Оно было не трудно. Вся Варшава была занята исключительно каштеляномъ Сталупеней, котораго звала „господиномъ королемъ“.

Панъ круль Сталупеньскій былъ притчей во языцѣхъ во всей Рѣчи Посполитой.

Разумѣется, обѣ сестры стали мечтать исключительно объ томъ, какъ бы Франусѣ снова примириться и снова покорить себѣ сердце пана, столь жестоко отвергнутое.

— Мнѣ или умереть или снова вернуть мое прежнее положеніе, говорила Франуса.

— И я надѣюсь что мы достигнемъ этого, подтверждала Эльжбета.— Привязанность пятидесятилѣтняго человѣка крѣпче. Въ эти года съ трудомъ влюбляются, но съ трудомъ и разлюбляютъ.

— Но какъ?.. Какъ примириться? часто восклицала Франуса.—Первый шагъ труденъ.

— Болѣе чѣмъ труденъ, соглашалась Эльжбета.— Но мы додумаемся.

XV.

Если въ Варшавѣ правительство короля и резидентъ императрицы Всероссийской смотрѣли на дѣйствія новоявленнаго монарха какъ на чудачество помѣшавшагося человѣка, то въ Берлинѣ смотрѣли на дѣло совершенно иначе.

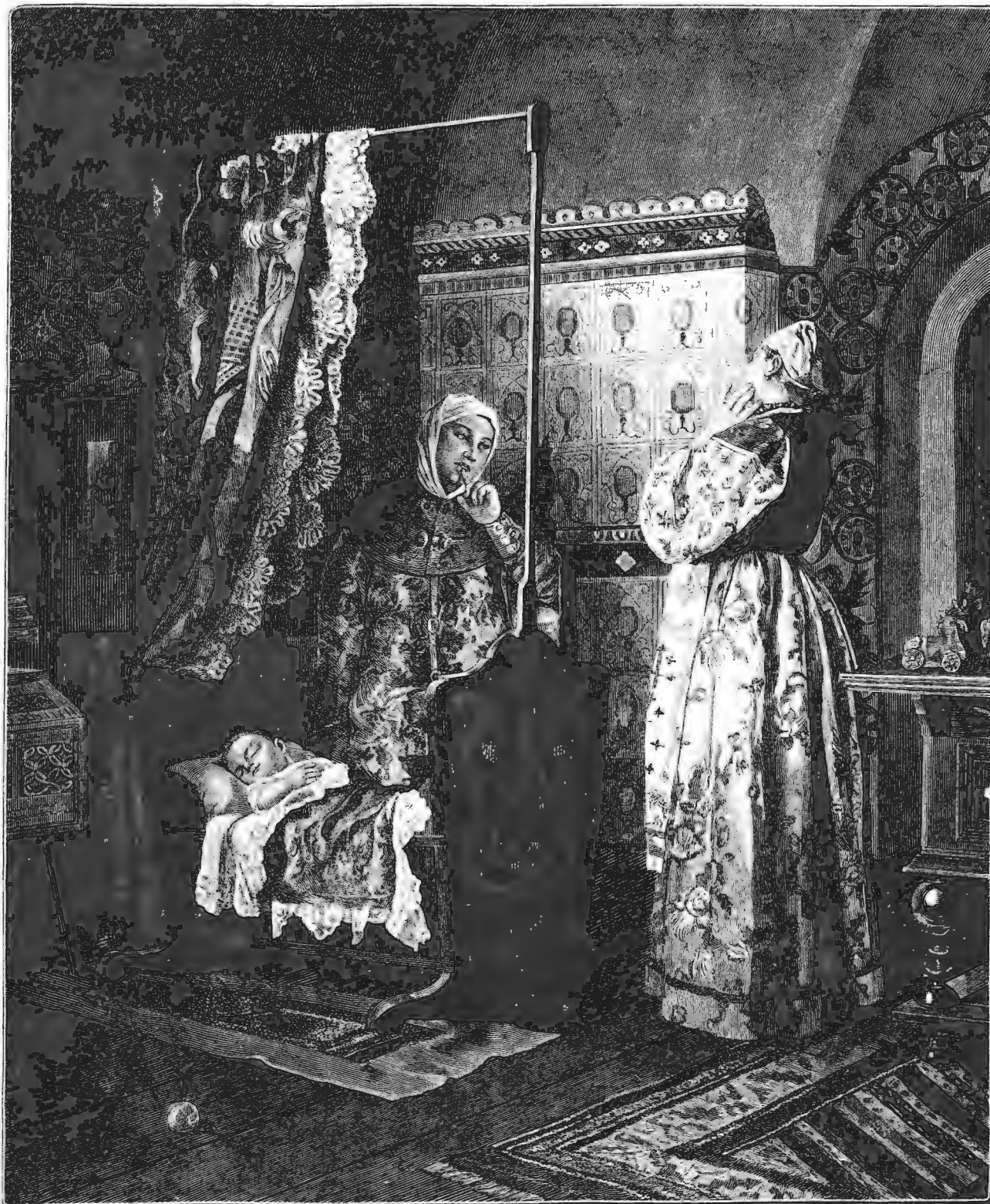
Прусскому королю было тоже донесено, что богатый польскій панъ сошелъ съ ума отъ оскорбленія, нанесеннаго ему донъ-жуаномъ Станиславомъ. Но старый король не повѣрилъ ничему. Онъ видѣлъ во всемъ ловкую интригу Рѣчи Посполитой, а быть можетъ и козни императрицы Всероссийской.

Бывали, конечно, люди, сходящіе съ ума на томъ, что они—короли и императоры, но такихъ обыкновенно сажали въ сумасшедшій домъ. Такихъ самодѣльныхъ королей, которые бы восвали со своимъ монархомъ, еще не бывало на свѣтѣ.

Наконецъ, главное заключалось въ томъ, что Сталупени становились центромъ для всѣхъ недовольныхъ отдѣленіемъ польскихъ провинцій подъ скипетръ Фридриха. Въ другихъ отторгнутыхъ частяхъ у Австріи и Россіи было все спокойно, а у Фридриха явился какой-то король. Къ нему стекались массы народа. Изъ горсти удалцовъ образовывалось цѣлое войско, и все начинало принимать далеко не шуточный видъ.

Если Барская конфедерация долго боролась съ польскимъ правительствомъ и войсками, а равно и съ русскими войсками, то почему не явиться теперь новой Сталупеньской конфедерации? И Фридриху придется бороться съ ней. Она будетъ прятаться подъ смѣхотворное наименованіе королевствомъ и какой-то панъ будетъ себя вличать монархомъ, но въ дѣйствительности всѣ недовольные элементы Польши сольются здѣсь во-едино. Въ итогѣ та же самая Рѣчь Посполитая подъ предводительствомъ не Станислава Понятовскаго, а шутовскаго короля Яна начнетъ борьбу съ Пруссіей.

Однимъ словомъ, Прусскій король посматрѣлъ на происшествіе въ Сталупеняхъ очень серьезно. Въ остальныхъ земляхъ, отторгнутыхъ имъ теперь отъ Польши,

Съ послѣдней выставки Имп. Ак. Худ. „Колыбель Михаила Теодоровича въ домѣ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ“. Съ карт. Н. Степанова (исключит. право воспроизвед. въ гравюрѣ и т. п. принадлеж. „Нивѣ“), грав. Флюгель.

тоже уже начиналось брожение. Тамъ, гдѣ были давно разставлены прусскіе столбы и стояли невозбранно, ихъ стали уничтожать. Банды въ нѣсколько десятковъ чело-вѣкъ кое-гдѣ нападали уже на кордоны и на солдатъ прусскихъ.

Когда Фридрихъ отрядилъ двухъ тайныхъ лазутчи-ковъ въ Сталупени, чтобы узнать все въ подробностяхъ, ему было донесено, что у самозванца короля Яна войско растеть не по днямъ, а по часамъ. Продовольствія на-чало уже не хватать, несмотря на его богатство, но и этому горю предвидится помощь. Многіе богачи-магнаты, въ томъ числѣ и знаменитый Радзивиль, пане-коханку, обѣщаютъ прислать все что нужно: и фуражъ, и про-виантъ, и деньги, и порохъ.

По всемъ свѣдѣніямъ, полученнымъ Фридрихомъ, дѣло принимало далеко не смѣхотворный характеръ. Не существующія въ Польшѣ энергія, единомысліе и единодушіе благодаря „доробковичу“ Станиславу-Авгу-сту, какъ бы перенеслись изъ Варшавы въ Сталупени.

Центръ тяжести былъ въ замкѣ „господина короля“. Человѣкъ, прославленный въ Польшѣ и въ Пруссіи, да отчасти и въ Петербургѣ сумасшедшимъ, становился героемъ.

Осторожный прусскій король прежде всего отправилъ экстраординарнаго посла въ Варшаву для личныхъ пе-реговоровъ съ польскимъ правительствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ резидентомъ Русской императрицы.

Посланникъ долженъ былъ прямо обвинить Рѣчь Посполитую и кабинетъ Петербургскій въ козняхъ: въ томъ, что они подставили противъ короля какого-то помѣщика, очень хитро выдали его за сумасшедша-го, и дѣлая видъ, что они сами считаютъ его за та-кого, тѣмъ не менѣе помогаютъ ему всячески.

Одновременно Фридрихъ все-таки приказалъ выслать болѣе сильный отрядъ, если не для усмиренія бунтов-щиковъ, то для того, чтобы не давать времени шу-товскому королю Яну почивать на лаврахъ и усили-ваться.

Между тѣмъ въ Сталупеняхъ жизнь кипѣла. Самый замокъ походилъ на крѣпость и былъ кромѣ того уже окруженъ на далекое разстояніе всякими бастионами. На всѣхъ мѣстахъ, гдѣ было возможно, были устроены Зарембой окопы, или волчьи ямы, какъ со стороны новой границы прусской, гдѣ были разставлены значки съ черными прусскими орлами, такъ равно и съ той стороны гдѣ значки съ крылатыми тиграми означали границу съ Польшей.

Панъ Заремба въ двухъ мѣстахъ, гдѣ дорога про-легала по густому столѣтнему лѣсу, тоже устроилъ въ чащѣ всякаго рода сооруженія его собственнаго изобрѣ-тенія. Разумѣется, отъ замка до границъ стояли пикет-ты изъ самыхъ удалыхъ ратниковъ, большею частію изъ тѣхъ, что явились охотниками изъ радзивиловской банды.

Сталупеньскій король ждалъ нападенія бодро и ве-село. Однажды прискакалъ вѣстникъ въ замокъ съ за-явленіемъ, что за двадцать верстъ отъ прусской гра-ницы, по свѣдѣніямъ лазутчика, идетъ на Сталупени сильный отрядъ чело-вѣкъ въ четыреста пѣхоты и кон-ницы.

Въ Сталупеняхъ это извѣстіе произвело диковинное дѣйствіе. Все заметалось отъ восторга. Вѣковая-ли вражда къ нѣмцамъ, или самый характеръ людей со-ставлявшихъ войско, которые всѣ были изъ удалцовъ и буяновъ о двухъ головахъ, но дѣло въ томъ, что въ замкѣ и на селѣ, отъ начальника до послѣдняго самаго плохаго дружинника,—всѣ ликовали. Наконецъ-то мож-но сразиться съ ненавистными бранденбуржцами!

Король Янъ собралъ въ залѣ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено отрядить противъ пруссаковъ самое меньшее количество войска. Было рѣшено от-править только двѣсти чело-вѣкъ, но за ними вслѣдъ,

въ видѣ резерва, имѣть наготовѣ еще столько же.

Въ Сталупеняхъ наивно воображали, что прусскому правительству неизвѣстно количество собравшагося войска. Кароль предложилъ обмануть пруссаковъ Пускай они думаютъ, что въ Сталупеняхъ горсть людей. А въ слѣдующій разъ, если будетъ высланъ болѣе сильный отрядъ, то онъ встрѣтитъ болѣе сильный отпоръ.

Черезъ сутки въ Сталупеняхъ были слышны вдали пушечные выстрѣлы и ружейная пальба, а всѣ остав-шіеся въ замкѣ сидѣли злобствуя на то, что ихъ не пустили побиться съ бранденбуржцами.

Разумѣется, къ вечеру все было кончено. Около сотни военно-плѣнныхъ было вновь приведено въ замокъ, а Бурчимуха занимался со своими молодцами ловлей по лѣсу разбѣжавшихся пруссаковъ. Ему было указано всякаго пойманнаго вѣшать на первомъ же деревѣ.

Король Янъ, разумѣется, ликовалъ при новой побѣ-дѣ, но однако, распѣловавъ сына и поздравивъ его, прибавилъ:

— Все слава Богу, Кароль! Что дальше будетъ? По всей вѣроятности въ слѣдующемъ сраженіи я сло-жу свою голову. Но вѣдь мнѣ этого и пужно. Ты-же помни одно, что я заявляю тебѣ. Перейдя въ прусское под-данство, обѣщай Фридриху вѣрность и тишину въ Ста-лупеняхъ съ условіемъ, чтобы онъ на основаніи моего прошенія на его имя, призналъ тебя моимъ законнымъ сыномъ и наслѣдникомъ.

Кароль отвѣтилъ уклончиво:

— Богъ милостивъ! Что объ этомъ говорить.

На другой день послѣ побѣды въ замкѣ появился гость. Это былъ Мамоновъ, ѣздившій въ Варшаву и вер-нувшійся снова, но уже частнымъ чело-вѣкомъ для праз-днованія своей свадьбы.

Сандецкій и Кароль обрадовались пріѣзду Мамонова. Онъ уже не былъ для нихъ москаль, а былъ близкій чело-вѣкъ. Оба полюбили русскаго офицера. Мамоновъ привезъ очень важныя извѣстія.

Тайно передалъ онъ Сандецкому, что онъ въ Вар-шавѣ не сидѣлъ сложа руки, много говорилъ съ рус-скимъ резидентомъ и отписалъ уже двумъ-тремъ ли-цамъ въ Петербургъ. Онъ крѣпко надѣялся, что сама императрица посмотритъ на дѣйствія пана Сандецкаго инимъ окомъ и что его оставить бороться съ Прусскимъ королемъ, какъ онъ можетъ.

И въ Варшавѣ, и въ Петербургѣ, по пословицѣ, „умоютъ себѣ руки“, предоставляя Фридриху самому справиться съ новоявленнымъ королемъ Яномъ.

Мамоновъ отвѣчалъ головой, что по крайней мѣрѣ еще мѣсяца два ни изъ Варшавы, ни изъ Петербурга не явится никакого ультиматума. Благодаря его влія-нію, въ Варшавѣ полшутя, полусерьезно говорятъ, что коль скоро панъ Сандецкій сталъ королемъ Яномъ послѣ того, что формально сталъ числиться поддан-нымъ прусскимъ, а не польскимъ, то все дѣло касается единственно Фридриха.

Посланникъ Прусскаго короля прибылъ въ Варшаву еще при Мамоновѣ, но не имѣлъ никакого успѣха. Мамоновъ присутствовалъ при объясненіи его съ рус-скимъ резидентомъ, и этотъ объяснилъ пруссаку, что обвинять Русскій кабинетъ въ интригѣ—совершенная нелѣпость. Россія получила свою часть при раздѣлѣ, и ей нѣтъ никакого интереса мутить и бунтовать новыхъ подданныхъ короля Прусскаго.

Мамоновъ попросилъ будущаго тестя какъ можно скор-рѣй справить свадьбу, дабы выѣхать обратно въ Вар-шаву и быть вѣрнымъ и дѣятельнымъ помощникомъ въ его затѣѣ. Было рѣшено, что свадьба отпразднуется не пышнымъ, а семейнымъ образомъ, но, разумѣется, будетъ пированіе.

Такимъ образомъ въ Сталупеняхъ было объявлено, что черезъ три дня будетъ бракосочетаніе дочери ко-роля Яна съ русскимъ офицеромъ въ костелѣ. Вторич-

ное вѣнчаніе Мамонова предполагалось уже послѣ, въ Петербургѣ.

Дня за два до назначеннаго вѣнчанія случилось происшествіе. Изъ Сталупеней исчезъ ксендзь отецъ Викентій. Это извѣстіе озадачило Сандецкаго и всѣхъ. Всѣ догадались, что ксендзь не просто отлучился, такъ какъ въ его домѣ не нашли ничего мало-мальски цѣннаго. Все исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Осталась кое-какая рухлядь. Это доказывало что отецъ Викентій уѣхалъ съ мыслью не возвращаться болѣе назадъ. Но на другой же день исчезновеніе ксендза приняло совершенно иной характеръ.

Панъ Заремба явился къ Кáролю встревоженный. У него изъ стола пропалъ его главный планъ Сталупеней со всѣми новыми возведенными имъ укрѣпленіями. Онъ сдѣлалъ себѣ отличный планъ, для того чтобы въ случаѣ болѣе серьезной атаки пруссаковъ упорядочить размѣщеніе и расположеніе войскъ. И этотъ-то планъ исчезъ изъ его стола. Какимъ образомъ—онъ объяснить не могъ.

Тотчасъ же было наряжено строгое слѣдствіе, которое

выяснило, что одинъ молодой малый, вновь поступившій охотникомъ и тоже исчезнувшій, по всей вѣроятности укралъ планъ. Этого молодца Заремба взялъ къ себѣ въ качествѣ рисовальщика. Его видѣли раза два вечеромъ выходящимъ изъ дома ксендза.

Дѣло было ясно. Проходимецъ поступилъ въ банду, чтобы обмануть Зарембу, и это ему удалось. Очевидно, что планъ былъ украденъ имъ и переданъ ксендзу, а ксендзь, очевидно, повезъ его туда, гдѣ онъ имѣлъ еще большую цѣну, чѣмъ въ Сталупеняхъ.

— Э-эхъ! воскликнулъ Сандецкій укоризненно.—Вотъ что, любезнѣйшій мой графъ Заремба, не надо было рисовать никакого чортова плана! И выходитъ, что ты началъ тутъ у насъ инженерствовать, да вотъ теперь и переинженерилъ!. Но въ концѣ концовъ бѣды все-таки нѣтъ.

Дѣйствительно, Кáроль и Мамоновъ, обсудивъ дѣло, тоже рѣшили, что бѣды большой нѣтъ. Оставалось только два тайныхъ укрѣпленія, нѣчто въ родѣ бастіоновъ, перенести на другое мѣсто.

(Продолженіе будетъ).

Джемма.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Рассказъ Нота Мурлыки.

I.

Въ 1830-хъ годахъ семья моя жила въ Петербургѣ. Отецъ мой скорѣе числился, чѣмъ служилъ. Тогда мнѣ было 12 или 13 лѣтъ, и онъ былъ еще бодрый старикъ, но крайней мѣрѣ гораздо бодрѣ многихъ изъ его товарищей, сенаторовъ. Чего добивался онъ отъ службы, и этого до сихъ поръ не могу понять. Знаю только, что даже на мои невдумчивые, дѣтскіе глаза, служба его не привлекала. Онъ охотно пропускалъ за сѣдланца сената, не добивался ни чиновъ, ни орденовъ, которыхъ у него было и такъ слишкомъ довольно. Я долженъ здѣсь замѣтить, что онъ давно уже служилъ въ министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, по восточнымъ дѣламъ, и велъ ихъ съ такимъ искусствомъ, что нѣсколько разъ его послали въ Лондонъ и въ Константинополь, чтобы устранять нѣкоторые дипломатическія разстройства.

Мнѣ кажется, что Востокъ его притягивалъ невольно, и дѣламъ его онъ отдавалъ большую часть времени и трудовъ. По крайней мѣрѣ я помню, къ намъ часто являлись чуть не цѣлыя депутаціи разныхъ восточныхъ людей: башкиры, киргизы, татары, персіяне, даже были турки и индійцы. Иногда наша столовая и зала представляла настоящій восточный базаръ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ помнить отца, онъ мнѣ всегда представлялся неизмѣннымъ, съ его умнымъ и саркастическимъ лицомъ, съ рѣзкими и выразительными чертами. Не знаю, можетъ быть, онъ красилъ свои волосы, но они всегда, до самой его смерти оставались такими же темно-русыми, почти черными, слегка курчавыми. Когда онъ надѣвалъ свой красный сенаторскій мундиръ со всѣми звѣздами, то меня особенно поражала персидская бриллиантовая звѣзда Льва и Солнца, которая, говорятъ, стоила нѣсколько десятковъ тысячъ. Теперь уже нѣтъ такой роскоши и брильянты замѣняются скромными стразами.

Я помню, въ это время меня сильно интересовали шахматы. У насъ каждую недѣлю были шахматные вечера на середкахъ, на которые собирались сенаторъ Бергъ, князь Баксюттовъ, Позовъ, Шардонъ, Шнейдель и много другихъ занятыхъ шахматныхъ игроковъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ въ то время. Каждый вечеръ все мое вниманіе поглощала ловкая, умная игра моего отца съ Иваномъ Гейнриховичемъ Шнейделемъ. Самъ я игралъ только со своимъ гувернеромъ-французомъ, и мы оба жестоко горячились, такъ что нерѣдко М-г Пулѣ разбрасывалъ шахматы, или я, проигравъ игру, горько плакалъ.

Одинъ разъ, вечеромъ, въ началѣ весны, когда у насъ была полная распутица, въ среду, собравшаяся компанія заговорила о какомъ-то неслыханномъ и невиданномъ игрокѣ. Рѣчь объ немъ началъ отецъ. Ирокъ былъ индеецъ, и звали его Багараджа. Отецъ рассказывалъ объ немъ необыкновенныя вещи. Багараджа давалъ ему двѣ ладни, затѣмъ двѣ ладни и пѣику и наконецъ отдавалъ ферезъ, но съ условіемъ: не брать одну изъ пѣшекъ, которую онъ непременно проводилъ въ ферезъ. Понятно, что всѣ посетители нашихъ шахматныхъ вечеровъ были крайне заинтересованы этимъ шахматнымъ игрокомъ и горѣли нетерпѣніемъ увидать его.

Въ слѣдующую среду онъ явился. Съ самаго утра я уже

волновался въ ожиданіи его, и даже всѣ присутствовавшіе прѣхали раньше обыкновеннаго времени. Всѣ съ нетерпѣніемъ поглядывали на часы и на двери. Никто не съѣлъ играть, и всѣ рѣшили, что они, если только онъ согласится, будутъ вести партію всѣ вмѣстѣ противъ него одного. Князь Баксюттовъ въ особенности горячился.

— Помилуйте, говорилъ онъ, — то, что рассказываетъ намъ Сергѣй Ивановичъ (такъ звали моего отца),—какія-то невѣроятныя чудеса. Какъ отдать ферезъ—и выиграть?! Да тутъ всякій ребенокъ... вотъ онъ выиграетъ у самаго оштрафанаго и талантливаго игрока.

И при этихъ словахъ онъ указалъ на меня. Это указаніе на 13-лѣтняго мальчика, какъ на ребенка, и даже ниже чѣмъ на ребенка, жестоко возмутило меня. Вся кровь прилила къ моему лицу, и я готовъ былъ всѣми силами моей юношеской души возненавидѣть обидѣвшаго меня князя, но тутъ раздался громкій звонокъ, и отецъ мой сказалъ:

— Это, вѣроятно, онъ.

Послышались мягкіе торопливые шаги и слуга Семень приподнял портьеру и доложилъ:

— Князь Багараджа.

II.

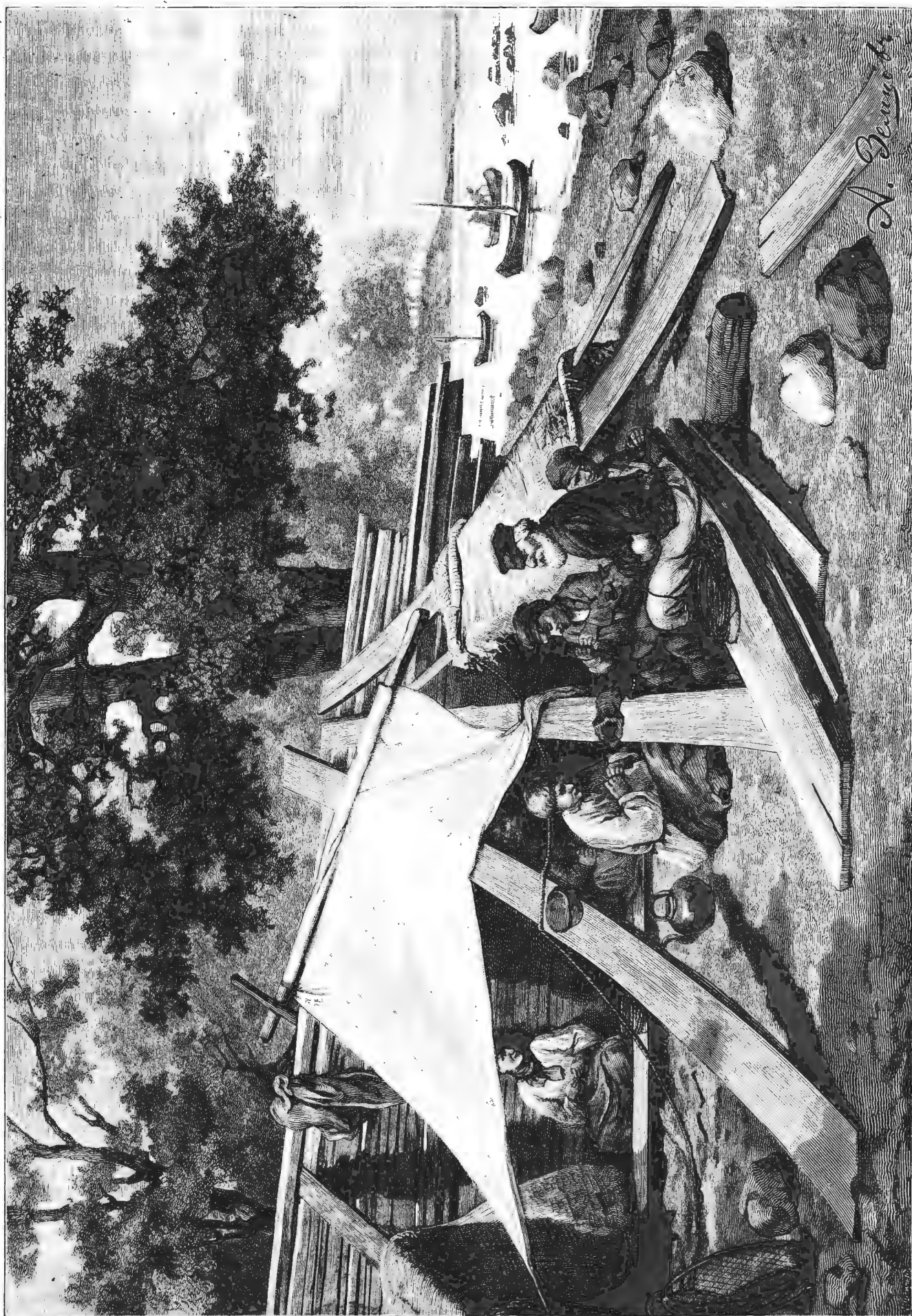
Вошло двое. Вошелъ человѣкъ очень высокаго роста, съ совершенно темно-бронзовымъ лицомъ и, сложивъ руки крестомъ на груди, довольно низко поклонился всему собранію. За нимъ слѣдовалъ другой человѣчекъ, ростомъ съ меня, съ лицомъ почти чернымъ и въ высокой шапкѣ, похожей на персидскую.

Отецъ прѣвѣтствовалъ восточнаго гостя на какомъ-то непонятномъ мнѣ языкѣ и представилъ всѣмъ. Каждый съ любопытствомъ протягивалъ ему руку, а онъ бралъ эту руку въ обѣ ладони, слегка кланялся и не пожималъ, а только какъ-то странно похлопывалъ по ней своими ладонями. Въ это время маленькій человѣчекъ стоялъ у дверей, наклонивъ голову, и постоянно кланялся. Это былъ переводчикъ.

Я, помню, весь впился въ высокаго гостя глазами и не знаю, чувство ли благоговѣнія, страха, любопытства, заставило тогда биться мое сердце и сдавливало грудь.

Черты лица его были строго-правильны. Въ особенности поразительны были выведенныя дугами широкія, черныя брови. Небольшіе усы и рѣдкая, курчавая, черная борода отгѣняли его лицо и окружали ярко-алыя, какъ бы оттопыренныя и слегка вывернутыя губы. Ноздри его совершенно прямого, тонкаго носа, постоянно раздувались, какъ бы дышали. И это была единственная живая черта его лица. Все оно было удивительно неподвижно, точно лицо бронзовой статуи. Глаза какъ-то черезчуръ прямо, мало двигались, причѣмъ небольшіе, глубокіе черные зрачки на синеватыхъ бѣлкахъ, кажется, ничего не видали передъ собой. Лобъ его почти весь, до самыхъ бровей, былъ прикрытъ чалмой или тюрбаномъ изъ какой-то блестящей восточной ткани, нестрой, какъ ткань турецкой шали. Костюмъ его былъ бѣлый, широкій балахонъ изъ шерстяной полосатой ткани съ широчайшими рукавами, которые каждый разъ, какъ только онъ поднималъ ихъ вверхъ, открывали чуть не до плечъ его гладкія, тонкія, мускулистыя, бронзовые руки.

Когда отецъ представилъ его всѣмъ гостямъ и пригласилъ

На берегу Финского залива. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шлишперг.

Сваха. Съ карт. Вильдтосера, граф. Пейне.

его съѣсть на диванѣ, онъ быстро сбросилъ съ ногъ туфли и съѣлъ по-восточному, поджавъ подъ себя ноги. Переводчикъ остался у дверей. Отецъ подвинулъ къ дивану шахматный столикъ, на которомъ уже были разставлены шахматы.

И долженъ замѣтить, что эти шахматы были особенные, старинные, будто бы индійскіе, съ очень крупными, чрезвычайно искусно художественно выточенными и вырѣзанными фигурами. У насъ никогда не играли въ эти шахматы и на этомъ столикѣ, отдѣланномъ серебромъ и бирюзой. Они стояли только какъ украшеніе комнаты.

Багараджа взглянулъ въ полъборота на своего компаньона и тотъ быстро подошелъ къ нему, скрестивъ руки на груди и наклонивъ голову, и сталъ подлѣ дивана. Во все время игры онъ не перемѣнилъ своей почтительной позы, и какъ-то странно было смотрѣть на него, неподвижно стоящаго съ наклоненной головой и постоянно говорящаго въ этомъ положеніи и съ закрытыми глазами. Впрочемъ, онъ говоритъ весьма мало и только переводилъ то, что говорилъ намъ Багараджа.

Отецъ сказалъ ему, что мы всѣ (и онъ указалъ на всѣхъ присутствующихъ) будемъ играть противъ него одного. И при этихъ словахъ онъ съѣлъ за столикъ напротивъ Багараджи. Переводчикъ тотчасъ же бойко перевелъ наше рѣшеніе и, когда тотъ отвѣтилъ, то онъ перевелъ намъ:

— Господинъ согласна.

И, помню, при этомъ взглянулъ на неподвижно серьезное лицо гостя и улыбнулся.

Затѣмъ отецъ спросилъ:

— Кому же начпать?

На что Багараджа склонилъ голову, скрестивъ руки, а переводчикъ сказалъ:

— Господинъ говоритъ: ваша воля!

Отецъ посмотрѣлъ на всѣхъ, какъ бы спрашивая: „такъ-ли?“ и выступилъ гамбитомъ отъ короля.

Багараджа двинулъ на одинъ ходъ пѣшку отъ ферзева кося.

Всѣ переглянулись.

— Очевидно, сказала отецъ, — онъ поведетъ боковую игру... А мы будемъ продолжать свое... Не такъ-ли?

И онъ подкрѣпилъ пѣшку короля пѣшкой ферзя.

III.

Багараджа выдвинулъ офицера и поставилъ его подлѣ выдвинутой пѣшки.

— Вы видите, видите, онъ желаетъ вести боковую атаку, сказалъ отецъ, — а мы будемъ продолжать правильные ходы. И онъ выгнулъ конькомъ со стороны ферзи и еще болѣе подкрѣпилъ пѣшку короля.

Багараджа точно такъ же, какъ и на лѣвой сторонѣ, выдвинулъ справа на одинъ ходъ пѣшку отъ королевскаго кося.

Отецъ задумался и спросилъ своихъ товарищей шопотомъ:

— Теперь очень соблазнительно поставить передъ этой пѣшкой чернаго офицера?

— Чтобы запереть ходъ пѣшки ферзи?... Какъ вы думаете? Это недурно, но нѣтъ-ли чего-нибудь дѣйствительнѣе? спросилъ Шардонъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! Это будетъ отлично! вскричалъ Шнейдель, маленький пѣшечникъ, съ большой лысой головой.

— Ставьте такъ, сказалъ Бергъ. — Худаго ничего не можетъ быть при боковой атакѣ. Онъ непременно долженъ защищаться.

— Ставьте! Ставьте! подтвердили всѣ. — А тамъ увидимъ. И отецъ поставилъ офицера и загородилъ ходъ пѣшкѣ.

Багараджа, насколько не думалъ, выдвинулъ конька и поставилъ его подъ офицера.

— Что сей сонъ значитъ? удивился отецъ.

Бергъ потренилъ его по рукамъ и сказалъ шопотомъ:

— Это восточная хитрость... Онъ хочетъ отвлечь насъ и смѣлѣе коня на офицера. Но, „не дѣлай никогда того, что желаешь врагъ твой“, говорятъ восточные мудрецы, и я бы на нашемъ мѣстѣ просто подкрѣпилъ офицера пѣшечкой, — и онъ двинулъ пѣшку отъ правой ладьи на два хода впередъ. — Вотъ такъ! Какъ вы полагаете?

И онъ посмотрѣлъ на всѣхъ.

Компанія довольно долго спорила надъ этимъ ходомъ. Шмидтъ совѣтовалъ выступить съ ферзью и очистить мѣсто для рокировки.

— Помилуйте! возражалъ князь Баксютовъ. — Кто же рокируетъ съ длинной руки, со стороны короля? Это совершенно неправильно.

Шардонъ доказывалъ, что было бы лучше выдвинуть конька и имъ подкрѣпить офицера.

Но всѣ поговорили и оставили тотъ ходъ, на который указалъ Бергъ. Этотъ ходъ давалъ свободу ладьѣ.

Багараджа тотчасъ же выдвинулъ чернаго офицера.

— Видите! Извольте видѣть! Онъ поведетъ атаку съ фланговъ, вскричалъ отецъ, — но только это ему не удастся... „Кто выигрываетъ съ боковъ, тотъ теряетъ въ серединѣ“, какъ говорятъ восточные мудрецы. — И онъ двинулъ лѣваго коня подъ защиту пѣшки короля. — Больше тутъ нечего и думать; впередъ! и посмотримъ, какъ онъ будетъ защищаться!

Вся компанія одобрила этотъ ходъ.

Но Багараджа и не думалъ защищаться. Онъ просто рокировался. Отецъ привскочилъ на стулѣ. Князь Баксютовъ проговорилъ:

— Это сумасшедшій ходъ! Онъ непременно теряетъ или ладью или ферзь.

— Donner-Wetter! вскричалъ Шнейдель, снялъ очки и началъ ихъ усердно протирать. Онъ очевидно не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Позовъ только укоризненно, съ сожалѣніемъ, покачалъ головой.

Отецъ взялъ конькомъ пѣшку короля и сказалъ:

— Шахъ королю!

Багараджа съ неподвижнымъ спокойствіемъ взялъ конька ферзью. Мы всѣ ахнули. Шмидтъ вскричалъ:

— Potz-tausend!.. Sacristi!..

А отецъ поспѣшно взялъ ферзь офицеромъ, какъ будто боялся, что Багараджа слохватится и попроситъ взять ходъ назадъ. Потомъ, обратясь къ намъ, онъ сказалъ спокойно:

— Это онъ нарочно сдѣлалъ. Вотъ вы увидите!

— Какъ нарочно! вскричалъ Шардонъ. — Отдать ферзь нарочно!

— Что же, онъ насъ за игроковъ не считаетъ? проговорилъ Баксютовъ. — Такъ мы ему покажемъ! Каждый ходъ, господа, надо обдумывать глубоко и многосторонне.

— Да! да! согласились всѣ. — Мы посмотримъ, какъ онъ у насъ выиграетъ безъ ферзя?!

IV.

Багараджа поставилъ ладью подъ офицера. Компанія долго совѣтовалась и рѣшила убрать офицера на прежнее мѣсто.

Вскорѣ мы увидѣли, что Багараджа съ одной стороны образовалъ непрерывную линію пѣшекъ. Затѣмъ мы увидѣли, что съ другой стороны точно такъ же выстроилась другая линія пѣшекъ, и обѣ онѣ образовали уголъ, который очень близко подходилъ къ нашему центру. Прорвать эту линію не было никакой возможности, разумѣется, безъ значительныхъ пожертвованій. Но вся компанія единодушно рѣшила не жертвовать ничѣмъ.

Но Багараджа набѣгалъ мѣны. Онъ еще пожертвовалъ офицеромъ, заманивъ этимъ пожертвованіемъ нашу ферзь въ самый край намеченныя и тамъ крѣпко приперъ ее пѣшкѣми подъ защитой кося и офицера. Развѣдливъ наши ладьи, онъ, напротивъ, выдвинулъ свои на одну линію и подъ защитой этой батареи провелъ пѣшку и далъ блистательный, ошеломляющій матъ. И что всего было удивительнѣе и обиднѣе — это то, что онъ предсказалъ его. Когда онъ свелъ ладьи на одну линію, то онъ сказалъ переводчику:

— Скажи имъ, что черезъ восемь ходовъ имъ будетъ матъ. И переводчикъ перевелъ намъ:

— Господинъ говоритъ, что черезъ восемь ходовъ онъ кончалъ игра. Вашъ король — махама.

Можно представить себѣ, какъ это взволновало насъ всѣхъ.

— Ну, это вздоръ! сказалъ Баксютовъ. — Теперь, господа, намъ всѣмъ надо строго слѣдить и не дѣлать тѣхъ ходовъ, которые онъ будетъ подговаривать. Какъ! Чтобы черезъ восемь ходовъ былъ бы матъ, неизбежный матъ? Чтобы этотъ матъ нельзя было ничѣмъ отвратить?!. Слушай, ты, какъ тебя зовутъ? обратился онъ къ переводчику: — Скажи твоему господину, что я не вѣрю! Князь Баксютовъ не вѣритъ... Нѣтъ!

И онъ отрицательно покачалъ пальцемъ передъ самымъ кончикомъ его носа.

Переводчикъ что-то пробормоталъ, чего, разумѣется, мы не поняли, и въ отвѣтъ ему Багараджа сказалъ тѣмъ же мѣрнымъ, безстрастнымъ голосомъ какую-то фразу.

— Что онъ говоритъ? встрепенулся Позовъ. — Пожалуйста переведите... Что онъ сказалъ? обратился онъ къ переводчику.

— Онъ говоритъ, объяснилъ отецъ, — что воля Всевышняго всегда должна совершиться. Блаженъ человекъ, знающій ее.

— Ну, это индійскій фатализмъ! сказалъ Шардонъ.

— Господа!.. господа! напомнилъ намъ отецъ. — Не будемте отвлекаться посторонними вопросами. Вотъ видите-ли, онъ грозитъ этой линіи. Здѣсь наша слабая сторона. Какъ вы думаете укрѣпить ее?

И всѣ старались не только укрѣпить ее, но дѣлать ходы, которыхъ онъ, по ихъ мнѣнію, никакъ не могъ предвидѣть. Но на дѣлѣ оказалось, что мы дѣлали именно тѣ ходы, которые лежали въ его пророчествѣ. Они всѣ были предвидѣны.

Черезъ четыре хода, будущее игры стало ясно даже для ребенка. Матъ былъ неизбеженъ и не только неизбеженъ, но именно тотъ матъ, который онъ предвидѣлъ, — матъ пѣшкой королевы.

Кончивъ игру, онъ всталъ съ дивана, медленно надѣлъ свои туфли и, скрестивъ на груди руки, поклонился всѣмъ намъ.

Отецъ и мы всѣ уговаривали его сыграть еще партію, но онъ упорно отказался и тою же торжественно величавою походкой, въ сопровожденіи своего толмача, удалился.

Всѣ тотчасъ по его уходѣ принялись разбирать и критиковать сыгранную партію. Прежде всего ее, разумѣется, записали на память и затѣмъ спорили и пересматривали каждый ходъ чуть не до двухъ часовъ ночи. Всѣ рѣшили, что

это игра хоги неправильная, но въ высшей степени талантливая.

Я послѣ много разъ спрашивалъ себя: „Въ чемъ же тутъ лежить талантъ, и какую игру можно назвать правильною?“

Въ эту ночь всю напролетъ, до бѣла утра, я не могъ уснуть. Страшная головная боль и спазмы въ груди не давали спать. Порой я забывался, и вдругъ передъ глазами вырѣзывалось отчетливо неподвижное, словно мертвое лицо бронзоваго цвѣта. И я съ испугомъ открывалъ глаза.

Я долженъ замѣтить, что вообще я росъ болѣзненнымъ, впечатлительнымъ мальчикомъ, и возрастить меня стоило не мало хлопотъ и горя моей бѣдной матери. Въ 13 лѣтъ я былъ странно худъ и малъ. Я походилъ на мальчика, которому никакъ нельзя было дать больше 10 лѣтъ. Смуглый, черноволосый, я походилъ лицомъ на отца, но слабость, болѣзненную влосость и ростъ я наслѣдовалъ отъ матери, которая была худенькая, маленькая, болѣзненная блондинка.

Я заснулъ уже на разсвѣтъ. Мнѣ спилось, что Багараджа былъ какой-то гений повелитель и покровитель всего міра. Всѣ шахматы двигались по мановенію его руки. Тяжелые слоны выступали грузно слоновою поступью. Легкія ладьи шли на всѣхъ парусахъ. Бѣдныя пѣшки летѣли, сломя голову, куда посылали ихъ, и погибли тысячами, а песчаная ферезь, которая во снѣ представлялась мнѣ какой-то прелестною индійскою дѣвушкой, погибла въ самомъ началѣ боя. И всѣ билась въ жаждѣ отмщенія за ея смерть.

V.

Вскорѣ я довольно близко познакомился съ моимъ мировымъ гениемъ-повелителемъ и его ферезью или индійскою дѣвушкой, его племянницей. Вотъ какъ это произошло...

Прежде всего я долженъ сказать, что у отца былъ старый другъ и пріятель, его сослуживецъ, который былъ прежде директоромъ какого-то азіятскаго департамента, а теперь мирно доживалъ свою жизнь на покой. Человѣкъ этотъ былъ весьма замѣчательный и во многомъ крайне оригинальный. Онъ былъ гораздо старше моего отца, хотя былъ крѣпокъ и бодръ на видѣ. Звали его Семеномъ Никитичемъ Мурзановымъ. Онъ былъ старый, безсемейный холостякъ, жилъ скромно, пенсіей и какими-то остатками отъ наслѣдственнаго состоянія. Былъ филантропъ. Отецъ рассказывалъ, что большую часть молодости Семень Никитичъ провелъ въ Индіи, куда ѣздилъ не столько по порученію министерства, сколько по собственному желанію. Онъ хорошо научилъ нарѣчія Индостана, готовился даже, говорятъ, къ профессорской кафедрѣ, но, неизвѣстно почему, остался до конца службы чиновникомъ.

Я какъ теперь смотрю на его невысокую, но крѣпко сбитую, коренастую фигурку, на его доброе, даже черезчуръ доброе, красное лицо, на его кроткую улыбку и сѣдую голову. Онъ бывалъ у насъ почти каждый день и считался самымъ вѣрнымъ и надежнымъ другомъ дома. Дѣйствительно, вся семья наша видѣла не мало доказательствъ его искренней привязанности къ нашему дому.

И вотъ къ этому нашему общему другу, на другой день нашего шахматнаго вечера, послалъ меня отецъ съ большимъ конвертомъ. Дѣло въ томъ, что въ этотъ день Семень Никитичъ былъ не такъ здоровъ, а дѣло было, очевидно, сѣбное. Въ сношеніяхъ отца съ Багараджей Семень Никитичъ, очевидно, игралъ роль какого-то посредника.

— Вотъ, сказалъ онъ, распечатавъ конвертъ и прочитавъ письмо отца.—Прощу покорно, еще комиссія! Вѣдь говорилъ моему любезному Сергѣю: „Не вмѣшивайся, откажись отъ этого дѣла“. Нѣтъ! Тянетъ!.. А все суета суетъ и всяческая суета... Положимъ, тутъ есть добрая часть, но покорнѣйше прошу!.. какъ прикажете ее выдѣлать?!

— Что такое, Семень Никитичъ! Я ничего не понимаю...

— И прекрасно дѣлаешь!.. Отлично дѣлаешь! Покорнѣйше прошу. Какъ понимать такія дѣла! Кто ихъ пойметъ?! И не понимай, мой невинный младенецъ!

И Семень Никитичъ съ оника началъ мнѣ излагать всю сущность дѣла. У него была привычка говорить вслухъ, не стѣсняясь собесѣдникомъ или присутствующимъ. Если этого собесѣдника или присутствующаго не оказывалось, то онъ обращалъ свою рѣчь къ толстому своему коту, Пуду Стахичу, или къ хриплой, старой москѣ Маврушкѣ, или къ скворцу, Злодѣю Ивалычу. За этотъ грѣхъ онъ никогда не могъ быть настоящимъ дипломатомъ.

— Багараджа пріѣхалъ сюда съ очень тонкимъ дѣломъ, говорилъ онъ.—Неизвѣстно, по собственной причинѣ или депутатомъ отъ индійскихъ раджей... Вотъ!.. Покорнѣйше прошу!.. Ты только, другъ мой милый, держи это за зубами... Никому! И онъ строго угрожалъ мнѣ.

— Помилуйте, Семень Никитичъ, развѣ въ первый разъ вы мнѣ довѣряете свои тайны? Все равно, что вашъ Пудка... Сохраню...

— То-то! Смотри, злодѣй, не выдай... А ты знаешь, чтѣ въ Индіи готовится?.. Не знаешь? Ну, и не знай!.. Покорнѣйше прошу! И не знай! Оно лучше!.. Такъ вотъ Багараджа пріѣхалъ... склонять... того... помочь имъ... Ты только держи языкъ за зубами!.. И вдругъ!.. Покорнѣйше прошу!.. Я, я... мертвый человѣкъ... отсталый человѣкъ... устрой депутацію,

цѣлую депутацію отъ департамента... А! Покорнѣйше прошу! Нѣтъ! Я васъ спрашиваю... Покорнѣйше прошу!.. Какъ вы это думаете? (должно сказать, что когда Семень Никитичъ былъ взволнованъ, то обращался ко мнѣ съ церемоннымъ „вы“). Могутъ ли быть тутъ посредникомъ?.. Тебѣ, говоритъ, легче, чѣмъ мнѣ... Слышите!.. Я надѣвай теперь хомутъ (такъ называлъ Семень Никитичъ свой мундиръ), всѣ бляхи, и отправляйся... Да чтѣ скажутъ?.. Покорнѣйше прошу!.. Ты что, скажешь, изъ мертвыхъ воскресъ или белены объѣлся?.. Не хочешь-ли въ желтый домъ, на девятую версту? (Тогда желтый домъ былъ на девятой верстѣ, по Петергофской дорогѣ). Тебя, говоритъ, цѣнять... Да позволѣте, покорнѣйше прошу... Кому тепло или холодно, что меня цѣнять. Ты, пишешь... вотъ, вотъ, прочти! Ты всегда былъ простъ и откровененъ... а это теперь важно въ дипломатіи... Видите, видите (и онъ совалъ мнѣ въ лицо письмо отца). Да позволѣте мнѣ самому судить, чтѣ важно, и чтѣ не важно. Ты простъ и откровененъ... То-есть, другими словами... Ты простоватъ и дураковатъ!.. Тебѣ повѣрять... Покорнѣйше прошу!.. Какъ это вамъ лестно!.. А?!..

— Да папа, вѣроятно, думаетъ, что вы лучше сдѣлаете, Семень Никитичъ!.. Онъ официальное лицо, а вы по простотѣ...

— Нѣтъ, юнецъ! Нѣтъ, младенецъ! Покорнѣйше прошу! Какая тутъ простота!.. А то вотъ что... Слушай!..

И Семень Никитичъ нѣсколько задумался.

— Что такое, Семень Никитичъ?!

— А вотъ, говорятъ, Господь младенецъ умудряетъ. Покорнѣйше прошу!.. Пойдемъ-ка мы вмѣстѣ съ тобой.

— Куда?

— А къ Багараджѣ!.. Ты вѣдь по-англійски говоришь?

При одной мысли пойти къ этому „шахматному гению“, царю, у меня кровь бросилась въ лицо.

— Говорю немножко, прошепталъ я.

— Ну, вотъ и прекрасно! Покорнѣйше прошу... Тутъ не много и нужно.

— А развѣ онъ говоритъ по-англійски? И тутъ же подумалъ: „Да почему же съ нимъ отецъ не говоритъ по-англійски?“

— Нѣтъ, онъ не говоритъ! А у него, покорнѣйше прошу, есть племянница, хорошенькая дѣвочка... Такъ вотъ ты съ ней... а?! Покорнѣйше прошу!.. а?!.. Меня-то къ ней не пустятъ... А ты, вѣдь, младенецъ... Божья душа!

Я возмущился было при этой роли въ качествахъ младенца, но желаніе увидѣть еще разъ Багараджу, увидать въ его домашней жизни было такъ соблазнительно, что я кивнулъ головой въ знакъ согласія.

VI.

— Видишь-ли, юнецъ, говорилъ Семень Никитичъ наклоняясь къ моему уху.—Тутъ дѣло, покорнѣйше прошу, очень тонкое... У! какое тонкое!.. Тутъ съ одной стороны Великобританія... а съ другой... эти несчастные Раджи... Если мы вмѣшаемся въ это дѣло, то надо тонко дѣйствовать!.. У! какъ тонко! А то грязи нашьешь... И секретъ весь простой! Только и надо знать, чья дочь Джемма?.. Если Раджи Кульдистанскаго, то мы и прочь!.. Покорнѣйше прошу!.. Сейчасъ же и прочь!.. Понимаешь, юнецъ?

Но я ничего не понималъ.

— Если же она дочь Раджи Джарраханскаго... то мы должны дѣйствовать... Покорнѣйше прошу!.. Мы обязаны дѣйствовать и защитить ихъ отъ Великобританіи... Да, непременно защитить!..

— Что-же, она притѣсняетъ ихъ?!

— Она... и Семень Никитичъ не договорилъ, но сдѣлалъ жестъ обѣими руками, сгребая и схватывая ими воздухъ.— Покорнѣйше прошу!.. Понимаешь?!

Но я ровно ничего не понималъ.

— Если Джемма... Покорнѣйше прошу!.. Хорошенькая дѣвочка!.. (И онъ сдѣлалъ самую умиленную, восторженную мину).—Если Джемма дочь Раджи Джарраханскаго, то мы обязаны дѣйствовать... Это, покорнѣйше прошу... самое законное дѣло... Но вотъ въ этомъ-то и весь вопросъ... И ты его, покорнѣйше прошу, разрѣши.

— Да какъ же я его разрѣшу?! удивился я.

— А просто... Очень просто.—И онъ началъ говорить почти надъ самымъ моимъ ухомъ.—Ты, покорнѣйше прошу, спроси только Джемму: какъ, молъ, зовутъ вашего батюшку?!

— Ну, и больше ничего?!

— И больше ничего... Понимаешь?! И покорнѣйше прошу!.. И мы сейчасъ же пойдемъ къ нимъ.

И крикнувъ своего, такого же стараго, какъ и онъ, слугу Григорія, торопливо, при помощи его, началъ одѣваться. Онъ надѣлъ бѣлый галстухъ и жилетъ, черные чулки и фракъ, на который нацѣпилъ двѣ звѣзды.

— Вотъ оно, какъ слѣдуетъ являться, говорилъ онъ,—къ этимъ англійскимъ Буддамъ... Full dress!.. and all right!..

А я, смотря на него, думалъ: „Хорошо или дурно я дѣлаю, что иду?“ Но желаніе видѣть великаго шахматнаго игрока заглашало всѣ вопросы и этическія тенденціи.

Во время своего туалета Семень Никитичъ постоянно обращался ко мнѣ и бросалъ короткія разъясненія.

— Если, говорилъ онъ.—ты это раскроешь, то дѣло будетъ чисто... Понимаешь?!.. Покорнѣйше прошу!.. Имъ очень важно,

чтобы мы повѣрили, что она дочь Раджи Джарраханскаго... Принцесса, законная наследница чуть не половины всей Индіи... Покорѣйше прошу!.. Вотъ и ты тоже будешь дипломатомъ... Покорѣйше прошу!..

И онъ засмѣялся своимъ тихимъ добродушнымъ смѣхомъ и нѣжно похлопалъ меня по спинѣ.

Мы вышли на подъѣздъ. Погода была сырая, но дождя не было. Григорій проводилъ насъ до послѣдней ступени и крикнулъ кучеру подавать. Къ подъѣзду тихо, неторопливо подкатила маленькая, скромненькая каретка, запряженная парой желтыхъ шведокъ. Мы сѣли и отправились.

VII.

Багараджа остановился у Демута. Въ то время это былъ единственный, болѣе комфортабельный отель. Послѣ я узналъ, что онъ прѣхалъ съ цѣлой свитой, какъ владѣтельная особа, и занялъ десять роскошныхъ номеровъ въ бель-этажѣ. Притомъ и эти роскошные номера свита его отдѣлала по-восточному привезенными коврами и разными накупиленными уже здѣсь, въ Петербургѣ, восточными вещами. Однимъ словомъ, онъ очевидно хотѣлъ выказать здѣсь царскую роскошь.

Какъ только мы вошли, то передъ нами встали и вытянулись челоуѣка три-четыре какихъ-то темнобронзовыхъ снасевъ. И всѣ они поклонились Семену Никитичу. А передъ самой дверью сталъ тоже какой-то темный челоуѣкъ, одѣтый въ яркое, расшитое золотомъ платье, и попросилъ идти за нимъ.

Мы прошли двѣ или три комнаты и, наконецъ, вошли въ ту залу, гдѣ былъ Багараджа. Здѣсь, у самой двери, поклонился намъ тотъ же маленькій переводчикъ, который былъ у насъ въ среду.

Комната была полутемная, убранная вся коврами, обращенная окнами на дворъ. Багараджа сидѣла на низенькомъ и широкомъ диванѣ, почти на полу. Передъ нимъ стояли какіе-то ларчики. Онъ что-то разбиралъ въ нихъ. Стояло нѣсколько бронзовыхъ лицъ въ очень безцеремонныхъ костюмахъ и съ длинными ножами за поясомъ. Это были его тѣлохранители.

Увидѣвъ насъ, онъ поднялся со своего мѣста и пошелъ къ намъ навстрѣчу. Въ ту же минуту переводчикъ какъ-то быстро подошелъ къ намъ въ своей обычной позѣ, со скрещенными на груди руками, и приготовился слушать и переводить.

— Хвала Богу, что вижу васъ, перевелъ онъ привѣтствіе Багараджи.

— Хвала Всевышнему, позволяющему видѣть людей знающихъ и вѣрящихъ другъ другу, сказалъ Семень Никитичъ.

И вслѣдъ за тѣмъ Багараджа сдѣлала какой-то едва замѣтный знакъ всѣмъ слугамъ, стоявшимъ около него, и его переводчику. Они всѣ, не исключая тѣлохранителей, съ низкими поклонами вышли изъ комнаты. Мы остались одни, и Багараджа заговорилъ съ Семеномъ Никитичемъ на непонятномъ мнѣ языкѣ. Какіе-то горгавные рокошующіе звуки съ придыханіями и захлебываніями вылетали изъ его горла. Семень Никитичъ говорилъ почти такъ же довольно бойко, но этотъ эффектъ не выходилъ изъ его гортани. Притомъ онъ говорилъ не такъ плавно и свободно.

Порой можно было подмѣтить одушевленіе въ рѣчи Багараджи. Онъ говорилъ быстро, сильнѣе раздувались его ноздри, слова какъ будто торопились и сталкивались, слетая съ его гибкаго и изворотливаго языка. Вдругъ онъ остановился и, указавъ на меня пальцемъ, спросилъ что-то. Въ это время я весь былъ погруженъ въ вопросъ: не играетъ-ли Багараджа такъ хорошо въ шахматы потому, что онъ говоритъ на этомъ гибкомъ и быстромъ языкѣ.

Семень Никитичъ что-то отвѣтилъ и потрепалъ дружески меня по спинѣ. И вслѣдъ за его отвѣтомъ Багараджа хлопнула въ ладоши. Почти въ то-же мгновенье изъ-за портьеры

выставилась голова въ чалмѣ. Багараджа что-то приказалъ ей, и она быстро, съ низкими поклонами, подошла ко мнѣ и взяла меня за руку.

— Поди за нимъ, сказалъ Семень Никитичъ,—онъ проводитъ тебя къ Джеммѣ.

И съ неохотой отправился, но прежде всего выдернулъ руку изъ руки высокаго индійца съ черной бородой.

Онъ провелъ меня черезъ рядъ комнатъ, такъ же роскошно убранныхъ, и остановился передъ дверью одной комнаты, около которой стоялъ высокій, черный тѣлохранитель. Онъ сказалъ ему что-то, и тотъ стукнулъ три раза въ дверь; на эти стукки черезъ нѣсколько секундъ изъ-за двери выглянула какая-то мулатка, поговорила съ тѣлохранителемъ и провожавшимъ меня индійцемъ, потомъ, отвернувшись, что-то спросила у того, кто былъ внутри комнаты, и протянула ко мнѣ руку. Но я, не давая моей руки, быстро двинулся къ ней и вошелъ въ темное пространство, которое было амбразурой дверей.

Мулатка заперла за мной двери и распорхнула портьеру.

Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ. На широкомъ диванѣ сидѣла Джемма, сидѣла по-восточному, поджавъ подъ себя ноги. Но какъ только я вошелъ, она сдѣлала движеніе, чтобы подняться съ дивана, но остановилась и что-то спросила мулатку. Затѣмъ быстро поднялась, сдѣлала нѣсколько шаговъ ко мнѣ и, наклонясь и поцѣлывая меня, сказала по-англійски:

— Good day! My dear boy! (Здравствуй, мой дорогой мальчик!).

И она горячо поцѣловала меня въ щеку, причемъ я замѣтилъ, что вся ея фигура и все въ комнатѣ было пропитано какими-то сильными духами. Но все это я замѣтилъ и ощутилъ полусознательно. Лицо Джеммы, если можно такъ сказать, поглотило меня всецѣло. Мнѣ не хотѣлось спускать съ него глазъ, до того оно было привлекательно. Красное, смуглое личико съ большими, добрыми, черными глазами. Она была высока, стройна, но смотрѣла совершенно по-дѣтски. Ея округлыя, выпуклыя щеки были покрыты легкимъ румомъ, а ярко алые, какъ бы припухшія губки были полуоткрыты, и за ними выставлялись ровные зубы ослѣпительной бѣлизны.

Она взяла меня своими маленькими ручками съ длинными, красными ногтями, подвела къ дивану и усадила подлѣ себя.

На ней былъ какой-то восточный костюмъ изъ легкой шелковой ткани, съ широкими рукавами, которые быстро спадали съ ея стройныхъ рукъ, когда она поднимала ихъ къверху. На головѣ ея была низенькая шапочка темносняго цвѣта, вышитая золотомъ и жемчугомъ. При каждомъ ея движеніи на ней брэнчали и звенѣли ожерелья и цѣпочки, надѣтыя на ея шею, а на ея стройныхъ рукахъ подлѣ тактъ имъ звенѣли браслеты.

— Вотъ, мой дорогой мальчикъ! говорила она довольно свободно по-англійски, — видишь, это у меня священные бусы-четки отъ нашего святаго деревни Галарджабуна-Матхата. Никакой глазъ, никакое злое желаніе не коснется меня до тѣхъ поръ, пока я буду носить ихъ... Хочешь, я подарю тебѣ одну бусинку, и ты надѣнешь ее на твою милую шейку, и эта бусинка будетъ хранить тебя отъ всякихъ несчастій.

Но я, разумѣется, отказался отъ этого подарка. Въ это время изъ другой комнаты вышло еще двѣ женщины, и всѣ онѣ обступили меня и смотрѣли на меня, какъ на дикаго звѣрка, необыкновенно скоро болтая и жестикулируя. Джемма точно такъ же болтала съ ними; иногда онѣ дотрогивались до моего платья, гладили его и брали въ руки полы шиджака...

— Дорогой мой, сказала Джемма,—отчего ты носишь такое теплое платье? Неужели тебѣ не жарко въ этомъ шерстяномъ платьѣ?

И дѣйствительно, въ ея комнатахъ было удивительно жарко натоплено, а отъ ея сильно пахучихъ, пріятныхъ духовъ невольно кружилась голова.

(Продолженіе будетъ).

СѢДОЙ ЛОКОНЪ.

Сказка Георга Эберса.

(Право перевода приобретено редакціей отъ автора).

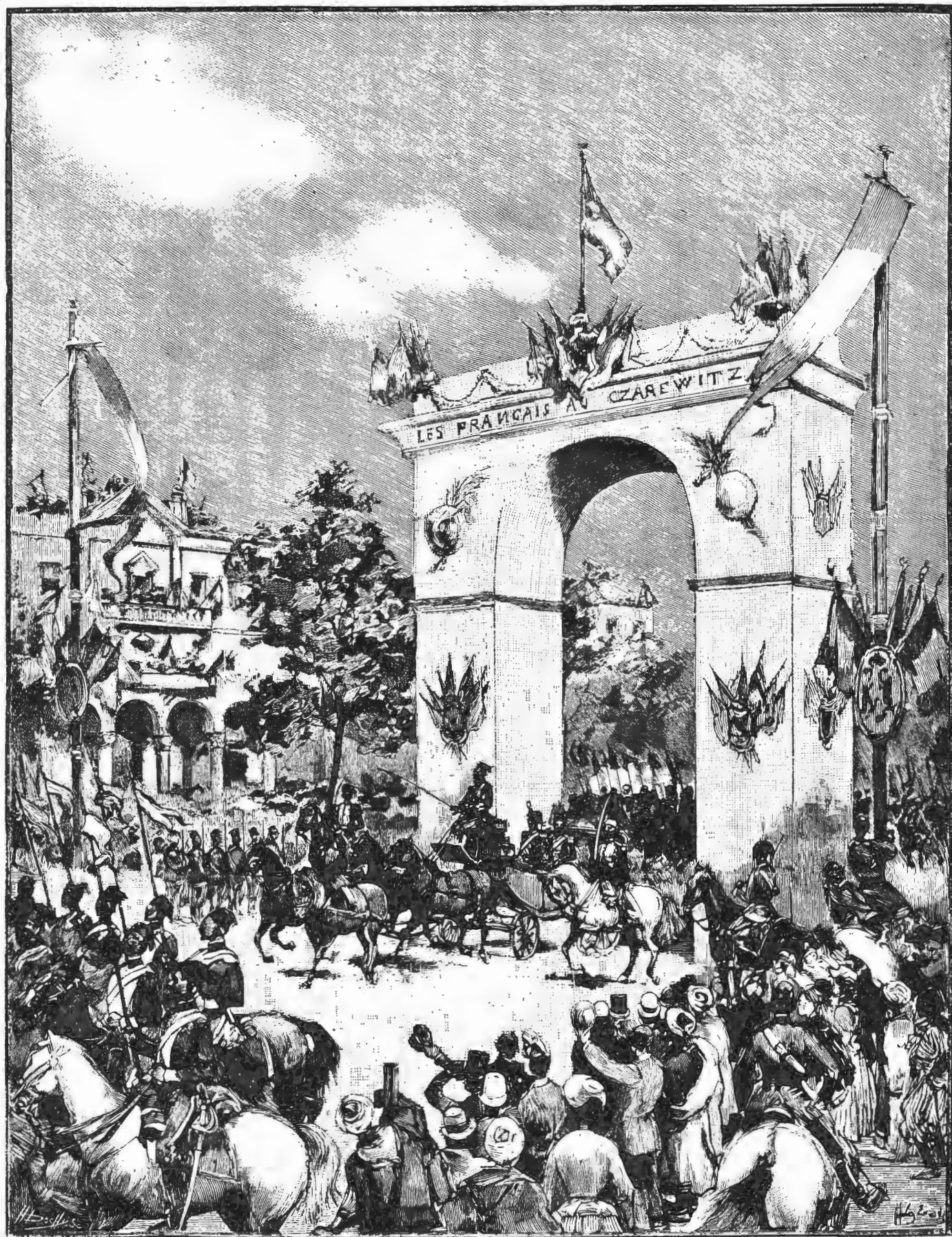
(Окончаніе).

Одинъ разъ вечеромъ герцогиня видѣла, какъ сынъ ея при свѣтѣ луны перелѣзалъ съ лютней въ рукахъ черезъ садовую ограду, но въ это время небо покрылось тучами и наступившая темнота скрыла отъ ея глазъ Георга; она видѣла только освѣщенное окно и за нимъ чудный образъ молодой дѣвушки. Дѣвушка правила ей чрезвычайно, и герцогиню бросило въ жаръ и холодъ при мысли, что Георгъ, можетъ быть, называетъ ее своей женой и привезетъ когда-нибудь въ домъ своей матери. Но ей снова приходило на умъ, что сынъ ея—дитя несчастья, и что ему не можетъ выпасть на долю любовь такого чуднаго, оборожительнаго существа.

То, что герцогиня видѣла въ послѣдующія недѣли, еще болѣе утвердило ее въ этой мысли. Георгъ, который всегда глядѣлъ такъ смѣло и увѣренно, напоминалъ ей теперь часы, которые бьютъ одно, а показываютъ другое; на постройкѣ онъ попрежнему твердо, рѣшительно и самоуувѣренно распоряжался рабочими; когда-же оставался одинъ, то или сидѣлъ весь съежившись, съ убитымъ, безнадежнымъ видомъ, или, на-

противъ того, безнокойно бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ размахивая руками. Иногда онъ такъ нестерпиво ударилъ себя ладонью по-лбу или билъ себя кулакомъ въ грудь, что герцогиня дѣлалась страшно.

Послѣ какого-то праздника на открытомъ воздухѣ, въ саду, во время котораго Георгу удалось въ продолженіе часа ходить по полутемной аллеѣ съ дочерью своего царственного друга и не разъ поцѣловать ея руку, герцогиня видѣла, какъ онъ, придя домой, разразился горькими рыданіями и выражалъ такое глубокое отчаяніе, что мать боялась за его рассудокъ и до-красна наплакала себѣ глаза. А между тѣмъ какъ разъ въ это время ей слѣдовало бы ощущать величайшую радость, пбо въ концѣ концовъ оказалось, что совѣтникъ совѣтниковъ былъ дальновиднѣе другихъ и нѣсколько не ошибся въ выборѣ королевы. Она родила принца—настоящаго Гризо. Хотя сѣдая прядь на его вискѣ была нѣсколько жидка и не завивалась смѣлымъ изгибомъ, но сѣдину ея могъ оснаривать развѣ только челоуѣкъ, страдающій дальтонизмомъ.

Пребываніе Ихъ Императ. Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и Вел. Кн. Георгія Александровича въ Каирѣ. Триумфальныя ворота устроенныя французской колоніей въ Каирѣ.

По наброску М. Равонъ, рис. М. Жерардъ.

Съ какою радостью герцогиня нявчила бы своего внука, если бы сердце его не было раздѣлено на части! Даже въ то время, когда она держала ребенка на рукахъ, ее тянуло къ зеркалу посмотрѣть на несчастнаго сына.

Услышавъ крикъ своего ребенка и узнавъ, что родился сынъ, Венделинъ XVI въ первый разъ за двѣнадцать лѣтъ былъ такъ же веселъ, какъ другіе люди. Все, что въ такомъ побилѣи давала ему царская жизнь, казалось ему блѣднымъ и безсодержательнымъ; величайшею для него радостью было, когда онъ думалъ, что только четыре часа, а било уже пять. Ребенкомъ представлялъ, по крайней мѣрѣ, что-либо новое, а сердце Венделина, бившееся такъ медленно, какъ отстающіе часы къ концу завода, начинало работать нѣсколько быстрее, когда онъ думалъ о своемъ сынѣ. Въ первый недѣли онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ у золотой колыбели и смотрѣлъ въ монокль на будущаго Венделина XVII, пока наконецъ это не перестало забавлять его и онъ не началъ вновь — минута за минутой, часъ за часомъ — лѣнливо покачиваться на тихихъ волнахъ прежней жизни.

Королева, его подруга на спокойномъ жизненномъ пути, во многомъ стала походить на него. И тотъ, и другая зѣвали такъ же непрерывно, какъ другіе люди дышать. Желаній у нихъ не было; ибо все, что они имѣли, было такъ хорошо, что слѣдующій день не могъ дать ничего лучшаго. Жизненный путь ихъ представлялъ прямую, безконечную тополевою аллею, по которой они шли спокойно и рядомъ.

Дворецкій Пене, сдѣлавшійся собственнымъ его величества камердинеромъ, съ тѣхъ поръ какъ Венделинъ XVI вступилъ на престолъ, конечно склоненъ былъ считать своего повелителя, родившагося при столь благоприятныхъ предзнаменованіяхъ и видѣвшаго въ жизни одну удачу, несомнѣнно счастливымъ; но по ночамъ, слыша вздохи и всхлипыванья Венделина, онъ невольно думалъ про себя: „Нѣтъ, въ собственной шкурѣ все-таки лучше“.

Камердинеръ его величества былъ скрытенъ и о слышанномъ не говорилъ никому, кромѣ старой Нонны. Та тоже научилась молчать и не сообщала о томъ, что узнала отъ старика, даже герцогинѣ, которой и безъ того было нелегко.

Увы, какимъ блѣднымъ являлось ей теперь лицо ея любимца Георга! Но даже въ самые тяжкіе для себя дни онъ былъ всегда дѣятеленъ, всегда на мѣстѣ, и соборъ, надъ которымъ онъ работалъ уже три года, приходилъ къ концу. Теперь шла горячая работа надъ главнымъ куполомъ, который гордо увѣнчивалъ зданіе. Когда Нонна смотрѣла теперь черезъ илею герцогини, она всегда, до самаго захода солнца, находила Георга на постройкѣ. Иногда у обѣихъ женщинъ сердце переставало биться отъ ужаса, когда онъ взлѣзалъ на верхніе концы балокъ, окружавшихъ постройку лѣсовъ, и оттуда руководилъ работами. Злому року достаточно было бы сдвинуть на одинъ дюймъ ногу несчастнаго или шальной осы укусить его въ руку, чтобы положить конецъ его существованію. Блѣдная мать тѣмъ болѣе боялась за Георга, что онъ среди всѣхъ этихъ опасностей отнюдь не смирялся передъ судьбой, а попрежнему гордо и самоувѣренно смотрѣлъ впередъ.

Куполъ казался уже готовымъ; чего же Георгъ не заканчивалъ его и все продолжалъ лазить на эти страшные лѣса?

— Нонна, Нонна, посмотри, и не могу выносить этого долбе! воскликнула однажды герцогиня послѣ того, какъ долго смотрѣла въ зеркало. — Поддержи меня... онъ хочетъ сырыгуть. Что, Нонна, какъ? Я не въ силахъ больше смотрѣть.

И зеркало задрожало въ рукахъ несчастной женщины.

— О! воскликнула старуха, съ трудомъ переведа духъ; — смотрите, онъ стоитъ уже на ногахъ, твердо и непоколебимо, какъ статуя Венделина I у насъ на площади. Смотрите, смотрите...

— Да, да, вижу, задыхалась проговорила герцогиня, и упала на колѣни, чтобы возблагодарить небо.

Между тѣмъ нянька продолжала смотрѣть въ зеркало и вдругъ испустила такой страшный крикъ, что герцогиня вздрогнула, закрыла лицо руками и со стономъ проговорила:

— Что такое? Узналъ? Все кончено?..

Но Нонна не дала ей докончить. Несмотря на ломоту въ ногахъ, она проворно подскочила къ герцогинѣ съ зеркаломъ въ рукахъ, и точно пьяная, смѣясь и плача, но ясно и увѣренно проговорила:

— Георгъ, нашъ дорогой Георгъ! Посмотрите! У нашего принца сейчасъ, на моихъ глазахъ, выросъ сѣдой локонъ.

Тогда и герцогиня поднялась на ноги, бросила взглядъ въ зеркало и, ясно увидѣвъ сѣдой локонъ на вискѣ сына, забыла, что она герцогиня, а Нонна простая нянька, привлекла ее къ себѣ на грудь и горячо поцѣловала въ самыя губы, поросшія такими почтенными усиками, что не одинъ нахъ охотно промѣнялъ бы свою молодую верхнюю губу на ея старую. Потомъ герцогиня схватила зеркало, чтобы убѣдиться еще разъ, такъ-ли она видѣла, но руки ея такъ сильно дрожали, что зеркало упало на полъ и разбилось на тысячу кусковъ...

Это было ужасно! Хорошо еще, что Нонна давно уже оставила по дѣтскимъ то, что принято называть нервами; а то бы она упала въ обморокъ рядомъ съ герцогиней. Теперь, по край-

ней мѣрѣ, она могла помочь своей повелительницѣ и ободрить и успокоить ее, какъ умѣла.

Между тѣмъ молодой зодчій поднялся на лѣса, чтобы продолжать замковый камень въ сводѣ купола, и нашелъ работу вполне удавшеюся. Онъ и не подозревалъ, что у него выросъ сѣдой локонъ, ибо приходившіе осматривать работу старѣйшіе мастера отвлекали все его вниманіе. Они пожимали ему руки, хвалили его и говорили, что онъ создалъ чудное произведение искусства. Въ то время, какъ Георгъ осматривалъ вмѣстѣ съ ними внутренность храма, прибылъ и владѣтельный князь, по порученію котораго строился соборъ; онъ внимательно сталъ выслушивать сужденія мастеровъ о томъ, какой смѣлостью и гармоніей отличается куполъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ доведенный до конца. Царственный почитатель съ интересомъ выслушалъ объясненія и когда усвоилъ себѣ все значеніе колоссальнаго труда, привлекъ Георга къ себѣ на грудь и проговорилъ:

— Благодарю васъ, дорогой другъ мой; несмотря на вашу молодость, я довѣрилъ вамъ великое дѣло; но вы превзошли самыя смѣлыя ожиданія. Въ мои годы цѣннѣе уже и то, когда приходится не испытать разочарованія; когда же видишь свои надежды не только исполненными, но и превзойденными, то готовъ назвать такой день однимъ изъ хорошихъ въ своей жизни. Вашъ трудъ составитъ украшеніе города и гордость всей страны; онъ покроетъ ваше имя неувядаемою славой. Примите же это отъ человѣка, который искренно расположенъ къ вамъ.

Съ этими словами монархъ снялъ золотую цѣпь съ собственной груди и повѣсилъ ее на шею Георга, говоря:

— Искусство — легко, по словамъ однихъ; по мнѣнію же другихъ — очень тяжело. И тѣ, и другіе по своему правы. Созданіе такого произведенія искусства въ своемъ умѣ должно составлять высокое блаженство, должно возносить на небо; но выполнение его не легко и требуетъ большихъ трудовъ и заботъ. Это я вижу по васъ, мастеръ Перегринъ. Не далѣе какъ вчера, я любовался юношескимъ блескомъ вашихъ капитановыхъ волосъ, а сегодня — вѣроятно въ то время, какъ вы прикладывали послѣднюю руку къ своду купола — у васъ посѣдѣла прядь волосъ на лѣвомъ вискѣ.

Георгъ вздрогнулъ. Завѣтнѣйшее желаніе его жизни исполнилось. Онъ пришелъ въ эту страну подъ именемъ Перегринъ и не говорилъ никому, что онъ сынъ владѣтельнаго герцога. Сердце его уже нѣсколько лѣтъ пылало любовью къ дочери повелителя страны, и Георгъ хорошо зналъ, что молодая дѣвушка отвѣчаетъ ему тѣмъ же; но онъ мужественно боролся со своимъ чувствомъ изъ любви къ матери, брату и своей родинѣ и терпѣливо переносилъ сердечную боль и страданія.

Онъ хорошо зналъ расположеніе къ себѣ монарха; зналъ, что достаточно было бы сказать ему: „Я Гризо“, чтобы высокій покровитель отдалъ ему руку своей дочери. Георгъ тысячу разъ повторялъ себѣ это, но молчалъ и надѣлся; надѣялся, что ему удастся совершить путемъ труда и усилій то „великое и прекрасное“, котораго требовала отъ него золотая рыбка въ пещерѣ волшебника Мисдрала. „Какъ только вырастетъ у тебя сѣдой локонъ, сказала рыбка, — это будетъ служить признакомъ, что ты совершилъ то „великое и прекрасное“, которое дастъ тебѣ право носить гордое имя своего рода и, не наноси вреда близкимъ, вернись на родину“. И вотъ цѣль достигнута. Трудъ удался. Онъ снова можетъ назваться Гризо, ибо сѣдой локонъ — краса его дома — украшаетъ и его чело.

Государь видѣлъ, что лицо Георга сначала вспыхнуло, потомъ покрылось смертельною блѣдностью.

— Что съ вами, Перегринъ? спросилъ онъ.

Молодой человѣкъ бросился на колѣни и, прижавъ руки повелителя къ своимъ устамъ, воскликнулъ:

— Не Перегринъ, нѣтъ. Съ этой минуты я снова Гризо; я Георгъ, второй сынъ герцога Венделина, о которомъ вы слышали. Теперь, мой благородный покровитель, я осмѣливаюсь открыть вамъ, что люблю вашу дочь, Снеранку, и не помѣняюсь ни съ какимъ богомъ, если вы дадите мнѣ свое благоволеніе.

— Гризо! воскликнулъ государь. — По-истинѣ день этотъ не только хорошій, но одинъ изъ лучшихъ и счастливейшихъ въ моей жизни. Приди въ мои объятія, мой дорогой, мой неоцѣненный сынъ!

Часъ спустя Георгъ уже прижималъ принцессу къ своему сердцу.

Вотъ такъ свадьба была! Но Георгъ не вернулся тотчасъ домой, а только написалъ матери, что онъ живъ и счастливъ и пріѣдетъ къ ней съ молодою женой какъ только будетъ оконченъ тотъ великій трудъ, надъ которымъ онъ продолжаетъ работать. Къ письму онъ приложилъ портретъ своей прекрасной супруги, и когда герцогиня увидѣла портретъ и прочла письмо, она отъ радости помолодѣла на десять лѣтъ, а Нонна — на пять.

Венделинъ XVI, узнавъ, что братъ его живъ, сочувственно улыбулся и королева тоже; но оставшіеся наединѣ съ супругомъ, она не стала скрывать своего неудовольствія и стала жаловаться на то, что государство Гризовъ станетъ теперь

щие меньше, а оно и без того уже нѣсколько меньше владѣній ея отца.

Когда герцогиня узнала, что Сперанца подарила своему супругу сына, она поѣхала въ Италію, въ сопровожденіи преданной етарой Нонны, и свиданіе ея съ сыномъ было радостно превыше всякой мѣры. Два мѣсяца пробыва она съ любящей четой, потомъ, довольная и счастливая, вернулась къ себѣ домой, ибо Георгъ и его супруга обѣщали на слѣдующій годъ посѣтить ее въ столицѣ Гризовъ.

Соборъ былъ оконченъ. Болье величественнаго зданія нельзя было найти во всей поднебесной; со всѣхъ странъ стекались знатоки и художники, чтобы любоваться имъ. Общая похвала выпадала на долю Георга, и когда заходила рѣчь о великихъ зодчихъ, имя его упоминалось въ числѣ первыхъ.

Счастливый своимъ дѣтищемъ, но не кичась успѣхомъ, Георгъ прибылъ наконецъ на родину съ женой и ребенкомъ.

На границѣ онъ встрѣченъ былъ общимъ ликованиемъ: военачальникъ Мустанъ снова разбилъ непріятеля и присоединилъ новую провинцію къ странѣ Гризовъ, которая такимъ образомъ, по заключеніи мира, приняла то же протяженіе, какъ и владѣнія отца королевы.

Въ столицѣ развѣвались флаги, звонили колокола, палили изъ мортиръ; одна за другой, потрясая воздухъ, могучимъ хоромъ гротали большія пушки и стогысячная толпа восторженно кричала:

— Ура, ура! да здравствуетъ Венделинъ Счастливый!

Не далѣе какъ вчера, сословія порѣшили поднести королю, подъ владычествомъ котораго государство такъ расширилось и которому ни одна неудача не угрожала даже издали, титулъ „Венделина Счастливаго“. Это почетное имя красовалось на всѣхъ знаменахъ, на всѣхъ триумфальныхъ аркахъ и транспарантахъ и даже на приличныхъ сердцахъ въ окнахъ булочныхъ.

Георгъ и его прекрасная супруга радовались вмѣстѣ со всеми ликующими, но счастливые всего они чувствовали себя наединѣ съ матерью.

Венделинъ XVI принялъ брата и его супругу въ большой приемной залѣ и даже сдѣлалъ нѣсколько лишннихъ шаговъ ему навстрѣчу, противъ предписаній церемоніймейстера; впрочемъ, королева успѣшила исправить эту ошибку, не выходя изъ указанныхъ границъ. По окончаніи обѣденнаго стола, Венделинъ вышелъ съ братомъ на балконъ и, стоя рядомъ съ нимъ и ближе взглянувъ на него, невольно опустилъ въ землю свои усталые глаза. Георгъ казался выкованнымъ изъ стали, тогда какъ Венделинъ готовъ былъ думать, что его собственный спинной хребетъ сдѣланъ изъ хлѣбнаго тѣста.

Вечеромъ озеро было блестяще иллюминировано, и празднество должно было закончиться большимъ катаньемъ на лодкахъ, съ музыкой и фейерверкомъ.

Въ первой лодкѣ, на мягкихъ подушкахъ изъ бархата и горностая, сидѣлъ Венделинъ XVI со своею супругою — королевой; во второй — Георгъ съ молодою, горячо любимой женой. Герцогиня также помѣстилась съ нимъ, чтобы ни на минуту не лишать себя счастья видѣть ихъ возлѣ себя.

Погода была такая чудная, какой только можно было требовать отъ этого счастливаго дня. Полная луна свѣтила яркимъ блескомъ, какъ будто тоже хотѣла привѣтствовать короля съ новымъ титуломъ. Снова раздался колокольный звонъ, и хоръ мальчишковъ и дѣвочекъ, сопровождавшій на особой лодкѣ богатую убранныю королевскую гондолу, заплѣлъ нарочно сочиненный на этотъ случай гимнъ, въ двадцать четыре строфы, изъ которыхъ каждая оканчивалась словами: „Восхвалимте же счастье, восхвалимте его, короли нашего, Венделина Счастливаго“.

Король сидѣлъ рядомъ со своею супругой, которая не переставала ворчать на неизвѣстно откуда взявшагося брата, и требовала, чтобы мужъ ея хорошенько разслѣдовалъ, не самозванецъ ли этотъ зодчій, называющій себя Гризомъ.

— Положимъ, и у него, и у ребенка — сѣдой локонь, сказала она, — но вѣдь выкрасить волосы не трудно; это искусство сдѣлало въ послѣднее время такіе успѣхи! А ужъ этому толсторукому мальчишкѣ во всякомъ случаѣ скорѣе мѣсто въ мужицкой зыбкѣ, чѣмъ въ колыбели принца.

Венделинъ не слушалъ, что говорила ему жена; сердце его болѣло, и каждый разъ когда ударъ колокола раздавался громче другихъ или хоръ съ особенной силой и удареніемъ выводилъ слова „Венделина Счастливаго“, ему казалось, что надъ нимъ издѣваются. Онъ готовъ былъ громко застонать отъ стыда и душевной муки и укрыться во вторую лодку, поближе къ любящей матери и къ мощному брату, Георгу. Онъ смотрѣлъ въ воду — и ему казалось, что рыбы смѣются надъ нимъ; онъ поднималъ глаза къ небу — и мѣсяцъ дѣлалъ саркастическую улыбку и насмѣшливо поглядывалъ на жалкое существо, которое прозвали „Счастливымъ“. Венделинъ не въ состояніи былъ овладѣть собой; онъ весь ушелъ въ себя, заткнулъ уши и, Богъ знаетъ, какъ охотно помѣнялся бы съ здоровеннымъ матросомъ, который сильными, мускулистыми руками устанавливалъ пурпуровый парусъ.

Легкій вѣтерокъ понесъ корабельную гондолу къ острову, на которомъ приготовленъ былъ фейерверкъ. Вторая лодка слѣдовала за первой въ недалекомъ разстояніи. Георгъ держалъ въ своихъ рукахъ руки жены и матери. Они обмѣнивались немно-

гими словами, но каждое заключало въ себѣ дѣлныя сокровища любви и счастья и лучше всякихъ громкихъ фразъ показывало, какъ неизяснимо дороги другъ другу эти три существа.

Королевская гондола благополучно миновала утесъ, отдѣлявшій южную половину озера отъ сѣверной; но какъ только вторая приблизилась къ нему, внезапный, сильнѣйшій шквалъ вырвался изъ ущелій скалы, налетѣлъ на лодку и повалилъ ее на бокъ раньше, чѣмъ матросы успѣли взять рифы. Георгъ бросился помогать имъ, но уже новый порывъ вѣтра сорвалъ паруса, лодка опрокинулась и бѣшеный водоворотъ увлекъ ее въ пучину.

Георгъ увидѣлъ на поверхности волнъ обѣихъ дорогихъ ему женщинъ. Онъ схватилъ мать и, съ нечеловѣческими успѣхами, борясь противъ волнъ и вѣтра, выплылъ вмѣстѣ съ нею къ берегу, гдѣ и положилъ ее на песокъ, у подошвы утеса. Потомъ поплылъ обратно къ мѣсту крушенія. Мать была спасена, но жена, его возлюбленная, его все! Спасти ее или погибнуть вмѣстѣ съ нею — было его единственной мыслью.

На поверхности волнъ показалась вдали золотистая полоска. Это были ея волосы, ея чудные шелковистые волосы. Съ удвоенной силой двинулся Георгъ впередъ; вотъ онъ уже достигъ ихъ, вотъ онъ схватилъ ихъ обѣими руками, вотъ руки его обхватили дорогое тѣло и подняли его къверху. Она дышетъ, она жива; отъ Георга зависитъ теперь вырвать ее изъ власти жестокаго врага, изъ власти смерти. Одной рукой онъ крѣпко прижалъ къ себѣ молодую женщину, а другой — съ силой разсѣкалъ волны. Но, казалось, озеро превратилось въ грозный потокъ, который стремительно несся ему навстрѣчу. Георгъ боролся; задыхаясь отъ нечеловѣческихъ успѣховъ, но все напрасно. Силы уже начали пѣмѣнять ему. Если никто не поможетъ теперь, онъ погибъ; и, высоко поднявъ голову, онъ искалъ глазами помощи.

Въ эту минуту, королевская гондола, которой не коснулся шквалъ, спокойно прошла мимо, какъ освѣщенный луною ледъ. Въ душѣ Георга промелькнуло горькое сознаніе, что Венделинъ не даромъ зовется счастливымъ, а онъ — дитя несчастья. Но руки его уже снова разсѣкали волны и на этотъ разъ съ бѣльшимъ успѣхомъ. Сперанца открыла глаза, узнала мужа, поцѣловала его въ лобъ и проговорила:

— Ты лучший изъ людей.

Въ то же время послышался и съ утеса голосъ герцогини:

— Георгъ, мой дорогой, мой единственный сынъ!

Тогда ему сдѣлалось удивительно легко, тепло на сердцѣ. Вся горечь исчезла и волны словно баюкали его, вмѣстѣ съ дорогой ношей. Георгъ видѣлъ, чувствовалъ близость своей возлюбленной жены. Передъ его духовнымъ взоромъ возникъ образъ матери и ребенка, возникло его чудное, нетлѣнное твореніе — величественный соборъ, воздвигнутый имъ во славу Божію. Затѣмъ, у него мелькнула мысль, какое наслажденіе приносила ему каждая новая весна, какое блаженство было творить и созидать, какимъ восторгомъ наполняло его все, что есть прекраснаго на землѣ. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Изъ всѣхъ людей на свѣтѣ, онъ, дитя несчастья, былъ самымъ счастливымъ! И, подъ наплывомъ благодарнаго чувства, онъ отвѣтилъ поцѣлуемъ на поцѣлуй своей жены. Спасена! Она спасена! Георгъ чувствовалъ уже твердую почву подъ ногами и протянулъ свою ногу къ берегу; но въ ту самую минуту, какъ чьи-то сильныя руки приняли ее изъ его рукъ, бѣшеная волна снова увлекла его въ пучину и воды озера сомкнулись надъ его головой...

На другое утро рыбаки вытащили тѣло Георга. Жена его и герцогиня были спасены. Мудрецы утверждали, что дитя несчастья окончено такъ, какъ надо было ожидать, а народъ повторять ихъ слова.

Въ мавзолеѣ герцоговъ Гризо оставалось только два свободныхъ мѣста и ихъ нужно было сохранить для Венделина Счастливаго и его супруги. Такимъ образомъ дитя несчастья даже не могло покоиться въ гробницѣ своихъ предковъ. Георга похоронили на зеленомъ холмѣ, съ котораго открывался чудный видъ на даль и озеро.

Король Венделинъ Счастливый и его супруга достигли глубокой старости. Окончательно впавъ въ слабоумство, Венделинъ избавился, наконецъ, отъ привычки стонать и всхлипывать по ночамъ. Послѣ смерти, его положили рядомъ съ королевой Изабеллой, въ самомъ холодномъ углу каменнаго мавзолея, и никогда, ни одинъ солнечный лучъ, не коснулся его мраморнаго саркофага. Сынъ его, Венделинъ XVII, ежегодно, въ день поминовенія всѣхъ умершихъ, навѣщалъ могилу отца и возлагалъ на гробъ сухой вѣнокъ изъ иммортелей.

Могила Георга была окружена цвѣтами и кустарниками. Любящія руки матери, жены и сына, берегли ее и пеклись о ней, а когда наступала весна, соловьи, малиновки, зяблики и красношейки пѣли безконечныя пѣсни надъ головой покоившагося тамъ несчастливаго. Сынъ его, Георгъ, выросъ на гордость своей матери и сдѣлался владѣтельнымъ княземъ въ прекрасной Италиі. Съ тѣхъ поръ прошли вѣка, но и теперь благодарные художники стекаются къ могилѣ великаго зодчаго Георга Перегринна, изъ герцогскаго дома Гризовъ, и возлагаютъ вѣнки на зеленую могилу, на которую такъ привѣтливо свѣтитъ солнце.

Оно, по крайней мѣрѣ, не считаетъ, что тамъ поконится „дитя несчастья“.

(с.)

Неаполь. Внутренний вид галереи Гумберта I, открытой 9 ноября (28 октября) 1890 г. и выстроенной архитектором Эрнестом ди-Мавро. Сь фот. А. ди-Мавро.

ских игрушек, сохранившихся до настоящего времени. Слѣва отъ кровати, изъ полутемнаго угла, выглядываетъ край баула и уголокъ кованаго ларца съ *теремомъ*. Около колыбели художникъ поставилъ двѣ женскія фигуры: *мату* (т. е. *старую нянюшку*) или то, что мы называемъ „*бонной*“ въ современномъ нашемъ быту) и кормилицу. Въ общемъ картина производитъ живое и веселое впечатлѣніе.

На берегу Финскаго залива. (Рис. на стр. 1236).

На берегу Финскаго залива, гдѣ-нибудь близъ Сестрорѣцка, подъ кущами стародавнихъ, развѣсистыхъ дубовъ, насажденныхъ тамъ еще во времена Петра Великаго, расположились рыбаки. Нѣсколько досокъ, съ набросанными на нихъ наурасами и рогожами, служатъ рыбакамъ незатѣйливымъ пристанищемъ во время отдыха, на почъ или въ непогоду, когда они не могутъ выйти на свой промыселъ въ утлыхъ ладьяхъ, тутъ же стоящихъ у берега.

Сваха. (Рис. на стр. 1237).

Трудную минуту переживаетъ молодая дѣвушка, изображенная на картинѣ Вильдтосера. Бѣдная, скромная и трудолюбивая, она обратила на себя вниманіе хорошаго человѣка, и вотъ онъ засылаетъ сваху уговорить приглашающую ему красавицу стать его женою. Съ большимъ вниманіемъ выслушиваетъ она, какъ заманчиво описываетъ ей словоохотливая поспыльница будущее семейное счастье, и видимо глубоко обдумываетъ предстоящую перемѣну въ своей судьбѣ.

Пребываніе Наслѣдника Цесаревича въ Каирѣ.

(Рис. на стр. 1241).

Въ „Политическомъ Обзорѣнн“ нашего журнала уже были сообщены подробности пребыванія Наслѣдника Русскаго Престола въ Греціи и въ Египтѣ. Самый радушный и сердечный пріемъ встрѣчалъ повсюду Его Высочество, гдѣ ни появлялся Августѣйшій гость. Помимо мѣстнаго населенія, горячее участіе въ торжествахъ, устроившихъ въ честь Наслѣдника Цесаревича, принимали также французскіе подданные. Такъ въ Аѳинахъ у французскаго посланника графа Монтолона былъ устроенъ блестящій балъ, а въ Каирѣ члены французской колоніи соорудили для встрѣчи Его Высочества триумфальную арку, изображеніе которой нами помѣщается на стр. 1241. Видомъ воздвигнутой арки напоминаетъ арку звѣзды въ Парижѣ и на ней красуется надпись: „Les français aux Tsarevitch“, посреди украшеній изъ русскихъ и французскихъ флаговъ. Не менѣе великолѣпна была и арка греческой колоніи, горячо приветствовавшей дорогаго всѣмъ русскимъ Путешественника. При въѣздѣ въ Каиръ присутствовало до ста тысячъ зрителей. По сообщенію полученныхъ въ Парижѣ изъ Каира телеграммъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ изъявилъ мѣстному посланнику графу д'Обиньи благодарность за сочувственный пріемъ, оказанный Его Высочеству французскою колоніей.

Галерея Гумберта I въ Неаполѣ. (Рис. на стр. 1244 и 1245).

Въ Италіи недавно закончено новое торжество строительнаго и инженернаго искусства. Въ Неаполѣ воздвигнута достойная соперница миланской галереѣ Виктора-Эммануила—галерея Гумберта I, торжественно открытая 9 ноября (28 октября) 1880 года и выстроенная архитекторомъ Эрнестомъ ди-Мавро.

Галерея дѣлится на двѣ части: наземную и подземную. Обѣ онѣ, одна надъ другой, имѣютъ форму креста. Въ каждой изъ нихъ отъ оемиугольнаго центра тянутся четыре корнуса, занятые лавками и магазинами. Надъ магазинами верхней галереи надстроены еще три этажа комнатъ. Въ каждомъ корнусѣ устроены подъемныя машины.

Фасады галерей украшены лѣпною работой, мраморомъ, позолотой, арками и колоннами. Всюду встрѣчаются превосходныя картины. Въ подземной галереѣ, на мѣстѣ пересѣченія корнусовъ, находится обширная зала, соответствующая верхнему оемиугольнику. Она названа *залой Маргариты* и предназначена для концертовъ, представленій и пропнесенія выборовъ рѣчей.

Надъ центромъ, какъ и въ миланской галереѣ, возвышается великолѣпный куполь. Магазины роскошны; уже открыто нѣсколько богатыхъ кафе. Высота зданія отъ мостовой до крыши 34 метра, а до купола—56 метровъ.

Въ галереѣ открыта промышленная выставка, которая продлится три мѣсяца.

Ф. Д. Рыздзевскій. (Портр. на стр. 1245).

16 сентября состоялось открытіе Сурамскаго туннеля, пробитаго черезъ Малый Кавказскій хребетъ для избѣжанія крутыхъ подъемовъ и спусковъ на Закавказской желѣзной дорогѣ. Въ свое время мы помѣщали въ нашемъ журналѣ виды этого

грандіознаго сооруженія, работы надъ которымъ продолжались безостановочно съ 1886 г. и которое является, по своему протяженію (3 версты 374 сажени) и условіямъ мѣстности и грунта, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ Европѣ. Пытѣ мы представляемъ нашимъ читателямъ портретъ и краткое жизнеописаніе строителя туннеля, инженера дѣйствительнаго статскаго совѣтника Фердинанда Донаговича Рыздзевскаго.

Уроженецъ города Фридрихсгама, въ Финляндіи, Рыздзевскій получилъ первоначальное образованіе въ Финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ, изъ котораго вышелъ въ 1850 году въ л.-гв. Волыскій полкъ. Въ томъ же году Рыздзевскій былъ прикомандированъ, для дальнѣйшаго образованія, къ Михайловской Артиллерійской Академіи, по окончаніи курса въ которой опять вступилъ въ ряды того же полка. Но военная служба не удовлетворяла Рыздзевскаго, и въ 1858 г. онъ достигъ назначенія ротнымъ офицеромъ Института корпуса инженеровъ Путей Сообщенія, съ тѣмъ, чтобы при исполненіи этой должности онъ имѣлъ возможность слушать лекціи въ спеціальныхъ классахъ института. Правомъ этимъ Рыздзевскій широко воспользовался, и черезъ три года былъ причисленъ къ корпусу инженеровъ Путей Сообщенія. Съ этого времени начинается дѣятельность Рыздзевскаго на инженерномъ поприщѣ, ознаменованная многими выдающимися работами. Назначенный сперва въ распоряженіе правленія IV (нынѣ Московскаго) округа Путей Сообщенія, Рыздзевскій принималъ участіе въ дѣятельное участіе при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ: Козлово-Воронежской, Елецко-Грязской и Лозово-Севастопольской, на которой имъ сооружены первые въ Россіи туннели. На всѣхъ этихъ работахъ Рыздзевскій выказалъ себя не только выдающимся инженеромъ, но и хорошимъ распорядителемъ и хозяиномъ, благодаря чему онъ былъ назначенъ, по окончаніи въ 1874 году работъ на Лозово-Севастопольской дорогѣ, правительственнымъ инспекторомъ Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ теченіе 11 лѣтъ онъ пребывалъ на этомъ мѣстѣ въ привислинскихъ губерніяхъ, гдѣ подъ его руководствомъ создались густая сеть рельсовыхъ путей. Въ 1885 г. Рыздзевскій былъ призванъ въ Петербургъ на постъ вице-предсѣдателя Временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, но уже черезъ годъ представилась необходимость поручить ему отвѣтственную и трудную должность начальника работъ по сооруженію обходной Сурамскаго туннеля. Съ обычною энергіею и умѣньемъ взялся Рыздзевскій за эту работу и блестяще довелъ ее до конца. Работы производились безостановочно, круглый годъ, днемъ и ночью, съ чрезвычайною быстротою и вмѣстѣ съ тѣмъ съ крайнею осторожностью, благодаря которой это грандіозное сооруженіе обошлось безъ несчастныхъ случаевъ. Несмотря на совершенно непредвидѣнные препятствія со стороны грунта, пучины и обилія подпочвенныхъ водъ, уже 13 октября 1888 года былъ произведенъ бывшимъ министромъ Путей Сообщенія, К. Н. Посыетомъ, послѣдній взрывъ въ нижней галереѣ туннеля. Послѣ этого потребовались еще два года на расширеніе туннеля до необходимыхъ размѣровъ, на сплошную обдѣлку его камнемъ и устройствомъ подвѣздовъ съ значительными искусственными сооружениями, и 16 сентября сего года, въ присутствіи министра Путей Сообщенія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Гюбенета, состоялось открытіе движенія по туннелю, причемъ министръ передалъ инженеру Рыздзевскому Высочайше пожалованный ему въ этотъ день знакъ ордена Св. Станислава первой степени.

Во время постройки туннеля на Рыздзевскаго была возложена пріемъ въ кану Закавказской желѣзной дороги, нынѣ же онъ занятъ изысканіями по проложенію желѣзной дороги чрезъ Главный Кавказскій хребетъ для соединенія Ростово-Владикавказской желѣзной дороги съ Закавказскою.

Шпринцовка для лимфы Dr. Коха. (Рис. на стр. 1249).

Каждому безынтересно будетъ взглянуть на инструментъ надѣлавшій шумъ во всемъ образованномъ мѣрѣ—инструментъ служащій Dr. Коху для подкожнаго вырыскиванія его антитуберкулезной лимфы. Передняя часть шпринцовки состоитъ изъ стеклянной трубки, къ которой привинчивается тонкая, внутри полая игла. Тщательно вымѣренный, до кубическаго миллиметра, объемъ трубки, измѣряется дѣленіями шкалы. Подъ трубкой прикрѣпляется на винтѣ резиновый балонъ; достаточно слегка позать его и жидкая лимфа вырыскивается въ человѣческое тѣло, большею частію въ легкій разрѣзъ кожи между лопатками или подъ ребрами.

Два нижніе рисунка изображаютъ смертоносныхъ бациллъ въ двухъ стадіяхъ: до вырыскиванія и спустя нѣсколько часовъ послѣ него. Первые представляются тонкими прямыми черточками; вторыя же, вскорѣ послѣ вырыскиванія, слегка скручиваются съ обонхъ концовъ, середина нѣсколько вздувается и кривится, и бацилла умираетъ.

Политическое обзорѣніе.

Съ восторженіемъ на германскій престолъ молодого императора Вильгельма, и особенно со времени удаленія отъ дѣлъ

князя Бисмарка, въ Пруссіи, а съ нею и въ Германіи, появились новыя вѣянія и теченія въ государственномъ строѣ и

страну ожидают цѣлый рядъ новшествъ и преобразованій, берущихъ начало отъ самого императора. Между прочимъ, на этихъ дняхъ имъ были высказаны взгляды на школьное дѣло, вызвавшіе не мало толковъ не только въ Германіи, но и за предѣлами ея, въ особенности у насъ, гдѣ школьное образованіе сложилось не безъ вліянія германскихъ образцовъ.

3 декабря открылись въ Берлинѣ занятія комисіи, собранной для обсужденія вопроса о среднемъ образованіи, въ присутствіи императора, который, когда было приступлено къ совѣщаніямъ, обратился къ собранію съ рѣчью, такъ какъ ему казалось важнымъ, чтобы присутствующіе впередъ знали взгляды императора на обсуждаемые вопросы. Выставивъ нѣсколько вопросовъ подлежащихъ обсужденію комисіи, а именно относящихся къ устраненію главнаго балласта на экзаменахъ и къ устраненію въ будущемъ чрезмѣрнаго отягощенія учениковъ, императоръ указалъ, что съ 1871 г., послѣ объединенія имперіи, гимназій совсѣмъ перестали обращать вниманіе на то, чтобы уяснить юношеству, что новый государственный строй созданъ для дальнѣйшаго существованія и долженъ быть оберегаемъ отъ всякихъ подкоповъ. Учителя должны были съ самаго начала вступить въ борьбу съ соціально-демократическими идеями. Но филологи, счастливые тѣмъ, что они крѣпко засѣли въ гимназіяхъ (*beati possidentes*), обращали исключительное вниманіе на знанія и выучку, а не на образованіе характера и не на требованія современной жизни. Такъ долѣе не можетъ продолжаться. Нужно, наконецъ, отказаться отъ точки зрѣнія, сводящей все къ гимнастичѣ уму. Гимназій лишены національной основы. Онѣ должны воспитывать въ духѣ національномъ и возвращать юныхъ германцевъ. Сочиненіе на нѣмецкомъ, а не на латинскомъ языкѣ должно сдѣлать сосредоточіемъ, вокругъ чего все должно вращаться. Представленіе на выпускномъ экзаменѣ безурочнаго сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ должно служить мѣриломъ умственного развитія юноши, но немъ можно опредѣлить, годенъ-ли онъ на что-нибудь, или негоденъ. Также мы должны основательно усвоить себѣ географію и отечественную исторію. Являющіеся въ изобиліи преобразователи и благодѣтели мира порождаются тѣмъ, что молодымъ людямъ неизвѣстно, какъ развивались событія. Отчего это постоянно задвѣваются надъ нашимъ правительствомъ и ставятъ ему въ примѣръ чужеземные порядки? Потому, что молодежь вовсе не знаетъ, какъ создались наши порядки и что происхожденіе ихъ относится къ періоду французской революціи. Поэтому необходимо излагать возможно просто, ясно и объективно, какъ перешли событія этой революціи въ XIX вѣкъ.

Продолжительность занятій должна быть сокращена. Императоръ ссылается на свой собственный опытъ въ бытность гимназистомъ въ Касселѣ. „Если бы я, говорилъ вѣнценосный ораторъ, не имѣлъ возможности по своему положенію ѣздить верхомъ, да вообще нѣсколько пользоваться свободою, я бы, вѣроятно, не зная, каковъ на самомъ дѣлѣ Божій міръ. Такихъ усилій нельзя долго требовать отъ молодежи. Нельзя долѣе натягивать тетиву этого лука, мы уже и такъ дошли здѣсь до крайнихъ предѣловъ. Школы обнаружили необычайную дѣятельность и дали намъ чрезвычайный избытокъ образованныхъ людей. Указаніе князя Бисмарка на существованіе пролетаріата среди окончившихъ курсы — справедливо. Журналисты въ особенности являются представителями неудачниковъ изъ гимназистовъ. Тутъ намъ грозитъ опасность. Императоръ поэтому не будетъ болѣе разрѣшать открытіе такихъ новыхъ гимназій, которыхъ безусловная необходимость и право на существованіе не будетъ доказана. Рядомъ съ классическими гимназіями должны существовать школы съ реальнымъ образованіемъ, но отнюдь не „реальныя гимназій“. Реальныя гимназій — полумѣра, такимъ образомъ полу-

чается только полуобразованіе, а все это вноситъ впоследствіи неосновательность и въ самую жизнь. Наконецъ императоръ указалъ, что сокращеніе учебнаго матеріала, въ которомъ значительно преобладаетъ умственный трудъ надъ физическимъ, — возможно только подъ условіемъ упрощенія экзаменовъ, а также должно быть обращено вниманіе на личный составъ учителей, къ которымъ непримѣнимъ нынѣ афоризмъ тайнаго совѣтника Гинциетера, воспитателя Германскаго императора: „Кто хочетъ воспитывать, тотъ долженъ быть самъ воспитаннымъ“.

Изъ Гаги сообщаютъ, что похороны короля были очень торжественны. Многотысячная толпа почтительно свидѣтельствовала о своемъ соболѣзованіи. Звонъ колоколовъ сливался съ громомъ пушечныхъ салютовъ; зажженные фонари были обвиты крепомъ. Въ одиннадцать часовъ печальная колесница тронулась изъ дворца; гробъ былъ весь покрытъ вѣнками. За колесницею слѣдовали дроги съ массою вѣнковъ, наложенныхъ до высоты трехъ метровъ. По сторонамъ шли 24 камергера, въ сопровожденіи 24 унтеръ-офицеровъ. Во главѣ траурной процессіи шли принцъ Вальдекъ-Ширмонтскій и великій герцогъ Саксенъ-Дуксенбургскій; за ними слѣдовали Великій Князь Алексѣй Александровичъ, эрцгерцогъ Австрійскій, принцы Альбертъ Прусскій, Саксенъ-Веймарскій и Савойскій, графъ Фландрскій, принцы Виртембергскій и Датскій, наследный принцъ Саксонскій, герцогъ Мекленбургскій, принцы Видъ, Шаумбургъ-Линпе и Бентгеймскій, послы Франціи и другихъ странъ. Два герольда, въ роскошномъ одѣяніи, несли гербы; королевскія регалии были несены сановниками двора. Въ половинѣ перваго похоронное шествіе прибыло къ чертѣ Гаги, гдѣ съ прахомъ простился коллегія шѣффовъ.

Въ Римѣ 28 ноября король Гумбертъ открылъ 17-ю законодательную сессію, причемъ заявилъ въ своей рѣчи, что съ радостью и довѣріемъ приветствуетъ палату. „Италія — скажетъ король — приобретающая въ Европѣ постоянно возрастающіе авторитетъ и уваженіе, а также вѣрные союзы, искренно желаетъ все болѣе улучшать свои отношенія ко всѣмъ державамъ. Италія съ удовольствіемъ видитъ, что всякая опасность международныхъ осложненій разсѣялась; ей остается только разграничить сферы своихъ территорій и своего вліянія въ Африкѣ въ согласіи съ дружественнымъ правительствомъ. Главною вашею задачею будетъ обезпечить благосостояніе рабочихъ. Прежде всего надо упрочить финансы; въ сокращеніи расходовъ и преобразованіи налоговъ парламентъ найдетъ средства къ установленію равновѣсія“. Далѣе король говоритъ, что онъ непрежнему гарантируетъ права религій своихъ предковъ, но не позволитъ, чтобы во имя этой религій оскорбляли его верховную власть ради политическихъ цѣлей. Рѣчь короля была нѣсколько разъ прерываема громкими рукоплесканіями. Членамъ королевской фамиліи сдѣланы были горячія оваціи.

Въ Парижѣ устроители французской выставки въ Москвѣ дали 24 ноября банкетъ въ честь министра торговли Роша, причемъ министръ поздравилъ частную инициативу съ выгоднымъ для Франціи предпріятіемъ. Спюллеръ сказалъ, что устроители выставки поступили прекрасно, набравъ русскій народъ и городъ Москву въ того, чтобы представить доказательство французскаго генія послѣ выставки 1889 года. Далѣе Спюллеръ констатировалъ, что между націями существуютъ великія теченія симпатій, которыя господствуютъ надъ людьми и надъ событіями, потому что они кроются въ сердцахъ націй. Въ виду этого онъ поздравляетъ будущихъ экспонентовъ по поводу того, что они стремятся завладѣть русскою душою. „Успѣхъ за вами обезпеченъ — присвокупилъ ораторъ — такъ какъ русскій народъ ждетъ насъ“. Въ заключеніе Спюллеръ поднялъ бокалъ въ знакъ глубокаго уваженія къ Россіи, что было встрѣчено продолжительными рукоплесканіями.

Библиографія.

Съ Стюера на Югъ. Путевыя востоминанія стараго журавля. Н. Н. Каразина. Иллюстрировано авторомъ 6 хромо-литографій, 5 фототипій и 99 рисунковъ въ текстѣ. Изданіе Девриена. СПб. 1890.

Давно уже въ русской литературѣ не появлялось такой интересной, безтенденціозной, чисто художественной, исполненной юмора и поэзій, способной разогнать всякую хандру — книги, дѣйствующей на читателя разомъ и текстомъ, и превосходными рисунками, которые разсыпаны въ ней во множествѣ.

Кому не случалось видать высоко въ небѣ пролетающихъ треугольникомъ журавлей? Но едва-ли многимъ приходило въ голову, какъ далеко лежитъ ихъ путь. А путь этотъ обнимаетъ не больше не меньше какъ четверть земной окружности, начинается гдѣ-нибудь съ болотъ Повгородской губерніи и пролегалъ чрезъ всю Велико-Мало- и Новороссію, чрезъ Архипелагъ и Малую Азію, чрезъ Египетъ, Суданъ и Абиссинію, къ истокамъ Вѣлаго Нила и великимъ экваторіальнымъ озерамъ Средней Африки... Жизнь журавля съ момента появленія на свѣтъ изъ яйца въ Осташковскихъ болотахъ, его воспитаніе, охотничьи экспедиціи, первое путешествіе въ Африку, со всѣми его ужасными приключеніями, встрѣча съ подругою жизни, затѣмъ возвращеніе на родину и обзаведеніе собственнымъ

гнѣздомъ — вотъ что рассказываетъ эта книга, въ живыхъ сценахъ, исполненныхъ неподдѣльнаго юмора.

Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи Преобразованія. Историческое изслѣдованіе Дм. Цвѣтаева. М. 1890.

Это обширное сочиненіе, около 800 страницъ большого формата, излагаетъ одинъ изъ существенныхъ вопросовъ Русской исторіи за Московскій періодъ. До сихъ поръ ученые изслѣдователи внимательно изучали византийскіе элементы, вошедшіе къ намъ; вопросъ же „нѣмецкій“, который имѣетъ теперь наибольшій жизненный интересъ, вопросъ объ отношеніи московскихъ людей къ западнымъ людямъ и западно-европейской культурѣ и жизни оставался почти незагромаженнымъ. Изложенію и выясненію послѣдняго предмета, вмѣстѣ съ изображеніемъ быта и положенія у насъ иностранцевъ, и посвящено изслѣдованіе профессора Д. В. Цвѣтаева. Основано оно на архивномъ матеріалѣ и другихъ первоисточникахъ съ привлеченіемъ и критическою провѣркою того, что было писано по тому или иному частному вопросу изъ данной области. За названное изслѣдованіе авторъ удостоенъ ученой степени доктора Русской исторіи. Хотя оно, такимъ образомъ, представляетъ ученую диссертацию, но изложено съ такою ясностію, которая дѣлаетъ его интереснымъ и доступнымъ вообще для образованнаго общества.

С М Ъ С Ъ.

Въ лабораторіи Коха (Dr. Людвигъ Штейгера). Въ настоящее время интересъ всего образованнаго міра, и врачей, и людей не имѣющихъ отношенія къ медицинѣ, сосредоточенъ на одномъ ученіи, который, благодаря дѣлающему эпоху открытію, можетъ стать спасителемъ всего человѣчества. Профессору Коху удалось найти средство противъ бациллъ чохотки и слѣдовательно противъ одного изъ величайшихъ бичей человѣческаго рода.

Годъ тому назадъ, въ бытность мою въ Берлинѣ, я познакомился со своимъ землякомъ, приватъ-доцентомъ докторомъ Лёте (теперь онъ — профессоръ въ Клаузенбургѣ), который тогда занимался въ Берлинскомъ бактериологическомъ институтѣ, получая стипендію. Конечно я тотчасъ же сталъ разспрашивать любезнаго земляка о профессорѣ Кохѣ, объ его лабораторіи, гдѣ занимаются изслѣдованіями надъ бациллами.

— Хотите посмотрѣть насъ за работой? спросилъ меня мой землякъ. — Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣтилъ я. — Во время недавней холеры я такъ много слышалъ о профессорѣ Кохѣ и о бациллахъ, что съ большой охотой взглянулъ бы какъ на его лабораторію, такъ и на этого бича человѣчества — микроскопическихъ бестій.

— Прежде должнъ вамъ замѣтить, что вы будете имѣть дѣло не съ „бестіями“, а съ растеніями, которыя могутъ двигаться. Въдъ бациллы принадлежать къ царству растеній. Уже прежде люди знали растенія которыя двигаются. Я попрошу васъ только вспомнить родъ мухоловокъ...

— Извините мое прегрѣшеніе. Въ этихъ вещахъ я профанъ и не могу иначе думать объ этихъ пресѣкателяхъ жизни, какъ представляя ихъ себѣ микроскопическими чудовищами, прожорливыми какъ акулы и ужасающими своей плодливостью.

— Последнее совершенно вѣрно. Бациллы удивительно размножаются при благоприятныхъ условіяхъ. Мы разводимъ въ бактериологическомъ институтѣ бациллы всѣхъ родовъ, и вы убѣдитесь сами, какъ процвѣтаетъ наша культура.

Я почувствовалъ легкій страхъ при мысли, что увижу воалѣ себя старательно сберегаемые зародки ужасныхъ болѣзней. Я поспѣшилъ замаять свой страхъ профана и спросилъ, когда мнѣ прійти въ институтъ.

— Сегодня послѣ полудня я въ вашемъ распоряженіи.

— Гдѣ можно видѣть васъ?

— Монастырская улица, № 36, Гигіенической институтъ, бактериологическая лабораторія.

Я простился и обшашъ непременно быть.

Послѣ обѣда я пріѣхалъ по городской желѣзной дорогѣ на площадь Александра, откуда прошелъ нѣсколько прямолинейныхъ улицъ и скоро рѣ стоялъ въ Монастырской улицѣ предъ длиннымъ простымъ домомъ изъ краснаго кирпича, надъ которымъ была надпись: „Гигіенической институтъ“. Поднимался по лѣстницѣ, которая вела въ Бактериологическій институтъ и лабораторію Коха, я мысленно собиралъ всѣ мои свѣдѣнія относительно профессора Коха и бациллъ. Въ дѣйствительности я могъ сказать очень мало объ нихъ. Наконецъ я дошелъ до лабораторіи, спросилъ о докторѣ Лёте и очутился въ большомъ залѣ съ высокими окнами, между которыми помѣщались рабочіе столы для двоицъ. На каждомъ столѣ стояли микроскопы, склянки съ разноцвѣтными жидкостями, большіе стеклянныя ящики съ живыми бѣлыми мышами, которымъ прививаются разныя бациллы. На длинномъ столѣ, посреди залы находились сосуды для кипяченія, банки, склянки, реторты въ нестромѣ смѣшеніи; по стѣнамъ видѣлись темныя впадины, въ которыхъ надъ газовымъ пламенемъ устроены очаги для кипяченія. Въ большихъ желѣзныхъ вмѣстительщахъ непрерывно кипѣла вода, въ которой бациллы будучи сварены дѣлаются безвредными. Промывальная машина, газовая трубка, расходящаяся

надъ столами, водо- и газо-вмѣстительща дополняли меблировку залы, нестрога которой вначалѣ смутила меня. Я увидѣлъ нѣсколькихъ врачей за дѣломъ: одни занимались наблюденіями подъ микроскопомъ, другіе снимали склянки и реторты съ кипячительныхъ очаговъ, третьи производили опыты надъ животными, служащими для этой цѣли. Два врача, которыхъ по лицу я принялъ за японцевъ, тщательно старались отдѣлнить бациллы изъ сѣрой массы, находившейся въ продолговатой склянкѣ на ихъ рабочемъ столѣ. Какъ я позже узналъ отъ доктора Лёте, врачи стекаются со всего свѣта для бактериологическихъ занятій въ знаменитомъ институтѣ. Наряду съ нашими соотечественниками здѣсь находились: англичане, французы, американцы и тѣ самыя японцы, которые старательно занимались изслѣдованіемъ природы и вида бациллъ.

Во второмъ залѣ, устроенномъ на подобіе перваго, я засталъ доктора Лёте за работой. Онъ сидѣлъ за столомъ у окна и также производилъ изслѣдованія при помощи микроскопа, когда я приблизился къ нему и хотѣлъ протянуть руку.

— Пожмите мнѣ руку у локтя, воскликнулъ онъ, — потому что ладонь полна бациллъ.

Послѣ веселаго привѣтствія онъ пригласилъ меня сѣсть рядомъ и тотчасъ началъ объяснять находящійся подъ микроскопомъ препаратъ.

— Я преимущественно занимаюсь здѣсь, сказалъ онъ, — разведеніемъ и изслѣдованіемъ бациллъ туберкулѣза. Это — новѣйшее открытіе, которое на недавнемъ медицинскомъ конгрессѣ въ Парижѣ дало поводъ къ живымъ и полезнымъ для науки преніямъ. Профессоръ Кохъ сильно интересуется моими опытами и очень часто приходитъ ко мнѣ изъ своей лабораторіи узнать о ходѣ и положеніи моихъ работъ... Взгляните, продолжалъ онъ, — здѣсь подъ микроскопомъ у меня скопленіе туберкулѣзныхъ бациллъ. Впрочемъ, прежде чѣмъ осмотрите ихъ, я вамъ дамъ нѣкоторыя объясненія какъ вообще разводятся бациллы.

Докторъ Лёте подвелъ меня къ маленькому шкапу, гдѣ стояло много продолговатыхъ банокъ съ разнообразнымъ содержаніемъ. Онъ вынулъ одну изъ нихъ, и я увидѣлъ въ ней нѣчто въ родѣ желтаго студня, на поверхности котораго точно плѣсень видѣлась сѣрая масса.

— Эта сѣрая, лишавициальная масса, сказалъ мой землякъ, — состоитъ изъ холерныхъ бациллъ.

Я отодвинулся на шагъ, что размѣшило моего спутника.

— Существуетъ устарѣлое мнѣніе, сказалъ онъ, — что эти бациллы находятся въ воздухѣ. Только непосредственное соприкосновеніе, и то если онѣ войдутъ въ кровь, можетъ вызвать заболѣваніе... Здѣсь, чистыя холерныя бациллы. Ихъ разведеніе не такъ легко, какъ вы можете быть думаете, такъ какъ съ ними перемѣшаны и другія безчисленныя бациллы, и ихъ-то прежде всего надо отдѣлнить. Бациллы разводятъ такъ: изъ бульона готовится студень и кладется въ склянку, которая ставится на кипячительный очагъ, гдѣ остается нѣсколько времени въ кипяткѣ, для того чтобы тѣ бациллы, которыхъ не желаютъ разводиться, погибли при высокой температурѣ. Затѣмъ въ этотъ студень опускаютъ помощью игольного острія частіцу большого организма, въ которой находятся тѣ бациллы, коиъ хотятъ развести. Бациллы опущенныхъ на игольномъ остріи достаточно, чтобы уже чрезъ нѣсколько дней студень вполне подернулся сѣрой плѣнкой, — такъ быстро размножаются онѣ. Такимъ-то способомъ разные роды бациллъ разводятся въ особыхъ склянкахъ. Прежде туберкулѣзныхъ я покажу вамъ холерныхъ бациллъ.

Мой землякъ взялъ съ собою склянку къ рабочему столу, вынулъ тонкую иглу изъ латинской проволоки, раскалилъ кончикъ ея на газовомъ пламени для уничтоженія, какъ онъ объяснилъ, постороннихъ бациллъ, и взялъ ея изъ сѣрой массы частіцу не болѣе

 **Во избѣжаніе перерыва въ полученіи пер-
выхъ №.№., просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНО-
ГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕН-
НО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1891
года, такъ какъ**

 **Городская почта послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ
ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе
списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, кор-
ректурa и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА
АДРЕСОВЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИС-
ЧИКОВЪ требуетъ много времени.**

булавочнаго острія. Онъ положилъ ее на стеклышко, пустить каплю анилина, чтобы бациллы были видѣе, и подставилъ стекло подъ микроскопъ. Я взглянулъ и увидѣлъ цѣлый міръ маленькихъ существъ въ видѣ палочекъ, которыя были прозрачны и безпрестанно двигались. Тамъ и сямъ видѣлись красныя пятна, которыя были не что иное, какъ дѣлыя группы бациллъ.

— Міръ на остріи иголки! удивленно воскликнулъ я.

— Теперь вы не будете болѣе удивляться опустошеніямъ, производимымъ эпидеміями.

Пока я смотрѣлъ холерныхъ бациллъ, докторъ Лѣте приготовилъ другой препаратъ, который положилъ подъ микроскопъ.

— Это бациллы сибирской язвы, сказалъ онъ.

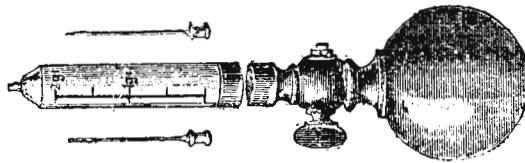
Я взглянулъ и увидѣлъ бациллъ, другой формы и болѣе длинныхъ, чѣмъ прежнія. Онѣ были цилиндрической формы и въ такомъ же громадномъ количествѣ. Затѣмъ докторъ Лѣте показалъ мнѣ бациллъ тифа, которыя распространялись лучеобразно, и наконецъ— важнѣйшихъ! — бациллъ туберкулѣза, плоскихъ клѣткообразныхъ существъ, которыя были отлично видны благодаря каплѣ анилина.

Вдоволь наглядѣвшись на различнаго рода бациллъ, я не могъ удержаться, чтобы не высказать своего мнѣнія, что въ медицинѣ долженъ произойти настоящій переворотъ благодаря открытію этихъ зародышей болѣзней.

— Конечно, отвѣтилъ докторъ Лѣте.—Безчисленные опыты прививокъ разныхъ бациллъ животнымъ доказали безъ сомнѣнія то, что эпидемическія болѣзни происходятъ отъ

различныя болѣзни и на нихъ наблюдались различныя стадіи ихъ. Надъ каждой клѣткой стояло названіе болѣзни, бациллы которой привиты животному. Каждый врачъ, работающій въ лабораторіи, самъ покупаетъ себѣ животныхъ и платитъ за кормъ ихъ. Я вздохнуть съ облегченіемъ, когда мой спутникъ затворилъ дверь этого жалкаго зѣврища и мы вышли на улицу. (к.)

По поводу открытія Коха, прусскій министръ народнаго просвѣщенія, г. Гослеръ 29 ноября произнесъ цѣлую рѣчь, сущность которой такова: Кохъ первоначально имѣлъ намѣреніе исполнѣть открыто сообщитъ всему міру способъ приготовленія своего средства. По настоянію министра, онъ однако отказался отъ этого намѣренія, особенно послѣ того какъ въ бесѣдахъ съ Гослеромъ выяснилось, что хотя онъ можетъ назвать вещество, изъ котораго готовится средство, но не въ состояніи такъ подробно описать способъ приготовленія средства, чтобы обезпечить надлежащее его приготовленіе. Этотъ способъ возможно изучить только навывшему работнику при помощи собственныхъ опытовъ и личнаго наблюденія надъ способомъ приготовленія, на что по меньшей мѣрѣ надо полгода. Самъ Кохъ испытываетъ дѣйствіе каждаго добываемаго количества лимфы, прежде чѣмъ отдать ее на медицинское употребленіе. На приготовленіе исполнѣть годной лимфы необходимо 5—6 недѣль. Въ виду этихъ обстоятельствъ Гослеръ настаивалъ, чтобы изобрѣтатель предварительно не открывалъ своего секрета. Самъ Кохъ продолжаетъ свои изслѣдованія въ области различныхъ инфекцион-

Шприцовка для лимфы Dr. Коха.

Бациллы до впрыскиванія.

Бациллы послѣ впрыскиванія.

соотвѣствующихъ бациллъ и могутъ искусственно вызываться прививками.

— А если удастся убивать бациллъ въ тѣлѣ больныхъ животныхъ—прекратятся ли тогда эпидеміи?

— Вы спрашиваете о томъ, на что сегодня еще не могутъ отвѣтить ни профессоръ Кохъ, ни его ученики. Можетъ быть будущій годъ дастъ отвѣтъ...

Приведа въ порядокъ сосуды и приборы, онъ вымылъ руки и повелъ меня по небольшимъ заламъ, гдѣ были также устроены лабораторіи на подобіе описанной. Затѣмъ мы вошли въ лабораторію профессора Коха, который почти весь день работалъ не отрываясь; это былъ человекъ средняго роста, съ настоящимъ лицомъ нѣмецкаго профессора, съ круглой бородой, высокимъ лбомъ и въ неизбѣжныхъ золотыхъ очкахъ. Здѣсь я осматрѣлъ богатую бібліотеку гигиеническихъ сочиненій на всѣхъ языкахъ, и затѣмъ докторъ Лѣте провелъ меня въ отгороженное помѣщеніе на дворѣ, гдѣ держались животныя для опытовъ. Когда мы вошли въ этотъ настоящій зѣврищъ, насъ встрѣтилъ громкій лай собакъ. Это привѣтствовали насъ собаки, которымъ былъ привитъ ядъ бѣшенства. Въ разнообразныхъ клѣткахъ было много кроликовъ, мышей, морскихъ свинокъ, кошекъ, собакъ и др.—истинныхъ жертвъ науки. Имъ были привиты

нихъ болѣзней и надѣется черезъ 2 или 3 года сдѣлать наконецъ общезвѣстными результаты всѣхъ своихъ изслѣдованій. Министръ, проникнутый убѣжденіемъ въ пользѣ предварительнаго сохраненія въ тайнѣ способа приготовленія въ интересъ дѣла, объявилъ, что беретъ на себя отвѣтственность въ этомъ передъ міромъ. И такъ приготовленіе средства останется на будущее время въ рукахъ Коха и его учениковъ, а продажу средства прусское правительство объявитъ государственною монополіей. Правительство имѣетъ главнымъ образомъ въ виду, чтобы средство приготовляли не частнымъ образомъ, давая свободу спекуляціямъ, а въ государственныхъ лабораторіяхъ подъ охраной закона. Это дѣлается не изъ корыстолюбивыхъ расчетовъ, а съ цѣлью государственной гарантіи надлежащаго приготовленія. Послѣ того какъ этотъ вопросъ пройдетъ для Пруссіи, а слѣдовательно и для Германіи, надо стараться убѣдить и другія культурныя государства сдѣлать повсюду, въ интересахъ безопасности страдающаго человечества, государственною монополіей продажу и приготовленіе этого средства. Такъ какъ Кохъ въ качествѣ изобрѣтателя является собственникомъ средства, которое должно подлежать монополіи государствъ, то въ переговорахъ между нимъ и правительствомъ необходимо было установить форму денежнаго вознагражденія, которое слѣдуетъ Коху со стороны пра-

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ“ 1891 ГОДА

СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

Исполняя желаніе многихъ изъ нашихъ иногородныхъ гг. подписчиковъ, мы нашли возможнымъ допустить РАЗСРОЧКУ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ ЗА „НИВУ“ 1891 ГОДА, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ два сроча: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Іюня 1891 г. 3 р.

2) Въ три сроча: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1891 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1891 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всѣми приложеніями и преміями—наравнѣ съ годовыми подписчиками.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

вительства, получающего средство в распоряжение государства. Что дѣло при такой государственной монополіи вовсе не идетъ о денежныхъ барышахъ со средства, видно изъ того, что уже теперь сильнѣйшая доза при вирьскивании стоить только 5 пфенниговъ, а самая слабая — полпфеннига. За введеніемъ государственной монополіи, если сбудется настоящія клиническія ожиданія, вѣроятно послѣдуетъ позже обязательная для всѣхъ предохранительная прививка, какъ при оспѣ, причемъ лѣчение несостоятельныхъ больныхъ будетъ безплатно отъ государства. (к.)

Образъ жизни Коха. Докторъ Кохъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ, встаетъ въ 9 часовъ. Онъ тотчасъ одѣвается, но вмѣсто сюртука надѣваетъ платье безъ рукавовъ, напоминающее женскій шлафрокъ, которое снимаетъ, выходя къ завтраку. Вмѣсто утренняго кофе докторъ Кохъ пьетъ густое пюре, въ которое крошатъ поджаренный черный хлѣбъ. Затѣмъ онъ удаляется въ лабораторію, гдѣ работаетъ до 2-хъ часовъ. Обѣдъ состоитъ изъ жаркого, легкаго мучнаго блюда и супа, который онъ пьетъ всегда подъ конецъ. Ровно въ 3 часа у крыльца стоитъ верховая лошадь, довольно старая, бѣлая, изъ манежа на улицѣ Доротен, на которой профессоръ, тотчасъ же отъ дома пускаетъ ее крупную рысью, ѣдетъ въ Зоологическій садъ. Эта прогулка длится около часу. Остальное время послѣ обѣда до 8 часовъ вечера исключительно посвящено занятіямъ. Насколько простъ обѣдъ, настолько бываетъ обилёнъ ужинъ, за которымъ подается отъ 3 до 4 мясныхъ блюдъ. Профессоръ Кохъ за вѣдой обыкновенно выпиваетъ много содовой воды. Послѣ ужина, а иногда и во время него, знаменитый ученый принимаетъ друзей и знакомыхъ, съ которыми оживленно бесѣдуетъ до полуночи. Затѣмъ онъ отправляется на покой, взявъ въ постель всевозможныя политическія и научныя газеты, прочесть которыя днемъ у него нѣтъ времени. Врачей и другихъ, лично не знакомыхъ ему, онъ принимаетъ послѣ обѣда въ лабораторіи. За то часто онъ горько жалуется друзьямъ на многія помѣхи и обремененія, которыя происходятъ отъ посѣщеній совершенно незнакомыхъ людей. Докторъ Кохъ крайне предупредителенъ и обладаетъ подкупающими манерами свѣтскаго человѣка. Онъ смущается и бываетъ скученъ на слова только тогда, когда люди, не имѣющіе отношенія къ медицинѣ, разспрашиваютъ его объ его научныхъ изслѣдованіяхъ. Онъ помогаетъ, даже болѣе чѣмъ позволяютъ его денежные средства, бѣднымъ студентамъ и немущимъ коллегамъ и главнымъ образомъ заботится о томъ, чтобъ ни одинъ обремененный нуждой не вышелъ безъ утѣшенія изъ его дома. (к.)

Французскій миссіонеръ патеръ Ангуаръ, викарій католической миссіи въ центральной Африкѣ, въ настоящее время хлопочетъ во Франціи объ основаніи католической миссіи въ верхней Убанги. Недавно онъ читалъ въ Пуатье докладъ о людобѣдахъ съ рѣки Лоанго, на берегахъ которой священники миссіи распространяли свою полную самоотреченія дѣятельность. Тамъ, сообщаетъ патеръ Ангуаръ, рабы замѣняютъ убойный скотъ. Его описанія представляютъ ужаснѣйшія картины. 15 сентября текущаго года въ деревнѣ Пифондъ былъ купленъ за 2 слоновыхъ клыка и зарѣзанъ начальникомъ племени Молекки рабъ по имени Бандинга. Его откармливали бананами, мансомъ и рыбой, пока онъ не поотѣлѣлъ. Онъ лежалъ связаный на жертвенномъ камнѣ, сынъ Молекки нѣсколько разъ ткнувъ ножомъ въ его тѣло и радостно сообщая отцу, что жаркое общается быть на славу. Обружающіе

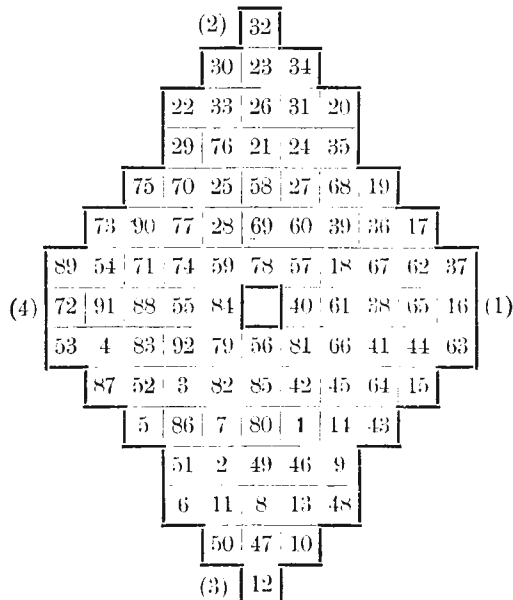
ощупывали несчастнаго и радостно восклицали: „Что за прекрасное мясо! Какой будетъ у насъ превосходный пиръ!“ Женщины мыли горшки, чтобы налѣдить туда крови. Дѣти точили ножи на камняхъ и заранѣе спорили, чья часть будетъ вкуснѣе. Наконецъ, медленно и важно, съ пожемы въ рукѣ повисли Молекки; ждали только восхода солнца. Молекки склонился предъ жертвой, затѣмъ онъ поднялся, чтобы пожурить двухъ дѣтей, игравшихъ у его ногъ. Прошло еще нѣсколько минутъ, осужденный на смерть рабъ жалобно смотрѣлъ на убійцъ. Молекки важно провѣлъ бѣлую чергу вокругъ шеи раба. Онъ намѣчалъ мѣсто, гдѣ долженъ былъ нанессти ударъ. Ужасныя приготовления! Наконецъ старый вождь занесъ свой ножъ надъ головой раба... Страшный ударъ—п голова отдѣлилась отъ туловища. Раздались звуки военной вѣсны, и среди ликовавшей толпы тѣло было ободрано и раздѣлено на части. Патеръ Ангуаръ рассказываетъ много подобныхъ ужасныхъ исторій. Онъ приходится къ заключенію, что насильствъ ничего не добьются, а каннибаловъ можно просвѣтить и обратить къ болѣе человѣческимъ воззрѣніямъ только путемъ кроткаго поученія. Всѣ попытки отратить ихъ отъ подобныхъ пршествъ развиваются объ ихъ природное протодушіе. Когда миссіонеръ весьма убѣдительно разъяснилъ имъ, какъ противенъ ихъ поступокъ, они стали объяснять, что это имъ вовсе не противно, а съ солью и испанскимъ перцемъ даже очень вкусно. Тщето было его стараніе говорить имъ о высококомъ назначеніи человѣка, объ его разумѣ и дарованіяхъ. Каннибалы отвѣчали: „все, что ты говоришь, доказываетъ намъ, что весьма возвышенно вѣтъ человѣческое мясо,—мясо существа, имѣющаго имя и одареннаго даромъ слова“. (к.)

Курица и кроликъ. Не такъ давно въ Нью-Руншиѣ на дворѣ одного куница находились кроликъ и курица. Такъ какъ каждое изъ этихъ животныхъ чувствовало себя одинокомъ, то мало-по-малу между ними возникла большая дружба, и кроликъ часто осматривалъ курицу своими ласками. Когда позже была прикуплена кроличиха, то хорошія отношенія между курицей и ея другомъ, повидимому, тотчасъ прекратились. Немного спустя самка кролика принесла дѣтей, которыхъ самецъ, какъ это весьма часто случается, умертвилъ. Какъ только въ апрѣлѣ самка вновь принесла дѣтей, курица приняла въ нихъ сильное участіе. Она сѣла на всю толпу кроличатъ, которыхъ было 6 штукъ, чтобы согрѣвать ихъ, къ чему она точно насѣдка чувствовала известныи позывъ, и защищала ихъ съ величайшею яростью ото всѣхъ нападеній кролика, когда тотъ приближался къ гнѣзду. Кромѣ того она устроила мѣсто около гнѣзда, на которое приходила кроличиха кормить своихъ дѣтей. Многие жители города нарочно приходили въ сарай удословрѣться въ истинѣ такого явленія. Курица охраняла гнѣздо до тѣхъ поръ, пока кроличата не подросли и могли безъ опасности для своей жизни покинуть гнѣздо. (к.)

Императорская публичная бібліотека недавно обогатилась собраніемъ 1601 научныхъ сочиненій, принадлежавшихъ покойному лейбъ-медику П. Д. Добберту, сынъ котораго, докторъ В. П. Доббертъ, подарилъ это собраніе Императорской публичной бібліотекѣ. (к.)

Аделина Патти получила за участіе въ 43 концертахъ во время своего артистическаго путешествія въ Америкѣ—32,000 фунтовъ стерлинговъ, или 640,000 марокъ, не считая многочисленныхъ подарковъ, какъ, напримѣръ, золотую корону и серьги съ бриллиантами и рубинами отъ президента Мексики и его жены. (к.)

Рѣшеніе задачи буквъ № 63 (помѣщенной въ № 45).

Всегда такъ будетъ и бывало.—
Таковъ издревле бѣлый свѣтъ:
Ученыхъ много, умныхъ мало.
Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ.

А. С. Пушкинъ.

Вѣрное рѣшеніе прислано отъ С. П. Солодова въ Калугѣ.

Рѣшеніе шахматной задачи Рѣшеніе шашечной задачи
№ 65 (помѣщенной въ № 45). **№ 64** (помѣщенной въ № 45).

Бѣлые.		Черные.		Бѣлые.		Черныи.	
1) J g 3—g 5	1) e 5—e 4	1) b 4—c 5	1) d 6—d 2	2) f 8—b 4	2) a 7—a 3	3) h 4—f 6	3) h 4—f 6
2) Ф e 5—b 4	2) Куда угодно.	3) a 1—h 8	4) h 8—b 2	3) a 1—h 8	4) h 8—b 2	двѣ шашки заперты.	
3) Ф или К ++	1) e 5: d 4 К						
1)	2) Куда угодно.						
2) Ф e 5—e 7	1) Cf 4: g 5 J						
3) J или Ф ++	2) g 6: f 5 К						
1)	3) Ф e 5—f 2 ++						
2) K d 4—f 5+							

Вѣрная рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.: СПб.—Н. В. Панкова, В. П. Шощина, А. А. Поспѣева, А. Куделина, А. В. Кокоркина, В. В. Мищенко, Москва—Л. Сахарова, П. П. Смирнова, Бердянскъ—Гг.: СПб.—А. А. Поспѣева, В. В. Мищенко, Полосъ—В.—ти, Брестъ-Литовскъ—М. А. Вологда—Чудкова, Диска—Moses Hildin, Житомиръ—Р. Г. Либерманъ, Серпецъ—Л. Я. Гарфинкель, Тверь—А. Бетулина.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ просить своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городекіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: О подпискѣ на „Ниву“ 1891 г.—Панъ круль. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Графа Е. А. Саласа. Ч. II. (Продолженіе).—Джемма. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній). Рассказъ Нота Мурлыки.—Сѣдой лононь. Сказка Георга Эерса. (Окончаніе).—Къ рисункамъ: Деревенская улица (съ рис.).—Психея, открывающая сосудъ со стигійскимъ снѣгомъ (съ рис.).—Кольбель Михаила Феодоровича, въ домѣ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ. Картина И. Степанова (съ рис.).—На берегу Финскаго залива (съ рис.).—Сваха (съ рис.).—Прѣбываніе Наслѣдника Цесаревича въ Наирѣ (съ рис.).—Галерея Гумберта I въ Неаполѣ (съ 2 рис.).—Ф. Д. Рязевскій (съ портр.).—Шпринцовна для лимфы Др. Коха (съ 3 рис.).—Политическое обозрѣніе.—Библіографія.—Смѣсь.—О подпискѣ на „Ниву“ 1891 г. съ разсрочкою.—Рѣшенія задачъ.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Пздатель А. Ф. Марисъ. Редакторъ В. Клюшиновъ.

ПОДАРКИ НА ЕЛКУ.

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА,

издано А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гранированнымъ на стали, и фансимиале.

Настоящее издание дополнено всеми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученого Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученыхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1 500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 3 р. 75 к.; въ роскошн. каленкор. перепл. съ золот. тиснен. — 8 р., съ перес. 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы“ — 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями просить обращаться въ СПБургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

Н. МОРСКАГО (ЛЕБЕДЕВА)

съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ коленкоромъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Графа Е. А. Салиаса.

Историческій романъ времени востества на престолъ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ ч. СПб. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.; въ коленк. перепл. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ 2 столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами — коими съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „Нивы“ 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к., въ перепл. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

МОЛОТИЛЬНАЯ МАШИНА.

Кто желаетъ купить дешево, прямо съ фабрики, превосходную, въ Россіи извѣстную, надежную молотилку, пусть закажетъ себѣ

НОВУЮ МОЛОТИЛЬНУЮ МАШИНУ

ВЕЙЛЯ Р. № 4869

и о выемкѣ рисунка и описанія напишеть на русскомъ языкѣ Морциу Вейль младш. въ Франкфуртѣ в М., Германія.

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО !!

приготовленное лабораторіей А. Энглуида. Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и пріятная пѣна, впитывается въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость, употребляется какъ мыло.

Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглуида красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.

Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ всей Россійской Имперіи. Ц. № 4409 12—11

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

А. ЭНГЛУИДЪ,
СПБ., Литейный пр., 36.

НОВОСТИ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО:
Шиманъ. Былое времячко. Вальсъ. П. 75 к.
Маршъ и Вальсъ изъ он. „Мажда сильныхъ ощущеній“.
Нейфф. Маленьк. Листъ. Дѣтск. Сборн. 1.50.
Кавалерійскій маршъ. Ц. 40 к.
Кочечка. Польша со словами. Ц. 50 к.
Фельдманъ. Сладкій сонъ. Вальсъ. П. 75 к.
Ружидкій. Внемли, другъ, моленымъ души № 4860 Романсъ. Ц. 40 коп.
Возьми меня, и вся твоя. Ц. 40 к.
Брамса Венгерск. танца № 5.6.7. д. скр. съ фортепиано по 40 к.
у КУЛИНОВА, Москва, Маросѣйка.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьевъ. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ коленк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 г. НА ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ XI. „ОСКОЛКИ“ XI ГОДЪ.

подъ редакціей и при постоянномъ участіи

Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 номера въ годъ), иллюстрированный, юмористическій журналъ „Осколки“ съ карикатурами, вступающій въ ОДИНАДЦАТЫЙ годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1891 году подъ той же редакціей, но той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1890 году. Въ годъ до 800 юмористическихъ и карикатурныхъ, художественно выполненныхъ рисунковъ, какъ въ краскахъ, такъ и въ черныхъ, и до 1.300 юмористическихъ и сатирическихъ статей, въ стихахъ и въ прозѣ. Время отъ времени, редакція предлагаетъ ребусы, шарady и загадки НА ПРЕМИЮ.

Всѣ ГОДОВЫЕ подписчики получаютъ въ концѣ 1891 года

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ:

ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

„ПЕРОМЪ И КАРАНДАШЕМЪ“

издано изданный альбомъ, заключающій въ себѣ автографическія наброски пера и карандаша русскихъ писателей, художниковъ, музыкантовъ, пѣвцовъ, актеровъ и пр.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

Съ доставкой и пересылкой:	Безъ доставки и пересылки:
На годъ съ бесплатной преміей. 9 р.	На годъ съ бесплатной преміей 8 р. — к.
На полгода безъ преміи. 5 „	На полгода безъ преміи. 4 „ 50 „
За границу 10 „	

◆ За пересылку преміи приплатъ не полагается. ◆
Допускается разсрочка подписной платы.

Подписка принимается въ Главной конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ (Троицкая улица, д. № 18).
№ 4861 2—1 Редакторы-издатели: Н. Лейкинъ и Р. Голине.

ВОЗВАНІЕ.

Благочестивые христіане и христалъ бивые братіе и сестры! Деревянная церковь во имя Преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ Чудотворцевъ, при р. Выгѣ, берега коей были въгодѣ осенены подвижническими стопами Преподобнаго Савватія, въ селѣ Надвоицкомъ, Кемскаго уѣзда, Архангельской губ., сооружена, вмѣстѣ сгорѣвшей въ 1847 г., на средства мѣстныхъ жителей въ 1850 г. и, по немалому средству, не была тогда приведена въ надлежащее устройство ни съ внѣшней, ни съ внутренней стороны. Такъ, внутри съ прежде всего обращается на себя вниманіе своею бѣдностью и неоконченностью отдѣлки иконостаса. Правда, мѣстная икона испаннаго яруса, хотя древня, но живопись хорошая, такъ что онѣ соотвѣтствуютъ приличію и благолѣпію сельскаго храма; но, если это можно сказать, с первымъ ярусомъ иконостаса, то совершенно нельзя того же сказать о второмъ ярусѣ. Набравномъ изъ иконъ разныхъ святыхъ и различной величины, которыя отъ времени и спрости частью омерзли, частью потемнѣли такъ, что на некоторыхъ изъ нихъ не замѣтно изображеній; выше же — голая стѣна. Предъ мѣстными иконами висятъ мѣстныя лампады различной величины и формъ и стоятъ три деревянныхъ, съ небольшими свѣщами, выносныхъ подвѣсочка. Въ алтарѣ, на горнемъ мѣстѣ и предъ жертвенникомъ, нѣтъ соотвѣствующихъ сямъ мѣстамъ иконъ, равно какъ и запрестольный крестъ и икона Божіей Матери — простая, деревянная и весьма древня. Что же касается церковнаго имущества, какъ-то: священныхъ сосудовъ, облачений и прочей церковной утвари, то въ нихъ большой недостатокъ и совершенная скудость.

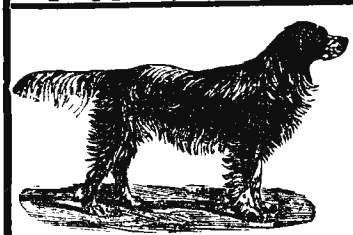
Обращая вниманіе на внѣшнее устройство Надвоицкаго храма, справедливость требуетъ сказать, что онъ поражаетъ взоръ зрителя своею ветхостію и бѣдностью. Такъ, на небольшой колокольнѣ его висятъ только три маленькихъ колокола, изъ коихъ большой въ 5 и. разбитъ въ 1886 г., при зноѣ во время морозовъ; а главное, деревянная крыша, коею покрыта церковь, отъ времени пришла въ такую ветхость, что во время дождей и непогодъ пропускаетъ течь, отчего развивается внутри церкви сырость, портящая послѣднее скудное ея имущество.

Причтъ и староста Надвоицкой церкви, желая возобновить свой храмъ, устроитъ въ немъ новый иконостасъ и приобрѣтитъ церковную утварь, болѣе или мѣше соотвѣствующую приличію и святости дома Божія, но, не имѣя на это собственныхъ церковныхъ суммъ и въ то же время, не разсчитывая на помощь своихъ малочисленныхъ прихожанъ, коихъ всего 500 душъ обоего пола, которые, по своей крайней бѣдности, положительно не могутъ дать никакихъ денежныхъ средствъ, находясь вынужденными обратиться съ разрѣшенія своего Епархіальнаго начальства, къ соучастію православныхъ христіанъ, любящихъ благолѣпіе храмовъ Божіихъ, и слезно просятъ ихъ во имя преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія, Соловецкихъ чудотворцевъ, оказать посильную свою помощь денежными и вещественными приношеніями на вышеозначенное святое дѣло. Каждый дѣла пріята будетъ съ величайшей благодарностію и именемъ жертвователей и ихъ родныхъ будутъ записаны въ церковной синодикъ для вѣчнаго у Престола Божія поминанія.

Христіанские благотворители, желающіе принять участіе въ дѣлѣ возобновленія сего храма, благоволятъ адресовать свои приношенія такъ: На Сумскую почтово-телеграфную станцію, Кемскаго уѣзда, Архангельской губ., священнику Надвоицкой церкви, Николаю Дюминичу Самсонову, со старостой.

Подлинныя подписали:
Священникъ Николай Самсоновъ,
Псаломщикъ Ф. Шагинъ,
Церковный староста Гавриилъ Фефеловъ.

Артуръ Зейфартъ, Кестрицъ (Германія).

Награды, премии, дипломы, медали съ выставокъ государственныхъ и частныхъ. Значительнѣйшій заводъ породистыхъ собакъ

Рѣдчайшихъ современныхъ породъ, комнатныхъ, охотничьихъ и для всѣхъ видовъ спорта.

Спеціальности: Великорослыя горныя собаки, ньюфаундлендскія, мастифы, крупные нѣмецкіе доги, бульдоги, сторожевыя собаки, терьеры, пинчеры, пуделя, и проч.

посы, крысоловы, дамскія собачки, охотничьи собаки, лагавы, швейны, таксы и проч. Превосходные отзывы. — Учрежденіе рекомендуемое крупнѣйшими авторитетами по кинологіи, болѣе 10,000 благодарственныхъ писемъ. — Безплатная франкгованная высылка каталога. — Иллюстрированный альбомъ 50 френгитовъ. К. 4714 50 различныя породы. — Вывозъ во всѣ части свѣта. — 50 различныя породы.

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахерскихъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутуовая пудра.
CHATELAIN FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 60 к.
За границу № 4792 6—4
на годъ 10 р. Объявленія по 10 к. за строку.

ДЕНЬ

Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Сиворцовъ. Преображенская, 4, 12 кв. рассказовъ и очерковъ. Издатель А. А. Гриве.

Поздравляем! Открыта подписка на 1891 год!

на ХVI год. ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ год ХVI.

„СТРЕКОЗА“

Органъ Любомудрія, Остролювіа и Веселонравіа. Годъ шестнадцатый.

„Стрекоза“ издается уже 15 лѣтъ (съ 1875 г.) и отпразднуетъ свою серебряную свадьбу съ русскимъ читателемъ ровно въ день начала XX вѣка.

„Стрекоза“ органъ и медицинскій. Она лѣчитъ человѣчество по системамъ Пастера, Броунъ-Секара и Коха: отъ укусовъ бѣшенства, отъ преждевременной старости и отъ чахоточной гипохондріи.

„Стрекоза“—органъ политическій. Благендѣльно вся суть европейской политики въ сжатомъ видѣ на столѣ выкладывается.

„Стрекоза“—органъ художественный. Не было еще такого искусства, которое пропало бы незамѣченнымъ ею.

„Стрекоза“—органъ энономическій. Она даетъ свои заключенія даже о тарифныхъ ставкахъ и предлагаетъ, при случаѣ, конверсаціи и о конверсіяхъ.

„Стрекоза“—органъ поэтическій. Она печатаетъ въ годъ не менѣе 50 аршинъ стиховъ, если уложить ихъ рядомъ.

„Стрекоза“—органъ критическій. Въ ходу критика большая и постоянная, освѣщенная девизомъ: „L'art est facile, mais la critique est difficile“.

„Стрекоза“—наконецъ,—и это главное,—органъ юмористическій. Мрачные люди принимаются на излѣченіе особымъ видомъ массажа, извѣстнымъ подъ именемъ „щекотанія“. Дамы уступка. Дѣтей и собакъ просить не водить.

У „Стрекозы“ есть свой телефонъ и будетъ свой фонографъ. Въ конторѣ журнала можно получать: освѣщенную прививку, вѣрные предсказанія для игры на тотализаторѣ, рекомендацїи письма къ Аделинѣ Патти и страшные позисы американскихъ обществъ „Нью-Йорка“ и „Эквитабль“.

Премія „Стрекозы“ на 1891 годъ (для годовыхъ подписчиковъ) познакомитъ читателей съ самыми интимными подробностями театральнаго мира и быта. Она будетъ называться: № 4878

„ЗА КУЛИСАМИ“

Публика постоянно сидитъ по одну сторону кулисы. Нора открыта ей входъ и по ту сторону кулисы. За кулисами оченю занимательно. Это будетъ превосходный альбомъ, достойное произведение типо-фото-хромо-лито-цино-графическаго искусства конца XIX вѣка. Въ составъ его войдутъ 10 картинъ in folio и иллюстративный, тренециій интересомъ, текстъ. Заранѣе благодаримъ нашихъ читателей за ихъ восторженные отзывы объ этомъ дѣйствительно достопримѣчательномъ выдѣлѣ нашего журнала въ коллекціи изящѣйшихъ кипсековъ современности.

Условія подписки:

ВО ВСѢ ГОРОДА ИМПЕРІИ: Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: *) на годъ съ перес. преміи 10 р. съ доставкою на годъ съ перем. 9 р. — к. на 1/2 года безъ преміи 5 р. на 1/2 г. безъ пр. 4 р. 50 к. Годовые подписчики, вносящіе по 5 р. 50 к. безъ доставки на годъ съ перем. 8 р. 50 к. за каждое 1/2 годіе, пользуются тоже преміею. *) Годовые подписчики съ доставкою вносящіе по 5 р. и годовые подписчики безъ доставки вносящіе по 4 р. 75 к. за каждое 1/2 годіе пользуются тоже преміею. РАЗСРОЧКА для гг. служащихъ, какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ, допускается съ ручательствомъ гг. Казначеевъ и Управляющихъ. Редакція и Контора помѣщаются: Фонтанка, 80, на углу Лештукова пер. СПБ. Издатель Г. К. Корнфельдъ. Редакторъ И. Ф. Василевскій (Буква).

БАНКИРСКАЯ КОНТОРА

АЛЕКСАНДРА КУТУЗОВА

Невскій пр., д. № 29—31, рядомъ съ Думою. Отдѣленіе: Садовая, д. № 32, въ С.-Петербургѣ.

ВЫДАЕТЪ ССУДЫ ВЪ ВОЗМОЖНО ВЫСОКОМЪ РАЗМѢРѢ СЪ ПРАВОВОМЪ УЧЕТАМЪ ДОЛГА ПО ЧАСТЯМЪ

Table with 2 columns: loan type and interest rate. Includes entries for 'подъ билеты I займа', 'подъ II', 'Дворянскаго займа', and 'оплачен, 155 р.' with corresponding rates like 215 р., 195 р., 195 р., 130 р.

подъ другія процентныя бумаги 10% ниже биржевой цѣны, взимая съ 1-го декабря, съ суммы до 1000 руб. 8% годовыхъ, свыше 1000 руб.—7% годовыхъ.

ПРИНИМАЕТЪ ВКЛАДЫ на срокъ, до востребованія и на текущій счетъ, по которымъ платятъ впередъ до извлеченія:

Table with 2 columns: term and interest rate. Includes entries for 'на годъ и болѣе', '6 мѣсяцевъ', 'на три мѣсяца', and 'по востребованію' with rates like 5 1/2%, 5%, 6 1/2%, and 6%.

по текущему счету 4 1/2%

Семья вольнодумцевъ. Историч. повѣсть временъ Екатерины II. Петрова и В. Кляшторна. Ц. 1 р.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ КАЛЕНДАРЬ

на 1891 г. И. Карпова. Со многими таблицами и репентами. Ц. въ переплетѣ 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. И. Г. Дальмейеръ. Выборъ и способъ употребленія фотограф. объективовъ. Перев. съ англ. И. Карпова. Въ брошюрѣ указано какъ получить съ объективами лучшіе результаты. Ц. 60 к., съ пер. 75 к. Получать можно во всѣхъ фотограф. и книжн. маг. СПб. и у И. Карпова: Загородный пр. 4, кв. 3.

МАЙЕРА

МАЛЫЦЪ-ЭКСТРАКТЫ

весьма пріятнаго вкуса. Солодовый экстрактъ въ порошкѣ. Солодовый экстрактъ концентрір. Солодовый экстрактъ карамели.

ВДОВА

ВЛ. МАЙЕРЪ съ СЫНОМЪ

заведеніе для сгущенія въ Ревелѣ. Продажа во всѣхъ главѣйш. москательныхъ торговляхъ и аптекахъ Россіи. № 4873

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА 1891 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства подъ редакціею В. П. Кутузова (СПБ., Лѣсной Институтъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромофотографиями и разными рисунками въ текстѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива“ (СПБ., Невскій просп., № 6) и у назначеннаго Общества Э. И. Эндеръ (СПБ., Импер. Ботанической Сады). Цѣна 8 рублей за годъ. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исклч. въ конторѣ редакціи „Нивы“.

ОПТОМЪ И ВЪ РОЗНИЦУ имѣется въ складѣ стеклянныхъ издѣлій завода А. Ф. ДЮТФУА

аптекарская, химическая, парфюмерная, кондитерская, столовая, винная, гастрономическая, освѣтительная, канцелярская и проч. посуда, а также банки варенья, фруктовыхъ, солений и проч., и проч.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ИЗЯЩНЫХЪ ТУАЛЕТНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ.

Москва, уголь Маросейки и Златоустинскаго переулка, домъ Хвощинскаго.

Прейсъ-курранты по требованію высылаются бесплатно.

III. № 4872

Страховое Общество „ЯКОРЬ“ въ Москвѣ

(Основной и вполнѣ внесенный капиталъ 2.500.000 руб. сер., кромѣ резервныхъ фондовъ)

ПРИНИМАЕТЪ:

- 1) страхования отъ огня всякаго рода имущества,
2) страхования морскихъ, рѣчныхъ и сухопутныхъ транспортовъ,
3) страхования капиталовъ (жизни), выдаваемыхъ при жизни или послѣ смерти застрахованнаго.

По этой послѣдней отрасли страхования Общество „ЯКОРЬ“ предоставляетъ застрахованнымъ слѣдующія льготы:

- 1) Казенную пошлину Общество принимаетъ на свой счетъ.
2) Премія можетъ быть разсрочена по 1/2 годно, по 1/3 и 1/4 года и даже помѣсячно.
3) По непросроченному полюсу, по истеченіи 3-хъ лѣтъ, застрахованный можетъ получить:
а) при прекращеніи страхования, по точному расчету, обратно часть наличными деньгами;
б) новый полисъ на меньшую сумму безъ дальнѣйшаго платежа преміи, взаменъ прежняго уничтоженнаго полиса;
в) ссуду подъ полисъ изъ 6% годовыхъ, при продолженіи страхования, въ размѣрѣ, показанномъ выше въ п. а.

Правила, условія, письменныя и словесныя объясненія можно получать въ Правленіи Общества, въ Москвѣ, и въ агентствахъ его во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ и мѣстностяхъ Россіи. № 4758

60 к., 75 к., 1 р., 1 р. 25 к. до 5 р. съ полнымъ комфортомъ отдѣльныхъ комнатъ во вновь перестроенной и значительно увеличенной Ц. № 4768 (4)

БОЛЬШОЙ ГОСТИНИЦЪ „РОССІЯ“ ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Лучшая кухня. Первоклассный ресторан. Самыя умѣренныя цѣны на всѣ предметы. Огнибоекъ; ванны. Телефонъ. Подъемная машина (lift) во всѣ этажи. Уступка при болѣе продолжительномъ пребываніи. Подробный тарифъ высылается по требованію.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ПЕРВЫЯ ДВѢНАДЦАТЬ КНИЖЕКЪ

біографической бібліотеки Ф. ПАВЛЕНКОВА подъ заглавіемъ:

ЖИЗНЬ ЗАМЪЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ эту бібліотеку, состоящую изъ отдѣльныхъ книжекъ, цѣною въ 25 коп., войдутъ біографіи слѣдующихъ лицъ:

- ИНОСТРАННЫЙ ОТДѢЛЪ. Байронъ, Бальзакъ, Ф. Беконъ, Бетховенъ, Бисмаркъ, Р. Вагнеръ, Вашингтонъ, Л. Винчи, Вольтеръ, Галилей, Гарвей, Гарибальди, Гарриксъ, Рейне, Гёте, Гладстонъ, Говардъ, Григорій VII, А. Гумбольдтъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ, Дантъ, Дарвинъ, Декартъ, Дженнеръ, Дидро, Диккенсъ, Джоржъ-Зандъ, Зола, Кантъ, Кальвинъ, Кеплеръ, Колумбъ, Контъ, Коффюццъ, Коперникъ, Р. Кохъ, Кромвель, Кукъ, Кювье, Лавуазье, Лессенсъ, Лесингъ, Линнѣйтонъ, Линкольнъ, Лийнеи, Лойола, Локкъ, Лютеръ, Магометъ, Макіавелли, Мальтусъ, Меттернихъ, Мисель-Анжелло, Мольтеръ, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Морзе, Томасъ Моръ, Моцартъ, Наполеонъ I, Ньютоизъ, Оуэнъ, Паскаль, Пастеръ, Песталоцци, Прудонъ, Рабле, Рафаэль, Ротшильдъ, Руссо, Свифтъ, Сервантесъ, В. Скоттъ, А. Смитъ, Синюза, Стендъ, Стефенсонъ, Теккерей, Уаттъ, Фарадей, Франклинъ, Фрэнцискъ Ассизскій, Фултонъ, Шекспиръ, Шиллеръ, Шопенгауеръ, Эдисонъ, Эрasmus и другіе.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ. Аксаковъ, Арачевъ, Боткинъ, Бѣлинскій, В. В. Березагинъ, Волковъ (основатель русскаго театра), Глинка, Гоголь, Грановскій, Гринебровъ, Демидовъ, Достоевскій, Зининъ, Каразинъ (основатель Харьковскаго университета), Карамзинъ, Катковъ, Кольцовъ, Крамскій, Крыловъ, Лермонтовъ, Ломоносовъ, Менделѣевъ, Некрасовъ, Никонъ, Новиковъ, Островскій, Петръ Великій, Пироговъ, Погодинъ, Пружальскій, Пушкинъ, Салтыковъ, Скобелевъ, Сперанскій, Суворовъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, Шевченко, Щенкинъ и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается, какъ мы сказали, отдѣльная книжка, заключающая въ себѣ отъ 80 до 100 страницъ текста и портретъ.

Въ настоящее время вышли слѣдующія 12 биографій: Галилея, А. Гумбольдта, В. Гюго, Дарвина, Кювье, Линкольна, Линнея, Лободы, Свифта, Шопенгауэра, Гоголя и Крамскіаго.

Затѣмъ дальнѣйшія біографіи будутъ выходить съ декабря — ежемѣсячно.

Для того, чтобы публика могла легко слѣдить за выходомъ новыхъ книжекъ вышеупомянутой бібліотеки, издатель ея Ф. Павленковъ будетъ ежемѣсячно посылать справочныя объявленія о поступившихъ въ продажу біографіяхъ во всѣ книжные магазины и бібліотеки Европейской и Азиатской Россіи.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Сиб. Лештуковъ пер., № 2).

— Мт. № 4876.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

предается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

№ 4754 25-4

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться письменно: Генеральн. Банкъ, С.-Петербургъ, Васильев. 54-47, 5-ой этажъ.

САРПИНКА.

Ткань изъ высшихъ сортовъ бумажной пряжи — сходство зефира и батиста. Собственное ручное ткачество.

Крѣпкія краски.

Розничная продажа.

Большой разнообразный выборъ рисунковъ, составленныхъ, какъ новосты, на лето 1891 г.

Альбомъ высылается по полученіи 40 коп. почтовыми марками, присланными письмомъ.

АДРЕСЪ:

Саратовъ, Торговому Дому БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ.

№ 4821 5-3

БЕЗЪ СТЕКЛА! БЕЗЪ СТЕКЛА!

Новая патентованная экономическая лампа.

Удостоенна медалью на Московской выставке. № 4804

Съ черной жѣлѣзной горѣлкой, безъ стекла, которая для обыкновеннаго употребленія въ каждомъ домѣ полезны и только на 1/2 дороже въ вечеръ сжигаютъ керосина, и экономичны до слуху по сравнению. Весьма удобны и жѣлѣзн. дорожки, для нихъ особенная конструкция не гудитъ въ фонаряхъ и не коптитъ, какъ мастерскихъ, фабрикъ и пр. Лампа экономична въ родѣ газа. Въ 3 линии стоитъ 35 коп., въ 5 линий 40 к., въ 7 линий 50 к., въ 10 линий 65 к. Торговцамъ

Фабрикация этихъ лампъ устроена въ Истринскомъ Сель. Стрелковеніи. Заказы высылаются немедленно.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальць-Экстрактъ и Конфекты. *)

Д. Г. ПИТЪШЪ и К^о въ Бреславль.

Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что въ составъ этихъ препаратовъ не входитъ никака вредная для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрешена.

Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи у В. Ауплика С.-Петербургъ, Колокольная, 18-19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ и аптекахъ Россіи. В. № 4719 18-6

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА Ч. ГОФМАНА

С.-Петербургъ, Малая Дворянская, №№ 17-19, рекомендуетъ большой выборъ вновь вышедшихъ изящныхъ образцовъ багета, золоченаго, чернаго и подъ старую бронзу. Приемъ частныхъ заказовъ. Невскій проспектъ, д. № 11, бель-этажъ. № 4617 (6)

ЭЛЕОПАТЬ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Cosmet. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (48) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

Лампы съ накаливаніемъ въ 16 свѣчей, въ 50, 65 и 100 вольтъ, за 100 штукъ. РС. 100. Патроны Эдиссона и Сименса. Тюльпаны стѣкланн. отъ 50 к. до 1 р. 25 к. Электрическіе звонки отъ 1 р. 50 к. Аппараты №№ 3, 4, 6, 8, 10, 12 РС. 7.50, 8.50, 14, 16, 20, 23. Кнопки отъ 25 к. Элементы Лекланше отъ 1 р. 25 к. — 1 р. 50. Сухой элементъ Электронъ отъ 2 р. Изолированная проволока за ф. отъ 1 р. 20. Изолаторы отъ 20 к. — 50 к. Симплесъ Микрофонъ, Телефонъ со звонкомъ, за станцію РС. 15. Микрофонъ телефона Вадена, съ индукторомъ, на протяженіе 400 верстъ, за станцію РС. 60. Домашній телеграфъ, легко устанавливается домашнимъ образомъ, безъ помощи специалистовъ, цѣна 7 р.

Постановка и проводъ телефономъ и звонкомъ, а также ремонтъ и починка по весьма умѣреннымъ цѣнамъ. Руководство и прейс-курантъ высыл. за 50 к. марками. 5-4 **К. И. ФРЕЛАНДТЪ** В. № 4775 Складъ электрическихъ приборовъ, С.-Петербургъ, уг. Невскаго пр. и Екатерининскаго канала, д. Учетнаго Банка, входъ съ канала, № 16.

ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ! ВЫПИСЫВАЙТЕ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО.

Кромѣ вещей опубликованныхъ въ номерахъ 44, 45 и другихъ, только что получите громадный выборъ занятій, игръ, забавъ и полезн. подарковъ на Елку по самымъ дешев. цѣнамъ, примемъ обратимъ между проч. вниманіе на нижеслѣдующія:

♦ Игрокъ съ фокусами въ 1 р., 2 р., 4 р. ♦ Портфель съ фокусами (10 и 20 фокусовъ) 1 р. 50 к., 2 р. ♦ 30 штукъ головоломокъ (игра въ терпѣніе) 3 р. ♦ Игра (пасьянсъ) Эйфелена башня 50 к. ♦ Америк. никелев. столов. часы, ручательство 3 р. ♦ Машинка для стрижки волосъ люлей и животныхъ 7 р. ♦ Комнатные фигурчатые (медвѣди) кегли (очень изящн.) Игра 6 р. ♦ Французскія столов. кегли нов. игра 3 р. ♦ Летящ. муха (парижск. новост.) 1 р. 50 к. ♦ Музыкальны. волчекъ 1 р. ♦ Выжиганіе по дереву и кожѣ волный приборъ съ платиновымъ прожигателемъ. Ц. 12 р. ♦ Тисненіе по кожѣ любихъ рисунковъ съ инструментами и образцами. Ц. 6 р. ♦ Большой приборъ. Ц. 10 р. ♦ Живопись на фарфорѣ, фаянсѣ, майоликѣ и стеклѣ. Ц. 12 р. ♦ Гелиоиниатора или искусство раскрашиванія красками портретовъ, картинъ, эстамповъ и проч. Ц. 6 р. ♦ Литохромія или искусство обращать гравюры и литографіи въ изящныя масляныя картины. Ц. 7 р. ♦ Гелиоиниатора и литохромія вмѣстѣ. Ц. 11 р. ♦ Домашній фотографъ, посредствомъ коего всякій даже ребенокъ можетъ переносить портреты, карточки, гравюры и проч. Ц. 4 р. ♦ Также съ приложеніями. Ц. 4 р. 50 к. ♦ Гальванопластика или искусство золоченія, серебренія, никелированія и т. д. Ц. 4 р., 6 р., 8 р. и 10 р. ♦ Оптикъ съ электричествомъ, полный приборъ. Ц. 2 р. 50 к. ♦ Работы изъ стружекъ и бересты. Ц. 1 р. 50 к. ♦ Живопись брызгами. Ц. 2 р. ♦ Литографія, приборъ для увеличенія и уменьшенія картинъ, плановъ, рисунковъ и проч. Ц. 1 р. 50 к., тоже металлическій 4 р. ♦ Каллиграфія, коимъ всякій можетъ научиться красиво писать. Ц. 1 р. ♦ Механографъ для увеличенія и уменьшенія картинъ. Ц. 1 р. 50 к. ♦ Живопись-самоучка, съ красками. Ц. 2 р. ♦ Дитя-архитекторъ. Ц. 2 р. ♦ Кораблестроитель, постройка судовъ по моделямъ. Ц. 3 р. 50 к. ♦ Живописное лото, для изуч. языкъ русск., франц., нѣмецк. Ц. 1 р. 50 к. ♦ Шахматы. Ц. 2 р. ♦ Шапки. Ц. 1 р. ♦ Волшебные фонари съ представляемъ самому раскрашивать картины. Ц. 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р., 4 р., 5 р. до 50 р. ♦ Казеры-обскуры, для рисованія съ природы. Ц. 2 р. 50 к. ♦ Также большія, складныя. Ц. 6 р. ♦ Ортограма, новый приборъ для рисованія перспективы съ красками и проч. Ц. 5 р. ♦ Стоячокъ для пишловки по дереву и металлу (работать рукою и ногою) деревн. со всѣми приложеніями. Ц. 4 р. ♦ Такой-же жѣлѣзныи. Ц. 6 р. ♦ Игрокъ съ старинными и переплетными инструментами. Ц. 10 р. ♦ Паяльный приборъ для спаиванія и припая всѣхъ металлич. вещей, ц. 3 р. и большій, ц. 5 р. ♦ Приборъ для дѣланія развѣзъ багетовъ, съ инструментами. Ц. 6 р. ♦ Фотографическій аппаратъ — не игрушка; для сниманія съ природы, визитныхъ и кабинетныхъ портретовъ, видовъ и пр., съ пробнымъ снимк. и подробн. руковод., (пересылка за 15 фунт.). Ц. 10 р. ♦ Новості Электрическая лампа, автоматъ какъ ночникъ и для закуриванія папиросъ. Ц. 5 р. ♦ Электрич. столовая лампа для освѣщенія комнатъ. Ц. 15 р. и много друг. новостей. Всѣ вышеозначенные приборы съ руководствами. Заказы исполняются немедленно. Новый иллюстрированный каталогъ всѣхъ изобрѣтений высылается за 7 коп. марку. Складъ Новыхъ Изобрѣтений. С.-Петербургъ, 4. Невскій просп., 4. рядомъ съ Главнымъ Штабомъ. Фирма существуетъ съ 1872 года. Мѣ. № 4868

КОМЬКИ

въ богатомъ выборѣ всѣхъ цѣнъ отъ 1 руб. до 15 руб. Изготовленные спеціальныи магазинъ въ Россіи Мѣ. 4855 2-1

А. БРАВЕЦЪ,

Большая Морская № 40, въ СПб.

Усовершенствованный НАРОДНЫИ ЦИТРЫ

Издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ: 7 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к. 3 " съ приспособленіемъ для быстрой и скорой настройки по 6 рублей. Самый легкій инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время продали многія тысячи. За пересылку по почтѣ прошу прилагать 4 р. 40 коп. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

И. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова. Иллюстр. прейс-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (42) Ц. № 3864 Торговцамъ дѣляется скидка.

Главное депо часовъ БАЛЬТИЦВАГЕРЪ

Невскій пр. № 42. С. ПЕТЕРБУРГЪ

Пренсъ-куръ высылъ безпл. Съ ручательствомъ за исправность хода и прочность механизма.

ЦИТРЫ

отличной работы, хорошаго качества и сильнаго тона отъ 16-22-28-38-48-58-68-78-88-98-108-118-128-138-148-158-168-178-188-198-208-218-228-238-248-258-268-278-288-298-308-318-328-338-348-358-368-378-388-398-408-418-428-438-448-458-468-478-488-498-508-518-528-538-548-558-568-578-588-598-608-618-628-638-648-658-668-678-688-698-708-718-728-738-748-758-768-778-788-798-808-818-828-838-848-858-868-878-888-898-908-918-928-938-948-958-968-978-988-998-1008-1018-1028-1038-1048-1058-1068-1078-1088-1098-1108-1118-1128-1138-1148-1158-1168-1178-1188-1198-1208-1218-1228-1238-1248-1258-1268-1278-1288-1298-1308-1318-1328-1338-1348-1358-1368-1378-1388-1398-1408-1418-1428-1438-1448-1458-1468-1478-1488-1498-1508-1518-1528-1538-1548-1558-1568-1578-1588-1598-1608-1618-1628-1638-1648-1658-1668-1678-1688-1698-1708-1718-1728-1738-1748-1758-1768-1778-1788-1798-1808-1818-1828-1838-1848-1858-1868-1878-1888-1898-1908-1918-1928-1938-1948-1958-1968-1978-1988-1998-2008-2018-2028-2038-2048-2058-2068-2078-2088-2098-2108-2118-2128-2138-2148-2158-2168-2178-2188-2198-2208-2218-2228-2238-2248-2258-2268-2278-2288-2298-2308-2318-2328-2338-2348-2358-2368-2378-2388-2398-2408-2418-2428-2438-2448-2458-2468-2478-2488-2498-2508-2518-2528-2538-2548-2558-2568-2578-2588-2598-2608-2618-2628-2638-2648-2658-2668-2678-2688-2698-2708-2718-2728-2738-2748-2758-2768-2778-2788-2798-2808-2818-2828-2838-2848-2858-2868-2878-2888-2898-2908-2918-2928-2938-2948-2958-2968-2978-2988-2998-3008-3018-3028-3038-3048-3058-3068-3078-3088-3098-3108-3118-3128-3138-3148-3158-3168-3178-3188-3198-3208-3218-3228-3238-3248-3258-3268-3278-3288-3298-3308-3318-3328-3338-3348-3358-3368-3378-3388-3398-3408-3418-3428-3438-3448-3458-3468-3478-3488-3498-3508-3518-3528-3538-3548-3558-3568-3578-3588-3598-3608-3618-3628-3638-3648-3658-3668-3678-3688-3698-3708-3718-3728-3738-3748-3758-3768-3778-3788-3798-3808-3818-3828-3838-3848-3858-3868-3878-3888-3898-3908-3918-3928-3938-3948-3958-3968-3978-3988-3998-4008-4018-4028-4038-4048-4058-4068-4078-4088-4098-4108-4118-4128-4138-4148-4158-4168-4178-4188-4198-4208-4218-4228-4238-4248-4258-4268-4278-4288-4298-4308-4318-4328-4338-4348-4358-4368-4378-4388-4398-4408-4418-4428-4438-4448-4458-4468-4478-4488-4498-4508-4518-4528-4538-4548-4558-4568-4578-4588-4598-4608-4618-4628-4638-4648-4658-4668-4678-4688-4698-4708-4718-4728-4738-4748-4758-4768-4778-4788-4798-4808-4818-4828-4838-4848-4858-4868-4878-4888-4898-4908-4918-4928-4938-4948-4958-4968-4978-4988-4998-5008-5018-5028-5038-5048-5058-5068-5078-5088-5098-5108-5118-5128-5138-5148-5158-5168-5178-5188-5198-5208-5218-5228-5238-5248-5258-5268-5278-5288-5298-5308-5318-5328-5338-5348-5358-5368-5378-5388-5398-5408-5418-5428-5438-5448-5458-5468-5478-5488-5498-5508-5518-5528-5538-5548-5558-5568-5578-5588-5598-5608-5618-5628-5638-5648-5658-5668-5678-5688-5698-5708-5718-5728-5738-5748-5758-5768-5778-5788-5798-5808-5818-5828-5838-5848-5858-5868-5878-5888-5898-5908-5918-5928-5938-5948-5958-5968-5978-5988-5998-6008-6018-6028-6038-6048-6058-6068-6078-6088-6098-6108-6118-6128-6138-6148-6158-6168-6178-6188-6198-6208-6218-6228-6238-6248-6258-6268-6278-6288-6298-6308-6318-6328-6338-6348-6358-6368-6378-6388-6398-6408-6418-6428-6438-6448-6458-6468-6478-6488-6498-6508-6518-6528-6538-6548-6558-6568-6578-6588-6598-6608-6618-6628-6638-6648-6658-6668-6678-6688-6698-6708-6718-6728-6738-6748-6758-6768-6778-6788-6798-6808-6818-6828-6838-6848-6858-6868-6878-6888-6898-6908-6918-6928-6938-6948-6958-6968-6978-6988-6998-7008-7018-7028-7038-7048-7058-7068-7078-7088-7098-7108-7118-7128-7138-7148-7158-7168-7178-7188-7198-7208-7218-7228-7238-7248-7258-7268-7278-7288-7298-7308-7318-7328-7338-7348-7358-7368-7378-7388-7398-7408-7418-7428-7438-7448-7458-7468-7478-7488-7498-7508-7518-7528-7538-7548-7558-7568-7578-7588-7598-7608-7618-7628-7638-7648-7658-7668-7678-7688-7698-7708-7718-7728-7738-7748-7758-7768-7778-7788-7798-7808-7818-7828-7838-7848-7858-7868-7878-7888-7898-7908-7918-7928-7938-7948-7958-7968-7978-7988-7998-8008-8018-8028-8038-8048-8058-8068-8078-8088-8098-8108-8118-8128-8138-8148-8158-8168-8178-8188-8198-8208-8218-8228-8238-8248-8258-8268-8278-8288-8298-8308-8318-8328-8338-8348-8358-8368-8378-8388-8398-8408-8418-8428-8438-8448-8458-8468-8478-8488-8498-8508-8518-8528-8538-8548-8558-8568-8578-8588-8598-8608-8618-8628-8638-8648-8658-8668-8678-8688-8698-8708-8718-8728-8738-8748-8758-8768-8778-8788-8798-8808-8818-8828-8838-8848-8858-8868-8878-8888-8898-8908-8918-8928-8938-8948-8958-8968-8978-8988-8998-9008-9018-9028-9038-9048-9058-9068-9078-9088-9098-9108-9118-9128-9138-9148-9158-9168-9178-9188-9198-9208-9218-9228-9238-9248-9258-9268-9278-9288-9298-9308-9318-9328-9338-9348-9358-9368-9378-9388-9398-9408-9418-9428-9438-9448-9458-9468-9478-9488-9498-9508-9518-9528-9538-9548-9558-9568-9578-9588-9598-9608-9618-9628-9638-9648-9658-9668-9678-9688-9698-9708-9718-9728-9738-9748-9758-9768-9778-9788-9798-9808-9818-9828-9838-9848-9858-9868-9878-9888-9898-9908-9918-9928-9938-9948-9958-9968-9978-9988-9998-10008-10018-10028-10038-10048-10058-10068-10078-10088-10098-10108-10118-10128-10138-10148-10158-10168-10178-10188-10198-10208-10218-10228-10238-10248-10258-10268-10278-10288-10298-10308-10318-10328-10338-10348-10358-10368-10378-10388-10398-10408-10418-10428-10438-10448-10458-10468-10478-10488-10498-10508-10518-10528-10538-10548-10558-10568-10578-10588-10598-10608-10618-10628-10638-10648-10658-10668-10678-10688-10698-10708-10718-10728-10738-10748-10758-10768-10778-10788-10798-10808-10818-10828-10838-10848-10858-10868-10878-10888-10898-10908-10918-10928-10938-10948-10958-10968-10978-10988-10998-11008-11018-11028-11038-11048-11058-11068-11078-11088-11098-11108-11118-11128-11138-11148-11158-11168-11178-11188-11198-11208-11218-11228-11238-11248-11258-11268-11278-11288-11298-11308-11318-11328-11338-11348-11358-11368-11378-11388-11398-11408-11418-11428-11438-11448-11458-11468-11478-11488-11498-11508-11518-11528-11538-11548-11558-11568-11578-11588-11598-11608-11618-11628-11638-11648-11658-11668-11678-11688-11698-11708-11718-11728-11738-11748-11758-11768-11778-11788-11798-11808-11818-11828-11838-11848-11858-11868-11878-11888-11898-11908-11918-11928-11938-11948-11958-11968-11978-11988-11998-12008-12018-12028-12038-12048-12058-12068-12078-12088-12098-12108-12118-12128-12138-12148-12158-12168-12178-12188-12198-12208-12218-12228-12238-12248-12258-12268-12278-12288-12298-12308-12318-12328-12338-12348-12358-12368-12378-12388-12398-12408-12418-12428-12438-12448-12458-12468-12478-12488-12498-12508-12518-12528-12538-12548-12558-12568-12578-12588-12598-12608-12618-12628-12638-12648-12658-12668-12678-12688-12698-12708-12718-12728-12738-12748-12758-12768-12778-12788-12798-12808-12818-12828-12838-12848-12858-12868-12878-12888-12898-12908-12918-12928-12938-12948-12958-12968-12978-12988-12998-13008-13018-13028-13038-13048-13058-13068-13078-13088-13098-13108-13118-13128-13138-13148-13158-13168-13178-13188-13198-13208-13218-13228-13238-13248-13258-13268-13278-13288-13298-13308-13318-13328-13338-13348-13358-13368-13378-13388-13398-13408-13418-13428-13438-13448-13458-13468-13478-13488-13498-13508-13518-13528-13538-13548-13558-13568-13578-13588-13598-13608-13618-13628-13638-13648-13658-13668-13678-13688-13698-13708-13718-13728-13738-13748-13758-13768-13778-13788-13798-13808-13818-13828-13838-13848-13858-13868-13878-13888-138

Въ книжномъ магазинѣ СЕРГѢЯ ИЛЬИЧА ЛЕУХИНА въ Москвѣ, Моховая, противъ Университета, куда Гг. иногородные и благоволятъ адресовать. Требования высылаются немедленно.

Церковь и ея служители. Настольное руководство для русскаго духовенства и православныхъ христианъ. Вѣчный календарь содержащій въ себѣ: позолотенныя епитимьи, Четьи-Минеею всѣ 12 мѣсяцевъ. Тропари, кондаки, величаны и другія пѣношныя, богослужебныя отпавленія, церковныя чтенія на весь годъ и кругъ подвижскихъ (переходныхъ) дней и праздниковъ православной церкви. Е. А. Тихомирова. Издано иллюстрированное издание. Ц. 8 р., въ переплетѣ 10 р. Въс. за 7 ф.

Жизнь Пресвѣтой Богородицы и сказаніе о всѣхъ чудотворныхъ иконахъ Богородицы, прославляемыхъ въ православной церкви. Съ олеографическими картинками изображенія Св. Чудотворныхъ иконъ Божіей Матери въ нашемъ отечествѣ проглядывшихъ. Составилъ Е. Тихомировъ. Большой томъ. Москва, 1884 г. Цѣна съ картинками изображенія. Чудотв. иконъ Божіей Матери. Ц. съ перепл. 4 руб.

Прологъ. Статьи избранныя изъ Пролога. Житія Святыхъ на русскомъ языкѣ. С. Е. Недумова. Цѣна 2 рубля.

Полная дѣтская библиотека, иллюстрированная множествомъ художественно выполненныхъ рисунковъ и содержащая въ себѣ: сказки, басни, побасенки, прибаутки, поговорки, загадки, скороговорки, загадки, исторія и рассказы изъ жизни великихъ людей, путешествія, рассказы изъ жизни солдатъ и про войну, подрывательные стихи. Въ 20-и отдѣльныхъ книгахъ раздѣленныхъ на четыре возраста. Составлено специалистами-педагогами и дѣтскими садовниками подъ общей редакціей О. Остроумова. Цѣна 4 руб.

Полный словарь 115,000 иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ употребленіе въ русское языкѣ, съ означеніемъ ихъ корней. Составили по лучшимъ источникамъ Бурдонъ и Михальсонъ. Подручная книга для справокъ о значеніи словъ, употребляемыхъ въ разныхъ отрасляхъ наукъ, ремеселъ и художествъ, а также встречающихся въ журналахъ, газетахъ и книгахъ. Изданіе 8-е, дополненное. 1885 г. Цѣна 4 рубля, въ переплетѣ 5 рублей. Въс. 4 фун.

Свѣтъ, правда и народы Россіи въсь время или полная исторія Русскаго Государства. Жизнь Русскаго народа со времени призванія варяжскихъ князей, войнъ, набѣговъ, буи, литература, музыка, театр, художества, до нынѣ благополучно царствующаго Императора Александра III. Два тома съ 54 картинками. Изд. 2-е. Соч. Хитрова. М. 1882 г. Цѣна 5 руб. Въс. 4 фун.

Новый, полный и самый подробный подарокъ молодымъ хозяйкамъ. Современный гастрономъ. Драгоценная книга для уменьшенія расходовъ и приготвленія вкуснаго, здороваго, питательнаго, роскошнаго и дешеваго скорогомаго и нестараго стола. Больше 2000 различныхъ кушаній, поварскихъ и кондитерскихъ приготовленій, начиная отъ самыхъ простыхъ до самыхъ изысканныхъ: русской, французской, итальянской, польской, английской, итальянской, греческой и армянской гастрономической кухни. Съ подробными описаніемъ сколько и какихъ припасовъ и провизій идти на всякое кушанье, отъ двухъ персонъ до большихъ знатныхъ обѣдовъ, какъ его сѣдуетъ приготовить, какъ подавать, причемъ обращено особое вниманіе на домашнюю экономию. Служитъ въ особенности и семейной жизни. Опытный практической помощникъ хозяйкѣ по дому, кухнѣ, столовой, кладовой, погребу, по уходу за дѣтми, веденію хозяйства, руководящая, садоводству, цвѣтоводству, экономіи, воспитанію дѣтей, обученію ихъ, лѣченію домашнихъ средствами, забавамъ и вообще всему, что можетъ требовать совѣта и наставленія. Свѣдѣнія, указанія и наставленія о сохраненіи въ лѣтнее и зимнее время запасовъ, овощей; содержаніе кладовой, погреба и кухонной посуды. Содержаніе дома дойныхъ коровъ и домашней птицы. Огородъ, цвѣты и фруктовый садъ. Шитье и кройка. Содержаніе бѣлья, стирка его, выведеніе пятенъ, витюватыхъ средствъ и мелкихъ ремонтныхъ по хозяйству. Т. 2. Домашніе годовые запасы и экономія. Т. 3. Мужъ, жена и дѣти (Хозяйство, воспитаніе и сохраненіе здоровья). Лѣченіе болѣзней домашними средствами. 25 частей съ приложеніемъ сорочка рисунковъ устройства кухни, всѣхъ кухонныхъ принадлежностей, способовъ убавить мясо, дичь и рыбу, убавить холодную, разварное, жаркое и различныя приправы, а также сервировать обѣденные столы. Составила Е. Морозичъ, подъ редакціей А. Корделли. 1887 г. Цѣна за полное изданіе въ 3-хъ большихъ томахъ, 25 частей 4 руб., въ переплетѣхъ 5 руб. Въс. 4 фун.

30,000 тысячъ новѣйшихъ открытій, рецептовъ, общеполезныхъ практическихъ свѣдѣній и современныхъ изысканій, по части всѣхъ знаній, выработанныхъ современными науками и искусствами. Настоящая драгоценная сокровищница всего практическаго полезнаго изъ прикладной физики, органической, неорганической и аналитической химіи, прикладной механики, архитектуры и технико-строительнаго искусства и по всѣмъ химическимъ, механическимъ, фабричнымъ, заводскимъ производствамъ технологии. Полный сводъ рецептовъ, секретовъ, совѣтовъ, открытій, приспособленій, усовершенствованій и новостей, послѣднихъ лѣтъ по части: зоологіи, ботаники, минералогіи, агрономіи, медицины, фармаціи, акушерства, атоматіи, гомеопатіи, гигиены, дѣтскихъ, дѣтскихъ, физиологіи, домашней экономіи, нарфомунаго искусства, металлургіи, живописи, ваянія, скульптуры, музыки, кушарнаго искусства и вообще всѣхъ свѣдѣній, необходимыхъ въ общественной жизни и въ домашнемъ быту. Со всеми указаніями по фотографіи, литографіи, ксилографіи, цинкографіи, сельскому и городскому хозяйству, домоводству, охотѣ, рыболовству, скотоводству, орожденію, цвѣтоводству, лѣсоводству, лошадиной охотѣ, оцвѣтоводству, птицеводству, пчеловодству и молочному хозяйству, а также винодѣлію, ливу и медоваренію, выдѣлкѣ уксуса, минеральныхъ и шипучихъ водъ и по всѣмъ производствамъ и ремесламъ. Кабинетный совѣтникъ и справочная книга для фабрикантовъ, заводчиковъ, ремесленниковъ, химиковъ, физиковъ, охотниковъ всѣхъ родовъ, сельскихъ хозяевъ и вообще всѣхъ лицъ, желающихъ изъ малаго получить большое и усовершенствовать свои знанія и хозяйство. Составилъ инженеръ-технологъ А. Деленушъ. Два большихъ тома (24 части). Цѣна доступная—за полное изданіе 4 руб., въ переплетѣхъ 6 руб. Въс. 4 фун.

Школа сельскаго богатства. Поля, дѣла, огороды, сады, дѣла и полное хозяйство. Сводъ новѣйшихъ разнообразныхъ знаній, касающихся сельско-хозяйственной техники, совѣтовъ и свѣдѣній для завѣдывающихъ имѣніями и владѣльцевъ крупныхъ, среднихъ и мелкихъ хозяйствъ. Хлѣбопашество, луговое, лѣсоводство, орожденіе, огородничество, садоводство, хлѣбодѣло, табаководство, багачничество, пчеловодство, оцвѣтоводство, скотоводство, коневодство, птицеводство, рыболовство, молочное хозяйство, крахмальное, дегтярное и смольное производство. Теорія и практика агрономіи, какъ указаніе незначительныхъ средствъ, служащихъ къ возстановленію упадшихъ хозяйствъ, истощенныхъ и запущенныхъ пѣдѣй и обогащенію ихъ владѣльцевъ. Современное руководство съ приложеніемъ практическихъ секретовъ въ примѣненіи къ успѣшному развитію сельско-технической дѣятельности въ прямой связи съ сельскимъ хозяйствомъ, указывающей на средства къ обогащенію русскаго сельскаго хозяйства. Лѣчебникъ, конскій лѣчебникъ и скотовѣдѣніе съ присоединеніемъ множества средствъ къ уничтоженію вредныхъ для хозяйства животныхъ и насекомыхъ. Книга въ 5 частяхъ. Трудъ членовъ любительскаго общества сельскаго хозяйства, садоводства и сельско-хозяйственной техники. Влад. Верещагина и Гр. Крылова. Москва, 1884 г. Ц. 3 руб., въ переплетѣхъ 4 руб. Въс. 3 фун.

Самоучитель органической и неорганической химіи. Руководство къ самостоятельному посредствомъ опытовъ (экспериментовъ). Настольная книга для фабрикантовъ, заводчиковъ, промышленниковъ, фармацевтовъ и сельскихъ хозяевъ, и пособіе для учителей учебныхъ заведеній. По новѣйшимъ источникамъ, составилъ химикъ В. Траубергъ. Со многими рисунками. 1888 г. Ц. 3 руб. Въс. 2 фун.

Химикъ-самоучка. Практический спутникъ для химиковъ, заводчиковъ и фабрикантовъ. Сборникъ новыхъ открытій и усовершенствованій для выдѣлки всевозможныхъ химическихъ продуктовъ, препаратовъ и заводско-фабричныхъ издѣлій по лучшимъ способамъ, въ большомъ и маломъ видѣ. Составилъ технологъ Гр. Горновъ. Москва, 1888 г. Цѣна 3 руб., въ переплетѣхъ 4 руб. Въс. 3 фун.

Механикъ-самоучка. Практическое общеполезное описаніе способовъ устройства, сборки, разборки и починки всѣхъ ремесленныхъ, заводскихъ, фабричныхъ и сельско-хозяйственныхъ машинъ и аппаратовъ, и машинъ паровыхъ, водяныхъ, гидравлическихъ и вѣтряныхъ. Установка и производство работъ на машинахъ на различныя болѣзны и малыхъ заводахъ и фабрикахъ. Съ приложеніемъ новѣйшихъ усовершенствованій изъ протехники и фотографіи. Составилъ механикъ Левъ Вокховскій. Москва, 1888 г. Цѣна 2 руб., въ переплетѣхъ 3 руб. Въс. 2 фун.

Полная общеполезная технология для всѣхъ сословій. Общеизвестное изложеніе раз-Контора книжнаго магазина Сергѣя Ильича Леухина имѣть честь извѣстить Гг. иногородныхъ, что по новымъ почтовымъ правиламъ плата за посылки увеличена и потому магазинъ до 1,000 верстъ пересылку принимаетъ на себя, а свыше 1,000 верстъ просить прилагать за каждый фунтъ по 10 коп. на 1,000 верстъ. Книгопродавецъ С. И. Леухинъ въ Москвѣ.

наго рода производствъ, примѣняемыхъ къ промышленной дѣятельности въ Россіи. Источникъ новыхъ, опытно-проверенныхъ, открытій, практическихъ знаній и производственныхъ силъ, служащихъ къ развитію и усовершенствованію фабричной, заводской, мануфактурной промышленности. Изданіе 2-е, въ 2-хъ томахъ. М. Е. Шерера и Ф. Ренгольда. Цѣна 4 руб., въ переплетѣхъ 5 руб. Въс. 3 фун.

Новѣйшая практическая архитектура. Полная общедоступная теоретическая и практическая свѣдѣнія, наставленія и совѣты по архитектурѣ и инженерно-строительному искусству. Планы и фасады съ деталями городскихъ, дачныхъ и сельскихъ построекъ. Современная школа самостоятельнаго изученія строительныхъ матеріаловъ и всевозможныхъ работъ по части разнаго рода удобныхъ, выгодныхъ, красивыхъ, современныхъ и прочныхъ сооружений, въ примѣненіи къ климату Россіи, съ приложеніемъ вычисленій, извлеченныхъ изъ Высочайше утвержденаго урочнаго положенія. Наставленія въ работахъ: каменныхъ, плотничныхъ, печныхъ, столярныхъ, малярныхъ, кровельныхъ, слесарныхъ, кузнечныхъ, плугацурныхъ, мельничныхъ, механическихъ и другихъ, относящихся къ строительнаго дѣла. Со множествомъ рисунковъ въ текстѣ и особаго полнаго архитектурнаго альбома на 40 листахъ болѣе ста изящныхъ плановъ и рисунковъ: церкви каменныхъ и деревянныхъ, городскихъ доходныхъ и барскихъ домовъ, дачъ, гостиницъ, кафе-ресторановъ, торговыхъ помѣщеній, конюшенъ, житницъ, амбаровъ, складовъ, скотныхъ дворовъ, водныхъ и вѣтряныхъ мельницъ и всевозможныхъ сельско-хозяйственныхъ зданій. Устройство печей всѣхъ системъ. Вентиляція. Проведеніе мѣселъныхъ и жѣзвѣныхъ дорогъ и проч., и проч. Составили: архитекторъ Клейнбахъ и инженеръ-строитель Оболенскій. Москва, 1884 г. Цѣна книги съ альбомомъ на 40 листахъ болѣе 100 листовъ и рисунковъ 6 руб. Въс. 3 фун.

Храмъ знаній. Всеобщій практической ремесленникъ для полнаго и всесторонняго изученія ремесленнаго и заводско-фабричнаго мастерства. Спутникъ къ изученію и улучшенію производствъ: ручнаго, механическаго, машиннаго, водянаго и пароваго труда. Библиотека и энциклопедія новѣйшихъ изобрѣтеній по всѣмъ общественнымъ домашнимъ и кустарнымъ ремесламъ: заводской и фабричной техники и технологіи, механическимъ производствамъ, открытіямъ химіи, архитектурѣ и сельско-хозяйственному отдѣламъ. Ученый практической самонаставникъ и руководитель ремесленниковъ, кустарей, заводчиковъ, фабрикантовъ, машинистовъ, кожеваровъ, чертежниковъ, дорожныхъ и ремонтныхъ мастеровъ, архитектурскихъ помощниковъ, строительныхъ десятниковъ, завѣдывающихъ промышленными заведеніями, архитекторовъ, техниковъ, технологовъ, инженеровъ и всѣхъ хозяевъ и лицъ, желающихъ изучить самымъ толковымъ образомъ, безъ помощи и руководства мастеровъ и ремесленно-техническихъ школъ, какое бы то ни было ремесло и мастерство или заводско-фабричное производство. Въ 3-хъ томахъ, 12 книгахъ, заключающихъ въ себѣ 48 ремеселъ и 48 заводско-фабричныхъ дѣлъ и сельскихъ производствъ. Со множествомъ рисунковъ и чертежей и съ приложеніемъ Ремесленнаго и Заводско-Фабричнаго уставовъ. Составлено специалистами-техниками и учеными мастерами, подъ общей редакціей ученаго техника Льва Вокховскаго и инженера-технолога Гр. Горнова. 1887 г. Цѣна полнаго изданія 12 книгъ 6 руб., въ переплетѣхъ 8 руб. Въс. 5 фун.

Пчеловодъ-практикъ. Пчеловодство съ древности и до новѣйшаго времени. Въ 4-хъ частяхъ. Съ рисунками *испанскихъ* колоды всѣхъ усовершенствованныхъ конструкций. Содержаніе: цель въ весь періодъ года, съ подробными указаніями разведенія пчелъ и наблюденій надъ жизнью пчелъ въ учебныхъ ульяхъ. Составилъ по многолѣтней практикѣ Доброхотовъ. Москва, 1890—91 г. Цѣна 2 руб., въ переплетѣхъ 3 руб. Въс. 2 фунта.

Земскій начальникъ. Въ новые законы, постановленія и циркуляры, относящіяся земскимъ участковымъ начальникамъ, уездныхъ сѣздовъ, губернскихъ присутствій, уездныхъ членовъ окружнаго суда, предсѣдатель и членовъ волостнаго суда. Права, обязанности, опредѣленія, прохожденіе службъ, распоряженія, судъ и расправа, отчетность, отпуски, содержаніе и увольненіе отъ службъ. Формы и образцы бланковъ, журналовъ, квитанцій, отчетовъ, предписаній, сношеній, отношеній, рапортовъ и предствленій. Съ приложеніемъ для руководства извлеченій изъ: 1) Устава о наказаніяхъ владѣльцамъ мировыхъ судьямъ. 2) Свода законовъ изд. 1876 года. 3) Уставъ Императора Александра II. 4) Уложеніи о наказаніи. угол. и испр. 5) Городоваго положенія. 6) Положенія о сельскомъ состояніи (о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости). Составилъ Влад. Коломынинъ. Москва, 1890 г. Цѣна 2 руб. Въс. 1 фунтъ.

Торговый, коммерческій и промышленный охрнитель, справочно-юридическая библиотека и настольный секретарь къ сочиненію писемъ, касающихся общественной жизни и торговыхъ оборотовъ, образцы и формы дѣловыхъ актовъ, бумагъ и торговыхъ книгъ. Опытный домашній адвокатъ и руководитель коммерсантовъ, купцовъ, торговцевъ, промышленниковъ, фабрикантовъ, заводчиковъ, подрядчиковъ, конкурсныхъ управленій, контролеровъ, уральныхъ и всѣхъ лицъ, желающихъ вести свои дѣла лично, т. е. безъ помощи бухгалтера, адвокатовъ и повѣренныхъ, и полный кабинетъ юридическихъ познаній, по всѣмъ коммерческимъ дѣламъ и предпріятіямъ, нужныхъ всякому человеку. Къ книгѣ прилагается: готовый счетъ, по которому каждый въ одну секунду можетъ подсчитать правильно любой итогъ. Составилъ А. Д. Капустинъ. Два большихъ тома, 8 частей. Цѣна 3 руб., въ перепл. 4 руб. Въс. 3 ф.

Рысакъ, скакунъ и тяжеловозъ. Воспитаніе ихъ, выѣзка, выдержка, подготовка и уходъ за ними. Опытный наѣздникъ, практической ветеринаръ и коннозаводчикъ. Сборникъ новѣйшихъ и лучшихъ средствъ къ распознаванію лошадей и лѣченію всѣмъ доступными средствами всѣхъ лошадиныхъ, какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ болѣзней—безъ помощи ветеринаровъ. Указатель всѣхъ пороковъ и недостатковъ лошадей и способовъ откупить и исправить ихъ. Новѣйшія свѣдѣнія, испытанная наставленія и опытные совѣты къ выбору, разведенію, содержанію, улучшенію, выѣздѣ для скачекъ и бѣговъ и для продажи лошадей всевозможныхъ породъ. Съ добавленіемъ указаній устройства домашней ветеринарной аптеки, конскаго лазарета и наставленій какъ приготовить самому всѣ лѣкарства, употребляемыя при лѣченіи лошадей. Цѣна 2 руб. Въс. 2 фунта.

Другъ и руководитель охотника собака въ здоровомъ и болѣзномъ состояніи. Охота на болотную, лѣсную, степную и водную дичь съ борзыми, гончими, лайными, бойтерами и таксами на звѣрей. Полный сводъ знаній, замѣчаній, совѣтовъ и наставленій къ выбору собакъ, корму, разведенію, дрессировкѣ и натаскиванію ихъ для всевозможной охоты. Лѣчебникъ и аптека для собакъ. Составилъ на основаніи сорокалѣтней практики охотникъ-любитель С. Нововъ. Подъ редакціей врача ветеринарныхъ наукъ Г. Пигачева. 1886 г. Ц. 2 руб., въ переплетѣхъ 3 р. Въс. 2 ф.

Красочно-исправное производство. Руководство къ приготвленію, изслѣдованію и употребленію красокъ. Источникъ новыхъ открытій по красенію шелковыхъ, шерстяныхъ, хлопчатобумажныхъ и другихъ тканей во всѣ дѣла, равно какъ и по стирке, печатанію и употребленію анилиновыхъ красокъ въ дѣлахъ крашенія. Настольная книга для фабрикантовъ красокъ, мануфактурныхъ товаровъ и вообще, равно какъ и для химиковъ, живописцевъ, красильщиковъ-колеристовъ, маляровъ и т. д. Составилъ по новѣйшимъ руководствамъ Л. Буланъ. Съ рис. въ текстѣ. Москва, 1888 г. Ц. 2 р. Въс. 2 ф.

Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ. Разъясненіе истинъ бытія, жизни, смерти, начала, конца, несчастія, души, вѣры, вѣчности, зла, безсмертія и загробной жизни. Сочиненіе М. П. Погодина. Изданіе полное и безъ пропусковъ. Большой томъ. М. 1884 г. Цѣна 3 руб., въ лучшемъ перепл. 4 р. Въс. 3 ф.

Блудящій вѣчный жидъ. Иллюстрированный романъ Евг. Сю, автора «Наружскихъ тайнъ», въ двадцати двухъ частяхъ, съ прологомъ и эпилогомъ. Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія Влад. Коломынина, съ превосходными картинками, рѣзаными по дереву извѣстными художникомъ Рихау. 2 тома. М. 1890—91 г. Цѣна за два тома 3 р., въ переплетѣхъ 4 р. Въс. 3 фунта.

Практическая алхимія или любопытныя открытія изъ физики и химіи. Чудеса природы. Разъясненія и изобрѣтенія великихъ древнихъ маговъ, алхимиковъ, кабабистовъ и чародей: Сведенборга, Альберта Великаго, Мартина Задки, Шота, Сутана Аслана и Энкарагуаена. Тайны мудраго Соломона. Талисманы, заклинанія, привидѣнія, привороты отъ нуля и злодѣевъ, призраковъ, волшебныя силы природы, магическія предствленія на всѣхъ ступахъ жизни, тѣни, отсканіе кладовъ, кабабистическія вычисленія, электричество, гаданія, книга ворожобъ. Вызываніе духовъ и тѣней умершихъ. Опыты Пинетти. Разрывъ трава. Невидимки и проч. и проч. Иосеппина таблицами вычисленій и рисунками. Собрано и написано изъ древнѣйшихъ рукописей, записокъ и книгъ Шахъ-Эль-Аборамъ. 1891 г. Цѣна 3 руб., въ переплетѣхъ 4 руб. Въс. 3 ф.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!

Издание А. Ф. МАРКСА:

Большое роскошно иллюстрированное издание in folio сочинения

ГЁТЕ

„ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА, исполненными знаменитыми граверами: **Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.**

Классически образцовый переводъ **А. Фета** не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ **40 р.**, за пересылку слѣдуетъ прилагать за **35 фунтовъ**, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА“, СПБ., Невскій пр., № 6.

Фаустъ и Мефистофель на Брокенѣ. Образецъ гравюры на мѣди (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте.

ПОДАРКИ КЪ ПРАЗДНИКУ. СИМФОНІОНЫ

(Музыкальные игрушки съ перемѣн. пьесами).
№ 3 съ ручкой съ 6-ю пьес. 8 р.
Добавочный пьесъ по 35 к.
№ 5 заводные съ 6-ю пьес. 18 р.
Добавочныя пьесы по 35 к.
№ 7 заводные 60 тонн. съ 10-ю пьес. 35 р. Добавочн. пьесы по 60 к.
№ 9 заводные 84 тонн. съ 10-ю пьес. 55 р. Добавочн. пьесы по 75 к.
№ 12 заводные 84 тонн. „Sublime Harmonie“ съ 10-ю пьес. 90 р. Добавочныя пьесы по 1 руб.

Списки пьесъ для симфонионовъ, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣхъ инструментовъ — бесплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
Главное депо № 4880
музыкальных инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, В. Морская, № 84 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и №.
строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.
Специальность: плуги и молотилки. Они же состоятъ главными агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлелорта въ Англій и знаменитаго завода сѣносносилкокъ, истре „Дези“ и сноповязалокъ Манъ Нормина въ Чикаго.
Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигръ завода Стодартъ, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 4484 26—14
Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ, Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутенкопъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

Главное депо часовъ **Э. БУРХАРДТЪ, СПБ.,** Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
Часы никель. отъ 6 р. 50 до 15 р.
„ стали черн. отъ 11 до 25 р.
„ серебряные отъ 12 до 50 р.
„ золотые отъ 25 до 500 р.
регуляторы двухдѣльных заводовъ отъ 17 до 65 р.
Высокаго наложен. платжежемъ. Иллюстр. № 4867 прейсъ-куранты бесплатно. 4—1

ФАБРИКА МЕЛЬХИОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ А. КАЧЪ
въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., домъ № 36.
Рекомендуетъ огромный выборъ позолоченныхъ фаянсовыхъ, всевозможнѣйшихъ вещей, подражающихъ серебру. Г.г. иногороднымъ высылаются иллюстрированныя каталоги, по требованію, бесплатно. № 4797 3—3

Настоящіе Велоспеды Вифъ
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
С.-Петербургъ

ПЕРО - ФОНТАНЪ! НОВОЕ АМЕРИКАНСКОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ.

Въ перѣ находится стеклянный цилиндръ, который наполненъ чернилами и во время писанія чернила стекаютъ черезъ особенное внутреннее устройство на перо. Кончивши писаніе, на перо надвѣваютъ канюль, чтобъ его можно было въ бумажникъ или въ карманъ носить. Перо вызолоченное и поэтому не ржавеетъ. Одного наполненія хватаетъ, если много писать, на два дня.

Цѣна 60 коп., съ пересылкой 1 руб.

СКОБЛИЛЬНАЯ СТАЛЬ.

Скоблить такъ скоро и незамѣтно, что каждый при первомъ употребленіи даетъ ей предпочтеніе предъ всѣми бывшими до сихъ поръ въ употребленіи скоблильными 3—3 ножиками и проч. № 4824

Цѣна 50 коп., съ пересылкой 1 руб.

Оптовая и розничная продажа у **КОНСТАНТИНА МАЛЬМЪ. СКЛАДЪ РЕЗИН. ТОВАРОВЪ** Больш. Морская, № 34.

TIMBRES-POSTE
pour Collections
J. DELZENNE
43, r. de Bourgogne, Paris
Prix-Courant gratis et foe

НИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, чѣткость красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. В. Морская, 21.

Къ свѣдѣнію гг. любителей Выпилки по дереву.

Надняхъ отпечатанъ и поступилъ въ продажу только что изданный конторою журнала „Нива“ **НОВЫЙ (по счету ТРЕТІЙ) „АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛКИ ПО ДЕРЕВУ“**, состоящей изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ множество превосходно выполненныхъ рисунковъ, разнообразнѣйшихъ по величинѣ и стилю всевозможныхъ предметовъ, и около 100 русскихъ, славянскихъ и французскихъ буквъ-монограммъ. Въ альбомѣ вошли исключительно **НОВЫЕ, НИГДѢ ЕЩЕ НЕ ПЕЧАТАВШИЕСЯ РИСУНКИ** художника

В. Н. КЛАГЕСА.

Имѣ же составленъ и помѣщенный въ альбомѣ объяснительный текстъ къ рисункамъ, служащій, вмѣстѣ съ тѣмъ, общепонятнымъ руководствомъ при выпиливаніи, что особенно важно для начинающихъ.

Цѣна альбома въ изящной литографированной папкѣ 1 р. 25 н., а съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 60 н.

Съ требованіями обращаться въ СПБ., въ контору журн. „Нива“, Невскій, 6.

Съ перес. и дост. **„КОЛОСЪЯ“** За полгода . . 4 р.
за годъ 8 р. „ три мѣсяца 2 р.
№ 4877 Ред. СПБ., Николаевская, 16.
ежемесячный толстый журналъ литературы, науки, искусства и общ. жизни (съ рисунками и картинами). Выходитъ 1-го числа книг. отъ 300—400 страницъ.
Подписчики на 1891 г. получаютъ соч. М. Ю. Лермонтова съ портретомъ и биограф. 1-го декабря напечатанъ новый романъ **Э. ЗОЛА** „Деньги“ (L'argent).
Подписчики на 1891 г. получаютъ романъ полностью.

РЕКОМЕНДУЮ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. В. № 4696 8—7
ПАВЕЛЬ БУРЕ
поставщикъ Двора Его Величества.
С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23.
Москва, по Б. Лубянкѣ, противъ Кузнецкаго моста.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыла. по требован. бесплатно.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.

г. XXI

№ 50

1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 15 декабря 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЪ ВЫПРОЕЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к. съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1891 г.

Безъ доставки . . . 5 р. Съ доставкою въ Петербургъ . . . 6 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печниковской. Петровская Торг. линия . . . 6 р. Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . . 7 р. За гра- ницу . . . 10 р.

М. Башкирцева. Съ фотогр. грав. Джемсъ.

М. Башкирцева.

Въ бельэтажѣ одного изъ домовъ на улицѣ Амперъ въ Парижѣ есть комната, остающаяся въ томъ самомъ видѣ, какъ она была покинута своею хозяйкой лѣтъ шесть тому назадъ. Это просторная мастерская, въ которой бросаются въ глаза кюль съ образами Пречистой Дѣвы и Святыхъ, запертая контерка, столъ заваленный кистями и другими принадлежностями живописи, нѣсколько этюдовъ, портретовъ, статуя женщины закрывшей лицо руками, обширная библіотека и наконецъ фотографическій портретъ красной блондинки дѣвушки, хозяйки этого очаровательнаго угла. Маріи Башкирцевой.

Это была кипучая художественная натура, безвременно похищенная смертью, и буквально сгорѣвшая, какъ свѣча зажженная съ обѣихъ концовъ.

Дочь богатаго русскаго помѣщика и предводителя дворянства, она семнадцати лѣтъ отъ роду явилась въ мастерскую Жюліана; насмѣшивъ на первыхъ порахъ своихъ соучениковъ и соученицъ крайнею неумѣlostью, она стала работать по 9 часовъ въ день, и вскорѣ добила то, что картины ея стали появляться на выставкѣ въ „Салонѣ“, а одна изъ нихъ приобрѣтена правительствомъ и находится въ Люксембургскомъ дворцѣ, гдѣ собраны лучшія произведенія новѣйшихъ школъ.

Марія Башкирцева родилась въ 1861 году, въ имѣніи отца ея близъ Полтавы. Несобыкновенныя способности ея проявились чуть не съ первыхъ лѣтъ дѣтства. Она совершенно свободно говорила по-французски, по-англійски, по-нѣмецки и по-итальянски, изучала греческій и латинскій языки. Всю жизнь она какъ-бы сгорала въ неясной жадѣ знанія. Увлекалась литературой, живописью, скульптурой, музыкой, она не знала отдыха. Съ десяти-лѣтняго возраста она постоянно вела свой дневникъ, котораго составилось 20 томовъ, прочла цѣлую библіотеку, играла на фортепіано, на арфѣ, гитарѣ, мандолинѣ и органѣ. По всецѣло отдавшись живописи. Прибывъ въ Парижъ въ 1878 г., она стала посѣщать мастерскую Жюліана, и 11 мѣсяцевъ спустя получила на конкурсѣ медаль, присужденную ей Лефевромъ, Роберъ-Флери, Бугеро, Буланже и К°.

Загѣтъ на выставкахъ появились ея картины: *Портретъ кузины* (1880), *Мастерская Жюліана* (1881), *Жанъ и Жакъ* (1883), *Парижанка*, наконецъ въ 1884 знаменитая *Сходка (le Meeting)*.

Кромѣ того, она выѣлила нѣсколько статуи и этюдоды.
Уже сильно истощенная непосильными трудами, въ 1885 г., окончивая свою послѣднюю картину *Улица*, Башкирцева простудилась и вскорѣ скончалась отъ скоротечной чахотки, двадцати трехъ лѣтъ отъ роду.

Она была дружна съ живописцемъ Бастіенъ-Лепажемъ, умершимъ вскорѣ послѣ нея отъ той же ужасной болѣзни, и поэтомъ Франсуа Коппе, который посвятилъ ей вдохновенную характеристику. Памяти ея посвящены также стихотворенія: Э. Дюкро, Р. де-Суза, Гальера и др.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XVI.

Черезъ два дня съ утра и до вечера все Сталупени ликовали. Поутру изъ замка въ костелъ вышло торжественное шествіе, затѣмъ двинулся поѣздъ: красивая солитерка, въ которой ѣхала невѣста, окруженная сводниками; затѣмъ, тоже окруженный свитой, проѣхалъ верхомъ король. Точно также явился верхомъ и женихъ.

Выписанный по соудѣству ксендзъ совершилъ обрядъ вѣнчанія. Около полудня тотъ же поѣздъ вернулся отъ костела въ замокъ и началось пированіе и въ замкѣ, и на селѣ.

Если бы ввечеру явилось хотя бы нѣсколько десятковъ самыхъ плохихъ бранденбуржцевъ, то Сталупени безъ выстрѣла достались бы Фридриху прусскому. Все хъ перевязали бы простыми веревочками, такъ какъ набралось бы не болѣе пяти-шести человекъ трезвыхъ, въ томъ числѣ, конечно, самъ король Янъ, Кароль и Мамоновъ. Все остальное было или сильно навеселѣ, или мертвецки пьяно. Къ ночи все утихло. Все спало пьянымъ сномъ.

Часовъ въ десять вечера, среди темноты, пробравшись черезъ пикеты и мимо часовыхъ на селѣ, на мостикѣ и въ воротахъ, вѣхалъ во дворъ всадникъ въ мундирѣ Албанской банды. Онъ объявилъ, что имѣетъ письмо къ королю Яну, но передать его долженъ собственноручно.

Паюкъ, встрѣтившій пріѣзжаго гонца, хотѣлъ доложить о прибывшемъ Каролу, но албанчикъ энергично потребовалъ, чтобы его, не теряя ни мгновенія, провели къ самому королю. Письмо, которое онъ явился передать, было настолько важно, что не допускало ни секунды отерочки.

При этомъ требованіи паюкъ получилъ двѣ золотыхъ монеты. Оторопѣвъ и совершенно потерявшись, паюкъ бросился прямо въ апартаменты Сандецкаго.

Панъ уже собирался ложиться спать, когда онъ явился съ объявленіемъ о прибывшемъ албанчикѣ.

— Веди скорѣй! отозвался Сандецкій, озадаченный. Такъ какъ панъ собирался ложиться и снялъ съ себя верхнее платье, то и остался въ своей спальнѣ ожидать гонца.

„Странное дѣло, о чемъ можетъ мнѣ писать князь Радзивиль и почему это дѣло настолько спѣшное? Во всякомъ случаѣ, эта вѣсть — худая. Что-нибудь затѣваютъ противъ меня въ Варшавѣ“.

И пану Сандецкому вдругъ пришла мысль, поразившая его...

Что, если Мамоновъ наглѣмъ образомъ обманулъ его? Ему нужно было обвиняться съ Сусанной, а разъ онъ будетъ обвиненъ и увезетъ ее съ собой, то какое ему дѣло если черезъ нѣсколько дней явится войско изъ Варшавы для усмиренія бунтовщиковъ и передачи помѣстій пана формальнымъ образомъ прусскимъ властямъ.

Сандецкій призадумался. Ему казалось, что подозревать прямодушнаго Мамонова — невозможно. А между тѣмъ это письмо отъ князя Радзивилла было загадкой.

Сандецкій стоялъ среди своей горницы, задумавшись и глядя на единственную свѣчу, которая полыхала большимъ огнемъ. Вся комната какъ бы вздрагивала въ колеблющихся лучахъ свѣта.

Дверь открылась, и на порогѣ появился молоденькій и маленькій албанчикъ, стройный и красивый, съ маленькими черными усиками.

„Мальчуганъ!“ подумалъ Сандецкій, поглядѣвъ на вошедшаго.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, тотчасъ же послѣ перваго соображенія, панъ Ксаверій выпрямился какъ отъ удара и лицо его потемнѣло. Онъ впился глазами въ албанчика и невольно попятился отъ него.

Молоденькій албанчикъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, потомъ поднялъ руку къ лицу и когда опустилъ ее вновь, то усовъ уже не было. Черезъ секунду, прежде чѣмъ успѣлъ Сандецкій опомниться, предъ нимъ на колѣняхъ стоялъ тотъ же албанчикъ, но уже узанный имъ. Эта была Франуся.

Сандецкій былъ такъ пораженъ, что молча отнял руки Франуси, которыми она обхватила его колѣна, отошелъ и упалъ на ближайшее кресло.

Франуся двинулась за нимъ и снова опустилась предъ нимъ на колѣни. Она что-то говорила, но Сандецкій ничего не понималъ. Онъ понялъ только одно слово, повторенное нѣсколько разъ:

— Прости, пане!..

— Зачѣмъ ты пришла?.. Чего ты хочешь?.. выговаривалъ наконецъ Сандецкій.

И въ глазахъ его появились слезы, а это было всего раза три въ его жизни.

— Прости меня!.. Я все расскажу... Я не виновата...

— Не могу простить! отозвался Сандецкій.— Никогда... Уходи! Тебѣ нѣтъ мѣста здѣсь, въ замкѣ. Ты злая женщина, безнравственная, жестокосердая и коварнѣйшая изъ всѣхъ, какія когда-либо рождались.

Но Франуся, стоя на колѣняхъ предъ нимъ, схватила его руки, цѣловала ихъ и, обливаясь слезами, повторила все одно и то же.

— Прости, пане!.. Я все расскажу...

Черезъ нѣсколько минутъ она уже сидѣла около Сандецкаго и съ жаромъ рассказывала ему всю свою исторію и вѣроломный образъ дѣйствій короля. Она клялась, что всегда любила Сандецкаго и любить теперь болѣе чѣмъ когда-либо.

— Что же тебѣ нужно? воскликнулъ наконецъ Сандецкій.— Неужели ты воображаешь, что я — дворянинъ древняго рода — способенъ жениться на тебѣ послѣ поштучка шляхтича Понятовскаго? Онъ — король, неправильно избранный. Онъ такой же король, какъ и я... Онъ самъ себя избралъ при помощи штыковъ и бочекъ вина. А я избралъ себя въ короли безъ вина и безъ насилія, слѣдовательно, если онъ король, то я тѣмъ наче... Но въ дѣйствительности и онъ, и я — шуты гороховые. Неужели ты воображаешь, что прошлое возвратимо?

— Нѣтъ, никогда! воскликнула Франуся. — Я не за этимъ явилась къ вамъ... Я только одного прошу... Простите меня и оставьте здѣсь въ замкѣ. Поймите — я люблю васъ!..

— Вздоръ и вздоръ! Если бы любила, то никакіе короли не заставили бы тебя бѣжать изъ моего дома и осрамить меня на всю Польшу.

Объясненіе Сандецкаго съ Франусей продолжалось еще цѣлый часъ. Франуся не даромъ явилась въ Ста-

лупени и не даромъ разсчитывала на свои силы. Объясненіе повело къ тому, что Сандецкій взволнованнымъ, грустнымъ голосомъ согласился на то, чтобы Франуся оставалась въ замкѣ, но съ однимъ условіемъ...

Сначала Франусю удивило это условіе, но затѣмъ она обрадовалась ему. Сандецкій согласился съ тѣмъ, чтобы Франуся, занявъ одну изъ горницъ, скрывалась въ ней ото всѣхъ, точно такъ же, какъ нѣкогда скрывалась у Зарембы отъ ксендза.

— Я хочу, чтобы никто не зналъ, что ты здѣсь. Это позоръ для меня, слабодушіе, ребячество... Я поступаю какъ влюбленный школьникъ. Я долженъ бы былъ тебя прогнать, какъ женщину, опозорившую меня. Если ты здѣсь останешься, то должна жить жизнью заключенной, по крайней мѣрѣ на первое время.

Франуся, въ нѣсколько мгновеній обдумавшая условіе Сандецкаго, вдругъ оживилась. Лицо ея просіяло.

— Я сама думала объ этомъ! воскликнула она. — Никто не долженъ знать, что вы простили меня и что я съ вами. Послѣ, хотя бы черезъ мѣсяць, два, хотя черезъ полгода, пускай знаютъ всѣ... Мало-ли что можетъ еще быть!.. А покуда я сама рада быть узницей. Если я буду видѣть васъ хоть одинъ разъ въ день, то я буду совершенно счастлива.

— Тѣмъ лучше, выговорилъ Сандецкій.—Я запру тебя... и только изрѣдка, вечеромъ или ночью, ты будешь выходить прогуляться, но не иначе, какъ со мной и, конечно, въ костюмѣ почти такомъ же, какъ твой, т. е. въ мужскомъ костюмѣ Сталупеньской банды. Если кто ночью увидитъ тебя со мною, то не признаетъ, а подумаетъ, что я взялъ кого-либо изъ сталупеньчиковъ въ качествѣ прислужника.

Сандецкій подумалъ нѣсколько мгновеній. Найти такую горницу, въ которой могла бы поселиться Франуся, не видимая никѣмъ, было нѣсколько мудрено, главнымъ образомъ мудрено потому, что онъ не хотѣлъ никому повѣрять своей тайны. О присутствіи Франуси въ замкѣ не долженъ былъ знать никто, помимо ихъ двоихъ.

— Послушай, Франуся, дѣло мудреное... Единственная горница во всемъ громадномъ замкѣ—это маленькая комнатка въ одно окошко, которая помѣщается за мою уборной и выходитъ уже въ башню. Чтобы понасть въ эту горницу, нужно пройти черезъ мою спальню и уборную, а ко мнѣ помимо моего гайдуга никто не входитъ.

— Что же изъ этого? отозвалась Франуся. — Тѣмъ лучше! Я буду въ двухъ шагахъ отъ васъ... Я могу видѣть васъ постоянно, цѣлые дни. Вы можете уходить въ вашу спальню, запереть за собой дверь, и я могу быть съ вами по цѣлымъ часамъ. Да это счастье! Поймите...

— А пить и ѣсть? усмѣхнулся Сандецкій, уже глядя влюбленными глазами на красиваго албанчика.

— Пустяки! Хлѣбъ и вода...

— Какой вздоръ! воскликнулъ Сандецкій.

— Нѣтъ, не вздоръ... Меня и нужно запереть и посадить на хлѣбъ и на воду за все, что я надѣлала. Но я знаю — я испулю свою вину... Я заставлю васъ простить меня. Вспомните, вѣдь я отъ васъ ничего не требую, кромѣ... любви!

На другой день въ маленькой горницѣ, выходящей въ башню и о существованіи которой почти никто не зналъ, было кое-что устроено. Комната преобразилась въ спальню.

Вмѣстѣ съ тѣмъ съ этого же дня у пана Сандецкаго явились новыя привычки. Онъ сталъ заниматься въ спальнѣ, а не въ кабинетѣ, по цѣлымъ часамъ. Онъ сталъ завтракать и ужинать, чего прежде не дѣлалъ, ограничиваясь небольшою закуской. Наконецъ, онъ сталъ по вечерамъ аккуратно гулять по парку, запретивъ всѣмъ, даже Каролу, сопутствовать ему или приближаться.

Всегда во время прогулки за нимъ слѣдовалъ какой-то молоденькій сталупеньчикъ. Тѣ, кого интересовалъ вопросъ, кто именно сопровождаетъ пана, нѣсколько удивлялись. Молоденькаго сталупеньчика, въ очень красивомъ мундирѣ, видѣли только съ паномъ. Въ отрядѣ или въ замкѣ его никто не зналъ. Но этотъ вопросъ былъ мало любопытенъ.

Главное, что замѣтили въ числѣ прочихъ переменъ, совершившихся въ образѣ жизни Сандецкаго, было то, что онъ сталъ веселѣе чѣмъ когда-либо. Болѣе всѣхъ изумлялся Кароль. Давно-ли онъ видѣлъ отца озабоченнымъ, по временамъ крайне задумчивымъ, даже грустнымъ, а теперь отецъ ликовалъ.

Кароль объяснялъ себѣ это явленіе тѣмъ, что несчастная страсть отца къ обманувшей его женщинѣ уже совершенно утихла.

XVII.

Прошло двѣ недѣли. Въ Сталупеняхъ было мирно... Вѣстей не приходило никакихъ. Было лишь одно письмо отъ Мамонова изъ Варшавы, очень большое и любопытное.

Мамоновъ снова подтверждалъ, что королю Яну нечего опасаться какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій со стороны польскаго или русскаго правительствъ. Онъ объяснялъ, что резидентомъ получено собственноручное письмо императрицы, въ которомъ она называетъ его молодцомъ и шутитъ насчетъ Прусскаго короля. Сандецкаго она называетъ по-французски: „monsieur le roi“ и говоритъ, что „господинъ король“ — явленіе замѣчательное, что въ исторіи народовъ почти ничего подобнаго не бывало. Если бывали люди воображавшіе себя монархами, то таковые никогда не защищали свой королевскій санъ и свое королевство войскомъ, да къ тому же еще побѣдоносѣйшимъ образомъ.

Съ легкой руки императрицы, прибавлялъ Мамоновъ, и въ Варшавѣ стали уже называть Сандецкаго панъ-круль Янъ. Когда на вечерахъ и балахъ кто-либо произноситъ слова: „король думаетъ, король сказалъ, король собирается“, то присутствующіе, смѣясь, спрашиваютъ:

— Который? Станиславъ или Янъ?

Послѣдствіемъ этого явилось то, что Станислава-Августа зовутъ просто „круль“, а Сандецкаго зовутъ „панъ-круль“. По-французски говорятъ: „Sa majesté le roi“ про одного и „monsieur le roi“ про другаго.

За исключеніемъ этого письма отъ Мамонова, не было ничего новаго.

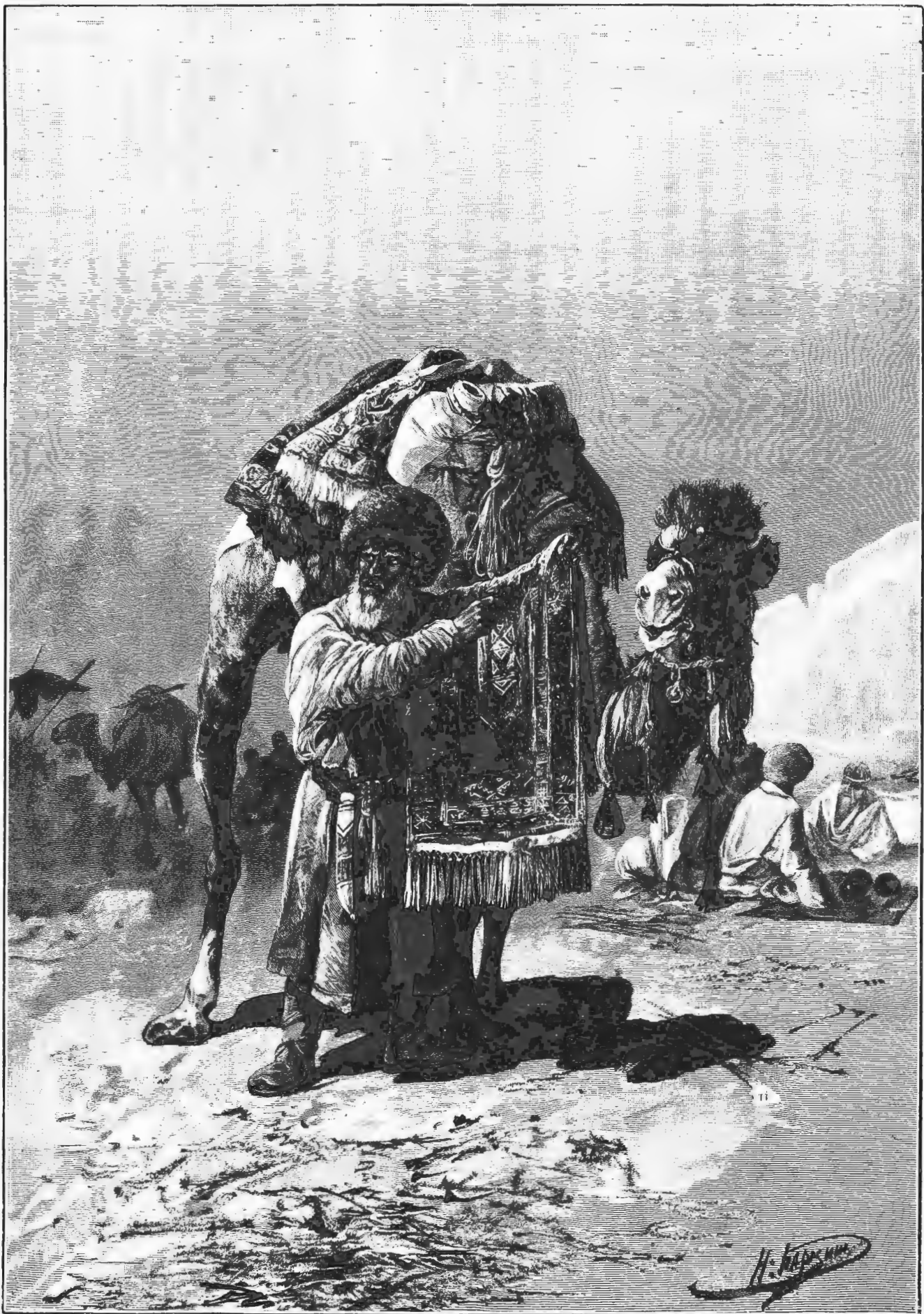
Среди тишины жизни въ Сталупеняхъ явилась только одна характерная особенность.

Десятки удалыхъ молодцовъ, преимущественно изъ албанчиковъ, ходили задумчивые и грустные. Они явились сюда ради жажды подраться съ бранденбуржцами, а вотъ уже сколько времени какъ ни одинъ зеленый мундиръ не показывается со стороны границы.

Нетерпѣніе, овладѣвавшее этими удалцами, было диковинное и едва вѣроятное. Они тосковали, изнывали. Чудилось, если не нынче—завтра придетъ вѣсть, что бранденбуржцы снова появились на границѣ, то достаточно собрать нѣсколько десятковъ этихъ удалцовъ и пустить ихъ однихъ, чтобы они искрошили своими карабелями сотни двѣ бранденбуржцевъ.

Однажды ввечеру какъ будто молнія сверкнула и ушла въ замкѣ. Все сразу встрепенулось, закричало и забѣгало. Не прошло четверти часа, гулкая суматоха поднялась бурей въ замкѣ, во дворѣ и повсюду кругомъ. Всѣ, ликуя, сбились съ ногъ.

Особенно отличались сталупеньчики изъ албанской банды, которые обнимались, цѣловались, другіе пускались въ плясъ, третьи кидали вверхъ шапки и кричали:

Туркмень, продавец ковровъ въ Мервѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Каразина, грав. Флюгель.

Изъ лѣсу. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Писемскаго, грав. М. Рашевскій.

— Vivat крѹль Янъ! Pereat Фридрихъ! Pereant бранденбуржцы!

Вѣсть, уподобившаяся удару молніи, была о томъ, что на Сталупени движется вновь сильный отрядъ войска. Самъ же Сандецкій, узнавъ подробности, нѣсколько смутился.

Вѣстникъ, одинъ изъ его домовниковъ, родственникъ маршала Трембickaго, привезъ вѣсти нѣсколько тревожныя. Онъ вызвался съ недѣлю назадъ отправиться въ качествѣ путешественника въ Торунь, а тамъ узналъ и затѣмъ собственными глазами видѣлъ сформированный вновь отрядъ, который долженъ двинуться на Сталупени.

На этотъ разъ это было войско въ двѣ тысячи чело-вѣкъ конницы, пѣхоты и артиллеріи. При отрядѣ было три пушки и нѣсколько мортиръ.

Двѣ тысячи бранденбуржцевъ для войска сталупеньскаго было не шуткой. Несмотря на огромный приливъ охотниковъ, въ Сталупеняхъ все-таки насчитывалось менѣе тысячи чело-вѣкъ. Изъ нихъ дѣйствительно храбрыхъ и отчаянныхъ воиновъ было не болѣе четырехсотъ. Разумѣется, эти четыреста могли поспорить съ тысячею бранденбуржцевъ. На нихъ и была главная надежда.

Снова Сандецкій созвалъ самыхъ удалыхъ домовниковъ и снова вмѣстѣ съ Кáролемъ, Зарембой и Бурчимухой обсудилъ, какъ встрѣтить непріятеля.

Бурчимуха болѣе всѣхъ настаивалъ на своемъ планѣ и противорѣчилъ всѣмъ. Всѣ, начиная отъ Сандецкаго и кончая послѣднимъ домовникомъ, давно уже забыли, что Бурчимуха былъ когда-то паюкомъ; да и въ то время, будучи главнымъ паюкомъ, онъ занималъ должность въ родѣ камердинера.

Теперь, благодаря своимъ подвигамъ въ битвахъ съ бранденбуржцами, благодаря дворянскому достоинству, которое далъ ему король Янъ, Бурчимуха былъ уже въ совершенно иномъ положеніи. Во время совѣщанія онъ горячо предлагалъ раздѣлить войско сталупеньское на два отряда. Одному — встрѣтить бранденбуржцевъ, а другому — обойти ихъ и ударить въ тылъ.

Авангардами обоихъ отрядовъ Бурчимуха предлагалъ поставить не иначе какъ тѣхъ, кто сами того пожелаютъ. Бурчимуха назвалъ нѣсколько бывшихъ албанчиковъ, которые не только хотѣли страстно подраться съ бранденбуржцами, но которые прямо заявляли, что желали бы сложить свои головы. Жить надоѣло, а умереть иначе нельзя. Вѣдь не повѣситься же! А быть убитыми пруссаками — за это на томъ свѣтѣ тысяча грѣховъ отпустится.

Главнымъ противникомъ на совѣщаніи всего, что предлагалъ Бурчимуха, былъ Заремба. Старикъ, оказавшійся нѣкогда инженеромъ, теперь оказывался равно хорошимъ стратегомъ. Планъ Зарембы былъ таковъ, что и Сандецкій, и Кáроль присоединились къ нему тотчасъ же.

Предполагалось встрѣтить бранденбуржцевъ въ томъ мѣстѣ дороги, гдѣ она окружена сплошнымъ густымъ лѣсомъ, въ которомъ въ иныхъ мѣстахъ и нога чело-вѣческая никогда не ступала.

Близъ дороги были столѣтнія сосны, столѣтніе громадные дубы. Дорога была узенькая, а по бокамъ стояли стѣною деревья-гиганты. Чаща начиналась тотчасъ же на сажень или двѣ отъ края дороги.

Заремба предлагалъ все наличное войско разсыпать въ засадѣ по лѣсу, и только часть, не болѣе сотни чело-вѣкъ, самыхъ отчаянныхъ рубаекъ, посадить на коней, спрятать на полянѣ въ лѣсу, съ тѣмъ, чтобы они бросились на непріятеля въ ту минуту, когда тотъ вздумаетъ отступать.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Заремба объявилъ, что у него есть еще два средства уничтожить двухтысячное войско короля Прусскаго, но что этихъ двухъ вещей онъ не скажетъ никому помимо самого короля Яна и, пожалуй,

пана Кáроля. На эти двѣ свои выдумки онъ болѣе всего полагался. Въ нихъ была вся сила. Наученный горькимъ опытомъ предательства, онъ до послѣдней минуты хотѣлъ удержать все втайнѣ.

— А то опять лѣвится Иуда и все пропадетъ! ска-залъ онъ.

На заявленіе Сандецкаго, что ни онъ, ни Кáроль не могутъ исполнѣ присоединиться къ плану Зарембы, не зная въ чемъ дѣло, старикъ-пляхтичъ нагнулся и прошепталъ нѣсколько словъ Сандецкому на ухо.

— Да, выговорилъ панъ Ксаверій, — какой же ты умница! Да, Заремба, оплатилъ ты мнѣ за мой хлѣбъ! Я у тебя въ долгу, давно въ долгу. И всякій день все болѣе должаю тебѣ.

Слова эти Сандецкій проговорилъ съ паюсомъ. То, что сказалъ ему на ухо Заремба, очевидно поразило его.

— Да, Кáроль, и вы, мои подданные, выговорилъ Сандецкій, — выдумка или, лучше сказать, двѣ выдумки Зарембы — замѣчательныя. Богъ его знаетъ, откуда онъ такое выкопалъ! Я теперь глубоко убѣжденъ, что не только двухтысячный, но и четырехтысячный отрядъ пруссаковъ былъ бы нами побѣжденъ. А увѣренность въ побѣдѣ — великая вещь! Да, нѣтъ сомнѣнія, что мы опять разобьемъ бранденбуржцевъ въ пухъ и прахъ.

Сандецкій подозвалъ къ себѣ сына и прошепталъ ему нѣсколько словъ, передавая то, что слышалъ отъ Зарембы. Кáроль весело расхохотался, ни слова не говоря, обошелъ столъ, подошелъ къ Зарембѣ, обнялъ его и распѣловалъ въ обѣ щеки.

— Что?! выговорилъ Сандецкій. — Каково?!

— Изумительно! воскликнулъ Кáроль. — Заремба про-сто уродился полководцемъ. А вѣдь жилъ отшельни-комъ. Бываетъ же такая игра судьбы!

Дѣйствительно, оказывалась диковина.

Жилъ старикъ въ замкѣ, сидѣлъ безвыходно, никого не видая, и читалъ все какія-то книжки, ни на что не нужныя. И такъ бы и умеръ. И сочли бы его всѣ чуть не дуракомъ. Но вдругъ обстоятельства пере-мѣнились... Вступилъ на престолъ король Янъ, понадобились ему полководцы и всякіе искусники, и вдругъ нелюдимъ и домосѣдъ-старикъ оказался умнѣйшимъ чело-вѣкомъ.

XVIII.

На утро, чуть свѣтъ, изъ Сталупеней по дорогѣ къ границѣ двинулось все наличное войско. На этотъ разъ никого кромѣ женщинъ не осталось ни въ замкѣ, ни въ селѣ. Даже шестнадцатилѣтніе подростки съ села, захвативъ что кто могъ: вилу, косу, топоръ, цѣлой кучей двинулись за всадниками и пѣхотой.

Одно изъ распоряженій удивило многихъ. Заремба потребовалъ всѣ топоры, какіе только могли найтись на селѣ въ Сталупеняхъ. Оказалось ихъ около двухсотъ, всѣ были сложены въ повозки и увезены съ собой, окруженные всадниками, словно какое сокровище.

— Вотъ въ этомъ вся сила... шепталъ Заремба, видя удивленные взоры нѣкоторыхъ изъ сталупеньчиковъ. — И въ васъ, удальцахъ — великая сила, но и въ этихъ топорахъ — великая сила. А почему — узнаете тогда, когда дворъ этотъ снова наполнится нашими военно-плѣнными.

Сандецкій, въ своемъ королевскомъ костюмѣ, выѣхалъ, окруженный свитой, впереди войска. Кáроль, въ качествѣ главнокомандующаго, сталъ, верхомъ на великолѣнномъ конѣ, въ воротахъ замка и пропустилъ мимо себя все войско.

Пока проходили мимо и всадники, и пѣшіе, и великій сбродъ съ разнаго рода земляными орудіями, Кáроль всѣхъ подбадривалъ или поздравлялъ, что они будутъ драться съ бранденбуржцами, или веселилъ какой-нибудь остроумной шуткой.

Часто въ отвѣтъ на его слова раздавались vivat'ы.

Сталупеньское войско выходило, казалось, не на битву, а на пирь.

Продувивъ всѣхъ, Кароль пришипорилъ своего коня, чтобы обогнать войско и присоединиться къ свитѣ отца. Лошадь его прыгнула, споткнулась и упала на переднія ноги. Суевѣрный католикъ сказался въ немъ.

— Нехорошо... Скверный признак!.. вымолвилъ онъ вслухъ.—Неужели я сегодня буду убитъ какимъ-нибудь бранденбуржцемъ?..

И новая мысль пришла Каролю въ голову.

„Вернусь я обратно во дворец“, подумалъ онъ,—„прочитаю молитву Пресвятой Дѣвѣ и выйду снова въ ворота. Этимъ я положительно на половину уничтожу худое предназначение“.

Молодой человекъ повернулъ лошадь и снова проскакалъ въ ворота на дворецъ. Но въ эту минуту онъ почему-то взглянулъ на башню, на развѣвавшійся флагъ съ гербомъ Сандецкаго, и круто остановивъ лошадь, изумленными глазами впилился въ одно мѣсто башни. Затѣмъ онъ ахнулъ и перекрестился. Это было навожденіе. Это было еще хуже, чѣмъ споткнувшійся конь. Это была чертовщина.

Въ маленькомъ окошечкѣ башни онъ увидѣлъ женскую головку, которую сразу узналъ... Въ окошечко смотрѣла Франуся.

Въ то мгновеніе, когда онъ устремилъ туда взоръ, головка скрылась, но Кароль готовъ былъ поклясться, что ему не померещилось... Онъ видѣлъ, ясно видѣлъ Франусю, а между тѣмъ это было, конечно, нѣчто дикое... Конечно, какое-то навожденіе.

Развѣ могла очутиться въ замкѣ злодѣйка, которая въ это время была въ Варшавѣ полновластною фавориткой Станислава-Августа?

Кароль остановилъ лошадь, прочиталъ молитву, перекрестился, затѣмъ молодцовато выскакалъ со двора и пустился стрѣлой по полю.

Черезъ нѣсколько мгновеній онъ былъ уже около отца, но мысль о томъ, что привидѣлось ему, не покидала его. Пробѣжавъ нѣсколько верстъ рядомъ съ отцомъ, Кароль не выдержалъ.

— Со мной сейчасъ случилось чортъ знаетъ что! выговорилъ онъ.—Просто навожденіе! Знаешь-ли, батюшка, кого я сейчасъ видѣлъ?.. Прости, если это будетъ неприятнымъ напоминаніемъ...

— Что такое?.. отозвался Сандецкій.

Кароль рассказалъ все, что съ нимъ случилось и прибавилъ:

— И въ ту минуту, когда я вѣзжалъ обратно во дворецъ и случайно поглядѣлъ на развѣвающійся на башнѣ флагъ, я увидалъ въ окнѣ, въ башнѣ... Кого бы ты думалъ?.. Догадаться невозможно...

— Конечно, мудрено, отозвался Сандецкій, слегка мѣняясь въ лицѣ, и тотчасъ прибавилъ:—Вотъ что, Кароль, прекрати на этомъ разсказъ... Я дальше ничего не хочу знать... Очевидно, это было навожденіе... Я догадываюсь, что ты видѣлъ въ окошкѣ такую фигуру, которой тамъ быть не могло. Что хорошаго, предъ тѣмъ, что идти на смерть, знать подобнаго рода предназначение!.. Ни слова болѣе!.. Послѣ ты мнѣ расскажешь.

Кароль не удивился суевѣрному желанію отца, но удивился тому, что лицо Сандецкаго нѣсколько измѣнилось. Не прошло и четверти часа, какъ уже Кароль не вѣрилъ въ навожденіе и сталъ задумчивъ и грустенъ.

Онъ понялъ, что никакого навожденія нѣтъ, но есть нѣчто во сто разъ худшее... Нѣчто ужасное, позорное и гибельное...

„Но когда же? Какъ же?!“ воскликнулъ онъ мысленно.—„Какъ могла она пробраться въ замокъ?! Какъ могла она заставить его простить все и пріютить въ замкѣ? И что изъ этого будетъ? Неужели когда-нибудь отецъ совершенно проститъ эту злодѣйку?..“

Если прежде Кароль не вѣрилъ въ чувство Франуси

къ пожилому отцу, то теперь, послѣ ся постука съ нимъ въ Варшавѣ, онъ окончательно былъ убѣжденъ, что Дзялынская не что иное, какъ злая, ядовитая змѣя.

И Кароль, задумчиво подвигаясь на своемъ когѣ, думалъ не о предстоящей битвѣ съ пруссаками, а о другой борьбѣ. О томъ, что онъ обязанъ, какъ любящій сынъ, избавить Сандецкаго отъ злодѣйки. Отомстить за него, а не глядѣть спокойно на то, какъ интригантка снова очаровываетъ отца, чтобы снова опозорить на иной ладъ, быть можетъ, худшій.

Невѣста бѣжавшая изъ дому къ другому—меньшій срамъ, нежели женитьба извѣстнаго магната на такой искательницѣ приключеній. А между тѣмъ Каролю чудилось, что появленіе Франуси въ замкѣ, возможность примиренія между Сандецкимъ и ею—поведутъ, очевидно, къ браку.

Тѣмъ временемъ войско достигло дороги ведущей къ Прусской границѣ и расположилось на отдыхъ. Тотчасъ же были отправлены верховые впередъ развѣдчиками. Черезъ два часа они явились съ вѣстями, что большой отрядъ точно такъ же отдыхаетъ по ту сторону. Имъ командуетъ генераль со свитой, котораго они даже издали видѣли развѣзжающимъ.

Войско имъ показалось многочисленнымъ, быть можетъ, даже болѣе того, что было извѣстно въ Сталупеняхъ. Имъ показалось, что бранденбуржцевъ можно насчитать до трехъ тысячъ.

Немногіе смутились отъ этого. Большинство обрадовалось. Наступленія отряда надо было ожидать на другой день на зарѣ.

Послѣ отдыха, Кароль, Заремба и Бурчимуха припились за приготовленія для встрѣчи врага.

За исключеніемъ двухъто всадниковъ, все войско разсыпалось по чащѣ вѣковаго лѣса, по обѣимъ сторонамъ дороги на разстояніи полу-версты. Въ самомъ темномъ и густомъ мѣстѣ, гдѣ дорога была всего уже, разсыпались удалы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги.

Конница, все охотники, самые удалые рубаки и сорви-голови, укрылись въ томъ же лѣсу на полянѣ, недалеко впереди. Ими командовалъ Бурчимуха, который передъ тѣмъ горячо простился съ королемъ Яномъ, заявляя, что по его предчувствію онъ долженъ быть убитъ. То же сдѣлала нѣкоторые изъ удалцовъ перешедшихъ въ Сталупени изъ Албанской банды.

Заремба дѣятельно занялся инымъ дѣломъ, для котораго ему потребовались всѣ топоры изъ повозокъ и всѣ взятые съ села молодцы, умѣвшіе не рубиться съ неприятелемъ, а рубить дрова.

Окончивъ свою работу около двухъ часовъ ночи, Заремба вернулся на то мѣсто, гдѣ просто на травѣ лежалъ Сандецкій съ нѣсколькими домовниками. Подойдя, онъ выговорилъ:

— Ваше величество! Главное сдѣлано, и сдѣлано такъ дивно, какъ я и не ожидалъ.

— Спасибо! отозвался Сандецкій.—А знаешь-ли, пане Заремба, что мнѣ это напоминаетъ?.. Читалъ-ли ты что случилось съ войскомъ фараона, когда онъ черезъ Красное море преслѣдовалъ народъ Вожій?

— Знаю! отозвался Заремба, смѣясь.

— Ну, вотъ. Вѣдь въ этомъ же родѣ... Тамъ Красное море, а тутъ Сталупеньскій лѣсъ.

XIX.

Утромъ въ лѣсу было тихо. Дорога была пустынна. Казалось, что на всемъ протяженіи лѣса не было ни единой души... Все было мертво. Даже вѣтерокъ, дувшій ночью, стихъ. Ни единый листъ не шевелился.

Около семи часовъ раздались звуки трубъ. На дорогѣ появилось нѣсколько десятковъ конницы въ зеленыхъ мундирахъ. Они ѣхали шагомъ и трубили неизвѣстно зачѣмъ. Для собственнаго-ли удовольствія, ради-ли франтовства, или чтобы напугать звуками трубъ сталупень-

ских защитниковъ. Но отсюда звукъ военныхъ трубъ достигнуть до Сталупеней не могъ.

Пробъхавъ весь отрядъ трубачей и всадниковъ вернулся снова по той же дорогѣ. На всемъ ихъ пути ничто не шелохнулось въ лѣсу.

Почти всѣ сталупеньчики, невидимые въ чащѣ лѣсной, отлично видѣли прогуливавшійся взадъ и впередъ отрядъ съ трубачами. Сандецкій и всѣ до послѣдняго дружинника—пошутили мысленно и вслухъ надъ бранденбуржцами, видя эту побѣдку съ музыкой.

— Что-же треклятые нѣмцы думаютъ... сказать Сандецкій сыну.—Они думаютъ, что мы сдадимся имъ безъ выстрѣла, а Сталупени падутъ какъ палъ Иерихонъ? Они забыли видно, что трубы Иисуса Навина были не нѣмецкія и не лютеранскія.

Черезъ часъ весь неприятельскій отрядъ, стройно, красиво и весело, вступилъ въ лѣсъ, растянувшись длиною вереницей.

Бранденбуржцы поневолѣ двигались узкой колонной. Конница шла впереди. За нею громыхали пушки и мортиры, а затѣмъ двигалась пѣхота.

Когда голова отряда приблизилась къ крайнему пункту густаго лѣса, гдѣ былъ и самъ Сандецкій, хвостъ отряда почти поравнялся съ противоположнымъ концомъ, гдѣ была спрятана сталупеньская конница подъ командой Бурчимухи.

Сандецкій, стоя, какъ и всѣ, въ чащѣ за нѣсколько шаговъ отъ дороги, взялъ винтовку въ руки и, не прицѣливаясь ни въ кого изъ бранденбуржцевъ, выпалилъ. Его выстрѣлъ долженъ былъ быть только сигналомъ для начала битвы.

Дѣйствительно, черезъ мгновеніе послѣ этого перваго выстрѣла, загудѣлъ и затрещалъ весь лѣсъ. Справа и слѣва отъ дороги, на протяженіи болѣе полуверсты, посыпался изъ чащи на нѣмцевъ цѣлый градъ пуль.

Отрядъ всолошился и сразу оторопѣлъ. Врагъ былъ кругомъ въ нѣсколькихъ шагахъ, билъ почти безъ промаха, а отвѣчать было невозможно, развѣ только наугадъ стрѣлять по кустамъ.

Генераль, командовавшій отрядомъ, тотчасъ понялъ, что попалъ въ засаду. Отбиваться было невозможно. Приходилось развѣ разсыпать свой отрядъ точно такъ же на обѣ стороны по лѣсу, чтобы перестать быть мишенью.

Другое средство было проще. Надо было скорѣе миновать узкій проходъ и лѣсную глушь.

Генераль, бывший во главѣ войска, отрядилъ двухъ адъютантовъ съ приказомъ конницѣ и артиллеріи выбираться рысью изъ лѣсу, даже не отстрѣливаясь, а пѣхотѣ—бѣгомъ.

Отдавъ эти приказанія, генераль съ авангардомъ и свитой съ мѣста пустился въ галопъ по дорогѣ, которая круто заворачивала влѣво. Завернувъ и глинувъ передъ собой—самъ командиръ и все, что было за нимъ, снова оторопѣли, ахнули и сразу уперлись на мѣстѣ.

Дороги не существовало. Предъ ними была цѣлая лохматая гора изъ поваленныхъ деревьевъ. Поперекъ дороги, еще болѣе узкой въ этомъ мѣстѣ, лежали десятки громадныхъ столѣтнихъ деревьевъ. Взять въ бокъ, чтобы объѣхать искусственную преграду, не было возможности: чаща была слишкомъ густа.

Раздалась команда поворачивать назадъ. Орудія загромыхали опять, за ними конница, но черезъ нѣсколько мгновеній все наткнулось на свою же пѣхоту, бѣгущую навстрѣчу.

Пѣхотѣ тотчасъ было приказано тоже повернуть обратно, и весь отрядъ двинулся обратно по лѣсной дорогѣ, снова осыпaeмый градомъ пуль съ обѣихъ сторонъ. Но теперь всадники, слѣдя за пѣшими, поневолѣ двигались тихо. Постоянно въ густыхъ рядахъ падали люди, или убитые, или тяжело раненые, заграждая узкій путь.

Бранденбуржцы смущались и терялись все болѣе. Около сотни самовольно, безъ всякой команды, бросились въ кусты, чтобы встрѣтиться съ врагомъ и вступить въ рукопашную, лишь бы не быть мишенью невѣдомого и невидимаго неприятеля. Но всѣ бросавшіеся въ чащу падали отъ мѣткихъ выстрѣловъ.

Кое-какъ подвигаясь, безпорядочно и трусливо, давя собственныхъ своихъ раненыхъ, отрядъ прошелъ не болѣе трехсотъ шаговъ, и на глазахъ его произошло какое-то волшебство.

Справа и слѣва стѣной стоявшій лѣсъ сталъ падать съ обѣихъ сторонъ. На ихъ глазахъ узкая дорога исчезла, какъ бы перестала существовать. Выхода не было. Предъ ними въ нѣсколько мгновеній наворотилась такая же гора деревьевъ, какъ и въ противоположномъ концѣ.

И на лѣсной дорогѣ заварилась самая ужасная каша, какая когда-либо бывала въ битвахъ. На остановленный отрядъ отовсюду гремѣлъ учащенный огонь, такъ какъ всѣ разсыпавшіеся сталупеньчики чащей сбѣгались къ одному мѣсту.

Еще мгновенье—и оказалась адская хитрость. Справа и слѣва уже на самый отрядъ начали падать громадные дубы, вязы и сосны. Каждое дерево убивало нѣсколько человѣкъ, валясь въ сплошной строй. Вмѣстѣ съ тѣмъ, каждое дерево являлось какъ бы паутиной, опутывавшей десятки людей.

Вскорѣ все пространство превратилось въ настоящую кашу или въ человѣческую разоряемую муравейникъ. Между стволами и вѣтвями, какъ муравьи, кишѣли люди и лошади, давя и уничтожая другъ друга, и одновременно осыпaeмые пулями изъ нѣсколькихъ сотъ ружей.

Среди всеобщей паники и сумятицы, командующій генераль увидѣлъ направо, благодаря десятку упавшихъ деревьевъ, большой просвѣтъ, за которымъ виднѣлась поляна. Это было единственное мѣсто, куда можно было спастись конницѣ изъ жаркаго огня.

Безъ всякой команды, изъ чувства самосохраненія, все, что было живо, бросилось къ этому просвѣту, но прежде всѣхъ конечно — конница. И здѣсь, въ этомъ просвѣтѣ, гдѣ, дѣйствительно, оказалась полянка, спасавшіеся бранденбуржцы наткнулись тоже на конницу, состоявшую изъ главныхъ удалцовъ Сталупеней.

Схватка двухъ конныхъ отрядовъ произошла моментально, стремительно. Одними руководила дикая вражда и пожалуй даже желаніе сложить свои головы. Другими руководила отчаянная рѣшимость пробиться и спастись.

Здѣсь тоже заварилась каша, и черезъ нѣсколько мгновеній тоже были кучи раненыхъ и убитыхъ. Но здѣсь бранденбуржцы взяли верхъ. Отчаяніе придало имъ силы и къ тому-же они были многочисленнѣе.

Почти весь отрядъ Бурчимухи былъ изрубленъ. Самъ предводитель свалился съ коня одинъ изъ первыхъ, получивъ ударъ саблей, разрубившей ему голову по локтѣмъ. Отъ всего отряда вскорѣ оставалось не болѣе сорока человѣкъ, но и тѣ не сдавались и продолжали рубиться, а черезъ минуту точно такъ же легли мертвыми.

Всадники, уцѣлѣвшіе отъ рубки, ускакали и за ними черезъ ту же полянку спаслось еще до двухсотъ человѣкъ пѣхоты. Все остальное, или погибло, или было окружено неприятелемъ и взято живьемъ.

Побѣда была полная, не смотря на неравныя силы. Разумѣется, побѣда эта явилась послѣдствіемъ хитроумныхъ соображеній шляхтича Зарембы. Не столько огонь, не столько мѣткія пули, сколько двѣ стѣны падающихъ гигантовъ—деревьевъ уничтожили бранденбуржцевъ.

Къ сумеркамъ въ Сталупени вернулось побѣдоносное войско, но ликованія было мало. Сталупеньчики потеряли сравнительно небольшое количество людей, но у нихъ

Андалузская красотка. Съ карт. П. Т., грав. Джемсъ.

погибли лучшіе, храбрѣйшіе. Все что было охотниковъ изъ Албанской банды—все осталось на полянѣ.

Сандецкій, тихо подвигавшійся верхомъ во главѣ своего отряда, былъ задумчивъ. Кароль, ѣхавшій около отца, тоже былъ озабоченъ.

— Да, милый мой, выговорилъ наконецъ Сандецкій,— эта побѣда равняется поражению... Мы были сильны тѣми, кого теперь не имѣемъ. Это была голова нашего войска. Ее отрубили. Остались руки, ноги и туловище. Бурчимуха и ему подобные незамѣнимы.

— Нѣтъ, батюшка, отозвался Кароль, — я не согласенъ. Миѣ что-то говорить, что обстоятельства измѣнятся. Побѣда эта имѣетъ для насъ огромное значеніе. Когда узнаютъ въ королевствѣ, что мы уничтожили двухтысячное войско пруссаковъ, на наше дѣло посмотрятъ совершенно иными глазами. Миѣ кажется, что теперь болѣе чѣмъ когда-либо со всѣхъ сторонъ явится къ намъ помощь; лишь-бы только выиграть время, какой-нибудь мѣсяць — и посмотри: въ Сталупени явится войско въ нѣсколько тысячъ, тысячи въ три по крайней мѣрѣ. Чѣмъ была Барская конфедерація и ея войско въ самомъ началѣ? Въ первой сформированной бандѣ было не болѣе пятисотъ человекъ, а чѣмъ кончилось? Барскіе конфедераты сражались съ русскими войсками и одерживали даже побѣды. То же будетъ и у насъ.

На этотъ разъ вернувшись войско, усталое и опечаленное потерей лучшихъ товарищей, не стало пировать. Рѣшено было отдохнуть за ночь, а на другой день заняться уборкой въ лѣсу мертвыхъ тѣлъ.

На утро Заремба, собравъ народъ съ села съ лопахами, двинулся на мѣсто битвы и занялся рытьемъ ямъ и погребеніемъ. Убитыхъ оказалось болѣе пятисотъ человекъ, раненыхъ вдвое больше.

Посланные развѣдчики явились къ Зарембѣ и объяснили, что во всей окрестности пропасть бранденбургцевъ легко раненыхъ, или просто бѣглыхъ, но что повсюду и хлопцы, и женщины ловятъ ихъ, какъ

дикихъ звѣрей, и приканчиваютъ, такъ что врядъ-ли уйдетъ живьемъ хотя одинъ.

Въ то же утро къ королю Яну Сталупеньскому явились вновь два гонца. Одинъ изъ нихъ привезъ письмо отъ Радзивила.

Князь извѣщалъ, что, прослышавъ о томъ, что на Сталупени идетъ большое войско бранденбургцевъ, онъ вмѣстѣ съ другими друзьями рѣшилъ оказать храброму королю Яну посильную помощь.

Радзивиль обѣщалъ, что черезъ три недѣли въ Сталупени явится отборное войско въ тысячу человекъ съ фуражомъ и провіантомъ на цѣлый мѣсяць. Онъ просилъ только короля Яна сдѣлать честь принять это войско подъ свою команду для борьбы съ общимъ врагомъ.

Другой посланецъ потребовалъ личнаго свиданія съ королемъ, чтобы собственноручно вручить ему свое посланіе. Этотъ гонецъ не мало поразилъ Сандецкаго не столько тѣмъ, что было въ письмѣ, сколько тѣмъ, что сказалъ на словахъ. Второй гонецъ оставался въ горницахъ пана до ночи.

Кароль, пожелавшій видѣть отца, получилъ чрезъ камердинера отвѣтъ, что Сандецкій занятъ письмами и видѣть сына не можетъ. Онъ спѣшитъ отвѣчать про-странно на письма, привезенныя гонцами.

Въ ту же ночь гонецъ Радзивила выѣхалъ обратно съ благодарственнымъ посланіемъ короля Яна и съ просьбой прислать войско какъ можно скорѣй. Когда и куда выѣхалъ второй гонецъ, никто въ замкѣ не зналъ. Второе письмо осталось тайной, про которую Сандецкій никому ничего не повѣдалъ.

Когда Кароль на слѣдующее утро спросилъ у отца, въ чемъ заключается это второе письмо и отъ кого былъ второй гонецъ, Сандецкій махнулъ рукой и выговорилъ:

— Это пустое... Удивительно оно очень, но пустое... Послѣ расскажу, а теперь не до того...

(Продолженіе будетъ).

Джемма.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Рассказъ Кота Мурлыки.

(Продолженіе).

VIII.

— Дорогой мой! сказала она,—сними твою теплую шкурку. Я тебѣ дамъ чудную кофту...

Джемма обратилась къ одной изъ женщинъ и что-то сказала ей на непонятномъ языкѣ. Та опрометью бросилась въ другую комнату и почти тотчасъ же вынесла длинную кофту съ широкими женскими рукавами, всю расшитую золотомъ. Я покраснѣлъ при одной мысли надѣть такую кофту, но Джемма сѣла передо мной на коверъ и только повторяла ея мягкимъ, ласковымъ, пѣвучимъ говоромъ:

— I beg you! My dear, if you love me!

А сзади мулатка и другая женщина безъ церемоніи стаскивали съ меня мой пиджакъ, и не прошло полу-минуты, какъ я былъ наряженъ въ женскую кофту. Джемма, не поднимаясь съ коверъ, обняла меня.

— О, мой дорогой, милый мальчикъ, прошептала она, — ты такъ гораздо, гораздо красивѣе!

Она быстро поднялась съ коверъ и, медленно отступая и наклоняя голову то направо, то налево, щурилась и любовалась на меня. При этомъ почти помпучно вскидывала руки вверхъ, точно хотѣла обнять меня и, наконецъ, бросилась ко мнѣ и страстно обняла меня и поцѣловала.

— Ты вѣдь любишь меня? Моя душечка! Мое сердце! Мой глазокъ! спрашивала она.

И когда она прижала меня къ своей груди, то я чувствовалъ, какъ сильно колыхнется ея сердце, и какъ тяжело дышетъ и волнуетъ эта горячая грудь, прижимаясь ко мнѣ.

Я невольно отстранился и подумалъ:

„Какая тутъ дипломатія?! Тутъ нужно жениха, а не дипломата“.

Затѣмъ все съ тою же поспѣшностью, съ тѣми же быстрыми, ловкими, точно кошачьими движеніями, она усадила меня опять подлѣ себя и опять приказала что-то своимъ прислужницамъ. Двѣ изъ нихъ опрометью бросились и почти тотчасъ принесли подносъ, уставленный какими-то чашечками и флакончиками.

— Хочешь ты фиштакковаго тѣста или вареной батли-танги? Это очень вкусно и сладко.

— Я немного попробую, сказалъ я.

— Кушай, кушай, дорогой мой!

Я попробовалъ. Что-то сладкое, черезчуръ сладкое, ароматное и страшно перечное... Я не могъ ѣсть и отказался къ крайнему удивленію ея и всѣхъ стоящихъ тутъ, которыя заахали и затарагорили какъ сороки. Она взяла отъ меня блюдце и, поглядывая на всѣхъ и болтая безъ умолку, быстро сѣла.

Затѣмъ она опять что-то сказала своимъ прислужницамъ, и онѣ принесли два ларчика. Одинъ поменьше, черный, изъ какого-то дерева или массы, но удивительно художественно сдѣланный; онъ весь представлялъ сплетеніе мельчайшихъ фигурокъ людей, звѣй, слоновъ, тигровъ, арабесокъ. Другой былъ богатъ украшеннымъ дорогими камнями ларецъ изъ слоновой кости. Она взяла первый, отперла и раскрыла передо мной. Ларецъ былъ полонъ нитками жемчуга. Нѣкоторыя жемчужины были такой громадной величины, что я никогда затѣмъ нигдѣ не видалъ такихъ, да, вѣроятно, и не увижу.

— Это мои старинные жемчуги, говорила Джемма. — Жемчуги моего рода... Вотъ посмотри! Красиво.

И она вынула самую крупную, необыкновенно чистой воды жемчужину, которая была оправлена болѣе мелкими, въ родѣ звѣздъ.

Она щурилась и любовалась на эту жемчужину, примѣривала на меня, то приставляя къ горлу, то на лобъ.

— Это „звѣзда радости“, сказала она.— Ей ужъ теперь лѣтъ триста.—И она положила эту звѣзду радости снова въ ларчикъ и открыла другой ларецъ побольше, изъ слоновой кости.

Я невольно ахнулъ. Такой массы дорогихъ камней я никогда не видалъ. Весь ларецъ былъ наполненъ ими. Тутъ были кольца изъ крупныхъ солитеровъ, отъ которыхъ, казалось, исходили бриллантовые огни. Тутъ были чудные сапфиры, изумруды, рубины... Но все это было тяжело, некрасиво оправлено, безвкусно; и все лежало, наваленное другъ на друга. Она безъ церемоніи вытаскивала изъ ларца то ту, то другую

ривьеру, или фермуаръ, или брошку, или серьги. При чемъ камни терлись другъ обь друга и обь металлическія, золотыя украшенія. Она надѣвала вещи на себя одну за другой и, надѣвъ, смотрѣла на меня и шурилась.

— Хорошо?... а это хорошо?! А? спрашивала она, гордая красотой дорогихъ камней и своею собственною. — Ты хочешь, я тебѣ подарю это, говорила она, протягивая ко мнѣ одно кольцо. — Хочешь?... У тебя будетъ хорошая, дорогая цѣпь на твоей хорошеенькой, вѣжливой шейкѣ...

И она надѣла брилліантовую цѣпь мнѣ на шею.

Но я запротестовала всѣми моими силами противъ этого неожиданныго и дорогого подарка.

— Нѣтъ! Я хочу, чтобы ты носила ее, спорила она. — Мой дорогой! Жизнь моя!

Она никакъ не соглашалась взять ее назадъ.

„Я послѣ пришла ей обратно“, подумалъ я: „съ ней не спорить, какъ съ маленькимъ ребенкомъ. А теперь просто надо бѣжать, не то она, пожалуй, захочетъ укладывать меня спать на ея постели и ублаживать меня“.

— Я долженъ идти, сказалъ я, быстро вскочивъ съ дивана и посмотрѣвъ на часы. — Меня ждуть... Мнѣ никакъ нельзя, говорилъ я. — Отдайте мнѣ мое платье!

И я хотѣлъ сбросить кофту.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я дарю тебѣ эту кофту... Мой дорогой!

Она хотѣла обнять меня.

Но я ловко увернулся и, схвативъ мой пиджакъ, который лежалъ тутъ-же на диванѣ, сбросилъ ненавистную кофту и быстро надѣлъ свое платье. Этотъ рѣшительный шагъ поразилъ, кажется, и Джемму, и ея прислужницъ. Нѣкоторые даже слабо вскрикнули. Я началъ разстегивать кольцо. Но замочекъ былъ съ какимъ-то секретомъ, а Джемма, увидавъ, что я дѣлаю, снова бросилась передо мной на колѣни и съ мольбой заговорила:

— No! No! No! Ты этого не снимешь! Ты это возьмешь себѣ!.. Это я подарила тебѣ... Мое сердце... Мое сокровище!.. Пламя очей моихъ!

— А вы меня выпустите? спросилъ я. — Мнѣ здѣсь жарко... душно...

Дѣйствительно, я просто задыхался.

— Прощай! Иди!.. Прощай, мой милый, милый мальчикъ!

Она такъ страстно прижалась ко мнѣ. Мнѣ казалось даже, что въ ея зазвенѣвшемъ голосѣ звучали слезы.

Я вырвался и со всѣхъ ногъ бросился вонъ.

Только въ третей комнатѣ я остановился и вспомнилъ, что не исполнилъ того дипломатическаго порученія, съ которымъ послалъ меня Семень Никитичъ.

IX.

Тихими шагами, соображая, идти мнѣ или не идти къ нему, и что онъ обо мнѣ подумаетъ, скажетъ: „мальчикъ, ребенокъ, дитя!.. развѣ возможно поручить ему что-нибудь серьезное?“ Но въ то же время я утѣшалъ себя мыслью, что я еще разъ буду имѣть предлогъ быть у Джеммы, — и съ этимъ рѣшеніемъ предсталъ передъ Семеномъ Никитичемъ и Багараджей. Они сидѣли попрежнему вдвоемъ и о чемъ-то говорили, съ увлеченіемъ перебивая другъ друга.

— Ну! что?! Какъ дипломатія? вскричалъ Семень Никитичъ, увидавъ меня.

Но я завертѣлъ отрицательно головой и сказалъ:

— Никакъ нельзя было... Никакъ нельзя. Я вамъ послѣ разскажу.

Семень Никитичъ укоризненно покачалъ головой и что-то сказалъ Багараджѣ по-индѣски.

— О! вскричалъ онъ и проговорилъ какую-то фразу, быстро, по съ достоинствомъ, какъ-то величественно, по-царски прошель въ уголъ комнаты и, взявъ оттуда небольшой шахматный столикъ съ разставленными шахматами, онъ принесъ его и поставилъ передъ диваномъ. Затѣмъ, опустившись на него, указалъ мнѣ мѣсто противъ себя на низенькомъ табуретѣ или, вѣрнѣе, на высокой подушкѣ.

— Раджа приглашаетъ тебя играть съ нимъ, сказалъ Семень Никитичъ. — Я сказалъ, что ты страстный любитель шахматъ.

Я чувствовалъ, какъ закружилась моя голова, и завертѣлись зеленыя змѣйки или червячки въ моихъ глазахъ.

— I beg you! сказалъ Раджа и указалъ мнѣ на подушку.

На моей сторонѣ стояли бѣлья... Я долженъ былъ начинать. Мое волненіе не покидало меня во все продолженіе нашей игры. Я не буду описывать ее. Скажу только, что въ самомъ началѣ ея я потерялъ ферезъ, а за ней обѣ ладьи, и къ крайнему моему стыду, остался съ однимъ королемъ и съ двумя коньками. Очевидно, Багараджа игралъ со мной, какъ котъ съ мышью. Онъ что-то сказалъ Семену Никитичу, который захохоталъ неистово, а я вскопилъ весь красивый и со слезами на глазахъ, сказалъ, что играть больше не буду, и тутъ-же далъ себѣ честное слово выучиться по-индѣски и притомъ какъ можно скорѣе, чтобы понимать все, что они говорятъ.

Когда мы уходили, то и обратился къ Семену Никитичу съ просьбой разстегнуть мое кольцо и вернуть хозяевамъ. Семень Никитичъ только теперь обратилъ на него вниманіе и разахался.

— Ахъ! Ахъ! сказалъ онъ, вслеснувъ руками, — что ты надѣлалъ!.. Дипломатъ ты, дипломатъ! Покорѣйше прошу!.. Въдъ этого нельзя... этого никакъ нельзя... чтобы возвращать подарокъ. Покорѣйше прошу! Они страшно обидятся... А между тѣмъ они тебѣ, покорѣйше прошу, задарили тебя!.. Ты уже закупили ими!.. Они будутъ такъ и считать!.. Ахъ! Ахъ! Что ты надѣлалъ!

Мнѣ хотѣлось сказать: „Неужели они не понимаютъ, что это была шутка?“ Со мной играли какъ съ ребенкомъ. Но на это объясненіе, признаюсь откровенно, у меня не хватило духу.

Дома мать моя разстегнула кольцо и всѣмъ показывала этотъ дорогой подарокъ. По отбѣлкѣ знаковокъ, онъ стоилъ по крайней мѣрѣ 10,000 руб. ассигнаціями.

Видитъ этотъ, по своимъ послѣдствіямъ, имѣлъ для меня довольно важное значеніе и опредѣлилъ на многие годы мою дальнѣйшую дорогу въ жизни. Данное мнѣ самому честное слово я долженъ былъ сдержать. Я долженъ былъ доказать и моей хорошеенькой Джеммѣ, и этому бронзовому петухану Багараджѣ, что я взрослый мужчина, а не мальчикъ, и что, если даю слово, то умѣю держать его. Джемма и Багараджа не выходили изъ моего представленія, они стояли передо мной, мерещились мнѣ на яву и во снѣ.

Съ другой стороны, совѣтъ мучила меня за то, что я не выполнилъ порученія Семена Никитича, т. е. того, за чѣмъ онъ возилъ меня къ Багараджѣ. Я горѣлъ нетерпѣніемъ скорѣе исправить эту ошибку.

X.

Въ тотъ-же день я обратился къ отцу съ убѣдительною просьбой выучить меня говорить по-индѣски и, если можно, то скорѣе.

— Что такъ загорѣлось? спросилъ меня отецъ съ его обычной уемѣшкой. — Люди учатся цѣлыми годами, ѣдятъ, живутъ въ Индіи... а ты, какъ всегда... На! Тихъ, ляпъ и корабль!.. По щучьему велѣнію, по моему хотѣнію, а по чьему нетерпѣнію?.. Этого и не знаешь!..

Я упрямилъ его на другой-же день привезти мнѣ индѣскіе разговоры, грамматику и лексиконъ.

— Разговори я тебѣ привезу и грамматику тоже, а лексиконъ ты можешь и у меня найти. — И онъ привезъ мнѣ и то и другое, только все на англійскомъ языкѣ. Слѣдовательно, я долженъ былъ съ языкомъ, совершенно для меня чуждымъ, управляться посредствомъ другаго также чужаго языка, который я не скажу чтобы зналъ основательно.

Но молодость двигаетъ горами.

На другой-же день я сбѣгалъ къ Семену Никитичу и сказалъ, что я хоть сейчасъ готовъ заглядить мою вину и вывѣдать отъ Джеммы, чья она дочь, и что у меня къ нему просьба, выучить меня говорить по-индѣски и притомъ возможно скорѣе.

Семень Никитичъ вытаращилъ глаза и сказалъ:

— Покорѣйше прошу!.. Къ чему такъ поспѣшно?.. Что такъ припичило?.. Или въ Джемму влюбился?.. О! плугъ дипломатъ!.. А въдъ хорошеенькая дѣвочка!.. А? Не правда-ли, хорошеенькая, покорѣйше прошу!.. И кольцо тебѣ подарила, богатыннее. Это... въдъ по-индѣски... только невѣсты женихамъ дарятъ... А? Покорѣйше прошу!

Въ тотъ же день я съ жадностью засѣлъ за азбуку. Семень Никитичъ показалъ мнѣ выговоръ буквъ, къ которому надо было приспособиться, и я долго не могъ приурочить мое горло и языкъ къ этимъ гортаннымъ, грасирующимъ и грохочущимъ звукамъ.

Должно замѣтить, что въ то время моей юности я былъ не только упрямымъ, но и настойчивымъ; а къ этому присоединилось мое горячее увлеченіе шахматами, Джеммой и всѣмъ этимъ теченіемъ, которое я называлъ „индѣскимъ наводненіемъ“. Разузнется, это увлеченіе не прошло мнѣ даромъ и черезъ три, четыре дня я лежалъ въ постели, обложенный горчичниками и съ холоднымъ компрессомъ на головѣ. Я бредилъ по-индѣски, звалъ Джемму, поминутно собирался въ Индію и разыгрывалъ самыя трудныя шахматныя игры.

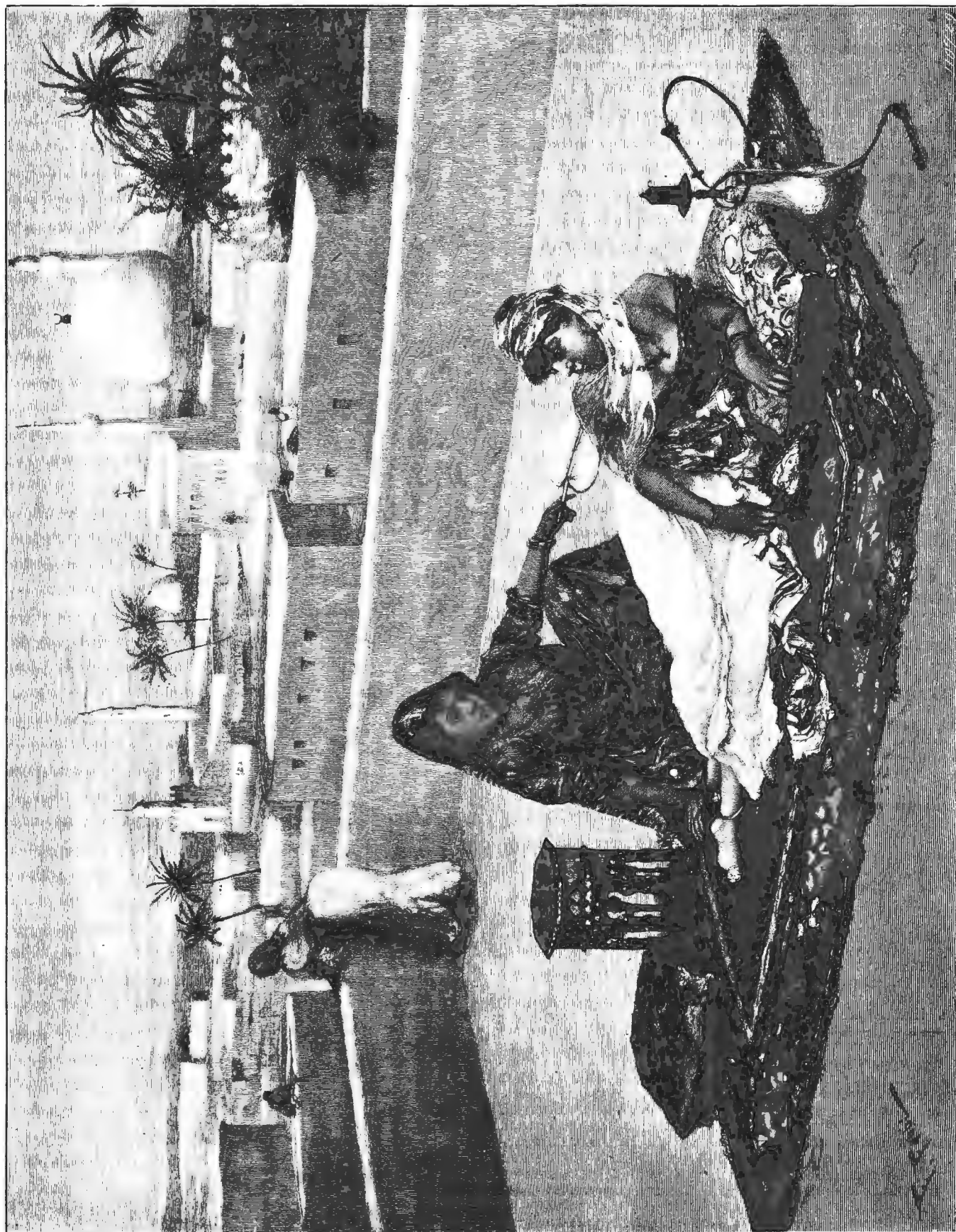
На третій день медики, пользовавшие меня и твердо опредѣлившіе у меня горячку, заявили, что у меня былъ просто приступъ остраго возбужденнаго состоянія, которое могло кончиться воспаленіемъ въ мозгу, — приступъ, прошедшій, благодаря ихъ лѣченію. Они строго-настрою запретили мнѣ игру въ шахматы и всякія умственныя занятія. Но, разузнется, это запрещеніе было только фикціей, которою они утѣшали себя и мою добрую маму. Въ сущности-же я разыгрывалъ въ умѣ шахматныя игры, что было гораздо тяжелѣе и вреднѣе, и зубрилъ и долбилъ наизусть индѣскія слова и цѣлыя фразы.

Черезъ недѣлю я уже считалъ себя совершенно здоровымъ и усердно упрямивалъ Семена Никитича идти со мной къ Багараджѣ.

— Какъ же мы поидемъ, покорѣйше прошу, когда мать тебя не пускаетъ?

— Семень Никитичъ! вскричалъ я въ отчаяніи: — въдъ Джемму могутъ увести!.. И мы ничего не узнаемъ!

— Не такъ скоро, покорѣйше прошу! Такія дѣла скоро не

На кровль въ Александріи. Съ карт. Фабіо-Фабіи, грав. Пейне.

Городъ Владиміръ-Волыньскій. Съ фотографіи художника Сьдова, грав. Рашевскій.

дѣлаются... Они еще растрепутъ здѣсь свою индѣйскую мощь... Покорѣйше прощу!.. А главное, что мы не можемъ дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока руки наши связаны. Если-бы ты былъ тогда умнѣе и спросилъ Джемму, какъ зовутъ ея отца, то мы, покорѣйше прощу, были-бы уже дома! А теперь... вотъ... стоимъ, какъ раки на мели.

Черезъ нѣсколько дней мы, однако, двинулись съ нимъ снова къ Багараджѣ. Семень Никитичъ, кажется, успѣлъ убѣдить отца, что для ихъ цѣли существенно важно узнать, чья была дочь Джеммы.

Я упрямилъ мать, чтобы мнѣ позволили надѣть болѣе легкое платье.

XI.

Когда, прежнимъ порядкомъ, меня ввели къ Джеммѣ, то я нашелъ ее не одну. Подлѣ нея, на диванѣ сидѣлъ высокій, худой старикъ въ бѣлой чалмѣ и съ длинною бѣлою бородой. На немъ ничего не было, кромѣ широкаго бѣлаго пояса, который нѣсколько разъ былъ обернутъ около его живота. Высокшее, исхудалое, но мускулистое тѣло его, бронзоваго цвѣта, представляло рѣзкій контрастъ съ его бѣлою бородой и чалмой, да и вообще на меня произвѣло отталкивающее впечатлѣніе его слишкомъ легкой костюмъ. Впрочемъ въ комнатѣ Джеммы было такъ жарко натоплено, что этому костюму можно было позавидовать.

Джемма, какъ только увидала меня, входящаго вслѣдъ за мулаткой, то радостно вскрикнула, всплеснула руками и бросилась ко мнѣ навстрѣчу.

— О! мой милый, дорогой мальчикъ! Звѣзда души моей! Ты былъ боленъ?

И, подведя къ старику, она что-то пробормотала ему по-индѣйски и сказала мнѣ, указывая на старика:

— Это мой дядя, Джамма Багавари.

Старикъ, ничего не говоря, схватилъ меня длинными руками за обѣ мои руки и, крѣпко держа, усадилъ прямо на меня свои блѣсоватые глаза, зорко смотрѣвшіе изъ-подъ густыхъ, посѣдѣвшихъ бровей. Затѣмъ, не выпуская меня изъ своихъ мускулистыхъ рукъ, началъ что-то медленно говорить Джеммѣ, а она говорила мнѣ:

— Дядя находить, что ты добрый, честный мальчикъ. У тебя чистое сердце и ясные глаза.

Тогда я, краснѣя и заикаясь, сказалъ ей на деванагарскомъ нарѣчій:

— Прошу сказать, что я очень люблю тебя и всѣхъ родственниковъ твоихъ.

Джемма съ радостнымъ крикомъ объяла меня.

— Онъ говоритъ по-индѣйски? вскричала она по-англійски.— Мой дядя! заговорила она по-индѣйски, что-то объясняя ему. Но я тотчасъ-же остановилъ ее.

— Джемма, сказалъ я по-англійски,—эта фраза... я ее составилъ и выучилъ... а больше я ничего не знаю. Я только хотѣлъ показать тебѣ, что я учусь по-индѣйски.

Она опять забормотала что-то по-своему.

— Мой милый мальчикъ!.. Хочешь, я буду учить тебя нашему великому языку?.. Ты знаешь-ли, что на этомъ языкѣ написаны всѣ священныя книги Веды?.. Его только изуродовали, сдѣлали изъ него *урду* или *ректу*. Ты хочешь, чтобы я тебя учила?! Да?

Разумѣется, я съ радостью согласился и тутъ-же, не откладывая въ долгій ящикъ, посѣдѣшилъ исполнить мою дипломатическую миссію.

— Скажи мнѣ, Джемма, спросилъ я, — какъ зовутъ твоего отца?.. Вѣдь онъ живъ, надѣюсь?.. Да хранить его Отецъ Всемогущій!

— А зачѣмъ тебѣ, мой милый мальчикъ? Душа моего сердца!—И тутъ-же она обратилась съ какимъ-то вопросомъ къ Джаммѣ Багавари.

— Мнѣ это очень нужно, сказалъ я.—Я тебѣ послѣ скажу.

— Ея отца, сказалъ Джамма Багавари,—зовутъ князь (раджа) Аянъ-Ханъ Бараджу Матарри.

И Джемма повторила его отвѣтъ.

— Онъ раджа Джараханскій? спросилъ я Джемму.

Она кивнула головой и тихо съ гордостью сказала:

— Да! онъ раджа Джараханскій... Зачѣмъ-же это тебѣ нужно?..

Но я такъ обрадовался этому отвѣту, который позволялъ мнѣ (кому? я въ точности не зналъ) дѣйствовать въ пользу ея отца, что крѣпко обхватилъ ее руками и прошепталъ ей:

— Я тебѣ это послѣ расскажу... послѣ!..

— А я любопытна, призналась она мнѣ также шепотомъ съ шаловливой усмѣшкой.—Меня будетъ это мучить.

— Нѣтъ! Послѣ!.. послѣ!—И я посмотрѣлъ многозначительно кругомъ.—Пожалуйста... Милая моя, не спрашивай теперь.

Она посмотрѣла на Джамма Багавари, что-то пробормотала ему по-индѣйски и вдругъ совершенно неожиданно крѣпко поцѣловала меня въ самыя губы. Я никакъ не ожидалъ этой ласки.

Скажу откровенно, что я чувствовалъ, что пользуюсь ею совершенно незаконно.

Я остался еще не надолго въ комнатѣ Джеммы и посѣдѣшилъ скорѣе къ Семену Никитичу, чтобы сообщить ему то,

что я узналъ. Я постоянно твердилъ имя раджи Джараханскаго, чтобы не забыть его и передать въ точности. На сердцѣ у меня было удивительно весело и радостно.

Войдя въ комнату къ Багараджѣ, я бойко подошелъ къ Семену Никитичу и съ радостью, но шепотомъ ему на ухо сообщилъ имя отца Джеммы.

— Это вѣрно?.. спросилъ онъ, смотри на меня недоувѣрчиво.

— Да! кивнулъ я головой.

— Ну! тогда помоги Богъ!.. Покорѣйше прощу!

XII.

Уроки мои съ Джеммой начались черезъ два дня.

Нужно-ли говорить, что эти уроки шли на всѣхъ парахъ? Вообще у меня были сильныя способности къ изученію языковъ. Это было, вѣроятно, наслѣдственное отъ отца. Но тутъ эти способности, кажется, по крайней мѣрѣ удвоились, если не удеситерились. Я схватывалъ много и запоминалъ налету. Я какимъ-то чутьемъ проникалъ въ сокровенный смыслъ конструкціи языка, въ его ідиомы и характеръ... Короче сказать, черезъ двѣ или три недѣли, т. е. черезъ девять или десять уроковъ (чаще, чѣмъ три раза въ недѣлю меня не пускали къ Джеммѣ), я уже зналъ очень много фразъ и могъ самъ составлять довольно скоро эти фразы. Джемма была въ восторгѣ. Она съ такою теплою любовью ласкала меня, съ такимъ дѣтскимъ счастьемъ въ ея глазахъ, что я весь проникался гордостью и радостью и считалъ себя чуть-чуть не всемирнымъ гениемъ.

Должно замѣтить, что при нашихъ урокахъ постоянно присутствовалъ Джамма Багавари, и когда присутствовалъ онъ, то всѣ прислужницы Джеммы удалялись, и она сама прислуживала ея дядѣ.

Когда этотъ дядя услышалъ мою нетвердую рѣчь на даванагарскомъ нарѣчій, то онъ опять такъ-же, какъ и въ первый разъ, обѣими руками, крѣпко взявъ меня за предплечья и, держа прямо противъ себя, началъ говорить мнѣ тихо и торжественно:

— Слушай, невинный отрокъ Всемогущаго, если ты будешь такъ-же прилеженъ, то тебѣ откроются тайны Премудраго, и ты не будешь слѣпцомъ.

И съ этихъ поръ почти каждый разъ, когда онъ присутствовалъ на моемъ урокѣ, онъ послѣ этого урока говорилъ со мной при помощи Джеммы.

Онъ всегда начиналъ свою рѣчь словами:

„Великій Брама говоритъ“.

И когда онъ произносилъ эти слова, то Джемма поднималась съ дивана и становилась въ почтительную позу передъ дядей, скрестивъ руки на груди и склонивъ голову...

Должно замѣтить, что, несмотря на мое, можетъ-быть, слишкомъ раннее развитіе, я еще не вдумывался въ религиозные вопросы, и мое міросозерцаніе было очень ограничено.

При воспоминаніи теперь объ этомъ далекомъ прошломъ моей юношеской или отроческой жизни, въ моей памяти воскресаетъ, какъ на яву, вся милая обстановка этого времени. Я какъ будто вижу свѣтлую, милую дѣтскую улыбку Джеммы, глубокой, задумчивый взглядъ ея большихъ, выразительныхъ глазъ. Меня какъ будто снова окружаетъ эта нахучая, ароматная атмосфера ея комнатъ. И среди ея этотъ высокій, строгій старикъ съ большою бѣлою бородой, къ которому я всегда чувствовалъ невольное благоговѣніе, въ особенности, когда онъ торжественнымъ тономъ произносилъ:

„Великій Брама говоритъ“.

Наконецъ, я совершенно освоился съ языкомъ Джеммы, легко понималъ ее и Джамма Багавари, и хотя съ трудомъ и неправильно, но могъ говорить. Джемма была въ восторгѣ отъ меня, а Багавари долѣе и долѣе бесѣдовала со мной, такъ что, наконецъ, мнѣ не трудно было понимать его рѣчь. Впрочемъ, главное затрудненіе состояло здѣсь въ томъ, что я не могъ переспрашивать. Онъ не повторялъ того, что было сказано, и каждую свою рѣчь начиналъ неизмѣннымъ арабскимъ стихомъ:

„Слушай внимательно мудрыхъ и лови ихъ слова,
„Какъ птица быстрорылыхъ...“

XIII.

Одинъ разъ онъ разсказалъ мнѣ притчу или преданіе, которое объясняло происхожденіе шахматной игры. Я не знаю, насколько оно исторически вѣрно. Разсказалъ онъ мнѣ его по поводу словъ Джеммы, которая передала ему, что я большой любитель шахматъ. Сказаніе это было въ звучныхъ мѣрныхъ стихахъ, но я передаю его въ прозѣ.

— Слушай, угодный Богу отрокъ, и помни сказаніе Мудрыхъ. „Давнымъ - давно, при великомъ царѣ Алефѣ - Бенгаратѣ, жилъ мудрый и богоспасаемый человѣкъ, Джарахмуни. Много у царя Алефѣ-Бенгарата было утѣхъ, много было драгоцѣнностей, земель и сильнаго войска. Много было красивицъ въ его гаремахъ; но великому Алефу было вездѣ скучно, а Джарахмуни жилъ у него, какъ мудрый деревнишъ, и долженъ былъ разгонять и услаждать его скуку. „Ты видишь, говорилъ онъ,—царь мудрый и благословенный, что всѣ радости и блага здѣшней жизни—тлѣнны и суетны. Насъ зо-

веть къ себѣ блаженное слияніе съ Брамой, и счастливо то существо, которое вкуситъ этотъ безмятежный покой безъ страстей и возжелѣній“. Но царь Алефъ не могъ успокоиться, когда онъ хотѣлъ чего-нибудь. Онъ хотѣлъ не покоя, а забавъ и утѣхъ, только новыхъ, которыхъ онъ еще не испытывалъ въ жизни. „Я знаю, говорилъ онъ мудрому дервишу,—что есть въ мірѣ утѣха или забава, которая можетъ меня занять, и которой я не знаю. Укажи мнѣ эту забаву, и я подарю тебѣ то, что ты пожелаешь; если же ты не исполнишь моей воли, то приготовься къ смерти. И дамъ тебѣ цѣлыхъ семь дней срока. Ступай!“ Мудрый Джарахмуни склонилъ голову и сказалъ: „Благой повелитель, ничто въ мірѣ не можетъ совершиться безъ воли Премудраго, и если голова моя должна упасть, какъ спѣлый плодъ, то да будетъ воля великаго Брами. Я удаюсь“. Три дня молился мудрый Джарахмуни въ дальнихъ пещерахъ Бардыхана. На третій день спустился къ нему духъ Вишну и открылъ великое. Вотъ что открылъ ему премудрый духъ Вишну. „Тайна міра лежитъ въ десницѣ Вышняго. Онъ премудрый устроитель и вѣдатель всего существующаго. Въ немъ сила и мудрость. Благодать его, вездѣсущая „акаша“, все проникаетъ и все распоряжается по его волѣ. Это не духъ, но собраніе духовъ многихъ. Все небесное борется съ землей. Духъ борется съ плотью и не можетъ побѣдить ее. Таковъ законъ Премудраго. Земнымъ владѣтъ Кришну и злая Кали. Но все, что совершается на землѣ и въ небѣ и во всемъ мірозданіи, отмѣчено въ книгѣ судебъ,—такова воля Вышняго.

„Какъ молнии, летаютъ его посланные. Но еще быстрее летаютъ здѣсь на землѣ посланные злаго Кришну и богини Кали. Два исполнителя у Премудраго и вездѣсущей „акаши“ и два исполнителя у Кришну и Кали.

„Неслышно, какъ тихіе, свѣтлые ангелы, спускаются на землю посланные Вишну и творить благо. Съ громомъ и молніей прилетаютъ злые исполнители воли Кришну и Кали и приносятъ гибель и разрушеніе.

„Тамъ, гдѣ нельзя идти прямыми путями, тамъ обходятъ два другихъ исполнителя, на коняхъ, и несутъ волю Вишну съ неба и волю Кришну здѣсь, на землѣ. У перваго исполнителя подобны конямъ свѣта, блистающимъ въ славѣ солнца. У Кришну черные кони, которые дышутъ пламенемъ и разносятъ истребленіе.

„Тамъ, гдѣ должна быть употреблена значительная сила, тамъ посылаются сильные духи: Марабагуни, у которыхъ соединенная сила, и они бьютъ все встрѣчающееся имъ на пути, и помогаютъ свѣтлымъ акашѣ, а темные—Кали. Они ближе къ землѣ и борются на окраинахъ каждаго царства. Вѣлые, свѣтлые стоятъ между небомъ и землею. Черные, темные стерегутъ отверженные границы пренеподней.

„Множество мелкихъ, домашнихъ духовъ пребываютъ съ каждымъ родомъ, съ каждымъ домомъ, съ каждой семьей и руководятъ и хранятъ тѣхъ, которые живутъ по волѣ великаго Вишну.

„Множество мелкихъ, темныхъ дивовъ и духовъ копошится на землѣ, увлекая слабыхъ, некрѣпкихъ въ волѣ и духѣ Вишну людей, на длинный путь разныхъ злыхъ дѣлъ и преступленій. Но всѣ эти духи—слабые, ограниченныя духи. Ихъ способности, ихъ дѣла связаны высшей волей. Они сильны только когда дѣйствуютъ заодно съ посланными силами добра и зла, съ посланными небомъ или землею“.

„Такъ говорилъ духъ великаго Вишну мудрому Джарахмуни. Здѣсь Джамма Багавари замолкъ, наклонилъ голову и, закрывъ лицо руками, началъ тихо шептать. Мнѣ казалось, что онъ молится.

XIV.

„Затѣмъ онъ вздохнулъ тяжело и глубоко и, поднявъ голову, снова началъ говорить тѣмъ же тономъ:

„И понялъ мудрый Джарахмуни и затвердилъ въ духѣ все, что говорилъ ему великій Вишну.

„Онъ говорилъ: „Три ступени къ блаженному слиянію съ Брамой: жизнь плотская, жизнь душевная и благодатная жизнь духа. Всякій смертный долженъ пройти черезъ эти три ступени, чтобы выработать себѣ твердую волю, безстрастное сердце и благодатную силу. Всякій идетъ тѣмъ путемъ, который указала ему воля Вышняго, и совершаетъ то великое, что написано въ книгѣ судебъ. Но великая, свѣтлая Акаша вѣчно работаетъ въ духѣ блага и любви всемірной. Она живетъ въ каждомъ человѣкѣ, если бы даже этотъ человѣкъ былъ отданъ злымъ силамъ Кришну и Кали. И въ этой силѣ внутренней, единичная свобода каждаго смертнаго. По закону великаго Вишну онъ долженъ творить его волю, и онъ творитъ ее. Но Акаша его остается вѣчно свободной. Злой Кришну и хитрая Кали могутъ оучать его злыми сѣтями и заставить совершить то, что написано въ книгѣ судебъ, но они не властны надъ его собственной, свободной волей. Когда духъ его возмущенъ, тогда человѣкъ не можетъ чувствовать этой свободы, но она въ немъ, въ его спокойномъ духѣ. При встрѣчѣ добра и зла, духъ его влечетъ въ ту или другую сторону. Силы невидимыя просыпаются. Благо ему, если онъ послушается голоса сердца и пойдетъ направо. Горе ему, если онъ заглушитъ

въ себѣ этотъ руководящій голосъ и пойдетъ за страстью, пойдетъ нальво, въ сторону Кали и Кришну.

„И сказалъ великій Вишну мудрому Джарахмуни:

„— Вотъ премудрость міра!.. Иди и сдѣлай доску, раздѣленную на 64 квадрата. Да изобразишь она борьбу сферъ небесныхъ съ юдолей земной скорби, ибо на 64-хъ буквѣхъ утверждены всѣ земныя скорби и небесныя радости.

„И сдѣлай ты подобіе мое въ видѣ премудраго повелителя силъ неба, и подобіе злаго Кришну въ видѣ Шаха міра сего. И сдѣлай ты подобіе моей Аказы въ видѣ моей ферези и подобіе богини Кали въ видѣ ферези Шаха міра. И сдѣлай ты подобіе моихъ посланныхъ въ видѣ небесныхъ воеводъ и подобіе темныхъ распорядителей въ видѣ земныхъ воеводъ. И сдѣлай ты мое конное войско въ видѣ свѣтлыхъ коней и войско Кришну въ видѣ темныхъ коней. И сдѣлай ты оплотъ моихъ окранныхъ въ видѣ крѣпкихъ боевыхъ башенъ и морскихъ силъ Кришну въ видѣ легкокрылыхъ ладей. И сдѣлай ты подобіе прочихъ силъ моихъ и Кришну, имъ же нѣтъ числа, въ видѣ простыхъ борцовъ, охраняющихъ неизблемость міра.

„И отнеси ты все это подобіе Алефъ Бенгарату. И благо ему, если онъ пойметъ великій смыслъ всего движенія и игры цѣлаго міра. И горе да будетъ ему, если онъ увидитъ въ подобіи этой игры только одну пустую забаву.

„Я сказалъ: Иди!“

„И пошелъ мудрый Джарахмуни и сдѣлалъ все такъ, какъ указалъ ему Вишну. Онъ принесъ къ Алефъ Бенгарату подобіе игры міра и назвалъ это подобіе „шахматы“.

„Долго училъ онъ Шаха игрѣ премудрой и растолковывалъ ему ея сокровенный и глубокий смыслъ. Но сердце Бенгарата, погруженное въ утѣху этого міра, все было поглощено только имъ. Онъ видѣлъ въ великой игрѣ, которой научилъ его Джарахмуни, одну забаву и дивился ея мудрости.

„Восхищенный ею онъ говорилъ Джарахмуни, чтобы онъ просилъ у него все, что онъ хочетъ, и что онъ все исполнитъ. Но мудрый Джарахмуни отвѣчалъ ему:

„— Только всесильный Вишну можетъ исполнять все, что онъ захочетъ, ибо нѣтъ въ цѣломъ мірѣ силы, которая была бы сильнѣе его могущества.

„И спросилъ мудрый Джарахмуни у Бенгарата, чтобы онъ далъ ему столько зеренъ риса, сколько квадратныхъ клѣтокъ въ шахматномъ полѣ, и чтобы на первой клѣткѣ было положено одно зерно, а на второй клѣткѣ два зерна, а на третьей клѣткѣ—четыре зерна, и такъ далѣе, все возрастаетъ вдвое, вдвое увеличивалось бы это число до послѣдней клѣтки.

„Подвигая Алефъ Бенгаратъ просилъ Джарахмуни и подумалъ, что Кришну затмилъ его разсудокъ. А Джарахмуни сказалъ его просить съ тѣмъ, чтобы самъ шахъ Алефъ Бенгаратъ счелъ, сколько зеренъ онъ требуетъ. Но не сталъ утруждать свою голову Алефъ Бенгаратъ надъ этой задачей и позвалъ своего казначея и велѣлъ счесть ему и немедленно выдать Джарахмуни то, что онъ проситъ, и въ дополненіе его милостей подарилъ мудрому дервишу золотую чашу для утоленія его жажды.

„Счелъ казначей и сказалъ, что число зеренъ такъ велико, что его нельзя ни написать, ни выговорить. И если весь шаръ земной со всеми его водами превратить въ хлѣбныя поля и со всѣхъ этихъ полей снять семь разъ полную жатву, то только тогда исполнится та мѣра зеренъ, которую проситъ мудрый Джарахмуни.

„И увидалъ Шахъ Алефъ Бенгаратъ, что у него нѣтъ силъ исполнить желаніе Джарахмуни. И тяжело ему было его бесиліе, и повелѣлъ онъ, въ тоскѣ и гнѣвѣ, схватить Джарахмуни и отрубить ему голову.

„Такъ явились шахматы въ семь мірѣ. Блаженъ, кто стремится проникнуть въ ихъ глубокий смыслъ, и горе тому, кто утѣшается ими, какъ пустой забавой человѣческаго ума!“

И проговоривъ это, замолкъ Джамма Багавари. И вдругъ ослабѣвъ, опустился, какъ будто длинный разсказъ утомилъ его старческое, дряхлое тѣло. Подбѣжала къ нему Джемма и начала ухаживать за своимъ дряхлымъ дядей.

XV.

Этотъ разсказъ оставилъ во мнѣ впечатлѣніе на всю мою жизнь. Но только послѣ многихъ-многихъ лѣтъ я началъ смутно понимать отношеніе мировой воли къ единичной волѣ каждаго человѣка и каждаго индивида. И до сихъ поръ, признаюсь, не могу вполне ясно понять этихъ отношеній.

Но я никакъ не могу сказать, чтобы не было вовсе того, чего я не понимаю. Впрочемъ, объ этомъ я еще буду имѣть случай поговорить потомъ.

Послѣ разсказа Багавари, я иначе сталъ смотрѣть на шахматы. Для меня всѣ фигуры и пѣшки стали символами, за которыми пряталось что-то глубокое и непонятное. Мистическія представленія, очевидно, были въ моей натурѣ. И Багавари, и Багараджа, и даже Джемма получили въ моихъ глазахъ какой-то особенный смыслъ.

Спустя много лѣтъ, когда я основательно познакомился съ нарѣчійми Индостана, я всюду искалъ того преданія, которое разсказалъ мнѣ Багавари. Но я нашелъ только разсказы, анек-

дотическіе, весьма неопредѣленные, объ томъ, что какой-то дервишъ (я забылъ его имя), придумалъ забавлять какого-то шаха шахматной игрой и предъявилъ ему ту цѣну, которую Джарахмуни предъявилъ Бэнь-Алефу, за что и былъ казненъ. Таинственного, мистическаго смысла для шахматной игры я не нашелъ во всей индійской литературѣ. Между тѣмъ очень тяжелое событіе, разразившееся надъ Джеммой, какъ бы оправдывало смыслъ сказанія, которое мнѣ передалъ Багавари.

Прошла недѣля или двѣ, въ которыя приходила какая-то оживленная дѣятельность у „индійцевъ“. Такъ называла мать моя всѣхъ прѣзжихъ вѣстѣ съ Багараджей. Отецъ и Семень Никитичъ о чемъ-то хлопотали, куда-то ѣздили; отецъ въ мундирѣ, а Семень Никитичъ во всѣхъ орденахъ. Багараджа съ его тѣлохранителями также куда-то ѣздилъ. Наконецъ, что-то готовилось, назрѣвало, чего мнѣ не удалось узнать. Но тутъ разразилось громовымъ ударомъ то, что лежало въ судьбахъ міра.

Въ это время у „индійцевъ“ началъ появляться одинъ молодой флигель-адъютантъ, графъ В. Онъ былъ близокъ къ государю, и я думалъ сначала, что дѣло „индійцевъ“ шло при его посредничествѣ, но вскорѣ я убѣдился, что онъ игралъ здѣсь только роль посыльного и нахально преувеличивалъ свое значеніе во всей этой плачевной исторіи.

Это былъ очень красивый, высокій и статный молодой человекъ, бронеть съ черными усиками и курчавыми волосами. Черты лица его были довольно правильны. Ровными дугами выведенныя брови. Большіе, черные, блестящіе глаза, по какому вило смотрящіе изъ-подъ выпуклыхъ вѣкъ. Большой шѣскольно чувственный ротъ и довольно длинный прямой носъ. Манеры его были очень ловкія, чисто придворныя. Голосъ—нѣжный, бархатный баритонъ. Говорилъ онъ какъ-то мягко, грациозно, и при этомъ такъ нѣжно, любовно смотрѣлъ въ глаза того, съ кѣмъ говорилъ. Съ перваго взгляда онъ мнѣ не понравился, но потомъ я подумалъ: „онъ долженъ быть такой добрый и услужливый господинъ“.

Онъ прѣзжалъ почти всегда въ сопровожденіи Семена Никитича, и всѣ разговоры его съ Багараджей велись черезъ переводчика. Я сталъ замѣчать, что почти съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ появился у „индійцевъ“, Джемма какъ-то стала задумчива и пуглива. Она часто не отвѣчала на мои вопросы, къ чему-то прислушивалась. Иногда я находилъ ее въ углу на диванѣ съ закинутыми руками на головѣ, съ закрытыми глазами и такъ сладко, восторженно улыбающуюся и мечтающую о чемъ-то.

Эта перемена меня сильно безпокоила; но Джемма отдѣлывалась отъ моихъ вопросовъ, шутокъ и играя. Порой я видѣлъ, какъ вдругъ, почти внезапно, краска пропала съ ея лица и оно становилось изжелта-блѣднымъ, а глаза какъ-то потухали, словно погружались куда-то вглубь. Порой на нее находилъ какой-то страстный порывъ нѣжности. Она съ такимъ самозабвеніемъ и слезами цѣловала меня, называла такими нѣжными именами, говорила дрожащимъ шепотомъ. Ея дыханье было такъ горячо, сердце билось неровнымъ боемъ и грудь такъ тяжело поднималась. Она крѣпко прижималась къ моей груди, такъ что я невольно отстранялся отъ нея. Мнѣ, мальчику, былъ чуждъ этотъ языкъ страсти.

Одинъ разъ такой порывъ кончился слезами и истерикой. Въ комнатѣ никого не было. Всѣ прислужницы ея ушли. Страшно перепуганный, я бросился въ сосѣднюю комнату, гдѣ были онѣ, и позвалъ ихъ.

Онѣ говорили, что это сглазу, какъ-то косо и подозрительно смотрѣли на меня, обмахивали Джемму вѣерами-опаналами и окуривали ее какими-то крѣпкими, одуряющими ароматами. Онѣ говорили, чтобы я ушелъ. Но я не хотѣлъ оставить Джемму до тѣхъ поръ, пока она не пришла въ себя и сама не сказала мнѣ, что я долженъ уйти.

XVI.

Нужно-ли говорить, въ какомъ страхѣ и волненіи я вернулся на половину Багараджи. Но его не было дома, и я со слезами на глазахъ отправился прямо къ Семену Никитичу и передалъ ему все мое горе. Я сказалъ, что Джемма больна, чуть не умираетъ; но добрый старикъ успокоилъ меня и обѣянилъ, что это бываетъ съ каждой дѣвушкой въ ея года, и что теперь я не долженъ ходить къ нимъ, по крайней мѣрѣ съ недѣлю.

— Нѣтъ, я этого не могу! вскричалъ я, и залился слезами.

— Какъ не можешь? удивился Семень Никитичъ.

— Не могу... Я люблю ее.

Я принялъ на спинку кресла и разразился неистовыми рыданиями.

— Покорнѣйше прошу! вскричалъ Семень Никитичъ.—Ты?.. Карапузъ?.. Скажите пожалуйста!.. Вздоръ, вздоръ!.. Если ты такъ будешь вести себя, то тебя больше не пустятъ къ ней!.. Покорнѣйше прошу! Я первый скажу матери, чтобы тебя не пускали!.. Это вредно и для тебя, и для нея!..

И эта угроза такъ напугала меня, что я, несмотря на всю мою гордость, бросился передъ нимъ на колѣни и рыдая началъ обнимать его ноги. Однимъ словомъ, я не помнилъ себя и весь былъ „подъ влияніемъ“, какъ нынче говорятъ, страстнаго аффекта.

Онъ подвѣлъ меня и началъ утѣшать:

— Ну, покорнѣйше прошу!.. Успокойся!.. Стыдись!.. Покорнѣйше прошу!.. Взрослый мальчишка!.. Покорнѣйше прошу!.. Григорій, дай ему холодной воды!.. Покорнѣйше прошу!.. Григорій!

И онъ позвонилъ.

Я повнемому успокоился, но цѣлый день у меня сильно болѣла голова и весь я былъ какъ будто разбитый.

На другой день, съ самаго утра, у насъ былъ Семень Никитичъ. Я тотчасъ же обратился къ нему съ разпросами: что Джемма?.. Что съ ней?

Онъ махнулъ рукой.

— Собирается, проговорилъ онъ.

— Куда же собирается? допрашивалъ я, дрожа какъ въ лихорадкѣ.

— А во дворецъ!.. Покорнѣйше прошу!.. Представляться Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ.

— Зачѣмъ же? спросилъ я съ ужасомъ и сожалѣніемъ.

— Какъ зачѣмъ, бусурманъ ты московскій!.. Покорнѣйше прошу!.. Государь и Государыня пожелали видѣть ее, и дядо ея, и Багараджу, а ты спрашиваешь, зачѣмъ?.. Покорнѣйше прошу!.. Дѣло теперь на мази!.. Превосходнѣйшимъ порядкомъ!.. Покорнѣйше прошу!

На другой же день я упросилъ, чтобы меня отпустили „къ нимъ“ и побѣжалъ со всѣхъ ногъ.

Въ первой комнатѣ, которая была больше другихъ и представляла родъ залы, я нашелъ князя В. Увидавъ меня, онъ съ ловкой развязностью подлетѣлъ ко мнѣ.

— А! Здравствуйте, молодой человекъ!.. Выздоровѣли? Какъ здоровье ваше?.. Ничего? А?

И онъ, наклонясь ко мнѣ, съ такимъ участіемъ заглядывалъ въ мои глаза и такъ крѣпко жалъ мнѣ руку. Эссельбанты красиво свѣшивались съ его груди, на которой было довольно много крестиковъ и медалей, и прежде всего бѣлѣлъ Георгіевскій крестъ.

— Послушайте, молодой человекъ, говорилъ онъ,—вѣдь вы пройдете, вѣроятно, къ Джеммѣ!.. Неправда-ли? Ес вчера очень милостиво приняла Императрица и подарила ей превосходный фермуаръ изъ изумрудовъ. Такъ если вы пройдете къ Джеммѣ!.. то вѣдь неловко молодому человекъ приходиться!.. къ дѣвушкѣ съ пустыми руками. Я объ этомъ думаю!.. Я позаботился объ васъ!..

И онъ изъ задняго кармана мундира вынулъ небольшую коробку, обвязанную розовой ленточкой.

— Вотъ, сказалъ онъ, подавая мнѣ коробку,—передайте ей и кланяйтесь отъ меня. Это особенныя восточныя конфеты. Передайте ей!.. прошу васъ.

Я нерѣшительно взялъ коробку и сказалъ:

— Хорошо, я передамъ.

— Только лучше вы сдѣлаете, если спрячете куда-нибудь эту коробку!.. А то, вы понимаете!.. Этотъ Багараджа. Онъ вѣдь ужасно суевѣренъ и подозрительный ужасно! Онъ будетъ разспрашивать васъ: да какъ? да почему?.. И отберутъ отъ васъ коробку, какъ надсмотрщики на таможи!.. и не пропустятъ!.. А Джемма такъ любитъ сладкое!..

И говоря это, онъ сунулъ коробку въ боковой карманъ моей бархатной визитки.

Я прошелъ къ Багараджѣ, который встрѣтилъ меня обыкновеннымъ восточнымъ привѣтствіемъ и сказалъ одному изъ слугъ, чтобы онъ проводилъ меня къ Джеммѣ.

Джемма крѣпко обрадовалась мнѣ. Она обнимала и цѣловала меня, приговаривая:

— Радость сердца моего!.. Свѣтъ моей души!.. Мой глазочекъ ясный!

Я шепнулъ ей, что у меня есть нѣчто передать ей отъ князя В.

Она вся вспыхнула и вскричала по-англійски:

— Въ самомъ дѣлѣ?!.. Ахъ, какъ я довольна и рада!

И я вынулъ коробку и передалъ ей.

Она быстро развязала, раскрыла ее дрожащими руками и, взявъ одну конфетку, положила въ ротъ. Подъ конфеткой лежала записка сложенная вчетверо.

Что было въ этой запискѣ, я не могъ узнать, такъ какъ она тотчасъ же спрягала ее въ карманъ, оглянувшись по сторонамъ, и спросила меня шепотомъ:

— Ты вѣдь никому не скажешь? Не выдашь меня, мой дорогой мальчикъ?.. Нѣтъ?.. Ты мнѣ это обѣщаешь?

— Я никогда никогда не выдавалъ и выдавать не буду. Но это нехорошо.

— Что нехорошо?

— Нехорошо, что ты тайно отъ твоихъ дядей получаешь записки отъ молодого человека.

Она встала передо мной на колѣни и, обнявъ меня, самымъ тихимъ шепотомъ проговорила надъ моимъ ухомъ по-англійски: — Я люблю его!

И вдругъ, припавъ ко мнѣ, тихо заплакала.

Мнѣ стало ужасно жалъ ее.

— Не плачь, Джемма! утѣшай я ее.—Милая моя, Всевышній все устраниваетъ къ лучшему. Не плачь, дорогая моя!

Она крѣпко поцѣловала меня, быстро поднялась съ полу и оправилась.

Хлѣбъ. Мраморная группа Альбера Лефевра, грав. Флере.

И быть въ такомъ возбужденномъ состояннн, что плохо сознавалъ, что совершилось и что я сдѣлалъ, и что творится кругомъ меня. Голова моя кружилась.

Вспоминая теперь эту сцену и то чувство, которое тогда обхватило мое сердце, мнѣ кажется, главный фонъ его была злоба, злоба на князя Б. Если-бы я зналъ, что онъ передаетъ ей записки въ конфетахъ, я ни за что бы не исполнилъ его гнуснаго порученія. И она любитъ его?!.. Вотъ это всего болѣе возмущало меня. Но что-же дурное я могъ сказать объ немъ? Онъ былъ стариннаго княжескаго рода. Его предки были въ связи съ владѣтельными домами. Хотя въ Грузи, но все-таки они были владѣтельные князья.

XVII.

Я скоро простился съ Джеммой и ушелъ домой въ самомъ печальномъ настроеннн. Любилъ-ли я ее или нѣтъ, я этого до сихъ поръ не знаю. Чувство мое было, очевидно, сочиненное. Это была аффектація. Какая же могла быть любовь у 13-ти-лѣтняго мальчика?

Тѣмъ не менѣе, я мечталъ, какъ только сдѣлаюсь взрослымъ, жениться на Джеммѣ. У ней богатая владѣнія въ Индн. Я приму индйскую вѣру и сдѣлаюсь Раджей—владѣтельнымъ княземъ индйскимъ. У меня будетъ много городовъ, будетъ столица, хрустальный дворецъ, множество слоновъ и между ними десять бѣлыхъ слоновъ, непременно десять. Я построю великолѣпный храмъ, гдѣ будутъ поклоняться Вишну. Все это устраивалось въ мечтахъ такъ легко. Но, разумѣется, центромъ этой мечты или самымъ крупнымъ бриллиантомъ ея—это была Джемма. Мои невольники откроютъ богатѣйшія алмазные россыпи, гораздо богаче голконденскихъ рудниковъ. Я осмылю Джемму съ головы до ногъ бриллиантами. Я уберу всю ея комнату бриллиантами.

И вотъ всѣ эти мечты теперь были сразу опрокинуты княземъ Б.

„Я его вызову на дуэль, думалъ я,—непремѣнно вызову. Мы будемъ драться на пистолетахъ, и я убью его... Непрежмѣнно убью“.

И эта мысль такъ серьезно засѣла въ моей головѣ, что я началъ уже придумывать, кого бы я могъ пригласить къ себѣ въ секунданты.

Это напряженное состоянне и сильная головная боль, наконецъ, разрѣшились какою-то сложной болѣзнью, которая имѣла неопредѣленный характеръ и сильно перенугала и отца, и мать, и всѣхъ моихъ домашнихъ.

Въ бреду, который былъ со мною и продолжался нѣсколько дней, мнѣ казалось, что я видѣлъ Джемму, что она наклонилась ко мнѣ и цѣловала меня, что она приходила навѣстить меня больнаго. Разумѣется, все это былъ бредъ. Никогда Джемму не пустили бы ко мнѣ.

Но я получилъ отъ нея во время моей болѣзни подарокъ. Это были тѣ священныя четки, отъ которыхъ она предлагала мнѣ одну бусянку. Она прислала ихъ мнѣ съ мулаткой и служителемъ гостиницы и написала по-индйски коротенькую записочку:

„Да будетъ надъ тобой благая воля Великаго. Дорогой мой! Свѣтъ души моей! Надѣнь прилагаемыя четки на твою дорогую шейку и смерть не похититъ тебя. Любящая тебя Джемма“.

Я постоянно цѣловалъ присланныя ею четки. Я исполнилъ ея просьбу, но, разумѣется, четки вовсе не участвовали въ моемъ выздоровленнн.

Какъ только я началъ оправляться, мною овладѣло непреодолимое желанне видѣть Джемму.

Докторъ сказалъ, что это желанне непрежмѣнно надо исполнить. Помню, это было на нѣнадцатилѣтнхъ дняхъ Пасхи. Весна была ранняя. На Невскомъ начинали уже развертываться листья липы. (Тогда по Невскому проходила цѣлая аллея липокъ). Дни стояли солнечные. Несмотря на это, меня укутали какъ мумію и сдали съ рукъ на руки Семѣну Никитичу, который повезъ меня къ Демуту.

Помню, все меня тогда радовало; но главная радость—свиданне съ Джеммой, была впереди.

Багараджа былъ такой же, какъ и прежде. Точно такъ же несколько не измѣнился и Джамма Багавари, но Джемма... что стало съ Джеммой? Я ахнулъ, и сердце мое сжалось.

Это была не нѣнадцатилѣтняя дѣвушка, веселая, живая, очаровательная. Это была тѣнь Джеммы. Это была если не старая, то сильно пожилая женщина съ худымъ, блѣднымъ лицомъ, и только одни глаза ея были тѣ-же ярко-блестящія, черные, добрые глаза прежней Джеммы. Мнѣ кажется, они стали еще больше.

— Джемма, что съ тобой?! вскричалъ я со слезами. — Ты была больна?

— Да, такъ же, какъ и ты, мой дорогой, милый мальчикъ.

И она приняла къ моей груди, обняла меня крѣпко и нѣсколько мгновений не выпускала изъ ея объятій.

Но на всѣ мои вопросы она молчала и какъ-то кротко, болѣзненно улыбалась.

— Мой дорогой! Радость сердца моего! прошептала она надо мной.—Исполнишь ты мою просьбу, только одну просьбу?..

— Разумѣется исполню! Можешь-ли ты сомнѣваться въ томъ?

— Вотъ, сказала она, и вынувъ изъ платя въ крохотную записку, подала мнѣ и сказала чуть слышно:—Передай ему!

Я также чуть слышно спросилъ ее:

— Князю Б.?

Она молча кивнула головой.

И я ничего не могъ сказать ей на эту просьбу, и если бы она попросила меня привезти къ ней князя или устроить какимъ бы то ни было образомъ съ нимъ свиданне, то и на это я согласился бы безпрекословно.

Я не могъ говорить, не могъ смотрѣть на нее безъ слезъ, а она прямо, не мигая, смотрѣла на меня ея черными, большими глазами и грустно улыбалась.

XVIII.

На другой же день я исполнилъ порученне Джеммы. Я встрѣтилъ князя у Семѣна Никитича и, отозвавъ его къ окну, передалъ ему, когда въ комнатѣ никого не было, записку Джеммы. Я думалъ, что онъ, взглянувъ на нее, обрадуется, расцѣлуетъ ее, но онъ просто оглянулся кругомъ, взглянулъ, прищуривъ глаза, на записку и, скомкавъ ее, опустилъ въ задній карманъ мундира. Очевидно, что эта записка была не такъ дорога ему, какъ мнѣ. Если-бы я получилъ записку отъ нея, моей дорогой радости сердца... О!.. Я бы не разстался съ ней, и цѣловалъ бы ее со слезами,—а онъ!..

Я тогда не зналъ, что эта записка была не первая и не послѣдняя между ними; только она была рѣшительная...

Сдѣлавшись невольни и негладанно передатчикомъ ихъ любовной корреспонденціи, я постоянно колебался, не открытъ ли это Семѣну Никитичу. Онъ добрый. Мнѣ все казалось, что изъ этой перенески выйдетъ что-нибудь ужасное. Я открю ему такъ, какъ-нибудь, не говоря именъ... И эта мысль чаще и чаще стала навертываться, какъ противодѣйствіе моимъ тайнымъ страхамъ. Наконецъ я спросилъ его:

— А что, Семѣнъ Никитичъ, если Джемма влюбится въ меня и начнетъ писать мнѣ записки, а я къ ней?

Я предожилъ этотъ вопросъ въ совершенно серьезной формѣ. Но Семѣнъ Никитичъ, взглянувъ на меня, залился самымъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Ахъ, ты сердцѣдъ индйскій! вскричалъ онъ. — Такъ вотъ какъ!.. Ты хочешь завести сердечную дипломатію, и если узнаешь Багараджа или Джамма Багавари, то Джемму, покорнѣйше прошу, засадить въ темную, на хлѣбъ да на воду.. а тебя, покорнѣйше прошу!—И онъ, отворотивъ обшлага халата, началъ хлопотать по голой рукѣ. — А я и лозу приготвилю!.. Покорнѣйше прошу!

Разумѣется, преиде всего я возмутился до глубины души тѣмъ, что Семѣнъ Никитичъ предполагаетъ возможнымъ для меня такое постыдное наказанне; но вмѣстѣ съ тѣмъ я понималъ, что дѣйствительно преступленне должно быть ужасно; если моя дѣтская любовь можетъ произвести такіа послѣдствія, то что же послѣдуетъ, когда откроютъ любовь Джеммы къ князю?!

Я просто замиралъ отъ ужаса.

Въ тотъ же день я рѣшился поговорить съ Джеммой, поговорить дружески, какъ братъ съ сестрой. Я спрашивалъ себя, приведетъ-ли ея любовь къ чему-нибудь, и чѣмъ она можетъ кончиться. Нѣсколько разъ я въ мечтахъ устраивалъ свадьбу Джеммы съ княземъ. Я считалъ это вполне возможнымъ. Въ моемъ великодушномъ порывѣ я отрекался отъ Джеммы въ пользу его. Я говорилъ: „что же, если дѣйствительно она любитъ и онъ любитъ ее, то я, любя ее, развѣ не радъ буду ея счастью?“ И я уже начиналъ мечтать, какая это будетъ великолѣпная, блестящая свадьба. Она непрежмѣнно будетъ здѣсь, въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ (тогда Исаакіевскій соборъ не былъ еще оконченъ). И я непрежмѣнно буду ея шаферомъ. И нѣсколько разъ въ день я пригнривалъ передъ зеркаломъ, могу-ли я держать надъ ней вѣнецъ. Я отчаянно вытягивалъ мою руку и рѣшалъ, что могу. На другой день свадьбы я приду къ молодымъ, уведу Джемму въ уголокъ и скажу ей: „Я любилъ тебя, какъ не могутъ любить двадцать тысячъ князей, и теперь для меня все кончено. Я отрекаюсь отъ свѣта“. И тотчасъ же удалюсь на Валаамъ, въ монастырь. Мечтая объ этомъ послѣднемъ эпизодѣ, я заливался такими горько-сладкими слезами. бѣгалъ по комнатѣ и восхищался моимъ великодушнѣмъ.

Около 12 часовъ я побѣжалъ къ ней, поздоровался по обыкновенію съ Багараджей, и меня провели къ ней. Я засталъ ее одну, на диванѣ, въ самомъ темномъ углу. Увидавъ меня, она радостно вскрикнула и пошла ко мнѣ навстрѣчу.

Она, кажется, въ эти два дня еще болѣе похудѣла и поблѣднѣла.

— Джемма! сказала я, когда она усадила меня съ погами на диванъ, подѣй ней: — когда же будетъ ваша свадьба и почему князь не является къ тебѣ женихомъ и не ѣздитъ къ тебѣ каждый день?

Она посмотрѣла на меня и засмѣялась.

— Я объ этомъ не мечтала, мой дорогой мальчикъ. Это невозможно!

И она вздохнула и грустно задумалась.

— Какъ же такъ, Джемма? Развѣ можно любить другъ друга и не желать свадьбы?

— Свадьба—это сказка... Слушай, мой дорогой, я расскажу тебѣ хорошую индйскую сказку. Слушай!

(Окончанне въ слѣд. №).

Въ Виелеемъ.

А. Свѣчина (Старога Паломника).

(Путевыя впечатлѣнія, воспоминанія, историческія замѣтки).

I.

23 декабря 188...

Солнце только что село. Рѣзкій сѣверо-восточный вѣтеръ гонитъ на насъ сѣрня, какъ свинець, тучи. На западѣ полоса неба еще горитъ ярко-оранжевымъ заревомъ, но и она съ каждою минутой меркнетъ-меркнетъ. Мигнули двѣ-три звѣздочки, робко, и—нѣтъ ихъ. Вотъ и тамъ все затонуло чернымъ, густымъ покрываломъ. Мрачный, необъятный куполь, точно придавленный, тяжело налегъ на выси горъ, кругомъ, по всему горизонту. Свѣтитъ холодный пронизывающій вѣтеръ, полилъ дождь. Дождь южный, тропическій, какого не знаютъ сѣверяне. Льетъ онъ безъ усталы по двѣнадцати, по пятнадцати часовъ, иногда сутки—другія, и какъ изъ ведра. А выглянетъ солнце—и моментально сухо... пыль!

Спасибо консулу. У меня просторная, уютная комната съ каминномъ, въ бельэтажѣ нашего славнаго иерусалимскаго пріюта. Изъ оконъ видъ великолѣпный. Глазъ обнимаетъ обширное пространство отъ Заіорданья и Аравійскихъ горъ почти до Виелеема. У подножія Майдамскаго гребня, на которомъ десятки лѣтъ стоитъ это благочестивѣ созданное селеніе,—святой городъ, какъ на ладони. Отчетливо видѣются изъ-за консульскаго дома колокольня католической патриархіи, немного правѣе и дальше,—два купола храма Воскресенія, Омарова мечеть, мечеть эль-Акса, зеленые верхи еврейскихъ синагогъ. Подъ мои окна скверъ, обнесенный чугунною рѣшеткою. Весной оттуда несетъ ароматъ цвѣтовъ и душистой зелени; теперь угрюмо кланяются направо и налево, по капризу вѣтра, островерхіе кипарисы, да кой-гдѣ развалились приземистые кусты артишоковъ. Рядомъ, близъ собора, обширная цистерна для водосвѣтія. Надъ нею легкая колоннада, родъ веранды, вся обвитая виноградными лозами. За скверомъ на склонѣ холма длинный (65 саж.) корпусъ для богомолковъ изъ простонародья. Правѣе—незатѣйливый домъ консула съ красною башенкой, на ней развѣвается огромный развѣтровъ русской флаги... въ табельные дни. Передъ домомъ не обширный, но роскошный садъ: добрая память, оставленная по себѣ однимъ изъ умершихъ консуловъ, страстнымъ любителемъ садоводства. Мнутъ два мѣсяца,—тутъ будетъ сплошной коверъ фіалокъ, орхидей, жасминовъ. Чтѣ за развѣсистыя группы магноліи, олеандровъ, какіе фікусы, перцовое дерево, гранатовое, лавровое, американскія агавы, онопонаксы? А розы? Розы всѣхъ возможныхъ сортовъ, сантпфольныя желтыя, бѣлыя! Дамасскія розы—предѣль. Изъ нихъ преимущественно гоить розовую воду. Какіхъ цвѣтовъ, чего-чего здѣсь нѣтъ!

Сосѣдь мой, въ большомъ угловомъ номерѣ,—почтенный старичокъ, заслуженный генералъ, морякъ. Съ нимъ—жена, пресмипатичная нѣмка-лютеранка не изъ рьяныхъ. Она причастилась, какъ слѣдуетъ, у своего пастора, но чуть не каждую ночь набожно выстаиваетъ съ мужемъ три-четыре часа греческую службу у Св. Гроба. Сегодня у нихъ маленькій раутъ. Не весь же день молиться. Въ Иерусалимѣ свободнаго времени довольно! Будетъ консулъ, кой-кто изъ сосѣдей по коридору. Позвали, разумеется, съ выборомъ. Въ зимнюю пору дворянскіе чумера полнехоньки. Есть такіе пріѣзжые, что недомѣваешь, откуда и зачѣмъ пріѣхали. Кавасы съ утра посили блюда съ виноградомъ, фруктами, сладкимъ пирогомъ, вина, ниво чуть не дюжинами. Настасья, помощница смотрительницы за пумерами, снова съ бѣльемъ, чайною и другою посудою, съ разными графинчиками. Такіе рауты здѣсь не рѣдкость, иногда даже обязательны. Отличаются они простою, все дѣлается по походу. Приходить, уходятъ кто какъ и когда хочеть, въ какомъ бы костюмѣ ни было. Полное отсутствіе этикета. Темы разговоровъ—мѣстныя. Судятъ и ридятъ о греческомъ духовенствѣ. Тотъ вернулся изъ Хеврона, этотъ изъ Галилеи. Передаются впечатлѣнія—разсказываются путевыя эпизоды, дѣлаются замѣтки, соображенія какъ опять куда и съ кѣмъ ѣхать, на долго-ли. Консулъ и служащіе въ его канцеляріи при этомъ и совѣтники и помощники очень полезныя.

Сегодня канунъ Рождественскаго сочельника. Завтра въ ночь храмовое торжество въ Виелеемской базиликѣ надъ вертепомъ Рождества Христова. У генерала, само собой, рѣчь о сборахъ на этотъ праздникъ. Отъ Иерусалима до Виелеема—рукой подать. Разстояніе какъ отъ Казанскаго собора, напримѣръ, до... ну, хоть до Елагина острова; сообщеніе удобное, шоссе чудное. Нашлись однако дѣливые, отказываются. Кто не отдохнулъ еще отъ поѣздки въ Иерихонъ и къ Мертвому морю, кто уже видѣлъ Виелеемъ. Да и погода-то какая! Страшно дѣло: никому даже дивнись, зачѣмъ онъ шлылъ сюда по четыремъ морьямъ. Такой случай разъ можетъ быть въ жизни—и не воспользоваться! Хотя бы изъ любопытства: оно одно вѣдь, повидимому,

привлекаетъ ныхъ въ Палестину. Знаю паломника побывавшаго пять разъ въ Иерусалимѣ „по дѣламъ“ и не видавшаго Иорданскихъ береговъ.

За стаканами чая и нива рѣшено отправиться вмѣстѣ и съ главою русской колоніи—консуломъ... Какая бы погода ни была. Отдашь приказъ заготовить лошадей, ослонъ, муловъ. Для дамъ будутъ кароцы (коляски). Большая барыня хочеть портагтинску (мѣстное названіе porte-chais'a). Будетъ и портагтинка.

II.

24 декабря.

Утро на постройкахъ начинается не по-петербургски. Часовъ около семи въ свѣтломъ коридорѣ вдоль номеровъ уже шипитъ и пыхтитъ самовары; въ рукахъ снующей прислуги бречитъ чайная посуда, невзрачный арабченокъ перебѣгаетъ отъ одной двери къ другой съ корзиною бѣлаго, только что испеченаго хлѣба, испеченаго до-нельзя отвратительно.

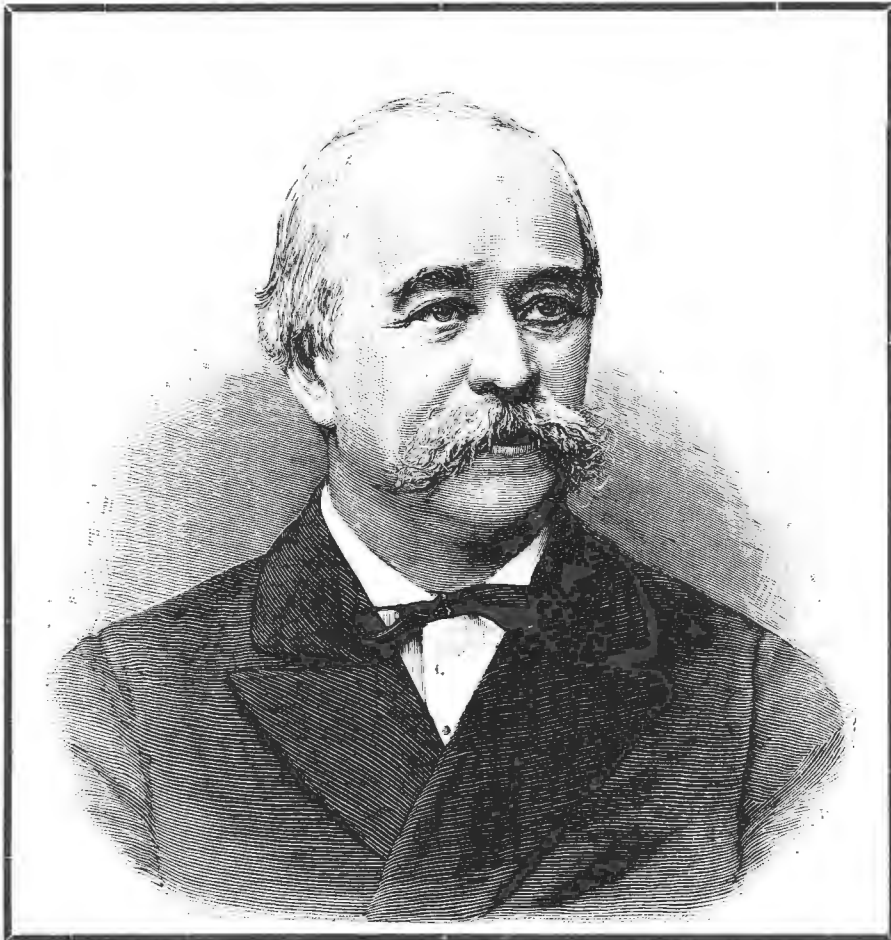
Солнце неожиданно насъ обрадовало. Мои окна—на востокъ. Въ комнату врываются совѣмъ лѣтніе лучи и выводятъ на полу и стѣнѣ яркіе абрисы рамъ. Тучи разсѣялись какъ наши сны; на прозрачной синевѣ неба ни облачка. Съ такой переменной погоды вылѣзаетъ изъ-подъ теплаго одѣяла легко... одно удовольствіе!

Послѣ добраго завтрака у консула, ровно въ два часа мы длинною вереницею трогаемся въ путь. Всѣ верхомъ, кто на лошади, кто предпочель *хмарку* съ обязательнымъ *муркомъ* (ослика съ проводникомъ). Шестые для непривычнаго глаза—преоригинальное. Представительность на Востокѣ вещь признанная. Она импонируетъ на туземца. Изъ воротъ консульскаго дома сперва выступаютъ по-царно восемь черныхъ (арабовъ), въ безукоризненно бѣлыхъ балахонахъ и шальварахъ, съ такими же чалмами, въ красныхъ бамбошахъ, всѣ съ длинными палками. За ними столько же кавасовъ, въ пестрыхъ, расшитыхъ золотомъ и пестрыми шкурами нарядахъ, съ металлическимъ двуглавымъ орломъ на красныхъ фескахъ. Они маршируютъ въ ногу, важно и разомъ ударяютъ звенящими булавами по укатанному грунту дороги. Слѣдуетъ консулъ съ группою служащихъ, въ полной парадной формѣ, за ними драгоманъ, цѣлый взводъ нерегулярной кавалеріи дворянъ-паломниковъ, въ бѣлыхъ развѣвающихся плащахъ (отъ ѣдкой пыли), у ныхъ полосатые дамасскіе платки на шляпахъ. Запоздавшій простой людъ,—кто съ котомкою, кто съ мѣшкомъ провизіи, плетется позади. Мы минуемъ отели Говарда, Фейля и выступаемъ на Йффское шоссе по направленію къ городу. Оборванецъ-турецкій часовой, завидѣвъ „московъ“ консула, ловко отчеканиваетъ ружьемъ: разъ, два, три! Толпа празднаго народа—зѣвакъ—давно ждала параднаго зрѣлища, и шумно, почтительно расступается. Мы съ важностью, нѣсколько напускною, въ душѣ подсмѣиваясь надъ нею, приближаемся къ Йффскимъ воротамъ. Отсюда поворотъ вправо на длинный, отлогій спускъ мимо громадной Давидовой башни. У воротъ пришлось остановиться. Тамъ показались передовые кавасы патриарха. За ними Его Блаженство на бѣломъ арабскомъ конѣ, котораго за узды ведутъ два конюха. Съ нимъ митрополиты, архіереи и многочисленный клиръ; его свита тоже верхомъ. Пропустивъ духовенство, мы продолжаемъ путь въ изрядномъ отъ него интервалѣ. Направо крутая Сионская возвышенность, когда-то центръ града Давида, теперь пустынная, заброшенная мѣстность съ кладбищами и зданіемъ, обращеннымъ въ мечеть, гдѣ показываютъ саркофагъ цари Давида, чтимаго мусульманами, и евангельскую горинду, гдѣ, по преданію, совершена была Тайная Вечера. Налево, вверху Гигонская долина; тутъ во дни изычества высилен истуканъ Молоха. На томъ мѣстѣ, гдѣ ему приносили въ жертву живыхъ дѣтей, вырыто громадныхъ развѣтровъ водомѣстительнице „Биркетъ эль-Султанъ“. За нимъ вдоль холма тянется длинное одноэтажное строеніе—пріютъ барона Монтефиоре для 150 еврейскихъ семействъ. Отлично содержимое шоссе вѣтся на пригорокъ и у чистенькаго зданія английской гласозѣбницы, минуя гору Злаго Совѣщанія, а за нею Хакельдама, выходитъ на Рефанову долину, гдѣ Давидъ разгромилъ филистимскія полчища. Кругомъ поля тщательно обработаны. Декабрь мѣсяць, а изумрудная шеница выколосилась; она приземиста, соломѣ почти не даетъ.

Вдалекѣ видѣются развалины древняго водопровода. Направо, въ ложбинѣ—група красныхъ кирпичныхъ домиковъ, вся въ зеленыхъ садахъ. Это колонія нѣмецкихъ выходцевъ, секты ультрапротестантовъ, истыхъ раскольниковъ, упраздненныхъ и то немногое, чтѣ сохранилъ протестантизмъ. Чистота у нихъ, во всемъ порядокъ, семейная жизнь—образцовые. За колоніей изъ-за голыхъ, дикихъ утесовъ вырастаетъ затѣйливой архитектуры колокольня и крыша монастыря Св. Креста съ богословскою школою, дальше бѣлѣтъ куполь „Катамо-

насъ", обители Св. Симеона Богопримца, нынѣ лѣтней резиденціи Іерусалимскаго Патріарха. По открытой мѣстности свѣтлою лентой вьется версты на четыре передъ нами Внелеемская дорога, потомъ взбирается на возвышенность, поросшую тѣсомъ вѣковыхъ маслинъ; посреди ихъ точно тянется къ облакамъ высокое зданіе монастыря Св. Іліи. На вершинѣ развѣвается русской трехдѣлный флагъ. До насъ долетаетъ отсюда колокольный звонъ, обычный привѣтъ по мѣстному обычаю. Патріархъ съ духовенствомъ спѣшилъ къ вечерней службѣ и миновалъ монастырь, а насъ на дорогѣ встрѣчаетъ игуменъ М. съ просьбой посѣтить его. Этикеть требовалъ остановиться, хоть на короткое время. Свернувъ съ дороги у колодца „волхвовъ“, мы очутились передъ низенькою дверью, единственнымъ входомъ въ монастырь. Отверстіе такъ мало, что приходилось идти поодиночкѣ, наклонивъ голову. Такъ въ Палестинѣ во всѣхъ обителяхъ. Къ удивленію, мы очутились въ сыромъ темномъ сараѣ со сводами, въ мельницѣ. Работаютъ жернова съ конскимъ приводомъ.

Нельзя сдѣлать шагу, лежатъ груды выжимокъ маслинъ, цѣлая гора; смрадъ, воздухъ удушливый. Монастырь Ільинскій—главный поставщикъ деревяннаго масла въ патріархію. Оно превосходно, и очень цѣнится знатоками; по достоинству и нѣжности оно выше извѣстнаго въ Европѣ Ницискаго „huile vierge“, чисто какъ слеза, ярко-золотистаго цвѣта, вкуса тонкоароматичнаго. Голуби, жареные въ немъ—обѣденье! Рядомъ съ мельницею, за смежною стѣною—церковь, обширная, но сырая, запущенная, бѣдная. Въ ней показываютъ мѣсто, гдѣ Св. Ілія, какъ утверждаетъ преданіе, писалъ пророчества. Безконечными, неуклюжими лѣстницами въ нѣсколько колѣвъ, разными переходами, опять лѣстницами мы поднимаемся на обширную каменную площадку, она же и кровля всего зданія. Здѣсь кельи, но не монашеской братіи—ея вовсе нѣтъ, — а для пріема богомольцевъ; у игумена скромное помѣщеніе тутъ-же, но съ чудными видами—къ с. на Іерусалимъ, къ югу на Внелеемъ. Посреди площадки возвышается какимъ-то мавзолеемъ большое полушаріе съ крестомъ наверху. То церковный куполъ; онъ сложенъ изъ мягкаго бѣлаго камня и весь испещренъ вырѣзанными именами паломниковъ и изреченіями, иногда курьезными. Въ трапезной уже приготовлена была обильная закуска: всякіе консервы, икра, маслины, овечій сыр,

Григорій Петровичъ Данилевскій († 6 декабря 1890 г.).

то и на другое... а консулъ давно-ли накормилъ насъ всѣхъ на славу...

Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ. Съ фот. Левицкаго, гр. Ю. Шюблеръ.

скачутъ съ крикомъ, гикомъ, свистомъ, ружейными выстрѣлами. Тотъ несется вправо черезъ ровъ, скачетъ назадъ, этотъ стрѣлой летитъ по каменнымъ глыбамъ, подбрасывая ружье

свѣжіе огурцы, ашельские вино; подали турецкій кофе, ликеры. Выдѣлка вина въ Палестинѣ самая первобытная. Вино здѣшнихъ лозъ терпкое, крѣпкое, сладковатое. О тонкомъ вкусѣ французскихъ высокихъ сортовъ нѣтъ и помину. Шампанское вездѣ замѣняется ликерами. Въ патріархіи особая лабораторія исключительно занята ихъ изготовленіемъ. Тутъ вся работа не о вкусѣ, не объ ароматѣ, а о разнообразіи и яркости цвѣтовъ ликера. Подобное гостепримство здѣсь иногда томительно. Оно какъ будто и радушно, но чувствуется неловкость, принужденность съ одной стороны, скука — съ другой. У игумена-грека въ запискѣ нѣсколько затверженныхъ фразъ на русскомъ... и какъ-то русское языкѣ! — изъ насъ по-гречески никто ни единого слова. Возможно-ли при этихъ условіяхъ кака-либо бесѣда? Игуменъ, молча улыбаясь, слащаво угощается и поминутно указывая на

За монастыремъ — спускъ въ роскошную, блестящую долину, окаймленную горными нарами. Картина природы совсѣмъ мѣняется. Верстахъ въ трехъ передъ нами на склонѣ холма лѣпится древній библейскій Ефраѣ (плодородный), позже Внелеемъ, живописная, сіяющая бѣлизною кучка домовъ съ величавою Константиновскою базиликой,—она царитъ на самомъ верху. Кругомъ скалы, холмы, долина исполосована зелеными огородами, посѣвами. виноградишками. Всюду оливковыя, фиговые, апельсинныя, лимонныя деревья. Въ сторонѣ на полугорѣ разстлалась широко деревня „Бед-Джалла“ съ соборомъ и русской школою, за нею подалѣе бѣлѣютъ отдѣльныя строенія среди маслинъ и другихъ насажденій. Тутъ—млечная пещера, тамъ — долина внелеемскихъ пастуховъ. Все озарено палящими лучами солнца. Глазамъ больно, таковъ блескъ окружающей природы. Не налюбуйтесь грандіозными видами... восторгу предѣла нѣтъ.

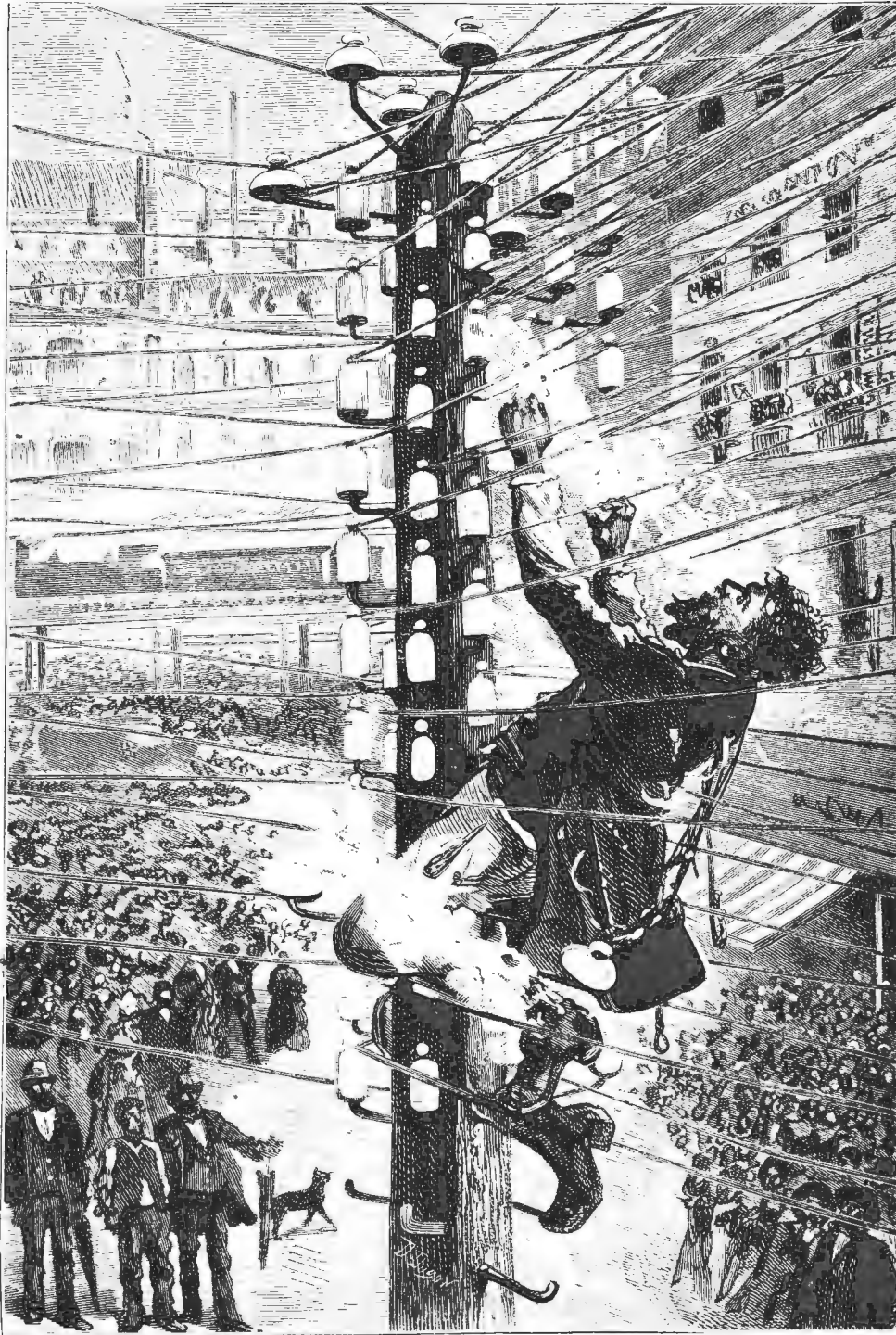
При поворотѣ на насъ налетаетъ, какъ изъ засады, дикая орда смуглыхъ, рослыхъ арабовъ верхами. Мы должны нѣсколько минутъ стоять на мѣстѣ. Они мечутся передъ нами,

въ воздухъ и лова его, какъ соломенку, третій летитъ мимо насъ, салютуя консула и всѣхъ „московъ“ доброжеланныхъ. Вихремъ вьется на нихъ одежда, клубомъ стелются облака ружейнаго дыма. Это *фантазія* вилеемскихъ шейховъ—почетная встрѣча. Бѣшеное ристаніе кончилось. Шейхи, какъ вколоченные, окружили насъ кольцомъ. Привѣтливая улыбка на всѣхъ лицахъ. Старѣйшій съ гордою осанкой, сіяющимъ взоромъ приближается къ консулу и смѣло, точно равноправный, жметъ протянутую ему руку. За удалство, за такое удалство будетъ, конечно, бакшишъ. Это подразумѣвается. У консуловъ всегда долженъ быть запасъ золотой монеты, а подъ рукой у кавасали, у секретаря—ли мѣшокъ пятифранковиковъ. Безъ этого—прощай обаяніе. Щедрость официальнаго лица не спасаетъ и наши карманы. Ласковый взглядъ молодцовъ въ пестрыхъ чалмахъ и полосатыхъ плащахъ, пытливо брошенный, подкупаетъ насъ, и мы одариваемъ—кто чѣмъ можетъ.

Стройно идутъ они потомъ въ нѣсколько рядовъ у насъ авангардомъ, изрѣдка пострѣливая, оповѣщая городъ о нашемъ приближеніи. Мы спускаемся въ ложбину мимо ограды большаго строенія съ австрійскимъ флагомъ на мачтѣ. У самой дороги справа невзрачная, каменная кладка, грубой кубической формы, мазанная известью, съ тяжелымъ навѣсомъ надъ входомъ со стороны дороги, съ плоскимъ сараинскимъ куполомъ. Тутъ погребена Рахиль по рожденіи Вениамина. Достоверность мѣста подтверждаетъ и многими библейскими указаніями. Въ XII вѣкѣ, по арабскимъ лѣтописямъ, здѣсь стояли двѣнадцать колоннъ по числу и въ память колыбъ израилевыхъ. Жившіи въ пещерахъ вилеемскихъ блаженный Иеронимъ видѣлъ на этомъ мѣстѣ памятникъ въ родѣ пирамиды, испещренный еврейскими надписями. За гробницею Рахили путь развѣтвляется; направо шоссе идетъ къ тремъ прудамъ Соломона, Етаму, гдѣ у него находился загородный дворецъ, до южной границы Палестины въ Киріаѳ-Арбу или до исторической Хевронъ, близъ котораго Авраамомъ куплено м. Маамре, и гдѣ онъ бесѣдовалъ со Св. Троицею; тамъ онъ и похороненъ съ другими Св. праотцами еврейскаго народа. Направо подъемъ къ Вилеему, извилистый, крутой, опасный для колесныхъ экипажей. Шоссе въ гору—дѣло будущаго. У самаго

подъема начинается узкая полоса земли, огибающая подошву холма, съ восточной стороны она взбирается на него почти до самаго храма Рождества. Къ этой полоскѣ относятся двѣ легенды. По одной—она принадлежала Воозу, Ноеминь—иногда богатая, возвратясь вдовою сюда на родину, послала моавитянку Руевъ собирать колосья, какъ описываетъ трогательная библейская идиллія. Съ другимъ преданіемъ какъ-то не мирится христіанское чувство: Съялъ съятель на этомъ полѣ горохъ. На просьбу мимо проходившей Пресвятой Дѣвы онъ отвѣчалъ: „это—камень“. На это будто-бы Дѣва Марія промолвила: „если такъ, то пусть и будетъ по-тво-ему“. И дѣйствительно, тутъ и посейчасъ находятъ во множествѣ известковкіе шарики, очень похожіе формою и цвѣтомъ на окаменѣлый желтый горошекъ.

Намъ навстрѣчу вышло почти все городское населеніе. Отъ мала до велика, всѣ въ праздничномъ уборанствѣ, съ привѣтливою и радостною улыбкою. Типъ жителей необыкновенно красивъ, особенно женщины и дѣтей. Покрой одежды ихъ, какъ все на Востоку, сохраняется съ незапамятныхъ временъ. Нѣтъ сомнѣній, что Пречистая Дѣва носила такую-же, какъ и теперь женщины вилеемскія. У нихъ высокой клобукъ, какъ у монаховъ, съ длиннымъ бѣлымъ покрываломъ, падающимъ на плечи и спинну, толстая синяя холщевая рубаша съ пестрымъ шерстянымъ кушакомъ, на груди яркаго цвѣта вставка, вышитая шнуромъ; лобъ и грудь увѣшаны монетами, русскими крестовниками и австрійскими талерами; на ногахъ саногги. На заборахъ, на каждомъ камнѣ, на деревьяхъ—вездѣ масса дѣтей. Миллионная мелюзга украсилась яркими лентами, цвѣтными бусами, ожерельями. По узкимъ переулкамъ, спускамъ, высѣченнымъ въ скалѣ ступенямъ, подъемамъ,—подъ темными сводами мы проходимъ на противоположный конецъ города, къ площади передъ Б. площадью. Тутъ базаръ въ полномъ разгарѣ. Войко идетъ торговля апельсинами, лимонами, инжиромъ, маслиной, палками сахарнаго тростника. Ворохи ячменя, мякины, соломы для скота. Лежатъ верблюды; отъсвѣвъ уродливыя нижнія губы, они флегматически заняты жвачкою. И ихъ глупые взгляды обращены на насъ. Таково впечатлѣніе нами производимое. Выбѣжали изъ лавокъ торговцы

Рабочій заново сожженный электрическимъ токомъ на телеграфномъ столбѣ въ Нью-Йоркѣ.

перламутровыми издѣльями. Толпа насъ окружила, глазъ не сдвухаетъ. Съ достоинствомъ, важно сходямъ мы съ осли-

ковъ и идемъ къ ожидающему насъ въ монастырѣ помѣ- щенію.

(Окончаніе въ слѣдующ. №).

Къ рисункамъ.

Туркмень, продавецъ ковровъ въ Мервѣ.

(Рис. на стр. 1260).

Еще задолго до разсвѣта, собираются на базарной площади Мерва жители изъ ближнихъ и дальнихъ ауловъ и становищъ. Все это свозитъ сюда свои издѣлія и плоды полевого хозяйства. Едва только изъ-за полуразвалившихся стѣнъ старой крѣпости покажется солнце,—все до сихъ поръ мертвое, пустынное пространство громадной площади загорается самою кипучею жизнью.

Красивыми, пестрыми группами покрывается весь базаръ... Тутъ и вязки молчаливыхъ верблюдовъ, и обреченныя ножу мясника печальныя кучки овецъ, и груды арбузовъ, дынь и кукурузы, и плетеные лотки съ виноградомъ, и сверкающіе своими выпуклыми боками, колоссальныя кувшины для воды, пестрыя гончарныя издѣлія, еще болѣе пестрые бивуаки торговцевъ краснымъ товаромъ, шелкомъ и мѣстными тканями.

Къ восходу-же солнца собираются и покупатели, и далеко за полдень шумитъ, кипитъ и звонитъ на всѣ лады, самый горячій, говорливый, страстный торгъ, подъ шумокъ котораго опытнымъ горожаниномъ обрабатывается наивный дикарь пустыни.

Самое интересное и цѣнное, что можно приобрести на такихъ базарахъ, это великолѣпныя, гзвѣтные туркменскіе ковры, настоящей ручной работы, которымъ цѣтъ ни спосу, ни сроку.

Рисунокъ, изображающій подобную базарную сценку, выхваченъ прямо съ натуры нашимъ неутомимымъ и талантливымъ художникомъ, изслѣдователемъ Востока. Типичный кустарь туркменъ развернулъ во всю величину свой пестрый ковричекъ, надъ работою котораго трудилась не одну недѣлю вся его семья, какъ бы приглашая публику власть насмотрѣться на красоты своего произведенія.

Изъ лѣсу. (Рис. на стр. 1261).

Пейзажи академика Писемскаго всегда отличаются вѣрностью природѣ и тонкимъ чувствомъ изящнаго. Какая прелесть, напр., этотъ лѣсъ въ его серебряномъ уборѣ, заволоченный по даямъ туманомъ, съ тальми колеями на первомъ планѣ! Такъ и чувствуется, что зима еще не стала вполне, зимній путь еще не прощенъ, и не виче—завтра подрадетъ оттепель, которая слижетъ весь этотъ снѣжокъ и съ инеемъ...

Андалузская красавица. (Рис. на стр. 1265).

Въ Испаніи многовѣковое смѣшеніе различныхъ расъ: картагенянъ, римлянъ, готтовъ, арабовъ и кельтовъ, исконныхъ обитателей страны, дало особый типъ жителей, отличающихся своеобразною красотой, особенно среди женщинъ. Изъ нихъ справедливо извѣстностью пользуются обитательницы плодородной Андалузіи. Небольшаго роста, стройныя и гибкія, въ живописномъ костюмѣ, онѣ чаруютъ съ перваго же взгляда своихъ чудныхъ глазъ, то задумчивыхъ, то огневыхъ. Чрезвычайно кокетливыя, онѣ охотно позволяютъ любоваться собою, подолгу просиживая у окна или неторопливо разгуливая по оживленнымъ улицамъ Севильи или Гренады, этихъ двухъ цвѣтницъ испанскихъ красавицъ.

Въ Александріи. (Рис. на стр. 1268).

Александрія, въ Египтѣ, шькогда славная своею ученостью и богатствомъ, нынѣ представляетъ странную и живописную смѣсь европейскаго города съ восточнымъ. Въ ней на ряду съ прекрасными улицами и роскошными постройками можно встрѣтить бѣлыя, неуклюжія, съ плоскими крышами обиталища мѣстнаго населенія. Но именно эта часть города и завлекательна для европейца, въ особенности когда въ ней, послѣ жаркаго дня, подъ вечеръ можно увидѣть кое-гдѣ тѣхъ затворницъ, которыхъ строго охраняють отъ нескромныхъ взглядовъ невѣрныхъ зоркіе глаза прислужниковъ и толстыя стѣны гаремовъ.

Городъ Владиміръ-Волынской. (Рис. на стр. 1269).

Основателемъ города Владиміра-Волынскаго признается Св. Равноапостольный Князь Владиміръ, который далъ ему свое имя и создалъ въ немъ центръ политической и духовной жизни западно-русской окраины. Случилось это не позже 988 г., такъ какъ подъ этимъ городомъ Инатъевская лѣтопись говоритъ уже о городѣ Владимірѣ, какъ объ удѣлѣ князя Всеволода Владиміровича. Съ того времени въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій городъ Владиміръ и его область—Волынь управлялись православными русскими князьями, потомками Св. Владиміра, которымъ обязаны своимъ процвѣтаніемъ и лучшимъ периодомъ своей исторической жизни. Талантливые и энергичскіе волынскіе князья Романъ Мстиславовичъ, Данилъ Романовичъ и др. выдвинули Волынь изъ ряда удѣльныхъ кня-

жествъ и, присоединивъ къ ней свое наслѣдіе Галичъ и часть Литвы, образовали могущественное Волынско-Галицкое княжество. Нѣкоторые изъ этихъ князей носили даже королевскій титулъ. Городъ Владиміръ своимъ укрѣпленіями и постройками могъ соперничать съ современными ему большими европейскими городами. По словамъ Инатъевской лѣтописи, венгерскій король Андрей въ 1231 году былъ пораженъ красотой города и выразился о немъ: „яко така града не пообрѣтохъ ни въ нѣмѣцкихъ странахъ...“ „такую сущу (поясняетъ лѣтописецъ) оруженникамъ стоящимъ на немъ, блистаху ея шты и оруженни подобно солнцю“. По не укрѣпленіямъ и не блескомъ своихъ „оружниковъ“ памятенъ древній Владиміръ-Волынской: главная заслуга его въ нашей исторіи состоитъ въ укрѣпленіи и распространеніи истиннъ христіанскаго ученія, въ духѣ православія, насажденнаго въ немъ Св. Владиміромъ и заботливо поддерживаемаго его преемниками. Въ созданномъ имъ городѣ, Св. Владиміръ, по преданію, построилъ 3 церкви (Васильевскую, Успенскій соборъ и Свитогорскій монастырь съ с. Зимио) и учредилъ въ 992 г. епископію, въ составъ которой вошли, кромѣ западной части современной намъ Волыни, Холмщина, Подлясье и часть Галиціи съ городами Галичемъ и Перемыслемъ, образовавшія впоследствии 5 отдѣльныхъ епископій. Каѳедру эту занимали въ числѣ другихъ епископовъ, святители церкви Стефанъ и Амфилохій, изъ которыхъ первый, по преданію, погребенъ въ Успенскомъ храмѣ¹⁾. Памятниками духовной жизни города Владиміра въ этотъ періодъ служатъ остатки его величественныхъ храмовъ, созданныхъ волынскими князьями, и сказанія лѣтописей о щедрыхъ пожертвованіяхъ князей на пользу церкви. Нѣкоторые изъ волынскихъ князей до того заботливо относились къ церковнымъ нуждамъ, что сами составляли церковныя сборники (кн. Василько) и списывали для церкви богослужебныя книги (кн. Владиміръ Васильковичъ). Заботы о духовныхъ нуждахъ народа не ограничивались построеніемъ церквей и украшеніемъ ихъ: рядомъ съ церквами строились училища, которыми заведывало духовенство; въ XI вѣкѣ во Владимірѣ существовало уже нѣсколько училищъ, „ради смотрѣнія которыхъ и наставленія учителей“ пріѣзжалъ въ 1097 г. изъ Кіева лѣтописецъ Василій²⁾.

Современный намъ городъ Владиміръ-Волынской принадлежитъ къ числу самыхъ захудалыхъ уѣздныхъ городовъ Юго-Западнаго края. Слова лѣтописи „така града не пообрѣтохъ ни въ нѣмѣцкихъ странахъ“, примененныя къ нему, звучатъ злой ироніей. Кромѣ несокрушимыхъ стѣнъ и башенъ Мстиславова храма, ничто не напоминаетъ въ немъ минувшей славы разсадника православія. Волею судьбы, соборною церковью города служитъ капища, построенная ненавистникомъ православія и Россіи П. Важинскимъ въ память гонителя православія Юасафата Кунцевича. Этотъ соборъ въ приходская Васильевская церковь, по своей величинѣ не превышающіе размѣровъ обыкновенныхъ часовенъ, могутъ вмѣстѣ въ себя, обѣ церкви вмѣстѣ, не болѣе 300—400 человекъ молящихся, хотя въ принадлежащихъ къ нимъ приходахъ, къ которымъ приписаны подгородныя села, 3,122 душъ обою пола. Въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, вишній видъ города и общее количество его населенія почти не измѣнились; во сильно измѣнилось въ немъ процентное отношеніе населенія новобрѣскаго къ православному, въ ущербъ послѣднему. Въ концѣ 40-хъ годовъ во Владиміръ-Волынскомъ на 100 православныхъ приходилось 250 новобрѣцевъ, въ 1887 г. на 100 православныхъ—768 новобрѣцевъ³⁾.

„Хлѣбъ“. Группа Лефѣвра. (Рис. на стр. 1273).

Талантливый французскій скульпторъ Альбертъ Лефѣвръ создалъ исполненную жизни и движенія мраморную группу, изображенную на нашемъ рисункѣ. Молодая мать одѣляетъ своихъ дѣтей хлѣбомъ на завтракъ. Съ хлѣбункомъ и французская крестьянка бережно обращается, очевидно вичная то-же и малюткамъ, которыя съ почтеніемъ смотрятъ на даръ Божій.

В. Р. Зотовъ. (Портр. на стр. 1276).

Недавно происходило скромное празднованіе пятидесятилѣтія литературной дѣятельности маститаго писателя Владиміра Рафаиловича Зотова, извѣстнаго въ свое время поэта, романиста, драматурга и нынѣ старѣйшаго изъ журналистовъ нашихъ. Ему въ настоящее время 69 лѣтъ, много онъ переиспыталъ на своемъ вѣку, работалъ цѣлые полвѣка, не покладая рукъ, и не смотря на свой преклонный возрастъ продолжаетъ неутомимо трудиться и до сихъ поръ на пользу го-

¹⁾ Память Преподобнаго Стефана празднуется 27 апрѣля въ день его кончины. („Русскіе Святые“ Пресвященнаго Филарета Черныговскаго).

²⁾ „Волынь“, изд. Батюшкова, стр. 26. Конашевичъ, „Очеркъ Пр. Цер. на Волыни“ изд. 1855 г., стр. 28.

³⁾ „Воен. статич. обзоръ Вол. губ.“ А. Забѣлина, 1887 г., стр. 113—114.

рячо любимой имъ родины, сохранивъ, можно сказать, юношескую свѣжесть и бодрость духа вмѣстѣ съ лучшими литературными преданіями, благороднѣйшими побужденіями и стремленіями. Воспитанный въ тѣсной семьѣ лицействъ, соединенныхъ однимъ союзомъ, девизъ котораго—благо отчизны, вскормленный гениальными твореніями Пушкина, Гоголя, эстетическими воззрѣніями Бѣлинскаго, В. Р. Зотовъ представляетъ собою рѣдкій въ наши дни примѣръ писателя, высоко ставящаго свое призваніе, безгранично уважающаго печатное слово, беззавѣтно преданнаго интересамъ родной литературы. „Не громка моя лира, въ ней нѣтъ величавыхъ, торжественныхъ фесей“, можетъ сказать про себя словами другаго поэта В. Р. Зотовъ. Его служеніе музамъ было очень скромное, хотя и весьма усердное, такъ какъ онъ написалъ множество стихотвореній, поэмъ, романовъ, повѣстей, драматическихъ пьесъ. Всѣ эти труды его не имѣютъ значенія первоклассныхъ произведеній, но на нихъ лежитъ печать несомнѣннаго таланта, въ нихъ виденъ человекъ съ умомъ, съ прекраснымъ образованіемъ и вкусомъ, тонко чувствующій, писатель мыслящій и благородный. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ многія изъ этихъ произведеній, каковы, напримѣръ, поэмъ: „Двѣ колонны“ (Александровская и Вандомская), „Классическая“, „Послѣдній Хаакъ“, романы и повѣсти „Волтижерка“, „Коломенская роза“, „Старый домъ“, „Человекъ съ характеромъ“, „Докторша“, „Лѣвшій“, пьесы „Король Энци“, „Новгородцы“, „Дочь Карла Смѣлаго“, „Корсаръ“, „Наполеоновскій Гвардеецъ“, „Герцогица Д'Эгилльонъ“ и проч., читались и смотрѣлись очень усердно и имѣли не малый успѣхъ. Прекрасно владѣя и стихомъ, и прозою, Зотовъ умѣлъ придавать занимательность, живость своимъ произведеніямъ, всегда строго относился къ формѣ, никогда не допускалъ небрежностей въ слогѣ и, подражая лучшимъ литературнымъ образцамъ, всегда оставался въ строгихъ границахъ искусства, задачи котораго онъ отлично понимаетъ. Въ настоящее время, когда весьма немногіе изъ писателей новаго поколѣнія умѣютъ ладить со слогомъ, излагать свои мысли правильнымъ русскимъ языкомъ, В. Р. Зотовъ долженъ считаться еще болѣе, такъ какъ онъ всегда стоялъ на стражѣ родной рѣчи и является у насъ лучшимъ стилистомъ. Какъ ни почтенны его заслуги въ области изящной словесности, но настоящее призваніе нашего уважаемаго писателя—журнальная дѣятельность. Всесторонне образованный, обладающій энциклопедическими познаніями, изучившій въ совершенствѣ классическія и новѣйшія языки и иностранныя литературы, съ молодыхъ лѣтъ испытывавшій свои силы во всѣхъ родахъ словесности, сотрудничавшій въ безчисленныхъ періодическихъ изданіяхъ, Зотовъ стяжалъ себѣ весьма почетную извѣстность, какъ даровитый журналистъ, какъ усердный, способнѣйшій редакторъ. Съ самаго начала сороковыхъ годовъ и почти до послѣдняго времени онъ не переставалъ редактировать какое-либо изъ періодическихъ изданій, иногда нѣсколько вмѣстѣ. Онъ былъ редакторомъ *Репертуара, Литературной Газеты, Сына Отечества, Иллюстраціи, Иллюстрированнаго Семейнаго Листка, Отечественныхъ Записокъ, Петербургскихъ Видомостей* (литературнаго и критическаго отдѣловъ), *Воскреснаго Досу, Иллюстрированной Газеты, Наблюдателя*, въ которомъ онъ былъ помощникомъ редактора. Кромя того онъ дѣятельно участвовалъ въ редактированіи *Энциклопедическаго Словаря* 60-хъ гг., *Пастольнаго Словаря Толля, Энциклопедическаго Словаря* Березина и др. Зотовъ помѣстилъ массу статей по исторіи искусства, критическихъ, біографическихъ, историко-литературныхъ, публицистическихъ, по всѣмъ отраслямъ знанія, но самымъ капитальнымъ трудомъ его является многотомное изданіе „Исторія всемірной литературы въ очеркахъ, біографіяхъ и образцахъ“. Это изданіе, составленное по многочисленнымъ источникамъ, говорящее о необыкновенномъ трудолюбіи автора, представляетъ до сихъ поръ единственную у насъ попытку—дать публикѣ общедоступное руководство для изученія литературы всѣхъ временъ и народовъ, сжатое, не многословное, но дающее полное понятіе о предметѣ и множество солидныхъ свѣдѣній. В. Р. Зотовъ—современникъ Пушкина, Державина, Гоголя, Бѣлинскаго, свидѣтель литературныхъ дебатовъ Гончарова, Тургенева, Достоевскаго, гр. Льва Толстаго, Инсескаго, Майкова, Полонскаго и прочихъ корифеевъ отечественной словесности, свидѣтель многихъ историческихъ событій, старожилъ Петербурга,—словомъ живой памятникъ двухъ прошлыхъ царствованій, и потому обладаетъ богатѣйшими устными и письменными матеріалами эпохи сороковыхъ—пятидесятыхъ годовъ. Изъ запаса своей обширной памяти онъ перфдо бралъ матеріалы для своихъ статей и еще недавно помѣстилъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* рядъ интересныхъ выдержекъ изъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ, подъ заглавіемъ „Петербургъ въ сороковыхъ годахъ“. Зотовъ рано почувствовалъ стремленіе къ литературѣ, любовь къ ней, и это вполне естественно: онъ росъ въ литературной сферѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ отца, извѣстнаго въ свое время романиста и начальника репертуара Императорскихъ театровъ, Рафаила Михайловича Зотова.

Владиміръ Рафаиловичъ Зотовъ родился въ Петербургѣ, 22 іюня 1821 года, и выучился грамотѣ самоучкою, по теа-

тральнымъ афишамъ, настолько хорошо, что уже девять лѣтъ написалъ драму „Маробукъ, атаманъ разбойниковъ“, которую и разыгрывалъ въ своемъ семейномъ кружкѣ. Послѣ первоначальнаго образованія во второй петербургской гимназіи, онъ перешелъ въ первую гимназію, а отсюда, въ числѣ лучшихъ воспитанниковъ, переведенъ въ Царскосельскій Лицей, гдѣ пробылъ съ 1836 по 1841 годъ включительно, окончивъ курсъ однимъ изъ первыхъ; будучи въ Лицеѣ, онъ началъ печататься и слылъ „лицейскимъ поэтомъ, преемникомъ Пушкина“. Прослуживъ недолгое время въ канцеляріи Военнаго министерства, онъ не могъ примирить свою поэтическую натуру съ военною дисциплиною и перешелъ на службу въ департаментъ разныхъ податей и сборовъ. Какъ ни была легка эта служба, но она мѣшала его литературнымъ занятіямъ и редакторскимъ обязанностямъ, и въ 1861 году Зотовъ оставилъ службу, фактически выйдя въ отставку, хотя онъ и до сихъ поръ остается причисленнымъ къ канцеляріи министра Финансовъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ Зотовъ снялся въ группѣ нѣсколькихъ лицъ, принадлежавшихъ къ редакціонному кружку одной газеты, по поводу чего написалъ юмористическую нѣсену. Въ концѣ ея онъ обрисовалъ и свою дѣятельность въ такихъ выраженіяхъ: „Вотъ и онъ—Владиміръ Зотовъ, чуднѣ жителѣйскихъ всѣхъ расчетовъ, жаромъ юноша согрѣтъ, до сѣдыхъ волосъ дожившій, ничего не приконившій про запасъ для дряхлыхъ лѣтъ,—развѣ это не поэтъ?“ Къ этой хотя и шуточной, но справедливой характеристикѣ, кажется, прибавлять нечего.

Петръ Быковъ.

Григорій Петровичъ Данилевскій († 6 декабря 1890 г.). (Портр. на стр. 1276).

Русская литература понесла большую, въ наши дни едва-ли вознаградимую, потерю. 6 декабря, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался редакторъ *Правительственнаго Вѣстника*, извѣстный писатель Григорій Петровичъ Данилевскій, авторъ „Воли“, „Новыхъ лѣтъ“, „Девятаго вала“, „Мировича“, „Чернаго года“ и др. романовъ, имѣвшихъ вполне заслуженный успѣхъ, переводчикъ драмы Шекспира „Ричардъ III“ и „Цимбеллинъ“, авторъ „Воспоминаній о Гоголѣ“ и др. Намъ лично утрата эта особенно тяжела, такъ какъ покойный былъ не только постояннымъ сотрудникомъ нашего журнала, но и человекомъ искренно расположеннымъ къ *Нивѣ*, всегда сочувственно относившимся къ нашимъ трудамъ въ дѣлѣ усовершенствованій изданія и отбѣчавшимъ ихъ въ редактируемой имъ газетѣ внимательными отзывами.

Г. П. Данилевскій родился 14 апрѣля 1829 г. въ селѣ Даниловкѣ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губ., воспитывался въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, бывшемъ университетскомъ пансіонѣ, а затѣмъ въ 1850 г. окончилъ курсъ въ СПб. университетѣ со степенью кандидата по камеральному отдѣленію юридическаго факультета. Съ 1850 по 1857 г., служа въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, онъ посѣтилъ Финляндію, Крымъ, Малороссію, прибрежье Азовскаго моря и проч. Въ 1869 г. Г. П. Данилевскій былъ назначенъ помощникомъ главнаго редактора газеты *Правительственный Вѣстникъ*, а съ 1881 г. былъ ея главнымъ редакторомъ.

Заживо сожженный на телеграфномъ столбѣ.

(Рис. на стр. 1277).

Въ вышедшей на-дняхъ *Популярной физикѣ* Эмilia Дебео разсказывается ужасный случай, происшедшій 12 октября 1889 года въ Нью-Йоркѣ, на углу улицъ Центра и Чамберъ-стритъ. Одинъ изъ служителей при телеграфѣ влѣзъ на высокій столбъ, поддерживающій телеграфныя проволоки. Приблизившись къ вершинѣ столба и тщателью набѣжавъ соприкосновенія съ проволоками питающими электрическія лампы, служитель прорикъ въ чашу расположенныхъ надъ ними проволокъ, когоруыхъ могъ уже касаться безъ опасности для себя, такъ какъ въ нихъ проходятъ лишь слабые токи. Но число этихъ проволокъ оказалось такъ велико, что несчастный заупрегался въ нихъ какъ въ наутинѣ особаго рода. Не смотря на то онъ хотѣлъ лѣзть еще выше, какъ вдругъ печально зачѣпился за одну проволоку съ сильнымъ токомъ и не могъ отъ нея оторваться. Тогда произошла ужасающая сцена. Толпа, собравшаяся на перекресткѣ, смотрѣла на мученія страдальца, не зная какъ ему помочь. Скоро показалось пламя изъ рта, изъ рукъ и ногъ несчастнаго, который горѣлъ на медленномъ огнѣ. Болѣе получаса окаменѣвшая отъ ужаса толпа была свидѣтельницею этой агоніи и когда наконецъ прибыла помощь отъ *Западной Союзной телеграфной компаніи*, было уже поздно: сняли только обгорѣлый трупъ.

Электрическій манежъ. (Рис. на стр. 1280).

Въ Ниццѣ нѣкто Салле устроилъ электрическій манежъ, представляющій нѣчто среднее между настоящими скачками и игрою называемой *peits-chevaux*. Въ общихъ чертахъ, это

несколько деревянных лошадей в половину натуральной величины, катающихся каждая по особому круговому рельсовому пути под влиянием электрического двигателя, особаго для каждой лошади и хотя получающаго токъ изъ одного и того же генератора, но независимо отъ прочихъ: такимъ образомъ каждый конекъ пользуется такъ-сказать полною независимостью, ограничиваемою лишь высшимъ контролемъ электротехника, который управляетъ всѣмъ манежемъ. На конькахъ ѣздятъ дѣти и взрослые, бѣгъ ихъ можно ускорять, задерживать и останавливать, перегоняя другъ друга и держа пари. Въ манежѣ Салле газовый двигатель въ 12 лошадиныхъ силъ приводитъ въ движеніе динамо-машину Рехневскаго, которая посылаетъ токъ 6 электрическимъ двигателямъ, изъ коней каждый приводитъ въ движеніе одну лошадку на колесахъ. Эти послѣдніе двигатели суть также динамо-машины Рехневскаго, но весьма слабыя, и помѣщаются позади каждой лошади. Какъ только замкнуть динамо-машину, всѣ 6 лошадей сразу начинаютъ двигаться со скоростью тѣмъ большею, чѣмъ больше круги описываемыя ихъ путями. Кроме того, скорость каждой лошади можетъ быть увеличена реостатомъ. Затѣмъ каждая лошадь можетъ быть остановлена независимо отъ прочихъ.

Политическое обозрѣніе.

Берлинская конференція по школьнымъ вопросамъ въ Пруссіи, возбуждавшая всеобщій интересъ благодаря

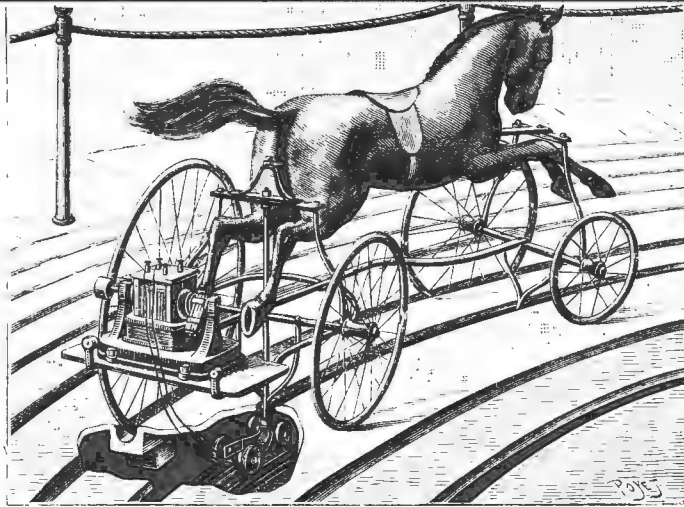

Рис. 1. Механическая лошадь въ электрическомъ манежѣ. Грав. Шуайе.

извѣстной рѣчи Германскаго императора, окончила свою работу. Заключительное засѣданіе этой конференціи состоялось 5 декабря. Сущность ея постановленій сводится къ тому, что гимназическій аттестатъ зрѣлости даетъ право на слушаніе факультетскихъ лекцій, со включеніемъ медицинскаго факультета, и на слушаніе высшихъ техническихъ лекцій; аттестатъ зрѣлости, полученный изъ реальной школы, даетъ право на поступленіе въ университетъ лишь по естественно-историческому и высшему техническому факультетамъ, такой же аттестатъ, полученный изъ высшей гражданской школы (Bürgerschule) даетъ право на службу въ низшихъ должностяхъ и на поступленіе въ

Рис. 2. Общій видъ электрическаго манежа въ Ниццѣ. Грав. Тирія.

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №.№., просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1891 года, такъ какъ

Городская почта послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

армію въ качествѣ однолѣтняго вольноопредѣляющагося; для послѣдняго достаточно также и аттестата зрѣлости отъ класса оберъ-секунды.

Въ засѣданіи конференціи присутствовали императоръ и пропознесь новую рѣчь.

По сообщенію *Имперскаго Указателя*, въ этой рѣчи сказано: „Въ рѣчи при открытіи конференціи я не упомянулъ о религіи. Мысли мои на этотъ счетъ ясны какъ день: какъ король и верховный пастырь (summus episcopus) моей церкви, я считаю долгомъ заботиться о развитіи и усиленіи въ школѣ религіознаго чувства и христіанскаго духа. Школа и церковь должны взаимно поддерживать одна другую. Теперь время переходное, время вступленія въ новое столѣтіе. Мои предки, слѣдя за пульсомъ времени, предусматривали то, что было впереди, и всегда оставались во главѣ движенія. Я думаю, что и я постигъ, куда направленъ новый духъ истекающаго столѣтія. Какъ по отношенію къ социальнымъ реформамъ, такъ и въ этомъ дѣлѣ, я рѣшилъ вступить на новый путь“. Затѣмъ императоръ прочиталъ статью изъ газеты *Hannoverscher Courier*, замѣтивъ, что въ ней выражены какъ бы его собственныя мысли. Въ статьѣ говорится, что социальнo-демократическія ученія не могутъ быть ни разъясняемы, ни авторитетно или полемически опровергаемы въ школѣ. „Когда же юношествомъ будетъ приобрѣтено ясное пониманіе сущности государства — прибавитъ императоръ—оно увидитъ дурныя и опасныя стороны социальнo-демократическихъ теорій. Принципъ королевскаго дома: „suis quisque“ значитъ: „каждому свое“, а не „всѣмъ одно и то же“, это относится также и къ тому, что рѣшено здѣсь на конференціи. Дольше дорога вела изъ Фермопль черезъ Канны къ Россбаху и Вюнвиллю; я же веду юноше-

ство отъ Седана и Гравеллота черезъ Лейтепъ и Россбахъ къ Мантиннеъ и Фермопльамъ и эту дорогу считаю правильною“.

Во Франціи, до наступленія Рождественскихъ праздниковъ, палата депутатовъ успѣла покончить съ бюджетомъ и, большинствомъ 863 голосовъ противъ 50, вотировала проектъ смѣты въ совокупности. Правая воздержалась отъ голосованія. Прежде, чѣмъ приступлено было къ голосованію, членъ правой Дюгед-ла-Фокверпъ заявилъ, что подаетъ голосъ за бюджетъ, потому что членамъ меньшинства пора откровенно и честно присоединиться къ республикѣ. Кассаньякъ замѣтилъ, что республиканцамъ дѣйствительно представлялся случай примирить съ собою меньшинство, но они поставили столь тяжкія условія и отворили такую низкую дверь, что меньшинство лишено было возможности войти въ республику. Засѣданія палаты отсрочены до 6 (18) декабря.

Въ Сербіи скупщина озбочена меморандумомъ королевы Наталіи, переданнымъ на ея разсмотрѣніе. Уже давно ходили слухи о желаніи королевы-матери передать дѣло о своихъ несогласіяхъ съ королемъ Миланомъ на разсмотрѣніе народныхъ представителей. Слухи оправдались и скупщина, разсмотрѣвъ меморандумъ въ закрытомъ засѣданіи, вынесла слѣдующую резолюцію: „Въ виду отсутствія въ законодательствѣ и конституціи постановленія, въ силу котораго обыкновенная скупщина могла бы обсуждать и рѣшать вопросъ, возбужденный королевою, скупщина, не входя въ разсмотрѣніе дѣла, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ; однако, побуждаемая настоящимъ дѣломъ, скупщина выражаетъ желаніе, чтобы правительство съ регентствомъ озабочилось отклонить вредныя послѣдствія распри королевскихъ родителей, наносящая ущербъ странѣ и достоинству престола“.

Библиографія.

Н. В. Пономаревъ. Начальная сельско-хозяйственная книга для чтенія въ народныхъ училищахъ и низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ. СПб. 1890 г. Цѣна 1 руб. (Съ 141 рис. въ текстѣ).

Авторъ имѣлъ въ виду дать ученикамъ народныхъ училищъ основныя свѣдѣнія по земледѣлію, обработкѣ почвы, воздѣлыванію хлѣбовъ, масличныхъ растений, огородничеству, садоводству, виноградарству, лѣсному хозяйству, скотоводству,

овцеводству, пчеловодству, шелководству; также о вредныхъ для сельскаго хозяйства насѣкомыхъ и проч.

Названная книга, изданная весьма изящно, признана Ученымъ Комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ полезною для классаго чтенія въ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ.

Книга эта можетъ быть рекомендована молодымъ, начинающимъ сельскимъ хозяевамъ.

С М Ъ С Ъ.

Музыкальный дѣтскій садъ. Недавно вышло изъ печати у издателя Юлія Генриха Циммермана (Петербургъ и Москва) новое сочиненіе профессора Лейпцигской консерваторіи Карла Рейнеке подъ названіемъ „Музыкальный дѣтскій садъ.“ Основная мысль этого сочиненія—развить у учащихъ музыкальный вкусъ и постепенно посвятить ихъ въ тайны музыкальнаго искусства, и съ этой точки зрѣнія, какъ видно изъ лежащаго предъ нами труда, авторъ выполнилъ свою задачу добросовѣстно и съ большимъ талантомъ. Нельзя отрицать, что существуетъ уже много хорошихъ сочиненій такого же содержанія, но тѣмъ не менѣе „Музыкальный дѣтскій садъ“ профессора Рейнеке представляетъ собою нѣчто выдающееся. Послѣ Роберта Шумана поэтическая сторона дѣтской жизни еще никѣмъ не была передана въ музыкальной формѣ съ такою тонкостью и знаніемъ дѣла какъ въ вышесказанномъ трудѣ. При этомъ видно, что авторъ не упустилъ изъ виду и техническую сторону своего труда. Не уклоняясь отъ своей главной идеи, онъ старается постепенно развить и технику юнаго ученика и незамѣтнымъ образомъ знакомитъ его съ трудностями встрѣчающимися при исполненіи классическихъ пьесъ. Все сочиненіе написано въ 9 тетрадяхъ для фортепіано въ 2 и 4 руки и въ крайне интересной формѣ рисуетъ картину жизни дѣтства со всѣми ея разнообразными оттѣнками: 1-я тетрадь содержитъ легкія пьесы разнаго характера подъ названіемъ „Мои первыя пьески“. 2-я тетрадь содержитъ массу любимыхъ, мастерски обработанныхъ мелодій изъ оперъ и класси-

ческихъ сочиненій. Тетрадь 3-я „Урокъ пѣнія“ знакомитъ ученика съ прекрасными легкими, подобранными подъ дѣтскій вкусъ, пѣснями. Тетради 4 и 5-я заключаютъ народныя пѣсни почти всѣхъ націй. Тетрадь 6-я, уже немного труднѣе, передаетъ въ музыкальной формѣ самыя интересныя дѣтскія сказки съ объяснительнымъ текстомъ. Тетрадь 7-я описываетъ „Что звуки намъ рассказываютъ“. Между этими пьесами нѣкоторыя, какъ напримѣръ: „Какъ на конкахъ катаются“ или „Какъ громъ гремитъ“—требуютъ уже нѣкотораго развитія техники палцевъ. Послѣднія двѣ тетради оканчиваются „Дѣтскимъ маскарадомъ“, въ которыхъ преобладаетъ отдѣлъ танцевъ. (Между послѣдними новенькій Вѣнскій вальсъ и торжественный полонезъ исполненный Золушкой съ королевскимъ припекомъ, по своей мелодичности, особенно выдѣляются). Все сочиненіе издано весьма тщательно отдѣльными тетрадями и въ прекрасномъ переплетѣ въ грехъ томахъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что оно встрѣтитъ большое сочувствіе во всѣхъ семьяхъ интересующихся музыкой и составитъ для нашихъ маленькихъ музыкантовъ лучший подарокъ къ предстоящимъ праздникамъ.

Одинъ путешественникъ рассказываетъ слѣдующее изъ своего пребыванія въ Персіи: Однажды я былъ въ гостяхъ у судьи, когда къ нему привели преступника, упорно отрицавшаго свою вину. Беглербегъ (судья) приказалъ принести плети. „Клянусь, что я невиновенъ“, произнесъ обвиняемый, скрестивъ на груди руки и

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ“ 1891 ГОДА

СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

Исполняя желаніе многихъ изъ нашихъ иногородныхъ гг. подписчиковъ, мы нашли возможнымъ допустить РАЗСРОЧКУ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ ЗА „НИВУ“ 1891 ГОДА, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ два срока: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Юня 1891 г. 3 р.

2) Въ три срока: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1891 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1891 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всѣми приложеніями и преміями—наравнѣ съ годовыми подписчиками.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

выставив по одному пальцу вперед. Полицейский стоял возлѣ, держа плеть наготовѣ, между тѣмъ какъ судья, пристально глядя на руки преступника, воскликнулъ слова: „Нѣтъ, ты виновенъ!“ — „Клянусь священной главой, я невиновенъ!“ продолжалъ обвиняемый, выставляя уже по два пальца на каждой рукѣ. Эта процедура длилась до тѣхъ поръ, пока преступникъ не вытянулъ всѣхъ пяти пальцевъ на обѣихъ рукахъ. „Хорошо, отпустите его“, сказалъ тогда судья, „это былъ не онъ!“ Впоследствии я узналъ, что обвиняемый, каждымъ выставленнымъ впередъ пальцемъ, давалъ понять судья, что онъ предлагаетъ ему одинъ туманъ (около десяти марокъ) и такимъ образомъ онъ посулилъ въ концѣ концовъ 10 тумановъ или 100 марокъ на умиротвореніе персидскаго правосудія. (с.)

Глубины моря. Только новѣйшее время впервые дало намъ достоверныя указанія относительно глубинъ моря. Еще въ 1838 году 2,200 метровъ считались наибольшою глубиной. Съ тѣхъ поръ точныя изслѣдованія морскаго дна, произведенныя съ цѣлью проведенія большихъ подводныхъ телеграфовъ, показали, что существуютъ глубины въ 4 раза превышающія вышеприведенную. Мы приведемъ здѣсь значительнѣйшія изъ избранныхъ морскихъ глубинъ:

1. Въ сѣверной части Тихаго океана	8,513 метр.
2. Между Японіей и островами Адмиралтейства	8,367 „
3. Въ сѣверной части Атлантическаго океана	8,341 „
4. Въ Карайбскомъ морѣ	6,270 „
5. Въ южной части Тихаго океана	6,160 „
6. Въ южной части Атлантическаго океана	6,006 „
7. Въ Индійскомъ океанѣ	5,523 „
8. Въ морѣ Банда	5,120 „
9. Въ Меланезійскомъ Коралловомъ морѣ	4,850 „
10. Въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ	4,846 „
11. Въ Целебескомъ морѣ	4,755 „
12. Въ морѣ Сулу	4,663 „

(в. к.)

Помолвка дѣвочки Монтихо съ Наполеономъ III. Интересныя „Souvenirs historiques“, находящіяся въ еще неизданныхъ письмахъ императрицы Евгении и появляющіяся въ одномъ изъ французскихъ журналовъ, доведены въ настоящее время до помолвки дѣвочки Монтихо съ Наполеономъ III. Письмо госпожи Монтихо къ ея старому другу, французскому посланнику въ Берлинѣ, гдѣ она сообщаетъ ему извѣстіе о помолвкѣ своей дочери, выказываетъ ей материнскую заботливость. „Не знаю, пишетъ она, радуется ли ей или плакать. Многія матери, завидующія мнѣ теперь, едва ли бы могли понять причину моихъ слезъ. Евгения будетъ повелительницею вашей Франціи, но я знаю, что повелительница вашей страны не очень счастлива. Я не могу утѣшиться, мысль о Маріи-Антуанеттѣ преслѣдуетъ меня, и я со страхомъ задаю себѣ вопросъ: не ожидаетъ-ли и мою дочь подобная судьба.“ Предъ своею помолвкой молодая дѣвушка замѣчала враждебность придворныхъ дамъ, возникшую противъ нея къ очевидному удивленію императрицы. Издатель „Souvenirs“ ругается за истину слѣдующаго анекдота. Придворныя дамы Наполеона III были рѣшительно противъ этого союза и относились къ дѣвчкѣ Монтихо съ крайнею холодною и презрѣніемъ. Однажды, въ Компиенскомъ паркѣ, выведенная изъ себя Евгения, въ присутствіи своихъ противницъ, пожаловалась императору на ихъ дурное обращеніе. Какъ только она кончила говорить, Наполеонъ отломилъ вѣтку у кустарника, сдѣлавъ изъ нея подобіе вѣнча и, надѣвая его на голову Евгении, сказалъ такъ громко, чтобы всѣ присутствующія могли слышать: „Въ ожиданіи другаго!“ Съ этого времени дамы обращались съ дѣвчкѣй Монтихо какъ со своей будущей императрицей. (к.)

Парижскіе театры. *Figaro* сообщаетъ слѣдующія интересныя данныя о количествѣ мѣстъ и высшей цифрѣ сбора Парижскихъ театровъ: Опера (2,200 мѣстъ)—23,000 франковъ; Châtelet (3,600 мѣстъ)—12,500 фр.; Porte Saint-Martin (1,500 мѣстъ)—11,500 фр.; Французская Комедія (1,400 мѣстъ)—10,000 фр.; Комическая опера (1,500 мѣстъ)—10,000 фр.; Gaité (2,000 мѣстъ)—9,800 фр.; Одеонъ (1,460 мѣстъ)—9,600 фр.; Варьете (1,250 мѣстъ)—7,500 фр.; Amphig (1,600 мѣстъ)—7,000 фр.; Водевиль (1,100 мѣстъ)—6,800 фр.; Gymnase (1,000 мѣстъ)—6,500 фр.; Folies Dramatiques (1,600 мѣстъ)—6,300 фр.; Nouveautés (1,000 мѣстъ), Renaissance (1,200 мѣстъ), Palais Royal (850 мѣстъ), Bouffes Parisiennes (900 мѣстъ)—сборъ въ каждомъ изъ нихъ 5,700 фр.; Château d'Eau (2,400 мѣстъ)—5,000 фр.; Menus-Plaisirs (1,150 мѣстъ)—4,000 фр.; Клыни (1,100 мѣстъ)—3,500 фр. и Dejazet (750 мѣстъ)—2,800 фр. Въ общемъ 28,560 мѣстъ и 160,000 франковъ. Средняя цѣна каждаго мѣста—5½ франковъ (если брать 11 театровъ—будетъ нѣсколько болѣе, если же брать 9—нѣсколько менѣе). (к.)

Фридрихъ Великій, на ряду со своими занятіями музыкой, какъ извѣстно, былъ большимъ почитателемъ французскаго языка и находился въ большой дружбѣ съ французскимъ поэтомъ Вольтеромъ. Однажды великій король, не имѣя времени въ виду чрезвычайно снѣжнаго дѣла, написалъ уважаемому имъ поэту слѣдующее короткое, но крайне интересное письмо: „venez à 100“. Остроумный французскій поэтъ понялъ смыслъ короткаго письма и въ свою очередь послалъ королю еще болѣе короткій загадочный отвѣтъ: „G. a.“, что чрезвычайно развеселило короля, который также безъ труда отгадалъ смыслъ отвѣта. Разгадка этой оригинальной перениски слѣдующая: посланіе короля содержало приглашеніе и значило: „venez souper à San-Souci“, на что Вольтеръ тотчасъ же отвѣтилъ: „J'ai grand appetit“. (к.)

Парижская жизнь. Среди общаго похода, открытаго нынѣшнимъ лѣтомъ печалью и различными благотворительными обществами французской столицы противъ уличнаго нищенства, обнаружилось существованіе уже 2 года издающагося въ Парижѣ еженедѣльнаго журнала, единственно и всецѣло посвятившаго себя интересамъ „нищенствующаго“ сословія. Этотъ спеціальный журналъ для нищихъ выходитъ, конечно, въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и получается только нищими. Онъ вовсе не занимается политикой, на его страницахъ нѣтъ мѣста остроумію, а помѣщаются только краткія сообщенія съ рынка и свѣдѣнія изъ сферы дѣятельности нищихъ. Цѣна каждаго номера довольно высокая, именно 20 сантимовъ. Главное же содержаніе журнала составляютъ объявленія слѣдующаго содержанія: „Требуется слѣпень играющій на флейтѣ“ или „Ищутъ увѣчнаго на хорошее, часто посѣщаемое мѣсто у купальни, предпочтеніе оказывается нищенному правой рукѣ, кромѣ того, требуется хорошая рекомендація и небольшой залогъ“. Такія объявленія содержатъ каждый номеръ этого органа нищихъ—дюжинами; въ нихъ указываются и агенты, раздающіе мѣста. Въ Парижѣ недавно образовалось болѣе двадцати подобныхъ бюро задачи и передачи мѣстъ, которыя снабжаютъ всю Францію, всѣ купанья и курорты нищими разнаго рода, органомъ которыхъ является этотъ журналъ для нищихъ. Наконецъ, этотъ журналъ содержитъ еще извѣстія о всѣхъ свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ, дняхъ рожденія и именинъ богатыхъ людей, которыя могутъ дать подписчикамъ случай къ небольшой поучкѣ. (к.)

Кошка и попугай. Теофиль Готье завелъ у себя въ Парижѣ зеленого амазонскаго попугая. Въ то время какъ попугай осматривалъ съ жердочки свое новое мѣстопробываніе, на него пристально смотрѣла кошка Готье. Придя, повидимому, къ заключенію, что эта странная птица — не что иное какъ зеленая курица, кошка прыгнула со стола, легла въ углу и приняла свойственное кошачьей породѣ выжидательное положеніе. Попугай, замѣтивъ опасность, насторожился. Кошка подкрадывалась ближе и ближе, внезапно прыгнула на заднія лапы и сдѣлала сильный прыжокъ, который однако почти на футъ не досталъ до жердочки попугая. Тогда птица крикнула кошкѣ: „Ты завтракала, Жако?“ Кошка поспѣшно ретировалась: всѣ ея орнитологическія познанія сбились. А попугай продолжалъ: „Что-жь тебѣ дали на завтракъ? Жареной телятини?“ Въ глазахъ у кошки, насколько они могутъ выразить мысль, ясно можно было прочесть слѣдующее соображеніе: „это не птица, это—самъ хозяинъ“. Когда же попугай съ триумфомъ запылъ застольную пѣсню, кошка бросила испуганный взглядъ на Готье и тотчасъ же скрылась подъ кровать, откуда не выходила цѣлый день. (к.)

Сильнѣйшія и продолжительнѣйшія грозы свирѣпствуютъ на островѣ Ямайкѣ и въ южной Африкѣ. Въ Сникхъ горахъ острова Ямайки онѣ продолжаютъ ежегодно пять мѣсяцевъ или 150 дней. День за днемъ, вершины горъ покрываются темными грозовыми тучами, которыя около 1 часа пополудни достигаютъ наибольшей густоты. Непрерывно гремитъ громъ и сверкаетъ молнія, наконецъ разражается страшный ливень, который длится до 3 часовъ и затѣмъ снова наступаетъ ясная погода. Периодичность грозъ въ самые жаркіе часы дня—объясняется тѣмъ, что воздухъ въ ущельяхъ горъ слишкомъ накаляется и насыщается влагою.—Подобныя же явленія замѣчаются и на высокихъ, гористыхъ берегахъ южной Африки. Лѣтніе дни начинаются обыкновенно яснымъ утромъ и пальцами взоемъ; но къ полудню на вершинахъ горъ собираются темныя грозовыя тучи. Часа черезъ два разражается сильнѣйшій ливень, гремитъ громъ, сверкаетъ молнія. Это повторяется изъ года въ годъ, въ теплые мѣсяцы, отъ октября до февраля. Гроза разражается ежедневно въ одни и тѣ же часы и обыкновенно повторяется пять дней подрядъ на одномъ и томъ же мѣстѣ. Она сопровождается страшно бурей, которая самыхъ сильныхъ людей валитъ съ ногъ, какъ снопы. (с.)

Наблюденія показываютъ, что нѣкоторыя птицы питаютъ особое пристрастіе къ извѣстнымъ породамъ деревьевъ и избгаютъ мѣстностей, въ которыхъ нѣтъ такихъ деревьевъ. Такъ напр., ясенъ привлекаетъ дикихъ голубей и дроздовъ, букъ — дятловъ, береза — желтоногихъ дроздовъ, терновникъ — лѣсныхъ жаворонковъ, ежевика — бѣлошеекъ и овсянокъ, дубъ — черныхъ дроздовъ, саякъ и грачей и, наконецъ, боярышникъ — почти всѣ породы мелкихъ птицъ. При устройствѣ общественныхъ садовъ слѣдовало-бы имѣть въ виду эти наблюденія, при выборѣ деревьевъ, для того, чтобы привлечь возможно большее количество пернатыхъ пѣвцовъ. Приходится пожалѣть, что до сихъ поръ на этотъ предметъ не обращалось должнаго вниманія. (с.)

Удешевленіе сожиганія труповъ. На кладбищѣ Père Lachaise, въ Парижѣ, устроена печь, которая за 3 франка превращаетъ тѣло взрослого человѣка въ пепелъ. Печь построена по системѣ Сименса, но съ нѣкоторыми усовершенствованіями, которыя даютъ возможность жечь вмѣсто дровъ коксъ и значительно ускорить весь процессъ. Трупъ превращается въ пепелъ въ теченіе одного часа. (с.)

Бумага изъ опилокъ. Въ Оттавѣ, пунктѣ производящемъ обширную торговлю лѣсомъ, давно уже недоумѣвали, что дѣлать съ массой накопляющихся опилокъ. Въ концѣ концовъ попали на счастливую мысль перерабатывать ихъ въ бумагу, и такимъ образомъ возникъ заводъ, приготавлиющій до 12,000 тоннъ бумаги. Бумага изъ опилокъ отличается такой плотностью и прочностью, что идетъ на постройки; болѣе-же тонкіе сорта получаютъ посредствомъ прибавки въ древесную массу 25% макулатуры. (с.)

Рѣшеніе ребуса на преміи № 62,

помѣщеннаго въ № 43.

Любопытство чловѣка
 Вмѣстѣ съ нимъ явилось въ свѣтъ,
 Оттого-то онъ, отъ вѣка,
 Тайну всякую, секретъ
 Разгадать стремится жадно,
 Съ нетерпѣньемъ,—и подчасъ
 Напрягаетъ умъ нещадно,
 Не смыкаетъ ночью глазъ...

Заведенному порядку
 Строго слѣдую во всемъ,
 Люду русскому загадку
 Мы и нынѣ задаемъ.
 Разгадать ее—не шутка..
 Хоть загадка и проста:
 Да начать трудненько. Ну-тка,
 Начинайте... но съ... хвоста.

П. Быковъ.

Объясненіе фигуръ ребуса.

А—100'—[X' въ О]—'босъ—тѣнь'—'рай—чипъ—нагъ'—утка—
 конь—'день—Н'—грудь—'ратъ—Ч'—Даная—'па—'хвостъ—
 'Кириъ—'рука—адъ—[Тъ за Гъ]—'ухо—шутъ К—э—'ленъ—Е—
 'гать—гадь—разъ—'водоимъ—А—заль—'Шманъ'—'мины—мы—
 куль—'гадь—муза—скотъ'—'усъ—'куры'—'блюдо'—'семь'—В'—
 'возъ'—[утъ]—'ля]—слѣдъ—О—'рогъ—кусть—'ядъ—упоръ—'домъ—
 Н'—'левъ—вѣди'—заль—'глазъ—югъ'—'ночь—'Этна'—'Ока—'мысь'—
 С'—Нева'—'носъ'—'адъ—'лещъ—Н'—'сума'—[Н' 'запрягаетъ]—
 [подъ Ча С']—ми—пѣнье—'ветеръ—'сосны'—дио—'лужа—[си'
 'ля]—'шигъ—стремя'—'мать—гадь—'тазъ—Р'—'ѣ—'бъ—[съ Е-К']—
 'югъ'—'кубъ—'ядъ—С'—[Нъ у Въ]—'лай—Т'—'вѣка—'котъ—'сонъ—
 О—'ротъ—'рогъ—Отто—'свѣтъ—В'—'осъ—'вилы'—'якъ'—'имъ—Н'—
 [М' 'ѣтъ С']—В'—человѣкъ А—'воль'—100'—'копѣто'—'Б'—'люкъ'.

Всѣхъ вѣрныхъ рѣшеній этого ребуса прислано отъ 356 лицъ,
 именно отъ 116 гг. городскихъ С.-Петербургскихъ и 240 иногороднихъ подписчиковъ, и изъ нихъ по жребію преміи пали на рѣшенія слѣдующихъ лицъ:

- 1) А. Гохъ, СПб., Невскій пр., д. № 30, Учетный и Ссудный Банкъ („Фаустъ“, соч. Гете).
- 2) Анны Антоновны Петерсонъ, СПб., В. О., 4 л., д. № 7, кв. № 4 (соч. Майкова, 3 т.).
- 3) В. Лаговскаго, СПб., Гагаринская ул., д. № 23 (соч. Майкова, 3 т.).
- 4) А. А. Поспѣева, СПб., Коломенская ул., д. № 7, кв. № 56 (Исторія Искусствъ, соч. Гнѣдича).
- 5) И. Матвѣева, СПб., Морской Технической Комитетъ (Исторія Искусствъ, соч. Гнѣдича).
- 6) А. И. Нивѣ, СПб., въ М-вѣ Иностранныхъ Дѣлъ (Исторія Искусствъ, соч. Гнѣдича).
- 7) Полковника Л. А. Любимова, СПб., Главное Гидрографическое Управленіе Морскаго М-ва (Въ Старой Москвѣ, Гр. Саліаса).
- 8) Капитана Азарьева, СПб., В. О., Морское училище, кв. № 16 (Разсказы Морскаго).
- 9) Библиотеки 1-го Студенческаго Общежитія, Арбатъ, Филипповскій пер., д. Студенч. Общежитія, въ Москвѣ (Фаустъ, соч. Гете).
- 10) И. Ѡ. Тимофѣева, въ г. Черномъ Ярѣ, Астраханской губ. (соч. Майкова, 3 т.).
- 11) П. Хотяницова, 4-й Кадетскій Корпусъ, въ Москвѣ (соч. Майкова, 3 т.).
- 12) Поручика 63-го Углицкаго полка С. М. Заблочнога, въ г. Соколикъ, Грод. г. (соч. Майкова, 3 т.).
- 13) Свящ. Павла Розова, въ с. Каликино чр. г. Ростовъ, Ярослав. г. (Исторія Искусствъ, Гнѣдича).
- 14) Полковника Н. Н. Савина, Печерскъ, Московская ул., д. № 26, въ Невѣ (Исторія Искусствъ, Гнѣдича).
- 15) Шт.-капит. Николая Александровича Григорова (50 резервн. пѣхот. батал.) въ кр. Бендерахъ (Исторія Искусствъ, Гнѣдича).
- 16) Учителя А. Павлова, Новоторжское гор. уч., въ Торжѣ, Твер. г. (Исторія Искусствъ, Гнѣдича).
- 17) Анастасіи Афанасьевны Витушешниновой, въ г. Вологдѣ (Исторія Искусствъ, Гнѣдича).
- 18) Маріи Васильевны Арабинской, Жиланская ул., д. № 38, въ Невѣ (Въ Старой Москвѣ, соч. Гр. Саліаса).
- 19) А. Н. Воскресенскаго, Телячья ул., д. Хвольковской, въ г. Н. Новгородѣ (Въ Старой Москвѣ, соч. Гр. Саліаса).
- 20) Е. Евневича, Донская ул., д. Евневича въ Москвѣ (Въ Старой Москвѣ, соч. Гр. Саліаса).

21) Поруч. 63 пѣх. Углицк. п. Н. Б. Свицерскаго, въ г. Соколикъ, Грод. г. (Разсказы Морскаго).

22) Адама Петровича Собѣщанскаго, Стрѣт. ч., 2 уч., Колокольниковъ пер., Большая Московская Гост., д. Малюшина, № 26, въ Москвѣ (Разсказы Морскаго).

23) Старш. Лѣсн. ревизора П. Н. Сулханова, въ Костромѣ (Разсказы Морскаго).

Гг. городскіе подписчики, на рѣшенія которыхъ пали преміи, благоволятъ пожаловать за полученіемъ ихъ (подъ росписку) въ помѣщеніе конторы *Нивы* (Невскій, № 6), а гг. иногороднымъ подписчикамъ преміи высылаются почтою.

Затѣмъ остальныя вѣрныя рѣшенія получены отъ слѣдующихъ лицъ: СПб.: В. А. Друзрава, А. Е. Григорьева, И. В. Кононова, Н. К. Веберъ, Г. Г. Массальскаго, П. И. Лошанова, В. П. Андреева, Ф. Наумова; Т. Ф. Новикова, З. П. Солонина, Л. К. Волтегагенъ, В. Н. Морозова, Лейманъ, А. Ф. Булакова, М. П. Одноклѣина, Н. П. Одноклѣина, М. П. Богданова, В. А. Гаврилова, Ф. А. Марковой, Д. А. Андреева, А. С. Ладискаго, Ваганова, А. М. Ушакова, П. Карманова, А. А. Марка, Г. Мокшева, К. А. Ланге, К. Н. Мавроди, А. И. Маковского, З. Л. Матусовскаго, А. А. Долгова, П. Ф. Баймакова, Колачова, В. В. Пель, Палубина, А. К. Бао, А. Антоновича, И. И. Николаева, Н. Ф. Баймакова, Е. А. Благотѣнскаго, П. С. Семенова, А. Хижовской, М. Благотѣнскаго, В. П. Коршенко, В. Дѣдова, В. Комиссарова, В. Амброжовича, М. А. Евтюгиной, М. А. Липотадскаго, Д. С. Иванова, А. К. Кулакова, И. А. Бабича, Д. В. Терне, Н. Я. Щенина, В. К. Ремизова, И. В. Пайкова, А. Н. Порѣцкаго, (№ 30418,—Дежурная комната Д.-гв. Преображенскаго полка), В. Нелюбова, Н. Ф. Чуриловскаго, Ф. А. Геккера, М. Климовича, А. Лейневичъ, Архакова, Э. Боде, С. Ф. Грибунина, А. Красильникова, Г. Рубецъ, К. А. Шайдакова, В. Страннолюбскаго, С. Васильева, А. Е. Колтышева, А. Каженникова, Н. С. Голыкова, И. К. Петрова, А. Шевлягина, Ф. Фребергъ, А. Андреева, К. Е. Малинина, Ф. Кулакова, А. А. Левичка, А. П. Москальской, И. И. Николаева, А. К. Зиновьева, Пчелина, А. Н. Смирнова, Головинна, М. А. Виноградова, В. П. Коломійцева, А. А. Тимофѣева, И. Г. Каринскаго, А. Н. Сазонова, Е. Нармонитъ, П. Шлякова, А. Вертъ, Е. Гамдorra, В. А. Смиринскаго, С. Тарасова, Георгиевскаго, Врангель, П. Е. Попова, Ю. фонъ-Зассенъ, Л. А. Бушъ, А. Л. Баушъ, И. О. Осипова, С. А. Челюкова, Афанасьева, И. Тимофѣева. Москва — П. И. Хрущова, М. Макаровскаго, П. Г. Бабушкина, С. Е. Ованнисянца, А. С. Казьмина, В. Шульгина, А. С. Егорова, А. Вырубова, П. П. Дмитриева, С. Ф. Бураалева, М. Добрынина, Е. И. Запина, Н. А. Менде, П. Р. Пыркова, М. А. Ловоскаго, М. Двойлиной, П. Соколова, Московскаго пѣх. Юнкерскаго Училища, И. В. Толлицкаго, А. П. Штидера, К. Леонардова, М. П. Бояршинова, Н. М. Нашенича, О. А. Нищурна, И. С. Андреева, Н. Доброхотова, Л. К. Дека, I. А. Пшотровскаго, А. В. Виноградова, А. Петрова, Даниловой, И. К. Дека, Е. П. Матюшиной, Н. В. Матюшина, В. В. Ефимовича, Н. Р. Дубинскаго, С. Кузмина, И. Ф. Трубецкаго, Е. Н. Быкова, А. А. Введенскаго, А. Д. Нечаева, Алексинъ—Т. А. Сухотиной, С. И. Зуева, М. И. Спаускаго; Арзамасъ—Канцелярій Арзам. Общ. Банки, П. А. Суворова, А. П. Иконникова, К. И. Скоблина; Александровъ—Н. А. Кегель, В. А. Семеновъ; Абдулино—Садикова; Александровна—В. Н. Скрибинъ; Большое Норовино—Е. К. Терскаго; Боровичи—Н. Федорова; Богодуховъ—Е. М. Казанской; Бугурусланъ—Л. И. Балканина, Осоргина; Благотѣнскаго заводъ—И. С. Самойлова, П. В. Данской; Волого—И. Пронъ; Бѣлостокъ—А. Степанова; Боцны—А. И. Егорова; Бараново—В. Н. Маварова; Березна—А. Бураго; Воронежъ—А. Н. Федорова, Подшавилова; Варшава—Григорья, Терезулова, П. Ф. Розова, А. Наумова, А. А. Виршертъ; Волода—А. Александрова, А. Ф. Бикова; Витебскъ—М. Фортунатова, В. М. Девшиной, М. И. Николаева; Вятка Ю. А. Нартовскаго; Винница—С. А. Рабиновича; Воронежъ—М. Л. Де-Конноръ; Динабургъ—И. К. Молчанова, В. Грумъ-Гржимайло, К. Б. Кимбара, В. Сланскаго; Енаторинославъ—Добровольскаго; Епиданъ—Н. А. Извольскаго, Г. Б. Оводова; Елецъ—В. П. Мерцаевой, М. П. Волыскаго; ст. Елецъ—С. В. Иванюкова; Ефремовъ—В. А. Кузнецова, В. Ф. Григорьева, С. Рабинина, И. С. Орловскаго, М. И. Рыжикова, В. С. Яковлева; Замостье—А. Жуковскаго; Задонскъ—М. Голубовской; Ильинское—Г. Я. Шайдукова; Измайль—А. Вагницкаго, В. В. Кондрацкаго; Кронштадтъ—Эльвель, Н. В. Алпышева, К. Н. Васильчина, З. П. Забова, А. Цѣлова; Невъ—О. Орловой, К. В. Суходольскаго, А. И. Толпагиной, Р. М. Семюцова, Э. Косоноговой, Е. А. Турчанинова, А. Н. Шульженко, Гамоя, С. Подольскаго, Н. А. Сорокина, А. С. Игнатовскаго, А. Н. Фаворова, Н. Богданова; Кишиневъ—К. А. Понарчука, В. О. Глазера, Н. А. Шебунина, Курскъ—Подпис. № 55559, А. С. Павлова; Назанъ—И. В. Курдячева, В. М. Суханова, Ф. И. Леонова; Налуга—А. Мухиной, А. И. Афанасьева, Н. И. Масвинова; Намышловъ—К. Шимаской, М. Д. Симоновскаго, И. Устинова; Нострома—Н. А. Промтова, В. П. Башкирова, Д. А. Вѣлякина; Нерчь-Енисоль—М. И. Безвровой; Новоросъ—Н. А. Дубова; Кременецъ—Старыковича; Коломна—А. С. Озерова, Е. Т. Шевлягиной; Кинешма—Гиринскаго; Кашинъ—С. Г. Стратоникой; Луганскъ—В. И. Королькова, А. Сидяцкаго, П. И. Королькова, О. С. Штейнбергъ, В. В. Недюковскаго; Симбирскъ—А. В. Пожарскаго; Суздаль—А. И. Знаменской; Н. И. Доброхотова; Сокола—К. Н. Гулявича; Смѣла—К. Г. Руденскаго; Сима—Вунина, Кн. С. А. Голицыной; Ситово—Е. И. Свѣчиной; Тверь—Л. П. Никифоровой, Л. И. Святотерской; Тифлисъ—З. В. Овчинниковой; Тимъ—Н. В. Кирѣвскаго; Торжокъ—В. Т. Андреева; Тейково—А. И. Колчаевскаго, М. В. Кабакова; Угличъ—А. И. Малюковой; Уфа—П. Л. Вангенгеймъ; Усомская—П. З. Ломанина; Фатежъ—Антропова; Харьковъ—Н. М. Стефани, Е. С. Кочетовой; Царское Село—М. Голованова, Павловичъ; Черниговъ—Шлегель, А. И. Мезенцова, Библиотеки 18 пѣх. Вологодскаго полка, И. И. Подгорскаго; Череповецъ—А. И. Челюкова, Ю. Е. Ларионовой; Шаламово—А. Н. Гордѣева; Шацкъ—А. А. Куменева, Ярославль—Керцель; Яранскъ—В. Кедрова, Б. Г. Мошкина, Увѣдное Училище, Феодосія—Завадскаго; Адрианополь (Турція)—С. Кованджи.

Кромѣ того получено 924 болѣе или менѣе невѣрныхъ рѣшеній.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при переимѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг. же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: М. Башкирцева (съ портр.). — Панъ круль. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Графа Е. А. Саліаса. Ч. II. (Продолженіе). — Джемма. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній). Рассказъ Юта Мурылинъ. — Въ Виделеемъ. А. Свѣчина. (Старого Паломника). — Въ рисункамъ: Турнеи, продавецъ ковровъ въ Мервѣ (съ рис.). — Изъ лѣсу (съ рис.). — Андалусская красота (съ рис.). — Въ Александриѣ (съ рис.). — Городъ Владиміръ-Вольскій (съ рис.). — Хлѣбъ. Группа Лефера (съ рис.). — В. Р. Зотовъ (съ портр.). — Григорій Петровичъ Данилевскій (съ портр.). — Заживо сожженный на телеграфномъ столбѣ (съ рис.). — Электрическій маневъ (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Сибирь. — О подпискѣ на „Ниву“ 1891 г. съ распискою. — Рѣшеніе ребуса на преміи № 62. — О переимѣнѣ адреса. — Объясненія.

Издателъ А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ.

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА,

издано А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и фансимиле.

Настоящее издание дополнено всеми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министеромъ опредѣленіемъ Ученого Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 3 р. 75 к.; въ роскош. казеннор. перепл. съ золот. тиснен.— 8 р., съ перес. 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями просить обращаться въ СПБургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

Н. МОРСАГО (ЛЕБЕДЕВА)

съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ коленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ.

Графа Е. А. Салиаса.

Историческій романъ времени востехствія на престолѣ и начала царствованія императрицы Екатерины II. Въ 2-хъ ч. СПб. Цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.; въ коленк. перепл. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр. и пр.

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Большой томъ, in quarto, въ 2 столбца, съ 430 прекрасно исполн. гравюрами—копиями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры.

Цѣна брошюр. 6 руб., съ перес. 7 р.; въ коленк. переплетѣ съ золот. тисн. и 3-мя красками 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Для подписчиковъ „Нивы“ 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 50 к., въ перепл. 6 р. 50 к., съ пер. 7 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!

Изданіе А. Ф. МАРКСА:

Большое роскошно иллюстрированное изданіе in folio сочиненія

ГѢТЕ

„ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА, исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Классическіе образцовый переводъ А. Фета не только передаетъ слово въ слово оригиналь прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всеми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА“, СПБ., Невскій пр., № 6.

Поединокъ Фауста съ Валентиномъ. Образецъ гравюры на мѣди (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте.

Г. ДАВИДЪ

В адмиралскій пр., д. № 13, кв. 5, покупаетъ по высокой цѣнѣ, роскошные и рѣдкіе предметы отъ XVI, XVII и XVIII столѣтій. № 4904 4-1

Только что вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу новая книга:

„ВЕЧЕРНІЙ ЗВОНЪ“.

Стихотворенія 1887—1890 гг.

Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Цѣна 1 руб. 25 коп., съ пересылкою 1 р. 50 к. Продается у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. № 4807

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специальность хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки.

Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 20-18

ВЫШЛА ДѢТСКАЯ КНИЖКА

„СПЪГУРОЧКА“.

Кое-что о малюткахъ въ стихахъ и шуткахъ, съ прекрасными картинками и роскошномъ переплетѣ.

Цѣна 90 коп.

Г. ШМИЦДОРФЪ.

Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества.

Невскій, № 4. № 4906 С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЫСШІЕ СОРТА ЧАЯ

полученные изъ Нихты чрезъ Сибирь, въ 2 р. 50 к. и 3 р. за фунт. чистаго вѣса съ пересылкой, предлагаетъ гг. многогороднымъ потребителямъ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“

Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣевой.

Высылка почтой немедленно, не мѣняе фунта, по полученіи денегъ или съ наложеннымъ платежемъ. П. № 4905 3-1

СКАЗКИ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

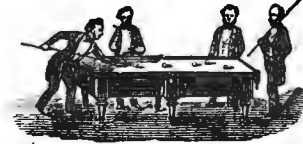
Повѣсти и рассказы В. И. Немировича-Данченко. Ц. 2 р. Мт. 4894

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7-2. 26-25

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Шильватена. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

новѣйшихъ складахъ духовъ и уксуса парижмаховъ во Франціи и заграничей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисо-маслуповая пудра.

CHAPLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ИЗВѢСТНЫЕ ДУХИ ДЛЯ НОСОВЫХЪ ПЛАТНОВЪ и проч. ГУСТАВА ЛОЗЕ № 4728 8-4

ЛОЗЕ MAIGLÖCKSCHEN Ландышъ. **НОВОСТЬ**
ЛОЗЕ GOLDLILIE Золотая Лилія.
ЛОЗЕ PEAU D'ESPAGNE **LILAS BLANC**
ЛОЗЕ HELIOTROPE BLANC Бѣлая Сирень.
ЛОЗЕ ROSE MARÉCHAL NIEL

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ Придворный парфюмеръ, Берлинъ, Егерштрассе, 48.

Можно получить во всѣхъ парфюмерн. магаз. и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

№ 4754 28-5

TIMBRES-POSTE
pour Collections
J. DELZENNE
43, r. de Bourgogne, Paris
Prix-Courant gratis et fco

ПРИГЛАШАЮТЪ

агентовъ. За условіями обращаться
исключительно: Генрихъ Блокъ, С.-Пе-
тербургъ, Невскій, 59-57, соб. домъ.

Н. П. ЛАНИНЪ,

КОММИССИОНЕРЪ ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ
№ 4796 ВРАЧЕЙ ВЪ МОСКВѢ. 5-2

СКЛАДЫ: Москва, Москворѣцкій
мостъ, соб. д. Телефонъ № 764.
С.-Петербургъ, Чернышевъ пер.,
д. № 2-64. Одесса, уголь Ека-
терининской и Еврейской улицъ,
д. Пислясъ. Нижегородская ар-
марна, уголь Нижегородской и
Макарьевской улицъ. Въ Бану,
во время армарки.

ФИРМА СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ
1854 ГОДА.

Она удостоена: на всерос-
сійскихъ выставкахъ 11 и на
иностранныхъ 45 наградъ.
Кромѣ того, на всемірной
выставкѣ въ Барселонѣ 1888
года представитель фирмы
удостоенъ званіемъ члена
жюри и кромѣ золотой ме-
дали награжденъ командор-
скимъ крестомъ "Св. иза-
беллы католическ.-й" и на
выставкѣ винъ въ Бордо дву-
мя почетными дипломами и
золотой медалью.

РЕКОМЕНДУЕТСЯ НА ЗИМНІЙ
СЕЗОНЪ ОТЛИЧНАГО КАЧЕСТВА
ШАМПАНСКОЕ:

IMPERIAL:	Русское шампа- нское.
полусухое,	Crémant Rosé.
очень сухое,	Crémant Sec.
Кларетъ.	Crémant Demi Sec.

Во избѣжаніе поддѣлокъ всѣ эти сорта
выпущены въ продажу съ новой
герметической упоркой, при помощи
проволочной сѣтки и металлической
пластинки сверху пробки, съ выдав-
леннымъ на йомъ: "Н. П. Ланинъ" и
съ ПЛОМБОМЪ "Н. П. Ланинъ, Москва".

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
НЕВСКІЙ ПР.
№ 42.

БАЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ПРЕЙСЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

Съ ручательствомъ за вѣрность хода и проч-
ность механизма.

ССУДЫ! ПОДЪ ВСѢ % БУМАГИ. ВЫГРЫШН. ЗАЙМЫ

съ залогомъ. Задатокъ 15 и
20 р. Ежемесячно 10 и 5 р.
Никакого запрещенія продажи
выигрышныхъ займовъ съ рас-
срочкою платежа со стороны
Правительства не было сдѣла-
но и такіе случаи, какъ распро-
страняемые лицами, заинтере-
сованными лишь въ понижении
цѣны, не заслуживаютъ ни ма-
лейшаго вниманія.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
СПБ., Невскій, 59-57, собств.
домъ. № 4852-1

Коллпотъ

ТОВАРИЩЕСТВА
А. И. АБРИКОСОВА СЫНОВЕИ
ВЪ Москвѣ

С. № 4806 2-1

БРАТЯ ЭНГБЕРТСЪ и К^о.

Гостинный дворъ, № 146, 147 и 14
въ С.-Петербурѣ.

**СПЕЦИАЛЬНОСТЬ МУЖСКАГО И ДАМСКАГО БѢЛЫЯ.
ПОЛОТНО, БАТИСТЪ.**

СТОЛОВОЕ БѢЛЫЕ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ.
НОВОСТИ ШЕЛКОВЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ И БУМАЖНЫХЪ
ТКАНЕЙ.

Гг. иногороднымъ покупателямъ по
требованію высылаются преись-кура-
нты бесплатно. № 4884 2-1

ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

И № 4882
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МАСТЕРСКАЯ
И. И. ОРЛОВА
ПЕРЕВЕДЕННЫ
въ Аларчину мосту. Екатерининскій просп.,
д. № 77-22, кв. 3.

Главное депо часовъ Э. БУРХАРДТЪ, СШБ.,
Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
Часы никел. отъ 6 р. 50 до 15 р.
" стальной черн. отъ 11 до 25 р.
" серебряные отъ 12 до 50 р.
" золотые отъ 25 до 500 р.
" регуляторы двухдѣльных
завода отъ 17 до 85 р.
Высылаю наложен. платежемъ. Иллюстр.
№ 4887 преись-куранты безплатно. 4-2

САМОУЧИТЕЛИ И НОТЫ
для всѣхъ инструментовъ. 10-2
Народная школа д. гармоніи 7 кл., ц. 75 к.
Самочит. д. гармоніи 8 кл. и 10 кл. по 1 р.
Школа д. 2-рядн. гарм. въ 17, 19 и 21 кл., ц. 1 р.
Школа для 3-хъ-рядн. гармоніи, ц. 75 к.
Самочитель для скрипки, ц. 1 р. 50 к.
Любавинъ, Самоучитель д. гитары, 1, ц. 1 р.
и для всѣхъ прочихъ инструментовъ.
у КУЛИКОВА, Москва, Мансѣйка.

КОНЬКИ

въ богатомъ выборѣ всѣхъ конструкций
отъ 1 руб. до 15 руб.
Единственный спеціальный магазинъ въ
Россіи № 4855 2-2

А. БРАБЕЦЪ,
Большая Морская, № 40, въ СПБ.

СКРИПКИ.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.
Самыя лучшія и дешевыя въ настоя-
щее время, неподражаемы по тону и ка-
честву отъ 6-30 марокъ, знаменитыхъ
мастеровъ отъ 30-200 марокъ. Альты,
виолончели, басы. Смычки 1/2-50 мар.
Футляры 3 1/2-40 мар. Цитры 16-300
мар Гитары 6-50 мар. Превосход-
ная струны. Всѣ духовые инструменты.
Именная скрипка для утеня (собств. изоб-
рѣт.) Мастерская для починокъ. Ре-
комендаціи отъ Вилгальми, Саразана,
Сорз, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гаран-
тія. Преись-куранты безплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ.
Ц № 4787 Крейцнахъ. 9-4

Новый историческій романъ изъ времент
Пугачевского бунта

Гр. Е. А. САЛІАСА

будетъ печататься съ будущаго года въ
ежедневной газетѣ 2-1

"НОВОСТИ ДНЯ".
Москва, Мясницкая, д. Сытовъхъ.

Годовая иногородная подписка 9 руб.
полугодовая 5 руб. 50 коп. и для годо-
выхъ подписчиковъ допускается расроч-
ка въ три срока по

3 руб. сер.

для чистки зубовъ.
EAU DE ВОТОН
(ВОДА БОТО) Рт. № 4314 14-13

Главный складъ: 17, Rue de la Paix, PARIS.
Прешній адресъ: 229, Rue Saint-Honoré.
Продается во всѣхъ москательныхъ лавкахъ и
у всѣхъ парфюмеровъ.
Требов. также Туалетный Уксусъ Бото высш.
качества въ отношеніи тонкости запаха.
Представитель для всей Россіи Н. Л. Натанъ,
Платъевскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ П. П. ГНѢДИЧА.

Два тома. Цѣна каждому 1 рубль. М. № 4893

ЭЛЕОПАТЬ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопать Кинунена нахо-
дится для продажи во всѣхъ большихъ
Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна фла-
кону, содержащему 120 граммовъ, 1 р.
50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непременно обращать вниманіе
на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-
кона,—пров. Кинуненъ. (49) № 4287

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ“

Съ разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ газета наша съ 9 ноября выходитъ подъ названіемъ „РУССКАЯ ЖИЗНЬ“; этимъ названіемъ и исчерпываются главнѣйшія наши задачи. Сложный, живой организмъ, какова стомилліонная не одноплеменная, не вполне сплотившаяся семья, не допускаетъ и мысли объ односторонности направленія газеты или возможности исключительнаго служенія какой-либо, застывшей въ своихъ формахъ, доктринѣ, и на вопросъ, кто мы: прогрессисты или ретрограды, либералы или консерваторы, славянофилы или западники, протекционисты или фритредеры? словомъ, на вопросъ: изъ какого мы лагера?—отвѣтимъ такъ: мы изъ того лагера, имя которому „народъ“, установившій Русское Самодержавное Государство и исповѣдующій православную вѣру, а потому пойдемъ по пути, на который насъ будутъ направлять благо и интересы Русской Православной Церкви, Русскаго Самодержавнаго Государства и неразрывно связаннныя съ ними интересы и благо Великаго Русскаго Народа. Что касается другихъ, не православныхъ народностей, населяющихъ русскую землю, то руководимые и по отношенію къ нимъ Христовою заповѣдью любви, будемъ лишь твердо стоять на стражѣ интересовъ Православной Руси, на огражденіи ея отъ какого-бы то ни было и чего бы то ни было посягательства.

Вотъ наше знамя, а вотъ и средства служенія ему. Въ каждомъ номерѣ „РУССКОЙ ЖИЗНИ“ читатели найдутъ послынное выполненіе всей той обширной „программы“, которую наша безцензурная газета располагаетъ, при чемъ особенное вниманіе будетъ обращено на такъ называемый „внутренній отдѣлъ“ и корреспонденціи. Что касается беллетристическаго отдѣла, то, кромѣ дѣлаго ряда повѣстей, очерковъ и разсказовъ изъ русской жизни, начнется печатаніемъ съ 1891 года романъ подъ заглавіемъ

„ЧЕРНОЗЕМЪ“

принадлежащій перу вѣщесной писательницы, прославившейся въ Европейской литературѣ подъ псевдонимомъ „Карменъ Сильва“. Это нигдѣ еще не напечатанное новое произведеніе своего художественнаго таланта вѣщесной авторъ предоставилъ въ исключительное распоряженіе нашей газеты.

Отъ извѣстной писательницы А. Я. Панаевой-Головачевой (Станицкіи) редакція имѣетъ въ своемъ распоряженіи

„Воспоминанія о домашней жизни Н. А. Некрасова“, „ПОВѢТРИЕ НА САМОУБИЙСТВА“

разсказъ, и др. повѣсти и разсказы.

Извѣстный путешественникъ д-ръ Елисеѣвъ предоставилъ въ наше распоряженіе два новыхъ своихъ труда, которые и начнутся печатаніемъ въ скоромъ времени, подъ заглавіемъ

1) „ВЪ СТРАНѢ СОЛНЦА“ 2) „РОССІЯ И ВОСТОКЪ“.

Далѣе, начатыя печатаніемъ въ первыхъ номерахъ:

„ВОСПОМИНАНІЯ“ В. А. Панаева,

„НАША ДЕРЕВНЯ“ Д. А. ЛИНЕВА,

будутъ печататься въ теченіе и всего 1891 года,

а равно „РОДНЫЯ КАРТИНКИ“ А. А. Титова,

и наши „ПИСЬМА О МОСКВѢ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	на 1 м.	на 3 м.	на 6 м.	на годъ
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Безъ доставки	80	2 —	3 75	6 50
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ	90	2 60	4 75	8 —
Съ пересылкой во всея города Россіи	1 —	3 —	5 —	9 —

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ.

Гр. годовымъ подписчикамъ 1891 года, подписавшимся въ ноябрѣ и декабрѣ текущаго года, газета наша будетъ высылаться съ № 1-го до 1 января бесплатно. Духовенство пользуется 10%о уступкой.

Редакція и Контора въ С.-Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ домъ № 65.

Издатель А. ПОРОХОВЩИКОВЪ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 60 к.

№ 4792 6—5
Объявленія по 10 к. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Сиворцовъ. Преображенская, 4. 12 кн. разсказовъ и очерковъ. Издатель А. А. Греве.

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE

AUTOUSEES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Point général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Товарищество Промышленниковъ сарпинскихъ издѣлій въ САРАТОВѢ.

Сезонъ 1891 года. Ц. № 4798 6—4

САРПИИКА

ручнаго ткачества, собственной выработки самыхъ новѣйш. и изящн. рисунковъ. Продажа оптомъ и въ розницу, пересылка во всея города Россіи. Образцы сарпиновъ высылаются съ 15-го ноября с. г. въ альбомѣ за 42 к. Цѣны и условия по альбому (переписка на русскомъ языкѣ).

НЕВОХОДИМО

для всякаго имѣющаго занятіе на открытомъ воздухѣ, какъ-то: для гг. военныхъ, инженеръ, охотникъ, золотопромышленн. и служащ. на жек. дор.

ВЯЗАНАЯ КУРТКА

изъ англійской крученой шерсти. Цѣна 6, 7, 8, 9 и 10 руб., съ шелков. рукавами 16 и 18 р., съ пересылкою повсемѣстно 1 р. дороже. Цвѣта коричневыя, кубовыя, черныя, сѣрыя и бордо. При пересылкѣ необходима мѣра вокругъ талии. Мт. № 4892

Магазинъ Ю. ГОТЛИБЪ, СПБ. по Владимирской, д. 2, уг. Невскаго пр.

НОВОСТЫ!
ПІАНО-МЕЛОДИКО

новѣйшій и лучшій механическій инструментъ со струнами.

Цѣна 80 рублей. Ц. № 4733 (6)

или отдѣльно по 70 коп. за 1 метръ (= 1 1/2 арш.).
Требуйте подробное описаніе и каталогъ нотъ.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

механическій инструментъ съ голосами. Цѣна 70 руб. съ 10-ю пьесами.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка.
Иллюстрированн. прейсъ-курантъ всемъ музыкальнымъ инструментамъ бесплатно.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ

въ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г.

Основный и запасные капиталы 12.000,000 руб.

Общество заключаетъ на выгодныхъ условіяхъ и по умереннымъ преміямъ страхованія:

Капиталовъ на случай смерти,
Вдовьихъ пенсій,
Капиталовъ на старость,
Пенсій на старость,
Приданого для дѣвушекъ,
Стипендій для мальчиковъ,
Пожизненныхъ доходовъ.

№ 4782 4—4

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.
Къ 1 января 1890 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 22,300 лицъ на капиталъ въ 62.000,085 руб.
Дивидендъ страхователей въ 1890 г. составляетъ 12%о.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и въ Агентствахъ Общества во всехъ городахъ Имперіи.

Развитие газ. „Нов. Дня“ всегда шло рука об руку съ возрастающим успехом газеты. За последнее время въ этомъ смыслѣ сдѣлано весьма много. Въ общемъ, всесторонняя полнота содержания и богатство беллетристическаго материала, помещаемаго въ „Новостяхъ Дня“, дѣлаютъ газету одинаково интересной, какъ для столичныхъ, такъ и для провинціальныхъ читателей. Въ настоящее время редакція, кромѣ того, озаботилась приглашеніемъ специальныхъ корреспондентовъ въ Петербургъ и большинствѣ провинціальныхъ городовъ, съ цѣлью датч читателямъ своевременныя и полныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ фактахъ законодательной хроники и общественной жизни. Съ этою же цѣлью редакція, въ дополненіе къ телеграммамъ „Съверн. телеграф. агентства“, организовала отдѣлъ собственныхъ телегр. сообщений.

За истекшее время помещено множество портретовъ Высочайшихъ Особъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, писателей, композиторовъ и музыкантовъ, ученыхъ, артистовъ и проч. Между прочимъ, изъ беллетристическихъ произведеній помещены слѣдующіе романы, повѣсти и рассказы:

Драма на охотѣ (А. Чезонте). Нинифоръ Геркулесовъ и Вѣрныи способъ (И. Невъжина). Безприданница и Дама самъ-третей (кн. С. В. Голицына). Въ лунную ночь (И. Н. Ге). Первый урокъ (И. Н. Лодыженскаго). На литературныхъ хлѣбахъ (Вл. Ив. Немировича-Данченка). Отецъ (К. В. Наваррской). Въ заколдованномъ кругу (Е. О. Дубровиной). Ирина Налугина (А. И. Лемана) и мн. другихъ. Изъ переводныхъ: Сафо Альфонса Додэ. Прелести жизни Эмиля Зола. Фальшивый монетчикъ А. Дюма. Изъ она въ окно Захеръ Махова. Дѣло

Открыта подписка на 1891 годъ
НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

НОВОСТИ ДНЯ

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

IX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Годовая иногородная подписка въ три срока по

3 рубля.

Ц. № 4776 5—4

Греллу, ром. Поля Бурже и мн. др.; въ 1891 году также будутъ помещены беллетристическія произведенія извѣстныхъ писателей: историческая повѣсть Е. А. Саласа, повѣсть Диллетанты Ва. Ив. Немировича-Данченка, повѣсть Страховая премія П. М. Невъжина, очеркъ Въ храмѣ Мельпомены И. Н. Ге, романъ Любить-жалеть Е. О. Дубровиной, романъ Тузь червей К. В. Наваррской, повѣсть Счастье Н. О. Ракианина, повѣсть Преступленіе Н. А. Хлопова, повѣсть Въ гѣни замоскворѣцкихъ садовъ А. М. Назаркина, историческая повѣсть Елена Глинская Д. С. Дмитриева и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12	6	1
	мѣс.	мѣс.	мѣс.
Съ дост. въ Моск.	8	5	1
перес. въ город.	9	5	1
за гран.	13	7	1
	60	160	

Для иногородныхъ годовыхъ допускается разсрочка по 3 руб. въ три срока: при подпискѣ, второй—къ 1 апрѣля и послѣдній—къ 1 юня.

Объявленія—25 к. за строку на первой стран. и 12 к. на послѣдн.; стороннія сообщенія въ концѣ текста газеты—50 к. строкъ. Къ свободной публикующимся: „НОВОСТИ ДНЯ“ не берутся въ большомъ количествѣ экземп., причемъ кругъ читателей постепенно расширяется. Публикація, которая вообще есть дешавель торговли, владѣть достижаетъ, такимъ образомъ, своей цѣли, такъ какъ она навиваетъ на себя вниманіе большаго контингента читателей изъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ГАЗЕТЫ
„НОВОСТИ ДНЯ“
Москва, Мясницкая, д. Сытовскихъ.

РУССКІЙ КУРЬЕРЪ

(ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ)
ПОСЛѢ ПРИОСТАНОВКИ

ВНОВЬ БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ
съ 1-го января 1891 года
по прежней программѣ и подъ прежней редакціей.

Въ Москвѣ на 1891 г.	На города на 1891 г.
На 12 мѣс. 9 р. — к.	На 12 мѣс. 10 р. — к.
11 8 50	11 9 30
10 8 —	10 8 50
9 7 40	9 8 —
8 6 70	8 7 20
7 5 90	7 6 50
6 5 —	6 6 —
5 4 60	5 5 5
4 3 70	4 4 3
3 2 75	3 3 2
2 1 10	2 2 1
1 1 —	1 1 25

За границу плата двойная. Подписка съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не далѣе конца года. За перемѣну адреса 30 к., а городского на иногородній доплачивается разсрочка въ цѣнѣ. Подписка принимается при конторѣ изданія и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Гр. новымъ годовымъ подписчикамъ, не читавшимъ помѣщенного въ „РУССКОМЪ КУРЬЕРѢ“ романа: „ТАЙНА ГАНСОНЪ КЕВА“ будетъ оный выданъ ВЪ ВИДѢ ПРЕМИИ. Романъ этотъ разошелся въ Англіи въ 300,000 экземплярныхъ и имѣлъ среди подписчиковъ и читателей „РУССКАГО КУРЬЕРА“ большой успѣхъ; онъ изданъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярныхъ.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА ИЗДАНІЯ: Москва, Москворѣцкій мостъ, домъ Н. П. Ланина. Редакция открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 1 до 3 часовъ дня. Контора изданія открыта въ будни—отъ 9 до 5 ч. веч., въ праздники—отъ 10 до 3 час. пополудни. Ц. № 4780 5—4
ТЕЛЕФОНЪ № 764.
Редакторъ-издатель Н. П. ЛАНИНЪ.

ДЕНТИНЪ В. ГЕННА
В. № 4731 24—6

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.
Цѣна 10 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главныи складъ у Василія Ауриха: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19.

М. № 4875 2—2

ШУТЦ

XIII годъ изданія. 1891 г. 52 №№ въ краскахъ.
Адресъ: С.П.Б. Троицкая 10. МОСКВА Контора Печковской.

съ доставкой въ губернской: 7 руб.
На 6 мѣсяцевъ 4 руб.
За границу . . . 10 руб.

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМИА для годовыхъ подписчиковъ
„День жизни петербургской красавицы“.
Роскошный альбомъ работы Н. А. БОГДАНОВА.

Гг. иногородн. подписчики благоволятъ проложить 60 коп. (можно почтовыми марками) за высылку преміи заказною посылкою.

1891 г. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 г.
ежемесячный толстый журналъ литературы, науки, искусства и общественной жизни (съ рисунками и картинками)

Съ перес. и дост. За полгода . . . 4 р.
за годъ 8 р. „три мѣсяца 2 р.“

„КОЛОСЬЯ“

Редакція: С.П.Б., Николаевская, 16.

Выходитъ ежемесячно, 1-го числа, книгами отъ 300—400 страницъ, вышшая въ себѣ произведенія наиболее извѣстныхъ литературныхъ дѣятелей.

ВЪ ПОРТФЕЛЬ РЕДАКЦІИ на 1891 г. имѣются слѣдующія произведенія: ОШИБКИ И ИСКУПЛЕНІЕ, больш. ориг. романъ изъ совр. жизни рус. общ. А. Каренина. ПРОЛОГЪ ПИКАНТНАГО РОМАНА, М. Н. Альбова. СО СТУПЕНЬКА НА СТУПЕНЬКУ, пов. изъ Московской жизни В. Попова. ЧЛЕНЪ РИОНДА НАРОДОВАГО, пов. изъ послѣдняго польскаго возстанія 1863 г., С. Литвина. ВАСЫКА ПАЛЕНЫЙ, больш. разск. изъ жизни горнораб. на Уралѣ, И. Святъ-го. СОПЕРНИЦЫ, истор. ром. врем. Екатерины II, по неизданнымъ запискамъ кн. Е. Р. Дашковой, Ни. Н. В. К.—а. ТРИ ДОРОГИ, пов. изъ воени. быта, М. Р. СТАРЫЕ СЧЕТЫ, разск. изъ еврейской жизни Шляревскаго. НЕЖИДАННАЯ ДОЛЯ, пов. изъ русск. провинц. жизни В. П. Березина. ХРИСТІАНСКІЙ РЫЦАРЬ, ист. ром. Т. ЕНА. ЗАГУБЛЕННАЯ, ром. изъ жизни петербург. большаго свѣта Гр. Е. Р.—цъ. ДЕНЬГИ (L'ARGENT), послѣдній романъ Э. Зола. ДУША, послѣдній романъ Ж. Оизъ. МАРИЯ-АННА, историч. разск. Захеръ-Махова, и мн. др. повѣстей, разсказовъ, драматическихъ произведеній и научныхъ статей.

Кромѣ того, гр. годовые подписчики получаютъ полное собраніе сочиненій М. Ю. ЛЕРМОНТОВА, съ портретами, біографіей, автографами и примѣчаніями, подъ ред. извѣстнаго бібліографа Д. П. Сильчскаго. № 4888

ВЪ КІЕВѢ, ВЪ РЕДАКЦІИ КІЕВСКАГО НАРОДНАГО КАЛЕНДАРЯ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, поступили въ продажу:

КІЕВСКІЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1891 годъ.

Годъ 28-й, со многими новыми статьями: историческими, статистическими, хозяйственными; по плодородству, хмѣледовству, пчеловодству, шелководству, птицеводству, рыболовству и друг. отраслямъ сельскаго хозяйства, а также по ответственности, кустарной промышленности съ объяснительными рисунками и съ необходимыми справочными свѣдѣніями. Цѣна 20 коп.; за пять экземплярныхъ одинъ рубль съ переселкою. Кіевскій Народный Календарь на плотной вилановой бумагѣ 50 коп. въ переплетѣ, съ переселкою одинъ рубль.

РУКОВОДСТВО КЪ РАЗУМНОМУ ПЧЕЛОВОДСТВУ, съ изложеніемъ подробныхъ свѣдѣній: 1) о прирѣдѣ пчелы со многими рисунками, 2) о располѣдѣ пчелъ и ихъ роеніи, 3) о болѣзняхъ и врагахъ пчелы, 4) о медоносныхъ растеніяхъ и о вѣзлѣхъ, 5) устройство дешавельныхъ и простыхъ ульевъ досчатыхъ, соломенныхъ и изъ тонкой доски, футурованныхъ соломою; 6) хозяйство въ раченныхъ ульяхъ и объ уходѣ за пчелой по мѣсяцамъ года; 7) о продуктахъ пчеловодства: о добываніи меду посредствомъ медокачекъ, о добываніи воску и о воскопрессахъ для приготавленія искусственной воины и 8) о зимовкѣ пчелы въ естественномъ состояніи, на двѣри и въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Цѣна въ переплетѣ одинъ рубль съ переселкою. № 4887

ЛЕНИНГЕСЪ И МОЗИНЪ

имѣютъ честь сообщать, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2406

Артуръ Зейфартъ, Кестриць (Германія).

Награды, преміи, дипломы, медали съ выставокъ государственныхъ и частныхъ.

Значительнѣйшій заводъ породистыхъ собакъ

Рѣдчайшихъ современныхъ породъ, комнатныхъ, охотничьихъ и для всѣхъ видовъ спорта.

Спеціальности: Великорослыя горныя собаки, ньюфаундлендскія, мастифы, крупныя нѣмецкія доги, бульдоги, сторожевыя собаки, терьеры, пинчеры, пуделя, мопсы, ирисоловики, дамскія собачки, охотничьи собаки, лагавы, ищейки, тансы и проч.

Превосходные отзывы. — Учрежденіе рекомендуетъ самые крупнѣйшіе авторитеты кинологами, болѣе 10,000 благодарственныхъ писемъ. — Безплатная франкированная высылка каталога. — Иллюстрированный альбомъ 50 пфенниговъ. К. 4714

50 различныхъ породъ. — Вывозъ во всѣ части свѣта. — 50 различныхъ породъ.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ!
Только что вышел из печати **МУЗЫКАЛЬНЫЙ ДѢТСКИЙ САДЪ.**
Сборникъ 188 разн. пьесъ начинающа съ сам. легких до пьесъ средн. трудн. соч. Н. Рейнеке. 9 тетрадей, кажд. въ 2 руки по 1 р., въ 4 руки по 1 р. 50, или въ 3-хъ тома въ прекр. переплетѣ, кажд. въ 2 руки по 3 р., въ 4 руки по 4 р. 50 к. съ пересылкою. № 4890
Газета „Universum“ пишетъ: „Едва ли намъ известно подробное соч., которое могло бы служить такимъ вѣрнымъ руководителемъ къ труду и успѣху — какъ это“.
Имѣется у издателя
Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына и во всѣхъ муз. магазинахъ.

КАТАЛОГЪ
множ. фотографическихъ художественныхъ изданій высылается бесплатно.
П. Френцель, Амстердамъ (Голландія).

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСИЯ
косметика А. ЭНГЛУНДЪ.
При употребленіи березовой эмульсии, кожа лица дѣлается облюю. Ц. флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прому требовать: подписи А. Энгаундъ красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи. Ц. № 4477
Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейна, В. Безбардьева, Р. Келлеръ и К. О. Геллингъ, и во всѣхъ известныхъ аптекахъ и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главн. складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энгаундъ, Литейная, № 38.

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНАЛЪ
„АРГУСЪ“

ЕЖЕГОДН. ПОСТАВК. 20,000 шт. ЕВРОП. АРМІИЯМЪ.
БЕЗЪ ФИРМЫ ИМИТАЦІА.
Карм. форм. въ замшев. кошелк. 8 руб. пересылка за 3 ф.
Больш. форм. съ футляр и ремн. 9 руб. пересылка за 4 ф.
„Аргусъ“ имѣетъ превосходн. оптическ. качества и одинаково пригоденъ для военныхъ цѣлей, охоты, поля, моря и театра, а потому вполне заслуживаетъ названія „универсальнаго биноля“.
Театральн. биноли черн. отъ 5 до 10 р. изъ слон. кости отъ 14 до 24 р.
„ перламутр. отъ 15 до 60 р.
„ алюминіи отъ 20 до 45 р.
Миниатурн. Лилипутъ въ 5 и 8 р. 50 к.
Микроскопы въ 3 р. 50, 5, 6, 20, 26, 40, 50 р. и дороже. № 4895
СПЕЦІАЛЬН. ФАБРИКА ОПТИЧ. ИНСТРУМ. Е. КРАУСЪ И К°.
въ Парижѣ, Авен. d. l. Kérupin, 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ, Мойна, № 42 (у Полицейскаго м.).
Иллюстр. прейсъ-курантъ высыл. бесплатно.
См. объявл. въ „Нивѣ“ № 48.

НАСТОЯЩЕ ВЕЛОСИДЕЛЫ (Велотъ)

ПЕРВОЕ МѢСТО
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
С.-Петербургъ

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!
20 декабря выйдетъ и поступитъ въ продажу въ Монторѣ журнала „НИВА“ (СПБ., Невскій, 6)
ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ за 1890 г.
заключающій въ себѣ болѣе 1300 стран. разнообразнѣшаго текста и около 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, рассказъ А. Н. Майнова: „Маркъ Петровичъ Петровъ“, больш. историч. романъ въ 2-хъ т. Гр. Е. А. Салиаса: „Панъ круль“, больш. романъ въ 5 т. Вас. И. Немировича-Данченко: „Жизнь какъ она есть“, больш. ром. І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго): „Кладъ“, больш. историч. повѣсть А. А. Смирнова: „Склирена“, историч. пов. Г. Эберса: „Иисусъ“ (иллюстрир. худ. Земцовымъ), повѣсть М. Н. Волконскаго: „Судьба“, разск. А. Я. Максимова: „Попъ Симеонъ“, повѣсть Н. Морскаго (Н. К. Лебедева): „Моничка“, повѣсть В. Бибинова: „Первая гроза“, очеркъ Евг. Маркова: „Говѣніе“, разск. Ф. Ф. Тютчева: „Артемій Саватьевъ“, и много другихъ повѣстей и рассказовъ. Стихотворенія Я. П. Полонскаго, А. Фета, П. И. Вейнберга, І. І. Ясинскаго и др. Нѣсколько научно-популярныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія и пр. Кромѣ того, къ тому прилагаются три бесплатныхъ преміи, а именно: двѣ большія картины, печатанныя красками по оригиналамъ профессора И. И. Шишкина:
1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“, 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“ и 3) „СБОРНИКЪ ПОВѢСТЕЙ И РАССКАЗОВЪ“ известнѣшихъ современныхъ писателей. Большой томъ in 8, въ 541 стр. ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми приложениями:
Брошурован. 4 р. Въ колѣнк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ перес. иногородн. Съ перес. иногор. до 2000 верстъ 6 р. до 2000 верстъ . 7 р. 50 к.
Свыше 2000 верстъ за пересылку прилагается по разстоянію за 13 футовъ.

Къ свѣдѣнію гг. любителей ВЫПИЛКИ ПО ДЕРЕВУ.
Надняхъ опечатанъ и поступилъ въ продажу только что изданный конторою журнала „Нива“ **НОВЫЙ** (по счету ТРЕТІЙ) **„АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛКИ ПО ДЕРЕВУ“**, состоящій изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ множество превосходно выполненныхъ рисунковъ, разнообразнѣшихъ по величинѣ и стилю всевозможныхъ предметовъ, и около 100 русскихъ, славянскихъ и французскихъ бунтъ-монограммъ. Въ альбомѣ вошли исключительно **НОВЫЕ, НИГДѢ ЕЩЕ НЕ ПЕЧАТАВШИЕСЯ РИСУНКИ** художника **В. Н. КЛАГЕСА.**
Имъ же составленъ и помѣщенный въ альбомѣ объяснительный текстъ къ рисункамъ, служащій, вмѣстѣ съ тѣмъ, общепонятнымъ руководствомъ при выпилываніи, что особенно важно для начинающихъ.
Цѣна альбома въ изящной литографиров. обложкѣ 1 р. 25 н., а съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 60 н.
Съ требованіями обращаться въ Спб., въ контору журн. „Нива“, Невскій, 6.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО Золотая медаль Парижъ 1890 г.
подъ фирмою
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“
Измайловскій проспектъ, № 27.
ПРЕДЛАГАЕТСЯ:
ДУХИ
высшаго качества.
Персидская сирень, Бѣлый Гехиотропъ, Ландышъ, Лила Бланъ, Эсезъ-Буке и Эсезъ-Вioletъ, Иксора Брениа, Буке Императрисъ, Юней Клаубъ, Оппоноаксъ, Шамнака.
НЕЗАМѢНЯЕМЫЙ БУКЕТЪ (Bouquet Sans Pareil) — **БУКЕТЪ ГВОЗДЪ** (Bouquet Clou), духи составленные С.-Петербур. Химич. Лабор. имѣютъ приятный и долго сохраняющіеся запахъ.
При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку при семъ обозначенную и требовать точности фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“
Магазины въ С.-Петербургѣ:
1) Невскій проспектъ, № 32, домъ Католической церкви.
2) Невскій проспектъ, № 66, у Аничкина моста.
3) Вознесенскій проспектъ, № 24—52, домъ Шредера. (Оптовая и розничная продажа). Рт. № 4883
Фабричная марка. Магазины въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Третьяковскихъ.
СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть времени Екатерины II. Петрова и В. Е. Митичева. II. 1 р.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБИЙ И ИГРЪ.
Основана въ 1873 году.
◆ Четырнадцать наградъ на выставкахъ, изъ нихъ 12 медалей. ◆
Предлагаетъ большой и разнообразный выборъ подарковъ для дѣтей
НА ЕЛКУ.
◆ Справочный листъ съ рисун. высыл. за почтов. марк. на 5 коп.
◆ Каталогъ волшебн. фонарей и картинъ (съ 6,000 №№) высыл. за почт. м. на 28 к.
МНОГО НОВОСТЕЙ.
9, Троицкая ул., 9.

ПРОШУ ЧИТАТЬ!
Парфюмерный магазинъ Г. Попа въ Пассажѣ № 52, въ Спб. высылаетъ Элеопатъ провизора КИНУНЕНА 2 флакона за 4 р. с. налогомъ и платжомъ во всѣ города Россіи. И также изобрѣтенія всѣхъ парфюмеровъ.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ
ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ.
Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую упругую мягкость. Цена за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главный складъ: Спб., Демидовъ пер., д. № 1. (391) № 4278

ЧРЕЗВЫЧАЙНО КОМИЧЕСКІЕ ПРЕДМЕТЫ: 3—2
шутки, фотографіи. Илл. катал. 25 к.
Е. и А. Шлеффель, Амстердамъ, Вок. 509.

А. РАЛЛЕ И К°
1865
ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ
СПЕЦІАЛЬНОСТЬ НАСТОЯЩАГО ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
въ С ПЕТЕРБУРГѢ въ МОСКВѢ
МАГАЗИНЪ Невскій 18. МАГАЗИНЪ Кузнецкій м. д. Солодовникова.
СКЛАДЪ Чернышовъ ПЕРЕУЛОКЪ № 19. СКЛАДЪ Чижовъ-Подпор (Никольская)
и во всѣхъ лучшихъ МАГАЗИНАХЪ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывовъ отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 22 декабря 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1891 г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургѣ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской. Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу.	10 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	---------------------	-------

Подписчики „Нивы“ на 1891 г. получаютъ, кромѣ 52 номеровъ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала „Нива“ и кромѣ 12 номеровъ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ и 12 номеровъ РУКОДѢЛЬНЫХЪ и ВЫПИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ и выкроекъ и пр., еще **БЕЗПЛАТНО**

12

ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ

романовъ, повѣстей, рассказовъ и друг. занимательнаго и поучительнаго чтенія. Каждая книга объемомъ отъ 200 до 250 стр., въ форматѣ „Сборника“ разосланнаго при № 43 „Нивы“ на 1890 г. Въ трехъ изъ этихъ 12 книгъ будетъ заключаться

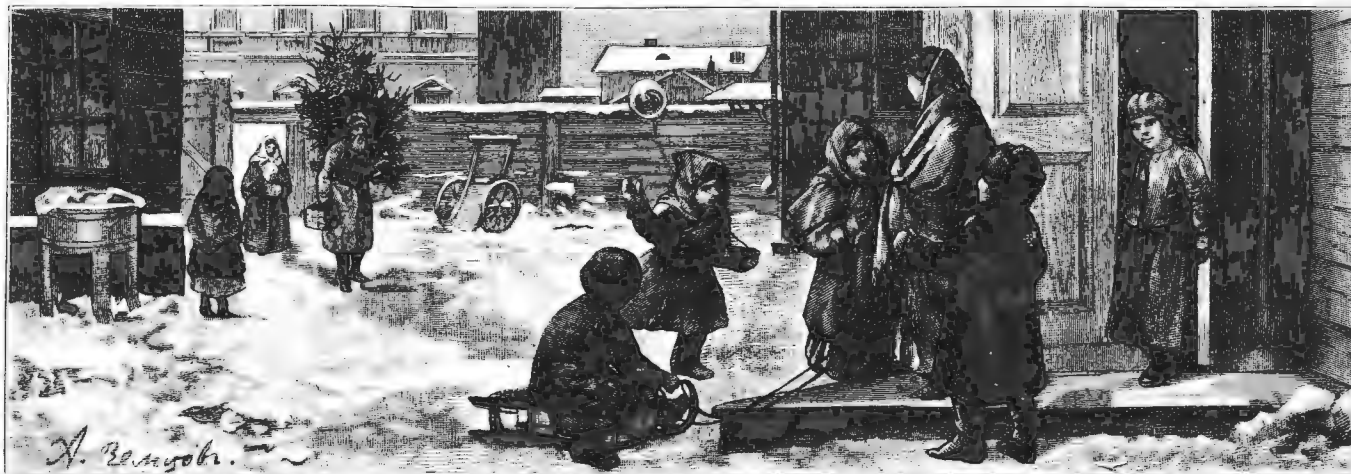
полное собраніе сочиненій

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ 3 томахъ, какъ самостоятельное изданіе, съ біографіею Лермонтова и его портрет., гравир. на стали. Кромѣ того подписч. „Нивы“ на 1891 г. получаютъ какъ главную художеств. премію съ даровою пересылкою

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10 АКВАРЕЛЯМИ

исполн. fac-simile въ краскахъ по картинамъ: Айвазовскаго, Александровскаго, Васильковскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Кившенка, Клевера, Премацци и Сверчкова, въ красивой картонной папкѣ, украшенной роскошнымъ заглавнымъ рисункомъ.

Несутъ елку. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ.

Три волхва.

(Изъ Лонгфелло).

Три мудреца изъ дальнихъ странъ Востока
Шли въ Виледемъ: Гаспаръ и Мельхиоръ
И Вальтасаръ. Ихъ путь лежалъ далеко,
И ко звѣздѣ, что въ небесахъ высоко
Сіяла имъ—прикованъ былъ ихъ взоръ.

И та звѣзда казалась такъ прекрасна,
Среди небесъ таинственно горя,
Что путникамъ тутъ сдѣлалось ясно:
Пророчества вѣщали не напрасно
И близокъ часъ рожденія Царя.

Три ларчика везли они съ собою
Изъ золота и съ золотымъ ключемъ,
Пурпурный шелкъ ихъ одѣвалъ волною,
Подъ бѣлою повязи ой головною
Ихъ взоръ горѣлъ восторженнымъ огнемъ.

„Гдѣ юный Царь и съ Матерью Своею?“
Такъ вопрошали старцы у людей:
„Его звѣзду увидѣвъ, мы за нею
Послѣдовать спѣшили въ Иудею
Дабы узрѣть Царя изъ всѣхъ царей“.

— „Не вѣдаемъ доселѣ мы такого“,
По всей землѣ звучало имъ въ отвѣтъ:
„Здѣсь Иродъ царь и нѣтъ царя инаго!“
И мудрецы впередъ спѣшили снова,
И молча тѣ глядѣли имъ во слѣдъ.

Но Иродъ самъ, о нихъ оповѣщенный,
Тутъ повелѣлъ волхвовъ къ себѣ привести
И молвилъ имъ съ тревогой затаенной:
„Идите въ градъ, гдѣ Царь новорожденный
И мнѣ о Немъ вы принесите вѣсть“.

Въ обычный путь они ночной порою
Пустились, и скоро имъ пришлось
Остановиться вмѣстѣ со звѣздою
Тамъ, гдѣ лежалъ, окутанъ легкой мглою,
Тотъ Виледемъ, гдѣ родился Христосъ.

Пройдя врата, пройдя рядъ улицъ длинный,
Гдѣ имъ никто не встрѣтился, они
Вошли на дворъ гостиницы старинной;
Тамъ было все безмолвно и пустынно,
Во хлѣбѣ лишь свѣтились огни...

И въ ясляхъ тамъ лежалъ подъ сѣнью крова
Убогаго, въ величїи Своемъ
Христосъ-Дитя, принесенъ людямъ снова
Прощенье, Онъ, что царства не земнаго—
Небеснаго—явился къ нимъ Царемъ!

И двѣ тутъ сидѣла Пресвятая.
Надъ Господомъ склонилася она,
Младенца ликъ съ любовью созерцая,
Въ душѣ то скорбь, то радость ощущая
И тайнаго предчувствїя полна...

И пали ницъ волхвы въ благоговѣнїи...
Ихъ ладанъ въ даръ назначенъ былъ Христу,
Ихъ золото—Царю для приношенья,
А смирна ихъ—Тому на погребенье,
Кто обреченъ идти былъ ко Кресту.

И радостью объаты благодатной,
Пришельцы въ край направились родной;
Но къ Ироду не заходя обратно,
Томимому тревогой непонятной—
Инымъ путемъ вернулись домой.

1890 г.

О. Чумина.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

XX.

Между тѣмъ покуда Заремба занимался погребеніемъ убитыхъ, а панъ Сандецкій принималъ гонимыхъ и отвѣчалъ, Кароль, казалось, давно забылъ о битвѣ и побѣдѣ и былъ поглощенъ совершенно иными мыслями.

У него изъ головы не выходило, что въ башнѣ замка появился самъ сатана въ лицѣ молоденькой коварной женщины.

Кароль, не смотря на усталость, всю первую ночь послѣ битвы не смыкалъ глазъ и все думалъ объ одномъ и томъ-же... думалъ о своемъ сыновнемъ долгѣ—спасти отца отъ змѣи.

Кароль угадалъ вѣрно, разсуждая, что, если Франуся съумѣла послѣ своего возмутительнаго поступка снова примириться съ Сандецкимъ, съумѣла добиться позволенія тайно остаться въ замкѣ около его горницъ, то главный шагъ сдѣланъ. Самое трудное ею совершено искусно и удачно. Остальное уже будетъ гораздо проще.

По мнѣнію Кароля, отцу трудно было при его гордости простить эту женщину, которая насмѣялась надъ нимъ и сдѣлала его посмѣшищемъ въ столицѣ. Но коль скоро страсть сильнѣе говоритъ въ немъ, нежели это казалось, то простивши Франусю, онъ, конечно, не остановится на этомъ и какъ только явится возможность, женится на ней.

А что-же будетъ затѣмъ? Такая коварная женщина, безсердечная и легкомысленная, что внесетъ въ домъ?..

Будетъ-ли отецъ счастливъ съ нею? Конечно, нѣтъ!.. Будучи подъ ея вліяніемъ, онъ будетъ исполнять всѣ ея прихоти и, конечно, будущая пани Сандецкая не захочетъ оставаться въ Сталупеняхъ, а захочетъ блистать и срамить отца въ Варшавѣ.

Кромѣ того, появленіе Франуси измѣняло положеніе дѣлъ. Сандецкій рѣшился на свою полнотку, полусерьезное дѣло—объявить себя независимымъ королемъ—ради того чтобы смыть съ себя позоръ, причиненный Франусей. Теперь, когда она снова съ нимъ и когда онъ простилъ ее, его затѣя рушится сама собой. Король Янъ пожелаетъ снова сдѣлаться пайомъ Ксаверіемъ Сандецкимъ и мирно зажить подданнымъ своего настоящаго короля. Конечно, подданнымъ Фридриха, а не короля—личнаго врага.

Кароль, разсуждая, чувствовалъ, что у него голова идетъ кругомъ. Мысли путались... Единственное, что ясно представлялось его разуму, былъ его долгъ спасти отца отъ безвѣрственной женщины.

Какъ прямодушно уступилъ онъ когда-то свою возлюбленную отцу, точно такъ-же прямодушно рѣшилъ онъ теперь отомстить коварной женщинѣ за отца.

— Но какъ и что дѣлать? спрашивалъ онъ самъ себя.

Прошло два дня, и Кароль, ни на минуту не перестававшій думать о томъ, что ему дѣлать, наконецъ рѣшился.

„Это ужасное дѣло...“ думалъ и шепталъ онъ наединѣ. „Никогда я не полагалъ, что буду когда-либо спо-

собешъ на подобное, но жизнь идетъ своимъ чередомъ и заставляеть человѣка мѣняться“.

Поздно вечеромъ молодой человѣкъ вышелъ изъ замка и направился на село. Онъ шелъ къ старику Казиміру, какъ къ самому умному крестьянину, по вмѣстѣ съ тѣмъ къ человѣку, на котораго могъ вполне положиться.

Старикъ встрѣтилъ пана Кароля и обрадовался. Онъ давно не видалъ его, давно не говорилъ съ нимъ. За все это время ему удалось только разъ видѣть Кароля вдали верхомъ на конѣ.

— Я къ тебѣ, Казиміръ, сказалъ Кароль, — съ самымъ важнымъ дѣломъ... Прошу твоей помощи.

— На все готовъ, пане! Всячески готовъ служить...

— Скажи мнѣ прежде всего, очень-ли ты дрихлъ? Способенъ-ли ты еще двигаться? А если не способенъ, то, не можешь-ли мнѣ найти человѣка, на котораго я могъ-бы положиться такъ-же, какъ и на тебя.

Казиміръ сознался, что онъ, дѣйствительно, еле ноги таскаетъ, но если пану нуженъ вѣрный человѣкъ, молодой и сильный, чтобы стать хотя-бы въ ряды сталупеньчиковъ, то онъ можетъ ему предложить своего племянника Стася.

— Но могу-ли я положиться на него?

— Такъ-же, какъ и на меня, пане...

— А знаешь-ли ты, Казиміръ, въ чемъ дѣло? Какое порученіе я долженъ дать? Я долженъ поручить ему не болѣе, не менѣе, какъ смертоубійство.

— Помилуй Богъ, пане! воскликнулъ Казиміръ.

— Да, это ужасно... Но когда я расскажу тебѣ все, то ты будешь готовъ хоть самъ идти мнѣ помогать. Слушай!..

И Кароль передалъ старику подробно все. Дѣло шло, конечно, о Франусѣ.

Выслушавъ рассказъ Кароля, Казиміръ выговорилъ глухо:

— Да, грѣхъ великій убить человѣка. Но такую подлую тварь надо убить!.. Я почти сожалею, что не могу самъ идти къ пану въ помощники. Стереть съ лица земли такую гадину, право, не грѣхъ. Во всякомъ случаѣ, я дамъ знать племяннику, и въ эту-же ночь, или завтра утромъ онъ будетъ у пана. А на Стася, повторю, можно положиться такъ-же, какъ и на меня...

Кароль разстался со старикомъ, снова провелъ безсонную ночь, волнуясь отъ того дѣла, на которое рѣшался.

Рано утромъ къ нему явился молодой красивый малый, высокій и по виду силачъ.

Кароль грустно усмѣхнулся. Судьба помогала ему... Для всякаго убійства нужно сильнаго человѣка.

— Знаешь-ли ты, Стась, зачѣмъ ты приходишь ко мнѣ?

— Знаю и не знаю, пане! отвѣчалъ молодой малый. — Дядя сказалъ мнѣ только, что я нуженъ пану на грѣшное дѣло, но сказалъ, что когда мнѣ это дѣло разъяснятъ, то я на этотъ грѣхъ пойду.

Стась остался на цѣлый день въ горницахъ Кароля. И все ему было разъяснено... И все было рѣшено.

Кароль, обдумавшій дѣло со всѣхъ сторонъ, понялъ, что Франуся находится около уборной отна, и, очевидно, поселилась въ той горницѣ, выходящей въ башню, въ которой Кароль былъ не болѣе трехъ разъ за всю свою жизнь.

Въ ней, по сказанію старожиловъ, во времена оны хранилось у каштеляновъ Сталупеньскихъ оружіе. Не было никакого сомнѣнія, что Сандецкій помѣстилъ Франусю именно въ этой горницѣ.

Кароль, передавая Стасю свой планъ, снова началъ страшно волноваться. Даже голосъ его дрожалъ.

Когда Кароль думалъ, что ему надобно взять на свою душу тяжкій грѣхъ смертоубійства женщины, рѣшимость покидала его. Но затѣмъ, вспомнивъ всѣ обстоятельства дѣла, онъ старался убѣдить себя, что онъ въ

положеніи самообороны, или вѣрнѣе обороны отна отъ позора. Онъ спасаетъ его на всю жизнь отъ такой личности, которая кромѣ несчастія и горя ничего въ семью не внесетъ.

Планъ Кароля былъ очень простъ. Надо было ночью подняться на башню по крутой винтовой лѣстницѣ, не имѣвшей никакого сообщения съ горницами. Двери съ этой лѣстницы были задрѣланы во всѣхъ этажахъ.

Но затѣмъ онъ придумалъ, какимъ образомъ проникнуть въ маленькую комнатку, гдѣ, очевидно, жила Франуся. Это было возможно только при помощи веревочной лѣстницы спущенной съ башни къ окну.

Найдя Франусю въ постели, надо было просто выбросить ее въ то же окно. Высота, на которой находилось окошко, была настолько велика, что женщина, упавшая внизъ на каменные плиты, конечно, должна быть убита.

Зарѣзать Франусю, въ ея комнатѣ, Кароль не рѣшался. Онъ хотѣлъ, чтобы панъ Ксаверій остался въ убѣжденіи, что Франуся сама почему-либо рѣшилась на самоубійство.

Въ полночь, объяснивъ все подробно Стасю, Кароль, сильно взволнованный, двинулся съ нимъ къ башнѣ и поднялся по крутой лѣстницѣ.

Оба, тихо и осторожно поднявшись, вышли на площадку башни, гдѣ на высокомъ шестѣ развѣвалась флагъ. Здѣсь укрѣпили они край веревочной лѣстницы, которую принесли съ собой. Другой конецъ былъ спущенъ по направленію къ окошку, которое было аршина на три ниже площадки.

— А если, пане, окно заперто? тихо замѣтилъ Стась.

— Я объ этомъ сто разъ думалъ, отозвался Кароль. — На такой высотѣ врядъ-ли окошко запирается... Притворено оно можетъ быть, и ты долженъ его только толкнуть, чтобы оно растворилось. Если-же рама не подается, то вернись назадъ, и мы отложимъ дѣло до той ночи, когда оно будетъ отворено.

Когда веревочная лѣстница была совершенно прикручена, и Стась собрался лѣзть по ней, Кароль остановилъ его.

— Послѣдній разъ говорю тебѣ, помни одно... Все дѣло зависитъ отъ твоего мужества и отъ быстроты... Какъ войдешь въ комнату, найденъ кровать, сию-же секунду хватай ее поперегъ тѣла и выкидывай въ окно.

Молодой малый ничего не отвѣтилъ и сталъ спускаться.

Ночь была настолько темна, что когда Стась спустился и былъ наравнѣ съ окномъ, Кароль могъ едва видѣть его фигуру. Смотри съ башни, онъ однако могъ разглядѣть какое-то темное пятно, которое колыхалось въ воздухѣ и затѣмъ исчезло. Веревки лѣстницы, на которыя оперся Кароль, были туго натянуты и вдругъ ослабли. Очевидно, что Стась уже влѣзъ въ окно.

Кароль тяжело вздохнулъ. Сердце замерло въ немъ, и онъ проговорилъ, поднимая глаза на темное ночное небо:

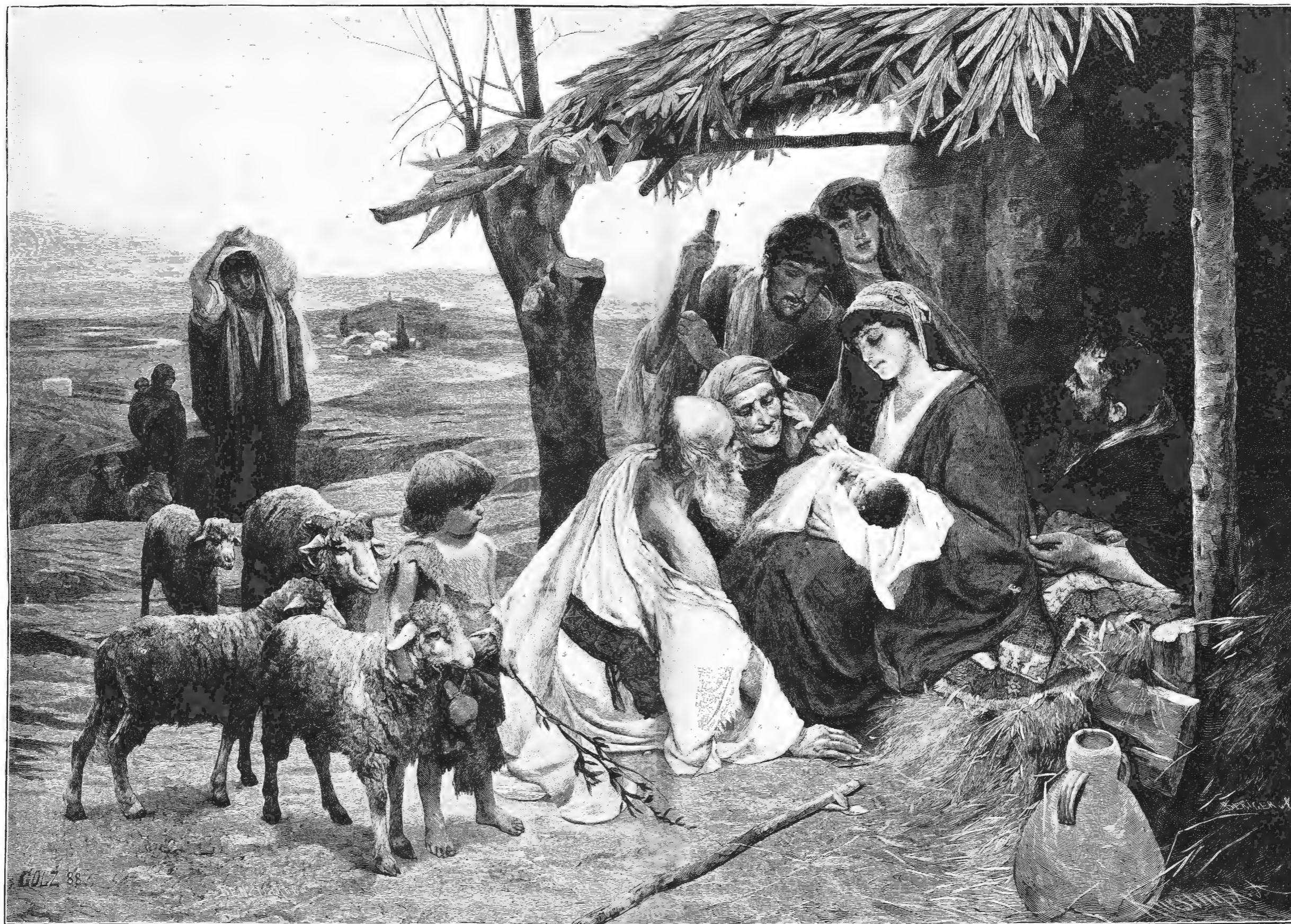
— Помилуй и прости, Господи! Совѣтъ моя покойна... Ты видишь, зачѣмъ я поступаю такъ... Я не злодѣй, я хочу не зла, а блага тому человѣку, который могъ бросить меня безъ призора, а поступилъ совершенно иначе: пріютилъ, воспиталъ, любилъ.

Не прошло полуминуты — Кароль услышалъ какъ-бы задуманный крикъ и затѣмъ что-то темное мелькнуло въ томъ мѣстѣ, гдѣ исчезъ Стась. Но оно только мелькнуло! Черезъ мгновение послышался вдалекѣ, внизу, страшный звукъ, похожій на паденіе мокрой простыни на полъ.

Черезъ минуту, по той-же лѣстницѣ, вернулся на башню Стась. Онъ задыхался, какъ если-бы пробѣжалъ нѣсколько верстъ.

Кароль ничего не спрашивалъ. Видно было по этой фигурѣ, что все сдѣлано.

Наконецъ малый заговорилъ и произнесъ сдавленнымъ голосомъ:

Утро Рождества Христова. Съ карт. Гольца, грав. Кнезингъ.

— Все... какъ нужно... Конечъ... Не успѣла и крикнуть...

Они быстро отвязали лѣстницу и почти бѣгомъ спустились съ башни во дворъ.

Съ трепетомъ и дрожью въ тѣлѣ обошелъ Кароль башню, чтобы узнать въ какомъ положеніи находится выкинутая изъ окна. Среди темноты онъ увидѣлъ на каменныхъ плитахъ полуодѣтую женщину.

Кароль хотѣлъ нагнуться надъ ней, чтобы убѣдиться, дышетъ-ли она, но не имѣлъ силы.

— Посмотри!.. обратился онъ къ Стасю.— Убита-ли?

Малый опустился на колѣни, присмотрѣлся, прислушался и отозвался взволнованно:

— Не дышетъ... Голова разбита...

Кароль перекрестился, потомъ опустился на колѣни около лежащаго тѣла, нагнулся и приглядѣлся къ лицу. Не смотря на тьму, онъ увидалъ знакомый обликъ. Чертъ лица было не видно, но кудрявая голова, абрисъ лица, размѣръ туловища—все сказало Каролу, что здѣсь лежитъ коварная женщина, покончившая расчеты съ жизнью.

XXI.

На разсвѣтѣ кто-то изъ домовниковъ, вставъ раньше другихъ, увидѣлъ у самой башни женщину, лежавшую въ одной сорочкѣ. По странному положенію тѣла было очевидно, что она бросилась съ башни. Голова была разбита.

Въ замкѣ поднялась тревога. Никто не понималъ, откуда могла взяться женщина подъ стѣной башни.

Разумѣется, прежде всего явились сообщить объ этомъ событіи Каролу. Ему слѣдовало тотчасъ-же идти на мѣсто, а между тѣмъ рѣшимости у него не хватало. Онъ боялся стать при всѣхъ лицомъ къ лицу съ убитой имъ. Ему было легче теперь встрѣтиться съ отцомъ, нежели стоять надъ ученой тѣлой при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ.

Кароль отозвался, что онъ идетъ довести до свѣдѣнія отца объ этомъ приключеніи, и поднялся въ горницы Сандецкаго. Конечно, онъ ожидалъ увидѣть человека потерявшагося съ отчаянія и горя. При первомъ же извѣстии о женщинѣ, лежащей подъ башней, Сандецкій догадается, бросится въ горницы и не найдетъ тамъ своей возлюбленной.

Когда Кароль постучался въ дверь первой комнаты отца, никто не отозвался. Онъ сталъ стучать громче и наконецъ за дверью раздался голосъ Сандецкаго:

— Чтò тамъ?

— Важное дѣло, батюшка...

Дверь растворилась и Сандецкій, вышедшій прямо изъ постели, удивленно встрѣтилъ сына. Кароль объяснилъ въ чемъ дѣло, и сердце дрожало въ немъ отъ того, что онъ ожидалъ увидѣть.

Сандецкій при извѣстии ахнулъ, но не двинулся; стоялъ передъ Каролемъ задумчивый и затѣмъ проговорилъ:

— Вотъ что, милый... Ступай, прикажи поднять ее и похоронить, какъ слѣдуетъ по обряду церкви. Нѣту доказательствъ, что это—самоубійца... Могла упасть съ башни. Если будутъ тебя спрашивать, какъ женщина эта могла попасть на башню, то объясни просто: дверка всегда была расперта внизу; вѣдь ходила же прислуга поправлять флагъ, когда его завертывало вѣтромъ... Ну, вотъ какая-нибудь женщина забрела и оттуда бросилась. Одно только страннымъ покажется всѣмъ, что этой самоубійцы никто никогда въ Сталупеняхъ не видѣлъ. Ну, да чтò же дѣлать?

Кароль былъ пораженъ всѣмъ, чтò слышалъ, ничего не понималъ, но смутно догадывался, что произошло нѣчто ужасное. Едва дослушавъ то, что спокойно говорилъ Сандецкій, Кароль бросился внизъ, стремглавъ пробѣжалъ парадную лѣстницу, дворъ, бросился къ башнѣ, гдѣ толпился народъ, и почти какъ безумный подбѣжалъ къ лежащему тѣлу.

Здѣсь онъ замеръ на мѣстѣ и не только не вскрикнулъ отъ того чтò увидѣлъ, но очмѣлъ и стоялъ истуканомъ.

На плитахъ лежала женщина, но не Франуся. Липо мертвой, все изрытое оспой, представляло только какое-то подобіе лица Франуси.

Очнувшись отъ удара, Кароль закрылъ лицо руками и тихо прошепталъ:

„Перстъ Божій!.. Не судьба... Человѣкъ не можетъ рѣшать судебъ Божьихъ... Но кто же она?“

Въ кучѣ народа, толпившагося вокругъ убитой, были, разумѣется, тѣ же толки. Всѣ задавались однимъ и тѣмъ-же вопросомъ:

— Кто эта женщина съ изуродованнымъ лицомъ, которую никто никогда не видалъ въ Сталупеняхъ и которая очевидно явилась сюда, чтобы покончить съ собой? Вѣдь могла же незнакомка гдѣ-либо утопиться, или повѣситься? А она предпочла взобраться на башню замка, чтобы прыгнуть оттуда.

Суевѣрные католики рѣшили единогласно, что приключеніе это—самое дурное для Сталупеней предзнаменованіе. Мертвецъ загадочный, невѣдомый никому, вдобавокъ съ лицомъ, на которомъ не было никакого подобія человѣческаго—все это напугало ихъ.

Тѣло подняли и отнесли. Черезъ часъ оно было уже въ гробу и въ костелѣ. Во всемъ замкѣ и на селѣ только и было толку, что о невѣдомой самоубійцѣ.

Между тѣмъ въ угловой комнатѣ, примыкавшей къ башнѣ, сидѣла Франуся и горько плакала. Сандецкій былъ около нея и утѣшалъ ее на всѣ лады.

Франуся, увѣдомленная Сандецкимъ о томъ, чтò случилось, конечно, тотчасъ же бросилась въ горницу, которую уступила сестрѣ, и не нашла ее тамъ. Теперь она не могла понять, почему сестра рѣшилась вдругъ на самоубійство, ни слова не сказавъ ей наканунѣ.

Явившись въ замокъ точно такимъ же способомъ, какъ и Франуся, въ мужскомъ костюмѣ и въ качествѣ посла, привезшаго письмо Сандецкому, Эльжбета была счастлива, что ей удалось добраться до сестры и поселиться съ ней. вмѣсто одной заключенной добровольно—были двѣ.

И Франуся нѣсколько дней провела въ мирныхъ бесѣдахъ съ сестрой о томъ, чтò сдѣлалось теперь ихъ единственной мечтой. Заставить Сандецкаго окончательно простить своей бывшей невѣстѣ, заставить его сочетаться бракомъ и затѣмъ зажить имъ обѣимъ въ Сталупеньскомъ замкѣ. И вдругъ эта сестра неизвѣстно почему рѣшилась на самоубійство.

Сандецкій всячески утѣшалъ Франусю, объясняя ей, что жизнь Эльжбеты была бы тяжела. Бывшая красавица никогда бы не могла примириться съ мыслью, что стала безобразнымъ уродомъ.

Разумѣется, ни пану Ксаверію, ни Франусѣ и на умъ не могло придти то, чтò въ дѣйствительности произошло.

Кто бы могъ догадаться, что Эльжбета погибла отъ руки людей, которые покушались на жизнь самой Франуси!

Дѣло это такъ и осталось загадкой въ замкѣ. Кромѣ Сандецкаго и Франуси, никто не узналъ правды, т. е. не зналъ, кто самоубійца.

Кароль, знавшій по разсказамъ Франуси, что у нея есть сестра, такая же красавица, какъ и она, конечно, не могъ предположить, что Эльжбета стала уродомъ. Равно не могъ онъ догадаться, что Эльжбета, въ одинъ день съ посланцемъ Радзивила, явилась въ мужскомъ платьѣ и удачно проникла въ горницы Сандецкаго, точно такъ же, какъ когда-то проникла и Франуся.

Дня три толковали всѣ въ Сталупеняхъ о загадочномъ приключеніи, и всѣ единогласно считали его дурнымъ предзнаменованіемъ.

XXII.

Не прошло трехъ дней, какъ на границѣ появился снова отрядъ бранденбургцевъ. Извѣстiе застало всѣхъ врасплохъ.

Богъ вѣсть почему, никто въ Сталупеняхъ, отъ самого самозваннаго короля до послѣдняго дружинника, не ожидалъ непріятеля почти тотчасъ же послѣ побѣдоносной битвы.

Насколько когда-то всѣ обрадовались вѣстямъ, что идетъ непріятель и что съ нимъ можно подраться, настолько теперь всѣ сразу огоропѣли. И кто-то зря, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, заявилъ, что дурное предзнаменованіе—неизвѣстная самоубійца—этимъ теперь сказывается. Неожиданно являющийся непріятель на этотъ разъ будетъ несокрушимъ.

Въ Сталупеняхъ началась суетня и сумятица. Конница и пѣхота готовились выступить, но всѣ до единаго человѣка, отъ Зарембы и Кароля до послѣдняго дружинника, были смущены. Всѣ были взяты врасплохъ.

Заремба, ясно увидавшій въ какомъ положеніи нравственномъ находятся защитники Сталупеней, первый предложилъ королю Яну на этотъ разъ не встрѣчать непріятеля на дорогѣ, а остаться въ Сталупеняхъ, размѣститься по тѣмъ бастіонамъ, укрѣпленіямъ и западнямъ, которые онъ настроилъ, и отбиваться отъ непріятеля на мѣстѣ.

— Не забудь, Ваша Мосць, сказала Заремба, — что нашихъ храбрецовъ самыхъ удалыхъ нѣтъ никого въ живыхъ. Некому теперь бросаться на бранденбургцевъ, на подобіе орловъ или тигровъ. Мое мнѣніе—надо засѣсть въ укрѣпленіяхъ и стараться отсиживаться до тѣхъ поръ, покуда не явится обѣщанное княземъ Радзивиломъ войско.

Предложеніе это было почему-то всѣми встрѣчено съ особенной радостью. Всѣмъ равно казалось, что это вполне разумный совѣтъ, вполне идущій къ обстоятельствамъ.

И черезъ нѣсколько часовъ войско, вмѣсто того чтобы выступить навстрѣчу къ непріятелю, размѣстились по всѣмъ бастіонамъ, которые Заремба выстроилъ кругомъ замка и села.

Черезъ сутки, на зарѣ, въ полуверстѣ отъ замка показался непріятель и гораздо болѣе многочисленный, нежели ожидали сталупенцы.

Санецкій, поднявшись на башню въ сопровожденіи сына и Зарембы, осмотрѣлъ остановившееся въ полѣ войско и поникнулъ головой.

— На этотъ разъ, кажется, пришелъ намъ конецъ, сказала онъ Каролю.

Черезъ часъ близъ замка показалось на дорогѣ пять всадниковъ—бранденбургцевъ. Съ башни можно было различить, что это были офицеры съ солдатами.

Остановившись въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ воротъ замка, офицеръ выслалъ впередъ одного верховаго. На кончикъ его поднятой сабли былъ навязанъ бѣлый платокъ. Это былъ парламентаръ, котораго послали для переговоровъ.

Санецкій тоже выслалъ изъ замка одного изъ сталупенчиковъ. Переговоривъ съ солдатами, сталупенчикъ вернулся и заявилъ, что, дѣйствительно, офицеръ посланъ генераломъ начальствующимъ отрядомъ для переговоровъ о добровольной сдачѣ Сталупеней.

Всѣ услышавшіе это предложеніе, въ томъ числѣ и Кароль, ожидали, что офицеръ принять не будетъ. Къ величайшему изумленію, король Янъ приказалъ отворить ворота и принять парламентаря.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не собирался принять бранденбуржца такъ же, какъ когда-то привялъ посланнаго изъ Варшавы—Мамонова. Не въ тронномъ залѣ и не въ королевскомъ одѣяніи пожелалъ король Янъ встрѣтить пруссака, а принять его просто какъ гостя.

Дѣло въ томъ, что за послѣдніе дни въ душѣ короля Яна совершился крутой нравственный переворотъ. Его самодѣльное величество устало изображать монарха, да и причины на это уже не существовало. Король Янъ начиналъ подумывать о томъ, что было бы гораздо покойнѣе и цѣлесообразнѣе снова сдѣлаться паномъ Ксаверіемъ Санецкимъ.

Съ тѣхъ поръ, что Франуся была въ замкѣ, съ той минуты, что онъ простилъ коварную измѣнницу, увѣровалъ снова въ ея невинность и снова привязался къ ней всѣмъ сердцемъ, панъ Ксаверій сталъ думать о томъ, чтобы отречься отъ имъ самимъ измышленнаго престола.

Теперь онъ почти былъ счастливъ тѣмъ, что рѣчка Вислейка искони протекаетъ на востокъ отъ замка. Несмотря на всю родовую ненависть къ пруссакамъ, панъ Ксаверій имѣлъ основаніе ненавидѣть еще болѣе Станислава-Августа и Варшаву.

Сдѣлаться снова подданнымъ человѣка, который нанесъ ему кровное оскорбленіе, было невозможно. Въ то же время добровольно сдѣлаться пруссакомъ, прекратить борьбу съ Фридрихомъ—было выгодно.

Санецкій, ни слова не говоря никому, рѣшилъ объясниться съ парламентаремъ и узнать на какихъ основаніяхъ ему предлагаютъ капитулировать.

Принятый имъ офицеръ объяснилъ, что командующій отрядомъ, генералъ Штейнъ, прежде чѣмъ атаковать Сталупени, присылаетъ его предложить непріятелю добровольно сдаться. Въ томъ, что Сталупени будутъ къ вечеру взяты штурмомъ, генералъ Штейнъ не сомнѣвается, между тѣмъ онъ получилъ приказаніе изъ Берлина поступить двояко. Если панъ Санецкій, „господинъ король“, сдается добровольно, признавъ фактъ, что естественное теченіе рѣчки Вислейки даетъ Пруссіи право считать пана подданнымъ Пруссіи, то панъ останется такимъ же помѣщикомъ, какимъ и былъ. Но если панъ Санецкій не согласится на добровольную сдачу, то помѣстья его, присоединенныя къ Пруссіи, будутъ конфискованы въ пользу казны, а панъ, лишись своихъ правъ владѣльческихъ, будетъ изгнанъ изъ Сталупеней, какъ изъ предѣловъ Прусскаго королевства.

Санецкій не рѣшился тотчасъ же дать отвѣтъ и попросилъ отсрочки на сутки. Въ душѣ онъ рѣшилъ согласиться, такъ какъ ему грозило полное разореніе, но онъ хотѣлъ прежде посоветоваться съ той личностью, которая начинала играть крупную роль въ его жизни.

Дѣйствительно, вопросъ этотъ могла лучше всѣхъ рѣшить Франуся.

Когда Санецкій изложилъ Франусѣ обстоятельно, въ какомъ положеніи они находятся, Франуся разсудила дѣло по-своему. Она заявила, что, по ея мнѣнію, нельзя принять ни то, ни другое изъ двухъ предложеній.

— Сдаться добровольно нельзя, сказала она.—Быть побѣжденными—идти на то, чтобы лишиться владѣльческихъ правъ—тоже нельзя. Надо обдумать что-нибудь третье. Прошу дать мнѣ сроку до вечера, и я что-нибудь придумаю.

Санецкій такъ вѣрилъ въ разумъ своей возлюбленной, что согласился, и заранѣе былъ убѣжденъ, что къ вечеру Франуся надумаетъ исходъ.

А между тѣмъ у Франуси былъ собственный расчетъ. Съ тѣхъ поръ, что она была въ замкѣ, была прощена бывшимъ своимъ женихомъ, и съ тѣхъ поръ, что онъ ее снова любилъ, Франуся только и думала объ одномъ, какъ перейти изъ положенія тайной заключенной въ замкѣ въ прежнее положеніе—объявленной невѣсты пана-каштеляна.

Объ этомъ вопросѣ исключительно были и всѣ бесѣды ея съ сестрой до послѣдней минуты ея загадочной смерти.

Франуся не долго вѣрила, что сестра сама выбросилась въ оконико. Она начинала уже женскимъ тонкимъ чутьемъ догадываться, что сестра погибла загадочно, что она не самоубійца. Слѣдовательно, и ей грозить нѣчто подобное. Поэтому слѣдуетъ какъ можно скорѣе попасть въ положеніе невѣсты или жены пана Ксаверія.

Предложеніе генерала Штейна самой Франусѣ принять было невозможно. Добровольная сдача Сталупеней вела прямо къ тому, что панъ Сандецкій сдѣлается прусскимъ подданнымъ и прежде всего, благодаря своей любви къ Каролю, станетъ хлопотать предъ Прусскимъ королемъ о томъ, чтобы узаконить сына и сдѣлать наследникомъ всего своего имущества.

А это было не на руку будущей паннѣ Сандецкой, уже мечтавшей пережить мужа и сдѣлаться пожизненно владѣлицей всѣхъ его помѣстій. Если не соглашаться на сдачу и Сталупени будутъ взяты штурмомъ, то Франуся лично ничего не теряла.

Панъ Сандецкій лишится своего состоянія, но кому оно будетъ принадлежать—королю Прусскому или Каролю—ей, собственно, было безразлично.

Покойная сестра говорила Франусѣ постоянно, что надо воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы ея присутствіе въ замкѣ стало всѣмъ извѣстно, чтобы ея положеніе сдѣлалось законнымъ.

Этотъ случай представлялся теперь.

Появленіе войска около замка и переговоры съ прусскимъ генераломъ показались сразу Франусѣ исключительнымъ случаемъ, которымъ надо было воспользоваться, чтобы открыть свое присутствіе въ замкѣ.

Это была первая насущная потребность. Вторая заключалась въ томъ, чтобы оттянуть время.

XXIII.

Въ тотъ же вечеръ Франуся и объяснила пану Ксаверію, къ чему пришла послѣ глубокихъ размышлений.

— Прежде всего панъ долженъ заявить, объяснила она, — что я нахожусь въ замкѣ, что панъ снова примирился со мной, простилъ мнѣ мою невольную ошибку, а затѣмъ я, въ качествѣ панской невѣсты, отправлюсь къ генералу Штейну парламентаремъ.

Оба эти предложенія показали Сандецкому совершенно невозможными. Объяснить, что Франуся въ замкѣ, ему еще не хотѣлось. Ему стыдно было своего слабости и слабодушія, стыдно было той минуты, когда всѣ въ Сталупеняхъ узнаютъ, что онъ простилъ женщину, зло насмѣявшуюся надъ нимъ. Панъ Сандецкій предвидѣлъ, что это когда-нибудь случится, но старался отложить по возможности далѣе.

Второе предложеніе—казалось еще нелѣпѣе.

— Съ тѣхъ поръ, что мѣръ стоитъ, воскликнулъ онъ,—такое не случалось, Франуся! Когда же женщины вмѣшивались въ подобныя дѣла и отправлялись въ лагерь непріятеля переговариваться?

— Мнѣ все равно, что было на свѣтѣ и чего не было. Если не было, то когда-нибудь будетъ.

— Ну, я этому не вѣрю...

— Я убѣждена, что подобные случаи бывали, но они остались неизвѣстными. Во всякомъ случаѣ, бѣды отъ этого никакой не будетъ. Предлагаю пану завтра же рано утромъ объявить, что его невѣста здѣсь въ замкѣ и отправляется для переговоровъ съ генераломъ Штейномъ. За остальное я отвѣчаю.

И на другой же день около полудня весь замокъ былъ на ногахъ. Главные домовники и главные дружинники были въ сборѣ въ большомъ залѣ съ Каролемъ, паномъ Трембицкимъ и Зарембой.

Сандецкій явился въ залу, ведя подъ руку Франусю, но не поднялся на свой тронъ, а остановившись передъ всѣми, сказалъ краткую рѣчь.

Онъ говорилъ опустивъ глаза, угрюмый и, казалось,

озлобленный. Подъ маской этого озлобленія было простое смущеніе и стыдъ.

Панъ Ксаверій объяснилъ, что не смотря на разныя несчастныя сочетанія обстоятельствъ, отложившія его свадьбу, онъ снова намѣревается сочетаться законнымъ бракомъ съ панной Франусей Дзялынскою, о чемъ и заявляетъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ.

И затѣмъ панъ Ксаверій объяснилъ, что рѣшается на нѣчто, что можетъ показаться страннымъ для всѣхъ... Панна Дзялынская отправится въ лагерь бранденбургцевъ для переговоровъ.

Послѣ этого Сандецкій, ведя подъ-руку свою невѣсту, удалился изъ залы.

Все происшедшее было громовымъ ударомъ. Сталупенцы не могли въ себя придти отъ того, что услышали. Всѣ знали, какъ возмутительно и гадко поступила всѣмъ извѣстная Франдиска. Всѣ изумились, что она снова оказалась въ замкѣ, неизвѣстно какъ проникнувъ въ него, и снова добилась своей цѣли, снова стала невѣстой пана-каштеляна.

Поѣздка той же коварной женщины для переговоровъ съ бранденбургцами общала тоже мало хорошаго. Многіе уже давно поняли, что эта красивая женщина—предательница отъ природы. Она, уже давно, поступила предательски съ кесндзомъ, затѣмъ точно такъ же поступила съ Каролемъ, наконецъ, еще хуже предала привязанность Сандецкаго и его честное имя. И теперь, отправляясь въ лагерь бранденбургцевъ, можетъ предать и Сталупени.

Какимъ образомъ?—въ этотъ вопросъ никто не входилъ. Всѣ чувствовали только одно, что въ лагерь отправится парламентаремъ лукавая и двоедушная женщина, и добра отъ этого быть не можетъ.

Разумѣется, это общее убѣжденіе и общее опасеніе не привело ни къ чему. Никто не рѣшился пойти къ Сандецкому выразить свое мнѣніе.

Часа въ два дня, красивый экипажъ былъ запряженъ шестерикомъ великолѣпныхъ коней. Франуся вышла изъ замка въ восхитительномъ нарядѣ, провожаемая Сандецкимъ. Ее должны были конвоировать всадники—цѣлая дюжина сталупеньчиковъ, въ своихъ красивыхъ нарядахъ. Впереди скакалъ всадникъ съ бѣлымъ флагомъ въ рукахъ.

Поѣздъ богатый, блестящій выѣхалъ изъ воротъ и направился черезъ поле къ опушкѣ лѣса, гдѣ расположился отрядъ бранденбургцевъ.

Разумѣется, приближеніе кареты со всадниками, съ бѣлымъ флагомъ впереди, произвело впечатлѣніе на пруссаковъ. Но когда экипажъ, окруженный всадниками, приблизился и въ немъ увидѣли женщину-красавицу, то изумленію не было конца.

Генералу доложили, со словъ одного изъ сталупеньчиковъ, что для переговоровъ явилась нареченная невѣста самого короля Яна.

Генераль Штейнъ былъ пораженъ и не зналъ, какъ принять дѣло: серьезно или какъ нелѣпую шутку, пожалуй даже и насмѣшку со стороны самозваннаго короля. Тѣмъ не менѣе, онъ тотчасъ же попросилъ провести въ свою палатку приѣзжую панну.

— Шутовской король и долженъ посылать шутовскихъ парламентарей! сказалъ онъ, смѣясь.

Франуся холодно и важно вошла въ палатку.

Бесѣда или совѣщаніе прусскаго генерала съ красавицей-парламентаремъ продолжалась не полчася, какъ ожидали всѣ, а около трехъ часовъ.

И Штейнъ, и Франуся одинаково ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ. Франуся ожидала встрѣтиться и быть принужденной разговаривать съ грубоватымъ человекомъ-солдатомъ, который, если и приметъ ее, то будетъ говорить съ пренебреженіемъ, удивляясь выходкѣ каштеляна Сандецкаго, не нашедшаго никого иного, чтобы прислать для переговоровъ.

Мадонна да-Колонна. Карг. Рафаэли, грав. Трейбманъ.

Прусскій генераль ожидалъ встрѣтить глупую и верчуную женщину, высланную къ нему или по глупости, или ради насмѣшки.

Франуся нашла въ бренденбургцѣ красиваго и статнаго человѣка, сравнительно молодаго, умнаго, любезнаго, который быстро поправился ей какъ мужчина. Генераль напелъ въ юной красавицѣ такой разумъ, такую смѣтливость, такое хладнокровное и серьезное обсужденіе дѣла и мельчайшихъ подробностей, что былъ пораженъ. Онъ еще не встрѣчалъ такой женщины.

Франуся дѣйствовала якобы самостоятельно, на свой страхъ, ибо она якобы не сказала Сандецкому, о чемъ будетъ говорить. Теперь она, объясняя Штейну свое положеніе въ замкѣ, якобы относилась къ своему дѣлу какъ посторонній человѣкъ, разумно и безпристрастно.

Все дѣло сводилось, по ея словамъ, къ тому, чтобы оттянуть время, ради того, чтобы самъ каштелянъ Сталупеней бросилъ свое самозванство, свое чудачество и просто перешелъ въ подданство короля Фридриха со своими помѣстьями.

— Выслушайте меня внимательно, сказала Франуся.—Взять штурмомъ Сталупени вамъ ничего не стоитъ... Вы можете даже всѣхъ обитателей увести военнопленными, а затѣмъ исполнить угрозу—нишить пана Сандецкаго его имущества и присвоить всѣ его земли въ казну. Но это поведетъ къ большимъ замѣшательствамъ. Вспомните Барскую конфедерацію! Послѣ полнаго уничтоженія какой-нибудь банды, черезъ нѣсколько дней появлялись двѣ банды, съ которыми надо было вновь начинать бороться. Точно то же будетъ и въ Сталупеняхъ. Здѣсь собраны не одни подданные самозваннаго короля Яна, сюда стекаются ежедневно всѣ недовольные, всѣ бродяги, всѣ, кому жизнь надоѣла. На тѣхъ земляхъ, которыя присвоить Пруссія, порядки и мира долго не будетъ... Я предлагаю вамъ совершенно иное—мирное завоеваніе. Надо сдѣлать такъ, чтобы панъ Ксаверій Сандецкій добровольно изъявилъ свое согласіе сдѣлаться пруссакомъ.

— Но какъ же это сдѣлать? прервалъ Штейнъ.

— Очень просто. Ваше войско будетъ стоять здѣсь, а вы явитесь въ замокъ, познакомитесь съ паномъ Ксаверіемъ, съ его сыномъ и дочерью... Вы сами объявите, что по разнымъ соображеніямъ, или вслѣдствіе приказанія изъ Берлина, рѣшили отложить битву на недѣлю. А за эту недѣлю просите гостепримства у пана Сандецкаго не въ качествѣ врага, а въ качествѣ путешественника. Вѣдь нельзя же вамъ сидѣть въ палаткѣ, когда около васъ есть замокъ.

— Это будетъ очень странно, замѣтилъ Штейнъ.

— Пускай будетъ странно! Черезъ недѣлю, я вамъ отвѣчаю, панъ Ксаверій будетъ вашимъ хорошимъ пріятелемъ. И при вашихъ и моихъ усиліяхъ дѣло окончится благополучно. Панъ Сандецкій согласится мирно перейти въ прусское подданство.

Штейнъ долго не соглашался. Онъ подозрѣвалъ именно то, что въ дѣйствительности могло и должно было случиться... А именно, черезъ недѣлю явится помощь, явится какая-либо банда въ тысячу или двѣ тысячи человѣкъ, и онъ можетъ быть разбитъ такъ же, какъ прежніе прусскіе отряды.

Онъ заявилъ о своемъ подозрѣніи Франуся.

— Подобной помощи намъ ждать не откуда.. смѣло солгала Франуся,—но если бы она и явилась, то сраженія никакого не будетъ.

— Почему же?

— Потому что я этого не захочу, разсмѣялась Франуся.—Панъ Сандецкій дѣлаетъ то, что я желаю, а я этого не захочу. Я хочу, чтобы онъ, не имѣя, конечно, возможности оставаться въ дѣйствительности самостоятельнымъ монархомъ, сдѣлался прусскимъ, а не польскимъ подданнымъ. Наконецъ, мы можемъ съ вами вступить въ полный заговоръ. Вы будете завтра приглашены въ Сталупени въ качествѣ гости и будете встрѣчены, конечно, радушно и любезно. Если въ первый же день мы увидимъ, что бороться съ паномъ Сандецкимъ мудрено, то тогда мы употребимъ другое средство... Вы пошлете гонца въ Берлинъ съ просьбой къ королю о скорѣйшемъ и простомъ завоеваніи Сталупеней и уничтоженіи очага бунтовщиковъ. Для этого нужно одно слово короля.

— Какое же? удивился Штейнъ.

— Пускай умный Прусскій монархъ, который достаточно пожалъ лавровъ полководца и побѣдителя, пришлетъ черезъ васъ каштеляну Сталупеней титулъ и приглашеніе пожаловать въ Берлинъ. А я вамъ отвѣчаю головой, что король Сталупенскій съ удовольствіемъ согласится сдѣлаться барономъ или графомъ Сандецкимъ.

— Да, это пожалуй вѣрно! замѣтилъ Штейнъ.— Но зачѣмъ же ждать? Я пошлю гонца тотчасъ же. При теперешнемъ положеніи дѣлъ, я отвѣчаю, что черезъ три-четыре дня я буду имѣть отвѣтъ.

— Это еще лучше! рѣшила Франуся.

Собесѣдники разстались почти друзьями. Насколько Франуся сдумѣла плѣнить молодаго генерала, настолько же и онъ понравился ей.

Возвратившись въ Сталупени, Франуся объявила пану Ксаверію, что штурма на Сталупени не будетъ по крайней мѣрѣ въ продолженіе недѣли, что она сдумѣла убѣдить генерала обождать.

Она объяснила Сандецкому, что дѣйствовала обманомъ и ложью. Она увѣрила якобы Штейна, что Сандецкій собирается самымъ мирнымъ образомъ сдѣлаться прусскимъ подданнымъ.

— И онъ былъ настолько наивенъ, воскликнулъ Сандецкій,—что повѣрилъ?!

— Да, повѣрилъ!.. Но это не все... Панъ долженъ завтра же ѣхать къ нему въ лагерь и пригласить его къ себѣ въ качествѣ гостя.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Джемма.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

Рассказъ Нота Мурлыки.

(Окончаніе).

ХІХ.

И она закуталась въ большую индійскую шаль, хотя въ комнатѣ и было вѣрныхъ 20 градусовъ, если не больше. Она начала говорить мѣрно, ритмическими стихами. Она говорила рапсодію, и ей не доставало только аккомпанимента. Сказка эта такъ мнѣ понравилась, что я потомъ отыскалъ ее.

„Благословенъ Всевышній въ чудныхъ дѣлахъ творенія. Моря и горы, лѣса и доли поютъ ему хвалу и вѣчную славу.

„На берегу моря Гізтала, въ роскошномъ лѣсу Каллабара расцвѣла розовая Калима. Лучше этого цвѣтка не видали ни дивы, ни пери. Вѣчному слава!

„Она была стройна, какъ пальма Даулила. Расцвѣла она, и весь лѣсъ наполнился ея благоуханіемъ, ибо было оно дыханіе красоты и молодости. Вѣчному слава!

„Пери Альяра наклонилась къ цвѣтку и дала ему свѣжесть

утренней росы. И на жаркомъ солнцѣ заблестѣлъ цвѣтокъ Калимы, засверкалъ тысячами брилліантовыхъ огней. Вѣчному слава!

„И наклонилась надъ нимъ пери Марбуни и дала ему очарованіе. И всѣ цвѣты и травы, всѣ кусты и деревья устремились къ Калимѣ. И не могли они свести отъ нея очей наслажденія... Вѣчному слава!

„И наклонилась надъ цвѣткомъ пери Аморра и вложила въ него лучшее, что у ней было. Она вложила въ самую его сердцевину любящее сердце. И моря и горы, лѣса и долины, все стало близко Калимѣ. Все ожило и отразилось, какъ въ зеркалѣ, въ ея сердцѣ. Вѣчному слава!

„И говорили Калимѣ всѣ цвѣты и травы, кусты и деревья: „Воля вѣчнаго Вишну да исполнится на тебѣ. И принесешь ты сладкій плодъ, который такъ же будетъ ароматенъ, какъ твое дыханіе“. Вѣчному слава!

„Но не испознала Калима воли Вишну. Понравилась ей не цвѣты, а свободная, вольная птица Бугурь—Красивая птица; звучно распѣвала она въ роскошномъ лѣсу, на берегу моря Гэтала. Вѣчному слава!

„Ужаснулись всѣ цвѣты и травы, кусты и деревья. „Лучше бы ты напилась ядовитыхъ испареній отъ цвѣтовъ Баннара“, сказали они Калимѣ. — „Птица Бугурь съѣстъ твоё сердце, она оборветъ твою красоту“. — Но Калима сказала: „Да будетъ!“ Вѣчному слава!

„Ужаснулись всѣ перы и дивы. „Несчастная“, сказали онѣ, — „зачѣмъ желаніе твоего сердца ты ставишь выше воли великаго Вишну? Борись съ твоей страстью... Борись и принеси добрый плодъ. Такова воля Небесъ!. Вѣчному слава!“

„Какъ же я буду бороться съ моей страстью“, сказала Калима. — „Развѣ не онъ послалъ любовь и страсть въ мое сердце, и не по его волѣ бегаетъ мое сердце?“ Вѣчному слава!

„И всѣ перы и дивы, и всѣ цвѣты и травы, кусты и деревья, всѣ въ одинъ голосъ сказали: „Спроси твоего сердца! Оно скажетъ, гдѣ воля Премудраго. Вѣчному слава!“

„Но не захотѣла Калима слушаться голоса сердца. „Лучше мнѣ наслажденіе, чѣмъ борьба и страданіе; къ нему зоветь меня мое сердце. Приди, князь души моей!.. Моя радость и счастье! Моя любовь!“

И при этихъ словахъ Джемма вдругъ зарыдала и припала къ плечу моему.

— Джемма! вскричала я. — Моя дорогая! Успокойся!.. Не надо мнѣ твоей сказки... Не хочу я!..

Она подняла голову. Она остановила на мнѣ большіе неподвижные глаза, изъ которыхъ бѣжали слезы, и спуснувъ мои руки въ своихъ холодныхъ ручкахъ, начала шептать страстными, дрожащими шепотомъ:

„И прилетѣла птица Бугурь — Красивая птица. Крылья ея блестятъ какъ рубины, ея грудь—багряная заря надъ долиной Джаннара. И сердце Калимы потянулось все къ птицѣ Бугуру. Вѣчному слава!“

„И клюнула птица Бугурь Калиму въ самую середнюю цвѣтка, въ сердцевину стебля, клюнула въ ея горячее сердце... И облетѣли лепестки, и выступила алая кровь Калимы, и взяла ее духъ злой Кришны, чтобы мучить ее 10 вѣковъ. Свершилась воля судьбы! Вѣчному слава!“

Съ трудомъ проговоривъ это, она закрыла глаза и откинулась на спинку дивана. Дыханіе ея было коротко и неровно... Тяжело и быстро поднималась и опускалась ея грудь, и лицо ея было какъ у мертвой.

— Джемма! вскричала я. — Дорогая, родная моя! Неужели ты принесла себя въ жертву страсти? Неужели ты отдалась птицѣ Бугуру?..

XX.

Она ничего не отвѣчала, только еще сильнѣе сжала мои руки въ своихъ холодныхъ рукахъ. Дыханіе ея становилось медленнѣе. Она болѣе и болѣе блѣднѣла, и помню, я страшно боялся въ ту минуту, чтобы она не умерла.

Вдругъ все это какъ будто слетѣло съ нея. Она встрепенулась, вскочила съ дивана. Краска залила ей лицо. Она приставила палецъ къ губамъ и чуть слышно проговорила:

— Тише!.. Молчи!.. Онъ идетъ...

Я услышалъ тяжелые, но мягкіе шаги. Дверь отворилась. Портьера раздвинулась и появился Джамма Багавари. Онъ откинулъ портьеру, посмотрѣлъ пристально на насъ и медленной, торжественною походкой тихо подошелъ къ намъ.

Внезапное-ли появленіе его такъ сильно взволновало меня, неожиданный-ли испугъ Джеммы передался мнѣ, какъ передается паника, но я чувствовалъ, что я дрожу, какъ будто Багавари накрылъ меня и Джемму на какомъ-то преступленіи.

Онъ тихо подошелъ къ дивану, еще тише — гибкимъ и сильнымъ движеніемъ—сѣлъ на него и быстро поджалъ подъ себя ноги.

Затѣмъ такъ же медленно, величаво протянулъ длинныя руки, крѣпко, какъ тисками, взялъ этими руками меня за предплечья, безъ всякаго усилія, какъ ребенка, приподнял меня и прямо поставилъ противъ себя.

Затѣмъ устремилъ на меня сосредоточенный, глубокой взоръ своихъ свѣтлосѣрыхъ, блесловатыхъ глазъ и тихо сказалъ мнѣ:

— Смотри на меня, мальчикъ! Только чистые сердцемъ могутъ смотрѣть прямо, открыто въ глаза всему міру, въ глаза Предвѣчнаго Духа, который обитаетъ въ сердцѣ каждаго человѣка.

Я силится смотрѣть прямо въ его глаза — и не могъ. Мнѣ казалось, что какой-то блесловатый туманъ шелъ изъ нихъ, и этотъ тусклый туманъ страшно смущалъ меня. Я теперь былъ вполне увѣренъ, что онъ знаетъ все, что онъ знаетъ о передачѣ мной конфектъ и о залискѣ князя Б. къ Джеммѣ.

— Слушай, сынъ мой! Слушай внимательно слова мудрыхъ и лови ихъ какъ птицъ быстрокрылыхъ.

„Въ древнее время, у истоковъ священнаго Ганга, жилъ мудрый дerviшъ Бэнь-Арру Рагабини. Вѣчному слава!“

„Отъ зари до зари онъ не вкушалъ нищи и питія и стоялъ неподвижно, сложивъ руки на груди и добиваясь одного,

чтобы великій Вишну внялъ мольбѣ его и ниспослалъ бы ему свѣтлую благодатную Аказу. Вѣчному слава!“

„И сказалъ ему вѣчный Духъ: „Искупи грѣхъ твоей юности, и спойдетъ на тебя Аказа и прославитъ имя мое...“ Вѣчному слава!“

„Господи“, сказалъ Бэнь-Арру Рагабини: — „я рабъ твой, я молюсь тебѣ уже 55 лѣтъ непрестанно. Сколько же я долженъ молиться, чтобы искупить единый грѣхъ моей юности? Развѣ этотъ грѣхъ не лежалъ въ святой волѣ твоей и не исполнилъ-ли я великой судьбы твоей?“ Вѣчному слава!“

„И сказалъ Духъ Великій: „Такъ, рабъ мой, ты исполнилъ волю мою. Но прежде всего ты исполнилъ твою волю собственную. Ты омрачилъ свободу Духа твоего грѣхомъ вождельшія.“ Вѣчному слава.“

„И сказалъ Духъ Великій: „Я далъ человѣку высшее, далъ ему часть собственного духа, чтобы человѣкъ боролся съ вождельшіями и желаніями его плоти, потому что я хочу, чтобы каждый человѣкъ былъ такъ-же крѣпокъ, какъ я...“ Вѣчному слава!“

„И сказалъ Духъ Великій: „Многіе дѣлаютъ, не зная, что творять... И не вмѣнятся имъ грѣхъ ихъ... Но горе человѣку, если онъ данную мною свободу отвергнетъ и совершитъ то, что лежитъ въ страстяхъ его. Ибо каждый имѣетъ очи духовныя и уши сердца своего и долженъ слушать первый толчокъ его, чтобы не впасть въ искушеніе и заблужденіе...“ Вѣчному слава!“

„И сказалъ Духъ Великій: „Немощью воли человѣка растлѣвается... Бодростью и испытаніемъ возрастаетъ и укрѣпляется... И привлечетъ человѣкъ своею добродѣтельною крѣпостью благодатную Аказу... И будетъ надъ нимъ моя великая воля...“ Вѣчному слава!“

„О! Великій!“ сказалъ Бэнь-Арру Рагабини: „сколько-же я долженъ молиться тебѣ, чтобы искупить единый грѣхъ моей юности?“ И сказалъ Великій Духъ: „Сто милліоновъ лѣтъ и три года. Такъ начертано въ книгѣ судьбы, въ письменахъ свода небеснаго“. Вѣчному слава!“

XXI.

„О, Великій!“ сказалъ Бэнь-Арру: „Любовь сердца все превозмогаетъ. Сила ея необъятна, и слезы раскаянія смываютъ всякое преступленіе противъ твоей воли... Тебѣ Вѣчному слава!“

„И сказалъ Духъ Великій: „Не тебѣ мѣрять силу любви, которая лежитъ въ моемъ сердцѣ. Ибо у тебя нѣтъ средствъ замѣрить силу даже твоей собственной любви...“ Вѣчному слава!“

И въ то время, когда онъ тихо и торжественно говорилъ эту причту, крѣпко держа меня въ его рукахъ, подѣлъ меня на колѣняхъ стояла или, скорѣе, лежала Джемма, опутивъ голову на низкій диванъ.

Съ первыхъ словъ Багавари, съ первыхъ звуковъ его глубокаго сердечнаго голоса, она опутившись, упала на подушки и заплакала.

Нѣсколько разъ я порывался освободиться отъ крѣпкихъ желѣзныхъ тисковъ Багавари, но еще крѣпче и больнѣе сжимали меня его руки. А Джемма стонала и билась, и мѣрно, глухо говорилъ надъ ней голосъ Багавари, точно читалъ надъ ней заклинанія.

Кончилъ онъ и быстро всталъ съ дивана. Онъ выпустилъ одну изъ моихъ рукъ, но крѣпко держалъ за другую руку и пошелъ вмѣстѣ со мной вонъ изъ комнаты.

Но не дошелъ онъ до двери, какъ раздался громкій отчаянный стонъ Джеммы. Онъ обернулся. Она ползла къ нему на колѣняхъ. Она о чемъ-то молила, чего нельзя было разобрать за ея стономъ и рыданіями.

Онъ медленно, величаво, какъ бронзовая статуя, обернулся къ ней и, протянувъ къ ней руки, проговорилъ громко и отчетливо:

— Сто милліоновъ лѣтъ и три года!

И затѣмъ быстро увлекъ меня изъ комнаты. Большими шагами, нигдѣ не останавливаясь, онъ привелъ меня къ Багараджѣ и, проговоривъ ему что-то на ходу для меня непонятное, вывелъ меня въ переднюю комнату, выпустилъ мою руку, проговорилъ что-то стоящимъ индійцамъ, а затѣмъ, оставивъ меня, быстро удался.

Индійцы тотчасъ-же бросились на меня и начали одѣвать какъ мумію. Затѣмъ одинъ изъ нихъ, высокій и статный, взялъ меня, какъ куклу, на руки и, несмотря на мое сопротивленіе и отчаянный протестъ, вынесъ вонъ, въ сѣни.

Я не помню, какъ я добрался домой. Помню только, что голова моя кружилась, въ ушахъ раздавались стоны Джеммы. Сердце мое надрывалось отъ жалости.

Я пришелъ больной, въ слезахъ. Отъ меня ничего не могли добиться, никакого объясненія. Видѣли только, что со мной ознобъ, что я дрожу, какъ въ лихорадкѣ, а голова моя горитъ. Къ вечеру опять открылся жестокой бредъ, и я потерялъ сознание.

Не помню, сколько продолжалось это состояніе. Помню только, что ко мнѣ привозили какихъ-то черезчуръ знаменитыхъ докторовъ, и всѣ они, какъ мнѣ потомъ рассказывали, въ одинъ голосъ объявили мое состояніе безнадежнымъ.

Съ праздникомъ! Ориг. рис. придв. худ. М. Зичи (исключ. право воспроизв. въ грав. и т. п. принадл. „Нивъ“), грав. Ангереръ.

Черезь шесть минутъ—Новый Годъ! Карт. М. Вокеръ, грав. Науманъ.

Но, къ счастью или несчастью, я обманул их безнадежностью. И мое тяжелое состояние опять исчезло так-же быстро, какъ и прилетѣло. Я только поплатился моими волосами, которые мнѣ обрили, и лежаніемъ въ постели болѣе мѣсяца.

Помню только, что въ концѣ этого мѣсяца, когда ко мнѣ начали являться робкіе проблески сознанія, опять первое, что представлялось мнѣ, была Джемма. Я положительно любилъ ее больше, сильнѣе, чѣмъ ея возлюбленный, князь Б. И я теперь понимаю, отчего это происходило. Оттого, что въ ней, въ Джеммѣ, я въ первый разъ въ моей жизни встрѣтилъ глубокую, безотчетную привязанность ко мнѣ и горячую ласку, и мое дѣтское или юношеское сердце все отдалось этому теплему первому призыву.

Мнѣ запретили не только думать, но даже говорить объ ней. Но, разумеется, мои мысли были не во власти тѣхъ, кто думалъ, что имѣть надо мной полную власть. Мой духъ, моя воля оставались, какъ и всегда, свободны.

Многіе скажутъ, что это не была свобода; напротивъ, подчинение сильно овладѣвшей мною привязанности. Я не буду спорить. Скажу только, что я не сомнѣвался тогда и не сомнѣваюсь теперь, что я дѣйствовалъ настолько свободно отъ всѣхъ меня окружающихъ и вліяющихъ обстоятельствъ, настолько сильно и разумно, что дай Богъ каждому человѣку распорядиться такъ-же независимо своей волей, своимъ я.

XXII.

Прежде всего я ясно сознавалъ, что мнѣ нельзя думать объ Джеммѣ, не потому, что это было запрещено, или что отъ этого возвращалось мое болѣзненное состояніе. Я нѣсколько разъ пробовалъ свою мозговую машину и свои сердечныя отношенія. Я спрашивалъ себя: „что-же будетъ, если Джемма умретъ?“ И при этой мысли слезы подступили къ горлу и туманили голову. Для меня тогда стало ясно до очевидности, что думать о смерти Джеммы мнѣ нельзя, что отъ этого я прихожу въ неправильное, не свободное состояніе, и что голова моя тогда покрывается туманомъ.

Нѣсколько разъ я спрашивалъ себя: „да почему-же я не могу не думать о Джеммѣ? не связана-ли здѣсь моя воля тѣмъ, что я не могу думать ни о чемъ другомъ, кромѣ Джеммы“. Я старался принудить себя думать о тѣхъ шахматныхъ играхъ, которыя меня такъ сильно занимали нѣсколько недѣль тому назадъ, объ той игрѣ, которую разыгралъ Багараджа въ нашемъ домѣ.

Но все это не то. На днѣ моей души, въ самой глубокой глубинѣ моего сердца лежало что-то заслонявшее передо мной всѣ другіе интересы.

И я подумалъ тогда: „Если это, т. е. моя любовь къ Джеммѣ, есть что нибудь доброе, то пусть оно и лежитъ тамъ, на днѣ моего сердца. И если у человѣка вмѣсто этой любви лежитъ на днѣ сердца любовь къ Богу, и всѣ его стремленія влекутъ его неудержимо къ благу, то это именно и есть нормальное состояніе человѣка, при которомъ воля его совершенно свободна“.

„Онъ благъ“, думалъ я, „этотъ Всемогуцій и Благой, этотъ нашъ Вишну, и пусть будетъ во всемъ Его воля“. И помню, мнѣ такъ было хорошо, легко и свободно съ этой дѣтской вѣрой въ Его благость и всемогущество, что я ходилъ почти цѣлый день въ какомъ-то восторженномъ состояніи и вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ, какимъ образомъ увидать Джемму. И въ то же время я чувствовалъ, что самая мысль о томъ, что я ее могу увидать, заставляла сильнѣе биться мое сердце.

„Вотъ что!“ подумалъ я: „я выпрошусь къ Семену Никитичу и поговорю съ нимъ. Что онъ скажетъ?“

Меня безъ особеннаго труда отпустили къ нему. Правда, отецъ возражалъ и уговаривалъ меня остаться. „Вѣдь, онъ непремѣнно придетъ сегодня вечеромъ къ намъ“, говорилъ онъ. „Неужели ты не можешь твое желаніе или дѣло отложить до вечера?“

Но именно этого я и не могъ сдѣлать, потому что вечеромъ меня ни за что не пустятъ туда, къ Джеммѣ.

Мать упрасивала меня не ходить, предлагала послать чело-вѣка за Семеномъ Никитичемъ.

Но здѣсь на помощь мнѣ явилось мое упрямство и преодолѣло благоразуміе. Правда, я утѣшалъ себя мыслью, что я все-таки свободенъ, что я могу сейчасъ-же (какъ это мнѣ ни больно) отказаться отъ моего желанія идти къ Семену Никитичу и даже отъ желанія видѣть Джемму. Я исполнѣнъ свободенъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я весьма посиѣшно собирался, торопился, чтобы меня одѣвали, и тогда только вздохнулъ свободно, когда я очутился на улицѣ.

Я теперь понимаю, что причиной тому, что меня такъ легко отпустили, былъ совѣтъ докторовъ по возможности не препятствовать исполненію моихъ сильныхъ желаній. Но мама моя не хотѣла меня отпустить иначе, какъ въ сопровожденіи Якова, которому строго наказали, чтобы онъ проводилъ меня къ Семену Никитичу и затѣмъ назадъ домой.

„Вотъ это“, думалъ я, „дѣйствительно стѣсненіе воли и полное лишеніе свободъ“.

Семена Никитича я не засталъ дома. Онъ былъ тамъ, у „индійцевъ“. Эта неудача меня сильно огуманила, и я ска-

залъ Якову, что я буду ждать здѣсь его возвращенія, и что онъ можетъ идти домой. Но Яковъ возразилъ, что ему велѣно проводить меня обратно домой, и что онъ также будетъ сидѣть и ждать. Къ счастью, онъ отправился ждать въ людскую, а на меня началось такое страстное желаніе увидать Джемму и Семена Никитича, что я, уже не разсуждая о томъ, хорошли я постунаю или нѣтъ, тотчасъ-же на цыпочкахъ ушелъ въ переднюю и какъ можно тише, безъ шума, крадучись, одѣлся, тихонько отперъ двери и очутился на улицѣ. День былъ теплый, но пасмурный, и я вполнѣ сознавалъ, что я теперь свободенъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я также сознавалъ, что дѣйствую неправильно и отдаюсь порыву того, что было моимъ собственнымъ желаніемъ или страстью.

Признаюсь, что эта борьба для меня, еще не совсѣмъ оправившагося отъ болѣзни, была весьма тяжела и, выйдя на улицу, я почти бѣгомъ бросился къ Демуту.

XXIII.

Войдя въ сѣни гостиницы съ полной радостью и нетерпѣніемъ скорѣе увидать Джемму, я былъ непріятно изумленъ какою-то небывалою суетней. Слуги посиѣшно бѣгали, на лету передавали другъ другу какія-то приказанія. Между ними замѣчалось нѣсколько сипаевъ.

Когда я вошелъ по лѣстницѣ и подходилъ уже къ №№, занимаемымъ индійцами, одинъ коридорный остановилъ меня.

— Вы, вѣрно, къ нимъ? спросилъ онъ. — Позвольте, теперь такъ нельзя... Надо доложить. Я сейчасъ; побудьте здѣсь.

И онъ торопливо юркнулъ въ №.

„Когда ждешь, то время тянется, какъ черепашка“, говорятъ индійцы. И справедливость этого мнѣ довелось испытать теперь.

Мнѣ кажется, прошло по крайней мѣрѣ полчаса прежде, чѣмъ снова явился тотъ-же коридорный.

— Пожалуйте! сказалъ онъ. — Только не шумите очень... У нихъ, вѣдь, несчастье случилось... Барышня-то сегодня умерла... Принцесса... Княжна Тмутараканская...

Не дослушавъ его, я ринулся, какъ сумасшедшій, въ комнаты. Я до сихъ поръ не понимаю, что тогда произошло со мной при этомъ извѣстїи, и вообще что случилось потомъ во все это утро.

Я не чувствовалъ ни ужаса, ни горя. Во мнѣ все какъ будто окаменѣло послѣ сильнаго удара, который поразилъ меня прямо въ сердце.

Я вошелъ къ Багараджѣ. Онъ такъ же неизмѣнно сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, и такъ-же неизмѣнно стояли возлѣ него голые сипаи-тѣлохранители. Все какъ будто было по-прежнему.

Я сказалъ ему обычное привѣтствіе, и онъ мнѣ отвѣтилъ такъ-же. Я спросилъ его, могу-ли я идти къ Джеммѣ. Онъ сказалъ:

— Да благословенъ будетъ твой приходъ. Иди легкими стопами.

Я пошелъ, не слыша подъ собой мягкихъ ковровъ, и не чувствовалъ, какъ прошелъ двѣ три комнаты, и очутился передъ дверями дорогой для меня комнаты.

Я постучалъ, подождалъ, сердце сильно билось во мнѣ. Наконецъ, я отворилъ двери, распахнулъ портьеры, и непривычный для этой комнаты свѣтъ ослѣпилъ меня. Всѣ окна были открыты.

Въ комнатѣ никого не было. Только по срединѣ ея, на невысокомъ катафалкѣ, покрытомъ ярко желтою, шелковою тканью, лежала Джемма.

Я подошелъ къ катафалку. Лицо ея было прикрыто чѣмъ-то въ родѣ розовой кисеи, и подъ этой кисеей оно не казалось мертвенно блѣднымъ, но розовымъ, жизненнымъ. На немъ былъ точно испугъ или изумленіе, даже губы были слегка полуоткрыты.

Я стоялъ и качался. Голова кружилась. Кругомъ была мергвая тишина. Я вспоминалъ ея сказку.

„На берегу моря Гѣгала, въ роскошномъ лѣсу Калабара расцвѣла розовая Калима...“

„И прилетѣла птица Бугуръ—Красивая птица...“

„И клюнула птица Бугуръ Калиму въ самую средину цвѣтка, клюнула въ горячее сердце, и выступила алая кровь Калимы, и взяла ее духъ злой Кришну, чтобы мучить ее... Свершилась воля судьбы!.. Вѣчному слава!..“

И вдругъ, въ эту самую минуту изъ темнаго угла направо раздался глухой ровный голосъ и повторилъ то самое, что я вспомнилъ... Онъ сказалъ:

— Свершилась воля Судебъ!.. Вѣчному слава!

Я быстро обернулся и посмотрѣлъ въ этотъ уголъ. Тамъ сидѣлъ Джемма Багавари.

Я тихо, весь дрожа, подошелъ къ нему и сказалъ ему индійское привѣтствіе. Онъ ничего не отвѣтилъ. Онъ взялъ меня обѣими руками за предплечія и, держа на воздухѣ, проговорилъ ровнымъ, дрожащимъ голосомъ:

— Воля судьбы неизмѣнна!.. Каждое злое дѣло само себя караетъ... Такова воля премудраго Вишну!..

И, проговоривъ это, онъ опустилъ меня на полъ и прибавилъ громко грознымъ повелительнымъ тономъ:

— Иди! Не смущай сна смерти!

Я бросился вон из комнаты. Я чувствовал, что я упаду в обморок, если останусь в ней хотя одну секунду. Я пробжал бѣгомъ, не помня себя, весь рядъ комнатъ, пробжалъ мимо Багараджи, выбжалъ на лѣстницу, въ сѣни и, не одѣваясь, бросился на улицу. Я опомнился только дома. Миѣ кажется, я бѣжалъ, не останавливаясь, всю дорогу.

Передо мной въ моемъ представленіи неотступно стоялъ темный образъ бѣлобородого индѣйца и розовый образъ Джеммы-Калимы.

Дома я бросился на постель. Я не могъ ни слова выговорить и не отвѣчалъ ничего на вопросы.

Что творилось, что совершалось со мной,—не помню и не знаю. Я пришелъ въ себя только на третій день, очнулся среди чужихъ полей, въ маль-постѣ, подлѣ моей мамы. Меня увозили за границу.

XXIV.

Къ этому дѣтскому воспоминанію миѣ хочется прибавить еще нѣсколько словъ изъ разговора, который былъ не такъ давно, на этихъ дняхъ, въ одномъ quasi-серьезномъ кружкѣ.

Насъ было пятеро собесѣдниковъ. Мы разсуждали и спорили цѣлый вечеръ, разсуждали о томъ, что такое воля, и что такое свобода воли. Разсуждали о чемъ-то вовсе неразрѣшимомъ или трудно разрѣшимомъ, но что постоянно тяготитъ, мучитъ и волнуетъ современнаго человѣка. По поводу этого разговора въ моей памяти всплыли тѣ сцены изъ моего далекаго дѣтства, о которыхъ я сейчасъ разсказалъ.

Одинъ изъ собесѣдниковъ горячо отстаивалъ свободу совѣсти.

— Если совѣсть у меня развязана, говорилъ онъ,—то я дѣлаю, что хочу, и что миѣ нравится, а разумеется, миѣ прежде всего должна нравиться правильно устроенная общественная жизнь.

— Вотъ это-то миѣ и странно, перебивалъ его другой собесѣдникъ,—что вы требуете свободы, полной свободы совѣсти и въ то же время говорите, что вамъ что-то *должно* нравиться. Если *должно*, то уже тутъ нѣтъ свободы, а есть принужденіе и обязанность.

— Позвольте, господа, вмѣшался третій собесѣдникъ,—вы вотъ все обсуждаете свободу совѣсти... А позвольте васъ спросить, что такое эта пресловутая совѣсть?

Но на этотъ вопросъ собесѣдникъ не удостоилъ отвѣтомъ; онъ только мотнулъ головой къверху, какъ будто говоря: „Ну! вотъ нашелъ еще вопросъ! Это ужъ давно рѣшенное дѣло“.

Но совопросникъ не удовлетворился этимъ мотаньемъ головы и снова присталъ со своимъ вопросомъ.

— Нѣтъ! Позвольте, Павелъ Николаевичъ, настаивалъ онъ,—положимъ, это можно... такъ... пренебрежительно... А я предлагаю серьезно и основательно... Мы, вотъ, приклемимъ къ какой-нибудь вещи ярлыкъ: назовемъ ее совѣстью и сдадимъ въ архивъ. Нѣтъ-съ! Такъ нельзя!.. Я, вотъ, господа, утверждаю, что совѣсти нѣтъ. Да-съ! Совѣсть—фигія!

— Ка-а-къ! вскричалъ всѣ собесѣдники, а одинъ даже прибавилъ: „Это парадоксъ!“

— Нѣтъ-съ! Не парадоксъ, а фикція! Вы разберитесь основательно психо-физиологически и увидите, что для совѣсти никакого и органа-то не полагается. Совѣсть это складъ, комплексъ всего того, что выработано, что сложилось или вложено наследственностью. Совѣсть—это цѣлый характеръ. Это чувство неопредѣленное, широкое, въ которомъ весь человѣкъ, и которое тянетъ его одесную или ошую, сообразно вѣку, націи, образованію и пр. и пр.

— Ну-съ! вскричалъ первый собесѣдникъ,—развѣ это новость, что вы проповѣдуете?!

— Никакой тутъ новости нѣтъ, отвѣтилъ совопросникъ,—я только хочу указать, что вопросъ о такой сложной вещи, какъ совѣсть, нельзя рѣшать себѣ такъ, огуломъ; а съ другой стороны хочу показать, что основаніе всему есть общественность, альтруизмъ. Это положительная, правая, бѣлая сторона дѣла, а другая сторона, отрицательная, темная, лѣвая—это антиобщественность. И весь вопросъ въ томъ, какъ характеръ человѣка, его вкусы и наклонности относятся къ этимъ сторонамъ. Если его тянетъ вправо, то и хорошо, и онъ не чувствуетъ никакого насилія или принужденія своей совѣсти... А если его тянетъ влѣво, то ужъ тутъ и начинается борьба... Да-съ! Вотъ тутъ и выдумали и изобрѣли свободу и стѣсненіе совѣсти, да кстаті сочинили и самую совѣсть... По пути!.. Ты, говоришь, безсовѣстный, а ты, говоришь, добросовѣстный.. Нѣтъ-съ!.. Это все фикція, и только...

— Пойдите, Сергѣй Петровичъ, вмѣшался четвертый собесѣдникъ.—Вопросъ здѣсь вовсе не о свободѣ совѣсти, а вообще о личной свободѣ человѣка, вопросъ идетъ о свободѣ воли. Отвѣтственъ ли человѣкъ за свои поступки, если къ этимъ поступкамъ принуждаютъ его характеръ, обстоятельства, общественное положеніе и т. п.?

— Отвѣтственъ... разумеется, отвѣтственъ.

— Да какъ же отвѣтственъ, когда онъ дѣйствуетъ подъ влияниемъ чего-то, что выше и сильнѣе его воли, подъ влияниемъ какого-нибудь аффекта?

— Вотъ, господа! вмѣшался опять совопросникъ,—какъ видите, все дѣло сводится къ критериуму, а этотъ критериумъ именно то, что я вамъ указалъ, т. е. общественность... Къ ней долженъ примѣняться, съ ней долженъ согласоваться каждый человѣкъ всѣ свои поступки. Забудьте, это *долженъ* и *обязанъ*. Следовательно, если есть здѣсь принужденіе, то оно идетъ отъ его собственной воли. Насколько она сильна, настолько онъ и борется и распоряжается. И всегда онъ это долженъ имѣть въ виду; да-съ!

— Что же это, спросилъ насмѣшливо первый собесѣдникъ,—fais ce que tu dois, adviens ce que pourras?

— Да-съ! fais ce que tu dois... Вотъ въ этомъ-то и весь вопросъ, сказалъ совопросникъ, напирая на слово *dois*...

— А если за это *dois* я долженъ потерять все: семью, жену, друга...

— И потеряете!.. Если захотите поступить правильно.

— А если не захочу?

— Ну! На это у васъ есть свобода воли. Поступайте какъ хотите.

— Позвольте... Да я поступаю правильно... А судьба миѣ всякія пакости дѣластъ... уноситъ у меня жену, семью... разоряетъ меня въ конецъ... Что же, я долженъ покоряться и говорить, что противъ судьбы ничего не подѣлаешь?

— Да-съ, должны покоряться!.. Потому что судьба тотъ же медвѣдь, который сейчасъ же сломитъ васъ, если вы захотите барахтаться съ нимъ.

— Здѣсь, господа, позвольте вамъ замѣтить, является вопросъ только о продолжительности борьбы... Въ концѣ концовъ Орамуздъ всегда побѣдитъ...

— Нѣтъ-съ! Вы не о томъ говорите, Павелъ Николаевичъ... Кто побѣдитъ, этого мы не знаемъ. А вотъ вы миѣ скажите, отчего мы пѣшки, въ которыя играетъ судьба?

— Ну! это въ концѣ концовъ разъяснится... Все разъяснится... Это только вопросъ времени... Смирнитесь и ждите терпѣливо.

— А если я умру, не дождавшись?

— Ну, тогда узнаетъ это человечество... Все для общаго и Единаго и ничего для личнаго и единичнаго... Таковъ законъ міра!..

Праздникъ Николая Демьяновича.

Рождественскій разсказъ князя М. Н. Волконскаго.

Очередь разсказывать остановилась на Иванѣ Семеничѣ. Мы всѣ, собравшись въ праздничный день, занялись тѣмъ, что каждый передавалъ какой-нибудь слышанный фактъ или исторію. Бывшій тутъ, между нами, литераторъ разсказалъ даже цѣлую фантазію, очевидно тутъ-же имъ сочиненную, про двухъ ангеловъ въ безконечномъ пространствѣ, и хотя изъ его ангеловъ ничего путнаго не вышло, тѣмъ не менѣе его все-таки одобрили, потому что „фантазія“ подходила къ праздничному, рождественскому настроенію, а это было все что нужно...

— Лѣтъ десять тому назадъ въ одномъ министерствѣ... (такъ началъ свой разсказъ Иванъ Семеничъ, и всѣмъ стало ясно что это было то самое министерство, въ которомъ онъ служилъ самъ) сидѣлъ за своимъ столикомъ у печки маленькій чиновникъ, старикъ Безпаловъ. Жалованье онъ получалъ незначительное, способностей большихъ не имѣлъ, но отличался аккуратностью, приходилъ на службу раньше всѣхъ и все что бывало ни поручать ему—исполнялъ съ поразительною точностью. Придетъ бывало и вѣчно сидитъ у своего столика, соннувъ въ дугу и безъ того уже сторбленную спину и склонивъ

надъ бумагами полусѣвшую, сѣдую голову. Компаніи онъ ни съ кѣмъ не водилъ. Разговаривалъ мало.

— Высохъ нашъ Безпаловъ, высохъ совѣмъ—теперь его ничѣмъ не проберешь... говорили про него окружающіе чиновники. И дѣйствительно, если поглядѣть со стороны на Безпалова—то казалось всякое душевное волненіе было чуждо ему. Чиновникъ какъ чиновникъ, съ бакенбардами и больше ничего... ни радостей, ни горя никогда не было замѣтно въ его неизмѣнно тупо и упорно-терпѣливомъ выраженіи... Какія у него домашнія, семейныя отношенія—тоже никто не зналъ... И вдругъ въ одинъ день не выдержалъ онъ—весь показался...

Это было въ послѣдній присутственный день передъ праздниками. Раздавали награды. Всѣ были веселы и оживлены. Прохожу я изъ канцелярской по канцеляріи и вижу, что Безпаловъ сидитъ себѣ по обыкновенію у своего стола и что-то ниже, чѣмъ всегда, опустилъ голову надъ бумагами.

Меня точно толкнуло что—дай, думаю, подойду. И подошелъ...

— Что-жъ, спрашиваю,—Николай Демьяновичъ (его Николаемъ Демьяновичемъ звали), награды не идете получать?

Она подняла на меня глаза да так поглядѣла, словно съдователь при допросѣ..

— А вамъ, говорить, что за дѣло? и снова уткнулся писать.

Я понять не могъ, что съ нимъ такое приключилось. Постоянно вѣжливый, ровный, Николай Демьяновичъ никогда и никому не отвѣчалъ такъ грубо... Пожалъ я плечами и отошелъ...

Только ужъ въ концѣ присутствія, онъ самъ ко мнѣ подходить:

— Не вышлите съ меня, просить,—я не хотѣлъ обидѣть васъ...

Я его успокоилъ, что несколько не обиженъ, и вижу, что нижняя челюсть что-то у него на мѣсто понасть не можетъ...

— Николай Демьянычъ, спрашиваю,—да вы никакъ нездоровы, что съ вами?..

Онъ вдругъ сверкнулъ глазами и дрогнулъ весь:

— Нѣтъ-съ, здоровъ я совсѣмъ, а только скажите пожалуйста: развѣ съ бѣднымъ человѣкомъ можно поступать такъ?—изволите знать Тараева, помощника дѣлопроизводителя? (Тараевъ былъ молодой человѣкъ довольно безпутный) Христомъ Богомъ просилъ меня поручиться за него—честное слово давалъ, что заплатитъ, и вдругъ теперь, что-жъ?—и наградами, и часть жалованья вычли у меня въ счетъ его долга... и вѣрите-ли, вотъ безъ гроша къ празднику сижу—да вѣдь не я одинъ—внучата у меня сироты—какъ я къ нимъ приду? Старшая пойметъ—ей пятнадцать лѣтъ; ну а маленькимъ-то, что я скажу въ такой праздникъ, когда всякая душа христіанская калачика проситъ?..

Положеніе Безялова было на самомъ дѣлѣ еще хуже, чѣмъ онъ думалъ, потому что расчесть на Тараева казался весьма сомнительнымъ. Тараевъ былъ весь въ долгахъ и едва-ли могъ заплатить когда-нибудь Николаю Демьяновичу.

Но я, разумеется, не сталъ объяснять ему этого. Жаль мнѣ стало старика... Я выпнулъ бумажинку, чтобы предложить ему взаимъ хоть сколько-нибудь, дескать потомъ сосчитаемся...

Онъ сконфузился, покрасилъ весь.

— Полноте, говорить,—я вовсе не для этого рассказывалъ—извините, что я обезкокопелъ...

И ушелъ...

Уйти-то отъ меня онъ ушелъ, а у самого сердце словно кусокъ льду въ груди застыло. Безъ денегъ домой ему къ себѣ, на Петербургскую сторону, никакъ придти нельзя. Мало того, что праздникъ не чѣмъ встрѣтить, а еще нужно въ лавочку и за квартиру платить. Квартирная хозяйка безпримѣнно наказала, чтобы долгъ ей къ празднику отдать...

Безяловъ вернулся домой поздно. Старшая внучка, Катя, принесла ему обѣду, который сама готовила, и боится спросить про деньги, потому что видитъ ужъ, что дѣвушка пришла самъ не свой. Ходитъ она около и только испуганно смотритъ. Николай Демьяновичъ бѣгъ молча. Наконецъ Катя не выдержала.

— Дѣда, говорить,—а ты деньги принесъ?

Николай Демьяновичъ насунился.

— Мнѣ хозяйка, продолжаетъ Катя,—сегодня утромъ сказала, что къ мировому подаетъ если не заплатимъ ей...

Въ это время маленькая внучка выскочила откуда-то изъ угла и взбралась къ дѣду на колѣни: Такое у нихъ положеніе было, что какъ Николай Демьяновичъ вернется со службы, поѣсть, такъ она къ нему сядитъ и требуетъ рассказовъ...

На этотъ разъ дѣвочка съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждала этой минуты. Ей было самой что рассказать дѣду.

— Слушай, дѣда, начала она, — я сегодня во свѣ маму видѣла... Добрая она... и свѣтлая такая—знаешь такая свѣтлая, что прозрачная точно... Я ее никогда такую не видѣла... и вотъ приходитъ онъ и говорить, т. е. не говорить, а только я понимаю... что у насъ ѣлка будетъ... такая ѣлка, какой никогда не было...

Николай Демьяновичъ слушаетъ внучку, а у самого слезы на глазахъ. Онъ уже когда вошелъ, то замѣтилъ, какъ дѣвочка таинственно поглядывала на него—не принесъ-ли онъ свертки съ подарками и не внесутъ-ли за нимъ ѣлку...

— Ты что-же это, дѣда, плачешь, маму тебѣ жаль? А мнѣ вотъ сегодня ночью, когда я ее видѣла, несколько жалъ не было—такая она радостная была, какъ мѣсяцъ свѣтлый... подошла она къ комоду и вынула она тетину шкатулку, а изъ шкатулки ѣлка... да такая большая, большая... и свѣчи на ней, и все...

— Полно, Леля, перебила ее старшая сестра,—не надоѣдай... ты видишь не до тебя совсѣмъ...

— Да я вовсе не надоѣдаю, обидѣлась Леля.

Входная дверь стукнула и отворилась.

— Миръ вамъ—и я къ вамъ, раздался оттуда голосъ квартирной хозяйки.—Николай Демьяновичъ, деньги принесли?

Безяловъ поднялся ей на встрѣчу.

— Нѣтъ, не принесъ, Анна Семеновна...

Анна Семеновна такъ и остановилась, какъ громомъ пораженная.

— Какъ-же это такъ?

Николай Демьяновичъ молчалъ.

— Завтра, что-ли, отдадите?

— И завтра не отдамъ...

— Да что-жъ вы это шутить, что-ли, со мной выдумали? Я васъ считала за солиднаго человѣка, а оказывается вы не лучше всякаго бонвивана какого-нибудь, прости Господи...

Очевидно для нея „бонвиванъ“ было чѣмъ-то очень срамнымъ... И пошла, и пошла... тутъ всего было: и мировой, и собственная слабость, и безпомощность, и просьба немедленно искать квартиру другую... И сказавъ наконецъ, что это ей послѣднее слово, Анна Семеновна ушла, хлопнувъ дверью, и за стѣной долго потомъ еще слышалось, какъ она кидала въ сердцахъ кострюли и сковороды...

Николай Демьяновичъ сѣлъ къ столу и закрылъ лицо руками...

Единственная надежда теперь оставалась на шкатулку, которую видѣла сегодня во свѣ Леля. Эта шкатулка, розового, дорогаго дерева, съ инкрустациями, досталась дѣтямъ отъ умершей тетки его покойнаго зятя и составляла единственную цѣнность въ семьѣ... По крайней мѣрѣ Николай Демьяновичъ хранилъ ее въ комодѣ, какъ нѣкоторое сокровище, и въ неслучайныхъ случаяхъ показывалъ ее внучкамъ. Кто-то изъ знакомыхъ тоже подтвердилъ разъ, что эта шкатулка очень дорога, и Николай Демьяновичъ съ большою гордостью выслушивалъ эти подтвержденія, съ видомъ, что онъ и самъ это знаетъ... Ему нѣсколько разъ даже приходило въ голову, что вдругъ эта шкатулка историческая и что въ такомъ случаѣ за нее могутъ дать какіе-нибудь любители цѣну гораздо болѣе дорогую, чѣмъ стоимость материала и работы. Случаи такіе бывали. Безяловъ зналъ рассказъ про одного такого-же, какъ и онъ, чиновника, который вдругъ получилъ миллионъ франковъ въ Парижѣ за старинный китайскій сервизъ, бывшій у него. Николай Демьяновичъ все хотѣлъ показать свою шкатулку знающему человѣку, да откладывалъ какъ-то. Положимъ, и знающаго человѣка не находилось.

Разставаться со своею драгоценностью Безяловъ не хотѣлъ пока. Но онъ рѣшилъ отнести въ закладъ шкатулку, увѣренный, что во всякомъ случаѣ получитъ за нее сумму, которая позволитъ ему обернуться на время, а тотъ—Тараевъ—отдастъ ему и онъ выкупитъ залогъ...

Рѣшивъ это, Безяловъ повеселѣлъ. Онъ придумалъ какой-то предлогъ, чтобы удалитъ Катю. Подкрался къ комоду, отперъ его, вынулъ шкатулку, завернулъ ее въ чистую скатерть и, стараясь, чтобы его не видѣли, вышелъ.

— Будетъ ѣлка у васъ, будетъ... успокоилъ онъ Лелю, понавшуюся ему въ снѣгахъ...

Николай Демьяновичъ торопился со своею пошею по улицѣ, чтобы застать ростовщика, единственно боясь, чтобы тотъ не закрылъ сегодня своихъ операцій раньше обыкновеннаго.

Оказалось однако, что еврей ростовщикъ, занимавшійся тайно своимъ промысломъ—передъ праздникомъ, напротивъ, цѣлый день съ утра до поздняго вечера „принималъ“ своихъ кліентовъ.

Еврей оглядѣлъ Безялова, незнакомаго ему, съ ногъ до головы, и замѣтивъ изъ-подъ распахнутой шинели его вице-мундиръ, почувствовалъ видимо къ нему уваженіе...

— Серебро? мягко и ласково спросилъ онъ, показывая на узелъ Николая Демьяновича...

Тотъ, чувствующій себя очень неловко, нѣсколько ободрился ласковымъ пріемомъ.

— Нѣтъ, просто шкатулка, отвѣтилъ онъ, развязывая скатерть.

Еврей поправилъ очки на носу и уже менѣе любезно относился къ Безялову, взялъ у него шкатулку и сталъ ее разглядывать... Онъ постукалъ въ дно, поднялъ крышку, попробовалъ замокъ, повернулъ нѣсколько разъ ключикъ, и опять постукалъ въ стѣнку...

„Сорокъ или тридцать...“ разсуждалъ между тѣмъ Николай Демьяновичъ, „что-жъ, можетъ и тридцать рублей дать... тогда кос-какъ можно обернуться... А вдругъ онъ узнаетъ настоящую ея цѣнность—можетъ быть въ Парижѣ предложитъ послать?“ и онъ по лицу ростовщика старался разгадать, что тотъ думаетъ въ эту минуту.

Еврей поднялъ голову и, отстранивъ отъ себя шкатулку, какъ будто не хотѣлъ болѣе заниматься ею, проговорилъ:

— Рубль!

— Что-о? удивился Николай Демьяновичъ...

— Я говорю рубль получите за вещь, если желаете...

— Какъ рубль—за всю шкатулку?—За эту шкатулку рубль? повторялъ безпомощно Николай Демьяновичъ, чувствуя какъ сердце въ немъ снова холодѣетъ и ноги подкашиваются.—Да развѣ это мыслимо?—Вы посмотрите, вѣдь это-же старинная вещь... бронза, замочекъ, тутъ узоры изъ черепахи сдѣланы... Вы возьмите сколько можетъ стоить гребень черепаховый... а тутъ вѣдь узоры...

Безяловъ не помнилъ уже что говорилъ. Въ глазахъ у него темнѣло...

— Ну хорошо, четвертакъ на проценты прибавлю... согласился еврей...

— Да какъ же четвертакъ... началъ было опять Николай Демьяновичъ...

— Ну, господинъ, не задерживайте, проходите, проходите—желаете рубль двадцать пять—больше не могу дать...

Моя елка. Ориг. рис. Перль, грав. Пястухевичъ.

Безпалов схватилъ подъ мышку свою шкатулку, и забывая повернуть ее въ скатерть и держа эту скатерть въ сжатомъ кулакѣ, пошелъ домой, шатаясь, какъ пьяный...

Какъ онъ шелъ по улицѣ, какъ вернулся домой, и что потомъ было—Безпаловъ не зналъ. Онъ помнилъ только, что кажется отъкачался отъ чаю, который предлагала ему Катя, и очень скоро легъ въ постель...

Пламя керосиновой лампы, горѣвшей по ту сторону ситцевой перегородки, за которой лежалъ Николай Демьяновичъ—было очень красно и словно пожаромъ обдавало своимъ свѣтомъ комнату. Въ виски стучало. Передъ глазами мелькали черепашковые гребешки и мерцалъ блѣдный, совсѣмъ прозрачный лучъ мѣсяца.

На утро онъ проснулся съ тяжелой, отуманенной головой, безъ всякаго сознанія времени, и не зная, хоть приблизительно, который часъ,—рѣшилъ, что очень поздно... На дворѣ стоялъ день.

За перегородкой шевелился кто-то. Безпаловъ притаилъ дыханіе, прислушивался... Это были маленькіе шажки Лели, которая на дыпочкахъ пробиралась черезъ комнату. Потомъ она стала куда-то карабкаться...

И вдругъ въ комнатѣ раздался страшный стукъ, трескъ, точно упало что-то съ высоты, и затѣмъ отчаянный, несетовый крикъ Лели...

Николай Демьяновичъ вскопчилъ, какъ сумасшедшій, накинулъ на себя халатъ и распахнулъ занавѣску. Леля, дрожа отъ испуга и заливаясь не своимъ голосомъ, стояла на суглѣ, возлѣ комода, а на полу лежала разбитая, уроненная ею шкатулка, которую Безпаловъ забылъ вчера запереть въ ящикъ и оставилъ на комодѣ.

— Я... дѣда... силъ-ласъ выговорить сквозь плачъ Лели всхли-

пывая,—я не виновата... она сама упала—я только потянула посмотреть...

Дѣвочка была такъ испугана, что Безпаловъ, забывъ уже о шкатулкѣ, сталъ успокаивать ее...

Катя прибѣжала изъ кухни, дала сестрѣ воды и тоже старалась унять ея испугъ...

Николай Демьяновичъ нагнулся, чтобы поднять шкатулку...

„Нагибаюсь я, рассказывалъ онъ потомъ,—и вдругъ вижу, что дно у нея отлетѣло и оказывается что оно двойное было и въ этомъ самомъ двойномъ днѣ—что бы вы думали—бумага лежитъ; секрета, какъ открывается, дно-то никто у насъ не зналъ—и тутъ вижу бумага—билетъ втораго внутренняго... я какъ примусь плакать... Господи, думаю—за что такое счастье!.. просто слезъ не могу удержать... Катя отъ Лели ко мнѣ: „что вы, дѣда?“—„Да какъ-же, говорю, Катя, смотри, что въ шкатулкѣ-то было“... Побѣждалъ это я въ контору, извозчика взялъ... Стали тамъ просматривать не вышелъ-ли билетъ въ тиражъ—глядь, а его номеръ, три года тому назадъ, семьдесятъ пять тысячъ выигралъ... Что тутъ было—меня чуть замертво не вынесли... Одно только помню, что елка у насъ въ тотъ годъ для Лелечки была всѣмъ елкамъ елка!“

— Ну и что-жь, спросилъ кто-то Ивана Семеновича, когда онъ кончилъ,—этотъ Безпаловъ бросилъ службу вѣрно?..

— Запилъ должно-быть, рѣшилъ литераторъ.

— Нѣтъ, представьте себѣ, господа, возвратилъ Иванъ Семеновичъ,—что не запилъ и службы не бросилъ... а продолжалъ сидѣть у своего столика у печки, и попрежнему пѣвикомъ на службу ходилъ, только съ Петербургской стороны поближе переѣхалъ.

„Эти денги—дѣтскія“, говорилъ онъ, и не тратилъ изъ нихъ на себя буквально ни копѣйки...

Въ Виледемъ.

А. Свѣчина (Старога Паломнина).

(Путевыя впечатлѣнія, воспоминанія, историческія замѣтки).

(Окончаніе).

III.

24 декабря, вечеръ и ночь.

Наружный видъ многихъ великолѣпныхъ сооружений древняго христіанскаго міра на Востоцѣ, какъ бы намѣренно, сокрытъ отъ взоровъ. Ая-Софія въ Стамбулѣ такъ застроена кругомъ неуклюжими зданіями, что надъ ними видѣется одинъ знаменитый куполъ,—это чудо, предметъ удивленія даже современныхъ намъ строителей. Въ храмѣ Воскресенія Св. Града свободна только незначительная часть сѣверной стѣны отъ прилегающихъ зданій. И базилика Виледемская застроена монастырями греческимъ и католическимъ такъ, что судить невозможно о ея размѣрахъ по наружному виду.

Храмъ, въ которомъ мы готовились провести часть ночи великаго христіанскаго праздника, воздвигнутъ усердіемъ Св. Константина и Елены въ IV вѣкѣ. Въ 333 году онъ уже былъ оконченъ. Блескъ и богатство его украшеній описывались современниками какъ нѣчто сказочное, поражавшее взоры зрителя... А нынѣ? Нынѣ на Востоцѣ полное отсутствіе заботы о благолѣпнѣ храмовъ. Упадокъ-ли негннной вѣры, взаимная ли вражда инославныхъ духовенствъ—причиною? Что бы ни было, но жалкій видъ такихъ храмовъ, какъ Воскресенія въ Иерусалимѣ и Рождества Христова, есть печальное свидѣтельство въ глазахъ магометанъ, властвующихъ въ странѣ.

Въ Виледемѣ сооруженіе Константина въ теченіе 15 вѣковъ сохранило первоначальныя очертанія болѣе всѣхъ храмовъ его эпохи. Это удостоверяется авторитетами. По центральной оси, отъ востока къ западу, въ длину считалось 110 метровъ (болѣе 50 саж.), въ вышину до 10 саж. Оно состояло изъ: 1) большого полукружія съ тремя абсидами надъ вертепомъ Рождества, 2) громадной базилики съ четырьмя рядами колоннъ коринтскаго ордена, 3) крытаго портика и 4) открытаго атриума того же размѣра, какъ и великолѣпная колоннада. Теперь атриума не существуетъ; немогущій темный портикъ служить загономъ вьючнаго скота (!). Сообщеніе съ площадью—чрезъ низкое, желѣзнымъ притворомъ замыкаемое отверстіе. Но впечатлѣніе при входѣ въ грандіозную колоннаду не поддается перу. Пять пролетовъ между рядами колоннъ, величина, пропорціональность, изящество всѣхъ частей и линий—поражаетъ. Мысль невольно преклоняется предъ искусствомъ константиновскихъ зодчихъ. Именъ ихъ исторія не сохранила. На выблѣнныхъ мѣломъ стѣнахъ кой-гдѣ еще видѣются черными пятнами остатки древней мозаики. Поэтому или сводомъ нѣтъ. На капителѣ сорока-восьми колоннъ упирается система строилъ изъ такъ-называемаго каменнаго дуба, по мѣстности ивыжъ—изъ кедровъ ливанскаго. Восточное полукружіе отдѣлено отъ колоннады поперечною стѣною съ тремя проходами. Въ среднемъ абсидѣ—греческій алтарь за стариннымъ иконостасомъ съ позолоченною по дереву рѣзбою мельчайшей, точно филигранной работы. Въ ширину иконостаса до поперечною стѣны возвышается мраморный помостъ. Онъ под-

пятъ надъ пещерою. Въ лѣвомъ (сѣверномъ) абсидѣ—алтарь армянъ. Съ обѣихъ сторонъ греческаго—спускъ въ пещеру. Тамъ въ полукруглой нишѣ, подъ мраморной доской престола, уставленнаго Св. иконами, лежитъ серебряная звѣзда, освѣщаемая множествомъ лампадъ. Кругомъ латинская надпись: „Здѣсь родился Исусъ Христосъ“. На мраморной доскѣ священнодѣйствуетъ только греческое духовенство, католики владѣютъ исключительно яслями въ другой боковой нишѣ. Въ углубленіи пещеры въ три ряда висятъ тяжеловѣсныя лампы древней чеканки. Стѣнки углубленія увѣшаны штофною драпировкой. О ней слышалъ я въ 1874 году, при посѣщеніи Виледема, грустный рассказъ: въ то время произошла въ самомъ храмѣ рукопашная борьба между монашескими греками и армянами. Лилась кровь; ружейными прикладами и пугаями Св. иконы обращались въ щепы. Вскорѣ за тѣмъ греки замѣнили старую, обветшавшую драпировку на этихъ стѣнахъ новою. Армяне ночью сорвали ее, и повѣсили свою. Слѣдующею ночью греки отвѣчали тѣмъ же, заявляя на такое украшеніе свои права. Споръ дошелъ до свѣдѣнія султана. Чтобы положить конецъ, Абдуль-Азизъ велѣлъ уничтожить драпировку и прислалъ свою (!) Съ той поры нынѣ отъ турецкаго караула день и ночь выставляется въ вертелѣ часовою. Изъ пещеры тѣснымъ подземнымъ коридоромъ проходятъ къ нишѣ, гдѣ Св. Иеронимъ переводилъ Библію, къ мѣсту, гдѣ сложены были кости, убитыхъ Иродомъ, младенцевъ, и къ гробницамъ нѣкоторыхъ виледемскихъ подвижниковъ. Подземелье это сообщается съ католическимъ костеломъ, смежнымъ съ южною стѣною Базилики.

Для посѣтителя палестинскій монастырь въ первыя минуты—загадка. Что онъ видитъ—не складывается съ его понятіемъ объ общежитіи монашеской братіи, но болѣе или мене строгому монастырскому уставу. Большинство здѣшнихъ монастырей прежде всего пристанище для богомольцевъ, родъ хана, караванъ-сарая. Вѣдность церкви въ нѣкоторыхъ, даже въ болѣе значительныхъ, невообразима. Вблизи Иорданской долины въ Иудейскихъ горахъ я нашелъ въ монастырѣ Хозевита церковь безъ крыши, кой-какъ прикрытую древесными вѣтвями, птицы свободно въ ней летали и садились на престолъ; вмѣсто иконостаса—висѣла перегородка изъ стараго ситца; мѣстные образа—дубочное произведеніе московскихъ изгографовъ на сырой бумагѣ, были приколоты къ ней булавками. Такимъ монастыремъ завѣдуетъ игуменъ, иногда архимандритъ. Иеромонахъ, рѣдко іеродиаконъ, два-три послушника для всякой черной работы по обители,—вотъ и весь персоналъ.

Громадный Виледемскій монастырь непосредственно прилегаетъ къ Базиликѣ съ южной стороны... Постройка такъ своеобразна, что кажется лабиринтомъ. Слѣдуемъ за проводниками; мнѣя обширный сарай для животныхъ и сырой, грубо мощеный дворикъ, мы поднимаемся вдоль какой-то стѣны по крутой лѣстницѣ, сворачиваемъ на мостъ, перекинутый черезъ

дворикъ, идемъ по безконечнымъ галлереймъ, выше-выше, потомъ спускаемся двумя-тремя ступенями на крытую цистерну, мимо колокольного навеса, мимо башенныхъ часовъ, опять входимъ по лѣстницѣ въ нѣсколько колѣтъ. Наконецъ мы въ верхней галлерей, гдѣ наши комнаты. Три обширныя, свѣтлыя, въ коврахъ, введены консулу и состоящимъ при немъ. Мы—рядомъ небольшая чистая келья съ роскошною, казалося, постелью и широкимъ диваномъ. Генерала пригласилъ къ себѣ консулъ, но жена его и большая барыня чуть не плачутъ. Ихъ комната съ легкою рѣшетчатою дверью на галлерей; къ нимъ свободно вторгается атмосферный воздухъ, а въ эту пору года по ночамъ термометръ спускается до 2—3° выше нуля. Уступаю имъ свою комнатку... Впрочемъ, спать намъ едва-ли придется.

Вечерня кончилась; слѣдуетъ сдѣлать визитъ Патріарху. По небольшой наружной площадкѣ съ паранетомъ, мы идемъ въ помѣщеніе Вилеоемскаго митрополита. Изъ его передней опять тяжелая мраморная лѣстница, она ведетъ въ патриаршіе покои. За длинной, свѣтлой аванзалой, обширная пріемная съ широкими окнами на три стороны. На стѣнахъ портреты Государя Императора и Государыни Императрицы, Англійской королевы, Греческаго короля и — султана. Тутъ же картина осады Иерусалима Титомъ и его римскими легионами, карта Палестины, карта Синая. Узнаемъ, что заутрення начнется въ 9 часовъ вечера, крестный ходъ, часы и обѣдня продлятся до солнечнаго восхода, т. е. до 6 часовъ; спусходи къ челоуѣческой слабости, Патріархъ проситъ отдыхать до 2-хъ, обѣщая прислать за нами передъ началомъ крестнаго хода. Самому же масгитому и больному Иерарху предстоитъ девятичасовое молитвенное бдѣніе въ тяжеломъ облаченіи. Кто-то изъ насъ намекнулъ на необычайность постройки монастыря. „Вопросъ архитектурный, сказалъ Патріархъ, — вопросъ праздный. Молодой человекъ, мы не въ Европѣ. Отходя ко сну, вспомните на какомъ мѣстѣ находится это, не по вкусу европейскому, возведенное зданіе? Оно было въ наслѣдственномъ владѣніи Вооза, городского шейха (по-русски — городского головы), и его нисходящихъ Овида, Йессей, царя Давида. По всѣмъ библейскимъ и археологическимъ даннымъ — это вѣрно. Тогда на шейхѣ лежала обязанность принятія чужеземцевъ, религиозный долгъ, который и нами не забывается. Для сего у нихъ всегда имѣлся „гостинный ханъ“, при входѣ въ городъ, при дорогѣ. Путь изъ Иерусалима въ Египетъ лежалъ всегда мимо Вилеоема, и ханъ Вооза, по очертанію холма, могъ быть только на этомъ мѣстѣ. Иосифъ и Св. Дѣва должны бы найти пріютъ только въ этомъ ханѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и мой „мѣрности“ предоставлено обѣщать васъ всѣхъ отходящихъ ко сну — святыхъ благословеніемъ“. Намъ обѣщали по неизмѣнному обычаю и довольно ситнино *лико-чиро* (варенье и водою), ликерами, кофе и шаприсами. Приличіе требовало сократить бесѣдованіе, мы стали подходить подъ благословеніе и удалились.

Не ночной отдыхъ ожидалъ насъ, а ужинъ въ трапезной, въ полномъ смыслѣ слова постный. Первое мѣсто занялъ, разумѣется, Вилеоемскій митрополитъ, по сторонамъ сѣли митрополиты Синопопольскій, Петры Аравійской, архіерен Іорданскій и др. Мы знаменательно поглядывали только другъ на друга, когда обносили блюдо за блюдомъ. Дѣйствительно „меню“ для насъ было непривычное. Вотъ что мы видѣли: круглое, огромное блюдо, на немъ гора дымившихся улитокъ, внегретъ *горячій* (?) изъ луку, зелени, рису, сардинокъ и маслинъ, горячій рисъ съ зеленью, холодная зелень съ рисомъ подъ укусомъ, мелкіе, какъ брусельская капуста, артишоки, халва и яффскіе апельсинны. Досадно и завидно было смотрѣть на аниетигъ нашихъ амфитрионовъ. Прикоснулись мы только до артишоковъ, дѣйствительно вкусныхъ. Здѣшній хлѣбъ — простая лепешка изъ грубого, сыраго тѣста, истыканнаго пальцами пекаря, величиною въ нашъ блинъ. Ровно въ девять духовенство отправилось къ службѣ, — мы соборались всѣ къ консулу, гдѣ и усѣлись около бѣсѣдываго великана-самовара.

Верховая, хотя не утомительная, ѣзда, смѣнявшаяся впечатлѣнія дня, новизна окружающей природы, самое мѣсто, гдѣ находились, близость Святаго вергена, переживаемыя торжественныя минуты — все это сообщало намъ какое-то необычайное настроеніе, чувство удовлетворенности, похожее на испытываемое вѣрующимъ состояніе душевной радости послѣ причащенія Св. Тайнъ. Настроеніе это живою падавшими силами. Чай, присланный изъ Нижняго знатокомъ, придавалъ бодрости, и деспотическія права сна были забыты. Генераль съ женою, консулъ и я, въ числѣ нѣсколькихъ поклонниковъ, сошлись на мраморной площадкѣ у покоевъ митрополита, любоваться тишиною и прелестью ночи.

На темномъ фонѣ неба высоко горѣли два креста Базилки, увѣшанные для праздника лампочками. Млечная путь, точно паръ пущенный изъ какого-то невидимаго паровоза-гиганта, тянулася надъ нами, разсѣкая мрачный сводъ неба. Вырывающийся изъ-за облаковъ полный мѣсяцъ медленно плылъ къ зениту. Въ сумракѣ ночи, дикіе, непривѣтливые холмы и горы, казались громадными волнами океана, какъ бы въ одно мгновеніе ока застывшими, окаменѣвшими. Вершины ихъ серебрились блесоватымъ свѣтомъ. Такъ, вѣроятно, почти

двѣ тысячи лѣтъ назадъ, въ такой же ночной тишинѣ озарялъ холмы вилеоемскій свѣтъ звѣзды, путеволившей Волхвъ на поклоненіе Свѣту и радости, какъ восклицалъ Варухъ, посланной Иерусалиму отъ Бога... Отчетливо рисовались очертанія „джебель-Фурендисъ“ или „Столовой горы“ съ плоскою, точно срубанною вершиною; тамъ въ I вѣкѣ блистала отъ солнечныхъ лучей золотомъ крышею и золотомъ окованною колоннадою „Иродіонъ“, великолѣпный дворецъ Ирода великаго, великаго тирана, вѣроотступника, братоубійцы. Вотъ облитыя луннымъ свѣтомъ вершины горъ: Рая, Гедоръ, Гибей... Ближе — Млечная пещера, пастушеская долина, памятные легендарными сказаніями. Взоръ мысленно проникаетъ дальше, къ смиреннымъ подвижникамъ монастыря Св. Саввы, къ Енгадди, къ Мертвому морю. Эти холмы, эти виноградные сады, оливковыя, финиковыя деревья, все это свидѣтели величайшаго въ мірѣ событія. Озирая окрестную природу и вспоминая записанное, можетъ быть со словъ самой Матери, повѣствованіе Св. Луки о рожденіи Младенца, — какъ живо, ослзательно, ярко представляю себѣ здѣсь это событіе и картину душевнаго состоянія современныхъ обитателей Вилеоема! Въ то время ждали истиннаго Мессію ежеминутно по всей Палестинѣ.

2-й часъ ночи.

„И родила Сына Своего первенца и спеленала Его, и положила Его въ ясли, потому что не было Имъ мѣста въ гостиницѣ“, провозглашалъ по-гречески Патріархъ Св. града Иерусалима въ царскихъ дверяхъ, обращенный лицомъ къ народу, окруженный духовенствомъ и многочисленнымъ клиромъ со свѣчами и развѣвавшимися высоко хоругвями.

Мы стояли теперь надъ тѣми самыми яслями, надъ убогою, соломою устланною тогда колыбелью, во храмѣ шлывшемъ тысячами огней. Базилка вся въ безконечныхъ, безчисленныхъ гирляндахъ изъ разноцвѣтныхъ лампочекъ. Этихъ стеклянныхъ шариковъ сіяющихъ какъ звѣзды — десятки тысячъ. Густая толпа народа со свѣчами. Паникадила, иконостасъ, ризы образовъ, богатые облаченія духовенства, — все озарено свѣтомъ, все блеститъ. Имъ облиты стѣны, капители колоннъ, стропила крыши. Какъ кованное золото сіяетъ облаченіе мастигаго Иерарха (роскошное подношеніе московскаго купечества), сіяютъ драгоценные камни его тяжелой митры. Сослужащее вышее духовенство въ черныхъ клобукахъ. Такъ здѣсь полагается по уставу. Тысячи русскихъ поклонниковъ, православные жители Вилеоема — въ восточномъ полукружнѣ храма; арабы, пришлые изъ Галилеи, со всей Іудей, даже изъ Газы и Аскалона, сілочеы въ пролетахъ Базилки. Всѣ въ арыихъ, праздничныхъ одеждахъ, арабы-бедуины въ громадныхъ чалмахъ. Кончивъ чтеніе Евангелія, Патріархъ величественно благословляетъ предстоящихъ діаріемъ и триаріемъ. Съ двухъ клировъ громогласно раздаются многолѣтіе: „Никодиму ту макариатату, тео тату те ке панагюатату патрос имон ке патріарху тис агееос іерусалим ке насие палестинае, сираис, аравіас, пераи ту іордану кана тис галилеас ке агіас сіонъ — полати эти!“ (Н. блаженному, всевятому отцу нашему и патріарху святаго града Иерусалима и всей Палестины, Сиріи, Аравіи, стражъ заіорданскихъ, Канъ Галилейской и святаго Сіона — многая лѣта!)

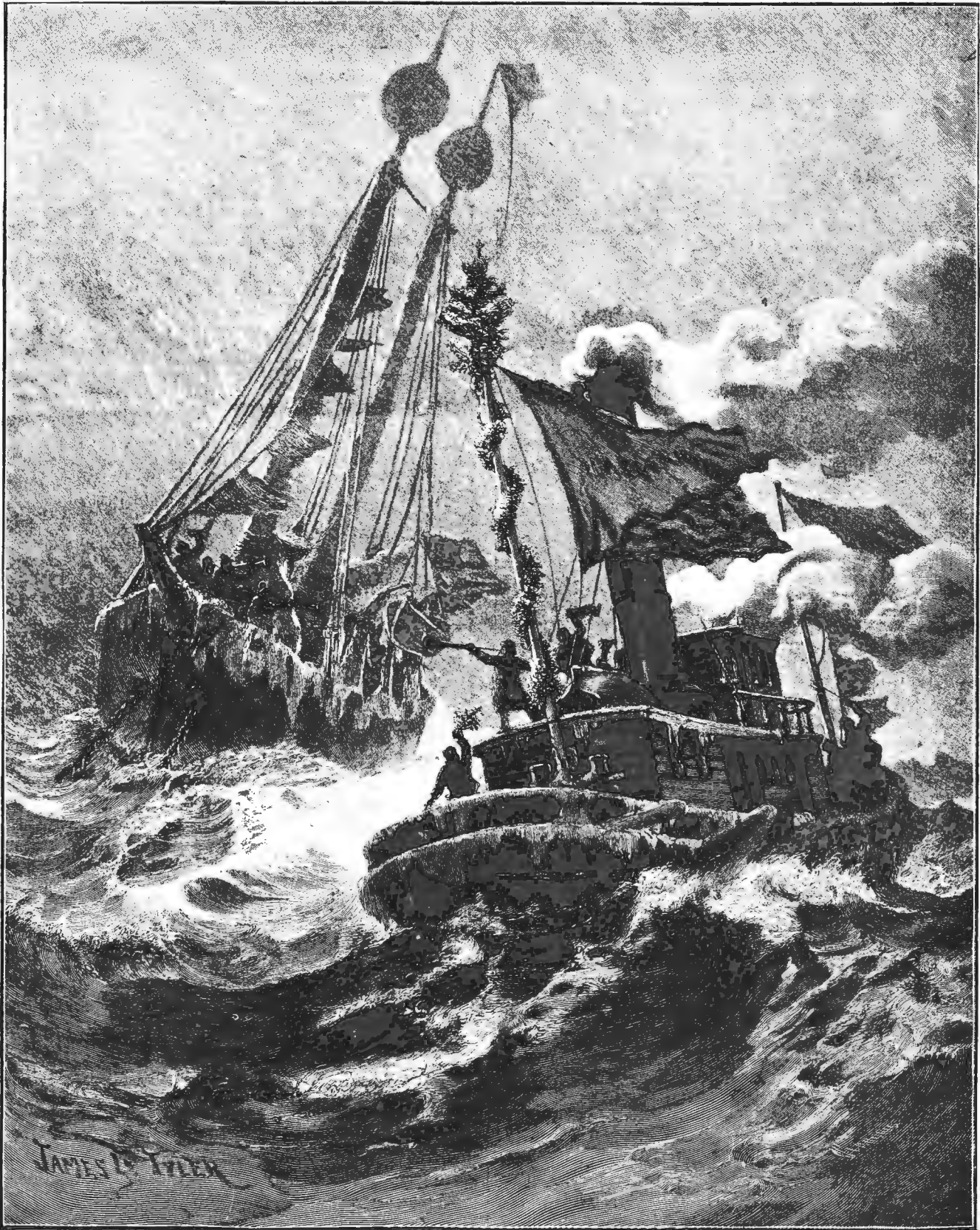
Начинается крестный ходъ. Кавасы въ два ряда съ усиленнымъ очищаютъ путь. Впереди архимандритъ, завѣдывающій процессіями, іѣвчье, діаконы съ кадильми, затѣмъ священство, іерархи по чину, блаженнѣйшій Патріархъ; у него въ рукахъ небольшой крестъ съ частью Живоноснаго Древа, ушпанный изумрудами, рубинами и брилліантами. Четыре іеродіакона, лицомъ обращенные ко кресту, чествуютъ его драгоценнымъ ливанскимъ еиміамомъ. Облака благоуханнаго дыма несутся изъ кадиль. Слѣдуютъ консулы русское и греческое, дворня, паломники и богатые туземцы... Все это поочередно, такъ сказать, гуськомъ проходитъ въ узкую дверь поперечной стѣны. Тихо, медленно подвигается процессія по боковымъ пролетамъ между колоннъ; при этомъ Блаженный, каждые три-четыре шага останавливаясь, благословляетъ народъ. Троекратный обходъ Базилки длится почти два часа. Арабы, феллахи, бедуины бросаются на колѣна передъ Патріархомъ, снимаютъ чалмы; нѣкоторые ловятъ край его одежды, цѣлуютъ. Благословеніе, дѣтская душевная радость, счастье сіяютъ на смуглыхъ лицахъ этого простаго люда.

Но и крестному ходу конецъ; по уставу слѣдуетъ служба въ самомъ вертепѣ. За Патріархомъ сходятъ только оба митрополита и діаконы. Кавасы показываютъ чудеса ловкости и силы, удерживая толпу устремившуюся въ пещеру. Все подземелье пространствомъ не болѣе 300—400 куб. арш. Тамъ давка невыносимая. Жара моментально достигаетъ 30—40 градусамъ. Отъ духоты дамы падаютъ въ обморокъ. Совершенный недостатокъ кислорода, гаснутъ свѣчи, едва теплятся лампады. По необходимости духовенство ускоряетъ молитвы, но тѣмъ не менѣе служба длится около трехъ четвертей часа, служба на греческомъ языкѣ, для большинства непонятная безъ предварительнаго истолкованія ея чина и молитвъ для него составленныхъ. Давка достигаетъ ужасающаго размѣра. Приложиться за Патріархомъ къ звѣздѣ Рождества нельзя и думать. Со страхомъ за свою особу, каждый снѣшитъ вытти прежде

другого. Хаосъ невообразимый. Турецкій часовой стоитъ, и безучастно въпраетъ на происходящее.

Но и наверху, за отсутствіемъ вентиляціи, жара и духота нестерпимы. Порядокъ, относительная тишина мало-по-малу приходятъ въ норму. Начинается торжественная обѣдня. Служба Никодима понстнѣтъ глубокоторжественна. Сколько разъ

Намъ отведены мѣста, устроенныя для сидѣнія на обонхъ клѣросахъ. На Востокѣ въ такіе праздники обѣдня длится безъ конца... около трехъ часовъ. Причащаются до восьмидесяти челоуѣкъ сослужащаго духовенства. Въ это время проповѣдникъ отецъ архимандритъ Г. Яр. говоритъ проповѣди на трехъ языкахъ: греческомъ, русскомъ и арабскомъ.

Святки на брандвахтенномъ суднѣ. Рис. Тайлера.

я былъ свидѣтелемъ, какъ его появленіе по освященіи Даровъ въ царскихъ вратахъ съ прочувствованнымъ всѣми фибрами сердца возгласомъ: „Господи, Господи! Призри вертоградъ сей, который насадила десница Твоя“... вызывало теплыя слезы у многихъ предстоявшихъ.

Признаться-ли?—Слѣдуетъ; правда обязываетъ: не многіе изъ насъ остаются до конца службы во храмѣ. Чтѣ дѣлать? Самое страстное желаніе удовлетворить нравственную потребность духа—и оно охлаждается, умалается, совсѣмъ исчезаетъ по мѣрѣ паденія физическихъ силъ.

Заря еще не занималась, когда мы, едва переступая съ ноги на ногу, поднялись по круглым ступенямъ наверхъ. На открытой площадкѣ, гдѣ еще недавно любовались невозмутимой тишиной заснувшей природы, — вдругъ обдалъ насъ свѣжій, порывистый вѣтеръ. Зловѣщія тучи опять черными пятнами неслись по темному небесному своду; мѣсяць совѣтъ заволокло. У монастырской стѣны внизу раздается протяжный, отвратительный вой голодныхъ шакаловъ.

Силы окончательно оставляютъ... Молча, инстинктивно расхаживая мы по порамъ. Въ мечтѣ о сладкомъ снѣ, много сбрасываю одежду, но заслуженное право отдыха такъ и остается мечтою... О, греки, греки!.. Легионъ миниатюрныхъ гимнастовъ... сила, одолавающая и горячія мечты! Досадливо вспоминалась мнѣ жестяночка отъ Штоль и Шмита, оставшаяся на моемъ комодѣ въ Иерусалимѣ. До поздняго часа утра въ лихорадочномъ бредѣ прислушиваюсь я къ крупнымъ каплямъ, безъ перемежки барабанившимъ въ стекла. Не забывшись ни на минуту, вскакиваю съ постели изломанный, убитый, злой, посылая всякаго рода эпитеты по адресу монастырской прислуги.

Стучатся въ дверь. Митрополитъ шлетъ любезное приглашеніе пожаловать въ 11 часовъ къ обѣденному столу. Эти обѣды мнѣ давно знакомы: чистый куринный бульонъ, горячая разварная курица, сухая, тощая, безъ приправы, затѣмъ масса разныхъ пряныхъ изготовлений. Безъ аппетита, въ неурочный часъ сидѣть безконечно за этимъ столомъ—свинеи монахъ сила. Поглядываю въ окно. Кажется, прочищается, кое-гдѣ проглядываетъ синева, ливель прекратилась. Приказываю сдѣлать осла, украдкой пробираюсь внизъ, *муръ* догадливо подсаживаешь въ сѣдо, и оставляю монастырь. Клонить сонъ, но еще бодро слѣдую по Виллемежскимъ закоулкамъ къ спуску, обгоняя двѣ-три группы возвращающихся во-своеи ибшеходовъ. Но часъ покоя дома, въ своей постели, еще не былъ такъ близокъ. Не достигъ я памятника Рахилъ, какъ налетѣлъ вихрь, съ ливнемъ крупнымъ, боковымъ. Рветъ и мечетъ

онъ вѣтви стоящихъ одиноко маслинъ. Осликъ мой, бодро ступивъ въ огромную лужу, вдругъ останавливается и, какъ вкопанный, ни съ мѣста, на самой серединѣ. Бью *курбачемъ* (хлыстомъ) что есть силы, дергаю уздой вправо, влево. Животное ни шагу. Холодный вѣтеръ рветъ съ меня до нитки промокшій гавелокъ, рветъ зонтикъ, грибомъ выворачиваетъ кверху, — осель неподвижно стоитъ! Сойти? Нельзя, лужа на поларшина. Достая апельсинъ, нагибаюсь, даю ему въ ротъ, хочу задобрить, подкупить. Нѣтъ! Сосеть, съ жадностью сосеть подачку и—ни съ мѣста! Вижу, съ Хевронскаго шоссе подходятъ какія-то двѣ фигуры, черныя, лоснящіяся, какъ старинная бронза, и почти голыя — абиссинецъ со своей невѣстой, какъ узнаю послѣ. У мужчины какой-то своеобразный инсертментъ, длинный лукъ съ натянутыми струнами, ничего болѣе; сзади шагаетъ рослая, плотная фигура, настоящая красавица Африки, съ сверкающими глазами и крупными, красными губами; на снѣжкѣ у нея тяжеловѣсная ноша. Рабъ негуса Юанна индигриствуетъ на поклоненіе Св. Гробу Господню; у Коутскаго алтаря состоится его свадьба. Понялъ онъ мою отчаянную мимикку—какая страшными курчами обнаженной головы, и скаля зубы, схватываетъ уздечку, тянетъ. Капризѣнѣйшей изъ палестинскихъ *амарокъ* видимо того только и хотѣлось,—зашагала мѣрно, спокойно, и не размыслила о приключившемся съ ея мозгами затменіи. Три *бегилыка* (меньше рубля) и пачка промокшихъ папирсъ были моему спасителю неданной и неслыханной цѣны наградой. Онъ бросается цѣловать мою... калошу; а когда, закуривъ папирсу, милостиво протянулъ одну будущей подругѣ, та подарила меня восхитительной улыбкой, причемъ выставила все нормальное число зубовъ, чудныхъ, какъ бы выточенныхъ изъ слоновой кости.

Спустилась въ сибаритомъ лежалъ въ постели и, думая о толпѣ молившихся во храмѣ Рождества, пришелъ нечаяннымъ путемъ къ сравненію: у Каабы въ Меккѣ перебиваютъ въ годъ многія сотни тысячъ, а у Св. Гроба въ Иерусалимѣ?.. Меньше и десяти тысячъ... Это цифры вѣрныя, много говорящія!

Сочельникъ въ лѣсу.

Святочный разсказъ В. Горева.

Вечерѣтъ. Медленно закатилось солнце за край лѣса, и на западѣ стоитъ яркая, пурпуровая полоса, обѣщающая на завтра хорошую погоду и сильный морозъ. Еще кое-гдѣ на высокихъ деревьяхъ снѣгъ продолжаетъ блестѣть яркими искрами, но мало-по-малу онъ гаснутъ одна за другою. Настаетъ тишина, та особенная тишина, которая бываетъ только въ лѣсу въ сильно морозныя сумерки, когда каждый шорохъ и трескъ далеко разносятся и слышатся особенно отчетливо въ прозрачномъ и сухомъ воздухѣ. Деревья, облеченныя въ пышныя зимнія одежды, стоятъ—не шелохнутся, словно обняло ихъ какое-то раздумье или спокойная дремота. Теперь не слышно въ лѣсу того таинственнаго шепота, который окружаетъ васъ со всѣхъ сторонъ, когда, даже въ самый тихій лѣтній день, войдете вы въ тѣнь развѣсистыхъ сосенъ. Ихъ непонятная, монотонная рѣчь прекратилась съ тѣхъ поръ, какъ одѣлись онѣ въ свои пушистыя шубы. Только развѣ изрѣдка, въ ненастный день, когда сердитая вьюга, наскучивъ металась по полю, съ свистомъ и шумомъ ворвется въ лѣсную чащу, — закачаются величавыя сосны и угрюмо зашумятъ, словно негодуя на злую старуху, разбудившую ихъ отъ сладкой дремоты. Да еще порой изыбшая ворона съ размаху сядетъ на толстую вѣтку, съ которой тотчасъ снѣгъ съ шумомъ повалится на землю, — и долго потомъ еще качается обнаженная вѣтка съ протяжнымъ и жалобнымъ скрипомъ.

Лѣсомъ пролегалъ извилистая, узкая тропинка, которую можно различить только по оставшимся на ней недавнимъ человѣческимъ слѣдамъ. Она то выбѣжитъ на край небольшой лѣсной полянки, то, сдѣлавъ два-три прихотливыхъ изгиба, снова забьется въ мрачную чащу и вьется подъ низкими пушистыми сводами, которые образовали своими распростертыми вѣтвями могучія сосны и ели.

По тропинкѣ медленно шли сѣдой, какъ луна, высокой старикъ и мальчикъ лѣтъ восьми, оба въ теплыхъ полушубкахъ, валенкахъ и бараньихъ шапкахъ. Мальчикъ съ трудомъ ступалъ по глубокому снѣгу, доходившему ему почти до колѣнъ; старикъ былъ тоже уставши и тяжело переводилъ духъ.

— Охъ, измаялся я, Ванюша! Постои-ка, передохнемъ немножко, сказалъ старикъ, останавливаясь. — Да ты не озябъ-ли, пострѣль?

— Нѣту, дѣдушка; тутъ въ лѣсу тепло, хорошо, не то что въ подѣ съ селомъ: тамъ вѣтеръ такой холодный, а сюда, чай, онъ никогда не заглядываетъ.

— Ишь, благодать-то какая кругомъ! продолжалъ старикъ, — славный сочельникъ выдался нынче; давно такого не запомню: ни одна вѣточка не шелохнется — все какъ застыло. Хорошо теперь въ лѣсу, и домой идти не хочется; такъ кажется и ночевалъ бы тутъ.

— А тебѣ не страшно было бы, дѣдушка?

— Да чего же теперь бояться. глупеньшій?

— А лѣшаго, дѣдушка! Лѣшій, говорятъ, злющій такой, — какъ найдешь вечеромъ человѣка, такъ и пойдетъ таскать его по лѣсу, пока не заморитъ.

— Экъ, сказалъ! Нѣтъ, братецъ, нынче вся нечистая сила убралась со свѣту Божьяго; не посмѣетъ шишига подѣ Христовъ праздникъ людей морозить, — не его этотъ вечеръ. Теперичка все злое прячется отъ добрыхъ людей и обидѣть не смѣетъ.

— И волкъ тоже прячется?

— Волкъ хоть и не прячется, а все-жъ волкомъ на-сегодня не оказывается. И знаешь, Ванюша, въ эту ночь все звѣрье забываетъ свои повадки. Заяцъ не бѣжитъ отъ волка, а волкъ его не тронетъ; козуля смѣло выходитъ изъ чащи; выцѣлзаетъ и медвѣдь изъ берлоги, переставши сосать свою лапу. А только время подойдетъ къ полночи, такъ все это звѣрье и валитъ къ одному мѣсту. Говорятъ люди, что и у насъ въ лѣсу есть такое мѣстечко. Знаешь тотъ высокій дубъ надъ рѣчнымъ оврагомъ, версты три отсюда, широкой такой, развѣсистый... Я еще мальчишкой былъ такимъ, какъ ты теперь, а помню его всегда одинаковымъ; а передъ нимъ полянка небольшая. Туда-то идутъ звѣри въ Сочельникъ, и бають, дитятко (старикъ понизилъ голосъ), что только настанетъ полночь, такъ явятся у того дуба Богородица и благословить тварей. И познаютъ неразумныя, что и они Божьи творенья, и поклонятся Заступницѣ всѣ, и разойдутся въ разные стороны тихо и чинно, и не трогаютъ другъ дружку.

Старикъ замолчалъ и задумчиво глядѣлъ на небо, которое мало-по-малу начинало темнѣть и зажигаться звѣздами. Ваня тоже присмирѣлъ и думалъ о томъ, что сказалъ ему старикъ дѣдъ. Хотя и чудными кажутся ему эти слова, но онъ вѣритъ имъ: дѣдушка старъ и все знаетъ...

— Ну, пойдемъ, внучекъ. Кутья уже ждетъ насъ, да и отецъ твой вѣрно вернулся изъ лѣсу голодный. Пойдемъ!

И старикъ медленно двинулся впередъ, опираясь на длинную сучковатую палку. Поплелся за нимъ и Ванюша. Ему вдругъ сдѣлалось почему-то страшно. Такъ и кажется ему, что сейчасъ среди этой мертвой тишины рывкнетъ гдѣ-нибудь недалеко косматый медвѣдище, или лѣшій засмѣется своимъ возлимымъ голосомъ, отъ котораго волосы дыбомъ на головѣ становятся. Вдругъ гдѣ-то въ сторонѣ раздался сухой, протяжный выстрѣлъ. Услужливое эхо быстро подхватило его и понесло по-вѣтру далеко-далеко, въ самую глубь лѣса. Ваня вздрогнулъ и стремглавъ винулся къ дѣду. Онъ ухватилъ старика обѣими руками за полушубокъ, да такъ и прилипъ къ нему.

— Полно, родимый! Что ты первый разъ слышишь какъ стрѣляютъ, что-ли? Вотъ она дѣвора-то всегда такая: разскажи ему что-нибудь чуднаго, такъ онъ и своей тѣни станетъ бояться.

— Да я уже не боюсь, дѣдушка, сказала Ваня, оправляясь отъ неожиданнаго страха. — Миѣ Богъ вѣсть что причудилось, какъ громыхнуло надъ головою.

— Эхъ, лядящій какой-то дѣтина потѣшается тамъ съ ружьишкой! Не пріятело нынче доброму человеку охотиться. Смотри, Ванюша, когда будешь стрѣлякомъ, не бей въ Сочельникъ звѣря, коли онъ тебя не трогаешь. Грѣхъ тебѣ будетъ, потому праздникъ Христовъ не для насъ однихъ, людей, приходишь, потому что и у него въ этотъ день проясняется душа, и онъ, какъ человекъ, чувствуетъ великую годину. И баюютъ, Ванюша, что если подстрѣлить въ этотъ день звѣришку, то онъ взмолился человѣческимъ голосомъ, и плакать будетъ, и стонать, какъ живой человекъ. А если...

— О-го-го! раздалось снова въ лѣсу, въ той сторонѣ, откуда были слышаны выстрѣлы.

— Ишь, грѣховодникъ, еще отзывается! Ужъ молчалъ бы, злое дѣло сдѣлавши, а то шѣтъ—кричитъ: слышите, молъ, добрые люди, каковъ я молодецъ!

— Дѣдушка, дѣдушка, да вѣдь это тяткинъ голосъ, право тяткинъ; это онъ кричитъ.

— А и взаправду, кажись, это онъ—срамникъ. Должно сюда идти; обождемъ-ка его, внучекъ, да узнаемъ, чего онъ тамъ такую кутерьму подвѣлъ.

Нѣсколько минутъ стояли они молча, прислушиваясь. Наконецъ невдалекѣ послышался скрипъ шаговъ по намерзшему снѣгу, и на поворотѣ тропинки показался здоровенный мужикъ лѣтъ двадцати семи. За поясомъ у него былъ привѣшенъ большой сытый заяцъ, положенный удачнымъ выстрѣломъ.

— Здравствуйте, родные! весело поздоровался онъ. — Вотъ хорошо, что встрѣтились, разомъ прійдемъ на кутью домой. Посмотри-ка, батька, какую звѣрину ухлопалъ, насилу волоку за собою.

Старикъ укоризненно покачалъ головою.

— Ужъ сколько разъ твердилъ я тебѣ, Никита, что не годится подъ завтрашній праздникъ кровь проливать, хоть бы и звѣриную. Да тебя, видно, не вразумишь, — всегда ты озорникомъ былъ. А вѣдь гляди, сынника у тебя подрастаетъ, ему отъ отца чему доброму не мѣшало бы поучиться.

— Да что-жь тутъ недобраго, батька? Полязъ на ружье, ну и поплатился, и тужить нечего, а скорѣй радоваться, потому пообѣдаемъ завтра вкуснѣй.

— Ну и толкуй съ нимъ послѣ этого, сердито отвернулся старикъ. — Э-эхъ, плохія теперь времена настали: чуть поднялся пострѣлъ на ноги, а ужъ самъ себѣ голова, ничьего сдѣла не слушаешь; больно разумные люди стали. Оттого и грѣхъ пошелъ по міру — и послушанья-то шѣтъ, и уваженья шѣтъ, и христіане вы плохіе стали, — скоро и молиться позабудете.

— Ну, полно, батька! Право, кабы зналъ, что будетъ такаа рѣчь отъ тебя, обошелъ бы за версту зайчишку и пальцемъ бы не тронулъ. И охота тебѣ браниться изъ-за него: вѣдь тварь-то неразумная, такъ чего-жь и жалѣть!

— Неразумная, да Божья, такое же творенье, какъ и ты. Ты, небось, собираешься праздникъ получше встрѣтить, а коли-бъ тебя да взяли...

— Ну, пошелъ писать, старина, съ неудовольствіемъ проворчалъ Никита, быстро шагая вперед.

Ваня въ продолженіе всего этого разговора была на сторонѣ дѣда. Ему было досадно на отца и жалъ бѣднаго зайца. Въ дѣтскомъ воображеніи живо представилась картина, какъ будутъ плакать по убигомъ другіе зайцы, его родные.

Никита изъ нихъ не проговорилъ больше во всю дорогу ни слова. Скоро между деревьями блеснулъ огонекъ. На круглой лѣсной прогалинкѣ пріютился подъ лѣсомъ небольшой домикъ. Никита уже седьмой годъ служитъ лѣсникомъ и жить вѣдь здѣсь съ женой, старикомъ-отцомъ и сыномъ Ваней.

Кудлатая собака Жучка съ громкими, радостными лаемъ

кинулась навстрѣчу своимъ хозяевамъ. Въ просторной чистой избѣ ихъ встрѣтила молодая, пригожая хозяйка.

— Насилу дождалась! Думала, что колядовать ушли на село дѣдъ-то съ сыномъ и внукомъ. Да двери, Никита, затворяй, что вознишься тамъ въ сѣняхъ? Смотри, какой холодъ со двора повалилъ.

Никита вошелъ въ избу, но безъ зайца: онъ оставилъ его въ сѣняхъ. Изъ угожденья-ли старику сдѣлать онъ это, или посоветилась женѣ показаться со своей добычей?..

Хозяйка готчасъ замѣтила, что неладное что-то вышло, и молча занялась приготовленіемъ ужина. Никита ушелъ къ столу и началъ крошить табакъ. Старикъ прикорнулъ подъ печкой и задумался. Ваня тоже о чемъ-то размышлялъ. Огонь весело потрескивалъ въ печи и разливалъ кругомъ пріятную теплоту. Гдѣ-то въ углу сверчокъ заводилъ свою безконечную трескучую пѣсню. На лавкѣ у печи сѣрая кошка, свернувшись въ клубочекъ, и ѣжилась, согрѣтая тепломъ, и монотонно мурлыкала. Ваня всталъ со своего мѣста и нерѣшительно подошелъ къ отцу.

— Тятка, а тятка, произнесъ онъ чуть слышно.

— Что, Ванюшенька?

— Скажи, тятка, плакалъ онъ, стоналъ?

— Да кто такой?

— Занька, когда ты въ него выстрѣлилъ.

И онъ робко опустилъ глаза, не рѣшаясь взглянуть на отца.

— Эхъ, душа! добродушно разсмѣялся Никита. — Дался же тебѣ этотъ заяцъ!

Ваня отошелъ къ окошку и началъ водить пальцемъ по замерзшему стеклу, все еще продолжая о чемъ-то размышлять. Наконецъ онъ повидимому что-то придумалъ и быстро подошелъ къ дѣду. Старикъ былъ, противъ обыкновенія, молчаливъ и сосредоточенно смотрѣлъ на яркое пламя въ печи. Ваня дотронулся до его руки.

— Что скажешь, Ванюша?

— Да вотъ видишь, дѣдушка, я... ты не сердись, дѣдушка, на тятку, онъ тоже добрый и больше не будетъ этого дѣлать...

Старикъ ласково погладилъ мальчика по головѣ, и его худое, строгое лицо вдругъ просвѣтлѣло. Какъ близки были теперь эти два ребенка, одинъ сдѣлавшій только первый шагъ въ жизни, другой уже спѣвшій свою пѣсенку, но оба чистые сердцемъ, оба наввно вѣрующіе и въ лѣсные призраки, и чудца, и въ горящихъ звѣрей, и въ таинственныя звѣринныя сборища у завѣтнаго дуба...

— Добрый у тебя сынъ, Никита! Смотри, береги его—будешь имѣть утѣху къ старости. А теперь, давайте примемъ помолясь за кутью. Поворачивайся, хозяйюшка: и старые и молодые—всѣ ѣсть хотимъ!

Туча пронеслась мимо. У всѣхъ будто камень съ плечъ свалился. Хозяйка начала подавать ужинъ, болтая безъ умолку; Никита пересталъ крошить табакъ и принялъ на себя видъ очень голоднаго, но въ то же время веселаго человека; старикъ крестясь полязъ подъ образа. Повеселѣлъ и Ванюша. Баловница кошка, проснувшись, потянулась на лавкѣ и въ два прыжка заняла у стола свое обычное мѣсто. Никита за-свѣтилъ лампадку передъ образомъ и поправилъ керосиновую лампу на столѣ. Всѣ знали, что сейчасъ дѣдъ начнетъ какой-нибудь разсказъ изъ Священной исторіи, который у него всегда припасенъ къ большимъ праздникамъ.

А ночь, тихая морозная ночь, мало-по-малу надвигалась на лѣсъ и осыпала его своими темными крыльями. Полная луна выплыла на синій куполъ неба, окруженная хороводомъ яркихъ звѣздъ, блесгавшихъ и переливавшихся. Блесталъ и переливался коврестый снѣгъ на деревьяхъ, на полянахъ, на крышѣ маленькаго лѣснаго домика. Все какъ будто замерло и притаилось въ ожиданіи великаго, торжественнаго часа. Только изрѣдка захрустятъ зайцы, пробирающіеся къ „завѣтному“ дубу, да воевода Морозъ, обходя дозоромъ молчаливое снѣжное царство, шелкнетъ по дереву своею ледяною палицею...

Къ рисункамъ.

„Несутъ елку!“ (Рис. на стр. 1289) и

„Моя елка!“ (Рис. на стр. 1305).

Рождественская елка тѣмъ и дорога дѣтямъ, что радость доставляема ею не зависитъ отъ большей или меньшей роскоши ея убранства. Главное украшеніе ея — свѣчи — всѣмъ доступно и одинаково производятъ свѣтлое, радостное настроеніе въ маленькихъ человечкахъ, будетъ-ли зажжена елка въ великолѣпной гостиной или въ тѣсной каморкѣ гдѣ-нибудь на окраинѣ города. Одинаково преобразаетъ она ту и другую, послѣднюю быть-можетъ, еще болѣе. По крайней мѣрѣ радость, съ которою встрѣчаютъ ребятишки давно желанную гостью, здѣсь несравненно живѣе, чѣмъ у маленькаго „барышника“, которой очевидно всѣ чудеса игрушечныхъ лавокъ давно приглядѣлись.

Рождество Христово. (Рис. на стр. 1292 и 1293).

Заимствуемъ изъ превосходной книги Фаррара *Жизнь И. Христа* текстъ къ прилагаемой картинѣ. Верстахъ въ двухъ отъ

Внелеема находится небольшая равнина, на которой въ масляной рошѣ стоитъ бѣдная и какъ бы заброшенная часовня во имя Ангела „Благовѣстника пастухамъ“. Она основана на томъ самомъ, по преданію, мѣстѣ, гдѣ, по сладостному для христіанскаго слуха благовѣстію Св. Луки — „были на полѣ пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего, и вдругъ предсталъ имъ Ангелъ Господень и слава Господня осіяла ихъ“ и они услышали радостную вѣсть, что въ тотъ день родился, имъ въ городѣ Давидовомъ Спаситель, который есть Христосъ Господь.

„Пойдемъ въ Внелеемъ и посмотримъ, что тамъ случилось, о чемъ возвѣстилъ намъ Господь“, сказали другъ другу пастухи. Имъ нужно было подняться на уступистый холмъ и пройти по залитымъ луннымъ свѣтомъ садамъ Внелеемскимъ, прежде чѣмъ дойти до вершины сѣраго хребта, на которомъ стоитъ самый городокъ Внелеемъ. На самой вершинѣ стояла гостиница или такъ-называемый ханъ. Въ Палестинѣ нерѣдко случается, что весь ханъ или по крайней мѣрѣ та часть его, въ которой помѣщаются животныя, пред-

ставляет собою одну изъ тѣхъ безчисленныхъ пещеръ, которыми изобилуютъ известняковыя скалы центральныхъ холмовъ. То же самое повидному было и въ маленькомъ городѣ Вилеємѣ-Эфраѣ, въ землѣ Іудиной. Іустинъ-философъ, апологетъ, который, по своему мѣсторожденію въ Сихемѣ, хорошо былъ знакомъ съ Палестиной и жилъ спустя мѣсто столѣтія послѣ І. Христа, полагаетъ мѣсто Рождества Христова въ пещерѣ. Преданіе объ этомъ искони и постоянно сохранялось какъ въ Восточной, такъ и Западной церквахъ и принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ преданій, за которыми, не смотря на то, что они не занесены въ евангельскую исторію, можно призвать историческую достовѣрность.

Сюда-то изъ сѣверныхъ предѣловъ страны, именно изъ Назарета, расположеннаго въ горахъ Завулоновыхъ, пробрался по зимнимъ дорогамъ Іосифъ, назаретскій плотникъ, со своей нареченною женой Маріей. При всей своей бѣдности они оба происходили изъ царскаго дома и рода Давида, и теперь имъ нужно было пройти около 140 верстъ, чтобы прибыть въ городокъ, который былъ родиной ихъ великаго предка, для занесенія своихъ именъ въ качестве членовъ дома Давидова въ переписи, производившуюся по повелѣнію императора Августа. Путешествіе на Востокъ совершается медленно и прокладно, тяжкая усталъ замедляла путешествіе дѣвственной Матери. Другіе, направлявшіеся къ Вилеему, могли легко обогнать ихъ на дорогѣ, и когда они прибыли въ ханъ (вѣроятно тотъ самый, который искони былъ извѣстенъ подъ названіемъ дома Кимата, стоявшаго на томъ мѣстѣ гдѣ за 1000 лѣтъ передъ тѣмъ былъ родовой домъ Вооза и Давида), всѣ ливаны (помѣщенія) были уже заняты, „не было мѣста въ гостиницѣ“. Усталые Іосифъ и Марія помѣстились въ прилежавшей известковой пещерѣ, служившей стойломъ, на сѣнѣ и соломѣ, набросанныхъ въ пищу и подстилку для скота. И тамъ, вдали отъ дома, среди массы страннаго люда, въ знобящую зимнюю ночь, въ обстановкѣ лишенной всякаго земнаго блеска—родился Христосъ.

Пастухи прибыли въ гостиницу Вилеємскую, „и нашли Марію, и Іосифа, и Младенца, лежащаго въ ясляхъ“.

„Мадонна да-Колонна“ Рафаэля. (Рис. на стр. 1297).

Это произведеніе Рафаэля относится къ второму (флорентинскому) періоду его дѣятельности, когда, впервые прибывъ во Флоренцію, изученіемъ Фра-Бартоломмео и Леонардо да-Винчи онъ отдался отъ вліяній учителя своего, Перуджино. Эта мадонна была имъ написана для дворца Колонна въ Римѣ, у подножія Квиринала. Въ роскошной картинной галереѣ этого дворца, иѣкогда насчитывавшей 1362 картины, и нынѣ еще не мало великихъ произведеній искусства (ландшафты Пуссена, Мадонна Пальма Веккіо и др.). Но знаменитой мадонны, носящей имя дворца, теперь уже нѣтъ въ стѣнахъ его—она находится въ Берлинскомъ музеѣ.

„Съ праздникомъ!“ Рис. Зичи. (Рис. на стр. 1300).

Композиція придворнаго художника Зичи отличается обычнымъ изяществомъ и поэтичностью замысла. Передъ нами полный до краевъ, поздравительный бокалъ, какъ бы обвѣянный воздушнымъ призракомъ юной красоты. Это—живое олицетвореніе святочнаго веселья, ибо нѣтъ истиннаго веселья безъ красоты, а съ нею—

Не даромъ шампанское пѣной играетъ,
Не даромъ кипитъ черезъ край:
Оно наслажденіе намъ въ душу вливаетъ
И сердце намъ грѣетъ, друзья!

„Черезъ шесть минутъ Новый Годъ!“

(Рис. на стр. 1301).

Такъ снова годъ какъ тѣнь мелькнулъ,
Сокрылся въ сумрачную вѣчность,
И быстрымъ бѣгомъ упрекнулъ
Мою лѣнливую безпечность...

Мнѣ нечѣмъ заглушить упрека!
Но слушай ты, бѣглецъ жестокій!
Клянусь тебѣ въ прощальный мигъ,
Ты не умчался безъ возврата;
Я за тобою полечу
И наступающему брату
Весь тяжкій долгъ свой доплачу.

Веневитиновъ.

Святки на брандвахтѣ. (Рис. на стр. 1308).

Брандвахтенныя суда хорошо знакомы мореходамъ всего свѣта. Командиры и экипажъ этихъ судовъ ведутъ уединенную жизнь, отрѣзаемые на цѣлыя недѣли отъ всякаго сообщенія съ берегомъ и своими собратьями. Это уединеніе такъ тягостно, что матросы командируются на брандвахту не болѣе какъ на полгода; опытъ показалъ, что долѣе они не выдерживаютъ и пользуются первымъ случаемъ къ дезертированію. Разумѣется, стараются всячески разогнать скуку этой однообразной жизни. Въ случаяхъ гонки яхтъ въ гавани, брандвахтенныя суда раздѣчиваются флагами, и проходящія яхты привѣтствуются звономъ брандвахтеннаго колокола. Рождество Христово тор-

жественно празднуется на брандвахтенныхъ судахъ, и матросы, лишенные своихъ семей, стараются по крайней мѣрѣ сдѣлать этотъ день непохожимъ на будни: всѣ флаги и сигналы развѣшиваются на мачтахъ, и повару заказывается особенно роскошный обѣдъ. Между моряками въ обычай раздѣчиваться привѣтствованіями съ проходящими судномъ въ день Рождества, и обычай этотъ нигдѣ такъ строго не соблюдается какъ на брандвахтенныхъ судахъ. Проходящее судно посылаетъ свое привѣтствіе паровымъ свисткомъ или словесно въ рупоръ, а на брандвахтѣ въ отвѣтъ немедленно раздается звонъ колокола. Вотъ эта сцена и изображена на рисункѣ.

Отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ. (Портр. на стр. 1312).

Тридцать пять лѣтъ тому назадъ въ Кронштадтѣ, въ старинномъ соборѣ Св. Андрея Первозваннаго, только что получившій священническій санъ пастыръ, по окончаніи первой отслуженной имъ литургіи, обратился къ народу съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ „словомъ“. „Сознаю высоту сана и соединенныхъ съ нимъ обязанностей“, говорилъ молодой священникъ, — „чувствую свою немощь и недосогнство, но уповаю на благодать и милость Божію, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую. Знаю, что можете сдѣлать меня болѣе или менѣе достойнымъ этого сана и способнымъ проходить это званіе. Это любовь ко Христу и къ вамъ, возлюбленные братія мои... Любовь великая сила: она и немощнаго дѣлаетъ сильнымъ, и малою великимъ... Таково свойство любви чистой, евангельской. Да дастъ и мнѣ любвеобильный ко всѣмъ Господь искру этой любви, да воспламенитъ ее во мнѣ Духомъ Своимъ Святымъ“. Священникъ этотъ былъ отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ, и знаменательныя его слова, глубоко продуманныя и прочувствованныя имъ, были какъ бы предначертаніемъ всей его послѣдующей жизни и дѣятельности, благодаря которой имя его стало извѣстнымъ по всей Русіи православною. Въ самомъ дѣлѣ, кто не слышалъ объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ? Къ этому идеальному пастырю, этому дивному человѣку, ведущему столь высокую, безмѣрно скромную и трудолюбивую жизнь, стекаются со всѣхъ мѣстъ, изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ обширнаго отечества нашего, массы племей отъ вѣрующихъ и увѣровавшихъ приходятъ къ нему каждый день. Толпы народа поджидаютъ его благословенія и около скромнаго домика отца Іоанна въ Кронштадтѣ, и всюду гдѣ бы онъ ни явился, хотя бы на самое короткое время. Какимъ-то чутьемъ угадываютъ объ его прибытіи куда-либо, и много наду усилил, чтобы посадить его въ карету, за которой долго еще бѣжитъ народъ, словно наэлектризованный обаяніемъ свистости этого удивительнаго человѣка. Высокоцитимый за свою пастырскую ревность, необыкновенную доброту, подвиги милосердія и любви къ ближнимъ, отецъ Іоаннъ, помимо всѣхъ рѣдчайшихъ качествъ души, обладаетъ Богомъ данною ему силой — молитвою исцѣлять трудно-больныхъ, предотвращать грядущее несчастье, возвращать на путь истинный заблудшихъ, исправлять порочныхъ. И вотъ одна изъ главныхъ причинъ, почему въ послѣдніе годы взоры всѣхъ тяжело больныхъ, „трудяющихся и обремененныхъ“ обращаются къ о. Іоанну, вотъ почему нерѣдко къ его чудотворительной молитвѣ прибѣгаютъ даже евреи и магометане. Молитва о. Іоанна не можетъ не быть чудотворительною: молясь горячо, забывая въ этотъ мигъ все окружающее, отрѣшаясь отъ всего земнаго и переливая всю душу свою въ молитву, онъ проникнуть тою безпредѣльною, глубоко вѣрой, которая даетъ спасеніе, „горы двигаетъ“. Лѣтъ восемь тому назадъ впервые проявилась сила его молитвы, когда произошло неожиданное выздоровленіе одного трудно-больнаго родственника духовной дочери о. Іоанна, кронштадтской жительницы Ровригиной. За первымъ случаемъ быстро послѣдовали и другіе; о нихъ слухъ разнесся всюду, проникъ и въ печаль. Приговоренную къ смерти и страдавшую водянкой въ ногахъ старушку, отъ которой отказались врачи, онъ спасъ своею молитвой въ одѣи сутки и больная прожила послѣ этого еще около десяти лѣтъ, здравствуя и понынѣ. Заглазно исцѣлилъ онъ одного богатаго золотопромышленника въ Екатеринбургѣ, придавленнаго глыбой земли въ шахтѣ и нѣсколько часовъ лежавшаго почти безъ признаковъ жизни. Много было такихъ примѣровъ, о которыхъ говорятъ тысячи народа и о которыхъ самъ о. Іоаннъ никогда не рассказываетъ, такъ какъ не любитъ заводить рѣчь о своихъ дѣяніяхъ вообще. А эти дѣянія, эти факты его истинно подвижнической жизни просто паумительны. Несмотря на свой шестидесятилѣтній возрастъ, о. Іоаннъ положительно неутомимъ, не досыпаетъ, не дѣлаетъ, днемъ отправляетъ церковную службу, законоучительствуетъ въ гимназій и въ другихъ училищахъ, дѣлаетъ свои благотѣльные визиты, служитъ цѣлый рядъ молебновъ, совершаетъ поѣздки въ Петербургъ, принимаетъ „чающихъ движенія воды“, перечитываетъ до двухъ сотенъ писемъ, телеграммъ, „поминаій“ о страдающихъ, больныхъ, иросящихъ молитвы его, отвѣчаетъ своимъ духовнымъ дѣтямъ—и это происходитъ изо-дня-въ-день, изъ-года-въ-годъ. Нерѣдко и поаднею ночью приходится ему посѣщать умирающаго, внезапно занемогшаго опасно; „пастыръ добрый“ не отказываетъ никому, никогда въ своей помощи, въ молитвѣ. „Я поставилъ

себя за правило — говорить самъ о. Иоаннъ — сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу и строго слѣдить за собою, за своею внутреннею жизнью“. И этими словами онъ прекрасно охарактеризовалъ и свою жизнь, и дѣли, и стремленія, и всю дѣятельность. Онъ не только утѣшитель страждущихъ, нравственный пособникъ, „помощникъ и покровитель“ всѣхъ угнетенныхъ, униженныхъ, оскорбленныхъ, голодныхъ и холодныхъ; не только служитель алтаря, проповѣдникъ слова Божія, но и мудрый благотворитель и такой же организаторъ. Созданный имъ въ Кронштадтѣ „Домъ Трудолюбія“, этотъ драгоценный пріютъ для бѣднѣйшей части населенія, весьма краснорѣчиво говоритъ и о такъ-сказать официальной благотворительности о. Иоанна и его талантѣ организаторскомъ. „Домъ Трудолюбія“ учрежденъ на разумныхъ началахъ и въ немъ бѣдняки получаютъ помощь не какъ подаваніе, а какъ плату за трудъ. На это учрежденіе о. Иоаннъ жертвуетъ десятки тысячъ, и вообще на дѣла благотворенія онъ отдаетъ *все* свои доходы, зачатую и жалованье, не заботясь о завтрашнемъ днѣ и живя исключительно для другихъ. Таковъ о. Иоаннъ, живущій по буквѣ и духу Евангельскаго писанія, богато одаренный и сильный душою человекъ, о глубокомъ значеніи и жизни котораго можно написать цѣлую книгу. Онъ сынъ прічтеника Архангельской губерніи, Пинежскаго уѣзда, села Сурскаго, и родился въ 1829 году. Десяти лѣтъ поступилъ онъ въ Архангельское приходское училище, и затѣмъ учился въ духовной семинаріи, гдѣ былъ первымъ ученикомъ, за что начальство и выхлопотало ему переходъ на казенный счетъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Окончивъ курсъ кандидатомъ богословія въ 1855 году, онъ тогда же поступилъ священникомъ въ Кронштадтскій Андреевскій соборъ, женившись, по давно установившемуся обычаю, на дочери протоіерея того собора, К. П. Несвицкаго. Съ 1857 года началась

Отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ.
(По поводу 35-лѣтія служенія въ священническомъ санѣ).

его законоучительская дѣятельность. Сперва онъ давалъ уроки въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ съ 1862 г. въ Кронштадтской гимназіи. О. Иоаннъ издалъ нѣсколько бесѣдъ своихъ „О Пресвятой Троицѣ“, „О сотвореніи міра“, „О промыслѣ Божіемъ“, „О мѣрѣ“, „О блаженствахъ Евангельскихъ“. Кроме того, онъ ведетъ интересный дневникъ. Да возрадуется

сердце наше, что въ нынѣшній вѣкъ безвѣрія, подлаго эгоизма и крайняго матеріализма, среди жизни, которую, говоря словами поэта, „недаромъ заклеили печатью зла и суеты“, есть еще *праведникъ* сильный духомъ, отдавшій всю свою жизнь, себя самого всецѣло на служеніе дѣлу вѣры и любви!

П. Быковъ.

Соборная церковь Св. Андрея Первозваннаго въ Кронштадтѣ.

(Рис. на стр. 1313). Андреевскій соборъ въ Кронштадтѣ, украшеніемъ котораго является отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ, его славный протоіерей, принадлежитъ нынѣ къ лучшимъ церквямъ Россіи. Онъ находится въ Купеческой гавани и выстроенъ около 1710 года. Церковь была сперва деревянною и первоначально находилась „въ скобѣ“ Гостиннаго двора, откуда, въ 1742 г., перенесена на теперешнее мѣсто. Здѣсь въ 1805 г. ее разобрали и тогда же императоръ Николай I заложилъ на этомъ мѣстѣ каменную церковь, поручивъ сооруженіе ея

архитектору Захарову, который и окончилъ постройку въ 1820 г., Соборъ нынѣ представляетъ довольно обширное зданіе греческой архитектуры, построенное съ колоннадою съ трехъ сторонъ. Въ соборѣ замѣчательна икона Св. Андрея Первозваннаго, на которой хранится та самая андреевская лента, что была вручена Головиннымъ Петру I за взятіе въ устьяхъ Невы судовъ „Астрильдъ“ и „Геданъ“, ночью на 6 мая 1703 года, принадлежавшихъ къ шведской флотиліи, подъ командою вице-адмирала Нумберса. Къ лентѣ подвѣшено рѣ-

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №.№., просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1891 года, такъ какъ

Городская почта послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, корректура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

ное изображение Св. Андрея, собственноручно сработанное царем Петромъ и равнѣ принадлежавшее кронштадтской Богоявленской церкви, разобранной за ветхостью въ 1841 году. Въ подуверствѣ отъ собора, на приморской окраинѣ города, на углу двухъ улицъ находится небольшой сѣрый домикъ отца Иоанна. Онъ скрытъ отъ глазъ прохожихъ высокимъ заборомъ и густою растительностью.

Политическое обозрѣніе.

Для внутренней политики въ Германіи и Австріи отвлекли вниманіе отъ пресловутой лиги мира. Нынѣ въ виду новаго торговаго договора между этими двумя государствами снова заговорили о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ странъ. Еще недавно старшины Кеннеберга отправили къ имперскому канцлеру бумагу, излагая, какой значительный ущербъ понесли бы города на Балтійскомъ морѣ въ томъ случаѣ, если бы, при заключеніи новаго торговаго договора съ Австріею, пониженіе ввозной пошлины, которое предполагается сдѣлать для австрійскаго хлѣба, не было допущено также и для хлѣба русскаго. Газета же *Hamburger Nachrichten*, которой иногда приписываютъ сношенія съ княземъ Бисмаркомъ, прямо признаетъ желательнымъ, чтобы германское правительство явственнѣе намѣтило свои намѣренія относительно торгово-политическихъ переговоровъ съ Австріею.

Андреевскій соборъ въ Кронштадтѣ. Съ фот. грав. Рашевскій.

„Если бы Германіи—говоритъ газета—пришлось платить дань за союзъ съ Австріею, то это повлекло бы за собою измѣненіе популярности этого союза“.

О тройственномъ союзѣ недавно вспомнили и въ Румыніи. 15 ноября были открыты палаты королею тронною рѣчью, въ которой констатируется фактъ дружественныхъ отношеній съ иностранными державами и указывается на дальнѣйшія реформы въ областяхъ финансовой, военной, бюджетной и промышленной. Во время преній объ адресѣ на тронную рѣчь, 7 декабря, оппозиція возбудила вопросъ о мнимо военной конвенціи съ Австро-Венгеріею и обращалась въ министерство съ вопросами, касающимися положенія венгерскихъ румынъ. Договарь сказалъ, что при обсужденіи извѣстныхъ вопросовъ должно строго соблюдать чувство мѣры. При этомъ министръ отрицалъ существованіе упомянутой военной конвенціи и присовокупилъ, что не должно обращать вниманія на розказни газетъ. Король сдѣлалъ въ Инштѣ дружескій визитъ, и никто изъ ми-

нистровъ его не сопровождалъ; что касается присутствія военнаго министра на маневрахъ въ Трансильваніи, то это служить лишь доказательствомъ сердечныхъ отношеній между обоими государствами. Пока тройственный союзъ будетъ поддерживать миръ, до тѣхъ поръ Румынія будетъ радоваться достигнутымъ результатамъ, но до союза еще далеко. Если

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ“ 1891 ГОДА СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

Исполняя желаніе многихъ изъ нашихъ иногородныхъ гг. подписчиковъ, мы нашли возможнымъ допустить РАЗСРОЧКУ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ ЗА „НИВУ“ 1891 ГОДА, на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) Въ два срока: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Іюня 1891 г. 3 р.
- 2) Въ три срока: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1891 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1891 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всеми приложеніями и преміями—наравнѣ съ годовыми подписчиками.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

потребуется союзъ съ Австро-Венгерію, то при заключеніи его Румыніа руководилась бы исключительно желаніемъ обезпечить собственные интересы. Относительно трансильванскихъ румынъ министръ заявилъ, что онъ не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла дружественной державы, но долженъ замѣтить, что вездѣ съ румынами обращаются справедливо.

Въ Парижѣ не такъ давно возникло общество подѣ громкимъ названіемъ „Друзей Россіи“. Просуществовавъ нѣсколько мѣсяцевъ, оно на дняхъ закрылось. По словамъ парижскихъ газетъ, причинами того являются, какъ о томъ гласитъ рѣшеніе общаго собранія общества, во-первыхъ, то обстоятельство, что общество, поставившее себѣ цѣлью развитіе дружественныхъ и экономическихъ отношеній между Франціей и Россіей, тотчасъ послѣ своего учрежденія, было встрѣчено неблагоприятно русскимъ посольствомъ въ Парижѣ; во-вторыхъ, отказъ французскаго правительства обществу въ административномъ разрѣшеніи, которое необходимо въ виду отсутствія закона обезпечивающаго свободу сходовъ и ассоціацій, и, наконецъ, то сообщеніе, что не приличествуетъ величю дѣла, которому общество собиралось служить, и достоинству членовъ общества, быть съ одной стороны докучливыми друзьями если не Россіи, то по крайней мѣрѣ ея представителя, а съ другой—мириться съ положеніемъ общества только терпимого, если оно бездѣйствуетъ, по противозаконнаго, если оно желаетъ дѣйствовать.

Библиографія.

Вечерній звонъ. Стихи 1887—1890. Я. П. Полонскаго. СПб. 1890 г.

Новый сборникъ стихотвореній маститаго поэта, среди литературныхъ явленій настоящей минуты, представляютъ интересъ исключительный. Я. П. Полонскій принадлежитъ къ тѣмъ рѣдкимъ счастливымъ поэтическимъ натурамъ, на которыхъ ни годы, ни охлаждающій жизненный опытъ не обнаруживаютъ замѣтнаго вліянія. Недавно праздновался пятидесятилѣтній юбилей его поэтической дѣятельности, а между тѣмъ послѣдніи стихотворенія его, собранныя въ „Вечернемъ звонѣ“, обнаруживаютъ въ поэтѣ душевный жаръ и глубокое поэтическое чувство, дышатъ все тою же свѣжестью впечатлѣній,

Извѣстный французскій политическій дѣятель Жюль Ферри, пользовавшійся одно время большою любовью во Франціи за свою колониальную политику и въ особенности за экспедицію въ Тонкинъ, о чемъ мало-по-малу позабыли, снова собирается выступить на политическую арену. По газетнымъ сообщеніямъ, онъ согласился выступить кандидатомъ на выборахъ въ сенатъ, предстоящихъ въ департаментѣ Вогезовъ. Въ письмѣ, обращенномъ къ членамъ генеральнаго и окружныхъ совѣтовъ департамента, предложившихъ ему кандидатуру, Ферри заявляетъ, что онъ всегда исполнялъ свой долгъ, мало заботясь о преходящей популярности, и имѣлъ въ виду лишь вѣчные интересы Франціи, будучи убѣжденъ въ томъ, что въ такой здравомыслящей странѣ сознание ея дѣйствительныхъ интересовъ погибнуть не можетъ и что непременно долженъ наступить часъ справедливости и правды. По мнѣнію Ферри, часъ этотъ уже близокъ, вслѣдствіе чего онъ принялъ сдѣланное ему предложеніе, и уже произнесъ 10 декабря въ Эпиналѣ большую рѣчь, въ которой защищалъ колониальную политику, утверждалъ, что такая политика для Франціи необходима и что она возможна безъ нарушенія высшихъ обязанностей на континентѣ и безъ сокращенія вооруженныхъ силъ въ Европѣ. Далѣе ораторъ возставалъ противъ отдѣленія церкви отъ государства, но объявилъ, что не пойдетъ на уступки духовенству во всемъ томъ, что касается принциповъ школьнаго закона—этого, по его мнѣнію, существеннаго закона республики.

поэтической правдою и жизнью, какъ въ былое время. Къ болѣе подробной оцѣнкѣ сборника мы надѣемся возвратиться въ одной изъ ближайшихъ ежемѣсячныхъ книжекъ *Нивы*.

Россійскій Императорскій Домъ. Альбомъ 46 портретовъ Россійскаго Императорскаго Дома, гравированныхъ на деревѣ Вейерманомъ. Ц. 1 р. 50 к.

Самое заглавіе опредѣляетъ смыслъ и назначеніе названнаго изданія. Портреты, въ осмью долю листа, вложены въ красивую папку, и если, рѣзанные на деревѣ, они не все могутъ похвалиться одинаковою художественностью исполненія, то въ большинствѣ отличаются сходствомъ, и тѣмъ достигаютъ своей цѣли.

С М Ъ С Ъ .

Дѣла ёлки. Мы каждый годъ стремимся помочь нашимъ поддѣткамъ въ важномъ и трудномъ дѣлѣ — выбора подарковъ дѣтямъ на елку, и погому всегда останавливаемся на новостяхъ предлагаемыхъ, по справедливости, самой энергичной фирмой, работающей для міра русскихъ дѣтей, извѣстной и существующей уже семнадцать лѣтъ „С.-Петербургской мастерской учебныхъ пособій и игръ“ (Троицкая ул. 9), находящейся подъ руководствомъ преданныхъ своему дѣлу и образованныхъ людей—А. Н. Канаева и А. К. Ержемскаго.

Мастерскую обыкновенно упрекаютъ въ одномъ—это въ дороговизнѣ ея изданій, въ работѣ исключительно для дѣтей достаточныхъ семей; но дѣло въ томъ, что Мастерская, начавъ свою дѣятельность, одушевленная любовью къ дѣлу, безъ всякихъ средствъ,—если не считать средствами 50 р., на которые куплены были верстаки и заплачено 18 руб. за квартиру на заднемъ дворѣ въ Лештуковомъ переулкѣ,—твердо намѣтила свои цѣли и заявила о нихъ въ предисловіи къ своему первому, тощенькому каталогу (всего 28 стр.): „изобрѣтать, улучшать и, по мѣрѣ расширенія спроса и производства, удешевлять вещи, но однако не съ тѣмъ, чтобы дешевизна была кажущаяся, въ ущербъ прочности ихъ. Мастерская приняла за правило дѣлать *прочно, чисто и не дорого*“.

Этимъ самымъ заявленіемъ Мастерская пошла совершенно противъ теченія современной промышленности, гдѣ царствуетъ единственный соблазнъ для покупателя—„дешевизна“.

Мастерская никогда не прибѣгала, какъ намъ извѣстно, къ этому соблазну и твердо преслѣдовала свою цѣль: дѣлать вещи прежде всего возможно хорошо, такъ какъ цѣль русскихъ техниковъ прежде всего достигъ извѣстнаго совершенства и доброкачественности въ производствѣ, а также воспитать настоящаго хорошаго рабочаго мастера въ своемъ дѣлѣ. Дешевизну же прежде всего обуславливаетъ спросъ. Увеличится спросъ, тогда и хорошія вещи при усовершенствованіи и удешевленіи производства могутъ продаваться не дорого. Но спросъ у насъ туго увеличивается, каждый фабрикантъ работаетъ только на внутренній рынокъ, и приходится дѣлать вещи въ десяткахъ экземпляровъ; тогда какъ въ Западной Европѣ и въ Америкѣ все готовится въ тысячахъ и въ десяткахъ тысячъ.

Еще два слова въ сторону: массу, народъ удовлетворяютъ найдешевѣйшія издѣлія нашихъ кустарей, дешевле которыхъ ничего не придумаешь, а потребность въ воспитательныхъ играхъ и занятіяхъ существуетъ только въ интеллигенціи, болѣе или менѣе обезпеченной, и вотъ къ удовлетворенію ея потребностей волей-неволей направляется дѣятельность Мастерской по части изданій игръ и занятій. Что-же касается учебныхъ и школьныхъ предметовъ, то ея произведенія не дороже, а чаще дешевле другихъ производителей, какъ видно изъ сравненія прейсъ-курантовъ.

Къ предстоящей елкѣ Мастерская издала болѣе десятка своихъ собственныхъ оригинальныхъ изданій; вотъ ихъ перечень:

Обновлено очень серьезное изданіе подѣ названіемъ *Домашній музей* — это маленькій деревянный шкафъ съ 3-мя полками, массой табличекъ изъ папки и печатными ярлыками предметовъ, попадающихся на каждомъ шагѣ въ домашнемъ быту: пуговокъ, стеклышекъ, шерстинокъ и пр.

Цѣль этого изданія отвѣтъ дѣтей отъ безцѣльнаго собранія „разной дряни“, какъ говорятъ няньки, и заставить ихъ классифицировать находимые предметы по 3-мъ царствамъ природы.

Насколько за это изданіе благодарны будутъ родители серьезно занимающіеся воспитаніемъ своихъ дѣтей, настолько же возненавидятъ „Домашній музей“ родители, для которыхъ дѣти—излишнее бремя: дѣти надоѣдаютъ имъ вопросами объ исторіи происхожденія каждой пуговицы. По нашему мнѣнію, „Домашній музей“—одно изъ серьезнѣйшихъ и полезнѣйшихъ изданій Мастерской.

Далѣе мы отмѣтимъ изящно изданную *Русскую деревню*,—подготовительный матеріалъ для склейки изъ папки дѣйствительно русской деревни. Это изданіе для самыхъ маленькихъ дѣтей. Для нихъ же Мастерская составила изъ заграничнаго матеріала и *Малютку-рисовальщика на волнистой бумагѣ* — очень интересное занятіе для крошекъ, умѣющихъ держать карандашъ.

Совсѣмъ другаго типа *Охота съ борзыми*, изданная образцово-изящно. Эта игра заимствована изъ любимой школьной игры, въ которую рѣдко кто учившійся въ школѣ не игралъ—игры въ перья; поэтому объ ней распространяться нечего.

Кромѣ того, Мастерскою еще издано нѣсколько интересныхъ вещей, какъ напр. *Постройка маленькой водной мельницы*, по это болѣе лѣтняя игрушка, чѣмъ на елку—зимой. Хорошо сдѣлала Мастерская, выпустивъ по болѣе дешевой цѣнѣ прошлогоднюю новинку, тоже лѣтнюю игрушку *Снаряженіе яхты*.

Далѣе, мы видѣли въ Мастерской такъ-называемую jeu de patience, отъ нечего дѣлать — *Лабиринтъ*, изготовленный по заграничному образцу; прекрасный подарокъ для нашихъ дамъ и дѣвицъ—*Самопрялка* уже съ приготовленнымъ для пряжи льномъ и шерстью, и наконецъ произведенія „дѣдушки“ изданія русскихъ игръ г. Иконникова, который работаетъ на своемъ поприщѣ „вѣрой и правдой“ съ 1848 г. и получилъ 1-ю медаль въ этомъ году... Онъ издалъ *Новѣйшаго Петрушку* — веселенькую игрушку для маленькихъ дѣтей, но въ которую пусть лучше дѣти играютъ безъ приложенной къ ней книжки... и превосходную классическую игру *Халма*, которая доставитъ много удовольствія любителямъ шашечныхъ игръ, какъ взрослымъ, такъ и дѣтямъ.

Затѣмъ Мастерская собираетъ въ свое помѣщеніе подходящія вещи для подарковъ дѣтямъ отовсюду: и изъ знаменитаго русскаго Нюренберга—Сергіевскаго Посада, и изъ настоящаго Нюренберга, и изъ Парижа и проч. и проч. Цѣлый большой столъ занятъ вещами дѣною не дороже 1 рубля.

Въ Россіи до сихъ поръ существуетъ большой спросъ на гувернантокъ иностранокъ; многія семейства приглашаютъ ихъ какъ воспитательницъ къ дѣтямъ или какъ учительницъ новымъ языкамъ. Поэтому сотни французенокъ, англичанокъ и нѣмокъ стремятся въ наше отечество попытать счастья и заработать себѣ насущный кусокъ хлѣба на этомъ поприщѣ. Но нерѣдко, не зная языка и не заручившись заранѣе предложеніями мѣста, онѣ оказываются въ весьма грустномъ положеніи и проживаютъ послѣдніе гроши, не зная куда обратиться за помощью. Съ другой стороны, лица нуждающіяся въ гувернанткахъ—тоже находятся въ затрудненіи, не зная гдѣ имъ получить такую воспитательницу или учительницу, которой можно бы смѣло довѣрить дѣтей.

Конторы, обыкновенно служащія посредниками, нисколько не помогаютъ этому горю, такъ какъ онѣ никого и ничего не рекомендуютъ и не могутъ рекомендовать. Необходимо, слѣдовательно, учрежденіе, которое съ одной стороны давало бы пріютъ и защиту прѣбывавшимъ дѣвушкамъ иностранкамъ, съ другой же могло бы дать солидную рекомендацію имъ при поступленіи ихъ на мѣста, т. е. помочь обѣимъ нуждающимся сторонамъ.

Подобное учрежденіе находится здѣсь, въ Петербургѣ, по Торговой ул., д. № 15, основанное Евангелическимъ обществомъ, и усердно поддерживается благотворителями французской, англійской, швейцарской и нѣмецкой колоній.

Заведеніе это утверждено правительствомъ и имѣетъ своей строгій уставъ. Гувернантки всѣхъ христіанскихъ исповѣданій и націй безъ различія принимаются туда за небольшую мѣсячную плату и получаютъ матерьяльную и нравственную поддержку и содѣйствіе въ присканіи мѣста. О дѣятельности этого учрежденія можно судить по тому, что въ теченіе своего 13-лѣтняго существованія оно пріютило 1114 гувернантокъ, изъ которыхъ большая часть получила мѣста, благодаря содѣйствію общества.

Поддержка и дальнѣйшее процвѣтаніе этого дѣятельно полезнаго учрежденія зависятъ, само собой разумѣется, отъ содѣйствія публики, ищущей гувернантокъ; за самое ничтожное вознагражденіе оно можетъ рекомендовать воспитательницъ и учительницъ не только на основаніи ихъ дипломовъ и аттестатовъ, но и часто на основаніи личнаго знакомства съ ними во время ихъ пребыванія въ учрежденіи.

Желающіе ближе познакомиться съ этимъ учрежденіемъ и его полезной дѣятельностью или прибѣгнуть къ его содѣйствію по присканію гувернантокъ, могутъ обращаться въ самое учрежденіе: по Торговой ул., д. № 15, кв. № 78.

Гроза и боязнь ея. Черныя грозовые тучи, сверкающая молнія и раскаты грома — явленія при которыхъ ни одинъ человекъ не можетъ оставаться вполне спокойнымъ; другой вопросъ, есть ли основанія особенно бояться этой потрясающей игры природы.

Молнія, факторъ грозящей жизни человека, есть разряженіе электричества или между двумя тучами, или между одною тучей и какою-либо точкой земли. Для людей опасно лишь послѣднее. Молнія летитъ изъ тучи на поверхность земли по тому пути, который наиболѣе соответствуетъ ея свойствамъ, т. е. она касается всего, что ее притягиваетъ, и обходитъ все не обладающее притяженіемъ. Особенною силой притяженія молнія обладаютъ металлическіе предметы, затѣмъ каменные стѣны, деревья, дымъ и паръ. Изъ деревьевъ содержатся мало смолы, какъ напр. дубы, притягиваютъ молнію сильнѣе, чѣмъ смолистыя хвойныя и буки. Сквозной вѣтеръ не усиливаетъ опасности, и комната съ открытыми окнами представляеть болѣе безопасности, чѣмъ съ закрытыми, такъ какъ въ послѣдней при ударѣ можно задохнуться. Въ открытомъ, но не слишкомъ голымъ полѣ или посреди высокой вентилированной комнаты человекъ менѣе всего подвергается опасности быть пораженнымъ молніей. Молнія, которую мы видимъ, уже не можетъ принести намъ вреда, такъ какъ дѣйствіе стрѣлы ея гораздо скорѣе появленія ея блеска.

Что молнія можетъ убить, въ этомъ нѣтъ сомнѣній, но статистика показываетъ, что она убиваетъ рѣдко. Одинъ убитый молніей приходится на 375,000 умершихъ отъ болѣзней, причемъ война и повальныя болѣзни не приняты въ счетъ. Этотъ результатъ достаточно убѣдительно говоритъ за то, что мы имѣемъ болѣе основанія дрожать предъ болѣзью и человѣческимъ насиліемъ, чѣмъ предъ стрѣлою молніи, у которой, благодаря громоотводу, отнята почти вся ея сила, или другими словами, страхъ предъ грозой въ высшей степени неоснователенъ и напрасенъ. (к.)

Источники нефти. Въ Пенсильваніи послѣ перваго мѣстнаго открытія нефти уже разрабатывается 53,000 источниковъ; нѣкоторыя изъ нихъ глубиною въ 1,000 метровъ. (к.)

Вѣтра. По новѣйшей модѣ для роскошныхъ вѣтровъ употребляютъ перья уже не страусовыя, а глухарей, болѣе рѣдкія, чѣмъ перья. (к.)

Благородное возмездіе. Однажды маркиза Виллакруа послала за однимъ знаменитымъ парижскимъ хирургомъ съ цѣлю пустить себѣ кровь, что тогда еще было въ ходу. Однако этотъ весьма искусный хирургъ повредилъ ей артерію; начался антоновъ огонь, такъ что пришлось отнять руку. Но и эта операція была такъ несчастлива, что старой дамѣ грозила смерть. Предъ кончиной она въ полномъ сознаніи сдѣлала завѣщаніе, въ которомъ назначила этому хирургу значительную пожизненную пенсію, такъ объясняя свой благородный поступокъ: „я завѣщаю хирургу пенсію, предвидя, что несчастье, причиненное мнѣ его неловкостью, отниметъ у него въ будущемъ всѣхъ націентовъ“. (к.)

Рождественская задача № 70.

1	2	3
4	5	6
7	8	9

Изъ данныхъ буквъ: 5 а, 4 в, 2 г, 1 д, 5 е, 1 ж, 6 и, 2 л, 5 м, 4 н, 5 о, 1 п, 1 р, 2 с, 6 т, 2 у, 2 х, 1 ц, 2 ч, 1 ш, 7 ъ, 1 ы, 2 ы, 1 ѣ и 1 й составить нижеслѣдующія 15 словъ:

10	11	12
	15	
	19	

	13	
	16	17
	20	

	14	
	18	
21	22	23

24	25	26
		30
34		35

		27	
		31	32
		36	

28		29
		33
37	38	39

40	41	42
	46	

			43
		44	45
		47	

			43	
		48	49	50

51	52	53
58		59
64		65

54		55
60		61
66		67

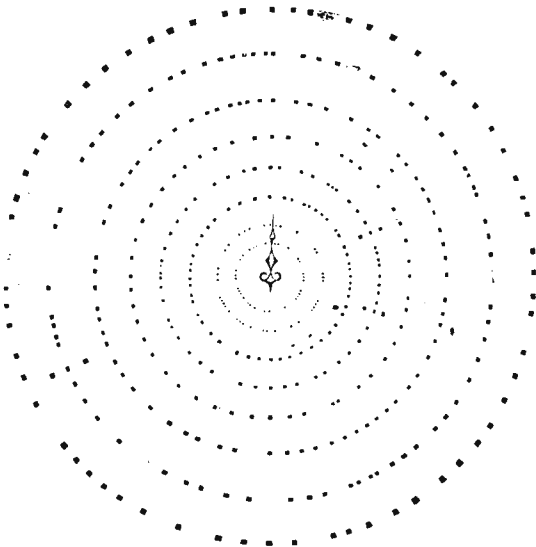
56		57
62		63
68	69	70

- Часть русскаго торговаго фунта 48, 60, 38, 28.
- Карточная игра 59, 22, 32, 40, 34.
- Глаза 65, 29, 68.
- Одинъ изъ сыновъ Ноя 26, 43, 52, 53.
- Звѣрокъ изъ породы грызуновъ 67, 3, 55, 49.

- Частоколь 56, 7, 50, 70.
- Согласная буква 69.

Буквы найденныхъ словъ помѣстить въ незагнущиванныхъ клеткахъ предлагаемыхъ квадратовъ на мѣстахъ цифръ, указанныхъ противъ каждаго искомаго слова. Затѣмъ одинъ изъ квадратовъ, наполненныхъ буквами, разрѣзать прямыми линиями на три части, и части эти, вмѣстѣ съ остальными квадратами, должны быть соединены въ одинъ общій прямоугольникъ, но такъ, чтобы въ клеткахъ его изъ буквъ можно было бы прочесть одну фразу, а изъ загнущиванныхъ клетокъ составилось-бы извѣстное число.

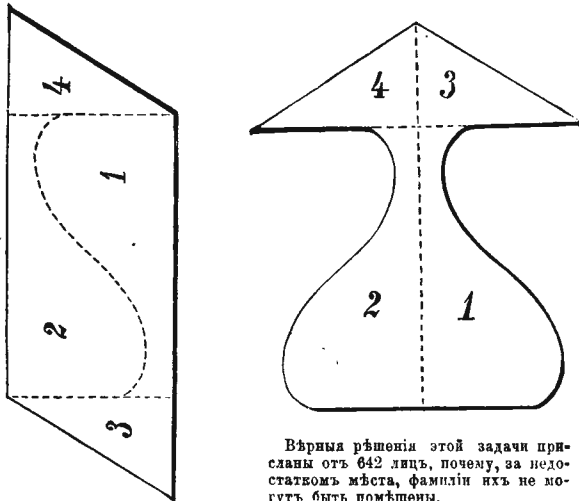
Рождественская задача № 71.

Означенныя въ кругу точки соединить прямыми такъ, чтобы получились буквы, изъ которыхъ составились бы фразы, два же ряда точекъ ближе расположенныхъ къ центру соединить такъ, чтобы получились славянскія цифры.

Рѣшеніе ребуса № 66 (помѣщеннаго въ № 46).
„Кто правду хранить, того Богъ наградитъ“.

Рѣшеніе геометрической задачи № 67 (помѣщен. въ № 46).

Вѣрные рѣшенія этой задачи присланы отъ 642 лицъ, почему, за недостаткомъ мѣста, фамиліи ихъ не могутъ быть помѣщены.

Рѣшеніе шашечной задачи № 69 (помѣщенной въ № 48).

Бѣлыя.		Черныя.	
1) a 1 — b 2	1) c 3 — a 1		
2) e 3 — d 4	2) e 5 — c 3		
3) a 5 — c 7	3) b 8 — d 6		
4) g 1 — f 2	4) c 3 — a 5		
5) f 2 — g 3	5) b 2 — f 4		
6) d 2 — b 4	6) a 5 — c 3		
7) c 1 — b 2	7) h 8 — g 7		
8) h 6 — f 8	8) c 3 — d 2		
9) e 1 — c 3			

Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислано отъ Н. В. Панкова въ СПб.

Рѣшеніе шахматной задачи № 68 (помѣщенной въ № 48).

1) C b 1 — c 2	1) b 3 — c 2
2) C e 5 — f 4	2) f 7 — f 6 (а то)
3) F a 5 — a 2 ++	3) F a 5 — e 5 ++

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г. Г.: СПб. — А. Куделина, Корсунъ — У. Рапопортъ, Славута — В. К. Шнейдеръ.

СОДЕРЖАНІЕ: О подпискѣ на „Ниву“ 1891 г. — Три волхва. Стих. О. Чуминой. — Панъ ируль. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. Графа Е. А. Саласа. Ч. II. (Продолженіе). — Дневма. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній). Разсказъ Кота Мурылки. (Окончаніе). — Праздникъ Николая Демьяновича. Рождественскій разсказъ князя М. Н. Волконскаго. — Въ Виленемъ. А. Свѣчина (Старога Паломника). (Окончаніе). — Сочельникъ въ лѣсу. Святочный разсказъ В. Горва. — Къ рисункамъ: „Несутъ елку“ (съ рис.) и „Моя елка!“ (съ рис.). — Рождество Христово (съ рис.). — „Мадонна да-Колонна“ Рафаэля (съ рис.). — „Съ праздникомъ!“ Рис. Зичи (съ рис.). — Черезъ шесть минутъ Новый Годъ!“ (съ рис.). — Святки на брандвахтѣ (съ рис.). — Отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ (съ портр.). — Соборная церковь Св. Андрея Первозваннаго въ Кронштадтѣ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — О подпискѣ на „Ниву“ 1891 г. съ расчеркою. — Библиографія. — Смѣсь. — Задачи и рѣш. нія задачъ. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ПЕЧАТНАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. В. Морская, 21.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Невскій пр. № 42.

БАЛЬТШВАГЕРЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ

ПРЕЙСЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

Съ рачательствомъ за вѣрность хода и проч. ность механизма.

ПЕРВОКЛАССНАЯ ЗАГРАНИЧНАЯ ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ
ищетъ дѣятельныхъ мѣстныхъ представителей во всей Россійской Имперіи.

Предложенія и референціи адресовать письменно въ Центральную Контору Объявленій бывш. Л. Метцль, Москва, Мясницкая, д. Спиридонова, подъ лат. Г. М. Э. № 29.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ, Большая Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.
Иллюстрированный прейсъ-курантъ **БЕЗПЛАТНО.**

ВЪ МАГАЗИНѢ
при манерно-механической мастерской имѣется большой выборъ манекеновъ и принимаются заказы по корсажамъ; инороднымъ высылаются дамскія манекенъ съ улавкой за 10 руб. Также имѣются корсеты и принимаются заказы по мѣрѣ. Инороднымъ добросовѣстно вышлагаются нарядныя корсеты на костяхъ за 3 руб. Бр. Ковалевскіе, въ С.-Петербургѣ, Невскій, д. 48, въ Пассаажѣ, № 48. Отдѣленіе въ Одессѣ, Екатерининская, д. 7. № 4921

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
Вс. Соловьева.
Ромъ-эпох. XVII в., въ 3 ч. Ромъ этотъ обнимаетъ эпоху правленія и изложенія Царевны Софіи. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнор. перепл. 2 р. 75 в., съ перес. 3 руб. 25 коп.

КАТАЛОГЪ
моихъ фотографическихъ художественныхъ изданій высылается бесплатно.
П. Френцель, Амстердамъ (Голландія).

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ Н. МОРСКОГО (ЛЕБЕДЕВА)
съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Цена 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ колѣнкоромъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ, 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться въ Контору журнала „Нива“, Невскій пр., № 6.

Оптическое заведеніе въ С.-Петербургѣ И. Я. УРЛАУБА,
по Невскому проспекту № 44, противъ Гостиного двора, предлагаетъ съ рачательствомъ за вѣрность и доброкачественность:

БАРОМЕТРЫ, ГИГРОМЕТРЫ И ТЕРМОМЕТРЫ. АНЕРОИДЫ
съ открытымъ механизмомъ въ никел. отдѣлкахъ по 4, 6, 8 и 10 р. Тоже большихъ размѣровъ и весьма чувствительныя къ переизмѣнамъ давленія атмосферы по 12, 15, 18 руб. и дороже. Тоже въ разныхъ изящныхъ отдѣлкахъ отъ 20 до 125 р.

ГИГРОМЕТРЫ И ПСИХОМЕТРЫ имѣются по 3 р. 50 к., 4, 6, 8, 10, 12 руб. и дороже.

ТЕРМОМЕТРЫ всевозможныхъ видовъ отъ 30 к. до 10 р. Максимальныя термометры „НЕГРЕТИ“ отъ 1 р. 25 к. до 4 р. съ рачательствомъ за вѣрность, пока таковой дѣлѣ.

ДЕВИЗЪ ДѢЛА: Быстрое исполненіе заказовъ. Прочная работа. Умѣренныя цѣны. Мт. № 4909

Заказы гг. инороднымъ высылаются съ наложеннымъ платежемъ.

ASTHME & CATARRHE
AUTORISÉS PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
Ct general: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ
(Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр.)

Съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.
Изд. А. Ф. МАРКСА, въ СПб.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 иллюстраціями въ текстѣ — копіями съ произведеній искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры. Цѣна брошюръ 6 руб., съ перес. 7 р., въ колѣнкоромъ переплетѣ съ золот. тиснен. и 3-мя красками 7 руб., съ перес. 8 руб. 50 коп.

Съ требованіями обращаться въ контору редакціи журнала „Нива“: СПб., Невскій проспектъ, № 6; въ отдѣленіе конторы „Нивы“ Н. Н. Печковской, въ Москвѣ, д. Петровскихъ торгов. линій.

Эта книга имѣется также у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ.

НАСТОЯЩЕЕ БЕНЗОЕВОЕ МЫЛО Д-РА ЛЕНГИЛЯ ВЪ ВѢНѢ

продается во всѣхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Россіи.

V. № 4754 28-6

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Акционерное Общество
ПОДЪ ФИРМОЮ

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“

Измайловскій
просп., № 27.

ДЛЯ
ЕЛКИ

Золот. мед. Парижъ 1889 г.
Парафиновая свѣчи, Бенгальскіе огни безъ дыма и запаха, Свѣтъ Магнезіумъ для яркаго освѣщенія, Зажигательная нитка.

КАРТОНАЖИ И СЮРПРИЗЫ.

Большой выборъ бонбоньерокъ, хлопушекъ и украшеній для елки, отъ 3 коп. за штуку.

Портъ-букеты съ духами, коробки убранныя съ парфюмеріями, шелковые саше для перчатокъ и платковъ.

МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1. Невскій проспектъ, № 32, домъ Католической церкви. Р. № 4907
2. Невскій проспектъ, № 66, у Анничкина моста.
3. Вознесенскій просп., № 24—52, д. Шредера (Оптов. и розничн. продажа).

Магазинъ въ Москвѣ: На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА 1891 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства
подъ редакцію **В. Н. Кутузова**
(СПб., Лѣсной Институтъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромолитографіями и разными рисунками въ текстѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива“ (СПб., Невскій просп., № 6) и у казначея Общества Э. И. Эндеръ (СПб., Импер. Ботаническій Садъ). Цѣна 8 рублей за годъ. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ редакціи „Нивы“.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (50) № 4287

Главный складъ: С.-Петербург., Демидовъ пер., д № 1.

Лампы съ накаливаніемъ въ 16 свѣчей, въ 50, 65 и 100 вольтъ, за 100 штукъ РС. 100. Патроны Эдиссона и Сименса. Тюльпаны стеклянн. отъ 50 к. до 1 р. 25 к. Электрическіе звонки отъ 1 р. 50 к. Аппараты №№ 3, 4, 6, 8, 10, 12 РС. 7.50, 8.50, 14, 16, 20, 23. Кнопки отъ 25 к. Элементы Ленкланше отъ 1 р. 25 к.—1 р. 50. Сухой элементъ Электронъ отъ 2 р. Изолированная проволока за ф. отъ 1 р. 20. Изоляторы отъ 20 к.—50 к. Симплексъ Микрофонъ. Телефонъ со звонкомъ, за станцію РС. 15. Микрофонъ телефонъ Вадена, съ индукторомъ, на протяженіи 400 верстъ, за станцію РС. 60. Домашній телеграфъ, легко устанавливается домашнимъ образомъ, безъ помощи спеціалистовъ, цѣна 7 р.

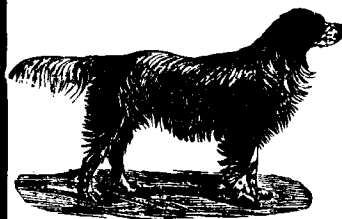
Постановка и проводъ телефоновъ и звонковъ, а также ремонтъ и починка по весьма умереннымъ цѣнамъ. Руководство и прейсъ-курантъ высыл. за 50 к. марками.

5—5

К. И. ФРЕЛАНДТЪ В. № 4775

Складъ электрическихъ приборовъ, С.-Петербургъ, уг. Невскаго пр. и Екатерининскаго канала, д. Учетнаго Банка, входъ съ канала, № 16.

Артуръ Зейфартъ, Кёстрицъ (Германія).

Награды, премии, дипломы, медала съ выставокъ государственныхъ и частныхъ. Значительнѣйшій заводъ породистыхъ собакъ

Рѣдчайшихъ современныхъ породъ, комнатныхъ, охотничьихъ и для всѣхъ видовъ спорта. (Спеціальности: Порокисты собакъ: Великорослая горная собака, ньюфаундлендскія, мастифы, крупные нѣмецкіе доги, бульдоги, сторожевыя собаки, терьеры, пинчеры, пудели,

мопсы, крысоловки, дамскія собачки, охотничьи собаки, лагавы, ищейки, тапсы и проч. Превосходные отзывы. — Учрежденіе рекомендуемое крупнѣйшими авторитетами по кинолוגіи, болѣе 10,000 благодарственныхъ писемъ. — Безплатная франкированная выемка каталога. — Иллюстрированный альбомъ 50 ифенинговъ. К. 4714 50 различныхъ породъ. — Вывозъ во всѣ части свѣта. — 50 различныхъ породъ.

Leichner's Fettwunder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА.

Пудра для вечера и дня, незамѣтная на кожѣ! Косметическое средство для улучшения красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральная гримировка! В. № 4720 17—5

Жирная румяна, бѣлѣла. Нарандаши для бровей!

Ищются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, въ Берлинѣ, поставщикъ Бельгійскихъ Императорскихъ театровъ.

Главный складъ для всей Россіи: у В. Аурихъ, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

БРАТЯ ЭНГБЕРТСЪ и К^о.

Гостинный дворъ, № 146, 147 и 14
въ С.-Петербургѣ.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ МУЖСКАГО и ДАМСКАГО БѢЛЫЯ.

ПОЛОТНО, БАТИСТЪ.

СТОЛОВОЕ БѢЛЫЕ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ,
НОВОСТИ ШЕЛКОВЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ и БУМАЖНЫХЪ
ТКАНЕЙ.

Гг. иногороднымъ покупателямъ по требованію высылаются прейсъ-куранты бесплатно.

№ 4884 2—2

НОВОСТЬ:

Штопальный приборъ привилегированъ для штопан. чулокъ, скатертей и др. под. предметовъ. Цѣна 1 р. Издѣл. отдѣлки въ роскошномъ футлярѣ 1 р. 80 к. За перес. 3 семкоп. почтов. маркн.

Торговый домъ
В. С. МЕЛЬНИКОВА и Ко,
Москва, Большая Дубянка,
д. Трындина.

САРПИНКА.

Ткань изъ высшихъ сортовъ бумажной пряжи —
сходство зефира и батиста.
Собственное ручное ткачество.
Крѣпкія краски.

Розничная продажа.

Большой разнообразный выборъ рисунковъ, составленныхъ, какъ новостъ, на лѣто 1891 г.

Альбомъ высылается по полученіи 40 коп. почтовыми марками, приставными заказнымъ письмомъ.

АДРЕСЪ:

Саратовъ, Торговому Дому
БЕНДЕРЪ и СТЕПАНОВЪ.

№ 4821 5—4

ЧРЕЗВЫЧАЙНО КОМИЧЕСКІЕ

№ 4856 ПРЕДМЕТЫ: 3—3
штуки. фотографіи. Пл. катал. 25 к.
Е. и А. Шлеффель, Амстердамъ, Вох. 509.

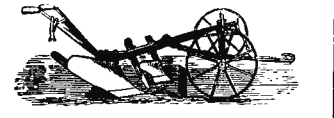
ЛЕЙХНЕРЪ и ГРОСМАНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405
ПЛАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современ. жизни.
Вс. Соловьева. К. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

„ТУЗЪ ЧЕРВЕЙ“
 РОМАНЪ Ц. № 4910
 К. В. Назарьевой
 будетъ печататься съ будущаго года въ
 ежедневной газетѣ 2-1
„НОВОСТИ ДНЯ“.
 Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.
 Годовая иногородная подписка 9 руб.
 полугодовая 5 руб. 50 коп. и для годо-
 выхъ подписчиковъ допускается разроч-
 ка въ три срока по
3 руб. сер.

ПРИГЛАШАЮТЪ
 агентовъ. За условіями обращаться
 письменно: Генрихъ Блокъ, С.-Пе-
 тербургъ, Невскій, 59—57, соб. домъ.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“,
 научно-популярный журналъ, предназна-
 ченный для родителей и воспитателей, имѣющій
 цѣлью—распространеніе среди русскаго об-
 щества разумныхъ свѣдѣній о возможно пра-
 вильномъ установленіи вопросовъ воспитанія
 въ семьѣ и школѣ. 2-1
 Въ журналъ будутъ прилагаться рисунки.
 Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ пер-
 вые и послѣдніе мѣсяцы года, а въ теченіе
 четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ выхо-
 дитъ не будетъ). Подписная цѣна: на годъ
 съ пересылкой 6 р., за-границу 7 р. 50 к.
 для студентовъ и недостаточныхъ людей
 плата съ подписной цѣны уменьшается на
 1 р. Подписки и объявленія принимаются: въ
 конторѣ редакціи, Москва, Малая Бронная,
 Дѣтская больница, кварт. Главн. Д. ра.
 Редакторъ-издатель д-ръ Е. А. Покровский.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
 строители земледѣльческихъ машинъ
 и орудій.
 Специальность: плуги и молотилки.
 Они же состоятъ главными агентами
 извѣстнаго англійскаго завода паро-
 выхъ молотилокъ и локомобилей Нлей-
 тона и Шутлворта въ Англии и зна-
 менитаго завода стѣносносилко, жне-
 енъ „Дези“ и сноповязалокъ Маи-
 Нормина въ Чикаго.
 Кроме того имѣются: тарелочныя
 бороны Рандаля и конныя грабли
 Тигръ завода Стодартъ, рядовыя сѣ-
 лки Сакка и проч. № 4484 26—15
 Запасныя части ко всемъ машинамъ.
 Фабрика и Главная Контора въ Мо-
 сквѣ. Мясницкая ул., соб. домъ, бывш.
 Бр. Бутенкоу. Отдѣленіе въ Харь-
 ковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

НОВОСТИ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО:
 Шиманъ. Билео премію. Вальсъ. Ц. 75 к.
 Маршъ и Вальсъ изъ оп. „Жада
 сильныхъ ощущений“.
 Нейфъ. Маленьк. Листъ. Дѣтск. Сборн. 1.50
 Кавалерійскій маршъ. Ц. 40 к.
 Кочетка. Полька со словами. Ц. 50 к.
 Фельдманъ. Сладкій сонъ. Вальсъ. Ц. 75 к.
 Руждий. Внемли, другъ, моленьямъ душъ
 № 4860 Романсъ. Ц. 40 коп. 10-2
 Возьми меня, я вся твоя. Ц. 40 к.
 Брамсъ Венгерск. тавцы № 5.6.7. д. серъ
 съ фортепиано по 40 к.
 у КУЛИКОВА, Москва, Маросѣйка.

**УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ
 НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ**
 собств. издѣлія продаются по вновь уде-
 шевленнымъ цѣнамъ:
 съ 3 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к.
 „7“ съ приспособленіемъ для
 легкой и скорой настройки по 6 рублей.
 Самый легкій инструментъ для изученія.
 Приятный тонъ. Въ короткое время про-
 даны многія тысяча.
 За пересылку по почтѣ прошу прилагать
 за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.
И. Ф. МЮЛЛЕРЪ
 Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Иллюстр. прейсъ-курзантъ всѣмъ инстру-
 ментамъ бесплатно. (43) Ц. № 3864
 Торговцамъ дѣлается скидка.

1891 ГОДЪ ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 52-й г. ИЗД.
„НУВЕЛЛИСТЪ“
 МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО
 И
 „МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“.

Съ 1-го Января 1891 г. „Нувеллиста“ вступитъ въ 52-й г. своего существованія. Цѣль изданія „Нувеллиста“ доставитъ каждому семейству и каждому любителю музы- ки возможность получать по самой дешевой цѣнѣ значительный выборъ новѣйшихъ, лучшихъ и любимаѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ для фортепиано, романсовъ и танцевъ. Чтобы удовлетворить такому назначенію, редакція находится въ постоянныхъ сноше- ній съ русскими композиторами и музыкальными издателями въ Европѣ и помѣщаетъ въ журналъ приобретаемыя отъ нихъ наиболее избранныя новосты, достойныя вниманія общества, и по степени трудности доступныя для большинства публики. Кроме того, принявъ во вниманіе письма матерей семействъ, неоднократно получаемыя редакцію, съ просьбою о помѣщеніи въ „НУВЕЛЛИСТЪ“ легкихъ пьесъ для дѣтей, редакція по- ставила себѣ задачей, съ будущаго года прилагать къ каждому номеру по двѣ такихъ пьесы. Завѣдываніе этимъ отдѣломъ согласился принять на себя извѣстный музыкальный педагогъ

профессоръ К. Я. ЛЮТШЪ.
 Такимъ образомъ нашъ журналъ пополнитъ тотъ пробѣлъ, который такъ ощущителенъ въ каждомъ семействѣ.
 Въ 1891 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ будетъ выходить, какъ и прежде, перваго числа каждого мѣсяца, тетрадами отъ 28 до 35 страницъ музыки, большаго нотнаго формата. Годов- ной экземпляръ „НУВЕЛЛИСТА“ составятъ обширный томъ болѣе чѣмъ въ 400 стр. и будетъ содержать до 300 избранныхъ салонныхъ пьесъ, танцевъ и романсовъ.
 Каждая тетрадь музыкальнаго номера будетъ содержать въ себѣ:
 1) Четыре или пять салонныхъ пьесъ.
 2) Одинъ или два танца.
 3) Русскій романсъ.
 4) Двѣ пьесы для дѣтей.—Сверхъ того въ теченіе года въ „НУВЕЛЛИСТЪ“ будутъ помѣщены двѣ пьесы въ четыре руки.

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“
 дастъ возможно полный свѣдѣніе касającychся музыки.
 Кроме огромнаго количества музыкальныхъ пьесъ и Музыкально-Театральной Газеты, подписчики получаютъ въ Декабрѣ мѣсяцѣ:
ПРЕМИЮ
ПОЛНУЮ ОПЕРУ для фортеп. въ 2 руки или Альбомъ фортеп. пьесъ П. И. Чайковскаго, или же другія музыкальн. сочиненія по ихъ выбору, изъ 80 номеровъ, и въ теченіе года **ДВА** художественно исполненныхъ **ПОРТРЕТА** знаменитыхъ музыкальныхъ дѣятелей.
 Подписная цѣна. 5 руб.
 Съ доставкою и пересылкой. 6 руб.
 Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ „Нувеллиста“ при музык. торговлѣ М. БЕРНАРДА, Невскій пр., № 64, утолкъ Караванной улицы, противъ Аничкина дворца; въ Москвѣ, въ музык. магазинѣ П. И. ЮРГЕНСОНА, Неглинный проѣздъ, № 10. № 4912

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1891 г. НА ЖУРНАЛЪ
„ОСКОЛКИ“
 ГОДЪ XI. XI ГОДЪ.
 подѣ редакціей и при постоянномъ участіи
Н. А. Лейкина.

Еженедѣльный (52 номера въ годъ), иллюстрированный, юмористическій журналъ „Осколки“ съ карикатурами, вступающій въ **ОДИНАДЦАТЫЙ** годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1891 году подѣ той же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1890 году. Въ годъ до 800 юмористическихъ и карикатурныхъ, художественно выполненныхъ рисунковъ, какъ въ краскахъ, такъ и черныхъ, и до 1.300 юмористическихъ и сатирическихъ статей, въ стихахъ и въ прозѣ. Время отъ времени, редакція предлагаетъ ребусы, шарады и загадки **НА ПРЕМИЮ**.
 Въ всѣ **ГODOВЫЕ** подписчики получаютъ въ концѣ 1891 года

БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМИЮ:
 ПОДѢ НАЗВАНІЕМЪ
„ПЕРОМЪ И КАРАНДАШЕМЪ“,
 заключающій въ себѣ автографическіе наброски пера и карандаша русскихъ писателей, художниковъ, музыкантовъ, пѣвцовъ, актеровъ и пр.
ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:
 Съ доставкою и пересылкой: Безъ доставки и пересылки:
 На годъ съ безплатной преміей. 9 р. На годъ съ безплатной преміей 8 р. — к.
 На полгода безъ преміи. 5 „ На полгода безъ преміи. 4 „ 50 „
 За границу 10 „
 ◆ За пересылку преміи приплатъ не полагается. ◆
 Допускается разрочка подписной платы.
 Подписка принимается: въ Главной конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ (Троицкая улица, д. № 18).
 Редакторы-издатели: Н. Лейкинъ и Р. Голине.
 № 4861 2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
„КНИЖНЫЙ ВѢСТНИКЪ“
 Журналъ, издаваемый русскимъ обществомъ книгопродавцевъ и издателей.
 Рекомендованъ для библиотекъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, городскихъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій Министерства Народнаго Просвѣщенія.
 VIII-й г. **ВЫХОДИТЪ ОДИНЪ РАЗЪ ВЪ МѢСЯЦЪ.** 1891 г.
 Въ журналѣ печатаются: Перечень новыхъ книгъ.—Отзывы о книгахъ.— Книжная хроника.—Восіса.— Указатель отзывовъ периодической печати о книгахъ.—Правительственный распоряженія и т. п.—Съ безплатнымъ прило- женіемъ: „Наша периодическая печать“.
 Подписная цѣна съ доставкою и перес. **3 руб.** въ годъ.
ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
 Гувернантокъ (Ewangel. Gouvernanten Heim) рекомен- дуетъ учительницъ и гувернантокъ всѣхъ націй.
 Комитетъ Евангелическаго Общества Гувернантокъ: СПБ.,
 Торговая. д. 15, кв. 58. № 4916

Только подлинно съ этой фабрич. маркой.
Huste-Nicht
 „НЕ КАШЛЯЙ“.
 Медо-Травяной-Мальць-Экстрактъ и Конфекты. *)
Л. Г. ПИТШЪ и Ко.
 въ Бреславлѣ.
 Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составѣ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества, почему ввозъ и продажа ихъ въ Россіи разрешены.
 *) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфекты по 30 и 50 к.
 Упаковка и пересылка считаются особо
 Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.
 Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ Россіи. В № 4719 18—7

МА ОШУЩЪ ОСОБЕННЪ ТОРГОВИИ РАЗРЕШЕНЪ ВРАЧЕВЪ- НЫМЪ ОТДѢЛЕНІЕМЪ КАРЕНТАГО ПРАВИТЕ- ЛЬСВА НЕ СОДЕРЖАЩИХЪ ВЪ СЕБѢ НИ- КАКЪ ВРЕДНАХЪ ЗДОРОВЬЮ ВЕЩЕСТВЪ.
ПЛАСТЫРЬ
 ПРОИЗВОРА
В. И. ШЕПФЪ
 ДАР
 УНИЧОЖЕНІЯ
МОЗОЛЕЙ
БОРОДАВКЪ
 Цѣна 35 коп.
 Можно получить во всѣхъ лучшихъ АПТЕКАХЪ, АПТЕКАРСКИХЪ МАГАЗИНАХЪ, ИМѢЮЩИХЪ ОБЪЕМЪ РЕЗЕРВОВЪ. ВЫПИСАЮЩИМЪ НЕ МЕНѢЕ 3-хъ пе- реносимыхъ, пересылка безплатно, торговцамъ значительная уступка.
 Главный складъ у изобрѣтателя, прови- зора В. И. Шепфъ, въ Москвѣ, Патриарше пруды, д. Британна. Ц. № 4750 12—3

Bauschule Strelitz i. M.
 Eintritt jeden Tag.
 Auch erprobte Vor- u. Weiterbildung durch
Brieflichen Unterricht.
 Kostentlose Auskunft durch Direktor
Hittenkofer.

ОВОСТЬ!
НОСКИ ДЖУТОВЫЕ
 БЕЗЪ ШВА,
 отличающіеся прочностію отъ всѣхъ другихъ сортовъ.
 Только въ магаз. Ю. ГОТЛИБЪ по Владимирской, д. 2, уг. Пев- скаго просп., С. ПБ.
 Гг. иногородные заказчики бла- говолять прислать мѣру подошвы. Цѣна 5 руб., съ перес. 6 р. за дож. Торговцамъ уступка.

А. РАЛЛЕ и Ко.
 ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ
 СПЕЦІАЛЬНОСТЬ
 НАСТОЯЩАГО ЦВѢТЧНАГО
О-ДЕ-КОЛОНА
 въ С ПЕТЕРБУРГѢ въ МОСКВѢ
 МАГАЗИНЪ МАГАЗИНЪ
 Невскій 18. Кузнечій м.
 д. Солодовникова
СКЛАДЪ СКЛАДЪ
 Чернышовъ Чернышовъ
 ПЕРЕУЛОКЪ ПЕРЕУЛОКЪ
 №19. (Никольская)
 и во всѣхъ лучшихъ МАГАЗИНАХЪ
 Россійской Имперіи

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!

Смерть Фауста. Образец гравюры на мѣди (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте.

Издание А. Ф. МАРКСА:

Большое роскошно иллюстрированное издание in folio сочинения

ГѢТЕ

„ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА, исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Классически образцовый переводъ А. Фета не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА“, СПб., Невскій пр., № 6.

ПРОШУ ЧИТАТЬ!

Парфюмерный магазинъ Г. Попа въ Пассажѣ № 52, въ СПб. высылаютъ Элеопатъ провизора КИНУНЕНА 2 флакона за 4 р.с. наложеннымъ платежомъ во всѣ города Россіи. И также изобрѣтенія всѣхъ парфюмеровъ.

Главное депо часовъ Э. БУРХАРДТЪ, Спб. Гороховый ул., у Краснаго моста, № 17.

Часы никел.	отъ 6 р. 50 до 15 р.
„ стали.	черн. отъ 11 до 25 р.
„ серебряные	отъ 12 до 50 р.
„ золотые	отъ 25 до 500 р.
„ регуляторы	духондвѣдѣнаго завода отъ 17 до 85 р.

Нисылаютъ наложен. платежемъ. Иллюстр. № 4867 прейсъ-куррантъ бесплатно. 4-11

ГЛАВНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ доводитъ до свѣдѣнія, что подписка на „Метеорологическій Бюллетень“ на 1891 г. принимается, какъ отъ иногороднихъ, такъ и городскихъ подписчиковъ въ Комитетѣ Правленія Императорской Академіи Наукъ (въ здании Академіи, на Васил. остр. на набережной Невы, противъ университета, въходъ со двора), ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 11 ч. до 3 ч. дня. Цѣна Бюллетени съ доставкой на домъ въ С.-Петербургѣ и высылкою во всѣ города Имперіи составить въ годъ двѣнадцать (12) руб., съ пересылкою же за границу восемнадцать руб. 50 к. (18 р. 50 к.). С.-Петербургскимъ подписчикамъ Бюллетень будетъ доставляться вечеромъ въ самый день выхода.

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ „С.С.У.К.“

НАХОДИТСЯ ВО ВЪСЬЕХЪ ГРОДАХЪ РОССІИ

ПРЕДОСТАВЛЯЕМЪ СЪВОБЪЯЗАННОСТЬ НАШЕЙ МАРКИ

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1890 и 1891 гг., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 60 коп.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ!

Только что вышелъ и поступилъ въ продажу въ Конторѣ журнала „НИВА“ (СПб., Невскій, 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ за 1890 г.

заключающей въ себѣ болѣе 1300 стран. разнообразнѣшаго текста и около 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, рассказы А. Н. Майкова: „Маркъ Петровичъ Петровъ“, больш. историч. романъ въ 2-хъ ч. Гр. Е. А. Салиаса: „Панъ врудъ“, больш. романъ въ 5 ч. Вас. И. Немировича-Данченко: „Жизнь какъ она есть“, больш. ром. І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго): „Блудъ“, больш. историч. повѣсть А. А. Смирнова: „Склирена“, историч. пов. Г. Эберса: „Иисусъ“ (иллюстрир. худ. Земцовымъ), повѣсть М. Н. Волконскаго: „Судьба“, разск. А. Я. Максимова: „Попъ Симеонъ“, повѣсть Н. Морснаго (Н. К. Лебедева): „Моничка“, повѣсть В. Библинова: „Первая гроза“, очеркъ Евг. Маркова: „Говѣніе“, разск. Ѳ. Ѳ. Тютчева: „Артемій Саватъевъ“, и много другихъ повѣстей и разсказовъ. Стихотворенія Я. П. Полонскаго, А. Фета, П. И. Вейнберга, І. І. Ясинскаго и др. Нѣсколько научно-популярныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія и пр. Кромѣ того, къ тому прилагаются три бесплатныхъ премій, а именно: двѣ большія картины, печатанныя красками по оригиналамъ профессора И. И. Шишкина:

- 1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“, 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“
- и 3) „СБОРНИКЪ ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ“

извѣстныхъ современныхъ писателей. Большой томъ in 8°, въ 541 стр. ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми приложеніями: Брошюрован. 4 р. Въ колѣнк. перепл. 5 р. 50 к. Съ перес. иногородн. Съ перес. иногор. до 2000 верстъ 6 р. до 2000 верстъ 7 р. 50 к. Выше 2000 верстъ за пересылку прилагается по разстоянію за 13 фунтовъ.

Къ свѣдѣнію гг. любителей ВЫПИЛКИ по дереву.

Надняхъ отпечатанъ и поступилъ въ продажу только что изданный конторою журнала „Нива“ **НОВЫЙ** (по счету ТРЕТІЙ) „АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛКИ ПО ДЕРЕВУ“, состоящій изъ 25 большихъ листовъ, заключающихъ въ себѣ множество превосходно выполненныхъ рисунковъ, разнообразнѣшихъ по величинѣ и стилю всевозможныхъ предметовъ, и около 100 русскихъ, славянскихъ и французскихъ бунвъ-монограммъ. Въ альбомѣ вошли исключительно **НОВЫЕ, НИГДѢ ЕЩЕ НЕ ПЕЧАТАВШИЕСЯ** рисунки художника

В. Н. КЛАГЕСА.

Имъ же составленъ и помѣщенный въ альбомѣ объяснительный текстъ къ рисункамъ, служащій, вмѣстѣ съ тѣмъ, общепонятнымъ руководствомъ при выпилчаніи, что особенно важно для начинающихъ.

Цѣна альбома въ изящной литографиров. обложкѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою иногороднымъ 1 р. 60 к. Съ требованіями обращаться въ СПб., въ контору журн. „Нива“, Невскій, 6.

РЕКОМЕНДУЮ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ съ собственной фабрикой и съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. В. № 4896 8-8

ПАВЕЛЬ БУРЕ

поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 28. Москва, по Б. Дубякск., противъ Кузнецкаго моста. Новый иллюстрир. прейсъ-куррантъ высыл. по требован. бесплатно.

При этомъ не прилагается для гг. иногородн. подписчиковъ прейсъ-куррантъ Константина Мальмъ въ С.-Петербургѣ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.

№ 52

г. XXI

1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдавъ 29 декабря 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1891 г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 5 р. Съ доставкою въ Петербургѣ 6 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печниковской, Петровская Торг. линія 6 р. Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . . 7 р. За границу . . . 10 р.

Подписчики „Нивы“ на 1891 г. получаютъ, кромѣ 52 номеровъ еженедеднаго иллюстрированнаго журнала „Нива“ и кромѣ 12 номеровъ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ и 12 номеровъ РУКОДѢЛЬНЫХЪ И ВЫШИЛЬНЫХЪ РАБОТЪ и выкроекъ и пр., еще **БЕЗПЛАТНО**

12

ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ БОЛЬШИХЪ КНИГЪ

романовъ, повѣстей, рассказовъ и друг. занимательнаго и поучительнаго чтенія. Каждая книга объемомъ отъ 200 до 250 стр., въ форматѣ „Сборника“ разосланнаго при № 43 „Нивы“ на 1890 г. Въ трехъ изъ этихъ 12 книгъ будетъ заключаться **полное собраніе сочиненій**

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ 3 томахъ, какъ самостоятельное изданіе, съ биографіею Лермонтова и его портрет., гравир. на стали. Кромѣ того подписч. „Нивы“ на 1891 г. получаютъ какъ главную художеств. премію съ даровою пересылкою

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬБОМЪ СЪ 10 АКВАРЕЛЯМИ

исполн. fac-simile въ краскахъ по картинамъ: Айвазовскаго, Александровскаго, Васильевскаго, Волкова, Зичи, Каразина, Кившенна, Клевера, Премацци и Сверчкова, въ красивой картонной папкѣ, украшенной роскошнымъ заглавнымъ рисункомъ.

Отдыхъ на берегу моря. Орг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ.

Панъ круль.

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ. (1772 г.).

Графа Е. А. Салиаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Окончаніе).

XXIV.

Всѣ въ Сталупеняхъ изумились, узнавъ, что панна Франциска съѣздила въ лагерь бранденбуржцевъ и устроила дѣло. Ранѣе недѣли приступа не будетъ, а за эту недѣлю къ нимъ явится новая помощь по крайней мѣрѣ въ тысячу человекъ.

Еще болѣе были всѣ изумлены, когда командующій отрядомъ вступилъ въ мирныя сношенія съ королемъ Яномъ.

На утро панъ круль, въ пышномъ поѣздѣ, окруженный самыми лихими наѣздниками изъ сталупеньчиковъ, въ раззолоченномъ экипажѣ выѣхалъ въ лагерь.

Черезъ часъ онъ вернулся въ Сталупени, и рядомъ съ нимъ въ экипажѣ сидѣлъ гость въ бранденбургскомъ генеральскомъ мундирѣ.

Въ тотъ же день былъ въ замкѣ веселый обѣдъ, на которомъ приключилось нѣчто совершенно неожиданное.

Генераль Штейнъ, любезничавшій съ панной Дзялынскою, предъ обѣдомъ былъ представленъ появившейся дочери пана Сандецкаго. Молодой, сравнительно, нѣмецъ первыя же слова, обращенныя къ Моникѣ, произнесъ страннымъ, загадочнымъ голосомъ, въ которомъ было волненіе. Моника даже смутилась.

Онъ вился въ нее глазами, заговорилъ съ ней о пустякахъ, но Моника прочла на его лицѣ такое странное выраженіе, какого никогда не случалось ей видѣть. Съ этой минуты Штейнъ почти не спускалъ глазъ съ дѣвушки.

Моника, за которой никто почти никогда не ухаживалъ, на которую никто не смотрѣлъ влюбленными глазами, была страшно поражена и взволнована.

Панъ Сандецкій, Кароль, Франуся и нѣсколько шляхтичей домовниковъ, приглашенныхъ къ столу, всѣ равно замѣтили загадочные взгляды и странное обращеніе бранденбуржца съ панной Моникой.

Тотчасъ послѣ обѣда Штейнъ, приглашенный Сандецкимъ прогуляться по парку, сообщилъ пану каштеляну едва вѣроятную новость.

— Ваша дочь, сказалъ онъ Сандецкому, — поразила меня. И поразила настолько, что я до сихъ поръ въ себя не могу придти... Вамъ это кажется страннымъ, но я самъ ничего не понимаю... Я вдовецъ. Я былъ женатъ, но вотъ уже три года, что потерялъ жену, съ которой счастливо прожилъ семь лѣтъ. Я любилъ ее и думалъ что никогда не забуду... До сихъ поръ ни одна женщина не производила на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія... И вдругъ сегодня... ваша дочь, панна Моника... Это колдовство какое-то! Я точно всю жизнь съ нею былъ знакомъ, меня влечетъ къ ней непреодолимо. Если бы настоящія обстоятельства были иными, если бы вы были не полякъ, а я не пруссакъ, то, конечно, я, не думая ни единой минуты, предложилъ бы руку и сердце паннѣ Моникѣ.

Сандецкій былъ огорошенъ заявленіемъ Штейна и даже не нашелся отвѣчать любезно.

Такъ какъ врагу, временно замиренному, было предложено оставаться гостемъ въ замкѣ, то генераль Штейнъ провелъ вечеръ снова со всѣми обитателями замка. И почти весь вечеръ онъ не отходилъ отъ Моника и бесѣдовалъ съ ней. Моника за одинъ день измѣнилась. Волненіе не покидало ее, и въ ней какъ бы происходилъ и произошелъ какой-то нравственный переворотъ. Этотъ пруссакъ нравился ей, а между тѣмъ это былъ первый мужчина, который ей нравился.

Поздно вечеромъ Сандецкій, оставшись наединѣ съ Франусей, объяснилъ ей все, что узналъ отъ прусскаго генерала.

— Тѣмъ лучше! воскликнула Франуся. — Это въ нашу пользу. По его словамъ, онъ—близкое лицо ко двору. Если онъ не близокъ съ самимъ королемъ Фридрихомъ, то очень близокъ съ кѣмъ-то изъ королевскихъ любимцевъ. Какое странное совпаденіе обстоятельствъ! Младшая дочь пана уже замужемъ за человекомъ имѣющимъ косвенное вліяніе на Русскій кабинетъ. Явился претендентъ на руку другой дочери пана, имѣющей общественное значеніе въ Берлинѣ... Объ этомъ надо подумать серьезно!

— Что же? Не выдавать же мнѣ Моника замужъ за нѣмца! воскликнулъ Сандецкій.

— А мое мнѣніе то, что этотъ бракъ Моника—былъ бы для пана просто счастьемъ... Ну, по крайней мѣрѣ находкой.

Сандецкій, уже находившійся въ полной нравственной зависимости отъ возлюбленной, призадумался надъ ея словами.

Прошла недѣля. Наступалъ срокъ условленный между прусскимъ отрядомъ и осажденными, слѣдовательно наступалъ и день, въ который бранденбуржцы должны были взять приступомъ Сталупени, если самозванный король не сдастся добровольно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ объ ожидаемой помощи отъ князя Радзивила не было ни слуху, ни духу.

Обстоятельства однако за недѣлю настолько измѣнились, что въ Сталупеняхъ вмѣсто битвы ожидалось празденство.

Къ великому соблазну всѣхъ обитателей, старшая дочь пана круля должна была вѣнчаться съ бранденбуржцемъ, командующимъ отрядомъ.

Генераль Штейнъ, бывая въ замкѣ всякій день, все болѣе увлекался Моникой, а панна, собиравшаяся всю жизнь поступить въ монастырь, пылко полюбила изящнаго и умнаго пруссака.

Самыя крѣпкія головы въ Сталупеняхъ ходили какъ въ чаду.

— Все такъ перепуталось, говорили они, — что и не разберешься. Сами мы объявили себя отдѣльнымъ государствомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ панны или наши королевны выходятъ замужъ за враговъ Польши: одна за русскаго, другая за нѣмца.

Всѣ приписывали послѣднее диковинное обстоятельство вліянію, коварству и кознямъ панны Дзялынскою. Ошибались всѣ, конечно, лишь на половину.

Сандецкій рѣшился выдать дочь замужъ за Штейна, исключительно благодаря настояніямъ Франуси. Но, въ данномъ случаѣ, за исключеніемъ самого пана Ксаверія, никто не былъ противъ брака. Моника была влюблена въ бранденбуржца до безумія. Кароль не находилъ ничего дурнаго въ этомъ бракѣ.

Но самыя важныя, настоящія козни Франуси никому еще не были извѣстны. Покуда генераль Штейнъ бывалъ въ замкѣ въ качествѣ гостя—и гостя оригинальнаго, осаждающаго Сталупени съ войскомъ,—Франуся съ трудомъ находила возможность изрѣдка перемолвиться съ нимъ. Въ то же время она ежедневно тайно писала Штейну и получала отвѣты. Такимъ образомъ всякій день они переговаривались письменно все объ одномъ и томъ же дѣлѣ.

Наступилъ день свадьбы...

Разумѣется, въ день вѣнчанія панны Моника празденство было блестящее. Человекъ до сотни бранденбуржцевъ были въ Сталупеняхъ въ качествѣ гостей. О томъ, чтобы сражаться, не было и рѣчи.

Но что будетъ и чѣмъ кончится, чѣмъ завершится

странное стеченіе обстоятельствъ, — никто не зналъ и даже не могъ предугадать. Всѣ однако будто чуяли, что монархіи Сталупеньской приходитъ конецъ, что король Янъ снова сдѣлается паномъ Ксаверіемъ.

Въ самый день свадьбы за столомъ новый зять пана объявилъ ему, на основаніи бумаги, полученной съ гонцомъ изъ Берлина, что король Прусскій жалуетъ ему — пану Ксаверію Сандецкому титулъ графа, орденъ Чернаго Орла и придворное званіе и, конечно, надѣется увидѣть у себя въ Берлинѣ своего новаго подданнаго, придворнаго кавалера.

Всѣ за столомъ ахнули. Панъ Сандецкій изумился болѣе всѣхъ. Только одна личность не удивилась, а улыбалась... Это была Франуся.

И въ одну минуту эфемерное и фантастическое королевство Сталупеньское перестало существовать, „господинъ король“ прелестился званіемъ простаго прусскаго графа.

Штейнъ заявилъ, что на другой же день выѣзжаетъ съ женой въ Берлинъ и будетъ тамъ ждать тестя. Отрядъ его въ тотъ же день вечеромъ выступить обратно домой, предоставивъ дѣло простымъ комиссарамъ, которые проведутъ границу между Польшей и Пруссіей.

XXV.

Однако сердце польскаго патриота заговорило вдругъ и забилось шибче въ панѣ Сандецкомъ. Сдѣлаться пѣмцемъ и вдобавокъ еще продать себя за почести полученные изъ рукъ Прусскаго короля — вдругъ показалось ему позорнымъ. Но онъ не долго боролся. Онъ снова, болѣе чѣмъ когда-либо, былъ подъ властью лукавой и умной женщины, которая дѣлала съ нимъ, что хотѣла. А Франуся желала быть прусскою графиней.

Черезъ сутки въ Сталупеняхъ была тишина. Генералъ Штейнъ выѣхалъ съ женой. Войско скрылось. Короля Яна не существовало. Хотя и не было официально объявлено въ тронной залѣ самимъ королемъ, что онъ отрекается отъ своего престола, но тѣмъ не менѣе всѣ увидѣли и поняли, что круль Янъ если и не на томъ свѣтѣ, то и не на этомъ... Прошло еще нѣсколько дней — и пышный поѣздъ двинулся изъ Сталупеней на западъ по дорогѣ на Берлинъ. Графъ Ксаверій Сандецкій съ невѣстой, и съ многочисленною свитой ѣхалъ въ Берлинъ поклониться своему новому королю и благодарить за милости.

На шестой день пути длинный и пышный поѣздъ бывшаго „господина короля“ въѣхалъ въ Берлинъ. Новый зять уже приготовилъ великолѣпное помѣщеніе своему тестю.

Черезъ два дня нѣмецкій подданный графъ Сандецкій получилъ аудіенцію и былъ милостиво принятъ своимъ монархомъ. Разумѣется, тонкій дипломатъ Фридрихъ сумѣлъ сразу очаровать своего новаго подданнаго, помѣстья котораго на много увеличивали прибрѣтаемыя отъ польской короны земли. Вдобавокъ добровольное присоединеніе Сталупеней къ Пруссіи разрѣшало довольно запутанный и серьезный, хотя и нелѣпный вопросъ.

Послѣ приѣма у короля графъ Сандецкій сдѣлался центромъ берлинскаго общества. Всѣ ухаживали за нимъ, почти увивались вокругъ него, конечно, по тайному приказу короля.

Всякій день графъ Сандецкій былъ приглашаемъ на обѣды, балы и концерты. Вмѣстѣ съ нимъ, конечно, блистала, кокетничала и плѣняла всѣхъ его очаровательная невѣста.

Повторялось буквально то же, что было нѣкогда въ Варшавѣ. Франуся, говорившая порядочно по-нѣмецки, сводила съ ума берлинскую молодежь.

Черезъ два, или три дня Сандецкій уже сталъ собираться обратно. Ему было неловко, совѣстно, не смотря на окружающія его любезность и радушіе. Ему чуди-

лось, что надъ нимъ потѣшаются, что онъ попалъ въ самое нелѣпое, срамное положеніе.

Онъ вѣдь продался! Онъ продалъ себя, своихъ рабовъ и исконныя польскія земли за титулъ и за орденъ. Иногда онъ не вѣрилъ собственнымъ глазамъ, что находится въ прусской столицѣ и что онъ подданный нѣмецкаго короля.

Не смотря на желаніе Сандецкаго какъ можно скорѣй вернуться домой, обвиняться и зажить мирно въ Сталупеняхъ, не показываясь, конечно, никуда, онъ однако не выѣзжалъ.

Франуся настойчиво упрасивала жениха остаться еще нѣсколько времени. Она снова была такъ же счастлива, какъ когда-то въ Варшавѣ, снова танцевала до упаду, рядилась, кокетничала, плѣняла и плѣнялась.

Почти съ перваго же дня ея появленія въ обществѣ, она познакомилась съ человѣкомъ, котораго знала еще и прежде по рассказамъ сестры. Это былъ принцъ королевскаго дома, извѣстный во всей Германіи своими похождениями принцъ Адольфъ, про котораго много рассказывала ей Эльжбета.

Принцъ окончательно не отходилъ отъ Франуси, и здѣсь повторялось буквально то же самое, что въ Варшавѣ.

Изо дня въ день, покуда Сандецкій собирался уѣзжать, но оставался ради просьбы Франуси, сближеніе между нею и принцемъ шло быстро. Сандецкій предполагалъ, что его невѣста только веселится, танцуя до упаду на всѣхъ балахъ, и желаетъ оставаться ради веселья.

Въ дѣйствительности легкомысленная и безсердечная женщина снова потеряла голову и, будучи сама хитра, снова ребячески довѣрялась лукавому человѣку.

На этотъ разъ Франуся думала, что дѣйствуетъ совершенно иначе, чѣмъ когда-то въ Варшавѣ. Дѣло шло о бракѣ ея съ принцемъ! Принцъ прямо предложилъ ей руку и сердце и просилъ безъ всякихъ приготовленій и формальностей обвиняться тайнымъ образомъ и потомъ уже покаяться во всемъ предъ монархомъ. Въ случаѣ гнѣва Фридриха онъ готовъ былъ пожертвовать кое-какими правами члена королевскаго дома.

Иногда Сандецкому поведеніе невѣсты казалось сомнительнымъ, страннымъ, но все, что представлялось мгновеніями Сандецкому, было, собственно, настолько невѣроятно, даже чудовищно, что онъ тотчасъ же начиналъ укорять себя въ подозрительности, въ неразуміи.

Возможно-ли, чтобы эта женщина, разъ уже осрамившая его, покрывая позоромъ въ Варшавѣ и прощенная имъ, можетъ снова обмануть его буквально такимъ же точно способомъ? Конечно, подобное невозможно.

И однажды въ сумерки Сандецкій, собиравшійся вмѣстѣ съ невѣстой на какой-то вечеръ, получилъ письмо. Прочитавъ его, онъ сначала ничего не понялъ и спросилъ у паюка, гдѣ панна.

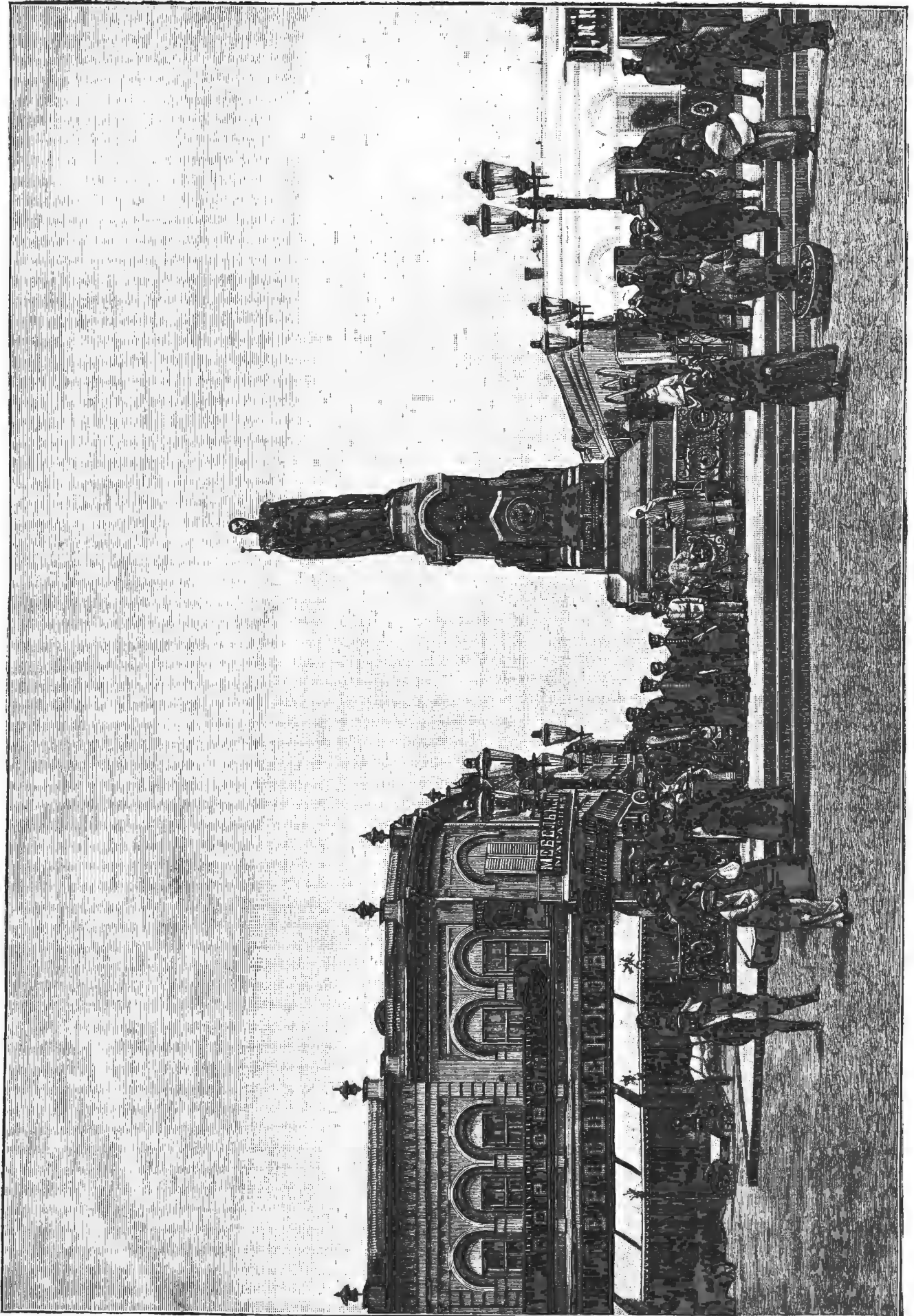
Паюкъ отвѣчалъ, что панна выѣхала изъ дому съ разсвѣтомъ.

Сандецкій снова перечелъ письмо и снова ничего не могъ понять. Онъ не вѣрилъ глазамъ и не вѣрилъ собственному мозгу.

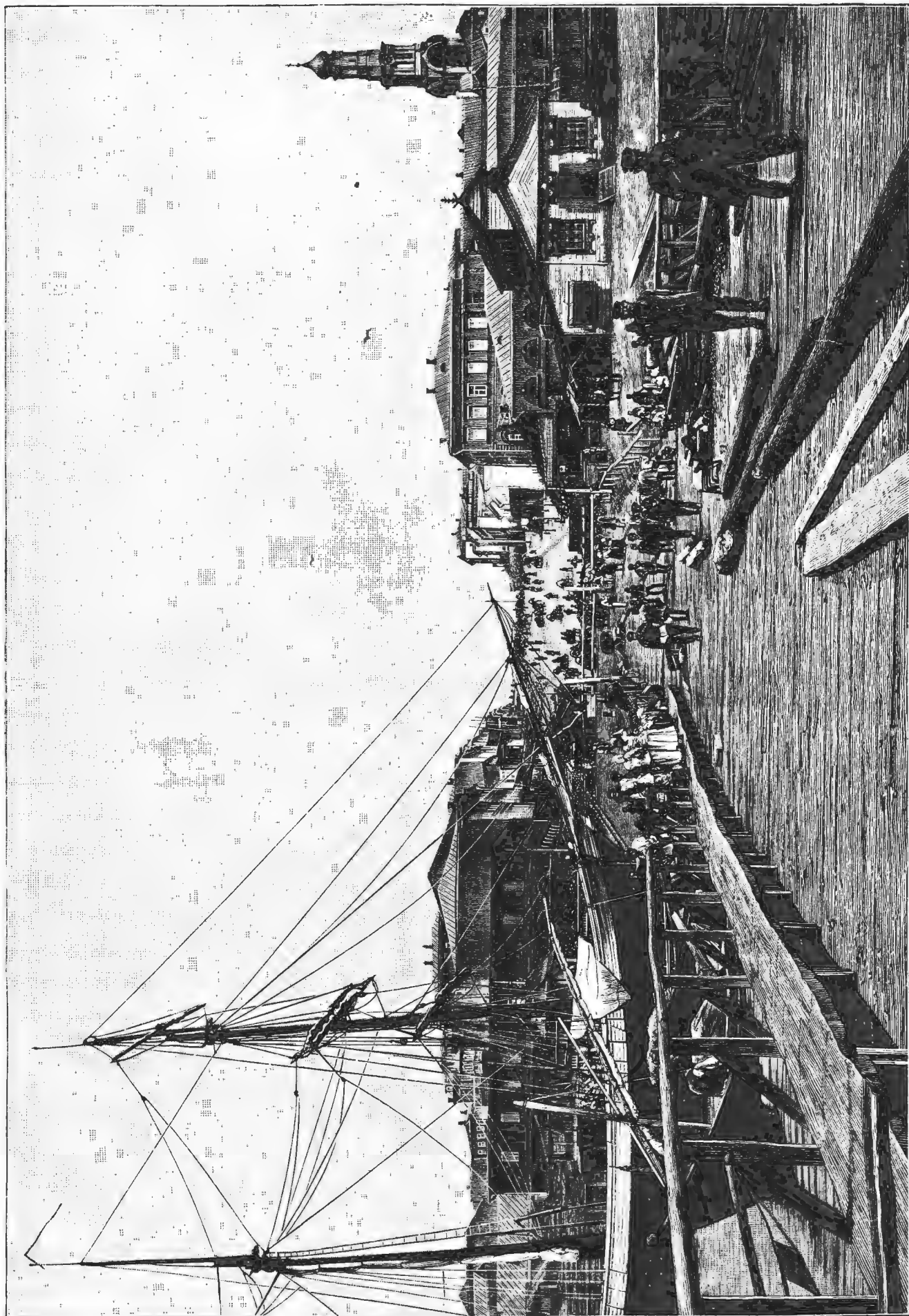
Письмо было отъ Франуси, и она извѣщала Сандецкаго, что различныя причины побудили ее поступить самымъ неожиданнымъ и страннымъ образомъ.

Письмо было большое, переполненное громкими и пышными фразами, но смыслъ письма былъ таковъ, что Франуся, сожалея о томъ горѣ, которое можетъ причинить Сандецкому, рѣшилась не соединять своей судьбы съ его судьбой.

По послѣднимъ строкамъ графъ Сандецкій узналъ, что Франуся не только вѣнчается, но въ это утро уже обвинчалась съ принцемъ Адольфомъ.

Памятникъ императору Александру II въ Ростовѣ-на-Дону. Съ фот. Бывайлова, граф. Шюблеръ.

Таганрогскій спускъ въ Ростовъ-на-Дону. Съ фот. Бывайлова, грав. Рашевскій.

XXVI.

Ударъ, полученный вторично отъ той-же женщины, почти при тѣхъ же условіяхъ былъ настолько силенъ, что пожилой человекъ, хотя еще и бодрый, казалось, потерялъ окопательно рассудокъ.

Въ тотъ же вечеръ повѣздъ Сталупеньскаго каштеляна свакаль изъ Берлина; но панъ ѣхалъ одинъ.

Предъ отъѣздомъ Штейнъ и Моника, провожавшіе его, объяснили ему, что случай съ Франусей извѣстенъ въ Берлинѣ, но что всѣ сомнѣваются въ его правдоподобности.

— Всѣмъ, кто знаетъ принца Адольфа, говорилъ Штейнъ,—кажется невѣроятнымъ, чтобы онъ обвинялся съ кѣмъ бы то ни было. Принцъ въ своей жизни продѣлалъ столько отчаянныхъ шалостей, что, вѣроятно, и этотъ случай — новая смѣшная исторія... И болѣе ничего!

Кароль встрѣтившій каштеляна въ Сталупеняхъ, едва узнавъ его, настолько за нѣсколько дней опустился и постарѣлъ его отецъ. Кароль не зналъ, радоваться-ли тому, что отецъ избавился отъ змѣи, или горевать, видя насколько онъ убитъ.

На другой же день по пріѣздѣ, панъ Ксаверій отправилъ гонца въ Берлинъ съ длиннымъ посланіемъ па имя Штейна.

Въ этомъ посланіи Сандецкій заявлялъ, что никогда не будетъ добровольно нѣмецкимъ подданнымъ и предпочитаетъ оставаться тѣмъ, чѣмъ были его предки. Къ посланію были приложены возвращаемыя грамоты на графское достоинство и на орденъ Чернаго Орла.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Сталупеняхъ начались новыя работы, но шли уже вяло—всѣ работали лѣнливо. Снова злополучную рѣчку Вислейку проводили по новому руслу, чтобы отдѣлиться отъ Пруссіи.

Прошло двѣ недѣли. Панъ Ксаверій почти не выходилъ изъ своихъ горницъ, сидѣлъ по цѣлымъ днямъ на одномъ мѣстѣ, понурившись и задумавшись.

Однажды утромъ Кароль явился къ отцу и сталъ успокаивать его, что дѣлалъ ежедневно, а затѣмъ, помолчавъ, выговорилъ:

— Я имѣю сообщить нѣчто важное, но прежде позволю мнѣ задать вопросъ.

Сандецкій, молча, кивнулъ головой.

— Сспособенъ-ли отецъ мой вторично простить отвратительную, бездушную и жестокосердную женщину, которая такъ гадко поступила съ нимъ? Сспособенъ-ли, если она явится снова, примириться съ нею и снова въ третій разъ назвать ее невѣстой и женой.

— Никогда! отвѣчалъ Сандецкій.

И по звуку его голоса, Кароль вполне убѣдился, что между отцомъ и этою женщиной порвано все, навсегда.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ сказать, что по письму, полученному мною отъ Моника, я знаю все, что случилось съ легкомысленною женщиной. Она наказана подѣломъ: она не принцесса королевско-прусскаго дома. Принцъ, извѣстный своими любовными похождениями не менѣе, чѣмъ нашъ Станиславъ-Августъ, сыгралъ съ ней такую штуку, которая изрѣдка повторяется во всѣхъ странахъ. Онъ не вѣнчался съ нею, а просто шутовствовалъ. Весь обрядъ вѣнчанія былъ шуткой съ подставными лицами или маскардомъ, причѣмъ священникомъ переодѣлся одинъ изъ его пріятелей. И теперь Дзялынская уже знаетъ, какъ была обманута, раскаивается и, конечно, векорѣ явится снова просить прощенія. Простить ее было бы... не дѣломъ дворянина!

Сандецкій понурился, но не отвѣтилъ ничего.

— Батюшка, неужели простишь? воскликнулъ Кароль испугавшись.

— Никогда, Кароль!.. Никогда!.. Клянусь!

— Слава Богу... Я вѣрю... Теперь другое, болѣе важное извѣстіе... выговорилъ Кароль.

— Болѣе важнаго и ужаснаго извѣстія ты мнѣ передать не можешь... Если ты мнѣ скажешь, что наступилъ конецъ міру, то мнѣ это будетъ совершенно безразлично.

— Наступилъ дѣйствительно конецъ, батюшка... Конецъ инаго рода... Это результатъ посланія въ Берлинъ...

— Что-жь?.. Опять войско?... Пруссаки?

— Да, батюшка... Штейнъ пишетъ мнѣ, что сюда посылается отрядъ тысячи въ двѣ человекъ съ артиллеріей, чтобы уничтожить Сталупени, а всѣхъ его защитниковъ взять и доставить въ Берлинъ не въ качествѣ плѣнниковъ, а въ качествѣ простыхъ бунтовщиковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я имѣю извѣстіе, что отрядъ, двигавшійся, вѣроятно, быстро, уже находится часахъ въ двухъ пути отъ Сталупеней. Покуда мы говоримъ, онъ уже приближается. Не далѣе, какъ сегодня вечеромъ, все кончится. Мы будемъ...

— Взяты и уведены въ Берлинъ? прибавилъ Сандецкій.—Никогда, Кароль!

— Но развѣ ты можешь бороться? Вѣдь у насъ не наберется четырехсотъ человекъ способныхъ сражаться.

— Мнѣ не нужно и сотни человекъ... Даже никого не нужно. Но все-таки я буду вызывать охотниковъ—Сандецкій вздохнулъ и прибавилъ: — И они найдутся!

Наступило молчаніе и продолжалось долго. Кароль печально смотрѣлъ въ лицо задумавшагося отца, на которомъ было написано горькое отчаяніе, но и покорность судьбѣ. Видно было, что панъ Ксаверій обдумываетъ нѣчто роковое.

Наконецъ Сандецкій снова тяжело вздохнулъ, поднялъ влажные глаза на сына и выговорилъ упавшимъ голосомъ:

— Кароль, ты поѣдешь къ начальнику войска и передашь ему отъ моего имени предложеніе... Я прошу дать мнѣ сроку три дня, чтобы обдумать мое положеніе и сдѣлать кое-какія распоряженія. Ты скажешь ему, что я даю честное слово дворянина, что черезъ трое сутокъ онъ войдетъ въ замокъ безъ боя и займетъ его. Ни единый человекъ не будетъ противиться занятію замка и присоединенію Сталупеней къ Прусскому королевству. Я даю въ этомъ мое честное слово и сдержу его свято. А за эти три дня я сдѣлаю кое-какія распоряженія, не имѣющія никакого значенія для пруссаковъ.

Кароль смотрѣлъ на отца съ недоумѣніемъ.

— Но что же это будетъ, батюшка?

— Этого я тебѣ не скажу. До сихъ поръ у меня не было отъ тебя тайнъ, а теперь есть... Ступай тотчасъ къ пруссаку и передай мое предложеніе.

— Врядъ-ли онъ согласится на это, замѣтилъ Кароль.

— Постарайся. Будь краснорѣчивъ. Объясни ему, что мы будемъ защищаться за стѣнами замка до послѣдняго человека, будемъ отбиваться сначала со двора, а затѣмъ изъ оконъ. Всякую комнату онъ долженъ будетъ брать въ замокъ приступомъ. Объясни ему, что при этомъ потеря людей будетъ значительная... Конечно, съ ихъ стороны. Мы будемъ всѣ перебиты, но намъ это все равно. Мы на то идемъ. Но сколько онъ потеряетъ народу, когда ему придется брать приступомъ гостиную за гостиной, спальню за спальней! Если же онъ согласится на мое предложеніе, то черезъ три дня войдетъ мирно, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Если онъ не повѣритъ мнѣ на слово, скажи, что я явлюсь самъ и передъ Распятіемъ принесу клятву, что черезъ три дня замокъ будетъ въ его распоряженіи. Ступай немедленно!

Кароль поднялся, поцѣловался съ отцомъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, но обернулся снова.

— Но что же я долженъ думать, отецъ? Затѣянное очевидно ужасно.

— Я ничего не хочу и не могу тебѣ сказать, Кароль. Ступай, исполняй мое порученіе!

Черезъ четверть часа молодой человекъ былъ уже на конѣ и въ сопровожденіи четырехъ сталупеньчиковъ выѣзжалъ изъ воротъ замка въ качествѣ парламентаря.

„Да, много смѣялись надо мной, по милости злодѣйки, думалъ Сандецкій оставшись одинъ,—но теперь не засмѣются“.

Панъ Ксаверій тотчасъ же потребовалъ къ себѣ Зарембу и долго совѣщался съ нимъ у себя въ спальнѣ. Шляхтичъ вышелъ отъ каштеляна грустный, съ поникшею головою. Отворяя дверь и пропуская Зарембу, Сандецкій крѣпко пожалъ его руку и выговорилъ съ чувствомъ:

— Если боишься, пане, колеблешься, то передумай.

— Нѣтъ, я рѣшился... У меня двухъ словъ нѣтъ, отозвался Заремба.

— Хорошо. Стало-быть, я могу рассчитывать, что все будетъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ?

— Съ нынѣшняго же вечера начну работу, пане, отозвался Заремба.—За ночь многое будетъ сдѣлано, а что не успѣю, то сдѣлаю въ слѣдующую ночь. Послѣ-завтра все будетъ въ порядкѣ.

Послѣ Зарембы каштелянъ вызвалъ къ себѣ Трембицкаго. Бесѣда съ нимъ была короткая.

Черезъ часъ послѣ того, что вышелъ отъ каштеляна, Трембицкій уже садился со своей семьей въ два экипажа и выѣзжалъ изъ воротъ по дорогѣ въ Варшаву.

Между тѣмъ у Сандецкаго перебивало уже до пятидесяти человекъ всякихъ нахлѣбниковъ. Панъ впускалъ за-разъ къ себѣ въ спальню по два, по три человека, запиралъ дверь и со всѣми совѣщался.

Совѣщаніе продолжалось не долго и каждый разъ, что кто-либо выходилъ отъ каштеляна грустный, то отправлялся прямо къ Зарембѣ и, входя, говорилъ:

— Пане, и я тоже.

Тотъ, кто не шелъ къ Зарембѣ, немедленно бралъ телѣжку или лошадь и выѣзжалъ изъ замка куда угодно. Очевидно, что панъ Сандецкій вербовалъ охотниковъ на свое предпріятіе. Всѣ, кто соглашался, оставались въ замкѣ, тѣ, которые отказывались,—должны были по приказу каштеляна немедленно покинуть замокъ.

Весь день прошелъ въ этомъ. Къ вечеру навербованныхъ охотниковъ было около двадцати человекъ.

Между тѣмъ Кароль исполнялъ порученіе отца и, запоздавши въ переговорахъ, явился въ сумерки. Онъ объяснилъ отцу, что начальникъ отряда долго не соглашался на предложеніе, но наконецъ согласился и будетъ ждать условленное время, послѣ чего, если его обманутъ, онъ будетъ безпощаденъ.

— Однако, прибавилъ Кароль,—просить письменной клятвы предъ Богомъ и честное слово шляхтича, что послѣ-завтра утромъ мирно примутъ его въ замкѣ.

— Согласенъ! Сейчасъ же напишу, но только въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, отозвался Сандецкій.

Онъ сѣлъ къ столу и тотчасъ же на большомъ листѣ написалъ:

„Я, нижеподписавшійся, Ксаверій-Янъ-Станиславъ Сандецкій, каштелянъ Сталупеньскій, клянусь Богомъ и Пресвятой Дѣвой, при этомъ даю честное шляхетское слово, что послѣ-завтра въ полдень ворота замка будутъ открыты настѣжъ, ни единый человекъ не будетъ защищать его ни огнестрѣльнымъ, ни холоднымъ оружіемъ и солдаты короля прусскаго спокойно, безъ выстрѣла, займутъ замокъ“.

Сандецкій подписался, передалъ письмо и гонецъ былъ тотчасъ же отправленъ къ начальнику отряда.

Глянувъ на сына, панъ Ксаверій замѣтилъ, что Кароль снова хочетъ пачать тотъ же разговоръ, снова допытываться. Онъ поднялъ на него руку, грустно махнулъ и выговорилъ:

— Не спрашивай! Ничего не скажу... Это не твое дѣло! Тебѣ я дамъ одно порученіе—принять пруссаковъ здѣсь въ замкѣ.

— Безъ хозяина?

— Я и другіе охотники уйдемъ отсюда... будемъ далеко.

— И не возьмете меня съ собой?

— Ни за что, Кароль! Ты останешься принять непрошенныхъ гостей. А послѣ, когда-нибудь... Замѣть, что я говорю... послѣ, когда-нибудь... когда случится, придетъ пора, ты уйдешь за нами, мы будемъ тебя поджидать.

— Гдѣ?

— Далекѣ, Кароль! Послѣ узнаешь гдѣ.

Едва только Сандецкій договорилъ послѣднія слова, какъ въ горницу явился паукъ и доложилъ, что старикъ Казиміръ съ села желаетъ немедленно видѣть пана по очень важному дѣлу.

— Пускай идетъ! отозвался Сандецкій.

XXVII.

Въ дверяхъ появился сѣдой какъ лунь и сгорбленный Казиміръ, старѣвшій не по днямъ, а по часамъ. Сандецкій подозвалъ его отъ порога ближе къ себѣ.

— Что, старикъ, хочешь?.. Что тебѣ понадобилось?

— Важное дѣло, пане... Могу говорить только наединѣ.

Черезъ минуту, когда Сандецкій провелъ старика къ себѣ въ спальню, Казиміръ подаль ему, вытащивъ изъ-за обшлага кафтана, небольшое письмо.

— Отъ кого? удивился Сандецкій.

— Читай, пане.

Сандецкій развернулъ листокъ бумаги, пробѣжалъ глазами, увидѣлъ подпись и вздрогнулъ. Затѣмъ онъ скомкалъ листокъ въ кулакъ и, измѣнившись въ лицѣ, замахнулся на старика. Казалось, онъ хотѣлъ швырнуть комокъ ему въ лицо.

— Какъ ты смѣлъ ко мнѣ съ этимъ явиться, старый дуракъ!.. Старая собака!..

— Не сердись, пане... Я не хотѣлъ... я не смѣлъ идти... но когда Божіе созданіе, какъ собака, поззаетъ въ ногахъ, грязные сапоги цѣлуетъ, всякій сдастся.

— Такъ ступай и скажи ей, чтобы черезъ часъ ея не было въ Сталупеняхъ! Самъ заложилъ телѣжку и вывези ее вонъ... Куда хочешь вывези... и брось въ поле, какъ падала бросаютъ! Скажи ей, что, если ввечеру она будетъ еще въ Сталупеняхъ, то я пошлю кого-нибудь изъ дружинниковъ пристрѣлить ее изъ ружья, какъ бѣшеную собаку. Другаго отвѣта никакого не будетъ. Ступай!

Казиміръ двинулся, старческою дряхлою походкой, прошелъ медленно горницы, спустился по лѣстницѣ и вышелъ уже на крыльцо.

За это время панъ Сандецкій все стоялъ на томъ же мѣстѣ съ скомканною запиской въ судорожно сжатомъ кулакѣ. Онъ тяжело дышалъ. Въ немъ происходила борьба.

— Нѣтъ! нѣтъ! воскликнулъ онъ вслухъ.—Такъ нельзя!.. Нельзя такъ оставить. Нѣтъ, Франуся... нѣтъ, пани Дзялынская, ты достойна инаго... Ты будешь съ нами... Ты будешь со мной! Я сдѣлаю тебѣ эту честь по справедливости.

Сандецкій быстрыми шагами двинулся по горницамъ и нѣсколько разъ крикнулъ людей. Одинъ изъ паюковъ явился на его зовъ.

— Догони Казиміра... Верни!..

Когда запыхавшійся отъ вторичнаго подъема на лѣстницу, старикъ явился передъ паномъ, Сандецкій подошелъ къ нему, поцѣловалъ его и произнесъ:

— Прости, старикъ, что я тебя обозвалъ псомъ... Ступай и скажи ей... Нѣтъ, ничего не говори. Ступай за ней, веди ее сюда... Скажи—я прошу. Безъ всякихъ объясненій. Комнаты, въ которыхъ она жила, будучи моей невѣстой въ первый разъ, къ ея услугамъ.

— Ну, вотъ слава Богу! выговорилъ Казиміръ.—Ужъ очень жаль ее. За зло добромъ платить надо.

— Хорошо, хорошо! Ступай и веди! Я васъ буду ждать.

Казимиръ бодрѣ двинулся изъ горницы, а Сандецкій вышелъ велѣдъ за нимъ и направился прямо въ нижній этажъ въ помѣщеніе Зарембы. Перетолковавъ снова, они вмѣстѣ отправились въ тѣ кладовыя гдѣ былъ складъ оружія, пороха и всякихъ снарядовъ. Затѣмъ они прошли въ большой подвалъ, помѣщавшійся подъ замкомъ на самой серединѣ, и осмотрѣли его.

Вернувшись къ себѣ, Сандецкій сѣлъ и сталъ нетерпѣливо, съ тревогой и волненіемъ, ждать появленія той женщины, которая такъ коварно и преступно испортила послѣдніе годы его жизни.

„Мнѣ не жаль тебя! думалъ онъ. — Ты достойна этого“.

Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ одинъ изъ покоевцевъ явился доложить, что старикъ Казимиръ явился, а съ нимъ панна Франциска Дзялынская.

— Мы не хотѣли ее впускать, прибавилъ онъ, — но Казимиръ заявилъ, что она пришла по вашему приказанію.

— Хорошо сдѣлали, что пустили! Тотъ, кто остановилъ бы ее на порогѣ, очутился бы черезъ часъ на висѣлицѣ. Прости сюда!

Сандецкій остался, стоя на томъ же мѣстѣ, и странными глазами глядѣлъ на порогъ двери, откуда ожидалъ женщину, которую онъ и любилъ попрежнему, и ненавидѣлъ.

Дверь отворилась. Сандецкій вздохнулъ и отвернулся. Онъ не могъ прямо смотрѣть на эту женщину. Франуся тихо подошла и опустилась на колѣни.

— Прости, пане!.. Я все объясню... едва слышно выговорила она.

— Нечего мнѣ слушать и нечего мнѣ объяснять! Ступай въ тѣ горницы, гдѣ ты жила когда-то, будучи моей невѣстой. Послѣ-завтра утромъ я пришло за тобой и самъ объясню, какую участь я тебѣ назначаю. До тѣхъ поръ я видѣть тебя не желаю.

Сандецкій кликнулъ людей. Вошелъ тотъ же нахлѣбникъ.

— Отведи панну Дзялынскую въ горницы наверхъ... Распорядись, чтобы все было попрежнему... Кушанье чтобы подавали паннѣ у нея въ горницѣ и приставили къ ней слугу... Встань! Полно ползать! Иди за нимъ! прибавилъ Сандецкій.

— Ради Бога, всего нѣсколько словъ сказать...

— Не нужно! Ты скажешь ихъ, если захочешь, послѣ-завтра. А теперь иди!

И онъ быстрыми шагами вышелъ изъ горницы. Франуся поднялась и пошла за нахлѣбникомъ.

Сандецкій ни разу не взглянулъ въ лицо своей бывшей невѣсты. Если бы онъ это сдѣлалъ, то не мало удивился бы, настолько измѣнилась Франуся. Она похудѣла, поблѣднѣла. Лицо ея осунулось. Она даже, казалось, постарѣла лѣтъ на десять и была далеко не такъ красива, какъ еще недавно.

Однако, идя за покоевцемъ въ тѣ горницы, гдѣ когда-то жилось ей такъ хорошо, Франуся, казалось, немножко приободрилась, лицо ея оживилось. У нея снова явилась надежда.

Все-таки же Сандецкій принялъ ее! Все-таки онъ общалъ, что послѣ-завтра поутру онъ позволить ей объясниться. Слѣдовательно, она можетъ надѣяться.

XXVIII.

Между тѣмъ въ замкѣ была новость. По приказанію пана, замокъ очищался отъ всѣхъ многочисленныхъ обитателей. Тѣ, которыхъ каштелянъ не вызывалъ къ себѣ на таинственное совѣщаніе, выселялись изъ замка на село. Къ вечеру въ стѣнахъ оставались только тѣ, которые, побывавъ въ спальнѣ каштеляна, являлись затѣмъ къ Зарембѣ. Ихъ было двадцать три человѣка.

Вечеру Сандецкій, поужинавъ вмѣстѣ съ сыномъ, всталъ и, ни слова не говоря, вышелъ. Когда Кароль двинулся было за нимъ, то услышалъ, какъ щелкнулъ замокъ. Сандецкій заперъ сына въ горницѣ. Кароль остановился въ изумленіи, вздохнулъ и спокойно сѣлъ на ближайшій стулъ.

Сандецкій отсутствовалъ долго. Кароль передумалъ все, что только шло ему въ голову, и не могъ понять, что такое отецъ дѣлаетъ и почему заперъ его. Только часа въ три ночи вернулся онъ и выговорилъ, улыбаясь:

— Что, удивился, что я тебя, какъ школьника, запираю подѣ наказаніе? По крайней мѣрѣ не на хлѣбъ и на воду... Видишь, сколько тутъ осталось!.. показалъ онъ на столъ, на которомъ они ужинали. — Въ одномъ только кланусь тебѣ, Кароль, что я былъ не у панни Дзялынской.

Кароль изумленными глазами взглянулъ на отца.

— Какъ!.. Развѣ ты потому молчишь о ней, что ничего не знаешь? нѣсколько удивился Сандецкій. — Ты не знаешь, что она въ замкѣ?

Кароль сдѣлалъ движеніе и ахнулъ.

— Ты не зналъ этого?

— Нѣтъ, отецъ, не зналъ... Да, я бы назвалъ лжецомъ всякаго, кто мнѣ бы объ этомъ сказалъ.

— Что дѣлать, милый мой!.. Да, я позволилъ ей вернуться... Она въ замкѣ... въ тѣхъ же горницахъ, гдѣ жила когда-то...

— И эту женщину поведутъ къ вѣнцу?..

— Нѣтъ, Кароль! Я поведу ее на судъ Божій, а не къ алтарю! До послѣ-завтра я ее не увижу и не скажу съ ней ни слова... Въ этомъ я даю тебѣ клятву, но съ условіемъ... Исполни мое требованіе — и я исполню обѣщаніе. Ты долженъ, покуда здѣсь со мной и пробывъ только утро, отправиться на село и помѣститься у Казимира или въ пустомъ домѣ негодяя-ксендза и оставаться тамъ до послѣ-завтра полудня. Однимъ словомъ, ты долженъ отсутствовать! Я не хочу, чтобы ты видѣлъ все то, что будетъ здѣсь происходить.

— Что же тутъ будетъ, отецъ?

— Почему знать! улыбнулся Сандецкій. — Можетъ-быть будетъ жестокая казнь злодѣйки, которую ты ненавидишь и презираешь. Быть-можетъ я не хочу, чтобы ты присутствовалъ... У тебя не хватить сердца... Ты понимаешь? Однимъ словомъ, завтра утромъ ты отправишься на село и останешься тамъ сутки. Ровно въ полдень ты явишься сюда и узнаешь какая судьба постигла панну Дзялынскую.

— Ничего не могу понять, грустно выговорилъ Кароль. — Все это странно... Я вижу кругомъ унылыя лица, что-то затѣвается... Даже Зарембу узнать нельзя! Старуху больную жену и дочь онъ отправилъ на село, а ты меня отправляешь. Пропастъ народу изгнано изъ замка... Многие уѣхали въ Варшаву. Неужели все это ради казни этой презрѣнной женщины?..

— Да, Кароль, ради ея казни. И такъ, рѣшено! Ты ночуешь со мной и завтра утромъ отправляешься на сутки на село.

— Я привыкъ исполнять всѣ твои приказанія, но повѣрь, что если бы я присутствовалъ при казни этой змѣи, то не помѣшалъ бы...

— Довольно. Спать пора! выговорилъ Сандецкій, тоскливо усмѣхаясь.

Однако онъ всю ночь не могъ сомкнуть глазъ.

На слѣдующее утро отецъ и сынъ вмѣстѣ позавтракали. Затѣмъ Сандецкій надѣлъ на Кароля крестъ, который всегда носилъ на груди, горячо обнялъ его и расцѣловалъ.

— Неужели мы видимся въ послѣдній разъ?! воскликнулъ Кароль.

— Полно! Что ты! Свидимся навѣрное... Богъ видитъ — свидимся... Отвѣчаю тебѣ. Когда — не знаю...

Гренадеръ Золотой роты у памятника императору Николаю въ СПб

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Б. Томашевича, грав. Шюблеръ.

по свидимся. Ступай! Помни одно: быть здѣсь только завтра въ полдень.

Когда молодой человѣкъ, тревожный и грустный, вышелъ со двора замка, вслѣдъ за нимъ заперли ворота и всѣ калитки, какъ будто ожидая пристуна пруссаковъ.

Въ стѣнахъ оставалось только двадцать пять человѣкъ и въ числѣ ихъ только одна женщина—панна Дзялынская. Весь день и слѣдующую ночь въ запертомъ кругомъ замкѣ шла спѣшная, усиленная работа, суетливая, но молчаливая. Всѣ оставшіеся усердно работали и будто сговорились молчать. Поздно ночью, почти передъ разсвѣтомъ, сразу все стихло.

За все это время Франуся, сидѣвшая въ своихъ горницахъ, соображала и ничего не могла понять. Она видѣла пустоту на дворѣ и въ саду, слышала суетню ночью, шумъ и стукъ въ нижнемъ этажѣ. Нѣсколько разъ порывалась она узнать въ чемъ дѣло, но дверь ея горницы была заперта. Она была въ заключеніи.

Разъ десять подходила она къ двери и днемъ, и поздно ночью, и находила дверь запертою. Оставалось терпѣливо ждать утра и срока, назначеннаго паномъ для свиданія и объясненія.

Наконецъ, часовъ въ одиннадцать въ горницу Франуси постучались. Она, дремавшая на креслѣ одѣтою, быстро вскочила. Замокъ щелкнулъ, и въ растворенную дверь вошелъ одинъ изъ старыхъ паюковъ.

— Панъ-каштелянъ проситъ панну пожаловать внизъ, выговорилъ онъ грустно.

Франуся, взволнованная, вышла и спустилась по лѣстницѣ до дверей залы. Она думала найти Сандецкаго у него въ спальнѣ или въ кабинетѣ, но изумленная остановилась на порогѣ...

XXIX.

Въ залѣ за большимъ столомъ сидѣлъ панъ Ксаве-рій, а вокругъ него сидѣли равно и нахлѣбники, и хлопы, больше все старики. Налѣво отъ него сидѣлъ старикъ Заремба, а кресло направо отъ пана оставалось пустымъ. На столѣ посрединѣ стояло большое Распятіе. Предъ нѣкоторыми сидѣвшими лежали маленькія книжки, повидимому, молитвенники.

Всѣ присутствующіе были въ великолѣпныхъ новыхъ кунтушахъ. Самъ панъ Сандецкій былъ въ томъ самомъ платкѣ, которое когда-то заказалъ себѣ въ Варшавѣ для бракосочетанія. При появленіи Франуси, панъ Ксаве-рій поднялся и выговорилъ:

— Пани Дзялынская, прошу!

И онъ указалъ на пустое кресло.

Франуся приблизилась, тревожно озираясь, и сѣла. Она догадывалась, что происходитъ что-то чрезвычайное, и сразу, будто предчувствіемъ, страхъ ворвался въ ея душу. Она будто почувала, что ее сейчасъ будутъ судить и пожалуй умервятъ здѣсь же, въ этой залѣ, по приказанію каштеляна. Она опустилась въ кресло, блѣдная какъ полотно.

— Слушай, пани! Ты знаешь хорошо все, что ты сдѣлала, знаешь, какъ ты со мной поступила... Разъ я имѣлъ малодушіе простить тебя, забывъ все изъ-за страсти къ тебѣ, съ которой не могъ совладать. Второй разъ ты поступила еще ужаснѣе, и снова явилась просить прощенія. Я снова теперь прощаю тебя и прошу Бога простить тебя тоже. Но тѣмъ не менѣе ты должна умереть. Жить тебѣ не стоить... Что ты будешь дѣлать? Куда тебѣ дѣваться? Ты—опозоренная женщина. Послѣ того что ты была, кто же, кромѣ бѣдняка или негодяя, захочетъ назвать тебя женою?.. Поэтому тебѣ лучше умереть. И ты умрешь черезъ полчаса. Готовься по-христіански...

Сандецкій протянулъ руку на столъ, досталъ молитвенникъ и положилъ его передъ Франусей. Она ничего не отвѣтила и, перепуганная на смерть, дико озиравшись на всѣхъ. Всѣ сидѣли противъ нея молча. Всѣ лица

были странны до чрезвычайности. Иные были перепуганы и блѣдны такъ же, какъ и она, другіе унылы, у многихъ слезы были на глазахъ. Нѣкоторые сидѣли спокойно, не отрываясь, читали свои молитвенники и изрѣдка крестились...

О подобномъ засѣданіи Франуся и не мерещилось. Никогда ничего подобнаго не видала она, даже ни о чемъ такомъ не слыхала.

— Я бы желала, пане... выговорила вдругъ Франуся, обращаясь къ Сандецкому.

— Молчи! тихо, но повелительно выговорилъ Сандецкій.—Молись! Мы идемъ къ Богу... Скоро тебя уже не будетъ въ живыхъ... Или ты не вѣришь?

Франуся готова была не вѣрить, но лицо Сандецкаго, его глаза полные слезъ, торжественность обстановки, всѣ эти лица—всему этому надо было повѣрить!

И Франуся вдругъ увѣровала, что дѣйствительно ей остается жить нѣсколько минутъ.

„Но вѣдь и они... Они тоже!.. Они тоже будто смерти ждуть!..“

Прошло нѣсколько времени. Франуся не помнила: нѣсколько минутъ прошло или нѣсколько секундъ. Все мутилось передъ ея глазами... мутилось въ мысляхъ. Сандецкій взглянулъ на часы и выговорилъ тихо:

— Пора, панове...

И всѣ знали заранѣе, что значатъ эти слова. Всѣ поднялись съ мѣстъ, стали креститься. Франуся тоже поднялась, но ноги дрожали подъ ней. Она оперлась обѣими руками объ столъ. Она чувствовала, что еще минута, и она упадетъ.

Всѣ подымавшіеся сразу заплѣли гимнъ Пресвятой Дѣвѣ. Зала огласилась странными, будто погребальными звуками...

XXX.

Король былъ въ пустомъ домѣ ксендза. Всю ночь не спалъ онъ, всю ночь размышлялъ, и разумъ его отказывался понять, что происходитъ въ замкѣ, почему изгнано столько народу, изгнанъ онъ самъ.

Наступило утро. Онъ нетерпѣливо ждалъ. Наконецъ, наступило одиннадцать часовъ, стрѣлка его часовъ двигалась къ полудню. Король вышелъ на крылечко дома и сталъ ждать съ нетерпѣніемъ посланнаго отъ отца, который позволить ему вернуться.

Онъ почти не спускалъ глазъ съ замка и соображалъ:

„Что-то тамъ?.. Быть-можетъ теперь злодѣйки уже вѣтъ на свѣтѣ!..“

Король забылся на мгновение, забывъ, что приближается полдень, и вдругъ случилось нѣчто невѣроятное... Онъ не могъ сообразить, что случилось, потому что какъ бы отъ удара кулака опрокинулся и упалъ на землю. Его оглушило.

Одинъ страшный ударъ разразился гдѣ-то въ Сталупеняхъ. Все содрогнулось. Весь окружающій міръ содрогнулся.

Вскочивъ на ноги, Король увидѣлъ громадный столбъ дыма на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ замокъ, и въ ту же минуту на него посыпался будто градъ небольшихъ камешковъ и всякаго сору. Онъ схватилъ себя за голову и, почти лишаясь сознанія, опустился на колѣни. Онъ понималъ все...

— Зачѣмъ ты меня не взялъ, отецъ?! воскликнулъ онъ, рыдая.

Между тѣмъ смятеніе и перепугъ были и въ лагерѣ пруссаковъ. Въ ту минуту, когда отрядъ собирался, по условію съ паномъ Сандецкимъ, двинуться и мирно брать Сталупени, раздался этотъ оглушительный ударъ, потрясшій всю окрестность.

Начальникъ отряда не понялъ въ чемъ дѣло. Онъ тотчасъ же сѣлъ на лошадь и въ сопровожденіи свиты вскачь пустился къ замку.

Но замка уже не было... Стояли одѣ развалины

безъ кровли. Уцѣлѣли только наружныя, самыя крѣпкія, стѣны, но и онѣ рисовались на синемъ небѣ въ видѣ коричневаго кружева, ошаленнаго порохождъ.

Вся внутренность замка была уничтожена. Все взлетѣло на воздухъ.

Прусскій отрядъ не вступилъ во дворъ замка, гдѣ нѣкоторыя стѣны угрожали паденіемъ, и только одни часовые были разставлены кругомъ унылыхъ развалинъ.

XXXI.

Прошелъ годъ. Владѣніе покойнаго пана Сандецкаго постигла исключительная судьба.

Манневильскій мельникъ.

Переводъ Е. Евстафьевой.

Небольшая солоноватая рѣчка, протекающая черезъ Манневиль, приводитъ въ движеніе колеса многихъ мельницъ, на примѣръ: маслобойки, обрабатывающей рапсъ; сукновальни, которая во время работы окрашиваетъ воды ручейка то чернымъ, то синимъ цвѣтомъ, и наконецъ мучной мельницы, принадлежащей господину Соломону, которая такъ красно, такъ живописно выдѣляется на фонѣ зеленыхъ деревьевъ, что удивительно, какъ до сихъ поръ ни одинъ художникъ не далъ ей мѣста на какой-нибудь картинѣ.

Манневильская рѣчка не имѣетъ собственнаго имени; она вытекаетъ изъ маленькаго ложка вблизи большой дороги, ведущей въ сосѣднюю деревню Фонтанъ, протекаетъ мимо Манневиль и съ тихимъ, жалобнымъ журчаньемъ впадаетъ въ озеро. Можетъ быть потому, что теченіе ея такъ коротко и такъ быстро теряется въ водахъ обширнаго озера, никто не далъ себѣ труда окрестить эту рѣчку. Между тѣмъ эта маленькая, безымянная рѣчка не можетъ быть смѣшана ни съ какою другою, потому что на пространствѣ нѣсколькихъ миль въ окрестности нѣтъ другой проточной воды.

Почти у самаго истока рѣчки находится заграда, принадлежащая мельницѣ господинна Соломона; за этой плотинной русло рѣчки расширяется и она превращается въ небольшое озеро, берега котораго поросли серебристыми ивами и развѣсистыми буками, бросающими прохладную, густую тѣнь на свѣтлую водяную поверхность. Съ береговъ рѣчки не видно ни самой деревни, ни даже церкви, и ни малѣйшій житейскій шумъ не нарушаетъ ея мирнаго журчанья. Старая, сѣрая мельница съ хорошепылымъ каменнымъ жилимъ домомъ, примыкающимъ къ ней; веселый огорождъ, пестрый цвѣтникъ, — вотъ все что можно видѣть съ береговъ маленькаго озера, и эта картина такъ мила и поэтична, что кто разъ видѣлъ ее, тотъ никогда ее не забудетъ: ничего пошлаго и грубаго, ничего кромѣ зеленн деревьевъ, голубаго неба, чистой воды и старой мельницы, которая, въ тѣ минуты, когда не работаетъ, кажется спящею доброю, милою старушкой, отдыхающею послѣ своихъ усердныхъ трудовъ.

На этой мельницѣ бываетъ не много работы. Съ тѣхъ поръ, какъ на холмѣ около Фонтана выстроена вѣтряная мельница, на водяную привозятъ не много помола. Но, несмотря на это, хозяинъ ея не хочетъ прекращать дѣла. Онъ надѣется побѣдить своего соперника и, такъ какъ онъ зажиточный человѣкъ, то можетъ позволить себѣ прихоть вести дѣло, не разчитывая на барыши, только для того, чтобы открыто признать побитымъ и побѣжденнымъ. Впрочемъ свою мельницу онъ любитъ по многимъ причинамъ... Его мать родилась здѣсь, вышла замужъ и здѣсь же умерла, въ то время, когда онъ былъ мальчикомъ лѣтъ четырнадцати. Самъ онъ тоже родился здѣсь и съ тѣхъ поръ—говорилъ онъ съ гордостью—онъ не отлучался со своей мельницы даже на двадцать четыре часа.

Какъ-то чуднымъ, душнымъ лѣтнимъ утромъ, мельникъ сидѣлъ у себя въ огорождѣ, покуривая трубочку и любуясь тѣнью вѣтвистыхъ яблонь, скользящей по травѣ, и чистыми водяными струйками протекавшими по песчаному берегу.

„Сегодня мнѣ 29 лѣтъ, сказалъ онъ себѣ,—и я очень доволенъ жизнью, особенно здѣсь, на моей старой мельницѣ!“

На этомъ молодой мельникъ и закончилъ свой монологъ,—онъ не любилъ пускаться въ безплодныя разсужденія. Это былъ высокий, крѣпко-сложенный нормандецъ, бѣлокурый и цвѣтушій, съ веселыми голубыми глазами и съ выраженіемъ лѣннаго довольства на красивомъ, добродушномъ лицѣ. Катерина, его родственница и экономка, говорила всѣмъ, что ея хозяинъ „самый покладистый человѣкъ на свѣтѣ; не пужно только ему говорить о вѣтряной мельницѣ, потому что она ему ужъ очень солоно пришлась“.

„Добрая матушка скончалась ужъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ“, подумалъ онъ опять въ то время, какъ слабый звукъ церковнаго колокола вѣжно раздавался въ тихомъ воздухѣ. „Она была для меня доброю матерью... Упокой Господи ея душу!“

Всѣ обширныя земли были раздѣлены на двѣ части, доставшіяся по наслѣдству двумъ дочерямъ пана.

Сначала Сталупени отошли къ Пруссіи, но наступили инныя времена... Рѣчь Посполитая окончила свое существованіе. Всѣ земли ея отошли къ Пруссіи и Россіи. Тотъ участокъ, который принадлежалъ двумъ сестрамъ, былъ раздѣленъ на двѣ части и граница между Россіей и Пруссіей проведена посрединѣ. Часть Моника Штейнъ отошла къ Пруссіи, а часть Сусанны Мамоновой — къ Россіи.

Кароль навсегда замкнулся въ монастырь францисканцевъ.

К О Н Е Ц Ъ .

И онъ вздохнулъ съ тѣмъ мирнымъ, успокоительнымъ чувствомъ грусти, съ которымъ мы вспоминаемъ нашихъ умершихъ.

— Хозяинъ! послышался изъ дому рѣзкій голосъ.—Пойдете вы что-ли къ поздней обѣднѣ?

— Я былъ уже у ранней! отвѣчалъ мельникъ, вынимая изъ рта трубку.

Катерина была глуха, но такъ какъ она наизусть знала отвѣты хозяина, то она продолжала:

— Сегодня праздникъ-то какой! Нельзя не идти къ обѣднѣ. — Провѣдь на меня наводигъ сонъ, сказалъ молодой человѣкъ, по лицу котораго скользнуло облако неудовольствія,—а матушка всегда говорила мнѣ, что грѣшно скучать во храмѣ Божіемъ.

И это возраженіе Катерина должно быть слышала не разъ, потому что опять крикнула:

— А вы думаете дома вы меньше нагрѣшите? Тоже не Богъ вѣсть какъ праведно время проведете, сидя въ огорождѣ съ трубой. Да и людямъ соблазнъ!.. Да, соблазнъ!

На это мельникъ, повидимому, не зналъ что отвѣтить, потому что онъ загасилъ трубку, сунулъ ее въ карманъ и, минуя кухню, боковой дверью пробрался въ домъ. Затѣмъ, тихонько поднявшись по лѣстницѣ, онъ вошелъ въ комнату своей матери. Эта комната сохранялась въ томъ же видѣ, въ какомъ оставила ее покойница, послѣ своей кратковременной болѣзни. Съ той минуты, какъ ее вынесли отсюда, комната была необитаема. Когда молодой человѣкъ отворилъ дверь, запахъ лаванды и сухихъ розъ, которые такъ любила его мать, живо напомнили ему ея присутствіе. Тихо и благоговѣнно онъ заперъ за собою дверь,—любовь и смерть сдѣлали эту комнату священной, а тишина и блѣдный зеленоватый свѣтъ, проникавшій сквозь густую сѣть виноградныхъ лозъ, обвивавшихъ окна, придавали ей характеръ часовни.

Соломонъ тихо ступалъ по полу, какъ бы боясь разбудить кого-нибудь, спящаго за выпѣтшимъ краснымъ пологомъ. Онъ вынулъ свой носовой платокъ и вытеръ пылъ съ мраморной доски стараго комода. Потомъ онъ вѣжно приподнял лежавшую на немъ синюю подушку для буваковъ, въ которую воткнуты были двѣ серебряныя головныя иголки его матери; положивъ подушку на мѣсто, онъ тихо вздохнулъ. Острое горе прошло, но тихое, вѣжное воспоминаніе о милой умершей никогда не исчезнетъ изъ его сердца.

— Хозяинъ, я ужо! опять закричала Катерина съ лѣстницы.

— Хорошо! крикнулъ онъ въ отвѣтъ.

— Ахъ, вы опять здѣсь! заворчала старуха сердито.

Эта комната, въ которой она бывала только въ присутствіи Соломона, всегда была предметомъ ея удивленія. Она не одобряла поведеніе хозяина, полагая, что онъ только тревожитъ душу покойницы, оставляя безъ пользы и употребленія то мѣсто, которое она занимала на землѣ.

— Сегодня весь Манневиль будетъ у обѣдни, продолжала Катерина, стоя внизу лѣстницы.—Пьеръ Ленудъ со своей хорошенькой женой Фифиной—вы, кажется, знаете ее,—потомъ Алексисъ, тотъ что недавно получилъ большое наслѣдство, и Рене, жена органиста.

— Мы ходимъ въ церковь не затѣмъ, чтобы любоваться женами нашихъ ближнихъ, сказалъ мельникъ строго, но недостаточно громко для того, чтобы Катерина могла слышать. И онъ, казалось, говорилъ своей матери, а не Катеринѣ.

Соломонъ открылъ окно. Вѣжный потокъ воздуха ворвался въ комнату сквозь виноградную зелень, а солнечныя лучи золотыми пятнами заиграли на красномъ кирпичномъ полу.

„Виноградъ нужно подрѣзывать“, подумалъ мельникъ, расправляя рукой лозы и листья.

Окно выходило на самое узкое мѣсто рѣчки, на берегу которой высокой букъ широко раскидывалъ свои вѣтви, образуя необыкновенно красивый, тѣнистый и уютный уголокъ. Небольшая хижишка стояла недалеко отъ рѣчки, но изъ оконъ мельницы отъ нея видны были только двѣ бѣлыхъ каменныхъ

Что за диковинка? Рис. С. Т. Дагъ, грав. Шюблеръ.

Забавный рассказъ. Съ карт. Клегаса, грав. Лейне.

ступени, которыя, начинаясь у корней дерева, спускались къ рѣчкѣ. Часто маленькія птички прыгали на этихъ ступеняхъ и стрекоты рѣяли надъ водою, по Сюзанна, владѣлица хижинны, должно быть черпала воду или слишкомъ рано утромъ, или слишкомъ поздно вечеромъ, — только мельникъ ни разу не видалъ здѣсь ни одного живаго человѣческаго существа. Теперь же, къ величайшему своему изумленію, онъ увидѣлъ какую-то, незнакомую ему, молоденькую дѣвушку, которая стояла на нижней ступенькѣ лѣстницы, и по ея маленькимъ босымъ ногамъ пробѣгали свѣтлыя водяныя струйки. Ея черныя, волнистыя волосы спускались ей на лицо и отчасти закрывали его, рукава ея бѣлой кофточкы были засучены до локтя, а полинявшія красная юбка была высоко подобрана. Она стояла тихо и смотрѣла внизъ, точно любуясь своимъ отраженіемъ въ водѣ рѣчки. Потомъ сѣла на верхнюю ступеньку, зачерпнула горстью воды и начала мыть себѣ лицо; затѣмъ отбросила назадъ свои волосы и показала мельнику хорошенькое, круглое молодое личико, съ парой свѣтлыхъ, смѣющихся дѣтскихъ глазъ. Обесумивъ лицо полотенцемъ, она завязала волосы красной лентой, которая, по мнѣнію мельника, очень шла къ ней и, окончивъ свой туалетъ, съ довольнымъ видомъ еще разъ посмотрѣлась въ воду.

— Мариетта! Готова-ли ты наконецъ? раздался издали чей-то голосъ.

— Иду, иду! весело отвѣчала дѣвушка, надѣла на ноги деревянныя башмаки и, подпрыгивая, скрылась изъ глазъ мельника.

Соломонъ подождалъ еще нѣсколько минутъ, чтобы посмотреть, не вернется-ли дѣвушка, но такъ какъ она не показывалась, то онъ поправилъ раздвинутыя виноградныя лозы, затворилъ окно и вышелъ изъ комнаты, заперевъ ее на ключъ. Потомъ онъ спустился въ кухню, въ раздумьи прислушиваясь къ звону церковнаго колокола, который ясно доносился въ отворенное окно.

„Катерина права, подумалъ онъ наконецъ. — Нужно пойти къ обѣднѣ“.

И онъ поспѣшно одѣлся и отправился въ церковь.

Литургія только что началась, когда мельникъ взмошелъ въ церковь и занялъ свое мѣсто. Въ его распоряженіи была цѣлая скамейка, на которой онъ сидѣлъ одинъ, такъ какъ Катерина лѣтъ пятнадцать уже занимала одно постоянное мѣсто въ темномъ углу церкви, между двумя дверьми, и была такъ имъ довольна, что не уступила бы его никому на свѣтѣ.

Поэтому мельникъ былъ крайне удивленъ, когда на томъ мѣстѣ, которое со смерти его матери всегда оставалось пустымъ, замѣтилъ какую-то женскую колѣнопреклоненную фигуру и еще больше удивился онъ, когда въ этой фигурѣ узналъ молодую дѣвушку, которую онъ видѣлъ изъ окна комнаты своей матери. Его маленькая сосѣдка ни разу не обернулась къ нему и все время не отрывала глазъ отъ молитвенника, такъ что мельникъ могъ видѣть только часть ея склоненнаго лица и красную ленту, которая изъ-подъ бѣлаго чепчика опускалась на ея тонкую шейку. Чтобы не смущать ее своимъ пристальнымъ взглядомъ, мельникъ началъ смотрѣть въ другую сторону, какъ вдругъ услышалъ около себя чей-то пріятный голосъ:

— Будьте такъ добры, пропустите меня!

Онъ вздрогнулъ отъ неожиданности и увидаль предъ собой нѣжное, круглое личико своей сосѣдки. Онъ не смотрѣлъ ей вслѣдъ, потому что по природѣ былъ застѣнчивъ и сдержанъ.

На другой день, стоя на улицѣ, Соломонъ услышалъ стукъ валька, раздававшійся на рѣчкѣ.

„Это, должно быть, вчерашняя дѣвочка съ краснымъ бантомъ“, подумалъ онъ и быстро побѣжала въ комнату матери.

Дѣйствительно, сквозь зеленъ виноградъ, онъ увидаль молодую дѣвушку, которая, стоя подъ тѣнью бука, стирала бѣлье по способу французскихъ крестьянокъ, выколачивая его валькомъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, она усѣлась на верхней ступенькѣ лѣстницы и съ здоровымъ аппетитомъ своихъ пятнадцати лѣтъ, принялась ѣсть кусокъ черстватаго чернаго хлѣба.

„Милое дитя!“ подумалъ мельникъ съ удовольствіемъ глядя, какъ дѣвушка, окончивъ свой завтракъ, опять принялась за работу до тѣхъ поръ, пока не пробило двѣнадцать часовъ и не зазвонили къ „Angelus“.

При первыхъ звукахъ церковнаго колокола, дѣвушка испуганно вскочила, бросила въ кучу бѣлье, валець и мыло, и убѣжала. Кругомъ все было спокойно, рѣчка тихо уносила куски мыльной пѣны; нѣсколько ключковъ ея оставалось на ступенькахъ лѣстницы, но и они исчезли послѣ того какъ вода раза два или три скользнула по нимъ.

„Кто бы она могла быть?“ думалъ мельникъ, сидя съ своимъ одинокимъ обѣдомъ у кухоннаго окна. Катерина, до сихъ поръ молча суетившаяся у очага, который, не смотря на июньскій зной, былъ раскаленъ до-красна, вдругъ заговорила, какъ бы отвѣчая на мысли своего господина:

— Подумайте только, хозяйнѣ: ваша сосѣдка Сюзанна завела себѣ работницу, дѣвочку съ краснымъ бантомъ. Тоже барыней захотѣлось быть!

Мельникъ прислушался, вопросительно глядя на старуху, которая продолжала тѣмъ же ворчливымъ тономъ:

— Да, да! Теперь и у Сюзанны служанка есть. Вы вчера видѣли ее? Она сидѣла рядомъ съ вами въ церкви. Сейчасъ видно дерзкую дѣвочку! Въ работѣ ничего не смыслитъ, а какъ двѣнадцать часовъ, такъ сложитъ голову бѣжитъ по дорогѣ въ Фонтэнъ. Нечего сказать, большая отъ нея помощь Сюзаннѣ! Да и собой-то она настоящая иташка—гдѣ ей съ тяжелой работой управиться!

Мельникъ улыбнулся и, вмѣсто того, чтобы на берегу озера выкурить свою послѣобѣденную трубку, пошелъ вдоль забора, который отдѣлялъ его садъ отъ большой дороги. Скоро онъ услышалъ шлепанье деревянныхъ башмаковъ и увидѣлъ дѣвушку, всю раскрасившуюся отъ быстрого бѣга, съ непокрытой головой и только со старымъ платочкомъ на шеѣ; она свернула съ дороги и побѣжала по тѣнистой тропинкѣ, ведущей къ хижинѣ Сюзанны.

„Куда она бѣгала?“ Соломонъ, у котораго не много было работы, долго смотрѣлъ изъ своего сада и изъ окна мельницы, но онъ больше не видѣлъ дѣвушки; онъ только слышалъ какъ она напѣвала какую-то нѣсенку, и ея голосокъ былъ такъ нѣженъ и пріятенъ, что мельникъ подумалъ: „Катерина правду говоритъ: эта дѣвочка—настоящая итчка, ее слышно, но не видно“.

Въ субботу онъ опять увидѣлъ ее изъ окна застѣнной комнаты. Она пришла къ рѣчкѣ почерннуть воды и, наклонивъ ведро, смотрѣла, какъ вода медленно наполняетъ его. Пока она стояла въ тѣни бука и солнечные лучи, прорываясь сквозь густую листву, зажигали золотыя искры на ея темныхъ волосахъ, — она представляла собой такую изящную картинку, что мельникъ, обладавшій, вѣроятно, художественнымъ чутьемъ, — съ восторгомъ любовался ею. Вдругъ раздался ударъ колокола къ „Angelus“. Мариетта схватила наполненное до половины ведро и поспѣшила домой, оставивъ темное, тѣневое пятно на свѣтлой водяной поверхности.

Мельникъ вернулся въ кухню, снялъ съ крючка шляпу и вышелъ, не обращая вниманія на докладъ Катерины о томъ, что кушанье на столѣ. Онъ пошелъ вслѣдъ за Мариеттой по дорогѣ въ Фонтэнъ, но, къ удивленію, замѣтилъ, что она свернула въ сторону и побѣжала по узенькой тропинкѣ, которая вела къ принадлежавшему ему фруктовому саду. Это былъ единственный, тѣнистый уголокъ, за которымъ начинались поля и, гдѣ паслась его единственная корова Рокэттъ.

„Что ей тамъ нужно?“ думалъ мельникъ, съ трудомъ пробираясь между густыми, ипзковѣтвистыми яблонями.

Рокэттъ съ достоинствомъ наслаждался полянкой, рой дикихъ пчелъ, поселившихся въ дуплѣ стараго дерева, наполнялъ воздухъ тихимъ, усыпляющимъ жужжаньемъ. Но маленькой, черно-волосой дѣвушки нигдѣ не было видно. Наконецъ, онъ напалъ на ея слѣдъ. Въ южномъ концѣ сада стоялъ одинокій, старый дубъ, далеко раскинувшій свои вѣтви. На одной изъ этихъ вѣтвей и сидѣла Мариетта; одной рукой обнявъ стволъ дерева, а другую приложивъ ко лбу въ видѣ щитка, — она внимательно всматривалась куда-то вдаль. Потомъ она, какъ птичка, спорхнула на землю и, пробѣжавъ мимо мельника, бросила на него взглядъ своихъ ясныхъ глазъ, невинныхъ и смѣлыхъ, какъ у ребенка, и быстро исчезла изъ сада. Мельникъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, потомъ влѣзъ на дерево, желая узнать, что могло такъ заинтересовать эту странную дѣвушку. Но кругомъ ничего не было видно кромѣ колосьевъ, желтыхъ, высокихъ колосьевъ, волнующихся какъ море, и только вдали на горизонтѣ, въ трепещущемъ полуденномъ зноѣ, онъ увидѣлъ вѣтряную мельницу съ медленно вертѣвшимся крыльями. Но скоро и они остановились и деревенскій ландшафтъ пришелъ въ состояніе полного покоя.

„Не можетъ быть, чтобы у нея на умѣ было чтонибудь дурное, думалъ мельникъ; — она кажется такою благоразумною дѣвушкой, не смотри на свою молодость“.

Съ этого дня мельникъ ежедневно наблюдалъ, какъ Мариетта съ первымъ ударомъ колокола, который звонилъ къ „Angelus“, бѣжала въ его фруктовый садъ и, вскарабкавшись на дерево, смотрѣла вдаль.

„Я думаю, что она и въ этомъ настоящая итчка—просто любить сидѣть на деревьяхъ“, предположилъ, наконецъ, мельникъ, послѣ долгихъ, напрасныхъ стараній разгадать эту загадку.

Однажды онъ видѣлъ, какъ она, по обыкновенію, пришла за водой и, опустивъ ведро въ воду, серьезнымъ и печальнымъ взглядомъ слѣдила за тѣмъ, какъ оно медленно наполнялось. Прошло 12 часовъ, но она не шевелилась. Въ это время въ береговомъ кустарникѣ показалась какой-то мальчикъ. Мельникъ узналъ въ немъ Симона Петти, извѣстнаго деревенскаго воронку и негодяя. Онъ несъ пойманную около плотины форель; увидавъ Мариетту, онъ испугался и хотѣлъ бѣжать, но дѣвочка крикнула ему:

— Исполни мою просьбу, и я никому не скажу, что ты поймалъ форель. Бѣги въ огородъ налѣво отъ дороги, влѣзъ на дубъ и посмотри, вернется-ли крылья вѣтряной мельницы, или нѣтъ?

Мальчикъ бросился бѣжать, но Соломонъ сталъ у садовой рѣшетки, мимо которой проходила тропинка, ведущая къ боль-

шой дорогѣ. Онъ пригрозилъ мальчишкѣ, который расправился воровалъ у него самыя лучшія яблоки, сказавъ, что расправится съ нимъ по-своему въ первый разъ, какъ увидитъ воронку въ своемъ огородѣ.

„Я самъ исполню порученіе дѣвухи“, рѣшилъ мельникъ въ то время, какъ маленькій негодяй спасался бѣгствомъ. Онъ пошелъ въ огородъ и, вскарабкавшись на дерево, увидѣлъ, что его врагъ—вѣтряная мельница—стоитъ неподвижно.

Послѣ того онъ отправился обратно къ ручью, гдѣ Мариетта неподвижно сидѣла на камнѣ, ожидая возвращенія Симона.

— Я мельникъ, отрекомендовался Соломонъ молодой дѣвухкѣ, когда та обернулась и посмотрѣла на него своими большими, удивленными глазами. — Я—мельникъ и, стоя у себя на мельницѣ, слышалъ какъ ты просила этого негодяя, Симона, сходить въ мой огородъ. Но онъ убѣждалъ лишь только увидѣлъ меня, и я самъ пошелъ вмѣсто него. Но скажи мнѣ, на что тебѣ понадобилась эта вѣтряная мельница? Вѣдь вѣтряная мельница самая скверная вещь, какую только могли выдумать люди...

— Вертятся-ли крылья? перебила Мариетта рѣчь мельника голосомъ, который дрожалъ отъ страха и волненія.

— Зачѣмъ имъ вертѣться? спросилъ Соломонъ.

— Ради Бога, скажите мнѣ, вертятся-ли они? попытывалась Мариетта.

— Нѣтъ! сказалъ мельникъ рѣзко.

Румянецъ исчезъ съ лица молодой дѣвухи.

— Стоять? промолвила она упавшимъ голосомъ, — значитъ, я погибла! И она посмотрѣла въ лицо Соломона взглядомъ, въ которомъ выражалось отчаяніе.

— Но, дитя мое, спросилъ тотъ, — что можетъ значить для тебя эта чужая вѣтряная мельница?

Вмѣсто отвѣта, дѣвуха бросила на него отчаянный взглядъ, вытащила ведро и убѣжала, оставивъ его на берегу.

— Не помѣшанная-ли она? пробормоталъ мельникъ, тихо возвращаясь домой.

Вмѣсто того, чтобы бранить хозяина за то, что онъ опоздалъ къ обѣду, Катерина встрѣтила его въ костюмѣ, въ которомъ она пмѣла обыкновеніе ухаживать со двора, и сообщила ему, что ей необходимо отправиться въ Фонтэнъ, такъ какъ она получила извѣстіе о смерти своего кузена, Медерика, и теперь торопится узнать какъ велика будетъ ея доля въ наследствѣ покойнаго.

Такимъ образомъ вечеръ этого дня, холоднаго и дождливаго, мельникъ провелъ одинъ, сидя у пылающаго очага своей кухни. Пока онъ, поглощенный своими мыслями, разсѣянно смотрѣлъ на огонь, дверь тихо отворилась—и онъ, обернувшись, увидѣлъ блѣдное, искаженное ужасомъ, лицо Мариетты.

— Можно войти? спросила она. — Только на одну минуту, но, ради Бога, впусти меня.

— Войди! сказалъ мельникъ, поднимаясь съ мѣста. — Что тебѣ нужно?

Ничего не отвѣчая, Мариетта вбѣжала въ комнату, пугливо осмотрѣлась и при слабомъ свѣтѣ огня замѣтивъ дверь, которая вела на лѣстницу, отворила ее и, быстро и легко какъ кошка, вбѣжала вверхъ по ступенькамъ.

Нѣсколько удивленный страннымъ поведеніемъ дѣвухи, мельникъ, однако, сохранилъ свое прежнее флегматическое спокойствіе. Онъ заперъ кухонную дверь на задвижку, зажегъ свѣчу и послѣдовалъ за своей гостьей, которую нашелъ наверху передъ дверью Катериной комнаты.

— Мариетта, обратилась онъ къ дѣвухкѣ,—что случилось?

— Лудильщикъ пришелъ и хочетъ меня взять, сказала она, дрожа вѣзмъ тѣломъ. — Онъ говоритъ, что онъ мой отецъ, но я знаю, что это неправда, и я не хочу къ нему идти и никогда не пойду! Онъ сейчасъ былъ у Сюзанны, но я выиргнула въ окно и приближала сюда. Умоляю васъ, не говорите ему, что я здѣсь!

Красноватый свѣтъ свѣчки упалъ на блѣдное, мокрое отъ слезъ лицо испуганной дѣвухи.

— Лудильщикъ! Какой лудильщикъ? спросилъ мельникъ.

— Лудильщикъ! повторила она настойчиво, какъ будто это былъ единственный лудильщикъ во всемъ свѣтѣ. — Я его ненавижу и никогда къ нему не пойду. Пожалуйста, прошу васъ, не отдавайте меня ему!

Если бы это бѣдное, дрожащее созданіе было самымъ сквернымъ отрѣбкомъ общества, то и тутъ мельникъ не могъ бы устоять противъ умоляющаго, отчаяннаго взгляда, который на него устремила Мариетта.

— Никто здѣсь тебя не тронетъ, сказалъ онъ строго. — Поди сюда, продолжалъ онъ, вынувъ изъ кармана ключъ и отпирая дверь въ концѣ коридора.—Эта комната моей покойной матери. Возьми свѣчу, запрись изнутри—и мы посмотримъ, поймаемъ-ли кто-нибудь войти сюда.

Мариетта взяла свѣчу и вошла въ комнату съ чувствомъ благоговѣйнаго страха, который возбудили въ ней слова мельника: „комната моей покойной матери“.

Соломонъ медленно спустился съ лѣстницы, отодвинулъ задвижку и, закуривъ трубку, опять ушелъ около очага.

Не прошло пяти минутъ, какъ явилась Катерина въ сопровожденіи какого-то цыгана, болѣе грязнаго и оборваннаго, чѣмъ можно себя представить.

— Ну, хозяйнѣ, заговорила старуха громко и сердито,—я такъ и знала, что опоздаю. Лучшія вещи ужъ порастаскали милые родственники. Черный платяной шкафъ исчезъ неизвѣстно куда, а также чудесная мѣдная жаровня, которую я давно себя намѣтила. Вотъ, лудильщикъ говоритъ, что онъ вчера чинилъ ее моей двоюродной сестрѣ Анжеликѣ и что жаровня будто бы стала теперь совсѣмъ какъ новая и блеститъ точно золото.

— Да, отличная жаровня, подтвердилъ оборванецъ, между тѣмъ, какъ его острые, черные глаза бѣгали по всемъ угламъ комнаты.

Мельнику показалось, что онъ никогда въ жизни не встрѣчалъ такой отталкивающей физиономіи и, обратившись къ цыгану, онъ рѣзко спросилъ его, что ему нужно.

— Я пришелъ насчетъ сковороды, сказалъ тотъ обращаясь къ Катеринѣ.

— Да, да, я сейчасъ вамъ ихъ приготовлю, но только скажите мнѣ, что еще досталось Анжеликѣ, кромѣ жаровни?—Вотъ вамъ прежде всего кастрюля.

Съ этими словами она подала ему, снятую со стѣны, большую кастрюлю, но въ эту минуту мельникъ, вынувъ изъ рта трубку, протянулъ руку и закричалъ:

— Стой! такъ громко и повелительно, что Катерина мгновенно остановилась. — Ни одной кастрюли, ни одной сковороды моей покойной матери этотъ человѣкъ не долженъ касаться. Пусть онъ останется на своемъ мѣстѣ!

Мельникъ всталъ и вышелъ изъ комнаты, но не дойдя до конца сада, онъ вспомнилъ, что оставилъ врага въ самомъ сердцѣ крѣпости. Быстрыми шагами онъ вернулся назадъ и, войдя въ пустую кухню, услышалъ доносившіеся сверху голоса и увидѣлъ на полу узкую полоску свѣта, падавшую съ лѣстницы. Въ нѣсколько прыжковъ онъ былъ наверху и увидѣлъ лудильщика, который старался отпереть дверь комнаты его матери, причемъ говорилъ, обращаясь къ Катеринѣ:

— Бьюсь объ закладъ, что она здѣсь прячется!

Соломонъ схватилъ цыгана и сбросилъ его съ лѣстницы, крикнувъ ему вслѣдъ:

— Не пробуй другой разъ, мошенникъ, врываться въ чужой домъ! А ты, Катерина, съ ума что-ли сошла, чтопустила его сюда?

— Господи помилуй! Чего вы разсердились, хозяйнѣ! пролепетала старуха, перепуганная на смерть. — У него ничего не было дурнаго на умѣ; онъ ищетъ свою кошку и думаетъ, что она по винограднымъ шпалерамъ пробралась въ эту комнату. Боюсь я, что онъ сильно ушибся, бѣдняга!

Катерина ворчала еще нѣкоторое время, пока лудильщикъ поспѣшно уходилъ изъ дому. Но скоро старуха съ ужасомъ замѣтила, что несчастный человѣкъ, котораго она такъ жалѣла, укралъ ея новый зонтикъ, стоявшій въ углу комнаты.

— Ахъ, мошенникъ, ахъ, воръ этакій! закричала она и побѣжала за нимъ.

— Можетъ быть онъ взялъ его въ починку, или подумалъ, что это его кошечка, злорадно засмѣялся мельникъ.

Черезъ десять минутъ вернулась Катерина, не догнавъ лудильщика, и тотчасъ же разлилась въ горькихъ жалобахъ на свое неудачное путешествіе въ Фонтэнъ и на потерю новенькаго зонтика. Подъ конецъ мельнику надобно слушать ея причитанія, и онъ крикнулъ ей:

— Ступай спать, Катерина, я не желаю больше ничого слушать ни о лудильщикахъ, ни о зонтикахъ.

Лишь только старуха удалась, мельникъ вынулъ кусокъ хлѣба и сыру, налилъ въ кружку сидру и, поставивъ все это на столъ, тихонько поднялся по лѣстницѣ и постучалъ въ дверь комнаты своей матери. Дверь осторожно отворилась и въ ней показалась круглое личико Мариетты.

— Теперь ты можешь сойти внизъ, сказалъ онъ. — Онъ ушелъ, а Катерина спитъ и ничего не услышитъ.

Мариетта прислушалась, пугливо озираясь кругомъ. Мельникъ опять заперъ дверь на задвижку и уговорилъ свою гостью закусить и выпить сидру.

Соломонъ смотрѣлъ нѣсколько минутъ на ея свѣжее молодое личико и, вспоминая истощенное, дикое лицо лудильщика, сказалъ:

— Я увѣренъ, что этотъ бродяга не отецъ твой, Мариетта.

Дѣвуха приподняла брови и въ раздумьи опутивъ голову, сказала, что она не знаетъ этого навѣрное, но не хочетъ вѣрить, чтобы этотъ человѣкъ былъ ея отцомъ, хотя она другаго не помнитъ. Этотъ отвратительный цыганъ билъ ее, заставлялъ просить милостыню, и они вмѣстѣ съ нимъ странствовали по міру. Очень можетъ быть, что онъ ее укралъ и она на самомъ дѣлѣ дочь какой-нибудь богатой, знатной дамы. Но во всякомъ случаѣ ничего вѣрнаго она объ этомъ не знаетъ. Однажды, когда лудильщикъ особенно сильно избилъ ее, дядя Жозефъ—тотъ самый, который построилъ эту хорошенькую вѣтряную мельницу—(эти слова укололи Соломона въ самое сердце)—выкупилъ ее и она съ тѣхъ поръ жила на вѣтряной мельницѣ. Когда умеръ Жозефъ, то она осталась жить у его сына, Жака.

Когда Мариетта окончила рассказъ, ея глаза наполнились слезами и голосъ задрожалъ отъ волненія. Мельникъ внимательно посмотрѣлъ на нее и сказалъ послѣ долгой паузы:

— Ты, навѣрно, хотѣла бы выйти замужъ за Жака и сдѣлаться ховайкой хорошенькой мельницы?

Мариетта засмѣялась. — Выйти замужъ за Жака! да вѣдь онъ давно женатъ!

Но, гласилъ дальше разговоръ Мариетты,—на мельницѣ она не могла оставаться потому, что и тамъ преслѣдовалъ ее лудильщикъ. Она поступила въ работницы къ Сюзаннѣ и условилась съ Жакомъ, что онъ крылья своей мельницы употребитъ какъ сигналъ въ случаѣ, если лудильщикъ нападетъ на ея слѣдъ. Сегодня утромъ она была предупреждена — вѣдь г. Соломонъ самъ сказалъ, что въ двѣнадцать часовъ крылья мельницы стояли неподвижно?—Но она лучше готова умереть, чѣмъ опять скитаться по-миру, просить милостыню и чинить старыя кастрюли! Въ тысячу разъ лучше умереть!

Мельникъ слушалъ ее и качалъ головой. Онъ представилъ себѣ, какъ эта дѣвушка странствовала по свѣту въ обществѣ грубаго, безнравственнаго человѣка, терпя голодъ, холодъ, побои... Вырвавшись изъ когтей этого негодяя, она считала счастьемъ жить изъ милости въ чужомъ домѣ... И этотъ Жакъ не женился на ней! Что же съ ней будетъ дальше?..

— Мариетта, есть у тебя возлюбленный? спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она.

— Неужели нѣтъ? Неужели ты никого не знаешь въ Фонтэнѣ за кого бы ты охотно вышла замужъ?

— Къ чему бы мнѣ это послужило? Вѣдь все равно, никто не захотѣлъ бы на мнѣ жениться.

„Любить-ли она кого-нибудь?“ думалъ мельникъ и продолжалъ свои разспросы, пока наконецъ убѣдился, что сердце Мариетты свободно отъ всякой привязанности.

— Хорошо, хорошо! сказалъ онъ.—Ты еще молода, но замужество тебя защититъ-бы отъ преслѣдовавшаго лудильщика. Обѣщай мнѣ, что ты не выйдешь замужъ, не сказавши мнѣ объ этомъ.

— Это почему же? спросила она, широко раскрывая свои голубые глаза.

— Потому что я... ну, потому что я хочу приготовить тебѣ хорошеенькій подарокъ, отвѣчалъ онъ нерѣшительно и смущенно.

Лицо Мариетты засіяло радостью, но вслѣдъ за тѣмъ она испуганно вздрогнула. Со двора послышался шумъ; но мельникъ увѣрилъ ее, что лудильщикъ, укравъ Катерининъ зонтикъ, навѣрно побоятся опять придти. Когда она наконецъ успокоилась, онъ предложилъ ей переночевать въ комнатѣ своей матери, а самъ общалъ пойти къ Сюзаннѣ и предупредить ее.

Мариетта колебалась, но наконецъ предпочла провести ночь въ домѣ Соломона, чѣмъ подвергаться опасности попасть въ руки своего врага. Съ нѣкоторымъ страхомъ она осмотрѣла свое убѣжище. Какая прекрасная комната! Ни одной такой не было на вѣтряной мельницѣ. Какъ должна была быть счастлива здѣсь покойница! Походила-ли она на своего сына? Была-ли она такая же высокая и бѣлокурая, съ голубыми глазами и такой же строгой улыбкой на губахъ?

Она подошла къ окну. Луна взшла, волшебнымъ свѣтомъ обливая темную зелень деревьевъ и сверкая безчисленными искрами въ водѣ рѣчки. Вдругъ чьи-то голоса послышались въ ночной тишинѣ. Боже мой! голоса Сюзанны и лудильщика. „Вонъ въ томъ окнѣ, что обвито виноградомъ“, ясно донеслось до нея. Сию же минуту она потушила свѣчу, дрожа встѣмъ тѣломъ.

Мельникъ не нашелъ Сюзанны и думалъ, что она легла уже спать. „Впрочемъ, маленькая бѣглянка теперь въ безопасности; она, вѣроятно, уже положила головку подъ одѣяло и давно спитъ. Бѣдная, гонимая судьбой, дѣвочка!“

Когда на другое утро Катерина вошла въ кухню, она увидѣла своего хозяина уже сидящаго за столомъ. Передъ нимъ лежалъ небольшой хлѣбецъ и стояла тарелка, полная только что сорванныхъ вишенъ.

— Что это вы, хозяйнѣ, никакъ проголодались? спросила старуха.

— Я думаю, что я имѣю право ѣсть мои вишни когда захочу, отвѣтилъ онъ сухо, недовольный тѣмъ, что Катерина не во-время вошла въ кухню.

Онъ полагалъ, что Мариетта уже встала и проголодалась, и такъ какъ онъ ночью принялъ нѣкоторое рѣшеніе, въ которомъ главную дѣйствующую роль играла Мариетта, то онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе объясниться съ нею. Онъ находился въ такомъ лихорадочно-возбужденномъ состояніи, какого по своей лѣнливой, флегматичной натурѣ, никогда не испытывалъ, и былъ очень доволенъ, когда Катерина заявила ему, что она уходитъ искать свой зонтикъ и скоро опять вернется.

— Съ Богомъ! шепнулъ ей вслѣдъ мельникъ, заперевъ кухонную дверь на задвижку, и побѣжалъ наверхъ.

Дойдя до дверей комнаты, гдѣ пріютилась бѣглянка, онъ постучалъ и крикнулъ:

— Мариетта, ты навѣрно голодна. Я принесъ тебѣ хлѣба и вишенъ, или можетъ-быть ты сама сойдешь внизъ? Кухня заперта.

Отвѣта не было.

Неужели она спитъ? Онъ опять постучалъ и крикнулъ громче; наконецъ тронулъ ручку—дверь отворилась, комната была пуста. Окно было отворено и птичка выпорхнула.

Она убѣжала, скрылась въ окно, безъ благодарности, поклоня и прощанья!

Мельникъ отправился къ Сюзаннѣ спросить о Мариеттѣ и узнать, что съ тѣхъ поръ, какъ она вечеромъ убѣжала, она еще не возвращалась.

— Вѣроятно лудильщикъ взялъ ее съ собой, сказала она,— онъ называетъ себя ея отцомъ.

Какъ спокойно она говорила это! Соломонъ сердито повернулъ ей спину, но не пошелъ къ себѣ на мельницу. Мучительное, никогда еще не извѣданное безпокойство, заставило его пойти къ человѣку, котораго онъ ненавидѣлъ, какъ своего злѣйшаго врага.

— Я только хочу знать, въ безопасности-ли она, сказалъ онъ себѣ, приближаясь къ вѣтряной мельницѣ.

Хозяинъ мельницы, коренастый молодой человѣкъ, съ ногъ до головы осыпанный мукой, стоялъ передъ дверью, держа на рукахъ толстенькаго, спеленаатаго ребенка.

— Я пришелъ узнать о Мариеттѣ, началъ Соломонъ прямо, чувствуя, что одинъ видъ его соперника приводитъ его въ раздраженіе. — Ей не слѣдовало тайкомъ бѣжать отъ меня, продолжалъ онъ, такъ какъ Жакъ молчалъ.—Я зашпирилъ ее, далъ ей пріютъ, но—дѣло не въ томъ. Мнѣ хотѣлось бы только знать, гдѣ она и не грозитъ-ли ей опасность опять попасть въ руки этого мошенника.

— Мари! крикнулъ Жакъ,—поди-ка сюда! Тутъ вотъ пришелъ мельникъ изъ Манневилля и спрашиваетъ о Мариеттѣ.

— Вѣроятно лудильщикъ взялъ ее къ себѣ, сказала молодая женщина, которая вышла на зовъ мужа и теперь взяла у него изъ рукъ спящаго ребенка.

— Можетъ быть вы сами знаете гдѣ она? сказалъ Жакъ, испытующе глядя на Соломона.

— Зачѣмъ бы тогда я спрашивалъ о ней? вспыхнулъ Соломонъ.

— Ахъ, и то правда! согласился Жакъ.

— Неужели вы ничего не предпримете, не будете ее искать? опять началъ Соломонъ, злобно глядя на своего врага.

— Я отецъ этого ребенка, а лудильщикъ—отецъ Мариетты, отвѣчалъ Жакъ спокойно.

— Я не вѣрю этому, я не могу допустить, чтобы этотъ каторжникъ былъ отцомъ Мариетты! воскликнулъ Соломонъ.

— Очень можетъ быть, что вы и правы, согласился Жакъ, сдѣлавъ при этомъ жестъ, который, казалось, говорилъ: „Отецъ онъ ей, или нѣтъ—для меня это безразлично“.

Съ сердцемъ полнымъ горечи, мельникъ отправился домой. „О, Мариетта, думалъ онъ,—еслибъ ты жила подъ моей кровлей, я не отпустилъ бы тебя такъ холодно и равнодушно, какъ эти люди! Ни одинъ лудильщикъ въ мірѣ, будь онъ десять разъ твоимъ отцомъ, не посмѣлъ бы отнять тебя у меня!“

Вернувшись домой, онъ нашелъ Катерину въ самомъ радостномъ настроеніи: она нашла свой зонтикъ.

— Негодяй сидитъ въ тюрьмѣ, потому что онъ укралъ новый мѣдный котелъ Дезире и на этомъ попался.

— Онъ сидитъ въ тюрьмѣ! воскликнулъ мельникъ, охваченный радостной надеждой, — ну-ну, и это же былъ съ нимъ, когда его взяли?

Радость, казалось, возвратила слухъ Катеринѣ.

— Кто съ нимъ былъ? Ихъ должно быть цѣлая шайка, да только взяли его одного.

Мельникъ успокоился, узнавъ, что Мариетта не попала въ мѣстѣ съ бродягой, но въ то же время онъ убѣдился, что она покинула его домъ по собственной волѣ, совершенно свободно, забывая, что она обязана была поблагодарить его [за гостеприимство. Доброму молодому человѣку было больно узнать это.

„Я былъ ей больше не нуженъ, поэтому она и убѣжала безъ благодарности и прощанья, вздохнулъ онъ.—Не буду больше о ней думать“.

— Вы ваши вишни не доѣли, напомнила ему старуха.

— Ышь ихъ сама, Катерина, или отдай кому-нибудь, сказалъ онъ, печально опустивъ голову. — Мнѣ не нужно никакихъ вишенъ.

Съ этими словами онъ поднялся по лѣстницѣ, и замкнувъ на ключъ комнату своей матери, прошепталъ:

— Вотъ и конецъ моей мечты—послѣдній конецъ!

Вскорѣ послѣ того въ Манневиллѣ распространилась эпидемія, и Соломонъ былъ однимъ изъ первыхъ заболѣвшихъ. Онъ однако не умеръ, но когда онъ всталъ съ постели, то захворала Катерина и, проболѣвъ дней десять, умерла. Она уже нѣсколько лѣтъ жила у своего молодого родственника, занимаясь его хозяйствомъ, и хотя часто сердила его своей глупотой и упрямствомъ, но была ему вѣрна и искренно къ нему привязана. Поэтому онъ съ болью чувствовалъ ея отсутствіе и очень горевалъ о ней.

— Вамъ нужно взять другую экономку, господинъ Соломонъ, говорили ему его знакомыя женщины.—Возьмите Катерину—славная дѣвушка и имя вамъ знакомое.

— Возьмите Люси—вот хорошая работница.
— Я самъ отыщу, что мнѣ нужно, сухо отклоняя мельникъ предложенія своихъ сосѣдокъ и продолжалъ жить одиноко.

чувствительный человекъ, потому что до сихъ поръ не могъ забыть неучтивости Мариетты.

„Развѣ я заслужилъ это?“ часто спрашивалъ онъ себя. „Она смѣялась надо мной! Если-бъ моя мать взяла ее къ себѣ, то

Вай! Вай! собачна лаесть! Съ карт. Пахера.

Онъ чувствовалъ себя плохо: было-ли это послѣдствіе болѣзни или горе о смерти Катерины, или, наконецъ, еще что-нибудь, но только молодой мельникъ не видѣлъ больше въ жизни никакой радости. Даже обладаніе его милою мельницей не доставляло ему удовольствія. Онъ вѣроятно былъ очень

бѣдная дѣвочка увидѣла бы разницу между водяной мельницей въ Манневилѣ и вѣтряной мельницей въ Фонтевилѣ.

Постоянно думая на эту тему, онъ въ своихъ мечтахъ видѣлъ Мариетту ребенкомъ, игралъ съ ней въ саду, или на берегу ручья; приносилъ ее въ комнату своей матери, и она, сидя

у него па рукахъ, смотрѣла сквозь виноградную зелень на маленькій, серебряный ручеекъ. Онъ приносилъ ей красныхъ лептѣ, чтобы повязывать ей темные волосы; онъ слышалъ ея радостныя восклицанія. Ахъ, онъ не поступилъ бы такъ, какъ этотъ Жакъ съ вѣтряной мельницы; онъ не взялъ бы въ жены чужую женщину!.. Однажды, думая все это, онъ услышалъ стукъ въ кухонную дверь, который сразу разбѣлъ его мечты.

— Опять онѣ идутъ надождать мнѣ своими Катеринами и Люси, заворачалъ онъ и, не поворачивая головы, крикнулъ угрюмо:— Войдите!

Дверь тихо отворилась и чьи-то легкіе ноги послышались въ кухнѣ. Мельникъ поднялъ глаза и въ блѣдномъ свѣтѣ еу-мерокъ, черезъ столъ отъ себя, увидѣлъ Мариетту. Онъ былъ такъ смущенъ ея неожиданнѣмъ появленіемъ, что въ первую минуту не могъ выговорить ни слова.

— Я боюсь, что вы на меня сердитесь, робко сказала Мариетта,—но я не могла поступить иначе, и должна была бѣжать въ ту же ночь. Я слышала, какъ лудильщикъ разговаривалъ съ Сюзанной, какъ разъ подъ моимъ окномъ, а когда они зашли за уголъ, я выпрыгнула изъ окна и чуть не утонула. Съ тѣхъ поръ меня все время прятали на вѣтряной мельницѣ; но теперь мнѣ нечего бояться, такъ какъ онъ посаженъ въ тюрьму на три года. Вотъ я пришла поблагодарить васъ и попросить у васъ извиненія.

— Я не сержусь, сказалъ мельникъ медленно,—хотя это было неучтиво убѣгать тайкомъ изъ дому, сударыни.

Сконфуженная Мариетта опустила голову и замолчала. Потому она вдругъ заговорила торопливо и сбивчиво, какъ ребенокъ:

— Я пришла не потому, что вы обѣщали мнѣ сдѣлать подарокъ, г. Соломонъ, мнѣ подарка не нужно. А только я обѣщала вамъ сказать, когда я буду выходить замужъ. Меня не хотѣли къ вамъ пускать, но я все-таки пришла, и на будущей недѣлѣ моя свадьба.

— Свадьба? повторилъ мельникъ.—Ты выходишь замужъ?

И онъ смотрѣлъ на нее, точно не вѣря своимъ ушамъ.

— Да, да, и выхожу замужъ. Жакъ и Мари нашли мнѣ жениха, ихъ двоюроднаго брата, объяснила она.—Развѣ вы забыли, что вы просили меня сказать, когда я буду выходить замужъ?

Мельникъ ничего не отвѣчалъ. Онъ не спускалъ съ нея глазъ, пока она стояла передъ нимъ такая чистенькая, робкая и прелестная—его любимая дѣвочка, его милая пѣвчая птичка, и онъ, съ чувствомъ жгучей боли въ груди, спрашивалъ себя почему она досталась не ему, а какому-то чужому, невѣстному человѣку.

— Такъ ты выходишь замужъ, сказалъ онъ наконецъ.—И чтѣ это тебѣ вздумалось—замужъ выходить? спросилъ онъ, злобно спуская зубы.

Она робко посмотрѣла на него. Развѣ не самъ онъ совѣтовалъ ей выйти замужъ, чтобы навсегда избавиться отъ пресѣдованій отвратительнаго цыгана? Она передала это Жаку и Мари, а тѣ нашли ей жениха. Такъ это и устроилось.

— Я вовсе не желаю этого слышать! вскрикнулъ мельникъ, не познвъ себя отъ гнѣва.—Ну, и что-же ты... любишь его? Охотно идешь за него, пл...

— Не очень охотно, созналась она смущенно.—Вѣдь онъ уже старикъ, ему по крайней мѣрѣ лѣтъ пятьдесятъ.

— Пятьдесятъ! но въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть твоимъ дѣдомъ! воскликнулъ мельникъ.

Да, и къ тому-же онъ совѣмъ сѣдой, почти глухой, и его старшая дочь Луиза была ея подругой, рассказывала дальне Мариетта. Но такъ какъ Луиза выходилъ замужъ, то ему нужна дома работница и вотъ Мари и Жакъ порѣшили устроить эту свадьбу, чтобы и ее обезопасить отъ пресѣдованій лудильщика.

Мельникъ не вѣрилъ своимъ ушамъ.

Какъ? красивую, невпуную, неопытную дѣвушку приносятъ въ жертву? Для того чтобы избавить ее отъ какого-то бродяги, который не имѣетъ на нее никакихъ правъ, ее готовить въ снѣдѣки къ слабому, глухому старику?

Онъ всталъ и прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ онъ остановился противъ Мариетты и, готовый предложить рѣшительный вопросъ, почувствовалъ какъ горло его сжимается отъ страха и волненія.

— Мариетта! сказалъ онъ наконецъ.—Мнѣ все говорятъ, что я долженъ взять кого-нибудь вмѣсто Катерины, но дѣло въ томъ... Мнѣ нужна жена. Не знаешь-ли ты подходящей дѣвушки?

— О, да! воскликнула Мариетта поспѣшно.—Сестра Жака, Дельфина—она очень хорошенка, у нея большое приданое и...

— Нѣтъ, нѣтъ, я думалъ не о ней, перебилъ мельникъ краснѣя.—Я думалъ... я не могу помириться съ мыслью, что ты должна выйти замужъ за стараго, сѣдаго вдовца... Нѣтъ, это все не то... продолжалъ мельникъ путаясь и смущаясь.—Дѣло въ томъ, что я искренно люблю тебя съ самой той минуты, когда увидѣлъ тебя у ручья, и я теперь спрашиваю тебя, хочешь-ли ты дать отставку твоему старику, и выйти замужъ за меня? Мы можемъ тотчасъ-же обвѣнчаться, потому что у меня все пошло вверхъ дномъ съ тѣхъ поръ, какъ умерла Катерина. Ну, Мариетта?

Мариетта посмотрѣла на него, точно не понимая того, чтѣ онъ говоритъ. Неужели Мансвилльскій мельникъ, красивый, молодой, богатый, могъ серьезно говорить такія невѣроятныя вещи?

— Ну? еще разъ повторилъ Соломонъ, стоя передъ дѣвушкой и не спуская глазъ съ ея лица.

— Да вѣдь это вы такъ только шутите, пробормотала она наконецъ, глядя на него съ выраженіемъ сомнѣнія въ своихъ ясныхъ, голубыхъ глазахъ.

„Счастье было бы слишкомъ велико“.

Но счастье не было слишкомъ велико для того, чтобы быть возможнымъ, и когда Мариетта убѣдилась наконецъ, что Соломонъ говоритъ серьезно, она не могла удержаться, чтобы не воскликнуть радостно:

— Ахъ, какъ я счастлива, какъ я счастлива! Вѣдь я выносила не могла моего жениха и согласилась выйти за него, только потому что меня уговорили.

Мельникъ былъ скупъ на слова, и его любовное объясненіе было коротко.

Мари была очень оскорблена, что ея двоюродный братъ получилъ отказъ, но Жакъ, который всегда считалъ эту партію совѣмъ не подходящею для Мариетты, очень обрадовался, что это сватовство разстроилось, и такъ привѣтливо отнесся къ молодому, красному и богатому жениху, что Соломонъ помирился съ нимъ и уже пересталъ считать вѣтряныя мельницы самой скверной вещью въ мѣрѣ.

Мариетта сдѣлалась прехорошенькою мельничихой. Она пѣла какъ жаворонокъ, была дѣйствительна какъ пчелка и жила съ тѣмъ убѣжденіемъ, что на свѣтѣ нѣтъ человѣка лучше ея мужа и нѣтъ мельницы лучше ея собственной. Всѣ ее любили, и даже Катерина и Люси, пытавшіеся занять ея мѣсто, отнормались къ ней ласково. Только одинъ недостатокъ былъ у нея: она слишкомъ часто любила смотрѣть сквозь густую зелень виноградныхъ листьевъ на каменныя ступеньки, на высокій букъ и на маленькій, журчащій ручеекъ, то ярко освѣщенный золотымъ солнцемъ, то скрытый въ прохладной, зеленой тѣни.

Лудильщикъ умеръ въ тюрьмѣ скоропостижно и не успѣлъ ничего выяснитъ о происхожденіи Мариетты. „Тѣмъ лучше, подумалъ Соломонъ,—теперь она принадлежитъ одному мнѣ и всѣхъ родственниковъ ея я могу считать умершими“.

Къ рисункамъ.

Отдыхъ на берегу моря. (Рис. на стр. 1321).

Когда по снѣгѣ морей
Зефиръ скользитъ и тихо вѣетъ
Въ вѣтрила гордыхъ кораблей,
И челны на волнахъ летѣтъ;
Забогъ и думъ слагалъ грузъ,
Тогда лѣнью и веселѣе
И забываю пѣсни музъ;
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣе.

А. Пушкинъ.

Виды Ростова-на-Дону. (Рис. на стр. 1324 и 1325).

Главнымъ украшеніемъ города служитъ открытый 17 апрѣля 1890 года памятникъ въ Бозѣ почившему императору Александру II.

Памятникъ сооруженъ на средства города и пожертвованія. Съ какою охотой дѣлались пожертвованія, видно изъ того, что когда 15 марта 1881 года, въ день погребенія покойнаго Императора, городская дума, собравшись въ экстренное засѣданіе послѣ напихиды по Немъ, рѣшила соорудить памятникъ по-

чившему Императору, и тутъ же открыла подшеку, то въ течение часа было собрано болѣе 10,000 руб. Съ Высочайшаго разрѣшенія приступивъ къ сооруженію памятника, дума пригласила извѣстнаго нашего академика М. О. Микѣшина, составившаго проектъ памятника, который, съ нѣкоторыми измѣненіями, и былъ осуществленъ. Памятникъ находится на Соборной площади и обращенъ лицомъ къ собору, а тыломъ къ Соборному переулку. Высота всего памятника достигаетъ до 4 1/2 саж.; фигура Государя—7 аршинъ. Всѣхъ чугунныхъ частей памятника доходитъ до 250 пуд. Императоръ изображенъ въ молитвенной позѣ съ непокрытою головою и съ обращеніемъ къ небу глазами, въ порфирѣ, испускающей до пьедестала; въ правой рукѣ находится скипетръ, а лѣвая придерживаетъ порфиру.

Пьедесталъ исполненъ изъ гранита итальянскимъ мастеромъ С. А. Тонетти. На лицевой сторонѣ пьедестала, подъ императорскою короною, находится инициалъ имени Государя, окруженный лаврами перевитыми терніемъ; подъ этимъ государственнымъ гербомъ и потомъ надписи: „Императору Александру II благодарные граждане города Ростова-на-Дону“. Внизу, на

лѣвой сторонѣ pedestala: „Родился 17 апрѣля 1818 года“: на правой сторонѣ: „Въ Бозѣ почилъ 1 марта 1881 года“. Памятникъ окруженъ изящною чугунною рѣшеткой и по четыремъ сторонамъ его поставлено по тройному газовому фонарю. Памятникъ стоитъ на возвышеніи, на которое ведутъ три ступени.

Таганрогскій спускъ представляетъ одно изъ оживлѣннѣйшихъ мѣстъ въ городѣ, связывая главную улицу города, Большую Садовую, съ набережною Дона. Это и наиболѣе удобная дорога изъ города къ пристанямъ. Тутъ же находится большая часть оптовыхъ складовъ и главный торговый рынокъ. Движеніе здѣсь громадное, такъ какъ Ростовъ находится въ узлѣ трехъ желѣзныхъ дорогъ и воднаго пути, соединяющаго всю среднюю полосу Россіи съ Югомъ. Главнымъ предметомъ торговли являются зерновые продукты, и Ростовъ ежегодно отпускаетъ на миллионы руб. хлѣба за границу, тѣмъ болѣе, что онъ является на Югѣ главнымъ хлѣбнымъ рынкомъ. Оживленіе его, при такой большой торговлѣ, естественно населенія и массѣ пришедшаго люда, возрастаетъ еще болѣе къ открытію навигаціи, когда набережная Дона представляетъ человѣческой муравейникъ и все линіи берега завалены товарами, а Таганрогскій спускъ, являясь связью между торговыми складами и пристанью рѣки Дона, въ буквальномъ смыслѣ слова кишитъ всевозможною дѣятельностью.

Гренадеръ Золотой роты. (Рис. на стр. 1329).

Въ началѣ XVI вѣка въ военномъ искусствѣ впервые появляются гранаты—небольшия бомбы, начиненныя порохомъ и снабженныя фитилемъ. Ихъ бросали въ первое время руками, какъ это было при осадѣ Арля въ 1536 году, и солдаты, метавшіе гранаты, назывались гренадерами. Въ 1667 году, такихъ гренадеръ бывало по 4—6 при каждой ротѣ, и они отличались особою формою отъ другихъ солдатъ. Впоследствии число и распределеніе гренадеръ измѣнилось. Съ конца XVII столѣтія гренадеры были только по имени, а бросаніе гранатъ поручалось инженернымъ солдатамъ. По примѣру Франціи, гренадеры были введены и у насъ, въ Россіи. Первый гренадерскій полкъ сформированъ былъ въ 1703 году изъ тысячи человекъ самыхъ крупныхъ и видныхъ солдатъ, и былъ причисленъ къ полку губернатора Меншикова. Рота дворцовыхъ гренадеръ, напомнимающихъ по формѣ—французскихъ, была учреждена императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ 1827 году, изъ отличнѣйшихъ гвардейцевъ, участвовавшихъ въ войнѣ 1812 года. Она подчинена министру Императорскаго Двора. Офицеры имѣютъ чины старой гвардіи, а фельдфебель этой роты имѣетъ чинъ подпоручика, унтеръ-офицеры—прапорщиковъ арміи, и получаютъ жалованье по ихъ окладамъ, кромѣ содержанія, назначеннаго всемъ нижнимъ чинамъ, наравнѣ съ командными и ввалидами. Гренадеры отдають честь Императорской Фамиліи, фельдмаршаламъ, министрамъ Двора

и Военному, а гренадерамъ отдають честь все часовые гвардіи и арміи. Рота дворцовыхъ гренадеръ въ большіе праздники занимается почетнымъ караулъ во дворцѣ и содержитъ постъ на часахъ у Александровской колонны и памятника императору Николаю I, учредителю роты.

Что за диковинка? (Рис. на стр. 1332).

Молодой савояръ съ мартишкой и концертной присѣлъ отдохнуть на подъѣздѣ богатаго господскаго дома. Въ обычный часъ прогулки изъ дома выпустили собакъ, которыя немедленно и собрались вокругъ чужаковъ. Съ крайнимъ любопытствомъ и недоумѣніемъ глядятъ и сеттеръ, и монсъ, и левретка на невиданную диковинку, которая не похожа ни на ребенка, ни на куклу, а всего меньше на человѣка.

Забавный разсказъ. (Рис. на стр. 1333).

Картичка эта не требуетъ комментаріевъ. Разсказъ молодого парня, зашедшаго отдохнуть въ корчмѣ, должно быть въ самомъ дѣлѣ забавенъ, потому что обѣ слушательницы такъ и прыскають со смѣху.

„Bay! Bay!“ Съ карт. Пахера. (Рис. на стр. 1337).

Крошечный мальчуганъ залѣзъ въ собачью конуру и старательно подражаетъ лаю вѣрнаго Барбоски, устранивая прохожихъ и невидимому вовсе не боясь накликавъ на себя въ грешной жизни то, что называется собачьею долей.

Продавецъ арбузовъ и дынь въ Бухарѣ.

(Рис. на стр. 1340).

Бухарскіе базары кишатъ самыми разнообразными типами. Многие изъ нихъ уже изображались на страницахъ *Питомъ*. На этотъ разъ даемъ изображеніе торговца такимъ товаромъ, который въ безчисленномъ множествѣ потребляется на мѣстѣ, благодаря невыносимому зною средне-азиатскаго лѣта. Это продавецъ арбузовъ и дынь, которые лежатъ передъ нимъ на землѣ цѣлыми грудами и продаются за ничтожную цѣну жаждающимъ промочить пересохшее горло.

Аэростаты на привязи во флотѣ. (Рис. на стр. 1341).

Лейтенантъ французскаго флота, г. Серреттъ, послѣ долговременныхъ опытовъ, снабдилъ французскую Средиземноморскую эскадру приспособленными къ судамъ аэростатами на привязи (*ballons captifs*). Такой аэростатъ весьма невеликъ, объемъ его всего въ 320 кубич. метровъ; будучи прикрѣпленъ къ канату въ 400 метровъ длины, онъ можетъ поднятъ только одного человѣка. Наполняется онъ чистымъ водородомъ, хранящимся въ желѣзныхъ сосудахъ и сжатымъ подъ давленіемъ 100 атмосферъ. На адмиральскомъ кораблѣ *Formidable* аэростатъ прикрѣплялся къ вершинѣ задней башни. Съ высоты открывался горизонтъ на 30—40 верстъ кругомъ.

Политическое обозрѣніе.

Еще одинъ годъ вековъ будетъ начертанъ на скрижаляхъ исторіи. Начался онъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, съ надеждой на миръ и пожеланіями спокойствія. Должно быть пожеланія эти были сдѣланы въ добрый часъ, потому что давно уже не запомнится такого покойнаго и миролюбиваго года. „Все народы искренно желали мира и заботились объ его сохраненіи“, говорилъ 25 іюля маркизъ Солсбери въ Меншенъ-гаузѣ.

Первое мѣсто среди государствъ бывшихъ на-сторожѣ миролюбиваго положенія вещей должно быть отведено нашей родинѣ. Еще въ началѣ года заграничныя газеты отмѣчали, что прямодушная политика Россіи (надо замѣтить, и всегда ей присущая) весьма много способствовала улучшенію общаго положенія дѣлъ и возрожденію всеобщей увѣренности въ сохраненіи мира. Та же миролюбивая политика нашего правительства дѣлала рядомъ мѣръ и событій еще болѣе укрѣпила его въ теченіе года, о чемъ неоднократно заявлялось въ печати.

Всегообщее мирное настроеніе не могло не отозваться благоприятно и на внутренней политикѣ страны, которая въ 1890 г. сдѣлала громадные успѣхи. Особенно должны быть отмѣчены наше войско и финансы. „Отечеству нашему несомненно нужна сильная и благоустроенная армія, стоящая на высотѣ современнаго развитія военнаго дѣла“, говорится въ Высочайшемъ рескриптѣ Державнаго Вождя Россіи, данномъ нашему Военному министру, генералъ-адъютанту Ванновскому по случаю 50-лѣтняго служенія въ офицерскихъ чинахъ, „но не для агрессивныхъ цѣлей, а для огражденія цѣлости и государственной чести“,—и русское войско по справедливости должно быть признано образцовымъ. Лучшимъ подтвержденіемъ служатъ бывшія осенью испытанія въ видѣ маневровъ, при томъ таккихъ, какихъ не запомнитъ военная исторія. Такъ на Волынѣ до 150,000 воиновъ было собрано подъ начальствомъ двухъ самыхъ выдающихся русскихъ генераловъ, Гурко и Драгомирова, и блестящіе результаты этой примѣрной войны вызвали заслуженное удивленіе и невольную зависть за-границей. „Русскій Царь—писалъ *Economist*—единственный вла-

стелинъ въ Европѣ готовый къ войнѣ. Только одно миролюбіе Русскаго Императора обезпечиваетъ миръ...“

Русскіе финансы въ истекшемъ году также достигли прекраснаго положенія, давно небывалаго. Если нѣкоторые колебались на денежномъ рынкѣ за-границей, а также неблагоприятное настроеніе Лондонской и Берлинской биржъ, за послѣднее время нѣсколько и понизило нашъ курсъ, то все-таки, какъ замѣчаетъ *Journal des Débats*: „русскіе фонды замѣчательно крѣпки. Въ теченіе пятинадцати лѣтъ не было момента, болѣе неблагоприятнаго для успѣха нападокъ на кредитъ Россіи и для надежды посредствомъ этихъ нападокъ помѣшать операціямъ русскаго казначейства“.

Наибольшее затѣмъ вниманіе, изъ другихъ европейскихъ государствъ, приковываетъ къ себѣ Германія и ея юный императоръ. Преполненный благихъ намереній и надѣленный сильною волею, онъ смѣло рачищаетъ почву для будущаго, считая наше время—временемъ переходнымъ. Памѣтивъ себѣ цѣли, онъ не тернитъ никакихъ препонъ. „*Sic volo, sic jubeo*“, начерталъ недавно императоръ Вильгельмъ на своемъ портретѣ, подаренномъ министерству народнаго просвѣщенія. Но еще раньше было замѣтно такое стремленіе въ его дѣятельности и онъ не скрываетъ этого. „Добро пожаловать всемъ тѣмъ, кто хочетъ мнѣ помочь“, говорилъ юный императоръ 21 февраля на обѣдѣ, данномъ бранденбургскимъ провинціальнымъ сеймомъ, „но тѣхъ, кто ставитъ мнѣ преграды—я раздамъ“. Быть-можетъ этимъ желаніемъ свободы въ своихъ дѣйствіяхъ и должно объяснить отставку желѣзнаго канцлера, поразившую своей неожиданностью всю Европу. Уже давно привыкла она видѣть въ князѣ Бисмаркѣ вершителя ея судьбы, и вдругъ, осыпанный всякими милостями, могучій канцлеръ устраняется отъ дѣлъ и удаляется къ частной жизни. „На особенно великое сознаніе Вильгельмомъ II своихъ правъ, пишетъ *Temps*,—можно взглянуть съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Съ одной стороны, онъ представляется какъ будто въ образѣ государя стараго режима à la Louis XIV, съ другой же—онъ выступаетъ современнымъ государемъ по

преимуществу, готовымъ стать во главѣ всякаго крупнаго преобразовательнаго движенія“.

Такихъ крупныхъ преобразованій надо ожидать въ социальномъ строе въ Германіи вообще и въ частности въ рабочемъ и школьномъ вопросахъ. Для разрѣшенія перваго изъ нихъ, какъ памятно, заѣхала въ мартѣ въ столицѣ Германіи конференція, на которую съѣхалось до 60 представителей отъ 14 европейскихъ государствъ. Второй вопросъ, только намѣченный недавно, прославился двумя рѣчами императора, высказавшаго свои взгляды на среднее образованіе.

Среди массы работъ у молодого государя достало все-таки времени отдаться своей страсти къ путешествіямъ и посѣтить Дашію, Норвегію, Бельгію, Англию, Россію и Австрію. На нашей родинѣ державный гость присутствовалъ на маневрахъ близъ Нарвы и былъ предметомъ самаго блестящаго и радужнаго приѣма.

Въ области внешней политики Германія за истекшія годъ

стороны нѣсколькихъ пересубликанскихъ депутатовъ палаты. Давнишнее пугало правительства — буланжизмъ — понемногу пересталъ быть страшнымъ. Еще въ февралѣ были весьма симпатичны къ національной партіи, и изъ 6 забракованныхъ буланжистскихъ депутатовъ 5 были избраны вновь, но уже муниципальные выборы въ Парижѣ показали унадокъ обаянія, и изъ 59 мѣстъ 52 достались республиканцамъ и только одно буланжистамъ.

Разоблаченія Мермекса довершили остальное, и только старанія, иногда не въ мѣру усердныя, со стороны Поля Деруледа и другихъ приверженцевъ браваго генерала, мѣшаютъ окончательно позабыть о буланжизмѣ.

Австро-Венгрія, Турція и Италия занимались за годъ приведеніемъ своихъ внутреннихъ дѣлъ въ порядокъ; первая приводила чеховъ къ соглашенію съ нѣмцами, и лишилась Коломана Тиссы въ борьбѣ съ венгерскою оппозиціей; Турція усмирала Критъ и армяны; Италия враждовала съ предде-

Продавецъ арбузовъ въ Бухартѣ. Съ фот. Апостоли, грав. Флюгель.

успѣла раздѣлиться съ Англіею вліяніемъ въ африканскихъ колоніяхъ и получить въ придачу островъ Гельголандъ.

Въ Англии минувшій годъ ничѣмъ особеннымъ не ознаменовался, если не считать постоянныхъ за послѣднее время стачекъ рабочихъ да раскола среди партій ирландскихъ автономистовъ.

Республиканская Франція въ 1890 г. шла на пути укрѣпленія существующаго строя вещей, чему мы были свидѣтелями сначала во время путешествія президента Карно въ апрѣлѣ на югъ Франціи и въ Коренку, а затѣмъ заявленіями со стороны духовенства въ лицѣ примаса Африки Давижери, а также со

тистами, дѣйствія которыхъ дали возможность г. Криспи очень ловко объяснить необходимость тройственнаго союза, что не мѣшало ему съ другой стороны сближаться съ Франціей.

Если припомнить англо-португальскій конфликтъ, перемѣну министерства въ Испаніи, соглашеніе Милана съ регентствомъ и меморандумъ королевы Наталіи, печальный процессъ Паницы, смерть короля Голландскаго Вильгельма III, то почти все выдающіяся событія минувшаго года будутъ на перечетѣ, и Новый годъ вступаетъ, какъ и сто предшествующихъ, подъ покровомъ мира и спокойствія. Дай Богъ еще много лѣтъ встрѣчать такимъ образомъ Новый годъ!

С М Ъ С Ъ .

Рождественскіе праздники у древнихъ римлянъ. Торжественный, радостный и веселый праздникъ Рождества Христова имѣетъ, въ строгомъ смыслѣ слова, не христіанское, а нидо-германское происхожденіе.

Христіанская община, при своемъ возникновеніи, натолкнулась на существовавшія уже празднованія перемѣны года, которыя почти совпадали съ днемъ зимняго поворота солнца. На Сѣверѣ былъ праздникъ Юль (Julfest), на Югѣ — сатурналии; оба языческіе праздники настолько вкоренились въ жизненные обычаи народныхъ массъ, что борьба съ ними представила бы непреодолимые затрудненія.

Христіанскіе священники пришли къ разумному заключенію, что слѣдуетъ считать съ дѣйствительностью, слѣдуетъ признать праздники Юль и Сатурна, объявить наружную оболочку ихъ законною, цѣлесообразною и измѣнить постепенно только внутренній смыслъ праздника, — иначе сказать, въ старое мѣха влить новое вино. „Вы правы, празднику возрожденіе свѣта“, говорили они народамъ Сѣвера, „но не одинъ земной свѣтъ даровало вамъ Божество въ эти дни; оно даровало вамъ и тотъ непреходящій небесный свѣтъ, о которомъ сказано: „Я свѣтъ міра; кто въ Меня вѣруетъ, тотъ будетъ жить вѣчно“.

„Вы правы“, говорили тѣ же священники латинянамъ, „вспоминая въ праздникъ Сатурна тотъ золотой вѣкъ, когда не было никакого различія между богатымъ и бѣднымъ, между высшимъ и низшимъ, господами и рабами. Вы правы, веселясь въ эти дни воспоминаній, дѣлая другъ другу подарки и особенно надѣлая дѣтей радостными дарами. Вами руководитъ при этомъ тайное предчувствіе божественной истины, которую мы вамъ проповѣдуемъ. Во время этого праздника родился Спаситель; Онъ пришелъ въ міръ, дабы возстановить золотой вѣкъ и искупить всѣхъ людей безъ различія Своєю благодатью“.

Такимъ образомъ христіанство отождествило праздникъ зимняго поворота солнца со днемъ рожденія І. Христа, не нанеся существеннаго ущерба различнымъ обычаямъ древне-языческаго міра. Такъ, напримеръ, древне-германскую ель—олицетвореніе петлѣнной жизни—быть-можетъ зимнюю представительницу міроваго лѣснаго Игдрасила, на вѣтвяхъ котораго покоилась вселенная, въ германскихъ земляхъ неразрывно связали съ праздникомъ Христа, а у другихъ западныхъ народностей вошли въ обыкновение римскіе сатурнальные праздники.

Сатурнъ, по значенію слова, есть богъ поствва. Было бы, однако же, большимъ заблужденіемъ считать сатурналии, праздновавшіеся съ 17 до 24 декабря, праздникомъ жатвы. Это значило бы слишкомъ отдалять ударъ грома отъ молніи, такъ какъ въ Италіи даже сборъ плодовъ и вина заканчивается уже въ октябрѣ.

Въ первоначальномъ значеніи сатурналии, точно такъ же какъ и сѣверный праздникъ Юль, были прославленіемъ небеснаго свѣта, солнца, снова высоко поднимающагося надъ землей.

Хотя радость по поводу этого событія у латинянъ проявлялась не такъ бурно, какъ у сѣверянъ, почти совершенно лишенныхъ солнца въ предшествующій періодъ года, тѣмъ не менѣе и въ Италіи мысль о томъ, что опять все оживится, вызвала радостное чувство удовлетворенія. Тутъ главную роль игралъ не простой инстинктъ, а вышнія удобства, которымъ на Югѣ зима причиняетъ болѣе ущерба, чѣмъ на Сѣверѣ.

Классическій римлянинъ жилъ, какъ и многіе итальянцы нашего времени, большею частью на улицѣ. Неприятное время дождей и морозовъ сильно стѣсняло его привычки, тѣмъ болѣе, что и одежда древнеримская далеко не представляла собою идеала зимняго костюма.

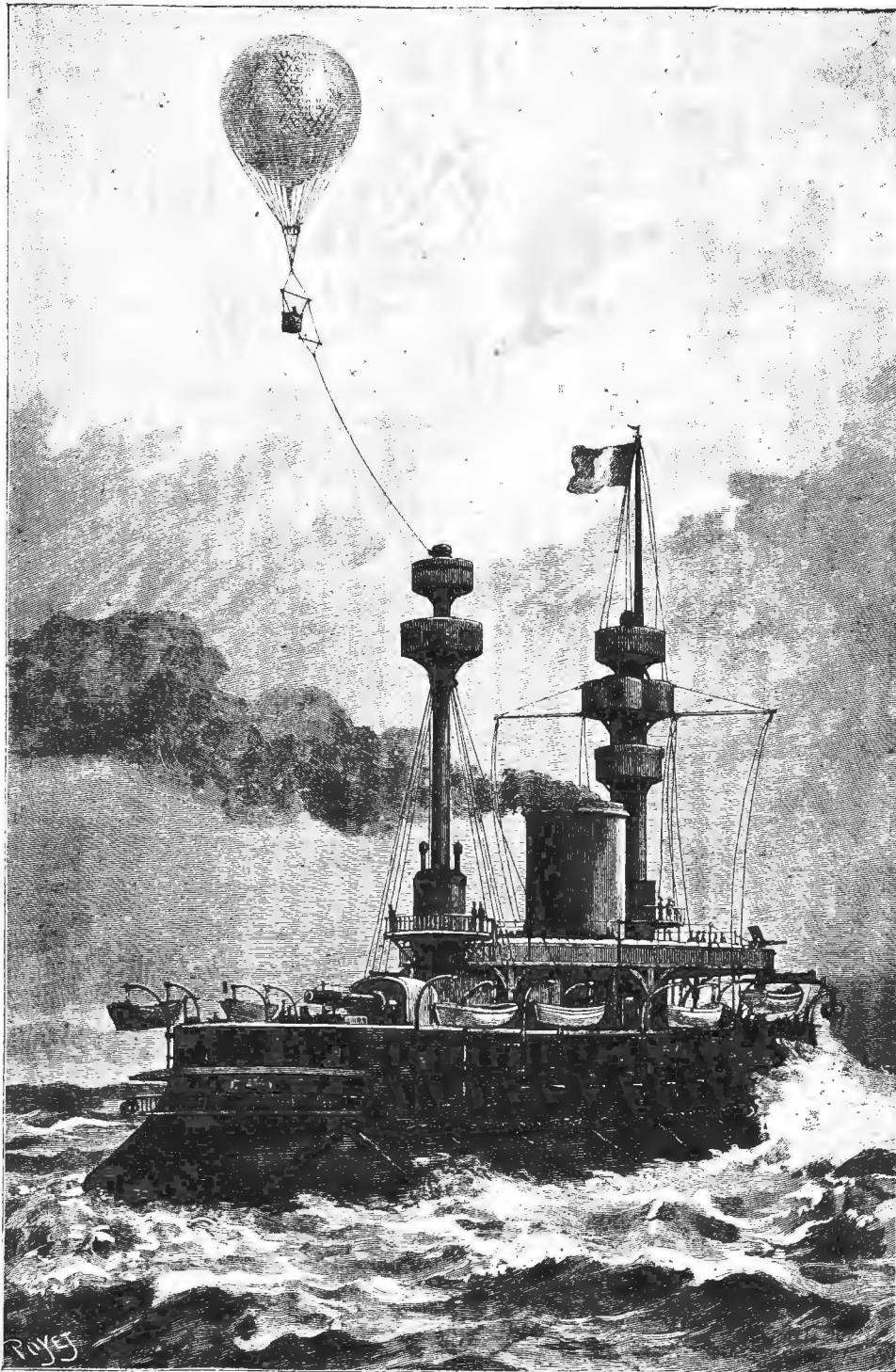
Притомъ, климатъ древняго Рима, неизвѣстно по какой причинѣ, былъ суровѣ теперешняго. У древнеримскихъ поэтовъ упоминается о снѣгѣ, покрывшемъ нивы, и обо льдѣ, сковавшемъ ручьи и рѣки, какъ объ обыкновенныхъ атрибутахъ зимы, между тѣмъ какъ въ настоящее время подобныя явленія составляютъ рѣдкое исключеніе.

И такъ, и у римлянъ снадалъ камень съ сердца, когда онъ замѣчалъ, что богъ солнца (Соль) снова поворачиваетъ съ своего нисходящаго пути — и этому радостному чувству соответствовать сначала трехдневный, позднѣе семидневный, праздникъ,

въ продолженіе котораго прекращался въ обширной Римской имперіи всякій дѣла, и который естественно посвящался боже-ству, считавшемуся по древнеитальянскимъ воззрѣніямъ самымъ милостивымъ, миролюбивымъ и доброжелательнымъ.

Не бога поствва, а бывшаго повелителя Италіи, основателя золотого вѣка, чествовали древніе римляне веселюю недѣлю сатурналій.

Сатурнъ — мифологическое величье котораго вѣроятно основано на сказочно-прославленной дѣятельности какого-нибудь доисторическаго царя, — по римскому сказанію, пришелъ неизвѣстно откуда въ страну, лежащую по Тибру, гдѣ правилъ издревле-чтимый царь Янусъ. Сатурнъ сдѣлался какъ бы мажордомомъ правителя, былъ его совѣтникомъ, научилъ дикій, невѣжественный народъ земледѣлію, воздѣлыванію винограда, улучшенію древесныхъ плодовъ и т. д., и положилъ, такимъ образомъ, основаніе усовершенствованію правовъ. Черезъ это онъ достигъ такой славы, что Янусъ сдѣлалъ его своимъ соправителемъ, и, наконецъ, оставилъ за собою лишь второстепенную роль. По имени осчастливившаго

Франція. Опытъ съ приязаннымъ аэростатомъ на франц. броненосцѣ.

народъ правителя, страна по Тибру стала называться „Сатурніей“.

Народная поэзія постоянно прославляла время правленія царя и бога Сатурна, какъ эпоху блаженства—очевидное сопоставленіе восточному сказанію о раѣ.

Также и поэты пользовались народною темою, почти превратившеюся въ вѣрованіе, и создали изъ нея волшебную идиллію. Прекрасные, счастливые люди блуждаютъ подъ плодоносными деревьями, невинные и беззаботные, любимые и любящіе, кроткіе, свободные и веселые, подобно безсмертнымъ.

Сатурналии, какъ уже упомянуто, начинались 17 декабря. Среди форума, недалеко отъ Капитолія, стоялъ храмъ Сатурна,

развалины которого и до сих пор волнуют зрителя историческими воспоминаниями. Перед этим храмом в древности совершалось, посреди собравшегося народа, жертвоприношение, по окончании которого тысячеголосый радостный клик: „Io Saturnalia!“ раздался в самых отдаленных улицах.

Вторая часть официальной программы состояла из ширешта сенаторов и всадников, явившихся здесь перед публикой, в видѣ исключения, не в древне-римской праздничной одеждѣ, не величественной тогѣ, а въ пнаедающемъ широкими складками синтезѣ,—одеждѣ, надѣваемой преимущественно въ триклинизмѣ, то-есть столовой. Здесь они свободно возлежали за столомъ, ѣли и пили въ изобиліи и предавались веселью, которое въ оное время не гармонировало бы съ достоинствомъ ихъ первенствующаго положенія. А между тѣмъ, для лицъ высшей знати, повидимому, представляла особенную прелесть возможность безнаказанно сбросить съ себя древне-римское величіе и предаться дурачествамъ шаривѣ съ другими.

По окончании ширешки, слѣдовавшей непосредственно за обѣдомъ и продолжавшейся зачастую до поздней ночи, высокіе и вѣсные сановники расходились съ тѣми же возгласами, какими оглашала воздухъ народъ послѣ жертвоприношенія. „Io Saturnalia!“ звучало въ устахъ тучныхъ кутиль въ пурпурѣ; „Io bona Saturnalia!“ кричали всадники, и бормоча заплетающимся языкомъ: „Io sat!“—вздыхали въ свои носики.

Одновременно съ гражданскими и городскими, или праздничества и въ частныхъ домахъ. Въ чемъ состояли эти послѣднія—трудно опредѣлить съ точностью; во всякомъ случаѣ ширешки и подарки составляли основу всѣхъ увеселеній, напоминавшихъ времена новѣйшей римской карнавалы.

Рабамъ—обстоятельство весьма характерное—во всю праздничную недѣлю не только давалась полная свобода, но даже, въ воспоминаніе эпохи равенства, предоставлялись извѣстныя преимущества, какъ бы въ вознагражденіе за рабство истекающаго года. Раньше, чѣмъ отобѣдаютъ господа, рабы, съ душистыми вѣнками на головахъ, одѣтые въ лучшія платья, входили въ столовую и располагались на обѣденныхъ диванахъ. Семья хозяина дома съ разными шугочными церемоніями прислуживала имъ и угощала ихъ. Здесь рабы могли смѣло высказывать своимъ повелителямъ правду, осуждать то или другое, выставлять хозяйкѣ на видъ, въ чемъ она провинилась предъ своими слугами или служанками, однимъ словомъ, провинить всякаго рода безчестія, которыя, по-литное дѣло, не переступали тѣхъ предѣловъ, гдѣ веселье переходитъ въ грубость. Но даже и пересаливаніе во время этихъ празднествъ прощалось; а позднѣйшее мщеніе противорѣчило бы благородству образа мыслей, которымъ гордился древній римлянинъ, и установленной свободѣ маскарада.

Вообще здѣсь кстаги замѣтить, что возмутительное презрѣніе, проявляемое римскими вельможами къ рабамъ, далеко не было всеобщимъ. Даже утонченный Римъ Цезарей представляетъ многочисленные примѣры патриархальныхъ отношеній между господами и рабами. Весьма памятна идиллическая сцена, гдѣ благородная Лукреція, окруженная своими рабынями, дружески разговариваетъ съ ними и вмѣстѣ съ ними работаетъ за ткацкимъ станкомъ.

Послѣ ширешекъ и увеселеній, въ которыя входили и общественыя игры, особенно игра въ кости на орѣхъ (символь изобилія), главную прелесть праздника составляли подношеніе и получение подарковъ. Дѣтямъ дарились куклы—маленькія фигурки изъ глины или бронзы.

Общепотребительно было дареніе восковыхъ свѣчей; такимъ образомъ и эта неотъемлемая принадлежность современной намъ елки, такъ же какъ и орѣхъ, имѣетъ индо-германское происхожденіе; свѣчи служили символомъ вновь нарождающагося свѣта, точно такъ же какъ орѣхъ былъ символомъ изобилія и плодородія.

Съ восьмага дня Римъ мало-по-малу начиналъ входить въ обычную колею. Надъ городомъ семи холмовъ царило утомленіе и угнетенное состояніе духа, нѣчто въ родѣ настроенія въ чистый понедѣльникъ Великаго поста. Вмѣсто причудливаго сумасбродства выступала дѣйствительная жизнь, вмѣсто веселаго разгула—философская сосредоточенность. Слуги, вѣдыха, брались за метлы и прибирали печальные остатки своего мимолетнаго величія, обломки разбитой посуды и доскутъя веселаго маскарада.

Истребленіе разсоло и соленого тунца принимало невѣроятныя размѣры, потому что древніе римляне поглощали вино въ несравненно большемъ количествѣ, чѣмъ теперешніе. Римъ страдалъ подъ гнетомъ похмѣлья, называемымъ Платономъ „разстройствомъ, основнымъ на вчерашнемъ днѣ“, а у нѣмцевъ извѣстнымъ подъ названіемъ „Katzenjammer“.

И тѣмъ не менѣе веселье и увеселенія были несравненно праздничнѣе, веселье и поэтически прекраснѣе! Io Saturnalia! Io bona Saturnalia. (с.)

Лучшими горшками для комнатныхъ растений *Выстилки* *Цадоводства* считаетъ горшки изъ хорошо обожженной глины, которые при смачиваніи водой какой-либо части ихъ, должны быстро всасывать ее; чѣмъ медленнѣе происходитъ такое всасываніе, тѣмъ менѣе годенъ порошокъ. Всякій новый горшокъ необходимо, передъ посадкой въ него растенія, тщательно обмыть и высушить. Всѣ глазурованные, а тѣмъ болѣе фарфоровые горшки, какъ не пористые, совсѣмъ не годятся. Важно также, чтобы дно горшка не соприкасалось непосредственно съ поддошникомъ, ибо, въ проливномъ случаѣ, отъ воды, стекающей на поддошникъ послѣ поливки, нижній

слой земли прокисаетъ и портится. Во избѣжаніе этого, слѣдуетъ на поддошникъ класть два-три высохшихъ, плоскихъ камешка, на края которыхъ и устанавливать горшокъ; такое приспособленіе доускаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ свободный притокъ воздуха, что весьма благотворно дѣйствуетъ на самое растеніе. Кроме того, недостаточное отверстіе на днѣ горшка не должно быть мало и неперемѣнно пробито изнутри наружу, такъ какъ иначе вокругъ отверстія образуется закраина, задерживающая свободный стокъ воды, отчего не только прокисаетъ земля, но и загниваютъ корни. Наконецъ, надлежитъ также имѣть въ виду, что горшокъ тѣмъ болѣе удовлетворяетъ своему назначенію, чѣмъ тоньше его стѣнки. (б.)

Безапелляціонная критика. Драматическій писатель Буль, который сильно занкался, принесъ однажды вопліи законченную одноактную пьесу къ г. Роклану, директору театра Варіетэ, въ Парижѣ, умоляя его позволить ему прочесть свое произведеніе.

— Хорошо, только читайте скорѣе! Я имѣю не болѣе получаса времени.

Г. Буль начинаетъ читать, занкается и не можетъ сдвинуться съ мѣста. Время идетъ, онъ дѣлаетъ невѣроятныя усилія, проглатываетъ фразы, давитъ и потъ градомъ каплетъ съ его лица. Наконецъ, обливаясь потомъ, онъ подходитъ кое-какъ къ развязкѣ.

— Педурно, замѣчаетъ Рокланъ съ самымъ серьезнымъ видомъ,— это ново—пьеса, въ которой всѣ дѣйствующія лица занкаются; но мнѣ кажется, что по крайней мѣрѣ первой любовницѣ не слѣдовало бы занкаться.

— П-п-прошу и-из-виненія, возражаетъ озадаченный авторъ;— ни-ни-ни-ничего и-не-не занкается!

— Какъ? Никто не занкается? Тогда чортъ поберни всю вашу пьесу! Въ ней только и есть интереснаго, что занкаеніе! (с.)

Дождевой червь въ экономіи природы. Можетъ быть ни одно изъ низшихъ животныхъ не цѣнится такъ мало человѣкомъ, какъ дождевой червь, который нерѣдко оканчиваетъ свое существованіе подъ нашими стопами, а между тѣмъ это презрѣнное маленькое созданіе является истиннымъ благодѣтелемъ человѣчества. Дождевой червь пропахиваетъ землю и тѣмъ самымъ оказываетъ незамѣнимую помощь земледѣльцу. Благодаря его присутствію, почва постоянно удобряется, обновляется и покрывается растительностью. У него нѣтъ ни глазъ, ни ушей, но его пищеварительные органы развиты весьма своеобразно. Пищу дождеваго червя составляютъ главнымъ образомъ листья и корни растеній; послѣдніе употребляются имъ не только въ пищу, но и для внутренней отдѣлки подземныхъ ходовъ, которую онъ дѣлаетъ вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы предохранить свое тѣло отъ сопркосновенія съ холодною, влажною землею. Стѣнки этихъ ходовъ бывають также нерѣдко выложены слоемъ мелкой, черной, пылательной сглаженной земли, сквозь который какъ разъ проходитъ тѣльце червяка. Главнѣйшая и болѣе полезная дѣятельность дождеваго червя состоитъ въ томъ, что онъ непрерывно проглатываетъ землю и мелкіе камешки, которые, проходя чрезъ его организмъ, удобряются и оплодотворяются. Такъ какъ почва заключаетъ въ себѣ несмѣтныя массы дождевыхъ червей — на одинъ гектаръ земли ихъ насчитываютъ 60—90,000 — то благодаря вышеописанному процессу, поверхность ея постоянно измѣняется и тѣсно перерабатывается. Образующіеся вслѣдствіе дѣятельности червей слои достигаютъ иногда въ теченіе одного года $\frac{1}{3}$ дюйма толщины; друми словами, листья, камни и т. п., положенные съ цѣлью наблюденія—покрывались слоемъ переработанной червемъ земли толщиной, какъ сказано выше, въ $\frac{1}{3}$ дюйма. (с.)

Лондонъ. Краткая статистика Лондона даетъ интересную картину условій жизни гигантскаго города. Въ Лондонѣ 48 мостовъ чрезъ Темзу, 76 театровъ, 2,200 почтовыхъ и телеграфныхъ учреждений съ 15,000 чиновниками. Въ Лондонѣ считается 547,410 домовъ, 1,450 церквей, 2,100 больницъ и богоугодныхъ заведеній, 7,600 пивныхъ, 1,800 кафе, 570 гостиницъ, 3,100 пекаренъ и 326,000 человѣкъ мужской и женской прислуги. Лондонъ ежегодно потребляетъ 2,200,000 мѣшковъ муки, 260,000 свиней, 450,000 быковъ, 1,600,000 рогатаго скота, 8,500,000 штукъ дичи и птицъ, 220,000,000 рыбъ, 510,000,000 устрицъ. Въ Лондонѣ больше погланцевъ, чѣмъ въ Эдинбургѣ, больше ирландцевъ, чѣмъ въ Дублинѣ, больше католиковъ, чѣмъ въ Римѣ, и больше евреевъ, чѣмъ во всей Палестинѣ. Въ Лондонѣ ѣздитъ 19,000 кебовъ и 1,500 омнибусовъ. Въ 1066-мъ году въ Лондонѣ было только 40,000 жителей, въ 1700-мъ году было уже 700,000, въ 1800-мъ году число ихъ возросло до 900,000, и въ настоящемъ году ихъ считается 4.425,000, вѣроятно къ 1900-му году число ихъ превзойтъ 5 миллионъ. Годовыя издержки лондонскаго населенія приблизительно считаются въ 2 миллиарда рублей. (к.)

Величайшія монеты находятся въ Анамѣ, именно золотая монета цѣнностью въ 1,300 марокъ и серебряная -- въ 600 марокъ. Золотая монета у ашантиевъ въ Африкѣ стоитъ 180 марокъ. (к.)

Свѣтъ безъ огня. Одинъ американскій журналъ указываетъ очень легкій способъ безопаснаго пользованія свѣтомъ въ мѣстахъ, гдѣ находятся взрывныя или легко-воспламеняющіяся вещества. Для этого надо взять продолговатую баночку самаго чистаго стекла, вложить туда кусочекъ фосфора, величиною съ горошину, и налить одну треть баночки кипящимъ оливковымъ масломъ, затѣмъ плотно закрыть ее. Для полученія свѣта довольно открыть банку свободному доступу воздуха. Подобная баночка очень долго можетъ доставлять свѣтъ. (к.)

Военныя морскія силы главнѣйшихъ государствъ Европы. Россія насчитываетъ: 864 офицера и 25,474 нижнихъ чиновъ; Германія:

606 офицеров и 12,600 нижних чинов; Англия: 1,818 офицеров и 36,852 нижних чинов; Австрия: 506 и 11,580; Испания: 839 и 14,000; Франция: 1,776 и 36,136; Италия: 736 и 22,450.

Государства эти имѣютъ:

	Броненосцевъ.	Неброненосныхъ судовъ.	Минноносекъ.
Россия	38	64	135
Германія	27	35	114
Англія	71	199	161
Австрія	14	30	57
Испанія	4	86	14
Франція	48	170	132
Италія	19	38	130

Аппаратъ предупреждающій столкновение поѣздовъ, которые печально попадаютъ на одинъ и тотъ же путь, изобрѣтенъ недавно, какъ сообщаютъ техническія изданія. Онъ дѣйствуетъ при помощи электричества и состоитъ изъ проволоки, раздѣленной на отдѣлы въ два километра каждый и расположенной такъ, что при вступленіи локомотивовъ на одинъ и тотъ же отдѣлъ проволоки, продолженной между рельсами, щетки локомотива замыкаютъ токъ и тотчасъ же раздается сильный звонъ, предупреждающій машинистовъ о томъ, что путь не свободенъ. (в.)

Смѣшанное растеніе. Въ Аравіи растетъ трава изъ породы бобовыхъ, съ свѣтло-желтымъ цвѣткомъ и мягкимъ сѣменемъ, находящимся въ черномъ бобѣ, которую англичане назвали „смѣшаннымъ растеніемъ“. Туземцы сушатъ его зерна, стираютъ ихъ въ порошокъ и принимаютъ въ малыхъ дозахъ. Принявши его начинаютъ пить, смѣяться, плясать и остаются въ такомъ возбужденіи нѣсколько часовъ. Когда же это веселое состояніе окончится, наступаетъ сперва дремота, а затѣмъ глубокой сонъ, послѣ котораго человѣкъ ничего не помнитъ изъ того, что онъ выдѣлывалъ, находясь въ состояніи оныяненія.

Образецъ американской рекламы. Посѣтивъ кладбище въ Балтиморѣ, рассказываетъ одинъ путешественникъ, — я обратилъ вниманіе на одинъ великолѣпный памятникъ, выдававшійся необычайною роскошью. Я подумалъ, что покойникъ былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ гражданъ города, и прочиталъ надпись золотыми буквами, главную по обыкновенію о возвышенныхъ качествахъ души покойнаго Джона Броуна. Мнѣ показалось страннымъ, что время смерти покойника не было обозначено, и я обратился за объясненіями къ своему проводнику. „Причина простая, отвѣчалъ послѣдній,—этотъ господинъ еще живъ и здоровъ, а памятникъ воздвигъ себѣ пять лѣтъ тому назадъ, въ день своей свадьбы и открытія своего торговаго дома“. — „Что же это за чудакъ?“ спросилъ я. — „Видите-ли, отвѣчалъ проводникъ, — главная цѣль его заключалась въ томъ, чтобы пріѣзжіе, посѣщающіе наше замѣчательное кладбище, обращали вниманіе на этотъ памятникъ и спрашивали, чей онъ. Онъ принадлежитъ Джону Броуну, фабриканту лучшей въ Балтиморѣ саложной вакеи; улица Шуфстритъ, № 42. Этотъ памятникъ стоилъ бѣшеныхъ денегъ, за-то приноситъ отличные проценты“. (в.)

Лошадиный оркестръ. Американскія газеты сообщаютъ о показывающихся въ Чикаго 16 лошадяхъ, исполняющихъ различныя музыкальныя пьесы. Усиѣхъ четвероногихъ музыкантовъ колоссальный. При исполненіи музыкальныхъ пьесъ всѣ лошади выстраиваются въ рядъ; ногами онѣ приводятъ въ движеніе бичевки и мѣха, находящіеся въ связи съ различными музыкальными инструментами; головы коней украшены колокольчиками и бубенчиками, которыми онѣ звонятъ въ тактъ музыкѣ, причемъ этотъ своеобразный оркестръ отличается изумительной стройностью. (в.)

Число самоубійствъ въ Сѣверной Америкѣ достигло въ прошломъ (1889) году до 7000, причемъ большинство самоубійцъ принадлежало къ земледѣльческому классу. (с.)

Въ Томскій университетъ, по сообщенію *Нового Времени* недавно зачислены въ студенты киргизъ Султай-Хадинъ, раньше занимавшій мѣсто переводчика въ канцеляріи Стеннаго генераль-губернаторства. Это уже второй киргизъ, принятый въ высшее учебное заведеніе Сибири; первый, по имени — Айтбакниръ, находится теперь на второмъ курсѣ. (к.)

Величина и населеніе всѣхъ государствъ Европы.
По повѣйшему счисленію.

	Величина въ кв.др. кил.	Число жителей.
Россия	5,488,635	96,970,036
Швеція и Норвегія	773,542	6,717,457
Австро-Венгрія съ Босніей и Герцеговиной	683,374	39,218,803
Германія	540,596	46,855,704
Франція	536,408	38,218,903
Испанія	504,516	17,545,160
Великобританія и Ирландія	314,628	35,241,482
Италія	296,323	30,565,253
Турція	165,438	5,575,025
Данія съ Исландіей	144,420	2,052,704
Румынія	129,947	5,376,000
Болгарія и Румелія	99,276	3,154,375
Португалія	92,075	4,708,178
Греція	64,689	1,979,561
Сербія	48,589	2,010,612
Швейцарія	41,346	2,934,057
Голландія съ Люксембургомъ	35,587	4,719,215
Бельгія	29,457	6,030,043
Черногорія	9,030	236,000
Андорра	507	6,000
Лихтенштейнъ	157	9,124
Санъ-Марино	59	7,840
Монако	21	13,304

За исключеніемъ Монако, болѣе всего жителей среднимъ числомъ на 1 кв. километръ приходится въ Бельгіи, именно 204 чел. Будь такъ густо населеніе Россіи, она считала бы тогда за 1,000 милл., вмѣсто 97 милліонныхъ. Наименьшая плотность населенія въ Швеціи и Норвегіи, гдѣ на 1 кв. кил. приходится почти 9 жителей. (в. к.)

Красивый почеркъ. Говорятъ, что французскій драматургъ Сарду обязанъ первымъ своимъ сценическимъ успѣхомъ своему красивому почерку. Послѣ неоднократныхъ попытокъ поставить гдѣ-нибудь пьесу „La Taverne des Etudiants“, онъ принесть ее въ дирекцію театра Одеонъ, гдѣ она была брошена на столъ, вмѣстѣ съ полсотней другихъ пьесъ. Однажды актриса, M-elle Бернажеръ, замѣтила рукопись Сарду. „Какой прекрасный почеркъ!“ воскликнула она и взяла прочесть пьесу. Актриска такъ настойчиво стала рекомендовать ее дирекціи, что ее наконецъ рассмотрѣли и затѣмъ пришили. Сарду, одинъ изъ богатѣйшихъ современныхъ литераторовъ, находился въ то время въ крайней нуждѣ. Вотъ, отъ какихъ ничтожныхъ случайностей зависитъ иногда успѣхъ произведенія, а иногда и успѣхъ цѣлой жизни. (с.)

Важное примѣненіе фонографа. Мистеръ Валкеръ Фоксъ въ Бостонѣ примѣнилъ Эдиссоновъ фонографъ новой конструкціи для сохраненія вымирающихъ индѣйскихъ нарѣчій. Онъ просилъ говорить и пѣть въ фонографъ индѣйцевъ вымирающихъ племенъ, обратившихся за справками въ этнологическое Бостонское бюро. Такимъ образомъ есть возможность сохранить на будущія времена эти живые образчики языка и пѣсенъ индѣйцевъ. (к.)

Самыя маленькія первобытныя лошади. Профессоръ Маршъ изъ Иельскаго колледжа (Сѣв. Америка) нашелъ въ слобѣ третичной формации въ Небраска полный скелетъ ископаемой лошади, ростъ которой 25 сантиметровъ и притомъ она оказывается уже вполнѣ выросшею. (к.)

Библиографія.

Восточные мотивы. Стихотворенія В. Л. Величко. СПб. 1890 г.

Г. Величко принадлежитъ къ поэтамъ начинающимъ и среди нихъ выгодно выдѣляется звучнымъ стихомъ. Въ его лирѣ есть несомнѣнно поэтическія струны. Прочтите, напр., слѣдующее стихотвореніе.

„Взгляни: въ далекой неба синевѣ
Сіяютъ звѣзды алмазныхъ вереницъ!
Заснуло все; умолкли въ роцѣ птицы
И блестятъ искрами роса въ травѣ.
Лишь вѣтерокъ вдругъ набѣжитъ порывомъ
И садъ листвою на мигъ зашепеститъ,
Да шепотомъ о чемъ-то говоритъ
Рѣка, бѣгущая по соннымъ нивамъ.
Какая тишь!..“

И проч. Невольно любуешься нарисованною картиной. Мы думаемъ, однако, что собственно „Восточные мотивы“ занимаютъ совсѣмъ не первое мѣсто въ стихотвореніяхъ г. Величко; духъ восточной поэзіи дается не такъ-то легко, а поддѣлываться подъ него — значить охлаждать свое поэтическое

настроеніе. Есть, конечно, и въ „восточныхъ“ мотивахъ автора стихотворенія очень хорошія.

Дѣтская Историческая Библіотека. Наталья Борисовна Долгорукова. Повѣсть для дѣтвицъ. Въ 3 ч. Соч. П. Р. Фурмана. СПб. Изд. книгопродавца Мартынова. 1891.

Петръ Ждановъ, московскій купецъ. Историческій рассказъ изъ событій Отечественной войны 1812 г. Въ 2 ч. Соч. П. Р. Фурмана. СПб. Изд. Мартынова. 1891.

Лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ, историческіе рассказы Фурмана, появившіеся въ концѣ сороковыхъ годовъ, пользовались извѣстностью и сочувствіемъ. Не лишними они будутъ и въ современной дѣтской библіотекѣ, вообще не богатой хорошими сочиненіями; рассказы Фурмана если немного и устарѣли, все же остаются далеко не худшими тѣхъ, которые предлагаются дѣтямъ нынѣ, а большинство ихъ неизмѣримо превосходятъ. Правда, Фурманъ не блестятъ беллетристическимъ дарованіемъ, какъ отмѣтилъ еще Бѣлинскій, но онъ умѣло и толково, обыкновенно съ нравственною и патриотическою окраской, соединяетъ вокругъ взятаго имъ историческаго лица характерныя черты описываемаго времени. Рассказы его могутъ возбуждать интересъ къ исторіи въ той мѣрѣ, какая доступна дѣтскому пониманію.

Нашимъ читателямъ.

Заканчивая годъ обычною бесѣдой съ читателями, считаемъ излишнимъ напоминать, что „Нива“ и въ истекшемъ году строго слѣдовала своей программѣ чисто-русскаго журнала для семейнаго чтенія, печатая произведенія извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей, какъ напри- мѣръ, стихотворенія Фета и Полонскаго, раз- сказы, повѣсти и романы А. Н. Майкова, гра- фа Е. А. Салиаса, В. И. Немировича-Данченко, I. I. Ясинскаго, Кота - Мурлыки и др. Замѣтимъ только, что въ нынѣшнемъ году „Нива“ значи- тельно увеличила особое приложение „Сбор- никъ романовъ и повѣстей“, объемъ ко- торого втрое превысилъ первоначальный (1888 года); точно также, вмѣсто одной художествен- ной преміи, мы нашли возможнымъ дать двѣ картины профессора Шишкина. Но и этого рас- ширенія оказалось недостаточно въ виду того громаднаго литературнаго и художественнаго матеріала, который запасенъ нами на будущій годъ. Поэтому, какъ извѣстно читателямъ, съ 1 января 1891 года они будутъ каждый мѣсяцъ получать книжки нашего „Сборника“, что со- ставитъ при „Нивѣ“ особый ежемѣсячный журналъ самаго разнообразнаго содержанія, беллетристическаго, популярно-научнаго и проч. До сихъ поръ мы не могли умѣстить всей этой массы статей на страницахъ нашего журнала, благодаря тому, что ни одно изъ иллюстриро- ванныхъ изданій не даетъ такого количества рисунковъ какъ „Нива“. Теперь этотъ пробѣлъ восполненъ, и читатели получаютъ массу инте- реснаго чтенія по всемъ отраслямъ знанія. Въ

трехъ книжкахъ „Сборника“, значительно уве- личенныхъ, будетъ заключаться, какъ отдѣль- ное изданіе, полное собраніе сочиненій ЛЕРМОНТОВА, въ трехъ томахъ, съ порт- ретомъ поэта, гравированнымъ на стали Брок- гаузомъ въ Лейпцигѣ. Что касается художе- ственныхъ премій, то съ будущаго года мы замѣ- няемъ олеографію цѣлымъ альбомомъ аква- релей, появленіе котораго было встрѣчено об- щимъ хоромъ похвалъ, какъ со стороны ху- дожниковъ-авторовъ, находившихъ исполненіе ихъ картинъ верхомъ техническаго совершен- ства, такъ и со стороны органовъ столичной и провинціальной печати, изъ которыхъ мы свое- временно привели отзывы важнѣйшихъ газетъ. Указанныя преобразования потребовали громад- ныхъ затратъ труда и капитала, но мы не остановились передъ этими жертвами, надѣясь что онѣ будутъ оцѣнены.

Съ первыхъ №№ „Нивы“ начнется печатаніе большаго историческаго романа кн. М. Н. Вол- конскаго „Мальтійская цѣпь“, изъ временъ им- ператора Павла, а въ „Сборникѣ“ съ первой книжки—кромѣ массы другихъ беллетристиче- скихъ и популярно-научныхъ матеріаловъ, какъ- то: рассказа графа Е. А. Салиаса, очерковъ д-ра А. В. Елисѣева, П. Н. Полевого и проч. и проч.,— большой романъ Маслова „Изъяны воли“. Нако- нецъ, редакцію шахматнаго отдѣла, которому будетъ отведено значительное мѣсто въ „Нивѣ“ и въ „Сборникѣ“, принялъ на себя извѣстный шахматистъ Э. С. Шифферсъ.

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ“ 1891 ГОДА

СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

Исполняя желаніе многихъ изъ нашихъ иногородныхъ гг. подписчиковъ, мы нашли возможнымъ допустить РАЗСРОЧКУ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ за „НИВУ“ 1891 ГОДА, на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) Въ два срока: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Іюня 1891 г. 3 р.
- 2) Въ три срока: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1891 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1891 г. 2 р.

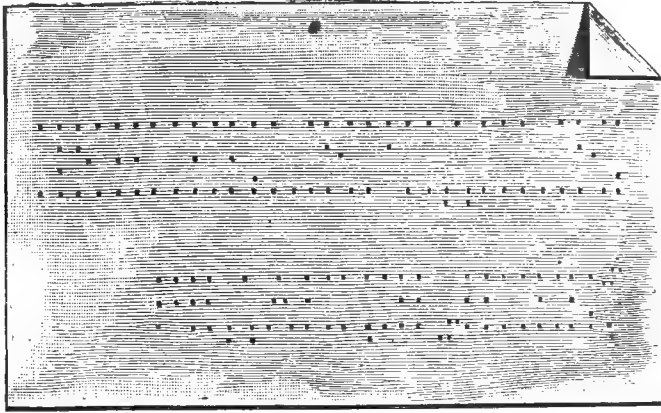
При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всеми приложениями и преміями— наравнѣ съ годовыми подписчиками.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Ре- дакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

Во избѣжаніе перерыва въ полученіи первыхъ №№, просимъ ГГ. ГОРОДСКИХЪ и ИНОГОРОДНЫХЪ подписчиковъ ЗАБЛАГОВРЕМЕННО ВОЗОБНОВЛЯТЬ ПОДПИСКУ на „НИВУ“ 1891 года, такъ какъ

Городская почта послѣдніе ДНИ ПЕРЕДЪ ПРАЗДНИКАМИ прини- маетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ, а печатаніе, коррек- тура и провѣрка ОГРОМНАГО КОЛИЧЕСТВА АДРЕСОВЪ для ИНОГО- РОДНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ требуетъ много времени.

Рождественская задача № 72.

СОДЕРЖАНИЕ: 0 подписки на „Ниву“ 1891 г. — Пань ирүүл. Исторический романъ въ 2-хъ частяхъ. Графа Е. А. Саласа. Ч. II. (Ожоччание). — Манневильский мельникъ. Переводъ Е. Евстафьевой. — Къ рисункамъ: Отдыхъ на берегу моря (съ рис.). — Видъ Ростова-на-Дону (съ 2 рис.). — Гренадеръ Золотой роты (съ рис.). — Что за динюшка? (съ рис.). — Забавный разсказъ (съ рис.). — „Вау! Вау!“ Съ карт. Пахера (съ рис.). — Продавецъ арбузовъ и дынь въ Бухарѣ (съ рис.). — Азростаты на привязи во флотѣ (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Счетъ. — Библиография. — Нашимъ читателямъ. — 0 подписки на „Ниву“ 1891 г. съ разсрочкою. — Рождественская задача. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Картины, печатанныя масляными красками, съ оригиналовъ профессора Императорской Академіи Художествъ И. И. ШИШКИНА

1) СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ. 2) ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ.

Картинъ этихъ осталось очень ограниченное количество. Цѣна за обѣ 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Съ требованіями обращаться въ Главную Контору „НИВЫ“, Невскій, № 6.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

Изданіе А. Ф. МАРКСА:

Большое роскошно иллюстрированное изданіе in folio сочиненія

ГѢТЕ

„ФАУСТЪ“

обѣ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

АНГЕЛБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА, исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Классически образцовый переводъ А. Фета не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всеми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА“, СПб., Невскій пр., № 6.

Фаустъ и Мефистофель въ гробѣхъ Ауэрбаха. Образецъ гравюры на мѣди (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте.

Bauschule Strelitz i. M.

Eintritt jeden Tag. Auch erprobte Vor- u. Weiterbildung durch Brieflichen Unterricht. Kostentlose Auskunfft durch Direktor Hittenkofer.

Р. 4898 6-2

NAJNOWSZA POWIEŚĆ

Henryka Sienkiewicza № 4919 2-2 р. 1.

BEZ DOGMATU

wyjdzie z druku w d. 6 (18) b. m. Wydanie ozdobne tomów trzy; cena rs. 5. Zamawiac i nabywac można we wszystkich księgarniach w Warszawie, na prowincyi, w Cesarstwie i Zagranicą. Nadsyłając zamówienie wprost do Administracyi „SŁOWA“ (Mazowiecka 11, w Warszawie) nie ponoszą kosztów opakowania i przesyłki.

ЧТОБЪ СОДЕРЖАТЬ ЧИСТО

И СОХРАНЯТЬ САМОВРЪ

ПОТРЕБИТЕЛИ МЕХАНИЧЕСКАГО

ВОЛШЕБНУЮ МАЗЬ

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ

БЕЗЪ ЦѢНЫ

И НЕИЗМѢННЫИ

ВАКСОЮ ЖАНО

ЕДИНСТВЕННОИ

НЕ ПОРЯЩЕЮ ОБУВН

ПРОДАЖА ВЕЗДѢ

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА,

пятымъ изданіемъ А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ изъ стали, и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено всеми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ. Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученого Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскош. каленкор. перепл. съ золот. тиснен. — 8 р., съ перес. 9 руб. Для подписчиковъ „Нивы“ — 5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 руб. съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями пріестъ обращаться въ СПб., въ контору журн. „Нива“ (Невскій пр., № 6).

Изъ всѣхъ складовъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграничій.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

GHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

П. № 3767 (91)

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

(Архитектура, Скульптура, Живопись, Мозаика, Оружіе, Церковная и домашняя утварь, Одежда, Украшенія и пр.)

Съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, въ популярномъ изложеніи

П. П. ГНѢДИЧА.

Изд. А. Ф. МАРКСА, въ СПб.

Большой томъ, in quarto, въ два столбца, съ 430 иллюстраціями въ текстѣ — копиями съ произведений искусства въ области живописи, скульптуры и архитектуры. Цѣна брошюръ 6 руб., съ перес. 7 р., въ колѣнкоромъ переплетѣ съ золот. тиснен. и 3-ма красками 7 руб., съ перес. 8 руб. 50 коп.

Съ требованіями обращаться въ контору редакціи журнала „Нива“: СПб., Невскій проспектъ, № 6; въ отдѣленіе конторы „Нивы“ Н. Н. Печковской, въ Москвѣ, д. Петровскихъ торгов. линій.

Эта книга имѣется также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

ВЫСШІЕ СОРТА ЧАЯ

полученные изъ Нихты чрезъ Сибирь, въ 2 р. 50 к. и 3 р. за фунт. чистого вѣса съ пересылкой, предлагаетъ гг. иногороднымъ потребителямъ

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„БРАТЯ ЗЕНЗИНОВЫ“

Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣевой.

Высылка почтой немедленно, не менѣе фунта, по получеиіи денегъ или съ заложениемъ платежн.

П. № 4905 3-2

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Шингалева. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

Н. П. ЛАНИНЪ,
КОММИССИОНЕРЪ ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ
№ 4796 ВРАЧЕЙ ВЪ МОСКВѢ. 5-3

СЛАДЫ: Москва, Москворецкій мостъ, соб. д. Телефонъ № 704.
С.-Петербургъ, Чернышев пер. д. № 2-61. Одесса, уголъ Екатерининской и Еврейской улицъ.
д. Пискарь. Нижегородская ярмарка, уголъ Нижегородской и Макарьевской улицъ. Въ Баку, во время ярмарки.

ФЕРМА СУЩЕСТВУЕТЪ СЪ 1854 ГОДА.
Она удостоена: на всероссийскихъ выставкахъ 11 и на иностранныхъ 45 наградъ. Кроме того, на всемирной выставкѣ въ Барселонѣ 1888 года представитель фирмы удостоенъ званіемъ члена жюри и кромѣ золотой медали награжденъ командорскимъ крестомъ "Св. Изабеллы Католической" и на выставкѣ винъ въ Бордо двумя почетными дипломами и золотой медалью.

РЕКОМЕНДУЕТСЯ НА ЗИМНІЙ СЕЗОНЪ ОТЛИЧНАГО КАЧЕСТВА ШАМПАНСКАГО:
IMPERIAL: Русское шампанское, полусухое. Cremant Rosé. очень сухое. Cremant Sec. Кларетъ. Cremant Demi Sec.

Во избѣжаніе поддѣлокъ всѣ эти сорта выпущены въ продажу съ новой герметической упаковкой, при помощи проволоной обѣтки и металлической пластинки сверхъ пробки, съ выдавленнымъ на йомъ: "Н. П. Ланинъ" и съ ПЛОМБОЙ "Н. П. Ланинъ, Москва".

**ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,
БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЯ**

Употребляется для мытья кожи лица и рукъ. Способъ приготовления. При приготовленіи этого бальзама главное вниманіе обращено на то, чтобы въ составъ онаго вошли бы исключительно вещества, не оказывающія дурнаго вліянія на кожу и при томъ благотворно дѣйствующія на кожу лица и рукъ.
Цѣна: флакону 1 р. 65 к., бензоевое мыло 35 к. и 50 к. кусокъ, оло-помада (лучше колъда-крема) 1 р. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 к., въ Азіат. 1 р.

Въ виду многихъ поддѣлокъ прому обратитъ вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго его агента Главн. склада для всей Россіи у **В. Ауриха**, въ С.-Петербургѣ, Колокольный, 18-19. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4730 19-4

Beautyparis

**ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ
Ч. МОРСКАГО (ЛЕБЕДЕВА)**
съ 118 рисунками и виньетками Н. Н. Каразина.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.; въ колѣчковой переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ 3 р., съ порес. 3 р. 50 к.
Съ требованіями обращайтесь въ Контору журнала "Нива", Невскій пр., № 6.

Главное дѣло часовъ **Э. БУРХАРДТЪ, СНБ.**, Гороховая ул., у Краснаго моста, № 17.
Часы швейц. отъ 6 р. 50 до 15 р.
" стали черн. отъ 11 до 25 р.
" серебристые отъ 12 до 50 р.
" золотые отъ 25 до 50 р.
" регуляторы двухдѣльного завода отъ 17 до 65 р.

Высвѣдло нѣтожен. платежемъ. Иллюстр. № 4867 префъ-курантъ бесплатно. 4-4

„РУССКАЯ ЖИЗНЬ.“
Нигдѣ еще не напечатанныя письма
ГОГОЛЯ
къ М. П. Погодину

написаны печатаніемъ въ Январѣ 1891 года, при чемъ необходимыя библиографическія и биогрѳическія примѣчанія будутъ поручены одному изъ вѣдѣвшихъ ученыхъ знатоковъ нашей новѣйшей литературы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	на 1 м.	на 3 м.	на 6 м.	на годъ
	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
Безъ доставки	— 80	2 — 3	75 6	50
Съ дост. на домъ въ С.-Петербургѣ	— 90	2 60	4 75	8 —
Съ пересылкой во всѣ города Россіи.	1 —	3 —	5 —	9 —

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ.
Рг. годовымъ подписчикамъ 1891 года, подписавшимся въ ноябрѣ и декабрѣ текущаго года, газета наша будетъ высылаться съ № 1-го до января бесплатно. Лицамъ духовнаго званія, подписавшимся на годъ, дѣляется 10% уступки.

Редакция и контора въ С.-Петербургѣ: Невскій проспектъ, д. № 65. Отдѣленіе въ Москвѣ: противъ храма Спасителя, д. князя Голицына.
№ 4230 Издатель А. Полюховицковъ.

Г. ДАВИДЪ
Владимірскій пр. д. № 13, кв. 5.
покупаетъ по высокой цѣнѣ, роскошные и рѣдкіе предметы отъ XVI, XVII и XVIII столѣтій. № 4904 4-2

„ЛЮБИТЬ-ЖАЛѢТЬ“
2-2 РОМАНЪ Ц. № 4835
Е. О. ДУБРОВИНОЙ
будетъ печататься съ будущаго года въ ежедневной газетѣ
„НОВОСТИ ДНЯ“
Москва, Мясницкая, д. Сытовъхъ.
Годовая многородная подписка 9 руб., полугодовая 5 руб. 50 коп. и для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ три срока по
♦ 3 руб. сер. ♦

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ
для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (51) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
Гувернантокъ (Evangel. Gouvernanten Heim) рекомендуетъ учительницъ и гувернантокъ всѣхъ націй.
Комитетъ Евангелическаго Общества Гувернантокъ: СПБ., Торговая, д. 15, кв. 58. № 4916

**CIGARETTES ESPIC contre
ASTHME & CATARRHE**
AUTORISEES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
Aot général: STOLL & SCHMIDT, a Saint-Petersbourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

**ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ.
EAU DE VOTOT**
(ВОДА БОТО) Рг. № 431414-14

Главный складъ: 17, Rue de la Paix, PARIS.
Прежній адресъ: 229, Rue Saint-Honoré.
Продается во всѣхъ москательныхъ лавкахъ и у всѣхъ парфюмеровъ.

Требов. также Туалетный Уксусъ Бото высш. качества въ отношеніи тонкости запаха.

Представитель для всей Россіи: Н. Д. Натанъ, Пискаревскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

60 к., 75 к., 1 р., 1 р. 25 к. до 5 р. съ полнымъ комфортомъ отдѣльныхъ комнатъ во вновь перестроенной и значительно увеличенной Ц. № 4768 (5)

БОЛЬШОЙ ГОСТИНИЦЪ „РОССІЯ“ ВЪ ХАРЬКОВѢ.
Лучшая кухня, Первоклассный ресторанъ. Самыя умныя цѣны на всѣ предметы. Омнибусъ; ванны. Телефонъ. Подъемная машина (lift) во всѣ этажи. Уступка при болѣе продолжительномъ пребываніи. Подробный тарифъ высылается по требованію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, на 1891 годъ, на ЛИТЕР.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ: № 4914 2-2

ГОДЪ X. **НАБЛЮДАТЕЛЬ** ГОДЪ X.

Журналъ выходитъ ежемесячно, *перваго числа*, книгами отъ 25 — 30 центовъ листовъ, *безъ предвѣстительной цѣны*. Въ распоряженіи редакціи имѣются уже беллетристическія произведенія: гг. І. І. Ясинскаго, В. И. Немировича-Данченка, Ф. Д. Нефедова, Н. Ѳ. Бажана, П. Лѣтнева, В. А. Крылова и ин. др. Годовая цѣна: 12 р. безъ доставки; 13 р. съ дост.; 14 р. съ перес. многогородныхъ; за границу 17 р. За полгода 7 р. съ перес. Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ журнала: Владимірская ул., № 6.
Редакторъ-издатель А. ПЯТНСВСКІЙ.

**НОВОСТИ!
ПІАНО-МЕЛОДИКО**
повѣнній и лучший механическій инструментъ со струнами.

Цѣна 80 рублей. Ц. № 4733 (7)
Ноты отдѣльно по 70 коп. за 1 метръ (= 1 1/2 арш.)
Требуйте подробное описаніе и каталогъ нотъ.

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ
механическій инструментъ съ голосами. Цѣна 70 руб. съ 10-ю пьесами.

І. Ф. МЮЛЕРЪ
Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка.
Иллюстр. р. 4867 префъ-курантъ бесплатно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА **ВѢСТНИКЪ**
САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА
1891 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства подъ редакціею **В. Н. Кутузова** (СПБ., Лѣсной Институтъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромолитографіями и разными рисунками въ текстѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива“ (СПБ., Невскій просп., № 6) и у казначея Общества Э. И. Эндеръ (СПБ., Импер. Ботанической сада). Цѣна 8 рублей за годъ. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ.

Развитіе газ. „Нов. Дня“ всегда шло рука объ руку съ возрастающим успѣхомъ газетн. За послѣднее время въ этомъ смыслѣ сдѣлано весьма много. Въ общемъ, всесторонняя полнота содержания и богатство беллетристическаго матеріала, помещаемаго въ „Новостяхъ Дня“, дѣлають газету одинаково интересной, какъ для столичныхъ, такъ и для провинціальныхъ читателей. Въ настоящее время редакція, кромѣ того, озабочилась приглашеніемъ специальныхъ корреспондентовъ въ Петербургъ и большинствѣ провинціальныхъ городовъ, съ цѣлью дать читателямъ своевременныя и полныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ фактахъ законодательной хроники и общественной жизни. Съ этою же цѣлью редакція, въ дополненіе къ телеграммамъ „Съверн. телеграф. агентства“, организовала отдѣлъ собственныхъ телегр. сообщений.

За истекшее время помѣщено множество портретовъ Высочайшихъ Особъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, писателей, композиторовъ и музыкантовъ, ученыхъ, артистовъ и проч. Между прочимъ, изъ беллетристическихъ произведеній помѣщены слѣдующіе романы, повѣсти и рассказы:

Драма на охотѣ (А. Чезонте). Нинифоръ Гернулесовъ и Вѣрный способъ (П. Невъжина). Безприданница и Дама самъ-третей (кн. С. В. Голицына). Въ лунную ночь (И. Н. Ге). Первый уронъ (Иа. Н. Лодыженская). На литературныхъ хлѣбахъ (Вл. Иа. Немчирова-Данченко). Отецъ (К. В. Назаревой). Въ заколдованномъ кругу (Е. О. Дубровиной). Ирина Налугина (А. И. Лемана) и мн. другихъ. Изъ переводныхъ: Сафо Алфонса Доде. Прелести жизни Эмилиа Зола. Фальшивый монетчикъ А. Дюма. Изъ она въ окно Захаръ Мавога. Дѣло

Открыта подписка на 1891 годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

НОВОСТИ ДНЯ

съ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

IX ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Годовая иногородная подписка въ три срока по

3 рубля.

Греллу, ром. *Поля Вурже* и мн. др.; въ 1891 году также будутъ помѣщены беллетристическія произведенія извѣстныхъ писателей: историческая повѣсть *Е. А. Саласа*, повѣсть *Диллетанты* *Вл. Иа. Немчирова* - *Данченко*, повѣсть *Страховая премія* *М. М. Невъжина*, очеркъ *Въ храмѣ Мельпомены* *И. Н. Ге*, романъ *Любить-жалеть* *Е. О. Дубровиной*, романъ *Тузъ червей* *К. В. Назаревой*, повѣсть *Счастье* *И. О. Ракинина*, повѣсть *Преступленіе* *И. А. Хлопова*, повѣсть *Въ тѣни замоскворѣцкихъ садовъ* *А. М. Назаркина*, историческая повѣсть *Елена Глинская* *Д. С. Дмитриева* и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12	6	1
	мѣс.	мѣс.	мѣс.
Съ дост. въ Моск.	8	—	5 — 1
„ перес. въ город.	9	—	5 50 1
„ „ за гран.	13	—	7 90 1 60

Для иногородныхъ годовыхъ допускается разсрочка по 3 руб. въ три срока: при подпискѣ, въ апрѣлѣ и въ октябрѣ по 1 рублю.

Объявленія—25 к. за строку на первой страницѣ и 12 к. на послѣдн.; вторичныя сообщенія въ концѣ текста газеты—50 к. строк.

Къ сообщенію публикующихся: „НОВОСТИ ДНЯ“ не принимаются въ размѣръ коммюникэ, причемъ кругъ читателей постепенно расширяется. Публикація, которая вообще есть дѣятельно торговля, вводитъ достаточныя, такъ сказать, озабоченныя на себя вниманіе большого контингента читателей изъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ГАЗЕТЫ „НОВОСТИ ДНЯ“
Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.

РУССКІЙ КУРЬЕРЪ

(ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ)
ПОСЛѢ ПРИОСТАНОВКИ

ВНОВЬ БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ
съ 1-го января 1891 года
по прежней программѣ и подъ прежней редакціей.

Въ Москѣ на 1891 г.	На города на 1891 г.
На 12 мѣс. 9 р. — к.	На 12 мѣс. 10 р. — к.
11 „ 8 „ 50	11 „ 9 „ 30
10 „ 8 „ —	10 „ 8 „ 50
9 „ 7 „ 40	9 „ 8 „ 7
8 „ 6 „ 70	8 „ 7 „ 50
7 „ 6 „ 90	7 „ 6 „ 80
6 „ 5 „ —	6 „ 5 „ 50
5 „ 4 „ 60	5 „ 4 „ 40
4 „ 3 „ 70	4 „ 3 „ 30
3 „ 2 „ 75	3 „ 2 „ 20
2 „ 2 „ —	2 „ 1 „ 10
1 „ 1 „ 10	1 „ 1 „ 25

За границу плата двойная. Подписка съ 1-го по 1-е каждого мѣсяца и не даѣе конца года.

За перемѣну адреса 30 к., а городского на иногородный доплачивается разниця въ цѣнѣ. Подписка принимается при конторѣ изданія и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Гр. новымъ годовымъ подписчикамъ, не читавшимъ помѣщеннаго въ „РУССКОМЪ КУРЬЕРѢ“ романа: „ТАЙНА ГАНСОНЪ КЕБА“ будетъ оный выданъ ВЪ ВИДѢ ПРЕМИИ.

Романъ этотъ разошелся въ Англіи въ 300,000 экземплярахъ и имѣлъ среди подписчиковъ и читателей „РУССКАГО КУРЬЕРА“ большой успѣхъ; онъ изданъ въ нѣсколькихъ тысячахъ экземплярахъ.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА ИЗДАНІЯ: Москва, Мосворѣцкій мостъ, домъ Н. П. Ланина.

Редакція открыта ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 1 до 3 часовъ дня.

Контора изданія открыта въ будни—отъ 9 до 5 ч. веч., въ праздники—отъ 10 до 3 час. полуудни. № 4780 5—4

ТЕЛЕФОНЪ № 764.

Редакторъ-издатель Н. П. ЛАНИНЪ.

Новый глицериновый зубной кремъ для чистки зубовъ.

Цѣна 10 коп.

Продается въ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ. Главный складъ у Василія

Аурихъ: С.-Петербургъ, Колокольная, 18—19.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МЪХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА

П. М. ГРИНВАЛЬДЪ

въ С.-Петербургѣ

№ 4831

№ 22, Невскій проспектъ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ.

Участіе на Всемирной Эдипбургской Выставкѣ 1890 г. ВЫСШАЯ НАГРАДА

„ПОЧЕТНЫЙ ДИПЛОМЪ“.

Адресъ для телеграммъ: ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДЪ.

Открыта подписка на 1891 г. (годъ 2-й) на журналъ

„АРТИСТЪ“.

Въ вышеидущихъ книжкахъ между прочимъ помѣщены: *стихи* гг. Боборыкина, пр. Веселовскаго, Гольцева, Иванова (Ив. Ив.), Кругликова, Кюи, пр. Стороженко, пр. Тихонравова, Юрьева и др.; *новости и рассказы* гг. Гнѣдича, кн. Голицына (Муравлина), Мамина (Сибиряка), Потапенка, Садовскаго, Салова, Щеглова и др.; *музыкальныя произведенія* гг. Аренскаго, Глазнова, Кюи, Римскаго-Норскаго, Чайковскаго и др.; *„Домъ-Курьосъ“*, *„Фидра“* и 41 *лица современнаго репертуара* гг. Атавы, Баранцевича, Боборыкина, Гнѣдича, Крылова, Ладыженскаго, Вл. Немчирова-Данченко, Салова, кн. Сумбатова, Чехова, Шпагинскаго, Щеглова и др.; *рисунки* гг. бар. Клодта, Ленскаго, Пастернака, гр. Соллогуба, Степанова, Трутовскаго и др.; *(бюветтныя, иллюстраціи, эстампы, гравюры и др.)* Гупиль въ Парижѣ, Альберта въ Лондонѣ и др.). Подписн. цѣна (7 кл.) 9 р., съ пер. 10 р. Допускается разсрочка. Отдѣльные №№—2 р. Подписка принимается въ редакціи (Москва, Кудринъ, д. Баргельсъ), въ конторѣ Нечковской, синяя маг. „Нов. Времъ“, Вольфъ и др.

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ!

Магическая нарман. лампа замѣняетъ огню и дѣлаетъ, при нажимѣ, прекрасн. свѣтъ, ц. 1 р. 50 к. Штормовый аппаратъ чинитъ чужіе матеріи, положно и проч. 1 р. Аппаратъ для шитья и починки перчатокъ 1 р. 50 к. Американскіе часы будильники отъ 4 р.—15 р. Аппаратъ для дѣланія и выдѣлки пеньки 2 р. 50 к. Салогобушатель и разуватель особенно удобенъ для полныхъ особъ 2 р. Столовая напирсница-автоматъ, при каждомъ нажимѣ появляется по одной папирскѣ. Украшеніе любого кабинета, 2 р. 50 к., тоже никелевая 5 р. Испитатели: вина 1 р., молока 1 р. и яичъ 50 к. Аппаратъ для умыванія и фротированія съ губкою юности 1 р. 50 к. Предохранители отъ дошаніи ламповыхъ стекель въ мѣнье 1 дюжину 2 р.

Только въ складѣ Новыхъ Изобрѣтеній. Адресъ: Невскій проспектъ д. 4. С.-Петербургъ. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 к. марку. № 4929

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Товарищество Промышленниковъ сарпинскихъ издѣлій въ САРАТОВѢ.

Сезонъ 1891 года.

Ц. № 4798 6—5

САРПИИКА

ручного ткачества, собственной выработки самыхъ новѣйш. и изящн. рисунковъ.

Продажа оптомъ и въ розницу, пересылка во всѣ города Россіи.

Образцы сарпинско выслаются съ 15-го ноября с. г. въ альбомѣ за 42 к.

Цѣны и условія по альбому (перевиска на русскою языкѣ).

ПРОШУ ЧИТАТЬ!
 Парфюмерный магазинъ Г. Пюпа въ Пассаждъ № 52, въ СПб. высылаетъ Элеопатъ провизора КИНУЕНА 2 флакона за 4 р.с. наложеннымъ платежомъ во все города Россіи. И также изобрѣтены всехъ парфюмеровъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
 Специальность хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4501 20-19

ЛЕННИНГСЪ и ГЛЮЗНИГЪ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО
 ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНІЯ. ВЪ 10 УРОКОВЪ ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВЛЕНА НА КРАСИВОЕ БѢГЛОЕ КОНТОРСКОЕ ПИСЬМО ОСНОВАТЕЛЕМЪ ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ Москва, Покровка, домъ Бутиковой. А. С. ШИМАНСКИЙ.

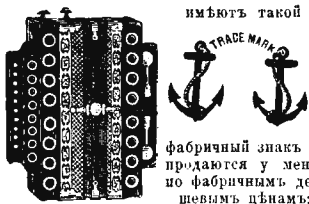
ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Б. АЛЬТШВАГЕРЪ
 НЕВСКІЙ ПР. № 42. С. ПЕТЕРБУРГЪ. ПРЕЙСЪ-КУР. ВЫСЫЛ. БЕЗПЛ.

Съ ручательствомъ за вѣрность хода и прочность механизма.

А. РАЛЛЕ и К^о
 ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ
 СПЕЦІАЛЬНОСТЬ НАСТОЯЩАГО ЦВѢТЧНАГО О-ДЕ-КОЛОНА
 С. ПЕТЕРБУРГЪ МОСКВѢ
 МАГАЗИНЪ НЕВСКІЙ 18. МАГАЗИНЪ КУЗНЕЦКІЙ М. СКЛАДЪ ЧЕРНЫШОВЪ ПЕРЕУЛОКЪ № 19. СКЛАДЪ ЧИКОВЪ ПОДВОРЪ (НИКОЛЬСКАЯ)

НАСТОЯЩІЕ ВЕЛОСИПЕДЫ (ВИФЪ)
 ПЕРВОЕ МѢСТО
Ж. БЛОКЪ
 ТОВАРНЫЙ ДОМЪ
 ПЕТЕРБУРГЪ

ЛУЧШАЯ ВЪ МІРѢ ГАРМОНИИ
 фабрики **Г. Ф. КАЛЬБЕ**

Однорядная: въ 4, 5, 5 1/2, 6, 7, 7 1/2, 8, 8 1/2, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
 Двурядная: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р. и въскія въ 10 и 22 р.
 Трехрядная: въ 60 р. и въскія въ 30, 50 и 75 р.
 Самоучитель Соколова по 1 р. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.
 Гармонию можно имѣть немецкаго или русскаго строя. № 4925
 Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.
 Продажа оптомъ и въ розницу.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ. Б. Морская, № 34 и 40 | Москва. Кузнечій мостъ, д. Захарьина.

РУЧНЫЕ ОРГАНЫ

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ, играющей цѣля увертюры, большія поуръ, все тацъ, русскія пѣсни и пр., съ 10-ю пѣснями 70 р. Добавочныя пѣсы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. (Къ инструменту прилагаются 10 пѣсь по 1 руб. 20 коп.)
Фениксъ-Органъ съ 10-ю пѣснями 32 р. Добавочныя пѣсы разн. размѣра по 60 к.
Герофонъ съ 10-ю пѣснями 26 и 30 руб. Добавочныя пѣсы по 50 к.
Аристонъ-Органъ съ 10-ю пѣснями 24 руб. Добавочныя пѣсы по 50 к.
 Новость для дѣтей: **Серафинъ** съ 6-ю пѣс. 12 р. Добавочныя пѣсы по 30 к.
 Иллюстрированный прейсъ-курантъ и списки пѣсь безплатно.

КРЫШКИ

для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго каленкора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1890 и 1891 гг., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 60 коп.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ
 для смягченія кожи.
 Повозобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 36 коп. 3 куска съ пересыл. 1 р. 50 к.
 Получать можно во всехъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
 Главный складъ: СПб., Демидовъ пер., д. № 1. (40) № 4278
ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ НОВОСТЬ!
 Практ. руководство къ новѣйшей фотографіи **П. ДЕМЕТЬЕВА.** 2-1
 Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 85 к.
 ЭГЕРСЪ и №9 книжный магазинъ. 11, Невскій. С.-Петербургъ. № 4928

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКАМЪ!

Только что вышелъ и поступилъ въ продажу въ Конторѣ журнала „НИВА“ (СПБ., Невскій, 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ за 1890 г.

заключающій въ себѣ болѣе 1300 стран. разнообразнѣшаго текста и около 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ А. Н. Майкова: „Маркъ Петровичъ Петровъ“, больш. историч. романъ въ 2-хъ ч. Гр. Е. А. Салиаса: „Шанъ круль“, больш. романъ въ 5 ч. Вас. И. Немировича-Данченко: „Жизнь какъ она есть“, больш. ром. І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго): „Кладъ“, больш. историч. повѣсть А. А. Смирнова: „Склирена“, историч. пов. Г. Эберса: „Исусъ“ (иллюстрир. худ. Земцовымъ), повѣсть М. Н. Волконскаго: „Судьба“, разск. А. Я. Максимова: „Попъ Симеонъ“, повѣсть Н. Морскаго (Н. К. Лебедева): „Моничка“, повѣсть В. Бибинова: „Первая гроза“, очеркъ Евг. Маркова: „Говѣніе“, разск. Ө. Ө. Тютчева: „Артемій Саватѣевъ“, и много другихъ повѣстей и разсказовъ. Стихотворенія Я. П. Полонскаго, А. Фета, П. И. Вейнберга. І. І. Ясинскаго и др. Нѣсколько научно-популярныхъ статей по всемъ отраслямъ знанія и пр. Кромѣ того, къ тому прилагаются три бесплатныхъ преміи, а именно: двѣ большія картины, печатанныя красками по оригиналамъ профессора И. И. Шишкина:

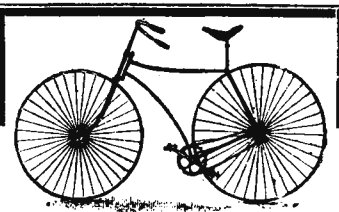
1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“, 2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“ и 3) „СБОРНИКЪ ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ“ извѣстныхъ современныхъ писателей. Большой томъ in 8^о, въ 541 стр. Цѣна этому большому тому, со всеми приложениями: Брошюрован. 4 р. 50 к. Съ перес. иностранн. 5 р. 50 к. до 2000 верстъ 6 р. 50 к. до 2000 верстъ 7 р. 50 к.
 Свыше 2000 верстъ за пересылку прилагается по разстоянію за 13 фунтовъ.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.
 С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7-2. 26-26
 Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованію высылаются безвозмездно.

НИШУЦАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.
 Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, чекость и красота. Введена во всехъ Министерствъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
 Прейсъ-курантъ, содерж. многоколосныя отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 3748
 Единственный складъ для всей Россіи: **ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ**
 Москва С.-Петербургъ Кузнечій мостъ. Б. Морская, 21.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. ГЕНА въ ВѢНѢ
 ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРХОВЪ.
 Безвредное средство для быстрого окрашивания волосъ и бороды въ черныя, русыя, темно- и светло-каштановыя цвѣты. 16-5
 Цѣна за флак. 3 р. съ пер. въ Евр. Росс. Главн. складъ для Россіи у В. Ариухъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ПЕРВОКЛАССНАЯ ЗАГРЯНИЧНАЯ ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ
 имѣетъ дѣятельныхъ мѣстныхъ представителей во всей Россійской Имперіи.
 Предложенія и референціи адресовать исключительно въ Центральную Контору Объединеній бывш. І. Метцль, Москва, Мясницкая, д. Свиридонова, подл. лит. Г. М. Э. № 29. 2-2

ПЕРВОКЛАССНАЯ ЗАГРЯНИЧНАЯ ФАБРИКА ВЕЛОСИПЕДОВЪ имѣетъ дѣятельныхъ мѣстныхъ представителей во всей Россійской Имперіи. Предложенія и референціи адресовать исключительно въ Центральную Контору Объединеній бывш. І. Метцль, Москва, Мясницкая, д. Свиридонова, подл. лит. Г. М. Э. № 29. 2-2

